

Агата Кристи
Вся мисс МАРПЛ в одном томе

poRUchik-SI

Вся мисс Марпл в одном томе

Агата Кристи

Аннотация
Убийство в доме викария
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Тринадцать загадочных случаев
Клуб «Вторник»
Святилище Астарты
Золотые слитки
Кровь на панели
Мотив и возможность
Отпечатки пальцев святого Петра
Синяя герань
Компаньонка
Четверо под подозрением
Трагедия под рождество
Трава смерти
Происшествие в бунгало
Смерть мисс Роуз Эммот

Причуда Гриншо
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

Труп в библиотеке
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Каникулы в Лимстоке
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Объявлено убийство
Глава 1. Необычное объявление
Глава 2. Завтрак в «Литтл-Пэддоксе»
Глава 3. В половине седьмого
Глава 4. Отель «Ройал Спа»
Глава 5. Мисс Блэклок и мисс Баннер
Глава 6. Джулия, Мици и Патрик
Глава 7. … и другие
Глава 8. На сцену выходит мисс Марпл
Глава 9. Немного о двери
Глава 10. Пип и Эмма
Глава 11. Мисс Марпл приходит к чаю
Глава 12. Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне
Глава 13. Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне (продолжение)
Глава 14. Экскурс в прошлое

Глава 15. «Сладкая смерть»
Глава 16. Возвращение инспектора Краддока
Глава 17. Альбом
Глава 18. Письма
Глава 19. Воссоздание преступления
Глава 20. Мисс Марпл исчезла
Глава 21. Три женщины
Глава 22. Правда
Глава 23. Вечер у пастора
Эпилог
Игра зеркал
Часть 1. Дом, где все тронутые
Часть 2. На сцене появляется полиция
Часть 3. Идеальный подозреваемый
Часть 4. Инспектор находит оружие
Часть 5. Алекс делает предложение
Заключение. Мисс Марпл все объясняет
Зернышки в кармане
Действующие лица
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
В 4:50 с вокзала Паддингтон
Список действующих лиц
Глава 1
Глава 2
I

II
Глава 3
I
II
III
Глава 4
I
II
Глава 5
I
II
Глава 6
I
II
III
Глава 7
I
Глава 8
I
II
Глава 9
I
II
III
Глава 10
I

II
Глава 11
I
II
Глава 12
I
II
Глава 13
I
II
Глава 14
I
II
III
Глава 15
I
II
III
Глава 16
I
Глава 17
I
II
Глава 18
I
II

III
Глава 19
I
II
IV
V
Глава 20
I
II
Глава 21
I
Глава 22
I
Глава 23
I
Глава 24
I
Глава 25
I
Глава 26
I
II
Глава 27
I
… И в трещинах зеркальный круг
Действующие лица

Глава 1
1
2
Глава 2
Глава 3
1
2
Глава 4
Глава 5
Глава 6
1
2
Глава 7
Глава 8
1
2
3
Глава 9
1
2
Глава 10
Глава 11
1
2
Глава 12
Глава 13

1
2
3
Глава 14
1
2
3
4
Глава 15
Глава 16
1
2
Глава 17
Глава 18
1
2
Глава 19
1
2
Глава 20
1
2
3
Глава 21
Глава 22
Глава 23

Карибская тайна
Глава 1. Майор Пэлгрейв рассказывает историю
Глава 2. Мисс Марпл сравнивает
1
2
Глава 3. Смерть в отеле
Глава 4. Мисс Марпл требует медицинской помощи
Глава 5. Мисс Марпл принимает решение
Глава 6. После полуночи
1
2
3
Глава 7. Утро на пляже
1
2
Глава 8. Разговор с Эстер Уолтерс
Глава 9. Мисс Прескотт и другие
Глава 10. Решение в Джеймстауне
Глава 11. Вечер в «Золотой пальме»
1
2
Глава 12. Старые грехи отбрасывают длинные тени
1

2
Глава 13. Смерть Виктории Джонсон
Глава 14. Расследование
1
2
Глава 15. Расследование продолжается
1
2
3
Глава 16. Мисс Марпл ищет помощи
Глава 17. Мистер Рэфьел принимается за дело
Глава 18. Без благословения церкви
Глава 19. О пользе туфель
Глава 20. Ночная тревога
1
2
3
Глава 21. Джексон и косметика
Глава 22. Мужчина в ее жизни?
Глава 23. Последний день
1
2
Глава 24. Немезида
1
2
Глава 25. Мисс Марпл использует свое вообра-

жение
Эпилог
Отель "Бертрам"
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
1
2
3
Глава 6
1
2
Глава 7
Глава 8
Глава 9
1
2
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
1
2
3
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
1
2
3
Глава 26
Глава 27
Немезида
Глава 1. УВЕРТЮРА
Глава 2. ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»
Глава 3. МИСС МАРПЛ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ
Глава 4. ЭСТЕР УОЛТЕРС
Глава 5. ИНСТРУКЦИИ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА
Глава 6. ЛЮБОВЬ
Глава 7. ПРИГЛАШЕНИЕ

Глава 8. ТРИ СЕСТРЫ
Глава 9. POLYGONUM BALDSHUANICUM
Глава 10. О МИЛЫЕ, ДАВНО УШЕДШИЕ ДЕНЬКИ!
Глава 11. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ
Глава 12. СОВЕЩАНИЕ
Глава 13. ЧЕРНО-КРАСНАЯ КЛЕТОЧКА
Глава 14. МИСТЕР БРОДРИБ РАЗМЫШЛЯЕТ
Глава 15. ВЕРИТИ
Глава 16. ДОЗНАНИЕ
Глава 17. МИСС МАРПЛ НАНОСИТ ВИЗИТ
Глава 18. КАНОНИК БРЕЙБАЗОН
Глава 19. СЛОВА ПРОЩАНИЯ СКАЗАНЫ
Глава 20. ДОГАДКИ МИСС МАРПЛ
Глава 21. ПРОБИЛО ТРИ ЧАСА
Глава 22. МИСС МАРПЛ ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТ
Глава 23. ОКОНЧАНИЕ
Спящий убийца
Глава 1. Дом
Глава 2. Обои
Глава 3. «Прикройте ей лицо…»
Глава 4. Элен?
Глава 5. Убийца в ретроспекции
Глава 6. Упражнение в розыске
Глава 7. Доктор Кеннеди
Глава 8. Иллюзии Келвина Холидея
Глава 9. Неизвестный фактор

Глава 10. История болезни
Глава 11. Мужчины в ее жизни
Глава 12. Лили Кимбл
Глава 13. Уолтер Фейн
Глава 14. Эдит Педжет
Глава 15. Адрес
Глава 16. Маменькин сынок
Глава 17. Ричард Эрскин
Глава 18. Вьюнки
Глава 19. Мистер Кимбл заговорил
Глава 20. Девушка Элен
Глава 21. Д. Д. Эффлик
Глава 22. Лили идет на встречу
Глава 23. Который из них?
Глава 24. Обезьяньи лапы
Глава 25. Эпилог в Торки
Последние дела мисс Марпл
Святое место
Необычная шутка
Мерка смерти
Дело смотрительницы
Дело лучшей из горничных
Мисс Марпл рассказывает

Аннотация

В данный сборник вошли ВСЕ произведения о мисс Марпл в одном томе, расположенные в хронологическом порядке их выхода.

Содержание:

1. *Убийство в доме викария* (Перевод: Маргарита Ковалева)
2. *Тринадцать загадочных случаев* (Перевод: Л. Девель)
3. *Причуда Гриншо* (Переводчик не указан)
4. *Труп в библиотеке* (Перевод: Г. Костина, Людмила Обухова)
5. *Каникулы в Лимстоке* (Перевод: Татьяна Голубева)
6. *Объявлено убийство* (Перевод: Татьяна Шишова)
7. *Игра зеркал* (Перевод: И. Байрашевский, Галина Костина)
8. *Зернышки в кармане* (Перевод: Михаил Загот)
9. *В 4:50 с вокзала Паддингтон* (Перевод: Мария Кан)
10. *...И в трещинах зеркальный круг* (Пере-

вод: Михаил Загот)

11. *Карибская тайна* (Перевод: В. Тирдатов)
12. *Отель «Бертрам»* (Перевод: Е. Грекова)
13. *Немезида* (Перевод: П. Рубцов)
14. *Спящий убийца* (Перевод: И Турбин)
15. *Последние дела мисс Марпл* (Перевод: М. Тарасов)

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

2020

Агата Кристи

Вся мисс МАРПЛ
в одном томе

перевод с английского

poRUchik-SI

Убийство в доме викария

Глава 1

Немалого труда стоило мне выбрать день и час, с которого надо начать рассказ, но я наконец остановил свой выбор на одной из сред, когда мы собрались ко второму завтраку. Беседа в общем не касалась того, о чём я собираюсь рассказать, но всё же в ней промелькнуло нечто, оказавшее влияние на последующие события.

Разделавшись с куском варёного мяса (надо сказать, на редкость жёсткого), который мне пришлось разрезать как хозяину дома, я вернулся на своё место и с горячностью, отнюдь не приличествующей моему сану, заявил, что тот, кто убьёт полковника Протеро, поистине облагодетельствует мир.

Мой юный племянник, Деннис, тут же выпалил:

— Тебе это припомнят, когда найдут старика плавающим в луже крови. Вот и Мэри покажет на тебя, верно, Мэри? Скажет на суде, как ты кровожадно размахивал кухонным ножом!

Мэри служит у нас временно, в надежде на лучшее положение и более солидный заработок, — она громко, официальным тоном объявила:

«Зелень» — и с воинственным видом брякнула треснутое блюдо под нос Деннису.

Моя жена сочувственно спросила:

— Он тебя очень замучил?

Я не сразу нашёлся с ответом, поскольку Мэри вслед за зеленью сунула мне в лицо другое блюдо, с крайне непривлекательными непропечёнными клёцками.

— Благодарю вас, не надо, — сказал я, после чего она грохнула блюдо с клёцками на стол и вылетела из комнаты.

— Какая я ужасная хозяйка — просто беда, — сказала моя жена, и мне послышались нотки искреннего раскаяния в её голосе.

Я был с ней совершенно согласен. Жену мою зовут Гризельда — имя для жены священнослужителя в высшей степени подходящее[1]. Но на этом все подобающие её положению качества и исчерпываются. Кротости в ней нет ни капли.

Я всегда придерживался мнения, что священнику лучше не жениться. И по сию пору остаётся тайной, как мне взбрело в голову умолять Гризельду выйти за меня замуж — всего через

---

[1] notes: 1

Гризельда — героиня средневековой легенды, с бесконечным терпением и кротостью переносившая все испытания, которым подвергал её муж, проверяя её любовь.

двадцать четыре часа после нашего знакомства. Как я полагал до того, женитьба — серьёзнейший шаг, который требует длительного обдумывания и подготовки, и самое важное в браке — сходство вкусов и склонностей.

Гризельда моложе меня почти на двадцать лет. Она поразительно хороша собой и абсолютно не способна серьёзно относиться к чему бы то ни было. Она ничего не умеет толком делать, и жить с ней в одном доме — чистое мучение. Весь мой приход для неё что-то вроде цирка или зверинца, созданного ей на потеху. Я попытался сформировать её ум, но потерпел полную неудачу. И всё более и более убеждаюсь в том, что служителю церкви подобает жить в одиночестве. Я не раз намекал на это Гризельде, но она только заливалась смехом.

— Дорогая моя, — сказал я, — если бы ты хоть чуточку постаралась…

— Да я стараюсь, — откликнулась Гризельда. — Только, знаешь, мне кажется, что чем больше я стараюсь, тем хуже получается. Ничего не поделаешь — я не создана для домашнего хозяйства. Я решила, что лучше бросить всё на Мэри, примириться с неудобствами и питаться этой неудобоваримой гадостью.

— А о муже ты подумала, радость моя? — укорил я её и добавил, следуя примеру лукавого, который цитировал Священное писание ради своих целей: — *Она устраивает всё в доме своём…*

— Но ведь тебе сказочно повезло: тебя не бросили на растерзание львам, — живо перебила Гризельда. — А то ещё и на костёр мог бы угодить[2]. Стоит ли поднимать шум из-за невкусной еды и невыметенной пыли с дохлыми осами! Расскажи-ка мне лучше про полковника Протеро. У ранних христиан было одно преимущество — они не додумались ещё завести у себя церковных старост[3].

— Надутый старый грубиян, — заметил Деннис. — Недаром первая жена от него сбежала.

— По-моему, ничего другого ей и не оставалось, — сказала моя жена.

— Гризельда! — строго оборвал её я. — Я не потерплю, чтобы ты говорила подобные вещи.

— Ну, милый, — с нежностью сказала жена. —

---

[2] notes: 2

Последователи христианского учения, возникшего во второй половине I века в восточных провинциях Римской империи, подвергались в первые века нашей эры жестоким преследованиям со стороны римских императоров.

[3] notes: 3

Церковный староста — лицо, ежегодно выбираемое в каждом приходе англиканской и епископальной церкви и ведающее сбором пожертвований и другими мирскими делами прихода.

Расскажи мне про него. Из-за чего весь сыр-бор разгорелся? Может, из-за мистера Хоуза, из-за того, что он ежеминутно кланяется, кивает и крестится?

Хоуз — мой новый помощник. Он прослужил в нашем приходе чуть больше трёх недель, придерживается правил Высокой Церкви[4] и постится по пятницам. А полковник Протеро — непримиримый противник всех и всяческих ритуалов.

— На этот раз — нет. Хотя походя он и об этом упомянул. Нет, все неприятности начались со злосчастной фунтовой бумажки миссис Прайс Ридли.

Миссис Прайс Ридли — достойный член нашей общины. Во время ранней обедни в годовщину смерти своего сына она положила в кружку для пожертвований фунтовую банкноту. Позже, читая вывешенную для сведения паствы справку о пожертвованиях, она была поражена в самое сердце тем, что самой крупной банкнотой значилась бумажка в десять шиллингов.

Она пожаловалась мне, и я вполне резонно заметил, что она, должно быть, запамятовала.

— Мы все уже не так молоды, — добавил я, ста-

---

[4] notes: 4

Высокая Церковь — направление в англиканской церкви, придающее большое значение соблюдению ритуалов и авторитету духовенства.

раясь как можно тактичнее уладить дело. — Годы берут своё, от этого не уйдёшь.

Как ни странно, мои слова оказали противоположное действие. Она заявила, что творятся странные вещи и она чрезвычайно удивлена, что я этого не замечаю. После чего миссис Прайс Ридли, как я догадываюсь, явилась с жалобами к полковнику Протеро. Протеро из тех людей, которые обожают скандалить по любому поводу. Он и устроил скандал. К сожалению, для скандала он выбрал среду. А я утром по средам даю уроки в церковной дневной школе, и это превращает меня в комок нервов, так что я до конца дня не могу прийти в себя.

— Что ж тут такого — надо же и ему хоть чем-то развлечься, — сказала моя жена с видом праведного и беспристрастного судьи. — Около него никто не увивается, называя его нашим дорогим викарием, и никто ему не дарит жутких расшитых туфель, а к Рождеству — тёплых ночных носочков. И жена и дочь на дух его не переносят. Наверно, ему приятно хоть в чём-то почувствовать себя важной персоной.

— Но ведь для этого вовсе не обязательно оскорблять других, — не без горячности ответил я. — Мне кажется, он даже не понял, какие

выводы можно сделать из его слов. Хочет проверить все церковные счета — на случай растрат. Растрат, так и сказал. Выходит, он думает, будто я прикарманиваю церковные средства!

— О тебе никто такого не подумает, мой родной, — сказала Гризельда. — Ты настолько выше всех подозрений, что тебе просто грех не воспользоваться такой возможностью. Вот было бы здорово, если бы ты присвоил пожертвования на миссионерскую работу. Терпеть не могу миссионеров — я их всегда ненавидела.

Я уже хотел упрекнуть жену за нехристианские чувства, но тут Мэри внесла полусырой рисовый пудинг. Я попробовал слабо протестовать, но Гризельда заявила, что японцы всегда едят недоваренный рис и от этого у них так хорошо варят мозги.

— Попомни мои слова, — сказала она, — если бы ты всю неделю, до самого воскресенья, ел рисовый пудинг, ты произнёс бы сногсшибательную проповедь, честное слово.

— Боже упаси, — содрогнувшись, ответил я. Затем продолжил: — Протеро зайдёт завтра вечером, и мы вместе просмотрим все счета. А сегодня

мне нужно закончить свою речь для МКАЦ[5]. Я тут искал цитату и так зачитался «Реальностью» каноника Ширли, что не успел написать всё до конца. А ты сегодня что собираешься делать, Гризельда?

— Исполнять свой долг, — сказала Гризельда. — Свой долг супруги пастыря. Чай со сплетнями в половине пятого.

— А кого ты пригласила?

Гризельда стала перечислять по пальцам, сияя напускной добродетелью:

— Миссис Прайс Ридли, мисс Уэзерби, мисс Хартнелл и это чудовище — мисс Марпл.

— А мне мисс Марпл даже нравится, — возразил я. — По крайней мере, она не лишена чувства юмора.

— Самая жуткая сплетница во всей деревне, — сказала Гризельда. — Всегда знает до мелочей всё, что здесь творится, и всегда от всех ждёт самого худшего.

Как я уже говорил, Гризельда гораздо моложе меня. В моём возрасте люди понимают, что самые худшие ожидания обычно оправдываются.

— Меня к чаю не жди, Гризельда! — заявил

---

[5] notes: 5

Сокращение МКАЦ расшифровывается как Мужская Конгрегация Англиканской Церкви.

Деннис.

— Ах ты разбойник! — воскликнула Гризельда.

Деннис благоразумно спасся бегством, а мы с Гризельдой перешли ко мне в кабинет.

— Ума не приложу, кого бы ещё позвать, — сказала она, усаживаясь на мой письменный стол. — Может, доктора Стоуна и мисс Крэм? И ещё, пожалуй, миссис Лестрэндж. Между прочим, я к ней вчера заходила и не застала её. Да, миссис Лестрэндж надо непременно позвать к чаю. Она такая таинственная — приехала, сняла дом в деревне и носа из него не кажет, а? Сразу приходят в голову детективы. Представляешь: «Кто была эта таинственная дама с бледным и прекрасным лицом? Что таилось в её прошлом? Никто не ведал. В ней было нечто роковое». По-моему, доктор Хэйдок что-то про неё знает.

— Ты читаешь слишком много детективов, — кротко заметил я.

— А ты-то сам? — парировала она. — Я вчера весь дом перевернула, искала «Пятно на лестнице», пока ты писал тут проповедь. Наконец прихожу спросить тебя, не попадалась ли тебе эта книга, и что я вижу?

У меня хватило совести покраснеть.

— Да я просто нечаянно на неё наткнулся. По-

том какая-то фраза случайно попалась мне на глаза, и…

— Знаю я эти случайные фразы, — сказала Гризельда. И напыщенно произнесла, словно читая по книге: — «И тут случилось нечто поразительное — Гризельда встала, прошла через всю комнату и нежно поцеловала своего пожилого мужа». Сказано — сделано.

— Это и вправду «нечто поразительное»? — спросил я её.

— Ты ещё спрашиваешь, — ответила Гризельда. — Ты хоть понимаешь, Лен, что я могла выйти замуж за министра, за баронета[6], за процветающего дельца, за трёх младших офицеров и бездельника с изысканными манерами, а вместо этого выбрала тебя? Разве это не поразило тебя в самое сердце?

— Тогда — поразило, — признался я. — Я частенько задумывался, почему ты так поступила.

Гризельда залилась смехом.

— А потому, что почувствовала себя совершенно неотразимой, — прошептала она. — Остальные мои кавалеры считали, что я просто чудо, и, разумеется, для каждого из *них* я была бы отлич-

---

[6] notes: 6

Баронет — в Англии носитель низшего наследственного дворянского титула.

ной женой. Но для тебя я — воплощение всего, что ты не любишь и не одобряешь, и всё же ты не мог передо мной устоять. Моё тщеславие просто не выдержало этого. Знаешь, куда приятнее, когда тебя втайне обожают, сознавая, что это грех, чем когда тобой гордятся и выставляют напоказ. Я доставляю тебе кучу неудобств, я непрерывно тебя шокирую, и, несмотря ни на что, ты любишь меня до безумия. Ты меня любишь до безумия, а?

— Разумеется, я к тебе очень привязан, дорогая.

— Вот как! Лен, ты меня обожаешь. Помнишь, как я осталась в городе, а тебе послала телеграмму, и ты её не получил, потому что сестра почтмейстерши разрешилась двойней и она забыла её передать? Ты потерял голову, принялся звонить в Скотленд-Ярд и вообще устроил жуткий переполох.

Есть вещи, вспоминать о которых бывает весьма неприятно. В упомянутом случае я действительно вёл себя довольно глупо. Я сказал:

— Извини, дорогая, но я хотел бы заняться своей речью для МКАЦ.

Гризельда страдальчески вздохнула, взъерошила, потом снова пригладила мои волосы и сказала:

— Ты меня недостоин. Нет, правда! Закручу роман с художником. Клянусь, что закручу. Представляешь себе, какие сплетни пойдут по всему приходу?

— Их и без того предостаточно, — мягко заметил я.

Гризельда расхохоталась, послала мне воздушный поцелуй и выпорхнула через застеклённую дверь.

Глава 2

Нет, с Гризельдой решительно нет никакого сладу! После ленча я встал из-за стола в прекрасном настроении, чувствуя, что готов написать действительно вдохновенное обращение к Мужской Конгрегации Англиканской Церкви. И вот никак не могу сосредоточиться и места себе не нахожу.

Когда я, успокоившись, собрался было приступить к работе, в кабинет словно ненароком забрела Летиция Протеро. Я не случайно употребил слово «забрела». Мне приходилось читать романы, в которых молодые люди едва не лопаются от бьющей через край энергии — joie de vivre — волшебной жизнерадостной юности… Но мне лично почему-то попадаются молодые создания, скорее напоминающие бесплотные призраки.

В этот день Летиция особенно напоминала тень. Она очень хорошенькая девушка, высокая, светленькая, но какая-то неприкаянная. Она забрела ко мне, рассеянно стащила с головы жёлтый беретик и с отсутствующим видом пробормотала:

— А! Это вы…

От Старой Усадьбы идёт тропа через лес, прямо к нашей садовой калитке, поэтому гости по большей части проходят в эту калитку и прямо к двери кабинета — дорогой в обход идти далеко, — и только ради того, чтобы войти с парадного входа. Появление Летиции меня не удивило, но её поведение вызвало лёгкую досаду.

Если ты идёшь в дом священника, стоит ли удивляться, увидев самого священника?

Она вошла и упала словно подкошенная в одно из больших кресел. Подёргала себя непонятно для чего за прядку волос, уставилась в потолок.

— А Денниса тут у вас нет?

— Я его не видел после ленча. По-моему, он собирался идти играть в теннис на ваших кортах.

— А-а… — протянула Летиция. — Лучше бы он не ходил. Там ни души нету.

— Он сказал, что вы его пригласили.

— Может, и пригласила. Только в пятницу. А сегодня вторник.

— Среда, — сказал я.

— Ой! Кошмар. Значит, я в третий раз позабыла, что меня звали на ленч.

Впрочем, это её не особенно беспокоило.

— А где Гризельда?

— Я думаю, вы найдёте её в мастерской в саду,

она позирует Лоуренсу Реддингу.

— У нас тут из-за него такая склока разгорелась, — сказала Летиция. — Сами знаете, какой у меня папочка. Жуткий папочка.

— Какая скло… то есть о чём вы говорите? — спросил я.

— Да всё из-за того, что он меня пишет. А папочка узнал. Интересно, почему это я не имею права позировать в купальном костюме? На пляже в нём быть можно, а на портрете нельзя?

Летиция помолчала, потом снова заговорила:

— Чепуха какая-то — отец, видите ли, отказывает молодому человеку от дома. Мы с Лоуренсом прямо обалдели. Я буду ходить сюда, к вам в мастерскую, можно?

— Нельзя, дорогая моя, — сказал я. — Если ваш отец запретил — нельзя.

— Ох, боже ты мой, — вздохнула Летиция. — Вы все как сговорились, сил моих нет! Издёргана. До предела. Если бы у меня были деньги, я бы сбежала, а без денег куда денешься? Если бы папочка, как порядочный человек, приказал долго жить, у меня бы всё устроилось.

— Летиция, такие слова говорить не следует.

— А что? Если он не хочет, чтобы я ждала его смерти, пусть не жадничает, как последний

скряга. Неудивительно, что мама от него ушла. Знаете, я много лет думала, что она умерла. А тот молодой человек, к которому она ушла, — он что, был симпатичный?

— Это случилось до того, как ваш отец приехал сюда.

— Интересно, как у неё всё сложилось? Я уверена, что Анна вот-вот закрутит с кем-нибудь роман. Анна меня ненавидит — нет, обращается нормально, но ненавидит. Стареет, и ей это не по вкусу. В таком возрасте и срываешься с цепи, сами знаете.

Хотел бы я знать: неужели Летиция собирается до вечера сидеть у меня в кабинете?

— Вам мои граммофонные пластинки не попадались? — спросила она.

— Нет.

— Вот тоска! Я их где-то забыла. И собака куда-то сбежала. Часики тоже, наручные, — только они всё равно не ходят. Ох, спать хочется! Не пойму отчего — я встала только в одиннадцать. Жизнь так изматывает, правда? Господи! Надо идти. В три часа мне покажут раскоп, который сделал доктор Стоун.

Я взглянул на часы и заметил, что уже без двадцати пяти четыре.

— Ой! Не может быть! Кошмар. Ждут ли они меня или уже ушли? Надо пойти посмотреть…

Она встала и побрела из комнаты, бросив через плечо:

— Вы скажете Деннису, ладно?

Я механически ответил «да», а когда понял, что не имею представления, что именно надо сказать Деннису, было уже поздно. Но, поразмыслив, я решил, что это, вероятно, не имело никакого значения. Я задумался о докторе Стоуне — это был знаменитый археолог, недавно он остановился в гостинице «Голубой Кабан» и начал раскопки на участке, входящем во владения полковника Протеро. Они с полковником уже несколько раз спорили не на шутку. Забавно, что он пригласил Летицию посмотреть на раскопки.

А ведь Летиция Протеро довольно остра на язычок. Интересно, поладит ли она с секретаршей археолога, мисс Крэм. Мисс Крэм — пышущая здоровьем особа двадцати пяти лет, шумная, румяная, переполнена до краёв молодой жизненной энергией, и рот у неё полон зубов — кажется, их там даже больше положенного.

В деревне мнения разделились: одни считают, что она такая же, как все, другие — что эта молодая особа строгих правил, которая намерена при

первой же возможности сделаться миссис Стоун. Она полная противоположность Летиции.

Насколько я понимал, жизнь в Старой Усадьбе действительно текла не очень счастливо. Полковник Протеро женился второй раз лет пять тому назад. Вторая миссис Протеро отличалась замечательной, хотя несколько необычной красотой. Я и раньше догадывался, что у неё не очень хорошие отношения с падчерицей.

Меня прервали ещё раз. На этот раз пришёл мой помощник, Хоуз. Он хотел узнать подробности моего разговора с Протеро. Я сказал, что полковник посетовал на его «католические пристрастия»[7], но что цель его визита была иная. Со своей стороны, я тоже выразил протест и недвусмысленно дал ему понять, что придётся следовать моим указаниям. В общем, Хоуз принял мои замечания вполне мирно.

Когда он ушёл, я стал переживать оттого, что не могу относиться к нему теплее. Я глубоко убеждён, что истинному христианину не подобает испытывать такие безотчётные симпатии и антипатии к своим ближним.

---

[7] notes: 7

Имеется в виду страсть к обрядам, отличающая католическое направление в христианском вероучении, на которые тратятся довольно внушительные средства.

Я вздохнул, заметив, что стрелки часов на письменном столе показывают без четверти пять, что на самом деле означало половину пятого, и прошёл в гостиную.

Четыре мои прихожанки сидели там, держа в руках чашки с чаем. Гризельда восседала за чайным столом, стараясь держаться как можно естественнее в этом обществе, но сегодня это ей удавалось хуже, чем обычно.

Я всем по очереди пожал руки и сел между мисс Марпл и мисс Уэзерби.

Мисс Марпл — седовласая старая дама с необыкновенной приятностью в манерах, а мисс Уэзерби — неиссякаемый источник злословия. Мисс Марпл, безусловно, гораздо опаснее.

— Мы тут как раз говорили о докторе Стоуне и мисс Крэм, — сладким как мёд голоском сказала Гризельда.

У меня в голове промелькнули дурацкие стишки, которые сочинил Деннис: «Мисс Крэм даст фору всем».

Меня обуревало невесть откуда накатившее желание произнести эту строчку вслух и посмотреть, что будет, но, к счастью, я совладал с собой.

Мисс Уэзерби выразительно сказала:

— Порядочные девушки так не поступают, — и

неодобрительно поджала тонкие губы.

— Как не поступают? — спросил я.

— Не идут в секретарши к холостому мужчине, — сказала мисс Уэзерби замогильным голосом.

— О, дорогая моя, — сказала мисс Марпл. — По-моему, женатые куда хуже. Вспомните бедняжку Молли Картер.

— Конечно, женатые мужчины, вырвавшись из дома, ведут себя из рук вон плохо, — согласилась мисс Уэзерби.

— И даже когда живут дома, с женой, — негромко заметила мисс Марпл. — Помнится…

Я поспешил прервать эти небезопасные воспоминания.

— Помилуйте, — сказал я. — В наше время девушка вольна поступить на службу, как и мужчина.

— И выехать за город? И остановиться в той же гостинице? — сурово произнесла миссис Прайс Ридли.

Мисс Уэзерби шепнула мисс Марпл:

— Спальни на одном этаже…

Мисс Хартнелл, дама закалённая и жизнерадостная — бедняки боятся её как огня, — заявила громогласно и энергично:

— Бедняга не успеет оглянуться, как его опутают по рукам и ногам. Он же простодушнее нерождённого дитяти, это сразу видно.

Удивительно, куда нас иногда заводят привычные выражения! Ни одна из присутствующих дам и помыслить не могла о том, чтобы вслух упомянуть о каком-нибудь младенце, покуда он не заагукает в колыбельке, выставленный всем на обозрение.

— Позорище — иначе не скажешь, — продолжала мисс Хартнелл с присущей ей «тактичностью». — Он же на добрых двадцать пять лет старше её!

Три женских голоса наперебой, словно стараясь заглушить эту неловкую фразу, заговорили хором и невпопад о пикнике для мальчиков из хора, о неприятном случае на последнем митинге матерей, о сквозняках в церкви. Мисс Марпл смотрела на Гризельду ласково сияющими глазами.

— А может, мисс Крэм просто нравится интересная работа? — сказала моя жена. — И доктор Стоун для неё всего лишь руководитель.

Ответом было полное молчание. Все четыре дамы были явно с ней не согласны. Тишину нарушила мисс Марпл; погладив Гризельду по руке, она сказала:

— Душечка, вы так молоды. Молодость так неопытна и доверчива!

Гризельда возмущённо отпарировала, что она вовсе не так уж неопытна и доверчива.

— Естественно, — продолжала мисс Марпл, пропустив возражения мимо ушей, — вы всегда думаете обо всех только самое хорошее.

— А вы действительно считаете, что она хочет выскочить замуж за этого лысого зануду?

— Насколько я понимаю, в средствах он не стеснён, — сказала мисс Марпл. — Разве что характер у него вспыльчивый. Вчера он повздорил с полковником Протеро.

Все дамы навострили уши.

— Полковник Протеро назвал его неучем.

— Полковник Протеро мог сказать такую чепуху, это в его духе, — заметила миссис Прайс Ридли.

— Совершенно в его духе, только я не уверена, что это такая уж чепуха, — сказала мисс Марпл. — Помните ту женщину — вроде бы из общества социального обеспечения, — собрала пожертвования по подписке и как в воду канула. Оказалось, что она не имела к этому обществу никакого отношения. Мы все привыкли верить людям на слово — слишком уж мы доверчивы.

Вот уж не подумал бы, что мисс Марпл страдает доверчивостью.

— Там был ещё какой-то шум из-за молодого человека, художника — мистера Реддинга, не так ли? — спросила мисс Уэзерби.

Мисс Марпл кивнула:

— Полковник Протеро отказал ему от дома. Кажется, он писал Летицию в купальном костюме.

— А я с самого начала *видела*, что между ними что-то есть, — сказала миссис Прайс Ридли. — Молодой человек слишком увивался вокруг неё. Жаль, что у девушки нет родной матери. Мачеха никогда её не заменит.

— Я бы этого не сказала, — вмешалась мисс Хартнелл. — Миссис Протеро старается как может.

— Девушки всегда себе на уме, — посетовала миссис Прайс Ридли.

— Настоящий роман, правда? — сказала сентиментальная мисс Уэзерби. — Он такой красивый!

— Но распущенный, — бросила мисс Хартнелл. — А чего ещё ждать? Художник! Париж! Натурщицы! И… и всякое такое!

— Писал её в купальном костюме, — заметила миссис Прайс Ридли. — Такая распущенность.

— Он и мой портрет пишет, — сказала Гри-

зельда.

— Но ведь не в купальном костюме, душечка, — сказала мисс Марпл.

— Вы совершенно правы… зачем он вообще нужен… — заявила Гризельда.

— Шалунья! — сказала мисс Хартнелл, у которой хватило чувства юмора, чтобы понять шутку. Остальные дамы были слегка шокированы.

— Милая Летиция уже рассказала вам об этих неприятностях? — обратилась ко мне мисс Марпл.

— Мне?

— Ну да. Я видела, как она прошла садом и повернула к двери вашего кабинета.

От мисс Марпл ничто не укроется. Возделывание клумб — превосходная дымовая завеса, а привычка наблюдать за птичками в сильный бинокль оказывается как нельзя более кстати[8].

— Да, она об этом упомянула, — признался я.

— У мистера Хоуза был очень встревоженный вид, — добавила мисс Марпл. — Надеюсь, он не переутомился на работе.

— Ах! — живо воскликнула мисс Уэзерби. — Совсем из головы вылетело! У меня есть для вас

---

[8] notes: 8

Наблюдение за жизнью птиц считается национальным увлечением англичан.

новость. Я видела, как доктор Хэйдок выходил из дома миссис Лестрэндж.

Все переглянулись.

— Может, ей нездоровилось, — сказала миссис Прайс Ридли.

— В таком случае болезнь настигла её внезапно, — сказала мисс Хартнелл. — Я видела, как она расхаживает по саду в три часа дня, и с виду — здоровёхонька.

— Должно быть, они давно знакомы с доктором Хэйдоком, — сказала миссис Прайс Ридли. — Сам-то он об этом помалкивает.

— Да, любопытно, — сказала мисс Уэзерби. — Он об этом *ни словечка* не обронил.

— Если хотите знать… — начала Гризельда тихим и таинственным голосом.

Все наклонились к ней, заинтригованные до крайности.

— Мне всё *доподлинно* известно. Её муж был миссионером. Жуткая история. *Его съели*, представляете себе? Буквально съели. А её заставили стать главной женой их вождя. Доктор Хэйдок спас её — он там был, в экспедиции.

На некоторое время возникло всеобщее замешательство, а потом мисс Марпл сказала с упрёком, но не сдержав ласковой улыбки: «Какая

шалунья!» Она похлопала Гризельду по руке и наставительно заметила:

— Очень неразумно, моя душечка. Когда выдумываешь небылицы, люди непременно им верят. А это может вызвать осложнения.

В гостиной явно повеяло холодком. Две дамы встали и начали прощаться.

— Интересно, есть ли что-нибудь между Реддингом и Летицией Протеро, — сказала мисс Уэзерби. — Мне кажется это вполне вероятным. А как вам кажется, мисс Марпл?

Мисс Марпл призадумалась.

— Я бы этого не сказала. Только не Летиция. По-моему, тут замешано совсем иное лицо.

— Но полковник Протеро считает…

— Я всегда замечала, что он человек недалёкий, — сказала мисс Марпл. — Из тех упрямцев, которые если что заберут себе в голову, то ни-почём от этого не отступятся. Помните Джо Бакнелла, прежнего хозяина «Голубого Кабана»? Сколько шуму было из-за того, что его дочка якобы встречалась с молодым Бейли. А на самом-то деле это была его жена, негодница этакая!

Говоря это, она смотрела прямо на Гризельду, и меня вдруг охватило возмущение, с которым я не сумел совладать.

— Вам не кажется, мисс Марпл, — сказал я, — что все мы слишком склонны злословить о ближних своих? Добродетель не мыслит злого, как вы знаете. Можно причинить неисчислимый вред, позволяя себе болтать глупости и распускать злостные сплетни.

— Дорогой викарий, — ответила мисс Марпл, — вы человек не от мира сего. Боюсь, что человеческая натура, за которой мне довелось наблюдать столь долгое время, не так совершенна, как хотелось бы. Конечно, праздная болтовня — это дело грешное и недоброе, но ведь она так часто оказывается правдой, не так ли?

Эта последняя, парфянская стрела попала в цель[9].

[9] notes: 9

Парфянская стрела — враждебный выпад напоследок, перед уходом; по преданию, парфяне, жители древнего царства на юго-востоке Каспийского моря, симулируя отступление, заманивали врагов в ловушку и осыпали их стрелами.

Глава 3

— Гадкая старая сплетница! — сказала Гризельда, как только за ней затворилась дверь.

Она скорчила гримаску вслед уходящим гостьям, взглянула на меня и рассмеялась.

— Лен, неужели ты и вправду думаешь, что у меня роман с Лоуренсом Реддингом?

— Что ты, милая, конечно, нет!

— Но ты же подумал, что мисс Марпл намекает на это. И ринулся меня защищать — это было великолепно! Ты был похож на разъярённого тигра!

Я на минуту почувствовал себя крайне смущённым. Служителю англиканской церкви отнюдь не подобает подавать повод к тому, чтобы его сравнивали с разъярённым тигром.

— Я почувствовал, что в этом случае просто обязан выразить протест, — ответил я. — Но, Гризельда, мне бы хотелось, чтобы ты всё же выбирала слова и думала, о чём говоришь.

— Это ты про историю с людоедами? — спросила она. — Или про то, что Лоуренс рисует меня нагишом? Знали бы они, что он пишет меня в тёплом плаще с высоченным меховым воротни-

ком — в таком одеянии можно с чистой совестью идти в гости к самому папе римскому: не видно ни кусочка грешной плоти! Честно говоря, всё у нас так чисто, что просто диву даёшься. Лоуренс ни разу не попытался за мной поухаживать — никак не пойму, в чём тут дело.

— Он знал, что ты замужняя женщина, вот и…

— Лен, только не притворяйся, что ты только что вылез из Ноева ковчега![10] Ты отлично знаешь, что очаровательная молодая женщина, у которой пожилой муженёк, для молодого человека просто дар небесный. Тут есть какая-то особая причина, а вовсе не недостаток привлекательности — чего-чего, а этого мне не занимать.

— Но разве ты хочешь, чтобы он соблазнил тебя?

— Н-н-нет, — сказала она, помедлив чуть дольше, чем мне бы хотелось.

— Если он влюблён в Летицию Протеро…

— Мисс Марпл в это не верит.

— Мисс Марпл могла и ошибиться.

— Она всегда права. Такие закоренелые старые

---

[10] notes: 10

Ноев ковчег — согласно Библии (Ветхий Завет, Книга Бытия, 5—10), судно, которое по велению Бога построил патриарх Ной и в котором он с семьёй и животными спасся от Всемирного потопа, чтобы заселить мир заново.

сплетницы никогда не ошибаются. — Гризельда на минуту умолкла, потом спросила, взглянув на меня искоса: — Ты мне веришь, правда? То есть что у нас с Лоуренсом ничего нет?

— Моя милая Гризельда, — ответил я. — Верю, как самому себе.

Моя жена подбежала и поцеловала меня.

— Если бы только ты не был таким простачком! Тебя же ничего не стоит обвести вокруг пальца! Ты готов поверить всему, что бы я ни сказала.

— А как же иначе? Только, милая, постарайся следить за тем, что ты говоришь, не давай воли своему язычку. У этих дам нет ни малейшего чувства юмора, помни об этом, они всё принимают всерьёз.

— Я знаю, чего им не хватает, — сказала Гризельда. — Надо бы им самим обзавестись какими-нибудь грешками, тогда у них не останется времени вынюхивать повсюду чужие.

С этими словами она вышла из комнаты, а я взглянул на часы и без промедления отправился с визитами, которые должен был нанести ещё утром.

Вечерняя служба в среду, как всегда, собрала немного прихожан, но когда я, разоблачившись в ризнице, вышел в опустевшую церковь, то у од-

ного из витражей приметил одинокую женскую фигуру. У нас замечательные старинные цветные витражи в окнах, да и сам храм заслуживает того, чтобы на него посмотреть. Заслышав мои шаги, женщина обернулась, и я узнал миссис Лестрэндж.

Мы оба молчали, пока я не сказал:

— Надеюсь, вам понравилась наша церковь.

— Я любовалась витражом, — ответила она.

Она говорила приятным, низким, хорошо поставленным голосом, чётко произнося слова.

— Очень жаль, что я вчера не застала вашу жену, — добавила она.

Мы ещё несколько минут поговорили о нашей церкви. Было очевидно, что она человек высокой культуры, знакомый с историей церкви и церковной архитектурой. Мы вместе вышли и пошли по дороге, которая проходила мимо её коттеджа и вела к моему дому. Когда мы подошли к её калитке, она приветливо сказала:

— Не хотите ли зайти? Мне интересно, что вы скажете о том, как я всё здесь устроила.

Я принял приглашение. Коттедж «Маленькая калитка» принадлежал раньше полковнику, служившему в Индии, и я поневоле почувствовал облегчение, увидев, что медные столики и

бирманские идолы исчезли. Теперь домик был обставлен просто, но с самым изысканным вкусом. В нём воцарился дух гармонии и покоя.

Но я никак не мог взять в толк, что привело такую женщину, как миссис Лестрэндж, в Сент-Мэри-Мид. Этот вопрос с каждым днём мучил меня всё больше. Она была светской женщиной до мозга костей и тем не менее решилась похоронить себя в нашей деревенской глуши.

При ясном свете, озарявшем гостиную, я смог впервые рассмотреть её как следует.

Она была очень высокого роста. Волосы золотистые, с рыжеватым оттенком. Брови и ресницы тёмные — то ли от природы, то ли подкрашены — об этом мне трудно судить. Если она и подкрашивала их слегка, как мне показалось, то делала это артистически. В её лице, когда оно было спокойно, было что-то от сфинкса[11], а глаза у неё были совершенно необыкновенные, я ни у кого таких не видел — они казались почти золотыми.

Одета она была безукоризненно и держалась с непринуждённостью, обнаруживавшей отлич-

---

[11] notes: 11

Сфинкс — человек, чьё поведение или облик указывает на загадочность и глубину его характера; в Древнем Египте сфинкс — каменное изваяние лежащего льва с человеческой головой; в древнегреческой мифологии — крылатое существо с туловищем льва или собаки и головой и грудью женщины.

ное воспитание, но всё же в ней сквозило что-то, не совпадавшее с этим образом, и это меня смущало. Сразу чувствовалось, что она окружена тайной. Мне вспомнилось слово, которое сказала Гризельда: роковая. Глупость, конечно, и всё же — так ли уж это глупо? Мне пришла в голову непрошеная мысль: «Эта женщина ни перед чем не остановится».

Мы беседовали о самых обычных вещах — о картинах, книгах, старых соборах. Но я никак не мог отделаться от ощущения, что миссис Лестрэндж хотела сказать мне что-то ещё — не то, о чём мы говорили.

Несколько раз я ловил её взгляд, устремлённый на меня со странной робостью, как будто она никак не могла собраться с духом и решиться на что-то. Она старалась вести беседу только на отвлечённые темы. Ни разу не упомянула мужа, друзей или родных. Но из её глаз ни на минуту не исчезало странное выражение, словно мольба о помощи. Казалось, её глаза вопрошают: «Можно ли вам всё сказать? Я так этого хочу. Неужели вы не поможете мне?»

Но это выражение постепенно угасло — быть может, я просто вообразил себе всё это. Я почувствовал, что мной начинают тяготиться. Встал

и распрощался. Выходя из комнаты, я оглянулся и поймал её пристальный, недоуменный, мучительный взгляд. Повинуясь внезапному наитию, я вернулся:

— Если я могу вам чем-то помочь…

Она нерешительно проговорила:

— Вы очень добры…

Мы оба смолкли. Потом она сказала:

— Я сама не знаю. Это очень сложно. Нет, я думаю, что мне уже никто не поможет. Но благодарю вас за участие.

Видимо, она приняла окончательное решение, и мне оставалось только одно — уйти. Но, уходя, я не мог отделаться от сомнений. Здесь, в Сент-Мэри-Мид, мы не привыкли к роковым тайнам.

В подтверждение тому я подвергся нападению, едва успел затворить калитку. Мисс Хартнелл умеет мастерски налетать на вас и отрезать все пути к отступлению.

— Я вас видела! — возопила она с тяжеловесной игривостью. — И я просто вне себя от любопытства. Теперь-то вы нам всё откроете!

— О чём это?

— О загадочной особе! Она вдова или у неё есть муж?

— Простите, ничего не могу сказать. Она мне

не говорила.

— Что за странность! Она непременно должна была об этом упомянуть, хотя бы ненароком. Можно подумать, будто что-то заставляет её молчать, вам не кажется?

— Честно говоря, нет.

— Ах! Милая мисс Марпл верно сказала, что вы человек не от мира сего, дорогой викарий. Скажите, а с доктором Хэйдоком она давно знакома?

— Она об этом не говорила, ничего не могу сказать.

— Вот как? А о чём же вы вообще разговаривали, если не секрет?

— О картинах, музыке, книгах, — честно перечислил я.

Мисс Хартнелл, для которой любой разговор ограничивается перемыванием чужих косточек, взглянула на меня подозрительно и недоверчиво. Пока она собиралась с мыслями, я воспользовался этой паузой, пожелал ей доброй ночи и быстро зашагал прочь.

Я навестил прихожан в деревне и вернулся домой через садовую калитку, пробравшись мимо опасной засады, которая могла поджидать меня в саду мисс Марпл, хотя и не представлял себе, как до неё могли бы дойти новости о моём

посещении миссис Лестрэндж — это было выше человеческих возможностей.

Запирая калитку, я подумал, что надо бы заглянуть в сарайчик, который использовал молодой Лоуренс Реддинг за неимением мастерской, и поглядеть своими глазами на портрет Гризельды.

Я и представить себе не мог, что в мастерской кто-то есть. Оттуда не доносилось ни звука, а мои шаги заглушала трава.

Я открыл дверь и застыл на пороге, совершенно огорошенный. В мастерской оказались двое: мужчина, обняв женщину, страстно её целовал.

Эти двое были художник Лоуренс Реддинг и миссис Протеро.

Я поспешно отступил и скрылся в своём кабинете. Там я уселся в кресло, вытащил свою трубку и принялся обдумывать увиденное. Это открытие поразило меня как гром с ясного неба. Особенно после сегодняшнего разговора с Летицией: я был в полной уверенности, что между ней и молодым человеком зародились какие-то отношения. Более того, я был убеждён, что она и сама так думает. И я готов был дать голову на отсечение, что она не догадывается о чувствах художника к её мачехе.

Пренеприятнейший переплёт! Я поневоле от-

дал должное мисс Марпл. Она-то не дала себя провести и достаточно точно представляла истинное положение вещей. Я абсолютно неверно истолковал красноречивый взгляд, который она бросила на Гризельду.

Мне самому и в голову бы не пришло подозревать миссис Протеро. Было в ней что-то от жены Цезаря, которая выше подозрений[12], — спокойная, очень замкнутая. В такой женщине ни за что не заподозришь склонности к сильным чувствам.

Когда мои размышления дошли до этого места, в дверь кабинета постучали. Я встал и подошёл к двери. За ней стояла миссис Протеро. Я отворил дверь, и она вошла, не дожидаясь приглашения. Миссис Протеро прошла через комнату и без сил опустилась на диван: ей явно не хватало воздуха.

Было такое впечатление, что передо мной сидел совершенно незнакомый мне человек. Спокойная, замкнутая женщина исчезла. На её месте было загнанное, задыхающееся существо.

---

[12] notes: 12

Пословица «Жена Цезаря должна быть выше подозрений» восходит к фразе, приписываемой римскому политическому деятелю, полководцу и писателю Гаю Юлию Цезарю (100—44 до н. э.), который развёлся со своей женой Помпеей, оказавшейся замешанной в скандале.

Впервые я оценил её красоту.

Она была шатенка с бледным лицом и очень глубоко посаженными серыми глазами. Сейчас она раскраснелась, грудь её вздымалась. Казалось, статуя внезапно стала живой женщиной. Я даже заморгал от этого превращения, как от яркого света.

— Я решила, что мне лучше к вам зайти, — сказала она. — Вы… вы сейчас видели?

Я кивнул. Она сказала тихо и спокойно:

— Мы любим друг друга…

Даже сейчас, в минуту растерянности и отчаяния, она не смогла сдержать лёгкую улыбку. Улыбку женщины, которая видит нечто чудесное, преисполненное красоты.

Я молча ждал, и она поспешила спросить:

— Должно быть, вам это кажется страшным грехом?

— Как вы думаете, миссис Протеро, разве может быть иначе?

— Нет-нет, я другого и не ждала.

Я продолжал, стараясь говорить как можно мягче:

— Вы замужняя женщина…

Она прервала меня:

— О! Я знаю, знаю. Неужели вы думаете, что я

не говорила себе это сотни раз! Я же совсем не безнравственная женщина, нет. И у нас всё не так — не так, как вы могли бы подумать.

— Рад это слышать, — строго сказал я.

Она спросила с некоторой опаской:

— Вы собираетесь сказать моему мужу?

Я довольно сухо ответил:

— Почему-то принято считать, что служитель церкви не способен вести себя как джентльмен. Это не соответствует истине.

Она поблагодарила меня взглядом.

— Я так несчастна. О, я бесконечно несчастна! Я так больше жить не могу. Просто не могу! И я не знаю, что мне делать. — Голос её зазвенел, словно она боролась с истерикой. — Вы себе не представляете, как я живу. С Люциусом я была несчастна с самого начала. Ни одна женщина не может быть счастливой с таким человеком. Я хочу, чтобы он умер… Это ужасно, но я желаю ему смерти… Я в полном отчаянии… Говорю вам, я готова на всё…

Она вздрогнула и посмотрела в сторону двери.

— Что это? Мне показалось или там кто-то есть? Наверно, это Лоуренс.

Я прошёл к двери, которую, как оказалось, позабыл затворить. Вышел, выглянул в сад, но там никого не было. Но я был почти уверен, что тоже

слышал чьи-то шаги. Хотя, может быть, она мне это внушила.

Когда я вошёл в кабинет, она сидела, наклонившись вперёд и уронив голову на руки. Это было воплощение отчаяния и безнадёжности. Она ещё раз повторила:

— Я не знаю, что мне делать. Что делать?

Я подошёл и сел рядом. Я говорил то, что мне подсказывал долг, и пытался произносить эти слова убедительно, но всё время чувствовал, что моя совесть нечиста: я же сам этим утром объявил своим домашним, что мир станет лучше без полковника Протеро.

Но я больше всего настаивал на том, чтобы она не принимала поспешных решений. Оставить дом, оставить мужа — это слишком серьёзный шаг.

Едва ли мне тогда удалось её убедить. Я прожил достаточно долго и знал, что уговаривать влюблённых практически бессмысленно, но думаю, что мои увещевания хоть немного её утешили и приободрили.

Собравшись уходить, она поблагодарила меня и пообещала подумать над моими словами.

И всё же после её ухода я чувствовал большое беспокойство. Я понял, что до сих пор совершенно

не знал характера Анны Протеро. Теперь я видел воочию женщину, доведённую до крайности; такие, как правило, не знают удержу, когда ими владеет сильное чувство. А она была отчаянно, безумно влюблена в Лоуренса Реддинга, который на несколько лет моложе её. Мне это не нравилось.

Глава 4

У меня совершенно вылетело из головы, что мы пригласили к обеду Лоуренса Реддинга. Когда вечером Гризельда прибежала и отчитала меня за то, что до обеда всего две минуты, а я не готов, я, по правде сказать, сильно растерялся.

— Я думаю, всё пройдёт хорошо, — сказала Гризельда мне вслед, когда я поднимался наверх. — Я подумала над тем, что ты сказал за завтраком, и постаралась сочинить что-нибудь вкусненькое.

Кстати, позволю себе заметить, что наша вечерняя трапеза подтвердила самым наглядным образом печальное открытие Гризельды: когда она старается заниматься хозяйством, всё действительно идёт гораздо хуже. Меню было составлено роскошное, и Мэри, казалось, получала какое-то нездоровое удовольствие, со злостной изобретательностью чередуя полусырые блюда с безбожно пережаренными. Правда, Гризельда заказала устрицы, которые, как могло показаться, находятся вне досягаемости любой неумехи — ведь их подают сырыми, — но их нам тоже не довелось отведать, потому что в доме не оказалось никакого прибора, чтобы их открыть, и мы

заметили это упущение только в ту минуту, когда настала пора попробовать устриц.

Я был почти уверен, что Лоуренс Реддинг не явится к обеду. Нет ничего легче, чем прислать отказ с подобающими извинениями.

Однако он явился без опоздания, и мы вчетвером сели за стол.

Спору нет — Лоуренс Реддинг чрезвычайно привлекателен. Ему, насколько я могу судить, около тридцати. Волосы у него тёмные, а глаза ярко-синие, сверкающие так, что иногда просто оторопь берёт. Он из тех молодых людей, у которых всякое дело спорится. В спортивных играх он всегда среди первых, отменный стрелок, обладает незаурядными актёрскими способностями, да ещё и первоклассный рассказчик. Он сразу становится душой любого общества. Мне кажется, в его жилах есть ирландская кровь. И он совершенно не похож на типичного художника. Но, как я понимаю, художник он тоже изысканный, модернист[13]. Сам я в живописи смыслю мало.

Вполне естественно, что в этот вечер он казался несколько distrait [рассеян *(фр.)*]. Но в общем вёл

---

[13] notes: 13

Модернизм — направление в изобразительном и прикладном искусстве и архитектуре конца XIX — начала XX века, противопоставившее себя искусству прошлого.

себя вполне непринуждённо. Не думаю, чтобы Гризельда или Деннис заметили что-нибудь. Я и сам бы, пожалуй, ничего не заметил, если бы не знал о случившемся.

Гризельда и Деннис веселились вовсю — шутки по поводу доктора Стоуна и мисс Крэм так и сыпались — что поделаешь, это же Местная Сплетня! И вдруг я подумал, что Деннис по возрасту гораздо ближе к Гризельде, чем я, и у меня больно сжалось сердце. Меня он зовёт дядя Лен, а её просто Гризельда. Я почему-то почувствовал себя очень одиноким.

Наверно, меня расстроила миссис Протеро, подумал я. Предаваться столь безотрадным размышлениям вовсе не в моём характере.

Гризельда и Деннис порой заходили довольно далеко в своих остротах, но у меня не хватало духу сделать им замечание. И без того, к сожалению, одно только присутствие священника обычно оказывает на окружающих угнетающее воздействие.

Лоуренс болтал и веселился с ними как ни в чём не бывало. И всё же я заметил, что он то и дело поглядывает в мою сторону, поэтому совсем не удивился, когда после обеда он незаметно устроил так, что мы оказались одни в моём кабинете.

Как только мы остались с глазу на глаз, он совершенно переменился.

— Вы застали нас врасплох, сэр, и всё поняли. Что вы намерены предпринять?

С Реддингом я мог говорить более откровенно, чем с миссис Протеро. Я высказал ему всё напрямик. Он выслушал меня внимательно.

— Само собой, вы не могли сказать ничего другого, — сказал он. — Вы же священник, не в обиду будь сказано. По правде говоря, я с вами даже готов согласиться. Но у нас с Анной совсем необычные отношения.

Я ответил, что подобными фразами люди оправдывались ещё на заре человечества, и на его губах появилась странная полуулыбка.

— Хотите сказать, что каждый считает свой случай единственным в своём роде? Может быть, так оно и есть. Но вы должны мне поверить только в одном.

Он начал доказывать мне, что между ними «нет ничего недозволенного». По его словам, Анна — одна из самых преданных и верных женщин на всём белом свете. И что с ними будет, он просто не знает.

— Если бы всё это было написано в романе, — сумрачно сказал он, — старик умер бы, а для

остальных это было бы счастливым избавлением. Туда ему и дорога.

Я ответил строгим упрёком.

— Да нет, я вовсе не собираюсь воткнуть ему нож в спину, хотя любому, кто это сделает, я принёс бы глубокую благодарность. Ни одна живая душа не скажет о нём доброго слова. Право, не понимаю, как это первая миссис Протеро его не прикончила. Я её один раз видел, много лет назад, и мне показалось, что она вполне на это способна. Она из тех сдержанных женщин, которые способны на всё. Протеро повсюду бахвалится, затевает скандалы, скуп как чёрт, а характер у него отвратительный, хуже некуда. Вы представить себе не можете, что Анне пришлось от него вытерпеть. Не будь я нищ как церковная крыса, я бы увёз её не задумываясь.

Я призвал на помощь всё своё красноречие. Я упрашивал его покинуть Сент-Мэри-Мид. Оставаясь здесь, он причинил бы Анне Протеро ещё больше горя, чем и без того выпало ей на долю. Люди станут болтать, дело дойдёт до полковника Протеро — и для неё настанут поистине чёрные дни.

Лоуренс возразил мне:

— Никто ничего не знает, кроме вас, падре[14].

— Дорогой юноша, вы недооцениваете рвение наших доморощенных детективов. В Сент-Мэри-Мид всем известны самые интимные отношения между людьми. Во всей Англии ни один сыщик не сравнится с незамужней дамой неопределённого возраста, у которой бездна свободного времени.

Он спокойно сказал, что с этим всё в порядке. Все думают, что он неравнодушен к Летиции.

— А вам не приходило в голову, — спросил я, — что и сама Летиция может так подумать?

Он искренне удивился. Летиция, по его словам, на него даже внимания не обращает. Он был в этом твёрдо уверен.

— Странная девушка, — сказал он. — Кажется, что она всё время во сне или в трансе, но я-то думаю, что за всем этим кроется вполне практичный ум. По-моему, напускная мечтательность и рассеянность — только маска. Летиция отлично знает, что делает. И есть в ней какая-то непонятная мстительность, что ли. Ненавидит почему-то Анну. Просто видеть её не может. А ведь Анна всю жизнь вела себя с ней как истинный ангел.

Последние его слова я, разумеется, не принял

---

[14] notes: 14

Падре (ит.) — отец, титул священнослужителя католической церкви в романских странах.

всерьёз. Влюблённому молодому человеку его возлюбленная всегда кажется истинным ангелом. Однако, насколько я мог судить, Анна действительно всегда была добра и справедлива к падчерице. Меня поразило, с какой неприязнью и горечью говорила о ней Летиция сегодня.

На этом нам пришлось прервать разговор — Гризельда и Деннис влетели в кабинет и заявили, что очень нехорошо с моей стороны делать из Лоуренса скучного старика.

— Ох, ну и тоска! — сказала Гризельда, бросаясь в кресло. — Хоть бы случилось что-нибудь интересное! Убийство или грабёж, на худой конец!

— По-моему, тут и грабить-то некого, — сказал Лоуренс, подлаживаясь под её настроение. — Разве что пойти стащить у мисс Хартнелл вставные челюсти?

— Как они жутко щёлкают! — сказала Гризельда. — А вот насчёт того, что некого грабить, вы ошибаетесь. В Старой Усадьбе есть потрясающее старинное серебро. Прибор для специй и чаша Карла Второго[15] — и ещё много редкостей. Всё это стоит не одну тысячу фунтов, я уверена.

---

[15] notes: 15

Карл II (1630—1685) — король Англии, Шотландии и Ирландии, отец которого Карл I был казнён в эпоху гражданской войны; после смерти Кромвеля в 1660 году был объявлен королём Великобритании.

— А старик возьмёт да подстрелит тебя из своего армейского пистолета! — вставил Деннис. — И сделает это с превеликим удовольствием. Он бы тут всех перестрелял за милую душу!

— Вот ещё! Мы бы ворвались и приставили ему дуло к виску! — отвечала Гризельда. — У кого нам найти пистолет?

— У меня есть пистолет системы «маузер», — сказал Лоуренс.

— Правда? Как здорово! А как он к вам попал?

— Сувенир военных лет, — коротко ответил Лоуренс.

— Старик Протеро сегодня хвастался своим серебром перед доктором Стоуном, — сообщил Деннис. — Старина Стоун делал вид, что в полном восторге от этих финтифлюшек.

— А я думала, они повздорили из-за раскопа, — сказала Гризельда.

— Да нет, они договорились в конце концов, — сказал Деннис. — Никак не пойму, чего ради люди роются в этих раскопах.

— А мне непонятно, что за птица этот Стоун, — сказал Лоуренс. — Сдаётся мне, что он чересчур рассеянный. Иногда я готов поклясться, что для него собственная специальность — тёмный лес и он в археологии ни черта не смыслит.

— Виной всему любовь, — подхватил Деннис. — О Глэдис прекрасная Крэм, приятна ужасно ты всем! В зубах белоснежных твоих предел наслаждений земных. И там, в «Кабане Голубом», где спишь ты невиннейшим сном…

— Достаточно, Деннис, — сказал я.

— Однако мне пора, — сказал Лоуренс Реддинг. — Большое спасибо за приятнейший вечер, миссис Клемент.

Гризельда с Деннисом пошли его проводить. Деннис вернулся в кабинет один. Видимо, что-то сильно рассердило мальчика — он принялся слоняться по кабинету, хмурясь и время от времени награждая пинками ни в чём не повинную мебель.

Наша мебель находится в столь бедственном состоянии, что ей вряд ли можно нанести дальнейший ущерб, но я всё же счёл себя обязанным вступиться за неё.

— Прости, — буркнул Деннис.

Он с минуту помолчал, а потом вдруг взорвался:

— Чёрт бы побрал эти подлые, гнусные сплетни!

Я был слегка удивлён.

— В чём дело? — спросил я его.

— Не знаю, стоит ли тебе говорить.

Я удивился ещё больше.

— Такая жуткая низость, — заговорил Деннис. — Ходят тут и болтают всякие гадости. Вернее, даже не болтают. Намекают. Нет, будь я проклят — извини, пожалуйста, — если я смогу тебе сказать! Слишком гнусная гадость, честное слово.

Я смотрел на него с интересом, но ни о чём не расспрашивал. Стоило, однако, над этим призадуматься — Деннису вообще-то не свойственно принимать что-либо близко к сердцу.

В эту минуту вошла Гризельда.

— Только что звонила мисс Уэзерби, — сказала она. — Миссис Лестрэндж ушла из дому в четверть девятого и до сих пор не вернулась. И никто не знает, куда она пошла.

— А почему они должны это знать?

— У доктора Хэйдока её нет. Мисс Уэзерби знает точно — она созвонилась с мисс Хартнелл, которая живёт в соседнем доме и непременно увидела бы её.

— Для меня остаётся тайной, — сказал я, — как у нас тут люди успевают поесть. Должно быть, едят стоя, только бы не пропустить что-нибудь.

— Это ещё не всё, — доложила Гризельда, сияя

от радости. — Они уже произвели разведку в «Голубом Кабане». Доктор Стоун и мисс Крэм занимают смежные спальни, но, — она подняла указательный палец и помахала им, — *двери между ними нет*!

— Представляю себе всеобщее разочарование, — заметил я.

Гризельда расхохоталась.

* * *

Четверг начался с неприятностей. Две почтенные пожилые дамы из моего прихода решили обсудить убранство храма и поссорились. Мне пришлось выступить арбитром в их споре. Они буквально тряслись от ярости. Не будь всё это столь тягостно, я не без интереса наблюдал бы это явление природы.

Затем пришлось сделать выговор двум мальчуганам из хора за то, что они непрерывно сосали леденцы во время богослужения, но я поймал себя на том, что делаю это без должной убедительности, и мне стало как-то неловко.

Потом пришлось уговаривать нашего органиста, который на что-то разобиделся — он у нас обидчив до крайности.

К тому же беднейшие из прихожан подняли

форменный бунт против мисс Хартнелл, которая прибежала ко мне, задыхаясь от возмущения.

Я как раз шёл домой, когда мне повстречался полковник Протеро. Он был в отменном настроении — как мировой судья[16], он только что осудил троих браконьеров.

— В наше время нужно только одно — твёрдость! Для острастки! Этот негодяй, Арчер, вчера вышел из тюрьмы и обещает свести со мной счёты, мне уже доложили. Наглый бандит. Есть такое присловье: кому грозят смертью, тот проживёт долго. Я ему покажу счёты — пусть только тронет моих фазанов! Распустились! Мы стали чересчур мягкотелы, вот что! По мне, так надо каждому показать, чего он стоит. И вечно они просят пожалеть жену и малых ребятишек, эти бандиты. Чушь собачья! Чепуха! Каждый должен отвечать за свои делишки, и нечего хныкать про жену и детишек! Для меня все равны! Кто бы ты ни был: доктор, законник, священник, браконьер, пьяный бродяга, — попался на тёмном деле — отвечай по закону! Уверен, что тут вы со мной

---

[16] notes: 16

Мировой судья — должностное лицо, обычно не имеющее специального юридического образования и не получающее денежного вознаграждения, уполномоченное рассматривать мелкие уголовные и гражданские дела.

согласны.

— Вы забываете, — сказал я, — что моё призвание обязывает меня ставить превыше всех одну добродетель — милосердие.

— Я человек справедливый. Это все знают.

Я не отвечал, и он сердито спросил:

— Почему вы молчите? Выкладывайте, что у вас на уме!

Я немного помедлил, потом решил высказаться.

— Я подумал о том, — сказал я, — что, когда настанет мой час, мне будет очень грустно, если единственным доводом в моё оправдание будет то, что я был справедлив. Ведь тогда и ко мне отнесутся только справедливо…

— Ба! Чего нам не хватает — это боевого духа в христианстве. Я свой долг всегда выполнял неукоснительно. Ладно, хватит об этом. Я зайду сегодня вечером, как договорено. Давайте отложим с шести на четверть седьмого, если не возражаете. Мне надо повидать кое-кого тут, в деревне.

— Мне вполне удобно и в четверть седьмого.

Полковник зашагал прочь, размахивая палкой. Я обернулся и столкнулся нос к носу с Хоузом. Я собирался как можно мягче указать ему на

некоторые упущения в порученных делах, но, увидев его бледное напряжённое лицо, решил, что он заболел.

Я так ему и сказал, но он стал уверять меня, хотя и без особой горячности, что совершенно здоров. Потом всё же признался, что чувствует себя неважно, и с готовностью последовал моему совету пойти домой и лечь в постель.

Я наспех проглотил ленч и пошёл навестить некоторых прихожан. Гризельда уехала в Лондон — по четвергам билет на поезд стоит дешевле.

Вернулся я примерно без четверти четыре, собираясь набросать план воскресной проповеди, но Мэри сказала, что мистер Реддинг ожидает меня в кабинете.

Когда я вошёл, он расхаживал взад-вперёд, лицо у него было озабоченное. Он был бледен и как-то осунулся.

Услышав мои шаги, он резко обернулся.

— Послушайте, сэр. Я думал о том, что вы мне сказали вчера. Всю ночь не спал. Вы правы. Я должен бежать отсюда.

— Дорогой мой мальчик! — сказал я.

— И то, что вы про Анну сказали, — чистая правда. Если я здесь останусь, ей несдобровать. Она — она слишком хорошая, ей это не подходит.

Я вижу, что должен уйти. Я и так уже причинил ей много зла, да простит меня Бог.

— По-моему, вы приняли единственно возможное решение, — сказал я. — Понимаю, как вам было тяжело, но, в конце концов, всё к лучшему.

Такие слова легко говорить только тому, кто понятия не имеет, о чём идёт речь, — вот что было написано у него на лице.

— Вы позаботитесь об Анне? Ей необходим друг.

— Можете быть спокойны — сделаю всё, что в моих силах.

— Благодарю вас, сэр! — Лоуренс крепко пожал мне руку. — Вы славный, падре. Сегодня вечером я в последний раз с ней повидаюсь, чтобы попрощаться, а завтра, может, соберусь и исчезну. Не стоит продлевать агонию. Спасибо, что позволили мне работать в вашем сарайчике. Жаль, что я не успел закончить портрет миссис Клемент.

— Об этом можете не беспокоиться, мой дорогой мальчик. Прощайте, и да благословит вас Бог!

Когда он ушёл, я попытался сосредоточиться на проповеди, но у меня ничего не получалось. Мои мысли всё время возвращались к Лоуренсу и Анне Протеро.

Я выпил чашку довольно невкусного, холодно-

го чёрного чая, а в половине шестого зазвонил телефон. Мне сообщили, что мистер Аббот с Нижней фермы умирает и меня просят немедленно прийти.

Я тут же позвонил в Старую Усадьбу — до Нижней фермы добрых две мили, так что я никак не смогу быть дома к четверти седьмого. Искусством ездить на велосипеде я так и не овладел…

Но мне ответили, что полковник Протеро только сейчас уехал на автомобиле, и я отправился в путь, наказав Мэри передать ему, что меня срочно вызвали, но я попытаюсь вернуться в половине седьмого или немного позже.

Глава 5

Когда я подошёл к калитке нашего сада, время близилось к семи. Но не успел я её открыть, как она распахнулась, и передо мной предстал Лоуренс Реддинг. Увидев меня, он окаменел, и я был поражён, взглянув на него. Он был похож на человека, находящегося на грани безумия. Глаза его вперились в меня со странным выражением; бледный как смерть, он весь дрожал.

Я было подумал, что он выпил лишнего, но тут же отогнал эту мысль прочь.

— Добрый вечер! — сказал я. — Вы снова хотели меня видеть? К сожалению, я отлучался. Пойдёмте со мной. Мне надо обсудить кое-какие дела с Протеро, но это ненадолго.

— Протеро, — повторил он. Потом вдруг засмеялся. — Вы договорились с Протеро? Вы его увидите, даю слово. О господи, вы его увидите.

Я смотрел на него, ничего не понимая. Инстинктивно я протянул к нему руку. Он резко отшатнулся.

— Нет! — Он почти сорвался на крик. — Мне надо идти — подумать. Я должен всё обдумать!

Он бросился бежать к деревне и вскоре скрылся

из виду, а я глядел ему вслед, вновь задавая себе вопрос, не пьян ли он.

Наконец я опомнился и пошёл домой. Парадная дверь у нас никогда не запирается, но я всё же позвонил. Мэри открыла дверь, вытирая руки передником.

— Наконец-то пришли, — приветствовала она меня.

— Полковник Протеро здесь? — спросил я.

— В кабинете дожидается. Сидит с четверти седьмого.

— А мистер Реддинг тоже заходил?

— Несколько минут как зашёл. Вас спрашивал. Я сказала, что вы с минуты на минуту вернётесь, а полковник ждёт в кабинете, тогда он говорит: «Я тоже подожду» — и пошёл туда. Он и сейчас там.

— Да нет, — заметил я. — Я только что встретил его, он пошёл в деревню.

— Не слыхала, как он вышел. И двух минут не пробыл. А хозяйка ещё из города не вернулась.

Я рассеянно кивнул. Мэри вернулась в свои владения, на кухню, а я прошёл по коридору и отворил дверь кабинета.

После тёмного коридора свет вечернего солнца заставил меня зажмурить глаза. Я сделал несколько шагов вперёд и прирос к месту.

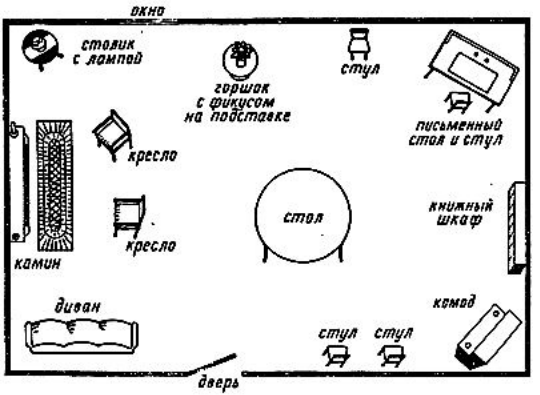
Несколько мгновений я не мог осмыслить то, что видели мои глаза.

Полковник Протеро лежал грудью на письменном столе, в пугающей, неестественной позе. Около его головы по столу расползлось пятно какой-то тёмной жидкости, которая тихо капала на пол с жутким мерным звуком.

Я собрался с духом и подошёл к нему. Дотронулся — кожа холодная. Поднял его руку — она безжизненно упала. Полковник был мёртв — убит выстрелом в голову.

Я кликнул Мэри. Приказал ей бежать со всех ног за доктором Хэйдоком, он живёт на углу, рукой подать. Я сказал ей, что произошло несчастье.

Потом вернулся в кабинет (для удобства читателей приводим план кабинета), закрыл дверь и стал ждать доктора.



К счастью, Мэри застала его дома. Хэйдок — славный человек, высокий, статный, с честным, немного суровым лицом.

Когда я молча показал ему на то, что было в глубине кабинета, он удивлённо поднял брови. Но, как истинный врач, сумел скрыть свои чувства. Он склонился над мёртвым и быстро его осмотрел. Потом, выпрямившись, взглянул на меня.

— Ну, что? — спросил я.

— Мёртв, можете не сомневаться. И не меньше чем полчаса, судя по всему.

— Самоубийство?

— Исключено. Взгляните сами на рану. А если он застрелился, где тогда оружие?

Действительно, ничего похожего на пистолет в комнате не было.

— Не стоит тут ничего трогать, — сказал Хэйдок. — Надо скорей позвонить в полицию.

Он поднял трубку. Сообщив как можно лаконичнее все обстоятельства, подошёл к креслу, на котором я сидел.

— Да, дело дрянь. Как вы его нашли?

Я рассказал.

— Это… Это убийство? — спросил я упавшим голосом.

— Похоже на то. Ничего другого и не придумаешь. Странно, однако. Ума не приложу, кто это поднял руку на несчастного старика. Знаю, знаю, что его у нас тут недолюбливали, но ведь за это, как правило, не убивают. Не повезло бедняге.

— Есть ещё одно странное обстоятельство, — сказал я. — Мне сегодня позвонили, вызвали к умирающему. А когда я туда явился, все ужасно удивились. Больному стало гораздо лучше, чем в предыдущие дни, а жена его категорически утверждала, что и не думала мне звонить.

Хэйдок нахмурил брови.

— Это подозрительно, весьма подозрительно. Вас просто убрали с дороги. А где ваша жена?

— Уехала в Лондон, на целый день.

— А прислуга?

— Она была в кухне, на другой стороне дома.

— Тогда она вряд ли слышала, что происходило. Да, отвратительная история. А кто знал, что Протеро будет здесь вечером?

— Он сам об этом объявил во всеуслышание.

— Хотите сказать, что об этом знала вся деревня? Да они бы и так до всего дознались. Кто, по-вашему, мог затаить на него зло?

Передо мной встало смертельно бледное лицо Лоуренса Реддинга с застывшим взглядом полубезумных глаз. Но от необходимости отвечать я был избавлен — в коридоре послышались шаги.

— Полиция, — сказал мой друг, поднимаясь.

Наша полиция явилась в лице констебля[17] Хэрста, сохранявшего внушительный, хотя и несколько встревоженный вид.

— Добрый вечер, джентльмены, — приветствовал он нас. — Инспектор будет здесь незамедлительно. А пока я выполню его указания. Насколько я понял, полковника Протеро нашли убитым в доме священника.

Он замолчал и устремил на меня холодный и подозрительный взгляд, который я постарался

---

[17] notes: 17

Констебль — низший полицейский чин, за которым следует чин сержанта полиции, затем — инспектора полиции.

встретить с подобающим случаю видом удручённой невинности.

Хэрст прошагал к письменному столу и объявил:

— До прихода инспектора ни к чему не прикасаться!

Констебль извлёк записную книжку, послюнил карандаш и вопросительно воззрился на нас.

Я повторил рассказ о том, как нашёл покойного.

Записав мои показания, что заняло немало времени, он обратился к доктору:

— Доктор Хэйдок, что, по вашему мнению, послужило причиной смерти?

— Выстрел в голову с близкого расстояния.

— А из какого оружия?

— Точно сказать не могу, пока не извлекут пулю. Но похоже, что это будет пуля из пистолета малого калибра, скажем, «маузера-25».

Я вздрогнул, вспомнив, что накануне вечером Лоуренс признался, что у него есть такой револьвер. Полицейский тут же уставился на меня холодными рыбьими глазами.

— Вы что-то сказали, сэр?

Я замотал головой. Какие бы подозрения я ни питал, это были всего лишь подозрения, и я имел

право умолчать о них.

— А когда, по вашему мнению, произошло это несчастье?

Доктор помедлил с минуту. Потом сказал:

— Он мёртв примерно с полчаса. Могу с уверенностью сказать, что не дольше.

Хэрст повернулся ко мне:

— А служанка что-нибудь слышала?

— Насколько я знаю, она ничего не слышала, — сказал я. — Лучше вам самому у неё спросить.

Но тут явился инспектор Слак — приехал на машине из городка Мач-Бенэм, что в двух милях от нас.

Единственное, что я могу сказать про инспектора Слака, так это то, что никогда человек не прилагал столько усилий, чтобы стать полной противоположностью собственному имени[18]. Этот черноволосый смуглый полицейский был непоседлив и нахрапист. Его чёрные глазки так повсюду и шарили. Вёл он себя крайне грубо и заносчиво.

На наши приветствия он ответил коротким кивком, выхватил у своего подчинённого записную книжку, полистал, бросил ему вполголоса

---

[18] notes: 18

Слак (англ.) — своеобразное «говорящее» имя: означает «вялый, расхлябанный».

несколько коротких фраз и подскочил к мёртвому телу.

— Конечно, всё тут залапали и переворошили, — буркнул он.

— Я ни к чему не прикасался, — сказал Хэйдок.

— И я тоже, — сказал я.

Инспектор несколько минут был поглощён делом: рассматривал лежавшие на столе вещи и лужу крови.

— Ага! — торжествующе воскликнул он. — Вот то, что нам нужно. Когда он упал, часы опрокинулись. Мы знаем время совершения преступления. Двадцать две минуты седьмого. Как вы там сказали, доктор, когда наступила смерть?

— Я сказал — с полчаса назад, но…

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Пять минут восьмого. Мне доложили минут десять назад, без пяти семь. Труп нашли примерно без четверти семь. Как я понял, вас вызвали немедленно. Скажем, вы освидетельствовали его без десяти… Да, время сходится, минута в минуту.

— Я не могу утверждать категорически, — сказал Хэйдок. — Время определяется примерно в этих границах.

— Неплохо, сэр, совсем недурно.

Я не раз и не два пытался вставить своё слово:

— Часы у нас, знаете ли…

— Прошу прощенья, сэр, если мне что понадобится узнать, я задам вам вопрос. Времени в обрез. Я требую абсолютной тишины.

— Да, но я только хотел сказать…

— Абсолютной тишины! — повторил инспектор, буравя меня бешеным взглядом.

Я решил повиноваться. Он всё ещё шарил взглядом по столу.

— Зачем это он сюда уселся? — проворчал он. — Хотел записку оставить — эге! А это что такое?

Он с видом победителя поднял вверх листок бумаги. Слак был так доволен собой, что даже позволил нам приблизиться и взглянуть на листок из своих рук.

Это был лист моей писчей бумаги, и сверху стояло время: «18.20».

«Дорогой Клемент, — стояло в записке. — *Простите, ждать больше не могу, но я обязан…»*

Слово обрывалось росчерком там, где перо сорвалось.

— Яснее ясного, — раздувшись от гордости, возвестил инспектор Слак. — Он усаживается, начинает писать, а убийца потихоньку проникает в окно, подкрадывается и стреляет. Ну, чего вы

ещё хотите?

— Я просто хотел сказать… — начал я.

— Будьте любезны, посторонитесь, сэр. Я хочу посмотреть, нет ли следов.

Он опустился на четвереньки и двинулся к открытому окну.

— Я считаю своим долгом заявить… — настойчиво продолжал я.

Инспектор поднялся в полный рост. Он заговорил спокойно, но жёстко:

— Этим мы займёмся потом. Буду очень обязан, джентльмены, если вы освободите помещение. Прошу на выход, будьте так добры!

Мы позволили выставить себя из комнаты, как малых детей.

Казалось, прошли часы, а было всего четверть восьмого.

— Вот так, — сказал Хэйдок. — Ничего не попишешь. Когда я понадоблюсь этому самовлюблённому ослу, можете прислать его ко мне в приёмную. Всего хорошего.

— Хозяйка приехала, — объявила Мэри, на минуту возникнув из кухни. Глаза у неё были совершенно круглые и шалые. — Минут пять как пришла.

Я нашёл Гризельду в гостиной. Вид у неё был

утомлённый, но взволнованный.

Она внимательно выслушала всё, что я ей рассказал.

— На записке сверху помечено «18.20», — сказал я в заключение. — А часы свалились и остановились в восемнадцать двадцать две.

— Да, — сказала Гризельда. — А ты ему разве не сказал, что эти часы всегда поставлены на четверть часа вперёд?

— Нет, — ответил я. — Не удалось. Он мне рта не дал раскрыть. Я старался, честное слово.

Гризельда хмурилась, явно чем-то озадаченная.

— Послушай, Лен, — сказала она, — тогда это всё вообще уму непостижимо! Ведь когда эти часы показывали двадцать минут седьмого, на самом-то деле было всего шесть часов пять минут, а в это время полковник Протеро ещё и в дом не входил, понимаешь?

Глава 6

Мы некоторое время ломали голову над этой загадкой, но так ни к чему и не пришли. Гризельда сказала, что я должен сделать ещё одну попытку сообщить об этом инспектору Слаку, но я проявил несговорчивость, которая заслуживает скорее названия «ослиное упрямство».

Инспектор Слак вёл себя чудовищно грубо без всякого повода. Я предвкушал ту минуту, когда, к его вящему посрамлению, выступлю со своим важным сообщением. Пожалуй, я замечу с мягкой укоризной:

«Если бы вы тогда соблаговолили меня выслушать, инспектор Слак…»

Я всё же надеялся, что он хотя бы поговорит со мной, прежде чем покинуть мой дом, но, к нашему удивлению, мы узнали от Мэри, что он уже ушёл, закрыв на ключ двери кабинета и приказав, чтобы никто не смел туда входить.

Гризельда предложила пойти в Старую Усадьбу.

— Какой это будет ужас для Анны Протеро — полиция и всё такое прочее, — сказала она. — Может быть, я смогу ей хоть чем-то помочь.

Я одобрил её намерения, и Гризельда отправилась в путь с наказом, чтобы она мне непременно позвонила, если потребуется моя помощь или если кто-нибудь будет нуждаться в утешении — Анна или Летиция.

Я тут же принялся звонить учителям воскресной школы, которые должны были прийти в 19.45, — каждую неделю по четвергам они собирались у меня для подготовки к занятиям. При сложившихся обстоятельствах я счёл за лучшее отложить встречу.

Следующим действующим лицом, появившимся на сцене, был Деннис, возвратившийся после игры в теннис. Судя по всему, убийство, происшедшее в нашем доме, доставило ему громадное удовольствие.

— Вот это повезло! — радовался он. — Убийца среди нас! Всю жизнь мечтал участвовать в расследовании убийства. А почему полиция заперла кабинет? Ключи от других дверей не подойдут, а?

Я наотрез отказался от подобных экспериментов. Деннис надулся. Вытянув из меня всё до малейших подробностей, он отправился в сад на поиски следов, заметив на прощанье, что нам ещё повезло — ухлопали всего-навсего старика

Протеро, которого и так никто терпеть не мог.

Меня покоробила его бессердечная весёлость, но я рассудил, что не стоит так строго спрашивать с мальчика. Деннис был в том возрасте, когда детективы любят больше всего на свете, так что он, обнаружив настоящую детективную историю, да ещё и мёртвое тело в придачу прямо, так сказать, на пороге своего дома, должен быть на седьмом небе от счастья, как и положено нормальному молодому человеку. В шестнадцать лет мало задумываются о смерти.

Гризельда вернулась примерно через час. Она повидалась с Анной Протеро и пришла, как раз когда инспектор сообщал ей о случившемся.

Узнав, что миссис Протеро рассталась со своим мужем в деревне примерно без четверти шесть и ей нечего добавить по этому поводу, он распрощался, но сказал, что завтра зайдёт поговорить обстоятельнее.

— По-своему он был очень внимателен. — Гризельда была вынуждена это признать.

— А как перенесла эту весть миссис Протеро?

— Как сказать — она была очень спокойна, но ведь она всегда такая.

— Да, — сказал я. — Я не могу представить себе Анну Протеро в истерике.

— Конечно, для неё это страшный удар. Это было заметно. Она меня поблагодарила за то, что я пришла, но сказала, что ни в какой помощи не нуждается.

— А как Летиция?

— Её не было — играла где-то в теннис. До сих пор не вернулась.

После небольшой паузы Гризельда сказала:

— Знаешь, Лен, она вела себя странно, очень, очень странно.

— Шок, — предположил я.

— Да, конечно, ты прав… И всё же… — Гризельда задумчиво нахмурила брови. — Что-то не то, понимаешь? Она была не подавлена, не огорчена, а перепугана до смерти.

— Перепугана?

— Да, и изо всех сил старалась это скрыть, понимаешь? Не хотела выдавать себя. И в глазах такое странное выражение — настороженность. Я подумала: а вдруг она знает, кто его убил? Она то и дело спрашивала, кого они подозревают.

— Вот как? — задумчиво сказал я.

— Да. Конечно, Анна умеет держать себя в руках, но видно было, что она ужасно встревожена. Гораздо больше, чем я от неё ожидала: в конце концов, она не была к нему так уж привязана. Я

бы сказала скорее, что она его вовсе не любила, если уж на то пошло.

— Подчас смерть меняет чувства к человеку, — заметил я.

— Разве что так…

Влетел Деннис, вне себя от радости — он нашёл на клумбе чей-то след. Он был в полной уверенности, что полиция пропустила эту главнейшую улику, которая откроет тайну убийцы.

Ночь я провёл неспокойно. Деннис вскочил ни свет ни заря и удрал из дому, не дожидаясь завтрака, чтобы, как он сказал, «быть в курсе».

Тем не менее не он, а Мэри принесла нам в то утро самую сенсационную новость.

Как только мы сели завтракать, она ворвалась в комнату — глаза горят, щёки пылают — и со свойственной ей бесцеремонностью изрекла:

— Слыхали что-нибудь подобное? Мне сейчас булочник сказал. Они арестовали молодого мистера Реддинга!

— Арестовали Лоуренса? — Гризельда не верила своим ушам. — Не может быть! Опять какая-нибудь идиотская ошибка.

— А вот и не ошибка, мэм, — заявила Мэри с тайным злорадством. — Мистер Реддинг сам туда пошёл, да и признался во всём как на духу. На

ночь глядя, в последнюю минуту. Входит, бросает на стол пистолет и говорит: «Это сделал я». Так и сказал. И всё тут.

Она победоносно взглянула на нас, энергично тряхнула головой и удалилась, довольная произведённым впечатлением. Мы с Гризельдой молча смотрели друг на друга.

— Да нет, этого не может быть! — сказала Гризельда. — Не может быть! — Заметив, что я промолчал, она сказала: — Лен, неужели ты думаешь, что это *правда*?

Я не находил слов. Сидел и молчал, а мысли вихрем носились у меня в голове.

— Он сошёл с ума, — сказала Гризельда. — Буйное помешательство. Может, они просто вместе рассматривали пистолет, а он вдруг выстрелил, а?

— Это маловероятно.

— Я уверена, что это несчастный случай. Ведь нет ни малейшего намёка на мотив преступления. С какой стати Лоуренс стал бы убивать полковника Протеро?

Я мог бы дать вполне определённый ответ на этот вопрос, но мне хотелось уберечь Анну Протеро, насколько это возможно. Пока оставалась ещё надежда не впутывать её имя в это дело.

— Вспомни, они перед этим поссорились.

— А, из-за Летиции и её купальника. Да это же пустяк! Даже если они с Летицией были тайно обручены — это, знаешь ли, вовсе не причина убивать её родного отца!

— Мы не знаем истинных обстоятельств дела, Гризельда.

— Значит, ты этому *веришь*, Лен! Как ты можешь! Говорю тебе, я совершенно уверена, что Лоуренс ни волоска у него на голове не тронул!

— А ты вспомни — я встретил его у самой калитки. У него был совершенно безумный вид.

— Да, знаю, но… Господи! Это невозможно!

— Не забывай про часы, — сказал я. — Тогда всё становится ясно. Лоуренс мог перевести их назад, на восемнадцать двадцать, чтобы обеспечить себе алиби. Ты же знаешь, как инспектор Слак попался на эту удочку.

— Ты ошибаешься, Лен. Лоуренс знал, что часы переставлены. «Чтобы наш падре никуда не опаздывал», — он всегда так говорил. Лоуренс никогда бы не стал переставлять их обратно на восемнадцать двадцать две. Он бы поставил стрелки на более вероятное время — без четверти семь, например.

— Он мог и не знать, когда Протеро пришёл

в дом. Мог и просто забыть, что часы переставлены.

Гризельда не сдавалась:

— Нет уж, коли дело доходит до убийства, всегда ужасно стараешься вспомнить каждую мелочь.

— Откуда тебе знать, дорогая моя, — мягко заметил я. — Ты никогда никого не убивала.

Не успела Гризельда ответить, как на скатерть легла чья-то тень и мы услышали негромкий, очень приятный голос:

— Надеюсь, я не помешала? Простите меня, ради бога. Но при столь печальных обстоятельствах, весьма печальных обстоятельствах…

Это была наша соседка, мисс Марпл. Мы вежливо ответили, что она нисколько не помешала, и она, приняв наше приглашение, переступила через порожек двери; я пододвинул ей стул. Она была настолько взволнована, что даже слегка порозовела.

— Ужасно, не правда ли? Бедный полковник Протеро! Человек он был не такой уж симпатичный, и душой общества его никак не назовёшь, но всё равно это очень, очень грустно. И убит прямо здесь, у вас в кабинете, как мне сказали?

Я ответил утвердительно.

— Но ведь нашего дорогого викария в тот час

не было дома? — продолжала допрос мисс Марпл, обращаясь к Гризельде.

Я объяснил, почему меня не было.

— А мистер Деннис сегодня не завтракает с вами? — спросила мисс Марпл, оглядевшись.

— Деннис вообразил себя великим сыщиком, — сказала Гризельда. — Чуть не сошёл с ума от радости, когда обнаружил какой-то след на клумбе. Наверно, понёсся в полицию с этой потрясающей вестью.

— Боже, боже! — воскликнула мисс Марпл. — Какой переполох, подумайте. И мистер Деннис уверен, что знает убийцу. Впрочем, каждый из нас считает, что знает виновника преступления.

— Вам кажется, что это настолько очевидно?

— Нет, моя душечка, я вовсе не думаю этого. Я хотела сказать, что каждый из нас думает о разных людях. Оттого-то так важно иметь *улики*. Взять хоть бы меня — я *совершенно уверена*, что знаю, кто это сделал. Но, должна признаться, у меня нет ни одной, самой ничтожной улики. И я знаю, что в таких случаях нужна исключительная осмотрительность — всякое необдуманное слово может быть сочтено клеветой, а это ведь подсудное дело, не так ли? Я решила вести себя как можно более *осторожно* с инспектором Сла-

ком. Он велел мне передать, что зайдёт сегодня утром, но только что звонил и сказал, что надобность в этом отпала.

— Должно быть, после ареста надобность и вправду отпала, — заметил я.

— После ареста? — Мисс Марпл наклонилась вперёд, и щёки у неё от волнения зарделись. — Про арест я ничего не знала!

Неслыханное дело, чтобы мисс Марпл не знала того, что известно нам. Я к этому не привык и нисколько не сомневался, что она в курсе самых свежих событий.

— Боюсь, что мы говорили о разных вещах, — сказал я. — Да, они взяли под арест молодого Лоуренса Реддинга.

— Лоуренса Реддинга? — казалось, мисс Марпл не может прийти в себя от удивления. — Ни за что бы не подумала!..

Гризельда живо подхватила:

— А я и теперь не думаю! Не верю, и всё, хотя он сам признался.

— Признался? — повторила мисс Марпл. — Вы сказали, что он сам признался? Ах, теперь я вижу, что ничего не понимала, вот беда…

— Мне всё кажется, что произошёл какой-то несчастный случай, — сказала Гризельда. — А те-

бе, Лен? После того как он сам пришёл в полицию и признался, я это почувствовала.

— Он сам явился в полицию, вот как?

— Да.

— Ох, — сказала мисс Марпл, переводя дыхание. — Как я рада, как я рада!

Я взглянул на неё, не скрывая удивления.

— Мне кажется, это говорит об искреннем раскаянии, — сказал я.

— Раскаяние? — Мисс Марпл была поражена. — Только не говорите, дорогой мой викарий, что вы верите в его виновность!

Настала моя очередь окаменеть от удивления.

— А как же, если он сам признался…

— Конечно, это лучшее доказательство его невиновности, не так ли? Ясно, что он полковника не убивал.

— Только не мне, — сказал я. — Может быть, я туповат, но мне абсолютно неясно. Если человек не совершал убийства, не вижу никакой причины, которая могла бы заставить его взять вину на себя.

— О, что вы! Разумеется, причина есть, — сказала мисс Марпл. — Естественно. Причина всегда есть, не правда ли? А молодые люди — это такие горячие головы и частенько готовы поверить в

самое дурное. — Она обратилась к Гризельде: — А вы согласны со мной, душечка?

— Я… Я не знаю, — призналась Гризельда. — Прямо не знаю, что и подумать. Нет никакой причины, чтобы Лоуренс вёл себя как полный идиот.

— Если бы ты видела его лицо прошлым вечером… — начал я.

— Расскажите мне, — попросила мисс Марпл.

Я рассказал о своём вчерашнем возвращении домой, и она выслушала меня с глубоким вниманием. Когда я кончил рассказ, она заговорила сама:

— Признаюсь, я частенько по глупости воспринимаю всё не так, как следовало бы, но на этот раз я вас совсем не поняла. Мне кажется, что если уж молодой человек задумал такое чёрное дело — отнять жизнь у своего ближнего, то после этого он не станет приходить в безумное отчаяние. Это было бы заранее обдуманное, хладнокровное преступление. Убийца мог бы нервничать и совершить какой-нибудь мелкий промах, но не думаю, что он пришёл бы в такое неистовство, как вы описали. Нелегко вообразить себя на месте другого человека, но я не представляю, что могла бы настолько потерять власть над собой.

— Мы не знаем всех обстоятельств, — возразил я. — Если они поссорились и Лоуренс выстрелил под влиянием приступа ненависти, то после он мог прийти в ужас от того, что натворил. Признаюсь, мне хотелось бы так думать.

— Знаю, дорогой мистер Клемент. Мы хотели бы всё видеть в определённом свете. Но ведь приходится соглашаться с фактами, каковы бы они ни были, правда? А мне кажется, что факты никак нельзя подогнать под ваше объяснение. Прислуга ясно показала, что мистер Реддинг пробыл в доме минуту-две, а этого, конечно, недостаточно для такой ссоры, какую вы себе представили. Кроме того, как я поняла, полковнику выстрелили в голову, когда он писал записку — по крайней мере, так говорит моя служанка.

— Совершенно верно, — сказала Гризельда. — Очевидно, он писал записку, чтобы сообщить, что он больше не может ждать. Записка была помечена временем «18.20», а часы упали и остановились в двадцать две минуты седьмого, это ужасно странно, мы с Леном ничего не можем понять!

Она пояснила, что часы у нас всегда поставлены на четверть часа вперёд.

— Интересно, — заметила мисс Марпл. —

Очень, очень интересно. Но записка, на мой взгляд, куда интереснее. Я бы сказала…

Она замолчала и оглянулась. За окном стояла Летиция Протеро. Она вошла, слегка кивнув и пробормотав себе под нос: «Доброе утро».

Потом она упала в кресло и сказала несколько более оживлённо, чем это было у неё в обычае:

— Говорят, они арестовали Лоуренса.

— Да, — сказала Гризельда. — Мы все в полном шоке.

— Вот уж не ожидала, что кто-то убьёт отца, — сказала Летиция. Она явно гордилась тем, что не проявляет ни горя, ни вообще намёка на какие-то человеческие чувства. — Конечно, руки чесались у многих. Иногда я сама была готова его прикончить.

— Хочешь чего-нибудь выпить или поесть, Летиция? — спросила Гризельда.

— Нет, спасибо. Я забрела просто так — поискать свой беретик, такой смешной, маленький, жёлтенький. Мне казалось, я забыла его вчера в кабинете.

— Значит, там он и лежит, — сказала Гризельда. — Мэри никогда и ничего не убирает.

— Пойду поищу, — сказала Летиция, пытаясь подняться. — Простите, что причиняю лишнее

беспокойство, но мне совершенно нечего надеть на голову — всё растеряла.

— Боюсь, что сейчас вам туда не попасть, — сказал я. — Инспектор Слак запер кабинет на ключ.

— Вот зануда! А через окно туда пролезть нельзя?

— Нет, к сожалению. Заперто изнутри. Однако, Летиция, мне кажется, при сложившихся обстоятельствах вам жёлтый берет не так уж и нужен.

— Вы имеете в виду траур и прочую ерунду? И не подумаю надевать траур. По-моему, жутко допотопный обычай. Какая досада, что Лоуренсу так не повезло. Ужасно досадно.

Она встала, но не двигалась с места, рассеянно хмурясь.

— Наверно, это из-за меня и купального костюма. Такая глупость, сил нет.

Гризельда открыла было рот, чтобы что-то сказать, но по какой-то необъяснимой причине промолчала.

Странная улыбка тронула губы Летиции.

— Пожалуй, — сказала она как бы себе самой, очень тихо, — пойду домой и скажу Анне, что Лоуренса арестовали.

И она вышла. Гризельда обернулась к мисс Марпл.

— Почему вы наступили мне на ногу?

Старая дама улыбнулась.

— Мне показалось, что вы собираетесь что-то сказать, душечка. Знаете, подчас гораздо лучше наблюдать, как всё будет развиваться само собой. Можете мне поверить, это дитя совсем не так уж витает в облаках, как старается показать. У неё в голове есть чёткий замысел, и она знает, что делает.

Мэри громко постучала в дверь и тут же влетела в столовую.

— Что такое? — спросила Гризельда. — И, Мэри, запомните, пожалуйста, что стучать не надо. Я вам сто раз говорила.

— Мало ли, может, вы заняты, — отпарировала Мэри. — Полковник Мельчетт. Хочет видеть хозяина.

Полковник Мельчетт — начальник полиции в нашем графстве. Я встал не мешкая.

— Я думала, не годится оставлять его в холле, и пустила его в гостиную, — сообщила Мэри. — Со стола убрать?

— Нет ещё, — сказала Гризельда. — Я позвоню.

Она снова обернулась к мисс Марпл, а я вышел из комнаты.

Глава 7

Полковник Мельчетт — живой маленький человек, и у него странная привычка внезапно и неожиданно фыркать носом. У него рыжие волосы и пытливые ярко-голубые глаза.

— Доброе утро, викарий, — сказал он. — Пренеприятное дело, а? Бедняга Протеро. Не подумайте, что он мне нравился. Вовсе нет. По правде говоря, никто его не любил. Да и для вас куча неприятностей, верно? Надеюсь, ваша хозяюшка держится молодцом?

Я сказал, что Гризельда восприняла всё как подобает.

— Вот и ладно. Когда такое случается в твоём кабинете, радости мало. Реддинг меня удивил, доложу я вам, — позволить себе такое в чужом доме! Совершенно не подумал о чувствах других людей!

Меня вдруг охватило непреодолимое желание расхохотаться, но полковник Мельчетт, как видно, не находил ничего смешного в том, что убийца обязан щадить чувства окружающих, и я сдержался.

— Честно скажу, меня порядком удивило из-

вестие, что этот малый просто взял да и явился с повинной, — продолжал полковник Мельчетт, плюхаясь в кресло.

— А как это было? Когда?

— Вчера вечером. Часов около десяти. Влетает, бросает на стол пистолет и заявляет: «Это я убил». Без околичностей.

— А как он объясняет содеянное?

— Да никак. Конечно, мы его предупредили, чем чревата дача ложных показаний. А он смеётся, и всё тут. Говорит, зашёл сюда повидаться с вами. Видит полковника. Они повздорили, и он его пристрелил. О чём был спор, не говорит. Слушайте, Клемент, — это останется между нами, — вы об этом хоть что-нибудь знаете? До меня доходили слухи, что его выставили из дома, и прочее в этом роде. Что у них там — дочку он соблазнил или ещё что? Мы не хотим втягивать в это дело девушку, пока возможно, ради её и общего блага. Весь сыр-бор из-за этого загорелся?

— Нет, — сказал я. — Можете поверить мне на слово, дело отнюдь не в этом, но в настоящее время я больше ничего сказать не могу.

Он кивнул и вскочил.

— Рад это слышать. А то люди бог весть что болтают. Слишком много бабья в наших местах.

Ну, мне пора. Надо повидать Хэйдока. Его куда-то вызвали, но он должен вернуться. Признаюсь по чести, жалко мне этого Реддинга. Всегда считал его славным малым. Может, они придумают ему какие-то оправдания. Последствия войны, контузия, что-нибудь в этом роде. Особенно если не откопают какой-нибудь подходящий мотив для преступления. Ну, я пошёл. Хотите со мной?

Я сказал, что пойду с удовольствием, и мы вышли вдвоём.

Хэйдок живёт в соседнем доме. Слуга сказал, что доктор только сейчас вернулся, и провёл нас в столовую. Хэйдок сидел за столом, а перед ним аппетитно пускала парок яичница с беконом. Он приветливо кивнул нам.

— Простите, но пришлось ехать. Роды принимал. Почти всю ночь провозился с вашим делом. Достал для вас пулю.

Он толкнул по столу в нашу сторону маленькую коробочку. Мельчетт рассмотрел пулю.

— Ноль двадцать пять?

Хэйдок кивнул.

— Технические подробности попридержу до расследования, — сказал он. — Вам нужно знать только одно: смерть была практически мгновенной. Этот молодой идиот сказал, ради чего он

это сделал? Кстати, меня поразило, что ни одна живая душа не слышала выстрела.

— Да, — сказал Мельчетт. — Удивительно.

— Окно кухни выходит на другую сторону, — объяснил я. — Когда закрыты все двери — и в кабинете, и в буфетной, и в кухне, — вряд ли что-нибудь можно услышать, а наша служанка была одна в доме.

— Гм-м… — сказал Мельчетт. — Всё равно странно это. Интересно, не слышала ли чего старушка — как её звать? — а, мисс Марпл. Окно в кабинете было открыто.

— Возможно, она и слышала, — сказал Хэйдок.

— Не думаю, — сказал я. — Она только что у нас была и ничего об этом не сказала, а я уверен, что она упомянула бы о том, что слышала.

— А может, она и слышала, да не придала этому значения — подумала, что у машины выхлоп не в порядке.

Я заметил, что в это утро Хэйдок был настроен куда более добродушно и жизнерадостно, чем вчера. Он был похож на человека, который изо всех сил старается скрыть обуревающую его радость.

— А что, если там был глушитель? — добавил он. — Не исключено. Тогда никто ничего бы и не

услышал.

Мельчетт замотал головой.

— Слак ничего такого не нашёл, потом спросил Реддинга напрямик. Реддинг поначалу вообще не мог взять в толк, о чём речь, а когда понял, категорически заявил, что ничем таким не пользовался. Я думаю, можно ему поверить на слово.

— Да, конечно. Бедняга.

— Юный идиот, чёрт бы его побрал! — взорвался полковник Мельчетт. — Прошу прощенья, Клемент. Но ведь иначе его не назовёшь. Как-то не могу думать о нём как об убийце.

— Мотив какой? — спросил Хэйдок, одним глотком допивая кофе и вставая из-за стола.

— Он говорит, что они поссорились, он вспылил и не помнит, как застрелил полковника.

— Хочет вытянуть на непреднамеренное убийство, э? — Доктор потряс головой. — Ничего не выйдет. Он подкрался сзади, когда старик писал письмо, и выстрелил ему в затылок. Ссорой тут и не пахнет.

— Да у них и времени на ссору не было, — вмешался я, припомнив слова мисс Марпл. — Подкрасться, застрелить полковника, переставить часы назад на восемнадцать двадцать и убраться подобру-поздорову, да у него едва хватило бы

времени на всё это. Я никогда не забуду, какое у него было лицо, когда я встретил его за калиткой, и как он сказал: «Вы его увидите, даю слово. О! Вы его увидите!» Уже одно это должно было возбудить мои подозрения, навести на мысль о том, что случилось за несколько минут до нашей встречи.

Хэйдок уставился на меня удивлённым взглядом.

— То есть как это «за несколько минут до встречи»? Когда же, по-вашему, Реддинг его застрелил?

— За несколько минут до моего прихода.

Доктор покачал головой:

— Невозможно. Исключено. Он уже был мёртв задолго до этого.

— Но, дорогой вы мой, — воскликнул полковник Мельчетт, — вы же сами сказали, что полчаса — только приблизительный срок.

— Полчаса, тридцать пять минут, двадцать пять минут, даже двадцать — это в пределах вероятности, но меньше — ни в коем случае. Ведь тогда тело было бы ещё тёплое, когда я подоспел.

Мы молча смотрели друг на друга. Лицо Хэйдока внезапно переменилось. Стало серым, на глазах постарело. Эта перемена меня поразила.

— Да вы послушайте, Хэйдок, — полковник первым обрёл дар речи. — Если Реддинг застрелил его в четверть восьмого…

Хэйдок вскочил.

— Я вам сказал, что это невозможно, — проревел он. — Если Реддинг утверждает, что застрелил Протеро в четверть восьмого, значит, Реддинг лжёт. Пропади оно всё пропадом — я врач, говорю вам, мне лучше знать! Кровь уже начала свёртываться.

— Если Реддинг лжёт… — начал было полковник Мельчетт, потом смолк и потряс головой. — Пожалуй, надо пойти в полицейский участок, поговорить с ним самим, — сказал он.

Глава 8

По дороге в участок мы почти не разговаривали. Хэйдок слегка отстал и сказал мне вполголоса:

— Знаете, не нравится мне всё это. Не нравится. Мы все чего-то тут не понимаем.

У него был крайне озабоченный, встревоженный вид.

Инспектор Слак был на месте, и мы уже вскоре встретились с Лоуренсом Реддингом.

Его бледное лицо выглядело усталым, но он был совершенно спокоен, поразительно спокоен, сказал бы я, при сложившихся обстоятельствах. Мельчетт же хмыкал и фыркал, явно нервничая.

— Слушайте, Реддинг, — начал он, — мне известны показания, которые вы давали инспектору Слаку. Вы утверждаете, что пришли в дом викария примерно без четверти семь, встретили Протеро, поссорились с ним, застрелили его и ушли. Протокол я вам не читаю, но это главное.

— Да.

— Я собираюсь задать вам несколько вопросов. Вас уже уведомили, что вы можете не отвечать на них, если не сочтёте нужным. Ваш адвокат…

Лоуренс не дал ему договорить:

— Мне нечего скрывать. Я убил Протеро.

— А! Ладно! — И Мельчетт громко фыркнул. — А как у вас оказался с собой пистолет?

— Он был у меня в кармане, — ответил Лоуренс, слегка помявшись.

— И вы взяли его с собой, когда шли к священнику?

— Да.

— Зачем?

— Я всегда держу его при себе.

Он снова слегка замешкался с ответом, и я окончательно уверился, что он говорит неправду.

— А зачем вы перевели часы назад?

— Часы? — Лоуренс явно не знал, что сказать.

— Ну да, стрелки показывали восемнадцать двадцать две.

Его лицо внезапно исказилось от страха.

— А, да, конечно. Я их перевёл.

Хэйдок неожиданно бросил ему в лицо:

— Куда вы стреляли?

— В полковника Протеро.

— Я спрашиваю, в какую часть тела?

— А! Я, кажется, в голову. Да, я стрелял в голову.

— Вы что, не помните?

— Вам всё и так известно, зачем вы спраши-

ваете?

Это была слабая, неловкая попытка вывернуться. Снаружи послышался какой-то шум. Вошёл констебль с запиской. Он был без шлема.

— Письмо викарию. Написано — срочно.

Я вскрыл конверт и прочёл:

> «Прошу вас, умоляю, приходите ко мне. Я не знаю, что мне делать. Я должна кому-то признаться. Пожалуйста, приходите немедленно и приведите с собой кого хотите.
>
> ***Анна Протеро».***

Я бросил на Мельчетта красноречивый взгляд. Он понял намёк. Мы вышли все вместе. Я бросил взгляд через плечо и мельком увидел лицо Лоуренса Реддинга. Глаза его были прикованы к листку бумаги, который я держал в руке, с выражением такого мучительного отчаяния и страдания, какое мне едва ли когда приходилось видеть на человеческом лице.

Я вспомнил, как Анна Протеро, сидя передо мной на диване, сказала: «Я готова на всё», и на душе у меня стало невыразимо тяжко. Я вдруг увидел причину героического самооговора Лоуренса Реддинга. Мельчетт разговаривал со Слаком.

— Выяснили, чем Реддинг занимался в течение дня? Есть основания полагать, что он убил Протеро раньше, чем он говорит. Разберитесь и доложите.

Он обернулся ко мне, и я молча протянул ему письмо Анны Протеро. Он пробежал его и удивлённо надул губы. Потом пристально взглянул на меня.

— Вы на это намекали утром?

— Да. Тогда я не был уверен, должен ли я всё рассказать. Теперь я считаю это своим долгом.

И я рассказал ему о том, что видел в тот вечер в мастерской.

Полковник обменялся несколькими словами с инспектором, и мы отправились в Старую Усадьбу. Доктор Хэйдок пошёл вместе с нами.

Дверь отворил безукоризненный дворецкий — с приличествующей обстоятельствам торжественностью в каждом движении.

— Доброе утро, — сказал Мельчетт. — Будьте добры, попросите горничную миссис Протеро доложить о нас, а потом возвращайтесь сюда, я вам задам несколько вопросов.

Дворецкий поспешно удалился, но вскоре вернулся и доложил, что поручение выполнено.

— А теперь поговорим про вчерашний день, —

сказал Мельчетт. — Ваш хозяин был дома во время ленча?

— Да, сэр.

— И настроение у него было обычное?

— Насколько я мог заметить, да, сэр.

— А потом что было?

— После ленча миссис Протеро пошла к себе прилечь, а полковник ушёл к себе в кабинет. Мисс Протеро уехала играть в теннис на спортивной машине. Полковник и миссис Протеро пили чай в гостиной в половине пятого. Шофёру было приказано подать машину в пять тридцать, они собирались ехать в деревню. Как только они уехали, позвонил мистер Клемент, — поклон в мою сторону, — и я сказал ему, что они уже уехали.

— Гм-м… — протянул полковник Мельчетт. — Когда мистер Реддинг был здесь в последний раз?

— Во вторник днём, сэр.

— Насколько мне известно, они немного не поладили?

— Должно быть, так, сэр. Мне было приказано впредь не принимать мистера Реддинга.

— А вы сами слышали, как они ссорились? — напрямик спросил полковник Мельчетт.

— У полковника Протеро был очень звучный

голос, сэр, особенно когда он сердился. Я поневоле слышал кое-что, когда он повышал голос.

— Достаточно, чтобы понять, о чём идёт спор?

— Я понял, сэр, что речь идёт о портрете, который писал мистер Реддинг, о портрете мисс Летиции.

Фырканье Мельчетта прозвучало как рычанье.

— Вы видели мистера Реддинга перед уходом?

— Да, сэр, я его провожал.

— Он был очень сердит?

— Да нет, сэр, если позволите, я бы сказал, что он скорее выглядел довольным.

— Так вчера он сюда не заходил?

— Нет, сэр.

— А ещё кто-нибудь заходил?

— Вчера — никто, сэр.

— А позавчера?

— Во второй половине дня приходил мистер Деннис Клемент. И доктор Стоун пробыл здесь некоторое время. А вечером заходила дама.

— Дама? — Мельчетт искренне удивился. — Кто такая?

Дворецкий не смог припомнить её имя. Дама была незнакомая, он никогда раньше её не видел. Она, конечно, назвала себя, и он ей сказал, что сейчас все обедают, тогда она согласилась подо-

ждать. И он проводил её в малую гостиную.

Она спрашивала полковника Протеро, а не миссис Протеро. Он доложил полковнику, и тот прошёл в малую гостиную, как только отобедали.

Сколько дама пробыла? Пожалуй, с полчаса. Полковник сам проводил её из дому. А! Наконец-то, он вспомнил её имя. Эта дама назвалась миссис Лестрэндж.

Этого никто не ожидал.

— Любопытно, — сказал Мельчетт. — Весьма, весьма любопытно.

Но больше мы ничего сказать не успели — нам доложили, что миссис Протеро готова нас принять.

Анна лежала в постели. Лицо у неё было бледное, а глаза лихорадочно блестели. Выражение её лица меня поразило — суровое, решительное. Она обратилась ко мне.

— Благодарю вас за то, что вы пришли, — сказала она. — Я вижу, вы правильно поняли мою просьбу привести с собой кого вы захотите.

Она замолчала.

— Самое лучшее — разом со всем покончить, верно? — продолжала она. Её губы тронула странная, жалкая полуулыбка. — Должно быть,

я обязана заявить об этом вам, полковник Мельчетт. Видите ли, это я убила своего мужа.

Полковник Мельчетт заговорил с необычной мягкостью:

— Дорогая моя миссис Протеро…

— Нет! Это чистая правда. Простите за такую прямолинейность, но я совершенно не способна устраивать истерики по какому бы то ни было поводу. Я долго ненавидела его, а вчера убила.

Она откинулась на подушки и закрыла глаза.

— Вот и всё. Полагаю, вы арестуете меня и заберёте с собой. Я встану и оденусь, как только соберусь с силами. А сейчас мне нехорошо.

— Вам известно, миссис Протеро, что мистер Лоуренс Реддинг уже признался в совершении этого преступления?

Анна открыла глаза и оживлённо закивала:

— Знаю. Глупый мальчишка. Он очень влюблён в меня, вы знаете? Ужасно благородный поступок — и ужасная глупость.

— Он знал, что преступление совершили вы?

— Да.

— Откуда он это узнал?

Она замялась.

— Вы сами ему сказали?

Она всё ещё медлила с ответом. Казалось, она

не знает, какой ответ выбрать.

— Да, я ему сказала… — Она нервно передёрнула плечами. — Вы не могли бы оставить меня теперь одну? Я же вам всё сказала. Я не желаю больше об этом говорить.

— А где вы достали пистолет, миссис Протеро?

— Пистолет? О, это пистолет мужа. Я взяла его из ящика ночного столика.

— Понятно. И взяли с собой в дом священника?

— Да. Я знала, что муж должен быть там.

— Когда это было?

— Должно быть, после шести — четверть или двадцать минут седьмого — примерно в это время.

— Вы взяли пистолет, намереваясь застрелить своего мужа?

— Нет, нет, я… я взяла его для себя.

— Понятно. Но вы пошли к священнику?

— Да. Я прошла к окну. Голосов не было слышно. Я заглянула в кабинет. Увидела мужа. Что-то меня подтолкнуло, и я выстрелила.

— Дальше?

— Дальше? О! Потом я ушла.

— И рассказали мистеру Реддингу, что вы сделали?

Я заметил, что она снова помедлила, прежде

чем ответить.

— Да.

— Кто-нибудь видел, как вы шли туда или обратно?

— Нет, то есть да. Старая мисс Марпл. Я с ней поговорила несколько минут. Она была в своём садике. — Она беспокойно заметалась на подушках. — Неужели этого мало? Я вам сказала всё. Зачем вы меня мучаете?

Доктор Хэйдок подошёл к постели, взял её руку пощупать пульс.

Он знаком подозвал Мельчетта.

— Я с ней побуду, — сказал он шёпотом, — пока вы там всё приготовите. Её нельзя оставлять. Может что-нибудь с собой сделать.

Мельчетт кивнул.

Мы вышли из комнаты и спустились вниз. Я заметил, что из соседней комнаты вышел худой бледный человек. Повинуясь непонятному импульсу, я снова взошёл на лестницу.

— Вы — камердинер полковника Протеро?

Человек удивился:

— Да, сэр.

— Вы не знаете, ваш хозяин нигде не прятал пистолет?

— Нет, я об этом ничего не знаю.

— Может быть, в одном из ящиков ночного столика? Подумайте, друг мой.

— Только не в ящиках, точно вам говорю. Я бы видел, непременно. Как же иначе?

Я поспешил спуститься вниз и присоединиться к остальным.

Миссис Протеро солгала про пистолет.

Зачем?

Глава 9

Полковник Мельчетт сообщил о случившемся в полицейский участок, а затем сказал, что собирается нанести визит мисс Марпл.

— Пожалуй, лучше будет, если вы пойдёте со мной, викарий, — добавил он. — Не хочу сеять панику среди вашей паствы. Так что вы уж поддержите меня, пожалуйста, — в вашем присутствии всё обойдётся без истерики.

Я улыбнулся. Невзирая на свой хрупкий вид, мисс Марпл вполне способна устоять перед натиском любого полисмена, будь то рядовой или сам начальник полиции.

— А что она за птица? — спросил полковник, позвонив у её дверей. — Можно верить всему, что она говорит? Или наоборот?

Я немного подумал.

— По-моему, ей вполне можно доверять, — осторожно сказал я. — Во всяком случае, пока она рассказывает о том, что видела собственными глазами. Вот когда речь пойдёт о том, что она думает, — это уже другое дело. Воображение у неё на редкость богатое, и она неукоснительно думает обо всех самое худшее.

— Значит, типичная старая дева, — засмеялся Мельчетт. — Ну, эту породу мне пора бы знать. Только вспомнишь здешние чаепития — дрожь берёт!

Миниатюрная горничная открыла дверь и провела нас в гостиную.

— Мебели многовато, — заметил полковник Мельчетт, оглядывая комнату. — Но вещи, безусловно, отменные. Комната настоящей леди, да, Клемент?

Я выразил согласие, в эту минуту дверь отворилась, и перед нами предстала мисс Марпл.

— Глубоко сожалею, мисс Марпл, что пришлось вас побеспокоить, — с прямотой старого вояки заявил полковник, как только я его представил, — он полагал, это импонирует пожилым дамам. — При исполнении долга, сами понимаете.

— Ну что вы, что вы, — сказала мисс Марпл. — Конечно, понимаю. Не хотите ли присесть? Не выпьете ли стаканчик шерри-бренди? Домашний! Я сама делала, по рецепту моей бабушки.

— Премного благодарен, мисс Марпл. Вы очень добры. Но я, пожалуй, откажусь. Ни капли до ленча — вот мой девиз. Так вот, я хотел поговорить с вами об этом печальном случае — очень печаль-

ный случай. Конечно, мы все очень огорчены. Видите ли, благодаря расположению вашего дома и сада вы могли заметить прошлым вечером что-то важное для нас.

— Представьте себе, я и вправду была в своём садике с пяти часов, весь вечер, и, само собой, оттуда всё видно, то есть просто невозможно не видеть, что творится в соседнем доме.

— Насколько я понимаю, мисс Марпл, вчера вечером мимо вас проходила миссис Протеро?

— Да, проходила. Я её окликнула, и она похвалила мои розы.

— Вы можете сказать, когда примерно это было?

— Я бы сказала, минуту или две спустя после четверти седьмого. Церковные часы только отзвонили четверть.

— Прекрасно. А что было потом?

— Потом миссис Протеро сказала, что хочет зайти в дом викария за мужем, чтобы вместе возвратиться домой. Она пришла по аллее, видите ли, и прошла к дому священника через заднюю калитку, садом.

— Она пришла по аллее?

— Да, я вам сейчас покажу.

Мисс Марпл с завидным энтузиазмом провела

нас в сад и показала на аллею, которая проходила позади садика.

— Вот та дорожка, напротив, с перелазом, ведёт в Старую Усадьбу, — пояснила она. — По этой дорожке они должны были возвращаться домой. А миссис Протеро пришла из деревни.

— Замечательно, замечательно, — сказал полковник Мельчетт. — И она прошла дальше, к дому викария?

— Да, я видела, как она завернула за угол дома. Должно быть, полковника там ещё не было, потому что она вышла обратно почти сразу и пошла через лужайку к мастерской — вон к тому домику. Викарий разрешил мистеру Реддингу пользоваться им как мастерской.

— Ясно. А выстрела вы не слышали, мисс Марпл?

— Нет, тогда я ничего не слышала, — сказала мисс Марпл.

— Но вы всё же слышали выстрел?

— Да, мне показалось, что в лесу кто-то стрелял. Но это было целых пять, а то и десять минут спустя, и притом в лесу, как я уже сказала. Не может быть, не может быть, чтобы…

Она умолкла, побледнев от волнения.

— Да! Да, об этом мы ещё поговорим, — сказал

полковник Мельчетт. — Прошу вас, продолжайте. Миссис Протеро прошла в мастерскую, так?

— Да, она вошла туда. Вскоре по аллее со стороны деревни пришёл мистер Реддинг. Он подошёл к калитке, оглянулся…

— И увидел вас, мисс Марпл.

— Признаться, меня он не видал, — сказала мисс Марпл, слегка зардевшись. — Я, видите ли, как раз в эту минуту наклонилась — надо было выполоть эти противные одуванчики, понимаете? Никакого сладу с ними! А он прошёл в калитку и дальше, к мастерской.

— Он не подходил к дому?

— Нет-нет, он напрямик пошёл к мастерской. Миссис Протеро встретила его на пороге, и они оба скрылись внутри.

Здесь мисс Марпл сделала исключительно красноречивую паузу.

— Возможно, она ему позировала? — предположил я.

— Возможно, — сказала мисс Марпл.

— И они вышли — когда?

— Минут через десять.

— И это было примерно в…

— Церковные часы отзвонили полчаса. Они вышли через калитку и пошли по аллее, и как

раз в эту минуту доктор Стоун появился со стороны Старой Усадьбы, перелез через изгородь и присоединился к ним. Все вместе они пошли по направлению к деревне. А в конце аллеи, как мне показалось, хотя я не вполне уверена, к ним присоединилась и мисс Крэм. Я подумала, что это мисс Крэм — уж очень на ней была короткая юбочка.

— У вас отличное зрение, мисс Марпл, — разглядеть всё на таком расстоянии!

— Я наблюдала за птичкой, — сказала мисс Марпл. — Кажется, это был королёк. Хохлатый. Просто прелесть, такой шустрый! Я как раз смотрела в бинокль, вот почему я и увидела мисс Крэм (если это была мисс Крэм, а я в этом почти уверена), когда она к ним подошла.

— Вот как! Ну что ж, вполне вероятно, — сказал полковник Мельчетт. — А теперь, мисс Марпл, скажите — я полагаюсь на вашу отменную наблюдательность, — не заметили ли вы, какие лица были у миссис Протеро и мистера Реддинга, когда они прошли мимо вас по аллее?

— Они улыбались и болтали, — сказала мисс Марпл. — Казалось, они очень счастливы быть вместе — вы понимаете, что я хочу сказать.

— И они не были расстроенными или встрево-

женными?

— Что вы! Совсем напротив.

— Чертовски странно, — сказал полковник. — Во всём этом есть что-то чертовски странное.

Внезапно мисс Марпл задала вопрос, который застал нас врасплох, так что у нас буквально перехватило дыхание.

— А что, теперь миссис Протеро говорит, что это она убила? — спросила она очень спокойно.

— Святые угодники! — воскликнул полковник. — Вы-то как догадались, мисс Марпл?

— Да так, мне почему-то казалось, что это вполне возможно, — ответила мисс Марпл. — По-моему, милочка Летиция того же мнения. Она ведь очень смышлёная девушка. Хотя, боюсь, не слишком щепетильная. Значит, Анна Протеро говорит, что убила своего мужа. Так-так. Едва ли это правда. Нет, я просто уверена, что это неправда. Анна Протеро — не такая женщина. Хотя ни в ком нельзя быть абсолютно уверенным, не так ли? По крайней мере, этому меня научила жизнь. А когда она его застрелила, по её словам?

— В восемнадцать двадцать. После того, как поговорила с вами. Сразу.

Мисс Марпл медленно, с глубоким сожалением покачала головой. Мне показалось, что

сожаление касалось нас, двух взрослых мужчин, которые по глупости попались на удочку. По крайней мере, так мне показалось.

— А из чего она его застрелила?

— Из пистолета.

— А где она его взяла?

— Принесла с собой.

— Вот этого как раз она и не могла сделать, — заявила мисс Марпл с неожиданной уверенностью. — Готова дать присягу. У неё с собой ничего не было.

— Вы могли не заметить.

— Я непременно заметила бы.

— А если он был у неё в сумочке?

— Никакой сумочки у неё не было.

— Хорошо, она могла его спрятать… э-э… в одежде.

Мисс Марпл бросила на него взгляд, полный жалости и укоризны.

— Дорогой полковник Мельчетт, вы же знаете нынешних молодых женщин. Совершенно не стыдятся показывать себя в том виде, как их сотворил Господь. Ей было негде спрятать даже носовой платочек.

Мельчетт не сдавался.

— Но согласитесь, что всё сходится, — сказал

он. — Время, опрокинутые часы — на них было восемнадцать двадцать две…

Мисс Марпл обернулась ко мне.

— Неужели вы ещё не сказали ему про эти часы?

— Что такое, Клемент?

Я ему сказал. Он очень рассердился.

— Какого… Почему это вы ни слова не сказали Слаку вчера вечером?

— А он мне не дал ни слова вымолвить, вот почему, — отпарировал я.

— Чушь! Надо было быть понастойчивей!

— Вероятно, инспектор Слак ведёт себя с вами несколько иначе, чем со мной, — сказал я. — Мне он не дал ни малейшей возможности настаивать на чём бы то ни было.

— Совершенно небывалое дело, — сказал Мельчетт. — Если ещё кто-нибудь явится и взвалит на себя это убийство, я отправлюсь прямёхонько в сумасшедший дом.

— Если мне будет дозволено высказать одно предположение… — еле слышно произнесла мисс Марпл.

— Прошу!

— Если бы вы сообщили мистеру Реддингу о том, что сделала миссис Протеро, и потом убеди-

ли его, что и вправду верите, будто это она… А потом пошли бы к миссис Протеро и сказали бы ей, что с мистером Реддингом всё в порядке, — знаете, они оба могли бы сказать вам правду. А правда всегда пригодится, хотя, мне кажется, они и сами-то не много знают, бедняжки.

— Ладно, всё это очень хорошо, но ведь эти двое — единственные люди, у которых был мотив для убийства Протеро.

— О, этого я бы не сказала, полковник Мельчетт, — возразила мисс Марпл.

— Что вы? Вы можете назвать ещё кого-нибудь?

— Безусловно. Ну что же. — Она принялась считать на пальцах. — Раз, два, три, четыре, пять, шесть, да и ещё, вполне вероятно, седьмой. Я могу назвать по крайней мере семерых, которым было бы очень на руку убрать с дороги полковника Протеро.

Огорошенный полковник не верил своим ушам.

— Семь человек? В Сент-Мэри-Мид?

Мисс Марпл живо кивнула.

— Прошу заметить, что я не называю имён, — сказала она. — Этого делать нельзя. Но боюсь, что в мире слишком много зла. Только откуда такому

славному, честному и прямодушному солдату, как вы, полковник Мельчетт, знать о подобных вещах?

Мне показалось, что полковника вот-вот хватит удар.

Глава 10

Как только мы вышли из дома мисс Марпл, полковник высказался на её счёт далеко не лестным образом:

— Кажется, эта высохшая старая дева и вправду воображает, что ей всё известно. Да она же всю жизнь из этой деревушки носу не высовывала! Многовато на себя берёт! Что она может знать о жизни?

Я кротко возразил, что если мисс Марпл практически ничего не знает о Жизни с большой буквы, то о жизни в Сент-Мэри-Мид она знает всё досконально.

Мельчетт неохотно согласился со мной. Она всё-таки очень ценный свидетель, особенно в отношении миссис Протеро.

— Я полагаю, можно не сомневаться в том, что она сказала?

— Если мисс Марпл сказала, что пистолета у неё с собой не было, значит, так оно и есть, — сказал я. — Если была бы малейшая возможность его пронести, от мисс Марпл это бы не укрылось, глаз у неё острый.

— Что верно, то верно. Пойдёмте-ка осмотрим

мастерскую.

Так называемая мастерская — всего-навсего сарайчик с верхним светом. Окон там нет, войти и выйти можно только в дверь. Убедившись в этом, Мельчетт объявил мне, что придёт к нам в дом вместе с инспектором.

— А сейчас я иду в полицейский участок.

Я вошёл домой через парадную дверь и услышал чьи-то голоса. Открыл дверь в гостиную.

На диване рядом с Гризельдой, оживлённо болтая, сидела мисс Глэдис Крэм. Её ноги, обтянутые необыкновенно блестящими розовыми чулками, были скрещены, так что я не мог не заметить, что на ней розовые в полосочку шёлковые панталончики.

— Привет, Лен, — сказала Гризельда.

— Доброе утро, мистер Клемент, — сказала мисс Крэм. — Представьте себе, я просто в ужас пришла, когда услыхала про полковника! Бедный старый джентльмен!

— Мисс Крэм, — сказала моя жена, — была настолько добра, что предложила помочь нам в работе с «Примерными детьми». Ты помнишь, мы приглашали добровольных помощников в прошлое воскресенье?

Это я прекрасно помнил и был уверен (как и

Гризельда — я догадался по её тону), что вступить в ряды добровольцев мисс Крэм и в голову бы не пришло, если бы не сенсационные события, приключившиеся в нашем доме.

— Я только сию минуту говорила миссис Клемент, — продолжала мисс Крэм, — я прямо-таки была ошарашена. Убийство, говорю? В этой захудалой, сонной деревушке — ведь она сонная, вы должны это признать, даже музейчика нету, не говоря уж о кино! А потом узнала, что это полковник Протеро, и ушам своим не поверила! Мне почему-то казалось, что таких людей не убивают.

Не знаю, какими свойствами, по мнению мисс Крэм, должен обладать человек, дабы его прикончили. Никогда не думал, что жертва убийства принадлежит к какой-то особой породе. Однако в её ветреной белокурой головке имеются на этот счёт вполне определённые идеи.

— Вот почему, — объяснила Гризельда, — мисс Крэм и забежала узнать все подробности.

Я было испугался, что такая прямота обидит юную леди, но она только откинула голову и оглушительно расхохоталась, показывая весь набор зубов, которым располагала.

— Ну да, каюсь! А вам палец в рот не клади,

миссис Клемент, а? Но ведь это совершенно естественно — в таком деле каждому хочется выведать всю подноготную. Я и вправду хочу помочь вам с детишками, пожалуйста, сколько угодно. До чего же интересно, сил моих нет! Я прямо подыхала тут со скуки. Что и говорить, скука тут смертная. Не подумайте, что у меня работа плохая — работа приличная, и платят хорошо, а доктор Стоун всегда себя держит как настоящий джентльмен. Но ведь надо же девушке немного поразвлечься после работы, а тут не с кем слова сказать, кроме вас, миссис Клемент, — сплошные старые ведьмы!

— А Летиция Протеро?

Глэдис Крэм тряхнула головой:

— Что вы, разве она станет водиться с такими, как я? Жуткая задавака, считает себя выше всех в графстве, так боится себя уронить, что и не взглянет на девушку, которая сама зарабатывает на жизнь. А я, кстати, слыхала, как она говорила, что собирается поступить на работу. Да кто её возьмёт, хотела бы я знать? Недели не пройдёт, как её выгонят. Разве что манекенщицей — там только и надо, что вырядиться в пух и прах да расхаживать взад-вперёд дурацкой походочкой. Это, пожалуй, у неё получится.

— Из неё вышла бы прекрасная манекенщица, — сказала Гризельда. — У неё прелестная фигурка. (Да, в Гризельде не найти ни малейшего сходства с ведьмой.) А когда она говорила, что хочет поступать на работу?

Мисс Крэм на минуту была обескуражена, но мгновенно пришла в себя и со свойственной ей ловкостью вышла из положения.

— Можно подумать, что я сплетничаю, верно? — сказала она. — Но она это сказала, честное слово. Должно быть, дома ей несладко живётся. Чтобы я согласилась жить в одном доме с мачехой — нет уж, извините! Да я бы этого ни минуты не вытерпела!

— Ну вы, вы у нас такая энергичная, независимая, — серьёзно сказала Гризельда, и я посмотрел на неё не без подозрения.

Мисс Крэм была явно польщена.

— Вот именно. Прямо вылитый мой портрет. Я слушаюсь, слушаюсь, но могу и взбрыкнуть. Так мне гадалка сказала, недавно. Нет уж. Я не из тех, кто стерпит любую обиду и даже не пикнет. Я и доктору Стоуну сразу же сказала, что у меня должны быть выходные дни, как положено. Эти учёные джентльмены думают, что девушка — всё равно что машина, включил, и можно её не заме-

чать, как будто её здесь и нет.

— А как вам работается с доктором Стоуном? Он приятный человек? Должно быть, очень интересная работа для тех, кто увлечён археологией.

— Я в этой науке не очень-то много смыслю, — призналась девушка. — Мне всё же кажется, что вытаскивать на свет божий людей, которые давно умерли — сотни лет пролежали в земле, — как-то нескромно, вроде как совать нос не в своё дело. А как по-вашему? А вот доктор Стоун так прямо с головой ушёл в работу, поесть забывает, он бы голодный ходил, если бы не я.

— А он и сегодня с утра на раскопе? — спросила Гризельда.

Мисс Крэм покачала головой.

— Не с той ноги встал, — пояснила она. — Нет настроения работать. А это значит, что у крошки Глэдис выдался свободный денёк.

— Жаль его, — сказал я.

— Да нет, пустяки. Не бойтесь, второго покойника не будет. Вы лучше всё мне расскажите, мистер Клемент. Мне сказали, что вы целое утро провели с полицией. Что они думают?

— Как вам сказать, — медленно произнёс я. — Пока не всё ещё ясно.

— Ага! — воскликнула мисс Крэм. — Выходит,

они не верят, что это мистер Реддинг. Такой красивый, правда? Прямо как из кино. Такая ослепительная улыбка, когда он с тобой здоровается. Я не поверила своим ушам, когда узнала, что его арестовали. Хотя про этих деревенских полисменов все говорят, что они ужасные дураки.

— На этот раз вряд ли их можно в чём-то обвинить, — сказал я. — Мистер Реддинг сам явился с повинной.

— Как? — Девушка была явно ошеломлена. — Ну надо же быть таким простофилей. Уж я-то не побежала бы с повинной, если бы убила кого-нибудь. Я думала, Лоуренс Реддинг будет вести себя умнее. Надо же так свалять дурака! А с какой стати он убил Протеро? Он признался? Просто повздорили, да?

— Пока ещё нет окончательной уверенности в том, что это он его убил, — сказал я.

— Да как же так, мистер Клемент! Ведь он сам сказал, ему-то лучше знать!

— Разумеется, — согласился я. — Но полицию не вполне устраивает то, что он рассказывает.

— С чего бы он стал говорить, что убил, если он не убивал?

Я предпочёл не распространяться по этому поводу. Поэтому высказался довольно туманно:

— Я слышал всякий раз, когда совершено сенсационное убийство, полиция получает уйму писем от людей, которые признаются в этом убийстве.

— Чокнутые, не иначе! — только и сказала мисс Крэм голосом, полным недоумения и презрения. — Ну ладно, — добавила она, вздыхая. — Пожалуй, мне пора бежать. — Она встала. — Пойду сообщу доктору Стоуну, что мистер Реддинг сам признался в убийстве.

— А ему что, интересно? — спросила Гризельда.

Мисс Крэм недоуменно наморщила лоб.

— Странный он какой-то. Ничего у него не поймёшь. Весь закопался в прошлое. Ему в сто раз интереснее разглядывать жуткий бронзовый нож, выкопанный из груды земли, чем посмотреть на нож, которым Криппен разрезал на куски собственную жену, ну если бы ему его показали.

— Что ж, — сказал я. — Должен признаться, я тоже предпочёл бы увидеть жуткий бронзовый нож.

Во взгляде мисс Крэм промелькнуло непонимание и лёгкое презрение. Потом, не один раз попрощавшись, она наконец удалилась.

— Не такая уж она плохая, знаешь, — сказала Гризельда, когда дверь за ней закрылась. — Ужас-

но вульгарна, конечно, но в таких больших бесцеремонных девушках есть даже что-то симпатичное. Они очень добродушные. Как ты думаешь, зачем она приходила?

— Из любопытства.

— Да, наверное. Ну, Лен, а теперь рассказывай всё-всё. Я умираю от нетерпения.

Я уселся и честно пересказал всё, что произошло этим утром. Гризельда то и дело перебивала меня, не в силах совладать с удивлением и любопытством.

— Так, значит, Лоуренс с самого начала увивался за Анной, а вовсе не за Летицией. Какие же мы тут слепцы! А ведь именно на это намекала мисс Марпл позавчера вечером, тебе не кажется?

— Да, — ответил я, отводя взгляд.

Вошла Мэри.

— Там пришли какие-то двое, говорят — из газеты. Пускать или нет?

— Ни в коем случае, — сказал я. — Отошлите их к инспектору Слаку, в полицейский участок.

Мэри кивнула и собралась идти.

— А когда вы от них избавитесь, приходите сюда, — сказал я. — Я хочу вас кое о чём спросить.

Мэри снова кивнула.

Вернулась она через несколько минут.

— Никак от них не отвяжешься, — сказала она. — Еле отбилась, такие настырные. Слыханное ли дело, им говоришь — нельзя, а они лезут.

— Боюсь, что они нас не оставят в покое, — сказал я. — Так вот, Мэри, о чём я хотел вас спросить: вы точно уверены, что вчера вечером не слышали выстрела?

— Выстрела, которым его убили? Само собой, не слышала. А услышала бы, так пошла бы поглядеть, что там стряслось.

— Да, но… — Я вспомнил утверждение мисс Марпл, что она слышала выстрел в лесу. Я решил изменить форму вопроса: — А больше вы никаких выстрелов не слышали? Например, где-то в глубине леса.

— А, это дело другое. — Девушка замолчала. — Теперь, как подумаешь, был выстрел, был. Не выстрелы, а один-единственный. Какой-то чудной, вроде взорвалось что.

— Вот именно, — сказал я. — А когда это было?

— Когда?

— Ну да, в котором часу?

— Уж этого я вам никак не скажу. Знаю только, что после чая прошло много времени.

— А немного точнее вы не могли бы вспомнить?..

— Нет, не могу. Я ведь без дела не сижу, кручусь по хозяйству день-деньской. Некогда мне на часы глазеть. Да и толку от этого мало — будильник каждый день отстаёт на три четверти часа, то его подвести надо, то завести — я никогда и не знаю, который час.

Теперь я понял, почему нам никогда не подают еду в назначенное время. Иногда обед сильно запаздывает, зато завтрак подают на удивление рано.

— Это было задолго до того, как пришёл мистер Реддинг?

— Да нет, незадолго. Минут десять, самое большее пятнадцать.

Я кивнул, довольный ответом.

— Всё? — спросила Мэри. — А то у меня мясо в духовке, а рис небось уже весь выкипел.

— Хорошо. Можете идти.

Она вышла, а я обратился к Гризельде:

— По-видимому, нет никакой возможности заставить её говорить «сэр» или «мэм»?

— Я ей говорила. Она никак не может запомнить. Не забывай, она попала к нам совсем неотёсанной девчонкой.

— Это я отлично помню, — сказал я. — Но неотёсанные предметы не должны же вечно оставаться

в первозданном состоянии. Мне кажется, можно было бы хоть немного научить её готовить.

— Знаешь, я с тобой не согласна, — сказала Гризельда. — Ведь мы платим прислуге сущие гроши. Стоит нам её немного подучить, она тут же от нас уйдёт. Само собой. К тем, кто может себе позволить платить побольше. Но пока Мэри не умеет готовить и пока у неё такие жуткие манеры — можем спать спокойно, никто её у нас не переманит.

Я понял, что моя жена ведёт хозяйство вовсе не абы как. Оказывается, у неё имеется вполне обдуманный метод. Хотя стоит ли вообще держать прислугу, которая не умеет готовить и чуть ли вам не в лицо швыряет то тарелки, то всякие дерзости. Об этом можно было бы поспорить.

— Кроме того, — продолжала Гризельда, — сейчас ей надо прощать любые грубости. И нельзя ждать, чтобы она особенно горевала о смерти полковника Протеро — ведь он засадил за решётку её молодого человека.

— Как, разве он посадил в тюрьму её парня?

— Ну да, за браконьерство. Да ты его знаешь — Арчер. Мэри гуляла с ним два года.

— Этого я не знал.

— Лен, милый, ты никогда ничего не знаешь.

— Вот что странно, — сказал я. — Все твердят, что выстрел донёсся из лесу.

— А по-моему, ничего странного, — сказала Гризельда. — Понимаешь, в лесу то и дело стреляют. Поэтому, естественно, когда слышишь выстрел, думаешь, что опять стреляют в лесу. Может быть, он кажется только чуть громче, чем обычно. Конечно, если находишься в соседней комнате, сразу поймёшь, что стреляли в доме, но ведь Мэри была в кухне, там окно выходит на другую сторону, тебе бы тоже в голову не пришло, что стреляют в доме.

Дверь снова отворилась.

— Там к вам опять полковник Мельчетт, — сказала Мэри. — И с ним этот инспектор, велели передать, что будут рады, если вы к ним выйдете. Они в кабинете.

Глава 11

С первого взгляда я заметил, что полковник Мельчетт и инспектор Слак не сходятся в мнениях относительно этого дела. Мельчетт раскраснелся от возмущения, а у инспектора вид был мрачный и надутый.

— Как ни прискорбно, — сказал Мельчетт, — но я должен сказать, что инспектор Слак не согласен со мной. Он считает, что Реддинг на самом деле виновен.

— Если он не виноват, то с какой стати он идёт и заявляет, что он — убийца? — скептически спросил Слак.

— Миссис Протеро поступила точно таким же образом, как вы помните, Слак.

— Это другое дело. Она — женщина, а женщины вечно делают глупости. Я ни на минуту не поверил, что она это сделала. Услыхала, что его арестовали, и сочинила историю. Мне к этим играм не привыкать. Не поверите, какие идиотские фокусы выкидывали женщины на моём веку. Но Реддинг же не баба. У него голова на плечах, и коль скоро он признаётся, значит, он и виноват. И пистолет его собственный, тут уж

ничего не попишешь. А теперь, когда это дельце с миссис Протеро выяснилось, мы и мотив знаем. Поначалу это было слабое местечко, а теперь-то мы доподлинно знаем — дальше всё пойдёт как по маслу.

— Вы полагаете, что он мог застрелить полковника раньше — скажем, в половине седьмого?

— Нет, не мог.

— Вы проверили, когда и где он был?

Инспектор кивнул:

— Был в деревне, в «Голубом Кабане», в десять минут седьмого. Оттуда прошёл по аллее, задами, где, по вашим словам, старушка-соседка его видела, по-моему, от неё мало что укроется, а потом встретился, как было условлено, с миссис Протеро в мастерской, что в саду. Они вышли вместе чуть раньше половины седьмого, пошли по аллее в деревню, и к ним присоединился доктор Стоун. Он это подтвердил, я с ним говорил. Все они стояли и разговаривали перед почтой, недолго, потом миссис Протеро зашла к мисс Хартнелл одолжить журнал по садоводству. Это тоже проверено. Я к ней заходил. Миссис Протеро сидела у неё почти до семи часов, а потом вдруг забеспокоилась: дескать, как поздно, ей давно уже пора домой.

— А как она себя держала?

— По словам мисс Хартнелл, очень мило и вполне непринуждённо. Настроение у неё было весёлое, мисс Хартнелл абсолютно уверена, что её ничто не беспокоило.

— Так. Продолжайте.

— Реддинг пошёл с доктором Стоуном в «Голубой Кабан», и они выпили вместе. Расстались без двадцати семь. Реддинг, явно спеша, пошёл по деревенской улице и свернул к дому священника. Его многие видели.

— На этот раз он не пошёл задами? — заметил полковник.

— Нет, вошёл с парадного хода, спросил, дома ли викарий, узнал, что его дожидается полковник Протеро, вошёл в кабинет, пристрелил его, точь-в-точь как он сам говорит. Всё сходится, нечего больше и копаться в этом деле.

Мельчетт покачал головой:

— Показания доктора. От этого никуда не денешься. Протеро был убит не позже половины седьмого.

— Уж эти мне доктора! — презрительно процедил сквозь зубы инспектор Слак. — Нашли кому верить — доктору. Выдерут у вас все зубы до единого — теперешние доктора все такие, — а потом: ах, извините, у вас, оказывается, был ап-

пендицит! Доктора называются!

— Дело тут не в диагнозе. Доктор Хэйдок с самого начала абсолютно уверен, в какое время было совершено преступление. Против медицинского освидетельствования возражать не приходится, Слак.

— Я тоже могу засвидетельствовать по мере сил, — сказал я, внезапно вспомнив одно обстоятельство. — Я дотронулся до тела, оно было совсем холодное. Могу в этом присягнуть.

— Вот видите, Слак? — сказал Мельчетт.

— Да вижу, вижу! А жаль — красивое было бы дельце. Мистер Реддинг сам просится на виселицу, так сказать.

— А вот это само по себе кажется мне не вполне естественным, — заметил полковник Мельчетт.

— Ну, знаете, о вкусах не спорят, — сказал инспектор. — После войны у многих джентльменов мозги набекрень. Значит, придётся опять начинать всё сначала, как я понимаю. — Он обратился ко мне: — Ума не приложу, с какой стати вы так старались ввести меня в заблуждение с этими часами, сэр. Квалифицируется как учинение помех правосудию, вот что.

— Я три раза пытался вам об этом сказать, — отпарировал я. — И каждый раз вы затыкали мне

рот и наотрез отказывались выслушать.

— Словесные увёртки, вот как это называется, сэр. Прекрасно могли мне сказать при желании. Записка подтверждала показания часов, тютелька в тютельку. А теперь, если верить вам, часы врали. Никогда ничего подобного не видел. Чего ради надо переводить часы на пятнадцать минут вперёд?

— Того ради, что так проще не опаздывать, — сказал я.

— Мне кажется, не стоит больше об этом рассуждать, инспектор, — тактично вмешался полковник Мельчетт. — Теперь нам нужно главное — вытянуть правду из мистера Реддинга и миссис Протеро. Я позвонил Хэйдоку, просил его зайти за миссис Протеро и проводить её сюда. Они будут здесь через четверть часа. Следовало бы пригласить сюда и Реддинга заблаговременно.

— Свяжусь с участком, — бросил инспектор Слак, хватая телефонную трубку. — Так. А теперь займёмся вплотную осмотром кабинета. — И он бросил на меня многозначительный взгляд.

— Может быть, я вам мешаю? — простодушно спросил я.

Инспектор незамедлительно распахнул двери. Мельчетт крикнул мне вслед:

— Приходите, когда явится Реддинг, прошу вас, викарий. Вы его друг и обладаете достаточным авторитетом, чтобы убедить его сказать всё как на духу.

Я застал жену и мисс Марпл за конфиденциальной беседой.

— Мы перебирали все возможности, — сказала Гризельда. — Вот хорошо было бы, мисс Марпл, если бы вы распутали это дело; помните, как вы угадали, куда девалась баночка в четверть пинты[19] с очищенными креветками, что пропала у мисс Уэзерби? И всё потому, что это напомнило вам совсем другой случай — с мешком угля.

— Вы смеётесь, душечка, — сказала мисс Марпл, — а ведь это не такой уж плохой способ добраться до истины. На самом-то деле это интуиция, как нынче говорят, как будто это бог весть какое чудо! Интуиция — это как привычка читать слова, не складывая их по буковкам. Дитя этого не умеет — у него слишком мало опыта. Но взрослый человек узнаёт слово с первого взгляда, потому что видел его сотни раз. Вы понимаете, что я хочу сказать, викарий?

— Да, — задумчиво протянул я. — Мне кажется,

---

[19] notes: 19

Пинта — мера вместимости жидкостей и сыпучих тел, равная 0,57 литра.

я уловил смысл. Вы хотите сказать, что, если одно событие напоминает вам какое-то другое событие, значит, это явление одного порядка.

— Совершенно верно.

— А о чём же, позвольте узнать, напоминает вам убийство полковника Протеро?

Мисс Марпл вздохнула:

— В том-то вся трудность, что на ум приходит сразу столько похожих случаев. Например, был такой майор Харгривз, церковный староста, человек весьма уважаемый и достойный. И всё это время он, оказалось, жил на два дома — содержал бывшую горничную, вы только подумайте! И пятеро ребятишек, целых пятеро, — это был ужасный удар для его жены и дочери.

Я попытался вообразить полковника Протеро в роли тайного грешника, но это было выше моих сил.

— Или взять ещё случай с прачечной, — продолжала мисс Марпл. — Мисс Хартнелл такая неосмотрительная — забыла в блузке с оборками опаловую брошку, да так и отослала в прачечную. А женщина, которая её взяла, вовсе не была воровкой, ей эта брошка была ни к чему. Она просто спрятала брошку в доме у другой женщины и донесла в полицию, что эта особа её украла. Всё по

злобе, только бы насолить человеку. Ненависть — поразительный мотив. Разумеется, в этом был замешан мужчина. Как всегда.

На этот раз я не сумел разглядеть ни малейшего, даже отдалённого сходства с нашим делом.

— А то ещё дочка бедняги Эльвелла — такое прелестное эфирное создание — пыталась задушить своего меньшого братца. И случай с деньгами, которые собрали на пикник для мальчиков из хора (это ещё до вас было, викарий), — их взял органист, просто взял. Жена его запуталась в долгах, как ни печально. Да, этот случай приводит на память столько других — слишком много, слишком. До правды докопаться очень трудно.

— Мне бы хотелось узнать, — сказал я, — кто эти семь человек, которых вы подозреваете?

— Семь человек, которых я подозреваю?

— Вы сказали, что можете назвать семь человек, которые… в общем, которые будут рады смерти полковника Протеро.

— Да что вы? Ах да, припоминаю.

— И это правда?

— О, разумеется, чистая правда. Но мне не пристало называть имена. Вы сами легко можете их назвать. Я в этом совершенно уверена.

— Уверяю вас, что я о них понятия не имею.

Разве что Летиция Протеро — только потому, что она, вероятно, получит наследство после смерти отца. Но подозревать её в этом нелепо, а кроме неё, мне вообще никто не приходит на ум.

— А вам, душечка? — спросила мисс Марпл, обращаясь к Гризельде.

К моему удивлению, моя жена покраснела. В глазах у неё появился подозрительный блеск, очень похожий на блеск слёз. Она сжала обе руки в кулачки.

— О! — возмущённо вскричала она. — Люди так отвратительны! Ужасно! Что они болтают! Какие низости они могут выдумать…

Я смотрел на неё с интересом. Подобные вспышки совершенно не в характере Гризельды. Она поймала мой взгляд и попыталась улыбнуться.

— Не смотри на меня так, будто я диковинная букашка, которую ты никогда не видел, Лен. Давайте не будем попусту горячиться и отвлекаться от темы, ладно? Я не верю, что виноват Лоуренс или Анна, а о Летиции вообще речи быть не может. Нужно найти хоть какую-нибудь улику, которая наведёт нас на след.

— Конечно, записка очень странная, — сказала мисс Марпл. — Помните, я ещё утром сказала, что меня поразило некоторое несоответствие.

— Насколько я понимаю, записка с замечательной точностью указывает время совершения преступления, — сказал я. — Но ведь это вряд ли возможно? Миссис Протеро только что вышла из кабинета. Она едва ли успела даже дойти до мастерской. Я могу представить только одно объяснение — убийца, должно быть, посмотрел на свои часы, а они сильно отставали. Это единственное, что приходит мне в голову.

— А у меня другая мысль, — сказала Гризельда. — Что, если часы уже были переведены назад — нет, это то же самое — какая я бестолочь!

— Когда я уходил, они не были переведены, помню, я посмотрел на свои карманные часы. Но ты права — к нашей теме это никакого отношения не имеет.

— А вы как думаете, мисс Марпл? — спросила Гризельда.

— Милочка, признаюсь, что я думала вовсе не об этом. Мне показалось очень любопытным с самого начала то, что было написано в записке.

— А я этого не нахожу, — заметил я. — Полковник Протеро просто написал, что больше не может ждать…

— *В двадцать минут седьмого*? — возразила мисс Марпл. — Ваша служанка Мэри предупре-

дила его, что вы вернётесь не раньше половины седьмого, и он как будто согласился подождать. И вот в двадцать минут седьмого он садится и пишет, что «больше ждать не может».

Я во все глаза смотрел на старую даму, проникаясь всё большим уважением к остроте её ума. Она с необычайной проницательностью обратила внимание на то, что все мы проглядели. Это и вправду было странно, чрезвычайно странно.

— Да, — сказал я, — но если бы сверху не было проставлено время…

Мисс Марпл кивнула.

— Вот-вот, — сказала она, — если бы там не стояло время!

Я попробовал припомнить то, что видел своими глазами: лист почтовой бумаги с неровными строчками, а сверху аккуратно выведено «18.20». Несомненно, эти цифры были совсем не похожи на остальные каракули. Я ахнул.

— А что, если никакого времени там не было обозначено? — сказал я. — Предположим, полковнику Протеро где-то около шести тридцати надоело ждать, и он сел писать записку. И пока он сидел за столом и писал, кто-то проник через окно и…

— Или вошёл в дверь, — перебила Гризельда.

— Он бы услышал скрип двери и поднял голову.

— Полковник Протеро был глуховат, как вы, должно быть, помните, — сказала мисс Марпл.

— Да, вы правы. Он всё равно не услышал бы. Но неважно, как убийца проник в комнату, — он подкрался к полковнику Протеро и застрелил его. Потом увидел записку и часы, и у него родилась идея. Он написал сверху на письме «18.20», а часы перевёл на восемнадцать двадцать две. Это была остроумная мысль. Он создал себе, по крайней мере так он полагал, железное алиби.

— И нам только осталось отыскать человека, — подхватила Гризельда, — у которого железное алиби на восемнадцать двадцать и никакого алиби на… да, это не так уж просто. Нельзя же узнать точное время.

— Но мы можем определить его в довольно узких рамках, — сказал я. — Хэйдок считает, что восемнадцать тридцать — это верхний предел, самое позднее время. Пожалуй, можно даже продлить до восемнадцати тридцати пяти. Исходя из наших с вами рассуждений, Протеро никак не мог проявить нетерпение до восемнадцати тридцати. Так что мы можем довольно точно определить время, когда было совершено убийство.

— Помните, я слышала выстрел? Да, всё как будто сходится. А мне-то даже в голову не пришло. Какая досада! И всё же, когда я стараюсь припомнить, мне кажется, что выстрел был какой-то не совсем обыкновенный. Не такой, как те выстрелы, что слышишь обычно.

— Громче? — подсказал я.

Нет, мисс Марпл полагала, что дело не в громкости. Собственно говоря, она затруднялась сказать, что в нём было необыкновенного, но настаивала на том, что выстрел был не похож на привычные выстрелы в лесу.

Я мог бы подумать, что она просто выдаёт желаемое за действительное, если бы она только что не развернула перед нами такую чёткую картину, не обнаружила такой свежий взгляд на вещи, что я поневоле не мог не восхититься её умом и дальновидностью.

Она встала, пробормотав, что ей давно пора идти, но не могла воспротивиться искушению обсудить всё с милой Гризельдой. Я проводил её к стене, разделявшей наши владения, закрыл за ней калитку и вернулся. Гризельда явно что-то старательно обдумывала.

— Всё ещё пытаешься решить тайну записки? — спросил я.

— Нет.

Она внезапно вздрогнула и раздражённо передёрнула плечами.

— Лен, я тут думала, думала… Кто-то смертельно ненавидит Анну Протеро.

— Ненавидит?

— Ну да! Неужели ты не понимаешь? Против Лоуренса нет ни одной достоверной улики — все показания против него косвенные, случайные, как говорится. Ему вдруг взбрело в голову зайти сюда, иначе никто бы и не подумал, что он замешан в преступлении. Но Анна — это другое дело. Представь себе: кому-то известно, что она была здесь точно в восемнадцать двадцать, ведь и часы, и время в письме — всё прямо указывает на неё. Мне кажется, часы переставили совсем не ради алиби, по-моему, дело не так уж просто — кто-то хотел свалить всю вину на неё. Если бы мисс Марпл не сказала, что у Анны с собой не было пистолета, и не заметила, что она только заглянула сюда и сразу же пошла в мастерскую, — подумай, если бы не мисс Марпл… — Она снова вздрогнула. — Лен, я чувствую, что кто-то страшно ненавидит Анну Протеро. И мне… мне это не нравится.

Глава 12

Меня позвали в кабинет, когда явился Лоуренс Реддинг. Вид у него был измученный и затравленный. Полковник Мельчетт встретил его приветливо, почти сердечно.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов — прямо тут, на месте, — сказал он.

Лоуренс недоверчиво усмехнулся:

— Кажется, французский метод? Реконструкция преступления?

— Мой милый мальчик, — сказал полковник Мельчетт. — Не надо с нами разговаривать в таком тоне. Вам известно, что другое лицо призналось в совершении преступления, которое вы хотели взять на себя?

Эти слова ошеломили Лоуренса, как молниеносный, сокрушительный удар.

— Д-д-другое лицо?.. — еле выговорил он. — Кто? Кто?

— Миссис Протеро, — сказал полковник Мельчетт, не спуская глаз с его лица.

— Чушь! Она тут ни при чём. Она на это не способна. Невозможно!

Мельчетт перебил его:

— Вам покажется странным, но мы ей не поверили. Могу добавить, что и вашим рассказам мы не верим. Доктор Хэйдок со всей ответственностью утверждает, что убийство не могло быть совершено в то время, которое вы называете.

— Доктор Хэйдок так считает?

— Да, так что, хотите вы этого или нет, вас это оправдывает.

Лоуренс всё ещё сомневался.

— Вы не обманываете меня — насчёт миссис Протеро? Вы и правда её не подозреваете?

— Даю слово чести, — сказал полковник Мельчетт.

Лоуренс облегчённо перевёл дух.

— Какой же я дурак, — сказал он. — Классический дурак. Как я мог хоть на минуту подумать, что она способна…

— Расскажите-ка нам всё по порядку, — предложил начальник полиции.

— Да тут и рассказывать почти что нечего. Я… Я встретился с миссис Протеро в тот вечер… — Он замялся.

— Об этом мы знаем, — сказал Мельчетт. — Вы, наверное, думали, что ваши чувства к миссис Протеро — глубочайшая тайна, а на самом деле все давно знали и судачили об этом. Неважно —

теперь это выйдет наружу, ничего не поделаешь.

— Ну что ж, если так… Надо думать, вы правы. Я обещал викарию, — он бросил взгляд в мою сторону, — уехать, да, убраться отсюда. Я встретился с миссис Протеро в тот вечер в мастерской в четверть седьмого. Я ей сказал о своём решении. И она согласилась, что это единственный выход. Мы попрощались навсегда, вышли из мастерской, и к нам почти сразу подошёл доктор Стоун. Анна взяла себя в руки и держалась совершенно спокойно. Но у меня не хватило сил. Я пошёл со Стоуном в «Голубой Кабан» и выпил немного. Потом я пошёл домой, но, дойдя до угла, передумал и решил зайти повидать викария. Я чувствовал потребность с кем-то поговорить, отвести душу.

Служанка открыла двери и сказала, что викария нет, но он скоро будет, а полковник Протеро уже дожидается в кабинете. Понимаете, было неловко сразу уходить — как будто я его избегаю. Я сказал, что тоже подожду, и пошёл в кабинет.

Он замолчал.

— Дальше? — сказал полковник Мельчетт.

— Протеро сидел у письменного стола в той позе, в которой вы его нашли. Я подошёл. Он был мёртв. Тогда я взглянул вниз и увидел, что рядом на полу валяется револьвер. Я его поднял и *сразу*

узнал собственный револьвер.

Я остолбенел. Мой пистолет! Внезапно я понял, всё понял. Анна тайком взяла у меня револьвер, для себя, понимаете, если жизнь станет для неё невыносимой. Может быть, он был у неё с собой в этот вечер. После того как мы расстались в деревне, она, должно быть, вернулась и… Господи! Я, видно, совсем свихнулся, что позволил себе такое подумать. Но я так и подумал. Я сунул револьвер в карман и вышел. И за воротами наткнулся на самого викария. Он сказал что-то приветливое, нормальное, про то, что должен увидеться с Протеро. На меня вдруг накатил приступ смеха. Он был такой спокойный, ни о чём не подозревал, а я весь взвинченный — вот так встреча! Помню, я выкрикнул какую-то чепуху и увидел, как он переменился в лице. Мне кажется, я был близок к безумию. Я пошёл куда глаза глядят, ходил, ходил и больше выдержать не мог. Если Анна совершила страшное дело, то я несу за это ответственность, по чести и совести. Я пошёл и признался.

Когда он кончил рассказ, воцарилось молчание. Затем полковник сказал деловым тоном:

— Я хотел бы задать вам ещё несколько вопросов. Первое: вы трогали или перемещали тело

каким бы то ни было образом?

— Нет, я к нему не прикасался. И без того было видно, что он мёртв.

— Вы видели записку, отчасти скрытую телом полковника, на столе?

— Нет.

— Вы производили какие-либо манипуляции с часами?

— Я к ним даже не притрагивался. Вспоминаю, что видел на столе опрокинутые часы, но я их не трогал.

— Теперь касательно вашего револьвера. Когда вы видели его в последний раз?

Лоуренс задумался.

— Трудно точно сказать.

— Где вы его держали?

— А! В куче всякого хлама у себя в гостиной. На полке книжного шкафа.

— Вы оставляли его без присмотра, на видном месте?

— Да. Честно говоря, он у меня вообще из головы вылетел. Просто валялся, и всё.

— Значит, любой ваш посетитель мог его видеть?

— Да.

— И вы не помните, когда видели его в послед-

ний раз?

Лоуренс нахмурился, силясь вспомнить.

— Я почти уверен, что он был на месте позавчера. Помню, я его отодвинул, когда доставал старую трубку. Думаю, это было позавчера или днём раньше.

— Кто в последние дни бывал у вас в доме?

— Ох, да куча народу! Вечно кто-то забегает, убегает. Третьего дня у меня было что-то вроде званого чаепития. Летиция Протеро, Деннис и вся их компания. Порой и милые старушки-говорушки меня навещают.

— Вы запираете коттедж, когда уходите?

— Нет, с какой стати? Красть у меня нечего. Здесь никто двери не запирает.

— А кто помогает вам по хозяйству?

— Старушка миссис Арчер заходит по утрам «убраться», как здесь говорят.

— Как вы думаете, может она вспомнить, когда пистолет был на месте в последний раз?

— Понятия не имею. Возможно. Но, сдаётся мне, в число её достоинств не входит привычка аккуратно вытирать пыль.

— Выходит, почти любой мог взять это оружие?

— Выходит, так.

Дверь отворилась, и вошла Анна Протеро в сопровождении доктора Хэйдока.

Увидев Лоуренса, она вздрогнула. А он нерешительно шагнул ей навстречу.

— Простите меня, Анна, — сказал он. — Чудовищно, что я смел подумать…

— Я… — Она заколебалась, потом умоляюще взглянула на полковника Мельчетта. — То, что сказал мне доктор Хэйдок, — правда?

— Что мистер Реддинг находится вне подозрения? Да. А что вы на это скажете, миссис Протеро? Зачем вы вводили нас в заблуждение?

Она ответила смущённой улыбкой.

— Наверно, вы считаете, что я вела себя ужасно?

— Как вам сказать, очень неразумно скорее. Но с этим покончено. Я хочу слышать правду, миссис Протеро, чистую правду.

Она торжественно склонила голову.

— Я вам всё скажу. Догадываюсь, что вы знаете, знаете обо всём.

— Да.

— Я должна была в этот вечер встретиться с Лоуренсом — с мистером Реддингом — в мастерской. В четверть седьмого. Мы с мужем поехали в деревню вместе. Мне надо было кое-что купить.

Когда мы расставались, он вскользь заметил, что идёт повидать священника. Лоуренса предупредить я не могла и очень волновалась. В общем, было очень неловко встречаться с ним в саду, когда мой муж находится в доме.

Щёки её вспыхнули, когда она говорила эти слова. Это была трудная для неё минута.

— Я подумала, что мой муж там долго не задержится. Решила узнать и прошла аллеей к задней калитке, оттуда в сад. Я очень надеялась, что меня никто не заметит, но мисс Марпл, разумеется, оказалась в своём садике! Она окликнула меня, мы немного поговорили, и я ей сказала, что хочу зайти за мужем. Надо же было что-то сказать. Не знаю, поверила ли она мне. Вид у неё был какой-то странный. Когда я с ней распрощалась, то пошла прямо к дому, завернула за угол и прошла к двери кабинета. Я прокралась очень тихо, ожидая услышать голоса. Но, к моему удивлению, всё было тихо. Я заглянула в окно, увидела, что в комнате никого нет, и побежала через лужайку к мастерской. Лоуренс пришёл сразу же следом за мной.

— Вы говорите, что в комнате никого не было, миссис Протеро?

— Да, моего мужа там не было.

— Поразительно.

— Вы хотите сказать, мэм, что его не видели? — спросил инспектор.

— Нет, не видела.

Инспектор Слак что-то шепнул начальнику полиции. Тот кивнул.

— Если вам не трудно, миссис Протеро, покажите нам, как именно это было?

— Охотно.

Она встала, инспектор Слак распахнул перед ней створки двери, она вышла из дома и завернула налево, за угол.

Инспектор Слак повелительным жестом приказал мне сесть за письменный стол.

Мне стало как-то не по себе. Но я, разумеется, повиновался и сел к столу.

Вскоре я услышал снаружи шаги, они на минуту стихли, потом стали удаляться. Инспектор Слак дал мне понять, что я могу вернуться обратно к камину. Миссис Протеро вошла в кабинет.

— Вы в точности повторили всё, как было тогда? — спросил полковник Мельчетт.

— По-моему, в точности.

— Тогда скажите нам, миссис Протеро, где был викарий, когда вы сейчас сюда заглянули?

— Викарий? Боюсь, я не заметила. Я его не

видела.

Инспектор Слак кивнул.

— Вот так же вы и мужа своего не видели. Он был за выступом, у письменного стола.

— О! — Она смолкла. Внезапно глаза у неё расширились от ужаса. — Не может быть! Неужели здесь — здесь…

— Да, миссис Протеро. Это произошло, когда он сидел за столом.

— О боже! — Её охватила дрожь.

Слак продолжал допрос:

— Миссис Протеро, было ли вам известно, что у мистера Реддинга есть пистолет?

— Да. Он мне как-то раз обмолвился.

— Вы когда-либо брали у него этот пистолет?

Она замотала головой:

— Нет.

— Вам было известно, где он его держит?

— Не уверена. А, да, кажется, я видела его на полке, в шкафу. Он ведь там был, Лоуренс?

— Когда вы в последний раз посещали коттедж, миссис Протеро?

— О, недели три назад. Мы с мужем пили там чай.

— И больше вы там не бывали?

— Нет. Я никогда туда не ходила. Видите ли, по

деревне могли пойти разговоры.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил полковник Мельчетт. — А где же вы обычно виделись с мистером Реддингом, разрешите спросить?

— Он приходил к нам, в Усадьбу. Он писал портрет Летиции. Мы часто после этого встречались в лесу.

Полковник Мельчетт кивнул.

— Может быть, хватит? — Голос у неё внезапно зазвучал глухо. — Ужасно говорить с вами об этом. Ведь ничего плохого в этом не было. Не было ничего. Мы хотели быть друзьями. Но не любить друг друга мы не могли.

Она бросила умоляющий взгляд на доктора Хэйдока, и этот добряк, как истый рыцарь, пришёл ей на помощь. Он шагнул вперёд.

— Я считаю, Мельчетт, — сказал он, — что на этот раз с миссис Протеро вполне достаточно. Она перенесла тяжкий удар, и даже не один.

Начальник полиции кивнул.

— Да мне больше и нечего у вас спрашивать, миссис Протеро, — сказал он. — Благодарю за откровенные ответы.

— Значит, мне можно идти?

— Ваша жена дома? — спросил меня Хэйдок. — Мне кажется, миссис Протеро была бы рада с ней

повидаться.

— Да, — ответил я. — Гризельда дома. Она, должно быть, в гостиной.

Анна Протеро и Хэйдок вышли из комнаты, а за ними и Лоуренс Реддинг.

Полковник Мельчетт, поджав губы, вертел в руках нож для разрезания книг. Слак уставился на записку. Тогда-то я и изложил им версию мисс Марпл. Слак ещё пристальнее всмотрелся в записку.

— Честное слово, — сказал он, — а старушка-то, ей-богу, права. Смотрите-ка, сэр, видите, цифры написаны другими чернилами! Провалиться мне на этом месте, если это не самопишущая ручка!

Надо признаться, мы все пришли в волнение.

— Вы, конечно, проверили записку на отпечатки пальцев? — спросил начальник полиции.

— И что бы вы думали, полковник? Никаких отпечатков, чисто. На пистолете пальчики Лоуренса Реддинга. Может, там и было что другое, пока он не вздумал с ним дурачиться и таскать с собой в кармане, вот там никаких следов и не осталось.

— Поначалу улики складывались не в пользу миссис Протеро, — задумчиво заговорил полковник. — Её дело куда серьёзнее, чем дело Реддинга.

Правда, старушка Марпл показывает, что пистолета при ней не было, но эти престарелые дамы частенько ошибаются.

Я промолчал, но с ним не согласился. Я был совершенно уверен, что у миссис Протеро револьвера не было, коль скоро мисс Марпл это утверждает. Мисс Марпл не из тех «престарелых дам», которые ошибаются. Она каким-то непостижимым образом всегда оказывается права. Подчас даже оторопь берёт.

— Одно никак не могу понять — почему никто не слышал выстрела. Если там кто-то выстрелил, хоть один человек *должен был* услышать выстрел. Откуда он послышался — это другой вопрос. Слак, советую вам расспросить прислугу.

Инспектор Слак с готовностью бросился к двери.

— Я бы на вашем месте не стал её спрашивать, слышала ли она выстрел в доме, — сказал я. — Если вы спросите, она просто ответит «нет». Назовите это «выстрелом в лесу». Это единственная возможность заставить её признать, что она вообще слышала выстрел.

— Я сам знаю, как с ними управляться, — бросил инспектор Слак, скрываясь за дверью.

— Мисс Марпл говорит, что слышала выстрел

позже, — сказал полковник Мельчетт задумчиво. — Надо выяснить, может ли она назвать точное время. Конечно, это мог быть просто случайный выстрел, не имеющий никакого отношения к делу.

— Вполне возможно, — согласился я.

Полковник несколько раз прошёлся по комнате.

— А знаете, Клемент, — неожиданно сказал он. — Я чувствую, что это куда более запутанное и сложное дело, чем всем нам казалось поначалу. Пропади оно пропадом, только мне кажется, за всем этим что-то кроется. — Он фыркнул. — Что-то, нам неизвестное. Мы толком ещё и не начали, Клемент. Верьте мне на слово, всё ещё впереди. Все эти улики — часы, записка, пистолет — не складываются друг с другом, как ни крути.

Я покачал головой. В этом я был с ним согласен.

— Но я докопаюсь до истины. И нечего вызывать Скотленд-Ярд. Слак — отличный сыщик. Ему палец в рот не клади. Он вроде хорька. Разнюхает правду, как только возьмёт след. Он уже решил несколько сложных дел, а это будет его триумф. Кое-кто на моём месте передал бы дело в Скотленд-Ярд. Только не я. Мы тут сами разберёмся,

в Дауншайре.

— Нимало в этом не сомневаюсь, — поддержал его я. Я постарался вложить в свои слова как можно больше энтузиазма, но инспектор Слак стал мне настолько антипатичен, что его возможная победа меня вовсе не радовала. Слак-триумфатор, подумалось мне, будет куда отвратительнее Слака озадаченного.

— А кто живёт по соседству? — вдруг спросил полковник.

— Вы хотите сказать, ближе к перекрёстку? Миссис Прайс Ридли.

— Зайдём к ней, когда Слак кончит допрос вашей прислуги. Может быть, она всё же что-то слышала. Она у вас, часом, не туга на ухо, с ней всё в порядке?

— Я бы сказал, что слух у неё на редкость острый. Я сужу по тому количеству сплетен, которые она распускает, уверяя, что «услышала по чистой случайности».

— Это как раз то, что нам нужно. А, вот и Слак.

У инспектора был вид жертвы уличной потасовки.

— Фью! — выдохнул он. — Ну и дикарка она у вас, сэр.

— Мэри от природы обладает сильным харак-

тером, — ответил я.

— Полицию на дух не переносит, — пояснил инспектор. — Я её предупреждал — старался, как мог, внушить ей страх перед законом, но всё впустую. Я ей слово — она мне десять.

— Бойкая девушка, — сказал я, чувствуя зарождающуюся симпатию к Мэри.

— Но я её всё же расколол. Она слышала выстрел — один-единственный. И это было спустя целую вечность после прихода полковника. Точное время из неё вытянуть не удалось, но мы наконец добились толку с помощью… чего бы вы думали… рыбы. Рыба опоздала, и она задала перцу парнишке-посыльному, когда он наконец появился, а он сказал в своё оправдание, что всего-то половина седьмого, чуть больше, и как раз после нагоняя она и слышала выстрел. Само собой, никакой точности тут нет, но всё же даёт примерное представление.

— Гм-м, — сказал Мельчетт.

— Вряд ли миссис Протеро всё-таки в этом замешана, — сказал Слак с явным сожалением в голосе. — Во-первых, у неё не хватило бы времени, а во-вторых, женщины боятся связываться с огнестрельным оружием. Мышьяк для них самое милое дело. А жаль! — И он вздохнул.

Мельчетт сказал, что собирается к миссис Прайс Ридли, и Слак одобрил его решение.

— Можно и мне пойти с вами? — спросил я. — Это становится интересным.

Я получил разрешение, и мы пошли вместе. Не успели мы выйти из наших ворот, как услышали громкое «Эй!» — мой племянник Деннис сломя голову нёсся к нам со стороны деревни.

— Слушайте, — сказал он инспектору, — выяснили про след, который я вам разыскал?

— Садовник, — лаконично ответил Слак.

— А вам не кажется, что кто-то взял и надел сапоги садовника?

— Нет, не кажется, — отрезал Слак.

Это могло бы обескуражить любого, только не Денниса. Денниса обескуражить не так-то просто.

Он держал в поднятой руке две сгоревшие спички.

— Вот — нашёл у самых ворот.

— Благодарю, — сказал Слак и сунул спички в карман.

Казалось, наш разговор зашёл в тупик.

— Вы случайно не арестовали дядю Лена? — ехидно спросил Деннис.

— С чего бы это? — сказал Слак.

— А против него уйма улик, — заявил Деннис. — Вы сами спросите у Мэри. За день до убийства он желал полковнику перейти в лучший мир. Помнишь, дядя Лен?

— Э-э… — начал я.

Инспектор Слак медленно перевёл на меня взгляд, в котором затеплилось подозрение, и я почувствовал, как мне стало вдруг жарко. Деннис бывает совершенно невыносим. Надо бы ему знать, что полицейские в подавляющем большинстве начисто лишены чувства юмора.

— Не болтай глупостей, Деннис, — сердито сказал я.

Невинное дитя широко раскрыло удивлённые глаза.

— Послушайте, я же пошутил, — сказал он. — Дядя Лен просто сказал, что тот, кто убьёт полковника Протеро, облагодетельствует мир.

— А! — сказал инспектор Слак. — Теперь понятно, про что говорила служанка.

У прислуги, как правило, чувство юмора — такая же редкость, как и у полиции. Про себя я ругал Денниса на чём свет стоит — зачем было вообще об этом вспоминать? Эти слова и история с часами — да инспектор возьмёт меня на заметку до конца жизни!

— Пошли, Клемент, — сказал полковник Мельчетт.

— Куда вы идёте? А мне можно с вами? — засуетился Деннис.

— Тебе нельзя! — рявкнул я.

Он стоял, обиженно глядя нам вслед. Мы подошли к безукоризненной двери дома миссис Прайс Ридли, и инспектор стал стучать и трезвонить, как и положено служителю закона, — это всё, что я могу позволить себе заметить. На звонок вышла хорошенькая горничная.

— Миссис Прайс Ридли у себя? — спросил Мельчетт.

— Нет, сэр. — Горничная помолчала и сказала: — Она недавно ушла в полицейский участок.

Вот уж чего мы никак не ожидали! Когда мы шли обратно, Мельчетт взял меня за локоть и сказал вполголоса:

— Если и она пошла сдаваться с повинной, я окончательно рехнусь.

Глава 13

Мне как-то не верилось, что миссис Прайс Ридли обуревали столь драматические намерения, но всё же я не мог не задать себе вопрос: зачем она всё-таки отправилась в полицейский участок? Может быть, у неё была действительно важная информация или, по крайней мере, что-то казалось ей важным? Как бы то ни было, нам предстояло узнать это в ближайшее время.

Мы застали миссис Прайс Ридли уже в участке: она с неимоверной скорострельностью вела словесную атаку на сильно растерявшегося дежурного констебля. Я с первого взгляда понял, что она возмущена до крайности — бант на её шляпке весьма красноречиво трясся. Миссис Прайс Ридли носит, насколько я понимаю, головной убор, называемый «шляпка для почтенной матери семейства», — фирменный товар, выпускаемый в соседнем городке Мач-Бенэм. Эта шляпка изящно балансирует на бастионе из волос, хотя и несколько перегружена пышными шёлковыми бантами. Когда Гризельда хочет меня напугать, она грозится купить «шляпку для почтенной матери семейства».

Когда мы вошли, миссис Прайс Ридли прервала свою горячую речь.

— Миссис Прайс Ридли? — осведомился полковник Мельчетт, приподнимая шляпу.

— Позвольте представить вам полковника Мельчетта, миссис Прайс Ридли, — сказал я. — Полковник Мельчетт — начальник полиции нашего графства.

Миссис Прайс Ридли окинула меня ледяным взглядом, но на долю полковника у неё всё же нашлось нечто вроде благосклонной улыбки.

— Мы только что заходили к вам домой, миссис Прайс Ридли, — пояснил полковник, — и узнали, что вы уже опередили нас.

Миссис Прайс Ридли окончательно растаяла.

— А! Я рада, что на этот случай *наконец* обратили внимание, — заметила она. — Хулиганство, вот как это называется. Форменное хулиганство.

Спору нет, убийство — весьма прискорбный случай, но я бы не стал называть его хулиганством. Полковнику Мельчетту, насколько я заметил, термин тоже показался не совсем подходящим.

— Вы можете сообщить нам что-нибудь относящееся к делу? — спросил он.

— Сами должны знать. Это обязанность поли-

ции. За что мы платим налоги, я вас спрашиваю?

Каждый раз поневоле задаёшь себе вопрос — сколько раз в год мы слышим эту фразу?

— Мы делаем всё, что можем, миссис Прайс Ридли, — сказал начальник полиции.

— Да ведь ваш дежурный ничего об этом не знал, пока я сама ему не сказала! — воскликнула возмущённая дама.

Мы все взглянули на дежурного констебля.

— Леди сообщила о телефонном звонке. Её оскорбили. Как я понял, это случай оскорбления в грубых нецензурных выражениях.

— О! Понимаю. — Хмурое лицо полковника просветлело. — Мы говорили о совершенно разных вещах. Вы пришли сюда принести жалобу, не так ли?

Мельчетт — человек, умудрённый опытом. Он знает, что единственный способ обращения с разгневанной дамой средних лет — это выслушать её до конца. Когда она выскажет всё, что хотела сказать, появится хотя бы небольшая вероятность, что она услышит и то, что вы ей скажете.

Речь миссис Прайс Ридли снова полилась неудержимым потоком:

— Как можно допускать подобное хулиганство? Его надо пресекать! Звонить даме домой и оскорб-

лять её, да, оскорблять! Я не привыкла терпеть такие оскорбления. После войны нравственность так упала, все распустились — аморальность! Говорят что попало, носят что попало…

— Согласен, — поспешно ввернул полковник Мельчетт. — Расскажите, что именно произошло?

Миссис Прайс Ридли сделала глубокий вдох и снова заговорила:

— Мне позвонили…

— Когда?

— Вчера днём — точнее, ближе к вечеру. Около половины седьмого. Я подошла к телефону, ни о чём не подозревая. И на меня тут же посыпались грязные оскорбления, угрозы…

— А в каких словах это выражалось?

Миссис Прайс Ридли слегка порозовела.

— Я отказываюсь их повторять.

— В нецензурных выражениях, — сообщил констебль, слегка приглушая свой рокочущий бас.

— Вы услышали площадную брань?

— Смотря что называть площадной бранью.

— А вы поняли, о чём идёт речь? — спросил я.

— Разумеется, поняла.

— Значит, никакой грубой брани не было, — сказал я.

Миссис Прайс Ридли подозрительно взглянула на меня.

— Утончённая леди, естественно, не может быть знакома с грубой бранью, — пояснил я.

— Да нет, никаких дурных слов не было, — сказала миссис Прайс Ридли. — Вначале я даже попалась на удочку. Приняла за обычный разговор. Потом это… э-э… лицо перешло к личным оскорблениям.

— Оскорблениям?

— Да, это были ужасные оскорбления. Я так перепугалась!

— Угрожали вам, да?

— Да. А я не привыкла, чтобы мне угрожали.

— А чем они вам угрожали? Речь шла о телесных повреждениях?

— Этого бы я не сказала.

— Боюсь, миссис Прайс Ридли, что вам придётся быть несколько более откровенной. Чем именно вам угрожали?

Миссис Прайс Ридли явно не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Точно не могу вспомнить. Я так переволновалась. Но под конец, когда я была уже совсем вне себя, этот *негодяй* расхохотался.

— Голос был мужской или женский?

— Голос дегенерата, — авторитетно заявила миссис Прайс Ридли. — Неестественный, я бы сказала. То грубый, то писклявый. Очень *странный* голос.

— Наверно, обычный розыгрыш, — утешил её полковник.

— Если и так, то преступный розыгрыш — у меня мог случиться разрыв сердца!

— Мы постараемся всё выяснить, — сказал полковник. — Верно, инспектор? Проверьте, откуда звонили. Вы не могли бы сказать нам более определённо, что он говорил, миссис Прайс Ридли?

В глубине души миссис Прайс Ридли началась жестокая борьба. Скрытность боролась с мстительностью. Мстительность возобладала.

— Конечно, это должно остаться между нами, — начала она.

— Разумеется!

— Это существо сказало — я вряд ли смогу повторить эти слова…

— Ничего, ничего, — ободряюще вставил полковник Мельчетт.

— *Вы зловредная старая сплетница!* Я, полковник Мельчетт! Я — старая сплетница! *Но на этот раз вы зашли чересчур. Скотленд-Ярд вас притянет к суду за клевету.*

— Понимаю, как вы разволновались, — заметил полковник Мельчетт, покусывая усы, чтобы скрыть улыбку.

— *Попридержите язык, а то вам будет худо, и очень худо*. Не могу вам передать, с какой угрозой это было сказано. Я еле выговорила: «Кто вы?», вот так, и голос ответил: «Мститель». Я слабо вскрикнула. Слово прозвучало так жутко. А потом — потом оно засмеялось! Засмеялось! Это я точно слышала. И всё. Я слышала, как оно повесило трубку. Конечно, я тут же позвонила на коммутатор, узнать, откуда звонили, а они сказали, что понятия не имеют. Вы же знаете, какие там барышни. Ужасающе грубые и чёрствые.

— О да, — сказал я.

— Я просто лишилась сил, — продолжала миссис Прайс Ридли. — Нервы были так взвинчены, что, когда в лесу раздался выстрел, я буквально подскочила на полметра, уверяю вас. Можете себе представить!

— Выстрел в лесу? — насторожился инспектор Слак.

— Я была в таком состоянии, что он мне показался выстрелом из пушки. О, воскликнула я и без сил упала на софу. Клара была вынуждена принести мне стаканчик терносливовой наливки.

— Ужасно, — сказал Мельчетт. — Ужасно. Для вас это было тяжкое испытание. Выстрел был очень громкий, как вы сказали? Как будто стреляли поблизости?

— Мне это показалось, у меня нервы не выдержали.

— Конечно. Я понимаю. А в какое время вы слышали выстрел? Нам нужно знать, чтобы проследить, кто звонил.

— Примерно в половине седьмого.

— А более точно вы не могли бы сказать?

— Видите ли, маленькие часы у меня на камине только что отзвонили половину часа, и я сказала себе: «Эти часы опять спешат». (Часы и вправду убегают.) Я посмотрела на свои часики, и на них было всего десять минут седьмого, но, когда я поднесла их к уху, оказалось, что они стоят. Тут я подумала: «Что ж, если эти часы спешат, я через минуту-другую услышу звон на церковной колокольне». Но тут, как назло, зазвонил телефон, и у меня всё из головы вылетело. — Она замолчала, еле переводя дух.

— Что ж, это достаточно точно, — сказал полковник Мельчетт. — Мы всё для вас сделаем, миссис Прайс Ридли.

— Вы просто считайте это глупой шуткой и

больше не тревожьтесь, миссис Прайс Ридли, — добавил я.

Она холодно посмотрела на меня. Я понял, что происшествие с фунтовой бумажкой ещё не позабыто.

— Диковинные вещи творятся у нас в деревне последнее время, — сказала она, обращаясь к Мельчетту. — Диковинные вещи, иначе не скажешь. Полковник Протеро собирался ими заняться, и что же с ним сделали, с бедняжкой? Может, настал и мой черёд?

И она удалилась, недовольно покачивая головой. Мельчетт пробормотал себе под нос: «Увы, едва ли». Потом вопросительно взглянул на инспектора Слака.

Славный служака медленно наклонил голову.

— Похоже, всё сходится, сэр. Выстрел слышали трое. Остаётся узнать, кто стрелял. Возня с делом мистера Реддинга порядком нас задержала. Но у нас есть кое-какие зацепки. Пока я считал мистера Реддинга виновным, я их игнорировал. Теперь всё переменилось. И первое, чем я займусь, — это телефонный звонок.

— К миссис Прайс Ридли?

Инспектор ухмыльнулся:

— Да нет, хотя придётся взять и его на заметку,

а то старушенция от нас не отвяжется. Я говорю про ложный звонок, которым вызвали викария.

— Да, — сказал Мельчетт. — Это очень важно.

— А потом мы выясним, что делал каждый из них между шестью и семью часами. Я хочу сказать, опросим всех в Старой Усадьбе, да и в деревне тоже придётся почти всех допросить.

Я не сдержал вздоха:

— Вы на диво энергичны, инспектор Слак.

— Мой девиз: работа, работа и ещё раз работа! С вас, пожалуй, и начнём, мистер Клемент. Расскажите, что вы делали.

— Охотно. Мне позвонили около половины шестого.

— Голос мужской или женский?

— Женский. По крайней мере, мне так показалось. Но я, само собой, был в полной уверенности, что говорит миссис Аббот.

— Но голоса её вы не узнали?

— Этого я утверждать не берусь. Я вообще не обратил внимания на голос, как-то не задумывался над этим.

— И вы тотчас вышли? Пешком? У вас что, нет велосипеда?

— Нет.

— Понятно. Значит, пешком. И много это за-

няло?

— До фермы две мили без малого, какой дорогой ни пойдёшь.

— Через лес Старой Усадьбы всё же короче, не так ли?

— Вы правы. Но дорога плохая. Я шёл туда и обратно тропинкой через поля.

— Той самой, что подходит к калитке вашего сада?

— Да.

— А миссис Клемент?

— Жена была в Лондоне. Вернулась на поезде в восемнадцать пятьдесят.

— Верно. Служанка её видела. Ну, с вашим домом всё ясно. Надо побывать в Старой Усадьбе. Потом хочу допросить миссис Лестрэндж. Она ходила к Протеро накануне убийства — что-то тут нечисто. Да, в этом деле много странностей.

Я согласился.

Бросив взгляд на часы, я увидел, что пора ко второму завтраку. Я пригласил Мельчетта закусить чем бог послал, но он отговорился тем, что ему надо непременно быть в «Голубом Кабане». Там кормят отменно — у них всегда подадут и жаркое, и гарнир из овощей. Я подумал, что он сделал правильный выбор. После разговоров с

полицией Мэри, вероятно, не в самом благодушном настроении.

Глава 14

По дороге домой я попался мисс Хартнелл, и она не отпускала меня минут десять, если не больше, гулким басом обличая расточительность и неблагодарность бедняков. Камнем преткновения, насколько я понял, было то, что беднота не желала пускать на порог мисс Хартнелл. Я был всецело на их стороне. Моё общественное положение лишает меня возможности выразить свои симпатии или антипатии в столь недвусмысленной форме, как эти простые люди.

Я умиротворил её, как сумел, и спасся бегством. На углу, где я должен был свернуть к своему дому, меня обогнал Хэйдок на машине.

— Я только что отвёз миссис Протеро домой! — крикнул он.

Он ждал меня у ворот своего дома.

— Загляните на минутку, — сказал он.

Я не возражал.

— Поразительная история, — сказал он, бросая шляпу на стул и отворяя дверь в свою приёмную.

Он уселся в потёртое кожаное кресло и уставился неподвижным взглядом в стенку напротив. Хэйдок был явно ошеломлён, сбит с толку.

Я сообщил ему, что нам удалось установить время, когда был произведён выстрел. Он рассеянно выслушал известие.

— Это окончательно исключает вину Анны Протеро, — сказал он. — Что же, я рад, что эти двое тут ни при чём. Они оба мне нравятся.

Я верил ему и всё же не мог не задать себе вопрос: если, по его же словам, оба они ему нравились, почему он так помрачнел, узнав, что они невиновны? Только сегодня утром он был похож на человека, у которого с души свалился камень, а теперь сидел передо мной растерянный, в глубоком расстройстве.

И всё же я знал, что он говорит правду. Ему нравились оба — и Анна Протеро, и Лоуренс Реддинг. В чём же дело, откуда эта сумрачная сосредоточенность? Он сделал над собой усилие, чтобы встать.

— Я хотел поговорить с вами о Хоузе. Весь этот переполох заставил меня позабыть про него.

— Он серьёзно болен?

— Да нет, ничего серьёзного у него нет. Вы, конечно, знаете, что он переболел энцефали-

том[20], или сонной болезнью, как это обычно называют?

— Нет, — ответил я, крайне удивлённый. — Понятия не имел. Он мне ни слова про это не говорил. А когда он болел?

— Примерно с год назад. Он выздоровел, в общем, насколько можно выздороветь при такой болезни. Болезнь особая — после неё бывают поразительные остаточные явления, она отражается на психике, на моральном облике. Характер может измениться до неузнаваемости.

Он долго молчал, потом продолжал:

— Сейчас мы с ужасом думаем о тех временах, когда жгли на кострах ведьм. Мне кажется, что настанут дни, когда мы содрогнёмся при одной мысли о том, что мы когда-то вешали преступников.

— Вы против высшей меры наказания?

— Дело даже не в этом. — Он умолк. — Знаете, — медленно произнёс он наконец, — моя профессия всё же лучше вашей.

— Почему?

---

[20] notes: 20

Энцефалит — воспаление головного мозга, вызываемое болезнетворными микроорганизмами; одна из разновидностей энцефалита характеризуется повышенной сонливостью, при которой больной может спать в любом положении.

— Потому что вам приходится очень часто судить, кто прав, кто виноват, а я вообще не уверен, что можно об этом судить. А если всё это целиком зависит от желез внутренней секреции? Слишком активна одна железа, слишком мало развита другая — и вот перед вами убийца, вор, рецидивист. Клемент, я убеждён, что настанет время, когда мы с ужасом и отвращением будем вспоминать долгие века, когда мы позволяли себе упиваться так называемыми справедливыми мерами наказания за преступления, и поймём, что осуждали и наказывали людей больных, которые были не в силах справиться с болезнью, бедолаги! Ведь не вешают же того, кто болен туберкулёзом!

— Он не представляет опасности для окружающих.

— Нет, в определённом смысле он опасен. Он может заразить других. Ладно, возьмём, к примеру, несчастного, который воображает, что он китайский император. Вы же не обвиняете его в злом умысле. Я согласен, что общество нуждается в защите. Поместите этих людей куда-нибудь, где они никому не причинят вреда, даже устраните их безболезненным путём, да, я готов согласиться на крайние меры, но только не называйте это

наказанием. Не убивайте позором их семьи — невинных людей.

Я с интересом смотрел на него.

— Я никогда раньше не слышал от вас таких речей.

— А я не привык рассуждать о своих теориях на людях. Сегодня я сел на своего конька. Вы разумный человек, Клемент, а не о всяком священнике это можно сказать. Вы, безусловно, не согласитесь, что такого понятия, как грех, вообще не должно существовать, но хотя бы сможете допустить мысль об этом — вы человек широких взглядов.

— Это подрывает самую основу общепринятого мировоззрения, — сказал я.

— А как же иначе — ведь мы набиты предрассудками, чванством и ханжеством и обожаем судить о том, чего не понимаем. Я искренне считаю, что преступнику нужен врач, а не полиция и не священник. А в будущем, надеюсь, преступлений вообще не будет.

— Вы могли бы их лечить?

— Мы вылечили бы их. Какая удивительная мысль! Вы когда-нибудь интересовались статистикой преступности? Нет? Очень немногие ею интересуются. А я её изучал. Вас поразило бы

количество несовершеннолетних преступников — опять дело в железах, понимаете? Юный Нийл, убийца из Оксфордшира, убил пять маленьких девочек, прежде чем его задержали. Хороший мальчик, никогда никаких проступков за ним не водилось. Лили Роуз, девчушка из Корнуэлла, убила своего дядю за то, что он не разрешал ей объедаться конфетами. Ударила его молотком для разбивания угля, когда он спал. Её отослали домой, и она через две недели убила свою старшую сестру из-за какой-то пустяковой обиды. Конечно, их не приговаривали к повешению. Отослали в исправительные заведения. Может, они с возрастом исправились, а может, и нет. Девочка, во всяком случае, вызывает у меня сомнение. Ничем не интересуется, обожает смотреть, как режут свиней. Вы знаете, на какой возраст падает максимум самоубийств? На пятнадцать-шестнадцать лет. От самоубийства до убийства не так уж далеко. Но ведь это не моральный порок, а физический.

— Страшно слушать, что вы говорите!

— Нет, просто это для вас внове. Приходится смотреть прямо в лицо новым, непривычным истинам. И соответственно менять свои понятия. Однако порой это сильно осложняет жизнь.

Он сидел, сурово нахмурясь, словно придавленный необъяснимой усталостью.

— Хэйдок, — сказал я, — если бы вы подозревали, если бы знали, что некто совершил убийство, вы предали бы этого человека в руки закона или постарались выгородить его?

Воздействие этого вопроса превзошло мои ожидания. Хэйдок вспылил и бросил мне подозрительно и сердито:

— Почему вы это спросили, Клемент? Что у вас на уме? Выкладывайте начистоту.

— Признаюсь, я ничего определённого не имел в виду, — смущенно ответил я. — Но ведь мы сейчас только об убийстве и говорим. Я просто хотел узнать, как бы вы отнеслись к этому, если бы случайно угадали правду, вот и всё.

Его гнев улёгся. Он снова устремил взгляд прямо перед собой, как будто старался прочесть ответ на мучительную загадку, рождённую его собственным мозгом.

— Если бы я подозревал, если бы знал — я исполнил бы свой долг, Клемент. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Вопрос только в том, что бы вы сочли своим долгом?

Он взглянул мне в глаза, но я не смог ничего

прочесть в его взгляде.

— Этот вопрос встаёт перед каждым человеком рано или поздно, Клемент. И каждый принимает решение лично.

— Значит, вы не знаете?

— Не знаю…

Я счёл за благо переменить тему.

— Мой племянник — вот кто получает от всего этого бездну удовольствия, — заметил я. — Всё забросил, рыскает в поисках следов и окурков.

Хэйдок улыбнулся.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать исполнилось. В этом возрасте трагедии всерьёз не воспринимаются. В голове только Шерлок Холмс да Арсен Люпен.

Хэйдок задумчиво сказал:

— Красивый малый. А что вы с ним собираетесь делать дальше?

— Университет, боюсь, мне не по карману. Сам он хочет пойти в торговый флот. В военные моряки его не взяли.

— Да, жизнь там не сахар, но ведь он мог выбрать и похуже. Да, это ещё не самое плохое.

— Мне пора бежать! — воскликнул я, бросив взгляд на часы. — Я почти на полчаса опаздываю к ленчу!

Когда я пришёл, моё семейство как раз усаживалось за стол. Они потребовали полного отчёта о том, чем я занимался утром, и я всё им доложил, чувствуя, однако, что мой рассказ звучит как-то неинтересно, буднично.

Деннису, правда, очень понравился пассаж про телефонный звонок к миссис Прайс Ридли, и, когда я описывал нервное потрясение, которое потребовало успокоительного в виде тернослива наливки, он так и покатывался со смеху.

— Так ей и надо, старой греховоднице, — заявил он. — Самая заядлая сплетница в округе. Жаль, что не мне пришло в голову позвонить ей и напугать до полусмерти. Слышь, дядя Лен, а не вкатить ли ей вторую дозу, как ты думаешь?

Я поспешно стал его убеждать даже и не думать об этом. Нет ничего опаснее, чем благие намерения молодёжи, которая проявляет сочувствие и искренне старается помочь вам.

Настроение Денниса вдруг резко переменилось. Он нахмурился и напустил на себя вид светского льва.

— Я почти всё утро провёл с Летицией, — сказал он. — Знаешь, Гризельда, она и вправду очень огорчена. Не хочет показывать виду, конечно. Но она очень огорчена.

— Хотелось бы верить, — сказала Гризельда, тряхнув головкой.

Гризельда не особенно любит Летицию Протеро.

— По-моему, ты несправедлива к Летиции, вот что.

— Ты так думаешь? — сказала Гризельда.

— Сейчас почти никто не носит траур.

Гризельда промолчала, и я тоже. Деннис не унимался:

— Она почти ни с кем не может поделиться, но со *мной-то* она говорила. Эта история её жутко взволновала, и она считает, что надо что-то предпринимать.

— Она скоро убедится, — сказал я, — что инспектор Слак разделяет её мнение. Он сегодня собирается зайти в Старую Усадьбу, вполне вероятно, что от усердия в поисках истины он сделает жизнь тех, кто там живёт, совершенно невыносимой.

— А как ты думаешь, в чём истина, Лен? — внезапно спросила моя жена.

— Трудно сказать, дорогая моя. Сейчас я вообще не знаю, что и думать.

— Ты, кажется, говорил, что инспектор собирается проследить, откуда тебе звонили, когда

вызвали к Абботам?

— Да.

— А он сумеет? Ведь это очень трудно сделать, да?

— По-моему, вовсе не трудно. На центральном коммутаторе отмечают все звонки.

— О! — И моя жена надолго задумалась.

— Дядя Лен, — сказал мой племянник, — с чего это ты так набросился на меня сегодня утром, когда я пошутил, что ты, мол, хотел, чтобы полковника Протеро кто-то прикончил?

— А потому, — сказал я, — что всему своё время. У инспектора Слака чувство юмора отсутствует. Он принял твои слова за чистую монету, он может подвергнуть Мэри перекрёстному допросу и выправить ордер на мой арест.

— Он что, не понимает, когда его разыгрывают?

— Нет, — сказал я. — Не понимает. Он добился своего теперешнего положения неустанным трудом и служебным рвением. У него не оставалось времени на маленькие радости.

— Он тебе нравится, дядя Лен?

— Нет, — сказал я. — Отнюдь. Я его терпеть не могу. Но не сомневаюсь, что в своей профессии он достиг многого.

— Как ты думаешь, он докопается, кто убил старика Протеро?

— Если не докопается, — сказал я, — то вовсе не от недостатка усердия.

В дверях возникла Мэри и объявила:

— Там мистер Хоуз вас спрашивает. Я его провела в гостиную. Вам записка. Ждут ответа. Можно словами.

Я развернул записку и прочёл:

«Дорогой мистер Клемент, я буду очень благодарна вам, если вы зайдёте ко мне, как только сможете. Я в большом затруднении, и мне необходим ваш совет.

Искренне ваша Эстелла Лестрэндж».

— Передайте, что я буду через полчаса, — сказал я Мэри. Потом пошёл в гостиную, к Хоузу.

Глава 15

Я очень огорчился, увидев, в каком он состоянии. Руки у него тряслись, лицо нервно подёргивалось. Судя по всему, ему полагалось лежать в постели — так я ему и сказал. Он настойчиво доказывал, что чувствует себя совершенно здоровым.

— Уверяю вас, сэр, я никогда не чувствовал себя лучше. Никогда в жизни.

Это так разительно противоречило действительности, что я не нашёлся что ответить. Нельзя не почувствовать уважения к человеку, который героически сопротивляется болезни, но Хоуз зашёл слишком далеко.

— Я пришёл выразить вам своё глубокое сочувствие относительно событий, имевших место в вашем доме.

— Да, — ответил я, — приятного в этом мало.

— Ужасно, ужасно. Кажется, они освободили мистера Реддинга из-под ареста?

— Да. Произошла ошибка. Он, э-э, довольно необдуманно оговорил себя.

— И полиция окончательно уверилась в его невиновности?

— Безусловно.

— Могу ли я спросить — почему? Разве… то есть… Подозрение пало на кого-то другого?

Мне никогда бы и в голову не пришло, что Хоуз может так заинтересоваться перипетиями расследования убийства. Может быть, причина в том, что сие произошло в доме священника? Он выпытывал подробности, как заправский газетчик.

— Не думаю, чтобы инспектор Слак посвящал меня во все свои соображения. Насколько мне известно, конкретно он пока не подозревает никого. Он занят расследованием.

— Да, да, разумеется. Но вы могли бы вообразить, что кто-то способен на такое чёрное дело?

Я покачал головой.

— Полковник Протеро не пользовался особой любовью, я знаю. Но убийство! Для убийства нужны очень серьёзные основания.

— Надо полагать, — сказал я.

— А у кого могли быть настолько серьёзные основания? Полиция знает?

— Не могу сказать.

— У него могли быть враги, если подумать. Чем больше я размышляю над этим, тем более убеждаюсь, что у такого человека обязательно

должны быть враги — у него была репутация сурового судьи.

— Думаю, могли.

— Вы ещё сомневаетесь, сэр. Разве вы не помните? Он ещё вчера утром говорил вам об угрозах этого самого Арчера.

— Да, теперь я припоминаю, — сказал я. — Разумеется, помню. Вы как раз стояли совсем рядом с нами.

— Да, и я слышал его слова. Невозможно не подслушать — такой уж у него был голос. Очень громкий голос. Я помню, что на меня произвели большое впечатление ваши слова. Вы ему сказали, что, когда настанет его час, к нему могут тоже проявить справедливость вместо милосердия.

— Разве я так сказал? — спросил я, нахмурившись. Сам я помнил собственные слова несколько иначе.

— Вы сказали это так внушительно, сэр. Я был потрясён. Справедливость может быть ужасной. И подумать только: бедного полковника так скоро постигла смерть. Поневоле поверишь в предчувствия.

— Никакого предчувствия у меня не было, — отрезал я. Мне очень не по душе склонность Хоуза к мистицизму. В нём есть что-то от духовидца.

— А вы сообщили полиции про этого Арчера, сэр?

— Мне о нём ничего не известно.

— Я имел в виду то, что вам сказал полковник Протеро, что Арчер ему угрожает. Это вы им передали?

— Нет, — медленно произнёс я. — Не передал.

— Но ведь вы собираетесь это сделать?

Я не отвечал. Вызывать гонения на человека, который уже пострадал от рук закона и правопорядка, — это мне не по душе. Я не заступаюсь за Арчера. Он закоренелый браконьер — один из тех развесёлых бездельников, которые водятся в любом приходе. Но что бы он там ни сказанул сгоряча, когда его посадили, это ещё не значило, что, выйдя из тюрьмы, он всё ещё будет лелеять планы мести.

— Вы слышали наш разговор, — сказал я наконец. — Если вы считаете своим долгом сообщить полиции, можете это сделать.

— Лучше, если вы это сделаете сами.

— Возможно, но, по правде говоря, я этого делать не собираюсь. Не хотелось бы помогать затягивать петлю на шее невиновного.

— Но если это он застрелил полковника Протеро…

— Вот именно, если! Против него нет никаких улик или показаний.

— Он угрожал.

— Если говорить начистоту, угрожал не он, а полковник Протеро. Полковник Протеро грозился показать Арчеру, чего стоят его разговоры о мести, если он попадётся ещё раз на браконьерстве.

— Мне непонятно ваше отношение, сэр.

— Вот как? — устало сказал я. — Вы человек молодой. Вы ревностно боретесь за справедливость. Когда доживёте до моего возраста, вы и сами будете снисходительнее и предпочтёте толковать сомнения в пользу обвиняемого.

— Дело не в том — то есть…

Он замолк, и я посмотрел на него не без удивления.

— Вы сами, вы никого не подозреваете, не предполагаете, кто убийца, я хотел спросить?

— Боже упаси, нет.

— А о причинах убийства?.. — настаивал Хоуз.

— Ничего не знаю. А вы?

— Я? Что вы, нет. Просто полюбопытствовал. Может быть, полковник Протеро поделился с вами, упомянул в частной беседе…

— Его «частная беседа»! То, что он сказал, от слова до слова слышала вчера утром вся улица.

— Да, да, вы правы. Так вы не думаете про Арчера?

— Полиция вскорости будет знать про Арчера всё, что нужно, — сказал я. — Если бы я собственными ушами слышал, как он угрожает полковнику Протеро, это было бы другое дело. Но можете быть уверены, что, если он и вправду угрожал полковнику расправой, его слышало полдеревни, и до полиции это дойдёт своим чередом. Но вы, естественно, вольны поступать по собственному разумению.

Однако Хоуз с непонятным упорством отказывался предпринимать что-либо лично. Во всём его поведении проглядывала неестественная нервозность. Я вспомнил, что говорил Хэйдок о его болезни. Очевидно, этим всё и объяснялось.

Он нехотя распрощался со мной, как будто хотел ещё что-то сказать, но не знал, как к этому подступиться. Я договорился с ним, что он возьмёт на себя службу для Союза матерей, а заодно и собрание Гостей округа по окончании службы. У меня на вторую половину дня были свои планы.

Хоуз ушёл, а я, выбросив из головы и его, и его горести, решил, что пора идти к миссис Лестрэндж.

На столике в холле лежали нераспечатанные

газеты: «Гардиан» и «Церковный вестник»[21].

По дороге я вспомнил, что миссис Лестрэндж встречалась с полковником Протеро вечером накануне убийства. Вполне возможно, что в их разговоре проскользнуло что-нибудь, указывающее на личность убийцы.

Меня сразу же проводили в маленькую гостиную, и миссис Лестрэндж поднялась мне навстречу. Я ещё раз почувствовал ту чудодейственную атмосферу, какую умела создать вокруг себя эта женщина. На ней было платье из совершенно чёрной, без блеска, материи, подчёркивавшей необычайную белизну её кожи. В её лице была какая-то странная мертвенность. Только глаза сверкали огнём, были полны жизни. Сегодня в её взгляде я уловил настороженность. И всё — никаких признаков беспокойства я больше не заметил.

— Вы очень добры, мистер Клемент, — сказала она, пожимая мне руку. — Спасибо, что пришли. Я хотела всё вам сказать ещё тогда. Потом передумала. И напрасно.

---

[21] notes: 21

«*Гардиан*» — ежедневная газета либерального направления, основанная в 1821 году; «*Церковный вестник*» (*«Чёрч таймс»*) — еженедельная газета англиканской церкви, издающаяся в Лондоне и основанная в 1863 году.

— Я как-то говорил вам — я готов помочь вам всем, чем могу.

— Да, я помню. И мне кажется, это не пустые слова. За всю мою жизнь очень немногие, мистер Клемент, искренне предлагали мне свою помощь.

— В это трудно поверить, миссис Лестрэндж.

— Тем не менее это правда. Большинство людей — большинство мужчин, по крайней мере, — преследуют свои собственные цели. — В её голосе прозвучала горечь.

Я промолчал, и она продолжила:

— Прошу вас, присядьте.

Я повиновался, она села на стул напротив. Немного помедлив, она заговорила — неторопливо и вдумчиво, словно тщательно взвешивая каждое слово:

— Я попала в очень необычное положение и хотела бы с вами посоветоваться. Я хотела бы спросить у вас, как мне быть дальше. Что прошло, то прошло — тут ничего уже не изменишь. Вы понимаете меня?

Я не успел ответить — горничная, которая мне открывала, распахнула дверь и испуганно пролепетала:

— О, простите, мэм, там пришёл инспектор

полиции, он сказал, что ему нужно с вами поговорить, простите!

Наступило молчание. Миссис Лестрэндж нимало не изменилась в лице. Только медленно прикрыла и снова открыла глаза. Мне показалось, что она преодолела лёгкий спазм в горле, но голос у неё был всё тот же — чистый, спокойный:

— Проведите его сюда, Хильда.

Я собрался было уходить, но она повелительным жестом остановила меня:

— Если бы вы остались — я была бы вам очень признательна.

Я снова сел, пробормотав:

— Разумеется, как вам угодно.

Тут в комнату беглым строевым шагом ворвался Слак.

— Добрый день, мадам.

— Добрый день, инспектор.

В эту минуту инспектор заметил меня и скорчил злую гримасу. Можно не сомневаться — добрых чувств ко мне Слак не питал.

— Надеюсь, вы не возражаете против присутствия викария?

Очевидно, Слаку было неловко сказать, что он возражает.

— Н-н-нет, — проворчал он. — Хотя лучше бы,

конечно…

Миссис Лестрэндж намёком пренебрегла.

— Чем могу быть полезна, инспектор? — спросила она.

— А вот чем, мадам. Я расследую дело об убийстве полковника Протеро. Мне поручено собрать все сведения.

Миссис Лестрэндж кивнула.

— Это чистая формальность, но я обязан всех об этом спросить: где вы были вчера между шестью и семью часами вечера? Чистая формальность, как вы понимаете.

— Вы хотите знать, где я была вчера вечером между шестью и семью часами?

— Так точно, мадам.

— Попробую вспомнить. — Она немного поразмыслила. — Я была здесь. В этом доме.

— А! — Я видел, как блеснули глаза инспектора. — А ваша служанка — у вас, кажется, одна служанка, — она может подтвердить ваши показания?

— Нет, у Хильды был свободный вечер.

— Понятно.

— Так что, к сожалению, вам придётся поверить мне на слово, — любезно сказала миссис Лестрэндж.

— Вы с полной ответственностью утверждаете, что были дома весь вечер?

— Вы сказали «между шестью и семью», инспектор. Несколько раньше я выходила прогуляться. Когда я вернулась, ещё не было пяти.

— Значит, если некая дама — к примеру, мисс Хартнелл — определённо заявляет, что зашла сюда около шести, позвонила, но, так никого и не дождавшись, вынуждена была уйти, вы скажете, что она ошибается, э?

— О нет. — Миссис Лестрэндж покачала головой.

— Однако…

— Если горничная дома, она может сказать, что вас нет. А когда остаёшься одна и тебе не хочется принимать визитёров — что ж, остается только терпеть, пока они трезвонят в дверь.

Инспектор Слак слегка смешался.

— Старые дамы нагоняют на меня ужасную скуку, — сказала миссис Лестрэндж. — А мисс Хартнелл в этом смысле не имеет себе равных. Она позвонила раз шесть, прежде чем соблаговолила уйти.

Она одарила инспектора Слака прелестной улыбкой.

Инспектор переменил тему:

— А если кто-нибудь сказал, что видел вас около этого времени…

— Но ведь меня никто не видел, не правда ли? — Она мгновенно нащупала слабое звено. — Меня никто не видел, потому что я была дома.

— Вы совершенно правы, мадам.

Инспектор пододвинул свой стул чуть ближе.

— Теперь вот что, миссис Лестрэндж: мне известно, что вы нанесли визит полковнику Протеро накануне убийства, поздно вечером.

Миссис Лестрэндж спокойно подтвердила:

— Да, это так.

— Можете ли вы сказать мне, о чём вы говорили?

— Беседа касалась личных дел, инспектор.

— К сожалению, я вынужден просить вас уточнить, о чём именно шёл разговор.

— Я не могу выполнить вашу просьбу, но я уверяю вас, этот разговор не имел никакого отношения к преступлению.

— Не думаю, что вы можете судить об этом вполне компетентно.

— Тем не менее вам придётся поверить мне на слово.

— Получается, что я во всём должен верить вам на слово.

— Кажется, вы правы, — согласилась она с той же улыбкой, с тем же спокойствием.

Инспектор Слак сделался красным как рак.

— Дело очень серьёзное, миссис Лестрэндж. Мне нужна правда… — Он грохнул кулаком по столу. — И я намерен её узнать.

Миссис Лестрэндж не произнесла ни слова.

— Разве вы не видите, мадам, что ставите себя в весьма сомнительное положение?

Миссис Лестрэндж по-прежнему не удостоила его ответом.

— Вы будете обязаны дать показания на следствии.

— Да.

Вот и всё, чего он добился. Равнодушного и сухого «да». Инспектор изменил тактику:

— Вы были знакомы с полковником Протеро?

— Да, я была с ним знакома.

— Близко знакомы?

— Я не виделась с ним много лет, — ответила она после небольшой паузы.

— Были ли вы знакомы с миссис Протеро?

— Нет.

— Вы извините меня, но время для визита выбрано довольно странное.

— Я думаю иначе.

— Что вы хотите сказать?

— Мне хотелось видеть только полковника Протеро. Я не хотела встречаться с миссис Протеро или с мисс Протеро. И я сочла это время наиболее удобным для моих намерений.

— Почему вы не хотели видеть ни миссис Протеро, ни мисс Протеро?

— А это уж моё дело, инспектор.

— Значит, вы отказываетесь от дальнейших показаний?

— Категорически.

Инспектор Слак вскочил.

— Если вы не поостережётесь, мадам, то можете поставить себя в скверное положение. Это всё выглядит очень подозрительно — весьма подозрительно.

Она рассмеялась. Мне следовало пояснить инспектору Слаку, что такую женщину напугать не очень-то просто.

— Ну, ладно, — сказал он, стараясь отступить без ущерба для собственного достоинства, — только потом не говорите, что я вас не предостерёг. Доброго вечера, мадам, но помните: мы всё равно добьёмся правды.

Он удалился. Миссис Лестрэндж поднялась и протянула мне руку.

— Я хочу попрощаться с вами — да, так будет лучше. Видите ли, теперь советоваться поздно. Я сделала выбор. — Она повторила с какой-то безнадёжностью в голосе: — Я сделала свой выбор.

Глава 16

На пороге дома я столкнулся с Хэйдоком. Он бросил неприязненный взгляд вслед Слаку, как раз выходившему из калитки, и резко спросил:

— Он её допрашивал?

— Да.

— Надеюсь, он был вежлив?

По моему мнению, вежливость — искусство, которому инспектор Слак научиться так и не сумел, хотя сам он, видимо, считал свои манеры безупречными. Однако мне не хотелось ещё больше расстраивать Хэйдока. Он и без этого выглядел озабоченным и удручённым. Поэтому я сказал, что инспектор держался вполне прилично.

Кивнув, Хэйдок прошёл в дом, а я пошёл вперёд по деревенской улице и вскоре нагнал инспектора. Подозреваю, что он нарочно замедлял шаг. Какую бы антипатию он ко мне ни испытывал, он не из тех, кто допустит, чтобы симпатии и антипатии мешали ему раздобыть нужную информацию.

— Вы что-нибудь знаете об этой даме? — напрямик спросил он меня.

Я ответил, что совершенно ничего не знаю.

— Она вам не говорила, почему сюда переехала?

— Нет.

— И однако же, вы к ней ходите?

— Посещение прихожан входит в мои обязанности, — ответил я, не упоминая о том, что за мной посылали.

— Хм… Пожалуй… — Некоторое время он что-то обдумывал, а потом заговорил снова, не устояв перед искушением продолжить не увенчавшийся успехом разговор в доме миссис Лестрэндж: — Тёмное дельце, как я погляжу.

— Вы так думаете?

— Ну да, типичное вымогательство. Довольно забавно, если вспомнить, какая репутация была у этого полковника Протеро. Но ведь верить нельзя никому. Церковный староста, который ведёт двойную жизнь. Не он первый, не он последний.

У меня в голове промелькнуло смутное воспоминание о высказывании мисс Марпл по тому же поводу.

— Неужели вы всерьёз так думаете?

— Так уж выходит, все факты налицо, сэр. С чего бы такой изящной и нарядной леди забираться в эту забытую богом дыру? С чего это она отправляется к нему в гости в такое время, когда с

визитами не ходят? Странно! А почему она не желает видеть ни миссис Протеро, ни мисс Протеро? Да уж, всё сходится. Она не спешит признаваться, ведь вымогательство — уголовно наказуемое деяние. Но мы из неё правду вытряхнем. Судя по тому, что нам известно, её показания будут очень интересны. Если у полковника Протеро был какой-то тёмный секретик в жизни — что-нибудь постыдное, — тогда, сами понимаете, перед нами открываются широкие возможности.

Это я хорошо понимал.

— Я пытался вытянуть что-нибудь из дворецкого. Мог же он подслушать, о чём говорили полковник Протеро и Лестрэндж. За дворецкими это водится. Но он клятвенно уверяет, что даже понятия не имеет, о чём они говорили. Кстати, из-за визита этой леди он потерял работу: полковник на него набросился чуть не с кулаками за то, что он посмел её впустить. Дворецкий в ответ пригрозил, что уйдёт. Говорит, этот дом всё равно был ему не по душе и он собирался уходить в любом случае.

— Вот как?

— Вот вам, кстати, и ещё один человек, который мог затаить зло на полковника.

— Но вы же не подозреваете этого человека

всерьёз — как его фамилия, кстати?

— Фамилия его Ривз, я и не говорил, что подозреваю его. Просто верить никому нельзя, вот это точно. Мне его манеры не нравятся — уж больно он елейный, скользкий, как угорь.

Интересно, что сказал бы Ривз о манерах инспектора Слака?

— Теперь, пожалуй, самое время допросить шофёра.

— В таком случае, — сказал я, — нельзя ли мне подъехать с вами на машине? Мне нужно поговорить с миссис Протеро.

— О чём это?

— О предстоящих похоронах.

— А! — Инспектор Слак едва заметно смутился. — Следствие состоится завтра, в субботу.

— Именно так. Похороны, вероятно, будут назначены на вторник.

Казалось, инспектор Слак слегка устыдился своей грубости. Он попытался её загладить, предложив мне присутствовать при допросе шофёра, Мэннинга.

Мэннинг славный малый, ему не больше двадцати шести. Инспектор явно нагонял на него страх.

— Ну вот что, парень, — сказал Слак, — мне

нужно у тебя кое-что узнать.

— Да, сэр, — пролепетал шофёр. — Как угодно, сэр. — Если бы убийство было делом его рук, он вряд ли выглядел бы более потерянным и перепуганным.

— Ты возил своего хозяина в деревню вчера днём?

— Да, сэр.

— В котором часу?

— В пять тридцать.

— Миссис Протеро была с вами?

— Да, сэр.

— По дороге нигде не останавливались?

— Нет, сэр.

— А что вы делали в деревне?

— Полковник вышел и сказал, что машина ему больше не понадобится. Он пойдёт домой пешком. Миссис Протеро поехала за покупками. Свёртки уложили в машину. Она сказала, что я больше не нужен, и я поехал домой.

— А она осталась в деревне?

— Да, сэр.

— Который был час?

— Четверть седьмого, сэр. Точно четверть седьмого.

— А где ты её оставил?

— Возле церкви, сэр.

— Полковник говорил, куда собирается, или нет?

— Он сказал, что надо повидать ветеринара… насчёт одной из лошадей.

— Ясно. И ты приехал сюда, прямиком?

— Да, сэр.

— В Старой Усадьбе два въезда — Южный и Северный. Как я понимаю, в деревню ты выезжал через Южные ворота?

— Да, сэр, как всегда.

— А обратно — тем же путём?

— Да, сэр.

— Гм-м… Ну ладно, пока достаточно. А! Вот и мисс Протеро.

Летиция шла к нам медленно, словно нехотя.

— Я беру «Фиат», Мэннинг, — сказала она. — Заведите мотор, пожалуйста.

— Сию минуту, мисс.

Он подошёл к двухместной спортивной машине и поднял капот.

— Можно вас на минуту, мисс Протеро? — сказал Слак. — Мне необходимо знать, кто где был вчера во второй половине дня. Простая формальность, не обижайтесь.

Летиция смотрела на него, широко раскрыв

глаза.

— Да я сроду не смотрю на часы!

— Насколько я знаю, вчера вы ушли из дому вскоре после ленча?

Она кивнула.

— А куда, разрешите узнать?

— Играть в теннис.

— С кем?

— С семьёй Хартли Напье.

— Из Мач-Бенэма?

— Да.

— А когда вы вернулись?

— Не знаю. Я же вам сказала, что никогда не смотрю на часы.

— Вы вернулись, — сказал я, — около половины восьмого.

— А, верно, — сказала Летиция. — Прямо в разгар представления. Анна в истерике, а Гризельда её утешает.

— Благодарю вас, мисс, — сказал инспектор. — Это всё, что я хотел узнать.

— Только-то? — сказала Летиция. — Вы меня разочаровали.

Она пошла от нас к «Фиату».

Инспектор украдкой дотронулся до своего лба и шёпотом спросил:

— Что, малость не в себе?

— Ничего подобного, — сказал я. — Но ей нравится такой казаться.

— Ладно. Пойду допрошу прислугу.

Заставить себя полюбить инспектора Слака — свыше сил человеческих, но его кипучей энергией нельзя не восхищаться.

Мы расстались, и я спросил у Ривза, где я могу найти миссис Протеро.

— Она прилегла отдохнуть, сэр.

— Тогда я не стану её беспокоить.

— Может, вы подождёте, сэр, я знаю, миссис Протеро хотела обязательно с вами повидаться. Она сама сказала за ленчем.

Он провёл меня в гостиную, включил свет — занавески были опущены.

— Какие печальные события, — сказал я.

— Да, сэр. — Голос дворецкого звучал холодно, хотя и почтительно.

Я взглянул на него. Какие чувства кипят под этой маской вежливого равнодушия? Может быть, он знает что-то, но не говорит? Трудно найти что-либо более неестественное для человека, чем маска вышколенного слуги.

— Ещё что-нибудь угодно, сэр?

Мне почудилось, что за этим привычным вы-

ражением таится хорошо скрытая тревога.

— Нет, ничего, — ответил я.

Мне не пришлось долго ждать — Анна Протеро вышла ко мне очень скоро. Мы поговорили о некоторых делах, а потом она воскликнула:

— Какой чудный, добрый человек доктор Хэйдок!

— Лучший из всех, кого я знаю.

— Он был поразительно добр ко мне. Но у него всегда такой грустный вид — вам не кажется?

Мне как-то не приходило в голову называть Хэйдока грустным. Я немного подумал.

— Нет, не замечал, — сказал я.

— И я тоже, до сегодняшнего дня.

— Порой наши личные горести обостряют наше зрение, — сказал я.

— Как это верно. — Она помолчала и сказала: — Мистер Клемент, одного *я никак* не могу понять. Если мужа застрелили сразу же после моего ухода, то почему я не слышала выстрела?

— Полиция полагает, что выстрел был сделан позже.

— А как же записка — там стоит «18.20»?

— Возможно, эти цифры приписаны другой рукой — рукой убийцы.

Кровь отхлынула от её щёк.

— Какой ужас!

— А вам не бросилось в глаза, что цифры написаны не его почерком?

— Да там вообще не его почерк!

Это была правда. Неразборчивые каракули в записке ничем не напоминали чёткий почерк Протеро.

— Вы уверены, что они не подозревают Лоуренса?

— По-моему, с него сняты все подозрения.

— Но, мистер Клемент, кто же это сделал? Люциус не вызывал у людей симпатии — я знаю, но и настоящих врагов у него не было, мне кажется. То есть заклятых врагов.

Я покачал головой:

— Сие покрыто тайной.

Я снова вспомнил о семи подозреваемых, которых не захотела назвать мисс Марпл. Хотелось бы знать, кто они…

Распрощавшись с Анной, я приступил к выполнению своего замысла.

Я пошёл домой по тропинке. Дойдя до перелаза, я немного вернулся назад, до места, где растительность казалась мне слегка помятой, свернул с тропинки и углубился в кусты. Лес здесь был густой, с кустарником, ветви которого перепле-

тались внизу. Я пробивался сквозь заросли с некоторым усилием, как вдруг услышал, что недалеко от меня ещё кто-то пробирается через кустарник. Я остановился в нерешительности, и передо мной возник Лоуренс Реддинг. Он тащил увесистый валун.

Должно быть, вид у меня был удивлённый — Лоуренс вдруг разразился смехом.

— Да нет, — сказал он. — Это не улика, а нечто вроде мирного подношения.

— Мирное подношение?

— Ну да, назовём это началом мирных переговоров. Мне нужен предлог, чтобы зайти к вашей соседке, мисс Марпл, и мне подсказали, что лучше всего преподнести ей камень или обломок скалы для её японского садика.

— Это верно, — согласился я. — А что вам понадобилось от почтенной леди?

— Вот что. Если вчера вечером можно было что-нибудь увидеть, мисс Марпл это наверняка видела. Я даже не говорю о чём-то, непременно связанном с убийством, то есть связанном с её точки зрения. Я имею в виду просто что-то из ряда вон выходящее, диковинное, какую-нибудь мелочь, которая поможет нам разгадать загадку. Что-то такое, о чём она даже не сочла нужным

сообщить полиции.

— Такое очень может быть, мне кажется.

— Во всяком случае, игра стоит свеч. Клемент, я собираюсь разобраться в этом деле до конца. Хотя бы ради Анны. А на Слака я не очень надеюсь, конечно, он из кожи вон лезет, но усердие никогда не заменит ума.

— Насколько я понял, передо мной излюбленный герой приключенческих историй — сыщик-любитель, — сказал я. — Не уверен, что в реальной жизни они и впрямь оказываются удачливей профессионалов.

Он пристально взглянул на меня и внезапно расхохотался.

— А вы-то что делаете в лесу, падре?

Признаюсь, я покраснел.

— Наверно, то же, что и я, могу поклясться. Нам с вами явилась одна и та же мысль, правда? *Как убийца пробрался в кабинет*? Первый путь — по аллее и в калитку, второй — через парадную дверь, третий — есть какой-нибудь третий путь, а? Я решил расследовать, нет ли следов и сломанных кустов поблизости от стены вашего сада.

— И мне пришло в голову то же самое, — сознался я.

— Однако я не успел приступить к делу, — про-

должал Лоуренс. — Так как решил, что надо бы сначала повидать мисс Марпл, убедиться, что никто не проходил по аллее вчера вечером, пока мы были в мастерской.

Я замотал головой.

— Она настаивала на том, что никто не проходил.

— Ну да, никто — никто из тех, кого она считает кем-то. Звучит как дикий бред, но вы меня понимаете. Мог же там быть кто-то вроде почтальона, или молочника, или посыльного от мясника — кто-то, чьё присутствие настолько привычно, что вы об этом не считаете нужным даже упоминать.

— Вы начитались Честертона[22], — заметил я.

Лоуренс не отпирался.

— Вам не кажется, что в этом что-то есть?

— Всё может быть, — согласился я.

И мы без промедления отправились к мисс Марпл. Она работала в своём садике и окликнула нас, когда мы перебирались через перелаз.

— Что я говорил? — шепнул Лоуренс. — Она видит всё и вся.

Она приняла нас очень приветливо и очень об-

---

[22] notes: 22

Честертон, Кит Гильберт (1874—1936) — английский писатель и мыслитель, автор циклов рассказов о сыщике-священнике отце Брауне.

радовалась громадному валуну, который Лоуренс торжественно ей преподнёс.

— Вы так заботливы, мистер Реддинг. Необыкновенно заботливы.

Лоуренс, ободрённый похвалой, приступил к расспросам. Мисс Марпл выслушала его со вниманием.

— Да-да, я понимаю, что вы хотите сказать, и вы совершенно правы — об этих встречах никто никогда не упоминает или не считает их достойными упоминания. Но я вас уверяю, что ничего подобного не было. Ничего подобного.

— Вы уверены, мисс Марпл?

— Совершенно уверена.

— А может, вы видели кого-нибудь, кто шёл в тот вечер по тропинке в лес? — спросил я. — Или выходил из лесу?

— О! Да, множество народу. Доктор Стоун и мисс Крэм пошли той дорогой — им так ближе всего до раскопа. Это было после двух. Доктор Стоун потом вернулся тем же путём — вы это сами знаете, мистер Реддинг, он ведь подошёл к вам и миссис Протеро.

— Кстати, — вспомнил вдруг я. — Выстрел — тот, что вы слышали, мисс Марпл. Мистер Реддинг и миссис Протеро должны были тоже

его слышать.

Я вопросительно взглянул на Лоуренса.

— Да, — сказал он, хмурясь. — Мне кажется, я слышал какие-то выстрелы. Кажется, был один или два.

— Я слышала только один, — заметила мисс Марпл.

— Мне было не до того, и я не обратил внимания, — сказал Лоуренс. — Проклятье, если бы я мог вспомнить! Если бы я знал! Вы понимаете, я был так поглощён, так…

Он смутился и умолк. Я тактично кашлянул. Мисс Марпл, радея о благопристойности, переменила тему:

— Инспектор Слак пытался выяснить, слышала я выстрел после того, как мистер Реддинг и миссис Протеро вышли из мастерской, или до того. Мне пришлось признаться, что я определённо сказать не могу, но мне кажется — и тем больше, чем больше я об этом думаю, — что это было после.

— Тогда это, по крайней мере, оправдывает знаменитого доктора Стоуна, — сказал Лоуренс с глубоким вздохом. — Хотя не было ни малейшего повода подозревать его в убийстве бедняги Протеро.

— Ах, — откликнулась мисс Марпл. — Мне всегда казалось, что было бы благоразумнее подозревать каждого — совсем немного, чуть-чуть. Я всегда говорю — ничего нельзя знать заранее, не правда ли?

Мисс Марпл оставалась верна себе. Я спросил Лоуренса, согласен ли он с её мнением относительно выстрела.

— Ничего не могу сказать, хоть убейте. Понимаете, был просто какой-то привычный звук. Я бы скорее сказал, что он прозвучал, когда мы ещё были в мастерской. Стены заглушили его — и мы не обратили на него внимания.

Тому были иные причины, кроме глухих стен, заметил я про себя.

— Я спрошу Анну, — сказал Лоуренс. — Она может вспомнить. Да, кстати, мне кажется, есть ещё одно загадочное происшествие, нуждающееся в объяснении. Миссис Лестрэндж, эта таинственная незнакомка в Сент-Мэри-Мид, нанесла визит старику Протеро в среду вечером после обеда. И похоже, никто не знает, в чём там было дело. Старик Протеро не заикнулся об этом ни жене, ни Летиции.

— Быть может, наш викарий знает, — сказала мисс Марпл.

Ну как эта женщина проведала, что я сегодня днём заходил к миссис Лестрэндж? Как она обо всём дознаётся, ума не приложу! В этом есть что-то мистическое. Просто ужас берёт.

Я покачал головой и сказал, что ничего не знаю.

— А что думает инспектор Слак? — спросила мисс Марпл.

— Он приложил все усилия, чтобы запугать дворецкого, но дворецкий оказался, как видно, не слишком любопытен и не подслушивал под дверью. Так что никто ничего не знает, увы.

— А мне казалось, что кто-нибудь должен был услышать, хотя бы случайно, — сказала мисс Марпл. — Понимаете, кто-нибудь всегда *слышит*, не так ли? Мне кажется, мистер Реддинг может что-нибудь разузнать.

— Но миссис Протеро тоже ничего не знает.

— А я и не говорю про Анну Протеро, — парировала мисс Марпл. — Я говорю про служанок, про женскую часть прислуги. Они ни за что не станут откровенничать с полицией. Но привлекательный молодой человек — прошу меня извинить, мистер Реддинг, — да ещё после того, как его несправедливо заподозрили, — о! Я не сомневаюсь, что ему они тотчас всё выложат.

— Пойду и попытаю счастья сегодня же, — с жаром заявил Лоуренс. — Благодарю за идею, мисс Марпл. Пойду туда сразу же — сразу же после того, как мы с викарием довершим одно маленькое общее дельце.

Я тоже подумал, что пора заняться «дельцем». Я попрощался с мисс Марпл, и мы с Лоуренсом снова пошли в лес.

Сначала мы прошли по тропе до того места, где явно кто-то протоптал след вправо от дорожки. Лоуренс сказал, что он уже шёл по этому следу и ничего не обнаружил, но, добавил он, можно ещё раз проверить. Может быть, он чего-то не заметил.

Однако он был прав. Через десять-двенадцать ярдов было уже не видно ни сломанных веток, ни сбитой листвы. Именно с этого места Лоуренс вернулся на тропу раньше, когда мы повстречались.

Мы снова вышли на тропу и прошли дальше, до того места, где кусты были чуть примяты — почти незаметно для глаза. На этот раз след оказался куда интереснее. Он извивался, неуклонно ведя к стене моего сада. Наконец мы вышли к стене — там, где кусты подступали к ней вплотную. Стена была высокая. Верх её венчало весьма сомнительное украшение — куски битых бутылок, так

что, если бы кто-то приставлял к стене лестницу, следы обязательно сохранились бы не только на земле, но и наверху.

Мы медленно пробирались вдоль стены, когда до наших ушей донёсся треск сломанной ветки. Я поспешил вперёд, прорываясь сквозь густые заросли кустарника, и нос к носу столкнулся с инспектором Слаком.

— Так, это вы, — сказал он. — И мистер Реддинг. Позвольте спросить, что это вы, джентльмены, тут делаете?

Мы были слегка обескуражены и во всём признались.

— Ах вот оно что, — сказал инспектор. — А ведь, оказывается, мы не такие идиоты, как о нас думают, — мне пришла в голову та же мысль. Я здесь уже больше часа. Хотите знать моё мнение?

— Да, — кротко ответил я.

— Кто бы там ни убил полковника Протеро, он прокрался не отсюда! Ни одного следа ни с этой стороны, ни с той. Тот, кто убил полковника Протеро, вошёл с парадного хода. И другого пути нет.

— Невозможно! — воскликнул я.

— Почему это невозможно? У вас дверь всегда нараспашку. Любой может войти при желании.

Из кухни ничего не видать. Они знали, что вас удалось убрать с дороги, знали, что миссис Клемент уехала в Лондон, знали, что мистер Деннис приглашён играть в теннис. Это же проще, чем дважды два четыре. И не было никакой необходимости разгуливать по деревне. Прямо против ворот вашего сада проходит дорожка, по ней можно повернуть вот в этот самый лес и выйти где вам заблагорассудится. И всё пойдёт как по маслу — если только миссис Прайс Ридли в эту самую минуту не выйдет из своей калитки. И ни к чему по стенам лазать. Тем более что из окон верхнего этажа в доме миссис Прайс Ридли просматривается почти вся стена. Нет, вы уж мне поверьте, они прошли только так, и не иначе.

Приходилось согласиться — очевидно, он был прав.

Глава 17

На следующее утро инспектор Слак зашёл повидать меня. Мне кажется, что он наконец-то сменил гнев на милость. Может быть, со временем он позабудет даже историю с часами.

— Знаете, сэр, — начал он вместо приветствия, — а я проследил, откуда вам звонили.

— Что вы? — живо отозвался я.

— Загадочный звоночек. Звонили из домика привратника, что у Северных ворот Старой Усадьбы. А домик-то сейчас пустует — старого сторожа проводили на пенсию, новый ещё не въехал. Удобное, тихое местечко — окно сзади было открыто. На самом аппарате ни одного отпечатка — вытерли начисто. Наводит на подозрения.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что звонили вам нарочно, чтобы убрать подальше от дома. Следовательно, убийство было обдумано заранее. Будь это просто дурацкий розыгрыш, никто не стал бы стирать отпечатки пальцев.

— Да. Логично.

— Отсюда следует и то, что убийца был хорошо знаком со Старой Усадьбой и её окрестностями.

Звонила вам не миссис Протеро. Я вызнал все её маршруты в этот день до последней минутки. Полдюжины слуг готовы присягнуть, что она была дома до половины шестого. Шофёр подал автомобиль и отвёз их с полковником в деревню. Полковник зашёл к ветеринару Квинтону поговорить об одной из лошадей. Миссис Протеро заказала кое-что у бакалейщика и в рыбной лавке, а оттуда задами пошла к аллее, где мисс Марпл её и увидела. Все лавочники, как один, говорят, что при ней даже сумочки не было. Старушенция-то была права.

— Как всегда, — смиренно заметил я.

— А мисс Протеро в семнадцать тридцать была в Мач-Бенэме.

— Совершенно верно, — сказал я. — Мой племянник тоже там был.

— Значит, с ней всё нормально. Прислуга тоже вне подозрений. Конечно, взвинчена, перепугана, но другого и ждать не приходится, а? Само собой, я не спускаю глаз с дворецкого — приспичило ему вдруг уходить, и вообще… Но мне сдаётся, что он ничего не знает.

— Мне кажется, ваша работа принесла в основном отрицательные результаты, инспектор.

— Это ещё как сказать, сэр. Обнаружилась одна

интересная деталь — и совершенно неожиданно, доложу я вам.

— Да?

— Помните, какую сцену закатила миссис Прайс Ридли, ваша соседка, вчера с утра пораньше? По поводу телефонного звонка?

— Да, — сказал я.

— Мы проследили, откуда звонили, просто чтобы её утихомирить, так вот вы нипочём не угадаете, откуда был звонок.

— Из переговорного пункта? — спросил я наугад.

— Нет, мистер Клемент. Ей звонили из коттеджа мистера Лоуренса Реддинга.

— Что? — воскликнул я, поражённый.

— Любопытно, да? Сам мистер Реддинг тут ни при чём. Он в это время — в восемнадцать тридцать — направлялся с доктором Стоуном к «Голубому Кабану» на виду у всей деревни. Такой вот факт. Наводит на размышления, да? Некто вошёл в пустой коттедж и позвонил по телефону — кто это был? Два подозрительных телефонных звонка в один день. Думается, что между ними должна быть связь. Провалиться мне на этом месте — звонил один и тот же человек.

— Но с какой целью?

— А вот это нам и надо выяснить. Второй звонок кажется довольно бессмысленным, но в то же время… Улавливаете связь? Звонили от мистера Реддинга. Пистолет мистера Реддинга. Всё, как нарочно, наводит на мистера Реддинга.

— Было бы более логично, если бы *первый* звонок был сделан из его дома, — возразил я.

— Ага! Но я это хорошенько обдумал. Что делал мистер Реддинг почти каждый день? Отправлялся в Старую Усадьбу и писал мисс Протеро. От своего коттеджа он ехал на мотоцикле через Северные ворота. Теперь понимаете, почему звонили оттуда? *Убийца не знал, что мистер Реддинг больше не ездит в Старую Усадьбу*.

Я немного поразмыслил, стараясь уложить в голове доводы инспектора. Они показались мне вполне логичными, а выводы — бесспорными.

— А на трубке телефона мистера Реддинга были отпечатки пальцев? — спросил я.

— Не было, — с досадой ответил инспектор. — Эта чёртова перечница, что убирает у него, успела всё стереть вместе с пылью. — Он помолчал, всё больше распаляясь злобой. — Старая дура, что с неё возьмёшь. Не может вспомнить, когда в последний раз видела револьвер. Может, он лежал себе на месте утром в день убийства, а может,

и нет. Она «не знает, ей-богу, не знает». Все они одинаковы! Говорил с доктором Стоуном, скорее для проформы, — продолжал он. — Он был сама любезность — дальше некуда. Они с мисс Крэм пошли на свой раскоп, или на раскопки, как оно там называется, примерно в половине третьего и провели там почти весь день. Доктор Стоун вернулся один, а она пришла попозже. Он говорит, что выстрела не слышал, однако жалуется на свою рассеянность. Но всё это подтверждает наши выводы.

— Дело за малым, — сказал я. — Вы не поймали убийцу.

— Гм-м, — откликнулся инспектор. — Вы слышали по телефону женский голос. И миссис Прайс Ридли, возможно, тоже слышала женский голос. Если бы выстрел не прозвучал сразу же после звонка, уж я бы знал, где искать.

— Где?

— А! Вот этого я вам и не скажу, сэр, — так будет лучше.

Я без малейшего зазрения совести предложил выпить по стаканчику старого портвейна. У меня есть в запасе отличный марочный портвейн. В одиннадцать часов утра не принято пить портвейн, но я полагал, что для инспектора Слака

это значения не имеет. Конечно, это истинное кощунство и варварство по отношению к марочному портвейну, но тут уж не приходилось особенно щепетильничать.

«Усидев» второй стакан, инспектор Слак оттаял и разоткровенничался. Славное всё-таки винцо.

— Не то чтобы я вам не доверял, сэр, — пояснил он. — Вы же будете держать язык за зубами? Не станете трезвонить по всему приходу?

Я торжественно ему это обещал.

— Раз уж всё это произошло у вас в доме, вам вроде бы положено знать, верно?

— Я с вами совершенно согласен, — сказал я.

— Так вот, сэр, что вы скажете про даму, которая навещала полковника Протеро вечером накануне убийства?

— Миссис Лестрэндж! — вырвалось у меня; я так удивился, что не умерил своего голоса.

Инспектор укоризненно взглянул на меня.

— Потише, сэр. Она самая, миссис Лестрэндж, я к ней давно приглядываюсь. Помните, я вам говорил — вымогательство.

— Едва ли оно могло стать причиной убийства. Это же глупо — убивать курицу, несущую золотые яйца. Я говорю, исходя исключительно из вашего предположения. Я лично ни на минуту этого не

допускаю.

Инспектор фамильярно подмигнул мне.

— Ага! За таких, как она, джентльмены всегда стоят горой. А вы послушайте, сэр. Предположим, в прошлом исправно тянула денежки со старого джентльмена. Через несколько лет она его выслеживает и снова берётся за старое дело. Однако за это время кое-что переменилось. Закон теперь другой. Все преимущества тем, кто подаёт в суд на вымогателя, им гарантируется, что их имя не попадёт в печать. Предположим, что полковник Протеро взбеленился и заявил, что подаст на неё в суд. Она попадает в переплёт. Теперь за вымогательство пощады не жди. Отольются кошке мышкины слёзки. И ей ничего не остаётся, как отделаться от него, да побыстрей.

Я молчал. Приходилось признать, что гипотеза, выдвинутая инспектором, была вполне допустима. На мой взгляд, только одно делало её абсолютно неприемлемой — личные качества миссис Лестрэндж.

— Не могу согласиться с вами, инспектор, — сказал я. — Мне кажется, миссис Лестрэндж не способна заниматься вымогательством. И пусть это прозвучит старомодно, но она — настоящая леди.

Он поглядел на меня с нескрываемой жалостью.

— А, ладно, сэр, — сказал он снисходительно, — вы лицо духовное. Вы представления не имеете о том, что творится на свете. Леди, скажете тоже! Да знали бы вы о ваших согражданах то, что я знаю, вы бы рот раскрыли от изумления.

— Я говорю не о положении в обществе. Я даже готов допустить, что миссис Лестрэндж не принадлежит к светскому кругу. Но я говорю не об этом, а о личной утончённости и благородстве.

— Вы на неё смотрите другими глазами, сэр. Я — дело другое: конечно, я тоже мужчина, но при этом я офицер полиции. Со мной всякие фокусы с личной утончённостью не пройдут! Помилуйте, да эта ваша леди из тех, кто сунет вам нож под ребро и бровью не поведёт!

Как ни странно, мне гораздо легче было представить себе миссис Лестрэндж убийцей, чем вымогательницей.

— Но, само собой, она не могла одновременно звонить своей настырной соседке и убивать полковника Протеро, — продолжал инспектор.

Промолвив эти слова, инспектор вдруг с размаху хлопнул себя по ляжке.

— Ясно! — воскликнул он. — Вот в чём цель те-

лефонного звонка. Вроде алиби. Знала, что мы его свяжем с первым. Нет, я это так не оставлю. Может, она подкупила какого-нибудь деревенского парнишку, чтобы позвонил вместо неё. Он-то ни за что не догадался бы, что помогает убийце.

Инспектор вскочил и поспешно удалился.

— Мисс Марпл хочет тебя видеть, — сказала Гризельда, заглядывая в комнату. — Прислала совершенно неразборчивую записку — буковки как паутинка и сплошь подчёркнутые слова. Я даже прочесть толком не могу. Видимо, она не может выйти из дома. Беги поскорей, повидайся с ней и разузнай, что творится. Я бы и сама с тобой пошла, но с минуты на минуту нагрянут мои старушки. Не выношу я старушек! Вечно жалуются на больные ноги и норовят ещё сунуть их тебе под нос! Нам ещё повезло, что на сегодня назначили следствие! Тебе не придётся смотреть крикетный[23] матч в Юношеском клубе.

Я поспешил к мисс Марпл, перебирая в уме возможные причины столь срочного вызова.

Мисс Марпл встретила меня в большом волнении, которое, мне кажется, можно было даже назвать паникой. Она вся раскраснелась и впопы-

---

[23] notes: 23

Крикет — спортивная командная игра с мячом и битами на травяном поле овальной формы, напоминает бейсбол и русскую лапту.

хах выражала свои мысли несколько бессвязно.

— Племянник! — объяснила она. — Родной племянник, Рэймонд Уэст, литератор. Приезжает сегодня. Как снег на голову. И за всем я должна следить сама! Разве служанка может хорошенько выбить постель, а к тому же придётся готовить что-нибудь мясное к обеду. Джентльменам нужна такая уйма мяса, не правда ли? И выпивка. Непременно должны быть в доме выпивка и сифон.

— Если я могу чем-нибудь помочь… — начал я.

— О! Вы так добры! Я не к тому. Времени предостаточно, честно говоря. Трубку и табак он привозит с собой — прекрасно, я рада, признаюсь вам. Рада — ведь не придётся гадать, какие сигареты ему покупать. А с другой стороны, очень печально, что запах потом не выветривается из гардин целыми неделями. Конечно, я открываю окна и вытряхиваю их каждое утро. Рэймонд встаёт очень поздно — наверно, все писатели этим грешат. Он пишет очень умные книжки, хотя, я думаю, люди вовсе не такие несимпатичные, как в его книгах. Умные молодые люди так мало знают жизнь, правда?

— Не хотите ли пообедать с нами, когда он приедет? — спросил я, всё ещё не понимая, зачем меня сюда вызвали.

— О! Нет, благодарю вас, — ответила мисс Марпл. — Вы очень добры, — добавила она.

— Вы хотели меня видеть, — наконец не выдержал я.

— О! Конечно! Я так переполошилась, что у меня всё из головы вылетело. — Она внезапно побежала к двери и окликнула служанку: — Эмили! Эмили! Не те простыни! С оборочками и вензелями — и не держите так близко к огню!

Она прикрыла дверь и на цыпочках вернулась ко мне.

— Дело в том, что вчера вечером случилось нечто интересное, — объяснила она. — Мне показалось, что вы захотите об этом узнать, хотя в тот момент я ничего не поняла. Вчера ночью мне не спалось — обдумывала это печальное событие. Я встала и выглянула в окно. Как вы думаете, что я увидела?

Я вопросительно смотрел на неё.

— Глэдис Крэм, — сказала мисс Марпл очень веско. — Представьте себе — она шла в лес с чемоданом!

— С чемоданом?

— Где это слыхано? Чего ради она в полночь шла в лес с чемоданом? Понимаете, — сказала мисс Марпл, — я не стану утверждать, что это

связано с убийством. Но это странное дело! А именно сейчас мы все понимаем, что обращать внимание на странные дела — наш долг.

— Уму непостижимо, — сказал я. — Может быть, она решила, э-э, переночевать у раскопа, как вы полагаете?

— Нет, ночевать она там не собиралась, — сказала мисс Марпл. — Потому что вскоре она возвратилась, и чемодана при ней не было.

Глава 18

Итак, был субботний день. Следствие началось в два часа пополудни в «Голубом Кабане». Едва ли следует упоминать о том, что вся округа была в сильнейшем волнении. В Сент-Мэри-Мид убийств не случалось лет пятнадцать, если не больше. А тут ещё убийство такой колоритной личности, да к тому же в доме священника, — воистину пиршество для истосковавшихся по сенсациям деревенских жителей; подобные развлечения на их долю выпадают чрезвычайно редко.

До меня доносились обрывки разговоров, едва ли предназначенные для моих ушей.

— Вон викарий. Уж очень он сегодня бледный, а? Как знать, может, и он к этому руку приложил. Кто, как не он, — в своём-то доме…

— Постыдитесь, Мэри Адамс! Он же в это время ходил к Генри Абботу!

— Мало ли что! Все говорят, что они с полковником не поладили. А вон и Мэри Хилл. Ишь как нос задирает, а всё потому, что она у них в прислугах. Ш-ш-ш! Следователь!

Коронером был назначен доктор Робертс из соседнего городка Мач-Бенэм. Он откашлялся,

поправил очки и напустил на себя важный вид.

Излагать все показания подробно не имеет смысла. Лоуренс Реддинг рассказал, как он обнаружил труп, и опознал пистолет, подтвердив, что оружие принадлежит ему. Насколько он может вспомнить, в последний раз он видел его во вторник, за два дня до убийства. Держал он его на полке в коттедже, который никогда не запирался.

Миссис Протеро показала, что видела своего мужа примерно без четверти шесть, когда они расстались на главной улице в деревне. Она пошла в дом священника примерно в четверть седьмого, по аллее, через садовую калитку. Она не слышала голосов в кабинете и подумала, что там никого нет; вполне возможно, что её муж сидел у письменного стола, но и в этом случае она не могла бы его видеть. Насколько она может судить, он был в добром здравии и обычном настроении. Она не знает ни одного личного врага, который мог бы злоумышлять против него.

После неё давал показания я; я рассказал о назначенном свидании с Протеро и о том, как меня вызвали к Абботу. Я изложил обстоятельства, при которых нашёл мёртвое тело, и сказал, что тут же вызвал доктора Хэйдока.

— Сколько человек, мистер Клемент, знали о том, что полковник Протеро собирается вечером нанести вам визит?

— Великое множество, должен сказать. Знали моя жена, мой племянник, и сам полковник упомянул об этом утром, когда мы с ним встретились в деревне. Многие могли слышать, мне кажется, поневоле, так как полковник был глуховат и говорил очень громко.

— Значит, это было общеизвестно? Об этом мог знать любой из здешних жителей.

Я ответил утвердительно.

За мной настала очередь Хэйдока. Это был очень важный свидетель. Он подробно и профессионально описал положение и состояние тела и нанесённые повреждения. По его мнению, покойный был убит в интервале от 18.20 до 18.30, никак не позже 18.35. Это границы возможного, категорически настаивал он. О самоубийстве речи быть не может, расположение пулевого отверстия исключает такую возможность.

Инспектор Слак говорил скупо и кратко. Он рассказал, как был вызван, и описал обстановку, при которой нашёл тело. Представил незаконченную записку и отметил, что время на ней проставлено: «18.20». Упомянул о настольных

часах. Подразумевалось, что время смерти — 18.22. Позднее Анна Протеро мне сказала, что ей посоветовали показать время своего прихода несколько ранее 18.20.

Следующим свидетелем — и довольно непокладистым — была наша служанка Мэри. Ничего она не слыхала и слышать не хочет. Как будто джентльменов, навещавших викария, каждый раз расстреливали в упор. Ничего подобного. У неё своей работы выше головы. Полковник Протеро пришёл точно в четверть седьмого. С чего это она станет смотреть на часы? Слышала звон с церковной колокольни, как раз когда провела полковника в кабинет. Выстрела не слышала. А был бы выстрел, так она уж услышала бы. Конечно, она знает, что выстрел должен был быть, раз джентльмена застрелили на месте, но так уж оно вышло. Она никакого выстрела не слышала, и всё тут.

Следователь не настаивал больше. Я догадался, что он и полковник Мельчетт договорились обо всём заранее.

Миссис Лестрэндж была вызвана на следствие повесткой; но было представлено медицинское свидетельство за подписью доктора Хэйдока, что она по состоянию здоровья присутствовать

не может.

Остался ещё один свидетель, точнее свидетельница, — старушка с трясущейся головой. Та самая, которая, по выражению Слака, «убиралась» у Лоуренса Реддинга.

Миссис Арчер был предъявлен пистолет, и она опознала его как тот самый, что она видела в гостиной у мистера Реддинга: «Он у него валялся на полке, в шкафу». В последний раз она видела оружие в день убийства. Да, ответила миссис Арчер на дальнейшие расспросы, она совершенно уверена, что пистолет был на месте во время ленча в четверг — без четверти час, когда она уходила.

Вспомнив, что мне говорил инспектор, я немного удивился. Как бы она ни путалась, когда он её допрашивал, на следствии она говорила с полной уверенностью.

Следователь сделал краткие, но весьма убедительные выводы, в основном по отсутствию улик. Вердикт был вынесен без промедления: «Преднамеренное убийство неизвестным лицом или группой лиц».

Выходя из комнаты, я обратил внимание на небольшую группу бойких молодых людей с блестящими пытливыми глазами, чем-то похожих друг на друга. Нескольких я узнал — это

они осаждали мой дом последние дни. Я тут же ретировался обратно в недра «Голубого Кабана» и, на своё счастье, лицом к лицу столкнулся с археологом, доктором Стоуном. Я без церемоний уцепился за него.

— Газетчики! — шепнул я отрывисто, но выразительно. — Не могли бы вы избавить меня от их когтей?

— Охотно, мистер Клемент! Пойдёмте со мной наверх.

Он провёл меня по узкой лестнице в свою гостиную, где сидела мисс Крэм, с пулемётной скоростью тарахтевшая на пишущей машинке. Она встретила меня ослепительной улыбкой и тут же воспользовалась возможностью прервать работу.

— Жуть, правда? — сказала она. — То есть жутко — не знать, кто убийца. А следствие — какой в нём толк? Тоска и преснятина, вот как это называется. Ни капельки пикантности, ну ни капельки.

— Значит, вы там присутствовали, мисс Крэм?

— Присутствовала, можете быть уверены. А вы меня и не заметили — вот это да! Надо же — не заметить меня! Я и обидеться могу, имейте в виду. Джентльмен, даже если он священник, должен иметь зоркие глаза.

— А вы тоже там были? — спросил я доктора Стоуна, пытаясь уклониться от кокетливого поддразнивания. Юные особы типа мисс Крэм всегда вызывают у меня чувство неловкости.

— Нет. Каюсь. Меня нисколько не интересуют подобные вещи. Я из тех чудаков, которые ничего не замечают, кроме собственного хобби.

— Должно быть, хобби весьма интересное, — сказал я.

— Вы, очевидно, имеете об этом некоторое представление?

Я был вынужден признаться, что ни малейшего представления об археологии не имею.

Да, доктор Стоун был не из тех, кого может охладить признание в невежестве. Можно было подумать, что я признался в том, что моя единственная отрада — копаться в земле. Он нырнул в свою стихию, взлетая на волнах собственного красноречия. Продольные разрезы, круговые раскопки, каменный век, бронзовый век[24], гроб-

[24] notes: 24

Каменный век — культурно-исторический период в развитии человечества, когда основные орудия труда и оружие изготавливались главным образом из камня; *бронзовый век*, пришедший на смену каменному, характеризуется развитием металлургии, основным материалом для производства орудий труда и оружия становится бронза.

ницы и кромлехи[25] — всё это лилось из его уст бурным потоком. Мне оставалось только кивать головой, сохраняя умный вид — последнее, боюсь, мне плохо удавалось. Доктор Стоун нёсся на всех парусах. Это был маленький человечек. Голова круглая, совершенно лысая, лицо круглое и румяное, глаза так и сияли за толстыми линзами очков. Мне не случалось встречать человека, который впадал бы в такое неистовство без всякой видимой причины. Он перебрал все доводы за и против своей излюбленной теории — кстати сказать, я так и не понял, в чём она заключается!

Он долго и подробно распространялся о своих спорах с полковником Протеро.

— Самовлюблённый невежда! — в пылу увлечения воскликнул он. — Да, я знаю, он мёртв, а о мёртвых плохого не говорят. Но даже смерть не влияет на факты. Самовлюблённый невежда — это точная характеристика. Только потому, что он просмотрел пару книжонок, он осмеливался спорить на равных с человеком, который всю жизнь посвятил этой теме. Мистер Клемент, я

---

[25] notes: 25

Кромлехи — ритуальные сооружения, использовались, вероятнее всего, для погребальных церемоний, относятся главным образом к эпохе бронзового века и представляют собой огромные, отдельно стоящие камни, образующие концентрические окружности вокруг площадки в центре.

отдал этой работе всю свою жизнь. Всю свою жизнь я…

Он брызгал слюной от возбуждения. Глэдис Крэм вернула его к земным делам одной короткой фразой.

— Смотрите, как бы вам не опоздать на поезд, — спокойно заметила она.

— О! — Маленький человечек запнулся на полуслове и вытащил из кармана часы. — Ну и ну! Без четверти! Быть не может!

— Как начинаете говорить, так всё на свете забываете. Что бы с вами стало, если бы я за вами не присматривала, не представляю!

— Вы правы, моя прелесть, совершенно правы. — Он нежно потрепал её по плечу. — Золото, а не девушка, мистер Клемент. Никогда ничего не забывает. Мне сказочно повезло, что я её нашёл.

— Ох! Да будет вам, доктор Стоун, — ответила юная леди. — Вы меня вконец разбалуете!

Я не мог не признаться себе, что мнение второй группы — той, что предсказывает законный брак между доктором Стоуном и мисс Крэм, — получает в моём лице поддержку, подкреплённую личными впечатлениями. Мне подумалось, что мисс Крэм по-своему очень умная молодая женщина.

— Поторапливайтесь, а то опоздаете, — сказала мисс Крэм.

— Да, мне пора, решительно пора.

Он скрылся в соседней комнате и вышел с чемоданом в руках.

— Вы уезжаете? — спросил я, несколько удивлённый.

— Хочу съездить в город на пару деньков, — ответил он. — Завтра надо повидать старушку-мать, а в понедельник — поговорить с моими поверенными. Вернусь во вторник. К слову сказать, я надеюсь, смерть полковника Протеро ничего не изменит в наших делах. Я имею в виду раскоп. Миссис Протеро не станет возражать, если мы продолжим работу?

— Я полагаю, что не станет.

Его слова заставили меня задуматься над тем, кто станет распоряжаться в Старой Усадьбе. Вполне возможно, что Протеро завещал её Летиции. Я подумал, что было бы интересно ознакомиться с завещанием Протеро.

— Уж если что и переворачивает всё в доме вверх дном, так это смерть, — заметила мисс Крэм с мрачным удовлетворением. — Рассказать — не поверите, какие жуткие склоки иногда поднимаются.

— Ну, мне пора, мне пора. — Доктор Стоун тщетно пытался удержать в руках одновременно чемодан, большой плед и громадный зонтик.

Я бросился на помощь. Он запротестовал:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я прекрасно справлюсь сам. Внизу мне, конечно, кто-нибудь поможет.

Но внизу не обнаружилось ни коридорного, ни «кого-нибудь» вообще. Я думаю, они угощались за счёт представителей прессы. Время бежало, и мы вдвоём поспешили на вокзал; доктор Стоун нёс чемодан, а я — плед и зонтик. Пыхтя и отдуваясь, доктор Стоун отрывисто бросал рубленые фразы:

— Вы очень добры, неловко вас затруднять… Только бы не опоздать на поезд. Глэдис славная девушка — просто чудесная девушка — ангельский характер — боюсь, дома не всё гладко, — душа детская — совершенно детская. Уверяю вас, несмотря на разницу в возрасте, у нас много общего…

Поворачивая к вокзалу, мы увидели коттедж Лоуренса Реддинга. Он находится на отлёте, рядом домов нет. Я заметил, что два щеголеватых молодых человека стоят на крыльце, а два других заглядывают в окна. У прессы выдался горячий денёк.

— Славный малый, этот молодой Реддинг, — заметил я, чтобы услышать мнение своего спутника.

Доктор в это время окончательно запыхался и едва мог говорить, он бросил одно слово, которое я не расслышал.

— Опасный, — выдохнул он, когда я переспросил.

— Опасный?

— Очень опасный. Неопытные девушки — откуда им знать — попадаются на удочку, такие субъекты вечно увиваются вокруг женщин… Добра не ждите.

Из этих слов я сделал вывод: единственный молодой мужчина в деревне не остался не замеченным прекрасной Глэдис.

— Боже! — воскликнул доктор Стоун. — Мой поезд!

Мы уже были невдалеке от вокзала и сделали последний рывок. Поезд в город стоял на станции, а лондонский как раз подходил.

В дверях кассы мы столкнулись с довольно изысканным молодым человеком, и я узнал племянника мисс Марпл, только что прибывшего к нам. Я полагаю, что этому молодому человеку не очень нравится, когда с ним кто-то сталкивается

в дверях. Он гордится своим самообладанием и невозмутимостью, а попробуйте остаться невозмутимым, когда на вас кто-то вульгарнейшим образом натыкается в дверях. Я на ходу извинился, и мы протиснулись. Доктор Стоун вскочил на подножку, а я передал ему его вещи, и поезд, норовисто дёрнувшись, неохотно пополз вперёд.

Я помахал ему вслед и повернулся. Рэймонд Уэст уже ушёл, но наш местный аптекарь, гордо носящий имя Херувим, тоже направлялся в деревню. Я пошёл с ним рядом.

— Чуть было не упустили, — заметил он. — Ну, скажите, мистер Клемент, как прошло следствие?

Я сообщил ему вердикт.

— А! Вот оно как. Так я и думал. А куда спешил доктор Стоун?

Я передал ему то, что сам слышал от доктора Стоуна.

— Ещё повезло, что поспел на поезд. Хотя на нашей дороге точности не дождёшься. Говорю вам, мистер Клемент, — вопиющее безобразие! Мой поезд опоздал на десять минут. И это в субботу, когда и движения никакого нет. А в среду — нет, в четверг, — да, точно в четверг, помню, это было в день убийства, потому что я собирался

написать жалобу в правление железнодорожной компании в самых сильных выражениях, — из-за убийства всё из головы вылетело, так вот, в четверг это и было. Я был на собрании Общества фармакологов. Как вы думаете, на сколько опоздал поезд «18.50»? На полчаса. Целых полчаса! Ну, что вы на это скажете? Десять минут — это ещё куда ни шло. Если поезд прибывает в семь двадцать, то домой раньше половины восьмого не попадёшь. Вот я и говорю: к чему тогда называть этот поезд — «18.50»?

— Совершенно верно, — сказал я и, не желая дальше выслушивать этот возмущённый монолог, воспользовался случаем и ускользнул поговорить с Лоуренсом Реддингом, который как раз шёл нам навстречу по другой стороне улицы.

Глава 19

— Очень рад вас видеть, — сказал Лоуренс. — Милости прошу ко мне.

Мы свернули к низенькой деревенской калитке, прошли по дорожке к двери, которую он отпер, вынув ключ из кармана.

— Вы стали запирать дверь, — заметил я.

— Да. — Он невесело рассмеялся. — Что толку запирать конюшню, когда коня свели, верно? Похоже на то. Знаете ли, падре, — он придержал дверь, пропуская меня вперёд, — во всей этой истории есть что-то, что мне сильно не нравится. Слишком смахивает на… как бы это сказать… на семейное дело. Кто-то знал всё про мой пистолет. А это значит, что убийца — кто бы он ни был — заходил ко мне в дом, может, мы с ним даже пили вместе.

— Это вовсе не обязательно, — возразил я. — Вся деревня Сент-Мэри-Мид может в точности знать, где вы держите свою зубную щётку и каким порошком чистите зубы.

— А что в этом интересного?

— Не знаю, — сказал я. — Их интересует всё. Стоит вам переменить крем для бритья, и это

станет темой для пересудов.

— Должно быть, они просто задыхаются без новостей.

— Ваша правда. Здесь никогда не случается ничего интересного.

— Ну что ж. Зато теперь у них интересного с лихвой.

Я согласился.

— А кто им выбалтывает все секреты? Про крем для бритья и прочие подробности.

— Должно быть, старая миссис Арчер.

— Старая карга? Да она вообще полоумная, я давно заметил.

— Всего лишь уловка, камуфляж для бедняков, — объяснил ему я. — Они прячутся за маской идиотизма. Стоит присмотреться, и окажется, что старушка не глупее нас с вами. Кстати, она с уверенностью утверждает, что пистолет лежал на своём месте ещё в полдень в четверг. Отчего она вдруг обрела такую уверенность?

— Хотел бы я знать!

— А как вы считаете, она правду говорит?

— Не имею ни малейшего понятия. Я же не делаю полную инвентаризацию своего имущества каждый божий день!

Я обвёл взглядом тесную комнату. На полках

и на столе громоздились самые разные вещи. Лоуренс спокойно жил среди такого артистического беспорядка, который меня свёл бы с ума, и очень скоро.

— Иногда не так-то просто отыскать нужную вещь, — сказал он, поймав мой взгляд. — А если посмотреть с другой стороны — всё под рукой, ничего не запрятано.

— Да, ничего не запрятано, — сказал я. — Может, было бы всё-таки лучше, если бы пистолет был запрятан подальше.

— Знаете, а я ждал, что следователь тоже скажет что-нибудь такое. Эти следователи — настоящие ослы. Думал, он выразит мне порицание, или как там это называется.

— Кстати, — спросил я, — а он был заряжен?

Лоуренс покачал головой:

— Я всё же не настолько беспечен. Он не был заряжен, но рядом лежала коробка с патронами.

— Как оказалось, все шесть гнезд были заряжены и произведён единственный выстрел.

Лоуренс кивнул:

— Кто же это сделал? Всё как будто уладилось, сэр, но ведь, если не найдут настоящего убийцу, меня будут считать преступником до самой моей смерти.

— Не надо так говорить, мой мальчик.

— Но ведь я прав.

Он погрузился в молчание, задумчиво нахмурившись. Наконец он встал и сказал:

— Не забыть бы рассказать вам, чего я достиг вчера вечером. Знаете, старая мисс Марпл кое в чём разбирается.

— И, насколько я понимаю, именно поэтому не пользуется всеобщей симпатией.

Лоуренс продолжал свой рассказ.

По совету мисс Марпл он отправился в Старую Усадьбу. Там он с помощью Анны побеседовал с горничной. Анна просто сказала:

— Роза, мистер Реддинг хочет задать вам несколько вопросов. — И вышла из комнаты.

Лоуренс слегка нервничал. Роза, хорошенькая девушка двадцати пяти лет, смотрела ему в глаза простодушным взглядом, который его немного смущал.

— Это… это касается смерти полковника Протеро.

— Слушаю, сэр.

— Мне совершенно необходимо, понимаете ли, выяснить всю правду.

— Да, сэр.

— Я чувствую, что, может быть… что кто-нибудь

мог… что по случайности…

Тут Лоуренс понял, что отнюдь не выглядит героем, и про себя стал от всей души проклинать и мисс Марпл, и её предположения.

— Короче, не могли бы вы мне помочь?

— Да, сэр?

Роза по-прежнему держалась, как образцово вышколенная горничная, вежливая, готовая услужить, но совершенно равнодушная.

— Чёрт побери, — сказал Лоуренс, — неужели вы не обсуждали это дело у себя, в комнате для прислуги?

Это неожиданное нападение немного расшевелило Розу. Её безукоризненное самообладание поколебалось.

— В комнате для прислуги, сэр?

— Ну, в комнате экономки, в каморке у лакея, где угодно, где вы собираетесь поболтать. Есть же у вас такое место.

Роза чуть не захихикала, и Лоуренс приободрился.

— Послушайте, Роза, вы чертовски славная девушка. Я уверен, что вы поймёте мои чувства. Мне не хочется болтаться в петле. Я не убивал вашего хозяина, а многие думают, что я — убийца. Пожалуйста, помогите мне, если можете.

Могу себе представить, что в эту минуту Лоуренс был неотразим. Красивая голова откинута назад, в синих, как небо, глазах мольба. Роза растаяла и капитулировала.

— О, сэр, честное слово, мы все хотели бы вам помочь. Никто из нас не думает на вас, сэр. Честное слово, никто!

— Это я знаю, дорогая моя девочка, но ведь вы — не полиция.

— Полиция! — Роза встряхнула головкой. — Одно вам скажу, сэр, всем нам не по душе этот инспектор. Слак, так его, кажется, зовут. Тоже мне полиция!

— И всё-таки у полиции все козыри в руках. Ну, Роза, ты сказала, что готова мне помочь. Мне всё время кажется, что мы ещё далеко не всё знаем. Например, про ту даму, которая была у полковника Протеро вечером накануне убийства.

— Миссис Лестрэндж?

— Вот-вот, миссис Лестрэндж. Я думаю, что в этом посещении кроется какая-то тайна.

— Да, сэр, мы все так думаем.

— Правда?

— Приходит вот так, без предупреждения. Спрашивает полковника. Само собой, мы только об этом и говорили, и никто у нас здесь ничего о ней

не знает. И миссис Симмонс — это наша экономка, сэр, — она прямо говорит, что будто эта женщина не из порядочных. Но когда я услышала, что сказала Глэдди, я прямо не знала, что и подумать.

— А что сказала Глэдди?

— Ой! Ничего, сэр. Просто болтала, как все, сами знаете.

Лоуренс внимательно смотрел на неё. Он чувствовал, что она что-то скрывает.

— Трудно себе представить, о чём она говорила с полковником Протеро.

— Да, сэр.

— Сдаётся мне, ты кое-что знаешь, Роза?

— Я? Да бог с вами, сэр. Честное благородное слово! Откуда мне знать?

— Послушай меня, Роза. Ты сама сказала, что поможешь мне. Если ты случайно слышала что-нибудь, хоть одно словцо, может, это показалось пустяком, но хоть что-нибудь… Я буду тебе благодарен до самой смерти. В конце концов, кто угодно мог случайно — чисто случайно — что-нибудь подслушать.

— Я ничего не подслушивала, сэр, ей-богу, не подслушивала! Как можно?

— Значит, кто-то другой подслушал, — не давал ей опомниться Лоуренс.

— Прямо не знаю, сэр…

— Прошу, скажи мне, Роза.

— Не знаю, что скажет Глэдди, прямо не знаю.

— Она разрешила бы сказать мне. А кто это — Глэдди?

— Наша судомойка, сэр. Понимаете, она только вышла поговорить с приятелем, и ей надо было пройти как раз под окном — под окном кабинета, — где был хозяин и эта дама. А он, конечно, говорил во весь голос — наш хозяин всегда говорил очень громко. И, само собой, ей это показалось любопытным, то есть…

— Само собой, естественно, — подхватил Лоуренс. — Тут уж ничего не поделаешь — любой стал бы слушать.

— Но, конечно, она никому не сказала, только мне. И мы с ней обе решили, что это странное дело. Но Глэдди ничего сказать не могла, потому что знали, что она вышла поговорить с дружком, а уж тут… тут ей влетело бы от миссис Пратт — это повариха, сэр. Но я уверена, что вам она бы всё рассказала с охотой, сэр.

— А что? Может, мне пойти на кухню, поговорить с ней?

При одной мысли об этом Роза пришла в ужас.

— О! Нет, сэр, никак нельзя! Глэдди у нас и без

того пугливая.

Наконец дело было улажено — после долгого обсуждения особо щекотливых моментов. Было назначено подпольное свидание в саду, где кусты погуще.

Здесь Лоуренс и повстречался с пугливой Глэдди, которая, по его словам, смахивала скорее на трясущегося кролика, чем на человеческое существо. Минут десять он потратил на то, чтобы слегка её успокоить, — Глэдис же дрожала и уверяла, что она ни за что на свете, что как же можно, и что она не ожидала, что Роза её выдаст, что она никому не желала зла, ей-богу, не желала, и что ей несдобровать, если дойдёт до самой миссис Пратт.

Лоуренс её успокаивал, умасливал, уговаривал; наконец Глэдис решилась говорить:

— Если вы обещаете, что дальше не пойдёт, сэр.

— Само собой, я никому не скажу.

— И меня за это не притянут к ответу в суде?

— Ну что ты!

— А хозяйке не скажете?

— Ни под каким видом.

— А если дойдёт до миссис Пратт…

— Ни в коем случае. Ну, говори же, Глэдис.

— А вы уверены, что можно?

— Можно, уверен. Когда-нибудь ты сама будешь рада, что спасла меня от петли.

Глэдис негромко взвизгнула.

— Ой! Да что вы, сэр, боже упаси! Да ведь я слышала совсем мало и по чистой случайности, вы понимаете…

— Понимаю.

— Хозяин-то, он сердился, ясное дело. «Через столько лет, — так и говорит, — вы осмелились сюда прийти — это неслыханное оскорбление». Что леди говорила, мне было не слыхать, но он на это сказал: «Я отказываюсь наотрез, категорически». Всё я не запомнила, но они так уж ругались, она у него что-то просит, а он — ни в какую. «Позор, что вы сюда явились», вот что он ещё говорил, и: «Вы не смеете с ней видеться, я вам запрещаю». Тут я и навострила уши. Похоже, что леди собиралась кое-что порассказать миссис Протеро, а он боялся, как бы чего не вышло. Я себе и говорю: «Подумать только! Вот тебе и хозяин. Такой придира. А сам-то, может, коли во всём разобраться, сам-то он не больно хорош. Подумать только», — говорю. «Все мужчины одинаковы», — так я и сказала своему дружку после того. Он не соглашался ни за что. Спорил, да ещё

как. Но он тоже сказал, что удивляется полковнику Протеро — он у нас и церковный староста, и с кружки глаз не спускает, и в воскресной школе уроки даёт. «Это самое плохое и есть», — я ему говорю. Сколько раз мне матушка говаривала, что в тихом омуте черти водятся.

Глэдди умолкла, запыхавшись, и Лоуренс попытался тактично вернуть её к началу разговора.

— А ещё что ты слышала?

— Да всего ведь и не упомнишь, сэр. Всё одно и то же. Раз или два он сказал: «Не верю». Вот так: «Мало ли что Хэйдок говорит, а я не верю».

— Так он и сказал: «Мало ли что Хэйдок говорит»?

— Да, так и сказал. И ещё сказал, что всё это — сговор.

— А ты совсем не слышала, что говорила леди?

— Только в самом конце. Наверное, она встала и подошла поближе к окну. И я слышала, что она сказала. У меня вся кровь застыла, ей-богу. Никогда этого не забуду. *«Может быть, в этот час завтра вечером Вас уже не будет в живых»* — вот что она сказала. С такой злобой. Я как только услышала про убийство, так и сказала Розе: «Вот! Что я тебе говорила?»

Лоуренс задумался. Он пытался сообразить,

насколько можно верить рассказу Глэдис. Она не врала, но он подозревал, что рассказ был сильно приукрашен и отшлифован после убийства. Особенно он сомневался в том, что она точно передала последнюю фразу. Он опасался, что своим появлением на свет эта фраза обязана совершившемуся убийству.

Он поблагодарил Глэдис, поблагодарил её как положено, уверил, что никто не расскажет о её проступках миссис Пратт, и покинул Старую Усадьбу. Ему было над чем поразмыслить.

Ясно было одно: беседа полковника Протеро с миссис Лестрэндж носила отнюдь не мирный характер, и он боялся, что об этом узнает его жена.

Я вспомнил о церковном старосте, про которого рассказывала мисс Марпл, о его двойной жизни. Неужели и тут нечто подобное?

Мне очень хотелось знать: при чём тут Хэйдок? Он избавил миссис Лестрэндж от необходимости давать показания на следствии. Он сделал всё от него зависящее, чтобы защитить её от полиции.

Насколько далеко мог он зайти в своём стремлении её выгородить?

Предположим, он подозревал в ней убийцу. Стал бы он, несмотря на это, защищать её до конца?

Эта необыкновенная женщина обладала поразительным, неотразимым обаянием. Я сам всеми силами противился даже мысли о том, что она могла совершить преступление.

Сердце говорило мне: «Она на это не способна!»

А бесёнок в моём мозгу возражал: «Ну да, и только потому, что она на редкость красивая и привлекательная женщина!»

Как сказала бы мисс Марпл, такова уж человеческая натура.

Глава 20

Возвратившись домой, я угодил в эпицентр домашней трагедии.

Гризельда выбежала в холл со слезами на глазах, увлекла меня в гостиную и сказала:

— Она уходит.

— Кто уходит?

— Мэри. Она уже предупредила.

Честно говоря, я не видел в этом сообщении ничего ужасного.

— Что ж, — сказал я, — придётся нанять другую прислугу.

По-моему, это был совершенно естественный ход мыслей. Когда одна прислуга уходит, вы нанимаете другую. Я не понимал, почему Гризельда смотрит на меня так укоризненно.

— Лен, ты — бессердечное существо. Тебе всё равно.

Вот этого я бы не сказал. Напротив, я чувствовал, что сердце моё встрепенулось от радости при мысли о том, что кончится эра подгорелых пудингов и недоваренных овощей.

— Мне придётся искать девушку, пока её ещё найдёшь, а потом надо будет её ещё вышко-

лить, — сказала Гризельда, и в её голосе слышалась острая жалость к своей горькой участи.

— А разве Мэри вышколена? — спросил я.

— Ну конечно!

— Тогда, наверное, — предположил я, — кто-нибудь услышал, как она всё время вежливо говорит «сэр» или «мадам», и тут же решил похитить у нас сей образец для всех служанок. Мне только остаётся сказать, что их ждёт разочарование.

— Да не в том дело, — сказала Гризельда. — Никому она пока не нужна. И никто её у нас никогда не переманит, не беспокойся. Дело в её оскорблённых чувствах. Она очень близко приняла к сердцу, когда Летиция Протеро сказала, что она плохо вытирает пыль.

Гризельда часто поражает меня неожиданными заявлениями, но это оказалось настолько неожиданным, что я даже усомнился в его истинности. Никто на свете не заставит меня поверить, что Летиция Протеро снизошла до того, чтобы входить в наши домашние дела и попрекать нашу служанку за неряшливость. Это было совершенно не в духе Летиции, так я и сказал Гризельде.

— Не усматриваю ни малейшей связи между Летицией Протеро и нашей пылью, — сказал я.

— И я тоже, — сказала моя жена. — Это вопи-

ющая нелепость. Пожалуйста, поговори с Мэри сам. Она на кухне.

Мне вовсе не хотелось беседовать с Мэри на эту тему, но Гризельда — она удивительно энергична и порывиста — буквально втолкнула меня в кухню, прежде чем я успел взбунтоваться.

Мэри чистила картофель над раковиной.

— Э-э… добрый день, — неуверенно сказал я.

Мэри взглянула на меня и фыркнула носом, иного ответа я от неё не дождался.

— Миссис Клемент сказала мне, что вы выразили желание нас покинуть.

На это обращение Мэри соблаговолила ответить.

— Бывает такое, — сказала она угрюмо, — чего порядочная девушка нипочём не потерпит.

— Не скажете ли вы мне, что, собственно, вас так огорчило?

— Дело нехитрое, скажу в двух словах. (Должен заметить, что она сильно недооценила свои возможности.) Шляются тут разные, вынюхивают за моей спиной. Всюду суют свой нос. Да какое ей дело, когда я мету или пыль вытираю? Раз вы и хозяйка довольны, пусть другие-прочие не лезут. Коли я вам угодила, тут и говорить больше не о чем, я так считаю.

Что касается меня, то мне Мэри никак не могла угодить. Признаюсь, я вижу в мечтах комнату, которую аккуратно прибирают каждое утро — стирают всюду пыль, ставят вещи на место… У Мэри свой метод — смахнуть пыль на самых видных местах, например на столе, — и мне он кажется крайне несовершенным. Однако в тот момент я понимал, что не время обсуждать второстепенные вопросы.

— И на следствие меня вытащили, да? Выставили перед двенадцатью мужчинами такую порядочную девушку, как я! А поди догадайся, какие вопросы они вздумают задавать! Я вам одно скажу. Я никогда не жила в доме, где произошло смертоубийство, и впредь не собираюсь.

— Надеюсь, вам и не придётся, — сказал я. — По закону вероятностей, это вряд ли повторится.

— Мне законы ни к чему. Это *он* был мировым судьёй. Сколько хороших людей засадил за решётку только за то, что они несчастного кролика словят себе на обед, не то что он — фазаны и прочая живность — палит из ружья потехи ради! Мало того, не успели его похоронить, как эта его дочка заявляется сюда и говорит, что я не умею свою работу справлять!

— Вы хотите сказать, что мисс Протеро была

здесь?

— Была! Прихожу из «Голубого Кабана» и вижу — здесь. В кабинете вашем. И говорит: «Оу! — так она говорит. — Я ищу мой маленький жёлтенький беретик — шляпку такую, жёлтую. Я вчера её тут позабыла». — «Вот что, — я ей говорю, — никакой такой шляпки я в глаза не видела. Её тут не было, когда я убиралась утром в четверг», — говорю, — а она опять: «Оу, — говорит, — я полагаю, что вы её не заметили. Вы ведь тут на скорую руку убираете, верно?» И проводит пальцем по каминной доске и суёт его себе под нос. Как будто у меня было время снимать все безделушки, а потом ставить обратно — это в то самое утро, а полиция отперла кабинет только к ночи. «Раз хозяин с хозяйкой мною довольны, тут и говорить больше не о чем, мисс», — говорю. А она как засмеется: «Оу! А вы уверены, что они довольны?» — говорит. С тем и ушла.

— Теперь понятно, — сказал я.

— Вот видите! Разве я бесчувственная какая? Да я, честное слово, готова себе пальцы до кости стереть, только бы вы с хозяйкой были довольны. А когда она задумает приготовить какое-нибудь новомодное блюдо, я всегда стараюсь ей угодить.

— Я знаю, вы стараетесь, — успокоил её я.

— Но она, видно, что-то слышала, а то бы не стала такое говорить. А коли я вам не угодила, уж лучше мне уйти. Вовсе не потому, что я ей верю, этой мисс Протеро. В Усадьбе её не очень-то любят, скажу я вам. Чтобы сказать «пожалуйста» или «спасибо» — это нет, а вещи направо-налево раскидывать — это сколько угодно. Не стала бы я и внимания обращать на эту мисс Летицию Протеро, а вот мистер Деннис по ней сохнет. Это она умеет — обвести молодого джентльмена вокруг пальца, она такая.

Увлёкшись своими обличениями, Мэри выковыривала глазки из картофеля так энергично, что они летали по кухне, стуча, как частый град. Один из них попал мне прямо в глаз, и это вызвало небольшую паузу.

— Вам не кажется, — сказал я, прижимая платок к глазу, — что вы слишком близко к сердцу принимаете совсем безобидные слова? Видите ли, Мэри, хозяйка будет очень огорчена, если вы от нас уйдёте.

— Против хозяйки я ничего не имею и против вас тоже, сэр, если уж на то пошло.

— Ну вот и хорошо. Сознайтесь, что вы вспылили из-за пустяков, а?

Мэри зашмыгала носом.

— Я была прямо сама не своя после следствия, и вообще… Не бесчувственная же я, на самом деле. Но хозяйку обижать я не стану.

— Значит, всё в порядке, — сказал я.

Я вышел из кухни. Гризельда и Деннис поджидали меня в холле.

— Ну как? — воскликнула Гризельда.

— Она остаётся, — сказал я со вздохом.

— Лен, — сказала моя жена, — ты *такой* умница!

Я в душе никак не мог с ней согласиться. Разве умные люди так поступают… Я твёрдо уверен, что на всём белом свете не сыщешь служанки хуже Мэри. Я прекрасно понимал, что любая перемена была бы переменой к лучшему.

Но мне было приятно порадовать Гризельду. Я подробно изложил обстоятельства, разобидевшие Мэри.

— Похоже на Летицию, — сказал Деннис. — Она и не могла оставить свой жёлтый беретик здесь в среду. Она в нём пришла на теннис в четверг.

— С неё станется, — заметил я.

— Никогда не помнит, куда что бросила, — сказал Деннис с совершенно необоснованной, на мой взгляд, нежностью, словно тут было чем гордиться. — Теряет с дюжину вещей каждый день.

— Необычайно привлекательная черта, — произнёс я.

Но Деннис не заметил никакого сарказма.

— Да, она *очень* привлекательна, — сказал он, глубоко вздохнув. — Ей всё время делают предложения, она сама мне сказала.

— Если это происходит здесь, предложения незаконные — у нас нет ни одного неженатого мужчины, — сказал я.

— А доктор Стоун? — сказала Гризельда, глаза у неё так и искрились лукавством.

— Верно, он приглашал её позавчера посмотреть на раскопки, — сказал я.

— Как же иначе? — сказала Гризельда. — Она очень привлекательная, Лен. Даже лысые археологи это чувствуют.

— Жутко сексапильная, — изрёк Деннис с видом знатока.

Однако Лоуренс Реддинг явно устоял перед очарованием Летиции. Гризельда и этому нашла очень убедительное объяснение и с уверенностью в своей правоте изложила его нам:

— У Лоуренса у самого сексапильности — хоть отбавляй. Таким мужчинам обычно нравятся — как бы это сказать — квакерши, понимаете? Замкнутые скромницы. Таких женщин все

почему-то считают холодными. Мне кажется, единственная женщина, которая могла пленить и удержать Лоуренса, — это Анна Протеро. Я уверена, что они никогда друг другу не наскучат. И всё-таки он сделал одну глупость, по-моему. Понимаете, он как-то воспользовался чувствами Летиции. Не думаю, чтобы он догадывался о них — ему это и в голову не пришло, он иногда проявляет скромность, но я чувствую, что она в него влюблена.

— Она терпеть его не может, — с непререкаемым апломбом заявил Деннис. — Сама мне сказала.

Никогда не слышал такого сочувственного молчания, каким Гризельда ответила на эти слова.

Я пошёл к себе в кабинет. Меня до сих пор охватывал озноб, когда я переступал его порог. Необходимо было преодолеть это ощущение. Я знал, что если я не справлюсь с собой, то уже никогда не смогу пользоваться кабинетом.

Погружённый в раздумья, я медленно подошёл к письменному столу. Вот здесь сидел Протеро — румяный, энергичный, самодовольный, и вот здесь, в короткий миг, его поразили насмерть. Преступник стоял вот здесь, на том месте, где сейчас стою я.

Итак, Протеро больше нет…

Вот и перо, которое он держал в руке.

На полу темноватое пятно: ковёр отослали в чистку, но кровь пропитала доски пола.

Меня пробрала дрожь.

— Нет, не могу оставаться в этой комнате, — сказал я вслух. — Не могу здесь быть.

Вдруг мне в глаза бросилось небольшое ярко-голубое пятнышко. Я наклонился. Под столом лежала какая-то вещица. Я её поднял.

Положив эту вещицу на ладонь, я осторожно её разглядывал. Вошла Гризельда.

— Забыла тебе сказать, Лен. Мисс Марпл приглашает нас зайти сегодня вечером, после обеда. Поразвлечь племянника. Она опасается, что ему тут скучно. Я обещала, что мы придём.

— Прекрасно, милая.

— Что это ты рассматриваешь?

— Ничего. — Я сжал пальцы в кулак, посмотрел на жену и сказал: — Если уж и ты не сумеешь развеселить мистера Рэймонда Уэста, значит, ему угодить невозможно.

Моя жена сказала: «Как тебе не стыдно, Лен» — и покраснела.

Она ушла, и я снова разжал пальцы.

У меня на ладони лежала серёжка с голубой

бирюзой, окружённой мелким жемчугом.

Драгоценность была необычная, довольно приметная, и я помнил совершенно точно, где видел её в последний раз.

Глава 21

Не стану утверждать, что когда-либо испытывал особую симпатию к мистеру Рэймонду Уэсту. Я знаю, что его считают прекрасным прозаиком, а стихи принесли ему широкую известность. У него в стихах нет ни одной заглавной буквы; как я понимаю, это основной признак авангардизма[26]. Все его романы о пренеприятных людях, влачащих неимоверно жалкое существование.

Он по-своему, несколько покровительственно, любит «тётю Джейн», которую часто прямо в глаза зовёт «Пережиток».

Она слушает его разглагольствования с весьма лестным вниманием, и, хотя у неё в глазах иногда мелькает насмешливый огонёк, я уверен, что он никогда этого не замечает.

С решительностью, которая могла бы польстить самолюбию, он обратил всё своё внимание на Гризельду. Они обсудили современные пьесы, потом заговорили о современных вкусах в деко-

---

[26] notes: 26

Авангардизм (от *фр.* «передовой отряд») — термин, обозначающий некоторые течения в искусстве и литературе (преимущественно в поэзии и драматургии), возникшие в 20-х годах XX века и отвергавшие традиционные формы литературы и искусства как устаревшие.

ративном искусстве. Хотя Гризельда притворно посмеивается над Рэймондом Уэстом, мне кажется, что она поддаётся чарам его красноречия.

Я беседовал с мисс Марпл (о чём-то совсем скучном), и до меня не один раз доносилась фраза: «Вы похоронили себя в этой глуши». Наконец этот рефрен начал действовать мне на нервы. У меня внезапно вырвалось:

— Вы считаете, что мы здесь безнадёжно отстали от жизни?

Рэймонд Уэст взмахнул рукой с зажатой в пальцах сигаретой.

— Я считаю Сент-Мэри-Мид, — многозначительно отчеканил он, — лужей со стоячей водой.

Он взглянул на всех вызывающе, ожидая возражений, но никто не возмутился; мне кажется, это его разочаровало.

— Сравнение не очень удачное, милый Рэймонд, — живо отозвалась мисс Марпл. — Мне кажется, если посмотреть в микроскоп на каплю воды из стоячей лужи, жизнь там, наоборот, так и кипит.

— Конечно, там кишит всякая мелочь, — сказал литератор.

— Но ведь это тоже жизнь, в принципе мало отличающаяся от всякой другой, — сказала мисс

Марпл.

— Вы равняете себя с инфузорией из стоячей лужи, тётя Джейн?

— Мой милый, это же основная мысль твоего последнего романа, я запомнила.

Остроумные молодые люди обычно не любят, когда их собственные изречения обращают против них. Рэймонд Уэст не был исключением из этого правила.

— Я говорил совсем не о том, — отрезал он.

— Жизнь в общем везде одинакова, — продолжала мисс Марпл своим негромким, спокойным голосом. — Человек рождается, потом растёт, взрослеет, сталкивается с другими людьми, обкатывается, как галька, потом женится, появляются новые дети…

— А финал один — смерть, — подхватил Рэймонд Уэст. — И не всегда имеется свидетельство о смерти. Порой умирают заживо.

— Раз уж мы заговорили о смерти, — сказала Гризельда. — Вы знаете, что у нас здесь произошло убийство?

Рэймонд Уэст взмахнул сигаретой, отметая убийство одним жестом.

— Убийство — это так грубо, — сказал он. — Меня это не интересует.

Я ни на минуту не поверил его словам. Как говорят, весь мир любит любовь; переиначьте эту пословицу применительно к убийству, и она станет ещё более правдивой. Это истинная правда: ни один человек не останется равнодушным к убийству. Люди простые, как я и Гризельда, откровенно в этом признаются, а такие, как Рэймонд Уэст, непременно должны поломаться, напустить на себя притворную скуку, хотя бы на первые пять минут.

Однако мисс Марпл выдала племянника, заметив:

— Мы с Рэймондом во время обеда только об этом и говорили.

— Я всегда интересуюсь местными новостями, — поспешил вмешаться Рэймонд. Он одарил мисс Марпл ласковой, снисходительной улыбкой.

— А у вас есть своя версия, мистер Уэст? — спросила Гризельда.

— Если рассуждать логически, — сказал Рэймонд Уэст, в который раз помахивая своей сигаретой, — Протеро мог убить только один человек.

К его удовольствию, мы замерли, ловя каждое слово.

— Кто? — спросила Гризельда.

— Викарий, — ответил Рэймонд, обличающе нацелив на меня палец.

Я опешил.

— Само собой, я знаю, что вы его не убивали, — успокоил он меня. — Жизнь никогда не соответствует идеалу. Подумайте, какая блестящая драма, как это естественно: церковный староста злодейски убит в кабинете викария самим викарием. Что за прелесть!

— А по каким мотивам? — спросил я.

— О, это самое интересное. — Он выпрямился на стуле, позабыв про сигарету, и она погасла. — Я бы сказал — комплекс неполноценности. Возможно, слишком много подавленной агрессивности. Я бы с удовольствием написал об этом роман. Можно здорово закрутить интригу. Неделю за неделей, год за годом он видит своего недруга то в ризнице, то на пикниках для мальчиков из хора, собирающего пожертвования в церкви, несущего их к алтарю. Не перестаёт ненавидеть этого человека и каждый раз подавляет ненависть. Это не подобает христианину, и он не станет лелеять ненависть в сердце. А она грызёт и терзает его втайне, и в один прекрасный день… — Он сделал выразительный жест.

Гризельда повернулась ко мне:

— Ты когда-нибудь чувствовал что-то подобное, Лен?

— Никогда, — честно ответил я.

— И всё же я слышала, что вы не так давно желали его смерти, — заметила мисс Марпл.

(Деннис — негодный мальчишка! Конечно, я сам виноват — не стоило мне говорить подобные вещи.)

— Каюсь, не сдержался, — признался я. — Порой говоришь несусветные глупости, но в то утро он меня довёл до белого каления, честное слово.

— Какая жалость, — сказал Рэймонд Уэст. — Понимаете ли, если бы ваше подсознание жаждало его смерти, оно бы не допустило, чтобы вы высказались вслух. — Он вздохнул. — Моя версия рухнула. Скорее всего, это самое прозаическое убийство — месть браконьера или что-нибудь в этом роде.

— Ко мне сегодня заходила мисс Крэм, — сказала мисс Марпл. — Я повстречала её в деревне и спросила, не хочет ли она посмотреть на мой садик.

— Она так любит садоводство? — спросила Гризельда.

— Вовсе нет, — отвечала мисс Марпл, едва заметно подмигивая. — Но это прекрасный предлог

для разговора, вам не кажется?

— А какого вы о ней мнения? — спросила Гризельда. — Я думаю, она не такая уж плохая.

— Она много мне порассказала, — заметила мисс Марпл. — О себе, о своей семье. Кажется, они все умерли в Индии. Грустно, знаете ли. Кстати, эти выходные она проведёт в Старой Усадьбе.

— Что?

— Да-да, кажется, миссис Протеро её пригласила или она сама напросилась, не знаю, каким образом это устроилось. Нужно сделать какую-то секретарскую работу, там накопилась целая куча писем. Это для неё большая удача. Доктор Стоун в отъезде, и девушке нечем заняться. Раскоп был преинтересный, правда?

— Стоун? — повторил Рэймонд. — Археолог?

— Да, он производит раскопки. Во владениях Протеро.

— Замечательный человек. Влюблён в свою профессию, — сказал Рэймонд. — Мы познакомились недавно на званом обеде, с ним необыкновенно интересно говорить. Надо будет зайти к нему, повидаться.

— К сожалению, — сказал я, — он только что уехал в Лондон на все выходные. Постойте, да вы с ним столкнулись сегодня днём на вокзале.

— Я столкнулся с вами. А при вас был какой-то коротышка в очках.

— Ну да, доктор Стоун.

— Помилуйте, дорогой мой, это был вовсе не Стоун.

— Как не Стоун?

— Не археолог, во всяком случае. Я его прекрасно знаю. Этот тип вовсе не Стоун, ни малейшего сходства.

Мы уставились друг на друга. Я, в частности, уставился на мисс Марпл.

— Чрезвычайно странно, — сказал я.

— Чемодан, — сказала мисс Марпл.

— Но зачем? — сказала Гризельда.

— Совсем как в той истории — человек ходил по домам, выдавая себя за инспектора газовой компании, — сказала, ни к кому не обращаясь, мисс Марпл. — Немалый улов он унёс, немалый.

— Самозванец, — произнёс Рэймонд Уэст. — Это уже интересно.

— Замешан ли он в убийстве — вот в чём вопрос, — сказала Гризельда.

— Вовсе не обязательно, — сказал я. — Однако… — И я взглянул на мисс Марпл.

— Это странное дело, — сказала она. — Ещё одно странное дело.

— Да, — сказал я, вставая. — И мне кажется, что об этом надо немедленно поставить в известность инспектора полиции.

Глава 22

Как только я дозвонился до инспектора Слака, мне тут же были даны короткие, категорические приказания. Ничто не должно «просочиться». Главное — не спугнуть мисс Крэм. Тем временем будут организованы поиски чемодана в районе раскопа.

Мы с Гризельдой вернулись домой, взволнованные новыми открытиями. В присутствии Денниса мы не могли поговорить — мы честно обещали инспектору Слаку не проронить ни словечка кому бы то ни было.

Но Деннису было не до нас — у него были свои заботы. Он вошёл ко мне в кабинет и принялся слоняться, шаркая ногами, вертеть в руках что попало, и вообще вид у него был крайне растерянный и смущённый.

— В чём дело, Деннис? — наконец не выдержал я.

— Дядя Лен, я не хочу идти во флот.

Я удивился. Казалось, что мальчик твёрдо выбрал будущую профессию.

— Ведь ты об этом так мечтал.

— Да, а теперь передумал.

— Что же ты собираешься делать?

— Хочу стать финансистом.

Я удивился ещё больше.

— Как финансистом?

— Обыкновенно. Хочу работать в городе, в Сити.

— Послушай, милый мой мальчик, я уверен, что эта жизнь не для тебя. Даже если я устрою тебя на работу в банк…

Деннис сказал, что он думал не об этом. В банке ему делать нечего. Я спросил, что он конкретно имел в виду, и, разумеется, он сам не знал, чего хочет, как я и догадывался.

В его понимании «стать финансистом» значило побыстрее разбогатеть; с юношеским оптимизмом он считал, что это дело верное, достаточно «работать в Сити». Я попытался рассеять его заблуждения, стараясь не обидеть его.

— А что навело тебя на эти мысли? — спросил я. — Ты был вполне доволен перспективой служить в торговом флоте.

— Верно, дядя Лен, только я подумал… Когда придёт время жениться, понимаешь, чтобы жениться на хорошей девушке, надо быть богатым.

— Твоя теория не подтверждается фактами, — заметил я.

— Знаю. Но я говорю о настоящей хорошей девушке. Из хорошей семьи. Она к этому привыкла.

Несмотря на туманные выражения, я понимал, кого он имеет в виду.

— Но ведь не все девушки похожи на Летицию Протеро, — сказал я ласково.

Он всё равно вспылил:

— Ты к ней ужасно несправедлив. Тебе она не нравится. И Гризельде тоже. Она называет её занудой!

Со своей, чисто женской, точки зрения Гризельда совершенно права. Летиция и вправду нагоняет на человека скуку. Но мне было вполне понятно, почему это слово задело Денниса.

— Почему люди не могут понять, пожалеть! Даже Хартли Напье, и те на неё напустились — в такое тяжёлое время! Подумаешь — ну, ушла она с их дурацкой теннисной игры чуть пораньше. Обязана она, что ли, торчать там, если ей надоело? По-моему, ещё много чести, что она вообще туда пошла.

— В самом деле большая честь, — сказал я, но Деннис не заподозрил сарказма. Он весь кипел от обиды за Летицию.

— А на самом деле она такая чуткая. Суди сам

— она меня заставила там остаться. Само собой, я тоже собрался уходить. Но она об этом и слышать не хотела. Сказала, что Хартли Напье ужасно обидятся. И я остался ещё минут на пятнадцать ради неё.

У молодёжи какие-то странные представления о чуткости.

— А теперь, как мне сказали, Сюзанна Хартли Напье всем говорит, что Летиция жутко невоспитанная.

— На твоём месте я бы не обращал на это внимания, — сказал я.

— Тебе легко говорить, а я… — Голос у него прервался от волнения. — Я… Я ради неё готов на всё.

— Очень немногие из нас могут сделать хоть что-то для другого человека. Как бы мы ни старались, это не в наших силах.

— Лучше бы мне умереть, — сказал Деннис.

Бедный малый! Эта полудетская любовь всегда протекает как острое заболевание. Я не позволил себе сказать ни одной банальной и поучительной фразы, которые так и просятся на язык, — это только разобидело бы его вконец. Я просто пожелал ему спокойной ночи, и мы разошлись.

Наутро у меня была с восьми часов служба,

а вернувшись, я увидел Гризельду за столом, накрытым для завтрака, в руках она держала письмо. Письмо было от Анны Протеро.

«Дорогая Гризельда, если вы с викарием сможете зайти сегодня к ленчу, я буду очень признательна. Произошло нечто чрезвычайно странное, и я хотела бы посоветоваться с мистером Клементом.

Пожалуйста, не упоминайте об этом, когда будете у нас, — я никому ничего не сказала.

С любовью, искренне ваша,

Анна Протеро».

— Непременно надо пойти, — сказала Гризельда.

Я согласился.

— Интересно, что там произошло?

Мне тоже было интересно.

— Знаешь, — сказал я Гризельде, — у меня такое чувство, что это дело затянется надолго.

— Ты хочешь сказать — пока не арестуют настоящего убийцу?

— Нет, — ответил я. — Я имел в виду другое. Видишь ли, в этом деле столько разветвлений, столько подводных течений, о которых мы и не

догадываемся. Нужно выяснить множество загадочных обстоятельств, прежде чем мы доберёмся до сути дела.

— Понимаю, ты говоришь о тех обстоятельствах, которые сами по себе ничего не значат, но мешают и путаются под ногами?

— Пожалуй, ты довольно точно истолковала мои слова.

— А по-моему, мы устраиваем много шуму из ничего, — сказал Деннис, намазывая хлеб повидлом. — Ведь это здорово, что старик Протеро отправился к праотцам. Никто его не любил. Пусть у полиции голова болит — это их дело, пусть и суетятся. Я лично надеюсь, что они никогда не изловят убийцу. Ещё не хватало, чтобы Слак получил повышение и ходил надутый от важности, как индюк, воображая, что он великий сыщик.

Признаюсь, что я не настолько чужд простым человеческим чувствам, чтобы не разделять его мнения по поводу Слака. Человеку, который всегда и повсюду, словно нарочно, восстанавливает людей против себя, не приходится ждать от них хорошего отношения.

— Доктор Хэйдок со мной согласен, — продолжал Деннис. — Он ни за что не выдал бы убийцу

властям. Он мне так и сказал.

Вот в этом, мне кажется, опасная черта воззрений Хэйдока. Сами по себе его взгляды, возможно, заслуживают уважения — не мне судить, — но на молодой неокрепший ум они могут оказать действие, совершенно неожиданное для самого Хэйдока.

Гризельда выглянула в окно и сообщила, что в саду у нас репортёры.

— Наверное, опять фотографируют окна кабинета, — сказала она со вздохом.

Нам пришлось немало претерпеть от подобных нашествий. Поначалу — жители деревни, полные праздного любопытства, ни один из них не преминул постоять и поглазеть разинув рот. Потом пошла в наступление армия газетчиков, вооружённая фотоаппаратами, а за ними — опять зеваки: поглазеть теперь уже на газетчиков. В конце концов пришлось поставить на страже у окон кабинета констебля из Мач-Бенэма.

— Хорошо, что похороны состоятся завтра утром, — сказал я. — После этого все страсти улягутся, я уверен.

Когда мы подошли к Старой Усадьбе, нас уже подстерегали несколько репортёров. Они засыпали меня самыми разнообразными вопросами,

на которые я давал неизменный ответ (мы решили, что это наилучший выход), а именно: «Мне нечего сказать».

Дворецкий проводил нас в гостиную, где оказалась единственная гостья — мисс Крэм, которая явно была в превосходном настроении.

— Вот вам и сюрприз, а? — заговорила она, пожимая нам руки. — Мне бы такое и в голову не пришло, но миссис Протеро ужасно добрая, правда? Конечно, не очень-то прилично, когда молодая девушка остаётся в «Голубом Кабане» одна-одинёшенька, это все скажут, — репортёры так и шныряют, и вообще мало ли что. Ну, само собой, я тут без дела не сижу, в такое время секретарша нужна до зарезу, а мисс Протеро и пальчиком не шевельнёт, верно?

Я заметил, что старая вражда к Летиции Протеро не угасла, и это меня позабавило, зато девушка стала горячей защитницей Анны. Однако я сомневался, что её рассказ соответствует истине. По её словам, приглашение исходило от Анны, но мне хотелось бы знать, так ли это на самом деле. Девушка могла сама прозрачно намекнуть Анне, что ей не вполне удобно оставаться одной в «Голубом Кабане». Как бы то ни было, без всякого предубеждения, я всё же полагал, что

мисс Крэм вполне может выдать желаемое за действительное.

В эту минуту вошла Анна Протеро. Она была одета в простое чёрное платье. В руке у неё была воскресная газета, которую она и протянула мне с грустным видом.

— Мне никогда в жизни не приходилось сталкиваться с подобными вещами. Отвратительно, да? Я этого репортёра видела мельком, на следствии. Я только сказала, что ужасно расстроена и не могу ничего сообщить, а потом он сказал, что я, должно быть, очень хочу найти убийцу мужа, и я ответила: «Да». Спросил, подозреваю ли я кого-нибудь, я сказала: «Нет». А не думаю ли я, что преступление совершено кем-то из местных жителей? Я сказала, что это очевидно. Вот и всё. А теперь посмотрите, что тут написано!

Посередине страницы красовалась фотография, сделанная добрых десять лет назад, — бог знает, откуда они её выкопали. Громадными буквами был набран заголовок:

«ВДОВА
ДАЛА ОБЕТ, ЧТО НЕ УСПОКОИТСЯ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ВЫСЛЕДИТ УБИЙЦУ МУЖА».

«Миссис Протеро, вдова убитого, уверена, что убийцу надо искать среди местных жителей. У неё есть подозрения, но пока она их не высказывает. Она заявила, что убита горем, но повторила многократно, что намерена выследить убийцу».

— Да разве я могла такое сказать? — спросила Анна.

— Могло быть куда хуже, смею заметить, — сказал я, возвращая ей газету.

— Нахалы, вот они кто, — сказала мисс Крэм. — Посмотрела бы я, как им удалось бы сорвать что-нибудь с меня!

Глаза у Гризельды блеснули, и я догадался, что это заявление она восприняла буквально, на что мисс Крэм, конечно, не рассчитывала.

Было объявлено, что второй завтрак подан, и мы перешли в столовую. Летиция явилась с большим опозданием, проплыла к свободному месту и села, улыбнувшись Гризельде и кивнув мне. Я смотрел на неё очень внимательно — у меня были на то свои причины, — но она, казалось, по-прежнему витала в облаках. Удивительно хорошенькая — это я должен признать по чести

и справедливости. Она так и не надела траур, но бледно-зелёное платье выгодно подчёркивало в её облике всю прелесть пастельных тонов.

Когда мы выпили кофе, Анна спокойно сказала:

— Мне нужно поговорить с викарием. Мы пойдём в мою гостиную, наверх.

Наконец-то мне предстояло узнать, почему нас сюда пригласили. Я встал и последовал за ней вверх по лестнице. У дверей комнаты она задержалась. Я хотел заговорить, но она остановила меня жестом. Послушала, устремив глаза вниз, что творится в холле.

— Хорошо. Они уходят в сад. Нет, нам не сюда. Пройдёмте на самый верх.

К моему удивлению, она повела меня по коридору в самый конец крыла. Оттуда на верхний этаж вела деревянная лесенка из отдельных дощатых ступенек, она поднялась по ней, я — следом. Мы оказались в пыльном, обшитом досками закутке. Анна отворила дверь и провела меня на громадный сумрачный чердак, который явно служил свалкой для всякой рухляди. Там были сундуки, ломаная мебель, несколько старых картин, наваленных как попало, и прочий хлам, который годами накапливается в кладовках.

Я не сумел скрыть своего удивления, и она слабо улыбнулась:

— Сейчас я вам всё объясню. Я стала очень плохо спать. Прошлой ночью — нет, скорее сегодня утром, часа в три, я услышала, что кто-то ходит по дому. Я прислушалась, немного погодя встала и вышла из комнаты. Тут я поняла, что звуки доносятся не снизу, а сверху. Я подошла к этой лесенке. Мне опять показалось, что я слышу шорох. Я спросила: «Кто там?» Но ответа не было, и оттуда не донеслось больше ни звука; я решила, что у меня просто нервы шалят, вернулась и легла. И всё же сегодня, рано утром, я поднялась сюда из чистого любопытства. И нашла здесь вот что!

Она наклонилась к картине, которая была прислонена к стене, оборотной стороной к нам, и повернула её лицом.

Я ахнул от неожиданности. Это был портрет, писанный маслом, но лицо было исполосовано и искромсано до полной неузнаваемости. Мало того, разрезы и царапины были совсем свежие.

— Поразительно, — сказал я.

— И вы поражены, да? А как вы думаете, в чём дело?

Я покачал головой.

— В этом есть какой-то дикий вандализм, —

сказал я. — И это меня тревожит. Как будто кто-то выместил на портрете зло в припадке бешеной ярости.

— И я так подумала.

— Чей это портрет?

— Не имею представления. Я его ни разу не видела. Весь этот хлам уже был сложен на чердаке, когда я вышла за Люциуса и приехала сюда. Я сюда никогда не ходила и даже не вспоминала про этот чердак.

— Поразительно, — повторил я.

Я наклонился, перебирая остальные картины. Там, как и следовало ожидать, было несколько посредственных пейзажей, несколько олеографий[27] и две-три репродукции в дешёвых рамках.

Ничто не могло навести нас на след. В углу стоял старинный кованый сундук, из тех, что называются ковчегами, на нём инициалы «Е. П.». Я поднял крышку. Сундук был пуст. На чердаке больше ничего интересного не было.

— Да, совершенно необычное происшествие, — сказал я. — И такое бессмысленное.

---

[27] notes: 27

Олеография — особый способ снятия копий с картин, написанных масляными красками, дающий отпечаток, более близкий к оригиналу, а также копия картины, полученная таким способом.

— Да, — сказала Анна. — Но я немного напугана.

Рассматривать было больше нечего. Мы спустились в её гостиную. Она плотно затворила дверь.

— Как вы считаете, мне нужно что-то предпринять? Сообщить в полицию?

Я не знал, что ей ответить.

— Признаться, трудно сразу сказать, связано ли это…

— С убийством, — подхватила Анна. — Понимаю. Конечно, трудно. Судя по всему, никакого отношения к убийству это не имеет.

— Да, — сказал я. — Но это ещё одно странное дело.

Мы оба молчали, глубоко задумавшись.

— Могу ли я спросить, какие у вас планы? — наконец сказал я.

Она подняла голову.

— Я собираюсь прожить здесь полгода, не меньше, — в её словах прозвучал вызов. — Не потому, что мне хочется. Я в ужасе от одной мысли, что придётся здесь оставаться. Но мне кажется, это единственный выход. А иначе люди начнут говорить, что я сбежала, что у меня совесть нечиста.

— Ну что вы!

— Нет, я их знаю. Особенно после того… — Она

замолкла, потом продолжала: — Через полгода я выйду замуж за Лоуренса. — Она взглянула мне прямо в глаза. — Так мы решили. Дольше мы ждать не собираемся.

— Я так и думал, — сказал я.

Внезапно она разрыдалась и закрыла лицо руками.

— Если бы вы только знали, как я вам благодарна, если бы вы знали! Мы с ним уже распрощались — он готов был уехать. Мне… мне так страшно думать о смерти Люциуса. Если бы мы собирались уехать вдвоём и тут он умер бы — сейчас я была бы в отчаянии. Но вы заставили обоих нас опомниться, удержаться от греха. Вот за что я вас и благодарю.

— Возблагодарим Господа, — сказал я торжественно.

— Но это ничего не значит. — Она выпрямилась. — Пока убийцу не найдут, все будут думать, что это Лоуренс, — о да! Непременно будут! Особенно когда он на мне женится.

— Дорогая моя, показания доктора Хэйдока совершенно ясно доказывают…

— Какое людям дело до показаний? Они про это ничего не знают. И медицинские свидетельства никогда не убеждают никого из посторонних. Вот

ещё одна причина, заставляющая меня остаться. Мистер Клемент, я должна узнать правду.

Когда она говорила это, глаза её горели огнём. Она добавила:

— Поэтому я и пригласила эту девицу.

— Мисс Крэм?

— Да.

— Значит, вы всё-таки сами её пригласили. Я правильно понял, что это ваша инициатива?

— Целиком и полностью. Да, конечно, она немного похныкала. На следствии — она была уже там, когда я пришла. Но я пригласила её сюда специально.

— Неужели вы думаете, — воскликнул я, — что эта глупенькая девушка имеет отношение к убийству?

— Нет ничего проще, чем представиться дурочкой. Легче лёгкого.

— Значит, вы всё же думаете…

— Нет. Честное слово, я её не подозреваю. Мне просто кажется, что она что-то знает. Хотелось разузнать о ней побольше.

— И в первую же ночь, когда она здесь оказалась, был изуродован портрет, — задумчиво сказал я.

— Вам кажется, это она? Зачем? По-моему, это

совершенно нелепо и невозможно.

— Нелепо и невозможно было убить вашего мужа у меня в кабинете, — с горечью возразил я. — Однако кто-то это сделал.

— Знаю. — Она положила ладонь на мою руку. — Как это ужасно для вас. Я очень вас понимаю, хотя мало об этом говорю.

Я вынул из кармана серёжку с голубой бирюзой и протянул ей.

— Это, кажется, ваша?

— О! Да. — Она с радостной улыбкой протянула руку. — Где вы её подобрали?

Я не спешил класть украшение в её раскрытую ладонь.

— Если вы не возражаете, — сказал я, — я бы ещё немного подержал её у себя.

— Пожалуйста!

Она глядела на меня удивлённо и пытливо. Но я не стал ничего объяснять. Я спросил, как её денежные дела.

— Вопрос нескромный, — сказал я, — но, поверьте, я хотел бы, чтобы вы поняли его не так.

— Почему нескромный. Вы и Гризельда — мои лучшие друзья в этих местах. Ещё я питаю слабость к этой смешной мисс Марпл. Люциус был довольно богат, должна вам сказать. Он разделил

состояние поровну между мной и Летицией. Старая Усадьба остаётся мне, но Летиция имеет право выбрать мебель, чтобы обставить небольшой домик, на покупку которого ей оставлена отдельная сумма, чтобы всё было по справедливости.

— А вы знаете что-нибудь о её планах на жизнь?

Анна с шутливой гримаской сказала:

— Мне она о них не сообщала. Я думаю, что она уедет отсюда очень скоро. Она меня не любит и никогда не любила. Должно быть, это моя вина, хотя я изо всех сил старалась держать себя достойно. Просто любая девочка восстаёт против молодой мачехи, мне кажется.

— А вам она нравится? — спросил я напрямик.

Она ответила не сразу, и я ещё раз убедился, что Анна Протеро — человек честный и прямой.

— Вначале нравилась, — сказала она. — Она была такая хорошенькая девчушка. А теперь нет, теперь нет. Сама не знаю, в чём дело. Может быть, из-за того, что она меня не любит. Видите ли, я люблю, когда меня любят.

— Как и все мы, — сказал я, и Анна Протеро улыбнулась.

Мне оставалось выполнить ещё одно дело, а именно — поговорить с Летицией Протеро. Это

трудностей не представляло — я нашёл её в одиночестве в гостиной. Гризельда и Глэдис Крэм вышли погулять в сад.

Я вошёл и закрыл за собой дверь.

— Летиция, — сказал я, — мне нужно с вами кое о чём поговорить.

— Да?

Я заранее обдумал, что буду говорить. Я протянул ей на ладони бирюзовую серёжку и спокойно спросил:

— Зачем вы подбросили это в мой кабинет?

Я заметил, что она на мгновенье напряглась, но это было одно мгновенье. Она так быстро оправилась, что я не решился бы присягнуть в том, что видел собственными глазами это секундное замешательство. Она сказала небрежно:

— Я ничего не подбрасывала в ваш кабинет. Это не моя серёжка. Серёжка Анны.

— Это мне известно, — сказал я.

— Тогда при чём тут я? Не понимаю! Анна её обронила, и всё.

— Миссис Протеро была в моём кабинете только один раз после убийства, и она была в трауре. Вряд ли она могла надеть голубые серьги.

— В таком случае, — сказала Летиция, — она обронила её раньше. — И добавила: — Это вполне

логично.

— Весьма логично, — откликнулся я. — Я думаю, вы припомните, когда ваша мачеха надевала их в последний раз?

— О! — Она смотрела растерянным, доверчивым взглядом прямо мне в глаза. — А разве это так важно?

— Всё может быть, — сказал я.

— Попытаюсь вспомнить. — Она сидела, сдвинув брови. Никогда ещё Летиция Протеро не казалась мне такой очаровательной. — О! Да, — вдруг сказала она. — Они были на ней в четверг, я вспомнила.

— Четверг, — раздельно произнёс я, — это день убийства. Миссис Протеро была в тот день в мастерской, в саду, но, если вы помните, она показала, что стояла снаружи, у окна, не заходя в комнату.

— А где вы нашли серьгу?

— Она закатилась под стол.

— Тогда, судя по всему, получается, — безмятежно сказала Летиция, — что она говорила неправду, да?

— Вы хотите сказать, что она вошла в кабинет и стояла у самого стола?

— А разве не так?

Она смотрела на меня чистыми, прозрачными глазами.

— Если хотите знать, — невозмутимо продолжала она, — я никогда не верила, что она говорит правду.

— Но я точно знаю, что *вы* говорите неправду.

— Это почему?

Она явно встревожилась.

— А потому, — сказал я, — что я видел эту серёжку собственными глазами в пятницу утром, когда приходил сюда с полковником Мельчеттом. Она лежала рядом со второй на туалетном столике у вашей мачехи. Я даже подержал их в руках.

— О-о! — Она смешалась, потом вдруг перегнулась через ручку кресла и разрыдалась. Её подстриженные светлые волосы почти касались пола. Поза была странная — удивительно красивая, полная по-детски необузданного отчаяния.

Я дал ей немного выплакаться, потом очень ласково спросил:

— Летиция, зачем вы это сделали?

— Что?

Она вскочила, резким взмахом головы откинув волосы назад. Она была ужасно перепугана.

— Что вы такое говорите?

— Из-за чего вы это сделали? Из ревности? Из

ненависти к Анне?

— О да! — Она снова откинула волосы с лица и внезапно совершенно овладела собой. — Да, можете назвать это ревностью. Я Анну всегда ненавидела — с того самого дня, как она приехала сюда. Строила из себя королеву. Я забросила эту чёртову штуку под стол. Я хотела, чтобы у неё были неприятности. И были бы, если бы не вы — как вас угораздило трогать чужие вещи на туалетном столике! И вообще, духовному лицу не подобает быть на побегушках у полиции!

Она так по-детски обрушила на меня свой гнев, что я не обратил на её слова никакого внимания. В эту минуту она и вправду выглядела несчастным, обиженным ребёнком.

Едва ли её ребяческая попытка насолить Анне заслуживала серьёзного внимания. Так я ей и сказал, добавив, что верну серёжку хозяйке и ни словом не упомяну, где я её нашёл. Девушка, казалось, была тронута.

— Вы очень славный, — сказала она. А потом, помолчав, добавила, отвернув лицо и с трудом подбирая слова: — Знаете, мистер Клемент, я бы на вашем месте отослала Денниса отсюда, и поскорее.

— Денниса? — Я поднял брови удивлённо и

слегка насмешливо.

— Я думаю, так будет лучше. — И она смущённо продолжала: — Мне жалко Денниса. Я и не знала, что он… в общем, мне очень жаль.

Больше мы об этом не говорили.

Глава 23

На обратном пути я предложил Гризельде сделать небольшой крюк и заглянуть на раскоп. Мне не терпелось узнать, занялась ли этим делом полиция, и если они там побывали, то до чего успели докопаться. У Гризельды, однако, оказалась уйма дел дома, и мне пришлось совершить эту экспедицию в одиночестве.

Операцию возглавлял констебль Хэрст.

— Пока ничего не нашли, сэр, — доложил он. — Но по всем показаниям это самое лучшее место для cache.

На минуту я опешил, введённый в заблуждение его произношением — он произнёс cache как «кэч», — но почти мгновенно сообразил, что он имел в виду[28].

— Сами понимаете, сэр, куда ещё могла идти эта молодая особа, раз она шла по тропинке в лес? Либо в сторону Старой Усадьбы, либо сюда, больше некуда.

---

[28] notes: 28

Английское слово со значением «тайник», заимствованное из французского языка, произносится как «кэш», тогда как «кэч» — это ловушка, загвоздка.

— Я полагаю, — сказал я, — что инспектор Слак счёл ниже своего достоинства просто спросить об этом молодую леди?

— Боится спугнуть, — сказал Хэрст. — Может, она напишет доктору Стоуну или он ей — для нас всякая мелочь сгодится. А если она почует, что мы идём по следу, прикусит язычок, и пиши пропало.

Признаюсь, я сильно сомневался в том, что мисс Крэм способна «прикусить язычок» в каком бы то ни было смысле. Я не в силах был представить её молчащей — её образ всегда связывается у меня с неудержимым словоизвержением.

— Раз человек оказался самозванцем, положено выяснить, почему он присвоил себе чужое имя, — поучительно сказал констебль Хэрст.

— Само собой, — согласился я.

— А ответ зарыт в этих раскопках, а иначе к чему он их затеял?

— Просто raison d'etre [повод *(фр.)*] для того, чтобы пошарить вокруг, — сказал я, но на этот раз у констебля не хватило познаний во французском языке. Он сквитался со мной за это, холодно отрезав:

— Это непрофессиональная точка зрения.

— Во всяком случае, чемодана вы не нашли, —

сказал я.

— Найдём, сэр. Можете не сомневаться.

— Я в этом не уверен, — сказал я. — Я об этом думал. Мисс Марпл говорила, что девушка очень скоро вышла, но без него. В таком случае она не успела бы дойти сюда и обратно.

— Нечего обращать внимание на старушечью болтовню. Стоит этим почтенным дамам увидеть что-то интересное, как они про всё забывают — ждут, что произойдёт дальше, и совершенно забывают о времени. И вообще, какая женщина имеет понятие о времени!

Я часто задумывался над всеобщей склонностью к поспешным обобщениям. Обобщения почти никогда не содержат истины и обычно отличаются крайней неточностью. Сам-то я не в ладах со временем (поэтому и приходится ставить часы вперёд), но мисс Марпл, на мой взгляд, прекрасно чувствует время. Часы у неё всегда идут минута в минуту, и она известна своей неизменной пунктуальностью.

Тем не менее спорить с констеблем Хэрстом я не стал. Пожелав ему удачи, я распрощался с ним и пошёл домой.

Я уже подходил к дому, когда меня осенила одна идея. Она возникла без видимого повода,

просто у меня в голове вдруг вспыхнула возможная отгадка.

Вы, наверное, помните, что в первый раз, когда я обследовал тропинку, на другой день после убийства, я заметил место, где кусты были слегка примяты. Очевидно, их потревожил Лоуренс, которого я застал за тем же занятием, по крайней мере, тогда я в этом не сомневался.

Но я вспомнил, что мы с ним позже наткнулись на другой малозаметный след, который, как оказалось, проложил наш инспектор. Обдумывая всё это после, я отчётливо вспомнил, что первый след (Лоуренса) был гораздо заметнее второго, как будто там прошёл не один, а несколько человек. Я подумал, что Лоуренс обратил внимание на это место именно потому, что там уже кто-то прошёл. А если это был след доктора Стоуна или мисс Крэм?

Я даже вспомнил — если надо мной не сыграло шутку моё собственное воображение, — что на сломанных ветках было несколько увядших листков, а это значило, что они были сломаны задолго до нашего появления.

Я как раз приближался к этому месту. Узнать его было нетрудно, и я снова углубился в заросли. На этот раз я приметил несколько свежесломан-

ных веток. Значит, кто-то проходил здесь после нас с Лоуренсом.

Я вскоре добрался до места, где повстречал Лоуренса. Но едва заметный след вёл дальше, и я тоже пошёл дальше. Внезапно передо мной открылась небольшая полянка, по которой явно кто-то недавно ходил. Я говорю «полянка», потому что густой кустарник в этом месте отступил, но ветви деревьев сплетались над головой, и всю полянку можно было пересечь за несколько шагов.

По другую сторону кустарник снова смыкался стеной, и я видел, что сквозь него никто ещё не прокладывал себе дорогу. Но всё же одно место показалось мне подозрительным.

Я прошёл вперёд, встал на колени и развёл кусты в обе стороны. Передо мной, в награду за моё терпение, блеснула лакированная коричневая плоскость. В радостном волнении я просунул руку глубже и не без труда извлёк из кустов небольшой коричневый чемоданчик.

Я испустил вопль торжества. Я своего добился! Что ж, пусть констебль Хэрст облил меня ледяным презрением — я всё-таки оказался прав, мои рассуждения оправдали себя. Передо мной, без сомнения, был чемодан, который несла мисс

Крэм. Я потрогал замок — он был заперт.

Поднявшись на ноги, я заметил на земле маленький буроватый кристалл. Почти автоматически я поднял его и сунул в карман. Затем, крепко взяв за ручку обретённый чемоданчик, я пошёл обратно к тропе.

Когда я занёс ногу над перелазом, выходившим к аллее, я услышал рядом взволнованный голос:

— О! Мистер Клемент! Вы его нашли! Какой же вы молодец!

Отметив про себя, что в искусстве всё видеть, никому не попадаясь на глаза, мисс Марпл не имеет себе равных, я поставил чемодан на разделявшую нас ограду.

— Он самый, — сказала мисс Марпл. — Я его сразу узнала.

Мне показалось, что она слегка преувеличивает. Таких дешёвых лакированных чемоданчиков тысячи, и они абсолютно неотличимы друг от друга. Никто не может опознать подобный чемоданчик, да ещё видевши его мельком, издали и при лунном свете. Но я понимал, что вся история с чемоданчиком — личный триумф мисс Марпл, а победителей не судят, и ей можно простить это безобидное маленькое преувеличение.

— Я думаю, он заперт, мистер Клемент?

— Да. Я сейчас отнесу его в полицейский участок.

— А вы не считаете, что сначала лучше позвонить?

Ну конечно, лучше было позвонить. Прошествовать по всей деревне с чемоданом в руке — это совсем нежелательная сенсация, способная вызвать лишь брожение умов.

Я отворил калитку и вошёл в дом. В полной безопасности — из гостиной с закрытой дверью — я позвонил и сообщил о находке. Инспектор Слак ответил, что мигом подскочит — лично. Он явился в самом сварливом состоянии духа.

— Значит, мы таки его раскопали, а? — выпалил он. — Не следовало бы вам, сэр, запираться. Если у вас есть основания предполагать, что вы знаете о местонахождении данного предмета, полагается доложить об этом кому следует.

— Да это была чистая случайность, — сказал я. — Неведомо откуда у меня вдруг возникла идея.

— Хороша сказочка, да верится с трудом, — сказал инспектор Слак. — Почти три четверти мили пробирались лесом, вышли точно на место и прибрали его к рукам.

Я мог бы изложить инспектору Слаку шаг за

шагом те рассуждения, которые привели меня на нужное место, но он в кратчайшее время добился обычного результата — вывел меня из себя. Я промолчал.

— Ну, — сказал инспектор Слак, глядя на чемодан с неприязнью и притворным безразличием, — пожалуй, можно взглянуть, что там внутри, раз уж на то пошло.

Он прихватил с собой связку ключей и проволоку. Замок был самый простенький. Через две секунды чемодан открылся. Не знаю, что мы ожидали там увидеть — что-нибудь сенсационное, должно быть. Но первое, что нам бросилось в глаза, был засаленный шерстяной шарф. Инспектор вытащил его. За ним последовало сильно поношенное пальто, некогда тёмно-синего цвета. Далее была извлечена клетчатая кепка.

— Ну и тряпьё, — заметил инспектор.

Там ещё оставалась пара стоптанных, сбитых башмаков. На самом дне лежал свёрток, завёрнутый в газету.

— Крахмальная рубашка, не иначе, — язвительно проронил инспектор, разрывая газету.

Тут он ахнул от неожиданности. Ибо в свёртке оказалось несколько простеньких вещиц из чистого серебра и круглая чаша из того же металла.

Мисс Марпл пронзительно вскрикнула, узнав их.

— Прибор для пряностей! — воскликнула она. — Прибор для пряностей полковника Протеро и чаша Карла Второго. Ну кто бы мог подумать!

Инспектор стал красным как рак.

— Значит, вот в чём было дело, — пробормотал он себе под нос. — Грабёж. Но чего-то я тут не понимаю. Никто не заявлял о пропаже.

— Возможно, пропажа ещё не обнаружена, — предположил я. — Не думаю, чтобы эти вещи всё время были в ходу, слишком уж большая ценность. Возможно, полковник Протеро держал их в запертом сейфе.

— Надо это выяснить, — сказал инспектор. — Я немедленно иду в Старую Усадьбу. Теперь понятно, почему доктор Стоун отсюда смылся. Убийство, переполох, расследование — он и струсил, что мы докопаемся до его делишек. Его имущество запросто могли подвергнуть обыску. Он велел девушке спрятать вещи в лесу и вместе с ними — одежду, чтобы переодеться. Он собирался вернуться тайком и забрать добычу, а она оставалась здесь для отвода глаз. Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Отводит от него подозрение в убийстве. В этом он не замешан. У него была своя игра.

Он побросал вещи в чемодан и удалился, отказавшись от предложенного мисс Марпл стаканчика хереса.

— Ну вот, одна тайна разгадана, — сказал я со вздохом облегчения. — В этом Слак совершенно прав: к убийству Стоун не имел никакого отношения. Всё объясняется наилучшим образом.

— На первый взгляд, может быть, и так, — сказала мисс Марпл. — Хотя никогда нельзя быть в полной уверенности, не правда ли?

— Полное отсутствие мотивов преступления, — напомнил я ей. — Он получил то, что хотел, и уже собирался уходить подобру-поздорову.

— Да…

Было очевидно, что у неё что-то на уме, и я глядел на неё не без любопытства. Мисс Марпл поспешила ответить на мой молчаливый вопрос; она говорила с живостью, словно оправдываясь:

— Конечно, *я ничего* не понимаю. Я такая бестолковая. Я только хотела узнать… Кажется, это серебро — большая ценность или я ошибаюсь?

— Такая чаша продавалась недавно больше чем за тысячу фунтов, насколько я помню.

— То есть ценность не только в самом металле, да?

— Отнюдь — они имеют ценность для коллек-

ционеров, для знатоков.

— Так я и думала. Сразу такие вещи продать не удастся, и, даже если удастся найти покупателя, дело надо держать в тайне. Я хочу только сказать, что, если бы о краже стало известно и поднялся бы большой шум, вещи вообще нельзя было бы продать.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать, — признался я.

— Я знаю, что ничего не умею толком объяснить. — Она ещё больше разволновалась, чувствуя себя виноватой. — Но мне кажется, что такие вещи нельзя просто украсть. Есть только один способ — заменить их копиями. Тогда кража некоторое время не будет раскрыта.

— Весьма хитроумная идея, — сказал я.

— Это единственный правильный способ, верно? А ежели так, то вы совершенно правы: как только подмена удалась, нет никакого резона убивать полковника Протеро — скорее наоборот.

— Бесспорно, — сказал я. — Я так и говорил.

— Да, только мне показалось… конечно, откуда мне знать… полковник Протеро всегда сообщал заранее, что собирается сделать, а порой и вовсе до дела не доходило, но он сам сказал…

— Что?

— Что собирается оценить все эти вещи, вызвать оценщика из Лондона. Для завещания — нет, это когда человек умирает… ах да, для страховки. Кто-то ему посоветовал непременно их оценить. Он очень много говорил, как, мол, важно это сделать. Конечно, я не знаю, договорился ли он с оценщиком, но если он успел…

— Понимаю, — сказал я.

— Разумеется, как только эксперт увидел бы серебро, он бы узнал подделку, а тут и полковник Протеро вспомнил бы, что показывал вещи доктору Стоуну, — как знать, может быть, тогда же он их и подменил, ловкость рук — кажется, так это называется? И вот все его хитрости пошли бы прахом.

— Я понимаю вашу мысль, — сказал я. — По-моему, надо выяснить всё сейчас же.

Я ещё раз подошёл к телефону. Через несколько минут меня соединили со Старой Усадьбой, и я мог поговорить с Анной Протеро.

— Нет, ничего особенного. Инспектор ещё не прибыл? А! Значит, он скоро будет. Миссис Протеро, вы не могли бы сказать мне, производилась ли когда-либо оценка имущества в Старой Усадьбе? Что вы сказали?

Я выслушал её ответ, точный и ясный. Побла-

годарив, я повесил трубку и обернулся к мисс Марпл.

— Всё теперь ясно. Полковник Протеро вызвал оценщика на понедельник — то есть на завтра — для оценки имущества. Из-за смерти полковника всё пришлось отложить.

— Значит, мотив для преступления *был*, — мягко заметила мисс Марпл.

— Мотив, предположим, был. А что ещё? Вы запамятовали. Когда прозвучал выстрел, доктор Стоун только встретился с Лоуренсом и Анной или перебирался через перелаз.

— Да, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Значит, он вне подозрений.

Глава 24

Я возвратился домой — в кабинете меня уже поджидал Хоуз. Он нервно шагал взад-вперёд по комнате, а когда я вошёл, вздрогнул, как подстреленный.

— Прошу прощенья, — сказал он, отирая пот со лба. — Последнее время нервы у меня никуда не годятся.

— Дорогой друг, — сказал я, — вам непременно нужно уехать, переменить обстановку. Иначе вы тут у нас совсем расклеитесь, нельзя же так.

— Я не могу покинуть свой пост. Нет, на это я ни за что не пойду.

— Да это же ничего общего не имеет с дезертирством! Вы больны. Я уверен, что Хэйдок меня поддержит.

— Хэйдок? Хэйдок! Разве это врач? Деревенский лекарь, невежда.

— Мне кажется, вы к нему несправедливы. Он всегда считался замечательным профессионалом.

— Да? Возможно. Не спорю. Но мне он не по душе. Однако я пришёл совсем не за этим. Я пришёл спросить, не сможете ли вы сегодня вечером

произнести проповедь вместо меня. Будьте так добры, я… я сегодня не смогу говорить, честное слово.

— Безусловно! Я и службу за вас отслужу.

— Нет, нет. Я хочу служить сам. Я себя прекрасно чувствую. Просто при одной мысли, что нужно подняться на кафедру и все глаза будут устремлены прямо на меня…

Он закрыл глаза и сглотнул, словно у него комок застрял в горле.

Мне было совершенно ясно, что с Хоузом творится что-то неладное. Должно быть, он угадал мои мысли — открыв глаза, он поспешил сказать:

— Со мной всё в порядке. Только вот головные боли чудовищные, настоящая пытка. Простите, вы не могли бы дать мне стакан воды?

— Сейчас, — сказал я.

Я сам пошёл и налил воды из-под крана. Звонить прислуге в нашем доме — занятие совершенно безнадёжное.

Я принёс ему воду, он поблагодарил меня. Потом вынул из кармана маленькую картонную коробочку, достал оттуда капсулу из папиросной бумаги и проглотил её, запив водой.

— Порошки от головной боли, — пояснил он.

Вдруг меня осенило — а что, если Хоуз сделался наркоманом? Это объяснило бы многие странности в его поведении.

— Я надеюсь, вы не слишком ими увлекаетесь, — сказал я.

— Нет, что вы, нет. Доктор Хэйдок меня предостерёг. Но порошки просто чудодейственные. Снимают боль как рукой.

И впрямь, он на глазах успокоился, овладел собой.

Он поднялся.

— Значит, вы возьмёте на себя вечернюю проповедь! Это будет истинное благодеяние, сэр.

— Тут и говорить не о чем. Но я непременно хочу снять с вас и службу. Отправляйтесь домой и отдохните. И не возражайте. Ни слова — всё решено.

Он снова стал меня благодарить. Потом сказал, избегая моего взгляда, уставившись в окно за моей спиной:

— Вы сегодня были в Старой Усадьбе, правда, сэр?

— Да.

— Простите меня — но… за вами посылали?

Я удивлённо взглянул на него, и он залился краской.

— Прошу прощенья, сэр. Я просто подумал, что выяснилось что-нибудь ещё и миссис Протеро послала за вами. Что-нибудь новое…

В мои намерения вовсе не входило удовлетворение любопытства Хоуза.

— Она хотела обсудить со мной предстоящие похороны и ещё какие-то мелочи, — сказал я.

— А! Понимаю.

Я молчал. Он стал переминаться с ноги на ногу и наконец сказал:

— Вчера вечером ко мне заходил мистер Реддинг. Я никак не пойму, что ему было нужно.

— А он сам разве не сказал?

— Он только сказал, что забежал на огонёк. Сказал, что вечером ему одиноко. Никогда прежде он этого не делал.

— Что ж, его считают интересным собеседником, — сказал я с улыбкой.

— Зачем ему понадобилось приходить ко мне? Мне это не нравится. — В его голосе послышались истерические нотки. — Он сказал, что зайдёт ещё. Что всё это значит? Что ему взбрело в голову, как вы думаете? — Хоуз почти кричал.

— А почему вам кажется, что у него были какие-то тайные цели? — спросил я.

— Мне это не нравится, — упрямо повторил

Хоуз. — *С ним* мне делить нечего, я его никогда не трогал. Я никогда не верил, что *он* виноват, даже когда он сам себя оговорил, я заявил во всеуслышание, что это невероятно. Если уж подозревать кого-то, то скорее Арчера, а его я никогда не подозревал. Арчер — другое дело — негодяй, безбожник. Пьяница и бандит.

— Вам не кажется, что вы слишком к нему суровы? — спросил я. — Ведь, по сути дела, мы о нём почти ничего не знаем.

— Браконьер, только что из тюрьмы. Он на всё способен.

— Неужели вы думаете, что он застрелил полковника Протеро? — полюбопытствовал я.

У Хоуза укоренилась привычка никогда не отвечать прямо «да» или «нет». В последние дни я несколько раз ловил его на этом.

— Разве вам не кажется, сэр, что это единственный возможный ответ?

— Насколько мне известно, — сказал я, — против него нет ни одной, даже самой малой, улики.

— А угрозы? — живо возразил Хоуз. — Вы забыли — он грозился отомстить.

Мне до смерти надоело слушать про угрозы Арчера. Насколько я понимаю, их попросту никто не слышал, прямых свидетельств нет, одни слухи.

— Он собирался свести счёты с полковником Протеро. Напился для храбрости и застрелил его.

— Это чистейшие домыслы, — сказал я.

— Но вы признаёте, что это вполне вероятно?

— Нет, не признаю.

— Но всё-таки он имел такую возможность?

— Возможность — да.

Хоуз бросил на меня косой взгляд.

— А почему вы считаете, что это маловероятно?

— А потому, — сказал я, — что Арчеру и в голову бы не пришло стрелять из револьвера. Не то оружие.

Хоуза, кажется, озадачили мои доводы. Он явно ожидал возражений иного рода.

— И вы всерьёз думаете, что это реальное подтверждение невиновности Арчера? — спросил он неуверенно.

— На мой взгляд, это полностью исключает виновность Арчера, — сказал я.

Убедившись в том, что я твёрдо держусь своего мнения, Хоуз больше не спорил. Он ещё раз поблагодарил меня и ушёл.

Я проводил его до входной двери и на столике в холле заметил четыре письма. В них было что-то общее.

Почерк, почти несомненно, женский. Одинаковая надпись. «С посыльным, срочно». Единственное различие, которое мне бросилось в глаза, — то, что одно было гораздо грязнее остальных.

Это сходство на минуту заставило меня испытать забавное ощущение, что у меня двоится, нет, четверится в глазах.

Мэри вышла из кухни и увидела, как я с изумлением рассматриваю эти записки.

— Принесли после ленча, — сообщила она, не дожидаясь расспросов. — Кроме одного. Одно я вынула из ящика.

Я кивнул, собрал письма и понёс их к себе в кабинет.

В первом из них было написано:

«Дорогой мистер Клемент, до меня дошли некоторые сведения, которые я хотела бы сообщить вам. Это касается смерти бедного полковника Протеро. Я была бы очень благодарна за совет — обращаться ли мне в полицию или нет. После безвременной кончины моего дорогого супруга я так боюсь всякой суеты. Не могли бы вы зайти ко мне сегодня днём

на несколько минут?

Искренне ваша,

Марта Прайс Ридли».

Я открыл второе письмо:

«Дорогой мистер Клемент, я в такой тревоге — у меня от волнения всё в голове перепуталось, прямо не знаю, как быть. Я услышала нечто очень важное, так мне кажется. Но при одной мысли, что придётся иметь дело с полицией, я прихожу в ужас. Я в полном отчаянии и растерянности. Не сочтите за труд, дорогой викарий, заглянуть ко мне на минутку и разрешить все мои сомнения и затруднения. Вы для всех нас такой чудесный утешитель в горестях!

Извините за беспокойство.

Искренне ваша,

Каролина Уэзерби».

Я почувствовал, что содержание третьего письма могу, пожалуй, угадать, не читая.

«Дорогой мистер Клемент, до меня дошло нечто чрезвычайно важное. Я счи-

таю, что вы должны узнать об этом первый. Зайдите ко мне сегодня в любое время. Я буду ждать».

Это воинственное послание было подписано: *«Аманда Хартнелл».*

Я вскрыл четвёртое письмо. По милости судьбы, я получал очень мало анонимных писем. Я думаю, что анонимное письмо — самое низкое и жестокое оружие. То, что я держал в руках, не было исключением. Несмотря на старания выдать его за послание малограмотного человека, отдельные фразы заставили меня в этом усомниться.

«Дорогой викарий, я думаю, вам нада знать, што Творится. Вашу леди видели, как она выходила из дома мистера Реддинга, украдкой. Сами понимаете, в чём тут Дело. Между ними Што-то есть. Думаю, вам нада знать.

Друг».

У меня вырвался негромкий возглас отвращения, я скомкал бумагу и швырнул её в камин. В эту минуту вошла Гризельда.

— Что это ты выбрасываешь с таким презрени-

ем? — спросила она.

— Грязь, — сказал я.

Я вынул спичку из кармана, чиркнул и наклонился к каминной решётке. Но Гризельда меня опередила. Она наклонилась, подняла скомканную бумажку и разгладила её, прежде чем я успел ей помешать.

Она прочла, вскрикнула и гадливо отбросила её мне обратно, отвернув лицо. Я снова чиркнул спичкой и стал следить, как бумага горела.

Гризельда отошла от меня. Она стояла у окна и смотрела в сад.

— Лен, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да, милая.

— Я хочу тебе что-то сказать. Не мешай, я так хочу. Пожалуйста! Когда Лоуренс Реддинг сюда приехал, я сделала вид, что мы с ним едва знакомы. И ты мне поверил. А это неправда. Я… в общем, я его давно знала. Честно говоря, ещё до того, как я встретилась с тобой… и даже была в него влюблена. Мне кажется, в Лоуренса почти все влюбляются. И я… было время, когда я вела себя как дурочка. Не подумай, что я писала ему компрометирующие письма или делала глупости, как в романах. Но я была к нему очень неравнодушна.

— Почему же ты мне не сказала? — спросил я.

— Ну! Потому! Сама не знаю… из-за того, что ты иногда бываешь такой глупый, прямо на себя не похож. Подумаешь, раз ты меня намного старше — это не значит, что я должна… что мне должны нравиться другие мужчины. Я подумала, что ты начнёшь мучиться, раздумывать, — проще было скрыть от тебя эту дружбу с Лоуренсом.

— Ты очень ловко умеешь скрывать, — сказал я, вспоминая, что она говорила мне в этой самой комнате на прошлой неделе и какая искренность звучала в её голосе.

— Правда, мне всегда удавалось скрывать, что хочу. Мне это даже нравится. — Она сказала это с детским удовольствием. — Я тебе говорю чистую правду. Про Анну я не догадывалась и ломала голову, почему это Лоуренс так изменился — совсем, понимаешь, совсем не обращает на меня внимания. Я к этому не привыкла.

Молчание.

— Ты всё понял, Лен? — с беспокойством спросила Гризельда.

— Да, — ответил я. — Понял.

В чём я совсем не был уверен.

Глава 25

Оказалось, довольно трудно загладить впечатление от анонимного письма. Дёгтем поневоле замараешься.

Но я собрал остальные три письма, взглянул на часы и отправился в путь.

Было бы очень интересно угадать, что именно «дошло» до всех трёх дам одновременно. Я решил, что новость у всех одна и та же. Но мне пришлось вскоре убедиться в том, что логика моя хромает.

Не стану делать вид, что главная цель — мои визиты — помешала мне зайти в полицейский участок. Ноги сами принесли меня туда. Мне не терпелось узнать, вернулся ли инспектор Слак из Старой Усадьбы. Оказалось, он уже вернулся, и, кроме того, с ним вместе пришла и мисс Крэм. Прекрасная Глэдис восседала на стуле в полицейском участке и норовила всех заставить плясать под свою дудку. Она категорически утверждала, что никакого чемодана ни в какой лес не носила.

— Я виновата, что одна из здешних старых сплетниц всю ночь торчит у окна? Делать ей нечего, а вы и рады всё свалить на меня. Она уже

один раз обозналась — говорит, что видела меня в конце аллеи в день убийства, но, если она обозналась среди бела дня, разве ночью, при луне, она бы меня узнала? Злые языки у здешних старух, злые! Мелют что попало. А я-то сплю себе в своей постели, ничего ведать не ведаю. Постыдились бы все вы нападать на невинную девушку!

— А если хозяйка «Голубого Кабана» признает, что чемоданчик ваш, мисс Крэм?

— Что бы она ни признала, всё неправда. На нём моего имени нет. Да почти у всех такие чемоданы, если хотите знать. А бедного доктора Стоуна — как можно его обвинять в краже! Да у него после имени целая куча всяких букв![29]

— Значит, вы отказываетесь давать объяснения, мисс Крэм?

— Что значит — отказываюсь? Просто вы ошиблись, и всё. Вы с вашими старушками Марпл, которые везде нос суют. Больше вы из меня ни слова не вытянете, только в присутствии моего адвоката. И я сию минуту отсюда ухожу, если вы меня не посадите под арест, конечно.

Вместо ответа инспектор встал и распахнул

---

[29] notes: 29

Согласно существующей в англоязычных странах традиции учёная степень, звание и членство учёного в различных научных обществах указываются с помощью сокращений после его имени.

перед ней дверь. Встряхнув головкой, мисс Крэм вышла на улицу.

— Упёрлась, и всё тут, — сказал Слак, возвращаясь к столу. — Отрицает всё начисто. Само собой, старушка могла и обознаться. Суд присяжных нипочём не поверит, что можно кого-то узнать с такого расстояния в лунную ночь. Говорю же, старушка вполне могла обознаться.

— Могла, — сказал я. — Но я не думаю, что она ошиблась. Мисс Марпл всегда бывает права. За это её и недолюбливают.

Инспектор ухмыльнулся:

— Вот и Хэрст то же самое говорит. Ох уж эти мне деревушки!

— А что с серебром, инспектор?

— Тут, похоже, всё довольно просто. Ясно, что один из гарнитуров — подделка. В Мач-Бенэме есть один знаток, специалист по старинному серебру. Я ему позвонил и послал за ним машину. Скоро узнаем, где настоящее, где подделка. То ли кража уже совершена, то ли имело место покушение на кражу. Вообще-то это не очень важно с нашей точки зрения, понимаете? Кража — пустяк по сравнению с убийством. А эта парочка в убийстве не замешана. Мы можем выйти на него через девушку, потому я её сразу и отпустил.

— А я как раз об этом думал, — сказал я.

— Жаль всё-таки, что мистер Реддинг сорвался с крючка. Не каждый день встречаешь человека, который на всё готов, чтобы сделать тебе одолжение.

— Да уж, это большая редкость, — сказал я с лёгкой улыбкой.

— Все беды от женщин, — наставительно сказал инспектор.

Он вздохнул и продолжал, к моему удивлению:

— Конечно, у нас есть ещё Арчер.

— А! — сказал я. — Вы и о нём подумали?

— Само собой, сэр, в первую очередь. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня наводили на след анонимками.

— Анонимками? — резко перебил его я. — Значит, вы получили анонимное письмо?

— Ничего особенного, сэр. Мы их получаем по дюжине в день, самое малое. Да-да, нам напомнили про Арчера. Как будто полиция не справится без них! Арчер с самого начала был на подозрении. Одна загвоздка — у него есть алиби. Пустое дело, но всё же так просто от этого не отделаешься.

— То есть как пустое дело? Что вы хотите сказать?

— Видите ли, получается, что он весь день провёл с двумя своими дружками. Как я и сказал, дело пустое, для нас это ничего не значит. Такие ребята, как Арчер и его дружки, присягнут в чём угодно. Таким верить не приходится. Мы-то знаем. Но публика не знает, а присяжных выбирают из публики, к сожалению. Они ничего не знают и верят любому, кто даёт показания. Арчер, само собой, будет божиться и клясться до посинения, что он тут ни при чём.

— Далеко ему до мистера Реддинга, верно? — улыбнулся я.

— Небо и земля, — с готовностью подхватил инспектор.

— Вполне естественно, мне кажется, бороться за свою жизнь, — задумчиво произнёс я.

— Знали бы вы, сколько убийц разгуливает на свободе по милости добросердечных присяжных, — мрачно сказал инспектор, — вы бы поразились.

— А вы и вправду думаете, что это сделал Арчер?

Мне с самого начала бросилась в глаза одна странность — инспектор Слак ни разу не высказал свои собственные предположения относительно убийцы. Похоже, единственное, что его интересо-

вало, — насколько легко или трудно притянуть к ответу того или иного подозреваемого.

— Да, не мешало бы знать поточнее, — сказал он. — Хотя бы отпечаток пальца или след от ботинка, а может, кто-нибудь видел, как он шлялся поблизости в час убийства. Пока таких улик нет, брать его под арест рискованно. Видели его возле дома мистера Реддинга раз или два, но он говорит, что заходил поболтать со своей мамашей. Она очень порядочная женщина. Нет, я в общем и целом склоняюсь к тому, что убийство совершила та леди. Только бы раздобыть доказательства шантажа, но в этом преступлении вообще никаких доказательств нет! Версии, версии — и только. Какая жалость, что с вами по соседству нет ещё одной одинокой старой дамы, мистер Клемент. Бьюсь об заклад, уж она бы ничего не пропустила.

Его слова напомнили мне о предстоящих визитах, и я откланялся. Это был, кажется, единственный случай, когда я застал инспектора в благодушном настроении.

Сначала я зашёл к мисс Хартнелл. Очевидно, она поджидала меня у окна — я даже не успел позвонить, как она открыла дверь дома, крепко схватила меня за руку и повлекла за собой.

— Спасибо, что пришли. Сюда. Тут нам не помешают.

Мы вошли в крошечную комнатку, размером с клетку для кур. Мисс Хартнелл захлопнула дверь и с видом заговорщицы указала мне на один из трёх стульев. Я видел, что она наслаждается таинственностью обстановки.

— Ходить вокруг да около не в моих привычках, — сказала она своим жизнерадостным голосом, слегка приглушив его ради серьёзности событий. — Сами знаете, как быстро разносятся вести в нашей деревушке.

— К несчастью, знаю, — ответил я.

— Я с вами согласна. Я сама ненавижу сплетни. Но ничего не попишешь. Я сочла своим долгом сообщить полиции, что я заходила к миссис Лестрэндж вечером в день убийства, и её не было дома. Никакой благодарности я не жду, я всегда выполняю свой долг, не рассчитывая на благодарность. Вокруг сплошная неблагодарность, такова жизнь. Да только вчера эта бесстыдница миссис Бейкер…

— Да, да, — поспешил я вмешаться в надежде избежать обычных излияний. — Печально, очень печально… Но вы говорили, что…

— Эти низшие классы не умеют ценить истин-

ных людей, — сказала мисс Хартнелл. — Я, когда навещаю их, всегда отыщу что сказать для их же пользы. И хоть бы раз поблагодарили…

— Вы говорили, что сообщили инспектору о вашем визите к миссис Лестрэндж, — подсказал ей я.

— Вот именно, и, кстати сказать, он меня тоже не поблагодарил. Сказал, что сам всё спросит, когда сочтёт нужным, — может быть, я не совсем точна, но смысл именно таков. Нынче в полиции служат люди не чета прежним.

— Вполне вероятно, — сказал я. — Но вы хотели ещё что-то сказать?

— Я решила, что ноги моей больше не будет у этого отвратительного инспектора. В конце концов, и духовное лицо может оказаться джентльменом — хотя бы в виде исключения, — добавила она.

Я понял, что попал в число немногих избранных.

— Если я могу вам чем-нибудь помочь… — начал я.

— Чувство долга — вот что мною руководит, — заявила мисс Хартнелл и захлопнула рот, как капкан. — Мне совсем не хочется это всё говорить. Душа не лежит. Но долг есть долг.

Я ждал.

— Мне дали понять, — продолжала мисс Хартнелл, понемногу багровея, — что миссис Лестрэндж рассказывает, будто она была всё время дома, что она не открывала дверь потому… в общем, не хотела открывать. Какое жеманство! Я заходила выполнить свой долг, а со мной так обходятся!

— Она была нездорова, — мягко заметил я.

— Ах, нездорова! Не смешите меня. Вы и впрямь не от мира сего, мистер Клемент. Эта женщина здоровее нас с вами. Так больна, что не в силах прийти на следствие! Справка от доктора Хэйдока! Да она вертит им как хочет — это всем известно. Так о чём это я?..

Я не сумел ответить. Очень трудно уследить, когда мисс Хартнелл переходит от изложения фактов к поношению ближних.

— А! Я говорила, что была у неё в тот вечер. Так вот, плюньте в глаза тому, кто скажет, что она была дома. Ничего подобного. Я-то знаю.

— Как вы могли это узнать?

Мисс Хартнелл покраснела ещё гуще. Если бы не её воинственный пыл, можно было бы сказать, что она смутилась.

— Я стучала, я звонила, — стала объяснять

она. — Два раза. Или даже три. Потом мне вдруг пришло в голову, что звонок испорчен.

Я с удовлетворением заметил, что она не могла смотреть мне в глаза, произнося эти слова. Все наши дома построены одним подрядчиком, и звонки он ставит такие, что их отлично слышно всякому, кто стоит на половике перед входной дверью. Мисс Хартнелл не хуже меня знала об этом, но, как я понимаю, требовалось соблюсти приличия.

— Да? — негромко сказал я.

— Мне не хотелось совать свою карточку в почтовый ящик. Это так невежливо, а я — какая бы я ни была — невежливой быть не хочу.

Она высказала эту замечательную мысль не дрогнув.

— Вот я и подумала — обойду дом, постучу в окно, — продолжала она, уже не краснея. — Я обошла дом вокруг, заглядывала во все окна: в доме не было ни души!

Я прекрасно понимал её. Воспользовавшись тем, что в доме никого не было, мисс Хартнелл дала полную волю своему любопытству и пошла в обход, обыскала сад и заглянула в каждое окно, стараясь разглядеть по мере возможности, что там внутри. Она решила рассказать всё мне,

уповая на то, что я проявлю больше понимания и сочувствия, чем полицейский инспектор. Предполагается, что духовный пастырь, по крайней мере, толкует спорные случаи в пользу своих прихожан.

Я не высказал никакого мнения. Я только спросил:

— А в котором часу это было, мисс Хартнелл?

— Если память мне не изменяет, — сказала мисс Хартнелл, — около шести. Я пошла прямо домой, пришла минут в десять седьмого, около половины седьмого пришла миссис Протеро, доктор Стоун и мистер Реддинг остались ждать снаружи — мы с ней говорили про луковицы. А в это время бедняга полковник лежал убитый. Как печален этот мир!

— Порой он достаточно неприятен, — сказал я и встал. — Это всё, что вы хотели мне сказать?

— Просто подумала — это может пригодиться.

— Может, — согласился я.

Не вступая в дальнейшие обсуждения, что немало разочаровало мисс Хартнелл, я распрощался.

Мисс Уэзерби, к которой я зашёл после мисс Хартнелл, встретила меня в некотором волнении.

— Дорогой викарий! Как вы добры, право! Вы уже пили чай? Правда не хотите? Дать вам подушечку под спину? Как это трогательно! Вы пришли, как только я вас позвала. Вы себя не жалеете ради ближних.

Пришлось выслушать ещё много чего в этом же роде, но наконец мы всё же подошли к главной теме.

— Поймите, пожалуйста, что у меня сведения из самых надёжных источников.

В Сент-Мэри-Мид самым надёжным источником всегда является чужая прислуга.

— Вы не можете мне сказать, от кого вы это слышали?

— Я дала слово, дорогой мистер Клемент. А честное слово для меня святыня. — Она приняла чрезвычайно серьёзный вид. — Давайте скажем, что мне начирикала птичка, ладно? Так будет спокойнее, не правда ли?

Мне очень хотелось сказать: «Чертовски глупо!» Жаль, что я удержался. Хотелось бы посмотреть, как это подействует на мисс Уэзерби.

— Так вот, эта маленькая птичка сказала мне, что она видела одну даму, которую я называть не стану.

— Стало быть, видела ещё одну птичку? — по-

интересовался я.

К превеликому моему удивлению, мисс Уэзерби покатилась со смеху и игриво хлопнула меня по руке со словами:

— О, викарий, можно ли так шутить? — Немного успокоившись, она продолжала: — Одну даму; и как вы думаете, куда эта дама направлялась? Она повернула по дороге к вашему дому, но сначала она самым странным образом оглянулась по сторонам — как я полагаю, чтобы убедиться, что её не видит никто из знакомых.

— А первая птичка? — спросил я.

— Она как раз была в рыбной лавке — в комнате над лавкой, собственно говоря.

Я понятия не имею, куда ходят служанки в свои выходные дни. Но твёрдо знаю, куда они ни за что носу не высунут, — на свежий воздух.

— И это было, — продолжала мисс Уэзерби, наклоняясь вперёд с таинственным видом, — как раз около шести часов.

— А какой это был день?

Мисс Уэзерби коротко вскрикнула:

— День убийства, разумеется, неужели я не сказала?

— Я так и предполагал, — сказал я. — Имя этой дамы…

— Начинается на «Л», — подхватила мисс Уэзерби, энергично кивая.

Поняв, что информация, которую мне собиралась передать мисс Уэзерби, исчерпана, я встал.

— Но вы не допустите, чтобы меня допрашивала полиция? — жалобно сказала мисс Уэзерби, сжимая мою руку обеими руками. — Я не выношу, совершенно не выношу толпу. А стоять перед судом!..

— В особых случаях, — сказал я, — они разрешают свидетелю сидеть. — И ускользнул.

Оставалось повидать ещё миссис Прайс Ридли. Эта леди сразу же поставила меня на подобающее мне место.

— Я не желаю быть замешанной в какие бы то ни было дела с полицией, — сказала она сурово, холодно пожимая мне руку. — Но вы должны понять, что, столкнувшись с обстоятельством, которое требует объяснений, я вынуждена была обратиться к официальному лицу.

— Это касается миссис Лестрэндж? — спросил я.

— С чего вы взяли? — холодно отпарировала она.

Я понял, что попал впросак.

— Всё очень просто, — продолжала она. — Моя

служанка Клара стояла у калитки, она спустилась на несколько минут, как она утверждает, глотнуть свежего воздуха. Верить ей, конечно, нельзя. Скорее всего, она высматривала посыльного из рыбной лавки — язык не поворачивается звать его мальчиком на побегушках, — дерзкий нахал, думает, что, если ему стукнуло семнадцать, он может заигрывать со всеми девушками подряд. Ну, как бы то ни было, стоит она у калитки и вдруг слышит — кто-то чихнул.

— Так, так, — сказал я, ожидая продолжения.

— Вот и всё. Я вам говорю: она услышала, как кто-то чихнул. И не вздумайте мне толковать, что я не так уж молода и мне могло послышаться, — это слышала Клара, а ей всего девятнадцать.

— Но почему бы ей не услышать, как кто-то чихнул?

Миссис Прайс Ридли окинула меня взглядом, полным нескрываемой жалости к моим убогим умственным способностям.

— Она слышала этот звук в день убийства — и в то время, когда у вас в доме никого не было. Ясно, что убийца затаился в кустах, выжидая удобную минуту. Вам нужно найти человека с насморком!

— Или с сенной лихорадкой, — подхватил я. —

Но если уж на то пошло, миссис Прайс Ридли, тайна разрешается очень просто. Наша служанка, Мэри, сильно простужена. Признаюсь, последнее время нам действует на нервы её шмыганье носом. Наверно, она и чихнула, а ваша служанка услышала.

— Чихал мужчина, — не терпящим возражений тоном сказала миссис Прайс Ридли. — И от нашей калитки нельзя услышать, как ваша прислуга чихает у себя на кухне.

— И ещё от вашей калитки не услышишь, если чихнут в моём кабинете, — сказал я. — По крайней мере, я так думаю.

— Я же сказала, что мужчина мог скрываться в кустах, — повторила миссис Прайс Ридли. — Не сомневаюсь — когда Клара ушла, он проник через парадную дверь.

— Это, конечно, вполне возможно, — сказал я.

Я старался, чтобы мой голос не звучал снисходительно, но, как видно, мало в этом преуспел — миссис Прайс Ридли ни с того ни с сего обожгла меня негодующим взглядом.

— Я привыкла, что меня никто не слушает, и всё же я скажу: когда теннисную ракетку швыряют на траву без чехла, она потом никуда не годится. А теннисные ракетки нынче дороги.

Я не видел ни повода, ни смысла в этом внезапном нападении с тыла. Оно застало меня врасплох.

— Может быть, вы со мной не согласны? — сурово спросила миссис Прайс Ридли.

— О, что вы, совершенно согласен.

— Очень рада. Так вот, это всё, что я хотела сказать. И я умываю руки.

Она откинулась в кресле и закрыла глаза, как человек, утомлённый мирской суетой. Я поблагодарил её и попрощался.

У входной двери я рискнул спросить Клару о том, что рассказала её хозяйка.

— Чистая правда, сэр, я слышала — кто-то ка-ак чихнёт! И это чиханье было не простое, нет, не простое.

Всё связанное с убийством не простое, а особенное. И выстрел был какой-то особенный. И чихнул кто-то как-то необыкновенно. Думаю, это было фирменное чиханье, специально для убийц. Я спросил девушку, когда это было, но она определённо сказать не могла — кажется, где-то между четвертью седьмого и половиной. Во всяком случае, «до того, как хозяйке позвонили по телефону и ей стало плохо».

Я спросил, слышала ли она какой-нибудь

выстрел. Она сказала, что стрельба поднялась — просто жуть! После этого доверять её показаниям не приходилось.

Я подошёл почти к самой калитке нашего сада, но решил навестить сначала своего друга. Взглянув на часы, я увидел, что как раз поспею до вечерней службы. Я пошёл по дороге к дому Хэйдока. Он встретил меня на пороге. Я снова заметил, какой у него измученный, измождённый вид. Последние события состарили его до неузнаваемости.

— Рад вас видеть, — сказал он. — Какие новости?

Я рассказал ему про Стоуна.

— Вор высокого класса, — заметил он. — Да, это многое объясняет. Он читал кое-что, но в разговорах со мной иногда ошибался. А Протеро, как видно, сразу его раскусил. Помните, как они поссорились? А девушка — как по-вашему, она в этом тоже замешана?

— По этому поводу определённого мнения нет, — сказал я. — Я лично считаю, что она тут ни при чём. Она на редкость глупа, — добавил я.

— Ну нет! Я бы не сказал. Она себе на уме, эта мисс Глэдис Крэм. Исключительно здоровый экземпляр. Вряд ли станет докучать представите-

лям медицины вроде меня.

Я сказал ему, что меня очень беспокоит Хоуз и я хотел бы, чтобы он уехал, переменил обстановку, отдохнул как следует.

Я заметил, что после моих слов доктор как бы замкнулся. Ответ его прозвучал не совсем искренне.

— Да, — уклончиво протянул он. — Думаю, это будет самое для него лучшее. Бедняга. Бедняга.

— А мне казалось, что он вам несимпатичен, — сказал я.

— В общем-то конечно. Но мне жаль многих людей, которым я не симпатизирую. — Помолчав, он добавил: — Мне даже Протеро жалко. Бедный малый — никто его не любил. Самовлюблённый эгоист и упрямец. Малоприятное сочетание. И он всегда был таким, даже в молодости.

— А я и не знал, что вы с ним были знакомы.

— Да, был. Когда мы жили в Вестморленде[30], я там неподалёку практиковал. Много воды утекло. Почти двадцать лет прошло…

Я вздохнул. Двадцать лет назад Гризельде было пять годиков. Странная штука время…

— Вы больше ничего не хотели мне сказать,

---

[30] notes: 30

Вестморленд — графство на северо-западе Англии.

Клемент?

Я вздрогнул и поднял глаза. Хэйдок внимательно смотрел на меня.

— Есть ещё что-то, да? — спросил он.

Я кивнул головой.

Когда я шёл сюда, я не был уверен, стоит ли говорить, но теперь решился. Хэйдок мне очень по душе. Прекрасный человек во всех отношениях. То, что я был готов сообщить, могло ему пригодиться.

Я передал ему разговоры с мисс Хартнелл и мисс Уэзерби.

Выслушав меня, он надолго погрузился в молчание.

— Это правда, Клемент, — сказал он наконец. — Я старался оградить миссис Лестрэндж от всяких огорчений, насколько это в моих силах. Ведь она старый мой друг. Но это не единственная причина. Медицинская справка, которую я ей дал, вовсе не подтасовка, хотя все вы воспринимаете её именно таковой.

Он опять замолчал, потом торжественно произнёс:

— Это должно остаться между нами, Клемент. Миссис Лестрэндж обречена.

— Что?

— Она умирает. Ей осталось жить, по моим соображениям, месяц, не больше. Теперь вас не удивляет, что я хочу избавить её от назойливых, мучительных допросов? — Он продолжал: — Когда она свернула на эту дорогу в тот вечер, она шла сюда, в мой дом.

— Вы об этом никому не сказали.

— Не хотел пересудов. С шести до семи у меня приёма нет, и это все знают. Но я даю вам слово, что она была здесь.

— Но когда я за вами пришёл, её здесь не было. Помните, когда мы нашли убитого?

— Не было. — Он сильно смутился. — Она уже ушла — у неё была назначена встреча.

— Где была назначена встреча? У неё в доме?

— Не знаю, Клемент. Слово чести, не знаю.

Я ему верил, но…

— А что, если повесят невиновного? — сказал я.

— Нет, — возразил он. — Никого не повесят за убийство полковника Протеро. Поверьте мне.

Как раз это мне и не удавалось. Но всё же он говорил с такой убеждённостью…

— Никого не повесят, — повторил он.

— А тот малый, Арчер…

Он раздражённо отмахнулся.

— Да у него не хватило бы ума стереть отпечатки с рукоятки.

— Может статься, — сказал я неуверенно.

Тут я вдруг вспомнил о маленьком коричневом кристалле, который нашёл в лесу, вынул его из кармана и протянул Хэйдоку — не знает ли он, что это такое?

— Гм-м-м. — Он немного замялся. — С виду похоже на пикриновую кислоту. Где вы его подобрали?

— А это, — ответил я, — секрет Шерлока Холмса.

Он улыбнулся.

— А что это такое — пикриновая кислота?

— Взрывчатое вещество.

— Это я знаю, но, мне кажется, у неё есть и другое применение?

Он кивнул:

— В медицине — применяется в примочках от ожогов. Прекрасно помогает.

Я протянул руку, и он как-то неохотно вернул мне кристалл.

— Может быть, этот кристаллик ничего не значит, — сказал я. — Но я нашёл его в довольно неожиданном месте.

— И не хотите сказать где?

Я упёрся, совершенно по-детски.

У него свои тайны. Что ж, пусть и у меня будет тайна.

Я всё-таки немного обиделся, что он от меня что-то скрывает.

Глава 26

В тот вечер я взошёл на кафедру в странном настроении.

Церковь была полна народу. Вряд ли такое необычное стечение верующих можно было объяснить желанием послушать проповедь Хоуза. Хоуз — нудный догматик[31].

А если они успели проведать, что я буду говорить вместо Хоуза, это тоже не могло их привлечь. Мои учёные проповеди не менее нудны. Боюсь, что приписать эту многолюдность религиозному рвению тоже нельзя.

Я решил, что все пришли поглядеть, кто ещё будет в церкви, и, возможно, немного посплетничать после службы.

Среди прихожан оказались Хэйдок, что было у него не в обычае, и Лоуренс Реддинг. К своему удивлению, я увидел рядом с Лоуренсом Хоуза, лицо у него было бледное, напряжённое. Была здесь и Анна Протеро — она всегда посещает

---

[31] notes: 31

Догматик — человек, неспособный к критическому мышлению, принимающий те или иные положения как непреложную истину, не нуждающуюся в доказательстве.

вечернюю службу по воскресеньям, но на этот раз я не ожидал её увидеть. Гораздо более меня удивило присутствие Летиции. Воскресных утренних служб она не пропускала, полковник Протеро вменял это в обязанность домашним, но на вечерней службе я видел Летицию впервые.

Пришла и Глэдис Крэм, она выглядела вызывающе юной и пышущей здоровьем рядом с высохшими старыми девами; и, как мне показалось, в тёмном углу, куда она проскользнула перед самым началом, сидела миссис Лестрэндж.

Стоит ли упоминать, что миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Уэзерби и мисс Марпл присутствовали в полном составе. Вся деревня, как один человек, явилась в церковь. Не припомню такого собрания в нашем приходе.

Толпа обладает странным свойством. В тот вечер атмосфера явно была насыщена магнетизмом, и первым это почувствовал я.

Как правило, я готовлюсь к проповеди заблаговременно. Я готовлю свои проповеди с превеликой тщательностью и ответственностью, но, увы, никто лучше меня не видит их недостатков.

В тот вечер по воле обстоятельств пришлось проповедовать ex tempore [экспромтом *(лат.)*], и, когда я взглянул на море поднятых ко мне лиц,

мой мозг захлестнуло безумие. Во мне ничего не осталось от служителя Божьего. Я превратился в актёра. Передо мной была публика, и я жаждал власти над чувствами публики, более того — я чувствовал, что эта власть в моих руках.

Мне не пристало гордиться тем, что я сделал в тот вечер. Я всегда был серьёзным противником эмоций, всяких сектантских радений. Но в этот вечер я сыграл роль неистового, красноречивого проповедника.

Я очень чётко произнёс евангельскую тему проповеди: *«Я пришёл не праведников, но грешников призвать к покаянию»*[32]. Дважды повторил эти слова и услышал собственный голос, сильный, звучный, абсолютно непохожий на голос Леонарда Клемента.

Я увидел, как Гризельда в первом ряду подняла удивлённый взгляд, и Деннис последовал её примеру.

На минуту я задержал дыхание, а потом дал себе волю.

Все собравшиеся в тот вечер в церкви были

---

[32] notes: 32

Основой проповеди в англиканской церкви часто служит созвучное моменту положение Священного писания, которое развивается и аргументируется в проповеди; в данном случае взята цитата из Евангелия от Матфея, IX: 13.

и без того взвинчены, готовы к взрыву эмоций — было легко сыграть на их чувствах. И я играл. Я призвал грешников к раскаянию. Я взвинтил себя до какого-то дикого экстаза. Я то и дело выбрасывал вперед руку с указующим на грешника перстом и каждый раз сопровождал обличающий жест словами:

— Я обращаюсь к тебе!

И каждый раз в ответ на эти слова с разных сторон до меня доносился общий вздох, почти рыдание.

Чувства толпы — это нечто необъяснимое и ужасное.

Я закончил проповедь прекрасными, грозными словами, быть может, самыми грозными словами в Библии: *«Если в эту ночь душу твою возьмут от тебя…»*[33]

Это было недолговечное, странное вдохновение. Домой я вернулся прежним, бесцветным и неприметным человеком. Гризельда меня ждала. Она была немного бледна. Она взяла меня под руку.

— Лен, — сказала она, — ты сегодня был такой… беспощадный. Мне это не понравилось. Я никогда

---

[33] notes: 33
Цитата из Евангелия от Луки, XII: 20.

раньше не слышала такой проповеди.

— И думаю, что больше никогда и не услышишь, — сказал я, в изнеможении добираясь до дивана. Я чувствовал себя совершенно измученным.

— Что с тобой стряслось?

— На меня накатило безумие.

— О! А ничего такого, особенного, не было?

— Что значит — «ничего особенного»?

— Просто спросила, и всё. Ты человек непредсказуемый, Лен. Мне всегда кажется, что я тебя совсем не знаю.

Мы сели за стол. Ужин был холодный ввиду отсутствия Мэри.

— Тебе письмо в холле лежит, — сказала Гризельда. — Деннис, принеси, пожалуйста.

Деннис, не проронивший ни слова за весь вечер, молча пошёл за письмом.

Я взглянул на письмо и невольно застонал. В левом верхнем углу было написано: *«С посыльным. Срочно».*

— Это, несомненно, от мисс Марпл, — сказал я. — Больше не от кого.

Моё предположение оправдалось.

«Дорогой мистер Клемент, мне очень

хотелось бы поговорить с вами о нескольких мелочах, которые пришли мне в голову. Мне кажется, все мы должны по мере сил помочь в расследовании этой печальной тайны. Я подойду, с вашего разрешения, около половины десятого и стукну в окошко кабинета. Не будет ли милая Гризельда так добра — пусть забежит к нам и поможет моему племяннику скоротать вечер. Разумеется, мы будем рады и мистеру Деннису, если он захочет прийти. Если не будет другого ответа, я дождусь их и приду к вам в назначенное время.

Искренне ваша,

Джейн Марпл».

Я протянул письмо Гризельде.

— Ой, мы непременно пойдём, — весело воскликнула она. — Стаканчик-другой домашней наливки — как раз то, что нужно человеку в воскресный вечерок. По-моему, Мэри сегодня приготовила особенно удручающее бланманже[34]. От него у нас такое похоронное настроение.

---

[34] notes: 34

Бланманже (фр.) — желе из сливок, миндаля, сахара и желатина.

Деннис встретил приглашение далеко не так восторженно.

— Вам-то хорошо, — проворчал он. — Рассуждаете обо всех этих высоких материях, о книгах, об искусстве. А я сижу развесив уши и чувствую себя круглым идиотом.

— Это тебе полезно, — как ни в чём не бывало откликнулась Гризельда. — Чтобы ты помнил своё место. А вообще, по-моему, мистер Рэймонд Уэст вовсе не такой уж всезнайка, он больше представляется.

— Всезнаек среди нас нет, — сказал я.

Мне не терпелось узнать, что именно хочет сказать мне мисс Марпл. Из всех дам моего прихода она, безусловно, самая проницательная. Мало того, что она видит и слышит практически всё, что творится вокруг, — она ещё умеет дать удивительно точное и убедительное истолкование фактам, которые привлекли её внимание.

Если бы я когда-либо решил вступить на стезю преступления, то больше всего опасался бы мисс Марпл.

«Спасательно-развлекательная экспедиция к племяннику» — так её назвала Гризельда — отправилась в поход в начале десятого, а я в ожидании мисс Марпл развлекался тем, что

составлял нечто вроде описи фактов, связанных с преступлением. Я расположил их в более или менее хронологическом порядке. Человеком пунктуальным меня не назовёшь, но я люблю аккуратность, и мне нравится записывать всё в надлежащем порядке.

Точно в половине десятого в окно тихонько постучали, я встал и впустил в кабинет мисс Марпл.

На голову и плечи у неё была накинута тончайшая, пушистая шотландская шаль, и от этого она казалась старенькой и хрупкой. Она вошла и сразу же начала говорить, торопясь и слегка запыхавшись от волнения:

— Вы так добры, что позволили мне зайти… Душечка Гризельда — сама доброта… Рэймонд от неё без ума, всегда говорит о ней: прелестная головка Грёза…[35] Можно присесть сюда? Это не ваше кресло? О, благодарю вас… Нет, что вы, не надо скамеечки для ног.

Я повесил шотландскую шаль на спинку стула, потом подошёл и сел в кресло напротив своей гостьи. Мы сидели и глядели друг на друга; на

[35] notes: 35

Грёз Жан-Батист (1725—1805) — французский живописец, испытавший влияние идей сентиментализма и писавший прелестные идеализированные женские и детские головки.

лице мисс Марпл заиграла лукавая улыбка.

— Вот вы сейчас сидите и думаете — отчего я во всё это вмешиваюсь? Наверно, вам кажется, что это не женского ума дело. Нет-нет, прошу вас, позвольте мне объяснить всё самой.

Она на минуту умолкла, и щёки её начали медленно заливаться нежным румянцем.

— Видите ли, — наконец начала она, — когда живёшь совсем одна в таком заброшенном уголке, поневоле приходится искать себе хобби. Ну, разумеется, есть и вязание, и образцовые дети, и благотворительность, можно и пейзажи рисовать, но у меня одно хобби с давних пор: человеческая натура. Такое разнообразие, так невероятно увлекательно! И как-то само собой получается, что, когда человек живёт в глухой деревушке, где нет никаких развлечений, у него возникает масса возможностей стать настоящим знатоком, если так можно сказать. Начинаешь классифицировать людей — словно они птицы или цветы: такой-то класс, такой-то род, такой-то вид. Разумеется, порой можно и ошибиться, но со временем ошибаешься всё реже. Знаете ли, привыкаешь себя проверять на практике. Например, берёшь мелкую загадку — помните, милая Гризельда так смеялась над историей с полупинтой

креветок? Эту мелочь и тайной не назовёшь, и тем не менее она абсолютно неразрешима, если не найти верный ключ. Или вот ещё случай с подменой микстуры от кашля и с зонтиком жены мясника — он тут как бы и ни при чём, если не предположить, что бакалейщик и жена аптекаря ведут себя совершенно неподобающим образом; конечно, так оно и оказалось. Это так увлекательно, когда поразмыслишь над чем-нибудь, а потом убеждаешься в своей правоте.

— А вы всегда оказываетесь правы, мне кажется, — улыбнулся я.

— В том-то и дело, что из-за этого становишься чуточку самоуверенной, — созналась мисс Марпл. — Но мне так хотелось проверить, смогу ли я также разгадать настоящую, серьёзную тайну. То есть сумею ли я в ней разобраться. Рассуждая логически, это совершенно тот же процесс. В конце концов, маленькая действующая модель торпеды практически мало отличается от настоящей торпеды.

— Вы считаете, что всё дело в подобии, а размеры относительны? — медленно проговорил я. — Должно быть, это так, признаю, это логично. Но я не уверен, что теория всегда подтверждается практикой.

— Уверяю вас, это одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, всё можно свести к общему знаменателю, кажется, мы так это называли в школе? Во-первых, деньги, затем привлекательность… ммм… для людей противоположного пола, и, конечно, разные странности — людей со странностями такое множество, не правда ли? Признаться, когда узнаешь человека получше, непременно углядишь в нём какую-то странность. Нормальные люди иногда такое выкинут, что и не придумаешь, а ненормальные часто ведут себя очень разумно. Понимаете, единственный выход — сравнивать людей с другими, которых вы знаете или знали раньше. Вы бы очень удивились, если бы я вам сказала, что всех людей можно отнести к немногим определённым типам.

— Вы меня пугаете, — сказал я. — Я себя чувствую как под микроскопом.

— Вы, конечно, понимаете, что у меня и в мыслях не было говорить об этом ни с полковником Мельчеттом — он такой властный, ни с бедняжкой инспектором Слаком — он ведь точь-в-точь как молоденькая продавщица в обувной лавке, которая хочет непременно заставить вас купить лакированные лодочки, потому что у неё есть

как раз ваш размер, и слышать не хочет, что вам нужны простые опойковые туфли[36].

Честно говоря, это блестящая характеристика Слака.

— Но вы, мистер Клемент, знаете о преступлении не меньше инспектора Слака, я уверена. И я подумала, что если мы с вами станем работать вместе…

— Как знать, — сказал я. — Должно быть, каждый человек в глубине души воображает себя Шерлоком Холмсом.

Потом я рассказал ей про три письма, полученных сегодня. Рассказал и о том, как Анна нашла портрет, изуродованный до неузнаваемости ножом. Описал и поведение мисс Крэм в полицейском участке, упомянул и о том, как Хэйдок определил подобранный мною кристалл.

— А так как я его нашёл, то мне и хотелось бы, чтобы он имел решающее значение, — сказал я в заключение. — Но, всего вероятнее, этот кристалл вообще не имеет отношения к нашему делу.

— А я за эти дни прочла кучу американских детективов — брала в библиотеке, — сказала мисс Марпл. — Может пригодиться для дела.

---

[36] notes: 36

Опойковые туфли — туфли из кожи молодого телёнка.

— Там ничего нет про пикриновую кислоту?

— Боюсь, что нет. Однако я где-то читала, что одного человека отравили, растирая его вместо лекарства пикриновой кислотой на ланолине.

— Но у нас тут никого не отравляли, так что это не подходит, — сказал я.

Потом взял со стола и подал ей свой небольшой реестр.

— Вот моя попытка восстановить некоторые факты, привести их в порядок, — сказал я.

Опись фактов

Четверг, 21 сего месяца.

12.30 — полковник Протеро переносит время своего визита с 18.00 часов на 18.15. Весьма возможно, что это слышала вся деревня.

12.45 — пистолет в последний раз видели лежащим на своём месте (несколько сомнительно, так как ранее миссис Арчер утверждала, что этого не помнит).

17.30 (примерно) — полковник и миссис Протеро выезжают из дому в деревню на машине.

17.30 — ложный вызов к умирающему, звонили из привратницкой у Северных

ворот.

18.15 (или раньше на одну-две минуты) — полковник Протеро зашёл в мой кабинет, куда его проводила Мэри.

18.20 — миссис Протеро проходит аллеей со стороны сада к окну кабинета. Она не видела полковника Протеро.

18.29 — звонок из коттеджа Лоуренса Реддинга к миссис Прайс Ридли (по данным с телефонной станции).

18.30–18.35 — слышен выстрел (если считать, что время телефонного звонка было указано точно). По показаниям Лоуренса Реддинга, Анны Протеро и доктора Стоуна, выстрел был слышен раньше, но весьма вероятно, что права миссис П. Р.

18.45 — Лоуренс Реддинг приходит в мой дом и обнаруживает труп.

18.48 — я встречаюсь с Лоуренсом Реддингом.

18.49 — я обнаруживаю труп.

18.55 — Хэйдок осматривает труп.

Примечание. Никакого алиби на время с 18.30 до 18.35 нет у двух лиц — у мисс Крэм и миссис Лестрэндж. Мисс Крэм говорит, что была на раскопках, но свидетелей

нет. Однако подозрение с неё может быть снято, так как она явно не связана с этим делом. Миссис Лестрэндж вышла от доктора Хэйдока в самом начале седьмого, так как торопилась на свидание. Где и с кем было назначено свидание? Едва ли с полковником Протеро, так как он в это время должен был быть у меня. Миссис Лестрэндж могла быть поблизости от места преступления в указанное время, но у неё вряд ли имелись какие-либо мотивы для убийства. Она ничего не выиграла с его смертью, а версия инспектора — вымогательство — мне кажется неприемлемой. Миссис Лестрэндж не такой человек. Также маловероятно, что она могла получить доступ к пистолету Лоуренса Реддинга.

— Очень чётко, — сказала мисс Марпл, одобрительно кивая головой. — Джентльмены всегда всё записывают с отменной точностью.

— А вы согласны с тем, что я написал? — спросил я.

— О да, вы так прекрасно всё расписали.

Тогда я задал ей вопрос, который мне давно не

терпелось задать.

— Мисс Марпл, — сказал я. — Кого вы подозреваете? Вы как-то говорили, что подозреваете семерых.

— Да, как будто, — рассеянно сказала мисс Марпл. — Но, мне кажется, мы с вами подозреваем разных людей. Собственно говоря, так оно и есть.

Но она не стала спрашивать, кого подозреваю я.

— Всё дело в том, — сказала она, — что необходимо подыскать объяснение для всего случившегося. Каждую мелочь нужно истолковать и объяснить. И если у вас есть версия, которая включает в себя все факты без исключения, значит, вы правы. Но это неимоверно сложно. Если бы не эта записка…

— Записка? — удивился я.

— Да, вы же помните, я вам говорила. Записка мне не даёт покоя с самого начала. Что-то в ней не так.

— Но ведь теперь всё совершенно ясно, — сказал я. — Записка была написана в восемнадцать тридцать пять, а сверху другой рукой, рукой убийцы, приписано «18.20». Я думаю, что с этим всё ясно.

— Пусть так, — сказала мисс Марпл. — И всё же записка меня беспокоит.

— Почему?

— Послушайте. — Мисс Марпл с живостью наклонилась ко мне поближе. — Миссис Протеро, как я вам уже говорила, прошла мимо моего сада, и она прошла к окну кабинета, заглянула внутрь и не увидела полковника Протеро.

— Потому что он сидел за столом и писал, — сказал я.

— Вот тут-то и не сходится! Это было в двадцать минут седьмого. Мы с вами говорили, что он не мог сесть и написать, что до половины седьмого он ждать не может, зачем же ему тогда было усаживаться за стол?

— Об этом я и не подумал, — задумчиво сказал я.

— Давайте-ка ещё раз во всём разберёмся, мой дорогой мистер Клемент. Миссис Протеро подходит к окну, и ей кажется, что в комнате никого нет, и она действительно так подумала, иначе она ни за что бы не пошла в мастерскую к мистеру Реддингу. Это было бы очень неосторожно. В комнате должно быть совершенно тихо, чтобы она решила, что там никого нет. Это можно объяснить одной из трёх причин.

— Вы хотите сказать…

— Первая возможная причина — полковник Протеро был уже мёртв, но в этом я сомневаюсь. Во-первых, пяти минут не прошло, как он туда вошёл, и она или я — мы непременно услышали бы выстрел, а во-вторых, опять же неясно, как он оказался сидящим за письменным столом. Вторая возможная причина — он уже сидел за столом и писал записку, но тогда записка должна была быть совсем о другом. Он не мог писать, что ему некогда ждать. А третья…

— Да? — сказал я.

— Третья причина — в комнате и вправду никого не было, и миссис Протеро была права.

— Вы хотите сказать, что он прошёл в кабинет, потом куда-то вышел и вернулся позже?

— Да.

— Но зачем ему это понадобилось?

Мисс Марпл слегка развела руками, выражая недоумение.

— Тогда на всё это надо смотреть с совершенно иной точки зрения, — сказал я.

— Нам так часто приходится менять точку зрения на многие вещи. Верно?

Я не отвечал. Я тщательно обдумывал три варианта, которые предложила мисс Марпл.

Старая леди вздохнула и встала.

— Мне пора домой. Я так рада, что нам удалось с вами чуточку поболтать, хотя мы немногого добились, да?

— Сказать по совести, — заметил я, подавая ей шаль, — вся эта история для меня — тёмный лес.

— Что вы! Этого я бы не сказала. Мне думается, что одна версия подходит. То есть если допустить некое совпадение… а мне кажется, такое допущение позволительно. Только одно, не более, иначе было бы слишком.

— Вы это серьёзно говорите? Про версию? — спросил я, глядя ей в глаза.

— Должна признаться, что в моей теории не всё гладко — есть один факт, который я не могу объяснить. О! Вот если бы записка была совсем другая…

Она вздохнула и покачала головой. Уже выходя, она машинально протянула руку и пощупала цветок, стоявший на высокой подставке; вид у растения был унылый и неухоженный.

— Вы знаете, мистер Клемент, его надо почаще поливать. Бедняжка, он просто сохнет! Скажите вашей служанке, чтобы поливала его каждый день. Я думаю, это входит в круг её обязанностей.

— В той же мере, как и все остальные домашние

дела, — сказал я.

— Немного не хватает выучки, да? — спросила мисс Марпл.

— О да, — сказал я. — Гризельда же и слушать не хочет о том, чтобы её рассчитать. Она уверена, что служанка остаётся у нас только потому, что её никто другой не возьмёт. Правда, не далее как вчера Мэри стращала нас, что уйдёт.

— Вот как? А мне всегда казалось, что она очень привязана к вам обоим.

— Я этого как-то не замечал, — сказал я. — Кстати, её обидела Летиция Протеро. Мэри вернулась со следствия в расстроенных чувствах, а Летиция уже была здесь, и они… в общем, они повздорили.

— О! — воскликнула мисс Марпл.

Она уже было переступила через порог, но внезапно застыла на месте, и лицо у неё изменилось, на нём мелькнула целая череда сменяющих друг друга выражений. Я был удивлён.

— О, боже ты мой, — пробормотала она себе под нос. — Какая же *я глупая*! Так вот в чём дело. Вполне, вполне возможно, с самого начала.

— Простите?

Она подняла ко мне встревоженное лицо.

— Нет, ничего. Просто мне пришла в голову

мысль. Я, пожалуй, пойду домой и хорошенько всё обдумаю. Знаете ли, я, кажется, была удивительно недогадлива, даже самой не верится.

— И мне не верится, — галантно сказал я.

Я проводил её через сад.

— А вы не могли бы поделиться со мной этой внезапной догадкой? — спросил я.

— Пока не хотелось бы. А вдруг я всё же ошибаюсь. Впрочем, не думаю. А вот и моя калитка. Большое вам спасибо. Прошу вас, не провожайте меня дальше.

— Записка по-прежнему остаётся камнем преткновения? — спросил я, когда она, войдя в калитку, закрывала за собой задвижку.

Она посмотрела на меня, словно не понимая.

— Записка? А! Ну, разумеется, это была не та записка. Я и не думала, что она настоящая. Доброй ночи, мистер Клемент.

Она быстрым шагом пошла по тропинке к дому, а я глядел ей вслед, словно прикованный к месту.

Я терялся в догадках.

Глава 27

Гризельда и Деннис ещё не вернулись. Я подумал, что надо было мне проводить мисс Марпл и заодно позвать их домой — это было бы вполне естественно. Но мы с ней были так поглощены обсуждением всех возможных перипетий тайны убийства, что забыли о существовании всех остальных.

Я стоял в холле, раздумывая, не пойти ли мне за ними, но тут раздался звонок.

Я вернулся к двери. Заметив, что в почтовом ящике лежит письмо, я решил, что звонил почтальон, и вынул письмо из ящика. Но снова раздался звонок, и я, впопыхах сунув письмо в карман, открыл дверь.

За дверью стоял полковник Мельчетт.

— Привет, Клемент. Еду домой из города, на машине. Решил проведать. Не дадите ли чего-нибудь выпить?

— Конечно, я очень рад. С превеликим удовольствием! — сказал я. — Прошу ко мне.

Он снял кожаное пальто и прошёл со мной в кабинет. Я достал виски, содовую и два бокала. Мельчетт стоял у камина, широко расставив

ноги, и поглаживал стриженные щёточкой усы.

— У меня для вас есть кое-что новенькое, Клемент. Вы такого ещё и не слыхивали. Но с этим можно повременить. Как дела тут у вас? Ещё какая-нибудь старая леди взяла след?

— Ничего плохого в этом не вижу, — сказал я. — Во всяком случае, одна из них считает, что идёт по горячему следу.

— Наша приятельница мисс Марпл? Да?

— Наша приятельница мисс Марпл.

— Такие особы всегда считают, что знают всё лучше других, — сказал полковник Мельчетт.

Он с явным удовольствием потягивал виски с содовой.

— Быть может, с моей стороны нескромно задавать вопросы, — сказал я, — но надеюсь, что кто-нибудь допросил парнишку из рыбной лавки. Я хочу сказать, что, если убийца вышел через парадную дверь, малый, возможно, видел его.

— Слак его допросил, можете не сомневаться, — сказал Мельчетт. — Но парень говорит, что никого не встречал. Что в принципе и понятно. Убийца не станет лезть на глаза. Скажем, у ваших ворот можно и в кустах переждать. Посыльный заходил к вам, к Хэйдоку и к миссис Прайс Ридли. От него схорониться ничего не стоило.

— Да, — сказал я. — Вы правы.

— А с другой стороны, — продолжал Мельчетт, — если всё же это дело рук негодяя Арчера и юный Фред Джексон видел здесь его, он едва ли проговорился бы. Арчер его двоюродный брат.

— Вы всерьёз подозреваете Арчера?

— Понимаете ли, старик Протеро его на дух не переносил. И тот был не прочь с ним расквитаться. А снисходительностью старик похвастаться не мог.

— Да, — сказал я. — Человек он был жёсткий и непримиримый.

— Я всегда говорю: живите и давайте жить другим, — сказал Мельчетт. — Конечно, закон есть закон, но никому не повредит хоть малая доля человечности. Протеро не знал снисхождения.

— Он этим гордился, — сказал я.

Мы помолчали, потом я спросил:

— А что это за удивительная новость, которую вы мне обещали?

— Да уж, куда удивительнее. Помните ту незаконченную записку, которую Протеро писал, когда его убили?

— Да.

— Мы её отдали на экспертизу, чтобы убедиться, что «18.20» было приписано другой рукой.

Само собой, послали образцы почерка Протеро. Хотите знать заключение? *Эту записку Протеро вообще не писал.*

— Значит, это подделка?

— Вот именно, «18.20» действительно написано другой рукой, но они в этом не уверены. Эта отметка сделана другими чернилами, но сама записка — подделка. Протеро её не писал.

— Они в этом уверены?

— Настолько, насколько могут быть уверены эксперты. Вы же знаете, что такое эксперт! Ох! Но в этом они уверены как будто.

— Потрясающе, — сказал я.

Затем память вдруг преподнесла мне сюрприз.

— Послушайте, — сказал я. — Я помню, что миссис Протеро сразу сказала, что почерк совсем не похож на почерк её мужа, но я не обратил на это внимания.

— Вот как?

— Я решил, что это обычная женская глупость. Тогда единственным бесспорным во всём деле была именно записка.

Мы смотрели друг на друга.

— Любопытно, — сказал я. — Мисс Марпл только нынче вечером говорила, что записка ненастоящая.

— Шустрая старушенция. Можно подумать, что она собственными руками совершила убийство — слишком много знает, а?

Тут зазвонил телефон. В телефонном звонке есть что-то до странности одушевлённое. На этот раз он звонил отчаянно, с какой-то мрачной, трагической настойчивостью.

Я подошёл и взял трубку.

— Викарий слушает, — сказал я. — Кто это?

Странный, сдавленный и визгливо-истерический голос раздался в трубке.

— *Я хочу покаяться!* — возопил он. — *Боже мой, я хочу покаяться!*

— Алло, — сказал я. — Алло! Послушайте, вы меня разъединили. С какого номера мне звонили?

Тягучий голос ответил, что не знает. И лениво добавил, что просит извинить за беспокойство.

Я положил трубку и обернулся к Мельчетту.

— Вы как-то сказали, что рехнётесь, если ещё кто-нибудь признается в убийстве?

— Ну и что?

— Да вот ещё кто-то хочет покаяться. А коммутатор нас разъединил.

Мельчетт бросился к телефону и схватил трубку.

— Я им сейчас кое-что скажу!

— Скажите, — согласился я. — Возможно, это на них подействует. Желаю удачи. А я ухожу. Мне кажется, я узнал этот голос.

Глава 28

Я быстро шёл по улице. Было одиннадцать часов, в воскресный вечер в это время деревня Сент-Мэри-Мид уже словно вымирает. Однако, увидев свет в окне второго этажа в одном из домов, я понял, что Хоуз ещё не ложился, и решил зайти. Я остановился и позвонил в дверь.

Долгое время никто не открывал, наконец домоправительница Хоуза, миссис Сэдлер, медленно и с трудом отодвинула два засова, сняла цепь и повернула ключ в дверях, после чего подозрительно выглянула в щёлку.

— Да это викарий! — удивлённо воскликнула она.

— Добрый вечер, — сказал я. — Я хотел повидать мистера Хоуза. Я увидел в окне свет, должно быть, он ещё не спит.

— Может, и не спит. Я к нему не заходила, только ужин подала. Вечер у него выдался тихий — никто не навещал, да и сам он никуда не ходил.

Я кивнул, прошёл мимо неё и поднялся по лестнице. У Хоуза и спальня и гостиная на втором этаже.

Я прошёл в гостиную. Хоуз лежал на низком кресле-диване. Он спал. Мои шаги его не разбудили. Рядом с ним стояла пустая коробочка из-под порошков и стакан, до половины наполненный водой.

На полу, возле его левой ноги, валялся исписанный, смятый в комок лист бумаги. Я поднял его и разгладил. Начал читать:

«Мой дорогой Клемент...»

Я дочитал письмо до конца, невольно вскрикнул и спрятал его в карман. Потом склонился над Хоузом, вглядываясь в его лицо.

Затем я протянул руку к телефону, стоявшему у него под рукой, и назвал свой номер. Мельчетт, как видно, всё ещё пытался выяснить, откуда был тот звонок, — телефон был занят. Я попросил соединить меня, как только номер освободится, и положил трубку.

Я сунул руку в карман — хотел ещё раз посмотреть на письмо. Вместе с ним из кармана выпало другое письмо — то, что я вынул из почтового ящика и позабыл прочесть.

Почерк на нём был до отвращения знакомый. Тот самый почерк, которым было написано анонимное письмо, подброшенное сегодня днём.

Я вскрыл письмо.

Прочитал его, потом ещё раз, но не смог понять, о чём оно.

Я начал читать в третий раз, когда зазвонил телефон. Словно во сне я взял трубку и сказал: «Алло?»

— Алло!

— Это вы, Мельчетт?

— Я, а вы-то где? Я проследил, откуда звонили. Номер…

— Я знаю номер.

— А! Отлично. Вы оттуда говорите?

— Да.

— Что там насчёт признания?

— Я его получил.

— Вы что, поймали убийцу?

Я пережил сильнейшее искушение в жизни. Я посмотрел на Хоуза. Посмотрел на измятое письмо. Бросил взгляд на каракули анонимки. Потом на пустую аптечную коробочку с фамилией Херувим на крышке. И вспомнил одну случайную беседу.

Я сделал титаническое усилие.

— Я… я не знаю, — сказал я. — Будет лучше, если вы сами придёте.

И дал ему адрес.

Потом сел в кресло напротив кресла Хоуза и стал думать.

На все размышления у меня было ровно две минуты.

Через две минуты Мельчетт будет здесь.

Я взял анонимное письмо и перечитал его в третий раз.

Потом закрыл глаза и задумался…

Глава 29

Сколько я так просидел, не знаю, — должно быть, прошло всего несколько минут. Но мне показалось, что миновала целая вечность, когда я услышал скрип двери, обернулся и увидел входящего в комнату Мельчетта.

Он пристально вгляделся в спящего Хоуза, потом обратился ко мне:

— Что тут происходит, Клемент? В чём дело?

Я взял одно из двух писем, которые держал в руке, и дал ему.

Он прочёл его вслух, приглушив голос:

— *«Мой дорогой Клемент, мне необходимо сообщить вам нечто крайне неприятное. Поэтому я предпочёл написать. Позже мы можем об этом поговорить. Дело касается недавних пропаж. Неприятно об этом говорить, но я нашёл виновника, и ни о каких сомнениях не может быть речи. Как бы ни было тяжко обвинять священнослужителя, церковного пастыря, я выполняю свой долг, с болью, но неукоснительно. Пусть это послужит примером и...»*

Мельчетт вопросительно взглянул на меня. После этих слов в письме стоял непонятный

росчерк, на этом месте смерть остановила руку писавшего.

Мельчетт с шумом вдохнул воздух, посмотрел на Хоуза.

— Так вот в чём разгадка! И раскаяние заставило его признаться!

— В последние дни он был сам не свой, — сказал я.

Внезапно Мельчетт вскрикнул и в два шага оказался возле спящего. Он взял его за плечо и потряс, сначала легонько, потом всё сильней и резче.

— Да он не спит! Он наглотался лекарств! Это ещё что?

Его взгляд упал на пустую аптечную коробочку. Он поднял её.

— Неужели он…

— Я думаю, да, — сказал я. — Он мне показывал эти порошки. Сказал, что его предупреждали не принимать большими дозами. Для него это был единственный выход. Бедняга. Может быть, наилучший выход. Не нам его судить.

Но Мельчетт был прежде всего начальником полиции графства. Те доводы, которые мог принять во внимание я, для него ничего не значили. Он поймал убийцу, а убийцу было положено

судить и повесить.

Он тут же ринулся к телефону и стал нетерпеливо стучать по рычажку, пока не получил ответа. Он назвал номер Хэйдока. Затем на минуту стало тихо — он ждал, когда снимут трубку, не сводя глаз с простёртой в кресле фигуры.

— Алло-алло-алло, приёмная доктора Хэйдока? Скажите доктору, пусть немедленно идёт на Хай-стрит. Мы у мистера Хоуза. Срочно!.. Да что там у вас? А какой это номер? Прошу прощенья.

Он стукнул по рычажку, вспыхнув от возмущения.

— Не тот номер, не тот номер, вечно у них не те номера! А речь идёт о человеческой жизни! *Алло*!!! Вы дали мне не тот номер! Да, не теряйте времени, дайте три-девять, а не три-пять!

Ещё одна напряжённая пауза, на этот раз короче первой.

— Алло, это вы, Хэйдок? Говорит Мельчетт. Приходите на Хай-стрит, девятнадцать, сейчас же, прошу вас. Хоуз наглотался каких-то порошков. Спешите, дорога каждая минута.

Он бросил трубку и зашагал взад-вперёд по комнате.

— Как вы не догадались сразу же вызвать доктора, Клемент, просто уму непостижимо. Сидите

здесь и считаете ворон!

На моё счастье, Мельчетту столь же непостижимо и то, что у других могут быть иные соображения и намерения, чем у него лично. Я промолчал, и он продолжал:

— Где вы нашли это письмо?

— Валялось скомканное на полу — видно, выпало у него из рук.

— Поразительное дело — старая дева как в воду глядела, — мы ведь и вправду нашли не ту записку. Как она умудрилась это сообразить! Но этот тоже хорош — не порвал её, не сжёг — просто осёл! Только подумайте, держать при себе самую неопровержимую улику из всех мыслимых улик!

— Человеческая натура соткана из противоречий.

— А если бы не это, нам бы ни одного убийцу поймать не пришлось. Рано или поздно они обязательно сморозят какую-нибудь глупость! У вас очень подавленный вид, Клемент. Должно быть, это для вас ужасный удар?

— Верно. Я говорил, что Хоуз последнее время был какой-то странный, но я себе и представить не мог…

— А кто мог? Ага, похоже, машина. — Он по-

дошёл к окну, поднял штору и выглянул на улицу. — Точно. Хэйдок.

Через минуту доктор вошёл в комнату.

Мельчетт объяснил ему всё в нескольких словах.

Хэйдок никогда не выдавал своих чувств. Он только вскинул брови, кивнул и подошёл к пациенту. Пощупал пульс, приподнял веко, внимательно вгляделся в глаз. Потом обернулся к Мельчетту.

— Вам нужно спасти его для виселицы? Дело зашло довольно далеко, если хотите знать. Его жизнь на волоске. Не знаю, сумею ли привести его в себя.

— Делайте всё, что в ваших силах.

— Хорошо.

Он порылся в своём саквояже, вынул шприц, сделал инъекцию в руку Хоуза. Потом выпрямился.

— Лучше будет доставить его в Мач-Бенэм в больницу. Помогите перенести его в машину.

Мы оба бросились помогать. Усаживаясь за руль, Хэйдок бросил через плечо последнюю фразу:

— Кстати, повесить его вам всё равно не удастся, Мельчетт, имейте в виду.

— Вы считаете, что он не выкарабкается?

— Это уж как получится. Я не об этом. Просто, даже если он выживет, понимаете, бедняга не может отвечать за свои действия. Я дам медицинское свидетельство.

— Что он хотел сказать? — спросил Мельчетт, когда мы снова поднимались по лестнице.

Я объяснил, что Хоуз страдал энцефалитом.

— Сонной болезнью, что ли? В наше время обязательно найдётся уважительная причина для всякого грязного дела. Верно?

— Наука многое нам объясняет.

— К чёрту науку! Прошу прощенья, Клемент, но меня прямо воротит от всех этих слюней и соплей — нечего миндальничать! Я человек простой. Ладно, пора заняться осмотром комнаты.

Но в эту минуту нам помешали — и это было совершенно неожиданное и поразительное явление. Дверь отворилась, и в комнату вошла мисс Марпл.

Она порозовела от смущения, понимая, в какое недоумение повергла нас обоих. Говорила она взволнованно, словно оправдываясь:

— Простите, простите меня, ради бога, — так вторгаться! Добрый вечер, полковник Мельчетт. Я ещё раз прошу меня извинить, но я узнала, что

мистер Хоуз занемог, и решила, что надо зайти, спросить, не нужна ли моя помощь.

Она замолчала. Полковник Мельчетт глядел на неё довольно неблагосклонно.

— Вы очень добры, мисс Марпл, — сухо ответил он. — Не стоило беспокоиться. А как вы узнали, кстати?

Я сам ждал минуты, чтобы задать тот же вопрос.

— По телефону, — объяснила мисс Марпл. — На телефонной станции постоянно путают номера, верно? Вы сначала говорили со мной, а думали, что это доктор Хэйдок. Мой номер три-пять.

— Так вот в чём дело! — воскликнул я.

— И вот, — продолжала она, — я решила зайти узнать, не надо ли помочь.

— Вы очень добры, — сказал Мельчетт ещё более сухо. — Ничего не нужно. Хэйдок увёз его в больницу.

— Прямо в больницу? Как я рада это слышать! У меня камень с души свалился. Там он будет в полной безопасности. Когда вы сказали, что ничего не нужно, вы ведь не хотели сказать, что ему уже ничем не поможешь? Да? Неужели вы считаете, что он не выживет?

— Ничего нельзя предсказать, — заметил я.

Мисс Марпл уже углядела картонную коробочку.

— Я думаю, он принял большую дозу? — сказала она.

Я уверен, что Мельчетт предпочёл бы всё от неё утаить. Может быть, и я бы так поступил при иных обстоятельствах. Но в моей памяти слишком свежа была беседа с мисс Марпл, и я поступил вразрез с его принципами, хотя, признаюсь, её мгновенное появление и нескрываемое любопытство вызвали у меня несколько неприятное чувство.

— Посмотрите-ка вот на это, — сказал я, протягивая ей незаконченное письмо Протеро.

Она взяла его и прочла, не выказывая ни малейшего удивления.

— Вы нечто подобное предвидели, не правда ли? — спросил я.

— Да-да, разумеется. Можно ли мне спросить, мистер Клемент, что привело вас сюда именно сегодня? Это мне не совсем понятно. Вы и полковник Мельчетт — этого я никак не ожидала.

Я объяснил, что звонили по телефону и мне показалось, что я узнал голос Хоуза. Мисс Марпл задумчиво кивнула.

— Очень интересно. Счастливый случай, если

можно так сказать. Да, ведь вы пришли сюда вовремя, как раз вовремя.

— Что значит — вовремя? Вы так считаете? — с горечью спросил я.

Мисс Марпл искренне удивилась:

— Конечно, вы же спасли жизнь мистеру Хоузу.

— А вам не кажется, — сказал я, — что лучше было бы ему не выздоравливать? Лучше и для него, и для всех остальных. Теперь мы знаем правду, и…

Я замолк на полуслове — мисс Марпл кивала головой что-то уж слишком энергично, я даже забыл, о чём хотел говорить.

— Вот именно! — сказала она. — Вот именно! Как раз то, что он хотел вам внушить! Что вы знаете всю правду и что для всех было бы лучше так, как оно вышло. О да, всё сходится наилучшим образом: письмо, и отравление порошками, и настроение бедного мистера Хоуза, и его исповедь… Всё сходится, но всё это *неправда*!

Мы молча смотрели на неё.

— Вот почему я так рада, что мистер Хоуз в безопасности — в больнице, там до него никто не доберётся. Если он выздоровеет, он вам сам расскажет всю правду.

— Правду?

— Да! Что он не тронул и волоска на голове полковника Протеро.

— А телефонный звонок? — возразил я. — Письмо, отравление порошками. Всё яснее ясного.

— Он и хотел, чтобы вы так думали. Он очень хитрый. Сохранить письмо и подбросить его в удобную минуту — это требует большой хитрости.

— Кто это «он»? — сказал я.

— Убийца, — ответила мисс Марпл. И невозмутимо добавила: — Мистер Лоуренс Реддинг…

Глава 30

Мы смотрели на неё в полном изумлении. Я думаю, в тот момент оба мы искренне считали, что она не в своём уме. Обвинение звучало в высшей степени неправдоподобно.

Полковник Мельчетт опомнился первым. Он заговорил ласково, с какой-то жалостливой снисходительностью.

— Побойтесь бога, мисс Марпл, — сказал он. — Молодой Реддинг вне всякого подозрения.

— Естественно, — сказала мисс Марпл. — Он об этом позаботился.

— Наоборот, — сухо возразил полковник Мельчетт. — Он сделал всё от него зависящее, чтобы его обвинили в убийстве.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Он нас всех провёл, и меня точно так же, как и других. Может быть, вы припомните, дорогой мистер Клемент, как я была поражена, когда услышала, что мистер Реддинг признался. У меня в голове всё перевернулось, и я решила, что он не виноват, хотя до тех пор я не сомневалась, что он преступник.

— Значит, вы подозревали Лоуренса Реддинга?

— В книгах преступником всегда оказывается

тот, кого меньше всех подозревают, я знаю. Только это правило вовсе не годится для реальной жизни. Чаще всего именно то, что бросается в глаза, и есть правда. Я всегда хорошо относилась к миссис Протеро, но это не помешало мне заметить, что она полностью попала под влияние мистера Реддинга и готова исполнить всё, что он велит, а он, разумеется, не из тех молодых людей, которые мечтают сбежать с чужой женой, у которой нет ни гроша за душой. С его точки зрения, полковник Протеро был помехой, которую следовало устранить, и он его устранил. У некоторых молодых людей нет *никаких* моральных устоев.

Полковник Мельчетт давно уже нетерпеливо фыркал. Теперь он рванулся в бой.

— Неслыханная чепуха от начала до конца! Нам известно всё, что делал Реддинг до без десяти семь, а Хэйдок ясно сказал, что в это время полковник Протеро был ещё жив. Вы, кажется, думаете, что знаете всё лучше врача! А может, вы считаете, что Хэйдок солгал — бог весть зачем?

— Я считаю, что доктор Хэйдок сказал чистую правду. Он очень порядочный человек. Дело в том, что полковника Протеро застрелила миссис Протеро, а вовсе не мистер Реддинг.

Мы снова онемели. Мисс Марпл поправила

кружевное жабо[37], спустила с плеч пушистую воздушную шаль и начала читать нам лекцию в самых благопристойных, подобающих для старой девы тонах, мягко и совершенно естественно сообщая самые поразительные вещи:

— До этого времени я не считала себя вправе говорить. Если вам кажется, что вы всё точно знаете, — это ещё не доказательство. И пока вы не найдёте объяснения для всех фактов до единого (как я уже говорила сегодня вечером дорогому мистеру Клементу), нельзя с уверенностью выдвигать свою версию. А у меня не хватало всего одного факта, только одно и оставалось объяснить, и вот, совершенно внезапно, когда я выходила из кабинета мистера Клемента, я заметила фикус в горшке возле окна — в нём-то и была разгадка! Ясно как божий день!

— Спятила, — шепнул мне полковник Мельчетт. — Окончательно спятила.

Но мисс Марпл как ни в чём не бывало продолжала свой рассказ мелодичным голосом истинной леди, сияя безмятежной благожелательностью к нам:

— Мне было очень прискорбно поверить в это,

---

[37] notes: 37

Жабо — отделка из кружев или лёгкой ткани на груди у ворота блузки, платья, сорочки.

очень прискорбно. Видите ли, они оба мне так нравились. Но вы же знаете, что такое человеческая натура. Должна вам сказать, что, когда они, друг за дружкой, оговорили себя самым глупым образом, у меня прямо камень с души свалился. Я обрадовалась своей ошибке. И стала размышлять: у кого ещё был мотив для устранения полковника Протеро.

— Семеро подозреваемых! — пробормотал я себе под нос.

Она одарила меня улыбкой.

— Вот именно. Этот Арчер — весьма сомнительно, но если он напьётся — можно ли за него поручиться? Алкоголь ударяет в голову. И, само собой, ваша Мэри. Она очень давно встречается с Арчером, а характер у неё престранный. И мотив и возможность — ведь она была в доме одна-одинёшенька! Старая миссис Арчер могла с лёгкостью похитить пистолет у мистера Реддинга и отдать ему или ей. Потом, конечно, Летиция — ей нужна и свобода и деньги, чтобы жить в своё удовольствие. Я знаю множество случаев, когда самые прелестные, неземные девушки выказывали полное отсутствие щепетильности, хотя, конечно, джентльмены ни за что не согласятся в это поверить.

Я виновато моргнул.

— Потом ещё теннисная ракетка, — продолжала мисс Марпл.

— Теннисная ракетка?

— Ну да, та самая, что попалась на глаза Кларе, служанке миссис Прайс Ридли, валялась на траве у ваших ворот. А это говорит о том, что мистер Деннис ушёл с теннисной игры раньше, чем получается по его словам. Мальчики в шестнадцать лет такие уязвимые и неуравновешенные! Каков бы ни был мотив, ради Летиции или ради вас — он мог на это пойти. И наконец, бедняжка мистер Хоуз и вы сами, но альтернативно, как выражаются юристы.

— Я? — вскричал я с живейшим удивлением.

— Да, конечно. Вы уж простите великодушно — я в это ни минуты не верила, но был разговор об исчезающих церковных сборах. Один из вас — либо вы, либо мистер Хоуз, — наверно, был виноват, и миссис Прайс Ридли повсюду намекала, что это дело ваших рук, главным образом на основании того, что вы так резко протестовали против всяких расследований. Разумеется, я-то была уверена с самого начала, что это мистер Хоуз, он очень напомнил мне того несчастного органиста, о котором я вам рассказывала, но всё

же никогда нельзя быть *уверенной*…

— Зная человеческую натуру, — мрачно изрёк я.

— Вот именно. Ну, и кроме того, естественно, остаётся ещё душечка Гризельда.

— Миссис Клемент абсолютно ни при чём, — оборвал её полковник Мельчетт. — Она вернулась поездом в восемнадцать пятьдесят.

— Это она так говорит, — отпарировала мисс Марпл. — Никогда нельзя верить людям на слово. В этот вечер поезд в восемнадцать пятьдесят опоздал на полчаса. Но я своими собственными глазами видела её в четверть седьмого, она шла в сторону Старой Усадьбы. Следовательно, она приехала раньше, на другом поезде. Собственно говоря, её видели, но вы, должно быть, об этом знаете?

Она испытующе посмотрела на меня.

Повинуясь необъяснимому магнетизму её взгляда, я протянул ей последнее анонимное письмо, то самое, которое прочёл незадолго до нашего разговора. Там было подробно изложено, как Гризельду видели выходящей из коттеджа Лоуренса Реддинга в двадцать минут седьмого в тот роковой день.

Ни тогда, ни после я не проронил ни слова об

ужасном подозрении, в некий момент пронзившем мне душу. Это представилось мне как страшный сон, как наваждение, — былая близость между Лоуренсом и Гризельдой, которая стала известна Протеро, его угроза довести всё до моего сведения, — и Гризельда в отчаянии похищает револьвер и заставляет его замолчать навсегда. Как я уже сказал, это было наваждение, кошмарный сон, на несколько бесконечных минут приобретший все признаки жуткой реальности.

Не знаю, подозревала ли это мисс Марпл. Вполне возможно. От неё ничто не укроется.

Она отдала мне письмо, коротко кивнув головой.

— Вся деревня об этом судачила, — сказала она. — И вправду, выглядело это довольно подозрительно. Особенно когда миссис Арчер показала под присягой, что пистолет был на своём месте, когда она уходила в полдень.

Она на минуту умолкла, затем продолжала:

— Но я непозволительно отвлеклась от главного! Я вот что хотела — я считаю это своим долгом — изложить вам моё объяснение происшедшего. Если вы мне не поверите, я буду утешаться тем, что сделала всё, что в моих силах. И без того моё

желание — прежде совершенно увериться, а потом говорить — едва не стоило жизни бедному мистеру Хоузу.

Она снова замолчала, а когда заговорила снова, её голос звучал иначе — твёрже, решительней. Больше не казалось, что она оправдывается или извиняется.

— Вот моё объяснение всего происшедшего. К четвергу преступление было полностью обдумано, до мельчайших подробностей. Сначала Лоуренс Реддинг зашёл к викарию, зная, что не застанет его дома. Он принёс пистолет, который спрятал в горшок с фикусом, на подставке возле окна. Когда вернулся викарий, Лоуренс Реддинг объяснил своё присутствие тем, что он решился уехать отсюда. В пять тридцать Лоуренс Реддинг позвонил викарию из дома привратника, что у Северных ворот, подражая женскому голосу (вы помните, что он одарённый актёр).

Миссис Протеро с мужем только что выехали в деревню. И одна прелюбопытная деталь (хотя никому не пришло в голову этим заинтересоваться) — миссис Протеро не взяла с собой сумочку. Это совершенно *необычный* для женщины поступок. Почти точно в двадцать минут седьмого она проходит мимо моего садика и останавливается

поговорить со мной, чтобы я могла хорошенько рассмотреть, что оружия при ней не было и что она ведёт себя нормально, как всегда. Они, видите ли, знали, что я человек наблюдательный. Она скрылась за углом дома и прошла к двери кабинета. Бедный полковник сидел за столом и писал вам письмо. Он глуховат — это всем известно. Она вынимает пистолет из горшка — он у неё под рукой, как задумано, — подходит к нему сзади, стреляет в затылок, бросает пистолет на пол, молнией вылетает из дома и бежит к мастерской. Любой будет готов присягнуть, что на это у неё хватило бы времени!

— А выстрел? — придирчиво спросил полковник. — Вы же не слышали выстрела?

— Насколько мне известно, существует приспособление, которое называется глушитель Максима. Я читала о нём в детективных романах. Я подумала, что «чиханье», которое слышала Клара, служанка, и был тот самый выстрел. Но это неважно. Миссис Протеро встречается у мастерской с мистером Реддингом. Они входят туда вместе, но — такова уж человеческая натура! — боюсь, они упустили из виду, что я не уйду из сада, пока они не выйдут оттуда!

Мисс Марпл, так весело признававшая соб-

ственные слабости, окончательно завоевала моё сердце.

— Когда они вышли, они вели себя естественно, даже весело. Вот тут они и совершили просчёт, учитывая обстоятельства. Ведь если они и вправду распрощались навсегда, как они утверждают, у них был бы совсем другой вид. Но в этом, видите ли, было слабое место их заговора. Они просто *не смели* выглядеть встревоженными или огорчёнными. А на следующие десять минут они старательно обеспечили себе алиби. Так это, кажется, называется? Наконец, мистер Реддинг идёт в ваш дом и выбегает оттуда вам навстречу. Вероятно, он увидел вас на тропинке издалека и неплохо подсчитал, сколько времени в его распоряжении. Он поднимает пистолет и глушитель, оставляет на столе поддельное письмо с указанием времени, написанным другим почерком и другими чернилами. Когда подделка будет раскрыта, её истолкуют как неумелую попытку бросить тень на Анну Протеро.

Но, подбрасывая письмо, он находит другое, написанное самим полковником Протеро, — полная для него неожиданность. Будучи чрезвычайно умным молодым человеком, он понимает, что письмо ему может пригодиться, и берёт его с

собой. Он переводит стрелки настольных часов на время, указанное в записке, — прекрасно зная, что часы всегда поставлены на пятнадцать минут вперёд. Замысел тот же — изобразить ещё одну попытку очернить миссис Протеро. Затем он уходит, встречает вас у калитки и играет роль человека, близкого к помешательству. Как я уже говорила, он и вправду очень умён. Что станет делать убийца, только что совершивший преступление? Разумеется, он постарается держаться как можно более естественно. Значит, мистер Реддинг будет вести себя совсем иначе. Он выбрасывает глушитель, он отправляется прямиком в полицейский участок с пистолетом, в подтверждение шитого белыми нитками самооговора, и все мы попадаемся на удочку!

В изложении мисс Марпл было что-то завораживающее. Она говорила с такой уверенностью, что оба мы чувствовали — преступление было совершено именно так, а не иначе.

— А выстрел, который донёсся из лесу? — спросил я. — Это и есть то случайное совпадение, о котором вы упоминали раньше?

— О, что вы, нет! — Мисс Марпл решительно помотала головой. — *Это* было вовсе не случайное совпадение, ничего похожего. Было совершенно

необходимо, чтобы люди слышали выстрел, иначе трудно было бы отвести подозрения от миссис Протеро. Как мистер Реддинг это подстроил, мне не совсем ясно. Но я поняла, что пикриновая кислота взрывается, когда на неё падает что-то тяжёлое, а вы ведь припоминаете, дорогой викарий, что встретили мистера Реддинга с большим камнем в руках как раз в том самом месте, где потом подобрали кристалл. Джентльмены выдумывают такие хитроумные приспособления — подвесить камень над кристаллами, подвести бикфордов шнур или запал, если я не спутала, в общем, нечто, что будет тлеть минут двадцать, так что взрыв прозвучит примерно в 18.30, когда они с миссис Протеро выйдут из мастерской и будут у всех на виду. Надёжное приспособление — на этом месте потом окажется большой булыжник, и больше ничего! Но он позаботился и камень убрать, когда вы на него вышли.

— Я думаю, вы правы! — воскликнул я, вспомнив, как вздрогнул от неожиданности Лоуренс Реддинг, увидев меня перед собой. Тогда я ничего не заподозрил, но теперь…

Мисс Марпл, казалось, читала мои мысли — она многозначительно кивнула.

— Да, — сказала она, — для него это была пре-

неприятная встреча, в самый неподходящий момент. Но он отлично вывернулся — сделал вид, что несёт мне камень для японского садика. Только вот… — Мисс Марпл вдруг заговорила с особенным нажимом: — *Камень был совершенно неподходящий для моего японского садика.* И это навело меня на след!

Полковник Мельчетт, просидевший всё это время словно в трансе, проявил признаки жизни. Фыркнув раз-другой носом и растерянно высморкавшись, он заявил:

— Ну, я вам скажу! Это уж, честное слово…

На более определённое высказывание он не отважился. Мне кажется, что и его, как и меня, подавила логическая безупречность умозаключений мисс Марпл. Но в данный момент он не хотел в этом признаваться.

Напротив, он протянул руку, схватил скомканное письмо и рявкнул:

— Ладно, это сойдёт. А что вы скажете про Хоуза? Этот тип позвонил и сам признался!

— Да, это был перст Божий. Несомненно, влияние проповеди викария. Знаете, мистер Клемент, вы произнесли замечательную проповедь. Она глубоко повлияла на мистера Хоуза, я думаю. Он больше не мог этого выносить, он жаждал

признаться в злоупотреблении церковными сборами.

— Что?

— Конечно, и это, по воле Провидения, спасло ему жизнь. (Я искренне надеюсь и уповаю, что его жизнь спасена. Доктор Хэйдок — замечательный врач.) Насколько я понимаю, мистер Реддинг сохранил письмо (дело рискованное, но я думаю, что он спрятал его в надёжном месте) и постарался выяснить, к кому оно относится. Вскоре он уверился, что это мистер Хоуз. Я слышала, что он вчера вечером вернулся с мистером Хоузом к нему домой и провёл здесь весь вечер. Я подозреваю, что он подменил коробочку с лекарством мистера Хоуза, а письмо спрятал в карман его халата. Бедный молодой человек в полном неведении проглотит смертельный порошок, а после его смерти найдут письмо, и все непременно решат, что он застрелил полковника Протеро и покончил с собой в приступе раскаяния. Мне кажется, что мистер Хоуз нашёл письмо сегодня после того, как проглотил яд. В его болезненном состоянии ему причудилось, что это нечто сверхъестественное — да ещё после проповеди викария, — и он почувствовал, что должен во всём признаться.

— Ну и ну! — сказал полковник Мельчетт. — Честное слово!.. *Абсолютно* невероятно! Я не верю ни одному слову!

Ему никогда ещё не случалось высказываться столь неубедительно. Видимо, он и сам это понял, поэтому задал ещё один вопрос:

— А вы можете объяснить другой звонок по телефону, из коттеджа мистера Реддинга к миссис Прайс Ридли?

— А! — сказала мисс Марпл. — Это я и называю совпадением. Этот звонок подстроила душечка Гризельда, я думаю, не обошлось тут и без мистера Денниса. Они проведали, какие слухи миссис Прайс Ридли распускает про викария, и задумали таким образом (конечно, это ребячество) заставить её замолчать. А совпадение в том, что звонок раздался точно в тот же момент, что и выстрел в лесу. Это и навело всех на мысль, что между ними есть какая-то связь.

Я вдруг вспомнил, как все слышавшие выстрел говорили, что он «не такой, как обычные выстрелы». И они были правы. Однако как трудно было объяснить, чем именно он отличался от других выстрелов.

Полковник Мельчетт откашлялся.

— Ваше объяснение выглядит довольно убеди-

тельно, мисс Марпл, — сказал он. — Но разрешите мне указать вам на то, что у вас нет никаких улик.

— Знаю, — сказала мисс Марпл. — Но всё же вы мне верите, не правда ли?

После затянувшейся паузы полковник нехотя признал:

— Да, верю. Пропади оно всё пропадом, только так это и могло произойти. Но нет ни малейшей улики — ни тени улик!

Мисс Марпл негромко кашлянула:

— Поэтому я и подумала, что при подобных обстоятельствах…

— Да?

— Позволительно будет поставить маленькую ловушку.

Глава 31

Мы с полковником озадаченно на неё воззрились.

— Ловушку? Какую ещё ловушку?

Мисс Марпл помялась как бы в нерешительности, но было совершенно ясно, что у неё готов тщательно разработанный план.

— Скажем, мистеру Реддингу кто-то звонит по телефону и предупреждает его.

Полковник Мельчетт улыбнулся:

— «Всё пропало! Бегите!» Старый трюк, мисс Марпл. Нет, я не говорю, что он так уж плох. Иногда срабатывает. Но наш мистер Реддинг — слишком шустрая птичка, чтобы попасть в такой силок.

— Тут нужно что-нибудь особенное, я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Я бы предложила — это моё предположение, не больше, — предостеречь его должен человек, известный своими неординарными взглядами на подобные дела. Доктор Хэйдок иногда высказывал такие воззрения, что люди могли подумать, будто он и на убийство смотрит с какой-то особой точки зрения. Если бы он намекнул, что кто-то, миссис

Сэдлер или кто-нибудь из её детишек, своими глазами видел, как он подменил коробочку с порошками, тогда, естественно, если мистер Реддинг ни в чём не виноват, он пропустит это мимо ушей, но если…

— Но если нет…

— Он может тогда и сорваться, сделать какую-нибудь глупость.

— И сам попадётся нам в руки. Возможно. Очень хорошо придумано, мисс Марпл. А Хэйдок пойдёт на это? Вы сами сказали, что его воззрения…

Мисс Марпл оживлённо перебила его:

— О! Его воззрения — это всё теории! А практика совсем другое дело, верно? А вот и он, кстати, можете сами у него спросить.

Хэйдок, как мне показалось, удивился, застав мисс Марпл в нашем обществе. У него был усталый, замученный вид.

— Пронесло, — сказал он. — Я уж и не чаял его выцарапать. Но он выкарабкается. Долг врача — спасать своего пациента, и я его спас, но я был бы рад не меньше, если бы мне это не удалось.

— Вы перемените мнение, — сказал полковник Мельчетт, — когда услышите, что мы вам расскажем.

Коротко и лаконично он изложил доктору

версию мисс Марпл и последнее её предложение — чтобы он помог устроить преступнику ловушку.

Тут нам представился исключительный случай увидеть своими глазами, что именно имела в виду мисс Марпл, утверждая, что теории несколько отличаются от того, что можно ждать в реальной жизни.

Воззрения Хэйдока, судя по всему, мгновенно и резко переменились. Мне кажется, он был бы рад видеть голову Лоуренса Реддинга на блюде, как царь Ирод[38]. И мне кажется, вовсе не убийство полковника Протеро заставило его жаждать крови, а покушение на несчастного Хоуза.

— Каков негодяй! — бушевал Хэйдок. — Каков негодяй! И кого — бедолагу Хоуза! У него мать и сестра. Клеймо — мать и сестра убийцы! — осталось бы на них до конца жизни, а на какую душевную пытку он бы их обрёк! Какая трусливая, гнусная тварь!

Хотите видеть безудержную, первозданную ярость в чистом виде, пожалуйста, стоит только

---

[38] notes: 38

Ирод — Ирод Антипа, правитель Галилеи (4 до н. э. — 39 н. э.), вступивший в преступную связь с женой своего брата Иродиадой и приказавший, уступая её настояниям, казнить Иоанна Крестителя, предшественника и провозвестника Христа; ср. Евангелие от Матфея, XIV: 1—12, Евангелие от Марка, VI: 14—29, Евангелие от Луки, IX: 7—9.

довести до белого каления убеждённого гуманиста.

— Если это правда, — добавил он, — можете на меня рассчитывать. Этого типа надо стереть с лица земли. Тронуть беззащитное существо, беднягу Хоуза!..

Все неудачники могут всегда рассчитывать на сочувствие доктора Хэйдока.

Он с увлечением принялся обсуждать детали операции с Мельчеттом. Мисс Марпл встала, собираясь уходить. Я вызвался её проводить.

— Вы так добры, мистер Клемент, — сказала мисс Марпл, когда мы шли по опустевшей улице. — Боже, уже за полночь! Надеюсь, Рэймонд лёг спать, не дожидаясь меня.

— Ему бы следовало за вами зайти, — заметил я.

— А он и не знает, где я, — призналась мисс Марпл.

Я вдруг улыбнулся, вспомнив тонкий психологический анализ преступления, сделанный Рэймондом Уэстом.

— Если ваша версия подтвердится — я-то в этом ни на минуту не сомневаюсь, — сказал я, — вы обставите племянника на сто очков.

Мисс Марпл тоже улыбнулась — и это была

снисходительная улыбка.

— Я запомнила одно присловье своей двоюродной бабушки Фанни. Мне тогда было шестнадцать, и оно казалось мне ужасно глупым.

— Да? — заинтересовался я.

— Бабушка любила повторять: «Молодым кажется, что старики глупы, но старики-то *знают,* что глупы — молодые!»

Глава 32

Рассказать осталось совсем немного. План мисс Марпл полностью себя оправдал. Так как именно Лоуренс Реддинг пытался убить Хоуза, намёк на то, что есть свидетель, который видел, как он подменил лекарство, заставил его сделать глупость. Нечистая совесть не даёт покоя.

Конечно, положение его было не из лёгких. Первым его побуждением, я думаю, было бежать куда глаза глядят. Но ведь он не мог бросить соучастницу. Он не посмел исчезнуть, не переговорив с ней, а ждать до утра не рискнул. Той же ночью он проник в Старую Усадьбу, а за ним следом два самых надёжных подчинённых полковника Мельчетта. Он бросил горсть гравия в окно Анны Протеро, разбудил её и отчаянным шёпотом вызвал вниз, поговорить. Несомненно, снаружи они чувствовали себя в большей безопасности, чем в доме, — Летиция могла проснуться. Летицию они не разбудили, зато двое полицейских подслушали весь разговор от начала до конца. Никаких сомнений не оставалось. Мисс Марпл оказалась права во всём до мелочей.

Суд над Лоуренсом Реддингом и Анной Протеро

— достояние гласности. Я не намерен повторять отчёты прессы. Замечу только, что большие почести выпали на долю инспектора Слака, благодаря служебному рвению и уму которого преступники были переданы в руки правосудия. Естественно, об участии мисс Марпл нигде не упомянуто. Да она сама пришла бы в ужас при одной мысли об этом.

Летиция зашла ко мне перед самым судом. Она вплыла в дверь моего кабинета, как всегда похожая на бесплотную тень. Она сказала, что с самого начала была уверена в виновности мачехи. Под предлогом поисков жёлтого беретика она хотела обыскать кабинет получше — надеялась, что ей удастся обнаружить что-нибудь, укрывшееся от глаз полиции.

— Знаете, — протянула она своим отрешённым голоском, — они же не могли её так ненавидеть, как я. А ненависть очень помогает.

Она ничего не нашла, но зато подбросила под стол серёжку Анны.

— Раз я *знала*, что она убийца, то какая разница. А в том, что убила она, у меня сомнений не было.

Я незаметно вздохнул. Летиция никогда не научится понимать некоторые вещи. В каком-то отношении она поражена моральным дальто-

низмом.

— Какие у вас планы, Летиция? — спросил я.

— Когда всё будет позади, я уеду за границу. — Она помолчала и добавила: — Я еду за границу со своей матерью.

Я взглянул на неё, не веря своим ушам.

Она кивнула.

— Неужели вы не догадывались? Миссис Лестрэндж — моя мать. Она при смерти, знаете? Она хотела со мной повидаться и приехала сюда под вымышленным именем. Ей помогал доктор Хэйдок. Он очень старый друг, когда-то был в неё по уши влюблён — видно невооружённым глазом! Он к ней неравнодушен. Мужчины всегда сходили с ума по маме, я знаю. Она и сейчас ужасно привлекательна. Во всяком случае, доктор Хэйдок ею очарован и во всём помогал ей. Своё настоящее имя она скрыла — люди обо всём болтают и сплетничают, противно! Она тогда пошла к отцу, сказала, что умирает и очень хочет меня повидать. А отец вёл себя как скотина. Сказал, что она потеряла все родительские права и что я думаю, будто она умерла. Как бы не так, меня не проведёшь! Такие, как отец, никогда дальше своего носа не видят!

Но мама сдаваться не собиралась, она у меня с

характером. Она просто считала, что приличнее обратиться сперва к отцу, а когда он ей так нагрубил, послала мне записочку, мы договорились, что я уйду с тенниса пораньше и встречусь с ней в конце тропинки в четверть седьмого. Мы просто встретились на минутку и условились, когда встретимся снова. Расстались до половины седьмого. А потом я была в кошмарном состоянии — боялась, что её обвинят в убийстве отца. Уж у неё-то была причина его ненавидеть. Поэтому я и добралась до её портрета — там, на чердаке — и изрезала его. Полиция могла разнюхать про портрет и узнать её — вот чего я боялась. И доктор Хэйдок тоже перетрусил. Мне даже казалось, что он иногда всерьёз думает, что она и есть убийца! Мама такая отчаянная. Она не думает о последствиях.

Она на минуту замолчала.

— Вот что странно… Мы с ней действительно родные. А отец мне был как неродной. Но мама… ладно, я еду с ней за границу, это решено. Я буду рядом с ней до… до конца.

Она встала, и я взял её руку в свои.

— Да благословит Господь вас обеих, — сказал я. — Я уверен, что в один прекрасный день вас ждёт большое счастье, Летиция.

— Пора бы, — сказала она, пытаясь засмеяться. — До сих пор оно меня не очень-то баловало, а? Да ну, в конце концов, это неважно. Прощайте, мистер Клемент. Вы всегда ко мне хорошо относились, вы ужасно добрый, и Гризельда тоже.

Гризельда!

Пришлось рассказать ей начистоту, как ужасно огорчило меня анонимное письмо; сначала она рассмеялась, а потом с самым серьёзным видом меня отчитала.

— Тем более, — сказала она в заключение, — что я собираюсь в будущем стать скромной и богобоязненной — в точности как отцы пилигримы[39].

Я никак не мог представить себе Гризельду в роли отца пилигрима.

Она продолжала:

— Понимаешь, Лен, в мою жизнь скоро войдёт что-то новое, и я стану более спокойной, уравновешенной. В твою жизнь оно тоже войдёт, только тебе оно принесёт радость, молодость, во всяком случае, я на это надеюсь! И ты не будешь то и дело называть меня «дорогое дитя», когда у нас

---

[39] notes: 39

Отцы пилигримы — пуритане, переселившиеся в 1620 году из Англии в Северную Америку и основавшие там на территории Новой Англии первые колонии; отличались особой строгостью нравов, отрицали церковную иерархию, роскошь в богослужении и т. д.

будет настоящий ребёнок, мой и твой. Знаешь, Лен, я решила, что пора мне стать настоящей «женой и матерью» (как пишется в книгах), и домашним хозяйством тоже займусь всерьёз. Я уже купила три книжки: две — «Домоводство» и одну — «Материнская любовь», и если уж это не сделает меня идеальной, я не знаю, что ещё для этого нужно! Книжки потешные, я смеялась до колик, нет, написаны они всерьёз, ну ты сам понимаешь. Смешнее всего про воспитание молодого поколения.

— А ты случайно не купила книгу «Как надо обращаться с мужем», признавайся? — спросил я с опаской и привлёк её к себе.

— Мне она ни к чему, — отвечала Гризельда. — Я образцовая жена. Я люблю тебя всем сердцем. Что тебе ещё нужно?

— Ничего, — сказал я.

— Ты не мог бы сказать, ну хоть один-единственный разок, что безумно меня любишь, а?

— Гризельда, — сказал я, — я тебя обожаю! Я тебя боготворю! Я люблю тебя безумно, безнадёжно и страстно, да простит мне Бог!

Моя жена глубоко и удовлетворённо вздохнула.

Вдруг она выскользнула из моих объятий.

— Вот досада! Сюда идёт мисс Марпл. Ни словечка ей, слышишь! Не хватало мне только, чтобы мне подсовывали подушки под спину и настаивали, чтобы я держала ноги повыше! Скажи, что я ушла играть в гольф. Это собьёт её со следа, и это чистая правда — я забыла там свой жёлтый свитер, а он мне нужен.

Мисс Марпл подошла к окну, смущённо остановилась поодаль и спросила, может ли она видеть Гризельду.

— Гризельда, — сказал я, — ушла на поле для гольфа.

В глазах мисс Марпл вспыхнула тревога.

— О! Но, согласитесь, это крайне неосторожно в её положении.

И она залилась самым милым, старомодным, стародевически-стыдливым румянцем, как и подобает настоящей леди.

Чтобы скрыть минутное замешательство, мы торопливо заговорили о деле Протеро, вспомнили «доктора Стоуна», который оказался вором и мошенником, известным под многими именами и кличками. С мисс Крэм, кстати, было полностью снято обвинение в соучастии. Она после долгого запирательства призналась в том, что отнесла чемодан в лес, но сделала это по доверчивости

— доктор Стоун её уверил, что опасается соперничающих с ним археологов — от них всего можно ожидать, даже открытого грабежа ради того, чтобы дискредитировать его теорию. Судя по всему, девушка приняла эти россказни за чистую монету. А теперь, как поговаривают в деревне, она отправилась на поиски какого-нибудь неподдельного пожилого холостяка, которому нужна секретарша.

Пока мы болтали, меня грызла одна мысль: как мисс Марпл ухитрилась докопаться до нашего самого нового секрета? Но вскоре мисс Марпл, в свойственной ей тактичной манере, сама дала мне это понять.

— Я надеюсь, душечка Гризельда воздерживается от крайностей, — тихо сказала она, выдержав пристойную паузу. — Я вчера была в книжной лавке в Мач-Бенэме…

Бедняжка Гризельда, книга «Материнская любовь» выдала её с головой!

— Знаете, мисс Марпл, — сказал я внезапно, — я всё думаю: если бы вы совершили убийство, сумел ли бы кто-нибудь его раскрыть?

— Какие у вас ужасные мысли! — воскликнула глубоко шокированная мисс Марпл. — Надеюсь, я никогда не пойду на такой смертный грех!

— Но ведь такова человеческая натура, — процитировал я.

Мисс Марпл оценила шутку и рассмеялась мелодичным, лукавым смехом.

— Какой вы шутник, мистер Клемент! — Она встала. — Хотя, вполне естественно, настроение у вас должно быть отличное.

У двери в сад остановилась.

— Передайте нежный привет моей милой Гризельде и скажите ей, что я умею хранить тайны.

Честное слово, наша мисс Марпл — просто прелесть…

Тринадцать загадочных случаев

Клуб «Вторник»

— Д-да, загадочные случаи!.. — Реймонд Уэст выпустил изо рта облачко дыма и, любуясь им, медленно с удовольствием повторил: — Загадочные случаи…

С чувством исполненного долга он посмотрел по сторонам. Широкие черные балки, пересекающие потолок комнаты, и добротная старинная мебель создавали атмосферу старины. Все это импонировало вкусам Реймонда Уэста. Он был писателем. Дом своей тетки Джейн Марпл он всегда считал достойным обрамлением собственной персоны. Он взглянул в сторону камина, возле которого в большом кресле сидела хозяйка дома. На ней было черное муаровое платье со множеством складок по талии. Брабантские кружева каскадом спадали с груди. На руках — черные кружевные митенки. Черная шляпка подчеркивала белоснежность волос. Она вязала что-то белое, мягкое, пушистое. Ее словно выцветшие голубые глаза — кроткие и добрые — изучали племянника и его гостей.

Сначала она взглянула на улыбающегося Реймонда, потом на брюнетку с короткой стрижкой

— Джойс Ламприер, художницу с необычными, не то светло-карими, не то зелеными, глазами. Затем она посмотрела на холеного, умудренного жизненным опытом сэра Генри Клиттеринга. В комнате были еще двое: доктор Пендер, пожилой приходский священник, и мистер Петерик, высохший маленький человек, который никогда не снимал пенсне, однако всегда смотрел поверх стекол. Мисс Марпл еще раз обвела всех взглядом и с милой улыбкой принялась за свое вязанье.

Мистер Петерик слегка откашлялся — обычно этим он предварял все свои высказывания — и обратился к Реймонду:

— Как вы сказали, Реймонд? Загадочные случаи? Какие же случаи вы имеете в виду?

— Да никакие, — вмешалась Джойс Ламприер. — Просто Реймонду нравится звучание этих слов, ему доставляет удовольствие произносить их.

Реймонд с упреком посмотрел на нее. Она откинула назад голову и засмеялась. Мисс Марпл снисходительно улыбнулась.

— Сама наша жизнь — загадочный случай, — глубокомысленно произнес священник.

Реймонд выпрямился.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал

он. — Я имею в виду вполне определенные случаи, в которых никто не смог разобраться, то есть события имели место, но объяснить их так и не смогли.

— Знаю, что ты хочешь сказать, дорогой, — заговорила мисс Марпл. — Вот, например, вчера с миссис Каррадерз произошло нечто очень странное. Она купила в лавке Эллиота две банки маринованных креветок, потом зашла еще в два магазина и, придя домой, обнаружила, что креветок в сумке нет. Она вернулась в два последних магазина, но креветки словно сквозь землю провалились.

— Очень подозрительная история, — серьезно заметил сэр Генри.

— Тут могут быть, конечно, различные объяснения, — сказала мисс Марпл, и щеки у нее слегка порозовели. — Например, кто-то их…

— Милая тетя, — прервал ее Реймонд. — Речь не о будничных провинциальных историях. Происходят убийства, пропадают люди, и сэр Генри, если бы пожелал, мог бы рассказать нам немало подобных случаев.

— Я никогда не говорю о работе, — спокойно сказал сэр Генри. — Не в моих правилах говорить о работе.

Сэр Генри до недавнего времени был комиссаром Скотленд-Ярда.

— Я полагаю, многие из них полицией так и не раскрыты, — заметила Джойс Ламприер.

— Ну, мне кажется, это же общеизвестный факт, — сказал мистер Петерик.

— Интересно, — продолжал Реймонд, — кому лучше всего удается раскрывать преступления? Мне всегда представлялось, что полицейские страдают отсутствием воображения.

— Это точка зрения непрофессионала, — сухо сказал сэр Генри.

— Что касается психологии и воображения, то тут уж дело писателя… — улыбнулась Джойс и с иронией поклонилась Реймонду, но он оставался серьезным.

— Литературный труд дает возможность взглянуть на человека изнутри, — торжественно произнес он, — дает возможность уловить такие мотивы, мимо которых прошел бы обычный человек.

— Знаю, дорогой, что твои книжки очень умны, — сказала мисс Марпл. — Но вообще люди не столь приятны, как ты их себе представляешь.

— Милая тетя, — мягко возразил Реймонд. — У каждого свои взгляды. Боже меня упаси подвер-

гать их сомнениям.

— Я имею в виду, — насупив брови и считая петли, сказала мисс Марпл, — что многие люди кажутся мне ни плохими, ни хорошими, а, знаешь ли, просто глупыми.

Мистер Петерик снова откашлялся.

— По-моему, Реймонд, вы придаете слишком большое значение воображению, — заявил он. — Для нас, юристов, воображение слишком опасно. Оно может чересчур далеко завести. Факты, прежде всего объективные факты, — это единственный способ добиться успеха.

— Ба! — воскликнула Джойс, тряхнув головой. — Здесь я с вами не согласна. Я женщина, а у женщин есть интуиция, в которой отказано мужчинам. К тому же я еще и художница и замечаю вещи, которых вы не видите. Кроме того, как художник, я отлично разбираюсь в человеческой природе. Я знаю изнанку жизни так, как, возможно, не знает ее даже присутствующая здесь мисс Марпл.

— Я думаю, это не так, милая моя, — сказала мисс Марпл. — В провинции иногда случаются очень огорчительные вещи.

— Сейчас в моде подсмеиваться над священниками, — заметил доктор Пендер. — Но приходится

выслушивать от людей разное, и нам известны такие стороны человеческого характера, которые для других — книга за семью печатями.

— Итак, — сказала Джойс, — наше собрание, оказывается, достаточно компетентно. Почему бы нам не основать клуб? Сегодня какой день? Вторник? Давайте же собираться раз в неделю, по вторникам, у мисс Марпл. Вечерний клуб «Вторник»! И каждый будет предлагать для обсуждения какую-нибудь загадку, загадочную историю, на которую он сам знает ответ. Сколько же нас тут? О, пятеро. Надо бы еще хотя бы одного![40]

— Вы забыли обо мне, милая, — широко улыбнулась мисс Марпл.

Джойс немного растерялась, но быстро нашлась:

— Это замечательно, мисс Марпл. Мне как-то в голову не пришло, что это вас может заинтересовать.

— Это же очень увлекательно, — сказала мисс Марпл. — Особенно в компании таких умных джентльменов. Боюсь, что я не обладаю достаточ-

---

[40] notes: 40

Дань исторической приверженности англичан к числу «шесть» — полдюжины. До 1971 года существовала даже монета шестипенсовик, звенья бойскаутов состоят из шести человек и т. д., и т. п. Отсюда и шесть — минимальное число членов клуба. *(Здесь и далее прим. перев.)*

ным интеллектом, но все же годы, проведенные в Сент-Мэри-Мид, позволили мне составить некоторое представление о человеческой природе.

— Несомненно, ваше участие будет весьма ценным, — уважительно заметил сэр Генри.

— Кому же начинать? — спросила Джойс.

— По счастью, среди нас столь достойный человек, как сэр Генри, — сказал доктор Пендер. — Какие же могут быть сомнения?.. — Он оставил фразу незаконченной, многозначительно поклонившись бывшему комиссару.

Сэр Генри помолчал, глубоко вздохнул, закинул ногу на ногу и начал:

— Пожалуй, нелегко подобрать случай, который представил бы для вас интерес. Но вот припоминаю один, который, по-моему, подойдет. Может быть, вам попадалось сообщение об этом деле в газетах год назад. О нем писали как о нераскрытом. Но так случилось, что несколько дней назад объяснение попало ко мне в руки. Факты очень просты. Трое сели поужинать. Среди прочего были поданы консервированные омары. Позднее все трое почувствовали себя плохо. Вызвали врача. Двое поправились, третий умер.

— Ого! — воскликнул Реймонд.

— Как я сказал, факты просты, — продолжал

сэр Генри. — Смерть наступила в результате отравления птомаином — так было записано в свидетельстве о смерти, — и тело было предано земле. Но история на этом не кончается.

— Поползли слухи, не так ли? — сказала мисс Марпл. — Обыкновенно всегда так бывает.

— Теперь опишу вам участников этой драмы. Супружеская пара — скажем, мистер и миссис Джоунз. Компаньонка жены, назовем ее мисс Кларк. Мистер Джоунз — коммивояжер фармацевтической фирмы. Интересный мужчина лет пятидесяти. Его жена — ничем не примечательная женщина лет сорока пяти. Ее приятельница мисс Кларк — жизнерадостная женщина под шестьдесят. Ничего особенного в них не было.

Осложнения возникли неожиданным образом.

Накануне злополучного ужина мистеру Джоунзу пришлось ночевать в одной из гостиниц в Бирмингеме. Промокательная бумага на пресспапье в его номере была совершенно новой, и на следующий день горничная от нечего делать принялась с помощью зеркала читать отпечатавшиеся на ней слова. Несколько дней спустя, когда сообщение о смерти миссис Джоунз появилось в газетах, горничная рассказала своим подругам о том, что ей удалось прочитать: «Полностью

зависим от своей жены… когда она умрет, я буду… сотни и тысячи…»

Вы, может быть, помните, что незадолго до того нашумело дело о жене, отравленной мужем. Много ли было нужно, чтобы расшевелить воображение горничных? Мистер Джоунз задумал избавиться от жены и заполучить сотни тысяч фунтов! Оказалось, что у одной из горничных были родственники в городке, где жили Джоунзы. Она написала им о возникших подозрениях. Те сообщили ей, что мистер Джоунз проявлял внимание к дочери местного врача, молодой тридцатитрехлетней женщине. Начал разгораться скандал. Поступила петиция министру внутренних дел. В Скотленд-Ярд посыпались анонимные письма с обвинениями Джоунза в убийстве жены. Мы ни на минуту не сомневались, что это всего лишь деревенские сплетни, но тем не менее с молчаливого общего согласия провели эксгумацию трупа. Это был один из случаев общего и, пожалуй, ни на чем не основанного предубеждения. Но оно, на удивление, оправдалось. Повторная экспертиза установила, что причиной смерти явилось отравление мышьяком. Скотленд-Ярду пришлось потрудиться, чтобы выяснить, откуда мог взяться этот мы-

шьяк.

— О! — воскликнула Джойс. — Интересно. Это то, что надо.

— Естественно, подозрение падало на супруга. Ему была выгодна смерть жены: он получил хотя и не сотни тысяч, но все же солидную сумму — восемь тысяч фунтов. У него не было своего состояния, но он отличался экстравагантным вкусом и был неравнодушен к дамскому обществу. Мы осторожно выяснили, насколько обоснованны слухи о флирте Джоунза с дочерью врача. Оказалось, что их дружба прекратилась месяца за два до смерти миссис Джоунз. Сам врач, человек весьма уважаемый, был смущен результатами повторного вскрытия. Ведь тогда его вызвали около полуночи, и он видел, как страдали все трое. Он понял, что состояние миссис Джоунз критическое, и велел принести из его кабинета опиум для успокоения болей. Однако спасти миссис Джоунз не удалось. Но у врача и мысли не было, что совершено преступление. Он был убежден, что причиной смерти была разновидность ботулизма. На ужин, кроме омаров, подавали салат, бисквитное пирожное с кремом, хлеб и сыр. Правда, к приходу врача от омаров ничего не осталось и консервная банка была выброшена.

Он расспрашивал служанку — Глэдис Линч. Та, не переставая, плакала и повторяла, что консервы не казались испорченными.

Таковы факты, которыми мы располагали. Если Джоунз и дал жене яд, то вряд ли сделал это во время ужина, потому что все трое ели одно и то же. И еще одна деталь: он вернулся из Бирмингема перед самым ужином, стол уже был накрыт, и у него не было возможности заранее подложить что-либо в пищу.

— А компаньонка? — спросила Джойс. — Эта жизнерадостная особа?

— Мисс Кларк мы не забыли, — закивал сэр Генри. — Уверяю вас. Но у нее не было мотива для преступления. Миссис Джоунз ей ничего не завещала, поэтому со смертью своей благодетельницы ей опять было бы нужно как-то пристраиваться.

— Да, пожалуй, это оставляло мисс Кларк вне подозрений, — задумчиво сказала Джойс.

— Вскоре один из моих помощников докопался до нового факта, — продолжал сэр Генри. — После ужина мистер Джоунз пошел на кухню и велел приготовить рисовый отвар для жены, которая плохо себя почувствовала. Он сам отнес ей этот отвар в спальню. Казалось, это можно было бы

считать уликой.

Мистер Петерик одобрительно кивнул.

— Налицо мотив, — загнул он один палец. — Удобный случай, — загнул второй. — Легкий доступ к ядам: служащему фармацевтической фирмы нетрудно добыть яд.

— И человек сомнительной морали, — добавил священник.

Реймонд Уэст взглянул на сэра Генри:

— Почему же вы его сразу не арестовали?

Сэр Генри чуть заметно улыбнулся:

— Тут нас постигла неудача. До сих пор все шло гладко, а тут вдруг неожиданность. Джоунз не был арестован, потому что мисс Кларк показала на допросе, что отвар выпила не миссис Джоунз, а она сама.

Мисс Кларк, как обычно, зашла вечером в спальню миссис Джоунз. Та сидела в кровати, а чашка с отваром стояла около нее. «Я неважно себя чувствую, — сказала она. — Напрасно на ночь ела омаров. Попросила Алберта принести чашку отвара, а вот теперь расхотелось». «А жаль, — ответила мисс Кларк. — Отвар такой хороший, без комков. Глэдис хорошая кухарка, теперь мало кто умеет так готовить отвар. Я и сама не прочь отведать его, мне так хочется есть».

— Я должен пояснить, — сказал сэр Генри, — мисс Кларк очень беспокоила ее полнота, и она сидела, как теперь говорят, на голодной диете. «Ну так и пей его, — сказала ей миссис Джоунз. — Если господь сотворил тебя полной, так и будь такой. Пей — это тебе не повредит». Тут мисс Кларк и приговорила всю чашку. Это разбивало нашу версию о муже в пух и прах. К тому же Джоунз дал вполне удовлетворительное объяснение фразам на промокательной бумаге. Он сказал, что писал брату в Австралию ответ на его просьбу дать взаймы денег. В письме он напомнил брату, что полностью зависит от жены и сможет помочь ему только после ее смерти. Он писал, что сотни и тысячи людей находятся в таком же положении.

— Значит, версия полностью отпала? — спросил мистер Пендер.

— Да, версия рухнула, — подтвердил сэр Генри.

Наступило молчание.

— И это все? — наконец спросила Джойс.

— Год назад расследование на этом закончилось. Лишь сейчас Скотленд-Ярд получил разгадку этой истории, и через два-три дня об этом, наверное, можно будет прочитать в газетах.

— Разгадку этой истории… — медленно повторила Джойс. — Давайте минут пять поразмышля-

ем, а потом выскажемся.

Реймонд Уэст кивнул и засек на своих часах время.

Пять минут истекло, он взглянул на доктора Пендера:

— Может быть, вы начнете?

— Должен признаться, затрудняюсь, — ответил Пендер. — Думаю, супруг все же дал жене яд, но вот как он это сделал — ума не приложу.

— А вы, Джойс?

— Компаньонка! — решительно заявила Джойс. — Все это — компаньонка! Откуда нам знать, какие у нее мотивы? Толстая, некрасивая, немолодая — это еще не значит, что она не могла влюбиться в Джоунза. Она, конечно, могла возненавидеть миссис Джоунз и по каким-то другим причинам. Подумайте только, что значит — быть компаньонкой: все время лебезить, не противоречить, где-то смолчать, сдержать обиду. Однажды она не выдержала и убила ее. Она, вероятно, положила мышьяк в чашку с отваром и солгала, что сама выпила его.

— Мистер Петерик?

— Трудно сказать. Располагая такими фактами, не знаю, что и думать. — Адвокат профессиональным жестом соединил кончики пальцев

обеих рук.

— Но вам следует высказаться, мистер Петерик, — сказала Джойс. — Вы не должны скрывать своего мнения. Таковы правила игры.

— Мне нечего возразить против фактов, — сказал адвокат. — Но, вспоминая множество аналогичных случаев, я думаю, что это все-таки муж. А мисс Кларк выгородила его по тем или иным причинам. Между ними могла существовать какая-либо договоренность. Возможно, он понимал, что его заподозрят, а она, видя перед собой в будущем одну лишь нищету, согласилась сказать на допросе, что она выпила отвар. Впрочем, за это ей могла быть обещана определенная сумма. Если так, то это чрезвычайно редкий случай. Чрезвычайно редкий.

— Не согласен ни с кем из вас, — сказал Реймонд. — Вы забыли о весьма важном обстоятельстве. А дочь врача? Я хочу дать вам мое решение. Все трое почувствовали себя плохо. Послали за доктором. Он нашел, что миссис Джоунз, которая съела большую порцию, страдает сильнее других. Он посылает, как вы нам сказали, за таблеткой опиума. Врач не сам идет, а посылает. И кто же дает посланному лекарство? Ясно — его дочь. Весьма вероятно, что она сама и готовит его. Она

любит Джоунза, и в этот момент в ней пробуждаются все худшие инстинкты. Она понимает, что средство обеспечить ему свободу в ее руках. Таблетки, которые она посылает, — это чистый мышьяк. Вот мое мнение.

— Ну, теперь вы, сэр Генри, — с воодушевлением произнесла Джойс.

— Минутку, — сказал сэр Генри. — Мы еще не выслушали мисс Марпл.

Мисс Марпл печально покачала головой.

— Очень грустная история, — сказала она. — Она заставила меня вспомнить о мистере Харгрейвзе. Его жена ни о чем и не подозревала, пока он не умер. А тогда выяснилось, что он завещал все состояние женщине, с которой жил долгие годы и от которой имел пятерых детей. В свое время она служила у них горничной. После того как ее рассчитали, мистер Харгрейвз снял ей дом… Разумеется, это не помешало ему остаться церковным настоятелем и одним из уважаемых людей в городке…

— Милая тетушка, я не вижу никакой связи с покойным мистером Харгрейвзом, — прервал ее Реймонд.

— Факты удивительно схожи, — спокойно продолжала мисс Марпл. — Предполагаю, что бедная

девушка во всем созналась…

— Какая девушка? — не понял Реймонд.

— Бедная Глэдис Линч, разумеется. Надеюсь, что Джоунза повесят за то, что он сделал из бедняжки убийцу, но, к сожалению, ее тоже повесят. — Мисс Марпл повернулась к сэру Генри: — Я ведь права, не так ли? Все совершенно ясно. Нельзя не обратить внимание на слова «сотни и тысячи» в письме[41].

— Что же тут может быть общего?! — воскликнул Реймонд.

— Обычно кухарки посыпают этим цветным горошком пирожные с кремом. Услышав о пирожных, я связала это со словами «сотни и тысячи» в письме Джоунза. Мышьяк был именно в них. Джоунз оставил его девушке и заставил посыпать пирожные.

— Этого не может быть! — воскликнула Джойс. — Ведь все ели пирожные.

— О, вы не совсем правы, — возразила мисс Марпл. — Компаньонка на диете. Человек, который хочет похудеть, никогда не ест сладкого. А Джоунз, он просто стряхнул горошек и ел пирожное. Все было задумано и исполнено очень умно;

---

[41] notes: 41

«**Сотни и тысячи**» — так называется в Англии разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных.

но крайне жестоко.

Все с нетерпением посмотрели на сэра Генри.

— Мисс Марпл попала в самую точку, — медленно начал он. — Глэдис забеременела от Джоунза, и он решил устранить жену, чтобы беспрепятственно жениться на девушке. Он подделал «сотни и тысячи» и дал Глэдис, чтобы она украсила пирожные. Глэдис Линч скончалась неделю назад. Умирая, она во всем призналась.

— Великолепно, тетушка! — воскликнул Реймонд и поднялся с места. — Один — ноль в вашу пользу. Просто вообразить себе не могу, как это вы во всем разобрались.

— О, милый, вы даже не представляете себе, сколько я повидала в жизни, — сказала мисс Марпл. — Такие люди, как Джоунз, жестоки и беспощадны. Как только я услышала, что в доме была хорошенькая девушка, то сразу поняла, что Джоунз ее в покое не оставит. Все это так удручает, что и говорить об этом больше не хочется. Не могу вам передать, каким это было в свое время ударом для миссис Харгрейвз. И все девять дней в городке не смолкали пересуды.

Святилище Астарты

— А теперь, доктор Пендер, что вы расскажете нам?

Старый священник смущенно улыбнулся.

— У меня жизнь прошла тихо, — сказал он. — В ней не было ничего особенного. Пожалуй, только однажды в молодости я был свидетелем трагического случая.

— О! — подзадорила его Джойс Ламприер.

— Он запомнился мне на всю жизнь, — продолжил священник. — Врезался в память, и мне не надо особенно напрягаться, чтобы вновь почувствовать охватившие меня трепет и ужас при виде человека, смертельно раненного непонятным оружием.

— Вы заставляете меня содрогнуться! — воскликнул сэр Генри.

— Я сам, как вы выразились, содрогнулся от этого. С тех пор я никогда не смеялся над теми, кто серьезно относится к разного рода суевериям. Существуют места, пользующиеся дурной или доброй славой, и иногда они дают о себе знать.

— Вот «Лиственницы», например, очень несчастливый дом, — заметила мисс Марпл. —

Старый мистер Смидерс потерял все свое состояние и был вынужден покинуть его. Потом дом купили Карслейки — через некоторое время Джонни Карслейк упал с лестницы и сломал себе ногу, а миссис Карслейк захворала, и ей пришлось поехать на юг Франции поправлять здоровье. А сейчас его купил Берденс, и я слыхала, что бедному мистеру Берденсу нужно срочно оперироваться.

— Я думаю, тут и слухи играют немалую роль, — заговорил Петерик.

— Мне известны два «призрака», которые представлены вполне конкретными людьми, — заметил усмехнувшись сэр Генри.

— Я думаю, — сказал Реймонд, — нам надо дать возможность доктору Пендеру продолжить рассказ.

Джойс поднялась и выключила обе лампы, комната теперь освещалась только мерцающим светом камина.

— Атмосфера создана, — сказала она, — можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей и, устроившись на стуле поудобнее, приступил к своему рассказу:

— Не знаю, известно ли кому-нибудь хоть что-

то о Дартмуре[42]. Место, о котором идет речь, находится на подступах к Дартмуру. Там продавалось имение. Несмотря на то что поместье было превосходное и окрестные пейзажи удивительно живописны, покупатель не находился несколько лет. В конце концов его купил человек по фамилии Хейдон, сэр Ричард Хейдон. Я знал его по колледжу, и, хотя на несколько лет потерял из виду, старые приятельские отношения сохранились, и я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» — так называлось его приобретение.

Собралось не очень много народу. Сам Ричард Хейдон, его двоюродный брат Эллиот Хейдон, леди Маннеринг с бледной, довольно невзрачной дочкой по имени Виолетта, капитан Роджерс с женой — заядлые лошадники с загорелыми лицами, для них лошади и охота были единственным смыслом жизни. Кроме того, был молодой доктор Саймондз и была мисс Диана Ашли. Я знал немного о последней. Ее фотографии часто встречались в светской хронике. Внешность ее, без сомнения, производила впечатление. Она была темноволосая, высокая, кожа у нее была матовая,

---

[42] notes: 42

Дартмур — холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.

слегка смуглая, а узковатые темные раскосые глаза придавали ее облику особую, восточную изысканность. Голос у нее был необыкновенно глубокий, грудной и звучал словно колокол.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейдон, сильно ею увлечен, и догадался, что все затеяно исключительно ради нее. В отношении ее чувств у меня не сложилось четкого представления. Мисс Ашли не была постоянна в своих симпатиях. Один день она разговаривала только с Ричардом, а всех остальных не замечала, на другой день проявляла расположение к его двоюродному брату Эллиоту и, казалось, едва ли замечала, что существует еще такой человек, как Ричард, а затем начинала одаривать самыми многообещающими улыбками скромного и незаметного доктора Саймондза.

На следующее утро после моего приезда хозяин показал нам все поместье. Само здание было ничем не примечательно: добротный, прочный дом из девонширского гранита. Построен на века, любая непогода для него нипочем. Самый обычный, но удобный. Из его окон открывался вид на Мур[43], на далеко простирающиеся воз-

---

[43] notes: 43
Мур — река, впадает в залив Лайм.

вышенности, заканчивающиеся разрушенными непогодой скалистыми вершинами.

На ближайшем склоне виднелись следы минувшего каменного века — круги от фундамента жилищ. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была обнаружена кое-какая бронзовая утварь. Хейдон проявлял некоторый интерес к археологическим находкам и очень увлеченно, с пафосом рассказывал нам об этом. Здесь были найдены останки пещерных людей эпохи неолита, памятники друидов[44], следы пребывания римлян и даже древних финикийцев.

«Но вот это место, пожалуй, самое интересное, — сказал Хейдон. — Вы знаете, что оно называется «Тихая роща». И довольно нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вот эта, — он показал рукой, — часть местности была довольно голой: скалы, вереск да папоротник, но примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она дошла до нас из глубины веков. Деревья погибали и вновь высаживались, и поэтому она сохранилась такой, как была раньше, может быть, даже во времена финикийских посе-

---

[44] notes: 44
Друиды — жрецы у древних кельтов в Британии.

ленцев. Пойдемте взглянем на нее».

Все последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Я думаю, что так подействовала тишина. Казалось, и птиц на деревьях нет. Невольно мне стало страшно. Я увидел, что Хейдон улыбается и смотрит на меня с любопытством.

«Вызывает это место какое-то ощущение, Пендер? — спросил он. — Чего-то враждебного? Или какой-то тревоги?»

«Мне здесь не нравится», — спокойно заявил я.

«И неудивительно. Это место было оплотом одного из древних врагов вашей веры. Это роща Астарты[45]».

«Астарты?»

«Астарты, или Ашерат, — это уж как вам больше нравится ее называть. Финикийскому имени я предпочитаю Астарту. Мне кажется, у нас в стране известна одна роща Астарты — на севере, на Уолле. У меня нет доказательств, но мне бы очень хотелось считать, что здесь у нас настоя-

---

[45] notes: 45

Астарта — греческое наименование главной финикийской богини Аштарет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

щая, подлинная роща Астарты. Что здесь, среди деревьев, совершались священные обряды».

«Священные обряды… — негромко повторила Диана Ашли с мечтательным и отсутствующим видом. — Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, — сказал капитан Роджерс, не к месту рассмеявшись. — Сплошной разврат, представляю себе».

Хейдон не обратил на него никакого внимания.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, — сказал он. — До храмов я еще не дошел, но позволил себе маленькую безделицу».

В этот момент мы вышли на небольшую поляну. На ней было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Ашли вопросительно посмотрела на Хейдона.

«У меня это называется святилище, — сказал он. — Это святилище Астарты».

И мы направились туда. Внутри на грубом черном столбе была установлена необычная маленькая скульптура, изображающая женщину с рогатым полумесяцем на голове, сидящую на льве.

«Астарта финикийская, — пояснил Хейдон. — Богиня луны».

«Богиня луны! — воскликнула Диана. — А давайте устроим сегодня вечером дикий загул. Маскарад! Выйдем сюда при лунном свете и совершим обряд Астарты».

Меня неожиданно передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, тут же обернулся.

«Вам это все не нравится, да, святой отец?» — спросил он.

«Да, — ответил я с достоинством, — не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством: «Но это же только дурачество. Дик[46] не может знать, священная эта роща на самом деле или нет. Это просто выдумки, ему нравится так думать. И даже если бы…»

«Если бы?»

«Ну, — он принужденно засмеялся, — вы же не верите во всякое такое, правда? Вы ведь священник».

«Почему это если я священник, то не должен верить в это?»

«Но к таким вещам никто всерьез не относится».

«Не уверен. Я знаю одно: по натуре я человек не

---

[46] notes: 46
Дик — уменьшительное от Ричарда.

очень впечатлительный, но стоило мне зайти в рощу, как у меня возникло необычное ощущение, ощущение опасности, предчувствие несчастья».

Эллиот неловко оглянулся.

«Да, — сказал он. — Действительно, что-то не то. Я знаю, понимаю, что вы имеете в виду, но мне кажется, что это лишь игра нашего воображения. А что вы скажете, Саймондз?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему — не могу. Но все равно мне здесь не нравится».

В этот момент ко мне подошла Виолетта Маннеринг.

«Мне здесь неприятно! — закричала она. — Неприятно! Прошу вас, уйдемте отсюда».

Мы пошли обратно. Только Диана Ашли замешкалась. Я оглянулся: она стояла перед святилищем и внимательно разглядывала скульптуру внутри его.

День был прекрасный, необычно жаркий, и предложение Дианы Ашли было единодушно принято. И тут началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все заявились на обед, началось настоящее веселье. Роджерс

с женой были пещерными людьми эпохи неолита (это объяснило исчезновение ковриков от камина). Ричард Хейдон назвался финикийским моряком, а его двоюродный брат был главарем бандитов, доктор Саймондз — шеф-поваром, леди Маннеринг — сестрой милосердия, а ее дочка — пленницей-черкешенкой. Я сам нарядился чересчур тепло — монахом. Диана Ашли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка, — кокетливо провозгласила Диана, — вот кто я. А теперь, ради бога, давайте обедать».

После обеда мы вышли на улицу. Стоял прекрасный вечер, теплый, спокойный, тихий. Всходила луна.

Мы прогуливались и болтали, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

«Разумеется, она не пошла спать», — сказал Ричард Хейдон.

«Я видела, как она около четверти часа назад пошла в том направлении», — Виолетта Маннеринг показала в сторону рощи, которая при лунном свете выглядела черной и мрачной.

«Интересно, что она задумала? — сказал Ричард Хейдон. — Какие-нибудь проделки, клянусь. Пойдемте посмотрим».

Заинтригованные тем, что задумала мисс Ашли, мы поспешили за ним. Однако мне очень не хотелось заходить в эту темную, не предвещавшую ничего хорошего рощу. Казалось, нечто сильнее меня удерживает, заставляет не идти туда. У меня возникло совершенно определенное убеждение, что это место особенно опасное. Я думаю, что не я один почувствовал то же самое, но как-то неудобно было в этом признаваться. Деревья стояли настолько плотно, что лунный свет почти не проникал сквозь них. Вокруг слышались тихие звуки, шепот, вздохи. Было крайне жутко, и, не сговариваясь, мы держались все вместе.

Мы вышли на открытую поляну посреди рощи и остановились как вкопанные в изумлении: на пороге святилища стояла чья-то фигура, полностью укутанная в прозрачный газ, рогатый полумесяц поблескивал в темной массе ее волос.

«Бог мой!» — сказал Ричард Хейдон, и пот заблестел у него на лбу.

Но Виолетта Маннеринг оказалась наблюдательнее.

«Так это же Диана, — воскликнула она. — Что

это с ней случилось? Ой, она на себя не похожа!»

Фигура в дверном проеме подняла руки, ступила вперед и заговорила монотонным голосом: «Я жрица Астарты. Осторожно, ко мне не приближаться — в моих руках смерть».

«Не надо, дорогая, — стала умолять ее леди Маннеринг. — Нам страшно, на самом деле страшно».

Ричард кинулся к ней.

«Бог мой, Диана! — закричал он. — Ты великолепна!»

Действительно, как сказала Виолетта, Диана была совсем другой. В ее глазах появился какой-то жестокий блеск, на губах — незнакомая улыбка, я такой у нее не видел.

«Осторожно! — крикнула она. — Не приближайтесь к богине. Если прикоснетесь ко мне — смерть!»

«Ты великолепна, Диана! — закричал Хейдон. — Но, пожалуйста, прекрати. Мне что-то это совсем не нравится».

Он пошел к ней, и она вскинула руку в его направлении.

«Стой! — крикнула она. — Еще шаг — и я убью тебя магией Астарты».

Ричард Хейдон посмеялся и пошел еще быстрее,

как вдруг случилась странная вещь. Он замер на мгновение, затем как будто оступился и упал. Он лежал ничком и не собирался подниматься.

Тут раздался истерический хохот Дианы. Его жуткое звучание нарушило безмолвие поляны.

С проклятиями Эллиот кинулся вперед.

«Это невыносимо, — кричал он, — поднимайся, Дик, поднимайся, дружище!»

Но Ричард Хейдон продолжал лежать. Эллиот Хейдон подбежал к нему, опустился перед ним на колени и осторожно перевернул его. Он склонился над Ричардом и всмотрелся ему в лицо. Потом резко поднялся на ноги и встал, слегка покачиваясь.

«Доктор, — позвал он. — Доктор, ради бога, сюда. Я… я думаю, он мертв».

Саймондз бросился вперед, а Эллиот размеренными шагами вернулся к нам. Он стал как-то странно рассматривать свои руки.

В этот момент раздался дикий вопль Дианы.

«Это я его убила! — закричала она. — Боже мой! Я не хотела, но я убила его!»

И, потеряв сознание, она упала в траву.

«Давайте же скорее выбираться из этого страшного места! — закричала миссис Роджерс. — С нами тут бог знает что может произойти! Какой

ужас!»

Эллиот крепко сжал мне плечо.

«Это невозможно, — отчетливо прошептал он. — Я вам говорю, этого не может быть. Человека нельзя так убить. Это… это противоестественно».

Я попытался его успокоить.

«Это можно как-то объяснить, — сказал я. — Вероятно, у вашего брата было слабое сердце, а об этом не знали. Испуг, потрясение».

«Вы меня не понимаете, — перебил он меня, протянул свои руки, и я увидел на них красные пятна. — Дик умер не от потрясения, его закололи в сердце, а оружия нет».

Я с сомнением пристально посмотрел на него. В этот момент Саймондз, осмотрев тело, поднялся и подошел к нам. Он был бледен и весь дрожал.

«Мы что, с ума все сошли? — произнес он. — Что это за место? Почему тут происходят такие вещи?»

«Значит, это правда?» — спросил я.

Он кивнул:

«Рана такая, как будто ее нанесли длинным тонким кинжалом, но кинжала там нет».

Мы посмотрели друг на друга.

«Этого не может быть, — горячился Эллиот Хейдон. — Он, наверное, упал. Должно быть, валяется

где-то на земле. Давайте посмотрим».

Мы безрезультатно обыскали все вокруг. Виолетта Маннеринг вдруг заявила:

«Диана что-то держала в руках. Что-то вроде кинжала. Я видела. Видела, как он сверкнул, когда она им грозила».

«Ричард не приблизился к ней и на три ярда», — возразил Эллиот Хейдон, покачав головой.

Леди Маннеринг склонилась над распростертой на земле девушкой.

«У нее в руках сейчас ничего нет, — заявила она. — И на земле ничего не видно. Ты не ошибаешься, что видела его, Виолетта? Я не видела».

Доктор Саймондз подошел к мисс Ашли. Доктор Пендер, извинившись, прервал рассказ и огляделся.

— Теперь благодаря огромному количеству детективов, — сказал он, — мы все хорошо знаем, что тело надо оставлять там, где его обнаружили. Каждый уличный мальчишка теперь это знает.

Но мы в то время таких вещей не знали и отнесли тело Ричарда Хейдона в его гранитный дом и положили на кровать. Дворецкого отправили на велосипеде за двенадцать миль вызвать полицию.

Затем Эллиот отвел меня в сторону.

«Послушайте, — сказал он. — Я вернусь в рощу. Необходимо отыскать оружие».

«Если оно вообще было», — засомневался я.

Он крепко схватил мою руку и сильно встряхнул.

«Вбили себе всякие предрассудки в голову. Вы что, думаете, он умер от сверхъестественной силы? Так я пойду и разберусь во всем».

Я был решительно против этого и пытался разубедить его, но безрезультатно. Одна мысль о густой роще наводила на меня ужас. У меня возникло предчувствие, что надвигается еще одно несчастье. Но Эллиот упрямствовал. Он, я думаю, сам боялся, но не хотел признаваться в этом. Он ушел как следует вооруженный и настроенный добраться до сути загадки.

Ночь была отвратительная, никто и не пытался заснуть. Приехала полиция. Они отнеслись ко всему с откровенным недоверием и проявили сильное желание устроить допрос мисс Ашли. Но тут им пришлось иметь дело с доктором Саймондзом, который был категорически против. Мисс Ашли вышла из состояния обморока, или транса, и он дал ей сильное снотворное. До наступления дня ее ни в коем случае нельзя было тревожить.

Только к семи часам утра все хватились Элли-

ота Хейдона, и тут вдруг Саймондз спросил меня, где он. Я объяснил, что сделал Эллиот, и это еще больше расстроило Саймондза.

«К чему он туда пошел? Это… это напрасный риск».

«Вы же не хотите сказать, что и с ним что-то случилось?»

«Надеюсь, нет. Я думаю, святой отец, нам лучше пойти посмотреть».

Мне понадобилось собрать все свое мужество, чтобы отважиться на это. Мы отправились вдвоем и еще раз зашли в эту проклятую рощу. Мы кричали, но никто не отзывался. Через некоторое время мы вышли на поляну. В раннем утреннем свете она была тусклая, призрачная. Саймондз сжал мою руку, и у меня вырвался сдавленный крик. Минувшей ночью при лунном свете мы видели здесь тело человека, лежащего ничком. Сейчас на том же самом месте лежал Эллиот Хейдон.

«Боже мой! — вырвалось у Саймондза. — И его тоже!»

Эллиот Хейдон был без сознания, но слабо дышал. На этот раз причина трагедии была ясна. Длинное тонкое оружие осталось в ране.

«В плечо попало, не в сердце. Повезло, — про-

комментировал доктор. — Бог знает, что и думать. Во всяком случае, он жив и сможет нам рассказать, что произошло».

Но этого-то как раз Эллиот Хейдон и не смог сделать. Его рассказ был крайне туманным. Он безуспешно пытался разыскать кинжал и наконец, прекратив поиски, остановился у святилища. К этому моменту он все больше и больше убеждался в том, что кто-то следит за ним из-за деревьев. Он противился этому ощущению, но не мог от него избавиться. Он говорил, что подул холодный странный ветер, который, казалось, шел не из-за деревьев, а изнутри святилища. Эллиот заглянул вовнутрь. Увидел маленькую фигуру богини и почувствовал, что происходит нечто странное, возможно, это был оптический обман. Фигура как будто стала расти. Потом его что-то ткнуло — он воспринял это как удар в лоб — и сбило с ног. При падении он почувствовал острую, жгучую боль в левом плече.

Кинжал на этот раз был идентифицирован. Он был найден при раскопках кургана, и купил его Ричард Хейдон. Где он хранился, в доме или в святилище, никто не знал.

Полиция считала — и разубедить ее не удалось, — что мисс Ашли умышленно заколола

Ричарда. Но, учитывая единодушные свидетельства, что она не приближалась к нему ближе чем на три ярда, у полиции не было никаких оснований надеяться на поддержку обвинения против нее. Таким образом, дело как было, так и осталось загадкой.

Воцарилось молчание.

— Возразить вроде нечего, — нарушила молчание Джойс Ламприер. — Все это настолько жутко, уму непостижимо. У вас-то самого есть объяснение, доктор Пендер?

— Есть, — кивнул старик. — Есть объяснение, то есть не совсем объяснение. Все же кое-что остается непонятным.

— Я бывала на спиритических сеансах, — сказала Джойс. — Так что вы можете говорить что угодно, но там происходят очень странные вещи. Я полагаю, что все объясняется особым гипнозом. Девушка, возможно, и на самом деле превратилась в жрицу Астарты и так или иначе заколола его. Может быть, она метнула кинжал.

— Или это был дротик, — предположил Реймонд Уэст. — В конце концов, лунный свет обманчив. У нее могло быть в руках копье, которым она заколола его на расстоянии, и, кроме того, не исключен массовый гипноз. Я имею в

виду, что вы были готовы к мысли о присутствии сверхъестественной силы и поэтому ничего другого не увидели.

— В мюзик-холле я видел немало удивительных трюков с оружием и с ножами, — заговорил сэр Генри. — Я считаю, что человек прятался в чаще и оттуда мог довольно метко бросить нож или кинжал, при условии, конечно, что он профессионал. Признаю, это кажется довольно надуманным, но представляется единственной реальной версией. Вы помните, у второго было вполне отчетливое впечатление, что в роще кто-то следил за ним? В том, что мисс Маннеринг утверждает, будто мисс Ашли держала в руках кинжал, а другие не подтверждают этого, нет ничего удивительного. Будь у вас такой же опыт, как у меня, вы бы знали, что показания пятерых человек об одном и том же могут невероятно отличаться друг от друга.

Мистер Петерик кашлянул:

— Но во всех этих версиях мы упускаем из виду один существенный факт, — заметил он. — Куда же девалось оружие? Мисс Ашли вряд ли могла незаметно убрать вонзившийся дротик или копье, ведь она стояла посреди открытого пространства. Если кинжал метнул скрывшийся убийца, то он бы остался в ране. Я думаю, надо

отбросить надуманные версии и строго придерживаться фактов.

— И о чем же говорят факты?

— Ну… одно представляется совершенно ясным. Рядом с человеком, когда ему был нанесен удар, никого не было. Таким образом, единственный, кто мог заколоть его, — это был он сам. Налицо самоубийство.

— Но с какой же стати ему было совершать самоубийство? — скептически спросил Реймонд Уэст.

Адвокат откашлялся.

— Ах, об этом опять-таки можно только догадываться, — сказал он. — Догадки в настоящий момент меня не интересуют. Мне кажется, если исключить сверхъестественную силу — во что я ни на миг не поверю, — это единственно возможное объяснение случившемуся. Он сам себя заколол и, когда падал, взмахом руки выдернул кинжал из раны и отбросил его в деревья. Я думаю, это хотя и маловероятно, но возможно.

— Я предпочитаю не говорить, что нет сомнений, — вступила в беседу мисс Марпл. — Все это приводит меня в сильное замешательство. Но невероятные вещи все-таки случаются. В прошлом году на приеме у леди Шарпли, в саду, муж-

чина, игравший в часовой гольф[47], споткнулся, зацепившись за цифру, потерял сознание и не приходил в себя в течение пяти минут.

— Но, дорогая тетя, — мягко заметил Реймонд, — его ведь не закололи, верно?

— Конечно нет, дорогой, — ответила мисс Марпл. — К этому я и веду. Нет сомнений, сэра Ричарда могли заколоть одним-единственным способом, но мне бы хотелось узнать, обо что он споткнулся. Возможно, о корни дерева. Он засмотрелся на девушку, а при лунном свете немудрено споткнуться обо что угодно.

— Вы говорите, что существует только один способ, которым могли убить сэра Ричарда, мисс Марпл? — сказал священник, с любопытством поглядывая на нее.

— Печальная история, я предпочитаю не думать об этом. Он был правша, или я ошибаюсь? Я имею в виду, что, для того чтобы нанести себе удар в левое плечо, он должен был быть правшой. Я всегда так жалела беднягу Джека Бейнза во время войны! Он прострелил себе ногу после

---

[47] notes: 47

Часовой гольф — малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.

ожесточенного сражения у Арраса. Он мне рассказывал об этом, когда я приходила навещать его в госпиталь. Как он потом стыдился! Не думаю, что этот несчастный Эллиот Хейдон много выиграл от своего злодеяния.

— Эллиот Хейдон? — поразился Реймонд. — Вы думаете, это он?

— Не понимаю, а кто же еще это мог сделать? — слегка приподнимая брови, удивилась мисс Марпл. — Разумеется, в том случае, если, как мудро выразился мистер Петерик, смотреть на факты и не принимать всерьез всяких там языческих богинь, в которых нет ничего хорошего. Эллиот подошел к нему и перевернул. Для того чтобы совершить преступление, ему надо было повернуться к вам спиной, чтобы достать кинжал из-за пояса. Помнится, в молодости я танцевала с мужчиной, одетым главарем бандитов. У него было пять видов ножей и кинжалов, не передать, до чего неудобно было с ним танцевать.

Все взгляды устремились на доктора Пендера.

— Я узнал правду, — сказал он, — пять лет спустя после трагедии. Мне пришло письмо от Эллиота Хейдона. Оказывается, он догадывался, что я его подозревал. Он написал, что это было внезапным искушением. Он тоже любил Ди-

ану Ашли, но был всего лишь обыкновенным адвокатом. Устраняя Ричарда со своего пути, наследуя его титул и недвижимость, он надеялся на блестящую перспективу. Кинжал он вынул из-за пояса, когда склонился над братом. Он и задуматься не успел. Просто вонзил его и вложил в ножны. Себе он нанес рану позднее, чтобы отвести подозрения. Он писал мне накануне отъезда в экспедицию на Северный полюс на случай, как он выразился, если не вернется. Не думаю, чтобы он собирался возвращаться, и знаю, что, как заметила мисс Марпл, его преступление ничего ему не дало. «Пять лет, — писал он, — я живу в аду. Я надеюсь, что смогу искупить свою вину хотя бы достойной смертью». Наступила тишина.

— И он погиб достойно, — сказал сэр Генри. — Вы изменили имена в своем рассказе, доктор Пендер, но я, кажется, догадался, кого вы имели в виду.

— Как я и говорил, — продолжил священник, — не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Я по-прежнему считаю, что роща оказывала зловещее воздействие, которое руководило поведением Эллиота Хейдона. До сих пор не могу вспоминать о святилище Астарты без содрогания.

Золотые слитки

— Не знаю, подойдет ли история, которую я хочу рассказать, — начал Реймонд Уэст. — У меня нет для нее объяснения, однако обстоятельства дела настолько интересны, что мне хочется изложить ее в порядке постановки проблемы. Возможно, рассуждая логически, мы вместе в ней как-то разберемся.

Эти события происходили два года назад, когда я поехал на Троицу[48] в Корнуолл с человеком по имени Джон Ньюмэн.

— В Корнуолл? — резко переспросила Джойс Ламприер.

— Да. А что?

— Нет, ничего. У меня история тоже про Корнуолл, о рыбацкой деревушке под названием Рэтхоул. Неужели и вы о том же самом?

— Нет. У меня деревня называется Полперран. Она на западном побережье Корнуолла, там очень дикая скалистая местность. Мы с Джоном

[48] notes: 48

Имеется в виду неделя между Духовым днем, который Англиканская церковь отмечает в седьмое воскресенье после Пасхи, и Троицей, которая соответственно отмечается в восьмое воскресенье после Пасхи.

были представлены друг другу за несколько недель до поездки, и я нашел его чрезвычайно интересным человеком. Умный, независимый, с воображением. Благодаря своему последнему увлечению он арендовал Пол-Хаус. Прекрасно разбирался во времени Елизаветы, ярко и наглядно описывал мне передвижение испанской Армады[49]. И с таким энтузиазмом, будто бы он сам был тому свидетелем. Что это, перевоплощение? Непонятно. Совершенно непонятно.

— Не преувеличивай, дорогой Реймонд, — ласково пожурила его мисс Марпл.

— Какие преувеличения? — слегка раздраженно отозвался Реймонд Уэст. — Этот Ньюмэн в самом деле был одержимым, поэтому он и оказался мне интересен. Ну как полезное ископаемое, что ли. Оказывается, некое судно, принадлежащее Армаде, у которого на борту находились несметные богатства — золото из испанских владений, — потерпело крушение неподалеку от побережья Корнуолла, на известных своей коварностью Змеиных скалах. На протяжении ряда лет, говорил мне Ньюмэн, предпринимались

---

[49] notes: 49

Непобедимая армада — военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

попытки поднять корабль и достать ценности. Полагаю, подобные истории не новость, хотя количество мифических кораблей с сокровищами значительно превышает их действительное число. Образовалась одна компания, но обанкротилась, и Ньюмэну удалось купить права на все эти дела — или как это там называется? — за бесценок. Он всем этим очень проникся. По его словам, дело было только за новейшей научной аппаратурой. Золото там, и у него не было ни тени сомнений в том, что его можно достать.

Когда я слушал его, мне подумалось, насколько же часто вот так получается. Богатый человек, такой, как Ньюмэн, преуспевает без каких-либо особых усилий, и, по всей вероятности, денежное выражение его будущей находки почти не имеет для него значения. Должен сказать, что его азарт заразил меня. Я видел, как гонимый штормом галеон[50] прибивает к берегу, треплет, разбивает о чернеющие скалы. «Галеон» — это звучит романтично. А слова «испанское золото» завораживают и школьника, и взрослого. К тому же в то время я работал над романом, некоторые эпизоды которого относились к XVI веку, и меня

---

[50] notes: 50

Галеон — большой старинный, богато украшенный резными фигурами парусник.

радовала перспектива заполучить драгоценный местный колорит от хозяина Пол-Хауса.

Я отправился в пятницу утром с Паддингтонского вокзала в приподнятом настроении от предвкушения предстоящих радостей. Вагон был пуст, лишь один человек в противоположном конце сидел ко мне лицом. Высокий, с солдатской выправкой. Я не мог избавиться от впечатления, что где-то раньше видел его. В конце концов я вспомнил. Моим попутчиком был инспектор Бадгворт. Я сталкивался с ним, когда делал серию статей об исчезновении Эверсона.

Я напомнил ему о себе, и вскоре мы уже мило беседовали. Когда я сообщил ему, что еду в Полперран, выяснилось удивительное совпадение: он тоже направлялся туда. Я не хотел показаться назойливым и не стал расспрашивать о целях его вояжа, а заговорил о собственной поездке, упомянув об испанском галеоне, потерпевшем крушение. К моему удивлению, инспектору было о нем все известно.

«Это «Хуан Фернандес», — сказал он. — Ваш знакомый не первый гробит деньги на то, чтобы достать оттуда золото. Романтические выдумки».

«А может быть, вообще вся история выдумка? — спросил я. — И никакого корабля здесь нет?»

«О, сомнений нет, корабль затонул, — отвечал инспектор, — как и многие другие. Вы бы удивились, если бы знали, сколько крушений произошло в этой части побережья. Полгода назад именно здесь затонул «Отранто» — это и привело меня сюда».

«Помню, я читал об этом, — заговорил я, — надеюсь, никто не погиб?»

«Никто не погиб, но кое-что погибло. Не все знают, а ведь на борту «Отранто» был слиток золота».

«Да?» — заинтересовался я.

«Естественно, мы привлекли водолазов, но золото ушло, мистер Уэст».

«Ушло? — изумился я. — Как оно могло уйти?»

«В том-то и дело, — сказал инспектор. — Пробоина достигла особой кладовой. Водолазы без труда пробрались туда, но там ничего не было. Вопрос в том, украли золото до крушения или после? Было ли оно вообще на корабле?»

«Любопытный случай».

«Очень любопытный случай, если поразмыслить, что такое слиток. Ведь это не бриллиантовое ожерелье, которое можно сунуть в карман. Если представить, насколько он велик и тяжел, так все покажется абсолютно невозможным. Может, фо-

кус-покус устроили до отправки судна, ну а если нет, то, должно быть, золото сумели изъять за эти полгода. Я еду туда для того, чтобы разобраться».

Ньюмэн встречал меня на вокзале. Он извинился, что приехал за мной на сельском грузовичке из имения, а не на автомобиле. Машину понадобилось подремонтировать, и ее отогнали в Труро.

Я сел рядом с ним, и мы аккуратно вырулили по узким улочкам из деревни. Поехали вверх по крутому склону, потом немного по очень извилистой дороге и наконец достигли ворот с гранитными столбами — Пол-Хаус.

Место было великолепное: крутой обрыв, дивный вид на море. Старому зданию было лет триста или четыреста, к нему было пристроено современное крыло. За ним шли сельскохозяйственные угодья в семь или восемь акров.

«Добро пожаловать в Пол-Хаус, — приветствовал меня Ньюмэн, приглашая в дом, — под знак золотого галеона». И он показал туда, где над дверью в передней висела прекрасная копия испанского галеона с полными парусами.

Мой первый вечер был наиболее замечательным и поучительным. Хозяин показывал мне старые рукописи с «Хуана Фернандеса», карты с

отмеченным на них пунктиром местоположением корабля, схемы подводной аппаратуры, и это, можно сказать, уже окончательно и бесповоротно заинтриговало меня.

Я рассказал ему о встрече с инспектором Бадгвортом, чем он очень заинтересовался.

«Странные люди здесь, на побережье, — задумчиво произнес он. — Контрабанда и ожидание кораблекрушения у них в крови. Когда корабль идет на дно у их берега, они расценивают его не иначе, как свою законную добычу. Есть тут один, я вас с ним познакомлю. Интересный экземпляр».

Утро на следующий день стояло ясное. Ньюмэн отвез меня в Полперран и познакомил со своим водолазом. Его звали Хиггинс. Это был угрюмый человек с невыразительным лицом, его участие в разговоре в основном сводилось к междометиям.

После того как они переговорили между собой по сугубо техническим вопросам, мы отправились в «Три якоря». Большая кружка пива до некоторой степени развязала язык этой заслуживающей внимания личности.

«Детектив прибыл из Лондона, — пробурчал он. — Твердят, что на судне, которое затонуло тут в ноябре, была пропасть золота. Да, но ведь оно не первое тут потонуло и не последнее».

«Правильно! Правильно! — вмешался хозяин «Трех якорей». — Ваша правда, Билл Хиггинс».

«Вот так вот, мистер Келвин», — подтвердил Хиггинс.

Я с некоторым любопытством посмотрел на хозяина. Это был заметный человек — смуглый, черноволосый, на удивление широкоплечий. Глаза налиты кровью. И еще одна особенность: он все время избегал вашего взгляда. Я заподозрил, что именно о нем Ньюмэн говорил как об интересном экземпляре.

«Мы не желаем, чтобы чужаки совали нос к нам на побережье», — довольно агрессивно заявил он.

«Вы имеете в виду полицию?» — улыбнулся Ньюмэн.

«Имею в виду полицию и всех прочих, — многозначительно заявил Келвин, — понимаете, мистер?»

«Послушайте, Ньюмэн, а ведь это прозвучало угрозой», — сказал я, когда мы поднимались в гору, домой.

Он засмеялся:

«Глупости, я здесь никому ничего плохого не делал».

Я с сомнением покачал головой. В Келвине

было что-то злобное, темное. Чувствовалось, что помыслы могут завести его бог знает куда.

Думаю, что именно с этого момента мною овладело беспокойство. Первую ночь я проспал вполне нормально, но на следующую ночь сон у меня был тревожный и прерывистый. Наступило воскресенье, мрачное, угрюмое. Небо покрылось тучами, слышались раскаты грома. Я никогда не умел скрывать своих переживаний, и Ньюмэн заметил, что у меня испортилось настроение.

«Что с вами, Уэст? Вы сегодня комок нервов».

«Не знаю, — признался я, — у меня дурное предчувствие».

«Погода такая».

«Да, наверно».

Больше я ничего не сказал. Днем мы выехали на моторной лодке Ньюмэна, но разошелся настолько сильный дождь, что мы рады были скорее вернуться домой и переодеться во все сухое.

А вечером мое беспокойство усилилось. За окном бушевал шторм. К десяти буря утихла. Ньюмэн выглянул в окно.

«Проясняется, — отметил он. — Не удивлюсь, если через полчаса будет прекрасная погода. Тогда пойду прогуляться».

«А меня ужасно клонит в сон. — Я зевнул. — Не

выспался. Думаю лечь сегодня пораньше».

Так я и сделал. В предыдущую ночь я не выспался, а в эту ночь забылся тяжелым сном. Я все еще находился под гнетом острого предчувствия беды, меня одолевали кошмары. Страшные пучины, громадные пропасти, я блуждаю над ними и знаю: оступись я — и смерть. Я проснулся, когда стрелки часов показывали восемь. Голова невыносимо болела, ужас ночных кошмаров еще преследовал меня. Чувство это было настолько сильным, что, открыв окно, я отпрянул назад от нового страха: первое, что я увидел, был человек, копающий могилу.

Понадобилось минуты две, чтобы я взял себя в руки, только тогда я разобрался, что могильщик — это садовник Ньюмэна и что «могила» эта предназначается для трех кустов роз, которые лежали на земле в ожидании, когда их заботливо посадят в землю.

Садовник взглянул наверх, увидел меня и приподнял шляпу:

«Доброго утра, сэр. Замечательное утро, сэр».

«Кажется, да», — задумчиво отозвался я.

Однако, как и сказал садовник, утро действительно было замечательное. Солнце светило ярко, небо было голубое, безоблачное, и это пред-

вещало чудесную погоду на целый день.

Насвистывая, я спустился к завтраку. У Ньюмэна в доме не было прислуги. Две сестры среднего возраста, жившие на ферме неподалеку, ежедневно приходили удовлетворять его скромные запросы. Вот и сейчас, когда я входил в комнату, одна из них ставила на стол кофейник.

«С добрым утром, Элизабет, — поздоровался я. — Мистер Ньюмэн еще не появлялся?»

«Он, должно быть, ушел рано утром, сэр, — ответила она. — Когда мы пришли, его не было».

Мое беспокойство возобновилось. Оба предыдущих утра Ньюмэн спускался к завтраку довольно поздно, и я представить себе не мог, чтобы он рано поднялся. Движимый тревожными мыслями, я помчался к нему в спальню. Там никого не было, постель была не тронута. Беглый осмотр комнаты натолкнул меня еще на одну мысль: если Ньюмэн ушел прогуляться, то он, должно быть, ушел в том же, в чем был вечером, — одежды в комнате не было.

Теперь я был уверен, что мое предчувствие беды оправдалось. Ньюмэн, как и говорил, ушел на вечернюю прогулку. И по какой-то причине не вернулся. Почему? Что с ним случилось? Не упал ли с обрыва? Надо немедленно отправляться на

поиски.

Через несколько часов я собрал большую группу помощников, и мы вместе начали розыск по всем направлениям вдоль обрыва и на скалах внизу. Но никаких следов Ньюмэна не обнаружили.

В конце концов, отчаявшись, я отыскал инспектора Бадгворта. Он помрачнел.

«Я думаю, это дело нечистое, — проговорил он. — Здесь есть несколько подозрительных субъектов. Вы видели Келвина, хозяина «Трех якорей»?»

Я ответил, что знаю такого.

«А вам известно, что он отбыл срок четыре года назад? Оскорбление действием».

«Меня это не удивляет».

«По-моему, все тут думают, что ваш приятель слишком любит соваться не в свои дела. Надеюсь, что до серьезного дело не дошло».

Розыск продолжился с удвоенным рвением. Только к концу дня наши усилия были вознаграждены. Мы обнаружили Ньюмэна в глубокой канаве в дальней части его собственного имения. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам, а в рот его был запихан носовой платок.

Он совсем обессилел, но, когда ему растерли за-

пястья и лодыжки и дали сделать хороший глоток виски, смог рассказать, что с ним произошло.

Погода прояснилась, и около одиннадцати часов вечера он вышел прогуляться. Он прошел некоторое расстояние вдоль обрыва и вышел на место, из-за большого количества пещер известное как Убежище Контрабандистов. Там он заметил, как несколько человек что-то выгружают из маленькой лодки, и спустился взглянуть, в чем дело. По-видимому, это был тяжелый груз, его несли в одну из самых дальних пещер.

Ньюмэн заинтересовался. Оставаясь незамеченным, он подошел к ним поближе. Вдруг его кто-то увидел, и поднялась тревога. Тут же два огромных моряка схватили его и избили до потери сознания. Когда Ньюмэн пришел в себя, то обнаружил, что лежит в машине, которая движется, подпрыгивая на многочисленных ухабах и рытвинах, насколько он мог догадаться, по дороге от побережья в деревню. К его великому удивлению, автомобиль свернул в ворота его собственного дома. Здесь, пошептавшись друг с другом, его наконец вытащили и бросили в глубокую канаву, где его вряд ли могли скоро найти. Потом грузовик укатил. Ему показалось, что они выехали в другие ворота, на четверть

мили ближе к деревне. Он не мог описать нападавших, понял только, что это были моряки и по речи — корнуоллцы.

Инспектор Бадгворт встрепенулся. «Будьте уверены, тут-то они и запрятали золото! — воскликнул он. — Достали со дна морского и держали где-то в укромной пещере. Все знают, что мы обыскали все пещеры в Убежище Контрабандистов и теперь переходим на другое место. Очевидно, ночью они переносили свое добро в ту пещеру, где мы уже были. Они были уверены, что мы не полезем туда еще раз. К сожалению, в их распоряжении было по крайней мере часов восемнадцать и они могли спокойно распорядиться имуществом. Раз в ту ночь их застал мистер Ньюмэн, то вряд ли мы теперь найдем здесь что-нибудь».

Инспектор поспешил на поиски. Он нашел неопровержимое свидетельство того, что слиток спрятали и, как предполагалось, снова забрали. Никаких данных о его новом местонахождении не было.

Впрочем, одно подозрение было, и инспектор сам навел меня на него следующим утром.

«По этой дороге мало ездят на автомобилях, — сказал он, — поэтому в нескольких местах мы

обнаружили очень четкие следы шин. На одной из шин отстает треугольный кусочек и оставляет характерную отметину. Видно, как они заезжали в ворота, и заметен слабый след выезда из других ворот. Так что нет никаких сомнений — это та машина, которая нам нужна. Вот только зачем они выехали из дальних ворот? Мне кажется, это совершенно ясно: грузовик из деревни. Мало у кого в деревне есть собственные грузовики. У двоих, ну, может быть, у троих. У Келвина, хозяина «Трех якорей», есть».

«Келвин кто по профессии?» — спросил Ньюмэн.

«Странно, что вы меня об этом спрашиваете, мистер Ньюмэн. В молодости Келвин работал водолазом».

Мы с Ньюмэном переглянулись. Головоломка, казалось, сама собой мало-помалу разрешалась.

«Вы не опознали Келвина среди тех людей на пляже?» — спросил инспектор.

Ньюмэн покачал головой:

«Боюсь, не смогу ответить на этот вопрос. У меня и времени-то не было, я ведь и понять ничего не успел».

Инспектор любезно разрешил пойти с ним до «Трех якорей». Гараж находился на боковой

улице. Главный вход был заперт, но, повернув в переулок, мы обнаружили маленькую дверь, которая не была закрыта. Поверхностного осмотра шин инспектору было достаточно.

«Вот, клянусь Юпитером! — возликовал он. — Вот она, собственной персоной на заднем левом колесе. Итак, мистер Келвин, теперь, я думаю, вы не выкрутитесь».

Реймонд Уэст смолк.

— Ну? — не терпелось Джойс. — Пока мне не понятно, что здесь загадочного — вот если не нашли золота…

— Естественно, не нашли, — нарушил Реймонд молчание. — И Келвина не обличили: думаю, он оказался им не по зубам. Но как он это все устроил — не представляю. Естественно, на основании улик — отметины на шине — его арестовали. Но произошла неожиданная осечка. Прямо напротив въезда в гараж находился коттедж, который на лето был снят одной дамой-художницей.

— Ох уж эти дамы-художницы! — рассмеялась Джойс.

— Да, действительно, «уж эти дамы-художницы»! Так вот, кстати, она уже несколько недель болела и поэтому к ней приходили две сиделки. Та, которая была в ночную смену, пододвинула

кресло к окну. Шторы были подняты, и она заявила, что не могла не увидеть, если бы автомобиль выехал из гаража. Она поклялась, что он не выезжал из гаража в ту ночь.

— Что из этого, — невозмутимо фыркнула Джойс. — Да сиделка заснула. Они всегда спят.

— Э, такое, как известно, случается, — рассудил мистер Петерик, — но мне кажется, что мы подходим к фактам, не поразмыслив над ними как следует. До того как принимать к сведению показания медицинской сестры, мы должны как следует убедиться в ее добросовестности. Что это за алиби, которое возникает с такой подозрительной быстротой? Оно кажется сомнительным.

— Имеются также показания художницы, — продолжал Реймонд. — Она свидетельствовала, что испытывала сильные боли и не спала почти всю ночь. Она бы обязательно услыхала грузовик, так как он необычайно шумит, а ночью после бури было очень тихо.

— М-да, — хмыкнул священник. — Это, несомненно, дополнительное свидетельство. А у самого-то Келвина есть алиби?

— Он говорил, что находился дома и лег спать в десять вечера, но подтвердить это никто не мог.

— Сиделка спала, — снова вмешалась Джойс, —

и больная вместе с ней тоже. Больные всегда думают, что ночами не смыкают глаз.

Реймонд Уэст вопросительно посмотрел на доктора Пендера.

— Знаете, я сочувствую этому Келвину, — сказал тот. — Мне кажется, это как раз тот случай, когда «дурная слава по дорожке бежит»: Келвин был в заключении. Кроме отметины на шине, которая, без сомнения, слишком примечательна, чтобы быть простым совпадением, за исключением его несчастливого прошлого, против него ничего нет.

— Ну а вы, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой.

— Как всегда, — засмеялся он, — мне кое-что известно по данному делу. Так что, очевидно, пока не следует высказываться.

— Так, идем дальше — тетя Джейн, неужели вам нечего сказать?

— Минутку, дорогой, — пробормотала мисс Марпл, — собьюсь со счета. Две с накидом, три лицевые, одну снимаем, две с накидом — так, все. Что ты говоришь, дорогой?

— Твое мнение?

— Тебе мое мнение не понравится, дорогой. Молодежь не любит этого, я заметила. Лучше

ничего не говорить.

— Глупости, тетя Джейн, выкладывайте.

— Изволь, дорогой Реймонд. — Мисс Марпл отложила вязанье и взглянула на племянника. — Я считаю, что следует быть более разборчивым в выборе знакомых. Ты такой доверчивый, дорогой, так легко поддаешься обману. Полагаю, это из-за того, что ты писатель и излишне впечатлителен. Что за история с испанским галеоном! Будь ты постарше да знай жизнь получше, ты бы сразу насторожился. К тому же человека ты знал без году неделю.

Сэр Генри вдруг разразился неудержимым хохотом и шлепнул себя по колену.

— Вот так вот, Реймонд, — поддразнил он. — Мисс Марпл, вы замечательный человек. Ваш знакомый Ньюмэн, мой мальчик, на самом деле носит другое имя. В настоящий момент он не в Корнуолле, а в Девоншире, в Дартмуре, точнее, в Принстаунской тюрьме. Мы взяли его не по делу о краже слитка, а за ограбление кладовой одного лондонского банка. Затем занялись другими его делами и обнаружили большую часть украденного золота, оно было зарыто в саду Пол-Хауса. Неплохо было придумано. По всему побережью Корнуолла рассказывают истории про крушения

галеонов, полных золота. Это объясняло появление водолаза, объяснило бы потом и золото. Но нужен был козел отпущения. Келвин идеально подходил на эту роль. Ньюмэн разыграл свою маленькую комедию очень хорошо, и наш друг, Реймонд, как известный писатель, выступил в роли безупречного свидетеля.

— А отметина на шине? — возразила Джойс.

— Ох, я сразу поняла, дорогая, хотя ничего и не смыслю в моторах, — начала мисс Марпл. — Люди меняют колеса, вы знаете, я часто такое наблюдала, и, конечно, они могли снять колесо с грузовика Келвина, вытащить его через маленькую дверь в переулок и надеть на грузовик мистера Ньюмэна. Выехать на грузовике через одни ворота на пляж, погрузить на него золото и привезти через другие ворота. Потом они, должно быть, вернули колесо назад и снова поставили на грузовик мистера Келвина, а в это время кто-то связывал мистера Ньюмэна в канаве. Не слишком-то приятно это было для него, и, вероятно, его искали дольше, чем он ожидал. Я полагаю, что человек, который считался садовником, и занимался этим делом.

— Почему вы говорите «считался садовником», тетя Джейн? — спросил с любопытством Рей-

монд.

— Как же он мог быть на самом деле садовником! — возмутилась мисс Марпл. — Садовники не работают в Духов понедельник[51]. Это всем известно. — Она улыбнулась и свернула вязанье. — Именно эта мелочь и навела меня на верный след, — объяснила она и взглянула на Реймонда. — Когда будешь иметь свой дом, дорогой мой, и у тебя будет собственный сад, будешь знать и такие тонкости.

[51] notes: 51

Духов понедельник — первый понедельник после Духова дня, отмечается Англиканской церковью, до 60-х годов был нерабочим днем.

Кровь на панели

— Вот любопытно, — сказала Джойс Ламприер, — не очень-то хочется рассказывать эту историю. Произошла она давно, точнее, пять лет назад. И до сих пор меня преследует. Улыбаюсь безмятежно, а в глубине души все еще таится ужас. И странное дело, в этюде, который я тогда написала, отразилось это состояние. Когда вы видите его в первый раз, перед вами просто набросок крутой корнуоллской улочки. Но если смотреть на него достаточно долго, то появляется в нем что-то зловещее. Никогда не выставляю его на продажу и сама никогда не смотрю на него. Я держу его в мастерской подальше от глаз.

Местечко называлось Рэтхоул. Это такая маленькая странная корнуоллская рыбачья деревушка, очень живописная, даже, может быть, слишком живописная. Уж очень сильна в ней атмосфера патриархального корнуоллского Чайного дома. Там сохранились мастерские, где коротко стриженные девушки в блузах пишут красками на пергаменте девизы. Мило, отдает стариной, но так неказисто.

— Знаю, знаю, — сказал Реймонд Уэст, тяжело

вздыхая. — По-моему, сущее бедствие для автомобилей. Туда ведут плохие и узкие дороги, да и в самой-то этой живописной деревушке ездить опасно.

Джойс кивнула:

— Действительно, дорога в Рэтхоул узкая, крутая, прямо как стенка дома. Но продолжаю. Я приехала в Корнуолл на две недели порисовать. В Рэтхоуле есть старая гостиница «Полхарвит Армс». Считается, что это единственный дом, уцелевший после обстрела испанцами в тысяча пятьсот каком-то году.

— Не было обстрела, — сказал Реймонд Уэст, хмуря брови. — Будьте поаккуратнее с историческими событиями, Джойс.

— Неужели? Во всяком случае, они установили пушки где-то на побережье и стреляли, и дома рухнули. Впрочем, дело не в этом. Гостиница — замечательное старинное здание с портиком на четырех колоннах. Я выбрала подходящее место и уже принялась было за работу, как показалась машина. Медленно петляя по холму, она спускалась вниз. И конечно же, она обязательно должна была остановиться у гостиницы, где мне ее больше всего недоставало. Вышли двое — мужчина и женщина. Я их как следует не рассмотрела. На

ней были льняное розовато-лиловое платье и такая же шляпа. Мужчина вскоре возвратился и, к моему великому удовольствию, отогнал машину на набережную. Он прошел мимо меня обратно к гостинице. В это время еще одна противная машина, петляя, спустилась с холма. В ней была женщина в ярчайшем ситцевом платье, я такого никогда не видела, все такими алыми цветами, а на голове огромная соломенная шляпа — кубинская, что ли? — и тоже яркая, алого цвета. Женщина не остановилась перед гостиницей, а проехала по улице немного дальше. Когда она вышла из машины, мужчина удивленно воскликнул:

«Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться в такой дали! Столько лет не виделись! Да, я здесь с Марджори. Это моя жена. Ты должна с ней познакомиться».

Они пошли бок о бок по направлению к гостинице. Я увидела, как другая женщина вышла из дверей и пошла им навстречу.

Я успела мельком взглянуть на женщину по имени Кэрол, когда она проходила мимо. Напудренный добела подбородок и ярко накрашенные губы, я подумала — просто подумала, — так ли уж Марджори будет рада этому знакомству. Я не

видела Марджори вблизи, но издали она производила впечатление чопорной и не слишком модной женщины.

Разумеется, это не мое дело, но, знаете, иногда встречаешься со странными вещами, и потом невозможно удержаться, чтобы не порассуждать об этом. Они остановились недалеко от меня, и я невольно слышала кое-что из их разговора. Мужчина — оказалось, его зовут Деннис — предлагал взять лодку и прогуляться вдоль побережья. По его словам, в миле отсюда находилась известная пещера, которую стоило осмотреть. Кэрол тоже хотела осмотреть пещеру, но она предлагала отправиться туда пешком через скалы. Она сказала, что терпеть не может лодок. В конце концов они остановились на том, что Кэрол пойдет берегом по тропинке через скалы, а Деннис и Марджори возьмут лодку и прогуляются вкруговую.

Разговор о купании и у меня вызвал желание освежиться. Утро выдалось на редкость жаркое, работа у меня шла неважно. К тому же я решила, что полуденное солнце будет более эффектно. Так что я собралась и отправилась на небольшой пляж, который облюбовала в противоположном от пещеры направлении. Превосходно выкупалась, позавтракала консервированным языком

и двумя помидорами и к полудню возвратилась, полная сил, чтобы продолжить работу.

Казалось, весь Рэтхоул спит. Я не ошиблась: полуденное солнце сделало предметы более выразительными. «Полхарвит Армс» была центром моего этюда. Косые солнечные лучи освещали площадку перед гостиницей, создавая весьма любопытный эффект. Я поняла, что купальщики благополучно возвратились, потому что два купальных костюма, один алого, а другой синего цвета, сушились на балконе.

У меня не удавался эскиз, на мгновение я наклонилась кое-что подправить. Когда я снова подняла голову, то увидела как из-под земли по-явившегося человека. Он стоял, прислонясь к одной из колонн гостиницы. Он был одет по-морскому, и я решила — рыбак. У него была большая темная борода, и если бы мне потребовался натурщик для свирепого испанского шкипера, то лучшего не представить. Я принялась работать в лихорадочной спешке, пока он не двинулся с места, хотя, судя по его виду, он готов был подпирать колонну вплоть до скончания века.

Когда он все же отошел от колонны, я, к счастью, уже запечатлела то, что хотела. Он подошел ко мне и заговорил. О, что он мне наговорил! «Рэт-

хоул, — сказал он, — был весьма замечательным местом». Мне это уже было известно, но, скажи я ему об этом, меня бы это не спасло. Он поведал историю обстрела — я хочу сказать, разрушения — деревни, сообщил о том, что хозяин «Полхарвит Армс» был убит последним — заколот шпагой офицера-испанца на пороге собственного дома, — и о том, как кровь его брызнула на плиты панели и никто в течение столетий не смог смыть этих кровяных пятен.

Рассказ очень соответствовал тяжелой, навевающей дремоту атмосфере дня. Голос у него был вкрадчивый, и тем не менее в рассказе содержался какой-то пугающий подтекст. Манеры заискивающие, хотя в то же время угадывалось, что он был жесток. Он заставил меня отчетливо представить все ужасы инквизиции и жестокостей, совершенных испанцами.

Он рассказывал, а я продолжала писать, как вдруг поняла, что, увлеченная его рассказом, я изобразила то, чего не было. На белой плите тротуара перед входом в гостиницу в ярких лучах солнца у меня отчетливо выделялись пятна крови. Казалось невероятным, что голова могла сыграть такую шутку с руками, но когда я взглянула еще раз на площадку перед гостиницей, то

поразилась еще больше. Моя рука просто написала то, что увидели глаза, — капли крови на белой плите тротуара.

С минуту мой взгляд был прикован к этому месту. Потом я закрыла глаза и сказала себе: «Не будь же такой глупой, не может там быть никакой крови». Но когда я снова открыла глаза, пятна крови никуда не исчезли.

Мне стало не по себе, и я прервала поток красноречия рыбака.

«Послушайте, — сказала я, — у меня не очень хорошее зрение. Это что там на панели, пятна крови?»

Он посмотрел на меня снисходительно-добродушно.

«В наши дни, леди, уже нет никаких пятен. То, о чем я вам рассказал, было почти пятьсот лет назад».

«Конечно, конечно, — сказала я, — но сейчас на панели...» И замолчала. Я поняла, я осознала, что он не увидит того, что вижу я. Я поднялась и трясущимися руками стала собирать свои вещи.

Пока я занималась этим, в дверях гостиницы появился молодой мужчина, приехавший утром на машине. Он растерянно смотрел по сторонам. На балкон вышла его жена и сняла купальные ко-

стюмы. Он направился было к машине, но вдруг повернул назад и, перейдя улицу, обратился к рыбаку:

«Скажи, дружище, ты не видел, вернулась ли леди, что приехала на второй машине?»

«Дама в платье с цветами? Нет, сэр, не видел. А вот утром она пошла через скалы к пещере».

«Знаю, знаю. Мы вместе там купались. А потом она пошла пешком назад, и с тех пор я ее не видел. Не может же она так долго возвращаться. Скалы здесь не опасны?»

«Это, сэр, зависит от того, где идти. Лучше всего взять человека, знающего эти места». Он явно имел в виду себя и принялся было развивать эту тему, но молодой человек бесцеремонно оборвал его и помчался к гостинице.

«Марджори! — крикнул он жене на балконе. — Кэрол еще не вернулась. Странно, правда?»

Я не слышала ответа Марджори, а ее муж продолжал:

«Но мы не можем больше ждать. Нам надо поскорее попасть в Пенритар. Ты готова? Я сейчас подгоню машину».

Он подогнал машину, и они уехали. А мне не давала покоя мысль, действительно ли я видела кровь или это была игра моего воображения. И

как только они уехали, я подошла к гостинице и тщательно осмотрела тротуар. Конечно, никаких пятен крови не было. Никаких, все это было плодом моей возбужденной фантазии. Хотя почему-то мне все это показалось еще более странным. И тут я услышала голос рыбака.

«Леди, вы действительно видели здесь кровь?» — спросил он, с любопытством глядя на меня. Я кивнула.

«Очень странно, очень странно. У нас здесь существует поверье, леди: если кто-нибудь увидит здесь кровь…» — Он остановился.

«И что тогда?» — спросила я.

«Говорят, — продолжал он своим вкрадчивым голосом с корнуоллскими интонациями, но свободно и хорошо владея речью без местного акцента и корнуоллских оборотов, — говорят, что если кто-нибудь увидит здесь кровь, то в течение суток произойдет убийство. Кто-то умрет».

Какой ужас! Я почувствовала, как по спине у меня побежали мурашки.

Он продолжал объяснение:

«В церкви, леди, есть интересная доска о смерти…»

«Спасибо. Довольно», — решительно сказала я, резко повернулась и пошла по улице к котте-

джу, где снимала комнату. Не успела я дойти, как увидела, что вдали по тропинке через скалы идет женщина — Кэрол. Она торопилась. На фоне серых камней она казалась каким-то ядовито-красным цветком. Ее шляпа была цвета крови…

Я одернула себя: что это такое, всюду мне мерещится кровь.

Затем я услышала шум ее машины. Интересно, подумала я, она тоже направляется в Пенритар? Но она поехала налево, в противоположном направлении. Я видела, как машина взбиралась по холму и исчезла. Почему-то я с облегчением вздохнула. И Рэтхоул, казалось, снова погрузился в крепкий сон.

— Если это все, — сказал Реймонд Уэст, когда Джойс остановилась, — то я сразу скажу свое мнение: это объясняется несварением желудка, пятна перед глазами — после приема пищи.

— Нет, не все, — сказала Джойс. — Послушайте продолжение. Через два дня я прочитала в газете заметку под заголовком «Трагедия на берегу моря». В ней говорилось, что миссис Дейкр, жена капитана Денниса Дейкра, утонула во время купания неподалеку от бухты Лэндер. Они с мужем проживали там в гостинице. Они собрались идти купаться. Но тут поднялся холодный ветер.

Капитан Дейкр заявил, что для купания слишком свежо, и отправился с несколькими постояльцами играть в гольф неподалеку. Однако миссис Дейкр сказала, что ей не холодно, и пошла в бухточку одна. Так как она долго не возвращалась, муж забеспокоился и отправился с приятелями на пляж. Они нашли ее одежду у камня, но не обнаружили никаких следов несчастной леди.

Спустя почти неделю было обнаружено ее тело — его выбросило на берег на некотором расстоянии от места происшествия. На голове была глубокая рана, полученная ею до наступления смерти: по официальной версии, она нырнула и стукнулась головой о камень. Насколько я могу судить, смерть ее наступила как раз через сутки после того, как я увидела кровь на панели.

— Я протестую, — сказал сэр Генри. — Это не загадочный случай, а сплошная мистика. Мисс Ламприер, очевидно, медиум.

Мистер Петерик, как всегда, сначала кашлянул.

— Одна вещь меня как-то настораживает, — сказал он, — это рана на голове. Я полагаю, не следует исключать возможности неблаговидного поступка. Но я вижу, у нас нет данных, на которые можно было бы опереться. Галлюцинация, или

видение, мисс Ламприер, несомненно, явление интересное, но мне не совсем ясно, на чем, по ее мнению, мы будем строить рассуждения.

— Несварение желудка и совпадения, — сказал Реймонд. — Так или иначе, а ведь даже неизвестно, с теми ли людьми это связано. К тому же это проклятие, или как его там, наверное, относится только к местным жителям.

— У меня ощущение, что морской волк имеет отношение к этой истории, — сказал сэр Генри. — Но я согласен с мистером Петериком, что мисс Ламприер дала нам очень мало деталей.

Джойс повернулась к доктору Пендеру, который, кивнув ей, с улыбкой сказал:

— Рассказ очень интересный, но я присоединяюсь к сэру Генри и мистеру Петерику, — данных, чтобы сделать какие-то выводы, слишком мало.

Тогда Джойс с надеждой посмотрела на мисс Марпл, и та в ответ улыбнулась ей.

— Я тоже, дорогая Джойс, считаю, что вы не совсем правы, — сказала она. — Конечно, я — это другое дело. Я имею в виду то, что мы, женщины, больше внимания обращаем на одежду. И поэтому я считаю, что не совсем честно предлагать решение этой проблемы мужчинам. А все дело, я думаю, в быстром переодевании. Ах какая мерз-

кая женщина! И еще более мерзок мужчина.

Джойс с удивлением посмотрела на мисс Марпл.

— Тетушка Джейн, простите, мисс Марпл, — поправилась она, — мне кажется, я даже уверена, что вы все знаете.

— Конечно, милая, — сказала мисс Марпл. — Мне, сидя здесь, в спокойной обстановке, гораздо легче, чем было тогда тебе, разобраться во всем. А будучи художником, ты еще и очень впечатлительна, ведь верно? Сидя в этой комнате с вязаньем в руках, имеешь дело только с фактами. Кровь на тротуар попала с купального костюма, висевшего на балконе. А поскольку он был красного цвета, то преступники и не заметили, что он был в крови. Бедняжка, ведь она была так молода!

— Простите, мисс Марпл, — прервал ее сэр Генри. — Знаете ли, я в недоумении. Мисс Ламприер, по всей видимости, понятен предмет разговора, но мы, мужчины, пока что в абсолютном неведении.

— Теперь я расскажу вам конец истории, — сказала Джойс. — Это было год спустя. Я была в небольшом курортном городке на восточном побережье и писала этюды. И вдруг чувствую, что

такое уже происходило на моих глазах раньше. Мужчина и женщина на тротуаре передо мной встречают женщину в ситцевом ярко-красном, или даже пунцовом, платье: «Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться через столько лет! Ты не знакома с моей женой? Джоан, это моя старинная приятельница мисс Хардинг».

Мужчину я сразу же узнала. Это был тот самый Деннис, которого я видела в Рэтхоуле. Жена была другая, то есть вместо Марджори — Джоан, но женщина такого же типа: молодая, тоже скромно одетая, ничем не примечательная. Мне показалось, что я схожу с ума. Они заговорили о купании. Я скажу вам, что я сделала. Я отправилась прямехонько в полицейский участок. Я опасалась, что меня примут за сумасшедшую, но мне было не до того. К счастью, все обошлось благополучно. Там уже был человек из Скотленд-Ярда, он приехал как раз по этому делу. Ох, до чего же неприятно рассказывать об этом — оказывается, Деннис Дейкр уже был на подозрении у полиции. Деннис Дейкр было одним из его вымышленных имен — он пользовался разными именами в зависимости от обстоятельств. Знакомился с тихими, скромными девушками, у которых почти не было родственников или друзей, женился на них,

страховал их жизнь на большие суммы, а потом — ах, какой ужас! Женщина по имени Кэрол была его настоящей женой. Они всегда действовали по одному и тому же плану. Благодаря этому полиция и вышла на него — страховые компании заподозрили неладное. Он обычно приезжал в какое-нибудь тихое местечко со своей новой женой, потом появлялась вторая женщина, и они вместе отправлялись купаться. Потом жену убивали, Кэрол надевала ее платье и возвращалась в нем в лодке. Потом они уезжали куда-нибудь из этого места, не забыв поспрашивать, не возвращалась ли Кэрол. Как только они выезжали из деревни, Кэрол снова быстро переодевалась в свое приметное, огненно-красное цветастое платье, наносила свой яркий грим, возвращалась пешком обратно и уезжала на автомобиле. Они знали направление течения и соответственно выбирали место мнимой гибели намеченной жертвы. Потом Кэрол отправлялась на пустынный пляж, оставляла одежду убитой у какого-нибудь камня, уходила в своем цветастом ситцевом платье и спокойно дожидалась, пока муж присоединится к ней.

Я думаю, когда они убивали Марджори, кровь попала на купальный костюм Кэрол, а поскольку

он был красный, они ее, как говорит мисс Марпл, не заметили. Ну а когда купальник развесили на балконе, кровь и накапала. Ух! — Она содрогнулась. — До сих пор у меня это перед глазами.

— Совершенно верно, — сказал сэр Генри. — Теперь я припоминаю. Настоящее имя преступника было Деннис. Я просто забыл, что одной из его вымышленных фамилий была Дейкр. Это была очень ловкая пара. Мне всегда казалось невероятным, что никто не замечает подмены человека. Но думаю, что мисс Марпл права — одежда запоминается легче, чем лица. И преступники пользовались этим настолько тонко, что, хотя мы и подозревали Денниса, уличить его было нелегко.

— Тетушка Джейн, как это так вам удается? — спросил Реймонд, глядя на мисс Марпл.

— Я все больше и больше убеждаюсь, что на свете всюду происходит одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Была, знаете ли, такая миссис Грин, так она похоронила пятерых детей, и все они были застрахованы. Так что, естественно, возникают подозрения. — Она покачала головой. — В деревенской жизни так много зла. Надеюсь, вам, мои дорогие молодые люди, не придется узнать, как много зла в этом мире.

Мотив и возможность

Мистер Петерик откашлялся гораздо многозначительнее, чем обычно.

— Опасаюсь, что после потрясающих рассказов, которые мы услышали, моя незамысловатая история покажется вам совсем пустяковой, — извиняющимся тоном произнес он. — В ней нет кровопролития, но мне она кажется интересной и очень остроумной. К счастью, я знаю, в чем ее загадка.

— Уж не юридическая ли казуистика? — спросила Джойс Ламприер. — Я имею в виду статьи закона, дело «Барнэби против Скиннера» в 1881 году и тому подобное.

Мистер Петерик, сияя улыбкой, понимающе посмотрел на нее поверх пенсне:

— Нет, нет, моя дорогая юная леди. Вам не следует опасаться на этот счет. История, которую я собираюсь рассказать, проста и незатейлива, в ней может разобраться любой.

— Так никаких юридических ухищрений? — погрозила ему спицей мисс Марпл.

— Конечно, конечно, — заверил мистер Петерик.

— Ну ладно, я в этом не уверена, но готова послушать.

— История касается моего бывшего клиента. Я буду называть его мистер Клоуд — Саймон Клоуд. Это был весьма состоятельный человек, и жил он в большом доме неподалеку отсюда. Его единственный сын погиб на войне. Остался ребенок — маленькая девочка. Ее мать умерла при родах, и после смерти отца девчушка стала жить у деда, который сразу к ней сильно привязался. Маленькая Крис могла делать со своим дедушкой все, что угодно. Я никогда не встречал человека, более занятого ребенком, чем он. Не могу передать вам его горе и отчаяние, когда девочка в возрасте одиннадцати лет заболела воспалением легких и умерла.

Бедный Саймон Клоуд был безутешен. К тому же вскоре еще один из его братьев скончался. Дети брата оказались в весьма стесненных обстоятельствах. Саймон Клоуд великодушно предоставил им свой дом. И вот у него поселились две девушки — Грейс и Мэри — и юноша — Джордж. Старик был добр к детям брата, но никогда не проявлял к ним такой любви и привязанности, как к своей маленькой внучке. Для Джорджа в банке неподалеку нашлась работа. Грейс вышла

замуж за молодого способного ученого-химика по имени Филипп Гаррод. Мэри была незаметной, замкнутой девушкой, она осталась жить в доме и заботилась о своем дяде. Я полагаю, она любила его в свойственной ей сдержанной манере. Судя по всему, все шло мирно. Замечу, что после смерти маленькой Кристобель Саймон Клоуд пришел ко мне и поручил составить новое завещание. По этому завещанию его состояние, очень значительное, делилось между племянником и племянницами: каждому по трети.

Шло время. Однажды, случайно повстречавшись с Джорджем Клоудом, я поинтересовался о дяде, которого некоторое время не видел. К моему удивлению, Джордж помрачнел.

«Очень бы хотелось, чтобы вы как-то повлияли на дядю Саймона, — удрученно сказал он. Выражение его честного, не блещущего красотой лица свидетельствовало о тревоге и замешательстве. — С этими спиритическими сеансами все хуже и хуже».

«Что за спиритические сеансы?» — удивился я.

Тогда Джордж рассказал мне, что мистер Клоуд заинтересовался этим занятием, начал входить во вкус и тут случайно познакомился с медиумом, американкой, некоей Эвридикой Спрагг. Джордж

охарактеризовал ее как мошенницу, возымевшую над Саймоном Клоудом огромную власть. Она практически постоянно находилась в доме и проводила массу сеансов, во время которых перед безумствующим от любви к внучке дедом представал дух маленькой Крис.

Скажу вам прямо, я не отношусь к числу тех, кто не приемлет спиритизм. Как вам уже говорил, я доверяюсь фактам и думаю, что если подходить к этому беспристрастно и взвесить факты в пользу спиритизма, то выяснится много такого, что нельзя отнести на счет мошенничества и чему нельзя просто не придавать значения. Поэтому я верю и не верю.

Однако, с другой стороны, спиритизм легко становится объектом надувательства и жульничества. Из того, что мне рассказал Джордж Клоуд об этой Эвридике Спрагг, я понял, что Саймон Клоуд попал в плохие руки и что миссис Спрагг, вероятнее всего, мошенница высшей марки. Старик, будучи в практических делах человеком проницательным, мог быть запросто обведен вокруг пальца там, где дело касалось его любви к покойной внучке.

Чем дольше я обдумывал ситуацию, тем мне все больше становилось не по себе. Я любил молодых

Клоудов, Мэри и Джорджа, и понимал, что эта миссис Спрагг и ее влияние на их дядю в будущем могут привести к неприятности.

Я нашел предлог и зашел к Саймону Клоуду. Я понял, что миссис Спрагг обосновалась в доме как почетный и близкий гость. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы мои опасения подтвердились. Это была крепкая женщина среднего возраста, вызывающе одетая. Она оперировала лицемерными фразами о «наших возлюбленных, которые отошли в мир иной» и другими вещами подобного рода.

Ее муж, мистер Абсалом Спрагг, худой, высокий мужчина с меланхоличным выражением лица и каким-то скрытым взглядом, также обитал в доме. Я пригласил к себе Саймона Клоуда и тактично поинтересовался о его новых знакомых. Он был полон энтузиазма. Эвридика Спрагг — замечательная женщина! Она ниспослана ему богом в ответ на его мольбы! Деньги ее ничуть не волнуют, ей доставляет радость помочь страждущему сердцу, у нее просто материнские чувства к маленькой Крис, и он готов относиться к ней как к дочери. Затем он стал описывать мне некоторые подробности: как он слышал голосок Крис, как ей хорошо, как она счастлива быть вместе с мамой

и папой. Все эти сентиментальности, насколько я помню Кристобель, были ей совершенно не свойственны. По словам Саймона, девочка упорно утверждала, что «мама и папа любят дорогую миссис Спрагг».

«Ну, — прервался он, — вы, конечно, смеетесь надо мной, Петерик».

«Нет, не смеюсь. Отнюдь. Есть люди, занимающиеся этим предметом, свидетельства которых я бы не колеблясь принял и оказал бы доверие и уважение любому рекомендованному ими медиуму. Я полагаю, у этой миссис Спрагг хорошие рекомендации?»

Саймон разразился потоком восторгов по поводу миссис Спрагг. Она ниспослана богом. Он повстречал ее на водах, где провел летом два месяца. Случайная встреча, и такой удивительный результат!

Я ушел очень недовольным. Мои худшие опасения подтвердились. К тому же я не видел выхода из этой ситуации. Все же, как следует поразмыслив, я написал Филиппу Гарроду, который, как я только что упоминал, женился на старшей Клоуд — Грейс. Я крайне сдержанно обрисовал ему ситуацию. Я указал на опасность того, что подобная женщина может оказать решающее

воздействие на старика. И я предложил поискать возможность ввести мистера Клоуда в контакт с какими-то достойными уважения медиумами. Я считал, что устроить это не составит Филиппу Гарроду труда.

Гаррод действовал быстро. Он понял то, чего не понял я, — здоровье Саймона Клоуда было в очень опасном состоянии. И, как человек практичный, он не имел желания допустить, чтобы его жену, ее сестру и ее брата лишили наследства, которое по праву принадлежало им. Он появился на следующей неделе и привел с собой в качестве гостя известного профессора Лонгмана. Лонгман был первоклассным ученым, и его причастность к спиритизму вызывала почтительное отношение к последнему. Блестящий ученый, он и человеком был чрезвычайно прямым и честным.

Результат визита был крайне неудачен. Оказалось, что Лонгман во время своего пребывания в доме не сказал ничего определенного. Было проведено два сеанса, при каких условиях — я не знаю. Находясь в доме, Лонгман уклонялся от разговоров, но после ухода он написал Филиппу Гарроду письмо. В нем он признавал, что не сумел уличить миссис Спрагг в мошенничестве, тем не менее, по его личному впечатлению, явления

были ненастоящими. Он писал, что если мистер Гаррод сочтет уместным, то может показать это письмо своему дяде, а также предложил свести мистера Клоуда с абсолютно честным медиумом.

Филипп Гаррод отнес письмо дяде, но результат оказался не таким, как он ожидал. Старик пришел в неописуемый гнев. Все это интриги, позорящие миссис Спрагг! Это клевета и оскорбление святой! Она уже говорила ему о том, как ей ужасно завидуют. Он заметил, что даже Лонгман был вынужден признать, что не обнаружил мошенничества. Эвридика Спрагг пришла к нему в трудный час его жизни, поддержала его, и он будет защищать ее, даже если бы это привело к ссоре со всеми членами семьи. Она значит для него больше, чем кто бы то ни был в мире.

Филипп Гаррод был выпровожен из дома безо всяких церемоний. Приступ сильного гнева подорвал здоровье Клоуда. Его состояние заметно ухудшилось. Он практически слег, и уже не было сомнений в том, что он так и останется прикованным к постели, пока смерть не облегчит его страдания.

Через два дня после ухода Филиппа я получил срочный вызов от Саймона Клоуда и спешно отправился к нему. Клоуд лежал в постели и, даже

на мой неискушенный взгляд, выглядел очень больным. Дыхание у него было прерывистым.

«Мне осталось жить совсем немного, — произнес он. — Не спорьте со мной, Петерик. Я чувствую это. Но перед тем как умру, я собираюсь выполнить свой долг перед единственным человеческим существом, которое сделало для меня больше, чем кто-либо в мире. Я хочу написать новое завещание».

«Как только вы мне поручите это, я сразу же составлю документ и вышлю вам», — ответил я.

«Так не пойдет, дорогой мой, — прохрипел он. — Ведь я могу и до утра не дожить. Я написал вот здесь, чего хочу. — Клоуд пошарил у себя под подушкой. — А вы скажите мне, все ли тут верно».

Он достал лист бумаги с какими-то небрежными каракулями. Все было вполне просто и ясно. Он оставлял по пять тысяч фунтов племянницам и племяннику, а все остальное состояние полностью вверял Эвридике Спрагг «с благодарностью и восхищением».

Мне это было не по нраву, но что же поделаешь. О сумасшествии не могло быть и речи: голова у старика работала не хуже, чем у других.

Клоуд позвонил служанкам. Тут же явились

горничная Эмма Гонт — женщина средних лет, которая много лет проработала в доме и теперь самоотверженно ухаживала за Клоудом, — и кухарка Люси Дейвид — светловолосая миловидная женщина лет тридцати. Саймон Клоуд в упор взглянул на них из-под кустистых бровей.

«Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали мое завещание. Эмма, передай мне авторучку. Не с этой стороны, — раздраженно заворчал он. — Ты что, не знаешь, что она в правом ящике?»

«Нет, она как раз здесь, сэр», — сказала Эмма и протянула ручку.

«Значит, в прошлый раз ты ее не туда положила, — пробурчал старик. — Терпеть не могу, когда вещи не кладут на место».

Продолжая ворчать, он взял у нее ручку и переписал подправленный мной черновик на новый лист бумаги. Потом расписался. Эмма Гонт и кухарка Люси Дейвид тоже поставили свои подписи. Я сложил завещание и положил его в продолговатый голубой конверт. Как вам известно, оно обязательно должно было быть написано на обыкновенном листе бумаги.

Только служанки собрались выходить из комнаты, как Клоуд с перекошенным от удушья лицом откинулся на подушки. Встревоженный,

я наклонился к нему, а Эмма Гонт тут же вернулась. Однако старику полегчало, и он слабо улыбнулся:

«Все в порядке, Петерик, не беспокойтесь. Во всяком случае, теперь я умру с легким сердцем, ведь я сделал, что хотел».

Эмма вопрошающе взглянула на меня, можно ли ей идти. Я кивнул, и она пошла, но вдруг остановилась и подняла голубой конверт, который я от волнения выронил. Она подала его мне в руки, я сунул конверт в карман пальто, и она ушла.

«Вам все это не по нутру, Петерик, — заговорил Саймон Клоуд. — Но вы, как и все, небеспристрастны».

«Дело не в пристрастности, — возразил я. — Вполне возможно, что миссис Спрагг именно тот человек, за которого себя выдает. Я бы не стал возражать, если бы вы оставили ей какую-то небольшую долю в знак благодарности, но, говоря откровенно, Клоуд, лишать наследства свою плоть и кровь в пользу чужого человека — неправильно».

С этими словами я повернулся и ушел. Я сделал все, что мог, высказав свое отрицательное отношение.

Мэри Клоуд встретила меня в холле.

«Выпейте чаю на дорогу. Проходите сюда». И она повела меня в гостиную.

В камине горел огонь, комната выглядела уютно и приветливо. Мэри помогла мне снять пальто. Вошел ее брат — Джордж. Он взял пальто, положил на стул в дальнем конце комнаты и вернулся к камину, где был накрыт стол для чая. Во время чаепития возник какой-то вопрос насчет имения. В свое время Саймон Клоуд сказал, что не хочет им заниматься и предоставляет все решать Джорджу. Джорджа очень беспокоило такое доверие его персоне. По моему предложению, мы после чая прошли в кабинет, и я познакомился с соответствующими бумагами. Мэри Клоуд при сем присутствовала.

Через четверть часа я собрался уходить и пошел в гостиную за пальто. В комнате была миссис Спрагг. Она стояла на коленях возле стула с пальто. Казалось, она делает что-то совершенно ненужное с кретоновым ковром. Увидев нас, она, сильно раскрасневшись, поднялась.

«Этот ковер не укладывается как следует, — пожаловалась она. — Подумать только! Хотелось получше подогнать».

Я взял пальто, оделся. И только тут заметил, что конверт с завещанием выпал из кармана и

валяется на полу. Я снова положил его в карман, попрощался и ушел.

Дальше опишу свои действия подробно. Вернувшись к себе в офис, я снял пальто и достал завещание из кармана. Я стоял у стола, держал документ в руке, когда вошел служащий. Кто-то желал говорить со мной по телефону, а мой аппарат на столе не работал. Вместе со служащим я вышел в приемную и пробыл там минут пять, разговаривая по телефону.

Когда я закончил, ко мне опять обратился служащий:

«Мистер Спрагг хочет видеть вас, сэр. Я провел его к вам в офис».

Я отправился к себе. Мистер Спрагг сидел у стола. Он поднялся и с несколько излишним рвением поприветствовал меня. Затем он приступил к длинной сбивчивой речи. По-видимому, это была попытка оправдать себя и свою жену. Он опасается, что люди говорят, и т. д., и т. д. Все знают, что его жена с детства отличалась чутким сердцем и добрыми помыслами, и т. п., и т. п. Боюсь, я с ним не слишком церемонился. Я думаю, в конце концов он понял, что визит его неуместен, и, как-то неожиданно завершив беседу, он ушел. Тогда-то я вспомнил, что оставил завещание на

столе. Я взял его, заклеил конверт и убрал в сейф.

И вот я перехожу к сути истории. Два месяца спустя мистер Саймон Клоуд умер. Не буду вдаваться в подробности. Просто констатирую факты. Когда я вскрыл конверт с завещанием, там оказался чистый лист бумаги.

Он сделал паузу, окинул взглядом внимательные лица и с явным удовольствием улыбнулся:

— Вы, конечно, понимаете, о чем речь? Два месяца запечатанный конверт лежал в моем сейфе. К нему никто не имел доступа. С тех пор как завещание подписали и до того момента, когда я спрятал его в сейф, прошло слишком мало времени. Итак, кто же все-таки успел, у кого была возможность и в чьих интересах было это сделать?

Напомню основные моменты: завещание подписано мистером Клоудом и положено мною в конверт — пока все хорошо. Затем оно было положено мною в карман пальто. Пальто с меня сняла Мэри и отдала Джорджу. Пальто было передано ему на моих глазах. Пока я находился в кабинете, у миссис Эвридики Спрагг было достаточно времени, чтобы вытащить конверт из кармана и познакомиться с его содержанием. По-видимому, то, что конверт оказался на полу, а не в

кармане, свидетельствует о том, что она именно так и поступила. И тут мы оказываемся перед любопытным фактом: у нее была возможность заменить завещание чистой бумагой, но не было мотива. Завещание было в ее пользу. Заменяя его пустым листком бумаги, она лишала себя наследства, которое так жаждала получить. То же относится и к мистеру Спраггу. У него также была возможность. На две или три минуты он оставался один на один с этим документом у меня в офисе. Но опять-таки он ничего от этого не выигрывал. Итак, перед нами интересная задача: два человека, которые имели возможность вложить чистый лист бумаги, не имели мотива для этого, и двое, у которых был мотив, не имели возможности. Между прочим, не будем исключать из подозреваемых Эмму Гонт. Она души не чаяла в молодых хозяевах и не переносила Спраггов. Я не сомневаюсь, что она попыталась бы совершить подлог, если бы задумала. Но на самом деле она отдала конверт, подняв его с пола. Несомненно, у нее не было возможности открыть конверт. Она не могла ловким движением рук подменить его другим конвертом, потому что конверт, о котором идет речь, был принесен в дом мною и вряд ли у кого-нибудь нашелся бы такой второй.

Он огляделся, одарив собравшихся улыбкой:

— Вот моя маленькая загадка. Надеюсь, я изложил все ясно. Было бы интересно услышать ваше мнение.

Ко всеобщему удивлению, мисс Марпл не смогла удержаться от смеха. По-видимому, ее тут что-то очень позабавило.

— Что с вами, тетя Джейн? Может быть, и нам можно посмеяться? — спросил Реймонд.

— Я вспомнила маленького Томми Саймондса, этого озорного мальчишку, но надо сказать, иногда страшно уморительного. У детей с такими невинными мордашками вечно что-нибудь происходит. На той неделе в воскресной школе он вдруг спрашивает учительницу: «Как правильно сказать: желток в яйцах белый или желтки в яйце белые?» И мисс Дерстон принялась объяснять, что принято говорить: желтки в яйцах белые или желток в яйце белый. А этот озорник и говорит: «А я бы сказал, что желток в яйце желтый!» Ну как не озорник! И старо как мир, я это еще с детства знаю.

— Смешно, конечно, дорогая тетя Джейн, — смягчился Реймонд, — но ведь это не имеет отношения к интересной истории, которую рассказал мистер Петерик.

— Как же не имеет! — возразила мисс Марпл. — Тут же подвох. И история мистера Петерика тоже с подвохом. Вполне в духе адвоката! Ах, старина! — И она, посмотрев на него, с укоризной покачала головой.

— Удивительно, вы в самом деле все поняли? — оживившись, спросил адвокат.

Мисс Марпл написала несколько слов на клочке бумаги, сложила и передала ему.

Мистер Петерик развернул записку, прочел и взглянул на пожилую даму с восхищением.

— Друг мой, — сказал он, — существует ли для вас что-нибудь неразрешимое?

— Мне с детства такое известно, — ответила мисс Марпл. — Я сама подобные штуки устраивала.

— Что-то никак не сообразить, — сказал сэр Генри. — Чувствую, что тут у мистера Петерика какой-то хитроумный юридический фокус.

— Ну что вы, — возразил мистер Петерик. — Что вы. Все совершенно просто. Не стоит так прислушиваться к мисс Марпл. У нее свой взгляд на вещи.

— Нам надо добраться до истины, — принялся рассуждать Реймонд Уэст. — Конечно, все выглядит довольно просто. По сути дела, пять человек

притрагивались к конверту. Ясное дело, Спрагги могли сунуть свой нос, но в то же время очевидно, что они этого не делали. Остаются трое. Тут представляется прекрасная возможность проделать то, что делают фокусники у вас на глазах. Мне кажется, что бумагу мог изъять и подменить Джордж Клоуд в тот момент, когда он нес пальто в дальний конец комнаты.

— А я считаю, что это девица, — заявила Джойс. — Я думаю, что горничная побежала и рассказала ей все, а та достала другой голубой конверт и просто подменила их.

Сэр Генри покачал головой.

— Я с вами обоими не согласен, — медленно начал он. — Такие вещи только для фокусников, и делаются они на сцене или в романах, но в реальной жизни, в особенности под пристальным взглядом такого человека, как мой друг мистер Петерик, мне кажется, осуществить их невозможно. Но у меня есть одна версия — версия, но отнюдь не больше. Мы знаем, что незадолго до этого в доме побывал профессор Лонгман и притом не сказал почти ничего определенного. Логично предположить, что Спрагги были озабочены последствиями его визита. Если Саймон Клоуд не посвящал их в свои дела, что вполне

вероятно, они могли думать, что Клоуд послал за мистером Петериком совсем из других соображений. Возможно, они считали, что мистер Клоуд еще раньше успел составить завещание в пользу Эвридики Спрагг и теперь в результате открытий профессора Лонгмана или же напоминаний Филиппа Гаррода о правах плоти и крови он послал за мистером Петериком, чтобы срочно устранить ее от наследования. В этом случае предположим, что миссис Спрагг решилась осуществить подмену. Она и делает это, но в самый неподходящий момент входит мистер Петерик. У нее даже нет времени прочитать документ, и она поспешно уничтожает его, бросив в огонь.

Джойс решительно покачала головой:

— Она бы никогда в жизни не сожгла его, не прочитав.

— Объяснение не очень убедительное, — признал сэр Генри.

— Не могу утверждать, что у меня сложилось какое-то определенное мнение, — сказал доктор Пендер. — Думаю, что подмену могли осуществить либо миссис Спрагг, либо ее муж. Мотивом, возможно, послужило то, о чем сказал сэр Генри. Если бы миссис Спрагг прочла завещание после ухода мистера Петерика, то

оказалась бы в затруднительном положении: ведь признаться в своем поступке она не могла. Правда, она бы могла положить завещание в бумаги мистера Клоуда в надежде на то, что его обнаружат после смерти наследователя. Но его почему-то не нашли. Вполне вероятно, что Эмма Гонт наткнулась на завещание и из преданности хозяевам умышленно уничтожила его.

— Я считаю, что объяснение доктора Пендера самое правдоподобное, — возвестила Джойс. — Не так ли, мистер Петерик?

Адвокат покачал головой:

— Продолжу с того, на чем остановился. Я был огорошен, как и все вы, я был в полном недоумении. Не думаю, что я когда-нибудь добрался бы до истины, скорее всего — нет, но меня просветили. Это тоже было тонко сделано.

Приблизительно месяц спустя я пошел пообедать с Филиппом Гарродом. Мы разговорились, и уже после обеда он упомянул о любопытном случае, который привлек его внимание.

«Мне хотелось бы рассказать вам о нем, Петерик, конфиденциально, конечно».

«Разумеется», — ответил я.

«Один мой приятель, у которого имелись виды на наследство от родственника, был сильно

опечален тем, что, как выяснилось, родственник этот вознамерился завещать имущество совершенно недостойной особе. Боюсь, мой приятель был не очень щепетилен в выборе средств. В доме была девушка, преданная интересам тех, кого я называю законной стороной. Он дал ей ручку, заправленную соответствующим образом. Девушка должна была положить ее в ящик письменного стола в комнате хозяина, но не в тот ящик, где обычно лежала ручка. И когда хозяину понадобилось бы засвидетельствовать подпись на каком-либо документе и он бы попросил ручку, то она должна была подать ему ручку-двойник. Вот и все, что нужно было сделать. Никакой другой информации он ей не давал. Девушка была преданным человеком и в точности выполнила его указания».

Он прервал рассказ и произнес:

«Надеюсь, я вас не утомляю, Петерик?»

«Напротив, — отозвался я. — Вы меня очень заинтересовали».

Мы встретились взглядами.

«Вы моего приятеля, конечно, не знаете?»

«Конечно нет», — ответил я.

«Тогда все в порядке», — успокоился Филипп Гаррод.

Петерик выдержал паузу и потом сказал с улыбкой:

— Вам ясно, в чем дело? Ручка была заправлена так называемыми исчезающими чернилами — водным раствором крахмала с добавлением нескольких капель йода. Получается насыщенная черно-синяя жидкость, но написанное исчезает через четыре-пять дней.

Мисс Марпл усмехнулась.

— Исчезающие чернила, — подтвердила она. — Известное дело. Сколько развлекалась ими, когда была девочкой. — И она с улыбкой посмотрела на всех, а мистеру Петерику погрозила пальцем. — Все же это подвох, мистер Петерик, — сказала она. — Впрочем, как раз в духе адвокатов.

Отпечатки пальцев святого Петра

— Теперь ваш черед, тетя Джейн, — сказал Реймонд Уэст.

— Да, тетя Джейн, мы ждем от вас чего-нибудь такого особенного.

— Ну вот, смеетесь надо мной, дорогие мои, — посетовала мисс Марпл. — Вы думаете, раз я прожила всю жизнь в глуши, то вряд ли расскажу что-нибудь интересное.

— Боже избави, чтобы я считал жизнь в деревне безмятежной и небогатой событиями, — запальчиво возразил Реймонд. — После того, что мы от вас услышали, кажется, во всем мире царит спокойствие по сравнению с Сент-Мэри-Мид.

— Человеческая натура, дорогой, в сущности везде одинакова, — заметила мисс Марпл. — Только в деревне есть возможность внимательнее наблюдать за ней.

— Вы неподражаемы, тетя Джейн! — воскликнула Джойс. — Надеюсь, вы не против, что я вас так называю? Не знаю даже почему.

— Так уж и не знаешь, милая? — покачала головой мисс Марпл. Она с лукавой улыбкой взглянула на девушку, заставив ее покраснеть.

Реймонд Уэст засуетился и смущенно прокашлялся. Мисс Марпл посмотрела на обоих, снова улыбнулась и опять сосредоточилась на своем вязании:

— Конечно, жизнь моя, можно сказать, небогата событиями. Но я приобрела некоторый опыт в разрешении возникающих иногда различных загадок. Некоторые из них были поистине хитроумны. Рассказывать о них не имеет смысла, потому что они связаны со столь незначительными событиями, что вам было бы просто неинтересно. Вот, например, кто сделал дырку в кошелке миссис Джоунз? Или почему миссис Симс только один раз надела свою новую шубу? Но для того, кто исследует человеческую природу, это очень любопытные факты. Постойте, припоминаю кое-что для вас интересное: случай с мужем моей племянницы, бедняжки Мейбл…

Произошло это лет десять-пятнадцать назад. Событие это, к счастью, уже в прошлом, с ним покончено, все забыли о нем. У людей короткая память — счастливое обстоятельство, всегда думаю я.

Мисс Марпл прервалась и забормотала себе под нос:

— Надо просчитать этот ряд. Раз, два, три, четы-

ре, пять, потом три накида. Правильно. Итак, на чем я остановилась? Ах да, бедняжка Мейбл…

Мейбл — моя племянница. Замечательная была девушка. В самом деле очень хорошая девушка, только чуть, что называется, того. Любила разыгрывать маленькие трагедии и в расстроенных чувствах могла наговорить больше, чем бы хотелось. Она вышла замуж за некоего мистера Денмана, когда ей было двадцать два года. Боюсь, этот брак не был особенно счастливым. Я все надеялась, что их знакомство кончится ничем, поскольку мистер Денман отличался очень тяжелым характером. Он был не из тех людей, кто бы терпимо относился к слабостям Мейбл. К тому же мне стало известно, что в его роду были душевнобольные. Но девицы тогда были такими же упрямыми, как и сейчас, и такими, наверное, будут всегда. И Мейбл вышла за него замуж.

Я редко виделась с ней после свадьбы. Раза два она была у меня в гостях. Супруги приглашали меня к себе много раз, но, по правде говоря, я не люблю ночевать в чужом доме, и у меня всегда находились какие-нибудь отговорки. Десять лет они прожили вместе, и вдруг мистер Денман внезапно умер. Детей они не имели, и все его деньги остались Мейбл. Я, конечно, написала ей и готова

была навестить ее, но она в ответ прислала мне вполне благоразумное письмо, и я сделала вывод, что вдова отнюдь не убита горем. Я подумала: ничего удивительного, ведь мне было известно, что последнее время они не ладили. Не прошло и трех месяцев, как я получила от Мейбл прямо-таки истерическое письмо. Она умоляла меня при-ехать, писала, что обстоятельства складываются все хуже и хуже и что она так долго не выдержит.

И вот, — продолжала мисс Марпл, — я определила любимую Клару в пансион, отправила столовое серебро и кружку короля Карла в банк и двинулась в путь. Мейбл я нашла в отчаянном состоянии. Дом «Долина мирт» был довольно большой и прилично обставлен. Имелась кухарка, горничная, а кроме того, еще и медицинская сестра, ухаживающая за старшим Денманом, отцом мужа Мейбл, у которого, как говорится, были «не все дома». Обычно он вел себя тихо, прилично, но временами вытворял невообразимое. Я ведь говорила, что в семье были психически больные.

Я была потрясена, увидев, как изменилась Мейбл. Она стала какой-то издерганной, сплошной комок нервов; я даже не решилась прямо спросить у нее, что случилось. Пришлось действовать исподволь. Я стала расспрашивать ее

о знакомых, о которых она всегда писала мне в письмах. Спросила о Галахерах. К моему удивлению, Мейбл сказала, что вряд ли теперь будет с ними встречаться. Я назвала еще некоторых других ее знакомых — ответ тот же. Тогда я стала увещевать ее, что нечего, мол, капризничать, запираться ото всех и погружаться в мрачные мысли, что особенно глупо порывать с друзьями. Вот тут ее и прорвало, и правда вышла наружу.

«Это не я, это всё они! Тут ни один человек теперь не желает со мной разговаривать! Когда я иду по Хай-стрит, все сворачивают в сторону, чтобы не встретиться со мной. Я словно прокаженная. Это ужасно, я не могу больше этого вынести! Придется продать дом и уехать за границу. Но с какой стати мне уезжать из такого дома? Я ведь ничего плохого никому не сделала».

Я была так расстроена, что не передать. Я в то время вязала шарф старой миссис Хей и от волнения потеряла две петли, потом долго не могла их отыскать.

«Мейбл, дитя мое, ты меня поражаешь. В чем же причина всего этого?» — спросила я.

Мейбл и в детстве была страшно упрямой. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить ее все-таки ответить на мой вопрос. Она

принялась твердить о злых языках, о людях, у которых в жизни нет ничего, кроме сплетен, и которые забивают другим головы всякой чепухой.

«Это мне понятно, — сказала я. — Но, очевидно, с тобой связана какая-то история. Что за история, ты должна знать не хуже других. И ты мне ее расскажешь».

«Это так страшно», — простонала Мейбл.

«Конечно, страшно, — согласилась я. — Но что бы ты ни рассказала мне, это не удивит и не испугает меня. Теперь, может быть, признаешься, что о тебе говорят?»

Вот тут-то все и выяснилось.

По-видимому, смерть Джеффри Денмана, поскольку она произошла внезапно, вызвала различные толки. А если сказать короче, напрямик, как я потребовала от нее, люди говорили, что она отравила мужа.

Я полагаю, вам известно, что нет ничего более страшного, чем такие разговоры, и с ними всего трудней бороться. Когда люди говорят всякое у вас за спиной, вы не можете ни отрицать ничего, ни опровергнуть, а слухи нарастают и нарастают, и невозможно их пресечь. Я знала наверняка: Мейбл не способна на преступление. Но, рассуждала я, опостылевший дом, разбитая жизнь — не

слишком ли это дорогая плата за какую-то, быть может, и совершенную ею глупость?

«Нет дыма без огня, — настаивала я. — Ты должна мне сказать, с чего все началось. Должно же было быть что-то?»

Мейбл была очень растеряна и только бормотала, что ничего, ничего не было, за исключением, впрочем, того, что Джеффри умер совершенно неожиданно. Вроде был абсолютно здоров еще за ужином, а ночью ему вдруг стало плохо. Вызвали доктора. Тот уже ничего не мог сделать. Муж скончался через несколько минут после прибытия врача. Решили, что смерть наступила в результате отравления грибами.

«Так, — не отступала я, — полагаю, что внезапная смерть могла дать повод для сплетен. Но, без сомнения, были, наверное, еще какие-нибудь дополнительные факты. Ты ссорилась с Джеффри или было у вас что-нибудь в этом роде?»

Она призналась, что у них была ссора накануне, утром за завтраком.

«И слуги, наверное, слышали?» — спросила я.

«Их не было в комнате».

«Но, милая моя, — заметила я, — вероятно, они были недалеко от дверей».

Я же прекрасно знала, как хорошо слышен

пронзительный истерический голос Мейбл. Да и Джеффри Денман тоже, когда сердился, повышал тон.

«Из-за чего вы поссорились?» — допытывалась я.

«А, обычное дело. Все одно и то же изо дня в день. Из-за какой-то мелочи началось. А когда Джеффри стал невыносим и начал говорить разные гадости, я высказала все, что о нем думала».

«Значит, ругались как следует?»

«Это не моя вина…» — отвечала племянница.

«Дитя мое, — продолжала я, — чья это была вина, значения не имеет. Не об этом речь. В таких местечках, как ваше, личные дела каждого в той или иной степени становятся достоянием окружающих. Вы с мужем все время ссорились. Однажды утром вы повздорили особенно сильно, и ночью — эта внезапная загадочная смерть… Это все или было еще что-нибудь?»

«Я не знаю, что вы имеете в виду под «еще что-нибудь», — пробурчала Мейбл.

«Только то, что сказала, милочка. Если ты наделала каких-то глупостей, ради бога, не скрывай. Я постараюсь сделать все, что смогу, чтобы помочь тебе».

«Мне никто и ничто не может помочь, — обре-

ченно произнесла Мейбл. — Только смерть».

«Доверься немного больше Провидению, милая, — сказала я. — Теперь я знаю совершенно точно, что ты еще кое-что от меня скрываешь».

Мне было хорошо известно, что даже в детстве она всегда что-нибудь недоговаривала. Потребовалось время, но в конце концов я узнала все. Оказывается, она ходила утром в аптеку и купила мышьяк. Ей пришлось, конечно, расписаться за него. Естественно, аптекарь не молчал об этом.

«Кто ваш врач?» — спросила я.

«Доктор Ролинсон».

Мейбл показала мне его на следующий день. У меня слишком богатый жизненный опыт, чтобы верить в непогрешимость врачей. Часть из них — люди сведущие, а часть — нет. Почти всегда даже лучшие из них не знают, чем вы больны. Сама я избегаю врачей и их лекарств.

Я сочла, что надо действовать. Надела шляпку и пошла к доктору Ролинсону. Он оказался именно таким, каким я его себе представляла, — милым стариком, доброжелательным, рассеянным, до жалости близоруким, туговатым на ухо и в то же время в высшей степени обидчивым. Он почувствовал себя на коне, когда я упомянула о смерти Джеффри Денмана, и долго говорил о различных

видах грибов, съедобных и ядовитых. Он сказал, что расспрашивал кухарку, и та призналась, что один или два гриба показались ей тогда «немного подозрительными», но раз уж они из лавки, решила она, то должны быть хорошими. Но чем больше она о них потом думала, тем больше грибы представлялись ей необычными.

«Сначала это были грибы как грибы, а потом стали оранжевыми в красную крапинку. Чего только эта публика не припомнит, если постарается», — подумала я.

Денман, когда к нему явился врач, совсем не мог говорить. Он не мог глотать и скончался через несколько минут. Доктор, по-видимому, не сомневался в своем заключении. Но было ли это упрямство или истинное убеждение, сказать трудно.

Я немедленно отправилась домой и спросила Мейбл напрямик, для чего она купила мышьяк.

«У тебя же должна была быть какая-то цель», — сказала я.

Мейбл разрыдалась:

«Я хотела покончить с собой. Я была так несчастна».

«Мышьяк у тебя сохранился?» — допытывалась я.

«Нет, я его выбросила».

Я сидела и вновь, и вновь все мысленно прокручивала.

«Что произошло, когда ему стало плохо? Он позвал тебя?»

«Нет. — Мейбл покачала головой. — Он стал сильно звонить. Наконец Дороти, горничная, которая живет в доме, услыхала и разбудила кухарку. Обе они явились к Джеффри. Дороти увидела его и испугалась. Речь бессвязная, бредит. Она оставила с ним кухарку и прибежала ко мне. Конечно, я сразу поняла, что с мужем что-то необычное. К несчастью, Брустер, которая ухаживает за старым Денманом, в ту ночь отсутствовала, так что некому было посоветовать, что делать. Я послала Дороти за врачом, а сама с кухаркой осталась при нем, но через несколько минут я уже не выдержала: это было так страшно. Я убежала к себе в комнату и заперла дверь».

«Какая ты эгоистка, какая жестокая, — не сдержалась я. — Наверняка твое поведение сыграло в дальнейшем свою роль, можешь в этом не сомневаться. Кухарка, конечно, повсюду об этом растрезвонила. Ну и ну, плохи дела».

Потом я поговорила с прислугой. Кухарка принялась было рассказывать о грибах, но я ее

остановила. Мне надоели эти грибы. Я обстоятельно расспросила обеих о состоянии их хозяина в ту ночь. Обе в один голос утверждали, что у него, по-видимому, были сильнейшие боли, что он не мог глотать, пытался говорить что-то сдавленным голосом, но нес какую-то чушь, ничего осмысленного.

«Что же это была за чушь?» — поинтересовалась я.

«О какой-то рыбе, верно?» — обратилась кухарка к Дороти.

Та подтвердила:

«Да, все говорил: выпила рыба, выпила рыба, словом, глупости всякие. Я сразу поняла, что он, бедный, не в своем уме».

Действительно, в его словах, кажется, не было никакого смысла. Я закончила расспрашивать их. Оставалась еще Брустер, и я отправилась к ней. Это оказалась изможденная женщина лет под пятьдесят.

«Жаль, меня не было в ту ночь, — сокрушалась она. — Видно, ему никто не пытался помочь, пока не пришел врач».

«Я допускаю, что Джеффри бредил, — с сомнением сказала я. — Но это же не симптом отравления птомаином, не так ли?»

«Как сказать», — заметила Брустер.

Я поинтересовалась, как чувствует себя ее пациент.

Она покачала головой:

«Довольно скверно».

«Слабость?»

«Нет, физически он достаточно крепок. Только вот зрение очень падает. Он может пережить всех нас, но болезнь мозга прогрессирует. Я уже говорила с мистером и миссис Денман, что старика следует направить в институт, но миссис Денман и слышать об этом не хочет».

Замечу, что Мейбл всегда была добрая душа.

Итак, факт оставался фактом. Я обдумала случившееся и решила, что должно быть сделано еще одно дело. Учитывая распространяющиеся сплетни, надо обратиться за разрешением на эксгумацию тела, чтобы произвести надлежащее post-mortem[52], то есть вскрытие трупа, и тогда злые языки утихомирятся.

Мейбл, конечно, подняла шумиху, главным образом из сентиментальных соображений — трогать умершего с места его упокоения и прочее, и прочее. Но я настояла.

---

[52] notes: 52

Букв.: после смерти *(лат.)*

Тут я не буду вдаваться в детали. Мы добились соответствующего разрешения. Вскрытие, или как там еще это называется, было проведено, но результат не был таким определенным, как бы нам хотелось. Никаких признаков мышьяка. Это было в нашу пользу. Дословно в акте стояло: «Не обнаружено никаких доказательств причины смерти».

Как вы понимаете, такое заключение не вывело нас из затруднения. Люди продолжали судачить о редких ядах, присутствие которых невозможно обнаружить, и о прочем вздоре из той же оперы. Я повидалась с патологоанатомом, который производил вскрытие, и задала ему несколько вопросов. И хотя он всеми силами пытался уйти от ответов, мне все же удалось выяснить его мнение: крайне маловероятно, что причиной смерти оказались ядовитые грибы. Тут у меня возникла мысль, и я спросила его, а какой яд мог бы привести к подобному исходу. Он пустился в длинные объяснения, которые, признаюсь, я пропустила мимо ушей. Но подытожил он так: «Смерть могла быть следствием действия какого-либо сильного растительного алкалоида».

А я подумала: если душевная болезнь в скрытой форме была в крови Джеффри Денмана, разве он

не мог совершить самоубийство? Он занимался когда-то медициной и имел хорошее представление о ядах и их действии.

Я не считала, что мой вывод верен, но это было единственное, что мне тогда пришло в голову, а я уже начинала выходить из себя.

И должна признаться — полагаю, молодым людям это покажется смешным, — когда я по-настоящему в тяжелой ситуации, я твержу себе под нос маленькое заклинание, где бы ни находилась, на улице ли, на рынке. И это всегда приводит к успеху. Возможно, по вашему мнению, я говорю о какой-то чепухе, совершенно не связанной с предметом. Но это не так. Текст заклинания висел у меня над кроватью, еще когда я была маленькой: «Ищите и обрящете». В то утро, о котором я рассказываю, я шла по Хай-стрит и не переставая твердила эти святые слова. Я даже на какой-то момент закрыла глаза. А когда открыла, что, вы думаете, я прежде всего увидела?

Пять лиц с различной степенью интереса обратились к мисс Марпл. Можно было, однако, с уверенностью утверждать, что никто не нашел правильного ответа на вопрос.

— Я увидела, — с особой выразительностью произнесла мисс Марпл, — витрину рыбной лавки, и

в ней только одно — груду свежей пикши[53].

— Бог ты мой! — воскликнул Реймонд Уэст. — В ответ на святые слова — свежая пикша.

— Да, Реймонд, — строго проговорила мисс Марпл. — И не богохульствуй по этому поводу. Рука господа вездесуща. Первое, что мне бросилось в глаза, — черные пятнышки — отпечатки пальцев святого Петра. Знаете, существует такая легенда о пальцах святого Петра[54]. И это все поставило на свои места. Мне недоставало слова, истинного слова святого Петра. Я соединила вместе две вещи — слово и рыбу.

Сэр Генри как-то торопливо высморкался. Джойс закусила губу.

— Что же мне это дало? Ведь и кухарка, и горничная упоминали о пьющей рыбе, о которой говорил умирающий. И я была теперь убеждена, абсолютно убеждена, что решение загадки кроется в этих словах. Я вернулась домой, полная решимости добраться до сути.

Мисс Марпл сделала паузу.

— Вам никогда не приходило в голову, — про-

---

[53] notes: 53

Пикша — разновидность трески с характерными пятнами на коже.

[54] notes: 54

По свидетельству Библии, святой Петр был ранее рыбаком Симоном и лишь от Христа получил имя Петр — камень *(греч.)*.

должала старая дама, — сколь многое можно обнаружить в так называемом контексте? В Дартмуре есть местечко под названием Грей-Уэзерс. Если вы заговорите с местным крестьянином и произнесете эти слова, он, скорее всего, решит, что вы говорите о местных каменных кругах, хотя вы, может быть, имеете в виду погоду. В то же время, если вы имеете в виду каменные круги, человек приезжий, услышав не полностью ваш разговор, может подумать, что вы имеете в виду погоду[55]. Так вот, пересказывая разговор, мы не повторяем в точности услышанные слова, а чаще всего заменяем их другими, которые, с нашей точки зрения, означают то же самое.

Я решила встретиться с кухаркой и с Дороти, с каждой в отдельности. Я спросила кухарку, ручается ли она, что ее хозяин действительно говорил: «выпила рыба». Та нисколько в этом не сомневалась.

«Он говорил именно эти слова, — добивалась я, — или называл какую-то определенную рыбу?»

---

[55] notes: 55

В данном случае речь о словах, которые имеют несколько различное написание и значение, но произносятся одинаково. Так, «Gray Wethers» — место, близ которого находятся остатки предполагаемого древнего храма друидов в виде каменных кругов, и «grey weathers» — буквально «серые погоды», то есть мрачные пасмурные погоды.

«Да, — подтвердила кухарка, — называл какую-то рыбу, а вот какую, сейчас и не вспомнить. Выпила… ну как же это? Словом, рыба; которую у нас принято есть. Окунь или щука?.. Нет, с какой-то другой буквы».

Дороти тоже припомнила, что хозяин говорил о какой-то определенной рыбе.

«Какая-то съедобная рыба была, — сказала она. — А вот почему «пила»?»

«Так он сказал «пила» или «выпила»?»

«Мне кажется, он сказал «пила». Нет, впрочем, не могу быть вполне уверена, так трудно припомнить слова в точности, правда же, мисс, особенно если они бессмысленны. Но вот все-таки припоминаю, что «пила», именно «пила». А название рыбы начиналось с буквы «к», но не камбала, нет, и не кета…»

— Дальше произошло такое, чем я даже горжусь, — сказала мисс Марпл. — Я ведь совершенно не разбираюсь в лекарствах. Неприятные, опасные снадобья. У меня есть старый, еще от бабушки, рецепт приготовления чая из пижмы, и это получше всех ваших лекарств. Но я знала, что в доме имеется несколько книг по медицине, и в одной из них был указатель лекарств. Понимаете ли, моя мысль состояла в том, что Джеффри

принял какой-то яд и пытался произнести его название.

Я просмотрела список на букву «в», потом на букву «к». Ничего, что бы имело сколько-нибудь похожее звучание. Принялась за «п» и почти сразу же нашла… Что бы вы думали? — Она оглядела всех, предвкушая момент триумфа. — Пилокарпин! Неужели вы бы поняли человека, почти неспособного что-либо произнести и силящегося сказать это слово? Как бы оно прозвучало для кухарки, которая никогда его не слышала? Не восприняла бы она его как сочетание слов «пила» и «карп», как вы считаете?

— Ей-богу, здорово! — выдохнул сэр Генри.

— Никогда бы до таких тонкостей не добрался, — признался доктор Пендер.

— Чрезвычайно интересно, — заметил мистер Петерик. — В самом деле.

— Я быстро раскрыла страницу, указанную в содержании, — продолжала мисс Марпл. — Прочитала все о пилокарпине, о его воздействии на глаза и на другие органы, что, казалось бы, не имело никакого отношения к данному случаю… Наконец дошла до фразы, представившейся мне очень важной: «используется как противоядие при отравлении атропином».

Не могу вам передать, как меня тут осенило. Я никогда не считала, что Джеффри Денман способен на самоубийство. И моя новая идея не была очередной версией. Я знала наверняка, что это единственно возможное решение загадки. Все обстоятельства оказались в логической связи.

— Я даже не собираюсь строить догадок, — сказал Реймонд. — Рассказывайте дальше, тетя Джейн, что вам стало так поразительно ясно?

— Я, конечно, ничего не понимаю в медицине, — повторила мисс Марпл, — но я, по счастью, знала о действии сульфат-атропина. Врач прописывал его мне, когда у меня падало зрение. Я немедленно направилась наверх в комнату к старому мистеру Денману и не стала церемониться.

«Мистер Денман, — прямо приступила я, — мне все известно. Зачем вы отравили сына?»

Он с минуту всматривался в меня. По-своему это был довольно интересный пожилой мужчина. И вдруг он разразился смехом. Злобным смехом. Нечто подобное мне довелось слышать лишь однажды, когда несчастная миссис Джоунз помутилась рассудком.

«Да, — подтвердил он. — Я разделался с Джеффри. Я был слишком добр к Джеффри. Вот он и

пытался меня выставить, не так ли? Запереть в сумасшедший дом! Я слышал, как они это обсуждали. Мейбл хорошая. Мейбл за меня, но я знал, что ей не устоять перед Джеффри. В конце концов он бы сделал так, как считал нужным, как всегда делал. Но я расправился с ним, расправился со своим добрым, преданным сыном. Ха-ха! Я пробрался вниз ночью. Это было очень легко. Брустер не было. Мой милый сыночек спал; у кровати стоял стакан с водой: он всегда просыпался среди ночи и пил. Я вылил воду — ха-ха! — и опрокинул пузырек с каплями в стакан. Он, думаю, проснется и хватанет их, еще не разобрав, что это. Их было со столовую ложку — вполне достаточно. Он и выпил! А утром приходят сюда и преподносят мне это. Чутко так. Боялись, что я расстроюсь. Ха! Ха! Ха! Ха!»

Вот так, — заключила мисс Марпл. — Тут истории конец. Разумеется, несчастного старика поместили в сумасшедший дом. Он и в самом деле не ведал, что творит. Правда вышла наружу. Всем было неловко перед Мейбл из-за неоправданных подозрений, не знали, как с ней помириться. Но если бы Джеффри не понял, что за вещество он проглотил, и не попытался бы созвать всех, чтобы безотлагательно заполучить противоядие,

смерть его так и осталась бы загадкой. По-моему, существуют вполне определенные признаки отравления атропином — расширенные зрачки и так далее; но, конечно, как я говорила, доктор Ролинсон был очень близорук. Бедный старик. В той самой медицинской книжке, которую я продолжаю читать, есть некоторые места чрезвычайно интересные; даются признаки отравления птомаином и атропином, и они несходны. Но, уверяю вас, теперь всегда, когда вижу свежую пикшу, непременно вспоминаю о пальцах святого Петра.

Наступила очень длинная пауза.

— Дорогой друг, — прервал молчание мистер Петерик. — Мой дорогой друг, вы действительно поразительный человек.

— Я буду рекомендовать вас, мисс Марпл, Скотленд-Ярду в качестве консультанта, — заверил сэр Генри.

— Но как бы там ни было, тетя, одного обстоятельства вы не знаете, — сказал Реймонд.

— Знаю, дорогой, — невозмутимо возразила мисс Марпл. — Это произошло как раз перед обедом, ведь верно? Когда вы с Джойс пошли полюбоваться закатом. Это излюбленное место. Около изгороди из жасмина. Именно там молоч-

ник спросил у Энни разрешения на оглашение их имен в церкви[56].

— Черт возьми! — с досадой воскликнул Реймонд. — Тетя Джейн, вы так убьете всю романтику. Я и Джойс не молочник и не Энни.

— Вот тут-то ты ошибаешься, мой милый, — улыбнулась мисс Марпл. — Все на самом деле удивительно похожи. Но, может быть, к счастью, не понимают этого.

[56] notes: 56

В Англии имена вступающих в брак по обычаю трижды оглашаются в церкви, чтобы выяснить, нет ли препятствий к заключению брака.

Синяя герань

— Когда я был в этих местах в прошлом году… — начал было сэр Генри Клиттеринг и умолк.

Хозяйка, миссис Бантри, посмотрела на него с любопытством. Экс-комиссар Скотленд-Ярда гостил у своих старых друзей — полковника Бантри и его жены, которые жили неподалеку от Сент-Мэри-Мид. Миссис Бантри только что спросила у сэра Генри, кого пригласить шестым сегодня вечером на обед.

— Итак? — произнесла миссис Бантри, ожидая продолжения. — Где вы были в прошлом году?..

— Скажите, знаете ли вы некую мисс Марпл? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри удивилась. Этого она никак не ожидала.

— Знаю ли я мисс Марпл? Кто же ее не знает! Типичная старая дева. Правда, довольно симпатичная, но… безнадежно старомодная. Вы хотите сказать, что ее следует пригласить на обед?

— Вы удивлены?

— Надо признаться, да. Никогда бы не подумала, что вы… Но, может быть, этому есть объяснение?

— Объяснение очень простое. Когда я был здесь

в прошлом году, мы взяли за обыкновение обсуждать разные загадочные случаи. Нас было пятеро или шестеро. Писатель Реймонд Уэст затеял все это. Каждый рассказывал какую-нибудь историю-загадку, отгадку на которую знал он один. Решили посостязаться в дедуктивных умозаключениях, посмотреть, кто ближе всех окажется к истине.

— И что же?

— Мы и не предполагали, что мисс Марпл пожелает принять участие в этой забаве. Но произошло неожиданное. Почтенная дама перещеголяла нас всех!

— Да что вы!

— Чистая правда. Без всяких усилий, уверяю вас.

— Не может быть. Мисс Марпл ведь почти не выезжала из Сент-Мэри-Мид.

— Зато, по ее словам, у нее были неограниченные возможности наблюдать человеческую природу как бы под микроскопом.

— Да, возможно, в этом что-то есть, — согласилась миссис Бантри. — Но я считаю, что у нас тут нет настоящих злодеев. Я думаю, не испытать ли ее после обеда на истории с привидением Артура. Я была бы очень благодарна ей, если бы она разгадала ее.

— Я не знал, что Артур верит в потусторонние силы!

— Ой! Он не верит. Именно поэтому он и озабочен. А произошло это с одним из его друзей — Джорджем Притчардом, самой прозаической личностью. Либо эта необыкновенная история — правда, либо…

— Либо что?

Миссис Бантри не ответила. Спустя минуту она сказала ни с того ни с сего:

— Вы знаете, я люблю Джорджа. Его все любят. Невозможно поверить, что он… но бывает же, что люди совершают из ряда вон выходящие вещи.

Сэр Генри кивнул. Он лучше, чем миссис Бантри, знал «из ряда вон выходящие вещи».

И вот вечером миссис Бантри окинула взглядом собравшихся за столом. Хозяйка остановила свой взгляд на пожилой даме, сидящей по правую руку от ее мужа. На мисс Марпл были черные кружевные митенки, на плечи изящно наброшено fichu[57] из старинных кружев, кружевная наколка венчала ее белоснежные волосы. Она оживленно беседовала с пожилым доктором

[57] notes: 57
Род шейного платка, косынки *(фр.)*.

Ллойдом о работном доме[58] и о не внушающей доверия местной медицинской сестре, особе весьма небрежной.

Миссис Бантри засомневалась: уж не пошутил ли сэр Генри? Но в этом, кажется, не было никакого смысла. Неужели то, что он рассказал о мисс Марпл, правда?

Затем ее взгляд остановился на муже, который завел разговор о лошадях с Джейн Хелльер — популярной актрисой. Джейн, в жизни более красивая (если только это возможно), чем на сцене, шептала время от времени: «В самом деле? Надо же! Как замечательно!» Она ничегошеньки не знала о лошадях и еще меньше интересовалась ими.

— Артур, — обратилась к мужу миссис Бантри. — Ты доведешь бедняжку Джейн до изнеможения. Оставь лошадей в покое, лучше расскажи ей историю о привидении. Ну знаешь… о Джордже Притчарде.

— Э-э, Долли… Я думаю…

— Сэр Генри тоже хочет послушать. Я ему кое-

---

[58] notes: 58

Работные дома — благотворительные учреждения для оказания помощи нуждающимся. Они должны были работать и жить в них, подчиняясь заведенным порядкам. В своем первоначальном виде прекратили существование в конце XIX века; в настоящее время так называют дома инвалидов с ограниченной трудоспособностью.

что шепнула сегодня утром.

— О, пожалуйста! — сказала Джейн. — Я люблю истории о привидениях.

— Ну… — замешкался полковник Бантри. — Я, собственно, никогда особенно не верил в сверхъестественное, но тут… Никто из вас, вероятно, не знает Джорджа Притчарда. Это замечательный человек. Его жена — она, бедняжка, умерла уже — устроила ему в свое время нелегкую жизнь. Она была из тех полуинвалидов — хотя, я полагаю, она действительно была больным человеком, — которые используют свое положение на всю катушку. Капризная, требовательная, безрассудная, она жаловалась на свою участь с утра до вечера и считала, что Джордж должен постоянно быть в ее полном распоряжении. Что он ни делал — все было плохо… Я совершенно убежден, что всякий на его месте давно бы шарахнул ее обухом по голове. Разве не так, Долли?

— Отвратительная она была особа, — подтвердила миссис Бантри. — Если бы Джордж Притчард размозжил ей голову, любая женщина, будучи судьей, полностью бы его оправдала.

— Я в точности не знаю, как это все началось: Джордж в детали не вдавался. Как я понял, миссис Притчард всегда питала слабость ко всякого рода

ясновидцам, прорицателям и гадалкам. Джордж ей не препятствовал. Раз это было для нее утешением, то и слава богу. Но сам он не проявлял восторга по этому поводу, что являлось еще одной причиной для обид.

Медицинские сестры в доме не задерживались. Миссис Притчард увольняла их очень быстро. Правда, одна молодая сестра чрезвычайно серьезно относилась к разным пророческим фокусам, и некоторое время миссис Притчард ее очень любила. Потом неожиданно стала и ею недовольна. Она потребовала другую сестру, которая служила у нее раньше, пожилую женщину, опытную в обращении с неуравновешенными пациентами. Сестра Коплинг, по мнению Джорджа, была из тех женщин, с которыми можно поладить. Она справлялась со вспышками раздражения и нервных бурь совершенно невозмутимо.

Второй завтрак — ленч — всегда подавался миссис Притчард наверх, и обычно во время него Джордж и сестра Коплинг договаривались о второй половине дня. Строго говоря, сестра была свободна от двух до четырех, но «в виде одолжения» она иногда уходила и после чая, если Джордж хотел быть свободным днем. А в этот раз она сказала, что едет повидать родственницу

в Голдерс-Грин и может немного задержаться. Джордж расстроился, потому что он договорился сыграть партию в гольф.

Сестра Коплинг успокоила его:

«Сегодня здесь без нас обойдутся, мистер Притчард. У миссис Притчард будет гораздо более интересная компания, чем наша».

«Кто же это?..»

«Зарида, медиум, предсказательница будущего...»

«Опять новая?»

«О да. Я полагаю, моя предшественница, сестра Карстерс, порекомендовала. Миссис Притчард еще ее не видела. Она просила меня написать ей и назначить свидание на сегодня».

«Ну, во всяком случае, я поиграю в гольф», — сказал Джордж и ушел с самыми добрыми чувствами по отношению к прорицательнице Зариде.

Вернувшись домой, он нашел миссис Притчард в состоянии крайнего возбуждения. Она, как обычно, лежала на кушетке и часто подносила к носу флакон с нюхательной солью.

«Джордж! — воскликнула она. — Что я говорила тебе о нашем доме?! Едва я переступила порог, я сразу почувствовала, что здесь что-то не так!

Разве я тебе этого не говорила?»

«Что-то не припоминаю».

«Ты никогда не помнишь того, что связано со мной. Все вы, мужчины, крайне бессердечны, но ты, ты еще более, чем все».

«Успокойся, Мэри, дорогая, ты несправедлива».

«Так вот, то, что я тебе говорила давно, эта женщина почувствовала сразу! Она… она даже так и отпрянула… если ты понимаешь, что я имею в виду… Она вошла в дверь и сказала: «Здесь есть зло. Зло и опасность. Я чувствую это».

«Ну, ты не зря потратила деньги сегодня», — некстати улыбнулся Джордж.

Жена закрыла глаза и сильно потянула носом из флакона.

«Как ты меня ненавидишь! Ты будешь торжествовать, когда я умру».

Джордж запротестовал, а через минуту она продолжила:

«Можешь смеяться, но я расскажу тебе все. Этот дом, безусловно, опасен для меня, так сказала эта женщина».

Доброе расположение Джорджа к Зариде моментально пропало. Он знал, что жена, несомненно, способна настоять на переезде в другой дом.

«Что еще сказала женщина?» — спросил он.

«Она не могла много говорить, она была так расстроена. Но кое-что все-таки сказала. У меня в стакане стояли фиалки. Она показала на них и закричала: «Уберите их прочь! Никаких синих цветов! Чтобы у вас никогда не было синих цветов! Помните, синие цветы для вас — смерть!» Ты же знаешь, — добавила миссис Притчард, — что я не люблю синий цвет. У меня какое-то предубеждение против него».

Джордж был достаточно благоразумен и не стал настаивать, что никогда не слышал этого от нее. Он спросил, что представляла собой эта таинственная Зарида. Миссис Притчард с удовольствием принялась за описание:

«Густые черные волосы, собранные двумя узлами над ушами, полузакрытые глаза, черные круги вокруг них, рот и подбородок скрыты черной вуалью. Речь протяжная, с заметным иностранным акцентом, по-моему, испанским».

«Собственно, все как и полагается в таких случаях», — бодро сказал Джордж.

Миссис Притчард немедленно закрыла глаза.

«Я чувствую себя совершенно больной, — сказала она. — Вызови сиделку. Твоя бессердечность расстраивает меня, это тебе великолепно из-

вестно».

Спустя два дня сестра Коплинг пришла к Джорджу с печальным лицом.

«Не пройдете ли вы к миссис Притчард? Она получила письмо, которое ее очень расстроило».

Он поднялся к жене.

«Прочти», — сказала она и протянула ему письмо. Джордж прочел. Оно было написано большими черными буквами на сильно надушенной бумаге.

«Я познала будущее. Предупреждаю вас, пока не поздно. Остерегайтесь полной луны. Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть…»

Джордж было рассмеялся, но осекся, поймав взгляд сестры и ее быстрый протестующий жест. Он довольно неуклюже сказал:

«Эта женщина хочет тебя запугать, Мэри. Во всяком случае, ни синих примул, ни синих гераней не бывает».

Но миссис Притчард стала плакать и причитать, дни, мол, ее сочтены. Сиделка вышла с Джорджем на лестницу.

«Все это глупость несусветная!» — вырвалось у него.

«Я тоже так думаю».

Что-то в тоне сестры поразило его, и он пристально посмотрел на нее.

«В самом деле? Вы же не верите…»

«Нет, нет, мистер Притчард. Я не верю в предсказания. Это глупости. Но вот какой смысл в этом? Прорицатели обычно этим зарабатывают. А тут женщина запугивает миссис Притчард без всякой выгоды для себя. Я не могу понять, в чем дело. Есть еще один момент…»

«Да?»

«Миссис Притчард говорит, что в Зариде ей что-то знакомо».

«Да ну?»

«Словом, мне это не нравится, мистер Притчард, вот и все».

«Не думал, что вы столь суеверны».

«Я не суеверна, но чувствую, когда что-то не так».

Минуло четыре дня, и произошел первый инцидент. Чтобы объяснить его, надо описать комнату миссис Притчард.

— Лучше дай это сделаю я, — прервала его миссис Бантри. — Комната ее была оклеена этими новомодными обоями, на которых изображены разнообразные цветы; получается как бы стена цветов. Эффект такой, будто находишься в саду.

Хотя, конечно, все неверно. Я имею в виду то, что они не могут все цвести в одно время…

— Не будь придирчивой, Долли, — упрекнул ее муж. — Мы все знаем, что ты одержима цветоводством.

— Но ведь это абсурд, — не смогла сдержать возмущения миссис Бантри. — Собрать вместе колокольчики, нарциссы, люпины, розы и астры.

— Да, не по науке, — согласился сэр Генри. — Но продолжим рассказ.

— Так вот, среди этого моря цветов были желтые и розовые примулы… Ну ладно, Артур, ты ведь рассказываешь…

Полковник Бантри продолжил историю:

— Однажды утром миссис Притчард позвонила изо всех сил. Прислуга примчалась бегом. Думали, что у нее тяжелый приступ. Но ничуть не бывало. Она была крайне взволнована и указывала на обои. Так вот, среди примул была одна синяя.

— О! — воскликнула мисс Хелльер. — Мурашки по спине побежали!

— Возник вопрос, не был ли тут все время этот цветок?

«Разве не было здесь синей примулы?» — спросили Джордж и сестра Коплинг.

Но миссис Притчард ответила, что до сегодняш-

него утра не замечала синей примулы. К тому же накануне вечером была полная луна. Это ее очень расстроило.

— Я встретила Джорджа Притчарда в тот самый день, и он рассказал мне все, — сказала миссис Бантри. — Я пошла проведать миссис Притчард и, как могла, постаралась все превратить в шутку. Но безуспешно. Я ушла с тяжелым сердцем, помню, еще встретила Джин Инстоу и поделилась с ней новостью. Джин — странная девушка.

«Неужели она в самом деле так расстроилась?» — удивилась Джин.

Я сказала ей, что миссис Притчард может умереть от страха — она ведь на самом деле была до умопомрачения суеверна.

Помню, что Джин сильно напугала меня.

«Может быть, все к лучшему, — сказала она, — не так ли?»

И произнесла это так холодно, таким обыденным тоном, что я была просто шокирована. Конечно, теперь вести себя грубо и вызывающе не вновь, но я никогда к этому не привыкну.

Джин улыбнулась и добавила: «Вам не нравится то, что я говорю, но это правда. Какая польза от жизни миссис Притчард? Совершенно никакой, а для Джорджа Притчарда — ад. Напугать ее до

смерти — лучше и не придумаешь».

Я говорю: «Джордж всегда с ней очень терпелив».

А она: «Да, он заслуживает награды, бедняжка, он очень привлекательный, этот Джордж Притчард. Последняя сиделка тоже так считала — хорошенькая такая… Как же ее звали? Карстерс, кажется. Ведь это было причиной ее скандала с хозяйкой».

Мне не понравилось, как Джин об этом говорила. Тут, конечно, призадумаешься… — Миссис Бантри сделала многозначительную паузу.

— Да, дорогая, — спокойно произнесла мисс Марпл. — Всегда возникают вопросы. Мисс Инстоу хорошенькая? Наверно, в гольф играет?

— Да. Она прекрасно играет не только в гольф. И она такая очаровательная, милая: белокурая, чудесная кожа и прекрасные, небесной синевы глаза. Конечно, мы все чувствовали, что она и Джордж Притчард… Я имею в виду, если бы обстоятельства сложились по-другому… Они так хорошо подходили друг к другу.

— И они были друзьями? — спросила мисс Марпл.

— О да, и хорошими.

— Ты не находишь ли, Долли, что мне надо за-

кончить рассказ? — обиженно сказал полковник Бантри.

— Да-да, Артур, возвращайся к своим привидениям, — согласилась миссис Бантри.

— Остальное я услышал от самого Джорджа, — продолжал полковник. — Стало ясно, что миссис Притчард станет ждать конца следующего месяца. Она отметила на календаре день полнолуния и, когда он наступил, заставила сестру, а потом Джорджа тщательно рассмотреть обои. На них были розовые и красные розы и никаких синих. Потом, когда Джордж ушел из комнаты, она заперла дверь…

— А утром появилась синяя роза, — радостно сказала мисс Хелльер.

— Совершенно верно, — подтвердил полковник Бантри. — Или, во всяком случае, почти верно. Одна роза, как раз у нее над головой, стала синей. Это потрясло Джорджа, хотя он и настаивал на том, что это чья-то глупая шутка. Он не хотел придавать значения закрытой двери и тому факту, что миссис Притчард обнаружила перемену раньше всех, даже раньше сестры Коплинг.

Он впервые склонен был поверить в сверхъестественное, но не собирался признать это. Покинуть дом он жене не позволил, хотя обычно

уступал ей, но не в этот раз.

«Мэри, не надо строить из себя дурочку, — говорил он. — Вся эта чертовщина — чепуха, вздор».

Прошел месяц. Миссис Притчард успокоилась и даже капризничала меньше. Я думаю, она была настолько суеверна, что смирилась с неизбежностью судьбы. Несчастная повторяла снова и снова: «Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть». Она лежала и разглядывала на обоях соцветия розово-красной герани, самой близкой к ее постели. Обстановка была довольно нервозной. Даже сестре передалось ее настроение. Она пришла к Джорджу за два дня до полной луны и стала уговаривать увезти миссис Притчард. Джордж пришел в ярость.

«Если даже все цветы на этой стенке превратятся в синих дьяволов, они никого не смогут убить!» — орал он.

«Могут. Шок или потрясение могут привести к гибели».

«Чушь!» — возражал Джордж.

Джордж всегда был несколько упрям. Я полагаю, он считал, что жена сама занимается этими фокусами, одержимая какой-то нездоровой идеей.

И вот наступил фатальный вечер. Миссис Притчард заперлась, как обычно. Она была неестественно спокойной. Сестра хотела дать ей возбуждающего, сделать укол стрихнина, но миссис Притчард отказалась. Мне кажется, что ее в определенном смысле развлекала эта таинственность. Джордж говорил, что так оно и было.

На следующее утро колокольчик не прозвенел. Миссис Притчард всегда просыпалась около восьми. В восемь тридцать было тихо. Тогда сестра постучала к ней в дверь. Не получив ответа, она пошла за Джорджем и убедила его открыть дверь. Они сделали это с помощью стамески.

Одного взгляда на неподвижную фигуру на кровати было достаточно… Джордж позвонил врачу. Тот явился. Но было уже слишком поздно. Смерть наступила, как определил доктор, восемь часов назад. Нюхательная соль лежала у нее под рукой на кровати, а на стене, рядом с ней, одна из розово-красных гераней была теперь ярко-синей.

— Ужас! — Мисс Хелльер содрогнулась.

Сэр Генри нахмурился:

— И никаких дополнительных деталей?

Полковник Бантри покачал головой. Но миссис Бантри поспешно уточнила:

— Газ.

— Что — газ? — спросил сэр Генри.

— Когда пришел врач, он обнаружил неплотно закрытый кран в камине. Однако запах был настолько слабый, что это не могло иметь значения.

— Разве мистер Притчард и сиделка не заметили этого, когда вошли в первый раз?

— Сестра говорила, что легкий запах был. Джордж ничего не заметил, но он почувствовал себя как-то странно и отнес это за счет шока. Вероятно, так оно и было. Что же касается газа, то запах был еле уловим и отравления произойти не могло.

— Это конец истории?

— Нет. Возникло много разговоров. Слуги, видите ли, слышали, как миссис Притчард говорила мужу, что он ее ненавидит и будет радоваться, если она умрет. Слышали и другие кое-какие разговоры. На отказ переехать в другой дом она однажды сказала: «Очень хорошо, надеюсь, когда я умру, все поймут, что ты меня убил». И, как назло, за день до этого он готовил какой-то химикат от сорняков на садовых дорожках. А один из слуг видел, как он потом нес жене стакан кипяченого молока.

Сплетни множились, распространялись.

Доктор выдал свидетельство. Не могу точно повторить, что там значилось: шок, сердечный приступ, удар — вероятно, какие-то медицинские формулировки, которые мало что объясняют. Словом, несчастная не пробыла и месяца в могиле, как поступила просьба об эксгумации. И она была удовлетворена.

— Результат аутопсии, я помню, был нулевой, — сказал сэр Генри. — В кои-то веки дым без огня.

— А в общем дело очень странное, — сказала миссис Бантри. — Предсказательницу Зариду, например, никто больше не видел. Кинулись по адресу — там о ней и не слышали.

— Она появилась однажды из голубого тумана, — сказал полковник, — и бесследно исчезла. Хм-м, из голубого тумана — это довольно хорошо.

— И что интересно, — продолжила миссис Бантри. — Эта молоденькая сестра Карстерс, которая, как считали, ее рекомендовала, никогда не слыхала о Зариде.

Все переглянулись.

— Загадочная история, — сказал доктор Ллойд. — Можно строить предположения, но думать, что… — Он покачал головой.

— Мистер Притчард женился на мисс Инстоу? —

спросила мисс Марпл вкрадчивым голосом.

— Но почему вы об этом спрашиваете? — поинтересовался сэр Генри.

— Мне это кажется достаточно важным, — ответила мисс Марпл. — Они поженились?

Полковник Бантри покачал головой:

— Мы… ну, мы ждали чего-то в этом роде, но прошло уже полтора года… Я полагаю, они и видятся-то не очень часто…

— Это важно, — ответила мисс Марпл. — Очень важно.

— Тогда вы думаете то же самое, что и я, — сказала миссис Бантри. — Вы думаете…

— Послушай, Долли, — вмешался ее муж, — непростительно то, что ты собираешься сказать. Нельзя обвинять людей, не имея никаких доказательств.

— Не будь педантом, Артур. Мужчины всегда боятся сказать лишнее. Вообще-то, между нами говоря, может быть, это только моя дикая фантазия, но мне кажется — Джин Инстоу нарядилась предсказательницей. Она, конечно, могла сделать это только ради шутки. Я нисколько не сомневаюсь, что у нее не было никакого злого умысла, а миссис Притчард оказалась настолько глупа, что умерла от страха. Вот что мисс Марпл

имела в виду, верно?

— Нет, милая, совсем не то, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, если бы я собралась кого-то убить — о чем, конечно, я бы ни в коем случае не помышляла, потому что это очень дурно, и, кроме того, я не люблю убивать даже ос, хотя я знаю, это необходимо, и я надеюсь, садовник делает это по возможности гуманно… Подождите, на чем это я остановилась?..

— Если бы вы захотели кого-то убить… — подсказал сэр Генри.

— Ах да, если бы я захотела, я бы ни в коем случае не положилась на какой-то испуг. Я знаю, говорят, люди умирают от страха, но это мне кажется довольно ненадежным делом: и самые нервные люди гораздо более стойкие, чем их считают. Я предпочла бы что-нибудь более верное и тщательно все обдумала бы.

— Мисс Марпл, — сказал сэр Генри, — вы меня пугаете. Надеюсь, вы никогда не захотите устранить меня. Ваши замыслы были бы достаточно основательны.

Мисс Марпл с упреком посмотрела на него:

— Я, полагаю, ясно дала понять, что никогда и не помышляла бы о таком злодеянии. Я просто попыталась поставить себя на место… э-э… опре-

деленной личности.

— Вы имеете в виду Джорджа Притчарда? — спросил полковник Бантри. — Никогда не подумаю на Джорджа, несмотря на то что даже медицинская сестра к этому склоняется. Я виделся с ней примерно месяц спустя, когда производили эксгумацию. Она не знает, собственно, как это было сделано, она вообще ничего не говорила, но было совершенно ясно, что, по ее мнению, Джордж в той или иной степени в ответе за смерть жены. Она была в этом убеждена.

— М-да, — сказал доктор Ллойд, — возможно, сестра Коплинг была не столь далека от истины. Обращаю ваше внимание на то, что медицинские сестры часто знают многое. Только они не могут утверждать, у них нет доказательств. А знают.

Сэр Генри подался вперед:

— Ну а теперь попросим мисс Марпл… Я уверен, что вы нам сейчас все объясните.

Мисс Марпл вздрогнула и покраснела.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я как раз задумалась о нашей медицинской сестре. Крайне сложная проблема.

— Более сложная, чем с синей геранью?

— Тут все дело в примулах, — пояснила мисс Марпл. — Миссис Бантри сказала, что они были

желтыми и розовыми. Так вот, если розовая примула превратилась в синюю, тогда все прекрасно сходится, а вот если это была желтая…

— Розовая, — подтвердила миссис Бантри, удивленно взглянув на мисс Марпл.

— Тогда все ясно, — сказала мисс Марпл, печально покачивая головой. — И снадобье для ос, и все. И, конечно, газ.

— Вам это напомнило, наверно, о бесчисленных деревенских трагедиях? — спросил сэр Генри.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Это напомнило мне о неприятностях, которые мы испытываем с медицинскими сестрами. В конце концов, сестры такие же люди, но им приходится все время сдерживать себя, носить эти неудобные воротники, подчинять свою жизнь чужой семье, и разве удивительно, что порой происходят подобные срывы?

— Вы имеете в виду сестру Карстерс? — спросил сэр Генри.

— Да нет. Не сестру Карстерс, а сестру Коплинг. Видите ли, она служила в доме раньше. Ее очень привлекал мистер Притчард, который, как тут заметили, симпатичный мужчина. Возможно, она думала, бедняжка… ну не стоит вдаваться в это. Я думаю, она не знала о мисс Инстоу, и, конечно,

когда узнала, это восстановило сестру Коплинг против него. Она попыталась навредить ему. Но вот письмо и выдало ее, верно?

— Какое письмо?

— Ну, то, что она написала предсказательнице по просьбе миссис Притчард, и предсказательница пришла как бы в ответ на письмо, а потом обнаружилось, что по этому адресу никогда не было такой. Сразу понятно, что тут замешана сестра Коплинг. Она только сказала, что написала, — значит, вполне возможно, что сама и была предсказательницей.

— Насчет письма я не догадался, — сказал сэр Генри. — Это, конечно, самое важное.

— Довольно смелый шаг, — продолжила мисс Марпл. — Ведь миссис Притчард могла бы узнать ее, несмотря на переодевание. Хотя, если бы узнала, сестра могла все превратить в шутку.

— Что вы имели в виду, — спросил сэр Генри, — когда сказали, что если бы вы были определенной личностью, то не положились бы на испуг?

— Нет полной уверенности в этом случае, — ответила мисс Марпл. — Нет, я думаю, что предупреждение и синие цветы, если пользоваться военным термином, были просто камуфляжем.

— В самом деле?

— Простите, — произнесла мисс Марпл извиняющимся тоном, — я опять об осах. Бедненькие, их уничтожают тысячами, и обычно в такие прекрасные летние дни. Помню, когда увидела, как садовник перемешивает цианистый калий в бутылке с водой, подумала, как калий похож на нюхательную соль! А если его положить в бутылочку для нюхательной соли и поставить на положенное место!.. Бедная леди имела привычку пользоваться нюхательной солью. Вы ведь говорили, что флакончик нашли у нее под рукой. А потом, когда мистер Притчард ходил звонить, вызывать доктора, сестра заменила флакон и немножко включила газ, чтобы перебить запах миндаля на случай, если кто-нибудь что-нибудь заподозрит. А я слышала, если пройдет некоторое время, то от цианистого калия не остается никаких следов. Но, конечно, может быть, я не права и во флаконе было что-нибудь совсем другое; но это в самом деле уже не имеет значения, не так ли?

Мисс Марпл замолчала.

Джейн Хелльер подалась вперед и спросила:

— А синяя герань и другие цветы?

— У сестер всегда есть лакмусовая бумажка, так ведь? — сказала мисс Марпл. — Скажем, для известной проверки. Не очень приятное занятие.

Не будем останавливаться на нем. Я тоже немного ухаживала за больными. — Легкий румянец покрыл ее щеки. — Синий цвет от кислоты становится красным, а красный от щелочей — синим. Нетрудно было немножко натереть лакмусовой бумажкой красный цветок около кровати, потом, когда бедная леди воспользовалась нюхательной солью, сильные пары нашатырного спирта сделали его синим. Мне кажется, просто гениально. Конечно, герань не была синей, когда они в первый раз зашли в комнату. Все обратили внимание на это только потом, когда сестра поменяла флакончики и, я думаю, поднесла нашатырный спирт на минутку к обоям.

— Вы словно были при этом, мисс Марпл! — восхитился сэр Генри.

— Кто меня беспокоит, — сказала мисс Марпл, — так это бедный мистер Притчард и милая девушка мисс Инстоу. Вероятно, оба подозревают друг друга. А жизнь такая короткая. — Она покачала головой.

— Не беспокойтесь, — заверил сэр Генри. — Само собой разумеется, у меня есть кое-что про запас. Сестру Коплинг недавно арестовали по обвинению в убийстве престарелого пациента, который оставил ей наследство. Преступление

было совершено посредством цианистого калия, которым она подменила нюхательную соль. Сестра попыталась применить тот же способ. У мисс Инстоу и мистера Притчарда нет теперь причины для взаимных подозрений.

— Разве это не замечательно! — воскликнула мисс Марпл. — Я имею в виду, конечно, не новое убийство. Это очень печально и показывает, как много зла в мире, если его вовремя не пресекать. Как важно все делать вовремя. И это напоминает мне о том, что я должна закончить наш разговор с доктором Ллойдом о деревенской сестре.

Компаньонка

— А вы, доктор Ллойд? — обратилась к нему мисс Хелльер. — Не расскажете ли вы нам какую-нибудь жуткую историю?

Она улыбнулась ему. Эта улыбка завораживала по вечерам публику в театре. В свое время Джейн Хелльер была первой красавицей Англии, и ее ревнивые коллеги не упускали случая заметить: «Конечно, Джейн не актриса. У нее нет таланта, если вы понимаете, что это такое. Причина ее успеха — глаза».

И вот эти глаза устремлены на седого стареющего холостяка, последние пять лет занимавшегося врачебной практикой в Сент-Мэри-Мид.

Машинально одернув жилет, который становился ему тесноват, доктор принялся лихорадочно ворошить память, чтобы, упаси боже, не разочаровать это прекрасное создание, с такой надеждой обратившееся к нему.

— Сегодня я намерена с головой окунуться в преступления, — задумчиво произнесла Джейн.

— Прекрасно, — поддержал ее хозяин дома полковник Бантри. — Великолепно!.. — Он раскатисто рассмеялся — почему-то именно так

смеются военные. — А как ты, Долли? — обратился он к жене.

Миссис Бантри, внезапно оторванная от размышлений о крайностях общественной жизни (она как раз разрабатывала способы ограничения их размаха), с готовностью согласилась.

— Разумеется, великолепно! — с жаром, но несколько невпопад ответила она.

— Неужели, дорогая? — подала голос мисс Марпл, и в глазах у нее мелькнули смешинки.

— Видите ли, мисс Хелльер, в Сент-Мэри-Мид жуткие истории случаются крайне редко, а преступлений вообще не бывает, — наконец отозвался доктор Ллойд.

— Вы меня удивляете, — вмешался отставной комиссар Скотленд-Ярда сэр Генри Клиттеринг и повернулся к мисс Марпл. — Как я могу заключить из слов уважаемой мисс Марпл, Сент-Мэри-Мид просто кишит преступлениями и пороками.

— Что вы, сэр Генри, — запротестовала мисс Марпл, и легкий румянец проступил на ее щеках. — Ничего подобного я не говорила. Я просто позволила себе заметить, что человеческая природа везде, в сущности, одинакова, будь то город или деревня. Просто в деревне больше возможности наблюдать ее.

— Хорошо, доктор, но вы ведь не век здесь живете, — не отставала от него Джейн Хелльер. — Вы объездили весь свет и наверняка бывали в местах, где совершается немало преступлений.

— Конечно, конечно, — подтвердил доктор Ллойд, — разумеется… — И тут его осенило. — Да, да… Вспомнил! — Он с облегчением откинулся на спинку кресла. — Случилось это довольно давно. Так давно, что многое уже стерлось в памяти. Впрочем, события весьма странные. Весьма… Что же касается развязки, то она вообще необычна.

Мисс Хелльер немного пододвинула к нему свое кресло, слегка подкрасила губы и с нетерпением ждала. Остальные тоже приготовились слушать доктора.

— Не знаю, знакомы ли вам Канарские острова? — начал он.

— Прекрасное, должно быть, место, — откликнулась Джейн Хелльер. — Это ведь где-то на юге, не в Средиземном ли море?

— Я останавливался там на пути в Южную Африку, — заметил полковник. — Пик Тенериф[59] — удивительное место, какие там закаты!..

— Случай, о котором пойдет речь, произошел не

---

[59] notes: 59

Правильное название — Пико-де-Тейде, действующий вулкан на острове Тенериф.

на острове Тенериф, а на Гран-Канари. С тех пор минуло немало лет. Тогда в связи с ухудшением здоровья мне пришлось оставить практику в Лондоне и уехать за границу. Я обосновался в столице Гран-Канари — Лас-Пальмасе, обзавелся пациентами и был весьма доволен своим положением. Мягкий климат, обилие солнца, превосходное купание — я большой любитель плавания — все это подкрепляло правильность моего выбора. В Лас-Пальмас заходят суда со всего света, и я имел обыкновение каждое утро прогуливаться по пристани, проявляя при этом большее любопытство, чем представительницы прекрасного пола при посещении шляпных магазинов.

Как я уже отметил, в Лас-Пальмас заходили суда со всего света. Иногда стоянка ограничивалась несколькими часами, иногда суда оставались на день или два. В «Метрополе», главном отеле города, можно было встретить путешественников всех рас и национальностей. Даже те, кто направлялся на Тенериф, соседний остров, обязательно проводили здесь несколько дней.

События, о которых я веду рассказ, начались в отеле «Метрополь» в один из январских вечеров, в четверг. В ресторане были танцы. Мы с другом, устроившись за небольшим столиком,

смотрели на танцующих. Среди них были люди различных национальностей, много англичан, но большинство — испанцы. Когда оркестр заиграл танго, на площадке остались только шесть пар испанцев. Прекрасные танцоры, мы любовались ими. Особенно выделялась одна женщина: высокая, стройная, пластичная. Ее грациозные движения напоминали движения прирученной дикой кошки, ягуара. И во всем ее облике было что-то хищное, пугающее. Своим впечатлением я немедленно поделился с другом. Тот согласился со мной.

«Подобные женщины всегда связаны с какими-то историями, — сказал он. — Жизнь не оставляет их без внимания».

«Красота вообще вещь опасная», — добавил я.

«Дело не только в красоте, — заметил он. — Тут есть и еще что-то. Присмотрись к ней получше. С ней или из-за нее обязательно должно что-то случиться. Я же говорю, жизнь не оставляет таких без внимания. Они всегда оказываются в центре странных событий. Стоит только взглянуть на такую, и это сразу становится ясно».

Он замолчал, потом с улыбкой добавил:

«Но взгляни вон на тех двух женщин, и ты не ошибешься, если скажешь, что с ними уж не

произойдет никаких приключений. Они созданы для тихой, спокойной жизни».

Я посмотрел на них. Это были путешественницы с парохода «Холланд Ллойд», прибывшего вечером в порт; его пассажиры уже начали собираться в ресторане.

Одного взгляда на женщин было достаточно, чтобы понять, что имел в виду мой друг. Таких любительниц путешествий можно довольно часто встретить за границей. По виду им было лет по сорок. Обе — небольшого роста. Одна — светловолосая, полная, другая — худощавая, волосы темные. На лицах никаких следов косметики. Одеты неброско, в твидовые костюмы хорошего покроя. Словом, не было в них ничего особенного, примечательного. Держались обе уверенно, как держатся хорошо воспитанные англичанки. Это были типичные представительницы своего класса. Они наверняка пользовались советами Бедекера[60] и не обращали внимания на достопримечательности, которые в него не попали. Всюду, куда бы ни приезжали, они, конечно, посещали английские библиотеки и англиканскую

[60] notes: 60

Бедекер — по имени немецкого издателя Карла Бедекера (1801–1859), название путеводителя по разным странам для путешественников и туристов.

церковь. По всей вероятности, одна из них или даже обе пописывали этюды. И, как считал мой друг, с ними, хотя они и объездили полсвета, по-видимому, не случалось никаких приключений. Признаюсь, моим вниманием владела танцующая испанка. Ее полуприкрытые глаза так и сверкали.

— Бедняжка, — со вздохом сказала Джейн Хелльер. — Но я думаю, глупо, когда люди не используют своих возможностей. Вот Валентина с Бонд-стрит — это же великолепие. Вы видели ее в спектакле «Ступенька вниз»? В первом действии она играет школьницу. Одри Денман очень подходил к ней. А ведь Одри — пятьдесят, а ей и того больше. Я случайно узнала, что ей даже около шестидесяти…

— Продолжайте, пожалуйста, доктор, — сказала миссис Бантри. — Я обожаю истории о таинственных испанках.

— Простите, — возразил доктор Ллойд, — но рассказ мой вовсе не об испанке.

— Да что вы?!

— Да, да. Мы с другом ошиблись. С красавицей испанкой не было связано никаких волнующих событий. Она вышла замуж за конторского служащего пароходной компании, и к моменту моего

отъезда с острова у нее уже была куча ребятишек. Она порядком располнела.

— Точно так же, как служанка Израиля Питерса, — прокомментировала мисс Марпл. — Она выступала на сцене, и у нее были такие великолепные ноги, что ей всегда поручали в пантомиме роли героев-мальчиков. Все говорили, что она плохо кончит, но она вышла замуж за коммивояжера и прекрасно устроила свою жизнь.

— Деревенская параллель, — вполголоса заметил сэр Генри.

— Нет, нет, — продолжал доктор, — моя история о двух англичанках.

— Ох, неужели с ними что-то случилось? — спросила мисс Хелльер.

— Случилось, и очень скоро, на следующий день.

— Да ну? — изумилась миссис Бантри.

— Ради любопытства я заглянул в гостиничный журнал и без труда нашел их имена: мисс Мэри Бартони и мисс Эйми Даррант из «Литтл-Пэддокс», Гохтон-Уир, Олень. Я и представить себе не мог, что очень скоро встречусь с этими именами, но уже при других, трагических обстоятельствах.

На следующий день я со своими друзьями собрался на пикник. Нужно было пересечь остров

на машине, чтобы добраться до местечка под названием, если мне не изменяет память, Лас-Нивес. Там была уютная бухта, где можно было отлично купаться. Все началось как было задумано, только с выездом немного задержались. Пришлось остановиться в пути перекусить и лишь потом отправиться дальше в Лас-Нивес искупаться перед чаем.

Когда мы приехали, нас поразило необычное многолюдье на берегу. Казалось, все население небольшой деревушки высыпало на пляж. Увидев нас, люди бросились к машине, принялись что-то возбужденно объяснять нам. Поскольку мы испанским владели плохо, то не сразу поняли их.

Оказалось, что две сумасшедшие англичанки захотели искупаться, одна заплыла слишком далеко и стала тонуть. Вторая поспешила к ней и пыталась ей помочь, но у нее не хватило сил. Мужчина на лодке быстро подгреб к ним и вытащил обеих из воды.

Я понял, побежал по берегу, пробился сквозь толпу. Поначалу я не узнал этих дам. Полная женщина в черном трикотажном костюме и плотно натянутой шапочке стояла на коленях возле другой. Страшно взволнованная, она неловкими

движениями пыталась сделать ей искусственное дыхание. Когда я сказал, что я врач, у нее вырвался вздох облегчения. Я велел ей немедленно отправиться в ближайший дом, вытереться и надеть сухую одежду. Одна из моих спутниц вызвалась проводить ее. Я же тем временем принял все меры, чтобы вернуть утонувшую к жизни, но все мои попытки были тщетны.

Я пошел в дом, чтобы сообщить печальную новость. Открыв дверь, я сразу же узнал одну из вчерашних посетительниц ресторана. Она приняла известие довольно спокойно. Вероятно, ее потрясение было таким сильным, что она не вполне осознала происшедшее.

«Бедная Эми, — сказала она. — Как она ждала этой возможности покупаться как следует. И она ведь прекрасно плавала. Не могу понять, как такое случилось. Вы не знаете, доктор, отчего это могло произойти?»

«Скорее всего, судорога, — предположил я. — Не расскажете ли, как это все было?»

«Мы плавали, наверное, минут двадцать, когда я почувствовала, что начинаю уставать. Но Эми сказала, что она еще немного поплавает. Я направилась к берегу. И вдруг слышу: Эми зовет на помощь. Я назад к ней. Она еще держалась на

воде, но едва я приблизилась, крепко обхватила меня, и мы обе стали тонуть. Я бы тоже утонула, если бы не мужчина в лодке».

«Спасать утопающего нелегко и опасно», — заметил я.

«Это просто ужас! — продолжала мисс Бартон. — Мы только вчера приехали, мечтали понежиться на солнце и немного отдохнуть, и вот такая трагедия».

Я попросил ее поподробнее рассказать о погибшей, обещая сделать все, что в моих силах, чтобы облегчить неизбежную встречу с испанскими властями.

Погибшую звали Эйми Даррант. Она была компаньонкой мисс Бартон уже около пяти месяцев. Дамы прекрасно ладили. Мисс Бартон мало что могла сообщить о детстве и родственниках Эйми, так как та об этом не распространялась. Мне стало известно, что она рано осталась сиротой, воспитывалась своим дядей, а в двадцать один год стала сама зарабатывать на жизнь. Вот и все, — закончил доктор, помолчал немного и снова повторил: — Вот и все.

— Я не поняла, — сказала мисс Хелльер. — Что значит «все»? Выходит, это просто трагический случай, а совсем не то, что можно бы назвать

жуткой историей.

— Я полагаю, последует продолжение? — осведомился сэр Генри.

— Да, — ответил доктор Ллойд. — Продолжение последует. Видите ли, странное это оказалось происшествие. Я, конечно, стал расспрашивать о случившемся рыбаков и других жителей деревушки, которые были свидетелями трагедии. И одна женщина сообщила мне любопытную вещь. В ту пору я не придал ей, правда, особого значения, но позже вспомнил о ней. Женщина уверяла, что мисс Даррант вовсе не тонула, когда звала на помощь. Другая женщина подплыла к ней, схватила за голову и погрузила под воду. Как я уже сказал, я тогда не обратил на это особого внимания. Подобное мне казалось просто невероятным, и я решил, что с берега это могло выглядеть иначе. Мисс Бартон просто могла таким образом пытаться освободиться от объятий приятельницы, потерявшей сознание, чтобы не утонуть вместе с ней. А женщине с берега показалось, что она нарочно топит компаньонку.

Еще раз повторю, что сначала не придал значения словам жительницы поселка, но позже мне пришлось задуматься над этим.

Трудно было узнать что-либо об Эйми Даррант.

Вместе с мисс Бартон мы осмотрели вещи покойной. Нашли один адрес, по которому написали письмо. Выяснилось, что это адрес хозяйки, у которой она снимала комнату и где были оставлены ее вещи. Хозяйка, к сожалению, ничего не могла сообщить о ней, она и видела ее всего один раз, когда та приходила снять комнату. Мисс Даррант тогда сказала, что ей всегда хотелось иметь место, куда бы она в любой момент могла вернуться. Среди ее имущества было несколько предметов старинной мебели, несколько подшивок академических репродукций и сундук, набитый тряпьем, купленным на распродажах. И никаких носильных вещей. Хозяйка тоже вспомнила, что мисс Даррант говорила ей, что ее родители умерли в Индии и воспитывал ее дядя, священник, но был ли это брат отца или матери, она не сказала, так что имен родственников выяснить не удалось.

Как видите, тут не было никакой таинственности, просто не все было ясно. На свете немало таких одиноких женщин, гордых и скрытных.

Среди ее вещей в Лас-Пальмас мы обнаружили две довольно старые выцветшие фотографии. Они были обрезаны и вставлены в рамки, поэтому имени фотографа не сохранилось. Кроме того,

мы нашли старинный дагерротип, на котором была изображена, вероятно, ее мать, а скорее всего — бабушка.

У мисс Бартон сохранились два рекомендательных письма. От кого было одно — она забыла, а от кого второе — с трудом вспомнила. Оно оказалось от дамы, которая уехала в Австралию. Мы ей написали. Естественно, ответа пришлось ждать очень долго, а когда он пришел, то помочь нам ничем не мог. В нем сообщалось, что мисс Даррант была у нее компаньонкой, что она очень расторопная и очаровательная женщина, а о ее родственниках и ее личной жизни ей ничего не известно.

Вот и все. Могу добавить, что два момента насторожили меня: сама Эйми Даррант, о которой никто ничего не знал, и странное утверждение женщины на берегу. Можно еще, пожалуй, добавить третий момент: в моей памяти запечатлелось лицо мисс Бартон, когда та шла в дом рыбака, а я, склонившись над телом мисс Даррант, пытался вернуть ее к жизни. Мисс Бартон в какой-то момент оглянулась, и на лице ее было такое выражение, словно она очень опасалась чего-то: какая-то мука, смятение отразились на нем.

Тогда я не придал этому значения и приписал все переживаниям, связанным с трагедией. Но позже я понял, что не было у компаньонок особо дружеских отношений. Не было и личной привязанности, так что и горевать-то особенно было не о чем. Смерть Эйми Даррант огорчила мисс Бартон, но не более.

Тогда почему эта мучительная озабоченность на лице? Я задавался этим вопросом снова и снова. Я не мог ошибиться. Не мог. Против моей воли у меня начал созревать ответ. Предположим, что испанка на берегу говорила правду, предположим, что Мэри Бартон намеренно хладнокровно утопила Эйми Даррант, делая вид, будто спасает ее. Мужчина в лодке приходит на помощь. Они где-то на безлюдном пляже. Но вдруг появляюсь я, человек, которого она меньше всего ожидала. Врач! Врач из Англии! Ей известно, что людей, пробывших под водой не меньше, чем Эйми Даррант, удавалось вернуть к жизни с помощью искусственного дыхания. По моему настоянию ей пришлось уйти, оставив меня наедине с ее жертвой. Вот почему, когда она обернулась, на ее лице отразилась такая страшная тревога. Вдруг Эйми Даррант окажется жива и расскажет, что произошло?

— Господи! — вырвалось у Джейн Хелльер. — Теперь мне страшно.

— Да, если случившееся рассматривать с такой стороны, то оно приобретает зловещий характер, а личность Эйми Даррант становится еще более загадочной, — продолжал рассуждать доктор Ллойд. — Кто она такая, Эйми Даррант? Почему эта ничего не представляющая собой компаньонка стала жертвой хозяйки? Что кроется за роковым купанием? Она пробыла компаньонкой Мэри Бартон всего несколько месяцев. Мэри Бартон взяла ее с собой за границу, и уже на следующий день по прибытии произошла трагедия. А ведь они производили впечатление таких милых, благовоспитанных англичанок! Да, сказал я себе, все это слишком фантастично, и решил отбросить свои предположения.

— Вы так ничего и не предприняли? — спросила мисс Хелльер.

— Дорогая моя, ну что я мог сделать? Свидетелей у меня не было. Большинство очевидцев подтверждало все, что рассказывала мисс Бартон. Мое подозрение строилось всего лишь на мимолетном выражении ее лица, которое могло мне просто привидеться. Единственное, что я мог сделать и сделал, — это позаботиться о том, чтобы

найти родственников Эйми Даррант. Но, как вы уже знаете, результатов не добился. Не помогла и личная встреча с хозяйкой ее комнаты во время моего очередного приезда в Англию.

— Но вы все-таки чувствовали, что здесь что-то неладно? — спросила мисс Марпл.

Доктор кивнул.

— Сначала мне было стыдно за мои мысли, — сказал он. — Кого я пытаюсь заподозрить в совершении преступления — вполне порядочную, не лишенную привлекательности женщину? Я постарался, пока она оставалась на острове, общаться с ней как можно тактичнее.

Я помог ей уладить формальности с местными властями и сделал все, что сделал бы на моем месте любой англичанин для своего соотечественника за рубежом. И все-таки, несмотря на все мои старания, она, несомненно, чувствовала, что я отношусь к ней с подозрением, недолюбливаю ее.

— Сколько же еще времени она оставалась на острове? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Я думаю, недели две. Дней через десять после похорон мисс Даррант она отправилась обратно в Англию. Потрясение было настолько сильным, что она не смогла остаться на зиму, как раньше

намечала. Так она, по крайней мере, говорила.

— Она действительно была очень расстроена? — спросила мисс Марпл.

Доктор задумался.

— Пожалуй, по внешнему виду этого сказать было нельзя, — осторожно ответил он.

— А вы не заметили, не располнела ли она немного? — допытывалась мисс Марпл.

— Это интересный вопрос… Дайте подумать… Припоминаю… Возможно, вы правы. Да, можно сказать, она немножко пополнела.

— Какой ужас! — вздрогнув, сказала Джейн Хелльер. — Это все равно что располнеть от крови своей жертвы.

— Однако, с другой стороны, я, может быть, и не вполне справедлив по отношению к ней, — продолжал доктор Ллойд. — Перед отъездом она все же сделала попытку поделиться со мной тем, что могло бы в корне изменить ситуацию. Вероятно, совесть просыпается довольно медленно, и требуется определенное время, чтобы осознать содеянное.

Вечером, накануне отъезда с Канарских островов, она попросила меня зайти к ней. Она от всей души поблагодарила меня за помощь. Я, разумеется, сказал, что на моем месте так поступил бы

каждый порядочный человек.

Немного помолчав, мисс Бартон спросила:

«Как вы считаете, можно ли оправдать того, кто сам, собственными руками вершит правосудие?»

Я ответил, что вопрос это сложный, но вообще-то я считаю, что нельзя. Закон есть закон, и мы должны чтить его.

«Даже если закон бессилен?»

«Я не совсем вас понимаю».

«Это трудно объяснить. Но вот если человек из благих намерений вынужден совершить такое, что расценивается как противозаконное действие, даже преступление…»

Я заметил, что, вероятно, многие преступники оправдывают свои действия таким образом.

Она вся сжалась.

«Это ужасно, ужасно», — пробормотала она.

Успокоившись, она попросила у меня снотворного, поскольку с тех пор не могла нормально спать.

«Все от этого страшного потрясения», — добавила она.

«Только от этого? И ничто другое вас не беспокоит? Больше вы ни о чем не задумываетесь?»

«О чем я еще могу задумываться?» — зло переспросила она, с подозрением взглянув на меня.

«Иногда причиной бессонницы бывает беспокойство», — невозмутимо пояснил я.

Она молчала. И вдруг спросила:

«Вы имеете в виду беспокойство о предстоящем или беспокойство о прошедшем, которого уже не изменишь?»

«И то и другое».

«Разве вернешь теперь? Нет смысла печалиться о прошлом. О-о, это бесполезно! Лучше не думать. Не думать».

Я выписал ей легкое снотворное и попрощался. По дороге домой я все время размышлял над ее словами: «Разве вернешь…» Кого? Или что?

Я считаю, что этот наш последний разговор в некоторой степени подготовил меня к заключительной встрече. Разумеется, я не предвидел такой развязки, но, когда она произошла, для меня она не оказалась такой уж неожиданностью.

Тогда Мэри Бартон произвела на меня впечатление не раскаивающейся грешницы, а женщины с убеждениями, которая действует в соответствии с ними и будет тверда, пока верит в них. И все же мне показалось, что тот разговор посеял в душе Мэри Бартон сомнения в своей правоте и что ее слова свидетельствовали о слабых признаках мучительного процесса переоценки ценностей и

угрызений совести.

Прошло немного времени, и я узнал из газет следующее. В Корнуолле в конце марта в небольшом местечке, еще довольно безлюдном в это время года, в гостинице проживала некая дама по имени мисс Бартон. Бросалось в глаза ее странное поведение. Каждую ночь она бродила по комнате, разговаривая сама с собой, не давая спать соседям. Однажды она явилась к викарию и призналась, что совершила преступление. Затем она неожиданно встала и сказала, что зайдет в другой раз. Викарий посчитал, что она немного не в себе, и не принял всерьез ее слов.

На следующее утро мисс Бартон исчезла. В ее номере нашли адресованную коронеру записку следующего содержания:

«Вчера я попыталась рассказать все викарию, признаться ему во всем, но мне не позволили. Она мне не разрешила. Это можно исправить только одним способом — уйти из жизни. Жизнь за жизнь; я должна окончить свою жизнь так же, как это случилось с ней. Я тоже должна исчезнуть в морской пучине.

Я считала, что обстоятельства оправдают меня, но теперь понимаю, что ошиблась. Если я хочу получить прощение Эми, я должна последовать

за ней. В моей смерти прошу никого не винить.
Мэри Бартон».

Ее одежду нашли на берегу в дальней пещере. Решили, что она разделась и заплыла далеко в море, где было очень опасное, стремительное течение.

Тела не нашли. Спустя некоторое время Мэри Бартон была признана умершей. Женщина она была богатая, и, поскольку умерла без завещания, все ее состояние перешло ближайшим родственникам — семье двоюродной сестры, проживающей в Австралии. В газетах ее смерть прямо связывали с трагедией на Канарских островах. Считалось, что на ее психику сильно подействовала гибель мисс Даррант. Заключение о причине смерти Мэри Бартон было типичным для таких случаев: самоубийство на почве временного расстройства рассудка.

Такова трагедия Эйми Даррант и Мэри Бартон. И здесь занавес опускается.

Воцарилась тишина, которую нарушил возглас Джейн Хелльер:

— Нельзя же останавливаться на самом интересном месте! Продолжайте, доктор.

— Видите ли, мисс Хелльер, это не рассказ с продолжением, это сама жизнь. И сама жизнь

выбирает, где ей остановиться.

— Но я хочу знать продолжение, — запротестовала Джейн.

— Тут уж нам самим придется пошевелить мозгами, мисс Хелльер, — вступил в разговор сэр Генри. — Нам надо решить загадку доктора Ллойда: почему Мэри Бартон убила свою компаньонку?

— О да, у нее могла быть масса причин, — живо откликнулась Джейн Хелльер. — Да мало ли что… Например, она могла просто разозлить ее или, скажем, из ревности. Правда, доктор Ллойд не упомянул ни одного мужчины. Но сами понимаете… пароход… Всем известно, что такое морские путешествия…

Мисс Хелльер прервала свои рассуждения, и всем присутствующим стало ясно, что содержание этой прелестной головки оставляет желать лучшего.

— У меня тоже есть несколько предположений, — сказала миссис Бантри. — Но, полагаю, следует сосредоточиться на одном. Я думаю, что отец мисс Бартон создал свое состояние, разорив отца Эйми Даррант, и Эйми решила отомстить за отца. Ой, все перепутала. Какая банальность! Здесь ведь богатая хозяйка убивает свою бед-

ненькую компаньонку, так ведь? Нет! У мисс Бартон был младший брат, и он застрелился из-за несчастной любви к Эйми Даррант. Мисс Бартон стала ждать своего часа. И вот Эйми появилась в свете. Мисс Би[61] взяла ее в компаньонки, увезла на Канары и там рассчиталась с ней. Ну как?

— Замечательно! — воскликнул сэр Генри. — Но есть небольшое затруднение: мы не знаем, был ли у мисс Бартон младший брат.

— Мы устанавливаем это с помощью дедуктивного метода, — ответила миссис Бантри. — В противном случае исчезает мотив. Так что должен быть младший брат. Вам понятно, Ватсон?

— Это прекрасно, Долли, — вмешался ее муж. — Но это всего лишь догадка.

— Разумеется, — согласилась миссис Бантри. — Мы можем сейчас только догадываться. У нас нет никаких доказательств. А вот попробуй ты, дорогой, высказать свои предположения!

— Честное слово, не знаю, что и сказать, но, думаю, догадка мисс Хелльер о каком-то мужчине не беспочвенна. Возможно, Долли, это был священник. Обе вышивали ему ризы или что-то подобное, а он предпочел носить ту, что ему

[61] notes: 61

То есть мисс Бартон. В Англии нередко то или иное часто упоминаемое в разговоре или в тексте лицо обозначают начальной буквой фамилии.

поднесла Даррант. Вот, что-нибудь в этом роде. Заметьте, ведь она пошла в конце концов к священнику. Такие женщины обычно теряют голову перед симпатичными служителями церкви. Только и слышишь, как всюду толкуют об этом.

— Мне кажется, следует попытаться дать более тонкое объяснение, — сказал сэр Генри. — Должен предупредить, что это только догадка. Я считаю, что мисс Бартон всегда была психически неуравновешенной. Такие люди встречаются чаще, чем вы себе представляете. Ее мания развивалась все сильнее и сильнее, и наконец она уверовала в то, что ее миссия заключается в том, чтобы избавлять мир от определенных людей, ну, например, от так называемых женщин легкого поведения.

Нам ничего не известно о прошлом мисс Даррант. Очень возможно, что она когда-то и была одной из таких женщин. Мисс Бартон как-то узнала об этом и решила ее уничтожить. Позже она начала сомневаться в справедливости своего поступка, ее стали мучить угрызения совести. Ее самоубийство свидетельствовало о психической неуравновешенности. Вы согласны со мной, мисс Марпл?

— Боюсь, что нет, сэр Генри, — ответила мисс

Марпл с извиняющейся улыбкой. — Я считаю, что последний поступок мисс Бартон говорит о незаурядном уме и изобретательности.

Джейн Хелльер прервала ее, слегка вскрикнув:

— Какая же я недогадливая! Позвольте мне! Конечно, так оно и есть. Шантаж! Эта компаньонка шантажировала ее. Только не могу понять, почему это мисс Марпл решила, что она мудро поступила, лишив себя жизни. Мне это совершенно непонятно.

— Дело в том, — заметил сэр Генри, — что мисс Марпл опирается на сходный случай в Сент-Мэри-Мид.

— Не смейтесь надо мной, сэр Генри, — укоризненно произнесла мисс Марпл. — Должна признаться, что этот случай напомнил мне о миссис Траут. Она, вы знаете, получала пенсию за трех пожилых женщин из разных приходов, которые на самом деле уже умерли.

— Это действительно замысловатое и изобретательное преступление, — отметил сэр Генри. — Но оно никак не проливает свет на нашу загадку.

— Разумеется, нет, — сказала мисс Марпл. — Вернее, для вас не проливает. Но есть очень бедные семьи, и пенсия по старости — большое

подспорье для детей. Я понимаю, что тому, кто с этим не сталкивался, трудно это понять. Но я-то имела в виду действия одной пожилой женщины, которые очень напоминают действия другой.

— Как это так? — удивился сэр Генри.

— Ах, я всегда так плохо объясняю. Я ведь что хочу сказать… Когда доктор Ллойд увидел этих двух женщин, он не знал, кто из них кто. Я думаю, что и в отеле тоже никто этого не знал. Конечно, через день-другой это стало бы известно. Но на следующий день одна из них утонула, и, если бы та из них, которая осталась в живых, назвала себя мисс Бартон, я думаю, никому бы в голову не пришло, что это не так.

— Так вы считаете… — медленно произнес сэр Генри.

— Это единственное правильное предположение. Уважаемая миссис Бантри только что верно заметила: зачем богатой хозяйке убивать компаньонку? Логичнее предположить обратное. Так, по крайней мере, случается в жизни.

— Неужели это так? — все еще недоумевал сэр Генри. — Я потрясен.

— Разумеется, — продолжала мисс Марпл, — ей пришлось надеть одежду мисс Бартон, а она, вероятно, была ей немного тесновата, и могло по-

казаться, что она слегка располнела. Вот почему я спросила об этом. Мужчины обычно считают, что полнеет женщина, а не одежда становится ей тесноватой, но это не всегда правильное объяснение.

— Какой смысл был Эйми Даррант убивать мисс Бартон? Она ведь не могла бы вечно скрывать этот обман.

— Она скрывала этот обман всего лишь несколько месяцев, — заметила мисс Марпл. — И все это время она путешествовала, стараясь держаться подальше от тех, кто мог ее узнать. Вот что я имела в виду, когда говорила, что в определенном возрасте некоторые женщины очень похожи друг на друга. Я думаю, что никто не заметил ее несходства с фотографией в паспорте. Вы же знаете, что такое паспорт. И вот в марте она приезжает в небольшой поселок в Корнуолле и ведет себя там так, что, когда читают ее последнее письмо и находят на берегу ее одежду, ни у кого не возникает простого вопроса.

— Какого же? — спросил сэр Генри.

— Об отсутствии тела, — пояснила мисс Марпл. — Это должно было вызвать подозрение, если бы не многочисленные уловки, намеки на ужасное преступление и раскаяние. Тела не на-

шли. Это очень важный факт.

— Так вы считаете… считаете, что не было раскаяния? — спросила миссис Бантри. — Вы думаете, что она не утопилась?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Опять же она, как и миссис Траут, оказалась мастером запутывать следы. Но ту я раскусила. Поэтому мне не составило труда разгадать и раскаявшуюся мисс Бартон. Думаете, она утопилась? Уехала в Австралию, если я еще способна угадывать.

— Способны, мисс Марпл, безусловно, способны, — закивал головой доктор Ллойд. — Эта история снова мне преподнесла сюрприз, в тот день в Мельбурне я был буквально ошарашен.

— Вы имеете в виду ту, упомянутую вами заключительную встречу?

— Да, — снова кивнул доктор Ллойд. — Мисс Бартон или, если вам угодно, Эйми Даррант, очень не повезло. Некоторое время я работал судовым врачом. И однажды, когда я сошел на берег в Мельбурне, первым человеком, которого я встретил, была дама, которую я считал утонувшей в Корнуолле. Насколько я понял, она увидела, что дело ее проиграно, и сделала смелый шаг — рассказала мне все. Странная это была женщина, абсолютно лишена каких-либо моральных

принципов. Она была старшей из девяти детей в очень бедной семье. Она обратилась за помощью к богатой кузине в Англии, но получила отказ, поскольку мисс Бартон была в ссоре с их отцом. Деньги были крайне необходимы, потому что трое младших детей нуждались в дорогостоящем лечении. Скорее всего, именно в это время у Эйми Даррант и созрел план хладнокровного убийства. Она уезжает в Англию, где работает в семьях, ухаживая за детьми. Затем под именем Эйми Даррант становится компаньонкой мисс Бартон. Она снимает комнату и обставляет ее какой-то мебелью, чтобы убедительно сыграть свою новую роль. Затем поджидает удобного случая. Решение утопить мисс Бартон пришло неожиданно… После трагедии на Канарах и мнимого самоубийства она возвращается в Австралию и вскоре вместе со своими братьями и сестрами, как ближайшими родственниками мисс Бартон, наследует ее состояние.

— Весьма дерзкое и довольно хорошо обдуманное преступление, — заметил сэр Генри. — Если бы на Канарах утонула мисс Бартон, то подозрение наверняка бы пало на мисс Даррант и стали бы известны ее родственные связи с семьей Бартон. Но замена личности и двойное, если можно

так выразиться, преступление помогли ей. Да, я бы даже сказал — тонко осуществленное преступление.

— Что же с ней было дальше? — спросила миссис Бантри. — Что вы предприняли, доктор?

— С точки зрения закона я не располагал достаточными доказательствами. У меня и сейчас, можно сказать, их нет. Я пошел к ним в дом и познакомился со всем семейством. Это была очень милая семья, преданная старшей сестре и не подозревающая, какое страшное преступление она совершила. Зачем портить им жизнь, если я не мог ничего доказать? Кроме того, мне, как медику, было ясно, что, несмотря на ее цветущую внешность, дни этой дамы сочтены. Я доверился природе. Мисс Бартон умерла через шесть месяцев после этой нашей встречи. Была ли она счастлива, не раскаивалась ли — не знаю.

— Конечно, не раскаивалась, — заверила миссис Бантри.

— Я тоже так думаю, — поддержала ее мисс Марпл. — Миссис Траут не раскаивалась.

— Захватывающая история, — сказала мисс Хелльер, покачав головой. — Только я не поняла, кто кого утопил и какое к этому имеет отношение миссис Траут?

— А никакого, милая, — сказала мисс Марпл. — Миссис Траут тоже была не очень-то приятная особа. Но она жила в деревне.

— А-а, в деревне! — сказала мисс Хелльер. — Так ведь в деревне ничего не случается? Вот если бы я жила в деревне, — она вздохнула, — я бы и совсем ничего не соображала.

Четверо под подозрением

Разговор зашел о неустановленных и оставшихся безнаказанными преступлениях. Все высказывались по очереди: полковник Бантри, его приятная жена, Джейн Хелльер, доктор Ллойд и даже почтенная мисс Марпл. Только один человек не участвовал в разговоре, хотя, по мнению большинства, ему единственному было наиболее уместно сделать это. Сэр Генри Клиттеринг, отставной комиссар Скотленд-Ярда, сидел молча, подкручивая усы — или, вернее, поглаживая их, — и слегка улыбался: казалось, собственные мысли забавляли его.

— Сэр Генри, — наконец не вытерпела миссис Бантри, — раз вы молчите, задам вам вопрос. Много ли преступлений остаются безнаказанными?

— Миссис Бантри, вы имеете в виду газетные заголовки «Скотленд-Ярд вновь объявляет розыск» и перечни, которые следуют за этим?

— Я полагаю, что это очень малый процент от общего числа преступлений? — заметил доктор Ллойд.

— Да, это так. О сотнях раскрытых преступле-

ний и понесших наказание преступниках редко сообщают, о них не трезвонят. Но ведь речь совсем не об этом, не так ли? Говоря о неустановленных и о нераскрытых преступлениях, подразумевают разные вещи. К категории первых относятся преступления, о которых Скотленд-Ярд ничего не знал и о совершении которых вообще никому не было известно.

— Но я полагаю, их не так много? — сказала миссис Бантри.

— Не так много?

— Сэр Генри! Не станете же вы утверждать, что их много?

— А по-моему, — задумчиво произнесла мисс Марпл, — их должно быть немало. — Обаятельная дама почтенного возраста и старой закалки высказала свое соображение совершенно невозмутимо.

— Уважаемая мисс Марпл… — начал было полковник Бантри.

— Разумеется, — прервала его мисс Марпл, — есть множество глупых людей. И их находят, что бы они ни совершили. Но существует немало неглупых людей, и содрогаешься при мысли, что бы они могли натворить, если бы не имели прочных нравственных устоев.

— Да, — согласился сэр Генри, — неглупых людей много. Как часто преступление выплывает наружу благодаря какому-нибудь пустяку. И каждый раз задаешь себе вопрос: а если бы не этот пустяк, узнал бы кто-нибудь о преступлении?

— Это весьма серьезно, Клиттеринг, — сказал полковник Бантри. — Весьма серьезно.

— Да?

— Что значит — да? Несомненно, серьезно.

— Вы говорите, преступления остаются безнаказанными, но ведь это не так. Может быть, они не караются законом, но причина и следствие связаны помимо закона. Говорить, что нет преступления без наказания, — это банальность, и все же, по моему мнению, нет истины вернее.

— Может быть, может быть, — согласился полковник Бантри, — но это не снижает важности… установления… — Он замолчал в полной растерянности.

Сэр Генри улыбнулся.

— Несомненно, девяносто девять человек из ста думают, как вы, — сказал он. — Но, знаете, на самом деле важна не вина, а невиновность. Вот что никак не хотят понять.

— Я не понимаю, — сказала Джейн Хелльер.

— Я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Когда

миссис Трент обнаружила пропажу полукроны из своей сумочки, то решила, что, скорее всего, это могла сделать приходящая служанка, миссис Артур. Конечно, супруги Трент на нее и подумали, но, будучи людьми чуткими и зная, что у той большая семья, а муж пьяница, они, естественно, не пошли на крайние меры. Тем не менее они стали относиться к ней по-иному — перестали оставлять дом под ее ответственность, когда уезжали, и она это почувствовала. У других людей по отношению к ней тоже возникло предубеждение. И тут вдруг выяснилось, что виновница — гувернантка. Миссис Трент увидела ее через дверь, в зеркале. Чистейшая случайность, хотя я предпочитаю называть это Провидением. И я думаю, это именно то, что имел в виду сэр Генри. Людей в большинстве случаев интересует только, кто взял деньги, а вором, как правило, оказывается человек, на которого никогда не подумаешь, — прямо как в детективах! Ведь вы это имели в виду, не так ли, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл, вы уловили мою мысль совершенно точно. В данном случае служанке повезло. Ее невиновность была доказана. А ведь некоторые всю жизнь могут прожить под гнетом подозрения, которое на самом деле несправед-

ливо.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай, сэр Генри? — поинтересовалась миссис Бантри.

— Собственно говоря, да, миссис Бантри. Весьма необычный случай. Случай, когда мы знали, что совершено убийство, но не имели никакой возможности это доказать.

— Яд, я полагаю, — вздохнула Джейн. — Какой-нибудь неизвестный.

Доктор Ллойд беспокойно зашевелился, а сэр Генри покачал головой:

— Нет, уважаемая. Нет, не загадочный яд стрел южноамериканских индейцев. Если бы это было так! Нам пришлось иметь дело кое с чем гораздо более прозаическим, настолько прозаическим, что не было никакой надежды выяснить, кто преступник. Почтенный джентльмен упал с лестницы и сломал себе шею. Обычный печальный случай, такие вещи происходят каждый день.

— Ну а на самом деле что случилось?

— Кто знает? — Сэр Генри пожал плечами. — Толкнули сзади? Натянули поперек лестницы нитку или бечевку, а потом незаметно убрали? Этого мы никогда не узнаем.

— Но вы ведь не считаете, что это несчастный

случай? Тогда что же? — спросил доктор.

— Очень длинная история. Да, мы, конечно, нисколько не сомневались. Но, как я сказал, не было никаких шансов установить, кто же преступник. Доказательства были слишком шаткие. Но есть и другая сторона дела, о которой следует упомянуть. Видите ли, этот трюк могли проделать четверо. Один виновен, а остальные трое не виновны. И если истина не установлена, то на всех четверых падает тень ужасного подозрения.

— Я думаю, уж лучше рассказать эту вашу длинную историю, — сказала миссис Бантри.

— В конце концов, нет необходимости излагать ее со всеми подробностями, — согласился сэр Генри. — Во всяком случае, можно опустить начало. Здесь дело касается немецкой тайной организации «Шварц ханд» — это что-то вроде Каморры[62]. Шантаж и террор. Она возникла сразу после мировой войны[63] и на удивление широко распространилась. Множество людей становились ее жертвами. Все старания властей

---

[62] notes: 62

Каморра — тайная итальянская террористическая организация, образовавшаяся в конце XVIII — начале XIX века. Орудие реакции. В конце XIX века была проведена кампания борьбы против Каморры, однако ее организации существуют до сих пор.

[63] notes: 63

Имеется в виду Первая мировая война.

справиться с ней были безуспешны, так как секреты ее ревностно охранялись, а найти человека, который бы согласился на предательство, было невозможно.

В Англии о ней толком ничего не знали, но в Германии эта организация вовсю разгулялась. «Шварц ханд» полностью прекратила свое существование благодаря усилиям некоего доктора Розена, одно время заметной фигуры секретной службы. Он затесался туда, внедрился в руководящее ядро и, можно сказать, послужил орудием ее уничтожения.

Через некоторое время его раскрыли в «Шварц ханд», и мы сочли разумным, чтобы он покинул Германию, по крайней мере на время. Мы получили о нем сведения от полиции Берлина. Розен приехал в Англию, и я имел с ним личную беседу. Держался он очень спокойно, как человек, смирившийся со своей судьбой. Он не питал иллюзий в отношении своего будущего.

«Они выйдут на меня, сэр Генри, — говорил он мне. — Ни тени сомнения. — Розен был крупным мужчиной с красиво посаженной головой и низким голосом. Слегка гортанное произношение выдавало его национальность. — Исход предрешен. Но какое это имеет значение? Я к этому

готов. Я понимал, на что иду, когда включился в операцию. Задача выполнена. Организация больше не существует, но много входивших в нее людей на свободе. Единственно, чем они могут отомстить, — уничтожить меня. Вопрос только во времени, и я бы очень хотел, чтобы времени прошло как можно больше. Понимаете, я готовлю один очень интересный материал — плод усилий моей жизни — и мне необходимо завершить работу».

Он говорил просто, с таким достоинством, которым я не мог не восхищаться. Я заверил его, что будут приняты все меры предосторожности, но он отмахнулся от моих слов.

«Рано или поздно они до меня доберутся, — повторил он. — Когда этот день наступит, не укоряйте себя. Я не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное».

Затем он перешел к изложению плана. План этот был достаточно прост. Он хотел подыскать небольшой коттедж в сельской местности, где бы мог спокойно жить и продолжать работу. В конце концов он выбрал деревню в Сомерсете[64] — Кингз-Натон, в семи милях от железнодорож-

---

[64] notes: 64

Сомерсетшир — графство на юго-западе Англии, у побережья Бристольского залива.

ной станции и почти не тронутую цивилизацией. Купил очень симпатичный домик, кое-что перестроил, усовершенствовал и поселился там в свое полное удовольствие. Домочадцами его были: племянница Грета, секретарь, прислуга — старая немка, которая верой и правдой трудилась у него без малого сорок лет, — и приходящий садовник из Кингз-Натона — мастер на все руки.

— Четверо под подозрением, — сказал доктор Ллойд.

— Верно. Четверо под подозрением. Лучше не скажешь. В течение пяти месяцев жизнь в Кингз-Натоне шла спокойно. И вот произошло несчастье. Доктор Розен упал с лестницы — и умер. В это время Гертруда находилась у себя на кухне, дверь была закрыта, и, как она говорит, она ничего не слыхала. Фрейлейн Грета работала в саду, сажала какие-то там луковицы, опять-таки по ее словам. Садовник Доббс сказал, что был в сарае, где выращиваются цветы в горшках, и, как обычно, в одиннадцать завтракал. Секретарь пошел прогуляться, но опять-таки с его собственных слов. Алиби не было ни у одного — их показания никто не мог подтвердить. Одно определенно — совершил это не человек со стороны: постороннего в таком маленьком местечке,

как Кингз-Натон, наверняка бы сразу заметили. Обе двери — парадная и задняя — были заперты. У всех домашних были собственные ключи. Итак, вы видите, что все сводится к этой четверке. И при этом каждого из них трудно подозревать. Грета — дочь его родного брата. Гертруда — сорок лет служила верой и правдой. Доббс вообще не бывал за пределами Кингз-Натона. А Чарлз Темплтон — секретарь…

— Да, — прервал его полковник Бантри, — нельзя ли о нем поподробнее? Он представляется мне подозрительной личностью. Что вам о нем известно?

— То, что мне о нем известно, полностью оправдывает его, — отрезал сэр Генри. — Видите ли, Чарлз Темплтон — мой человек.

— Ого! — только и вырвалось у ошеломленного полковника.

— Да. Я хотел иметь кого-нибудь там и в то же самое время не хотел давать повода для разговоров в деревне. Розену нужен был секретарь. Вот я и определил к нему Темплтона. Джентльмен, по-немецки говорит свободно и притом весьма способный малый.

— Но тогда кого же из них вы подозреваете? — Миссис Бантри была озадачена. — Все они такие…

ну как это возможно?

— Да, но можно взглянуть на вещи еще и с другой стороны. Фрейлейн Грета — его племянница и весьма привлекательная девица. Но война нам не раз доказывала, что брат может пойти против сестры, отец — против сына и так далее. Самые привлекательные и добронравные молодые девицы совершали самые немыслимые поступки. То же самое относится и к Гертруде: кто знает, какие силы могли бы тут сработать? Может быть, ссора с хозяином или накопившееся за долгие годы преданной службы чувство обиды. Пожилые женщины ее склада иногда бывают на удивление ожесточенными. А Доббс? Или его это совершенно не касается, раз он не связан с семьей? Деньги все сделают. К Доббсу могли найти определенный подход и купить его.

Было очевидно, что какое-то поручение или какой-то приказ поступил извне. Иначе в чем же причина пяти месяцев промедления?.. Дело в том, что агенты общества еще не были убеждены, что Розен предатель, и откладывали месть до появления неоспоримых доказательств измены. Наконец, когда никаких сомнений не осталось, шпиону в доме было послано сообщение — уничтожить.

— Какой ужас! — содрогнулась Джейн Хелльер.

— Я пытался выяснить, как передали приказ. Узнав это, я получил единственную зацепку к решению задачи. Пока мне было известно, что кто-то из четверых получил приказ. А затем — никаких промедлений: приказ отдан — приказ выполнен. Этим отличалась «Шварц ханд».

Я занялся исследованием этого вопроса, занялся настолько тщательно, что, вероятно, удивлю вас своей доходящей до абсурда дотошностью. Кто приходил в дом утром? Я не исключал никого. Вот список.

Он вынул из кармана конверт и достал из него бумагу.

— Мясник принес кусок баранины. Проверил и установил: подтверждается.

Посыльный от бакалейщика принес упаковку кукурузной муки, два фунта сахара, фунт масла и фунт кофе. Тоже проверил и установил: все верно.

Почтальон принес два проспекта для фрейлейн Розен, письмо Гертруде, три письма доктору Розену, одно из них с иностранной маркой, и два письма мистеру Темплтону, одно тоже с иностранной маркой.

Сэр Генри сделал паузу и вытащил из конверта

ворох документов.

— Не изволите ли полюбопытствовать? Все это было передано мне заинтересованными лицами, а также извлечено из мусорной корзины. Нет надобности говорить, что письма подвергались экспертизе на невидимые чернила и et cetera[65]. Ничего подобного не установлено.

Каталоги были от владельца питомника и от известной лондонской пушной фирмы. Два счета на имя доктора Розена: за семена для сада и от лондонской книгоиздательской фирмы. Письмо на его имя было следующего содержания:

«Мой дорогой Розен!

Только что от Хелмута Спата. На днях виделись с Эдгаром Джексоном. Он и Амос Перри недавно вернулись из Тсинтау[66], но Честность не позволяет мне сказать, что я завидую их поездке. Дайте знать о себе в ближайшее время. Как говорилось ранее, остерегайтесь одного человека. Вы знаете, кого я имею в виду, хотя вы и не согласны.

Ваша *Георгина*».

---

[65] notes: 65

И так далее (*лат.*).

[66] notes: 66

Тсинтау — немецкий вариант названия морского порта Циндао в Восточном Китае, использовавшегося немцами в качестве военно-морской базы во время Первой мировой войны.

Почта мистера Темплтона состояла из счета от портного и письма от друга из Германии, — продолжал рассказ сэр Генри. — Последнее он, к несчастью, порвал во время прогулки. И, наконец, имеется письмо, полученное Гертрудой:

«Дорогая миссис Шварц!

Мы надеимся, что придети на наше собрание вечером в пятницу викарий говорит, что вам все обрадуются. Ресепт ветчины очень харош, благодарствуйте. Надеимся пребывайте в добром здравей повидаимся в пятницу и проч.

Преданно ваша *Эмма Грин*».

— Я думаю, это письмо ни при чем, — улыбнулся доктор Ллойд.

Улыбнулась и миссис Бантри.

— Я тоже так посчитал, — сказал сэр Генри, — но все же на всякий случай навел справки о миссис Грин и о церковном собрании. Нелишне, знаете ли.

— Так всегда говорит наша дорогая мисс Марпл, — улыбнувшись, сказал доктор Ллойд. — Вы совсем замечтались, мисс Марпл. О чем это вы призадумались?

— Да так. — Мисс Марпл встрепенулась. — Просто удивляюсь, почему слово «честность» в

письме к доктору Розену написано с заглавной буквы.

Миссис Бантри взяла письмо.

— Ой, действительно, — подтвердила она.

— Да, милая, — сказала мисс Марпл. — Я думала, вы заметили!

— Это письмо — явное предупреждение, — сказал полковник Бантри. — Это мне сразу бросилось в глаза. Я не так мало замечаю, как вы думаете. Да, явное предупреждение, но о ком?

— Кстати, вам, наверно, небезынтересно будет узнать, что, по словам Темплтона, доктор Розен вскрыл письмо за завтраком и швырнул ему, сказав, что понятия не имеет об этом человеке.

— Но это не мужчина, — возразила Джейн Хелльер. — Здесь стоит: «Георгина».

— Трудно разобраться, — сказал доктор Ллойд. — Может быть, и Георгий, но больше похоже на Георгину. Одно для меня совершенно ясно: почерк мужской.

— И вы знаете, что интересно, — снова заговорил полковник Бантри, — ведь он швырнул конверт на стол и сделал вид, что ничего не знает об этом человеке. Возможно, он хотел увидеть, какую реакцию это вызовет. Но у кого? У девушки? У мужчины?

— Или даже у кухарки? — предположила миссис Бантри. — Она могла находиться в комнате, когда приносила завтрак. Но что мне непонятно… совершенно особое…

Она вновь склонилась над письмом. Мисс Марпл подсела к ней и коснулась пальцем листа бумаги, указывая на что-то. Они зашептались.

— Но зачем секретарю понадобилось рвать письмо? — спросила вдруг Джейн Хелльер. — Вы только представьте себе! Весьма странно. И почему письмо из Германии? Хотя, конечно, если он вне подозрений, как вы говорите…

— Но сэр Генри не говорит этого, — быстро вмешалась мисс Марпл, оторвавшись от разговора с миссис Бантри. — Он сказал: четверо под подозрением. Таким образом, он не исключает и мистера Темплтона. Я правильно говорю, ведь так, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл. Я убедился на своем горьком опыте. Никогда не следует утверждать, что кто-то вне подозрений. Я только изложил вам свои доводы, почему трое из этих людей, как бы невероятно это ни казалось, могли оказаться виновными. Вместе с тем аналогичная процедура не была проведена в отношении четвертого — Чарлза Темплтона. Но в конечном счете я пришел

к этому, я был вынужден признать следующее: везде — и в армии, и во флоте, и в полиции, — как бы нам этого ни хотелось, имеется определенное количество отщепенцев. И я беспристрастно изучил факты против Темплтона.

Я задал себе вопрос, похожий на только что заданный мисс Хелльер. Почему он, единственный из всех домочадцев, не предъявил полученное письмо, к тому же с немецкой маркой? С какой стати у него письма из Германии?

В последнем вопросе не было ничего особенного, я взял и задал его. Ответ оказался очень простым. Сестра матери была замужем за немцем. Письмо было от кузины-немки. Так что мне стало известно то, чего я до этого не знал: что у Чарлза Темплтона были родственники в Германии. И это определенно ставило его в список подозреваемых, даже в первую очередь подозреваемых. Он мой человек и всегда был мне симпатичен, я доверял ему, но из элементарной справедливости и порядочности я должен был признать, что он возглавляет список.

Но вот тут уж не знаю! Я не знаю… И, по всей вероятности, никогда не узнаю. Вопрос не в том, чтобы наказать убийцу. Вопрос, как мне кажется, во сто крат важнее. Испортить, может быть, всю

карьеру честному человеку из-за… подозрения… подозрения, которое я не склонен недооценивать.

Мисс Марпл кашлянула и негромко сказала:

— Сэр Генри, тогда, если я вас верно понимаю, именно молодой мистер Темплтон единственный, кто не дает вам покоя?

— Да, в известном смысле. В теории ко всем четверым следует подходить одинаково, но на практике это не тот случай. Вот, например, Доббс: подозрение может пасть и на него, но, на мой взгляд, это практически не окажет влияния на его карьеру. Никому в деревне никогда и в голову не придет, что смерть старого доктора Розена была не просто несчастным случаем. Гертруда немногим более уязвима. Подозрение должно, например, изменить отношение к ней фрейлейн Розен. Но, вероятно, это не имеет для нее особого значения.

Что до Греты Розен, то здесь мы подходим к наиболее сложному моменту этого дела. Грета — девушка весьма симпатичная. И Чарлз Темплтон — молодой человек приятной наружности. Пять месяцев они были предоставлены друг другу при полной изоляции от внешнего мира. Случилось неизбежное. Они влюбились друг в друга, хотя и

не успели еще объясниться.

А затем случилось несчастье, и вот теперь, спустя три месяца с небольшим после того, как я возвратился, Грета Розен пришла повидаться со мной. Она продала коттедж и возвращалась в Германию, уладив наконец все дела дяди. Она пришла именно ко мне, хотя знала, что я вышел в отставку. Хотела меня увидеть по личному вопросу. Не сразу, но к концу беседы она рассказала все. Спросила, что я думаю о том письме с немецкой маркой, — она беспокоилась о нем, ее смущало, что Чарлз порвал его. Все ли в порядке? Несомненно, все должно быть в порядке. Конечно, она верит ему, но… О, если бы она только знала! Если бы знала — наверняка…

Вы понимаете? Возникает желание доверять, но вместе с тем ужасное потаенное подозрение цепко охватывает ваше подсознание и настойчиво напоминает о себе. Я спросил Грету, не была ли она неравнодушна к Чарлзу и он к ней.

«Думаю, да, — сказала она. — О да, конечно да. Мы были так счастливы! Мы поняли — мы оба поняли. Мы не спешили: впереди было столько времени. Еще бы немного, и он сказал бы, что любит меня, а я бы сказала ему, что я — тоже. А! Но вы догадываетесь… и теперь все не так.

Черная кошка пробежала между нами — у нас натянутые отношения, не знаем, что сказать при встрече. Может быть, с ним то же самое, что со мной… Мы оба говорим: «Если бы не сомневаться!..» Вот почему я умоляю вас, сэр Генри, скажите мне: «Можете быть уверены: кто бы ни совершил убийство вашего дяди, это не Чарлз Темплтон!» Скажите же! Я умоляю, я умоляю вас!»

Я не мог ей этого сказать. Эти двое будут все дальше и дальше друг от друга, и им никогда не избавиться от взаимного подозрения.

Сэр Генри откинулся на спинку стула, его потемневшее лицо казалось усталым.

— И ничего больше не сделать, если… — Он снова уселся прямо, и легкая улыбка промелькнула на его лице. — Если нам не поможет мисс Марпл. Что вы скажете, мисс Марпл? У меня такое предчувствие, что это письмо о церковном собрании по вашей части. Не напомнит ли оно вам кого-нибудь или что-нибудь, что значительно упростит дело? Не сможете ли вы помочь чем-нибудь двум молодым людям, оказавшимся в безвыходном положении? Они могли бы быть так счастливы!

В игривости его обращения прозвучали и серьезные нотки. Ведь он высоко ценил своеобразные способности этой старомодной одинокой

леди. Он взглянул на нее с некоторой надеждой.

Мисс Марпл кашлянула и поправила кружева.

— Это мне несколько напоминает Анни Поултни, — призналась она. — Конечно, с письмом все совершенно ясно и для миссис Бантри, и для меня. Вы все время живете в Лондоне, и вы не садовник, сэр Генри, вам этого не заметить.

— Э… заметить? — Сэр Генри был озадачен. — Что же заметить?

Миссис Бантри протянула руку, взяла каталог и с удовольствием принялась читать:

– *Доктор Хелмут Спат.* Чисто-сиреневый, удивительно изящный цветок с исключительно длинным и крепким стеблем. Хорош для срезки и для украшения сада.

Эдгар Джексон. Красивый хризантемовидной формы цветок четко выраженного красно-кирпичного цвета.

Амос Перри. Ярко-красный, чрезвычайно декоративен.

Тсинтау. Яркий оранжево-красный, эффектный декоративный садовый цветок, долго сохраняется в срезанном виде.

Честность…

— С большой буквы Ч, вы припоминаете? — буркнула мисс Марпл.

– *Честность.* Розовых и белых оттенков, крупный цветок прекрасной формы.

— На английском их начальные буквы образуют слово «смерть», — объяснила мисс Марпл.

Миссис Бантри захлопнула каталог и громко произнесла:

— Георгина!

— Но письмо пришло самому мистеру Розену, — сказал сэр Генри.

— В этом заключалась хитрость, — сказала мисс Марпл. — Да к тому же еще и предостережение в нем. Что он станет делать с письмом от неизвестного человека с незнакомыми ему именами? Конечно же пихнет своему секретарю.

— Тогда, значит…

— О нет! — прервала мисс Марпл. — Именно поэтому и становится совершенно ясно, что это не он. Иначе он бы никогда не допустил, чтобы это письмо было обнаружено. И равно ни за что не уничтожил бы письма на свое имя с немецкой маркой. В самом деле, его невиновность — если позволите так выразиться — просто сияет.

— Тогда кто…

— Собственно, я почти полностью уверена, насколько можно быть в чем-то уверенным на этом свете… За столом во время завтрака была

еще одна персона, и она, что вполне естественно в подобных обстоятельствах, протянула руку, взяла и прочитала письмо. И в этом, вероятно, все дело. Вы помните, что она получила каталог садовода с той же почтой?

— Грета Розен, — медленно произнес сэр Генри. — Так, значит, ее визит ко мне…

— Джентльмену никогда не понять таких вещей, — сказала мисс Марпл. — И боюсь, что они зачастую думают, будто мы, старухи-язвы, что ли, смотрим на все не так. Но вот вам. Прекрасно знаем свою сестру… к несчастью. Я не сомневаюсь, что между ними возник барьер. Молодой человек неожиданно почувствовал безотчетную антипатию. Подозрение возникло чисто интуитивно, но он не смог скрыть его. Я думаю, что на самом деле девица явилась к вам просто в отместку. Она практически ничем не рисковала. Она не поленилась укрепить ваши подозрения относительно бедного мистера Темплтона. Вы ведь не были так твердо уверены, пока она не пришла.

— Но на самом деле она ничего такого не сказала… — начал было сэр Генри.

— Джентльмену, — невозмутимо повторила мисс Марпл, — никогда не понять таких вещей.

— И эта девица… — Он запнулся. — Хладно-

кровно совершает убийство, и ей хоть бы что!

— О нет, сэр Генри, — сказала мисс Марпл. — Не хоть бы что. Ни вы, ни я так не считаем. Вспомните, вспомните, что вы сказали не так давно. Нет, Грета Розен не минует наказания. Уже одно то, что ей приходится иметь дело со всяким сбродом — шантажистами, террористами, — не принесет ей ничего хорошего. И вообще такие знакомства, скорее всего, приведут к печальному концу. Как вы сказали, не стоит думать о виновных. Кто не виновен — вот что важно. Мистер Темплтон, который, позволю себе сказать, собирался жениться на этой кузине-немке, порвал ее письмо, и это выглядит в известном смысле подозрительно. Да он просто опасался, что другая девушка заметит письмо или даже попросит прочитать. Я думаю, здесь был какой-то маленький роман. Затем — Доббс: смею сказать, как вы уже заметили, для него это не так важно. Завтрак в одиннадцать — вероятно, больше его ничто не волнует. Затем эта бедняжка старая Гертруда, напомнившая мне Анни Поултни. Бедная Анни Поултни! Пятьдесят лет верной службы, и быть заподозренной в том, что она уничтожила завещание мисс Лэм, хотя ничего нельзя было доказать. Пожалуй, это и подорвало верное сердце несчастной. А потом,

после ее смерти, завещание обнаружилось в потайном ящике буфета, куда старая мисс Лэм сама положила его для сохранности. Но для бедной Анни Поултни было уже поздно.

Поэтому я и беспокоюсь о бедной старой немке. Когда человек стар, его очень легко обидеть. Я гораздо больше жалею Гертруду, чем мистера Темплтона: он молод и хорош собой и, очевидно, пользуется успехом у дам. Вы ведь напишете ей, сэр Генри? Сообщите, что ее невиновность полностью доказана? Ее дорогой старый хозяин умер, она, без сомнения, терзается и чувствует, что ее подозревают… О! Невыносимо подумать!

— Непременно напишу, мисс Марпл, — заверил сэр Генри и внимательно посмотрел на нее. — Вы знаете, никогда вас до конца не пойму. Вы всегда находите неожиданный подход.

— Мой подход, боюсь, бывает очень примитивен, — смиренно сказала мисс Марпл. — Я ведь почти не выезжаю из Сент-Мэри-Мид.

— И все же вы разрешили, можно сказать, международную загадку. Вы разрешили ее. Я в этом уверен.

Мисс Марпл бросило в краску, потом она немного овладела собой:

— Я считаю, что, по понятиям моего времени,

получила хорошее образование. У нас с сестрой была гувернантка-немка — фрейлейн. Очень сентиментальное существо. Она учила нас языку цветов — забытый теперь предмет, но такой очаровательный! Желтый тюльпан, например, означает безнадежную любовь, китайская астра — «умираю от ревности у ваших ног». То письмо подписано «Георгина», что, насколько я помню, на немецком Dahlia, и это все объясняло. Как бы я хотела вспомнить, что же означает Dahlia, но, увы, не могу. Память не та, что прежде.

— Во всяком случае, оно не означает смерть.

— Нет, конечно нет. Ах как жаль! Есть на свете неприятные вещи.

— Есть, — вздохнула миссис Бантри. — Но хорошо, когда есть цветы и друзья.

— Заметьте, мы идем во вторую очередь, — попытался разрядить обстановку доктор Ллойд.

— Бывало, каждый вечер поклонник присылал мне багровые орхидеи, — мечтательно произнесла Джейн.

— «Ожидаю вашей благосклонности» — вот что это означает, — весело сказала мисс Марпл.

Сэр Генри как-то по-особому кашлянул и отвернулся. Мисс Марпл вдруг осенило:

— Вспомнила! Dahlia значит предательство и

обман.

— Замечательно! Просто замечательно! — сказал сэр Генри и вздохнул.

Трагедия под рождество

— Я должен пожаловаться, — с улыбкой произнес сэр Генри Клиттеринг.

Он оглядел собравшихся. Полковник Бантри нахмурился, как провинившийся на параде солдат. Его жена украдкой рассматривала каталог цветных луковиц, доставленный с последней почтой. Доктор Ллойд с нескрываемым восхищением смотрел на молодую, красивую актрису Джейн Хелльер. А та сосредоточенно разглядывала свои покрытые розовым лаком ногти. Только мисс Марпл, восседавшая прямо и чинно, внимательно слушала Клиттеринга.

— Пожаловаться? — переспросила она.

— Да. И очень серьезная жалоба. В нашей компании шесть человек: трое мужчин и три женщины. И я протестую от имени эксплуатируемых мужчин. Мы сегодня выслушали три истории, и все три были рассказаны мужчинами! Я протестую! Дамы тоже должны внести свой достойный вклад.

— О! — возмутилась миссис Бантри. — Разве мы не внесли своего вклада? Мы с таким вниманием слушали вас и выражали свое восхищение.

Мы проявили истинно женскую скромность, не стремясь блистать в огнях рампы!

— Отличное оправдание, — заметил сэр Генри. — Но все же этого мало. Существует великолепный прецедент: «Тысяча и одна ночь». Вперед же, Шехерезада!

— Вы имеете в виду меня? — спросила миссис Бантри. — Но я не представляю, что вам рассказать. Я не имела дела с кровавыми и таинственными происшествиями.

— Ну, я не настаиваю на крови, — заметил сэр Генри. — Однако уверен, что у одной из трех дам есть примечательная история. Прошу вас, мисс Марпл: «Происшествие с прислугой» или «Загадка собрания матерей»[67]. Не разочаровывайте меня в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет ничего для вас интересного, сэр Генри. У меня, конечно, есть маленькие загадки. Например, куда девалась банка только что купленных креветок? Но это не подойдет, потому что не слишком таинственно, хотя и проливает свет на человеческую природу.

— Да, вы, мисс Марпл, в свое время научили

---

[67] notes: 67
Собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

меня понимать тонкости человеческой натуры, — многозначительно произнес сэр Генри.

— А как вы, мисс Хелльер? — спросил полковник Бантри. — У вас в жизни наверняка были интересные случаи?

— Да, конечно, — поддержал доктор Ллойд.

— Я? — удивилась Джейн. — Вы думаете… а… о чем-нибудь, что случилось со мной?

— Или с кем-нибудь из ваших знакомых, — добавил сэр Генри.

— О! — воскликнула Джейн. — Я думаю, что со мной никогда ничего подобного не случалось. Конечно, цветы… странные послания, но ведь это только поклонники, не так ли? Не думаю… нет… — И она замолчала.

— Что ж, видимо, придется послушать сказание о креветках, — усмехнулся сэр Генри. — Прошу вас, мисс Марпл.

— До чего же вы любите пошутить, сэр Генри. Креветки — это сущие пустяки. Но вот я вспомнила одно происшествие. Даже не происшествие, а нечто более серьезное — трагедию. Я была некоторым образом замешана в ней. И никогда не пожалею о том, что приняла в ней посильное участие. Правда, трагедия эта произошла не в Сент-Мэри-Мид…

— Вы меня разочаровываете, — сказал сэр Генри. — Но я приложу все силы и преодолею разочарование, ибо знаю, что на вас можно положиться.

Он сел поудобнее и приготовился слушать. Мисс Марпл с волнением продолжала. Легкий румянец покрыл ее щеки.

— Постараюсь изложить все как следует, хотя знаю, что часто бываю непоследовательной, ухожу от сути и сама того не замечаю… Иногда трудно вспомнить все факты, да еще и передать их в нужном порядке. Прошу вас не роптать, если окажусь плохим рассказчиком, ведь уже столько времени прошло с тех пор… Итак, эта история. Она, собственно, имела отношение к «Гидро».

— Вы имеете в виду гидроплан? — широко раскрыв глаза, спросила Джейн Хелльер.

— Как? Вы не знаете, дорогая? — удивилась миссис Бантри. — Такой милый курортный городок![68]

А ее муж добавил:

— Отвратительное место, ужасное. Надо рано по утрам подниматься, пить преневкуснейшую

---

[68] notes: 68

Кестен-Спа-Гидро — слившиеся воедино курортные городки, известные своими минеральными водами; в данном случае «Гидро» — еще и название пансионата, где происходит действие.

воду. Множество старух… неизбежные сплетни… Боже, как только вспомню…

— Однако, Артур, — заметила миссис Бантри, — тебе ведь тамошнее лечение очень помогло.

— Повсюду сидят старухи и сплетничают, — продолжал ворчать полковник Бантри.

— Боюсь, это правда, — согласилась мисс Марпл. — Я сама…

— Дорогая мисс Марпл! — в ужасе воскликнул полковник. — Я и в мыслях не имел…

Легким жестом руки мисс Марпл остановила его:

— Да, это правда, полковник Бантри. Только я хочу сказать кое-что в их защиту. Сплетничают, вы говорите, да ведь так оно и есть. И людям это очень не нравится, особенно молодым. Мой племянник, который пишет очень умные книжки, крайне зло высказывается о тех, кто чернит окружающих, не располагая доказательствами. «Как это безнравственно», — твердит он. И тому подобное. Но вот что я вам скажу: вся закавыка в том, что то, что молодые люди называют сплетнями, оказывается правдой! Если бы они задались целью проанализировать факты, то обнаружили бы, что в девяти случаях из десяти это правда! Как раз это и не нравится молодым.

— Правда по наитию, — улыбнулся сэр Генри.

— Нет, нет, совсем не то! На самом деле это результат житейского опыта. Египтолог, если показать ему какую-нибудь любопытную маленькую толкушку, может определить по виду и на ощупь, к какому тысячелетию до нашей эры она принадлежит и не является ли бирмингемской подделкой. Однако ученый не всегда может сослаться на определенное правило. Он просто знает, так как всю жизнь имел дело с подобными вещами.

Вот это-то я и пытаюсь вам объяснить. «Лишние женщины», как называет их мой племянник, располагают временем, а обычно их главный вопрос — люди. Вот почему они становятся своеобразными экспертами. Молодежь теперь вовсю рассуждает о вещах, которых в моей юности не было и в помине, но, с другой стороны, рассуждает ужасно наивно. Она верит всему и всем. А если попытаешься как-то осторожно предостеречь молодых, то в ответ услышишь, что у нас викторианское мышление, а это, уверяют они, все равно что канализационная труба.

— В конце концов, что плохого в канализационной трубе, — резюмировал сэр Генри.

— Вот именно, — согласилась мисс Марпл. —

Очень нужная вещь в доме, ну, конечно, отнюдь не романтическая. Теперь надо признаться, что и я не лишена самолюбия и меня иногда больно задевают необдуманные замечания. Знаю, джентльмены не интересуются домашними делами, но все же не могу не упомянуть о своей горничной — Этель, хорошенькой и услужливой девице. Как только я увидела ее, тотчас поняла, что это тот же самый тип, что и Анни Вепп, дочка бедной миссис Брут. Такие не различают своего и чужого. Так вот, я дала ей месяц на подыскание места и отказалась от ее услуг. А в рекомендации ей написала, что она честная и скромная. Однако старушку миссис Эдвард я предупредила, что не стоит брать ее в дом. Мой племянник Реймонд был просто вне себя. Он сказал, что это беспринципный поступок. Да, беспринципный! В результате эта Этель поступила к леди Эштон, которую я не сочла обязанной предупреждать. И что получилось? Все кружева с нижнего белья срезаны, две брошки с бриллиантами исчезли, а сама девица среди ночи улизнула — только ее и видели!

Глубоко вздохнув, мисс Марпл замолчала, потом продолжала:

— Вы скажете, что данный случай не имеет

никакого отношения к тому, что произошло в Кестен-Спа-Гидро. Но это не совсем так. Он объясняет, почему я, едва увидев чету Сандерсов, сразу почувствовала, что муж хочет избавиться от жены.

— О-о? — удивился сэр Генри и подался вперед.

Мисс Марпл с невозмутимым видом повернулась к нему:

— Да-да, сэр Генри, у меня не было никаких сомнений. Мистер Сандерс — крупный, интересный, цветущий мужчина, вызывавший у всех симпатию. Его манеры говорили о хорошем воспитании. Он очень любезно обращался со своей супругой. Но я-то знала: он задумал избавиться от нее!

— Дорогая мисс Марпл…

— Да, знала. Вот и племянник мой, Реймонд Уэст, он бы тоже сказал, что у меня нет и намека на доказательство. Но я вспомнила Уолтера Хоунса, который держал «Зеленого человека». Однажды вечером он с женой возвращался домой. Она упала в реку, а он получил за нее страховку! Я знаю и других людей, которые до сего дня безнаказанно благоденствуют. Вот пример: человек нашего круга отправился летом с женой в Швейцарию побродить по горам. Я предупре-

ждала ее, что не надо ехать. Бедняжка только посмеялась. Ей показалось забавным, что какая-то старушенция со странностями позволяет себе говорить такие вещи о ее Гарри. Ну вот и произошел несчастный случай. Гарри теперь женат на другой. А что я могла сделать? Ведь доказательств у меня не было.

— О, мисс Марпл! — воскликнула миссис Бантри. — Неужели вы и в самом деле думаете…

— Дорогая моя, такие вещи действительно происходят. И очень часто. Джентльмены легко поддаются искушению. Так заманчиво осуществить задуманное, когда все можно представить несчастным случаем. Насчет Сандерсов, повторяю, я поняла сразу. Дело было в трамвае. Внутри полно народу, и мне пришлось подняться наверх. Мы приготовились выходить, и тут мистер Сандерс потерял равновесие и упал на свою жену, толкнул ее, и она полетела вниз по лестнице. К счастью, кондуктором оказался сильный молодой человек. Он подхватил ее.

— Но это же действительно несчастный случай!

— Конечно, можно и так подумать. Что могло еще более походить на несчастный случай? Но мистер Сандерс, как он мне сам рассказывал,

служил в торговом флоте. А человек, который в состоянии держаться на раскачивающейся палубе, не потеряет равновесия и в трамвае, если такая пожилая женщина, как я, не теряет его. Такого быть не может!

— Значит, вы уже тогда пришли к определенному выводу, — сказал сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула:

— О да! Я была вполне уверена, а вскоре еще одно происшествие при переходе улицы уже не оставило места никаким сомнениям. И вот, сэр Генри, что, по-вашему, я могла сделать? Довольная жизнью, счастливая молодая женщина… а я знаю, что ее скоро убьют…

— Дорогая, вы меня удивляете.

— Это оттого, что, как и большинство людей в наше время, вы не хотите смотреть фактам в лицо. В вас глубоко сидит убеждение, что такого не может быть. Но вот случилось, и я это предвидела. К сожалению, человек очень ограничен в своих действиях! Я не могла, например, пойти в полицию. А предостерегать молодую женщину было тоже бесполезно: она беспредельно доверяла своему мужу. Я просто решила узнать как можно больше об этой паре. Когда сидишь с рукоделием у камина, это не так трудно. Миссис Сандерс

(Глэдис ее звали) — хрупкая, довольно бледная блондинка с большим узлом волос на затылке. Она только того и ждала, чтобы поболтать. Оказалось, они недавно поженились. Муж должен был вскоре получить наследство, но пока они обеспечены были плохо. По существу, молодые жили на ее небольшой доход. Дело известное. Она сетовала, что не может воспользоваться капиталом. Как будто кто-то предчувствовал неладное! Но деньги принадлежали ей, она даже могла их завещать. Я выяснила это. Глэдис и ее муж сразу после свадьбы составили завещание в пользу друг друга. Очень трогательно. «Конечно, когда Джек приведет дела в порядок…» — только и говорила она. Между тем они, конечно, испытывали трудности. Снимали одну комнату на верхнем этаже, там, где прислуга, к тому же опасно, если пожар. Правда, на этот случай был запасной выход — прямо у их окна наружная лестница. Я осторожненько поинтересовалась, нет ли балкона. Очень опасны эти балконы. Толкнул и… вы понимаете?

Я добилась от нее обещания не выходить на балкон: сказала, что видела сон. Это произвело на нее впечатление: суеверие иногда может очень помочь. Очень бесхитростная, она пересказала все, что я говорила, мужу. Я заметила, что

несколько раз он довольно странно посмотрел на меня. По-видимому, он помнил, что я была в том трамвае.

Я не могла придумать, как сорвать его замысел, и это мучило меня. Предотвратить роковые события в «Гидро» можно было, просто сказав Сандерсу пару слов, и, вероятно, он на время отложил бы исполнение своего плана. И я пришла к выводу, что единственное средство разоблачить его — это устроить ловушку: заставить его совершить покушение, но таким способом, который бы я сама для него выбрала. Тогда он не сумел бы утаить своих действий, и Глэдис, каким бы это потрясением для нее ни было, узнала бы всю правду.

— Поразительно! — сказал доктор Ллойд. — Что же вы такое придумали?

— Была у меня задумка… Но этот человек перехитрил меня. Он не стал медлить и нанес удар. Он понял, что я жду очередного «несчастного случая», и решил «разыграть убийство».

Все вздохнули. Мисс Марпл поджала губы.

— Боюсь, я рассказала довольно сумбурно. Постараюсь дальше изложить все возможно точнее. Я никогда не испытывала желания вмешиваться в подобные вещи. Наверное, мне бы даже следо-

вало их избегать. Но, несомненно, Провидению оказалось виднее. Во всяком случае, я сделала все, что могла!

Появилось безотчетное ощущение страха перед чем-то неведомым. Что-то словно нависло над всеми нами. Предчувствие несчастья. Началось с Джорджа, швейцара. Бронхит, пневмония, скончался на четвертый день. Тяжелый удар для всех. За четыре дня до Рождества. Потом — одна из горничных, такая милая девушка, уколола палец, заражение крови; в течение суток ее не стало.

Я сидела в гостиной с мисс Троллап и миссис Карпентер. Миссис Карпентер, смакующая эти печальные события, была просто отвратительна.

«Помяните мое слово, — говорила она, — это не конец. Бог любит троицу. Будет еще одна смерть. Можете не сомневаться. Долго ждать не придется».

И едва она произнесла эти слова, в дверях появился мистер Сандерс. Лишь на мгновение он потерял бдительность, и меня поразило выражение его лица. Все стало ясно. До конца дней никто не разуверит меня, что именно слова миссис Карпентер подтолкнули его.

Сандерс вышел на середину комнаты и со своей обычной приветливой улыбкой спросил:

«Не надо ли дамам что-нибудь купить к Рождеству? Я скоро поеду в Кестон».

Он постоял еще минуты две и вышел. Я уже говорила, что была очень обеспокоена. Я тут же спросила:

«Где миссис Сандерс?»

Мисс Троллап ответила, что Глэдис уехала к своим друзьям, неким Мортимерам, на бридж. На время я немного успокоилась, но все же меня не оставляла мысль: необходимо что-то предпринять. Через полчаса я отправилась в свою комнату. На лестнице повстречала доктора Коулза, моего лечащего врача, который спускался вниз, и, поскольку мне захотелось проконсультироваться у него по поводу моего ревматизма, я пригласила его к себе. Он сообщил мне по секрету о смерти бедняжки Мэри. «Управляющий не хочет огласки, — заметил он, — и просил сохранить это в тайне». Конечно, я не стала огорчать его, ведь едва бедная девушка сделала последний вздох, мы ни о чем другом больше и не говорили. Такие вещи сразу становятся известны, и человек с его опытом должен был это прекрасно знать. Но доктор Коулз был бесхитростным малым и все принимал за чистую монету. Он обмолвился, когда уходил, что Сандерс просил его осмотреть

жену. Ей, мол, последнее время нездоровится. Несварение желудка и тому подобное.

А именно в этот самый день Глэдис Сандерс говорила мне, что у нее, слава богу, с желудком все в порядке.

Вы понимаете? Мои подозрения насчет этого человека усилились во сто крат. Он готовил путь. Но для чего?.. Доктор Коулз ушел, прежде чем я успела поделиться с ним. Хотя, собственно, если бы я обратилась к нему, что я ему сказала бы? Когда я вышла из комнаты, Сандерс собственной персоной спускался по лестнице. Он был одет на выход и снова спросил меня, не нужно ли что-нибудь в городе. Все, что я могла, — это удержаться в рамках приличия. Я прошла в холл и заказала чаю. Было, я помню, ровно половина шестого.

Очень хочется как можно подробнее передать последующие события. Без четверти семь, когда я все еще находилась в холле, вошел мистер Сандерс и с ним два джентльмена. Все трое были, что называется, несколько навеселе. Мистер Сандерс, оставив друзей, направился прямо к нам с мисс Троллап. Он объяснил, что хочет посоветоваться насчет рождественского подарка для жены. Речь шла о театральной сумочке.

«Видите ли, — сказал он, — я всего лишь про-

стой матрос. Что я понимаю в таких вещах? Мне предложили целых три на выбор, и я хочу услышать мнение экспертов».

Мы сказали, что будем рады помочь, и он попросил, если это не затруднит нас, подняться наверх, потому что в любой момент может возвратиться жена.

Мы пошли с ним. Никогда не забуду, что произошло потом. До сих пор помню, как у меня затряслись руки.

Мистер Сандерс раскрыл дверь спальни и включил свет. Не знаю, кто первым из нас увидел это… Миссис Сандерс лежала на полу, лицом вниз…

Я подошла к ней, опустилась на колени, взяла за руку, чтобы пощупать пульс. Бесполезно. Рука была холодной. Около головы лежал чулок, наполненный песком, — предмет, которым ей нанесли удар. Мисс Троллап, глупое создание, все плакала и плакала у дверей. Сандерс отчаянно закричал: «Моя жена! Моя жена!» — и бросился к ней. Я не позволила ему дотронуться до нее. Вы понимаете, я была уверена, что это его рук дело. Может быть, он хотел что-то убрать или спрятать.

«Трогать ничего нельзя, — сказала я. — Возьмите себя в руки, мистер Сандерс. Мисс Троллап,

пожалуйста, идите вниз и позовите хозяина».

Я стояла на коленях возле тела и не собиралась оставлять Сандерса одного. Но все же я вынуждена была признать, что если этот человек играл, то играл блестяще. Он выглядел потрясенным и напуганным до безумия.

Хозяин тут же явился. Он быстро осмотрел комнату, выставил нас всех, запер дверь, а ключ забрал себе. Потом ушел звонить в полицию. Казалось, прошла вечность, прежде чем они приехали. Потом мы узнали, что линия была не в порядке, и хозяину пришлось послать нарочного в полицейский участок, а «Гидро» находится порядочно от города, у самой вересковой пустоши. Миссис Карпентер довела всех нас до изнеможения, постоянно подчеркивая свою проницательность. Ведь поговорка «Бог троицу любит» оправдалась так скоро. Сандерс бродил по саду, схватившись за голову, он изображал неутешное горе.

Наконец полиция приехала. Они поднялись наверх с хозяином и мистером Сандерсом. Потом послали за мной. Инспектор сидел за столом и писал. Это был интеллигентного вида мужчина, и он мне понравился.

«Мисс Джейн Марпл?» — спросил он.

«Да».

«Как я понял, мадам, тело было обнаружено в вашем присутствии?»

Я подтвердила, что присутствовала, и описала в точности, что произошло. Думаю, что найти кого-то, кто мог бы ответить на вопросы так четко, было большой радостью для бедняги, поскольку до этого ему пришлось иметь дело с Сандерсом и Эмили Троллап, которая, по-моему, была совершенно деморализована: еще бы, такое глупое существо! Помню, моя дорогая мамочка говорила: порядочная дама всегда должна уметь держать себя на людях и не обнаруживать свои переживания.

— Замечательный афоризм, — мрачно заметил сэр Генри.

— Когда я закончила, инспектор сказал: «Благодарю вас, мадам. Боюсь, я должен попросить вас еще зайти в комнату. Точно ли в том положении находится тело? Не передвинули ли его?»

Я объяснила, что помешала Сандерсу сделать это, и инспектор одобрительно кивнул головой.

«Похоже, джентльмен ужасно расстроен», — заметил он.

«Похоже — да», — ответила я.

Не думаю, чтобы я особенно выделила слово

«похоже», но инспектор посмотрел на меня с интересом.

«Итак, тело находится на том же самом месте, где и было обнаружено?» — переспросил он.

«Да, кроме шляпки», — ответила я.

Инспектор живо взглянул на меня:

«Что значит — кроме шляпки?»

Я объяснила, что шляпка была у бедняжки Глэдис на голове, а теперь лежит рядом. Я, конечно, посчитала, что это сделала полиция. Инспектор, однако, решительно отверг мое предположение: они ничего не трогали. Он стоял и смотрел на лежащее вниз лицом тело. Глэдис была в верхней одежде — в темно-красном твидовом пальто с серым меховым воротником. Довольно дешевая шляпка из красного фетра лежала как раз у ее головы.

Озадаченно нахмурившись, инспектор молчал. Потом его осенило:

«Вы, случайно, не помните, мадам, были ли в ушах покойной сережки? И носила ли она их вообще?»

К счастью, у меня привычка все внимательно рассматривать. Я вспомнила, что из-под полей шляпки поблескивали жемчужинки. Правда, я тогда не придала этому особого значения.

«Тогда все понятно. Кто-то рылся в шкатулке с драгоценностями покойной, хотя, как я думаю, особых ценностей там не было… а с пальцев сняли кольца. Убийца, должно быть, забыл про сережки и вернулся за ними. Хладнокровный тип! Или, может быть… — Он внимательно оглядел комнату и медленно произнес: — Может быть, он и сейчас прячется тут?»

Но я отвергла эту мысль:

«Я лично заглянула под кровать. Хозяин раскрывал дверцы гардероба. Больше человеку прятаться негде. Правда, отделение для шляп в середине гардероба было заперто. Но оно слишком мало, да еще с полками, кто там мог спрятаться?»

Инспектор медленно кивал, пока я ему все это объясняла.

«Я верю вам, мадам, — сказал он. — В таком случае он, должно быть, возвратился. Весьма хладнокровный тип».

«Но хозяин запер дверь и забрал ключ!»

«Это ничего не значит. Балкон, пожарная лестница — вот как пробрался вор. Вполне вероятно, что вы ему помешали. Он выскользнул в окно, а когда все ушли, вернулся и продолжил свое дело».

«Вы уверены, что это был вор?» — спросила я.

«А разве не похоже?» — сухо заметил он.

И что-то в его тоне успокоило меня. Я почувствовала, что он не будет слишком серьезно воспринимать мистера Сандерса в роли безутешного вдовца.

Видите ли, я, откровенно признаюсь, была абсолютно убеждена в своем мнении. Я знала, что этот Сандерс намеревается убить свою жену. И никак не могла принять случившееся за необыкновенное, прямо-таки фантастическое совпадение. Мое представление о мистере Сандерсе было абсолютно верным: это был негодяй. Однако, хотя его притворная скорбь ни на минуту не ввела меня в заблуждение, я прекрасно помню, что тогда он удивительно хорошо разыграл свою роль и чувства его казались совершенно неподдельными.

Должна признаться, что после разговора с инспектором у меня появились кое-какие сомнения. Ведь если Сандерс совершил эту отвратительную вещь, что заставило его лезть назад по пожарной лестнице и вынимать сережки из ушей жены? Это был неразумный поступок, а Сандерс был достаточно умным человеком, именно поэтому-то я и считала его таким опасным.

Мисс Марпл оглядела слушателей:

— Вы, наверное, догадываетесь, к чему я веду? Как часто в этом мире происходит самое неожиданное. Я была абсолютно уверена, думаю, это меня и ослепило. Результат оказался для меня потрясающим. Было неопровержимо доказано, что мистер Сандерс никак не мог совершить преступление…

Вздох изумления вырвался у миссис Бантри. Мисс Марпл повернулась к ней:

— Знаю, дорогая, вы совсем не этого ожидали, но факты — вещь упрямая. И если доказано, что вы ошибаетесь, надо просто смириться и начать сначала. Я была уверена, что мистер Сандерс — убийца, и ничто не могло поколебать моего убеждения.

А теперь, я думаю, вы хотите узнать эти самые факты. Миссис Сандерс, как вам уже известно, проводила день с друзьями, некими Мортимерами, за игрой в бридж. Она ушла от них приблизительно в четверть седьмого. От дома Мортимеров до «Гидро» четверть часа ходьбы, а если идти быстрым шагом, то и меньше. Значит, она вернулась около шести тридцати. Никто не видел, как она возвратилась, так что, вероятно, она вошла через боковую дверь и быстро прошла в свою комнату. Она переоделась: коричневые

пиджак и юбка, в которых она уходила играть в бридж, висели в гардеробе. Очевидно, она снова намеревалась выйти, когда на нее обрушился удар. Возможно, она так и не узнала, кто ее ударил. Чулок с песком, как я понимаю, очень эффективная вещь. Похоже было, что убийца прятался в комнате в одном из больших стенных шкафов, который она не открывала.

Теперь о том, что делал мистер Сандерс. Он вышел, как я говорила, приблизительно в пять тридцать или немного позднее. Сделав в нескольких магазинах покупки, он примерно в шесть часов пришел в отель «Гранд Спа», где повстречал двух друзей. Они поиграли там на бильярде и, я полагаю, как следует выпили виски с содовой. Эти двое (их фамилии Хичкок и Спендер) фактически были с Сандерсом начиная с шести часов. Они все вместе вернулись в «Гидро». Когда он обратился к нам с мисс Троллап, было без четверти семь. В это время его жена уже была убита.

Надо вам сказать, что я сама побеседовала с этими его друзьями. Они мне не понравились: какие-то неприятные, невоспитанные, но в одном я была совершенно уверена: они говорили абсолютную правду, когда утверждали, что Сандерс все время был с ними.

Выяснилась еще одна деталь. Оказывается, во время игры в бридж миссис Сандерс позвали к телефону. С ней пожелал говорить какой-то мистер Литтлворт. Она, казалось, была польщена и взволнована чем-то и, между прочим, сделала в игре несколько серьезных ошибок. Она ушла намного раньше, чем ожидали хозяева.

Мистера Сандерса спрашивали, знает ли он среди друзей жены некоего Литтлворта. Он заявил, что никогда не слышал такого имени. А мне, судя по поведению его жены, было совершенно ясно, что ей, по всей видимости, тоже не было известно это имя. Тем не менее она возвратилась от телефона улыбающаяся и покрасневшая. Так что похоже, будто этот кто-то не назвал своего настоящего имени, и это само по себе подозрительно, не так ли?

Как бы то ни было, проблема оставалась нерешенной. Версия об ограблении казалась маловероятной, но появилась альтернативная версия: миссис Сандерс готовилась выйти кого-то встретить. Не забрался ли этот «кто-то» по пожарной лестнице к ней в комнату? Не произошла ли ссора или он вероломно напал на нее?

Мисс Марпл замолчала.

— Ну? — спросил сэр Генри. — Каков же ответ?

— Интересно, не догадается ли кто-нибудь сам?

— У меня это всегда плохо получалось, — призналась миссис Бантри. — Как жаль, что у Сандерса такое замечательное алиби. Если оно вас удовлетворяет, значит, с ним все в порядке.

Джейн Хелльер повернула свою красивую головку.

— Почему было заперто отделение для шляп? — спросила она.

— Какая вы умница, моя дорогая, — умилилась мисс Марпл. — Как раз над этим я и задумалась. Хотя объяснение оказалось очень простым: там находились пара шлепанцев и носовые платки, которые бедняжка вышивала мужу к Рождеству. Вот почему она заперла шкаф. Ключ обнаружили у нее в сумочке.

— О! — сказала Джейн. — Тогда это неинтересно.

— Отчего же? — возразила мисс Марпл. — Это как раз по-настоящему важная деталь. Именно она и нарушила планы убийцы.

Все взоры обратились к мисс Марпл.

— Я сама два дня не могла понять, в чем тут дело, — сказала она. — Я ломала, ломала голову, а потом — раз! И все ясно. Я пошла к инспекто-

ру и попросила его кое-что попробовать, и он сделал это.

— Что вы попросили его попробовать?

— Я попросила его надеть шляпку на голову бедняжки, и он, конечно, не смог. Это была не ее шляпка, вы понимаете?

Миссис Бантри широко раскрыла глаза:

— Но ведь сначала она была у нее на голове?

— Не на ее голове…

Мисс Марпл остановилась, чтобы дать слушателям возможность осмыслить ее слова.

— Мы настолько не сомневались, что в комнате лежало тело бедняжки Глэдис, что так и не взглянули на лицо. Она лежала лицом вниз, помните?

— Но она была убита?

— Да. Позже. В тот момент, когда звонили в полицию, Глэдис Сандерс была жива и здорова.

— Вы имеете в виду, что кто-то прикинулся ею? Но ведь вы дотрагивались до…

— Верно, это было мертвое тело, — удрученно подтвердила мисс Марпл.

— Черт возьми! — воскликнул полковник Бантри. — Куда же они дели потом… первый труп?

— Он унес его назад, — пояснила мисс Марпл. — Это была гнусная идея, но очень умная. Именно наш разговор в гостиной навел его на эту мысль.

Тело несчастной Мэри, горничной! Почему бы его не использовать? Помните, комната Сандерсов была наверху, рядом с помещениями прислуги. Комната Мэри находилась через две двери. Гробовщики с наступлением темноты уже не приходят: на это и рассчитывал Сандерс. Он протаскивает тело через балкон (в пять уже было темно), надевает на него одно из платьев жены и ее красное пальто и тут обнаруживает, что шляпное отделение заперто! Остается одно: он берет одну из шляпок бедной девушки. Никто не заметит. Затем кладет рядом мешок с песком и уходит. Алиби готово!

Сандерс звонит жене, назвавшись мистером Литтлвортом. Не знаю, что он ей сообщает, а она, как я уже говорила, была женщина доверчивая. Он убеждает ее пораньше закончить игру и назначает ей встречу в семь часов в саду «Гидро», около пожарной лестницы. Вероятно, сказав, что у него есть для нее какой-то сюрприз.

Когда Сандерс вернулся с друзьями в «Гидро», то подстроил все так, чтобы мисс Троллап и я вместе с ним обнаружили преступление. Он даже сделал вид, что хочет перевернуть тело. А я-то его остановила! Затем послали за полицией, а он, шатаясь, вышел в сад.

Никто не интересовался его алиби после преступления.

Он встречается с женой. Проводит ее по пожарной лестнице. Они заходят в свою комнату. Возможно, он уже рассказал ей какую-нибудь историю о трупе. Она наклоняется, а он поднимает мешок с песком и наносит удар… О боже! Мне даже сейчас при мысли об этом становится плохо! Затем он быстро снимает с нее пиджак и юбку, вешает их и одевает убитую в одежду, снятую с другого трупа.

Но шляпка не надевается. У Мэри была короткая стрижка, у Глэдис Сандерс, как я говорила, — большой узел волос. Сандерсу приходится оставить шляпку рядом с телом и понадеяться, что на это не обратят внимания. Затем он переносит тело бедной Мэри назад в ее собственную комнату и приводит его в надлежащий вид.

— Подумать только! — воскликнул доктор Ллойд. — Какой риск! Полиция могла приехать очень скоро.

— Помните, линия была не в порядке, — сказала мисс Марпл. — Это тоже было делом его рук. Он не мог допустить, чтобы полиция прибыла слишком рано. Когда они все-таки приехали, то, перед тем как подняться наверх, провели еще

некоторое время в офисе хозяина. Самым слабым местом в плане Сандерса было то, что кто-то мог заметить разницу между телом убитой полчаса назад и умершей на полтора часа раньше; но он рассчитывал на то, что люди, которые первыми обнаружат преступление, не будут обладать специальными знаниями.

Доктор Ллойд кивнул:

— Я полагаю, они пришли к выводу, что преступление совершено примерно без четверти семь. На самом деле убийство произошло в семь или несколькими минутами позже. Полицейский врач осматривал тело не ранее половины восьмого. Он уже не мог определить точнее.

— А я… мне бы следовало знать… — сказала мисс Марпл. — Я же трогала руку бедной девушки. Она была холодна как лед. Вскоре после этого инспектор говорил, что убийство было совершено как раз перед нашим приходом. И я ничего не поняла!..

— Я думаю, мисс Марпл, что вы достаточно много поняли, — успокоил ее сэр Генри. — И чем же все кончилось?

— Сандерса повесили, — холодно ответила мисс Марпл. — И поделом ему. Я никогда не жалею о своем участии в том, что в руки правосудия был

передан этот человек. Я не выношу слюнтяйства современных гуманистов по поводу смертной казни. — Выражение ее лица смягчилось. — Но себя я частенько упрекаю за то, что не сумела спасти жизнь несчастной женщины. Впрочем, кто знает?.. Может быть, для нее лучше было умереть, пока она считала себя счастливой, чем продолжать жить лишенной иллюзий. Глэдис любила этого негодяя и доверяла ему. Она так и не узнала правды о нем.

— Ну тогда ей повезло, — сказала Джейн Хелльер. — Очень повезло. Хотела бы я… — И она замолчала.

Мисс Марпл взглянула на привлекательную, преуспевающую Джейн Хелльер и медленно наклонила голову:

— Понимаю, моя дорогая… Понимаю…

Трава смерти

— Ну-с, теперь миссис Би, — живо произнес сэр Генри Клиттеринг.

Миссис Бантри, хозяйка дома, взглянула на него с холодным укором:

— Я вам уже говорила, пожалуйста, не называйте меня миссис Би. Это неуважительно.

— Тогда Шехерезада.

— И тем более я не «Ши», что за имя! Я совершенно не умею рассказывать истории. Спросите Артура, если не верите мне.

— Ты хорошо преподносишь факты, Долли, — сказал полковник Бантри, — но плоховато у тебя с антуражем.

— Вот именно. — Миссис Бантри захлопнула каталог луковиц, который лежал перед ней на столике. — Я слушаю и не понимаю, как это у вас получается: «Он сказал», «Она сказала», «Они удивились», «Они подумали», «Все решили». Я просто не могу так! Кроме того, я даже не знаю, что вам рассказать.

— Ну, этому мы не поверим, миссис Бантри, — покачал седой головой доктор Ллойд.

— Несомненно, дорогая… — кротко произнесла

мисс Марпл.

Миссис Бантри упрямо помотала головой:

— Вы не представляете себе, как банальна моя жизнь. Что за слуги! Как трудно иметь дело с кухарками. А поездки в город за платьями, а дантист, а Аскот[69] (вот уж чего Артур терпеть не может), и потом еще сад…

— Ага! — обрадовался доктор Ллойд. — Сад! Мы знаем, к чему лежит ваша душа, миссис Бантри.

— Должно быть, так приятно иметь сад, — мечтательно произнесла Джейн Хелльер, молодая красивая актриса. — Если бы еще не надо было копаться в земле и портить руки. Я так люблю цветы.

— Сад… — повторил сэр Генри. — Разве нельзя принять его за отправную точку? Так приступим, миссис Би! Отравленная луковица, смертоносные нарциссы, трава смерти!

— Странно, что вы об этом заговорили, — сказала миссис Бантри. — Вы кое о чем напомнили мне. Артур, что ты скажешь о трагедии в Клоддерхэм-Корт? Помнишь старого Эмброза Берси? Каким очаровательным человеком мы его считали?

---

[69] notes: 69

Аскот — скачки, по названию ипподрома близ Виндзора.

— Как же, конечно. Да, странная была история. Расскажи, Долли.

— Лучше ты, дорогой.

— Глупости. Рассказывай, выкарабкивайся своими силами. Я уже свою историю поведал…

Миссис Бантри глубоко вздохнула. Она сжала руки, на ее лице отразилось мучительное раздумье.

— Что ж, рассказывать-то, собственно, и не о чем, — вдруг быстро и гладко заговорила она. — Трава смерти — вот как это отложилось у меня в голове, хотя про себя я еще называю эту историю — шалфей и лук.

— Шалфей и лук? — переспросил доктор Ллойд.

Миссис Бантри кивнула:

— Видите ли, вот как это произошло. Мы с Артуром гостили у сэра Эмброза Берси в Клоддерхэм-Корт. И однажды по ошибке — очень это глупо вышло, я считаю — с шалфеем было собрано много листьев наперстянки. В тот вечер на обед были поданы утки, нафаршированные шалфеем[70]. Вскоре все почувствовали себя очень плохо, а одна девушка, подопечная сэра Эмброза,

---

[70] notes: 70

Шалфей с луком применяется в английской кулинарии для фаршировки гусей и уток.

даже умерла.

— Бедная, бедная, — сказала мисс Марпл. — Какая трагедия!

— Неужели?

— Ну и что же дальше? — спросил сэр Генри Клиттеринг.

— Дальше ничего, — ответила миссис Бантри. — Все.

Все от изумления раскрыли рты. Хотя они и были предупреждены, но уж такой краткости никто не ожидал.

— Миссис Бантри, дорогая, — запротестовал сэр Генри, — это недопустимо! То, что вы рассказали, просто несчастный случай, но уж никак не загадка.

— Ну, кое-что еще было, — сказала миссис Бантри. — Но если бы я выложила все подробности, вы бы сразу поняли, в чем дело. — Она с укором взглянула на присутствующих и с грустью добавила: — Я же говорила, что не умею рассказывать.

— Так, так! — воскликнул сэр Генри, он выпрямился на стуле и вставил монокль. — В самом деле, Шехерезада, это чрезвычайно занятно. Нашим способностям брошен вызов. Я уверен, вы сделали это не без намерения пробудить

любопытство. Что же, тогда несколько раундов «Двадцати вопросов»![71] Мисс Марпл, может быть, вы начнете?

— Мне бы хотелось узнать что-нибудь о кухарке, — отозвалась мисс Марпл. — Она, наверное, была очень глупой или неопытной?

— Она была просто глупа. Потом она пролила немало слез и говорила, что зелень принесли ей как шалфей. Откуда было ей знать.

— Не из тех, кто привык жить своим умом, — заключила мисс Марпл. — Наверное, женщина пожилая, но кухарка-то она, надо думать, была все же хорошая?

— О, отличная, — подтвердила миссис Бантри.

— Мисс Хелльер, ваша очередь, — сказал сэр Генри.

— А, вы имеете в виду вопрос?

Наступила пауза, пока Джейн размышляла. Наконец она робко произнесла:

— В самом деле не знаю, что и спрашивать. — Красивые глаза с мольбою направились на сэра Генри.

— А почему бы не dramatis personae, мисс Хел-

---

[71] notes: 71

«**Двадцать вопросов**» — популярная развлекательная радиопередача Би-би-си; нужно отгадать задуманное слово, задав не более двадцати вопросов.

льер, — с улыбкой предложил он.

Джейн продолжала сохранять озадаченный вид.

— Действующие лица в порядке их появления, — спокойно пояснил сэр Генри.

— Да, да, — согласилась Джейн. — Это хорошая мысль.

Миссис Бантри стала проворно загибать пальцы.

— Сэр Эмброз, Сильвия Кин — та девушка, которая умерла, — ее подруга, которая гостила там. Мод Уай — одна из тех невежественных девиц, которые умеют произвести впечатление… Никак не пойму, как это им удается. Затем еще был мистер Керли, который приехал побеседовать с сэром Эмброзом о книгах. Ну, знаете, всякие редкие книги на латинском языке, покрытые плесенью рукописи на пергаменте… Был Джерри Лоример — ближайший сосед. Его усадьба «Феллис» соприкасалась с поместьем сэра Эмброза. Была миссис Карпентер — одна из тех среднего возраста «кошечек», которым, кажется, всегда удается устраиваться с удобствами. Она, я полагаю, была dame de compagnie[72] Сильвии.

---

[72] notes: 72
Компаньонка (*фр.*).

— Если сейчас моя очередь, — сказал сэр Генри, — а по-моему, так оно и есть, поскольку я сижу рядом с мисс Хелльер, то я хочу многого. Хочу услышать краткий словесный портрет. Пожалуйста, миссис Бантри, всех вышеупомянутых.

— М-м… — Миссис Бантри замешкалась.

— Вот, сэр Эмброз, — пришел ей на помощь сэр Генри. — Начните с него.

— О! Это был такой запоминающийся старик, хотя, собственно, и не такой старый: не больше шестидесяти ему было, я полагаю. Но очень болезненный. Такое слабое сердце, что не мог подниматься по лестнице. Пришлось установить лифт. В общем, выглядел он старше, чем был на самом деле. Манеры — очаровательные. Изысканные — вот, пожалуй, самое подходящее слово. Его никогда не видели раздраженным или расстроенным. У него были красивые седые волосы и прямо-таки завораживающий голос.

— Хорошо. Я представляю себе сэра Эмброза. Теперь Сильвия. Как вы назвали ее фамилию? — спросил сэр Генри.

— Сильвия Кин. Это была красотка… В самом деле очень хорошенькая. Белокурая такая, кожа — чудная. Не очень, может быть, умная, даже скорее глупая.

— Ну что ты, Долли, — запротестовал муж.

— Артур, конечно, иного мнения, — поджала губы миссис Бантри. — Но она все-таки была глупой. Я не слышала от нее ни единого умного слова.

— Милейшее создание, — не соглашался полковник Бантри. — А как она играла в теннис! Загляденье, прелесть! Она была полна жизни, эта забавная крошка. И такие милые манеры. Могу поспорить, молодые люди были без ума от нее.

— Вот ты и не прав, — возразила миссис Бантри. — Подобные девицы теперь не производят впечатления на молодых людей. Только старикашки вроде тебя, Артур, сидят и восхищаются молоденькими девчонками.

— Быть молодой — этого мало, — сказала Джейн. — Надо иметь С. А.

— Как?! — удивилась мисс Марпл. — С. А.?

— Sex appeal[73], — объяснила Джейн.

— Ах вот что, — сказала мисс Марпл. — В мое время это называлось «ласкать глаз».

— Ну а теперь о dame de compagnie, — продолжал сэр Генри, обращаясь к миссис Бантри. — Неплохую вы дали ей характеристику; кажется,

---

[73] notes: 73

Физическая сексуальная привлекательность, особенно женщины (*фр.*).

назвали ее кошечкой?

— Видите ли, я не хотела сказать, что она кошка, — ответила миссис Бантри. — Кошка — совсем другое дело. А эта — просто большая, белая, мягкая, мурлыкающая личность. Очень слащавая такая. Вот какой была Аделаида Карпентер.

— И какого же возраста?

— О, пожалуй, в районе сорока. Она находилась в доме, по-моему, с тех пор, как Сильвии исполнилось одиннадцать лет. Очень тактичная дама. Из тех вдов, оказавшихся в неблагоприятных обстоятельствах, что имеют множество родственников-аристократов, но не имеют денег. Я ее не люблю. Я никогда не отличалась любовью к людям с длинными белыми руками, и я не люблю «кошечек».

— Мистер Керли?

— Невзрачный, пожилой сутулый человек. Их такое множество, что едва отличишь одного от другого. Проявлял энтузиазм только при разговоре о своих заплесневелых книжках. Думаю, что сэр Эмброз его и не знал-то как следует.

— А ближайший сосед — Джерри?

— Вот уж действительно очаровательный парень! Был обручен с Сильвией. Что и привело к печальному исходу.

— Тогда я не понимаю… — начала мисс Марпл и замолчала.

— Что?

— Ничего, дорогая.

Сэр Генри с любопытством взглянул на старую даму и задумчиво произнес:

— Итак, эта молодая пара была помолвлена. И давно состоялась помолвка?

— Около года назад. Сэр Эмброз был против под предлогом того, что Сильвия еще слишком молода. Но спустя год он сдался, и скоро должна была состояться свадьба.

— А! У молодой леди была собственность?

— Почти ничего… Какая-то сотня фунтов или две в год.

— Не так уж и плохо, Клиттеринг, — засмеялся полковник Бантри.

— Ну все, пусть теперь доктор задает вопросы, — сказал сэр Генри.

— Мое любопытство, собственно, главным образом профессионально, — начал доктор Ллойд. — Хотелось бы знать, какое медицинское заключение было представлено следствию? Если, конечно, хозяйка знает и помнит.

— Насколько мне известно, отравление дигиталисом. Так, кажется, называется?

Доктор Ллойд кивнул:

— Наперстянка, дигиталис, воздействует на сердце. Конечно, это очень ценное лекарство при некоторых формах сердечной недостаточности. И вместе с тем очень странный случай. Не могу поверить, чтобы листья наперстянки могли привести к летальному исходу. Представление о ядовитости ее листьев и ягод сильно преувеличено. Мало кто понимает, что активное ее начало — алкалоид — нужно сперва извлечь в чистом виде.

— Миссис Макартур послала на днях несколько особых луковиц миссис Туми, — сказала мисс Марпл. — А кухарка миссис Туми приняла их за обыкновенный лук, и, конечно же, все Туми сильно заболели.

— Но они не умерли от этого, — заметил доктор Ллойд.

— Нет, не умерли, — подтвердила мисс Марпл.

— Одна моя знакомая умерла от отравления птомаином — трупным ядом, — сказала Джейн Хелльер.

— Нам надо продвигаться в расследовании преступления, — заметил сэр Генри.

— Преступления? — вздрогнув, переспросила Джейн. — Я думала, это несчастный случай.

— Если бы это был несчастный случай, наверное, миссис Бантри не стала бы нам о нем рассказывать, — возразил сэр Генри. — Нет, я считаю, что это только на первый взгляд несчастный случай. За ним кроется что-то довольно мрачное. Помню такой казус: гости на вечеринке болтали после обеда. Стены были увешаны всевозможным старинным оружием. Вдруг один из гостей схватил со стены седельный пистолет и нацелился в другого, делая вид, что стреляет. Пистолет оказался заряженным. Прозвучал выстрел. Произошло убийство. И нам пришлось выяснять, во-первых, кто тайно зарядил пистолет, во-вторых, кто направил разговор таким образом, что в результате неумной шутки произошла трагедия: ведь человек, нажавший на курок, был не виноват!

Мне кажется, у нас тут с вами почти такая же ситуация. Листья дигиталиса были намеренно смешаны с шалфеем в предвидении определенного результата. Поскольку мы снимаем подозрение с кухарки — не так ли? — возникает вопрос: кто собирал зелень и принес ее на кухню?

— На это ответить просто, по крайней мере на последнюю часть вопроса, — сказала миссис Бантри. — Сама Сильвия и принесла зелень на кухню. Это была ее постоянная обязанность:

собирать салат, зелень, молодую морковку — в общем, делать то, чем садовники не хотят как следует заниматься. Они не подадут вам к столу ничего молодого и нежного, им, видите ли, дай точные образцы. Сильвия и миссис Карпентер, бывало, сами заботились об этом. А наперстянка действительно росла вместе с шалфеем, в одном месте, так что ошибиться было нетрудно.

— Сильвия в самом деле сама собирала?

— Этого никто не знал.

— Предположение — штука опасная, — многозначительно произнес сэр Генри.

— Я, например, знаю, что миссис Карпентер не собирала, — твердо заявила миссис Бантри. — Она все утро провела со мной на террасе. Мы вышли туда после завтрака. Была необычайно теплая для ранней весны погода. Сильвия одна спустилась в сад, а потом я увидела, как она прогуливается под ручку с Мод Уай.

— Они были хорошими подругами? — спросила мисс Марпл.

— Да… — ответила миссис Бантри и, казалось, хотела сказать что-то еще, но промолчала.

— И долго ее подруга там гостила? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Около двух недель. — В голосе миссис Бантри

послышалась нотка тревоги.

— Вы не любите мисс Уай? — предположил сэр Генри.

— Вовсе нет. Это просто так. Вовсе нет. — Тревога в ее голосе усилилась.

— Вы что-то скрываете, миссис Бантри, — упрекнул ее сэр Генри.

— Я только сейчас подумала… — сказала мисс Марпл, — но не хочу возвращаться…

— О чем же вы подумали?

— Вот вы сказали, что молодые люди были помолвлены, и именно это привело к печальному исходу. Но когда вы говорили это, ваш голос прозвучал как-то странно, если вы понимаете, что я имею в виду?

— До чего же вы ужасный человек. — Миссис Бантри с укоризной посмотрела на мисс Марпл. — Вы всегда, кажется, все знаете. Да, я кое-что подумала, но, право, не знаю, следует ли мне об этом говорить.

— Обязательно следует, — решительно заявил сэр Генри. — Какие бы ни были у вас сомнения, ни о чем нельзя умалчивать.

— Хорошо. Так вот, вечером накануне трагедии я вышла перед обедом на террасу. Окно в гостиной было открыто, и я случайно увидела

Джерри Лоримера и Мод Уай. Он… ну… целовал ее. Конечно, я не поняла, то ли это просто так или же… Ну, я полагаю, и никто не поймет. Я знала, что сэр Эмброз недолюбливал Джерри Лоримера. Возможно, ему было известно, что это за человек. Но в одном я была уверена: Мод Уай была по-настоящему в него влюблена. Вы бы только видели, как она на него смотрела, когда забывалась!.. И к тому же, я думаю, она больше подходила ему, чем Сильвия.

— И еще вопрос, пока меня не опередила мисс Марпл, — сказал сэр Генри. — После трагедии Джерри Лоример женился на Мод Уай?

— Да, женился. Спустя шесть месяцев.

— О, Шехерезада, Шехерезада! — покачал головой сэр Генри. — Подумать только, как вы нам поднесли эту историю вначале. Одни голые кости! И сколько мы теперь обнаруживаем на них мяса!

— Не ведите таких отвратительных речей, — запротестовала миссис Бантри. — Нечего употреблять слово «мясо». Вегетарианцы вечно так говорят: «Я никогда не ем мяса», да еще таким тоном, что вы тут же начинаете испытывать отвращение к великолепному маленькому бифштексу. Вот мистер Керли, например, был ве-

гетарианцем и, бывало, ел за завтраком какую-то странную мешанину, похожую на отруби. У этих бородатых стариков часто бывают причуды. К тому же они носят патентованное нижнее белье.

— Что это ты, Долли? — возмутился муж. — Откуда ты знаешь, какое у него нижнее белье?

— Я просто так предполагаю, — ответила миссис Бантри с чувством собственного достоинства.

— Я должен изменить свое предыдущее заявление, — сказал сэр Генри. — Действующие лица вашей загадки оказались очень интересные. Я прямо вижу их перед собой. Э-э, не так ли, мисс Марпл?

— Человеческая природа всегда интересна, сэр Генри. Примечательно, что определенные типы имеют тенденцию действовать одними и теми же способами.

— Две женщины и мужчина — извечный треугольник. Не здесь ли ключ к разгадке? Мне кажется, здесь, — задумчиво произнес сэр Генри.

Доктор Ллойд нерешительно откашлялся:

— Я вот о чем думаю: вы, миссис Бантри, говорите, что тоже плохо себя чувствовали?

— Еще бы! И Артур, и все!

— Вот именно, все, — сказал доктор. — Вы понимаете, что я имею в виду? В истории, которую

нам только что поведал сэр Генри, один застрелил другого. Он же не стал стрелять во всех, кто находился в комнате.

— Не понимаю, — пожала плечами Джейн. — Кто и в кого стрелял?

— Дело в том, что, кто бы ни задумал это, действовал он очень странно. Либо он слепо верил в случай, либо с полным пренебрежением относился к человеческой жизни. Но я не могу поверить, чтобы человек, решившийся устранить одного, намеренно отравил восьмерых.

— Понимаю вашу мысль. Мне следовало над этим задуматься, — признался сэр Генри.

— А не мог ли он также отравить и себя? — спросила Джейн.

— Кто-нибудь отсутствовал на обеде в тот вечер? — спросила мисс Марпл.

Миссис Бантри покачала головой:

— Все были.

— Кроме мистера Лоримера, я полагаю, он ведь не гостил у Эмброза.

— Нет. Но он обедал в тот вечер.

— О! — воодушевилась мисс Марпл. — Это же все меняет. — Она встревоженно нахмурилась. — Какая же я глупая, — пробормотала она. — В самом деле, какая глупая.

— Признаюсь, ваша точка зрения, Ллойд, насторожила меня, — сказал сэр Генри. — Как же можно было сделать так, чтобы девушка, и только девушка, получила смертельную дозу?

— Никак, — ответил доктор. — Это-то и подводит меня к мысли, которую я хочу высказать. А что, если не девушка была намечена жертвой?

— Что-что?

— При пищевых отравлениях результат очень неоднозначен. Несколько человек сидят за столом. Что же происходит? Одним становится немного плохо. Другие испытывают серьезное недомогание, а один — умирает. Вот ведь как бывает. Нигде и ни в чем нет определенности. Бывает, что вмешиваются сторонние факторы. Дигиталис — это лекарство, которое действует непосредственно на сердце. Как я говорил, его выписывают в определенных случаях. В доме был один человек, который страдал сердцем. Предположим, он был выбран жертвой. Что гибельно для него, не будет гибельно для других: так мог рассуждать преступник. То, что обернулось все иначе, является лишь доказательством того, о чем я только что сказал, — неопределенности и ненадежности воздействия лекарств на человеческий организм.

— Сэр Эмброз… Вы думаете, преступник имел в виду его? — спросил сэр Генри.

— Да, да. А смерть девушки — случайность.

— Кто бы получил деньги после его смерти?

— Очень разумный вопрос, мисс Хелльер. Один из первых, который мы всегда задаем себе, уверяю вас как профессионал в недавнем прошлом, — сказал сэр Генри.

— У сэра Эмброза был сын, взбалмошный парень, — медленно проговорила миссис Бантри. — Он давно поссорился с отцом. Но все-таки лишить его наследства сэр Эмброз не мог. И впоследствии Клоддерхэм-Корт был передан наследнику по закону. Мартин Берси унаследовал и титул, и поместье. Было, однако, много другой собственности, которой сэр Эмброз мог распорядиться по своему усмотрению и которую он завещал своей подопечной Сильвии. Я об этом знаю, потому что сэр Эмброз умер менее чем через год после событий, о которых я рассказываю. Он не побеспокоился о новом завещании после смерти Сильвии. Думаю, деньги перешли в казну или, может быть, к его сыну как ближайшему родственнику. Я, право, точно не помню.

— Так что смерть его была только в интересах сына, который отсутствовал, и девушки, которая

умерла, — задумчиво произнес сэр Генри. — Затруднительный случай.

— Неужели другая женщина ничего не получила? — спросила Джейн. — Та, которую миссис Бантри назвала кошечкой?

— Она не была упомянута в завещании, — сказала миссис Бантри.

— Мисс Марпл, вы не слушаете, — обратился к ней сэр Генри. — Где вы там витаете?

— Я думаю о старом мистере Баджере, аптекаре, — ответила мисс Марпл. — У него была молодая экономка. Настолько молодая, что годилась ему не то что в дочки, а во внучки. И ни слова своим, полным надежд племянникам и племянницам, никому из семейного круга. А когда умер, поверите ли, оказывается, был тайно женат на экономке уже два года. Конечно, мистер Баджер, аптекарь, — грубый, неотесанный старик. А сэр Эмброз Берси был утонченным джентльменом, как говорит миссис Бантри. Но, несмотря на это, человеческая природа во многом одинакова.

Наступила пауза. Сэр Генри пристально смотрел на мисс Марпл, а та, в свою очередь, бросила на него спокойный насмешливый взгляд.

Джейн Хелльер нарушила молчание:

— А эта миссис Карпентер была хороша собой?

— Да, но такая неяркая, ничего вызывающего.

— У нее был очень приятный голос, — заметил полковник Бантри.

— Мурлыканье, вот как я это называю, — возразила миссис Бантри. — Мурлыканье.

— Тебя тоже скоро назовут кошкой.

— Мне нравится быть кошкой в домашнем кругу, — сказала миссис Бантри. — И вообще я не очень жалую женщин, тебе это известно. Мне больше по душе мужчины и цветы.

— Отличный вкус, — усмехнулся сэр Генри. — Особенно потому, что на первом месте мужчины.

— Все это так, — сказала миссис Бантри. — Но как же все-таки насчет моей маленькой загадки? По-моему — подходящая! Ты и не думал, Артур, что у меня так получится?

— Да, моя дорогая. Но я не думал, что распорядителя жокей-клуба будут спрашивать о скачках.

— Первый номер — сэр Генри, — сказала миссис Бантри, указывая на него пальцем.

— Я не так скор на решения. Поэтому у меня нет еще определенного мнения по этому делу. Начнем с сэра Эмброза, думаю, он не стал бы таким образом устраивать собственное самоубийство. С другой стороны, он ничего не выигрывал и

от смерти своей подопечной. Исключаем сэра Эмброза.

Мистер Керли. Никакого мотива для умерщвления девушки. Если мистер Керли наметил жертвой сэра Эмброза, то он мог рассчитывать на манускрипты, хищения которых, кроме старика, никто бы не заметил. Очень тонко и маловероятно. Так что, я думаю, несмотря на предположения миссис Бантри относительно его нижнего белья, мистер Керли чист.

Мисс Уай. Заинтересованности в смерти сэра Эмброза никакой. В убийстве Сильвии — довольно серьезная. Она желала заполучить жениха Сильвии. И, принимая во внимание свидетельство миссис Бантри, довольно сильно желала. Она была с Сильвией в то утро в саду и имела возможность собрать зелень. Нет, мы не можем сбросить со счетов Уай.

Молодой Лоример. В обоих случаях у него есть мотивы. Если он избавляется от своей невесты, то может жениться на другой девушке. Однако представляется слишком жестоким убивать ее. Что такое расстроенная помолвка в наши дни? В случае смерти сэра Эмброза он мог жениться на богатой девушке вместо бедной. Насколько это могло быть существенно, зависело от фи-

нансового положения молодого человека. Если я установлю, что его поместье было заложено и что миссис Бантри намеренно скрыла от нас этот факт, я потребую назначить ей штраф.

Теперь миссис Карпентер. Эти белые руки, с одной стороны, и отличное алиби на тот момент, когда собиралась зелень, вызывают у меня недоверие. У меня есть и еще одна причина подозревать эту даму, но я ее пока придержу.

Итак, мне надо выбрать. Я выбираю мисс Мод Уай. Против нее доводов больше, чем против других.

— Номер второй, — объявила миссис Бантри, указывая на доктора Ллойда.

— Я думаю, вы ошибаетесь, Клиттеринг. Вряд ли кто-то хотел убить девушку. Я убежден, что преступник хотел избавиться от сэра Эмброза. Не уверен, что у молодого Лоримера было для этого достаточно знаний. Я склонен считать виновной во всем Карпентер. Она в семье давно, знала, в каком состоянии здоровье сэра Эмброза, и легко могла подстроить все так, чтобы эта девица, Сильвия, которая, как вы сами говорили, была довольно глупа, нарвала нужных листьев. Мотива, признаюсь, не вижу. Но я осмеливаюсь высказать догадку о том, что сэр Эмброз когда-то составил

завещание, в котором была упомянута она. Это все, что я могу предположить.

Указательный палец миссис Бантри направился на Джейн Хелльер.

— Не знаю, что и сказать, — вздохнула Джейн. — Единственно, почему бы девице самой этого не сделать? В конце концов, ведь это она отнесла зелень на кухню. А вы говорили, что сэр Эмброз возражал против ее замужества. Если бы он умер, она бы получила деньги и могла бы выйти замуж. О здоровье сэра Эмброза она знала столько же, сколько и миссис Карпентер.

Палец миссис Бантри направился на мисс Марпл.

— Ну, теперь наша наставница, — сказала она.

— Сэр Генри прекрасно все растолковал. Прекрасно, — повторила мисс Марпл. — И доктор Ллойд тоже сделал правильные замечания. Они все прояснили. Только, я думаю, доктор Ллойд не уточнил одну малость. Видите ли, не будучи лечащим врачом сэра Эмброза, он, естественно, не знал, каким именно видом сердечной недостаточности страдал сэр Эмброз. Не так ли?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мисс Марпл, — недоуменно поднял глаза доктор Ллойд.

— Вы строите свое предположение на том, что у сэра Эмброза было такое сердце, на которое дигиталис оказал бы вредное воздействие, ведь так? Но вы ничем не можете этого доказать. Возможно, все было наоборот.

— Наоборот?

— Да, вы же сказали, что его часто прописывают при болезнях сердца.

— Даже теперь не понимаю, к чему вы клоните.

— Так вот, это означает, что в распоряжении сэра Эмброза имелся в достаточном количестве дигиталис, за который не надо отчитываться. Что я хочу сказать? (Вечно я не могу как следует выразить свою мысль.) Предположим, вы захотели отравить кого-то смертельной дозой дигиталиса. Не будет ли самым простым и легким способом устроить отравление практически всех листьями наперстянки? В любом случае убийство бы не было тайной, а здесь никто бы не удивился одной жертве, потому что, как сказал доктор Ллойд, это такие неопределенные вещи. Вряд ли кто поинтересуется, а не получила ли девушка смертельную дозу настойки дигиталиса или чего-то в этом роде. Он мог бы подмешать ей дигиталис в коктейль, или в кофе, или даже заставить выпить

просто-напросто в качестве тоника.

— Вы хотите сказать, что сэр Эмброз отравил свою подопечную, очаровательную девушку, которую так любил?

— Вот именно, — подтвердила мисс Марпл. — Вспомните Баджера и его молодую экономку. Не говорите мне, что мужчина шестидесяти лет не может влюбиться в двадцатилетнюю девушку. Это случается каждый день. А у такого старого деспота, как сэр Эмброз, это могло привести к такому неожиданному обороту. Это иногда превращается в безумие. Он не мог перенести мысли, что она выйдет замуж. Сделал все возможное, чтобы этому воспрепятствовать, и не получилось. Его неукротимая ревность довела его до того, что он решил лучше убить ее, чем отдать молодому Лоримеру. Он, должно быть, все обдумал заранее, ведь наперстянку нужно было посеять и вырастить среди шалфея. Когда наступило время, он набрал ее сам и отправил девушку с зеленью на кухню. Ужасно даже подумать об этом. Но я считаю, что надо посмотреть с точки зрения милосердия: ведь джентльмены такого возраста настолько своеобразны, когда дело касается молодых девиц… Наш последний органист… А впрочем, ни к чему мне тут пересказывать всякие

скандальные истории.

— Миссис Бантри, это так? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри кивнула:

— Да. Я и представления об этом не имела, считала, что несчастный случай. Потом, после смерти сэра Эмброза, я получила письмо. Он распорядился отослать его мне. В нем он поведал мне правду. Не знаю, почему именно мне, но мы всегда с ним очень ладили.

Наступило молчание. Миссис Бантри почувствовала в нем осуждение и поспешила оправдаться:

— Вы полагаете, что я раскрыла секрет, но это не так. Я поменяла все имена. На самом деле его имя было не Эмброз Берси. Разве вы не видели, как Артур глупо уставился на меня, когда я произнесла это имя? Он сначала ничего не понял. Словом, как пишут иногда в журналах или в начале книжек: «Все имена в этой истории изменены. Вы никогда не узнаете, кто они были на самом деле».

Происшествие в бунгало

— Я кое-что вспомнила, — сказала Джейн Хелльер. Ее красивое лицо осветилось улыбкой ребенка, ожидающего одобрения. Улыбка была из тех, что приводила в восторг лондонскую публику.

— Это произошло, — начала она осторожно, — с моей подругой.

Возникло легкое оживление. Полковник Бантри, миссис Бантри, сэр Генри Клиттеринг, доктор Ллойд и мисс Марпл были убеждены, что «подруга» — это сама Джейн. Она была совершенно не способна искренне интересоваться кем-нибудь другим.

— Моя подруга, — продолжала Джейн, — я не хочу называть ее имя — была актрисой, очень известной актрисой.

Никто не удивился. Сэр Генри Клиттеринг подумал: «Интересно, сколько фраз будет сказано до того момента, когда она скажет «я» вместо «она»?»

— Год или два назад моя подруга была на гастролях в провинции. Это произошло на берегу реки, недалеко от Лондона. Думаю, что точное ме-

сто лучше не указывать. Я назову его условно…

Она замолчала. Придумать даже простое название, очевидно, было слишком трудно для нее. Сэр Генри пришел ей на помощь.

— Не назвать ли нам его Ривербери? — предложил он.

— О да, это превосходно. Ривербери, я запомню. Итак, моя подруга была в Ривербери со своей труппой, и там произошла удивительная история. — Она опять замолчала. — Очень трудно точно изложить события. Все так перепутано, и говоришь сначала не то, что надо.

— У вас это получается прекрасно, — поддержал ее доктор Ллойд, — продолжайте.

— Да, так вот что случилось… Мою подругу вызвали в полицейский участок. Оказалось, ограбили одно бунгало на берегу реки. Был арестован молодой человек, который рассказал в связи с этим очень странную историю. Из-за него ее и вызвали. Прежде она никогда не бывала в полицейском участке. Там все были очень предупредительны к ней, в самом деле, очень добры.

— Еще бы, так и должно быть, — подтвердил сэр Генри.

— Сержант — я думаю, это был сержант, а возможно, инспектор — предложил ей стул и все

рассказал. И, конечно, я сразу поняла, что произошла ошибка…

«Ага, — подумал сэр Генри, — как и следовало ожидать, вот и «я».

— Так рассказывала моя подруга, — продолжала Джейн в беззаботном неведении, что выдала себя. — Она объяснила, что находилась на репетиции и даже не слышала об этом мистере Фолкнере. Тогда сержант сказал: «Мисс Хел…» — Она замолчала и покраснела.

— Мисс Хелман, — предположил сэр Генри. В его глазах заиграли веселые огоньки.

— Да, да, так лучше. Благодарю. Он сказал: «Хорошо, мисс Хелман, я понял, что произошла ошибка, когда узнал, что вы остановились в «Бридж-отеле». И спросил, не возражаю ли я против опознания или очной ставки. Уж и не помню, как он выразился.

— Это не имеет значения, — заверил ее сэр Генри.

— «С тем молодым человеком…» Я ответила: «Конечно нет». И они привели его и спросили: «Это мисс Хелльер и…» — Джейн замерла с открытым ртом.

— Не важно, дорогая, — успокоила ее мисс Марпл. — Мы все равно догадывались, что это вы.

Вы же не назвали место происшествия и то, что там произошло на самом деле.

— Хорошо, — согласилась Джейн. — Я хотела рассказать так, будто это произошло с кем-то другим. Но это ужасно трудно, правда? Я хочу сказать, что все так забывается.

Все стали ей поддакивать и успокаивать…

— Он был вполне приятный мужчина. Молодой, с рыжеватыми волосами. Он рот открыл, когда меня увидел. И на вопрос сержанта: «Это та самая леди?» — ответил: «Нет, конечно нет. Каким ослом бы я был…» Ну, я ему улыбнулась и дала понять, что не обижаюсь на него.

— Представляю эту сценку, — вмешался сэр Генри.

Джейн Хелльер нахмурилась:

— Дайте мне подумать, как лучше вам все объяснить.

— Может быть, вы все-таки расскажете нам, дорогая, что же такое там произошло? — спросила мисс Марпл так вкрадчиво, что никто не заметил иронии. — Я имею в виду ошибку молодого человека и как это все связано с ограблением.

— Да, конечно, — отозвалась Джейн. — Этот юноша — его имя было Лесли Фолкнер — написал пьесу. Вообще-то он сочинил уже несколько пьес,

но ни одна из них не была принята ни в одном театре. Он послал пьесу мне, чтобы я ее прочитала. Мне эти пьесы присылают сотнями. А читаю я только те, о которых я что-нибудь слышала. О пьесе Фолкнера я понятия не имела. Но случилось так, что мистер Фолкнер получил от меня письмо. Только выяснилось, что на самом деле это письмо было вовсе не от меня… — возмущенно произнесла она и смолкла.

— В письме говорилось, что я прочла пьесу, что она мне очень понравилась и чтобы он приехал ко мне поговорить о ней. Там был адрес: бунгало в Ривербери. Обрадованный мистер Фолкнер отправился в путь. Он нашел бунгало. Горничная открыла дверь, он спросил мисс Хелльер, она сказала, что мисс ожидает его, и проводила в гостиную. К нему вышла женщина. Ее-то он и принял за меня, что довольно странно, потому что, в конце концов, он же видел меня в спектаклях и, кроме того, мои фотографии хорошо известны, не так ли?

— Повсюду, во всей Англии, — подтвердила миссис Бантри. — Но ведь между фотографией и оригиналом большая разница, моя дорогая. И то, что видится в огнях рампы, иногда существенно отличается от того, что имеется в повседневной

жизни.

— Хорошо, — согласилась Джейн, слегка успокоившись, — возможно. Он так описал эту женщину: высокая, белокурая, с большими голубыми глазами и очень красивая. Я полагаю, что описание достаточно близко к истине. Он, разумеется, ничего не подозревал. Она говорила о его пьесе, сказала, что хочет поставить ее. Пока они беседовали, принесли коктейли. Фолкнер, конечно, выпил. Да, это последнее, что он запомнил. Когда он очнулся, или пришел в себя — назовите это, как хотите, — он лежал у изгороди, на обочине дороги. У него кружилась голова. Ему было так плохо, что когда он встал, то пошел сам не зная куда. Он сказал, что если бы он был в твердом уме, то он просто вернулся бы в бунгало и попытался выяснить, что же произошло. Но он пребывал в ужасном состоянии и поэтому продолжал брести, не соображая куда. Когда он более или менее пришел в себя, его арестовали.

— А почему его арестовали? — спросил доктор Ллойд.

— О, разве я не сказала? — воскликнула Джейн, широко раскрыв глаза. — Какая я глупая… Ограбление.

— Вы упомянули об ограблении, но не сказали,

где, когда и как, — заметила миссис Бантри.

— То самое бунгало, куда он ходил. Конечно, оно вовсе не мое. Оно принадлежало человеку, которого зовут…

Джейн опять нахмурила брови.

— Не хотите снова взять меня в крестные отцы? — спросил сэр Генри. — Псевдонимы придают свободу обвинению. Опишите владельца, а я дам ему имя.

— Его можно представить как богатого горожанина, патрона.

— Сэр Герман Кохен, — предложил сэр Генри.

— Это вполне подходит. А она, «дама его сердца», была женой актера и сама тоже актриса.

— Назовем актера Клод Лисон, — подсказал сэр Генри, — а леди — ее сценическим именем: предлагаю — мисс Мэри Керр.

— Наверное, вы ужасно умный, — заметила Джейн. — Не понимаю, как вы все это сразу придумываете. Да, так вот, видите ли, у сэра Германа был загородный дом для уик-эндов, куда он приглашал эту леди. Жена, разумеется, ничего не знала. И он надарил этой актрисе кучу драгоценностей и среди них несколько красивых изумрудов.

— Ах, — воскликнул доктор Ллойд, — вот мы и

добрались до них.

— Эти драгоценности, запертые в специальном ларчике, находились в бунгало. Полиция считает, что это было весьма легкомысленно — любой мог унести их.

— Видишь, Долли, — вмешался полковник Бантри, — а я что всегда говорил тебе?

— Да, но я считаю, — возразила миссис Бантри, — что тот, кто старательно упрятывает свои вещи, обычно теряет их. Я не запираю драгоценности в ларец, а держу их в выдвижном бельевом ящике, под чулками. Осмелюсь заявить, что, если б эта, как ее, Мэри Керр делала так же, драгоценности не украли бы.

— Их бы все равно украли, — сказала Джейн, — так как содержимое всех ящиков было вытряхнуто.

— Значит, искали не драгоценности, — заключила миссис Бантри. — Они искали секретные документы. Так всегда говорится в книгах.

— Я ничего не знаю о секретных документах, — засомневалась Джейн. — Я не слышала ни о чем подобном.

— Не отвлекайтесь, мисс Хелльер, — вмешался полковник Бантри, — не принимайте всерьез домыслы Долли.

— Что же с ограблением? — спросил сэр Генри.

— Так вот, в полицию позвонила дама, она назвалась мисс Мэри Керр. Она сказала, что бунгало ограблено, и описала молодого человека с рыжеватыми волосами, который заходил к ней сегодня утром. Горничной он показался несколько странным, и та отказалась впустить его. Позднее они видели в окно, как он уходил. Керр описала молодого человека так точно, что через час полиция арестовала его. На допросе он рассказал, что с ним случилось, и показал мое письмо. И меня, как я уже говорила, вызвали в полицию. Когда Фолкнер увидел меня, он заявил, что то была вовсе не я.

— Очень занятная история, — подытожил доктор Ллойд.

— Знал ли мистер Фолкнер эту мисс Мэри Керр?

— Нет, не знал или говорил, что не знал. Но я вам еще не рассказала самое интересное. Полицейские, конечно, отправились в бунгало. Там они нашли все, как было сообщено по телефону. Дом был пуст, ящики вытащены, опрокинуты, драгоценности исчезли. Через несколько часов вернулась Мэри Керр. Увидев все это и узнав о звонке в полицию, она заявила, что об ограбле-

нии узнала только сейчас и никуда не звонила. Она объяснила, что утром получила телеграмму от менеджера с предложением главной роли, и он назначил ей встречу в клубе. Она, конечно, помчалась в город, но напрасно — менеджер телеграммы не давал.

— Обычная уловка, чтобы убрать ее с дороги, — прокомментировал сэр Генри. — А что слуги?

— Да то же самое. Там была только одна горничная. Ей позвонила по телефону, как той показалось, Мэри Керр и попросила привезти в клуб сумку, что лежит в ее спальне в таком-то ящике. Горничная должна была успеть на ближайший поезд. Так она и сделала, но, когда приехала в клуб, мисс Керр там не оказалось.

— Хм, я начинаю догадываться. Дом был пуст, и проникнуть в него через одно из окон не составляло особого труда. Но я не совсем понимаю, как же туда попал мистер Фолкнер и кто позвонил в полицию, если не мисс Керр? — развел руками сэр Генри.

— Вот этого-то никто и не может выяснить.

— А тот молодой человек действительно оказался тем, за кого себя выдал?

— О да. Здесь все в порядке. Он в самом деле получил письмо, как будто бы от меня. Конечно,

это был не мой, но похожий почерк.

— Итак, давайте проясним ситуацию, — заключил сэр Генри. — Поправляйте меня, если я ошибусь. Этого молодого человека заманивают в ловушку с помощью поддельного письма, что вполне правдоподобно. Молодой человек одурманен. В полицию сообщают о подозрениях против него, ограбление в самом деле произошло. Я полагаю, и драгоценности действительно украдены?

— О да.

— Они найдены?

— Нет, разумеется. Сэр Герман старался замять дело, но ему это не удалось. Нетрудно предположить, что обо всем узнала жена и начала бракоразводный процесс. Хотя в действительности мне ничего подлинно не известно.

— А что случилось с мистером Лесли Фолкнером?

— Его освободили. В полиции сказали, что улик против него нет. А вы не думаете, что вся эта история довольно странная?

— Определенно странная. Первый вопрос — кому верить? Из вашего изложения, мисс Хелльер, можно заключить, что вы склонны верить мистеру Фолкнеру. Есть ли у вас какие-нибудь основания для этого, кроме собственной инту-

иции?

— Нет-нет, думаю, что нет. Но он был такой милый и так извинялся за свою ошибку, приняв Мэри Керр за меня, что я почувствовала — он говорит правду.

— Понимаю, — сказал сэр Генри с улыбкой. — Но вам придется допустить, что он легко мог и выдумать всю эту историю. Он мог и сам написать такое письмо, якобы от вашего имени. Он также мог одурманить себя уже после успешного ограбления. Но признаюсь: я не вижу смысла во всем случившемся. Единственно, для чего он мог состряпать этот план, — это если обнаружил, что его заметил кто-то из соседей.

— Он состоятельный человек? — спросила мисс Марпл.

— Не думаю, — ответила Джейн. — Нет, пожалуй, скорее он был в стесненных обстоятельствах.

— Все это происшествие кажется странным, — сказал доктор Ллойд. — Должен признаться, что если мы допустим, что история, рассказанная молодым человеком, — правда, то это еще больше все запутывает. Зачем неизвестная женщина, выдавшая себя за мисс Хелльер, впутала в эту историю неизвестного человека? Зачем разыграла

такую комедию?

— Скажите, Джейн, Фолкнер когда-нибудь встречался лицом к лицу с Мэри Керр на сцене или еще где-нибудь? — спросила миссис Бантри.

— Я точно не знаю, — помедлила с ответом Джейн и вновь нахмурила брови, пытаясь вспомнить.

— Потому что, если Фолкнер не видел ее, задача решена! — сказала миссис Бантри. — Я уверена, что буду права. Очень легко придумать, будто тебя вызвали в город. Потом позвонить горничной с Паддингтонского или другого вокзала и, пока она добирается до города, возвратиться в бунгало. Молодой человек заходит в дом, его одурманивают, вы устраиваете сцену ограбления, переворачивая все вверх дном, насколько это возможно. Затем звоните в полицию, даете описание козла отпущения и снова отбываете в город. Возвратившись домой последним поездом, разыгрываете удивление и непричастность к ограблению.

— Но зачем ей красть собственные драгоценности, Долли?

— Они всегда так делают, — парировала миссис Бантри. — Во всяком случае, я могу придумать сотни причин. Может быть, ей срочно понадоби-

лись деньги, а старый сэр Герман не давал их, так что ей пришлось украсть драгоценности, а потом тайком продать. А может быть, ее кто-нибудь шантажировал, угрожая выдать их связь мужу Керр или жене сэра Германа. Другая причина: она уже продала драгоценности, а сэр Герман оказался не в духе и потребовал предъявить их, так что ей пришлось что-то придумать. В книгах так часто поступают. А возможно, он собирался сделать новую оправу, а у нее пока оказалась только подделка. Или — о, это очень хорошая идея и не так часто встречается в книгах — Керр притворилась, что драгоценности украдены, она в отчаянии, и сэр Герман дарит ей новые. Так уже оказывается два гарнитура вместо одного. Женщины такого рода, я уверена, ужасно хитрющие.

— Вы умница, Долли, — восхитилась Джейн, — мне на ум такое и не приходило.

— Вы можете быть умницей, но это вовсе не значит, что вы правы, — заметил полковник Бантри. — Я склонен подозревать кого-нибудь из города. Он мог телеграммой устранить леди с дороги, а все остальное устроить достаточно легко с помощью нового друга леди. Кажется, никто не подумал спросить у него алиби.

— А что вы думаете, мисс Марпл? — поинте-

ресовалась Джейн, обращаясь к пожилой леди, которая сидела молча, всем своим видом выражая недоумение.

— Моя дорогая, я даже не знаю, что и сказать. Сэр Генри будет смеяться, но я не могу вспомнить ничего похожего из моей деревенской жизни. Конечно, здесь сами собой напрашиваются несколько вопросов. Например, «прислуга». То беспорядочное ведение хозяйства, которое вы описали, позволяет, без сомнения, заключить, что прислуга знала обстановку в доме. В самом деле, порядочная девушка не пошла бы служить в такое место. Итак, я думаю, мы можем предположить, что горничная была отнюдь не ангелом. Она могла состоять в сговоре с ворами. Она могла оставить для них дом открытым и уехать в Лондон. А распоряжение хозяйки, полученное по телефону, — только попытка отвести подозрение от себя. Должна признаться, что это мне кажется самым правильным решением. Но если речь идет об обычных ворах, то все это выглядит очень странным.

Мисс Марпл немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Я не могу отделаться от ощущения, что там было еще что-то… Пока я не могу объяснить.

Предположим, например, у кого-то было чувство злости, досады. У молодой актрисы, с которой плохо обошлись. Вы не думаете, что тогда легче было бы объяснить случившееся? Стремление причинить другому человеку неприятности. Так это выглядит. Хотя это и не очень убедительно.

— А вы, доктор, еще ничего не сказали, — смутилась Джейн. — Я забыла о вас.

— Обо мне все забывают, — печально отозвался доктор. — Должно быть, я самая незаметная личность.

— О нет! Скажите, что вы думаете об этом деле.

— Я нахожусь в положении человека, который готов согласиться с каждым из высказавшихся и… ни с кем из них. У меня же есть, возможно, абсолютно ошибочное предположение… Во всей этой истории может быть замешана жена сэра Германа. У меня нет оснований утверждать, однако вы удивились бы, если б знали, какие невероятные ходы может придумать обиженная жена.

— Как вы проницательны, доктор Ллойд! Как я могла забыть о бедняжке миссис Пебмарш.

Джейн уставилась на мисс Марпл:

— Миссис Пебмарш? Кто такая миссис Пебмарш?

— Но… — мисс Марпл заколебалась, — я не

знаю, существует ли она в реальности. Она прачка. Это она взяла ту опаловую брошь, что была приколота к блузке, и положила потом в белье другой женщины.

Джейн выглядела еще более озадаченной, чем раньше.

— И это делает для вас все ясным, мисс Марпл? — спросил сэр Генри, подмигивая.

Мисс Марпл покачала головой:

— Боюсь, что нет. Должна признаться, я в полной растерянности. Но одно знаю твердо: женщины обязаны держаться вместе. Каждая должна в любых непредвиденных обстоятельствах отстаивать свою собственную честь. Я думаю, именно в этом мораль истории, которую рассказала нам мисс Хелльер.

— Каюсь, эта нравственная особенность всей истории ускользнула от меня, — признался сэр Генри. — Возможно, когда мисс Хелльер назовет разгадку, все прояснится.

— Как? — спросила Джейн, явно смутившись.

— Да, говоря по-детски, мы сдаемся. Вы одна, мисс Хелльер, имеете высокую честь раскрыть нам вашу тайну, разгадать которую не сумела даже мисс Марпл.

— Итак, вы все сдаетесь, — проговорила

Джейн. — Очень интересно.

Она замолчала и принялась с отсутствующим видом полировать ногти.

— Ну, — сказала миссис Бантри, — продолжайте, Джейн. В чем же разгадка?

— Разгадка?

— Да. Что же произошло на самом деле?

Джейн пристально посмотрела на нее:

— Не имею ни малейшего представления.

— Что?!

— Мне самой все время было интересно это. Я думала, вы все такие умные и один из вас поймет суть происшедшего.

Присутствующие еле смогли скрыть чувство раздражения. С красотой Джейн все было в порядке, но в этот момент все поняли, что глупость может завести слишком далеко.

— Вы хотите сказать, что истина никогда не была обнаружена? — спросил сэр Генри.

— Нет. Я думала, что вы сможете раскрыть эту тайну.

Джейн говорила обиженно. Было видно, что она недовольна.

— Хорошо, м-м… — начал было полковник Бантри, но у него не было слов.

— Вы самая несносная девчонка, Джейн, —

упрекнула миссис Бантри. — Во всяком случае, тогда я считаю, что я была права. Если бы вы назвали нам настоящие имена действующих лиц, я была бы полностью в этом уверена.

— Не думаю, что я могу сделать это, — возразила Джейн.

— Нет, дорогая, конечно нет, — поддержала ее мисс Марпл, — мисс Хелльер действительно не может.

— Нет! Она может, — заявила миссис Бантри. — Не будьте чересчур благородной, Джейн. Мы, пожилые, обожаем скандалы. Во всяком случае, скажите хоть, кто был этот вельможа из города.

Но Джейн покачала головой. А мисс Марпл в своей старомодной манере поддержала девушку:

— Это было бы крайне неприятно.

— Я думаю… Я думаю, я скорее наслаждалась этим, — тихо сказала Джейн.

— Возможно, так и было, — отозвалась мисс Марпл. — Полагаю, что этим была нарушена монотонность. Какую пьесу вы играли?

— «Смит».

— Ах да. Это ведь Сомерсет Моэм, не так ли? Все им созданное очень мудро. Я видела почти все пьесы.

— Вы намерены возобновить постановку бу-

дущей осенью, разве не так? — спросила миссис Бантри.

Джейн кивнула.

— Ну хорошо, — сказала мисс Марпл. — Мне пора домой, уже поздно. У нас был очень интересный вечер, самый необычный, во всяком случае. Считаю, что рассказ мисс Хелльер заслуживает приза. Вы не согласны?

— Мне очень жаль, что я рассердила вас, — с грустью призналась Джейн. — Если бы я знала, я бы обязательно открыла вам тайну.

Доктор Ллойд воспользовался случаем проявить галантность:

— Дорогая юная леди, ну почему же? Вы задали нам очень хорошую задачу, чтобы заострить наши умы. Мне только жаль, что никто из нас не нашел верного решения.

— Говорите за себя, — возразила миссис Бантри. — Я-то ее решила и убеждена в своей правоте.

— Вы знаете, я верю, что это так, — согласилась Джейн. — Все, что вы сказали, возможно.

— Какое из семи решений вы предпочитаете? — шутливо спросил сэр Генри.

Доктор Ллойд помог мисс Марпл одеться и собрался проводить ее. Мисс Марпл еще раз пожe-

лала всем доброй ночи. Прощаясь, она подошла к Джейн и что-то прошептала ей на ухо. Изумленное «ах!» вырвалось у последней так громко, что заставило всех обернуться.

Улыбаясь и кивая, мисс Марпл удалилась, а Джейн Хелльер все смотрела ей вслед.

— Вы собираетесь спать, Джейн? — спросила миссис Бантри. — Что с вами? Вы смотрите, будто увидели привидение.

Джейн словно очнулась. Она одарила очаровательной и смущенной улыбкой мужчин и последовала за миссис Бантри вверх по лестнице.

— Огонь в камине почти погас, — сказала миссис Бантри с раздражением. — Не могут разжечь как следует… Какие бестолковые служанки. Да, правда, мы несколько задержались сегодня вечером. Уже половина первого ночи!

— Как вы думаете, много есть людей таких, как она? — спросила вдруг Джейн.

— Как горничная?

— Нет. Я имею в виду эту забавную старушку. Как ее, мисс Марпл?

— Ну, я не знаю. Думаю, что она совершенно типичная обитательница небольшой деревни.

— О дорогая, я не знаю, что делать. — Джейн

глубоко вздохнула.

— В чем дело?

— Я расстроена.

— Чем?

— Долли, знаете, что эта странная старая леди шепнула мне перед уходом?

— Нет. Что же?

— Она сказала: «Я бы не делала этого, моя дорогая. Никогда не поддавайтесь власти другой женщины, даже если вы считаете ее своей лучшей подругой…» Долли, это поразительно верно.

— Возможно. Но я не вижу, к чему можно применить данный совет.

— Наверно, из-за того, что вы не можете представить себе реальную женщину. А я чуть не оказалась в ее власти. Я никогда не думала об этом.

— О какой женщине вы говорите?

— О Нетте Грин, моей дублерше в театре.

— Но откуда же мисс Марпл знает о вашей дублерше?

— Я думаю, что она догадалась. Но не знаю как.

— Джейн, будьте добры, скажите сейчас же, о чем идет речь?

— Об истории, которую я вам рассказала. Долли, вы знаете, Грин — женщина, которая отняла

у меня Клода.

Миссис Бантри кивнула, мысленно возвращаясь к первому неудачному замужеству Джейн с актером Клодом Авербэри.

— Он женился на Нетте. Клод ничего не подозревал, а она проводила уик-энды в загородном бунгало с сэром Джозефом Салманом… Я рассказала вам об этом. Я намеревалась изобличить ее: мне хотелось, чтобы все знали, что это за особа. И с ограблением… вы же понимаете, вот-вот все выйдет наружу.

— Джейн! — задохнулась миссис Бантри. — Это вы устроили историю, о которой рассказали нам?

Джейн кивнула.

— Вот почему я выбрала «Смита». В этом спектакле я выступаю в наряде горничной. И когда меня вызвали в полицейский участок, ничего не было проще, чем сказать, что я репетировала свою роль с дублершей в отеле. На самом же деле мы обе могли быть в бунгало. Я должна была открыть дверь и принести коктейли, а Нетта представиться мною. Фолкнер после этого никогда не должен был увидеть ее. Поэтому не стоило опасаться, что молодой человек опознает Нетту. А я могу загримироваться под горничную совер-

шенно иначе. Кроме того, в горничных обычно и людей-то не видят. Мы договорились вытащить потом его на дорогу, забрать ларец с драгоценностями, позвонить по телефону в полицию и вернуться в отель. Я не хотела заставлять молодого человека страдать. Вот и сэр Генри, кажется, считает, что он не слишком страдал. Разве не так? Я надеялась, что имя Нетты Грин появится в газетах, и все обнаружится. Тогда Клод увидит, кто она на самом деле.

Миссис Бантри застонала:

— О, моя бедная голова!.. И все это время… Джейн Хелльер, вы лживая девчонка!.. Сочиняете нам историю, которую сами же и устроили!

— Я — хорошая актриса. — В голосе Джейн чувствовалось самодовольство.

— Мисс Марпл права, — пробормотала миссис Бантри, — личностный фактор. О да! Джейн, девочка моя, вы понимаете, что воровство — это воровство и что вас могут посадить в тюрьму?

— Но никто не догадался, — пробормотала Джейн. — Кроме мисс Марпл. Долли, вы в самом деле думаете, что много таких людей, как она?

— Если честно, то я не думаю, — ответила миссис Бантри.

Джейн вздохнула:

— Однако лучше не рисковать. Я, несомненно, попала бы под влияние Нетты. Это правда. Она могла бы воспротивиться и сделать мне какую-нибудь гадость. Нетта помогла продумать детали и уверяла меня в своей преданности. Нет, я думаю, мисс Марпл права. Мне лучше не рисковать.

— Но, моя дорогая, вы уже сделали это!

— О нет! — Джейн широко раскрыла глаза. — Вы не понимаете? Пока еще ничего не произошло! Да, если можно так выразиться, я примеряла это на собаку.

— Мне трудно разобраться в вашем театральном сленге, — с достоинством произнесла миссис Бантри. — Вы хотите сказать, что это — будущее действие, а не уже совершенное?

— Я собиралась осуществить это осенью, в сентябре. А теперь не знаю, что и делать.

— Мисс Марпл разгадала загадку и ничего не сказала нам! — возмутилась миссис Бантри.

— Я хочу понять, почему она сказала это о женщинах, которые дружат. Мисс Марпл не хотела выдавать меня мужчинам. Она так добра.

— Ну хорошо, объясните же мне все, Джейн, прошу вас.

— Пожалуй, я так и сделаю, — пробормотала мисс Хелльер, — ведь могут найтись и другие

мисс Марпл…

Смерть мисс Роуз Эммот

В субботу утром сэр Генри Клиттеринг, экс-комиссар Скотленд-Ярда, спустившись к завтраку, чуть не столкнулся в дверях с хозяйкой дома, миссис Бантри. Она выбежала из столовой возбужденная и расстроенная.

Полковник Бантри сидел за столом, лицо его было краснее обычного.

— Доброе утро, — приветствовал он Клиттеринга. — Замечательный день. Прошу. Распоряжайтесь сами…

Сэр Генри сел. Ему была приготовлена тарелка с почками и беконом.

— Долли немного расстроена сегодня, — пояснил полковник.

— Я так и понял, — тихо сказал сэр Генри. Состояние миссис Бантри несколько озадачило его.

Она была спокойной женщиной, не поддававшейся унынию. Сэр Генри знал за ней только одну страсть — сад.

— Ее расстроила новость, которую мы узнали утром. Девушка из деревни — дочка Эммота, который держит «Синий кабан», — сказал полковник.

— А, знаю, знаю.

— Да-а, хорошенькая девушка. И вот такая беда… — задумчиво проговорил полковник. — Обычная история. Я даже повздорил с Долли из-за этого. Глупо с моей стороны. Разве женщина может понять? Долли была полностью на стороне девушки. Вы знаете, как это у женщин: мужчины — скоты, все как один… И пошло-поехало. Но все не так просто, как может показаться, не те времена. Девушки знают, на что идут. Парень, соблазнивший девушку, не обязательно злодей. Вероятность пятьдесят на пятьдесят. Мне, например, нравится молодой Сандфорд. Скорее этакий простак, чем донжуан.

— Так этот Сандфорд и есть виновник всех бед?

— Вроде бы он. Сам-то я точно не знаю, — признался полковник. — Все сплетни, болтовня. Так вот, точно не знаю ничего и не собираюсь, как Долли, торопиться с выводами и разбрасываться обвинениями. Черт побери, надо же думать, что говоришь. Знаете, ведь следствие и всякое такое.

— Следствие?

Полковник Бантри посмотрел удивленно:

— Да. Разве я не сказал? Девушка-то утопилась. Вот из-за чего шум.

— Неприятное дело, — нахмурился сэр Генри.

— Конечно, неприятное. Несчастная! Такая была хорошенькая, плутовка. Отец ее, конечно, тяжелый человек.

— Где она утопилась?

— В речке. Ниже мельницы, там довольно быстрое течение.

Полковник Бантри развернул газету, решив отвлечься от неприятных мыслей.

Сэра Генри не слишком тронула деревенская трагедия. После завтрака он расположился в удобном кресле на лужайке, надвинул на глаза шляпу и принялся созерцать неторопливое течение местной жизни.

Около половины двенадцатого на лужайку прибежала горничная.

— Простите, сэр, пришла мисс Марпл и хотела бы вас видеть.

— Мисс Марпл?

Сэр Генри встал и поправил шляпу. Визит удивил его. Он прекрасно знал невозмутимый характер этой дамы, ее удивительную проницательность. Он мог припомнить дюжину неразрешимых и гипотетических случаев, которым эта типичная «провинциальная старая дева» находила единственно правильные объяснение. Сэр Генри питал глубокое уважение к мисс Марпл.

Он был озадачен: что привело ее к нему?

Мисс Марпл он нашел в гостиной. Она была взволнована.

— Сэр Генри… я так рада! Такое счастье, что я нашла вас! Надеюсь, вы простите меня…

— Очень приятно, — сказал сэр Генри, беря ее за руку. — Боюсь, миссис Бантри вышла.

— Да, я видела, как она разговаривает с Футитом, мясником, — подтвердила мисс Марпл. — Генри Футита вчера задавила машина, вернее, его собаку. Такого гладкошерстного фокстерьера, довольно плотного и злобного. У этих мясников всегда, кажется, такие.

— Да, — согласился сэр Генри.

— Я рада повидаться с вами именно в отсутствие миссис Бантри, — продолжала мисс Марпл. — Я хотела поговорить с вами по поводу этого печального случая.

— С Генри Футитом? — спросил сэр Генри в некотором недоумении.

Мисс Марпл бросила на него осуждающий взгляд:

— Нет-нет, с Роуз Эммот. Вы, конечно, уже знаете?

Сэр Генри кивнул:

— Бантри мне рассказал. Весьма печально.

Он был слегка озадачен. Почему мисс Марпл понадобилось увидеть его по поводу Роуз Эммот?

Мисс Марпл села. Сел и сэр Генри. Когда мисс Марпл заговорила, лицо ее стало очень серьезным.

— Быть может, вы помните, сэр Генри, как мы приятно проводили время, обсуждая загадочные случаи и находя им объяснение. Вы были столь любезны, что отметили некоторые мои успехи…

— Да вы нас всех превзошли, мисс Марпл, — отозвался сэр Генри. — Вы проявили прямо гениальные способности добираться до истины. И вы всегда, насколько я помню, приводили какой-нибудь случай из деревенской жизни, который давал вам ключ к разгадке.

— Ваши слова дали мне смелость прийти к вам сейчас. Я чувствую, что, если что-то скажу вам, вы по крайней мере не будете смеяться надо мной.

Сэр Генри понял, что ей не до шуток.

— Конечно, я не буду смеяться.

— Сэр Генри, эта девушка, Роуз Эммот… Она не утопилась… Ее убили… И я знаю, кто ее убил.

Сэр Генри в полном изумлении секунды три безмолвствовал.

— Это достаточно серьезное заявление, мисс Марпл, — заметил сэр Генри.

— Знаю-знаю, вот почему я и пришла к вам.

— Но, дорогая мисс Марпл, вы обращаетесь не по адресу. Теперь я просто частное лицо. Если вы располагаете сведениями такого рода, вам надо идти в полицию.

— Думаю, что не могу этого сделать.

— Почему же?

— Видите ли, у меня нет никаких на то оснований.

— Выходит, это только ваша догадка?

— Если угодно, можете считать так. Но на самом деле это совсем не так. Я знаю. Я уверена, что знаю. Но если я приведу свои доводы инспектору Друитту, он просто посмеется. И, пожалуй, я не стала бы его винить за это. Очень трудно предугадать, как вы отнесетесь к своего рода особым свидетельствам.

— Например?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась:

— Ну вот, если я вам скажу, что знаю, почему некто Пизгуд[74], приехав несколько лет назад на тележке продавать овощи, оставил моей племяннице вместо репы морковь.

— Подходящая фамилия для торговца, — про-

---

[74] notes: 74
Хороший горох (*англ.*).

бормотал сэр Генри. — Как я понимаю, вы находите какое-то сходство?

— Я знаю человеческую природу, — сказала мисс Марпл. — Невозможно не знать человеческой природы, живя столько лет в деревне. Вопрос в том, верите вы мне или нет.

Сэр Генри принимал решения быстро, не крутясь вокруг да около. Каким бы невероятным ни казалось заявление мисс Марпл, он тут же понял, что принимает его.

— Я безусловно верю вам, мисс Марпл, но не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, зачем вы пришли ко мне.

— Я долго думала о случившемся, — сказала мисс Марпл, — но не решилась идти в полицию без каких-либо фактов. А фактов у меня нет. Я хотела попросить вас заинтересоваться происшествием. Инспектор Друитт был бы польщен. Я уверена. И, конечно, если дело пойдет, полковник Мэлчетт — главный констебль — тоже. — Она умоляюще взглянула на него.

— И какими данными вы снабдите меня для начала?

— Я решила, что напишу на бумажке имя убийцы, — сказала мисс Марпл, — и отдам вам. И если после расследования окажется, что этот человек

тут ни при чем, значит, я глубоко заблуждалась.

Она замолчала, потом, вздрогнув, добавила:

— Это ужасно. Просто ужасно, если повесят невинного человека. Возможно, я ошибаюсь… Хотя не думаю. Инспектор Друитт вообще-то, видите ли, здравомыслящий человек, но заурядные способности иногда крайне опасны.

Сэр Генри с любопытством взглянул на нее.

Мисс Марпл открыла свою маленькую сумочку, вытащила записную книжку, вырвала листок, аккуратно вывела имя и, сложив его пополам, протянула сэру Генри.

Имя ему ничего не говорило. Сэр Генри слегка поднял брови, посмотрел на мисс Марпл и спрятал листок в карман.

— Ну и ну, — сказал он. — Довольно необычная история. Ничем подобным мне еще не приходилось заниматься. Но я рад буду утвердиться в своем мнении… о вас, мисс Марпл.

…Сэр Генри сидел в комнате с полковником Мэлчеттом, главным констеблем графства, и инспектором Друиттом.

— Я понимаю, что бесцеремонно вторгаюсь в это дело, — сказал сэр Генри. — И даже не могу объяснить, почему это делаю. Чистая правда!

— Дружище, мы польщены! Это большая для

нас честь!.. — Про себя главный констебль подумал: «Бедняга, спятил от скуки у этих Бантри. Старик ругает правительство, а старуха без конца мелет про свои луковицы».

— Мы только благодарны вам, сэр Генри, — добавил инспектор. А сам подумал: «Жаль, что нет у нас настоящего дела. Я слышал, он один из лучших умов Англии. Жаль, что это такой простой случай».

— Боюсь, что все это и подло, и просто, — сказал главный констебль. — Первая мысль была, что девушка сама утопилась. Она, знаете, была в интересном положении. Однако наш врач Хейдок — малый дотошный. Он обнаружил синяки на руках — прижизненные синяки. По-видимому, ее схватили и швырнули.

— Но для этого нужна сила!

— Думаю, что обошлось без борьбы. Очевидно, девушку застали врасплох. А этот пешеходный мостик вечно скользкий, перила только с одной стороны.

— Вы точно установили, что трагедия произошла именно там?

— Да. Тут есть мальчик лет двенадцати, Джимми Браун. Он был в лесу, на берегу реки. Слышал крик с моста и всплеск. Смеркалось, трудно было

разглядеть что-нибудь. Но он заметил, что в воде плавает что-то белое. Он сбегал за подмогой, и ее вытащили, но было уже поздно.

Сэр Генри кивнул:

— Мальчик никого не заметил на мосту?

— Нет. Ведь уже смеркалось, да и по вечерам там всегда туман.

— У нас есть записка, сэр, — сказал инспектор Друитт, обращаясь к сэру Генри. — Записку нашли в кармане платья этой девушки. Написана вроде карандашом, каким рисуют художники. Намокла сильно, но нам все же удалось прочитать.

— И что же в ней?

— Она от молодого Сандфорда. «Хорошо. Встретимся на мосту в восемь тридцать. Р. С.». Джимми Браун как раз в это время или чуть позже слышал крик и всплеск.

— Не знаю, знакомы ли вы с Сандфордом? — продолжал полковник Мэлчетт. — Он здесь живет около месяца. Один из тех молодых архитекторов, что возводят несуразные дома. Он строит дом для Аллингтона. Бог знает, как все это будет выглядеть. Внутри, наверно, эти новомодные штуки: стеклянный обеденный стол, стальные кресла. Словом, ни то ни се, но характеризует этого малого — Сандфорда. В духе времени,

знаете… Никаких моральных устоев.

— Совращение, — резюмировал сэр Генри, — давно признанное преступление, хотя, конечно, не столь древнее, как убийство.

— О да, — задумчиво произнес полковник Мэлчетт. — Может быть, и так.

— Мерзкое преступление, — сказал Друитт. — И все тут ясно, сэр Генри. Молодой Сандфорд совратил девушку и решил улизнуть назад в Лондон. У него там есть невеста, скромная молодая леди. Они помолвлены, и он скоро женится на ней. Но, конечно, если она узнает об этом, дело его пропащее. Он встречается с Роуз на мосту, вечер туманный, поблизости никого, хватает ее за плечи и сталкивает. Молодой негодяй. Он должен получить по заслугам — вот мое мнение.

Минуты две сэр Генри молчал. Он понимал, сколь сильно влияние местных предрассудков. Новомодный архитектор вряд ли мог пользоваться любовью в консервативной деревушке Сент-Мэри-Мид.

— Я полагаю, этот Сандфорд и был отцом будущего ребенка? — спросил он.

— Ну да, наверно, — подтвердил Друитт. — Роуз Эммот рассказала обо всем отцу. Думала, что Сандфорд женится. Женится на ней! Как же, до-

жидайся!

«Боже мой! — подумал сэр Генри. — Словно в старомодной викторианской мелодраме. Невинная девушка, обольститель из Лондона, суровый отец, измена… Не хватает только преданного деревенского влюбленного. Пожалуй, пора поинтересоваться и этим».

— Неужели у девушки не было здесь молодого человека? — спросил он у инспектора.

— Вы имеете в виду Джо Эллиса? Джо — хороший парень. Плотник. Вот если бы она держалась Джо…

Полковник Мэлчетт кивнул в знак согласия.

— Знай свое место, — жестко произнес он.

— Как отнесся к этому Джо Эллис? — спросил сэр Генри.

— Никто этого не знает, — ответил инспектор. — Джо — тихий парень, замкнутый. Что бы ни делала Роуз, он все прощал. Прямо молился на нее. Все надеялся, что она вернется к нему.

— Я бы хотел его увидеть, — сказал сэр Генри.

— Мы как раз собираемся навестить его, — заметил полковник Мэлчетт. — Мы не исключаем ни одной версии. Я думаю, надо сначала побеседовать с Эммотом, потом с Сандфордом, а уже потом с Эллисом. Вас это устраивает, сэр Клиттеринг?

Сэр Генри заверил, что это его вполне устраивает.

Они нашли Тома Эммота в «Синем кабане». Это был крупный дородный мужчина средних лет с хитрыми глазками и тяжелой челюстью.

— Рад видеть вас, джентльмены. Доброе утро, полковник. Заходите. Мы можем поговорить тут. Вам что-нибудь предложить, джентльмены? Нет? Как вам будет угодно. Вы пришли по поводу моей бедной дочери? Да, она была хорошей девушкой, моя Роуз… Всегда была хорошей… Пока не появился этот негодяй… Прошу прощения, но иначе его не назовешь. Обещал жениться на ней. Обещал… Ну, я найду на него управу. Довел ее, скотина! Проклятый убийца! Навлек позор на всех нас. Бедная моя девочка!

— Дочь говорила вам, что именно мистер Сандфорд виновник… ее положения? — решительно спросил Мэлчетт.

— В этой самой комнате говорила.

— А вы что ей сказали? — поинтересовался сэр Генри.

— Что сказал? — Эммот, казалось, был застигнут врасплох.

— Ну… Вы не грозили выставить ее из дома?

— Я немного расстроился, это же так естествен-

но. Уверен, вы поймете меня. Но я не угрожал выставить ее из дома. Я бы никогда ничего подобного себе не позволил. — Он изобразил благородное негодование. — Нет. «Для чего у нас законы? — Вот что я сказал. — Для чего существуют законы? Он должен порядочно поступить с тобой, а если не пожелает, тогда, бог свидетель, ему придется платить». — Эммот опустил кулак на стол.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь? — спросил Мэлчетт.

— Вчера. Около пяти за чаем.

— Как она себя вела?

— Ну… как всегда. Я ничего такого не заметил. Если бы я только знал…

— Но вы не знали, — сухо заметил инспектор.

Они ушли.

— Эммот производит не очень приятное впечатление, — задумчиво произнес сэр Генри.

— Хорош мерзавец, — подтвердил Мэлчетт.

Следующий визит они нанесли архитектору. Рекс Сандфорд был совсем не таким, как его представлял себе сэр Генри. Высокий, худой, волосы светлые, глаза голубые, мечтательные.

Полковник Мэлчетт назвал себя и своих спутников. Затем он попросил архитектора рассказать,

как тот провел предыдущий вечер.

— Вы понимаете, — предупредил полковник, — я не имею права заставлять вас говорить, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Я хочу, чтобы это было вам ясно.

— Я… я не понимаю, — пролепетал Сандфорд.

— Вы же знаете, что Роуз Эммот утонула вчера вечером…

— Знаю. Это так терзает меня. В самом деле, я не спал всю ночь. Я не в состоянии сегодня работать. Я чувствую ответственность… ужасную ответственность. Я никому не хотел причинять зла. Представить себе не мог, что она все так воспримет. — Он сел за стол и закрыл лицо руками.

— Надо понимать, Сандфорд, что вы отказываетесь сообщить, где находились вчера в восемь тридцать вечера?

— Нет, нет, конечно же нет! Я вышел прогуляться.

— Вы ходили на встречу с мисс Эммот?

— Нет. Сам по себе… в лес… Далеко-далеко.

— Тогда, сэр, как вы объясните эту записку, которую нашли в кармане покойной? — И инспектор Друитт невозмутимым тоном прочитал ее. — Итак, сэр, вы отрицаете, что написали ее?

— Нет, нет, вы правы. Я в самом деле написал

ее. Роуз просила встретиться. Она настаивала. Я не знал, что делать, вот и написал эту записку.

— Вот так-то лучше, — сказал инспектор.

— Но я не ходил! — Голос Сандфорда дрожал от волнения. — Я не ходил! Я чувствовал, что лучше не ходить. Я уже собирался вернуться в Лондон. Я чувствовал, что лучше… не встречаться. Я решил написать оттуда и… кое-что устроить.

— Вам известно, сэр, что девушка ждала ребенка и что она назвала вас отцом ребенка?

Сандфорд застонал, но не ответил.

— Это верно, сэр?

Сандфорд закрыл лицо руками.

— Я думаю, да, — выдавил он.

— А-а! — Инспектор Друитт не мог скрыть злорадства. — Теперь об этой вашей «прогулке». Кто-нибудь видел вас вчера вечером?

— Не знаю. Не думаю. По-моему, я никого не встречал.

— Жаль.

— Что вы имеете в виду? Какое это имеет значение, гулял я или нет? Какое это имеет отношение к тому, что Роуз утопилась?

— Но, видите ли, она не сама бросилась в воду. Ее столкнули, мистер Сандфорд, — сказал инспектор.

— Столкнули… — Прошло некоторое время, прежде чем молодой человек осознал весь ужас случившегося. — Боже мой!.. Тогда, значит…

Полковник Мэлчетт направился к выходу.

— И учтите, Сандфорд, из дома ни в коем случае не отлучайтесь.

Они вышли. Инспектор и главный констебль обменялись взглядами.

— Полагаю, сэр, этого достаточно? — осведомился инспектор.

— Да. Выпишите ордер и арестуйте его.

— Простите, — сказал сэр Генри. — Я оставил перчатки.

Он вернулся в дом. Сандфорд продолжал сидеть в той же позе, бессмысленно уставившись в пространство.

— Я пришел, — обратился к нему сэр Генри, — и хочу заверить вас, что постараюсь сделать все возможное, чтобы помочь вам. Причину таких моих действий я вам открыть не могу, а пока хочу услышать от вас вкратце и по возможности точнее, что произошло у вас с этой самой Роуз.

— Она была такая хорошенькая, такая соблазнительная! И… она сама прямо прилепилась ко мне. Как перед богом говорю — это правда. А мне было здесь так одиноко, всем я тут пришелся не

по душе. А она… поразительно хорошенькая и знала, чего добивается. Вот так все и произошло. Она хотела, чтобы я женился на ней. Я не знал, что делать. Я обручен с девушкой в Лондоне. Если она когда-нибудь узнает об этом… все пропало. Она не поймет. С какой стати? Конечно, я подлец. Я избегал Роуз. Думал, вернусь в город, встречусь с адвокатом, договорюсь насчет денег и прочего. Господи! Какой же я был дурак! Я вижу, что обстоятельства против меня.

— Роуз когда-нибудь угрожала самоубийством?

— Никогда. Мне в голову не приходило, что она может решиться на это.

— А что вы скажете о человеке по имени Джо Эллис?

— О плотнике? Он из почтенной деревенской семьи. Туповатый малый, но был по уши влюблен в Роуз.

— Может быть, он приревновал? — предположил сэр Генри.

— Думаю, немного есть. Но он не из решительных. Будет страдать молча.

— Ну ладно. Мне надо идти, — сказал сэр Генри и поспешил присоединиться к своим спутникам.

— Знаете ли, Мэлчетт, — сказал он, — думаю, нам следует сходить к этому Эллису, прежде чем

принимать какие-то решительные меры. Жаль, если арест окажется ошибкой. В конце концов, ревность — достаточно веский повод для убийства, к тому же довольно распространенный.

— Это, конечно, верно, — согласился инспектор. — Но Джо Эллис не из таких. Он и мухи не обидит. Почему? Никто не видел, чтобы он когда-нибудь вышел из себя. Однако все же лучше спросить у него, где он был вчера вечером. Джо должен быть сейчас дома. Он снимает комнату у миссис Бартлет — очень приличная особа, вдова.

Маленький коттедж, к которому они подошли, был безукоризненно чист. Крупная плотная женщина средних лет открыла им дверь.

— Доброе утро, миссис Бартлет, — приветствовал ее инспектор. — Джо Эллис дома?

— Минут десять как вернулся, — ответила миссис Бартлет. — Проходите, пожалуйста, господа.

Она провела их в крошечную гостиную, заставленную чучелами птиц, фарфоровыми собаками и другими бесполезными вещицами. Торопливо пододвинула им стулья и крикнула:

— Джо, тут трое джентльменов хотят тебя видеть!

Из кухни отозвался голос:

— Иду, только почищусь.

— Может быть, вы присядете, миссис Бартлет, — обратился к ней полковник Мэлчетт.

— О нет, сэр, и думать не смею, — смутилась миссис Бартлет.

— Вы считаете Эллиса хорошим жильцом? — спросил Мэлчетт беспечным тоном.

— Лучше и не надо, сэр! Спокойный молодой человек. Спиртного капли в рот не берет. Гордится своей работой. Добрый, помогает по дому. Смастерил мне вон те полки, повесил новый шкафчик на кухне. Да и мало ли что еще требуется сделать в доме. Джо делает все охотно, ничего не требуя. Много ли таких молодых людей, как Джо, сэр?

— Какой-нибудь девушке, наверно, повезет, — небрежно бросил Мэлчетт. — Он ведь был влюблен в эту бедняжку, Роуз Эммот, не так ли?

Миссис Бартлет вздохнула:

— Глаза б мои не глядели. Молился на землю, по которой она ходила, а она и смотреть на него не хотела.

— Где Джо проводит вечера, миссис Бартлет?

— Обычно дома, сэр. Иногда занят какой-нибудь работой по вечерам, еще пытается заочно выучиться бухгалтерии.

— Так, так. И вчера вечером тоже был дома?

— Да, сэр.

— Это точно, миссис Бартлет? — строго спросил сэр Генри.

Она повернулась к нему:

— Совершенно точно, сэр.

— Был ли он дома что-то около восьми — восьми тридцати?

— Ну конечно, — засмеялась миссис Бартлет. — Он почти весь вечер приделывал кухонный шкафчик, а я ему помогала.

Сэр Генри посмотрел на ее улыбающееся лицо и ощутил первую муку сомнения.

Минутой спустя Эллис вошел в комнату. Высокий, широкоплечий, по деревенским меркам красивый молодой человек. Застенчивый взгляд голубых глаз, дружелюбная улыбка. В общем, добродушный молодой великан.

Мэлчетт начал разговор. Миссис Бартлет удалилась на кухню.

— Мы расследуем обстоятельства смерти мисс Роуз Эммот. Вы знали ее, Эллис?

— Да, — пробормотал он. — Надеялся когда-нибудь жениться на ней. Какое несчастье!..

— Вы знали, что она была в положении?

— Да. — Глаза его гневно блеснули. — Бросил он ее, вот что! Ну да к лучшему… Не была бы она счастлива с ним. Она вернулась бы ко мне. Я бы о

ней позаботился.

— Несмотря на все?..

— Она не виновата. Он наобещал ей всякого… Она мне рассказывала. Не надо ей было топиться. Не стоил он этого.

— Где вы были вчера в восемь тридцать вечера?

— Я был здесь. Прикреплял на кухне одну штуковину для миссис Би. Спросите у нее, она вам скажет.

И то ли показалось сэру Генри, то ли на самом деле прозвучало в этом подготовленном ответе какое-то смущение.

«Чересчур быстро ответил, — подумал сэр Генри. — Он тугодум. А тут выпалил моментом. Похоже, было приготовлено заранее».

Сэр Генри нашел предлог заглянуть на кухню. Миссис Бартлет крутилась у плиты. Она подняла голову и мило улыбнулась. К стене был прикреплен новый шкафчик. Работа не была закончена. Вокруг лежали инструменты и несколько дощечек.

— Этим Эллис и был занят прошлым вечером? — поинтересовался сэр Генри.

— Да, сэр. Ведь неплохо сделано, правда? Джо очень хороший мастер. — Никакого страха в гла-

зах, никакого смущения.

Но Эллис… Или почудилось ему это? Нет, что-то было… «Надо с ним поговорить», — решил сэр Генри. Повернувшись к выходу, он наткнулся на детскую коляску.

— Не разбудил ребенка, надеюсь?

Миссис Бартлет рассмеялась:

— Что вы, сэр, у меня нет детей, к сожалению. На ней я развожу выстиранное белье, сэр.

— А, понятно… — Помедлив немного, он, повинуясь внезапному порыву, спросил: — Миссис Бартлет, вы знали Роуз Эммот? Скажите, что вы о ней думаете?

— Ну, сэр, я думаю, что она была ветреная девушка. Но она умерла, а я не люблю плохо говорить о покойных.

— Но у меня есть причина спрашивать, довольно основательная причина, — настаивал он.

Миссис Бартлет задумалась. Затем решилась и спокойно сказала:

— Плохой она была человек, сэр. Я бы не стала этого говорить при Джо. Очень она задурила ему голову. Такие умеют, к сожалению. Вы знаете, как это бывает, сэр.

Сэр Генри это знал. Такие люди, как Джо Эллис, бывают обычно беззащитными. Безоглядно

доверчивыми. Именно поэтому они испытывают более глубокие потрясения от подобных открытий.

Он был сбит с толку и вышел из коттеджа в полном недоумении. Перед ним была стена. Джо Эллис работал вчера весь вечер дома. Миссис Бартлет помогала ему. Как все это понять? Что противопоставить этим фактам? Нечего. Разве только подозрительно торопливый ответ Джо Эллиса?

— Ну вот, — сказал Мэлчетт, — похоже, дело становится совершенно ясным.

— Кажется, так, сэр, — подтвердил инспектор. — Это Сандфорд. Ему теперь не выкрутиться. Ясно как божий день. По-моему, девица и отец шантажировали его. Денег у него не было. Он боялся, что история дойдет до его невесты. Отчаялся, ну и решился на такое… Что вы скажете на это, сэр? — обратился он к сэру Генри.

— Похоже на то, — согласился сэр Генри. — И все же я не могу представить себе Сандфорда в роли убийцы.

Сэр Генри прекрасно понимал, что вряд ли это может служить веским доводом. Даже кроткое животное, если его загнать в угол, способно на самые неожиданные действия.

— Надо все-таки поговорить с мальчиком, — вдруг предложил он, — с тем, что слышал крик.

Джимми Браун оказался смышленым парнишкой. Он с нетерпением ждал, когда ему начнут задавать вопросы, и был сильно разочарован, что от него первого не потребовали рассказать о том роковом вечере.

— Ты, как я понимаю, был недалеко, на другой стороне реки, — начал разговор сэр Генри, — напротив деревни. Ты кого-нибудь видел на том берегу?

— Кто-то гулял по лесу. Я думаю, это был мистер Сандфорд. Джентльмен-архитектор, который строит чудной дом.

— Это было минут за десять до того, как ты услышал крик?

Мальчик кивнул.

— Видел ли ты еще кого-нибудь на другом берегу реки, там, где деревня?

— Какой-то человек шел по тропинке на той стороне. Шел медленно и посвистывал. Мне показалось, что это был Джо Эллис.

— Как же ты смог узнать его? В тумане, в сумерках? — резко спросил инспектор.

— По свисту. Джо Эллис всегда насвистывает одну и ту же песенку: «Хочу быть счастливым».

Это единственный мотив, который он знает, — снисходительно пояснил мальчик.

— Любой мог насвистывать этот мотив, — заметил Мэлчетт. — Он шел по направлению к мосту?

— Нет, в другую сторону, к деревне.

— Не думаю, что стоит проявлять интерес к этому неизвестному, — заключил Мэлчетт. — Ты слышал крики, всплеск воды и спустя несколько минут увидел тело, плывущее вниз по течению. Ты побежал за помощью назад через мост, прямиком в деревню. Ты никого не видел у моста? Когда бежал за помощью?

— Мне кажется, шли двое с тачкой по тропинке к речке, но они были немного в стороне. Я не мог понять, приближаются они или удаляются. Дом мистера Джайлза был ближе всех. Ну, я туда и побежал.

— Ты хорошо поступил, мой мальчик, — похвалил его Мэлчетт.

— Ты действовал правильно. Ты ведь скаут, не так ли?

— Да, сэр.

— Очень хорошо.

Сэр Генри задумался. Достал клочок бумаги из кармана, посмотрел на него и покачал головой.

Не может быть, и все же…

Он решил зайти к мисс Марпл.

Она приняла его в милой, несколько старомодной гостиной.

— Прибыл доложить об успехах, — невесело начал сэр Генри. — Боюсь, что, с нашей точки зрения, дела не очень хороши. Собираются арестовать Сандфорда, и должен сказать, что считаю это оправданным.

— Так, значит, вы ничего не нашли в поддержку моей теории? — Мисс Марпл была взволнованна. — Может быть, я была не права, совсем не права? У вас такой большой опыт.

— Во-первых, — сказал сэр Генри, — я сам не могу никак в это поверить, а потом, мы сталкиваемся с неопровержимым алиби. Джо Эллис весь вечер прикреплял на кухне полки, а миссис Бартлет наблюдала за его работой.

Мисс Марпл глубоко вздохнула.

— Не может быть! — возразила она. — Ведь это произошло в пятницу вечером.

— В пятницу вечером?

— Да, в пятницу вечером. В пятницу миссис Бартлет по вечерам развозит белье заказчикам.

Сэр Генри откинулся на спинку стула. Он вспомнил, что мальчик Джимми рассказывал о

насвистывающем человеке… Да… все сходится.

Он поднялся, с жаром пожимая руку мисс Марпл.

— Кажется, я знаю, что делать, — заявил он. — По крайней мере, можно попробовать…

Пять минут спустя он снова появился в коттедже миссис Бартлет, где в маленькой гостиной среди китайских собачек встретился с Джо Эллисом.

— Вы солгали нам, Эллис, о прошлом вечере, — твердо сказал он. — Вас не было на кухне, и вы не вешали шкаф между восемью и восемью тридцатью. Вас видели на тропинке у моста за несколько минут до того, как была убита Роуз Эммот.

Эллис окаменел.

— Она не была убита, нет! Я ничего не мог сделать. Она бросилась сама… Она потеряла голову. Я бы никогда не тронул ее.

— Тогда зачем вы солгали? — не отступал сэр Генри.

— Я испугался. Миссис Бартлет видела меня там. Когда потом мы узнали, что произошло… Ну, она подумала, что это может плохо для меня кончиться. Мы решили: я скажу, что работал здесь. Она редкий человек, редкий. Она всегда так добра ко мне.

Ни слова не говоря, сэр Генри вышел из комнаты на кухню. Миссис Бартлет мыла посуду.

— Миссис Бартлет, — обратился он к ней, — я знаю все. Думаю, вам лучше признаться, если вы не хотите, чтобы Джо Эллиса повесили за то, чего он не совершал… Нет? Я вижу, не хотите? Расскажу вам тогда, что случилось. Вы пошли развозить белье из стирки, встретили Роуз Эммот. Вы знали, что она бросила Джо и крутит с этим приезжим. И вот она попала в беду… Джо готов прийти к ней на помощь, готов жениться, если она согласится. Вы возненавидели эту девицу… Вы не могли допустить, чтобы эта никудышная девчонка увела у вас мужчину. Вы женщина сильная, миссис Бартлет, вы схватили девушку за плечи и столкнули в реку. Через несколько минут вы встретили Джо Эллиса. Мальчик Джимми видел вас издалека, но из-за темноты и тумана принял детскую коляску за тачку, которую везли двое мужчин. Вы убедили Джо, что его могут заподозрить, и придумали ему алиби, но на самом деле это было алиби для вас. Я прав, не так ли?

Сэр Генри затаил дыхание. Он все поставил на кон. Женщина стояла перед ним, вытирая руки о передник и медленно обдумывая ответ.

— Точно так, как вы говорите, сэр, — наконец

произнесла она невозмутимым глухим голосом (опасным голосом, как вдруг определил его сэр Генри). — Не знаю, что нашло на меня. Бесстыжая, вот она какая была. На меня просто нашло… Она не имела права забирать у меня Джо. У меня ничего не было хорошего в жизни, сэр. Муж мой был несчастный человек, инвалид и упрямец. Я лечила его и ухаживала за ним по-честному. А потом Джо снял у меня комнату. Я не совсем старая женщина, сэр, хоть у меня и седые волосы. Мне только сорок, сэр. Таких, как Джо, — один на тысячу. Я бы ради него не знаю что сделала. Он как маленький ребенок, сэр. Такой добрый, такой доверчивый. Он был мой, сэр, я заботилась о нем… И тут эта… — Миссис Бартлет проглотила конец фразы.

Даже в такой момент она оставалась сильной женщиной. Несчастная стояла прямо и с вызовом смотрела на сэра Генри.

— Готова идти, сэр. Никогда бы не подумала, что кто-нибудь догадается. Ума не приложу, как вы узнали. Не пойму, в самом деле.

Сэр Генри покачал головой.

— Это было нелегко, — сказал он и подумал о листочке бумаги, все еще лежащем у него в кармане. На нем было выведено старомодным

почерком: «Миссис Бартлет, у которой проживает Джо Эллис».

Мисс Марпл опять оказалась права.

Причуда Гриншо

Глава 1

Они обогнули обсаженную кустарником аллею.

— Ну, вот мы и пришли. Думаю, это как раз то, что тебе нужно, — сказал Реймонд Уэст.

От восторга у Хореса Биндлера даже дух перехватило.

— Господи! — вскричал он. — Глазам своим не верю! Его голос упал до благоговейного шепота.

— Нет, это что-то неслыханное. Настоящее чудо. Лучший образец эпохи.

— Я знал, что тебе понравится, — с удовлетворением заметил Реймонд Уэст.

— Понравится?! Да это… это… Так и не найдя слов. Хорее деловито расстегнул ремешок фотоаппарата и не медля приступил к съемке.

— Это будет жемчужиной моей коллекции! — восторженно объяснял он. — Ты даже не представляешь, как увлекательно собирать подобные несуразности. Придумал лет семь назад… В ванне, как сейчас помню. Последний шедевр я обнаружил в Генуе, в Кампо-Санто, но он и в подметки не годится этому монстру! Как он, кстати, называется?

— Понятия не имею, — пожал плечами Реймонд.

— Но должно же у него быть какое-то название?

— Ну… Местные жители окрестили его «Причудой Гриншо».

— Гриншо — это тот, кто его построил?

— Ага. То ли в шестидесятых, то ли в семидесятых годах прошлого века. Такой местный герой… Вырвался из нищеты и сколотил сказочное богатство. В одном только мнения расходятся — с чего это ему вздумалось вдруг выстроить такую штуку. Одни говорят, он уже просто не знал, куда девать деньги, другие что хотел произвести впечатление на кредиторов. Если верно второе, то номер не удался, потому что кончил он полным банкротом или чем-то вроде этого. Отсюда и название.

Щелкнул затвор фотоаппарата.

— Порядок, — удовлетворенно произнес Хорее. — Кстати, напомни мне как-нибудь показать тебе триста десятый номер своей коллекции. Совершенно невероятная каминная доска итальянской работы… Черт возьми! Интересно все-таки, о чем он думал, сооружая это страшилище?

— Ну это-то можно себе представить, — сказал

Реймонд. — Он посещал замки Луары. Видишь вон те башенки? Потом, видимо, попал под обаяние Востока. Вот тут, несомненно, влияние Тадж-Махала.[75] А вот флигель явно в мавританском стиле. И конечно же традиции венецианской дворцовой архитектуры. — Мне все это даже очень импонирует.

— Интересно, где он разыскал архитектора, который взялся воплотить все это в реальность? Реймонд пожал плечами.

— Думаю, как раз с этим проблем не было. Архитектор обеспечил себя на всю жизнь, а Гриншо, наоборот, разорился.

— А можно посмотреть на дом с другой стороны? Или там уже частные владения? — поинтересовался Хорее.

— Вообще-то мы уже в частных владениях, — ответил Реймонд, — но это не важно.

— А что теперь здесь? Приют для сирот? Пансион? Готов поспорить, что не школа: слишком уж тихо, да и спортплощадок нет.

— Ты не поверишь… Здесь все еще живут Гриншо!

---

[75] notes: 75

Тадж-Махал — мавзолей султана Шах-Джахана и его жены Мумтаз-Махал, прекрасный памятник индийской архитектуры, построенный в 1630–1652 годах.

Каким-то чудом им удалось сохранить дом. Сначала его унаследовал сын редкостный, кстати сказать, был скряга. Всю жизнь провел в дальней комнате, исхитрившись не потратить ни пенни. Возможно, впрочем, у него их и не было. Теперь здесь хозяйничает его дочь. Довольно эксцентричная пожилая особа.

Рассказывая все это, Реймонд мысленно поздравлял себя с тем, что догадался показать гостю «Причуду Гриншо». Ох уж эти литературные критики! Ну зачем, спрашивается, делать вид, что прямо-таки мечтаешь провести выходные в сельской местности, если начинаешь скучать, не успев туда добраться? Реймонду позарез нужно было дотянуть до завтра, когда должны прийти воскресные газеты. Как удачно, что он догадался показать ему эту штуку! «Причуда Гриншо» обогатит его знаменитую коллекцию.

Обогнув угол дома, они вышли к запущенному газону, по краю которого располагались несколько поросших цветами альпийских горок.[76] Завидев склонившуюся над ними женскую фигуру, Хорее в полном восторге дернул Реймонда за рукав.

---

[76] notes: 76

Альпийская горка сад, в котором нагромождение камней и низкорослая растительность имитируют высокогорный ландшафт.

— Бог мой! — вскричал он. — Ты только взгляни на ее платье! Набивной ситец! А рисунок? Эти цветочки… Неподражаемо! В таких раньше горничные ходили. О, незабвенные времена! Детство, деревня… Открываешь утром глаза, а над тобой стоит горничная в ситцевом платье и чепчике, и все это так накрахмалено, что хрустит при каждом движении! Ты хоть представляешь себе, что такое чепчик? Я, например, как сейчас помню: муслиновый[77] такой, с лентами… Хотя нет, ленты, кажется, были у другой, которая прислуживала за столом. Ну да не важно… В общем, это была самая настоящая горничная, и она держала в руках огромный медный таз с горячей водой. Знаешь, дружище, я уже почти не жалею, что согласился приехать.

В эту минуту женщина выпрямилась и обернулась к ним. В руке она держала маленькую садовую лопатку. Ее внешность производила странное впечатление. Седые волосы неряшливыми жидкими прядями падали на плечи, на голове красовалась нелепая соломенная шляпа — в Италии такие обычно надевают лошадям, — пестрое платье доходило почти до щиколоток, а с

---

[77] notes: 77
Муслин — легкая шелковая ткань.

обветренного и не слишком чисто умытого лица оценивающе смотрели удивительно проницательные глаза.

— Простите нас за вторжение, мисс Гриншо, — начал, приближаясь к ней, Реймонд Уэст. — Надеюсь, вы простите нас, узнав, что мой гость, мистер Хорее Биндлер (тот снял шляпу и поклонился), всерьез увлекается историей и… э… памятниками архитектуры.

Реймонд Уэст произнес это с той непринужденностью, которая сразу отличает модного писателя от простого смертного.

Мисс Гриншо оглянулась на громоздящееся за ее спиной фантастическое сооружение.

— Да, — просто согласилась она, — у нас действительно очень красивый дом. Дедушка построил его, когда меня еще и на свете не было. Говорят, ему хотелось поразить местных жителей.

— Уверен, мадам, это ему удалось, — учтиво сказал Хорее Биндлер.

— Мистер Биндлер известный литературный критик, — счел нужным сообщить Реймонд.

На мисс Гриншо это не произвело ни малейшего впечатления. Она спокойно продолжала:

— Для меня этот дом — воплощение дедушки-

ной мечты. Люди недалекие частенько советуют мне продать его и переехать в современную квартиру. Но что мне там делать? Это мой дом, и я здесь живу. Всегда жила.

Мисс Гриншо задумчиво продолжала:

— Нас, сестер, трое было. Лора вышла замуж за помощника приходского священника. Папа не дал им ни пенса. Сказал, духовному лицу деньги ни к чему. Лора умерла родами. Ребенок тоже… Нетто сбежала с учителем верховой езды. Папа, конечно, тоже лишил ее наследства. Красивый был парень, этот Гарри Флетчер, но что толку? Не думаю, чтобы Нетто была с ним счастлива. Теперь и она умерла… Остался ее сын. Иногда он мне пишет, да только какой из него Гриншо? Я последняя в нашем роду.

Она гордо расправила плечи и поправила свою нелепую шляпу. Потом, неожиданно обернувшись, резко спросила:

— Да, миссис Крессуэлл, в чем дело?

Появившаяся из дома женщина была полной противоположностью мисс Гриншо. Ее пышные волосы пепельного цвета были тщательно подкрашены, завиты и уложены. Так, должно быть, прихорашивались в старину маркизы, отправляясь на костюмированный бал. У нее так же

был прекрасно развитый бюст, а голос, когда она заговорила, оказался неожиданно глубоким, и дикция была прекрасная, и лишь едва заметные паузы перед наиболее труднопроизносимыми словами выдавали, что в детстве она картавила. На ней было темное вечернее платье — слишком блестящее, чтобы оказаться настоящим шелком.

— Рыба, мадам, — коротко сказала она. — Я имею в виду треску. Ее так и не доставили. Я просила Альфреда, но он отказался.

Мисс Гриншо фыркнула.

— Отказался?

— Да, мадам. И в крайне нелюбезных выражениях. Мисс Гриншо поднесла ко рту два испачканных в земле пальца и оглушительно свистнула, умудрившись при этом еще и крикнуть:

— Альфред! Альфред, поди сюда!

Из-за угла дома на зов появился молодой человек с красивым дерзким лицом. В руке он держал лопату. Он приблизился и наградил миссис Крессуэлл взглядом, который никак нельзя было назвать дружелюбным.

— Звали меня, мисс?

— Да, Альфред. Я слышала, ты не хочешь идти за рыбой. В чем дело?

— Кто сказал, не хочу? Схожу, коли надо, —

мрачно отозвался молодой человек. — Вам стоит только приказать.

— Да, пожалуйста, Альфред. Мне нужна к ужину рыба.

— Хорошо, мисс. Иду.

Уходя, он еще раз вызывающе глянул на миссис Крессуэлл. Та вспыхнула и тихо пробормотала:

— Нет, это решительно невыносимо!

— Знаете, о чем я подумала? — повернулась к ней мисс Гриншо. — Эти господа — как раз то, что нам нужно. Миссис Крессуэлл удивленно на нее воззрилась.

— Простите, мадам, я не совсем…

— Для дела, о котором мы говорили, — пояснила мисс Гриншо и, повернувшись к Реймонду Уэсту, осведомилась:

— Я ведь не ошибаюсь? Лицо, в пользу которого составлено завещание, действительно не имеет права быть свидетелем?

— Нет, — согласился тот, — не ошибаетесь.

— Я так и знала, — кивнула мисс Гриншо. — Уж настолько-то я в законах разбираюсь.

Она бросила лопатку в корзину для сорняков.

— Вы, оба, кажетесь мне заслуживающими доверия. Не откажитесь подняться со мной в библиотеку.

— С удовольствием, — галантно согласился Хорее. Они прошли в просторную гостиную, когда-то выдержанную в желто-золотых тонах. Теперь парча драпировки совсем выцвела, а мебель покрыл толстый слой пыли. Пройдя через большой, тускло освещенный холл, они поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в одну из комнат.

— Дедушкина библиотека, — объявила мисс Гриншо. Хорее с нескрываемым любопытством огляделся. Комната была полна диковин. Повсюду, в самых неожиданных местах, красовались головы сфинксов;[78] один из углов полностью занимала огромная бронзовая скульптура, изображающая, по-видимому, Поля и Виргинию;[79] у стены громоздились колоссальные бронзовые часы с украшениями в классическом стиле. Едва их увидев. Хорее поклялся себе, что сфотографирует их, чего бы это ему ни стоило.

— У нас здесь собрано очень много книг, — за-

---

[78] notes: 78

Сфинкс — в Древнем Египте каменное изваяние лежащего льва с человеческой головой, у древних греков крылатое чудовище с туловищем льва или собаки и головой и грудью женщины.

[79] notes: 79

Имеются в виду персонажи одноименного романа французского писателя Бернардена де Сен-Пьера (1737–1814) о судьбе и злоключениях юноши и девушки, живших в «естественном состоянии» и погибших при столкновении с цивилизацией.

метила мисс Гриншо.

Реймонд небрежно пробежался взглядом по корешкам и не нашел ни одной сколько-нибудь интересной. Непохоже было, чтобы их вообще кто-нибудь когда-то читал. Это были великолепно переплетенные тома классической литературы, изданные лет девяносто назад и с тех пор пылящиеся в библиотеке каждого желающего считать себя начитанным джентльменом. На полках виднелась и более легкомысленная литература — тоже конца прошлого века, — но и эти книги вряд ли когда-нибудь кто открывал.

Мисс Гриншо подошла к массивному письменному столу и, покопавшись в его недрах, извлекла оттуда сложенный лист пергамента.

— Мое завещание, — объявила она. — Надо же кому-то оставить свои деньги. Так уж принято. Очень бы не хотелось, чтобы достались сыну барышника. Гарри Флетчер был привлекательный мужчина, но и мерзавец тоже порядочный. Уверена, его сынок не многим лучше. Нет, нет, — продолжала она, как будто кто-то пытался ей возразить, — я уже приняла решение. Я оставлю все Крессуэлл.

— Вашей экономке?

— Да. Я ей все уже объяснила. Я прекращаю

платить ей жалованье, но зато она становится наследницей всего моего имущества. Меня это в значительной мере избавит от текущих расходов, а ее заставит вести себя более подобающе… Во всяком случае, не хамить и не пытаться, чуть что, уволиться. Вы, я думаю, уже заметили, что она весьма высокого о себе мнения. Учитывая, что ее отец был водопроводчиком, нечего ей нос задирать.

Она развернула пергамент, взяла ручку и, обмакнув ее в чернила, вывела свою подпись: «Кэтрин Дороти Гриншо».

— Вот так, — удовлетворенно выговорила она. — При свидетелях. Теперь распишитесь вы, и документ обретет законную силу.

Она передала ручку Реймонду Уэсту. Тот немного замялся, почувствовав вдруг странное нежелание делать то, о чем его просили, но затем взял ручку и стремительно вывел свою подпись, прекрасно известную каждому его поклоннику. Утренняя почта ежедневно приносила ему до полудюжины писем с просьбой осчастливить их авторов подобным росчерком.

Хорее взял у него ручку, и, в свою очередь, расписался.

— Дело сделано, — сказала мисс Гриншо. Она

направилась к полкам и в нерешительности застыла, обводя взглядом ряды книжных корешков. Потом, открыв застекленную дверцу, решительно вынула какую-то книгу и вложила в нее сложенный пергамент.

— Я знаю, где нужно хранить такие вещи, — сказала она.

— «Тайна леди Одли», — пробормотал Реймонд Уэст, успевший заметить название, пока хозяйка ставила книгу на место.

Мисс Гриншо снова фыркнула.

— В свое время это был бестселлер. Не такой, конечно, как ваши…

Она дружески ткнула Реймонда в бок. Оказывается, она знает, что он пишет книги. Правда, бестселлерами его труды еще никто не называл. Даже теперь, когда с возрастом его взгляды на жизнь несколько смягчились, он писал исключительно о мрачных сторонах нашей действительности.

— Скажите, пожалуйста, — вмешался Хорее, сгорая от нетерпения, — а можно сфотографировать вон те часы?

— Да ради Бога! — отозвалась хозяйка. — По-моему, их привезли с парижской выставки.

— Вполне возможно, — согласился Хорее, щелкая затвором.

* * *

— После смерти дедушки сюда мало кто заходил, — сказала мисс Гриншо. — Вот в этом столе полно его дневников. Думаю, там нашлось бы немало интересного. Только вот прочесть не могу: зрение… А так хотелось бы их опубликовать! Но ведь для этого, вероятно, их нужно как-нибудь обработать?

— Так наймите кого-нибудь, — посоветовал Реймонд.

— В самом деле? Хорошая мысль. Надо подумать. Реймонд взглянул на часы.

— Ну, не будем злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Рада была знакомству, — благосклонно отозвалась хозяйка. — А то я сперва приняла вас за полицейских.

— Почему это? — спросил ее Хорее, никогда не отличавшийся особым тактом:

— Не знаешь, сколько времени, спроси у полисмена, — пропела она игриво, толкнула его в бок и расхохоталась.

* * *

— Отличный выдался день, — вздохнул Хорее, когда они возвращались. — Ну и домик! Вот только мертвого тела в библиотеке не хватает. Знаешь, в старинных романах каждое сколько-нибудь приличное убийство обязательно происходило именно в такой вот библиотеке.

— Это не ко мне, дружище. Об убийствах надо беседовать с моей тетей.

— Тетей? Ты про мисс Марпл? — недоуменно переспросил Хорее.

Обаятельная старушка, которой он был представлен накануне, казалась абсолютно несовместимой с каким бы то ни было насилием.

— Ну да, — подтвердил Реймонд, — убийства ее конек.

— Ты меня просто заинтриговал, дружище. В самом деле?

— Именно. В криминалистике есть три категории людей: во-первых, собственно убиенные… Во вторую категорию входят те, кто обеспечивает первую, а в третью те, кто изобличает вторую. Тетя Джейн относится к третьей.

— Шутишь!

— Ни в коем случае. И это в один голос под-

твердят тебе отставной комиссар Скотленд-Ярда, несколько старших констеблей и парочка инспекторов лондонской уголовной полиции.

— Однако у вас тут скучать не приходится, — заметил Хорее.

За чаем, на котором присутствовали жена Реймонда Джоан Уэст, ее племянница Луиза Оксли и старая мисс Марпл, приятели упомянули о своих дневных приключениях, подробно повторив все, что им рассказала мисс Гриншо.

— Лично у меня остался неприятный осадок, — закончил Хорее. — И эта женщина: не то маркиза, не то экономка… Теперь, когда она знает, что хозяйка завещала ей все свое состояние, с нее, по-моему, станется подсыпать ей в чай мышьяку.

— А вот мы спросим у тети! — воскликнул Реймонд. — Тетя Джейн, так подсыплет или нет? Как вы думаете?

— Я думаю, — сурово отвечала мисс Марпл, — что не следует иронизировать по поводу мышьяка. Его слишком легко купить. Впрочем, поскольку его используют для уничтожения сорняков, он скорее всего и так уже лежит где-нибудь в сарае.

— Ну, тетушка, — воскликнула Джоан, — это же слишком просто.

— Завещание-то она составила, — вмешался Реймонд, — только сильно сомневаюсь, что кроме этого уродливого дома, на который никто и не позарится, там значится что-то еще.

— Почему это не позарится? — возразил Хорее. — Для какой-нибудь кинокомпании или отеля это просто находка.

— Все равно они много за него не дадут, — не сдавался Реймонд.

Мисс Марпл покачала головой.

— Боюсь, Реймонд, насчет денег ты как раз ошибаешься. Гриншо — тот, безусловно, был из тех, кому «легко досталось, легко ушло». И похоже, он действительно спустил все до пенни, оставив сыну лишь дом. Но сынок-то его был из совершенно иного теста. Знаешь, когда человек всю жизнь экономит каждый пенни, он так или иначе что-нибудь да скопит. Ну, а раз мисс Гриншо пошла в отца, подозреваю, что деньги у нее есть, и немалые.

— Ты слышишь, Луиза? — повернулась Джоан к племяннице. — Это как раз для тебя.

Луиза, недавно, по ее собственному выражению, «разбежавшаяся» с мужем и оставшаяся теперь с двумя детьми на руках при весьма ограниченных доходах, вопросительно подняла

брови.

— Я имею в виду, — пояснила Джоан, — что, если мисс Гриншо действительно хочет издать дневники и ей нужно подготовить их к публикации…

— А ведь это мысль, — одобрил Реймонд. Луиза наконец поняла.

— Это бы мне подошло, — тихо согласилась она. — Мне кажется, я бы сумела.

— Так я ей напишу, — предложил Реймонд. Мисс Марпл явно думала о чем-то своем.

— Хотела бы я знать, — задумчиво проговорила она, — что миссис Гриншо имела в виду, сказав о полицейском?

— Думаю, она просто пошутила.

— Это напоминает мне… — Мисс Марпл энергично тряхнула головой. — Да, это определенно напоминает мне мистера Нэйсмита.

— А кто это такой? — удивился Реймонд.

— Один пчеловод, — ответила мисс Марпл. — Замечательные акростихи[80] для воскресных газет составлял. Большой был шутник… Иногда, правда, это приводило к неприятностям.

Наступила неловкая пауза. Ввиду очевидного

---

[80] notes: 80

Акростих — стихотворение, в котором начальные буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, образуют какое-либо слово или фразу.

отсутствия всякой связи между упомянутым Нэйсмитом и мисс Гриншо оставалось только предположить, что в силу преклонного возраста милая тетя Джейн что-то напутала.

Глава 2

Коллекция Хореса Биндлера больше не пополнялась, и вскоре он вернулся в Лондон. Тем временем Реймонд Уэст действительно написал мисс Гриншо письмо, в котором предложил ей кандидатуру своей знакомой, миссис Луизы Оксли, для работы над дневниками, и по прошествии нескольких дней получил ответное письмо, написанное причудливым тонким почерком, каким писали в старину. Мисс Гриншо сообщала, что прямо-таки горит желанием воспользоваться услугами миссис Оксли и, соответственно, назначала ей встречу.

В указанное время Луиза отправилась к мисс Гриншо. Предложение оказалось весьма выгодным, и уже на следующий день она приступила к работе.

— Не знаю, как тебя и благодарить, — говорила она вечером Реймонду. — Так удачно все получилось… По пути на работу я как раз буду успевать отводить детей в школу и забирать их, возвращаясь домой. Просто удивительно, как все чудесно устроилось. Никогда бы не поверила, что такие старосветские дамы еще существуют, если

б сама не увидела.

Вернувшись вечером после первого рабочего дня, Луиза делилась впечатлениями.

— Экономку я почти и не видела. Принесла мне в половине двенадцатого кофе с печеньем и тут же исчезла. На редкость жеманная особа. Губы поджаты, слова лишнего не скажет… Подозреваю, она злится, что меня взяли на работу. А садовника Альфреда просто ненавидит. Жутко ленивый парень, из местных… Они друг с другом даже не разговаривают. Ну, мисс Гриншо, конечно, выше всех этих дрязг.

Говорит: «Сколько себя помню, с прислугой всегда так. При дедушке уж точно. У нас тогда было три садовника, мальчишка-посыльный и целых восемь служанок. И все они дни напролет только и делали, что между собой грызлись».

На следующий день Луиза возвратилась домой с новостью:

— Представляете, сегодня утром мисс Гриншо попросила меня позвонить своему племяннику.

— Племяннику?

— Да. Он, кажется, актер. Этим летом его труппа выступает в Борхэме. Я позвонила в театр и попросила передать ему приглашение на завтрашний ленч. Что интересно, от своей экономки она это

скрывает. Чем-то, видно, та ее рассердила.

— С нетерпением будем ждать завтрашнего выпуска сериала, — насмешливо заметил Реймонд.

— Но ведь и правда все как в сериале! Примирение с племянником, кровь все же не вода, составляется новое завещание…

— Тетя Джейн, вы о чем-то задумались.

— Да, действительно. Скажи, дорогая, а полицейский больше не упоминался?

— Полицейский? — удивилась Луиза. — Да нет, кажется. С чего бы?

— Ну как же… Помнишь ее замечание? — сказала мисс Марпл. — Должно же оно было что-то значить!

* * *

На следующий день Луиза явилась на работу в отличном расположении духа. Парадная дверь, как всегда, была распахнута настежь. Окна в доме тоже, кстати, никогда не запирались. Мисс Гриншо совершенно не боялась грабителей по той простой причине, что любой оставшийся в доме предмет весил никак не меньше тонны и вряд ли годился для продажи.

Проходя через холл к лестнице, ведущей наверх, Луиза привычно бросила взгляд на большой

портрет Натаниеля Гриншо, висевший над камином. Гриншо, сидевший в огромном кресле и поглаживающий спускающуюся на грудь массивную золотую цепь, казался ей типичным представителем викторианской эпохи в период ее расцвета. Внушительный живот, обрюзгшее лицо, двойной подбородок… Неожиданно она подумала, что в молодости Натаниель Гриншо был, пожалуй, недурен собой. Если бы еще не чудовищные брови и пышные черные усы… Да, тогда он определенно походил бы на Альфреда. Садовника она видела только что, возле дома. Заметив ее, он тут же выбросил сигарету, отошел от дерева и принялся энергично сметать сухие листья. «Какая жалость, — еще подумала тогда Луиза. — Такой красивый и такой лентяй».

Поднявшись на второй этаж, она вошла в библиотеку, прикрыла за собой дверь и, достав пишущую машинку и дневники, приготовилась работать. Выглянув в открытое окно, она заметила мисс Гриншо, прилежно ковырявшуюся на своих альпийских горках. Последние два дня были дождливыми, и сорняки сильно разрослись. Мисс Гриншо была в своем неизменном красновато-коричневом платье в цветочек.

Луиза, горожанка до мозга костей, мельком по-

думала, что никакая сила не заставила бы что-то пропалывать ее, Луизу, и принялась за работу.

В половине двенадцатого в библиотеку вошла миссис Крессуэлл. Настроение у нее, похоже, было даже хуже, чем обычно. С грохотом поставив поднос на стол и глядя поверх Луизиной головы, она сообщила:

— Гости к ленчу, а в доме ни крошки! И что мне теперь, интересно, делать? Альфреда, понятно, нигде нет. — Когда я пришла, он подметал на центральной аллее, — сказала Луиза.

— Понятно. Подметал. Это как раз по нем.

Миссис Крессуэлл величественно выплыла из комнаты и захлопнула за собой дверь. Луиза улыбнулась. Интересно, что за племянник у Гриншо.

Выпив кофе, она вернулась к работе и скоро увлеклась, настолько, что совсем не замечала времени. Мемуары Натаниеля Гриншо с каждой страницей становились все откровеннее. Старик, видимо, вошел во вкус. Добравшись до отрывка, целиком посвященного достоинствам какой-то служанки из соседнего городка, Луиза подумала, что одной редакторской правкой здесь явно не обойтись.

От столь пикантного чтения ее отвлек донес-

шийся из сада крик. Подбежав к открытому окну, Луиза увидела мисс Гриншо, которая, шатаясь, брела к дому, прижимая обе руки к горлу. Луиза не сразу даже заметила странный предмет, торчащий между ее пальцами. Тонкий, длинный, украшенный на конце перьями… Не веря своим глазам, Луиза поняла наконец, что из горла мисс Гриншо торчит самая настоящая стрела.

— ., он… в меня… из лука… помогите… — донесся до Луизы хрип. Глаза мисс Гриншо на миг встретились с глазами Луизы, но она тут же уронила голову.

Луиза бросилась к двери и яростно принялась дергать ручку. Дверь не открывалась. Прошло несколько секунд, прежде чем она осознала, что ее заперли. Она вновь бросилась к окну.

— Я заперта!

Мисс Гриншо, уже с большим трудом удерживаясь на ногах, звала теперь экономку, окно которой находилось рядом с библиотечным.

— ..в полицию… телефон…

Качаясь как пьяная, она вошла в дом и исчезла из поля зрения Луизы. Минутой позже снизу послышался звон разбитой посуды, упало что-то тяжелое, и наступила тишина. Луиза прекрасно могла представить себе, что там случилось. Мисс

Гриншо, из последних сил цепляясь за маленький столик с севрским чайным сервизом, опрокинула его и упала сама.

В отчаянии Луиза принялась колотить в дверь библиотеки, не переставая громко звать на помощь. Устав наконец от бессмысленного сражения с дверью, она снова бросилась к окну. Но ни водосточной трубы, ни вьющихся растений, по которым можно было бы спуститься вниз, она не увидела… Зато увидела голову экономки, осторожно высунувшуюся из соседнего окна.

— Миссис Оксли, помогите же. Выпустите меня. Меня заперли!

— Меня тоже.

— Какой кошмар! Я уже вызвала полицию. Здесь есть телефон. Чего я не пойму, так это почему я не слышала, как меня заперли? Вот вы… вы слышали, как ключ повернулся в замке?

— Н-нет. Господи, но что же нам делать? И почему Альфред не отзывается?

Луиза изо всех сил закричала:

— Альфред! Альфред!

— Сильно подозреваю, что он ушел обедать. Который теперь час?

Луиза взглянула на свое запястье.

— Двадцать пять минут первого.

— Ему еще пять минут работать. Впрочем, он не упустит случая улизнуть пораньше.

— Вы думаете… вы думаете…

Луиза хотела спросить: «Вы думаете, она мертва?» — но слова застряли у нее в горле.

Оставалось только ждать. Она уселась на подоконник. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из-за угла дома появилась внушительная фигура в шлеме. Луиза высунулась из окна, и констебль, прикрыв рукой глаза от яркого солнца, задрал голову.

— Что тут у вас? — недовольно спросил он. Луиза и миссис Крессуэлл, каждая из своего окна, наперебой принялись объяснять ему, что случилось.

Констебль поморщился и, не спеша, достал карандаш и блокнот.

— Дамы, я вас попрошу… Во-первых, ваши имена. Потом, зачем вы заперлись в своих комнатах…

— Мы не запирались, нас кто-то запер. Поднимитесь же и выпустите нас наконец!

— Всему свое время, — степенно молвил констебль и, войдя в дом, скрылся из виду.

Снова потекли долгие минуты ожидания. Вскоре послышался шум автомобиля, и через

несколько минут, показавшихся Луизе часом, они оказались на свободе сначала миссис Крессуэлл, а затем и она сама. Прибывший на место происшествия сержант полиции оказался куда более расторопным, чем констебль.

— А мисс Гриншо… — Голос Луизы дрогнул:

— Как она? Сержант откашлялся.

— Глубоко сожалею, мадам, но, как я уже сообщил миссис Крессуэлл, мисс Гриншо мертва.

— Что значит мертва? — возмутилась миссис Крессуэлл. — Убита, вы хотели сказать.

— Это мог быть несчастный случай, — осторожно проговорил сержант. Скажем, кто-то из деревенских ребятишек играл с луком…

Услышав шум подъезжающей машины, он поспешил вниз, на ходу бросив:

— Это врач.

Луиза и миссис Крессуэлл поспешили за ним. Однако сержант ошибся. Молодой человек, со смущенным и нерешительным видом переминавшийся на пороге, ни в коем случае не походил на врача.

— Простите, могу я узнать… Мисс Гриншо здесь живет? — увидев их, спросил он приятным и показавшимся Луизе странно знакомым голосом.

— Так точно, сэр, а вы, собственно, кто ей буде-

те? — выступил вперед сержант.

— Вообще-то я ей племянник, — ответил молодой человек. — Флетчер. Нэт Флетчер.

— Ах вот как… Прошу прощения… Я не знал…

— Да что такое? — испуганно спросил Флетчер.

— Произошел… а… несчастный случай: ваша тетя… — начал было сержант, но его перебил истеричный голос миссис Крессуэлл, в котором не осталось и следа обычной изысканности:

— Прикончили вашу тетю, вот что! Прикончили!

Глава 3

Инспектор Уэлш оперся локтями о стол и обвел взглядом четверых собравшихся. Был вечер того же дня. Инспектор заехал к Уэстам, чтобы уточнить показания Луизы Оксли.

— Вы уверены, что слышали именно эти слова: «… он… в меня… из лука… помогите…»? Луиза кивнула.

— А который был час?

— Я как раз взглянула на часы. Было где-то минут двадцать пять первого.

— А у вас точные часы?

— Библиотечные показывали то же время. Инспектор повернулся к Реймонду Уэсту.

— Насколько мне известно, сэр, примерно неделю назад вы и мистер Хорее Биндлер засвидетельствовали подлинность завещания мисс Гриншо?

Реймонд вкратце изложил обстоятельства их визита в «Причуду Гриншо».

— Ваши показания могут сыграть важную роль, — заметил Уэлш. — Значит, мисс Гриншо сказала, что составила завещание в пользу своей экономки и поэтому больше не собирается вы-

плачивать ей жалованье, так?

— Да, это ее слова.

— А как вы думаете, миссис Крессуэлл об этом знала?

— Несомненно. Когда мисс Гриншо в ее присутствии упомянула о том, что лицо, в пользу которого составлено завещание, не может быть свидетелем при его подписании, миссис Крессуэлл ясно дала понять, что понимает, о чем идет речь. Более того, мисс Гриншо говорила мне, что они с миссис Крессуэлл давно уже все это обсудили.

— Таким образом, у миссис Крессуэлл были все основания считать себя лицом заинтересованным. Вполне достаточный мотив для убийства, и она была бы главным подозреваемым, если бы не два обстоятельства: во-первых, она, как и миссис Оксли, была заперта в своей комнате, а, во-вторых, по словам покойной, в нее стрелял мужчина.

— Она действительно была заперта?

— О да. Сержант Кейли выпустил ее. Там солидный старинный замок с огромным ключом. Ключ находился в замке, и ни повернуть его изнутри, ни открыть дверь как-нибудь иначе было решительно невозможно. Миссис Крессуэлл была

заперта в своей комнате и не могла оттуда выйти — приходится принимать это за установленный факт. К тому же в ее комнате не нашли ни стрел, ни лука. И потом, мисс Гриншо практически не могла быть убита выстрелом из того окна: помешал бы угол дома. Нет, миссис Крессуэлл определенно здесь ни при чем.

Он немного Помолчал и спросил:

— Скажите, как вам показалось: у мисс Гриншо была склонность к розыгрышам?

Мисс Марпл бросила на него проницательный взгляд.

— Значит, завещание было составлено все-таки не в пользу миссис Крессуэлл? — спросила она.

Инспектор Уэлш посмотрел на нее с явным удивлением.

— Вы поразительно догадливы, мадам, — сказал он. — Нет, она там даже не упоминается.

— Ну, совершенно в духе мистера Нэйсмита, — заметила мисс Марпл, кивая головой. — Избавила себя от необходимости выплачивать миссис Крессуэлл жалованье, сказав, что сделала ее своей наследницей, а сама тем временем завещала деньги кому-то другому. Помнишь, Реймонд, ты говорил, она все хихикала, пряча завещание в «Тайну леди Одли»? Ну еще бы! У нее были все

основания собой гордиться.

— Очень, кстати, удачно, что мы заранее знали, где искать завещание, сказал инспектор. — В противном случае пришлось бы порядком повозиться.

— Викторианское чувство юмора, — пробормотал Реймонд Уэст.

— Значит, на самом деле она оставила все племяннику? — спросила Луиза.

Инспектор Уэлш покачал головой.

— Она не оставила Нэту Флетчеру ни пенни. Я, конечно, человек в ваших краях новый и могу ошибаться, но, по слухам, в свое время обе сестры Гриншо были неравнодушны к некоему учителю верховой езды, но, естественно, чувства одной из них остались без ответа. Так что деньги она завещала не племяннику.

Инспектор устало потер подбородок.

— Она оставила их Альфреду.

— Садовнику? — удивленно переспросила Джоан.

— Да, миссис Уэст, садовнику. Альфреду Поллоку.

— Но почему? — вскричала Луиза. Мисс Марпл кашлянула и пробормотала:

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, по,

так сказать, семейным причинам.

— Вот именно, — согласился инспектор. — Похоже, в деревне ни для кого не секрет, что дед Альфреда, Томас Поллок, был внебрачным сыном старого Гриншо.

— Ну, конечно! — осенило Луизу. — А я-то все гадала, откуда такое сходство.

— Вероятно, мисс Гриншо полагала, — сказала мисс Марпл, — что Альфред Поллок гордится этим домом и, возможно, даже мечтал в нем жить. В то время как ее племяннику он, скорее всего, ни к чему, и он постарался бы как можно скорее от него избавиться. Он ведь актер, да? И в какой пьесе сейчас играет?

«Ну вот, теперь старушка уведет разговор в сторону», — подумал инспектор Уэлш, однако вежливо ответил:

— Насколько мне известно, мадам, весь сезон будут идти пьесы Джеймса Барри.[81]

— Барри, — задумчиво повторила она.

— Ну да, Джеймс Барри. Который еще написал «Что знает каждая женщина», подтвердил инспектор и тут же покраснел. — Сам-то я не боль-

---

[81] notes: 81

Барри Джеймс (1860–1937) — английский драматург и романист, родившийся в Шотландии. Ниже называются его пьесы, комедии и мелодрамы, поставленные в 1903–1920 годах.

шой любитель театра, но моя жена на прошлой неделе смотрела и осталась очень довольна.

— Да, у него попадаются премилые вещицы, — заметила мисс Марпл, — хотя, признаться, когда я со своим старым другом генералом Истерли смотрела «Маленькую Мэри», то просто не знала, куда глаза девать. Мисс Марпл сокрушенно покачала головой. Уэлш, с «Маленькой Мэри» незнакомый, недоуменно смотрел на мисс Марпл.

— Во времена моей юности, инспектор, — с достоинством пояснила та, — уже самое слово «желудок» считалось неприличным…

Инспектор совсем перестал что-нибудь понимать. Мисс Марпл же неспешно продолжала:

— Больше всего мне у него нравится «Замечательный Крихтон» и «Мэри Роуз». Совершенно очаровательная вещица. Помню, я даже плакала. А вот «Кволити Стрит» оставила меня совершенно равнодушной. Ну и конечно, «Поцелуй для Золушки».

На этом перечисление кончилось, и инспектор Уэлш с облегчением вернулся к занимавшему его вопросу.

— Неясно только, знал ли Альфред Поллок об этом завещании. Говорила ему об этом мисс Гриншо или нет? Видите ли, это довольно важно,

поскольку в Борхэме есть клуб стрелков из лука, и Альфред Поллок является его членом. Причем одним из лучших.

— Но это же все объясняет! — вскричал Реймонд. — В том числе и то, каким образом обе женщины оказались заперты. Уж Альфред-то прекрасно знал, где они могут находиться.

Взглянув на него, инспектор меланхолически ответил:

— У него есть алиби.

— А мне казалось, алиби всегда подозрительны.

— Вы говорите как писатель, — сказал инспектор Уэлш.

— Господь с вами! В жизни не писал детективных романов! — возмутился Реймонд Уэст.

— Так или иначе, приходится считаться с фактами, — тяжело вздохнул инспектор, — алиби у него есть. На данный момент у нас есть трое подозреваемых, — продолжил он. — Все трое находились поблизости от места преступления примерно в момент его совершения, и все трое, как ни странно, не имели ни малейшей возможности его совершить. Про экономку я уже говорил. Племянник, Нэт Флетчер, как раз в это время заехал в гараж заправиться и уточнить

дорогу. Что касается Альфреда Поллока, то, по крайней мере, шесть человек готовы присягнуть, что в двадцать минут первого он зашел в «Собаку и Утку» и просидел в углу, потягивая свое пиво, никак не меньше часа.

— Тщательно подготовленное алиби? — спросил Реймонд, выжидательно глядя на инспектора.

— Если так, — отозвался тот, — тогда просто блестяще подготовленное.

Наступила продолжительная пауза. Чтобы прервать тягостную тишину, Реймонд обратился к мисс Марпл, которая молча сидела в своем кресле с крайне задумчивым видом:

— Что скажете, тетя Джейн? Я, например, в совершеннейшем тупике. И Джоан, и Луиза, и сержант, и инспектор тоже. Но вам-то, тетя Джейн, все ясно, не правда ли?

— Нет, дорогой мой, — ответила мисс Марпл, — не все. И вообще, Реймонд, убийство вовсе не повод для шуток. Тем более такое жестокое убийство. Очень хорошо продуманное и на редкость хладнокровно исполненное. Неужели это так смешно, Реймонд?

— Да нет, конечно, — смутился тот. — Не такой уж я бессердечный, как может показаться.

Просто, если не относиться к некоторым вещам с юмором, жить не захочется.

— Что ж, возможно, это действительно в духе времени, — заметила мисс Марпл, — смеяться над войнами и похоронами. Беру свои слова обратно.

— Но ведь мы ее почти не знали, — заметила Джоан.

— Совершенно верно, душечка, — отозвалась мисс Марпл. — Причем мы с тобой не знали ее вообще. Луиза была знакома с ней всего два дня, а впечатление о ней Реймонда основывается всего лишь на одной встрече.

— Ну теперь-то, тетя, — попросил Реймонд, — вы поделитесь с нами своими соображениями? Вы не возражаете, инспектор?

— Конечно же не возражаю, — вежливо сказал инспектор Уэлш.

— Что ж, — начала мисс Марпл, — насколько я понимаю, налицо три человека, у которых были причины — или им так казалось, что совершенно одно и то же, совершить убийство, и столько же соображений, почему они никак не могли этого сделать. Экономка сидела взаперти у себя в комнате; кроме того, мисс Гриншо определенно утверждала, что в нее стрелял мужчина. Садов-

ник во время совершения убийства находился в «Собаке и Утке». Племянник в это время был в гараже.

— Вы очень точно все обозначили, мадам, — заметил инспектор.

— И, поскольку кажется маловероятным, что это мог сделать кто-то со стороны, то к какому же выводу мы приходим?

— Как раз это инспектор и хотел бы знать, — вставил Реймонд.

— Мы так часто ошибаемся в своих суждениях… — мягко произнесла мисс Марпл. — Поэтому, раз уж мы не можем изменить местонахождение или передвижение подозреваемых, почему бы нам не попробовать изменить время совершения убийства?

— Вы хотите сказать, что и мои часы, и те, что в библиотеке, показывали не правильное время? — спросила Луиза.

— Нет, дорогая, я вовсе не это имела в виду. Я хотела сказать, что убийство произошло не тогда, когда ты его увидела.

— Но я видела все своими глазами! — вскричала Луиза.

— Конечно, душечка, вопрос в том, что именно ты видела. Ты не задумывалась, почему тебя

приняли на эту работу?

— Что вы имеете в виду, тетя Джейн?

— Разве тебе самой это не кажется странным, милая? Мисс Гриншо не любила тратить деньги и тем не менее охотно наняла тебя, да еще на таких выгодных условиях.

Мне кажется, все было рассчитано заранее: поместить тебя в библиотеке, откуда ты через открытое окно сможешь точно зафиксировать время и место преступления и стать, таким образом, главным свидетелем. Совершенно незаинтересованным и потому полностью заслуживающим доверия.

— Не хотите же вы сказать, — спросила Луиза с недоверием, — что мисс Гриншо спланировала собственное убийство?

— Я только хочу сказать, дорогая, что ты плохо знала покойную. Ведь нет решительно никаких оснований утверждать, что мисс Гриншо, которую видела ты, была той самой мисс Гриншо, с которой разговаривал Реймонд за несколько дней до этого. Да, да, я знаю, — продолжала мисс Марпл, предупреждая возражения Луизы, — она носила старомодное ситцевое платье, странную соломенную шляпу и у нее были неопрятные волосы. Она в точности соответствовала тому

образу, который нарисовал Реймонд. Но ведь они примерно одного возраста, роста и комплекции. Я имею в виду экономку и мисс Гриншо.

— Но экономка толще! — вскричала Луиза. — И потом… видели бы вы ее бюст!

Мисс Марпл кашлянула.

— Э… душечка, сейчас такие времена… недавно я сама видела эти… гм… ну, эти… вы понимаете. Выставлены в витрине самым нескромным образом. Просто подходи и выбирай какой тебе понравится.

— Я что-то не понимаю, — запротестовал Реймонд.

— Я просто думаю, дорогой, что в течение тех двух дней, что Луиза там проработала, одна женщина вполне могла исполнять две роли. Ты сама говорила, Луиза, что почти не встречалась с экономкой, только когда она приносила тебе кофе. Каждый ведь видел, как в театре актеры поочередно изображают совершенно различных персонажей с паузой в две-три минуты. Думаю, в нашем случае метаморфоза могла быть достигнута самым простым способом. Эта великолепная аристократическая прическа, например, могла быть самым обычным париком, который в любой момент легко можно снять.

— Господи, тетя Джейн! Так вы, значит, думаете, что, когда я пришла туда в первый раз, мисс Гриншо уже была мертва?

— Нет еще. Вероятно, она находилась под воздействием какого-нибудь наркотика. И, думаю, это еще не самое худшее, на что способна миссис Крессуэлл. Она договорилась с тобой относительно работы, потом попросила тебя позвонить племяннику и пригласить его на ленч к определенному часу. Единственным, кто мог бы узнать настоящую мисс Гриншо, был Альфред, но, как ты помнишь, первые два дня шел дождь и она не выходила из дома. А Альфред почти и не бывал в доме из-за давней вражды с экономкой. Сегодня же утром, когда мисс Гриншо работала в саду, он подметал на центральной аллее. Кстати сказать, мне было бы интересно взглянуть, что она там навыпалывала.

— Так вы считаете, что убийца — миссис Крессуэлл?

— Я думаю, что, принеся кофе, эта женщина заперла тебя и перенесла бесчувственную мисс Гриншо в гостиную. После этого она изменила внешность и отправилась пропалывать альпийские горки. В какой-то момент она закричала и, шатаясь, направилась к дому, сжимая стрелу,

которая будто бы пронзила ей горло. Она нарочно сказала «он стрелял», чтобы отвести подозрения от себя. Для этого же стала звать миссис Крессуэлл, притворившись, что видит ее в окне. Затем, войдя в гостиную, опрокинула столик с сервизом и поднялась наверх. Надела парик и, высунувшись из окна, сообщила тебе, что тоже заперта.

— Но она действительно была заперта, — сказала Луиза.

— Я знаю. Вот тут-то и появляется полицейский.

— Какой полицейский?

— Вот именно — какой? Инспектор, не будете ли вы так любезны рассказать мне, как и когда вы прибыли на место.

Инспектор, казалось, пришел в сильное замешательство.

— В двадцать девять минут первого нам позвонила миссис Крессуэлл, экономка мисс Гриншо, и заявила, что ее хозяйка убита. Сержант Кейли и я немедленно выехали на место происшествия и прибыли туда без двадцати пяти минут час. Мы обнаружили мертвую мисс Гриншо и двух женщин, запертых в своих комнатах.

— Ну вот, дорогая, — сказала Луизе мисс Марпл, — констебля, которого ты видела, в при-

роде не существует. Но, поскольку — вы уж простите, инспектор, у полицейского видишь только форму, никто, в том числе и Луиза, о нем больше не вспоминал.

— Но кто это был?

— Кто? Если бы вы видели «Поцелуй для Золушки», то конечно бы знали, что главный герой там — полицейский. Так что форма у Нэта Флетчера была под рукой. По дороге он завернул в гараж, обратив внимание механиков на время и обеспечив тем самым свое алиби: было двадцать пять минут первого. Затем, подъехав к дому, оставил машину за углом, быстро надел форму и сделал свое дело — Какое еще дело?

— Оставалось только запереть экономку снаружи и воткнуть стрелу в горло настоящей мисс Гриншо. Лук для этого, как вы понимаете, вовсе не обязателен: это можно сделать и рукой.

— Вы хотите сказать, они сообщники?

— Подозреваю, что не только. Очень возможно, они мать и сын.

— Но сестра мисс Гриншо давно умерла.

— Зато ее муж жив. И, зная репутацию Флетчера-старшего, можно не сомневаться, что вскоре он женился снова. Кроме того, подозреваю, что ребенок от первого брака давно умер и этот так

называемый племянник — сын его второй жены, то есть даже и не Гриншо. Ну вот, мать устроилась экономкой у мисс Гриншо и как следует изучила обстановку. Затем ее сын написал мисс Гриншо письмо, назвался ее племянником и предложил навестить ее. Не исключено, что при этом он пошутил насчет того, что может появиться в полицейской форме, а может, просто пригласил на спектакль. Так или иначе, мисс Гриншо каким-то образом догадалась, что он ей не родня, и отказалась его принять. Если бы она умерла, не оставив завещания, он автоматически становился бы ее наследником. Если бы они знали, что мисс Гриншо уже составила завещание в пользу Альфреда, ничего бы и не случилось, но она заставила экономку поверить, что сделала ее наследницей. После этого ее участь была решена.

— Но почему стрела? — спросила Джоан. — Довольно странный выбор орудия преступления.

— Вовсе нет, милочка. Альфред — член стрелкового клуба, и подозрение тут же бы пало на него. То, что он отправился в пивную даже раньше обычного — в двадцать минут первого, — оказалось для них роковой случайностью.

Мисс Марпл покачала головой.

— Вообще-то мне это кажется возмутительным.

Он и всегда уходил раньше времени. Впервые вижу, чтобы лень спасала человеку жизнь. Какой урок он из этого вынесет?

Инспектор наконец обрел дар речи. — Мадам, все ваши предположения будут самым тщательным образом рассмотрены и проверены…

Глава 4

Мисс Марпл и Реймонд стояли на газоне возле альпийской горки и смотрели на садовую корзину, полную увядающих растений.

Мисс Марпл бормотала:

— Бурачок, камнеломка, подладанник, колокольчики… Вот и доказательство. Кто бы ни полол здесь утром, в растениях он не разбирался совершенно. Сколько сорняков, столько же и цветов! Ну ладно, теперь я хоть больше не сомневаюсь. Спасибо, Реймонд, что проводил. Хотелось убедиться своими глазами.

* * *

Мисс Марпл со смешанным чувством рассматривала чудовищную громаду дома, когда за ее спиной кто-то кашлянул. Она обернулась. Стоявший поодаль красивый молодой человек, не отрываясь, смотрел на дом.

— Ну и домина! — сказал он. — Знаете, кое-кто считает, что по нынешним временам он чересчур велик, а по мне так в самый раз. Эх! Вот выиграть бы мне в тотализатор… Я бы построил точно

такой же!

Альфред Поллок застенчиво улыбнулся и взъерошил себе волосы.

— Вы, наверное, и сами уже знаете. Это дом моего деда… и, по-моему, отличный дом, хоть все и называют его «Причудой Гриншо».

Труп в библиотеке

Глава 1

Миссис Бантри привиделся сон: ее душистый горошек занял первое место на выставке цветов! Вручал призы пастор в полном облачении, а пасторша в купальнике помогала ему. Разумеется, случись такое наяву, экстравагантность ее одежды вызвала бы единодушное порицание паствы.

Миссис Бантри нежилась в том приятном утреннем забытьи, которое вот-вот должна была оборвать служанка с чашкой раннего чая. Сквозь дрему уже различались многочисленные звуки просыпающегося дома. Вот горничная отдернула занавеси окна, служанка метет коридор, и кто-то звякнул щеколдой входной двери.

Новый день начался. И миссис Бантри спешила насладиться упоительными мгновениями цветочной выставки, потому что опасалась в последний момент какого-нибудь подвоха.

В гостиной этажом ниже с шумом растворились деревянные ставни. Этот звук не разбудил ее полностью, она знала, что хождение взад-вперед, дребезжание и треньканье будут тянуться еще полчаса, звуки были слишком привычны, чтобы обращать на них внимание. Кульминацией

возни станет лишь шуршание коленкорового платья да звяканье посуды на подносе, когда Мэри постучит к ней в дверь.

В полусне миссис Бантри нахмурилась. В подсознание ворвалось нечто непривычное: звук поспешных шагов. Напрасно слух ловил нежное позвякивание фарфора на подносе: в это утро ей не суждено было его услышать. Однако стук в дверь раздался, и она машинально произнесла, не открывая глаз:

— Войдите же!

Дверь отворилась, но никто не отдернул гардину окна, как обычно. В полутьме спальни прозвучал растерянный, задыхающийся голос Мэри:

— Мадам! Мадам! Там в библиотеке труп!

С коротким всхлипыванием горничная убежала.

Миссис Бантри села в кровати. Что это? Продолжается причудливый сон? Или Мэри действительно ворвалась к ней с невероятными словами: «Мадам, в библиотеке труп»?

— Немыслимо, — пробормотала миссис Бантри. — Конечно, это сон.

Но она уже знала, что это не игра воображения. Мэри, обычно такая уравновешенная, произнес-

ла-таки странные слова. Поразмыслив минуту, миссис Бантри локтем толкнула спящего рядом мужа.

— Артур! Артур, проснись!

Полковник пробормотал нечто нечленораздельное и повернулся на другой бок.

— Артур, ты слышал, что она сказала?

— Разумеется, — отозвался он сонно. — И я полностью согласен с тобою, Долли.

Он намеревался спать дальше. Миссис Бантри потрясла его за плечо:

— Да слушай же! Мэри сказала, что в библиотеке лежит труп.

— Что лежит?

— Труп. В библиотеке.

— Кто сказал?

— Мэри.

Полковник Бантри решил проблему с маху:

— Вздор, дорогая! Тебе все приснилось.

— Нет. Мне тоже поначалу хотелось ущипнуть себя. Однако Мэри входила сюда в самом деле. И она это сказала.

— Мэри явилась, чтобы сообщить о трупе?

— Именно.

— Но это же полнейшая чепуха!

— Согласна. Только зачем бы ей молоть че-

пуху?

— Она просто еще не приходила сюда!

— Приходила!

— Уверяю, тебе померещилось.

— Вовсе нет.

Теперь полковник очнулся окончательно. Голос его звучал успокаивающе:

— Полно, милая. Во всем виноват полицейский роман, который ты читаешь на ночь. «Тайна сломанной спички», не так ли? Что-нибудь вроде: «Лорд Эдкбастен обнаружил труп прекрасной блондинки на ковре своей библиотеки…» В романах трупы всегда оказываются в библиотеках. В нормальной жизни я об этом не слыхал.

— А вот теперь, возможно, увидишь воочию. Вставай и пойди туда.

— Не подумаю, Долли. Твой кошмар переплелся с действительностью, так случается.

— Да вовсе мне снилось не то. Я была на выставке цветов, а пасторша прогуливалась в пляжном костюме… ну, что-то вроде этого, во всяком случае.

Миссис Бантри раздраженно поднялась и отодвинула штору. Комнату залил яркий свет осеннего солнечного утра.

— Ну клянусь, что это не сон. Хватит, Артур.

Вставай и спустись вниз, разузнай все.

— По-твоему, я должен спуститься и спросить, лежит ли в библиотеке труп? Да меня все слуги посчитают рехнувшимся!

— Ни о чем не спрашивай. Если труп в самом деле… А вдруг окажется, что Мэри все-таки сошла с ума? Или у нее обнаружатся галлюцинации? Если труп лежит, ты об этом узнаешь. Так что спустись, и все.

Полковник с ворчаньем натянул халат. Пройдя коридор, он спустился по лестнице. Внизу столпилась прислуга, женщины плакали.

Дворецкий, сохраняя достоинство, выступил вперед:

— Большое облегчение видеть вас, сэр! Я приказал ничего не трогать до вашего прихода. Следует ли мне теперь звонить в полицию?

— По какому поводу?

Дворецкий укоризненно взглянул на Мэри, которая всхлипывала на плече у кухарки.

— Я был уверен, что Мэри сообщила вам, сэр. Она мне так сказала.

Мэри пролепетала:

— Ах, я сама не помню, что говорила! Я так разволновалась, ноги дрожат до сих пор. Удивляюсь, как я не упала в обморок! Я же первая увидела

это там… — Она вновь припала к миссис Билз, которая успокаивала ее:

— Ну, полно, крошка, полно.

— Конечно, Мэри потрясена, сэр, — пояснил дворецкий. — Именно она сделала ужасное открытие. Войдя, как обычно, в библиотеку, чтобы раздвинуть гардины, она прямо-таки наступила на труп!

— Вы хотите сказать, что у меня в библиотеке труп?.. У меня в библиотеке?!

Дворецкий беспомощно кашлянул:

— Может быть, вы взглянете сами, сэр?

Глава 2

— Алло, полицейский участок слушает. Кто говорит? — Констебль Пэлк одной рукой застегивал пуговицу у ворота, а другой держал трубку. — А, это замок Госсингтон? Доброе утро, сэр! — Голос полицейского утратил официальность. Он узнал полковника Бантри, главного судью округа и ревностного покровителя всех местных видов спорта. — Чем могу быть полезен, сэр? Простите, не расслышал. Вы сказали, труп? Очень хорошо. Неизвестная вам женщина? Отлично. Можете на меня рассчитывать, сэр!

Пэлк повесил трубку, присвистнул и начал звонить своему начальнику. Миссис Пэлк приоткрыла кухонную дверь, откуда доносилось благоухание жареного бекона.

— Что еще стряслось?

— Поразительная штука! Только что в замке Госсингтон, в библиотеке полковника, обнаружен труп молодой особы.

— Убита?

— Кажется, задушена.

— Кто она такая?

— Полковник уверяет, что не имеет понятия.

— А что же она тогда у него делала?

Пэлк вдруг замахал на нее рукой, чтобы призвать к молчанию. Тон его изменился:

— Инспектор Слэк? Докладывает констебль Пэлк. Получил сообщение, что сегодня в четверть восьмого утра обнаружен труп молодой женщины…

Глава 3

Телефонный звонок застал мисс Марпл во время одевания. Это несколько встревожило ее: для телефонной болтовни время слишком раннее. Распорядок дня старой дамы не терпел нарушений.

— О боже, — прошептала она, уставившись на телефон. — Кто бы это мог быть?

Деревенские знакомые не беспокоили ее раньше половины десятого. Именно тогда обсуждались планы на день и приглашения на вечер. Один лишь мясник осмеливался позвонить раньше девяти, если хотел предупредить, что не может выполнить заказ. Правда, племянник мисс Марпл, молодой человек весьма взбалмошный, к тому же писатель, звонил ей в самое неподходящее время, однажды даже без четверти двенадцать ночи… Но эксцентричный Реймонд Уэст вовсе не был ранней пташкой. Нет, никто не решился бы трезвонить до восьми утра. А было без четверти восемь. Даже для телеграммы слишком рано: почта открывалась позже.

«Скорее всего, ошибка», — решила мисс Марпл, но все-таки сняла трубку.

— Это вы, Джейн?

— Вы рано поднялись сегодня, Долли!

Голос миссис Бантри показался ей сдавленным.

— У нас произошло нечто ужасное!

— Что именно, дорогая?

— В библиотеке мы обнаружили труп.

С минуту мисс Марпл колебалась: не лишилась ли ее приятельница рассудка?

— Повторите, что вы обнаружили?

— Ах, понимаю, как вы изумлены. Я и сама верила, что такое случается лишь в романах. Артура тоже пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился спуститься в библиотеку.

Мисс Марпл овладела своими чувствами и с невольным вздохом спросила:

— Но чей же труп?

— Блондинки.

— Чей-чей?

— Миловидной блондинки… все опять как в романах! Никто из нас ее не знает. Она лежит мертвая в библиотеке. Необходимо, чтобы вы поскорее приехали!

— Чтобы я приехала?

— Я тотчас посылаю за вами машину, хорошо?

Мисс Марпл неуверенно пробормотала:

— Разумеется, если вы нуждаетесь в моральной поддержке…

— Да бог с ней, с поддержкой! Вы всегда так ловко разгадывали детективные загадки…

— Вы преувеличиваете. Это были только теоретические успехи.

— Нет, нет! Убеждена, вы докопаетесь до убийцы. Эта молодая женщина задушена. В конце концов, если мой дом стал ареной загадочного преступления, я хочу получить удовлетворение хотя бы от распутывания клубка! Итак, Джейн, помогите найти виновного, и увидите, как вас это захватит!

— Ну что ж, милочка, если я могу оказать вам какую-то услугу…

— И прекрасно! Артур, знаете, со мною не согласен. Он считает, что я ищу развлечения в этой плачевной ситуации. Безусловно, произошла драма. Но я в конце концов вовсе незнакома с этой особой… Когда вы все увидите, у вас тоже возникнет ощущение нереальности.

Глава 4

Слегка взвинченная, мисс Марпл вышла из машины Бантри; шофер любезно распахнул перед ней дверцу.

Полковник стоял на ступеньках и едва скрыл удивление:

— Мисс Марпл… гм, рад вас видеть.

— Видите ли, миссис Бантри позвонила…

— Разумеется. Необходимо, чтобы возле нее кто-то побыл. Иначе нервы ее совсем разгуляются. Она пока крепится, но в любой момент…

В дверях появилась миссис Бантри. Довольно резко бросила мужу:

— Ну а ты что тут делаешь, Артур? Ступай завтракать, твой бекон остынет.

— Мне показалось, инспектор…

— Он явится, и очень скоро. Так что поспеши хорошенько закусить, силы тебе понадобятся.

— Может быть, пойдем вместе?

— Иду, иду. — И миссис Бантри подтолкнула полковника к двери, как упрямого осла. — Отправимся сразу, Джейн! — воскликнула она, уводя мисс Марпл в восточное крыло замка.

У дверей библиотеки стоял констебль.

— Простите, мэм, но входить нельзя. Таков приказ самого инспектора.

— Ну не глупы ли вы? Разве вам не знакома мисс Марпл?

Констебль Пэлк замялся.

— Просто необходимо, чтобы она увидела труп. Это чрезвычайно важно! Будьте же благоразумны, Пэлк. В конце концов, я у себя дома и это моя библиотека!

Пэлк уступил. Он с детства привык тушеваться перед местной знатью. «Авось инспектор не узнает», — подумал он.

— Но хотя бы ни к чему не прикасайтесь.

— Об этом мы и сами сумели бы догадаться, — высокомерно бросила миссис Бантри. — Перестаньте нервничать. А вообще, можете нас сопровождать, если хотите.

Констебль с облегчением ухватился за это разрешение. Нарушение правил минимальное, поскольку он от них не отойдет.

Миссис Бантри подвела свою приятельницу к старомодному камину и лишь с этой позиции мелодраматически произнесла:

— А теперь смотрите!

Мисс Марпл тотчас оценила ее маневр: именно отсюда нереальность распростертого тела осо-

бенно бросалась в глаза.

Библиотека, вернее гостиная, повторяла характер своих владельцев: просторна, но небрежно обставлена и с приметами безалаберности. У кресел были продавлены сиденья, а на большом столе вперемешку валялись курительные трубки, книги и деловые счета. По стенам висели хорошие фамильные портреты и слащавые акварели викторианской эпохи, перемежаясь к тому же с претенциозными литографиями комических охотничьих сцен. В одном углу красовалась огромная ваза с цветами. Эта обветшалая комната хранила меланхолическую память об ушедших поколениях и о предметах, которые были им когда-то дороги.

На вытертой медвежьей шкуре впритык к камину лежала молодая девушка… вернее, тело молодой девушки с волосами крашеной блондинки, уложенными весьма искусно вокруг лица. На ней было надето вечернее платье из белого атласа со смелым вырезом на спине. Переизбыток косметики и пудры особенно был заметен на опухшем и посинелом лице: тушь от ресниц растеклась пятнами на щеках, а яркая помада делала рот похожим на раскрытую рану. Кроваво-красный лак ногтей рук и ног, обутых в парчовые босоножки,

дополнял впечатление дурного вкуса и дешевки. Она ну никак не вязалась с аристократической чопорностью гостиной!

Миссис Бантри вполголоса сказала гостье:

— Теперь вам понятно мое впечатление, что в этой несчастной есть что-то ненатуральное?

Старая дама кивнула, медленным взглядом обводя неподвижное тело. Лишь после этого ответила, тоже полушепотом:

— Так юна!

— Да, пожалуй, — отозвалась миссис Бантри с видимым удивлением, словно раньше это ей в голову не приходило.

В аллее под колесами автомобиля зашуршал гравий. Пэлк поспешно пробормотал:

— Инспектор!

Чтобы не подводить констебля, ибо миссис Бантри считала необходимым поддерживать престиж людей хорошего общества перед низшими слоями, обе дамы покинули библиотеку.

— Все в порядке, Пэлк. Не волнуйтесь.

И констебль почувствовал огромное облегчение от этих слов.

Глава 5

Торопливо запив последним глотком кофе едва прожеванный кусок жаркого, полковник Бантри поспешил в вестибюль и обрадованно заметил, что из машины следом за инспектором Слэком выходит главный констебль графства полковник Мэлчетт. Мэлчетт был его приятелем, тогда как к Слэку он не питал ни малейшей симпатии: слишком уж самостоятелен и резок в обращении этот Слэк! Ему безразлично, какое впечатление он производит.

— Доброе утро, Бантри, — сказал главный констебль графства. — Не посетуйте, что приехал сам. Дело-то из ряда вон выходящее!

— Вот именно… вполне согласен, — проговорил, запинаясь, Бантри. — Прямо-таки неслыханное и невероятное…

— Кто она, вам неизвестно?

— Ни в малейшей степени! Вижу впервые.

— И дворецкий ее не знает?

— Лоример в таком же недоумении, как и я.

— Н-да… — вздохнул инспектор.

— Может быть, позавтракаете, Мэлчетт? В столовой еще накрыто, — предложил полковник.

— Благодарю. Предпочитаю немедля приступить к расследованию. С минуты на минуту появится доктор Хейдок… Ага, вот и он!

Подкатил второй автомобиль, и из него выгрузился толстяк-доктор, совмещавший с частной практикой обязанности судебного эксперта. Его сопровождали два полицейских чина в штатском, один с фотоаппаратом.

— Все в сборе? — спросил главный констебль. — Тогда приступим. По словам Слэка, труп в библиотеке?

Полковник Бантри обиженно проворчал:

— Какая-то фантасмагория! Когда меня разбудила жена, я не хотел верить словам горничной о каком-то трупе в библиотеке.

— Вполне сочувствую. Надеюсь, прискорбное событие не слишком потрясло миссис Бантри?

— Она держится молодцом! И тотчас призвала мисс Марпл, ну, одну из соседок.

— Мисс Марпл? — Главный констебль поднял брови. — Почему же именно ее? А?

— В затруднениях женщины всегда ищут общества друг друга. Разве не так?

Полковник Мэлчетт хмыкнул:

— Ну, я держусь другого мнения. Дамы решили заняться любительским сыском. Ведь мисс

Марпл — знаменитый детектив в масштабе деревни! Помните, Слэк, как она однажды нас всех обошла?

— Да, но при других обстоятельствах.

— То есть?

— Просто жертва была из этих же мест. А что старая дама имеет сведения обо всем, что происходит в округе, я вполне с вами согласен. Однако нынешнее дельце ей не по зубам!

Мэлчетт суховато возразил:

— Ну и вы знаете не больше ее об этом деле.

— Терпение, сэр. Я еще не взялся за работу.

Глава 6

В столовой теперь расположились обе дамы. Едва мисс Марпл притронулась к завтраку, хозяйка дома уже не могла сдержаться:

— Итак, Джейн?..

Мисс Марпл взглянула на нее с укоризной:

— Это происшествие наверняка вам что-нибудь напоминает, не так ли?

Дело в том, что мисс Марпл для объяснения загадочных историй любила приводить по аналогии детали мелких деревенских происшествий.

— Право же, нет, — в задумчивости проронила мисс Марпл. — Пока что ничего похожего не припомню. Хотя эта неизвестная бедняжка заставила меня почему-то подумать о младшей дочери миссис Четти. Ну, вы знаете… об Эди… той, что грызла ногти. У нее еще слегка выдавалась верхняя челюсть. Пожалуй, это все. Не считая того, что Эди тоже имела пристрастие к броским, аляповатым нарядам.

— Вы имеете в виду платье убитой?

— Да. Материя роскошная, а сшито небрежно.

— Мне тоже бросилось это в глаза. Наверное, из тех лавчонок, где залежалый товар сбывают

за гинею на круг. Но… что же стало потом с маленькой Эди?

— Недавно поступила служить на второе место, и, говорят, ею вполне довольны.

Миссис Бантри не скрыла разочарования: сравнение привело в тупик.

— Я в полном недоумении, — продолжала она. — Что этой девушке понадобилось в библиотеке Артура? Пэлк утверждает, что окно было взломано. Может быть, она из шайки грабителей? Они неожиданно перессорились… Нет, объяснение слабовато!

— Одета не для ночного грабежа, — заметила мисс Марпл.

— Вы правы. Скорее для бала или торжества. Но ничего подобного не устраивалось у нас в окрестностях!

— Ну… пожалуй… — Тон у мисс Марпл был, однако, не совсем уверенный.

— Выкладывайте, Джейн, что у вас на уме?

— Просто подумалось…

— О ком?

— О Бэзиле Блэйке.

— Ну уж нет! — вырвалось у миссис Бантри. — Я ведь знакома с его матерью.

Она беспомощно взглянула на приятельницу.

Мисс Марпл со вздохом кивнула:

— Ваши чувства вполне понятны.

— Селина Блэйк — такая достойная леди… На ее газонах восхитительные бордюры, я просто умираю от зависти. А на черенки редких растений она тратит уйму средств!

Эти достоинства, кажется, не имели особой цены в глазах мисс Марпл. Она сказала:

— И все-таки ходило немало слухов…

— Знаю, знаю, — поспешно согласилась миссис Бантри. — Артур прямо зеленеет, когда слышит имя этого шалопая. Он так ему нагрубил! Привык ко всему относиться чересчур легкомысленно, как, впрочем, большинство современной молодежи. А его костюмы! Некоторые воображают, будто в деревне можно напялить на себя что вздумается. Какая чушь! Тут-то вас и оглядывают с головы до ног. — Помолчав, она добавила: — А в ванночке он выглядел таким прелестным беби!

— Воскресная газета приводила фотографию известного убийцы Шевио, когда тот был ребенком. Очень мил, — мимоходом заметила старая дама.

— Но, Джейн, вы же не подозреваете, что именно он…

— Нет-нет, милая. И в мыслях не держу. Поспешные заключения не в моих правилах. Просто

один из вариантов появления разодетой девицы. Ведь Сент-Мэри-Мид — такая глушь! Она могла быть гостьей лишь Бэзила Блэйка. Он постоянно устраивает вечеринки, к нему наезжают из лондонских киностудий… Помните дебош в прошлом июне? Вопли, песни, адский грохот… Видимо, все перепились. Миссис Берри рассказывала мне, что на следующий день вымела груду разбитых рюмок, а в ванне спала почти совсем раздетая женщина.

Миссис Бантри снисходительно процедила:

— Наверное, из артисточек…

— Возможно. И потом… мистер Блэйк время от времени привозит на уик-энд некую особу… платиновую блондинку.

— Но ведь это не она? — воскликнула миссис Бантри.

— Я в этом не уверена, потому что вблизи ее не видела. Только когда она выходила из машины да один раз в саду, за оградой виллы: она загорала в шортах и лифчике. Все нынешние молодые женщины с их косметикой и крашеными волосами на одно лицо!

— А вдруг, Джейн, вы правы? Хоть какая-то ниточка к разгадке.

Глава 7

Полковник Мэлчетт и мистер Бантри были заняты обсуждением той же проблемы.

После осмотра трупа главный констебль оставил подчиненных заниматься их обычной работой, а сам уединился с хозяином дома в его рабочем кабинете.

У полковника Мэлчетта была привычка в минуты озабоченности пощипывать свои короткие рыжеватые усы. Он как раз и предавался этому занятию, бросая косые взгляды на собеседника.

— Послушайте, Бантри. Мне необходимо докопаться до правды. Вы действительно не знакомы с этой женщиной?

Полковник Бантри энергично запротестовал, но главный констебль перебил его:

— Полно, старина. Подумайте о последствиях. Вы женаты, преданы жене, любите свой очаг. Но, между нами говоря, если вы хоть как-то связаны с этой особой, лучше признайтесь мне сразу. Ваши колебания понятны: я сам на вашем месте был бы в ужасном затруднении. Но необходимо через все переступить. Совершено преступление, и подоплека его должна стать явной. Черт побери!

Я ведь не утверждаю, что вы ее задушили! Вы на это не способны, отлично знаю. Но как сбросить со счетов то, что она проникла именно к вам? Допустим, она забралась сюда незаконным путем, чтобы увидеть вас, а следом крался некий тип, он-то и сделал это дело. Все возможно. Понимаете, что я хочу сказать?

— Да я ее в глаза не видел! Нечего предполагать невесть что…

— В таком случае все в порядке. Заметьте, я не собираюсь бросить в вас камень. Мы люди одного круга, и раз вы утверждаете… Разузнать бы, что ей здесь понадобилось! Она не из местных, это очевидно.

— История, похожая на кошмарный сон, — простонал полковник Бантри.

— Нам необходимо выяснить, что она тут делала.

— Откуда мне знать? Я ее не приглашал.

— Разумеется, но она-то явилась. Все сходится на том, что ей понадобилось повидать вас. Не было ли письма или иного послания?

— Абсолютно ничего.

Полковник Мэлчетт спросил с осторожной деликатностью:

— А что вы сами делали вчера вечером?

— В девять часов ездил на Мач-Бенхэм, на собрание отделения партии консерваторов.

— И когда возвратились?

— Я уехал из Мач-Бенхэма вскоре после десяти. Правда, в пути спустило колесо у машины. Такая неприятность, пришлось его менять. Домой попал только без четверти двенадцать.

— В библиотеку к себе не заходили?

— Нет.

— Жаль.

— Устал, знаете. Сразу прошел в спальню.

— Дома вас никто не поджидал?

— Никто. У меня свой ключ. Лоример отправляется на покой в одиннадцать. Если нет особых распоряжений, разумеется.

— Кто обычно закрывает библиотеку?

— Лоример. Приблизительно около половины восьмого в это время года.

— Позднее он туда не заходит?

— Нет, когда я в отсутствии, поднос с виски и стаканами он оставляет в вестибюле.

— Понятно. А миссис Бантри?

— Вернувшись, я застал ее крепко спящей. Возможно, что вечер она коротала в гостиной. Я не спрашивал.

— Пока это несущественно. Все подробности

выяснятся в свое время. Послушайте, а не сделал ли это кто-нибудь из слуг?

— Ни в коем случае! — горячо запротестовал Бантри. — Честнейшие люди, живут у меня в доме по многу лет.

Мэлчетт согласился:

— Я и сам не думаю, что они замешаны в эту историю. Жертва скорее всего приехала из Лондона… в сопровождении какого-нибудь молодчика. Вот только зачем было залезать в окно?!

Бантри пробормотал, не слушая:

— Из Лондона… вполне правдоподобно… в нашей глуши танцулек не бывает… кроме как…

— Кроме?

— Кроме как у Бэзила Блэйка.

— Это кто?

— Один юнец, связанный с кино. Сомнительная личность! Моя жена выгораживает его, но лишь потому, что воспитывалась в одном пансионе с его матерью. Истинное дитя нашего века! Меня всегда подмывает дать ему пинка в зад. Он живет в коттедже по дороге на Лэншэм… Может быть, обращали внимание — этакая модерновая вилла? Устраивает вечеринки, на которые съезжается банда крикунов. А в конце недели обычно привозит какую-нибудь вертихвостку.

— Молодую женщину?

— Именно. На прошлой неделе это была… платиновая блондинка. — Лицо Бантри вытянулось.

— Блондинка, — задумчиво повторил Мэлчетт.

— Ну да. Однако вы ведь не думаете?..

Главный констебль подхватил с живостью:

— А почему нет? Все в пределах допустимого. И кстати, отлично объясняет бальный наряд девицы глухой ночью в Сент-Мэри-Мид! Положительно, с этим молодым человеком следует повидаться, кое о чем спросить… Как его? Блэйк?

— Бэзил Блэйк.

— Я его сейчас застану дома?

— А что нынче? Суббота? Вот он обычно и заявляется субботним утром.

— Немедленно отправляюсь туда!

Глава 8

Вилла Блэйка, возведенная в ужасающем стиле псевдо-Тюдор, имела внутри все современные удобства. Почтовики знали ее как «Чэстворт», приятели Бэзила окрестили «Нашей эпохой», а жители Сент-Мэри-Мид называли по имени владельца «домом мистера Букера».

Ловкий мистер Букер купил в свое время выгодный участок между деревней и гостиницей «Голубой кабан». Фасад виллы смотрел на самую дорогу, по которой несколько дальше располагалось поместье Госсингтон.

Деревенские жители умирали от любопытства, когда разнесся слух, что дом Букера сняла какая-то кинозвезда. С жадностью ожидали приезда этого сказочного существа. И надо признать, что экстравагантность Бэзила Блэйка оправдала их ожидания. Однако мало-помалу истина выплыла наружу. Не только звездой, но и простым актером Бэзил не был. Его имя изредка проскальзывало в титрах, где-нибудь на пятнадцатом месте в перечне декораторов студии «Ленвилль», входившей в британскую ассоциацию фильмов «Новая эра».

У деревенских красоток интерес к новоселу мгновенно упал. И лишь старушки продолжали перемывать ему кости. Зато радовался хозяин «Голубого кабана»: наезды Бэзила и его собутыльников заметно подняли доходы гостиницы.

Полицейская машина остановилась у замысловатой садовой ограды, которая была плодом выдумки самого мистера Букера. Скользнув взглядом по архитектурным вычурностям «Чэствортa», полковник Мэлчетт, не останавливаясь, прошел к входной двери и звучно ударил висевшим на ней молотком.

Ему отворили, против ожидания, почти мгновенно. Молодой брюнет с длинными волосами, облаченный в оранжевые вельветовые брюки и ярко-голубую рубашку, неприязненно спросил:

— Что вам нужно?

— Вы мистер Бэзил Блэйк?

— Допустим, я.

— Если разрешите, хотел бы побеседовать с вами.

— А вы, собственно, кто?

— Полковник Мэлчетт, главный констебль графства.

Молодой человек развязно ухмыльнулся:

— Вот так штука! Я понадобился такой особе!

Переступив порог вслед за хозяином виллы, полковник Мэлчетт сочувственно вспомнил Бантри: его самого буквально одолевал зуд дать молодому Блэйку пинка! Он принудил себя сохранить любезный вид.

— Раненько встали, мистер Блэйк.

— Вот уж нет. Я еще не ложился.

— Неужто?

— Надеюсь, вы не для того вломились, чтобы выяснять мой распорядок дня? Это была бы пустая трата финансов графства! Итак, выкладывайте, зачем я вам понадобился?

Полковник Мэлчетт откашлялся:

— По нашим сведениям, мистер Блэйк, прошлый уик-энд вас посетила… м-м… некая блондинка…

Бэзил Блэйк вытаращил глаза и, запрокинув голову, бесцеремонно расхохотался:

— Это вам насплетничали деревенские ведьмы? Им поперек горла мои развлечения. Но полиции нет дела до частной жизни. Вы это знаете не хуже меня.

— Совершенно верно, — сухо подтвердил Мэлчетт. — Ваши нравы и замашки меня не касаются. Я здесь потому, что поблизости обнаружен труп молодой блондинки в вечернем туалете… Она

убита…

— Немыслимо! — вскричал Бэзил, широко раскрыв глаза. — Но где?

— В библиотеке замка Госсингтон.

— В Госсингтоне? У Бантри? Изумительно придумано… У старикашки Бантри! У этого зануды Бантри!

Краска гнева залила лицо полковника Мэлчетта. Он решительно оборвал неуместную веселость киношного юноши:

— Потрудитесь выбирать выражения. Я пришел, чтобы получить ваши показания.

— Вас интересует, не потерял ли я свою блондинку? Почему… А впрочем, впрочем… Кого там еще несет?

Перед домом резко заскрежетали тормоза. Из машины выскочила молодая женщина в черно-белом одеянии, похожем на пижаму. Кроме платиновых волос, бросились в глаза ее ярко накрашенные губы и ресницы, мохнатые от туши. Распахнув дверь, она яростно завопила:

— Почему ты меня там бросил, подонок?

Бэзил Блэйк встал ей навстречу:

— Легка на помине! А чего мне было дожидаться? Я тебя звал, но ты зафордыбачила.

— Я не хотела еще уезжать. Было чертовски

весело!

— С мерзавцем Розенбергом? Будто ты не знаешь ему цену!

— У, злюка! Бесишься от ревности, вот и все.

— Не воображай о себе слишком много, миленькая. Просто не могу терпеть, когда женщина, с которой я сплю, налижется и дает себя лапать негодяю.

— Брешешь! Сам назюзюкался и лез к этой чернявой испанке!

— Ты приехала со мной и обязана была вести себя пристойно.

— Не желаю, чтобы мне указывали. Ты обещал привезти меня домой. А когда я расстаюсь со своей компанией, мое дело.

— Вот и осталась одна. А мне захотелось уехать, и я уехал. С какой стати потакать твоим идиотским капризам?

— Благодарю за любезность!

— В конце концов, ты сама добралась.

— Чтобы сказать тебе, какой ты хам!

— Испугала, как же.

— Не думай, что сможешь мной командовать! Не выйдет.

Их взгляды метали молнии.

Полковник Мэлчетт воспользовался секундой

паузы и громко кашлянул.

Бэзил Блэйк стремительно обернулся:

— Как? Совсем забыл про вас… Можете отчаливать. Впрочем, представляю вас друг другу: Дина Ли и полковник Мэлчетт из полиции графства… Убедились, что моя блондинка жива и здорова? Валяйте, щупайте дальше старикана Бантри с его проделками! Чао!

Полковник, сдерживаясь из последних сил, ответил:

— Попридержите язык, молодой человек. Иначе вам несдобровать. — И вышел, весь пунцовый от возмущения.

Глава 9

В Мач-Бенхэме в своем служебном кабинете полковник Мэлчетт тщательно изучал последние полицейские работы.

— Теперь все как на ладони, — сказал инспектор Слэк. — После ужина миссис Бантри пробыла в библиотеке недолго и ушла ранее десяти часов. Она погасила свет; больше туда никто не входил. Слуги разошлись спать в половине одиннадцатого. Лоример оставил для хозяина напитки в вестибюле и ушел к себе без четверти одиннадцать. Подозрительного шума никто не слышал, кроме… третьей горничной. Зато она слышала чересчур много! Громкий шепот, шаги, леденящий душу крик — в общем, полный набор! А соседка по комнате, вторая горничная, клянется, что та проспала всю ночь не шелохнувшись. Особы с буйной фантазией вечно мешают следствию…

— Что выяснилось насчет взломанного окна?

— Симмонс утверждает, что работал любитель обыкновенной стамеской, — ответил инспектор Слэк. — Особого шума и не могло быть. Стамеска, вероятно, валяется где-нибудь поблизости, но пока на нее никто не наткнулся. Обычный ин-

струмент в преступлениях подобного рода.

— У вас не создалось впечатления, что кто-то из слуг знает больше, чем говорит?

Инспектор Слэк ответил, чуть поколебавшись:

— Нет, сэр. Не думаю. Они просто взволнованы. Меня поначалу насторожила осмотрительная сдержанность Лоримера. Но, думаю, эти подозрения беспочвенны.

Мэлчетт кивнул. Его не удивляла замкнутость Лоримера. Неуемный Слэк на допросах хоть кого вгонит в страх.

Дверь отворилась, и вошел доктор Хейдок.

— Думаю, мои сообщения о некоторых подробностях вскрытия окажутся полезными?

— С нетерпением ждали вашего прихода, доктор. Итак?

— Новости мизерные. Как вы и предполагали, она задушена. Шею жертвы затянули пояском от платья и завязали сзади. Ничего нет проще. Если молодая женщина не опасалась нападения, то не понадобилось даже много сил. Следов борьбы нет.

— В котором часу наступила смерть?

— Между десятью часами и полуночью.

— Поточнее нельзя?

— Не хочу рисковать своей репутацией. Не

раньше десяти и не позже полуночи. Это достоверно.

— А побочных соображений у вас нет?

— Затрудняюсь ответить. В камине тлел огонь, в комнате было тепло; это, конечно, могло задержать окоченение трупа.

— Что еще можно сказать о жертве?

— Самую малость. Она молода, лет семнадцати, пожалуй. Еще не полностью развилась, но мышцы крепкие. Прекрасный анатомический экземпляр. Кстати, она была девственница.

Поклонившись, врач вышел. Мэлчетт обратился к инспектору:

— Вы установили, она раньше не появлялась в Госсингтоне?

— Слуги убеждены в этом, даже возмущаются, если повторяешь вопрос. Говорят, что запомнили бы ее, если бы видели в окрестностях.

— Пожалуй, — согласился Мэлчетт. — Девушки такого типа бросаются в глаза издалека. Вроде подружки молодого Блэйка.

— А, ей-богу, жаль, что это не она. Следствие сдвинулось бы с мертвой точки.

— Путеводную ниточку придется искать не здесь. Мне сдается, девушка из Лондона, — задумчиво произнес главный констебль. — Лучше

обратиться в Скотленд-Ярд, это скорее в их компетенции.

— Однако что-то привело ее именно сюда, — заметил Слэк и добавил осторожно: — Не исключено все-таки, что полковник и миссис Бантри что-то знают. Конечно, они ваши друзья…

Мэлчетт смерил его ледяным взглядом:

— Пора бы вам зарубить на носу, что я не пренебрегаю никакой версией. Список пропавших без вести с вами?

Слэк кивнул и протянул машинописный лист.

— Получите, сэр. Миссис Сандерс исчезла неделю назад, волосы черные, глаза голубые, тридцати шести лет. Это не она. К тому же все, кроме мужа, знают, что она удрала с коммивояжером из Лидса. Миссис Барнард, шестидесяти пяти лет… Памела Ривз, шестнадцати лет, не вернулась вчера после вечеринки скаутов, волосы каштановые, заплетены в косы, рост один метр семьдесят семь сантиметров…

Рассерженный Мэлчетт прервал:

— Не морочьте мне голову, Слэк! Наша не школьница. Разве только…

Его прервал телефонный звонок.

— Алло… да, да! Полицейское отделение Мач-Бенхэма. Что? Минутку. — Он сделал быстрые

пометки в блокноте. — Руби Кин, восемнадцати лет, род занятий — профессиональная танцовщица. Отлично. Рост метр семьдесят пять сантиметров. Стройная. Платиновая блондинка, глаза голубые, нос вздернутый. Предположительно, одета в белое атласное платье и босоножки из серебряной парчи. Так? Что? Да нет, никакого сомнения. Немедленно посылаю Слэка.

Он повесил трубку и взглянул на своего подчиненного с видимым волнением.

— След отыскался. Звонили из полиции графства Глен. В Дейнмуте из отеля «Маджестик» пропала девушка.

— Дейнмут, — повторил инспектор. — Похоже на правду. Большой модный курорт, и довольно близко от Сент-Мэри-Мид. На границе графства Глен.

— Всего в тридцати километрах отсюда, — подхватил главный констебль. — Девушка показывала танцевальные номера в отеле «Маджестик». Она не явилась вчера на выступление, чем вызвала недовольство дирекции. Утром ее также не было, и одна из подруг забеспокоилась. Поезжайте немедленно в Дейнмут, Слэк. Отыщите начальника полиции Харпера и работайте в контакте с ним.

Глава 10

Быстрота была стихией инспектора Слэка. Прыгнуть на сиденье автомобиля и резко оборвать чьи-то разглагольствования, поскольку он сам предельно занят, — вот его излюбленная манера.

Почти молниеносно он добрался до Дейнмута, представился в полицейском участке, провел предварительный допрос трусоватого директора отеля, многозначительно сказав ему на прощание:

— Прежде чем пустить машину на полный ход, удостоверимся, что это именно ваша танцорка.

Столь же стремительно он отбыл в Мач-Бенхэм уже с кузиной Руби Кин.

Главный констебль был предупрежден звонком, ждал Слэка, но его все-таки шокировало развязное восклицание:

— А вот и мы с Джози, сэр!

Холодный взгляд полковника ясно выразил вопрос: в своем ли уме его подчиненный?

На помощь пришла сама молодая женщина.

— Меня так зовут на работе. — Она приветливо улыбнулась, показав чистые ровные зубы. —

«Реймонд и Джози» — вот название нашего номера. А полное мое имя — Джозефина Тернер.

Полковник Мэлчетт принял объяснение и пригласил мисс Тернер присесть, продолжая рассматривать ее. Молодой особе было близко к тридцати, она казалась неглупой и здравомыслящей. Тип отнюдь не «роковой женщины», в меру привлекательна и миловидна. Слегка подкрашена, в строгом, элегантном костюме. «Встревожена, но вовсе не потрясена горем», — отметил полковник.

Она произнесла, усаживаясь:

— Не могу поверить, что это правда! Может быть, убита не Руби?..

— Именно от вас, мисс Тернер, мы и ждем ответа. Сожалею, но придется подвергнуть ваши чувства испытанию.

— А что… на нее так страшно смотреть?

— Несомненно, вы будете взволнованы.

— Значит, вы хотите… Я должна увидеть ее сейчас?

— Так будет разумнее, мисс Тернер. Мы не можем двинуться вперед, пока не удостоверим личность убитой. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Машина отвезла их в морг. И когда Джози вы-

шла оттуда, ее била дрожь. Лицо побледнело и осунулось.

— Это она, Руби. Бедная крошка!.. Ах, как щемит сердце! — Она беспомощно оглянулась. — Мне бы капельку джина.

Джина не оказалось, но ей принесли маленькую рюмку водки. После нескольких глотков Джози приободрилась:

— Несчастная Руби! Какой ужас! Почему мужчины так жестоки?

— Вы считаете, ее убил мужчина?

Джози растерялась:

— Кто же еще? Разве нет?

— И кого-нибудь подозреваете?

Она затрясла головой:

— Нет! Вовсе нет. Руби ничего и не рассказала бы мне, если бы… если…

— Что же вы замолчали? Выкладывайте уж все начистоту.

— Я могу только объяснить, какое отношение имела к ее жизни. Я служу в «Маджестике» три года. Кроме танцевальных номеров, в мои обязанности входит игра в бридж. Это приятно и хорошо оплачивается. Мы опекаем постояльцев, едва они переступают порог отеля. Конечно, без навязчивости. Некоторые любят одиночество.

Но большинство жаждет развлечений. Требуется составить компанию карточным игрокам, а для молодежи устроить танцы. Опыт и умение приобретаешь довольно быстро.

Мэлчетт попросил ее продолжать. В уме его мелькнуло, что приятные манеры молодой женщины делают ее ценной сотрудницей в отеле. Никакой интеллектуальности, но отнюдь не простовата.

— Кроме того, каждый вечер, — рассказывала Джози, — у меня с партнером два обязательных танца. Его зовут Реймонд Старр… Он инструктор по теннису, а также ведет танцкласс. В начале лета я поскользнулась на камнях во время купания и вывихнула ногу.

Мэлчетт уже обратил внимание, что она прихрамывала.

— Танцевать я уже не могла и была очень расстроена: ведь дирекция хотела найти временную замену. А это риск вообще потерять работу. — Ее голубые глаза приобрели жесткость. Приходилось бороться, чтобы зарабатывать свой хлеб. — Вот тут мне и пришла на ум Руби. Я предложила дирекции отеля разделить обязанности: ей передать танцы, а я оставляла за собой бридж. Таким образом, никто посторонний не втерся бы.

Вы понимаете, что я имею в виду?

Мэлчетт кивнул.

— Получив согласие, я телеграфировала Руби. Перед ней тоже открывались прекрасные возможности продвинуться по общественной лестнице, попасть в лучшее общество. Все произошло месяц назад.

— Понятно, — проговорил полковник Мэлчетт. — И ей удалась замена?

— Да, — ответила Джози. — Получалось совсем неплохо. Как танцовщица она слабее меня, но Реймонд — великолепный партнер и наставник. К тому же она такая хорошенькая! Воздушная блондиночка с кукольным лицом. Слишком мазалась; я постоянно выговаривала ей за это. Но разве восемнадцатилетняя девчонка кого-нибудь послушает? Возраст, когда во всем поступают наперекор… Мне же приходилось делать ей замечания, потому что привычка к грубому гриму выпадала из стиля «Маджестика». Здесь собирается изысканное общество.

— Ее любили в отеле?

— О да. Но ей не хватало тонкости. Она чувствовала себя увереннее со старыми джентльменами, а не с молодежью.

— Дружок у нее был?

Молодая женщина понимающе взглянула на Мэлчетта.

— Не в том смысле, как вы думаете. То есть насколько мне известно. Она не открывала своих секретов.

Мэлчетт не был уверен, что моральные устои самой Джози так уж тверды. Однако ограничился нейтральным вопросом:

— Когда в последний раз вы видели вашу кузину?

— Вчера вечером. Обычно они танцуют с Реймондом два танца: один — в половине одиннадцатого, второй — в полночь ровно. После первого я видела, как Руби попеременно вальсировала с двумя молодыми людьми — постояльцами отеля. Я сидела за бриджем, но между карточным салоном и залом стеклянная стена, мне было все хорошо видно. Едва пробило полночь, как пришел обеспокоенный Реймонд: Руби опаздывала к выступлению. Я была взбешена, уверяю вас! Эти девчонки падки на всякие глупости, а потом их выставляют за дверь. Вместе с Реймондом мы поднялись в комнату Руби. Ее там не было. Видимо, она переоделась: розовое платье с оборкой из газа, в котором она танцевала, свешивалось с кресла. Обыкновенно она не меняла наряда весь

вечер, кроме среды, когда устраивался большой ночной бал. Я ума не могла приложить, куда она девалась. Попросили оркестр повторить фокстрот, но Руби по-прежнему не было. Пришлось мне танцевать с Реймондом обязательный номер. Мы напрасно прождали ее до двух часов ночи. Я внутренне вся кипела.

Даже сейчас голос ее гневно зазвенел. Мэлчетт подумал, что она что-то недоговаривает.

— Значит, — сказал он, — когда утром обнаружилось, что Руби не вернулась и постель ее не разобрана, вы заявили в полицию об ее исчезновении?

Слэк сообщил ему по телефону, что все обстояло не так, но ему захотелось проверить Джозефину Тернер.

Она отозвалась без малейшего колебания:

— Нет, в полицию звонила не я.

— Почему же, мисс Тернер?

Глядя на Мэлчетта открытым взглядом, она сказала:

— Но и вы не сделали бы этого. Будь вы на моем месте.

— Вот как?

— Я обязана думать прежде всего о собственном положении… Разве директор будет доволен,

если возникнет скандал и появится полиция? Впрочем, мне не приходило в голову, что с Руби случилось несчастье. Я предположила, что она загуляла с каким-то приятелем и скоро возвратится. Готовилась хорошенько отругать ее. Это все легкомыслие ее восемнадцати лет!

Мэлчетт сделал вид, что копается в своих записях.

— Действительно. В полицию заявил некто Джефферсон… обитатель отеля, вероятно?

Джозефина Тернер коротко подтвердила:

— Да.

— Интересно, кто надоумил его? — спросил главный констебль.

Джозефина нервно разглаживала кант на жакете. Подозрение, что она что-то утаивает, снова мелькнуло у полковника Мэлчетта.

Она сказала угрюмо:

— Этот господин — калека. Его легко вывести из равновесия.

Мэлчетт перевел разговор на другое:

— А кто тот молодой человек, с которым вы в последний раз видели свою кузину в танцевальном зале?

— Его зовут Бартлетт. Он приехал в отель дней десять назад.

— Они подружились?

— Не так чтобы очень. По крайней мере, не берусь этого утверждать. — В ее тоне опять проскользнуло раздражение.

— А что он сам говорит?

— Что Руби после танца поднялась к себе, чтобы попудриться.

— И тогда же переоделась?

— Вероятно.

— Это последнее, что вы узнали? Затем она…

— Исчезла! — докончила Джози. — Да.

— Не имела ли мисс Кин знакомых в Сент-Мэри-Мид или окрестностях?

— Понятия не имею. Вполне возможно. В «Маджестике» бывают клиенты и из ближних мест. Я никогда ни о чем не расспрашиваю, если мне не говорят.

— Ваша кузина никогда не упоминала о Госсингтоне?

— Госсингтоне? — удивленно повторила Джози.

— О замке Госсингтон.

Она казалась заинтересованной.

— Впервые слышу это название.

— Дело в том, что ее труп найден там, — объяснил полковник Мэлчетт.

— Замок Госсингтон, — медленно повторила Джози. — Звучит так необычно!

Мэлчетт подумал: «Необычно — самое подходящее слово». А вслух спросил:

— С полковником Бантри или с его женой вы знакомы?

— Нет.

— А с неким Бэзилом Блэйком?

Джози слегка наморщила лоб:

— Смутно вспоминаю, что слышала это имя. Но ничего больше.

Вездесущий инспектор Слэк подсунул шефу листок из записной книжки, где второпях карандашом было нацарапано: «На прошлой неделе полковник Бантри ужинал в «Маджестике».

Мэлчетт оторвал глаза от записки и встретил взгляд инспектора. Полковник слегка покраснел. Слэк был, безусловно, расторопным и добросовестным офицером, хотя главный констебль мало ценил его. Приходилось принять молчаливый вызов: по сути, инспектор обвинял его в желании обелить приятеля, вообще выгораживать людей своего круга. Он обернулся к Джози:

— Мисс Тернер, я вынужден просить вас поехать со мной в замок Госсингтон.

Джози еле слышно проронила слова согласия.

Мэлчетт уже не слушал. Он твердо и холодно смотрел на Слэка.

Глава 11

Давно деревенька Сент-Мэри-Мид не жила в таком переполохе.

Сенсацию принесла мисс Везерби, старая дева с желтым цветом лица и утиным носом. Первым делом она постучала к своей соседке мисс Хартнелл.

— Тысяча извинений, что побеспокоила так рано. Вы слышали?

— О чем? — басом спросила мисс Хартнелл.

Она была известна настырностью, с которой поучала бедняков, обходя их дома, хотя те всеми силами старались уклониться от ее общества.

— Ну, разумеется, о трупе молодой женщины. Ее нашли сегодня утром в библиотеке полковника Бантри.

— В библиотеке Бантри?

— Именно так. Ну не кошмар ли это?

— О несчастная его жена! — с упоением воскликнула мисс Хартнелл.

— Уж конечно, подобного она не ожидала!

— У нее в голове одни цветочные выставки, а муж заброшен, — осуждающе сказала мисс Хартнелл. — За мужчиной надо смотреть в оба.

Ежесекундно! — свирепо закончила она.

— Известное дело! Но какой страх, а?

— Меня интересует мнение Джейн Марпл. Наверняка у нее кто-нибудь на подозрении. Она ведь дока по части загадок!

— Джейн Марпл отправилась в Госсингтон.

— Как? Спозаранку?

— Представьте, еще до завтрака.

— Вот как? Но, право, она слишком сует повсюду свой нос. Это неприлично.

— Миссис Бантри прислала за ней машину.

— Подумать только! Очень странно.

Наступило короткое молчание, во время которого обе переваривали новость.

— А кто убитая? — спросила мисс Хартнелл.

— Ну… особа, которая навещала Бэзила Блэйка.

— Белобрысая? С вытравленными лохмами? — Мисс Хартнелл отстала от моды и не видела разницы между подсветленными перекисью и платиновыми волосами. — Та, что валяется почти нагишом на лужайке?

— Да, дорогая. Ее нашли задушенной в замке на ковре.

— Невероятно… в Госсингтоне…

Мисс Везерби кивнула очень многозначительно.

— Выходит, полковник Бантри… тоже?

Новая пауза для осмысленного смакования подробностей.

— Скверная распутница! — в праведном гневе воскликнула мисс Хартнелл.

— Но так обманывать жену!

— Однако мистер Бантри мужчина любезный и порядочный.

— В тихом омуте черти водятся. Любимое выражение Джейн Марпл, — ввернула мисс Везерби.

Глава 12

Миссис Прайс Ридли узнала новость с большим опозданием. Особняк богатой вдовы располагался рядом с домом священника. Известие выпалила ее служанка Клара.

— Повторите раздельно, Клара. Мертвая женщина обнаружена перед камином у Бантри?

— Да, мэм. И говорят, у нее совсем голая спина!

— Хватит, Клара. Без глупых подробностей.

— Слушаюсь, мэм. Сначала подозревали, что это блондинка, которая приезжала с мистером Блэйком на уик-энд в дом мистера Букера. Но теперь, оказывается, совсем другая. Сын торговца рыбой говорит, что не ожидал такого от полковника Бантри, ведь тот по воскресеньям собирает церковные пожертвования!

— Мир полон зла, — наставительно заметила миссис Ридли. — Запомните это, Клара.

— Обязательно, мэм. Мама не позволила бы мне служить в доме, где есть мужчина.

— Превосходно, Клара, — одобрила хозяйка.

Священник жил в двух шагах, и миссис Ридли застала его в рабочем кабинете. Этот пожилой человек мало интересовался деревенскими слу-

хами.

— Бесчеловечное преступление! — запыхавшись, объявила миссис Ридли прямо с порога. — Мне необходимо знать ваше мнение, дорогой пастор!

Пастор Клемент спросил с беспокойством:

— Что произошло?

— Как — что?! — У гостьи был драматический тон. — Гнусный скандал! Особа дурного поведения… задушена и лежит возле камина у полковника Бантри!

Пастор широко раскрыл глаза:

— Но… вы вполне здоровы?

— Естественно, это не укладывается у вас в голове. Я и сама поначалу не поверила. Нет, каков лицемер? Так ловко носить маску!

Миссис Ридли еще долго предавалась бы возмущению, если бы пастор не вставил с кротостью:

— Но я не вижу здесь ничего, что порочит репутацию полковника Бантри!

— Вы живете вдали от мирской суеты, дорогой пастор. А вот послушайте, что я вам расскажу. В прошлый или позапрошлый вторник — впрочем, какая разница? — я села в ранний лондонский поезд, и полковник Бантри ехал со мной в одном купе. Он всю дорогу прятался за газетой, словно

боялся, что я заговорю с ним. Определенно его что-то заботило!

Пастор понимающе кивнул.

— На вокзале Паддингтон мы распрощались. Он предложил посадить меня в такси, но мне больше подходил автобус. Тогда он взял такси сам…

Торжествующая миссис Ридли выдержала паузу. Добрый пастор по-прежнему ничего не понимал.

— Нужны ли еще доказательства? — провозгласила гостья, покидая его.

Глава 13

Миссис Бантри и мисс Марпл расположились в будуаре замка Госсингтон.

— Знаете, дорогая, — заметила миссис Бантри, — у меня как-то отлегло от сердца, когда труп из библиотеки увезли. Мертвое тело в доме, брр!

— Отлично понимаю, милая, ваше состояние, — поддакнула мисс Марпл.

— Пока не испытаешь сама, объяснить это невозможно. У вашего соседа, помнится, лежал в доме покойник, но ведь это совсем другое! Боюсь, Артур возненавидит теперь библиотеку. А мы так мило коротали там вечера. Куда вы, Джейн? — встревожилась она, видя, что мисс Марпл бросила взгляд на часы и поднялась.

— Право, мне пора. Пользы от меня маловато.

— О нет, не спешите, пожалуйста! Конечно, фотографирование закончено, отпечатки пальцев сняты, полиция сделала первые выводы. Но что-то подсказывает мне, что сюрпризы впереди. Не время вам уезжать.

За стеной раздался звонок, хозяйка вышла к телефону и вернулась очень оживленной.

— Ну вот. Я не ошиблась. Полковник Мэлчетт

предупредил, что везет кузину этой несчастной.

— Зачем?

— Видимо, для того, чтобы показать ей место преступления.

— Полагаю, есть и другая причина.

— Какая же?

— Свести ее с полковником Бантри.

— Проверить, узнает ли она его? Но тогда… выходит, Артур на подозрении? — едва выговорила миссис Бантри.

— Простая формальность, — успокоила ее старая дама.

— С какой стати вмешивать Артура в эту историю?!

Мисс Марпл промолчала, и миссис Бантри взглянула на нее весьма недовольно:

— Прошу вас даже в мыслях не ставить моего мужа на одну доску с теми отвратительными старикашками, которые берут на содержание горничных. Артур на это не способен.

— Ну что вы! Разумеется.

— Он не прочь побалагурить с хорошенькими девушками, которые приходят к нам играть в теннис, но чисто по-отечески. Не вижу в этом ничего дурного. Почему бы ему отказывать себе в столь невинном удовольствии? Это нечто вроде

моих цветов, — нервически заключила миссис Бантри.

— Не горячитесь, Долли, — с примирительной улыбкой произнесла мисс Марпл.

— И не собираюсь. Хотя, естественно, все это меня тревожит. Артура тоже. Раздражают шмыгающие по всему дому полицейские. Единственный способ для Артура успокоиться — это пойти на скотный двор. Вид наших милых свинок умиротворяет… А вот и полицейская машина.

Автомобиль затормозил у подъезда. Вошел полковник Мэлчетт в сопровождении безукоризненно одетой молодой женщины.

— Разрешите представить: мисс Тернер, миссис Бантри. Это кузина м-м… пострадавшей.

— Здравствуйте, мисс Тернер, — произнесла хозяйка дома, протягивая руку. — Представляю, как вы огорчены этой драмой.

Джозефина ответила с искренней простотой:

— Да, мадам. Я до сих пор не верю, словно попала в ужасный сон.

Миссис Бантри представила ей мисс Марпл.

Мэлчетт мимоходом бросил:

— А где же ваш уважаемый супруг, мадам?

— Отправился на ферму. Я его жду.

— Вот как! — пробормотал Мэлчетт, неприятно

удивленный.

Миссис Бантри обратилась к Джози:

— Вас провести к месту преступления? Или вы не очень к этому стремитесь?

Подумав секунду, Джози вздохнула:

— Ах, лучше уж сразу.

Миссис Бантри отвела ее в библиотеку. Мисс Марпл и полковник Мэлчетт шли следом.

— Она лежала вот здесь, на ковре. — Миссис Бантри указала пальцем.

— О! — Джози вздрогнула. Вид у нее был растерянный. — Я думала… думаю… Нет, я просто ничего не понимаю!

— Мы тоже, — вставила миссис Бантри.

— Не соберусь с мыслями… и в таком доме, — наморщив лоб, Джози умолкла.

Мисс Марпл сочувственно кивнула.

— Это-то и сгущает тайну, — как бы про себя пробормотала она.

— Ну-с, мисс Марпл, — вмешался с шутливой усмешкой Мэлчетт, — держу пари, что у вас возникло какое-то предположение.

— Пожалуй, — согласилась старая дама. — Надеюсь, оно удовлетворит и вас. Видите ли, наша новая учительница мисс Мартин однажды заводила стенные часы, а из них выскочила лягушка!

Джозефина Тернер казалась ошарашенной. В дверях она шепнула миссис Бантри:

— Старушка вполне нормальна?

— Вполне! — возмутилась та.

— Прошу прощения. Мне почудилось, будто за лягушку она приняла меня.

В этот момент появился полковник Бантри, и Мэлчетт, здороваясь, внимательно следил за Джозефиной Тернер, когда знакомил их. Лицо Джози не выразило ни малейших чувств. Мэлчетт вздохнул с облегчением, мысленно обругав Слэка за его намеки.

Джози со всеми подробностями повторила рассказ об исчезновении Руби Кин, в основном для миссис Бантри, которая расспрашивала ее, сгорая от любопытства.

— Сколько вы пережили волнений, дитя мое!

— О, я была скорее рассержена, чем обеспокоена. Ведь поначалу я ничего не знала.

— Но тем не менее вы обратились в полицию, — вмешалась мисс Марпл. — Не преждевременно ли?

Джози поспешила ответить:

— В полицию звонила не я. Это мистер Джефферсон.

— Джефферсон? — переспросила миссис Бан-

три.

— Да. Постоялец «Маджестика». Инвалид.

— Случайно не Конвей Джефферсон? Я его близко знала. Он из наших старых друзей. Артур, послушай же! Конвей Джефферсон живет в «Маджестике», и это он сообщил в полицию. Какое совпадение!

— Мистер Джефферсон прошлым летом тоже приезжал в «Маджестик», — добавила Джози.

— Подумать только! А мы ничего не знали. Боже, как давно я его не видела! — Она повернулась к Джози. — Как он себя чувствует сейчас?

Джози подумала секунду:

— Кажется, хорошо… Вернее, вполне хорошо, несмотря на увечья. У него жизнерадостный характер и всегда наготове острое словечко, чтобы пошутить.

— Его семья с ним?

— Вы имеете в виду мистера Гэскелла, молодую миссис Джефферсон и Пита? Да, они при нем.

В тоне Джозефины явственно почувствовалась скованность при этом перечислении.

Миссис Бантри невинно спросила:

— Не правда ли, милейшие люди? Я говорю о зяте и невестке.

Джози неопределенно отозвалась:

— Да… я… мы… о, разумеется!

Глава 14

— Вы не находите этот ответ несколько странным? — спросила миссис Бантри у мисс Марпл, когда обе смотрели в окно вслед отъезжающему полицейскому автомобилю. — Что-то тут не так!

Старая дама охотно подхватила:

— Да, да! Наверняка. У меня нет ни тени сомнения. Она переменилась, когда заговорила о Джефферсонах. А до этого держалась естественно.

— Ну и каково ваше мнение, Джейн?

— Милая, вы ведь знакомы с этими людьми. Что-то относящееся к ним волнует молодую женщину. А вспомните, что она сказала вам относительно исчезновения кузины? Что она была рассержена. Она и в самом деле казалась раздраженной. Деталь, которая заслуживает внимания. У меня возникло ощущение… возможно, я ошибаюсь… смерть кузины вызвала только такую реакцию. Она ее не любила, в этом я уверена. И не испытывает особенного горя. Зато всякое упоминание о Руби Кин ей положительно неприятно. Закономерен вопрос: почему?

— А вот мы это и разузнаем! — заявила мис-

сис Бантри. — Отправимся в Дейнмут и снимем номера в отеле «Маджестик». Да, Джейн, вы непременно поедете тоже. Необходимо рассеяться после всех этих событий, перемена обстановки пойдет нам на пользу. Я познакомлю вас с Конвеем Джефферсоном. Это прекраснейший человек… такой… притягательный… Его история печальна. Взрослые сын и дочь, которых он нежно любил, подолгу гостили у отца, хотя имели свои семьи. И с женой он жил душа в душу, тоже очень милая женщина. Однажды, когда они возвращались с юга Франции, самолет потерпел аварию, и все погибли, кроме Конвея: пилот, миссис Джефферсон, Розамунда и Фрэнк. У Конвея были раздроблены обе ноги, их пришлось ампутировать. Он держался с большим мужеством. Такой жизнерадостный, энергичный мужчина — и калека. Притом ни одной жалобы. Его невестка, вдова Фрэнка, живет вместе с ним. У нее сын от первого брака. Мальчика зовут Пит Кармоди. Муж Розамунды Марк Гэскелл тоже не оставляет тестя. Все это так трагично!

— Сегодня перед нами другая трагедия, — напомнила мисс Марпл.

— Да, но к Джефферсону-то она касательства не имеет.

— Посмотрим, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Ведь полицию поставил на ноги не кто иной, как Джефферсон?

— Действительно, Джейн, совпадение неожиданное!

Глава 15

Перед полковником Мэлчеттом стоял трясущийся человек — мистер Прескотт, директор «Маджестика». Тут же находились Харпер, начальник полиции графства Глен, и инспектор Слэк с надутым видом: его сердило, что главный констебль почему-то взял расследование полностью на себя.

Харпер пытался хоть немного приободрить хнычущего Прескотта. Но полковник Мэлчетт держался сурово.

— Перестаньте ахать и охать, — сказал он. — Девушка мертва. Задушена. Радуйтесь хотя бы, что преступление совершено не в ваших стенах. Следствие проводим мы, и репутация отеля не пострадает. Но мне нужны факты и сведения. Можете не беспокоиться, сохранение тайны гарантируем. Так что соберитесь с мыслями, не заставляйте нас терять время и отвечайте на вопросы правдиво. Что вам известно об убитой?

— Ничего. Абсолютно ничего! Ее привела Джози. И она…

— Как давно Джози служит у вас?

— Два года… нет, собственно, три…

— Вы относитесь к ней с симпатией?

— Видите ли… она неглупа, ведет себя осмотрительно. Клиентам нравится ее обращение. Она мигом уладит любые ссоры: ведь бридж — очень азартная игра.

Мэлчетт согласился. Его жена увлекалась бриджем и была во время игры крайне обидчива.

Мистер Прескотт продолжал:

— Джози — отличный работник! Ей удается успешно посредничать между клиентами и администрацией. Она любезна со всеми и одновременно тверда.

Мэлчетт снова отметил про себя, что поначалу, несмотря на миловидность и изящество, она показалась ему достаточно ординарной.

— Она положительно незаменима в отеле, — расстроенно добавил мистер Прескотт. — Зачем, спрашивается, ей понадобилось прыгать по камням, когда существует удобный пляж? Купайся на здоровье. Нет, растянула связки… Это же ущерб отелю! Я плачу ей за то, чтобы она танцевала, играла с клиентами в бридж и развлекала постояльцев, а не ломала ноги на скалах! Танцовщица обязана быть осмотрительной. Это недобросовестно по отношению к отелю и ко мне лично!

Чтобы сдержать поток директорских обид,

Мэлчетт спросил:

— Тогда-то она и предложила вместо себя эту девушку, свою кузину?

Мистер Прескотт мрачно подтвердил:

— Совершенно верно. Замена показалась мне приемлемой. Разумеется, платить я ей не собирался. Она работала за стол и жилье, а жалованье они делили между собой. До появления ее в «Маджестике» я вообще не знал Руби Кин.

— Она справлялась с работой?

— Вполне. Упрекнуть мне ее было не в чем. Правда, по молодости лет она перебарщивала в косметике… Впрочем, воспитана неплохо и поведения приличного. Танцевала изящно, всем нравилась.

— Она была красива?

Распухшее, посиневшее лицо убитой не позволило Мэлчетту сделать собственный вывод.

Прескотт подумал.

— Ничего особенного. Личико лисье. Если бы не обилие грима, она не бросалась бы так в глаза. Умела подать себя.

— За ней многие ухаживали?

— Вот к чему вы клоните! — почти возмутился директор. — Я ничего не замечал. Два-три юнца нашептывали любезности. Но дальше этого не

шло. Убийцы среди них нет. Что касается пожилых клиентов, то Руби умела привлечь их симпатии детским видом и беззаботной болтовней.

Начальник полиции Харпер уронил меланхолически:

— Например, симпатии мистера Джефферсона?

— Его я и имел в виду. В обществе этого господина и его семьи она проводила большую часть времени. Иногда мистер Джефферсон брал ее на автомобильные прогулки. Он любит молодежь и очень доброжелателен. Прошу понять правильно: мистер Джефферсон — калека, передвигается только в кресле на колесах. Но ему приятно окружать себя молодыми людьми, наблюдать, как они играют в теннис, ныряют… Время от времени он устраивает для них вечеринки в отеле. Да, он обожает юные лица и не испытывает зависти или горечи, как можно было бы предположить. У него счастливый характер, и он полон обаяния.

— Выделял ли он особо Руби Кин?

— Думаю, его развлекала болтовня с ней.

— А как семья? Одобряла дружбу с маленькой танцовщицей?

— Они тоже прекрасно к ней относились.

— И он заявил в полицию об ее исчезновении, не так ли? — спросил Харпер, будто бы даже с укоризной.

Директор занял оборонительную позицию:

— Не вижу ничего странного! Мистер Джефферсон, очень обеспокоенный, появился в моем кабинете: девушка не вернулась ночью в отель, она не исполнила свой второй танец. У него было одно объяснение: поехала с кем-нибудь ненадолго покататься и попала в аварию. Следовало немедленно сообщить в полицию, чтобы начали поиски. Он так волновался, что почти сорвал трубку с рычага и тотчас вызвал участок.

— Не переговорив с мисс Тернер?

— Джози это не понравилось бы. Она не хотела лишнего шума. Но ведь она не могла запретить?

— Я думаю, — сказал Мэлчетт, — что следует допросить мистера Джефферсона. Согласны, Харпер?

Начальник полиции одобрил это намерение. Мистер Прескотт провел трех полицейских до фешенебельных апартаментов мистера Джефферсона. Комнаты выходили окнами на море.

— Недурно устроился, черт побери! Он что, богач, этот Джефферсон? — спросил Мэлчетт.

— Тратит деньги не жалея: лучшие комнаты,

специальное меню, дорогие вина… словом, все требует первоклассное.

Мистер Прескотт деликатно постучал, и женский голос отозвался: «Войдите!»

Директор отеля сказал:

— Извините за беспокойство, миссис Джефферсон, но эти господа — из полиции, и они хотят поговорить с мистером Джефферсоном. — Он представил: — Полковник Мэлчетт. Начальник полиции графства Харпер… Э-э… инспектор Слэк.

Миссис Джефферсон слегка кивнула. «Малоинтересна», — подумал полковник Мэлчетт, но, едва она улыбнулась и заговорила, переменил мнение. Голос звучал мелодично, в карих глазах цвета спелого ореха светился ум. Скромное платье очень шло ей. Она казалась не старше тридцати пяти лет.

— Мой свекор прилег отдохнуть, — сказала она. — Он измучен, происшедшее стало для него ударом. Врач прописал ему снотворное. Когда он проснется, уверена, он вас примет. Если до тех пор могу быть чем-то полезна… Присядьте, господа.

Мистер Прескотт чувствовал себя как на иголках:

— Если я больше не нужен…

Он почувствовал облегчение, когда ему разре-

шили уйти. Едва закрылись двери, обстановка стала более непринужденной. Аделаида Джефферсон обладала свойством распространять вокруг себя спокойствие и теплоту. Не будучи болтливой, она умела поддержать оживленную беседу. С первых слов она взяла верный тон.

— Эта история всех нас взволновала. Вы, наверно, знаете, что мы часто виделись с несчастной девушкой? Ее смерть не укладывается в сознании. Особенно потрясен мой свекор. Он очень привязался к Руби.

— Если не ошибаюсь, он и обратился в полицию? — Мэлчетт хотел видеть реакцию молодой женщины.

По ее лицу прошла тень… Неудовольствия? Тревоги? Он не разобрал. Лишь почувствовал, как она внутренне напряглась, прежде чем ответить.

— Увечье приводит к тому, что он бывает вспыльчив и легко теряет душевное равновесие. Мы пытались убедить его, что причина отсутствия девушки, скорее всего, очень проста и она будет недовольна, если привлечь полицию. Но он упрям. — Она слабо махнула рукой. — И, видите, оказался прав!

— А вы близко знали Руби Кин, миссис Джефферсон?

Она задумалась.

— Затрудняюсь ответить. Свекру приятно видеть вокруг себя юные лица. Руби казалась ему олицетворением современной девушки. Ее суждения забавляли его. Она часто проводила с ним свободное время, и он катал ее в автомобиле.

Мэлчетт подумал: «Она обошла вопрос. А наверняка знает многое».

— Вы не согласитесь, миссис Джефферсон, подробно припомнить все, что происходило вчера вечером?

— Охотно. Но боюсь, что ничего нового не прибавлю. После ужина Руби присоединилась к нам в гостиной в начале танцевального вечера. Мы ждали Марка, собирались играть в бридж… Марк Гэскелл был женат на дочери мистера Джефферсона, вы, видимо, знаете? Так вот, он заканчивал какое-то важное письмо. Четвертой предполагалась Джози, она тоже еще не пришла.

— Джози часто составляла вам компанию?

— Постоянно. Прекрасно играет, и ее общество нам нравится. Мой свекор — страстный игрок. Он охотно приглашал Джози, а не кого-то постороннего. Правда, ей не всегда удавалось вырваться, так как она обязана играть с любыми постояльцами, но она старалась всеми силами. — Слабая

улыбка мелькнула во взгляде. — Такому выгодному клиенту, как мой свекор, администрация разрешала оказывать предпочтение.

— А вам самой Джози нравится?

— Да. Ей никогда не изменяет хорошее настроение. Она любит свою работу и не жалеет для нее сил. Не особенно умна, конечно, но зато лишена претензий. В тонкости ей не откажешь. К тому же держится очень естественно…

— Продолжайте, миссис Джефферсон.

— Как я сказала, Джози собирала партнеров для бриджа, а Марк заканчивал деловую переписку. Так что Руби задержалась с нами немного дольше обычного. Когда наконец пришла Джози, Руби поспешила на свой первый танец с Реймондом — это платный танцор и теннисист отеля. Потом вернулась ненадолго, как раз когда пришел Марк. Но вскоре ее пригласил на танец один молодой человек, а у нас началась партия. — Она прервала себя и беспомощно махнула рукой. — Это все, что я знаю, господа. В какой-то момент я еще видела танцующую Руби сквозь стеклянную стену, но потом углубилась в карты и не смотрела по сторонам. Примерно в полночь заглянул Реймонд и спросил с недовольным видом у Джози, где Руби. Та, разумеется, пыталась замять его вопрос…

— Почему «разумеется», миссис Джефферсон? — перебил своим тягучим голосом Харпер.

— Но, право…

Она замешкалась, и это удивило Мэлчетта. Молодая женщина созналась с милой простотой:

— Джози не хотела, чтобы на опоздание кузины обратили внимание. Она считала себя ответственной за нее. Поэтому сказала, что Руби еще в начале вечера жаловалась на мигрень и, возможно, поднялась в свою комнату. Не думаю, чтобы это было правдой. Джози просто придумала первое попавшееся оправдание. Реймонд пошел позвонить Руби, но вернулся еще более рассерженным: ему никто не ответил. Чтобы его утихомирить, Джози пришлось самой танцевать с ним вместо Руби. Ей, бедняжке, потребовалось мужество, потому что нога еще болела. После танца она вновь вернулась к карточному столу да еще успокаивала мистера Джефферсона, который начал тревожиться. Мы еле уговорили его пойти спать, убеждая, что Руби, вероятно, поехала кататься и у машины по дороге спустило колесо. Он ушел раздосадованный, но сегодня утром положительно не находил себе места. — Она смолкла и вздохнула: — Остальное вам известно.

— Благодарю вас, миссис Джефферсон. Позволь-

те еще один вопрос: вы кого-нибудь подозреваете в совершении этого преступления?

Она не медлила ни секунды:

— Абсолютно никого.

Мэлчетт настаивал:

— Девушка никогда не открывала вам своих секретов? Скажем, не рассказывала ли о каком-нибудь ревнивом поклоннике? О человеке, которого она побаивалась? Или о ком-то, кто ей мил?

На каждый вопрос Аделаида отрицательно качала головой. Больше из нее ничего не удалось выжать.

Начальник полиции предложил встретиться пока с молодым Джорджем Бартлеттом. А позже они возвратятся к мистеру Джефферсону. Ушли с тем, что миссис Аделаида сообщит, как только свекор проснется.

— Вот женщина, полная очарования, — восхитился полковник, прикрыв за собой дверь.

— Совершенно очаровательна! — подтвердил Харпер.

Глава 16

Джордж Бартлетт оказался долговязым тощим юнцом с выпирающим кадыком. Он дрожал и заикался. Добиться от него связного, членораздельного рассказа оказалось сложно.

— Не правда ли… ужас какой-то… В воскресных газетах читаешь… но чтобы чуть не на твоих глазах… такие преступления…

— К сожалению, они происходят, — вставил терпеливо начальник полиции.

— О, конечно… но это кажется мне невероятным! Всего в нескольких километрах отсюда, не так ли? В каком-то деревенском доме… Вот мерзкое, должно быть, местечко! Громкий скандал в этой дыре, правда ведь?

Полковник Мэлчетт рискнул прервать его излияния:

— Вы хорошо знали покойную, мистер Бартлетт?

Джордж Бартлетт впал в растерянность.

— О, н-н-нет, не очень, совсем мало, господин полковник. Можно сказать, чуть-чуть. Один или два раза мы танцевали… ну, прогулялись как-то днем… играли в теннис…

— Кажется, вчера вечером вы были последним, кто ее видел?

— Вот уж не знаю. Хотя может быть. Не правда ли, впору рехнуться? Она была в полном порядке, когда мы разошлись.

— В котором часу, мистер Бартлетт?

— Дело в том… да… э-э-э… я танцевал с ней в начале вечера. Сейчас все объясню. Это было сразу после ее обязательного выступления с этим платным плясуном. Что-то около половины одиннадцатого, а то и в одиннадцать… точно не скажу.

— Пусть это вас не беспокоит. Мы уточним время сами. Просто изложите факты.

— Ну, мы танцевали, знаете. Я вообще-то не так уж хорошо танцую.

— Это к делу не относится, мистер Бартлетт.

Джордж Бартлетт бросил на полковника обеспокоенный взгляд и пробормотал:

— Нет… м-м-м… разумеется… я только хочу сказать, что мы кружились и кружились, я что-то говорил, но Руби была не в настроении, даже зевала. Ну, я понял, что она скучает, поблагодарил ее, и… она ушла. Вот и все.

— Куда она ушла?

— Поднялась наверх.

— Она вам не говорила, что торопится на свидание или собралась прокатиться в авто?

— Нет. — Он грустно добавил: — Она меня просто оставила, знаете.

— А как она себя держала? Не нервничала? Или была чем-то озабочена?

Джордж погрузился в раздумья.

— Ей надоело, раз она зевала. Больше ничего.

— А что делали вы сами? — спросил главный констебль.

— А?

— Что делали вы после ее ухода?

Тот уставился на него, разинув рот.

— Сейчас, сейчас… что же я делал?

— Вот мы и ждем ответа.

— Скорее всего, ничего. Дьявольски трудно вспомнить. Не удивлюсь, если отправился в бар пропустить стаканчик.

— Так вы пошли туда или нет?

— Совершенно верно! Спустился глотнуть капельку. Хотя нет! Это было не тогда. Пожалуй, сначала выглянул на улицу подышать воздухом. Для сентября необыкновенно теплые вечера. На улице очень приятно. Да, теперь ясно вспоминаю. Немного прошелся по свежему воздуху, затем заглянул в бар и вернулся в танцевальный зал. Я

заметил, что… как ее? Джози, что ли?.. танцевала с этим типом, теннисным тренером. У нее вроде болит нога уже несколько дней.

— То есть вы вернулись в отель в полночь? Не хотите же вы убедить нас, будто прогуливались, как вы говорите, больше часа, и притом один?

— Но я ведь заходил в бар… Я… я, видите ли, размышлял.

Полковник Мэлчетт принял его заявление с недоверием:

— О чем именно?

— Ну, не помню. О многом.

— У вас есть машина, мистер Бартлетт?

— Да, есть.

— Где она находится? В гараже отеля?

— Нет, просто во дворе. Я собирался проехаться, понимаете?

— Может, и проехались?

— Нет-нет, уверяю вас!

— А мисс Кин, случайно, не взяли с собой?

— Ах нет! Вот еще! Могу поклясться, что вовсе ее не возил. Провалиться мне на этом месте!

— Спасибо, мистер Бартлетт. В настоящий момент у меня нет к вам больше вопросов. В настоящий момент, — повторил Мэлчетт с ударением.

Бартлетт с выражением глуповатого испуга смотрел ему вслед.

— Невероятный кретин, — процедил Мэлчетт. — Что вы о нем думаете, Харпер?

— Думаю, что другого такого легко не сыщешь, — ответил Харпер, пожимая плечами.

Глава 17

Ночной сторож, как и бармен, мало помог полиции. Первый припомнил, что звонил в комнату мисс Кин сразу после полуночи, но ему не ответили. Он не заметил мистера Бартлетта ни когда тот выходил из отеля, ни когда возвратился. Ночь стояла теплая, многие дамы и господа прогуливались. Пройти можно в боковые двери, а не только через главный вход. Однако он уверен, что мисс Кин в главный вход не проходила. Спускаясь со второго этажа, где расположена ее комната, она могла свернуть на террасу и проскользнуть незамеченной. Дверь замыкают не раньше двух часов ночи, когда танцы уже заканчиваются.

Что касается бармена, то он видел мистера Бартлетта: в середине вечера тот грустно сидел, уткнувшись взглядом в стену. В баре всегда толкотня, бармен его видел, но не мог точно сказать, в котором часу.

За дверями бара полицейских офицеров подстерегал девятилетний мальчуган. Срывающимся от восторга голосом он спросил:

— Вы вправду детективы? А я Пит Кармоди. Это мой дедушка начал разыскивать Руби. Вы из

Скотленд-Ярда? Вы ведь не станете делать мне выговор, что я вам надоедаю?

Полковник Мэлчетт собрался на него рявкнуть, но Харпер поспешно вмешался и заговорил с мальчиком дружески:

— Отнюдь, мой юный друг. Вижу, вас это дело тоже заинтересовало?

— Ах да! Вы читаете книжки про сыщиков? Я их обожаю. Покупаю все подряд. У меня есть автографы Дороти Сайер, Агаты Кристи, Диксона Карра и Г.К. Бейли. Об этом убийстве тоже сообщат в газетах?

— Разумеется. Газеты в него так и вцепятся.

— Понимаете, на следующей неделе я возвращаюсь в школу. Вот здорово, когда я расскажу всем, что был с ней знаком, даже очень хорошо знаком!

— И какого же вы о ней мнения?

Пит честно задумался.

— Сказать по правде, она мне не больно нравилась. Вид у нее просто как у дурочки. Маме и дяде она тоже не очень симпатична. Одному дедушке. Кстати, он приглашает вас. Эдуард уже пошел вас разыскивать.

Начальник полиции настойчиво повторил:

— Значит, ваша мама и дядя Марк недолюбли-

вали Руби? Почему же?

— Почем я знаю? Она липла к нам. А они злились, что дедушка так носится с ней. Думаю, — выпалил Пит, — они даже рады, что она умерла!

Харпер смотрел на него задумчиво.

— Вы слышали… как они это говорили?

— Ну, не совсем. Дядя Марк проворчал: «Наконец мы от нее избавились». Мама ответила: «Да, но каким ужасным образом!» Тогда дядя Марк сказал, что нечего притворяться.

Полицейские переглянулись. В этот момент к ним подошел гладко выбритый человек в синей ливрее.

— Извините, господа, я лакей мистера Джефферсона. Он проснулся и согласен вас принять.

Они вновь проследовали в апартаменты Конвея Джефферсона.

В гостиной Аделаида о чем-то говорила с высоким человеком, который нервно шагал из угла в угол. Он резко обернулся к вошедшим:

— А, рад, что встретил вас. Мой тесть все время справляется, когда вы придете. Пожалуйста, не волнуйте его без особой нужды. Он очень нездоров. Просто чудо, что это убийство не доконало и его!

— Разве он так слаб? Нам это в голову не при-

ходило.

— Он сам не знает о своем состоянии, — сказал Марк Гэскелл. — Больное сердце, понимаете? Врач советовал Аделаиде следить, чтобы ничто не тревожило его. Дал понять, что смерть может наступить мгновенно. Не так ли, Адди?

Миссис Джефферсон подтвердила, но добавила, что пока он стойко перенес испытание.

— Несомненно, полицейское расследование — не лучший режим для сердечника. Поверьте, мы проявим максимум такта.

Говоря это, Мэлчетт не спускал глаз с Гэскелла. Люди с профилем хищной птицы не вызывали в нем симпатии. Они принадлежат к породе дерзких смельчаков, которые привыкли потакать лишь собственным желаниям. Хотя женщины от них без ума!

«Этому субъекту нельзя доверять, — подумал полковник. — Муки совести ему не свойственны, он не остановится ни перед чем».

Глава 18

Инвалидное кресло Конвея Джефферсона стояло вблизи окна, выходящего к морю. С первого мгновения ощущалась притягательность этой незаурядной личности. Словно катастрофа, превратившая его в калеку, привела к тому, что вся жизненная сила сосредоточилась в интеллекте. Лицо, обрамленное седеющими рыжеватыми волосами, было красиво. Резкие черты выражали энергию, глаза ярко голубели. Ни малейшего намека на расслабленность или недомогание. Глубокие морщины проложило лишь страдание, но он не привык жаловаться на судьбу — принимал ее удары и стремился выстоять.

— Считаю за честь знакомство с вами, — обратился он к Мэлчетту. — Ведь вы главный констебль графства Рэдфорд? А вы начальник местной полиции? Присядьте, господа. Сигары на столике возле вас.

Офицеры полиции поблагодарили, рассаживаясь.

— Если меня правильно проинформировали, вы проявляли участие к погибшей, мистер Джефферсон? — сказал Мэлчетт.

Грустная усмешка скользнула по лицу Конвея Джефферсона.

— Вам, конечно, наговорили с три короба. Хотя никаких тайн из своего расположения я не делал. Что по этому поводу сообщили мой зять и моя невестка? — Он внимательно обвел их взглядом.

Мэлчетт ответил с откровенностью:

— По мнению миссис Джефферсон, болтовня с маленькой протеже развлекала вас. А мистер Гэскелл успел перекинуться с нами пока лишь парой слов.

Джефферсон по-прежнему улыбался.

— Адди — сама сдержанность. Марк высказался бы более решительно. Но лучше уж я сам изложу факты и поясню свои побуждения. Начну с великой драмы моей жизни. Восемь лет назад в авиационной катастрофе я потерял жену, дочь и сына. С тех пор мое существование похоже на дерево с обрубленными ветвями. И не только из-за увечья. Я слишком любил свою семью, дышал ею. Нет слов, невестка и зять внимательны ко мне, но я понял, особенно в последнее время, что им нужно жить собственной жизнью. В сущности, я безгранично одинок. У меня тяга к молодым лицам, они утешают меня. Мелькала даже мысль взять на воспитание какого-нибудь ребенка…

За прошедший месяц я очень привязался к этой несчастной девочке. Руби была так простосердечна, так искренна. Она рассказала мне о себе, о том, как ютилась с семьей почти в трущобах, как ей приходилось переносить многие испытания. Хотя ее никто не учил танцам, она оказалась очень способной, и труппа пантомимы приняла ее. Как все это было далеко от моей обеспеченной жизни! Она становилась мне все более дорога, пока я не принял решение официально удочерить ее. Вот вам объяснение моего интереса к Руби Кин и безумной тревоги, когда она так таинственно исчезла.

Наступило долгое молчание. Его прервал Харпер, благожелательностью тона смягчая нескромность вопроса:

— Могу ли я узнать, как отнеслись к вашему плану зять и невестка?

Джефферсон торопливо ответил:

— А что они могли возразить? Возможно, они предпочли бы другое решение, однако вели себя вполне корректно. В финансовом отношении они от меня не зависят. Когда мой сын Фрэнк женился, я передал ему половину состояния. Мой принцип: не откладывать до собственной смерти то, чем можно порадовать детей сейчас. Богатство

желанно им, пока они молоды, а не в старости. Также ко дню замужества Розамунды я положил на ее имя крупную сумму в банк. Она полностью перешла после ее гибели к мужу, человеку малосостоятельному. Как видите, все обстоит просто, и проблем между нами до сих пор не возникало.

— Мы уяснили суть дела, мистер Джефферсон, — проговорил начальник полиции с некоторой сдержанностью.

Джефферсон чутко уловил его интонацию.

— Вы с чем-то не согласны?

— Не хотелось бы возражать, но жизненный опыт научил меня относиться с недоверием к столь разумному разрешению семейных дел.

— В принципе вы правы. Но, строго говоря, ни мистер Гэскелл, ни миссис Джефферсон не являются моей семьей, между нами нет кровного родства.

— Да, есть некоторая разница, — согласился Харпер.

Конвей нетерпеливо продолжал:

— Допускаю, что мое решение показалось им сумасбродным. Однако я в совершенно здравом уме. Маленькой Руби не хватало воспитанности и образования, это дело поправимое. Со временем она смогла бы появляться в любом обществе.

— Разрешите еще один щекотливый вопрос, мистер Джефферсон, — сказал Мэлчетт. — Нам важно установить все детали. Принимая участие в будущности девушки, вы, вероятно, собирались обеспечить ее материально? Это уже оформлено?

— Смысл вопроса слишком прозрачен. Вы хотите знать, была ли смерть Руби кому-то выгодна? Нет, никому. Формальности только улаживались, и никаких бумаг я еще не подписал.

Мэлчетт раздумчиво произнес:

— И если бы с вами случилось несчастье… — Он вопросительно взглянул на Джефферсона.

Конвей и на этот раз понял намек. Сказал со вздохом:

— Но почему что-то должно случиться? Я калека, но в остальном абсолютно здоров. Правда, врачи последнее время принимают похоронный вид и советуют всего остерегаться: никаких эмоций, никакого утомления… Бог мой, я же выносливый как лошадь. Конечно, злой рок существует, я в этом убедился, увы. В наш век автомобильных аварий внезапная смерть способна настигнуть каждого. Приходится быть предусмотрительным, и десять дней назад я составил новое завещание.

— Вот как! — Харпер подался вперед.

— После моей смерти пятьдесят тысяч фунтов помещались в банк на имя мисс Кин. До совершеннолетия ей выплачивали бы проценты, затем капитал переходит к ней полностью.

Начальник полиции и главный констебль изумленно переглянулись.

— Но ведь это огромная сумма!

— Согласен.

— И вы завещали целое состояние девушке, которую знали едва месяц?

Синие глаза Джефферсона гневно потемнели.

— Неужели надо повторять одно и то же? Я лишен близких. Никаких племянников, никаких двоюродных братьев. Чем оставлять все безликому благотворительному обществу, предпочитаю, чтобы моим состоянием пользовался приятный мне человек. Сказка о Золушке, которая в одну ночь превращается в принцессу! — Он усмехнулся. — Только вместо крестной матери-феи был бы крестный отец. Эти деньги мои, я их заработал.

— Вы сделали и другие распоряжения? — спросил Мэлчетт.

— Разумеется. Некоторую сумму я оставляю Эдуарду, камердинеру. Остаток поровну делится между Марком и Адди.

— Простите, как велик этот остаток?

— Не очень. Затрудняюсь назвать точную цифру: акции все время колеблются. Думаю, что за вычетом налога на наследство и других расходов наберется около десяти тысяч фунтов.

— Ясно.

— Но я вовсе никого не лишаю наследства! Я ведь вам уже сказал, что разделил состояние между детьми, а сам удовольствовался весьма скромной суммой. После трагической катастрофы, чтобы отвлечь себя и занять ум, я погрузился в финансовые операции. В моем лондонском доме специальный телефон соединял спальню с кабинетом, я работал круглыми сутками! Это давало ощущение, что увечье не выбило меня полностью из седла, что я еще сопротивляюсь… — Голос звучал тише, словно он все больше уходил в себя, забыв о слушателях. — И что же? По какой-то иронии судьбы мне во всем везло! На бирже я наживался, любое предприятие имело успех. К чему ни прикасался, все обращалось в золото! Может быть, судьба решила хоть отчасти загладить свою несправедливость? — Его выразительное лицо не могло скрыть глубокого страдания. Лишь с трудом он принудил себя улыбнуться. — Теперь вы видите, что деньги, которые я предназначал Руби, мои, и только мои. Я мог с чистой совестью

распорядиться ими.

Мэлчетт поспешно вставил:

— Дорогой сэр, мы же не отрицаем этого.

— Благодарю. Но разрешите теперь и мне задать несколько вопросов. Я хочу узнать об этой страшной истории более подробно. Пока что мои сведения ограничиваются тем, что бедную крошку нашли задушенной в каком-то доме, кажется, в тридцати километрах отсюда?

— Совершенно верно. В замке Госсингтон.

Джефферсон нахмурился:

— Госсингтон? Это?..

— Дом полковника Бантри.

— Бантри? Артура Бантри? Но я же с ними знаком! Мы подружились за границей много лет назад. Никогда не подозревал, что они живут по соседству. Вот так штука!

Начальник полиции поспешно вставил:

— Разве вы не видели его? Он ужинал в «Маджестике» в прошлый вторник.

— Во вторник?.. Нет, мы поздно вернулись в тот вечер. Ездили осматривать Харден-Хид и поужинали по пути.

— Руби Кин не упоминала имени Бантри? — спросил Мэлчетт.

— Никогда. Едва ли она вообще была с ним

знакома. Ее круг ограничивался людьми из театрального мира. — Джефферсон помолчал. — А что говорит сам Бантри по этому поводу?

— Полное недоумение! Вчера вечером он был на собрании консерваторов, а труп обнаружили только утром. Он утверждает, что никогда не видел эту девушку живой.

— Фантастика, — пробормотал Джефферсон.

Харпер деликатно кашлянул:

— У вас нет подозрений, кто виновник преступления?

— Ни малейших! — У него на лбу вздулась вена. — Это так бесчеловечно, невероятно. Трудно поверить в реальность происшедшего.

— Возможно, кто-то из ее давних приятелей? Какой-нибудь мужчина, которого она знала прежде, преследовал ее и угрожал?

— Да нет же, ничего подобного. Она рассказала бы мне. У нее никогда не было никаких романов. Это ее собственные слова.

Харпер подумал: «Она могла так говорить, но соответствовало ли это действительности?»

— Во всяком случае, Джози знала бы о тайном преследователе, — добавил, нахмурившись, Конвей. — Она-то что говорит?

— Отрицает такую возможность.

Джефферсон напряженно размышлял.

— Я склоняюсь к мысли о маньяке… Мало логики в том, чтобы пробраться со своей жертвой в чужой дом. Существуют ненормальные, которые заманивают девушек, даже детей, чтобы безжалостно убить.

— Существовать-то существуют, но в наших краях мы с этим никогда не сталкивались, — заметил Харпер.

— Я мысленно перебрал всех мужчин, которых видел возле Руби, — продолжал Джефферсон. — Тех, кто останавливался в отеле или приезжал ненадолго повеселиться, с кем она танцевала. Все достаточно безобидны. А тесной дружбы у нее ни с кем не было.

Харпер слушал невозмутимо. Джефферсон не уловил мгновенного иронического огонька в его глазах. Начальник полиции подумал: «Все-таки она могла иметь тайного дружка!» Однако промолчал. Главный констебль подал знак своим спутникам и поднялся:

— Спасибо, мистер Джефферсон. Это пока все, что нас интересовало.

— Вы будете держать меня в курсе следствия?

— Разумеется. Мы еще встретимся с вами.

Когда полицейские ушли, Конвей Джефферсон

бессильно откинулся на спинку кресла. Веки его опустились и скрыли яркую голубизну глаз. Он почувствовал себя измученным. И лишь спустя минуту позвал:

— Эдуард!

Из соседней комнаты тотчас появился слуга. Эдуард знал своего хозяина лучше других. Все восхищались его самообладанием, а Эдуард видел минуты слабости, когда Джефферсон чувствовал себя сломленным и опустошенным, беспомощным до предела.

— Вы меня звали, сэр?

— Да, Эдуард. Я хочу вас немедленно отправить в Мелберн-Эббэс к мистеру Генри Клиттерингу. Попросите его приехать сегодня. Дело чрезвычайно срочное.

Глава 19

Выйдя от Джефферсона, Харпер сказал:

— Не знаю, куда это нас приведет, но повод для убийства отыскался.

— Гм… пятьдесят тысяч фунтов, не так ли?

— Именно. Убийства совершают и ради меньшего куша.

— Пожалуй. Хотя… — Мэлчетт не закончил фразу, но Харпер уловил ход его мыслей.

— Вы сомневаетесь, что в данном случае это так? Я, пожалуй, тоже. Но нельзя отбрасывать ни одну возможность.

— Согласен.

— Если Джефферсон прав и Гэскелл и миссис Джефферсон имеют собственный солидный доход, то едва ли они замешаны в преступлении.

— Логично. Однако нелишне навести подробные справки об их имущественном положении. Сознаюсь, Гэскелл мне мало нравится. Он произвел впечатление человека беспринципного и себе на уме… Хотя этого недостаточно, чтобы подозревать его в убийстве.

— Что до меня, я не верю в их виновность. Кроме того, если основываться на показаниях Джози,

не вижу, как они могли бы его осуществить. Оба сидели за карточным столом от половины одиннадцатого до полуночи. Нет, преступника надо искать где-нибудь еще.

— Среди поклонников Руби Кин?

— Совершенно верно! Какой-нибудь слабонервный тип, отвергнутый после ее переезда в «Маджестик»… Пронюхал про удочерение и понял, что, случись это, он будет ей решительно не пара. Ослепленный яростью, он и совершил преступление. Назначил свидание после полуночи, пробовал уговорить, они рассорились… и вот в приступе ревности…

— Допустим, но как они оба очутились в библиотеке Бантри?

— Объясняю. Колесили в автомобиле по окрестностям. Задушив Руби, этот парень опомнился, и первой его мыслью было избавиться от мертвого тела. В тот момент они находились перед садовой оградой какого-то большого имения. Он и подумал: если туда подтолкнуть труп, то подозрение падет на обитателей дома. В машине у него были кусачки, с их помощью он распахнул раму и перетащил свою жертву на ковер перед камином. Поскольку он ее задушил, в машине никаких следов крови, разоблачающих его, не

осталось. Ну как?

— Гипотеза вполне приемлемая, Харпер. Остается «искать мужчину». — Последние слова Мэлчетт произнес по-французски, намекая на известную поговорку «ищите женщину».

— Что? Ах да, прекрасно, сэр.

Харпер уловил, что это шутка, хотя точного смысла ее не понял.

— О… э-э!.. Послушайте, нельзя ли мне задержать вас на словечко?

Это был Джордж Бартлетт. Полковник Мэлчетт не принимал его всерьез, да к тому же ему не терпелось узнать результаты обыска, проведенного Слэком в комнате жертвы, и допроса горничной. Он бросил довольно резко:

— Ну что еще, сэр?

Молодой Бартлетт несколько раз открывал и закрывал рот, изображая рыбу в аквариуме.

— О, право… боюсь, что это не имеет никакого значения… но, видите ли, я нигде не могу отыскать свою машину.

Запинаясь, он повторил несколько раз, что автомобиль исчез, его невозможно найти.

— Проще говоря, он у вас украден?

Бартлетт с благодарностью обернулся к начальнику полиции.

— Это возможно… хотя никогда нельзя сказать с уверенностью… может быть, кто-то взял покататься? Не то чтобы насовсем… Вам понятна моя мысль?

— Когда вы видели машину в последний раз?

— Дайте подумать. Забавно, как иногда трудно вспомнить некоторые мелочи, не правда ли?

Мэлчетт с холодной яростью проронил:

— Не так трудно, если на плечах голова, а не… Вы, помнится, говорили, что вчера вечером она стояла во дворе отеля?

Бартлетт приободрился:

— Как будто… если она там была.

— Что вы хотите этим сказать, черт побери?! Ведь таковы ваши собственные слова!

— Дело в том… я так думал, но не ходил проверять. Вы улавливаете мою мысль?

Полковник Мэлчетт подавил вздох и призвал на помощь все свое терпение.

— Попробуем разобраться в вашей истории по порядку. В котором часу вы видели свою машину? Кстати, ее марка?

— У меня «Миньон-14».

— Так когда вы ее видели?

Бартлетт судорожно сглотнул, дернув кадыком:

— Ей-богу, я изо всех сил стараюсь вспомнить. Вчера перед обедом она еще была здесь. После обеда я хотел прокатиться, но, знаете, задремал до чая. Потом поиграл в теннис и принял ванну…

— Она тогда еще стояла во дворе отеля?

— Думаю, да… То есть я ее там оставлял. После ужина я хотел пригласить девушку, но мне не повезло, что поделать. В общем, я не воспользовался машиной.

— Но вам казалось, что она по-прежнему на месте?

— Я не думал об этом. Поставил, и все.

— А если бы ее угнали, это бросилось бы вам в глаза?

Мистер Бартлетт покачал головой:

— Вот уж не знаю. Во двор то и дело въезжают и выезжают автомобили… Есть и «Миньон-14».

Харпер подтвердил это. Выглянув в окно, он насчитал восемь машин марки «Миньон-14». Популярная дешевая модель.

— А вы на ночь не загоняете машину в гараж? — спросил Мэлчетт.

— Право, это меня мало волнует. Погода держится пока теплая. А всякий раз ставить в гараж так хлопотно…

Взглянув на полковника Мэлчетта, начальник

полиции Харпер сказал ему:

— С вашего разрешения, сэр, я присоединюсь к вам наверху. Пойду пришлю сюда сержанта Хиггинса, он должен записать сообщение мистера Бартлетта.

— Ступайте, Харпер.

Джордж Бартлетт пробормотал, словно оправдываясь:

— Я счел себя обязанным рассказать… Никогда нельзя знать, что окажется важным, не правда ли?

Глава 20

Мистер Прескотт не слишком расщедрился ради второй танцовщицы: она работала за стол и жилье. Неизвестно, чем ее кормили, но комнатенка была наихудшей в отеле. Джозефина Тернер и Руби Кин жили в самом конце узкого, темного коридора. Обе комнаты были тесными и обращены к северу, в сторону скалы, к которой прилепился отель. Сюда составили сборную мебель, отслужившую срок в приличных номерах. Массивные дубовые гардеробы, когда их сменили модные встроенные стенные шкафы, оказались распиханными по каморкам прислуги или стояли в запасных номерах, которые заселялись лишь в самый наплыв курортников.

Мэлчетт и Харпер смотрели на комнату Руби Кин профессиональным взглядом: она была идеальна в смысле возможности незаметно выскальзывать из отеля. Это усложняло задачу дознаться, когда же Руби покинула «Маджестик» и при каких обстоятельствах.

Коридор оканчивался узкой лестницей на первый этаж, где по переходу можно было попасть на застекленную террасу, обычно пустую, так

как никакого красивого вида с нее не открывалось. Эта боковая терраса сообщалась с главной в фасадной части отеля, откуда по извилистой тропинке можно было уже совсем просто попасть на асфальтированную дорогу в проеме скал.

Инспектор Слэк изводил вопросами горничных и продолжал настырно обследовать комнату Руби, в которой ничего не сдвигали и не трогали со вчерашнего вечера.

Руби Кин просыпалась поздно и вставала, как узнал Слэк, лишь к половине одиннадцатого. По звонку ей приносили завтрак. Конвей Джефферсон поднял тревогу спозаранку, полиция успела нагрянуть до уборки комнат. Впрочем, это был самый заброшенный отсек, горничная с веником появлялась здесь всего раз в неделю.

— Неряшливость оказалась нам на руку, — заключил Слэк. — Мы непременно нашли бы что-нибудь. Если бы было что находить!

Полицейские эксперты графства Глен уже успели снять отпечатки пальцев. Оказалось, что они принадлежат Руби, Джози и двум горничным. Правда, был еще отпечаток Реймонда Старра, но объяснялся он просто: когда Руби не явилась на второй танец, он приходил сюда вместе с Джози.

Ящики массивного письменного стола из

красного дерева были забиты всевозможным бумажным хламом: письма, записочки, квартирные счета, театральные программы, вырезки из газет, косметические рецепты из модных журналов. Слэк просмотрел все и не нашел ничего подозрительного. Большинство писем было подписано некоей Лили — видимо, подружкой по Дворцу танцев. Она пересказывала всякую незначащую бытовую мелочь и, между прочим, то, что все сожалеют об отъезде Руби. Особенно часто справляется о ней мистер Финдейсон, он, кажется, был весьма огорчен. Молодой Рэг начал увиваться вокруг Мэй Барни, но тоже спрашивал о Руби. Жизнь движется, как раньше. Старик Гроузер по-прежнему свирепствует. Он рассчитал Аду только за то, что она стала встречаться с парнем…

Слэк тщательно переписал все фамилии из писем Лили и подумал про себя, что во время опроса персонала Дворца танцев о каждом следует навести особые справки.

Больше в комнате Руби Кин ничего интересного не нашлось. Посреди комнаты стояло кресло, с которого свешивалось воздушное розовое платье. В нем Руби была в начале вечера. На полу — небрежно сброшенные бальные туфельки на

шпильках и пара прозрачных чулок; на одном спущена петля. Мэлчетт тотчас вспомнил, что убитая была без чулок. Слэк разузнал: ради экономии Руби надевала чулки только во время танцев.

В распахнутую дверцу гардероба виднелись несколько ярких вечерних туалетов и ряд разноцветных бальных туфель. В плетеной корзине — немного грязного белья, а в мусорной — бумажные салфетки для снятия грима, ватные тампоны со следами губной помады, обрезки ногтей — в общем, ничего примечательного.

Казалось, факты восстанавливались без труда: Руби с поспешностью переоделась и торопливо ушла… Куда? Зачем?

Джозефина Тернер, которая больше других могла бы знать привычки кузины, на этот раз ничего ценного не сообщила. Инспектору Слэку это не показалось странным.

— Если история с удочерением не выдумка, — говорил он полковнику Мэлчетту, — то Джози могла дать только один совет: полностью порвать с прежними связями и знакомствами из Дворца танцев. Ведь чем Руби покорила старика калеку? Невинным видом, детским личиком и простодушными манерами. Предположим, что

внешность ее была обманчива, что на самом деле она ловкая интриганка и что у нее существовала любовная связь. Естественно, она всеми силами постаралась бы скрыть ее не только от мистера Джефферсона, но и от Джози. Зачем портить ту головокружительную будущность, которая замаячила перед ней? Однако молоденькие девушки часто попадают под власть весьма дурных молодых людей. Можем ли мы поручиться, что у Руби был только один поклонник и что именно он убийца?

— Не исключено, что вы правы, Слэк, — сказал полковник Мэлчетт, не давая воли своей неприязни к чересчур логичным выводам инспектора. — Если дело обстоит так, то остается как можно скорее выяснить, кто же этот дурной молодой человек.

— Положитесь на меня, сэр, — самонадеянно отозвался Слэк. — Я хорошенько потрясу эту девочку из Дворца танцев, и правда быстро выплывет наружу!

Полковник Мэлчетт не разделял такого оптимизма, а хвастливая напористость Слэка положительно нервировала его.

— Еще осмелюсь посоветовать, сэр: следует заняться платным танцором и теннисным тре-

нером. Он проводил много времени с Руби и, возможно, более наблюдателен, чем Джози. Она могла даже доверять ему.

— Представьте, мы с Харпером пришли к такому же мнению.

— Замечательно, сэр! А из горничных ничего не удалось выжать, как я ни бился. Они относились к обеим кузинам свысока, обслуживали их неохотно, всячески увиливали от этого. Одна из горничных зашла в комнату мимоходом часов в семь вечера, лишь чтобы задернуть занавески и расстелить постель. Кстати, ванная комната рядом. Не хотите взглянуть?

Ванная комната находилась между спальнями Джози и Руби. Комната Джози была просторнее. Но и осмотр ванной ничего не прибавил. Полковник Мэлчетт наивно удивился про себя, сколько ухищрений требуется женщинам, чтобы приукрашивать внешность: целые ряды банок с кремами, дневными, ночными, увлажняющими, для снятия косметики, коробки с пудрой разных оттенков, патрончики помады, тушь для ресниц, тени для век, не меньше дюжины флаконов с вяжущими и тонизирующими лосьонами, бутылочки разноцветного лака для ногтей, бумажные салфетки для лица, пуховки — ну и ну!

— Неужели это все идет в дело? — пробормотал он.

Всезнающий Слэк тотчас вмешался:

— В обычной жизни, сэр, женщины употребляют два оттенка теней для век: один светлый — дневной, другой вечерний, ярче. Цвет по вкусу, кому что идет. Но актрисам и танцовщицам приходится часто менять стиль лица. Один грим для танго, совсем другой для старинного танца в кринолине. Или, скажем, пляски апашей. А есть еще обычные современные танцы. Косметика дополняет костюмы.

— Боже мой! — воскликнул полковник. — Как же наживаются фармацевты и фабриканты косметики! Верно, гребут целые состояния?

— Денежки текут рекой, — согласился Слэк. — Хотя львиная доля расходуется на рекламу.

Мэлчетт с некоторым усилием отвлекся от старой как мир, но волнующей темы женских хитростей ради собственной красоты.

— Что ж… побеседуем с танцором. Это возлагается на вас, Харпер.

— Как вам угодно, сэр.

Спускаясь по лестнице, Харпер спросил:

— А как вы отнеслись к истории Бартлетта?

— Относительно машины? Думаю, этим чуда-

ком надо тоже заняться. Что-то подозрительное есть в его рассказе. А вдруг он все-таки вчера вечером увозил Руби? Кто знает?..

Глава 21

Начальник полиции Харпер был уживчивым, хорошо воспитанным человеком. Он не чурался запутанных, трудных дел и, хотя искренне ценил высокий профессионализм полковника Мэлчетта, обрадовался возможности провести очередной допрос самостоятельно. Его метод основывался на постепенности и последовательности. Благожелательная беседа никак не настораживала тех, кого он допрашивал, и во время следующего разговора они чувствовали себя спокойно и раскованно. Харпер знал в лицо гибкого, загорелого красавца с ослепительной улыбкой — Реймонда Старра. Черноволос, строен, скупые выразительные жесты, манеры джентльмена — о, разумеется, он пользовался всеобщей симпатией!

— Я в отчаянии, господин начальник полиции, что так мало могу быть вам полезен. Мы ежедневно репетировали наши номера. Но это, пожалуй, все, что могу сказать о ней. Прелестная девушка, хотя абсолютная простушка.

— Нас интересует ее окружение. Прежде всего приятели-мужчины.

— Вполне понимаю. Но мне известно только то, что бросалось в глаза всем: многие пытались за ней ухаживать. Правда, безуспешно. Ее постоянным обществом была семья Джефферсонов.

— Ах да, семья Джефферсонов…

Полицейский помолчал и проницательно взглянул на молодого человека.

— Ну и как вы относились к этим феерическим планам?

Реймонд Старр невозмутимо переспросил:

— Простите, к каким именно?

— Как? Разве вы не знаете, что мистер Джефферсон недавно начал формальные хлопоты по удочерению Руби Кин?

Пораженный новостью, танцор «Маджестика» невольно присвистнул.

— Ну и хитрющая девчонка! А сам-то мистер… седина в бороду, бес в ребро!

— Значит, вы так это расцениваете?

— А как же еще? Если бы дело шло только об удочерении, он мог найти кого-нибудь из своего круга.

— Выходит, Руби не обмолвилась вам ни словом?

— Абсолютно. Я замечал, что она в последнее время сияет, но не подозревал о причинах.

— А Джози знала?

— Было бы странно, если бы она не знала! Не удивлюсь, если вся история с удочерением дело ее рук. Джози совсем не дура, у нее крепкая голова на плечах.

Харпер охотно согласился. Джози привела Руби в «Маджестик» и наверняка поощряла дружбу своей кузины с мистером Джефферсоном. Немудрено, что она перепугалась, увидев, насколько мистер Джефферсон был взбудоражен, когда Руби не явилась к обязательному танцу. Все усилия могли пойти прахом!

— Как вам кажется, Руби умела хранить тайну?

— Как все мы, когда это необходимо. О своих личных делах она помалкивала.

— И ни разу не проговорилась о старом знакомом, который приехал сюда специально ради нее? Из-за которого у нее могли произойти неприятности, а?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Но любовных связей у нее не было, она сама так говорила.

— Благодарю. А теперь не смогли бы вы изложить цепь событий того вечера с вашей точки зрения?

— С величайшей охотой. Наш первый танец с

Руби окончился в половине одиннадцатого.

— Что-нибудь в ее поведении бросилось в глаза?

Реймонд добросовестно порылся в памяти:

— Нет, пожалуй, ничего особенного. Я должен был заниматься с другими партнершами и видел только, как Руби вышла из зала. Через полтора часа она еще не вернулась. У меня это вызвало раздражение, я отправился к Джози, которая сидела с Джефферсонами за бриджем. Оказалось, что она тоже ничего не знает. Помню, как она бросила быстрый обеспокоенный взгляд на мистера Джефферсона. Пришлось попросить дирижера повторить фокстрот, а сам я стал звонить в комнату Руби. Не дождавшись ответа, вернулся к Джози. Она предположила: не заснула ли Руби у себя? Это говорилось явно для успокоения мистера Джефферсона. Мы поднялись наверх…

— Минутку, мистер Старр. А что сказала Джози, когда вы остались без посторонних?

— Она твердила в бешенстве: «Какая непроходимая дуреха! Ну может ли так продолжаться? Она просто пропадет. С кем она, вы не знаете?» Я ответил отрицательно. Видел лишь, как Руби танцевала с Бартлеттом. Джози покачала головой: «Конечно, она не с ним. Но с кем же тогда?

Может быть, с этим киношником, как думаете?»

— Каким киношником? — переспросил Харпер с живостью.

— Имени не знаю. Он не останавливался в отеле. Экстравагантный тип с длинными волосами, похож на актера. Чем-то занимается на киностудии, по словам Руби. Раза два приезжал ужинать и танцевал с ней. Не думаю, что это близкое знакомство. Я даже удивился, когда Джози упомянула о нем. Тем более что вчера вечером я его не видел в отеле. Джози в отчаянии повторяла: «Она с кем-то ушла. Ну как мне объяснить ее отсутствие Джефферсонам?» Я опять удивился: «А Джефферсонам-то какое дело?» Но она продолжала свое: никогда не простит Руби, если та по глупости испортит все дело! Когда мы вошли в комнату Руби, она была пуста, но Руби туда заходила: скинутое вечернее платье лежало на кресле. Джози кинулась к гардеробу: Руби надела старое белое платье, тогда как наш испанский танец исполнялся ею в черном бархатном. Я начинал не на шутку злиться: Руби манкирует работой и ставит меня в глупое положение! Джози сказала, что надо прежде всего не выводить из себя Прескотта, и побежала переодеваться. Мы спустились в зал вместе и медленно станцевали

испанское танго, без особых, замысловатых па, чтобы не перетруждать ее больную ногу. Джози держалась молодцом, хотя здорово страдала. Потом упросила меня подойти к Джефферсону, сделать вид, что все в порядке. Я чувствовал ее тревогу и охотно подыгрывал.

Харпер благожелательно кивнул:

— От души благодарен вам, мистер Старр!

А про себя подумал: «Поневоле впадешь в панику, если дело идет о пятидесяти тысячах фунтов стерлингов!» Он проводил взглядом Реймонда, который упругой походкой сбегал с лестницы, прихватив по пути теннисные мячи и ракетку. К корту он шел уже вместе с миссис Джефферсон, которая тоже помахивала ракеткой.

— Прошу прощения, сэр! — сказал запыхавшийся сержант Хиггинс. — Вам только что звонили из полицейского участка, сэр! Какой-то фермер пришел заявить, что рано утром видел возле карьера большое пламя. Полчаса назад там обнаружен остов сгоревшей машины. Примерно в трех километрах отсюда. Среди обломков обугленный труп.

Харпер вспыхнул до корней волос.

— Да что же это творится в графстве Гленшир?! — вскричал он. — Эпидемия преступлений, что

ли? Номер машины удалось разобрать?

— Никак нет, сэр. Но выясним по фабричному клейму мотора. А марка автомобиля скорее всего «Миньон-14».

Глава 22

Сэр Клиттеринг проходил по вестибюлю «Маджестика» с самоуглубленным и отстраненным видом, мало обращая внимания на встречных, но его тренированное подсознание брало на заметку все детали, которые при необходимости моментально всплывут в памяти. Поднимаясь по парадной лестнице к номерам Конвея Джеффферсона, он ломал голову о причине столь срочного приглашения. Без серьезной надобности Джефферсон не стал бы его беспокоить. Следовательно, случилось нечто экстраординарное.

Едва поздоровавшись, Конвей сказал своему другу:

— Как я рад, что вы здесь… Эдуард, принесите нам чего-нибудь покрепче… Садитесь, старина. Вы уже в курсе происшедшего? Неужто в утренних газетах все еще ничего нет?

Сэр Генри покачал головой и спросил с любопытством:

— А в чем дело?

— Речь идет о преступлении. В нем оказались замешаны и я, и наши друзья Бантри.

— Артур и Долли Бантри?! — У сэра Генри бук-

вально захватило дух.

— Да. У них в доме найден труп. — И Конвей Джефферсон без ненужных подробностей, коротко и точно изложил ситуацию.

Генри Клиттеринг весь обратился в слух, ни разу не прервав друга. Оба умели схватывать суть дела. За годы службы в Скотленд-Ярде сэр Генри заслужил репутацию человека проницательного и мыслящего.

— Странное происшествие, — заметил он, выслушав до конца. — И какова здесь, по-вашему, роль Бантри?

— Видите ли, это-то меня и удручает! По-видимому, единственная причина их теперешних неприятностей — знакомство со мной. Они утверждают, что никто из них в глаза не видел несчастную девушку. Очевидно, Руби заманили в ловушку; чтобы замести следы, тело подбросили к Бантри. Как вы на это смотрите?

— Объяснение малоудовлетворительное.

— Но ведь оно правдоподобно?

— Только в какой-то мере. А что вы хотите от меня, Конвей?

Тот проговорил со скрытой горечью:

— Я калека. От этого никак не уйти. Передвижения мои ограничены. Я не могу, как хотелось

бы, расспросить тех или иных людей, в общем, провести свое расследование. Мой удел довольствоваться крохами, которые соблаговолит сообщить полиция. Кстати, вы знакомы с Мэлчеттом, главным констеблем графства Рэдфорд?

— Да, нам приходилось прежде сталкиваться довольно часто.

И тут включилась память сэра Генри. Проходя по вестибюлю, он мимоходом зафиксировал образ старой дамы, которая сидела в сторонке скромно и очень прямо. Именно Мэлчетт познакомил их при последней встрече.

— Дорогой Конвей, вы хотите, чтобы я взялся за роль детектива-любителя? Это решительно не по мне.

— Но вы ведь не любитель! — возразил Джефферсон.

— Однако и не официальное лицо. С тех пор как ушел в отставку.

— По-моему, это только упрощает дело, — сказал Джефферсон.

— Но чего именно вы хотите, Конвей? Разыскать убийцу?

— Разумеется!

— Есть какие-нибудь подозрения?

— Ни малейших.

Сэр Генри сказал, несколько помедлив:

— Вы найдете это очень забавным, но там внизу, в вестибюле, сидит некая особа, которая гораздо лучше меня способна находить отгадки к подобным головоломным историям. Кроме того, все интимные секреты окрестных обитателей у нее как на ладони!

— Вы, конечно, шутите?

— Повторяю: в вестибюле, возле третьей колонны слева, скромненько сидит старая дама самой мирной, непрезентабельной внешности. Но ее живой ум умеет проникать до самых глубин человеческих побуждений. Притом она остается спокойной и доброжелательной. Ее зовут мисс Марпл, она безвыездно живет в деревеньке Сент-Мэри-Мид, всего в трех верстах от Госсингтона. Приятельница Бантри. А в детективных делах может дать сто очков вперед любому знаменитому сыщику!

Вскинув брови, Джефферсон несколько секунд вглядывался в выражение лица своего гостя.

— Что вам вздумалось меня морочить?

— Да нет же, Конвей! Вы упомянули о Мэлчетте. Последний раз я его видел в связи с одной деревенской драмой. Утонула девушка. Но полиция не верила в самоубийство, считая, что налицо

преступление, а виновник у них в руках. Тут-то и явилась ко мне весьма взволнованная престарелая леди, чтобы изложить свои опасения. Она считала, что собираются повесить невиновного. Доказательств у нее не было. Но она знала убийцу и протянула мне листок бумаги с его именем. Так вот, дорогой Джефферсон, она оказалась права!

Конвей принудил себя усмехнуться:

— Женская интуиция, не более.

— Вовсе нет. Старая леди объяснила, что у нее свой метод. Отсюда и особые сведения.

— Что именно вы имеете в виду?

— Это термин из профессионального жаргона, мой друг. Например, когда происходит ограбление, полиция довольно легко догадывается о его, так сказать, авторстве. У каждого злоумышленника свой почерк. А мисс Марпл — я, кажется, уже называл вам ее имя? — проводит психологические параллели, иногда наивные, основываясь на своих деревенских наблюдениях.

Скептицизм Джефферсона не убывал:

— Что же она может сопоставить с убийством девушки из аристократической среды?

Сэр Генри твердо стоял на своем:

— Она может подбросить нам свежую идею. Убежден в этом!

Глава 23

Мисс Марпл зарделась от удовольствия, когда сэр Генри подошел к ней с любезным приветствием.

— О, сэр Генри! Это так удачно, что я встречаю вас здесь.

Он галантно отозвался:

— Для меня любая встреча с вами — удача и удовольствие!

Она потупилась в смущении:

— Вы бесконечно добры.

— Остановились в этом отеле, мисс Марпл?

— Да, мы решили провести здесь некоторое время.

— Простите, кто мы?

— Миссис Бантри и я. — Она взглянула на него многозначительно. — Я вижу, вы уже знаете. Ужасно, не правда ли?

— А что здесь понадобилось Долли? Муж ее тоже собирается приехать?

— Не думаю. У них очень разный подход к одним и тем же событиям. При любой неприятности бедный полковник замыкается в кабинете или отправляется на отдаленную ферму. Вроде

черепахи, которая втягивает голову под панцирь. Ну а Долли — совсем другое дело.

— Уверен, что она смакует острые ощущения, извлекая все, что можно, из этой истории, а? — Сэр Генри достаточно хорошо знал их общую приятельницу.

— Ах… знаете ли… бедняжка…

— Значит, она притащила вас сюда, чтобы вы, как фокусник, вынимали кроликов из шляпы?

Мисс Марпл безмятежно объяснила:

— Долли подумала, что перемена обстановки ей поможет. Она не хотела оставаться в Госсингтоне. — Однако, встретив смеющийся взгляд сэра Генри, захлопала ресницами и добавила: — Пожалуй, вы отгадали правильно. Только я ничем не сумела быть ей полезной.

— Неужели у вас не нашлось хоть какой-то аналогии с деревенскими происшествиями?

— Я так мало знаю об этой истории…

— Тут я смогу вам помочь. Тем более что жажду вашего совета, мисс Марпл.

И он, не пропуская ничего, изложил ей факты. Она слушала с неослабевающим вниманием.

— Бедный мистер Джефферсон! — вздохнула она. — Какая печальная история с этой авиационной катастрофой. Остался совсем один да еще

недвижимым калекой. Для него было бы легче погибнуть вместе со всеми.

— Может быть. Мы, его друзья, глубоко уважаем мужество, с которым он преодолевает свое горе.

— Да, он достоин сочувствия и восхищения.

— За все эти годы он проявил лишь одну слабость: внезапно и горячо привязался к этой маленькой танцовщице. Должно быть, она была замечательной девушкой, раз вызвала такое чувство!

— Вот уж не обязательно, — возразила мисс Марпл. — Не думаю, что ее достоинства сыграли хоть какую-то роль.

Сэр Генри бурно запротестовал:

— Но не принимаете же вы Джефферсона за банального селадона?

— О нет, нет! — воскликнула пожилая незамужняя дама, густо краснея. — Ни одной минуты не думала так! Я просто неудачно выразилась. Мне хотелось сказать, что он бессознательно тянулся к какому-нибудь юному существу, которое хоть отчасти восполнит ему утрату дочери. А перед танцовщицей блеснула небывалая возможность. Вот она и ухватилась за нее. Вы сочтете меня слишком подозрительной, но я навидалась подобных случаев. Вот, например, молоденькая служанка

мистера Харботла… Заурядная девушка, правда, с ровным характером и неплохо воспитана. Сестру, которая вела хозяйство этого старого холостяка, вызвали куда-то ухаживать за их больным родственником. Вернувшись, она обнаружила в поведении служанки разительную перемену: та сидела в гостиной, болтая и бесцеремонно хохоча. На ней не было ни фартука, ни чепца. Мисс Харботл попробовала сделать ей замечание, но в ответ услышала дерзость. А брат совершенно поразил ее, объявив, что переписал свое завещание в пользу этой девушки. Представляете, какой скандал? Бедной мисс Харботл пришлось покинуть дом и снять крошечную квартирку в Истборне. Люди, конечно, предполагали всякое. Но я-то думаю, что ничего не было. Просто старого джентльмена радовало общество хорошенькой жизнерадостной девушки, и он предпочел ее сестре, которая деспотически заправляла всем домом да еще вечно куксилась. — Немного подумав, мисс Марпл с живостью продолжала: — А еще у нас есть аптекарь, мистер Бэджер. Этот уделял слишком много внимания молоденькой продавщице из парфюмерного отдела. Он даже уговаривал жену взять ее к ним в дом, будто она их родственница. Но миссис Бэджер взглянула

на это иначе.

Сэр Генри заметил примирительно:

— Ну, если эта продавщица принадлежала к их кругу… скажем, осталась сиротой после хорошего знакомого…

Мисс Марпл живо перебила:

— О нет! Тогда она привлекала бы его гораздо меньше. Старому джентльмену, потерявшему вкус к жизни, приятно оказывать покровительство существу одинокому, заброшенному, которое привяжется к нему за его великодушие. Он поднимается в собственных глазах, когда думает о своем добром поступке и о той радости, которую доставит ему ожидаемая благодарность. — Она помолчала. — Мистер Бэджер делал продавщице дорогие подарки: браслет с бриллиантиками, радиоприемник, прекрасный проигрыватель. Он потратил на нее значительную часть своих долголетних сбережений. Однако миссис Бэджер оказалась предприимчивее бедной мисс Харботл (замужество дало ей опыт!). Она проследила за этой девицей, и однажды мистер Бэджер получил доказательства того, что его любимица связалась со скверным парнем, игроком на скачках, и он уже спустил почти все его подношения. Оскорбленный герой уволил интриганку, а жене

преподнес на Рождество бриллиантовый перстень.

Лукавый взгляд старой дамы встретился с внимательными глазами отставного комиссара Скотленд-Ярда. Тот раздумывал, не скрыто ли иносказания в этих побасенках.

— Значит, вы думаете, что, если бы у Руби Кин оказался любовник, это могло изменить отношение к ней моего друга?

— Разумеется. Кто может поручиться, что вскоре он не пожелал бы на ней жениться? Мужчины заходят далеко в своих увлечениях. Во всяком случае, если у Руби был роман, то она уж позаботилась бы держать его в тайне.

— И по-вашему, скрываемый любовник мог отомстить ей за это?

— Пока не нахожу другого объяснения. Я заметила, что ее кузина, молодая женщина, которую привозили сегодня утром в Госсингтон, едва скрывала досаду по поводу этой смерти. Сейчас вы объяснили причину. Она наверняка рассчитывала на собственную выгоду, если Руби станет наследницей Джефферсона.

— Вы считаете ее такой расчетливой и бессердечной?

— Не судите слишком строго. Кусок хлеба до-

стается ей нелегко. Почему же ожидать, что она станет миндальничать, если речь идет о богаче? И какое ей дело, что этих денег дожидаются Гэскелл и молодая миссис Джефферсон? Кстати, не имея на это никаких прав. Мисс Тернер производит на меня совсем неплохое впечатление: она честолюбива, обладает сильным характером и большой жизненной стойкостью.

Сэр Генри спросил:

— А когда, по-вашему, моему другу Конвею пришла мысль сделать танцовщицу своей наследницей?

— Скорее всего... не поймите меня превратно, но, возможно, его зять или невестка захотели вступить в новый брак?

— Джефферсон не стал бы возражать.

— Конечно нет. Но поставьте себя на его место. Все трое пережили одну и ту же трагедию. Это их сблизило, свело под общую крышу. Но, как говорила моя бедная матушка, время — лучший целитель. Мистер Гэскелл и миссис Джефферсон еще молоды. Вечное напоминание о прошлом начинает тяготить их. Мистер Джефферсон чувствовал это, молча страдал, и наконец его привязанность к обоим стала иссякать. Ведь он переносил на них любовь к погибшим детям. А

теперь его обступало безысходное одиночество. Если помните, сестра мистера Харботла уехала от брата, тогда как миссис Бэджер…

Сэр Генри позволил себе перебить ее:

— Ну что за привычка ставить всех на одну доску! Право, мисс Марпл, бессмысленно считать, что все думают и поступают по шаблону. Я с этим решительно не согласен!

Мисс Марпл с грустью покачала головой:

— Человеческая природа имеет общие законы.

Но тот продолжал с досадой:

— Как можно равнять каких-то Харботла и Бэджера с мистером Джефферсоном! Не люблю касаться своей особы, но неужели вы отыщете в деревне кого-либо похожего и на меня?

— Даже искать не надо. Это Бригс.

— Какой еще Бригс?!

— Бывший главный садовник в одном имении. Лучший из садовников! Он был осведомлен в своей области решительно обо всем; подчиненные только в затылке чесали… С тремя подручными и одним мальчиком на побегушках он содержал парк и оранжерею в таком виде, будто здесь потрудилось полдюжины дипломированных цветоводов! Его сорта душистого горошка отмечены многими призами на выставках. Сейчас он

отошел от дел.

— Как и я, — пробормотал сэр Генри.

— Но иногда что-то делает то тут, то там. Особенно если просят симпатичные ему люди.

— Точь-в-точь как и я, — вынужден был согласиться сэр Генри. — Таково мое занятие в настоящий момент. Хочется помочь старому другу.

— Вернее, двум старым друзьям.

— Двум? — несколько удивился сэр Генри.

Мисс Марпл продолжала с настойчивостью:

— Вы подумали о мистере Джефферсоне, но забыли о полковнике. Я беспокоюсь также и о миссис Бантри.

— Ах да. Теперь понимаю. Вот почему вы назвали Долли бедняжкой?

— Да. Она пока еще не осознала всей опасности положения. Видите ли, сэр Генри, эта зловещая тайна может остаться нераскрытой. И какой драмой это обернется тогда для супругов Бантри! Полковник, как большинство военных, чрезвычайно щепетилен в отношении чести своего имени. Поначалу он постарается отнестись к пересудам равнодушно. Но постепенно всеобщая подозрительность доконает его. Кто-то подпустит в разговоре шпильку, прозрачный намек, кто-то

откажется от приглашения, конечно с извинением. Но постепенно все станет ясно. Бедняге ничего не останется, как спрятаться в свою скорлупу, вести грустную, отшельническую жизнь.

— Если я вас правильно понял, мисс Марпл, из-за того, что труп обнаружен в библиотеке Бантри, подозрения падут на него?

— Увы, вне сомнения. О нем уже начинают сплетничать вокруг. Но это только начало, людская злоба на этом не остановится. Их станут избегать, относиться все холоднее. Просто необходимо раскрыть истину!

— Но хоть какое-то разумное объяснение должно существовать тому, что труп оказался в библиотеке? Должна быть какая-то причина?

— Конечно, причина есть.

— Эту девушку видели в «Маджестике» без двадцати одиннадцать, а в полночь, по медицинскому заключению, она была уже мертва. Госсингтон расположен примерно в тридцати километрах отсюда. По шоссе можно ехать быстро, это километров двадцать пять пути. Потом приходится свернуть на проселок. Но почему, если ее убили раньше, понадобилось везти мертвое тело в Госсингтон? Или зачем ее привезли в Госсингтон, чтобы задушить там? Для меня это

полная нелепица!

— Естественно, потому, что события разворачивались совсем не так.

— Вы думаете, ее задушили здесь, а потом уже убийца повез труп дальше и подкинул в первый попавшийся дом?

— Вовсе нет. Напротив, я уверена, что преступление было тщательно продумано. Но что-то помешало осуществить его так, как предполагалось.

— Почему же план не удался?

Мисс Марпл ответила виноватым тоном:

— В нашем мире полно странностей! Если я вам скажу, что план не удался потому, что люди более уязвимы и чувствительны, чем принято считать, вы ведь снова подумаете обо мне как о вздорной старухе, сознайтесь? Однако это и есть мое мнение… А вот и миссис Бантри!

Глава 24

Миссис Бантри появилась вместе с Аделаидой Джефферсон. При виде сэра Генри у нее вырвалось восклицание:

— Как, вы тоже здесь?

— Представьте. Собственной персоной. — Он склонился к ее руке. — Могу признаться, эта история положительно вывела меня из равновесия.

— Ах, Артур принял ее тоже слишком трагически. Он остался дома. А вот мы с мисс Марпл решили попробовать сами разобраться во всем. Кстати, вы знакомы с Аделаидой?

— О да.

Миссис Бантри предложила:

— Отправимся-ка на террасу? Там не так людно и можно заказать по глотку прохладительного.

Они перешли на террасу и подсели к столику Марка Гэскелла, который пребывал в мрачном одиночестве.

Едва официант принес бокалы со льдом, как миссис Бантри нетерпеливо заговорила о том, что ее сейчас волновало.

— Мы можем быть совершенно откровенны друг с другом, — сказала она. — Все давным-давно

знакомы. Кроме мисс Марпл. Однако, уверяю вас, ее уникальный опыт может нам очень помочь.

Марк Гэскелл ошарашенно посмотрел на старую даму и через силу выдавил:

— Вы сочиняете полицейские романы?

— Боюсь, что у меня отсутствуют способности, чтобы отважиться на писательство.

Миссис Бантри поспешила вмешаться:

— Это не так просто объяснить в двух словах. Но факт остается фактом — мисс Марпл поистине удивительна! Адди, милочка, я сгораю от нетерпения разузнать подробности! Эта девушка… что она собой представляла?

Аделаида искоса взглянула на Марка и усмехнулась:

— Я положительно не способна ответить на ваш вопрос!

— В каком она хотя бы роде?

Гэскелл отозвался с грубой прямотой:

— Обычный тип хитрюги. В два счета опутала Джеффа!

Между собой они с Аделаидой называли Конвея Джефферсона Джеффом.

Сэр Генри едва скрыл неудовольствие. Какая фамильярность! Молодчик не из тех, кто способен взвешивать выражения. Он всегда скептически

относился к избраннику Розамунды. В некотором шарме Марку не откажешь, но полагаться на него — ни боже мой.

— И вы никак не вмешались? — удивленно спросила миссис Бантри.

Марк Гэскелл ожесточенно отозвался:

— Надо было. Да мы все это прохлопали. — Он бросил на Аделаиду красноречивый взгляд. — Вы уделяли нашему старому Джеффу слишком мало времени, Адди! Вас в последнее время увлек теннис, и все остальное…

— Но мне так редко выпадает возможность заняться спортом. — Тон у нее был виноватый. — Не могло же мне прийти в голову…

— Разумеется, — подхватил Марк. — Откуда нам было знать? Джефф всегда отличался благоразумием.

Мисс Марпл проронила:

— Мужчины редко способны к благоразумию, какое бы ни производили впечатление.

В глубине души она была убеждена, что мужской пол — просто-напросто одна из разновидностей диких зверей.

— Согласен с вами, — сказал Марк. — Жаль лишь, мисс Марпл, что мы не додумались до этого вовремя. Нас, конечно, удивляло, что именно

нашел старик привлекательного в этой бесцветной и хитрющей особе? Но он взбодрился, был оживлен, мы этому радовались, а на нее не обращали внимания. Черт возьми! Жалею, что сам не свернул ей шею пораньше!

— Марк! — решительно вмешалась Аделаида. — Отдавайте себе отчет в том, что говорите.

Молодой человек криво ухмыльнулся:

— Иначе меня сочтут за убийцу! Ба! Как ни верти, я и так уже на крючке. Кому выгодна эта смерть? Нам с вами, милая Адди!

— Марк! — повторила миссис Джефферсон с принужденным смехом. — Умоляю, замолчите!

— Ладно, ладно, — успокаивающе сказал он. — Хотя я не привык к обинякам. Разве наш почтенный Джефф не решил облагодетельствовать эту маленькую лгунью пятьюдесятью тысячами фунтов?

— Марк, я положительно настаиваю… ведь она умерла!

— Ну да, знаю, что умерла… Бедная дурочка! По правде говоря, почему ей было не извлечь толику пользы из тех даров, которыми ее наделила природа? Какого черта я на нее напустился?

— Вы что-нибудь возразили Конвею, когда он сообщил о намерении удочерить эту танцовщи-

цу? — осторожно поинтересовался сэр Генри.

Марк развел руками.

— А на каком основании? Деньги принадлежат Джеффу, а мы, строго говоря, даже не его родственники. К тому же он милейший старикан. Нет, мы проглотили пилюлю молча. — Он задумался. — И все-таки невзлюбили малышку Руби.

Аделаида примиряюще сказала:

— Все дело в том, на кого пал выбор. У Джеффа две крестницы. Удочери он одну из них, никто бы не удивился. — В голосе ее проскользнуло скрытое раздражение. — И к тому же он был так привязан к Питу!

— Я, разумеется, знала, что Пит — ваш сын от первого брака, — заметила миссис Бантри, — но со временем как-то забыла об этом. Мистер Джефферсон относился к нему, как к родному внуку.

— И мне так казалось, — вздохнула Аделаида.

Что-то в ее тоне заставило встрепенуться мисс Марпл. Она повернула голову и внимательно посмотрела на молодую женщину.

— Во всем виновата Джози, — выпалил Марк. — Это она приволокла сюда Руби!

— Послушайте, Марк, — возмутилась наконец Аделаида. — Не хотите же вы сказать, что сестры были сообщницами? То, что здесь появилась

Руби, чистая случайность.

— И все-таки, милая Адди, Джози не так проста! Допустим, в преднамеренности я ее не обвиняю. Но она раньше всех почувствовала возможный поворот дел и, однако, никому ни слова.

— За это ее нельзя упрекать, — со вздохом отозвалась Аделаида.

— Упрекать мы вообще никого не можем, — честно заключил Марк.

— А что, Руби Кин действительно была очень хорошенькая? — с любопытством спросила миссис Бантри.

Марк удивленно взглянул на нее:

— Я думал, вы ее видели.

Миссис Бантри пробормотала:

— Я видела… труп. Когда человек задушен, судить о внешности… — Ее передернуло.

— Строго говоря, она не была красоткой, — задумчиво сказал Марк. — Она смело пользовалась косметикой, бросалась в глаза. Хотя в лице преобладало нечто лисье. Слабый, срезанный подбородок, редкие, будто вдавленные зубы, неописуемый нос…

— Значит, она была безобразна?

— Вот уж нет! Стоило ей накраситься, как она становилась чертовски соблазнительна. Правда,

Адди?

— Пожалуй. Кукольное личико с конфетной коробки. А вот голубые глаза были красивы по-настоящему.

— Не забудьте еще невинный взгляд, как у трехлетнего младенца. И длинные темные ресницы, отчего глаза казались особенно синими. Волосы она красила. Они были платинового цвета, как у моей жены Розамунды. Может быть, это и растрогало Джеффа? — Марк невольно вздохнул. — Самое отвратительное, что мы с Адди можем только радоваться ее смерти. — Он не дал ей возразить. — Я знаю, что вы можете сказать, но не хочу лицемерить. Однако, поверьте, старика Джеффа мне искренне жаль. Удар сразил его… — Он вдруг умолк и взглянул сквозь распахнутую дверь в вестибюль. — Ну и скрытница же вы, Адди! Смотрите-ка, кто сюда идет!

Миссис Джефферсон обернулась, слабо ахнула и вскочила с места. Лицо ее зарделось. Она стремительно пересекла террасу навстречу смуглому мужчине среднего роста. Тот нерешительно озирался.

— Не Хьюго ли это Маклин? — осведомилась миссис Бантри, прищуриваясь.

— Он самый, — подтвердил Марк Гэскелл. —

Адди стоит пошевелить пальцем, и Хьюго примчится с другого конца света. Он не оставляет надежды, что она в конце концов выйдет за него.

Мисс Марпл с улыбкой наблюдала встречу.

— Настоящая идиллия, не правда ли?

— В старинном вкусе, — усмехнулся Марк. — Длится слишком долго. Ничего не скажешь, наша Адди способна возбуждать глубокие чувства. — И, словно размышляя вслух, добавил: — Она, видимо, позвонила ему утром, а мне не сказала.

На террасе бесшумно возник Эдуард, камердинер Конвея Джефферсона. Он почтительно склонился перед Гэскеллом.

— Простите, сэр. Мистер Джефферсон выразил желание, чтобы вы поднялись к нему.

— Сейчас иду, — отозвался Марк, вставая.

Когда он вышел, сэр Генри наклонился к уху мисс Марпл.

— Ну что? У вас уже сложилось мнение об этих двоих, наиболее заинтересованных в последствиях преступления?

— По-моему, миссис Джефферсон очень любящая мать.

— Что да, то да, — охотно согласилась миссис Бантри. — Просто обожает Пита!

— Она из тех женщин, которые вызывают вос-

хищение и мысль о браке. Не потому, что она кокетка…

— Разделяю вашу оценку, — заметил с одобрением сэр Генри.

— Вам обоим Аделаида представляется нежной и тонкой натурой, — задумчиво проговорила миссис Бантри. — Что ж, вы не ошиблись.

— А Марк Гэскелл? — спросил с легким смешком сэр Генри.

— Обыкновенный пройдоха, — безапелляционно ответила мисс Марпл.

— У вас имеется и для него деревенский прототип?

— Представьте. Это мистер Карджелл, подрядчик. Он такой краснобай, что убедит делать ремонт или хозяйственные перестройки, даже когда владельцам дома они абсолютно не нужны. И за какие цены! Но попробуйте проверить счета, он найдет оправдание каждому центу. Этот ловкач женился на солидном приданом. Как и мистер Гэскелл, не так ли?

— Он вам не нравится?

— Нет, почему же? У него особый талант очаровывать. На меня это, впрочем, не действует. Обаяние без ума… К тому же слишком болтлив. Неосторожен.

«Неосторожен, — подумал сэр Генри. — Точное определение. Если он будет и дальше нести чушь на всех перекрестках, ему не избежать неприятностей».

По лестнице, ведущей на террасу, легко взбегал стройный человек в белом фланелевом костюме.

— А это, — медленно произнес сэр Генри, — Реймонд Старр, игрок в теннис и танцор, партнер Руби Кин.

Во взгляде старой дамы отразилось любопытство.

— Очень красивый молодой человек.

— Как сказать.

— Не будьте смешным, сэр Генри, — вмешалась миссис Бантри. — Он действительно на редкость красив.

— Я краем уха слышала, что миссис Джеффферсон тренируется на корте? — невинно спросила мисс Марпл.

— Что же из этого, Джейн?

Но старая дама не успела ответить. На террасу вихрем влетел юный Пит Кармоди. Он тотчас устремился к сэру Генри.

— Вы тоже сыщик, сэр? Я видел, как с вами совещался господин из полиции… ну, тот, толстый. Он начальник полиции, я не ошибся?

— Не ошиблись, мой мальчик. Но вы что-то хотели?

— Мне сказали, что вы знаменитый детектив из Лондона. Чуть ли не директор Скотленд-Ярда или что-то в этом роде…

— В полицейских романах подобная фигура выглядит полным идиотом, не правда ли?

— О нет, сэр. Это устарелый стиль. Потешаться над полицией теперь вышло из моды… А вы, конечно, уже знаете, кто убийца?

— Представьте, нет.

— Следствие очень вас заинтересовало, Пит? — ласково спросила миссис Бантри.

— О да, мадам! Это мое главное занятие сейчас. Где я только не лазил, чтобы напасть на вещественные доказательства! Но мне не везет. То, что я нашел, пустячная мелочь, просто память об убитой. Хотите взглянуть? Представляете, мама велела выбросить. Взрослые иногда так недальновидны!

Он торжественно вынул из кармана спичечную коробку, открыл ее и показал спасенное сокровище.

— Видите? Это обрезок ногтя, ногтя Руби. Я наклею этикетку «Ноготь задушенной женщины» и покажу в колледже. Мировой сувенирчик?

— Где вы его нашли? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Вчера вечером перед ужином Руби зацепила ногтем шаль Джози, и ноготь сломался. Мама отрезала его ножничками и велела мне выбросить в мусорную корзинку. Лень было идти, я сунул в карман, а сегодня утром вспомнил. Начал рыться: на месте! Теперь это мой трофей. Удивительно получилось, правда? Я ведь не знал, что ее убьют.

— А еще что-нибудь вы не отыскали? — с надеждой спросил сэр Генри.

— Нет. Но кое-что интересненькое у меня хранится.

— Поясните, мой мальчик, что именно?

Пит достал конверт и вынул обрывок коричневого шнурка.

— Это кусок шнурка от ботинка Джорджа Бартлетта. Утром я увидел ботинки перед его дверью и отрезал кусочек на случай, если…

— На какой случай?

— Если он окажется преступником, конечно! Ведь он виделся с Руби последним. Согласитесь, это подозрительно. А что, ужин скоро? Просто умираю от голода. По-моему, время между чаем и ужином тянется неимоверно долго. О, да это дядя Хьюго! Я и не знал, что мама вызвала его.

Он всегда появляется в трудные минуты. А вот и Джози идет сюда. Добрый вечер, Джози!

Джозефина Тернер вступила на террасу и приостановилась явно в удивлении при виде обеих дам из Госсингтона.

— Как поживаете, мисс Тернер? — со светской приветливостью обратилась к ней миссис Бантри. — Мы приехали, чтобы немного расшевелить следствие.

Джози с некоторым смущением оглянулась и сказала, понизив голос:

— Это так мучительно! До сих пор ничего не известно. По крайней мере, в газетах ни слова. Я боюсь, что репортеры вот-вот примутся атаковать меня вопросами, а что я скажу?

Ее обеспокоенный, блуждающий взгляд остановился на мисс Марпл, которая поспешила отозваться:

— Вполне понимаю ваши затруднения, милая.

Ее сочувствие подбодрило Джози.

— Наш директор мистер Прескотт велел мне вообще не открывать рта, но как это выполнить? Мистер Прескотт думает, что я могу работать здесь по-прежнему. Право, он очень добр при этих ужасных обстоятельствах. Я стараюсь угодить ему. Меня ведь упрекнуть не в чем?

— Вы разрешите, мисс, задать вам один вопрос? — вежливо вмешался сэр Генри.

— Пожалуйста, — отозвалась Джози упавшим голосом.

— Ваши отношения с миссис Джефферсон и мистером Гэскеллом всегда были одинаково хорошими?

Джози нервно стиснула руки. Голос ее звучал неуверенно:

— Право… никто из них не сказал ни слова упрека. Но у меня впечатление, будто они сердиты из-за… ну, того интереса, который мистер Джефферсон проявил к Руби. Однако я вовсе в этом не виновата! Я сама была очень удивлена. — Она говорила горячо и искренно.

— Охотно допускаю, — любезно заметил сэр Генри. — Особенно вы удивились, конечно, когда мистер Джефферсон повел речь об удочерении вашей кузины?

Джози вздернула подбородок:

— Ей привалило неслыханное счастье. Но ведь каждый имеет право на удачу?

Она несколько вызывающе обвела присутствующих взглядом и, не оборачиваясь, покинула террасу.

— Думаю, она не причастна к преступлению, —

с видом знатока сказал Пит.

Мисс Марпл пробормотала как бы про себя:

— Этот обрезок ногтя навел на размышления. Я не могла объяснить себе… ее ногти…

— В каком смысле — ногти? — переспросил сэр Генри.

— Видите ли, ногти убитой были очень коротко обрезаны, — пояснила миссис Бантри. — Теперь, когда Джейн заговорила об этом, я вспомнила, что удивилась. У девушек ее профессии обыкновенно бывает маникюр.

— Да, — согласилась мисс Марпл, — но если она сломала один ноготь, то пришлось подровнять и другие. Хорошо бы разузнать, не нашлись ли еще обрезки в ее спальне?

Сэр Генри посмотрел на старую даму с любопытством.

— Непременно спрошу у Харпера, как только он вернется.

— Откуда вернется? — забеспокоилась миссис Бантри. — Неужели он снова поехал в Госсингтон?

Сэр Генри пояснил с серьезным видом:

— Нет. Произошла еще одна трагедия. В карьере найдена сгоревшая машина.

Мисс Марпл побледнела:

— Она пуста?

— К сожалению, нет.

Мисс Марпл грустно покивала:

— Боюсь, что это та пропавшая школьница. Памела Ривз.

Сэр Генри не мог скрыть удивления:

— Почему вы так решили?

Мисс Марпл, как всегда, смутилась:

— Нам рассказывал инспектор Слэк, что вчера вечером девочка не вернулась домой. Она живет в Дейнлей-Вэйл. Не очень далеко отсюда. Последний раз ее видели на празднике скаутов в Дейнбери, вблизи от Дейнмута. Дейнмут лежит у нее на пути по дороге. Все совпадает, не правда ли? Можно предположить, что она случайно услышала или увидела что-то смертельно опасное для убийцы. И участь ее была решена. Между этими двумя фактами возможно нечто общее, не так ли?

Сэр Генри понизил голос:

— По-вашему, действовал один и тот же человек?

— А почему бы и нет?

Твердый взгляд старой дамы встретился с понимающим взглядом бывшего комиссара Скотленд-Ярда.

— Решившись на одно преступление, — добавила она, — обычно уже не останавливаются перед вторым и даже третьим.

— Как? Вы допускаете третье?!

— Все может статься.

— Мисс Марпл, вы меня пугаете! — воскликнул сэр Генри. — Но кто же, ради всего святого, может стать этой третьей жертвой?!

— Кое-какие опасения у меня существуют.

Глава 25

Полковник Мэлчетт и начальник полиции Харпер мрачно переглянулись. Харпер только что вернулся из Мач-Бенхэма для консультации с шефом. Главный констебль сказал с тяжелым вздохом:

— Придется вести оба расследования одновременно. Убийство Руби Кин и убийство Памелы Ривз. Опознать несчастную девочку удалось только по обугленной туфельке да по пуговице от школьной формы. Какая ужасная гибель!

Харпер не замедлил согласиться:

— Совершенно верно, сэр.

— Доктор сделал заключение, что она была уже мертва, когда ее бросили на заднее сиденье и подожгли машину. Все-таки немного легче: хоть не сгорела заживо. Видимо, бедняжку ударили по голове.

— Или задушили.

— Вы хотите сказать, Харпер…

— Что у некоторых убийц свой излюбленный прием.

— М-да… Я повидался с родителями. Мать в невменяемом состоянии, жалко смотреть на нее.

Что ж, поищем связь между этими двумя преступлениями. Если таковая, конечно, существует.

Харпер коротко изложил происшествие:

— Памела Ривз участвовала в молодежном празднике в дюнах Дейнмута. Подруги утверждают, что она была здорова и весела. Однако в обратный автобус со всеми не села, сославшись на необходимость сделать какие-то покупки в Дейнмуте. Оттуда, более поздним автобусом, она и собиралась вернуться. Все правдоподобно: в Дейнмуте имеется большой магазин, а девочка не часто попадала в город. Дорога туда идет между дюнами, но делает крюк. Памела захотела сократить путь, пересекла поле и свернула на тропинку к «Маджестику», подходя к отелю с западной стороны. Тут-то она, возможно, видела что-то, имеющее отношение к Руби Кин. Ну, скажем, слышала, как ей назначали свидание на одиннадцать часов. Школьница могла опознать и выдать убийцу. Он это отлично понял.

— Следовательно, убийство Руби Кин было задумано ранее, а не произошло под влиянием минуты?

— Очевидно, — подтвердил Харпер. — Хотя первое впечатление говорило в пользу внезапного приступа ярости. Но теперь я думаю по-иному. Ес-

ли Памела была свидетельницей преступления, то как объяснить, что она оказалась около отеля так поздно? Ведь родители начали тревожиться о ней уже в девять часов вечера.

— Возможна другая версия. Она ускользнула в Дейнмут, чтобы встретиться с кем-то, о ком ни ее подруги, ни родители не знали. Тогда смерть не имеет отношения к убийству танцовщицы.

— Совершенно верно, сэр. Но лично я так не думаю. Заметьте, старая дама, мисс Марпл, тоже заподозрила связь между обоими убийствами. Первое, о чем она спросила, — это не опознали ли мы в сгоревшем трупе Памелу Ривз. У нее острый ум!

— Мисс Марпл не впервые проявляет проницательность, — заметил полковник Мэлчетт.

— Не будем забывать и о машине, сэр. Она принадлежала Джорджу Бартлетту. Вот вам еще ниточка к «Маджестику»!

Несколько минут они задумчиво смотрели друг на друга.

— Джордж Бартлетт, — повторил полковник. — А вдруг он? Как вы думаете?

Харпер вновь стал методично перечислять факты, загибая пальцы:

— Руби Кин последний раз видели с Бартлет-

том. Он сказал, что она поднялась к себе. Это подтверждает брошенное на кресло бальное платье. А если она отправилась переодеться для прогулки именно с ним? Они могли договориться об этом раньше. Скажем, перед ужином? Тогда возле отеля могла находиться и Памела, которая услышала их разговор.

— Бартлетт сообщил о пропаже автомобиля только на следующее утро, и очень сбивчиво. Например, не мог вспомнить, когда видел собственную машину во дворе в последний раз.

— Допустим, он лжет, сэр. И вовсе не идиот, а хитрый актер.

— Прежде чем разрабатывать эту версию, нам нужен повод для убийства. Какой смысл Бартлетту душить Руби Кин?

— Вечный камень преткновения — повод! Сведения из Дворца танцев тоже ни с чем не вяжутся.

— Совершенно ни с чем, Харпер! Все в один голос утверждают: никаких мужчин в жизни Руби Кин не было. Уж если Слэк ни до чего не докопался…

— После него там делать нечего. Он составил список всех, кто хоть однажды протанцевал с Руби Кин. Приличные, безобидные молодые люди.

Кстати, у всех твердое алиби на эту ночь.

— Ох эти мне алиби, — вздохнул начальник полиции. — Чуть что, натыкаешься на алиби.

Мэлчетт взглянул на него недовольно:

— Эта часть расследования поручена вам.

— Разумеется, сэр. Я все проделал самым добросовестным образом. Из Лондона получен ответ на наш запрос.

— Ну и?..

— Мистер Конвей Джефферсон весьма ошибся, оценивая имущественное положение зятя и невестки. Они не только не богаты, но попали в большие затруднения.

— Вот как?

— Да, сэр. Мистер Джефферсон, конечно, наделил и сына и дочь значительным капиталом, но когда это было? Фрэнк Джефферсон считал, что он тоже обладает финансовой сметкой, что в биржевой игре осторожен, не пускается в рискованные спекуляции, но ему просто не повезло. Он ошибся в расчетах, ценные бумаги принесли убыток. Его вдове в результате нечем даже оплатить приличную школу для своего сына.

— Она просила свекра о помощи?

— Не думаю, сэр. Пока она живет при нем, траты у нее минимальные.

— К тому же его здоровье не сулит долгую жизнь, так?

— Пожалуй, и это, сэр. Что касается мистера Гэскелла, то он ведь игрок и быстро спустил состояние жены. Да еще долгов наделал. Ему теперь не просто нужны деньги, ему нужно много денег.

— Этот человек никогда не вызывал у меня симпатии, — признался полковник Мэлчетт. — Отчаянный сорвиголова. Для него удочерение Руби означало потерю двадцати пяти тысяч фунтов стерлингов. Веский довод, чтобы избавиться от девушки.

— Но тот же повод был и у миссис Джефферсон.

— Пока я говорю не о ней.

— Знаю, сэр. Однако у них обоих одинаковые алиби. Они физически не могли совершить это преступление.

— Вы составили описание их действий в тот вечер по минутам?

— Да, сэр. Начну с мистера Гэскелла. Он ужинал со своим тестем и миссис Джефферсон. Когда Руби Кин к ним присоединилась, все вместе перешли к кофе. Затем мистер Гэскелл сказал, что у него остались недописанные письма, и ушел. На самом деле он сел за руль и ездил к морю. Мне он при-

знался, что сидеть за бриджем весь вечер выше его сил. А мистер Джефферсон, как назло, обожает эту игру. Итак, письма были пустой отговоркой. Руби Кин оставалась в салоне. Когда Гэскелл вернулся, она танцевала с Реймондом Старром. После своего номера Руби вновь подошла к Джефферсонам, выпила с ними прохладительного. Позже она ушла под руку с Бартлеттом. Гэскелл и остальная компания начали карточную партию. Было без двенадцати одиннадцать. Из-за стола Марк Гэскелл встал только после двенадцати. Сомнений быть не может, на этом сходятся все: партнеры по бриджу, официанты… словом, все. Убийцей он быть не может. У миссис Джефферсон тоже алиби. Обоих следует исключить… В том случае, если считать, что девушка убита до полуночи, — медленно добавил Харпер.

— Таково мнение доктора Хейдока. На его профессиональные знания можно положиться.

— И все-таки некоторые обстоятельства могут привести к ошибке.

— Я подскажу эту мысль Хейдоку. — Мэлчетт снял телефонную трубку, мельком взглянул на часы. — Хейдок должен быть уже здесь… Ну а если ее убили после полуночи?

— Тогда они могут оказаться замешанными,

ведь каждый входил и выходил по нескольку раз. Предположим, Гэскелл попросил девушку встретиться с ним где-нибудь в двадцать минут первого. Он покидает салон на несколько минут, душит ее, возвращается в салон, а от трупа избавляется на рассвете…

— …То есть везет его в своей машине за тридцать километров, чтобы втащить в библиотеку Бантри? Абсолютная чушь.

— Пожалуй, — согласился начальник полиции.

Разговор прервал телефонный звонок. Мэлчетт снял трубку.

— Алло, Хейдок! Это вы? Скажите, есть вероятность, что Руби Кин задушена после полуночи?

— Я уже говорил: смерть наступила между десятью и двенадцатью часами!

— Да-да, помню. Но разве в вашей практике не было случаев, когда опровергались бесспорные выводы?

— Это просто невозможно. Если я говорю, что это так, значит, это так. Медицину нельзя опровергнуть.

— Разумеется, разумеется… Но не могут ли сыграть роль какие-нибудь особые обстоятельства?

— Опять-таки вы заблуждаетесь. Девушка была абсолютно здорова, никаких аномалий. Я не могу

кривить душой, чтобы угодить полиции и помочь ей накинуть петлю на шею какого-нибудь бедняги, которого вы подозреваете. Прошу вас, сэр, не протестуйте. Мне известны некоторые ошибки… Между прочим, девушка была задушена в бессознательном состоянии. Ей сначала ввели сильный наркотик. — Доктор Хейдок повесил трубку.

— Вот видите.

— По правде говоря, я разрабатывал еще один след. Но и он завел в тупик.

— Простите, о чем речь?

— Это вы, сэр, обратили на него мое внимание. Я говорю о Бэзиле Блэйке. Он живет рядом с Госсингтоном.

— Ах, этот вертопрах! — Полковник насупился, вспомнив грубости Бэзила.

— Во-первых, он был знаком с Руби Кин. Часто ужинал в отеле. Говорят, танцевал с ней. Помните, что сказала Джози Реймонду Старру, когда они выходили из комнаты Руби? Сказала: «Не с киношником ли она?» Я дознался, что имелся в виду Блэйк.

— А что? Многообещающий след!

— Гораздо менее, чем кажется, сэр. В эту ночь Блэйк присутствовал на приеме в студии. Вам

известно подобное времяпрепровождение? В восемь вечера начинают с коктейлей и веселятся до тех пор, пока сквозь табачный дым уже перестают видеть друг друга. Тогда расходятся. Инспектор Слэк провел расследование, допросил Блэйка: он расстался со своими приятелями примерно в полночь. Руби Кин была уже убита.

— Кто подтверждает его алиби?

— Большинство актеров мертвецки напились. Но одна молодая женщина — она, кстати, сейчас здесь — подтверждает показания Блэйка.

— Шаткое доказательство.

— Бесспорно.

— Где расположена студия?

— В Ленвилле, сэр. Примерно в пятидесяти километрах к юго-западу от Лондона.

— Гм… почти на том же расстоянии, как отсюда до Лондона?

— Именно, сэр.

Полковник Мэлчетт потер нос. Вид у него был недовольный.

— Придется и этого исключить, а?

— Согласен с вами, сэр. Нет доказательств хоть какой-то связи с Руби Кин.

— Вновь перед нами неизвестный убийца. Икс. Настолько скрытный, что и Слэку не напасть на

его след. Зять Джефферсона, возможно, и хотел бы убить, да не мог. Аделаида Джефферсон то же самое. У Бартлетта нет алиби, но отсутствует повод. Вот и все… Впрочем, извините. Не поразмыслить ли нам насчет танцора Реймонда Старра?

Харпер медленно произнес:

— Но у него алиби. До полуночи его постоянно видели в танцевальном зале с разными партнершами. Нет, его никак не притянешь к делу.

— Единственный кандидат — Джордж Бартлетт, — решительно сказал Харпер. — Необходимо отыскать ему повод для преступления!

— Вы разузнали его прошлое?

— Да, сэр. Единственный сын, баловень матери. Унаследовал от нее большое состояние, теперь вовсю транжирит его. Характер слабый. Злодейского в нем мало, признаться.

— Может, он психически неуравновешен? — с надеждой спросил Мэлчетт.

Харпер ответил тоже вопросом:

— А вам не приходило в голову, сэр, что таково объяснение всей этой истории?

— Убийца-маньяк?

— Вот именно, сэр.

— Конечно, это вывело бы нас из всех затруднений.

— Не вижу в этом ничего хорошего, — вздохнул Харпер.

— Но почему?

— Слишком банально.

— Гм… пожалуй. Тогда остается тот же вопрос, что и в начале следствия: куда нам двигаться?

— Некуда, сэр, — меланхолически ответил начальник полиции.

Глава 26

Конвей Джефферсон пошевелился во сне и вытянул поверх одеяла мускулистые, крепкие руки. После катастрофы они словно получили добавочную силу. Не открывая глаз, он улыбнулся. После продолжительного сна он всегда просыпался с приливом сил и в отличном настроении. Новый день? Через мгновение он уже нажимал кнопку звонка, вмонтированного в изголовье кровати. И вдруг все вспомнил.

Эдуард входил в спальню, когда с губ его хозяина сорвался сдавленный стон.

— Не больны ли вы, сэр?

Конвей сдержанно отозвался:

— Нет, Эдуард. Входите. Откройте окно!

Яркий утренний свет заполнил спальню.

Конвей Джефферсон мрачно погрузился в размышления. Перед его мысленным взором мелькнуло маловыразительное для всех личико танцовщицы. Ему оно представлялось иным: накануне вечером он назвал Руби «простосердечным, наивным ребенком». А теперь?.. Огромная усталость охватила Конвея. Он закрыл глаза и прошептал: «Маргарет!»

Это было имя его покойной жены.

Глава 27

Миссис Бантри и Аделаида Джефферсон сидели на террасе.

— Мне очень понравилась ваша приятельница, — сказала Аделаида. — Но, видимо, она не слишком высокого мнения о человеческом роде?

— В этом вы правы, милая Адди.

— Когда приходится долго наблюдать расточаемую без толку доброту, тоже приходишь к подобному выводу. — И пояснила, уловив изумленный взгляд миссис Бантри: — Я имею в виду, когда возносят на пьедестал существо ничтожное, совершенно этого не заслуживающее.

— Вы намекаете на Руби Кин?

— Да. Не хочу казаться безжалостной. Бедная девушка не была такой уж дурной. Просто корыстной и хитрой. Быстро сообразила, что можно извлечь пользу, если растрогать одинокого старика.

— Но Конвей и вправду ощущал себя иногда одиноким, — осторожно заметила миссис Бантри.

— Пожалуй. Но лишь этим летом. — Она говорила как бы через силу. — Странная у меня

судьба… Майкл Кармоди умер так быстро после нашей свадьбы, что это меня как бы оглушило. Вы ведь знаете, что Пит никогда не видел отца? Фрэнк Джефферсон, близкий друг Майкла, постоянно бывал у нас. Пит его крестник… согласно последней воле отца. Фрэнк мне нравился… иногда становилось так его жаль.

— Жаль? — заинтересованно переспросила миссис Бантри.

— Вам кажется это странным? Ведь он жил, ни в чем не зная отказа. Родители потакали ему во всем. А вместе с тем… как это лучше объяснить? Мистер Джефферсон — слишком сильная личность. Даже не желая того, он подавлял всех вокруг. Фрэнк страдал от этого. Когда мы поженились, он был совершенно счастлив. Его отец поступил очень предупредительно: выделил сыну значительную сумму. Как он говорил, для того, чтобы его детям незачем было ожидать его смерти. Но этот великодушный шаг оказался преждевременным. Следовало сначала научить Фрэнка распоряжаться деньгами. Богатство опьянило Фрэнка, он пустился в биржевые спекуляции по примеру отца. Увы, без успеха. Вкладывал деньги в надежные акции, но при невыгодной конъюнктуре. Ужасно видеть, как

целое состояние утекает сквозь пальцы! И все из-за неумения… Чем глубже Фрэнк увязал, тем упрямее кидался в новые авантюры, надеясь, что они его спасут.

— Но милая, — взволнованно перебила миссис Бантри, — разве Конвей не мог вмешаться, дать сыну полезный совет?

— Фрэнка обуревала гордость, он хотел добиться успеха собственными силами. Мы скрывали свое бедственное положение. Даже после гибели Фрэнка я не призналась его отцу, что осталась почти без средств. Вы должны понять… — Она стремительно повернулась к собеседнице. — Я не могла предать моего бедного мужа! Живой Фрэнк никогда не разрешил бы этого. К тому же мистер Джефферсон долго был тяжело болен. До сих пор я не рассеиваю его иллюзию, будто я богатая женщина. Мою экономность он считает просто положительной чертой характера. Со дня гибели Фрэнка мы с Питом живем с ним и… на его счет. Так что мне не приходилось до сих пор ломать голову из-за завтрашнего дня. — Аделаида грустно покачала головой. — Мы жили одной семьей, это так. Но… поймете ли вы это? Я для него и посейчас не вдова, а жена его сына!

Миссис Бантри сочувственно кивнула:

— Иными словами, Конвей не смирился с гибелью своих близких?

— Да. Этот удивительный человек победил свое несчастье тем, что отказался его признать. Марк остается супругом Розамунды, а я женой Фрэнка — хотя их давно нет в живых. Но для отца они как бы существуют!

— Это чудо веры, — прошептала миссис Бантри.

— Мы жили так все эти годы. Но здесь… недавно… что-то сломалось во мне. Или взбунтовалось… Я не могу, не хочу постоянно думать о мертвом Фрэнке! Моя любовь, мое отчаяние — все померкло, ушло в прошлое. Это ужасно, что я так говорю? Сама себе не могу объяснить, что происходит в моей душе. Мне хотелось бы стереть прошлое, как с грифельной доски, и начать жизнь сызнова. Вернуться к той Адди, жизнерадостной, веселой, которая любила плавать, танцевать, играть в теннис. Короче, снова стать самой собой. Хьюго… вы ведь знаете Маклина? Он прекрасный человек и мечтает на мне жениться. Я долго гнала эту мысль… но сейчас задумалась серьезно. — Она слегка пожала плечами. — Возможно, Марк прав: я мало уделяла внимания Джеффу. Мои мысли были далеко. Я даже обрадовалась, когда

Руби взялась развлекать его. У меня появилось больше свободы. Могло ли мне прийти в голову, что он настолько увлечется ею?!

— Как вы это приняли?

— Была чрезмерно поражена. Ну и… рассержена.

— У меня такая же реакция, — подхватила миссис Бантри. — Точь-в-точь.

— Я думала о Пите. Будущее моего мальчика целиком зависит от Джеффа. Он относился к нему, как к родному внуку… по крайней мере, я так надеялась. А вышло иначе. Ведь кровных уз между ними нет. — Ее холеные руки задрожали на коленях. — Пит терял наследство из-за вульгарной дурочки, жадной к деньгам! О, я готова была ее убить…

Адди в ужасе умолкла. Красивые карие глаза с мольбой обратились к миссис Бантри.

— То, что я говорю, чудовищно?

Хьюго Маклин бесшумно подошел сзади и спросил:

— Что именно чудовищное вы говорите, дорогая?

— Садитесь, Хьюго. Вы ведь знакомы?..

— Конечно. Здравствуйте, миссис Бантри!

Маклин уже имел сегодня случай поздоро-

ваться с женой полковника Бантри. Он упрямо повторил:

— Так что же чудовищно?

— То, что я тоже хотела убить Руби Кин, — призналась Аделаида.

Хьюго секунду размышлял.

— На вашем месте я бы так не говорил. Случайно вырвавшиеся слова можно истолковать превратно. — Он неотрывно смотрел на молодую женщину. Его светлые глаза выражали преданность, но в голосе звучало предупреждение: — Будьте осторожны, Адди!

Глава 28

Когда мисс Марпл вышла на террасу, ее приятельница еще продолжала сидеть в кресле, а Хьюго и Аделаида спускались по тропинке к пляжу.

Мисс Марпл присела рядом:

— Кажется, он очень влюблен.

— Он ее любит. И давно!

— Подобный тип мужчин мне знаком. Мистер Маклин напоминает майора Берри. Тот целых десять лет обожал одну вдову, вызывая насмешки приятелей, и в конце концов добился ее согласия. Но, к сожалению, за неделю до свадьбы она сбежала с шофером… гм… Миссис Джефферсон — прелестная и уравновешенная женщина…

— Ах, все способны наделать массу глупостей! — заметила миссис Бантри. — Если бы вы пришли на четверть часа раньше, Джейн, вы бы послушали, что говорит эта уравновешенная женщина! Она рассказала мне все. Как ее муж растранжирил состояние, а свекор до сих пор об этом не догадывается. И лишь этим летом она решилась переменить свою жизнь.

— Да, мне это понятно. Ее тяготит прошлое,

она хочет вырваться на свободу. Нельзя постоянно сидеть в доме с задвинутыми занавесками. Миссис Джефферсон стремится раздвинуть их, забыть о своем вдовстве. К неудовольствию свекра, который сразу ощутил себя покинутым. Он просто не понял тайных причин поведения своей невестки. Точь-в-точь как мистер Бэджер, жена которого страстно увлеклась спиритизмом, а он чуть не попал тем временем в западню к одной ловкой девице, которая готова была часами выслушивать его с восторженной улыбкой.

— Вы считаете, что Джози специально подсунула Руби в «Маджестик» и кузины сговорились между собой?

— Нет, я совсем так не считаю. Джози не настолько проницательна, чтобы рассчитать заранее поведение своей родственницы. Да и Руби не заглядывала далеко вперед. Она просто плыла по течению и воспользовалась внезапным поворотом событий.

— Эта история с удочерением поразила всех. Особенно Адди и Марка Гэскелла.

Старая дама улыбнулась:

— Ну, у Марка иные заботы. Этот порывистый молодой человек с дерзким и мечтательным взглядом не из тех, кто проводит жизнь в оди-

ночестве, как бы он ни любил покойную жену. И Марк, и Адди с нетерпением грызут удила в упряжке старого Джефферсона, хотя он пытается навязать им верность умершим. — Мисс Марпл добавила с простонародной откровенностью: — А мужика и вовсе не удержать.

Глава 29

В ту самую минуту Марк Гэскелл в разговоре с сэром Генри Клиттерингом блистательно подтверждал догадку деревенской домоседки. Он сказал напрямик с очаровательным цинизмом:

— Наконец-то до меня дошло, что в глазах полиции я являюсь преступником номер один! Уже совали нос в мои финансовые дела; я ведь, знаете, нищий или почти нищий. Если наш милый старина Джефф даст дуба месяца через два, как предполагают эскулапы, и мы с Адди разделим его кубышку, тогда все уладится. Я прямо-таки скован по рукам и ногам долгами, и мое положение может лопнуть с треском. Но если я смогу малость потянуть, то не только удержусь на поверхности, но и хорошо подзаработаю.

Сэр Генри бросил с упреком:

— Не слишком ли вы азартный игрок, Марк?

— А я всегда им был! Мой девиз: или пан, или пропал. И я в восторге, что кто-то придушил эту бедняжку. Не я, я-то не убийца. На убийство ближнего у меня рука не поднимается. Но ведь полиция не поверит мне на слово? Видимо, следует ждать допроса с пристрастием. Повод к

преступлению криминалисты уже пронюхали. А к угрызениям совести, по их мнению, я не способен. Даже удивительно, что меня еще не упрятали в каталажку! Уж больно выразительно поглядывает на меня здешний начальник полиции.

— У вас надежное алиби.

— Алиби пустяки! Как раз у невиновных его и не бывает. Стоит лишь чуть передвинуть время убийства. Если трое врачей заявят, что ее прикончили в полночь, то шестеро других станут с пеной у рта клясться, что это произошло на рассвете. Вот и лопнет мое прекрасное алиби!

— У вас хватает легкомыслия подтрунивать над этим?

— Шутки дурного тона, хотите вы сказать? — невесело усмехаясь, уточнил Марк. — Так вот вам правда: я в панике. А что касается старого Джеффа, то ему лучше сейчас перенести смерть Руби, чем впоследствии раскусить эту маленькую плутовку.

— На что вы намекаете?

Марк хитровато подмигнул:

— А куда она улизнула ночью? Держу пари, на свидание с любовником. Джефф не вынес бы такого разочарования. Узнать, что она смеется за его спиной, что она вовсе не беззащитная

невинная девочка… н-да, мой тесть — большой оригинал. Он прекрасно владеет собой, но уж если сорвется — берегись!

Сэр Генри с внезапным любопытством посмотрел на него:

— Так вы что, любите своего тестя?

— Представьте, очень даже. Хотя, конечно, и разобижен на него. Сейчас объясню. Конвей Джефферсон обожает всеми нами распоряжаться и всех подавлять. Поневоле приходится плясать под дудку милейшего деспота! — Марк помолчал и сказал совершенно серьезно: — Я любил свою жену. Ни одна другая женщина не пробудит больше подобных чувств. Розамунда была для меня как смеющийся цветок под солнцем… Когда она погибла, я чувствовал себя боксером, которого безжалостно нокаутировали. Но… судья слишком уж долго отсчитывает секунды! Я нормальный мужчина, меня влекут женщины. Хотя я вовсе не рвусь к новой женитьбе. Разумеется, втихомолку не лишаю себя развлечений. А вот для бедной Адди все по-другому. Она чертовски милая женщина! Для многих и многих лакомый кусочек. Стоит ослабить ей узду, и она мгновенно выскочит замуж за какого-нибудь счастливчика. Но старому Джеффу угодно в ней видеть плакальщи-

цу по Фрэнку. Он буквально загипнотизировал ее прошлым! Сам этого не понимая, он держит нас в тюрьме. Я-то мало-помалу выбрался на волю, но Адди взбунтовалась лишь теперь. Старик был этим шокирован, его мир зашатался. В результате возникает Руби Кин!

Он продекламировал с пафосом:

Под гробовой доской она.
А мне – и солнце, и трава!
Уж не плеснет
В стакан вина.
Плутовка милая мертва!

Пошли, Клиттеринг, промочим горло?

«Ничего удивительного, что Марка Гэскелла подозревают во всех смертных грехах», — со вздохом подумал сэр Генри.

Глава 30

Доктор Меткалф считался наиболее авторитетным среди врачей в Дейнмуте. У постели больного он не напускал на себя излишней важности, а старался облегчить страдания. Он был среднего роста, с приятным тембром голоса. Внимательно выслушав начальника полиции Харпера, ответил на его вопросы убедительно и точно.

— Значит, можно принять версию миссис Джефферсон? — сказал Харпер.

— Вполне. Здоровье ее свекра подорвано. Последние годы он безжалостно расточал свою внутреннюю энергию, стремясь жить как все. Полностью лишал себя отдыха. Никакой размеренности режима, на чем настаивали и мои коллеги. В общем, мистера Джефферсона можно сравнить с отработанным мотором. Сердце, легкие, сосуды — все в самом плохом состоянии.

— Он пренебрегал врачебными советами?

— Полностью. Но можно ли его порицать? Конечно, это не для ушей моих пациентов, но я лично предпочитаю сгореть, а не заржаветь. На таких курортах, как наш Дейнмут, встречаешь массу больных, которые впадают в панику от

малейшего нарушения режима и как чумы боятся микробов и сквозняков. Короче, до смешного цепляются за свою скучную жизнь! А стоит ли?

— И я такого же мнения, — согласился Харпер. — Что ж, подведем итоги. Конвей Джефферсон на вид кажется крепким…

— Дело в том, что до катастрофы он был хорошо тренирован и сохранил силу в плечах и руках. Кресло на колесах передвигает очень легко. Но от кресла до кровати добирается на костылях.

— А протезы невозможны?

— Нет. Поврежден позвоночник.

— Итак, у Джефферсона крепкие мышцы, и ему кажется, что он здоров. Однако его сердце изношено. Любое чрезмерное напряжение, шок, внезапный испуг могут убить его. Так?

— В основном да, — ответил врач. — Постоянное напряжение истощает нервную систему, усугубляя болезнь сердца. Маловероятно, что физическое усилие убьет его. Но вот душевное потрясение может окончиться для него катастрофой. Поэтому я и предупредил семью.

Харпер спокойно заметил:

— Уголовное дело, которое мы сейчас расследуем, нанесло ему удар, тяжелее которого быть не может. Тем не менее он жив.

Доктор Меткалф пожал плечами:

— Если бы вы обладали моим опытом, мистер Харпер, вы бы поняли, что смерть не докладывает о своем приближении. Тот, кого должно было убить волнение, справляется с ним. У организма есть не ведомые никому резервы. К тому же в моей практике встречались случаи, когда оказывалось, что душевная травма менее опасна, чем физический испуг. Я хочу сказать, что стук внезапно захлопнувшейся двери может иметь для мистера Джефферсона более печальные последствия, чем даже известие об ужасной гибели молодой девушки, которой он покровительствовал.

— Чем это объяснить?

— Видите ли, против морального потрясения возникает защитная реакция. Сначала несчастье оглушает, некоторое время человек просто не может его постигнуть. А вот хлопнувшая дверь или шутник, который внезапно появляется из стенного шкафа, вынырнувший навстречу автомобиль — все это действует мгновенно. Есть такое выражение: сердце выпрыгивает из груди…

Начальник полиции Харпер медленно произнес:

— Выходит, что смерть мистера Джефферсона

после гибели танцовщицы могла кем-то ожидаться?

— Пожалуй, так. — Врач с любопытством посмотрел на своего собеседника: — Неужели вы хотите сказать?..

— Я пока не знаю, что я мог бы сказать, — в замешательстве ответил Харпер.

Глава 31

— Признайтесь, сэр, что смерть Руби Кин и ее благодетеля вполне могли бы последовать друг за другом, — уже через несколько минут убеждал Харпер сэра Клиттеринга. — Возможно, преступник на это и надеялся? Двойная выгода: не успев изменить завещания, мистер Джефферсон умирает, потрясенный гибелью своей любимицы. Неплохая работа?

— Вы думаете, он теперь изменит завещание?

— Вам об этом удобнее узнать, сэр. А каково ваше мнение?

— У меня нет предположений. До появления Руби Кин я знал, что мой друг собирался разделить свое состояние поровну между Марком Гэскеллом и Аделаидой Джефферсон. Не вижу причин менять первоначальное решение. Но… как знать?

— Совершенно верно, — задумчиво согласился Харпер. — Попробуйте догадаться, что происходит в голове человека, если его не связывает с наследниками моральный долг. Ведь у мистера Джефферсона нет ни одного настоящего родственника.

Сэр Генри заметил:

— Он привязан к маленькому Питу.

— Но считает ли его внуком?

— Нет, не думаю.

— Разрешите спросить еще об одной вещи, сэр. Мне невозможно судить об истинном отношении мистера Джефферсона к мистеру Гэскеллу и миссис Джефферсон. Поскольку они ваши хорошие знакомые, вы могли бы просветить меня. Никто не сомневается в его щедрости и великодушии, но, по-моему, это скорее в память погибших детей. Допустим, кто-нибудь из двоих — Аделаида или Марк — захочет иметь новую семью?

Сэр Генри почувствовал замешательство.

— Вы задали мне трудный вопрос, Харпер. Положительно не знаю, как ответить. Я склонен предполагать… но учтите, что это всего лишь личное мнение… В общем, подобный поворот событий может повлиять на мистера Джефферсона. Я не имею в виду обиду, нет, он наверняка пожелал бы счастья тому, кто это сделает, но… скорее всего, потерял бы к нему дальнейший интерес.

Начальник полиции пожелал уточнить:

— Это относится к обоим?

— Думаю, да. По отношению к Гэскеллу почти уверен. Возможно, то же ждет и миссис Джефферсон. Хотя тут уверенности меньше. Он относится

к ней более тепло.

Харпер рассудительно заметил:

— В ней легче видеть дочь, чем считать сыном мистера Гэскелла? Иногда случается наоборот: теща охотно принимает в семью зятя, но редкая женщина полюбит жену сына… Не хотите ли пройтись этой тропинкой до теннисного корта, сэр? Я вижу там мисс Марпл и хотел бы попросить ее об этом одолжении. По совести, вы оба мне будете нужны.

— Для чего?

— Чтобы допросить человека, с которым мне говорить затруднительно. Буду искренне признателен за помощь, сэр! Я имею в виду камердинера мистера Джефферсона.

— Эдуарда? Но что он может рассказать?

— Многое. Все, что знает об отношениях в семье. Мнение об истории с Руби Кин. Именно его собственное мнение, потому что он знает все. Со мной он вряд ли будет откровенен. Но с вами, другом его хозяина, возможно, не станет скрытничать.

— Поскольку Конвей срочно вызвал меня, чтобы доискаться до истины… что ж, это одна из возможностей… — пробормотал сэр Генри и добавил: — А мисс Марпл вам зачем?

— Она побеседует со школьницами. Мы пригласили шестерых подруг Памелы Ривз. Может быть, они что-то знают? Если Памела в самом деле заглянула в магазин, она могла позвать с собой кого-то из них. А если покупки были только предлогом, надо доискаться, куда она шла на самом деле. Думаю, мисс Марпл наиболее пригодна для такого разговора.

— Вы угадали. Мисс Марпл прекрасно распутывает маленькие деревенские тайны. Ее не проведешь.

Начальник полиции улыбнулся:

— Да уж! Старая леди ничего не упустит.

Когда оба приблизились к ней, мисс Марпл подняла глаза и приветливо поздоровалась. На просьбу Харпера отозвалась с готовностью и откровенным удовольствием.

— Охотно окажу вам эту услугу, мистер Харпер. Я довольно часто имею дело с молоденькими девушками. Во-первых, у меня есть знакомые в воскресной школе. Потом, я член приютского комитета; видите ли, приют по соседству с моим домом. Ну и служанки у меня тоже обычно очень юные. Будьте спокойны, я прекрасно разбираюсь, когда эти малышки говорят правду, а когда пытаются что-то скрыть.

— Убежден, что в данной области вы крупный специалист, — любезно заметил сэр Генри.

— Прошу, сэр Генри, не подтрунивайте надо мной!

— И в мыслях не было! У вас гораздо чаще выпадает случай подшутить надо мной.

— Ах, в деревне наталкиваешься иногда на такие безобразия, — проговорила мисс Марпл, задумавшись.

— Кстати, — вспомнил сэр Генри, — я ведь разузнал то, что вас интересовало: в корзинке для мусора у Руби Кин действительно нашли обрезки ногтей.

Старая дама встрепенулась:

— Не может быть! Но ведь тогда…

— Почему вы считаете эту деталь такой важной, мисс Марпл? — тотчас спросил начальник полиции.

— Знаете, что меня заинтересовало больше всего, когда я увидела труп этой несчастной? Руки. Что-то в них было ненатуральное. Но что именно? Лишь после я сообразила: у девушек, которые следят за своей внешностью, обычно длинные полированные ногти. Правда, у некоторых дурная привычка их грызть, но кокетство обычно пересиливает. Я уж было подумала, что

покойная не сумела отделаться от этой скверной привычки, как вдруг мальчуган… ну, этот Пит… принес доказательство, что ногти были длинные, просто один сломался. Предположив, что пришлось подровнять остальные, я и спросила сэра Генри об обрезках.

Сэр Генри захотел уточнить:

— Вы только что сказали: «заинтриговало больше всего». Значит, было еще что-то, заинтриговавшее вас?

— Платье, — серьезно сказала мисс Марпл. — На убитой было поношенное, небрежно выбранное ею платье.

Мужчины удивленно переглянулись.

— Но что из этого?.. — протянул сэр Генри.

— Совсем старое платье. Это сказала Джози. Да я и сама заметила.

— Никак не пойму, к чему вы клоните?

Мисс Марпл слегка покраснела:

— Но ведь Руби Кин переодевалась, чтобы поспешить на свидание с человеком, к которому она, как выражаются мои юные племянницы, «неровно дышит»?

— По крайней мере, так мы предполагаем, — ответил Харпер, мучительно моргая.

— Так почему же она надела старое платье?!

— спросила мисс Марпл.

Харпер досадливо почесал затылок:

— Наконец-то уловил вашу мысль! Вы считаете более естественным, если бы она оделась понаряднее?

— Ну разумеется. Лучшее из гардероба, так поступила бы любая на ее месте.

— Логично, мисс Марпл. Но если для встречи с обожателем надо идти по плохой дороге или ехать в открытой машине? — вмешался сэр Генри. — Зачем же ей рисковать? Разумнее поберечь выходное платье.

— Вполне приемлемая мысль, — согласился Харпер.

Мисс Марпл оживленно обернулась к нему:

— Тогда стоило выбрать брюки и свитер. Я не большая модница, но женщина ее стиля оделась бы именно так. Девушка со вкусом, — продолжала мисс Марпл, — инстинктивно выбирает туалет соответственно обстоятельствам. Каким бы жарким ни был день, но поздно вечером она не наденет на свидание платье из белого шелка.

— А каков классический костюм молодой девушки, которая отправляется на свидание? — без иронии спросил сэр Генри.

— Если встреча назначена в отеле или в другом

месте, где принят вечерний туалет, она надела бы свое лучшее бальное платье. Но на улице, под открытым небом, декольте выглядит нелепо и более уместен спортивный костюм.

— Готов согласиться с вами, милый знаток хорошего тона. Но ведь несчастная Руби… гм…

— Да, пожалуй, — согласилась старая дама. — Руби не была… То есть она не имела светского воспитания. Она принадлежит к разряду людей, которые носят одежду, не сообразуясь с правилами. Помню один прошлогодний пикник в Скрэнтор-Рокс. Вы бы ахнули, увидев, во что вырядились тамошние барышни. На пешую прогулку, правда, надевают теперь нечто вроде униформы. Но и тут девушки не понимают, что шорты красят только стройных и худеньких.

Начальник полиции решительно вернулся к началу разговора:

— Значит, вы думаете, что Руби Кин…

— Я думаю, что Руби Кин не снимала бы того розового платья, которое было на ней весь вечер. Она могла сменить его только на более красивое.

— В таком случае, мисс Марпл, как вы объясните, что на ней было белое и отнюдь не лучшее платье? — спросил Харпер.

— Сознаюсь, пока не понимаю. Однако убежде-

на: это деталь первостепенной важности.

Глава 32

Внутри просторного корта, окруженного проволочной сеткой, Реймонд Старр заканчивал урок тенниса. Полная дама среднего возраста игриво помахала ему на прощание и, подхватив небесно-голубой свитер, направилась к отелю. Реймонд проводил ее дежурным комплиментом. Потом направился к скамье, где расположились трое зрителей. Он выглядел усталым.

Сэр Генри мысленно задал себе вопрос: сколько лет может быть этому человеку? Двадцать пять или под сорок? Угадать невозможно.

— Такие уроки, видимо, порядком надоедают? — участливо спросила мисс Марпл.

— Да, особенно в конце сезона.

Начальник полиции встал с озабоченным видом:

— Если позволите, я зайду через полчаса.

— Отлично. Буду вам благодарна.

Реймонд проводил Харпера взглядом, затем спросил:

— Вы мне разрешите присесть рядом?

— Сделайте одолжение, — отозвался сэр Генри. — Не хотите ли сигарету?

Он протянул портсигар, удивляясь собственному предубеждению по отношению к этому человеку. Может быть, не вызывал уважения род его занятий? Что касается танцев, то, пожалуй, да. Как истый англичанин, сэр Генри относился с подозрительностью к профессиональным танцорам. В движениях молодого человека был явный излишек грации… Реймонд… Рамон… В самом деле, какое у него настоящее имя? Он напрямик спросил об этом у Старра.

— Когда я начал выступать, меня называли Районом. «Рамон и Джози» — нечто испанское. Но я заметил, что к иностранцам завсегдатаи отеля относятся неважно, и взял имя Реймонд, английское.

— Но это ненастоящее ваше имя? — спросила мисс Марпл.

Молодой человек с улыбкой покачал головой:

— Нет, меня действительно зовут Рамон. Моя бабушка родом из Аргентины.

«Вот откуда это покачивание бедрами!» — подумал сэр Генри.

— Но зато второе имя Томас, — добавил танцор. — Что может быть прозаичнее? — Он обернулся к сэру Генри. — Вы ведь из Девоншира? Из Стейна? Мои родители живут по соседству, в

Алмонстоуне.

Сэра Генри внезапно осенило:

— Так вы из Старров, что в Алмонстоуне?!

— Именно.

— Вот бы никогда не подумал!

— Неудивительно, — с горечью сказал Реймонд.

Сэр Генри сочувственно пробормотал:

— Видимо, превратности судьбы?..

— Пожалуй что так, — грустно согласился молодой Старр. — Моей семье пришлось продать имение, которое переходило по наследству более трехсот лет. Но наш род не прервался. Старший брат обосновался в Нью-Йорке, у него издательское дело. Остальные тоже разбрелись чуть не по всему земному шару. В наше время университетский диплом — еще не гарантия преуспевания. Я был менее удачлив и устроился продавцом в магазин сантехники. В магазине имелись великолепные залы образчиков. Но я вечно путал цены, забывал дни доставки. Меня, естественно, уволили. Единственное, что я знал и умел, — это танцы и теннис. Пришлось предложить свои услуги в одном из отелей Ривьеры, куда съезжаются сливки общества. Я уже прилично зарабатывал, когда вдруг услышал,

как один полковник, джентльмен с ног до головы, громогласно вопрошал директора: «Где этот танцоришка? Я его ищу. Моя жена и дочь хотят повальсировать. Приволоките его!» — Реймонд помолчал. — Я имел неосторожность обидеться и тотчас лишился места. В конце концов попал сюда. Здесь менее доходно, но обстановка корректная. Я провожу время в обучении теннису грузных матрон, а вечером танцую с их дочками. Что поделать, такова жизнь. Простите, что обрушил на вас свои глупые излияния.

Сэр Генри сердечно сказал:

— Очень рад, что мы разговорились.

— Вы по поводу Руби? Тут ничем не могу помочь. Мне ее убийца неизвестен. Наше знакомство с ней вообще очень поверхностно. Доверительных разговоров со мной она не вела.

— Вы ей симпатизировали? — благожелательно спросила мисс Марпл.

— Как вам сказать? Она, конечно, умела нравиться, — отозвался Реймонд довольно равнодушно.

— Значит, — продолжал сэр Генри, — подозрений нет?

— Нет. Иначе, поверьте, я сообщил бы в полицию. Видимо, это одно из тех мерзких преступле-

ний, которые совершаются без серьезного повода, но зато с ловкостью, не оставляющей следов.

— У двоих людей повод был, — рассеянно заметила мисс Марпл.

Сэр Генри метнул в нее недовольный взгляд.

— Неужто? — спросил, внезапно заинтересовавшись, Реймонд.

Мисс Марпл с выразительным ожиданием посмотрела на сэра Генри.

— Кажется, смерть Руби Кин принесла пятьдесят тысяч миссис Джефферсон и мистеру Гэскеллу, — нехотя процедил тот.

— Как? — взволнованно вскричал Реймонд. — Но это же абсурд! Миссис Джефферсон… я хочу сказать, они оба не могут иметь касательства к преступлению!

Мисс Марпл, кашлянув, тихо произнесла:

— Боюсь, мистер Старр, что вы идеалист.

— Я идеалист?! Да я прожженный циник, мадам.

— Деньги — очень веский повод, — невозмутимо продолжала старая дама.

— Возможно, — сквозь зубы процедил Реймонд, готовый снова взорваться. — Но вообразить, что они душили эту девушку… — Он затряс головой и вдруг встал. — Простите, вот идет на урок миссис

Джефферсон. Она уже опаздывает.

Вместе с Аделаидой шел Хьюго Маклин. На губах Адди играла виноватая улыбка. Она прошла на корт, Хьюго опустился на скамью. Попросив разрешения у мисс Марпл, он затянулся трубочкой.

— Не пойму, зачем сдались Адди эти обязательные уроки? Другое дело сыграть партию ради удовольствия. Я тоже люблю теннис. Но уроки…

— Вероятно, чтобы повысить класс игры, — предположил сэр Генри.

— Она и так прекрасно владеет ракеткой, — возразил Хьюго. — Для любительницы, конечно. Черт побери! — Помолчав несколько минут, ворчливо спросил: — Кто, собственно, этот молодчик? Откуда он? Похож на южанина.

— Он из старинной семьи Старров, девонширец, — ответил с достоинством сэр Генри.

— Как? Быть не может! — Эта новость явно испортила настроение мистеру Маклину. Он нахмурился. — В толк не возьму, зачем Адди меня вызвала.

— А когда она попросила вас приехать? — осведомился сэр Генри.

— Э… Э… когда произошло преступление.

— Она сообщила вам телеграммой?

— Телеграммой.

— Хотелось бы уточнить, когда телеграмма отправлена.

— Вот уж не знаю.

— А в котором часу вы ее получили?

— Я ее, собственно, не получал, мне продиктовали текст по телефону.

— Почему? Где же вы находились?

— Накануне я уехал из Лондона в Дейнбери-Хид.

— Так близко отсюда?

— Странное совпадение, не правда ли? Мне позвонили, когда я возвращался с гольфа, и я сразу прикатил в «Маджестик».

Мисс Марпл задумчиво разглядывала Хьюго Маклина, который все больше чувствовал себя не в своей тарелке. Она спросила беззаботным тоном:

— Меня уверяли, что в Дейнбери-Хид нет такой дороговизны, как здесь.

— Да, это относительно дешевое место. На шикарный отпуск у меня нет средств. — Он поднялся. — Пойду нагуляю аппетит. — И, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Походка его казалась деревянной.

Сэр Генри тоже поднялся со скамьи.

— Ну, пора и мне. Вам составит компанию миссис Бантри, вот она.

Глава 33

Запыхавшаяся миссис Бантри уселась рядом с мисс Марпл.

— Я разговаривала с горничными, — объявила она, — но без всякого результата. Как вы думаете, могла малышка бегать на свидания втайне ото всех?

— Не сомневайтесь, дорогая, если у нее был любовник, уж кто-нибудь да знает. Хотя ей приходилось быть очень осторожной.

Внимание миссис Бантри переключилось на игроков.

— Адди делает большие успехи.

— После смерти свекра она станет весьма состоятельна, — ввернула мисс Марпл.

— О Джейн, умоляю вас, нельзя видеть во всем меркантильную сторону!.. А тайна так и не раскрыта.

— Но, дорогая, это невозможно сделать сразу, мгновенно. Мне понадобилось некоторое время.

Миссис Бантри недоверчиво взглянула на нее:

— Выходит, вам известно, кто убил Руби Кин?

— Да. Я знаю убийцу.

— Так кто же он, Джейн? Не томите!

Мисс Марпл отрицательно затрясла головой и поджала губы.

— Я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что вы не сумеете сохранить это в секрете. Вы или проговоритесь, или не удержитесь от намеков.

— Клянусь вам! Ни одной живой душе…

— Обещание легче дать, чем сдержать. К тому же мне самой не все до конца ясно. Разрешите один совет? Не стоит слушать всех подряд. Когда происходит что-то отвратительное, я просто не верю ни одному слову. Ведь человеческую натуру не переделать!

После минутного размышления миссис Бантри сказала совсем другим тоном:

— Я вам говорила с самого начала, что меня глубоко интересует эта история. Подумать только, мрачное преступление в собственном доме! Больше такое на моем веку не повторится.

— Желаю вам этого от всей души.

— По правде, с меня достаточно одного раза. Но ведь это-то преступление как бы полностью мое! Я хочу пройти его шаг за шагом.

Старая дама взглянула на нее скептически.

— Вы не хотите меня понять! — обидчиво и

сердито сказала миссис Бантри.

— Нет, почему же, Долли. Раз вы так ощущаете… я верю вам.

— Но вы только что сказали: не верить никому — ваш принцип. В конечном счете это, возможно, близко к истине. — Миссис Бантри с горечью продолжала: — Я вовсе не наивна и подозреваю, о чем шепчутся в Сент-Мэри-Мид и во всей округе. Мол, нет дыма без огня, труп неспроста найден в библиотеке моего мужа… эта девушка была любовницей Артура… или его побочной дочерью, она шантажировала его… Словом, каждый городит любую чепуху. А мы с вами еще далеки от разгадки. Ах, бедный Артур! Нераскрытая тайна обрекает его на жалкое существование. Но я не допущу этого. Любой ценой! — После молчания она добавила: — Немыслимо видеть, как дорогой тебе человек страдает из-за чужой вины. Вот единственное, что привело меня в Дейнмут. Я даже оставила мужа одного. Мне нужна истина, Джейн!

— Знаю, моя дорогая, — ласково сказала мисс Марпл. — Поэтому я согласилась поехать с вами.

Глава 34

В одной из отдаленных комнат «Маджестика» Эдуард почтительно слушал сэра Генри.

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов, Эдуард. Но прежде всего я хочу разъяснить свою роль в этом деле. Когда-то я был комиссаром Скотленд-Ярда. Теперь я в отставке и живу как частное лицо. Когда произошла эта драма, ваш хозяин попросил меня срочно приехать и употребить весь накопленный опыт для выяснения истины.

Сэр Генри сделал паузу. Эдуард слегка наклонил голову, не отводя от него умного взгляда.

— Понимаю, сэр Генри.

Клиттеринг продолжал:

— При допросах в полиции люди по обыкновению кое о чем умалчивают… по разным причинам. Скажем, чтобы замять семейный скандал. Или им кажется, что какая-нибудь мелочь не имеет касательства к преступлению. Или из боязни причинить вред заинтересованным лицам…

— Понимаю, сэр, — повторил Эдуард.

— Надеюсь, вам известны основные моменты этой истории? Убитая должна была стать

приемной дочерью вашего хозяина мистера Джефферсона. Два человека имели веские основания противиться этому плану — мистер Гэскелл и миссис Джефферсон.

В глазах камердинера что-то блеснуло. Он спросил:

— Могу ли я узнать, сэр, они на подозрении?

— Им не угрожает арест, если вы это имеете в виду. Но полиция вынуждена держать их на заметке. И она будет проявлять к ним недоверие до тех пор, пока не выяснятся все обстоятельства убийства.

— Оба оказались в неприятном положении, сэр.

— Да, в весьма неприятном. Мне крайне важно узнать малейшие подробности о поведении, словах, даже жестах мистера Джефферсона, его зятя и невестки. Что они чувствовали? О чем говорили? Я спрашиваю о тех тонких нюансах, которые могли подметить только вы, Эдуард.

Он смолк. Эдуард корректно отозвался:

— Понимаю вас, сэр. Вы хотите, чтобы я рассказал вам всю подноготную, не утаив даже тех деталей, о которых я не хотел бы сообщать и которые при других обстоятельствах вас ни в коем случае не интересовали бы.

— Вы правильно рассудили, Эдуард. Отдаю честь вашему уму.

Эдуард подумал мгновение и начал:

— Разумеется, за долгие годы службы я хорошо узнал мистера Джефферсона. Я вижу его вблизи, в те моменты, когда он перестает за собой следить. Иногда я задаю вопрос: стоит ли так бороться с судьбой, как это делает мой хозяин? Но он ведь слишком горд и предпочитает сломаться в борьбе. Непрерывное напряжение сделало мистера Джефферсона очень нервным. Он может показаться приветливым, но я-то знаю, какие приступы гнева его сотрясают, он слова не в силах выговорить. Особенно его способен вывести из себя обман.

— В вашем рассказе есть какая-то задняя мысль?

— Да. Вы ведь хотели откровенного разговора?

— Разумеется!

— Я продолжу, сэр? Молодая особа, которая привлекла внимание моего хозяина, вовсе этого не стоила. Маленькая лгунья, она не питала к нему ни малейшей привязанности. Ее наивная болтовня, ее детские выходки — не что иное, как притворство. Не хочу утверждать, будто она была отпетой негодяйкой. Просто ни в коей

мере не соответствовала тому идеалу, который хотел видеть в ней мистер Джефферсон. Это тем более странно, что мистер Джефферсон человек принципиальный, его не так легко провести. Однако, когда дело касается молоденькой девушки, суждение мужчины теряет объективность… А в семье происходило вот что… Молодая миссис Джефферсон этим летом резко изменилась, ей почти не было дела до мистера Джефферсона. А он всегда так хорошо к ней относился! Мистер Гэскелл не вызывал в нем подобных чувств.

— И тем не менее он постоянно удерживал его возле себя! — воскликнул сэр Генри.

— Да, сэр. Но лишь ради памяти о миссис Розамунде, жене мистера Марка. Дочь хозяина была как свет его очей. А мистер Марк все-таки ее муж…

— А если бы Марк Гэскелл женился снова?

— Это вызвало бы взрыв ярости у мистера Джефферсона.

Брови у сэра Генри поднялись.

— Вот как?

— Возможно, он не показал бы виду, но внутренне…

— А если бы миссис Джефферсон захотела вступить в брак?

— Реакция была бы та же, сэр.

— Продолжайте, продолжайте, Эдуард!

— Как я уже сказал, сэр, мистер Джефферсон увлекся этой девушкой. Я повидал такое и в других домах, где служил раньше. Прямо будто болезнь: стремятся оберегать, осыпать благодеяниями… А в девяти случаях из десяти эти создания отлично защитят себя сами. Они умеют соблюдать собственные интересы!

— Значит, по-вашему, Руби Кин была опытной интриганкой?

— По правде говоря, она еще слишком молода для этого, но чувствовалось, что далеко пойдет. Лет через пять стала бы умелой в жизненной игре.

— Рад услышать ваше мнение, Эдуард. Я его очень ценю. Не смогли бы вы теперь припомнить, в каких выражениях обсуждалась проблема Руби Кин между всеми тремя?

— Собственно, обсуждения не было, сэр. Мистер Джефферсон объявил свое решение и не позволил себе возражать. Даже мистеру Гэскеллу приходилось помалкивать, хотя он обычно за словом в карман не лезет. Миссис Джефферсон тоже не затевала споров. Она сдержанная леди. Только просила ничего не предпринимать слиш-

ком поспешно.

— А как вела себя сама девушка?

Камердинер неохотно произнес:

— Похоже, что она просто ликовала, сэр.

— Как вы сказали? Ликовала? А был ли у вас какой-нибудь повод подозревать, что… — Сэр Генри пытался подобрать выражение, уместное в разговоре со слугой. — Что ее сердце уже… гм… занято?

— Но ведь мистер Джефферсон не предлагал ей выйти за него замуж, сэр. Он собирался ее удочерить.

— Оставим это в стороне. Мне важен ответ.

Эдуард медленно выговорил:

— Был один случай, свидетелем которого я оказался случайно.

— Очень интересно! Продолжайте, пожалуйста.

— Не уверен, что это пригодится вам, сэр. Однажды мисс Кин открыла сумочку, и оттуда выпала фотография. Мистер Джефферсон нагнулся за ней и спросил: «Чей это портрет, дитя мое?» На нем был изображен молодой человек с растрепанными волосами и небрежно завязанным галстуком. Мисс Кин с самым невинным видом отозвалась: «Не имею понятия, Джеффи. Откуда она у меня в

сумке? Вот потеха, я ее сюда не клала!» Ответ был глупый, сэр, неубедительный. Мистер Джефферсон еле сдержал гнев, брови его сдвинулись. Он принудил себя говорить спокойно, но голос сразу охрип: «Полно, малютка, вы прекрасно знаете, кто это». Она струсила и пролепетала: «Ах да, вспомнила. Этот молодой человек приезжал сюда как-то, я с ним танцевала. Но не знаю, как его зовут. Думаю, что он сам засунул в сумочку свою фотокарточку, когда я отвернулась. Такой же кретин, как и все остальные!» Она рассмеялась и тряхнула головой, показывая, что говорить больше не о чем. Но ведь оба объяснения шиты белыми нитками, правда, сэр? Мистер Джефферсон не мог им поверить. Он строго взглянул на нее, и с тех пор, если она отлучалась, спрашивал, где она была.

— А вы видели человека, изображенного на портрете?

— Нет, сэр. Я ведь не спускаюсь обычно ни в ресторан, ни в танцевальный зал.

Сэр Генри кивнул и задал Эдуарду еще несколько малозначительных вопросов.

Глава 35

В полицейском участке Дейнмута Харпер вел допрос Джесси Дэвич, Флоренс Смолл, Беатрис Хенникер, Мэри Прайс и Лилиан Риджуэй. Они были очень похожи друг на друга уровнем развития и возрастом. Дочки окрестных фермеров или торговцев. Их показания повторялись слово в слово: «Памела Ривз казалась такой же, как всегда. Она собиралась пойти в магазин и успеть к следующему автобусу».

В углу кабинета сидела старая дама.

Когда последняя школьница покинула кабинет, Харпер отер лоб рукой и обратил в сторону мисс Марпл безнадежный взгляд.

Мисс Марпл сказала деловым тоном:

— Мне бы хотелось побеседовать отдельно с Флоренс Смолл.

Харпер недоуменно вскинул брови и молча нажал кнопку звонка. Появился констебль.

— Задержите Флоренс Смолл, — приказал начальник полиции.

Школьница вернулась в сопровождении полицейского. Это была дочь зажиточного фермера. Рослая, белокурая, с пухлым ртом и хлопающими

от перепуга ресницами. Она то сжимала, то разжимала пальцы.

Харпер вопросительно взглянул на мисс Марпл и, получив в ответ кивок, сказал, поднимаясь:

— Эта дама задаст вам несколько вопросов.

Он вышел и плотно прикрыл дверь.

Флоренс уставилась на незнакомую старушку взглядом испуганного теленка с фермы отца.

— Присядьте, Флоренс, — сказала та.

Девочка послушно села и понемногу успокоилась.

— Флоренс, слушайте меня внимательно. Мне важно знать все до мелочей, что происходило с Памелой в день ее смерти. С вашей стороны будет большой ошибкой, если вы захотите скрыть хоть что-то. Понимаю, вам не по себе в полиции. Вы боялись, что вас будут здесь ругать. Например, за то, что не сказали никому раньше… Или что не задержали Памелу. Соберитесь с силами и облегчите совесть. Если вы и теперь промолчите о том, что знаете, это будет уже нарушением закона. Преступлением, которое грозит тюрьмой. Предупреждаю вас.

— Я… не…

Мисс Марпл настаивала:

— Расскажите все откровенно. Памела пошла

не в магазин, так ведь?

Облизав высохшие губы, Флоренс бросила на мисс Марпл взгляд исподлобья, как загнанный зверек.

— Она мечтала сниматься в кино?

Словно освобождаясь от тяжелого груза, девочка шепнула:

— Да, мэм.

— Я так и думала! — воскликнула старая дама. — А теперь рассказывайте все по порядку.

— О, если бы вы знали, как я мучилась, мэм! Я поклялась Памеле никому ничего не говорить. И когда ее нашли сгоревшей в машине… это так страшно, я чуть не умерла от горя… Мне все казалось, что я тоже виновата. Я должна была удержать ее вовремя. Но ничего плохого тогда не заметила. Когда меня спросили, как держалась Памела в тот день, я вслед за всеми сказала не подумав, что вполне обыкновенно. А потом уже не смогла говорить ничего другого. Но я и в самом деле мало знаю. Только то, что рассказала Памела.

— Что же она рассказала?

— Когда мы шли к автобусу, чтобы ехать на праздник, она спросила, умею ли я хранить тайны. Я ответила — да. Она взяла с меня клятву, что

я никому не проболтаюсь. После пикника скаутов она собиралась остаться в Дейнмуте для кинопробы. Она познакомилась с киношником, который приехал из Голливуда. Внешность Памелы показалась ему подходящей для нового фильма. Но он предупредил, чтобы она не строила заранее иллюзий. «Сначала нужно проверить вашу фотогеничность, — сказал он. — Проба может оказаться отрицательной». В фильме была роль школьницы, которая неожиданно подменяет артистку ревю в шикарном мюзик-холле, и перед ней открывается блестящая карьера. Памела прежде играла в школьных спектаклях, имела успех. Этот господин сказал, что угадывает в ней талант, но придется много работать.

Флоренс Смолл перевела дыхание. Мисс Марпл, похолодев, слушала эту историю, так похожую на фильм ужасов. Наверняка родители запрещали Памеле разговаривать с посторонними. Но ее наивная тяга к дешевому блеску кино заставила позабыть запреты.

— Этот господин держался очень солидно, — продолжала Флоренс. — Он обещал, если проба будет удачной, заключить с Памелой контракт. Но поскольку она молода и неопытна, посоветовал подписать его лишь после совета с хорошим

юристом. Он осведомился, не станут ли возражать родители, — Памела созналась, что вполне возможно. Он успокоил ее: это обычно, когда на роли приглашаются девочки ее возраста. Но родителям удается объяснить, какой единственный шанс выпадает их дочери. Он добавил, что, пока пробы не готовы, лучше держать все в секрете. И пусть Памела не огорчается, если первая проба будет неудачна. Можно повторить. Он рассказал ей про знаменитую кинозвезду Вивьен Ли, которая провалилась в Голливуде, но имела сногсшибательный успех в Лондоне. Сам он приехал из Америки поработать на студии «Ленвилль», чтобы оживить английское кинопроизводство.

Мисс Марпл кивнула, и Флоренс продолжала:

— Они договорились, что Памела воспользуется поездкой на праздник скаутов, чтобы встретиться с ним в отеле. Оттуда он отвезет ее прямо на студию. А когда проба кончится, она сядет на последний автобус и скажет родителям, что задержалась в магазине. Через несколько дней этот господин обещал сообщить результат пробы. Если все пройдет хорошо, директор мистер Хармштейтер нанесет визит ее родителям. Все было настолько фантастично! Я умирала от зависти. Памела участвовала в празднике, и

никто ни о чем даже не догадывался. Она чуть заметно подмигнула мне, когда громко сказала, что пойдет в Дейнмут в магазин. Я видела, как она свернула на тропинку в дюнах. — Флоренс заплакала. — Еще можно было остановить ее. Ну разве бывают такие чудеса в нормальной жизни? Почему я не догадалась, не позвала на помощь?! О господи, я тоже хочу умереть…

— Ну-ну. — Мисс Марпл гладила рыдающую девочку по плечу. — Вы ни в чем не виноваты, Флоренс. Вас нельзя упрекнуть. Вы исполнили свой долг.

Она утешила ее и уже через несколько минут повторила весь рассказ Харперу.

Лицо начальника полиции приняло свирепое выражение.

— Каков бандит! Он у меня попляшет! Все это проливает на происшедшую трагедию иной свет.

— Несомненно.

Харпер искоса посмотрел на старую даму:

— Вы как будто нимало не удивлены, мисс Марпл?

— Я подозревала историю подобного рода.

— А как вы выделили изо всех эту Флоренс? Девочки держались одинаково пришибленно.

Мисс Марпл застенчиво объяснила:

— Наверное, вы не очень привыкли наблюдать молоденьких девушек, когда они лгут? Флоренс старалась смотреть прямо в глаза и поджимала со страху ноги, как все остальные. Но когда ее кончили спрашивать, с облегчением расслабилась. Тогда как другие по-прежнему оставались в напряжении. Я поняла, что она что-то скрыла. Они все одинаковы, мистер Харпер! Когда моя молоденькая служанка Дженнет очень убедительно объяснила, что мыши забрались в буфет и сгрызли остаток пирога, ее выдала уже в дверях успокоенная улыбка.

— Огромное вам спасибо, мисс Марпл! — от души сказал начальник полиции.

Старая дама попрощалась.

— Вы возвращаетесь в отель?

— Да, чтобы упаковать вещи. Меня ждут домашние дела в Сент-Мэри-Мид, мистер Харпер.

Глава 36

Мисс Марпл затворила стеклянную дверь своей крошечной гостиной, прошла по аллейке ухоженного сада, пересекла улицу и очутилась в точно таком же саду пастора. Она постучала пальцем в похожую стеклянную дверь.

Пастор сидел в кабинете, готовясь к воскресной проповеди, а его молодая жена забавляла их отпрыска, который резво ползал по ковру в гостиной.

— Разрешите войти, Гризельда?

— Милости просим, мисс Марпл. Вы взгляните-ка на Леонарда! Он сердится, что умеет передвигаться только назад. Ему хочется завладеть игрушкой, а он пятится к ящику с углем.

— Прелестный малыш! — согласилась мисс Марпл. — Я, собственно, пришла спросить, не собираетесь ли вы в ближайшее время устроить какой-нибудь благотворительный сбор?

Жена пастора с удивлением посмотрела на соседку.

— Мы всегда заняты сбором пожертвований, дорогая мисс Марпл. Сейчас требует реставрации церковный неф. В следующую среду готовится

благотворительный базар в пользу покинутых матерей. Затем будут экскурсия скаутов, выставка рукоделия прихожанок, сбор для моряков по инициативе епископа. Наверняка набежит и еще что-то.

— Мне хочется включиться. Давайте я обойду деревню с подписным листом.

— Вы ведь это неспроста, мисс Марпл? Есть какая-то особая цель? Конечно, мы рады вашей помощи. Может быть, возьмете на себя фонд благотворительного базара? Так секрет свой не раскроете? — лукаво спросила Гризельда, провожая гостью до дверей.

— Со временем, милочка, со временем, — скороговоркой пообещала мисс Марпл.

Глава 37

Мисс Марпл с черной клеенчатой тетрадью в руках, не останавливаясь, скорым шагом прошла всю деревню. На перекрестке свернула влево, к «Голубому кабану», но не зашла и туда. Ее целью была вилла «Чэстворт», называемая в окрестностях «новым домом мистера Букера».

Толкнув незапертую калитку, она приблизилась к входной двери и постучала. Открыла некая блондинка, откликавшаяся на имя Дины Ли. Едва накрашенная, она и одета была по-домашнему небрежно: в серые брючки и изумрудно-зеленый свитер.

— Добрый день, — с широкой улыбкой сказала мисс Марпл. — Вы мне позволите зайти на минутку? — Она поспешно переступила порог, чтобы Дина Ли не успела захлопнуть перед носом дверь. — Чувствительно вам благодарна, — ворковала она, поплотнее усаживаясь в модерновое кресло из бамбука. — Жарковатый день сегодня для осени, не правда ли? — Черты ее лица излучали простодушие.

— Погодка что надо, — согласилась захваченная врасплох Дина Ли. И машинально протянула по-

сетительнице коробку с сигаретами: — Закурим?

— Огромное спасибо, но я не курю. Я к вам зашла, чтобы узнать, могу ли я внести ваше имя в список пожертвователей? У нас, видите ли, затевается благотворительный базар в пользу бедных.

— Благотворительный базар? — Дина Ли произнесла эти слова с таким недоумением, словно они были иностранными.

— Да-да, на площади около церкви. В следующую среду.

— А!

Мисс Ли с минуту усиленно размышляла, прежде чем раскрыть рот.

— Нет уж, увольте. Я ничего не дам.

— Хотя бы самую незначительную сумму… Например, полкроны? — жалобно настаивала мисс Марпл, теребя тетрадь.

— Ну, это куда ни шло. Авось наскребу. — И молодая женщина стала оглядываться в поисках своей сумочки.

Мисс Марпл тем временем зорко оглядывалась.

— Я вижу, у вас перед камином не постелен ковер? — громко сказала она.

Дина Ли оглянулась и впервые заметила, какой

цепкий у старушки взгляд: он так и обшаривал ее всю.

Мисс Марпл как ни в чем не бывало добавила:

— И правильно. Эти ковры перед каминами — постоянная опасность. Малейший уголек, и они вспыхнут.

«Старая сорока», — подумала Дина, но вслух постаралась ответить более любезно:

— Он лежал тут. Просто не знаю, куда задевался.

— Наверно, коврик из толстой плетеной шерсти?

— Вовсе нет, обычная овчина. — Дина уже стала думать про себя, в своем ли уме эта старушенция.

Мисс Марпл раскрыла тетрадь:

— Спасибо, мисс. Какую фамилию мне записать?

Лицо Дины внезапно зло исказилось. Голос ее прозвучал звонко и вызывающе:

— Мисс Дина Ли!

— Но, если мне не изменяет память, это дом мистера Бэзила Блэйка?

— Представьте. А я мисс Дина Ли тем не менее! — И она откинула голову, испепеляя старую провинциалку взглядом.

Мисс Марпл хладнокровно выдержала взгляд.

— Мне хочется дать маленький совет, если он не покажется вам неуместным.

— Он уже кажется мне неуместным. Можете оставить его при себе.

— И все-таки я скажу, — невозмутимо продолжала мисс Марпл. — В деревне судят обо всем по старинке, и пока вы живете тут, лучше не употреблять девичью фамилию.

Дина вытаращила глаза:

— Вы, собственно, о чем?

Мисс Марпл продолжала, не моргнув:

— Возможно, симпатия и доброжелательство окружающих вам очень скоро понадобятся. Да и зачем компрометировать мужа в глазах соседей? В такой глуши относятся с предубеждением к парам, если они живут вместе, но не повенчаны.

— Откуда вы знаете, что мы женаты? — озадаченно спросила Дина.

— Ах, это…

— Нет, не увиливайте. Ну прошу вас! Вы что, проникли в архив, листали приходскую книгу в Соммерсет-Хаус?

Живой блеск мелькнул в глазах старой дамы.

— Соммерсет-Хаус? Вовсе нет. Догадаться было нетрудно, в деревне ничего не скроешь. На-

пример, ваши вечные ссоры. Так бранятся не любовники, а супруги. Говорят, — и я склонна этому верить, — что только муж и жена не щадят друг друга, выкладывая все начистоту. Люди, не скованные законными узами, более осмотрительны. Им приходится убеждать самих себя, что они вполне счастливы, иначе зачем все это?

— Ну, если вы так… — Дина запнулась и вдруг разразилась смехом. Сунув в рот сигарету, она воскликнула: — Нет, вы старуха что надо! Но зачем вам сдалось, чтобы я на каждом углу подтверждала свою добродетель?

— Потому что ваш муж с минуты на минуту может быть арестован по обвинению в убийстве.

Глава 38

Несколько секунд Дина ошеломленно смотрела на мисс Марпл. Недоверчиво переспросила:

— Бэзила арестуют за убийство? Вы разыгрываете меня, конечно!

— Ничуть. Разве вы не читаете газеты?

У Дины перехватило дыхание.

— Неужели вы намекаете на убийство молодой танцовщицы из отеля «Маджестик»? И подозревают Бэзила?

— Да.

— Но… это глупость!

За окном зафыркал мотор, калитка громко стукнула. Дверь распахнулась, и на пороге появился Бэзил. В обеих руках он держал бутылки.

— Я приволок джин и вермут. А ты…

Бэзил запнулся, наткнувшись взглядом на гостью, которая чопорно восседала в кресле.

Дина, тяжело дыша, сказала:

— Эта особа спятила! Она уверяет, что тебя вот-вот схватят как убийцу Руби Кин.

— О боже! — прошептал Бэзил Блэйк.

Он выронил бутылки, и они покатились.

Дина метнулась к нему, затрясла за плечо:

— Бэзил! Посмотри на меня. Скажи, ведь это неправда?! Ложь, ложь!.. Не верю ни одному ее слову…

— Господи, смилуйся над нами, — выдавил Бэзил, судорожно ухватившись за руку жены.

— Но с какой стати подозревать тебя? Ты ведь не был даже знаком с этой девушкой!

— Ошибаетесь. Они были знакомы, — сказала мисс Марпл.

Бэзил стиснул лицо ладонями и закачался, как от боли.

Мисс Марпл строго спросила:

— Куда вы девали ковер, который лежал перед камином?

Бэзил послушно отозвался:

— Выбросил на свалку.

— Глупо и неосторожно. Хорошую вещь не выбрасывают. К нему пристали блестки от ее платья?

— Да. Я не мог их счистить.

Дина вскрикнула:

— Бэзил, что ты мелешь?

Он внезапно огрызнулся:

— Расспрашивай лучше ее. Похоже, что она все знает.

— Ну что же, пожалуй, попробую рассказать, —

невозмутимо ответила мисс Марпл. — Если ошибусь в чем-то, поправьте, мистер Блэйк. На вечеринке вы изрядно выпили и, рассорившись с женой, вернулись сюда на машине. Не знаю точно, в котором часу?

— В два часа ночи, — проворчал Бэзил. — Когда я повернул выключатель, то здесь в холле на ковре… — Он судорожно сглотнул и умолк.

Мисс Марпл докончила:

— Вы увидели труп молодой девушки в белом бальном платье. Она была задушена. По-видимому, вы ее узнали?

Бэзил лихорадочно закивал:

— Да, с первого взгляда. Ее убили — и вот она лежала в моем доме… — Его затрясло от волнения.

Мисс Марпл продолжала, не повышая голоса:

— Вы приехали нетрезвым и уже были возбуждены, а тут и вовсе потеряли голову. Вас охватила паника…

— Я боялся, что вот-вот нагрянет Дина. Тогда меня осенило: а не подкинуть ли беднягу к старику Бантри? Старый злыдень вечно шпынял меня: и такой я, и сякой, грубиян, бабник. Вот и устрою с ним шутку… Представил, какую мину он скорчит, найдя в библиотеке мертвую блондинку. — Бэзил немного оживился. — Я вправду

был здорово пьян.

— Именно так, — подтвердила мисс Марпл. — Малышу Томи Бонду пришла в голову похожая мысль. Он был застенчивый, экзальтированный мальчик. Жаловался, что учительница вечно обижает его. Вот и придумал засунуть в стенные часы лягушку, которая выпрыгнула на учительницу. У вас была та же логика. Только ведь труп не лягушка!

Бэзил со вздохом продолжал:

— Наутро, протрезвев окончательно, я полностью осознал, что произошло. А тут еще заявился этот тип из полиции… сущее чудовище! Он до смерти напугал меня. И как раз явилась Дина.

Дина, которая стояла у окна, обернулась:

— К нам подъезжает переполненная машина!

— Наверняка полиция, — пробормотала мисс Марпл.

Бэзил Блэйк стал вдруг собранным и спокойным. Он сказал жене:

— Ничего не поделаешь, придется через это пройти. Держись, девочка! Будь молодцом. Обратись к старине Симсу, он поверенный нашей семьи. А потом поезжай к моей матери. Скажи, что мы поженились.

Раздался стук в дверь. Бэзил громко сказал:

— Войдите!

Порог комнаты переступили инспектор Слэк и полицейский.

— Мистер Бэзил Блэйк?

— Это я.

— Вот ордер на арест по обвинению в убийстве Руби Кин, происшедшем в ночь на двадцатое сентября сего года. Предупреждаю, каждое ваше заявление с этого момента может быть использовано против вас. Следуйте за нами. Вам предоставят возможность связаться с адвокатом.

Бэзил покорно кивнул. Он обернулся к жене:

— До скорого, Дина!

«Занятный клиент попался», — подумал Слэк. Только сейчас заприметив мисс Марпл, он бегло поздоровался с ней. «Старая кошка изготовилась к прыжку, — думал он. — Хорошо, что мы отыскали ковер. Сторож с автостоянки показал, что этот тип уехал из студии не в полночь, а часом раньше. Не думаю, что остальные лжесвидетельствовали. Просто все были в подпитии, а когда Блэйк им сказал, что уехал в полночь, они приняли это без возражений. Пожалуй, картина ясна: он убивал в приступе безумия. За это полагается не петля, а пожизненное заключение. Сначала была Памела Ривз. Видимо, он ее задушил, привез в карьер,

оставил в машине и вернулся в Дейнмут пешком. Снова сел за руль — его машина стояла где-нибудь за дюнами — и отправился на вечеринку. Потом заехал за Руби Кин, привез ее сюда, задушил и подбросил в библиотеку Бантри. Вспомнив о машине, брошенной в карьере, он испугался, вновь помчался в Дейнмут, поджег автомобиль и вторично вернулся домой. Типичное поведение маньяка и садиста. Этой дамочке повезло, что он не успел ее укокошить!»

Когда женщины остались одни, Дина сказала:

— Не знаю, кто вы. Но умоляю поверить мне! Бэзил — не убийца!

— Я и верю, — отозвалась мисс Марпл. — Даже больше: мне известен подлинный преступник. Самое сложное — представить доказательства.

Глава 39

— Вот я и вернулась, Артур! — торжественно провозгласила миссис Бантри, широко распахивая дверь рабочего кабинета мужа.

Полковник Бантри тотчас поднялся и поцеловал жену:

— Это великолепно, дорогая!

Он изо всех сил бодрился, но не ввел в заблуждение любящую душу.

— Как ты, Артур?

— В полном порядке, Долли. Что бы могло со мной случиться?

— Ну, — неопределенно протянула она, — вокруг творятся такие странные вещи!

Миссис Бантри нашла перемены во внешности мужа: он как-то сгорбился и заметно похудел. Под глазами набрякли мешки.

Пытаясь сохранить беззаботный тон, он спросил:

— Ну как? Повеселились в Дейнмуте вовсю?

— Разумеется. Жаль, что ты не поехал с нами!

— У меня такая уйма дел, дорогая. Куда уж!

— Что новенького решили на заседании совета графства?

— Э… м-м… видишь ли, я туда не ездил.

— Как так? Ты же должен был председательствовать?!

— Произошла какая-то путаница. Меня попросили уступить очередь Томсону.

— Ах вот что, — произнесла миссис Бантри, нервно сдирая с руки перчатку и роняя ее в корзину для бумаг.

Полковник наклонился было поднять, но жена раздраженно остановила его:

— Оставь, пожалуйста! Ненавижу эти перчатки.

Он взглянул на нее в растерянности, но промолчал.

— Ты обедал в четверг у Даффов?

— Нет, у них кухарка заболела.

— Какая неприятность… А вчера ездил к Нейлорам?

— Видишь ли, я позвонил им, что неважно себя чувствую. По-моему, они не обиделись.

— Так-так… Они не обиделись? Как мило! Где мы проведем этот вечер, Артур? В библиотеке?

— Туда как-то не тянет… Мы ведь можем и здесь посидеть? Или в маленькой гостиной…

— Нет, не будем изменять привычкам, — твердо сказала миссис Бантри. — Только в библиотеке.

Полковник выпрямился. Его глаза блеснули.

— Ты права, дорогая, — сказал он. — В библиотеке — так в библиотеке.

Глава 40

Миссис Бантри в сердцах повесила трубку. Дважды она вызывала номер мисс Марпл, и каждый раз станция отвечала ей, что к телефону не подходят. Упрямство миссис Бантри не позволяло отступать. Она методично обзвонила пастора, миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Везерби и, наконец, велела соединить себя с лавкой продавца рыбы. Местоположение лавки позволяло почтенному хозяину видеть всех и знать обо всем. Он чувствовал себя прямо-таки виноватым, что не засек сегодня утром мисс Марпл. Скорее всего, она не совершала обычного моциона.

— Куда же она запропастилась? — с нетерпением произнесла вслух миссис Бантри.

За ее спиной послышался деликатный кашель. Дворецкий Лоример сказал:

— Мадам разыскивает мисс Марпл? Я только что видел: мисс идет сюда.

Миссис Бантри обрадованно поспешила к входной двери:

— Откуда вы, Джейн? Я перетряхнула всю деревню, чтобы вас найти.

Она бросила выразительный взгляд через пле-

чо. Лоример поспешно удалился.

— Все идет ужасно. Соседи уже начинают избегать нас. Артур постарел на десять лет. Надо что-то предпринять.

— Долли, — проговорила заговорщическим тоном мисс Марпл. — Тревожиться незачем.

На пороге появился полковник.

— Добрый день, мисс Марпл. Жена с утра оборвала телефон, разыскивая вас.

— А я решила сама сообщить вам новость, — сказала старая дама, проходя вслед за хозяйкой в кабинет.

— Какую именно?

— Бэзил Блэйк только что арестован по обвинению в убийстве Руби Кин.

— Бэзил Блэйк? — вскричал полковник.

— Но убийца не он, — добавила мисс Марпл.

Полковник словно не слышал этих слов.

— Значит, он задушил танцовщицу и подбросил мертвое тело ко мне в дом? В мою библиотеку?

— Он нашел ее, уже мертвую, на собственной вилле.

— Сказки! — отрубил полковник. — Честный человек в подобных обстоятельствах вызывает полицию.

— Не у всех ваша железная выдержка, полков-

ник, — вздохнула мисс Марпл. — Вы человек старой закваски. А у некоторых молодых людей не все легко складывалось в жизни, — примирительно сказала мисс Марпл. — Я, например, узнала, что Бэзил Блэйк с ранних лет содержит себя сам. Ему было восемнадцать, когда он вынес из горящего дома одного за другим четверых детей, а потом кинулся в огонь за собакой. Его вытащили из-под тлеющих обломков. Ребра оказались сломаны, три месяца он пролежал в гипсе. Тут и увлекся живописью…

Полковник кашлянул и смущенно высморкался:

— Я… гм… ничего не знал об этом подвиге.

— А он и не козыряет им.

— Очень похвально. Готов изменить свое мнение об этом юноше… Он гораздо лучше, чем кажется. Поделом мне: нельзя судить поспешно! — В голосе полковника явно слышалось раскаяние. — Но какого черта ему вздумалось выдавать за убийцу меня?

— Не думаю, что у него был такой жестокий умысел. Скорее, это дурная шутка пьяного человека.

— Так вы не считаете его виновным?

— Ни в коем случае.

— И знаете, кто настоящий убийца?

Мисс Марпл утвердительно кивнула.

Миссис Бантри, подобно античному хору, обратилась в пространство:

— Она великолепна! Так кто же это?

— Я пришла просить вашего содействия. Просто необходимо отправиться сейчас же в Соммерсет-Хаус.

Глава 41

Сэр Генри сдержанно проговорил:

— Мне это не нравится.

— Вижу, — сказала мисс Марпл. — Моя просьба, безусловно, выходит за рамки обычного. Но необходимо увериться… И если мистер Джефферсон поддержит мою точку зрения…

— А Харпер? Куда вы его денете?

— Не надо его посвящать во все подробности. Достаточно поручить усиленное наблюдение за некоторыми лицами… попросить его буквально не спускать с них глаз.

Сэр Генри нехотя согласился:

— Да, это, конечно, упростит дело.

Глава 42

Начальник полиции Харпер посмотрел Генри Клиттерингу прямо в глаза:

— Не будем играть в прятки, сэр. Вы что-то от меня скрываете?

— Могу только сообщить о желании моего друга Джефферсона: он намерен проконсультироваться завтра с нотариусом в Дейнмуте о составлении нового завещания.

Начальник полиции усиленно размышлял:

— Поставит ли об этом в известность мистер Джефферсон своих зятя и невестку?

— Он хочет переговорить с ними сегодня вечером.

— Понимаю, — нахмурившись, произнес Харпер, отбивая такт карандашом по столу. — Вернее, догадываюсь.

Его проницательный взгляд еще раз столкнулся с глазами собеседника.

— Арест Бэзила Блэйка вас не удовлетворил?

— А вас?

Начальник полиции полувопросительно дернул усами.

— Значит, мисс Марпл не успокаивается?

Они вновь посмотрели друг на друга.

— Доверьтесь мне, — сказал Харпер. — Мои люди не станут вмешиваться, но при надобности будут начеку.

— Тогда взгляните-ка сюда.

Сэр Генри развернул листок бумаги и передвинул его по столу к начальнику полиции. От флегматичности Харпера не осталось и следа. Он изумленно присвистнул:

— Вот оно что! Это меняет все дело.

Глава 43

Конвей Джефферсон вскинул быстрый взгляд на входившего друга.

— Я с ними поговорил, — сказал он. — И они приняли новость вполне нормально.

— Что именно вы объявили им, Конвей? — спросил сэр Генри.

— Только то, что в память Руби я решил ранее предназначенные ей пятьдесят тысяч фунтов передать в фонд школы для молодых танцовщиц в Лондоне. Прелестный способ избавиться от состояния! Удивляюсь их доверчивости. — В раздумье он добавил: — По существу, дорогой друг, я вел себя как олух. Руби была милая, смазливая девочка — и только. Вольно же мне было приписывать ей нечто ангельское. Я мечтал в ней найти вторую Розамунду.

Глава 44

Сэр Генри спустился в вестибюль отеля, чтобы задать вопрос швейцару.

— Мистер Гэскелл, сэр? Его машина только что отошла. Он уехал в Лондон, — ответил тот.

— Очень хорошо. А миссис Джефферсон здесь?

— Миссис Джефферсон только что поднялась в свою спальню, сэр.

Сэр Генри заглянул в гостиную и в танцевальный зал. В гостиной Хьюго Маклин сосредоточенно решал кроссворд. В зале Джози мужественно расточала улыбки толстому джентльмену, вспотевшему от усилий. Легкие туфельки Джози едва успевали увертываться от неуклюжих башмаков партнера, который, видимо, получал от танца истинное удовольствие.

Реймонд, как всегда элегантный, несмотря на поздний час, вежливо кружил анемичную девицу.

Сэр Генри пробормотал сквозь зубы:

— Пора на покой. — И пошел вверх по лестнице.

Глава 45

Было три часа утра. Ветер стих, луна отражалась в гладком, спокойном море.

Тишину спальни Джефферсона нарушало только его мерное дыхание.

Но, несмотря на то что порывов ветра снаружи не доносилось, портьера на одном из окон вздрогнула. Затем медленно раздвинулась, и в лунном свете обозначился силуэт. Он тотчас исчез, портьера встала на место, мрак и тишина спальни оставались непотревоженными. Однако в комнате находился кто-то. Он неслышно приближался к кровати. Никаких звуков, кроме тяжелого дыхания спящего… Протянутые пальцы уже готовились оттянуть кожу на теле старика и вонзить шприц.

Внезапно из темноты вынырнула еще одна рука и зажала ту, которая держала шприц.

— Остановитесь! Отдайте мне этот шприц.

Вспыхнул свет. Приподнявшись на подушках, Конвей Джефферсон пристально смотрел на убийцу Руби.

Глава 46

Сэр Генри Клиттеринг сказал:

— Поскольку мне досталась роль доктора Ватсона, растолкуйте ваш метод, мисс Марпл!

Мисс Марпл вспыхнула смущенным румянцем и принялась старательно расправлять складки своего парадного шелкового платья.

— Боюсь, сэр Генри, что вы посчитаете мои методы слишком любительскими. Дело в том, — объяснила она, — что большинство людей, не исключая полицейских, чересчур доверчивы. Они берут на веру все, что им ни скажут. А я — нет. Я жду доказательств.

— Признак научного склада ума, — глубокомысленно изрек сэр Генри.

— В этом деле, — продолжала старая дама, — с самого начала все сосредоточили внимание на кажущемся, вместо того чтобы кропотливо собирать факты. Я, например, увидела, что жертва очень молода, что она грызла ногти и что зубы у нее выступают вперед. Вид убитой вызвал во мне глубокую жалость. Всегда грустно, когда обрывается жизнь столь юного существа. Но как она очутилась в библиотеке полковника Бантри?

Совершенно непонятно и слишком похоже на полицейский роман, чтобы быть натуральным. То, что Блэйк перенес труп в дом Бантри, очень задержало следствие и наделало убийце множество хлопот. По его первоначальному плану мистер Блэйк должен был сразу привлечь внимание полиции. В Дейнмуте нетрудно было бы установить его знакомство с танцовщицей, а так как у него появилась другая женщина, то вывод лежит совсем близко: Руби угрожала шантажом, и он задушил ее в приступе гнева.

Однако все разворачивалось иначе, чем было задумано. Слишком рано внимание привлекла семья Джефферсонов… к неудовольствию некоей личности.

Моя натура такова, что я подхожу к любому событию с точки зрения трезвой и, если хотите, несколько циничной. От смерти танцовщицы выигрывали двое. Об этом нельзя забывать. Пятьдесят тысяч фунтов — целое состояние, особенно если собственных средств почти нет, как в данном случае. Зять и невестка мистера Джефферсона очень приятные, обаятельные люди, подозревать их трудно. И тем не менее. Начнем с миссис Джефферсон. Она у всех вызывает симпатию. Но стало заметно, как эта милая дама переменилась

с недавних пор. Ее тяготит денежная зависимость от свекра. Правда, врач предупредил, что дни мистера Джефферсона сочтены и, таким образом, ее будущее (повторяю, мы рассуждаем как циники) вполне благоприятно. Если бы… если бы… если бы не появилась Руби Кин! Миссис Джефферсон обожает своего сына. А на что только не толкнет материнская любовь! Даже на преступление. Я знаю похожие случаи в деревне.

Мистер Марк Гэскелл вызывал во мне еще большие подозрения. Он игрок и не блещет нравственными правилами. Но по ряду причин мне виделась в данном преступлении женская рука.

Однако, установив для этих двоих веский повод, я должна была с некоторым огорчением согласиться, что у обоих безукоризненное алиби на те часы, которые судебная экспертиза определила как время убийства Руби Кин. Вскоре пришло известие о сгоревшей машине и гибели в ней Памелы Ривз. Тут-то упрямая истина обнаружилась: алиби ничего не стоят! У меня в руках были две половинки этого дела. Но они не сходились. Между ними не хватало связи. Лицо, которое я считала причастным к преступлению, не имело для него повода. Как же я оказалась глупа, — задумчиво проронила мисс Марпл. — Не

случись разговора с Диной Ли, я и не додумалась бы… Архивы Соммерсет-Хаус! Акты гражданского состояния. Список бракосочетаний! Почему ограничиваться мистером Гэскеллом и миссис Джефферсон? А если один из них вступил в новый брак или собирается это сделать, то и у третьего человека появляется повод к преступлению!

Возможно, танцор Реймонд давно искал случая жениться на богатой женщине.

Кроме Реймонда, существовал еще Хьюго Маклин. Она к нему относилась с доверием и, видимо, собиралась в конце концов за него замуж. Он тоже небогат. В ночь убийства находился поблизости от Дейнмута. Любой из двух мужчин мог быть преступником. Но в глубине души я знала и нечто другое. Мне не давали покоя ногти!

— Ногти?! — воскликнул сэр Генри. — Но ведь все проще простого: она обломила один и обрезала остальные.

— Вы ошибаетесь, — возразила мисс Марпл. — Не надо путать подрезанные ногти с обгрызенными. Достаточно посмотреть на руки школьниц, чтобы разница стала очевидной. Я вечно повторяю девочкам из приюта, как некрасивы обкусанные ногти. Один только вид этих ногтей убедил меня в том, что труп, обнаруженный в

библиотеке полковника Бантри, вовсе не был трупом танцовщицы. Вот мы и пришли к главному заинтересованному лицу: к Джози. Ведь она опознала труп! Не моргнула даже глазом, хотя, конечно, знала, что это не ее кузина. И в то же время почти не могла скрыть удивления, что труп нашли именно здесь! Почему? Потому что лучше всех других знала, где ему находиться: в доме Бэзила Блэйка!.. А кто обратил наше внимание на мистера Блэйка? Да та же Джози! Она сказала Реймонду, что Руби, возможно, «уехала с киношником». Еще раньше она подсунула фотографию этого человека в сумочку своей кузины. Джози! Черствая, практичная, жаждущая только денег… Но раз в библиотеке нашли не Руби Кин, то, значит, это Памела Ривз? Зачем понадобилась мистификация? Объяснение одно: чтобы обеспечить алиби определенным лицам. У кого было алиби на час смерти Руби Кин? У Марка Гэскелла, у миссис Джефферсон и у Джози.

Мне показалось очень заманчивым попытаться представить истинный ход событий, чтобы понять, как должен был осуществиться весь план. Запутанный на первый взгляд, он, в сущности, отличался крайней примитивностью. Прежде всего выбор пал на бедняжку Памелу. Чтобы завлечь

ее в ловушку, в ход пошла сказка о киностудии. Девочка не устояла перед соблазном, которым ее поманил респектабельный Марк Гэскелл, то есть приглашением на кинопробу. Она пришла в отель, где он ее ждал у заднего входа и затем представил Джози… «гримерше». Несчастная девочка! Я положительно заболеваю, когда думаю о ней… так и вижу ее сидящей в ванной комнате у Джози. А та обесцвечивает ей волосы, гримирует лицо, покрывает ярким лаком ногти на руках и ногах… Во время этой процедуры ей дают наркотик, скорее всего подсыпают в мороженое.

После ужина Марк Гэскелл отправляется в своей машине якобы на берег моря. На самом деле он везет загримированную Памелу, на которой надето старое платье Руби, на виллу Бэзила Блэйка и кладет на ковер перед камином. Она в обмороке, но еще жива, и он ее душит пояском от платья. Ах, как это бесчеловечно!

Было около десяти часов вечера. Полный возбуждения, Марк Гэскелл возвращается в отель и появляется в гостиной, а еще живая Руби Кин беззаботно исполняет свой первый танец с Реймондом Старром.

Джози, конечно, заранее проинструктировала ее, а Руби была приучена во всем повиноваться

своей старшей кузине. Ей велено было подняться наверх, переодеться и ожидать в комнате Джози. Ей тоже дали сильный наркотик, возможно, в чашечке кофе после ужина. Помните, она то и дело зевала, танцуя с молодым Бартлеттом?

Джози поднялась с Реймондом в комнату Руби. Но в ее собственную комнату никто, кроме нее, не входил. Там она и убила Руби. Потом спустилась в зал, танцевала с Реймондом, обсуждала с Джефферсонами исчезновение Руби и, пожелав всем спокойной ночи, ушла наверх.

В ранние утренние часы она выносит труп по боковой лестнице, втискивает мертвую Руби в машину Джорджа Бартлетта и проезжает три километра до карьера. Там она обливает сиденья бензином и поджигает автомобиль. Потом возвращается в отель к восьми часам: якобы проснулась так рано потому, что беспокоится из-за пропавшей кузины.

— Какая головоломная инсценировка, — заметил полковник Мэлчетт.

— Не сложнее, чем разучить фигуры танца, — возразила мисс Марпл.

— Возможно.

— Она не упустила ни одной мелочи, — продолжала мисс Марпл. — Подумала даже о несхожести

ногтей… и постаралась, чтобы Руби зацепилась за ее шаль. Нужно же было объяснить, куда девался обычный маникюр!

Харпер восхитился:

— В самом деле, прекрасно проработаны детали! А у вас было лишь одно-единственное наблюдение: ногти, обкусанные, как у школьницы.

— Нет, была еще одна вещь, — заметила мисс Марпл. — Марк Гэскелл проболтался, он сказал о Руби: редкие, будто вдавленные зубы. А у трупа в библиотеке зубы чуть выступали вперед.

Конвей Джефферсон спросил:

— Последнюю сцену придумали вы, мисс Марпл?

— Одно не вызывало сомнения, — продолжала старая дама. — Как только преступники узнают о вашем намерении изменить завещание не в их пользу, они просто вынуждены будут действовать! Ради этого наследства совершено уже два убийства, третье становилось необходимым. Чтобы обеспечить себе алиби, Марк отправился в Лондон, поужинал с приятелем и закончил вечер в ночном кабаре, а исполнение взяла на себя Джози. Если за смерть Руби должен был расплачиваться Бэзил Блэйк, то кончину ми-

стера Джефферсона приписали бы сердечному приступу. Шприц был наполнен дигитамином. По мнению начальника полиции, принимая во внимание все обстоятельства, любой врач констатирует естественную смерть.

— Дьявольская выдумка!

— Значит, третьей жертвой намечался Конвей? — спросил сэр Генри.

— Да, — ответила мисс Марпл. — А четвертой — Бэзил Блэйк. Ведь они подвели его под виселицу.

В комнату легким, быстрым шагом вошла Аделаида Джефферсон в сопровождении Хьюго. Он воскликнул:

— Кажется, мы безнадежно запоздали? Ведь я не знаю ни одной подробности. Собственно, что связывало Гэскелла и эту зловещую Джози?

— Джози была его женой, — просто сказала мисс Марпл. — Они оформили брак год назад, но решили хранить тайну до получения наследства.

Конвей Джефферсон сокрушенно произнес:

— Я всегда подозревал, что Розамунда отдала свою руку мерзавцу.

— Вдохновительницей преступлений была его жена, — сказала мисс Марпл. — Любопытно, что появление Руби спутало их первоначальные

планы. Отношение к ней мистера Джефферсона никак не было предусмотрено.

Джефферсон грустно вздохнул:

— Бедная малютка! Несчастная Руби!..

Аделаида сочувственно коснулась рукой его плеча. В этот вечер особое сияние окружало ее. Запинаясь, она сказала:

— Я должна кое-что сообщить вам, Джефф. Хьюго просил моей руки. И я согласилась.

Конвей поднял на нее взгляд.

— Видимо, вам надо было подумать о новом замужестве уже давно, — сказал он. — Поздравляю вас обоих. Кстати, Адди, завтра я оформлю свое новое завещание.

— Да, да, знаю.

— Нет, вы ничего не знаете! Я кладу в банк на ваше имя десять тысяч фунтов, а остальное после моей смерти перейдет к Питу. Вы удовлетворены, дорогая?

— О Джефф! Вы так добры… — Ее голос предательски задрожал.

— Он славный мальчуган. Я хотел бы его видеть почаще… все то время, которое мне еще отмерено.

— Он будет всегда возле вас!

Взволнованная Аделаида поспешно вышла.

Она ждала от свекра упреков, взрыва гнева, а встретила великодушие и истинно родительскую нежность. Когда Хьюго и Аделаида покинули комнату, первый, кто им попался навстречу у дверей танцевального зала, был Реймонд.

Аделаида приостановилась:

— Хочу сообщить вам новость, мистер Старр: я выхожу замуж.

Привычная улыбка появилась на лице Реймонда.

— Надеюсь, — учтиво произнес он, глядя лишь на нее и не оборачиваясь к Маклину, — надеюсь, что ваше счастье будет полным, мадам.

Он проводил их долгим, унылым взглядом.

«Прелестная женщина, — вздохнул он. — И, кажется, богатая к тому же. А мне так хотелось вновь развернуть по ветру знамя Старров из Девоншира!.. Не повезло… Что ж, принимайся за прежнее, старина!»

И Реймонд вернулся в танцевальный зал.

Каникулы в Лимстоке

Глава 1

Я часто вспоминаю то утро, когда пришло первое анонимное письмо.

Его принесли перед завтраком. Я лениво перевернул его, как это делают, когда время течет медленно и любое событие приобретает значение. Это было, как я обнаружил, «местное» письмо с отпечатанным на машинке адресом. Я вскрыл его первым, отложив пару писем с лондонскими штемпелями, поскольку в одном из них явно был счет, а на другом я узнал почерк одной из моих наискучнейших кузин.

Теперь странно вспоминать, что Джоанну и меня это письмо только развлекло. У нас и мысли не возникло, что с ним придут кровь и насилие, недоверие и страх.

Просто невозможно связать такого рода вещи с Лимстоком.

Я вижу, я неверно начал. Я не объяснил, что такое Лимсток.

После авиакатастрофы, в которую я угодил, долгое время я был уверен, вопреки утешительным словам врачей и сиделок, что приговорен к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь провести

в инвалидной коляске. Но в конце концов меня извлекли из гипса, и я начал осторожно учиться пользоваться своим телом, а затем Маркус Кент, мой врач, хлопнул меня по спине и заявил, что все в порядке, но я должен поехать в деревню и по крайней мере полгода вести растительную жизнь.

— Найдите такую часть света, где у вас нет никаких друзей. Удерите от всего, интересуйтесь местной политикой, деревенскими сплетнями, поглощайте все местные скандалы. И немножко пива — вот предписание для вас. Абсолютный покой и тишина.

Покой и тишина! Смешно об этом думать теперь.

Итак, Лимсток — и вилла «Литтл Фюрц».

Лимсток был большим городом во времена завоевания норманнов. В двадцатом же веке это было место незначительное во всех отношениях. Лимсток расположился в трех милях от железнодорожной магистрали — крохотный провинциальный городок, почти деревня, в котором часто устраивались базары; городок, окруженный бесконечными вересковыми пустошами. Вилла «Литтл Фюрц» располагалась на холме, у дороги, уходящей в вереск. Это был чопорный,

унылый дом с покосившейся викторианской верандой блекло-зеленого цвета.

Моя сестра Джоанна, едва завидя его, решила, что это идеальное место для выздоравливающего. Владелица дома была под стать ему — очаровательная маленькая старая леди, невообразимо викторианская. Она объяснила Джоанне, что ей бы и не приснилось такое — сдавать дом, но все так изменилось в нынешние времена… И эти ужасные налоги!

Итак, все было улажено, и договор подписан, и должным образом Джоанна и я прибыли и обосновались в доме. Сама же мисс Эмили Бэртон перебралась в Лимсток, в комнаты, которые содержала ее бывшая горничная («моя преданная Флоренс»), оставив нас под присмотром нынешней горничной мисс Бэртон — Патридж, мрачной, но весьма квалифицированной личности, которой помогала приходящая «девушка».

Через несколько дней после того, как мы поселились в «Литтл Фюрц», Лимсток начал наносить торжественные визиты. Каждый в Лимстоке имел какой-то свой отличительный признак, и все семьи выглядели «вполне счастливыми», как сказала Джоанна. Это были: мистер Симмингтон, адвокат, тонкий и сухой, с раздражительной, лю-

бящей бридж женой; доктор Гриффитс, мрачный, меланхолический врач, и его сестра — большая и радушная; викарий, образованный, забывчивый пожилой человек, и его жена — с энергичным лицом и блуждающим взглядом; богатый дилетант мистер Пай из виллы «Прайорз Лодж»; и наконец, мисс Эмили Бэртон собственной персоной, безупречная деревенская старая дева.

Джоанна дотрагивалась до карт с чем-то похожим на благоговейный трепет.

— Я не знала, — как-то сказала она голосом, полным непонимания, — что есть люди, которые действительно приходят *в гости*, чтобы играть *в карты!*

— Это потому, — объяснил я, — что ты ничего не знаешь о деревне.

Моя сестра Джоанна очень хорошенькая и очень веселая, она обожает танцы и коктейли, любовные романы и гонки на скоростных автомобилях. Она — законченная горожанка.

— Во всяком случае, — заявила Джоанна, — я смотрюсь в деревне неплохо.

Я критически оглядел ее и не счел возможным согласиться.

— Нет, — сказал я, — ты одета неправильно. Ты должна носить старую причудливую твидовую

юбку с хорошеньким кашемировым джемпером, подобрав их под пару… но, может быть, предпочтительнее мешковатое вязаное пальто… И ты должна надеть фетровую шляпу и толстые чулки, и еще — старые, хорошо разношенные уличные ботинки. И лицо у тебя неправильное, — добавил я.

— Что в нем неправильного?! Я наложила «деревенский тон номер два»!

— Вот именно, — сказал я. — А если бы ты жила здесь, ты бы лишь чуть-чуть пудрилась, не высовывая носа на солнце, и ты, конечно же, носила бы свои брови целиком, вместо того чтобы оставлять от них четверть.

Джоанна рассмеялась и сказала, что переезд в деревню обещает новые впечатления и она намерена всем наслаждаться.

— Боюсь, ты будешь ужасно скучать, — предположил я, испытывая угрызения совести.

— Нет, не буду. Я сыта по горло всеми моими компаниями, и хотя ты не желаешь мне сочувствовать, я действительно была очень огорчена из-за Пауля. Теперь у меня будет время все забыть.

Я отнесся к сказанному скептически. Любовные истории Джоанны всегда двигались по одному

и тому же пути. Она влюблялась сумасшедшим образом в какого-нибудь совершенно бесхарактерного молодого человека, непризнанного гения. Она выслушивала его бесконечные жалобы и делала все, чтобы его заметили. Затем, когда он оказывался неблагодарным, она бывала глубоко ранена и утверждала, что ее сердце разбито, — до тех пор, пока не появлялся очередной унылый молодой человек, что обычно случалось недельки через три.

Я не слишком серьезно относился к разбитому сердцу Джоанны, но видел, что жизнь в деревне — нечто вроде новой забавы для моей милой сестры. Она с интересом предалась веселой игре в нанесение визитов. Мы должным порядком получали приглашения на чай и бридж, принимали их и рассылали ответные приглашения.

Для нас обоих все это было как увлекательная книга — совершенно новая книга!

И, как я уже сказал, когда пришло анонимное письмо, оно всего лишь позабавило меня.

Вскрыв письмо, я минуту или две пребывал в недоумении. Печатные слова, вырезанные из книги и наклеенные на лист бумаги…

В письме в довольно грубых выражениях сообщалось мнение отправителя насчет того, что мы

с Джоанной не были братом и сестрой.

— Эй, что это такое? — спросила Джоанна.

— Это очень грязное анонимное письмо, — ответил я.

Я ощутил легкую душевную боль. Кто бы предположил, что подобное может случиться в тихом болоте Лимстока?

Джоанна мгновенно проявила живейший интерес:

— Да ну? И что в этом письме говорится?

Должен заметить, что в романах анонимные письма — грубые, внушающие отвращение — по возможности не показывают дамам. Подразумевается, что дам следует во что бы то ни стало защитить от потрясения, в которое подобное письмо повергнет их нежную нервную систему.

Очень жаль, но я должен сказать, что мне бы и в голову не пришло скрыть письмо от Джоанны. Я немедленно протянул ей лист.

Джоанна подтвердила мою веру в нее тем, что не проявила никаких чувств, кроме веселого удивления.

— Какая жуткая гадость! Я слыхала об анонимных письмах, но мне никогда не приходилось их видеть. Они что, все такие?

— Не могу сказать, — ответил я. — Для меня это

тоже впервые.

Джоанна захихикала.

— Похоже, ты был прав, говоря о моей косметике, Джерри. Наверное, они тут решили, что я просто обязана быть распутной женщиной!

— К тому же, — сказал я, — нужно учесть тот факт, что наш отец был высоким смуглым человеком с длинным худым лицом, а наша матушка — очаровательное маленькое создание, голубоглазое, с прекрасными волосами, и что я похож на отца, а ты — на маму.

Джоанна задумчиво кивнула.

— Да, мы ничуть не похожи. Никто и не подумает, что мы брат и сестра.

— Кто-то и не подумал, — сказал я с чувством.

Джоанна заявила, что она считает все это просто забавным. Она помахала письмом, держа его осторожно за уголок, и спросила, что мы с *этим* сделаем.

— Я полагаю, будет наиболее верным, — предложил я, — сунуть его в огонь, энергично выразив свое отвращение.

Я подкрепил свои слова действием, и Джоанна зааплодировала.

— Ты это проделал великолепно, — сказала она. — Тебе просто необходимо пойти на сце-

ну. Какое счастье, что у нас все еще есть огонь, правда?

— Корзинка для бумаг не была бы столь драматична, — согласился я. — Хотя, конечно, я мог поджечь листок спичкой и понаблюдать, как он медленно сгорает.

— Когда тебе нужно что-то сжечь, оно ни за что не загорается, — сказала Джоанна. — Оно гаснет. Тебе наверняка пришлось бы чиркать спичку за спичкой.

Она встала и подошла к окну. Потом, стоя там, вдруг резко обернулась.

— Удивляюсь, — сказала она, — кто мог написать такое?

— Вероятно, мы никогда этого не узнаем, — предположил я.

— Я тоже так думаю. — Она помолчала немного и продолжила: — И тем не менее, не знаю уж почему, мне все это кажется забавным. Видишь ли, я думала, они… я думала, нас здесь полюбят.

— Так оно и есть, — сказал я. — Просто тут живет какой-то наполовину свихнувшийся тип.

— Надеюсь, что это так. Фу, гадко!

Джоанна ушла наружу, на солнышко, а я, закуривая положенную после завтрака сигарету, решил, что сестра права. Это действительно гад-

ко. Кого-то возмутил наш приезд сюда… кого-то возмутила юная, яркая красота Джоанны… кто-то хотел причинить боль. Возможно, лучшим выходом было посмеяться над всем этим.

Тем утром к нам зашел доктор Гриффитс. Я договорился с ним о еженедельных осмотрах. Мне нравился Оуэн Гриффитс. Он был смуглый, нескладный, с неловкими манерами и мягкими, искусными руками. Говорил он отрывисто и был слегка застенчив:

— Вы не хуже чувствуете себя сегодня, а? Или это мое воображение, или с утра на вас немножко действует погода.

— Не то, — сказал я. — Вместе с утренним кофе пришло довольно грубое анонимное письмо, и оно оставило достаточно гадкий привкус во рту.

Доктор уронил свой портфель на пол. На его тощем, темном лице отразилось возбуждение.

— Вы хотите сказать, что и *вы* получили одно из них?

Я заинтересовался:

— А что, здесь такое случается?

— Да. С некоторых пор.

— О, — сказал я, — понятно. А я-то решил, что лишь присутствие столь странных личностей, как мы, вызвало чье-то негодование.

— Нет-нет, ваш приезд ни при чем. Это просто… — Он помолчал и спросил: — О чем там говорилось? По крайней мере… — Он внезапно покраснел и смутился. — Возможно, я не должен был спрашивать?

— Я с удовольствием отвечу вам, — сказал я. — Там всего лишь сообщалось, что экстравагантная девица, которую я привез с собой, вовсе мне не сестра. И это, добавлю, кратчайшее изложение.

Смуглое лицо доктора налилось гневом.

— Проклятье! Ваша сестра… надеюсь, она не слишком расстроилась?

— Джоанна, — пояснил я, — не очень-то похожа на ангелочка с рождественской елки, она более чем современна и достаточно крепка. Она нашла это в высшей степени забавным. Ей не приходилось прежде сталкиваться с чем-либо подобным.

— Да уж надеюсь, что не приходилось, — сказал Гриффитс.

— И в любом случае, — сказал я уверенно, — здесь ничего не остается, кроме как посмеяться. Как над чем-то чрезвычайно нелепым!

— Да, — сказал Оуэн Гриффитс, — всего лишь…

Он замолчал, и я быстро подхватил:

— Совершенно верно. Всего лишь слова.

— Беда в том, — сказал он, — что такого рода

вещи, однажды начавшись, сами по себе не заканчиваются.

— Могу вообразить.

— Безусловно, это патология.

Я кивнул.

— У вас есть какие-нибудь соображения об авторе? — спросил я.

— Нет, лишь желание узнать. Видите ли, причин к сочинению анонимных писем может быть две. Если это единичное письмо — отправленное одному человеку или группе лиц, — то можно сказать, что оно мотивировано. То есть его написал некто, имеющий причины для недовольства (или полагающий, что имеет) и выбирающий грязный, тайный путь к проявлению этого недовольства. Это дурно, и это вызывает отвращение, но такой человек не обязательно сумасшедший, и обычно довольно легко определить автора — уволенный слуга, ревнивая женщина и так далее. Но если это не единичный случай, а принцип действия личности, то это уже куда серьезнее. Письма рассылаются беспорядочно, и они служат одной цели — заменить какие-то разрушенные надежды в воображении пишущего. Как я уже сказал, это, безусловно, патология. И безумие прогрессирует. В конце концов, конечно, автора анонимок

выследят и поймают (часто это, кстати, оказывается человек, о котором просто невозможно подумать подобное), и тем все и кончится. Был подобный инцидент, на другом конце графства, в прошлом году — когда уволили заведующую отделом дамских шляп в большом универмаге. Тихая, изысканная женщина, работала там много лет. Я припоминаю несколько случаев и из моей практики. Но это были несчастные, озлобленные, уволенные люди. Однако, как я сказал, я уже видывал подобное, и это, совершенно искренне, пугает меня!

— И давно это продолжается? — спросил я.

— Не знаю точно. Безусловно, это трудно определить, потому что люди, получившие подобные письма, не рекламируют этот факт. Они бросают письма в огонь.

Он помолчал.

— Я тоже получил одно. И Симмингтон, адвокат. И один или двое из моих небогатых пациентов говорили мне об этом.

— И все письма похожи одно на другое?

— О да. Во всех повторяется одна и та же тема секса, это их обычная черта. — Он усмехнулся. — Симмингтона обвинили в преступных отношениях с его служащей, бедной мисс Гинч.

А ей по меньшей мере сорок, она носит пенсне, и зубы у нее, как у кролика. Меня обвинили в нарушении профессиональной этики в отношениях с пациентками и усердно налегали на подробности. Эти письма весьма инфантильны и абсурдны, но жутко язвительны. — Лицо доктора стало серьезным. — И тем не менее я *напуган*. Такие вещи могут быть *ужасны,* знаете ли.

— Полагаю, что действительно могут.

— Понимаете, — сказал он, — хотя письма грубы и полны детской злобы, рано или поздно *одно из них может попасть в цель.* А тогда — бог знает, что может случиться! И еще я боюсь влияния анонимок на неповоротливые, подозрительные, невоспитанные умы. Ведь когда они видят нечто *написанным*, они верят, что это правда. Тут возможны любые осложнения.

— Это было малограмотное письмо, надо сказать, — заметил я задумчиво. — Сочиненное кем-то практически необразованным.

— Так ли это? — сказал Оуэн и ушел.

Раздумывая позже обо всем этом, я нашел докторское «так ли это?» несколько тревожащим.

Я не намерен утверждать, что наша анонимка не оставила гадкого привкуса во рту. Это было. Но в то же время — она скоро забылась. Видите

ли, в тот момент я не отнесся к письму всерьез. Думаю, я внушил себе, что подобное случается нередко в глухих провинциальных городках. Причиной тому — истеричные женщины, склонные все драматизировать. Во всяком случае, если все анонимки такие же детские и глупые, как та, что получили мы, вряд ли они принесут много вреда.

Следующий *инцидент*, если это можно так назвать, произошел неделей позже, когда Патридж, поджав губы, сообщила, что Беатриса, наша приходящая служанка, сегодня не явится.

— Я полагаю, сэр, — сказала Патридж, — у девушки сильное расстройство.

Я не слишком понял, что имеет в виду Патридж, но отметил (ошибочно), что Патридж как бы смакует намек на нечто слишком щекотливое, чтобы сказать об этом прямо. Я ответил, что не вижу в этом ничего страшного и надеюсь, что Беатрисе скоро станет лучше.

— Девушка здорова, — пояснила Патридж. — Но ее чувства в расстройстве.

— О! — произнес я в недоумении.

— Это, — продолжила Патридж, — из-за письма, которое она получила. Насколько я поняла, весьма лживое письмо.

Жесткое выражение глаз Патридж натолкнуло меня на мысль, что ложь в письме относилась ко мне. Поскольку я с трудом узнал бы Беатрису, встреть я ее в городе, и вообще мало догадывался о ее существовании, я почувствовал чудовищную досаду. Инвалид, передвигающийся на двух костылях, очень уж мало годился на роль соблазнителя деревенских девиц.

Я сказал раздраженно:

— Что за чушь!

— То же самое сказала я матери девушки, — доложила Патридж. — Ничего подобного не могло быть в этом доме, сказала я ей, и ничего подобного не будет, пока этот дом под моим присмотром. Что касается Беатрисы, сказала я, то девушки в наши дни очень разные и я ничего не могу сказать о ее поведении где-нибудь в другом месте. Но верно и то, сэр, что приятель Беатрисы, из гаража, тот, с которым она гуляет, тоже получил одно из этих скверных писем. И нельзя сказать, чтобы он отнесся ко всему этому благоразумно.

— В жизни не слышал ничего более нелепого, — сердито сказал я.

— И я того же мнения, сэр, — сообщила Патридж. — И нам лучше бы избавиться от этой девушки. Я ведь что говорю: она бы не получила

письма, если бы не было чего-то *такого*, что она хотела бы скрыть. «Нет дыма без огня» — вот что я сказала.

Я и не догадывался, как сильно надоест мне вскоре эта простенькая фраза.

Тем утром в поисках приключений я решил спуститься в городок. Светило солнце, воздух, прохладный и живительный, был полон весенней прелести. Я собрал свои костыли и отправился, твердо отказавшись от предложения Джоанны сопровождать меня.

Мы договорились, что сестра приедет за мной на автомобиле и привезет обратно на холм к обеду.

— У тебя масса времени уйдет лишь на то, чтобы поздороваться с каждым в Лимстоке.

— Не сомневаюсь, — сказал я, — что меня там ни один не пропустит.

Мне бы не следовало, конечно, — после того, что со мной произошло, — спускаться в городок без сопровождающего. Я прошел около двухсот ярдов, когда услышал позади велосипедный звонок, потом скрип тормоза, а потом Меган Хантер с треском уложила свою машину к моим ногам.

— Привет, — выдохнула она, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

Мне, в общем, нравилась Меган, но я постоянно испытывал перед ней странное чувство вины.

Меган была падчерицей адвоката Симмингтона. Дочь миссис Симмингтон от первого брака. О мистере (или капитане) Хантере старались упоминать пореже, и я сделал вывод, что ему следует быть забытым. О нем ходили слухи, что он очень плохо обращался с миссис Симмингтон. Она развелась с ним через год или два после свадьбы. Миссис Симмингтон была женщиной со средствами, и — вместе со своей маленькой дочкой — поселилась в Лимстоке, «чтобы все забыть», и здесь нашла подходящую партию, единственного на все местечко холостяка Ричарда Симмингтона.

От второго брака родились два мальчика, которым родители посвятили себя полностью. И я представлял себе, что Меган, пожалуй, иной раз ощущает себя лишней в доме. Она вовсе не похожа была на мать, маленькую анемичную женщину, совсем поблекшую, которая нежным меланхоличным голосом рассуждала о сложностях обращения с прислугой и о собственном здоровье.

Меган была высокой неуклюжей девушкой, и хотя ей было почти двадцать лет, она куда больше

походила на шестнадцатилетнюю школьницу. Меган обладала копной растрепанных каштановых волос, орехово-зелеными глазами, тонким сухим лицом и неожиданно чарующей, чуть кривоватой улыбкой. Одежда ее имела вид скучный и непривлекательный, и не было случая, чтобы на фильдекосовых чулках Меган не оказалось дырок.

Я решил, что этим утром она гораздо больше похожа на лошадь, чем на человеческое существо. Но надо признать, что она была бы симпатичной лошадкой, только очень уж неухоженной.

Меган заговорила как обычно — словно задыхаясь от спешки.

— Я была на ферме — вы знаете, у Лашеров, — чтобы спросить, нет ли у них утиных яиц. А у них куча милых малюсеньких поросят! Прелесть! Вы любите поросят? Я — очень. Мне даже их запах нравится.

— Если свиней хорошо содержать, они не должны бы пахнуть, — предположил я.

— Не должны? Да они же под себя ходят! А вы в город? Я увидела, что вы один, вот и решила остановиться и пойти с вами, только я остановилась слишком уж резко.

— Вы порвали чулки, — сказал я.

Меган печально посмотрела на свою правую ногу.

— Да, действительно. Но там уже есть две дырки, так что это не имеет особого значения, правда?

— Вы что же, Меган, никогда не чините чулки?

— Изредка. Когда мамуля заставляет. Но она не слишком-то ко мне цепляется — так что с этим все в порядке, да?

— Вы, похоже, не понимаете, что вы уже взрослая, — сказал я.

— Вы хотите сказать, что мне бы следовало быть похожей на вашу сестру? Расфуфыренной?

Меня слегка обидело подобное определение Джоанны.

— Она всегда выглядит чистой и аккуратной, и на нее приятно взглянуть, — сказал я.

— Она прехорошенькая, — сказала Меган. — И ничуть на вас не похожа, правда? А почему?

— Братья и сестры не всегда похожи.

— Да. Конечно, я не слишком похожа на Брайана и Колина. И Брайан с Колином друг на друга не очень похожи… — Она помолчала и добавила: — Это очень чудно, правда?

— Что именно?

Меган кратко бросила:

— Семьи.

Я произнес глубокомысленно:

— Полагаю, это так.

Хотел бы я знать, что было у нее на уме. Мы шли в молчании минуту или две, потом Меган спросила робко:

— Вы летаете, да?

— Да.

— И из-за этого пострадали?

— Да, я разбился.

Меган сообщила:

— Здесь никто не летает.

— Да, — сказал я, — наверное, это так. Вам нравится летать?

— Мне? — Меган казалась удивленной. — Бог мой, нет. Меня бы тошнило. Меня даже в поезде тошнит.

Она помолчала и затем спросила с той непосредственностью, которая обычно присуща детям:

— А вы поправитесь и будете снова летать или так и останетесь такой вот развалиной?

— Мой врач уверяет, что я буду в полном порядке.

— А он не из тех, кто любит приврать?

— Не думаю, — сказал я. — Я в нем вполне

уверен.

— Тогда все в порядке. Но большинство людей врет.

Я принял это категорическое утверждение молча.

Меган произнесла независимо и беспристрастно:

— Рада за вас. А то я боялась, что вы выглядите таким мрачным из-за того, что потерпели крах в жизни; но если вы вообще такой, это другое дело.

— Я не мрачный, — сказал я холодно.

— Ну, раздражительный.

— Я раздражителен потому, что мне хочется поскорее вернуться к норме; но такие дела не делаются быстро.

— Тогда к чему суетиться?

Я рассмеялся:

— Дорогая девочка, разве вам никогда не хотелось, чтобы что-то случилось поскорее?

Меган обдумала вопрос. И доложила:

— Нет. Чего бы мне могло хотеться? Здесь не из-за чего спешить. Ничего никогда не случается.

Я был поражен отчаянием, прозвучавшим в ее словах. И мягко спросил:

— А чем вообще вы здесь занимаетесь?

Она пожала плечами:

— Да чем здесь можно заняться?

— У вас нет никаких увлечений? Вы ни во что не играете? У вас нет друзей?

— Я ничего не понимаю в играх. А девушек вокруг много, но они все мне не нравятся. Они считают меня ужасной.

— Чушь. Почему?

Меган тряхнула головой в ответ.

Мы уже добрались до Верхней улицы.

Меган язвительно сказала:

— Мисс Гриффитс идет. Ненавистная тетка. Вечно пристает, чтобы я вступила в команду этих вонючих скаутов. Ненавижу скаутов. Зачем наряжаться, и ходить везде кучей, и носить значки, если все равно ничего не умеешь делать как следует? Я думаю, это все вздор.

В целом я, пожалуй, был согласен с Меган. Но мисс Гриффитс обрушилась на нас прежде, чем я успел высказать свое согласие.

Сестра доктора обладала странным и не подходящим ей именем Айми и всей той самоуверенностью, которой так не хватало ее брату. Это была весьма самостоятельная, энергичная женщина с низким голосом.

— Привет обоим, — сказала она нам. — Велико-

лепное утро, не так ли? Меган, я как раз хотела вас видеть. Мне нужна небольшая помощь. Надписать конверты для Ассоциации консерваторов.

Меган что-то уклончиво пробормотала, приткнула свой велосипед у обочины и целеустремленно направилась к универмагу.

— Необычное дитя, — сообщила мисс Гриффитс, провожая ее взглядом. — Костлявая лентяйка. Только и делает, что бродит, как во сне. Должно быть, это нелегкое испытание для бедной миссис Симмингтон. Я знаю, что она не раз пыталась заставить девчонку заняться хоть чем-то — стенографией, знаете ли, или кулинарией, предлагала ей завести ангорских кроликов… Ей *необходимо* какое-то занятие в жизни.

Я подумал, что это вполне может быть и правдой, но на месте Меган я бы тоже, пожалуй, твердо сопротивлялся любым предложениям Айми Гриффитс по той простой причине, что агрессивность этой личности всегда вынуждала меня быстренько ретироваться.

— Я никогда не бездельничаю, — продолжала мисс Гриффитс. — И уж конечно, нельзя допускать, чтобы бездельничала молодежь. И если бы Меган была хоть хорошенькой, привлекательной или что-то в этом роде! Иногда я думаю, что де-

вочка слабоумна. Ее отец, знаете ли, — она слегка понизила голос, — был определенно дурным человеком. Боюсь, что дитя пошло в него. Это мучительно для ее матушки. Ну, впрочем, мало ли как можно устроиться в жизни, я так считаю.

— К счастью, — отозвался я.

Айми Гриффитс издала «прелестный» смешок.

— Да, невозможно всем жить по одному образцу. Но я не могу видеть, когда кто-то не берет от жизни всего, что возможно. Мне говорят, что, должно быть, до смерти скучно круглый год жить в деревне. Ничуть, отвечаю я! Я всегда занята, всегда счастлива! И в таком крохотном городишке всегда что-то происходит. Мое время заполнено — у меня есть скауты, Женский институт, всякие комитеты, не говоря уж о том, что нужно присматривать за Оуэном.

В эту минуту мисс Гриффитс увидела знакомого на другой стороне улицы и, издав одобрительный лай, поскакала через дорогу, позволив мне свободно продолжить путь в банк.

Я всегда считал мисс Гриффитс сокрушительной личностью.

Мои дела в банке завершились успешно, и я отправился в контору «Гэлбрайт, Гэлбрайт и Симмингтон». Я не знаю, существовали ли когда-

либо какие-то Гэлбрайты. Я их не видел. Меня проводили к ныне здравствующему владельцу Ричарду Симмингтону. В его кабинете ощущался запах пыли и ни с чем не сравнимый аромат давным-давно основанной юридической фирмы.

Огромное количество ящиков с документами, украшенных наклейками: «Леди Хоуп», «Сэр Эверард Карр», «Вильям Ятсби-Хоурз, эскв.», «Скончавшиеся» и т. д., создавало впечатление благопристойности клиентуры и признанного, устоявшегося дела.

Пока мистер Симмингтон рассматривал бумаги, которые я принес, я рассматривал его, и мне пришло в голову, что если миссис Симмингтон и бедствовала в первом браке, то второе замужество было игрой наверняка. Ричард Симмингтон был высшим проявлением спокойной респектабельности, тем типом человека, который не доставит своей жене никаких тревог. Длинная шея с кадыком, невыразительное, бледное, как у покойника, лицо и длинный тонкий нос… Милейший человек, без сомнения, но не из тех, кто заставляет сердца бешено колотиться.

Вскоре мистер Симмингтон заговорил. Он говорил четко и медленно, выказывая доброжелательность ко мне и хитроумную проницатель-

ность в делах. Мы ударили по рукам, и я поднялся, чтобы идти, заметив попутно:

— С холма я шел вместе с вашей приемной дочерью.

Какое-то мгновение мистер Симмингтон выглядел так, словно понятия не имел, кто такая его приемная дочь, потом улыбнулся.

— О да, конечно… Меган. Она… э-э… недавно вернулась из школы. Мы подумываем о том, чтобы пристроить ее к какому-нибудь делу… да, к делу. Но, конечно, она еще слишком молода. И немножко неразвита для своего возраста, говорят. Да, мне так говорили.

Я вышел. В соседней комнате находились очень старый человек, сидящий на табурете и медленно и тщательно пишущий что-то, маленький нахального вида мальчишка и женщина средних лет с завитыми волосами и в пенсне, которая с бешеной скоростью печатала на машинке.

Если это и была мисс Гинч, то я бы согласился с Оуэном Гриффитсом, что нежные отношения между ней и ее работодателем абсолютно невозможны.

Я зашел в пекарню и выложил монетку за булку с изюмом. Но, увидев эту булку, я выразил протест и недоверие, совершенно справедливые в

данном случае, и тут же получил взамен другую, «совершенно свежую, только что из печки!». И, судя по тому, как она обожгла мою грудную клетку, когда я прижал ее к себе, это было правдой.

Я вышел из лавки и посмотрел направо и налево, надеясь увидеть Джоанну и автомобиль. Прогулка сильно утомила меня, и было неудобно идти на костылях, держа булку.

Но Джоанна еще не появилась.

Внезапно мои глаза обнаружили нечто радостное и невероятное. По тротуару ко мне приближалась, словно плыла, богиня. Тут действительно не подобрать было другого слова. Прекрасные черты лица, вьющиеся золотые волосы, стройная, изысканных очертаний фигура… И походка у нее была легкая, как у богини, и казалось — девушка подплывает все ближе и ближе. Великолепная, невероятная, сногсшибательная девушка!

Весьма взволновавшись, я попытался шагнуть. Но что действительно при этом сдвинулось с места, так это булка. Она выскользнула из моих пальцев. Я попытался пикировать за ней — и уронил костыль, с грохотом полетевший на тротуар, а я поскользнулся и чуть не упал.

Сильная рука богини поймала и поддержала меня. Заикаясь, я заговорил:

— Уж-жасно вам благодарен, я ж-жутко виноват…

Она подобрала булку и вручила ее мне вместе с костылем. Затем она очаровательно улыбнулась и сказала бодро:

— Не стоит благодарности. Ничего особенного, уверяю вас.

И магия полностью растаяла от звуков категоричного, уверенного голоса. Добрая, хорошо сложенная, приятно выглядящая девушка, только и всего.

Я ударился в размышления о том, что случилось бы, если бы боги наделили Елену Троянскую точно такой же категоричной манерой говорить. Как это странно, что девушка могла растревожить вашу душу до самой глубины, пока помалкивала, но в тот самый момент, когда она заговорила, чары исчезли, будто их и не было вовсе.

Я знавал, однако, и счастливые несоответствия: одну маленькую печальную женщину с обезьяньим личиком, на которую никто не захотел бы оглянуться, чтобы увидеть ее еще раз. Но вот она открывала рот — и внезапно возникало и расцветало обаяние, словно Клеопатра поделилась с ней своим искусством очаровывать мужчин.

Джоанна остановилась у обочины рядом со

мной, но я не заметил ее. Она спросила, не случилось ли чего-нибудь.

— Ничего, — сказал я, беря себя в руки. — Я размышлял о Елене Прекрасной и прочих.

— Миленькое местечко ты для этого выбрал, — сказала Джоанна. — Ты выглядишь *очень* странно, стоя здесь с широко открытым ртом и вцепившись в булку с изюмом.

— Я потрясен, — объяснил я. — Я перенесся в «Илиаду» и вернулся обратно.

И добавил, указывая на удаляющуюся, словно плывущую спину:

— Ты не знаешь, кто это?

Всмотревшись в девушку, Джоанна сказала, что это Элси Холланд, гувернантка Симмингтонов.

— Так вот что заставило тебя окаменеть! — сообразила Джоанна. — Она неплохо выглядит, но немножко похожа на рыбу.

— Понятно, — сказал я. — Очень милая и добрая девушка. Я было принял ее за Афродиту.

Джоанна открыла дверцу автомобиля, и я уселся.

— Она прелестна, не так ли? — сказала Джоанна. — Есть люди с блестящей внешностью, но с полным отсутствием сексапильности. Она как раз такая. Какая жалость!

Я сказал, что если она гувернантка, то это как раз может быть к лучшему.

В тот день нас пригласил к чаю мистер Пай.

Мистер Пай был крайне женственным, пухлым маленьким человечком, полностью посвятившим себя своим крохотным стульям, дрезденским пастушкам и коллекции стильной мебели разных эпох. Он жил на вилле «Прайорз Лодж». На прилегающих к ней землях сохранились руины старого монастыря, разрушенного во времена Реформации.

Вилла с трудом могла сойти за человеческое жилье. Шторы и диванные подушки здесь были из очень дорогого шелка пастельных тонов.

Маленькие пухлые ручки мистера Пая дрожали от возбуждения, когда он описывал и демонстрировал свои сокровища, а голос мистера Пая срывался на тонкий писк, когда он повествовал о волнующих обстоятельствах, при которых приобрел итальянскую кровать в Вероне.

Мы с Джоанной, оба любящие антиквариат, внимали с одобрением.

— Это действительно удовольствие, огромное удовольствие — такое пополнение нашей маленькой общины. Здесь живут милые, добрые люди, вы знаете, но они мучительно буколичны

— чтобы не сказать *провинциальны*. Вандалы, абсолютные вандалы! А обстановка их домов — она заставит вас плакать, дорогая леди, уверяю, она заставит вас плакать! Разве не так?

Джоанна согласилась, что ничего подобного тому, что она видит здесь, ей встречать не приходилось.

— Дом, который вы снимаете, — продолжал мистер Пай, — дом мисс Эмили Бэртон. Он просто очарователен, и у нее там есть кое-какие прелестные вещицы. Весьма прелестные. Одна или две из них просто первоклассные. И у нее есть вкус; хотя я не вполне уверен, что сделал бы так же. Боюсь, что иной раз — мне так кажется — это просто сентиментальность. Ей нравится держать вещи там, где они были всегда, но не там, где им лучше всего быть, не там, где они выглядели бы лучше всего, и лишь по той причине, что ее матушка ставила их именно на это место.

Он перенес свое внимание на меня, и его голос изменился. Это уже был голос не восхищенного художника, а прирожденного сплетника.

— Вы ничего не знаете об этой семье? О, конечно, нет, — только то, что услышали от агента по найму. Но, мой дорогой, вы *должны* иметь представление об этой семье! Когда я приехал

сюда, старая мамаша была еще жива. Невероятная особа, совершенно невероятная! *Монстр*, если вы понимаете, что я имею в виду. Совершенный монстр. Монстр в викторианских платьях, пожирающий своих дочерей. Да, иначе и не скажешь. Она была монументальна, знаете ли, в ней, должно быть, было стоунов семнадцать, и все пять дочерей крутились возле нее. «Девочки!» — она всегда звала их только так. «Эти глупые девчонки!» — иной раз называла она их. Черные рабы — вот кем они были; на них она ездила, и они же с ней всегда соглашались. В десять вечера они отправлялись в постель и не смели зажигать света в спальнях, а уж чтобы они пригласили в дом кого-то из своих друзей — это неслыханно. Она презирала их, знаете ли, за то, что они не выходят замуж, но ведь они не могли устроить свою жизнь, потому что у них не было возможности встречаться с кем-либо. Мне кажется, Эмили, а возможно, это была Агнес, завела какие-то отношения с помощником приходского священника. Но его семья оказалась недостаточно хороша, и мамаша пресекла *все это*.

— Звучит как роман, — сказала Джоанна.

— О, моя дорогая, все так и было. А потом ужасная старая женщина умерла, но, конечно, было

уже слишком поздно. Они продолжали жить там и тихими голосами говорили о том, чего бы могло захотеться бедной матушке. Даже переклейку обоев в ее спальне они восприняли бы как святотатство. Однако они делали много хорошего в церковном приходе, тихо и незаметно… Но ни одна из них не обладала большим запасом жизненных сил, и они поумирали одна за другой. Эдит скончалась от инфлюэнцы, Минни сделали операцию — и она не оправилась после нее, а бедную Мэйбл хватил удар — Эмили ухаживала за ней со всей преданностью. Последние десять лет она только тем и занимается, что ухаживает за больными. Прелестное создание, вам не кажется? Похожа на дрезденскую статуэтку. Как печально, что у нее сейчас финансовые затруднения… Впрочем, нынче все обесценилось.

— Это ужасно, что мы живем в ее доме, — сказала Джоанна.

— Нет-нет, дорогая юная леди. Вы не должны чувствовать ничего в этом роде. Ее добрая Флоренс весьма предана ей, и Эмили сама мне говорила, что счастлива обрести таких арендаторов. — Тут мистер Пай слегка поклонился. — Она считает, что ей с вами решительно повезло!

— В этом доме, — сказал я, — утешающая ат-

мосфера.

Мистер Пай бросил на меня быстрый взгляд.

— В самом деле? Вы это почувствовали? Да, это очень интересно. Я удивлен, знаете ли. Да, я удивлен.

— Что вы имеете в виду, мистер Пай? — спросила Джоанна.

Мистер Пай развел пухлыми ручками.

— Ничего, ничего. Удивлен, и только. Я верю в атмосферу, знаете ли. Люди думают и чувствуют. На них оказывают воздействие стены и мебель.

На пару мгновений я онемел. Я осматривался вокруг и соображал, как бы я описал атмосферу «Прайорз Лодж». Мне как раз казалось очень странным, что здесь нет никакой атмосферы! Это было и в самом деле примечательно.

Я задумался над этим настолько, что совершенно не слышал разговора, продолжавшегося между Джоанной и хозяином. Я очнулся, однако, услышав, что Джоанна начинает прощаться. Я оставил свои фантазии и присоединился к компании.

Мы отправились в холл. Когда мы подошли к парадной двери, в почтовую щель вползло письмо и упало на циновку.

— Дневная почта, — прошептал мистер Пай,

поднимая его. — Ну, дорогие молодые люди, вы ведь придете еще, не так ли? Как приятно встретить столь свободные умы, если вы меня понимаете, в этом мирном болоте, где никогда ничего не случается!

Пожав нам обоим руки, он с преувеличенной заботливостью помог мне сесть в машину. Джоанна взялась за руль, проехала достаточно осторожно по круговой дорожке вокруг безупречной зеленой лужайки и, выехав на прямую, подняла руку, чтобы помахать гостеприимному хозяину, стоявшему на ступенях у входа. Я наклонился вперед, чтобы сделать то же самое.

Но наш прощальный жест остался незамеченным. Мистер Пай вскрыл почту. Он стоял, изумленно глядя на развернутое письмо.

Джоанна как-то назвала его пухлым розовым херувимчиком. Он, конечно, оставался пухлым, но сейчас совсем не был похож на херувима. Его лицо налилось темным пурпуром, исказилось от гнева и изумления. И от страха.

В этот момент я взглянул на конверт. Он мне что-то напомнил. Я ничего не понял тогда — потому что это была одна из тех вещей, которые мы подмечаем неосознанно, даже не догадываясь об этом.

— Боже мой, — сказала Джоанна, — кто стукнул бедного малыша?

— Думаю, — сказал я, — что это снова Таинственная Рука.

Сестра повернула ко мне изумленное лицо, и автомобиль вильнул.

— Внимательнее, девушка, — предостерег я.

Джоанна сосредоточилась на дороге. Она недовольно хмурилась.

— Ты имеешь в виду письмо вроде того, что мы получили?

— Это лишь догадка.

— Что же это за местечко? — спросила Джоанна. — Ведь оно выглядит самым невинным, сонным, безвредным кусочком Англии, какой только можно представить…

— И где, цитируя мистера Пая, никогда ничего не случается, — перебил я. — Он выбрал дурную минуту, чтобы сказать это. Что-то случилось.

— Джерри! — сказала Джоанна. — Я… я думаю, что мне это не нравится. — Впервые в ее голосе прозвучала нотка страха.

Я ничего не ответил, потому что мне это тоже не нравилось. Такой мирный, улыбчивый, счастливый сельский уголок, над которым нависло нечто злое. И именно с этого момента у меня в

душе поселилось предчувствие беды…

Прошло несколько дней. Мы явились на бридж к Симмингтонам, и миссис Симмингтон надоела мне до крайности, постоянно упоминая Меган.

— Бедная деточка так неуклюжа. Она в таком возрасте, когда уже заканчивают школу, но еще продолжают расти.

Джоанна заметила сладко:

— Но ведь Меган уже двадцать, не так ли?

— О, да, да. Но она, конечно, моложава для своих лет. Совсем еще как ребенок. А неплохо было бы, я думаю, если бы девочки не росли так быстро. — Она засмеялась. — Я уверена, любая мать хотела бы, чтобы ее ребенок оставался вечным младенцем.

— С чего бы им этого хотеть? — сказала Джоанна. — К тому же, должно быть, это очень затруднительно — иметь ребенка, который умственно остается шестилеткой, когда его тело становится взрослым.

Миссис Симмингтон глянула с досадой и сказала, что мисс Бартон не должна воспринимать все слишком буквально.

Я был доволен Джоанной, и мне пришло в голову, что я был невнимателен к миссис Симмингтон. Эта анемичная прелесть среднего

возраста скрывает, подумал я, эгоистичную, хваткую натуру.

Джоанна коварно спросила, не намерена ли миссис Симмингтон учить Меган танцам.

— Танцам? — Миссис Симмингтон, казалось, удивилась и позабавилась. — О нет, здесь такое не принято.

— Вижу. А заодно теннис и прочее в этом роде.

— Наш теннисный корт годами пустует. Ни Ричард, ни я не играем. Я полагаю, позже, когда мальчики подрастут… О, Меган найдет массу занятий. Она, знаете ли, вполне счастлива, впустую проводя время. Позвольте взглянуть, я сдаю?

Когда мы поехали домой, Джоанна, злобно нажав на акселератор, так, что машина прыгнула вперед, сказала:

— Я чувствую себя ужасно виноватой перед этой девочкой.

— Меган?

— Да. Ее мать не любит ее.

— Ну, Джоанна, бывают вещи и похуже.

— Да, конечно. Множество мамаш не любят собственных детей. А Меган — могу представить! Держать дома такое существо весьма неудобно. Она вносит разлад в их образ жизни — образ жизни Симмингтонов. Без нее они — завершенное

семейство, и они должны ощущать себя крайне несчастными из-за того, что среди них такое чувствительное создание, — а она *действительно* чувствительна!

— Да, — согласился я, — думаю, она такая.

Джоанна внезапно весело рассмеялась:

— Невезуха тебе с этой гувернанткой!

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я с достоинством.

— Ерунда. Каждый раз, когда ты смотрел на нее, на твоем лице вырисовывалась мужская досада. Я согласна с тобой, это бесполезная трата времени. И я не вижу, кто еще здесь мог бы тебе подойти. Но ты произвел огромное впечатление на Айми Гриффитс.

— Избави бог! — воскликнул я с содроганием. — И кстати, — добавил я, — почему так много интереса к моей интимной жизни? А как насчет тебя, девочка? Ты нуждаешься в небольшом развлечении, насколько я тебя знаю. Но здесь нет непризнанных гениев, болтающихся вокруг. Тебе нужно покорить Оуэна Гриффитса. Он единственный неженатый мужчина в местечке.

Джоанна вскинула голову:

— Доктору Гриффитсу я не нравлюсь.

— Он мало тебя видел.

— Он видел достаточно для того, чтобы переходить на другую сторону, встречая меня на Верхней улице!

— Весьма необычная реакция, — сказал я с сочувствием. — Ты к такому не привыкла.

Джоанна в молчании проехала в ворота «Литтл Фюрц» и к гаражу. Потом сказала:

— Возможно, в твоей идее что-то есть. Я не понимаю, почему бы кому-то переходить на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи со мной. Это уж слишком бросается в глаза.

— Я вижу, — сказал я, — ты намерена устроить хладнокровную охоту на него.

— Ну, мне не нравится, когда меня сторонятся.

Я медленно и осторожно выбрался из автомобиля и установил костыли. Потом дал сестре маленький совет:

— Позволь сказать тебе, девочка. Оуэн Гриффитс — не из тех твоих ручных, скулящих, артистичных молодых людей. Если ты не будешь осторожна, ты можешь разворошить осиное гнездо. Этот человек может быть опасным.

— Ты действительно так думаешь? — спросила Джоанна, проявляя все признаки удовольствия от такой перспективы.

— Оставь беднягу в покое, — сказал я настой-

чиво.

— Как он смеет переходить через улицу, когда видит меня?

— Все вы, женщины, одинаковы. Вечно повторяете одно и то же. Сестрица Айми тоже устроит охоту с ружьем — на тебя, если я не ошибаюсь.

— Она уже меня ненавидит, — сказала Джоанна. Она говорила задумчиво, но с оттенком злорадства.

— Мы приехали сюда, — сказал я строго, — в мирный и тихий уголок, и я надеюсь, что мы не нарушим его покой.

Но если чего и не было впереди, так это мира и тишины.

Глава 2

Примерно через неделю я, вернувшись домой, обнаружил Меган, которая сидела на ступенях веранды, уткнув подбородок в колени.

Она встретила меня со своей обычной бесцеремонностью.

— Привет! — сказала она. — Вы, наверное, думаете, что я явилась к обеду?

— Конечно, — сказал я.

— Если там отбивные или что-нибудь подобное и на всех их не хватит, вы мне скажите сразу, — предупредила Меган, пока я огибал дом, чтобы известить Патридж, что за столом нас будет трое.

Мне показалось, что Патридж фыркнула. Она, по обыкновению, без слов умудрилась выразить, что не слишком-то высокого мнения об этой мисс Меган.

Я вернулся на веранду.

— Все в порядке? — озабоченно спросила Меган.

— Вполне в порядке, — ответил я. — Ирландское рагу.

— О, это вроде кормежки для собак, да? Я хочу

сказать, что это в основном картошка и приятный запах.

— В этом роде, — согласился я.

Мы молчали, пока я курил свою трубку. Это была в высшей степени приятельская тишина.

Меган разрушила ее внезапно и эгоистично:

— Я полагаю, вы думаете, я такая же ужасная, как все.

Я был настолько поражен, что у меня трубка вывалилась изо рта. Это была пенковая трубка, весьма приятного цвета, — и она разбилась.

Я сердито сказал Меган:

— Смотрите, что вы натворили!

Это странное дитя, вместо того чтобы расстроиться, откровенно усмехнулось:

— Я поступаю, как вы.

Ответ ее прозвучал яростно. Можно вообразить, что так ответила бы собака, умеющая говорить, — хотя это может оказаться заблуждением относительно собак. Мне пришло в голову, что Меган, несмотря на свое сходство с лошадью, имеет собачий характер. И уж конечно, она была не вполне человеком.

— Что вы сказали перед тем, как она разбилась? — спросил я, тщательно собирая осколки заветной трубки.

— Я сказала, что полагаю — вы считаете меня ужасной, — повторила Меган, но уже совсем другим тоном.

— Почему бы я должен так считать?

Меган серьезно объяснила:

— Потому что я ужасная.

Я резко сказал:

— Не будьте дурочкой.

Меган тряхнула головой:

— Все точно. Я не дурочка. Хотя многие так обо мне думают. Они не знают, что я прекрасно понимаю, чего они хотят, и что я постоянно ненавижу их.

– *Ненавидите* их?

— Да, — отрезала Меган.

Ее глаза — недетские грустные глаза — смотрели на меня пристально, не мигая. Это был долгий, внимательный взгляд.

— Вы бы тоже ненавидели людей, если бы были похожи на меня, — сказала она. — Если бы вы были нежеланны.

— Вам не кажется, что вы слегка нездоровы? — спросил я.

— Да, — сказала Меган. — Это самое говорят все, когда слышат правду. А это правда. Меня не хотят видеть в доме, и я понимаю почему. Мамуля

ничуть не любит меня. Я думаю, я напоминаю ей отца, а он был жесток с ней, ужасно жесток, судя по тому, что я слышала. Только матери не могут сказать, что им не нужны их дети, и сбежать от них. Или съесть их. Кошки ведь съедают тех котят, которых не любят. Мне кажется, это благоразумно. Ни пустой траты времени, ни неприятностей. А вот человеческие матери не оставляют своих детей, даже присматривают за ними. Пока я жила в школе, все было не так уж плохо, но вы же видите, что мамуле хотелось бы остаться с моим приемным отцом и мальчиками.

Я медленно произнес:

— Мне все же кажется, что вы нездоровы, Меган, но если допустить, что кое-что из того, что вы говорите, — правда, то почему вы не уедете и не начнете жить самостоятельно?

Она улыбнулась мне странно, не по-детски.

— Вы хотите сказать, заняться делом? Зарабатывать на жизнь?

— Да.

— Чем?

— Я полагаю, вы могли бы чему-нибудь научиться. Стенографии, машинописи, книжной торговле…

— Не уверена, что могу. Я мало понимаю в делах. Зато…

— Ну?

Она перед этим отвернулась от меня, а сейчас медленно повернула голову. Ее лицо покраснело, на глазах были слезы. И когда она заговорила, детство вновь звучало в ее голосе:

— Почему я не уезжаю? Или хотя бы не попытаюсь это сделать? Они меня не хотят, но я останусь. Я *останусь*, и пусть они об этом пожалеют. Пусть они все об этом пожалеют! Ненавистные свиньи! Я ненавижу всех в Лимстоке! Они все думают, что я глупая и безобразная. Я им покажу! Я им покажу! Я…

Это был детский, необычайно трогательный гнев.

Я услышал шаги по гравию за углом дома.

— Быстро! — свирепо рявкнул я. — Бегите в дом через гостиную! Пойдите в ванную. Умойтесь. Быстро!

Она неловко вскочила на ноги и мгновенно забралась в дом через окно, пока Джоанна огибала угол.

Я сказал ей, что к обеду пришла Меган.

— Хорошо, — кивнула Джоанна. — Мне нравится Меган, хотя я все-таки думаю, что она

немножко слабоумная. Ребенок, подброшенный на порог феями. Но она интересная.

Похоже, я до сих пор не уделил внимания преподобному Дан-Кэлтропу и миссис Дан-Кэлтроп.

А ведь оба они, викарий и его жена, были оригинальными персонами. Дан-Кэлтроп, наверное, был самым далеким от жизни человеком, какого я когда-либо знал. Его существование заключалось в его книгах и ученых штудиях. Его жена, напротив, отличалась тем, что всегда все знала. Хотя она редко давала советы и никогда ни во что не вмешивалась, она все же взывала к совести жителей деревни, словно олицетворяя самого Господа.

Миссис Дан-Кэлтроп остановила меня на Верхней улице на другой день после того, как Меган приходила к обеду. Я, как обычно, изумился — потому что миссис Дан-Кэлтроп двигалась так, словно она не гуляла, а гналась за кем-то, и оттого приобретала потрясающее сходство с борзой; а поскольку ее взгляд был постоянно сосредоточен на горизонте, вы были уверены, что ее цель находится в полутора милях отсюда.

— О! — сказала она. — Мистер Бартон!

Она произнесла это немного торжествующе, тоном человека, разрешившего особо хитрую

загадку. Я подтвердил, что я действительно мистер Бартон, и миссис Дан-Кэлтроп, оставив в покое горизонт, попыталась сосредоточить свое внимание на мне.

— Для чего, — спросила она, — я хотела вас увидеть?

Я ничем не мог ей помочь. Она стояла, хмуря брови, пребывая в глубоком замешательстве.

— Что-то очень гадкое, — сказала она.

— Прошу меня извинить за это, — пораженный, сказал я.

— А! — вскрикнула миссис Дан-Кэлтроп. — *Анонимные письма!* Что за историю с анонимными письмами вы привезли к нам?

— Я не привозил ее, — возразил я. — Это здесь уже было.

— Никто ничего подобного не получал, пока вы не приехали, — сказала миссис Дан-Кэлтроп обвиняюще.

— Письма приходили и до нас, миссис Дан-Кэлтроп. Этот ужас начался давно.

— О боже! — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — Мне это не нравится.

Она помолчала, и ее взгляд вновь убежал вдаль. Потом она сообщила:

— Я не могу избавиться от чувства, что это

нечто *дурное*. Мы не такие здесь. Зависть, конечно, и злоба, и мелкие стычки с давних пор, — но я не думала, что есть некто, способный на такое. Да, никогда не думала. И это огорчает меня, видите ли, потому что *я* должна была бы знать.

Ее прекрасные глаза вернулись с горизонта и нашли меня. Во взгляде было беспокойство и искреннее замешательство.

— Почему вы должны были бы знать? — спросил я.

— Я всегда все знаю. Я просто чувствую, что это моя обязанность. Кэйлеб проповедует правильные идеи и отправляет требы. Это обязанность священника, но я думаю, что обязанность его жены — знать, что думают и чувствуют люди, даже если жена ничего не может сделать. А я не имею ни малейшего представления, чей ум оказался…

Она внезапно прервала свою речь, уклончиво добавив:

— К тому же это очень глупые письма.

— А вы… э-э… вы тоже что-то получили?

Я задал вопрос с известной долей робости, но миссис Дан-Кэлтроп ответила совершенно естественным тоном, лишь ее глаза стали чуть шире:

— О да, два… нет, три. Я забыла, что именно в

них говорилось. Что-то очень глупое о Кэйлебе и школьной учительнице, так, кажется. Совершенная ерунда, потому что Кэйлеб не имеет склонности к флирту. Он никогда этим не занимался. Он вполне доволен церковной работой.

— Конечно, — сказал я. — О, конечно.

— Кэйлеб стал бы святым, — сказала миссис Дан-Кэлтроп, — если бы не был слишком уж умным.

Я оказался не в состоянии подобрать ответ на подобную критику, но это было и ни к чему, так как миссис Дан-Кэлтроп продолжала говорить, непостижимым образом вновь перескочив от своего мужа к письмам:

— Существует ведь множество вещей, о которых могло бы говориться в этих письмах, но этого нет. И это весьма странно.

— Я бы вряд ли сказал, что они страдают избытком сдержанности, — бросил я резко.

— Да, но не похоже, чтобы автор *знал* что-нибудь. Что-нибудь реальное.

— Вы полагаете?

Прекрасные блуждающие глаза обнаружили меня.

— Да, конечно, ведь у всех нас есть множество прегрешений, какие-то постыдные секреты. По-

чему этот сочинитель не использует их? — Она помолчала, а потом внезапно спросила: — Что говорилось в вашем письме?

— Там утверждалось, что моя сестра мне не сестра.

— А она вам сестра?

Миссис Дан-Кэлтроп задала вопрос с непринужденным, дружеским интересом.

— Конечно, Джоанна мне сестра.

Миссис Дан-Кэлтроп кивнула.

— Это как раз и подтверждает то, что я имела в виду. Осмелюсь сказать, существует другое…

Ее чистые, нелюбопытные глаза смотрели на меня задумчиво, и я внезапно понял, почему весь Лимсток побаивается миссис Дан-Кэлтроп.

В жизни каждого есть нечто тайное, и каждый надеется, что об этом никто никогда не узнает. Но я почувствовал, что миссис Дан-Кэлтроп действительно знает все.

И в этот раз я испытал истинное наслаждение, когда сердечный голос Айми Гриффитс прогудел:

— Привет, Мод! Рада, что наконец-то вас встретила. Я хочу предложить изменить день распродажи рукоделий. Доброе утро, мистер Бартон.

Она продолжала:

— Я должна сейчас заскочить к бакалейщику,

оставить заказ, потом я пойду в институт, вам это подходит?

— Да-да, это будет просто замечательно, — ответила миссис Дан-Кэлтроп.

Айми Гриффитс вошла в лавку.

Миссис Дан-Кэлтроп сказала:

— Бедняжка!

Я был в недоумении. Неужели она жалеет Айми?

Она тем временем продолжила:

— Знаете, мистер Бартон, я действительно боюсь…

— Вы об этих письмах?

— Да, видите ли, в них есть намерение… в них должно быть намерение… — Она замолчала, сбившись с мысли, прищурилась. Потом заговорила медленно, словно решая загадку: — Слепая ненависть… да, слепая ненависть. Но даже слепой человек может попасть кинжалом в сердце, если ему выпадет шанс… И что случится тогда, мистер Бартон?

Мы узнали это еще до того, как закончился следующий день.

…Патридж, которая просто-таки наслаждалась разного рода трагедиями, в очень ранний утренний час вошла в комнату Джоанны и со

всеми подробностями сообщила, что миссис Симмингтон накануне днем покончила жизнь самоубийством…

Джоанна, стряхнув остатки сна, села в постели, мгновенно и окончательно проснувшись.

— О Патридж, какой ужас!

— Действительно ужас, мисс. Безнравственно лишать себя жизни. Хотя тут, конечно, не без того, что ее довели до этого, бедняжку.

Джоанна поняла намек. Ее едва не затошнило.

— Нет… — Ее глаза задавали Патридж вопрос, и Патридж кивнула.

— Именно так, мисс. Одно из этих грязных писем.

— Как это отвратительно! — сказала Джоанна. — До жути отвратительно! И все-таки я не понимаю, почему она должна убивать себя из-за подобного письма.

— Если только написанное в нем не было правдой, мисс.

— А что в нем было?

Но этого Патридж не могла или не хотела сказать. Джоанна вошла ко мне, бледная и потрясенная. Все это казалось тем более страшным, что мистер Симмингтон был не тем человеком, с которым хоть как-то можно связать представле-

ние о трагедии.

Джоанна высказала мысль, что мы должны предложить Меган переехать к нам на день-два. Элси Холланд, сказала Джоанна, может быть, и хороша для детей, но это такая особа, которая почти наверняка доведет Меган до сумасшествия.

Я согласился. Я представил Элси Холланд, произносящую пошлость за пошлостью и предлагающую бесчисленные чашки чая. Доброе создание, но совсем не то, что нужно Меган.

Мы поехали к Симмингтонам после завтрака. Мы оба немножко нервничали. Наш приход мог выглядеть как явное и отвратительное любопытство. К счастью, мы встретили Оуэна Гриффитса, возвращавшегося от Симмингтонов. Он приветствовал меня вполне сердечно, и его обеспокоенное лицо прояснилось.

— О, привет, Бартон, рад вас видеть. Я боялся, что это произойдет рано или поздно. И вот это случилось. Проклятое дело!

— Доброе утро, доктор Гриффитс, — сказала Джоанна тем голосом, каким она обычно говорила с нашими глухими тетушками.

Гриффитс подскочил от испуга и покраснел.

— О… о, доброе утро, мисс Бартон.

— Я подумала, — пояснила Джоанна, — что,

может быть, вы меня не заметили.

Оуэн Гриффитс покраснел еще гуще. Его охватило отчаянное смущение.

— Я… извините… я сосредоточился… нет, это не так.

Джоанна безжалостно продолжила:

— В конце концов, это *я*, собственной персоной.

— Ну просто несносная кошка, — рассерженно бросил я в ее сторону. И сказал, обращаясь к Гриффитсу: — Мы с сестрой, Гриффитс, хотели бы знать, хорошо ли будет, если Меган переберется к нам на пару дней. Как вы думаете? Мне бы не хотелось бесцеремонно вмешиваться в чужие дела — но все это чересчур мрачно для бедного ребенка. Как Симмингтон к этому отнесется, вы не знаете?

Гриффитс минуту или две обдумывал услышанное.

— Полагаю, это было бы превосходно, — произнес он наконец. — Она странная, нервная девочка, и для нее было бы неплохо отвлечься от всего этого. Мисс Холланд творит чудеса, у нее прекрасная голова на плечах, но у нее больше чем достаточно дел с двумя детьми и с самим Симмингтоном. Он совершенно разбит… сбит

с толку.

— Это было… — я колебался, — самоубийство?

Гриффитс кивнул.

— О да. Никаких сомнений. Она написала: «Я не смогу…» — на клочке бумаги. То письмо, должно быть, пришло вчера, с дневной почтой. Конверт валялся на полу возле ее стула, а само письмо было смято в комок и заброшено в камин.

— Что… — Я замолчал, ужаснувшись собственной бестактности. — Извините, — сказал я.

Гриффитс печально улыбнулся.

— Не стесняйтесь спрашивать. То письмо будет прочитано при дознании. Оно не вызывает ничего, кроме сожалений. Оно такое же, как все прочие, и составлено в таких же отвратительных выражениях. В нем в особенности нажимается на то, что второй мальчик, Колин, — не сын Симмингтона.

— Вы думаете, это правда? — воскликнул я недоверчиво.

Гриффитс пожал плечами.

— Я не имею никаких оснований для выводов. Все то время, что я их знал, Симмингтоны были безмятежной, счастливой парой, людьми, преданными друг другу и своим детям. Верно лишь то, что мальчик действительно не похож

на родителей — у него яркие рыжие волосы, например, — но ведь дети часто бывают похожи на дедушку или бабушку.

— Но как раз отсутствие сходства и могло породить это обвинение. Подлый и внезапный удар наугад.

— Но он попал в цель, — сказала Джоанна. — В конце концов, иначе-то она бы не стала убивать себя, правда?

Гриффитс сказал с сомнением в голосе:

— Я не совсем в этом уверен. Миссис Симмингтон очень беспокоило здоровье в последнее время — нервы, истеричность. Я лечил ее, старался привести ее нервы в порядок. Я думаю, это возможно: потрясение от письма, составленного в подобных выражениях, могло привести ее в состояние паники, упадка духа, и она решилась покончить с жизнью. Она могла разжечь в себе уверенность, что муж ни за что не поверит ей, если она начнет отрицать написанное, и стыд и возмущение могли нахлынуть на нее с такой силой, что она впала в умопомешательство.

— Самоубийство как результат больного воображения, — сказала Джоанна.

— Совершенно верно. Я думаю, именно эту точку зрения я изложу на дознании.

Мы с Джоанной вошли в дом.

Входная дверь была открыта, и просто войти показалось нам проще, чем звонить, тем более что мы слышали внутри голос Элси Холланд.

Она говорила с мистером Симмингтоном, который, лежа в кресле, выглядел совершенно ошеломленным.

— Нет, в самом деле, мистер Симмингтон, вы должны проглотить хоть что-то. Вы ничего не ели утром, уж не говоря о настоящем, плотном завтраке, и вы ничего не ели вчера вечером, и из-за этого потрясения и всего остального вы сами заболеете, а вам понадобятся все ваши силы. Доктор тоже так говорил перед уходом.

Симмингтон ответил монотонным голосом:

— Вы очень добры, мисс Холланд, но…

— Выпейте горячего чая, — сказала Элси Холланд, настойчиво протягивая ему чашку с напитком.

Лично я дал бы бедняге крепкого виски с содовой. Он выглядел так, словно сильно нуждался в выпивке. Как бы то ни было, он согласился на чай и взглянул снизу на Элси Холланд.

— Я не в силах отблагодарить вас за все, что вы сделали и делаете, мисс Холланд. Вы действительно великолепны.

Девушка покраснела; она выглядела польщенной.

— Вы очень добры, говоря так, мистер Симмингтон. Вы должны мне позволить делать все, что я могу, чтобы помочь вам. Не беспокойтесь о детях — я за ними присмотрю, и я успокоила слуг, и если есть еще что-нибудь, что я могла бы сделать — отпечатать письмо или позвонить, — непременно скажите мне.

— Вы очень добры, — сказал Симмингтон.

Элси Холланд, обернувшись, заметила нас и торопливо вышла в холл.

— Разве это не ужасно? — сказала она чуть слышным шепотом.

Я, глядя на нее, подумал, что она и в самом деле очень милая девушка. Добрая, образованная, практичная в критической ситуации. Веки ее великолепных голубых глаз покраснели, подтверждая, что она настолько отзывчива, что проливает слезы из-за смерти хозяйки.

— Можем мы с вами поговорить минутку? — спросила Джоанна. — Мы не хотели бы беспокоить мистера Симмингтона.

Элси Холланд понимающе кивнула и повела нас в столовую, по другую сторону холла.

— Для него это ужасно, — сказала она. — Такое

потрясение! Кто бы мог подумать о чем-либо подобном? Но, конечно, я теперь понимаю, что в последнее время миссис Симмингтон выглядела подозрительно. Ужасно нервная и слезливая. Я думала, это из-за нездоровья, хотя доктор Гриффитс часто говорил, что у нее нет ничего серьезного. Но она была взвинченной и раздражительной, и в иные дни невозможно было понять, как с ней обращаться.

— Мы, собственно, зашли затем, — мягко перебила Элси Джоанна, — чтобы узнать, не можем ли мы пригласить к себе Меган на несколько дней — если, конечно, она этого захочет.

Элси Холланд выглядела сильно удивленной.

— Меган… — произнесла она с сомнением. — Не знаю, право. Я хочу сказать, это очень мило с вашей стороны, но она очень странная девочка. Никогда нельзя угадать, что она скажет или о чем она думает.

Джоанна сказала весьма нейтральным тоном:

— Мы подумали — а вдруг это как-то поможет?

— О, конечно, если она согласится. Я имею в виду, что мне надо смотреть за мальчиками (они сейчас с кухаркой) и за бедным мистером Симмингтоном — он нуждается в присмотре, как никто, — и столько всего нужно сделать и за

стольким присмотреть! У меня действительно нет времени, чтобы уделить его Меган. Я думаю, она наверху, в старой детской. Она, похоже, никого не хочет видеть. Я не знаю, как…

Я быстро выскользнул из столовой и пошел по лестнице.

Старая детская была на верхнем этаже. Я открыл дверь и вошел. В комнатах нижнего этажа, выходящих окнами в сад за домом, шторы никогда не задергивали. Но в этой комнате, выходящей окнами на дорогу, шторы были благопристойным образом закрыты.

В тусклом сером полумраке я увидел Меган. Она скорчилась на диване, стоявшем у дальней стены, и я сразу вспомнил прячущихся испуганных зверюшек. Меган окаменела от страха.

— Меган! — окликнул ее я.

Я шагнул вперед, и совершенно бессознательно мой голос приобрел тот тон, которым говорят, желая успокоить напуганное животное. И я всерьез удивился тому, что у меня в руках нет морковки или кусочка сахара. Мои чувства требовали чего-то в этом роде.

Она пристально взглянула на меня, но не шевельнулась, и выражение ее лица не изменилось.

— Меган! — повторил я. — Джоанна и я интересуемся, не хотите ли вы побыть у нас немного.

Ее голос прозвучал глухо в мутных сумерках.

— Побыть у вас? В вашем доме?

— Да.

— Вы хотите сказать, что заберете меня отсюда?

— Да, моя дорогая.

Внезапно она задрожала. Это выглядело пугающе и очень трогательно.

— О, заберите меня отсюда! Пожалуйста, заберите! Это так ужасно — быть здесь и чувствовать себя злой!

Я подошел к ней, и ее руки вцепились в рукав моего плаща.

— Я трусиха. Я и не знала, что я такая трусиха.

— Все в порядке, малышка, — сказал я. — Такие события расшатывают нервы. Пойдемте.

— Мы можем уйти сейчас же? Немедленно?

— Конечно, только вы должны взять кое-какие вещи, я полагаю.

— Какие вещи? Почему?

— Дорогая девочка, — сказал я, — мы можем предоставить вам кровать, и ванну, и отдых ото всех этих дел, но будь я проклят, если я одолжу вам свою зубную щетку!

Она робко, чуть слышно хихикнула, будто всхлипнула.

— Я поняла. Я думаю, я очень глупая сегодня. Вы не должны обращать на это внимания. Я пойду и соберу вещи. Вы… вы не уйдете? Подождете меня?

— Я получу хорошую трепку, если не дождусь вас.

— Спасибо. Огромное вам спасибо! Извините, что я такая дурочка. Но это так страшно, когда мама умирает…

— Я знаю, — сказал я.

Я ласково похлопал ее по плечу, она одарила меня благодарным взглядом и исчезла в спальне. Я спустился вниз.

— Я нашел Меган, — сказал я. — Она собирается.

— О, как это хорошо! — воскликнула Элси Холланд. — Это отвлечет ее. Она действительно нервная девочка, вы знаете. Трудная. Для меня большое облегчение — знать, что нет необходимости помнить еще и о ней, как обо всем прочем. Вы очень добры, мисс Бартон, я надеюсь, она не доставит вам неприятностей. О боже, телефон! Я должна ответить. Мистер Симмингтон не в состоянии…

Она торопливо вышла из комнаты.

Джоанна сказала:

— Какой заботливый ангел!

— Ты говоришь слишком зло, — заметил я. — Она хорошая, добрая девушка и, конечно, очень чувствительная.

— Очень. И сама это знает.

— Это недостойно тебя, Джоанна, — сказал я.

— Хочешь сказать: почему бы ей не делать свое дело?

— Именно так.

— Я никогда не могла спокойно смотреть на самодовольных людей, — сказала Джоанна. — Они пробуждают во мне самые худшие инстинкты. Как тебе показалась Меган?

— Сжалась в комок в темной комнате и была похожа на побитую газель.

— Бедное дитя. Она сразу согласилась перебраться к нам?

— Она подпрыгнула от радости.

Глухие удары тяжелого предмета об пол и о стену донеслись из холла, возвещая о приближении Меган и ее чемодана. Я пошел навстречу девушке и забрал ее ношу.

Джоанна настойчиво произнесла мне в спину:

— Уходим! Я не в состоянии дважды отказы-

ваться от хорошей чашки горячего чая.

Мы вышли наружу. Меня раздражало то, что чемодан к машине вытащила Джоанна. Я уже мог передвигаться с помощью лишь одного костыля, но еще не был способен к атлетическим подвигам.

— Садитесь, — сказал я Меган.

Она забралась в машину, я — следом за ней. Джоанна завела мотор, и мы уехали.

Мы прибыли в «Литтл Фюрц» и вошли в гостиную.

Меган упала на стул и залилась слезами. Она плакала, как ребенок, — всхлипывала и ревела во весь голос. Я вышел из комнаты в поисках лекарства. Когда дело касается чувствительных сцен, подумал я, от Джоанны проку больше, чем от меня.

Вскоре я услышал хриплый, задыхающийся голос Меган:

— Извините меня. Это выглядит по-идиотски.

Джоанна мягко успокаивала ее:

— Ничуть. Возьмите другой носовой платок.

Я пришел к выводу, что Меган нуждается совсем в иной поддержке. Я вернулся в комнату и протянул девушке наполненный до краев стакан.

— Что это?

— Коктейль.

— Коктейль? В самом деле? — Слезы Меган мгновенно высохли. — Я никогда не пила коктейлей.

— Всем нам приходится когда-то начинать, — сказал я.

Меган очень осторожно, маленькими глоточками попробовала напиток, потом лучезарная улыбка озарила ее лицо, она запрокинула голову и одним глотком проглотила все.

— Мне это нравится, — сказала она. — А можно мне еще?

— Нельзя, — ответил я.

— Почему?

— Минут через десять поймете.

— О!

Меган перенесла внимание на Джоанну:

— Я виновата, устроила тут такой рев. Я даже не понимаю почему. Это выглядит ужасно глупо, потому что я так рада очутиться здесь!

— Все в порядке, — сказала Джоанна. — И мы тоже очень рады, что вы у нас.

— Вам-то чему радоваться? Вы просто очень добры и участливы. Но я вам благодарна.

— Пожалуйста, не надо благодарности, — ска-

зала Джоанна. — Это меня весьма стесняет. Вы наш друг, и мы рады, что вы здесь. Все, что вам нужно…

И она повела Меган наверх — устраиваться.

Вошла Патридж — с весьма кислым выражением лица — и сообщила, что она приготовила только две чашки заварного крема к обеду, и что ей теперь прикажете делать?

Дознание провели тремя днями позже.

Время смерти миссис Симмингтон было установлено: между тремя и четырьмя часами. Она была в доме одна; Симмингтон находился в конторе, у обеих служанок был выходной, Элси Холланд гуляла с детьми, а Меган где-то каталась на велосипеде.

Письмо должно было прийти с дневной почтой. Миссис Симмингтон, видимо, забрала его из почтового ящика, прочла и затем, в состоянии сильного возбуждения, взяла глиняный флакон, в котором держали цианид для уничтожения осиных гнезд, растворила таблетку в воде и выпила, написав лишь несколько взволнованных слов: «Я не смогу…»

Оуэн Гриффитс дал медицинское заключение и отстаивал то мнение, которое уже излагал нам, — о состоянии нервов миссис Симмингтон и

о ее психической неустойчивости. Коронер был учтив и осмотрителен. Он говорил с горечью, осуждая людей, которые пишут такие подлости в анонимных письмах. Кто бы их ни написал, это безнравственно, и отправивший письмо несет моральную ответственность за убийство, сказал коронер. Он выразил надежду, что полиция скоро отыщет преступника и примет против него или нее меры. Подобный трусливый и подлый поступок заслуживает наказания по всей строгости закона.

Под руководством коронера присяжные вынесли неизбежный вердикт: самоубийство в результате временного умопомешательства.

Коронер сделал все, что мог, и Оуэн Гриффитс тоже, но чуть позже я, зажатый в толпе возбужденных деревенских женщин, услышал свистящий шепот, с ненавистью произносящий уже хорошо знакомые мне слова: «Не бывает дыма без огня, вот что я говорю!» и «Что-то в этом непременно есть. Иначе она ни за что бы не сделала этого…»

На какой-то момент я возненавидел весь Лимсток и всех этих сплетничающих женщин.

Когда мы вышли наружу, Айми Гриффитс сказала значительно:

— Ну вот и все. Не везет Дику Симмингтону, трудно все это вынести. Хотела бы я знать, есть ли у него какие-нибудь подозрения.

Я был поражен.

— Но вы же слышали, как он говорил, и очень горячо, что в этом лживом письме нет ни слова правды?

— Конечно, он сказал так. Совершенно верно. Мужчина должен защищать свою жену. И Дик будет защищать. — Она помолчала и затем объяснила: — Видите ли, я знаю Дика Симмингтона очень давно.

— В самом деле? — удивился я. — Я понял из слов вашего брата, что он лишь несколько лет назад купил здесь практику.

— Да, но Дик Симмингтон бывал в наших краях, на севере. Я знаю его много лет.

Я взглянул на Айми с удивлением. Она продолжала, тон ее стал мягким:

— Я знаю Дика очень хорошо… Он гордый человек и очень сдержанный. Но он из тех, кто может быть очень ревнивым.

— Это объясняет, — сказал я осторожно, — почему миссис Симмингтон побоялась показать ему письмо или рассказать о нем. Она испугалась, что он, будучи ревнивцем, не поверит ее

объяснениям.

Мисс Гриффитс взглянула на меня сердито и презрительно.

— Великий боже! — воскликнула она. — Вы что же, думаете, есть такие женщины, которые пойдут и наглотаются цианистого калия из-за лживого обвинения?

— Коронер, похоже, решил, что это возможно. Ваш брат — тоже…

Айми перебила меня:

— Мужчины все одинаковы: все сделают для того, чтобы соблюсти приличия. Но вам не удастся заставить *меня* поверить в эту чушь. Когда невиновная женщина получает подобное письмо, она только смеется и выбрасывает его. Именно это я и… — Она неожиданно запнулась и потом закончила: — Сделала бы.

Но я заметил паузу. Я был уверен, что она чуть не сказала: «Я сделала», без всяких там «бы».

И я решил, что объявлю войну враждебной деревне.

— Я понимаю, — сказал я вежливо. — Значит, вы тоже получили письмо?

Айми Гриффитс принадлежала к тем женщинам, которые презирают ложь. Она помолчала немного, порозовела — и сказала:

— Да. Но я не позволила себе обеспокоиться.

— Такое же грязное? — Я спрашивал сочувствующе, как сострадающий друг.

— Естественно. Письма такого рода всегда грязные. Бред сумасшедшего! Я прочла несколько слов, поняла, что это такое, и тут же бросила письмо в корзинку для мусора.

— А вы не подумали о том, чтобы отнести его в полицию?

— Тогда — нет. Чем меньше слухов, тем лучше, подумала я тогда.

Что-то внутри меня подмывало сказать: «Нет дыма без огня!» — но я сдержался.

Я спросил Айми, не знает ли она, как смерть матери отразится на финансовых делах Меган. Не окажется ли девушка вынуждена зарабатывать на жизнь?

— По-моему, ей кое-что оставила бабушка, и уж конечно, Дик не выгонит ее из дома. Но для нее было бы гораздо лучше чем-нибудь заняться, а не вести растительную жизнь, как сейчас.

— Ну, я бы сказал, что Меган сейчас в таком возрасте, когда девушкам хочется радоваться жизни, а не работать.

Айми покраснела и резко сказала:

— Вы — как все мужчины: вам противна мысль

о работающих женщинах. Вам кажется невозможным, чтобы женщине хотелось заняться делом. Это казалось невозможным и моим родителям. Я так хотела выучиться на врача! Они отказались платить за мое учение. Но они с готовностью платили за Оуэна. А еще неизвестно — может быть, я стала бы лучшим врачом, чем брат…

— Простите, — сказал я. — Все зависело от вашего упорства. Когда кто-то хочет добиться чего-то…

Она быстро перебила меня:

— О, я всем довольна сейчас. У меня масса возможностей приложить силы. Моя жизнь полна дел. Я одна из самых счастливых в Лимстоке. Есть чем заняться. Но я сражаюсь с глупым старомодным предрассудком, что место женщины — в доме.

— Простите, если я вас чем-то обидел, — сказал я. Я и не предполагал в Айми Гриффитс подобного неистовства.

Глава 3

Симмингтона я встретил в городке в тот же день, позже.

— Ничего, если Меган побудет у нас немного? — спросил я. — Джоанне нужна компания — ей очень одиноко иной раз без всех ее старых друзей.

— О… э… Меган? О да, это очень мило с вашей стороны.

Я почувствовал к Симмингтону отвращение, которое потом не мог уже преодолеть. Совершенно очевидно было, что он начисто забыл о Меган. Я бы еще мог понять, если бы он не любил девушку, — мужчины частенько ревниво относятся к детям своих жен от предыдущих браков, — но этого не было; он просто с трудом замечал ее. Он думал о ней даже меньше, чем обычно думают о собаке, живущей в доме. То есть собаку замечают хотя бы тогда, когда о нее спотыкаются, и тут же принимаются ругать ее и проклинать или же погладят ее — когда она окажется достаточно близко для этого. Меня очень раздражало полное равнодушие Симмингтона к приемной дочери.

Я спросил:

— Какие у вас планы относительно Меган?

— Меган? — Он выглядел весьма озадаченным. — Ну, она будет жить дома. Я хочу сказать — естественно, это же ее дом.

Моя бабушка, очень меня любившая, частенько напевала под гитару старомодные песенки. Одна из них, как я помнил, заканчивалась так:

Девица моя, не забудь меня,
Без дома и доли я,
Нет места мне и в краю родном,
Живу лишь в сердце твоем.

Я пошел домой, напевая эту песню.

Эмили Бэртон пришла сразу после того, как стол прибрали после чая. Она хотела поговорить о саде. Мы гуляли в саду с полчаса. Затем вернулись в дом.

Войдя, она спросила, понизив голос:

— Я надеюсь, что это дитя… что она не слишком *потрясена* всем этим?

— Смертью ее матери, вы хотите сказать?

— Да, конечно. Но я скорее имела в виду то… то нехорошее, что произошло *прежде*.

Я был озадачен. Мне хотелось понять чувства мисс Бэртон.

— Что вы думаете обо всем этом? Что это — правда?

— О, нет, нет, безусловно, нет. Я совершенно уверена, что миссис Симмингтон никогда… что она не могла… — Маленькая Эмили Бэртон порозовела и сконфузилась. — Совершеннейшая неправда — хотя, конечно, это может быть карой.

— Карой? — изумленно переспросил я.

Эмили Бэртон была такая розовая, так похожа на дрезденскую пастушку…

— Я не могу избавиться от чувства, что все эти страшные письма, все горе и страдание, которые они приносят, могут быть посланы с определенной *целью*.

— Конечно, их посылают с определенной целью, — мрачно сказал я.

— Нет-нет, мистер Бартон, вы меня неправильно поняли. Я говорю не о том заблуждающемся создании, которое их пишет, — это, должно быть, кто-то ужасно одинокий. Я имею в виду, что это допущено Провидением! Чтобы пробудить в нас ощущение нашего несовершенства.

— Наверное, — сказал я, — Всемогущий мог бы выбрать более привлекательное орудие.

Мисс Эмили прошептала, что пути Господни неисповедимы.

— Нет, — сказал я. — Слишком уж сильна в нас склонность приписывать Господу то зло, которое человек творит по своей воле. Я могу еще допустить, что это дьявол. Богу нет необходимости наказывать нас, мисс Бэртон. Мы так часто наказываем себя сами.

— Я не в состоянии понять: *почему* люди хотят совершать подобные поступки?

Я пожал плечами:

— Уродливый склад ума.

— Это кажется весьма печальным.

— Это не кажется мне печальным. Это кажется мне истинным проклятьем. И я не намерен извиняться за это слово. Я хотел сказать именно это.

Краска отлила от щек мисс Бэртон. Они побелели.

— Но почему, мистер Бартон, *почему*? Что за удовольствие может кто бы то ни было получить от такого?

— Ни вам, ни мне тут ничего не понять, и слава богу.

Эмили Бэртон понизила голос:

— Ничего подобного здесь никогда прежде не случалось — никогда на моей памяти. Здесь всегда было такое счастливое маленькое селение. Что бы сказала моя дорогая матушка? Да, следует

быть благодарной богу, что она избежала всего этого.

Я подумал, что, судя по тому, что я слышал, старая миссис Бэртон была достаточно крепкой и вполне способной наслаждаться подобной сенсацией.

Эмили продолжала:

— Все это глубоко огорчает меня.

— А вы не… э-э… вы сами не получали писем?

Она густо покраснела.

— О нет… о нет, конечно. О! Это было бы ужасно!

Я поспешно извинился, но все же она ушла очень расстроенной.

Я проводил ее и вернулся в дом. Джоанна стояла в столовой, возле камина, который только что разожгли, поскольку вечера были все еще холодноваты. Она держала в руках вскрытое письмо.

Когда я вошел, сестра быстро обернулась.

— Джерри! Я нашла это в почтовом ящике — его кто-то принес, не почтальон. Оно начинается так: «Ты, раскрашенная проститутка…»

— И что там еще говорится?

Джоанна состроила гримасу.

— Все те же старые мерзости.

Она бросила письмо в огонь. Быстро, хотя это

могло повредить моей спине, я выхватил бумагу из камина, прежде чем она успела загореться.

— Не надо, — сказал я. — Нам оно пригодится.

— Пригодится?

— Для полиции.

...Лейтенант Нэш прочел письмо от начала до конца. Затем поднял глаза и спросил:

— Оно выглядит так же, как предыдущее?

— Думаю, да... насколько я помню.

— Те же различия между надписью на конверте и собственно текстом?

— Да, — сказал я. — Адрес был отпечатан на машинке. А само письмо составлено из типографских слов, наклеенных на лист бумаги.

Нэш кивнул и сунул письмо в карман. Затем сказал:

— Я надеюсь, мистер Бартон, вы не откажетесь пойти со мной в полицейский участок? Мы могли бы устроить небольшое совещание, а в результате сэкономить довольно много времени.

— Конечно, — сказал я. — Вы хотите, чтобы я пошел прямо сейчас?

— Если не возражаете.

Полицейский автомобиль стоял у дверей. Мы поехали на нем.

Я спросил:

— Вы полагаете, вам удастся отыскать автора?

Нэш кивнул со спокойной уверенностью:

— О да, мы найдем автора. Это вопрос времени и техники. Такие дела расследуются медленно, но почти наверняка. Весь смысл в том, чтобы сузить круг подозреваемых.

— Отсекая их одного за другим?

— Да. Шаблонное занятие.

— И наблюдение за почтовыми ящиками, да? И проверка пишущих машинок и отпечатков пальцев, и все такое?

Он улыбнулся.

— Все так, как вы говорите.

В полицейском участке я обнаружил Симмингтона и Гриффитса. Меня представили высокому человеку с худым лицом, в штатском костюме — инспектору Грэйвсу.

— Инспектор Грэйвс, — объяснил Нэш, — прибыл из Лондона к нам на помощь. Он специалист по делам с анонимными письмами.

Инспектор печально улыбнулся. Я пришел к выводу, что жизнь, посвященная поиску авторов анонимных писем, должна быть своеобразной и унылой. Тем не менее инспектор Грэйвс проявлял признаки меланхолического энтузиазма.

— Они все похожи, эти дела, — сказал он низ-

ким, мрачным голосом, похожим на ворчание грустной ищейки. — Вы бы не поверили. И слова этих писем, и то, о чем в них говорится.

— У нас был подобный случай около двух лет назад, — сказал Нэш. — Инспектор Грэйвс нам тогда очень помог.

Я заметил, что на столе перед Грэйвсом лежат несколько писем. Похоже, он исследовал их.

— Трудность в том, — сказал Нэш, — чтобы раздобыть эти письма. Люди или сжигают их, или не признаются в том, что получали нечто в этом роде. Видите ли, они боятся связываться с полицией. Люди здесь очень отсталые.

— Однако мы собрали вполне достаточно, — сказал Грэйвс.

Нэш достал из кармана то письмо, которое отдал ему я, и бросил его на стол перед Грэйвсом.

Письмо было внимательно осмотрено и присоединено к остальным. Действие сопровождалось замечанием:

— Очень хорошо… в самом деле, очень хорошо…

Я вряд ли выбрал бы такие слова для определения подобного послания, но у специалиста, я полагаю, особый взгляд на вещи. И я был рад, что эти многословные непристойные ругательства

и оскорбления хоть *кому-то* могут доставить удовольствие.

— Я думаю, этого достаточно для работы, — сказал инспектор Грэйвс, — но я хотел бы попросить вас, господа, если вы получите еще письма, принести их сюда сразу же. И если вы услышите, что кто-либо получил такое письмо (в особенности вы, доктор, вы можете это узнать у пациентов), прошу вас приложить все усилия, чтобы убедить человека прийти к нам. Я имею, — он проворно перебрал вещественные доказательства, — одно к мистеру Симмингтону, полученное около двух месяцев назад, одно адресованное миссис Мьюг, жене мясника, одно к мисс Гинч, одно — Дженнифер Кларк, официантке из «Трех корон», еще одно — полученное миссис Симмингтон, и теперь вот — письмо мисс Бартон. Ах да, еще одно — директору банка.

— Весьма представительная коллекция, — заметил я.

— И ни одного не похожего на какой-либо из предыдущих случаев в моей практике! Вот это, например, невероятно похоже на письмо, написанное той модисткой. Вот это — точная копия тех писем, что вдруг начали приходить в Нортумберленде, их писала школьница. Я должен вам

сказать, господа, мне нравится иной раз обнаруживать что-то *новенькое* вместо одних и тех же знакомых мотивов.

— Нет ничего нового под луной, — пробормотал я.

— Совершенно верно, сэр. Вы бы это знали особенно хорошо, занимайся вы нашим делом.

Нэш вздохнул и сказал:

— Да, действительно.

Симмингтон спросил:

— У вас уже есть определенное мнение об авторе?

Грэйвс откашлялся и прочел небольшую лекцию:

— Во всех письмах есть нечто общее. Я сообщу вам, господа, на какие соображения они наводят. Текст писем составлен из слов, вырезанных из частной переписки, опубликованной в книге. Это старая книга, изданная, как я предполагаю, около 1830 года. Совершенно очевидно, что автор таким образом стремился избежать риска быть узнанным, что неизбежно, когда письмо пишется от руки, — всем нынче известно, что это очень легко… так называемый измененный почерк не может обмануть, если есть образец для сравнения. На письмах и конвертах нет четких

отпечатков пальцев. Нужно сказать, что письма побывали во многих руках — у почтовых работников, у тех, кто получал эти конверты, — и случайных отпечатков на них довольно много, но все они нечеткие, смазанные… и это говорит о том, что человек, отправлявший письма, надевал перчатки.

Адреса на конвертах отпечатаны на машинке «Виндзор-7», неновой, буквы «а» и «т» отпечатываются плохо. Большинство писем отправлены местной почтой, а некоторые просто брошены самим автором в почтовые ящики. Это также доказывает, что мы имеем дело с местным жителем. Письма написаны женщиной, и я уверен, что это женщина средних лет или даже старше, и, возможно, хотя и необязательно, — незамужняя.

Мы хранили почтительное молчание минуту или две. Потом я сказал:

— Пишущая машинка — ваша главная ставка, не так ли? Ее нетрудно, должно быть, найти в таком маленьком поселке, как этот.

Инспектор Грэйвс печально покачал головой и сказал:

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Машинку, — сказал лейтенант Нэш, — к несчастью, мы нашли слишком легко. Это старая

машинка из конторы мистера Симмингтона, которую он передал Женскому институту; и я могу сказать, что она более чем доступна любому. А местные дамы очень часто бывают в институте.

— Но разве вы не можете сказать что-то более определенное по… э-э… стилю, манере работы, кажется, это так называется?

Снова Грэйвс кивнул.

— Да, такое возможно — но адреса отпечатаны кем-то, кто пользовался для работы только *одним* пальцем.

— Следовательно, это кто-то, не умеющий печатать?

— Нет, я бы так не сказал. Скорее некто, кто умеет печатать, но не хочет, чтобы мы об этом знали.

— Кем бы она ни была, она достаточно хитра, — медленно произнес я.

— Да, сэр, да, — подтвердил Грэйвс. — Она знает все профессиональные штучки.

— Никогда бы не подумал, что у какой-то из этих буколических дам в здешних краях могли оказаться мозги, — сказал я.

Грэйвс кашлянул.

— Похоже, я высказался недостаточно ясно. Эти письма написаны образованной женщиной.

— Что?! Она — леди?!

Это выскочило у меня непроизвольно. Я не произносил слова «леди» уже много лет. Но сейчас оно само собой сорвалось с моих губ, откликнувшись эхом давних дней, и в глубине сознания чуть слышно прозвучал голос бабушки, высокомерно говорящей: «Уж конечно, она *не леди*, дорогой мой».

Нэш мгновенно понял меня. Для него слово «леди» до сих пор значило многое.

— Не обязательно леди, — сказал он. — Но, безусловно, и не сельская работница. Они здесь в общем-то малограмотны, не могут толком написать что-либо, и, уж безусловно, неспособны к связному выражению мыслей.

Я промолчал, поскольку был потрясен. Городок такой крохотный. Бессознательно я представлял автора писем кем-то вроде миссис Клит, местной колдуньи и знахарки, — человеком злобным, хитрым и полоумным.

Симмингтон выразил мою мысль в словах. Он резко сказал:

— Но это сокращает область поисков до полудюжины или дюжины человек во всем городишке! Я не могу в это поверить.

Потом, глядя прямо перед собой, с некоторым

усилием — словно бы звуки собственных слов были ему противны, — он добавил:

— Вы слышали, что я говорил на дознании. Возможно, вы подумали, что я говорил так, защищая честь супруги. Я бы хотел повторить сейчас: я твердо убежден, что все, что говорилось в письме, полученном моей женой, — абсолютная ложь. Я *знаю*, что это ложь. Моя жена была очень чувствительной женщиной, и… э-э… ну, вы назвали бы ее в каком-то смысле жеманной. Подобное письмо стало для нее огромным потрясением, да еще у нее было слабое здоровье.

Грэйвс немедленно отозвался:

— Это очень похоже на правду, сэр. Ни одно из писем не показывает действительного знания каких-то интимных подробностей. Это всё слепые обвинения. Это и не попытки шантажа. И не похоже на религиозный фанатизм, как это иной раз бывает. Здесь только секс и злоба! И это дает нам хорошую отправную точку для поисков автора.

Симмингтон поднялся. Хотя он заговорил сухо и холодно, его губы дрожали:

— Я надеюсь, вы скоро найдете дьяволицу, писавшую эти письма. Она убила мою жену, точно так же, как если бы ударила ее ножом. — Он помолчал. — Хотел бы я знать, как она чувствует

себя теперь.

И вышел, не дождавшись ответа.

— Как она себя теперь чувствует, Гриффитс? — спросил я. Мне показалось, что ответ на такой вопрос — в его компетенции.

— Бог знает. Может быть, испытывает угрызения совести. С другой стороны, вполне может наслаждаться своей силой. Смерть миссис Симмингтон могла дать новую пищу ее мании.

— Надеюсь, что нет, — сказал я с некоторым содроганием. — Потому что, если это так, она…

Я замолчал, и Нэш закончил за меня:

— Она возьмется за свое снова? Это, мистер Бартон, было бы так плохо, что хуже некуда. Повадился кувшин по воду ходить.

— Она может оказаться достаточно сумасшедшей для этого! — воскликнул я.

— Она будет продолжать, — сказал Грэйвс. — Они всегда продолжают. Это, знаете ли, такой порок, от которого они уже не способны отказаться.

Я с ужасом встряхнул головой. Я спросил, нужен ли я здесь еще; мне хотелось выйти на воздух. Атмосфера казалась пропитанной злом.

— Нет, мистер Бартон, — сказал Нэш. — Только смотрите вокруг повнимательнее и сделайте

все возможное, убеждая всех приносить к нам письма, если их кто-либо получит.

Я кивнул.

— Я полагаю, что уже каждый в городке получил подобное грязное послание, — сказал я.

— Хотел бы я быть уверенным в том, — пробормотал Грэйвс. Он немного склонил набок свою печальную голову и спросил: — Не знаете ли вы кого-нибудь, кто *наверняка* не получал письма?

— Что за странный вопрос! Местные жители не посвящают меня в свои тайны.

— Нет-нет, мистер Бартон, я не это имел в виду. Я только хотел спросить, не знаете ли вы кого-нибудь одного, конкретного, кто, по вашему убеждению, анонимок не получал?

— А в самом деле. — Я колебался. — Я знаю, в некотором смысле.

И я пересказал свой разговор с Эмили Бэртон и все, что она говорила мне.

Грэйвс выслушал информацию с каменным лицом и сказал:

— Да, это может пригодиться. Я это учту.

Мы с Гриффитсом вышли наружу, под полуденное солнце. Очутившись на улице, я негромко чертыхнулся:

— Какое прелестное местечко для челове-

ка, приехавшего поваляться на солнышке и подлечить свои раны! Оно полно отравы, это местечко, — а выглядит мирным и невинным, как Эдемский сад!

— Даже там, — сухо сказал Оуэн, — нашлась одна змея.

— Послушайте, Гриффитс, они что-нибудь знают? У них есть уже какие-то идеи?

— Понятия не имею. Полицейские всегда выглядят такими искренними и при этом ничего вам не говорят.

— Да. Нэш — хороший человек.

— И очень способный.

— Если тут в городке есть кто-то совершенно спятивший, *вы-то* должны знать, — сказал я обвиняющим тоном.

Гриффитс покачал головой. Он выглядел обескураженным. И хуже того — он казался очень обеспокоенным. Хотел бы я знать, подозревает ли он кого-то.

— Я полагаю, второй взнос арендной платы я должен сделать авансом. Но мне очень хочется, заплатив, тут же уехать отсюда вместе с Джоанной. Избавиться от отдыха в арендованных владениях.

— Не уезжайте, — сказал Оуэн.

— Почему бы это?

Он не ответил. Помедлив минуту-другую, он сказал:

— Конечно, после всего… осмелюсь сказать, вы правы. Лимсток нынче нездоров. Это… это может повредить вам… или вашей сестре.

— Ничто не может повредить Джоанне, — возразил я. — Она крепкая. Это я слабак. Когда-нибудь штучки с письмами доведут меня до болезни.

— Они *меня* доведут до болезни, — сказал Оуэн.

Я приоткрыл дверь агентства.

— Но я не уеду, — заявил я. — Вульгарное любопытство сильнее малодушия. Я хочу знать, чем все это кончится.

Я вошел в агентство.

Женщина, печатавшая на машинке, встала и шагнула навстречу мне. У нее были завитые волосы и фальшивая улыбка, но я нашел ее куда более интеллигентной, чем те очкастые девицы, которые обычно распоряжаются в провинциальных конторах.

Секундой позже я осознал, что уже встречался с ней. Это была мисс Гинч, бывшая служащая Симмингтона.

Я отметил этот факт.

— Вы работали у «Гэлбрайта, Гэлбрайта и Симмингтона», не так ли? — спросил я.

— Да. Да, конечно. Но я решила, что лучше уйти оттуда. Здесь вполне хорошее место, хотя и меньше платят. Но есть вещи, которые не измерить деньгами, вам не кажется?

— Несомненно, — подтвердил я.

— Эти жуткие письма, — произнесла мисс Гинч свистящим шепотом. — Я получила одно такое. Обо мне и мистере Симмингтоне. О, это было ужасно, там говорились такие *кошмарные* вещи! Я знаю свои обязанности, и я отнесла его в полицию, хотя, уж конечно, не слишком-то это для меня *приятно*, а?

— Да-да, это очень неприятно.

— Они поблагодарили меня и сказали, что я поступила правильно. Но я подумала потом: раз уж люди говорят такое — а ясно, они *должны* были говорить, иначе откуда бы этот «писатель» подцепил такую идею? — я обязана уйти подальше даже от намеков на что-либо в этом роде, потому что ничего никогда не было между мной и мистером Симмингтоном.

Я был более чем смущен.

— О, конечно, конечно, нет…

— Но люди так несправедливы! Да, увы, так

несправедливы!

Я, несколько нервно пытаясь обойти мисс Гинч, тем не менее успел взглянуть в ее глаза и сделал при этом весьма неприятное открытие. Мисс Гинч искренне наслаждалась собой. Однажды в этот день я уже встретился с человеком, который получал удовольствие от анонимных писем. Но энтузиазм инспектора Грэйвса был профессиональным. А наслаждение мисс Гинч показалось мне просто подозрительным и внушающим отвращение.

Странная мысль мелькнула у меня: *а не сама ли мисс Гинч написала эти письма?*

Вернувшись домой, я обнаружил там миссис Дан-Кэлтроп, беседующую с Джоанной. Мне подумалось, что супруга викария выглядит бледной и больной.

— Это было для меня ужасным потрясением, мистер Бартон, — сказала она. — Бедняжка, бедняжка!

— Да, — сказал я. — Это ужасно — думать, что человека довели до того, что он лишил себя жизни.

— О, вы имеете в виду миссис Симмингтон?

— А разве вы не о ней?

Миссис Дан-Кэлтроп покачала головой.

— Конечно, кто-то в этом виноват, но это должно было произойти во всяком случае, не так ли?

— Должно было произойти? — произнесла Джоанна сухо.

Миссис Дан-Кэлтроп повернулась к ней:

— О, я думаю так, дорогая. Если вы считаете самоубийство способом избежать хлопот, то становится не особенно важно, что именно вы считаете хлопотами. И при любой серьезной неприятности, столкнись миссис Симмингтон с ней лицом к лицу, она сделала бы то же самое. И все, что тут можно утверждать, — что она была женщиной, склонной к такому поступку. Никто не мог бы этого предположить. Она всегда казалась мне эгоистичной до глупости, с твердой линией в жизни. Нет повода к беспокойству, могли бы вы подумать, — но я начинаю понимать, как мало я в действительности знаю о каждом.

— Мне любопытно, о ком же вы сказали «бедняжка», — заметил я.

Она уставилась на меня.

— Разумеется, о той женщине, которая пишет письма.

— Не думаю, — холодно сказал я, — чтобы я стал за нее переживать.

Миссис Дан-Кэлтроп наклонилась вперед, по-

ложила руку мне на колено.

— Но неужели вы действительно… неужели вы не *чувствуете*? Вы только вообразите! Подумайте, как отчаянно, безнадежно несчастен должен быть человек, пишущий такие вещи! Как он одинок, оторван от человеческих радостей! Насквозь отравленный, до краев наполненный заразой, ищущей выхода. Поэтому я чувствую угрызения совести. Некто в этом городе мучается от такого ужасного несчастья, а я об этом не догадывалась. Тут нельзя помочь действием — я никогда этого не делаю. Но этот душевный порок — вроде нарыва на руке, черного и распухшего. Если его вскрыть, гной вытечет, и опасность минует. Да, бедняжка, бедняжка…

Она встала, собираясь уходить.

Я не мог согласиться с ней. Я ни в коем случае не испытывал сочувствия к сочинителю анонимных писем. Но я спросил с любопытством:

— А вы не догадываетесь, кто эта женщина?

Миссис Дан-Кэлтроп перевела на меня взгляд — в ее чудесных глазах отражалось замешательство.

— Ну, я могу предположить, — сказала она. — Но ведь я могу и ошибиться, не так ли?

Она быстро вышла наружу и, внезапно повер-

нув ко мне лицо, спросила:

— Можете вы ответить, почему вы до сих пор не женаты, мистер Бартон?

В любом другом случае подобный вопрос показался бы дерзким, но когда вы говорили с миссис Дан-Кэлтроп, у вас возникало ощущение, что данная мысль внезапно пришла ей в голову и что она действительно хочет знать — почему?

— Да позволительно мне будет сказать, — ответил я, иронизируя, — что до сих пор не довелось встретить правильную женщину!

— Вы можете так сказать, — откликнулась миссис Дан-Кэлтроп. — Но вряд ли это будет очень удачный ответ, потому что слишком многие женятся на откровенно неправильных женщинах.

После этого она уже и в самом деле ушла.

Джоанна сказала:

— Знаешь, я действительно думаю, что она сумасшедшая. Но она мне нравится. Здесь, в деревне, люди ее боятся.

— И я боюсь, немножко.

— Потому что ты никогда не знаешь, что она скажет в следующее мгновение.

— Да. А с какой великолепной небрежностью она сообщила о своих догадках!

Джоанна медленно произнесла:

— Ты тоже думаешь, что тот, кто пишет эти письма, очень несчастен?

— Я не знаю, что думает или чувствует эта проклятая ведьма! И не желаю знать. Ее жертвы — вот кого мне жаль.

Теперь мне кажется странным, что в наших размышлениях о настроениях Ядовитого Пера мы упустили нечто абсолютно очевидное. Гриффитс воображал, что эта женщина, возможно, очень экзальтированна. Я предполагал, что она полна раскаяния, напуганная результатом дела своих рук. Миссис Дан-Кэлтроп видела ее страдающей.

Но, очевидно, мы не приняли в расчет неизбежную реакцию этой особы, или, возможно, я должен бы сказать: *я* не принял в расчет. Этой реакцией был Страх.

Со смертью миссис Симмингтон письма стали оцениваться иначе, нежели прежде. Не знаю, какова была официальная версия, — это, я полагаю, было известно Симмингтону, — но было совершенно ясно, что, поскольку письмо привело к смерти человека, положение автора писем теперь куда как более серьезно. Уже не могло быть речи о том, чтобы расценить письма как шутку, если их автор будет обнаружен. Полиция действовала энергично, вызвав эксперта Скотланд-Ярда.

Теперь для автора анонимок стало жизненно важным по-прежнему оставаться неизвестным.

И все последующее объяснялось, если допустить, что Страх был основным движущим мотивом. Но этого я не заметил. Хотя, конечно, все было вполне очевидно.

Джоанна и я довольно поздно вышли к завтраку на следующее утро. То есть, надо заметить, поздно по правилам Лимстока. Было половина десятого — в Лондоне в это время Джоанна едва разлепляет веки, а мои глаза, скорее всего, еще плотно закрыты.

Тем не менее, когда Патридж спросила: «Завтрак в половине девятого или в девять?» — ни Джоанна, ни я не решились предложить более позднее время.

К моей досаде, я обнаружил, что на пороге стоит Айми Гриффитс и болтает с Меган.

Увидев нас, она громко сказала в своей обычной задушевной манере:

— Привет, лодыри! Я поднялась несколько часов назад.

Это, безусловно, было ее личное дело. Доктор, без сомнения, обычно завтракает рано, и заботливая сестра подает ему чай или кофе. Но это отнюдь не значит, что можно являться чуть

свет к дремлющим соседям. Половина десятого — неподходящее время для утреннего визита.

Меган проскользнула обратно в дом и отправилась в столовую, чтобы, как я понял, продолжить прерванный завтрак.

— Я не буду входить, — сказала Айми Гриффитс, хотя я не понимаю, почему приличнее вызывать людей наружу и говорить с ними на крыльце, вместо того чтобы разговаривать в доме. — Я лишь хотела спросить у мисс Бартон, нет ли у нее лишних овощей для нашей палатки на ярмарке в Ред-Кросс. Если есть, то я попрошу Оуэна заехать за ними на машине.

— Вы, похоже, выходите из дома очень рано, — сказал я.

— Кто рано встает, тому бог подает, — ответила Айми. — В такое время гораздо больше шансов застать людей дома. Отсюда я пойду к мистеру Паю. И я должна быть в Брентоне днем. Скауты.

— Ваша энергия меня подавляет, — сказал я; в этот момент зазвонил телефон, и я вернулся в холл, чтобы взять трубку, покинув Джоанну, бормочущую что-то весьма сомнительное о ревене и французских бобах и демонстрирующую полное незнание огорода.

— Да? — сказал я в телефонную трубку.

На другом конце послышался глубокий вздох, смущенное сопение, и нерешительный женский голос произнес:

— О!

— Да? — повторил я ободряюще.

— О! — вновь произнес голос, а затем гнусаво спросил: — Это… это, я надеюсь… это «Литтл Фюрц»?

— Это «Литтл Фюрц».

— О! — Очевидно, с этого восклицания начиналось любое предложение. Голос спросил осторожно: — Могу я поговорить прямо сейчас с мисс Патридж?

— Конечно, — сказал я. — Кто ее спрашивает?

— О! Скажите ей, это Агнес, ладно? Агнес Вадл.

— Агнес Вадл?

— Да, так.

Подавив в себе желание выругаться, я положил телефонную трубку на стол и, подойдя к лестнице, ведущей на второй этаж, окликнул Патридж, звуки деятельности которой доносились сверху:

— Патридж! Патридж!

Патридж возникла на верхней ступеньке, держа в руке длинную метелку и выглядя как «Ну, что *еще?*», что слишком явственно отличалось от ее обычных респектабельных манер.

— Да, сэр?

— Агнес Вадл хочет поговорить с вами по телефону.

— Простите, сэр?

Я повысил голос:

— Агнес Вадл!

Я произнес фамилию так, как расслышал ее. Но мне пришлось выслушать и точный вариант:

— Агнес Вуддел… Что ей могло понадобиться?

В сильном смущении Патридж бросила свою метелку и мгновенно сбежала вниз, треща платьем из набивного ситца.

Чтобы не показаться Патридж навязчивым, я вышел в столовую, где Меган, как голодный волчонок, уминала почки и бекон. Меган, в отличие от Айми Гриффитс, не делала «великолепное утреннее лицо». Она грубовато ответила на мое приветствие и продолжала есть в молчании.

Я развернул утреннюю газету, а минутой или двумя позже вошла Джоанна, выглядевшая довольно расстроенной.

— Вот так так! — сказала она. — Я очень устала. И думаю, что я продемонстрировала полное невежество относительно того, когда что растет. Разве молодых бобов нет в это время года?

— Август, — буркнула Меган.

— Да, но в Лондоне они есть всегда, — сказала Джоанна, защищаясь.

— Консервы, милая дурочка, — сказал я. — Их привозят в кораблях-холодильниках из колоний.

— Как слоновую кость, обезьян и павлинов? — спросила Джоанна.

— Разумеется.

— Я бы предпочла павлинов, — сообщила Джоанна глубокомысленно.

— А мне больше всех нравятся обезьянки, — сказала Меган.

Задумчиво обдирая кожицу с апельсина, Джоанна проговорила:

— Хотела бы я знать, что чувствуют люди вроде Айми Гриффитс, которые прямо лопаются от здоровья, избытка энергии и наслаждения жизнью… Как вы думаете, она когда-нибудь устает, или бывает в плохом настроении, или… или грустит?

Я сказал, что совершенно уверен в том, что Айми Гриффитс никогда не грустит, и вслед за Меган вышел через открытое французское окно на веранду.

Стоя там и куря трубку, я слышал, как Патридж вошла в столовую из холла и произнесла мрачным голосом:

— Могу я поговорить с вами, мисс?

«Черт побери, — подумал я, — надеюсь, Патридж не намерена уведомить нас о своем уходе. Эмили Бэртон будет весьма раздосадована, случись такое».

Патридж продолжила:

— Я должна извиниться, мисс, за этот звонок. Надо сказать, та юная особа, которая звонила мне, могла бы и разбираться в таких вещах. У меня никогда не было обыкновения пользоваться телефоном или позволять моим приятелям звонить мне, и я действительно чувствую себя виноватой из-за того, что такое могло случиться и что хозяину пришлось ответить на звонок, ну и вообще…

— Но все в порядке, Патридж, — сказала Джоанна мягко. — Почему бы вашим друзьям и не воспользоваться телефоном, если им хочется поговорить с вами?

Хоть я и не видел лица Патридж, но почувствовал, что оно было мрачнее обыкновенного, когда она холодно ответила:

— Ничего подобного никогда не случалось в этом доме. Мисс Эмили никогда не допустила бы этого. Я уже сказала, я прошу меня извинить за то, что произошло, но Агнес Вуддел — девушка, которая звонила, — очень расстроена, и она

слишком молода, чтобы понимать, что можно, а чего нельзя в доме джентльмена.

«Вот это как раз для Джоанны», — подумал я, развеселившись.

— Агнес, мисс, — продолжала Патридж, — здесь служила под моим началом. Ей было всего шестнадцать, когда она сюда пришла прямо из приюта. Видите ли, у нее нет ни дома, ни матери, ни каких-либо родственников, кто мог бы ей дать совет, и она привыкла обращаться ко мне. Я могу ей объяснить, что к чему, видите ли.

— Да? — произнесла Джоанна и замолчала, ожидая. Очевидно, должно было следовать продолжение.

— Поэтому я позволила себе спросить вас, мисс: не разрешите ли вы Агнес прийти сегодня днем к чаю на кухне? У нее выходной, видите ли, и она хочет о чем-то со мной посоветоваться. Мне кажется, это что-то из ряда вон выходящее.

Джоанна смущенно сказала:

— Но почему же и не прийти кому-то к вам на чай?

Джоанна потом сказала мне, что при этих словах Патридж выпрямилась, и вид у нее был весьма грозный, когда она ответила:

— Ничего подобного нет в правилах этого дома,

мисс. Старая миссис Бэртон никогда не позволяла визиты на кухню, исключая наши собственные выходные дни, — тогда нам разрешалось приглашать наших приятелей, вместо того чтобы самим ходить куда-то, но в других случаях, в обычные дни, — никогда. И мисс Эмили придерживается прежнего.

Джоанна всегда очень добра к слугам, и большинство из них ее любят, но ей никак не удавалось растопить лед в отношениях с Патридж.

— Нехорошо, моя девочка, — сказал я, когда Патридж ушла и Джоанна вышла ко мне. — Твои симпатии и мягкость не оценены. Для Патридж хороша лишь старая добрая властность и то, что прилично в доме джентльмена.

— Я никогда не слышала о такой тирании, чтобы запрещалось даже пригласить друзей, — сказала Джоанна. — Все это очень мило, Джерри, но не может же им нравиться, что с ними обращаются, как с черными рабами?

— Очевидно, им нравится, — сказал я. — По крайней мере, нравится женщинам типа Патридж в этом мирке.

— Не представляю, почему она меня не любит. Большинство людей относятся ко мне хорошо.

— Возможно, она презирает тебя из-за того,

что ты не настоящая домохозяйка. Ты никогда не возлагаешь руки на полки и не устраиваешь проверок на предмет наличия следов пыли. Ты никогда не заглядываешь под половики. Ты никогда не спрашиваешь, куда подевались остатки шоколадного суфле, и ты никогда не заказываешь хороший хлебный пудинг.

— Ух! — воскликнула Джоанна. И печально продолжила: — У меня весь день неудачи. Наша Айми презирает меня за незнание огородных дел. Патридж относится ко мне пренебрежительно за то, что я отношусь к ней по-человечески. Я сейчас пойду в сад и буду есть червяков.

— Меган уже там, — сказал я.

Действительно, Меган несколько минут назад проскользнула мимо нас и теперь стояла бесцельно посреди маленькой лужайки, похожая на задумчивую птичку, ожидающую корма.

Но вот она обернулась к нам и резко сказала:

— Мне кажется, я должна сегодня вернуться домой.

— Что? — обеспокоенно переспросил я.

Покраснев, она продолжила нервно и убежденно:

— Вы были ужасно добры, пригласив меня, и я полагаю, что я страшно вам досаждала, мне у вас

нравится, но теперь я должна вернуться, потому что… ну, все-таки это мой дом, и никто не может надолго уходить из дома, и потому, я думаю, я отправлюсь обратно сегодня.

Оба мы, Джоанна и я, пытались заставить ее переменить решение, но она оказалась тверже алмаза, и в конце концов Джоанна вывела автомобиль, и Меган через несколько минут спустилась по ступенькам со своим вновь упакованным багажом.

Единственным человеком, выглядевшим довольным, была Патридж, и на ее мрачном лице даже появилось нечто вроде улыбки. Ей никогда не нравилась Меган.

Когда Джоанна вернулась, я стоял в центре лужайки.

Джоанна спросила, не думаю ли я, что я — солнечные часы.

— Почему?

— Ты стоишь тут как садовое украшение. Кто-нибудь вполне мог бы написать на тебе девиз, как на солнечных часах. Ты мрачен как гроза!

— Я не расположен шутить. Сначала Айми Гриффитс…

— Помилуйте! — прошептала Джоанна. — Я же должна поговорить об этих овощах!..

— ...потом эта выходка Меган. Я-то думал о том, чтобы пригласить ее на прогулку в Лег-Тор.

— При ошейнике и поводке, полагаю? — заметила Джоанна.

— Что?

Джоанна, огибая угол дома и направляясь к огороду возле кухни, повторила громко и четко:

— Я сказала: «При ошейнике и поводке, полагаю?» Ты потерял свою собачку, вот что с тобой случилось!

Глава 4

Должен признаться, у меня вызывала досаду та резкость, с которой Меган покинула нас. Но, возможно, мы ей просто наскучили.

В конце концов, в «Литтл Фюрц» была не слишком веселая жизнь для девушки. А дома были мальчишки и Элси Холланд.

Я услышал, что возвращается Джоанна, и поспешно перешел на другое место, чтобы не давать ей повода повторить нахальное замечание насчет солнечных часов.

Незадолго до обеда приехал Оуэн Гриффитс; садовник уже ждал его со всей необходимой огородной продукцией.

Пока старый Адамс загружал овощи в автомобиль, я пригласил Оуэна в дом — выпить. Остаться к обеду доктор не мог.

Войдя в гостиную с шерри, я обнаружил, что Джоанна вновь принялась за свои дрянные проделки. Теперь в ней не было ни малейших признаков враждебности. Она съежилась в уголке дивана и, чуть ли не мурлыкая, задавала Оуэну вопросы о его работе: нравится ли ему быть врачом общего профиля и не предпочитает ли он

какую-либо специализацию? Она думает, что врачебное дело — одно из лучших в мире.

Вы бы сказали, что Джоанна — очаровательная, божественная слушательница. Но после выслушивания такого множества будущих гениев, рассказывавших ей о своей непонятости, слушать Оуэна Гриффитса было для нее плевым делом. К тому времени, как мы принялись за третий стаканчик шерри, Гриффитс рассказал ей о нескольких непонятных случаях и ранениях в таких научных терминах, что никто не понял бы ни слова, кроме его коллег-медиков.

Джоанна выглядела понимающей и крайне заинтересованной.

Я на какое-то мгновение засомневался. Это было очень дурно со стороны Джоанны. Гриффитс был слишком хорошим малым, чтобы играть с ним так легкомысленно и небрежно. Женщины действительно дьяволы.

Впоследствии я оценил осторожный взгляд Гриффитса, его длинный, волевой подбородок и твердые, упрямо сжатые губы, и моя уверенность в том, что Джоанна сможет вертеть этим человеком, поугасла. Ну и в любом случае это дело личное — позволять женщине делать из вас дурачка. Пусть доктор сам поостережется.

Потом Джоанна сказала:

— Может быть, вы измените решение и останетесь у нас на обед, доктор Гриффитс?

Гриффитс слегка покраснел и сказал, что он бы с удовольствием, но сестра будет ждать его возвращения…

— Мы ей позвоним и предупредим, — быстро предложила Джоанна, тут же вышла в холл и позвонила по телефону.

Вернулась она улыбаясь и сообщила, что все в порядке.

И Оуэн Гриффитс остался на обед и выглядел вполне довольным. Мы говорили о книгах и пьесах, о мировой политике и о музыке, о живописи, о современной архитектуре.

Мы ни слова не сказали о Лимстоке, или об анонимных письмах, или о самоубийстве миссис Симмингтон.

Мы отбросили все это, и, я думаю, Оуэн Гриффитс был счастлив. Его темное, печальное лицо осветилось, и он высказывал интересные мысли.

Когда он ушел, я сказал Джоанне:

— Этот парень слишком хорош для твоих фокусов.

— Это *ты* так считаешь! — воскликнула Джоанна. — Все вы, мужчины, поддерживаете друг

друга!

— А почему ты охотишься за его шкурой, Джоанна? Задетое тщеславие?

— Возможно, — сказала моя сестра.

В тот день мы были приглашены на чай к мисс Эмили Бэртон в ее комнаты в деревне.

Мы решили прогуляться пешком, поскольку я чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы на обратном пути самостоятельно вскарабкаться на холм.

Мы вышли с таким расчетом, чтобы иметь запас времени, пришли слишком рано, и открывшая нам дверь высокая, костлявая женщина со свирепым лицом сказала, что мисс Бэртон еще нет.

— Но она вас ожидает, я знаю, так что, пожалуйста, входите и подождите немного.

Очевидно, это и была преданная Флоренс.

Мы проследовали за ней вверх по лестнице; распахнув дверь, она провела нас в некое подобие уютной гостиной, хотя, возможно, бедновато меблированной. Некоторые из вещей, как я заподозрил, были доставлены сюда из «Литтл Фюрц».

Женщина явно гордилась комнатой.

— Здесь мило, не так ли? — требовательно спросила она.

— Очень мило, — мягко сказала Джоанна.

— Я устроила все так уютно, как сумела. Не совсем то, чего бы мне хотелось, и, уж конечно, не то, что мисс Эмили должна бы иметь. Она должна жить в собственном доме, как полагается, а не болтаться по комнатам. Я у нее девять лет была горничной.

Флоренс, весьма смахивающая на дракона, по очереди осмотрела нас обоих укоряющим взглядом. Я утвердился в мысли, что сегодня у нас несчастливый день. Джоанне досталось от Айми Гриффитс и от Патридж, а теперь нам обоим влетело от драконши Флоренс.

Джоанна, раздраженная несправедливостью, сказала:

— Ну, мисс Бэртон хотела сдать дом. Она сама обратилась к агенту по недвижимости.

— Она была вынуждена, — сказала Флоренс. — И она живет так экономно и осторожно. Но даже теперь правительство не хочет оставить ее в покое. Безжалостно требует одного и того же!

Я печально покачал головой.

— Во времена старой леди денег хватало, — продолжала Флоренс. — А потом все эти бедняжки умерли одна за другой. Мисс Эмили ухаживала за всеми по очереди. Она надорвалась на этой

работе. Она всегда была такой терпеливой и безропотной. Но на нее всякое наговаривали, да еще и беспокойство из-за денег в довершение ко всему! Акции не приносят того дохода, который должны бы приносить, так она говорит; и почему я не должна ей верить, хотела бы я знать? Люди должны бы стыдиться самих себя. Обманывать леди вроде нее, которая ничего не понимает в цифрах и не может разобраться во всех этих фокусах!

— В общем-то любой может в этом разобраться, — сказал я, но Флоренс не смягчилась.

— Это верно для тех, кто вполне самостоятелен, но не для *нее*. Она нуждается в присмотре, и пока она со мной — я намерена следить, чтобы никто не обманул ее и не огорчил как бы то ни было. Я все сделаю для мисс Эмили!

И, вперив в нас долгий пристальный взгляд, чтобы ее мысль проникла в наше сознание, преданная Флоренс вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

— Ты не чувствуешь себя кровопийцей, Джерри? — спросила Джоанна. — Я чувствую. Что с нами происходит?

— Мы, кажется, здесь не слишком-то к месту, — сказал я. — Меган от нас устала, Патридж не

одобряет тебя, преданная Флоренс не одобряет нас обоих.

Джоанна прошептала:

— Хотела бы я знать, *почему* Меган уехала?

— Мы ей наскучили.

— Не думаю. Хотела бы я знать… Как ты думаешь, Джерри, может быть, это из-за того, что ей сказала *что-то* Айми Гриффитс?

— Ты имеешь в виду — сегодня утром, когда они говорили на крыльце?

— Да. Конечно, времени у нее было немного, но…

Я закончил фразу:

— Но эта женщина действует, как слониха! Она могла…

Открылась дверь, и вошла мисс Эмили. Она была розовая, немного задыхалась и выглядела возбужденной. Глаза ее были очень синими и сияющими.

Она смущенно прощебетала:

— О, дорогие, извините, я опоздала. Я делала покупки в городе, и пирожные в «Голубой розе» показались мне недостаточно свежими, поэтому я пошла к мистеру Лигону. Я предпочитаю покупать их в последнюю очередь, тогда можно получить свежайшую порцию, только что из

печи, и не следует покупать их днем раньше. Но я так огорчена, что заставила вас ждать, — вот уж беспардонность…

Джоанна прервала ее:

— Это наша вина, мисс Бэртон. Мы пришли слишком рано. Мы пошли пешком, а Джерри теперь шагает так быстро, что мы приходим всюду слишком рано.

— Ничуть не рано. Не говорите так. Чего-либо хорошего не бывает слишком много, знаете ли.

И старая леди нежно похлопала Джоанну по плечу.

Джоанна оживилась. Наконец-то, кажется, она имела успех. Эмили Бэртон обратила свою улыбку и ко мне, но с легким признаком робости, как бы обращаясь к тигру-людоеду в тот момент, когда можно ручаться за его безвредность.

— Очень мило с вашей стороны принять участие в таком дамском занятии, как чаепитие.

Эмили Бэртон, я думаю, представляла мужчин бесконечно поглощающими виски с содовой и курящими сигары, а в перерывах исчезающими для того, чтобы соблазнять деревенских девиц либо заводить интрижки с замужними дамами.

Когда я позже сказал об этом Джоанне, она заметила, что, возможно, мне хочется думать,

будто Эмили Бэртон такого мнения о мужчинах, но, увы, это не так.

Тем временем мисс Эмили суетилась в комнате, устраивая Джоанну и меня возле небольшого столика и осторожно обеспечивая нас пепельницами, а минутой позже дверь открылась и вошла Флоренс, держа поднос с чаем и очаровательными фарфоровыми чашками «Корона Дерби», которые, как я догадался, мисс Эмили привезла с собой. Чай был китайский, высшего сорта, и еще была масса тарелок с сэндвичами, тонкими кусочками хлеба с маслом и множеством маленьких пирожных.

Флоренс теперь сияла и смотрела на мисс Эмили с почти материнской нежностью, как на любимое дитя, играющее в «гости».

Джоанна и я съели гораздо больше, чем нам хотелось, — хозяйка так старательно угощала нас. Маленькая леди действительно наслаждалась тем, что она принимает гостей, и я чувствовал, что для Эмили Бэртон Джоанна и я представляем огромное приключение — два человека из таинственного мира Лондона.

Естественно, наша беседа вскоре перешла на местные темы. Мисс Бэртон тепло говорила о докторе Гриффитсе, о его доброте и высокой меди-

цинской квалификации. И мистер Симмингтон — очень умный адвокат, он помог мисс Бэртон вернуть деньги из «Инком Такс», о чем она сама никогда и не думала. И он так добр к своим детям, предан им и своей жене… Тут она перебила сама себя:

— Бедная миссис Симмингтон, это так печально, когда маленькие дети остаются сиротами. Возможно, она никогда не была слишком сильной женщиной, да еще и здоровье ее недавно ухудшилось. Мозговая горячка — вот что это, должно быть, было. Я читала о подобных вещах в газетах. В таких случаях люди совершенно не понимают, что творят. И она тоже не понимала, иначе бы вспомнила о мистере Симмингтоне и детях.

— Это анонимное письмо, должно быть, слишком сильно потрясло ее, — сказала Джоанна.

Мисс Бэртон покраснела. С оттенком порицания в голосе она произнесла:

— Не слишком приятные вещи для обсуждения, вы не находите, дорогая? Я знаю, что там были… э-э… письма, но мы не должны говорить об этом. Гадкие вещи. Я думаю, лучше их просто игнорировать.

Конечно, мисс Бэртон могла себе позволить

игнорировать письма, но для некоторых людей это не было так уж просто. Как бы то ни было, я послушно сменил тему беседы, и мы принялись обсуждать Айми Гриффитс.

— Она прелестна, она просто прелестна! — сказала Эмили Бэртон. — Ее энергия и организаторские способности великолепны. Она так добра к девочкам. Она так практична и современна во всех делах. Воистину она управляет нашим местечком. И абсолютно предана своему брату. Так приятно видеть подобную преданность между братом и сестрой.

— Неужели он никогда не ощущает, что она несколько давит на него? — спросила Джоанна.

Эмили Бэртон уставилась на нее с испуганным видом.

— Она принесла ради него огромную жертву, — сказала она с ноткой оскорбленного достоинства в голосе.

Я заметил нечто вроде «ах вот как?» в глазах Джоанны и поспешил перевести разговор на мистера Пая.

Эмили Бэртон несколько сомневалась относительно мистера Пая.

Все, что она могла сказать, повторяя это с некоторым подозрением, — что он очень добр, да,

очень добр. Благороден, разумеется, и более чем великодушен. У него иной раз бывают странные посетители, но это, конечно, из-за того, что он много путешествовал.

Мы согласились, что путешествия не только развивают широту ума, но иной раз и способствуют появлению очень странных знакомств.

— Я частенько думаю, что мне и самой хотелось бы отправиться в путешествие, — задумчиво сказала Эмили Бэртон. — Читаешь о них в газетах, и все это звучит так привлекательно…

— А почему бы вам и не поехать? — спросила Джоанна.

Такой поворот от мечты к реальности, похоже, переполошил мисс Эмили.

— О нет, нет, это *совершенно* невозможно.

— Но почему? Это достаточно дешево.

— О, дело не в стоимости. Но я бы не смогла поехать одна. Путешествие в одиночестве выглядело бы довольно странно, вам не кажется?

— Нет, — сказала Джоанна.

Мисс Эмили взглянула на нее с подозрением.

— И я не знаю, как бы я управилась с багажом… и высаживалась бы в иностранных портах… и все эти сложности с обменом валюты…

Казалось, перед испуганным взором малень-

кой леди встали вдруг бесчисленные ловушки, и Джоанна поспешила успокоить ее вопросом о приближающемся празднике урожая и распродаже рукоделий. Это естественным образом привело нас к миссис Дан-Кэлтроп.

Нечто вроде легкой судороги исказило на мгновение лицо мисс Бэртон.

— Знаете, дорогая, — сказала она, — миссис Дан-Кэлтроп всегда казалась мне очень *странной* женщиной. Такие вещи говорит иной раз…

Я спросил, какие именно.

— О, я не знаю. Весьма *неожиданные* вещи. И эта ее манера смотреть на вас так, будто вы не здесь, а где-то далеко… Я неточно формулирую, но очень трудно выразить то впечатление, которое я имею в виду. И она не должна бы… ну, *вмешиваться* во все. Так много случаев, когда жена викария может дать совет… или даже предостеречь. Но она лишь останавливает людей, вы знаете, даже на улице, и требует, чтобы они вели себя лучше. Поскольку всем приходится ее выслушивать — я уверена, ее боятся. Но она утверждает, что всегда держится в стороне, и при этом имеет странную привычку стыдиться за наиболее недостойных людей.

— Это интересно, — сказал я, обмениваясь

быстрым взглядом с Джоанной.

— И тем не менее она очень хорошо воспитанная женщина. Ее девичья фамилия — Фэрроуэй, из Белпота, очень приличная семья, но все эти старые семьи немножко странные, я уверена. Но она предана своему мужу, человеку исключительного интеллекта, — иной раз я думаю, что такой интеллект ни к чему в нашем деревенском кругу. Хороший человек и весьма искренний, но меня смущает его привычка постоянно цитировать латинские тексты.

— Слышал, слышал! — горячо воскликнул я.

— Джерри получил дорогое школьное образование, поэтому он способен узнать латынь, когда ее слышит, — сообщила Джоанна.

Это замечание подсказало мисс Бэртон новую тему.

— Здешняя школьная учительница — весьма неприятная молодая особа, — сказала она. — Совершенно *красная*, я уверена! — На слове «красная» мисс Бэртон понизила голос.

Позже, когда мы поднимались на холм, идя домой, Джоанна сказала мне:

— Она просто прелесть!

За ужином в этот вечер Джоанна выразила надежду, что вечеринка с чаем у Патридж имела

успех.

Патридж слегка покраснела и с трудом взяла себя в руки.

— Спасибо, мисс, но Агнес так и не появилась после всего.

— О, извините.

– *Меня* это не беспокоит, — отрезала Патридж.

Но ее настолько переполняла обида, что Патридж позволила ей выплеснуться на нас:

— Это не я додумалась позвать ее! Она сама позвонила, сказала, что у нее что-то эдакое на уме и нельзя ли ей прийти, у нее ведь был выходной. И я сказала — да, потому что вы разрешили. И после этого — ни звука, ни вздоха от нее! Хоть бы слово в извинение, хотя я надеюсь, что завтра утром все же получу от нее открытку. Эти нынешние девчонки ни своего места не знают, ни понятия у них, как себя вести!

Джоанна попыталась успокоить оскорбленные чувства Патридж:

— Вдруг она плохо себя почувствовала. Вы могли бы позвонить и узнать.

Патридж выпрямилась во весь рост:

– *Нет*, мисс! Конечно, нет. Если Агнес хочется вести себя безобразно, это ее дело, но я ей кое-что выскажу, когда мы встретимся.

Патридж вышла из комнаты, ледяная от охватившего ее негодования, и мы с Джоанной рассмеялись.

— Почти случай из «Советов тетушки Нэнси»[82], — сказал я. — «*Мой мальчик так холодно держится со мной, что мне делать?*» За неимением тетушки Нэнси за советом хотели обратиться к Патридж, но вместо того произошло примирение, я полагаю, и теперь Агнес и ее кавалер безмолвно держатся за руки, как все те парочки, на которые натыкаешься в темноте у живых изгородей. Они тебя смущают ужасно, но ты их смутить не можешь.

Джоанна засмеялась и сказала, что она предположила то же самое.

Мы заговорили об анонимных письмах и принялись гадать о том, какие успехи сделали Нэш и меланхоличный Грэйвс.

— Сегодня ровно неделя, — сказала Джоанна, — со дня самоубийства миссис Симмингтон. Мне кажется, они уже должны были что-нибудь отыскать к этому времени. Отпечатки пальцев, или образец почерка, или *хоть что-то*.

Я отвечал ей рассеянно. Где-то на грани созна-

---

[82] notes: 82
Газетная колонка, где даются советы на все случаи жизни.

ния возникло странное беспокойство. Каким-то образом оно было связано с фразой Джоанны — «ровно неделя».

Я бы должен был, осмелюсь утверждать, сложить два и два раньше. Возможно, бессознательно во мне давно уже зародилось подозрение.

И теперь эта закваска действовала. Тревога росла, заполняя мою голову.

Джоанна внезапно заметила, что я не слушаю ее, мысленно оценивая деревенские события.

— Что случилось, Джерри?

Я не ответил, поскольку мой мозг был занят сведением фактов воедино.

Самоубийство миссис Симмингтон… Она была одна в доме в тот день… *Одна в доме, потому что у прислуги был выходной…* Ровно неделю назад…

— Джерри, что…

Я перебил сестру:

— Джоанна, у прислуги один выходной в неделю, не так ли?

— И кроме того, в воскресенье, — сказала Джоанна. — К чему…

— Не обращай внимания на воскресенья. Они отдыхают каждую неделю в один и тот же день?

— Да. Обычно так бывает.

Джоанна уставилась на меня с любопытством.

Она не могла проследить ход моей мысли.

Я прошел через комнату и позвонил в колокольчик. Явилась Патридж.

— Скажите мне, — спросил я, — эта Агнес Вудделл — она прислуга?

— Да, сэр. У Симмингтонов. У мистера Симмингтона теперь.

Я глубоко вздохнул. Посмотрел на часы. Было половина одиннадцатого.

— Она должна бы вернуться домой к этому времени, как вы думаете?

Патридж всем своим видом выразила неодобрение.

— Да, сэр. В том доме прислуга должна возвращаться к десяти. Там придерживаются старых обычаев.

Я сказал:

— Я хочу позвонить им.

Я вышел в холл. Джоанна и Патридж последовали за мной. Патридж явно была в бешенстве. Джоанна пребывала в недоумении. Она спросила, пока я набирал номер:

— Что ты собираешься делать, Джерри?

— Я бы хотел быть уверен, что девочка благополучно вернулась домой.

Патридж фыркнула. Только фыркнула, ничего

больше. Я не обратил внимания на фырканье Патридж.

На другом конце к телефону подошла Элси Холланд.

— Извините, что звоню вам, — сказал я. — Это говорит Джерри Бартон. Э… а… ваша горничная, Агнес, вернулась?

И лишь после того, как я произнес это, я вдруг почувствовал себя немножечко дураком. Потому что, если девушка вернулась и все в порядке, каким образом я собираюсь объяснить свой звонок и вопрос? Было бы лучше, если бы я предоставил спрашивать Джоанне, хотя бы потому, что этому нашлось бы какое-то минимальное объяснение. Я предвидел новую волну сплетен, которая прокатится по Лимстоку, — насчет меня и небезызвестной Агнес Вуддел.

Элси Холланд откликнулась с неестественно сильным изумлением:

— Агнес? О, она должна бы уже спать сейчас.

Я чувствовал себя дураком, но продолжил:

— Вы не отказались бы взглянуть, пришла ли она, мисс Холланд?

Следует отдать должное гувернантке: она всегда делала то, о чем ее просили. Не ее забота — зачем! Элси Холланд положила трубку и по-

слушно ушла.

Двумя минутами позже я услышал ее голос:

— Мистер Бартон?

— Да!

— Агнес нет дома, это точно.

Теперь я знал, что мои подозрения верны.

Я услышал неясный шум голосов в трубке, затем со мной заговорил сам Симмингтон:

— Хэлло, Бартон, что случилось?

— Ваша горничная Агнес не вернулась до сих пор?

— Нет. Мисс Холланд только что посмотрела. Ведь не было никакого несчастного случая, не так ли?

— Никакого *несчастного случая,* — подтвердил я.

— Вы хотите сказать, что имеете основания предположить, будто с девушкой что-то произошло?

Я сказал мрачно:

— Я бы не удивился.

…Я плохо спал в ту ночь.

Я думаю, что даже во сне кусочки головоломки вертелись в моем уме. Я уверен, что, если бы я приложил к этому усилия, я мог бы разрешить все проблемы тогда же и там же. Иначе почему все

эти фрагменты так упорно преследовали меня?

Что мы знали к этому времени? Достаточно много, или, я могу утверждать, мы знали то, что знали. Но почему мы не могли проложить путь к этому подспудному знанию? Все было на виду, а мы не могли до всего этого дотянуться.

Я лежал в постели, беспокойно ворочаясь.

Ведь была же какая-то схема; и если бы только я сумел уловить ее! Я должен знать, кто писал эти чертовы письма. Там был след, куда-то ведущий, и если бы я сумел пройти по нему…

В то время, как я засыпал, в дремлющем мозгу раздражающе вертелись слова: «Нет дыма без огня. Нет дыма без огня. Дым… Дым? Дымовая завеса… Нет, это было во время войны… Военная фраза. Война. Клочок бумаги… Всего лишь клочок бумаги. Бельгия — Германия…»

Я уснул. Я видел во сне, что вывожу на прогулку миссис Дан-Кэлтроп, превратившуюся в борзую, — на прогулку, на поводке и в ошейнике.

Меня разбудил настойчивый телефонный звонок.

Я сел в постели, взглянул на часы. Было половина восьмого. Мне еще не могли звонить. Но телефон дребезжал в холле внизу.

Я выскочил из кровати, набросил халат и по-

мчался вниз. Я столкнулся с Патридж, выходящей из задней двери, от кухни.

Я поднял трубку.

— Алло?

— О… — Я услышал облегченное всхлипывание. — Это *вы*!

Голос Меган. Голос Меган, неописуемо жалкий и испуганный.

— О, пожалуйста, приходите… *придите*. Пожалуйста! Вы придете?

— Я иду немедленно, — сказал я. — Вы слышите? *Немедленно!*

Я помчался наверх, перескакивая через две ступеньки сразу, и ворвался к Джоанне.

— Слушай, Джо, я бегу к Симмингтонам.

Джоанна подняла с подушки светлую кудрявую головку и потерла глаза, как маленький ребенок.

— Почему?.. Что случилось?

— Я не знаю. Звонила эта малышка — Меган. Она вне себя.

— Что это, как ты думаешь?

— Что-то с Агнес, или я очень крупно ошибаюсь.

Когда я выходил из двери, Джоанна окликнула меня:

— Подожди! Я встану и отвезу тебя.

— Не надо. Я поеду сам.

— Ты не можешь водить автомобиль.

— Могу.

Я действительно мог. Мне это было вредно, но не слишком. Я умылся, побрился, оделся, вывел автомобиль и уже через полчаса был у Симмингтонов. Недурно.

Меган, должно быть, ждала меня. Она бегом выскочила из дома и вцепилась в меня. Ее несчастное маленькое личико было бледно и искажено судорогой.

— О, вы пришли… вы *пришли*!

— Возьмите себя в руки, малышка, — сказал я. — Да, я пришел. И что дальше?

Она вдруг задрожала. Я обхватил ее рукой.

— Я… я нашла ее.

— Вы нашли Агнес? Где?

Дрожь усилилась.

— Под лестницей. Там чулан. Там держат удочки, и клюшки для гольфа, и всякое такое. Вы знаете.

Я кивнул. Это был обычный чулан.

Меган продолжала:

— Она была там… и все свалено в кучу… и холодная… ужасно холодная. Она была… она была *мертвая*, понимаете!

Я с любопытством спросил:

— Что вы там искали?

— Я… я не знаю. Вы позвонили вчера вечером. И мы все стали гадать, где же Агнес. Мы ждали какое-то время, но она не возвращалась, и в конце концов мы легли спать. Я не могла толком уснуть, и я рано встала. Все еще спали, кроме Розы (это кухарка, вы знаете). Она была очень сердита из-за того, что Агнес не вернулась домой. Она сказала, что это не к добру, когда девушка резвится подобным образом. Я позавтракала в кухне — молоко и хлеб с маслом, и вдруг Роза вошла и сказала, что все вещи Агнес — в ее комнате! Ну, тот ее лучший наряд, в котором она выходит погулять. И я предположила: а что, если она и не выходила из дома, и начала везде заглядывать, и я открыла чулан под лестницей… а она была там…

— Кто-нибудь позвонил в полицию, я полагаю?

— Да, они уже здесь. Отчим сразу же вызвал их. А потом… я почувствовала, что не могу все это вынести, и я позвонила *вам*. Вы ничего не имеете против?

— Нет, — сказал я. — Я ничего не имею против.

Я взглянул на нее с любопытством.

— А кто-нибудь дал вам немножко бренди, или кофе, или хотя бы чаю после… после того, как вы

нашли ее?

Меган покачала головой.

Я проклял *весь дом* Симмингтона. Это чванливое ничтожество Симмингтон не подумал ни о чем, кроме полиции. И ни Элси Холланд, ни кухарка, похоже, не сообразили, какое впечатление произвело на чувствительного ребенка ужасное открытие.

— Пойдемте, Меган, — сказал я. — Нам нужно на кухню.

Мы обошли дом и через заднюю дверь вошли на кухню. Роза, сорокалетняя женщина с пухлым лицом, похожим на пудинг, пила крепкий чай, сидя у кухонного очага. Она приветствовала нас, прижав руки к сердцу и разразившись потоком слов.

Она так странно себя чувствует, заявила она мне, она вся дрожит от страха! Только подумать обо всем этом, ведь могли убить и *ее саму*, любой из них мог быть убитым во сне, в постели!

— Налейте-ка для Меган чая, в чашку побольше, — сказал я. — Она испытала сильное потрясение, вы же знаете. Не забывайте, что это именно она нашла тело.

Простое упоминание о трупе чуть было не вернуло Розу к прежней теме, но я сокрушил

кухарку суровым взглядом, и она налила в чашку чернильной жидкости.

— Это для вас, юное существо, — сказал я Меган. — Выпейте это. Роза, я полагаю, у вас найдется капелька бренди?

Роза ответила с некоторым сомнением, что у нее оставалась капля бренди от рождественского пудинга…

— То, что надо, — сказал я и влил в чашку Меган изрядную порцию спиртного.

Я сказал Меган, чтобы она оставалась у Розы.

— Надеюсь, вы присмотрите за мисс Меган? — спросил я, и Роза ответила с удовлетворением в голосе:

— О да, сэр.

Я пошел в комнаты. Насколько я знал Розу и ее натуру, ей вскоре захочется подкрепить свои силы едой, а это и для Меган будет полезно. Черт бы побрал этих людей, почему они не позаботились о ребенке?!

Кипя негодованием, я отыскал Элси Холланд в гостиной. Она не удивилась, завидя меня. Я полагаю, что после ужасного открытия всех здесь охватило такое волнение, что они и не соображали, кто приходил в дом, кто уходил. К тому же у парадной двери стоял констебль Берт Рандл.

Элси Холланд, задыхаясь, воскликнула:

— О, мистер Бартон, разве это не *ужасно?!* Кто мог совершить такое жуткое дело?

— Это было *убийство*, так?

— О да! Ее ударили сзади по голове. Все волосы в крови… о, это *ужасно*!.. и затолкали в чулан. Кто мог оказаться таким безнравственным? и *почему?* Бедняжка Агнес, я уверена, она никогда никому не причинила зла!

— Конечно, — сказал я. — Но кто-то взглянул на это иначе.

Она уставилась на меня. «Нет, — подумал я, — она не слишком сообразительная девочка». Но зато у нее были крепкие нервы. Цвет ее лица был обычным, лишь чуть более ярким от возбуждения, и я даже представил, что, по-своему ужасаясь и вопреки действительно доброму сердцу, она все же наслаждается драмой.

Элси сказала извиняющимся тоном:

— Я должна подняться к мальчикам. Мистер Симмингтон весьма озабочен, что все это их слишком взволнует. Он просил меня увести их.

— Я слышал, что тело обнаружила Меган, — сказал я. — Надеюсь, кто-нибудь присматривает за ней?

Должен признать, что Элси Холланд выглядела

как человек, внезапно ощутивший угрызения совести.

— Ох, дорогая! — воскликнула она. — Я о ней забыла! Надеюсь, с ней все в порядке. Знаете, столько всего нахлынуло, полиция и все остальное… Но это небрежность с моей стороны. Бедная девочка, она должна чувствовать себя очень плохо. Я сейчас же пойду взглянуть, как она там.

Я смягчился.

— С ней все в порядке, — сказал я. — За ней присматривает Роза. Вы можете заняться детьми.

Она поблагодарила меня белозубой печальной улыбкой и поспешила наверх. В конце концов, ее делом были мальчики, а Меган… Элси платили, чтобы она присматривала за чертовыми братцами Симмингтонами. Вряд ли можно было порицать ее за внимание к ним.

Когда она исчезла за поворотом лестницы, у меня перехватило дыхание. На мгновение мне почудилось, что это мелькнула Ника Самофракийская, бессмертная и невероятно прекрасная, а вовсе не добросовестная гувернантка.

Затем открылась дверь, и в холл прошествовал лейтенант Нэш, сопровождаемый Симмингтоном.

— О, мистер Бартон! — сказал он. — Я как раз

собирался звонить вам. Рад, что вы уже здесь.

Он не спросил — в тот момент, — почему я уже здесь.

Он обернулся к Симмингтону:

— Я бы занял ту комнату, если можно.

То была маленькая дневная гостиная с окном, выходящим на улицу.

— Конечно, можно.

Выдержка у Симмингтона была недурной, однако он выглядел безнадежно усталым. Лейтенант Нэш сказал вежливо:

— На вашем месте я бы позавтракал, мистер Симмингтон. Вы, и мисс Холланд, и мисс Меган почувствуете себя гораздо лучше после кофе и яиц с беконом. Убийство на голодный желудок — гадкое дело.

Он говорил тоном доброго домашнего врача. Симмингтон сделал слабую попытку улыбнуться и сказал:

— Благодарю вас, лейтенант, я последую вашему совету.

Я следом за Нэшем вошел в гостиную, и он закрыл дверь. Потом он сказал:

— Вы оказались здесь очень быстро! Как вы узнали?

Я объяснил, что мне позвонила Меган. Я чув-

ствовал расположение к лейтенанту Нэшу. Он, во всяком случае, не забыл, что и Меган нуждается в завтраке.

— Я слышал, вы звонили вчера вечером, мистер Бартон, и справлялись об этой девочке. Почему бы это?

Я догадывался, что это выглядит странно. Я рассказал ему о телефонном звонке Агнес и о том, что она не явилась к Патридж. Лейтенант сказал:

— Да, понимаю…

Он протянул это медленно и задумчиво, потирая подбородок. Потом лейтенант вздохнул.

— Н-да, — сказал он. — Это убийство, совершенно ясно. Непосредственное физическое воздействие. Вопрос в том, что именно знала девушка? Сказала ли она что-нибудь этой Патридж? Что-то определенное.

— Не думаю. Но вы можете спросить сами.

— Да, я зайду повидать ее, когда закончу здесь.

— Что именно произошло? — спросил я. — Или вы еще не знаете?

— Кое-что знаем. У прислуги был выходной…

— У обеих женщин сразу?

— Да; здесь, кажется, прежде служили две сестры, и они любили отдыхать вместе, а миссис Симмингтон устраивал такой порядок. Потом

прислуга сменилась, но порядок остался прежним. Девушки только заранее готовили холодный ужин и сервировали его в столовой, а мисс Холланд обычно готовила чай.

— Понятно.

— Здесь все вполне ясно на первый взгляд. Повариха Роза приехала сюда из Нижнего Микфорда, и для того, чтобы съездить туда в выходной, она должна попасть на автобус в половине третьего. Поэтому Агнес всегда заканчивала мытье посуды после обеда сама. Роза обычно перемывала посуду после ужина, чтобы рассчитаться. В этот день было так: Роза ушла к автобусу на 2.25, Симмингтон отправился в свою контору от 2.25 до 3.00. Элси Холланд и дети вышли без четверти три. Меган Хантер уехала на велосипеде минут на пять позже. Агнес после этого оставалась в доме одна. Насколько я разобрался, она обычно выходила из дома между тремя часами и половиной четвертого.

— А дом оставался пустым?

— О, здесь на этот счет не беспокоятся. В этих краях не особо запирают дома. Как я сказал, без десяти три Агнес была в доме одна. И ясно, что она никуда не выходила, поскольку она была в чепчике и переднике, когда нашли ее тело.

— Я полагаю, вы можете приблизительно определить время ее смерти?

— Доктор Гриффитс не захотел компрометировать себя излишней точностью. Между двумя часами и половиной пятого — таково официальное медицинское заключение.

— Как ее убили?

— Сначала ее оглушили ударом по затылку. После этого обычный кухонный вертел, очень остро заточенный, вонзили в основание черепа, мгновенно убив ее.

Я раскурил сигарету. Это не было приятной картиной.

— Очаровательное хладнокровие, — сказал я.

— О да, это очень характерно.

Я глубоко вздохнул.

— Кто это сделал? — пробормотал я. — И зачем?

— Я не думаю, — медленно сказал Нэш, — что мы когда-либо узнаем совершенно точно — почему. Но мы можем догадываться.

— Она что-то знала?

— Она что-то знала.

— Она никому здесь не намекнула ни о чем?

— Насколько я мог выяснить, нет. Повариха говорит, что девушка была расстроена со дня

смерти миссис Симмингтон, и, по словам этой Розы, она все сильнее и сильнее о чем-то беспокоилась и часто повторяла, что не знает, что она должна делать.

Нэш раздраженно хмыкнул:

— Это частенько бывает. Они не хотят идти к нам. Они не хотят «быть замешанными в полицейские дела», это глубоко засевшее предубеждение. Если бы она пришла и рассказала о том, что ее тревожит, она бы сегодня была жива.

— Неужели она *ни о чем* не намекнула товарке?

— Нет. Роза так говорит, и я склонен ей верить. Потому что, если бы Агнес что-то сказала, Роза уж разболтала бы это мгновенно, да еще бы и от себя немало добавила.

— Это с ума свести может, — сказал я. — Ничего не знать…

— Мы можем только гадать, мистер Бартон. Начнем с того, что это должно быть нечто совершенно простое. Это должно быть нечто такое, о чем вы постоянно размышляете, и в то время как вы об этом размышляете, ваша тревога растет. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да.

— Теперь, думаю, я знаю, что это было.

Я взглянул на него с уважением:

— Неплохая работа, лейтенант.

— Ну, видите ли, мистер Бартон, я знаю кое-что такое, чего вы не знаете. Предполагалось, что в тот день, когда миссис Симмингтон покончила с собой, обеих служанок не было дома. У них был выходной. Но в действительности Агнес вернулась домой.

— Вы точно знаете?

— Да. У Агнес есть кавалер — молодой Рэнделл из рыбной лавки. В среду они закрываются рано, и парень отправлялся на свидание с Агнес, они шли гулять или в кино, если шел дождь. В ту среду они поссорились сразу, как только встретились. Наш сочинитель писем проявил активность, намекая, что у Агнес есть приятели поважнее, и молодой Фред Рэнделл был очень возбужден. Они сильно повздорили, и Агнес убежала домой, сказав, что не выйдет до тех пор, пока Фред не извинится.

— Ну, и?..

— Ну, мистер Бартон, кухонные окна выходят на задний двор дома, но из окошка кладовой видно то же, что и из окна вот этой комнаты. То есть видна калитка. Вы проходите через нее и идете или к парадной двери, или по тропинке вокруг

дома, к черному ходу.

Он помолчал.

— Теперь я вам еще кое-что скажу. Письмо, что пришло миссис Симмингтон в тот день, *не было послано по почте.* На нем была погашенная марка, и почтовый штемпель подделан весьма убедительно с помощью ламповой сажи, так что оно выглядело так, будто было доставлено почтальоном с дневными письмами. Но в действительности *оно не проходило через почту*. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, — медленно сказал я, — что кто-то принес его *собственноручно*, опустил в почтовый ящик перед тем, как разносили дневную почту, чтобы оно очутилось среди других писем…

— Вот именно. В тот день почта пришла почти без четверти четыре. Моя мысль такова: девушка находилась в кладовке и смотрела в окно (оно снаружи закрыто кустами, но через него достаточно хорошо видно), ожидая, когда ее молодой человек вернется и попросит прощения.

Я сказал:

– И она видела, кто принес это письмо?

— Это мое предположение, мистер Бартон. Конечно, я могу ошибаться.

— Не думаю, что вы ошибаетесь. Это же ясно — и убедительно… и это значит, что Агнес знала, *кто автор анонимных писем.*

Глава 5

— Да, — сказал Нэш, — Агнес знала, кто писал эти письма.

— Но тогда почему она?.. — Я замолчал, нахмурясь.

Нэш быстро сказал:

— Я себе это представляю так: девушка *не поняла, что именно она увидела.* Не сразу поняла. Кто-то принес письмо в дом, да, но этот «кто-то» был не таким человеком, которого она могла бы в мыслях связать с анонимными письмами. Это был некто, с подобной точки совершенно вне подозрений. Но чем больше она об этом думала, тем больше тревожилась. Возможно, она должна кому-нибудь рассказать об этом? В замешательстве она подумала о прислуге мисс Бэртон, Патридж, которая, как я понимаю, для Агнес весьма значительная особа, на чье суждение она положилась бы без колебаний. Она решила спросить у Патридж, что должна делать.

— Да, — сказал я задумчиво, — это подходит. И, так или иначе, Ядовитое Перо об этом узнала. Как она узнала, лейтенант?

— Вы никогда не жили в деревне, мистер Бар-

тон. Это нечто вроде чуда — как здесь обо всем узнают. Но прежде всего вспомним о телефонном звонке. Кто слышал разговор у вас?

Я сосредоточился.

— Я сам взял трубку. И позвал Патридж.

— Вы упомянули имя девушки?

— Да… да.

— Кто-нибудь слышал вас?

— Моя сестра или мисс Гриффитс вполне могли услышать.

— Ах, мисс Гриффитс! Что она там делала?

Я объяснил.

— Она потом вернулась в деревню?

— Сначала она собиралась зайти к мистеру Паю.

Лейтенант Нэш вздохнул.

— Тут два варианта, каким образом все это стало всем известно.

Я недоверчиво спросил:

— Вы полагаете, что мисс Гриффитс или мистер Пай стали бы беспокоиться о том, чтобы повторять столь незначащую новость?

— В местечке вроде этого все что угодно является новостью. Вас это может удивить. Если матушка портнихи купила плохую солонину — об этом знают все! И в этом доме тоже мно-

гие слышали. Мисс Холланд, Роза вполне могли слышать то, что говорила Агнес. Да еще Фред Рэнделл. Он мог рассказать, что Агнес вернулась домой в тот день.

Я слегка вздрогнул. Посмотрел в окно. Прямо передо мной были чистенькая зеленая лужайка, и тропинка, и низкая аккуратная калитка…

Кто-то открыл калитку, тихо подошел к дому и опустил письмо в почтовый ящик. Я смутно видел в воображении неясную женскую фигуру. Вместо лица была пустота — но это должно было быть лицо, которое я знал…

Лейтенант Нэш продолжал говорить:

— Все-таки круг поисков довольно узок. Обычно таким путем мы и добираемся до конца. Неторопливый, настойчивый отбор. Не так уж много людей могло здесь оказаться в нужный момент.

— Вы хотите сказать…

— Нужно отсечь тех служащих женщин, которые были на работе в тот день. Отсечь школьную учительницу. Она вела уроки. И окружную медсестру. Я знаю, где она была вчера. Не то чтобы я думал, будто это кто-то из них, но в данном случае мы *уверены*. Видите ли, мистер Бартон, у нас имеются две определяющие точки во времени, на которых мы сосредоточены, — вчерашний день и

день на прошлой неделе. Что касается дня смерти миссис Симмингтон, мы говорим о времени между четвертью четвертого (раньше Агнес не могла вернуться домой после ссоры) и четырьмя часами, когда могли доставить почту (но это я намерен еще уточнить у почтальона). А вчера — начинаем без десяти минут три (когда мисс Меган Хантер вышла из дома) и до половины четвертого или, возможно, до четверти четвертого, поскольку Агнес еще не начала переодеваться.

— Как вы думаете, что случилось вчера?

Нэш поморщился.

— Я думаю, что некая леди подошла к парадной двери и позвонила, очень спокойная и улыбающаяся, обычный дневной визит… Может быть, она спросила мисс Холланд или мисс Меган, или, возможно, она принесла какой-то пакет. В любом случае Агнес повернулась к ней спиной, чтобы взять поднос для карточек или чтобы положить принесенный пакет, и леди, явившаяся с визитом, ударила ее сзади по доверчивой головке.

— Чем?

Нэш сказал:

— Дамы в этих местах имеют привычку носить в сумках разные тяжелые вещи. Никогда нельзя сказать, что там у них найдется.

— А потом она проткнула Агнес насквозь вертелом и затолкала в чулан? Не слишком ли тяжелая работа для женщины?

Лейтенант Нэш взглянул на меня с несколько странным выражением.

— Женщина, которую мы ищем, ненормальна; не так чтобы уж слишком заметно, но такой тип расстройства психики отличается внезапными приливами силы. Агнес не была крупной девушкой! — Он помолчал и спросил: — Как мисс Меган Хантер объясняет то, что она заглянула в чулан?

— Просто инстинктивно, — сказал я.

Потом я спросил:

— Почему убийца спрятала тело? Из каких соображений?

— Чем дольше тело не найдено, тем труднее точно установить время смерти. Если бы, например, мисс Холланд обнаружила труп сразу, как только вернулась, врач смог бы установить время смерти с точностью до десяти минут или около того, а это поставило бы нашу подружку в затруднительное положение.

Я сказал, хмурясь:

— Но если у Агнес были подозрения относительно этой особы…

Нэш перебил меня:

— Она не подозревала. Точнее, не до такой степени. Она просто думала, что это «странно», скажем так. Я предполагаю, что она была тугодумкой и она лишь смутно ощущала что-то «неправильное». Она, конечно же, не могла заподозрить, что стоит напротив женщины, способной на убийство.

— У вас есть конкретные подозрения? — спросил я.

Нэш покачал головой и сказал с чувством:

— Я должен узнать. Этот случай с самоубийством, видите ли, напугал Ядовитое Перо. Она взвинчена. Страх, мистер Бартон, приводит к непредсказуемым последствиям.

Да, страх. Это было как раз то, что мы обязаны были предвидеть. Страх — в безумном мозгу…

— Понимаете, — сказал лейтенант Нэш, и от его слов все стало вдруг невыносимо ужасным, — мы ведь подозреваем человека высокоуважаемого, о котором очень хорошо думают, человека, который занимает высокое социальное положение!

После этого Нэш сказал, что хотел бы немедленно поговорить с Розой. Я спросил — не совсем уверенно, — могу ли я при этом присутствовать. К моему удивлению, я услышал любезнейшее разрешение.

— Я очень рад вашему сотрудничеству, мистер Бартон, если мне позволено это сказать.

— Это звучит подозрительно, — заявил я. — В детективных романах тот, кого приглашают помочь, обычно и оказывается убийцей.

Нэш коротко рассмеялся. Потом сказал:

— Вас едва ли можно принять за человека, пишущего анонимные письма, мистер Бартон. — И добавил: — Совершенно искренне, вы можете быть нам полезны.

— Я очень рад, но не понимаю, каким образом.

— Вы здесь чужак, вот в чем дело. И ваше мнение о местных жителях непредвзятое. Но в то же время для вас это удобный случай участвовать в том, что я назвал бы социальным исследованием.

— Убийца занимает высокое социальное положение, — пробормотал я.

— Именно.

— Я буду шпионом в своей команде?

— У вас есть какие-то возражения?

Я обдумал это.

— Нет, — сказал я наконец. — Откровенно говоря, нет, поскольку речь идет об опасной ненормальной, доводящей безобидных женщин до самоубийства и колотящей маленьких служа-

нок по голове. Вдобавок я не питаю отвращения к тому, чтобы выполнить небольшую грязную работу — ради того, чтобы эту ненормальную остановить.

— Весьма благоразумно с вашей стороны, сэр. И позвольте сказать: особа, которую мы ищем, опасна. Она почти так же опасна, как гремучая змея, или кобра, или черная мамба[83], подкрадывающаяся к кому-то.

Я слегка содрогнулся. И сказал:

— В самом деле, не следует ли поспешить?

— Это верно. Но не думайте, что мы бездействуем. Это не так. Мы работаем в нескольких разных направлениях.

Он произнес это весьма зловеще.

Мне привиделась прекрасная, широко растянутая паутина…

Нэш хотел еще раз послушать историю Розы — потому, объяснил он мне, что она уже рассказала ему две разные версии, и чем больше версий он от нее услышит, тем лучше, потому что в таком случае можно будет выудить зерно истины.

Мы нашли Розу моющей посуду после завтрака, и она тут же бросила работу, и вытаращила глаза,

---

[83] notes: 83

Черная мамба — африканская ядовитая змея.

и схватилась за сердце, и объяснила еще раз, что она ужасно себя чувствует все утро.

Нэш обращался с Розой терпеливо, но твердо. Он уже объяснял мне, что сначала с ней нужно говорить тоном утешающим, потом повелительным, и сейчас он использовал смесь этих двух вариантов.

Роза с удовольствием принялась распространяться обо всех деталях прошедшей недели, о том, как смертельно напугана была Агнес и как она дрожала и говорила: «Не спрашивай меня», когда Роза убеждала ее рассказать, что же случилось.

— «Я умру, если она мне расскажет» — вот что она сказала! — закончила Роза.

— Агнес никак не намекнула, что именно ее испугало?

— Нет, она ничего не говорила, кроме того, что боится за свою жизнь.

Лейтенант Нэш вздохнул и сменил тему, вынужденный удовлетвориться выяснением точных сведений о собственных делах Розы в течение вчерашнего дня.

С трудом выяснилось, что Роза села на автобус в 2.30 и провела день и вечер со своей семьей, вернувшись из Нижнего Микфорда автобусом в 8.40. Повествование было насыщено яркими

описаниями дурных предчувствий, которые Роза испытывала весь день, и подробным рассказом о том, как сестра Розы комментировала эти предчувствия и как Роза была не в состоянии дотронуться даже до кусочка булки с тмином…

Из кухни мы отправились на поиски Элси Холланд, которая присматривала за детьми.

Как обычно, Элси Холланд была деловита и услужлива. Она встала и произнесла:

— Сейчас Колин и вы, Брайан, решите эти три примера, и вы должны быть готовы ответить, когда я вернусь.

Затем она провела нас в детскую спальню.

— Мы можем поговорить здесь? Я думаю, это лучше, чем вести беседу при детях.

— Спасибо, мисс Холланд. А теперь скажите мне еще раз: *вполне* ли вы уверены, что Агнес никогда не упоминала при вас о том, что ее что-то беспокоит, — я имею в виду, с момента смерти миссис Симмингтон?

— Нет, она ничего такого не говорила. Она была очень тихая девушка, вы знаете, и говорила мало.

— Ну да, в отличие от второй прислуги!

— Да, Роза говорит слишком много. Иной раз я вынуждена пресекать ее неуместные выска-

зывания.

— И еще, вы не могли бы рассказать мне точно, что произошло вчера днем? Все, что сможете вспомнить.

— Ну, мы обедали, как обычно, в час. И мы немножко спешили. Я не могу позволить, чтобы мальчики бездельничали. Так, погодите… Мистер Симмингтон вернулся в контору, и я помогла Агнес накрыть стол к ужину. Мальчики убежали в сад, потом я их забрала оттуда.

— Куда вы пошли?

— В направлении к Комб-Экру, тропинкой через луг, — мальчики намеревались ловить рыбу. Я забыла их приманки и вернулась за ними.

— Во сколько это было?

— Дайте подумать… Мы вышли около трех, примерно без двадцати или чуть позже. Меган собиралась пойти с нами, но передумала. Она уехала на своем велосипеде. Она просто помешалась на велосипедных прогулках.

— Я имел в виду, в какое время вы вернулись за приманками? Вы входили в дом?

— Нет, я забыла их в оранжерее, за домом. Я не знаю, во сколько это было. Возможно, без десяти три.

— Вы видели Меган или Агнес?

— Меган должна была уже уехать, я думаю. Нет, я не видела Агнес. Я никого не видела.

— А после этого вы отправились удить рыбу?

— Да, мы пошли вдоль реки. Мы ничего не поймали. Мы редко что-либо ловим, но мальчикам сам процесс рыбной ловли доставляет большое удовольствие. Брайан немного промок. Я переодела его, когда мы вернулись.

— Вы готовите чай по средам?

— Да. В гостиной все бывало готово для мистера Симмингтона. Мне нужно было только заварить чай, когда он приходил. Дети и я пили чай в классной комнате, и Меган, конечно. Там у меня было все, что нужно, — в буфете.

— Во сколько вы этим занялись?

— Без десяти пять. Я забрала детей наверх и начала готовить чай. Потом, в пять часов, когда пришел мистер Симмингтон, я спустилась, чтобы заварить чай ему, но он сказал, что будет пить чай с нами, в классной комнате. Мальчики были просто счастливы. Потом мы играли в «Поймай зверя». Сейчас об этом подумать — так просто ужасно, ведь бедная девочка все это время лежала в чулане!

— Этим чуланом обычно кто-нибудь пользовался?

— О нет, его использовали только для того, чтобы складывать всякое тряпье. Шляпы и пальто висят в маленькой гардеробной, справа от входной двери. В тот чулан могли не заглядывать месяцами.

— Понятно. И вы не заметили ничего необычного, ничего ненормального, совсем ничего, когда вернулись?

Голубые глаза широко распахнулись.

— О нет, инспектор, совершенно ничего! Все было так, как обычно. Это как раз самое ужасное!

— А неделей раньше?

— Вы имеете в виду день, когда миссис Симмингтон…

— Да.

— О, это было ужасно… ужасно!

— Да-да, я понимаю. Тогда вы тоже днем выходили?

— О да, я всегда вывожу детей днем на прогулку — если погода достаточно хорошая. Утром мы делаем уроки. Мы в тот день ходили на вересковую пустошь, я помню… довольно далеко. Я испугалась тогда, что вернулась слишком поздно, потому что, когда я проходила через калитку, я увидела мистера Симмингтона, идущего из конторы, — на другой стороне улицы, а я ведь

еще не поставила чайник, но было только без десяти пять…

— Вы не поднялись к миссис Симмингтон?

— О нет. Я никогда этого не делала. Она обычно отдыхала после обеда. У нее были частые приступы невралгии, и, как правило, они начинались после еды. Доктор Гриффитс прописал ей какие-то порошки. Она обычно ложилась и пыталась заснуть.

Нэш небрежно спросил:

— Значит, никто не приносил ей почту?

— Дневную почту? Нет, я заглядывала в почтовый ящик и складывала письма на столик в холле, когда возвращалась. Но частенько миссис Симмингтон спускалась и забирала их сама. Она же не спала весь день. Она обычно просыпалась к четырем.

— Вас не обеспокоило, что в тот день она не проснулась к этому времени?

— О нет, я ни о чем таком и не подумала. Мистер Симмингтон как раз вешал свое пальто в холле, и я сказала: «Чай еще не совсем готов, но чайник уже закипает», и он кивнул и позвал: «Мона, Мона!» А поскольку миссис Симмингтон не ответила, он поднялся в ее спальню, и это, должно быть, было для него ужасным потрясением. Он

позвал меня, и я прибежала, и он сказал: «Уведите детей», а потом позвонил доктору Гриффитсу, и мы все забыли про чайник, и у него прогорело дно. О боже, это было страшно, ведь она была такая веселая и бодрая за обедом!

Нэш резко спросил:

— Мисс Холланд, каково ваше мнение о том письме, что она получила?

Элси Холланд вспыхнула:

— О, я думаю, это безнравственно… безнравственно!

— Я не это имел в виду. Как вы думаете, это правда?

Элси Холланд твердо заявила:

— Нет, разумеется, я так не думаю. Миссис Симмингтон была очень чувствительна… по-настоящему чувствительна. Она все принимала близко к сердцу. И она была очень… ну, *щепетильна*. — Элси порозовела. — Что-либо в таком роде — *грязное*, я имею в виду, — могло довести ее до сильного потрясения.

Нэш помолчал немного, потом спросил:

— А вы не получали таких писем, мисс Холланд?

— Нет. Нет, я не получала.

— Вы уверены? Пожалуйста, — он поднял

руку, — не спешите с ответом. Не слишком-то приятно получать такое, я понимаю. И иногда люди не хотят в этом признаваться. Но в данном случае очень важно, чтобы мы узнали. Мы прекрасно осведомлены, что все, что утверждается в этих письмах, — лишь наглая ложь, так что ни к чему смущаться.

— Но я их не получала, лейтенант. Действительно не получала! Ничего в этом роде!

Она негодовала, почти плакала, и ее запирательство выглядело совершенно искренним.

Когда она вернулась к детям, Нэш встал у окна, глядя наружу.

— Ну, — сказал он, — вот так дела! Она говорит, что не получала таких писем. И так говорит, словно это правда.

— Конечно. Я уверен, что она не врет.

— Хм-м, — протянул Нэш. — В таком случае я хотел бы знать, почему этот черт ее не зацепил?

Я уставился на него, и он продолжил нетерпеливо:

— Она ведь хорошенькая девушка, не так ли?

— Гораздо больше, чем просто хорошенькая.

— Вот именно. В сущности говоря, она необыкновенно хороша. И она молода. Лакомый кусочек для сочинителя анонимок. Тогда почему ее про-

пустили?

Я покачал головой.

— Это интересно, знаете ли. Я должен сообщить об этом Грэйвсу. Он ведь спрашивал, не знаем ли мы кого-то, кто совершенно точно не получал таких писем.

— Она вторая, — сказал я. — Вспомните, есть еще Эмили Бэртон.

Нэш издал короткий смешок.

— Вы не должны верить всему, что вам говорят, мистер Бартон. Мисс Бэртон одно-то наверняка получила… да и побольше, чем одно.

— Откуда вы знаете?

— Эта преданная драконша, у которой мисс Бэртон теперь квартирует, рассказала мне, — прежняя прислуга, или повариха, Флоренс Элфорд. Весьма негодует по этому поводу. Жаждет крови «писателя».

— Почему же мисс Эмили говорила, что она их не получала?

— Робость. Язык этих писем не слишком хорош. Маленькая мисс Бэртон всегда жила, сторонясь всего грубого и неотшлифованного.

— И о чем же говорилось в этих письмах?

— Как обычно. В случае мисс Бэртон это особенно нелепо. И между прочим, там намеки на

то, что она отравила свою старую матушку и большинство сестер!

Я спросил недоверчиво:

— Вы хотите сказать, что эта жуткая ненормальная действительно бывает в обществе — и мы не можем ее вычислить?

— Мы ее вычислим, — сказал Нэш, и в его голосе прозвучала неумолимость. — Пусть только напишет еще одно письмо.

— Но, боже ж ты мой, она же не будет больше писать эти штуки… не теперь же!

Он взглянул на меня:

— Э, нет, она будет. Видите ли, *она уже не способна остановиться.* Это болезненная жажда. Письма будут приходить, в этом не может быть ошибки.

Я вышел наружу и, перед тем как уйти совсем, нашел Меган. Она была в саду и, похоже, почти уже вернулась к своему обычному состоянию. Меня она приветствовала вполне бодро. Я предложил ей снова перебраться к нам на некоторое время, но после некоторого раздумья она покачала головой:

— Это очень любезно с вашей стороны, но, я думаю, я останусь здесь. В конце концов, это… ну, я полагаю, это мой дом. И, осмелюсь предположить,

я могу быть немножко полезна мальчикам.

— Ну, — сказал я, — это уж как вам захочется.

— Тогда, я думаю, я останусь. Я… я…

— Вы?..

— Если… если случится что-нибудь ужасное, я ведь могу позвонить вам, не так ли, и вы придете?

Я был тронут.

— Конечно. Но что такое ужасное может случиться, как вы думаете?

— О, я не знаю. — Вид у нее был рассеянный. — Что-нибудь вроде того, что сейчас происходит, разве этого не может быть?

— Стоп! — сказал я. — Довольно болтать о трупах. Вам это не слишком полезно.

Она сверкнула короткой улыбкой.

— Нет, конечно. Я от этого чувствую себя почти что больной.

Мне не очень хотелось оставлять ее здесь, но, в конце концов, как она сказала, это был ее дом. И я склонен был думать, что теперь Элси Холланд будет чувствовать больше ответственности за Меган.

Мы с Нэшем вместе пришли в «Литтл Фюрц». Пока я представлял Джоанне подробный отчет об утренних делах, Нэш взялся за Патридж. Когда

он присоединился к нам, он выглядел обескураженным.

— Не слишком много толку. По словам этой женщины, девушка только и сказала, что она о чем-то беспокоится, не знает, что делать, и хотела бы услышать совет мисс Патридж.

— Патридж при ком-нибудь об этом упоминала? — спросила Джоанна.

Нэш кивнул; вид у него был хмурый.

— Да, она рассказала миссис Эмори — вашей приходящей прислуге; насколько я мог разобраться, она говорила в том смысле, что есть же *такие* молодые особы, которые требуют совета от старших и даже не помышляют о том, с какой же вдруг стати эти старшие должны решать их проблемы, ничего о них не зная. Может быть, Агнес и не была слишком сообразительна, но она была очень почтительной и имела хорошие манеры…

— Патридж гордится собой, это уж точно, — пробормотала Джоанна. — А миссис Эмори могла разнести это по всему городу?

— Именно так, мисс Бартон.

— Есть одна вещь, которая меня очень удивляет, — сказал я. — Почему и мы с сестрой оказались в этой истории? Мы здесь чужие, никто не может иметь зуб против нас.

— Вы недостаточно принимаете в расчет склад ума Ядовитого Пера. Все годится для этой мельницы. Вы могли бы сказать, что у нее зуб против рода человеческого.

— Полагаю, — задумчиво сказала Джоанна, — это как раз то, что имела в виду миссис Дан-Кэлтроп.

Нэш вопросительно глянул на нее, но Джоанна не стала ничего пояснять.

Лейтенант сказал:

— Я не знаю, может быть, случайно вы рассмотрели конверт того письма, что получили, мисс Бартон. Если так, вы могли заметить, что на самом деле оно было адресовано мисс Бэртон, а потом «э» исправлено на «а».

Это замечание, верно истолкованное, должно было дать нам путеводную нить ко всему этому делу. Но так вышло, что ни один из нас не обратил на это внимания.

Нэш ушел, и мы с Джоанной остались одни. Она тут же сказала:

— Ты не думаешь, что письмо и в самом деле было написано для мисс Эмили, а?

— Вряд ли тогда оно могло начинаться со слов «ты, раскрашенная проститутка», — заметил я, и Джоанна согласилась со мной.

Затем она намекнула, что неплохо бы мне спуститься в городок.

— Ты должен послушать, что там говорят. У них есть *тема* сегодня!

Я предположил, что и она пойдет тоже, но, к моему удивлению, Джоанна отказалась. Она заявила, что намеревается навести порядок в саду.

Я задержался в дверях и сказал, понизив голос:

— Я надеюсь, с Патридж все в порядке…

— Патридж!

Изумление, прозвучавшее в голосе Джоанны, дало мне понять, что сестра стыдится моей мысли.

Я сказал извиняющимся тоном:

— Я только хотел бы разобраться. Она до некоторой степени «странная»… мрачная старая дева… Тот тип человека, который может страдать религиозной манией.

— Это не религиозная мания… это то, что объяснял Грэйвс.

— Ну, сексуальная мания. Они очень тесно смыкаются, это ясно. Патридж подавленна и чопорна, и ее заставит заткнуться большинство женщин старше ее годами…

— Что натолкнуло тебя на такую мысль?

— Ну, — сказал я медленно, — мы ведь знаем

только с ее слов, что ей говорила Агнес, не так ли? Предположи, что Агнес попросила Патридж рассказать, почему та пришла и опустила записку в тот день, а Патридж сказала, что зайдет днем и объяснит.

— А потом, чтобы это замаскировать, пришла к нам и спросила, можно ли девушке прийти сюда?

— Да.

— Но она совсем не выходила в тот день.

— Ты этого не знаешь. Вспомни, нас обоих не было дома.

— Да, верно. Я полагаю, это возможно. — Джоанна все это провернула в уме. — Но тем не менее я сомневаюсь. В смысле я не думаю, чтобы у Патридж хватило ума скрыть свои следы на письмах. Стереть отпечатки пальцев и все такое. Это ведь не то чтобы недостаток хитрости — это нужно знать. Я не думаю, чтобы она такое знала. — Джоанна поколебалась, потом медленно произнесла: — Они уверены, что это женщина, так?

— Не думаешь же ты, что это мужчина? — воскликнул я изумленно.

— Нет… не обычный мужчина… но определенный тип мужчины. В самом деле, я подумала о

мистере Пае.

— Итак, ты избрала мистера Пая?

— А ты сам не чувствуешь, что это возможно? Он принадлежит к тому сорту людей, которым свойственно жить в уединении… быть несчастными… и злобными. Ты знаешь, над ним все смеются. Разве ты не замечаешь в нем тайной ненависти ко всем нормальным счастливым людям и что он получает удовольствие от всего странного, извращенного, театрального?

— Грэйвс говорил — старая дева средних лет.

— Мистер Пай, — заявила Джоанна, — и *есть* старая дева средних лет.

— Неудачник, — медленно сказал я.

— Более чем неудачник. Он богат, но деньги не могут ему помочь. И я чувствую, что он может иметь неустойчивую психику. Он действительно слегка *пугающий* маленький человек.

— Вспомни, он и сам получил письмо.

— Мы этого не знаем, — подчеркнуто сказала Джоанна. — Мы только так думаем. И в любом случае он мог все это просто разыграть.

— Специально для нас?

— Да. Он достаточно умен, чтобы подумать об этом — и в то же время не пересолить.

— Он должен быть тогда первоклассным ак-

тером.

— Ну конечно же, Джерри, тот, кто вытворяет такие вещи, *должен* быть первоклассным актером. Отчасти он и от этого получает удовольствие.

— Ради бога, Джоанна, не говори таким понимающим тоном! Ты будишь во мне такое чувство, словно ты… словно ты слишком хорошо понимаешь подобный склад ума.

— Я думаю, я действительно понимаю. Я могу… вот именно — проникнуться этим настроением. Как будто я не Джоанна Бартон, как будто я не молода, достаточно привлекательна и могу неплохо проводить время, а будто бы я… как это выразить?.. где-то за забором, в стороне, наблюдаю за остальными людьми, которые наслаждаются жизнью, — и тогда как бы черный, дурной прилив поднимается во мне, заставляя меня причинять боль, мучить… и даже уничтожать!

— Джоанна! — Я схватил ее за плечи и встряхнул. Она судорожно вздохнула, слегка вздрогнула и улыбнулась.

— Я тебя напугала, да, Джерри? Но у меня было такое ощущение, что это — самый верный путь для решения всей проблемы. Ты должен как бы воплотиться в такого человека, чтобы понять

его чувства и что заставляет его действовать… И тогда, возможно, ты поймешь, что он собирается делать дальше.

— Ох, здорово! — сказал я. — А я-то приехал сюда, чтобы питаться овощами и развлекаться милыми мелкими местными скандальчиками. Милый мелкий местный скандальчик! Клевета, обливание грязью, непристойности и убийство!

Джоанна оказалась абсолютно права. Верхняя улица была полна людей. Мое появление было отмечено лишь мельком.

Первым я встретил Гриффитса. Он выглядел жутко больным и усталым. Настолько, что я удивился. Конечно, убийство не является для врача делом привычным, но все же его профессия заставляет сталкиваться со множеством вещей, включая страдание, безобразнейшие стороны человеческой натуры и смерть.

— Вы выглядите совсем больным, — сказал я.

— Правда? — Он был рассеян. — О, у меня за последнее время было несколько сложных случаев.

— Включая бродящего на свободе сумасшедшего?

— И это, конечно.

Он взглянул мимо меня на другую сторону улицы. Я заметил, что у него нервно дернулось веко.

— А у вас нет подозрений насчет того… *кто* это?

— Нет. Нет. Но я хотел бы знать.

Он коротко осведомился о Джоанне и добавил нерешительно, что у него есть несколько фотоснимков, которые она хотела видеть.

Я предложил передать их ей.

— О, это неважно. Я, видимо, буду проходить мимо вашего дома позже, днем.

Я начал побаиваться, что Гриффитс сильно влип. Проклятая Джоанна! Гриффитс был слишком хорошим человеком, чтобы с ним мошенничать.

Я дал ему уйти, поскольку заметил, что приближается его сестра, а я хотел на этот раз (в виде исключения) поговорить с ней.

Айми Гриффитс начала, как обычно, сразу с середины темы.

— Совершенно потрясающе! — прогудела она. — Я слышала, вы там были — очень рано?

Так прозвучал вопрос на словах, но глаза ее сверкали и нажимали на слово «рано». Я не собирался докладывать, что Меган позвонила мне. Вместо этого я сказал:

— Видите ли, я был немного встревожен вчера вечером. Девушка должна была прийти в наш

дом на чай, но не пришла.

— И потому вы опасались худшего? Весьма умно с вашей стороны!

— Да, — сказал я, — я хорошая ищейка.

— Это впервые — убийство в Лимстоке. Ужасающее потрясение. Надеюсь, полиция сможет с этим справиться.

— Я бы на этот счет не беспокоился, — сказал я. — Там очень квалифицированная команда.

— Я даже никак не могу вспомнить, как эта девочка выглядела, хотя, полагаю, она открывала мне двери десятки раз. Тихая, незаметная бедняжка. Ударили по голове, а потом проткнули сзади вертелом, так Оуэн мне сказал. Мне кажется, похоже на то, что это ее кавалер сделал.

— Вы объясняете это так?

— Это кажется наиболее вероятным. Они поссорились, я предполагаю. Они все здесь выродки, у большинства очень плохая наследственность. — Она помолчала, потом продолжила: — Я слышала, труп нашла Меган Хантер? Для нее это должно быть серьезным потрясением.

Я коротко подтвердил:

— Так и было.

— Не слишком-то ей полезно, смею предположить. По моему мнению, она не очень крепка

головой, а подобные вещи могут заставить ее и вовсе потерять голову.

Я внезапно решился. Я должен был кое-что узнать.

— Скажите мне, мисс Гриффитс, это вы вчера убедили Меган вернуться домой?

— Ну не то чтобы я ее убедила…

Я стоял на своем:

— Но вы ей что-то сказали?

Айми Гриффитс переступила с ноги на ногу и пристально посмотрела мне в глаза, явно уходя в глухую оборону. Она сказала:

— Это нехорошо, когда молодая женщина увиливает от ответственности. Она молода, и она не знает, как длинны языки, поэтому я чувствовала, что моя обязанность — намекнуть ей.

— Языки?… — Я оборвал себя на полуслове, поскольку был слишком зол, чтобы продолжать.

Айми Гриффитс, как и всегда, говорила с доводящей до бешенства самодовольной уверенностью в себе.

— О, я осмелюсь сказать, *вы* просто не слышали тех сплетен, что ходят вокруг. А я слышала! Я знаю, *что* говорят люди. Уверяю вас, я и на минуту бы не подумала, что во всем этом что-то есть, — ни на минуту! Но вы знаете, каковы люди:

если уж они могут сказать гадость — они непременно скажут. А это плохо отразится на девушке, когда ей придется зарабатывать себе на жизнь.

— Зарабатывать на жизнь? — переспросил я в замешательстве.

Айми продолжала:

— Естественно, она в очень трудном положении. Но я думаю, она поступит верно. Я имею в виду, она не сбежит в такой ответственный момент и не оставит детей без присмотра. Она ведет себя великолепно, просто великолепно! Я это всем говорю! Но есть тут кое-что такое, что вызывает недоброжелательность, и люди будут сплетничать.

— О ком это вы говорите? — спросил я.

— Об Элси Холланд, конечно, — нетерпеливо откликнулась Айми Гриффитс. — По моему мнению, она старательная, милая девушка и всего лишь выполняет свои обязанности.

— А что же говорят люди?

Айми Гриффитс рассмеялась. Это был, подумал я, весьма неприятный смех.

— Они говорят, что она уже подумывает о возможности стать миссис Симмингтон номер два, что она вся ушла в утешение вдовца и делает все, чтобы стать совершенно необходимой.

— Но, — воскликнул я, потрясенный, — миссис Симмингтон умерла всего неделю назад!

Айми Гриффитс пожала плечами:

— Разумеется. Это абсурд! Но вы знаете, каковы люди. Барышня Холланд молода и хороша собой — и этого достаточно. И, обратите внимание, должность гувернантки — это не перспектива для девушки. Я бы не осудила ее за желание обзавестись домом и мужем и соответственно этому вести игру. Конечно, — продолжала она, — бедный Дик Симмингтон об этом и не догадывается! Он еще не справился до конца с потрясением от смерти Моны. Но вы же знаете, каковы люди! Если девушка все еще там, заботится о нем, создает ему условия, будучи при этом весьма предана детям, — ну, значит, он попадет в зависимость от нее.

Я сказал спокойно:

— То есть вы думаете, что Элси Холланд — грязная интриганка?

Айми Гриффитс вспыхнула:

— Ничуть! Я жалею девушку — потому что люди говорят гадкие вещи! Именно поэтому я более или менее объяснила Меган, что она должна вернуться домой. Это все-таки выглядит лучше, чем если бы Дик Симмингтон и девушка оставались

одни в доме.

Я начал кое-что понимать.

Айми Гриффитс издала оживленный смешок.

— Вы потрясены, мистер Бартон, слыша о том, что думают сплетники в нашем маленьком городишке. Я могу добавить еще вот что: они всегда думают о самом плохом!

Она рассмеялась и размашисто зашагала прочь.

Мистера Пая я настиг возле церкви. Он рассказывал что-то Эмили Бэртон, и та выглядела смущенной и одновременно возбужденной.

Мистер Пай приветствовал меня с очевидным восторгом:

— Ах, мистер Бартон, доброе утро, доброе утро! Как поживает ваша очаровательная сестра?

Я сообщил ему, что Джоанна поживает неплохо.

— Но не присоединяется к нашему сельскому парламенту? Мы все здесь — в напряженном ожидании новостей. Убийство! Убийство среди нас — совсем как в воскресной газете! Боюсь только, что это — не из самых интересных преступлений. Нечто подлое. Жестокое убийство маленькой прислуги. Никаких подробностей о преступлении.

Мисс Бэртон сказала дрожащим голосом:

— Это шокирует… совершенно шокирует.

Мистер Пай повернулся к ней:

— Но вам это нравится, дорогая леди, вам это нравится, признайте это. Вы это не одобряете, вы находите это предосудительным, но это же сенсация! Я настаиваю, это *действительно* сенсация!

— Такая милая девушка, — сказала Эмили Бэртон. — Она пришла ко мне из монастыря Святой Клотильды. Совершенно неопытная девочка. Но очень способная. Она превратилась в такую милую маленькую прислугу. Патридж была ею очень довольна.

Я сказал быстро:

— Она собиралась на чай к Патридж вчера днем. — Я повернулся к Паю: — Я полагаю, Айми Гриффитс рассказала вам.

Я говорил небрежным тоном. Пай отреагировал явно безо всяких подозрений:

— Она упоминала об этом, да. Она говорила, я помню, что это что-то новенькое — чтобы слуги пользовались телефонами хозяев.

— Патридж никогда бы и не подумала о чем-либо подобном, — сказала мисс Эмили. — И я очень удивлена, что Агнес так поступила.

— Вы отстаете от времени, дорогая леди, —

сказал мистер Пай. — Мои двое слуг постоянно терзают телефон и курят по всему дому до тех пор, пока я не сделаю им замечание. Но этого не следует делать часто. Прескотт — божественный повар, хотя излишне темпераментный, а миссис Прескотт — восхитительная горничная.

— Да, в самом деле, мы все думаем, что вы счастливчик.

Я вмешался, поскольку не хотел, чтобы беседа свелась к домашним проблемам.

— Известие об убийстве разнеслось очень быстро, — сказал я.

— Конечно, конечно, — согласился мистер Пай. — Мясник, булочник, продавец подсвечников… Шествует Молва, изукрашенная множеством языков! Лимсток, увы! — пойди он прахом. Анонимные письма, убийства, масса уголовных склонностей.

Эмили Бэртон нервно сказала:

— Никто не думает… нет же такой мысли… что… что это между собой связано.

Мистер Пай на лету подхватил идею:

— Интересное предположение! Девушка что-то знала, и из-за этого ее убили. Да, да, весьма многообещающе! Как умно с вашей стороны догадаться об этом!

— Я… я не могу этого вынести!

Эмили Бэртон резко оборвала разговор и пошла прочь, шагая очень быстро.

Пай посмотрел ей вслед. Его ангельское личико насмешливо сморщилось. Он вновь повернулся ко мне и осторожно покачал головой:

— Чувствительная душа. Очаровательное создание, вам не кажется? Как старинное произведение искусства. Она, знаете, не принадлежит к своему собственному поколению, она — из поколения предыдущего. Ее мать, должно быть, имела очень сильный характер. Я бы сказал, она словно накрыла семью чехлом, остановив время около 1870 года. Целая семья, упрятанная под стеклянным колпаком. Мне нравится наталкиваться на такие явления.

Мне не хотелось говорить о старинных произведениях искусства.

— А что вы вообще думаете обо всем этом деле? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Анонимные письма, убийство…

— Наш местный рост преступности? А вы?

— Я спросил вас первым, — сказал я любезно.

Мистер Пай сказал осторожно:

— Знаете ли, я изучаю всякие отклонения.

Мне это интересно. Люди, которые очевидно несчастливы, делают иной раз совершенно фантастические вещи. Возьмите случай с Лиззи Борден. Этому нет разумного объяснения. А в нашем случае я бы посоветовал полиции — изучайте *характер*. Оставьте эти ваши отпечатки пальцев, и измерения почерка, и микроскопы. Наблюдайте вместо этого, что люди делают со своими руками, и отмечайте малейшие особенности их поведения, и как они едят, и не смеются ли они иной раз без видимых резонов…

Я вздернул брови.

— Сумасшедший? — произнес я.

— Совершенно, совершенно сумасшедший, — подтвердил мистер Пай и добавил: — Но вам никогда об этом не догадаться!

— Кто?

Его глаза встретились с моими. Он улыбался.

— Нет-нет, Бартон, это будет сплетня. Мы не можем добавить еще одну сплетню к тем, что уже есть.

И он грациозно поскакал по улице.

Глава 6

Пока я стоял, изумленно глядя вслед мистеру Паю, открылась церковная дверь и вышел преподобный Кэйлеб Дан-Кэлтроп.

Он неопределенно улыбнулся мне.

— Доброе… доброе утро, мистер… э… э…

Я помог ему:

— Бартон.

— Конечно, конечно, вы не должны думать, будто я вас не помню. Просто ваше имя на мгновение выскользнуло из моей памяти. Прекрасный день.

— Да. — Я ответил слишком коротко.

Он всмотрелся в меня:

— Но что-то… что-то… ах да, это бедное, несчастное дитя, которое служило у Симмингтонов. В это трудно поверить, но я должен признать, что среди нас есть убийца, мистер… э… Бартон.

— Это выглядит немножко фантастичным, — сказал я.

— И еще кое-что мне сказали. — Он наклонился ко мне. — Я узнал, что здесь появились анонимные письма. До вас доходил слух о чем-либо подобном?

— Доходил, — сказал я.

— Подлые и трусливые дела. — Он помолчал и излил огромный поток латыни. — Эти слова Горация весьма здесь применимы, вы согласны? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил я.

Больше мне не встретился никто, с кем бы я мог поговорить с пользой для себя, поэтому я отправился домой, заглянув еще за табаком и бутылкой шерри — чтобы узнать мнение простого торговца о преступлении.

«Грязный бродяга» — таков был приговор.

— Подошел к двери — они часто так делают — и пожаловался да попросил денег. А если девочка дома одна была, он и тюкнул ее. Моя сестра Дора, она в Комб-Экре, она видела такого, по своему опыту знает, — пьяный, конечно, и стишки продавал, маленькие такие, отпечатанные…

История была долгой и заканчивалась тем, что неустрашимая Дора храбро захлопнула дверь перед лицом этого человека и спряталась и забаррикадировалась в некоем таинственном убежище, которое, как я понял из тонких намеков, было не чем иным, как уборной. «И там она и оставалась, пока ее хозяйка не вернулась!»

Я добрался до «Литтл Фюрц» лишь за несколько

минут до обеда.

Джоанна стояла у окна гостиной, совершенно ничем не занятая, и выглядела так, словно мысли ее блуждали невероятно далеко.

— Что с тобой происходит? — спросил я.

— О, не знаю. Ничего особенного.

Я вышел на веранду. Два стула были придвинуты к черному столику, и там стояли два пустых стакана из-под шерри. На одном из стульев находился предмет, на который я смотрел некоторое время в замешательстве.

— Что это за куча земли?

— О, — сказала Джоанна, — я думаю, это фотография больной селезенки или чего-то в этом роде. Доктору Гриффитсу показалось, что мне будет интересно на это взглянуть.

Я посмотрел на фотографию с некоторым любопытством. У каждого мужчины свои способы искать расположения женщины. Лично я не стал бы этого делать при помощи снимка селезенки, больной или еще какой-то. Однако нет сомнений, что Джоанна о ней что-то спрашивала!

— Не слишком аппетитно, — сказал я.

Джоанна согласилась, что это, пожалуй, так.

— Как там Гриффитс? — спросил я.

— Он выглядит усталым и очень несчастным. Я

думаю, у него что-то особое на уме.

— Селезенка, не поддающаяся лечению?

— Не будь дураком. Я имею в виду что-то серьезное.

— Я бы сказал, что у него *ты* на уме. Я бы хотел, чтобы ты оставила его в покое, Джоанна.

— Ой, заткнись. Я ничего такого не делаю.

— Женщины всегда так говорят.

Джоанна, разозлившись, вихрем вылетела из комнаты.

Больная селезенка начала сморщиваться под солнечными лучами. Я взял ее за уголок и унес в гостиную. Меня она не трогала, но я осмелился предположить, что это одно из сокровищ Гриффитса.

Я остановился и оглядел нижнюю часть книжной полки в поисках книги потяжелее, чтобы использовать ее как пресс и заложить фотографию между страницами. Там нашелся увесистый том чьих-то проповедей.

Книга в моих руках неожиданно раскрылась сама. В следующую минуту я понял почему. *Часть страниц в ее середине была аккуратно вырезана.*

Я застыл, уставившись на книгу. Потом взглянул на титул. Книга была издана в 1840 году.

Тут не могло быть никаких сомнений. Я смотрел

на книгу, из страниц которой были составлены анонимные письма. Кто вырезал их?

Ну, для начала это могла быть сама Эмили Бэртон. Она была, быть может, наиболее очевидной кандидатурой. Или же это могла быть Патридж.

Но были и другие возможности. Страницы мог вырезать некто, остававшийся один в этой комнате, некий гость, например, сидевший здесь и ожидавший мисс Эмили. Или любой человек, пришедший по делу.

Нет, это не годилось. Я заметил однажды, что клерка из банка, пришедшего ко мне, Патридж провела в маленький кабинет в задней части дома. Очевидно, это было здесь в обычае.

Итак, гость?.. Некто «с хорошим социальным положением». Мистер Пай? Айми Гриффитс? Миссис Дан-Кэлтроп?

Прозвенел гонг, и я пошел обедать. Позже, в гостиной, я продемонстрировал Джоанне мою находку.

Мы обсуждали это с разных сторон. Потом я отнес книгу в полицейский участок.

Там по поводу находки возликовали, и меня хлопали по спине, выражая таким образом беспредельный восторг.

Грэйвса не было в тот момент, но был Нэш, и он

тут же позвонил Грэйвсу. Они должны были исследовать книгу на предмет наличия отпечатков пальцев, хотя Нэш и не надеялся их найти. Я мог бы и сразу сказать, что искать нечего. Там могли быть отпечатки лишь мои и Патридж, и ничьи больше, что прекрасно продемонстрировало бы добросовестность Патридж при вытирании пыли.

Я спросил Нэша, как идут дела.

— Мы сужаем круг поисков, мистер Бартон. Мы исключаем тех людей, которые не могли быть в том месте.

— А-а, — сказал я. — И кто же остается?

— Мисс Гинч. У нее вчера была назначена встреча с клиентом на дому. Тот дом расположен недалеко от дороги на Комб-Экр, а эта дорога идет мимо дома Симмингтонов. Проходя там, она могла как миновать дом, так и войти в него… Неделей раньше, в тот день, когда пришло анонимное письмо и миссис Симмингтон покончила с собой, она последний день работала в конторе Симмингтона. Мистер Симмингтон сначала полагал, что она не выходила из помещения в тот день. У него весь день был сэр Генри Лашингтон, и они время от времени звонили мисс Гинч. Я, однако, выяснил, что она выходила между тре-

мя и четырьмя. В конторе иссяк запас дорогих марок, и она выходила, чтобы их купить. Мог бы сбегать и рассыльный, но мисс Гинч предпочла пойти сама, сказав, что у нее болит голова и ей нужно выйти на воздух. Она отсутствовала не слишком долго.

— Но достаточно долго?

— Да, достаточно долго для того, чтобы быстро пройти в другой конец городка, опустить письмо в ящик и поспешить обратно. Я должен сказать тем не менее, что я не нашел никого, кто видел бы ее неподалеку от дома Симмингтонов.

— А ее должны были заметить?

— Могли заметить, а могли и не заметить.

— Кто же еще в вашем списке?

Нэш как-то странно смотрел прямо перед собой.

— Вы же понимаете, мы не можем исключить никого — вообще никого…

— Конечно, — сказал я. — Я это понимаю.

Нэш очень серьезно произнес:

— Мисс Гриффитс вчера ездила в Бентон на встречу скаутов. Она вернулась очень поздно.

— Не думаете же вы…

— Нет, я не думаю. Но я *не знаю*. Мисс Гриффитс кажется на редкость нормальной, здравомысля-

щей женщиной, но, повторяю, я *не знаю.*

— А как насчет предыдущей недели? Она могла бросить письмо в ящик?

— Это возможно. Она ходила по магазинам в тот день. — Он помолчал. — То же относится и к мисс Эмили Бэртон. Она вчера с утра ушла по магазинам; и она навещала кого-то из своих друзей, проходя как раз мимо дома Симмингтонов, неделей раньше.

Я недоверчиво покачал головой. Я понимал, что обнаружение изрезанной книги в «Литтл Фюрц» привлекает внимание к владелице этого дома, но когда я вспоминал мисс Эмили, входящую вчера, — такую сияющую, и счастливую, и взволнованную…

Черт побери… взволнованную… Да, взволнованную — розовые щеки… сверкающие глаза… уж не потому ли?.. не потому ли?..

Я тупо сказал:

— Это дело для меня вредно! Что-то видеть… что-то воображать…

Нэш сочувствующе кивнул:

— Да, это не слишком приятно — рассматривать хороших знакомых как возможных безумных преступников.

Он помедлил минуту, затем продолжил:

— Следующий — мистер Пай…

Я живо воскликнул:

— Так вы и его учли?!

Нэш улыбнулся.

— О да, мы и его учли. Очень любопытный характер… нет, я бы сказал, очень милый характер. У него нет алиби. В обоих случаях он был в саду, совершенно один.

— Значит, вы подозреваете не только женщин?

— Я не думаю, что письма писал мужчина, я даже уверен, и Грэйвс тоже; пусть даже этот мужчина — мистер Пай, о котором говорят, что он имеет в характере ненормальные, женские черты. Но мы проверяем *всех*, имея в виду вчерашний день. Это убийство, видите ли. *Вы* вне подозрений, — усмехнулся он, — и ваша сестра тоже, и мистер Симмингтон не выходил из конторы, и доктор Гриффитс был на обходе в другом конце города, а я проверил все его визиты.

Он снова помолчал, снова улыбнулся и сказал:

— Как видите, мы скрупулезны.

Я медленно произнес:

— Таким образом, ваша задача — выбрать из этих троих? Мистер Пай, мисс Гриффитс, маленькая мисс Бэртон?

— О, нет, нет, у нас есть еще кое-кто, включая и супругу викария.

— Вы подозреваете *ее*?

— Мы подозреваем *всех*, а миссис Дан-Кэлтроп заметно ненормальна, если вы понимаете, что я имею в виду. В общем, она *могла* это сделать. Вчера днем она была в лесу, любовалась на птичек, — но птички не могут этого подтвердить.

Он внезапно замолчал, так как в полицейский участок вошел Оуэн Гриффитс.

— Привет, Нэш. Я слышал, вы везде искали меня утром. Что-нибудь важное?

— Дознание в пятницу, если это вас устроит, доктор.

— Хорошо. Мы с Морсби произведем вскрытие вечером.

Нэш сказал:

— Тут есть еще одна штука, доктор Гриффитс. Миссис Симмингтон говорила о каких-то порошках или о чем-то в этом роде, которые вы ей прописывали…

Он замолчал.

Оуэн Гриффитс произнес вопросительно:

— Да?

— Не могла ли передозировка этих порошков быть фатальной?

— Конечно, нет, — сухо ответил Гриффитс. — Ничего бы не случилось, даже если бы она проглотила их штук двадцать пять!

— Но вы однажды предупреждали ее, чтобы она не превышала дозу, так мне говорила мисс Холланд.

— О, это — да. Миссис Симмингтон была женщиной того типа, которые все принимают с излишком, — они воображают, что двойной прием лекарства вдвое улучшит их состояние, а этого нельзя проделывать ни с каким лекарством, даже с фенацетином и аспирином, — это вредно для сердца. Но в любом случае об этом не следует думать как о причине смерти. Там был цианид.

— Ох, да я знаю. Вы просто не поняли, что я имел в виду. Я лишь думал, что, совершая самоубийство, люди скорее выбирают приличную дозу снотворного, чем наедаются синильной кислоты.

— Ну да. Но, с другой стороны, синильная кислота более драматична и более чем достаточна для такого фокуса. С барбитуратами, напротив, жертву можно привести в чувство, если прошло не слишком много времени.

— Понятно; спасибо, доктор Гриффитс.

Гриффитс откланялся, и я попрощался с Нэшем.

Я медленно направился на холм, домой. Джоанна отсутствовала или, по крайней мере, не подавала знака о присутствии, а на телефонной подставке красовался загадочный меморандум, нацарапанный то ли для Патридж, то ли для меня:

«Если позвонит доктор Гриффитс, то я не смогу пойти в четверг, но ухитрюсь, пожалуй, в среду или в пятницу».

Я вздернул брови и прошел в гостиную. Я уселся в самое удобное кресло (по-настоящему удобным не было ни одно из них, все они имели слишком прямые спинки и напоминали о покойной миссис Бэртон), вытянул ноги и попытался обдумать все как следует.

С внезапным раздражением я вспомнил, что приход Оуэна прервал мою беседу с инспектором и что тот упоминал о других возможных подозреваемых.

Я хотел знать, кто они такие.

Возможно, одна из них — Патридж? В конце концов, изрезанная книга найдена в этом доме. И Агнес, ничего не подозревая, могла быть сражена своей руководительницей и наставницей. Нет, исключить Патридж нельзя.

Я закрыл глаза. Я, сосредоточившись, размышлял. Кроткая, хрупкая маленькая Эмили Бэртон?

Что в действительности имеется против нее? Загубленная жизнь? С детства жестко руководимая и подавленная? Слишком многих жертв требовали от нее?.. Ее странное отвращение к обсуждению чего-либо «не слишком красивого»? А вдруг это в действительности означает, что она крайне озабочена подобными темами… Не слишком ли я увлекаюсь фрейдизмом? Я вспомнил, как однажды врач рассказывал мне, что бормочут кроткие старые девы под наркозом, — для врача это было открытием! «Вы бы и не подумали, что они знают подобные слова!..»

Айми Гриффитс?

Ее, конечно, ничто не подавляет и не «сдерживает». Бодрая, мужеподобная, удачливая. Ее жизнь полна и насыщенна. Но миссис Дан-Кэлтроп сказала: «Бедняжка!»

И было что-то… что-то… какое-то воспоминание… А! Вспомнил. Оуэн Гриффитс говорил что-то такое: «Была краткая эпидемия анонимных писем на севере, где я имел практику».

Уж не была ли это работа Айми Гриффитс? Конечно, возможно и совпадение. Две вспышки той же болезни.

Минутку. Там же нашли автора писем. Гриффитс говорил об этом. Школьница.

Внезапно стало холодно — должно быть, сквозняк от открытого окна. Я неловко повернулся в кресле. Почему вдруг я ощутил головокружение и тревогу?..

Продолжим размышления. Айми Гриффитс? Возможно, именно она, а не та, другая, девушка писала письма? И Айми переехала сюда и снова взялась за свои фокусы. И именно поэтому Оуэн Гриффитс выглядит столь несчастным и заезженным. Он подозревает. Да, он подозревает…

Мистер Пай? Нет, как бы то ни было, очень милый маленький человечек. И все же я мог представить его устраивающим все это дело, смеющимся…

Та записка на подставке для телефона в холле — почему я упорно думаю о ней? Гриффитс и Джоанна — он сражен ею. Нет, не потому записка тревожит меня. Там было что-то еще…

Ощущения мои расплылись, я почти засыпал. Я по-идиотски повторял про себя: «Нет дыма без огня. Нет дыма без огня… Это… это все связано между собой…»

А потом я шел по улице с Меган, а навстречу шла Элси Холланд. Она была в наряде невесты, и люди шептали: «Она собирается наконец-то замуж за доктора Гриффитса. Конечно, они годами

встречались тайно…»

Затем мы оказались в церкви, и Дан-Кэлтроп читал службу на латыни.

А в середине ее миссис Дан-Кэлтроп вскочила и энергично закричала: «Это нужно прекратить, я вам говорю! Это нужно прекратить!»

Минуту или две я не мог понять, то ли я еще сплю, то ли уже проснулся. Потом мои мозги прояснились, и я обнаружил, что нахожусь в гостиной «Литтл Фюрц» и что миссис Дан-Кэлтроп, вошедшая через окно, стоит передо мной, произнося с нервным напором:

— Это нужно прекратить, я вам говорю!

Я вскочил.

— Прошу прощения, — сказал я. — Боюсь, я задремал. Что вы сказали?

Миссис Дан-Кэлтроп свирепо хлопнула кулаком по ладони другой руки.

— Это должно быть прекращено. Эти письма! Убийство! Нельзя допустить, чтобы невинных детей вроде Агнес Вуддел *убивали*!

— Вы совершенно правы, — сказал я. — Но как вы предполагаете это остановить?

Миссис Дан-Кэлтроп заявила:

— Мы должны что-то сделать!

Я улыбнулся — возможно, несколько снисхо-

дительно.

— И что мы должны сделать, что вы предлагаете?

— Нужно все выяснить! Я утверждала, что в нашем местечке нет безнравственности. Я ошибалась. Она есть.

Во мне вспыхнула досада.

— Да, дорогая, — сказал я не слишком вежливо. — Но что вы намерены *делать*?

Миссис Дан-Кэлтроп сказала:

— Положить конец всему этому, разумеется.

— Полиция сделает это лучше.

— Если Агнес смогли вчера убить, их действия недостаточно хороши.

— Значит, вы лучше их знаете, что делать?

— Ничуть. *Я* не знаю вообще ничего. Именно поэтому я намерена вызвать специалиста.

Я покачал головой:

— Вы не можете этого сделать. Скотленд-Ярд уже взялся за дело по запросу начальника полиции округа. В настоящий момент они прислали Грэйвса.

— Я совсем не имею в виду такого специалиста. Я не имею в виду тех, кто разбирается в анонимных письмах или даже в убийствах. Я говорю о таком человеке, который знает *людей*. Вы пони-

маете? Мы должны пригласить того, кто очень хорошо понимает, что такое *порок*!

Это была странная точка зрения. Но тем не менее очень любопытная.

Прежде чем я смог что-либо сказать, миссис Дан-Кэлтроп кивнула мне и заявила деловым, уверенным тоном:

— Я намерена позаботиться об этом немедленно.

И вышла через окно.

Следующая неделя, я уверен, была самым странным периодом в моей жизни. Все напоминало сон. Ничто не казалось реальным.

Состоялось дознание по делу Агнес Вуддел, и любопытствующий Лимсток присутствовал на нем в полном составе. Никаких новых фактов не появилось, и единственно возможный вердикт гласил: «Убита неизвестным или неизвестными».

Итак, бедняжка Агнес Вуддел, получив свою долю внимания, была должным образом похоронена на тихом кладбище у церкви, и жизнь в Лимстоке потекла как прежде.

Нет, последнее утверждение неверно. Не так, как прежде…

Полуиспуг-полулюбопытство светилось в каж-

дом взгляде. Соседи косились друг на друга. Одно стало совершенно ясно на дознании: что абсолютно неправдоподобна версия о том, что Агнес Вуддел убил бродяга. Никаких бродяг или просто неизвестных людей никто не замечал в округе. И, таким образом, в Лимстоке ходил по Верхней улице, делал покупки, проводя время, человек, треснувший беззащитную девочку по черепу и проткнувший остроконечным вертелом ее мозг.

И никто не знал, кем был этот человек.

Как я уже сказал, дни проходили как дурной сон. Я смотрел на каждого встречного в новом свете — как на возможного убийцу. Это не было приятным ощущением!

А по вечерам, опустив шторы, мы с Джоанной сидели и говорили, говорили, споря, перебирая различные варианты, казавшиеся фантастичными и невероятными.

Джоанна твердо придерживалась гипотезы о мистере Пае. Я же, после некоторых колебаний, вернулся к своему первоначальному подозрению — мисс Гинч. Но мы при этом снова и снова перебирали все возможные имена.

Мистер Пай?

Мисс Гинч?

Миссис Дан-Кэлтроп?

Айми Гриффитс?

Эмили Бэртон?

Патридж?

И все это время, нервничая, опасаясь, мы ожидали новых событий.

Но ничего не случалось. Никто, насколько мы знали, не получал больше писем. Нэш совершал регулярные вылазки в городок, но что он делал и какие ловушки ставила полиция, я не догадывался. Грэйвс приехал снова.

Эмили Бэртон приходила на чай. Меган приходила на обед. Оуэн Гриффитс продолжал практиковать. Мы навестили мистера Пая и пили с ним шерри. И еще мы пили чай в доме викария.

Я был рад, что миссис Дан-Кэлтроп больше не обнаруживает боевой свирепости, которую она проявила при нашей последней встрече. Я подумал, что она обо всем этом забыла.

Теперь ее, кажется, главным образом интересовали бабочки-белянки и как уберечь от них цветную и обычную капусту.

Тот день в доме викария был одним из самых мирных. Дом был старый и милый, с большой, ветхой, удобной гостиной, обитой поблекшим кретоном в розах. У Дан-Кэлтропов была гостья — любезная пожилая леди, постоянно вязавшая

что-то из белой пушистой шерсти. К чаю были замечательные горячие лепешки; пришел викарий и лучезарно и безмятежно улыбался нам, ведя вежливую, умную беседу. Это было чудесно.

Но я не рассчитывал, что мы избегнем темы убийства, мы просто не могли ее обойти.

Мисс Марпл, гостья, была, естественно, взволнована таким разговором. Поэтому она сказала извиняющимся тоном:

— В деревне совершенно не о чем говорить!

Она вообразила, что погибшая девушка должна была быть похожа на ее Эдит.

— Такая же милая маленькая горничная и такая услужливая, но иной раз, пожалуй, немножко *копуша*.

У мисс Марпл также была кузина, сводная сестра племянницы которой была весьма раздражена и напугана анонимными письмами, — в общем, похоже, все это очень интересовало очаровательную старую леди.

— Но скажите мне, дорогая, — обратилась она к миссис Дан-Кэлтроп, — что деревенский люд, то есть я хотела сказать горожане, говорят об этом? Что *они* думают?

— Они считают, что это миссис Клит, по-моему, — сказала Джоанна.

— Ох нет, — пробормотала миссис Дан-Кэлтроп. — Не *теперь*.

Мисс Марпл поинтересовалась, кто такая миссис Клит.

Джоанна объяснила, что это деревенская ворожея.

— Ведь это действительно так, да, миссис Дан-Кэлтроп?

Викарий изрек длинную латинскую цитату, я думаю, о дурном влиянии ворожей, и мы все выслушали ее в почтительном молчании, ничего не поняв.

— Она очень глупая женщина, — сказала его жена. — Любит пускать пыль в глаза. Ходит в полнолуние собирать травы и старается, чтобы все в округе об этом знали.

— А глупые девочки бегают к ней за советами, я полагаю? — спросила мисс Марпл.

Я заметил, что викарий готов обрушить на нас очередную порцию латыни, и торопливо спросил:

— Но почему бы людям и не заподозрить ее в убийстве теперь? Они же думали, что письма — ее рук дело.

Мисс Марпл сказала решительно:

— О! Но девочку убили *вертелом*, так я слы-

шала. Весьма неприятно. Ну, естественно, это отводит *все* подозрения от этой миссис Клит. Потому что, видите ли, она же могла наворожить болезнь, и девушка зачахла бы и умерла обычным образом.

— Странно, как живучи эти старые верования, — сказал викарий. — Во времена раннего христианства местные суеверия были мудро объединены в христианские доктрины, и их наиболее неприятные атрибуты постепенно элиминированы.

— То, с чем нам здесь приходится иметь дело, — не суеверие, а *факт*, — сказала миссис Дан-Кэлтроп.

— И весьма неприятный факт, — добавил я.

— Совершенно верно, мистер Бартон, — подтвердила мисс Марпл. — Но вот *вы*— извините меня, если я чересчур конкретна, — вы здесь чужак, и вы знаете мир и разные стороны жизни. Мне кажется, вы должны быть в состоянии найти решение этой неприятной проблемы.

Я улыбнулся:

— Наилучшее решение я нашел во сне. Во сне все прекрасно улеглось и совпало. К сожалению, когда я проснулся, все это оказалось чепухой.

— Как интересно! — воскликнула мисс

Марпл. — Расскажите мне, как вы додумались до этой чепухи.

— О, все началось с глупой фразы: «Нет дыма без огня». Это все повторяли без конца. А потом я спутал это с военным временем. Дымовая завеса, клочок бумаги, записка у телефона… Нет, это был другой сон.

— А что это был за сон?

Старая леди спрашивала настолько нетерпеливо, что я ощутил уверенность в том, что она тайно читает «Книгу снов Наполеона», бывшую, помнится, величайшей жизненной опорой моей старой няньки.

— О, там была Элси Холланд — гувернантка Симмингтонов, вы знаете, — и она собиралась замуж за доктора Гриффитса, а викарий читал службу на латыни («Весьма недурно», — прошептала миссис Дан-Кэлтроп своему супругу), а потом миссис Дан-Кэлтроп встала и запретила оглашать предстоящее бракосочетание, заявив, что все это должно быть прекращено. Но эта часть, — добавил я с улыбкой, — была реальностью. Я проснулся и обнаружил вас стоящею передо мной именно с этими словами.

— И я была совершенно права, — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — И я очень мягко выразилась,

рада заметить.

— Но где появляется записка у телефона? — спросила мисс Марпл, вздернув брови.

— Боюсь, тут я сглупил. Это не было во сне. Это было как раз перед ним. Я проходил через холл и заметил, что Джоанна оставила записку насчет того, что отвечать, если позвонит один человек.

Мисс Марпл наклонилась вперед. На ее щеках вспыхнул румянец.

— Не подумаете ли вы, что я *чересчур* назойлива и *чересчур* бесцеремонна, если я спрошу вас, что говорилось в этой записке?

Джоанну, напротив, это сильно развлекло.

— О, я не помню, — заверила она старую леди. — Я сама ничего не могу сказать, но, может быть, Джерри?.. Должно быть, что-то совершенно заурядное.

Я торжественно повторил текст записки, насколько мог его вспомнить, и получил огромное удовольствие от того, с каким вниманием выслушала меня старая леди.

Я боялся, что текст разочарует ее, но, возможно, у нее возникла какая-то сентиментальная мысль о любовной истории, поскольку она кивала, и улыбалась, и выглядела довольной.

— Понятно, — сказала она. — Я так и думала,

что там было нечто в этом роде.

Миссис Дан-Кэлтроп живо спросила:

— В каком роде, Джейн?

— Что-то совсем заурядное, — пояснила мисс Марпл.

Она задумчиво смотрела на меня мгновение-другое, а потом неожиданно сказала:

— Я вижу, вы очень умный молодой человек, но вам не хватает уверенности в себе. Вы должны быть более уверенным!

Джоанна громко присвистнула.

— Ради бога, не пробуждайте в нем подобных чувств! Он вполне доволен собой и так.

— Потише, Джоанна, — сказал я. — Мисс Марпл меня понимает.

Мисс Марпл вновь принялась за свое вязанье.

— Знаете, — задумчиво заметила она, — совершение удачного убийства должно быть сродни успешному выполнению фокуса.

— Ловкость рук, обманывающая глаз?

— Не только это. Вы должны заставить людей смотреть не на ту вещь и не на то место — это называется «направить по ложному пути», насколько я знаю.

— Ну, — сказал я, — тогда, кажется, все ищут нашего лунатика не там, где надо.

— Я бы и сама ошиблась, — сказала мисс Марпл, — отыскивая кого-то весьма здравомыслящего.

— Да, — задумчиво проговорил я, — как раз это и сказал Нэш. Я помню, он особо подчеркивал добропорядочность убийцы.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Это *очень* важно.

С этим, кажется, были согласны все.

Я обратился к миссис Дан-Кэлтроп.

— Нэш думает, — сказал я, — что должны быть еще анонимные письма. А ваше мнение?

— Это возможно, я полагаю, — медленно произнесла она.

— Если в полиции так думают, так и будет, не сомневайтесь, — сказала мисс Марпл.

Я упорно продолжал приставать к миссис Дан-Кэлтроп:

— Вы все еще жалеете этого сочинителя?

Она порозовела:

— Почему бы и нет?

— Я не думаю, что могу с вами согласиться, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Не в этом случае.

Я горячо заявил:

— Письма довели женщину до самоубийства, они были причиной огромной беды!

— Вы получали такие письма, мисс Бартон? — спросила мисс Марпл Джоанну.

Джоанна прожурчала:

— О да! Там говорились совершенно жуткие вещи!

— Я уверена, — сказала мисс Марпл, — что молодые и очаровательные леди в первую очередь должны были привлечь внимание сочинителя.

— Как раз поэтому я и думаю: очень странно, что Элси Холланд не получила такого письма, — сказал я.

— Позвольте, — сказала мисс Марпл, — это гувернантка Симмингтонов — из тех, кто приснился вам, мистер Бартон?

— Да.

— Может, она и получила письмо, да не хочет признаваться, — предположила Джоанна.

— Нет, — сказал я. — Я ей верю. И Нэш тоже.

— Боже мой! — воскликнула мисс Марпл. — Тогда это *очень* интересно! Это самое интересное из всего, что я услышала!

Когда мы шли домой, Джоанна сказала, что я не должен был повторять слова Нэша о том, что письма будут приходить еще.

— Почему?

— Потому что миссис Дан-Кэлтроп может ока-

заться Этим Человеком.

— Ну ты же сама в это не веришь!

— Я не уверена. Она странная женщина.

И мы вновь принялись перебирать возможные варианты.

Двумя днями позже я возвращался в автомобиле из Эксамптона. Там я поужинал и потом отправился назад; к тому времени, как я доехал до Лимстока, почти стемнело.

Что-то не ладилось в автомобильных фарах, и, немного помедлив, пытаясь включать и выключать их, я вышел из машины, чтобы взглянуть, не могу ли я что-то исправить. Потратив какое-то время на эту возню, я все-таки ухитрился в конце концов заставить их работать.

Дорога была пустынна. Никто в Лимстоке не выходит из дома после наступления темноты. Первые дома были прямо передо мной, и среди них безобразно торчало здание Женского института. Оно смутно вырисовывалось в слабом свете звезд, и что-то побудило меня подойти и взглянуть на него. Не знаю, возможно, я уловил мельком неясное движение, словно бы какая-то фигура проскользнула в калитку; если так, то движение это было настолько неопределенно, что не отложилось в моем сознании, однако я

внезапно ощутил нечто вроде непреодолимого любопытства к этому месту.

Калитка была слегка приоткрыта; я распахнул ее и пошел во двор. Короткая тропинка и четыре ступеньки вели к двери.

Я постоял мгновение в нерешительности. В самом деле, зачем я здесь? Я не знал; но тут внезапно, совсем рядом, я услышал шелест. Как от шелкового дамского платья.

Я резко повернулся и обогнул угол здания, направляясь туда, откуда донесся звук.

Я никого не увидел. Я пошел дальше и обогнул следующий угол. Теперь я был позади дома. И вдруг, в двух футах от себя, я увидел открытое окно.

Я подкрался к нему и прислушался. Я ничего не услышал, но то ли почувствовал, то ли угадал, что внутри кто-то есть.

Моя спина еще не окрепла настолько, чтобы заниматься акробатикой, но я ухитрился подтянуться и перевалиться через подоконник. К сожалению, я изрядно нашумел.

Я постоял внутри, у окна, вслушиваясь. Потом шагнул, вытянув перед собой руки. И тут же услышал слабый звук впереди, справа.

В кармане у меня был фонарик, и я включил

его.

Мгновенно прозвучал низкий, отчетливый голос:

— Уберите это!

Я тут же повиновался, поскольку мне и секунды не понадобилось, чтобы узнать лейтенанта Нэша.

Он взял меня за руку и провел через дверь в коридор. Здесь, где не было окон и никто снаружи не мог заметить наше присутствие, он включил свет и посмотрел на меня скорее печально, нежели сердито.

— Вы *могли* получить по голове в ту минуту, мистер Бартон.

— Простите, — сказал я виноватым тоном, — но у меня возникло подозрение, что здесь что-то неладно.

— Возможно. Вы что-то видели?

Я колебался.

— Я не уверен, — сказал я наконец. — У меня было смутное ощущение, что я видел кого-то, крадущегося к калитке, но я не могу сказать, что я *действительно* видел кого-то. Потом я услышал шорох за углом, с этой стороны здания.

Нэш кивнул.

— Все верно. Кто-то прошел вокруг дома перед

вами. Он — или она — остановился возле окна, потом быстро ушел. *Вас* услышал, я полагаю.

Я еще раз извинился.

— А вы здесь с какой целью? — спросил я.

Нэш ответил:

— Я основываюсь на мысли, что сочинитель анонимок не может прекратить писать эти письма. Она знает, что это опасно, но будет продолжать. Это вроде жажды пьяницы или наркомана.

Я согласился.

— Видите ли, мистер Бартон, я предполагаю, что она захочет, чтобы письма выглядели как можно более одинаковыми. У нее есть вырезанные страницы из книги, и можно продолжать составлять письма из тех слов. Но конверты представляют сложность. Она захочет отпечатать адрес на той же самой машинке. Она не может рисковать и использовать другую машинку или написать адрес от руки.

— Вы всерьез думаете, что она будет продолжать с прежним энтузиазмом? — спросил я недоверчиво.

— Да. И могу держать пари на что вам будет угодно — она полна уверенности. Они же всегда тщеславны, как дьявол, эти люди! Ну вот, я и

вычислил, что эта особа явится в институт после наступления темноты, чтобы добраться до машинки.

— Мисс Гинч, — сказал я.

— Возможно.

— Вы все еще не знаете?

— Я не *знаю*.

— Но подозреваете?

— Да. Но кто-то очень хитер, мистер Бартон. Кто-то знает все правила этой игры.

Я мог представить ту сеть, которую Нэш раскинул вокруг. Я не сомневался, что каждое письмо, написанное любым из подозреваемых, отправленное по почте или доставленное вне ее, немедленно исследуется. Рано или поздно преступника накроют, допусти он хоть малейший просчет.

В третий раз я извинился за свое усердие и нежелательное присутствие.

— Да ну, — философски бросил Нэш, — в другой раз повезет.

Я вышел в ночь. За моей машиной смутно виднелась чья-то фигура. К моему изумлению, я узнал Меган.

— Привет! — сказала она. — Я так и думала, что это ваша машина. А что вы здесь делаете?

— А вы что здесь делаете? Это куда интереснее, — сказал я.

— Я гуляю. Я люблю гулять по вечерам. Никто тебя не останавливает и не говорит глупостей, и я люблю звезды, и все как-то лучше пахнет, и обычные вещи так странно выглядят.

— Это все я, безусловно, допускаю, — сказал я. — Но только кошки и колдуньи бродят в темноте. О вас беспокоятся дома.

— Нет. Они никогда не беспокоятся о том, где я или *что я делаю*.

— А как вообще ваши дела? — спросил я.

— Все в порядке, похоже.

— Мисс Холланд присматривает за вами после всего этого?

— Элси в норме. Ничто не поможет ей перестать быть полной дурой.

— Жестоко… но похоже на правду, — сказал я. — Забирайтесь в машину, я отвезу вас.

Меган ошиблась, сказав, что ее отсутствия никогда не замечают.

Симмингтон стоял на крыльце, когда мы подъезжали. Он всмотрелся в машину.

— Эй, Меган тут?

— Да, — сказал я. — Я доставил ее домой.

Симмингтон сказал резко:

— Ты не должна уходить таким образом, ничего не сказав нам, Меган. Мисс Холланд очень о тебе беспокоилась.

Меган что-то невнятно пробормотала и прошествовала мимо него в дом. Симмингтон вздохнул:

— Взрослая девушка — большая ответственность, особенно когда нет матери, чтобы присмотреть за ней. А школу она уже переросла, мне кажется.

Он посмотрел на меня как-то подозрительно.

— Полагаю, вы учили ее водить машину?

Я рассудил, что лучше оставить его с этой мыслью.

Глава 7

На следующий день я продолжал сходить с ума. Оглядываясь теперь назад, я действительно не могу найти другого объяснения.

Я должен был отправиться с ежемесячным визитом к Маркусу Кенту. Я решил ехать поездом. К моему огромному изумлению, Джоанна осталась в Лимстоке. Как правило, она предпочитала путешествия сидению на одном месте. Но не в этот раз.

Поэтому я решил вернуться в тот же день, вечерним поездом, до такой степени меня удивила Джоанна. Она просто сказала загадочным тоном, что, конечно, неплохо бы съездить, но зачем проводить часы в грязном, душном поезде, когда в деревне такой чудесный день?

Это, конечно, было неоспоримо, но уж слишком это было не похоже на Джоанну.

Она сказала, что автомобиль ей не нужен и я могу припарковать его у станции до моего возвращения.

По каким-то неясным соображениям, известным только железнодорожной компании, вокзал Лимстока располагался в трех милях от собствен-

но Лимстока. На полпути к железной дороге я нагнал Меган, волочащую ноги с бесцельным видом. Я остановился.

— Привет, чем вы заняты?

— Я просто гуляю.

— Это не назовешь веселой прогулкой, как я вижу. Вы тащитесь, словно удрученный краб.

— Ну, я же не иду куда-то определенно.

— Тогда вам лучше проводить меня до станции.

Я открыл дверцу машины, и Меган запрыгнула внутрь.

— Куда это вы собираетесь? — спросила она.

— В Лондон. К моему врачу.

— А с вашей спиной теперь уже неплохо, а?

— Да, практически уже все в порядке. Я надеюсь, ему это очень понравится.

Меган кивнула.

Мы подъехали к вокзалу. Я припарковал автомобиль, потом купил в кассе билет. На платформе было очень мало людей, и ни одного знакомого.

— Вы мне не дадите взаймы пенни, а? — спросила Меган. — Я бы купила немного шоколада в автомате.

— Пожалуйста, дитя, — сказал я, протягивая ей монету, о которой шла речь. — А почему бы вам

не купить заодно немного жевательной резинки или мятных лепешек?

— Я больше люблю шоколад, — ответила Меган, не заметив сарказма.

Она отправилась к торговому автомату, а я смотрел ей вслед, чувствуя растущее раздражение.

На ней были чрезмерно разношенные ботинки и толстые, темные носки, какие-то бесформенные свитер и юбка. Не знаю, почему все это привело меня в ярость, но тем не менее это было так.

Я смотрел на нее со злостью, пока она возвращалась.

— Почему вы носите такие жуткие носки?

Меган взглянула на меня, удивленная.

— Что с ними случилось?

— С ними случилось все сразу. Они отвратительны. И почему вы носите свитер, похожий на развалившийся кочан капусты?

— Нормальный свитер, по-моему. Я его уже несколько лет ношу.

— Воображаю. А почему вы…

В эту минуту подошел поезд и прервал мою злобную лекцию.

Я вошел в пустой вагон первого класса, опустил окно и высунулся наружу, чтобы продолжить

беседу.

Меган стояла напротив и меланхолично жевала шоколад. Она спросила, почему я такой сердитый.

— Я не сердитый, — ответил я лживо. — Просто меня приводит в бешенство ваша расхлябанность и то, что вы совсем не обращаете внимания на свою внешность.

— Я все равно не могу выглядеть красивой, так что какая разница?

— Прекратите! — рявкнул я. — Я хочу видеть вас одетой как следует. Я хочу взять вас в Лондон и обмундировать от галстука до туфель.

— Хотела бы я, чтобы вы это сделали, — заметила Меган.

Поезд тронулся. Я смотрел в расстроенное, грустное лицо Меган.

И вот тут, как я уже говорил, на меня напало безумие. Я распахнул дверь, схватил Меган за руку и резко втащил ее в вагон.

Носильщик, стоявший рядом, возмущенно завопил от такого нарушения правил, но все, что он мог сделать, — так это проворно захлопнуть дверь купе. Я поднял Меган с пола, куда ее бросила моя стремительная акция.

— С какой стати вы это сделали? — возмутилась

она, потирая коленку.

— Заткнитесь, — сказал я. — Вы едете со мной в Лондон, а там я вам покажу, как вы можете выглядеть, если постараетесь. Мне надоело видеть, как вы слоняетесь по холмам и все такое.

— О! — воскликнула Меган восторженным шепотом.

По вагону проходил контролер, и я купил для Меган билет. Она уселась в углу купе, глядя на меня с благоговейным страхом.

— Я понимаю, — сказала она, когда контролер ушел. — Вы очень вспыльчивый, да?

— Очень, — ответил я. — Это у нас семейное.

Как объяснить Меган тот порыв, что одолел меня?.. Она выглядела печально, как собака, которую бросают. На ее лице и сейчас было выражение недоверчивой признательности — как у собаки, которую в конце концов взяли на прогулку.

— Я полагаю, вы не слишком хорошо знаете Лондон? — спросил я.

— Нет, я знаю, — откликнулась Меган. — Я всегда проезжала через Лондон в школу. И я туда ездила к дантисту и смотреть пантомимы.

— Это, — мрачно сказал я, — должно быть, другой Лондон.

Мы приехали за полчаса до времени моего визита на Харлей-стрит.

Я взял такси, и мы отправились прямиком к «Миротину», где одевалась Джоанна. «Миротин» во плоти был весьма нестандартной и живой женщиной сорока пяти лет, Мэри Грэй. Она была умной и очень общительной. Мне она всегда нравилась.

Я сказал Меган:

— Вы — моя кузина.

— Почему?

— Не спорьте, — приказал я.

Мэри Грэй была занята с толстой дамой, которая восхищалась темно-голубым вечерним платьем в обтяжку. Я отозвал Мэри в сторонку.

— Послушайте, — сказал я, — я тут привез свою маленькую кузину. Джоанна сегодня хотела приехать, но не смогла. Но она сказала, что я могу все это доверить вам. Видите, на что эта девочка похожа сейчас?

— Кажется, я поняла, что от меня потребуется! — воскликнула Мэри Грэй с энтузиазмом.

— Отлично. Я хочу, чтобы ее полностью переодели, с головы до ног. Я вам даю полную свободу действий. Носки, туфли, белье, абсолютно все! Кстати, тот парикмахер, у которого Джоанна

причесывается, он ведь где-то рядом, так?

— Энтони? За углом. Я присмотрю и за этим.

— Вы исключительная женщина.

— О, мне это доставит удовольствие — даже если не вспоминать о деньгах… хотя и на это не наплевать в наше время, а половина моих чертовых клиенток не хочет платить по счетам. Но я уже сказала, мне это доставит удовольствие.

Она бросила на Меган, стоящую чуть в стороне, короткий профессиональный взгляд.

— У нее чудесная фигурка.

— У вас, должно быть, в глазах рентген, — сказал я. — Мне она кажется совершенно бесформенной.

Мэри Грэй рассмеялась.

— Уж эти школы! — сказала она. — Они, похоже, гордятся тем, что воспитывают девочек, которым нравится выглядеть замарашками. Это называется простотой и безыскусностью. Иной раз целый сезон потратишь, прежде чем девушка возьмется за себя и начнет выглядеть по-человечески. Не беспокойтесь, оставьте ее мне.

— Хорошо, — сказал я. — Я вернусь и заберу ее около шести.

Маркус Кент был рад мне. Он сообщил, что я превзошел его самые фантастические ожидания.

— Вы должны обладать конституцией слона, — сказал он, — чтобы так скоро окрепнуть. Ну конечно, прекрасный деревенский воздух, ранний сон, отсутствие волнений — это помогает.

— Я согласен с вами по двум первым пунктам, — сказал я. — Но не думайте, что в деревне отсутствуют волнения. Мне таки пришлось поволноваться.

— А что случилось?

— Убийство, — сообщил я.

Маркус Кент поджал губы и присвистнул.

— Какая-то буколическая любовная драма? Деревенский парень убил подружку?

— Ничуть. Хитрейшее убийство, совершенное сумасшедшим.

— А я ничего не читал об этом! Когда его поймали?

— Его не поймали, и потом, это — женщина.

— Фью! Я не уверен, что этот Лимсток — подходящее для вас место, старина.

Я сказал твердо:

— Очень подходящее. И не пытайтесь заставить меня уехать оттуда.

Маркус Кент обладал вульгарным умом. Он тут же спросил:

— Вот оно что! Обнаружили блондинку?

— Ни в коем случае, — сказал я, виновато подумав об Элси Холланд. — Просто сильный интерес к психологии преступления.

— О, хорошо. Это не может причинить вам особого вреда, но только если есть уверенность, что этот сумасшедший убийца не доберется до *вас*.

— Об этом не тревожьтесь, — сказал я.

— Как насчет того, чтобы пообедать вместе? Вы могли бы рассказать мне об этом отвратительном убийстве.

— Извините. Я уже договорился.

— Свидание с леди… а? Да, вы определенно поправляетесь.

— Думаю, это можно и так назвать, — сказал я, с некоторым удовольствием представив Меган в роли леди.

Я приехал в «Миротин» в шесть, когда это учреждение официально уже было закрыто. Мэри Грэй вышла из примерочной и стояла на верхней ступеньке рядом с дверью, встречая меня.

Она приложила палец к губам.

— Вы будете потрясены! Если мне позволено похвастать — скажу, что пришлось здорово поработать.

Я вошел в большую примерочную. Меган стояла, оглядывая себя в высоком зеркале. Я могу

поклясться, что с трудом узнал ее! На мгновение я просто задохнулся. Высокая и изящная, как ива, со стройными ножками, просвечивающими сквозь шелковые чулки, в сильно открытых туфельках… Да, прелестнейшие руки и ноги, хрупкое сложение… достоинство и оригинальность в каждой черте. Ее волосы были подстрижены и уложены, и они блестели, как глянцевитый каштан. Она не была подкрашена, или же косметику наложили столь тонко, что ее было не заметить. Губы Меган не нуждались в помаде.

Кроме того, в девушке появилось нечто новое, чего я никогда прежде не замечал, — какая-то невинная гордость в изгибе шеи… Она взглянула на меня серьезно, со слабой, застенчивой улыбкой.

— Я выгляжу… в общем, неплохо, а? — сказала Меган.

— Неплохо? — возразил я. — Неплохо — это не то слово. Идемте ужинать, и если каждый второй мужчина не обернется, чтобы взглянуть на вас, я буду удивлен. Вы всех девушек заткнете за пояс.

Меган не была красавицей, но она была необыкновенной и поражала. В ней была индивидуальность. Она вошла в ресторан впереди меня, и я волновался и ощущал идиотскую гор-

дость человека, обладающего чем-то совершенно необычным.

Сначала мы выпили по коктейлю, и мы не спешили с этим. Потом мы ужинали. А потом мы танцевали. Меган очень хотела танцевать, и я не мог обмануть ее ожидания, но, по тем или иным причинам, я не думал, что она танцует хорошо. Но она танцевала очень хорошо. В моих руках она была легкой, как перышко, и ее тело и ноги безупречно следовали за ритмом музыки.

— Черт побери! — воскликнул я. — Вы умеете танцевать!

Она казалась немного удивленной.

— Ну конечно умею. У нас в школе каждую неделю был урок танцев.

— Это не то, чему могут научить на уроке танцев, — возразил я.

Мы вернулись к нашему столику.

— Правда, здесь кормят чудесно? — сказала Меган. — Здесь все чудесно!

В ее взгляде светился восторг.

— Именно это я и чувствую, — сказал я.

Это был бредовый вечер. Я продолжал безумствовать. Меган вернула меня на землю, спросив с сомнением:

— А мы не должны уже ехать домой?

Моя челюсть отвалилась. Да, определенно, я сошел с ума. Я забыл обо всем! Я очутился в мире, далеком от реальности, я наслаждался творением своих рук.

— Боже мой! — воскликнул я.

Я обнаружил, что последний поезд уже ушел.

— Подождите здесь, — сказал я. — Мне нужно позвонить.

Я позвонил в «Левеллин Хай» и заказал самый большой и самый быстрый автомобиль — и чтобы пришел как можно скорее.

Я вернулся к Меган.

— Последний поезд уже ушел, — сказал я. — Поэтому мы поедем домой на машине.

— На машине? Какая прелесть!

«Какое милое дитя! — подумал я. — Так благодарна за все, так ненавязчива и принимает все мои предложения без суеты и беспокойства».

Автомобиль прибыл, и он был большим и быстрым, но тем не менее было уже очень-очень поздно, когда мы приехали в Лимсток.

Ощутив внезапный укол совести, я сказал:

— За вами, наверное, уже выслали поисковые партии!

Но Меган пребывала в благодушном настроении.

— Ну нет, не думаю, — сказала она небрежно. — Я часто ухожу и не возвращаюсь домой к обеду.

— Да, мое милое дитя, но вы не были и за чаем, и за ужином тоже.

Но, похоже, взошла счастливая звезда Меган. Дом был темным и тихим. По совету Меган мы обошли дом вокруг и бросили камешек в окно Розы.

Как и следовало ожидать, Роза выглянула и с тихими восклицаниями, вся трепеща, вышла встретить нас.

— Ну, наконец-то, а я сказала, что вы уже давно спите. Хозяин и мисс Холланд (легкое фырканье после имени «мисс Холланд») рано поужинали и отправились на прогулку. Я сказала: я присмотрю за мальчиками. Мне показалось, я слышала, как вы вернулись, когда я была в детской и пыталась утихомирить Колина — он уж очень разыгрался, — но вас не было, когда я вышла оттуда, и я подумала, что вы легли спать. И так я и сказала, когда хозяин вернулся и спросил про вас.

Я прервал беседу замечанием, что Меган лучше войти в дом.

— Спокойной ночи, — сказала Меган. — И *ужасное* вам спасибо. Это был самый прекрасный день в моей жизни.

Я поехал домой, все еще пребывая в несколько легкомысленном настроении, отвалил шоферу изрядные чаевые и предложил переночевать у нас, если он захочет. Но он предпочел уехать обратно во тьму.

Парадная дверь приоткрылась, пока мы с ним совещались, и как только он отъехал, дверь распахнулась настежь и Джоанна сказала:

— Вот и ты наконец-то, а?

— Ты обо мне беспокоилась? — спросил я, входя и закрывая двери.

Джоанна прошла в гостиную, и я проследовал за ней. На спиртовке стояла кофеварка, и Джоанна собственноручно приготовила кофе, пока я угощался виски с содовой.

— Беспокоилась о тебе? Нет… конечно, нет. Я думала, ты решил остаться в городе и устроить кутеж.

— Я и устроил кутеж… или что-то в этом роде.

Я усмехнулся, а потом расхохотался. Джоанна поинтересовалась, над чем это я смеюсь, и я рассказал ей все.

— Но, Джерри, ты, должно быть, сошел с ума, совершенно сошел с ума!

— Похоже, да.

— Но, дорогой мальчик, нельзя делать по-

добные вещи — во всяком случае, в подобных городишках. Завтра же об этом будет знать весь Лимсток!

— Наверное, так. Но, в конце концов, Меган всего лишь ребенок.

— Она не ребенок. Ей двадцать. Ты не можешь возить двадцатилетнюю девушку в Лондон и покупать ей одежду без того, чтобы не разразился жуткий скандал. Ради бога, Джерри, тебе, кажется, придется на ней жениться!

Джоанна наполовину смеялась, наполовину была серьезна. И именно в этот момент я сделал очень важное открытие.

— Черт побери все, — сказал я. — Я не я буду, если я этого не сделаю… Точно, я был бы рад!

На лице Джоанны появилось забавное выражение. Она встала и сказала сухо, направляясь к двери:

— Да, я всегда знала, что когда-нибудь…

Она оставила меня — со стаканом в руке, — ошеломленного открытием.

Я не знаю, как обычно чувствует себя мужчина, вознамерившийся сделать предложение руки и сердца. В романах его горло пересыхает, воротничок его душит, и он пребывает в жалком состоянии от сильного волнения. Я ничего по-

добного не ощущал. Обнаружив неплохую идею, я лишь хотел реализовать ее как можно скорее. Я не видел какой-то особой нужды в том, чтобы смущаться и беспокоиться.

Я прибыл в дом Симмингтонов около одиннадцати. Я позвонил и, когда Роза открыла дверь, спросил мисс Меган. И лишь понимающий взгляд Розы заставил меня впервые слегка оробеть.

Роза проводила меня в маленькую дневную гостиную, и, ожидая там, я в тревожном волнении понадеялся, что Меган не слишком тут досталось.

Когда дверь открылась и я обернулся, я мгновенно почувствовал облегчение. Меган совершенно не выглядела испуганной или расстроенной. Ее головка все так же напоминала блестящий каштан, и над ней витал дух гордости и достоинства, которым она обзавелась вчера. На Меган снова была старая одежда, но она ухитрилась заставить это барахло выглядеть совсем иначе. Просто потрясающе, что делает с девушками сознание собственной привлекательности. Я вдруг обнаружил, что Меган повзрослела.

Полагаю, мне следовало и в самом деле чуть поволноваться, тогда я не начал бы разговор со слов: «Привет, зубастый карась!» При любых

обстоятельствах это с трудом сошло бы за приветствие влюбленного.

Похоже, это устроило Меган. Она усмехнулась и сказала:

— Привет!

— Послушайте, — сказал я, — надеюсь, вы не получили нагоняй за вчерашнее?

Меган заявила самоуверенно:

— О *нет!* — Потом поморгала и добавила неопределенно: — Впрочем, полагаю, что получила. Я имею в виду, они много чего говорили, и, кажется, они думают, что все это очень странно, — но вы же знаете, каковы люди и как они суетятся по-пустому.

— Я пришел с утра, — сказал я, — потому что я хочу сделать предложение. Видите ли, вы мне невероятно нравитесь, и я думаю, я вам тоже нравлюсь…

— Ужасно! — сказала Меган с восторгом.

— И нам жутко хорошо вместе, так что, я думаю, было бы неплохо, если бы мы поженились.

— Ох, — сказала Меган.

Она выглядела удивленной. Только и всего. Не испуганной. Не потрясенной. Всего лишь слегка удивленной.

— Вы имеете в виду… Вы действительно хотите

жениться на мне? — спросила она таким тоном, каким спрашивают, желая окончательно прояснить вопрос.

— Больше всего на свете, — ответил я, и я именно это и имел в виду.

— Вы хотите сказать, что вы меня любите?

— Я вас люблю.

Ее глаза смотрели на меня спокойно и серьезно. Она сказала:

— Я думаю, вы самый замечательный человек в мире. Но я вас не люблю.

— Я вас заставлю полюбить меня.

— Не пойдет. Я не хочу, чтобы меня *заставляли.* — Она помолчала и добавила серьезно: — Я не гожусь вам в жены. Я умею ненавидеть, а не любить. — Она произнесла это с каким-то напряжением.

Я сказал:

— Ненависть долго не живет, а вот любовь — да.

— Так ли это?

— Я в это верю.

Снова наступило молчание, потом я сказал:

— Значит, нет?

— Именно — нет.

— И вы не позволяете мне надеяться?

— Какой смысл позволять?

— Никакого, наверное, — согласился я. — К тому же совершенно излишне — потому что я все равно буду надеяться, позволите вы или нет.

Да, такие вот дела.

Я отправился восвояси, слегка ошеломленный, а пристальный взгляд Розы преследовал меня.

Роза очень многое успела сказать, прежде чем я сбежал. Что она ничего подобного не чувствовала с того ужасного дня! Что она бы здесь ни за что не осталась, если бы не дети и если бы не было так жаль бедного мистера Симмингтона. Что она тут не останется, если не найдут быстро другую горничную, — да не похоже, чтобы им это удалось, ведь в доме произошло убийство! Что, конечно, мисс Холланд настолько добра, что обещала помогать в домашней работе тем временем. О да, она очень добра и услужлива, но ведь это потому, что надеется в один прекрасный день стать хозяйкой дома! Мистер Симмингтон, бедняга, совершенно ничего не замечает, но каждому ясно, что вдовец, бедное беспомощное создание, может стать жертвой злонамеренной женщины. А мисс Холланд уж очень старается надеть башмаки покойной хозяйки!

Хотел бы я знать, была ли хоть капля правды

в том, что она говорила. В самом ли деле Элси Холланд предполагает, что это возможно — стать второй миссис Симмингтон? Или она просто порядочная девушка и старается изо всех сил, присматривая за обездоленным хозяином дома?

В любом случае результат мог быть неплохим. Почему бы и нет? Маленькие сыновья Симмингтона нуждаются в матери — а Элси очень приличная девушка… если исключить то, что она до неприличия красива — пункт, который оценит любой мужчина, даже такая фаршированная рыба, как Симмингтон!

Я думал обо всем этом, наверное, потому, что хотел выбросить из головы мысли о Меган.

Можно предположить, что я отправился просить Меган выйти за меня замуж, пребывая в нелепо самодовольном настроении, и что я получил по заслугам, — но это не совсем так. Я пошел потому, что чувствовал уверенность, был убежден в том, что Меган принадлежит мне, что мое главное дело — присматривать за ней, и сделать ее счастливой, и уберегать ее от опасности, и что это единственно верный путь для меня; и потому, что я надеялся — она тоже чувствует, что мы с ней принадлежим друг другу.

Но я не сдался. О нет! Меган была моей женщи-

ной, и я намеревался заполучить ее.

После минутного раздумья я отправился в контору Симмингтона. Осуждение ее поступка могло ничего не значить для Меган, однако я предпочел бы расставить все по своим местам.

Симмингтон был свободен; обо мне доложили; меня проводили в кабинет.

По сжатым губам и особой сдержанности манер я понял, что мне сейчас не слишком-то рады.

— Доброе утро, — сказал я. — Боюсь, мой визит — совершенно личный, а не по какому-то официальному поводу. Я изложу кратко. Осмелюсь предположить, вы догадываетесь, что я люблю Меган. Я просил ее выйти за меня замуж, а она отказалась. Но не скажу, чтобы на этом дело и кончилось.

Я увидел, как изменилось выражение лица Симмингтона, и до смешного легко прочел его мысли. Меган дисгармонировала с его домом. Симмингтон был — я в этом уверен — вполне добрым человеком, и у него никогда не возникало мысли отказать в доме дочери его покойной жены. Но, выйди она за меня замуж, он бы испытал немалое облегчение. Мороженая камбала оттаяла. Симмингтон одарил меня бледной, осторожной улыбкой.

— Если откровенно, Бартон, я не думал ни о чем подобном. Я знаю, вы проявили к ней немалое внимание, но мы как-то привыкли считать ее ребенком.

— Она не ребенок, — коротко сказал я.

— Нет-нет, я не о годах.

— Она может пребывать в том возрасте, в каком ей вздумается быть, — сказал я, слегка рассердившись. — Она несовершеннолетняя, я знаю, но станет совершеннолетней через месяц или два. Я позволил себе сообщить вам о своих намерениях. Я состоятелен и веду вполне благопристойную жизнь. Я буду о ней заботиться и сделаю все для ее счастья.

— Конечно… конечно. Однако она вам отказала.

— Она передумает со временем, — сказал я. — И именно поэтому я подумал, что лучше с вами поговорить об этом.

Он сообщил, что оценил мой поступок, и мы расстались вполне дружески.

Выйдя, я налетел на мисс Эмили Бэртон. В ее руках была корзинка для покупок.

— Доброе утро, мистер Бартон, я слышала, вы вчера были в Лондоне.

Да, она уже все слышала. Ее глаза, подумал я,

были очень добрыми, но в то же время полны любопытства.

— Я ездил повидать своего доктора, — сказал я.

Мисс Эмили улыбнулась. Но эта улыбка мало что общего имела с улыбкой Маркуса Кента. Она пробормотала:

— Я слышала, Меган чуть не попала под поезд. Она прыгнула в вагон, когда поезд уже тронулся.

— С моей помощью, — пояснил я. — Это я затащил ее внутрь.

— Как вам повезло! Ведь вполне мог произойти несчастный случай.

Просто потрясающе, в какое дурацкое положение может поставить мужчину кроткая, любопытная старая дева!

Я был спасен от дальнейшей пытки яростной атакой миссис Дан-Кэлтроп. При ней тоже шла на буксире бесцветная старая дева, а сама миссис была переполнена руководящими советами.

— Доброе утро, — сказала она. — Я слышала, вы купили Меган какую-то приличную одежду? Весьма разумно с вашей стороны. Это характеризует вас как человека, думающего о чем-то действительно полезном. Я давно уже тревожусь об этой девочке. Девушки с мозгами так склонны к идиотизму, не правда ли?

С этим потрясающим утверждением она нырнула в рыбную лавку.

Мисс Марпл, оставшаяся со мной, сказала, насмешливо поблескивая глазами:

— Миссис Дан-Кэлтроп весьма замечательная женщина, не так ли? Она почти всегда права.

— Из-за этого ее боятся, — заметил я.

— Искренность всегда имеет такой эффект, — сказала мисс Марпл.

Миссис Дан-Кэлтроп вынырнула из рыбной лавки и присоединилась к нам. В руках она держала огромного красного омара.

— Вы когда-нибудь видели что-либо, столь несходное с мистером Паем? — спросила она. — Весьма мужествен и красив.

Я немножко нервничал перед встречей с Джоанной, но, придя домой, обнаружил, что тревожиться не стоило. Джоанны не было дома, и она не вернулась к обеду. Это весьма разобидело Патридж; подавая на стол филейную вырезку — главный козырь обеда, — она сказала кисло:

— Мисс Бартон уверяла, что *будет* к обеду.

Я съел обе порции, пытаясь тем искупить ошибку Джоанны. И все-таки я хотел бы знать, где моя сестра. С недавних пор она вела себя очень загадочно.

Было половина четвертого, когда Джоанна ворвалась в гостиную. Я слышал, как у дома остановился автомобиль, и был уже готов увидеть Гриффитса, но машина отъехала, и Джоанна вошла одна.

Лицо ее было очень красным, и она выглядела расстроенной. Я понял — что-то случилось.

— В чем дело? — спросил я.

Джоанна открыла рот, снова его закрыла, вздохнула, свалилась в кресло и уставилась перед собой.

Потом сказала:

— У меня был совершенно жуткий день.

— Что случилось?

— Я занималась невероятными вещами. Это было ужасно…

— Но что…

— Я всего лишь вышла погулять, просто погулять… Я пошла на другую сторону холма, на вересковую пустошь. Я прошла несколько миль… мне так кажется. Потом я провалилась в яму. Там неподалеку ферма… такое, знаешь, забытое богом местечко. Я хотела пить и решила узнать, нет ли у них молока или еще чего-нибудь. Поэтому я вошла во двор, и вдруг дверь открылась и появился Оуэн.

— Ну?..

— Он думал, что это районная медсестра. Там женщина рожала ребеночка. Он ждал медсестру, и еще он ей просил передать, чтобы она привела второго врача. Там… там дела шли очень плохо.

— Ну?..

— И он сказал *мне:* «Заходите, поможете. Лучше, чем никого». Я сказала, что не могу, а он спросил: что я имею в виду? Я сказала, что никогда ничего подобного не делала, что ничего не знаю… Тогда он поинтересовался, какого же черта мне тут нужно. И потом — он был *ужасен*. Он наорал на меня. Он сказал: «Вы женщина, да? Я полагаю, вы можете постараться, чтобы помочь другой женщине». И еще он говорил, что я врала ему, что меня интересует медицина и что я хотела быть медицинской сестрой… «Одна болтовня, похоже! Вы ничего этого не имели в виду, а здесь все происходит *на деле*, и вы должны поступить как порядочный человек, а не как бессмысленная игрушка для кретинов!..» И я делала совершенно невозможные вещи, Джерри. Держала инструменты, и кипятила их, и подавала ему разные штуки. Но он спас ее и маленького. Оуэн какое-то время думал, что не сможет его спасти. О боже!.. — Джоанна спрятала лицо в ладонях.

Я созерцал ее с немалым удовольствием и мысленно снимал шляпу перед Оуэном Гриффитсом. Он сумел сунуть Джоанну носом в реальность.

Я сказал:

— Там, в холле, письмо для тебя. От Пауля, я думаю.

— А?

Она помолчала с минуту, потом сказала:

— Я же понятия не имела, Джерри, *чем* доктора занимаются. Ну и нервы у них должны быть!

Я сходил в холл и принес Джоанне письмо. Она вскрыла его, глянула небрежно на текст и отложила.

— Он был… в самом деле… просто прекрасен! Это дело, которое он выбрал… в этом деле его никто не превзойдет! Он был груб и ужасен *со мной* — но он был прекрасен!

Я с удовольствием отметил пренебрежение к письму. Очевидно, Джоанна излечилась от Пауля.

Все всегда происходит неожиданно.

Я был поглощен делами Джоанны и своими собственными и весьма смутился на следующее утро, когда в телефонной трубке раздался голос Нэша:

– *Мы поймали ее*, мистер Бартон!

Я был так поражен, что чуть не выронил трубку.

— Вы хотите сказать…

Он перебил:

— Вас там не могут подслушать?

— Нет, думаю, нет… Ну, может быть…

Мне показалось, что тяжелая кухонная дверь чуть качнулась, приоткрываясь.

— Может быть, вы бы лучше приехали в участок?

— Да. Я сейчас буду.

Я появился в полицейском участке, по-моему, уже в следующее мгновение. Во внутреннем помещении сидели Нэш и сержант Паркинс. Нэш лучился улыбкой.

— Это была долгая погоня, — сказал он. — Но она подошла к концу.

Он перебросил через стол письмо. В этот раз оно целиком было отпечатано на машинке. Было оно — для писем такого рода — довольно мягким.

«Бесполезно надеяться, что вам удастся надеть башмаки усопшей. Весь город смеется над вами. Уезжайте немедленно. Потом может оказаться слишком поздно. Это предупреждение. Помните, что случилось с той, другой девушкой. Уезжайте и не возвращайтесь…»

Заканчивалось письмо несколькими сдержанными ругательствами.

— Оно пришло утром мисс Холланд, — сказал Нэш.

— Забавно думать, что до сих пор она ни одного не получила, — сказал сержант Паркинс.

— Кто его написал? — спросил я.

Восторг поблек на лице Нэша. Лейтенант вдруг стал выглядеть усталым и озабоченным.

Он сказал спокойно:

— Мне очень жаль, потому что это будет тяжелым ударом для порядочного человека. Возможно, правда, что он уже сам кое-что подозревает.

— Кто его написал? — повторил я.

— Мисс Айми Гриффитс.

Нэш и Паркинс, с ордером, днем отправились в дом Гриффитса.

По приглашению Нэша я пошел с ними.

— Доктор, — сказал Нэш, — очень вас любит. У него здесь немного друзей. Я думаю, что если это для вас не слишком мучительно, то вы могли бы помочь ему справиться с потрясением.

Я сказал, что пойду. Не то чтобы мне нравилось это поручение, но я думал, что смогу быть полезным.

Мы позвонили у двери, спросили мисс Гриф-

фитс, и нас провели в гостиную. Там были Элси Холланд, Меган и Симмингтон — они пили чай.

Нэш повел себя весьма осмотрительно. Он спросил у Айми, не может ли сказать ей несколько слов наедине.

Она встала и подошла к нам. Мне кажется, я заметил слабый отсвет озабоченности в ее глазах. Но если это и так, все тут же исчезло. Она была совершенно спокойна и радушна.

— Что-то хотите мне сказать? Надеюсь, речь не пойдет о нарушениях правил дорожного движения моими скаутами?

Она провела нас из гостиной — через холл — в маленький кабинет.

Когда я закрывал за собой дверь гостиной, я заметил, как резко дернулась голова Симмингтона. Я предположил, что его юридическая практика не раз заставляла его сталкиваться с полицейскими делами и он что-то заметил в поведении Нэша. Он привстал.

Но это и все, что я заметил до того, как дверь захлопнулась и я отправился следом за всеми. Нэш изложил дело. Он был очень спокоен и корректен. Он сообщил, что вынужден просить Айми пойти с ним. Он предъявил ордер на арест и прочел вслух предписание. Я сейчас не помню

точную юридическую формулировку. Речь пока шла о письмах, а не об убийстве.

Айми Гриффитс вскинула голову и разразилась лающим хохотом:

— Что за смехотворная чушь! Чтобы я написала пачку неприличных гадостей вроде тех! Вы, должно быть, сошли с ума. Я не писала ни слова такого сорта!

Нэш достал письмо, адресованное Элси Холланд. Он спросил:

— Мисс Гриффитс, вы отрицаете, что написали вот это?

Если она и заколебалась, то лишь на долю секунды.

— Разумеется, отрицаю. Я это в первый раз вижу.

Нэш сказал тихо:

— Я должен сообщить вам, мисс Гриффитс, что вас видели печатающей это письмо на машинке в Женском институте между одиннадцатью и половиной двенадцатого позавчера вечером. Вчера вы зашли на почту с пачкой писем в руках….

– *Этого* я не отправляла.

— Да, *вы* не отправляли. Пока на ваши письма ставили штемпеля, вы незаметно уронили это письмо на пол, чтобы кто-нибудь, ничего не по-

дозревая, нашел его и отправил.

— Я не…

Дверь открылась, и вошел Симмингтон. Он резко сказал:

— Что здесь происходит? Айми, если здесь что-то дурное, вы должны иметь юридического представителя. Если вы доверяете мне…

Тогда она сломалась. Закрыла лицо руками и упала на стул. И воскликнула:

— Уйдите, Дик, уйдите! Только не вы! Только *не вы*!

— Вам нужен адвокат, дорогая девочка.

— Не вы!.. Я… мне этого не вынести.

Он что-то понял, похоже. И тихо сказал:

— Я приглашу Мидмэя из Эксамптона. Подойдет?

Она кивнула. Теперь она всхлипывала.

Симмингтон вышел из комнаты. В дверях он столкнулся с Оуэном Гриффитсом.

— Что такое? — стремительно спросил Оуэн. — Моя сестра…

— Мне жаль, доктор Гриффитс. Очень жаль. Но у нас нет альтернативы.

— Вы думаете, она… она ответственна за эти письма?

— Боюсь, в этом нет сомнений, сэр, — сказал

Нэш. Он повернулся к Айми: — Простите, вы должны сейчас пойти с нами, мисс Гриффитс. У вас будут все возможности для встречи с адвокатом, вы знаете.

Оуэн вскрикнул:

— Айми?!

Айми отстранила его, не взглянув в его сторону. Она сказала:

— Не говори со мной. Не говори ничего. И ради всего святого, *не смотри* на меня!

Они вышли. Оуэн стоял, словно заснув. Я подождал немного, потом подошел к нему.

— Если я могу быть чем-то полезен, Гриффитс, скажите.

Он произнес словно во сне:

— Айми? Я в это не верю.

— Это может быть ошибкой, — неуверенно предположил я.

Он медленно сказал:

— Она никогда бы не могла написать *такие* письма. И вообще я в это не верю. Я *не могу* в это поверить.

Он тяжело опустился на стул Я постарался быть полезным, найдя порцию крепкой выпивки и принеся ему. Он проглотил напиток, и ему, кажется, полегчало.

Он сказал:

— Я поначалу никак не мог взять этого в толк. Теперь все в порядке. Спасибо, Бартон, но вы ничего не можете сделать. *Никто* ничего не может сделать.

Открылась дверь, и вошла Джоанна. Она была очень бледна. Джоанна подошла к Оуэну и взглянула на меня.

Она сказала:

— Уйди, Джерри. Это мое дело.

Выходя за дверь, я увидел, как она опустилась на колени возле его стула.

Глава 8

Я не в состоянии связно изложить события последующих двадцати четырех часов. Какие-то детали всплывают в памяти вне всякой связи с остальными.

Я помню, как Джоанна вернулась домой, очень бледная и измотанная, и как я попытался подбодрить ее, спросив:

— Чей ты теперь ангел-хранитель?

И как она улыбнулась жалкой, кривой улыбкой:

— Он говорит, что я ему не нужна, Джерри. Он *очень* гордый и холодный!

И я сказал:

— Моя девушка говорит мне то же…

Мы сидели молча какое-то время, и наконец Джоанна произнесла:

— В семье Бартонов нынче никто не нуждается!

Я сказал:

— Не обращай внимания, милая, у нас есть мы сами.

А Джоанна откликнулась:

— Так или иначе, Джерри, сейчас меня это не

слишком утешает…

Оуэн явился на следующий день и принялся грубо льстить Джоанне. Она так прекрасна, изумительна! Как она пришла к нему, как она сказала, что согласна выйти за него замуж — если, конечно, он этого хочет! Но он не может этого допустить. Нет, она слишком хороша, слишком очаровательна, чтобы оказаться втянутой во всю ту мерзость, которая начнется, как только газеты доберутся до этих новостей.

Я любил Джоанну и знал, что она принадлежит к тому типу людей, которые прекрасно справляются с трудностями, но мне наскучило все это напыщенное суесловие. Я несколько раздраженно посоветовал Оуэну не быть черт знает каким великодушным.

Я отправился на Верхнюю улицу и обнаружил, что все языки болтают без передышки. Эмили Бэртон утверждала, что она никогда всерьез не доверяла Айми Гриффитс. Жена бакалейщика со смаком объясняла — она всегда замечала, что у мисс Гриффитс странный взгляд…

Следствие по делу Айми было закончено, как я узнал от Нэша. При обыске в доме были обнаружены изрезанные страницы из книги Эмили Бэртон — в кладовке под лестницей, запрятанные

в рулон старых обоев.

— Очень хорошее место, — уважительно сказал Нэш. — Вы не можете угадать, когда любопытствующая прислуга сунет нос в письменный стол или запертый ящик, а эта кладовка для хлама набита прошлогодними теннисными мячами и старыми обоями, и открывают ее только для того, чтобы запихнуть туда еще что-нибудь.

— Даме, похоже, очень понравился этот тайник, — сказал я.

— Да. Преступное воображение редко бывает богатым. Кстати, вспомним о погибшей девушке: мы обнаружили один факт в дополнение того дела. В лаборатории доктора мы нашли большой тяжелый пестик. Могу держать пари на что угодно, именно им девушку и оглушили.

— Довольно неудобная вещь, чтобы носить ее с собой, — заметил я.

— Не для мисс Гриффитс. Она в тот день ходила к скаутам, но по дороге собиралась занести цветы и овощи в ларек на Ред-Кросс, так что при ней была чудовищно огромная корзина.

— Вы не нашли вертел?

— Нет, и не надеюсь. Она, может быть, и безумна, но не настолько, чтобы держать окровавленный вертел в доступном для нас месте, когда все,

что и нужно-то было сделать, — это помыть его и вернуть в кухонный ящик.

— Полагаю, — допустил я, — вы не можете отыскать абсолютно все.

В дом викария новости доходили в последнюю очередь. Старая мисс Марпл была очень огорчена всем этим. Она весьма горячо говорила со мной:

— Это *неверно*, мистер Бартон! Я убеждена, что это неверно.

— Боюсь, это достаточно верно. Они, знаете ли, устроили там засаду. Ее *видели*, когда она печатала это письмо.

— Да-да, возможно, это она сделала. Да, *это* я понимаю.

— И те книжные страницы, из которых составлялись письма, тоже найдены — там, где она их спрятала, в ее доме.

Мисс Марпл уставилась на меня. Потом очень тихо сказала:

— Но это ужасно… воистину *безнравственно*.

К нам стремительно подошла миссис Дан-Кэлтроп и поинтересовалась:

— В чем дело, Джейн?

Мисс Марпл ответила:

– *Что-то* там должно быть. Но я такая старая и невежественная и, боюсь, слишком глупа…

Я был изрядно смущен и обрадовался, когда миссис Дан-Кэлтроп увела свою подругу.

Тем не менее я снова встретился с мисс Марпл в тот день. Гораздо позже, когда уже шел домой.

Она стояла у мостика, неподалеку от дома миссис Клит, и разговаривала с Меган.

Я хотел увидеть Меган. Я весь день мучился желанием увидеть ее и ускорил шаг. Но пока я спешил к ним, Меган круто повернулась и пошла в противоположном направлении.

Это рассердило меня, и я хотел догнать ее, но мисс Марпл загородила мне дорогу.

— Я хочу поговорить с вами, — сказала она. — Нет, не ходите сейчас за Меган. Это было бы неразумно.

Я уже готов был очень резко возразить, но мисс Марпл обезоружила меня, сказав:

— Эта девушка очень смелая… необычайно смелая.

Я еще рвался пойти за Меган, но мисс Марпл сказала:

— Не пытайтесь повидаться с ней сейчас. Я знаю, что говорю. Ей сейчас нужно сохранить свою храбрость.

В утверждении старой девы было нечто, бросившее меня в озноб. Казалось, она знает что-то

такое, о чем я и не догадываюсь.

Я был испуган, но почему — не знал.

Я не пошел домой.

Я вернулся на Верхнюю улицу и принялся бесцельно прогуливаться туда-сюда. Я не знаю, чего я ждал, о чем я думал…

Меня остановил ужасный старый зануда полковник Эплибай. Он, как обычно, осведомился о моей очаровательной сестре, а потом сказал:

— Как насчет того, что сестрица Гриффитса оказалась совсем чокнутой? Говорят, это она писала те анонимки, из-за которых чуть ли не у каждого была масса неприятностей. Невозможно даже и поверить, но, говорят, это чистая правда.

Я сказал, что это, в общем, верно.

— Ну-ну… Должен сказать, наша полиция немало сил потратила на все это. Дайте им время, только и всего, дайте им время. Забавное дело — этот фокус с анонимками… эти высушенные старые леди всегда такими вещами интересуются. Хотя мисс Гриффитс была бы неплоха, будь ее зубы немного покороче. Но в наших краях нет прилично выглядящих женщин… кроме этой девочки, гувернантки Симмингтонов. На нее стоит посмотреть. Приятная девушка и всегда так признательна, если для нее сделают хоть

какую мелочь… Я как-то недавно проезжал мимо, когда она выводила детей на пикник или что-то в этом роде. Мальчики шалили в вереске, а она вязала и пожаловалась, что — вот досада! — у нее кончилась шерсть. Я говорю: «Ну, позвольте, я вас отвезу в Лимсток? Я все равно хотел купить себе удочку. На это и понадобится-то всего десять минут, и я тут же привезу вас обратно». Она сомневалась: «Как же оставить мальчиков?» Я говорю: «Кто их обидит? Почему бы и не оставить их одних, нечего опасаться!» В общем, я ее отвез, подбросил к лавке, привез назад, только и всего! Уж как она меня благодарила! Признательна и все такое. Милая девушка!

Я сумел наконец сбежать от него.

И как раз после этого я увидел мисс Марпл в третий раз. Она выходила из полицейского участка.

Откуда приходят к людям страхи? Где они формируются? Где они прячутся, прежде чем напасть?

Только одна короткая фраза, услышанная и замеченная, но оставленная без внимания: «Заберите меня отсюда… здесь так страшно… чувствую такую злость…»

Почему Меган сказала это? Что заставило ее злиться?

В смерти миссис Симмингтон не могло быть ничего такого, что заставило бы Меган чувствовать злобу.

Почему ребенок ощутил это? Почему? Почему?

Может быть, потому, что она боялась какой-то ответственности?

Меган? Невозможно. Меган не может иметь никакого отношения к тем письмам — к тем грязным, непристойным письмам.

Оуэн Гриффитс знал случай на севере — школьница…

Что говорил инспектор Грэйвс?

Что-то насчет *инфантильного сознания…*

Невинные леди средних лет на операционных столах бормочут слова, которые они едва ли могут знать. Маленькие мальчики мелом пишут на стенах непристойности.

Нет-нет, только не *Меган*.

Наследственность? Дурная кровь? Бессознательное проявление какой-то фамильной ненормальности? Ее несчастье, но не вина; проклятие, наложенное на нее предыдущим поколением?

«Я не гожусь вам в жены. Я умею ненавидеть, а не любить».

О, моя Меган, мое маленькое дитя. Только не *это*! Что угодно, кроме этого. Да еще эта старая

дева… она подозрительна. Она сказала — у девочки есть смелость. Смелость совершить… *что?*

Это была всего лишь мозговая горячка. Она прошла. Но я хотел видеть Меган. Я ужасно хотел ее видеть.

В половине десятого этим вечером я вышел из дома и пошел в городок — прямиком к дому Симмингтона.

Именно тогда *новая* мысль полностью завладела моим сознанием. Мысль о женщине, которую никто ни на мгновение не принял во внимание. (Или Нэш учитывал и ее?)

До дикости неправдоподобно, до дикости невероятно, и до сегодняшнего дня я бы тоже сказал — невозможно. Но это не так. Нельзя сказать — *невозможно*.

Я прибавил шаг. Потому что стало просто необходимо увидеть Меган немедленно.

Я вошел в калитку Симмингтонов и приблизился к дому. Ночь была темной, небо затянули облака. Начал накрапывать дождик. Ничего не было видно вокруг.

Я заметил полоску света в одном из окон. Маленькая гостиная?

Поколебавшись мгновение-другое, я, вместо того чтобы подойти к парадной двери, повернул

и очень тихо подкрался к окну, скрывшись за большим кустом и пригнувшись.

Свет пробивался сквозь неплотно задернутые портьеры. Нетрудно было заглянуть внутрь через щель.

Сцена была удивительно мирной и домашней. Симмингтон в большом кресле; Элси Холланд, склонившая голову, трудолюбиво латающая разорванную мальчишечью рубашку.

Мне было так же хорошо слышно, как и видно, поскольку верхняя часть окна была открыта.

Элси Холланд говорила:

— Я действительно думаю, мистер Симмингтон, что мальчики достаточно большие для школы с пансионом. Но мне ненавистна даже мысль, чтобы расстаться с ними. Я так люблю их обоих.

Симмингтон сказал:

— Я думаю, относительно Брайана вы, возможно, и правы, мисс Холланд. Я решил, что в следующем семестре он начнет учиться в Уинхэйзе — это моя старая приготовительная школа. Но Колин еще слишком мал. С ним я бы предпочел подождать до будущего года.

— Да, конечно, я понимаю, что вы имеете в виду. И Колин, возможно, несколько отстает…

Такой домашний разговор… такая домашняя

сцена… и золотая головка, склонившаяся над шитьем.

Открылась дверь, и вошла Меган.

Она очень прямо стояла в дверном проеме, и я мгновенно осознал, что она как-то напряжена и взвинчена. Кожа на ее лице была сухой и натянутой, а глаза сверкали решимостью. Этим вечером в ней не было ни робости, ни детства.

Она заговорила, обращаясь к Симмингтону, но никак его не называя (и я вдруг сообразил, что никогда не слышал, чтобы она как-то его называла. Был ли он для нее отцом, или Диком, или кем-то еще?):

— Я бы хотела поговорить с вами, пожалуйста. Наедине.

Симмингтон выглядел удивленным и, как я себе представил, не слишком-то обрадовался. Он нахмурился, но Меган стояла на своем с необычной для нее решимостью.

Она повернулась к Элси Холланд и сказала:

— Вы не против, Элси?

— О, конечно! — Элси Холланд вскочила. Она выглядела испуганной и немного взволнованной.

Она направилась к двери, и Меган отодвинулась, когда Элси проходила мимо нее. На

мгновение Элси остановилась в дверях, оглядываясь через плечо. Ее губы были сжаты, она замерла, вскинув одну руку, а другой прижимая к себе шитье.

Я задержал дыхание, внезапно ошеломленный ее красотой.

Теперь, когда я вспоминаю ее, я часто вижу ее именно такой — замершей мгновенно, в несравненном, бессмертном совершенстве, вызывающем мысли об античной Греции.

Затем она вышла, закрыв дверь.

Симмингтон спросил весьма раздраженно:

— Ну, Меган, в чем дело? Чего ты хочешь?

Меган подошла вплотную к столу. Она стояла там, глядя на Симмингтона. Я снова был поражен решительным выражением ее лица и еще чем-то в ней… совершенно новым для меня.

Затем ее губы раскрылись и произнесли нечто, пробравшее меня до мозга костей.

— Мне нужны деньги, — сказала она.

Эта просьба отнюдь не улучшила настроения Симмингтона. Он резко сказал:

— Неужели ты не могла подождать до утра? В чем дело, ты думаешь, тебе слишком мало выдают на расходы?

«Прекрасный человек, — подумал я даже то-

гда, — готовый выслушать разумные доводы, хотя и не откликающийся на эмоциональные взрывы».

Меган сказала:

— Я хочу много денег.

Симмингтон выпрямился в кресле. Он холодно сказал:

— Через несколько месяцев ты станешь совершеннолетней. Тогда те деньги, которые завещала тебе бабушка, будут тебе выданы опекуном.

Меган сказала:

— Вы не понимаете. Я хочу получить деньги от *вас*. — Она продолжала, говоря все быстрее: — Никто мне не рассказывал слишком много о моем отце. Просто не хотели, чтобы я знала о нем. Но я знаю, что он попал в тюрьму, и знаю почему. За шантаж!

Она помолчала.

— Ну а я — его дочь. И возможно, я на него похожа. В любом случае я требую дать мне денег, потому что, если вы этого не сделаете… — Она остановилась, а потом продолжила очень медленно и четко: — Если вы этого не сделаете, *я расскажу, что вы проделали с таблетками в тот день в комнате моей матери: я это видела.*

Наступило молчание. Затем Симмингтон про-

изнес совершенно неживым голосом:

— Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Я думаю, вы знаете, — сказала Меган.

И она улыбнулась. Это не была добрая улыбка.

Симмингтон встал. Подошел к письменному столу. Достал из кармана чековую книжку и выписал чек. Он осторожно промокнул чек и вернулся. Протянул чек Меган.

— Ты уже взрослая, — сказал он. — Я могу понять твои чувства и желание купить что-нибудь особенное из нарядов и прочего. Я не знаю, о чем ты говоришь. Я не стану обращать на это внимание. Но вот тебе чек.

Меган взглянула на чек, потом сказала:

— Спасибо. Мы это продолжим.

Она повернулась и вышла из комнаты. Симмингтон уставился ей в спину, потом на закрытую дверь, потом он повернулся, и, когда я увидел его лицо, я совершенно инстинктивно рванулся вперед.

Меня остановили самым экстравагантным образом. Большой куст, который я заметил у стены, перестал быть кустом. Руки лейтенанта Нэша обвились вокруг меня, и голос лейтенанта Нэша зашипел прямо мне в ухо:

— Тихо, Бартон! Ради всего святого!

Затем, с бесконечной осторожностью, он дал сигнал к отступлению, и его рука принудила меня последовать за ним.

Обогнув дом, он выпрямился и отер лоб.

— Конечно, — сказал он, — вы *могли* вломиться туда!

— Девочка в опасности, — сказал я требовательно. — Вы видели его лицо? Мы должны забрать ее оттуда.

Нэш крепко сжал мою руку:

— Вот что, мистер Бартон, извольте *слушаться*!

Что ж, я слушался. Мне это не нравилось, и все же я уступил. Но я настоял на том, чтобы остаться здесь, и я поклялся безусловно выполнять приказы.

Таким образом, я вместе с Нэшем и Паркинсом вошел в дом через заднюю дверь, которая была уже отперта. И я ждал вместе с Нэшем на лестничной площадке, спрятавшись за бархатной портьерой, скрывающей окно в нише, пока часы в доме не пробили два. Открылась дверь спальни Симмингтона, и он прошел через площадку в комнату Меган.

Я не вздрогнул и не шевельнулся, потому что знал, что сержант Паркинс — там, в комнате,

скрытый распахнутой дверью; я знал, что Паркинс добрый человек и прекрасный специалист, но я не был уверен в том, что сумею сохранить спокойствие и не взорваться.

И, ожидая там, с глухо колотящимся сердцем, я увидел Симмингтона, выходящего из комнаты с Меган на руках и несущего ее вниз по лестнице; а мы с Нэшем крались за ним на благоразумной дистанции.

Симмингтон внес Меган в кухню, удобно устроил ее голову в газовой духовке и открыл газ как раз в тот момент, когда Нэш и я вошли в кухонную дверь и включили свет.

И это был конец Ричарда Симмингтона. Он сломался. Он и не пытался бороться. Он знал, что проиграл и погиб.

Наверху я сел у постели Меган, ожидая, когда она очнется, и обстоятельно проклиная Нэша.

— Откуда вы знаете, что с ней все в порядке? Это был слишком большой риск!

Нэш был совершенно откровенен:

— Всего лишь немного снотворного в молоке, которое она всегда пьет перед сном. Ничего больше. Само собой разумеется, он не мог рискнуть отравить ее. Насколько это его касалось, дело закончилось с арестом мисс Гриффитс. Он не мог

позволить себе иметь в доме какую-то таинственную смерть. Никакого насилия, никакого яда. Ну а эта непонятная девушка вроде зациклилась на самоубийстве матери и в конце концов пошла и сунула голову в газовую духовку — что ж, люди только и скажут, что она никогда не была вполне нормальной и что потрясение от смерти матери ее добило.

Я сказал, глядя на Меган:

— Уж очень долго она не приходит в себя.

— Вы слышали, что говорил доктор Гриффитс? Сердце, пульс — все в абсолютном порядке; она всего лишь спит и проснется естественным образом. Это снотворное он дает множеству своих пациентов, он так говорит.

Меган шевельнулась. Что-то пробормотала. Лейтенант Нэш деликатно вышел из комнаты.

Вскоре Меган открыла глаза:

— Джерри.

— Привет, милая.

— Я все правильно сделала?

— Ты могла бы стать шантажисткой уже в колыбели!

Меган снова закрыла глаза. Потом прошептала:

— Вчера вечером я… я писала тебе… на случай,

если… если что-нибудь будет не так. Но я так захотела спать к концу… Оно там.

Я прошел через комнату к письменному столу. В затрепанном маленьком блокноте я нашел незаконченное письмо Меган.

Оно начиналось так:

«*Мой дорогой Джерри, я читала моего школьного Шекспира, тот сонет, который начинается со слов:*

Ты насыщаешь взгляд, как тело — хлеб,

Как влага освежающая — землю…

И я поняла, что все-таки люблю тебя, потому что именно это я чувствую…»

— Как видите, — сказала миссис Дан-Кэлтроп, — я была совершенно права, вызвав специалиста.

Я уставился на нее. Мы все находились в доме викария. Снаружи хлестал дождь, а здесь горел чудесный огонь в камине, и миссис Дан-Кэлтроп блуждала по комнате, зверски избивая диванную подушку и водрузив ее затем — из каких-то собственных соображений — на фортепиано.

— Но когда? — спросил я, удивленный. — И кто это был? Чем он занимался?

— Это отнюдь не «он», — ответила миссис Дан-Кэлтроп.

Широким жестом она указала на мисс Марпл.

Мисс Марпл уже закончила пушистое вязанье, и теперь при ней был клубок хлопковых ниток, а она орудовала крючком.

— Вот мой эксперт, — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — Джейн Марпл. Посмотрите на нее хорошенько. Я вам говорю: эта женщина знает все проявления человеческой безнравственности лучше, чем кто-либо иной.

— Я не думаю, что тебе следует излагать все подобным образом, — пробормотала мисс Марпл.

— Но это так!

— Любой станет разбираться в человеческой натуре, живя круглый год в деревне, — безмятежно сказала мисс Марпл.

Затем, почувствовав, видимо, чего от нее ждут, она отложила крючок и прочитала лекцию об убийстве — в мягкой манере старой девы.

— Все самое главное в этом случае просто лежало на поверхности. Большинство преступлений, видите ли, до глупости примитивны. И это было таким же. Все было весьма разумно и неприкрыто — и совершенно понятно; хотя и неприятно, конечно.

— Весьма неприятно!

— Решение действительно было совершенно очевидным. *Вы* все это видели, вы знали, мистер

Бартон.

— Ничего я не знал!

— Знали. Вы всё полностью мне и показали. Вы видели отлично все отношения между фактами, но вы не сумели поверить своим глазам и понять, что все это означает. Начать с этой навязчивой фразы — «Нет дыма без огня». Она вас раздражала, и вы совершенно верно определили, что это было на самом деле — дымовая завеса. Ложный след, видите ли; вы смотрели не туда, куда надо, — на анонимные письма, но вся суть в том, что *не было* анонимных писем!

— Но, дорогая мисс Марпл, я могу вас уверить — они *были*. Я сам их получал.

— О да, но они не были настоящими. Милая Мод была в смятении из-за них. Даже в таком мирном Лимстоке вполне хватает сплетен, и могу вас уверить — любая *женщина*, живущая здесь, знает их и пользуется ими. Но мужчина, видите ли, не интересуется сплетнями, особенно такой нелюдимый, логичный человек, как мистер Симмингтон. А настоящая женщина, пиши она такие письма, могла бы сделать их куда более конкретными. Так что, если бы вы не обратили внимания на дым и пошли бы к огню, вы бы знали, где его искать. Вы почти добрались до истинного значе-

ния происшедшего. А ведь в результате всех этих писем случилось только одно — умерла миссис Симмингтон.

Но тогда естественным было бы подумать: кто мог хотеть смерти миссис Симмингтон? И конечно, первым человеком, о котором думают в таком случае, боюсь, является *муж*. Можно, конечно, спросить: каковы причины? Каков мотив? Например, другая женщина?

И первое, что я услышала, — в доме есть очень привлекательная молодая гувернантка. Все ясно, не так ли? Мистер Симмингтон, весьма сухой, сдержанный, бесчувственный человек, устал от ворчливой, невротичной жены, и вот неожиданно появляется молодое сияющее создание.

Боюсь, вы знаете, что подобные люди, влюбившись в определенном возрасте, плохо переносят эту болезнь. Это совершеннейшее безумие. А мистер Симмингтон, насколько я могла разобраться, никогда не был действительно *хорошим* человеком — он не был очень добрым, или очень нежным, или способным сочувствовать, — все его качества были отрицательными… Так что он и не способен был справиться со своим безумием. А в таком городишке лишь смерть жены могла разрешить его проблему. Видите ли, он хотел же-

ниться на девушке. Она весьма респектабельна — и он такой же. Кроме того, он очень привязан к своим детям и не хотел никуда их отсылать. Он хотел, чтобы при нем оставалось все: его дом, его дети, его респектабельность и Элси. А ценой, которую он должен был за все это заплатить, оказалось убийство.

Он выбрал, я думаю, очень разумный путь. Он хорошо знал из своей юридической практики, как скоро подозрение падает на мужа, если жена умирает неожиданно, и знал о возможности эксгумации при подозрении на отравление. Поэтому он подготовил смерть, которая показалась бы случайной кому бы то ни было. Он создал не существующего на деле сочинителя анонимных писем. И умно было заставить полицию подозревать *женщину*. Все эти письма *действительно* были женскими письмами — он их весьма ловко списал с прошлогодних анонимок, это тот случай, о котором вам рассказывал доктор Гриффитс. Я не хочу сказать, что он оказался несообразителен и повторил какое-то письмо буквально, но он использовал фразы и выражения оттуда, перемешивая их, и окончательным результатом стало то, что письма были идентифицированы как написанные женщиной — полусумасшедшей

закомплексованной особой.

Он знал все полицейские приемы — насчет отпечатков пальцев, исследования шрифта и так далее. Он долго готовил свое преступление. Все конверты он надпечатал заранее, до того, как передал машинку в Женский институт, и он очень давно вырезал страницы из книги в «Литтл Фюрц», ожидая хозяйку в гостиной в какой-то из дней. Люди так редко заглядывают в книги проповедей!

И наконец, основательно подготовив свое фальшивое Ядовитое Перо, он принялся за дело. Прекрасный день, когда гувернантка с детьми и его приемная дочь должны были уйти, а у прислуги — выходной. Он же не мог предвидеть, что маленькая горничная Агнес поссорится со своим кавалером и вернется домой.

Джоанна спросила:

— Но что она *видела*? Вы знаете?

— Я не могу знать. Я могу только предположить. И я предполагаю, что она не видела ничего.

— То есть все мы попали пальцем в небо?

— Нет-нет, дорогая, я хотела сказать, что она простояла у окна кладовой весь день, ожидая, когда придет ее молодой человек попросить прощения, и она буквально не видела ничего. Никто

не подходил к дому — ни почтальон, ни кто-либо другой. Довольно долго, очень медленно доходило до нее, что это очень странно, потому что очевидно было — миссис Симмингтон *получила* анонимное письмо в тот день.

— А разве она его не получала? — спросил я в замешательстве.

— Ну конечно же нет! Как я говорила, это преступление очень простое. Муж несчастной женщины всего лишь положил цианид на место одной из тех таблеток, которые она принимала днем, потому что после еды у нее обострялся ишиас. Все, что Симмингтону нужно было сделать, — это прийти домой раньше Элси Холланд или одновременно с ней, позвать жену, не получить ответа, подняться в ее комнату, бросить крошку яда в тот стакан с водой, из которого она запивала таблетки, бросить заготовленное анонимное письмо на каминную решетку и вложить в руку жены обрывок бумаги со словами: «Я не смогу…»

Мисс Марпл повернулась ко мне:

— Вы были совершенно правы и насчет этого клочка бумаги тоже, мистер Бартон. Люди не пишут предсмертные письма на оборванных клочках бумаги. Они берут *лист* бумаги, а очень

часто еще и конверт. Да, обрывок бумаги был ошибкой, и вы знали это.

— Вы меня слишком высоко оцениваете, — сказал я. — Ничего я не знал.

— Но вы действительно *знали*, мистер Бартон. Иначе почему на вас произвела такое впечатление записка вашей сестры, оставленная у телефона?

Я медленно повторил:

— «Передайте, что *я не смогу* пойти в пятницу...» Я понял! «Я не смогу...»?!

Мисс Марпл просияла улыбкой.

— Вот именно! Мистер Симмингтон случайно натолкнулся на записку и увидел в ней определенную возможность. Он оторвал лишние слова и получил то, что хотел, — подлинную записку, написанную рукой его жены.

— А какие еще блестящие озарения меня посетили? — спросил я.

Мисс Марпл моргнула раз-другой, глядя на меня.

— Знаете ли, вы меня вывели на след. Вы объединили все эти факты для меня — в определенной последовательности, — и вершиной всего было то, что вы сказали мне наиважнейшую вещь: Элси Холланд ни разу не получала

анонимок.

— А знаете, — сказал я, — прошлой ночью я подумал, что это *она* писала письма, а иначе почему она ни одного не получила?

— О нет, дорогой… Те, кто рассылает анонимки, почти всегда пишут их и самим себе. Это нечто вроде… ну, излишнего возбуждения, я полагаю. Нет-нет, факт был интересен по *совершенно* другой причине. Это, видите ли, просто продемонстрировало слабость мистера Симмингтона. Он не мог заставить себя написать грязное письмо девушке, которую он любит. Это очень интересная сторона человеческой натуры — и в каком-то смысле делает честь Симмингтону, — но этим же он выдал себя.

Джоанна спросила:

— И он убил Агнес? Но, похоже, это было совершенно бессмысленно.

— Возможно, и так, но чего вы не можете представить, дорогая (не говоря уж об убийстве), — так это того, что после всего свершившегося вам все видится преувеличенным. Нет сомнений, он слышал, как девушка звонила Патридж, говоря, что она тревожится со дня смерти миссис Симмингтон и что есть тут нечто, чего она не понимает. У него не было выбора — ведь глупая, дурная

девчонка *что-то* видела, что-то знала.

— Но он же весь тот день был в своей конторе?

— Я предполагаю, он убил ее до того, как ушел. Мисс Холланд была то в гостиной, то на кухне. Он вышел в холл, открыл и захлопнул входную дверь, как будто выйдя из дома, и проскользнул в маленькую гардеробную. Когда в доме осталась одна лишь Агнес, он, вероятно, позвонил в колокольчик у входа, вернулся в гардеробную, подкрался к Агнес и ударил ее по голове, когда она открывала дверь, а потом, запихнув труп в кладовку, поспешил в контору, запоздав так немного, что никто не мог его ни в чем заподозрить. Видите ли, ведь никто не подозревал *мужчину*.

— Грязная скотина, — сказала миссис Дан-Кэлтроп.

— Вам его не жаль, миссис Дан-Кэлтроп? — поинтересовался я.

— Ничуть. А что?

— Просто я рад это слышать, только и всего.

Джоанна сказала:

— Но почему — Айми Гриффитс? Я знаю, полиция нашла пестик из аптеки Оуэна и вертел тоже. Похоже, не так-то легко оказалось для мужчины вернуть этот вертел в кухонный ящик. А

угадайте, где они были? Лейтенант Нэш сказал мне — я его встретила, когда шла сюда. В одном из этих заплесневелых ящиков с документами в его конторе. В том, где документы покойного сэра Джаспера Харрингтона.

— Бедный Джаспер, — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — Он был моим кузеном. Такой неисправимый старый мальчишка! Он был бы поражен!

— Разве не было безумием держать у себя эти вещи? — спросил я.

— Может быть, еще большим безумием было бы, если бы он все это выбросил, — возразила миссис Дан-Кэлтроп. — Ведь ни у кого же не было подозрений насчет Симмингтона.

— Он ударил ее не пестиком, — сказала Джоанна. — Там была еще гиря от часов, с волосами и кровью на ней. В полиции думают, что он стащил пестик тогда, когда арестовали Айми, и тогда же подбросил страницы из книги в их дом. И вот это меня снова возвращает к тому же вопросу. Как насчет Айми Гриффитс? Ведь полицейские действительно *видели*, как она писала то письмо.

— Да, конечно, — сказала мисс Марпл. — Она написала *это* письмо.

— Но почему?

— О, дорогая, наверное, вы догадываетесь, что

мисс Гриффитс всю жизнь была влюблена в Симмингтона.

— Бедняжка! — машинально произнесла миссис Дан-Кэлтроп.

— Они всегда были хорошими друзьями, и, я полагаю, после смерти миссис Симмингтон, возможно… ну… — Мисс Марпл деликатно кашлянула. — А потом начались сплетни насчет Элси Холланд, и, я предполагаю, ее это очень задело. Она думала о девушке как о кокетке, намеренной завладеть привязанностями Симмингтона и совершенно недостойной его. И потому, я думаю, она поддалась искушению. Почему не добавить еще одно анонимное письмо — и заставить девушку уехать? Ей это показалось совершенно безопасным, и она думала, что проделала все очень хитро.

— Ну вот, — сказала Джоанна, — конец истории?

— Я бы предположила, — медленно сказала мисс Марпл, — что, когда мисс Холланд показала это письмо Симмингтону, он мгновенно понял, кто написал его, и увидел неплохую возможность отвести опасность от себя. Не слишком благородно… да, не слишком благородно, но, видите ли, он был напуган. Полиция все равно не успокоилась

бы, пока не поймала анонимщика. Когда он отнес письмо в полицию и выяснил, что они видели Айми пишущей это письмо, он почувствовал, что ему выпал единственный шанс из тысячи — покончить со всей историей разом.

Его с семьей в тот день пригласили на чай в дом Гриффитсов, и, выходя из конторы, он сунул в портфель страницы, вырезанные из книги, чтобы спрятать их под лестницей. Спрятав их, он нанес последний штрих. Это выглядело как повторение действий, проделанных с телом Агнес, а практически это выполнить было для него очень легко. Когда он провожал Айми и полицейских, то минуты-двух, когда он проходил через холл, было вполне достаточно.

— Все равно, — сказал я, — есть одна вещь, которую я не могу вам простить, мисс Марпл, — то, что вы втянули во все это Меган.

Мисс Марпл отложила в сторону работу, за которую было снова взялась. Она посмотрела на меня сквозь очки, и ее глаза были строгими.

— Милый молодой человек, но ведь *что-то* нужно было делать. Доказательств против этого очень умного и беспринципного человека не было. Мне нужен был помощник, кто-то очень храбрый и умный. И я нашла человека, которого

искала.

— Это было очень опасно для нее.

— Да, это было опасно, мистер Бартон, но мы приходим в этот мир не для того, чтобы прятаться от опасности, когда жизнь нашего ближнего поставлена на карту. Вы понимаете меня?

Я понял.

…И было утро на Верхней улице.

Мисс Эмили Бэртон вышла от бакалейщика, неся свою корзинку для покупок. Щеки ее были розовыми, глаза сияли.

— О, дорогой мистер Бартон, я ужасно взволнована. Подумать только, я действительно еду путешествовать!

— Я надеюсь, вам это понравится.

— О, я уверена! Я бы никогда не отважилась отправиться сама. Это выглядит так *чудесно*, что все именно так повернулось. Я уже давно чувствовала, что должна расстаться с «Литтл Фюрц», потому что я *так* стеснена в средствах, но мне невыносима была мысль, что здесь поселится *посторонний*. Но теперь вы купили усадьбу и собираетесь жить здесь с Меган — а это совсем другое дело. И еще милая Айми после этого ужасного испытания не знает, что ей делать, да и ее брат намерен жениться (как приятно думать, что

вы *оба* останетесь с нами!), и она соглашается ехать со мной! Мы намерены путешествовать долго. Мы даже, может быть, — мисс Эмили понизила голос, — *объедем вокруг света!* И Айми такая замечательная и такая практичная. Я действительно думаю — а вы? — что все повернулось *к лучшему*.

На какое-то мгновение я подумал о миссис Симмингтон и Агнес Вуддел — в могилах на церковном кладбище — и захотел узнать, согласились ли бы они с этим мнением, а потом вспомнил, что кавалер Агнес не слишком-то любил ее, а миссис Симмингтон не слишком-то была добра к Меган, так какого черта?! Все мы умрем в свое время! И я согласился со счастливой мисс Эмили, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

Я пошел по Верхней улице, вошел в калитку Симмингтонов, и Меган вышла встретить меня.

Это не была романтическая встреча, потому что громадная староанглийская овчарка, вышедшая вместе с Меган, чуть не свалила меня с ног плохо рассчитанным прыжком.

— Правда, он восхитителен? — спросила Меган.

— Немножко великоват. Он что, наш?

— Да, это свадебный подарок от Джоанны. Нам прислали премилые свадебные подарки, правда? Тот пушистый свитер, насчет которого мы не могли сообразить, откуда эта штука, — от мисс Марпл, и очень красивый чайный сервиз «Корона Дерби» — от мистера Пая, и Элси прислала мне тостер…

— В ее духе, — мимоходом заметил я.

— И она помолвлена с дантистом и очень счастлива! А… а я?

— Масса свадебных подарков! Не забывай, что если ты передумаешь, тебе придется отослать их обратно.

— Я не передумаю. Что же еще нам прислали?.. О да, миссис Дан-Кэлтроп прислала египетского скарабея.

— Оригинальная женщина, — отметил я.

— О! Но ты же не знаешь главного! *Патридж* только что преподнесла мне подарок. Это самая отвратительная чайная скатерть, какую ты вообще мог видеть. Но я думаю, что Патридж *должна* теперь меня любить, потому что она сказала, что вышивала эту скатерть собственными руками!

— Полагаю, там узор из кислого винограда и чертополоха?

— Нет, она вся в узоре из бантиков[84].

— Милая, милая, — предупредил я, — Патридж *идет!*

Меган втащила меня в дом. И сказала:

— Вот только одного я не могу взять в толк. Кроме ошейника и поводка для собаки, Джоанна прислала еще один ошейник и поводок. Как ты думаешь, зачем это?

— Это, — сказал я, — маленькая шутка Джоанны.

[84] notes: 84

Бант — символ любви и прочного союза.

Объявлено убийство

Глава 1
Необычное объявление

По утрам (за исключением воскресенья), с половины восьмого до половины девятого, Джонни Батт, пронзительно свистя, разъезжал по поселку Чиппинг-Клеорн; перед каждым домом или коттеджем он останавливался, слезал с велосипеда и клал в почтовый ящик газеты, которые хозяева выписывали у киоскера с Хай-стрит. Полковнику Истербруку с женой он привозил «Таймс» и «Дейли грэфик», мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд — «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл», а мисс Блэклок — «Телеграф», «Таймс» и «Дейли мейл».

Ну, а по пятницам он доставлял в вышеупомянутые и прочие дома Чиппинг-Клеорна еще и «Норс-Бенхэм ньюс энд Чиппинг-Клеорн гэзет», которую местные жители называли попросту «Газетой».

И каждую пятницу, бегло проглядев заголовки в других изданиях («НАПРЯЖЕННОСТЬ В МИРЕ НАРАСТАЕТ!», «СЕГОДНЯ СОСТОЯЛАСЬ АССАМБЛЕЯ ООН», «ПОЛИЦИЯ НАПАЛА НА СЛЕД УБИЙЦЫ БЕЛОКУРОЙ МАШИНИСТКИ!»,

«ЗАБАСТОВКА НА ТРЕХ ШАХТАХ», «ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА СТАЛИ ЖЕРТВАМИ ПИЩЕВОГО ОТРАВЛЕНИЯ В ОТЕЛЕ „СИСАИД“ и проч.), большинство жителей Чиппинг-Клеорна нетерпеливо разворачивали „Газету“ и с головой уходили в изучение местных новостей. Быстренько пробежав глазами раздел писем, в которых пышным цветом расцветали жгучая ненависть и вражда, девять подписчиков из десяти принимались изучать частные объявления. Здесь вперемешку печатались объявления о сдаче домов в аренду, о найме домработниц, о собаках, домашней птице и садовом инвентаре — короче, все то, что могло заинтересовать членов маленькой общины Чиппинг-Клеорна. Пятница, 29 октября, не была исключением из правил…

Смахнув со лба прелестные пепельные кудряшки, миссис Светтенхэм развернула «Таймс», окинула томным взором левую страницу, где освещались последние события, и, как обычно, решила, что, даже если в мире случилось нечто из ряда вон выходящее, «Таймс» все равно сумеет это затушевать и замазать. Сделав сей глубокий вывод, она проглядела хронику рождений, свадеб и смертей (особенно ее интересовали последние!), после чего с чувством исполненного долга

отложила «Таймс» в сторону и жадно потянулась к «Чиппинг-Клеорн гэзет». Когда чуть погодя ее сын Эдмунд вошел в комнату, миссис Светтенхэм уже была погружена в изучение местных новостей.

— Доброе утро, дорогой, — сказала миссис Светтенхэм. — Знаешь, Смедли продают свой «Даймлер». Он тридцать пятого года — совсем старый, да?

Сын в ответ что-то буркнул, налил себе кофе, взял парочку копченых рыбешек, уселся за стол и развернул «Дейли уоркер», прислонив газету к подносу с гренками.

— «Щенки бульдога», — прочитала вслух миссис Светтенхэм. — Право, не понимаю, как можно в наше время прокормить такую большую собаку!.. Та-ак, Селина Лоренс опять дала объявление насчет повара… По-моему, это пустая трата времени. Надо же, она даже адреса не указала, только индекс!.. М-да… роковая ошибка, скажу я вам… прислуге теперь — вынь да положь — нужен точный адрес, все хотят устроиться в приличное место… «Искусственные зубы…» Не понимаю, почему нынче на них такой спрос? Это же так дорого! «Прекрасный лук. Наш особый сорт». Якобы по сходной цене… «Девушка ищет интересную

работу, не прочь попутешествовать». Тоже мне, оригиналка выискалась! Все не прочь попутешествовать! «Таксы»… Лично мне таксы никогда не нравились. Не потому, что порода немецкая, в конце концов, теперь это не суть важно, а просто не нравились — и все тут!.. Да-да, миссис Финч?

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась мрачная особа могучего телосложения в потертом бархатном берете.

— Доброе утро, мэм, — рявкнула особа. — Можно убираться?

— Нет-нет, подождите. Мы еще не позавтракали, — заволновалась миссис Светтенхэм. — Вернее, позавтракали, но не совсем, — добавила она заискивающе.

Метнув грозный взгляд на сидевшего с газетой Эдмунда, миссис Финч презрительно фыркнула и удалилась.

— Я же только сел, — начал было Эдмунд, но мать не дала ему договорить:

— И, пожалуйста, не читай эту жуткую газету, Эдмунд! Миссис Финч ее терпеть не может.

— Не понимаю, какое дело миссис Финч до моих политических убеждений…

Но миссис Светтенхэм не слушала его.

— Тем более что эта газета для рабочих, а ты

не рабочий, — продолжала она. — Ты вообще не работаешь.

— Ну, знаете ли… это уж слишком! — возмутился Эдмунд. — Как же не работаю?! Я ведь пишу книгу!

— Имеется в виду настоящая работа, — пояснила миссис Светтенхэм. — А миссис Финч, сынок, нам очень даже нужна. Вот обидится она, уйдет от нас — кого мы вместо нее найдем?

— А мы дадим объявление в «Газете», — усмехнулся Эдмунд.

— Да ты что?! Это бесполезно! Да, милый, в наши дни не прожить без старенькой нянюшки, которая готовила бы нам еду и вела хозяйство!

— А почему у нас ее нет? Что ж ты так оплошала и не обеспечила меня вовремя? И о чем ты только думала, мама?!

— Но, дорогой, у тебя была индийская няня.

— О, как ты недальновидна, мамуля! — пробормотал Эдмунд.

Миссис Светтенхэм вновь углубилась в светскую хронику:

— Продается сенокосилка, б/у. Любопытно… Боже милостивый, что за цена!.. Снова таксы… «Напиши или позвони, я в отчаянии. Макака». Какое нелепое прозвище!.. Кокер-спаниель…

Эдмунд, помнишь Сьюзи? Она была прямо как человек. Все понимала… «Продам буфет в стиле шератон.[85] Подлинник, семейная реликвия. Миссис Лукас. «Дайс-Холл». Ну и врушка! Можно подумать — и впрямь настоящий Шератон! — миссис Светтенхэм презрительно хмыкнула и продолжала читать:– «Дорогая, все было ошибкой. Любовь до гроба. В пятницу, как обычно. Х.». Наверное, влюбленные поссорились. А может, это воровской пароль? Как по-твоему, Эдмунд? Снова таксы! Ей-богу, люди помешались на таксах! Будто других собак нет! Вот у твоего дяди Саймона, сынок, были манчестерские терьеры. Такие грациозные крошки! Мне лично нравится, когда у собак длинные лапы… Дама, уезжающая за границу, продает двухместный катер… А почему ни описания, ни цены?… Свадьба… хотя нет, УБИЙСТВО… Что?! Впервые слышу… Эдмунд, Эдмунд, ты только взгляни: «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

---

[85] notes: 85

Шератон — стиль мебели, изготовлявшейся в Англии в начале XIX века Томасом Шератоном.

— Что такое? — Эдмунд оторвался от газеты.

— Но ведь пятница, двадцать девятое, — это сегодня!

— Ну-ка дай сюда. — Сын взял у матери газету.

— Да, но что бы это значило? — Миссис Светтенхэм сгорала от любопытства.

Эдмунд в задумчивости почесал переносицу.

— Не знаю… Наверно, они решили устроить вечеринку, затеять игру в убийство или что-то в том же духе.

— А-а, — с сомнением в голосе откликнулась миссис Светтенхэм. — Но что за странная манера давать такие объявления! Совершенно не похоже на Летицию Блэклок, я всегда считала ее на редкость здравомыслящей женщиной.

— Может, на нее подействовали развеселые юнцы, что поселились у нее в доме?

— Слишком мало информации в заметке. Сегодня… Как ты думаешь, нам стоит пойти?

— Здесь сказано: «Друзья, спешите принять участие!»

— Однако эта новая мода приглашать гостей страшно беспардонна! — решительно изрекла миссис Светтенхэм.

— Хорошо, мама, не ходи.

— И не пойду! — воскликнула миссис Свет-

тенхэм.

Они помолчали.

— Неужели тебе действительно хочется съесть эту последнюю гренку, Эдмунд?

— Ах, мама, а я-то думал, что мое правильное питание для тебя важнее, чем то, когда эта старая мымра Финч уберет со стола!..

— Тс-с, дорогой, она может услышать!.. А что такое «игра в убийство»?

— Точно не знаю. Кажется, к твоей одежде прицепляют клочки бумаги… или нет, наверное, их все-таки тянут из шапки. Один участник игры становится сыщиком, другой — жертвой, потом гасят свет и кто-нибудь хлопает тебя по плечу. Ты вопишь, падаешь и притворяешься мертвым.

— М-да… звучит увлекательно.

— А по-моему, чертовски скучно. Я не пойду.

— Глупости, Эдмунд! — решительно возразила миссис Светтенхэм. — Раз я собираюсь идти, значит, и ты пойдешь вместе со мной. И нечего тут обсуждать!

— Арчи, — сказала миссис Истербрук мужу, — ты только послушай!

Полковник Истербрук не обратил на нее внимания, поскольку возмущенно пыхтел, читая статью в «Таймс».

— Вся беда этих деятелей в том, — изрек он, — что они не имеют об Индии ни малейшего понятия. Ни малейшего!

— Конечно, милый, конечно.

— Иначе они не писали бы такой ерунды.

— Да-да, Арчи, послушай: «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

Миссис Истербрук умолкла и с торжествующим видом посмотрела на мужа.

Тот взглянул на нее снисходительно, но без особого интереса.

— Да это просто «игра в убийство», — пояснил он.

Миссис Истербрук ойкнула.

— Хотя, — полковник приосанился, — эта игра может быть довольно забавной, если ее как следует провести. Но для этого нужен специалист. Сначала тянут жребий. Один из игроков назначается убийцей. Кто именно — не объявляется. Потом гасят свет. Убийца выбирает жертву. Она должна сосчитать до двадцати и закричать. Тогда игрок, назначенный сыщиком, начинает рассле-

дование. Он допрашивает всех по порядку: где они были, что делали, пытается вывести убийцу на чистую воду. Да, хорошая игра, если только сыщик… м-м… имеет представление о работе в полиции.

— Как ты, например, Арчи. Сколько потрясающих дел было в твоем округе!

Полковник Истербрук снизошел до улыбки и самодовольно покрутил ус.

— Да уж, Лаура… Пожалуй, я мог бы их кое-чему научить.

— Напрасно мисс Блэклок не попросила тебя о помощи.

— Так вокруг нее теперь вертится этот молокосос! — хмыкнул полковник. — Кем он там ей доводится? Племянником?… Наверно, он ее и подбил. Это ж надо додуматься — дать такое объявление!.. Забавно!

— Оно напечатано в разделе светской хроники. Мы могли бы и не заметить. Как по-твоему, это приглашение, Арчи?

— Хорошенькое приглашение! На меня, во всяком случае, рассчитывать нечего.

— Ну, Арчик! — голос миссис Истербрук стал заискивающе-плаксивым.

— Все равно нужно предупреждать заранее.

Они же знают, что я могу быть занят!

— Но ведь ты не занят, милый, правда? — промурлыкала миссис Истербрук. — Арчи, я считаю, что пойти помочь бедной мисс Блэклок — твой долг. Она наверняка рассчитывает на твою помощь. Ты же столько знаешь про работу в полиции, про суды… Если ты ей не поможешь, у них ничего не получится. Ведь соседей надо выручать!

Миссис Истербрук склонила набок головку, тряхнула крашеными светлыми кудряшками и широко распахнула голубые глазки.

— Ну, коли так, то, конечно, Лаура, я не против… — Полковник Истербрук снова с важным видом покрутил ус и снисходительно глянул на свою пышнотелую женушку. Миссис Истербрук была моложе его по крайней мере лет на тридцать. — Раз ты так считаешь, Лаура… — протянул он.

— Но ведь это действительно твой долг, Арчи! — торжественно отчеканила миссис Истербрук.

«Чиппинг-Клеорн гэзет» принесли и в «Боулдерс» — так назывались три симпатичных соединенных друг с другом коттеджа, где обитали мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Хинч!

— Чего, Мергатройд?
— Ты где?
— В курятнике.
— Ой!

Осторожно ступая по высокой мокрой траве, мисс Эми Мергатройд пробралась к подруге. Та, облачившись в вельветовые штаны и военный китель, старательно растирала руками корм для кур и бросала его в таз, в котором дымилось довольно неаппетитное варево из картофельных очистков и капустных кочерыжек. Мисс Хинчклифф обернулась. Волосы ее были подстрижены коротко, по-мужски, кожа на лице задубела. На миловидной толстушке по имени мисс Мергатройд была юбка из твида и растянутый пуловер ярко-синего цвета. Кудрявые волосы растрепались и напоминали птичье гнездо. Мисс Мергатройд слегка запыхалась.

— Тут в «Газете», — взволнованно выдохнула Мергатройд. — Только послушай… Как это понимать? «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

У нее перехватило дыхание, и она умолкла,

ожидая авторитетного заключения подруги.

— Рехнуться можно, — изрекла мисс Хинчклифф.

— Да, конечно, и все-таки… Что бы это значило, а?

— Как что? Выпивон! — хмыкнула мисс Хинчклифф.

— То есть, по-твоему, это приглашение?

— Выясним, когда придем, — сказала мисс Хинчклифф. — Шерри-бренди наверняка будет паршивый. Послушай, ты бы сошла с травы, Мергатройд. Стоишь тут в домашних тапочках. Ты же промокнешь.

— О господи! — Мисс Мергатройд уныло воззрилась на свои ноги. — Да, кстати, сколько сегодня яиц?

— Семь. Эта проклятая птица по-прежнему высиживает цыплят. Надо будет загнать ее в курятник.

— Странная манера приглашать гостей, правда? — сказала Эмми, и в ее голосе проскользнули мечтательные нотки.

Однако подруга была сделана из более жесткого теста. Раз она нацелилась на борьбу с непокорной курицей, то никакие, даже самые загадочные, объявления не могли сбить ее с намеченного

курса.

Мисс Хинчклифф с трудом прохлюпала по грязи и бросилась в атаку на пеструю наседку. Та возмущенно закудахтала.

— Надо будет завести уток, — подытожила мисс Хинчклифф. — С ними куда меньше хлопот.

— Какая прелесть! — воскликнула за обедом миссис Хармон, обращаясь к мужу. — У мисс Блэклок намечается убийство.

— Убийство? — немного удивленно переспросил муж. — Когда?

— Сегодня днем… Вернее, вечером, в половине седьмого. Ах, что за невезение, милый, тебе как раз надо готовиться к конфирмации! А ведь ты обожаешь убийства!

— Право, не понимаю, о чем ты, Банч.

Пухленькая миссис Хармон протянула супругу «Газету»:

— Вот, посмотри. Там, где подержанное пианино и вставные зубы.

— Какое странное объявление!

— А я что говорю?! — радостно подхватила Банч. — Никогда бы не подумала, что мисс Блэклок увлекается подобными играми. Наверняка это затея юных Симмонсов… Хотя вообще-то для Джулии Симмонс затея грубовата. Но тем

не менее факт остается фактом, и тебе, должно быть, очень обидно, что ты не сможешь пойти. Но ничего, я-то пойду обязательно и потом все-все тебе расскажу. Хотя надо признаться, мне это дастся нелегко, я ведь не люблю игр в темноте. Я их ужасно боюсь. Но надеюсь, меня не будут убивать. А то если мне вдруг положат руку на плечо и шепнут: «Ты убита», сердце у меня остановится и я, наверное, умру. Как ты думаешь, я умру?

— Ну что ты, Банч! Ты доживешь до глубокой старости… вместе со мной.

— И мы умрем в один день, и нас похоронят в одной могиле, да? О, это было бы чудесно!

При мысли о такой перспективе Банч засияла.

— Ты прямо-таки лучишься от счастья, — улыбнулся муж.

— А кто на моем месте не был бы счастлив? — смутилась Банч. — У меня есть ты, и Сьюзан, и Эдвард, и все вы во мне души не чаете, и вам не важно, глупа я или умна. И солнышко светит! И у нас такой чудесный просторный дом!

Преподобный Джулиан Хармон оглядел большую полупустую столовую и с сомнением кивнул:

— Хотя для некоторых людей жизнь в таком огромном доме, где гуляют сквозняки, хуже ка-

торги.

— А мне нравятся большие комнаты. В них долго сохраняется благоухание, долетающее к нам из сада. И потом, тут чувствуешь себя вольготно. И вещи можно кидать куда попало, все равно беспорядка не будет заметно!

— Но у нас нет ни бытовой техники, ни центрального отопления. Тебе, наверное, нелегко управляться с хозяйством, Банч.

— Да какое там «нелегко», Джулиан! Я встаю в полседьмого, немножко поверчусь, как белка в колесе, и к восьми у меня уже все готово. И скажи, разве я плохо справляюсь? Полы натерты пчелиным воском, полировка блестит, в кувшинах осенние листья… Нет, на самом деле с большим домом хлопот даже меньше, чем с маленьким. Вытирать пыль и мыть полы легче, потому что не натыкаешься на вещи, как в тесных комнатушках. И спать в большой холодной комнате приятно: свернешься клубочком, так, что только нос из-под одеяла торчит… прелесть как уютно! А чистка картошки и мытье посуды вообще не зависят от размеров дома. Сам посуди, это же прекрасно, что у Сьюзан и Эдварда такая большая пустая комната! Они могут играть сколько им вздумается и в железную дорогу, и в куклы, и им

не нужно убирать игрушки. А еще в большом доме есть где разместить гостей. Взять, к примеру, Джимми Саймеса и Джонни Финча. Беднягам пришлось жить с родителями. А ты сам знаешь, что это несладко. Ты, конечно, преданно любишь свою маму, но, наверно, тебе не очень-то хотелось бы после свадьбы жить с ней и с отцом. Да и мне, признаться, тоже. Я бы чувствовала себя маленькой девочкой.

Джулиан улыбнулся:

— Но ты и вправду до сих пор как маленькая, Банч.

Сам Джулиан Хармон, судя по всему, давно ощущал себя шестидесятилетним. Хотя до этого возраста ему еще оставалось лет двадцать пять.

— Да, конечно, я глупая…

— Ты вовсе не глупая, Банч. Ты очень умная.

— Нет-нет… Я совсем не интеллектуалка. Я, правда, стараюсь… И мне, честное слово, нравится, когда ты говоришь о литературе, истории и о всяких других науках. Хотя, пожалуй, читать мне по вечерам вслух Гиббона все же не стоило, ведь, когда за окном свистит ветер, а тут у нас так тепло и уютно, меня от Гиббона клонит в сон.

Джулиан рассмеялся.

— Но зато тебя я слушать обожаю! Расскажи

мне еще раз про старого священника.

— Да ты давно знаешь все наизусть, Банч!

— Ну, пожалуйста, еще разочек!

— Ладно, — уступил муж. — Старого священника звали Скримгор. Однажды кто-то заглянул в церковь, где он служил, и увидел стоящего на кафедре старика Скримгора, который произносил пламенную проповедь, обращаясь к поденщицам. «Ага! — говорил он, грозя им пальцем. — Я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что Агасфер — это Артаксеркс Второй. А я скажу вам, что вы ошибаетесь! — восклицал старик и добавлял с неописуемым торжеством: — Агасфер — это Артаксеркс Третий!»

Вообще-то Джулиан не находил в истории ничего особо смешного, но Банч не переставала потешаться. Вот и теперь снова раздался всплеск ее звонкого смеха.

— Ах, старый зануда! Когда-нибудь и ты станешь таким же, Джулиан.

Джулиан смутился.

— Да, я очень переживаю, что мне не всегда удается говорить просто и доходчиво, — сказал он.

— А вот из-за этого я бы на твоем месте не волновалась. — Банч поднялась из-за стола и принялась складывать на поднос грязную по-

суду. — Вчера миссис Батт призналась мне, что ее муж, который раньше в церковь даже не заглядывал и слыл местным атеистом, теперь каждое воскресенье приходит послушать твою проповедь… «А недавно, мадам, — продолжала она, мастерски копируя рафинированную собеседницу, — мой Батт сказал мистеру Томкинсу из Литтл-Ворсдейла, что наш Чиппинг-Клеорн — это культурный оазис. Не то что Ворсдейл, где мистер Гросс говорит с прихожанами, как с несмышленышами. Наш священник — человек высокообразованный, настоящий джентльмен. Еще бы! Он не в каких-нибудь Милчестерах, он в Оксфорде обучался! И нас дарит плодами своей образованности. Он все знает и про Древний Рим, и про Грецию, и про Вавилон с Ассирией! Даже кота своего назвал в честь ассирийского царя», — победоносно закончила Банч. — Видишь, какая о тебе идет слава?… О господи! Мне же надо делать дела, а то я до вечера не управлюсь! Кис-кис-кис, Тиглатпаласар, иди сюда, отведай селедочный хребетик!

Открыв дверь, она ловко придержала ее ногой и юркнула в кухню с полным подносом, громко и не особенно благозвучно распевая песню собственного сочинения:

Что за прелестный, убийственный день,

Как благоухает сирень!

Все сыщики разбежались…

Грохот посуды, вываленной в раковину, заглушил следующие слова, но, выходя из дома, преподобный Джулиан Хармон все же услышал последнюю строку, преисполненную ликования:

И мы на убийство собрались!

Глава 2
Завтрак в «Литтл-Пэддоксе»

В «Литтл-Пэддоксе» завтрак тоже был в самом разгаре. Мисс Блэклок, шестидесятилетняя хозяйка дома, сидела во главе стола. Она была в домашнем платье, с которым совершенно не гармонировало ожерелье из крупного фальшивого жемчуга. Мисс Блэклок читала статью Лейн Норкотт, напечатанную в «Дейли мейл». Джулия Симмонс рассеянно перелистывала «Дейли телеграф». Патрик Симмонс разгадывал кроссворд в «Таймс». Мисс Дора Баннер с головой ушла в местный еженедельник, не замечая ничего вокруг.

Мисс Блэклок тихонько хихикнула. Патрик пробормотал:

— Ага! Значит, не «авторитетный», а «авторитарный» — вот где я ошибся!

И вдруг мисс Баннер закудахтала, как испуганная наседка:

— Летти, Летти, ты видела? Что это?

— В чем дело, Дора?

— Какое странное объявление! В нем написано, что в «Литтл-Пэддоксе» произойдет убийство.

Прямо так и написано, черным по белому…

— Дора, дорогая, не волнуйся… Покажи.

Мисс Баннер послушно протянула газету мисс Блэклок и ткнула дрожащим пальцем в загадочные строчки:

— Вот, смотри.

Мисс Блэклок взглянула. Брови ее поползли вверх. Окинув стол испытующим взором, она громко прочла:

— «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!» Патрик, это твои выдумки? — вопрошающий взгляд Летиции Блэклок остановился на красивом молодом повесе, сидевшем на противоположном конце стола.

Патрик Симмонс начал поспешно оправдываться:

— Да вы что, тетя Летти?! Как вы могли подумать? И вообще, почему я?

— Потому что с тебя станется, — жестко сказала мисс Блэклок. — Такие шуточки в твоем стиле.

— Шуточки? Господь с вами, тетя Летти!

— Тогда, может, это твоих рук дело, Джулия?

— Разумеется, нет, — ответила Джулия со скучающим видом.

Мисс Блэклок пробормотала:

— Неужели это миссис Хаймес?…

И взглянула на уже опустевшее место за столом.

— Нет, как-то непохоже, что у нашей Филиппы вдруг прорезалось чувство юмора, — откликнулся Патрик. — Она у нас особа серьезная.

— Тогда чья это выдумка? — спросила, позевывая, Джулия. — И вообще, что это означает?

— Наверное, какой-то глупый розыгрыш, — с расстановкой произнесла мисс Блэклок.

— Но зачем? — воскликнула Дора Баннер. — С какой целью? Если это шутка, то очень неумная шутка, дурного тона!

Ее дряблые щеки негодующе затряслись, а подслеповатые глаза возмущенно сверкнули.

Мисс Блэклок улыбнулась:

— Не волнуйся, Банни. Ничего страшного, просто кто-то решил пошутить. Хотелось бы только узнать, кто именно.

— В объявлении говорится «сегодня», — напомнила мисс Баннер, — сегодня в восемнадцать тридцать. Как ты думаешь, что будет?

— Будет смерть, — загробным голосом произнес

Патрик. — Сладкая смерть!

— Прекрати сейчас же! — цыкнула на него мисс Блэклок, а мисс Баннер тихо взвизгнула от ужаса.

— …Но я имел в виду всего лишь торт, который готовит Мици, — снова принялся оправдываться Патрик. — Вы же знаете, мы называем его «Сладкая смерть».

Мисс Блэклок рассеянно улыбнулась.

Однако мисс Баннер не унималась:

— И все-таки, Летти, как ты думаешь?…

Подруга не дослушала. Она старалась казаться беспечной.

— Я знаю только одно, — сухо сказала мисс Блэклок, — в полседьмого к нам пожалует, сгорая от любопытства, добрая половина поселка. Поэтому на твоем месте, Банни, я бы лучше поинтересовалась, есть ли у нас какая-нибудь выпивка.

— А ведь ты волнуешься, Летти!

Мисс Блэклок вздрогнула. Она сидела за письменным столом и рассеянно рисовала на промокашке рыбок. Подняв голову, Летиция посмотрела на встревоженную подругу. Что ей было сказать Доре Баннер? Банни нельзя волноваться, нельзя расстраиваться. Мисс Блэклок помолчала, раздумывая… Они с Дорой Баннер вместе учились

в школе. В те давние времена Дора была светловолосой, голубоглазой глупышкой. Но глупость ее никому не мешала. С Дорой охотно общались, потому что она была веселой, жизнерадостной и хорошенькой. Подруги считали, что ей нужно выйти замуж за симпатичного военного или за сельского присяжного. Дора обладала массой достоинств: она была нежной, заботливой, верной. Но жизнь жестоко обошлась с бедняжкой. Доре пришлось самой зарабатывать себе на хлеб. И хотя она была очень старательной, ее повсюду преследовали неудачи. На долгое время Летиция с Дорой потеряли друг друга из виду. Но полгода назад мисс Блэклок получила письмо, сумбурное и патетическое. Дорино здоровье было подорвано. Она жила в крохотной каморке, пытаясь хоть как-то просуществовать на мизерную пенсию. Ей хотелось бы брать на дом вышивание, но из-за ревматизма она не могла и этого. Банни с умилением вспоминала школьную дружбу… Жизнь, конечно, развела их… но, может быть… вдруг… подруга не откажется ей помочь?

И мисс Блэклок поддалась внезапному порыву. Бедная Дора, бедная, милая, глупенькая, пухленькая Дора! Летиция бросилась к Доре и привезла ее в «Литтл-Пэддокс», сказав, что одной вести

хозяйство тяжело и ей нужна помощница. Жить Доре оставалось недолго — так по крайней мере уверяли врачи. И все же порой мисс Блэклок чувствовала, что взяла на себя непомерно тяжелую ношу. Бедняжка Дора постоянно все путала, портила нервы вспыльчивой домработнице-иностранке, теряла счета и письма, а временами просто доводила мисс Блэклок до белого каления. Бедная, бестолковая старушка Дора, она такая преданная, так искренне хочет помочь, так гордится тем, что она нужна и приносит пользу, но, увы, она так ненадежна!..

— Не надо, Дора. Я же тебя просила, — резко оборвала подругу мисс Блэклок.

— Ой! — виновато заморгала мисс Баннер. — Да, конечно… Я просто забыла. Но… ты ведь действительно…

— Волнуюсь? Отнюдь. По крайней мере, — добавила Летиция, стараясь быть правдивой, — не из-за этого. Ты ведь имела в виду нелепое объявление в «Газете»?

— Да… По-моему, даже если это шутка, она какая-то злобная.

— Злобная?

— Да. От всей этой затеи веет злобой. В общем… нехорошая это шутка, вот что!

Мисс Блэклок задумчиво поглядела на подругу. Кроткие глаза, большой упрямый рот, слегка вздернутый носик. Бедная Дора, от нее с ума можно сойти! Бестолковая, преданная Дора… О господи, сколько же с ней хлопот! А теперь еще и это… Кто бы мог подумать, что у выжившей из ума милашки еще сохранился нюх на нравственные и безнравственные поступки?!

— Что ж, похоже, ты права, Дора, — промолвила мисс Блэклок. — Это дурная шутка.

— Не нравится мне она, совсем не нравится! — с внезапной яростью выпалила мисс Баннер. — Я боюсь! — И неожиданно добавила: — Да и ты тоже боишься, Летиция.

— Вздор! — бодро возразила мисс Блэклок.

— Я уверена, затевается что-то опасное. Это как бомба в конверте…

— Да ладно тебе нагнетать! Просто какой-то недоумок решил сострить.

— Не вижу ничего смешного.

И действительно, ничего смешного тут не было. Лицо мисс Блэклок выдало ее потаенные мысли, и Дора торжествующе воскликнула:

— Я же говорила! Ты тоже так думаешь!

— Но, Дора, дорогая…

Мисс Блэклок не договорила. В комнату, словно

цунами, ворвалась молодая женщина; ее пышная грудь бурно вздымалась под тесным свитером. Широкая пестрая юбка была посажена на корсаж, вокруг головы обмотаны сальные черные косы. Черные глаза метали молнии.

— Я могу вам обращаться, пожалуйста, да?

Мисс Блэклок вздохнула:

— Разумеется, Мици. Что стряслось?

Право же, подчас ей казалось, что лучше самой готовить еду и вести хозяйство, нежели терпеть бесконечные истерики домработницы-беженки.

— Я не ходить вокруг и возле… Я говорить прямо… Я давать предупреждение о уход… и уходить… уходить сейчас!

— Сейчас? Но почему? Тебя кто-то расстроил?

— Расстроил, да! — трагически воскликнула Мици. — Я не хочу умирать! Я уже бежал в Европа. Моя семья — они все умирали… их убивать, всех: и мама, и маленький брат, и моя такая милая маленькая племянница… все, все убивать. Но я убежать, прятаться, прийти в Англия. Я работать. Я делаю работа, какая никогда не делала на моя родина… Я…

— Да-да, ты говорила, — решительно оборвала мисс Блэклок Мици, по сто раз на дню повторявшую одно и то же. — Но все-таки мне непонятно,

почему ты решила уйти именно сегодня?

— Потому что они опять приходить меня убивать!

— Кто?

— Мои враги. Наци! Они узнавать, что я здесь, и приходить убивать. Я об это читаль, да, я читаль газет!

— Ты имеешь в виду нашу «Газету»?

— Вот, здесь написано, — Мици достала из-за спины «Газету». — Видишь, здесь они прямо говорить: «Убийство». Убийство в «Литтл-Пэддоксе». Или это не значит здесь? Сегодня вечер, в половина седьмого. Ай! Я не хочу ждать, когда меня убивать… Нет!

— Но почему ты считаешь, что это про тебя? Мы, например, думаем, что кто-то просто пошутил.

— Пошутил? Разве убивать — это шутка?

— Нет, конечно. Но, дорогая девочка, если бы кто-нибудь захотел тебя убить, он бы не стал давать объявление в газете.

— Да? — Мици призадумалась. — Вы хотите сказать, они никто не хотеть убивать? А может, они хотеть убивать вас, мисс Блэклок?

— В жизни не поверю, что кто-то решил меня убить, — беспечно заявила мисс Блэклок. — И главное, Мици, я совершенно не понимаю, зачем

убивать тебя. Ну, зачем, скажи на милость?

— Потому что они плохие… очень плохие. Я вам уже говорить: и маленький брат, и мама, и моя такая милая маленькая племянница…

— Да-да, конечно, — ловко остановила поток словоизлияний мисс Блэклок. — Но все равно мне не верится, что тебя хотят убить, Мици. Хотя если ты твердо решила уйти, причем предупредив меня за пять минут до своего ухода, я не в силах тебе помешать. Но учти, ты сделаешь огромную глупость, — уже другим тоном произнесла мисс Блэклок и поспешила добавить, заметив, что Мици заколебалась: — Говядина, что прислал к обеду мясник, по-моему, слишком жесткая.

— Я буду готовить гуляш, специальный гуляш.

— Специальный так специальный. А кстати, ты не могла бы сделать сырные палочки? Ну, из того засохшего куска сыра… А то ведь к нам могут сегодня пожаловать гости.

— Сегодня? Что значит «сегодня»?

— То и значит. В половине седьмого.

— Но… это же время, которое написать газета! Кто придет? Зачем придет?

— На похороны, — сказала, подмигнув, мисс Блэклок и добавила, пресекая дальнейшие возражения: — Все, Мици, хватит. Мне некогда. Ступай

и, пожалуйста, поплотнее закрой за собой дверь.

— Так… на некоторое время покой обеспечен, — вздохнула хозяйка дома, когда дверь за ошарашенной Мици захлопнулась.

— Ах, Летти! Ты такая деловая! — восхищенно воскликнула мисс Баннер.

Глава 3
В половине седьмого

— Ну, вроде все, — сказала мисс Блэклок, придирчиво окидывая взглядом двойную гостиную. Ситцевая мебельная обивка с мелкими розочками, золотистые шары хризантем… вазочка с фиалками и серебряная сигаретница на столике возле стены… поднос с напитками на столе посреди комнаты… «Литтл-Пэддокс» представлял собой средний по величине особняк, построенный в стиле ранней Викторианской эпохи. В узкой, продолговатой гостиной вечно царил полумрак, потому что крыша веранды заслоняла солнечный свет; в дальнем конце когда-то были двойные двери, которые вели в маленькую комнатку с окном в нише, но потом двойные двери убрали и заменили бархатными портьерами. Когда же в особняке поселилась мисс Блэклок, она окончательно соединила две комнаты в одну. В каждой половине был свой камин, и, хотя ни один не горел, по комнате разливалось приятное тепло.

— Вы включили отопление? — спросил Патрик.

Мисс Блэклок кивнула:

— Да, тут было так зябко и промозгло! В доме жуткая сырость, поэтому я попросила Ивана затопить перед уходом котел.

— Неужто не пожалели драгоценного кокса? — усмехнулся Патрик.

— Вот именно: драгоценного. Но иначе нам пришлось бы расходовать еще более драгоценный уголь. Сам знаешь, отопительная контора не выделяет ни грамма сверх того, что нам положено на неделю… если только не заявить, что нам не на чем готовить еду.

— Но ведь когда-то были целые горы угля и кокса, и они продавались совершенно свободно? — Джулия сказала так, как будто речь шла не об Англии, а о какой-то диковинной заморской стране.

— Да, и причем по дешевке.

— И кто угодно мог пойти и купить все, что хотел, без карточек и ограничений? Неужели тогда всего было полно?

— Да, дорогая. И топливо было любого сорта и любого качества, а не как сейчас, только камни и сланец.

— Эх, жили же люди! — с завистью произнесла Джулия.

Мисс Блэклок улыбнулась:

— Мне тоже приходят на ум такие мысли, когда я оглядываюсь назад. Но ведь я старуха. И естественно, мое время кажется мне самым лучшим. Но вам, молодым, негоже вести подобные речи.

— Я тогда могла бы не работать, — продолжала, не слушая тетку, Джулия. — Сидела бы себе дома, составляла цветочные букеты и писала письма… Почему тогда писали столько писем? Кому?

— Всем тем, кому ты сейчас звонишь по телефону, — лукаво прищурилась мисс Блэклок. — Хотя мне, честно говоря, не верится, что ты умеешь писать, Джулия.

— Да уж конечно, я не следую «Полному руководству по написанию писем», которое раскопала тут у вас на днях. Это прелесть что такое! Представляете, там даже дают советы, как достойно отказать вдовцу, если он просит твоей руки.

— И тем не менее вряд ли тебе удалось бы всю жизнь пробездельничать. У людей и тогда было много разных обязанностей, — сухо сказала мисс Блэклок. — Впрочем, я мало сведуща в светской жизни. Нам с Банни, — она одарила Дору Баннер нежной улыбкой, — рано пришлось отправиться на биржу труда.

— О да, очень рано! — поддакнула мисс Бан-

нер. — Господи, каких гадких, отвратительных детей мне пришлось обучать! Никогда их не забуду. Летти, правда, оказалась умнее меня. Она проникла в деловой мир, стала секретаршей финансового воротилы…

Внезапно открылась дверь, и вошла Филиппа Хаймес, статная, красивая, спокойная женщина. Она удивленно огляделась по сторонам:

— Здравствуйте! А вы что, гостей ждете? Почему мне ничего не сказали?

— Это невероятно! — воскликнул Патрик. — Филиппа не знает! Бьюсь об заклад: она единственная женщина в Чиппинг-Клеорне, которая ничего не знает!

Филиппа вопросительно взглянула на него.

— Узрим мы вскоре, — Патрик театрально взмахнул рукой, — убийства сцену!

Филиппа Хаймес слегка удивилась.

— Вот это, — Патрик указал на хризантемы, — похоронные венки, а оливки и сырные палочки символизируют поминальное угощение.

Филиппа перевела вопросительный взгляд на мисс Блэклок.

— Это шутка? Вы же знаете, я начисто лишена чувства юмора.

— Да, это очень гадкая шутка! — взволнованно

ответила за Летицию мисс Баннер. — Мне она совершенно не нравится.

— Покажи объявление, — велела ей мисс Блэклок. — А я пойду загоню уток. Уже темно. Им пора домой.

— Давайте я схожу, — предложила Филиппа.

— Что ты, дитя мое! Ты отдыхай, на сегодня твоя работа закончена.

— Тогда давайте схожу я, — вызвался Патрик.

— Нет-нет, ни в коем случае! — решительно возразила мисс Блэклок. — В прошлый раз ты плохо задвинул засов.

— Летти, дорогая, позволь мне пойти! — взмолилась мисс Баннер. — Честное слово, я с удовольствием! Вот только галоши надену и кофту… Ах, куда же она запропастилась?

Но мисс Блэклок, улыбаясь, уже выходила из комнаты.

— Дохлый номер, Банни, — ухмыльнулся Патрик. — Тут энергия бьет ключом. Тетушка не выносит, когда что-нибудь делают за нее. Она везде хочет поспеть сама.

— Да, она очень самостоятельная, — поддакнула Джулия.

— Хотя ты, если не ошибаюсь, не предлагала ей своих услуг, — подколол Джулию брат.

Девушка лениво улыбнулась.

— Ты сам только что сказал, что тете Летти нравится со всем справляться самой. И потом, — она вытянула вперед изящную ногу в тонком чулке, — я же надела свои выходные чулки.

— Смерть в шелковых чулках! — патетически воскликнул Патрик.

— Не в шелковых, кретин, а в нейлоновых.

— Это не так красиво звучит.

— Послушайте, может, кто-нибудь объяснит мне, — жалобно сказала Филиппа, — почему здесь столько говорят о смерти?

Все загалдели, перебивая друг друга, хотели показать ей «Газету», но не смогли — Мици унесла ее в кухню.

Мисс Блэклок вернулась через несколько минут.

— Так, — она бросила беглый взгляд на часы, — значит, у нас все готово. А времени — двадцать минут седьмого. Ну что ж, теперь одно из двух: или сейчас к нам пожалуют гости, или я совершенно не понимаю своих соседей.

— Да, но с какой стати им приходить? — в замешательстве спросила Филиппа.

— Дорогая, неужели ты действительно не в курсе? Впрочем, похоже, что нет. М-да, другую такую

нелюбопытную особу днем с огнем не сыскать.

— Отношение Филиппы к жизни можно выразить одним словом: равнодушие, — гаденьким тоном произнесла Джулия.

Филиппа предпочла промолчать. Мисс Блэклок посмотрела по сторонам.

Мици успела поставить на стол бутылку шерри и три блюда — с оливками, сырными палочками и какими-то миниатюрными печеньицами.

— Патрик, если тебе не трудно, переставь поднос в угол. Вон туда, в нишу. А лучше передвинь весь стол. В конце концов, у нас ведь не званый ужин. Я лично никого не приглашала и не хочу, чтобы было заметно, что я жду гостей.

— Как, тетя Летти?! Вы намерены скрыть вашу прозорливость?

— Ты прекрасно справился с заданием, Патрик. Большое спасибо, дорогой.

— Что ж, будем изображать тихий семейный вечер в домашнем кругу, — сказала Джулия, — а при виде нежданных гостей выразим искреннее удивление.

Мисс Блэклок взяла бутылку шерри-бренди и замерла в нерешительности.

— Да здесь почти полбутылки, — ободрил ее Патрик. — Я думаю, должно хватить.

— Да, конечно. — Мисс Блэклок поколебалась и, слегка покраснев, попросила: — Патрик, пожалуйста… в кладовке, в шкафу, есть новая бутылка. Принеси ее и захвати с собой штопор. Я… то есть мы вполне можем выставить на стол и новую бутылку. А то эта… она уже початая.

Патрик молча исполнил ее просьбу и, вернувшись с новой бутылкой, вытащил из нее пробку. Ставя шерри-бренди на поднос, он с любопытством поглядел на мисс Блэклок.

— Послушайте, а вы, похоже, это принимаете всерьез? — участливо спросил он.

— Еще бы не всерьез! — возмутилась шокированная Дора Баннер. — Нет, Летти, ты даже себе не представляешь…

— Тс-с! — резко оборвала ее мисс Блэклок. — Звонок. Что я говорила? Как видите, мои мудрые пророчества начинают сбываться.

Мици распахнула дверь в гостиную, впуская полковника Истербрука с супругой. У Мици была своеобразная манера объявлять о приходе гостей.

— Тут этот… полковник и миссис Истербрук… заявились, — фамильярно сообщила она.

Полковник, пытаясь скрыть смущение, вел себя разудало.

— Ничего, что мы к вам как снег на голову? — спросил он.

Из угла, где сидела Джулия, раздался тихий смех.

— Вот, проходили мимо и решили заскочить. Промозглый сегодня вечерок. Я смотрю, вы уже затопили. А мы пока не топим.

— Что за прелесть ваши хризантемы! — зашлась от восторга миссис Истербрук.

— Да они слова доброго не стоят! — возразила Джулия.

С Филиппой Хаймес миссис Истербрук поздоровалась особенно сердечно, как бы желая подчеркнуть, что понимает, насколько Филиппа выше обычных сельскохозяйственных рабочих.

— Как поживает садик, миссис Лукас? Вы полагаете, его можно привести в нормальное состояние? Он ведь в полнейшем запустении… всю войну без ухода… да и после войны за ним никто не ухаживал… Противный старикан Эйш только подметал там листья и сажал кое-где капусту.

— Да, сад надо приводить в порядок, — согласилась Филиппа. — Но это недолго.

Мици снова распахнула дверь и выпалила:

— Тут эти… дамы из «Боулдерса»!

— Добрый вечер! — Мисс Хинчклифф двумя

шагами перемахнула комнату и стиснула в своей огромной клешне руку мисс Блэклок. — Я сегодня возьми да и скажи Мергатройд: «А чего бы нам не нагрянуть в „Литтл-Пэддокс“?» Хотелось узнать, как высиживают утят ваши утки.

— Так день укоротился, не успеешь оглянуться, а уже смеркается, да? — с легким волнением защебетала мисс Мергатройд, обращаясь к Патрику. — О, какие прелестные хризантемы!

— Веник! — буркнула Джулия.

— Почему ты не желаешь общаться? — с упреком шепнул ей Патрик.

— О, вы уже затопили! — в устах мисс Хинчклифф это прозвучало как обвинение. — Что-то слишком рано…

— В это время года в доме ужасно сыро, — принялась оправдываться мисс Блэклок.

Патрик просигналил бровями: «Подавать шерри?» Мисс Блэклок послала ответный сигнал: «Пока не надо».

Она поинтересовалась у полковника Истербрука:

— Вам прислали из Голландии луковицы тюльпанов?…

Дверь снова отворилась, и вошла слегка пристыженная миссис Светтенхэм, за спиной кото-

рой маячил хмурый и сконфуженный Эдмунд.

— А вот и мы! — весело воскликнула миссис Светтенхэм и с явным любопытством посмотрела по сторонам. Но тут же смутилась и добавила: — Я просто так решила забежать… хотела спросить, мисс Блэклок, не нужен ли вам котенок. А то наша кошка вот-вот…

— Попадет на родильный стол, — закончил вместо матери Эдмунд. — Результат будет ужасающим. Так что потом не говорите, что я вас не предупреждал.

— Наша кошка прекрасно ловит мышей, — поспешно возразила миссис Светтенхэм. И добавила: — Какие прелестные хризантемы!

— О, а вы, я гляжу, затопили, — пытаясь выглядеть оригинальным, изрек Эдмунд.

— Как же люди похожи на граммофонные пластинки! — прошептала Джулия.

— Последние сводки новостей мне не нравятся! — заявил полковник Истербрук, мертвой хваткой вцепившись в Патрика. — Не нравятся — и точка. Спросите меня, и я отвечу: война неизбежна… неизбежна — и точка!

Дверь опять распахнулась, и вошла миссис Хармон. Пытаясь одеться помоднее, она нацепила поношенную фетровую шляпку, а вместо

домашнего свитера надела какую-то несуразную блузку с рюшечками.

— Хэлло, мисс Блэклок! — лучезарно улыбаясь, воскликнула Банч. — Надеюсь, я не опоздала? Когда начнется убийство?

…Все ахнули. Джулия одобрительно хохотнула, Патрик сморщился, а мисс Блэклок растянула губы в улыбке.

— Джулиан рвал и метал, что не может прийти, — продолжала миссис Хармон. — Он у меня обожает убийства. В прошлое воскресенье это подвигло его произнести прекрасную проповедь… Мне, наверно, не стоит хвалить Джулиана, ведь он как-никак мой муж, но проповедь и вправду удалась, вы не находите? По-моему, она получилась куда лучше остальных его проповедей… А все из-за детектива «Козни смерти». Вы читали? Продавщица книжного магазина в Бутсе отложила для меня экземплярчик. О, там так все запутано, ничего не разобрать! Только думаешь: наконец-то хоть что-то прояснилось, и вдруг на тебе — опять ничего не понятно! А убийств какая уйма! Целых четыре или даже пять, прелесть что такое! Я случайно забыла книжку в кабинете, а Джулиан пришел туда, чтобы подготовиться к проповеди. Решил взглянуть, зачитался и не

смог оторваться до самого конца. В общем, проповедь пришлось составлять наспех, на всякие ученые штучки-дрючки времени уже не хватало… И естественно, получилось в сто раз лучше, чем обычно!.. О боже, я совсем заболталась! Так все-таки, скажите на милость, когда начнется убийство?

Мисс Блэклок взглянула на каминные часы и бодро ответила:

— Если ему суждено начаться, то уже вот-вот. До половины седьмого осталась ровно одна минута. А пока выпейте шерри.

Патрик с готовностью устремился в проход под аркой. Мисс Блэклок подошла к столику, стоявшему возле этого прохода, и потянулась за сигаретами.

— Выпить-то я выпью с удовольствием, — откликнулась миссис Хармон. — Но почему вы сказали «если»?

— А потому что я, — сказала мисс Блэклок, — пребываю в таком же неведении, как и вы. Откуда мне знать…

Тут она осеклась, повернув голову на бой каминных часов. Звук был нежный, мелодичный, похожий на звон колокольчиков. Все тоже замолчали и замерли, глядя на часы, которые отбили

четверть, потом половину. А когда замер последний звук, комната вдруг погрузилась в темноту… Послышались восхищенные вздохи и женский писк.

«Началось!» — в экстазе воскликнула миссис Хармон.

Дора Баннер жалобно захныкала:

— Ой, мне это совсем не нравится!

С разных сторон доносились и другие голоса:

— Какой кошмар! Какой ужас!

— Страшно, аж жуть!..

— У меня мурашки по коже бегают!..

— Арчи, ау!.. Что теперь надо делать?…

— О господи, я, кажется, отдавил вам ногу. Простите, пожалуйста!

Потом с грохотом распахнулась дверь. Яркий свет фонаря забегал по комнате, и хриплый мужской голос скомандовал:

— Руки вверх! А ну руки вверх, кому говорят!

Все сразу почувствовали себя как в кино и восхищенно подняли руки.

— Вот это да! — выдохнула какая-то дамочка. — С ума сойти можно…

И вдруг пистолет заговорил. Он выстрелил дважды. Свист пуль вдребезги разбил всеобщее благодушие. Игра перестала быть игрой. Кто-то

взвизгнул… Человек в дверях обернулся, казалось, заколебался, но грянул третий выстрел, и он упал. Фонарь выпал из его руки и потух. Все опять погрузилось во мрак, а дверь в гостиную медленно, со слабым, негодующим стоном закрылась и защелкнулась.

…В комнате началось вавилонское столпотворение. Все кричали наперебой:

— Свет, включите свет!.. Неужели нельзя найти выключатель?… У кого есть зажигалка?… Ой, не нравится мне это, совсем не нравится!.. Но ведь стрельба была настоящая!.. У него был настоящий пистолет!.. Это грабитель?… Арчи, Арчи, я хочу домой!.. Ради бога, достаньте зажигалку!..

Затем почти одновременно щелкнули две зажигалки и вспыхнуло два маленьких ровных пламени. Все, щурясь, испуганно смотрели друг на друга. Прислонившись к стене, у прохода под аркой стояла мисс Блэклок. Она закрывала лицо руками, и что-то темное струилось у нее между ее пальцами; ничего больше разглядеть при таком слабом освещении было невозможно.

Полковник Истербрук прочистил горло и даже встал ради такого случая.

— Попробуйте нажать на выключатель, Светтенхэм, — приказал он.

Застывший возле двери Эдмунд послушно щелкнул выключателем.

— Или на станции авария, или пробки перегорели, — важно изрек полковник. — Эй, а там что за базар?

За дверью вопил-разрывался женский голос. Вопль становился все истошней, и наконец в дверь забарабанили. Тихо всхлипывавшая Дора Баннер воскликнула:

— Это Мици! Ее убивают!..

— Как же! Дождешься такого счастья! — пробормотал Патрик, а мисс Блэклок сказала:

— Надо достать свечи. Патрик, будь добр…

Но полковник уже открыл дверь. Освещая себе путь зажигалками, они с Эдмундом вышли в холл и чуть не споткнулись о лежавшего на полу человека.

— Похоже, готов, — сказал полковник. — Ну и где ваша горлодерка?

— В столовой, — ответил Эдмунд.

Дверь столовой выходила в холл. Слышно было, как кто-то бьется о стены, воет и визжит.

— Ее заперли, — сказал, наклоняясь в поисках замочной скважины, Эдмунд.

Едва он повернул ключ, Мици выпрыгнула из комнаты, как тигр из клетки. В столовой свет был.

Мици являла собой картину неописуемого ужаса и продолжала визжать. Однако во всей этой ситуации было нечто комическое, потому что в момент нападения она чистила столовое серебро и до сих пор сжимала в одной руке шкурку, а в другой — длинный нож для разделки рыбы.

— Успокойся, Мици, — сказала мисс Блэклок.

— Да-да, перестань кричать! — поддержал ее Эдмунд, но, поняв, что Мици явно не собирается замолкать, подался вперед и влепил ей звонкую пощечину. Мици судорожно глотнула воздух, икнула и умолкла.

— Достаньте свечи, — распорядилась мисс Блэклок. — Они на кухне в шкафу. Патрик, ты знаешь, где у нас пробки?

— В коридоре за посудомоечной? Сейчас посмотрю.

Мисс Блэклок вступила в полосу света, падавшего из столовой, и Дора Баннер чуть не захлебнулась рыданиями. Мици же опять издала душераздирающий вопль.

— Кровь! Кровь! — истошно заголосила она. — Вас стреляли, мисс Блэклок… Вы умирать от теряния крови!

— Не болтай глупостей! — оборвала ее мисс Блэклок. — Я вовсе не ранена. Только ухо слегка

поцарапано.

— Но, тетя Летти, — сказала Джулия, — это действительно кровь.

И правда, белая блузка мисс Блэклок, ее жемчужное ожерелье и руки — все было запачкано кровью.

— Уши всегда сильно кровоточат, — сказала мисс Блэклок. — Помнится, как-то в детстве я потеряла сознание в парикмахерской. Мастер чуть-чуть порезал мне ухо, а крови натекло целое ведро. Однако надо бы зажечь свет…

— У меня есть свеч, — подала голос Мици.

Джулия пошла вместе с ней, и они принесли на блюдцах несколько свечей.

— Так-так, посмотрим-ка на нашего злодея, — сказал полковник. — Опустите свечу пониже, Светтенхэм. Еще ниже, еще…

— Давайте я зайду с другой стороны, — предложила Филиппа.

Она решительно взяла пару блюдец. Полковник Истербрук опустился на колени.

Человек, лежавший на полу, был одет в мешковатый черный плащ с капюшоном. На лице была черная маска, на руках — черные нитяные перчатки. Капюшон сполз, из-под него выбивались всклокоченные светлые волосы. Полковник

Истербрук перевернул незнакомца на спину, пощупал пульс, послушал, бьется ли сердце, и, вскрикнув от отвращения, отдернул руки. Они были липкими и красными.

— Застрелился, — сказал полковник. — Может, это самоубийство, а может, он упал, запутавшись в плаще, и в момент падения пистолет разрядился. Очень плохо видно…

И тут как по мановению волшебной палочки зажегся свет.

Со странным чувством, будто все происходит понарошку, жители Чиппинг-Клеорна, столпившиеся в холле «Литтл-Пэддокса», вдруг осознали, что на их глазах трагически погиб человек. Рука полковника Истербрука покраснела от крови. Кровь все еще текла по шее мисс Блэклок, капая на блузку и юбку, а на полу лежал нелепо растянувшийся незваный гость.

— Похоже, всего одна пробка перегорела… — Вошедший в комнату Патрик осекся.

Полковник потянулся к узкой черной маске, прикрывавшей лицо трупа:

— Давайте-ка взглянем, что это за тип. Хотя мы вряд ли его знаем.

Он сорвал маску. Все вытянули шеи. Мици икнула, судорожно хватая ртом воздух. Остальные

стояли неподвижно, как истуканы.

— Совсем молоденький, — жалостливо протянула миссис Хармон.

А Дора Баннер взволнованно воскликнула:

— Летти, Летти, это же молодой человек из отеля «Спа» в Меденхэм-Уэллсе! Он еще приходил к нам, просил денег, чтобы вернуться в Швейцарию, а ты ему отказала. Наверное, это был лишь предлог, а на самом деле он хотел пробраться в дом и изучить планировку. Господи, он ведь мог убить тебя!..

Мисс Блэклок поспешила взять инициативу в свои руки:

— Филиппа, отведи Банни в столовую и дай ей полрюмки бренди. Джулия, дорогая, сбегай в ванную и принеси мне из шкафчика лейкопластырь, а то я тут все заляпаю. А ты, Патрик, звони в полицию.

Глава 4
Отель «Ройал Спа»

Начальник полиции Миддлшира Джордж Райдесдейл был человеком спокойным. Этот мужчина среднего роста с проницательными глазами под кустистыми бровями имел обыкновение больше слушать, чем говорить. Выслушав же собеседника, он бесстрастно отдавал лаконичные приказы, которые неукоснительно выполнялись.

Сейчас Райдесдейл слушал отчет инспектора Дермота Краддока, которому было поручено расследовать происшествие в «Литтл-Пэддоксе». Вчера ночью Райдесдейл вызвал Краддока из Ливерпуля, куда тот был отправлен для наведения справок по другому делу. Райдесдейл высоко ценил своего сотрудника. Тот не только обладал острым умом и богатым воображением, но еще и отличался дисциплинированностью и терпением (что для Райдесдейла было важнее ума) и мог вести расследование не торопясь, перепроверяя каждый факт и сохраняя способность непредубежденно мыслить до самого конца

следствия.

— Вызов принял констебль Легг, сэр, — сообщил Райдесдейлу Краддок. — Он проявил оперативность и не потерял присутствия духа. А это было нелегкой задачей. Вы только представьте себе десяток людей, галдящих наперебой. Даже эта беженка, которая вообще-то боится полицейских как черт ладана, и та орала. Ей почудилось, что она угодила в ловушку, и бедняга вопила так, что в доме чуть не обрушились стены.

— Вам удалось установить личность покойника?

— Так точно, сэр. Это некий Руди Шерц. Швейцарец. Работал администратором гостиницы «Ройал Спа» в Меденхэм-Уэллсе. Если вы не возражаете, сэр, я сначала поеду туда, а потом в Чиппинг-Клеорн. Там сейчас сержант Флетчер. Он должен встретиться с водителями автобусов, а после отправиться в «Литтл-Пэддокс».

Райдесдейл одобрительно кивнул.

Открылась дверь. Начальник полиции поднял глаза.

— Входите, Генри, — сказал он. — У нас довольно оригинальное дело.

Сэр Генри Клиттеринг, бывший комиссар Скотленд-Ярда, поднял брови.

— Это может заинтересовать даже Вашу Пресыщенность.

— Неправда, пресыщенным я никогда не был! — возмутился сэр Генри.

— Вы уже слышали о последнем писке моды? — спросил Райдесдейл. — Теперь об убийствах оповещают заранее. Краддок, пожалуйста, покажите сэру Генри объявление.

Клиттеринг прочел абзац, в который ткнул пальцем Краддок.

— М-да, действительно оригинально.

— А удалось установить, кто подал объявление? — поинтересовался Райдесдейл у Краддока.

— Судя по всему, это был сам Руди Шерц. Он дал объявление в среду.

— И оно никого не заинтриговало? Неужели человек, который его принимал, не удивился?

— Тощая блондинка, сидящая на приеме объявлений, не обладает способностью к мышлению. По крайней мере мне так показалось, сэр. Она просто сосчитала количество слов и взяла у клиента деньги.

— Но зачем он это затеял? — недоуменно спросил сэр Генри.

— Наверное, чтобы собрать побольше народу, — предположил Краддок. — Вероятно, он

решил собрать местных зевак, крикнуть: «Руки вверх!» и быстренько облегчить их карманы от лишних денег и драгоценностей. Идея довольно оригинальная.

— А что за место этот Чиппинг-Клеорн? — поинтересовался сэр Генри.

— Это большой живописный поселок. Он растянулся на несколько миль. Там есть лавка мясника, лавка зеленщика, булочная, вполне приличный антикварный магазинчик, две чайные. Красивое местечко. Обслуживает автотуристов. Плотность населения высокая. Раньше в коттеджах жили фермеры, а теперь обитают старые девы и пожилые супружеские пары. Большинство домов построено в Викторианскую эпоху.

— Представляю, — сказал сэр Генри. — Божьи одуванчики и отставные полковники. Да, эти люди действительно явятся, увидев объявление в газете, они ужасно любопытны. Эх, много бы я дал за то, чтобы мой собственный божий одуванчик оказался там вчера! Неужели ей не захотелось бы впиться в эту историю своими мелкими дамскими зубками? Это вполне в ее духе!

— Вы о ком, сэр Генри? О своей тетушке?

— О нет, — вздохнул сэр Генри. — Она мне не родственница… Но это самый лучший сыщик

на свете. Природный гений, взращенный на благодатной почве. — Он повернулся к Краддоку. — И вам не стоит пренебрегать божьими одуванчиками, обитающими в этом поселке, мой мальчик. Запомните на всякий случай — вдруг дело окажется запутанным? Старая дева, сидящая на лавочке с вязаньем или обожающая возиться в саду, даст сто очков вперед любому следователю. Она расскажет вам, что могло произойти, и что должно было произойти, и даже что на самом деле произошло. А главное — вы узнаете от нее, почему это произошло!

— Буду иметь в виду, — кивнул инспектор Краддок, стараясь держаться как можно официальнее. Никто никогда бы не догадался, что Дермот Эрик Краддок — крестный сын сэра Генри и на самом деле отношения у них очень близкие и дружеские.

Райдесдейл кратко изложил сэру Генри суть дела.

— В том, что они соберутся в половине седьмого, можно было не сомневаться, — сказал он напоследок. — Но как об этом мог узнать наш швейцарец? И еще одно: откуда у него возникла уверенность, что ему будет чем поживиться?

— Да, улов негустой… Пара старомодных бро-

шек, нитка фальшивого жемчуга, от силы две банкноты, — задумчиво произнес сэр Генри. — Вы не знаете, мисс Блэклок хранит дома много денег?

— Вроде бы нет, сэр. Фунтов пять, не больше.

— Особо не разгуляешься, — заметил Райдесдейл.

— Вы хотите сказать, — подытожил сэр Генри, — что молодчику просто нравились розыгрыши? Вам кажется, это был не грабеж, а маскарад, игра в налетчика? Как в кино? Что ж, вполне вероятно. Вот только как он умудрился застрелиться?

Райдесдейл протянул ему бумагу:

— Предварительное медицинское заключение. Выстрел произведен с близкого расстояния… ожоги… гм… Да, но все равно неясно, что это: самоубийство или несчастный случай. Может, он действительно застрелился, а может, пистолет разрядился случайно, когда молодой человек споткнулся и упал. По-моему, вероятней последнее. — Сэр Генри посмотрел на Краддока. — Надо очень тщательно опросить свидетелей. Пусть точно опишут, что они на самом деле видели.

Инспектор Краддок вздохнул:

— Каждый из них видел что-то свое.

— Меня всегда занимал вопрос, — сказал сэр

Генри, — что видят люди в минуту крайнего возбуждения или нервного потрясения? А еще интереснее то, чего они не замечают…

— Что известно про пистолет?

— Он иностранного производства. В Европе довольно много пистолетов такой марки. Шерц не имел разрешения на оружие. Въезжая в Англию, он не декларировал оружие.

— Прохвост, — сказал сэр Генри.

— Да уж, с какой стороны ни посмотри. Ладно, Краддок, вы свободны. Выясните все, что сможете, о Руди Шерце в отеле «Ройал Спа».

В «Ройал Спа» Краддока сразу повели к управляющему.

Высокий румяный добряк Роулендсон принял его с отменным радушием.

— Счастлив буду помочь всем, чем смогу, инспектор. Поверьте, для меня это полная неожиданность! Никогда бы не поверил… Шерц казался мне таким заурядным парнем, симпатичным, но совершенно обыкновенным. Я и представить его не мог в роли налетчика.

— Он давно работал у вас, мистер Роулендсон?

— Как раз перед вашим приходом я поднял документацию. Руди проработал тут чуть больше трех месяцев. Рекомендации у него были хоро-

шие, все бумаги были в порядке.

— Он вас устраивал?

От Краддока не укрылось, что Роулендсон слегка замялся.

— Д-да, вполне.

Краддок прибегнул к испытанной тактике.

— Ах, мистер Роулендсон, — сказал он, ласково качая головой, — вы ведь не до конца со мной откровенны.

— Я? Э-э… — Управляющий явно был застигнут врасплох.

— Видите? Нет, тут что-то не так. Что именно?

— В том-то и дело, что я не знаю.

— Но у вас возникли какие-то подозрения.

— М-м… да. Я… Но у меня нет доказательств! Мне бы не хотелось, чтобы мои домыслы были записаны и потом использованы против меня.

Краддок любезно улыбнулся:

— Я знаю, на что вы намекаете. Не беспокойтесь. Мне просто необходимо уяснить, что собой представлял этот Шерц. Вы его подозревали. В чем?

— Пару раз у нас возникали сложности со счетами, — промямлил Роулендсон. — В них было включено то, чего включать не следовало.

— Иными словами, вы подозревали Шерца в

том, что он брал деньги за услуги, которые не числятся в прейскуранте гостиницы, а разницу прикарманивал?

— Ну да, примерно так. Вообще-то он не больно осторожничал. Два раза речь шла о весьма крупных суммах. Сказать по совести, я однажды заставил нашего бухгалтера проверить все бухгалтерские книги, предполагая, что он… м-м… ошибся, но, хотя в бумагах действительно были обнаружены некоторые неточности, да и дела бухгалтер вел весьма небрежно, в целом касса оказалась в порядке. Так что я возводил на Руди напраслину.

— А если нет? Что, если Шерц, урывая понемножку то тут, то там, умудрился сколотить приличный капиталец?

— Это было бы возможно, если у Руди существовал еще какой-нибудь источник доходов. Но люди, которые, как вы изволили выразиться, урывают понемножку то тут, то там, обычно нуждаются в деньгах, а получая, сразу же их тратят.

— Значит, если бы Шерцу понадобилось покрыть недостачу, то ему нужно было бы раздобыть денег… Например, кого-нибудь ограбить, да?

— Да. Простите за любопытство, это была его

первая попытка?

— Вероятно. Во всяком случае, проделано все крайне неумело. А кто мог, как говорится, подкинуть ему деньжат? Может, у него была женщина?

— Была одна официантка из гриль-бара. Мирна Харрис.

— Мне хотелось бы с ней побеседовать.

Мирна Харрис оказалась миловидной курносой девушкой с копной рыжих волос. Она была встревожена и напряжена. Ее явно возмущало, что приходится отвечать на вопросы полицейского.

— Я ничего не знаю, сэр. Ни-че-го! Знай я, что он за тип, никогда не стала бы с ним связываться. А так я видела, что он работает в отеле, и думала, будто он нормальный человек. Во всяком случае, мне так казалось. А вообще-то гостиницам следовало бы тщательнее подбирать персонал, особенно иностранцев. С ними нужно держать ухо востро. Он, наверно, был членом одной из шаек, о которых пишут в газетах.

— Мы предполагаем, — сказал Краддок, — что Шерц действовал в одиночку.

— Только подумать, такой спокойный, солидный мужчина! Ни за что не сказала бы, что ворюга! Правда, у меня пропало несколько вещиц,

я только сейчас вспомнила. Брошка с бриллиантиком и небольшой золотой медальончик. Но я даже мысли не допускала, что это Руди.

— Охотно верю, — кивнул Краддок. — Кого угодно можно ввести в заблуждение. А вы хорошо его знали?

— Да как вам сказать…

— Но вы были с ним в дружеских отношениях?

— О да, именно в дружеских, не больше! Ничего серьезного между нами не было. Я не доверяю иностранцам. Кто знает, что у них на уме? Вспомните, как вели себя поляки во время войны! Да и янки, надо сказать, ничуть не лучше. В жизни не признаются, что женаты, а когда правда выйдет наружу, уже поздно. Руди любил пускать пыль в глаза, но я не особо верила его байкам.

Краддок встрепенулся:

— Пустить пыль в глаза? Любопытно… Я вижу, вы можете нам помочь, мисс Харрис. Пожалуйста, расскажите поподробней, как он пускал пыль в глаза.

— Ну, он это… распинался, какие у него богатые предки в Швейцарии, какие они важные птицы. Но это как-то не вязалось с тем, что он постоянно сидел без денег. Правда, Руди говорил, что не смог вывезти капиталы из Швейцарии, потому что на

таможне были ограничения. Не знаю, может, он и не врал, но вообще-то шмотки у него были не ахти… Я имею в виду одежду. В ней не было настоящего шика. Поэтому я думаю, большинство его россказней — чистый треп. И о восхождении на Альпы, и о том, как он вызволял людей с ледника. А самому дурно стало, когда мы поднялись на нашу горку в Боулдерсе. Ха! Тоже мне — Альпы!

— Вы часто общались?

— Д-да… Он был такой обходительный… знал, как… ну это, в общем, как ухаживать за девушкой. В кино всегда покупал билеты на лучшие места. И даже цветочки дарил иногда. И потом, он классно танцевал… просто классно!

— А он когда-нибудь упоминал про мисс Блэклок?

— Про ту, что иногда приезжает сюда пообедать? Она еще останавливалась однажды в гостинице… Нет, кажется, нет. Я вообще-то понятия не имела, что он с ней был знаком.

— А он не говорил про Чиппинг-Клеорн?

Краддоку почудилось, что во взгляде Мирны Харрис промелькнула настороженность. Но, может быть, он ошибся?

— Нет… Правда, он как-то спросил про автобусы… Ну, про расписание… Но я не уверена, что ему

было нужно именно в Чиппинг-Клеорн. Толком не помню. Это было давно.

Больше инспектор от нее ничего не добился. Руди Шерц вел себя обычно. Накануне налета она его не видела. И понятия не имела — ни малейшего, она особенно на это упирала! — что Руди Шерц проходимец.

«И вероятно, — решил Краддок, — Мирна говорила правду».

Глава 5
Мисс Блэклок и мисс Баннер

«Литтл-Пэддокс» оказался примерно таким, каким представлял его себе инспектор. Взгляд его задержался на цыплятах и утках, а также на том, что еще совсем недавно было очаровательным цветочным бордюром. Теперь там цвело лишь несколько астр — этакий последний, предсмертный всплеск пурпурной красоты. На лужайках и тропинках виднелись явные следы запустения.

Краддок сделал вывод, что у хозяев нет денег на садовника, но цветы здесь любят: клумбы разбиты со вкусом. Дом нуждался в покраске. Впрочем, сейчас большинство домов нуждается в покраске…

Едва машина инспектора остановилась у парадного входа, из-за угла вынырнул сержант Флетчер. Выправка у него была гвардейская. А еще он обладал способностью вкладывать уйму значений в коротенькое слово «сэр».

— А, вот вы где, Флетчер!

— Сэр, — откликнулся сержант.

— Какие новости?

— Только что закончили осмотр дома, сэр. Такое впечатление, что Шерц не оставил отпечатков пальцев. Впрочем, неудивительно — он же был в перчатках. Следов взлома нет ни на дверях, ни на окнах. Наверное, парень приехал на автобусе из Меденхэма и пришел сюда к шести часам. Черный ход, как я понял, заперли в половине шестого. Он, судя по всему, прошел через парадный. Мисс Блэклок уверяет, что эта дверь не запирается допоздна, пока все не лягут спать. Но служанка сказала, что парадная дверь целый день была заперта. Однако она может и не то еще заявить. Очень уж она темпераментная, вы сами убедитесь. Беженка с материка.

— Тяжко с ней?

— Сэр! — с чувством произнес сержант Флетчер.

Краддок усмехнулся. Флетчер продолжал рапортовать:

— Освещение везде исправно. Нам пока не удалось выяснить, что он натворил со светом. Из строя вышла лишь проводка в гостиной и в холле. Конечно, сейчас бра и лампы не делают на одной пробке, но в доме сохранена старинная система освещения и планировки. Даже не представляю, как он мог намудрить с пробками, ведь

они находятся возле чулана. Добраться до них можно только из кухни. Но тогда бы его увидела служанка…

— А если она была с ним заодно?

— Не исключено. Оба иностранцы… Я, например, ни единому ее слову не верю, ни единому!

Краддок поймал на себе испуганный взгляд больших черных глаз, которые смотрели на него из крайнего окна возле входа в дом. Лицо, расплющенное об оконное стекло, было почти неразличимо.

— Это она?

— Так точно, сэр.

Лицо исчезло.

Краддок позвонил в дверь. Ждать пришлось достаточно долго. Наконец дверь отворила хорошенькая девушка со скучающим выражением лица.

Краддок представился. Девушка одарила его холодным взглядом очень красивых орехово-карих глаз.

— Проходите. Мисс Блэклок вас ждет.

В длинный узкий холл выходило невероятное количество дверей. Молодая женщина распахнула одну, расположенную по левую сторону:

— Тетя Летти, к вам инспектор Краддок. Мици

открывать не пожелала. Она в своем репертуаре: заперлась на кухне и орет благим матом. Обеда, насколько я понимаю, нам сегодня не видать как своих ушей. Мици не любит полицейских, — пояснила девушка Краддоку и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Инспектор двинулся навстречу хозяйке «Литтл–Пэддокса». Перед ним была высокая энергичная шестидесятилетняя женщина. Пепельные слегка волнистые волосы красиво обрамляли умное, решительное лицо. Проницательные серые глаза, волевой подбородок, левое ухо перевязано… Косметикой мисс Блэклок не пользовалась, одета была в простой, но ладно скроенный пиджак, юбку и свитер. На шее красовалось старомодное ожерелье. Оно совершенно не сочеталось с деловым костюмом. Сей отголосок Викторианской эпохи намекал на некоторую сентиментальность, однако внешне она никак больше не проявлялась.

Позади хозяйки дома стояла другая женщина, примерно того же возраста. На ее круглом лице было написано усердие, а непослушные волосы выбивались из-под сеточки. Краддок без труда угадал в этой женщине Дору Баннер, которую констебль Легг обозначил в докладной запис-

ке как компаньонку, а устно добавил, что она «немножко того».

Мисс Блэклок сказала приятным, хорошо поставленным голосом:

— Доброе утро, инспектор! Познакомьтесь, это моя подруга мисс Баннер, она помогает мне вести хозяйство. Присаживайтесь, пожалуйста. Надеюсь, вы не курите?

— Исключительно в нерабочее время.

— И напрасно, надо вообще бросить.

Краддок окинул комнату профессиональным взглядом. Типичная сдвоенная гостиная викторианских времен. Два продолговатых окна на одной половине. На другой — окно-«фонарь» в выступе стены. Стулья, диван, посреди комнаты — стол, на нем в большой вазе розы, на окне другая ваза… обстановка аккуратная, милая, но довольно ординарная. Из общей картины выпадала только маленькая вазочка с увядшими фиалками. Краддоку показалось странным, что мисс Блэклок терпит у себя в комнате увядшие цветы, но он решил, что недосмотр произошел из-за пережитого потрясения.

— Если я не ошибаюсь, несчастье произошло здесь? — спросил он.

— Да.

— О, видели бы вы нашу комнату вчера вечером! — воскликнула мисс Баннер. — Все было вверх дном! Столы перевернуты, у одного ножка отлетела… темень, суматоха… кто-то бросил зажженный окурок и подпалил мебель. Люди, особенно молодежь, сейчас так наплевательски относятся к вещам!.. Хорошо хоть фарфор не расколотили!

Мисс Блэклок мягко, но решительно осадила подругу:

— Дора, это, конечно, неприятно, но, ей-богу, ты заостряешь внимание на мелочах. Давай лучше отвечать на вопросы инспектора.

— В таком случае, мисс Блэклок, я сразу перейду к делу. Перво-наперво мне хотелось бы узнать, когда вы впервые увидели Руди Шерца?

— Руди Шерца? — Мисс Блэклок приподняла брови. — Так вот как его звали. А я думала… Впрочем, не важно. Впервые я увидела его, приехав в Меденхэм за покупками. Это было… дай бог памяти… недели три тому назад. Мы с мисс Баннер обедали в ресторане отеля «Ройал Спа» и уже собирались уходить, как вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела этого молодого человека. Он сказал: «Простите, вы случайно не мисс Блэклок?» И добавил, что я, наверно, его не

помню, но он сын владельца гостиницы «Альпы» в Монтре. Во время войны мы с сестрой прожили там целый год.

«Отель „Альпы“, Монтре», — мысленно взял на заметку Краддок. А вслух поинтересовался:

— И вы вспомнили этого юношу?

— Нет. У меня не было впечатления, что я встречала его раньше. Но ведь юноши, работающие в гостиницах, все на одно лицо. Однако мы с сестрой прекрасно провели время в Монтре, хозяин гостиницы обслуживал нас безукоризненно, и я постаралась быть с молодым человеком поприветливее… выразила надежду, что ему нравится у нас в Англии. Он ответил, что да, нравится, отец послал его сюда на полгода изучать гостиничный бизнес. Все это выглядело вполне нормально.

— А когда произошла ваша следующая встреча?

— Ну… дней десять назад он внезапно объявился у нас в «Литтл-Пэддоксе». Я очень удивилась. Он извинился за беспокойство и объяснил, что я — единственная, кого он тут знает. Ему срочно понадобились деньги, у него тяжело заболела мать.

— Но Летти денег не дала! — с придыханием сказала мисс Баннер.

— Не дала, потому что все это было шито бе-

лыми нитками, — решительно заявила мисс Блэклок. — Я увидела, что он человек пропащий. Одни обещания вернуть долг по возвращении в Швейцарию чего стоили! Ведь отец спокойно мог прислать деньги телеграфным переводом! Владельцы гостиниц все друг друга знают… Короче, заподозрила молодого человека в растрате. — Мисс Блэклок помолчала и сухо добавила: — Вы, вероятно, сочтете меня жестокой, но я долго работала секретаршей одного крупного финансиста и привыкла с большой осторожностью относиться к просьбам одолжить деньги. Мне не раз доводилось выслушивать такие душещипательные истории. Меня поразило лишь то, — задумчиво прибавила она, — что этот Шерц так легко сдался. Он тут же ушел, без единого возражения. Как будто на самом деле вовсе не ожидал получить денег.

— Теперь, задним числом, вам кажется, что его просьба была лишь предлогом для того, чтобы проникнуть в дом?

Мисс Блэклок уверенно кивнула.

— Когда я провожала его до дверей, он отпустил несколько замечаний насчет комнат. Сказал: «Какая милая гостиная!» Это было явное лукавство, ведь наша гостиная — тесная, темная комна-

тушка. Нет, ему просто хотелось туда заглянуть! А потом он опередил меня и начал открывать дверь, приговаривая: «Я сам». Наверно, хотел попробовать, легко ли она отпирается. Хотя вообще-то мы, как и все местные жители, не запираемся до самой темноты. Так что к нам может войти кто угодно.

— Но черный ход, насколько я понял, был заперт?

— Да. Перед приходом гостей я пошла закрыть уток.

— Дверь тогда была на замке?

Мисс Блэклок задумалась.

— Не помню. Кажется, да. Но я точно помню, что заперла ее, когда вернулась.

— Это было примерно в четверть шестого?

— По-моему, да.

— А парадная дверь была заперта?

— Обычно ее не запирают допоздна.

— Тогда Шерц мог преспокойно проникнуть через главный вход. А мог и проскользнуть через черный, пока вы загоняли уток. Он уже изучил планировку дома и, вероятно, понял, где можно спрятаться. Например, в шкафах. В общем, с этим мне, кажется, ясно.

— А вот мне совсем неясно, — внезапно сказала

мисс Блэклок. — Зачем, скажите на милость, парню понадобилось врываться в дом и ломать нелепую комедию с налетом?

— Вы храните дома деньги, мисс Блэклок?

— Нет… Разве это деньги: пять фунтов в письменном столе и пара фунтов в кошельке?

— А драгоценности?

— Несколько колечек и вот эти камеи, — она указала на ожерелье. — Согласитесь, инспектор, что устраивать на мой дом налет — это полный абсурд.

— Да не был он никаким грабителем! — вскричала мисс Баннер. — Сколько раз тебе повторять, Летти?! Он мстил! Мстил за то, что ты не дала ему денег. И стрелял именно в тебя… целых два выстрела сделал!

— Так-так, — обрадовался Краддок. — Вот мы и подошли к вчерашнему вечеру. Как развивались события, мисс Блэклок? Постарайтесь только рассказывать поточнее и поподробнее.

Мисс Блэклок призадумалась.

— Каминные часы пробили половину седьмого. Помнится, я еще сказала, что, если грядут какие-то события, они на носу. И тут как раз начали бить часы. Все умолкли и молча слушали. Часы пробили две четверти, и вдруг совершенно

неожиданно погас свет.

— Какие лампы погасли?

— Погасли бра. В этой и в той комнате. Большая люстра и ночники не были включены.

— А перед тем как свет погас, вы видели вспышку или шум?

— Вроде нет.

— Была, была вспышка! — встряла Дора Баннер. — И треск был. Очень опасный!

— Ну а потом, мисс Блэклок?

— Потом распахнулась дверь…

— Какая именно? Их тут две.

— Вот эта. Другая не открывается. Она ложная. Так вот, открылась дверь, и вошел человек в маске и с пистолетом. Зрелище было совершенно невероятное, но, конечно, тогда я решила, что это просто глупая шутка. Он что-то сказал… что — не помню…

— Руки вверх! Стрелять буду! — театрально воскликнула мисс Баннер.

— Да, кажется, что-то в этом духе, — неуверенно кивнула мисс Блэклок.

— И все подняли руки?

— О да! — сказала мисс Баннер. — Все до единого. Мы ведь думали, это игра.

— Я лично не подняла, — заявила мисс Блэк-

лок. — Все выглядело глупо, дико глупо. Меня это раздражало.

— А что было потом?

— Свет фонаря слепил глаза. А потом… потом я не поверила своим ушам. Над головой у меня просвистела и ударилась в стену пуля. Послышался чей-то визг, я почувствовала острую боль в ухе и услышала второй выстрел.

— Кошмар! — вставила мисс Баннер.

— А потом что произошло, мисс Блэклок?

— Толком не знаю… От боли и нервного потрясения у меня закружилась голова. А он, человек в маске, повернулся… как будто споткнулся обо что-то… и тут прогремел третий выстрел. Фонарь упал, началась сутолока. Все впотьмах натыкались друг на друга.

— Где вы стояли, мисс Блэклок?

— Она стояла у столика и держала вазочку с фиалками, — опять вылезла вперед мисс Баннер.

— Да, я действительно была здесь, — мисс Блэклок подошла к маленькому столику возле прохода под аркой. — Но в тот момент я держала в руках сигаретницу.

Инспектор Краддок осмотрел стену за ее спиной. На ней явственно виднелись две дырки от пуль. Сами пули уже изъяли и отправили на экс-

пертизу, чтобы определить, из какого пистолета они были выпущены.

— Вы чудом избежали смерти, мисс Блэклок, — бесстрастно произнес Краддок.

— Он стрелял в нее! — воскликнула мисс Баннер. — Именно в нее! Я его видела. Он высвечивал лица фонарем, пока не обнаружил Летти, а когда обнаружил, то прицелился и выстрелил. Он хотел тебя убить, Летти!

— Дора, милая, это все твои фантазии!

— Он стрелял именно в тебя, — упрямо повторила Дора. — Хотел тебя застрелить, а когда промахнулся, покончил с собой. Я уверена, что все было именно так.

— А мне кажется, ему и в голову не могла прийти мысль о самоубийстве, — возразила мисс Блэклок. — Не из той он был породы.

— Выходит, мисс Блэклок, вы до самого последнего момента, вплоть до выстрелов, считали происходящее шуткой?

— А как же иначе?

— И кто, по-вашему, выступал в роли шутника?

— Сначала ты подумала на Патрика, — напомнила подруге Дора Баннер.

— На Патрика? — резко спросил инспектор.

— Да, это мой юный племянник, — так же резко ответила мисс Блэклок и продолжала, раздосадованная поведением Доры: — Прочитав объявление, я заподозрила, что это розыгрыш Патрика, но он категорически все отрицал.

— И ты заволновалась, Летти, — напомнила мисс Баннер. — Ты волновалась, хотя прикидывалась спокойной. И, между прочим, правильно делала, что волновалась! В газете говорилось: «Объявлено убийство», и действительно было объявлено убийство, ТВОЕ УБИЙСТВО! Если бы он не промахнулся, тебя уже не было бы в живых. Что бы мы без тебя делали?

Произнося эти слова, Дора Баннер задрожала. Лицо ее сморщилось, она готова была разрыдаться.

Мисс Блэклок ласково потрепала ее по плечу:

— Все хорошо, милая Дора, не волнуйся. Тебе вредно волноваться. Это было ужасно, но все уже позади. Ради меня, возьми себя в руки, Дора, — добавила она. — Ты моя опора, все наше хозяйство на тебе держится. Да, кстати, если я не ошибаюсь, сегодня должны привезти белье из прачечной…

— О да, Летти, как хорошо, что ты напомнила! Интересно, они привезут пропавшую наволочку? Надо будет записать, чтобы не забыть… Сейчас

пойду узнаю.

— И унеси фиалки, — велела мисс Блэклок. — Ненавижу увядшие цветы!

— Они увяли? Какая жалость! Я же только вчера их сорвала. Совсем не постояли… О господи, да я забыла налить воды! Только представь себе! Все время что-то забываю. Ладно, пойду выяснять про белье. А то ведь они с минуты на минуту приедут…

И Дора Баннер, повеселев, ушла.

— У Банни слабое здоровье, — сказала мисс Блэклок, — ей вредно волноваться… Что еще вы хотели узнать, инспектор?

— Кто, кроме вас, живет в доме и что это за люди?

— Сейчас здесь живут два моих дальних родственника — Патрик и Джулия Симмонсы.

— Дальние родственники? Вы же сказали, племянники…

— Нет, на самом деле мы — дальняя родня, хотя они и называют меня тетей Летти. Их мать приходится мне троюродной сестрой.

— Они всегда проживали с вами?

— Нет, что вы! Они тут только два месяца. До войны ребята жили на юге Франции. Потом Патрик служил во флоте, а Джулия, по-моему,

работала в каком-то министерстве. Они жили в Льяндудно. А когда война окончилась, их мать написала мне письмо, попросила сдать им пару комнат… Джулия проходит практику в милчестерской больнице — она будущий фармацевт, — а Патрик учится на инженерном факультете в милчестерском университете. Вы же знаете, от нас до Милчестера от силы десять минут на автобусе… ну, так вот… я их с радостью приняла. Для меня одной дом слишком велик. Ребята вносят небольшую сумму за жилье и питание, и мы с ними прекрасно уживаемся. Я люблю общаться с молодежью! — добавила мисс Блэклок с улыбкой.

— Кроме них, у вас живет миссис Хаймес, верно?

— Да, она работает помощницей садовника в «Дайас-Холле» у миссис Лукас. Миссис Лукас попросила меня выделить Филиппе комнату. Филиппа — очень хорошая женщина. Ее мужа убили в Италии. У нее восьмилетний сын, школьник. Мы с ней договорились, что он приедет сюда на каникулы.

— У вас есть прислуга?

— Пять раз в неделю по утрам приходит делать уборку миссис Хиггинс из поселка; еще у меня ра-

ботает беженка с неудобопроизносимым именем, она готовит еду. Поладить с ней непросто. Боюсь, вы в этом убедитесь на собственном опыте. У Мици что-то вроде мании преследования.

Краддок кивнул, припомнив еще одно важное замечание констебля Легга. Сказав, что Дора Баннер «с приветом», а Летиция Блэклок — «нормальная», он припечатал Мици метким определением «лгунья».

Будто прочитав мысли инспектора, мисс Блэклок сказала:

— Только, пожалуйста, не относитесь к бедняжке с предубеждением! Я уверена, что в любой лжи всегда есть доля правды. Взять хотя бы ее россказни о всяческих преступлениях. Они росли как снежный ком, и теперь Мици кажется, что все ужасы, о которых сообщают газеты, происходили с ней или с ее близкими. Но с другой стороны, она действительно много перестрадала, и на ее глазах действительно убили какого-то родственника. Я считаю, что большинство перемещенных лиц вполне заслуженно нуждаются в повышенном внимании и заботе; судьба обошлась с ними жестоко, и, чтобы вызвать к себе сочувствие окружающих, они частенько преувеличивают и привирают. Хотя, конечно, Мици кого угодно

сведет с ума, — добавила со вздохом мисс Блэклок. — Порой она нас просто бесит, мрачная, подозрительная, вечно у нее дурные предчувствия, обижается на ровном месте. Но мне ее все равно жалко! — Летиция улыбнулась. — Тем более что, когда Мици в хорошем настроении, она готовит превосходно.

— Постараюсь ей не докучать, — пообещал Краддок. — Скажите, а кто та девушка, которая открыла мне дверь? Это Джулия Симмонс?

— Да. Если хотите, можете с ней поговорить. Патрика сейчас дома нет, Филиппы тоже. Она на работе в «Дайас-Холле».

— Спасибо, мисс Блэклок. С вашего позволения, я переговорю с мисс Симмонс.

Глава 6
Джулия, Мици и Патрик

Джулия с таким хладнокровием вошла в комнату и уселась в кресло, в котором до нее сидела Летиция Блэклок, что Краддок почувствовал прилив раздражения. Она устремила на него ясный взгляд и застыла в ожидании расспросов.

Мисс Блэклок тактично ретировалась.

— Расскажите, пожалуйста, о вчерашнем вечере, мисс Симмонс, — попросил инспектор.

— О вчерашнем вечере? — пробормотала Джулия, глядя на него пустыми глазами. — О, мы спали как убитые. Наверно, это была реакция на случившееся.

— Я имел в виду время с шести часов.

— Ах, вот что… Ну, пришли эти скучные людишки…

— Кто именно?

Она снова устремила на него ясный взгляд.

— А вы не знаете?

— Вопросы задаю я, мисс Симмонс, — мягко сказал Краддок.

— Ах, извините! На меня повторения навевают

тоску! На вас, очевидно, нет… В общем, пришли полковник Истербрук с женой, мисс Хинчклифф, мисс Мергатройд, миссис Светтенхэм с Эдмундом Светтенхэмом и миссис Хармон, жена пастора. Они приходили по очереди. Хотите знать, что они говорили? Все твердили, как попугаи: «Я смотрю, вы уже затопили» и «Какие прелестные хризантемы!».

Краддок закусил губу, сдерживая смех. Здорово она их скопировала!

— Единственным исключением оказалась миссис Хармон. Она просто прелесть! Примчалась в шляпе набекрень и в ботинках с развязанными шнурками и спросила без обиняков, когда начнется убийство. Все страшно смутились: они-то прикидывались, что заскочили случайно! А тетя Летти сухо сказала — она всегда так разговаривает, — что это произойдет довольно скоро. Потом зазвонили часы, а потом свет погас, дверь распахнулась, и человек в маске скомандовал: «Руки вверх, кому говорят!» Или что-то в этом роде… Как в плохом боевике. Ей-богу, все выглядело дико нелепо. А потом он два раза выстрелил в тетю Летти, и стало совсем не смешно.

— Где находились в тот момент собравшиеся?

— Когда погас свет? Кто где. Миссис Хармон

сидела на диване, Хинч, то есть мисс Хинчклифф, стояла напротив камина… Какая же она все-таки мужеподобная!

— Все находились в этой комнате или кто-то был в дальней?

— Большинство, по-моему, было здесь. Патрик пошел в ту комнату взять шерри. Полковник Истербрук, если не ошибаюсь, отправился за ним, хотя я не уверена. Мы, как я уже говорила, стояли здесь.

— А вы сами где были?

— Кажется, у окна. Тетя Летти пошла за сигаретами.

— Они лежали на столике под аркой?

— Да. И тут погас свет, и началась эта пошлая комедия.

— У мужчины в руках был яркий фонарь. Как он с ним обращался?

— Как? Да светил на нас. Совсем ослепил. Совершенно ничего не было видно.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить как можно точнее, мисс Симмонс: он держал фонарь неподвижно или шарил им по комнате?

— Шарил, — медленно произнесла Джулия. Томности ее заметно поубавилось. — Как прожектором в дансинге. Сначала свет ударил мне

прямо в глаза, потом заплясал по комнате, а затем раздались выстрелы. Два хлопка.

— А потом?

— Мужчина обернулся… Откуда-то послышался вой Мици, похожий на вой сирены… фонарь упал, и раздался третий выстрел. А потом дверь закрылась… знаете, так медленно, с жалобным скрипом… дико страшно… и мы очутились впотьмах. Что делать, никто не знал, а бедняжка Банни визжала как резаная… А Мици, та прямо наизнанку выворачивалась.

— Вы полагаете, что налетчик покончил жизнь самоубийством или застрелился нечаянно? Например, споткнулся, а пистолет разрядился?

— Понятия не имею. Я ведь считала происходящее глупой шуткой… до тех пор пока не увидела окровавленное ухо тети Летти. Но с другой стороны, даже если стреляешь просто так, чтобы игра была более правдоподобной, все равно нужно целиться очень тщательно, чтобы ни в кого не попасть, да?

— Конечно. А вы думаете, налетчик видел, в кого стреляет? Я хочу сказать, фигура мисс Блэклок хорошо освещалась фонарем?

— Откуда мне знать? Я не на нее смотрела, а на него.

— Я вот к чему спрашиваю… Как вам кажется, он целился именно в нее?

Джулию, похоже, поразила эта мысль.

— Вы клоните к тому, что он хотел поймать на мушку именно тетю Летти? Вряд ли… Разве мало других способов убить человека? Какой смысл собирать для этого всех друзей и соседей? Зачем усложнять себе жизнь?… Он мог в любое время выстрелить в нее из-за изгороди, так сказать, действуя в старых добрых ирландских традициях, и ищи его — свищи.

«Да, — подумал Краддок, — это вполне исчерпывающий ответ на предположение Доры Баннер».

— Благодарю вас, мисс Симмонс, — вздохнул он. — Я пойду побеседую с Мици.

Краддок с Флетчером застали Мици на кухне. Она раскатывала тесто для печенья и встретила их настороженно. Черные волосы лезли ей в глаза, лицо было угрюмо, а темно-красный свитер и ярко-зеленая юбка некрасиво обтягивали расплывшуюся, бесформенную фигуру.

— Почему вы входить на мой кухня, мистер полицай? Вы из полиции, так? Везде, везде преследования! Говорят, Англия другой, но нет, тот же самый. Я знаю, вы приходил мучить меня, заставлять говорить, но я молчать, слышите?

Молчать! Можете снимать мои ногти, подносить горящий спичка к моя кожа, можете делать меня еще более ужасно, но я не буду сказать ничего. Я ничего не говорить! Можете посылать меня назад в концентрационная лагеря, я все равно…

Краддок задумчиво посмотрел на нее, выбирая тактику. Потом со вздохом сказал:

— Ладно, надевай шляпу, пальто, и пошли.

— Что вы сказать? — испуганно вскинулась Мици.

— Надевай шляпу, пальто и пошли. Я не захватил с собой машинки для сдирания ногтей и прочих пыточных агрегатов. Они в отделении. У вас есть наручники, Флетчер?

— Сэр! — с чувством явной благодарности воскликнул сержант.

— Но я не хотеть ходить с вас! — в ужасе отпрянув, взвизгнула Мици.

— Тогда ты будешь вежливо отвечать на вежливо заданные вопросы. Если хочешь, мы пригласим адвоката.

— Юристы? Мици не любить юристы. Мици не хотеть юристы! — Служанка отложила скалку в сторону, вытерла руки об одежду и села на стул. — Что вы хотеть узнать?

— Расскажи о вчерашнем вечере.

— Вы сам хорошо знать.

— Я хочу услышать от тебя.

— Я пытаться уйти. Она вам это сказать? Когда я видеть, что в та газета говорят об убийство, я хотел уходить. Она не разрешать. Она очень жестокий, ей все плевать. Она сделать меня оставаться. Но я знала, что будет. Знала, что меня убивать.

— Но тебя же не убили.

— Нет, — неохотно признала Мици.

— Хорошо. Теперь расскажи, что произошло.

— Я была очень нервный. О, я была такой нервный! Весь вечер. Я слушиваться. Около меня ходить разный люди. Один раз мне казаться, кто-то крался в холл… но это только миссис Хаймес вошла в черный дверь, чтобы не делать грязный главная лестница, так она объяснять. Очень ей важно! Она сама наци, этот ее белый волос, синие глаза, такая выше все, смотрит на меня как на грязный… грязный…

— Бог с ней, с миссис Хаймес!

— Кто она думает она есть? Может, она учиться дорогой университет, как я? Может, она иметь диплома экономист? Нет, она просто наемный рабочий. Копать земля и косить трава, и каждая суббота ей платить столько денег! Как она может

называться леди?

— Я же сказал: бог с ней! Давай дальше.

— Я брать шерри, стаканы и маленькое печенье, которое готовить днем, очень вкусный, и ходить гостиная. Звонить дверь, я ходить открывать… Потом еще ходить, и еще. Я все открывать и открывать. Очень унизительный занятия, но я его делать. Потом возвращаться чулан и начинать чистить серебро, я думала, это удобно, потому что, когда приходить убивать, я буду иметь нож для туша, очень острый и очень большой.

— Ты весьма предусмотрительна.

— А потом вдруг я слушать, как стреляли. Я думала: это случилось. И начала бежать столовой. Эта другая дверь, ее нельзя открывать. Я стояла, слушивалась, и тогда был третий выстрел, и тяжелая шум здесь, в холле. Я вертеть ручка дверь, но ее запирать с та сторона. Я… как это… в мышеловка. Я чуть с ума не сходить. Я кричать, кричать и бить дверь. Потом в конец ее открывать и давать меня выходить. Я приносить свечи, много свечи… потом свет зажигали, и я видела кровь… кровь! Ай! Я не первый раз видеть кровь. Мой маленький брат… я видеть, как его убивали… я видеть кровь на улица… людей застрелять, они умирать… Я…

— Все ясно, — прервал ее инспектор Краддок. — Большое спасибо.

— А теперь, — с пафосом продолжила Мици, — можете меня арестовать и носить тюрьма.

— Не сегодня, — сказал Краддок.

Когда Краддок с Флетчером шли через холл к выходу, парадная дверь распахнулась, и они чуть не налетели на высокого красивого юношу.

— Легавые! Чтоб мне пусто было! — воскликнул он.

— Мистер Патрик Симмонс?

— Так точно, инспектор. Вы ведь инспектор, а он сержант, да?

— Совершенно верно, мистер Симмонс. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Я невиновен, инспектор. Клянусь, невиновен!

— Не валяйте дурака, мистер Симмонс. У меня нет времени, мне еще нужно поговорить с кучей народу. Что это за комната? Мы можем тут посидеть?

— Это кабинет, но здесь никто не работает.

— А мне говорили, вы на занятиях, — протянул Краддок.

— Я понял, что не могу сосредоточиться на математике, и вернулся домой.

Инспектор держался официально: потребовал, чтобы Патрик назвал свое полное имя и возраст, сообщил об отношении к военной службе.

— А теперь, мистер Симмонс, пожалуйста, опишите вчерашний вечер.

— Мы заклали упитанного тельца. Я хочу сказать, Мици самолично изготовила мятные печенья, а тетя Летти откупорила новую бутылочку шерри…

— Новую? — прервал его Краддок. — А что, была старая?

— Да. Целых полбутылки. Но тете Летти эта чем-то не приглянулась.

— Она нервничала?

— Да не больно-то. Она весьма рассудительная женщина. Это старуха Банни всех взвинтила — весь день каркала.

— Значит, мисс Баннер действительно обуревали дурные предчувствия?

— Да, она здорово помотала нам нервы.

— Мисс Баннер восприняла объявление всерьез?

— Еще как всерьез! До смерти перепугалась!

— Мисс Блэклок поначалу заподозрила вас в причастности к публикации объявления. Почему?

— А меня тут всегда обвиняют во всех смертных грехах!

— Вы хотите сказать, что непричастны к публикации объявления?

— Я? Да ни с какого бока!

— И вы никогда прежде не видели Руди Шерца, не общались с ним?

— Нет.

— Но подобные шутки в вашем духе, не так ли?

— Кто вам сказал? Все из-за того, что меня дернул однажды черт подложить Банни в постель яблочный пирог. А потом я еще послал Мици открытку, в которой написал: «Осторожно! Гестапо напало на ваш след!»

— Расскажите о случившемся.

— Когда я вышел в маленькую комнату, чтобы принести шерри, вдруг погас свет. Я обернулся и увидел в дверях какого-то типа. Он рявкнул: «А ну руки вверх!» Все разохались, развопились, а я стоял и прикидывал, как бы половчее сбить его с ног. Но он вдруг принялся палить из пистолета, а потом повалился на пол; фонарь упал, и опять стало темно. Тут полковник Истербрук начал драть свою луженую глотку: «Свет! Свет!..» А где я ему возьму свет? Разве моя зажигалка долго

протянет? Эти проклятые новинки — сплошное надувательство.

— Как вам показалось, налетчик целился именно в мисс Блэклок?

— Откуда я знаю? Думаю, он пальнул просто так, шутки ради, а потом понял, что заигрался.

— И покончил жизнь самоубийством?

— Почему бы и нет? У него физиономия мелкого жулика, такие легко впадают в панику.

— Вы твердо уверены, что раньше его не видели?

— Да, твердо.

— Благодарю вас, мистер Симмонс. Я хотел бы опросить всех остальных, кто был здесь вчера. В каком порядке это лучше сделать?

— Так, дайте сообразить… Наша Филиппа — миссис Хаймес, работает в «Дайас-Холле». Ворота почти напротив наших. А от «Дайас-Холла» ближе всего до Светтенхэмов. Спросите — вам любой покажет дорогу.

Глава 7
… и другие

«Дайас-Холл» сильно пострадал во время войны. Там, где раньше росла спаржа, теперь радостно зеленели сорняки, среди которых, как свидетели преступления, с превеликим трудом пробивались жалкие, тощие пучочки спаржи. Зато вьюнки, крестовник и прочее безобразие чувствовали себя в усадьбе вольготно.

Часть огорода, правда, уже была приведена в порядок, и там Краддок обнаружил унылого старика, который задумчиво опирался о заступ.

— Вы небось миссис Хаймес разыскиваете? Уж и не знаю, где ее сыскать. Она все поперек делает. Ничьих советов не слушает. Я к ней с чистой душой, да что толку? Нынешние девчонки никого не слушают, никого. Думают, раз штаны надели и уселись на трактор, так им никто не указ! Но тут настоящий садовник нужен. А эту премудрость в один день не одолеешь. Да, настоящий садовник — вот кто тут нужен.

— Пожалуй, — поддакнул Краддок. Но старику почудился в его замечании укор.

— Да сами посудите, что я один могу? Тут всегда работало трое взрослых и один парнишка. Столько и сейчас нужно. Ведь не всякий будет горбатиться, как я. Бывает, с восьми утра до глубокой ночи вкалываю. С восьми!

— С фонариком приходится работать?

— Так я ж не про сегодняшний день говорю. Я про лето.

— А-а, — протянул Краддок. — Ну, ладно, пойду искать миссис Хаймес.

— А чего это она вам понадобилась? — поинтересовался старикан. — Вы ведь из полиции, да? Она что, в какую-то историю влипла или это из-за «Литтл-Пэддокса»? Там, говорят, налетчик в маске вломился с пушкой в комнату и хотел грабануть, а народу было — яблоку негде упасть! Эх! До войны такого не бывало. А все из-за дезертиров. Ишь головорезы, рыщут по стране, как волки! И почему только военные их не прижучат?

— Сам не знаю, — пожал плечами Краддок. — Наверное, налет вызвал в поселке много пересудов, да?

— Еще бы! И куда мы катимся? Так Нед Баркер сказал. А виной всему, считает он, девчонка, что готовит для мисс Блэклок. Отвратительный у нее характер, она точно замешана, так он сказал. Нед

говорит, что она коммунистка или даже хуже, а нам такие тут не нужны. А Марлен, она в баре за стойкой торчит… ну вы понимаете, о чем я… она уверяет, будто бы у мисс Блэклок есть что-то очень ценное. Нет, не то, про что вы сейчас подумали. Я-то лично такого мнения, что с мисс Блэклок взять нечего, разве что ее фальшивые побрякушки. А Марлен вдруг возьми да и скажи: «А вдруг они настоящие?» А Флорри, дочка старика Беллеми, ей в ответ: «Пустое». Это же… как она их обозвала?… Бижутерия, во как! Бижутерия… Ничего себе название для простых побрякушек! Но мы-то с вами знаем, что это обычные стекляшки. Небось и то, что девчонка Симмонс носит, этот ее золотой плющ и собачки, — тоже бижутерия. В нынешние времена редко у кого увидишь настоящее золото, даже обручальные кольца — и те делают из какой-то серой платиновой дряни. Сколько бы эта дрянь ни стоила, все равно вид убогий, такое мое мнение.

Старик Эйш перевел дух и продолжил:

— Мисс Блэклок дома денег не держит. Джим Хиггинс клялся и божился, что это так. А кому еще знать, как не ему, если его жена ходит в «Литтл-Пэддокс» прибираться? Она все про всех знает. В каждую дырку свой нос сует, честное слово!

— И что же, по словам мужа, считает миссис Хиггинс?

— А то, что тут Мици замешана. Ну и норов у девчонки, скажу я вам! Спеси-то сколько, спеси! Недавно прямо в глаза назвала миссис Хиггинс батрачкой.

Краддок еще немного постоял, пытаясь (он привык быть аккуратным даже в мыслях) разложить по полочкам сведения, добытые у старого садовника. Картина деревенских сплетен была исчерпывающей, но вряд ли что-то могло ему пригодиться. Он уже собрался уходить, как вдруг старик ворчливо произнес:

— Она небось яблоки собирает. Молодым это сподручней…

Так все и оказалось. Сперва Краддок увидел стройные ноги в бриджах, легко скользящие по стволу дерева. А потом перед ним предстала и сама Филиппа Хаймес, раскрасневшаяся, растрепанная, испуганная.

«Из нее вышла бы прекрасная Розалинда», — машинально подумал Краддок. Инспектор был большим поклонником Шекспира и некогда имел успех в роли меланхолического Жака из «Как вам это понравится». Спектакль был поставлен для сиротского приюта.

Однако в следующий миг мнение Краддока изменилось. Для Розалинды Филиппа Хаймес была, пожалуй, холодновата. Правда, она была красива типично английской красотой, но все же облик у нее был слишком современный, в XVI веке идеал красоты был иным. Нет, Филиппа — просто хорошо воспитанная, невозмутимая англичанка.

— Доброе утро, миссис Хаймес! Извините, что напугал вас. Я инспектор полиции Краддок из Миддлширского округа. Хотел поговорить с вами.

— Насчет вчерашнего?

— Да.

— А это надолго? Может, нам... — Она нерешительно огляделась.

Краддок кивнул на поваленное дерево.

— Разговор сугубо конфиденциальный, — любезно пояснил он, — но я вас надолго не задержу.

— Спасибо.

— Несколько протокольных вопросов. Когда вы вчера вернулись с работы?

— Примерно в половине шестого. Я задержалась минут на двадцать, потому что поливала в оранжерее цветы.

— Через какую дверь вы вошли в дом?

— Через черный ход. Если идти мимо уток и

курятника, то можно немного срезать путь. И не испачкать крыльцо. Я ведь порой прихожу такая чумазая!

— Вы всегда ходите этим путем?

— Да.

— Дверь была заперта?

— Нет. Летом она всегда нараспашку. Осенью ее прикрывают, но тоже не запирают. Мы часто через нее ходим. Войдя, я ее заперла.

— Точно?

— Абсолютно.

— Хорошо, миссис Хаймес. Что вы сделали, когда вошли в дом?

— Сняла грязные башмаки, поднялась наверх, помылась и переоделась. Потом спустилась вниз и обнаружила, что у них там в самом разгаре подготовка к приему гостей. Я ведь понятия не имела об этом странном объявлении.

— Теперь, пожалуйста, расскажите, что происходило во время налета.

— Ну… свет погас…

— Вы где стояли?

— У камина. Я искала зажигалку, думала, ее забыли там… Ну вот… Свет погас… все захихикали. Потом дверь распахнулась настежь, и кто-то направил на нас фонарь, прицелился и приказал

поднять руки вверх.

— И вы подняли?

— Нет. Я думала, это шутка… И потом, я устала и не видела никакой необходимости задирать руки кверху.

— Вам все это показалось скучным?

— В принципе да. Но тут пистолет вдруг выстрелил. Грохот был такой, что затряслись стены, и вот тут-то я испугалась. Фонарь описал круг, упал и погас. И сразу же послышался визг Мици. Она визжала как резаная.

— Свет вас ослепил?

— Не то чтобы очень. Но он был довольно сильным. На секунду фонарь высветил мисс Баннер, она была как призрак, такая белая, рот раскрыт, глаза выпучены, вот-вот выскочат из орбит.

— Налетчик держал фонарь неподвижно?

— Нет, он шарил им по комнате.

— Словно кого-то выискивал?

— Н-нет, не сказала бы.

— Ну, а что произошло потом, миссис Хаймес?

Филиппа призадумалась.

— Потом начались суета и неразбериха. Эдмунд Светтенхэм и Патрик Симмонс зажгли зажигалки и вышли в холл, мы пошли за ними, кто-то открыл дверь в столовую… там свет горел… Эд-

мунд влепил Мици пощечину, и она прекратила вопить, после чего жить стало немного легче.

— Вы видели труп?

— Да.

— Вы знали покойного? Может, встречали его когда-нибудь?

— Нет. Никогда.

— На ваш взгляд, его смерть — случайность или самоубийство?

— Понятия не имею.

— Когда он приходил к мисс Блэклок, вы его видели?

— Нет. Кажется, это произошло ближе к полудню, когда я уже ушла из дому.

— Благодарю, миссис Хаймес. И еще один вопрос. У вас есть драгоценности: кольца, браслеты?

Филиппа покачала головой.

— Только обручальное кольцо и пара дешевых брошек.

— Насколько вам известно, в доме ценностей не было?

— Нет. Максимум, что там есть, — это столовое серебро, да и то — ничего особенного.

— Еще раз благодарю.

Идя обратно по огороду, Краддок столкнулся

нос к носу с грузной, краснолицей, туго затянутой в корсет дамой.

— Доброе утро! — воинственно выпалила она. — Что вам тут понадобилось?

— Вы миссис Лукас? Позвольте представиться: инспектор полиции Краддок.

— Ах, вот оно что!.. Извиняюсь. Вообще-то я терпеть не могу, когда в мой сад приходят чужие и отрывают садовника от дела. Но, как я понимаю, это ваша работа.

— Так точно.

— Вы мне скажите, неужто у нас повторится то безобразие, что случилось вчера у мисс Блэклок? Это что, шайка орудует?

— Нет, миссис Лукас, к счастью, это не шайка.

— Нынче столько ограблений! А полиция спит.

Краддок промолчал.

— Вы уже говорили с Филиппой Хаймес? — поинтересовалась хозяйка.

— Она свидетель, мне нужны ее показания.

— А подождать до часу, конечно, было нельзя? Почему бы не допросить Филиппу в ее время, а не в мое?

— Я спешу в управление.

— Теперь ни в ком не найти сочувствия. Равно как и добросовестного отношения к работе.

Опаздывают, перекуры устраивают по полчаса… В десять — перерыв. В дождь не работают. Если нужно подстричь лужайку, так обязательно что-то случится с газонокосилкой. С работы норовят улизнуть на пять-десять минут раньше.

— А из рассказа миссис Хаймес я понял, что вчера она вместо пяти ушла в двадцать минут шестого.

— Ну, может быть. Надо отдать ей должное — миссис Хаймес неплохо справляется, хотя бывает, что ее не сразу найдешь в саду. Конечно, она рождена для другого, Филиппа из приличной семьи, таким бедным юным вдовам всегда хочется чем-то помочь. Но и с ней не все слава богу. Школьные каникулы длятся целую вечность, а по контракту ей полагается в каникулы дополнительное свободное время. Я пыталась ей объяснить, что сейчас появились чудесные летние лагеря, где детки прекрасно отдыхают и даже не вспоминают про родителей. И вообще, что за привычка приезжать домой на каникулы?!

— Но миссис Хаймес вашу идею не оценила?

— Нет, она такая упрямая! А ведь я именно сейчас решила подстричь травку на теннисном корте и обновить разметку. Старик Эйш ни одной прямой линии провести не в состоянии. Но со

мной никто не считается.

— Осмелюсь предположить, что во время каникул миссис Хаймес получает меньше обычного.

— Конечно! А чего еще она хочет?

— Уверен, что ничего, — сказал Краддок. — До свидания, миссис Лукас.

— Это был кошмар! — радостно сообщила миссис Светтенхэм. — Сущий кошмар! По-моему, газетам следует более осмотрительно принимать объявления. Я сразу подумала: странно, очень странно… Я ведь так тебе и сказала, правда, Эдмундик?

— А что вы делали, когда погас свет? — поинтересовался инспектор.

— О, как вы напоминаете мне мою старую нянюшку! «Где был Моисей, когда погас свет?» Ответ: «Конечно же, в темноте!» Как вчера вечером. Все стояли и ломали голову, не зная, что произойдет. А потом аж дух захватило: темень — хоть глаз выколи, представляете, как мы переволновались?! А тут еще дверь открывается — и на пороге темная фигура с пистолетом… Ослепительный свет и грозный голос: «Кошелек или жизнь!» Это был лучший миг в моей жизни! Ну, а через минуту начался кошмар. У меня над ухом свистели настоящие пули! Как на войне.

— Вы сидели или стояли, миссис Светтенхэм?

— Так… дайте подумать… где я была? С кем я разговаривала, Эдмунд?

— Откуда мне знать, мама?

— Может, я спрашивала у мисс Хинчклифф, стоит ли в холода поить кур рыбьим жиром? Или то была миссис Хармон?… Нет, она только вошла… Кажется, я все-таки говорила полковнику Истербруку, что атомная станция в Англии, на мой взгляд, представляет собой громадную опасность. Ее следовало устроить на необитаемом острове, а то, не дай бог, утечет радиация.

— Значит, вы не помните, где находились?

— Разве это так важно, инспектор? Ну, я, наверное, стояла у окна… или у камина, потому что часы били у меня над ухом, я хорошо помню. Какой же это был упоительный миг! Вот-вот что-то случится!

— Вы сказали, что свет фонаря ослеплял. Он бил вам в глаза?

— Прямо в глаза. Я ничего не видела.

— Налетчик водил фонарем по сторонам или держал его неподвижно?

— Ей-богу, не помню. Что он делал, Эдмунд?

— Он довольно медленно шарил фонарем по комнате, высвечивая нас поодиночке, как будто

хотел разглядеть каждого повнимательней. Наверное, не боялся, что мы на него набросимся.

— Вы можете точно указать свое местонахождение, мистер Светтенхэм?

— Я разговаривал с Джулией Симмонс. Мы стояли посреди большой гостиной.

— А остальные тоже были там или кто-то прошел в дальнюю комнату?

— По-моему, туда пошла Филиппа Хаймес. Она стояла у дальнего камина. Если не ошибаюсь, она что-то искала.

— На ваш взгляд, третий выстрел был случайностью?

— Не знаю. Незнакомец резко повернулся, потом согнулся и упал, но вообще-то царила такая сумятица… Вы должны понять, практически ничего не было видно. А потом эта беженка истошно завопила.

— Это вы отперли столовую и выпустили ее?

— Да, я.

— А дверь точно была заперта снаружи?

Эдмунд поглядел на Краддока с любопытством.

— Ну, разумеется. Уж не думаете ли вы, что…

— Я просто хочу внести ясность. Спасибо, мистер Светтенхэм.

В обществе полковника и миссис Истербрук ин-

спектору пришлось провести немало времени.

— Психологический подход — единственно верный путь в наше время! — вещал полковник. — Преступника надо понять. В данном конкретном случае, правда, все ясно как день… по крайней мере для человека с моим опытом. Почему наш приятель затевает комедию? Опять-таки обратимся к психологии. Он хочет заявить о себе… привлечь к себе внимание. В отеле «Спа» его не замечают, а может, даже презирают за иностранное происхождение. Не исключено, что его отвергла любимая девушка и он решил привлечь ее внимание. Кто сейчас кумир кино? Гангстер, супермен. Превосходно — он станет суперменом, пойдет на разбой! Маска? Есть. Пистолет? Есть. Но ему нужна публика. Что ж, раз нужна, значит, он ее получит. И он собирает зрителей. А в кульминационный момент и сам подпадает под власть роли… Он уже не простой грабитель. Он убийца. Он палит… наугад…

Инспектор ухватился за последнее слово:

— Вы сказали: «Наугад…» Вам кажется, он стрелял не в какого-то конкретного человека? Например, в мисс Блэклок…

— Помилуйте, инспектор! Да он просто разрядил пистолет. Именно наугад! И это его отрезвило.

Пуля в кого-то попала… на самом деле обошлось пустяковой царапиной, но он-то этого не знал! Он пришел в себя и понял, что дурацкий розыгрыш оборачивается страшной правдой. Он кого-то ранил или даже убил! И в панике он наставляет пистолет на себя! — Полковник Истербрук выдержал паузу, с чувством прокашлялся и довольно добавил:– Ясно как божий день. Как божий день!

— Удивительно! — ахнула миссис Истербрук. — Откуда ты все знаешь, Арчи?!

В ее голосе звучало страстное восхищение.

Инспектор Краддок тоже подумал, что это удивительно, но особого восторга не испытал.

— А где вы стояли, полковник, когда началась стрельба?

— Рядом с женой, возле круглого стола, на нем еще были цветы.

— Я схватила тебя за руку, да, Арчи? Я до смерти перепугалась. И как пить дать умерла бы, если бы не схватилась за тебя.

— Ах, ты, мой бедный котеночек! — игриво отозвался полковник.

Мисс Хинчклифф сидела на земле за свинарником.

— Прелестные создания — свиньи! — сказала она, почесывая розовую спину поросенка. —

Шикарно откормлен, да? К Рождеству будет отличный бекон. Зачем пожаловали, инспектор? Я же вчера заявила вашим людям, что ничего не знаю про этого парня. Не знаю и не видела, чтобы он рыскал в округе. Наша мисс Мопп говорит, он из большой гостиницы, что в Меденхэм-Уэллсе. Почему ж тогда не грабанул кого-нибудь там, если уж ему приспичило? Мог найти добычу и покрупнее.

Спорить с этим было трудно.

Краддок начал допрос:

— Где вы находились во время инцидента?

— Инцидента? Тоже мне! Вот на войне были инциденты!.. Значит, где я стояла, когда началась пальба? Вы это хотели спросить?

— Да.

— Облокотилась о камин и молила бога, чтобы мне поскорей дали выпить, — выпалила мисс Хинчклифф.

— Грабитель стрелял наугад или в кого-то целился?

— Вы хотите сказать, в Летти Блэклок? Почем я знаю? Разве теперь припомнишь, как оно все было? Я только запомнила, что свет потух и фонарь замельтешил, ослепляя нас, а когда грохнули выстрелы, я подумала, что если это чертов бол-

ван Патрик балуется, то он добалуется — кого-то можно и задеть!

— Вы подумали на Патрика Симмонса?

— А на кого еще? Эдмунд Светтенхэм у нас ученый, книжки пишет и плоскими шутками не увлекается, а старый полковник Истербрук таких вещей вообще не понимает. Ну, а Патрик — сорвиголова. Хотя сейчас мне неловко, что я на него грешила.

— Ваша подруга тоже подозревала Патрика Симмонса?

— Мергатройд? Да вы лучше у нее самой спросите. Хотя навряд ли вам удастся добиться чего-нибудь путного. Она в саду. Позвать? — Мисс Хинчклифф повысила свой и без того зычный голос и оглушительно рявкнула: — Мергатройд! Ау!

— Иду! — донесся слабый крик.

— Поторопись… полиция! — проревела мисс Хинчклифф.

Мисс Мергатройд прибежала бодрой трусцой, слегка запыхавшись. Подпушка юбки у нее оторвалась, волосы выбились из-под нелепой сеточки, а круглое добродушное лицо сияло.

— Вы из Скотленд-Ярда? — спросила она, переведя дух. — Вот уж не думала, что вы приедете, а

то сидела бы дома.

— Мы пока не сообщали о случившемся в Скотленд-Ярд, мисс Мергатройд. Я инспектор Краддок из Милчестера.

— Очень мило с вашей стороны, — не к месту ляпнула мисс Мергатройд. — Что, нашли какие-нибудь улики?

— Инспектор пришел по твою душу. Где ты была в момент преступления? — сказала мисс Хинчклифф, подмигивая Краддоку.

— О господи! — разинула рот Мергатройд. — Ну, конечно. Я должна была подготовиться. Алиби, мое алиби! Так-так, сейчас… значит… я была там же, где и все!

— Но не со мной, — заявила мисс Хинчклифф.

— Разве, дорогая? Ну да, точно. Я любовалась хризантемами. По правде сказать, они были довольно чахлые. А потом все произошло, только на самом деле я не поняла, что произошло… то есть я хочу сказать, что я не подозревала, что это что-то такое… У меня и в мыслях не было, что пистолет настоящий. И потом, в темноте было так страшно, и все кричали. Я все поняла не так. Я думала, убили ее… в общем, беженку. Я решила, ей перерезали горло. И не знала, что это он… то есть я даже не подозревала, что это мужчина. Ведь я

только голос слышала. Представляете, он попросил: «Поднимите, пожалуйста, руки вверх».

— Да просто: «Руки вверх!» — поправила ее мисс Хинчклифф. — Без всяких «пожалуйста».

— Мне сейчас так стыдно вспоминать, что пока Мици не закричала, я прямо-таки наслаждалась. Только стоять в темноте было очень неудобно, и я ушибла мозоль. Чуть не умерла. А что еще вы хотели спросить, инспектор?

— Ничего, — сказал инспектор Краддок, задумчиво глядя на Мергатройд.

Ее подруга расхохоталась:

— Он записал тебя на пленку.

— Но, Хинч, — возразила мисс Мергатройд, — я ведь только хотела рассказать все, что знаю!

— А ему не это от тебя нужно, — заявила мисс Хинчклифф. Она посмотрела на инспектора: — Ежели вы делаете это по географическому принципу, то следующим номером будет пастор. Кто знает? Может, вам и удастся там что-нибудь выудить. Миссис Хармон кажется совершенно безмозглой, но подчас мне кажется, что она совсем не глупа. Вдруг ей есть что сообщить вам?

Провожая взглядом удалявшихся инспектора с сержантом, Эми Мергатройд глубоко вздохнула.

— Ну как, Хинч, я ужасно себя вела? Я так вол-

новалась!

— Отнюдь, — улыбнулась мисс Хинчклифф. — Ты держалась молодцом.

Инспектор Краддок с умилением оглядел просторную, бедно обставленную комнату. Она напомнила ему родной дом в Кумберленде. Линялый ситец, большие ветхие стулья, много цветов… книги, разбросанные где попало, спаниель в корзинке. Да и сама миссис Хармон, ее открытое лицо и забавная рассеянность показались ему симпатичными.

Миссис Хармон простодушно заявила:

— От меня вам никакого проку не будет, потому что я зажмурилась. Ненавижу, когда мне светят в глаза. А когда раздались выстрелы, я зажмурилась еще крепче. И молилась, да-да, молилась, чтоб убили как можно тише. Мне не нравится, когда стреляют.

— Стало быть, вы ничего не видели, — улыбнулся инспектор. — Но слышать-то что-нибудь слышали?

— Шума, конечно, было много. Двери открывались и закрывались, все кричали, несли какую-то чушь и ахали. Мици ревела почище паровозного гудка, а бедняжка Банни дико верещала. И все толкались и падали друг на друга. Но я открыла

глаза, только когда поняла, что выстрелов больше не будет. Все уже вышли в холл, принесли свечи. А потом зажегся свет, и все сразу стало как обычно… то есть не совсем как обычно, но мы опять были мы, а не какие-то странные люди в темноте. Ведь в темноте люди совсем другие, да?

— Мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, миссис Хармон.

Миссис Хармон улыбнулась.

— Он лежал там, — сказала она, — и был так похож на ласку… такой розовый и удивленный… Он был совсем мертвый, а рядом валялся пистолет. Нам это показалось такой нелепостью…

Инспектору — тоже. Все происходящее его тревожило.

Глава 8
На сцену выходит мисс Марпл

Краддок положил на стол начальника отпечатанный на машинке текст допросов. Тот держал в руках телеграмму, только что полученную от швейцарской полиции.

— Выходит, в полиции он был на заметке, — сказал Райдесдейл. — Впрочем, я так и думал.

— Да, сэр.

— Подделка драгоценностей… та-ак… махинации с бухгалтерскими книгами… чеками… Полный прохвост.

— Да, сэр, мелкий жулик.

— Вот-вот. Но малое влечет за собой большое.

— Будем надеяться, сэр, что вы окажетесь правы.

Начальник полиции поднял глаза на подчиненного:

— Вы чем-то обеспокоены, Краддок?

— Да, сэр.

— Но чем? Все ясно как божий день. Или нет?… Посмотрим-ка, что нам расскажут свидетели.

Он придвинул к себе рапорт и быстро прогля-

дел текст.

— Как обычно, масса несовпадений, противоречий. Воспоминания разных людей о стрессовой ситуации всегда разнятся. Но в целом картина ясна.

— Да, сэр, но не совсем. Я вам больше скажу: она неверна.

— Тогда обратимся к фактам. В пять часов двадцать минут Руди Шерц садится в автобус, отправляющийся из Меденхэма в Чиппинг-Клеорн, и прибывает туда в шесть часов. Его запомнили кондуктор и два пассажира. От автобусной остановки он идет пешком по направлению к «Литтл-Пэддоксу», беспрепятственно проникает в дом, вероятно, через парадный вход. Преступник вооружен, он стреляет дважды, одна из пуль слегка задевает мисс Блэклок. Третьим выстрелом он убивает себя. За недостатком улик невозможно определить, сделал он это намеренно или случайно. Я с вами согласен, причины самоубийства кажутся неубедительными. Но, в общем-то, мы с вами не призваны отвечать на вопрос: «Почему?» Коллегия присяжных решит, признавать это самоубийством или квалифицировать как несчастный случай. Но каким бы ни был вердикт присяжных, нам нет до этого дела. Мы можем

поставить точку.

— То есть принять психологические теории полковника Истербрука, — мрачно пошутил Краддок.

Райдесдейл улыбнулся:

— Но в конце концов, у полковника, должно быть, богатый опыт. Меня, правда, тошнит от модных ученых словечек, однако нельзя сбрасывать психологию со счетов.

— И все же у меня чувство, что картина неверна, сэр.

— У вас есть основания полагать, что кто-то из Чиппинг-Клеорна лжет?

Краддок поколебался.

— Мне кажется, иностранка знает больше, чем говорит. Хотя, возможно, у меня предубеждение.

— Вы думаете, она была сообщницей? Впустила его в дом? Подговорила?

— С нее станется. Но тогда в доме есть какие-то ценности: деньги или украшения. А это вроде бы не так. Мисс Блэклок, во всяком случае, решительно все отрицала. И обитатели «Литтл-Пэддокса» — тоже. Остается предположить, что в доме были ценности, о которых никто не подозревал…

— Сюжет для бестселлера.

— Да, конечно, это звучит смешно… И послед-

нее: мисс Баннер почему-то уверена, что Шерц покушался именно на жизнь Блэклок.

— Но из ваших отзывов о мисс Баннер и из ее собственных показаний следует, что она…

— Согласен, сэр, — торопливо вставил Краддок, — она ненадежный свидетель. На редкость внушаема. Ей можно вбить в голову любую чушь… но любопытно, что это ее собственные домыслы, не чьи-то чужие, а ее собственные. Остальные с ней не согласны. Она, может, впервые в жизни поплыла против течения.

— А с какой стати Руди Шерцу было убивать мисс Блэклок?

— В том-то и суть, что я не знаю. И мисс Блэклок тоже не знает… или она более искусная лгунья, чем кажется на первый взгляд. И никто не знает. Так что, судя по всему, это неправда.

Инспектор Краддок вздохнул.

— Не унывайте, — утешил его начальник полиции. — Я приглашаю вас пообедать со мной и с сэром Генри. Продегустируем лучшие блюда, которые может предложить отель «Спа» в Меденхэм-Уэллсе.

— Спасибо, сэр. — Краддок был несколько удивлен.

— Видите ли, мы получили письмо… — Райде-

сдейл осекся, потому что в комнату вошел сэр Генри Клиттеринг. — А вот и Генри.

Держась на сей раз неофициально, сэр Генри сказал:

— Привет, Дермот!

— У меня для вас кое-что есть, — сообщил начальник полиции.

— Да? И что же?

— Письмецо от старой киски. Она остановилась в «Ройал Спа». Пишет, что может помочь нам в чиппинг-клеорнском деле.

— Ну, что я вам говорил?! — победоносно изрек сэр Генри. — Эти старушки — настоящий клад. Все слышат. Все видят. И, наперекор старинной притче, любят позлословить.

Развернув письмо, Райдесдейл пожаловался:

— Почерк как у моей бабушки. Пишет как курица лапой, да еще подчеркивает через каждые два слова. Значит, так… сначала длинное и нудное вступление про наше драгоценное время, которое она не хочет отнимать… но, возможно, ее наблюдения нам пригодятся… еще что-то в том же духе… Кто она вообще такая?… Джейн Мапл… нет, Марпл, Джейн Марпл.

— Разрази меня гром! — воскликнул сэр Генри. — Неужто она? Джордж, да это ж моя соб-

ственная, единственная и неповторимая киска! Лучшая из всех кисок на свете. Но с какой стати она очутилась в Меденхэм-Уэллсе вместо того, чтобы мирно поживать у себя дома в Сент-Мэри-Мид? И главное, поспела вовремя! Как раз к убийству! Да, убийство объявлено снова — на потеху мисс Марпл!

— Что ж, Генри, — язвительно произнес Райдесдейл, — я буду рад увидеть эталон сыщика. Пообедаем в «Ройал Спа» и встретимся с вашей протеже. Краддок, правда, смотрит на наше свидание весьма скептически.

— Напротив, — возразил из вежливости Краддок. Но про себя подумал, что порой его крестный отец, право же, несет ахинею.

Мисс Марпл была примерно такой, какой ее себе представлял Краддок. Правда, гораздо более благообразной и старой. Вид у нее был очень дряхлый: волосы белее снега, румяное лицо иссечено морщинами, а взгляд голубых глаз кроток и невинен. Старушка куталась в шерстяную ажурную шаль и вязала. Как потом выяснилось, детскую косыночку.

При виде сэра Генри она пришла в неописуемый восторг, а когда ее представили начальнику полиции и инспектору, страшно смутилась.

— Вот удача так удача, сэр Генри… Сколько лет, сколько зим! Ох, меня совсем ревматизм замучил. Особенно в последнее время. Конечно, я не могла бы себе позволить поселиться в таком шикарном отеле. Цены здесь запредельные, но Раймонд, мой племянник Раймонд Уэст, может, вы его помните…

— Это имя знает каждый.

— Да, его умные книжки пользуются большим спросом. Последняя, на мой взгляд, кошмарнее всех остальных, но, наверное, так частенько бывает, да? Так вот, милый мальчик настоял на оплате всех моих расходов. А его очаровательная супруга тоже делает карьеру, она художница. Рисует по большей части кувшины с увядшими цветами и сломанные расчески на подоконниках. Не решаюсь ей признаться, но вообще-то я до сих пор обожаю Блер Лейтон и Альму Талема. Впрочем, я заболталась… Это ж надо, сам начальник полиции пожаловал! Право, не ожидала… Боюсь, я отнимаю у вас время…

«Старушенция совсем того», — с неприязнью подумал инспектор Краддок.

— Пойдемте в кабинет управляющего, — предложил Райдесдейл. — Там удобнее разговаривать.

Кутаясь в шаль и прихватив с собой спицы, мисс Марпл взволнованно засеменила за ними в приемную мистера Роулендсона.

— Итак, мисс Марпл, что вы хотели нам рассказать? — спросил начальник полиции.

Мисс Марпл изложила суть дела неожиданно кратко:

— Чек. Он его переправил.

— Кто «он»?

— Молодой человек, сидевший тут за конторкой. Он вроде бы инсценировал налет и застрелился.

— Вы говорите, он подделал чек?

Мисс Марпл кивнула.

— Вот, посмотрите. — Она вынула чек из сумки и положила на стол. — Сегодня утром его прислали из банка вместе с остальными счетами. Можете сами убедиться: тут было написано «семь фунтов», а он сделал из них семнадцать, поставил единичку и приписал «дцать». Изящно проделано. А чтобы было не подкопаться, поставил кляксу и запачкал все слово. Мастерская работа, нечего сказать! Я полагаю, у него была богатая практика. Чернила те же самые, потому что я выписывала чек прямо за конторкой. Должно быть, он частенько проделывал это раньше, вы

не находите?

— Но на сей раз не на ту нарвался, — заметил сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула:

— Да. Со мной у него вышла осечка. Слишком уж я неподходящая кандидатура. Молодая замужняя женщина, занимающаяся бизнесом, или влюбленная девушка выписывают чеки на самые разные суммы и никогда не проверяют чековых книжек. Но старуха, считающая каждый пенс и закосневшая в своих привычках, — это плохой вариант. Я никогда не выписываю чеков на семнадцать фунтов. Двадцать — круглая цифра. Я откладываю двадцать фунтов на прислугу и книги. А на карманные расходы обычно отвожу семь. Раньше было пять, но с тех пор цены так подскочили!

— А не напомнил ли он вам кого-нибудь? — подсказал сэр Генри, и в его глазах промелькнул озорной огонек.

Мисс Марпл улыбнулась и покачала головой:

— Ах, вы баловник, Генри! Ну, конечно, напомнил — Фреда Тайлера из рыбной лавки. Тот всегда приписывал к счету лишний шиллинг. А поскольку рыбы мы едим много и счета бывали довольно длинными, люди никогда их не

перепроверяли, и он всякий раз клал себе в карман по десять шиллингов. Немного, но вполне достаточно, чтобы приобрести пару галстуков и сводить в кино Джесси Спрегг, продавщицу из драпировочной мастерской. Эти молодчики так и норовят урвать везде, где только можно!.. Ну вот, стало быть, в первую же неделю моего пребывания здесь я обнаружила ошибку в счете. Я указала на нее юноше, он рассыпался в извинениях, вид у него был очень расстроенный, но я подумала: «Жуликоватые у тебя глаза, дорогуша». Для меня жуликоватые глаза, — пояснила мисс Марпл, — это когда человек смотрит прямо на тебя и даже не моргнет.

Краддок одобрительно кивнул.

— Руди Шерц вообще был неблагонадежен, — сказал Райдесдейл. — Как удалось выяснить, он стоял на учете в швейцарской полиции.

— Значит, на родине ему припекло, и он по фальшивым документам приехал сюда? — спросила мисс Марпл.

— Именно так, — подтвердил Райдесдейл.

— Его частенько видали с рыжей официанткой из гриль-бара, — сказала мисс Марпл. — К счастью, ее сердце, как мне кажется, не разбито. Ей просто хотелось чего-нибудь новенького, а он

имел обыкновение дарить цветы и шоколадки, чего от английских парней не дождешься… Она рассказала вам все, что знала? — спросила мисс Марпл, неожиданно повернувшись к Краддоку. — Или не совсем?

— У меня нет полной уверенности, — осторожно произнес Краддок.

— Думаю, вам не придется долго ждать, — ободрила его мисс Марпл. — Девушка очень встревожена. Сегодня утром принесла мне вместо селедки лососину и забыла про молоко. А ведь она отличная официантка. Да, она встревожена. Но надеюсь, — тут простодушные голубые глазки мисс Марпл с чисто женским восхищением окинули ладную фигуру и красивое лицо инспектора Краддока, — надеюсь, вы сможете войти к ней в доверие и она выложит вам все, что знает.

Инспектор покраснел, а сэр Генри одобрительно хмыкнул.

— Это может быть очень важно, — сказала мисс Марпл. — Вдруг он открыл ей, кто это был?

Райдесдейл удивленно воззрился на старушку:

— В каком смысле?

— О, я совсем не умею выражать свои мысли! Я имела в виду, кто его подбил.

— Вы считаете, что швейцарца подговорили?

Мисс Марпл сделала большие глаза:

— Безусловно. Сами посудите, что он был за человек? Смазливый юнец, который норовит урвать помаленьку то тут, то там, подделывает чеки на мелкие суммы… может, порой крадет недорогие украшения, когда постояльцы гостиницы оставляют их на видном месте, или стащит немножко денежек из чужого ящика. Этого ему вполне хватает на карманные расходы, на одежду и на девушек. И чтобы такой молодец среди овец вломился в дом, терроризировал столько людей и вдобавок в кого-то выстрелил! Да никогда в жизни! Не тот он был тип. Это нелепо.

У Краддока перехватило дыхание. То же самое говорила Летиция Блэклок. И жена пастора. Нелепо… И вот теперь старая киска сэра Генри повторила их слова, и в голосе ее прозвучала непоколебимая уверенность.

— В таком случае, может быть, вы нам поведаете, — с неожиданной злостью сказал он, — что же на самом деле там стряслось?

Мисс Марпл удивленно повернулась к инспектору.

— Откуда мне знать? Я читала газетные сводки, но из них мало что почерпнешь. Конечно, можно строить домыслы, но это же не достоверные

факты.

— Джордж, — обратился сэр Генри к Райдесдейлу, — если дать мисс Марпл прочесть показания свидетелей из Чиппинг-Клеорна, это будет против правил?

— Против, — сказал Райдесдейл, — но я пришел сюда не для того, чтобы соблюдать правила. Пусть прочтет. Мне хочется узнать ваше мнение, мисс Марпл.

Старушка ужасно смутилась.

— Боюсь, вы напрасно доверяете сэру Генри. Он слишком добр ко мне и переоценивает мои мелкие наблюдения. На самом деле у меня нет никаких талантов, совершенно никаких… кроме, может быть, определенного знания человеческой природы. Я нахожу, что люди обычно бывают излишне доверчивы. А я, увы, имею склонность верить в наихудшее. Это неприятное свойство характера, но оно мне не раз пригодилось.

— Прочтите, — сказал Райдесдейл, подав ей листы с машинописным текстом. — Это не отнимет у вас много времени. Кроме всего прочего, свидетели — люди вашего круга… Вы можете знать кого-нибудь похожего на них. Может, вам удастся заметить что-нибудь важное… А то дело вот-вот будет закрыто. Давайте перед тем, как поставить

точку, послушаем мнение любителя. Не скрою, наш Краддок не удовлетворен исходом расследования. Он, как и вы, считает, что это нелепо.

Все молча ждали, пока мисс Марпл прочтет показания. Наконец она отложила записи в сторону.

— Очень интересно, — вздохнув, начала она. — Какие разные вещи люди говорят… и думают. Что они видят… или думают, что видят. Да, очень сложно делать выводы, ведь почти все невероятно банально, а какую-то небанальную вещь выявить очень трудно, она как иголка в стоге сена.

Краддок был разочарован. На мгновение он вдруг поверил сэру Генри, до небес превозносившему эту смешную старушенцию. Поверил, что она может подметить какую-нибудь важную деталь, ведь старики часто бывают необычайно проницательны. Ему, к примеру, ничего не удавалось утаить от старой тетушки Эммы. Он долго не понимал, в чем дело, и наконец тетка призналась, что, когда он собирается соврать, у него начинает дергаться нос. Однако мисс Марпл способна лишь наводить тень на плетень. Он почувствовал прилив раздражения и довольно грубо сказал:

— Факты остаются фактами. Несмотря на разнобой в деталях, в целом свидетельские показания совпадают. Люди видели человека в маске, державшего пистолет и фонарь; он открыл дверь, приказал поднять руки вверх, и, как бы они ни передавали его слова: «Руки вверх!» или «Кошелек или жизнь!» — это зависит от того, какая фраза ассоциируется у них с налетом, — все они видели налетчика, это главное.

— Но на самом деле, — мягко возразила мисс Марпл, — они не могли ничего увидеть.

У Краддока дух захватило. Старушка попала не в бровь, а в глаз! Значит, все-таки она проницательна! Он ее провоцировал, но она не поддалась на провокацию. Да, факты пока оставались фактами, но мисс Марпл вслед за Краддоком поняла, что люди, видевшие налетчика в маске, на самом деле не могли его видеть.

— Если я правильно представляю себе картину происшедшего, — щеки мисс Марпл порозовели, а глаза заблестели от удовольствия, — света не было ни в холле, ни на лестничной площадке?

— Не было, — подтвердил Краддок.

— Значит, если человек встал в дверях, направив яркий свет на людей в комнате, никто не мог ничего увидеть, кроме этого света, не так ли?

— Так. Я проверял.

— И, утверждая, что они видели мужчину в маске, очевидцы невольно описывают свои впечатления уже после, когда свет зажегся. А это лишнее подтверждение того, что Руди Шерц был, так сказать, подставным лицом.

Райдесдейл уставился на нее с таким изумлением, что мисс Марпл покраснела еще сильнее.

— Не знаю, удачно ли я выразилась… Насколько я понимаю, подставное лицо — это человек, обвиняемый в преступлении, которое на самом деле совершено кем-то другим, — пробормотала она. — По-моему, Руди Шерц оказался именно таким человеком. Он был глуповат, корыстолюбив и, вероятно, необычайно легковерен.

Райдесдейл спросил, терпеливо улыбаясь:

— Уж не считаете ли вы, что его подговорили устроить пальбу в комнате, битком набитой людьми?

— Я думаю, ему сказали, что это шутка, — спокойно ответила мисс Марпл. — И наверняка щедро заплатили за то, что он опубликует объявление, выяснит планировку усадьбы, а потом в назначенный час явится в маске и черном плаще, распахнет дверь, взмахнет фонарем и прикажет: «Руки вверх!»

— И выстрелит?

— О нет, нет! — покачала головой мисс Марпл. — У него и пистолета-то с собой не было!

— Но все говорят… — начал Райдесдейл и осекся.

— Вот именно, — кивнула старушка. — На самом деле пистолета в его руках никто не видел. И не мог увидеть. А у меня сложилось впечатление, что его и не было. Я думаю, после того как парень скомандовал: «Руки вверх!» — кто-то бесшумно подошел к нему в темноте и выстрелил дважды через его плечо. Руди до смерти перепугался, оглянулся, и тогда тот, другой, застрелил его. А потом бросил пистолет рядом с трупом.

Все завороженно уставились на старушку.

— Это лишь одна из версий, — мягко сказал сэр Генри.

— Но кто сей мистер Икс, подкравшийся к Шерцу в темноте? — спросил начальник полиции.

Мисс Марпл кашлянула.

— Вам… вам следует выяснить у мисс Блэклок, кто хотел ее смерти.

«Один — ноль в пользу Доры Баннер, — подумал Краддок. — О, это вечное состязание инстинкта и интеллекта!»

— Значит, по-вашему, это преднамеренное

покушение на мисс Блэклок? — уточнил Райдесдейл.

— Судя по всему, да, — подтвердила мисс Марпл. — Впрочем, есть одна нестыковка… Но сейчас меня интересует не это. Сейчас нужно узнать, не проболтался ли он кому-нибудь. Человек, вступивший в переговоры с Руди Шерцем, безусловно, требовал, чтобы Шерц держал язык за зубами, и если парень все-таки проболтался, то только своей девушке, Мирне Харрис. Ей он вполне мог намекнуть о том, кто сделал ему такое необычное предложение.

— Я сейчас же допрошу ее, — сказал Краддок, вскакивая со стула.

— Сделайте милость, инспектор, — кивнула мисс Марпл. — У меня сразу на душе полегчает. Ведь когда она расскажет вам все, что ей известно, она будет в гораздо большей безопасности.

— В безопасности?… Ах да, понимаю…

Краддок вышел из комнаты.

Начальник полиции сказал вежливо, но с явным сомнением:

— Мисс Марпл, вы заставили нас задуматься.

— Простите меня, пожалуйста, простите! Как мило с вашей стороны, что вы не в претензии! Но, понимаете, у меня такая мать… Из-за лю-

бого пустяка начинает сходить с ума. А ведь действительно могло показаться, что я пособница преступления. О господи, слова-то какие страшные! — Мирна Харрис тараторила без умолку. — Поймите, я боялась, что вы мне не поверите. Но я, честное слово, считала эту затею шуткой!

Инспектор Краддок вновь повторил заверения, благодаря которым ему удалось сломить сопротивление Мирны.

— Я все скажу. Но вы не будете меня привлекать, да? Просто из-за мамы… Короче, все началось, когда Руди отменил свидание. Мы хотели сходить в кино, а он вдруг заявил, что не сможет. Поэтому я говорила с ним очень сухо, ведь, в конце концов, это была его идея. Еще не хватало, чтобы иностранцы так со мной обращались! А он сказал: «Я не виноват». А я: «Знаю я твою песенку». А он: «Вот уж будет потеха!» И добавил, что внакладе не останется, и пообещал мне в подарок часы. «Что значит потеха?» — спросила я. А он в ответ: «Ты смотри, никому ни слова… Тут в одном месте будет вечеринка, и мне нужно сыграть роль налетчика». И показал объявление, такое забавное, просто умора! Вообще тон у него был довольно презрительный. Он сказал: дескать, все это детские шалости, но очень похоже на англи-

чан. Они никогда по-настоящему не взрослеют. Я, конечно, возмутилась: «С какой стати ты нас так поносишь?» Мы немножко поцапались, но потом помирились. Сэр, надеюсь, вы меня понимаете? Когда я прочитала о налете и мне стало ясно, что дело-то вовсе не шуточное и Руди кого-то застрелил, а потом наложил на себя руки… Я не знала, что делать! И мне показалось, если я скажу, что была в курсе, все решат, что я и во всем остальном замешана. Но ведь это действительно казалось шуткой! И Руди тоже, могу подтвердить под присягой. А я даже не подозревала, что у него есть пистолет. Он ничего не говорил про оружие.

— Кто устраивал вечеринку? — спросил Краддок.

— Об этом он не сказал. Да, наверное, никто его и не подговаривал. Он сам во всем виноват.

— Неужели он не назвал имен? Может, хотя бы намекнул, кто это — мужчина или женщина?

— Нет, сказал только, что будет потрясающий сюрприз. И добавил: «Вот уж посмеюсь, когда увижу их физиономии!»

«Однако долго смеяться бедняге не пришлось», — подумал Краддок.

— Все это голословно, — заявил Райдесдейл по пути в Меденхэм. — Гипотеза ничем не подтвер-

ждена. Может, отбросим ее как досужие домыслы старой девы?

— Я бы поостерегся, сэр.

— Но где доказательства? Некий таинственный Икс вдруг вырастает в темноте за спиной у швейцарца. Откуда он взялся? Кто он такой? Где был до этого момента?

— Он мог пройти через черный ход, — предположил Краддок, — как прошел тот же Шерц. Или… прийти из кухни.

— Вы хотите сказать, *она* могла прийти из кухни?

— Не исключено, сэр. Беженка не внушает мне доверия. Неприятная особа. Все ее вопли и истерики могут оказаться чистым притворством. Она вполне могла подговорить парня, впустить его в дом, все обстряпать, застрелить его, примчаться обратно в кухню, схватить столовое серебро и замшу и начать ломать комедию с воплями.

— Против всего этого один-единственный факт: мистер… как бишь его… Эдмунд Светтенхэм вполне определенно показал, что ключ торчал в замке с наружной стороны и он повернул его, чтобы выпустить служанку. Может, в той половине дома есть еще какая-нибудь дверь?

— Да, есть дверь, ведущая к черному ходу и на

кухню, она расположена прямо под лестницей, но, похоже, дверная ручка сломалась недели три тому назад и ее до сих пор не удосужились починить. А когда ручка сломана, дверь открыть невозможно. Так мне сказали в «Литтл-Пэддоксе» и, наверное, сказали правду. Штырь и две ручки лежат на полочке в холле, за дверью, на них толстый слой пыли. Но профессионал, естественно, сумел бы открыть и эту дверь.

— Запросите досье на иностранку. Проверьте, все ли у нее в порядке с документами. Но мне все равно кажется, что это умозрительные теории.

Райдесдейл опять испытующе взглянул на подчиненного. Тот спокойно ответил:

— Знаю, сэр. Конечно, если вы считаете, что дело пора закрывать, мы его закроем. Но я был бы вам весьма признателен, если бы смог поработать над ним еще немного.

К его удивлению, шеф спокойно и одобрительно произнес:

— Молодец!

— Надо проверить пистолет. Если гипотеза верна, он Шерцу не принадлежал. Тем более что никто не может определенно сказать, был у Шерца пистолет или нет.

— Он германского производства.

— Я знаю, сэр. Но в Англии сейчас полно иностранных пистолетов. Американцы привозили с войны трофейное оружие, англичане от них тоже не отставали. Вряд ли нам это поможет.

— Пожалуй. Какие еще соображения?

— Должен быть мотив преступления. Если теория мисс Марпл хоть отчасти верна, значит, случившееся в пятницу не было шуткой или обычным налетом. Кто-то пытался убить мисс Блэклок. Почему? Сдается мне, что если кто и может ответить на сей вопрос, то только она сама.

— Насколько я понял, она восприняла эту идею без энтузиазма?

— Она восприняла без энтузиазма идею, что ее пытался убить Руди Шерц. И была совершенно права. Но теперь ситуация изменилась.

— Почему?

— Убийца может сделать еще одну попытку.

— Которая, конечно же, подтвердила бы правильность вашей гипотезы, — сухо сказал Райдесдейл. — Кстати, вы бы позаботились о мисс Марпл.

— О мисс Марпл? В каком смысле?

— Если не ошибаюсь, она хочет поселиться в Чиппинг-Клеорне у священника и два раза в неделю ездить в Меденхэм-Уэллс на лечение.

Вроде бы миссис… как бишь ее… короче, жена пастора — это дочь старой подруги мисс Марпл. У нашей киски настоящая спортивная хватка. Жизнь у нее, должно быть, довольно скучная, и старушка не прочь пощекотать нервишки, занявшись расследованием убийства… которое, может быть, все же действительно имело место.

— Мне бы не хотелось, чтобы она приезжала в Чиппинг-Клеорн, — озабоченно произнес Краддок.

— Что, будет путаться под ногами?

— Не в этом дело, сэр. Мисс Марпл — симпатичная пожилая леди. Будет очень жалко, если с ней что-нибудь случится… разумеется, если в нашей гипотезе и вправду есть доля истины.

Глава 9
Немного о двери

— Простите, что снова побеспокоил вас, мисс Блэклок.

— Ничего страшного! Раз следствие затянулось еще на неделю, значит, вы рассчитываете получить какие-то дополнительные сведения?

Инспектор Краддок кивнул.

— Выяснилось, что Руди Шерц вовсе не был сыном владельца отеля «Альпы» в Монтре. Судя по всему, он начал свою карьеру с санитара в бернской больнице. В бытность его санитаром у многих пациенток пропадали недорогие украшения. Потом Шерц работал под другой фамилией официантом на одном из небольших зимних курортов. Специализировался на подделке счетов: в дубликате указывал услуги, которых не значилось в оригинале. Разницу, естественно, прикарманивал. Дальше работал в одном цюрихском универмаге. В тот период воровство среди продавцов превысило средний уровень. И похоже, Шерц обворовывал не только покупателей.

— Вот как? Значит, он был нечист на руку? —

мрачно осведомилась мисс Блэклок. — И я не ошиблась, подумав, что раньше его не видела?

— Не ошиблись. Скорее всего ему на вас указали в гостинице, а он прикинулся вашим знакомым. Родная полиция начала ему докучать, и, приехав в Англию с кучей поддельных документов, Шерц устроился на работу в «Ройал Спа».

— Подходящее местечко для поживы, — холодно процедила мисс Блэклок. — Отель очень дорогой, в нем останавливается много зажиточных людей. И кое-кто из них легкомысленно относится к счетам.

— Да, — сказал Краддок, — там можно собрать неплохой урожай.

Мисс Блэклок нахмурилась:

— Хорошо, это понятно. Но зачем Шерцу понадобилось приезжать в Чиппинг-Клеорн? Неужели он рассчитывал взять с нас больше денег, чем с клиентов отеля?

— Вы абсолютно уверены, что в доме нет никаких ценностей?

— Абсолютно. Мне ли не знать! Смею вас заверить, инспектор, что у нас нет неизвестной картины Рембрандта или чего-нибудь в том же роде.

— Тогда ваша подруга мисс Баннер права. Вы-

ходит, Шерц покушался на вашу жизнь.

Мисс Блэклок устремила на него тяжелый взгляд.

— Давайте говорить начистоту. Неужели вы серьезно думаете, что этот юноша пришел меня убивать, предварительно дав объявление в газете, из-за которого к нам сюда сбежалась половина поселка?

— Но он, может, не хотел, чтобы так случилось, — перебила Летицию Дора Баннер. — Наверное, он просто хотел пригрозить тебе и для этого выбрал такую страшную форму. Я, например, так и поняла. «Объявлено убийство…» Я сразу же всеми фибрами души почуяла беду… Если бы он замышлял тебя убить, он бы выстрелил и убежал, и никто бы не узнал, кто он такой.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Блэклок, — но…

— Я чувствовала, что это не шуточное объявление, Летти! Я так тебе и сказала. А вспомни Мици! Она тоже перепугалась!

— Кстати, Мици! — подхватил Краддок. — Мици… Расскажите мне поподробней об этой молодой особе.

— Вид на жительство и документы у нее в порядке.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал инспектор. — Бумаги Шерца тоже были — не подкопаться.

— Но зачем Руди Шерцу понадобилось меня убивать?

— За его спиной мог стоять кто-то другой, — сказал Краддок. — Вам это в голову не приходило?

Он употребил слова «за спиной» метафорически, хотя у него и промелькнула мысль, что если гипотеза мисс Марпл верна, то выражение имеет и прямой смысл. Однако мисс Блэклок и бровью не повела. Взгляд ее оставался скептическим.

— И все-таки, — сказала она, — зачем меня убивать?

— Ответа на этот вопрос я от вас и добиваюсь, мисс Блэклок.

— Но что мне вам ответить? Вздор! Врагов у меня нет. С соседями, смею думать, я всегда жила в мире. Ничьих тайн я не ведаю. Да это нелепая мысль! А намеки, что здесь замешана Мици, тоже абсурд. Ведь мисс Баннер сказала, что, прочитав объявление в газете, Мици до смерти перепугалась и тут же хотела от нас съехать.

— Это могло быть ловким маневром. Она прекрасно знала, что вы ее не отпустите.

— Ну конечно, если что-то втемяшить в голову, то на любое возражение всегда найдется контр-

аргумент. Однако уверяю вас, если бы Мици вдруг ни с того ни с сего воспылала ко мне лютой ненавистью, она просто подсыпала бы мне чего-нибудь в еду и не стала бы ломать комедию… По-моему, у полиции предубеждение против иностранцев. Мици, может, и лгунья, но не убийца. Можете запугивать ее и дальше, но если она в порыве гнева потребует расчет или запрется у себя в комнате, закатив истерику, вы будете сами готовить нам обед. Миссис Хармон придет сегодня к нам с пожилой женщиной, которая приехала к ней погостить. Они придут к вечернему чаю, и я просила Мици испечь миниатюрное печенье, но боюсь, вы выбьете ее из колеи. Неужели вам больше некого подозревать?

Краддок отправился на кухню, задал Мици те же вопросы, что и в прошлый раз, и получил те же самые ответы. Да, она заперла входную дверь сразу после четырех. Нет, она не всегда так делает, но в тот вечер она нервничала из-за «ужасный объявления». Запирать черный ход не имело смысла, потому что мисс Блэклок и мисс Баннер собирались закрыть уток и покормить цыплят, а миссис Хаймес должна была вернуться с работы.

— Миссис Хаймес показала, что заперла дверь в половине шестого.

— А вы верить… да-да, вы верить…

— Почему бы и нет?

— Что вам разница, что я думаю? Мне вы не верить.

— Считай, что я даю тебе шанс войти ко мне в доверие. Итак, ты считаешь, что миссис Хаймес не запирала черный ход?

— Она очень стараться, чтобы не запирать.

— Не понимаю, о чем ты?

— Тот парень работать не один. Нет, он знать, куда ходить, знать, что, когда приходить, дверь будет открытый, о, такой удобно открытый!

— Что ты хочешь сказать?

— А какой польза, что я говорить? Вы не слушать. Вы сказать, что я бедная беженка, я не говорить правда. А этот английский леди с белый волосы, о нет, она никогда не говорить ложь. Она такой английский, такой честный. И вы верить она, а не я. Но я могла рассказать немного вещи. О да, могла!

Мици с чувством швырнула кастрюлю на плиту.

Краддок колебался, не зная, стоит ли придавать значение словам Мици. Ведь это вполне могло оказаться просто потоком желчи.

— Мы принимаем во внимание все, что нам

сообщают, — наконец сказал он.

— Но я ничего не говорить. Зачем? Вы как везде. Преследоваете и презираете бедный беженцы. Если я говорить, что неделя назад, когда этот парень приходить за деньги к мисс Блэклок и она его гонять домой… если я говорить, что потом я слушать, что он разговаривать с миссис Хаймес… да-да, с ней около оранжерея, вы опять утверждать, что я придумать?

«Вполне вероятно», — подумал Краддок, но вслух возразил:

— Ты не могла слышать их разговор.

— Нет, могла! — торжествующе взвизгнула Мици. — Я ходить собирать крапива, из она делать такой хороший суп. Хозяева не согласные, но я им не говорить, готовить, и все. Вот я ходить и слышать, как они беседовали. Он сказать: «Но как я могу прятаться?» А она: «Я покажу». А потом еще: «Четверть шестого». А я думать: «Ага, так ты себя держать, моя леди! Идешь с работа и бежишь к мужчина. Несешь его в дом. Наверно, мисс Блэклок это не очень любить. Она быстро выгонять такой женщин». Я думала, я буду смотреть и слушать, а потом рассказывать все мисс Блэклок. Но сейчас понимать, что думать неправильный. Она с ним планировать не любовь, она с ним

планировать грабить и убивать. Но вы говорить, я все придумывать. Злая Мици, говорить вы. Я буду садить ее тюрьма.

Краддок призадумался. Мици могла и сочинять. Но могла и не сочинять. Он осторожно спросил:

— А ты уверена, что она разговаривала именно с Руди Шерцем?

— Конечно. Он выходил, я видела, что он пойти по дорожка к оранжерея. А я тогда, — вызывающе добавила Мици, — выходила смотреть, если вырастала молодой крапива.

«Любопытно, — подумал Краддок, — что за молодая крапива может вырасти в октябре?» Но он понимал, что Мици просто наспех выдумала отговорку, скрывая свои шпионские намерения.

— А больше ты ничего не слышала?

Мици посмотрела на него удрученно.

— Эта мисс Баннер с ее длинный нос звать: «Мици! Мици!» И я должна уходить. Она такой вредный! Все лезет. Говорит, будет научить меня готовить. Ее готовление! В эти блюда везде, везде вода!

— А почему ты в прошлый раз умолчала об этом? — строго спросил Краддок.

— Потому что не помнить… Я не думать… Я только потом решить, что они иметь план… он

и она.

— А ты уверена, что это была миссис Хаймес?

— Уверен. Она воровка, эта миссис Хаймес. Она воровает и показывает воры хорошие дом. Что она получать за работа в саду, для такой женщин мало. Нет! Ей надо ограбливать мисс Блэклок, которая был с ней такой добрый. Она плохой, плохой женщин, эта миссис Хаймес.

— А если, — сказал инспектор, — мне донесут, что не Филиппу, а тебя видели с Руди Шерцем? Тогда как?

Но сие предположение впечатлило Мици куда меньше, нежели надеялся Краддок. Служанка презрительно фыркнула и потрясла головой.

— Это ложь, ложь, ложь! Говорить ложь о человек нетрудно, но в Англия это надо доказывать. Так мне сказать мисс Блэклок. Это правда или она обманывать? Я не разговаривать воры и убийцы. Никакой английский полицейский не может так обвинять. Но как я могу готовить еда, если вы здесь всегда говорить, говорить, говорить!.. Уходите из моя кухня, пожалуйста. Я хочу сейчас очень осторожный соус.

Краддок послушно вышел. Его подозрения относительно Мици начали развеиваться. Слишком уж убежденно она говорила про Филиппу

Хаймес. Конечно, Мици вполне могла оказаться лгуньей. Так оно и было, по мнению Краддока. Но в ее рассказе, вероятно, все же была доля правды. Он решил побеседовать с Филиппой Хаймес. В первый раз она показалась ему спокойной, хорошо воспитанной молодой женщиной. Он не подозревал ее в причастности к преступлению.

Краддок в задумчивости шел по коридору и по рассеянности попытался открыть не ту дверь. Спускавшаяся с лестницы мисс Баннер поспешила его поправить:

— Не туда. Та дверь не открывается. Вам нужна следующая слева. Запутаться можно, да? Тут столько дверей!

— Многовато, — согласился, оглядываясь, Краддок.

Мисс Баннер любезно перечислила:

— Первая ведет в гардеробную, за ней — дверь в чулан, дальше — в столовую, это по нашей стороне. А по той — фальшивая дверь, в которую вы сейчас пытались войти, потом настоящая дверь в гостиную, потом дверь в кладовку с фарфором, дверь в маленькую оранжерейку и в конце — черный ход. Запутаться можно. Особенно в этих двух: они так близко друг от друга. Я тоже часто толкалась в фальшивую дверь. Ее всегда загора-

живал стол, но его отодвинули.

Краддок машинально отметил про себя тонкую горизонтальную полоску на двери, которую он недавно пытался открыть. Теперь ему было понятно, что полоска — это след от стола.

У него промелькнула смутная догадка.

— Отодвинули? — переспросил он. — Когда?

К счастью, Дора Баннер любой вопрос воспринимала как должное. Словоохотливой старушке все казалось естественным, она была рада сообщить даже самые пустяковые сведения.

— М-м… дайте подумать… да совсем недавно, дней десять назад, от силы две недели.

— А почему его отодвинули?

— Не помню. Кажется, из-за цветов. Филиппа, если мне не изменяет память, поставила их в большую вазу — она великолепно составляет букеты, — но этот букет был такой огромный, что цеплялся за волосы. Поэтому Филиппа предложила: «Давайте отодвинем стол подальше. Цветы будут красивее смотреться на фоне голой стены, а не этой нелепой двери!» Но для этого пришлось снять картину «Веллингтон в Ватерлоо». Я, правда, от нее не в восторге. Мы положили картину под лестницу.

— Но на самом деле дверь не фальшивая? —

спросил Краддок.

— Нет-нет, она настоящая. Эта дверь ведет в маленькую гостиную, но, когда комнаты соединили, две двери стали не нужны, и одну закрыли.

— Закрыли? — осторожно попытался выведать Краддок. — Вы хотите сказать, заколотили? Или просто заперли?

— Кажется, закрыли на ключ и на засов.

Инспектор увидел вверху засов и попробовал его отодвинуть. Засов поддался легко, пожалуй, даже слишком легко…

— А когда эту дверь открывали в последний раз?

— М-м… давным-давно. Все время, что я тут живу, ни разу не открывали, я бы обязательно узнала.

— А ключ где?

— В холле стол, в ящике полно ключей. Наверное, там.

Краддок пошел вслед за мисс Баннер и увидел в глубине ящика связку ржавых ключей. Внимательно осмотрев каждый ключ, он взял один, с виду отличавшийся от остальных, и вернулся к двери. Ключ сразу вошел в замочную скважину и легко повернулся. Инспектор толкнул дверь, она бесшумно открылась.

— Осторожней! — воскликнула мисс Баннер. — С той стороны к двери может быть что-нибудь прислонено. Мы ведь ее никогда не открывали.

— Неужели? — хмыкнул инспектор. Лицо его омрачилось. — Мисс Баннер, эту дверь открывали совсем недавно. Замок и петли смазаны.

Старушка уставилась на него, глупо разинув рот:

— Но кто мог это сделать?

— Это мне предстоит выяснить, — сурово ответил Краддок. А про себя подумал: «Икс, проникший в дом с улицы? Как бы не так! Икс был здесь, в доме. Икс был в тот вечер в гостиной».

Глава 10
Пип и Эмма

На сей раз мисс Блэклок слушала Краддока более внимательно. Она была умной женщиной и сразу поняла суть дела.

— Да, — спокойно согласилась она, — это меняет картину… Никто не имел права открывать ту дверь. Но насколько я знаю, никто и не пытался.

— Поймите, — настаивал инспектор, — когда свет погас, человек, сидевший в комнате, вполне мог проскользнуть в ту дверь, подкрасться к Шерцу сзади и выстрелить в вас.

— И никто его не заметил, не услышал?

— Никто. Вы же помните, когда погас свет, все засуетились, закричали, начали толкаться. А потом виден был лишь свет фонаря.

Мисс Блэклок сказала с расстановкой:

— И вы верите, что кто-то из этих заурядных людей, из моих милых соседей, пытался меня убить? Но почему именно меня? За что, скажите на милость!

— По-моему, это вопрос не ко мне, мисс Блэклок.

— Но я не могу на него ответить, инспектор. Уверяю вас.

— Хорошо, начнем сначала. Кто получит наследство после вашей смерти?

Слегка поколебавшись, мисс Блэклок ответила:

— Патрик и Джулия. Доре Баннер я завещала обстановку и небольшой годовой доход. Но, в общем-то, мне особо нечего оставить. Когда-то у меня были вклады в немецких и итальянских ценных бумагах, но они обесценились, да и налоги нынче высокие, а проценты низкие, так что убивать меня не имеет смысла, поверьте… Большую часть денег я положила в банк год назад.

— Но кое-какие средства у вас все же имеются, и ваши племянник с племянницей ими завладеют.

— Вы полагаете, меня пытались убить Патрик с Джулией? Не верю. Да они и не нуждаются в деньгах.

— Вы это точно знаете?

— Нет, только с их собственных слов… Но я решительно отказываюсь подозревать ребят! Может, когда-нибудь и появится смысл убивать меня, но не сейчас.

— Что вы имеете в виду, мисс Блэклок? — на-

сторожился инспектор.

— А то, что когда-нибудь — кстати, может, и довольно скоро — я разбогатею.

— Любопытно. Вы не могли бы пояснить?

— Разумеется. Вы, должно быть, не в курсе… Видите ли, двадцать с лишним лет назад я была секретаршей и близким другом Рэнделла Гедлера.

Интересный поворот! Рэнделл Гедлер был в свое время крупным финансовым воротилой. Его дерзкие спекуляции и экстравагантные выходки были незабываемы. Гедлер умер, если Краддока не подводила память, году так в 1937-1938-м.

— Вы были еще маленьким, — сказала мисс Блэклок. — Но, наверное, слышали о нем.

— О да! Он ведь был миллионером?

— Миллиардером, хотя его капиталы были нестабильны. Большую часть денег Рэнделл всегда вкладывал в какое-нибудь рискованное предприятие.

Летиция оживилась, глаза ее заблестели. В памяти инспектора мелькнуло смутное воспоминание…

«ОГРОМНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРЕЙДЕТ К ВЕРНОЙ СЕКРЕТАРШЕ», или что-то подобное.

— За последние двенадцать лет, — подмигивая

инспектору, сказала мисс Блэклок, — у меня были веские основания убить миссис Гедлер, но вам это открытие вряд ли принесет пользу.

— Простите, пожалуйста… но миссис Гедлер… м-м… не выражала недовольства тем, что ее супруг так распорядился капиталом?

Мисс Блэклок была искренне позабавлена:

— Это излишняя деликатность. Вы ведь хотите узнать, была ли я любовницей Рэнделла, правда? Отвечаю: нет, не была. Рэнделл, насколько я понимаю, никогда не был в меня влюблен. А я и подавно! Он любил Белль, свою жену, и продолжал любить до самой смерти. Думаю, его шаг объясняется благодарностью. Видите ли, инспектор, давным-давно, когда Рэнделл был еще новичком в мире бизнеса, он вдруг оказался на грани банкротства. Речь шла всего о нескольких тысячах фунтов. Он сделал важный ход, страшно рискованный и дерзкий, как все его планы, но у него не хватило денег, чтобы завершить комбинацию. Я его выручила. У меня были кое-какие сбережения. Я верила в Рэнделла и отдала ему все до последнего пенса. План удался. Через неделю Рэнделл сказочно обогатился. После этого он стал обращаться со мной как с младшим партнером. Эх, чудесные были времена! Я была на седьмом

небе от счастья. А потом мой отец умер, и сестра осталась беспомощной калекой. Мне пришлось все бросить и ухаживать за ней. Через пару лет умер и Рэнделл. За время работы у него я скопила достаточно денег и не ждала никакого наследства. Но была до глубины души тронута и очень горда, да-да, горда, когда выяснилось, что если Белль умрет раньше меня (а она из тех хрупких созданий, о которых говорят, что они не жильцы), то я буду единственной наследницей босса. Думаю, бедняга действительно не знал, кому завещать свои миллионы. Белль — прелесть! Узнав о завещании мужа, она пришла в восторг. Белль — прекрасная, добрая женщина. Живет в Шотландии. Я не виделась с ней много лет, мы только посылаем друг другу открытки на Рождество. Перед войной мы с сестрой поехали в санаторий в Швейцарию. Там сестра умерла от туберкулеза. А я вернулась в Англию всего год назад.

— Итак, вы можете разбогатеть. Скоро?

— От сиделки, ухаживающей за Белль, я знаю, что бедняжка быстро угасает. Конец может наступить буквально через пару недель. Но теперь деньги не имеют для меня такой цены, — печально добавила мисс Блэклок. — Запросы у меня скромные. Мне вполне хватает того, что у меня

есть. Раньше я бы с радостью тряхнула стариной и поиграла на бирже, но теперь… Так что согласитесь, инспектор, если бы Патрик с Джулией хотели убить меня из-за денег, с их стороны было бы безумием не выждать несколько недель.

— Так-то оно так, мисс Блэклок, но что будет, если вы умрете раньше миссис Гедлер? К кому тогда перейдет наследство?

— Никогда не задумывалась… Наверное, к Пипу и Эмме.

На лице Краддока отразилось изумление. Мисс Блэклок улыбнулась:

— Думаете, старушка сбрендила? Повторяю: если я умру раньше Белль, деньги, судя по всему, достанутся законным наследникам, или как там у вас называется на вашем юридическом языке… а попросту — детям Сони, единственной сестры Рэнделла. Он с ней разругался. Она вышла замуж за человека, которого Рэнделл считал отпетым негодяем.

— А он действительно был негодяем?

— Еще каким! Но женщинам нравился. Он был то ли грек, то ли румын… как же его звали, дай бог памяти? А! Стэмфордис, Дмитрий Стэмфордис.

— Когда Соня вышла замуж, Рэнделл вычеркнул ее из завещания?

— Нет. Соня и так уже была очень богата. Рэнделл успел поместить на ее имя крупную сумму денег, обставив это дело так, чтобы муж не мог до них добраться. Но адвокаты уговорили его указать наследника на тот случай, если Белль меня переживет, и он, наверное, назвал Сониных детей. Больше ему ничего в голову не пришло, а он был не из тех, кто завещает свои капиталы благотворительным организациям.

— Значит, у Сони родились дети…

— Да, Пип и Эмма. — Мисс Блэклок улыбнулась. — Звучит, конечно, забавно. Я знаю о них только с Сониных слов. Спустя какое-то время после свадьбы она в письме попросила Белль передать Рэнделлу, что брак у нее очень счастливый, а недавно родились близнецы, и она назвала их Пипом и Эммой. Насколько мне известно, больше писем не приходило. Но, конечно, от Белль вы получите более исчерпывающие сведения.

Мисс Блэклок позабавил ее собственный рассказ. Однако инспектору было не до смеха.

— Значит, — сказал он, — если бы вас в тот вечер убили, то по крайней мере два человека получили бы огромное наследство. Вы ошибались, мисс Блэклок, сказав, что ваша смерть никому не нужна. Минимум два человека в этом жизненно

заинтересованы. Сколько сейчас лет братцу с сестрицей?

Мисс Блэклок задумалась.

— Дайте сообразить… Двадцать второй год… Нет, мне трудно припомнить… Думаю, лет двадцать пять — двадцать шесть. — Она резко посерьезнела. — Инспектор, я надеюсь, вы не думаете, что…

— Я думаю, что кто-то пытался вас убить. И что этот человек или эти люди могут повторить свою попытку. Вы должны вести себя очень осторожно, мисс Блэклок, постарайтесь. Одно убийство было подготовлено, но сорвалось. Очень может быть, скоро будет совершено и второе покушение на вашу жизнь.

Филиппа Хаймес выпрямилась и откинула прядь волос со вспотевшего лба. Она пропалывала цветочный бордюр.

— Инспектор?

Филиппа вопросительно поглядела на Краддока. Он, в свою очередь, присмотрелся к ней более внимательно. Ничего не скажешь, красивая девушка. Чисто английский тип: пепельные локоны, продолговатое лицо, упрямый подбородок, упрямый рот. Филиппа была чем-то удручена, обеспокоена. Но пристальный взгляд голубых

глаз был абсолютно непроницаем. Да, эта девушка умеет хранить тайны.

— Извините, что снова отвлекаю вас от работы, миссис Хаймес, — сказал Краддок, — но мне не хотелось дожидаться, пока вы придете на обед. И потом, я решил, что нам проще побеседовать вдали от «Литтл-Пэддокса».

— Я вас слушаю, инспектор.

А в голосе ни тени волнения или интереса! Но зато проскользнула тревога… Или ему почудилось?

— Сегодня утром мне было сделано одно заявление. Относительно вас.

Филиппа приподняла брови.

— Миссис Хаймес, вы решительно утверждаете, что незнакомы с Руди Шерцем?

— Да.

— И вы впервые увидели его уже мертвым?

— Разумеется. Я никогда его раньше не видела.

— У вас не было с ним разговора в оранжерее «Литтл-Пэддокса»?

— В оранжерее?

Краддок был почти уверен, что в голосе Филиппы промелькнул страх.

— В оранжерее, миссис Хаймес.

— А кто это сказал?

— Мне сообщили, что у вас был разговор с Руди Шерцем. Он спросил, где ему спрятаться, а вы пообещали показать надежное место и назвали вполне определенное время: четверть седьмого. Как раз в четверть седьмого Руди Шерц должен был добраться от автобусной остановки до усадьбы в день налета.

На миг воцарилось молчание. Потом Филиппа презрительно хмыкнула. Вид у нее был озадаченный.

— Я знаю, кто вам сказал, — процедила она сквозь зубы. — По крайней мере догадываюсь. Это ложь, очень глупая, неуклюжая и злобная. Почему-то Мици ненавидит меня больше всех остальных.

— Значит, вы отрицаете свой разговор с Шерцем?

— Естественно! Я ни разу в жизни не встречалась с Руди Шерцем. Да меня и дома в то утро не было! Я была здесь, на работе.

— Простите, в какое утро? — вкрадчиво спросил инспектор.

Секундная заминка. Потом глаза моргнули.

— Каждое утро. Я прихожу сюда каждое утро. И не ухожу раньше часа дня, — отбрила инспектора Филиппа и презрительно добавила: — Зря вы

слушаете Мици. Она постоянно врет…

— Итак, мы имеем взаимоисключающие показания двух девушек, — сказал Краддок сержанту Флетчеру. — Кому верить?

— Все считают, что беженка рассказывает байки, — откликнулся Флетчер. — Я тоже по опыту знаю, что иностранец соврет не дорого возьмет. Да и по всему видно, что она миссис Хаймес терпеть не может.

— Значит, на моем месте вы предпочли бы поверить миссис Хаймес?

— Если б не появилось каких-то веских улик, сэр.

У Краддока таких улик не было… Ничего, кроме слишком пристального взгляда голубых глаз и слов «в то утро», невольно сорвавшихся у Филиппы с языка. А ведь он не говорил ей, когда состоялся разговор в оранжерее: утром или днем…

Впрочем, о приходе молодого швейцарца, выклянчивавшего денег якобы на возвращение домой, вполне могла упомянуть мисс Блэклок (а если не она, то мисс Баннер). И Филиппа Хаймес предположила, что разговор состоялся именно утром.

Но все же Краддока не покидало чувство, что

в голосе Филиппы промелькнул страх, когда она переспросила: «В оранжерее?»

Он решил повременить с выводами.

В саду у пастора было чудесно. Несмотря на осень, неожиданно распогодилось. Краддок нежился в шезлонге, который принесла энергичная Банч. Сама она умчалась в школу на родительское собрание. Мисс Марпл, тепло укутанная шалями и большим пледом, сидела рядом с Краддоком и занималась вязанием. Припекающее солнышко, безмятежный покой, размеренное мелькание спиц в руках мисс Марпл — все это навевало на инспектора сон. Но в глубине его души все время копошился страх, как в повторяющемся ночном кошмаре, когда смутная тревога растет, растет и наконец перерастает в ужас…

Инспектор отрывисто произнес:

— Вам не следовало сюда приезжать.

Спицы мисс Марпл замерли в воздухе. Она задумчиво посмотрела на Краддока ясными голубыми глазами, похожими на фарфоровые:

— Намек понятен. Вы очень добросовестный юноша. Но все в порядке. Отец Банч (он, кстати, был пастором нашего прихода, такой образованный человек) и ее мать (поистине выдающаяся женщина, очень сильная духом) — оба мои ста-

ринные друзья. И совершенно естественно, что, оказавшись в Меденхэм-Уэллсе, я решила погостить у Банч.

— Возможно, — сказал Краддок. — Но, пожалуйста, прошу вас, не надо ничего разведывать! Я чувствую, что это небезопасно.

Мисс Марпл чуть заметно улыбнулась.

— Боюсь, — сказала она, — что любопытство — неотъемлемая черта старух. И если я не стану разведывать да вынюхивать, это куда больше бросится в глаза. Мы же всегда выискиваем общих знакомых, выспрашиваем о них: за кого вышла замуж дочь такого-то, что слышно про такого-то… А это, доложу вам, очень помогает.

— Помогает? — тупо переспросил инспектор.

— Да, помогает выяснить, те ли это люди, за кого они себя выдают, — сказала мисс Марпл и добавила: — Ведь именно это вас беспокоит, не правда ли? И действительно, все так изменилось после войны. Взять хотя бы Чиппинг-Клеорн. Он удивительно похож на мой Сент-Мэри-Мид! Пятнадцать лет назад я знала наперечет всех жителей. Отцы и матери, бабушки и дедушки этих людей жили там всю жизнь. Если приезжал кто-то новый, он привозил рекомендательные письма, а если нет, то непременно оказывался

чьим-нибудь однополчанином, или выяснялось, что он плавал на одном корабле с кем-нибудь из местных жителей. Если же появлялся кто-то совсем новый, действительно чужак, он приезжал, чтобы поселиться, оседал в поселке, и все стремились узнать его подноготную, навести о нем справки.

Мисс Марпл сокрушенно покачала головой.

— Теперь все наперекосяк. Везде полно пришлых, людей без роду без племени. Большие дома проданы, коттеджи перестроены. Люди приезжают без рекомендаций, и им приходится верить на слово. Они стекаются в Англию со всего света. Из Индии и Гонконга, из Китая… Кто-то обитал во французском захолустье, или в Италии, или на каких-нибудь экзотических островах. Там им удалось подкопить деньжат, и они могут поселиться в Англии и жить тут припеваючи. Поэтому теперь никто ничего не знает о своих соседях. Вы можете приехать с юга Франции или провести большую часть жизни на Востоке. О вас судят с ваших же собственных слов. Не так, как раньше, когда человека звали в дом, лишь получив о нем хорошие отзывы от своих старинных друзей.

А ведь именно это и угнетало Краддока! Он никого не знал. Личность людей, с которыми сейчас

ему приходилось иметь дело, подтверждалась продовольственными карточками и новехонькими удостоверениями, на которых не было ни фотографий, ни отпечатков пальцев, а стояли только номера. Заполучить такое удостоверение мог кто угодно, и отчасти поэтому порвались тончайшие нити, некогда связывавшие английское общество. В городе никто и не рассчитывал на тесное знакомство со всеми своими соседями. Но теперь и в поселках никто никого не знал, даже если ему и казалось, что знает… Смазанная дверь недвусмысленно указывала на то, что в гостиной Летиции Блэклок в злополучный вечер был человек, лишь прикидывающийся добрым соседом… Вот почему Краддок так волновался за мисс Марпл, старую и слабую, но очень проницательную женщину.

— Можно запросить данные на этих людей, — сказал Краддок.

Однако задачка была не из легких. Индия, Китай, Гонконг, южная Франция… Теперь все не так просто, как лет пятнадцать тому назад. Теперь появилось достаточно много людей, живущих по чужим удостоверениям, «позаимствованным» у тех, кто нашел «случайную» смерть в больших городах. Есть целые шайки, покупающие и подде-

лывающие удостоверения и продовольственные карточки; сотнями расплодились мелкие мошенники. На проверку свидетелей, проходящих по делу об убийстве в «Литтл-Пэддоксе», уйдет много времени, а его-то как раз и нет, ведь вдова Рэнделла Гедлера уже одной ногой в могиле.

Встревоженный и усталый Краддок, которого вдобавок разморило на осеннем солнышке, плюнул на конспирацию и поведал мисс Марпл о Рэнделле Гедлере, Пипе и Эмме.

— Нам известны всего лишь имена этих близнецов, — пожаловался он напоследок. — А может, даже не имена, а прозвища. Их вообще может не оказаться на белом свете. А может, они вполне благонадежные люди и живут где-нибудь в Европе. Но с другой стороны, они могут быть сейчас и в Чиппинг-Клеорне, то ли поодиночке, то ли вместе… Близнецам лет по двадцать пять. Кому из нашей веселой компании сейчас столько же? Кто там у нас? Этот ее племянник с племянницей, или кем они там ей доводятся… Интересно, сколько они не виделись с мисс Блэклок до своего последнего появления в «Литтл-Пэддоксе»?

— Давайте я выясню? — вызвалась мисс Марпл, глядя на инспектора невинными глазами.

— Нет, мисс Марпл, прошу вас, не надо…

— Но это очень просто, инспектор, не волнуйтесь. Тем более что это не вызовет подозрений, ведь я — лицо неофициальное. А если выяснять будете вы, они насторожатся. Вы же не хотите, чтобы они насторожились?

«Пип и Эмма, — вертелось в уме у Краддока. — Пип и Эмма…»

Близнецы становились его навязчивой идеей. Импозантный повеса и миловидная девушка с холодным пристальным взглядом…

Он сказал:

— В ближайшие двое суток мне, надеюсь, удастся получить о них какие-то сведения. Я собираюсь в Шотландию. Миссис Гедлер, если она в состоянии говорить, наверняка знает о них предостаточно.

— Пожалуй, это разумно, — с сомнением в голосе произнесла мисс Марпл. — Вы предупредили мисс Блэклок, что ей следует быть осторожней?

— Предупредил. И потом, я оставляю тут своего человека. — Краддок старался не встречаться взглядом с мисс Марпл, поскольку в ее взгляде явственно читалось, что от полицейского мало проку, если опасность притаилась в семейном кругу. — Не забывайте, — добавил он, наконец взглянув старушке в глаза, — я вас предупредил.

— Поверьте, инспектор, — заявила мисс Марпл, — я могу позаботиться о себе.

Глава 11
Мисс Марпл приходит к чаю

Если Летиция Блэклок и проявила некоторую рассеянность, когда миссис Хармон со своей гостьей пришли к вечернему чаю, то мисс Марпл, та самая гостья, вряд ли это заметила, поскольку видела хозяйку дома впервые в жизни.

Старушка с места в карьер принялась мило сплетничать. Она оказалась большой любительницей историй о грабителях.

— Они куда угодно могут проникнуть, моя дорогая, — уверяла она хозяйку. — Куда угодно! Сейчас появилось столько американских новинок — разных приспособлений против воров! Но я придерживаюсь старых добрых традиций. Крючок и «глазок»! Замок воры могут взломать, засов засовом, но перед медным крючком и «глазком» они бессильны. Вы когда-нибудь пробовали?

— Боюсь, мы плохо разбираемся в замках и засовах, — бодро ответила мисс Блэклок. — У нас, честно говоря, нечем поживиться.

— А цепочку на входную дверь пробовали? — не унималась мисс Марпл. — Прислуга может

спокойно приоткрывать дверь, чтобы понять, кто к вам пожаловал, а грабителям цепочка не дает возможности вломиться в дом.

— Пожалуй, нашей Мици эта идея пришлась бы по душе.

— Страшный был налет, да? — поинтересовалась мисс Марпл. — Банч мне рассказывала…

— Я чуть не умерла! — воскликнула Банч.

— Да, мы все переволновались, — призналась мисс Блэклок.

— Просто чудо, что он споткнулся, а пистолет выстрелил! Грабители пошли нынче такие кровожадные! А как ему удалось пробраться в дом?

— Боюсь, мы плохо запираем двери.

— О, Летти! — воскликнула мисс Баннер. — Я забыла тебе сказать, что инспектор сегодня утром вел себя как-то странно. Он требовал открыть вторую дверь — ту, которая не открывается. Потом выспросил все про ключ и заявил, что дверь недавно смазали. Хотя я лично ума не приложу зачем, ведь… — Банни слишком поздно заметила, что подруга делает ей знаки, и замерла с разинутым ртом. — О, Летти, я… прости… я хотела сказать… извини меня, Летти… Господи, какая я глупая!

— Ничего-ничего, — утешила Банни мисс

Блэклок, но было заметно, что она раздражена. — Только, сдается мне, инспектор не погладит нас по головке, если об этом пойдут всякие слухи… А я и не знала, что ты видела его эксперименты. Но вы… надеюсь, вы меня понимаете, миссис Хармон?

— О да, — сказала Банч. — Не бойтесь, мы не пророним ни звука… Однако хотелось бы знать, зачем он…

Жена пастора впала в глубокую задумчивость. Мисс Баннер ерзала на стуле с несчастным видом. Наконец ее прорвало:

— Я все время болтаю что-то не то. Боже, какая мука тебе со мной жить, Летти!

Мисс Блэклок поспешно ответила:

— Ты для меня величайшая радость, Дора. Тем более что в таком маленьком местечке, как Чиппинг-Клеорн, невозможно хранить тайны.

— Что верно, то верно, — подтвердила мисс Марпл. — Слухи распространяются самыми невероятными способами. Конечно, прежде всего от прислуги, хотя сомневаюсь, чтобы это был единственный источник сплетен, ведь в наши дни слуг очень мало. Правда, люди нанимают домработниц, и в каком-то смысле это еще хуже, ведь приходящие домработницы могут за день

обойти полпоселка и разнести уйму сплетен.

— Вот оно что! — вдруг вскричала миссис Хармон. — Я поняла! Ну, конечно, раз та дверь тоже открывается, значит, кто-то мог пробраться в темноте в гостиную и устроить налет… только никто этого, естественно, не сделал, потому что налетчик был из «Ройал Спа», так? Опять ничего не понятно, — снова сникла она.

— Стало быть, это случилось здесь? — спросила мисс Марпл и добавила извиняющимся тоном: — Наверное, вы считаете меня чересчур любопытной, мисс Блэклок, но, право, это потрясающая история! Сенсация, как в газетах, а произошло со знакомыми!.. Мне так не терпится услышать ваш рассказ и представить себе, как все было… надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду…

Тут же последовал пространный и сбивчивый рассказ Банч и мисс Баннер, изредка прерывавшийся уточнениями мисс Блэклок.

На середине повествования вошел Патрик. Он с удовольствием поддержал компанию и даже исполнил роль Руди Шерца.

— А тетя Летти стояла тут… в углу, у прохода под аркой. Станьте там, тетя Летти.

Мисс Блэклок послушно выполнила распоряжение племянника, после чего мисс Марпл

продемонстрировали следы от пуль.

— Потрясающе! Прямо-таки божественное спасение! — изумилась старушка.

— В тот момент я как раз собиралась предложить гостям сигареты. — Мисс Блэклок указала кивком на большую серебряную сигаретницу, лежавшую на столе.

— Люди так неосторожно курят! — нахмурилась мисс Баннер. — Теперь никто не ценит хорошую мебель, не то что в старые времена. Вы только посмотрите на эту жуткую подпалину! Кому сказать — положили сигарету прямо на стол! Позор!

Мисс Блэклок вздохнула:

— Боюсь, мы слишком много заботимся о вещах.

Мисс Баннер любила вещи Летиции так страстно, будто они были ее собственными. Миссис Хармон считала это очаровательным, ведь при этом у Банни не было ни тени зависти.

— Миленький столик! — вежливо похвалила мисс Марпл. — А какая прелестная на нем лампа!

И опять мисс Баннер восприняла похвалу так, словно это она, а не мисс Блэклок, была владелицей лампы.

— Правда, восхитительно? Дрезденский фарфор. У нас таких две. Вторая, кажется, в кладовке.

— Ты все в доме знаешь, Дора… или думаешь, что знаешь, — добродушно улыбнулась мисс Блэклок. — Ты заботишься о моих вещах больше, чем я сама.

Мисс Баннер зарделась.

— Да, я люблю красивые вещи, — сказала она вызывающе, но с оттенком грусти.

— У меня, — заметила мисс Марпл, — немного вещей, но они мне тоже очень дороги. С ними связано столько воспоминаний! И с фотографиями, кстати говоря, тоже. Сейчас люди мало фотографируются. А я коллекционирую снимки моих племянников и племянниц с тех самых пор, когда они еще лежали в пеленках. Так забавно наблюдать, как ребятишки взрослеют!

— У вас есть и моя жуткая карточка, мне там три года, — напомнила Банч. — Я стою рядом с фокстерьером, такая косоглазая.

— Наверно, у тетушки Летти куча ваших фотографий, — сказала мисс Марпл, поворачиваясь к Патрику.

— О, мы всего лишь дальние родственники, — промямлил юноша.

— По-моему, Элеонора когда-то присылала мне одну твою детскую фотографию, Пат, — сказала мисс Блэклок. — Но боюсь, она не сохранилась. Я даже не помнила, сколько у твоей мамы детей и как их зовут, пока она не написала, что вы приедете.

— Еще одна примета времени, — закивала мисс Марпл. — Сейчас люди часто даже незнакомы со своими более молодыми родственниками. В старые добрые времена, когда так чтились семейные связи, это было невозможно себе представить!

— В последний раз я видела мать Пата и Джулии на свадьбе тридцать лет назад, — сказала мисс Блэклок. — Она была очаровательной девушкой.

— И поэтому у нее такие очаровательные детки! — ухмыльнулся Патрик.

— У вас такой красивый старинный альбом, — вставила Джулия. — Помните, тетя Летти, мы его смотрели на днях. Какие там шляпки!

— Да, мы тогда были модницами! — вздохнула мисс Блэклок.

— Не горюйте, тетя Летти, — сказал Патрик. — Когда лет тридцать спустя Джулия наткнется на свою юношескую фотографию, вряд ли она будет выглядеть, как свежая роза.

— Вы нарочно это делали? — спросила Банч у

мисс Марпл по пути домой. — Нарочно завели разговор про фотографии?

— Да, моя милая. И, как видишь, выяснились прелюбопытные вещи: Блэклок не знает в лицо ни одного из своих племянников. Думаю, инспектора Краддока это заинтересует.

Глава 12
Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне

Эдмунд Светтенхэм осторожно присел на садовую тачку.

— Доброе утро, Филиппа!

— Здравствуйте!

— Вы очень заняты?

— Умеренно.

— А что вы делаете?

— А вы не видите?

— Нет. Я не садовник. По-моему, вы просто играете с землей.

— Я сажаю салат.

— Вот как? Сажаете, значит…

— Вы что-то хотели? — холодно спросила Филиппа.

— О да. Я хотел вас увидеть.

Филиппа метнула на него взгляд исподлобья.

— Не надо сюда приходить. Миссис Лукас это не понравится.

— Она не разрешает вам иметь поклонников?

— Не говорите глупостей.

— А что? Поклонник… Прекрасное слово! Ве-

ликолепно передает мое отношение к вам. Я вас уважаю… держусь на почтительном расстоянии… но не отступаю.

— Пожалуйста, Эдмунд, уходите. Вам незачем сюда приходить.

— А вот и неправда! — торжествующе провозгласил Эдмунд. — Вовсе даже есть зачем! Миссис Лукас позвонила сегодня моей матушке по телефону и сказала, что у нее полно кабачков.

— Целая пропасть.

— А потом она спросила, не хотим ли мы поменять горшочек меда на кабачки.

— Но это неравный обмен! Сейчас кабачки — бросовый товар, их везде хоть отбавляй.

— Конечно! Поэтому миссис Лукас и позвонила. В прошлый раз, если мне не изменяет память, она предложила обменять сливки — представляете, сливки! — на зеленый салат. В разгар сезона! Салат тогда шел по шиллингу за пучок.

Филиппа ничего не ответила.

Эдмунд сунул руку в карман и извлек крошечный горшочек меда.

— Так что вот мое алиби. В самом широком и неоспоримом смысле этого слова. Если миссис Лукас ухитрится протиснуть свой пышный бюст в дверь подсобки, я скажу, что явился по поводу

кабачков. А это весьма уважительная причина!

— Может быть.

— Вы читали Теннисона?[86] — как бы между делом осведомился Эдмунд.

— Кое-что, немного.

— Зря, зря. Теннисон скоро снова войдет в моду. Даже теперь по радио читают по вечерам «Королевские идиллии», а не этого бесконечного Троллопа[87] Троллоп всегда казался мне невыносимо напыщенным. Конечно, в небольших дозах его можно выносить, но когда тебя им пичкают!.. Так вот о Теннисоне… Вы читали «Мод»?

— Когда-то давно.

— Там есть такие строчки. — Эдмунд с нежностью поглядел на Филиппу. — «Непрочно-порочное, холодно-совершенное, великолепное ничто». Это ваш образ, Филиппа.

— Странный комплимент!

— Вовсе не комплимент. Я думаю, Мод запала бедняге в душу так же, как вы мне.

— Не болтайте чепухи, Эдмунд.

— Черт побери, Филиппа, почему вы такая

---

[86] notes: 86

Теннисон Альфред (1809–1892) — английский поэт Викторианской эпохи.

[87] notes: 87

Троллоп Энтони (1815–1882) — английский прозаик и эссеист.

неприступная? Что таится в этой головке с идеально правильными чертами лица? О чем вы думаете? Что чувствуете? Вы счастливы или несчастны? А может, вы чего-то боитесь? Не знаю, но хоть что-то вы же должны чувствовать!

— Мои чувства касаются только меня, — спокойно сказала Филиппа.

— Нет, и меня тоже! Я хочу, чтобы вы разговорились. Хочу знать, что творится в вашей с виду безмятежной голове. Я имею право знать. Честное слово, имею! Я не хотел в вас влюбляться. Я хотел спокойно сидеть и писать книгу. Прекрасную книгу о том, какие люди несчастные. Ведь так просто разглагольствовать с умным видом о том, какие все люди несчастные. Это быстро входит в привычку. Да-да, я воочию в этом убедился, когда прочел про жизнь Берн-Джонса.[88]

Оторвавшись от работы, Филиппа удивленно воззрилась на Эдмунда.

— При чем тут Берн-Джонс?

— При том. Читая про жизнь прерафаэлитов, начинаешь понимать, какое огромное влияние оказывает на людей мода. Прерафаэлиты были такие добрые, веселые, постоянно смеялись,

---

[88] notes: 88
Берн-Джонс Эдуард (1833–1898) — английский живописец.

отпускали шуточки и твердили, что жизнь прекрасна. Но все это было данью моде. На самом деле они не были добрее или счастливее нас. А мы ничуть не несчастнее их. Просто тогда так было модно, поверьте. После войны мы помешались на сексе. А теперь начались депрессии. А впрочем, не важно. Почему мы съехали на эту тему? Я же начал говорить про нас с вами. Только у меня язык прирос к нёбу. А все потому, что вы отказываетесь мне помочь.

— Что вам от меня нужно?

— Скажите! Ну, признайтесь же! Это из-за мужа? Вы обожали его, а он умер, и вы спрятались, словно улитка, в свою раковину? Вы так ведете себя со мной из-за него? Что ж, прекрасно, вы его обожали, а он погиб. Но у других женщин тоже погибли мужья, очень у многих, и некоторые женщины тоже любили своих мужей. Они поведают тебе об этом в баре, всплакнут, когда напьются, а потом преспокойно улягутся с тобой в постель, чтобы утешиться. Наверное, так можно утешиться. И вам тоже надо успокоиться, Филиппа. Вы молоды и чертовски милы, и я безумно люблю вас. Ну, расскажите, расскажите мне о вашем треклятом муже!

— А что рассказывать? Мы встретились и по-

женились.

— Вы были очень молоды?

— Да.

— Значит, вы не были счастливы? Продолжайте, Филиппа.

— Да продолжать-то нечего. Мы поженились. Были счастливы, как, наверное, большинство людей. Родился Гарри. Рональд отправился за границу. Его… убили в Италии.

— И остался Гарри?

— Да.

— Гарри мне нравится. Он милый ребенок. И я ему тоже нравлюсь. Мы с ним поладим. Ну так как, Филиппа? Давайте поженимся? Вы сможете по-прежнему садовничать, а я — писать книгу. А в выходные работать не будем, а будем развлекаться. Мы могли бы тактично отделиться от мамы. Она будет подбрасывать нам деньжат, помогая обожаемому сынуле. Я тунеядец, пишу дрянные книжонки, у меня плохое зрение, и я болтлив. Вот худшие из моих недостатков. Может, поженимся, а?

Филиппа подняла глаза. Перед ней стоял высокий, довольно серьезный молодой человек в больших очках. Его светлые, цвета спелой пшеницы волосы растрепались, а глаза смотрели

ободряюще и дружелюбно.

— Нет, — отрезала Филиппа.

— Это ваше окончательное решение?

— Окончательное.

— Почему?

— Вы обо мне ничего не знаете.

— И это все?

— Нет. Вы вообще ничего не знаете.

Эдмунд немного подумал.

— Очень может быть. А кто знает? Филиппа, моя обожаемая Филиппа…

Он осекся. Издалека донеслось быстро приближавшееся тявканье.

— «И болонки на закате — только сейчас всего одиннадцать утра — так резвились и играли… — продекламировал Эдмунд. — „Филиппа, Филиппа, Филиппа!..“ — тявкали они и звали…» Ваше имя не вписывается в размер. Может, у вас есть про запас другое?

— Джоан. Пожалуйста, уходите. Это миссис Лукас.

— Джоан, Джоан, Джоан, Джоан… Лучше, но не намного.

— Миссис Лукас…

— О, черт! — выругался Эдмунд. — Ладно, давайте сюда ваши проклятые кабачки.

…«Литтл-Пэддокс» остался на попечение сержанта Флетчера.

Мици взяла выходной. В нерабочие дни она всегда уезжала в Меденхэм-Уэллс. Мисс Блэклок разрешила сержанту Флетчеру осмотреть дом. Сама мисс Блэклок ушла с Дорой Баннер по каким-то делам в поселок.

Флетчер работал проворно. Кто-то смазал дверь, готовясь незаметно покинуть гостиную, когда погаснет свет. Мици попала бы в гостиную из кухни; ей эта дверь не понадобилась бы, так что Мици можно было исключить из списка подозреваемых. А кого следовало оставить? «Соседи, — решил Флетчер, — тоже исключаются». Он не мог себе представить, как бы они ухитрились смазать дверь в чужом доме. Следовательно, оставались Патрик и Джулия Симмонсы, Филиппа Хаймес и, возможно, Дора Баннер. Симмонсы были в Милчестере. Филиппа Хаймес на работе. Сержанту Флетчеру предоставлялась полная свобода действий. Но в доме все оказалось в полном порядке. Флетчер не обнаружил никаких изъянов ни в проводке, ни в электроприборах, а уж он-то великолепно разбирался в подобных вещах. Отчего погас свет, до сих пор оставалось неясным. При беглом осмотре комнат все тоже

оказалось раздражающе нормальным. В комнате Филиппы Хаймес висели фотографии маленького мальчика с серьезными глазами. Еще был снимок того же ребенка в младенчестве, пачка его писем из колледжа и пара театральных программок. Ящик стола в комнате Джулии ломился от моментальных снимков, сделанных на юге Франции. Купающиеся люди, деревня под сенью мимоз… Патрик хранил какие-то мелочи в память о своей службе во флоте. У Доры Баннер тоже нашлись какие-то безделушки, с виду совершенно невинные.

«И все-таки, — думал Флетчер, — кто-то из домашних смазал ту дверь».

Ход его мыслей нарушил шум внизу. Сержант торопливо подошел к краю лестницы.

По коридору шла миссис Светтенхэм с корзинкой в руке. Она заглянула в гостиную и направилась в столовую, откуда вышла уже без корзинки.

Сержант пошевелился. Половица скрипнула. Миссис Светтенхэм обернулась. Задрав голову, она спросила:

— Это вы, мисс Блэклок?

— Нет, это я, миссис Светтенхэм, — ответил Флетчер.

Миссис Светтенхэм слабо вскрикнула:

— Боже! Как вы меня напугали. Я подумала, снова грабители!

Флетчер спустился к ней по лестнице.

— Похоже, этот дом не особенно защищен от грабителей, — сказал он. — И что, каждый вот так запросто может прийти и уйти, когда ему вздумается?

— Я принесла мисс Блэклок айвы из нашего сада, — объяснила миссис Светтенхэм. — Она хотела сварить айвовое желе, но у нее нет айвы. Я поставила корзинку в столовой. — Миссис Светтенхэм улыбнулась. — Понимаю… Вы хотите узнать, как я вошла? Все очень просто — через черный ход. У нас так принято, сержант. Никому не приходит в голову запирать двери до темноты. Согласитесь, было бы страшно неудобно, если бы нельзя было принести и оставить в доме что-то нужное. Увы, те времена, когда на звонок выходил слуга и справлялся, что вам угодно, миновали. — Миссис Светтенхэм ностальгически вздохнула. — Помнится, в Индии мы держали восемнадцать слуг… восемнадцать! Не считая няни-туземки… А когда я была маленькой, у нас дома всегда вертелись под ногами трое слуг, и при этом мама считала нас нищими, как церковные

крысы, потому что нам было не по средствам нанять кухарку. Должна признаться, сержант, что теперешняя жизнь кажется мне очень странной, хотя, конечно, жаловаться грешно. Шахтерам, например, живется куда хуже, они болеют ситтакозом (кажется, это от птичек передается), и потому беднягам приходится бросать свою шахту и наниматься в садовники, хотя они не в состоянии отличить сорняк от шпината. — Она добавила, направляясь к выходу:– Не смею вас больше задерживать. У вас, наверное, дел невпроворот. Еще что-то должно случиться, да?

— Почему вы так думаете, миссис Светтенхэм?

— Да я просто поинтересовалась. Увидела вас тут и подумала: наверное, все-таки шайка орудует. Вы скажете мисс Блэклок про айву, хорошо?

Миссис Светтенхэм ушла. Флетчера словно обухом по голове огрели. Две минуты назад он считал, что дверь мог смазать только кто-то из домочадцев. Теперь было ясно, что он глубоко заблуждался. Постороннему стоило лишь дождаться, пока Мици уедет в Меденхэм-Уэллс, а Летиция с Дорой Баннер уйдут в поселок. Все было проще простого. И, значит, ни одного из тех, кто присутствовал в тот злополучный вечер в гостиной, исключать было нельзя.

— Мергатройд!

— Да, Хинч?

— Знаешь, я тут все думала, думала…

— И что?

— А то, что чуть башку не сломала. Так вот, Мергатройд, то, что случилось вечером у мисс Блэклок, — сплошная липа.

— Липа?

— Ага. Ну-ка, заколи волосы и возьми в руки совок. Представь себе, что это пистолет.

— Ой! — нервно вскрикнула мисс Мергатройд.

— Да не бойся ты, он не кусается. Теперь иди к двери. Ты будешь грабителем. Встань там. А сейчас ты должна войти на кухню и проделать всю эту фигню. Бери фонарь. Включай.

— Но как же… днем?

— А воображение у тебя на что, Мергатройд? А ну включай, говорю!

Зажав фонарь под мышкой, мисс Мергатройд неуклюже проделала необходимые манипуляции.

— Так, — сказала мисс Хинчклифф, — поехали! Вспомни, как ты в институте благородных девиц играла Гермию из «Сна в летнюю ночь». Теперь у тебя новая роль! Вложи в нее всю свою душу. «Руки вверх!» — вот твой текст, и не надо портить

его никакими «пожалуйста».

Мисс Мергатройд послушно подняла фонарь и, размахивая пистолетом, двинулась к кухонной двери.

— Руки вверх! — пискнула она и раздосадованно добавила: — Ой, как трудно, Хинч!

— Почему?

— Из-за двери. Она не фиксируется, того и гляди ударит, а у меня обе руки заняты.

— То-то и оно, — проникновенно произнесла мисс Хинчклифф, — а ведь дверь в гостиной «Литтл-Пэддокса» тоже постоянно распахивается. Она не совсем такая, как наша, но тоже ходит ходуном. Поэтому Летти Блэклок купила отличный тяжелый фиксатор для стеклянных дверей у Элиота с Хай-стрит. Нет, я на нее не в претензии за то, что она меня обскакала. Правда, старый болван попортил мне немало крови. И вот когда он наконец сбавляет цену с восьми гиней до шести фунтов десяти шиллингов, появляется Блэклок и покупает этот проклятый фиксатор. В жизни не видела стеклянного пузыря такого размера!

— Может, грабитель тоже вставил в дверь фиксатор, чтобы она не открывалась?

— Да в уме ли ты, Мергатройд? Сама посуди, как бы он это сделал? Распахнул бы дверь, ска-

зал: «Простите, минуточку», нагнулся, поставил фиксатор, а потом вернулся бы к ограблению и крикнул: «Руки вверх!»? Попытайся-ка придержать дверь плечом.

— Все равно неудобно, — пожаловалась мисс Мергатройд.

— Вот и я о том же, — кивнула мисс Хинчклифф. — Держать в руках пистолет и фонарь, да еще и дверь придерживать — не слишком ли много для одного человека? А если много, то что из этого следует?

Мисс Мергатройд даже не пыталась строить предположений, а лишь с немым восхищением глядела на подругу, ожидая, когда та ее просветит.

— Мы знаем, что у грабителя был пистолет, поскольку он из него стрелял, — сказала мисс Хинчклифф. — И фонарь, поскольку все его видели, если только это не массовый гипноз… Значит, вопрос надо поставить так: придерживал ли кто-нибудь ему дверь?

— Но кто?

— Да хотя бы ты, Мергатройд. Насколько я помню, ты стояла как раз за дверью, когда погас свет. — Мисс Хинчклифф добродушно рассмеялась. — А ведь ты крайне подозрительная

личность, правда же, Мергатройд? Но кто додумается обратить на тебя внимание? Ладно, давай сюда совок. Слава богу, что это не настоящий пистолет, а то ты бы сейчас застрелилась!

— Странно, очень странно, — бормотал полковник Истербрук, — крайне странно.

— В чем дело, милый?

— Подойди на минутку.

— Что случилось, милый?

Миссис Истербрук выросла в дверях гардеробной.

— Помнишь, я показывал тебе пистолет?

— Да, Арчи, такую мерзкую черную штуковину.

— Вот именно. Сувенир из Азии. Он лежал в этом ящике, помнишь?

— Помню.

— А теперь его тут нет.

— Как странно, Арчи!

— Ты не трогала?

— Да что ты, я даже прикоснуться к нему боюсь!

— Тогда, может, это старая грымза, как бишь ее…

— Нет! Миссис Батт в жизни бы такого не сделала! Спросить у нее?

— Не надо. А то пересуды пойдут всякие… Лучше скажи, когда я тебе его показывал?

— С неделю назад. Ты еще ворчал, что тебе плохо постирали воротнички в прачечной, выдвинул ящик, а там в глубине лежал пистолет, и я спросила, что это такое.

— Точно. С неделю назад. А числа не припомнишь?

Миссис Истербрук задумалась, закрыв глаза. На ее лице читалась напряженная работа мысли.

— Точно! — воскликнула она. — В субботу! Мы еще собирались в кино, но не пошли.

— Гм… А ты уверена, что не раньше? Может, это было в пятницу или даже на позапрошлой неделе?

— Нет-нет, дорогой. Я прекрасно помню. Это было тридцатого, в субботу. Просто после этого несчастья все кажется таким далеким… Я даже знаю, почему запомнила число. Ведь ты показал мне пистолет на следующий день после налета. Я его увидела, и он напомнил мне вчерашнюю пальбу.

— Уф, — сказал полковник Истербрук, — прямо гора с плеч свалилась.

— Но почему, Арчи?

— Да потому, что если бы пистолет исчез перед

налетом, то его мог стащить проходимец Шерц.

— Но откуда ему было знать про пистолет?

— Гангстеры добывают сведения самыми невероятными способами. Они все про всех знают.

— Какой ты умный, Арчи!

— Ха, еще бы! Кое-что повидал на своем веку. Но раз ты точно помнишь, что видела пистолет после налета, тогда все в порядке. Не мог же он тогда стрелять из моего пистолета?

— Конечно, не мог.

— Слава богу! А то пришлось бы заявлять в полицию, отвечать на разные бестактные вопросы. Хочешь не хочешь, а пришлось бы… А я в свое время не удосужился получить разрешение на ношение оружия… После войны было не до законов мирного времени. Я относился к пистолету как к военной реликвии, а не как к огнестрельному оружию.

— Понимаю.

— Но куда же все-таки запропастилась эта проклятая штуковина?

— Может, его взяла миссис Батт? Она, правда, всегда казалась мне порядочной женщиной, но, может, после налета занервничала и решила, что пистолет в доме не помешает? Хотя, конечно, она никогда не сознается. Да я и спрашивать у нее не

буду. Она ведь может обидеться. А как нам без нее обходиться? Дом такой громадный… я одна просто не справлюсь.

— Конечно, — согласился полковник, — миссис Батт лучше ничего не говорить.

Глава 13
Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне (продолжение)

Мисс Марпл вышла из дома пастора и пошла по узенькому переулку, который вел на главную улицу.

Она шла очень быстро, опираясь на толстую палку преподобного Джулиана Хармона.

Миновав бар «Красная корова» и лавку мясника, старушка приостановилась, чтобы полюбоваться на витрину антикварного магазинчика мистера Элиота. Магазинчик был хитроумно расположен рядом с чайной «Синяя птица» и кафе для того, чтобы богатые автомобилисты, останавливавшиеся выпить чаю и отведать блюдо, подававшееся под уклончивым названием «Домашние пирожки», но окрашенное почему-то в ядовито-шафрановый цвет, не могли устоять перед искушением заглянуть в витрину магазинчика, принадлежавшего предусмотрительному мистеру Элиоту. Оформляя старинную выпуклую витрину, он постарался потрафить любым вкусам клиентов. Тут была пара вещиц ватерфордского

стекла, стоявших на ведерке для льда. Бюро орехового дерева объявлялось невероятно выгодной покупкой, а на столе и в витрине красовались дешевые дверные молоточки, причудливые талисманы, несколько осколков дрезденского фарфора, какие-то жалкие нитки бус, кружка с надписью «Подарок из Танбридж-Уэллса» и несколько серебряных изделий Викторианской эпохи.

Не успела мисс Марпл разглядеть витрину, как мистер Элиот, тучный пожилой паук, уже начал прикидывать материальные возможности новой жертвы.

Но когда он решил, что «Подарок из Танбридж-Уэллса» слишком шикарен для гостьи пастора (ведь мистер Элиот, как и все в округе, знал, кто такая мисс Марпл), она краем глаза заметила мисс Дору Баннер, входившую в «Синюю птицу». И подумала, что столь ветреным утром не помешает выпить чашечку кофе.

В кафе уже подкреплялось несколько дам, подслащивающих себе утреннюю беготню по магазинам. Мисс Марпл, прищурившись, вглядывалась в полумрак «Синей птицы», искусно разыгрывая легкое замешательство. Вдруг у нее над ухом раздался голос Доры:

— Доброе утро, мисс Марпл. Подсаживайтесь ко мне. Я одна.

— Спасибо.

Мисс Марпл благодарно опустилась на неуклюжий синий стул, являвший собой предмет фирменной обстановки «Синей птицы».

— Какой сильный ветер! — пожаловалась она. — У меня ревматизм, я не могу быстро ходить.

Дамы принялись жадно обсуждать тему ревматизма, ишиаса и неврита. Хмурая девица в розовом халате с синими птицами, позевывая, приняла заказ на кофе с пирожными. Вид у нее был устало-терпеливый.

— Пирожные тут объедение, — заговорщическим шепотом произнесла мисс Баннер.

— Меня заинтриговала эта симпатичная девушка, которую мы видели, уходя от мисс Блэклок, — сказала мисс Марпл. — Если не ошибаюсь, она ухаживает за цветами или работает в поле. Как ее зовут? Хаймес?

— Да-да, Филиппа Хаймес. Мы прозвали ее «нашей квартиранткой». — Мисс Баннер с удовольствием посмеялась над собственной шуткой. — Филиппа — приятная девушка, очень спокойная. Настоящая леди, надеюсь, вы меня

понимаете…

— Любопытно. Я знавала одного полковника Хаймеса, он служил в индийской кавалерии. Может, это ее отец?

— Она Хаймес по мужу. Вдова. Ее мужа убили в Италии: то ли в Сицилии, то ли еще где-то, не помню. Ваш знакомый мог быть отцом ее мужа.

— А нет ли там легкой интрижки с тем высоким юношей? — лукаво предположила мисс Марпл.

— С Патриком? Вы думаете? Мне кажется, нет…

— Я имела в виду юношу в очках. Я его как-то видела…

— Ах, вы об Эдмунде Светтенхэме! Тс-с… Там в углу сидит его мать, миссис Светтенхэм… Право, не знаю. Вы думаете, Филиппа ему нравится? Он такой странный, порой говорит совершенно несусветные вещи. А его почему-то считают умником, — добавила мисс Баннер с явным неодобрением.

— Ум — еще не все, — изрекла мисс Марпл. — А вот и наш кофе.

Хмурая девица шмякнула на стол поднос. Мисс Марпл и мисс Баннер принялись потчевать друг друга пирожными.

— Как интересно, что вы с мисс Блэклок вместе

учились в школе. Вот уж действительно старая дружба.

— О да, — вздохнула мисс Баннер. — Мало кто так верен друзьям, как дорогая мисс Блэклок. Боже, как давно все было! Такая хорошенькая девушка, она так любила жизнь! Как все это печально!

Мисс Марпл вздохнула и покачала головой, хотя абсолютно не понимала, что же здесь печального.

— Жизнь тяжела, — пробормотала она.

— «И бремя печалей на сердце легло», — шепотом продекламировала мисс Баннер, и глаза ее затуманились от слез. — Я часто вспоминаю это стихотворение. Истинное терпение, истинное смирение. Такое мужество и такая стойкость непременно должны быть вознаграждены! Мисс Блэклок достойна величайшего счастья.

— Деньги, — заметила мисс Марпл, — способны очень даже облегчить человеку жизнь…

Она со спокойным сердцем позволила себе этот намек, считая, что мисс Баннер говорит о грядущем изобилии в доме мисс Блэклок. Однако мисс Баннер вдруг резко переменила пластинку.

— Деньги! — с горечью воскликнула она. — Я думаю, по-настоящему понять, что значат для

человека деньги, а вернее, их отсутствие, можно только на собственном опыте.

Мисс Марпл сочувственно закивала.

— Я часто слышала, как люди говорят: «Я бы предпочел вообще не обедать, чем обедать без цветов на столе», — продолжала Дора. — Но часто ли они действительно оставались без обеда? Они не представляют себе, что это значит, такое надо испытать… Голод. Каково жить, когда в доме есть только хлеб, банка мясной пасты и остатки маргарина? И ты годами сидишь на таком меню и чуть не сходишь с ума, мечтая о хорошем куске мяса с овощами. А одежда! Латаная-перелатаная, живого места не осталось, а ты все убеждаешь себя, что это не заметно. А поиски работы?! Тебе везде говорят, что ты слишком стара. А когда вдруг наконец подворачивается место, силы уже не те. Ты падаешь в обморок и снова оказываешься на улице. А квартплата! Вечная квартплата… И ведь не заплатить нельзя — иначе выселят! На жизнь остаются жалкие крохи, цены-то кусаются! На одну пенсию не разживешься, совсем не разживешься…

— Понимаю, — сочувственно сказала мисс Марпл.

— Я написала Летти. Случайно увидела ее имя

в газете. Там говорилось про благотворительный завтрак в пользу милчестерской больницы. Прямо черным по белому было написано: «Мисс Летиция Блэклок». И я вдруг вернулась в прошлое. Столько лет ничего о ней не слыхала… Летти работала секретаршей у одного очень богатого человека, наверное, вы знаете — Гедлера. Она была умницей, такие обычно преуспевают… не очень хорошенькая, но с железной волей. И… я подумала, что, может, она меня помнит… ведь она единственная, кого я могла попросить о небольшой услуге. То есть я хочу сказать… друзья детства, они ведь не подумают про тебя плохо, не сочтут попрошайкой, выклянчивающей деньги.

На глаза Доры Баннер навернулись слезы.

— А потом приехала Летти и забрала меня… сказала, ей нужна помощница по дому. Конечно, я очень удивилась… в газетах часто все перевирают… А сколько в ней доброты, сочувствия! И она так хорошо помнит старые времена. Я на все для нее готова, на все. И очень стараюсь быть полезной, но часто путаюсь… память уже не та стала. Я ошибаюсь. Все на свете забываю и говорю глупости. Но она — воплощенное терпение. И что самое трогательное — Летти упорно делает вид, что я ей нужна. Истинная доброта, правда?

Мисс Марпл ласково сказала:

— Да, это истинная доброта.

— Я еще до приезда в «Литтл-Пэддокс» начала волноваться, как я буду жить, если с мисс Блэклок что-нибудь случится? Вокруг столько несчастных случаев, машины носятся как угорелые, никто ни от чего не застрахован, правда? Но, разумеется, я Летти ни слова не говорила, хотя она, наверное, догадывалась. Даже наверняка догадывалась, потому что однажды сказала, что оставит мне небольшой годовой доход и — что для меня куда более ценно — всю свою роскошную обстановку. Я была приятно поражена. Но она сказала, что никто не умеет ценить вещи так, как я, и это истинная правда, я просто из себя выхожу, если на моих глазах бьют фарфор или оставляют на столе следы от мокрых стаканов. Я действительно забочусь о вещах Летти. Тут у нас некоторые, не буду конкретизировать, относятся к ее вещам наплевательски. Или даже еще хуже! О, я вовсе не так глупа, как кажется, — простодушно продолжала мисс Баннер, — и прекрасно вижу, когда Летти обводят вокруг пальца. Кое-кто, не буду называть имен, занимается чистым надувательством. Наша дорогая мисс Блэклок излишне доверчива.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вы ошибаетесь.

— О нет! Мы с вами, мисс Марпл, знаем жизнь. А мисс Блэклок…

Мисс Марпл подумала, что Летиция Блэклок, некогда служившая секретаршей у крупного финансиста, тоже, по идее, должна знать жизнь. Но, вероятно, Дора Баннер имела в виду, что Летти всегда жила в довольстве, а такие люди не видят бездн человеческой души.

— Ох уж этот мне Патрик! — воскликнула мисс Баннер, да так неожиданно, что мисс Марпл подпрыгнула на стуле. — Он, насколько мне известно, минимум дважды вытягивал из нее деньги. Прикинулся, будто попал в передрягу. Залез в долги. В общем, обычная песенка. А Летти чересчур щедрая. На все мои упреки знай отвечает: «Мальчик молод, Дора. В юности можно и побезумствовать».

— Что ж, в этом есть доля истины, — усмехнулась мисс Марпл. — Тем более молодой человек так красив.

— Человек делами красив, — возразила Дора Баннер. — А Патрик очень любит над всеми потешаться. И, подозреваю, любит приволокнуться за девушками. Я, например, для него только объект насмешек, только и всего! Ему и в голову не

приходит, что у других людей тоже есть какие-то чувства.

— Молодежь частенько этим грешит, — сказала мисс Марпл.

Мисс Баннер вдруг подалась вперед с таинственным видом.

— Дорогая, вы никому не расскажете? Видите ли… я никак не могу избавиться от ощущения, что Патрик замешан в том… ну, ужасном деле. Я думаю, или он, или Джулия были знакомы с молодым человеком… Летти я, конечно, об этом даже не заикалась, она с меня голову снимет. И потом, неудобно ей такое говорить, ведь Патрик — ее племянник. Но швейцарец-то все-таки застрелился… по идее, Патрик должен испытывать угрызения совести… разве я не права? Конечно, в том случае, если это он его подбил… Короче, я совершенно запуталась… И столько шума о второй двери в гостиную! А меня другое беспокоит. Инспектор сказал, что ее смазали. А я… понимаете, я видела…

Банни запнулась.

Мисс Марпл помолчала, подбирая слова.

— М-да, сложное положение, — наконец произнесла она с сочувствием. — И вы, естественно, не хотите, чтобы дело дошло до полиции.

— Вот именно! — вскричала Дора Баннер. — Я ночью не сплю, все думаю, думаю… Понимаете, я тут недавно натолкнулась в кустах на Патрика. Я искала яйца… у нас одна курица несет яйца прямо в саду… а он стоял там, и в руках у него были перышко и баночка из-под масла. Он как отскочит, завидев меня, с таким виноватым видом… и говорит: «А я вот как раз стою и голову ломаю: откуда это взялось?» Он, конечно, парень шустрый, сообразительный. Наверно, с ходу придумал, когда я его застукала. Да и вообще, сами посудите, как можно найти такое в кустах, если не искать намеренно, если не знать, что это — там! Но, конечно, я ему ничего не сказала. Просто посмотрела… так на него посмотрела! Ну, вы понимаете…

Дора Баннер взяла кусок розового, как лососина, торта и рассеянно надкусила.

— А в другой раз я случайно услышала их спор с Джулией. Он сказал: «Если б я знал, что ты с этим связана!» А Джулия, такая обычно спокойная, в ответ: «Ну и что ж, братец, ты намерен делать?» Но тут, как назло, скрипнула половица, и они меня заметили. Пришлось спросить с делано веселым видом: «Вы что, ссоритесь?» А Патрик сказал: «Да я уговариваю Джулию не связывать-

ся со спекулянтами, торгующими купонами на одежду на черном рынке». Гладко у него получилось, но я не поверила. Я считаю, что лампой в гостиной орудовал Патрик. Это его рук дело, я ведь прекрасно помню, что там был пастушок, а не пастушка. А наутро…

Она вдруг осеклась и покраснела. Мисс Марпл обернулась и увидела мисс Блэклок. Должно быть, Летиция только что вошла в кафе.

— Попиваем кофеек и чешем язычок, да, Банни? — укоризненно спросила мисс Блэклок. — Доброе утро, мисс Марпл. Не правда ли, холодно сегодня?

— Мы как раз говорили о купонах на одежду, — заторопилась мисс Баннер. — Их катастрофически не хватает. Хорошо, хоть цены на обувь немножко снизились. Но все равно пятнадцать фунтов за зимнее пальто — это чересчур дорого.

Дверь с грохотом распахнулась, и в «Синюю птицу» влетела Банч Хармон.

— Привет, — сказала она. — Я опоздала?

— Нисколько, дорогая, — отозвалась мисс Марпл. — Присаживайся, выпей кофейку.

— Нам пора идти, — сказала мисс Блэклок. — Ты все купила, что нужно, Банни?

Голос ее звучал более милостиво, но в глазах

все еще таился упрек.

— Да-да, спасибо, Летти! Я только забегу по пути в аптеку, куплю аспирин и лейкопластырь.

Когда дверь за ними закрылась, Банч спросила:

— О чем вы говорили?

Мисс Марпл ответила не сразу. Дождавшись, когда официантка примет у Банч заказ, она сказала:

— Очень важно, когда в семье люди друг за друга горой. Очень! Помнишь одно громкое дело? Фамилии, конечно, позабылись, но суть в том, что муж отравил жену. Подсыпал яд в бокал с вином. Однако на суде дочь заявила, что выпила полбокала этого вина. В результате мужа оправдали. Говорят — хотя, может, это всего лишь слухи, — что дочь больше не захотела жить с отцом под одной крышей и никогда не перемолвилась с ним ни единым словом. Но, конечно, отец — это одно, а племянник или дальний родственник — совсем другое. И все-таки никому не хочется, чтобы его родственник угодил на виселицу, не так ли?

— Естественно, — задумчиво протянула Банч.

Мисс Марпл откинулась на спинку стула и сказала вполголоса:

— Как же люди похожи друг на друга.

— Да? А на кого похожа я?

— Ты-то как раз ни на кого. На саму себя. Ты мне никого особо не напоминаешь. Разве что…

— Ага! — воскликнула Банч.

— Дорогая, я просто подумала о своей горничной.

— О горничной? Из меня вышла бы ужасная горничная.

— Из нее тоже. Она совершенно не умела прислуживать за столом. Устраивала кавардак, клала кухонные ножи вперемешку со столовыми, а ее чепчик (это было очень давно, моя милая, тогда горничные носили специальные чепчики) всегда сидел набекрень.

Банч машинально поправила шляпку.

— А еще что? — в ее голосе звучала тревога.

— Однако я не увольняла эту горничную, потому что у меня с ней были хорошие отношения и вдобавок она меня смешила. Мне нравилось, что она все говорила напрямик. Пришла как-то раз и заявляет: «Не знаю, мэм, может, и я ошибаюсь, но по тому, как Флорри сидит, похоже, она уже не девица». И действительно, Флорри оказалась в интересном положении из-за одного подмастерья в парикмахерской. По счастью, произошло это в старые добрые времена, я с ним поговорила и

все уладила. Они сыграли прекрасную свадьбу и жили очень счастливо. Флорри была хорошей девушкой, но слишком любила красивых мужчин.

— Но она никого не убила? — прошептала Банч. — Я про горничную.

— Нет, конечно, — ответила мисс Марпл. — Она вышла замуж за баптистского пастора, у них пятеро детей.

— Совсем как я! — воскликнула Банч. — Правда, пока что у меня только Эдвард и Сьюзан. — И, помолчав, добавила: — А о ком вы сейчас думаете, тетя Джейн?

— Много о ком, — неопределенно откликнулась мисс Марпл.

— Из Сент-Мэри-Мид?

— В основном… Например, я думала о сестре Эллертон, этакой ходячей добродетели. Она ухаживала за одной старой дамой, души в ней не чаяла. Потом старушка отдала богу душу. Сестра Эллертон стала ухаживать за другой, та тоже умерла. От морфия. Все выплыло наружу. Истинная доброта!.. Проделала все с таким добросердечием и, что самое возмутительное, так и не поняла, что поступила дурно. «Им же все равно недолго оставалось жить, — заявила она, — у одной был рак, бедняжка ужасно страдала…»

— Эта сестра Эллертон… она что, убивала из милосердия?

— О, нет, нет! Старушки переводили на ее имя деньги. Она любила деньги. А еще был один молодой человек, племянник миссис Ньюси, она еще держала магазин канцтоваров… Он приносил домой краденые вещи и просил их спрятать. Врал, что купил товар за границей, заморочил тетке голову. А когда полиция заинтересовалась им и начала докапываться до истины, юнец попытался проломить бедняжке череп, чтобы она не смогла его выдать… Не очень приятный юноша, но зато какой красавец! Две девушки были в него влюблены по уши. На одну из них он просадил кучу денег.

— Наверно, на самую противную, — предположила Банч.

— Да, дорогая. А потом была еще миссис Крэй, она торговала шерстью. Миссис Крэй обожала своего сыночка и, как водится, испортила его. Сынок впутался в очень темное дело… Банч, а ты помнишь Джоанну Крофт?

— Н-нет, кажется, нет.

— Ты могла ее видеть, когда мы с тобой ходили в гости. Она обычно гордо восседала с сигарой или трубкой в зубах. Однажды воры пришли грабить

банк, а там как раз оказалась Джоанна Крофт. Так вот, она сбила бандюгу с ног и отобрала пистолет. Суд объявил ей благодарность за мужество.

Банч ловила каждое слово старушки. Складывалось впечатление, что она хочет запомнить все наизусть.

— А помнишь девушку, которая жила однажды летом в Сент-Джин-де-Колин? Такая спокойная… Нет, скорее молчаливая, чем спокойная. Она всем импонировала, но никто не мог сойтись с ней поближе. А потом мы узнали, что у нее муж — фальшивомонетчик. Из-за него она чувствовала себя как бы отрезанной от мира. В конце концов эта девушка стала странноватой. С теми, кто слишком много думает, это порой случается.

— А в ваших воспоминаниях нет какого-нибудь полковника, служившего в Индокитае?

— А как же, милая! В Ларчесе жил полковник Уоген, а в Симла-Лодж — полковник Райт. За ними я ничего дурного не замечала. Но зато мистер Ходсон, управляющий банком, поехал в кругосветное путешествие и женился на женщине, которая годилась ему в дочери. Он и понятия не имел, кто она и откуда… Он верил тому, что она о себе рассказывала.

— А она говорила неправду?

— Да, врала на каждом шагу.

— Здорово! — Банч распрямила пальцы, которые загибала по ходу рассказа. — Итак, мы имеем преданную Дору, красавца Патрика, миссис Светтенхэм и Эдмунда, полковника и миссис Истербрук. Насчет нее вы, по-моему, попали в точку. Но какой ей резон убивать мисс Блэклок?

— Может быть, мисс Блэклок что-то знает о ее прошлом.

— О прошлом этой выдры? Господи, мало ли что было сто лет назад?!

— А может, и не сто. Ты, Банч, не очень обращаешь внимание на общественное мнение…

— А, я вас понимаю! — До Банч вдруг дошло. — Конечно, если долго бедствуешь, а потом вдруг, как бездомная, дрожащая кошка, обретаешь теплый дом и сметанку на блюдечке, и тебя холят и лелеют, называют котеночком и избавляют от всех неприятностей… Тут на все пойдешь, лишь бы сохранить такую сладкую жизнь… Но должна заметить, вы представили довольно пеструю картину.

— Только ты не всех поставила на свои места, — сказала мисс Марпл.

— Да? А насчет кого я ошиблась? Насчет Джулии? «Джулия томная — особа темная».

— Три шиллинга шесть пенсов! — рявкнула хмурая официантка, неожиданно вынырнув из полумрака. — И скажите на милость, миссис Хармон, — при этих словах ее грудь заходила ходуном под синими пташками, — почему вы обозвали меня «темной особой»? Да, моя тетка вступила в секту «Особых людей», но я-то всегда была правоверной англиканкой, вам это может засвидетельствовать преподобный Хопкинс!

— Бога ради, простите, — сказала Банч. — Я просто процитировала слова одной песенки. И это вовсе не о вас. Я понятия не имела, что вас зовут Джулия.

— А, ну тогда это просто совпадение, — смягчилась официантка. — Я, конечно, не думала, что вы хотели меня обидеть, но вы тоже поймите… я услышала свое имя и решила, что вы обо мне. А когда человеку кажется, что речь идет о нем, то вполне естественно подойти и послушать. Спасибо!

Она взяла чаевые и удалилась.

— Тетя Джейн, — у Банч округлились глаза, — не надо так расстраиваться. Что с вами?

— Нет-нет, — пробормотала мисс Марпл. — Хотя… Быть не может! Для этого нет оснований…

— Тетя Джейн! Что вы?…

Мисс Марпл вздохнула, но тут же весело улыбнулась.

— Ничего, моя милая.

— Неужто вы догадались, кто убийца? — ахнула Банч. — Ну, скажите, кто?

— Понятия не имею. У меня промелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. Эх, если б я знала! У нас так мало времени. Катастрофически мало.

— Что значит «мало»?

— Пожилая леди из Шотландии может умереть в любую минуту.

Банч изумленно уставилась на мисс Марпл:

— Вы что, и вправду верите в Пипа и Эмму? Вы считаете, что это они… и что они попытаются снова?

— Конечно, попытаются. — Мисс Марпл говорила рассеянно. — Если один раз уже попытались, то почему бы не попробовать снова? Когда решаешь кого-то убить, не будешь останавливаться из-за того, что первая попытка не удалась. Особенно если ты совершенно уверен, что тебя не подозревают.

— Но Пипом и Эммой, — сказала Банч, — могут быть только Патрик и Джулия. И возраст подходящий, и это единственные брат с сестрой!

— Ах, милая, если бы все было так просто! Тут

возможны разные варианты. Это может быть жена Пипа, если он женат, или муж Эммы. Кроме того, у них есть мать… хотя и не прямая наследница, но тоже сторона заинтересованная. Раз Летти Блэклок не видела ее тридцать лет, она вполне может ее не узнать. Пожилые женщины так похожи между собой. Вспомни, как миссис Уизерспун получала пенсию за себя и за миссис Барлетт, хотя миссис Барлетт давным-давно померла… А мисс Блэклок тем более близорука. Разве ты не замечала, как она щурится? И потом, существует еще и отец близнецов, Дмитрий Стэмфордис. По всей вероятности, большой мерзавец!

— Но он ведь не англичанин!

— По происхождению — да. Однако он вовсе не обязательно говорит на ломаном английском или бурно жестикулирует. Я думаю, он вполне достойно сыграл бы роль… ну, скажем, полковника, служившего в Индии.

— Вы так считаете?

— Я ничего не считаю, моя милая, ей-богу, ничего! Я просто вижу, что тут пахнет деньгами. Огромными деньгами! И боюсь, мне слишком хорошо известно, на какие чудовищные преступления идут люди, чтобы заполучить капитал.

— Да, такие люди, как вы описали, пойдут, —

сказала Банч. — Но ведь это не принесет им счастья? В конечном итоге не принесет?

— Не принесет, но, как правило, люди об этом не подозревают.

— Вообще-то их можно понять. — Банч улыбнулась кроткой, чуть виноватой улыбкой. — Им кажется, что они станут совсем другими… Даже я иногда поддаюсь искушению. Начинаешь себя убеждать, что, разбогатев, сможешь заниматься благотворительностью… Строишь планы… видишь в своих фантазиях детские приюты, усталых матерей, которым ты будешь помогать… мечтаешь отправить на отдых за границу старушек, которые много поработали на своем веку…

Лицо Банч помрачнело, в потемневших глазах читалось страдание.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказала она. — Вы думаете, я еще порочнее их, потому что по-детски себя обманываю. Люди, желающие денег только для себя, прекрасно знают себе цену. Но начни притворяться, будто хочешь творить добро, и очень скоро внушишь себе, что не будет греха, если ты из-за денег кого-нибудь убьешь…

Но затем взгляд ее прояснился.

— Все-таки я бы не стала! — сказала она. — Нет, честное слово, я бы никого не смогла убить.

Даже дряхлого старика, или неизлечимо больного, или самого страшного злодея в мире. Даже какого-нибудь шантажиста или… самого последнего подонка. — Банч осторожно выудила из кофейной гущи муху и положила ее на столик обсыхать. — Ведь люди любят жизнь, правда? И мухи тоже. Даже старики или тяжелобольные, которые почти не в состоянии доковылять до ворот, чтобы погреться на солнышке. Джулиан уверяет меня, что такие люди любят жизнь еще сильнее, чем здоровые и молодые. Он говорит, им труднее умирать, они сопротивляются еще отчаяннее, чем мы. Я тоже люблю жить… не просто быть счастливой, развлекаться, весело проводить время, а вообще жить… вставать и чувствовать каждой клеточкой, что я еще здесь, что завод еще не кончился. — Банч осторожно подула на муху, та задрыгала ножками и улетела. — Не волнуйтесь, тетя Джейн, — подытожила Банч. — Я никогда никого не убью.

Глава 14
Экскурс в прошлое

Проведя ночь в поезде, инспектор Краддок сошел на маленькой станции в Хайленде.

Поначалу он был удивлен, что богачка Гедлер, имевшая возможность поселиться в фешенебельном лондонском квартале, купить поместье в Хэмпшире или виллу на юге Франции, почему-то предпочла уединенную жизнь в Шотландии. Ведь она наверняка лишена здесь светского общества и многих развлечений. Неужели она не страдает от одиночества? Или миссис Гедлер настолько больна, что окружающая обстановка ей уже безразлична?

Краддока поджидала машина, большой старомодный «Даймлер» с пожилым шофером. Утро выдалось солнечное, и по пути, все двадцать миль, инспектор любовался очаровательными пейзажами, хотя еще совсем недавно не понимал, почему миссис Гедлер предпочла одинокую жизнь в такой глуши. Он вызвал шофера на разговор, и разговор этот частично объяснил ему, что к чему.

— Мадам тут в детстве жила, сэр. Она ведь последняя в роду. Им с мистером Гедлером было тут лучше всего; он, правда, редко когда мог вырваться из Лондона. Но уж если приезжал, то они резвились, точно малые дети.

Едва на горизонте показались стены средневековой крепости, Краддок ощутил, что время словно поворотилось вспять. Ему навстречу вышел пожилой дворецкий, а когда инспектор умылся и побрился, его провели в комнату с камином, в котором полыхало жаркое пламя, и подали завтрак.

После завтрака появилась высокая пожилая женщина в медицинском халате, назвавшаяся сестрой Маклелланд. Она разговаривала приветливо и держалась очень профессионально.

— Моя подопечная готова принять вас, мистер Краддок. Она очень ждала встречи с вами.

— Я постараюсь ее не волновать, — пообещал Краддок.

— Но все же, наверное, лучше заранее предупредить вас о том, как будут развиваться события, — сказала медсестра. — Сперва вам покажется, что миссис Гедлер чувствует себя нормально. Она будет охотно поддерживать разговор, а потом ее силы резко иссякнут. Тогда вам

нужно немедленно выйти из комнаты и позвать меня. Видите ли, мы практически постоянно держим ее на морфии. Поэтому она весь день находится в забытьи. Готовя миссис Гедлер к вашему приезду, я дала ей сильные стимуляторы. Но как только их действие прекратится, она впадет в полубессознательное состояние.

— Я понимаю, мисс Маклелланд. Если не секрет, каковы прогнозы– я имею в виду ее здоровье?

— Она умирает, мистер Краддок. Ей осталось жить несколько недель. Вы наверняка удивитесь, если я скажу, что на самом деле она умерла много лет назад, но это так. Миссис Гедлер поддерживало только ее неиссякаемое жизнелюбие. Должно быть, странно слышать такое об инвалиде, который пятнадцать лет не выходит из дому, но я не преувеличиваю. Миссис Гедлер всегда была хрупкой, болезненной женщиной, но у нее поразительная воля к жизни. И потом, она потрясающе обаятельна, вы сами убедитесь, — с улыбкой прибавила сестра.

Краддока провели в большую спальню с зажженным камином. На кровати под балдахином лежала старуха. Она была старше Летиции Блэклок всего лет на семь-восемь, но выглядела несравненно более дряхлой.

Ее белые волосы были аккуратно уложены, шея и плечи укутаны бледно-голубой ажурной шалью. Лицо мученицы, но без следов ожесточения, а в выцветших голубых глазах даже мелькает плутовской огонек…

— Любопытно, — сказала она. — Меня нечасто навещает полиция. Я слышала, Летиция Блэклок не сильно пострадала во время покушения? Как там моя дорогая Блэки?

— Прекрасно, миссис Гедлер. Она передавала вам огромный привет.

— Давненько я ее не видела… Мы много лет только обмениваемся поздравительными открытками на Рождество. Я просила Блэки заехать ко мне, когда она вернется в Англию после смерти Шарлотты, но она написала, что спустя столько лет это будет мучительно. И, наверное, была права. Блэки всегда отличалась удивительным здравомыслием… Год назад меня навещала моя школьная подруга, и, о боже, — миссис Гедлер улыбнулась, — мы наскучили друг другу до смерти! Едва иссякли наши «ты помнишь?», как нам не о чем стало говорить. Ужасно неловко!

Краддок решил дать ей выговориться прежде, чем приступать к расспросам. Ему хотелось погрузиться в прошлое, проникнуть в мир Гедлеров

и Летиции Блэклок.

— Наверное, — понимающе взглянула на него Белль, — вы хотите спросить меня о деньгах. Извольте! После моей смерти все деньги, по завещанию Рэнделла, перейдут к Блэки. У Рэнделла, конечно, и в мыслях не было, что я его переживу. Он был крупным, сильным мужчиной, никогда не болел, а я всегда хандрила, хныкала, ко мне постоянно ходили доктора с кислыми минами.

— Вам совершенно не подходит слово «хныкать», миссис Гедлер.

Старая дама усмехнулась:

— Я не в том смысле. Сама я никогда себя особо не жалела. Но считалось само собой разумеющимся, что раз у меня более шаткое здоровье, то я уйду из жизни первой. Однако расчет не оправдался.

— Но почему ваш супруг распорядился деньгами таким образом?

— Вы хотите спросить, почему он оставил их именно Блэки? Нет, вовсе не из-за того, о чем вы скорее всего подумали! — Плутовской блеск в глазах миссис Гедлер стал еще заметнее. — Полицейские всегда все понимают не так! Рэнделл вовсе не был влюблен в Блэки, а она в него. Дело в том, что у Блэки поистине мужской склад

ума. У нее нет женских слабостей. По-моему, она вообще никогда не влюблялась. Косметикой Блэки, правда, немного пользовалась, но только потому, что так принято, а вовсе не из желания быть красивой. — В голосе миссис Гедлер звучала жалость. — Она никогда не понимала, как прекрасно быть женщиной.

Краддок с интересом посмотрел на хрупкое создание, казавшееся совсем маленьким на огромной постели. И вдруг отчетливо понял, что Белль Гедлер действительно наслаждалась — до сих пор! — тем, что родилась женщиной. Она подмигнула инспектору.

— Я всегда считала, — сказала Белль, — что быть мужчиной безумно скучно. — И задумчиво добавила: — По-моему, Рэнделл относился к Блэки как к младшему брату. Он очень ценил ее мнение, она всегда оказывалась права. Блэки не раз выручала его из беды.

— Мисс Блэклок рассказывала, что однажды помогла ему деньгами.

— Да, но я имею в виду нечто большее. Спустя столько лет можно открыть правду. Рэнделл не мог отличить честную сделку от бесчестной. Он был не настолько тонок. Бедняга не мог распознать, где ловкая комбинация, а где обык-

новенное надувательство. Блэки не давала ему сбиться с пути. Летиция Блэклок — удивительно добропорядочна, это одна из ее отличительных черт. Она никогда не совершит бесчестного поступка. Блэки очень, очень хорошая. Я всегда ею восхищалась. На долю девочек выпало тяжелое детство. Их отец был старый деревенский врач, упрямый, как осел, и страшно ограниченный — классический домашний деспот. Летиция порвала с ним, приехала в Лондон и поступила учиться на бухгалтера. Вторая сестра уродилась калекой, у нее было какое-то увечье, она ни с кем не встречалась и вообще не вылазила из дому. Поэтому, когда старик умер, Летиция все бросила и поехала ухаживать за сестрой. Рэнделл рвал и метал, но поделать ничего не мог. Если Летиция считала что-то своим долгом, ее никто не мог переубедить.

— Это произошло задолго до смерти вашего мужа?

— Года за два. Но завещание Рэнделл составил еще до того, как она бросила фирму, и не стал его переписывать. Он сказал мне: «У нас нет детей. Наш малыш умер, когда ему было два года. Так пусть после нашей смерти деньги достанутся Блэки. Она будет играть на бирже и пустит их в

рост». Понимаете, — продолжала Белль Гедлер, — Рэнделл обожал сам процесс делания денег, ему нужны были не капиталы, а острые ощущения, волнения, риск. И Блэки это тоже любила. Она была так же азартна, ее отношение к жизни имело много общего с отношением Рэнделла. Вот только у бедняжки никогда не было обыкновенного человеческого счастья: она не влюблялась, не волновала мужчин, не кокетничала с ними… и семьи у нее не было, и детей — в общем, она не жила по-настоящему.

«Как удивительно, — подумал Краддок, — что женщина, жизнь которой была омрачена тяжелой болезнью, женщина, лишившаяся единственного ребенка, потерявшая мужа, оставшаяся вдовой и много лет прикованная к постели, сохраняет такую доброжелательность и способна так сочувствовать другим».

Миссис Гедлер кивнула:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но у меня было все, ради чего стоит жить. Это можно отнять, но оно все-таки было! Я росла хорошенькой, веселой девочкой, вышла замуж за любимого человека, который любил меня всю жизнь. Мой малыш умер, но он все же пробыл со мной два года, и это было прекрасно. Да, физически я много страдала,

но если вы когда-нибудь испытывали что-то подобное, то можете себе представить, как радуешься, когда боль на время отпускает тебя. И все всегда были ко мне добры… Нет, я действительно счастливая женщина!

Краддок обратил внимание на некоторые недоговоренности в рассказе вдовы финансиста.

— Миссис Гедлер, вы сказали, что муж оставил наследство мисс Блэклок, поскольку больше было некому. Но ведь это не так. У него есть сестра.

— Соня? Но они давно поссорились и разорвали отношения.

— Он не одобрял ее брак?

— Да, она вышла замуж за этого… как его…

— Стэмфордиса.

— Да-да, Дмитрия Стэмфордиса. Рэнделл считал его проходимцем. Они с ходу возненавидели друг друга. Но Соня по уши влюбилась в Дмитрия и твердо решила выйти за него замуж. А почему бы и нет? У мужчин на сей счет бывают странные идеи. В двадцать пять лет Соня не была уже глупой маленькой девочкой и прекрасно понимала, на что идет. Наверное, Стэмфордис действительно был самым настоящим мошенником; кажется, его обвиняли в каких-то махинациях. Рэнделл даже подозревал, что он живет под чужой фами-

лией. Соня все знала. Но Рэнделл, естественно, не мог оценить мужского обаяния Дмитрия. Он уверял, что Дмитрий женится на деньгах, но это неправда. Дмитрий тоже влюбился в Соню. Она была красива, очень красива. И характер у нее был волевой. Если бы брак не удался, если бы Дмитрий начал плохо с ней обращаться или изменять ей, Соня порвала бы с ним, бросила его. У нее были деньги, она могла самостоятельно строить свою жизнь.

— Значит, брат с сестрой так и не помирились?

— Нет. Рэнделл с Соней вообще не очень ладили. Она обиделась на то, что он пытался помешать ей выйти замуж, и заявила: «Что ж, отлично! Ты совершенно невозможный человек и больше никогда обо мне не услышишь».

— Но вы о ней все-таки услышали?

Белль улыбнулась:

— Полтора года спустя я получила письмо. Оно пришло из Будапешта, но обратного адреса Соня не указала. Она просила передать Рэнделлу, что бесконечно счастлива, у них с Дмитрием родилась двойня.

— А как назвала детей, не написала?

Белль вновь улыбнулась:

— В письме говорилось, что дети родились

около полуночи и что она собирается назвать их Пипом и Эммой. Но, конечно, Соня могла и пошутить.

— И больше вы о ней ничего не слышали?

— Нет. Она написала, что они всей семьей собираются надолго уехать в Америку. Но больше от нее не было ни слуху ни духу.

— Это письмо не сохранилось?

— Боюсь, что нет… Я прочитала его Рэнделлу, он проворчал: «Она еще будет кусать локти, что вышла за такого подонка». Это были единственные слова в адрес Сони. И мы совершенно о ней забыли, она как-то выпала из нашей жизни.

— Но если вы переживете мисс Блэклок, наследство, по завещанию мистера Гедлера, должно перейти к детям Сони, не так ли?

— О, это моих рук дело! Когда Рэнделл сказал мне о завещании, я возразила: «А представь, что Блэки умрет раньше меня». Рэнделл был поражен. Я сказала: «Да, конечно, Блэки пышет здоровьем, а я этим похвастаться не могу, но бывают же несчастные случаи. Вдруг ей кирпич на голову упадет?» — «Но кому оставить? Больше некому!» — растерялся он. «Почему? У тебя есть Соня», — сказала я. «Чтобы этот прохвост прикарманил мои денежки? — возмутился Рэнделл. — Нет! Ни

за что!» — «Но у них есть дети, Пип и Эмма, а может, и еще кто-нибудь родился», — сказала я. Муж поворчал, но в завещание их вставил.

— И с тех пор, — с расстановкой произнес Краддок, — вы не имели сведений ни о Соне, ни о ее детях?

— Ничего… Может, их и в живых-то уже нет. А может, они где-то далеко…

«Может, даже в Чиппинг-Клеорне», — подумал Краддок.

Белль как будто угадала его мысль, и в ее глазах появилась тревога.

— Нельзя допустить, чтобы они причинили Блэки зло! Блэки хорошая, действительно хорошая… Пожалуйста, оградите ее от беды!..

Голос миссис Гедлер резко ослаб. Вокруг рта и под глазами залегли серые тени.

— Вы устали, — сказал Краддок. — Я, пожалуй, пойду.

Больная кивнула.

— Пришлите ко мне Мэк, — шепотом попросила она. — Я страшно утомилась… — Она слабо шевельнула рукой. — Позаботьтесь о Блэки… с ней не должно случиться плохого… пожалуйста, позаботьтесь о ней!

— Я сделаю все, что от меня зависит, миссис

Гедлер.

Краддок встал и направился к двери.

Ее голос потянулся за ним, словно тонкая нить:

— Вам недолго придется ее охранять… только до моей смерти. Пока я не умру, Блэки будет в опасности… позаботьтесь о ней…

На пороге Краддок столкнулся с сестрой Маклелланд.

— Надеюсь, я не сильно повредил ее здоровью, — смущенно пробормотал инспектор.

— Ничего страшного, мистер Краддок! Я же вас предупреждала: она потеряет силы внезапно.

Позже он спросил у медсестры:

— Скажите… я не успел узнать у самой миссис Гедлер… она не сохранила каких-нибудь старых фотографий?…

— Нет, боюсь, у нее ничего не осталось, — сказала сестра Маклелланд. — Все личные вещи и бумаги мадам были сданы на хранение вместе с обстановкой лондонского дома в самом начале войны. Миссис Гедлер тогда тяжело болела. А склад взорвали. Миссис Гедлер очень расстраивалась из-за того, что потеряла столько семейных реликвий и бумаг. Думаю, что никаких снимков у нее нет.

Тем не менее Краддок считал, что поездка была ненапрасной. Мифические близнецы Пип и Эмма оказались вполне реальными.

«Итак, — принялся рассуждать Краддок. — У нас есть брат с сестрой, которые воспитывались где-то в Европе. Перед свадьбой Соня была богата, но с тех пор деньги в Европе сильно обесценились. За послевоенные годы с ними вообще происходили какие-то странные вещи. Что же получается? Мы имеем дело с сыном и дочерью человека, который был не в ладах с законом. А вдруг они приехали в Англию нищими или почти нищими? Что им тогда делать? Напрашивается естественный вывод: надо разузнать про богатых родственников. Дядя, владевший многомиллионным состоянием, умер. Прежде всего они, вероятно, поинтересуются дядиным завещанием. Вдруг им или их матери что-нибудь перепало? Они отправятся в Соммерсет-Хаус, прочтут завещание и наведут справки про Летицию Блэклок. Затем примутся разузнавать о вдове Рэнделла Гедлера. Выяснится, что она инвалид, живет в Шотландии, но жить ей осталось совсем недолго. Однако, если Летиция Блэклок умрет раньше Белль Гедлер, близнецы завладеют огромными деньгами. Что из этого следует?»

Краддок задумался. Нет, в Шотландию брат с сестрой не поедут. Они скорее выяснят местонахождение Летиции Блэклок и отправятся туда. Но выдадут себя за других!.. А как они поедут: поодиночке или вместе? «Эмма… Хотел бы я знать… Пип и Эмма… Голову даю на отсечение, что один из них или даже оба находятся сейчас в Чиппинг-Клеорне!» — решил Краддок.

Глава 15
«Сладкая смерть»

Мисс Блэклок давала указания Мици:

— Приготовь сандвичи с сардинами и помидорами. И немного лепешек. Они у тебя получаются просто объеденье. Да! И еще хорошо бы испечь твой фирменный торт.

— Мы иметь праздник?

— Да, у мисс Баннер сегодня день рождения. Мы ждем к чаю гостей.

— Когда такой старый, не устраивать рождение. О рождение лучше забыть.

— Ну, а ей забывать не хочется! Мисс Баннер хочет получить подарки. И потом… устроить маленькое торжество очень даже приятно.

— Вы так сказать и тот раз. А что получалось?

Мисс Блэклок с трудом сдержала досаду:

— Теперь такого не случится.

— Почему вы знаете? Я весь день дрожу от страх, а весь ночь закрою дверь и смотрю даже гардероб, если там кто-то есть.

— Очень хорошо, ты таким образом обеспечиваешь свою безопасность, — холодно процедила

мисс Блэклок.

— Вы хотеть, чтобы я готовить… — Мици произнесла слово, звучавшее для английского уха примерно так: «швицебзррр» — очень похоже на шипение разъяренных кошек.

— Да, именно его приготовь! Он такой вкусный!

— Вкусный, да. Но у меня ничего нет для этот торт. Я его не могут приготовлять. Мне нужно шоколад и масло. Много масло, сахар и изюм.

— Возьми масло, которое нам прислали из Америки. И часть изюма, припрятанного на Рождество. А вот тебе плитка шоколада и фунт сахару.

Лицо Мици расплылось в улыбке.

— Хорошо, я приготовлять вкусный торт, очень вкусный! Он будет растопляться в рот. А наверх этот торт я класть шоколадный глазурь!.. У меня хорошо получаться шоколадный глазурь. И еще я писать наверх: «С лучший пожелания». Этот англичане со свой торт как песок… они никогда не кушать торт, как мой. Хороший, скажут они, сладкий… — Ее лицо опять омрачилось. — О, этот мистер Патрик! Он называть мой торт «Сладкий смерть». Мой торт! Я протестовать, чтобы так называть мой торт!

— Но это был комплимент, — возразила мисс Блэклок. — Патрик имел в виду, что ради такого торта можно даже умереть.

Во взгляде Мици сквозило сомнение.

— Я не любить, когда говорят «смерть». Никто не будет умереть, когда кушать мой торт. Наоборот, они будут здороветь…

— Конечно, Мици, конечно!

Мисс Блэклок покинула кухню со вздохом облегчения. Беседа завершилась благополучно. А ведь могло быть иначе, от Мици всего можно ожидать!

В коридоре Летиция встретила Банни.

— О, Летти, наверное, надо сказать Мици, чтобы она начинала делать сандвичи?

— Нет! — решительно воспротивилась мисс Блэклок. — Мици сейчас в хорошем настроении, не надо ее будоражить.

— Но я только покажу ей…

— Дора, прошу тебя, не надо! Выходцы из Центральной Европы не любят, когда им навязывают свое мнение. Они этого просто не переносят!

Дора поколебалась, но тут же ее лицо озарилось безмятежной улыбкой.

— Только что звонил Эдмунд Светтенхэм. Пожелал мне всяческих благ и пообещал принести

в подарок горшочек меда. Не правда ли, мило? И откуда он узнал про мой день рождения?

— Похоже, это знает весь поселок. Да, наверное, ты сама всем и растрезвонила, Дора.

— Что ты, Летти! Я просто как-то невзначай обмолвилась, что завтра мне стукнет пятьдесят девять.

— Шестьдесят четыре, — подмигнула ей мисс Блэклок.

— А мисс Хинчклифф сказала: «Непохоже. А мне, как вы думаете, сколько мне лет?» И всем тогда стало ужасно неловко, ведь мисс Хинчклифф — особа неопределенного возраста. Кстати, она сказала, что по пути занесет нам яиц. А я пожаловалась, что наши куры в последнее время почему-то плохо несутся.

— Выходит, у нас не так уж плохо с угощением на твой день рождения, — подытожила мисс Блэклок. — Мед, яйца, коробка прекрасных шоколадных конфет в подарок от Джулии…

— Хотелось бы мне знать, как она достает такой дефицит?

— Лучше не интересоваться. Скорее всего из-под полы.

— А ты мне подарила чудесную брошку! — Мисс Баннер с гордостью оглядела свою грудь,

на которой красовался маленький листочек с бриллиантиком.

— Нравится? Вот и хорошо. А я никогда не любила побрякушки…

— Я в полном восторге!

— Ну, и прекрасно. Давай теперь покормим уток.

— Ха! — трагически воскликнул Патрик, когда гости сели за стол. — Что я вижу? «Сладкая смерть»!

— Тс-с, — шикнула на него мисс Блэклок. — Не ровен час, Мици услышит! Она жутко злится, когда ты так называешь ее торт.

— Но это же воистину «Сладкая смерть»! Банни, это ваш именинный пирог?

— Да, — лучезарно улыбнулась Дора, — у меня сегодня великолепный день рождения.

Ее щеки ярко пылали с той самой минуты, когда полковник Истербрук вручил ей маленькую коробочку конфет и с поклоном провозгласил: «Сладкое — наисладчайшей!»

Джулия торопливо отвернулась, за что мисс Блэклок выразила ей взглядом неодобрение.

Собравшиеся воздали должное яствам и, отведав на десерт крекеров, поднялись из-за стола.

— Ох, тяжело, — пожаловалась Джулия. — А

все из-за торта. В прошлый раз была аналогичная история.

— Но торт того стоит, — утешил ее Патрик.

— Да, в тортах и пирожных иностранцы знают толк, — изрекла мисс Хинчклифф. — А вот простого пудинга приготовить не могут!

Все вежливо промолчали, хотя губы Патрика дрогнули, как будто его так и подмывало спросить, кто из присутствующих хотел бы сейчас отведать простого пудинга.

— Вы что, наняли нового садовника? — поинтересовалась мисс Хинчклифф у мисс Блэклок, когда они возвратились в гостиную.

— Нет, а почему вы решили?

— Да тут один мужик шнырял возле курятника. Вид у него, правда, был довольно приличный, выправка армейская.

— Ах, вы про этого! — воскликнула Джулия. — Это же наш сыщик.

Миссис Истербрук выронила сумочку:

— Сыщик?! Но… почему?

— Не знаю, — пожала плечами Джулия. — Он тут все время ходит кругами и следит за домом. Наверное, охраняет тетю Летти.

— Какая чушь! — возмутилась мисс Блэклок. — Я могу сама за себя постоять.

— Но ведь все давно кончено! — вскричала миссис Истербрук. — Я как раз хотела спросить, почему полиция не закрывает дело?

— Они не удовлетворены его исходом, — объяснил ее муж. — Вот почему.

— А чего им не хватает?

Полковник Истербрук многозначительно покачал головой, давая понять, что он мог бы поведать куда больше, если бы счел это необходимым. Эдмунд Светтенхэм, испытывавший антипатию к полковнику, заметил:

— Честно говоря, мы тут у них все под подозрением.

— Под подозрением? — ахнула миссис Истербрук.

— Не бери в голову, котеночек, — промурлыкал муж.

— Нас подозревают в том, что мы тут крутимся намеренно, — продолжал Эдмунд, — чтобы при первой возможности совершить убийство.

— Мистер Светтенхэм, умоляю, не надо! — вскричала Дора Баннер. — Я уверена, никто из вас не смог бы убить нашу дорогую, драгоценную Летти!

Все дружно смутились.

— Это шутка, — пробормотал Эдмунд.

Чтобы разрядить обстановку, Филиппа предложила послушать последние известия. Все горячо ее поддержали.

Патрик прошептал Джулии:

— Сюда бы еще миссис Хармон! Сейчас наверняка прозвучал бы ее звонкий голосок: «Но ведь кто-то все-таки ждет случая убить вас, мисс Блэклок?»

— Я рада, что они со старухой Марпл не пришли, — сказала Джулия. — Эта старая грымза везде сует свой нос. По-моему, она обожает копаться в грязном белье. Типичный образчик Викторианской эпохи.

Последние новости вызвали чинное обсуждение ужасов атомной войны. Полковник Истербрук заявил, что Россия представляет собой главную угрозу мировой цивилизации, а Эдмунд возразил, что у него есть несколько совершенно обворожительных русских друзей. Однако его заявление было принято весьма прохладно.

Затем все снова рассыпались в благодарностях хозяйке.

— Ну как, повеселилась, Банни? — спросила мисс Блэклок после ухода последнего гостя.

— О да! Но голова так болит! Наверно, от нервов.

— Скорее от торта, — поправил Дору Патрик. — Меня тоже подташнивает. А вы еще все утро лопали шоколад.

— Я, пожалуй, прилягу, — сказала мисс Баннер. — Выпью аспирин и попытаюсь уснуть.

— Хорошая мысль, — отозвалась мисс Блэклок.

Мисс Баннер отправилась наверх.

— Мне пойти закрыть уток, тетя Летти?

Мисс Блэклок строго посмотрела на Патрика:

— Если дашь честное слово, что хорошо запрешь дверь.

— Запру! Клянусь, что запру!

— Выпейте немножко шерри, тетя Летти, — посоветовала Джулия. — Как говаривала моя нянюшка: «Это утихомирит ваш желудок». Выражение жуткое, но сейчас очень уместное.

— Пожалуй, ты права. Честно говоря, я не привыкла к таким роскошным пиршествам… О, Банни, как ты меня напугала! Что случилось?

— Не могу найти аспирин, — безутешно сказала Банни.

— Он в моей спальне, возле кровати.

— И у меня на трюмо лежит аспирин, — сказала Филиппа.

— Спасибо… большое спасибо. Я возьму, если не найду свой. Но мой где-то здесь, я точно знаю.

Новый пузырек. Куда я его задевала?

— Да в ванной полным-полно пузырьков с аспирином! — нетерпеливо воскликнула Джулия. — Этот дом напичкан аспирином!

— Меня просто раздражает моя рассеянность, я все теряю, — пожаловалась мисс Баннер, поднимаясь обратно по лестнице.

— Бедная старушка Банни, — покачала головой Джулия, поднимая бокал. — Может, стоит дать ей капельку шерри?

— Нет, — покачала головой мисс Блэклок. — Она сегодня перевозбуждена, на нее спиртное не подействует. А назавтра будет худо… Но, по-моему, Банни от души повеселилась.

— Да, она была очень довольна, — кивнула Филиппа.

— Тогда давайте угостим Мици, — не унималась Джулия. — Эй, Патрик! — позвала она брата, услышав его шаги — Патрик вошел через черный ход. — Пригласи сюда Мици.

Мици привели, и Джулия налила ей шерри.

— За лучшего в мире повара! — сказал Патрик, поднимая бокал.

Мици была польщена, но решила, что надо возразить.

— О нет, нет! Я не повар. На родине я делать

умственный труд.

— Значит, ты даром теряла время, — заявил Патрик. — Какой умственный труд сравнится с тортом «Сладкая смерть»?

— О-о! Я говорить… мне не нравится…

— Мало ли что тебе не нравится, моя прелесть? — рассмеялся Патрик. — Я его так прозвал — и точка! Ладно, давайте выпьем за «Сладкую смерть» — и к черту последствия!

— Филиппа, дорогая, я хочу с тобой поговорить.

— Да, пожалуйста, мисс Блэклок… — с легким удивлением отозвалась Филиппа Хаймес.

— Ты ведь немножко расстроена, да?

— Я?

— Мне кажется, в последнее время у тебя расстроенный вид. Что-то случилось?

— Нет… ничего, мисс Блэклок. Что у меня может случиться?

— Не знаю… Я думала, может, вы с Патриком…

— С Патриком? — на этот раз Филиппа удивилась всерьез.

— Значит, нет. Извини, пожалуйста, что я вмешиваюсь… Но вы так часто бывали вместе… Видишь ли, хотя Патрик мне родня, я бы тебе не советовала… Не думаю, что из него получится

хороший муж. По крайней мере в обозримом будущем.

Лицо Филиппы окаменело.

— Я больше не выйду замуж.

— Выйдешь! Когда-нибудь выйдешь, дитя мое. Ты молода. Но не будем об этом. Значит, других поводов для огорчения у тебя нет? Денежных затруднений, например?

— Нет. Все нормально.

— Я знаю, тебя волнует дальнейшая учеба сынишки. Поэтому я решила тебе кое-что рассказать. Я сегодня была в Милчестере у мистера Беддингфелда, это мой адвокат. В последнее время все настолько шатко, что я решила составить новое завещание… на всякий случай! Кроме того, что завещано Банни, все остальное переходит к тебе, Филиппа.

— Что?! — вскинулась Филиппа. Казалось, она напугана до полусмерти и вот-вот упадет в обморок. — Не надо, я не хочу… Правда, не хочу… Что вы… И почему? Почему мне?

— Наверное, потому, — странным тоном произнесла мисс Блэклок, — что больше некому.

— Но ведь у вас есть Патрик и Джулия!

— Да, Патрик и Джулия. — В голосе мисс Блэклок продолжали звучать странные нотки.

— Они ваши родственники.

— Очень дальние. Они не вправе ничего от меня требовать.

— Но… я тоже не хочу… Не знаю, что вы думаете обо мне, но я не хочу…

Во взгляде ее читалась не благодарность, а скорее враждебность. И страх.

— Поверь, я знаю, что делаю, Филиппа. Я к тебе привязалась. И потом, у тебя ребенок. Если я умру сейчас, тебе достанется не так уж и много… но через несколько недель все переменится. — Мисс Блэклок посмотрела на Филиппу в упор.

— Но вы ведь не собираетесь умирать! — запротестовала Филиппа.

— Не собираюсь и не умру, если приму меры предосторожности.

— Меры предосторожности?

— Да. Подумай над этим… И больше не волнуйся.

Мисс Блэклок вышла из комнаты. В коридоре она о чем-то поговорила с Джулией — Филиппа слышала их голоса. Через несколько мгновений Джулия вошла в гостиную. Ее глаза холодно блестели.

— Сыграно просто идеально, Филиппа. Да, действительно, в тихом омуте… Теперь я вижу…

Темная ты лошадка, темная…

— Ты слышала…

— О да! Как, наверное, и было задумано.

— Не понимаю, о чем ты?

— Наша тетя Летти совсем не дура… Но тебе-то теперь не о чем волноваться, Филиппа. Ты неплохо устроилась…

— Джулия!.. Я не хотела… совсем не хотела…

— Врешь! Еще скажи, что ты презираешь деньги. Нет, голубушка, тебе деньги нужны, и даже очень! Но запомни: если кто-нибудь теперь укокошит тетю Летти, ты первая окажешься под подозрением.

— Но я не собираюсь этого делать! Тем более что это просто глупо — убивать ее сейчас, когда… стоит только подождать…

— Ах, вот как?! Значит, ты в курсе насчет этой старой миссис… как там ее… которая скоро загнется в Шотландии? Любопытно… Да, Филиппа, я чем дальше, тем больше убеждаюсь, что ты и впрямь темная лошадка.

— Я не хочу лишать вас с Патриком вашей доли!

— Неужели? Извини, дорогая, но я тебе не верю.

Глава 16
Возвращение инспектора Краддока

По пути домой инспектор Краддок очень плохо спал. Его мучили кошмары. Он все время бегал по серым коридорам старинного замка, тщетно пытаясь куда-то добраться и что-то предотвратить. Под конец ему приснилось, что он проснулся. У Краддока прямо гора с плеч свалилась. Но тут вдруг дверь его купе медленно распахнулась, и Летиция Блэклок, по лицу которой текла кровь, прошептала: «Почему вы не спасли меня? А могли бы, если бы постарались».

Тут уж он проснулся по-настоящему.

Так что Краддок был очень рад, когда наконец добрался до Милчестера. Он не откладывая явился к Райдесдейлу, который внимательно выслушал его рапорт.

— Мы тут тоже продвинулись вперед, правда ненамного, — сообщил Райдесдейл. — Но главное, что Белль Гедлер подтвердила слова мисс Блэклок. Итак, Пип и Эмма… Любопытно.

— Патрик и Джулия Симмонс того же возраста, сэр. Если бы выяснилось, что мисс Блэклок не

видела их с тех пор, когда они были маленькими детьми…

— Наша союзница мисс Марпл уже установила сей факт, — усмехнулся Райдесдейл. — Мисс Блэклок вообще впервые увидела племянников два месяца назад.

— Тогда, сэр, они наверняка…

— Увы, все далеко не так просто, Краддок. Мы проверяли. Их, судя по всему, придется исключить. Патрик служил во флоте. Характеристика, которую на него прислали, безусловно, подлинная… И, кстати, вполне приличная: единственный недостаток, на который там указывается, — это «тенденция к неповиновению». Мы снеслись с Каннами, и разгневанная миссис Симмонс ответила, что, естественно, ее дети сейчас гостят в Чиппинг-Клеорне у своей родственницы Летиции Блэклок. Такая вот петрушка!

— А миссис Симмонс, она настоящая?

— По крайней мере эта дама была миссис Симмонс много лет подряд. Больше я пока ничего не могу вам сказать, — сухо ответил Райдесдейл.

— Что ж, ответ вполне определенный. Хотя… Джулия с Патриком — такие подходящие кандидатуры! И возраст… и то, что мисс Блэклок их никогда раньше не видела. Лучших Пипа и Эмму

не сыскать.

Начальник полиции задумчиво кивнул. Потом пододвинул к Краддоку бумагу:

— Вот, ознакомьтесь, мы тут кое-что раскопали насчет миссис Истербрук.

Брови инспектора поползли вверх.

— Любопытно! Ловко же она обвела старого дурака вокруг пальца! Но, насколько я понимаю, с нашим делом это не связано.

— Очевидно, нет.

— А вот сведения относительно миссис Хаймес…

Брови Краддока снова взметнулись вверх.

— Пожалуй, мне стоит еще разок побеседовать с юной леди, — сказал он.

— Вы считаете, тут есть связь?

— Вполне вероятно. Хотя, конечно, косвенная.

Они помолчали.

— А как Флетчер справляется со своими обязанностями?

— Сержант проявил необычайную расторопность. С разрешения мисс Блэклок он ежедневно прочесывал территорию вокруг дома, но не нашел ничего существенного. Затем стал проверять, кто имел возможность смазать дверь. Он решил выяснить, кто остается дома в отсутствие

служанки. Это оказалось проще, чем мы думали: оказывается, эта беженка почти каждый день идет проветриться и выпить чашечку кофе в «Синей птице». Так что когда мисс Блэклок и мисс Баннер нет дома — а это тоже бывает почти ежедневно, поскольку они ходят собирать ежевику, — путь совершенно свободен.

— Хозяева что, оставляют двери открытыми?

— Раньше оставляли. Сейчас, думаю, нет.

— И что в конечном итоге выяснил Флетчер? Кто бывает в доме в отсутствие хозяев?

— Практически все. — Райдесдейл кивнул на листок бумаги, лежавший перед ним на столе: — Мисс Мергатройд была там с курицей, чтобы посадить ее на яйца. Звучит сложно, но это ее доподлинные слова. Она ужасно волновалась и все время сама себе противоречила, но Флетчер считает, что волнение — еще не доказательство вины.

— Возможно, — допустил Краддок. — Она всегда квохчет.

— Миссис Светтенхэм приходила забрать конину, которую мисс Блэклок оставила для нее на кухонном столе, потому что мисс Блэклок ездила на машине в Милчестер, а когда она ездит на машине в Милчестер, она всегда привозит

конину для миссис Светтенхэм. Как по-вашему, это правдоподобно звучит?

Краддок немного поразмыслил.

— А почему мисс Блэклок не завезла миссис Светтенхэм конину на обратном пути из Милчестера?

— Не знаю почему, но факт тот, что она этого не сделала. Миссис Светтенхэм говорит, что мисс Блэклок всегда оставляет конину на кухонном столе, а миссис Светтенхэм удобнее забирать ее, когда Мици нет дома, потому что Мици иногда ей хамит.

— Звучит вроде логично. Кто там у нас следующий?

— Мисс Хинчклифф. Она утверждает, что в последнее время не заглядывала в «Литлл-Пэддокс». Однако это неправда. Мици видела, как она выходила через черный ход. То же самое засвидетельствовала и миссис Батт. Тогда мисс Хинчклифф дала обратный ход: дескать, может, она и забегала, но не припоминает. А зачем забегала, вообще не помнит — хоть убей. Наверное, просто так.

— Странно.

— Но вполне в ее стиле. Дальше у нас на очереди миссис Истербрук. Она выгуливала своих

драгоценных собачек и по дороге заглянула, чтобы попросить у мисс Блэклок выкройку, но хозяйки не оказалось дома. Миссис Истербрук говорит, что немного ее подождала.

— Ага. А тем временем могла разведать обстановку. Или смазать дверь. А что полковник?

— Занес как-то книгу про Индию, мисс Блэклок изъявила желание ее прочесть.

— Правда?

— По ее словам, она пыталась отбрыкаться, но у нее ничего не вышло.

— Да уж, — вздохнул Краддок. — Если кто-нибудь решит всучить тебе книгу, отбрыкаться бывает трудно.

— Был ли там Эдмунд Светтенхэм, мы не знаем. Он вообще личность загадочная. Говорит, что порой заглядывал туда, разыскивая мать, но в последнее время, кажется, не заходил.

— Всего этого действительно недостаточно, чтобы делать выводы.

— Да.

— Мисс Марпл тоже проявила активность, — продолжил с легкой ухмылкой Райдесдейл. — По донесению Флетчера, когда она пила кофе в «Синей птице», ее приглашали на шерри в «Боулдерс» и на чай в «Литтл-Пэддокс». Еще старушка вос-

торгалась садиком миссис Светтенхэм и заходила поглазеть на индийские диковинки полковника Истербрука.

— Может, хотя бы мисс Марпл развеет наши сомнения относительно того, настоящий он полковник или ненастоящий?

— Если бы был ненастоящий, она бы уже сказала… Думаю, с ним все в порядке. Хотя все равно придется снестись с Востоком, чтобы в этом удостовериться.

— Ну, хорошо… И все-таки, пока тянется следствие, может, мисс Блэклок согласится уехать?

— Из Чиппинг-Клеорна?

— Да. Прихватила бы с собой верную Банни и отбыла в неизвестном направлении… Почему бы ей, например, не прокатиться в Шотландию, не погостить немного у Белль Гедлер? Там она будет в полной безопасности.

— Предлагаете поселиться у Белль и ожидать ее смерти? Вряд ли Летиция Блэклок пойдет на такой шаг. Какой женщине понравится подобное предложение? Только какому-нибудь бессердечному чудовищу…

— Но тем самым мисс Блэклок спасет свою жизнь.

— Да полно вам, Краддок. Убить человека вовсе

не так легко, как вам кажется.

— Неужели, сэр?

— Нет, конечно, теоретически это несложно. Есть тысяча разных способов. Например, ядохимикаты. Или можно огреть ее чем-нибудь тяжелым, когда она пойдет закрывать на ночь кур, или выстрелить из-за изгороди. Да мало ли что можно изобрести! Однако убить так, чтобы на тебя не пало подозрение, совсем не просто. А наши голубчики прекрасно понимают, что они под подозрением. Оригинальный, тщательно продуманный план провалился. Неизвестному убийце придется изобретать что-то новое.

— Вы правы, сэр, но нельзя сбрасывать со счетов и временной фактор. Миссис Гедлер при смерти. Она может скончаться в любой момент. А значит, убийца не может медлить.

— Верно.

— И еще одно, сэр. Он… или она прекрасно понимают, что мы тщательно проверяем каждого.

— И что это отнимает уйму времени, — вздохнул Райдесдейл. — Связываться с Индией так долго и хлопотно…

— Вот вам и еще одно основание для спешки. Сэр, опасность весьма реальна, поверьте! На карту поставлены огромные деньги. Если Белль

Гедлер умрет…

Краддок осекся, потому что в кабинет вошел полицейский.

— Констебль Легг из Чиппинг-Клеорна на проводе, сэр.

— Давайте его сюда.

Наблюдая за шефом полиции, инспектор увидел, что лицо Райдесдейла вдруг посуровело и окаменело.

— Ладно! — рявкнул в трубку Райдесдейл. — Инспектор Краддок сейчас выезжает!

— Неужели? — Краддок запнулся.

Райдесдейл покачал головой.

— Нет. Это Дора Баннер, — сказал он. — Хотела выпить аспирина и, очевидно, взяла пузырек, стоявший возле постели Летиции Блэклок. В нем оставалось всего несколько таблеток. Мисс Баннер две взяла, а третью оставила. Врач отправил оставшуюся таблетку на экспертизу. Есть предположение, что это вовсе не аспирин.

— Она мертва?

— Ее труп обнаружили сегодня утром. Умерла во сне. Врач говорит, это не естественная смерть, хотя здоровье мисс Баннер было в плохом состоянии. Он подозревает отравление наркотиками. Вскрытие назначено на сегодняшний день.

— Таблетки аспирина у постели Летиции Блэклок… Умен дьявол… очень умен! Патрик рассказывал, что мисс Блэклок выбросила початую бутылку шерри и откупорила новую. Вряд ли ей бы пришло в голову сделать то же самое с аспирином. Кто был в «Литтл-Пэддоксе» вчера и позавчера? Таблетки не могли храниться дольше.

Во взгляде Райдесдейла сквозило уныние.

— Вчера там, — сказал он, — была вся компания. Мисс Баннер праздновала свой день рождения. Любой из присутствующих мог прокрасться наверх и совершить подлог. Ну и, конечно, то же самое мог проделать любой из домочадцев в любое удобное ему время.

Глава 17
Альбом

Уже на выходе из дома священника тепло одетая мисс Марпл взяла у Банч записку.

— Передайте мисс Блэклок, — попросила Банч, — что Джулиан выражает ей свои соболезнования. Он страшно жалел, но прийти никак не мог. У него прихожанин помирает в Лоук-Хэмлете. Если мисс Блэклок не против, Джулиан подойдет после обеда. В записке говорится о подготовке к похоронам. Раз допрос свидетелей назначили на вторник, Джулиан предлагает перенести похороны на среду. Бедная старушка Банни!.. Но вообще-то это на нее так похоже: отравиться аспирином, предназначавшимся для другого человека!.. До свидания, тетечка! Ничего, если вы пройдетесь пешком? Надеюсь, прогулка вас не очень утомит. А мне обязательно нужно отвезти ребенка в больницу.

Мисс Марпл сказала, что прогулка ее не очень утомит, и Банч умчалась.

Дожидаясь мисс Блэклок, мисс Марпл оглядывала гостиную. Все-таки интересно, что имела в

виду Дора Баннер, когда сказала в «Синей птице», что, желая выключить свет, Патрик «орудовал лампой»? Какой такой лампой? И как он мог ею «орудовать»?

Вероятно, Дора подразумевала небольшую лампу, стоявшую на столике возле прохода под аркой. Да-да, она еще упоминала про пастушка с пастушкой, а этот светильник тончайшего дрезденского фарфора был сделан в виде пастуха в голубом кафтане и розовых штанах. В руках пастушок держал подсвечник. Впоследствии из канделябра сделали электрическую лампу. Под большим абажуром из однотонного пергамента фарфоровую фигурку было почти не разглядеть. Что еще говорила Дора Баннер? «Там стояла пастушка, я точно помню. А назавтра…» Да, теперь это явно был пастух.

Мисс Марпл вспомнила, что, когда они с Банч приходили на чай, Дора Баннер обмолвилась, что лампа парная. И это вполне естественно: раз есть пастух, значит, должна быть и пастушка. И в день налета на столе стояла пастушка… а наутро появилась другая лампа — та, что стояла тут до сих пор. За ночь ее успели подменить. И у Доры Баннер были основания считать, что это сделал Патрик.

Но зачем? А затем, что, если бы полиция осмотрела ту лампу, она сразу бы обнаружила, каким образом преступнику удалось выключить свет. Мисс Марпл внимательно оглядела пастушка. Шнур тянулся через стол к розетке. На середине шнура был маленький грушеобразный выключатель. Мисс Марпл это ни о чем не говорило, поскольку в электричестве она разбиралась слабо.

«Где же пастушка? — гадала она. — В нежилой комнате или на свалке… а может, там, где Дора Баннер наткнулась на Патрика, когда он держал в руках перышко и баночку из-под масла? В кустах?»

Мисс Марпл решила высказать свои соображения инспектору Краддоку.

Поначалу мисс Блэклок скоропалительно сделала вывод, что объявление — проделка Патрика. Интуитивные предположения часто оказывались самыми правильными. Мисс Марпл, во всяком случае, в это верила. Когда человека знаешь, интуитивно чувствуешь, на что он способен.

Красавец. Обаятельный. Любимец женщин, и молодых и старых. Наверное, за такого же выскочила в свое время сестра Рэнделла Гедлера. А что, если Патрик Симмонс — это Пип? Но в войну

Патрик был во флоте, и полиция легко может это проверить. Только вот… порой бывают самые невероятные перевоплощения. Стоит только набраться нахальства — и ты горы свернешь.

Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Блэклок. Сейчас она выглядела гораздо старше своих лет. Куда подевались ее жизненная сила и энергия?

— Ради бога, извините за беспокойство, — сказала мисс Марпл, — но у пастора умирает прихожанин, а Банч срочно нужно отвезти ребенка в больницу. Пастор передал вам записку.

Она протянула бумажку мисс Блэклок.

— Присаживайтесь, мисс Марпл. Спасибо, что принесли, вы очень любезны.

Мисс Блэклок внимательно прочла, что написал Джулиан Хармон.

— Пастор — чуткий человек. Он не выражает бессмысленных соболезнований… Пожалуйста, передайте ему, что его помощь нам очень пригодится. Ее любимый… ее любимый псалом был…

Голос мисс Блэклок прервался. Мисс Марпл мягко произнесла:

— Я, конечно, человек посторонний, но поверьте, мне тоже очень, очень жаль!

И тут Летиция Блэклок не удержалась и зарыда-

ла. Ее плач был детски-жалобным, в нем звучали безутешное горе и странная обреченность. Мисс Марпл замерла, затаив дыхание. Наконец мисс Блэклок выпрямилась. Лицо ее опухло и пошло пятнами от слез.

— Извините, — сдавленным шепотом сказала она, — на меня просто что-то нашло. Это очень большая утрата. Понимаете, она… она была единственной ниточкой, связывавшей меня с прошлым. Единственной, кто… помнил. Теперь ее нет, я осталась совсем одна.

— О да, я вас понимаю! — кивнула мисс Марпл. — Когда уходит последний, кто помнил тебя в молодости, ты остаешься одинок. У меня тоже есть и племянники, и близкие друзья, но никто из них не помнит меня молодой. А тех, кто помнил, уже нет в живых. Я давно одинока.

Они немного посидели молча.

— Да, вы все понимаете правильно, — вздохнула Летиция Блэклок.

Она поднялась и подошла к письменному столу.

— Сейчас черкну несколько строк пастору.

Летиция взяла ручку негнущимися пальцами и начала медленно выводить каждую букву.

— Совсем артрит замучил, — объяснила она

мисс Марпл. — Бывает, вообще не могу написать ни слова. — Мисс Блэклок заклеила конверт и надписала его. — Если вам не трудно, захватите его с собой.

Неожиданно из коридора донесся мужской голос.

— Это инспектор Краддок, — заволновалась мисс Блэклок.

Она кинулась к зеркалу, висевшему над камином, и торопливо припудрила лицо.

Мрачный и злой Краддок неодобрительно глянул на мисс Марпл:

— И вы здесь!

Стоявшая у камина мисс Блэклок обернулась:

— Мисс Марпл любезно принесла мне записку от пастора.

— Ухожу… я уже ухожу, — засуетилась мисс Марпл. — Не буду вам мешать.

— Вы вчера тут были?

Мисс Марпл нервно сказала:

— Нет, мы с Банч ездили в гости к друзьям.

— Тогда вам нечего мне сообщить.

Краддок недружелюбно распахнул дверь, и мисс Марпл смущенно покинула гостиную.

— Эти старухи везде суют свой любопытный нос, — проворчал инспектор.

— Мне кажется, вы к ней несправедливы, — возразила мисс Блэклок. — Она действительно пришла с запиской от пастора.

— Разумеется! Как же иначе?

— Не думаю, что это праздное любопытство.

— Может, вы и правы, мисс Блэклок, однако мой вам совет: будьте пожестче с теми, кто лезет в чужие дела.

— Да она совершенно безобидная старушка! — воскликнула мисс Блэклок.

«Знала бы ты!.. Эта „безобидная старушка“ опаснее гремучей змеи», — подумал инспектор. Но откровенничать ни с кем не собирался. Убийца поблизости, и чем меньше будет лишней болтовни — тем лучше. А то как бы следующей жертвой не оказалась сама Джейн Марпл.

Убийца где-то здесь, рядом… Но где?

— Не буду тратить время на выражение соболезнований, мисс Блэклок, — сказал инспектор. — Хотя, конечно, мне очень жаль, что мисс Баннер умерла. Мы обязаны были предотвратить ее смерть.

— Как? Не представляю себе…

— Задача, конечно, была не из легких. Но сейчас следует не рассуждать, а действовать, и притом без промедления. Кого вы подозреваете, мисс

Блэклок? Кто дважды покушался на вашу жизнь и вполне может попытаться сделать то же самое и в третий раз, если мы ему не помешаем?

Мисс Блэклок поежилась:

— Не знаю, инспектор… честное слово, не знаю!

— Я был у мисс Гедлер. Она помогла мне по мере сил. Толку, правда, от этого мало. Короче говоря, ваша смерть была бы выгодна нескольким людям. Прежде всего Пипу и Эмме. Патрик и Джулия Симмонс примерно того же возраста, но с ними все более или менее ясно. Однако ограничиваться только ими нельзя. Скажите, пожалуйста, мисс Блэклок, вы бы узнали сейчас Соню Гедлер, если бы увидели ее?

— Соню? Конечно… — Летиция задумалась. — Хотя нет… наверное, нет. Слишком много лет прошло. Целых тридцать! Сейчас Соня — уже пожилая женщина.

— А какой вы ее помните?

Мисс Блэклок немного подумала.

— Она была небольшого роста, смуглой, темноволосой.

— А какие-то особые приметы были?

— Да нет, она ничем особо не выделялась. Разве что была очень веселой… любила смеяться…

— За прошедшие тридцать лет она могла и отсмеяться, — хмыкнул инспектор. — А фотографий у вас нет?

— Сониных? Погодите, дайте подумать. Нет, отдельных нет. Были какие-то общие снимки… в альбоме… Наверное, там есть и Соня.

— Можно взглянуть?

— Конечно. Только надо вспомнить, куда я подевала альбом…

— Мисс Блэклок… а может так оказаться… хотя бы теоретически… что миссис Светтенхэм — это Соня Гедлер?

— Миссис Светтенхэм?! — Мисс Блэклок оторопела. — Но ведь ее муж состоял на государственной службе в Индии, а потом в Гонконге!

— Но это вы знаете только по ее рассказам, не так ли?

— Так, — с запинкой произнесла мисс Блэклок. — В принципе да… Но неужели вы думаете, что миссис Светтенхэм?… О господи, какой вздор!..

— А Соня Гедлер никогда не пыталась играть на сцене? В каких-нибудь любительских спектаклях?

— Как не пыталась? Пыталась. И у нее, между прочим, выходило очень даже недурно.

— Видите? И еще одно настораживающее обстоятельство: миссис Светтенхэм носит парик. По крайней мере, — поправился инспектор, — так утверждает миссис Хармон.

— Да-да, мне тоже казалось… Ее пепельные кудряшки выглядят как-то ненатурально. Но все равно это вздор! Миссис Светтенхэм– очень приятная женщина, с ней порой бывает даже забавно.

— Еще есть мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Как по-вашему, одна из них может оказаться Соней Гедлер?

— Мисс Хинчклифф чересчур высокая. Она ростом со среднего мужчину.

— А мисс Мергатройд?

— Ну, что вы! Я уверена, что мисс Мергатройд не имеет к Соне никакого отношения!

— Но вы же не очень хорошо видите, мисс Блэклок…

— Да, у меня близорукость. Вы на это намекаете?

— Совершенно верно… А теперь давайте все-таки взглянем на фотографию Сони Гедлер. Пусть прошло много лет, пусть даже она сейчас мало похожа. У нас профессиональный взгляд, мы умеем находить сходство там, где непрофессионал

его никогда в жизни не заметит.

— Я постараюсь найти альбом.

— Пожалуйста, поищите его сейчас.

— Как, прямо сию минуту?

— Я был бы вам крайне признателен.

— Ну, хорошо… Дайте подумать… Помнится, я его видела, когда мы наводили порядок в книжных шкафах. Мне тогда помогала Джулия… Она еще потешалась над платьями тех времен… Мы поставили книги на полку в гостиной. А куда дели альбомы и большую подшивку «Арт джорнал»? Ох, совсем память дырявая стала! Может, Джулия помнит? Она сегодня дома.

— Пойду поищу ее, — сказал инспектор и отправился за Джулией.

Внизу девушки не оказалось. Он спросил у Мици, не видела ли она мисс Симмонс, и Мици сердито отрезала, что это не ее забота.

— Я на кухня занимаюсь обед. Я ничего не кушать, кроме то, что сама готовить. Вы слышите, ничего!

Стоя под лестницей, инспектор крикнул: «Мисс Симмонс!» И, не услышав ответа, пошел наверх.

Столкнулись они неожиданно. Джулия выходила из двери, за которой в глубине виднелась спиральная лесенка.

— Я была на чердаке, — сказала она. — Что случилось?

Инспектор Краддок объяснил.

— А, вы имеете в виду старые альбомы с фотографиями? Да, я прекрасно помню. Мы поставили их в большой шкаф в кабинете. Сейчас поищу.

Джулия спустилась на первый этаж и отворила дверь в кабинет. У окна стоял большой шкаф. Джулия открыла дверцу и выгребла кучу всякой всячины.

— Сколько же тут хлама! Старики никогда ничего не выбрасывают…

Инспектор присел на корточки и взял с нижней полки пару старинных альбомов.

— Эти?

— Да.

Мисс Блэклок тоже вошла в кабинет.

— Ах, вот куда мы их запихнули! А я не могла припомнить.

Краддок положил альбомы на стол и принялся перелистывать. Женщины в шляпах с большими прямыми полями, в юбках, суживавшихся книзу настолько, что трудно было ходить. Под снимками стояли аккуратные подписи, но чернила давно выцвели и были еле видны.

— Должно быть тут, — сказала мисс Блэклок. —

Или на второй странице… А может, на третьей? Другой альбом появился позже, Соня уже вышла замуж и уехала, — она перевернула страницу. — Вот зде…

Она осеклась.

На странице было несколько пустых мест. Краддок склонился пониже, пытаясь разобрать размытую подпись: «Соня… я… Р.Г.» Чуть дальше было написано: «Соня и Белль на пляже». А на противоположном листе: «Пикник в Скейне».

Мисс Блэклок заглянула на следующую страницу. «Шарлотта, я, Соня, Р.Г.»

Краддок встал. Губы его сжались.

— Кто-то отклеил фотографии. И, по-моему, не так давно.

— Когда мы с вами смотрели альбом, фотографии были на месте. Правда, Джулия?

— Я смотрела не очень внимательно, меня в основном интересовали платья. Но похоже, вы правы, тетя Летти, пустых мест в альбоме не было.

Краддок посуровел еще больше.

— Кто-то, — сказал он, — изъял из альбома все фотокарточки Сони Гедлер.

Глава 18
Письма

— Простите, что снова вас беспокою, миссис Хаймес… — произнес Краддок.

— Ничего страшного, — процедила Филиппа.

— Может, лучше пройти в ту комнату?

— Куда? В кабинет? Но там страшный холод. В той комнате нет камина.

— Неважно. Я вас надолго не задержу. И потом, нас там вряд ли смогут подслушать.

— А что, разговор такой важный?

— Не для меня, миссис Хаймес. Для вас.

— Что вы имеете в виду?

— Вы утверждали, что вашего мужа убили на войне в Италии?

— Да. И что?

— А не проще ли было признаться, что он дезертировал?

Филиппа побледнела и стиснула руки:

— Вы до всего докапываетесь, да?

В голосе ее звучала горечь.

— Мы ждем от людей правды, — сухо ответил Краддок.

Она немного помолчала. Потом повторила:

— И что?

— Я вас не понимаю, миссис Хаймес.

— Что вы намерены делать? Растрезвоните на всех углах? Вам это нужно? Зачем? Во имя восстановления справедливости? Или из милосердия?

— А разве никто не знает?

— Здесь — никто. Гарри, — ее голос дрогнул, — мой сын тоже ни о чем не подозревает. И я не хочу, чтобы он знал!

— Позвольте вам заметить, миссис Хаймес, что вы поступаете неблагоразумно. Когда мальчик подрастет, по-моему, лучше сказать ему правду. Если он узнает от кого-то другого, ему будет еще тяжелее. Или вы всю жизнь собираетесь морочить ему голову, рассказывая сказки про отца, павшего смертью храбрых?

— Я не рассказываю. Неужели вы считаете меня законченной лгуньей?! Нет, мы с сыном вообще не говорим на эту тему. Его отец был… убит на войне. В конце концов, какая нам разница?!

— Но ваш муж жив?

— Может быть. Откуда мне знать?

— Когда вы его видели в последний раз, миссис Хаймес?

— Мы не виделись много лет, — поспешно от-

ветила Филиппа.

— Точно? А может, все-таки виделись… недели две тому назад?

— На что вы намекаете?

— Я не поверил, что вы встречались в оранжерее с Руди Шерцем. Но показания Мици довольно убедительны. Поэтому напрашивается вывод, что мужчина, ради которого вы в то утро отпросились с работы, — это ваш муж.

— Я ни с кем не встречалась!

— Наверное, ему нужны были деньги и вы ему дали?

— Говорю вам, я с ним не виделась! И ни с кем в оранжерее не встречалась!

— Среди дезертиров частенько попадаются отъявленные головорезы. Они и ограбить могут, и налет совершить. И нередко у них есть пистолеты, привезенные из-за границы.

— Я понятия не имею, где сейчас мой муж. Мы не виделись много лет.

— Это ваше последнее слово, миссис Хаймес?

— Да, больше мне нечего вам сказать.

Краддок ушел от Филиппы злой и растерянный.

— Вот упрямая ослица! — сердито бурчал он себе под нос.

Он не сомневался, что Филиппа лгала, но переупрямить ее ему не удалось.

Разузнать бы побольше о бывшем капитане Хаймесе! Но сведений было — кот наплакал. Послужной список Хаймеса был плохим, но нельзя же на этом основании считать его преступником!

И уж во всяком случае, Хаймес никак не мог смазать дверь. Это сделал либо кто-то из домочадцев, либо человек посторонний, но тот, кто запросто вхож в «Литтл-Пэддокс».

Краддок в раздумье поглядел на лестницу, и вдруг ему стало интересно, что делала на чердаке Джулия. «Вообще-то чердак, — подумал он, — весьма неподходящее место для такой привереды. Зачем она туда полезла?»

Краддок быстро спустился на первый этаж. Вокруг не было ни души. Он открыл дверь, из которой вышла Джулия, и поднялся по узкой спиральной лестнице.

На чердаке стояли кованые сундуки, старые чемоданы, какая-то мебельная рухлядь… Стул со сломанной ножкой, разбитая фарфоровая лампа, разрозненные столовые сервизы. Краддок подошел к сундуку, открыл крышку. Одежда… Старомодные добротные женские платья. На-

верно, их носили мисс Блэклок и ее покойная сестра.

Он заглянул в другой сундук. Шторы. Взял в руки кожаный портфель. Там хранились бумаги и письма. Старые письма, пожелтевшие от времени. На портфеле были вытеснены инициалы «ШЛБ». Судя по всему, он принадлежал Шарлотте, сестре Летиции. Краддок развернул взятое наугад письмо. Оно начиналось так:

«Дорогая Шарлотта!

Вчера Белль чувствовала себя лучше и смогла отправиться на пикник. Рэнделл Гедлер тоже устроил себе выходной. С созданием предприятия в Эсвогеле все отлично. Льготные акции выше нормы».

Пропустив все остальное, инспектор посмотрел на подпись: «Твоя любящая сестра Летиция».

Он взял другое письмо.

> «Милая Шарлотта!
>
> Я хочу, чтобы ты хоть иногда общалась с людьми. Знаешь, ты все преувеличиваешь. На такие недостатки, как у тебя, люди вообще не обращают внимания. Ты напрасно считаешь это уродством».

Краддок вспомнил, что Белль Гедлер тоже

упоминала про какое-то уродство Шарлотты Блэклок. Да, она сказала, что из-за этого Летиции пришлось бросить работу и ухаживать за сестрой. Письма дышали нежностью и любовью к несчастной калеке. Летиция пространно описывала свою повседневную жизнь, рассказывала подробности, которые, по ее мнению, могли заинтересовать сестру. И Шарлотта тщательно хранила ее письма. А вдруг среди них окажутся и старые фотографии?

Краддок внезапно разволновался. Что, если разгадка таится именно здесь? Может, в письмах есть нечто, о чем сама Летиция Блэклок давно позабыла? Ведь письма — это беспристрастная картина прошлого, в них может оказаться ключ к разгадке тайны. Вдруг ему удастся с их помощью напасть на след убийцы? И… найти фотографии Сони Гедлер, о которых не знает тот, кто вынул их из альбома?

Инспектор Краддок аккуратно сложил письма, закрыл чемоданчик и пошел вниз.

Стоявшая внизу Летиция Блэклок воззрилась на него в полном изумлении.

— Так это вы были на чердаке? А я слышала шаги и не понимала, кто…

— Мисс Блэклок, я нашел на чердаке письма.

Вы писали их Шарлотте много лет назад. Можно их взять?

Мисс Блэклок даже побагровела от возмущения:

— Взять? Но зачем? Какой вам от этого прок?

— Там могут быть снимки Сони Гедлер или описание ее характера, какие-нибудь намеки, эпизоды, которые помогут следствию.

— Но это частная переписка, инспектор!

— Знаю.

— А впрочем, вы все равно заберете… Наверно, у вас есть соответствующие полномочия. А если и нет, вы легко их получите. Ладно, берите! Забирайте! Но о Соне там почти ничего нет. Она вышла замуж и уехала всего через два года после того, как я начала работать у Рэнделла Гедлера.

— А вдруг? — упрямо повторил Краддок. — Вдруг что-нибудь есть? Надо попробовать. Уверяю вас, опасность очень реальна.

— Знаю. — Летиция закусила губу. — Банни умерла оттого, что приняла таблетку, предназначавшуюся для меня. Следующей жертвой могут оказаться Патрик или Джулия, Филиппа или Мици, а ведь у них вся жизнь впереди. Они выпьют бокал вина, налитый для меня, или съедят шоколад, посланный мне в подарок. Да,

забирайте письма! Прочтите их, а потом можете сжечь. Они представляли интерес лишь для меня и Шарлотты. Все давно кончено… ушло, кануло в Лету. Никто этого уже не помнит.

Она поднесла руку к ожерелью из фальшивого жемчуга. Краддок подумал, что оно совершенно не вязалось с твидовым пиджаком и юбкой.

— Забирайте письма, — снова сказала Летиция.

На следующий день инспектор зашел к священнику. День выдался пасмурный и ветреный.

Мисс Марпл вязала, придвинув кресло к камину. Банч ползала по полу, занимаясь кройкой материала. Сев, она откинула упавшие на глаза пряди волос и выжидательно посмотрела на инспектора.

— Может, я и нарушаю устав, — сказал Краддок мисс Марпл, — но мне хотелось показать вам это письмо.

Он рассказал, как нашел письма на чердаке.

— Письма очень трогательные. Чувствуется, что мисс Блэклок изо всех сил старалась поддержать в сестре интерес к жизни и поправить ее здоровье. В письмах ясно видна и личность старого отца, доктора Блэклока. Это был настоящий мракобес, убежденный в том, что каждое

его слово — истина в последней инстанции. Наверное, из-за своего упрямства он уморил не одну тысячу пациентов. Старик терпеть не мог новых веяний и не признавал никаких новых методов лечения.

— Я лично за это на него не в претензии, — усмехнулась мисс Марпл. — На мой взгляд, молодые врачи чересчур увлекаются экспериментами. Вырвут тебе все зубы, исследуют сотню разных желез, удалят добрую половину внутренностей, а потом разведут руками и заявят — медицина бессильна. По мне, лучше старые, испытанные средства. Их, в конце концов, можно выбросить в мусорное ведро.

Она взяла письмо, протянутое ей Краддоком. Он сказал:

— Прочтите. Вы лучше понимаете то поколение. Я просто не представляю, как они мыслили, те люди.

Мисс Марпл развернула ломкую бумагу.

«Милая Шарлотта!

Я не писала тебе целых два дня, потому что тут у нас масса сложностей. Соня, сестра Рэнделла (помнишь ее? Она еще заезжала за тобой на машине. Как бы я

хотела, чтобы ты побольше бывала на людях!), так вот, Соня объявила о своем намерении выйти замуж за Дмитрия Стэмфордиса. Я видела его только один раз. Он импозантный мужчина, но доверия не внушает. Рэнделл Гедлер его терпеть не может, говорит, что он плут и мошенник. Белль (господь с ней!) целый день валяется на диване с безмятежной улыбкой. Соня только внешне кажется бесстрастной, на самом деле темперамент у нее бешеный. Они с Рэнделлом Г. на ножах, вчера я даже боялась, что она его пришибет! Я делаю, что могу: переговорила и с Соней, и с Р.Г. Вроде бы убедила собраться вместе и спокойно все обсудить. Они пришли, и все началось сызнова! Ты даже не представляешь себе, как это меня утомляет. Р.Г. все выяснил. Похоже, Стэмфордис и впрямь не подарок.

Делами сейчас никто, кроме меня, не занимается. Все лежит на мне, и в каком-то смысле это даже неплохо, потому что Р.Г. дал мне свободу действий. Вчера он сказал: «Слава богу, среди нас есть хоть один нормальный человек! Блэки, ты

ведь никогда не влюбилась бы в мошенника?» Я ответила, что вообще вряд ли способна влюбиться. Р.Г. сказал: «А давай затеем еще одну игру». Однако подчас он так жутко рискует, что ходит по лезвию бритвы. «Ты твердо решила не дать мне сбиться с пути истинного?» – спросил он меня однажды. А ведь это правда! Я действительно не даю ему сбиться с пути. Мне просто непонятно, как это люди не видят, что честно, а что – нет. Но Р.Г. совершенно искренне не видит. У него одна мерка: это законно, а это – незаконно. Белль же над всем смеется. Она считает, что страсти вокруг Сониного замужества сильно раздуты. «У Сони есть деньги, – говорит Белль, – почему бы ей не выйти за кого она хочет?» Я сказала, что это может оказаться роковой, непоправимой ошибкой, а Белль возразила: «Если выходишь по любви, это не может оказаться ошибкой… даже если потом будешь раскаиваться». И добавила: «По-моему, Соня только из-за денег не хочет порвать с Рэнделлом. Соня очень любит деньги».

Ну, вот и все на сегодня. Как там папа?

Я не прошу тебя передать ему привет, но если ты сочтешь нужным, можешь передать. Не стала ли ты чаще появляться на людях? Послушай меня, голубушка, нельзя быть такой затворницей!

Соня шлет тебе привет. Она только что была у меня в комнате. Знаешь, когда Соня в ярости, она похожа на кошку, выпускающую когти. Наверное, они с Р.Г. снова поругались. Вообще-то Соня подчас бывает невыносимой. Не знаешь, куда деваться под ее холодным пристальным взглядом.

Тысячу поцелуев, моя дорогая! Не унывай. Курс лечения йодом может дать значительное улучшение. Я выясняла, говорят, это лекарство очень эффективно.

Твоя любящая сестра Летиция».

Сложив письмо, мисс Марпл отдала его Краддоку и задумалась.

— Ну? Что вы о ней скажете? — допытывался инспектор. — Какое у вас впечатление?

— О ком? О Соне? Но ведь по чужим словам о человеке судить трудно… Она самостоятельна… по-моему, это главное. И ей хотелось взять от

жизни все самое лучшее.

— Когда Соня впадала в ярость, она становилась похожа на кошку, выпускающую когти, — прошептал Краддок. — Мне это кого-то напоминает.

Он нахмурился.

— Я выясняла, — пробормотала мисс Марпл.

— Нам бы выяснить, что надо, — сказал Краддок.

— А письмо Летиции не напомнило вам о ком-нибудь из жителей Сент-Мэри-Мид? — поинтересовалась Банч. Она говорила невнятно, потому что держала во рту булавки.

— Вроде бы нет, моя милая… — проговорила мисс Марпл. — Правда, доктор Блэклок, отец Летиции, пожалуй, немного напоминает мистера Кертиса, служителя веслеанской церкви. Он не разрешил дочери поставить пластинку для исправления зубов. Сказал: «Богу угодно, чтобы ее зубы торчали вперед». — «Но вы же стрижете бороду и волосы, — возразила я. — А может, богу угодно, чтобы вы совсем обросли». Но он заявил, что это другое дело. Истинно мужская логика. Впрочем, нам это все ни к чему.

— А мы, между прочим, так и не установили владельца пистолета, — заметил Краддок. — Но Руди Шерц таковым не являлся. Эх, узнать бы, у

кого в Чиппинг-Клеорне до налета был пистолет!

— У полковника Истербрука, — отозвалась Банч. — Он держал его в ящичке для воротничков.

— Откуда вы знаете, миссис Хармон?

— От миссис Батт. Она приходит к нам два раза в неделю делать уборку. Миссис Батт сказала, что раз полковник — человек военный, то у него, естественно, есть пистолет. А то вдруг к нему в дом вздумают забраться грабители?

— А когда вы с ней разговаривали?

— Давно. Примерно полгода назад.

— Неужели это полковник Истербрук? — пробормотал Краддок.

— Вся эта история похожа на игру в рулетку на ярмарке, — сказала Банч. — Рулетка крутится и всегда останавливается на другом месте.

— Ох, не травите душу! — простонал Краддок. — Так, дайте сообразить… однажды полковник Истербрук зашел в «Литтл-Пэддокс», чтобы занести книгу, — сказал он, поразмыслив. — Что ж, пожалуй, он мог тогда смазать дверь. Однако полковник честно признался, что заходил к мисс Блэклок. В отличие от мисс Хинчклифф…

Мисс Марпл осторожно произнесла:

— Видите ли, вы не учитываете, какие сейчас

времена, инспектор. Вы служите в полиции. Согласитесь, люди не могут быть до конца откровенными с полицейскими.

— Почему? — изумился Краддок. — Не понимаю, почему, если они не замешаны в преступлении…

— Тетя Джейн имеет в виду масло, — пояснила Банч, ползая по полу и пытаясь выудить завалившийся за ножку стола фрагмент выкройки. — Масло, зерно для кур и сметану… ну, и может быть, кусочек бекона.

— Покажи инспектору записку, которую нам передала мисс Блэклок, — велела ей мисс Марпл. — Написано довольно давно, но все равно читается как первоклассный детектив.

— Куда же она запропастилась? Вы об этой записке, тетя Джейн?

Мисс Марпл кивнула:

— Да-да.

Она протянула записку инспектору.

«Я все выяснила: в четверг, — сообщала мисс Блэклок. — В любое время после трех. Если будет что-нибудь для меня, оставьте где обычно».

Банч выплюнула булавки и расхохоталась. Мисс Марпл внимательно следила за выражением лица инспектора.

— В четверг местные фермеры сбивают масло, — принялась объяснять Краддоку Банч. — Кто хочет, может приобрести. Мисс Хинчклифф обычно объезжает фермы на машине и закупает у них масло. Она с фермерами на короткой ноге. Может, потому что у нее тоже свиньи? Но загвоздка в том, что купля-продажа не афишируется, все делают вид, что это как бы товарообмен: кто-то получает масло, а взамен дает огурцы, а когда режут свиней, то еще и кусочек свинины. Поэтому-то со скотиной частенько «случается беда», и ее приходится забивать. Ну, вы меня понимаете… И, конечно, полицию в эти дела не посвящают. Думаю, добрая половина таких сделок нелегальна, но никто толком не знает, что законно, а что нет, потому как все ужасно запутано. У меня такое подозрение, что Хинч принесла в «Литтл-Пэддокс» масло или какие-то другие продукты и оставила «где обычно». Кстати, «где обычно» — это значит в мучном ящике под кухонной полкой. Никакой муки там на самом деле нет.

Краддок вздохнул.

— И потом, есть еще купоны на одежду, — добавила Банч. — Их обычно не продают: считается, что это непорядочно. Предпочитают обходиться без денег. Но миссис Батт, миссис Финч, миссис

Хиггинс и другие женщины любят красивые шерстяные платья и почти не ношенные зимние пальто, и вместо денег они расплачиваются талонами на одежду.

— Пожалуйста, не продолжайте! — взмолился Краддок. — Все подобные махинации противозаконны.

— Значит, надо отменить эти глупые законы! — заявила Банч, снова набивая рот булавками. — Я, конечно, так не делаю, потому что Джулиану не нравится. Но я в курсе того, что творится вокруг…

Краддок начал впадать в отчаяние.

— Все выглядит так просто и обыденно, — сказал он. — Милые пустячки, невинные забавы. И в то же время уже убиты мужчина и женщина, и еще одну женщину могут убить прежде, чем я успею принять меры. Выходит, хватит заниматься Пипом и Эммой, надо все силы бросить на поиск Сони. Эх, знать бы, как она выглядит! В письмах было несколько фотографий, но никого похожего на нее я не обнаружил.

— Но откуда вам известно, как она выглядела?

— Мисс Блэклок сказала, что Соня была низенькая, смуглая и темноволосая.

— Вот как? — протянула мисс Марпл. — Лю-

бопытно.

— Одна фотография, правда, — продолжил Краддок, — мне смутно кого-то напомнила. Фотография девушки… такая высокая блондинка с пучком волос на затылке. Кто она — бог весть, но уж, во всяком случае, не Соня. Как вы думаете, миссис Светтенхэм была в юности смуглой?

— Вряд ли, — откликнулась Банч. — Она же голубоглазая.

— Честно говоря, я надеялся найти фотографию Дмитрия Стэмфордиса, но не повезло… Ладно, — Краддок взял письмо. — Прошу прощения за то, что тут не оказалось ничего для вас интересного, мисс Марпл.

— Напротив, напротив! — запротестовала мисс Марпл. — Тут столько всего интересного… Да вы сами вчитайтесь, инспектор… особенно внимательно советую прочесть то место, где она пишет, что Р.Г. выяснил про Дмитрия Стэмфордиса.

Краддок изумленно воззрился на старушку.

Раздался телефонный звонок. Банч встала с пола и вышла из комнаты — телефон, как в домах Викторианской эпохи, был установлен в холле.

— Это вас, — вернувшись, сказала она Краддоку.

Слегка удивленный инспектор вышел, не

забыв, однако, поплотнее прикрыть за собой дверь.

— Краддок? Говорит Райдесдейл.

— Слушаю, сэр.

— Я тут изучал досье… Как я понял, Филиппа Хаймес упорно твердила, что не виделась с мужем с тех пор, как он дезертировал из армии?

— Так точно, сэр. Она от всего отпиралась. Но, по-моему, лгала.

— По-моему, тоже. Помните несчастный случай? Дней десять назад? Грузовик сбил человека… его еще отвезли в милчестерскую больницу с сотрясением мозга и переломом тазовых костей.

— Вы имеете в виду парня, что спас ребенка, на которого несся грузовик, а сам угодил под колеса?

— Да. Он был без документов, никто его не хватился. Судя по всему, парень был в бегах. Вчера ночью он умер, так и не приходя в сознание. Но его все-таки опознали. Это дезертир Рональд Хаймес, бывший капитан, служил в Южном Лоамширесе.

— Муж Филиппы Хаймес?

— Да. Между прочим, у него в кармане нашли использованный билет в Чиппинг-Клеорн и довольно приличную сумму денег.

— Деньги, конечно, дала ему жена! Я всегда думал, что Филиппа разговаривала в оранжерее именно с ним. Хотя она категорически все отрицала… Но, сэр, ведь этот несчастный случай произошел до…

— Совершенно верно! — подхватил Райдесдейл. — Хаймеса госпитализировали двадцать восьмого, а налет на «Литтл-Пэддокс» был совершен двадцать девятого. Так что к убийству Хаймес не имеет никакого отношения. Но жена его ничего о несчастье не знала и вполне могла подозревать его в причастности к убийству. Потому-то она и молчала: все-таки он ее муж.

— А парень поступил благородно, не правда ли, сэр? — медленно произнес Краддок.

— Когда спас ребенка из-под колес грузовика? Безусловно. Храбрец! Дезертировал он, конечно, не из трусости. Ладно, бог ему судья, что было, то быльем поросло. Для человека с подмоченной репутацией это достойная смерть.

— Я рад за Филиппу, — сказал инспектор. — И за ее сына.

— Да, теперь мальчугану не придется краснеть за отца. А молодая женщина найдет себе нового мужа.

— Я тоже об этом подумал, сэр, — кивнул

Краддок. — Такая развязка открывает новые перспективы.

— Знаете, раз уж вы находитесь в Чиппинг-Клеорне, вам стоит рассказать о случившемся Филиппе.

— Будет сделано, сэр. Сейчас же иду к ней. Хотя… пожалуй, лучше дождаться ее возвращения в «Литтл-Пэддокс». Наверное, это известие будет для нее большим потрясением… И потом, мне охота еще кое с кем побеседовать.

Глава 19
Воссоздание преступления

— Мне надо идти. Давайте я включу вам настольную лампу, — предложила Банч. — А то здесь темно. Видно, будет гроза.

Она переставила маленькую настольную лампу на другой конец стола, чтобы та лучше освещала вязанье мисс Марпл, которая сидела в просторном кресле с высокой спинкой.

Услышав шуршание шнура по столу, кот подскочил к нему и впился в него зубами.

— Прекрати, Тиглатпаласар, прекрати! Ну, что за разбойник! Вы только поглядите, чуть не перекусил шнур… весь его растрепал. Как ты не понимаешь, дурачина, тебя же дернет током, если ты будешь так безобразничать!

— Спасибо, милая, — сказала мисс Марпл и потянулась к выключателю.

— Нет, она включается не здесь. Надо нажать на маленькую кнопку посередине шнура, такая вот дурацкая система! Подождите, я уберу цветы.

Жена священника подняла вазу с рождественскими розами. Шалун-кот, помахивая хвостом,

вытянул лапу и легонько поскреб когтями руку хозяйки. Из вазы выплеснулось немного воды. Несколько капель попало на растрепавшуюся часть шнура и на самого кота, который с возмущенным шипением соскочил на пол. Мисс Марпл нажала на грушевидную кнопку. В том месте, где шнур намок, что-то вспыхнуло и затрещало.

— О господи! — вскричала Банч. — Она перегорела. И остальные лампы, наверное, тоже. — Банч щелкнула выключателем. — Да. Какая глупость, что все лампы действуют от одной… как ее? Плохой, гадкий Тиглатпаласар — все из-за него! Что с вами, тетушка Джейн? Испугались?

— Ничего-ничего, моя милая. Просто я вдруг поняла то, что должна была понять гораздо раньше…

— Я пойду вкручу пробку и принесу лампу из кабинета Джулиана.

— Не надо, дорогая, не беспокойся. Ты опоздаешь на автобус. Тут достаточно светло. Я просто посижу в тишине и подумаю. Тебе надо спешить, милая, а то не успеешь.

После ухода Банч мисс Марпл еще немного посидела не шевелясь. В комнате было душно, собиралась гроза.

Мисс Марпл пододвинула к себе листок бумаги,

написала слово «лампа» и жирно его подчеркнула. Потом написала еще одно слово.

Ее карандаш заскользил вниз по листу, оставляя за собой лесенку слов и коротких фраз…

В «Боулдерсе», в полутемной гостиной с низкими потолками и окнами с частым переплетом, спорили мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Вся беда, Мергатройд, в том, — твердила мисс Хинчклифф, — что ты не хочешь попробовать.

— Но, Хинч, хоть убей — я не помню!

— Ну, хорошо. Давай попытаемся мысленно воссоздать ход событий. Пока что сыщики из нас хреновые. Насчет двери я была в корне не права. Ты не придерживала ее, помогая убийце. Суд оправдывает вас, Эми Мергатройд.

Мисс Мергатройд кисло улыбнулась.

— Нам крупно не повезло, что наша домработница — единственная молчаливая женщина на весь Чиппинг-Клеорн, — продолжала мисс Хинчклифф. — Обычно я этому рада, но на сей раз она подложила нам большую свинью. Всей округе известно про вторую дверь в гостиную, а мы узнали о ней только вчера…

— Но мне, например, до сих пор непонятно, как…

— Да очень просто! Тогда, в самом начале, мы

рассуждали правильно. Ты, конечно, не могла бы держать дверь открытой и одновременно шарить фонарем по комнате и палить из пистолета. Поэтому дверь мы из списка исключили, а пистолет с фонарем оставили. Но в том и состояла наша ошибка! Нужно было исключить пистолет.

— Но у налетчика был пистолет! — не сдавалась мисс Мергатройд. — Я его видела своими глазами! Он лежал на полу.

— Да, конечно, но Шерц тогда уже окочурился. Все как на ладони. Шерц из пистолета не стрелял…

— Но тогда кто стрелял?

— А вот это нам и предстоит выяснить. Пока что ясно одно: тот же самый человек положил отравленные таблетки у постели Летиции Блэклок, но по ошибке укокошил несчастную Дору Баннер. Руди Шерц этого сделать не мог, потому что сам дал дуба. Человек, который это сделал, был в гостиной в тот вечер, когда произошел налет, а также, судя по всему, присутствовал на дне рождения. С ходу отпадает одна только миссис Хармон.

— По-твоему, таблетки подложили именно в день рождения?

— Почему бы и нет?

— Но как?

— Ну, в сортир-то мы все ходили, — сказала не отличавшаяся изысканностью манер мисс Хинчклифф. — А я еще зашла в ванную помыть руки, липкие от торта. А наша пампушечка Истербрук пудрила рожу в спальне Блэклок, помнишь?

— Хинч! Ты думаешь…

— Пока не знаю. Если хочешь подложить кому-нибудь таблетки, вряд ли будешь околачиваться в спальне. Но, разумеется, имелась масса других возможностей.

— Мужчины на второй этаж не поднимались.

— В доме есть еще и черный ход. И потом… когда мужчина выходит из комнаты, ты же не бежишь за ним проверять, куда он на самом деле навострил лыжи. Это, в конце концов, бестактно! Ладно, не спорь со мной, Мергатройд. Давай лучше вернемся к первому покушению на Летти Блэклок. Для начала уясни обстановку, ведь тут все будет зависеть от тебя.

— Но, Хинч, дорогуша, ты же знаешь, что я всегда все путаю! — закудахтала Мергатройд.

— Сейчас речь не об опилках, которые у тебя вместо мозгов. Речь о твоих глазах. О том, что ты видела.

— Но я ничего не видела!

— Говорю тебе, Мергатройд: беда в том, что ты даже не хочешь попытаться. Слушай внимательно. Значит, так: кто бы ни был человек, охотящийся на Летти Блэклок, он в тот вечер находился в комнате. Он… я говорю — «он», поскольку так проще, но в принципе это преступление могла бы совершить и женщина, хотя, конечно, мужчина больше подходит, потому что все мужики — свиньи… так вот, он заранее смазал дверь, которая считалась заколоченной. Когда он умудрился это сделать, не спрашивай, ты только собьешь меня с мысли. На самом деле, улучив момент, можно незаметно пробраться в любой дом Чиппинг-Клеорна. Надо только выяснить, где прислуга и куда смотались хозяева. Хорошенько прощупать почву — и дело в шляпе! Ладно, поехали дальше. Он смазал дверь, и теперь она открывается беззвучно. А сейчас давай представим себе тот вечер… Свет потух. Дверь «А» распахнулась настежь. Сутолока, слепящий свет фонаря, крики налетчика… И пока мы пялимся в темноту, Икс (назовем его так) тихонько прокрадывается через дверь «Б» в темный холл, подходит сзади к дураку-швейцарцу, выпускает пару пуль в Летти Блэклок и пристреливает горе-гангстера. Потом бросает пистолет, чтобы такие

тугодумы, как ты, решили, что стрелял швейцарец, и прошмыгивает обратно, успевая занять свое место до того, как зажгут свет. Усекла?

— Д-да… но кто это был?

— Уж если ты, Мергатройд, не знаешь, тогда никто не знает!

— Я? — еле слышно пискнула испуганная Мергатройд. — Но я ничего, совсем ничего не знаю. Честное слово, Хинч!

— Напряги, напряги же опилки, которые ты называешь мозгами. Начнем сначала: кто где был, когда погас свет?

— Не знаю.

— Знаешь! Ты меня до дурдома доведешь, Мергатройд! А где ты сама была, знаешь? Ты стояла за дверью.

— Да-да, помню. Она еще стукнула меня по больной мозоли, когда распахнулась.

— Ты бы лучше к педикюрше сходила, вместо того чтобы ныть. Допрыгаешься до заражения крови. Ладно, идем дальше. Значит, ты стоишь за дверью, а я — у камина, умираю от жажды. Летти Блэклок стоит у стола возле прохода под аркой, достает сигареты. Патрик Симмонс прошел в маленькую комнату, туда, где Летти оставила напитки. Так?

— Да-да.

— Хорошо. Кто-то пошел вслед за Патриком… или намеревался пойти. Какой-то мужик. Проклятие! Не могу вспомнить, кто именно: Истербрук или Эдмунд Светтенхэм. Ты случайно не помнишь?

— Нет.

— Где уж тебе помнить такие вещи? Ладно… потом кто-то еще прошел в маленькую комнату. А, вспомнила! Филиппа Хаймес! Мне это врезалось в память, потому что я обратила внимание на ее прекрасную осанку и подумала, что эта девушка хорошо смотрелась бы верхом на лошади. Филиппа подошла к камину. Зачем — не знаю. И тут потух свет… Итак, фигуры на шахматной доске расставлены. Патрик Симмонс, Филиппа Хаймес и то ли полковник Истербрук, то ли Эдмунд Светтенхэм — точно не установлено — стоят в дальней гостиной. Теперь внимание, Мергатройд! Скорее всего это было их рук дело. Если кто-то намеревался тихонько проскользнуть в дальнюю дверь, он, естественно, заранее занял удобную позицию. Так что, вероятнее всего, это был один из той троицы. И тогда, Мергатройд, от тебя ничего не зависит.

Мисс Мергатройд явно воспряла духом.

— Но с другой стороны, — продолжила мисс Хинчклифф, — может, они были и ни при чем. И тут все зависит от тебя, Мергатройд.

— Но что я могу?!

— Да говорю же, дурья башка: кому еще знать, как не тебе?

— Но я не знаю! Правда не знаю! Я не могла ничего заметить!

— Нет, могла. Ты — единственная, кто мог. Ты стояла за дверью и не смотрела на фонарь, потому что тебе мешала дверь. А значит, ты смотрела на то место, которое фонарь освещал. Всех остальных свет ослепил, а тебя — нет.

— Может, и так, но я все равно ничего не видела, ведь свет мельтешил из стороны в сторону…

— И что освещалось? Фонарь задерживался на лицах, верно? На столах? На креслах?

— Д-да… Мисс Баннер стояла, разинув рот и выпучив глаза. Уставилась в одну точку и часто моргала…

— Ну, вот, наконец-то! — облегченно вздохнула мисс Хинчклифф. — Самое сложное — это заставить тебя шевелить опилками. Ну!

— Но я больше ничего не видела! Честное слово!

— То есть ты хочешь сказать, что видела пустую

комнату? Неужели там не было ни души? Никто не стоял? Не сидел?

— Нет, конечно, были! Миссис Хармон сидела на подлокотнике кресла. Она закрыла лицо руками, совсем как ребенок.

— Так-так, с миссис Хармон и мисс Баннер все ясно. Неужто тебе не понятно, к чему я клоню, Мергатройд? Я не хочу тебе ничего подсказывать, но, понимаешь, когда мы исключим тех, кого ты видела, мы сможем подойти к самому главному: кого ты *не* видела. Поняла? Кроме столов, кресел, хризантем и прочей дребедени, в комнате были люди: Джулия Симмонс, миссис Светтенхэм, миссис Истербрук, полковник Истербрук или Эдмунд Светтенхэм… Дора Баннер и Банч Хармон. Ты уже вспомнила Банч и Дору. Отлично! Вычеркни их из списка. А теперь напрягись, Мергатройд, и подумай, кого в комнате *не было*?

В распахнутое окно стукнулась ветка. Мисс Мергатройд подскочила как ужаленная. Закрыв глаза, она бормотала:

— Цветы на столе… большое кресло… фонарь не дошел до тебя, Хинч… Миссис Хармон… о да…

Зазвонил телефон. Мисс Хинчклифф сняла трубку:

— Алло! Кто это? Со станции?…

Сидя с закрытыми глазами, мисс Мергатройд послушно пыталась воссоздать в памяти тот злополучный вечер. Фонарь медленно двигался по комнате… вот он высветил группу людей… окна… диван… Вот Дора Баннер… Стена… стол с лампой… проход под аркой… внезапный плевок пистолета…

— Этого не может быть! — ахнула мисс Мергатройд.

— Что?! — злобно рявкнула в телефонную трубку мисс Хинчклифф. — Он там с утра? Со скольких? Черт возьми, и вы только сейчас позвонили? Да я натравлю на вас ОБЖОЖ![89] Что? Недосмотр? И это все, что вы можете сказать?!

Она бросила трубку.

— Это по поводу рыжего сеттера. Оказывается, он торчит на станции с утра… с восьми! Без глотка воды, представляешь? А эти кретины соизволили позвонить только сейчас. Я поеду заберу его.

Она кинулась к двери. Мисс Мергатройд очнулась и пронзительно запищала:

— Хинч, послушай, это невероятно!.. Я ничего не понимаю…

Мисс Хинчклифф выбежала из дома и помча-

---

[89] notes: 89

ОБЖОЖ — Общество борьбы против жестокого обращения с животными.

лась через двор к сараю, использовавшемуся в качестве гаража.

— Продолжим, когда я вернусь, — бросила она через плечо. — Я не могу ждать, пока ты соберешься. Ты же, как всегда, в домашних тапочках.

Мисс Хинчклифф завела машину и вырулила из гаража. Мисс Мергатройд проворно подскочила сбоку:

— Но послушай, Хинч, я должна тебе сказать…

— Когда вернусь!

Машина умчалась. Вслед за ней понесся слабый, взволнованный крик Мергатройд:

— Но, Хинч, там ее не было!..

…Над головой собирались густые черные тучи. Мергатройд побежала к веревке, на которой пару часов назад развесила сушиться свитера и шерстяные сорочки.

— Невероятно, совершенно невероятно… — бормотала она, с трудом переводя дух. — Боже милостивый, я же не успею снять белье… А ведь оно почти высохло!

Борясь с неподатливой прищепкой, Мергатройд услышала чьи-то шаги и, повернув голову, радушно улыбнулась:

— Здравствуйте! Идите в дом, а то промокнете.

— Ничего-ничего, я помогу вам.

— О, если вас не затруднит… как ужасно, белье снова намокнет. Наверное, надо бы снять всю веревку целиком, но я не дотягиваюсь.

— Вот ваш шарф. Повязать вам его?

— Да-да, спасибо… Как бы мне дотянуться до той прищепки…

Шерстяной шарф обвился вокруг женской шеи и вдруг резко ее стиснул.

Мисс Мергатройд разинула рот, но из него вырвалось только тихое, придушенное бульканье.

А шарф стягивал шею все туже…

По пути со станции мисс Хинчклифф остановилась, завидев куда-то спешившую мисс Марпл.

— Привет! — крикнула Хинч. — Вы промокнете. Давайте поедем к нам, чайку попьем. Я видела Банч на автобусной остановке. Значит, у пастора никого дома нет. Поехали, составите нам компанию. Мы с Мергатройд пытаемся воссоздать преступление. И даже, кажется, кое до чего додумались. Только будьте поосторожнее с собакой, она волнуется.

— Какая красавица!

— Прелесть, правда? Эти уроды промурыжили ее на станции целый день и до вечера не удосужились мне сообщить. Я им высказала все, что я о них думаю, лоботрясам чертовым!.. Ой!.. Ради

бога, простите за грубость, я выросла в Ирландии, на конюшне…

Малогабаритный автомобиль резко свернул на небольшой задний дворик «Боулдерса». Хинч и мисс Марпл вышли из машины, и их немедленно окружила стая голодных уток и прочей домашней птицы.

— Мергатройд их не покормила! — воскликнула мисс Хинчклифф. — Безобразие, где ее черти носят?

— Трудно в наше время доставать корм? — полюбопытствовала мисс Марпл.

Мисс Хинчклифф подмигнула:

— Я у фермеров свой человек.

Она отогнала уток и пошла за мисс Марпл к коттеджу.

— Надеюсь, вы не сильно промокли?

— Нет, у меня отличный плащ.

— Сейчас зажгу камин, если Мергатройд еще не успела. Эй, Мергатройд, ау! Куда она запропастилась? А собака где? Это ж надо, теперь и она пропала…

Со двора донесся зловещий протяжный вой.

— Черт подери безмозглую псину! — тяжело ступая, мисс Хинчклифф подошла к двери и крикнула: — Ко мне, Душка! Душка!.. Ужасно нелепое

имя, но так уж ее назвали. Мы дадим ей другое. Эй, Душка!

Рыжий сеттер обнюхивал нечто, лежавшее под бельевой веревкой, на которой развевалась на ветру одежда.

— Мергатройд даже не догадалась снять белье. Куда она подевалась, ума не приложу!

Рыжий сеттер снова обнюхал нечто, похожее на кучу тряпья, задрал морду кверху и завыл.

— Что с собакой?

Мисс Хинчклифф размашистым шагом двинулась вперед по траве.

Мисс Марпл внезапно догадалась, что происходит, и побежала за ней.

Они стояли под проливным дождем, и старушка обнимала за плечи свою более молодую спутницу.

Мисс Хинчклифф неотрывно смотрела на подругу, лежавшую на земле, напряженно вглядывалась в ее застывшее, посиневшее лицо.

— Кто бы ни была эта мерзавка, я ее убью, — глухо и бесстрастно сказала мисс Хинчклифф. — Только бы мне до нее добраться!

— До нее? — переспросила мисс Марпл.

Мисс Хинчклифф повернула к ней лицо, искаженное гримасой страдания:

— Да. Я знаю, кто это… Вернее, догадываюсь. Это одна из тех трех баб…

Она еще постояла, глядя на убитую подругу, и пошла к дому. Голос ее стал сухим и жестким:

— Нужно позвонить в полицию. А пока мы их ждем, я вам все расскажу. Наверное, тут есть доля и моей вины. Я превратила это в игру. А убийство — совсем не игра.

— Да, — откликнулась мисс Марпл, — убийство не игра.

— Вы, я вижу, знаете в этом толк? — спросила мисс Хинчклифф, снимая телефонную трубку.

Вкратце обрисовав полицейским картину, она нажала на рычаг.

— Через пару минут они будут здесь… Да, я слышала, что вам уже доводилось участвовать в расследовании уголовных преступлений… Кто-то мне рассказывал… если не ошибаюсь, Эдмунд Светтенхэм… Хотите знать, чем мы тут с Мергатройд занимались?

И мисс Хинчклифф в двух словах пересказала свой разговор с подругой перед отъездом на станцию.

— Она кричала мне вслед, когда я уезжала… Вот почему я знаю, что убийца не мужчина, а женщина. О, если бы я задержалась!.. Если бы выслушала

ее!.. Проклятие! Собака вполне могла поторчать на станции лишних пятнадцать минут.

— Не вините себя, дорогая. Горю все равно не поможешь. Откуда вам было знать, что может случиться?

— Да, конечно… Помнится, что-то слегка стукнуло в оконное стекло. Должно быть, она уже стояла под окном… Она, наверное, пришла к нам в гости, а мы с Мергатройд в тот момент орали друг на друга что было мочи. Вот она и услышала… Она все слышала!

— Да, но вы так и не сказали мне, что именно крикнула подруга вам вслед?

— Всего одну фразу: «Там ее не было…» — Хинч помолчала. — Понимаете? Мы действовали методом исключения, и в нашем списке осталось только три женщины: миссис Светтенхэм, миссис Истербрук и Джулия Симмонс. Значит, одной из трех там не было… Ее не было в гостиной, потому что она проскользнула в другую дверь и очутилась в холле.

— Ага, — откликнулась мисс Марпл, — понимаю.

— Убийца одна из этих трех. Кто — я пока не знаю, но обязательно выясню!

— Простите за назойливость, но она… я имею в

виду мисс Мергатройд, она сказала именно так?

— Как — так?

— Ах, дорогая, как бы это получше объяснить?… Вы сказали: «Там ее не было», сделав ударение на первом слове. Но понимаете, эту фразу можно произнести тремя разными способами. Можно сказать: «Ее там не было». Тогда имеется в виду какой-то определенный человек. Или: «Ее не было там». Так говорят, подтверждая ранее возникшие подозрения. А можно сказать так, как вы сейчас: «Там ее не было». Очень ясно, с ударением — если я не ослышалась — на слове «там».

— Не знаю, — покачала головой мисс Хинчклифф. — Не помню… Да и как я могу припомнить? По-моему… ну да, точно, она сказала: «Там ее не было». Но вообще-то не знаю. А что, это важно?

— Да, — задумчиво промолвила мисс Марпл. — Я думаю, да. Конечно, это неявное указание, но все-таки указание. Пожалуй, порядок слов в данном случае имеет значение. И немаловажное!

Глава 20
Мисс Марпл исчезла

К своему неудовольствию, почтальон в тот день получил указание отнести почту в Чиппинг-Клеорн не только утром, но и в конце рабочего дня. Без десяти пять он принес в «Литтл– Пэддокс» целых три конверта. Один, адресованный Филиппе Хаймес, был надписан детским почерком, два других предназначались для мисс Блэклок. Она распечатала их, когда они с Филиппой пили чай. Из-за проливного дождя Филиппа окончила работу раньше обычного: оранжерею пришлось закрыть, а других дел для нее в «Дайас-Холле» не нашлось.

Мисс Блэклок вскрыла первый конверт. В нем оказался счет за починку котла на кухне. Она сердито хмыкнула:

— Цены у Даймонда запредельные… просто фантастика! Хотя у всех остальных, наверное, не ниже.

Затем она взялась за другое письмо, написанное незнакомым почерком:

«Дорогая тетя Летти!

Вы не возражаете, если я приеду во вторник? Пару дней назад я написала Патрику, но он мне не ответил. Из чего я сделала вывод, что все нормально. В следующем месяце мама поедет в Англию и надеется с Вами повидаться. Мой поезд приходит в Чиппинг-Клеорн в 18.15. Надеюсь, это не причинит Вам неудобств?

Искренне Ваша Джулия Симмонс».

В первый раз мисс Блэклок прочла письмо с неподдельным и простодушным удивлением, но, когда начала читать во второй, лицо ее помрачнело. Она подняла глаза на Филиппу, которая улыбалась, читая каракули сынишки.

— Ты не в курсе, Джулия и Патрик уже вернулись домой?

Филиппа оторвалась от письма:

— Да, они пришли сразу же вслед за мной и пошли наверх переодеться. Бедняги промокли до нитки.

— Не будешь ли ты так добра пригласить их сюда?

— Да, конечно. Сейчас позову.

— Погоди минутку. Вот, прочти.

Мисс Блэклок протянула Филиппе странное

послание. Филиппа нахмурилась:

— Ничего не понимаю!

— Я тоже. А пора бы понять. Позови Патрика и Джулию.

Филиппа крикнула, стоя внизу лестницы:

— Патрик! Джулия! Мисс Блэклок хочет с вами поговорить.

Патрик сбежал вниз и вошел в комнату.

— Не уходи, Филиппа, — попросила мисс Блэклок.

— Привет, тетя Летти! — весело улыбнулся Патрик. — Вы меня звали?

— Да. Ты объяснишь мне, что это все означает?

Патрик прочел письмо, и на лице его появилось почти комическое смятение.

— О черт, я же хотел послать ей телеграмму! Ну и осел!

— Насколько я понимаю, письмо прислала твоя сестра Джулия?

— Д-да…

— Тогда позволь поинтересоваться, — мрачно промолвила мисс Блэклок, — кто та юная особа, которую ты привез сюда, выдав за свою сестру и мою родственницу Джулию Симмонс?

— М-м… Понимаете, тетя Летти… дело в том, что… я вам сейчас все объясню! Конечно, зря мы

это затеяли… но мы просто хотели пошутить. Если позволите, я вам сейчас все объясню!

— Да-да, изволь. Итак, кто эта юная особа?

— Вскоре после демобилизации я познакомился с ней на вечеринке. Мы разговорились. Я сказал, что собираюсь к вам, и мы… Ну, в общем, мы подумали, что будет здорово, если я возьму ее с собой… Понимаете, Джулия, настоящая Джулия, бредила театром, а мама даже слышать не желала о том, что ее дочь станет актрисой. С ней семь припадков из-за этого случилось. Ну вот, а тут Джулии как раз подвернулась возможность поступить в хорошую труппу, точно не помню где, кажется в Перте, и она решила попытать счастья… Но ей не хотелось волновать маму. Она считала, что пусть мама лучше думает, что ее Джулия живет у вас и, как примерная девочка, учится на фармацевта.

— И все-таки мне хотелось выяснить имя твоей подруги.

В этот момент в комнату с холодным, отчужденным видом вошла Джулия. Патрик с облегчением посмотрел на нее:

— Нас вывели на чистую воду!

Джулия подняла брови. Потом невозмутимо уселась в кресло.

— Ладно, вывели так вывели. Значит, так суж-

дено. Вы очень на меня сердитесь? — Джулия всматривалась в лицо мисс Блэклок с каким-то холодным, даже ледяным любопытством. — Я бы, на вашем месте, рвала и метала.

— Кто вы такая?

Джулия вздохнула:

— Пожалуй, настал момент внести ясность. Я половинка от Пипа и Эммы. Точнее, имя, данное мне при крещении, — Эмма Джоселин Стэмфордис. Однако мой отец вскоре переменил фамилию. Если не ошибаюсь, он стал Де Курси… Они с мамой разошлись через три года после нашего рождения. Каждый из них зажил своей жизнью. Нас они разделили. Я досталась отцу. Родителем он был никудышным, хотя человеком — весьма обаятельным. Мне пришлось провести несколько затворнических лет в школе при монастыре, когда отец сидел без денег или готовил очередную аферу. Обычно он, не скупясь, платил за мое обучение в первом семестре, а потом пропадал на год или даже на два, оставив меня на попечение монахинь. В перерывах между этим мы с ним чудесно проводили время, вращаясь в разношерстном обществе. Война разлучила нас окончательно. Я понятия не имею, где он сейчас и что с ним. Во время войны у меня было доволь-

но много приключений. Какое-то время я даже участвовала во французском Сопротивлении. Это было потрясающе! Ну, а в конце концов я поселилась в Лондоне и задумалась о своем будущем. Я знала, что брат моей матери, с которым она вдрызг разругалась, умер, оставив большое наследство. Я прочла завещание, надеясь, что и мне кое-что перепало. Но в завещании об этом не говорилось. Вернее, прямо не говорилось. Я разузнала что могла о дядиной вдове. Судя по всему, ей недолго осталось жить, она держалась только на лекарствах и медленно угасала. Честно говоря, вы показались мне самым подходящим вариантом. Вы должны были получить по наследству огромное состояние, а тратить его, насколько мне удалось выяснить, было особо не на кого. Буду искренней до конца. Я решила попробовать подружиться с вами, войти в доверие. Ведь после смерти дяди Рэнделла столько воды утекло… Во время бури, пронесшейся над Европой, мы с отцом потеряли наши сбережения. Вот я и подумала, что, может, вы пожалеете сиротку, которая осталась одна-одинешенька на белом свете, и назначите ей скромный пенсион.

— Вы на это надеялись? — мрачно усмехнулась мисс Блэклок.

— Да. Я же вас ни разу в жизни не видела… Я рассчитывала приехать и поплакаться вам в жилетку… А потом вдруг чудом встретила Патрика, он оказался вашим родственником. Я в него влюбилась, он отвечал мне взаимностью. Настоящая Джулия спала и видела себя на сцене, и мне не составило труда убедить ее, что из любви к искусству она должна поселиться в задрипанном гостиничном номере в Перте и попытаться стать новой Сарой Бернар. Пожалуйста, не ругайте Патрика. Он меня пожалел, ведь я была совсем одна… Патрик подумал, что будет здорово, если я приеду сюда под видом его сестры и добьюсь, чего хочу.

— А когда вы морочили голову полиции, он тоже одобрял ваше поведение?

— Не судите меня слишком строго, тетя Летти! Когда случился этот дурацкий налет, а главное — после него, я поняла, что угодила в ловушку. Судите сами: теоретически у меня было достаточно оснований желать вашей смерти. На самом деле я не покушалась на вашу жизнь, но вы можете мне поверить только на слово. Даже у Патрика порой возникали подозрения. А уж если он допускал такие мысли, то что говорить о полиции! Инспектор настроен весьма скептически. Поэтому у меня не оставалось другого выхода: я должна

была по-прежнему играть роль Джулии, а после окончания семестра тихо исчезнуть. Откуда мне было знать, что эта идиотка, настоящая Джулия, поцапается с продюсером и в порыве гнева уйдет из труппы? Она спросила Патрика в письме, можно ли ей приехать сюда, а он, вместо того чтобы ответить: «Не суйся!» — преспокойно про все позабыл.

Джулия метнула на Патрика разъяренный взгляд.

— Болван! Если б вы только знали, как я маялась, уезжая в Милчестер. Ни в какой больнице я, конечно, не работала. Но куда-то мне надо было деваться на это время! Приходилось часами просиживать в кино, смотря по сто раз одни и те же пошлые фильмы.

— Пип и Эмма, — пробормотала мисс Блэклок. — Честно говоря, мне до конца не верилось в их существование, хотя инспектор уверял меня... — Она испытующе посмотрела на Джулию: — Ну, хорошо, значит ты — Эмма. А где Пип?

Взгляд Джулии был чист и невинен.

— Не знаю, — сказала она, — понятия не имею.

— А по-моему, ты опять лжешь, Джулия. Когда ты его видела в последний раз?

Джулия как будто бы немного замешкалась

с ответом… Но ее ответ прозвучал внятно и решительно:

— Когда нам обоим было три года, мама забрала его с собой. С тех пор я ни с ним, ни с мамой не встречалась и, где они теперь, не знаю.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

Джулия вздохнула:

— Я могу, конечно, сказать, что мне стыдно. Но это будет неправдой. Если бы можно было вернуть все назад, я поступила бы точно так же… Конечно, если не знала бы про налет.

— Джулия, — сказала мисс Блэклок, — я называю тебя так просто по привычке… Ты упомянула про свое участие во французском Сопротивлении…

— Да, я была там целых полтора года.

— Значит, ты умеешь стрелять?

Взгляд голубых глаз снова стал ледяным.

— Да, я стреляю отлично, как первоклассный снайпер. У меня, конечно, нет доказательств, но поверьте, Летиция Блэклок, что это не я в вас стреляла. Потому что я бы не промахнулась.

Напряженную тишину нарушил шум подъехавшей машины.

— Кто это? — встрепенулась мисс Блэклок.

Мици просунула в дверь взъерошенную голову

и закатила глаза.

— Снова полицаи! Это преследование! Почему они не оставлять мы в покой? Я не переносить. Я буду писать премьер-министр. Я буду писать сам король!

Краддок решительно и бесцеремонно отодвинул ее в сторону. Губы его были мрачно сжаты. Все насторожились. Таким его еще никто не видел. Он сурово произнес:

— Убита мисс Мергатройд. Ее задушили меньше часа тому назад. — Взгляд его остановился на Джулии. — Мисс Симмонс, где вы были днем?

— В Милчестере, — осторожно ответила Джулия. — Я только сейчас вернулась.

— А вы? — инспектор перевел взгляд на Патрика.

— Тоже.

— Вы приехали вместе?

— Д-да, — сказал Патрик.

— Нет, — сказала Джулия. — Какой смысл обманывать, Патрик? Инспектор легко выяснит правду. Водители автобусов нас прекрасно знают. Я приехала раньше, на автобусе, который приходит в четыре часа.

— И что вы потом делали?

— Пошла прогуляться.

— В «Боулдерс»?

— Нет, я гуляла по округе.

Инспектор пристально посмотрел на Джулию. Она побледнела, но выдержала его взгляд.

Никто не успел произнести ни слова, потому что зазвонил телефон. Вопросительно взглянув на Краддока, Летиция Блэклок сняла трубку.

— Алло! Кто это? А, здравствуйте, Банч. Что? Нет, ее тут не было. Не знаю… Да, он как раз здесь. — Она отняла трубку от уха. — Инспектор, вас миссис Хармон. Мисс Марпл до сих пор не вернулась, миссис Хармон тревожится.

Краддок в два прыжка перемахнул гостиную:

— Краддок у телефона!

— Инспектор, я волнуюсь! — Голос Банч по-детски дрожал. — Тетя Джейн ушла, я не знаю куда. А тут еще, говорят, мисс Мергатройд убили. Это правда?

— Правда, миссис Хармон. Мисс Марпл как раз была вместе с мисс Хинчклифф, когда они обнаружили труп.

— А, так, значит, она там, — облегченно вздохнула Банч.

— Нет. Она ушла… сейчас скажу когда… примерно полчаса назад. Значит, она еще не дома?

— Нет. А от них до нас ходьбы всего десять ми-

нут. Господи, где она?

— Может, зашла к кому-нибудь из соседей?

— Нет, я всех обзвонила, всех до единого! Ее нигде нет. Я боюсь, инспектор.

«Я тоже», — подумал Краддок, а вслух торопливо сказал:

— Я сейчас к вам выезжаю.

— О, пожалуйста… тут лежит листок бумаги. Перед уходом она делала какие-то записи. Я не знаю, есть ли в этом смысл… По-моему, какая-то белиберда…

Краддок положил трубку. Мисс Блэклок тревожно спросила:

— Что случилось с мисс Марпл? Надеюсь, ничего страшного?

— Будем надеяться, что ничего, — с горечью сказал Краддок.

— Она ведь такая старенькая и… слабая.

— Да.

Мисс Блэклок вскочила и прохрипела, рванув на себе жемчужное ожерелье:

— Час от часу не легче. Безумие какое-то, инспектор, просто безумие…

От рывка ожерелье порвалось. Гладкие белые горошины жемчуга раскатились по комнате.

— Мой жемчуг… Мой жемчуг! — вскричала

Летиция с таким страданием в голосе, что все изумились.

Она прижала руку к горлу и, всхлипывая, выбежала из комнаты. Филиппа нагнулась за жемчужинами.

— Никогда не видела ее такой расстроенной, — сказала она. — Правда, мисс Блэклок не расстается с ожерельем. Наверное, это подарок какого-то близкого человека. Как вам кажется? Может, ей его подарил Рэнделл Гедлер?

— Может быть, — медленно произнес инспектор.

— А что, если… вдруг они настоящие? — Филиппа кивком указала на блестящие белые горошины.

Краддок положил одну на ладонь и только было собрался презрительно заявить: «Тоже мне настоящие!» — как слова застряли у него в горле.

А действительно, вдруг жемчуг настоящий? Он был таким крупным, таким откровенно фальшивым, что мысль о подделке напрашивалась немедленно. Но Краддок вспомнил, как однажды в ломбарде нитка настоящего жемчуга была приобретена всего за несколько шиллингов.

Летиция Блэклок уверяла его, что в доме нет ничего ценного. Но если жемчуг все-таки насто-

ящий, он стоит безумных денег. А если вдобавок ожерелье окажется подарком Рэнделла Гедлера, то ему просто цены нет!

Да, жемчуг выглядел фальшивым и, может, действительно был поддельным, но… вдруг он все-таки настоящий?

А почему бы и нет? Летиция может и сама не подозревать этого. А может охранять таким образом свое сокровище, обращаясь с ним, словно с дешевой побрякушкой, цена которой — пара гиней, и то в базарный день. Сколько же стоит это ожерелье, если оно из настоящего жемчуга? Трудно даже себе представить… Ради таких денег вполне можно пойти и на убийство. И если кто-нибудь знал про ожерелье…

Инспектор резко встал. Хватит раздумывать! Мисс Марпл исчезла! Надо идти к пастору.

Банч с мужем ждали его, вид у них был встревоженный и подавленный.

— Ее до сих пор нет, — сказала Банч.

— А уходя из «Боулдерса», мисс Марпл сказала, что идет к нам? — поинтересовался Джулиан.

— Н-нет, — с запинкой ответил Краддок, припоминая обстоятельства своей последней встречи с мисс Марпл. Губы ее тогда были горько сжаты, а обычно ласковые голубые глаза смотрели хо-

лодно и сурово.

Горечь… непреклонная решимость сделать… но что? Пойти… но куда?

— В последний раз, когда я ее видел, она разговаривала с сержантом Флетчером, — сказал Краддок. — Они стояли у ворот. Потом мисс Марпл ушла. Я решил, что она пошла к вам. Надо было отвезти ее на машине, но я закрутился, и она как-то незаметно исчезла. Может, Флетчер что-нибудь знает? Где он?

Однако, когда Краддок позвонил в «Боулдерс», ему ответили, что Флетчера там уже нет, а куда он отправился — неизвестно. Наверное, в Милчестер. Инспектор дозвонился до полицейского управления в Милчестере, но там о Флетчере тоже ничего не знали.

Тогда Краддок вспомнил, что Банч говорила про записи мисс Марпл:

— Где листок? Вы сказали, она что-то написала.

Банч принесла бумажку. Инспектор развернул ее и положил на стол. Заглядывая ему через плечо, Банч вслух повторяла написанные слова. Мисс Марпл писала как курица лапой, разобрать ее почерк было нелегко.

«Лампа». Потом: «Фиалки».

Потом, с отступом: «Где пузырек с аспирином?»

Наибольшие затруднения вызвал следующий пункт.

— «Сладкая смерть», — наконец догадалась Банч. — А, так называется торт Мици!

— «Выяснять», — прочитал Краддок.

— Выяснять? Интересно, что?… А это что такое? «И бремя печалей на сердце легло…» Зачем тут стихи?!

— «Йод», — прочитал инспектор. — «Жемчуг». Ах, вот как? Жемчуг?! И еще: «Лотти», нет, «Летти». Тут «е» очень похожа на «о». А потом: «Берн». А это что? «Пенсия».

Они озадаченно уставились друг на друга. Краддок перечитал снова:

— «Лампа. Фиалки. Где пузырек с аспирином? Сладкая смерть. Выяснять. И бремя печалей на сердце легло. Йод. Жемчуг. Летти. Берн. Пенсия».

— Это что-нибудь означает? — спросила Банч. — Я хочу сказать, тут какой-то смысл? Я лично не вижу…

— У меня промелькнула смутная мысль, но тут же исчезла. Однако странно, что она включила в свой список жемчуг, — пробормотал Краддок.

— Какой жемчуг? Вы о чем?

— Мисс Блэклок всегда носит жемчужное оже-

релье?

— Всегда. Мы даже над ней подтруниваем. Он так аляповато смотрится, да? Но, наверное, она считает, что это модно.

— А может, причина в другом, — медленно произнес Краддок.

— Что? Неужели вы думаете, что он настоящий? Не может быть!

— А вам часто доводилось видеть настоящий жемчуг такого размера, миссис Хармон?

— Но это же совсем стекляшки!

Краддок пожал плечами:

— Ладно, сейчас не время устанавливать истину. Мисс Марпл куда-то делась. Нужно ее разыскать.

Разыскать, пока не поздно… А если уже поздно? Записи мисс Марпл говорили о том, что она напала на след. Но это опасно, крайне опасно! И куда, скажите на милость, запропастился Флетчер?

Краддок вышел из дома пастора и размашистым шагом направился к машине. Придется прочесывать окрестности… другого выхода нет…

Внезапно из мокрых зарослей лавра раздался голос Флетчера:

— Сэр… Сэр!

Глава 21
Три женщины

Обед в «Литтл-Пэддоксе» закончился. За столом царило неловкое молчание. Патрик переживал из-за того, что впал в немилость у тети Летти, и судорожно пытался завязать разговор, но у него ничего не получалось. Филиппа Хаймес сидела, глубоко задумавшись. Мисс Блэклок же утратила свою обычную жизнерадостность и тоже молчала. Впервые во взгляде ее темных глаз сквозил страх, а руки дрожали. Одна Джулия держалась, как всегда, отстраненно и иронично.

— Прошу прощения, Летти, — сказала она, — что не могу сию секунду собрать вещички и покинуть ваш гостеприимный кров. Полиция мне не позволит. Но надеюсь, я еще недолго буду омрачать ваше существование. С минуты на минуту сюда, вероятно, явится инспектор Краддок с ордером на мой арест и с наручниками. Не понимаю, почему он не сделал этого раньше.

— Он ищет мисс Марпл, — сказала мисс Блэклок.

— Вы думаете, ее тоже убили? — с деланным

любопытством спросил Патрик. — Но почему? Что она могла такого знать?

— Понятия не имею, — уныло ответила мисс Блэклок. — Может, мисс Мергатройд ей что-нибудь рассказала?

— Если мисс Марпл тоже убита, — сказал Патрик, — то, по логике вещей, это мог сделать только один человек.

— Кто?

— Хинчклифф! — В голосе Патрика звучало торжество. — Ведь в последний раз мисс Марпл видели живой именно у Хинчклифф. Я думаю, она так и не покинула «Боулдерс».

— У меня голова разболелась, — пожаловалась мисс Блэклок, сжимая виски. — Ну, зачем, скажи на милость, Хинч потребовалось убивать мисс Марпл? Чушь какая-то!

— И вовсе не чушь, если учесть, что это Хинч убила Мергатройд, — возразил Патрик.

Филиппа вышла из задумчивости и покачала головой:

— Хинч не могла убить Мергатройд.

Но Патрика обуял дух противоречия.

— Нет, могла, если Мергатройд случайно обнаружила, что Хинч — преступница!

— И вообще, когда убили Мергатройд, Хинч

была на станции.

— Она могла совершить убийство до отъезда.

Внезапно мисс Блэклок вскричала так, что все содрогнулись:

— Убийство, убийство, убийство!.. Вы что, не можете поговорить о чем-нибудь другом? Неужели вы не понимаете, что я боюсь? Боюсь! Раньше не боялась, думала, смогу позаботиться о себе… Но как можно противостоять убийце, который постоянно выжидает… выслеживает… тянет время?… О господи!

Она закрыла лицо руками, но уже через пару минут подняла голову и натянуто извинилась:

— Простите… Я… я потеряла самообладание.

— Ничего, тетя Летти, — ласково утешил ее Патрик. — Я позабочусь о вас.

— Ты? — только и молвила Летиция, но с таким разочарованием, что это короткое слово прозвучало как обвинение.

…Все вышеописанное произошло перед обедом, а тут еще Мици подлила масла в огонь, заявив, что отказывается готовить еду.

— Я больше ничего не делать! Я иду своя комната, запираю себя и завтра уйти. Я боюсь… столько людей убивать… Мисс Мергатройд с ее глупое английское лицо… кому нужно убивать мисс Мер-

гатройд? Только маньяк! Значит, здесь явился маньяк. А маньяк все равно кому убивать. Но я не хочу, чтобы меня убивать! В кухня… там тени… я слушаю шорох и думаю: это во дворе. Потом вижу тень около дверь в кладовка и слышать шаги. Я идти в моя комната, запирать дверь и даже класть к ней комод. А утром говорить этот полицейский без душа, что я уезжать. А если он не разрешает, я говорить: «Я буду закричать, и закричать, и закричать, пока вы меня не отпускать».

От этих угроз у всех забегали по коже мурашки: все живо припомнили, как Мици умеет кричать.

— Поэтому я иду своя комната, — повторила Мици, чтобы ее намерение дошло до каждого, и театральным жестом сняла фартук. — Спокойной ночи, мисс Блэклок! Может, утром вы уже не жить. Поэтому до свиданья! На всякий случай.

Мици вышла, и дверь притворилась за ней, как обычно, со слабым, жалобным визгом.

Джулия поднялась.

— Давайте я займусь обедом, — сказала она так, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. — По-моему, это мудрое решение. Заодно я избавлю вас от неловкости сидеть со мной за одним столом. Раз Патрик вызвался быть вашим защитником, тетя Летти, значит, он будет первым

пробовать каждое блюдо. Я не хочу, чтобы меня обвинили еще и в вашем отравлении.

И Джулия приготовила отменный обед.

Филиппа заглянула в кухню, пытаясь предложить Джулии свою помощь, но та решительно отказалась.

— Джулия, я хочу тебе сказать…

— Сейчас не время для девичьих признаний, — твердо заявила Джулия. — Иди в гостиную, Филиппа.

…Теперь обед закончился, и все, сидя в гостиной, пили кофе за маленьким столиком у камина; похоже, им было нечего сказать друг другу… Они ждали.

В половине десятого позвонил инспектор.

— Я буду через пятнадцать минут. Со мной приедут полковник, миссис Истербрук, миссис Светтенхэм и ее сын.

— Но, инспектор… Я сегодня не настроена принимать гостей.

Казалось, у мисс Блэклок от горя вот-вот случится разрыв сердца.

— Я понимаю ваши чувства, мисс Блэклок, и приношу свои извинения. Но дело не терпит отлагательства.

— Вы нашли мисс Марпл?

— Нет, — сказал инспектор и повесил трубку.

Джулия понесла на кухню кофейный поднос и, к своему удивлению, обнаружила там Мици, которая созерцала груду посуды возле раковины.

Мици разразилась потоком брани:

— Смотри, что ты делать с моя такая прекрасная кухня! Эта сковородка… я использовать ей только для омлет, для омлет! А ты что из нее готовить?

— Я в ней пожарила лук.

— Она разрушилась! Разрушилась! Теперь ее нужно мыть, а я никогда, никогда не мыть моя сковородка для омлет! Я протирать аккуратно газета с сало, и все! А эта кастрюля только для молоко…

— Я понятия не имею, какие кастрюли и для чего ты используешь, — сердито отрезала Джулия. — По-моему, ты хотела спать. Ну, и спала бы себе, чего вскочила? Выметайся, дай мне спокойно помыть посуду.

— Нет, я не разрешаю использовать моя кухня!

— Мици, ты просто несносна!

Не успела рассерженная Джулия выскочить из кухни, как в дверь позвонили.

— Я не открывать, — заявила Мици.

Джулия сказала ей на прощание пару ласковых и пошла к входной двери.

На пороге стояла мисс Хинчклифф.

— Добрый вечер, — хрипло сказала она. — Прошу извинить за вторжение. Надеюсь, инспектор уже позвонил?

— О вашем приходе он нас не предупредил, — пробурчала Джулия, проводя ее в гостиную.

— Он сказал, что, если я не хочу, я могу не приходить. Но я пришла! — отчеканила мисс Хинчклифф.

Никто не выразил ей соболезнований и ни словом не обмолвился о гибели мисс Мергатройд. У энергичной мисс Хинчклифф было настолько скорбное лицо, что все становилось ясно без слов и любые соболезнования были не к месту.

— Зажгите свет, — попросила мисс Блэклок, — и подбросьте в камин угля. Я жутко замерзла. Проходите, мисс Хинчклифф, садитесь поближе к огню. Инспектор обещал приехать через пятнадцать минут. Значит, он вот-вот будет здесь.

— Мици снова спустилась вниз, — сообщила Джулия.

— Да? Мне иногда кажется, что она сумасшедшая, просто сумасшедшая. Но, может, мы тут все безумны?

— Терпеть не могу, когда преступника называют безумцем! — возразила мисс Хинчклифф. —

По-моему, они, наоборот, прекрасно соображают, что к чему, раз могут так холодно и жестоко рассчитать каждый свой шаг!

С улицы донесся шум машины, и вошли Краддок, полковник, миссис Истербрук, Эдмунд и миссис Светтенхэм. Вид у всех был подавленный.

Полковник Истербрук сказал голосом, прозвучавшим как далекое эхо его обычного голоса:

— Ха! Хорошее пламя!

Миссис Истербрук села рядом с мужем, не снимая шубы. Ее лицо, всегда такое очаровательное и немножко кукольное, напоминало сейчас маленькую, облезлую мордочку ласки. Эдмунд был сердит и хмуро озирался по сторонам. Миссис Светтенхэм была напряжена и казалась пародией на саму себя.

— Ужас, правда? — затарахтела она. — Ужас, что творится. Вот уж поистине, молчание — золото. Никто не знает, кто будет следующим… это как чума. Мисс Блэклок, дорогая, вам не кажется, что нам не помешало бы выпить чуточку бренди? Всего по полрюмочки. Я всегда говорила, что бренди — отличная вещь, он так бодрит! С моей, вернее, с нашей стороны, конечно, бестактно, что мы явились к вам без приглашения, но нас

заставил инспектор. Ах, все так чудовищно, ее ведь не нашли! Я имею в виду бедную старушку, которая жила у пастора. Банч Хармон чуть не помешалась от горя. Никто не знает, куда она пропала. К нам не заходила, я ее вообще сегодня не видела. А уж я бы знала, если б она вернулась к пастору, ведь я сидела в гостиной, в глубине дома, а Эдмунд работал в кабинете, у него окна выходят на улицу. Так что какой бы дорогой она ни пошла, мы бы ее увидели… Но я надеюсь, что с нашей дорогой старушкой все в порядке. Господи, хоть бы все было в порядке!

— Мама! — страдальчески сморщился Эдмунд. — Неужели ты не можешь помолчать?

— Конечно, дорогой! С удовольствием помолчу! — Мисс Светтенхэм уселась рядом с Джулией.

Инспектор Краддок встал возле двери. Лицом к нему сидели в ряд три женщины. Джулия и миссис Светтенхэм расположились на диване, а миссис Истербрук притулилась на подлокотнике кресла, в котором восседал ее муж. Краддок их так не рассаживал, но его это вполне устроило.

Мисс Блэклок и мисс Хинчклифф стояли, нагнувшись над камином. Эдмунд застыл возле них. Филиппа отошла в глубь комнаты, в тень.

Краддок сразу перешел к делу.

— Ни для кого не секрет, что мисс Мергатройд убили, — сказал он. — У нас есть основания полагать, что убийца — женщина. По ряду причин мы можем еще больше сузить круг подозреваемых лиц. Я намерен опросить кое-кого из присутствующих дам, что они делали сегодня с четырех до двадцати минут пятого. У меня уже есть сведения о передвижениях одной молодой особы, именующей себя мисс Симмонс. Я прошу ее повторить свои показания. Причем обязан вас предупредить, мисс Симмонс, вы можете не отвечать, если боитесь, что ваши показания будут вменены вам в вину; каждое ваше слово будет запротоколировано констеблем Эдвардсом и может быть использовано в качестве свидетельских показаний на суде.

— Это обязательно говорить, да? — спросила Джулия. Она сильно побледнела, но не потеряла самообладания. — Хорошо, я повторю. С четырех до двадцати минут пятого я гуляла по полям, ведущим к речушке, что возле фермы «Комптон». Потом вышла на дорогу, где растут три тополя. Насколько помню, мне по пути никто не встретился. Мимо «Боулдерса» я не проходила.

— А чем занимались вы, миссис Светтенхэм?

Эдмунд поинтересовался:

— Вы всех нас предостерегаете?

— Нет, — ответил инспектор. — На данный момент только мисс Симмонс. У нас нет оснований предполагать, что любые другие утверждения могут быть инкриминированы, но, разумеется, каждый из присутствующих имеет право на адвоката и может заявить о том, что готов отвечать только в его присутствии.

— О, это глупая трата времени! — вскричала миссис Светтенхэм. — Я уверена, что в двух словах смогу рассказать о том, чем я занималась. Вас ведь это интересует, да? Можно начинать?

— Пожалуйста, миссис Светтенхэм.

— Сейчас. — Миссис Светтенхэм учащенно заморгала. — Конечно, к убийству мисс Мергатройд я не имею ни малейшего касательства. Уверена, что это все знают. Но я живу в обществе и прекрасно понимаю, что полиция вынуждена задавать массу ненужных вопросов и аккуратно записывать ответы. Это необходимо для так называемого «досье». Я права? — Миссис Светтенхэм повернулась к прилежному констеблю Эдвардсу и снисходительно добавила: — Надеюсь, я не слишком тараторю?

Констебль Эдвардс, отличный стенографист, но человек совершенно не светский, покраснел до

ушей и пробормотал:

— Все в порядке, мадам. Хотя можно чуть помедленней.

Миссис Светтенхэм продолжала, делая выразительные паузы там, где, по ее мнению, следовало ставить запятые или точки:

— Конечно, трудно сказать наверняка, ведь у меня отсутствует чувство времени… а когда началась война, половина наших часов вообще встала, а другие спешат, отстают или вовсе не ходят, потому что мы их не заводим… — Миссис Светтенхэм помолчала, дабы в головах присутствующих ярче запечатлелась неразбериха во времени, царящая в ее доме, а затем серьезно заявила: — Пожалуй, в четыре часа я выворачивала пятку на чулке (и по необъяснимым причинам ошиблась, когда вязала не лицевой ряд, а изнаночный). А может, я была во дворе, срезала увядшие хризантемы… Впрочем, нет, это произошло раньше, до дождя.

— Дождь, — напомнил инспектор, — начался в шестнадцать часов десять минут.

— Правда? Это облегчает дело. Значит, тогда я поднялась на чердак и поставила тазик туда, где у нас обычно капает с крыши. На этот раз текло так сильно, что я поняла: водосток снова забит. Я

спустилась, надела плащ и резиновые сапоги. Я позвала Эдмунда, но он не откликнулся. Я решила, что он работает над трудным эпизодом… он же пишет роман… и не захотела его беспокоить. Лучше все сделать самой. Раньше я ведь прекрасно справлялась сама. Тут нет ничего сложного, надо только взять ручку от метлы и привязать ее к такой длинной штуке, которой поднимают окна.

— Вы хотите сказать, — уточнил Краддок, заметив, что его подчиненный пришел в полное замешательство, — что прочищали водосток?

— Да, он был весь забит палой листвой. Мне пришлось порядком повозиться, я насквозь промокла, но все-таки вычистила. Потом вернулась домой, переоделась и приняла душ. От них такой запах, от этих прелых листьев! Потом я пошла на кухню и поставила чайник. Кухонные часы показывали пятнадцать минут седьмого.

Констебль Эдвардс моргнул.

— А значит, — торжествующе завершила свой рассказ миссис Светтенхэм, — что на самом деле было ровно без двадцати пять. Или примерно столько.

— Кто-нибудь видел, как вы прочищали водосток? — спросил Краддок.

— Естественно, нет! — воскликнула миссис

Светтенхэм. — А то я бы живенько их приспособила к работе. Одной ведь так трудно!

— По вашим словам выходит, что, когда начался дождь, вы вышли в плаще и сапогах на улицу и занялись прочисткой водостока, но подтвердить ваши показания некому?

— Можете осмотреть водосток, — нашлась миссис Светтенхэм. — Он такой чистенький, любо-дорого поглядеть!

— Мистер Светтенхэм, вы слышали, как ваша мать звала вас?

— Нет, — сказал Эдмунд. — Я крепко спал.

— А я думала, ты работал, Эдмундик! — укоризненно сказала мать.

Инспектор Краддок повернулся к миссис Истербрук:

— А что скажете вы, миссис Истербрук?

— Я сидела с Арчи в его кабинете, — сказала миссис Истербрук, устремив на Краддока невинный взгляд. — Мы слушали радио, да, Арчи?

Наступила пауза. Полковник Истербрук густо покраснел и взял жену за руку.

— Ты не понимаешь, котеночек, — сказал он. — Я… я должен сказать, инспектор, что вы нас совсем не подготовили. Моя супруга нервничает, она взвинчена и не осознает всей важности…

— Арчи! — с упреком воскликнула миссис Истербрук. — Неужели ты хочешь сказать, что тебя со мной не было?

— Но ведь меня действительно не было, солнышко! Нужно строго следовать фактам. При такой форме допроса это чрезвычайно важно. Я беседовал с Лэмпсоном, фермером из Крофт-Энда, о сетке для цыплят. Было примерно без пятнадцати четыре. Домой я пришел только после дождя. Лаура жарила оладьи.

— А вас тоже не было дома, миссис Истербрук?

Хорошенькое личико еще больше стало похоже на мордочку ласки. Миссис Истербрук явно приперли к стенке.

— Нет-нет, я как раз слушала радио и никуда не выходила. Я выходила раньше. Около… половины третьего. Пошла прогуляться. Неподалеку.

Казалось, она ожидала дальнейших расспросов, но Краддок спокойно кивнул:

— Достаточно, миссис Истербрук. — Он обратился ко всем присутствующим: — Ваши показания будут отпечатаны на машинке. Вы сможете с ними ознакомиться и, если все будет, по вашему мнению, правильно, подписать.

— А почему вы других не допрашиваете? — со злобой вдруг спросила миссис Истербрук. — На-

пример, Хаймес? Или Эдмунда Светтенхэма? Откуда вы знаете, что он спал? Никто ведь его не видел!

— Перед смертью мисс Мергатройд кое-что рассказала, — спокойно ответил Краддок. — В момент налета одного человека в комнате не оказалось, хотя он, по идее, должен был быть там. Мисс Мергатройд перечислила своей подруге имена людей, которых она видела. Путем исключения та пришла к выводу, что был некто, кого она не видела.

— Но никто не мог ничего увидеть, — сказала Джулия.

— Мергатройд могла, — неожиданно подала голос мисс Хинчклифф. — Она стояла за дверью, там, где сейчас стоит инспектор. И была единственной, кто мог видеть происходящее.

— Ага! Вы в этом уверены? — заявила Мици. Она появилась весьма театрально — распахнув дверь с такой силой, что чуть не сбила с ног Краддока. Мици была очень возбуждена. — О, вы не приглашать Мици приходить вместе с другие, да, полицейский — деревянная голова? Конечно, я ведь просто Мици! Мици для кухня! Мици должен сидеть на кухня, там ее место. Но я скажу: Мици видит, как остальные. А может, даже луч-

ше, чем остальные! Да, я много видеть. И кое-что видеть в тот день, день налет. Кое-что видеть, но не поверить и до теперь держать язык… Как это?… За зубы. Я думала, я не буду говорить, что видеть. Пока не буду. Я буду ждать.

— А когда все утрясется, начнешь выманивать денежки? — усмехнулся Краддок.

Мици накинулась на него, как разъяренная тигрица:

— А почему нет? Почему мне нельзя платить, если я великодушно молчать? Особенно если когда-то будут деньги… много, много деньги! О! Я кое-что слышать и знать, что есть вокруг. Я знаю эти Пипэмеры… тайное общество, агент который, — Мици картинно указала на Джулию, — являться она. Да, я хотела ждать и просить деньги… Но сейчас боюсь. Лучше быть в безопасность. Потому что, может, скоро кто-то убьет и меня. Поэтому я скажу, что знать.

— Прекрасно! — скептически отозвался инспектор. — И что же ты знаешь?

— Сейчас сказать, — торжественно продолжала Мици. — Тот вечер я не сидеть в чулан и не очищать серебро. Я в столовой, когда услышать, как ружье стрелять. Смотрю дырка для замок. Холл черный, но ружье опять паф, и фонарь упадать.

Упадать и все светить. И я вижу ее. Я вижу ее рядом с налетчик. Она держать ружье. Я вижу мисс Блэклок!

— Меня? — Мисс Блэклок даже привстала от удивления. — Ты с ума сошла!

— Вздор! — вскричал Эдмунд. — Мици не могла увидеть мисс Блэклок…

— Ах вот как, мистер Светтенхэм? — язвительно прервал его Краддок. — Почему же? Уж не потому ли, что не мисс Блэклок, а вы стояли там с пистолетом?

— Я? Конечно, нет… Что за чертовщина?!

— Вы украли пистолет полковника Истербрука. Вы затеяли всю эту интригу с Руди Шерцем. Преподнесли ему это как шутку. Вы отправились вслед за Патриком Симмонсом в дальнюю комнату, а когда свет погас, тихонько выскользнули через тщательно смазанную дверь. Вы стреляли в мисс Блэклок, а потом убили Руди Шерца. И через пару минут вы уже снова очутились в гостиной, щелкая зажигалкой.

Эдмунд на мгновение, похоже, утратил дар речи. Потом стал брызгать слюной:

— Ваша идея чудовищна! Почему я? Зачем, черт побери, мне это понадобилось?

— А завещание? Если мисс Блэклок умрет рань-

ше миссис Гедлер, наследство получают двое. Небезызвестная парочка: Пип и Эмма. Джулия Симмонс оказалась Эммой…

— И вы решили, что я — Пип? — рассмеялся Эдмунд. — Фантастика! Просто фантастика! Единственное, что у нас может быть общего с Пипом, так это возраст. И я докажу вам, осел вы этакий, что я — Эдмунд Светтенхэм. У меня есть свидетельство о рождении, школьный аттестат, университетский диплом, все необходимые документы!

— Он не Пип, — раздался голос из темного угла. Побледневшая Филиппа Хаймес вышла на свет. — Пип — это я, инспектор.

— Вы?!

— Да. Все почему-то решили, что Пип — мальчик. Джулия, естественно, знала, что у нее не брат, а сестра, но почему-то сегодня днем не сказала этого.

— Из чувства семейной солидарности, — подала голос Джулия. — Меня вдруг осенило, кто ты такая. Раньше я не догадывалась.

— В моей голове родился тот же замысел, что и у Джулии. — Голос Филиппы слегка дрожал. — После того как я… потеряла мужа и война закончилась, я задумалась о будущем. Моя мать

давно умерла. Я выяснила, где живет мисс Блэклок, и… приехала сюда. Нанялась на работу к миссис Лукас. Я надеялась, что, поскольку мисс Блэклок уже в годах и у нее нет родственников, она не откажется помочь. Не мне — я в состоянии работать. Я надеялась, она поможет Гарри получить образование. В конце концов, деньги ведь принадлежали Гедлерам, а у мисс Блэклок нет своей родни, так что ей не на кого их тратить. А потом, — Филиппа заговорила быстрее, как бы понукая себя: хотя она и нарушила обет молчания, слова все равно застревали у нее в горле, — потом, после налета, я испугалась. Все выглядело так, будто я единственная, у кого имелись основания желать смерти мисс Блэклок. Я же не догадывалась, кто такая Джулия, мы с ней не близнецы, а двойняшки и почти не похожи. Мне казалось, что подозрение может пасть только на меня.

Она остановилась, отбросила со лба светлые волосы, и внезапно Краддок понял, что размытый снимок, лежавший в коробке с письмами, был фотографией матери Филиппы. Сходство явно бросалось в глаза. А еще он понял, кого напомнили ему слова про Соню, которая похожа на кошку, выпускающую когти. Именно этот жест он увидел сейчас у Филиппы.

— Мисс Блэклок была ко мне очень добра. Очень, очень добра! Я не пыталась ее убить. Я даже в мыслях не желала ей зла! Но все равно Пип — это я. — Филиппа помолчала и добавила: — Так что не надо больше подозревать Эдмунда.

— Не надо? — переспросил Краддок. В голосе его снова зазвучали едкие нотки. — Эдмунд Светтенхэм обожает деньги. И, наверное, не прочь заполучить богатую невесту. Но она не разбогатеет, если миссис Гедлер умрет раньше мисс Блэклок. А поскольку миссис Гедлер наверняка умрет раньше, ему необходимо что-то предпринять, не так ли, мистер Светтенхэм?

— Это гнусная ложь! — воскликнул Эдмунд.

И вдруг по дому разнесся крик. Он долетел с кухни. Долгий, нечеловеческий крик ужаса…

— Господи, ведь это не Мици? — вскричала Джулия.

— Нет, — покачал головой Краддок. — Это человек, на совести которого три убийства.

Глава 22
Правда

Когда инспектор обвинил Эдмунда Светтен-хэма, Мици тихонько улизнула из комнаты в кухню. Не успела она налить в раковину воды, как появилась мисс Блэклок.

Мици пристыженно покосилась на нее.

— Какая же ты лгунья, Мици! — мило улыбнулась мисс Блэклок. — Разве… разве так моют посуду? Сначала помой серебро. Да налей же ты раковину пополнее! Как можно мыть посуду, если в раковине совсем нет воды?

Мици послушно открыла краны на полную мощность.

— Вы не сердиться, что я так говорить, мисс Блэклок? — спросила она.

— Если бы я сердилась на все твои выдумки, мне пришлось бы беситься с утра до ночи, — ответила мисс Блэклок.

— Тогда я идти к инспектор и говорить, что это выдумка? — спросила Мици.

— Он и без тебя уже в курсе, — любезно откликнулась мисс Блэклок.

Мици закрыла кран, и тут же сильные руки одним рывком сунули ее голову под воду.

— Только я знаю, что ты раз в жизни сказала правду, — злобно проговорила мисс Блэклок.

Мици отбивалась, пытаясь вырваться, но мисс Блэклок оказалась на удивление сильной и удерживала голову девушки под водой.

И вдруг совсем рядом раздался жалобный голос Доры Баннер:

— О Лотти, Лотти… не надо… Лотти!

Мисс Блэклок вскрикнула. Руки ее разжались и выпустили Мици, которая, задыхаясь и отплевываясь, подняла голову. А мисс Блэклок продолжала кричать, потому что на кухне никого не было…

— Дора, Дора, прости меня! Я должна, должна была это сделать…

Не разбирая дороги, мисс Блэклок кинулась в посудомоечную, но путь ей преградил сержант Флетчер, а из шкафчика для веников и половых щеток шагнула раскрасневшаяся мисс Марпл.

— У меня всегда хорошо получалось подражать чужим голосам, — сказала она.

— Вам придется пройти со мной, — заявил Летиции сержант Флетчер. — Я свидетель вашей попытки убить девушку. Впоследствии вам будут

предъявлены и другие обвинения. Должен предупредить, Летиция Блэклок…

— Не Летиция, а Шарлотта, — поправила сержанта мисс Марпл. — Шарлотта Блэклок, вот кто она такая. Под жемчужным ожерельем, которое она носит не снимая, у нее шрам от операции.

— От операции?

— Да. От операции по удалению зоба.

Притихшая мисс Блэклок изумленно посмотрела на мисс Марпл:

— Выходит, вы все знаете?

— Да, с некоторых пор — все.

Шарлотта Блэклок присела к столу и заплакала.

— Зря вы это сделали, — всхлипывая, бормотала она. — Зачем вы говорили Дориным голосом? Я любила Дору. Я действительно ее любила!

Инспектор Краддок и все остальные толпились в дверях. Констебль Эдвардс, помимо прочих своих достоинств, умевший оказывать первую помощь пострадавшим, делал Мици искусственное дыхание. Как только к Мици вернулся голос, она принялась превозносить себя до небес:

— Я все хорошо делать, да? Я умный! И смелый. О, я такой смелый! Меня почти совсем, немного убили! Но я так смелый, что рискую все.

Внезапно мисс Хинчклифф выскочила вперед и набросилась на рыдающую Шарлотту Блэклок. Сержанту Флетчеру с трудом удалось ее оттащить.

— Нет-нет, — пытался он урезонить мисс Хинчклифф, — что вы… не надо…

— Пустите меня! — приговаривала, стиснув зубы, Хинч. — Я ее растерзаю. Это она убила Эми Мергатройд!

Шарлотта Блэклок подняла на нее глаза и всхлипнула:

— Я не хотела ее убивать. Я никого не хотела убивать… так получилось… Но жаль мне только Дору, после Дориной смерти я осталась совсем одна… С тех пор как она умерла, я одна… О Дора, Дора!..

Мисс Блэклок закрыла лицо руками и вновь зарыдала.

Глава 23
Вечер у пастора

Мисс Марпл сидела в кресле с высокой спинкой, Банч примостилась на полу напротив камина, обхватив колени руками. Преподобный Джулиан Хармон подался вперед и впервые смахивал больше на школьника, чем на мудрого старца, много повидавшего на своем веку. Инспектор Краддок курил сигару, потягивал виски с содовой и чувствовал себя вольготно. Другой кружок образовали Джулия, Патрик и Филиппа.

— Я считаю, что это ваша история, мисс Марпл, — сказал Краддок.

— О что вы, мой мальчик! Я лишь капельку помогла вам. Но вы были в курсе всех событий, вы вели расследование и знаете куда больше меня.

— Ладно, рассказывайте вдвоем, — нетерпеливо перебила старушку Банч. — Каждый по кусочку. Только пусть начинает тетя Джейн, потому что мне нравится, как она путано рассказывает. Когда вы в первый раз заподозрили Блэклок, тетя Джейн?

— Трудно сказать определенно, дорогая Банч.

Конечно, мне с самого начала показалось, что самый подходящий человек для организации налета — это мисс Блэклок. О ней единственной было известно, что она общалась с Руди Шерцем. Да и потом, устроить такую заваруху в собственном доме проще простого. Возьмем, к примеру, отопление. Камин зажигать было нельзя: от него был бы свет. Но никто, кроме хозяйки дома, не может распорядиться включить центральное отопление. Не хочу сказать, что я все время об этом думала… Однако порой у меня возникало сожаление, что разгадка не так проста. Впрочем, потом я, как и остальные, была введена в заблуждение, что кто-то покушается на жизнь Летиции Блэклок.

— Наверно, имеет смысл сразу уточнить, что же произошло в действительности, — сказала Банч. — Швейцарец узнал ее?

— Да. Он работал в… — Мисс Марпл нерешительно взглянула на Краддока.

— В клинике доктора Адольфа Коха в Берне, — сказал Краддок. — Кох был всемирно известным специалистом по удалению зоба. Шарлотта Блэклок легла в его клинику на операцию, а Руди Шерц работал там санитаром. Приехав в Англию, он увидел в гостинице даму, бывшую пациентку

Коха, узнал ее и при случае заговорил с ней. Дай он себе труд задуматься, Руди, конечно, не стал бы этого делать, ведь он уволился из больницы, и над его головой сгущались тучи. Впрочем, это произошло спустя некоторое время после выписки Шарлотты, и она могла этого не знать.

— Выходит, он не говорил ей ни о Монтре, ни об отце, хозяине отеля?

— Нет, она все придумала, — сказала мисс Марпл. — Представляете, Шарлотта чувствовала себя в безопасности, и вдруг — на тебе, какое чудовищное невезение! Она встречает человека, который знал ее не как одну из двух мисс Блэклок (к этому она была готова), а именно как Шарлотту Блэклок, больную, которой удалили зоб… Но вы хотели услышать все по порядку. Итак, началось все — надеюсь, инспектор со мной согласится — тогда, когда у Шарлотты Блэклок, милой, очаровательной и беззаботной девчушки, начала увеличиваться щитовидная железа, именуемая в народе зобом. Это разбило ее жизнь, она ведь была очень ранимой девочкой и слишком болезненно относилась к своей внешности. Многие девочки этим грешат, особенно в подростковом возрасте. Если бы мать Шарлотты была жива или если бы отец был более разумным человеком, она

не оказалась бы в столь плачевном состоянии. Но никто не пытался отвлечь ее от грустных мыслей, не заставлял общаться с людьми, вести нормальный образ жизни и не зацикливаться на своем недостатке. Конечно, если бы Шарлотта росла в другой семье, ей бы сделали операцию гораздо раньше.

Однако доктор Блэклок был мракобесом, деспотичным и упрямым. Он не верил в такие операции. И, вероятно, убедил Шарлотту, что ей ничто не поможет, кроме йода и других подобных лекарств. Шарлотта ему верила. Думаю, они с сестрой переоценивали медицинские познания своего папаши. Шарлотта любила отца слащавой, покорной любовью. Отцу, считала она, видней. Зоб рос, становился все безобразнее, и она постепенно замыкалась в себе, теряла связь с людьми. Хотя вообще-то она была очень добрым, привязчивым созданием.

— Странная характеристика для убийцы, — хмыкнул Эдмунд.

— Ничего странного, — возразила мисс Марпл. — Слабые и добрые люди часто оказываются предателями. А если они в обиде на жизнь, это лишает их и тех немногих душевных сил, которыми они обладают. Летиция Блэклок была,

конечно, совсем другой. Белль Гедлер отзывалась о ней очень хорошо, и я полагаю, вполне заслуженно. Она была удивительно цельной натурой и, по ее же собственному признанию, искренне не понимала, как можно не распознать, что честно, а что — нет. Несмотря ни на какие соблазны, Летиция Блэклок не допустила бы мошенничества… Она преданно любила сестру. Чтобы Шарлотта не теряла связи с миром, Летиция писала ей пространные письма, во всех подробностях расписывая свою жизнь. Ее очень беспокоило ужасное душевное состояние Шарлотты. И вот доктор Блэклок умирает. Летиция без колебаний оставляет работу у Рэнделла Гедлера и посвящает себя сестре. Она повезла ее в Швейцарию, чтобы проконсультироваться со швейцарскими докторами по поводу операции. Болезнь оказалась очень запущенной, но, как мы знаем, операция прошла успешно. Зоб удалили, а шрам было легко замаскировать жемчужным ожерельем или бусами.

Потом разразилась война. Вернуться в Англию сестры не могли и остались в Швейцарии, работали в Красном Кресте и других организациях. Время от времени до них доходили вести с родины… Наверное, дошел слух и о том, что

Белль Гедлер долго не проживет. Конечно, любой человек на их месте начал бы строить планы, всем бы хотелось получить громадное состояние. Надеюсь, вам понятно, что это было куда важнее для Шарлотты, чем для Летиции? Впервые в жизни Шарлотта почувствовала себя нормальной женщиной, на которую люди смотрят без отвращения или жалости. Наконец-то она вздохнула свободно… Она верила, что впереди у нее целая жизнь и оставшиеся годы будет чем заполнить! Она сможет путешествовать, купить дом, прекрасное поместье… будет иметь наряды и украшения, посещать театры, концерты… любая ее прихоть теперь может быть исполнена… Она грезила наяву.

И вдруг Летиция, сильная, здоровая Летиция, подхватила простуду. Вскоре эта простуда перешла в воспаление легких, и через неделю Летиция умерла. Шарлотта потеряла не только сестру. Рухнули все ее планы на будущее. Знаете, я думаю, она даже обижалась на Летицию: дескать, с чего бы это ей приспичило умереть именно сейчас, когда они получили письмо о том, что Белль Гедлер долго не протянет?! Подождала бы месячишко, когда все деньги перешли бы к Блэклокам, а там могла бы и помирать… В этом

как раз и проявляется разница между сестрами. Шарлотта не осознавала, что поступает дурно, искренне не понимала. Ведь деньги все равно должны были перейти к Летиции — и перешли бы в ближайшем будущем! — а она считала себя и сестру единым целым.

Наверное, мысль об обмане не приходила ей в голову, пока врач не начал уточнять имя ее сестры. Тут она вдруг осознала, что почти все вокруг воспринимают их как «двух мисс Блэклок», пожилых благовоспитанных англичанок, одевавшихся одинаково и очень похожих друг на друга. (А я уже обращала внимание Банч на то, что пожилые женщины вообще удивительно похожи.) Почему бы, подумала Шарлотта, в таком случае Шарлотте не умереть, а Летиции не остаться в живых? Вряд ли это был стройный замысел, скорее — мгновенный порыв. Но тем не менее Летицию похоронили под именем Шарлотты. «Шарлотта» умерла, а «Летиция» вернулась в Англию. И тут ее природная предприимчивость, не востребованная столько лет, расцвела пышным цветом. Будучи Шарлоттой, она всегда играла вторую скрипку. Теперь она могла развернуться, в ней проявились начальственные задатки Летиции. Мыслили-то сестры очень похоже, а вот

в нравственном плане существенно разнились. Шарлотте, разумеется, пришлось принять меры предосторожности. Она купила дом в совершенно незнакомом месте. Впрочем, ей следовало избегать только кумберлендских знакомых (хотя и в Кумберленде она жила уединенно). Ну и, конечно, ни в коем случае нельзя было встречаться с Белль Гедлер, которая слишком хорошо знала Летицию. Обмануть Белль было совершенно невозможно. Изменение своего почерка Шарлотта объясняла артритом… И все шло как по маслу, ведь Шарлотту знала лишь жалкая горстка людей.

— А если бы она вдруг встретила знакомых Летиции? — спросила Банч. — У той же было полно знакомых!

— Это другое дело. Они бы сказали: «Я тут на днях столкнулся с Летицией Блэклок. Она так изменилась, ее не узнать!»

Но подозрений ни у кого не возникло бы. За десять лет люди сильно меняются. То, что Шарлотта не узнала бы этих людей, было бы списано за счет близорукости, да и потом, она же была в курсе мельчайших подробностей лондонской жизни Летиции и прекрасно знала, с кем сестра там общалась, куда ходила. Шарлотте стоило только перечитать письма сестры, и она мгно-

венно устранила бы любое подозрение, упомянув про какой-нибудь случай или спросив об общем знакомом. Нет, ей следовало опасаться только того, что кто-нибудь признает в ней Шарлотту.

Она поселилась в «Литтл-Пэддоксе», познакомилась с соседями, а получив письмо, умолявшее «дорогую Летицию оказать гостеприимство» и все такое прочее, с удовольствием согласилась на приезд молодых родственников, которых никогда в жизни не видела. Они считали ее тетей Летти и тем самым как бы гарантировали ее безопасность. В общем, все шло превосходно. И вдруг… Она совершает непоправимую ошибку. Ошибку, вызванную исключительно ее добросердечием и сентиментальностью. Получив письмо от школьной подруги, влачившей жалкое существование, Шарлотта поспешила ей на выручку. Возможно, она страдала от одиночества. Тайна отдалила ее от людей. Да и потом, она искренне любила Дору Баннер, та была для нее олицетворением радостных и беззаботных школьных лет. В порыве чувств Шарлотта ответила на Дорино письмо. Представляю, как изумилась Дора! Еще бы: она писала Летиции, а ей ответила Шарлотта! Притворяться перед Дорой Шарлотте и в голову не пришло. Дора была одной из немногочислен-

ных школьных подруг, которым позволялось навещать Шарлотту в годы ее одиночества и страданий. Шарлотта знала, что Дора будет на ее стороне, и рассказала ей об обмане. Дора ее поддержала от всей души. В ее затуманенном мозгу царила жуткая неразбериха, и ей казалось очень даже правильным, что дорогая Лотти не лишится наследства из-за безвременной кончины Летти. За свои безмолвные страдания, которые Лотти переносила так мужественно, она, безусловно, заслуживала награды. И было бы вопиющей несправедливостью, если бы деньги перешли к каким-то самозванцам.

Дора великолепно понимала, что обман не должен раскрыться. Это было для нее ложкой дегтя в бочке меда. Рассказывать о подлоге было нельзя, хотя Дора сама ничего плохого в нем не видела… Дора приехала в «Литтл-Пэддокс», и очень скоро Шарлотта начала осознавать, что совершила роковую ошибку. Нет, дело было вовсе не в том, что жизнь с рассеянной, никчемной Дорой, которая все на свете путала, превратилась для Шарлотты в полный бедлам. С этим она еще могла примириться, ведь Шарлотта действительно любила Дору. Но вскоре подруга стала представлять для нее реальную опасность. Шарлотта с Летицией

всегда звали друг друга полными именами, но Дора признавала только уменьшительные. Она называла сестер «Летти» и «Лотти». И хотя Дора очень старалась привыкнуть называть подругу по-новому, старое имя частенько соскальзывало у нее с языка. Дора могла проболтаться о событиях прошлого, и Шарлотте приходилось все время быть начеку, бороться с Дориной забывчивостью. Это начинало действовать ей на нервы. Однако окружающие не обращали особого внимания на оговорки Доры. Гораздо большая опасность нависла над Шарлоттой, когда в «Ройал Спа» ее встретил Руди Шерц. Ведь он узнал ее и заговорил с ней. Я полагаю, это Шарлотта Блэклок давала Руди Шерцу деньги для покрытия недостач. Но мы с инспектором Краддоком не верим, что, обращаясь к ней с просьбами о деньгах, Руди Шерц замышлял шантаж.

— Он и понятия не имел, чем ее можно шантажировать, — подтвердил Краддок. — Шерц высоко ценил свое обаяние и на собственном опыте уже убедился в том, что обходительный молодой человек способен вытянуть приличные денежки из пожилых дам. Надо только мастерски рассказать им какую-нибудь трогательную историю. Но Шарлотта-то видела все в ином свете!

Вероятно, она решила, что Руди ее хитроумно шантажирует, и боялась, что, когда после смерти Белль история с наследством получит широкую огласку, швейцарец возомнит, будто напал на золотую жилу. А она уже завязла во вранье по уши. Все считали ее Летицией Блэклок: и банкиры, и миссис Гедлер. Так удачно все складывалось, и надо же — появился этот швейцарец, какой-то гостиничный клерк, личность сомнительная, ненадежная и к тому же, судя по всему, шантажист!

Наверное, поначалу Шарлотта просто предавалась фантазиям. За свою жизнь она изголодалась по острым ощущениям, и сперва просто так, для собственного удовольствия, она принялась лелеять планы избавления от Шерца. Но в конце концов замысел оформился, и Шарлотта решила претворить его в жизнь. Она рассказала Руди Шерцу о розыгрыше с налетом, объяснила, что роль «гангстера» должен играть незнакомый мужчина, и пообещала крупный куш за сотрудничество. Тот факт, что Шерц согласился без тени подозрения, лишний раз подтверждает мою гипотезу: ему и в голову не приходило, что Шарлотта его боится. Он считал ее глуповатой старушенцией, охотно развязывавшей тугой кошелек.

Шарлотта поручила Руди поместить объявление в газете, помогла разузнать планировку дома и сказала, где она его встретит в назначенный вечер. Дора Баннер понятия не имела о ее замыслах. И вот настал тот день…

Краддок замолк. Мисс Марпл подхватила нить рассказа:

— Я думаю, она чувствовала себя ужасно. Еще не поздно было отступить… Дора Баннер говорила нам, что Летти боялась. И наверняка Шарлотта была напугана. Напугана своими планами и тем, что они могут провалиться… Но все же она не настолько боялась, чтобы пойти на попятную. Наверно, ей казалось шуткой взять пистолет из ящика для воротничков у полковника Истербрука и спрятать его в корзинке с яйцами или с вареньем. Шуткой было и смазать вторую дверь в гостиной, чтобы она бесшумно открывалась и закрывалась. Да и предложение выставить стол за дверь якобы для того, чтобы букет, составленный Филиппой, смотрелся эффектней, еще можно было воспринять как шутку, игру. Но все дальнейшее на игру уже не походило. Да, конечно, она боялась. Дора Баннер была права.

— И тем не менее Шарлотта довела дело до конца, — сказал Краддок. — Все шло точно по плану.

Едва часы пробили шесть, Шарлотта отправилась «закрыть уток», а на самом деле впустила Шерца, дала ему маску, плащ, перчатки и фонарь. Когда часы начинают бить половину седьмого, она уже стоит у стола возле прохода под аркой и протягивает руку к сигаретам. Все так естественно! Патрик, играя роль хозяина, отправился за напитками. Шарлотта — хозяйка, она угощает гостей сигаретами. Она правильно рассчитала, что бой часов привлечет всеобщее внимание. Так и случилось. Только Дора, преданная Дора, не отрывала глаз от подруги. И она сразу же заявила следствию, что мисс Блэклок взяла со стола вазочку с фиалками. Шарлотта заранее растрепала шнур лампы, почти оголив провод. Остальное произошло в считанные секунды. Сигаретница, ваза и выключатель находились рядом. Она подняла вазочку с фиалками, плеснула водой на оголенный провод и включила лампу. Вода — прекрасный проводник электричества. Тут же произошло короткое замыкание.

— Совсем как у нас, — сказала Банч. — Вы тогда этому поразились, тетя Джейн?

— Да, милая. Я все время ломала голову, пытаясь понять, как погас свет. Мне удалось узнать, что у мисс Блэклок было две лампы и их подме-

нили… возможно, той же ночью.

— Совершенно верно, — подтвердил Краддок. — Когда на следующее утро Флетчер осматривал лампу, она, как и остальные светильники в доме, была в полном порядке — ни обтрепанного шнура, ни сожженных проводов.

— Я поняла, что имела в виду Дора Баннер, заявив, что накануне в гостиной стояла «пастушка», — сказала мисс Марпл, — но допустила ошибку, поверив Доре, обвинявшей Патрика. Забавно, правда? Доре нельзя было верить, когда она рассказывала о том, что слышала, ибо она все преувеличивала или искажала. В голове у нее творилась неразбериха. Но Дора абсолютно достоверно описывала увиденное. А она видела, как Летти подняла вазочку с фиалками… И конечно, когда наша милая Банч пролила немного воды из вазы с рождественскими розами на провод лампы, я сразу догадалась, что проводку могла сжечь только сама мисс Блэклок, поскольку, кроме нее, возле того стола никто не стоял.

— Я потом простить себе не мог! — воскликнул Краддок. — Ведь Дора Баннер упоминала про подпалину на столе, дескать, кто-то положил туда сигарету… Но закурить-то никто не успел!.. И фиалки завяли потому, что в вазе не было воды. Да,

тут Летиция допустила промашку, ей следовало налить новую воду. Но, наверно, она решила, что этого никто не заметит. И действительно, мисс Баннер охотно поверила, что это она с самого начала забыла налить в вазу воды… Мисс Баннер была крайне внушаема. И мисс Блэклок неоднократно пользовалась ее слабостью. Я полагаю, что именно она внушила Банни подозрения насчет Патрика.

— Но зачем же на мне отыгрываться?! — горестно возопил Патрик.

— Вряд ли она намеревалась всерьез дискредитировать вас. Скорее она хотела отвлечь Банни от своей персоны, — пояснил Краддок. — Ну, а остальное нам уже известно. Едва погас свет и поднялся гвалт, мисс Блэклок выскользнула в дверь и подошла сзади к Руди Шерцу, который шарил фонарем по комнате, войдя в роль грабителя. Он и не подозревал, что она стоит позади него в садовых перчатках, с пистолетом. Мисс Блэклок подождала, пока фонарь высветил то место, куда ей надо было прицелиться, то есть стену, возле которой, по мнению всех присутствующих, стояла она, и поспешно сделала два выстрела. А когда Шерц испуганно обернулся, поднесла к его голове пистолет и выстрелила еще раз. Бросив пистолет

возле трупа, она небрежно кинула перчатки на столик в холле и поторопилась занять свое место. Она поранила себе ухо… точно не знаю чем…

— Наверное, маникюрными ножницами, — предположила мисс Марпл. — От малейшего пореза мочки начинается сильное кровотечение. Это был тонкий психологический ход. Кровь, струящаяся по белой блузке, служила бесспорным доказательством того, что стреляли именно в мисс Блэклок и промахнулись лишь чудом.

— Все должно было кончиться успешно, — сказал Краддок. — Уверения Доры Баннер, что Руди Шерц хотел убить Летти, сыграли свою роль. Сама того не подозревая, Дора убедила окружающих в том, что видела, как ранили ее подругу. Случившееся могли расценить как самоубийство или несчастный случай. И дело едва не закрыли. А не закрыли его только благодаря вам, мисс Марпл.

— О нет, что вы?! — решительно возразила мисс Марпл. — Я лишь немножко помогла вам. Но основная заслуга ваша, исключительно ваша, мистер Краддок. Это вы не хотели прекращать дело.

— Мне было не по себе, — сказал Краддок. — Я чувствовал какой-то подвох, но никак не мог понять, в чем дело, пока вы мне не подсказали. И кроме того, мисс Блэклок действительно не

повезло. Я раскрыл секрет второй двери. До того момента наши догадки оставались гипотезой. Но смазанная дверь уже являлась уликой. А напал я на нее совершенно случайно — по ошибке схватился не за ту ручку.

— Я считаю, что вас вело Провидение, инспектор, — сказала мисс Марпл. — Хотя у меня архаичные представления.

— И охота началась снова, — продолжал Краддок. — Правда, тактика немного изменилась. Теперь мы выясняли, у кого есть причины желать смерти мисс Блэклок.

— А кое у кого они действительно могли быть, и мисс Блэклок это понимала, — поддержала его мисс Марпл. — Думаю, она почти сразу же узнала Филиппу. Судя по всему, Соня Гедлер принадлежала к узкому кругу избранных, которым позволялось нарушать уединение Шарлотты. А в старости (вам пока это неведомо, мистер Краддок) гораздо явственней помнишь лица тех, кого видел в молодости, нежели людей, с которыми встречался пару лет назад. Шарлотта помнила Соню примерно в том же возрасте, в каком сейчас наша Филиппа, а Филиппа очень похожа на свою мать. Как ни странно, узнав Филиппу, Шарлотта обрадовалась. Она привязалась к девушке.

Может, таким образом она пыталась заглушить угрызения совести, которые, наверное, все-таки ее мучили. Шарлотта убеждала себя, что, получив наследство, она позаботится о Филиппе, заменит ей мать. И они заживут все вместе: она, Филиппа и Гарри. Думая так, Шарлотта чувствовала себя благодетельницей и была счастлива. Но когда инспектор начал расспрашивать про Пипа и Эмму, Шарлотте стало неуютно. Она не собиралась делать из Филиппы козла отпущения. Ей хотелось, чтобы все ограничилось налетом юного головореза и его случайной гибелью. Насколько она знала (Шарлотта ведь не догадывалась, кто такая Джулия), только Филиппа могла теоретически желать ее смерти. И Шарлотта приложила все усилия, чтобы помешать опознать Филиппу. У нее хватило ума сказать инспектору, что Соня была низкого роста, темноволосой и смуглой. Заодно с фотокарточками Летиции она изъяла из альбома и фотографии Сони, чтобы вы, инспектор, не смогли уловить сходство.

— Надо же! А я думал, что Соня Гедлер — это миссис Светтенхэм, — недовольно пробурчал Краддок.

— Моя бедная мамочка! — пробормотал Эдмунд. — Заподозрить женщину со столь без-

упречной репутацией… По крайней мере я всю жизнь верил в ее непорочность…

— Но, конечно, — вернулась к своему рассказу мисс Марпл, — настоящую опасность для Шарлотты представляла только Дора Баннер. С каждым днем старушка становилась все забывчивей и болтливей. Как мисс Блэклок ошпарила ее взглядом, когда мы с Банч пришли к ним на чай. А знаете почему? Дора опять назвала ее Лотти. Мы восприняли это как безобидную оговорку, но Шарлотта не на шутку перепугалась. Так все и шло. Бедная Дора не могла удержаться от болтовни. Когда мы пили кофе в «Синей птице», у меня возникло странное ощущение, будто бы Дора говорит не об одном человеке, а сразу о двух. На самом деле так оно и было. То она говорила о подруге, что она дурнушка, но сильная личность, то тут же расписывала ее как хорошенькую, веселую девушку. Сказав об уме и удачливости Летти, Дора вдруг посетовала на то, что у бедняжки была такая тоскливая жизнь, и процитировала строки «И бремя печалей на сердце легло…». Я еще подумала, что они совершенно не вяжутся с образом Летиции. Зайдя в то утро в кафе, Шарлотта, очевидно, слышала большую часть Дориной болтовни. Наверняка

она слышала, как Дора упомянула про подмену лампы — дескать, это пастушок, а не пастушка. И поняла, что бедная преданная Дора представляет серьезнейшую угрозу для ее спокойствия. Боюсь, наш разговор в кафе окончательно решил участь Доры, простите за патетику. Но, наверное, этим все равно бы кончилось. Ведь пока Дора Баннер была жива, Шарлотта не чувствовала себя в безопасности. Она любила Дору… и не хотела ее убивать… но другого выхода не видела. Очевидно, она убедила себя (как сестра Эллертон, помнишь, Банч?), что поступает милосердно. Бедняжка Банни, ей же все равно осталось жить недолго. К тому же конец может оказаться мучительным… Что самое интересное — Шарлотта из кожи вон лезла, чтобы сделать последний день Банни как можно счастливее. День рождения, гости, особый торт…

— «Сладкая смерть»! — содрогнулась Филиппа.

— Да-да, именно так. Она пыталась устроить подруге сладкую смерть. Гости, любимые кушанья Банни, запрещение говорить о неприятных вещах, чтобы не расстраивать подругу. А потом — таблетки. Бог знает, какая гадость была в пузырьке из-под аспирина, который Шарлотта положила возле своей кровати, чтобы Банни, не найдя нового пузырька, взяла из этого. А впечат-

ление создастся, подумала Шарлотта (и оказалась права), что таблетки предназначались для нее. Вот так Банни и умерла во сне, совершенно счастливая, и Шарлотта вновь почувствовала себя в безопасности. Но она тосковала по Доре Баннер, по ее любви и верности, ей было не с кем поговорить о прошлом… Она горько плакала в тот день, когда я принесла ей записку от Джулиана, и ее горе было искренним. Она убила свою самую близкую подругу…

— Ужасно! — воскликнула Банч. — Как это ужасно!

— Но очень по-человечески, — сказал Джулиан Хармон. — Вы забываете, что убийцы — тоже люди.

— Нет, я лично не забываю, — не согласилась с ним мисс Марпл. — Конечно, они люди. И их часто бывает жаль. Но они очень опасны. Особенно такие слабохарактерные, мягкосердечные убийцы, как Шарлотта Блэклок. Потому что стоит слабому человеку по-настоящему перепугаться, как он звереет от ужаса и теряет самоконтроль.

— Как случилось в истории с Мергатройд? — спросил Джулиан.

— Да, с бедной мисс Мергатройд. Видимо, Шарлотта подошла к дому как раз в тот момент, когда

подруги воссоздавали сцену убийства. Окно оказалось открыто, Шарлотта прислушалась. До того момента ей не приходило в голову, что кто-то еще может представлять для нее опасность. Но мисс Хинчклифф требовала от подруги припомнить увиденное, а такого поворота событий Шарлотта не ожидала. Она ведь думала, что во время налета все смотрели на Руди Шерца! Шарлотта притаилась под окном и подслушивала. Вдруг все обойдется? Но когда мисс Хинчклифф собралась ехать на станцию, Мергатройд вдруг напала на след. Она кричала вслед мисс Хинчклифф: «Там ее не было…» Я недаром просила мисс Хинчклифф припомнить точные слова подруги. Потому что, скажи она: «Ее не было там», смысл утверждения изменился бы в корне.

— Для меня это слишком сложно, — покачал головой Краддок.

Мисс Марпл с готовностью повернула к нему порозовевшее лицо:

— А вы поставьте себя на место мисс Мергатройд. Человек видит очень многое, хотя часто сам об этом не догадывается. Когда я попала в железнодорожную катастрофу, мне врезался в память большой пузырь краски на стене купе. Я могла бы нарисовать его во всех подробностях.

А однажды мне пришлось пережить воздушный налет на Лондон… помню бомбы… осколки… страшное потрясение… но ярче всего мне запомнилась какая-то женщина, она стояла передо мной, и у нее была большая дырка на чулке, а сами чулки были разного цвета. Так что когда мисс Мергатройд перестала думать и попыталась просто вспомнить, что она видела, она припомнила очень многое. Наверное, она начала свой мысленный путь от камина, который сперва осветил фонарь… потом свет прошелся по окнам, выхватывая из темноты фигуры людей… Вот миссис Хармон, она закрыла лицо руками. Мергатройд мысленно идет за фонарем дальше, доходит до мисс Баннер, которая стоит, разинув рот и выпучив глаза… Потом взгляд мисс Мергатройд упирается в пустую стену и стол с лампой и сигаретницей. Звучат выстрелы, и вдруг она вспоминает нечто совершенно невероятное! Она видит стену, возле которой стояла Летиция Блэклок, когда в нее стреляли. Но в тот миг, когда пистолет выстрелил в Летти, там Летти не было… Теперь понятно? Мергатройд подозревала в убийстве трех женщин, на которых ей указала мисс Хинчклифф. Если бы одной из них не оказалось на месте, Мергатройд сделала бы ударение на ме-

стоимении «ее». Она сказала бы: «Этой! Ее там не было». Но она имела в виду место, где кто-то должен был стоять и не стоял — там никого не было. Место было, а человека не было. И Мергатройд не смогла сразу этого осознать. «Как странно, Хинч, — сказала она. — Там ее не было…» Следовательно, она имела в виду Летицию Блэклок.

— Но вы это поняли раньше, — заметила Банч, — когда перегорела лампа. Вы еще написали тогда какие-то слова, да?

— Да, милая. Разрозненные фрагменты вдруг соединились для меня в единое целое, и создалась стройная система.

Банч вкрадчиво произнесла:

— «Лампа»… Теперь мне это понятно. «Фиалки»… Тоже. «Пузырек аспирина»… Вы хотели сказать, что Банни собиралась купить новый пузырек и ей не было нужды брать лекарство Летиции?

— Да, а значит, Летиция должна была украсть и припрятать лекарство Банни. Ведь должно было создаться впечатление, что намеревались убить Летицию Блэклок!

— Ясно. Что там у вас шло дальше? «Сладкая смерть». Да, это не просто торт. Это вообще ведь день рождения. Предсмертный праздник для

Банни. Шарлотта обращалась с ней как с собакой, которую собираются усыпить. По-моему, самое ужасное во всей этой истории — то, что она прикидывалась добренькой.

— Но она действительно была доброй! Последние слова, сказанные Шарлоттой на кухне, — чистая правда. «Я не хотела никого убивать…» Да, она просто хотела заполучить кучу денег, которые ей не принадлежали. И перед этим желанием, которое стало ее навязчивой идеей, как будто деньги могли вознаградить ее за все страдания в прошлом, — так вот, перед этим желанием все остальное отходило на задний план. Люди, затаившие злобу на жизнь, всегда опасны. Они считают, что жизнь им чем-то обязана. Я знавала многих калек, которые страдали гораздо больше Шарлотты и были беднее ее, но умудрялись радоваться жизни. Счастье или несчастье зависит от самого человека. Впрочем, боюсь, что я уклоняюсь от темы. На чем мы с вами остановились?

— Мы вспоминали список, — подсказала Банч. — Что вы имели в виду, написав «выяснить»?

— Уж вам-то, инспектор, — мисс Марпл обратилась к Краддоку, — грех было не заметить. Помните, вы показали мне письмо Летиции?

Там дважды встречалось слово «выяснить», и оба раза вместо «я» стояло «е». А в записке, которую я попросила Банч показать вам, мисс Блэклок написала «выяснять» с «я». Люди стареют, но их орфография обычно не меняется. Это несоответствие показалось мне тогда весьма существенным.

— Вы правы, — согласился Краддок, — как же я упустил такую деталь!

А Банч продолжала:

— «И бремя печалей на сердце легло…» Но это же слова, сказанные Дорой в кафе! Она подразумевала недуг Шарлотты, а у Летиции, разумеется, никакого недуга не было и в помине. «Йод». Это связано с ее заболеванием?

— Да, милая. Рассказывая про свою жизнь в Швейцарии, мисс Блэклок пыталась создать впечатление, будто ее сестра умерла от чахотки. Но я вспомнила, что в Швейцарии крупнейшие специалисты по щитовидке и самые искусные хирурги. Кроме того, моя гипотеза объясняла, почему Летиция Блэклок не расставалась с этим нелепым жемчужным ожерельем, которое ей совершенно не шло: оно помогало скрыть шрам.

— Теперь понятно, почему она так заволновалась, когда ожерелье порвалось, — сказал

Краддок. — В тот момент это выглядело абсолютно дико.

— Да, а потом еще я вспомнила, что сестру Летиции звали Шарлоттой и что Дора Баннер несколько раз называла при мне подругу «Лотти» и из-за этого всегда очень расстраивалась.

— А что означают слова «Берн» и «пенсия»?

— Руди Шерц работал санитаром в одной из бернских больниц.

— А «пенсия»?

— Банч, милая, я же тебе рассказывала тогда в «Синей птице»... правда, тогда я еще не знала, чему это соответствует... Помнишь? Миссис Уизерспун получала пенсию за себя и за миссис Барлетт, которая давным-давно умерла. А удалось мошенничество потому, что старушки обычно похожи друг на друга... Ну вот, и в результате у меня создалась стройная картина преступления. Я невероятно утомилась и вышла проветриться, а заодно и подумать, как доказать виновность Шарлотты. Тут-то меня и окликнула проезжавшая на машине мисс Хинчклифф. А чуть позже мы нашли мисс Мергатройд.

Мисс Марпл понизила голос. Возбужденная радость, еще недавно звучавшая в нем, исчезла. Теперь голос звучал сурово и сухо.

— Я знала, что нужно действовать, причем быстро. Но доказательств не было! И тут у меня возник план, которым я поделилась с сержантом Флетчером.

— Я ему за это такую взбучку устроил! — воскликнул Краддок. — Какое он имел право обсуждать с вами какие-то планы, не доложив мне?!

— Он не хотел, но я его уломала, — заступилась за сержанта мисс Марпл. — Мы отправились в «Литтл-Пэддокс», и я принялась обрабатывать Мици.

— Не представляю, как вам удалось ее уговорить?! — с глубоким вздохом сказала Джулия.

— Пришлось изрядно попотеть, милочка, — улыбнулась мисс Марпл. — Она же привыкла думать только о себе, а тут нужно было сделать кое-что для других. Конечно, я превозносила ее до небес, сказала, что у себя на родине она наверняка была участницей Сопротивления. Она ответила: «Конечно». Тогда я заявила, что у нее героизм в крови, она отчаянно смелая, не боится рисковать и могла бы мастерски сыграть свою роль. Я рассказывала ей про подвиги девушек — участниц Сопротивления; некоторые из них — быль, а некоторые, каюсь, вымысел. И Мици наконец воодушевилась! Мы с ней долго репети-

ровали ее роль, пока она не выучила все назубок. После чего я велела ей отправляться к себе и до прихода инспектора Краддока не высовывать носа из комнаты. Самая главная беда возбудимых людей в том, что они нетерпеливы и могут испортить все дело.

— Но Мици выполнила свою миссию безукоризненно, — похвалила служанку Филиппа.

— А я все же не понимаю, зачем вы это затеяли, — сказала Банч. — Конечно, меня там не было… — добавила она извиняющимся тоном.

— Наш замысел был довольно сложным и рискованным. Прикинувшись шантажисткой, Мици должна была притвориться, что перепугалась, разнервничалась и решила открыть правду. Сквозь замочную скважину в столовой она будто бы видела, как мисс Блэклок подошла к Руди Шерцу, держа в руке пистолет. То есть девушка якобы видела все, как оно было на самом деле. Конечно, Шарлотта Блэклок могла сообразить, что Мици лжет. Ведь если в замке торчал ключ, значит, в замочную скважину ничего не было видно. Но когда человек в шоке, ему не до рассуждений. Поэтому я надеялась, что Шарлотта поверит.

— Но я — и это немаловажная деталь, — подхватил Краддок, — сделал вид, что воспринимаю ее

заявление скептически, и моментально перешел в наступление, якобы решив открыть свои карты. Я напал на того, кто раньше был вне подозрений, и обвинил Эдмунда…

— А как здорово я сыграл свою роль, оцените! — воскликнул Эдмунд. — Я категорически все отрицал, действуя точно по нашему плану. Только мы не учли, что ты, моя драгоценная Филиппа, вдруг запищишь и поведаешь миру, кто ты такая. Ни инспектору, ни мне не приходило в голову, что ты можешь оказаться Пипом. Им ведь по сценарию должен был оказаться я! На мгновение ты выбила нас из колеи, но инспектор ловко парировал удар и сделал пару грязных намеков на мои мечты жениться на богатой невесте; не исключено, что эти намеки станут впоследствии причиной наших семейных раздоров.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось ломать комедию?

— Не понимаешь? А ты встань на место Шарлотты Блэклок. Все наше поведение подсказывало ей, что подозревал или знал правду всего один человек — Мици! У полиции же все были под подозрением. Сейчас легавые решили, что Мици лжет. Но если девушка будет упорствовать, они могут прислушаться к ее словам и воспринять

их всерьез. А коли так, то нужно заткнуть Мици рот!

— Служанка вышла из комнаты и прямиком, как и было велено, отправилась на кухню, — сказала мисс Марпл. — Мисс Блэклок вышла почти сразу же вслед за ней. Она не подозревала, что Мици на кухне не одна. Сержант Флетчер спрятался за дверью в кладовке, а я — в шкафчике для веников. Хорошо, что мои габариты позволили…

Банч внимательно посмотрела на мисс Марпл:

— И что, по-вашему, должно было произойти дальше, тетя Джейн?

— Одно из двух. Либо Шарлотта предложит Мици денег за молчание, и тогда сержант Флетчер это засвидетельствует, либо… либо она попытается убить служанку.

— Но не могла же она надеяться и в этом случае выйти сухой из воды! Тут уж ей было не отвертеться!

— Ах, милая Банч, она уже ничего не соображала. В тот момент Шарлотта Блэклок напоминала огрызающуюся, перепуганную крысу, загнанную в угол. Сама посуди, сколько событий произошло за один день. Сначала Шарлотта подслушивает разговор мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Потом мисс Хинчклифф уезжает на станцию. Как

только она вернется, мисс Мергатройд поделится с ней своим открытием, что Летиции Блэклок не было в тот вечер в комнате. В распоряжении Шарлотты считанные минуты, ей необходимо заткнуть мисс Мергатройд рот. Времени на разработку приличного плана нет. Остается один выход — грубое насилие. Шарлотта здоровается с бедной женщиной и душит ее шарфом. Потом очертя голову бросается домой переодеться и усаживается у камина, чтобы к приходу домашних все выглядело так, будто она никуда не уходила. Затем происходит неожиданное разоблачение Джулии. Шарлотта в порыве волнения рвет ожерелье и страшно пугается: вдруг окружающие заметят ее шрам? Чуть позже звонит инспектор и говорит, что приедет вместе с соседями. Ни минуты, чтобы подумать, передохнуть… Руки ее уже по локоть в крови, причем последнее убийство уже нельзя трактовать как акт милосердия или же устранение досадной помехи в лице молодого проходимца. Нет, это самое обыкновенное зверство! Но она-то хоть в безопасности? Да, пока вроде бы да. И вот появляется новая угроза — Мици. Надо ее убить, заставить умолкнуть! От страха Шарлотта обезумела. Она больше не человек, она опасный зверь.

— Но зачем вы полезли в шкаф, тетя Джейн? — недоуменно спросила Банч. — Неужели сержант Флетчер один не мог справиться?

— Так было надежнее, дорогая. И потом, я собиралась в случае чего заговорить голосом Доры Баннер. Это было единственное, что могло сломить Шарлотту Блэклок.

— Так оно и получилось.

— Да, ее это подкосило.

Все притихли, вспоминая пережитое. Наконец Джулия сказала нарочито беззаботным тоном, стараясь разрядить обстановку:

— Мици прямо преобразилась. Вчера она сообщила мне, что устраивается в какой-то дом под Саутгемптоном. — Джулия начала мастерски пародировать кухаркин акцент: — «Я идти туда, и если мне говорят, вы должны регистрировать себя полиция, вы иностранец, я им ответ: „Да, я буду регистрировать себя полиция! Полиция… они меня хорошо знать! Я помогать полиция! Если не я, полиция никогда не арестовать один очень, очень опасный преступник. Я рисковать свою жизнь, потому что я смелый, смелый, как лев… я не боюсь рисковать“. — „Мици, — говорить они, — ты героиня, ты прекрасная, Мици!“ — „Ах, ничего особенный“, — говорить я». — Джу-

лия замолчала. — Ну дальше в том же духе.

— Сдается мне, — задумчиво произнес Краддок, — что скоро Мици поможет полиции не в одном, а в целой сотне дел!

— Она и ко мне подобрела, — подала голос Филиппа. — Даже в качестве свадебного подарка презентовала рецепт «Сладкой смерти». Правда, потребовала, чтобы я ни в коем случае не открывала секрета Джулии, потому что Джулия испортила ее сковороду для омлетов.

— У миссис Лукас, — сказал Эдмунд, — Филиппа больше работать не будет. Белль Гедлер умерла, и Филиппа с Джулией унаследовали гедлеровские миллионы. Миссис Лукас подарила нам серебряные щипцы для спаржи. А я потешу себя тем, что не приглашу ее на свадьбу!

— Они жили долго и счастливо, — процитировал Патрик, — Эдмунд с Филиппой… Ну а что насчет Патрика с Джулией? — нерешительно повернулся он к Джулии.

— Нет, со мной этот номер не пройдет, — заявила она. — Намеки инспектора Краддока — скорее камешки в твой огород, а не в огород Эдмунда. Это ты юноша, мечтающий о богатой невесте. Так что не надейся.

— О, черная неблагодарность! — воскликнул

Патрик. — И это после всего, что я для нее сделал!

— Да уж, из-за твоего разгильдяйства я чуть не увидела небо в клеточку, — хмыкнула Джулия. — Никогда не забуду тот вечер, когда пришло письмо от твоей драгоценной сестрицы. Я уж подумала, пиши пропало. Казалось, все, выхода нет. Ну а теперь, — промурлыкала она, — я, наверно, подамся в артистки.

— Как? И ты туда же? — простонал Патрик.

— Да. Поеду в Перт. Посмотрю, может, удастся залучить местечко твоей Джулии. А когда освоюсь, займусь продюсерским бизнесом… буду ставить пьесы Эдмунда.

— А я думала, вы пишете романы, — сказал, обращаясь к Эдмунду, Джулиан Хармон.

— Я тоже так думал, — ответил Эдмунд. — И даже писал. Вполне приличный, кстати говоря, роман. На первых страницах там долго рассказывалось, как небритый мужчина вылезает из постели, как серо на улице и чем пахнет в комнате; потом появлялись отвратительная старуха с отечной мордой и злобная потаскуха, которые вели бесконечные разговоры о мироздании и размышляли о смысле жизни. И вдруг я тоже начал размышлять… Мне пришла в голову забавная

мысль… я ее записал… А потом из этого вышла хорошенькая коротенькая сценка… Получилось простенько, но мило… И не успел я сообразить, что к чему, как закончил уморительный фарс в трех действиях.

— А как называется твоя пьеса? — спросил Патрик. — «Что увидел привратник?»

— Можно, конечно, назвать и так… Но я назвал по-другому: «И слоны забывают…» Скажу больше: пьесу уже приняли к постановке.

— «И слоны забывают…» — прошептала Банч. — Интересно, а на самом деле они умеют забывать?

Преподобный Джулиан Хармон вскочил и виновато пробормотал:

— О господи! Я заслушался… Моя проповедь…

— А все из-за этих проклятых детективов, — сказала Банч. — Только на сей раз детектив не выдуманный, а вполне реальный.

— Произнесите проповедь на тему «Не убий», — шутливо предложил Патрик.

— Нет, — серьезно ответил Джулиан Хармон. — Не хочу…

Банч перебила его, крепко обняла и сказала:

— Я знаю только одно: ты думаешь, что библейский Агасфер — это Артаксеркс Второй, но вообще-то (только это между нами!) он был Ар-

таксерксом Третьим…

И Джулиан Хармон в энный раз не понял, что смешного находит его жена в этой истории.

— Тиглатпаласар жаждет тебе помочь, — сказала Банч. — Он теперь загордился, считает себя неоценимым помощником. Еще бы! Ведь это он подсказал нам, как и почему погас свет!

Эпилог

— Надо выписать газеты, — сказал Эдмунд Филиппе, когда они вернулись в Чиппинг-Клеорн из свадебного путешествия. — Пошли к Тотмэну.

Мистер Тотмэн, грузный мужчина, страдающий одышкой, при виде их расплылся в улыбке:

— Счастлив снова увидеть вас в наших краях! Мое почтение, мадам.

— Мы хотим оформить подписку, — сказал Эдмунд.

— Извольте, сэр. Как поживает ваша матушка? Надеюсь, здорова? Как ей на новом месте в Борнмуте?

— Она в восторге, — сказал Эдмунд, не имевший ни малейшего понятия, так ли это, но, подобно большинству сыновей, предпочитавший думать, что с их любимыми, хотя и надоедливыми предками все в порядке.

— Да, сэр, Борнмут — премилое местечко. Мы ездили туда в отпуск в прошлом году. Миссис Тотмэн очень понравилось.

— Я рад. Так вот, насчет газет: мы бы хотели…

— А еще я слыхал, вашу пьесу поставили в Лондоне. Говорят, презабавная.

— Да, она имеет успех.

— Вы, говорят, назвали ее «И слоны забывают...». Простите, сэр, но мне всегда казалось, что нет... то есть я хотел сказать, что они не забывают.

— Да-да, вы правы. Я теперь сожалею, что дал ей такое название. Мне многие делают то же самое замечание.

— Но ведь они — я имею в виду слонов — действительно забывают, не так ли?

— Разумеется! Это реальный факт. Как и то, что уховертки — образцовые матери.

— Неужели, сэр? Это ж надо, а я не знал!

— Так вот, насчет газет...

— Наверное, «Таймс»? — Мистер Тотмэн замер, держа наготове карандаш.

— Нет, лучше «Дейли уоркер», — твердо заявил Эдмунд.

— И «Дейли телеграф», — вставила Филиппа.

— И «Нью стейтсмен», — добавил Эдмунд.

— И «Радио таймс», — сказала Филиппа.

— И «Зритель», — подхватил Эдмунд.

— И «Вопросы садоводства», — спохватилась Филиппа.

Они замолчали, переводя дыхание.

— Превосходно, сэр, — закивал мистер

Тотмэн. — Ну и, разумеется, выпишем «Газету»?

— Нет, — заявил Эдмунд.

— Нет, — поддержала мужа Филиппа.

— Как?! Простите… Вы… не желаете получать «Газету»?

— Не желаем.

— Конечно, не желаем!

— Вы не хотите получать «Норс-Бенхэм ньюс энд Чиппинг-Клеорн гэзет»?

— Нет.

— Не хотите, чтобы я присылал ее в ваш дом каждую пятницу?

— Да нет же, нет! — воскликнул Эдмунд и добавил: — Теперь ясно?

— О да, сэр… д-да…

Когда за Эдмундом и Филиппой закрылась дверь, мистер Тотмэн, переваливаясь, пошел в гостиную, находившуюся в глубине дома.

— Мамочка, у тебя есть ручка? — спросил он. — А то у меня чернила кончились.

— Я сама запишу, — сказала миссис Тотмэн и схватила книгу заказов. — Что им нужно?

— «Дейли уоркер», «Дейли телеграф», «Радио таймс», «Нью стейтсмен», «Зритель»… погоди, дай припомнить… так, еще «Вопросы садоводства».

— «Вопросы садоводства»… — повторила мис-

сис Тотмэн, деловито записывая. — И, конечно, «Газету».

— Нет, от «Газеты» они как раз отказались.

— Что?

— Они не хотят выписывать «Газету». Так прямо и заявили.

— Вздор! — воскликнула миссис Тотмэн. — Ты просто не расслышал. Естественно, они хотят выписать «Газету». Ее все выписывают. А иначе как узнать, что творится вокруг?

Игра зеркал

АГАТА КРИСТИ

Десять негритят. Тайна «Голубого поезда». Игра зеркал.

Детективные романы.

ИБ 0009

Оформление и техническое редактирование В. Сафронова

Корректоры Т. Соловарова, Г. Устьянцева.

Сдано в набор 23.04.1993 г. Подписано к печати 29.07.1993 г. Формат 84 X $108^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 27,7. Усл. кр. — отт. 27, 7. Уч. — изд. л. 28,1. Тираж 250 тыс. экз. Заказ 95.

Издательство Гермес, 630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфического предприятия «Советская Сибирь», 630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

Часть 1. Дом, где все тронутые

Миссис Ван Райдок, глубоко вздохнув, отступила от зеркала.

— Ну что ж, — с трудом вымолвила она. — Тут ничего не поделаешь. Ты согласна со мною, Джейн?

Мисс Марпл обратила свой взор на изделие фирмы Лаванелли и отозвалась:

— На мой вкус, твое новое платье великолепно.

— К платью-то не придерешься, — снова вздохнула миссис Ван Райдок. — Помогите мне его стащить, Стефания.

Она подняла руки, и горничная, особа неопределенных лет, с профессиональной ловкостью сняла обновку.

Миссис Ван Райдок осталась перед зеркалом в комбинации кричащего абрикосового цвета. Ее талия была затянута в корсет, а стройные ноги обтягивала паутинка чулок. Лицо, привыкшее к массажу и притираниям, казалось очень моложавым под слоем искусного макияжа, а изящно причесанные волосы отливали скорее голубоватым цветом лепестков гортензии, чем

вульгарной сединой. Ну а то, что было скрыто макияжем, оставалось для всех тайной. В ее распоряжении имелось все, что давали деньги, а забота о собственной внешности стала излюбленным занятием, которому она посвящала все время.

— Как ты думаешь, Джейн, многие ли способны догадаться, что мы с тобою ровесницы?

Взгляд Рут Ван Райдок был самодоволен и лукав. Мисс Марпл ответила с благородной искренностью:

— Относительно себя я не питаю иллюзий. Я-то выгляжу именно на свои годы.

С отбеленными сединой волосами, спокойным выражением лица в мелких уютных морщинках, с пухлыми щеками мисс Марпл казалась самой обаятельной старушкой в мире, тогда как ее приятельницу миссис Ван Райдок никому бы не пришло в голову назвать приятной старушкой.

— Ты права, дорогая Джейн! — неожиданно рассмеялась та. — Впрочем, я тоже выгляжу на свои годы, но в ином смысле. Глядя на меня, многие недоумевают: и как она ухитрилась так хорошо сохраниться, эта старая ведьма! Им доподлинно известно, что я старая ведьма, да я и сама этого не отрицаю.

Она уселась в мягкое кресло, обитое бледным шелком.

— Благодарю, Стефания. Вы мне больше не нужны.

Горничная неслышно удалилась, бережно неся на вытянутых руках новое платье своей хозяйки.

— Милая Стефания! — сказала ей вслед миссис Ван Райдок. — Она прожила в моем доме уже более тридцати лет. Она единственная, кто знает, как я выгляжу на самом деле, безо всяких прикрас.

Внезапно тон ее изменился.

— Послушай, Джейн, у меня к тебе серьезный разговор.

Мисс Марпл с готовностью обернулась к подруге, всем своим видом выражая внимание. В этих роскошных апартаментах она, в своем вышедшем из моды просторном черном платье, с объемистым ридикюлем на коленях, выглядела совершенно неуместной.

— Я тревожусь за Кэрри-Луизу.

— Кэрри-Луизу?

Вопрос мисс Марпл прозвучал задумчиво: это имя уводило ее в далекое прошлое.

Пансионат во Флоренции… Она сама, юная англичаночка, вся в белом и розовом в тени собора…

И две таких же молодых американки по фамилии Мартин, с забавным заокеанским акцентом и резкими эксцентричными манерами — жизнь в них била ключом.

Рут — рослая, пылкая, честолюбивая, и Каролина-Луиза — миниатюрная, вся исполненная достоинства.

— Когда ты ее видела в последний раз, Джейн?

— Кэрри-Луизу? О, очень давно, пожалуй, четверть века назад. А после этого она, посылала мне рождественские поздравительные открытки.

Изредка доводилось и встречаться. Причем мисс Марпл чаще виделась с Рут, которая жила в Америке, чем с Кэрри-Луизой, обосновавшейся рядом — в Англии.

— Почему ты беспокоишься за сестру, Рут? — спросила мисс Марпл.

— В молодости Кэрри-Луиза была такой идеалисткой, — сказала миссис Ван Райдок, не отвечая на вопрос прямо. — В те времена было модно искать высокий идеал. Он был у любой девушки. И у каждой — непременно свой. Ты, помню, собиралась лечить прокаженных. А я хотела уйти в монастырь. Все эти химеры в конце концов улетучиваются. Но, видишь ли, Кэрри-Луиза… — лицо Рут невольно омрачилось. — Именно это

меня в ней и волнует! Она в третий раз замужем, и каждый из ее мужей в своем роде уникум и феномен.

— Но, милочка… — начала мисс Марпл.

— Знаю, знаю, — перебила Рут Ван Райдок. — Гэлбрандсен, ее первый муж, отнюдь не был лишен здравого смысла, несмотря на свою исключительность. Когда он на ней женился, ему было пятьдесят лет, он имел взрослых сыновей и огромное состояние.

Мисс Марпл утвердительно кивнула. Имя Гэлбрандсена было известно во всем мире. Этот удачливый делец прославился филантропией. Его имя продолжало жить в Фонде Гэлбрандсена, в стипендиях и приютах Гэлбрандсена, и в его знаменитом колледже для детей рабочих.

— Я никогда так не радовалась за сестру, как в тот день, когда она, овдовев, вышла замуж за Джонни Рестарика. Нет, я вовсе не принимала всерьез его блажь с театральными декорациями или его режиссерскую деятельность. Ведь он женился на ней, чтобы финансировать свои увлечения. О, конечно, не только из-за этого, но будь она бесприданницей, их брак не состоялся бы. А потом его соблазнила эта ужасная женщина из Югославии. Она его украла, увела почти насиль-

но. И если бы у Кэрри-Луизы оказалась хоть капля терпения, она бы просто подождала немного, и он вернулся бы непременно.

— Она очень страдала? — спросила мисс Марпл.

— Это-то и странно: во всей этой прискорбной истории она держалась восхитительно… Впрочем, ей вообще свойственно самообладание. Она поспешила развестись, чтобы дать ему свободу, появись у него желание жениться на своей соблазнительнице. Она предложила оставить у себя двух его сыновей от первого брака, чтобы не нарушать нормальное течение жизни мальчиков. Конечно, бедному Джонни не оставалось ничего другого, как жениться на своей пассии, которая немедленно превратила его существование в ад. А через полгода они ехали в машине и свалились в пропасть. Машиной управляла она. Это было квалифицировано как несчастный случай, но я-то уверена, что она поступила так умышленно, в обычном для нее приступе ярости.

Миссис Ван Райдок замолчала и снова уставилась в зеркало, изучая свою внешность. Пинцетом выдернула из брови волосок, который ей показался длиннее остальных.

— Затем Кэрри-Луизе понадобилось снова сроч-

но выйти замуж чуть ли не за первого встречного. Им оказался Льюис Серроколд, еще один уникум! Очередной идеалист! Нет, нет, я не утверждаю, что он не любит Кэрри-Луизу. Он бесспорно дорожит ею. Но главная его забота — осчастливить всех вокруг себя. Как будто это возможно!

— По крайней мере, трудно, — согласилась мисс Марпл.

— Его конек — малолетние преступники. Ради этих бездельников он перевернул вверх дном все их поместье. Это уже не дом, а колония для юных правонарушителей. И полно всякого постороннего народа: психиатры, психоаналитики, психологи. Льюис и Кэрри-Луиза живут в таком странном окружении! Да и многие из их подопечных действительно ненормальны. А набранный ими врачебный персонал прямо-таки соревнуется в энтузиазме. Этакая неуправляемая компания без руля и без ветрил… Каково нашей малютке жить среди подобного бедлама?

Рут с неподдельной грустью взглянула на мисс Марпл. Та тоже казалась озабоченной.

— И все-таки ты не объяснила, Рут, почему тревожишься за сестру?

— Наверно, потому, что толком ничего не понимаю. Я совсем недавно гостила у них в

Стоунгейтсе и все время меня не покидало ощущение, что в доме происходит что-то неладное… Какая-то мрачная, гнетущая атмосфера. Клянусь, это не мнительность! Моя интуиция… Я всегда была чутка ко всему скрытному, угрожающему… Джейн, — взмолилась она, — я хочу, чтобы ты поехала туда и сама во всем разобралась.

— Я? — безмерно удивилась мисс Марпл. — Но почему именно я?

— Потому что у тебя явно нюх на таинственное. Внешне ты простодушна и безобидна, но в тебе есть мужество и готовность к худшему в жизни.

— Но подумай, дорогая, как это я ни с того, ни с сего вдруг заявлюсь к Кэрри-Луизе?

— Я все уже обдумала, не сердись на меня. Я написала Кэрри-Луизе о тебе и, вернувшись домой, ты наверняка найдешь приглашение от нее.

Однако до возвращения в Сент Мэри Мид мисс Марпл надеялась получить от Рут еще какие-нибудь сведения, более конкретные, чем ссылки на интуицию.

— Милая Рут, попробуй изложить факты. Мне нужно получить хоть приблизительное представление о людях, которых я там встречу.

— Постараюсь. История первого замужества Кэрри-Луизы тебе хорошо известна. Хотя у

Гэлбрандсена было трое взрослых сыновей от предыдущего брака, супругов очень огорчало отсутствие общих детей. Они удочерили прелестную девочку и назвали ее Пиппа. Ей было тогда два года.

— А кто она такая? Они имели сведения о ее семье?

— Сознаюсь, я не в курсе дела. Наверное, мне об этом не рассказывали. Может быть, они обращались в приют? Или родители отказались от прав на ребенка? Самое интересное, что вскоре после того, как малютка появилась в их доме, Кэрри-Луиза почувствовала, что сама станет матерью. Врачи говорят, что подобные случаи встречаются довольно часто. Еще совсем недавно беременность сделала бы Кэрри-Луизу счастливейшей из женщин, но теперь у нее возник комплекс вины перед Пиппой. К тому же новорожденная Милдред лицом пошла в отца, а бедняга Гэлбрандсен был добрым, надежным другом, но очень уж некрасивым. А Кэрри-Луиза из опасения, чтобы Пиппа не подумала, что она чем-то выделяет родную дочь, безбожно баловала приемыша. Милдред рано почувствовала это предпочтение и росла обиженной. Девочки выросли. Пиппа стала очаровательной, а Милдред осталась дур-

нушкой.

Когда Гэлбрандсен умер. Милдред было пятнадцать лет, а Пиппе восемнадцать. Обеим дочерям он завещал одинаковое состояние. Вскоре Пиппа вышла замуж за итальянского аристократа, а Милдред — за неприметного каноника по фамилии Смит. Он был лет на десять старше ее. По-моему, они жили вполне благополучно и счастливо.

Милдред овдовела в прошлом году и вернулась к матери. Но я перескочила еще через одну или две свадьбы. Вернемся назад. Помнишь, Пиппа вышла за итальянца? Спустя год она умерла при родах и оставила младенца, дочку Джину. Эта драма всех потрясла. Кэрри-Луиза все время курсировала между Англией и Италией. Именно в Риме она встретила Джонни Рестарика и там же вышла за него замуж. Вдовец-итальянец тоже женился вторично и был рад сплавить новорожденную Джину в Англию, к богатой бабушке. Так что они все собрались в Стоунгейтсе: Джонни Рестарик и Кэрри-Луиза, оба сына Джонни — Алекс и Стефан, маленькая Джина и Милдред, которая недавно лишилась своего каноника. Потом грянула история с югославкой, развод и все остальное… Мальчики продолжали приезжать на каникулы в

Стоунгейтс. Они очень привязаны к Кэрри-Луизе. А в 1948 году сестра вышла замуж за Льюиса.

Миссис Ван Райдок перевела дух и спросила:

— Ты никогда не встречала Льюиса, Джейн?

— Нет. Последний раз я видела Кэрри-Луизу в Лондоне. Она меня пригласила в Ковент-Гарден[90].

— Ах, вот как… Льюис с любой точки зрения был для нее подходящим мужем. Известный эксперт-экономист, богат, почти одного с нею возраста. С безупречной репутацией. Но и он оказался уникумом! Был прямо-таки одержим идеей перевоспитания малолетних преступников!

Рут Ван Райдок вздохнула и. заметила, что мисс Марпл украдкой взглянула на часы.

— Спешишь на поезд? А я и половины тебе еще не рассказала. Придется разбираться на месте самой.

— Придется, — согласилась мисс Марпл.

* * *

Продуваемый со всех сторон ветрами, вокзал в Маркет-Кэмбле был пуст и гулок. В нем едва можно было насчитать двух-трех пассажиров, да

---

[90] notes: 90

Ковент-Гарден — Лондонский оперный театр *(прим. перев.)*

еще нескольких служащих. А славу вокзала составляли шесть перронов и застекленный навес, под которым мисс Марпл и высадилась.

Мисс Марпл неуверенно оглянулась. К ней спешил молодой человек.

— Вы мисс Марпл?

Голос его звучал с какой-то неожиданной тревогой, словно его смущало произнесенное имя. Он говорил с излишней аффектацией, как если бы находился на театральных подмостках.

— Я за вами… из Стоунгейтса.

Мисс Марпл поблагодарила его приветливой улыбкой. Она выглядела всего лишь милой безобидной старой дамой. Но если бы молодой человек взял на себя труд приглядеться внимательней, он не мог бы не заметить проницательных глаз. Его собственная внешность не очень вязалась с голосом. Он был невидной наружности, да еще веки дергались в нервном тике.

— У меня один чемодан, — сказала мисс Марпл.

Встречающий не взял его сам, а щелкнул пальцами, подзывая носильщика, который толкал перед собой нагруженную багажом тележку.

— Прихватите и этот чемодан, — сказал молодой человек. — Мы в Стоунгейтс.

— Ладно! — крикнул на ходу носильщик. — Сейчас вернусь. Я быстро!..

Мисс Марпл увидела, как молодой человек поморщился.

— Ох уж эти носильщики! — воскликнул он. — Наглеют не по дням, а по часам!

Уже ведя мисс Марпл к выходу, он представился:

— Меня зовут Эдгар Лоусон. Встретить вас меня попросила миссис Серроколд.

В его тоне ощущался намек: занятого человека оторвали от важных дел, и он согласился только из любезности к супруге патрона. Опять в нем проскользнуло нечто театральное.

Мисс Марпл поневоле задумалась: что же представляет из себя Эдгар Лоусон на самом деле?

Они вышли на привокзальную площадь, и Лоусон направился к «форду» устаревшей модели.

— Вы любите сидеть рядом с водителем или на заднем сидении? — спросил он.

Но в эту минуту на площадь с рычанием вкатил сверкающий «роллс-ройс» и остановился перед «фордом». Из него вышла очень красивая молодая женщина и направилась к ним. Заляпанные глиной вельветовые брюки и простая блузка с распахнутым воротом только подчеркивали ее

изысканную красоту.

— А вот и вы! Боялась, что не успею. Я тоже приехала встречать мисс Марпл.

На загорелом лице южанки в ослепительной улыбке сверкнули жемчужные зубы.

— Я Джина, внучка Кэрри-Луизы, — объявила она. — Как доехали? Наверное, ужасно? У вас очень симпатичный ридикюль. Я обожаю вязаные сумки. Разрешите мне взять его и ваше пальто. Так удобнее будет садиться в машину.

Эдгар покраснел от досады.

— Послушайте, Джина… Встретить мисс Марпл поручено мне. Это было обговорено заранее.

Джина повернулась к нему с той же обворожительной улыбкой.

— Знаю. Но мне вдруг пришло в голову, что будет лучше, если и я приеду на вокзал. Я посажу мисс Марпл к себе. А вы привезете ее багаж.

Она захлопнула за гостьей дверцу, перебежала на другую сторону, села за руль и рванула с места.

Обернувшись, мисс Марпл успела заметить кислую мину Лоусона.

— Милое дитя, — сказала она, — боюсь, что вы обидели мистера Лоусона.

Джина беззаботно расхохоталась.

— Он выглядел просто по-дурацки со своими высокопарными манерами. Можно подумать, что он что-то значит в доме!

— А это не так? — как бы невзначай ввернула мисс Марпл.

— Разумеется, нет.

В пренебрежительной усмешке Джины проступила бессознательная жестокость.

— В общем, он тронутый, — закончила красотка.

— Тронутый?

— Здесь, в Стоунгейтсе, все тронутые. Я не имею в виду Льюиса, бабушку, мальчиков и, конечно, Милдред. Но зато все остальные! Иногда я себя спрашиваю: а не свихнулась ли немножко и я сама, живя здесь?

Покинув привокзальную площадь, машина понеслась по гладкой ленте пустынного шоссе. Джина искоса бросила быстрый взгляд на свою спутницу.

— Вы уже бывали в Стоунгейтсе? — спросила она.

— Нет. Никогда. Но много слышала о нем.

— Сам дом ужасен, — заявила Джина. — Чудовище в готическом стиле. Стефан называет его «классическим образцом викторианского време-

ни с современными ваннами». Он так забавно меток в определениях! Зато во всех комнатах то и дело натыкаешься на серьезных людей, например, на психиатров. Льюис по уши увяз в своем деле. На следующей неделе он помчится в Абердин, в суд для несовершеннолетних. Парня будут судить уже в шестой раз.

— Молодой человек, который встречал меня, — мистер Лоусон, не так ли? — сказал, что помогает мистеру Серроколду. Это его секретарь?

— Эдгар? Да разве он способен быть секретарем?! Он тоже подопечный. Останавливался в гостиницах и обворовывал постояльцев, выдавая себя за героя войны, летчика-истребителя. По-моему, он так и остался подонком. Льюис пробует на нем различные методы перевоспитания, как и на остальных. Им внушают, что они члены одной семьи, дают поручения и развивают чувство ответственности. А мне кажется, что в один прекрасный день кто-нибудь из них прикончит нас всех.

Джина снова расхохоталась, но мисс Марпл оставалась серьезной.

Как и сказала Джина, Стоунгейтс представлял собой готическое здание в викторианском стиле. Нечто вроде храма богача-филантропа, который

пристроил к нему два крыла и несколько разнородных флигелей. Впрочем, они не нарушали целостности ансамбля.

— Правда, ужасающе? — сказала Джина, и в ее голосе послышалась нежность к дому, в котором она выросла.

— Бабушка на террасе. Я вас высажу здесь, отсюда пройти ближе.

Мисс Марпл обогнула террасу и сразу увидела свою давнюю приятельницу. Издали эта худощавая невысокая женщина выглядела удивительно моложавой, хотя опиралась на палку и передвигалась медленно и с трудом. Однако и тут могло показаться, что просто молодая девушка балуется, передразнивая походку старухи.

— Джейн! — радостно воскликнула миссис Серроколд.

— Милочка моя, Кэрри-Луиза! — отозвалась та.

Да, это была та прежняя Кэрри-Луиза, какой запомнила ее мисс Марпл много лет назад. На ее лице не было и следа косметики, которой так злоупотребляла ее сестра. Почти не изменился пепельный цвет волос. Щеки сохранили оттенок чуть привядшей розы. Глаза смотрели живо и невинно — точно так же, как в пору неискушенной юности, а голову она держала по-старинному

немного склоненной, словно птичка, которая вслушивается в какие-то таинственные звуки.

— Я так сержусь на себя, — проворковала Кэрри-Луиза мелодичным голосом, — за то, что столько лет не видела тебя, Джейн! Дорогая, ведь с нашей последней встречи прошла целая вечность!

Обе дамы, полуобнявшись, двинулись в дом. На пороге у одной из боковых дверей их ожидала пожилая особа в элегантном костюме из толстого твида. Она носила короткую стрижку, а ее массивный нос выступал на лице как-то чересчур воинственно.

— Это просто безумие, Кара, оставаться так долго на улице — ведь уже вечереет и сыро, — напустилась она на хозяйку дома. — Неужели вы никогда не научитесь благоразумию?

— Не сердитесь, Джолли, — смиренно попросила Кэрри-Луиза.

Она представила гостье мисс Белевер.

— Джейн, мисс Белевер — моя спасительница. Она и сиделка, и домоправительница, и секретарь, и лютый сторожевой пес. А главное, самый преданный мой друг.

Джульетта Белевер засопела, кончик ее объемистого носа покраснел от волнения.

— Я делаю что могу, — отозвалась она довольно

резко, — но ведь у нас форменный сумасшедший дом! Попробуйте устроить тут что-нибудь по-человечески!

— Конечно, это очень трудно, милая Джолли. Я сама себе часто задаю вопрос: зачем вы продолжаете свои бесплодные старания? Ну, а куда нам поселить мисс Марпл?

— В голубую комнату. Хотите, чтобы я проводила туда вашу гостью?

— Пожалуйста, Джолли. А потом вы зайдете за ней пригласить к чаю. Сегодня мы пьем его, кажется, в холле?

Через некоторое время, спустившись вниз, мисс Марпл нашла Кэрри-Луизу перед одним из окон между книжными шкафами.

— Какой у вас просторный дом! — воскликнула мисс Марпл. — Я почти заблудилась. Пришлось, видимо, многое переделывать, чтобы разместить здесь и жилые комнаты, и заведение мистера Серроколда?

— О да, очень многое. Прежней осталась одна центральная часть: большой холл, примыкающие к нему комнаты и спальни наверху. А западное и восточное крылья пришлось полностью переоборудовать под кабинеты, комнаты для преподавателей и всевозможные службы.

Возвели много новых перегородок. Мальчиков мы поместили в школьном доме, его отсюда видно.

Сквозь ветки густых деревьев мисс Марпл увидела большое кирпичное здание. Потом взгляд ее снова остановился на Кэрри-Луизе. Без всякой связи с предыдущим разговором она неожиданно сказала:

— Какая красотка Джина!

Лицо Кэрри-Луизы просветлело.

— Ты тоже это находишь? Я так рада, что она снова здесь! Я отправила ее в начале войны в Америку, к Рут. Малютка вдруг решила, что ей надо пойти работать в военное ведомство. А потом она встретила этого молодого человека и уже через неделю они были женаты.

Мисс Марпл пристально разглядывала Джину, которая стояла с каким-то молодым человеком у бортика бассейна.

— Прекрасная пара, — сказала она. — Не удивительно, что девочка в него влюбилась.

Миссис Серроколд была в явном замешательстве.

— Видишь ли… Это вовсе не ее муж. Это Стефан, младший сын Джонни Рестарика. Он руководит у нас любительским театром. Мы ведь ставим

здесь спектакли! Развиваем художественные наклонности у воспитанников. Стефан такой энтузиаст! Именно он вдохнул живую душу в это начинание.

— Ах вот как... — медленно произнесла мисс Марпл. Ее зоркие глаза отлично разглядели оживление на лице Стефана Рестарика, когда он смотрел на Джину, в чем-то горячо ее убеждая. Лица Джины не было видно, но то, что она отвечала, тотчас же, словно в зеркале, отражалось в глазах и улыбке юноши.

— Конечно, это меня не касается, — промолвила мисс Марпл, — но ведь ты сама видишь, милая, что он в нее влюблен.

Кэрри-Луиза поспешно отозвалась с видимым волнением:

— Нет, нет!.. Надеюсь, что это не так!

— Кэрри-Луиза, как ты любишь витать в облаках! Но я права — вне всякого сомнения.

Миссис Серроколд не успела ответить. Из холла появился Льюис, держа в руках распечатанный конверт.

Муж Кэрри-Луизы был невысок и не отличался броской наружностью, но на всем его облике лежал отпечаток сильной воли и энергии. Рут как-то пошутила, что он не человек, а

динамомашина. Он был так поглощен своими ежедневными делами, что почти не обращал внимания на окружающих его людей.

— Какой удар, дорогая! Этот парень, Джек Флинт, опять принялся за старое; если помнишь, у него была страсть к кражам в поездах. Мы-то с Мэйвериком надеялись, что если его устроить на железную дорогу, он станет дорожить местом и переменится. Но опять та же история: не удержался от соблазна! Сначала по малости, в отделе посылок. И брал вещи, которые не мог быстро сбыть с рук. Это лишний раз доказывает, что все дело в психологии…

— Льюис, это моя давнишняя подруга мисс Марпл.

— Очень приятно. Как поживаете? — машинально пробормотал мистер Серроколд. Вид у него был отсутствующий. — Его, конечно, будут судить. А такой славный юноша!.. Звезд с неба не хватает, но полон обаяния. Вырос в жалкой лачуге… Я…

Вдруг динамомашина дала сбой и переключилась на гостью.

— Мисс Марпл! Бесконечно рад вашему приезду! Надеюсь, ваше присутствие украсит жизнь Каролины. Сколько воспоминаний молодости! Ей

здесь живется не так уж весело. Истории многих наших мальчиков крайне печальны. Надеюсь, вы погостите у нас подольше?

Он буквально очаровал своей любезностью скромную мисс Марпл, которая сразу поняла всю силу его влияния на Кэрри-Луизу. Без сомнения, собственные увлечения были для него важнее, чем интересы членов его семьи. Многие жены были бы этим оскорблены и обижены. Но Кэрри-Луиза не принадлежала к мелочным натурам.

Разбирая письма, Льюис Серроколд раздраженно заметил:

— Как с чаем, дорогая? Я думал, что сегодня мы пьем его здесь.

— Нет, в холле. Нас уже, вероятно, ждут там.

Кэрри-Луиза взяла мисс Марпл под руку, и все трое направились в холл. Во главе чайного стола восседала полная дама средних лет.

— Джейн, вот и моя дочь Милдред. Ты видела ее только маленькой девочкой.

Мисс Марпл показалось, что из всех встреченных здесь ею людей именно Милдред гармонировала с домом. Она выглядела скучноватой, но безупречно респектабельной, как и подобает вдове духовного лица. Мисс Марпл тотчас вспомнила, каким непривлекательным ребенком она

росла.

— А вот и Уолли Хадд, муж Джины…

Нахмуренный молодой великан привстал и неуклюже поклонился, продолжая жевать сливовый торт.

Вскоре появилась и Джина со Стефаном, и еще несколько человек. Мисс Марпл чувствовала себя как бы слегка оглушенной и после чая тотчас поднялась в свою спальню, чтобы отдохнуть от впечатлений.

Общество за ужином оказалось еще более многочисленным. Пришел молодой доктор Мэйверик, психиатр или психолог. Мисс Марпл плохо разбиралась в этих тонкостях. Он изъяснялся на профессиональном жаргоне, что делало его речь малопонятной. Сидели за столом еще два молодых человека в очках, преподаватели. И некий мистер Баумгартнер, штатный терапевт заведения. Сидели там и трое смущенных подростков — воспитанников, чья очередь быть приглашенными в дом пришлась на этот день…

После ужина мистер Серроколд заперся в своем кабинете с доктором Мэйвериком, чтобы обсудить текущие дела. Терапевт и преподаватели разошлись по своим комнатам, а три «гостя» отправились в общий корпус.

Джине и Стефану понадобилось осмотреть сцену любительского театра, чтобы выяснить, подходит ли она для скетча, который предлагала поставить Джина. Милдред углубилась в вязанье, а мисс Белевер принялась штопать носки. Уолли откинулся в глубоком кресле, так что оно удерживалось только на задних ножках, и устремил неподвижный взгляд в пространство. Кэрри-Луиза и мисс Марпл стали вспоминать прошлое, и оно казалось им все более и более нереальным.

Только Эдгар Лоусон не находил себе места. Он то присаживался, то вскакивал и начинал ходить по комнате, и наконец громко произнес:

— Пожалуй, следует пойти к мистеру Серроколду, Может быть, я ему нужен.

Кэрри-Луиза остановила его:

— Не думаю. Он намеревался посвятить вечер беседе с доктором Мэйвериком.!

— Тогда, разумеется, я не пойду. С какой стати навязываться тем, кто во мне не нуждается? Сегодня мне уже пришлось зря потерять время с поездкой на вокзал. Я ведь не знал, что миссис Хадд тоже собирается туда.

— Ей следовало вас предупредить, — согласилась Кэрри-Луиза. — Но, видимо, мысль о поездке пришла к ней внезапно и в последний момент.

Она не хотела вас обидеть.

— А я, представьте, убежден в обратном! Она поступила так нарочно, чтобы унизить меня…

— Послушайте, Эдгар…

— Вы не знаете и половины того, что происходит в доме, миссис Серроколд! Но в данный момент я могу сказать вам только одно — спокойной ночи!

Эдгар вышел, хлопнув дверью.

Мисс Белевер дернула носом:

— Ну и манеры!

— Он слишком мнительный, — вступилась Кэрри-Луиза.

Милдред решительно отложила спицы.

— Совершенно невыносимый молодой человек. Напрасно, мама, вы его не одернете.

Уолли Хадд впервые за вечер открыл рот.

— Да этот тип просто ненормальный. И нечего придумывать лишнего. Тронутый и точка!

На следующее утро мисс Марпл постаралась незаметно ускользнуть от хозяйки дома и направилась в парк. По своему опыту она знала, что люди, которых преследуют мучительные неотвязные мысли, находят утешение в том, чтобы довериться постороннему человеку, и даже ищут, кому бы исповедаться, облегчить душу. Старая

дама терпеливо прогуливалась между двумя лужайками. Результат маленькой хитрости вскоре сказался. Уже минут через пять на дорожке парка возник взволнованный Эдгар Лоусон.

Она встретила его приветливой улыбкой.

— Доброе утро, мистер Лоусон. Я обожаю сады. Покопаться в цветочных грядках — это единственное удовольствие, которое остается у такой одинокой и бесполезной старухи, как я, не правда ли? А вы любите парки? Едва ли вы об этом задумывались: ваша голова заполнена более важными делами, у вас ответственность перед мистером Серроколдом. И так много настоящей важной работы! Это, должно быть, очень интересно?

Он охотно подхватил ее тон и отозвался с воодушевлением.

— О да, да!.. Разумеется, бесконечно интересно!

— Вы, вероятно, во многом помогаете мистеру Серроколду и весьма ему полезны?

Лицо молодого человека омрачилось.

— Право, не знаю. У меня нет никакой возможности оценить это.

Наблюдая за ним, мисс Марпл продолжала размышлять. Перед ней было худосочное, вызывающее жалость существо в потрепанном спор-

тивном пиджаке. Один из тех людей, которых едва замечают при встрече и тут же забывают.

Мисс Марпл присела на ближайшую скамейку, нахмуренный Эдгар остался на ногах возле нее.

— Я уверена, что мистер Серроколд относится к вам с доверием, раз дает поручения, — доброжелательно сказала мисс Марпл. — Иначе зачем было приглашать вас в дом?

— Не знаю, — повторил Эдгар. — Говоря откровенно, я почти ничего не знаю. — Еще сильнее наморщив лоб, он присел рядом с нею и вперил глаза в пространство. — У меня чертовски затруднительное положение.

— Подумать только!

Эдгар все так же смотрел с отсутствующим выражением перед собою.

— Все, о чем я вам скажу, строго между нами? — неожиданно спросил он.

— Безусловно, безусловно.

— Если бы я захотел воспользоваться своими правами…

— Что тогда?

— В конце концов, я готов сказать… Ведь это не пойдет дальше?

— Ни в коем случае.

Она отметила, что Эдгар начал говорить, даже

не дождавшись ответа.

— Мой отец… Мой настоящий отец — очень известный человек.

Теперь мисс Марпл не нужно было уже его подбадривать. Достаточно было лишь слушать.

— Один мистер Серроколд знает об этом. Понимаете, для моего отца было бы неприятно, если бы вокруг этой истории поднялся шум.

Он обернулся к ней и добавил печально-торжественным тоном:

— Дело в том, что я сын… Уинстона Черчилля.

— Ах! Понимаю! — только и нашла что сказать мисс Марпл.

Эдгар продолжал, а ей все больше чудилось, что перед нею разыгрывается какая-то комедия.

— У него были важные причины не признавать меня открыто. Моя мать не была тогда свободна, ее муж содержался в лечебнице для душевнобольных. О разводе и новом замужестве не могло быть и речи… Я не вправе их осуждать. Мой отец делал все, что мог, разумеется, втайне. Отсюда и все мои трудности. У него есть враги, они и меня готовы преследовать. Им удалось нас разлучить. Но за мною постоянная слежка. Где бы я ни появился, шпионы тут как тут. Даже и здесь я не в безопасности. Они делают все, чтобы унизить

меня в глазах других. Мистер Серроколд уверяет, что это всего лишь больное воображение. Но он просто не знает… Если только… Иногда мне кажется…

Он умолк и поднялся со скамьи.

— Вы, конечно, понимаете, что это между нами? Но если вы заметите, что кто-то, может быть, наблюдает за мною, вы поставите меня в известность?

И он ушел… Прямой, трагичный, жалкий. Озабоченная мисс Марпл проводила его взглядом. От размышлений ее отвлек чей-то голос рядом с нею:

— Тронутый! Право слово, тронутый!

Засунув руки в глубокие карманы, насупленный Уолтер Хадд также смотрел вслед уходящему.

— Хорошенькая у нас тут лавочка! Все подряд с приветом.

Мисс Марпл промолчала. Уолтер продолжал:

— Этот тип, Эдгар… Какое вы о нем составили впечатление? Он плетет, что его отец — лорд Монтгомери. Мне это кажется полной чепухой! Монти… Судя по тому, что я о нем знаю, это просто невероятно.

— Пожалуй, — согласилась мисс Марпл. — Едва

ли…

— А Джине он рассказывал уже совсем другую историю. Будто бы он законный наследник русского престола. Сын какого-то там великого князя. Скорее всего, этот тип не знает вовсе, кто его отец!

— Похоже на то. Отсюда, наверное, вся его беда, — просто объяснила мисс Марпл.

Уолтер плюхнулся на скамью рядом с нею и повторил свою основную мысль:

— Они здесь все без царя в голове.

— Вам неприятно жить в Стоунгейтсе?

Он небрежно пожал плечами.

— Мне? Я молод, полон сил, хочу работать. У меня есть небольшие деньги, у Джины тоже, насколько я знаю. Мы собирались купить бензоколонку в Штатах. Джина уже согласилась. Мы жили как пара счастливых голубков. Но Джине захотелось съездить в Англию, повидаться с бабушкой. Это ведь так естественно. Мне тоже было интересно побывать в Англии, я так много о ней слышал. И вот мы приехали, совсем ненадолго. По крайней мере, я так думал. А обернулось по-другому. Мы оказались пленниками в этом дурацком доме! «Почему бы вам здесь не остаться? Почему вы не хотите поселиться тут навсегда?» — вот

что нам талдычат целыми днями. Мне обещают интересную работу, какую я только захочу. Ничего себе работа! Она мне не по вкусу. Мне вовсе не нравится разносить конфетки здешним шалопаям, которые не кто иные, как гангстеры. Играть с ними в детские игры? Не вижу смысла. У меня ощущение, что я завяз в этом доме, как в липкой паутине… А Джина… Не понимаю, что с ней происходит. Она уже не та Джина, на которой я женился в Америке. Да ей нельзя просто слова сказать теперь, черт побери!

— Я очень хорошо вас понимаю, — ласково заметила мисс Марпл.

Уолли бросил на нее быстрый взгляд и поднялся со скамьи.

— Простите, что я так некстати разоткровенничался с вами.

Мисс Марпл впервые увидела на его лице улыбку. Она была светлой, прелестной и внезапно превратила неуклюжего увальня в трогательное беззащитное юное существо.

— Мне необходимо было выговориться. Сожалею, что все это вылилось на вас.

— Что вы! Я все поняла, бедный мальчик.

— А вот вам и новая компания, — сказал Уолтер. — Эта дама меня невзлюбила, поэтому мне

лучше удалиться. Безмерно благодарен вам, что так терпеливо выслушали меня!

Он ушел, юный великан, а мисс Марпл наконец-то заприметила Милдред, которая не спеша пересекала лужайку.

— Вижу, что этот ужасный увалень избрал вас жертвой, — сказала она, немного запыхавшись, и присела на скамейку. — Для Джины такое замужество — форменная трагедия. И все из-за того, что ее некстати отправили в Америку. Я твердила матери, что этого не нужно было делать. Но ей всегда было чуждо благоразумие, если речь шла о Джине. Этого ребенка слишком баловали. Ее вообще не надо было увозить из Италии…

Она запнулась, словно недодумала свою тираду до конца.

Мисс Марпл миролюбиво заметила:

— Джина так хороша собой!

— Но этого не скажешь о ее поведении. Только моя мать не замечает, как она вскружила голову Стефану. Я нахожу это недостойным. Допустим, что ей не повезло в замужестве, но брак есть брак, и коль вы в него вступили, извольте подчиняться его законам. В конце концов, этот ужасный иностранец — ее собственный выбор!

— А он действительно такой ужасный?

— О, милая тетя Джейн! С моей точки зрения он просто гангстер. Злопамятный. Отвратительно воспитан. Не может связать двух слов. Груб и словно всегда чем-то запачкан.

— Я думаю, что он здесь несчастен, — произнесла мисс Марпл.

— Не вижу причины… Разумеется, кроме выходок Джины. Когда он появился, мы пытались всячески занимать и развлекать его. Льюис предлагал ему должности, где он мог бы стать полезным. Но ему больше по душе бездельничать и дуться на всех. Впрочем, признаю, что здешняя жизнь невыносима для свежего человека. У Льюиса голова забита лишь проблемой малолетних преступников. А мать занята одним Льюисом. Дом запущен окончательно. Взгляните на этот парк, он совсем одичал. И ведь дело не в том, что не хватает средств. Просто никто ничем не хочет как следует заняться. Если бы я была здесь хозяйкой…

Она замолчала.

— Боюсь, нам всем следует понять, что условия жизни изменились и такие огромные дома ставят перед их владельцами неразрешимые проблемы. Вам, наверное, было грустно вернуться в Стоунгейтс и найти его в запустении? — тактично

спросила мисс Марпл. — Вы и впрямь предпочитаете жить здесь, а не где-нибудь в ином месте, в собственном доме?

Милдред Смит покраснела.

— Но мое родовое гнездо здесь. Я здесь выросла. Это дом моего отца. Переменить мое отношение к нему уже невозможно. Я имею право находиться здесь, если мне этого хочется. Если бы мать не была такой вздорной! Она даже не хочет прилично одеваться. Для Джолли ее гардероб — большая проблема.

— Я как раз хотела поговорить с вами о мисс Белевер.

— Ее присутствие вселяет спокойствие! Она обожает мою мать и живет при ней много лет. Поступила к ней на службу еще во времена Джонни Рестарика, и мне известно, что в случившейся прискорбной истории она показала себя с наилучшей стороны. Не знаю, как бы мать перенесла все это без ее поддержки!

Миссис Смит явно собиралась продолжать, но появился мистер Серроколд, и она лишь торопливо добавила:

— Взгляните-ка, вот и Льюис, легок на помине. Как странно. Он почти никогда не выходит в парк.

Мисс Марпл, уже начавшая было гордиться успехами своей тактики, подумала, что, наоборот, ничего странного тут нет.

Мистер Серроколд поздоровался с мисс Марпл с видом человека, всецело поглощенного своими мыслями. Милдред он словно даже и не заметил.

— Я огорчен, — сказал он. — Мне хотелось бы обойти с вами все наше заведение, все вам показать. Меня просила об этом Каролина. Но, к сожалению, я тороплюсь в Ливерпуль в связи с судом над юношей, который похитил посылки на вокзале. Вернусь только послезавтра. Будет прекрасно, если удастся прекратить это дело.

Милдред встала и молча ушла, неодобрительно качая головой. Серроколд не обратил внимания и на это. Сквозь толстые стекла очков его взор был устремлен на гостью.

— Видите ли, судьи часто допускают ошибки, их приговоры не соответствуют тяжести проступков. Не тюрьма, а перевоспитание трудом — вот что нужно юноше!

— Мистер Серроколд, — решительно прервала его мисс Марпл. — Вас не беспокоит молодой Лоусон? Он вполне нормален?

На лице Серроколда промелькнула тревога.

— Надеюсь, у него не будет рецидива. А что он

еще натворил?

— Он сказал мне, что он сын Уинстона Черчилля…

— Конечно, конечно… Обычная история. Бедный парень! Он из очень простой семьи. Мне его рекомендовали в одном благотворительном обществе в Лондоне. Он набросился на улице на мужчину, который якобы шпионил за ним. Типичный случай навязчивой идеи… доктор Мэйверик может объяснить вам подробнее. Я узнал его историю с самого начала. Его мать вышла из небогатой, но уважаемой семьи в Плимуте. Что касается отца, то он был моряком, но толком неизвестно даже его подлинное имя. Ребенок рос в тяжелой обстановке и сочинил для себя целый роман, сначала о неизвестном отце, потом о самом себе. Некоторое время носил военную форму с орденом, на который не имел никакого права. Это тоже типично. Но Мэйверик считает, что все наладится, если нам удастся вернуть ему уверенность в себе. Я поручаю ему кое-что и даю понять, что главное в человеке не происхождение. Гораздо важнее то, кем он сумеет стать сам. Он делает заметные успехи. Но вот вы утверждаете, что он снова…

— Мистер Серроколд, вы не думаете, что его

мания может стать опасной?

— Чем же? Склонности к самоубийству у него никогда не замечалось.

— Я не это имела в виду. Он твердил о каких-то тайных недоброжелателях, о преследующих его врагах. Простите, если ошибаюсь, но мне это представляется болезненным симптомом. Разве не так?

— Не думаю, чтобы дело дошло до опасной черты.

Но я поговорю с Мэйвериком. До сих пор Эдгар очень нас обнадеживал. Весьма обнадеживал.

Серроколд бросил взгляд на часы.

— Пора ехать. Но прежде представлю вам доктора Мэйверика. Он и будет вашим провожатым.

Они двинулись по саду, миновали калитку и подошли к центральному входу в массивное уродливое здание из красного кирпича.

Едва показался доктор Мэйверик, встретивший их на пороге, Серроколд откланялся и оставил их вдвоем. У мисс Марпл сразу же сложилось впечатление, что у доктора тоже не все в порядке с психикой.

— Мисс… э-э… простите! Мисс Марпл, я льщу себя надеждой, что все, что здесь делается, заинтересует вас. Оригинальностью отличается наш

подход к основной проблеме. Мистер Серроколд обладает тонкой интуицией. Его взгляд проникает далеко в будущее. Нас ведь занимает, прежде всего, медицинская проблема, и именно в этом надлежит убедить наших законников.

Он помолчал, переводя дух, и закончил:

— Мне представляется наиболее важным, чтобы вы с первых шагов прониклись именно той атмосферой гуманности, которой с самого начала окружены у нас воспитанники. Смотрите!

Мисс Марпл проследила за движением его руки и наткнулась взглядом на выбитое вдоль дверной перекладины изречение: «Вновь обрети надежду, всяк сюда входящий».

— Не правда ли, очень удачная цитата? Именно эти слова здесь и нужны. Не следует бранить этих несчастных. Наказания… Все только об этом и толкуют. Лишь мы хотим дать им ощутить не падение и никчемность, а, напротив, ценность каждой личности.

— Извините, вы имеете в виду юношей вроде Эдгара Лоусона? — уточнила мисс Марпл.

— У него весьма интересный случай. Вы с ним уже говорили?

— Скорее, он со мною говорил, — несколько смущенно вставила мисс Марпл. — У меня возник

вопрос… может быть, он немного не в себе?

Доктор Мэйверик рассмеялся.

— Но, милая мисс Марпл, мы ведь все здесь немного не в себе, — воскликнул он, пропуская ее в дверях вперед. — В этом и заключается секрет нашего совместного существования!

Когда прошел этот день, он показался мисс Марпл чрезвычайно утомительным. Ее томило к тому же неясное ощущение, что она недовольна и собою, своим восприятием окружающего. Она никак не могла определить, что же все-таки происходит в Стоунгейтсе. Образы накладывались друг на рдуга и беспокоили ее. Постепенно в центре этого беспокойства, к ее удивлению, оказалась одновременно и жалкая и ничтожная фигура Эдгара Лоусона. Напрасно она доискивалась до причин этого. В то же время она не могла найти и намека на какую-нибудь опасность, которая могла бы угрожать ее давней подруге. Иногда мисс Марпл казалось, что она отчетливо различает, как под крышей Стоунгейтса тревожно сталкиваются беды и надежды его обитателей. Однако, насколько она могла судить, все это непосредственно не касалось Кэрри-Луизы…

На следующее утро, когда миссис Серроколд с трудом дотащилась до садовой скамейки, села ря-

дом со своей приятельницей и спросила ее, о чем та задумалась, мисс Марпл ответила откровенно:

— О тебе, Кэрри-Луиза.

— Что же ты думаешь об мне? Ответь честно.

— Тебя что-нибудь беспокоит в этом доме?

С некоторым лукавым удивлением хозяйка дома уставилась своими голубыми глазами на гостью.

— Но что меня могло бы беспокоить здесь, Джейн?

— Еще не знаю, дорогая. Только ведь у тебя, как и у всех, имеются свои мелкие неприятности и заботы? Понимаешь, что я имею в виду?

Кэри-Луиза на миг заколебалась.

— Нет, Джейн, не вполне понимаю. Благодаря милой Джолли, я избавлена почти от всех забот. Джолли ходит за мною, словно я малое дитя, которое просто не в силах справляться со «взрослыми» делами. Ради меня она готова на все. Частенько мне даже совестно за это. Я готова поверить, что ради меня Джолли пойдет буквально на убийство. Наверное, я говорю ужасные вещи, Джейн?

— Она в самом деле бесконечно предана тебе, — успокаивающе проговорила мисс Марпл.

Миссис Серроколд засмеялась своим серебристым беззаботным смехом.

— Но до чего же она временами сердита! Она, например, убеждена, что наши воспитанники, эти симпатичные юноши — обыкновенные преступники, с которыми мы напрасно возимся, ибо они не заслуживают этого. Она считает, что наш дом слишком холодный и сырой, а это вредно для моего ревматизма. По ее мнению мне необходимо хоть на время отправиться в Египет или куда-нибудь еще, где климат сухой и теплый.

— А ты очень страдаешь от ревматизма?

— Последнее время я, пожалуй, стала ощущать его сильнее. Даже хожу с трудом. В ногах случаются судороги. Но чего же ты хочешь?.. С возрастом возникают многие недомогания. Это неизбежно, — закончила миссис Серроколд со своей обычной очаровательной улыбкой.

Обе заметили, как из стеклянных дверей появилась мисс Белевер. Она быстро направилась к их скамейке.

— Вам телеграмма, Кара. Только что передали по телефону: «Приеду сегодня после обеда. Кристиан Гэлбрандсен».

— Кристиан? Вот уж не подозревала, что он в Англии.

— Вы, разумеется, захотите поселить его в комнате с дубовыми панелями?

— Именно так, Джолли. Ему не надо будет подниматься по лестницам. К тому же ему нравятся комнаты, выходящие на террасу.

Кивнув, мисс Белевер вернулась в дом.

— Кристиан — мой пасынок, старший сын Эрика. Вообще-то он на два года старше меня. Он живет в Америке, где управляет нашим фондом. Главный управляющий. Досадно, что Льюиса нет дома. Кристиан редко остается более чем на один день. Человек он деловой и вечно занят.

* * *

Кристиан Гэлбрандсен явился во второй половине дня, незадолго до чая. Это был рослый мужчина с тяжелыми чертами лица. Голос его звучал медлительно и размеренно-невозмутимо. При виде миссис Серроколд его лицо озарилось приветливой улыбкой.

— Как поживаете, моя маленькая Кэрри-Луиза? Вы не стали взрослее ни на один день, дорогая. Ни на один!

Кто-то тронул его за рукав.

— Кристиан!

Он живо обернулся.

— Ах, это ты, Милдред? Как поживаешь?

— Последнее время совсем плохо.

— Это очень неприятно… весьма сожалею…

Кристиан Гэлбрандсен и его сводная сестра были очень похожи. Разница между ними составляла тридцать лет, и их легко было принять за отца с дочерью. Чувствовалось что Милдред его приезд очень обрадовал. Пока она болтала с Кристианом, ее бледные щеки окрасились румянцем. Она беспрестанно твердила:

«Мой брат», «мой брат Кристиан», «мой брат мистер Гэлбрандсен».

— А как поживает малышка Джина? — спросил Гэлбрандсен, оборачиваясь к молодой женщине. — Так вы с мужем все еще здесь?

— Да, мы окончательно тут осели. Правда, Уолли?

— Похоже на то, — подтвердил Уолтер.

Вид у него был, как обычно, надутый и строптивый.

На первый взгляд создавалось впечатление, что приезд Кристиана в Стоунгейтс вызван лишь деловыми заботами Центра. В этом была совершенно уверена мисс Белевер, да и все остальные. Лишь у мисс Марпл возникли сомнения: всякий раз, когда Кэрри-Луиза не могла этого заметить, пожилой господин впивался в нее внимательным и встревоженным взглядом. Этот странный

взгляд весьма заинтриговал бдительную гостью.

А когда взгляд Кристиана обегал другие лица за чайным столом, он словно подвергал каждого критическому разбору. Хотя и это он старался делать незаметно.

После чая мисс Марпл выскользнула из-за стола и скромно устроилась с вязаньем в одном из удобных кресел в библиотеке.

Каково же было ее изумление, когда за нею последовал Кристиан Гэлбрандсен и уселся рядом!

— Если не ошибаюсь, вы очень давняя подруга нашей дорогой Кэрри-Луизы? — без обиняков осведомился он.

— Мы вместе воспитывались в монастырском пансионате в Италии. Но с тех пор прошло много лет, мистер Гэлбрандсен!

— Вот как? И вы к ней до сих пор привязаны?

— Да, очень, — горячо подтвердила мисс Марпл.

— По-моему, вы ее любите. Да, я в этом убежден. И это вполне естественно, потому что Кэрри-Луиза поистине очаровательное создание! С той поры, когда она вышла замуж за нашего отца, мы с братьями всегда относились к ней с большой нежностью. Она стала для нас любимой сестрой, а отцу оставалась образцовой спутницей жизни,

разделяя все его заботы.

— Она идеалистка, — заметила мисс Марпл. — Всегда была ею и не изменяла своим принципам.

— Идеалистка? Да, пожалуй, вы нашли верное слово. Следовательно, она не способна отдавать себе ясного отчета о том зле, которое царит в мире…

Выражение лица Гэлбрандсена исключало всякую возможность шутки. Он был очень серьезен и сосредоточен. Мисс Марпл смотрела на него с удивлением, стараясь разгадать намек.

— А как ее здоровье? Расскажите мне об этом.

Для мисс Марпл вопрос оказался еще одной неожиданностью.

— По-моему, оно не внушает опасения… Если не считать ревматизма или, скорее, артрита…

— Ревматизма? Вот как? А что у нее с сердцем? Оно в порядке?

— Насколько мне известно, да. — Мисс Марпл удивлялась все больше и больше. — Но я ведь увидела ее только вчера и после многих лет разлуки. Если вам нужны более достоверные сведения о ее здоровье, вам лучше поговорить на эту тему с кем-нибудь из домашних, например, с мисс Белевер.

— С мисс Белевер? Разумеется. Или с Милдред.

— Верно, или с Милдред.

Мисс Марпл находилась в некотором замешательстве. Кристиан пристально смотрел на нее.

— А вам не кажется, что между матерью и дочерью особой симпатии не наблюдается?

— Пожалуй, соглашусь с вами.

— А жаль. Ведь у нее больше нет детей. Что поделать, так уж сложилось. Но вы думаете, что мисс Белевер к ней искренне привязана?

— У меня создалось именно такое впечатление.

Кристиан помрачнел. Следующую фразу он скорее адресовал самому себе, чем своей случайной собеседнице.

— Имеется еще малышка Джина… Она так молода… Просто не знаю, что делать…

Он помолчал, потом заговорил доверчиво и просто:

— Иногда так трудно определить, какие действия будут наилучшими. Я так хочу, чтобы мне все удалось! Мое главное желание — оградить Кэрри-Луизу, которая мне так дорога, от малейшего страдания, от любой печали. Но это нелегко, ох как нелегко!

В этот момент в библиотеку вошла миссис

Милдред Смит.

— Ах, вот где ты, Кристиан? А мы думали, куда ты делся? Доктор Мэйверик хотел знать, не намерен ли ты что-то обсудить с ним.

— Мэйверик? Это молодой врач, который недавно приехал? Нет, нет. Я дождусь возвращения Льюиса.

— Доктор сейчас в кабинете Льюиса. Сообщить ему об этом?

— Нет. Я все-таки скажу ему несколько слов.

Гэлбрандсен поспешно вышел. Милдред проводила его растерянным взглядом. Потом обернулась к мисс Марпл.

— Хотела бы я знать, что здесь происходит? Кристиан на себя не похож. Он вам что-нибудь говорил?

— Ничего существенного. Всего лишь поинтересовался здоровьем вашей матери.

— Здоровьем? Какого черта он завел этот разговор с вами?

Тон Милдред был неожиданно резким, на щеках пятнами проступил румянец волнения и досады.

— Право, мне больше ничего не известно.

— Здоровье моей матери отменное. Это даже удивительно для женщины ее возраста… Во вся-

ком случае, она намного здоровее меня.

Помолчав минутку, она добавила:

— Надеюсь, вы уверили его в этом?

— Скорее, я ничего не могла ему ответить. Он спрашивал, например, в каком состоянии ее сердце.

— Сердце?

— Да.

— У матери сердце здоровое, абсолютно здоровое.

— Но я ничего не знаю об этом, — ответила мисс Марпл. — Хотя рада слышать это от вас.

— Но кто же вбил Кристиану в голову эти несусветные глупости?

— Понятия не имею, дорогая, — ответила мисс Марпл.

Следующий день прошел как будто совершенно спокойно. Кристиан Гэлбрандсен посвятил утро осмотру заведения, его сопровождал доктор Мэйверик. Они побеседовали о результатах тех методов, которые применяются в Центре. После обеда Джина увлекла его в автомобильную прогулку по окрестностям, а вернувшись, Кристиан попросил мисс Белевер показать ему сад.

Но мисс Марпл ощущала, что атмосфера сгущается. Конечно, она могла бы просто упрекнуть

свое разыгравшееся воображение. Однако около четырех часов пополудни одно происшествие все же случилось.

Перед чаем мисс Марпл сложила свое вязанье и отправилась прогуляться по парку. Огибая куст рододендронов, она лицом к лицу столкнулась с Эдгаром Лоусоном, который, донельзя взвинченный, торопливо шагал по аллее. Он что-то бормотал себе под нос и чуть не сшиб с ног мисс Марпл.

— Простите, пожалуйста, — выпалил он, и мисс Марпл поразил его неподвижный блестящий взгляд.

— Вы плохо себя чувствуете, мистер Лоусон?

— Плохо? А разве я могу чувствовать себя хорошо? Я получил такой удар… Чудовищный удар!..

— Удар? О чем вы?

Молодой человек озирался с такой тревогой, что мисс Марпл невольно тоже ощутила беспокойство. Он в полной растерянности посмотрел на нее.

— Говорил ли я вам? Хотел бы я знать… Да, хотел бы наконец знать… За мною так часто шпионили…

Мисс Марпл не колебалась ни минуты. Она решительно взяла юношу под руку со словами:

— Пойдемте в эту аллею. Вы можете сами убедиться, что здесь нет никаких зарослей. Нас никто не подслушает.

— Да, вы правы.

Он глубоко вздохнул, опустил низко голову и проговорил сдавленным полушепотом:

— Я сделал открытие… Ужасное открытие…

— Какое же?

Молодой человек дрожал с ног до головы и всхлипывал.

— Довериться кому-то… Поверить в кого-то!.. А все это была ложь! Только ложь и ничего больше. Ложь, придуманная для того, чтобы скрыть от меня истину! Невозможно смириться с этой горькой мыслью. В мире слишком много зла. Видите ли, этот человек… Я доверял только ему… А теперь я замечаю, что уже очень давно во всем виноват именно он. Ложь исходит от него! Он сам и есть тот враг, который посылал следить за мной, беспрерывно шпионил! Но он так легко не отвертится! Я выскажу ему все, что мне стало известно. Скажу, что его махинации раскрыты.

— Кого вы имеете в виду? — рискнула вставить мисс Марпл.

Эдгар Лоусон выпрямился. В эту драматическую минуту он мог бы растрогать, но выглядел

только смешным.

— Я говорю о своем отце!

— О лорде Монтгомери или о мистере Уинстоне Черчилле?

Взгляд Эдгара Лоусона выражал явное презрение.

— Они хотели заставить меня поверить в это, чтобы помешать докопаться до правды. Но теперь мне все известно. У меня есть друг, настоящий друг, который не предаст и не обманет. Он дал мне понять, до какой степени меня дурачили. Моему отцу отныне придется считаться со мной. Я ему докажу, что знаю правду. И всю его ложь я швырну ему в лицо. Посмотрим тогда, что он осмелится мне ответить!

Вдруг Эдгар сорвался с места и опрометью кинулся бежать, скрывшись в зарослях парка.

Мисс Марпл медленно направилась к дому. С ее лица не сходило выражение тревоги. «Все мы здесь немного не в своем уме», — так, кажется, пошутил доктор Мэйверик?

Но мисс Марпл казалось, что в случае с Эдгаром Лоусоном его определение было недостаточным и слишком мягким.

* * *

Льюис Серроколд возвратился в шесть тридцать. Он оставил машину у ворот и прошел через парк пешком. В окно своей комнаты мисс Марпл увидела, как у дверей они встретились с Кристианом. Пожав друг другу руки, мужчины стали прогуливаться взад-вперед по террасе.

Мисс Марпл не забыла захватить в Стоунгейтс свой театральный бинокль, чтобы наблюдать за птицами. Она не поленилась разыскать его, потому что увидела стайку чижей, круживших возле небольшой березовой рощицы.

Когда она направила свой бинокль в сторону рощи, в поле ее зрения попало кое-что еще, что располагалось ближе, а также Серроколд и Гэлбрандсен. Ей показалось, что оба чрезвычайно взволнованы. Пригнувшись к подоконнику, она смогла услышать даже обрывки их разговора. Но если бы кто-то из них случайно поднял голову, то мог бы побожиться, что внимание любительницы птиц сосредоточено на чем-то далеком, находящемся у черты горизонта, а вовсе не на них.

— Как защитить Кэрри-Луизу от этого разоблачения… — говорил Гэлбрандсен.

Когда они снова проходили под окном, до нее донесся уже голос Серроколда:

— …если удастся скрыть это от нее. Считаю, что, прежде всего, нужно думать именно о ней.

До ушей мисс Марпл долетело еще несколько обрывков фраз, видимо, на ту же тему:

— Очень серьезно… ничем не оправданно…

— …взять на себя слишком большую ответственность!..

Последнее, что она услышала, были слова Кристиана:

— Становится прохладно. Вернемся в дом.

Мисс Марпл в волнении отошла от окна. Услышанное его было слишком отрывочно, чтобы полностью восстановить смысл разговора. Но и несколько фраз оправдывали то смутное ощущение неблагополучия, которое испытали Рут Ван Райдок и она сама, едва переступив порог Стоунгейтса. Какая бы угроза ни нависла над домом, она имела прямое отношение к Кэрри-Луизе.

За ужином чувствовалось всеобщее напряжение. Гэлбрандсен и Льюис Серроколд полностью погрузились в свои мысли. Уолтер Хадд хмурился и дулся заметней обычного. В отличие от недавних прошлых дней, Джине и Стефану тоже, казалось, не о чем стало говорить между

собой. Примолкли за столом и остальные. Беседу пытался вести лишь доктор Мэйверик, который пустился в бесконечную научную дискуссию с терапевтом Баумгартеном.

После ужина все перешли в холл. Гэлбрандсен почти тотчас извинился и ушел под предлогом того, что ему сегодня еще надо написать важное письмо.

— У вас в комнате есть все необходимое? — осведомилась Кэрри-Луиза.

— Да, да, абсолютно все. Не хватало лишь пишущей машинки, но мисс Белевер была столь внимательна и заботлива, что мне ее уже принесли.

Он вышел из холла в левую дверь, которая вела в небольшой вестибюль. Из вестибюля уходила вверх парадная лестница и начинался коридор, который шел к спальне и ванной комнате.

— Итак, Джина, сегодня вечером никто не собирается в театр? — спросила Кэрри-Луиза, едва Кристиан удалился.

Молодая женщина покачала головой и присела у окна, откуда открывался вид на главную аллею.

Искоса глянув на нее, Стефан направился к роялю и начал потихоньку перебирать клавиши,

наигрывая странную грустную мелодию.

Оба врача и доктор Мэйверик тоже попрощались. Уолтер повернул выключатель настольной лампы, раздался треск — и свет в холле погас.

Уолтер проворчал:

— Проклятый выключатель! Опять сломался. Сейчас я заменю пробки.

Глядя ему вслед, Кэрри-Луиза заметила с одобрением:

— Уолли так хорошо разбирается во всех этих электрических приборах! Помните, как ловко он починил тостер?

— Это все, на что он способен, — отрезала Милдред и добавила более мягким тоном: — Мама, вы приняли лекарство?

Мисс Белевер выглядела растерянной.

— Как же я запамятовала это? — пролепетала она.

Неожиданно вмешался Льюис:

— Сегодня вечером ты не должна его принимать, дорогая. У меня нет уверенности, что оно приносит тебе пользу.

С присущей ему важностью он спокойно взял стакан из рук мисс Белевер и поставил его на старинный резной сундук.

Мисс Белевер воскликнула:

— Право, мистер Серроколд, на этот раз я не разделяю вашего мнения. Миссис Серроколд чувствовала себя гораздо бодрее с тех пор, как…

Она не успела докончить и недовольно обернулась на внезапный стук. Входная дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и возник Эдгар Лоусон. Его появление было настолько театрально, что все на миг почувствовали себя, словно в ложах.

Эдгар дошел до середины холла и принял драматическую позу. Это, пожалуй, могло бы выглядеть забавным, только улыбнуться почему-то никому не захотелось.

Эдгар провозгласил:

— Итак, я вас разоблачил, враг мой! — Он обращался к Льюису Серроколду. Тот выглядел удивленным.

— Эдгар, мой друг, что с вами происходит?

— Довольно! Вам больше не удастся меня дурачить и обманывать. Ваша маска сорвана! Вы за мною шпионили. Вы объединились с моими врагами…

— Ну, ну, милое дитя, успокойтесь. Пройдем ко мне в кабинет — и вы мне все расскажете по порядку.

Льюис взял его под руку, пересек холл, и оба

скрылись за правой дверью. Серроколд прикрыл ее за собой, и все явственно расслышали скрежет ключа в замке.

Мисс Белевер переглянулась с мисс Марпл. У обеих возникла одна и та же мысль: дверь замкнул не мистер Серроколд.

— По-моему, молодой человек просто спятил, — резко сказала мисс Белевер. — Это становится опасным.

— Он ощупывал что-то у себя в кармане, — заметила Джина.

Стефан поднял лицо от рояля.

— В кино это был бы непременно револьвер, — саркастически заметил он.

Мисс Марпл деликатно кашлянула и проронила.

— Но, видите ли, это и был револьвер.

Через плотно притворенную дверь кабинета Льюиса сначала слышались повышенные голоса, затем стали различаться отдельные слова. Наконец раздался крик Эдгара, тогда как Льюис продолжал говорить раздельно и спокойно:

— Ложь! Ложь!.. — кричал Эдгар. — Вы мой отец, я ваш сын! Вы меня ограбили. Этот дом должен принадлежать мне. Вы меня ненавидите. Только и думаете, как от меня избавиться!

Послышался снова успокаивающий голос Льюиса, потом крики безумца, которые становились все визгливее. Эдгар выкрикивал бранные слова, видимо, соч всем перестав владеть собой. Время от времени прорывались вразумляющие слова Льюиса:

— Спокойно!.. Уймитесь же!.. Вы отлично знаете, что все это неправда.

Но вместо того, чтобы утихомирить молодого человека, возражения только распаляли его.

В холле все примолкли и напряженно вслушивались, что происходит за запертой дверью.

— Я заставлю вас выслушать меня! — кричал Эдгар. — Я собью с вас этот высокомерный вид. Я возьму еще реванш, говорю вам! Вы ответите за все мои страдания!

Вдруг раздался резкий повелительный крик Льюиса, утратившего обычное спокойствие:

— Положите револьвер! Бросьте его! Говорю вам!

— Эдгар убьет Льюиса! — вскрикнула Джина. — Неужели мы не можем вмешаться? Вызвать хотя бы полицию? Или как-то еще?

Кэрри-Луиза, которую эта сцена взволновала меньше других, спокойно возразила:

— Не беспокойся, Джина. Эдгар обожает Льюи-

са. Он играет эту пьесу для самого себя. Вот и все.

За дверью раздался смех Эдгара, и мисс Марпл пришлось признать про себя, что так едва ли может смеяться нормальный человек.

— Да, мой револьвер заряжен. Ни слова больше! Не двигайтесь! Выслушайте меня до конца. Вы устроили весь этот заговор против меня и должны за это поплатиться.

Несколько минут он продолжал в том же духе, как типичный маньяк, и тем же визгливым голосом.

Вдруг раздался резкий звук, и все вздрогнули. Похоже было на выстрел, но Кэрри-Луиза сказала:

— Ничего страшного. Это за окнами, видимо, в парке. Или еще где-то, не знаю точно.

За дверью Эдгар продолжал выкрикивать:

— Вы сидите здесь, глядя на меня… Так глядя, словно вам все безразлично. Почему вы не падаете на колени, не просите пощады? Я сейчас выстрелю, предупреждаю вас. Я вас убью! Я ваш сын, ваш презираемый сын, которого вы отвергли. Вы хотели запрятать меня очень далеко… может быть, уничтожить? Вы натравили на меня своих шпионов… Они преследовали меня, охотились, как за дичью. Вы устроили целый заговор.

Я всего лишь незаконный сын и ничего больше! Я сыт по горло вашей ложью. Вы прикинулись добряком, а тем временем… Нет! Вы недостойны жить!

За этой тирадой опять полилась грубая брань. Мисс Белевер внезапно очнулась от оцепенения и кинулась к запертой двери. Она принялась молотить по ней кулаками, но поняв, что ей двери не вышибить, быстрыми шагами вышла из холла.

Эдгар на секунду умолк, наверняка чтобы перевести дух, а затем снова принялся вопить:

— Ты сейчас умрешь! Умрешь на этом самом месте! Кайся, дьявол! Получай это… и это!

Послышались два выстрела подряд. На этот раз было совершенно очевидно, что стреляли за запертой дверью, а не со стороны парка.

Чей-то голос — мисс Марпл показалось, что голос Милдред — воскликнул:

— О господи! Что же нам делать?!

В кабинете Льюиса, за глухим шумом падающего тела сразу послышался другой, еще ужаснее, чем все остальное, это были звуки долгого мучительного рыдания.

Кто-то поспешно прошел мимо мисс Марпл и принялся с силой трясти дверь. Это был Стефан Рестарик.

— Откройте, — кричал он. — Откройте же!

В холл вернулась запыхавшаяся мисс Белевер. В руке она держала связку ключей.

— Попробуйте отомкнуть, — сказала она.

В тот же момент вспыхнули все лампы, и холл принял свой обычный вид. Но отчаянные безумные рыдания за дверью продолжались и, казалось, они никогда не кончатся.

Уолтер Хадд, неторопливо возвращающийся в холл, удивленно замер на пороге.

— В чем дело? — вскричал он. — Что здесь происходит?

Милдред, давясь слезами, отозвалась:

— Этот негодяй убил мистера Серроколда!

— О, перестань, Милдред! — произнесла Кэрри-Луиза.

Она встала и двинулась к двери кабинета, осторожно отодвинув Стефана.

— Дайте мне поговорить с ним, — сказала она. И совсем тихо позвала: — Эдгар, Эдгар, откройте мне, прошу вас.

Все услышали, как ключ был вставлен в замочную скважину и дважды повернут.

Дверь медленно распахнулась. Но это сделал не Эдгар, а Льюис Серроколд. Он тяжело дышал, как после бега. Более ничто не выдавало его

волнения.

— Все в порядке, дорогая, — произнес он. — Все в полном порядке.

— Мы думали, что вас убили, — хмуро пробормотала мисс Белевер.

Мистер Серроколд недовольно оглянулся на нее.

— Нет, я жив, — ответил он резко.

В кабинете все увидели Эдгара Лоусона, который лежал на полу и горько всхлипывал. Рядом с ним валялся револьвер.

— Но мы ясно слышали выстрелы, — сказала Милдред с некоторой запальчивостью.

— Да. Он стрелял именно два раза.

— И промахнулся?

— Ясное дело, промахнулся, — раздраженно ответил Льюис.

Мисс Марпл дело не показалось таким ясным. В тесной комнате выстрелы были сделаны почти в упор.

— Где Мэйверик? — сердито осведомился Серроколд. — Сейчас он был бы здесь нужен.

— Я схожу за ним, — предложила мисс Белевер. — Позвонить в полицию?

— В полицию? Ни в коем случае! Конечно нет.

— Конечно да! — воскликнула Милдред. — По-

лиция необходима. Этот человек опасен.

— Что за глупости! Взгляните на него. Это он-то опасен, бедняга?

Разумеется, в данный момент Эдгар вовсе не выглядел опасным. Скорчившийся, рыдающий, он скорее вызывал смешанное чувство жалости и отвращения.

— Я не хотел этого, — твердил он, всхлипывая, но без всякой театральности и притворства. — Не знаю, что на меня нашло. Такое на вас наговорить… Простите меня, мистер Серроколд! У меня и в мыслях ничего подобного не было.

Льюис дружески похлопал его по плечу.

— Ладно, ладно, мой мальчик. Все обошлось, все цело. Вы ничего не разбили?

— Но я мог убить вас…

Уолтер Хадд пересек кабинет и внимательно осмотрел стену позади письменного стола.

— Пули угодили сюда, — сказал он. Он бросил взгляд на письменный стол, кресло и пробормотал:

— Счастливо отделались.

Затем он поднял револьвер.

— Где, черт побери, ты раздобыл оружие?

— Оружие? — Эдгар в ужасе уставился на револьвер.

— Очень похоже, что это мой револьвер, — произнес Уолтер, разглядывая его. — Ну так и есть! Черт возьми. Вот подонок! Ты что же, залез в мою комнату?

Мистер Серроколд поспешно встал между заплаканным Эдгаром и напористым американцем, у которого был весьма угрожающий вид.

— Мы еще успеем после во всем разобраться, — сказал он. — А вот и Мэйверик… Давайте осмотрим его, доктор.

Мэйверик приблизился к Эдгару с видом профессионала, удовлетворенного возможностью заняться интересным случаем.

— Хватит, Эдгар, — произнес он властно. — На сегодня достаточно, не так ли?

— Но это опасный безумец, — повторила Милдред, — всего минуту назад он стрелял из револьвера и ругался. Он чуть не убил моего отчима!

Эдгар застонал, а Мэйверик с упреком посмотрел на Милдред.

— Не говорите так, миссис Смит! Идемте со мной, Эдгар. Успокоительные таблетки, теплая ванна, постель, и завтра мы вернемся к этому разговору.

Эдгар встал. Его все еще колотила нервная дрожь. Мутным взором он обвел врача и Мил-

дред. Но в эту минуту в холл с шумом вошла мисс Белевер. Лицо ее пылало.

— Я все-таки позвонила, — мрачно объявила она. — Полиция появится здесь через несколько минут.

Эдгар снова издал стон.

— О, Джолли! — с укоризной воскликнула Кэрри-Луиза.

Льюис Серроколд впал в ярость.

— Джолли! Я же ясно сказал вам, что не желаю впутывать в свои дела полицию. Это просто невротический приступ.

— Возможно, вы правы. Но у меня имеется своя точка зрения, — возразила мисс Белевер. — Во всяком случае, вызвать полицию — мой долг, ибо мистер Гэлбрандсен мертв. Он убит выстрелом из револьвера.

Часть 2. На сцене появляется полиция

Смысл ужасного сообщения мисс Белевер не сразу дошел до понимания присутствующих.

— Убит Кристиан? Вы не заставите меня в это поверить! — воскликнула Кэрри-Луиза. — Совершенно немыслимо!

— Немыслимо? Пройдите к нему и убедитесь сами, если не верите.

С поджатыми губами мисс Белевер обвела взглядом всех, словно обращалась не только к миссис Серроколд.

Кэрри-Луиза нерешительно шагнула к двери. Льюис Серроколд остановил ее, положив руку на плечо.

— Не надо, дорогая. Я пойду сам.

И он покинул холл. Доктор Мэйверик взглянул на Эдгара и после небольшого колебания вышел вслед за Льюисом. Следом за ними направилась мисс Белевер.

Мисс Марпл заботливо и бесшумно усадила хозяйку дома в кресло. Лицо у Кэрри-Луизы было несчастным и взволнованным. «Кристиан убит», — беззвучно повторила она. Так мог бы произнести эти слова вконец растерявшийся

обиженный ребенок.

Уолтер Хадд, по-прежнему хмурый, продолжал неподвижно стоять возле Эдгара, сжимая в руках поднятый с пола револьвер.

— Кому понадобилась смерть Кристиана? — подавленно пролепетала миссис Серроколд.

Ей никто не ответил, да вопрос и не требовал ответа.

— Ну и банда психов тут собралась, — явственно проворчал сквозь зубы Уолтер.

Стефан стремительно подошел к Джине, порываясь — возможно, даже неосознанно — защитить ее. Лицо молодой женщины было единственным светлым, ярким и живым пятнышком в полутемном холле.

Внезапно входная дверь резко распахнулась, и в нее ворвался холодный ветер. На пороге стоял человек в теплом пальто. Его жизнерадостный голос прозвучал явным диссонансом с царившим в холле унынием.

— Привет, люди добрые! Что здесь у вас происходит? На дороге такой туман, что я ехал со скоростью ленивого пешехода…

Мисс Марпл чуть не подскочила от изумления. Ей почудилось, что в глазах у нее двоится. Не мог же один и тот же человек одновременно поддер-

живать дрожащую Джину и входить в дорожном пальто с улицы?! Вскоре она сообразила, что это, конечно, разные люди, только очень похожие. Если внимательно приглядеться, то можно было заметить и отличия. Сразу приходило на ум, что они братья, и что сходство, скорее всего, фамильное. Стефан Рестарик был рослым. А новый гость оказался пониже. Пальто из толстого драпа с каракулевым воротником плотно облегало его гибкую фигуру, а непринужденность, с которой он держался, казалось, несомненно свидетельствовала о том, что он знает, как добиться успеха в жизни.

Мисс Марпл заметила, что, едва войдя в холл, он прежде всего задержал взгляд на Джине.

— Вы ведь меня ждали? Моя телеграмма пришла вовремя? — спросил он Кэрри-Луизу.

Когда он сделал несколько шагов в ее сторону, она почти машинально протянула ему руку, которую он почтительно поцеловал. И это не было просто галантностью — в его поцелуе чувствовались и привязанность, и искреннее уважение.

Миссис Серроколд едва выдавила из себя:

— Конечно ждали, милый Алекс… Только,, видишь ли, тут произошло столько событий…

— Событий? Каких же?

— Кристиан Гэлбрандсен… мой брат Кристиан… Он найден мертвым в своей комнате… Он убит выстрелом из револьвера.

Милдред произнесла эти ужасные слова немного нараспев, как бы причитая. Алексу показалось даже, что она преувеличивает свое отчаяние.

— Боже! Это самоубийство?

— О нет! — быстро возразила Кэрри-Луиза, — Кристиан и самоубийство? Конечно нет! Разумеется, это не самоубийство!

— Я тоже уверена, что дядя Кристиан никогда не наложил бы на себя руки! — воскликнула Джина.

Алекс обвел всех вопросительным взглядом. Его брат Стефан утвердительно кивнул ему. А Уолтер Хадд взглянул хмуро и недоброжелательно. Совсем непонятным для Алекса было присутствие в узком семейном кругу незнакомой ему старой дамы. Никто не позаботился объяснить ему, кто такая мисс Марпл, и он вопросительно уставился на ее лицо, обрамленное седыми волосами. Оно было тоже встревоженным и полным растерянности.

— Когда это произошло? — спросил Алекс.

— Почти перед самым вашим приходом, — ответила Джина. — Всего несколько минут назад.

Дело в том, что мы все слышали выстрел, но не обратили внимания на этот звук…

— То есть как это не обратили внимания?!

— Дело в том, что здесь в это время такое творилось! — Джина в замешательстве пыталась подобрать нужные слова.

— Да уж, творилось! — охотно подхватил Уолтер.

В холл вернулась мисс Белевер.

— Мистер Серроколд считает, что все, кроме миссис Серроколд, должны перейти в библиотеку. Так будет удобнее для полиции. Это ужасное потрясение для всех вас, Кара. Я велела положить вам в постель грелку и поднимусь наверх в спальню вместе с вами.

Но Кэрри-Луиза отрицательно покачала головой.

— Я хочу увидеть Кристиана, — настойчиво сказала она.

— О нет, дорогая! Зачем подвергать себя такому испытанию?

Кэрри-Луиза деликатно отстранила ее рукой.

— Милая Джолли, вам не понять…

Оглянувшись, она позвала:

— Джейн, не хочешь пойти со мной?

Мисс Марпл не ожидала такого приглашения

и поспешно вскочила. Вдвоем они направились к двери, где чуть не столкнулись с доктором Мэйвериком.

— Доктор, удержите ее! — воскликнула мисс Белевер. — Ее желание абсурдно!

Кэрри-Луиза взглянула на врача спокойно и твердо, даже слабо усмехнулась.

— Вы в самом деле хотите его видеть?

— Это мне необходимо.

— Понимаю, миссис Серроколд, — произнес он, уступая дорогу. — Раз вы считаете это своим долгом, то идите. Но после этого я поручу вас заботам мисс Белевер. Вы находитесь пока в шоке, однако последствия потрясения скоро скажутся, уверяю вас.

— Вы правы, доктор. Обещаю быть благоразумной. Идем же, Джейн.

Комната Кристиана Гэлбрандсена напоминала скорее гостиную. Кровать укрывалась в алькове. Ванную отделяла дверь. Кэрри-Луиза невольно остановилась на пороге. Кристиан сидел за большим письменным столом красного дерева, перед ним стояла портативная пишущая машинка. Тело склонилось набок, и лишь широкий подлокотник кресла мешал ему рухнуть на ковер.

Возле окна стоял Льюис Серроколд. Слегка ото-

двинув портьеру, он пристально вглядывался в ночную темноту.

Услышав шаги, он обернулся и нахмурился.

— Дорогая, ты не должна была приходить сюда.

Он поспешно подошел к жене, и она протянула ему навстречу руки. Мисс Марпл незаметно отступила.

— Ты не прав, Льюис. Мне необходимо было увидеть его. Наш долг — не закрывать глаза на то, что происходит.

Кэрри-Луиза медленно приближалась к столу.

— Ни к чему не прикасайся, — тотчас сказал Льюис. — Полиция должна застать все в таком же положении, как обнаружили мы.

— Разумеется. Значит, кто-то убил его? Умышленно?

Вопрос удивил Льюиса.

— Я думал, тебе это уже известно.

— Конечно. Кристиан никогда не покончил бы с собою. Он не допустил бы и случайного выстрела. Значит, остается одно. Произошло убийство…

Она запнулась, произнося последние слова.

Кэрри-Луиза обошла кресло и пристально взглянула в лицо убитому. В ее глазах были боль и нежность.

— Милый Кристиан, — прошептала она. — Он всегда был так добр ко мне!

Легонько коснувшись пальцами его лба, она повторила громче:

— Милый Кристиан! Благодарю вас и благословляю.

* * *

Прибыв в Стоунгейтс, инспектор Карри и его подчиненные встретили в большом пустынном холле только мисс Белевер.

— Я Джульетта Белевер, компаньонка и секретарь миссис Серроколд, — представилась она.

— Это вы обнаружили труп и сообщили нам?

— Да. Все остальные обитатели дома собрались сейчас в библиотеке. Мне позвать их? Или вы хотите сразу пройти в комнату мистера Гэлбрандсена?

— Вот именно, — отозвался инспектор, — проводите нас туда.

И они последовали за ней по коридору.

Следующие двадцать минут были посвящены обычным формальностям. Фотограф делал необходимые снимки. Приехал и медицинский эксперт. Спустя полчаса машина скорой помощи уже увезла тело Кристиана Гэлбрандсена, а ин-

спектор приступил к расследованию.

Льюис Серроколд провел его в библиотеку, и инспектор наметанным глазом постарался охарактеризовать для себя каждого из свидетелей. Старая дама с седыми волосами выглядела безобидно, миловидная девушка, которую он не раз видел за рулем автомобиля — тоже. Немного странный американец, за которого она опрометчиво вышла замуж, вызывал некоторые опасения. Как и двое молодых людей, поразительно похожих друг на друга. Все остальные отлично вписывались в общую картину семьи. И, наконец, мисс Белевер, служащая здесь — умная, находчивая женщина, которая позаботилась о вызове полиции. Она же встретила их на пороге дома.

Инспектор Карри заранее подготовил маленькую вступительную речь. Он произнес ее, как и собирался.

— Знаю, что вас всех взволновало это происшествие. Постараюсь не утомлять вас и задержу сегодня вечером ненадолго. Завтра утром надеюсь внести в это дело уже некоторую ясность. Труп мистера Гэлбрандсена обнаружила мисс Белевер, поэтому именно ее я попросил бы изложить то, что произошло. Так мы сумеем избежать

ненужных повторений. Мистер Серроколд, если вы намеревались подняться в спальню к жене, я этому не препятствую. Когда мы кончим беседовать с мисс Белевер, следующим я приглашу вас.

Все понятно, не так ли? Может быть, найдется комната поменьше этой?..

— Мой кабинет, Джолли, — прервал его на полуслове Серроколд. — Я собирался его вам предложить с самого начала.

Инспектор и сержант двинулись следом за мисс Белевер.

Она усадила их поудобнее и присела сама. Это выглядело так, будто следствие собиралась вести именно она, а не приехавшие полицейские. Однако инспектор ловко перехватил инициативу. У него был мягкий голос и приятные спокойные манеры. Этот человек выглядел деловитым и серьезным, может быть, только несколько более вежливым, чем это требуется полицейскому. Однако те, кто на основании этого недооценивали его проницательность, очень ошибались.

— Мистер Серроколд вкратце познакомил меня с основными фактами, — сказал он. — Мистер Кристиан Гэлбрандсен был старшим сыном покойного мистера Эрика Гэлбрандсена, основателя фонда Гэлбрандсена, владельца биржи, носящей

его имя, и многого другого. Он был членом административного совета здешнего учреждения и приехал вчера неожиданно. Так?

— Да.

Инспектор оценил краткость ответа и продолжал:

— Сам мистер Серроколд был в Ливерпуле и вернулся лишь поездом в шесть тридцать?

— Да.

— После ужина мистер Гэлбрандсен объявил, что собирается поработать в своей комнате и после чая тотчас ушел, оставив остальных членов семьи в холле. Так?

— Да.

— Теперь, мисс Белевер, не расскажете ли вы мне поточнее, при каких обстоятельствах вы обнаружили мертвеца?

Джульетта Белевер откашлялась.

— Сегодня вечером в доме произошла весьма неприятная сцена. У одного молодого человека, из тех нервных юношей, которых здесь лечат, случился приступ, и он стал угрожать мистеру Серроколду револьвером. Они заперлись в этом самом кабинете. Молодой человек громко бранился и в конце концов выстрелил. Вы можете увидеть отверстия от пуль в стене. К счастью, он

промахнулся, и мистер Серроколд не пострадал.

После неудачного покушения молодой человек совершенно раскис. Мистер Серроколд послал меня за доктором Мэйвериком, врачом нашего заведения. Я попыталась позвонить ему по внутреннему телефону, но Мэйверика не было в его комнате. После некоторых усилий я разыскала одного из его коллег и просила передать доктору просьбу прийти сюда. Он явился очень скоро. На обратном пути я заглянула в комнату мистера Гэлбрандсена, чтобы осведомиться, что он хочет выпить перед сном: горячего молока, виски, сока…

Я постучала. Ответа не было. Слегка приоткрыв дверь, я увидела, что мистер Гэлбрандсен мертв. Тогда я позвонила вам.

— А как входят в дом? И как из него можно выйти? Как запираются двери? Мог ли кто-нибудь проникнуть сюда так, чтобы остаться незамеченным с улицы?

— В боковую дверь, выходящую на террасу, мог войти кто угодно. Через эту дверь проходят, когда хотят сразу попасть в центральную часть дома или в служебные помещения. Дверь запирается на ключ только когда все уже расходятся спать.

— Если я правильно понял, в вашем заведении

живут не то сто, не то сто двадцать пять молодых преступников?

— Да. Но здания Центра имеют надежные запоры и хорошо охраняются. Маловероятно, чтобы кто-нибудь сумел выйти оттуда незамеченным.

— Это мы проверим. Скажите, не мог ли мистер Гэлбрандсен вызвать к себе некоторую… как бы это сказать… враждебность, что ли? Может, кто-то был недоволен его воспитательными методами?

Мисс Белевер отрицательно покачала головой.

— О нет! Мистер Гэлбрандсен не имел ни малейшего отношения к тому, что происходит внутри Центра.

— А какова была цель его приезда?

— Не имею ни малейшего представления.

— Он был озабочен отсутствием мистера Серроколда и дожидался его возвращения?

— Да.

— Значит, он приехал, чтобы повидаться с мистером Серроколдом?

— Несомненно. Думаю, что это были какие-то дела, касающиеся деятельности Центра.

— Возможно. Состоялся ли у него разговор с мистером Серроколдом?

— Нет. Мистер Серроколд вернулся только сегодня вечером, как раз перед ужином.

— Однако сразу после ужина мистер Гэлбрандсен ушел в свою комнату якобы для того, чтобы написать важные письма. И он не пытался поговорить с мистером Серроколдом наедине?

После некоторого раздумья мисс Белевер отрицательно покачала головой.

— Странно… ведь он же ждал возвращения мистера Серроколда, хотя, видимо, это ожидание и не входило в его планы.

— Да, странно.

Казалось, что мисс Белевер только сейчас обратила внимание на этот любопытный факт.

— Не пошел ли мистер Серроколд провожать мистера Гэлбрандсена до его комнаты?

— Нет. Он оставался в холле.

— Как вы думаете, когда мог быть убит мистер Гэлбрандсен?

— Похоже, что мы слышали выстрел. Это случилось в девять часов двадцать три минуты.

— Вы слышали выстрел и вас это не встревожило?

— Мы же находились в весьма необычной ситуации…

И мисс Белевер снова подробно рассказала о сцене, разыгравшейся в тот момент между Эдгаром Лоусоном и Серроколдом.

— Значит, никому и в голову не пришло, что этот первый выстрел был сделан в доме?

— Да. Все с облегчением поняли, что стреляли не в кабинете мистера Серроколда… К тому же чуть позже я подумала, что это мог быть хлопок автомобиля мистера Рестарика.

— Автомобиля мистера Рестарика?

— Да, Алекса Рестарика. Он только что приехал… Сразу после всех этих событий.

— Понимаю. Итак, обнаружив тело мистера Гэлбрандсена, прикасались ли вы к чему-нибудь в его комнате?

Этот вопрос явно обидел мисс Белевер.

— Разумеется нет. Я знала, что ничего нельзя трогать или передвигать.

— А когда вы привели нас в эту комнату, все ли там находилось в точности на тех же местах, как тогда, когда вы обнаружили мертвое тело?

Мисс Белевер задумалась. Она сидела, откинувшись в кресле и прикрыв глаза. Инспектор предположил, что у нее неплохая зрительная память.

— Изменилось только одно: в пишущей машинке больше ничего не было.

— Вы хотите сказать, что когда вы вошли в первый раз, в пишущей машинке было письмо,

которое писал мистер Гэлбрандсен, а потом это письмо исчезло?

— Да. Я почти уверена, что видела лист белой бумаги, торчащий из машинки.

— Спасибо. А кто еще побывал в этой комнате до нашего приезда?

— Мистер и миссис Серроколд и мисс Марпл.

— А кто такая мисс Марпл?

— Это пожилая седоволосая дама. Давняя подруга миссис Серроколд, они учились вместе в пансионе. Она приехала сюда три или четыре дня тому назад.

— Благодарю вас, мисс Белевер. Я очень признателен вам за четкие ответы. Теперь я поговорю с мистером Серроколдом. Но, может быть… вы сказали, что мисс Марпл — это пожилая дама… Тогда я поговорю сначала с ней. Было бы жестоко задерживать такую старую даму в столь позднее время. Кроме того, она, должно быть, перенесла большое потрясение, — сочувственно произнес инспектор Карри.

Мисс Белевер вышла. Инспектор уставился в потолок и размышлял вслух:

— Гэлбрандсен?.. Почему Гэлбрандсен? В этом заведении столько парией, которые не в своем уме. Почему бы убийцей не оказаться кому-

нибудь из них? Но почему Гэлбрандсен? Как посторонний вошел в дом?

— Мы знаем еще не все, — заметил сержант Лэйк.

— Мы еще ничего не знаем, — уточнил Карри.

И он галантно встал навстречу входящей мисс Марпл. Она выглядела немного обеспокоенной, и инспектор поспешил ободрить ее:

— Прошу вас, не волнуйтесь, мадам.

— Инспектор был убежден, что старые девы любят, чтобы их называли «мадам». Для них, думалось ему, полицейские, без сомнения, принадлежат к тем слоям общества, которые просто обязаны быть почтительными.

— Я знаю, что все это очень неприятно для вас, но мы должны разобраться в этом деле.

— Да, да, я понимаю, — ответила мисс Марпл. — Ведь так трудно разобраться до конца в чем-нибудь. Мы же не можем одновременно разглядывать два предмета. И увы, очень часто мы пристально вглядываемся именно в тот из них, который не представляет никакого интереса. Зачастую это происходит просто случайно, а иногда нас кто-то понуждает к этому, а мы попросту не замечаем понуждения. Наше внимание нередко направляют на какую-то определенную деталь,

отвлекая от другой, более важной. Фокусники называют это «ложным направлением». До чего же ловкие люди, вы не находите? Никак не могу понять, как у них получается этот фокус с золотыми рыбками в бокале… Бокал же ведь не складывается.

Инспектор в растерянности заморгал и попытался вежливо перевести разговор в нужное русло:

— Вы совершенно правы, мадам. Мисс Белевер подробно рассказала, что произошло здесь сегодня вечером. Полагаю, для вас это было большим потрясением.

— Да… Все это выглядело очень драматично…

— Прежде всего, конечно, эта дикая сцена между мистером Серроколдом и… (он заглянул в свой блокнот) Эдгаром Лоусоном.

— Весьма странный молодой человек, — заметила мисс Марпл. — Мне кажется, у него не все дома…

— Не сомневаюсь. А затем после этого неприятного эпизода — смерть мистера Гэлбрандсена. Если я правильно понял, вы вместе с миссис Серроколд ходили взглянуть на… тело?

— Совершенно верно. Она ведь попросила меня проводить ее. Мы очень давние подруги.

— Да-да… Значит, вы вместе с миссис Серроколд вошли в комнату мистера Гэлбрандсена. Скажите, вы случайно не заметили в пишущей машинке какое-нибудь письмо или лист бумаги?

— Там ничего не было, — без колебаний ответила мисс Марпл. — Мне это сразу бросилось в глаза и показалось странным. Ведь мистер Гэлбрандсен сидел перед пишущей машинкой, значит, он должен был что-то печатать… Да… все это весьма странно…

Инспектор внимательно посмотрел на нее.

— Со времени приезда сюда мистера Гэлбрандсена вы много разговаривали с ним?

— Очень мало.

— Не говорил ли он вам чего-нибудь такого, что привлекло ваше внимание?

Мисс Марпл на мгновение задумалась.

— Он задавал мне вопросы о здоровье миссис Серроколд, в частности, о ее сердце.

— Сердце? А у нее больное сердце?

— Насколько я знаю, нет.

Помолчав немного, инспектор продолжил:

— Слышали ли вы во время ссоры Лоусона с мистером Серроколдом выстрел?

— Сама я его не слышала. Должна вам признаться, я немного туговата на ухо. Но выстрел

слышала миссис Серроколд и сказала, что это где-то на улице, вернее, в парке.

— Скажите, я правильно понял — мистер Гэлбрандсен покинул холл сразу после ужина?

— Да. Ему надо было написать письмо.

— А он не говорил, что хочет побеседовать с мистером Серроколдом о делах?

— Нет. Видите ли, они уже немножко побеседовали.

— Правда? Когда же? Я думал, что мистер Серроколд вернулся прямо перед ужином.

— Да, так оно и было. Но он прошел пешком, через парк, а мистер Гэлбрандсен вышел ему навстречу, и они вдвоем немного погуляли по террасе.

— Кроме вас об этом кто-нибудь знает?

— Думаю, никто, — ответила мисс Марпл. — Ну, разумеется, если мистер Серроколд не рассказал об этом жене. А я как раз стояла перед окном, наблюдая… за птицами.

— За птицами?

— Да, за птицами, — повторила мисс Марпл. И почти сразу добавила:

— Я еще подумала, не чижи ли это?

Но чижи совсем не заинтересовали инспектора Карри.

— А… скажите, пожалуйста, — инспектор старался быть максимально дипломатичным, — какие-нибудь обрывки их разговора случайно не долетели до вас?

Мисс Марпл простодушно взглянула на него и тихо сказала:

— Всего лишь обрывки…

— И что же это были за слова?

Помолчав, мисс Марпл произнесла:

— Точно тема их разговора мне неизвестна, но, кажется, они оба были, в основном, озабочены тем, чтобы скрыть что-то от миссис Серроколд. «Уберечь ее от этого», — именно такие слова употребил мистер Гэлбрандсен. А мистер Серроколд сказал: «Прежде всего нужно подумать именно о ней». Также они говорили о какой-то огромной ответственности и сошлись на том, что им, возможно, следовало бы принять какое-то другое решение.

После некоторой паузы она добавила:

— Я думаю, что вам стоит поговорить с самим мистером Серроколдом.

— Мы так и сделаем, мадам. Не было ли сегодня вечером еще чего-нибудь такого, что бросилось бы вам в глаза?

— Все было так необычно… Вы понимаете, что

я хочу сказать?

— Понимаю. Совершенно верно.

— Был еще один, как мне кажется, немного странный эпизод. Мистер Серроколд помешал своей жене принять лекарство… Но это столь незначительная деталь, что право…

— Разумеется. Ну что же, мисс Марпл, мы вам очень благодарны.

Когда дверь за мисс Марпл закрылась, сержант Лэйк произнес:

— Ну и хитрющая же старуха!

Затем наступила очередь Льюиса Серроколда. Когда он вошел в комнату, то создалось впечатление, будто они с инспектором странным образом поменялись ролями. Можно было подумать, что именно Серроколд направлен сюда возглавить комиссию по расследованию. Даже то, как он закрыл за собой дверь, один этот жест, казалось, должен был обеспечить предстоящей беседе полную секретность. Он пересек кабинет и уселся в свое рабочее кресло, стоящее перед письменным столом. (Мисс Белевер поставила для инспектора стул сбоку от письменного стола, как бы бессознательно оставляя кресло мистера Серроколда лишь для него самого.)

Сев за стол, Льюис отсутствующим взглядом

посмотрел на обоих полицейских. Черты лица его заметно обострились. Это было лицо человека, уставшего от свалившихся на него трудных испытаний. Поймав его взгляд, инспектор даже слегка удивился. Конечно, смерть Гэлбрандсена могла взволновать Серроколда, но ведь они не были ни близкими друзьями, ни родственниками.

Необычность ситуации не понравилась инспектору, и он сухо произнес:

— Итак, мистер Серроколд…

Льюис, по-прежнему погруженный в себя, со вздохом произнес:

— Как трудно сказать, что именно следует предпринять…

— Мистер Серроколд, решение будем принимать мы сами. Поговорим лучше о мистере Гэлбрандсене. Если я правильно понял, его приезд оказался неожиданностью?

— Совершенно верно.

— И вы не знали, что он собирался приехать?

— И думать не думал об этом.

— И у вас не было никаких предположений относительно причины его приезда?

— Нет, почему же, — совершенно спокойно произнес Льюис Серроколд. — Эта причина была мне хорошо известна. Он сообщил ее мне.

— Когда же?

— Сегодня вечером. Я шел от вокзала пешком через парк. Он заметил меня и вышел мне навстречу. Тогда же он и объяснил мне, зачем приехал.

— Наверное, по какому-то делу, связанному с Центром?

— О нет! Ничего общего с этим Центром.

— Однако мисс Белевер так подумала.

— Разумеется, таково было единственное объяснение, и Гэлбрандсен ничего не делал, чтобы опровергнуть его. Впрочем, и я тоже.

— Почему же, мистер Серроколд?

— Потому что нам обоим представлялось крайне важным, чтобы истинная причина его приезда оставалась никому не известной, — ответил Льюис, тщательно подбирая каждое слово.

— А какова была истинная причина?

Помолчав с минуту, Льюис Серроколд серьезно сказал:

— Я прекрасно понимаю, что смерть… убийство Гэлбрандсена — ведь в этом нет сомнений — обязывает меня сообщить обо всех фактах. Не скрою, для меня это непросто, ибо то, что я собираюсь сообщить, скажется на состоянии духа моей жены. А я дорожу ее счастьем. Был бы вам весьма

признателен, инспектор, если бы вы — в пределах возможного, разумеется — могли скрыть от нее некоторые подробности. Дело в том, что Кристиан приехал сюда специально для того, чтобы предупредить меня, что кто-то пытается отравить мою жену.

Инспектор вздрогнул:

— Что?

— Да! Бы понимаете, каким ударом оказалось бы для нее это известие. У меня не было ни малейших подозрений, но, слушая Гэлбрандсена, я вспомнил о кое-каких болезненных симптомах, возникших у жены в последнее время. Все это вполне согласуется с тем, что говорил Кристиан. То, что она принимала за ревматизм — боли, судороги в ногах — в точности совпадает с симптомами отравления мышьяком.

— Мисс Марпл нам сказала, что мистер Гэлбрандсен интересовался у нее здоровьем миссис Серроколд, в частности, ее сердцем.

— Вот как? Это интересно. Он, видимо, боялся, что кто-то использовал яд, продолжительное действие которого влияет на сердце и приводит к внезапной смерти, не вызывая подозрений. Я же склонен думать, что скорее применяли мышьяк.

— Вы полагаете, что подозрения мистера Гэл-

брандсена были обоснованны?

— Да. Конечно. Прежде всего, Кристиан не приехал бы делиться со мной случайными догадками. Он был человеком осторожным, плохо поддавался на уговоры и был очень проницательным.

— Какие у него были доказательства?

— Нам не хватило времени поговорить об этом. Впрочем, я не совсем понимаю, как он смог о чем-то узнать, находясь в Америке. Беседа наша была короткой. Он только успел объяснить мне, зачем приехал, и мы решили не волновать мою жену до тех пор, пока не будем располагать фактами.

— Кто же, по его мнению, пытался отравить вашу жену?

— Этого он мне насказал. Думаю, что и сам не знал. Возможно, у него были подозрения, которые я должен был подтвердить… Иначе зачем же его убили?

— Он называл какие-нибудь имена?

— Нет. Мы решили основательно во всем разобраться, и он посоветовал обратиться за помощью и советом к доктору Гэлбрайту, епископу Кромерскому. Доктор — давнишний друг семьи Гэлбрандсенов и один из администраторов Фонда. Это опытный и мудрейший человек. Мы собирались узнать его мнение и насчет обраще-

ния в полицию.

— Невероятно! — воскликнул Карри.

— Гэлбрандсен оставил нас сразу после ужина, чтобы написать письмо доктору Гэлбрайту. Он был убит, когда сидел за машинкой.

— Откуда вы знаете?

— Я вынул это письмо из пишущей машинки. Оно у меня.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист белой бумаги и протянул инспектору. Тот сухо произнес:

— Вы не должны были этого делать.

— Больше я ни к чему не прикасался. Знаю, я совершил непростительную ошибку. Но я боялся, что жена, войдя в комнату, сможет прочесть это письмо или хотя бы часть его. И если бы ситуация повторилась, все равно я поступил бы точно так же. Я сделал бы все возможное, лишь бы оградить миссис Серроколд от огорчений.

Инспектор промолчал и стал читать письмо.

«Дорогой доктор Гэлбрайт!

Могу ли я попросить Вас, если это, конечно, возможно, приехать в Стоунгейтс сразу после получения этого письма. Я столкнулся с чрезвычайными обстоятель-

ствами и, честно, говоря, не представляю, как с ними справиться.

Мне известна Ваша глубокая привязанность к нашей дорогой Кэрри-Луизе, а также то, что вам небезразлична ее судьба. Что она должна знать? Что имеет смысл от нее скрыть? Мне так трудно ответить на эти вопросы.

Постараюсь все же объяснить, в чем дело. У меня имеются все основания полагать, что эту прекрасную и добрую женщину пытаются отравить. Впервые подозрение возникло у меня, когда…»

Письмо на этом обрывалось.

— На этой фразе Гэлбрандсена убили, — сказал инспектор Карри. — Но почему письмо оставили в машинке?

— Могу объяснить это лишь двумя причинами. Либо убийце не было известно ни то, кому это письмо писалось, ни его суть, либо у него просто не хватило времени вынуть письмо из машинки. Видимо, он услышал чьи-то шаги и еле-еле успел скрыться.

— А Гэлбрандсен не сказал вам, кого он подозревает? Или, может быть, просто поделился своими

подозрениями, не называя никого конкретно?

— Нет! — ответил Льюис поспешно. И добавил странную фразу. — Кристиан был очень справедлив.

— А как вы считаете, этот яд — мышьяк или что-то другое — ей еще продолжают давать?

— Я как раз недавно думал об этом. Наиболее вероятным мне кажется, что яд подмешивали к какому-нибудь лекарству. Ну, например, к укрепляющей микстуре. Возможность незаметно добавлять мышьяк во флакон есть в доме у многих.

— Мы возьмем его с собой, чтобы сделать анализ.

— Я как раз перед обедом отобрал на пробу немного микстуры из этого флакона, — совершенно спокойно произнес Серроколд.

Он пошарил рукой в одном из ящиков письменного стола и извлек маленькую бутылочку, наполненную красноватой жидкостью.

Инспектор выразительно посмотрел на него:

— Вы все предусмотрели, мистер Серроколд.

— Я считаю, что надо действовать решительно. Сегодня вечером я помешал жене принять ее обычную порцию лекарства. Стакан с ним еще стоит на сундуке в холле, а флакон находится в

столовой.

Инспектор Карри облокотился локтями на стол и, конфиденциально понизив голос, спросил почти по-дружески:

— Простите, мистер Серроколд, но я не понимаю, почему все-таки вы так стараетесь скрыть от жены правду о происходящем. Вы боитесь ее напугать? Но для ее же блага лучше, если бы она была предупреждена.

— Да, пожалуй… Но постарайтесь меня понять.

Вы же не знакомы с моей женой. Она так доверчива. О ней можно сказать — и это будет чистой правдой, — что она никогда не видит, не слышит и не говорит ничего плохого. Для нее услышать, что кто-то пытается ее убить, было бы совершенно невероятным. Да к тому же этот «кто-то», возможно, человек из ее окружения. А это все близкие и дорогие ей люди.

— Вы считаете, что это кто-то из близких?

— С фактами приходится соглашаться. Человек, использующий медленно действующий яд, должен принадлежать лишь к узкому кругу лиц, близких к жертве. Вот кто эти люди: я, дочь, внучка, зять, которого она считает почти сыном, мисс Белевер — давний и преданный друг. Все это близкие и дорогие миссис Серроколд люди. И

тем не менее получается, что кто-то из нас хочет ее смерти!

— Но есть же в доме и посторонние, — медленно произнес инспектор.

— Да… Конечно… Вы совершенно правы. Есть еще доктор Мэйверик и некоторые люди из руководящего персонала Центра, они часто бывают у нас. Есть и слуги… Но скажите откровенно, какой у них может быть мотив преступления?

— А еще этот молодой человек… Как его зовут? Эдгар Лоусон.

— Да. Но он здесь как бы случайно. Поступил к нам совсем недавно. Зачем ему замышлять убийство? Кроме того, как и все остальные, он очень привязан к Каролине.

— Согласен. Но ведь он человек неуравновешенный. Чего стоит одно это сегодняшнее нападение на вас?

Серроколд нетерпеливо махнул рукой.

— Ребячество! Он не собирался сделать мне ничего плохого.

— Однако следы от пуль в стене доказывают обратное. Он же стрелял в вас.

— Он даже не пытался целиться в меня, просто разыгрывал комедию.

— Пожалуй, это несколько странный и опасный

способ разыгрывать комедию, мистер Серроколд.

Льюис глубоко вздохнул.

— Боюсь, инспектор, вы не совсем в курсе дела. Вам следует побеседовать с нашим психиатром, доктором Мэйвериком. Эдгар Лоусон — незаконнорожденный… к тому же весьма скромного происхождения. Дабы не страдать от этого, он убедил себя, что он сын знаменитости. Поверьте, такое встречается часто. В последнее время он чувствовал себя неплохо, и вдруг такой рецидив, причина которого мне неизвестна. Он вообразил, что его отец — это я, и устроил буквально представление: угрозы, выстрелы из револьвера… Правда, на меня это не произвело впечатления. Потом он раскис и начал рыдать. Доктор Мэйверик увел его и дал ему успокоительное. Думаю, что завтра он будет совершенно нормален.

— Вы хотите подать на него жалобу в полицию?

— Я думаю, для него это было бы наихудшее из решений.

— Честно говоря, мистер Серроколд, его следовало бы поместить в лечебницу. Юноша, который способен стрелять из револьвера во всех подряд… Надо ведь думать и об обществе.

— Поговорите об этом с доктором Мэйвериком.

Он выскажется с точки зрения врача. Во всяком случае, несчастный Эдгар уж наверняка не убивал мистера Гэлбрандсена. Он был заперт в этой комнате и угрожал убийством мне!

— Мистер Серроколд, я хотел бы коснуться вот какого обстоятельства. Мы осмотрели дом снаружи. Любой человек мог войти в него и убить мистера Гэлбрандсена, потому что дверь на террасу не заперта. Придется основательно изучить дом и изнутри, хоть здесь поменьше возможностей. А кто из обитателей дома, по вашему мнению, мог бы убить мистера Гэлбрандсена?

— Мне трудно что-либо вам сказать, — медленно произнес Серроколд. — Полагаю, что все мы у вас на подозрении. Могу сказать лишь одно: все мы, кроме слуг, находились в холле, когда Кристиан ушел к себе, и никто больше из холла не выходил.

— Совсем никто?

Льюис нахмурился, что-то усиленно вспоминая.

— Ах, да! Перегорели пробки, и Уолтер Хадд пошел их заменить.

— Мистер Хадд — это молодой американец?

— Да. Разумеется, мне неизвестно еще, что происходило в холле, пока мы с Эдгаром находились

в моем кабинете.

Инспектор Карри секунду подумал и потом вздохнул:

— Скажите остальным, что они могут идти спать. Я поговорю с ними завтра.

Когда Серроколд вышел, инспектор обернулся к сержанту Лэйку.

— Ну, что скажете?

— Он знает, чьих рук это дело. Или ему кажется, что знает.

— У меня тоже такое впечатление. И это, я думаю, не доставляет ему особого удовольствия.

* * *

На следующее утро, когда мисс Марпл спускалась к завтраку, ей навстречу бросилась Джина.

— Полицейские еще здесь, — быстро проговорила она. — На этот раз они устроились в библиотеке. Уолли от них прямо-таки в восторге. Его восхищает их спокойствие и как бы отстраненность в этой ужасной истории. Я так не считаю. Это же просто кошмар! Может быть, я так переживаю, потому что наполовину итальянка?

— Возможно, — любезно улыбаясь, ответила мисс Марпл. — Во всяком случае, это объясняет, почему вы так открыто выражаете свои чувства.

Джина взяла ее под руку и увлекла в сторону столовой, продолжая говорить на ходу.

— У Джолли зверское настроение, наверное, потому, что полицейские сами ведут расследование и ей не позволено вмешиваться. Что касается Алекса и Стефана, то им на все наплевать.

Последние слова были произнесены как раз при входе в столовую, где братья уже заканчивали свой завтрак.

— Джина, дорогая, это гнусная ложь! — воскликнул Алекс. — Доброе утро, мисс Марпл. Мне вовсе, как вы выразились, не наплевать. Просто я был едва знаком с вашим дядюшкой Кристианом, но как подозреваемый я стою под номером один. Надеюсь, вам это понятно?

— Подозреваемый? Но почему же?

— А вот почему. Мой приезд как раз совпал с критической ситуацией. И похоже, я затратил слишком много времени, чтобы дойти от сторожки до дома. Мой путь хронометрировали и говорят, что я вполне мог бы добежать до террасы, войти в боковую дверь, убить Кристиана и бегом вернуться назад к машине.

— А как было на самом деле?

— Можете мне не верить, но я сидел в машине, наблюдая, как клубится туман при свете фар. Мне

хотелось бы добиться такого эффекта на сцене, и я как раз размышлял об этом.

Стефан жестко усмехнулся.

— Что касается меня, то я абсолютно спокоен. За весь вечер я ни разу не выходил из холла.

Джина пристально посмотрела на него, и ее большие черные глаза наполнились ужасом.

— Неужели они вообразили, что преступник — кто-то из нас? Это невозможно!

— Только не говорите, что убийца — это кто-то случайный или посторонний, — произнес Алекс, щедро намазывая хлеб апельсиновым джемом. — Это слишком банально.

В этот момент приоткрылась дверь, и мисс Белевер сказала:

— Мисс Марпл, не зайдете ли вы в библиотеку сразу после завтрака?

— Опять вы опередили нас, — воскликнула Джина обиженным тоном.

— Что такое? В чем дело? — воскликнул Алекс. — Похоже, опять где-то стреляют?

— Это они стреляют в той комнате, где был убит дядя Кристиан, и на улице. Уж не знаю зачем, — ответила Джина.

Дверь снова отворилась, и вошла Милдред Смит. На ней было черное платье и бусы из оник-

са. Она поздоровалась, ни на кого не глядя, и села за стол.

— Налей мне, пожалуйста, чаю, Джина, — сказала она вполголоса. — Я съем только немного поджаренного хлеба.

Она деликатно поднесла платок к носу и к глазам. Ее пристальный взгляд был обращен на братьев, но, казалось, не замечал их. Стефан и Алекс были явно смущены. Разговор их перешел на шепот, и буквально через несколько минут они встали из-за стола и вышли.

— Не надеть даже черного галстука! — вздохнула Милдред, казалось, беря в свидетели не только мисо Марпл, но и всю Вселенную.

— Вряд ли они предвидели, что произойдет убийство, — скромно заметила мисс Марпл.

Джина с трудом подавила смешок, а Милдред, сурово посмотрев на нее, спросила:

— А что с Уолтером?

— Не знаю. Я его не видела, — покраснев, ответила Джина и замерла на стуле, будто нашаливший ребенок.

Мисс Марпл встала.

— Я иду в библиотеку, — сказала она.

В библиотеке был Льюис Серроколд, стоявший перед окном. Услышав шаги, он обернулся и по-

дошел к мисс Марпл поздороваться.

— Надеюсь, — сказал он, — вас не слишком взволновало все происходящее. Представляю, какое это тяжелое испытание для людей, никогда не сталкивавшихся с убийствами.

Скромно промолчав о том, что она давным-давно знакома со всевозможными преступлениями, мисс Марпл лишь заметила, что обитатели ее маленькой деревушки Сент Мэри Мид на самом деле гораздо меньше защищены от зла, чем это может показаться постороннему.

— Уверяю вас, в деревне происходят самые ужасные вещи. Возможностей для изучения человеческой натуры там гораздо больше, чем в городе.

Льюис Серроколд слушал ее вежливо, но рассеянно, и не успела мисс Марпл договорить, как он тут же произнес:

— Мне нужна ваша помощь.

— Какая угодно, мистер Серроколд!

— Речь идет о проблеме, имеющей отношение к моей жене… к Каролине… мне кажется, вы к ней нежно привязаны.

— Совершенно верно. Впрочем, ведь Каролину любят все.

— Я тоже так думал. Однако у меня сейчас есть

все основания полагать, что я ошибался. С разрешения инспектора Карри я расскажу вам кое-что, никому пока не известное. Вернее, известное только одному человеку.

И он вкратце пересказал мисс Марпл то, что сообщил накануне вечером инспектору.

Казалось, мисс Марпл пришла в смятение.

— Я не могу в это поверить, мистер Серроколд! Я просто не в состоянии поверить!

— Когда я услышал все это от Кристиана, у меня было точно такое же ощущение.

— Я буквально готова поклясться, что у нашей дорогой Кэрри-Луизы нет на земле ни одного врага.

— Понимаю, что это невозможно представить. Но… Яд… медленно действующий яд… значит, речь может идти о самом узком семейном круге. Здесь замешан кто-то из нашей маленькой компании, кто-то из живущих в доме.

— Если это правда… А вы уверены, что мистер Гэлбрандсен не ошибался?

— Кристиан не мог ошибиться. Он был слишком осторожным человеком, чтобы, не имея доказательств, решиться на подобные выводы. Кроме того, полиция исследовала содержимое флакона из-под лекарства, которое принимает

Каролина. Найден мышьяк, который не выписывал врач! Неясно пока, каково его количество, но само его присутствие несомненно доказано.

— Значит, ее ревматизм… и эти ее приступы, и трудности при ходьбе… все это?..

— Вот именно! Кажется, судороги в ногах типичны для такого отравления. Еще до вашего приезда Каролина несколько раз жаловалась на боли в желудке… Если бы не Кристиан, я никогда бы не подумал… Теперь вы видите, мисс Марпл, в каком я оказался положении… Как вы считаете, должен ли я обо всем рассказать Кэрри-Луизе?

— О нет! — живо откликнулась мисс Марпл.

Она была смущена и как-то неуверенно взглянула на Серроколда.

— Значит, вы согласны со мной? Впрочем, Кристиан считал так же. Ну, а если бы речь шла о другой, более простой, обыкновенной женщине?

— Кэрри-Луиза — женщина необыкновенная. Вся ее жизнь основана на доверии к людям. Бог мой, я так неудачно выразила свою мысль! Но все-таки мне кажется, что до тех пор, пока мы не узнаем…

— Совершенно верно… в этом главное. Но вы ведь понимаете, мисс Марпл, какой опасности будет подвергаться Каролина?

— Значит, вы хотите, чтобы я… как бы это сказать? Чтобы я присмотрела за ней?

— Видите ли, вы единственный человек в этом доме, кому я могу довериться, — просто сказал Льюис Серроколд. — Внешне все выглядят очень преданными Кэрри-Луизе, но, как выяснилось, кто-то дает серьезный повод сомневаться в его преданности. А вашей дружбе уже много лет.

— И к тому же я приехала всего несколько дней назад, — многозначительно заметила мисс Марпл.

Льюис улыбнулся:

— Вот именно!

— Я хочу задать вам очень неприятный вопрос, — явно сконфуженно сказала мисс Марпл. — Кто бы выиграл от смерти нашей дорогой Кэрри-Луизы?

— Деньги! — с горечью воскликнул Серроколд. — Все ведь всегда сводится к деньгам, правда?

— В данном случае на ум приходит только это. Кэрри-Луиза — прекрасная очаровательная женщина и невероятно, чтобы кто-то мог ее так ненавидеть. Вряд ли у нее могут быть враги. Но мы же с вами хорошо знаем, мистер Серроколд: ради денег люди готовы на все.

— Да-да. Поэтому естественно, что инспектор Карри как раз занимается этой стороной дела. Сегодня из Лондона прибудет господин Джилфуа. Он сможет нам кое-что разъяснить. Джеймс и Джилфуа — очень известные юристы. Отец Джилфуа был одним из первых администраторов Фонда. Оба они помогали составить завещание Каролине и Эрику Гэлбрандсену. Сейчас я объясню это более понятно.

— Спасибо, а то я всегда путаюсь в правовых вопросах.

Льюис понимающе кивнул и продолжал:

— Эрик Гэлбрандсен, оказав значительную материальную поддержку как самому Фонду, так и тому, что с ним связано, а также многочисленным благотворительным организациям, вызвавшим его интерес, оставил в наследство одинаковую сумму своей родной дочери Милдред и приемной Пиппе, матери Джины. Остальную часть своего огромного состояния он распределил так: Каролина получала право пользования всем имуществом и доходами, а управление капиталами поручалось администраторам Фонда Гэлбрандсена.

— А после смерти Каролины?

— После ее смерти состояние должно быть раз-

делено между Милдред и Пиппой, а в случае их преждевременной кончины — между их детьми.

— Таким образом, все переходит Милдред и Джине?

— У Каролины есть и собственное значительное состояние, не идущее, конечно, ни в какое сравнение с состоянием Гэлбрандсена. Половину его она передала в дар мне четыре года назад. Из другой же половины десять тысяч фунтов предназначаются Джульетте Белевер, а остальное должно быть поделено поровну между Алексом Рестариком и его братом Стефаном.

— О боже! — воскликнула мисс Марпл. — Все это так неприятно, так неприятно.

— Конечно!

— Ведь любой человек в доме из корысти мог желать ее смерти?

— Да. Но в то же время я не могу себе представить, чтобы кто-то из них смог совершить убийство. Это невероятно. Милдред — ее дочь, и к тому же достаточно обеспечена. Джина боготворит свою бабушку. Она благородна, хоть и несколько экстравагантна, и страсти к деньгам у нее нет. Джолли Белевер искренне предана Каролине. Оба Рестарика любят Каролину как родную мать. Правда, ни тот ни другой не имеют

состояний, однако из доходов Каролины на их счета поступают приличные суммы. Особенно повезло Алексу. Я полностью исключаю, чтобы один из этих парней мог хладнокровно ее отравить, чтобы получить наследство.

— Но еще есть муж Джины?

— Да, — серьезно сказал Серроколд. — Есть муж Джины.

— В сущности, вы так мало о нем знаете. К тому же видно, что этот человек не очень счастлив.

Льюис вздохнул:

— Он не смог приспособиться к жизни в Соунгейтсе. Он не проявляет ни малейшего интереса, а тем более симпатии к тому, чем мы здесь занимаемся. Между тем мне известно, что он хорошо воевал.

— Это ни о чем не говорит, — наивно заметила мисс Марпл. — Война — это совсем другое, нежели повседневная жизнь.

— Однако я не вижу у Уолтера достаточных мотивов для совершения преступления, подобного этому.

— Вы так думаете? Он же ненавидит Стоунгейтс. А если ему нужны деньги, го для него важно, чтобы Джина получила все, что ей причитается, прежде чем они… расстанутся, если она свяжет

свою жизнь с кем-нибудь другим.

— Свяжет жизнь с кем-нибудь другим? — повторил с изумлением Серроколд.

— Именно это я и хотела сказать. Ведь оба Рестарика влюблены в нее. — Мисс Марпл восхитило неведение этого знатока психологии.

— Не думаю, — сказал намеренно безразличным тоном Льюис. — Стефан для нас просто незаменим. Как он умеет привлечь всех этих сорванцов, занять их, заинтересовать! В прошлом месяце он устроил такое чудесное представление. И сама постановка, и костюмы… Кстати, это подтверждает мою мысль, которую я все время повторял доктору Мэйверику: отсутствие драматургического элемента в существовании толкает этих детей на преступления. Ребенку необходима игра, это его естественный инстинкт. Мэйверик же считает, что… А! Да… Мэйверик…

Он помолчал, а затем продолжил:

— Я хочу, чтобы Мэйверик встретился с инспектором. Эта история с Эдгаром настолько нелепа!

— Мистер Серроколд, а что вы точно знаете об Эдгаре Лоусоне?

— Все, — решительно ответил Льюис. — То есть, все то, что необходимо знать… В какой среде он жил, в каких условиях формировался… Это само-

уничижение, так укоренившееся в его душе…

Мисс Марпл была вынуждена прервать его:

— А Эдгар Лоусон не мог быть отравителем миссис Серроколд?

— Ну, это маловероятно. Он здесь всего лишь несколько недель. И в любом случае это абсурд. Зачем ему нужно было отравлять мою жену? Что бы ему это дало?

— Готова согласиться, что ничего реального. Но вдруг у него была какая-то невероятная цель? Он же такой странный.

— Вы хотите сказать, неуравновешенный?

— Пожалуй… Я хочу сказать, что в нем всегда что-то не так…

Хоть мисс Марпл и не совсем ясно выразила свое впечатление, но Серроколд согласился с ее словами и, вздыхая, повторил:

— Да, у него всегда было что-то не так. Бедный малый! А ведь казалось, что он заметно прогрессировал! Не могу понять, чем вызван подобный срыв…

Мисс Марпл доверительно склонилась к собеседнику.

— Да. Именно об этом я все время спрашиваю себя. А что, если…

Ее прервал приход инспектора Карри.

Часть 3. Идеальный подозреваемый

Инспектор Карри уселся напротив мисс Марпл и взглянул на нее с многозначительной улыбкой.

— Итак, мистер Серроколд попросил вас играть роль… сторожевой собаки?

— Ну да, — ответила мисс Марпл. И добавила, тоже улыбаясь, несколько смущенно. — Надеюсь, вы не против?

— Разумеется, нет. Мало того, я думаю, что это прекрасная идея. А знает ли мистер Серроколд, насколько квалифицированно вы можете справиться с этим заданием?

— Я не совсем вас понимаю, инспектор.

— Он видит в вас совершенно очаровательную женщину определенного возраста, одноклассницу своей жены. Но мы, — инспектор со значением покачал головой, — мы-то знаем, что вы значите гораздо больше. Суперинтендант Блейкер поведал нам вчера вечером о вашем истинном призвании — об уголовных делах. Ну, а если это так, то кто, по-вашему, мог систематически потчевать ядом миссис Серроколд?

— В подобных делах всегда есть соблазн подо-

зревать самых близких людей — жену или мужа. Это первое, что приходит в голову, когда речь заходит об отравлении, не правда ли?

— Совершенно с вами согласен, — заявил Карри.

— Но на самом деле в данном случае все обстоит иначе. Честно говоря, я не могу подозревать мистера Серроколда. Видите ли, инспектор, он очень любит свою жену.

— К тому же у него нет никакого мотива для преступления. Деньги свои она ему уже отдала. И в любом случае он не мог убить Гэлбрандсена. По-моему, эти два преступления связаны друг с другом. У меня нет никаких сомнений. Человек, который пытается отравить миссис Серроколд, убил Гэлбрандсена, чтобы тот не смог его разоблачить. Теперь нам лишь требуется выяснить, кто же этот таинственный икс, убивший вчера вечером Гэлбрандсена. И подозреваемый номер один, без сомнения, молодой Уолтер Хадд. Это ведь он, зажигая лампу, пережег пробки, что позволило ему выйти из холла. И как раз в его отсутствие раздался выстрел. Значит, его следует подозревать в первую очередь — ведь именно у него были все возможности совершить преступление.

— А кто подозреваемый номер два? — осведо-

милась мисс Марпл.

— Алекс Рестарик. Он был один в машине и потратил слишком уж много времени, чтобы добраться от сторожки до дома.

— А остальные?

Мисс Марпл в любопытном ожидании подалась вперед, не преминув при этом заметить:

— Как любезно с вашей стороны, что вы рассказываете мне обо всем этом!

— Это не просто любезность, — как бы возразил инспектор Карри. — Мне нужна ваша помощь. И вы попали в точку, спросив про остальных. Дело в том, что именно здесь я должен просить вас о помощи. Вчера вечером вы были в холле и можете точно сказать, кто оттуда выходил…

— По правде говоря, мне трудно вам что-нибудь сказать. Понимаете, мы все были очень напуганы. Похоже было, что мистер Лоусон просто сошел с ума. Он так кричал, и такие ужасные вещи. Уверяю вас, мы не пропустили ни слова. К тому же было темно. Ничего другого я и не заметила.

— Короче говоря, вы считаете, что во время этой сцены любой мог выскользнуть из холла, пройти по коридору до комнаты мистера Гэлбрандсена, убить его и вернуться незамеченным?

— Вполне допускаю это.

— А есть кто-нибудь, о ком вы с уверенностью можете сказать, что он не выходил из холла?

Мисс Марпл задумалась.

— Могу сказать это о миссис Серроколд. Я все время наблюдала за ней. Она сидела рядом с дверью в кабинет и ни разу не встала с кресла. Ее спокойствие меня даже удивило.

— А остальные?

— Мисс Белевер выходила. Но я думаю… почти уверена, что это было уже после выстрела. Миссис Смит?.. О ней не могу сказать ничего — она сидела позади меня, у окна. Мне кажется, она оставалась там все время, но все же я в этом не уверена. Стефан сидел за роялем. Он перестал играть лишь когда ссора стала такой угрожающей.

— Не стоит придавать слишком большого значения моменту, когда вы услышали выстрел. Это довольно известный прием, — сказал инспектор. — Допустим, нас хотят уверить, что преступление совершено в какой-то определенный момент. В этот момент и может раздаться выстрел. Если мисс Белевер придумала что-то в этом роде… маловероятно, но предположим… она бы покинула холл совершенно открыто, как только все услышали выстрел. Повторяю, мы не должны придавать уж слишком большого

значения самому моменту выстрела. Мы должны быть ограничены лишь тем временем, когда Кристиан вышел из холла, и тем, когда мисс Белевер нашла его убитым. Из числа подозреваемых мы можем исключить лишь тех лиц, про которых нам уж точно известно, что они не имели никакой возможности совершить это преступление. К ним мы отнесем Льюиса Серроколда и молодого Лоусона, находившихся в кабинете, и миссис Серроколд, не оставлявшую холл ни на минуту. Очень досадно, что мистер Гэлбрандсен был убит в тот вечер, когда разразилась эта ссора…

— Вы думаете, всего лишь досадно? — тихим голосом осведомилась мисс Марпл.

— Что вы хотите сказать?

— Это могло быть не просто случайностью.

— Интересно! Вот что, оказывается, пришло вам в голову!

— Не правда ли, любопытно, что внезапное ухудшение состояния Эдгара Лоусона все нашли совершенно необыкновенным. Он страдает от своего странного комплекса — можете называть его как хотите. Уинстон Черчилль, лорд Монтгомери — оба они столь же подходят на роль его отца, как и любая другая знаменитость. И представьте себе, будто кто-то специально вбивает

ему в голову, что на самом деле его отец — Льюис Серроколд и что именно он преследовал и обижал его, в то время как по справедливости Эдгар Лоусон является законным наследником Стоунгейтса. Эдгар рано или поздно должен был сорваться. Это и случилось с ним вчера. А какая прекрасная возможность отвлечь внимание! Все присутствующие в ужасе, полностью поглощены трагической сценой, да еще кто-то постарался дать ему в руки револьвер…

— Например, револьвер Уолтера Хадда.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Я об этом думала, но, видите ли, Уолтер скрытный, малообщительный, любит поворчать, однако он не показался мне глупым.

— Значит, вы не считаете Уолтера убийцей?

— Разумеется нет. Если бы убийцей оказался он, все бы испытали большое облегчение. Он иностранец…

— А его жена? Она бы тоже испытала облегчение?

Мисс Марпл не ответила. Она вновь представила себе Джину и Стефана вдвоем на берегу пруда, там, где она увидела их в первый день. Подумала она и об Алексе Рестарике, который, приехав накануне вечером, сразу же стал искать глазами

Джину. А что думала об всем этом сама Джина?

* * *

Через два часа инспектор Карри вздохнул, потянулся в глубоком кресле и объявил:

— Ну так вот, мы неплохо расчистили площадку!

Сержант Лэйк думал так же.

— Слуги здесь не замешаны, — произнес он. — Все, кто ночует в доме, в момент убийства были вместе. А остальные разошлись по домам раньше.

Карри утвердительно кивнул. Он порядком устал, допрашивая психиатров, преподавателей и тех трех «молодых каторжников» (как он их мысленно называл), которым в день убийства подошла очередь ужинать в семейном кругу. Все показания сходились и лишь дополняли друг друга. Под конец был оставлен доктор Мэйверик, который, насколько инспектор мог об этом судить, был самым главным лицом в заведении.

— Теперь мы встретимся с ним, — сказал он Лэйку.

Молодой врач вошел в кабинет с очень озабоченным видом. Он был элегантно, с иголочки, одет, пенсне придавало ему немного отсутству-

ющий вид. Мэйверик подтвердил показания остальных сотрудников и был во всем согласен с инспектором Карри.

— А теперь, доктор, я попрошу вас дать полный отчет о том, чем вы занимались в этот день.

— Мне это будет очень просто. Специально для вас я записал все, что делал, и приблизительно указал время. Я покинул холл в 21.15 вместе с мистером Лэси и доктором Баумгартнером. Затем мы зашли к доктору Баумгартнеру, и я оставался у него до того момента, когда вбежала мисс Белевер и попросила меня вернуться в холл. Это было примерно в 21.30. Я тотчас отправился туда и нашел Эдгара в состоянии полной прострации.

Инспектор Карри шевельнулся.

— Одну минутку, доктор. Этот молодой человек в самом деле душевнобольной?

Доктор Мэйверик обескураживающе улыбнулся и произнес с оттенком некоторого превосходства:

— Каждый из нас душевнобольной, инспектор!

«Очень глупо», — подумал инспектор. Он-то нисколько не сомневался, что сам он вовсе не болен. Чего однако не мог сказать определенно о докторе Мэйверике.

— Таким образом, он отвечает за свои поступ-

ки?

— Полностью.

— Значит, стреляя в мистера Серроколда, он совершил попытку умышленного убийства?

— Да нет же, инспектор. Об этом и речи не может быть. Лоусон не имел желания причинить ему ни малейшего вреда. Он очень любит мистера Серроколда.

— И нашел весьма странный способ это ему доказать.

Мэйверик снова улыбнулся. Инспектор с трудом выдержал эту улыбку.

— Я хотел бы побеседовать с этим юношей, — заявил он.

— Нет ничего проще. После вчерашнего приступа он, похоже, успокоился. Сегодня ему гораздо лучше. Мистер Серроколд будет доволен.

Карри пристально взглянул на доктора, но тот был все так же непроницаемо серьезен.

— У вас есть мышьяк? — неожиданно спросил инспектор.

Было видно, что Мэйверик не ожидал такого вопроса.

— Мышьяк? При чем тут мышьяк?

— Отвечайте только на мой вопрос!

— Нет. У меня нет мышьяка. Ни в каком виде.

— Но у вас же есть лекарства?

— Разумеется. Успокоительное, снотворное, морфий… — в общем, самые обычные средства.

— А миссис Серроколд лечите вы?

— Нет. Она пациентка доктора Гантера из Маркет-Кэмбл, он их домашний врач. У меня, естественно, медицинское образование, но я работаю исключительно как психиатр.

— Понимаю. Ну что ж, спасибо, доктор!

Мэйверик закрыл за собой дверь, и инспектор сразу же сказал сержанту Лэйку, что от психиатров у него уже начинается приступ ревматизма.

— Теперь возьмемся за семейку, — объявил он. — Прежде всего, я хочу видеть молодого Уолтера Хадда.

Уолтер Хадд держался настороженно. Он с некоторым недоверием посмотрел на полицейского офицера, но выразил полную готовность к сотрудничеству.

Он объяснил, что электропроводка в Стоунгейтсе очень старая, многие провода уже истлели, и что у них, в Соединенных Штатах, такую проводку давно бы уже заменили. Пробки, с которыми были связаны почти все лампы в холле, перегорели, и он пошел посмотреть, что случилось. Заменив предохранитель, он вернулся в холл.

— Сколько времени у вас это заняло?

— Точно сказать не могу. Пробки расположены в таком неудобном месте. Пришлось искать стремянку, свечи… Пожалуй, мне понадобилось минут десять… или пятнадцать.

— Вы слышали выстрел?

— Нет. Ничего похожего я не слышал. Двери, выходящие в коридор и кухню, обиты войлоком.

— Хорошо. А что происходило в холле, когда вы туда вернулись?

— Они все столпились перед дверью в кабинет мистера, Серроколда. Миссис Смит кричала, что мистер Серроколд убит, но это ведь была неправда. Этот псих промахнулся!

— Вы узнали револьвер?

— Да, это был мой револьвер.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Два или три дня назад.

— Где вы его обычно храните?

— В ящике стола у меня в спальне.

— Кто еще знал, что он там находился? — спросил инспектор.

— В этом доме никогда не знаешь, что о тебе известно окружающим, а что неизвестно.

— Что вы имеете в виду, мистер Хадд?

— Они все здесь чокнутые.

— Да, возможно. Но кто, по-вашему, мог убить мистера Гэлбрандсена?

— На вашем месте я бы поставил на Алекса Рестарика.

— Что заставляет вас так думать?

— У него была хорошая возможность убить. Он был в парке, в своей машине, совсем один.

— А зачем ему убивать Кристиана Гэлбрандсена?

Уолтер пожал плечами.

— Я иностранец. И мне трудно понять все здешние семейные истории и проблемы. Может, старик что-то узнал об Алексе и хотел раскрыть все это Серроколдам.

— И к чему это могло бы привести?

— Они бы лишили его своих денег. А уж тратить-то денежки он умеет!

— Вы имеете в виду его театральные постановки?

— Так он это называет.

— Вы считаете, что он их тратит на что-то другое?

Уолтер снова пожал плечами.

* * *

Алекс Рестарик был весьма словоохотлив. Раз-

говаривая, он много жестикулировал.

— Знаю! Знаю! Я — идеальный подозреваемый. Приезжаю сюда один, на машине, и вдруг в парке, на аллее, меня озаряет. Я даже не прошу вас меня понять. Догадываюсь, что это невозможно.

— А может быть, мне и повезет, — иронически заметил Карри.

Но Алекс продолжал:

— Иногда бывает бесполезно пытаться понять, как и почему… Правда! Приходит мысль, идея… и все остальное меркнет, исчезает, как облака. На следующей неделе я ставлю в театре «Ночи в Лаймхаузе». И вот вчера вечером я вдруг увидел удивительную декорацию… Освещение, о котором я мог только мечтать. Казалось, туман отбрасывал свет фар. И, отраженный туманом, этот свет впыхивал на стенах построек. Тут было все: выстрелы, быстрые шаги, шум мотора…

Инспектор перебил его:

— Вы слышали выстрелы? Где?

Алекс небрежно махнул своими гладкими ухоженными руками.

— Где-то в тумане, инспектор. Это и впрямь было великолепно!

— А… вам не пришло в голову, что происходит нечто серьезное?

— Серьезное? Почему?

— Разве вы так уж часто слышите револьверные выстрелы?

— Я так и знал, что вы не поймете. Эти выстрелы! Они же так подходили к сцене, которую я себе в тот момент представлял. Мне нужны были выстрелы… опасность… истории с наркотиками… подозрительные сделки… И абсолютно было наплевать на то, что эти выстрелы означали на самом деле!

— Сколько выстрелов вы слышали?

— Не знаю! — выкрикнул Алекс, которого безумно раздражало это грубое вмешательство в ход его мыслей. — Два или три!.. Два подряд, это я хорошо помню.

Инспектор Карри покачал головой.

— А быстрые шаги, о которых вы упоминали — с какой стороны вы их слышали?

— Они слышались сквозь туман. Где-то около дома.

— Это наводит на мысль, — тихо сказал инспектор — что убийца Кристиана Гэлбрандсена шел по улице.

— Ну конечно! Почему вы в этом сомневаетесь? Надеюсь, вы, по крайней мере, не думаете, что он шел из дома?

Не замечая этого вопроса, инспектор спокойно сказал:

— Интересуют ли вас яды, мистер Рестарик?

— Яды? Но Кристиана ведь не отравили, прежде чем в него выстрелить! Это уж совсем походило бы на полицейские романы!

— Нет, его не отравили. Но вы не ответили на мой вопрос.

— В ядах есть нечто соблазнительное. Яд — менее грубое средство, чем пуля, и более изощренное, чем кинжал. Ничего другого я вам, пожалуй, сказать не могу. Вы именно это хотели узнать?

— У вас когда-нибудь был мышьяк?

— Мне это никогда не приходило в голову. Если не ошибаюсь, мышьяк входит в состав препаратов, применяемых против мух и сорняков.

— Вы часто бываете в Стоунгейтсе, мистер Рестарик?

— Когда как, инспектор. Иногда не бываю неделями. Но всякий раз, когда есть возможность, я приезжаю сюда на выходные. Я всегда считал Стоунгейтс своим родным домом.

— Это заслуга миссис Серроколд?

— Я никогда не смогу отплатить миссис Серроколд за все, что она сумела дать мне: свою симпатию, понимание, привязанность…

— Плюс весьма кругленькие суммы, как мне кажется.

На лице Алекса появилась гримаса отвращения:

— Миссис Серроколд, инспектор, относится ко мне как к сыну и верит в мое искусство.

— Она когда-нибудь говорила с вами о своем завещании?

— Конечно. Позвольте мне спросить вас, инспектор, почему вы задаете подобные вопросы? За миссис Серроколд ведь не приходится волноваться?

— Надеюсь, что нет, — многозначительно произнес Карри.

— Что вы хотите этим сказать, черт побери?

— Если вам ничего не известно, то тем лучше для вас… Ну, а если знаете, то считайте, что я вас предупредил.

Когда Алекс вышел, сержант Лэйк повернулся к инспектору:

— Что за чушь он нам нес про туман?

Карри покачал головой.

— Трудно сказать. Может, у него и вправду талант. А может, просто любит легкую жизнь и высокопарные слова. Неизвестно. Он якобы слышал чьи-то шаги — правда ли это? Держу пари,

что он это выдумал.

— С какой целью?

— С совершенно определенной целью. Мы еще до нее не дошли, но когда-нибудь доберемся.

— В конце концов, шеф, один из этих милых субчиков вполне мог потихоньку сбежать из своего заведения. В такой компании всегда найдется парочка взломщиков, и тогда…

— Нас очень хотят в этом убедить. Это ведь очень удобно. Но, видите ли, Лэйк, я скорее проглочу свою новую шляпу, чем поверю, что все было так на самом деле.

* * *

Когда Стефан Рестарик занял место брата, он тут же заявил:

— Когда произошла эта сцена между Льюисом и Эдгаром, я сидел за роялем и что-то потихоньку играл.

— Что вы тогда подумали?

— Честно говоря, я не принял все это всерьез. С Эдгаром бывают такие приступы. Он ведь не совсем сумасшедший. Все эти штучки — просто способ выпустить пар. Правда в том, что все мы, сколько бы нас ни было, действуем ему на нервы… А Джина, разумеется, больше других.

— Джина? Вы хотите сказать, миссис Хадд? А почему она его так раздражает?

— Потому что она женщина… и очень хорошенькая. И находит его смешным. Знаете, отец Джины — итальянец. А у итальянцев есть в душе такая бессознательная жестокость. Им незнакомо сострадание к старикам, к людям некрасивым или уродливым. Так и Джина ведет себя по отношению к Эдгару. Разумеется, я говорю про жестокость не в прямом смысле. Эдгар выглядит смешным, когда важничает, потому что на самом деле он совершенно не уверен в себе. Он хочет произвести впечатление, а получаются лишь идиотские выходки. А Джина, даже если этот бедняга сильно страдает, только смеется!

— Вы намекаете на то, что Эдгар Лоусон влюблен в Джину?

— Ну конечно! — весело сказал Стефан. — Мы здесь все в нее влюблены… кто больше, кто меньше. Ей это доставляет удовольствие.

— А ее муж? Ему это тоже доставляет удовольствие?

— Он не может толком разобраться в происходящем, хотя, конечно, догадывается и наверняка страдает. Это не может долго продолжаться… Я говорю об их браке. Нарыв скоро лопнет. В наше

неспокойное время происходит множество подобных историй.

Инспектор прервал его:

— Все это очень интересно, но мы порядком отвлеклись от нашей основной темы — убийства Кристиана Гэлбрандсена.

— Совершенно верно. Только я ничего не могу добавить. Я сидел за роялем и не двигался с места до той минуты, пока эта милая Джолли не притащила целую связку старых ключей, которыми она пыталась открыть дверь кабинета.

— Итак, вы оставались за роялем. А играть вы продолжали?

— Нет. Я остановился, когда голоса стали слишком уж громкими. И не потому, что беспокоился за исход этой сцены, У Льюиса очень властный взгляд, и ему было достаточно разок пристально посмотреть на Эдгара, чтобы тот провалился сквозь землю.

— Правда? Не могли бы вы сказать мне, мистер Рестарик, кто выходил из холла за это время, когда вы… За то время, которое нас интересует?

— Уолли, чтобы заменить пробки… Джульетта Белевер — за ключом, который подошел бы к двери кабинета… По-моему, это все.

— Если бы кто-то другой вышел, вы бы заме-

тили?

Стефан подумал.

— Вероятно, нет. Если бы кто-нибудь тихо встали вышел и так же тихо вернулся, я вряд ли заметил бы. В холле было так темно! Да и все наше внимание было поглощено этим скандалом.

— Кто, по-вашему, совсем не выходил из холла в этот вечер?

— Миссис Серроколд… Да, и Джина. За них двоих я готов поручиться.

— Спасибо, мистер Рестарик.

Стефан пошел к двери, остановился возле нее как бы в нерешительности, потом вернулся.

— А что это за история с мышьяком, инспектор?

— Кто вам сказал про мышьяк?

— Мой брат.

— Понятно.

Стефан продолжал:

— Кто-то пытался дать мышьяк миссис Серроколд?

— Почему вы подумали о миссис Серроколд?

— Я где-то прочел статью, в которой говорилось о симптомах отравления мышьяком. Их называют периферическим невритом. Это более или менее похоже на то недомогание, которое

она начала испытывать некоторое время назад. К тому же вчера Льюис отобрал у нее лекарство в тот самый момент, когда она собиралась его выпить…

— А кто, по-вашему, мог бы давать мышьяк миссис Серроколд?

На красивом лице Стефана Рестарика мелькнула странная усмешка.

— Не тот, на кого вы бы могли подумать в первую очередь. Без колебаний вы можете вычеркнуть из вашего списка мужа. Льюис Серроколд ничего бы не выиграл от ее смерти. К тому же он боготворит свою жену. Если у нее заболит хотя бы мизинец, для него это уже трагедия.

— Кто же тогда? У вас есть какие-нибудь идеи?

— Конечно! И не только идеи, а уверенность.

— Не хотите ли поделиться со мной вашими соображениями?

Стефан покачал головой.

— Эта уверенность чисто психологическая. У меня нет никаких доказательств. К тому же вы скорее всего не согласитесь со мной.

Произнеся безразличным тоном эти слова, Стефан Рестарик поклонился и вышел из комнаты.

Инспектор Карри рисовал кошек на лежащем перед ним листке бумаги. Из последнего разгово-

ра он сумел сделать три вывода:

а) Стефан Рестарик был высокого мнения о себе;

б) Стефан Рестарик с братом выступали единым фронтом;

в) Стефан Рестарик был красивым молодым человеком в отличие от Уолтера.

Было еще два вопроса, на которые инспектор никак не мог найти ответ: во-первых, что имел в виду Стефан, говоря о «психологической уверенности», и, во-вторых, мог ли он, сидя за роялем, видеть Джину? В последнее Карри не верил.

* * *

Появление Джины в полумраке библиотеки внесло элемент экзотики в строгую процедуру сбора показаний. Сам инспектор заморгал глазами при виде этой яркой молодой женщины, на которой была алая блузка и зеленоватые брюки. Она присела к столу, положив на него локти, и не без любопытства и вызова спросила:

— И что дальше?

— Я вижу, вы не в трауре, миссис Хадд, — суховато заметил Карри.

— Я ненавижу черный цвет, считаю его отвратительным. Цвет кассирш, уборщиц и им

подобных. К тому же Кристиан Гэлбрандсен мне вовсе не родственник. Он был всего лишь пасынком моей бабушки.

— Мне кажется, вы мало знали его.

— Верно. Когда я была маленькая, он приезжал сюда три или четыре раза. Во время войны я была в Америке и поселилась здесь снова всего полгода назад.

— Так вы вернулись в Стоунгейтс насовсем?

— По правде говоря, я об этом еще не думала.

— Скажите, миссис Хадд, эта вчерашняя сцена… кто находился в холле в тот момент?

— Мы все были там… разумеется, кроме дяди Кристиана.

— Не все, миссис Хадд. Кто-то входил, кто-то выходил…

— Вы так думаете? — неопределенно произнесла Джина.

— Например, ваш муж выходил, чтобы заменить пробки.

— Верно! Уолли потрясающе умеет все чинить.

— В его отсутствие, кажется, раздался выстрел. Вам всем тогда еще показалось, что он послышался со стороны парка.

— Не помню… Ах, да!.. Лампочки зажглись, и Уолли уже вернулся.

— А еще кто-нибудь выходил из холла?

— Не думаю… не помню.

— А где вы сидели?

— В глубине холла, возле окна.

— Рядом с дверью в библиотеку?

— Да·

— А вы сами выходили из холла?

— Я?.. Когда там такое творилось! Конечно нет.

— Где сидели все остальные?

— Большинство — вокруг камина. Тетя Милдред вязала, тетя Джейн — я хотела сказать, мисс Марпл — тоже. Бабушка ничего не делала.

— А мистер Стефан Рестарик?

— Сначала он играл на рояле, потом не помню.

— Мисс Белевер?

— Она как всегда ходила по холлу. Можно сказать, что она никогда не сидит на месте. Кажется, она искала то ли ключи, то ли что-то еще… А что это за история с лекарством для бабушки? — вдруг спросила Джина. — Ошибка аптекаря или дело в чем-то еще?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Флакон от лекарства пропал. Джолли от этого прямо-таки заболела. Она перевернула все вверх дном, чтобы отыскать этот пузырек, Алекс говорит, что флакон взяла полиция. Это правда?

Не ответив на ее вопрос, инспектор задал следующий:

— Так вы утверждаете, что мисс Белевер была очень взволнована?

— Джолли всегда устраивает трагедии из-за пустяков. Это ей нравится. Иногда я спрашиваю себя: как бабушка может ее терпеть?

— Последний вопрос, миссис Хадд. Кто мог убить Кристиана Гэлбрандсена? У вас есть какие-нибудь предположения?

— Лично я думаю, что убил кто-нибудь из этих юных кретинов. У настоящих преступников хватает здравого смысла: они убивают, чтобы завладеть деньгами или драгоценностями, но не ради удовольствия. А эти ненормальные, знаете, их еще зовут «умственно неполноценные», запросто прикончат любого, чтобы только поразвлечься. Вы не верите? А я не вижу, зачем они могли убить дядю Кристиана, если не ради развлечения.

— Вы хотите сказать, безо всякой причины?

— Вот именно. Ведь ничего же не было украдено, правда?

— Но знаете, миссис Хадд, в тот момент все помещения были закрыты, двери заперты на замок, никто оттуда не мог выйти без разрешения.

— Вы так думаете? — Джина расхохоталась. — Эти «мальчики» выберутся отовсюду! Уверяю вас, им известна масса приемов, они мне сами об этом рассказывали!

— А она забавная! — сказал сержант Лэйк, когда Джина вышла из библиотеки. — Я впервые вижу ее вблизи… Как сложена! Фигурка иностранки… Понимаете, что я имею в виду?..

Инспектор строго взглянул на него, и сержант Лэйк поспешил только добавить, что миссис Хадд не наводит на окружающих тоски.

— Похоже, что во время всех этих событий она ни минуты не скучала.

— Не знаю, прав ли Стефан, говоря о разводе, — продолжал инспектор. — Но она постаралась нам сказать, что Уолтер Хадд уже вернулся в холл, когда раздался выстрел.

— А по словам остальных было иначе.

— Вот именно!

— Она не сказала нам также, что мисс Белевер выходила из холла за ключами.

— Верно, — подумав, согласился инспектор.

* * *

Миссис Смит выглядела сейчас в библиотеке более уместно, чем несколько минут назад Джи-

на. Строгое черное платье с ониксовой брошью, тщательно уложенные седые волосы, прикрытые сеточкой — во всем этом не было ничего экзотического. К тому же выглядела она явно оскорбленной.

— Я думала, инспектор, что вы могли бы сообщить мне, в котором часу сочтете нужным со мной побеседовать. Мне пришлось прождать целое утро.

Она была высокого мнения о себе и чувствовалось, что гордость ее уязвлена. Инспектор сразу понял это и попытался немного подсластить пилюлю.

— Простите нас, миссис Смит. Дело в том, что вам не особенно знакомы наши методы. Мы ведь начинаем с опроса второстепенных свидетелей… Можно сказать, стараемся от них поскорее отделаться. Для нас важно именно в последнюю очередь побеседовать с человеком, умеющим наблюдать, с человеком, в правильности суждений которого мы полностью уверены. Это позволяет проверить достоверность того, что нам сообщили раньше.

Миссис Смит смягчилась:

— Ах так! Понимаю. Я об этом не подумала.

— Опыт делает ваши суждения значительными

и верными, миссис Смит. Кроме того, здесь ваш дом. Вы дочь миссис Серроколд и, следовательно, знаете все об окружающих ее людях.

— Разумеется, — согласилась Милдред. — Но думаю, что вам должно быть уже известно, кто убил моего брата. Это же бросается в глаза!

Инспектор Карри откинулся на спинку стула и провел рукой по тщательно ухоженным усикам.

— Важно соблюдать осторожность, — заметил он. — Вы говорите, бросается в глаза?

— Ну да. Это ужасный американец, муж бедной Джины. Он единственный, кто не является подлинным членом семьи. Мы о нем абсолютно ничего не знаем. Наверняка он один из тех ужасных гангстеров, которых так много в Соединенных Штатах.

— Достаточно ли этого для объяснения убийства мистера Гэлбрандсена? Почему он его убил?

— Потому, что Кристиан обнаружил что-то, касающееся убийцы. Именно поэтому мой брат вернулся сюда по прошествии столь короткого времени после его предыдущего визита.

— Вы в этом уверены, миссис Смит?

— Для меня это совершенно очевидно. Он хотел нас убедить, что приехал по поводу здешнего учреждения… Но это ведь абсурд. С такой целью

он приезжал в прошлом месяце. С тех пор не произошло ничего важного. В прошлый раз он видел Уолтера. Может быть, он о нем что-нибудь узнал? Может быть, наводил справки в Соединенных Штатах? Моего брата было нелегко обмануть. Я уверена, он вернулся, чтобы навести порядок во всем этом… чтобы разоблачить Уолтера, вывести его на чистую воду. И тогда Уолтер убил его. Это выглядит вполне естественным.

— Да-да… Возможно… — протянул инспектор, пририсовывая невероятно длинный ус одному из котов, изображенных на листке бумаги.

— А вы разве не согласны со мной, что все именно так и было?

— Возможно… Пожалуй… — ответил инспектор. — Но пока мы не сможем доказать, что у него была причина убить мистера Гэлбрандсена, мы не сдвинемся с места.

— По-моему, Уолтер Хадд думает только о деньгах. Поэтому он переселился в Англию и живет здесь на средства Серроколдов. Но ему не достанется ничего существенного, пока жива моя мать. А после ее смерти Джина унаследует огромное состояние…

— И вы тоже, миссис Смит.

Щеки Милдред слегка порозовели.

— И я тоже, как вы говорите. Мы с мужем всегда жили скромно. Он тратил очень мало. Только на книги… Он был очень культурным человеком. Мое личное состояние увеличилось вдвое или около того. Для моих нужд этого более чем достаточно. Но деньги ведь следует использовать и на благо ближних. Если бы я когда-нибудь унаследовала состояние, я бы относилась к нему как к священному неприкосновенному запасу.

Инспектор сделал вид, что плохо понял сказанное.

— Но ведь это не будет неприкосновенным запасом в полном смысле слова, как мне кажется. Это состояние безусловно принадлежит вам, не правда ли?

— Да… в каком-то смысле… Да, оно будет принадлежать мне безусловно.

Тональность ее последних слов несколько удивила инспектора. Он поднял голову и внимательно посмотрел на Милдред. Взгляд миссис Смит был отрешенным, а тонкие губы кривились в торжествующей усмешке.

Инспектор продолжал с тем же уважением в голосе:

— Итак, у вас были достаточные основания, чтобы прийти к столь серьезным выводам… Мистер

Уолтер Хадд собирался завладеть состоянием, которое должно было перейти к его жене после смерти миссис Серроколд. В связи с этим не заметили ли вы каких-нибудь ухудшений состояния здоровья вашей матушки в последнее время?

— У нее бывают приступы ревматизма, но это возрастное. К старости у всех что-нибудь появляется. Люди же, которые устраивают всякие сцены из-за начала новых неизбежных болей, не вызывают у меня симпатии.

— А миссис Серроколд устраивает сцены?

Милдред помолчала с минуту.

— Нет, — сказала она наконец. — Но она привыкла, что их устраивают ради нее другие. Заботливость ее мужа чрезмерна. Что касается мисс Белевер, она выглядит просто смешной. Ее преданность достойна восхищения, но превратилась в настоящее бедствие. Она буквально терроризирует бедную маму. Мисс Белевер здесь заправляет буквально всем и считает, что ей все позволено.

Инспектор медленно покачал головой.

— Понимаю… понимаю… — произнес он и добавил, внимательно наблюдая за миссис Смит. — Есть еще одно обстоятельство, которое мне не совсем ясно. Что делают здесь братья

Рестарики?

— Опять наша детская сентиментальность! Их папаша женился на моей бедной матери ради денег и через два года сбежал с югославской певичкой сомнительных моральных достоинств. Мать имела слабость пожалеть этих двух мальчиков. Она их почти усыновила, и с тех пор они все время толкутся здесь, паразитируя на ее доброте. Смею вас уверить, нахлебников нам здесь хватает!

— Алекс Рестарик имел возможность убить Кристиана Гэлбрандсена. Он был один в машине… между сторожкой и домом. А Стефан?

— Стефан был с нами в холле. Поведение Алекса мне не нравится. Он становится все вульгарнее, думаю, что ведет беспорядочную жизнь, но, по правде говоря, я не представляю его убийцей. Да и зачем ему было убивать моего брата?

— Мы все постоянно возвращаемся к этому вопросу, — заметил инспектор Карри. — Что такого мог знать Кристиан Гэлбрандсен про некоего икса, чтобы тот… счел необходимым убить его?

— Вот именно! — с неожиданной живостью воскликнула миссис Смит. — И наверняка убийца — Уолтер Хадд! Какой ужас! Какой ужас! И только я одна от всего этого страдаю. Что дру-

гим? Никто из присутствующих здесь даже не является родственником Кристиана. Для моей матери он был всего лишь взрослым пасынком. Не было родства и между ним и Джиной. Но мне он приходился братом!

— Сводным братом, — уточнил инспектор.

— Да, сводным, к тому же он был намного старше меня. Но мы оба Гэлбрандсены!

— Да-да… Я понимаю ваши чувства.

Милдред Смит вышла из комнаты. На глазах у нее блестели слезы. Карри посмотрел на сержанта.

— Она уверена, что убил Уолтер Хадд, и ни на минуту не может представить себе, что это мог сделать кто-то другой.

— А кто знает, может, она и права?

— Ясно только, что все против Уолл и. Подходящая возможность… мотив. Если ему нужны деньги, то смерть бабушки его жены просто необходима. В таком случае Уолли мог рыться в ее лекарствах, а Кристиан Гэлбрандсен — застать его за этим занятием… или каким-то образом узнать об этом. Да. Все прекрасно сходится.

Инспектор умолк и через минуту добавил:

— Хочу все же заметить, что Милдред Смит любит денежки. У нее к ним страсть, как у всех

скупых. Но смогла бы она совершить преступление ради денег — вот в чем вопрос?!

— Как все сложно, не правда ли? — сказал сержант Лэйк, почесывая затылок.

— Да, очень сложно, но зато интересно. Мне, право, очень хочется узнать... А Джина Хадд, Лэйк? Она, пожалуй, занимает меня больше остальных. У нее якобы плохая память, а может, она просто лжет с такой же легкостью, как дышит.

— Несомненно, — глубокомысленно подтвердил Лэйк.

Часть 4. Инспектор находит оружие

«Как трудно представить себе человека, основываясь лишь на том, что о нем рассказывают», — думалось инспектору Карри. Он видел перед собой Эдгара Лоусона, о котором столько людей говорили ему с самого утра. Их впечатления столь разительно не совпадали с его собственным, что становилось смешно.

Эдгар не казался ему ни «странным», ни «наглым», ни даже «ненормальным». Инспектор видел перед собой самого обычного юношу, очень расстроенного и выглядевшего почти таким же униженным, как Урия Гип[91]. Совсем юный, весьма заурядный и довольно жалкий, он хотел поскорее ответить на все задаваемые вопросы и беспрерывно рассыпался в извинениях.

— Я понимаю, что поступил очень плохо. Сам не знаю, что на меня нашло. Как я мог устроить эту безобразную сцену? А выстрел? Неужели я стрелял в мистера Серроколда, который был так добр ко мне, так терпелив!

Он непрерывно ломал пальцы, и эти руки с

---

[91] notes: 91
Урия Гип — персонаж одного из романов Ч. Диккенса *(прим. перев.)*

тонкими запястьями тоже вызывали жалость.

— Если меня должны судить, я готов последовать за вами. Я заслужил это. Я признаю себя виновным.

— Никто не подавал на вас жалобу, — сухо ответил инспектор. — У нас нет ни одного свидетельства против вас. По мнению мистера Серроколда, выстрелы были случайными.

— Он весь в этом высказывании! На свете никогда не было человека, столь же доброго, как мистер Серроколд! Я ему обязан всем, и вот как я его отблагодарил за доброту!

— Что заставило вас так поступить?

Казалось, Эдгар пребывал в замешательстве.

— Я вел себя как последний идиот.

— Мне тоже так кажется, — сухо заметил инспектор. — Судя по вашим словам, сказанным мистеру Серроколду в присутствии свидетелей, вы узнали, что он ваш отец. Это правда?

— Нет.

— Откуда у вас возникла эта идея? Вам кто-нибудь подсказал?

Эдгар в смущении зашевелился.

— Мне трудно объяснить вам… Не знаю, с чего начать…

Инспектор ободряюще посмотрел на него.

— Попытайтесь все-таки. Мы не намерены причинять вам неприятности.

— Видите ли, у меня не было нормального детства. Другие ребята смеялись надо мной, потому что у меня не было отца. Они обзывали меня незаконнорожденным… и это была правда. Моя мать почти не бывала трезвой, время от времени к ней приходили мужчины. Я думаю, что моим отцом был какой-нибудь иностранный моряк. Дом наш всегда вызывал у меня отвращение. Сущий ад! Я стал воображать, что мой отец был не простым моряком, а каким-то знаменитым человеком, и что я — законный наследник огромного состояния. Потом я стал учиться в другой школе и там один или два раза я соврал, намекая, будто мой отец был адмиралом. Кончилось тем, что я сам в это поверил и стал, как мне казалось, менее несчастным.

Он помолчал минуту, потом продолжил:

— А потом я придумал еще одну вещь. Я останавливался в отелях и рассказывал там массу всякого вздора. Говорил, что я летчик-истребитель или служу в армейской разведке. Сам не знаю, что со мной происходило. Мне не хотелось никого обманывать, но я не мог себя остановить. Мистер Серроколд и доктор Мэйверик объяснят

вам, что это такое. У них есть все соответствующие бумаги.

Инспектор Карри кивнул. Он уже видел документы Эдгара и его уголовное дело.

— В конце концов, мистер Серроколд вытащил меня из этого кошмара и привез сюда. Он сказал, что ему нужен секретарь, который должен ему помогать… и я могу утверждать, что работал прилежно! Да, я могу это сказать! Но другие люди постоянно издевались и смеялись надо мной.

— Кто же это? Может быть, миссис Серроколд?

— Нет. Миссис Серроколд — настоящая леди… Она всегда была любезна и добра ко мне. Но вот Джина, та обращалась со мной, как с последним идиотом, и Стефан тоже. Миссис Смит презирает меня за то, что я не из их круга. И мисс Белевер тоже. А сама-то она кто? Всего лишь компаньонка на жалованьи, правда?

Инспектор заметил в поведении молодого человека признаки все возрастающего возбуждения.

— В общем, они все относятся к вам безо всякой симпатии?

— Да, потому что я — незаконнорожденный! — запальчиво воскликнул Эдгар. — Если бы у меня был отец, они бы не вели себя так!

— Значит, чтобы утешиться, вы придумали

себе несколько знаменитых отцов?

Эдгар покраснел и произнес сквозь зубы:

— В конце концов, я всегда лгу.

— В последний раз вы утверждали, что ваш отец — мистер Серроколд. Почему вы так говорили?

— Потому что надеялся заставить их замолчать раз и навсегда. Если бы он был моим отцом, они бы не вели себя так!

— Но вы к тому же утверждали, что он ваш враг, что он вас преследует.

Эдгар потер лоб.

— Да, я знаю. Все перепуталось у меня в голове. Со мной это бывает.

— И вы взяли револьвер в комнате мистера Хадда?

Казалось, этот вопрос привел Эдгара в явное замешательство.

— Вы так думаете? Я взял его там?

— А вы не помните?

— Я хотел воспользоваться револьвером, чтобы только испугать мистера Серроколда.

— И как же вы раздобыли этот револьвер? — спросил инспектор, терпеливо дожидаясь ответа.

— Вы же сами сейчас сказали… Я взял его в

комнате Уолтера. Разве я мог найти его где-нибудь еще?

— Не знаю… Может, кто-нибудь дал его вам?..

Эдгар взглянул на инспектора безо всякого выражения.

— Если мне его и дали, я такого не припоминаю. Я был так взволнован! Стараясь успокоиться, я пошел прогуляться по парку. Мне казалось, что за мною следят, шпионят, что все против меня, даже эта симпатичная дама с седыми волосами… мисс Марпл. У меня, наверное, был приступ безумия. Не помню, где был, не помню, что делал, время перепуталось!

— Кто вам сказал, что мистер Серроколд — ваш отец? Это вы наверняка должны помнить.

Эдгар снова бессмысленно взглянул на инспектора и мрачно заявил:

Никто мне этого не говорил. Просто мне это пришло в голову.

Инспектор Карри вздохнул. Ответы его совершенно не удовлетворяли, но он отлично понимал, что в данный момент не добьется ничего большего.

— Хорошо, — сказал он. — Постарайтесь впредь быть серьезнее.

— Да, да, господин инспектор, я вам это обе-

щаю.

Эдгар удалился, а инспектор Карри медленно покачал головой:

— Просто ужас какой-то с этими умственно неполноценными!

— Вы думаете, кто-то заставил его проделать все это?

— Разумеется, и мисс Марпл здесь абсолютно права. Эта старушка — тонкий психолог! Хотел бы я знать, кто все-таки внушил все это молодому человеку! Он не хочет говорить. Если бы только мы узнали это… Пойдемте, Лэйк. Попробуем в точности воспроизвести сцену, случившуюся в холле.

* * *

Инспектор Карри сидел за роялем, а сержант Лэйк — у окна, выходившего на пруд.

— Итак, мы заняли места, — сказал инспектор. — Сидя на этом табурете и не теряя из виду дверь в кабинет, я должен повернуться так, что уже не смогу вас видеть.

Сержант бесшумно поднялся и проскользнул в библиотеку.

— Вся эта часть холла была погружена во тьму, горели только лампы у двери в кабинет. Что ж,

Лэйк, я не видел, как вы уходили. А из библиотеки легко можно через другую дверь пройти в коридор. Двух минут хватит, чтобы добежать до комнаты Гэлбрандсена, убить его, вернуться через библиотеку и снова усесться возле окна.

Карри минуту подумал и продолжал:

— Женщины возле камина сидят к вам спиной. Миссис Серроколд занимала место там, справа от камина, около двери в кабинет. Она не двигалась с места. Это утверждают все. К тому же только ее и видно отовсюду. Мисс Марпл сидела здесь, позади миссис Серроколд, и тоже смотрела на дверь кабинета. Миссис Смит была слева от камина, совсем рядом с дверью в вестибюль. Этот угол был в полной темноте. Она тоже вполне могла выйти и вернуться. Да. Это возможно.

Внезапно Карри расхохотался:

— И я ведь мог сделать то же самое.

Он тихонько встал со своего табурета и проскользнул вдоль стены.

— Только Джина могла заметить мое отсутствие у рояля. А вы ведь помните, что она сказала? «Сначала он играл на рояле, потом не помню».

— Значит, вы считаете убийцей Стефана?

— Не знаю, — признался Карри. — Это не Эдгар Лоусон, не Льюис Серроколд, не мисс Марпл…

Что касается остальных… — тут он тяжело вздохнул. — Возможно, убил американец. Ох, уж эти перегоревшие пробки! Такое удачное совпадение. Однако, знаете ли, он вызывает у меня симпатию, но… Но это ничего не доказывает.

Инспектор внимательно рассматривал ноты, лежащие на рояле.

— Хиндемит? Кто такой? Никогда не слышал… Шостакович? У них такие фамилии, что язык сломаешь!

Он посмотрел на старый вертящийся табурет и приподнял его сиденье.

— А, старая музыка здесь. «Ларго» Генделя, «Этюды» Черни, «Знал я прекрасный сад»… Жена пастора пела это, когда я был маленьким.

Он вдруг умолк, держа в руках пожелтевшие страницы. Под ними, на «Прелюдах» Шопена, лежал маленький пистолет.

— Стефан Рестарик! — радостно воскликнул сержант Лэйк.

— Не делайте поспешных заключений, сержант. Держу пари, кто-то старается нас в этом убедить.

* * *

Мисс Марпл поднялась по лестнице и постуча-

лась к миссис Серроколд.

— Можно войти, Кэрри-Луиза?

— Конечно, милая Джейн.

Сидя перед туалетным столиком, Кэрри-Луиза расчесывала свои серебристые волосы. Она полуобернулась и посмотрела на входящую подругу.

— Меня зовет полиция? Я буду готова через несколько минут.

— Как ты себя чувствуешь?

— Очень хорошо. Джолли, правда, настояла, чтобы я завтракала в постели. И Джина принесла мне завтрак буквально на цыпочках, как тяжелобольной! Я думаю, многие просто не отдают себе отчета в том, что в нашем возрасте даже такие трагические события, как смерть Кристиана, переносятся легче. Ведь у нас уже было достаточно времени, чтобы понять, что все происходящее в этом мире так мало значит…

— Да, пожалуй, — сказала мисс Марпл, правда, без особой уверенности.

— Ты не согласна со мной, Джейн? Меня это удивляет.

— Кристиан убит, — тихо ответила мисс Марпл.

— Да… Я понимаю, что ты хочешь сказать. Ты считаешь это важным и существенным.

— А ты не считаешь?

— Это уже не имеет значения для Кристиана, — спокойно заметила Кэрри-Луиза. — Разумеется, это существенно для человека, который его убил.

— Кто, по-твоему, мог это сделать?

Миссис Серроколд покачала головой. Видимо, она об этом не задумывалась.

— Понятия не имею. Не могу даже представить себе мотив этого убийства. Наверняка есть какая-то связь между преступлением и причиной, заставившей Кристиана приехать сюда месяц назад. Не думаю, что он вернулся бы так скоро, не имея веских оснований. Но, независимо от повода, та причина месяц назад уже существовала. Я пыталась докопаться до нее, но не могу припомнить ничего необыкновенного.

— Кто был тогда в доме?

— Все, кто находится здесь сейчас… Да, Алекс только что вернулся из Лондона. Чуть не забыла! Была еще Рут.

— Рут?

— Да, милочка, моя сестра Рут. Она приезжала ко мне на несколько дней.

— Рут! — повторила мисс Марпл.

Она перебирала в памяти разговор с миссис Ван Райдок перед поездкой в Стоунгейтс. Рут была

взволнована, обеспокоена. Пока она гостила у сестры, ее не покидало ощущение угрозы, нависшей над Кэрри-Луизой. Почему не покидало? Она ведь ничего не заметила. Что-то было не в порядке — вот все, что она могла сказать. Кристиан Гэлбрандсен тоже был взволнован и обеспокоен, но он либо кое-что знал, либо подозревал, что кто-то пытается отравить Кэрри-Луизу.

— От меня что-то скрывают? — вдруг спросила миссис Серроколд. — У всех такой таинственный вид.

Мисс Марпл вздрогнула.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я это вижу. Я говорю не о Джолли, а обо всех остальных, включая и Льюиса. Когда я завтракала, он вошел в мою комнату и показался мне очень странным. Выпил со мной кофе и даже съел кусочек поджаренного хлеба с апельсиновым джемом. А ведь он всегда пьет только чай и терпеть не может этот джем. Наверняка он думал о чем-то важном… Может быть, даже забыл позавтракать. С ним это часто случается, но сегодня он выглядел таким озабоченным и взволнованным!

Наступила неловкая пауза, но миссис Серроколд, казалось, не замечала этого. Она улыбалась.

— О чем ты думаешь, Кэрри-Луиза?

Похоже, в мыслях миссис Серроколд была очень далеко.

— …Я думала о Джине, — ответила она. — Ты говорила, что Стефан Рестарик влюблен в нее. Знаешь, Джина — такое очаровательное дитя. И она обожает Уолли. В этом я совершенно уверена.

Мисс Марпл промолчала, а миссис Серроколд продолжала, как бы стараясь найти оправдание для своей внучки.

— Молодые женщины вроде нее любят ощущать свою власть над мужчинами! Это же вполне естественно. Очевидно, что Уолли Хадд — не совсем тот человек, которого мы бы хотели видеть мужем Джины. Все выпадало так, что их встреча не должна была состояться. Но девочка встретила его и влюбилась… Думаю, она лучше нас знает, кто ей подходит.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл.

— Так важно, чтобы Джина была счастлива!

Мисс Марпл удивленно взглянула на свою собеседницу.

— Да, Джина — это особый случай. Когда мы удочерили ее мать… когда мы удочерили Пиппу,

мы сказали друг другу, что этот эксперимент обязательно должен быть удачным. Видишь ли, мать Пиппы…

Кэрри-Луиза замолчала.

— Кем была мать Пиппы? — спросила мисс Марпл.

Казалось, Кэрри-Луиза не может решиться все рассказать.

— Мы с Эриком приняли решение никогда никому об этом не рассказывать. Даже сама Пиппа так никогда и не узнала.

— А я очень хотела бы знать все, — заявила мисс Марпл.

Миссис Серроколд посмотрела на нее. Она все еще колебалась.

— Это не просто любопытство. Мне действительно нужно знать. Ты можешь рассчитывать на мое молчание.

— Ты всегда умела хранить тайну, Джейн, — заметила Кэрри-Луиза и улыбнулась своим мыслям о прошлом. — Только доктор Гэлбрайт… он сейчас епископ Кроумера… один он знает все. Матерью Пиппы была Катрин Элсворт.

— Элсворт? Женщина, отравившая своего мужа мышьяком?

— Вот именно.

— Ее ведь повесили?

— Да. Но точно не доказано, что она отравила своего мужа. У него была мания принимать препараты мышьяка, просто какая-то патология. В то время в этих вещах еще мало что понимали.

— Она вымачивала в воде ядовитые бумажки от мух.

— Мы всегда думали, что горничная дала свои показания под влиянием злобы и прочих дурных чувств.

— Так Пиппа была ее дочерью…

— Да. Мы с Эриком решили, что малышка будет носить нашу фамилию — Гэлбрандсен, и что мы дадим ей в некотором роде новую жизнь, окружив ее любовью, заботой и всем тем, что необходимо ребенку. Нам это удалось. Невозможно было представить себе более милое и счастливое существо, чем Пиппа!

Мисс Марпл молчала.

— Ну вот, я и готова, — произнесла Кэрри-Луиза, поднявшись со стула. — Будь любезна, попроси инспектора — не знаю, так ли его следует называть? — попроси его подняться в мою маленькую гостиную. Думаю, он не станет возражать.

Инспектор Карри действительно не стал возражать. Он был даже доволен возможностью

увидеться с миссис Серроколд в более непринужденной обстановке. Ожидая ее, он с любопытством осматривался. Среди прочего в глаза бросилась фотография двух девочек. Одна из них — очаровательная брюнетка — радостно улыбалась, а другая — стриженая дурнушка — недовольно смотрела на мир из-под своей челки. В это утро ему уже встречалось такое выражение лица. Фотография была подписана: «Пиппа и Милдред». Инспектор еще рассматривал ее, когда вошла миссис Серроколд.

На ней было черное платье из мягкой воздушной ткани. В ореоле серебристых волос черты ее бледно-розового личика выглядели удивительно трогательными. Она вся была живым воплощением хрупкости и беззащитности. Инспектор сразу понял, почему все, кто ее знал, так старались защитить Кэрри-Луизу от чего бы то ни было.

Она поздоровалась, предложила инспектору сесть и устроилась в кресле рядом с ним. Инспектор Карри начал задавать ей вопросы. Она охотно, без колебаний отвечала на них, рассказав о том, как погас свет в холле, о ссоре между Эдгаром и ее мужем, о выстреле, который все слышали…

— Вам не показалось, что этот звук раздался

в доме?

— Нет. Я думала, что он донесся из парка.

— Не заметили ли вы, как кто-нибудь выходил из холла во время этой сцены?

— Уолли уже пошел искать замену перегоревшим пробкам. Мисс Белевер вышла немного позже… тоже искать что-то, но я не знаю, что именно.

— А кто еще?

— Насколько мне известно, больше никто.

— Вы могли бы увидеть всех, кто выходил, миссис Серроколд?

— Нет, не думаю, — ответила она после минутного размышления.

— Вы были слишком поглощены тем, что происходило в кабинете мистера Серроколда?

— Да.

— И вы с беспокойством спрашивали себя, что может произойти дальше?

— Нет… пожалуй нет, я бы этого не сказала. По правде говоря, я не думала, будто что-то может случиться.

— Но ведь у Лоусона был револьвер?

— Да.

— И он угрожал вашему мужу?

— Да. Но у него не было намерения причинить

ему зло.

Инспектор Карри с трудом подавил в себе раздражение.

— Вы ведь не могли быть в этом твердо уверены, миссис Серроколд!

— Тем не менее, такая уверенность у меня была. Эдгар не ребенок. Он только прикидывается идиотом. Он разыгрывал эту мелодраму для самого себя, играя роль смелого, способного на все романтического героя. Я была совершенно убеждена, что он никогда не воспользуется этим револьвером.

— Однако он им воспользовался, миссис Серроколд!

— Наверняка это был случайный выстрел.

Карри снова почувствовал раздражение.

— Ничего подобного. Лоусон выстрелил дважды. Он целился в вашего мужа. По счастливой случайности пули не задели мистера Серроколда.

Казалось, Кэрри-Луиза была потрясена. Лицо ее мгновенно стало очень серьезным.

— Никак не могу поверить в это… — задумчиво начала она и тут же быстро продолжила, чтобы предупредить возражения инспектора: — Разумеется, я должна поверить, поскольку вы это

утверждаете. Но у меня все-таки остается ощущение, что объяснение всему происшедшему должно быть каким-то очень простым. Доктор Мэйверик может все объяснить… Я знаю, все, что мы делаем здесь, кому-то может показаться глупым и бессмысленным, — вдруг неожиданно произнесла миссис Серроколд. — Мне известно также, что психиатры иногда бывают несносны. Но видите ли, инспектор, у нас кое-что получается. Разумеется, вы не поверите, но Эдгар действительно предан моему мужу. Если он придумал свои дурацкие истории и утверждает, что Льюис его отец, то лишь потому, что ему так хочется иметь отца, похожего на Льюиса! Правда, я никак не возьму в толк, почему он вдруг сделался столь агрессивным. До этого он делал успехи, был почти нормальным. Кстати, мне-то он всегда казался нормальным.

Последнее высказывание инспектор даже не пытался оспорить.

— Оружие, которым воспользовался Эдгар Лоусон, принадлежит мужу вашей внучки. Лоусон наверняка взял его в комнате мистера Хадда. Вы видели раньше этот пистолет?

Инспектор протянул к миссис Серроколд руку. На его ладони лежал маленький черный писто-

лет. Кэрри-Луиза внимательно рассмотрела его.

— Нет, не думаю.

— Я нашел его у рояля, среди нот. Видно, что им недавно пользовались. У нас еще не было времени провести экспертизу, но я почти уверен, что мистер Гэлбрандсен был убит именно из этого оружия.

Кэрри-Луиза нахмурилась.

— Вы нашли его у рояля?

— Да. Под старыми сборниками нет. К ним наверняка никто не прикасался много лет.

— Значит, оружие было там спрятано?

— Да. Вы не припомните, кто вчера вечером сидел за роялем?

— Стефан Рестарик.

— Он что-нибудь играл?

— Да, очень тихо, какую-то немного грустную мелодию.

— Когда он закончил играть?

— Когда закончил?.. Не знаю.

— Но он действительно прекратил играть? Не играл ли он в то время, когда происходила эта сцена?

— Нет. Музыка прекратилась незаметно для меня.

— Вставал ли он со своего табурета?

— Не знаю. Мне совершенно неизвестно, что он делал до того момента, когда подошел к двери кабинета, чтобы попробовать подобрать ключ.

— Считаете ли вы, что у Стефана Рестарика могла быть причина убить мистера Гэлбрандсена?

— Абсолютно никакой.

Миссис Серроколд минуту подумала и добавила:

— Я уверена, у него не было такой причины.

— Может быть, мистеру Гэлбрандсену было известно что-либо, компрометирующее Стефана Рестарика?

— Это очень маловероятно.

Инспектору Карри безумно хотелось ввернуть: «Если свинья и летает, то очень маловероятно, что это птица!»

Это была любимая поговорка его бабушки, и он был уверен, что она известна и мисс Марпл.

Когда Кэрри-Луиза спускалась по лестнице, навстречу ей бросились женщины: Джина — из коридора, мисс Марпл — из библиотеки, а мисс Белевер — из большого холла.

— Милая бабушка! — воскликнула Джина. — Как вы себя чувствуете? Они вас не мучили, не изводили вопросами? Не причиняли вам неприятностей?

— Конечно нет! Какое у тебя богатое воображение, дорогая! Инспектор был очень мил и почтителен.

— Это все пустяки, — заявила мисс Белевер. — Возьмите, Кара, здесь все сегодняшние письма и какой-то пакет. Я как раз собиралась отнести это вам.

— Отнесите все в библиотеку.

Женщины прошли в библиотеку, и Кэрри-Луиза села, чтобы разобрать почту. Там было примерно двадцать писем. Просматривая их, Кэрри-Луиза отдавала письма мисс Белевер, которая раскладывала конверты в несколько стопок.

— Мы делим почту на три части, — объяснила мисс Белевер мисс Марпл. — Письма от родителей мальчиков я отдаю доктору Мэйверику. Просьбами о помощи занимаюсь сама. И, наконец, есть личные письма, относительно которых Кара готовит свои замечания с указанием возможных ответов.

Разобрав письма, миссис Серроколд занялась большим пакетом. Она разрезала веревочку ножницами и вынула из упаковки очень красивую коробку шоколадных конфет, перевязанную позолоченной ленточкой. Открыв коробку, она нашла в ней визитную карточку, которая очень

удивила ее.

— «От Алекса с любовью и уважением». Вот странная мысль посылать мне конфеты по почте в тот же день, когда он приезжает сюда сам!

Мисс Марпл овладело какое-то беспокойство. Она вскочила.

— Минуточку, Кэрри-Луиза, подожди пробовать!

Мисс Серроколд была крайне удивлена:

— Но почему, милочка? Они выглядят так соблазнительно!

— Но я сначала спрошу… Скажите, Джина, Алекс сейчас в доме?

— Кажется, я только что видела его в холле.

Джина подбежала к двери и позвала Алекса. Он почти сразу появился на пороге. Подойдя к миссис Серроколд, он нежно поцеловал ее в обе щеки.

— Кэрри-Луиза хотела поблагодарить вас за конфеты, — сказала мисс Марпл.

Алекс выглядел крайне удивленным:

— Какие конфеты?

— Вот эти, — показала Кэрри-Луиза.

— В коробке была ваша визитная карточка, — объяснила мисс Белевер.

Алекс посмотрел на карточку.

— И правда… Как занятно… Пожалуй, даже

очень занятно. Дело в том, что я не посылал никаких конфет.

— На вид они такие вкусные! — заявила Джина, рассматривая конфеты. — Смотрите, бабушка, конфеты с вишневым ликером, ваши любимые! Вон они, в середине.

Мисс Марпл мягко, но решительно отобрала у нее коробку, взяла ее под мышку и вышла, не проронив ни слова. Она отправилась на поиски Льюиса Серроколда. Разыскать его удалось не сразу. Он был у доктора Мэйверика. Поставив перед ним коробку, мисс Марпл рассказала, что произошло. Пока она говорила, лицо мистера Серроколда мало-помалу приняло суровое выражение.

Мужчины очень осторожно вынули конфеты из коробки и стали рассматривать их по одной.

— Я почти уверен, — сказал доктор Мэйверик, — что с теми конфетами, которые я отложил в сторону, что-то делали. Посмотрите на них снизу: слой шоколада нарушен. Надо немедленно отправить их на анализ.

— Это выглядит невероятным! — воскликнула мисс Марпл. — Мы все могли отравиться!

Льюис покачал головой. Он был очень бледен, по лицу пробежала судорога.

— Да, — сказал он. — Как много жестокости и пренебрежения чужой жизнью!.. Думаю, что все конфеты, которые мы отложили, заполнены вишневым ликером. Это же любимые конфеты Каролины. Какое знание мельчайших деталей!

— Если вы не ошибаетесь, и в конфетах в самом деле яд, — сказала мисс Марпл, не повышая голоса, — боюсь, что придется предупредить Кэрри-Луизу о происходящем. Она должна быть начеку.

— Ей придется узнать, что кто-то хочет ее смерти, — грустно произнес Серроколд. — Никогда она не сможет в это поверить.

* * *

Джина выпрямилась и откинула со лба волосы. Ее лицо и брюки были выпачканы краской. Вместе с «ассистентами» она разрисовывала задник декорации, которая должна была изображать Нил на закате солнца. Для их будущего представления такая декорация была совершенно необходимой.

— Эй, мадемуазель! Правду что ли рассказывают?.. Говорят, какая-то дрянь забавляется с ядами? — послышался позади нее немного хриплый голос.

Голос этот принадлежал ее юному помощнику Эрни Греггу, преподавшему ей когда-то такие прекрасные уроки открывания любых замков.

Эрни умел все: был отличным рабочим сцены, по случаю мог заменить любого актера, а главное, был влюблен в театр и во все то, что его касалось. Трагическая, но в то же время интересная история, несомненно, была причиной того, что в его круглых глазах зажглись искры.

— Откуда, черт возьми, вы все это взяли? — с негодованием спросила Джина.

Эрни подмигнул:

— Об этом болтают во всех спальнях. Бог ты мой, что же здесь делается? Вчера разделались со старым Гэлбрандсеном, теперь тайком отравляют! У нас говорят, что тот, кто послал конфеты, и кто пришил старика, — одно лицо. А что вы сделаете, мадемуазель, если я скажу вам, что знаю, кто это?

— Вы ничего не можете знать.

— Ничего не могу знать? А предположим, вчера вечером я гулял и кое-что видел.

— Как вы могли оказаться снаружи? Ведь двери вашего корпуса закрываются в семь часов, после переклички.

— Перекличка! Да, я, мадемуазель, могу выйти,

когда мне захочется. Меня замки не смущают. Выходить, прогуливаться по парку… помилуйте, это же так просто! Я это часто делаю.

— Ладно, Эрни. Хватит выдумывать!

— Кто выдумывает?

— Вы! Вы лжете, вы столько раз хвастались подвигами, которых никогда не совершали.

— Зря вы это! Подождем, пока меня допросят эти сыщики о том, что я видел вчера вечером.

— Ну и что же вы видели?

— А вы хотели бы это знать?

Джина с угрожающим видом двинулась на Эрни, но он сделал вид, что испугался и отступил. Стефан, работавший на другом конце сцены, подошел к Джине, чтобы обсудить какие-то технические детали предстоящей постановки. Затем они вместе направились в дом.

— Мальчики в курсе истории с конфетами для бабушки, — сказала Джина. — Как они об этом узнали?

— Они знают все, поверьте мне.

— Что меня больше всего удивляет, так это визитная карточка Алекса. Ведь это глупо — присылать свою визитную карточку в тот день, когда он уже прибыл. Вы не находите?

— Конечно. Но никто не знал, что он прибудет.

Он сам решил это буквально за две минуты и послал телеграмму. А к тому времени коробка была уже отправлена. Идея была блестящая. Он, случалось, и раньше посылал шоколад Каролине.

Стефан на мгновенье замолчал, а затем продолжал:

— Но что меня поражает, так это…

Джина прервала его:

— …то, что был некто, хотевший отравить бабушку. Это немыслимо. Ведь все ее обожают, абсолютно все.

Стефан не отвечал. Джина с интересом на него посмотрела.

— Я знаю, о чем вы думаете, Стив.

— О чем же?

— Вы думаете, что… Уолли… ее не любил. Но Уолли никогда бы никого не отравил. Это смешно.

— Какая вы, однако, преданная жена!

— Не говорите в таком насмешливом тоне.

— А я совершенно не намерен насмехаться над вами. Я ценю вашу преданность и потому еще более восхищаюсь вами. Но, моя маленькая Джина, это не может более так продолжаться.

— Что вы хотите сказать?

— Вам это прекрасно известно. Вы с Уолли мало

подходите друг другу. И он это тоже знает. Однажды все лопнет, и как только это произойдет, вы оба будете гораздо счастливее.

— Как вы глупы, — сказала Джина.

— Допустим! Но вы же не станете мне рассказывать, что вы буквально созданы друг для друга и что Уолли здесь счастлив.

— Да, я не знаю, что у него на душе. Он все время дуется, говорит сквозь зубы. Не знаю, что я могу для него сделать. Почему я не могу сделать так, чтобы ему здесь нравилось? А как мы были счастливы когда-то! Как мы умели развлекаться!.. А теперь это другой человек. Почему все так меняется?

— А я, разве я изменился?

— Нет, старина Стив. Вы все такой же… Помните, прежде, во время каникул, я ни на шаг не отходила от вас?

— Как я могу об этом забыть! И как же мне надоедала эта крошка Джина! Но сейчас все иначе. Вы достигли цели. Разве не так, Джина?

— Глупец! — горячо сказала молодая женщина и поспешила перевести разговор на другую тему. — Вы считаете, что Эрни солгал? Стоит ли верить тому, что он вчера вечером прогуливался в тумане и мог бы многое рассказать? Как по-ва-

шему, это правда?

— Правда? Конечно нет. Вы ведь знаете, какой он хвастун. К тому же, чтобы вызвать к себе интерес, он готов наговорить что угодно.

— Это я знаю. Между тем я задаю себе вопрос…

Весь оставшийся путь они прошли молча.

* * *

Заходящее солнце осветило западный фасад дома, на который в эту минуту был направлен взгляд инспектора Карри.

— Вы остановили свою машину вчера вечером именно здесь? — спросил он.

Алекс Рестарик отступил на шаг и, подумав, ответил:

— Примерно. Мне трудно сказать точно: был туман. Да, пожалуй, именно здесь.

— Доджетт! — сказал инспектор.

Полицейский агент Доджетт, стоявший до сих пор в ожидании, бросился к дому, пробежал по диагонали через газон, поднялся на террасу и скрылся в боковой двери. Спустя несколько секунд невидимая рука резко сдвинула занавески на одном из окон, выходящих в сад. Затем агент снова появился в дверях, выходящих в парк, и снова побежал к тому месту, где его ожидала

группа людей. Он тяжело дышал.

— Две минуты сорок две секунды, — сказал инспектор, звонким щелчком остановив секундомер, и добавил любезным тоном, как бы продолжая светский разговор. — Для подобных дел требуется не так уж много времени, вот так-то…

— Вы, без сомнения, хотели узнать, сколько времени мне могло понадобиться, чтобы добежать туда и вернуться? — спросил Алекс.

— Я просто хотел удостовериться в том, что вы могли совершить преступление. Это все, мистер Рестарик. В настоящий момент я никого не обвиняю… пока…

Впервые Алекс пришел в замешательство.

— Но помилуйте, инспектор! Вы ведь не мол<ете быть убеждены в том, что я являюсь убийцей или в том, что именно я послал коробку с отравленным шоколадом миссис Серроколд, да еще вложил туда свою визитную карточку?

— Возможно, кто-то хочет, чтобы мы в это поверили, мистер Рестарик.

— А! Теперь я понимаю. Вы очень хитры, инспектор.

Инспектор Карри бросил заинтересованный взгляд в сторону молодого человека. Он обра-

тил внимание на слегка заостренную форму его ушей, на то, сколь мало английского проступало в чертах его монгольского лица, на хитроватое выражение глаз. Он подумал, что узнать, о чем на самом деле думает этот юноша, очень нелегко.

Едва отдышавшись, агент Доджетт заговорил:

— Я двигал занавески, как вы мне велели, патрон. И я досчитал до тридцати. Один из крючков наверху оторван, и занавески плотно не закрываются. Когда комната освещена, это должно быть видно снаружи.

— Вы видели просачивающийся свет из этого окна вчера вечером?

— Я не мог видеть дом из-за тумана. Я вам об этом уже говорил.

— Бывает, что плотность тумана меняется, и тогда он местами рассеивается на несколько минут.

— Но вчера вечером он не рассеивался настолько, чтобы я смог увидеть весь дом или, по крайней мере, главный фасад. Гимнастический зал, который был совсем рядом со мной, и то вырисовывался в тумане весьма смутно, имел вид чего-то фантасмагорического. Это меня и восхитило. Впечатление было настолько прекрасное, что создавало ощущение полной ирреальности

происходящего. Я говорил вам уже, что использую это в декорации балета, который сейчас ставлю.

— Да. Вы мне об этом говорили, — сказал Карри.

— Знаете, когда привыкаешь смотреть на вещи, как на декорацию, то забываешь о реальности.

— Возможно. Но все же декорация — это нечто вполне реальное, мистер Рестарик.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать, инспектор.

— Они делаются из материалов, в которых нет ничего сверхъестественного… холст, дерево, краски, картон. Иллюзию создают глаза зрителей, а не декорации сами по себе. Именно это я и хотел сказать: декорация — это нечто реальное, откуда бы мы на нее ни смотрели: из зала или из-за кулис.

Алекс взглянул на Карри, широко раскрыв глаза.

— Знаете, инспектор, это очень глубокое замечание. Оно дало мне еще одну идею…

— Для нового балета?

— Нет. Речь идет о совершенно другом. Я спрашиваю себя, не были ли мы в какой-то степени слепы?

Часть 5. Алекс делает предложение

Алекс Рестарик медленно поднимался по аллее, размышляя о том, что могла бы дать его новая идея. Ход его мыслей неожиданно прервался, как только на дорожке, проходившей вдоль пруда, он заметил Джину. Дом стоял на небольшой возвышенности, которая мягко опускалась песчаными уступами к пруду, окруженному рододендронами и другими кустами.

Алекс немедленно присоединился к Джине и преувеличенно капризно заговорил, указывая на дом:

— Если бы убрать это уродливое викторианское здание, то можно было бы представить себя на берегу Лебединого озера. А вы, Джина, стали бы Царевной-лебедью… Хотя вы более похожи на Снежную королеву. В вашей головке не укладываются такие понятия, как доброта, жалость и даже самое простое милосердие… Хотя при этом вы очень женственны, моя дорогая Джина!

— А вы при этом очень противны, мой дорогой Алекс!

— Потому что я не позволяю кое-кому ездить на себе! Вы же очень довольны собой, разве не

так, Джина? Вы сделали из нас то, что хотели — я говорю и о себе, и о Стефане, и о вашем простофиле-муже.

— То, что вы говорите — глупо.

— Нет, не глупо. Стефан в вас влюблен, я тоже, а Уолли в отчаянии. Чего еще может желать женщина?

Джина посмотрела на него и рассмеялась. Алекс покачал головой.

— Я рад, что вы хотя бы искренни. Это свойственно итальянской крови. Вы не утверждаете, что специально не привлекаете мужчин или расстроены тем, что они вами увлечены. Вам нравится, моя жестокая Джина, что окружающие мужчины влюблены в вас, даже если речь идет о несчастном Эдгаре Лоусоне.

Джина посмотрела на него и сказала на удивление серьезным и спокойным голосом:

— Вы говорите, я жестока. Жесток мир! Настанет день, когда он и со мной жестоко обойдется. А пока что я молода, красива, и меня считают чертовски соблазнительной, — ослепительная улыбка обнажила ее зубы. — Да, я нахожу это очень приятным. А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Я тоже задаю себе этот вопрос, — ответил Алекс. — При этом мне особенно

хотелось бы знать, что вы намерены делать. Вы выйдете замуж за Стефана или за меня?

— Я уже вышла замуж за Уолли.

— Временно. Один раз ошибиться для женщины — нормально… Но что мешает ей эту ошибку исправить? После дебюта в провинции приходит время сыграть пьесу в Вест-Энде[92].

— И вы — тот самый Вест-Энд?

— Вне всякого сомнения.

— Вы действительно хотите жениться на мне? Я не могу представить вас женатым, — и Джина рассмеялась своим серебристым смехом. — Как вы меня позабавили, Алекс!

— Кстати, это мой главный козырь. Стефан гораздо лучше меня. Он очень красив и очень серьезен.

Женщинам такие нравятся. Но серьезный муж со временем утомляет. Со мною, Джина, вам скучать не придется.

— Не собираетесь ли вы еще сказать, что безумно меня любите?

— Даже если и так, я вам этого не скажу. Иначе было бы очко в вашу пользу. Нет. Все, что я намерен сделать — это лишь весьма прозаически

---

[92] notes: 92

Вест-Энд — театральный квартал Нью-Йорка *(прим. перев.)*

предложить вам выйти за меня замуж.

— Мне ведь следует обдумать ваше предложение, — сказала Джина.

— Естественно. Кстати, для начала вам необходимо заняться Уолтером. Этот несчастный Уолли! Он мне очень симпатичен. Его жизнь стала сущим адом с тех пор, как он на вас женился. Он, даже не успев сообразить, что произошло, оказался прикованным к Башей колеснице и втянут в эту дикую атмосферу фамильной филантропии.

— Алекс, вы просто грубиян!

— Всевидящий грубиян.

— Иногда, — сказала Джина, — у меня создается впечатление, что я нужна ему меньше всего на свете. Он просто не замечает, что я существую.

— Вы даже пытались вызвать в нем ревность, а он и на это не отреагировал. Это очень скучно!

Джина резко подняла руку и звонко ударила Алекса по гладко выбритой щеке.

— Вот это да! — воскликнул молодой человек.

Порывистым ловким движением он обнял ее, и не успела еще Джина начать сопротивляться, как их губы слились в продолжительном и страстном поцелуе… Какое-то мгновение она еще отбивалась, а затем перестала…

— Джина!

Они отпрянули друг от друга. Вся красная, с дрожащими поджатыми губами, Милдред Смит буквально испепеляла их взором. Она только и смогла с трудом выговорить:

— Какой ужас!.. Девка! Пропащая! Презренное создание!.. Ты воистину дочь своей матери… Потаскуха!.. Изменяешь мужу… и к тому же еще преступница! Да! Это верно… Я это знаю!

— И что же вы знаете? Не будьте смешной, тетя Милдред!

— Я не твоя тетя, Боже сохрани! В наших жилах течет разная кровь! Ты забываешь, кто была твоя мать. Ты не знаешь, откуда она появилась! Но моего отца и мою мать ты знаешь прекрасно. Как они могли взять в дом такого ребенка? Дочь преступницы или проститутки! Как они не подумали, что пороки передаются по наследству? И я подозреваю, что твоя итальянская кровь вполне могла сделать из тебя отравительницу!

— Как вы смеете так говорить?!

— Я говорю то, что хочу! Кто-то пытался отравить мою мать. А кто способен на это? Кто получит в наследство большое состояние после ее смерти? Это ты, Джина. И полиция, будь уверена, это учтет!

Продолжая кипеть, Милдред быстро удали-

лась.

— Это какая-то патология, — сказал Алекс. — Совершенно очевидно, что патология. Но это очень интересно. К тому же возникает вопрос, кем же был этот каноник Смит… Чересчур праведным святошей? Или импотентом?

— Алекс, вы отвратительны! О, как я вас ненавижу! Ненавижу! — Джина дрожала от гнева, кулаки ее сжимались.

— К счастью, в складках одежды у вас не спрятан кинжал. А то дорогая миссис Смит смогла бы познакомиться с преступником, сделавшись его жертвой.

— Как смеет она говорить, будто я пыталась отравить бабушку!

— А подумайте, дорогая! Ведь у вас для этого достаточно побудительных причин.

Джина пристально посмотрела на него. Она была поражена.

— О! Алекс… Неужели полиция тоже так считает?

— Мне трудно представить, о чем думают люди из полиции. Они умеют хорошо хранить свои тайны и к тому же не глупы. Это мне напоминает…

— Куда же вы уходите?

— Посмотреть, чего стоит пришедшая мне в

голову идея.

* * *

Ошеломленная Кэрри-Луиза скептически посмотрела на своего мужа. Затем с трудом произнесла:

— Ты считаешь, что кто-то пытался меня отравить. Но ты же не можешь… Я абсолютно не в состоянии в это поверить.

— Мне так хотелось уберечь тебя от всего этого, моя дорогая! — тихо сказал Льюис.

Мисс Марпл, сидевшая рядом со своей приятельницей, понимающе кивнула головой.

— Это действительно так, Джейн?

— Боюсь, что да.

— Но тогда… — миссис Серроколд осеклась, однако тут же продолжила. — Я всегда считала, что умею отличать истинное от ложного. Все происходящее кажется мне нереальным. Я могу во всем ошибаться. Но кто бы мог захотеть для меня такой ужасной смерти? И разве есть в этом доме кто-то, кто мог бы желать мне ее…

В тоне ее по-прежнему звучало сомнение.

— Я вначале тоже так думал, — сказал Льюис. — И оказался неправ.

— А Кристиан, видимо, все знал. Это теперь

очень многое объясняет.

— Что именно?

— Его поведение. Оно было очень странным. Кристиан выглядел совсем не таким, каким он обычно бывал — словно пережил какое-то потрясение. Теперь я понимаю, что это из-за меня… Я чувствовала, что он хочет поговорить со мной, но он так ничего и не сказал. Спросил только, в порядке ли мое сердце и о моем самочувствии в последнее время. Возможно, так он пытался предупредить меня. Но почему же он не поговорил со мною прямо?

— Он не хотел тебя огорчать своими подозрениями.

Казалось, глаза Каролины сделались еще больше.

— Огорчение? Но почему же… О! Понимаю… Значит, ты думаешь, что поэтому! Но ты ошибаешься, Льюис. Ты абсолютно не прав, и я могу тебе это доказать.

Льюис отвел глаза.

— Извините, но я все же не могу поверить в то, что происшедшее за эти дни — правда, — сказала миссис Серроколд после некоторого раздумья, — что Эдгар стрелял в тебя… Что Джина и Стефан… И эти конфеты… Все это так не похоже на правду.

Воцарилось тягостное молчание. Кэрри-Луиза вздохнула.

— Я вообразила, что можно очень долго жить, не обращая внимания на реалии окружающего мира. Извините. Я хочу остаться одна. Я хочу попытаться понять.

Мисс Марпл спустилась в холл. Около двери, выходящей на улицу, она увидела Алекса Рестарика, стоящего в несколько театральной позе с распростертыми руками.

— Входите! Входите! — сказал он преувеличенно-радостным голосом, будто представляя себя хозяином этого большого холла. — Я как раз размышлял о том, что вчера здесь происходило.

Льюис Серроколд, следовавший за мисс Марпл, буквально прошмыгнул в свой кабинет, дверь которого он тут же закрыл.

— Вы пытаетесь воссоздать картину преступления? — спросила мисс Марпл, стараясь не показать своей заинтересованности происходящим.

— Не совсем так. Я на все смотрю сейчас с совершенно новой точки зрения. Я смотрю на этот дом как на театр. Пытаюсь перевести жизнь из реального плана в сценический. Подойдите сюда. Представьте себе, что окружающее вас — только

декорация: освещение, двери, через которые входят и выходят персонажи, шумы за кулисами — в общем, все. Это исключительно интересно. Идея, кстати, принадлежит не мне, а инспектору. Простое замечание, которое он мне высказал. Сценические эффекты создают иллюзию лишь у зрителя… Думаю, что он несколько жесток, этот человек. Сегодня утром он так старался меня запугать.

— Ему это удалось?

— Не уверен.

Алекс рассказал мисс Марпл про эксперимент Карри, как тот заставил запыхаться Доджетта, хронометрируя его пробежку до дома и обратно.

— А ведь время столь обманчиво! — сказал он. — Считается, что необходимо много времени для того, чтобы что-то совершить, но это совсем не так.

— Да. Это совсем не так, — повторила мисс Марпл.

Она немного переместилась, чтобы удобнее было изображать публику. Стена, украшенная ковром, представляла теперь как бы задник сцены. Слева рояль, справа, совсем рядом с входом в библиотеку, диван в проеме окна. Табурет стоял примерно в двух с половиной метрах от двери

в вестибюль, из которого начинался коридор. Два очень удобных выхода. Публика прекрасно видела как один, так и другой.

Но накануне вечером публики не было. Иначе говоря, никто не сидел лицом к декорации, которую сейчас рассматривала мисс Марпл. Накануне вечером публика была повернута к этой декорации спиной.

Мисс Марпл сейчас задалась вопросом, а сколько времени понадобилось бы, чтобы выскользнуть из комнаты, пробежать по коридору, убить Гэлбрандсена и вернуться. Получилось, что намного меньше, чем предполагалось ранее.

И о чем же могла думать Кэрри-Луиза, когда говорила своему мужу: «Значит, по-твоему, причина в этом! Но ты ошибаешься, Льюис.»

Голос Алекса вывел мисс Марпл из раздумья.

— Это замечание инспектора по поводу декорации действительно глубокое. Дерево и картон, соединенные клеем, одинаково реальны как с окрашенной стороны, так и с тыльной. «Иллюзия, — сказал он, — возникает только в глазах зрителей».

— Это как трюки фокусника, — пробормотала мисс Марпл, — где иллюзия достигается «игрой зеркал», их магией. Последнее мне кажется более

точным…

Стефан Рестарик вихрем ворвался в холл.

— Скажи, Алекс, ты помнишь этого маленького негодяя Эрни Грегга?

— Который изображал Феста, когда вы играли «Ночь королей»? Мне помнится, он производил впечатление, подавал какие-то надежды.

— Да. Он не лишен сценического обаяния и исключительно ловок. А как рабочий сцены просто незаменим. Он хвастался перед Джиной, что может спокойно выходить ночью для прогулок. И что вчера вечером он был в парке и якобы кое-что видел.

Алекс резко обернулся.

— И что же он видел?

— А вот этого он не говорит. Я, правда, почти уверен, что он пускает пыль в глаза, хочет нас заинтриговать. Это первоклассный лгун. Но все же не стоит ли его допросить?

— Сейчас этого лучше не делать, — живо сказал Алекс, — и не следует ему показывать, что его рассказы нас заинтересовали.

— Возможно, ты прав… Посмотрим вечером.

Стефан прошел в библиотеку. Мисс Марпл, увлеченная идеей представить себя на месте публики, столкнулась с Алексом, не успевшим

вовремя отступить.

— Прошу меня извинить, — сказала она.

Алекс нахмурил брови и рассеянно произнес:

— Извините меня… Ах, это вы! — добавил он таким тоном, будто был крайне удивлен присутствием мисс Марпл.

Мисс Марпл это показалось странным.

— Я думал о другом, — сказал Алекс. — Этот малый, Эрни…

Неожиданно он махнул рукой и последовал за Стефаном в библиотеку.

За закрытой дверью слышались голоса, но мисс Марпл едва ли это интересовало. Слова инспектора, о которых сказал ей Алекс, породили и в ее голове смутную мысль, нечто вроде внезапной догадки, которая сейчас занимала ее целиком. Совпадали ли ее мысли с соображениями Алекса? Или были совсем иными?

Мисс Марпл прошла на то место, где недавно стоял Алекс Рестарик. «Это не настоящий холл, — говорила она себе. — Это всего лишь дерево, картон, холст… Это сцена театра…» В памяти всплывали обрывки фраз: «Иллюзия… В глазах публики… Игра зеркал…»

В ее голове уже сформировался некий образ, подсказанный словами Алекса, когда он

рассказывал о следственном эксперименте. Запыхавшийся после пробежки агент Доджетт… Теперь она ясно все видела…

— Ну конечно, — сказала она полушепотом. — Это могло быть только так…

* * *

— О! Уолли, как ты меня напугал!

Высокий силуэт Уолтера возник из тени так внезапно, что Джина, возвращавшаяся из театра, буквально подскочила. Ночь еще не наступила, и таинственные сумерки, парившие над землей, придавали вполне реальным вещам некие фантастические формы, наподобие тех, что преследуют нас в кошмарах.

— Что ты здесь делаешь? Ты обычно никогда не заходишь в театр.

— Может, я тебя искал, Джина. Театр ведь то место, где тебя наверняка можно найти.

Мягкий монотонный голос Уолли, казалось, не содержал никакого подвоха, и все же Джина ощутила легкое беспокойство.

— Мне очень нравится эта работа, — сказала она. — Я обожаю запах красок, холста, дерева, саму атмосферу кулис.

— Да. Я понял, что ты к этому привязана… Ска-

жи мне, Джина, сколько времени, по-твоему, понадобится, чтобы закончилось следствие?

— Видимо, оно закончится не раньше чем через пятнадцать дней. По крайней мере, мы так поняли из заявления инспектора.

— Пятнадцать дней, — задумчиво повторил Уолтер. — Скажем, три недели. А затем мы будем свободны… Тогда я возвращусь в Америку.

— Но я не могу так быстро собраться. Не могу оставить бабушку… И потом, мы сейчас готовим две новые постановки.

— Я ведь не говорил «мы». Я сказал, что поеду я.

Джина запнулась и посмотрела на мужа. В полумраке он показался ей огромным. И в этом привычном облике тихого великана ей почудилось что-то угрожающее…

— Итак, ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Почему? Я этого не говорил.

— Тебе плевать, поеду я или останусь. Не так ли? — спросила она с внезапным гневом.

— Слушай, Джина, мы уже дошли до того предела, когда необходимо объясниться. Когда мы поженились, мы мало знали друг о друге, еще меньше о наших семьях, тем более об их окруже-

нии. Нам казалось, что это не имеет значения, а важно то, что мы вдвоем и начинаем новую прекрасную жизнь. Теперь первый акт завершился. Твоя семья меня не очень-то ценит. Возможно, она и права. Я ведь другой породы. Но если ты думаешь, что я могу оставаться здесь и, закусив губу, смиренно заниматься делами того, что я называю «обществом сумасшедших», ты ошибаешься. Я хочу жить в своей стране и делать работу, ту, которая мне по душе и на которую способен. Ты, как оказалось, ни в чем не соответствуешь тому образу жены, который существует в моем воображении. Мы слишком быстро поженились. И я это понял только теперь. Вина здесь моя. Сейчас ты вправе освободиться и начать новую жизнь — какую захочешь. Решать тебе. Ты можешь предпочесть кого-нибудь из этих театралов. Дело твое, тебе и выбирать. А я возвращаюсь на родину.

— Ты последний идиот! — воскликнула Джина. — Мне здесь просто очень интересно!

— Действительно? Хорошо. Но не мне. Итак, все тебя забавляет? Даже убийца?

Джина подскочила.

— То, что ты говоришь, жестоко и несправедливо. Я очень любила дядю Кристиана. А ты можешь

себе представить, каково человеку, когда он знает, что уже в течение нескольких месяцев кто-то хочет отравить его бабушку?

— Я много раз говорил тебе, что не люблю эти места. И уж тем более мне не нравится то, что здесь происходит. Поэтому я уезжаю.

— Если тебе разрешат. Разве ты не понимаешь, что тебя могут арестовать? Ведь считают, что это ты убил дядю. Я была в ужасе от того, как инспектор Карри смотрел на тебя. Он был точно кот, поджидающий мышь: когти выпущены, готов к прыжку. Я уверена, тебе припишут это убийство только потому, что ты выходил из холла, чтобы заменить пробки и потому, что ты не англичанин.

— Прежде всего, необходимы доказательства.

— Я боюсь, Уолли. С самого начала я боюсь за тебя.

— Бояться не нужно. Я тебе говорю, у них нет никаких улик против меня.

Когда они уже молча шли к дому, Джина вновь сказала:

— Мне кажется, ты не хочешь, чтобы я с тобой возвращалась в Америку.

Уолтер не ответил.

Джина повернулась к нему, топнула ногой.

— Я тебя презираю! Ты мерзкая бессердечная скотина! Тебе наплевать на то, что ты больше не увидишь меня. Ну и ладно! Мне тоже наплевать на тебя. Как я сглупила, выйдя за тебя! Я хочу как можно быстрее развестись, а потом выйду за Алекса или за Стефана и буду, без сомнения, более счастлива, чем с тобой.

— Браво! — воскликнул Уолтер. — Теперь, по крайней мере, все стало ясным.

* * *

Мисс Марпл видела, как Джина и Уолтер вместе вошли в дом. Она находилась как раз в том самом месте, где утром инспектор Карри проводил следственный эксперимент.

— Мисс Марпл, вы простудитесь, если будете еще оставаться на улице вот так, не двигаясь, после захода солнца!

Неожиданно раздавшийся за спиной мисс Марпл голос мисс Белевер заставил ее вздрогнуть, и она покорно пошла следом за ней к дому.

— Я размышляла о трюках фокусников, — сказала мисс Марпл. — Они так непонятны, когда на них смотришь, и вдруг оказываются столь простыми, когда вам их объясняют. Вы когда-нибудь видели женщину, которую распиливают

пополам? Этот фокус завораживал меня с детства. Я помню его еще с одиннадцати лет. Мне так и не удалось самой понять, как это делается. И вот недавно я прочитала в газете статью, где раскрывается секрет. Оказывается, там не одна, а две женщины. Зрители видят голову одной и ноги другой. Все считают, что женщина одна, а их в действительности две… Это разгадка и для другого…

Мисс Белевер недоуменно посмотрела на нее. Впервые речь мисс Марпл была такой непоследовательной и бессвязной. Видимо, все эти ужасные события оказались действительно серьезным испытанием для столь немолодой дамы.

— Когда наблюдаешь вещи с одной стороны, то и видишь только эту сторону, — продолжала мисс Марпл, — но если удается определить, где реальность, а где иллюзии, все становится ясным.

Затем она вдруг добавила:

— А Кэрри-Луиза?.. Как она себя чувствует?

— Она чувствует себя хорошо, — ответила мисс Белевер. — Но, должно быть, это ужасно — узнать, что кто-то пытался тебя отравить. Особенно для нее, всецело отвергающей насилие.

— Кэрри-Луиза хорошо чувствует то, что от нас ускользает, — задумчиво произнесла мисс

Марпл. — И так было всегда.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Но она живет вне реального мира.

— Вы так считаете?

Мисс Белевер посмотрела на нее с удивлением.

— Я не знаю никого другого, кто, подобно Кэрри, был бы так далек от повседневной жизни.

Сзади них раздались чьи-то шаги. Это был Эдгар Лоусон, который, обгоняя их, смущенно поклонился.

— Вот-вот! — продолжала мисс Марпл. — Я вдруг вспомнила. Этот молодой человек напоминает мне некоего Леонарда Вилли, зубного врача. Его отец, который тоже был дантистом, состарился. Стал терять зрение, руки у него тряслись, и больные, естественно, предпочитали лечиться у его сына. Старик был от этого несчастен, беспрерывно жаловался и хныкал. Леонард, у которого было доброе сердце и не очень умная голова, стал притворяться, что излишне много пьет. От него всегда пахло виски, и, принимая пациентов, он старался делать вид, что находится «под мухой». Он был убежден, что несчастные больные, видя сына явно не на высоте, вновь пойдут к его отцу.

— И они шли?

— Конечно нет. Они пошли к мистеру Рейли,

конкуренту. Многие добрые люди не в ладах со здравым смыслом. Кроме того, Леонард Вилли не умел как следует притворяться. Не имея никакого представления о том, как ведут себя настоящие пьяницы, он явно преувеличивал…

Они вошли в дом через боковую дверь и увидели, что вся семья собралась в библиотеке.

Льюис шагал из угла в угол. Чувствовалось, что обстановка была напряженной.

— Что здесь происходит? — спросила мисс Белевер.

— Эрни Грегг не явился сегодня вечером на перекличку, — сухо ответил Льюис.

— Он удрал?

— Пока неизвестно. Мэйверик и часть персонала осматривают все имение. Если его не найдут, нам следует предупредить полицию.

— Бабушка! У вас такой больной вид!

Это Джина, обратившая внимание на бледность Кэрри-Луизы, бросилась к ней.

— Нет. Но я огорчена. Бедный мальчик!

— Я как раз намеревался спросить у него, не видел ли он вчера вечером чего-нибудь необычного. У меня как раз была для него хорошая вакансия, и я думал, что после разговора о деле можно будет легко перейти на вчерашнее. А теперь…

Лыоис больше ничего не сказал.

— Дурачок! Бедный дурачок! — тихо пробормотала мисс Марпл, качая головой.

Вошел Стефан Рестарик.

— Я не застал вас в театре, Джина! — воскликнул он. — Я думал, что вы сказали… Что? Что здесь происходит?

Лыоис повторил свое объяснение, и, прежде чем Стефан смог произнести хоть слово, в вестибюле послышались голоса.

Дверь резко отворилась, и неверными шагами вошел доктор Мэйверик. Он был мертвенно бледен.

— Мы его нашли… Мы их нашли… Это ужасно!

Тяжело дыша, он рухнул в кресло и дрожащими руками вытер пот со лба.

— Что вы хотите этим сказать?.. Вы «их» нашли? — живо спросила Милдред Смит.

— Там… в театре, — сказал он. — Головы обоих раздавлены… Большой противовес занавеса, видимо, упал на них… Алекс Рестарик и малыш Эрни Грегг — они оба мертвы!

* * *

— Кэрри-Луиза, я принесла тебе в этой чашке бульон. Он придаст тебе силы, — сказала мисс

Марпл. — Доставь мне удовольствие — выпей.

Миссис Серроколд сидела в своей огромной кровати и казалась ребенком. Щеки ее утратили свой цвет, а глаза говорили о том, что мысли женщины сейчас очень далеки от чашки с бульоном.

Она покорно взяла чашку, протянутую ей мисс Марпл, и отпивала бульон маленькими глотками. Ее давняя подруга присела в кресло рядом с кроватью.

— Сначала Кристиан… — сказала Кэрри-Луиза, — теперь Алекс и этот бедный малыш Эрни, который казался и хитрым и глупым одновременно. Он, может, действительно что-то знал?

— Не думаю, — ответила мисс Марпл. — Он просто соврал — глупая мальчишеская похвальба. Но, к сожалению, кто-то ему поверил.

Кэрри-Луиза вздрогнула, и взгляд ее опять стал отстраненным.

Мисс Марпл взяла со стола маленькие ножницы и стала с любопытством разглядывать их.

— Это Алекс подарил их мне сегодня утром, — сказала Кэрри-Луиза. — А третье кольцо на них якобы для того, чтобы легче стричь ногти на правой руке. Бедный Алекс, он так умел увлекаться. Он настоял на том, чтобы я их немедленно опробовала.

— И обрезки ногтей, наверное, вынес сам, чтобы не было беспорядка?

— Да. Он…

Каролина запнулась и постаралась перевести разговор.

— Почему ты это спросила?

— Я думаю об Алексе. Он был умен. Да. Очень умен.

— Ты считаешь, что поэтому он и умер?

— Да.

— Эрни и он… Мне и думать об этом страшно! Когда, по-твоему, это произошло?

— Во второй половине дня, ближе к вечеру. Возможно, между шестью и семью часами.

— Работа уже была закончена?

— Да. В театре в этот момент могла быть Джина… Уолтер Хадд также, да и Стефан пошел туда, чтобы посмотреть, там ли Джина… Короче говоря, любой мог…

Кэрри-Луиза прервала размышления мисс Марпл, задав спокойным тоном неожиданный вопрос:

— А что известно тебе, Джейн?

Мисс Марпл с интересом подняла голову. Глаза обеих женщин встретились, и мисс Марпл медленно ответила:

— Если бы я была вполне уверена…

— Думаю, что это так, Джейн.

И мисс Марпл спросила в том же тоне:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Кэрри-Луиза откинулась на подушки.

— Я целиком полагаюсь на тебя, мой друг. Делай то, что считаешь нужным.

Она прикрыла глаза.

— Завтра… — сказала мисс Марпл, мгновение поколебавшись. — Завтра я попытаюсь поговорить с инспектором, попрошу, чтобы он выслушал меня.

Заключение
Мисс Марпл все объясняет

— Ну и что, мисс Марпл? — сказал инспектор Карри с некоторым нетерпением.

— Если вы не возражаете, мы могли бы пройти в большой холл, — ответила мисс Марпл.

Казалось, инспектор несколько удивился.

— Вы полагаете, что именно там мы сможем избавиться от любопытных? Ведь этот кабинет, мне кажется, лучше приспособлен… — сказал он, осматриваясь вокруг.

— Я не собираюсь избавляться от любопытных. Я просто хотела вам показать кое-что, на что сама обратила внимание только благодаря Алексу Рестарику.

Инспектор, едва сдержав вздох недовольства, последовал за мисс Марпл.

— Вам что-нибудь рассказали? — спросил он, надеясь услышать утвердительный ответ.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Речь будет идти не о том, о чем кто-то мог рассказать. Речь пойдет о манипуляциях, совершаемых фокусниками… как бы игре двух зеркал, о магии этих

зеркал… Вы понимаете, о чем речь?

Инспектор Карри ничего не понимал. Он просто пялил глаза и спрашивал себя, в здравом ли уме мисс Марпл.

А она остановилась и сделала ему знак сесть рядом с собой.

— Да. Я понимаю, что все это кажется вам глупым. Но если вы вообразите, что находитесь в театре, а сцена представляет большой холл Стоунгейтса, то что окажется позади кулис? Терраса, не так ли? На которую выходит ряд окон. И вот фокус получается. На эту мысль меня натолкнула «Женщина, распиливаемая пополам».

— Женщина, распиливаемая пополам?

На этот раз инспектор Карри окончательно убедился, что мисс Марпл не в своем уме.

— Это знаменитый фокус. Вы его, конечно, видели… Только в действительности там две женщины.

Зритель видит голову одной и ноги другой. Видно одну женщину, но на самом деле их две. И я подумала, что таким же образом можно сделать обратное. То есть зритель видит двух людей, а на самом деле там только один человек.

— Видит двух, а на самом деле оказывается один?

Инспектор уже не понимал, где находится он сам.

— Да. Но не долго. Вашему полицейскому понадобилось две минуты сорок две секунды, не так ли? Чтобы бегом пересечь парк, войти в дом и вернуться обратно. Я же уверена, что для этого достаточно куда меньше двух минут.

— Для чего?

— Для фокуса. Фокус в том, что было не два человека, а один. Там… в кабинете. Мы же смотрим только на видимую часть, на сцену. А позади декорации имеется терраса и ряд окон. И если два человека находятся в кабинете, то одному из них очень легко вылезть в окно, пробежать по террасе (Алекс же слышал быстрые шаги), войти через боковую дверь, убить Гэлбрандсена и бегом возвратиться обратно. В это время человек, который остается в кабинете, имитирует разговор, и у нас создается иллюзия того, что в комнате находятся двое. И это верно, исключая, конечно, тот промежуток времени, который длился менее двух минут.

Инспектору Карри стало легче дышать. К нему вернулся дар речи…

— Таким образом, вы считаете, что это Эдгар Лоусон пробежал по террасе и убил Гэлбрандсе-

на? И то, что именно он пытался отравить миссис Серроколд?

— Видите ли, инспектор, миссис Серроколд никто не пытался отравить. Вот именно здесь мы и запутались. Кто-то очень ловко воспользовался тем, что ревматические боли, которые мучают миссис Серроколд, схожи с симптомами отравления мышьяком. Это тоже старый трюк фокусников, когда вы вытягиваете именно нужную им карту… Очень легко всыпать немножко мышьяка во флакон с лекарствами и добавить несколько строк в письмо, напечатанное на машинке. А причина, которая заставила так неожиданно вернуться сюда Гэлбрандсена, теперь становится вполне понятной. Он вернулся, чтобы срочно заняться делами Фонда. Финансовыми делами. Предположим, что произошла растрата, очень большая растрата… Вы видите, куда ведут следы?.. Можно думать лишь об одном человеке…

— Льюис Серроколд?

— Да. Льюис Серроколд.

* * *

Отрывок из письма Джины Хадд своей тете миссис Ван Райдок:

«…И вы понимаете, дорогая тетушка, это был настоящий кошмар, особенно в конце. Я уже говорила вам об этом странном молодом человеке Эдгаре Лоусоне. Он мне все время напоминал кролика… Когда инспектор начал задавать ему вопросы, что называется, в лоб, он потерял всякое спокойствие и удрал, как кролик. Именно так: удрал бегом. Он выпрыгнул в окно, обежал вокруг дома. На аллее полицейский хотел его задержать, но он увернулся и бросился прямиком к пруду. Прыгнув в старую прогнившую плоскодонку, бесцельно находившуюся там уже много лет, попытался оттолкнуться веслом от берега.

Тогда Льюис с истошным криком «Лодка ведь совсем прогнила!» быстро побежал к пруду. Лодка действительно пошла ко дну, и Эдгар отчаянно барахтался в воде — плавать он не умел. Льюис бросился в воду и поплыл в его сторону. Он смог добраться до него, но выбраться на берег им не удалось. Они завязли в зарослях камыша. Один из полицейских тоже попал в камыши, и его еле вытащили веревкой.

Тетя Милдред начала так истошно кричать: «Но они же утонут! Они утонут! Они оба утонут!..» А бабушка ответила на это очень просто: она сказала «Да». И ничего больше. Я не могу вам передать, каким тоном было сказано это единственное слово «Да». Можно сказать, это слово пронзило мое тело, как шпага.

Затем их вытащили из воды и пытались привести в чувство. Но искусственное дыхание уже не помогло. Инспектор подошел и сказал бабушке: «Боюсь, миссис Серроколд, что надежд больше нет».

Бабушка очень спокойно ответила: «Спасибо, инспектор» и обвела нас взглядом. Я хотела хоть чем-то помочь ей, но не знала, что делать. Джолли — тоже. Стефан протянул ей руки. У мисс Марпл, которая всегда выглядела несколько комично, был очень грустный вид. Видно было, что она очень устала. Даже Уолли казался потрясенным. Мы все любим бабушку и очень хотели ей чем-нибудь помочь.

Но она лишь сказала «Милдред!» и тетя ответила: «Мамочка!» Вернулись в дом

они вместе. Бабушка казалась совсем маленькой и очень хрупкой. Тетя Милдред поддерживала ее под руку. До этого момента я и не представляла себе, насколько нежно они относятся друг к другу. Это ведь не всегда видно, вы знаете».

Джина на минуту остановилась, погрызла ручку и продолжила письмо:

«Мы с Уолли намерены как можно скорее возвратиться в Соединенные Штаты...»

* * *

Мисс Марпл задумчиво смотрела на двух людей, находившихся с ней в комнате: Кэрри-Луиза, удивительно невозмутимая, но сильно похудевшая и от того казавшаяся еще более хрупкой, и старый доктор Гэлбрайт, епископ Кромера, спокойное и улыбчивое лицо которого обрамляли красивые седые волосы.

Епископ взял руку Кэрри-Луизы в свою.

— Это большое горе для вас, мое бедное дитя, и вы, должно быть, потрясены:

— Да. Это большое горе, но я не потрясена.

Миссис Серроколд повернулась к мисс Марпл:

— Как ты узнала правду, Джейн?

— Честно говоря, это твоя заслуга, Кэрри-Луиза, — ответила мисс Марпл, и создалось впечатление, что она хотела извиниться. — Как только я поняла, что окружающие обманываются, считая, что ты живешь в собственном замкнутом мирке и утеряла всякий контакт с реальностью, я начала догадываться о действительности, то есть о том, что ты, напротив, преспокойно живешь именно в реальном мире, а не в плену каких-то иллюзий, как большинство из нас. Когда я это сообразила, я подумала, что моим поводырем должны стать именно твои чувства и твоя манера смотреть на окружающее. Ты ведь была уверена, что никто не помышлял тебя отравить. Ты не могла в это поверить… и ты была права: это действительно было так. Ты никогда не могла поверить, что Эдгар мог причинить вред Льюису… И в этом ты была права — он ему никогда не сделал ничего плохого. Наконец, ты была уверена, что Джина любит своего мужа — и это оказалось правдой.

И если уж я решила следовать за тобой, то должна была понять, что все, что казалось настоящим, было на самом деле иллюзией. И иллюзии эти создавались очень продуманно… Чтобы обмануть

публику, фокусник действует именно так. А мы здесь были публикой.

Алекс Рестарик догадался обо всем раньше меня, так как ему представился случай посмотреть на вещи под иным углом, как бы со стороны… Когда он был на аллее с инспектором и смотрел на дом, то его осенило, как можно воспользоваться окном. К тому же он слышал чьи-то быстрые шаги в тумане. Когда он узнал о том, сколько времени потратил полицейский агент, чтобы добежать до дома и вернуться обратно, то понял, что для убийства могло понадобиться еще меньше времени. Кстати, Алекс говорил, что полицейский очень тяжело дышал после пробежки, и я сразу вспомнила, что таким же мы увидели Льюиса Серроколда, когда он открыл дверь своего кабинета в тот вечер.

Но душой всей этой ужасной истории был Эдгар Лоусон. Я всегда относилась к нему с недоверием. Все, что он говорил или делал, слишком уж совпадало с тем, каким его нам хотели представить. Во всем этом что-то было не так. Этот вполне нормальный парень слишком переигрывал, изображая полубезумца.

Конечно, все это задумывалось и подготавливалось с очень большой тщательностью. Льюис

наверняка принял во внимание, что мистер Гэлбрандсен, приезжавший сюда в прошлом месяце, уже тогда что-то подозревал. А он не мог не знать, что Кристиан Гэлбрандсен не успокоится до тех пор, пока сам не убедится в обоснованности своих подозрений.

Кэрри-Луиза вмешалась:

— Да, это в его характере. Кристиан был хоть и медлителен, но зато дотошен и крайне осмотрителен. Мне не известно, что вызвало его подозрения, но уж до сути вещей он докопался… и правду узнал.

— Я упрекаю себя в том, что был не очень-то компетентным администратором, — сказал епископ.

— Мы никогда не думали, что вас могли бы заинтересовать финансовые проблемы, — сказала Кэрри-Луиза. — Сначала ими целиком занимался мистер Джилфуа. После его смерти — Льюис, поскольку у него был большой опыт дельца. Мы позволили ему управлять всем в соответствии с его идеями, и это вскружило ему голову.

Щеки миссис Серроколд несколько порозовели.

— Льюис был по-своему замечательным человеком, — сказала она. — Он был дальновиден и

убежден в том, что с помощью денег возможно все… Они были ему нужны не для себя. По крайней мере, ни алчность, ни другие чувства им не владели. Он стремился лишь к могуществу, которое могли дать деньги. А оно ему нужно было для того, чтобы совершать больше благих дел.

— Он хотел стать богом, — сказал епископ. И вдруг его голос стал строгим. — Он забыл, что человек — лишь жалкое орудие воли бога.

— И… он расхитил капиталы Фонда? — осторожно спросила мисс Марпл.

— Ну, это еще не все…

Гэлбрайт колебался.

— Не скрывайте ничего, — вмешалась Кэрри-Луиза. — Она моя самая давняя подруга.

— По части финансовых дел Льюис Серроколд был самым настоящим чародеем, — сказал епископ. — В свое время, когда он со знанием дела исполнял функции эксперта-бухгалтера, он развлекался тем, что довел до совершенства разнообразные приемы, позволявшие мошенничать без всякого риска. Причем, делал это из чисто спортивного интереса. Но когда понял, что для осуществления намеченного проекта ему понадобится много денег, то решил эти приемы применить на практике. Благо, возможностей для

этого у него было предостаточно. Из местных парней ему удалось создать что-то вроде маленькой, но тщательно подобранной банды. Эти парни, естественные наклонности которых толкали их к дурному, любили сильные ощущения, а многие из них были к тому же очень умны.

Епископ ненадолго замолчал и продолжил:

— Многое нам еще неясно. Но представляется, что большинство членов этой своеобразной тайной организации, получив в нашем заведении специальную подготовку, затем внедрялись на ключевые посты в различных финансовых учреждениях. Они с успехом подделывали записи в бухгалтерских книгах, что позволяло похищать значительные суммы без особого риска быть заподозренным. Мне говорили, что самым лучшим экспертам понадобилось бы много месяцев, чтобы все это распутать. Известно уже, что Льюис Серроколд имел много счетов в банках, открытых, разумеется, не на его имя, и обладал акциями многих компаний. Он рассчитывал в скором времени скопить колоссальную сумму, с помощью которой собирался основать колонию в каком-нибудь отдаленном месте. Там он намеревался создать сообщество на кооперативных началах, а юные правонарушители стали бы в

конце концов владельцами и администраторами. Мечта, несомненно, фантастическая…

— Эта мечта в конечном счете могла бы быть реализована, — сказала Кэрри-Луиза.

— Да, Возможно. Но применяемые Льюисом Серроколдом средства были бесчестными, и Кристиан Гэлбрандсен об этом догадался. Он был очень обеспокоен еще и потому, что понимал: неминуемое разоблачение и судебное разбирательство отразилось бы каким-то образом и на вас, Кэрри-Луиза.

— Так вот почему он спросил, в порядке ли у меня сердце, — сказала миссис Серроколд. — Он был очень озабочен моим здоровьем, а я и не догадывалась о причинах этого.

— Льюис вернулся из своей поездки, — продолжил епископ. — Кристиан встретил его перед домом и сказал ему, что знает о происходящем. Думаю, Льюис это выслушал спокойно. Они решили сделать все возможное, чтобы постараться избавить вас от неприятностей. Кристиан сказал, что обратится ко мне с просьбой приехать, чтобы посоветоваться. Я ведь тоже являюсь администратором Фонда.

— Но, естественно, — сказала мисс Марпл, — Льюис предусмотрел и эту возможность. Он все

заранее подготовил. Он привез сюда этого молодого человека, которому была поручена роль Эдгара Лоусона. Разумеется, Эдгар Лоусон существует и на самом деле. Это было необходимо на тот случай, если полиция начала бы наводить справки о лже-Эдгаре. И наш «Эдгар» точно знал, что ему надлежит делать — разыгрывать роль нервного юноши, боящегося преследования, и обеспечить Льюису Серроколду алиби на те несколько минут…

Но это еще не все. Льюис заранее придумал эту историю с отравлением. Кто-то якобы пытался тебя медленно отравлять, Кэрри-Луиза… Но если все как следует сопоставить, то эта история была основана лишь на том, что Кристиан якобы рассказал Льюису, а также на тех нескольких словах, которые были добавлены самим Льюисом к письму, оставленному в пишущей машинке. Было очень легко добавить мышьяк к лекарству, но для тебя это не представляло никакой опасности… Он был рядом и помешал тебе его принять. Шоколадные конфеты тоже были лишь декорацией. Совершенно очевидно, что в тот момент, когда они были получены, там не было никакого яда. Но перед тем, как передать их инспектору Карри для анализа, Льюис подменил их другими,

уже содержавшими мышьяк.

— А Алекс об этом догадался, — сказала Кэрри-Луиза.

— Да. Именно поэтому он тебе и подарил маленькие ножницы с тремя кольцами. Если бы тебе в течение длительного времени давали мышьяк, то его остатки можно было бы найти в обрезках ногтей.

— Льюис подвергался огромному риску, беря в сообщники Эдгара, даже если он и имел на него большое влияние, — произнес епископ.

— Нет, — ответила Кэрри-Луиза. — Это не совсем так. Ведь Эдгар действительно любил Льюиса.

— Да, — пробормотала мисс Марпл, — как Леонард Вилли любил своего отца. Я спрашиваю себя…

Деликатность не позволила ей продолжить.

— И от тебя тоже не ускользнула схожесть их лиц? — прошептала Кэрри-Луиза.

— А ты давно об этом знала?

— Я догадывалась. Я знала, что задолго до нашего знакомства у Льюиса был непродолжительный роман с одной актрисой, он сам мне об этом говорил. Я убеждена, что Эдгар — сын его и этой актрисы.

— Это все объясняет, — сказала мисс Марпл. — В финале он погиб, спасая сына.

Кэрри-Луиза бросила умоляющий взгляд на епископа и добавила:

— Знаете, это правда.

После долгого молчания миссис Серроколд продолжила:

— Странно, но я счастлива. Счастлива оттого, что все закончилось именно так, что он отдал свою жизнь в надежде спасти жизнь сына.

А затем она как-то очень просто и мило добавила:

— Но меня он искренне любил, и я отвечала ему тем же.

* * *

— Думаю, бабушка и тетя Милдред очень хорошо уживутся, — сказала Джина. — Тетя Милдред стала значительно добрее, она теперь не такая странная. Вы понимаете, что я этим хочу сказать?

— Очень хорошо понимаю, — ответила мисс Марпл.

— Итак, через две недели мы с Уолли едем в Соединенные Штаты.

Краешком глаза Джина посмотрела на мужа.

— Я забуду Стоунгейтс, Италию, все прошлое и стану настоящей американкой. Рожу ребенка. Мы на зовем нашего сына Уолтер-Джуниор. Мне кажется, лучше и не придумаешь. Что ты об этом скажешь, Уолли?

Мисс Марпл поочередно посмотрела на Уолтера и Джину, думая о том, как приятно видеть столь нежно любящих друг друга людей. Уолтер Хадд очень изменился. Хмурый молодой человек, каким он еще недавно был, превратился в улыбающегося юного великана, всегда пребывающего в хорошем настроении.

— Вы оба мне напоминаете… — начала мисс Марпл.

Джина вскочила и сделала умоляющий жест, прикрывая своей рукой рот старой дамы.

— Нет, дорогая мисс Марпл, молчите! Я боюсь ваших сравнений. У этих сельских жительниц последнее слово всегда ядовито! А вы мастерица говорить разные колкости!

Взгляд Джины снова стал нежным, и она тихо продолжала:

— Когда я думаю о вас, о тете Рут, о бабушке, мне порой очень хочется увидеть мысленно трех молодых девушек. Но я не могу представить себе, какими вы были в юности.

— Вы действительно не можете себе этого представить, — тихо сказала мисс Марпл. — Это ведь было так давно…

Зернышки в кармане

Действующие лица

Рекс Фортескью— выпивает свою последнюю чашку чаю, и именно в его кармане находят зернышки.

Инспектор Нил — человек весьма проницательный, хотя по его внешности этого не скажешь.

Крамп — дворецкий в «Тисовой хижине» Фортескью, любитель опрокинуть стаканчик.

Мэри Доув — толковая и не теряющая самообладания экономка, трагедия в «Тисовой хижине» ее, похоже, забавляет.

Сержант Хей — сподвижник и правая рука инспектора Нила.

Глэдис Мартин — горничная «Тисовой хижины», увы, не слишком сообразительная.

Миссис Крамп — повариха «Хижины», радеет за свое дело.

Ланселот Фортескью — блудный сын Рекса, великолепная черная овца семейства Фортескью.

Пэт Фортескью — его жена, куда уютнее чувствует себя в обществе лошадей, чем в обществе новых родственников.

Адель Фортескью — вторая жена Рекса, очень интересная женщина, если верить слухам, вы-

шла замуж ради денег.

Вивиан Дюбуа — осмотрительный партнер Адель «по гольфу».

Дженнифер Фортескью — жена Персиваля, пухленькая клуша, любимое занятие — хождение по лондонским магазинам.

Эллен — уборщица, чья матушка когда-то наказала ей не прикасаться к тисовым ягодам.

Мисс Рэмсботтом — свояченица Рекса, терпеть не может греха и распутства.

Элейн Фортескью — дочь Рекса, единственная из всего клана, кто подлинно скорбит.

Персиваль Фортескью — сын и деловой партнер Рекса, чопорный и привередливый, но никак не глупый.

Мисс Марпл — пожилая, но весьма смекалистая дама, имеющая свои соображения насчет дроздов.

Джеральд Райт — школьный учитель, неофициально обрученный с Элейн.

Глава 1

Чай готовила мисс Сомерс. В компании «Консолидейтед инвестментс траст» она работала недавно и среди машинисток была самой бестолковой. Лучшие годы остались позади, на лице отпечаталось кроткое овечье беспокойство. Мисс Сомерс вылила в заварной чайничек невскипевшую воду — бедняжка никогда не знала наверняка, кипит чайник или нет. И конечно, ужасно из-за этого беспокоилась, как и из-за многого прочего в каждодневной жизни.

Она разлила чай и поставила чашки перед сослуживцами, положив на каждое блюдце две плиточки мягковатого печенья.

Мисс Гриффит, старшая седовласая машинистка, весьма толковая, не терпящая беспорядка дама, прослужившая в компании верой и правдой целых шестнадцать лет, резко бросила: «Вода снова не вскипела, Сомерс!» Кроткое и обеспокоенное лицо мисс Сомерс запунцовело, и она выдавила из себя: «Боже, уж на этот раз я была уверена, что она вскипела».

Ладно, подумала мисс Гриффит, подержим ее еще месяц, пока у нас работы невпроворот… Ну

в самом-то деле! А что эта заторможенная натворила с письмом в «Истерн дивелопмент» — надо же так наломать дров! Про чай и говорить нечего. Да где такую найдешь, чтобы и на машинке бойко стучала, и чтобы голова на плечах была… и банку с печеньем в прошлый раз не закрыла как следует. Н-да…

Внутренние, полные негодования монологи мисс Гриффит часто оставались неоконченными — так вышло и сейчас.

В комнату вплыла мисс Гросвенор — совершить священный обряд приготовления чая для мистера Фортескью. Мистеру Фортескью чай заваривали по-особому, он пил его из особой фарфоровой посуды и заедал особым печеньем. Только чайник и вода из-под крана были те же. Но для чая мистера Фортескью вода вскипела. Мисс Гросвенор проследила за этим лично.

Мисс Гросвенор была блондинкой, до того роскошной, что дух захватывало. Она носила черный, ладно сидевший костюм от дорогого портного, на стройных ножках красовались самые лучшие и самые дорогие нейлоновые чулки с черного рынка.

Не удостоив машинисток словом или взглядом, она выплыла из их комнаты. Стоит ли обращать

внимание на всяких насекомых? Мисс Гросвенор была не кем-нибудь, а личной секретаршей мистера Фортескью. Злые языки намекали, что этим ее обязанности не ограничивались, но в данном случае сплетня была лишь сплетней. Мистер Фортескью недавно во второй раз женился на роскошной и дорогой женщине, вполне способной завладеть его вниманием целиком и полностью. Для мистера Фортескью мисс Гросвенор была лишь неотъемлемой частью служебного интерьера, во всех отношениях исключительно шикарного и дорогого.

Мисс Гросвенор плыла, держа перед собой поднос, будто исполняла ритуал жертвоприношения. Небольшая приемная, комната ожидания, куда допускались наиболее значительные клиенты, ее собственный кабинетик и, наконец, после легкого стука в дверь — святая святых, кабинет мистера Фортескью.

Это была просторная комната, кое-где на надраенном до блеска паркетном полу лежали дорогие восточные ковры. Кабинет был изысканно отделан светловатым деревом, громадные набивные кресла обтянуты светло-желтой кожей. За гигантским столом из платана, естественным центром всей комнаты, восседал мистер Фортескью.

Не сказать, чтобы мистер Фортескью полностью «тянул» на свой кабинет, но все же выглядел вполне внушительно. Это был дородный, слегка одряхлевший мужчина с блестящей лысиной. Потакая своей прихоти, на работе он носил свободный твидовый пиджак, более уместный для загородных прогулок. Он хмуро изучал какие-то бумаги. Мисс Гросвенор приблизилась к нему грациозным лебедем, поставила поднос на стол возле его локтя, ровным негромким голосом объявила: «Ваш чай, мистер Фортескью» — и вышла.

Мистер Фортескью, как того требовал ритуал, в ответ просто хмыкнул.

Мисс Гросвенор возвратилась к делам, ждавшим ее внимания. Сделала два звонка по телефону, проверила отпечатанные письма, прежде чем отнести их мистеру Фортескью на подпись, ответила на звонок из города.

— Боюсь, сейчас это невозможно, — сказала она в трубку, и в ее голосе зазвучали высокомерные нотки. — Мистер Фортескью занят.

Повесив трубку, она взглянула на часы. Было десять минут двенадцатого.

Вдруг через дверь кабинета мистера Фортескью, обитую звуконепроницаемой материей, донесся какой-то странный звук. Это был вопль,

приглушенный изоляцией, но сомневаться не приходилось, так вопят от боли и ужаса. Тотчас на столе мисс Гросвенор включился сигнал — долгие, отчаянно зовущие гудки. Мисс Гросвенор на мгновение оцепенела, потом неуверенно поднялась на ноги. При встрече с неожиданным она пасовала. Однако, следя за осанкой, она подошла к двери мистера Фортескью, постучала и вошла.

Но увиденное заставило ее начисто забыть об осанке. Лицо ее хозяина, сидевшего за столом, исказила боль. Его трясло в конвульсиях, и это было пугающее зрелище.

— Боже, мистер Фортескью, вам плохо? — спросила мисс Гросвенор, в ту же секунду осознав, сколь глуп ее вопрос.

Мистеру Фортескью было плохо, и даже очень — сомневаться не приходилось. Она увидела, подходя к столу, что ее босс буквально извивается от боли.

Слова выскакивали из него прерывистыми всхлипами:

— Чай… что, черт дери… вы положили в чай… скорее помощь… врача…

Мисс Гросвенор вылетела из кабинета. Всю ее надменность роскошной блондинки-секретарши как рукой сняло. Теперь это была до смерти пере-

пуганная, потерявшая голову женщина.

Она вбежала в комнату машинисток с криком:

— У мистера Фортескью припадок… он умирает… надо срочно врача… у него такой жуткий вид… боже, он вот-вот умрет!

Со всех сторон посыпались советы, весьма разнообразные.

Мисс Белл, самая молодая машинистка, воскликнула:

— Если это эпилепсия, ему нужно сунуть в рот пробку. Пробки ни у кого нет?

Пробки не оказалось.

— В его возрасте… может, это апоплексический удар, — предположила мисс Сомерс.

— Надо вызвать доктора — немедленно, — распорядилась мисс Гриффит.

Однако ее обычная деловитость дала сбой — за шестнадцать лет службы ей ни разу не приходилось вызывать на работу врача. Ее лечащий врач далеко, в Стритэм-Хилле. А поблизости есть доктор, никто не знает?

Никто не знал. Мисс Белл схватила телефонный справочник и начала искать докторов под буквой «Д». Но справочник оказался алфавитным, и доктора не были сведены в одну колонку, как такси. Кто-то предложил позвонить в больницу, но в ка-

кую? Нужна больница этого района, настаивала мисс Сомерс, иначе толку не будет. Медицина-то нынче бесплатная. А раз так, в другой район нипочем не поедут.

Кто-то предложил набрать 999 и вызвать «неотложку», но мисс Гриффит даже замахала руками — как можно, ведь тогда придется разбираться с полицией! Для граждан страны, где право на медицинскую помощь имеет каждый, группа вполне разумных женщин проявила поистине исключительное невежество. Мисс Белл раскрыла справочник на букву «С» и стала искать «Скорую помощь». А ведь наверняка у него есть свой доктор, предположила мисс Гриффит, не может у него не быть доктора. Кто-то бросился за справочником личных телефонов. Мисс Гриффит вызвала курьера и велела ему бежать на улицу и найти доктора — как угодно, где угодно. В справочнике личных телефонов мисс Гриффит нашла сэра Эдвина Сэндмена, проживавшего на Харли-стрит. Мисс Гросвенор рухнула в кресло и запричитала голосом, куда менее поставленным, чем обычно:

— Я приготовила чай, как всегда… нет, правда… не могло в нем ничего быть…

— Не могло ничего быть? — Палец мисс Гриф-

фит замер в диске телефона. — При чем тут чай?

— Он… мистер Фортескью… сказал, что все дело в чае…

Мисс Гриффит застыла в нерешительности. Куда же звонить: доктору или в «неотложку»? Мисс Белл, из молодых да ранних, заявила:

— Надо дать ему горчицу с водой — прямо сейчас. У нас тут горчицы нет?

Горчицы не было.

Через некоторое время к зданию почти одновременно подкатили две кареты «Скорой помощи», а в лифте встретились доктор Айзекс из клиники Бетнал-Грин и сэр Эдвин Сэндмен. И телефон, и мальчишка-курьер свою задачу все-таки выполнили.

Глава 2

Инспектор Нил сидел в святилище мистера Фортескью за его огромным платановым столом. Один из его подручных с записной книжкой пристроился на стуле возле двери.

Инспектор Нил был бравого вида мужчина с военной выправкой, чуть вьющиеся темные волосы, зачесанные наверх, открывали довольно низкий лоб. Когда он говорил: «Это дело обыденное», те, к кому он обращался, нередко с презрением думали: «А ты только на обыденное и способен!» Они ошибались. Да, внешность Нила не давала особой пищи для фантазии, но сам он был вдохновенный фантазер, и один из его методов расследования сводился вот к чему: он выдвигал какую-нибудь диковинную версию и тут же примерял ее к человеку, которого в данный момент допрашивал.

Он немедля и безошибочно определил — краткий и точный отчет о происшедшем ему даст мисс Гриффит. И действительно, заведя его в кабинет босса, она блестяще изложила утренние события. Когда она вышла, инспектор Нил выдвинул три отдельные, весьма неординарные причины, по

которым преданная doyenne[93] машинистка могла бы подсыпать яд в утренний чай своего хозяина, и все их отверг как маловероятные.

Во-первых, мисс Гриффит не похожа на отравительницу; во-вторых, она не влюблена в своего босса; в-третьих, психической неуравновешенности как будто не наблюдается; в-четвертых, она не из тех женщин, которые держат камень за пазухой. Таким образом, мисс Гриффит можно использовать лишь как источник достоверной информации.

Инспектор Нил посмотрел на телефон. В любую минуту могли позвонить из больницы Сент-Джудс.

Конечно, не исключено, что внезапная болезнь мистера Фортескью была вызвана естественными причинами, но доктор Айзекс из клиники Бетнал-Грин придерживался другого мнения, равно как и сэр Эдвин Сэндмен с Харли-стрит.

Инспектор Нил нажал кнопку вызова, удобно встроенную в стол рядом с его левой рукой, и попросил зайти к нему личную секретаршу мистера Фортескью.

Мисс Гросвенор отчасти удалось восстановить

---

[93] notes: 93
Старшина, старейшина *(фр.)*.

свою горделивую осанку, но лишь отчасти. Она вошла испуганная, лебединого скольжения не было и в помине, и сразу же агрессивно заявила:

— Я этого не делала!

— Правда? — пробурчал инспектор Нил как бы между прочим.

Он указал ей на кресло, в которое мисс Гросвенор всегда садилась с блокнотом в руках, когда мистер Фортескью вызывал ее для диктовки. Она неохотно села и встревоженным взглядом окинула инспектора Нила. Инспектор Нил, тотчас давший волю своей фантазии: соблазн? шантаж? платиновая блондинка перед судом присяжных? и так далее — вселял спокойствие и выглядел слегка глуповатым.

— С чаем ничего не было, — с ходу вступила мисс Гросвенор. — И быть не могло.

— Понятно, — сказал инспектор Нил. — Будьте любезны, ваша фамилия и адрес.

— Гросвенор, Айрин Гросвенор.

— Как именно пишется фамилия?

— Как площадь.[94]

— Адрес?

— Рашмур-роуд, четырнадцать, Масвелл-Хилл.

---

[94] notes: 94

Гросвенор — площадь в центре Лондона, где расположены дипломатические представительства нескольких стран.

Инспектор Нил с удовлетворенным видом кивнул. Соблазн отпадает, сказал он себе. Как и любовное гнездышко. Респектабельный дом, живет с родителями. Шантаж тоже ни при чем.

Очередной набор умозрительных теорий — в корзину.

— Значит, чай готовили вы? — любезным тоном спросил он.

— Да, так вышло. То есть это вообще моя обязанность.

Не спеша инспектор Нил выудил из нее весь ритуал утреннего чая мистера Фортескью. Чашку, блюдце и заварной чайник уже запаковали и отправили в соответствующий отдел на анализ. Теперь инспектор Нил выяснил, что к чашке, блюдцу и заварному чайничку прикасалась Айрин Гросвенор, и только она. Воду в чайник, которым пользовались все сотрудники, из-под крана наливала опять же мисс Гросвенор.

— А сам чай?

— Мистер Фортескью пьет свой чай, особый, китайский. Он стоит на полке в моей комнате, за этой дверью.

Инспектор Нил кивнул. Спросил насчет сахара и выяснил, что сахар мистер Фортескью в чай никогда не кладет.

Зазвонил телефон. Инспектор Нил взял трубку. Выражение его лица слегка изменилось.

— Сент-Джудс?

Он кивнул мисс Гросвенор, давая понять, что она свободна.

— Пока все, мисс Гросвенор, спасибо.

Мисс Гросвенор торопливо покинула кабинет.

Инспектор Нил внимательно вслушивался в звуки писклявого и бесстрастного голоса, летевшего по проводам из больницы Сент-Джудс. Он сделал карандашом несколько загадочных пометок на уголке лежавшего перед ним блокнота.

— Умер пять минут назад? — переспросил он.

И тут же скосил глаза на часы. Записал: двенадцать сорок три.

Бесстрастный голос сообщил, что с инспектором Нилом желает говорить сам доктор Бернсдорф.

— Хорошо, — согласился инспектор Нил, — давайте его сюда, — слегка шокировав владелицу голоса такой беспардонностью, ибо она произнесла имя доктора с явным почтением.

Послышались какие-то щелчки, гудки, невнятные голоса где-то вдалеке. Инспектор Нил терпеливо ждал.

Потом безо всякого предупреждения его оглушил густой бас — он даже отодвинул трубку от

уха.

— Привет, Нил, старый стервятник. Опять со своими трупами?

Инспектор Нил и профессор Бернсдорф познакомились примерно год назад — велось дело об отравлении — и с тех пор изредка перезванивались и встречались.

— Что, док, наш человек умер?

— Да. Когда его привезли сюда, было уже поздно.

— А причина смерти?

— Само собой, будет вскрытие. Вообще случай довольно интересный. Я даже рад, что мне придется им заниматься.

Профессиональный задор в богатом обертонами голосе Бернсдорфа сказал инспектору Нилу по крайней мере об одном.

— Ты считаешь, что смерть не была естественной, — сухо констатировал он.

— Какая там, к чертям собачьим, естественная, — экспансивно прогремел доктор Бернсдорф. — Пока это, сам понимаешь, неофициально, — с запоздалой осторожностью добавил он.

— Понимаю. Понимаю. Само собой. Его отравили?

— Несомненно. Мало того — только это неофи-

циально… строго между нами, — готов побожиться, что знаю, чем именно.

— В самом деле?

— Токсином, сын мой. Токсином.

— Токсин? Первый раз слышу.

— Не сомневаюсь. Совершенно необычный яд! Восхитительно необычный! Я бы и сам нипочем его не распознал, но с месяц назад у меня был похожий случай. Ребятишки играли в дочки-матери, так вот, они сорвали с тисового дерева ягоды и положили их в чай.

— И тут это же? Ягоды тисового дерева?

— Ягоды или листья. Очень ядовитые. Токсин — это, разумеется, алкалоид. Что-то не помню, чтобы его применяли намеренно. Весьма интересный и необычный случай… Ведь все травят друг друга гербицидами, эти гербициды у меня уже в печенках сидят. А токсин — это просто конфетка. Я, конечно, могу и ошибаться — и ты, ради бога, на меня пока не ссылайся, — но сдается, что я прав. Да и тебе небось такое дело интересно. Все-таки что-то новенькое!

— Все поют и веселятся, да? Кроме жертвы.

— Увы, несчастному не повезло, — согласился доктор Бернсдорф без особого огорчения в голосе. — Сыграл в ящик.

— Он перед смертью что-нибудь сказал?

— Один из твоих людей сидел около него с блокнотом. Он все записал, слово в слово. Тот что-то бормотал насчет чая… будто ему на работе что-то подсыпали в чай… но это, конечно, бред.

— Почему бред? — резко спросил инспектор Нил, чье воображение уже нарисовало такую картину — роскошная мисс Гросвенор подкладывает ягоды тисового дерева в заварной чайничек. Но он отмел эту версию как несостоятельную.

— Потому, что этот яд не мог сработать так быстро. Симптомы проявились сразу, едва он выпил чай, верно?

— Свидетели говорят, что так.

— Ядов, которые действуют мгновенно, почти нет — за исключением цианидов, разумеется, да, пожалуй, еще чистого никотина…

— А цианид и никотин тут явно ни при чем?

— Мой дорогой друг. Он бы умер еще до приезда «Скорой помощи». Нет, то и другое исключено. Я было заподозрил стрихнин, но тогда откуда конвульсия? Короче, готов поставить на кон свою репутацию — неофициально, конечно, — это токсин.

— А он через сколько времени начинает действовать?

— По-всякому. Через час. Два или даже три. Покойник, видимо, был большой любитель поесть. Если он плотно позавтракал, действие яда могло замедлиться.

— Завтрак, — задумчиво произнес инспектор Нил. — А что, вполне может быть.

— Завтрак с Борджиа.[95] — Доктор Бернсдорф весело рассмеялся. — Ладно, дружище, удачной охоты.

— Спасибо, доктор. Соедини меня, пожалуйста, с моим сержантом.

Опять послышались какие-то щелчки, гудки, невнятные голоса вдалеке. Потом трубка наполнилась тяжелым прерывистым дыханием — так бывало всегда, когда сержант Хей собирался заговорить.

— Сэр, — раздался его встревоженный голос. — Сэр.

— Нил слушает. Умерший сказал перед смертью что-нибудь важное?

— Сказал, что все дело в чае, который он выпил в своем кабинете. Но врач говорит, что…

— Это мне известно. Еще что-нибудь?

— Нет, сэр. Правда, кое-что мне показалось

---

[95] notes: 95

Испанское семейство, жившее в Италии (XV–XVI вв.), имевшее репутацию отравителей.

странным. На нем был костюм… я проверил карманы. Все, что у всех: платок, ключи, мелочь, бумажник… ну и вот это… чу́дная находка. В правом кармане пиджака. Там была крупа.

— Крупа?

— Да, сэр.

— Что значит «крупа»? Сухие полуфабрикаты? «Завтрак фермера»? «Уитифакс»? Или зерна пшеницы, ячменя…

— Именно, сэр. Зерна. Мне показалось, что это рожь. Довольно много.

— Понял… Странно… Может, это образцы… в связи с какой-нибудь торговой сделкой.

— Совершенно верно, сэр… но я решил, лучше вам сказать.

— Все правильно, Хей.

Несколько мгновений инспектор Нил, положив трубку, смотрел прямо перед собой. Его привыкший к порядку мозг переходил ко второй фазе расследования — до сих пор отравление лишь подозревалось, теперь же факт отравления был налицо. Профессор Бернсдорф хоть и говорил неофициально, но в таких делах на его слова можно положиться. Рекса Фортескью отравили, и яд ему, скорее всего, дали за два-три часа до появления симптомов. Выходит, сослуживцы

умершего к смерти своего босса, судя по всему, не причастны.

Нил поднялся и вышел из кабинета. Сотрудницы пытались работать, но пишущие машинки стрекотали далеко не с самой высокой скоростью.

— Мисс Гриффит? Можно вас еще на минутку?

— Конечно, мистер Нил. Ничего, если я отпущу девушек пообедать? Время перерыва давно прошло. Или вам удобнее, чтобы они перекусили здесь? Тогда мы что-нибудь закажем.

— Нет. Пусть идут обедать. Но потом они должны вернуться.

— Разумеется.

Мисс Гриффит последовала за Нилом в кабинет босса. Села и приняла свойственный ей сосредоточенный и деловой вид.

Не ходя вокруг да около, инспектор Нил сообщил:

— Мне только что звонили из больницы Сент-Джудс. В двенадцать сорок три мистер Фортескью скончался.

Мисс Гриффит и бровью не повела, просто покачала головой.

— Я подозревала, что он сильно болен, — сказала она.

Надо же, подумал Нил, ничуть не расстроилась.

— Будьте любезны, расскажите о его семье, домашних.

— Пожалуйста. Я уже пыталась связаться с миссис Фортескью, но, видимо, она уехала играть в гольф. До вечера ее дома не будет. На какой площадке она играет, точно не известно. — Как бы объясняя, она добавила: — Они живут в Бейдон-Хит, а вокруг него есть три отличные площадки для гольфа.

Инспектор Нил кивнул. В Бейдон-Хит жила почти сплошь городская знать. Он отстоял от Лондона всего на двадцать миль, связь по железной дороге была бесперебойной, да и машиной добраться относительно легко, даже в часы пик.

— Будьте любезны, точный адрес и номер телефона.

— Бейдон-Хит, три-четыре-ноль-ноль. Дом называется «Тисовая хижина».

— Как? — Вопрос сорвался с губ помимо воли инспектора Нила. — Вы сказали «Тисовая хижина»?

— Да.

В глазах мисс Гриффит мелькнуло легкое любопытство, но инспектор Нил уже взял себя в руки.

— Пожалуйста, поподробнее о его семье, если можно.

— Миссис Фортескью — его вторая жена. Намного моложе его. Они поженились два года назад. Первая миссис Фортескью давно умерла. От первого брака у него два сына и дочь. Дочь живет с ним, как и старший сын, он совладелец фирмы. К сожалению, сейчас его нет — уехал по делам в Северную Англию. Должен вернуться завтра.

— Когда он уехал?

— Позавчера.

— Вы пытались до него дозвониться?

— Да. Как только мистера Фортескью увезли в больницу, я позвонила в Манчестер в отель «Мидленд», думала, он там, но сегодня утром он оттуда выписался. Вообще он собирался в Шеффилд и Лестер тоже, но это неточно. Могу назвать фирмы в этих городах, с которыми он связан.

Да, подумал Нил, женщина деловая, и, взбреди ей в голову убить человека, она бы это проверну-ла весьма по-деловому. Но он отогнал эти мысли и снова сосредоточился на фамильном древе семейства Фортескью.

— А второй сын?

— Он разошелся с отцом во взглядах и живет за границей.

— Оба сына женаты?

— Да. Мистер Персиваль женат три года. Он и жена занимают отдельную квартиру в «Тисовой хижине», хотя скоро переезжают в собственный дом там же, в Бейдон-Хит.

— А до миссис Персиваль Фортескью вы утром тоже не дозвонились?

— Она на весь день уехала в Лондон. А мистер Ланселот, — продолжала свою сагу мисс Гриффит, — женился меньше года назад. На вдове лорда Фредерика Энстиса. Вы, наверное, видели ее на фотографиях. В «Сплетнике» — рядом с лошадьми. И в колонках ипподромной хроники.

У мисс Гриффит слегка перехватило дыхание, щеки чуть запунцовели. Нил, чутко улавливавший настроение собеседника, понял: этот брак затронул в душе мисс Гриффит самые снобистские и самые романтические струны. В глазах мисс Гриффит аристократ всегда был аристократом, она словно и знать не знала, что репутация покойного лорда Фредерика Энстиса в спортивных кругах была весьма подмочена. Фредди Энстис пустил себе пулю в лоб, когда стюарды стали проявлять интерес к методам подготовки лошадей в его скаковых конюшнях. Нилу вспомнились кое-какие обрывочные сведения о жене

Энстиса. Она была дочерью ирландского пэра и женой военного летчика, погибшего во время Битвы за Англию.[96]

А теперь, судя по всему, она связала судьбу с паршивой овцой семейства Фортескью, который «разошелся с отцом во взглядах», как напыщенно заметила мисс Гриффит, что, скорее всего, означало какой-то постыдный случай в карьере молодого Ланселота Фортескью.

Ланселот Фортескью! Вот это имя! А как зовут другого сына — Персиваль? Интересно, что за особа была их матушка? Странный вкус на имена…

Он пододвинул к себе телефон, набрал номер телефонной станции и попросил соединить его с домом по адресу: Бейдон-Хит, 34–00.

Через несколько секунд мужской голос произнес:

— Бейдон-Хит, три-четыре-ноль-ноль слушает.

— Мне нужно поговорить с миссис или мисс Фортескью.

— Извините. Нет дома ни той, ни другой.

Инспектор Нил мгновенно определил: его собеседник пребывал в легком подпитии.

— Вы дворецкий?

---

[96] notes: 96
Воздушные бои над Великобританией в 1940–1941 гг.

— Точно так.

— Мистер Фортескью серьезно заболел.

— Знаю. Сюда уже звонили. Но я что могу поделать? Мистер Валь уехал на север, миссис Фортескью играет в гольф. Миссис Валь уехала в Лондон и вернется только к вечеру, а мисс Элейн тоже нет — умчалась к своим девочкам-скаутам.

— С кем мне поговорить насчет болезни мистера Фортескью? Неужели в доме никого нет? Это очень важно.

— Ну… не знаю, — с сомнением в голосе пробурчал дворецкий. — Есть мисс Рэмсботтом, но она даже к телефону не подходит. Есть мисс Доув — экономка, так можно сказать.

— Пожалуйста, попросите ее к телефону.

— Сейчас попробую разыскать.

В трубке был слышен звук его удаляющихся шагов. Через минуту-другую с инспектором заговорил — звука шагов на сей раз не было, видимо, трубку сняли в другом месте — женский голос:

— Мисс Доув слушает.

Голос был низкий, поставленный, с четкой дикцией. У инспектора Нила о мисс Доув сразу сложилось благоприятное мнение.

— Очень жаль, мисс Доув, что вынужден сообщить вам об этом, но совсем недавно в больнице

Сент-Джудс скончался мистер Фортескью. Ему на работе вдруг стало плохо. Я хочу побыстрее связаться с его родственниками…

— Конечно. Я понятия не имела… — Она осеклась. Голос звучал ровно, но было ясно, что она потрясена. Подумав, она продолжала: — До чего неудачно. На самом деле вам нужно говорить с мистером Персивалем Фортескью. Все необходимые распоряжения будет делать он. С ним нужно связаться в отеле «Мидленд» в Манчестере или в отеле «Гранд» в Лестере. Или позвонить в лестерскую фирму «Ширер энд бондс». Боюсь, их номера телефона у меня нет, но я знаю, что он собирался им звонить, и они могут подсказать, где его найти. Миссис Фортескью наверняка вернется к обеду, а возможно, даже к чаю. Это будет для нее настоящий удар. Все произошло внезапно? Утром мистер Фортескью, когда уходил из дому, чувствовал себя нормально.

— Вы видели его перед тем, как он ушел?

— Да. А что случилось? Сердце?

— Сердце его раньше беспокоило?

— Нет… нет… не думаю… просто я решила, что раз так внезапно… — Она смолкла. — Вы говорите из больницы? Вы доктор?

— Нет, мисс Доув, я не доктор. Я говорю из горо-

да, из кабинета мистера Фортескью. Я детектив, инспектор Нил из департамента уголовной полиции, и я сейчас же направляюсь к вам.

— Детектив-инспектор? Вы хотите сказать… что вы хотите этим сказать?

— Произошла внезапная смерть, мисс Доув, а в случаях внезапной смерти на место происшествия вызывают нас, особенно если умерший давно не обращался к доктору, как, насколько я понимаю, и мистер Фортескью.

В голосе его прозвучал лишь намек на вопросительную интонацию, но экономка ответила:

— Да, это так. Персиваль дважды назначал ему встречу с доктором, но мистер Фортескью так и не пошел. Он вообще никого не желал слушать… они все так беспокоились…

Она помолчала, потом продолжала уверенным, как прежде, голосом:

— Если миссис Фортескью вернется до вашего приезда, что ей передать?

Вот это выучка, подумал инспектор Нил, дело — прежде всего.

Вслух он сказал:

— Передайте, что в случаях внезапной смерти мы проводим небольшое расследование. Вполне обыденное.

Он повесил трубку.

Глава 3

Отодвинув телефон в сторону, Нил пристально взглянул на мисс Гриффит.

— Оказывается, последнее время состояние мистера Фортескью беспокоило его домочадцев, — проговорил он. — Его хотели показать доктору. Вы мне этого не сказали.

— Я как-то об этом не подумала, — призналась мисс Гриффит и добавила: — Он не казался мне больным…

— Не больным… а каким же?

— Ну, слегка странным. Непохожим на себя. Что-то с ним происходило.

— О чем-то беспокоился?

— Нет, не то. Беспокоились как раз мы.

Инспектор Нил терпеливо ждал.

— Даже и не объяснишь. — Мисс Гриффит задумалась. — Иногда на него будто что-то накатывало. Вдруг становился каким-то ребячливым. Раза два я, честно говоря, думала, что он как следует приложился к бутылке… Начинал хвастаться, плести какие-то небылицы. Сколько я здесь работаю, насчет своих дел он никогда не распространялся — во всяком случае, ничего лиш-

него. А в последнее время заметно изменился, позволял себе какие-то экспансивные выходки, а уж деньгами просто швырялся. Совершенно не в его духе. К примеру, когда у нашего посыльного умерла бабушка, мистер Фортескью вызвал его, дал ему пять фунтов и велел поставить на второго фаворита, а сам прямо зашелся от смеха. В общем, не такой он был, как обычно. Вот, пожалуй, все, что я могу сказать.

— Может, у него что-то было на уме?

— В конкретном смысле слова — нет. Казалось, он предвкушает что-то приятное… волнующее.

— К примеру, надеялся заключить крупную сделку?

Мисс Гриффит согласно закивала головой:

— Да, это уже ближе. Будто каждодневные дела его больше не трогали. И все время был в возбужденном состоянии. К тому же ему стали наносить деловые визиты довольно странные типы. Раньше их здесь никогда не было. Мистера Персиваля это страшно беспокоило.

— Вот как?

— Да. Мистер Персиваль всегда пользовался полным доверием отца. Отец на него полагался. А в последнее время…

— Разладились отношения?

— Видите ли, многое из того, что делал мистер Фортескью, мистер Персиваль не одобрял. Мистер Персиваль человек довольно осторожный и благоразумный. И вдруг отец перестал прислушиваться к его мнению. Мистер Персиваль был этим очень удручен.

— Но до открытой ссоры дело не доходило? — забросил очередную удочку инспектор Нил.

— Насчет ссоры не знаю… но раньше кричать он себе не позволял, а тут… в общем, явно человек изменился.

— Значит, раскричался? И по какому поводу?

— Он вышел прямо в комнату машинисток…

— И вы все это слышали?

— Ну… да.

— И что же, он обзывал Персиваля… оскорблял его… клял на чем свет стоит? Тот что-то сделал против отцовской воли?

— Скорее как раз наоборот — он ничего не сделал… Мистер Фортескью обозвал его жалким и ничтожным крючкотворцем, мелким клерком, неспособным вести дело с размахом. Кричал: «Я вызову домой Ланса. Он стоит десятерых таких, как ты… и жениться сумел удачно. У Ланса есть воля, пусть он однажды и рискнул пойти против закона…» Ой, это я уже болтаю лишнее! — Мисс

Гриффит занесло, как случалось со многими, кто попадал в опытные руки инспектора Нила, и сейчас она словно отрезвела и страшно смутилась.

— Не переживайте, — успокоил ее инспектор Нил. — Прошлое есть прошлое.

— Да, это история давняя. Мистер Ланс был молод, честолюбив и не всегда отдавал себе отчет в своих поступках.

Подобное толкование инспектор Нил слышал не первый раз и был с ним в корне не согласен. Тем не менее он не стал отвлекаться на дела минувшие и перешел к следующему кругу вопросов.

— Расскажите поподробнее о тех, кто здесь работает.

Мисс Гриффит, жаждавшая скорее позабыть о своей ошибке, засыпала инспектора сведениями о сотрудниках фирмы. Инспектор Нил поблагодарил ее и попросил еще раз пригласить к нему мисс Гросвенор.

Детектив-констебль Уэйт подточил свой карандаш. Не без зависти он заметил — кабинетик-то роскошный. Он обвел оценивающим взглядом огромные кресла, большущий стол, плафоны для отражения света.

— И имена у этой публики шикарные, — сказал

он. — Гросвенор — прямо тебе герцогиня. А Фортескью — тоже имечко не из последних.

Инспектор Нил улыбнулся.

— Фамилия его отца была не Фортескью, а Фонтеску — он выходец откуда-то из Центральной Европы. Наверное, решил, что Фортескью звучит лучше.

Детектив-констебль Уэйт посмотрел на старшего по званию с восхищением.

— Так вам все про него известно?

— Просто перед тем, как ехать сюда, навел кое-какие справки.

— Может, его и к суду привлекали?

— О нет. Мистер Фортескью был человеком умным. Кое-какие связи с черным рынком у него имелись, пару сомнительных, мягко говоря, операций он провернул, но за рамки закона не выходил.

— Ясно, — подытожил Уэйт. — Не сказать, что очень приятный тип.

— Ловкач, — дал определение Нил. — Но перед нами он чист. Управление налоговых сборов долго расставляло на него сети, но ему всякий раз удавалось выскользнуть. Покойный мистер Фортескью был настоящим финансовым гением.

— Он из тех, — произнес констебль Уэйт, — у

кого могут быть враги? — В голосе его слышалась надежда.

— О да, безусловно. Но не забывайте, что его отравили дома. По крайней мере, похоже на это. Знаете, Уэйт, у меня уже что-то вырисовывается. Нечто старое как мир и весьма знакомое. Есть хороший сын — Персиваль. И есть плохой — Ланс, с неотразимой внешностью. Есть жена, которая много моложе мужа и которая затрудняется сказать, на какой площадке она сегодня будет играть в гольф. Все это до боли знакомо. Но есть некий элемент, который никак не вписывается в общую картину.

— Какой? — спросил констебль Уэйт, но в эту секунду открылась дверь и на пороге появилась мисс Гросвенор. Она явно пришла в себя, ибо вплыла в кабинет во всем своем великолепии и надменно спросила:

— Вы хотели меня видеть?

— Я хотел задать вам несколько вопросов о вашем хозяине, точнее, вашем бывшем хозяине.

— Да, увы, — неубедительно согласилась мисс Гросвенор.

— Меня интересует, не заметили ли вы в нем каких-нибудь перемен в последнее время.

— Представьте себе, заметила. Да, заметила.

— Какие же?

— Так прямо и не скажешь… Вдруг начинал нести какую-то ерунду. Я и наполовину не могла поверить в то, что он говорит. Стал легко выходить из себя, особенно с мистером Персивалем. Не со мной, я, разумеется, никогда с ним не спорю, всегда соглашаюсь: «Хорошо, мистер Фортескью», — даже если он выдумывает бог знает что… то есть выдумывал.

— А он никогда… не пытался за вами приударить?

В ответе мисс Гросвенор прозвучало легкое сожаление:

— Чего не было, того не было.

— Еще один вопрос, мисс Гросвенор. У мистера Фортескью была привычка держать в карманах зерно?

Мисс Гросвенор выказала живейшее удивление:

— Зерно? В карманах? В смысле, чтобы кормить голубей или что-то в этом роде?

— Может, и для этой цели.

— Нет, такого за ним не водилось. Мистер Фортескью? Кормить голубей? Нет, исключено.

— А не мог ли ячмень… или рожь оказаться сегодня в его кармане по какой-нибудь особой

причине? Скажем, образцы продукции? Какая-нибудь сделка, связанная с зерном?

— Нет. Сегодня днем должны приехать нефтяники из Азии, из фирмы «Азиатик ойл». И строители — президент компании «Аттикус билдинг»... Больше никого.

— Ну что ж... — Нил взмахнул рукой, давая понять, что разговор на эту тему окончен и мисс Гросвенор свободна.

— Ножки — просто загляденье. — Констебль Уэйт даже вздохнул. — И чулочки высший класс...

— От ее ножек мне никакого проку, — буркнул инспектор Нил. — Я с чем был, с тем и остался. Зернышки в кармане — что бы это значило?

Глава 4

Спускаясь по лестнице, Мэри Доув остановилась и выглянула в большое окно. Из подъехавшей машины выходили двое. Тот, что повыше ростом, повернулся к дому спиной и оглядел окрестности. Мэри Доув задумчиво смотрела на них. Видимо, это инспектор Нил и его помощник.

Она отвернулась от окна и взглянула на себя в массивное в полный рост зеркало, висевшее на стене, где лестница делала поворот… Она увидела хрупкую, подчеркнуто опрятную женщину с безукоризненно белым воротничком и манжетами на серо-бежевом платье. Каштановые волосы были разделены посредине, две блестящих тугих волны завязаны в узел на затылке… На губах — бледно-розовая помада.

В целом Мэри Доув осталась своей внешностью довольна. Она пошла вниз, и на губах ее поигрывала легкая улыбка.

Инспектор Нил, оглядывая дом, рассуждал про себя.

Хороша хижина! Тисовая хижина! О-о, до чего они лицемерны, эти богачи, до чего любят играть на публику! Он, инспектор Нил, назвал бы

этот дом усадьбой. Он прекрасно знал, что такое хижина. Можно сказать, он вырос в хижине. Она стояла у ворот усадьбы Хартингтон-Парк, неуклюжей махины в греческом стиле с двадцатью девятью спальнями, которую впоследствии прибрал к рукам Национальный трест.[97] А маленькая хижина снаружи казалась милой и привлекательной, внутри же была сырой, неуютной и не соответствовала самым примитивным санитарным нормам. К счастью для родителей инспектора Нила, подобный порядок вещей им казался вполне естественным и справедливым. Хозяева не брали с них денег за жилище, а работа их заключалась лишь в том, чтобы по мере надобности отворять и затворять ворота. В округе водилось много кроликов, а иногда к ним в кастрюлю попадал даже фазан. Миссис Нил не пришлось столкнуться с такими радостями цивилизации, как электрический утюг, кухонная электроплита, вытяжной шкаф, холодная и горячая вода из-под крана и даже свет, включавшийся простым нажатием пальца. Зимой Нилы пользовались керосиновой лампой, а летом с наступлением темноты укладывались спать. Это

[97] notes: 97

Организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест.

были здоровые и счастливые люди, безнадежно отставшие от своего времени.

И когда инспектор Нил услышал слово «хижина», в нем проснулись воспоминания детства. Но этот дом, претенциозно названный «Тисовая хижина», принадлежал как раз к хоромам, которые возводят себе богачи, а потом называют их «нашим укромным уголком в деревне». Да и деревню инспектор Нил всегда представлял себе как-то иначе. Дом был солидным и мощным сооружением из красного кирпича, вытянувшимся не вверх, а в длину, с чрезмерным количеством фронтонов и множеством окон со свинцовыми стеклами. Сады были уж очень искусственные, надуманные, повсюду разбиты розовые клумбы, растут перголы, поблескивают прудики и, оправдывая название дома, живой изгородью теснятся аккуратно подстриженные тисы.

Если кому-то потребовалось сырье для токсина, тиса здесь больше чем достаточно. Справа, за розовой перголой, природа сохранилась в чистом виде — там росло огромное тисовое дерево, какие встретишь в церковных дворах, ветви его опирались на подпорки — эдакий Моисей лесного царства. Это дерево, подумал инспектор, стояло здесь задолго до той поры, когда началось

нашествие домов из красного кирпича. Это уже при нем здесь появились площадки для гольфа, при нем модные архитекторы водили по окрестностям богатых клиентов и показывали им преимущества того или другого участка. А раз уж именно здесь пустил корни этот памятник древности, трогать его не стали и даже вписали в новый пейзаж, скорее всего, благодаря ему и дали название новому вожделенному жилищу. «Тисовая хижина». И может быть, ягоды с этого самого дерева…

Инспектор Нил отогнал прочь эти бесполезные мысли. Делом надо заниматься. Он позвонил в звонок.

Дверь не замедлила открыться. За ней стоял мужчина средних лет и выглядел именно так, как и представил себе инспектор Нил, когда говорил с ним по телефону. Пройдоха и ловчила средней руки, любитель заложить за воротник.

Инспектор Нил представился, отрекомендовал своего помощника и не без удовольствия заметил, как в глазах дворецкого мелькнул тревожный огонек. Нил не стал придавать этому большого значения. Вполне возможно, смерть Рекса Фортескью тут ни при чем. Так, чисто автоматическая реакция.

— Миссис Фортескью еще не вернулась?

— Нет, сэр.

— А мистер Персиваль Фортескью? Мисс Фортескью?

— Нет, сэр.

— Тогда я хотел бы видеть мисс Доув.

Дворецкий чуть оглянулся.

— Мисс Доув уже спускается.

Пока мисс Доув со спокойным достоинством шла по широкой лестнице, инспектор Нил успел внимательно ее оглядеть. На сей раз составленный им образ никак не соответствовал действительности. Подсознательно слово «экономка» нарисовало в его воображении женщину крупную и властную, одетую в черное, где-то под передником — связка ключей.

Своим обликом маленькая ладная женщина, спускавшаяся к нему, застала инспектора врасплох. Нежно-голубиные тона платья, белый воротничок и манжеты, уложенные аккуратными волнами волосы, едва намеченная улыбка Моны Лизы. Тем не менее было в ней что-то ненастоящее, будто эта молодая, не разменявшая четвертый десяток женщина играла какую-то роль; не роль экономки, нет — роль Мэри Доув. То есть голубки. Она явно стремилась соответство-

вать своей фамилии.

Мисс Доув сдержанно приветствовала гостей.

— Инспектор Нил?

— Да. Это сержант Хей. Я вам уже сказал по телефону, что мистер Фортескью скончался в больнице Сент-Джудс в двенадцать часов сорок три минуты. Похоже, он что-то съел сегодня за завтраком, и это «что-то» явилось причиной смерти. Поэтому я хотел бы, чтобы сержанта Хея отвели на кухню, там он выяснит, что именно подавалось на завтрак.

На мгновение их взгляды встретились; чуть подумав, она кивнула:

— Хорошо. — Повернувшись к дворецкому, который встревоженно переминался с ноги на ногу, она распорядилась: — Крамп, проводите, пожалуйста, сержанта Хея и покажите все, что ему понадобится.

Крамп и Хей ушли. Мэри Доув пригласила Нила в дом.

Открыв дверь в комнату, она вошла первой. Это оказалась курительная, довольно безликая — панельная обшивка, богатая драпировка, большие набивные кресла, на стенах, как водится, — гравюры на спортивные темы.

— Пожалуйста, садитесь.

Он сел, Мэри Доув заняла кресло напротив. Лицом к свету, тут же отметил про себя Нил. Необычный выбор для женщины. Тем более необычный, если женщине есть что скрывать. Но вполне возможно, что скрывать Мэри Доув как раз и нечего.

— Так неудачно, — заговорила она, — что никого из членов семьи нет дома. Миссис Фортескью может вернуться с минуты на минуту. И миссис Валь тоже. Мистеру Персивалю Фортескью я послала несколько телеграмм — в разные места.

— Спасибо, мисс Доув.

— Вы сказали, что мистер Фортескью умер, потому что кое-что съел, может быть, во время завтрака. Вы имеете в виду пищевое отравление?

— Возможно. — Он внимательно смотрел на нее.

— Едва ли, — сказала она, храня полное спокойствие. — Сегодня утром на завтрак подавали яичницу с грудинкой, кофе, тосты и мармелад. Еще на буфете стоял холодный окорок, но его нарезали вчера, и никто не жаловался. Никакой рыбы не было, сосисок тоже — ничего такого.

— Я вижу, вы точно знаете, что подавалось к столу.

— Естественно. Заказ делаю я. Вчера на обед…

— Не нужно, — остановил ее инспектор. — Вчерашний обед здесь ни при чем.

— Мне казалось, что пищевое отравление иногда наступает с задержкой даже на целые сутки…

— В нашем случае — нет… Скажите, пожалуйста, что именно мистер Фортескью ел и пил сегодня утром перед выходом из дома?

— В восемь утра ему в комнату был подан чай. Завтракали в четверть десятого. Как я уже сказала, мистер Фортескью ел яичницу с грудинкой, кофе, тосты и мармелад.

— Какая-нибудь каша?

— Каш он не ест.

— Сахар для кофе — кусковой или сахарный песок?

— Кусковой. Но мистер Фортескью пьет кофе без сахара.

— У него нет привычки принимать по утрам лекарства? Какие-нибудь соли? Тонизирующие средства? Что-нибудь для улучшения пищеварения?

— Нет, ничего такого.

— Вы завтракали вместе с ним?

— Нет. За столом сидят только члены семьи.

— Кто еще был за столом?

— Миссис Фортескью. Мисс Фортескью. Миссис Валь Фортескью. Мистера Персиваля Фортескью, само собой, не было.

— А миссис и мисс Фортескью ели на завтрак то же самое?

— Миссис Фортескью выпила кофе, стакан апельсинового сока, съела тост — вот и все. Миссис Валь и мисс Фортескью всегда завтракают плотно. Кроме яичницы и холодного окорока, они иногда едят кашу. Миссис Валь пьет не кофе, а чай.

На минуту инспектор Нил погрузился в раздумье. По крайней мере, круг сужается. Завтракали с умершим всего три человека, и только они: его жена, дочь и невестка. Любая из них могла добавить ему в кофе токсин. Токсин — штука горькая, так ведь и кофе тоже. Мистер Фортескью мог ничего не заметить. Правда, был еще утренний чай, но Бернсдорф говорил, что как раз в чае привкус был бы явно ощутим. Хотя, с другой стороны, человек только проснулся, организм еще не так восприимчив… Инспектор Нил поднял голову и увидел, что Мэри Доув наблюдает за ним.

— Ваши вопросы насчет тонизирующих средств и лекарств показались мне довольно странными,

инспектор, — сказала она. — Подтекст такой: либо лекарство было бракованным, либо в него что-то добавили. Но ни то ни другое не назовешь пищевым отравлением.

Нил пристально посмотрел на нее.

— А я и не говорил, что мистер Фортескью умер от пищевого отравления. Он умер от отравления. Просто от отравления.

— От отравления… — негромко повторила она.

Она не удивилась, не вздрогнула от испуга, просто в глазах ее появился интерес. Так человек переваривает нечто для себя новое.

Собственно, после минутного размышления именно это она и сказала:

— Мне никогда не приходилось сталкиваться с отравлением.

— Ничего приятного тут нет, — сухо заверил ее Нил.

— Да, наверное…

Она снова задумалась, потом подняла голову и неожиданно улыбнулась ему.

— Я этого не делала, — заявила она. — Но, не сомневаюсь, это вам скажут и остальные!

— А кто бы мог это сделать, мисс Доув?

Она пожала плечами.

— Говоря откровенно, он был довольно одиоз-

ным типом. И сделать это мог кто угодно.

— Ну, мисс Доув, одиозный — еще не причина для отравления. Мотив должен быть серьезнее.

— Да, вы правы.

Она задумалась.

— Может быть, вы мне что-нибудь расскажете об этом доме?

Она взглянула на него. Он даже слегка вздрогнул — от ее глаз веяло насмешливым холодом.

— Это, надеюсь, не официальный допрос? Конечно нет, иначе тут был бы ваш сержант, а он сейчас терзает прислугу. Я готова вам кое-что рассказать, но повторять это в суде мне бы не хотелось. Неофициально — пожалуйста. Как это говорится, без протокола?

— Разумеется, мисс Доув. Мы с вами, как вы уже заметили, говорим с глазу на глаз.

Она откинулась в кресле, качнула изящной ножкой и прищурилась.

— Начну с того, что особой преданности к моим хозяевам я не испытываю. Я работаю на них, потому что мне хорошо платят, и это мое обязательное условие.

— Я слегка удивился, увидев вас здесь, в этой должности. С вашим умом и образованием…

— Сидеть от и до в конторе? Перебирать бумаги

в министерстве? Дорогой инспектор Нил, работенка здесь не бей лежачего, а деньги… Люди готовы платить любые деньги, любые, лишь бы у них не было проблем по содержанию дома. Найти и нанять прислугу — дело кропотливое и нудное. Писать в агентства, посылать в газеты объявления, беседовать с людьми, договариваться о встречах и в конце концов вести хозяйство, чтобы все шло без сучка без задоринки, — на это требуются определенные способности, которых у богатых людей, как правило, нет.

— А если прислуга, которую вы выбрали, возьмет да и уйдет от вас дружными рядами? Такое случается.

Мэри улыбнулась.

— Если надо, я сама и постели застелю, и комнаты пропылесосю, и обед приготовлю, и на стол накрою — хозяева никакой разницы не почувствуют. Конечно, я не трезвоню на всех углах, что я — мастерица на все руки. Мало ли у кого какие мысли могут появиться. Но любую прореху заткнуть могу, это точно. Хотя прорех почти не бывает. Я работаю только на очень богатых, которые за удобство готовы платить сколько угодно. Соответственно, и я плачу прислуге по высшему разряду и могу отбирать лучших.

— Таких, как дворецкий?

Она удивленно, оценивающе взглянула на него.

— Супружеская пара — куда тут денешься? Крампа я держу только из-за миссис Крамп — лучших поварих я в жизни не встречала. Настоящее сокровище: чтобы ее сохранить, приходится кое на что закрывать глаза. Наш мистер Фортескью поесть любит… вернее, любил. Все в этом доме — большие гурманы, а денег куры не клюют. Так что миссис Крамп может закупать, что хочет, — масло, яйца, сливки. Что касается Крампа, свое дело он делает, и ладно. Серебряные вилки и ложки всегда начищены до блеска, на стол он подает не хуже других. Ключ от винного погребка я храню у себя, виски и джин тоже у меня под контролем, а как он чистит и гладит одежду, я проверяю сама.

Инспектор Нил приподнял брови.

— Маленькая хозяйка большого дома?

— Я считаю, нужно все уметь делать самой. И тогда делать тебе ничего не придется. Но вы хотели услышать мое мнение об этой семье.

— Если не возражаете.

— В общем, все они — публика одиозная. Покойный мистер Фортескью был из разряда мошенников, у которых все всегда шито-крыто.

Он любил похвастаться, как ловко провернул какое-то дельце. Изысканными манерами не отличался, был человеком грубым и властным, одним словом, самодур. Миссис Фортескью — Адель — его вторая жена, она лет на тридцать его моложе. Он откопал ее в Брайтоне. Она работала маникюршей и караулила богатенького кавалера. Она хороша собой, просто пальчики оближешь, секс из нее так и прет.

Инспектор Нил был шокирован, но не подал вида. Все-таки странно слышать подобные речи от такой девушки, как Мэри Доув.

Та с непроницаемым видом продолжала:

— Адель вышла за него из-за денег, тут и думать нечего; когда это случилось, его сын Персиваль и дочь Элейн ходили просто зеленые от злости. Они и сейчас ее не жалуют, но она ведет себя очень умно — не замечает этого или не хочет замечать. Старик исполнит любую ее прихоть, она прекрасно это понимает. Господи, опять я говорю не в том времени. Еще не осознала, что его нет в живых…

— Ну а что же его сын?

— Драгоценный Персиваль? Валь, как его величает жена. Персиваль лицемер, из тех, кто мягко стелет, да жестко спать. Чопорный, хитрый и коварный. Панически боится отца, всегда перед

ним тушуется и слова поперек не говорит, но свой маневр знает, свои интересы очень даже блюдет. В отличие от отца прижимист. Экономия — это его страсть. Потому он так долго не может подобрать себе дом. А тут у него и своя квартира, и денежки целы.

— А его жена?

— С виду — смиренная овца, которую бог обделил мозгами. Но это с виду, а что на самом деле… До замужества она работала медсестрой в больнице — когда Персиваль слег с воспалением легких, она его выхаживала и выходила до романтической развязки. Старика этот брак сильно разочаровал. Он сноб и хотел, чтобы Персиваль женился «как положено». Несчастную миссис Валь он презирает, то и дело мешает с грязью. Так что, думаю, она его не сильно любит — вернее, любила. У нее одна страсть — в кино и по магазинам. Главная печаль — муж дает мало денег.

— Что скажете про дочь?

— Элейн? Вот ее мне немного жаль. Она человек неплохой. Из тех, что всю жизнь остаются школьницами. Она умеет организовать игру, занимается с девочками-скаутами, это ей интересно. Недавно у нее был роман с молодым учителем, из сердитых, но отец семейства выяснил, что этот

недовольный напичкан коммунистическими идеями, и разом положил этой романтической истории конец.

— И у нее не хватило духу возразить?

— У нее-то хватило. Отступился и поднял лапки как раз он. Опять же, наверное, из-за денег. Особенно привлекательной Элейн, увы, не назовешь.

— А другой сын?

— Никогда с ним не встречалась. Необычайно красив, но, судя по всему, отпетый негодяй. Была такая скверная история в прошлом — подделал чек. Живет в Восточной Африке.

— С отцом — полный разрыв?

— Да, мистер Фортескью не мог лишить его наследства, потому что уже сделал его младшим партнером в фирме, но не поддерживает с ним отношений многие годы, если и упоминает Ланса, то только так: «Не говорите мне об этом мерзавце. Он мне не сын». И все-таки…

— Да, мисс Доув?

— И все-таки, — медленно проговорила Мэри, — не удивлюсь, если вдруг выяснится, что старик Фортескью собирался вернуть сына сюда.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что с месяц назад старый Форте-

скью устроил Персивалю жуткую головомойку — оказалось, Персиваль что-то делал за его спиной, не знаю, что именно, — он был вне себя от ярости. Персиваль попал в опалу. Он в последнее время тоже сильно изменился.

— Мистер Фортескью?

— Нет, Персиваль. Ходил перепуганный до смерти.

— Так, теперь поговорим о слугах. Крампов вы уже описали. Кто еще работает в доме?

— Есть горничная, Глэдис Мартин, или официантка, — они предпочитают, чтобы их называли так. Она убирает комнаты внизу, накрывает на столы, уносит грязную посуду и помогает Крампу прислуживать хозяевам за едой. Довольно порядочная девушка, но уж очень придурковатая. Слегка гнусавит.

Нил кивнул.

— Эллен Кертис — уборщица. Женщина пожилая, вечно раздраженная и сердитая, но работает в доме давно и чистоту поддерживает на высшем уровне. Никогда нигде ни соринки, ни пылинки. Есть еще помощницы, но они появляются по мере надобности.

— То есть в доме больше никто не живет?

— Живет. Старушка мисс Рэмсботтом.

— Кто она?

— Свояченица мистера Фортескью — сестра его первой жены. Жена была немного старше его, а сестра намного старше ее — так что ей здорово за семьдесят. У нее на втором этаже своя комната, она сама себе готовит и вообще сама себя обслуживает, прислуга заходит к ней только убирать. Довольно эксцентричная особа и своего зятя никогда не любила, но переехала сюда при жизни сестры, да так здесь и осталась. Мистеру Фортескью никогда не было до нее дела. Но она, доложу я вам, штучка, эта тетушка Эффи.

— И это все?

— Все.

— Стало быть, мы добрались до вас, мисс Доув.

— Хотите подробности моей биографии? Я сирота. Кончила курсы секретарш в колледже Сент-Алфредс. Работала машинисткой-стенографисткой в одном месте, потом в другом, решила, что карьера секретарши не по мне, и поменяла курс, пошла в экономки-домоправительницы. Работала в трех семьях. Через год-полтора сидеть на одном месте мне надоедает, перебираюсь на другое. В «Тисовой хижине» я около года. Я отпечатаю на машинке фамилии и адреса моих прежних нанимателей и передам их вместе с

копиями рекомендаций вашему сержанту… Хей, да? Это вас удовлетворит?

— Вполне, мисс Доув. — Нил минутку помолчал, мысленно представив, как мисс Доув подсыпает отраву в завтрак мистера Фортескью. Фантазия его пошла дальше, и он увидел, как она методично собирает тисовые ягоды в корзину. Вздохнув, он вернулся в настоящее, к реальной действительности. — Я хотел бы поговорить с девушкой… Глэдис, а потом с уборщицей, Эллен. — Поднявшись, он добавил: — Кстати, мисс Доув, может быть, вам известно, почему в кармане мистера Фортескью оказалась горсть зерен?

— Зерен? — Она уставилась на него, похоже, с неподдельным удивлением.

— Да, именно зерен. Вам это ни о чем не говорит?

— Абсолютно.

— Кто содержал в порядке его одежду?

— Крамп.

— Понятно. Мистер и миссис Фортескью занимают общую спальню?

— Да. Помимо этого, разумеется, у него своя гардеробная и туалет, как и у нее… — Мэри глянула на наручные часы. — Думаю, она вот-вот вернется.

Инспектор уже поднялся… Любезным тоном он спросил:

— Знаете что, мисс Доув? Даже если в округе три площадки для гольфа, очень странно, что миссис Фортескью до сих пор не нашли.

— А если она сейчас вообще не играет в гольф, инспектор? Тогда ничего странного в этом нет, правда?

В голосе Мэри слышались сухие нотки. Инспектор резко бросил:

— Мне четко ответили, что она играет в гольф.

— Она взяла клюшки для гольфа и сказала, что поедет играть. Села в машину и уехала.

Он с легким прищуром посмотрел на нее, переваривая смысл сказанного.

— С кем она обычно играет в гольф? Вам это известно?

— Весьма вероятно, что с мистером Вивианом Дюбуа.

Нил ограничился кратким:

— Понятно.

— Я пришлю к вам Глэдис. Скорее всего, она будет перепугана до смерти. — Застыв на мгновение в дверях, Мэри сказала: — На мои слова особенно не ориентируйтесь. Я женщина злобная.

Она вышла. Инспектор Нил в задумчивости

смотрел на закрытую дверь. По злобе или нет, но рассказанное Мэри Доув давало пищу для размышлений. Если Рекса Фортескью отравили, а судя по всему, так оно и было, обстановка в «Тисовой хижине» выглядела многообещающей. Мотивы лежали на поверхности толстым слоем.

Глава 5

Девушка, вошедшая в комнату с явным нежеланием, была непривлекательной и испуганной. Несмотря на высокий рост и хорошо сшитый форменный бордовый костюм, ей удавалось выглядеть неряшливой.

Она сразу заявила, вперившись в него испытующим взглядом:

— Я ничего не делала. Правда. Ничего про это не знаю.

— Хорошо, хорошо, — сказал Нил сколько можно сердечно. Голос его слегка изменился. В нем послышались даже веселые нотки, интонация стала заметно проще. Пусть эта Глэдис, перепуганная крольчиха, почувствует себя посвободнее. — Садитесь, — пригласил он. — Я хочу расспросить вас про сегодняшний завтрак.

— Я ничего не делала.

— Но завтрак вы подавали?

— Завтрак подавала. — Даже в этом она призналась с неохотой. Вообще вид у нее был и виноватый, и перепуганный, но инспектор Нил знал — со свидетелями такое бывает. И бодрым голосом, стараясь, чтобы она почувствовала себя

раскованнее, он продолжал задавать вопросы: — Кто вышел к завтраку первым? А вторым?

— Первой к завтраку вышла Элейн Фортескью. Крамп как раз вносил кофейник. Потом спустилась миссис Фортескью, потом миссис Валь, а хозяин вышел последним. Они обслуживали себя сами. Чай, кофе и горячее стояли на подогреваемых тарелках на буфете.

Ничего нового и существенного он от нее не узнал. Господа ели и пили именно то, что перечислила Мэри Доув. Хозяин, миссис Фортескью и мисс Элейн пили кофе, миссис Валь пила чай. Все как всегда.

Нил задал ей несколько вопросов о себе, тут она отвечала с большей готовностью. От Центра по обслуживанию она работала в ИААФе, то есть Институте армии, авиации и флота, потом в кафе в Истборне. Потом решила потрудиться в частном услужении и в сентябре устроилась в «Тисовую хижину». Уже два месяца прошло.

— И как, нравится?

— А что, вроде нормально. — Потом добавила: — Беготни тут, слава богу, меньше, хотя и не так вольготно…

— Расскажите мне об одежде мистера Фортескью — о его костюмах. Кто за ними следил?

Чистил и все такое?

Глэдис обиженно поджала губы.

— Вообще-то полагалось, чтобы мистер Крамп. А он всякий раз норовил это дело на меня спихнуть.

— Кто чистил и гладил костюм, в котором мистер Фортескью был сегодня?

— Я и не помню, в каком он был. У него их ого сколько.

— В кармане его костюмов вы зерна никогда не находили?

— Зерна? — озадаченно переспросила она.

— Рожь, если точнее.

— Рожь? Хлеб, что ли? Такой черный… и на вкус противный, да?

— Хлеб делают из ржи. А рожь — это сами зерна. Их нашли в кармане пиджака вашего хозяина.

— В кармане пиджака?

— Да. Знаете, как они туда попали?

— Не знаю, точно говорю. Я их в глаза не видела.

Больше вытянуть из нее ничего не удалось. На мгновение он засомневался: вдруг она что-то утаивает, что-то знает, но не хочет признаваться? Она явно была смущена, будто ждала подвоха, но в конце концов он решил: это естественный

страх перед полицией.

Когда он разрешил ей идти, она спросила:

— Так это правда? Он умер?

— Да, умер.

— Надо же, так сразу. Когда звонили из конторы, сказали, мол, у него припадок.

— Да… с ним случился припадок.

— У одной моей знакомой бывали припадки, — сообщила Глэдис. — Ни с того ни с сего ка-ак бухнется! Я, помню, жутко боялась.

На миг воспоминание помогло ей расслабиться.

Инспектор Нил прошел на кухню.

Там его встретили в штыки. Могучая краснолицая женщина, вооруженная скалкой, угрожающе шагнула в его сторону.

— Тоже мне, полиция, — сразу перешла она в наступление. — Приходят сюда и заявляют: я, мол, такого наготовила, что хозяин отравился. Нет уж, господа хорошие, извините. Отсюда в столовую все идет в том виде, в каком положено. Это же надо — прийти сюда и заявить, что я отравила хозяина! Да я на вас еще в суд подам, будь вы хоть десять раз из полиции. В этом доме порченого на стол не подают.

Инспектору Нилу не сразу, но все-таки уда-

лось унять оскорбленную в лучших чувствах мастерицу своего дела. Из буфетной, ухмыляясь, выглянул сержант Хей, и инспектор Нил понял, что свою порцию праведного гнева миссис Крамп он уже получил.

Сцена завершилась телефонным звонком.

Нил вышел в холл и увидел, что трубку взяла Мэри Доув. Стала что-то записывать в блокнот. Повернув голову, она через плечо бросила:

— Телеграмма.

Повесила трубку и передала инспектору блокнот с записью.

Телеграмма была из Парижа и гласила следующее:

«ФОРТЕСКЬЮ
ТИСОВАЯ ХИЖИНА БЕЙДОН-ХИТ. ТВОЕ ПИСЬМО СОЖАЛЕНИЮ ЗАДЕРЖАЛОСЬ. БУДУ ЗАВТРА ЧАЮ. ПРЕДВКУШАЮ ОБЕД ТЕЛЯЧЬЮ ОТБИВНУЮ. ЛАНС».

Брови инспектора Нила приподнялись.

— Итак, блудного сына вызвали домой, — произнес он.

Глава 6

В ту минуту, когда Рекс Фортескью пил свою последнюю чашку чаю, Ланс Фортескью и его жена сидели под каштанами на Елисейских полях и наблюдали за фланирующей публикой.

— Легко сказать, Пэт, «опиши его». Это не моя стихия. Что ты хочешь знать? Ну, допустим, папенька — старый плут. Но тебя это сильно не опечалит, правда? В конце концов, тебя этим уже не удивишь.

— О да, — согласилась Пэт. — Я, как ты говоришь, вполне акклиматизировалась.

Она постаралась, чтобы голос ее не звучал тоскливо. То ли весь мир состоит из плутов, то ли ей просто везет на эту породу людей?

Эту высокую длинноногую девушку нельзя было назвать красивой, но она, безусловно, была обаятельной — живой нрав и доброе сердце делали свое дело. Она была грациозна и стройна, особый шарм ей придавали чудесные каштановые волосы, блестевшие на солнце. Она напоминала холеную, благородных кровей кобылицу — возможно, сыграло свою роль ее длительное общение с лошадьми.

Да, про плутовство в мире скачек ей было хорошо известно. Теперь, значит, предстоит встреча с плутовством в мире финансов. Впрочем, ее свекор, которого она пока не знала лично, был, по крайней мере с точки зрения закона, столпом нравственности и морали. Все эти люди, хваставшие, как ловко они «провернули дельце», в одном были друг на друга похожи: технически они всегда оставались в рамках закона. И все же ей казалось: ее любимый Ланс, пусть в прошлом однажды и переступивший черту, был наделен честностью, большинству этих удачливых ловкачей не свойственной.

— Я не хочу сказать, — продолжал Ланс, — что он мошенник, нет, такого нет и в помине. Но как сорвать куш, он знает.

— Иногда, — сказала Пэт, — мне кажется, что я их ненавижу — тех, кто знает, как сорвать куш. Однако ты его любишь, — добавила она. Не спрашивая, а утверждая.

Ланс задумался над ее словами, потом с удивлением ответил:

— Знаешь, дорогая, наверное, ты права.

Пэт рассмеялась. Повернув голову, он взглянул на нее. Чуть прищурился. Какая она все-таки прелесть! Он ее обожал. Ради нее игра стоила свеч.

— В каком-то смысле, — сказал он, — ехать туда страшно. Городская жизнь. В пять часов восемнадцать минут — дома. Такая жизнь не по мне. Мне как-то уютнее среди изгнанников и банкротов. Но, наверное, приходит время, когда надо бросать якорь. А если мы будем вместе, это принесет мне радость. Раз уж старик пошел на мировую, не воспользоваться этим просто грех. Я здорово удивился, когда получил от него письмо… Чтобы Персиваль замарал свою репутацию — уму непостижимо! Но доложу тебе, Перси всегда был себе на уме.

— Боюсь, — заметила Патриция Фортескью, — что твой брат Персиваль мне вряд ли понравится.

— Я не хочу тебя против него настраивать. Просто мы с Перси никогда не ладили — только и всего. Я свои карманные деньги просвистывал, он складывал. У меня были друзья с сомнительной репутацией, но все люди занимательные, Перси заводил «полезные связи». Мы были с ним как две противоположности. Я всегда считал его недотепой, а он… знаешь, иногда мне кажется, что он меня просто ненавидел. Сам не знаю почему…

— А я, кажется, понимаю…

— Правда, дорогая? Ты у меня такая сообра-

зительная. Знаешь, меня всегда занимала одна мысль… мысль фантастическая, но…

— Какая? Говори.

— А вот какая: не Персиваль ли подстроил всю эту историю с чеком — когда старик турнул меня из дому и рвал на себе волосы, что раньше дал мне долю в фирме и, стало быть, не мог лишить меня наследства. Ведь самое забавное в том, что этот чек я не подделывал. Хотя был случай, когда я выбрал из кассы все деньги и поставил их на лошадку. Я тогда был уверен на все сто, что выиграю, и, в конце концов, деньги эти принадлежали мне. А вот чек я не подделывал. Сам не знаю почему мне пришла в голову эта дурацкая идея, будто это дело рук Персиваля.

— Но ему-то какая выгода? Ведь чек был выписан на твое имя.

— Тебе непонятно. Вроде бы он тут ни при чем, не так ли?

Пэт резко вскинула голову.

— Ты хочешь сказать, он тебя подставил, чтобы тебя вытурили из фирмы?

— Мысли такие были. Мерзко все это. Ну да ладно. Интересно, что скажет старина Перси, когда увидит, что блудный сын вернулся. Вот уж выпучит свои тусклые вареные виноградины!

— Он знает, что ты приезжаешь?

— Не удивлюсь, если и слыхом не слыхивал. У старика, знаешь ли, своеобразное чувство юмора.

— Чем твой брат так прогневил отца?

— Самому интересно. Чем-то он старика здорово зацепил. Я по отцовским письмам понял.

— Когда ты получил от него первое письмо?

— Четыре… нет, пять месяцев назад. Напустил туману, но одно я понял четко — он предлагал мне раскурить трубку мира. «Твой старший брат во многом оказался несостоятельным». «Ты отдал дань молодости, пора и остепениться». «Могу тебе обещать, что в деньгах ты не прогадаешь». «Буду рад видеть тебя и твою жену». Знаешь, дорогая, мне кажется, тут немалую роль сыграл наш с тобой брак. Отцу польстило, что я женился на девушке, стоящей на социальной лестнице выше меня.

Пэт засмеялась.

— Это на какой же ступеньке? Аристократы, они же — подонки общества?

Он ухмыльнулся.

— Вот-вот. Только у подонков общества, в отличие от аристократов, начисто отсутствует порода. Ты еще увидишь жену Персиваля. «Передайте,

пожалуйста, консервы», — или рассказ о том, как ей проштемпелевали письмо — ничего умнее от нее не услышишь.

На сей раз Пэт не засмеялась. Она задумалась о женщинах, с которыми ей придется общаться. Эту сторону вопроса Ланс во внимание не принимал.

— А твоя сестра? — спросила она.

— Элейн? Она ничего. Была совсем девчонкой, когда я уехал из дому. Восторженная энтузиастка, хотя, возможно, уже повзрослела. Ко всему относится очень серьезно.

Характеристика была не очень обнадеживающей. Пэт спросила:

— Она тебе совсем не писала… после того, как ты уехал?

— Я не оставил адреса. Да она бы все равно не стала писать. Дружной семьей нас не назовешь.

— Вижу.

Он искоса взглянул на нее.

— Что, не по себе стало? Из-за моей семьи? Чепуха. Жить с ними под одной крышей мы не будем. Купим где-нибудь уютный домик. Лошади, собаки, все такое.

— Но пять часов восемнадцать минут все равно останутся.

— Для меня — да. Каждый день в город и назад, при полном параде. Но ты не беспокойся, радость моя, — прекрасных уголков природы хватает и вокруг Лондона. В последнее время во мне проснулся финансист. Сказывается наследственность — по обеим линиям.

— Свою маму ты ведь совсем не помнишь?

— Она всегда казалась мне поразительно старой. Собственно, она и была старой. Когда родилась Элейн, ей было под пятьдесят. Обожала носить побрякушки, вечно лежала на диване и любила читать мне разные истории про рыцарей и их дам, которые нагоняли на меня жуткую скуку. «Королевские идиллии» Теннисона. Наверно, я ее любил… Она была какая-то… бесцветная, что ли. Сейчас, из настоящего, я это понимаю.

— Похоже, особенной любовью ты не пылал ни к кому, — неодобрительно отозвалась Пэт.

Ланс взял Пэт за руку и стиснул ее.

— Я люблю тебя.

Глава 7

Инспектор Нил все еще держал в руках бланк телеграммы, когда услышал: к парадному входу подкатила машина и остановилась, легкомысленно взвизгнув тормозами.

— Это, должно быть, миссис Фортескью, — предположила Мэри Доув.

Инспектор Нил шагнул к двери. Краешком глаза он заметил, что Мэри Доув потихоньку испарилась из комнаты. Было ясно, что в предстоящей сцене она участвовать не желает. Поразительные такт и скромность, равно как и полное отсутствие любопытства. Любая женщина на ее месте осталась бы, подумал про себя инспектор Нил.

Тут он обнаружил, что сюда же из глубины холла идет дворецкий Крамп. Значит, подъехавшую машину услышал и он.

Машина оказалась двухместным спортивным «Роллс-Бентли». Из нее вышли двое и направились к дому. Когда они подошли ко входу, дверь открылась. Удивленная Адель Фортескью воззрилась на инспектора Нила.

Он мгновенно определил, что перед ним стоит очень красивая женщина, воздал должное и шо-

кирующей реплике Мэри Доув: «Секс из нее так и прет». Что ж, с этим трудно не согласиться. Фигурой и осанкой она походила на белокурую мисс Гросвенор, но если мисс Гросвенор была роскошной снаружи и респектабельной изнутри, Адель Фортескью прямо-таки ослепляла роскошью. Ее сексуальность заставляла трепетать, поражала своей откровенностью. Без обиняков заявляла каждому мужчине: «Вот я перед вами. Настоящая женщина». Адель Фортескью словно вся состояла из секса, он пронизывал ее слова, движения, даже дыхание, но при всем этом в глубине ее глаз таилось что-то коварное, оценивающее. Да, подумал инспектор, мужчин Адель Фортескью любит, но деньги — еще больше.

Он посмотрел мимо нее и увидел мужчину, который нес клюшки для гольфа. Что ж, типаж вполне знакомый. Такие обхаживают молодых женушек богачей и стариков. В мистере Вивиане Дюбуа, если это был он, впечатляло демонстративное мужское начало, хотя на самом деле этому началу была грош цена. Он относился к типу мужчин, которые «понимают» женщин.

— Миссис Фортескью?

— Да. — Она широко распахнула голубые глаза. — Но мы с вами…

— Я — инспектор Нил. Боюсь, у меня для вас плохие новости.

— Вы хотите сказать… ограбление… что-то в этом роде?

— Нет, совсем не в этом. Беда приключилась с вашим мужем. Сегодня утром он тяжело заболел.

— Рекс? Заболел?

— Мы пытались найти вас с половины одиннадцатого.

— Где он? Здесь? В больнице?

— Его увезли в больницу Сент-Джудс. Боюсь, вы должны подготовиться к худшему.

— Вы хотите сказать… не может быть… он умер?

Она качнулась и вцепилась в руку инспектора. Инспектор, посуровев — на миг ему показалось, что он находится на сцене и играет роль, — помог ей пройти в холл. Тут же вертелся готовый прийти на помощь Крамп.

— Ей бы сейчас бренди, — посоветовал он.

Раздался низкий голос мистера Дюбуа:

— Вы правы, Крамп. Принесите бренди. Сюда, — показал он дорогу инспектору.

Он открыл дверь слева. Процессия вошла в комнату: инспектор и Адель Фортескью, Вивиан Дюбуа и Крамп с графином и двумя стаканами.

Адель Фортескью, прикрыв глаза рукой, опустилась в мягкое кресло. Из предложенного инспектором стакана сделала крохотный глоток и тут же оттолкнула стакан.

— Не хочу, — сказала она. — Я уже пришла в себя. Скажите, что это было? Удар, да? Бедный Рекс.

— Нет, миссис Фортескью, не удар.

— Вы, кажется, сказали, что вы — инспектор? — Вопрос задал мистер Дюбуа.

Нил повернулся к нему.

— Именно так, — любезно ответил он. — Инспектор Нил из департамента уголовной полиции.

Карие глаза наполнились тревогой. Появление инспектора уголовной полиции пришлось мистеру Дюбуа явно не по вкусу. Очень даже не по вкусу.

— А в чем дело? — спросил он. — Что-то не так?

И совершенно неосознанно попятился к двери. От инспектора это движение не укрылось.

— Боюсь, — обратился он к миссис Фортескью, — придется провести расследование.

— Расследование? Вы хотите сказать… что вы хотите сказать?

— Понимаю, миссис Фортескью, для вас все это очень огорчительно. — Он говорил не выму-

ченно, а четко, без запинки. — Хотелось бы как можно скорее выяснить, что именно ел и пил мистер Фортескью сегодня утром, перед уходом на работу.

— Вы подозреваете, что он был отравлен?

— Да, похоже на это.

— Не может быть. О-о, вы имеете в виду пищевое отравление. — На последних словах голос ее упал на пол-октавы.

С каменным лицом таким же четким голосом инспектор Нил сказал:

— Да, мадам, а вы подумали что-то другое?

Не затрудняя себя ответом на этот вопрос, она поспешно заметила:

— Но мы все здоровы — все до одного.

— Вы можете говорить обо всех членах семьи?

— Вообще-то нет… нет, конечно… не могу.

Дюбуа демонстративно взглянул на часы и объявил:

— Мне надо нестись, Адель. Я тебе страшно сочувствую. Но если что-то понадобится, тут найдется кому помочь, да? Прислуга, маленькая Доув и так далее…

— Вивиан, не уезжай. Прошу тебя, останься.

Это был, можно сказать, крик души, но реакция была обратная желаемой. Мистер Дюбуа лишь

увеличил темп отступления.

— Ты уж извини, душа моя. Важная встреча. Кстати, инспектор, я живу в гостинице «Дормихаус». Если вдруг… зачем-нибудь понадоблюсь.

Инспектор Нил кивнул. В его планы не входило задерживать мистера Дюбуа. Но его бегство он оценил по достоинству. Мистер Дюбуа убегал подальше от неприятностей.

Пытаясь как-то разрядить ситуацию, Адель Фортескью сказала:

— Это такой шок — возвращаешься домой и застаешь у себя полицию.

— Не сомневаюсь. Но, понимаете, надо действовать быстро, чтобы взять на пробу продукты, кофе, чай и так далее.

— Чай и кофе? Но они же не бывают ядовитыми? Наверное, это кошмарная грудинка, которую нам иногда подают. Она бывает просто несъедобной.

— Мы все выясним, миссис Фортескью. Не тревожьтесь. Вы не представляете, какие случаются казусы. Помню, я вел дело об отравлении наперстянкой. Оказалось, листья наперстянки по ошибке положили в приправу вместо хрена.

— Думаете, тут могло быть что-то подобное?

— После вскрытия картина прояснится, миссис

Фортескью.

— Вскры… Понятно. — Она поежилась.

— У вас вокруг дома много тисовых кустов, мадам. Ягоды или листья этого растения едва ли могли… с чем-то смешаться, как вы считаете?

Он буравил ее взглядом. Она изумленно смотрела на него.

— Тисовые ягоды? Они что — ядовитые?

Изумление показалось ему слегка чрезмерным — эдакая невинность с широко распахнутыми глазами.

— Известно, что детей они приводили к трагическому концу.

Адель прижала руки к вискам.

— Я не в силах больше об этом говорить. Ради бога, оставьте меня. Я хочу прилечь. Не могу больше. Мистер Персиваль Фортескью даст все распоряжения. А я… я… избавьте меня от расспросов, это несправедливо.

— Мы пытаемся связаться с мистером Персивалем Фортескью. К сожалению, он где-то на севере Англии.

— Ах да, я забыла.

— Еще один вопрос, миссис Фортескью. В кармане вашего мужа была пригоршня зерен. Вы можете это как-нибудь объяснить?

Она покачала головой, явно озадаченная.

— Может, кто-то подсыпал зерна ради шутки?

— Не вижу в этом ничего остроумного.

Инспектор Нил был с ней согласен. Он сказал:

— Пока не буду вас больше беспокоить, миссис Фортескью. Прислать к вам кого-нибудь из прислуги? Или мисс Доув?

— Что? — машинально спросила она, явно думая о чем-то другом. Интересно, о чем?

Порывшись в сумочке, она достала носовой платок. Голос ее дрожал.

— Какой ужас, — слабым голосом пробормотала она. — Только сейчас до меня начинает доходить, что случилось. До сих пор я была как во сне. Бедный Рекс. Мой дорогой бедный Рекс.

И она зарыдала, почти убедительно.

Несколько секунд инспектор Нил, проявляя уважение к чужому горю, наблюдал за ней.

— Я понимаю, все это так внезапно, — сказал он. — Сейчас я кого-нибудь пришлю.

Он направился к двери, открыл ее и вышел. Прежде чем закрыть за собой дверь, оглянулся.

Адель Фортескью все еще держала платок у глаз. Кончики его свисали вниз, но рот скрывали лишь частично. На губах ее играла легкая улыбка.

Глава 8

1

— Что мог, сэр, то нашел, — доложил сержант Хей. — Мармелад, кусок ветчины. Чай, кофе и сахар, в сухом виде, не знаю, что нам это даст. То, что заваривали, давно выплеснули, правда, тут есть одна тонкость. После завтрака много кофе осталось, и его в одиннадцать часов допила прислуга. По-моему, это важно.

— Да, важно. Выходит, если отравлен был кофе, то что-то подсыпали именно в чашку Рекса Фортескью.

— Один из присутствовавших. Именно. Я так это осторожненько поспрошал насчет тиса — мол, не попадались ли в доме ягоды или листья, — нет, ничего такого. И про крупу в кармане никто ничего вроде не знает. Это, говорят, что еще за диковина? Да и я ума не приложу, откуда эта крупа там взялась. Вроде он не был из тех чудиков, которые готовы есть любую дрянь, лишь бы в сыром виде. У моей сестры муж такой. Сырую морковь, горох, репу — за милую душу! Но зерно в сыром виде не ел даже он. Как начнет в желудке

разбухать — не поздоровится.

Зазвонил телефон, и к нему, следуя кивку инспектора, рванулся сержант Хей. Оказалось, звонят из полиции. Мистер Персиваль Фортескью уведомлен и немедленно возвращается в Лондон.

Не успел инспектор положить трубку, к дому подъехала машина. Дверь открыл Крамп. На пороге стояла женщина, в руках полно свертков. Крамп забрал их у нее.

— Спасибо, Крамп. Заплатите, пожалуйста, за такси. Я выпью чаю. Миссис Фортескью или мисс Элейн дома?

Дворецкий замялся, глянул через плечо.

— У нас плохие новости, мадам, — решился он. — Насчет хозяина.

— Мистера Фортескью?

Нил шагнул вперед. Крамп сказал:

— Сэр, это миссис Персиваль.

— В чем дело? Что такое? Несчастный случай?

Инспектор окинул ее изучающим взглядом. Миссис Персиваль Фортескью была упитанной женщиной, рот ее все время недовольно кривился. Возраст — лет тридцать. Вопросы она задавала с живейшим интересом. В мозгу его мелькнула мысль: ей, наверное, очень скучно живется.

— К сожалению, вынужден сообщить вам, что сегодня утром мистера Фортескью в тяжелом состоянии доставили в больницу Сент-Джудс, и вскоре он скончался.

— Скончался? То есть… умер? — Новость явно произвела на нее впечатление — на такую сенсацию она и не рассчитывала. — Боже правый, вот это сюрприз. Муж в отъезде. Вам надо с ним связаться. Он где-то на севере. У него в конторе должны знать. Всем займется он. Надо же, такие дела всегда случаются в самый неподходящий момент.

Она на секунду замолчала, переваривая новость.

— Хотя, конечно, все зависит от того, — размышляла она вслух, — где решат устраивать похороны. Здесь, наверное. Или в Лондоне.

— Как скажет семья, так и будет.

— Да, конечно, это я так, просто подумалось. — Наконец она осмысленным взглядом посмотрела на стоящего перед ней человека. — Вы из конторы? — спросила она. — На доктора вы не похожи.

— Я из полиции. Мистер Фортескью умер так внезапно…

Она перебила его:

— Вы хотите сказать, что его убили?

Это слово было произнесено впервые. Нил изучающе оглядел миссис Персиваль, на лице которой застыл взволнованный вопрос.

— С чего вам это пришло в голову, мадам?

— Ну, людей иногда убивают. А вы сказали «внезапно». И вы из полиции. А с ней вы говорили? Что она сказала?

— Не совсем понимаю, о ком вы?

— Об Адель, о ком еще. Я Валю сколько раз говорила: совсем старик спятил, надо же взять в жены такую молодую! Известное дело — седина в бороду, а бес в ребро. Из-за этой дряни он напрочь голову потерял. Вот вам и результат… А нам всем теперь весело придется. Начнут виться газетчики, растрезвонят на весь свет, напечатают фотографии на первых страницах…

Она смолкла, заглядывая в будущее, и оно явно открывалось ей в виде кричащих и броских образов. Что ж, решил про себя инспектор Нил, не самая страшная перспектива. Она снова повернулась к нему.

— И что это было? Мышьяк?

Голосом, призванным охладить ее пыл, инспектор Нил сказал:

— Причина смерти пока не установлена. Будет

вскрытие, а потом и расследование.

— Но вы уже все знаете, да? Иначе вы бы сюда не приехали.

Вдруг оказалось, что это круглое и глуповатое лицо может быть проницательным.

— Вы уже расспросили прислугу, что он ел и пил, да? Вчера на обед. Сегодня на завтрак. Само собой, какие напитки.

Он видел, как в мозгу ее бешено прокручиваются возможные варианты. Осторожно произнес:

— Есть вероятность, что причиной болезни явилось нечто, съеденное им за завтраком.

— За завтраком? — Она удивилась. — Но это же очень трудно. Не представляю, как…

Она смолкла и покачала головой.

— Не представляю, как она могла это сделать за завтраком… Разве подсыпала что-то ему в кофе, когда мы с Элейн отвернулись.

Рядом с ними тихий голос мягко произнес:

— Чай ждет вас в библиотеке, миссис Валь.

Миссис Валь вздрогнула.

— О-о, мисс Доув, спасибо. Да, чашечка чаю мне не помешает. А то я прямо ничего не соображаю. Вы, инспектор, чаю не желаете?

— Спасибо, пока нет.

Чуть замешкавшись, толстушка не спеша уда-

лилась.

Когда она скрылась за дверью, Мэри Доув негромко пробормотала:

— Она, наверное, понятия не имеет о том, что такое клевета.

Инспектор Нил не ответил.

Мэри Доув продолжала:

— Я могу вам быть чем-то полезна, инспектор?

— Где я могу найти Эллен, уборщицу?

— Я вас провожу. Она только что пошла наверх.

2

Эллен оказалась женщиной суровой, не робкого десятка. Ее сморщенное лицо смотрело на инспектора с триумфом.

— Сэр, это просто кошмар. Вот не думала, что в доме, где я живу, случится такое. С другой стороны, не так меня это и удивляет. Уж давно я хотела предупредить хозяина — хватит, ухожу от вас. Не нравится мне, как в этом доме выражаются, сколько выпивают, да и вообще все эти шашни я не одобряю. Против миссис Крамп ничего не скажу, а вот Крамп и эта девчонка Глэдис в службе ни рожна не смыслят. Но больше всего мне не по нраву шашни.

— Какие шашни?

— Если еще не узнали, скоро узнаете. Весь дом про это лясы точит. Совсем стыд потеряли. Они, видишь ли, в гольф играют или в теннис. Да я своими глазами видела, во что они играют. Дверь в библиотеку была открыта, а они там, прямо тебе два голубка — целуются да милуются.

Яд, источаемый этой старой девой, был воистину смертоносным. Можно было и не спрашивать: «О ком вы?», но Нил все-таки спросил.

— О ком? О хозяйке… и ее кавалере. Они уж и не стесняются никого. Но, между прочим, хозяин об этом пронюхал. Нанял кого-то следить за ними. Разводом бы дело кончилось, как пить дать. А оно кончилось вон чем.

— Вы хотите сказать…

— Вот вы, сэр, все расспрашиваете, что хозяин ел, да что пил, да кто ему что подносил. А я вам так скажу: эта парочка его и порешила. Он добыл откуда-то отраву, а она подсунула хозяину, так оно и было, хоть что мне говорите.

— А вам никогда не попадались тисовые ягоды в доме или где-то поблизости?

В маленьких глазах блеснуло любопытство.

— Тисовые? Это же ядовитая гадость. Мне еще матушка в детстве наказывала: эти ягоды не

трожь! Так что, сэр, ими и отравили?

— Чем отравили, мы пока не знаем.

— С тисовыми ягодами она вроде не баловалась. — В голосе Эллен звучало разочарование. — Чего не видела, того не видела.

Нил спросил про зерно в кармане мистера Фортескью, но потерпел неудачу и тут.

— Нет, сэр. Про это ничего не знаю.

Он продолжал расспросы, но ничего полезного больше не извлек. Наконец поинтересовался: можно ли видеть мисс Рэмсботтом?

Эллен засомневалась:

— Я могу ее спросить, но она не со всяким встречается. Она, знаете ли, женщина в возрасте, со странностями.

Но инспектор проявил настойчивость, и Эллен с видимой неохотой провела его по коридору, а потом вверх по небольшой лестнице к комнате, задуманной, почему-то решил Нил, как детская.

Проходя по коридору, он глянул в окно и увидел сержанта Хея, тот стоял возле тисового дерева и разговаривал, судя по всему, с садовником.

Эллен постучала в дверь, услышав ответ, открыла ее и сказала:

— Мисс, пришел джентльмен из полиции, хочет с вами поговорить.

Видимо, пожилая дама ответила согласием, потому что Эллен отступила в сторону и жестом предложила инспектору войти.

Комната, в которую он вошел, была заставлена сверх всякой меры. Инспектору на миг померещилось, что он перенесся в эпоху не только короля Эдуарда, но и королевы Виктории. За столом, вплотную придвинутым к газовой плите, сидела пожилая дама и раскладывала пасьянс. На ней было темно-бордовое платье, редкие седые волосы гладко зализаны вдоль щек.

Не поднимая глаз и не прерывая своего занятия, она нетерпеливо бросила:

— Входите, входите. Садитесь, если желаете.

Принять приглашение оказалось не так просто — на всех стульях громоздились брошюры или книги религиозного характера.

Он чуть сдвинул их на диван, и тут мисс Рэмсботтом встрепенулась:

— Миссионерская деятельность вас интересует?

— Боюсь, мадам, не очень.

— Плохо. Должна интересовать. Истинный христианский дух сейчас только там и сыщешь. В Черной Африке. У меня на прошлой неделе был молодой священник. Черный, как ваша шляпа.

Но истинный христианин.

Инспектор Нил слегка растерялся, ибо не знал, что сказать.

Старушка еще больше обескуражила его, заявив:

— Радио у меня нет.

— Простите?

— Я думала, может, вы насчет лицензии на радио. Или с каким-нибудь дурацким бланком. Итак, молодой человек, с чем пожаловали?

— Мне выпала прискорбная обязанность сообщить вам, мисс Рэмсботтом, что ваш зять, мистер Фортескью, сегодня утром внезапно заболел и умер.

Мисс Рэмсботтом, нимало не изменившись в лице, продолжала раскладывать пасьянс, лишь заметила как бы между делом:

— Наконец господь наказал этого гордеца и самовлюбленного грешника. Все к тому и шло.

— Надеюсь, для вас это не очень тяжелый удар?

Ответ на этот вопрос был очевиден, но инспектору хотелось услышать, что именно она скажет.

Мисс Рэмсботтом стрельнула на него глазами поверх очков и ответила:

— Если вы намекаете на то, что я не слишком

опечалена, вы абсолютно правы. Рекс Фортескью всегда был грешником, и я никогда его не любила.

— Он умер так внезапно…

— Как и надлежит безбожникам, — удовлетворенно подытожила старушка.

— Но похоже, что его отравили…

Инспектор умолк — посмотреть на произведенный эффект.

Однако эффектом как будто и не пахло. Мисс Рэмсботтом лишь пробормотала:

— Красная семерка на черную восьмерку. Можно перекладывать короля.

Тут до нее дошло, что инспектор молчит, она застыла с картой в руках и буркнула:

— Ну и чего вы от меня ждете? Вас интересует, не я ли его отравила? Нет, не я.

— А кто мог это сделать, как вы считаете?

— Очень бестактный вопрос, — категорично заявила пожилая дама. — В этом доме живут двое детей моей покойной сестры. Я отказываюсь верить, что человек, в чьих жилах течет кровь Рэмсботтомов, способен совершить убийство. Вы же ведете речь об убийстве, да?

— Я этого не говорил, мадам.

— Ясно, что убийство. В свое время желающих

убить Рекса было хоть отбавляй. Он не гнушался ничем. А у старых грехов, как говорится, длинные руки.

— Вы кого-то имеете в виду?

Мисс Рэмсботтом смешала карты и поднялась. Она оказалась высокой женщиной.

— Я думаю, вам лучше уйти, — сказала она.

Она произнесла эти слова без гнева, но довольно холодно, и инспектор понял: разговор окончен.

— Если вас интересует мое мнение, — между тем продолжала она, — скорее всего, это кто-то из слуг. Дворецкий, как я понимаю, порядочный мерзавец, а у горничной явно не все дома. Будьте здоровы.

Инспектор Нил, сам себе удивляясь, послушно вышел из комнаты. Ай да бабушка! Хороша штучка! И ничего из нее не вытащишь.

Спустившись по лестнице в квадратный холл, он неожиданно для себя оказался лицом к лицу с высокой темноволосой девушкой. На ней был чуть влажноватый плащ, а сама она смотрела на инспектора застывшим, вопросительным взглядом.

— Я только что вошла, — сказала она, — и мне сообщили… насчет отца… что он умер.

— К сожалению, это правда.

Она выставила перед собой руку, словно на ощупь пытаясь найти какую-нибудь опору. Коснувшись дубового сундука, она медленно, как механическая кукла, села на него.

— Не может быть, — вымолвила она. — Как же это…

Две слезинки покатились по ее щекам.

— Какой ужас, — всхлипнула она. — А мне казалось, что я его совсем не люблю… Иногда думала, что ненавижу… Но тогда мне было бы все равно. А мне не все равно.

Она сидела, глядя перед собой, и из глаз ее текли слезы.

Наконец она, борясь с рыданиями, снова заговорила:

— Самое ужасное, что теперь все разрешилось. В смысле, мы с Джералдом можем пожениться. Я могу делать все что заблагорассудится. Но чтобы такой ценой… Я не хочу, чтобы отец умирал… Не хочу. Папочка… папочка…

Впервые с минуты своего появления в «Тисовой хижине» инспектор Нил встретил человека, искренне горевавшего по покойному мистеру Фортескью.

Глава 9

— Похоже, что это жена, — предположил заместитель комиссара полиции.

Он внимательно выслушал отчет инспектора Нила. Суть была изложена блестяще. Ясно, кратко, но все необходимое было сказано.

— Да, — повторил заместитель комиссара, — похоже, это дело рук жены. А вы сами, Нил, что думаете?

Инспектор Нил согласился с мнением начальства. При этом про себя он цинично подумал: жена идет на такое ох как часто — или муж, в зависимости от ситуации.

— Что ж, возможность у нее была. А мотив? — Заместитель комиссара сделал паузу. — Мотив есть?

— Думаю, сэр, что да. Мистер Дюбуа.

— Считаете, он имеет отношение к смерти Фортескью?

— Нет, сэр, этого я бы не сказал… — Инспектор Нил на секунду задумался. — Он слишком дорожит собственной шкурой. Может, он и догадывался, что у нее на уме, но чтобы он был замешан — этого я представить не могу.

— Слишком осторожен?

— Более чем.

— Что ж, с выводами спешить не будем, но как рабочая гипотеза это годится. А две другие дамы, которые могли отравить кофе?

— Это дочь и сноха, сэр. У дочери есть некий молодой человек, о котором отец не желал и слышать, запрещал ей выходить за него замуж. А тот ни за что не брал ее в жены без приданого. Таким образом, у нее появляется мотив. Насчет снохи не скажу ничего определенного. Пока мало данных. Но отравить Фортескью могла любая из трех, и я не представляю, как это мог сделать кто-то еще. Да, горничная, дворецкий и повариха готовили завтрак или подавали его на стол, но как они могли знать наверняка, что токсин достанется только Фортескью и никому другому? Если, конечно, это был токсин.

— Это был токсин, — подтвердил заместитель комиссара. — Мне только что прислали отчет о вскрытии.

— Значит, с этим ясно, — подытожил инспектор Нил. — Можем ехать дальше.

— Какое впечатление производят слуги?

— Дворецкий и горничная явно нервничают. Впрочем, тут нет ничего необычного. Нормаль-

ное явление. Повариха в ярости, а уборщица хоть и хмурится, но довольна. Все вполне естественно, ничего особенного в их поведении я не заметил.

— Еще кто-нибудь вам показался подозрительным?

— Пожалуй, нет, сэр. — Перед мысленным взором инспектора невольно возникла Мэри Доув и ее загадочная улыбка. За этой улыбкой едва заметно, но явно чувствовалась враждебность. Вслух он произнес: — Раз установлено, что это токсин, не худо бы выяснить, как его получили или изготовили.

— Именно. Что же, Нил, действуйте. Кстати, здесь сейчас мистер Персиваль Фортескью. Я успел перекинуться с ним парой слов, и он ждет вас. Другого сына мы тоже отыскали. Он сейчас в Париже, в «Бристоле», вылетает к нам сегодня. Пожалуй, вам лучше встретить его в аэропорту.

— Да, сэр. Я и сам так думал…

— А с Персивалем Фортескью поговорите прямо сейчас. — Заместитель комиссара хмыкнул. — Чопорный Перси, вот кто он такой.

Мистер Персиваль Фортескью оказался достаточно видным, подтянутым мужчиной лет тридцати — тридцати пяти, с блеклыми волосами и ресницами и слегка педантичной манерой

выражаться.

— Как вы понимаете, инспектор Нил, это известие страшно меня потрясло.

— Могу себе представить, мистер Фортескью, — сказал Нил.

— Хочу заметить, что позавчера, когда я уезжал, отец был в добром здравии. Это пищевое отравление было очень внезапным?

— Вы правы, очень внезапным. Но это не было пищевое отравление, мистер Фортескью.

Персиваль внимательно посмотрел на инспектора и нахмурился.

— Вы хотите сказать, инспектор, что кто-то умышленно отравил моего отца?

— Да, сэр, похоже, что так.

— Какой кошмар!

— Вполне с вами согласен, мистер Фортескью.

— Теперь я понимаю все недомолвки в больнице, — пробормотал Персиваль, — мол, поезжайте домой, там все узнаете. — Он замолчал. Потом задал вопрос: — А похороны? — Да, интонация была вопросительной.

— Официальный осмотр трупа завтра, после вскрытия. Процедура будет чисто формальной.

— Понимаю. Так всегда и делается?

— Да, сэр. В наше время — да.

— Хотелось бы знать, у вас уже есть какое-то мнение, подозрение насчет того, кто… Я, право… — Он снова осекся.

— Пожалуй, делать выводы рановато, мистер Фортескью, — пробурчал Нил.

— Да, верно.

— Но вы нам очень поможете, мистер Фортескью, если ознакомите нас с намерениями вашего отца в смысле наследства. Или свяжете меня с его адвокатом.

— Его адвокаты — фирма «Биллингсли, Хорсторп и Уолтерс» с Бедфорд-сквер. Но с основными пунктами его завещания вас могу ознакомить и я.

— Сделайте такое одолжение, мистер Фортескью. Боюсь, этого все равно не избежать.

— Два года назад отец женился и составил новое завещание, — отчеканил Персиваль. — Он отписал по нему сто тысяч фунтов своей новой жене и пятьдесят тысяч фунтов — моей сестре Элейн. Все остальное наследую я. Собственно, я и сейчас совладелец компании.

— А ваш брат, Ланселот Фортескью, в завещании не упоминается?

— Нет, отец и брат давно не общаются.

Нил с прищуром взглянул на собеседника, но

Персиваль, судя по всему, говорил вполне искренне.

— Итак, — подытожил инспектор Нил, — по завещанию наследство делят между собой три человека: миссис Фортескью, мисс Элейн Фортескью и вы?

— Боюсь, мне особенно наследовать нечего. — Персиваль вздохнул. — В связи со смертью отца меня ждут большие расходы, это вам понятно. К тому же в последнее время отец был… скажем, весьма неблагоразумен в некоторых своих финансовых сделках.

— У вас с отцом не было серьезного разговора с глазу на глаз по поводу того, как вести дела? — Этот вопрос инспектор Нил задал как можно более непринужденно.

— Я высказал ему свое мнение, но, увы… — Персиваль пожал плечами.

— Слегка погорячились, да? — поинтересовался Нил. — Если называть вещи своими именами, вы здорово поскандалили?

— Этого я бы не сказал, инспектор. — От досады на лбу Персиваля выступили красные пятна.

— Тогда, видимо, вы разругались с отцом по другому поводу, мистер Фортескью.

— Мы с ним не ругались, инспектор.

— Вы уверены? Впрочем, не важно. Вы сказали, что ваш отец и брат по сей день не общаются?

— Да, это так.

— Тогда, пожалуйста, объясните, как понимать это?

И Нил передал ему телефонограмму, записанную Мэри Доув.

Персиваль прочитал и издал восклицание, полное удивления и досады. Он был ошарашен и взбешен.

— Не понимаю, ничего не понимаю. Просто не могу в это поверить.

— Тем не менее это правда, мистер Фортескью. Сегодня ваш брат прилетает из Парижа.

— Но это невероятно. Немыслимо. Я отказываюсь это понимать.

— Отец ничего вам об этом не говорил?

— Ни слова. Какое коварство — вызвать Ланса и утаить это от меня!

— И вы даже не представляете, почему он так поступил?

— Конечно нет. Это вполне в духе его последних выходок… ведет себя глупо… необъяснимо… этому надо положить конец… Я…

Персиваль прервал себя на полуслове. Краска снова отлила от его бледного лица.

— Я совсем забыл, — признался он. — Начисто забыл, что отец умер.

Инспектор Нил сочувственно покачал головой.

Персиваль Фортескью собрался уходить. Взяв шляпу, он сказал:

— Позвоните, если что-то от меня потребуется. Хотя, — он сделал паузу, — вы, наверное, будете появляться в «Тисовой хижине»?

— Да, мистер Фортескью. Один из моих людей уже сейчас там.

Персиваль чуть брезгливо пожал плечами.

— Все это крайне неприятно. Чтобы такое случилось с нами…

Он вздохнул и направился к двери.

— Большую часть дня я проведу на работе. Там сейчас будет дел невпроворот. Но к вечеру вернусь домой.

— Очень хорошо, сэр.

Персиваль Фортескью вышел.

— Чопорный Перси, — пробормотал Нил.

Сержант Хей, все это время тихо сидевший у стены, поднял голову и спросил: «Что, сэр?» Но, не получив ответа, задал следующий вопрос:

— Сэр, что вы обо всем этом думаете?

— Не знаю, — буркнул Нил. Потом негромко процитировал: — «Все они очень неприятные

люди».

Эти слова сержанта Хея явно озадачили.

— «Алиса в Стране Чудес», — пояснил Нил. — Вы что, Хей, с Алисой не близкие друзья?

— Это что-то классическое, да, сэр? — спросил Хей. — По третьей программе гоняют? А я третью программу никогда не слушаю.

Глава 10

1

Экземпляр «Дейли мейл» Ланселот Фортескью открыл минут через пять после того, как они вылетели из Ле Бурже. Начал читать — и вскрикнул от неожиданности. Пэт, сидевшая рядом, вопросительно повернула голову.

— Заметка про старика, — произнес Ланс. — Он умер.

— Умер? Твой отец?

— Да. Пишут, что он внезапно заболел, его отвезли в больницу Сент-Джудс, и там он вскоре умер.

— Дорогой, какое горе. Что, сердечный приступ?

— Наверное. Да, похоже.

— А раньше у него приступы бывали?

— Нет. Насколько я знаю.

— Мне казалось, от первого приступа не умирают.

— Бедняга отец, — промолвил Ланс. — Я никогда не думал, что так уж сильно люблю его, но сейчас…

— Конечно, ты его любил.

— К сожалению, Пэт, не у всех такой чудесный характер, как у тебя. А удача, выходит, опять от меня отвернулась.

— Да. Как странно, что это случилось именно сейчас. Когда ты совсем собрался домой.

Он резко повернул к ней голову.

— Странно? В каком смысле странно, Пэт?

Она посмотрела на него с легким удивлением.

— Ну, чтобы так совпало.

— Ты хочешь сказать, за что бы я ни взялся, все идет наперекосяк?

— Нет, дорогой, я имела в виду совсем не то. Просто у каждого бывает своя полоса неудач.

— Да, наверное.

— Какое горе, — еще раз сказала Пэт.

Когда они прилетели в лондонский аэропорт Хитроу и ждали разрешения на высадку, в самолет вошел представитель авиакомпании и чеканным голосом спросил:

— Среди пассажиров есть мистер Ланселот Фортескью?

— Я, — откликнулся Ланс.

— Пожалуйста, сюда, мистер Фортескью.

Опередив других пассажиров, Ланс и Пэт вышли за служащим из самолета. Проходя мимо пары в последнем ряду, они услышали, как муж

шепнул жене:

— Небось известные контрабандисты. Застукали на горяченьком.

2

— Уму непостижимо! — воскликнул Ланс. — Просто уму непостижимо. — Через стол он смотрел на инспектора Нила.

Инспектор Нил сочувственно кивнул головой.

— Токсин… тисовые ягоды… все это отдает какой-то мелодрамой. Для вас, инспектор, в этой истории ничего необыкновенного, наверное, нет. Так, обыденщина. Но для нашей семьи отравление — это какая-то дикость.

— То есть вам и в голову не приходит, — спросил инспектор Нил, — кто мог отравить вашего отца?

— Боже правый, нет. Наверное, недоброжелателей в деловых сферах у него хватало, многие с удовольствием пустили бы его по миру, разорили подчистую и тому подобное. Но отравить? Впрочем, что я знаю? Я много лет провел за границей, о домашних делах у меня смутное представление.

— Именно об этом я и хотел спросить вас, мистер Фортескью. Ваш брат дал мне понять, что вы с отцом многие годы не общались. Расскажите,

если не возражаете, почему вы решили вернуться домой.

— Пожалуйста, инспектор. Я получил письмо от отца, это было… да, полгода назад. Вскоре после того, как я женился. В письме он намекал, что не худо бы забыть старые обиды. Предложил мне вернуться домой и работать в фирме. Но выражался при этом как-то туманно, и я не был уверен, что готов согласиться. Одним словом, я приехал в Англию в августе… да, в августе, три месяца назад. Мы встретились у него дома, в «Тисовой хижине», и он сделал мне, надо признаться, довольно соблазнительное предложение. Я ответил, что хочу подумать и посоветоваться с женой. К этому он отнесся с пониманием. Я вернулся в Восточную Африку и все обговорил с Пэт. Одним словом, отцовское предложение я решил принять. Надо было сворачивать дела в Африке, но я пошел и на это — обещал отцу, что все сделаю к концу прошлого месяца. И пришлю ему телеграмму с датой моего точного приезда в Англию.

Инспектор Нил кашлянул.

— Мне показалось, что вашего брата ваш приезд застал врасплох.

Ланс неожиданно ухмыльнулся. В его красивых глазах запрыгали чертенята.

— Боюсь, для старины Перси мой приезд как снег на голову, — сказал он. — Когда я заявился в Англию три месяца назад, он проводил отпуск в Норвегии. Подозреваю, старик специально подгадал время, решил встретиться со мной за спиной Перси. Больше того, я очень даже склонен думать, что отец сделал мне предложение после того, как в пух и прах разругался с беднягой Перси… он предпочитает, чтобы его называли Валь. Так вот, Валь, как я понимаю, пытался стариком командовать. А старик этого терпеть не может. Что именно они там не поделили, не знаю, но старик метал громы и молнии. И, видимо, ему пришло в голову, что, вызвав меня, он вставит бедняге Валю хороший фитиль. Кстати, он никогда не жаловал жену Перси, а мой брак пришелся ему по душе — он ведь большой сноб. Такая шутка вполне в его духе — притащить меня домой и поставить Перси перед свершившимся фактом.

— Сколько времени вы провели в тот раз в «Тисовой хижине»?

— Час-два, не больше. Остаться на ночь он мне не предложил. Думаю, эта встреча и мыслилась как тайный сговор за спиной Перси. И слуги, как я понимаю, не должны были болтать языками. Сошлись мы на том, что я подумаю, поговорю с

Пэт, а потом напишу ему о своем решении, что я и сделал. Написал, когда примерно приеду, а вчера из Парижа дал телеграмму.

Инспектор Нил кивнул.

— Эта телеграмма удивила вашего брата до крайности.

— Могу себе представить. Но Перси, как всегда, остается в выигрыше. Я приехал слишком поздно.

— Да, — задумчиво произнес инспектор, — вы приехали слишком поздно. А в ваш прошлый приезд, в августе, — деловито продолжил он, — с кем-то из членов семьи вы встречались? Кроме отца?

— За чаем была моя мачеха.

— Раньше вы были знакомы?

— Нет. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Старик всегда умел выбирать отменный товар. Она ведь как минимум на тридцать лет моложе его.

— Извините, что спрашиваю, но вас не покоробило от этого отцовского брака, вас или Персиваля?

Лицо Ланса отразило удивление.

— Вовсе нет, да и Перси, я думаю, тоже. В конце концов, наша матушка умерла, когда нам было… десять и двенадцать лет. Скорее надо удивляться

тому, что он не женился гораздо раньше.

— Но жениться на женщине много моложе тебя — это довольно рискованно, — заметил инспектор Нил.

— Это вам сказал мой дорогой брат? Очень на него похоже. Туманные и грязные намеки — его стихия. Что, расклад именно таков, инспектор? Вы подозреваете мою мачеху в том, что она отравила моего отца?

На лице инспектора Нила не дрогнул ни один мускул.

— Говорить что-то определенное пока рано, мистер Фортескью, — дружелюбно сказал он. — Можно узнать, каковы ваши планы?

— Планы? — Ланс задумался. — Планы, по всей видимости, придется менять. Где сейчас моя семья? Все в «Тисовой хижине»?

— Да.

— Пожалуй, прямо туда и поеду. — Он повернулся к жене: — Пэт, ты лучше отправляйся в гостиницу.

— Нет, нет, Ланс, — запротестовала она, — я поеду с тобой.

— Не стоит, дорогая.

— Я так хочу.

— Лучше не надо, уверяю тебя. Поезжай в… гос-

поди, я так давно не останавливался в Лондоне… в «Варнс». В отеле «Варнс» когда-то было очень уютно и тихо. Надеюсь, там и сейчас так?

— Да, конечно, мистер Фортескью.

— Вот и хорошо. Пэт, я поселю тебя туда, если найдут свободный номер, а сам поеду в «Тисовую хижину».

— Но почему ты не хочешь взять меня с собой, Ланс?

Лицо Ланса неожиданно посуровело.

— Откровенно говоря, Пэт, я не уверен, что меня там ждет теплый прием. Меня ведь приглашал отец, а он умер. Кто там теперь хозяин, я не знаю. То ли Перси, то ли Адель. Короче, прежде чем везти туда тебя, хотелось бы посмотреть, как встретят меня самого. К тому же…

— Что «к тому же»?

— Я не хочу поселять тебя под одной крышей с отравителем.

— Что за ерунда!

— Когда речь идет о тебе, Пэт, — решительно возразил Ланс, — я не желаю рисковать.

Глава 11

1

Мистер Дюбуа был раздражен. Он гневно разорвал письмо Адель Фортескью на кусочки и выбросил в корзину для мусора. Потом, вспомнив об осторожности, выудил обрывки из корзины, чиркнул спичкой… и они превратились в пепел. Он пробормотал себе под нос:

— Что за идиотки эти женщины! Где здравый смысл, благоразумие, в конце концов…

Впрочем, мрачно подумал мистер Дюбуа, когда это женщины могли похвастаться благоразумием? Чего нет, того нет, этим их недостатком он сам не раз пользовался, но сейчас… как неблагоразумно! Сам он принял все меры предосторожности. Если миссис Фортескью позвонит, ей скажут, что его нет. Собственно, Адель Фортескью звонила уже трижды, а теперь еще и написала. Кстати говоря, письмо — это еще хуже. Чуть подумав, он подошел к телефону.

— Можно попросить миссис Фортескью? Да, мистер Дюбуа.

Через минуту он услышал ее голос:

— Вивиан, наконец-то.

— Да, да, Адель, но будь осторожна. Откуда ты говоришь?

— Из библиотеки.

— Уверена, что в холле никто не подслушивает?

— Почему кто-то должен подслушивать?

— Мало ли. Полиция еще в доме?

— Нет, сейчас их здесь нет. Вивиан, дорогой, как все это ужасно.

— Да, да, я тебя хорошо понимаю. Но учти, Адель, мы должны быть осторожны.

— Конечно, дорогой.

— Не называй меня «дорогой» по телефону. Это опасно.

— Ну, Вивиан, это уж чересчур. Сейчас все друг друга называют «дорогой».

— Да, да, ты права. Вот что. Не звони сюда и не пиши.

— Но, Вивиан…

— Пока все не утихнет, понимаешь? Мы должны быть осторожны.

— О-о. Хорошо. — В голосе слышалась обида.

— И еще, Адель. Мои письма. Ты ведь их сожгла?

После секундного колебания Адель Фортескью

сказала:

— Конечно. Я же тебе сказала, что сожгу их.

— Тогда все в порядке. Ладно, я вешаю трубку. Не звони мне и не пиши. Придет время, я дам о себе знать.

Он нажал на рычаг. Задумчиво потер щеку. Это секундное колебание ему не понравилось. Сожгла она его письма или нет? Женщины, все они одинаковые. Обещают письма сжечь, а сами оставляют их на память.

Н-да. Получать письма — это женщины любят. Он старался соблюдать осторожность, но бывает, как ни старайся… Несколько писем Адель Фортескью он все-таки написал. Что в них? Обычная дребедень, мрачно подумал он. Но нет ли там слов или фраз, которые в полиции, если захотят, истолкуют так, как им это выгодно? Ему вспомнилось дело Эдит Томпсон. Вроде бы в его письмах ничего компрометирующего нет, но на сто процентов он не уверен… Тревога не унималась, только росла. Допустим, Адель не сожгла его письма до сих пор, теперь-то у нее хватит ума их сжечь? Или они уже в руках полиции? Интересно, где она их держит? Наверное, в своей гостиной, наверху. В этом аляповатом шкафчике. Мишура под Людовика XIV. Что-то она ему говорила насчет тайного

ящичка. Тайный ящичек! Полиция, слава богу, и не такие тайны раскрывает. Впрочем, сейчас полицейских в доме нет. Так сказала Адель. Были с утра, но теперь все уехали.

Пока они, скорее всего, искали возможные источники яда, как он мог попасть в пищу. И едва ли обыскали комнату за комнатой. Для этого им нужен ордер или хотя бы разрешение хозяев. И если не терять времени…

Перед его глазами ясно возникла «Тисовая хижина». Скоро сумерки. Подадут чай либо в библиотеке, либо в зале. Все соберутся внизу, слуги будут попивать чаек в комнате для прислуги. Наверху не будет никого. Он проберется через сад вдоль тисовой изгороди — отличное укрытие! Потом откроет боковую дверку со стороны террасы. Ее запирают только на ночь. Улучит минуту — и проскользнет незамеченным наверх.

Вивиан Дюбуа задумался — а что делать дальше? Припиши полиция смерть Фортескью сердечному приступу или чему-то в этом роде, что вполне естественно, — тогда он был бы спокоен. А так… береженого бог бережет.

2

Мэри Доув медленно спускалась по широкой лестнице. На минуту остановилась у окна между этажами, через которое день назад увидела, как приехал инспектор Нил. За живой изгородью из тиса мелькнула фигура мужчины. Наверное, это Ланселот Фортескью, блудный сын. Отпустил машину у ворот и пошел садом — вспомнить старые добрые времена перед встречей с семьей, настроенный, скорее всего, враждебно. Что ж, подумала Мэри Доув, этому Лансу можно посочувствовать. С полуулыбкой на губах она спустилась в холл. Там ей встретилась Глэдис, горничная, которая даже подскочила от неожиданности.

— Я слышала, кто-то звонил по телефону. Кто это был? — осведомилась Мэри.

— Ошиблись номером. Им нужна была прачечная. — Глэдис почему-то запыхалась, будто после бега. — А до этого звонил мистер Дюбуа. Хотел поговорить с хозяйкой.

— Понятно.

Мэри прошла через холл. Повернув голову, бросила:

— По-моему, пора пить чай? Вы еще его не подавали?

— А что, мисс, уже половина пятого?

— Без двадцати. Подайте чай, будьте так любезны.

Мэри Доув прошла в библиотеку. Там на диване недвижно, глядя в огонь камина, сидела Адель Фортескью и перебирала пальцами маленький кружевной платок. Капризным тоном она спросила:

— Где чай?

— Сейчас принесут, — ответила Мэри Доув.

Из камина на решетку выкатилось бревнышко, Мэри Доув наклонилась и водрузила его на место щипцами, подложила еще немного дров и добавила угля.

При появлении Глэдис на кухне раскрасневшаяся миссис Крамп, месившая тесто в большой кастрюле, окрысилась на нее:

— Колокольчик в библиотеке звонит и звонит. Где это ты, милая, болтаешься! Чай пора нести.

— Несу, несу, миссис Крамп.

— Уж Крампу от меня сегодня достанется, — пробурчала миссис Крамп. — Получит он у меня взбучку.

Глэдис прошла в буфетную. Бутербродов она не сделала. Не сделала и не будет, вот так-то. И без этого господа с голоду не помрут. Два пирога,

печенье, ячменные лепешки, мед. Свежее, не магазинное масло. Обойдутся и без бутербродов. Некогда ей было кромсать сало да помидоры, и все тут. А миссис Крамп чуть не лопнет от злости, и все потому, что мистер Крамп куда-то уехал. А чего не уезжать, раз у человека выходной? Правильно сделал, что уехал.

— Чайник кипит, вот-вот крышка отвалится! — крикнула из кухни миссис Крамп. — Будешь ты этот чертов чай готовить или нет?

— Бегу.

Кинув на глаз горстку чая в большой заварной чайник, она вылила в него кипяток. Поставила оба чайника на внушительный серебряный поднос и понесла его через весь дом в библиотеку, где водрузила на столик около дивана. И сразу же — за другим подносом, на котором стояло сладкое. В холле она едва не выронила поднос из рук — это неожиданно заурчали старинные часы, готовясь отбить четверть часа.

В библиотеке Адель Фортескью встретила Мэри Доув недовольным вопросом:

— Куда все подевались?

— Сама не понимаю, миссис Фортескью. Мисс Фортескью недавно вернулась. А миссис Персиваль, кажется, пишет письма в своей комнате.

— Письма, письма, — продолжала Адель сварливо. — Эта женщина только и знает, что писать письма. Вот уж точно, представительница своего класса! Для нее праздник, когда кто-нибудь умирает или у человека какое-то горе. Какая мерзость. Противно.

— Я скажу ей, что чай готов, — тактично пробормотала Мэри.

Она направилась к выходу, но в дверях ей пришлось отступить — в комнату вошла Элейн Фортескью.

— Как холодно. — Элейн поежилась и, бухнувшись в кресло у камина, стала тереть руки перед языками пламени.

Минутку Мэри постояла в холле. На одном из сервантов она увидела большой поднос с пирогами. В холле заметно потемнело, и Мэри зажгла свет. Ей показалось, что из верхнего коридора доносятся шаги Дженнифер Фортескью. На лестнице, однако, никто не появился, и Мэри поднялась наверх сама.

Персиваль Фортескью с женой занимали изолированные комнаты в одном крыле дома. Мэри постучала в дверь их гостиной. Миссис Персиваль считала, что в дверь нужно обязательно стучать, за что Крамп презирал ее еще больше.

Из комнаты раздалось деловитое:

— Войдите.

Мэри открыла дверь и негромко объявила:

— Сейчас подадут чай, миссис Персиваль.

К своему удивлению, Дженнифер Фортескью она застала в верхней одежде. Та как раз разоблачалась — снимала длинное пальто из верблюжьей шерсти.

— Я и не знала, что вы куда-то уходили, — сказала Мэри.

Миссис Персиваль еще не успела перевести дух.

— Просто была в саду, вот и все. Дышала воздухом. Но на улице очень холодно. Я с радостью спущусь к камину. Центральное отопление могло бы работать лучше. Пусть кто-то скажет об этом садовникам, мисс Доув.

— Скажу, — пообещала Мэри.

Бросив пальто на спинку стула, Дженнифер Фортескью вышла из комнаты следом за Мэри. На лестнице Мэри пропустила ее вперед. В холле Мэри, опять-таки к своему удивлению, заметила: поднос со сладким стоит на прежнем месте. Она уже направилась в буфетную кликнуть Глэдис, но тут в дверях библиотеки появилась Адель Фортескью и раздраженно вопросила:

— Нам собираются что-нибудь подавать к чаю?

Мэри быстро подхватила поднос и внесла его в библиотеку, расставила тарелки и вазочки со сладким на низких столиках у камина. Когда выходила с пустым подносом в холл, в дверь позвонили. Положив поднос, Мэри сама пошла открыть дверь. Если это наконец-то блудный сын, любопытно будет на него посмотреть. Ведь он совсем не такой, как остальные Фортескью… Открыв дверь, она увидела перед собой узколицего брюнета, вопросительно поджавшего губы.

— Мистер Ланселот Фортескью? — осведомилась она.

— Он самый.

Мэри глянула ему за спину.

— Вы с багажом?

— Такси я отпустил. Это все, что у меня есть.

Он поднял среднего размера спортивную сумку на молнии. Ощущая легкое удивление, Мэри понимающе произнесла:

— А-а, так вы приехали в такси. Я уж подумала, пришли пешком. А ваша жена?

Ланс строго ответил:

— Жена не приедет. По крайней мере, в ближайшее время.

— Понятно. Проходите, пожалуйста, мистер

Фортескью. Все в библиотеке, пьют чай.

Она подвела его к двери библиотеки и там оставила. А про себя подумала: этот Ланселот Фортескью — очень интересный мужчина. Тут же пришла другая мысль: наверное, она не первая, кому Ланселот Фортескью казался очень интересным.

3

— Ланс!

Элейн бросилась ему навстречу. Обхватила шею руками и стала тискать его, забыв обо всем на свете, словно школьница, чему Ланс заметно удивился.

— Здравствуй. Да, это я, собственной персоной.

Он мягко высвободился из ее объятий.

— А это Дженнифер?

Дженнифер Фортескью смотрела на него во все глаза, сгорая от любопытства.

— К сожалению, Валь задержался в городе, — объявила она. — Сами понимаете, столько свалилось дел. Отдать все распоряжения, обо всем договориться. Кто еще это сделает? Все на его плечи. Вы даже не представляете, каково нам сейчас.

— Да, вам сейчас очень тяжело. — Ланс сочув-

ственно кивнул.

Он повернулся к дивану, где с намазанной медом лепешкой сидела женщина, сидела и спокойно разглядывала его.

— С Адель вы, конечно, не знакомы? — спросила Дженнифер.

— Представьте, знакомы, — пробормотал Ланс, беря Адель Фортескью за руку.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и ресницы ее затрепетали. Она отложила лепешку, которую держала левой рукой, и слегка пригладила волосы. Машинально, по-женски. Просто потому, что в комнате появился видный мужчина. Низким, бархатным голосом она сказала:

— Сядьте рядом, Ланс. — Она налила ему чашку чаю. — Я очень рада, что вы приехали. Нам так нужен еще один мужчина в доме.

— Я готов оказать любую посильную помощь, — предложил Ланс.

— Вы уже знаете… впрочем, наверное, еще нет… в доме была полиция. Они считают… они считают… — Она не договорила и надрывно вскрикнула: — О-о, как это ужасно! Ужасно!

— Я все знаю. — Голос Ланса звучал строго, но с сочувствием. — Они встретили меня в аэропорту.

— Полиция?

— Да.

— И что сказали?

— Ну, — Ланс развел руками, как бы не желая вдаваться в подробности, — объяснили, что произошло.

— Его отравили, — проговорила Адель, — вот что они считают и не скрывают этого. И отравление не пищевое. Не пищевое, а вполне умышленное, его отравил кто-то. И мне кажется, правда-правда, что они подозревают кого-то из нас.

Ланс вдруг одарил ее быстрой улыбкой.

— Пусть об этом голова болит у них, — успокоил ее он. — А вам зачем беспокоиться? Но какой умопомрачительный чай! Настоящего английского чая давно не доводилось отведать.

Вскоре его настроение передалось окружающим.

Адель неожиданно спросила:

— А ваша жена… разве вы не женаты, Ланс?

— Женат. Жена сейчас в Лондоне.

— Но может быть… вам лучше привезти ее сюда?

— Посмотрим, время есть, — уклонился от прямого ответа Ланс. — Вообще-то Пэт… ей хорошо

и в гостинице.

— Но ты не думаешь, — вдруг вмешалась Элейн, — что… ты же не считаешь…

— Какой роскошный шоколадный пирог, — перебил ее Ланс. — Придется попробовать. — Отрезав кусочек, он спросил: — А тетушка Эффи еще жива?

— Да, Ланс, жива. Она ест у себя в комнате и вообще к нам не спускается, но чувствует себя сносно. Только странная какая-то стала.

— Она всегда была странная, — заметил Ланс. — Пожалуй, после чая я к ней поднимусь.

— В ее возрасте, — пробормотала Дженнифер Фортескью, — ей бы самое время перебраться в какое-нибудь заведение. Где за ней будут как следует ухаживать.

— Помоги, господи, любому заведению для престарелых дам, которое даст приют тетушке Эффи, — шутливо произнес Ланс. Потом добавил: — А кто мне открыл дверь? Этакая якобы застенчивая скромница?

Адель удивилась:

— Разве вам открыл не Крамп? Дворецкий? Ах да, я забыла. Он сегодня выходной. Но про Глэдис не скажешь…

— Голубые глаза, — взялся описывать Ланс, —

пробор посредине, ангельский голосок, тихоня тихоней. Ну а что за всем этим скрывается, лучше не говорить.

— Это, — догадалась Дженнифер, — Мэри Доув.

— Она у нас вроде домоправительницы, — пояснила Элейн.

— Особенно сейчас.

— Хозяйство она ведет неплохо, — заметила Адель.

— Да, — задумчиво согласился Ланс. — Судя по ее виду, так оно и есть.

— Но она еще тем хороша, — добавила Дженнифер, — что знает свое место. Не берет на себя больше, чем ей положено.

— Благоразумная голубка Мэри, — заключил Ланс и отрезал себе еще кусочек шоколадного пирога.

Глава 12

1

— Значит, ты снова объявился, как фальшивая монета, — сказала мисс Рэмсботтом.

Ланс осклабился в улыбке.

— Ваша правда, тетушка Эффи.

Мисс Рэмсботтом неодобрительно фыркнула.

— Нечего сказать, подходящее выбрал времечко. Твоего отца вчера убили, по дому шастает полиция и всюду сует нос, даже залезает в мусорные ящики. Я сама из окна видела.

Она умолкла, снова фыркнула и спросила:

— Ты привез с собой жену?

— Нет. Пэт я оставил в Лондоне.

— Разумно. На твоем месте я поступила бы так же. Мало ли что может приключиться.

— С ней? С Пэт?

— С кем угодно, — отрезала мисс Рэмсботтом.

Ланс Фортескью задумчиво посмотрел на нее.

— Вам что-то известно, тетушка Эффи? — спросил он.

Мисс Рэмсботтом не стала отвечать прямо.

— Вчера ко мне с расспросами приходил ин-

спектор. Ну, много он из меня не вытряс. Но он совсем не такой дурак, каким прикидывается, далеко не дурак. — Вдруг она вознегодовала: — Что бы сказал твой дед, узнай он, что в доме была полиция, — несчастный перевернулся бы в гробу! Ведь он всю жизнь был членом «Плимутской братии», сектантом до мозга костей. Помню, какой он шум поднял, когда узнал, что я по вечерам хожу в англиканскую церковь! А ведь в этом по сравнению с убийством ничего дурного нет.

Обычно Ланс отвечал на подобные тирады улыбкой, но сейчас его удлиненное, обрамленное темными волосами лицо оставалось серьезным. Он сказал:

— Тетушка, меня ведь долго не было, я много чего не знаю. Что здесь вообще происходит?

Мисс Рэмсботтом подняла глаза к небу.

— Деяниями господними тут и не пахнет, — твердо сказала она.

— Да, да, тетушка Эффи, других слов я от тебя и не ждал. Но с чего полицейским взбрело в голову, что папу убили здесь, в этом доме?

— Прелюбодеяние — это одно, а убийство — совсем другое, — заявила мисс Рэмсботтом. — Не хотелось бы подозревать ее, нет, не хотелось бы.

Ланс насторожился.

— Адель? — спросил он.

— Роток на замок, — отказалась отвечать мисс Рэмсботтом.

— Ну, тетушка, что вы, право, — стал уговаривать Ланс. — Поговорка эта хорошая, но она ровным счетом ничего не значит. У Адель есть кавалер, да? И вместе они подсыпали отцу в утренний чай белены? Такой, что ли, расклад?

— Не думаю, что это подходящая тема для шуток.

— Да я особенно и не шутил.

— Одно могу тебе сказать, — внезапно раздобрилась мисс Рэмсботтом. — Этой девице что-то известно, точно знаю.

— Какой девице? — удивился Ланс.

— Той, что шмыгает носом, — объявила мисс Рэмсботтом. — Той, что должна была принести мне чай, да не принесла. Умотала куда-то без спроса, так мне сказали. Не удивлюсь, если она побежала в полицию. Кто открыл тебе дверь?

— Некто Мэри Доув. Из тех, кто мягко стелет. Это она, по-вашему, побежала в полицию?

— Эта в полицию не побежит, — возразила мисс Рэмсботтом. — Нет… я про дуреху горничную. Целый день прыгает и извивается, как на угольях. «Что это с тобой? — спрашиваю. — Или

совесть нечиста?» А она: «Я ничего не делала… в жизни такой грех на душу не взяла бы». — «Надеюсь, — говорю, — что не взяла бы, но ведь ты вся извелась, я же вижу». Тут она давай сопеть, я, мол, никому зла не желаю, а это все вышло по ошибке. Тогда я ей говорю: «Вот что, девочка, открой правду, и ты посрамишь дьявола». Так и сказала. «Иди, — говорю, — в полицию и все им расскажи как на духу, потому что скрывать правду, хоть и неприятную, — ничего хорошего не будет». Тут она совсем начала плести чушь: как же она пойдет в полицию, да они ей нипочем не поверят, и вообще, что она им скажет? Под конец говорит: я вообще знать ничего не знаю.

— А вы не думаете, — усомнился Ланс, — что это она так, поважничать?

— Э, нет. Похоже, она была испугана. Что-то такое она видела или слышала, с этой историей связанное. Может, и вправду важное, а может, какая-нибудь дурость.

— А если у нее самой был зуб на отца, и она… — Ланс не договорил.

Мисс Рэмсботтом решительно покачала головой:

— Такие, как она, для твоего отца — пустое место. Да на эту несчастную ни один мужчина

никогда не посмотрит. Ну, может, для ее души оно и к лучшему.

Душа Глэдис Ланса не интересовала. Он спросил:

— Вы считаете, она бегала в полицию?

Тетушка Эффи энергично закивала.

— Очень даже просто. В доме она, допустим, побоялась с ними разговаривать — вдруг кто-нибудь подслушает?

— Думаете, она видела, как кто-то что-то подсыпал в пищу?

Тетушка Эффи кинула на него быстрый взгляд.

— Почему бы нет? — спросила она.

— Да, почему бы нет. — Как бы извиняясь, Ланс добавил: — Все это до сих пор не укладывается у меня в голове. Прямо детективная история.

— Жена Персиваля — больничная сиделка, — сказала мисс Рэмсботтом.

Эта реплика показалась Лансу настолько неуместной, что он удивленно выпучил глаза.

— Больничные сиделки хорошо разбираются в лекарствах, — пояснила мисс Рэмсботтом.

На лице Ланса отразилось сомнение.

— А эта штуковина… токсин… ее в медицине используют?

— Насколько я знаю, токсин получают из

тисовых ягод. Иногда эти ягоды едят дети, — продолжала мисс Рэмсботтом. — И крепко потом болеют. В моем детстве был такой случай. Помню, меня это тогда просто потрясло. На всю жизнь запомнила. Такие воспоминания иногда оказываются полезными.

Ланс резко поднял голову и внимательно посмотрел на нее.

— Одно дело — естественное влечение, — изрекла мисс Рэмсботтом, — надеюсь, этим бог не обделил и меня. А вот греховности терпеть не могу. Греховность надо рубить под корень.

2

— Сгинула, мне даже словечка не сказала! — заявила миссис Крамп, поднимая раскрасневшееся, гневное лицо от теста, которое она раскатывала на доске. — Никому ни словечка — и только ее и видели! Ух, коварная! Коварная, какая же еще! Испугалась, что не отпустят, а я бы нипочем не отпустила, если бы засекла! Это же надо! Хозяин помер, в дом приезжает мистер Ланс, уж вон сколько лет его не было, я Крампу еще говорю: «Выходной или нет, я свои обязанности знаю. Нельзя, чтобы в такой день на столе стоял холодный ужин, как обычно по четвергам, нет, сегодня

будет полный обед, все как положено. Джентльмен взял себе в жены аристократку, приезжает с ней из-за границы, все должно быть чин по чину». Сами знаете, мисс, я свое дело делаю справно, для меня моя работа — не шаляй-валяй.

Мэри Доув, в чей адрес были обращены эти излияния, чуть кивнула головой.

— А что заявляет Крамп? — продолжала негодовать миссис Крамп. — «У меня сегодня выходной, я и выхожу, — вот что он говорит. — А аристократка мне, — говорит, — до лампочки». Шаляй-валяй — вот как он к своей работе относится. Взял и ушел, а я сразу Глэдис предупредила: мол, сегодня ей придется повертеться одной. Она мне в ответ: «Конечно, конечно, миссис Крамп», — а не успела я отвернуться, ее и след простыл. А у нее, между прочим, не выходной. У нее выходной в пятницу. Как теперь управимся, ума не приложу. Слава богу, мистер Ланс жену не привез.

— Управимся, миссис Крамп. — Голос Мэри успокаивал и в то же время звучал властно. — Если слегка упростим меню. — Она предложила свой вариант обеда. Миссис Крамп нехотя кивнула в знак согласия. — Все это я смогу быстро подать на стол, — заметила Мэри.

— Вы хотите сказать, мисс, что сами будете

прислуживать у стола? — с сомнением в голосе спросила миссис Крамп.

— Если Глэдис к тому времени не придет, да.

— Факт, что не придет, — заверила миссис Крамп. — Будет шататься да денежки в магазинах проматывать. У нее, между прочим, парень есть, вот так-то, мисс, а с виду никак не подумаешь. Альберт зовут. Весной поженятся, она сама мне говорила. Что они смыслят в семейной жизни, эти сопливые девчонки? Знала бы она, чего я натерпелась от Крампа. — Она вздохнула, потом своим обычным голосом добавила: — Так что с чаем, мисс? Кто уберет посуду да все вымоет?

— Я, — сказала Мэри. — Сейчас пойду и все сделаю.

Света в библиотеке не было, хотя Адель Фортескью все еще сидела на диване рядом с подносом для чая.

— Свет зажечь, миссис Фортескью? — спросила Мэри.

Ответа не последовало.

Мэри повернула выключатель, подошла к окну и раздвинула шторы. Лишь после этого она повернула голову и увидела лицо женщины, откинувшейся на диванные подушки. Рядом лежала недоеденная лепешка с медом, недопитым

остался чай. Смерть пришла к Адель Фортескью быстро и внезапно.

3

— Ну? — нетерпеливо спросил инспектор Нил.

Доктор скороговоркой выпалил:

— Цианид, может, цианистый калий — в чае.

— Цианид, — пробормотал Нил.

Доктор глянул на него с легким любопытством.

— Вижу, вы сильно расстроены. Есть причины?

— В убийстве Рекса Фортескью мы подозревали ее, — пояснил инспектор.

— А она оказалась жертвой. Гм… значит, вам снова придется мозгами шевелить?

Нил кивнул. Вид у него был мрачный, резко обозначились скулы.

Отравили! Прямо у него под носом. Токсин в утреннем кофе Рекса Фортескью, цианид в чае Адель Фортескью. И опять-таки — дела интимные, дела семейные. В домашнем кругу. Так, во всяком случае, кажется.

Адель Фортескью, Дженнифер Фортескью, Элейн Фортескью и вновь прибывший Ланс Фортескью вместе пили чай в библиотеке. Ланс

поднялся к мисс Рэмсботтом, Дженнифер удалилась к себе писать письма, последней из библиотеки ушла Элейн. По ее словам, Адель была в добром здравии и как раз наливала себе последнюю чашку чаю.

Последнюю чашку чаю! Да, для нее эта чашка действительно оказалась последней.

А после этого — промежуток примерно в двадцать минут. Потом в комнату вошла Мэри Доув и обнаружила труп.

Целых двадцать минут…

Инспектор Нил выругался про себя и пошел на кухню.

Возле кухонного стола, устроив на стуле свои могучие телеса, сидела миссис Крамп, от ее воинственности не осталось и следа. При появлении Нила она едва пошевелилась.

— Где эта девушка? Еще не вернулась?

— Глэдис? Нет еще. И не вернется часов до одиннадцати, и не надейтесь.

— Вы сказали, что чай приготовила она, приготовила и подала.

— Я, сэр, к нему не прикасалась, господь свидетель. Мало того, и Глэдис не делала чего не положено, точно знаю. Глэдис не из таких. Она, сэр, девушка безобидная, может, разве слегка

придурковатая, но никак не злодейка.

Нил и сам не считал ее злодейкой. И не думал, что она — отравительница. К тому же в заварном чайнике следов цианида не оказалось.

— Но с чего она так неожиданно убежала? Ведь вы говорите, что сегодня у нее выходного нет.

— Правда, сэр, выходной у нее завтра.

— А Крамп…

К миссис Крамп внезапно вернулась воинственность. Голос ее гневно зазвенел:

— А вот на Крампа собак вешать нечего. Крамп тут ни при чем. Он уехал в три часа, и я теперь скажу — слава богу, что уехал. Он к этому имеет не больше отношения, чем сам мистер Персиваль.

Персиваль Фортескью только что вернулся из Лондона и был ошарашен известием о второй трагедии.

— Я и не думал обвинять Крампа, — мягко возразил Нил. — Просто хотел уточнить, знал ли он что-нибудь о планах Глэдис.

— Лучшие свои чулки надела, нейлоновые, — поделилась миссис Крамп. — Ясное дело, что не просто так. Меня не проведешь! И бутербродов к чаю не наготовила. Это все не просто так, тут дело ясное. Пусть только заявится, я ей все выскажу.

— Пусть сначала заявится…

Нилу стало как-то не по себе. Чтобы стряхнуть эту тревогу, он отправился наверх, в спальню Адель Фортескью. Да, богато, что говорить — портьеры из розовой парчи, большущая позолоченная кровать. В одной стене дверь в облицованную зеркалами туалетную комнату, в пол которой вделана розово-лиловая фарфоровая ванна. Дверь на противоположной стене вела в спальню Рекса Фортескью. Нил вернулся в спальню Адель, а оттуда прошел в ее гостиную.

Комната была меблирована в стиле ампир, на полу лежал розовый ворсистый ковер. Эту комнату Нил окинул лишь мимолетным взглядом, ибо досконально изучил ее за день до этого, уделив особое внимание небольшой и изящной конторке.

Но что это? Нил даже вздрогнул. В центре розового ворсистого ковра лежал небольшой комочек грязи.

Нил нагнулся и поднял его. Грязь была еще влажной.

Он огляделся — отпечатков ног не видно, только этот один невесть откуда взявшийся комочек непросохшей земли.

4

Инспектор Нил осмотрел спальню, принадлежавшую Глэдис Мартин. Уже пробило одиннадцать. С полчаса назад вернулся Крамп, а Глэдис все не появлялась — как в воду канула. Бог ее знает, как она управляется с работой, подумал инспектор Нил, но, судя по комнате, эта Глэдис — неряха неряхой. Кровать, наверное, не убирается никогда, окна отворяются и того реже. Впрочем, привычки Глэдис его сейчас мало беспокоили. Он принялся изучать ее имущество.

Одежка в основном была дешевая, жалкая. Почти ничего достойного, прочного, хорошего качества. От пожилой Эллен, которую он попросил помочь, толку оказалось мало. В чем ходила Глэдис, что носила — этого она не знала. Пропало что-то или нет — не знала тоже. Оставив одежду и белье в покое, он перешел к комоду. Там Глэдис хранила свои сокровища. Почтовые открытки и вырезки из газет, образцы для вязанья, советы по уходу за лицом, выкройки и фотографии моделей одежды.

Инспектор Нил аккуратно разложил всю эту чепуху по кучкам. Почти все открытки были с видами различных мест — видимо, тех, куда Глэдис

ездила отдыхать. Три открытки были подписаны «Берт». Наверное, тот самый парень, которого упомянула миссис Крамп. На первой открытке не слишком грамотной рукой было написано: «Всех благ. Жутко скучаю. Навеки твой, Берт». Вторая гласила следующее: «Тут полно хорошеньких девиц, но ни одна тебе в подметки не годится. Скоро увидимся. Не забудь про наш уговор. И помни, после этого — заживем на большой палец и будем счастливы вовек».

Третья кратко сообщала: «Не забудь. Я в тебя верю. С любовью. Б.».

Затем Нил изучил газетные вырезки и разложил их на три кучки. Советы по уходу за лицом и пошиву одежды, статейки про кинозвезд, перед чьим искусством Глэдис, судя по всему, благоговела, волновали ее и последние чудеса науки. Летающие тарелки, секретное оружие, исповедальные таблетки, применяемые русскими, какие-то фантастические лекарства, якобы изобретенные американскими докторами. Короче говоря, подумал Нил, всякая чертовщина двадцатого века. Но ключа к исчезновению девицы в этой комнате, похоже, нет. Дневника она не вела, да инспектор и не надеялся на такой подарок. Ну, разве самую малость. Никаких недописанных

писем или прочих свидетельств того, будто ей известно что-то, связанное со смертью Рекса Фортескью. Если Глэдис что-то видела или знала, это ничем не подтверждалось. Можно было только гадать, почему второй поднос с чаем так и остался в холле, а сама Глэдис внезапно исчезла.

Вздохнув, Нил вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

Он уже спускался по небольшой винтовой лестнице, как вдруг где-то под собой услышал топот бегущих ног.

Снизу на него смотрело озабоченное лицо сержанта Хея. Сержант немного запыхался.

— Сэр, — выдохнул он взволнованно. — Сэр! Мы ее нашли.

— Нашли?

— Уборщица, сэр… Эллен… она вспомнила, что не занесла с улицы белье, оно сушилось на веревках — за углом, если выйти через заднюю дверь. Вот она и пошла с фонарем занести белье и споткнулась о тело… тело девушки, ее кто-то задушил, обмотал чулок вокруг горла… я бы сказал, уже давно. Да еще и шутку пошутил — бельевой прищепкой зажал ей нос… Ничего себе шутка…

Глава 13

Ехавшая поездом пожилая дама купила три утренних газеты, и в каждой из них, прочитанной, сложенной и убранной в сторонку, бросался в глаза один и тот же заголовок. Эта история, еще недавно прятавшаяся в укромном уголке на предпоследних страницах, выплеснулась на первые. «Тройное убийство в «Тисовой хижине» — вот как броско извещали о ней газеты.

Пожилая дама сидела, распрямив спину и поджав губы, ее бело-розовое в морщинках лицо выражало горечь и неодобрение. Дама смотрела в окно. Это была мисс Марпл. Она выехала из Сент-Мэри-Мид утренним поездом, с одной пересадкой добралась до Лондона, там кольцевым поездом доехала до другого лондонского вокзала, а уже оттуда направилась в Бейдон-Хит.

На станции она остановила такси и попросила отвезти ее в «Тисовую хижину». И такая она была очаровательная и невинная, эта мисс Марпл, такая старушка-лапочка с бело-розовым личиком, что ей почти без труда удалось проникнуть в дом, напоминавший осажденную крепость. Невероятно, но факт — братию газетчиков и фотографов

полицейские держали на расстоянии, а мисс Марпл позволили проехать беспрепятственно, ибо с одного взгляда было ясно, что она — пожилая родственница, член семьи. Никому и в голову не пришло, что это не так.

Мисс Марпл расплатилась с таксистом, тщательно отсчитав полагавшуюся ему мелочь, и нажала кнопку звонка на двери. Ей предстал Крамп, и мисс Марпл окинула его опытным глазом. Хитрюга, себе на уме — такова была ее оценка. При этом напуган до смерти.

Крамп же увидел высокую пожилую даму в старомодном твидовом костюме, на шее повязаны два шарфика, голову украшает фетровая шляпка с птичьим пером. Пожилая дама держала вместительный саквояж, у ног ее стоял повидавший виды, но добротный чемодан.

Чтобы распознать даму, Крампу было достаточно одного взгляда, и потому самым уважительным и лучшим своим голосом он вопросил:

— Чем могу служить, мадам?

— Могу ли я видеть хозяйку дома? — поинтересовалась мисс Марпл.

Отступив, Крамп позволил ей войти. Поднял чемодан и бережно занес его в холл.

— Видите ли, мадам, — заколебался он, — я не

знаю, как мне вас…

Мисс Марпл пришла ему на выручку.

— Я приехала, — объявила она, — поговорить о несчастной девушке, которую здесь убили. Глэдис Мартин.

— Понимаю, мадам. В таком случае… — Он смолк, потому что из дверей библиотеки вышла высокая молодая женщина. — Это миссис Ланс Фортескью, мадам, — представил он.

Пэт подошла поближе, и дамы взглянули друг на друга. Мисс Марпл испытала легкое удивление. Она никак не рассчитывала встретить в этом доме человека, подобного Патриции Фортескью. Обстановку она себе представляла именно так, но Пэт с этой обстановкой почему-то не вязалась.

— Это по поводу Глэдис, мадам, — услужливо подсказал Крамп.

— Может быть, зайдете сюда? — неуверенно пригласила Пэт. — Тут мы будем одни.

Она прошла в библиотеку, а мисс Марпл — за ней.

— Вы хотели видеть кого-то конкретно? — спросила Пэт. — Боюсь, я едва ли смогу вам помочь. Дело в том, что мы с мужем приехали из Африки несколько дней назад. О домашних делах ничего толком не знаем. Если хотите, я позову мою зо-

ловку или жену деверя.

Мисс Марпл взглянула на девушку, и та ей понравилась. Понравилась ее простота, серьезность. Неизвестно почему мисс Марпл вдруг стало жаль эту девушку. Интуиция подсказала ей — здесь, в этом богатом и до неприличия роскошном интерьере, Пэт неуютно, мебель из потертого ситца, конюшня, псарня — вот где она на месте. Мисс Марпл не раз была на выставках пони и «собачьих площадках» в районе Сент-Мэри-Мид, девушек вроде Пэт встречала нередко и хорошо их знала. И поэтому прониклась симпатией к этой девушке, оказавшейся не в своей тарелке.

— Вообще-то все просто, — заговорила мисс Марпл, аккуратно стягивая перчатки и высвобождая пальцы. — О том, что убили Глэдис Мартин, я прочитала в газете. А я очень хорошо ее знала. Она родом из моих мест. Можно сказать, обучение для работы в частных домах она прошла у меня. И как только с ней случилась эта жуткая трагедия, внутренний голос сказал мне — поезжай туда, вдруг сможешь оказаться полезной.

— Конечно, — сказала Пэт. — Я понимаю.

И это было правдой. Поступок мисс Марпл показался ей вполне естественным и неизбежным.

— По-моему, очень хорошо, что вы приеха-

ли, — продолжала Пэт. — Похоже, про нее никто толком ничего не знает. В смысле, есть ли у нее родственники и все такое.

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Никаких родственников у нее, конечно же, нет. Ко мне она пришла из приюта Сент-Фейтс. Там довольно-таки неплохо, но, увы, с деньгами у них туговато. Мы делаем для девочек что можем, стараемся получше подготовить их для работы и прочее. Глэдис пришла ко мне в семнадцать лет, и я научила ее, как накрывать и подавать на стол, как чистить столовое серебро и тому подобное. Разумеется, она оставалась у меня недолго. Все они не задерживаются. Немножко кое-чему поучилась — и до свидания, пошла работать в кафе. Почти всех девочек тянет в кафе. Им кажется, что там свободы больше и веселее. Может, так оно и есть. Не знаю.

— Я ее даже не видела, — сказала Пэт. — Она была хорошенькая?

— О нет, — возразила мисс Марпл, — увы. Аденоиды, прыщики. Да и глупа до обидного. Боюсь, — задумчиво продолжала мисс Марпл, — что у нее постоянных друзей никогда не было. На мужчинах она была просто помешана, бедняжка, но те ее и замечать не желали. А другие девчонки

только подтрунивали над ней да насмехались.

— Как все это жестоко. — Пэт поежилась.

— Да, моя милая, — согласилась мисс Марпл, — жизнь, к сожалению, штука жестокая. Прямо и не знаешь, что делать с такими, как Глэдис. Ходить в кино — это их любимое занятие, но они забивают себе голову бог знает чем, мечтают о невозможном. Что ж, в каком-то смысле это даже счастье. Но они обязательно разочаровываются. Вот и Глэдис, думаю, в ресторанной жизни разочаровалась. Ничего пленительного, ничего интересного в ее жизни не происходило, да и за день еще как набегаешься. Может, поэтому она и вернулась в частное услужение. Не знаете, сколько она здесь проработала?

Пэт покачала головой.

— Думаю, недолго. Месяц или два. — Пэт смолкла, потом продолжала: — Так ужасно, что она оказалась замешана в эту историю. Умереть вот так, ни за что. Наверное, она что-то видела, что-то заметила.

— Больше всего мне не понравилась прищепка, — проговорила мисс Марпл своим мягким голосом.

— Прищепка?

— Да. Я прочитала об этом в газетах. Это ведь

правда? Когда ее нашли, нос ее был зажат прищепкой?

Пэт кивнула. Розовые щечки мисс Марпл заметно потемнели.

— Именно это, дорогая, рассердило меня больше всего, надеюсь, вы меня понимаете. Сколько в этом поступке жестокости и высокомерия! В моем сознании сразу сложился образ убийцы. Какая мерзость! Это вызов человеческому достоинству, поступить так мог только настоящий злодей. Ведь он это сделал уже после убийства.

— Кажется, я вас понимаю, — медленно произнесла Пэт. Она поднялась. — Пожалуй, вам надо встретиться с инспектором Нилом. Он ведет это дело, и сейчас он здесь. Думаю, он вам понравится. Очень душевный человек. — Внезапно она повела плечами, будто от холода. — Вся эта история — какой-то жуткий кошмар. Бессмысленный. Безумный. Ни складу ни ладу.

— Я, знаете ли, этого бы не сказала, — возразила мисс Марпл. — Нет, не сказала бы.

Вид у инспектора Нила был усталый и изможденный. Три смерти кряду, и газетчики со всей страны тут как тут, накинулись, словно стервятники. Казалось бы, дело — обыкновеннее не придумаешь, и вдруг все полетело вверх

тормашками. Адель Фортескью, вполне подходящая подозреваемая, стала второй жертвой в донельзя запутанном деле об убийстве. К концу того рокового дня помощник комиссара вызвал к себе Нила, и мужчины долго не выходили из кабинета.

Несмотря на охватившее его смятение, инспектор Нил в глубине души был удовлетворен. Схема «жена — любовник» с самого начала казалась ему уж слишком лежащей на поверхности, слишком простой. Она всегда вызывала у него недоверие. И вот теперь оно оправдалось.

— Теперь все выглядит совершенно иначе, — сказал помощник комиссара, хмуро вышагивая по кабинету. — Мне кажется, Нил, тут какая-то психическая патология. Сначала муж, потом жена. Но из самих обстоятельств дела видно, что убийца — кто-то из своих. Что называется, в кругу семьи. Этот кто-то сидел за завтраком с Фортескью и положил токсин ему в кофе или в пищу. Этот кто-то пил с семьей чай и положил в чашку Адель Фортескью цианистый калий. Этот кто-то пользуется доверием, на него никто и подумать не может, это один из членов семьи. Кто из них, Нил?

— Персиваля дома не было, — сухо ответил

Нил, — так что он опять вне подозрений. Опять, — повторил инспектор.

Помощник комиссара быстро взглянул на него. Это «опять» заставило его встрепенуться.

— У вас что-то на уме, Нил? Выкладывайте.

Лицо инспектора Нила оставалось непроницаемым.

— Ничего особенного, сэр. Я лишь хочу сказать, что уж очень удобно для него все получается.

— Подозрительно удобно, да? — Помощник комиссара задумался и покачал головой. — Считаете, он мог как-то это провернуть? Не представляю как, Нил. Не представляю. — После минутной паузы он добавил: — И вообще этот Персиваль — человек осторожный.

— Но и очень умный, сэр.

— А на женщин вы не грешите? Нет? Но все указывает именно на них. Элейн Фортескью и жена Персиваля. Они были за завтраком, они же были и за чаем. Сделать это могла и та и другая. С виду обе вполне нормальные? Что ж, патология не всегда бросается в глаза. Может быть, они страдали какими-то заболеваниями в прошлом? Это надо выяснить.

Инспектор Нил не ответил. Он думал о Мэри Доув. У него не было особых причин подозре-

вать ее, тем не менее мысли его текли именно в этом направлении. Было в ней что-то неясное, недоговоренное. Какой-то легкий насмешливый антагонизм. Да, именно так было после смерти Рекса Фортескью. А сейчас? Ведет она себя, как всегда, образцово. Насмешки как будто больше нет. Пожалуй, и антагонизма тоже, но не страх ли мелькнул на ее лице раз-другой? А вот смерть Глэдис Мартин — на его совести. Ее смятение, какое-то чувство вины он приписал естественной нервозности от встречи с полицией. С этой нервозностью, будто человек в чем-то виновен, инспектор Нил сталкивался не раз. Но в данном случае было что-то, показавшееся ей подозрительным. Может, это была какая-то мелочь, нечто туманное и неопределенное, и она не хотела об этом говорить. И вот этот несчастный перепуганный кролик умолк навсегда.

Сейчас инспектор Нил не без интереса смотрел на пожилую даму, стоявшую перед ним в «Тисовой хижине». Черты лица приятные, видно, что обязательна, деловита. Он быстро определил, какой взять с ней тон, как себя с ней вести. Мисс Марпл может оказаться полезной. Человек она справедливый, безупречно честный, как у большинства пожилых дам, свободного времени у нее

в избытке плюс нюх старой девы на всевозможные слухи и сплетни. Из прислуги и из лучшей половины семейства Фортескью она вытянет столько, сколько ему с его полицейскими и не снилось. Пересуды, догадки, воспоминания — все это месиво она перелопатит и извлечет на свет неопровержимые факты. Поэтому инспектор Нил был благожелателен.

— Вы проявили недюжинную доброту, мисс Марпл, решив приехать сюда, — почтительно произнес он.

— Я не могла поступить иначе, инспектор Нил. Эта девушка жила в моем доме. В каком-то смысле я за нее ответственна. Такая, кстати говоря, была глупышка.

Инспектор Нил понимающе взглянул на нее.

— Да, — согласился он, — именно так.

А сам подумал: надо же, как сразу эта дама перешла к сути дела.

— Она никогда не знала, — продолжала мисс Марпл, — как поступить. Если что-то происходило. Господи, что это я мысль не могу выразить?

Инспектор Нил заверил мисс Марпл, что ее мысль абсолютно ясна.

— Она не умела определить, что важно, а что нет, вы, наверное, это хотели сказать?

— Да, именно это, инспектор.

— Когда вы сказали, что она была глупышка… — Инспектор Нил сделал паузу.

Мисс Марпл тут же подхватила:

— Понимаете, она была из доверчивых. Из тех, что отдадут все свои сбережения мошеннику. Только у нее никаких сбережений не было — все деньги она вбухивала в одежду и каждый раз покупала что-нибудь не то.

— А как насчет мужчин? — спросил инспектор.

— Ей очень хотелось, чтобы у нее был молодой человек, — сказала мисс Марпл. — Пожалуй, поэтому она и из Сент-Мэри-Мид уехала. Уж больно велика там конкуренция. Мужчин-то мало. У нее были серьезные виды на разносчика рыбы. Этот Фред находил лестное словечко для каждой девушки, но ни о чем серьезном он, конечно, не помышлял. Бедняжка Глэдис приняла это очень близко к сердцу. Но в конце концов она как будто все же нашла себе молодого человека?

Инспектор Нил кивнул.

— Похоже, что так. Насколько я знаю, его звали Альберт Эванс. Она якобы познакомилась с ним где-то на курорте. Никакого кольца, ничего обязывающего он не подарил, так что, возможно,

рассказ про курорт — чистая выдумка. Он — горный инженер, по крайней мере, так она сказала поварихе.

— Горный инженер? — удивилась мисс Марпл. — Вот уж вряд ли. Хотя рискну предположить, что ей он отрекомендовался именно так. Она ведь верила всему на свете. Его вы со всей этой историей не связываете?

Инспектор Нил покачал головой:

— Нет. Думаю, он тут ни при чем. Он ведь к ней, как я понял, никогда не приезжал. Посылал иногда открытку, обычно из какого-нибудь порта. Может, служит четвертым механиком на каком-нибудь судне, что плавает в Скандинавию.

— Так или иначе, — заключила мисс Марпл, — я рада, что маленький роман у нее все-таки был. Раз уж ее жизни суждено было так оборваться… — Она поджала губы. — Знаете, инспектор, меня это ужасно, просто ужасно рассердило. — И она добавила, как прежде добавила в разговоре с Пэт Фортескью: — Особенно прищепка. Это каким же надо быть злодеем!

Инспектор Нил с интересом взглянул на нее.

— Я хорошо вас понимаю, мисс Марпл, — только и сказал он.

Как бы извиняясь, мисс Марпл откашлялась.

— Я хотела бы… не думайте, что я слишком много на себя беру… но я хотела бы предложить вам свою очень скромную и, боюсь, очень женскую помощь. Этот убийца — настоящий злодей, а злодеяние не должно оставаться безнаказанным.

— Сейчас это убеждение не очень в моде, мисс Марпл, — угрюмо изрек инспектор Нил. — Хотя лично я с вами согласен.

— Я могу остановиться в гостинице около станции или в гостинице «Гольф», — как бы рассуждая вслух, заговорила мисс Марпл, — к тому же в этом доме, как мне известно, живет некая мисс Рэмсботтом, которая проявляет интерес к иностранным миссиям.

Инспектор Нил окинул мисс Марпл задумчивым взглядом.

— Что ж, — сказал он. — Возможно, вы правы. Не могу похвастать, что мой разговор с этой дамой прошел весьма успешно.

— Вы очень любезны, инспектор Нил, — сказала мисс Марпл. — Я так рада, что вы не считаете меня охотницей за сенсациями.

Инспектор Нил неожиданно расплылся в улыбке. Он вдруг подумал, что мисс Марпл никак не соответствует общепринятому образу разгневанного мстителя. Но ведь если разобраться, кто же

она, как не разгневанный мститель?

— Газетчики, — щебетала мисс Марпл, — так и ищут сенсацию и часто находят там, где ее нет. И потому, боюсь, часто расходятся с истиной. — Она вопросительно посмотрела на инспектора Нила. — Хорошо бы иметь беспристрастные факты.

— Не знаю, насколько они беспристрастные, — усомнился Нил. — Но в целом, если сорвать с них излишнюю сенсационность, картина получается такая. Мистер Фортескью умер у себя в кабинете в результате отравления токсином. Токсин содержится в ягодах и листьях тиса.

— Очень удобно, — вставила мисс Марпл.

— Возможно, — согласился инспектор, — но никаких улик на этот счет у нас нет. Во всяком случае, пока. — Он выделил слово «пока», потому что считал: мисс Марпл может оказаться полезной именно на этом фронте. Если в доме и делался какой-то настой из тисовых ягод, весьма вероятно, что его следы сумеет обнаружить как раз мисс Марпл. Она, должно быть, из тех бабулечек, которые делают домашние ликеры, наливки, заваривают чай на всяких травах. Она должна знать, откуда берутся все эти настойки и куда потом деваются.

— А миссис Фортескью?

— Миссис Фортескью в семейном кругу пила чай в библиотеке. Последней из комнаты и из-за стола вышла Элейн Фортескью, ее падчерица. Она утверждает, что, когда выходила из комнаты, миссис Фортескью наливала себе еще одну чашку чаю. Минут через двадцать или тридцать в комнату за подносом зашла мисс Доув, здешняя экономка. Миссис Фортескью все еще сидела на диване, но уже мертвая. Рядом с ней стояла на три четверти пустая чашка, и в остатках жидкости был обнаружен цианистый калий.

— Который, кажется, действует почти немедленно, — уточнила мисс Марпл.

— Совершенно верно.

— Очень опасное вещество, — пробормотала мисс Марпл. — Им пользуются, чтобы выбирать осиные гнезда, но я, например, всегда делаю это с большой осторожностью.

— Вы правы, — подтвердил инспектор. — Пакет с этим веществом хранился в сарае садовника.

— Опять же очень удобно, — заметила мисс Марпл. Потом добавила: — А миссис Фортескью что-нибудь ела?

— О да. То, что было подано к чаю.

— Кусочек торта? Хлеб с маслом? Лепешки? Джем? Мед?

— Да, был мед и лепешки, шоколадный торт и рулет с вареньем, еще на подносе стояли тарелки со всякой всячиной. — Он с любопытством взглянул на нее. — Но цианистый калий обнаружили в чае, мисс Марпл.

— Да, да. Это я поняла. Просто хотела, как говорится, представить себе всю картину. Это ведь важно, правда?

Он посмотрел на нее, слегка озадаченный. Розовые щечки, блестящие глазки.

— А третья смерть, инспектор Нил?

— С фактами и здесь как будто все ясно. Эта девушка, Глэдис, занесла в библиотеку поднос с чаем, потом из кухни вынесла в холл поднос с едой, но почему-то там его и оставила. Она вообще весь день была какая-то рассеянная. Так вот, после этого ее никто не видел. Повариха, миссис Крамп, без долгих раздумий решила: девушка просто ушла по своим делам, никого не спросясь. Видимо, миссис Крамп сделала такой вывод, потому что на девушке были ее лучшие нейлоновые чулки и лучшая пара туфель. Но, как выяснилось, повариха ошиблась. Девушка внезапно вспомнила, что забыла снять сохнувшее на веревке белье, — это очевидно. Она выбежала за ним и сняла с веревок уже половину, как вдруг кто-то

застал ее врасплох, накинул на шею чулок… и все было кончено.

— Кто-то чужой? — спросила мисс Марпл.

— Может быть, — сказал инспектор Нил. — А возможно, кто-то из своих. Кто-то ждавший, пока девушка останется одна. Когда мы первый раз допрашивали Глэдис, она волновалась, нервничала, но мы, к сожалению, не придали этому значения.

— Но это же естественно! — воскликнула мисс Марпл. — У людей часто бывает смущенный и виноватый вид, когда их допрашивает полиция.

— Вы абсолютно правы. Но на сей раз, мисс Марпл, тут было нечто большее. Я думаю, эта Глэдис застала кого-то за каким-то занятием, объяснить которое она не могла. Едва ли это было что-нибудь определенное. Она бы не стала от нас скрывать. Но, скорее всего, она пошла со своими сомнениями прямо к этому человеку. И человек понял — Глэдис опасна.

— И поэтому Глэдис находят задушенной с прищепкой на носу, — пробормотала про себя мисс Марпл.

— Да, это гадкий штрих. Гадкий, издевательский штрих. Гадкая и ненужная бравада.

Мисс Марпл покачала головой:

— Почему же ненужная? Все по схеме.

Инспектор Нил с любопытством посмотрел на нее.

— Не совсем вас понимаю, мисс Марпл. О какой схеме вы говорите?

Лицо мисс Марпл вдруг вспыхнуло от волнения.

— Ведь это похоже… тут же явная связь, понимаете… ведь от фактов никуда не убежишь.

— Боюсь, я плохо вас понимаю.

— Я хочу сказать… номер один — мистер Фортескью. Рекс Фортескью. Его убили в городе, в своем кабинете. Далее — миссис Фортескью, она сидела в библиотеке и пила чай. Перед ней лежали лепешки с медом. Наконец, несчастная Глэдис с прищепкой на носу. Ведь все сходится! Очаровательная миссис Ланс Фортескью сказала мне сегодня, что это очень странная история: ни складу ни ладу, но я с ней не согласилась, потому что первым делом удивляет именно то, что тут есть и склад и лад.

Инспектор Нил медленно произнес:

— Может быть, вы объясните…

Мисс Марпл быстро продолжала:

— Вам, инспектор, лет тридцать пять? Тридцать шесть? Кажется, в годы вашего детства счита-

лочки были не в почете? Но для того, кто вырос на Матушке Гусыне, считалочка — вещь серьезная, правда? Вот я и подумала... — Мисс Марпл остановилась, словно собираясь с силами, потом отважно продолжала: — Я знаю, с моей стороны спрашивать у вас такое — большая наглость.

— Пожалуйста, мисс Марпл, спрашивайте все, что хотите.

— Что ж, вы очень любезны. Спрошу. Спрошу, поборов застенчивость: пусть я старая, пусть бестолковая, пусть мой вопрос — чистая бессмыслица. И все-таки: вы не прорабатывали линию дроздов?

Глава 14

1

Секунд десять инспектор Нил смотрел на мисс Марпл в крайнем изумлении. В первый миг он решил, что старушка просто свихнулась.

— Дроздов?

Мисс Марпл энергично закивала головой.

— Да, — подтвердила она и начала декламировать:

Зернышки в кармане
Кто найти готов?
В торт запек кондитер
Двадцать пять дроздов.

Вырвалось из торта
Птичье тюр-лю-лю,
Снилось ли такое
Блюдо королю?

Был король в конторе,
Вел доходам счет.
Королева в зале

Ела бутерброд.

За дворцом служанка
Вешала белье,
Дрозд – туда и сразу
Хвать за нос ее![98]

— Боже правый, — только и вымолвил инспектор Нил.

— Ведь все сходится, — развивала мысль мисс Марпл. — У него в кармане было зерно, да? Я прочитала в одной газете. Другие написали просто «крупа», но это может означать что угодно. «Завтрак фермера» или даже кукуруза… но там было зерно…

Инспектор Нил кивнул.

— Вот видите! — Мисс Марпл не скрывала своего торжества. — Рекс Фортескью. Но ведь «рекс» значит «король». В своей конторе. Теперь миссис Фортескью — это же королева в зале, которая ела бутерброд. Ну и, понятное дело, убийце ничего не оставалось, как нацепить Глэдис прищепку на нос.

— Вы хотите сказать, что все это — плод безумной фантазии? — спросил Нил.

---

[98] notes: 98
Перевод В. Лунина.

— Я не стала бы спешить с выводами, но вообще история очень странная. А вы обязательно наведите справки насчет дроздов. Должны быть и дрозды.

В эту минуту дверь открылась, и сержант Хей с порога взволнованно произнес:

— Сэр!

Но, увидев мисс Марпл, тут же осекся.

Инспектор Нил, придя в себя, сказал:

— Спасибо, мисс Марпл. Я этим займусь. Раз уж вы приехали сюда из-за девушки, может быть, посмотрите вещи в ее комнате? Сержант Хей вам их покажет.

Мисс Марпл поняла, что аудиенция окончена, и засеменила к выходу.

— Дрозды, — буркнул себе под нос инспектор Нил.

Сержант Хей непонимающе уставился на него.

— Да, Хей, что у вас?

— Сэр, — взволнованно повторил сержант Хей. — Взгляните.

Он вытащил из-за пазухи какой-то предмет, завернутый в грязноватый носовой платок.

— Вот, нашел в кустарнике, — объявил он. — Могли выкинуть из любого окна в тыльной стене.

Он поставил предмет на стол перед инспектором, тот наклонился и с растущим возбуждением принялся разглядывать его. Это была почти полная банка мармелада.

Инспектор молча смотрел на нее. Смотрел сосредоточенно и как бы тупо. В действительности это значило, что перед мысленным взором инспектора в очередной раз возникает какая-то картина. Фантазия его работала вовсю. Вот полная банка мармелада, вот чьи-то руки аккуратно снимают с нее крышку, срезают тонкий слой мармелада, добавляют в него токсин и возвращают на место, тщательно разглаживают поверхность мармелада и снова закрывают банку крышкой.

На этом месте он остановился и спросил сержанта Хея:

— Они, что же, подают мармелад прямо в магазинной банке, не перекладывают в вазочку?

— Нет, сэр. Не перекладывают, это пошло еще со времен войны, когда с провизией было туговато. С тех пор так и подают в банке.

— Это, конечно, упрощало задачу, — пробурчал инспектор Нил.

— Мало того, — продолжал сержант Хей. — Из всей семьи мармелад на завтрак ел только мистер Фортескью (и мистер Персиваль, когда бывал

дома). Остальные едят джем или мед.

Нил кивнул.

— А это, — сказал он, — делало задачу и вовсе простой, да?

После легкой перебивки перед его глазами возникла и ожила другая картинка. Завтрак, Рекс Фортескью сидит за столом. Вот он протягивает руку к банке с мармеладом, зачерпывает ложкой и намазывает мармелад на тост с маслом. Отравителю это куда проще, чем связываться с его чашкой кофе — и риска меньше, и спокойнее. И очень надежно. А потом? Снова перебивка, и новая картинка, на сей раз не такая четкая. Банка мармелада заменяется на другую, из которой выбрано ровно столько же. Дальше — открытое окно. Рука выкидывает банку с отравой в кусты. Только чья рука?

Человек, добавивший токсин в банку мармелада, мог и не сидеть за столом во время завтрака…

Деловым тоном инспектор Нил распорядился:

— Банку отдадим на анализ. Пусть выяснят, есть ли в мармеладе следы токсина. Спешить с выводами не будем.

— Ни в коем случае, сэр. Там, кстати, могут быть и отпечатки.

— Скорее всего, не те, которые нам нужны, —

мрачно заметил инспектор Нил. — Наверняка будут отпечатки Глэдис, и Крампа, и самого Фортескью. Может быть, даже миссис Крамп, продавщицы из бакалеи и еще бог знает кого! Если кто-то добавил сюда токсин, он, конечно же, позаботился о том, чтобы не оставлять следов своей деятельности. В общем, повторяю, спешить с выводами не будем. Как в этом доме заказывают мармелад и где его хранят?

У прилежного сержанта Хея были припасены ответы на все эти вопросы:

— Мармелад и джемы приходят партиями — по шесть банок сразу. Когда банка пустеет, в буфетную приносят новую.

— Это означает, — сообразил Нил, — что отравить банку могли еще за несколько дней до того, как она попала на стол. И сделать это могли все, кто находился в доме или имел доступ к этому дому…

Словосочетание «доступ к дому» несколько озадачило сержанта Хея. Ему было непонятно, в каком направлении движется мысль его начальника.

Но самому Нилу его обоснование представлялось вполне логичным.

Если яд был подмешан в мармелад заранее,

значит, тех, кто сидел за столом в то роковое утро, из списка подозреваемых можно исключить.

А это открывало новые и весьма интересные возможности.

В голове он уже прокручивал беседы с разными людьми — но теперь разговор будет строиться несколько иначе.

Он больше не попадет под влияние одной версии.

Он даже самым серьезным образом проверит версию старушки — как там ее зовут? — насчет детской считалочки. Потому что текст этой считалочки уж больно пугающе соответствует происшедшему в «Тисовой хижине». К тому же проливает хоть какой-то свет на то, что тревожило его с самого начала. На зернышки в кармане.

— Дрозды, — пробурчал Нил себе под нос.

Сержант Хей уставился на него.

— Да, сэр, — сказал он наконец. — Вы правы. Банку выбросили в кусты.

2

Инспектор Нил отправился на поиски Мэри Доув.

Он нашел ее в одной из спален первого этажа, она наблюдала, как Эллен оголяет кровать, сни-

мая с нее вполне чистое с виду белье. На кресле лежала стопка чистых полотенец.

Инспектор Нил удивился.

— Кто-то собирается здесь остановиться? — спросил он.

Мэри Доув улыбнулась ему. В отличие от Эллен, которая была угрюма и мрачна, как фурия, Мэри хранила обычную непроницаемость.

— Я бы сказала, — ответила она, — что наоборот.

Нил вопросительно взглянул на нее.

— Эта гостевая комната была приготовлена для Джералда Райта.

— Джералд Райт? Кто это?

— Знакомый мисс Элейн Фортескью. — Мэри постаралась, чтобы голос ее звучал как можно бесстрастнее.

— Он собирался приехать сюда? Когда же?

— По-моему, он поселился в гостинице «Гольф» на следующий день после смерти мистера Фортескью.

— На следующий день?

— Так сказала мисс Фортескью. — Голос Мэри звучал совершенно нейтрально. — Она попросила меня приготовить комнату, хотела, чтобы он остановился в доме. А теперь, после еще двух…

трагедий… уж пусть лучше живет в гостинице.

— «Гольф»?

— Да.

— Ясно, — сказал инспектор Нил.

Эллен собрала простыни и полотенца и вышла из комнаты.

Мэри Доув вопросительно взглянула на Нила.

— Вы хотели со мной о чем-то поговорить?

Нил дружелюбно начал:

— Хочу внести полную ясность в вопрос о том, когда что произошло. У всех членов семьи представление о времени оказалось слегка нарушенным — это можно понять. Вы же, мисс Доув, исключительно точно указывали время событий.

— Это тоже можно понять!

— Да… пожалуй… безусловно, я должен поздравить вас с тем, как вы управляете этим домом, несмотря на… панику… которую наверняка вызвали эти последние смерти. — Он смолк, потом полюбопытствовал: — Как вам это удается?

В этом вопросе крылось легкое коварство, ибо он уже понял: если в кольчуге, которую носила Мэри Доув, и есть слабое звено, то это довольство собственной деловитостью. Отвечая, она даже распрямила спину.

— Крампы, разумеется, хотели сразу же уйти.

— Мы не могли этого допустить.

— Знаю. Но я также сказала им, что мистер Персиваль Фортескью проявит… щедрость по отношению к тем, кто не оставил его в трудную минуту.

— А Эллен?

— Эллен никуда не собирается уходить.

— Эллен никуда не собирается уходить, — повторил Нил. — У нее крепкие нервы.

— Она обожает катастрофы, — объяснила Мэри Доув. — Как и миссис Персиваль. Катастрофа для нее — возможность лишний раз пощекотать себе нервы.

— Интересно… так вы считаете, что миссис Персиваль от всех этих трагедий… получала удовольствие?

— Нет… нет, конечно. Это было бы чересчур. Я бы сказала, что они дали ей возможность… встряхнуться, что ли.

— А как эти трагедии восприняли вы, мисс Доув?

Мэри Доув пожала плечами.

— Без приятных ощущений, — сухо ответила она.

У инспектора Нила снова возникло неуемное

желание разбить ледяную корку, которой окружила себя эта женщина, и выяснить, что же скрывается за этой просчитанной деловитостью, за этой недосказанностью всего ее облика.

Он круто перешел к делу:

— Итак, время и место: последний раз вы видели Глэдис Мартин в холле перед чаем, и часы показывали без двадцати пять, верно?

— Да, я велела ей подать чай.

— А вы сами шли откуда?

— Сверху. Мне показалось, что за несколько минут до этого я услышала телефонный звонок.

— Видимо, трубку сняла Глэдис?

— Да. Кто-то ошибся номером. Спрашивал прачечную в Бейдон-Хит.

— И после этого вы Глэдис не видели?

— Минут через десять она внесла поднос с чаем в библиотеку.

— После того как туда вошла мисс Элейн Фортескью?

— Да, минуты через три или четыре. Тогда я поднялась наверх сказать миссис Персиваль, что чай готов.

— У вас так принято?

— О нет. Все выходят к чаю когда хотят, но тогда миссис Фортескью спросила меня, куда все

подевались. Мне показалось, я слышала, как вниз спускается миссис Персиваль, но я ошиблась…

Нил прервал ее. Это было что-то новое.

— Вы хотите сказать, что слышали наверху чьи-то шаги?

— Да, как мне показалось, у лестницы. Но никто не спустился, вот я и поднялась наверх. Миссис Персиваль была в своей спальне. Она только что вернулась. С прогулки.

— С прогулки… Понятно. А времени было…

— По-моему, около пяти часов.

— А мистер Ланселот Фортескью появился… когда?

— Через несколько минут после того, как я снова спустилась… Я думала, он приехал раньше, но…

Инспектор Нил снова перебил ее:

— Почему вы решили, что он приехал раньше?

— Мне показалось, что я мельком уже видела его через окно, когда спускалась по лестнице.

— В саду?

— Мужская фигура мелькнула за тисовой изгородью, и я решила, что это он.

— Вы спускались вниз, позвав миссис Персиваль к чаю?

Мэри поправила его:

— Нет, не тогда. Раньше… мужчину я увидела, когда спускалась в первый раз.

Инспектор Нил внимательно посмотрел на нее.

— Вы в этом уверены, мисс Доув?

— Да, абсолютно. Поэтому я так и удивилась… когда мистер Ланселот Фортескью действительно позвонил в звонок.

Инспектор Нил покачал головой. Стараясь не выдавать волнения, он произнес:

— Видимо, вы заметили кого-то другого. Ведь поезд, на котором приехал Ланселот Фортескью, должен был прибыть в четыре двадцать восемь и опоздал на девять минут. То есть на станции Бейдон-Хит мистер Фортескью был в четыре тридцать семь. Несколько минут ему пришлось подождать такси — этим поездом всегда едет много народу. Со станции он уехал примерно без четверти пять (а человека в саду вы видели за пять минут до этого), ехать до «Тисовой хижины» не меньше десяти минут. Он расплатился с таксистом у ворот в лучшем случае без пяти пять. Нет, видеть Ланселота Фортескью вы никак не могли.

— Кого-то я видела, это точно.

— Да, кого-то видели. Уже темнело. Описать его не можете?

— О нет, его лица я, во всяком случае, не видела, но это был человек высокий и стройный. Поскольку мы ждали Ланселота Фортескью, я и решила, что это он.

— В какую сторону этот человек направлялся?

— Вдоль тисовой изгороди к восточной стороне дома.

— Там есть боковая дверь. Она заперта?

— Только на ночь, когда запираются все двери дома.

— То есть через эту дверь кто угодно может пройти в дом незамеченным?

Мэри Доув задумалась.

— Пожалуй, что так. Да. — Она быстро добавила: — Вы хотите сказать, что это его шаги я слышала чуть позже наверху? Что он там прятался?

— Что-то в этом роде.

— Но кто же?..

— Это мы скоро узнаем. Спасибо, мисс Доув.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но инспектор Нил делано-равнодушным тоном спросил:

— Кстати, вам ничего не известно насчет дроздов?

Кажется, впервые ему удалось застать Мэри Доув врасплох. Она круто обернулась:

— Я… что вы сказали?

— Я спросил, известно ли вам что-нибудь о дроздах.

— Вы имеете в виду…

— Да, да, дроздов, — повторил инспектор Нил.

И придал своему лицу выражение — глупее некуда.

— Вы насчет этой дурацкой истории, которая случилась летом? Но какое она имеет… — Она осеклась.

— Кое-какие разговоры об этом до меня дошли, — дружелюбно заметил инспектор Нил, — но я решил, что точнее вас мне не расскажет никто.

Мэри Доув уже взяла себя в руки, стала, как всегда, бесстрастной и точной.

— Я считаю, что это была глупая и злая шутка, — заговорила она. — На рабочий стол в кабинете мистера Фортескью кто-то подбросил четырех мертвых дроздов. Стояло лето, окна были открыты, и мы все решили, что это побаловался сын садовника, хотя тот наотрез отказывался. Но этих дроздов действительно подстрелил садовник, и они висели на деревьях.

— И кто-то их оттуда срезал и подкинул на стол мистеру Фортескью?

— Да.

— Что-нибудь за этим стоит? Может, дрозды что-то символизируют?

Мэри покачала головой:

— Не думаю.

— Как к этому отнесся мистер Фортескью? Он был взбешен?

— Естественно.

— Но нельзя сказать, чтобы это его сильно расстроило?

— Честно говоря, не помню.

— Понятно, — сказал инспектор Нил.

Продолжать разговор он не стал. Мэри Доув еще раз повернулась, чтобы уйти, но на сей раз как бы неохотно, будто хотела разузнать, что там у него на уме. А неблагодарный инспектор Нил в эту секунду злился на мисс Марпл. Она намекнула, что дрозды — это неспроста, и вот вам, пожалуйста! Пусть не двадцать пять, но все-таки! Символика соблюдена!

Но дело было слишком давно, летом — какая тут может быть связь? Трудно себе представить. Мистика мистикой, дрозды дроздами, но он будет продолжать логично и трезво расследовать убийство, которое совершил отнюдь не глупый убийца и отнюдь не беспричинно. И все же… придется не выпускать из виду и возможности

иного свойства, имеющие мало общего со здравым смыслом.

Глава 15

1

— Извините, мисс Фортескью, что снова беспокою, но я хочу иметь полную, полнейшую ясность. Насколько мы знаем, вы были последним человеком — вернее, предпоследним, — который видел миссис Фортескью живой. Когда вы вышли из библиотеки, было примерно без двадцати шесть?

— Примерно, — согласилась Элейн. — Точнее сказать не могу. — И добавила чуть ершисто: — Я же не смотрю все время на часы.

— Нет, конечно. Когда вы остались с миссис Фортескью вдвоем, о чем вы говорили?

— Какая разница?

— Может, и никакой, — не стал возражать инспектор Нил. — Но вдруг мне станет понятно, что было у миссис Фортескью на уме.

— Вы хотите сказать… она могла сделать это сама?

Инспектор Нил заметил, что в глазах Элейн сверкнули огоньки. Для семьи Фортескью такое решение вопроса было бы весьма удобным. Ин-

спектор Нил и на секунду не допускал мысли о самоубийстве. Адель Фортескью не из тех, кто лишает себя жизни, — в этом он был уверен.

Даже если она отравила мужа и поняла, что преступление будет раскрыто и кары не избежать, ей бы и в голову не пришло кончать жизнь самоубийством. Она жила бы с уверенностью, что даже если ее будут судить за убийство, то наверняка оправдают. Но коли эта гипотеза занимает Элейн Фортескью… что ж, пожалуйста. И он сказал, не сильно греша против истины:

— Эту возможность, мисс Фортескью, нельзя сбрасывать со счетов. Поэтому я и спрашиваю, о чем вы говорили.

— Вообще-то речь шла о моих делах, — чуть поколебавшись, призналась Элейн.

— А ваши дела — это… — Он сделал вопросительную паузу и отечески посмотрел на нее.

— Я… видите ли, в наши края недавно приехал мой друг, и я спрашивала Адель, не будет ли она возражать, если я приглашу его остановиться в доме.

— Ага. И кто же этот друг?

— Некто мистер Джералд Райт. Он школьный учитель. Сейчас живет в гостинице «Гольф».

— Это ваш близкий друг?

Инспектор Нил засиял, как добрый дядюшка, и сразу приобрел вид умудренного годами человека.

— Мы что же, скоро услышим что-то весьма интересное?

Ему на мгновение стало стыдно, ибо девушка залилась краской и неловко взмахнула рукой, словно защищаясь. Конечно же, она была влюблена в этого Джералда.

— Мы… пока не обручены, и сейчас не время объявлять о помолвке… но, я думаю, вы правы… то есть вообще-то мы собираемся пожениться.

— Поздравляю, — со всей теплотой сказал инспектор Нил. — Значит, мистер Райт остановился в гостинице «Гольф»? И давно?

— Когда умер отец, я послала ему телеграмму.

— И он сразу приехал. Понятно, — сказал инспектор Нил.

Это его любимое словечко на сей раз прозвучало дружелюбно и успокаивающе.

— И что вам ответила миссис Фортескью?

— Она сказала, разумеется, я могу принимать здесь кого угодно.

— То есть она была очень любезна?

— Ну не то что любезна. Она еще сказала…

— Так что еще она сказала?

Элейн снова вспыхнула.

— Какую-то глупость насчет того, что я могла бы найти себе партию и получше. Это на нее очень похоже.

— Ну что ж, — примирительно произнес инспектор Нил, — родственники говорят и не такое.

— Да, вы правы. Просто многие… не способны оценить Джералда по достоинству. Знаете, он очень умный, у него много нестандартных и прогрессивных мыслей, и людям это не нравится.

— Поэтому он и не нашел общего языка с вашим отцом?

Элейн просто запылала от смущения.

— Отец был заранее настроен против Джералда, несправедлив к нему. Он оскорбил Джералда. Джералд так расстроился, что уехал, и несколько месяцев от него вообще не было вестей.

Ты, бедняжка, так бы их и не дождалась, не сыграй твой папочка в ящик и не оставь тебе кучу денег, — вот что подумал инспектор Нил. А вслух сказал:

— Больше вы с миссис Фортескью ни о чем не говорили?

— Нет, нет, больше ни о чем.

— Было примерно двадцать пять шестого, а без

пяти шесть миссис Фортескью нашли мертвой. За эти полчаса вы в библиотеку не возвращались?

— Нет.

— А чем вы занимались?

— Я… пошла прогуляться.

— К «Гольфу»?

— Я… да, но Джералда там не было.

Инспектор Нил снова сказал свое «понятно», на сей раз как бы намекая на то, что разговор окончен. Элейн Фортескью поднялась и спросила:

— Это все?

— Да, мисс Фортескью, спасибо.

Она пошла к выходу, но тут Нил спросил как бы между делом:

— Вам что-нибудь известно насчет дроздов?

Она уставилась на него.

— Дроздов? Которые были в пироге?

Ага, подумал про себя инспектор Нил, значит, все-таки в пироге. А вслух спросил:

— Когда это было?

— Три или четыре месяца назад. И на стол отцу их подбросили тоже. Он был в ярости.

— В ярости? Всех расспрашивал, да?

— Конечно. Но как они туда попали, мы так и не выяснили.

— А что именно его так рассердило?

— Ну, это же гадко, тут любой рассердится…

Нил задумчиво посмотрел на нее — нет, не похоже, что она что-то скрывает. Он сказал:

— Еще вопрос, мисс Фортескью. Не знаете, составляла ваша мачеха завещание или нет?

Элейн покачала головой:

— Понятия не имею. Наверное. Обычно это делается, правда?

— Обычно, но не всегда. А вы, мисс Фортескью, составили завещание?

— Нет… да мне и завещать-то нечего. Хотя теперь…

По глазам ее он понял: она осознала, как изменилось ее положение.

— Именно, — сказал он. — Пятьдесят тысяч фунтов — тут есть чем распорядиться. Такая сумма многое меняет в жизни, мисс Фортескью.

2

Элейн Фортескью ушла, а инспектор Нил еще несколько минут сидел и задумчиво смотрел перед собой. Что ж, ему было над чем подумать. Слова Мэри Доув о том, что примерно в четыре тридцать пять она видела в саду какого-то мужчину, давали пищу для размышлений. Если, разумеется, Мэри Доув не лгала. Принимать на

веру все услышанное — такой привычки у инспектора Нила не было. Но как ни подкапывался инспектор под это ее заявление, с какой стороны к нему ни подходил, причин, по которым она могла бы лгать, так и не обнаружил. Скорее всего, утверждая, что видела в саду мужчину, Мэри Доув говорила правду. Конечно же, быть Ланселотом Фортескью этот мужчина не мог, хотя в данных обстоятельствах для нее было естественным предположить, что она видела именно его. Итак, это не был Ланселот Фортескью, но кто-то другой такого же роста и телосложения. Если другой мужчина в это время в саду все-таки был и передвигался, судя по всему, украдкой, прячась за тисовой изгородью, тут хочешь не хочешь напрашивается новая версия.

Помимо этого Мэри Доув сообщила, что слышала наверху шаги. А ведь этот факт стыкуется с одним вещественным доказательством.

В будуаре Адель Фортескью на полу он обнаружил комочек грязи. Инспектору Нилу припомнилась эта комната, небольшой элегантный стол. Хорошенькая подделка под старину, с неизбежным секретным ящичком. Там хранились три письма, написанные Вивианом Дюбуа и адресованные Адель Фортескью. За время его

карьеры через руки инспектора Нила прошло несметное множество любовных писем, самых разных. Пылкие, дурацкие, сентиментальные, капризные. Попадались и осторожные. Три найденных письма инспектор Нил отнес именно к этой категории. Даже если в суде будет слушаться дело о разводе, присяжные, скорее всего, придут к выводу, что эти письма вдохновляла чисто платоническая дружба. Хотя в данном случае… «Знаем мы вашу платоническую дружбу!» — подумал инспектор без всякого почтения.

Обнаружив письма, Нил без промедления отправил их в Скотленд-Ярд, потому что на том этапе следствия вопрос стоял следующим образом: считает ли государственный обвинитель, что эти письма позволяют завести дело против Адель Фортескью или Адель Фортескью вместе с Вивианом Дюбуа? Все указывало на то, что Рекса Фортескью отравила его жена при соучастии своего любовника или без оного. Эти письма, хотя и были написаны весьма осторожно, все же позволяли понять, что Вивиан Дюбуа — ее любовник. Но в текстах, по мнению инспектора Нила, никакого подстрекательства к убийству не содержалось. Может, устное подстрекательство и имело место, но Вивиан Дюбуа был не настолько

глуп, чтобы нечто подобное излагать на бумаге.

Инспектор Нил догадался, что Вивиан Дюбуа просил Адель Фортескью уничтожить его письма, и та заверила его, что она их уже уничтожила.

Все так, но теперь на них свалились еще две смерти. И это значило, не могло не значить, что своего мужа Адель Фортескью не убивала.

Хотя… В мозгу инспектора Нила родилась новая гипотеза. Адель Фортескью хотела выйти замуж за Вивиана Дюбуа. Вивиану же Дюбуа была нужна не столько Адель Фортескью, сколько ее сто тысяч фунтов, которые она получает в случае смерти мужа. Возможно, он предположил, что смерть Рекса Фортескью припишут естественным причинам. Какому-нибудь приступу или удару. В конце концов, весь прошлый год здоровье Рекса Фортескью беспокоило всех. (Заметим в скобках, сказал себе инспектор Нил, что этим вопросом еще следует заняться. Он подсознательно чувствовал, что здесь можно наткнуться на что-то интересное.) Продолжаем: последствия смерти Рекса Фортескью оказались незапланированными. Врачи в мгновение ока поставили правильный диагноз — отравление — и даже назвали яд.

Допустим, это дело рук Адель Фортескью и Ви-

виана Дюбуа, в каком бы они были состоянии. Вивиан Дюбуа до смерти напуган, Адель Фортескью просто потеряла бы голову. Наговорила бы и натворила кучу глупостей. Позвонила бы Дюбуа, говорила бы открытым текстом, и тот понял бы, что ее вполне могли подслушать в «Тисовой хижине». Каков был бы его следующий шаг?

Отвечать на этот вопрос было рановато, но инспектор Нил решил в самое ближайшее время навести справки в гостинице «Гольф» — был ли Дюбуа у себя в номере между четвертью пятого и шестью часами вечера. Вивиан Дюбуа — высок и темноволос, как и Ланс Фортескью. Он мог проникнуть в сад, открыть боковую дверь, проскользнуть наверх, а потом? Попытался найти письма и обнаружил, что их уже нет? Подождал, пока горизонт очистится, спустился в библиотеку, когда чаепитие там уже кончилось и Адель Фортескью сидела одна-одинешенька?

Нет, это он, кажется, увлекся…

Нил допросил Мэри Доув и Элейн Фортескью. Теперь посмотрим, что скажет жена Персиваля Фортескью.

Глава 16

1

Инспектор Нил нашел миссис Персиваль в ее гостиной — она сидела за столом и писала письма. При его появлении она несколько нервно поднялась с кресла.

— Я чем-нибудь… вас что-то…

— Прошу вас, сидите, миссис Фортескью. Я просто хотел задать еще несколько вопросов.

— Да, пожалуйста. Конечно, инспектор. Какой все-таки ужас, да? В голове не укладывается.

И она, все еще нервничая, опустилась в кресло. Инспектор Нил сел рядом на небольшой стул с прямой спинкой. До сих пор он к миссис Персиваль Фортескью как-то не приглядывался, но сейчас решил этот пробел восполнить. Далеко не красавица, во многих отношениях посредственность… к тому же не очень счастлива. Нетерпеливая, чем-то недовольная, не шибко умная, и все же… медсестра она, скорее всего, была неплохая, деловитая и умелая. Выйдя замуж за состоятельного человека, она обрела свободу, но, кажется, эта свобода не приносила ей удовле-

творения. Она развлекалась тем, что покупала одежду, читала романы и ела сладости, но Нил помнил, какое всепоглощающее возбуждение охватило ее в день смерти Рекса Фортескью, и это, по его мнению, было не какое-то дьявольское злорадство, нет, просто жизнь ее была окружена бесплодными пустынями скуки. Под его испытующим взглядом ресницы ее затрепетали и опустились. Казалось, она нервничает, ее мучает чувство вины… но, возможно, ему это только казалось.

— К сожалению, — заговорил он успокоительно, — приходится снова и снова задавать вопросы. Вас всех это, конечно, утомляет. Я вас прекрасно понимаю, но что делать, если многое не стыкуется, например, мне так и не ясно, когда и что произошло. Вы ведь к чаю вышли довольно поздно, да? Собственно говоря, за вами поднялась мисс Доув?

— Да. Точно. Она заглянула ко мне и сказала, что чай готов. Я и понятия не имела, что уже так поздно. Я писала письма.

Инспектор Нил бросил мимолетный взгляд на письменный стол.

— Понятно, — сказал он. — А мне показалось, что вы были на прогулке.

— Это она вам сказала? Знаете, а ведь верно. Я и вправду писала письма, но потом мне стало как-то душно, заболела голова, и я вышла… прогуляться. Так, пройтись по саду.

— Понятно. Никого не встретили?

— Встретила? — Она уставилась на него. — Кого я могла встретить?

— Я просто хочу знать: пока гуляли по саду, никого не видели? Может, кто-то видел вас?

— Ну, видела издалека садовника, вот и все. — Она смотрела на него с подозрением.

— Потом вы вернулись, поднялись к себе в комнату и как раз снимали верхнюю одежду, когда к вам зашла мисс Доув и пригласила к чаю?

— Да. Да, и я пошла вниз.

— Кого вы там застали?

— Адель и Элейн, еще через несколько минут появился Ланс. Мой деверь. Он вернулся из Кении.

— И вам всем подали чай?

— Да. Потом Ланс поднялся к тетушке Эффи, а я пришла сюда, закончить письма. С Адель осталась Элейн.

Нил кивнул, как бы подбадривая собеседницу.

— Правильно. Видимо, мисс Фортескью посидела с миссис Фортескью еще минут пять-десять

после вашего ухода. А ваш муж к тому времени не вернулся?

— О нет. Перси… Валь… вернулся где-то в половине седьмого, а то и в семь. Задержался в городе.

— Он приехал поездом?

— Да. А на станции взял такси.

— Он часто возвращается поездом?

— Иногда. Не сказала бы, что часто. Наверное, он был в таких точках города, где трудно запарковать машину. Проще сесть на Кэннон-стрит в поезд и приехать домой.

— Понятно, — сказал инспектор Нил. — Я спрашивал вашего мужа, оставила ли миссис Фортескью завещание. Он полагает, что нет. Вам ничего про это не известно?

К его удивлению, Дженнифер Фортескью энергично закивала головой.

— Известно, — подтвердила она. — Адель написала завещание. Она сама мне сказала.

— В самом деле? Когда же это было?

— Не очень давно. С месяц назад.

— Весьма любопытно, — заметил инспектор Нил.

Миссис Персиваль всем телом подалась вперед. Лицо ее ожило. Ей явно нравилось быть владели-

цей каких-то уникальных сведений.

— Валь об этом ничего не знает, — сообщила она. — Никто не знает. Да и мне это стало известно по чистой случайности. Я была на улице, только что вышла из магазина письменных принадлежностей. И вдруг вижу — Адель выходит из адвокатской конторы. «Энселл и Уоррелл», есть такая на Хай-стрит.

— Ага, — сказал Нил. — Местная адвокатская фирма?

— Да. Ну, я и спрашиваю Адель: «Что это тебя сюда принесло?» Она засмеялась и говорит: «Тебе что, очень хочется знать?» Дальше мы пошли вместе, тут она и говорит: «Так и быть, Дженнифер, тебе скажу. Я составила завещание». — «Чего это тебе взбрело в голову? — спрашиваю. — Вроде бы ты здорова, на тот свет не собираешься». — «Нет, — отвечает, — пока не собираюсь. В жизни себя лучше не чувствовала. Но завещание должно быть у каждого. А к семейному лондонскому адвокату, этому прилипале мистеру Бингсли, нипочем не поеду». Этот старый проныра, мол, обязательно разболтает всей семье. «Нет, — сказала она, — мое завещание, Дженнифер, это мое личное дело, я составила его по-своему, и никто о нем знать не будет». — «Раз так, Адель, — говорю

я, — никому не скажу». — «А хоть и скажешь, — отвечает она. — Ты же и сама не знаешь, что в нем». Но я так никому и не сказала. Даже Перси. Я считаю, женщины должны помогать друг дружке, верно, инспектор Нил?

— Безусловно, это очень мило с вашей стороны, миссис Фортескью, — дипломатично вывернулся инспектор Нил.

— Я знаю, что я по натуре не зловредная, — призналась Дженнифер. — К Адель я никогда особенной любовью не пылала, но поймите меня правильно. Я всегда считала: она из тех, кто ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. А теперь вот она в могиле, бедняжка. Может, я была к ней несправедлива…

— Что ж, большое вам спасибо, миссис Фортескью, вы мне очень помогли.

— Ну, за что меня благодарить. Если чем могу быть полезной, буду только рада. Ведь все это так ужасно. А что за пожилая дама приехала сегодня утром?

— Некая мисс Марпл. Она была настолько любезна, что приехала рассказать нам все, что ей известно о Глэдис. Оказывается, Глэдис Мартин когда-то была у нее в услужении.

— В самом деле? Как интересно!

— Еще один вопрос, миссис Персиваль. Вам что-нибудь известно насчет дроздов?

Дженнифер Фортескью заметно вздрогнула, уронила на пол сумочку и наклонилась, чтобы ее поднять.

— Насчет дроздов, инспектор? Дроздов? Каких именно? — У нее даже перехватило дыхание.

Чуть улыбнувшись, инспектор Нил пояснил:

— Речь идет просто о дроздах. Живых, мертвых или, скажем, символических.

Дженнифер Фортескью резко бросила:

— Не понимаю, о чем вы. Не понимаю, что вы имеете в виду.

— То есть, миссис Фортескью, насчет дроздов вам ничего не известно?

Помедлив, она сказала:

— Наверное, вы про тех, что прошлым летом оказались в пироге. Дурацкая шутка.

— Но несколько дроздов оказались еще и на столе в библиотеке, верно?

— Это была очень глупая выходка. Не знаю, кто вам о ней рассказал. Мистер Фортескью, мой свекор, был очень рассержен.

— Просто рассержен? Ничего более?

— Как сказать. Пожалуй, было еще кое-что. Он спрашивал, появлялись ли в доме посторонние.

— Посторонние? — Брови инспектора Нила приподнялись.

— Да, именно это он спросил, — с вызовом ответила миссис Персиваль.

— Посторонние, — задумчиво повторил инспектор Нил. Потом спросил: — А вид у него был не испуганный?

— Испуганный? Я вас не понимаю.

— Ну, может быть, он нервничал. Из-за посторонних.

— Да. Да, это было. Я, конечно, хорошо не помню. Уже несколько месяцев прошло. По-моему, это была глупая шутка, не более того. Может, Крамп. Ведь Крамп — человек очень неуравновешенный, и я точно знаю, что он попивает. А иногда ведет себя как настоящий нахал. Мне даже иногда казалось, что у него зуб на мистера Фортескью. Как считаете, инспектор, это возможно?

— В этом мире возможно все, — изрек инспектор Нил и вышел из комнаты.

2

Персиваль Фортескью был в Лондоне, зато Ланселота с женой инспектор Нил нашел в библиотеке. Они играли в шахматы.

— Не хотелось бы вам мешать, — извинился

Нил.

— Ничего страшного, инспектор, мы просто пытаемся убить время. Верно, Пэт?

Пэт кивнула.

— Наверное, этот вопрос вам покажется глупым, — не стал ходить вокруг да около Нил. — Вам что-нибудь известно насчет дроздов, мистер Фортескью?

— Дроздов? — На лице Ланса было недоумение. — Каких именно? Вы имеете в виду птиц как таковых или нечто в переносном смысле?

Внезапно лицо инспектора Нила расплылось в улыбке, эта улыбка обезоруживала. Он сказал:

— Я сам толком не знаю, о чем спрашиваю, мистер Фортескью. Просто упомянуты дрозды, а в какой связи — неизвестно.

— Господи! — Ланселот вдруг подобрался, сосредоточился. — Уж не в связи ли с шахтой «Дрозды»?

Инспектор Нил быстро спросил:

— Шахта «Дрозды»? А что это?

Ланс с озадаченным видом нахмурился.

— Беда в том, инспектор, что я и сам толком не помню. Была такая темная страница в папином прошлом, какая-то сомнительная сделка… помню довольно смутно. Эта шахта — на западном

побережье Африки. Однажды тетушка Эффи швырнула мне в лицо обвинение по поводу этой шахты, а какое именно — не помню.

— Тетушка Эффи? Мисс Рэмсботтом?

— Она самая.

— Попробую что-нибудь выведать у нее, — сказал инспектор Нил. И с тоской в голосе добавил: — Старушка, кстати говоря, — не приведи господь. Я, мистер Фортескью, в ее присутствии здорово нервничаю.

Ланс засмеялся.

— Верно. Тетушка Эффи — особа с норовом, но вам, инспектор, она может рассказать много интересного, если найдете к ней подход. У вас все шансы — вы же собираетесь покопаться в прошлом. У нее прекрасная память; она любит предаваться воспоминаниям, любит истории с плохим концом. — Задумавшись, он добавил: — И еще. Знаете, вскоре после приезда я поднялся к ней. В тот же день, сразу после чая. И она говорила со мной о Глэдис. Это служанка, которую убили. Тогда мы, разумеется, этого еще не знали. Но тетушка Эффи уверяла меня, будто Глэдис что-то известно, и она не рассказала об этом полиции.

— Это совершенно очевидно, — согласился инспектор Нил. — Теперь эта несчастная, увы,

никому и ничего не скажет.

— Да. Как я понял, тетушка Эффи уговаривала ее поделиться своей тайной. Но девушка ее не послушалась.

Инспектор Нил кивнул. Собравшись с мыслями, он настроился на серьезную встречу и проник в крепость мисс Рэмсботтом. К своему удивлению, он застал там мисс Марпл. Дамы мирно беседовали о пользе миссионерства.

— Я пойду, инспектор. — Мисс Марпл поспешно поднялась со стула.

— Оставайтесь, мадам, я и не думал вас гнать, — заверил ее инспектор Нил.

— Я пригласила мисс Марпл остановиться у нас в доме, — сказала мисс Рэмсботтом. — Какой смысл выбрасывать деньги на эту смехотворную гостиницу? Гнездо спекулянтов и мошенников — вот что такое этот «Гольф». Весь вечер пьянствуют и режутся в карты. Пусть она поживет у нас, в пристойном христианском жилище. По соседству с моей есть свободная комната. После доктора Мэри Питерс, миссионерки, в ней никто не жил.

— Вы очень, очень добры, — поблагодарила мисс Марпл. — Но, боюсь, не след мне поселяться в доме, где царит траур.

— Траур? Чушь собачья, — возразила мисс Рэмсботтом. — Кто в этом доме может рыдать по Рексу? Или по Адель? Или вас беспокоит полиция? Инспектор, у вас есть возражения?

— Ни малейших, мадам.

— Вот, пожалуйста, — подвела итог мисс Рэмсботтом.

— Вы очень добры, — повторила мисс Марпл. — Тогда я позвоню в гостиницу и сниму заказ. — Она вышла из комнаты.

Мисс Рэмсботтом высокомерно обратилась к инспектору:

— Итак, что вам угодно?

— Я хотел просить вас, мадам, чтобы вы рассказали мне о шахте «Дрозды».

Мисс Рэмсботтом внезапно издала резкий каркающий вскрик — он означал смех.

— Ха! Докопались все-таки! Поняли мой намек. Ну и что же вы хотите знать?

— Все, что вы найдете нужным рассказать мне, мадам.

— Рассказывать особенно нечего. Дело-то давнее… уж лет двадцать минуло, а то и двадцать пять. Какая-то концессия в Восточной Африке, что-то в этом роде. Мой зять отправился туда с неким Маккензи. Они вместе разрабатывали

прииски, и вскоре Маккензи умер от лихорадки. Рекс вернулся домой и сказал, что эти прииски или концессия — уж не помню, как это точно называлось, — не оправдали надежд. Больше я ничего не знаю.

— Подозреваю, мадам, вам известно кое-что еще, — проявил настойчивость Нил.

— Все остальное — слухи. Вы, законники, насколько я знаю, слухи не очень жалуете…

— Пока мы не в суде, мадам.

— Все равно мне нечего вам сказать. Родственники Маккензи подняли бучу. Больше я ничего не знаю. Они уверяли, что Рекс околпачил Маккензи. Околпачил, и я так считаю. Рекс был малый толковый, не шибко совестливый, но закон не нарушал — на этот счет не сомневаюсь. Так что доказать они ничего не смогли. Миссис Маккензи была женщина вспыльчивая. Заявилась сюда и давай угрожать — я, мол, буду мстить. За то, что Рекс убил ее мужа. Глупая мелодрама, чепуха на постном масле! По-моему, у нее с мозгами был непорядок — вроде бы она вскорости попала в сумасшедший дом. А тогда притащила сюда двух ребятишек, перепуганных до смерти. Вот, говорит, его дети, они вам отомстят, когда вырастут, я их в таком духе и воспитаю. Что-то вроде этого.

Шутовство чистой воды. Ну, теперь уж точно все. Кстати, шахта «Дрозды» — для Рекса случай совсем не уникальный. Он за свою жизнь помошенничал здорово. Покопаться в его прошлом — можно много интересного найти. А как вы дознались про шахту «Дрозды»? Нашли какой-то след, ведущий к Маккензи?

— Кстати, мадам, а что стало с этой семьей?

— Понятия не имею, — сказала мисс Рэмсботтом. — Навряд ли Рекс действительно убил Маккензи, скорее всего, просто оставил его умирать. Для Господа это одно и то же, а для закона — нет. Если Рекс и согрешил, так вот ему наказание свыше. Жернова Господни мелют медленно, только кары Божьей не избегнуть. А теперь ступайте. Все я вам сказала, больше не приставайте с расспросами.

— Спасибо большое, вы мне рассказали много важного, — поблагодарил инспектор Нил.

— И пусть эта Марпл поднимется ко мне, — крикнула мисс Рэмсботтом ему вслед. — Легкомысленная особа, как и все, кто ходит в англиканскую церковь, но хоть знает, как вести дела в приюте.

Инспектор Нил сел к телефону и позвонил сначала в адвокатскую контору «Энселл и Уоррелл»,

а потом в гостиницу «Гольф». Вызвав сержанта Хея, он объявил ему, что ненадолго отлучится.

— Мне нужно заглянуть в адвокатскую контору; после этого я буду в гостинице «Гольф», если что-то срочное, найдете меня там.

— Хорошо, сэр.

— И узнайте все, что сможете, насчет дроздов, — бросил Нил через плечо.

— Дроздов, сэр? — переспросил сержант Хей, совершенно сбитый с толку.

— Да, именно так… меня интересуют не кусты, а дрозды.

— Вас понял, сэр, — заявил сержант в полном недоумении.

Глава 17

1

Мистер Энселл оказался из тех адвокатов, которые и не думают никого устрашать, их самих легко запугать. Совладелец маленькой и не особенно процветающей фирмы, он вовсе не собирался отстаивать свои права, наоборот, был готов всячески содействовать полиции.

Да, сообщил мистер Энселл, завещание для покойной миссис Адель Фортескью составил он. Она заглянула к нему в контору за месяц с небольшим до своей смерти. Просьба показалась ему несколько странной, но он, естественно, оставил свое мнение при себе. В адвокатской практике всевозможные странности — не редкость, и, разумеется, инспектор понимает, что такое профессиональная этика, и так далее и тому подобное. Инспектор кивнул — да, он действительно все это понимает. Он уже выяснил, что ранее ни миссис Фортескью, ни вообще кто-либо из семьи Фортескью к мистеру Энселлу со своими делами не обращались.

— Ничего удивительного, — пояснил мистер

Энселл, — что с этим она не хотела идти к адвокатам ее мужа.

Факты, извлеченные из словесной шелухи, выглядели предельно просто. Все, чем владела Адель Фортескью, после ее смерти целиком и полностью отписывалось Вивиану Дюбуа.

— Но я полагал, — сказал мистер Энселл, вопросительно глядя на Нила, — что отписывать ей особенно нечего.

Инспектор Нил кивнул. В момент составления этого завещания так оно и было. Но с тех пор умер Рекс Фортескью, и Адель Фортескью унаследовала сто тысяч фунтов. Примерно такая же сумма (за вычетом расходов на похороны) принадлежала теперь Вивиану Эдварду Дюбуа.

2

В гостинице «Гольф» Вивиан Дюбуа, сильно нервничая, ждал приезда инспектора Нила. Дюбуа уже совсем собрался уезжать, чемоданы его были запакованы, когда инспектор Нил позвонил ему и попросил задержаться. Попросил довольно вежливо, словно извиняясь за причиненное неудобство. И тем не менее эта просьба была завуалированным приказом. Вивиан Дюбуа попробовал было возражать, но потом смирился.

— Надеюсь, инспектор Нил, — сказал он теперь, — вы понимаете, что эта непредвиденная задержка мне совершенно не с руки. У меня срочные дела.

— Я не знал, мистер Дюбуа, что вы ведете какие-то дела, — сказал инспектор Нил добродушно.

— Боюсь, в наши дни у всех так или иначе дел по горло.

— Наверное, смерть миссис Фортескью сильно потрясла вас, мистер Дюбуа. Вы ведь были большими друзьями?

— Да, — признал Дюбуа. — Она была очаровательной женщиной. Мы частенько играли вместе в гольф.

— Наверное, вам будет сильно ее недоставать.

— Вы правы. — Дюбуа вздохнул. — Вся эта история — словно какой-то страшный, кошмарный сон.

— Насколько я знаю, вы звонили ей в день ее смерти?

— Звонил? Сейчас точно не припомню.

— Кажется, около четырех часов.

— Да, наверное, так и было.

— А не помните, мистер Дюбуа, о чем вы говорили?

— О каких-то пустяках. Кажется, я спросил, как

она себя чувствует, нет ли чего нового насчет смерти ее мужа — так, дежурный вопрос.

— Понятно, — сказал инспектор Нил. — А потом, — добавил он, — вы вышли прогуляться?

— Мм… да… да, я… кажется. Но не прогуляться, я немного поиграл в гольф.

Инспектор Нил мягко поправил его:

— Боюсь, вы ошибаетесь, мистер Дюбуа… Гольф был не в тот день… Гостиничный швейцар заметил, как вы направились в сторону «Тисовой хижины».

Их взгляды встретились, и Дюбуа нервно отвел глаза в сторону.

— Боюсь, инспектор, я просто не помню.

— Может быть, вы решили нанести визит миссис Фортескью?

Дюбуа категорически возразил:

— Нет. Этого не было. К их дому я и близко не подходил.

— Куда же вы пошли?

— Я… по дороге, я дошел до «Трех голубков», а вернулся через поле для гольфа.

— Вы уверены, что не заходили в «Тисовую хижину»?

— Совершенно уверен, инспектор.

Инспектор покачал головой.

— Право, мистер Дюбуа, — сказал он, — в ваших же интересах быть с нами откровенным. Допускаю, что обстоятельства, побудившие вас зайти туда, достаточно невинны.

— Говорю еще раз, что в тот день я миссис Фортескью не навещал.

Инспектор поднялся.

— Знаете что, мистер Дюбуа, — сказал он дружелюбно, — пожалуй, мы вас попросим дать письменные показания, как и положено, при составлении этого документа может присутствовать ваш адвокат.

Кровь отхлынула от лица мистера Дюбуа, оно болезненно позеленело.

— Вы мне угрожаете, — сказал он. — Вы мне угрожаете.

— Нет, нет, вовсе нет. — Казалось, инспектор по-настоящему шокирован. — Нам это категорически запрещается. Наоборот, я подсказываю вам, что у вас есть определенные права.

— Говорю вам, ко всей этой истории я не имею ни малейшего отношения. Ни малейшего.

— Перестаньте, мистер Дюбуа, в тот день, примерно в половине пятого, вы были в «Тисовой хижине». Кое-кто выглянул в окно и увидел вас.

— Я был только в саду. В дом не заходил.

— Нет? — переспросил инспектор Нил. — Уверены? А через боковую дверь не входили, не поднимались по ступенькам и в гостиную миссис Фортескью не заходили? И в ее письменном столе ничего не искали?

— Надо полагать, они у вас, — угрюмо произнес Дюбуа. — Эта дура Адель сохранила письма, хотя поклялась мне, что сожжет их. Но они вовсе не означают того, что вы думаете.

— Но вы не отрицаете, мистер Дюбуа, что были близким другом миссис Фортескью?

— Нет, конечно. Как я могу это отрицать, когда мои письма у вас? Я лишь прошу не вкладывать в них зловещий смысл. Как вам только в голову пришло, что мы… что она… замышляли избавиться от Рекса Фортескью? Господи, да я совсем не такой человек!

— Но может быть, такая — она?

— Чепуха, — воскликнул Вивиан Дюбуа. — Ведь ее тоже убили!

— О да, да.

— Так не естественно ли предположить, что один и тот же человек убил сначала мужа, а потом жену?

— Возможно. Вполне возможно. Но не исключены и другие решения. К примеру (я рассуждаю

чисто умозрительно, мистер Дюбуа), представим себе, что миссис Фортескью, избавившись от мужа, стала представлять собой опасность для кого-то еще. Возможно, этот кто-то не помогал ей совершать злодеяние, но, по крайней мере, он вдохновлял ее и являл собой, скажем так, мотив для убийства. Этот человек, знаете ли, мог считать ее очень опасной.

— У в-вас нет ос-оснований привлекать м-меня к от-ответственности, — заикаясь, вымолвил Дюбуа. — Н-нет, и все.

— Кстати, она написала завещание, — сообщил инспектор Нил. — Все свои деньги она оставила вам. Все, что у нее было.

— Мне ее деньги не нужны. Ни пенни.

— Там, конечно, ничего особенного и нет, — сказал инспектор Нил. — Кое-какие драгоценности, меха, но наличности как таковой, по-моему, немного.

Дюбуа уставился на инспектора, раскрыв рот от изумления.

— Но я думал, что ее муж…

Он осекся — явно сболтнул лишнее.

— Вы так думали, мистер Дюбуа? — переспросил инспектор Нил, и на сей раз в голосе его зазвучали стальные нотки. — Это очень интерес-

но. А я все спрашивал себя: знаете вы условия завещания Рекса Фортескью или нет?

3

В гостинице «Гольф» у инспектора Нила состоялась и вторая беседа, с мистером Джералдом Райтом. Мистер Джералд Райт оказался худощавым молодым интеллектуалом, весьма высокомерным. Телосложением, отметил инспектор Нил, он более или менее напоминал Вивиана Дюбуа.

— Чем могу быть полезен, инспектор Нил? — спросил он.

— Я полагал, мистер Райт, что вы сумеете помочь нам с кое-какими сведениями.

— Сведениями? В самом деле? Боюсь, что вряд ли.

— Речь идет о последних событиях в «Тисовой хижине». Вы о них, конечно же, слышали.

Инспектор Нил сказал это с легкой иронией. Мистер Райт покровительственно улыбнулся.

— «Слышал о них» — не совсем верная формулировка. Можно подумать, газетам больше не о чем писать! До чего же наша пресса кровожадна! Потрясающе! В какие времена мы живем! С одной стороны, делаем атомные бомбы, с другой — газеты с восторгом расписывают мерзейшие

убийства! Но вы сказали, что хотите о чем-то меня спросить. Честно говоря, понятия не имею о чем. Об истории в «Тисовой хижине» я не знаю ровным счетом ничего. Когда убили Рекса Фортескью, я вообще был на острове Мэн.

— Но вскоре после этого вы приехали сюда, верно, мистер Райт? Вы, как я понимаю, получили телеграмму от мисс Элейн Фортескью.

— Нашей полиции известно все, да? Верно, Элейн меня вызвала. Разумеется, я сразу приехал.

— Насколько мне известно, вы собираетесь пожениться?

— Совершенно верно, инспектор Нил. Надеюсь, с вашей стороны возражений нет.

— Это исключительно личное дело мисс Фортескью. Ваши отношения сложились достаточно давно, да? Примерно полгода тому назад?

— Совершенно справедливо.

— Вы с мисс Фортескью обручились, но мистер Фортескью не дал согласия на ваш брак и сказал, что, если его дочь выйдет замуж против его воли, он лишит ее какого бы то ни было дохода. В связи с чем, как я понимаю, вы расторгли помолвку и исчезли.

Джеральд Райт улыбнулся, можно сказать, со-

чувственно.

— Это чересчур поверхностно и прямолинейно, инспектор Нил. По сути дела, я был наказан за мои политические взгляды. Рекс Фортескью являл собой худший тип капиталиста. Естественно, я не мог поступиться своими политическими убеждениями ради денег.

— Но вы с готовностью возьмете в жены женщину, только что унаследовавшую пятьдесят тысяч фунтов?

На губах Джералда Райта заиграла заметная довольная улыбочка.

— Вне всякого сомнения, инспектор Нил. А деньги пойдут на пользу обществу. Но вы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать мои финансовые обстоятельства или политические убеждения?

— Нет, мистер Райт. Я хочу уточнить кое-какие факты. Как вы знаете, миссис Адель Фортескью умерла от отравления цианидом — к вечеру первого ноября. Поскольку вы под вечер того дня были неподалеку от «Тисовой хижины», я решил: не исключено, что вы видели или слышали что-нибудь, имеющее отношение к этому делу.

— А с чего вы взяли, что под вечер того дня я был, как вы изволили выразиться, неподалеку от

«Тисовой хижины»?

— В тот день, мистер Райт, вы вышли из гостиницы в четверть пятого. Направились по дороге в сторону «Тисовой хижины». Естественно предположить, что вы шли именно туда.

— Такая мысль была, — не стал возражать Джеральд Райт, — но потом я решил туда не ходить. Я уже договорился с мисс Фортескью… Элейн, что мы встретимся в шесть часов в гостинице. Я свернул в проулок, что отходит от главной дороги, и к шести часам вернулся в гостиницу. Элейн на встречу не пришла. Что в данных обстоятельствах вполне естественно.

— Кто-нибудь видел вас во время этой прогулки, мистер Райт?

— По дороге мимо проехало несколько машин. Знакомых лиц я не заметил, если вы об этом. А в проулке могла ехать разве что телега — для машин там слишком узко и грязно.

— Выходит, с момента, когда вы вышли из гостиницы в четверть пятого, и вплоть до шести вечера, когда вернулись, никто вас не видел? И где именно вы были, я могу знать только с ваших слов?

Джеральд Райт продолжал высокомерно улыбаться.

— Это весьма огорчительно для нас обоих, инспектор, но ничего другого я вам предложить не могу.

Инспектор Нил негромко сказал:

— Стало быть, если кто-то утверждает, что, выглянув в окно, увидел вас в саду «Тисовой хижины» приблизительно в тридцать пять минут пятого… — Он остановился и оставил предложение незаконченным.

Брови Джералда Райта приподнялись, он покачал головой.

— Наверное, видимость к тому времени была никудышной, — предположил он. — Никто не мог сказать вам этого наверняка.

— Вы знакомы с мистером Вивианом Дюбуа, который сейчас живет в этой гостинице?

— Дюбуа? Дюбуа… Нет, не думаю. Это высокий брюнет, отдающий предпочтение замшевым туфлям?

— Да. В тот день он тоже выходил под вечер на прогулку и направился в сторону «Тисовой хижины». Вы случайно его не заметили?

— Нет. Нет. Чего не было, того не было.

Впервые на лице Джералда Райта обозначилось слабое беспокойство.

Инспектор Нил задумчиво произнес:

— Время-то для гулянья было не самое подходящее, ведь уже стемнело, да и в проулке, как вы говорите, стояла грязь. Прямо любопытно — откуда у людей столько энергии?

4

Когда инспектор Нил вернулся в «Тисовую хижину», его приветствовал сержант Хей, явно довольный.

— Я выяснил насчет дроздов, сэр, как вы просили, — отчитался он.

— Неужели?

— Да, сэр, они были в пироге. В холодном пироге, который оставили для воскресного ужина. Он лежал в погребе или еще где-то, и кто-то до него добрался. Снял корочку, вытащил изнутри телятину с ветчиной, а сунул туда знаете что? Протухших дроздов, которые висели в сарае у садовника. Шутка-то вышла с душком, верно?

— «Снилось ли такое блюдо королю?» — продекламировал инспектор Нил и пошел прочь.

Сержант Хей недоуменно посмотрел ему вслед.

Глава 18

1

— Минуточку, — сказала мисс Рэмсботтом. — Кажется, пасьянс сейчас выйдет.

Она переложила на освободившееся место короля со всей его свитой, перенесла красную семерку на черную восьмерку, скинула четверку, пятерку и шестерку пик в сброс, сделала еще несколько перемещений — и, удовлетворенно вздохнув, откинулась на спинку кресла.

— Ай да я! — заключила она. — Прямо мастерица!

Она была явно довольна. Подняв глаза, она взглянула на стоявшую у камина девушку.

— Значит, вы — жена Ланса, — сказала она.

Пэт, которой было велено явиться пред очи мисс Рэмсботтом, согласно кивнула.

— Да, — подтвердила она.

— Вы очень высокая, — заметила мисс Рэмсботтом. — И вид у вас вполне здоровый.

— На здоровье не жалуюсь.

Мисс Рэмсботтом удовлетворенно кивнула.

— У Персиваля жена — размазня, — сообщила

она. — Объедается сладким, спортом не занимается. Садись, дитя мое, садись. Где ты познакомилась с моим племянником?

— В Кении, я какое-то время жила там у друзей.

— Ты, я знаю, уже была замужем.

— Да. Два раза.

Мисс Рэмсботтом звучно хмыкнула.

— Разводилась, стало быть.

— Нет, — ответила Пэт. Голос ее чуть задрожал. — Они оба… умерли. Первый муж был летчиком. Погиб на войне.

— А второй? Подожди… кто-то мне говорил. Застрелился, да?

Пэт кивнула.

— Из-за тебя?

— Нет, — возразила Пэт. — Не из-за меня.

— Он был как-то связан с лошадьми, да?

— Да.

— В жизни на ипподроме не была, — заявила мисс Рэмсботтом. — Все эти пари, тотализаторы да карты — орудия дьявола!

Пэт не ответила.

— В театр или в кино я — ни ногой, — продолжала мисс Рэмсботтом. — Что там говорить, теперь весь мир погряз в пороке. И в этом доме порок

правил бал, да Господь наказал грешников.

Пэт опять не нашлась что ответить. Ей даже подумалось: может, у тетушки Эффи не все дома? Однако ей стало немного не по себе под проницательным взглядом старушки.

— Много ли, — вопросила тетушка Эффи, — тебе известно о семье, в которую ты вошла?

— Наверное, — предположила Пэт, — сколько любому, кто оказывается в таком положении.

— Гм, может, и так, может, и так. Я тебе вот что скажу. Моя сестра была дурехой, мой зять — жуликом. Персиваль — подлая душонка, а твой Ланс в этом семействе всегда ходил в плохих.

— По-моему, все это — чепуха, — проявила силу духа Пэт.

— Может, ты и права, — неожиданно согласилась мисс Рэмсботтом. — Наклеивать людям ярлыки — не дело. Но не советую недооценивать Персиваля. Считается, что если кто хорош, то он в придачу и глуп. Персиваля глупым никак не назовешь. Он умен, но при этом ханжа и лицемер. Я его никогда не любила. Имей в виду, что Лансу я не верю и его поступков не одобряю, а вот любить его люблю… Эдакий сорвиголова, всегда был таким. Ты за ним присматривай, следи, чтобы не зарывался. И ему передай, малышка, — недо-

оценивать Персиваля нельзя. Скажи — пусть не верит ни одному его слову. Они все в этом доме изоврались. — И старушка торжествующе добавила: — Геенна огненная — вот их удел.

2

Инспектор Нил заканчивал телефонный разговор со Скотленд-Ярдом.

Помощник комиссара на другом конце провода говорил:

— Постараемся собрать для вас сведения — обзвоним все частные клиники. Хотя, возможно, она уже умерла.

— Возможно. Дело-то давнее.

«Старые грехи отбрасывают длинные тени». Так сказала ему мисс Рэмсботтом, сказала явно со значением, будто на что-то намекала.

— Не версия, а какая-то фантастика, — усомнился помощник комиссара.

— Именно, сэр. Но отмахнуться от нее мы, я считаю, не можем. Уж больно все сходится.

— Да… да… зерно… дрозды… имя убитого.

— Я прорабатываю другие линии тоже, — сказал Нил. — Нельзя сбрасывать со счетов Дюбуа. Да и Райта. Девушка Глэдис могла заметить любого из них у боковой двери. Оставить поднос в холле

и выйти посмотреть, кто там и что ему надо. Убийца задушил ее на месте, а потом оттащил тело к бельевым веревкам и нацепил прищепку ей на нос…

— Идиотская шутка, по совести говоря! И мерзкая.

— Да, сэр. Именно это больше всего расстроило старушку — я имею в виду мисс Марпл. Очень симпатичная старушка — и очень проницательная. Она перебралась в дом, чтобы быть поближе к своей сверстнице мисс Рэмсботтом, и я не сомневаюсь: все, что происходит в этом доме, станет ей известно.

— Какой ваш следующий шаг, Нил?

— У меня встреча с лондонскими адвокатами. Хочу как следует вникнуть в дела Рекса Фортескью. И хоть история эта и старая, хочу выяснить, что произошло на шахте «Дрозды».

3

Мистер Биллингсли из компании «Биллингсли, Хорсторп и Уолтерс» оказался человеком учтивым, но его обходительные манеры вводили в заблуждение — он был весьма осмотрителен и соблюдал профессиональную этику. Инспектор Нил встречался с ним уже вторично, и на сей раз

осмотрительность мистера Биллингсли не так бросалась в глаза. Тройная трагедия в «Тисовой хижине» поколебала профессиональные устои мистера Биллингсли. Сейчас он, можно сказать, рвался выложить полиции все имеющиеся в его распоряжении факты.

— В высшей степени удивительное дело, — сказал он. — В высшей степени. За свою профессиональную карьеру ничего подобного я не припомню.

— Говоря откровенно, мистер Биллингсли, — признался инспектор Нил, — мы очень рассчитываем на вашу помощь.

— Дорогой сэр, помогу, чем смогу. Буду рад оказать всяческое содействие.

— Прежде всего позвольте спросить, хорошо ли вы знали покойного мистера Фортескью и дела его фирмы?

— Рекса Фортескью я знал достаточно хорошо. Мы были знакомы лет, если не ошибаюсь, шестнадцать. Но мы не единственная адвокатская фирма, чьими услугами он пользовался, далеко не единственная.

Инспектор Нил кивнул. Об этом он знал. «Биллингсли, Хорсторп и Уолтерс» вели, если так можно выразиться, солидные дела Рекса Фортес-

кью. Для проведения менее солидных операций он нанимал другие фирмы, не отличавшиеся особой щепетильностью.

— Что же вас интересует? — осведомился мистер Биллингсли. — Про его завещание я уже рассказал. Наследник очищенного от долгов и завещательных отказов имущества — Персиваль Фортескью.

— Меня сейчас интересует, — перешел к делу инспектор Нил, — завещание его вдовы. После смерти мистера Фортескью она унаследовала сто тысяч фунтов, так?

Биллингсли кивнул.

— Немалая сумма, — сказал он, — и могу вам сообщить по секрету, инспектор, что фирма Фортескью с большим трудом смогла бы выплатить такие деньги.

— Разве эта фирма не процветает?

— Говоря откровенно, — ответил мистер Биллингсли, — но только строго между нами, последние полтора года они здорово сидят на мели.

— На то есть какая-то причина?

— Конечно. Я бы сказал, что причина — сам Рекс Фортескью. Весь прошлый год он вел себя как безумец. Надежные акции продавал, сомнительные покупал, про свои дела молол языком

направо и налево, да еще как! От советов отмахивался. Персиваль — это его сын — приходил сюда, просил, чтобы я как-то повлиял на отца. Он сам, видимо, пытался, но тот отшвырнул его в сторону. Я сделал все, что мог, но Фортескью не желал прислушиваться к голосу разума. Иногда мне казалось, что его словно подменили.

— Но подавлен он не был? — уточнил инспектор Нил.

— Нет, нет. Наоборот. Был какой-то бурлящий, вычурный.

Инспектор Нил кивнул. Мысль, уже сформировавшаяся в его мозгу, только окрепла. Кажется, он начинал понимать причины трений между Персивалем и его отцом. Мистер Биллингсли между тем продолжал:

— Но про завещание его жены меня спрашивать бесполезно. Я его не составлял.

— Это мне известно, — успокоил его Нил. — Я лишь хочу выяснить, было ли ей что оставлять. И я это уже выяснил. У нее было сто тысяч фунтов.

Мистер Биллингсли неистово затряс головой:

— Нет, мой дорогой сэр, нет. Тут вы не правы.

— Вы хотите сказать, что эти сто тысяч она должна была получать постепенно в течение всей жизни?

— Нет… нет, она должна была все получить сразу. Но в завещании был пункт, суть которого в следующем: жена Фортескью вступала в наследство и получала эту сумму не ранее чем через месяц после смерти мужа. В наши дни этот пункт вполне обычен. Он появился, потому что летать на самолетах стало небезопасно. Если в авиакатастрофе погибают двое, очень трудно определить, кто из них унаследовал собственность другого, и возникает множество занятных проблем.

Инспектор Нил внимательно смотрел на него.

— Выходит, у Адель Фортескью не было денег, которые перешли бы к кому-то по наследству? Что же случилось со ста тысячами фунтов?

— Эти деньги вернулись в фирму. Точнее сказать, к наследнику очищенного от долгов и завещательных отказов имущества.

— И наследник этот — мистер Персиваль Фортескью.

— Совершенно верно, — подтвердил Биллингсли. — Деньги переходят к Персивалю Фортескью. А при том состоянии, в каком находится сейчас фирма, — добавил он, забыв о профессиональной этике, — эти деньги ему ох как нужны!

4

— Чего только вам, полицейским, не надобно, — проворчал доктор, друг инспектора Нила.

— Давай, Боб, выкладывай.

— Так и быть, раз мы с тобой говорим с глазу на глаз и ссылаться на меня ты, слава богу, не можешь! Представь себе, судя по всему, ты абсолютно прав. Сильно смахивает на маниакальный синдром. Семья это подозревала и очень хотела, чтобы он показался доктору. Но он наотрез отказался. А проявляется это заболевание именно так, как ты описываешь. Неспособность оценить ситуацию, бурные вспышки раздражения и злости, хвастливость, мания величия — например, человек считает себя выдающимся финансовым гением. Если такого не остановить, он очень скоро разорит самую платежеспособную фирму, а остановить его не так просто, особенно если он знает, что у вас на уме. Я бы сказал, вашим друзьям просто повезло, что он умер.

— Они мне вовсе не друзья, — вымолвил Нил. И повторил сказанное как-то раньше: — Все они — очень неприятные люди…

Глава 19

Вся семья Фортескью сидела в гостиной. Прислонившись к каминной полке, речь держал Персиваль Фортескью.

— Все это прекрасно, — говорил он, — но радоваться совершенно нечему. Полицейские приезжают, уезжают, нам ничего не говорят. Они якобы заняты какими-то поисками. Но дело и не думает сдвигаться с мертвой точки. Нельзя ничего предпринимать, нельзя строить планы на будущее.

— Как можно так не считаться с людьми? — вставила Дженнифер. — Дурацкое положение.

— До сих пор нам запрещено уезжать из дому, — продолжал Персиваль. — И все же в своем кругу мы должны обсудить планы на будущее. Что скажешь ты, Элейн? Ты ведь собираешься замуж… забыл, как его зовут… за Джералда Райта, так? Когда вы хотите пожениться?

— Чем быстрее, тем лучше, — ответила Элейн.

Персиваль нахмурился.

— То есть через полгода?

— Нет, раньше. Почему мы должны ждать полгода?

— Чтобы соблюсти приличия, — объяснил Персиваль.

— Чепуха, — возразила Элейн. — Месяц. Больше мы ждать не намерены.

— Что ж, тебе решать, — сказал Персиваль. — А когда поженитесь, что думаете делать дальше? Или планов нет?

— Мы хотим открыть школу.

Персиваль покачал головой.

— В наши дни это рискованно. Где найти обслуживающий персонал? Где найти толковых учителей? Идея, безусловно, хорошая, дело благое. Но на твоем месте, Элейн, я бы как следует подумал.

— Мы уже подумали. Джералд считает, что будущее нашей страны зависит от того, какое образование получат дети.

— Послезавтра я встречаюсь с мистером Биллингсли, — сообщил Персиваль. — Будем обсуждать разные финансовые вопросы. Он считает, что деньги, которые оставил тебе отец, есть смысл положить в банк на длительный срок, а доверительный собственник — ты и твои дети. В наши дни это самое надежное.

— Нет, — отказалась Элейн. — Деньги нам понадобятся сейчас, чтобы открыть школу. Мы уже

нашли подходящий дом, он сейчас сдается. В Корнуолле. Прекрасная земля и отличный дом. Мы хотим пристроить к нему несколько крыльев.

— Ты хочешь сказать… что собираешься забрать из дела все деньги? Знаешь, Элейн, я не думаю, что это разумно.

— А я считаю, что разумнее их забрать, — осталась при своем мнении Элейн. — Дело-то трещит по швам. Ты, Валь, сам говорил, когда отец еще был жив, что положение в фирме хуже некуда.

— Всякое приходится говорить, — высказался Персиваль неопределенно, — но пойми, Элейн, взять весь свой капитал и вбухать его в покупку, оборудование и оснащение школы — чистое безумие. Если дело не выгорит, что будет? Ты остаешься без единого пенни.

— Выгорит, — продолжала упрямиться Элейн.

— А я — за тебя. — Это Ланс, полуразвалившись в кресле, выступил с поддержкой. — Рискни, Элейн. Лично я считаю, что школа эта будет чертовски странной, но ведь именно этого ты хочешь — ты и Джералд. Если даже потеряешь деньги, у тебя, по крайней мере, останется чувство удовлетворения — ты поступила так, как захотела.

— Что еще от тебя можно ждать, Ланс, — кисло заметил Персиваль.

— Знаю, знаю, — согласился Ланс. — Я мот, транжира и блудный сын. Но, Перси, старина, я все же считаю, что жизнь дала мне больше радостей, чем тебе.

— Смотря что считать радостями, — кисло заметил Персиваль. — Кстати, самое время поговорить и о твоих планах, Ланс. Ты, видимо, отправишься назад в Кению… или в Канаду? Или совершишь восхождение на Эверест? Или еще что-нибудь не менее потрясающее?

— С чего ты это взял? — спросил Ланс.

— Ну, домашняя жизнь в Англии тебя никогда не привлекала.

— С возрастом люди меняются, — сказал Ланс, — Возникает тяга к оседлому образу жизни. Представь себе, дружище Перси, что я жду не дождусь, когда смогу ступить на стезю бизнесмена, трезвого человека дела.

— Не хочешь ли ты сказать…

— Именно, старина, я хочу стать совладельцем фирмы, вместе с тобой. — Ланс расплылся в улыбке. — Ты, разумеется, будешь старшим партнером. Тебе — львиная доля. Я всего лишь очень младший партнер. Но какими-то акциями я владею, и это дает мне право участвовать в управлении фирмой, верно?

— Ну… да… конечно, если ты этого желаешь. Но смею тебя уверить, мой дорогой, что тебе это быстро наскучит.

— Посмотрим. Не думаю, что мне это наскучит.

Персиваль нахмурился.

— Ты что, Ланс, серьезно собираешься заняться делами фирмы?

— Да, хочу приобщиться к семейному пирогу. Именно это.

Персиваль покачал головой.

— Дела у нас, знаешь ли, обстоят не лучшим образом. Ты скоро это поймешь. В лучшем случае мы сможем выделить Элейн ее долю, если она на этом настаивает.

— Видишь, Элейн, — обратился к сестре Ланс. — Ты проявила мудрость, когда настаивала. Хватай свои деньги, пока есть что хватать.

— Перестань, Ланс, — рассердился Персиваль. — От этих твоих шуток дурно пахнет.

— Действительно, Ланс, надо все-таки думать, когда говоришь, — вмешалась Дженнифер.

Сидя в сторонке около окна, Пэт разглядывала их одного за другим. Если Ланс имел в виду это, говоря, что прижмет Персивалю хвост, он явно преуспевал. Подчеркнутая безмятежность Персиваля, несомненно, была поколеблена. Он снова

сердито огрызнулся:

— Ты это все серьезно, Ланс?

— Серьезнее некуда.

— Пойми, ничего у тебя не выйдет. Ты скоро насытишься этим по горло.

— Не волнуйся. Представляешь, как это разнообразит мою жизнь? Контора в городе, машинистки носятся взад и вперед. Секретаршу возьмем только блондинку, как мисс Гросвенор… ведь ее фамилия Гросвенор? Небось ты на нее уже накинул уздечку? Ничего, найду себе другую, такую же. «Да, мистер Ланселот, нет, мистер Ланселот. Ваш чай, мистер Ланселот».

— Не валяй дурака, — огрызнулся Персиваль.

— Почему ты так сердишься, мой дорогой брат? Разве ты не будешь счастлив переложить на мои плечи часть твоих городских забот?

— У тебя же ни на йоту нет представления, в какой мы сидим трясине.

— Это точно. Вот ты меня и научишь, как из нее выбраться.

— Во-первых, ты должен понять, что последние полгода… больше, целый год отец был совершенно другим человеком. Он творил одну жуткую глупость за другой, в смысле финансов. Продавал хорошие акции, покупал какие-то авантюрные.

Иногда буквально вышвыривал деньги на ветер. Тратил, можно сказать, удовольствия ради.

— Чего уж там, — вставил Ланс. — Семья только выиграла от того, что у него в чае оказался токсин.

— Формулировка довольно скверная, но по сути ты абсолютно прав. Это во многом спасло нас от банкротства. Но нужно действовать крайне сдержанно и какое-то время вести себя очень осторожно.

Ланс покачал головой:

— Я с тобой не согласен. На осторожности далеко не уедешь. Нужно рисковать, наносить удары. Замахнуться на что-то серьезное.

— Не согласен, — сказал Перси. — Осторожность и экономия — вот наш девиз.

— Только не мой, — отозвался Ланс.

— Помни, ты всего лишь младший партнер, — попробовал поставить брата на место Персиваль.

— Хорошо, хорошо. Но все же какое-то право голоса я имею.

Персиваль взбудораженно зашагал по комнате.

— Нет, Ланс, так не пойдет. Я тебя люблю и все такое…

— Неужели? — отозвался Ланс, но Персиваль пропустил реплику мимо ушей.

— …но, честно говоря, я не думаю, что мы можем скакать в одной упряжке. Уж слишком разные у нас взгляды.

— Может, это наше преимущество, — предположил Ланс.

— Единственный разумный выход, — продолжал Персиваль, — расторгнуть наше партнерство.

— Ты предлагаешь откупить у меня мою долю, так?

— Мой дорогой мальчик, при том, как по-разному мы смотрим на мир, это единственный разумный выход.

— Если тебе трудно выплатить Элейн ее часть наследства, как, хотел бы я знать, ты собираешься рассчитаться со мной?

— Ну, я не имел в виду наличные, — объяснил Персиваль. — Мы можем… как-то поделить наши владения.

— Тебе, разумеется, идут бумаги гарантированные, а мне — так, что-нибудь с барского стола? Что-нибудь рискованное и сомнительное?

— По-моему, тебе по вкусу именно такое, — заметил Персиваль.

Ланс расплылся в широкой улыбке.

— В каком-то смысле ты прав, старина Перси. Но я не могу полностью потакать своим прихотям. Мне теперь надо думать о Пэт.

Братья посмотрели на нее. Пэт раскрыла было рот, но тут же его закрыла. Она не знала, что за игру вел Ланс, но поняла — в любом случае ей лучше не вмешиваться. У Ланса явно было что-то на уме, но чего он хотел добиться, она пока не понимала.

— Давай, Перси, перечисляй, что там у тебя есть, — сказал Ланс, смеясь. — «Призрачные алмазные копи», «Недосягаемые рубины», «Нефтяные концессии», в которых нет нефти. Неужели ты считаешь, что я такой дурак, каким кажусь?

Персиваль сказал:

— Разумеется, некоторые из этих владений весьма рискованные, но помни, в один прекрасный день они могут принести колоссальный доход.

— Видишь, ты уже запел по-другому. — Ланс ухмыльнулся. — Собираешься предложить мне последние отцовские безумные приобретения вместе с шахтой «Дрозды» и прочим хламом. Кстати, инспектор тебя об этих «Дроздах» не расспрашивал?

Персиваль нахмурился.

— Да, спрашивал. Не представляю, зачем они ему понадобились. Мне почти нечего было ему рассказать. Мы ведь с тобой тогда были детьми. Помню смутно, что отец туда уезжал, а потом вернулся, потому что вся затея лопнула.

— А что это было — золотые прииски?

— Кажется, так. Но отец, когда вернулся, четко сказал: золота там нет. А он не из тех, кто в таких делах дает промашку.

— Кто втравил его в эту историю? Некий Маккензи, так?

— Да. Этот Маккензи там и умер.

— Маккензи там умер, — задумчиво произнес Ланс. — Была какая-то жуткая сцена. Что-то такое я помню… Миссис Маккензи, да? Она пришла сюда. Честила отца на чем свет стоит. Посылала проклятья на его голову. Если не путаю, она обвиняла отца в том, что он убил ее мужа.

— Ну уж, — сдерживающе произнес Персиваль. — Я что-то таких страстей не припомню.

— А вот я помню, — повторил Ланс. — Понятно, я был совсем ребенком, намного моложе тебя. Но, может, как раз поэтому я все так хорошо запомнил. Эта история ребенку показалась страшной драмой. А где они находились, эти «Дрозды»? В

Западной Африке?

— Кажется, да.

— Надо посмотреть, что это за концессия, — сказал Ланс. — Посмотрю, когда буду в конторе.

— Можешь не сомневаться, — заверил его Персиваль, — отец не ошибся. Если он вернулся и сказал, что золота там нет, значит, его там нет.

— Может, ты и прав, — согласился Ланс. — Несчастная миссис Маккензи. Интересно, что сталось с ней и с ее двумя детишками, которых она тогда притащила с собой? Занятно: ведь теперь они, надо полагать, взрослые люди.

Глава 20

В частной лечебнице «Пайнвуд» инспектор Нил, сидя в холле для гостей, беседовал с седовласой пожилой женщиной. Элен Маккензи было шестьдесят три, но выглядела она моложе. Взгляд ее поблекших голубых глаз был каким-то отсутствующим, подбородок никак не был волевым. Вытянутая верхняя губа изредка подергивалась. На коленях миссис Маккензи держала большую книгу и, разговаривая с инспектором Нилом, почти не поднимала от нее глаз. В мозгу инспектора еще звучали слова, сказанные доктором Кросби, главным врачом этого заведения.

— Она здесь, разумеется, по своей воле, — объяснил доктор Кросби. — Невменяемой мы ее не считаем.

— То есть она не опасна?

— О нет. Большую часть времени она мыслит не менее здраво, чем вы или я. Сейчас у нее хорошая полоса, так что говорите с ней, как с совершенно нормальным человеком.

Помня об этом, инспектор Нил запустил первый пробный шар.

— Очень признателен, мадам, что вы согла-

сились со мной встретиться. Меня зовут Нил. Я хотел бы поговорить с вами о некоем мистере Фортескью, он недавно умер. Мистер Фортескью. Надеюсь, это имя вам известно.

Миссис Маккензи сидела, вперившись в книгу. Она сказала:

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Мистер Фортескью, мадам. Мистер Рекс Фортескью.

— Нет, — ответила миссис Маккензи. — Нет. Не знаю такого.

Такое начало слегка обескуражило инспектора Нила. Это доктор Кросби называет совершенно нормальным?

— Я полагаю, миссис Маккензи, что вы знали этого человека много лет тому назад.

— Не совсем, — возразила миссис Маккензи. — Это было вчера.

— Понятно, — сказал инспектор Нил, прибегая к своей испытанной формуле, но на сей раз безо всякой уверенности. — Я знаю, — продолжал он, — что много лет назад вы навестили этого человека в его жилище, его дом называется «Тисовая хижина».

— Не дом, а сплошная показуха, — сказала миссис Маккензи.

— Да, да, можно сказать и так. Этот человек был связан с вашим мужем, насколько мне известно, у них была шахта где-то в Африке. Она называлась «Дрозды».

— Мне нужно почитать книгу, — сказала миссис Маккензи. — Времени не так много, и мне нужно почитать книгу.

— Конечно, мадам. Я вполне вас понимаю. — После паузы инспектор Нил продолжал: — Мистер Маккензи и мистер Фортескью вместе отправились в Африку, чтобы разрабатывать эту шахту.

— Это была шахта моего мужа, — вдруг прорвало миссис Маккензи. — Он ее нашел и застолбил за собой. Ему нужно было вложить в нее деньги. Он пошел к Рексу Фортескью. Будь я умнее да знай больше, ни в жизнь бы ему этого не позволила.

— Конечно, я понимаю. Но в итоге в Африку они поехали вместе, и там ваш муж умер от лихорадки.

— Мне нужно читать книгу, — сказала миссис Маккензи.

— Как вы считаете, миссис Маккензи, мистер Фортескью одурачил вашего мужа на этой шахте?

Не поднимая глаз от книги, миссис Маккензи сказала:

— До чего вы глупы, право.

— Да, да, наверное… Но, видите ли, дело это давнее, и трудно расспрашивать об истории, которая давно быльем поросла.

— Кто сказал, что она поросла быльем?

— Понятно. А вы так не считаете?

— «Вопрос считается решенным, лишь если верно он решен». Это Киплинг сказал. Киплинга теперь никто не читает, а это был великий человек.

— Вы считаете, что в ближайшее время этот вопрос будет решен верно?

— Ведь Рекс Фортескью умер, да? Вы сами сказали.

— Его отравили, — уточнил инспектор Нил.

К смущению инспектора, миссис Маккензи засмеялась.

— Какая чушь, — сказала она. — Он умер от лихорадки.

— Я говорю о мистере Рексе Фортескью.

— Я тоже. — Она внезапно вскинула голову, и ее поблекшие голубые глаза впились в его лицо. — Бросьте, — сказала она. — Ведь он умер в своей постели, разве нет? Он умер в своей постели?

— Он умер в больнице Сент-Джудс, — поправил ее инспектор Нил.

— Никто не знает, где умер мой муж, — сказала миссис Маккензи. — Никто не знает, как он умер, где похоронен… Все знают только то, что сказал Рекс Фортескью. А Рекс Фортескью — лжец!

— Вы считаете, он совершил подлость?

— «Подлость, подлость, все кричат: «На помощь!»

— Думаете, в смерти вашего мужа повинен Рекс Фортескью?

— Мне сегодня на завтрак подали яйцо, — сообщила миссис Маккензи. — Вполне свежее. Но неужели все это было тридцать лет назад?

Нил сделал глубокий вдох. Похоже, такими темпами он до финиша не доберется. Но сдаваться он не намерен.

— За месяц или два до смерти Рекса Фортескью кто-то положил ему на стол мертвых дроздов.

— Интересно. Очень даже интересно.

— Как вы думаете, мадам, кто бы это мог быть?

— От дум еще никому легче не становилось. Надо действовать. Я так их и воспитала, чтобы они действовали.

— Вы имеете в виду ваших детей?

Она быстро кивнула.

— Да. Дональд и Руби. Когда они остались без отца, им было семь и девять лет. Я сказала им.

Говорила каждый день. Заставляла их давать клятву каждый вечер.

Инспектор Нил подался вперед.

— Давать клятву в чем?

— В том, что они убьют его, ясное дело.

— Понятно.

Инспектор Нил произнес свою реплику так, будто миссис Маккензи сказала сейчас нечто вполне естественное.

— И они это сделали?

— Дональд уехал в Дюнкерк. И не вернулся оттуда. Я получила телеграмму. «С прискорбием сообщаем, погиб в бою». Да только не тот был бой, к которому я его готовила.

— Мне очень жаль, мадам. А ваша дочь?

— Дочери у меня нет, — ответила миссис Маккензи.

— Вы только что о ней говорили, — поправил ее Нил. — Ваша дочь, Руби.

— Руби. Ах да, Руби. — Она склонилась вперед. — Знаете, что я сделала с Руби?

— Нет, мадам. Что же вы с ней сделали?

Она вдруг перешла на шепот:

— Посмотрите сюда, в книгу.

Тут он увидел, что на коленях у нее лежит Библия. Библия была очень старая, и, когда миссис

Маккензи ее открыла, инспектор Нил заметил на первой странице какие-то имена. Это, безусловно, была семейная Библия, в которую по старой традиции записывали всех вновь родившихся. Сухой палец миссис Маккензи указал на два последних имени. «Дональд Маккензи» и дата рождения, и «Руби Маккензи», тоже с датой. Но поперек имени Руби Маккензи шла жирная линия.

— Видите? — спросила миссис Маккензи. — Я вычеркнула ее из Библии. Навеки отсекла ее от себя! Ангел, что отмечает добрые дела и грехи, там ее не найдет.

— Вы вычеркнули ее имя из Библии? Но почему, мадам?

Миссис Маккензи посмотрела на него с хитроватым прищуром.

— Сами знаете почему, — сказала она.

— Нет, не знаю. Правда не знаю, мадам.

— Она перестала верить. Вы же знаете, что она перестала верить.

— Где ваша дочь сейчас, мадам?

— Я вам уже сказала. У меня нет дочери. Руби Маккензи больше не существует.

— Вы хотите сказать, что она умерла?

— Умерла? — Женщина внезапно расхохоталась. — Было бы лучше, если бы она умерла. Для

нее самой. Намного лучше. — Она вздохнула и беспокойно заерзала в кресле. Потом, вдруг вспомнив о правилах хорошего тона, сказала: — Извините, боюсь, больше не смогу уделить вам времени. Знаете, времени становится все меньше, а мне еще надо дочитать книгу.

Инспектор Нил хотел еще что-то выспросить, но ответа не получил. Миссис Маккензи отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и продолжала читать Библию, водя пальцем по строчкам.

Нил поднялся и вышел. Прежде чем уехать, он накоротке переговорил с управляющим.

— Кто-нибудь из родственников ее навещает? — спросил он. — Дочь, например?

— По-моему, во времена моего предшественника к ней однажды приехала дочь, но пациентка так разволновалась, что дочь попросили больше не приезжать. С тех пор все дела решаются через адвокатов.

— А вам известно, где эта Руби Маккензи сейчас?

Управляющий покачал головой:

— Не имею ни малейшего представления.

— А вы случайно не знаете, замужем она или нет?

— Понятия не имею. Хотите, дам адрес адвокатов, которые ведут дела этой пациентки?

До этих адвокатов инспектор Нил уже добрался. Они были не в состоянии — если верить им на слово — что-либо прояснить. Для миссис Маккензи был создан денежный фонд, этими средствами они и оперировали. Распоряжения были сделаны несколько лет назад, с той поры мисс Маккензи адвокаты не видели.

Инспектор Нил попытался получить описание Руби Маккензи, но сильно не преуспел. К пациентам приезжает столько родственников, что через несколько лет перестаешь понимать, кто есть кто, и все становятся как бы на одно лицо. Сестра-хозяйка, проработавшая в лечебнице много лет, с трудом припомнила, что мисс Маккензи была женщиной невысокой и темноволосой. Еще одна сестра, числившаяся в старожилах лечебницы, сказала, что мисс Маккензи — женщина крепко сбитая, блондинка.

— Вот так, сэр, — подытожил инспектор Нил, доложив о проделанной работе помощнику комиссара. — Все составные части этой безумной считалки на месте. Не может такое быть случайным.

Помощник комиссара задумчиво кивнул.

— Дрозды в пироге связывают между собой шахту «Дрозды», зерна в кармане убитого, лепешку с медом Адель Фортескью (последнее, впрочем, не особенно убеждает. В конце концов, есть к чаю лепешку с медом мог любой). Третье убийство — девушка задушена чулком, и нос ее зажат прищепкой. Да, эта идея безумна, но отмахиваться от нее мы не имеем права.

— Минутку, сэр, — сказал инспектор Нил.

— Что такое?

Инспектор Нил нахмурился.

— Что-то меня в этой версии не устраивает. Не похожа она на правду. Что-то не стыкуется. — Он покачал головой и вздохнул. — А вот что? Пока не знаю.

Глава 21

1

Ланс и Пэт бродили по ухоженным лужайкам, окружавшим «Тисовую хижину».

— Надеюсь, Ланс, я не сильно огорчу тебя, — негромко сказала Пэт, — но более жуткого сада я в жизни не видела.

— Не огорчишь, — успокоил ее Ланс. — Неужели он такой жуткий? Не знаю, не знаю. По-моему, его очень трудолюбиво возделывают целых три садовника.

— Может, — предположила Пэт, — в этом вся беда. Средства вбуханы большие, но индивидуального вкуса не чувствуется. А ведь наверняка тут все как положено: и рододендроны отобрали лучшие, и высадили их, когда и как надо.

— А ты, Пэт, что посадила бы в свой английский сад?

— В моем саду, — ответила Пэт, — росли бы штокрозы, шпорники и крупные колокольчики — никаких клумб, тем более этого кошмарного тиса.

И она чуть ли не с ненавистью взглянула на

тисовую изгородь.

— Ассоциативное мышление, — не задумываясь определил Ланс.

— В отравителе есть что-то такое, от чего у меня мороз по коже, — сказала Пэт. — Представляешь себе этого человека: мрачный, переполненный желчью, мстительный…

— Ты так его воспринимаешь? Занятно! По-моему, для отравителя больше характерны деловитость и хладнокровие.

— Да, наверное, ты прав. — Она чуть поежилась. — Все равно три убийства… Этот убийца — просто маньяк.

— Да, — глухо произнес Ланс. — Боюсь, это так. — Внезапно он заговорил громко: — Послушай, Пэт, ради бога, уезжай отсюда. Возвращайся в Лондон. Поезжай в Девоншир или на озера. В Стратфорд-на-Эйвоне или в Норфолк, там есть что посмотреть. Полиция тебя задерживать не будет — ты к этой истории не имеешь никакого отношения. Когда убили отца, ты была в Париже, а когда умерли двое других — в Лондоне. Поверь, я страшно обеспокоен тем, что ты здесь.

Пэт помолчала минутку, потом негромко спросила:

— Ты ведь знаешь, кто это, правда?

— Нет, не знаю.

— Но тебе кажется, что знаешь… Потому ты и боишься за меня. Лучше бы ты мне все рассказал.

— Да нечего мне рассказывать. Я сам ничего не знаю. Но, видит бог, я хочу, чтобы ты отсюда уехала.

— Дорогой, — сказала Пэт, — я никуда не поеду. Я останусь здесь. К добру это или нет — останусь. Иначе просто не могу. — Она добавила с неожиданной дрожью в голосе: — Только со мной всегда не к добру.

— Как тебя понимать, Пэт?

— Я приношу людям несчастье. Вот так и понимать. Приношу несчастье всем, с кем соприкасаюсь.

— Моя дорогая, обожаемая глупышка, но мне ты принесла счастье. Ведь отец пригласил меня вернуться домой и восстановить мир, когда мы с тобой поженились.

— Ну, вот ты вернулся, и что произошло? Говорю тебе, я приношу людям несчастье.

— Послушай, прелесть моя, ты просто вбила себе это в голову. Суеверие в чистом виде.

— Ничего не могу с этим поделать. Есть люди, которые приносят несчастье. Я — одна из них.

Ланс взял ее за плечи и как следует встряхнул.

— Ты — моя Пэт, и быть твоим мужем — величайшее счастье в мире. Постарайся понять это своей бестолковой головкой. — Потом, успокоившись, он сказал уже более ровным голосом: — Но, Пэт, серьезно, прошу тебя — будь осторожней. Если вокруг бродит кто-то с мозгами набекрень, я не хочу, чтобы именно ты нарвалась на пулю или отведала белены.

— Лучше уж белены.

— Когда меня нет рядом, держись поближе к старушке, как там ее… Марпл. Как думаешь, почему тетушка Эффи пригласила ее остаться?

— Одному богу известно, почему тетушка Эффи делает то, а не другое. Ланс, мы здесь долго пробудем?

Ланс пожал плечами:

— Трудно сказать.

— По-моему, — сказала Пэт, — мы здесь не сильно кому-то нужны. — После секундного колебания она продолжала: — Дом сейчас принадлежит твоему брату, да? Он совсем не в восторге от того, что мы здесь.

Ланс внезапно хохотнул.

— Ясно, что не в восторге, но ему придется нас потерпеть, пока по крайней мере.

— А потом? Что мы будем делать, Ланс? Вернем-

ся в Восточную Африку?

— Ты бы хотела туда вернуться, Пэт?

Она энергично закивала головой.

— Это здорово, — обрадовался Ланс, — потому что и я хочу того же. С Англией меня теперь мало что связывает.

Пэт просияла.

— Как замечательно. А то в прошлый раз я здорово напугалась: подумала, что ты решил остаться здесь.

В глазах Ланса вспыхнула дьявольская усмешка.

— Насчет наших планов чур язык за зубами, Пэт, — предупредил он. — Уж больно мне хочется прищемить любимому братцу хвост, хоть чуть-чуть.

— Ланс, только будь осторожен.

— Буду, буду, прелесть моя, просто я не понимаю, почему старине Перси все должно сходить с рук?

2

Чуть склонив голову набок — эдакий благообразный попугай, — мисс Марпл сидела в большой гостиной и внимала миссис Персиваль Фортескью. В этих стенах мисс Марпл выглядела

особенно не на месте. Сухонькая и худая, она совершенно не вязалась с огромным парчовым диваном, с подушками разных оттенков, разложенными вокруг. Мисс Марпл держалась очень прямо — в детстве ее приучили носить корсет для выпрямления спины и ни в коем случае не сидеть развалясь. Рядом с ней в большом кресле, одетая в замысловатое черное платье, сидела миссис Персиваль и без умолку трещала. Точь-в-точь как бедная миссис Эмметт, рассуждала про себя мисс Марпл, жена управляющего банком. Она вспомнила, как однажды миссис Эмметт загляну-ла к ней по поводу торговли на День маков,[99] и, когда они обо всем договорились, миссис Эмметт вдруг прорвало. Ее положение в Сент-Мэри-Мид было непростым. Она не принадлежала к старой гвардии дам, стесненных в средствах, живших в опрятных домиках вокруг церкви и близко знавших местную знать со всеми чадами и домочадцами, хотя сами они знатью, строго говоря, и не были. Мистер Эмметт, управляющий банком, несомненно, взял себе жену из более низкого социального сословия, в результате она оказалась в полной изоляции, ибо вход в круг жен торгового

[99] notes: 99

11 ноября, в этот день на улицах собирают пожертвования в пользу инвалидов войны, а в обмен раздают искусственные маки.

люда был ей и вовсе заказан. Чудище снобизма подняло свою омерзительную голову — и миссис Эмметт оказалась выброшенной на безлюдный остров.

Жажда общения у миссис Эмметт все нарастала, именно в тот день плотина рухнула, и мисс Марпл захлестнуло бурным потоком. Она вполне сочувствовала миссис Эмметт, а теперь она сочувствовала миссис Персиваль Фортескью.

Поводов для недовольства у миссис Персиваль накопилось предостаточно, и она с колоссальным облегчением делилась своими бедами с человеком более или менее посторонним.

— У меня нет привычки жаловаться, — говорила миссис Персиваль. — Это не в моих правилах. Я всегда говорю — нужно приспосабливаться к обстоятельствам. Чего нельзя исправить, с тем изволь мириться, и я никогда никому и словом не обмолвилась. Да и кому жаловаться? Тут ведь живешь в полной изоляции, в полнейшей. Конечно, очень удобно, что у нас в доме свои комнаты, да и экономия какая. Но, с другой стороны, когда ты сама себе хозяйка — это куда лучше. Уверена, вы со мной согласитесь.

Мисс Марпл действительно согласилась.

— Слава богу, наш новый дом почти готов,

скоро будем туда перебираться. Дело только за штукатурами да малярами. Жутко тянут резину. Мужу-то, конечно, и здесь хорошо. Но мужчины к этому относятся совершенно иначе. Я всегда это говорила — совершенно иначе. Вы согласны?

Да, согласилась мисс Марпл, мужчины к этому относятся совершенно иначе. Тут она не кривила душой, ибо действительно так думала. «Джентльмены», по мнению мисс Марпл, являли собой категорию, разительно отличавшуюся от ее собственного пола. На завтрак им требовались два яйца плюс бекон, три раза в день им надобно плотно поесть, и упаси вас господи спорить с ними или, того хуже, перечить им перед обедом. Миссис Персиваль продолжала:

— Понимаете, муж целый день в городе. Возвращается всегда усталый, ему надо сесть и почитать. Я же, наоборот, целый день сижу одна, начисто лишена подходящего общества. Нет, условия здесь прекрасные. Отличное питание. Но ведь человеку еще нужно приятное общение. Местная публика, если честно, меня не устраивает. В основном это любители пустить пыль в глаза, сразиться в бридж. Не просто провести милый вечер за партией, нет. Я сама не прочь поиграть в бридж, но у них тут такие ставки, что оторопь

берет, да и спиртное при этом течет рекой. В общем, сплошь кутилы и гуляки, денег у них куры не клюют. Ну, разумеется, есть горсточка… я бы сказала, божьих одуванчиков, которые знай себе слоняются с садовыми совками и что-то такое сажают и поливают.

Мисс Марпл немножко смутилась, потому что сама была заядлой садовницей.

— О покойниках плохо не говорят, — быстро перескочила миссис Перси, — но мой свекор, мистер Фортескью, со вторым браком дал большого маху. Моя… не свекровь, конечно, какая она мне свекровь, мы почти ровесницы. Сказать правду — она на мужиках была помешана. Помешана на мужиках, да еще как. А деньги как транжирила! Свекор через нее совсем свихнулся. Сколько бы она ни тратила — на здоровье. А Перси из-за этого сильно переживал, очень сильно. Перси — человек бережливый, в денежных делах аккуратный. Для него хуже нет, чем швырять деньги на ветер. А тут еще мистер Фортескью ведет себя как малое дитя, то начнет показушничать, то скандал закатит, то давай деньгами сорить, вкладывать их невесть во что. В общем, хорошего во всем этом было мало.

Мисс Марпл отважилась прервать этот поток

вопросом:

— Наверное, и муж ваш был этим сильно обеспокоен?

— Еще как. Весь прошлый год. Забеспокоишься тут. Он напрочь переменился. Даже ко мне. Бывает, заговорю с ним, а он не отвечает. — Миссис Перси вздохнула, потом продолжала: — Теперь Элейн, моя золовка, — тоже странная особа. Вечно какие-то игры с детворой, вылазки на природу. Не скажу, что неприветливая, но как-то мне с ней неуютно. Я подбивала ее съездить в Лондон по магазинам, в театр сходить на дневное представление, еще что-нибудь такое. Куда там! Одежда ее вообще не интересует. — Миссис Персиваль снова вздохнула и пробормотала: — Нет, вы не подумайте, что я жалуюсь. — Ей вдруг стало совестно. Она поспешно добавила: — Вам это небось кажется чудным — говорю такое, а вы мне почти совсем чужая. Но живешь в таком напряжении, да и шок… наверное, все дело в шоке. Запоздалый шок. Я вся извелась, уж так охота с кем-то поговорить. А вы мне напомнили одну замечательную старушку, мисс Трефьюзис Джеймс. Она сломала бедро, когда ей было семьдесят пять лет. Ох, как долго ее пришлось выхаживать… вот мы и подружились. Когда расставались, она подарила мне

пелерину из лисьего меха, я прямо растрогалась.

— Я вас прекрасно понимаю, — сказала мисс Марпл.

И на сей раз она не грешила против истины. Ясно, что миссис Персиваль надоела своему мужу, он почти перестал обращать на нее внимание, а подружиться с кем-то из соседей бедняжке так и не удалось. Хождения по магазинам, дневные спектакли и роскошный дом — слишком малая компенсация, если в отношениях с семьей мужа нет никакого тепла.

— Надеюсь, вы не сочтете за грубость, — сказала мисс Марпл елейным старушечьим голоском, — но почему-то мне кажется, что покойный мистер Фортескью не был очень приятным человеком.

— Вы правы, — согласилась сноха умершего. — Если совсем откровенно, дорогая моя, строго между нами, он был довольно мерзким старикашкой. И я не удивлюсь — честное слово, — что кому-то потребовалось его убрать.

— И вы понятия не имеете, кто… — начала мисс Марпл, но тут же осеклась. — Господи, может, я не должна об этом спрашивать… и понятия не имеете, кто… кто это мог быть?

— Я думаю, этот жуткий Крамп, его рук дело, — поделилась миссис Персиваль. — Он всегда был

мне очень неприятен. Вроде бы и не грубиян, но все же как грубиян. Дерзкий такой тип.

— Но ведь должен быть какой-то мотив.

— Такому человеку вряд ли нужен особый мотив. Мистер Фортескью, уж не помню, за что устроил ему крупную выволочку, к тому же, подозреваю, иногда этот Крамп напивается как сапожник. Но самое главное, мне кажется, в другом: он человек неуравновешенный. Был один такой лакей или дворецкий, уж не помню, так он взял ружье и всех в доме перестрелял. Вообще-то, если совсем честно, я поначалу подозревала, что мистера Фортескью отравила Адель. Но теперь, конечно, она вне подозрений, раз ее саму отравили. Знаете, вдруг она обвинила Крампа? А он потерял голову и, может, подложил какую-то отраву в бутерброды, а Глэдис его за этим делом застукала, вот он заодно убил и ее. Да его вообще опасно держать в доме. Господи, я бы сейчас с радостью куда-нибудь уехала, но эти жуткие полицейские никого отсюда не отпустят. — Она импульсивно подалась вперед и положила свою пухлую руку на запястье мисс Марпл. — Иногда мне кажется, что я должна бежать… что, если это в ближайшие дни не кончится… я и вправду должна бежать отсюда…

Она откинулась назад, глаза ее впились в мисс Марпл.

— Но, может быть… это неразумно?

— Не думаю, что это очень разумно. Полиция ведь быстро вас найдет.

— Неужели найдут? Неужели? Думаете, у них хватит ума?

— Недооценивать полицию — большая ошибка. Инспектор Нил, на мой взгляд, — поразительно умный человек.

— Да? А мне он показался довольно глупым.

Мисс Марпл покачала головой.

— Я не могу избавиться от чувства… — Дженнифер Фортескью заколебалась, — что оставаться здесь опасно.

— Опасно для вас лично?

— Д-да… да, для меня…

— Потому что вам… что-то известно?

Миссис Персиваль набрала в легкие воздуха.

— Нет, конечно. Я ничего не знаю. Что я могу знать? Просто… просто я жутко нервничаю. Этот Крамп…

Нет, решила мисс Марпл, глядя, как сжимает и разжимает ладони миссис Фортескью, она думает вовсе не о Крампе. Дженнифер Фортескью сильно напугана, и на то есть какие-то совершенно

другие причины.

Глава 22

Надвигались сумерки. Мисс Марпл с вязаньем пристроилась у окна в библиотеке. Сквозь оконное стекло она увидела, как на террасе прогуливается Пэт Фортескью. Отперев окно, мисс Марпл позвала:

— Заходите сюда, дорогая. Заходите, прошу вас. Там так холодно и сыро, а вы еще и без пальто.

Пэт послушно повиновалась. Она вошла, закрыла окно и включила две лампы.

— Да, — сказала она. — На улице не очень приятно. — Она села на диван подле мисс Марпл. — Что вы вяжете?

— Да так, дорогая, детскую кофточку. Для младенца. Такие кофточки никогда не бывают лишними, молодые мамы довольны. Это второй размер. Я всегда вяжу второй размер. Из первого малыши уж больно быстро вырастают.

Пэт вытянула к каминному огню свои стройные ноги.

— Здесь сегодня уютно, — сказала она. — Камин, слабый свет, и вы вяжете детские вещички. Покойно и по-домашнему, как и должно быть в Англии.

— В Англии так и есть, — заметила мисс Марпл. — «Тисовых хижин» в ней не очень много, дорогая.

— Хорошо, если так, — сказала Пэт. — Не верится мне, что этот дом когда-то был счастливым. Что хоть один человек в нем был счастлив, несмотря на все их деньги, на все их богатство.

— Мне тоже не верится, — согласилась мисс Марпл. — Боюсь, счастье всегда обходило этот дом стороной.

— Может, здесь была счастлива Адель, — рассуждала Пэт. — Мы с ней никогда не встречались, так что этого я просто не знаю, но Дженнифер явно страдает, а Элейн вся извелась из-за молодого человека, которому она безразлична, и, скорее всего, в глубине души она это чувствует. Боже, как мне хочется отсюда уехать! — Она взглянула на мисс Марпл и неожиданно улыбнулась. — А знаете, Ланс мне сказал, чтобы я держалась поближе к вам. Он считает, что под вашим крылышком я буду в большей безопасности.

— Ваш муж — человек не глупый, — сказала мисс Марпл.

— Вы правы. Глупым Ланса не назовешь. Подурачиться он любит, это точно. Но он чего-то боится, а чего именно, не говорит. Мне ясно од-

но: кто-то в этом доме сошел с ума, а это всегда страшно, ведь ты не можешь себе представить, что такому человеку может взбрести в голову. Не знаешь, чего от него ждать.

— Бедная девочка, — пожалела собеседницу мисс Марпл.

— Да нет, все нормально. Пожалуй, я здесь уже закалилась.

Мисс Марпл участливо спросила:

— На вашу долю, милая, тоже выпало достаточно несчастья, да?

— Ну, в моей жизни были и хорошие времена. Прекрасное детство в Ирландии, езда верхом, охота, отличный дом, большой и просторный, по которому гулял свежий ветер, а солнца в нем было — хоть отбавляй. Если у тебя было счастливое детство, оно остается с тобой на всю жизнь, ведь правда? Это уже потом, когда я выросла, счастье словно куда-то улетучилось. Первый удар мне, наверное, нанесла война.

— Ваш муж был летчиком?

— Да. Через месяц после свадьбы самолет Дона сбили. — Она смотрела прямо перед собой, на огонь в камине. — Мне сначала хотелось умереть, уйти вместе с ним. Казалось, все так несправедливо, так жестоко. А потом, когда прошло время…

мне даже стало казаться: оно и к лучшему, что все кончилось именно так. Дон был словно рожден для войны. Отважный, отчаянный, веселый. У него были все качества, какие нужны воину. И я почему-то чувствую, что в мирное время он бы потерял себя. Сидело в нем этакое… как бы сказать… заносчивое неповиновение. Оседлый образ жизни, изо дня в день одно и то же — он бы этого не выдержал. Обязательно ввязался бы в какую-нибудь драку. В каком-то смысле жизнь в обществе была ему противопоказана. Нет, он бы этого не выдержал.

— Очень важно, моя милая, что вы это поняли. — Мисс Марпл склонилась над вязаньем, подцепила петлю и стала считать про себя: — Три простых, две изнаночных, одну выпускаем, две вместе, — потом спросила: — А ваш второй муж, милая?

— Фредди? Фредди застрелился.

— Боже! Как это печально. Какая трагедия.

— Мы были очень счастливы вместе, — сказала Пэт. — Года через два, как мы поженились, я начала понимать, что Фредди… не всегда честен. Увидела: что-то у него не так. Но между нами все оставалось по-прежнему. Потому что Фредди любил меня, а я — его. Я пыталась закрыть глаза

на его жизнь вне дома. Возможно, это была трусость с моей стороны, но изменить его я не могла. Изменить человека — это не под силу никому.

— Да, — подтвердила мисс Марпл. — Изменить человека — это никому не под силу.

— Я приняла его таким, каким он был, полюбила и вышла за него замуж, понимая, что с какими-то сторонами его натуры придется мириться. Но потом дела его совсем разладились, он растерялся — и застрелился. После его смерти я уехала в Кению, пожить у друзей. Оставаться в Англии, видеть старых знакомых, которые всё знали, просто не могла. Ну а в Кении я встретила Ланса. — Взгляд ее изменился, потеплел. Она продолжала смотреть в огонь, а мисс Марпл смотрела на нее. Наконец Пэт повернула голову и спросила: — Мисс Марпл, скажите откровенно, что вы думаете о Персивале?

— Ведь я его почти не знаю. Так, вижу за завтраком. Вот и все. По-моему, ему не очень нравится, что я сейчас здесь.

Пэт неожиданно засмеялась.

— Он ведь жуткий скряга. Дрожит над каждым пенсом. Ланс говорит, что он был таким всегда. И Дженнифер на него жалуется. Проверяет все счета вместе с мисс Доув. За каждый расход ее

критикует. Но мисс Доув умудряется делать по-своему. Она — совершенно замечательная особа. Вы так не считаете?

— Да, считаю. Она напоминает мне миссис Латимер из моей собственной деревни, Сент-Мэри-Мид. Миссис Латимер возглавляла Женскую добровольную службу, группы девочек-скаутов, вообще почти все, что можно было возглавлять. И только лет через пять нам стало известно, что… Ой нет, сплетничать нехорошо. Тем более это такая тоска — слушать чьи-то рассказы о людях, которых ты никогда не видела, о местах, где никогда не бывала.

— А ваша Сент-Мэри-Мид — симпатичная деревушка?

— Ну, моя дорогая, не знаю, что есть симпатичная деревушка в вашем понимании. Что ж, там довольно мило. Живут довольно симпатичные люди, но и неприятных субъектов хватает. В этой деревне происходит много любопытного, как и в любой другой. Человеческая природа везде одинакова, правда?

— Я заметила, вы часто поднимаетесь к мисс Рэмсботтом, — сказала Пэт. — А я ее боюсь.

— Боитесь? Почему?

— Мне кажется, она сумасшедшая. Свихнулась

на почве религии. Вы не думаете, что она по-настоящему… безумна?

— Безумна? В каком смысле?

— Мисс Марпл, вы хорошо понимаете в каком. Сидит целыми днями наверху, никогда не выходит и думает мрачные думы о греховодниках и греховодницах. В конце концов ей могло прийти в голову, что ее миссия в этой жизни — быть верховным судией.

— Это ваш муж так считает?

— Я не знаю, что считает Ланс. Он мне не говорит. Но я уверена в одном: он полагает, что это дело рук безумца и безумец этот — член семьи. Ну, Персиваль, я бы сказала, человек вполне здравый. Дженнифер просто глупое и отчасти жалкое создание. Нервозная, это есть, но не более. Что до Элейн… бывают такие девушки — странноватые, одержимые, словно натянутые пружины. Она по уши влюблена в своего молодого человека и ни на секунду не признается себе, что он хочет на ней жениться из-за денег.

— Вы считаете, он хочет жениться на ней из-за денег?

— Да. А вам так не кажется?

— Я бы не стала утверждать это с такой категоричностью, — сказала мисс Марпл. — Был такой

Эллис, молодой мужчина, он взял в жены Марион Бэйтс, дочь богатого торговца скобяными изделиями. Девушка она была простая, бесхитростная, его прямо боготворила. И ничего, все у них сладилось. Мужчины вроде молодого Эллиса и этого Джералда Райта проявляют дурной нрав, если они взяли в жены бедную. Они так клянут себя за это, что на ней же и отыгрываются. Но если они берут в жены богатую, они продолжают уважать ее и в браке.

— Не представляю, — продолжала Пэт, хмурясь, — чтобы это был кто-то со стороны. А отсюда и атмосфера, что царит в доме. Все друг за другом наблюдают. Только что-нибудь все равно случится…

— Смертей больше не будет, — заявила мисс Марпл. — По крайней мере, мне так кажется.

— Как вы можете быть в этом уверены?

— Представьте, почти уверена. Понимаете, убийца выполнил свою задачу.

— Выполнил?

— Выполнил или выполнила. Это я так, для удобства.

— А какая задача перед ним стояла?

Мисс Марпл покачала головой — на этот счет полной ясности у нее, увы, не было.

Глава 23

1

Мисс Сомерс снова готовила чай в комнате машинисток, и, когда она вылила воду в заварку, оказалось, что чайник снова не вскипел. Да, история повторяется. Принимая чашку, мисс Гриффит подумала про себя, что насчет Сомерс надо все-таки поговорить с мистером Персивалем. Неужели мы не можем подыскать себе машинистку потолковее? Впрочем, едва ли стоит сейчас беспокоить шефа из-за подобных пустяков, вот кончится эта кошмарная история, тогда…

И в очередной раз мисс Гриффит резко бросила:

— Вода снова не вскипела, Сомерс.

Мисс Сомерс, порозовев, ответила так, как отвечала в подобных случаях всегда:

— Господи, уж сейчас она, кажется, точно кипела.

Развитие этой темы было прервано появлением Ланса Фортескью. Несколько замутненным взором он огляделся по сторонам, и мисс Гриффит, подскочив, вышла ему навстречу.

— Мистер Ланс! — воскликнула она.

Он круто повернулся в ее сторону, и его лицо озарилось улыбкой.

— Здравствуйте. Ой, да это же мисс Гриффит!

Мисс Гриффит была в восторге. Они не виделись одиннадцать лет, и надо же, он помнит, как ее зовут. В смущении она пролепетала:

— Поразительно, что вы меня помните.

И Ланс игриво, со всем присущим ему обаянием ответил:

— Конечно, я вас помню.

Все в комнате машинисток ожило. Мисс Сомерс вмиг забыла о своих чайных бедах. Она пялилась на Ланса, рот ее слегка приоткрылся. Мисс Белл заинтересованно выглядывала из-за пишущей машинки, а мисс Чейз потихонечку извлекла на свет божий компактную пудру и пудрила нос. Ланс Фортескью оглядел комнату.

— Ну что ж, тут все как прежде, — заключил он.

— Да, мистер Ланс, особых перемен нет. Какой вы загорелый, какой свежий! Наверное, там, за границей, вы живете очень интересной жизнью.

— Можно и так сказать, — согласился Ланс, — но теперь, пожалуй, попробую пожить интересной жизнью в Лондоне.

— Хотите вернуться в нашу контору?

— Не исключено.

— Как чудесно!

— Я ведь там изрядно подотстал, — признался Ланс. — Вам, мисс Гриффит, придется ввести меня в курс дела.

Мисс Гриффит счастливо засмеялась.

— Мы будем очень рады вашему возвращению, мистер Ланс. Очень, очень рады.

Ланс окинул ее оценивающим взглядом.

— Что ж, это мило с вашей стороны, — сказал он. — Очень мило.

— Мы никогда не верили… никто из нас не думал, что… — Мисс Гриффит умолкла и вспыхнула.

Ланс легонько похлопал ее по руке.

— Что такой уж он злодей, каким его изображали? Наверное, не такой. Но так или иначе, это дело прошлое. Зачем к нему возвращаться? Будущее — вот главное. — Он добавил: — Мой брат здесь?

— По-моему, он у себя в кабинете.

Ланс игриво кивнул и пошел дальше. В приемной перед святилищем из-за своего стола поднялась сурового вида женщина средних лет и угрожающе спросила:

— Пожалуйста, ваше имя и по какому вы делу?

Ланс с сомнением посмотрел на нее.

— Вы… мисс Гросвенор? — спросил он.

Ему сказали, что мисс Гросвенор — шикарная блондинка. Да он и сам видел ее фотографии в газетах, где речь шла о расследовании убийства Рекса Фортескью. Нет, это явно не она.

— Мисс Гросвенор уволилась на той неделе. Я миссис Хардкасл, личная секретарша мистера Персиваля Фортескью.

Что ж, подумал Ланс, как раз в духе старины Перси. Избавиться от шикарной блондинки и вместо нее взять Медузу Горгону. И все же — почему? Так безопаснее или… просто дешевле? Вслух он добродушно сказал:

— Я Ланселот Фортескью. Мы с вами еще не встречались.

— Ой, простите ради бога, мистер Ланселот, — извинилась миссис Хардкасл. — Вы ведь в конторе, если не ошибаюсь, в первый раз?

— В первый, но не в последний, — ответил Ланс с улыбкой.

Он пересек комнату и открыл дверь в кабинет, когда-то принадлежавший его отцу. К своему удивлению, за столом он обнаружил не Персиваля, а инспектора Нила. Инспектор поднял голову

от большой стопки бумаг, которые он сортировал, и кивнул:

— Доброе утро, мистер Фортескью, пришли познакомиться со своими обязанностями?

— Вы уже слышали, что я решил вернуться в фирму?

— Мне сказал ваш брат.

— Вот как? И что, он был при этом полон энтузиазма?

Инспектор Нил попытался скрыть улыбку.

— Особого энтузиазма я не заметил, — ответствовал он строго.

— Бедняга Перси, — прокомментировал Ланс.

Инспектор Нил взглянул на него с любопытством.

— Вы действительно хотите влиться в деловую жизнь Лондона?

— А вам, инспектор Нил, кажется, что это мало похоже на правду?

— Для такого человека, как вы, мистер Фортескью, это как будто не совсем то.

— Почему? Я сын своего отца.

— И своей матери.

Ланс покачал головой:

— Нет, инспектор, едва ли я пошел в мать. Она была старомодной и романтической осо-

бой. Любимая книга — «Королевские идиллии» Теннисона, как вы могли заключить из наших занятных имен. Она была инвалидом и всегда, как мне кажется, жила в своем выдуманном мирке, далеком от реальности. Я вовсе не такой. Никакой сентиментальности за мной не числится, романтики, можно сказать, тоже, вообще я реалист до мозга костей.

— Иногда люди о себе бывают ошибочного мнения, — заметил инспектор Нил.

— Да, такое случается, — согласился Ланс.

Он сел в кресло и вытянул ноги в свойственной ему манере. Он улыбался каким-то своим мыслям. Потом неожиданно сказал:

— А вы, инспектор, проницательнее моего брата.

— В чем же, мистер Фортескью?

— Я ведь здорово нагнал на Перси страху. Он и вправду решил, что я собрался окунуться в лондонскую деловую жизнь. И буду пытаться оттяпать кусок его пирога. Он жуть как боится, что теперь я начну тратить деньги фирмы на всякие воздушные замки, подбивать его на всякие безумные сделки. Пойти на такое можно хотя бы ради того, чтобы посмотреть, как будет страдать Перси. И все же — нет. Конторские будни — это не

для меня, инспектор. Мне нужен свежий воздух, какие-то приключения, разнообразие. Тут я просто задохнусь. — Он быстро добавил: — Имейте в виду, это строго между нами. Пожалуйста, не выдавайте меня Перси.

— Едва ли в нашем разговоре с ним эта тема возникнет, мистер Фортескью.

— Надо же мне чуть-чуть поиздеваться над Перси, — продолжал Ланс. — Пусть попереживает. Надо с ним хоть как-то поквитаться.

— Это странно, мистер Фортескью, — удивился Нил. — Поквитаться — за что?

Ланс пожал плечами.

— Ну, это старая история. Что к ней возвращаться?

— Насколько я знаю, в прошлом имелся некий чек. Вы это имеете в виду?

— Вы так много знаете, инспектор!

— Но о передаче дела в суд речь, как я понимаю, не шла, — сказал Нил. — Ваш отец этого не хотел.

— Нет. Он просто вышвырнул меня, и все.

Инспектор Нил задумчиво взирал на него, но думал при этом вовсе не о Лансе Фортескью, а о Персивале. Честный, трудолюбивый, бережливый Персиваль. Всякий раз, углубляясь в это дело,

инспектор сталкивался с загадкой Персиваля Фортескью, человека, чьи внешние проявления были известны всем, а вот определить его внутреннюю суть было гораздо сложнее. Сторонний наблюдатель сказал бы: бесцветная и серая личность, человек, сидевший под башмаком у своего отца. Чопорный Перси, как заметил однажды помощник комиссара полиции. Сейчас с помощью Ланса Нил пытался разобраться, что же за птица этот Персиваль. И он проговорил, нащупывая почву под ногами:

— Такое впечатление, что ваш брат… как бы это точнее… был у отца под башмаком.

— Интересно. — Ланса, кажется, эта точка зрения искренне удивила. — Интересно. Очень сомневаюсь, что так оно и было. Скорее, это чисто внешнее впечатление. Знаете, оглядываясь на прошлые годы, я с изумлением понимаю: Перси всегда добивался своего, хотя вроде бы ничего для этого не делал.

Да, подумал инспектор Нил, тут было чему изумиться. Он поворошил лежавшие перед ним бумаги, выудил письмо и подтолкнул его Лансу.

— Это письмо вы написали в августе, мистер Фортескью?

Ланс взял его, проглядел и положил на стол.

— Да, — подтвердил он, — я написал его, когда летом вернулся в Кению. Значит, отец его сохранил? И где оно лежало — здесь, в кабинете?

— Нет, мистер Фортескью, мы нашли его в бумагах вашего отца в «Тисовой хижине».

Инспектор еще раз внимательно перечитал лежавшее перед ним письмо. Оно не было длинным.

«Дорогой папа, я обсудил с Пэт твое предложение и согласен его принять. Мне нужно некоторое время, чтобы привести здесь в порядок свои дела, скажем, до конца октября или начала ноября. Дату приезда уточню попозже. Надеюсь, мы будем друг к другу терпимее, чем в прошлом. Я, во всяком случае, сделаю для этого все возможное. Что можно к этому добавить?

Береги себя.

Твой Ланс».

— Куда вы послали это письмо, мистер Фортескью? В контору или в «Тисовую хижину»?

Ланс нахмурил брови, стараясь вспомнить.

— Трудно сказать. Не помню. Ведь три месяца прошло. Думаю, все-таки в контору. Да, точно. Сюда. — Секунду помолчав, он с откровенным любопытством спросил: — Почему вы об этом

спрашиваете?

— Хотелось бы знать, — сказал инспектор Нил, — почему ваш отец не оставил его здесь, среди своих бумаг? Он забрал его в «Тисовую хижину», там я и нашел это письмо в его столе. Интересно, почему он так поступил?

Ланс рассмеялся.

— Надо полагать, чтобы письмо не попалось Перси на глаза.

— Да, — согласился инспектор Нил. — Похоже на правду. Получается, ваш брат имел доступ к личным бумагам отца?

— Ну, — с сомнением произнес Ланс, чуть нахмурившись, — не совсем так. Просто он мог, я думаю, в любое время в них заглянуть, если хотел, но в принципе…

Инспектор Нил докончил предложение за него:

— Делать этого был не должен?

Ланс расплылся в улыбке:

— Именно. Откровенно говоря, это называется «шпионить». Но за Перси, мне кажется, такое водилось всегда.

Инспектор Нил кивнул. Он и сам был того же мнения. Шпионить — это вполне соответствовало образу Персиваля Фортескью, который

складывался в сознании инспектора Нила.

— Ага, легок на помине, — пробормотал Ланс, ибо в эту секунду дверь отворилась, и вошел Персиваль Фортескью. Он собирался обратиться к инспектору, но замер и нахмурился — увидел Ланса.

— Привет, — сказал он. — Ты здесь? Не предупредил, что появишься сегодня.

— Жажда работы обуяла, — отшутился Ланс, — так что вот я пред тобой, готовый приносить пользу. Чем прикажешь заняться?

Персиваль произнес с раздражением:

— Пока ничем. Абсолютно ничем. Нам надо четко определить поле твоей деятельности. Выделить тебе кабинет.

Ланс с легкой усмешкой вопросил:

— Кстати, старина, почему ты избавился от роскошной Гросвенор и поменял ее на это кувшинное рыло?

— Ланс, это уже чересчур, — вспылил Персиваль.

— Вот уж точно изменение к худшему, — продолжал развлекаться Ланс. — Я дождаться не мог, когда увижу роскошную Гросвенор. С чего тебе пришло в голову ее уволить? Решил, что она слишком много знает?

— Нет, конечно. Чушь какая-то! — сердито возразил Персиваль, и его бледное лицо залилось краской. Он повернулся к инспектору. — Не обращайте на моего брата особого внимания, — холодно сказал он. — У него своеобразное чувство юмора. — Потом добавил: — Я никогда не был очень высокого мнения об умственных способностях мисс Гросвенор. У миссис Хардкасл прекрасные рекомендации, она отличный работник, да и требования у нее весьма скромные.

— Весьма скромные требования, — повторил Ланс, поднимая глаза к потолку. — Знаешь, Перси, экономить на сотрудниках — я не сторонник такой политики. Кстати, коль скоро сотрудники проявили преданность фирме в эти трагические недели, может, есть смысл всем без исключения повысить зарплату?

— Ни в коем случае, — отрезал Персиваль Фортескью. — Это совершенно лишнее, совсем не ко времени.

От инспектора Нила не укрылся дьявольский огонек, мелькнувший в глазах Ланса. Персиваль, однако, ничего не заметил — был слишком огорчен.

— У тебя всегда какие-то экстравагантные фантастические идеи, — пробурчал он. — Фирма в

таком состоянии, что экономия — наша единственная надежда.

Инспектор Нил тактично кашлянул.

— Об этом, в частности, я и хотел поговорить с вами, мистер Фортескью, — обратился он к Персивалю.

— Слушаю, инспектор. — Персиваль переключил внимание на Нила.

— Я хочу высказать некоторые соображения, мистер Фортескью. Мне известно, что последние полгода, а то и год, вас очень беспокоило поведение вашего отца.

— Он был нездоров, — категорично ответил Персиваль. — В этом нет никаких сомнений.

— Вы безуспешно пытались убедить его в том, что он должен навестить доктора. Он отказался наотрез?

— Да, наотрез.

— А вы не подозревали, что ваш отец поражен болезнью, известной в обиходе как маниакальный синдром? В таком состоянии проявляются признаки мании величия, раздражительности, и рано или поздно оно приводит к безнадежному безумию.

Персиваль заметно удивился.

— Вы на редкость проницательны, инспектор.

Представьте, я боялся именно этого. Потому и настаивал, чтобы отец показался врачу.

— Вы безуспешно пытались его уговорить, — продолжал Нил, — а он тем временем успешно разорял вашу фирму?

— В общем, да, — согласился Персиваль.

— Прискорбное положение, — заметил инспектор.

— Жуткое. Никто не знает, сколько нервов мне это стоило.

— С деловой точки зрения ваш отец умер как нельзя более кстати, — спокойно предположил Нил.

— Надеюсь, — резко возразил Персиваль, — вы не думаете, что смерть отца я воспринял именно в этом свете?

— Я сейчас говорю не о вашем восприятии, мистер Фортескью. Я беру лишь фактическую сторону дела. Если бы ваш отец не умер, фирма вполне могла бы разориться.

— Да, да, — нетерпеливо бросил Фортескью. — Если брать голые факты, вы правы.

— От того, что мистер Фортескью умер, все члены вашей семьи только выиграли, ведь благополучие ваших родственников зависит от состояния дел в фирме.

— Да. Честно говоря, инспектор, мне не совсем понятно, куда вы клоните… — Персиваль замолчал.

— Никуда не клоню, мистер Персиваль, — успокоил его Нил. — Просто вношу ясность в имеющиеся факты. Еще один вопрос. Вы говорили, что не поддерживали с братом никаких отношений с тех самых пор, как он покинул Англию много лет назад.

— Совершенно верно, — подтвердил Персиваль.

— Так ли это, мистер Фортескью? Ведь прошлым летом, когда здоровье отца вас не на шутку встревожило, вы написали брату в Африку о том, что поведение отца вас беспокоит. Вы, видимо, хотели, чтобы брат помог вам повлиять на отца, послать его на обследование или даже ограничить его деятельность, если понадобится.

— Я… я не вполне понимаю…

Персиваль был явно выбит из колеи.

— Но ведь это правда, мистер Фортескью?

— Ну, я считал, это будет справедливо. В конце концов, Ланселот — младший партнер.

Инспектор Нил перевел взгляд на Ланса. На губах Ланса поигрывала усмешка.

— Вы получили это письмо? — спросил инспек-

тор Нил.

Ланс Фортескью кивнул.

— И что вы ответили?

Ланс совсем расплылся в улыбке.

— Я сказал ему, чтобы не дурил себе голову и оставил старика в покое. Написал, что старик, скорее всего, прекрасно знает, что делает.

Инспектор Нил снова взглянул на Персиваля.

— Ответ вашего брата был именно таков?

— Ну… в общих чертах да. Формулировки, я бы сказал, были более агрессивные.

— Я решил, что инспектора вполне устроит причесанный вариант, — сказал Ланс. Он продолжал: — Откровенно говоря, инспектор, одна из причин, побудившая меня тогда приехать домой, — желание лично убедиться, как обстоят дела. Моя встреча с отцом была довольно краткой, и, если честно, никаких особенных симптомов я не заметил. Он был слегка взбудоражен, но не более того. Во всяком случае, мне показалось, что он в состоянии вести свои дела. Короче, вернувшись в Африку, я все обсудил с Пэт и решил, что буду перебираться домой, в Англию, а уж на месте… как бы это сказать? — прослежу за тем, чтобы игра велась по-честному.

По ходу монолога он метнул взгляд на Перси-

валя.

— Я возражаю, — объявил Персиваль Фортескью. — Решительно возражаю против того, на что ты намекаешь. Я совершенно не собирался отстранять отца от дел. Меня заботило его здоровье. Конечно, меня заботило и… — Он замолчал.

Ланс быстро докончил предложение:

— Тебя заботило и состояние собственных карманов, да? Маленьких карманов Перси. — Он поднялся, и манеры его внезапно изменились. — Ладно, Перси, с меня хватит. Я собирался немного помотать тебе нервы, попритворяться, что собираюсь здесь работать. Я не хотел позволять тебе, чтобы все здесь шло по-твоему, сладенько и гаденько, но пропади все пропадом — я сыт тобой по горло. Меня тошнит уже от того, что я нахожусь с тобой в одной комнате. Всю свою жизнь ты был отвратительной и ничтожной гнидой. Вечно шпионил, подслушивал, распускал слухи и мутил воду. И еще. У меня нет доказательств, но я всегда был уверен: чек, из-за которого заварилась вся каша, из-за которого меня отсюда вышвырнули, подделал ты. Подделка-то ни к черту не годилась, она вопила о себе во весь голос: я подделка! У меня была достаточно дурная репутация, и не мне было что-то всерьез доказывать, но я часто

спрашивал себя: как же старик не понял, что реши я подделать его подпись, я бы уж постарался, чтобы от нее не разило липой за целую милю.

Ланс продолжал бушевать, голос его зазвенел:

— Так что, Перси, играть в эту дурацкую игру я больше не собираюсь. Меня тошнит от этой страны, от делового Лондона. От мелких чиновничков вроде тебя, от их брючек в светлую полоску и черных пиджачков, от их вкрадчивых голосков, от их ничтожных финансовых делишек, замешанных на лжи. Мы разделим наш капитал, как ты и предлагал, и я с Пэт уеду в другую страну — туда, где можно свободно дышать, где ты не связан по рукам и ногам. Список ценных бумаг можешь составлять на свое усмотрение. Себе оставь самые гарантированные и самые надежные, что наверняка дадут тебе прибыль в два процента, три процента, а то и три с половиной. Мне отдай последние отцовские приобретения, сомнительные, как ты их называешь. Возможно, почти все они — выброшенные деньги. Но хотя бы одно или два дадут мне в конце концов такую прибыль, которую тебе никогда не получить на твои гарантированные три процента. Отец был хитрая бестия. Он не боялся рисковать, играть по-крупному. И иногда ему везло — прибыль

составляла пятьсот, шестьсот, семьсот процентов! Я верю в отцовскую дальновидность и готов попытать счастья. Что до тебя, мелкая душонка…

Ланс шагнул в сторону брата, но тот быстро ретировался за стол, поближе к инспектору Нилу.

— Ладно, — смягчился Ланс. — Трогать тебя не буду. Ты не хотел, чтобы я сюда внедрялся, — так тому и быть. Можешь быть доволен. — Он добавил, широкими шагами направляясь к двери: — Если желаешь, я согласен и на концессию «Дрозды». Против нас ополчились Маккензи — что ж, я уведу их в Африку. — Уже в дверях он, круто повернувшись, сказал: — Месть после стольких лет — едва ли это похоже на правду. Но инспектор Нил, кажется, принимает эту версию всерьез — верно, инспектор?

— Чепуха, — сказал Персиваль. — Не может этого быть!

— Спроси его, — посоветовал Ланс. — Спроси, почему он у всех выведывает насчет дроздов и зерен в отцовском кармане.

Легонько постучав пальцем по верхней губе, инспектор Нил сказал:

— Вы помните летнюю историю с дроздами, мистер Фортескью? Тут есть над чем задуматься.

— Чепуха, — повторил Персиваль. — Об этих

Маккензи бог знает сколько лет ничего не слышно.

— Тем не менее, — возразил Ланс, — я почти готов поклясться, что в наши ряды затесался кто-то из Маккензи. Подозреваю, инспектор того же мнения.

2

Инспектор Нил догнал Ланселота Фортескью, когда тот уже выходил на улицу.

Ланс улыбнулся ему — чуть застенчиво.

— Я совсем не собирался устраивать спектакль, — сказал он. — Но вдруг вышел из себя. Ну да ладно, рано или поздно все кончилось бы именно этим. Я сейчас встречаюсь с Пэт в «Савое». Нам с вами по пути, инспектор?

— Нет, я возвращаюсь в Бейдон-Хит. Но я хочу кое о чем вас спросить, мистер Фортескью.

— Да?

— Когда вы застали меня в кабинете, вы были удивлены. Почему?

— Наверное, я не ожидал вас там увидеть. Думал, что застану там Перси.

— А вам не сказали, что он уехал?

Ланс с любопытством взглянул на него.

— Нет. Мне сказали, что он у себя в кабинете.

— Понятно. Никто и не знал, что он уехал. Из кабинета ведет только одна дверь, зато из маленькой приемной еще одна дверь выходит прямо в коридор. Видимо, ею ваш брат и воспользовался, но странно, что вам ничего не сказала миссис Хардкасл.

Ланс засмеялся.

— Наверное, выходила за чашкой чаю.

— Да, да… скорее всего.

— А в чем, собственно, дело, инспектор?

— Просто задаю себе разные забавные вопросики, мистер Фортескью, вот и все.

Глава 24

1

В поезде по пути в Бейдон-Хит инспектор Нил пытался решать кроссворд в «Таймс», но результаты были на диво плачевными. Мысли его бродили где-то далеко. Да и новости он читал с рассеянным видом. Землетрясение в Японии, открытие залежей урана в Танганьике, труп моряка торгового флота около Саутгемптона, предстоящая забастовка докеров. Последние жертвы уличных грабителей, новое лекарство, чудесным образом исцеляющее от туберкулеза.

Эта обрывочная информация каким-то странным образом повлияла на работу его мозга. Он вернулся к кроссворду и мгновенно ответил сразу на три вопроса.

Пока он добирался до «Тисовой хижины», в его голове уже созрело решение. У сержанта Хея он спросил:

— Где эта пожилая дама? Еще здесь?

— Мисс Марпл? Да, здесь. Они с другой пожилой дамой, что наверху, теперь не разлей вода.

— Понятно. — Выдержав паузу, Нил спросил:

— Где она сейчас? Я хотел бы ее видеть.

Через несколько минут появилась мисс Марпл, лицо ее раскраснелось, дыхание было прерывистым.

— Вы хотели видеть меня, инспектор Нил? Надеюсь, что не заставила вас ждать. Сержант Хей не сразу меня нашел. Я была на кухне, болтала с миссис Крамп. Я ее как раз поздравляла: до чего мастерица, какая выпечка получилась! А вчерашнее суфле — просто пальчики оближешь! Знаете, я всегда считала, что к делу нужно переходить постепенно. Вы со мной согласны? Понимаю, у вас все сложнее. Вам особенно некогда ходить вокруг да около, приходится свои вопросы задавать сразу. А у такой старушки, как я, времени, само собой, хватает, от нас даже и ждут всякой пустопорожней болтовни. Ну а путь к сердцу поварихи лежит, как говорится, через ее выпечку.

— А на самом деле, — уточнил инспектор Нил, — вы хотели поговорить с ней о Глэдис Мартин.

Мисс Марпл кивнула:

— Да. О Глэдис. Что ж, миссис Крамп мне много чего рассказала о Глэдис. Не в связи с убийством, нет. Так, вообще. Чем она жила в последнее время, о каких диковинах рассказывала. Не в том

смысле, что о странностях. Просто о чем заводила разговор.

— И что, — спросил инспектор Нил, — вы почерпнули много полезного?

— Да, — заявила мисс Марпл. — Я именно почерпнула много полезного. Я бы даже сказала, что возникла некоторая ясность. А у вас?

— И да и нет, — уклончиво ответил инспектор Нил.

Сержант Хей уже вышел из комнаты. Это хорошо, отметил про себя инспектор Нил, ибо то, о чем он собирался сейчас поведать, было, мягко говоря, не совсем тривиальным.

— Слушайте внимательно, мисс Марпл, — начал он. — Я хочу с вами серьезно поговорить.

— Да, инспектор Нил?

— В какой-то степени, — признал инспектор Нил, — мы с вами представляем разные точки зрения. Не буду скрывать, мисс Марпл, что в Скотленд-Ярде я о вас кое-что слышал. Вы ведь там достаточно известны.

— Ну, не знаю, — зарделась мисс Марпл, — как-то получается, что я встреваю в дела, которые меня не касаются, — что правда, то правда. Я имею в виду всякие преступления или необычные истории.

— В общем, у вас там солидная репутация, — сообщил инспектор Нил.

— Это наверняка сэр Генри Клитеринг, — предположила мисс Марпл. — Мой старинный друг.

— Как я уже сказал, — повторил Нил, — мы с вами представляем разные точки зрения. С некоторой натяжкой одну из них можно назвать осмысленной, а другую — бессмысленной.

Мисс Марпл чуть склонила голову набок.

— Интересно, инспектор, что вы имеете в виду?

— Видите ли, мисс Марпл, на происходящие события можно смотреть исходя из здравого смысла. Кое-кому это убийство выгодно. Я бы сказал, одному человеку особенно. И второе убийство выгодно ему же. Про третье убийство можно сказать — убийство на всякий случай.

— Но какое из них вы называете третьим? — поинтересовалась мисс Марпл.

Глаза ее — яркая фарфоровая голубизна — проницательно взглянули на инспектора. Он кивнул:

— Да. Возможно, вы правы. Знаете, когда помощник комиссара разговаривал со мной об этих убийствах, что-то в его словах показалось мне ошибочным. Именно это — последовательность

событий. Я, конечно, думал о детской считалочке. Король в конторе, королева в зале, служанка вешала белье.

— Вот! — воскликнула мисс Марпл. — Если следовать считалочке, Глэдис должны были убить после смерти миссис Фортескью, так? А ведь ее убили раньше?

— Думаю, что да, — сказал Нил. — Я почти в этом уверен. Тело ее нашли только поздним вечером, и трудно сказать, давно ли она была мертва. Но я считаю, что ее убили где-то около пяти часов, иначе…

— Иначе, — подхватила мисс Марпл, — она бы успела занести в библиотеку второй поднос?

— Именно. Она занесла поднос с чаем, принесла в холл второй, и тут что-то произошло. То ли она что-то увидела, то ли что-то услышала. Что именно — вот вопрос. Может, это был Дюбуа, спускавшийся по лестнице из комнаты миссис Фортескью. А может, через боковую дверь вошел молодой человек Элейн Фортескью, Джералд Райт. Кто бы это ни был, он выманил ее в сад, а поднос так и остался в холле. После этого смерть, мне кажется, нашла ее быстро. Ведь на улице было холодно, а ее форменная одежда совсем тонкая.

— Вы совершенно правы, — согласилась мисс Марпл. — «За дворцом служанка вешала белье» — это не получалось с самого начала. Развешивать белье вечером она бы не стала и в любом случае обязательно накинула бы на себя пальто. Нет, все это был камуфляж, как и прищепка, чтобы подогнать под стишок.

— Вот, — согласился инспектор Нил. — Тут и начинается бессмыслица. Тут наши с вами взгляды пока расходятся. Переварить этот детский стишок я… просто не могу.

— Но почему, инспектор? Ведь именно так все и произошло.

— Так, да не так, — проворчал Нил. — Последовательность-то нарушена. Из стишка ясно следует, что третьей должны убить служанку. А у нас с вами третьей убили королеву. Адель Фортескью была убита между двадцатью пятью минутами шестого и без пяти шесть. А Глэдис, по идее, к тому времени уже была мертва.

— Тут и возникает закавыка, да? — спросила мисс Марпл. — Несовпадение со считалочкой?

Инспектор Нил пожал плечами.

— Возможно, мы чересчур придираемся. Все смерти условиям считалочки отвечают, наверное, другой цели убийца себе и не ставил. Но пока

я рассуждаю так, мисс Марпл, будто стою на вашей точке зрения. А сейчас охарактеризую дело со своей. Дроздов, рожь и все прочее — побоку. У меня на вооружении — трезвые факты, здравый смысл и причины, ради которых психически нормальные люди совершают убийства. Итак, смерть Рекса Фортескью и кому она выгодна. Выгодна она многим, но прежде всего его сыну, Персивалю. В то утро Персиваля в «Тисовой хижине» не было. Положить яд отцу в кофе или во что-то другое, съеденное отцом на завтрак, он не мог. По крайней мере, поначалу мы так считали.

— Ага. — Глаза мисс Марпл ожили, засветились. — Значит, с ядом все было не так просто. Знаете, я много думала о том, как его все-таки отравили, кое-что даже придумала. Но никаких улик или вещественных доказательств, конечно, нет.

— Расскажу вам все как есть, не вижу нужды скрывать. Токсин подмешали в новую банку мармелада. Ее поставили на стол, и мистер Фортескью за завтраком съел верхний слой. Позже эту банку кто-то выбросил в кусты, а в буфетную поставил точно такую же, причем верхний слой мармелада тоже был срезан. Банку в кустах нашли, у меня есть результаты анализа. В ней

обнаружены следы токсина.

— Вот, значит, как, — пробормотала мисс Марпл. — Что ж, все легко и просто.

— У «Консолидейтед инвестментс», — продолжал Нил, — дела шли из рук вон плохо. Забери Адель Фортескью сто тысяч фунтов, которые завещал ей муж, фирма, скорее всего, просто обанкротилась бы. Переживи мисс Фортескью мужа хотя бы на месяц, деньги пришлось бы платить. Проблемы фирмы ее мало интересовали. Но пережить мужа на месяц ей не довелось. Она умерла, и предназначенные ей деньги перешли к тому, кто унаследовал все имущество, очищенное от долгов и завещательных отказов. Другими словами, опять-таки к Персивалю Фортескью.

Всюду Персиваль Фортескью, — не без огорчения продолжал инспектор. — Ну, допустим, подложить отраву в мармелад он как-то мог, но отравить свою мачеху или задушить Глэдис — исключено. По словам его секретарши, в пять часов он был в своем лондонском кабинете, а здесь появился только около семи.

— То есть проделать все это ему было бы трудновато? — спросила мисс Марпл.

— Трудновато? Я бы сказал, невозможно, — мрачно заключил инспектор Нил. — Другими

словами, Персиваль тут ни при чем. — Забыв о сдержанности и благоразумии, о своей слушательнице, он произнес это с горечью. — Куда я ни иду, куда ни поворачиваюсь, везде натыкаюсь на одного человека. Персиваль Фортескью! Но совершить этого Персиваль Фортескью не мог. — Чуть успокоившись, он заметил: — Впрочем, есть и другие варианты, другие люди, у которых мотив ничуть не хуже.

— Мистер Дюбуа, разумеется, — быстро предложила мисс Марпл. — И молодой мистер Райт. Согласна с вами, инспектор. Если видишь, что кто-то может здорово нажиться, тут надо быть начеку. Доверчивость в таких случаях — не лучшая помощница.

Против воли инспектор улыбнулся.

— Всегда предполагаете худшее, да? — спросил он.

Подобная доктрина как-то не вязалась с этой милейшей, хрупкой с виду пожилой дамой.

— О да, — с жаром заверила его мисс Марпл. — Я всегда верю в худшее. И, как это ни грустно, часто оказываюсь права.

— Ну что ж, — сказал инспектор Нил, — давайте предполагать худшее. Это мог сделать Дюбуа, это мог сделать Джералд Райт (при условии, что

он был в сговоре с Элейн Фортескью и отраву в мармелад подложила она), это могла сделать и миссис Персиваль, почему нет? Она ведь была на месте преступления. Но ни один из тех, кого я сейчас назвал, нас не устраивает, если исходить из вашей «бессмыслицы». Эти люди не имеют отношения ни к дроздам, ни к зернышкам в кармане. Не исключаю, что ваша теория верна, тогда круг наших поисков сокращается до минимума. Миссис Маккензи уже несколько лет пребывает в психиатрической лечебнице. При всем желании она не могла добраться до банок с мармеладом или подложить цианид в чай, что подавался в гостиной. Ее сын Дональд погиб в Дюнкерке. Остается дочь, Руби Маккензи. И если вы правы, если эта цепь убийств восходит к давней истории на шахте «Дрозды», — тогда Руби Маккензи должна быть здесь, в этом доме, и есть только один человек, под чьим именем она может скрываться.

— Мне кажется, вы чересчур категоричны, — высказала свое мнение мисс Марпл.

Инспектор Нил словно и не услышал.

— Только один человек, — мрачно повторил он. Затем поднялся и вышел из комнаты.

2

Мэри Доув сидела в своей комнате. Комната была небольшая, меблированная без излишеств, но довольно удобная. Когда инспектор Нил постучал в дверь, Мэри Доув подняла голову от книги расходов и своим четким голосом сказала:

— Войдите.

На пороге появился инспектор.

— Садитесь, инспектор. — Мисс Доув указала на кресло. — Подождите минутку, ладно? Счета торговца рыбой что-то не сходятся с общей суммой, мне нужно их проверить.

Инспектор Нил молча наблюдал за тем, как она переписывает цифры в колонку. Какое поразительное спокойствие, какое самообладание. Откуда такая уверенность в себе? Что за ней прячется? Он попытался найти в ее чертах сходство с женщиной, коротавшей свои дни в лечебнице «Пайнвуд». Цвет волос, цвет лица — пожалуй, а вот в самом лице ничего схожего как будто нет. Наконец Мэри Доув подняла голову от счетов и сказала:

— Да, инспектор? Чем могу быть полезной?

Инспектор Нил мягко произнес:

— Видите ли, мисс Доув, в деле, которое я рас-

следую, есть довольно странные обстоятельства.

— Да?

— Во-первых, не ясно, откуда в кармане мистера Фортескью оказались зерна.

— Я сама очень удивлена, — призналась Мэри Доув. — Лично я никак не могу это объяснить.

— Настораживают и дрозды. Кто-то подбросил четырех дроздов на стол мистеру Фортескью, каким-то образом дрозды оказались и в пироге вместо телятины и ветчины. Обе эти истории случились при вас, мисс Доув, если не ошибаюсь?

— При мне. Сейчас вспомнила. Все были страшно огорчены. Такой бессмысленный, зловредный поступок, тем более тогда.

— Ну, может, не такой и бессмысленный, мисс Доув. Вам что-нибудь известно о шахте «Дрозды»?

— Нет, никогда не слышала.

— Вы сказали, что вас зовут Мэри Доув. Это ваше подлинное имя?

Мэри Доув приподняла брови. В ее голубых глазах явно появилась настороженность.

— Какой занятный вопрос, инспектор. Вы намекаете на то, что Мэри Доув — не мое подлинное имя?

— Именно, — любезным тоном подтвердил

инспектор Нил. — Я намекаю на то, что ваше подлинное имя — Руби Маккензи.

Она уставилась на него. На минуту лицо ее словно застыло, не отражая ни протеста, ни удивления. Скорее всего, решил инспектор Нил, она лихорадочно что-то просчитывает. После долгой паузы она сказала спокойным бесстрастным голосом:

— И чего вы от меня ждете?

— Я прошу вас ответить. Вы Руби Маккензи?

— Я уже говорила, что меня зовут Мэри Доув.

— Вы можете это доказать, мисс Доув?

— Какое доказательство вас устроит? Свидетельство о рождении?

— Не факт. Возможно, свидетельство о рождении Мэри Доув у вас есть. Подлинная Мэри Доув могла быть вашей подругой, могла давно отдать богу душу.

— Да, вариантов хоть отбавляй. — Голос ее снова зазвучал насмешливо. — Задача у вас не из легких, инспектор, не позавидуешь.

— Не исключено, что вас опознают в лечебнице «Пайнвуд», — предположил Нил.

— В лечебнице «Пайнвуд»? — Мэри Доув снова подняла брови. — Что это за лечебница и где она находится?

— Полагаю, мисс Доув, вам это прекрасно известно.

— Представьте, понятия не имею.

— И вы категорически отрицаете, что вы — Руби Маккензи?

— По-моему, мне вообще не нужно ничего отрицать. Вы знаете не хуже меня, инспектор: доказать, будто я какая-то там Руби Маккензи, — это ваша проблема. — В ее голубых глазах теперь уже явно обозначилась насмешка, насмешка и вызов. Глядя прямо в глаза собеседнику, Мэри Доув отчеканила: — Да, инспектор, это ваша проблема. Докажите, что я Руби Маккензи, если вам это удастся.

Глава 25

1

— Вас ищет старая сплетница, — сообщил сержант Хей заговорщицким шепотом, когда инспектор Нил спустился по лестнице. — Похоже, ее распирает от новостей.

— Дьявольщина, — выругался инспектор Нил.

— Да, сэр, — не моргнув глазом подтвердил сержант Хей.

Он уже собрался уйти, но инспектор Нил окликнул его:

— Хей, проглядите сведения, которые сообщила нам о себе мисс Доув, — где работала раньше и так далее. Все проверьте… да, я хотел бы уточнить еще кое-что. Займитесь этим сейчас же.

На листе бумаги он черкнул несколько строк и передал их сержанту Хею, который бодро отрапортовал:

— Займусь немедля, сэр.

Проходя мимо библиотеки, инспектор услышал журчание голосов и заглянул внутрь. Искала его мисс Марпл, нет ли, сейчас она оживленно беседовала с миссис Персиваль Фортескью, а ее

вязальные спицы деловито постукивали друг о друга.

До слуха инспектора Нила донеслось:

— …я всегда считала, что быть медсестрой — для этого нужно призвание. Очень благородная, нужная людям работа.

Инспектор Нил тихонько прикрыл дверь. Мисс Марпл явно его заметила, но не подала виду.

Нежным, елейным голоском она продолжала:

— Я как-то сломала кисть, и мне прислали очаровательную сиделку. А после меня она ухаживала за сыном миссис Спэрроу, очень милым морским офицером. У них начался настоящий роман, да, и вскоре они обручились. Ах, какой это был роман! Они поженились и жили очень счастливо, у них родилось двое прелестнейших детей. — Мисс Марпл сентиментально вздохнула. — А болел он, между прочим, воспалением легких. При такой болезни многое зависит от ухода, верно?

— О да, — согласилась Дженнифер Фортескью, — при воспалении легких уход — это почти все. Конечно, новые лекарства творят чудеса, и за выздоровление уже не нужно вести изнурительную битву, как раньше.

— Не сомневаюсь, дорогая, что вы были прекрас-

ной сиделкой, — заверила ее мисс Марпл. — И ваш роман начался именно так, да? Вы приехали сюда выхаживать мистера Персиваля Фортескью?

— Да, — подтвердила Дженнифер. — Да, так все и вышло.

По голосу не чувствовалось, что она рада продолжать беседу, но мисс Марпл не обратила на это никакого внимания.

— Понимаю. Выслушивать сплетни прислуги негоже, но, боюсь, старушенций вроде меня всегда интересуют дела домочадцев. Так о чем я говорила? Ах, да. До вас здесь была другая сиделка, верно? А потом ее отослали… что-то в этом роде. Наверное, легкомысленно относилась к своим обязанностям.

— Нет, легкомыслие тут ни при чем, — возразила Дженнифер. — У нее серьезно заболел отец или кто-то еще, и я приехала ее сменить.

— Понятно, — сказала мисс Марпл. — И вы полюбили друг друга и соединили свои сердца. Это так чудесно, так чудесно.

— Ну, не знаю, — усомнилась Дженнифер Фортескью. — Мне так часто недостает… больничной палаты…

— Да, да, понимаю. Вы очень любили свою

профессию.

— Тогда я этого не чувствовала, а сейчас как вспомню… уж больно жизнь у меня однообразная… Один пустой день, за ним другой, а Валь вечно занят на работе.

Мисс Марпл покачала головой.

— Мужчинам в наши дни лениться некогда, — сказала она. — О досуге и речи нет, даже если у тебя денег куры не клюют.

— А жене бывает так тоскливо, так одиноко. Иногда говорю себе: лучше бы сюда не приезжала, — призналась Дженнифер. — А в общем поделом мне. Незачем все это было.

— Что незачем, дорогая?

— Незачем было выходить за Валя. Да что там… — Она громко вздохнула, как бы ставя точку. — Давайте не будем больше об этом.

Мисс Марпл послушно заговорила о новой парижской моде.

2

— Спасибо, что не прервали наш разговор, — похвалила мисс Марпл инспектора Нила, постучав в дверь кабинета и получив приглашение войти. — Хотелось уточнить кое-какие мелочи. Правда, — огорченно добавила она, — закончить

разговор не удалось.

— Извините, мисс Марпл, — на лице инспектора Нила появилась самая обаятельная из его улыбок, — если в прошлый раз я проявил бестактность. Позвал вас за консультацией, а сам почти рта не закрывал.

— Пустяки, — сразу откликнулась мисс Марпл. — Я тогда еще не была готова выложить карты на стол. Если уж я кого-то обвиняю, я должна быть абсолютно уверена в своей правоте. Уверена в душе. А сейчас я вполне уверена.

— В чем, мисс Марпл?

— Разумеется, в том, кто убил мистера Фортескью. Вы сказали мне про мармелад, и все сразу прояснилось. Стало ясно, как, кто, все вполне логично.

Инспектор Нил непонимающе моргнул.

— Извините, — сказала мисс Марпл, заметив его реакцию. — Увы, мне не всегда удается ясно выразить свои мысли.

— Я пока не вполне понимаю, мисс Марпл, о чем мы с вами говорим.

— Что ж, — решила мисс Марпл, — наверное, лучше начать с самого начала. Если, конечно, у вас есть время. Я изложу вам свою точку зрения. Видите ли, я здесь со многими поговорила, с

пожилой мисс Рэмсботтом, с миссис Крамп, с ее мужем. Он, конечно, лгун, но это ничего, потому что, если ты знаешь про лгуна, что он — лгун, в итоге выходит то же самое. Но я хотела разобраться в телефонных звонках, в нейлоновых чулках и так далее.

Инспектор Нил снова моргнул: во что это он позволил себя втянуть? С чего ему взбрело в голову, что мисс Марпл будет весьма желанной, трезвомыслящей помощницей? Ну да ладно, хоть в голове у нее и каша, но не исключено, что кое-что полезное она выяснила. Все удачи инспектора Нила на избранном поприще были связаны с его умением слушать. И он приготовился слушать.

— Пожалуйста, мисс Марпл, рассказывайте, — предложил он, — только с самого начала, ладно?

— Конечно, — согласилась мисс Марпл. — Все началось с Глэдис. В том смысле, что сюда я приехала из-за Глэдис. И вы любезно позволили мне разобрать ее вещи. А когда я разобралась с нейлоновыми чулками, с телефонными звонками, сопоставила то и се, все стало совершенно ясно. В смысле про мистера Фортескью и токсин.

— У вас есть какая-то теория? — спросил инспектор Нил. — Насчет того, кто положил токсин в мармелад мистеру Фортескью?

— Это не теория, — сказала мисс Марпл. — Я знаю наверняка.

Инспектор Нил моргнул в третий раз.

— Конечно же, это сделала Глэдис, — заключила мисс Марпл.

Глава 26

Инспектор Нил пристально посмотрел на мисс Марпл, потом медленно покачал головой.

— Вы хотите сказать, — искренне поразился он, — что Глэдис Мартин умышленно убила Рекса Фортескью? Извините, мисс Марпл, но в это я просто-напросто не верю.

— Нет, убивать его она вовсе не хотела, — пояснила мисс Марпл, — но все-таки убила! Вы сами сказали, когда вы ее допрашивали, она нервничала и была расстроена. И вид у нее был виноватый.

— Но не такой, как у виновных в убийстве.

— Не такой, согласна. Я же говорю, она не собиралась никого убивать, но токсин в мармелад добавила. Она и понятия не имела, что это яд.

— Что же это, по ее мнению, было? — все еще пораженный, спросил инспектор Нил.

— Наверное, исповедальное снадобье, — сообщила мисс Марпл. — Очень интересно, знаете ли, и очень поучительно — что эти девушки вырезают из газет и хранят у себя. Круг их интересов, знаете ли, не меняется уже несколько столетий. Секреты красоты, чтобы привлечь внимание

любимого человека. Всякое колдовство, магия, диковинные события. Сейчас все это свалено в одну кучу в разделе «Наука». Никто больше не верит в волшебников, никто не верит, что какой-нибудь чародей с волшебной палочкой возьмет и превратит тебя в лягушку. А вот если прочтешь в газете, что, пересадив железы, можно изменить твои жизненно важные ткани и развить лягушачьи черты, — поверишь. Глэдис прочитала в газете насчет исповедального снадобья и, разумеется, полностью ему поверила, когда он сказал: вот оно, это снадобье.

— Кто сказал? — не понял инспектор Нил.

— Альберт Эванс, — объяснила мисс Марпл. — Это, конечно, не настоящее имя. Но летом на курорте они действительно познакомились, он обольстил ее и, я думаю, рассказал какую-то историю о несправедливости, гонениях, что-то в этом роде. Во всяком случае, смысл был вот какой: Рекс Фортескью, в чем-то согрешивший, должен теперь покаяться и как-то возместить ущерб. Подробностей я, конечно, не знаю, но насчет сути уверена. Он уговорил ее устроиться сюда на работу, а в наши дни это проще простого — прислуги ведь не хватает, она все время меняется. Вот Глэдис и устроилась. Потом они договорились

встретиться. Ведь в последней открытке он так и написал: «Не забудь о нашей встрече». В назначенный день их план должен был сработать. Эванс дал Глэдис яд и велел подмешать его в верхний слой мармелада, чтобы мистер Фортескью съел его за завтраком. Эванс велел ей насыпать зерна в карман пиджака Фортескью. Не знаю, что он ей навыдумывал про зерна, но я вам с самого начала говорила, инспектор, что Глэдис — девушка очень доверчивая. Да представительный молодой человек ей хоть что наплети — она бы всему поверила.

— Продолжайте, — произнес ошеломленный инспектор.

— Видимо, Альберт выдал ей такую легенду, — развивала свою теорию мисс Марпл. — С утра Глэдис дает мистеру Фортескью исповедальное снадобье, через пару часов оно сработает, тут-то Альберт и придет к нему на работу, и мистер Фортескью во всем признается, и так далее, и тому подобное. Представляете, каково было этой бедняжке, когда она узнала, что мистер Фортескью умер.

— Но она бы не стала от нас скрывать, — усомнился инспектор Нил.

— Что она первым делом заявила на допро-

се? — быстро спросила мисс Марпл.

— «Я этого не делала», — ответил инспектор Нил.

— Именно! — торжествующе воскликнула мисс Марпл. — Неужели вы не понимаете, что ничего другого она и сказать не могла? Стоило Глэдис разбить какую-нибудь безделушку, она тут же заявляла: «Я этого не делала, мисс Марпл. Ведать не ведаю, как это вышло». Эти несчастные ничего не могут с собой поделать. Они что-то натворили и так этим расстроены, что на уме у них одно — лишь бы не наказали. Неужели вы думаете, что нервная молодая женщина, кого-то убившая, да еще без всякого намерения, так вам в этом и признается? С какой, интересно, стати?

— Да, — согласился Нил, — пожалуй.

Мысли его вернулись к разговору с Глэдис. Нервничает, чем-то расстроена, вид виноватый, глаза бегают — все как положено. Иногда эти признаки не значат ничего, а иногда — очень много. Едва ли ему следует винить себя в том, что он сделал неверный вывод.

— Возможно, — продолжала мисс Марпл, — первая ее мысль была простой: все отрицать. Потом она, видимо, попыталась как-то разобраться — в голове-то сумятица. Может, решила: Альберт не

знал, что снадобье такое сильное, либо по ошибке дал ей слишком большую дозу. Может, хотела как-то выгородить его, найти объяснение. Стала ждать, что он с ней свяжется, и он, разумеется, связался. По телефону.

— Вам это известно? — быстро спросил Нил.

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет. Это я домыслила. Но звонки в тот день были. Кто-то звонил, и когда к телефону подходил Крамп или его жена, трубку вешали. А как еще он мог поступить? Он звонил, пока трубку не взяла Глэдис, тогда он и договорился с ней о встрече.

— Понятно, — сказал Нил. — И вы считаете, что в тот самый день, на который они назначили встречу, Глэдис и была убита.

Мисс Марпл энергично закивала:

— Да, и тому есть подтверждение. Миссис Крамп права. Девушка надела свои лучшие нейлоновые чулки, лучшие туфли. Она явно готовилась с кем-то встретиться. Только ей никуда не надо было для этого ехать. В «Тисовую хижину» собирался нагрянуть он. Вот почему в тот день Глэдис все что-то высматривала, была сама не своя, какая-то заторможенная, опаздывала с чаем. И вот когда она внесла в холл второй поднос, Эванс, я думаю, окликнул ее от боковой двери. Она поставила

поднос и вышла к нему.

— И он ее задушил, — докончил инспектор Нил.

Мисс Марпл поджала губы.

— На это нужно не больше минуты, — сказала она. — А рисковать он не мог — вдруг у нее развяжется язык? Вот и пришлось ей умереть — несчастной, глупой, доверчивой. А потом — он нацепил ей на нос прищепку! — Голос мисс Марпл задрожал от праведного гнева. — Чтобы все подогнать под стишок. Зерна, дрозды, контора, бутерброд и прищепка — лучшее, что он мог придумать для строчки «хвать за нос ее».

— Все кончится тем, что его спровадят в сумасшедший дом, и мы не сможем его повесить — потому что он сумасшедший! — медленно произнес инспектор.

— А я считаю, вы его очень даже повесите, — возразила мисс Марпл. — Он вовсе не сумасшедший, инспектор, ни на секунду!

Инспектор Нил строго взглянул на нее.

— Хорошо, мисс Марпл, вы изложили свою теорию. Да, да, хоть вы и говорите, что знаете наверняка, но это всего лишь теория. Вы утверждаете, что все эти преступления совершил человек, назвавший себя Альбертом Эвансом, он

познакомился с Глэдис на курорте и использовал ее для своих целей. Этот Альберт Эванс хотел отомстить за старую историю, случившуюся на шахте «Дрозды». Наверное, вы считаете, что сын миссис Маккензи, Дон Маккензи, не умер в Дюнкерке. Что он до сих пор жив и все это — дело его рук?

К удивлению инспектора Нила, мисс Марпл энергично затрясла головой.

— Ни в коем случае! — воскликнула она. — Ни в коем случае! Ничего такого у меня и в мыслях нет. Неужели вы не видите, инспектор Нил, что дрозды призваны навести вас на ложный след? Это просто отвлекающий маневр, и все. А вот дрозды, которых подкинули на стол в библиотеку, вложили в пирог, — те были настоящие. Их подбросил человек, знавший старую историю и жаждавший мести. Но месть заключалась лишь в том, чтобы испугать мистера Фортескью, лишить его уюта и спокойствия. Воспитать детей в такой ненависти, чтобы они вынашивали план мести и ждали, когда пробьет их час, — я что-то плохо в это верю, инспектор. В конце концов, у детей есть свои головы на плечах. Но если твоего отца кто-то одурачил и, может, даже оставил умирать — возможно, у тебя и возникнет желание сыграть

злую шутку с человеком, который якобы все это сделал. Полагаю, так оно и произошло. А убийца этим воспользовался.

— Убийца, — повторил инспектор Нил. — Прекрасно, мисс Марпл, выкладывайте ваши соображения насчет убийцы. Кто он?

— Вы не удивитесь, — сказала мисс Марпл. — Во всяком случае, не особенно. Как только узнаете, кто он — по моему мнению, разумеется, — вы сразу со мной согласитесь. Вы увидите, что он как раз и способен совершить эти убийства. Это здравый и одаренный человек, но для достижения своей цели не остановится ни перед чем. И совершил он эти убийства, конечно же, из-за денег, думаю, довольно больших.

— Персиваль Фортескью? — с мольбой в голосе спросил инспектор Нил, хотя уже знал, что ошибается. Картину, нарисованную мисс Марпл, едва ли сопоставишь с обликом Персиваля Фортескью.

— О нет, — сказала мисс Марпл. — Не Персиваль. Ланс.

Глава 27

1

— Этого не может быть, — отозвался инспектор Нил.

Откинувшись на спинку кресла, он с восхищением смотрел на мисс Марпл. Она была права — он действительно не удивился. Говоря «не может быть», он имел в виду невозможность физическую. Да, Ланс Фортескью соответствовал описанию мисс Марпл, ничего не скажешь. Но чтобы Ланс был ответом на все его вопросы… нет, такого инспектор Нил не мог себе представить.

Мисс Марпл чуть склонилась вперед и мягко, увещевающе — так малому ребенку объясняют правила сложения и вычитания — стала излагать свою теорию.

— Понимаете, он был таким всегда. Я имею в виду, испорченным. Насквозь испорченным, хотя при этом всегда оставался привлекательным. Особенно для женщин. У него прекрасная голова, он не боится рисковать. Рисковал он всегда, а его обаяние делало свое дело — люди думали о нем лучшее, а не худшее. Летом он приехал сюда

повидаться с отцом. Ни на секунду не верю, что отец писал ему или вызывал его — ведь вещественных доказательств этого у вас нет? — Она вопросительно смолкла.

Нил покачал головой:

— Нет, у меня нет доказательств того, что отец его вызывал. Есть письмо, которое Ланс якобы написал отцу. Но Ланс вполне мог подложить его в отцовские бумаги в тот день, когда приехал.

— Ловкий ход, — сказала мисс Марпл, кивнув. — Допускаю, он прилетел сюда, чтобы помириться с отцом, но мистер Фортескью на это не пошел. Ланс ведь недавно женился, до этого жил на скудное вспомоществование и наверняка что-то к нему добавлял разными нечестными способами. Больше такое его не устраивало. Он очень полюбил Пэт (милейшая, приятнейшая девушка), и его потянуло к респектабельной и оседлой жизни — хватит быть перекати-полем, — а с его точки зрения, это значит — много денег. Приехав в «Тисовую хижину», он, должно быть, услышал об этих дроздах. Может, от отца. Может, от Адель. Он быстро сообразил, что в доме поселилась дочь Маккензи и убийство отца будет легко свалить на нее. Да, да, когда Ланс понял, что вытянуть желаемое из отца ему не удастся,

он решил хладнокровно его убить. Возможно, ему стало ясно, что отец… не вполне здоров, и он задумался: вдруг отец растранжирит все деньги? Ведь так можно и без гроша остаться.

— О болезни отца он знал, и даже очень хорошо, — заметил инспектор Нил.

— Ага… что ж, это многое объясняет. Сопоставив имя отца — Рекс — с подброшенными дроздами, Ланс изобрел способ убийства, решил подогнать его под считалочку. Пусть у всей этой истории будет безумная окраска — тогда обязательно выплывет старая угроза со стороны Маккензи. Заодно он избавится и от Адель, тогда сто тысяч фунтов не уйдут на сторону, останутся в семье. Но должен быть и третий персонаж: «За дворцом служанка вешала белье». Видимо, тут-то его коварный план и выстроился окончательно. Он заткнет рот безвинной соучастнице, не даст ей себя разоблачить. И главное: в результате всей комбинации у него будет чистейшее алиби по первому убийству.

Остальное было просто. Сюда он приехал со станции около пяти часов, как раз когда Глэдис со вторым подносом вошла в холл. Он подошел к боковой двери, увидел ее и окликнул. Задушить ее и оттащить тело за дом, где висели бельевые

веревки, — на это понадобились три или четыре минуты. Потом он позвонил в звонок на входной двери, был впущен в дом, вместе с семьей выпил чай. Поднялся к мисс Рэмсботтом. Спускаясь от нее, он заглянул в гостиную, увидел, что Адель сидит там одна и допивает последнюю чашку, подсел к ней на диван и, пока они разговаривали, изловчился подсыпать ей в чай цианид. Это ведь не трудно. Кусочек белого вещества, вроде сахара. Допустим, он протянул руку к сахарнице, якобы вытащил оттуда кусочек и бросил в ее чашку. Потом хлопнул себя по лбу и сказал: «Ой, что же это я сахар бросил в вашу чашку, а не в свою?» Она могла ответить, что это пустяки, помешала в чашке ложечкой и выпила. Очень простое и дерзкое решение. А дерзости ему не занимать.

Инспектор Нил медленно произнес:

— По сути это возможно — да, возможно. Но я не вижу — действительно не вижу, мисс Марпл, — что он рассчитывал в итоге приобрести. Ведь мы знаем, что, не умри старый Фортескью, фирма вскоре бы обанкротилась. Неужели доля Ланса так велика, что ради нее можно пойти на тройное убийство? Не думаю. Я действительно так не думаю.

— Да, тут не все просто, — признала мисс

Марпл. — Согласна. Это задачка. А скажите… — Она с сомнением взглянула на инспектора. — Скажите… я в финансовых делах мало смыслю… но настолько ли является правдой, что шахта «Дрозды» — выброшенные деньги?

Нил задумался. Обрывки разговоров, впечатлений, событий начали всплывать в его памяти, складываясь в общую картину. Ланс охотно соглашается забрать у Персиваля малоперспективные, а то и просто бросовые владения. Сегодня в Лондоне он сказал, что Персиваль может избавиться даже от шахты «Дрозды» и связанного с ней наваждения. Эта шахта — золотые прииски. Золотые прииски, но бесперспективные. Но так ли это? С неохотой Нил признался себе — скорее всего, да. Старый Рекс Фортескью едва ли ошибся бы в таком деле. А вдруг недавно проводились новые изыскания? Где она, эта шахта? Ланс сказал, что в Западной Африке. Да, но кто-то другой — не мисс ли Рэмсботтом? — говорил, что шахта находится в Восточной Африке. Ланс намеренно поменял восток на запад, чтобы ввести его, инспектора, в заблуждение? Мисс Рэмсботтом стара и забывчива, и все же не исключено, что права именно она, а не Ланс. Восточная Африка. Но ведь Ланс как раз оттуда и приехал. Может, у него есть какие-то

новые сведения?

Внезапно в картинке-загадке, над которой ломал голову инспектор, на место встал еще один кусочек. Инспектор сидит в поезде и читает «Таймс». «В Танганьике обнаружены залежи урана». А если залежи урана обнаружены на территории бывших «Дроздов»? Тогда все сразу встает на свои места. Находясь поблизости, Ланс узнал о залежах урана одним из первых и понял, что это — целое состояние. Огромное! Инспектор вздохнул. Взглянул на мисс Марпл.

— И вы считаете, — укоризненно произнес он, — что мне удастся все это доказать?

Мисс Марпл закивала — так кивает тетушка, желая подбодрить толкового племянника, который идет сдавать серьезный экзамен.

— Докажете, — заверила она. — Вы, инспектор Нил, очень умный человек. Я это сразу поняла. Теперь, когда вы знаете, кто он, соберите улики, вещественные доказательства. К примеру, на курорте смогут узнать его фотографию. Интересно, как он объяснит, почему он жил там неделю под именем Альберта Эванса?

Да, подумал инспектор Нил, Ланс Фортескью — человек одаренный и, чтобы достичь своего, не остановится ни перед чем. Но разве можно

идти на такое безрассудство? Да, он поступил чересчур опрометчиво. Вот мы его и прищучили. Ой ли? Инспектор Нил с сомнением взглянул на мисс Марпл.

— Все это, между прочим, чисто умозрительно, — сказал он.

— Да… но вы ведь уверены?

— Пожалуй. С людьми такого типа встречаться доводилось.

Пожилая дама кивнула:

— Да… уж больно типаж подходящий… потому уверена и я.

Нил с озорством взглянул на нее.

— Здорово знаете преступный мир?

— Нет, что вы. Просто такие милые девушки, как Пэт, всегда выходят замуж за мерзавцев. Вот я и обратила на него внимание.

— В душе я могу быть десять раз уверен, — сказал Нил, — но многое надо объяснить… к примеру, историю с Руби Маккензи. Готов поклясться, что…

Мисс Марпл перебила его:

— Вы совершенно правы. Но вы думаете о другой особе. Поговорите с миссис Перси.

2

— Миссис Фортескью, — обратился к Дженнифер инспектор Нил, — не назовете ли ваше девичье имя?

У Дженнифер от неожиданности раскрылся рот. Она явно испугалась.

— Нервничать не стоит, мадам, — успокоил ее инспектор Нил, — но правду лучше не скрывать. До замужества вас звали Руби Маккензи — я прав?

— Меня… а что… господи… а что плохого, если и так? — выдавила из себя миссис Персиваль Фортескью.

— Ровным счетом ничего, — заверил ее инспектор Нил и мягко добавил: — Несколько дней назад я разговаривал с вашей матушкой в лечебнице «Пайнвуд».

— Она на меня очень сердится, — вздохнула Дженнифер. — Я к ней уже давно не езжу — стоит мне показаться, она только в ярость приходит. Бедная мамуля, вы не представляете, как она была предана папе.

— Воспитывая вас, она била на чувства, пыталась сделать из вас мстителей?

— Да, — сказала Дженнифер. — Она заставляла

нас клясться на Библии, что мы никогда об этом не забудем и в один прекрасный день его убьем. Но как только я поступила в больницу и начала проходить практику, сразу поняла, что у нее не все в порядке с психикой.

— А вас саму, миссис Фортескью, не мучила жажда отмщения?

— Было такое. Ведь если разобраться, Рекс Фортескью убил моего отца! Нет, он его, конечно, не застрелил, не зарезал. Но я уверена: он оставил отца умирать. А разве это не одно и то же?

— С моральной точки зрения — да.

— Мне правда хотелось с ним поквитаться, — призналась Дженнифер. — И когда моя подруга стала выхаживать его сына, я упросила ее уехать и предложить вместо себя меня. Конкретных планов у меня не было… Клянусь, инспектор, убивать Рекса Фортескью я не собиралась никогда. Может, подспудно думалось — залечу его сына до смерти. Но профессиональная сиделка на такое просто не способна. Между прочим, вытащить Валя оказалось делом совсем не легким. Он привязался ко мне и сделал предложение… И тогда я подумала: что ж, это будет куда более здравая месть. Жениться на старшем сыне мистера Фортескью и заполучить назад деньги, которые он бесчестным

путем выудил у моего отца. Я решила, так будет куда более здраво.

— Согласен, — признал инспектор Нил, — более здраво. А скажите, — добавил он, — дрозды на столе и в пироге — ваших рук дело?

Миссис Персиваль вспыхнула.

— Да. Это, конечно, была дурость… Но мистер Фортескью однажды расхвастался, как он, мол, дурачил простофиль, все из них высасывал и оставлял с носом. Нет, в рамках закона. И тогда мне захотелось… как следует его напугать. Напугала, да еще как! Уж зацепило его это за живое! — Она взволнованно добавила: — Но больше я не делала ничего! Честное слово, инспектор! Неужели вы… неужели вы всерьез думаете, что я кого-то убила?

Инспектор Нил улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — этого я не думаю. Кстати, — добавил он, — вы недавно давали мисс Доув какие-то деньги?

Дженнифер обомлела:

— Откуда вы знаете?

— Мы много чего знаем, — сказал инспектор Нил, а про себя добавил: «И о многом догадываемся».

Дженнифер затараторила:

— Она пришла ко мне и сказала: вы подозреваете, что она — Руби Маккензи. И если я дам ей пятьсот фунтов, переубеждать вас она не будет. А узнай вы, что Руби Маккензи — это я, вы обвините меня в убийстве мистера Фортескью и моей мачехи. Мне пришлось из кожи вон лезть, чтобы достать эти деньги, — ведь Персивалю я ничего сказать не могла. Он не знает, кто я. Вот и продала обручальное кольцо с бриллиантом и очень красивое ожерелье — подарок мистера Фортескью.

— Не беспокойтесь, миссис Фортескью, — сказал инспектор Нил. — Надеюсь, ваши деньги мы вернем.

3

На следующий день инспектор Нил снова пригласил для разговора мисс Мэри Доув.

— Мисс Доув, — начал он, — вы не хотите вернуть пятьсот фунтов миссис Персиваль Фортескью?

Не без удовольствия он увидел: Мэри Доув вмиг преобразилась, надменность ее как рукой сняло.

— Эта дура вам все рассказала, — пробормотала она.

— Да. Шантаж, мисс Доув, — это довольно серьезное обвинение.

— Я бы не назвала это шантажом, инспектор. Боюсь, завести против меня дело о шантаже вам будет трудно. Просто я оказала миссис Персиваль услугу, и она считала себя моей должницей.

— Что ж, мисс Доув, если вы передадите деньги мне, мы оставим все как есть.

Мэри Доув достала чековую книжку, вытащила авторучку.

— Как это не вовремя, — сказала она со вздохом. — У меня сейчас туго с деньгами.

— Насколько я понимаю, вы собираетесь искать новую работу?

— Да. Эта моих ожиданий не оправдала. Все сложилось очень неудачно.

Инспектор Нил согласно кивнул:

— Да, вы попали в сложное положение. Ведь в любую минуту мы могли заинтересоваться вашим прошлым, верно?

Мэри Доув, уже обретшая хладнокровие, чуть приподняла брови.

— Уверяю вас, инспектор, в моем прошлом темных страниц нет.

— Вы правы, — с улыбкой согласился инспектор Нил. — У нас нет против вас абсолютно ничего, мисс Доув. Правда, есть некое любопытное совпадение: три последних дома, где вы трудились

столь блистательно, через три месяца после вашего ухода были ограблены. Воры были на диво хорошо осведомлены, где хранятся норковые манто, драгоценности и тому подобное. Любопытное совпадение, как вы считаете?

— Я считаю, инспектор, что в жизни случаются и не такие совпадения.

— Да, конечно, — не стал возражать Нил. — Случаются. Но они не должны случаться слишком часто, мисс Доув. Осмелюсь предположить, — добавил он, — что в будущем мы еще встретимся.

— Не сочтите за грубость, инспектор Нил, — сказала мисс Доув, — но я надеюсь, что встретиться нам не доведется.

Глава 28

1

Мисс Марпл разгладила рукой содержимое своего чемодана, подоткнула конец шерстяной шали и закрыла крышку. Оглядела спальню. Нет, кажется, ничего не забыла. Вошел Крамп и забрал вещи. Мисс Марпл заглянула в соседнюю комнату — проститься с мисс Рэмсботтом.

— Боюсь, — сказала мисс Марпл, — я не смогла в должной мере воздать вам за ваше гостеприимство. Остается надеяться, что когда-нибудь вы меня простите.

— Ха, — таков был ответ мисс Рэмсботтом.

Она, как водится, раскладывала пасьянс.

— Черный валет, красная дама, — пробурчала она, потом исподлобья поглядела на мисс Марпл. — Вы, наверное, выяснили, что хотели, — добавила она.

— Да.

— И наверное, все рассказали этому полицейскому инспектору? Что же, он сумеет изобличить виновного?

— Я в этом почти уверена, — сказала мисс

Марпл. — Возможно, не сразу, но сумеет.

— Я ни о чем вас не спрашиваю, — продолжала мисс Рэмсботтом. — Вы — женщина проницательная. Я это сразу поняла, едва вас увидела. И совсем не ругаю вас за то, что вы сделали. Зло есть зло и подлежит наказанию. В этой семье дурная наследственность. Не по нашей линии, хвала господу. Да, моя сестра Эльвира была дурочкой. Но не более того.

Черный валет, — повторила мисс Рэмсботтом, указывая на карту. — Красивый, но на сердце у него черно. Этого я и боялась. Такое бывает — и знаешь, что грешник, а любишь. В чем, в чем, а в обходительности ему не откажешь. Даже вокруг меня увивался… Соврал про время, когда ушел от меня в тот день. Я спорить не стала, но сразу заподозрила — тут что-то нечисто… Чем дальше, тем больше… Но ведь он сын моей Эльвиры — как я могла его выдать? А вы, Джейн Марпл, истинная праведница, а правда должна восторжествовать. Только жену его мне жалко.

— Мне тоже, — поддержала ее мисс Марпл.

Пэт Фортескью ждала ее в холле — попрощаться.

— Обидно, что вы уезжаете, — сказала она. — Мне будет вас недоставать.

— Пора ехать, — проговорила мисс Марпл. — Дело, которое меня сюда привело, я сделала. Не сказать, что оно было… весьма приятным. Но зло не должно побеждать — не должно, и все.

Пэт озадаченно посмотрела на нее:

— Я вас не понимаю.

— Знаю, милая. Но когда-нибудь поймете. Осмелюсь дать вам совет: если что-то в вашей жизни пойдет не так, возвращайтесь в места, где счастливо прошли ваши детские годы. Возвращайтесь в Ирландию, милая. К скакунам и гончим. Ко всему, что вам дорого.

Пэт кивнула.

— Иногда я думаю: жаль, что не вернулась в Ирландию, когда умер Фредди. Но тогда, — голос ее смягчился, — я бы не встретила Ланса.

Мисс Марпл вздохнула.

— Знаете, а мы решили здесь не оставаться, — сообщила Пэт. — Как только все прояснится, мы возвращаемся в Восточную Африку. Я так рада.

— Благослови вас господь, милое дитя, — сказала мисс Марпл. — Идти по жизни — для этого требуется немало мужества. Думаю, у вас оно есть.

Она легонько похлопала девушку по руке и вышла через парадную дверь. У ворот ее ждало

такси.

2

Вечером того же дня мисс Марпл добралась домой. Китти, последняя выпускница приюта Сент-Фейт-Хоум, открыла ей дверь, сияя от радости.

— Мисс, я вам на ужин селедку приготовила. Я так рада, что вы вернулись. В доме — чистота и порядок. Я тут генеральную уборку закатила.

— Замечательно, Китти, я тоже очень рада, что вернулась.

А под карнизом, между прочим, — шесть паучьих пряж, подсчитала мисс Марпл. Ох эти девушки, казалось бы, чего проще — поднять голову! Ну да ладно, все-таки человек старался. И мисс Марпл смолчала.

— Мисс, ваши письма на столе в холле. А одно из них по ошибке залетело в Дейзи-Мид. Частенько такое случается. Названия-то похожи. Дейн и Дейзи, а почерк такой корявый, что я и не удивилась вовсе. Хозяева куда-то уехали, дом запечатали наглухо. А теперь вернулись, вот письмо сразу и переслали. Говорят, мол, надеемся, ничего в нем нет такого важного.

Мисс Марпл решила проглядеть почту. Пись-

мо, о котором говорила Китти, лежало сверху. Неверные каракули пробудили в памяти мисс Марпл какие-то воспоминания… Она надорвала конверт.

«Дорогая мадам,

извините что решилася вам написать, но я совсем запуталася а ничего дурного у меня и в мыслях не было. Дорогая мадам, вы небось читали в газетах про убийство только я тут нипричем вернее не совсем, да разве я способна человека жизни лишить такое злодейство и он на это не способен как пить дать. Это я про Альберта. Извените что пишу без толково, но летом мы с ним познакомились и собрались пожениться да только у Берта нету таких прав, их у него отняли облапошил его этот мистер Фортескью который представился. А мистер Фортескью ни в какую мол знать ничего не знаю вот все ему и поверили, а Берту нет потому что он богатый, а Берт бедный. Но у Берта есть друг – он работает где делают новые лекарства и они там сделали исповедальное снадобье может вы

про это читали в газете как кто его примет говорит правду хоть бы и ни хотел. 31 октября Берт хотел придти к мистеру Фортескью на работу и привисти с собой адвоката, а я должна была дать ему снадобье за завтраком и когда бы они пришли оно как раз бы сработало и он бы признался что Бертовы слова и есть самая чистая правда. Ну вот, мадам, я положила это снадобье в мармелад, а он взял и умер, а я уж думаю вдруг оно оказалось сильней чем надо только Берт тут нипричем он бы никогда ничего такого, но как же я скажу полиции вдруг они решат что он это нарочно, а он не нарочно я же знаю. Ой, мадам, прямо не знаю что делать как быть а полиция ходит по дому, да все вынюхивает, да выспрашивает, да строго смотрит какой кошмар что же делать и Берт то же не звонит. Ой, мадам, вот бы вы приехали, да помогли мне вас бы они послушали вы ведь ко мне совсем сердцем я же помню, а ничего плохого я не хотела и Берт то же. Вот бы вы приехали, да вызволили нас из беды. Остаюсь уважающая вас

Глэдис Мартин».

P. S. Прилагаю фото нас с Бертом. Один парень щелкнул нас на курорте и мне отдал. Берт и не знает что оно у меня есть – сниматься не любит. Но вы же сами видите, мадам, какой он симпатичный».

Мисс Марпл, поджав губы, перевела взгляд на фотографию. Девушка и молодой человек смотрели друг на друга. На ее лице — трогательное обожание, рот чуть приоткрыт, а рядом — темноволосый, красивый, улыбающийся Ланс Фортескью.

Последние слова трогательного письма услужливо всплыли в памяти:

«Вы же сами видите, какой он симпатичный».

На глаза мисс Марпл навернулись слезы. Но тут же и высохли — ведь это же убийца, бессердечный убийца!

А потом жалость и гнев смыло волной гордости — так торжествует ученый, восстановивший облик доисторического животного по обломку челюстной кости и скудному рядку зубов.

В 4:50 с вокзала Паддингтон

Список действующих лиц

Элспет Магликадди — из тех здравомыслящих дам, которые и в старости точно знают, что им случилось увидеть — а этой случилось увидеть убийство.

Джейн Марпл — божий одуванчик восьмидесяти лет с речью, полной обиняков, пристрастием к домашнему вину и чаепитию и тайной страстью к расследованию преступлений.

Люси Айлзбарроу — прислуга с оксфордским дипломом, расторопная, толковая, мастерица на все руки, мастерица потрафить всякому — от мала до велика, от выпивохи до балованного пса.

Эмма Кракенторп — почти что, хотя и не совсем, старая дева, которая делает вид, будто отец ее, Лютер, и в самом деле так немощен, каким хочет выглядеть.

Лютер Кракенторп — старый брюзга и скопидом, который коротал время, пересчитывая золотые соверены и тешась надеждой, что переживет трех своих сыновей.

Александр Истли — сын Брайена; считал, что йоркширский пудинг — «просто класс», пирог на патоке — «обалденный», но «самое потрясное»

— находка, которая станет уликой против убийц.

Д-р Куимпер — семейный врач, грубовато небрежный в обращении и с привычкой являться в дом, даже когда никто не болен.

Седрик Кракенторп — веселый художник богемного толка, предпочитающий жить на средиземноморском острове и обходиться без женщин, как он утверждал.

Гарольд Кракенторп — чинный господин из лондонского Сити, склонный, казалось, рассматривать убийство как злостное попрание чести своей фамилии.

Альфред Кракенторп — не то чтобы шельма, но востер — до того востер, что недолго и самому порезаться.

Брайен Истли — бывший летчик-испытатель, кавалер креста «За летные боевые заслуги», а между тем вел себя большей частью как потерянный мальчуган.

Инспектор сыскной полиции Дермот Краддок с нарочитой важностью предъявил малую часть фактов, выдавая их за истину в полном объеме.

Глава 1

Миссис Магликадди, тяжело дыша, поспешала по перрону вслед за носильщиком, который нес ее чемодан. Низенькая, полная миссис Магликадди — за долговязым и ходким носильщиком. Миссис Магликадди, обремененная к тому же бессчетными свертками на исходе дня, посвященного покупкам к Рождеству. Силы в забеге, таким образом, были неравны, и к тому времени как носильщик завернул за угол в конце платформы, миссис Магликадди все еще продвигалась по прямой.

На платформе № 1 в данный момент особой толчеи не наблюдалось, поскольку от нее только что отошел поезд, но за нею, на ничейном пространстве, бурлили встречные потоки, устремляясь сразу в нескольких направлениях: к дверям и из дверей метро, к камерам хранения, вокзальным буфетам, справочным бюро, информационным табло, от входа и к выходу, соединяющим вокзал с внешним миром.

Миссис Магликадди с ее поклажей пихали то туда, то сюда, но в конце концов она все же добралась до платформы № 3 и, положив один

из пакетов у ног, стала рыться в сумочке, ища билет, дабы суровый страж в форменной куртке пропустил ее к поезду.

В эту минуту у нее над головой прорезался металлический, хотя и заученно учтивый голос:

— Поезд на Чадмут отправляется с третьего пути, время отправления 4.54, — возвестил он. — С остановками в Бракемптоне, Милчестере, Уэйвертоне, Карвил Джанкшен, Рокстере, далее — по всем пунктам. Посадка на Бракемптон и Милчестер в конце состава. Пересадка на Уэйнки в Рокстере. — Щелкнуло, и голос умолк, но тут же снова возобновил свой монолог, объявив, что в 4.35 на девятый путь прибывает поезд из Бирмингема и Вулвергемптона.

Миссис Магликадди нашла и предъявила свой билет. Страж пробил его, буркнув в напутствие:

— Направо — к хвостовым вагонам.

Миссис Магликадди заторопилась дальше и у вагона третьего класса обнаружила своего носильщика, который со скучающим видом стоял возле двери и глядел в пространство.

— Вам сюда, мадам.

— Я еду первым классом, — сказала миссис Магликадди.

— Так бы и говорили, — проворчал носильщик,

смерив пренебрежительным взглядом ее серое в черное крапинку твидовое пальто почти мужского покроя.

Миссис Магликадди так и говорила, но предпочла не спорить на эту тему. Она отчаянно запыхалась.

Носильщик снова взял чемодан и зашагал с ним к соседнему вагону, куда в роскошном одиночестве и водворилась миссис Магликадди.

Поезд в 4.54 не пользовался большой популярностью: пассажиры первого класса охотнее ездили на утреннем скором, который шел быстрее, либо на поезде с вагоном-рестораном, отходящем в 6.40. Миссис Магликадди дала носильщику на чай, что было принято с разочарованием, явно означающим, что подобная мзда уместна более для пассажира третьего, но никак не первого класса. Миссис Магликадди, хоть и способна была не поскупиться на поездку с комфортом, после того как провела ночь в дороге из дому, а день — в беготне по магазинам, ни в коем случае не стала бы швыряться деньгами, когда речь шла о чаевых.

Она со вздохом устроилась на плюшевом диванчике и открыла журнал. Через пять минут раздался свисток и поезд тронулся. Журнал вы-

скользнул из рук миссис Магликадди, голова ее поникла на плечо, минутки три — и ее сморил сон. Проспала она тридцать пять минут и проснулась освеженная. Поправила съехавшую набок шляпу, села прямо и стала смотреть в окошко, где мелькала, пролетая мимо, окрестность. Уже стемнело, день выдался хмурый, пасмурный — декабрьский денек; до Рождества оставалось меньше недели. В Лондоне было с утра темно и пасмурно, за городом — не лучше, хотя время от времени во мраке расцветали россыпи огней от встречных городков и станций.

— Чайку — обносим последний раз, — сказал проводник, рывком распахнув дверь в коридор и материализуясь, подобно джинну.

Миссис Магликадди успела откушать чаю в большом универсальном магазине и пока что не нуждалась в подкреплении. Проводник проследовал дальше по коридору, монотонно издавая свой клич. Миссис Магликадди с довольным видом оглядела полку, на которой покоились ее многочисленные свертки. Прекрасные личные полотенца по смехотворной цене — и как раз то, что нужно Маргарет, духовое ружье для Робина и кролик для Джин — тоже бесспорная удача, да и вечерний жакетик для нее самой таков, что

лучше и желать нельзя, и тепленький, и в то же время нарядный. А уж пуловер для Гектора… Приятно было отметить про себя, сколь разумен выбор ее покупок.

Она удовлетворенно снова перевела взгляд на окошко — мимо, со скрежетом, от которого задребезжали стекла, а она невольно вздрогнула, пронесся встречный поезд. Лязгая на стрелках, они миновали станцию.

Внезапно, по всей видимости повинуясь семафору, поезд замедлил ход. Полз несколько минут с черепашьей скоростью, стал, потом опять тронулся вперед. Мимо проехал еще один встречный, правда уже не так оголтело, как первый. Они опять набирали скорость. В эту минуту к ним, описав пугающе крутую дугу, приблизился другой поезд, идущий в том же направлении. Какое-то время оба состава шли бок о бок, поочередно слегка обгоняя друг друга. Миссис Магликадди из своего окошка смотрела в окна вагонов шедшего рядом поезда. Большей частью шторки были опущены, но иногда ей удавалось разглядеть людей, сидящих внутри. В поезде было совсем свободно, многие вагоны пустовали.

В какой-то миг, когда два поезда, казалось, стояли рядом неподвижно, в одном из вагонов

взлетела кверху шторка. Взору миссис Магликадди буквально в считанных футах от нее открылся освещенный вагон первого класса.

Вдруг она охнула, задохнулась и машинально привстала с места.

В вагоне спиной к окошку, а значит и к ней, стоял мужчина. Руки его сомкнулись на шее женщины, стоящей перед ним, и он неторопливо, сосредоточенно душил ее. Глаза у женщины выкатились из орбит, лицо побагровело, налилось кровью. Потрясенная миссис Магликадди видела, как наступил конец: тело под руками мужчины обмякло и осело вниз.

В это мгновение поезд миссис Магликадди вновь сбавил ход, меж тем как соседний стал набирать скорость. Он вырвался вперед и через несколько секунд скрылся из вида.

Рука миссис Магликадди сама собой потянулась к сигнальному шнурку, — и замерла в нерешительности. В конце концов, что толку поднимать тревогу в том поезде, которым едет она сама? Ужас того, что ей привелось увидеть на таком близком расстоянии и при столь необычных обстоятельствах, сковал ее оцепененьем. Необходимо было что-то делать, и немедленно, но что?

Дверь в купе отворилась, вошел кондуктор.

— Попрошу ваш билет.

Миссис Магликадди очнулась.

— Только что задушили женщину, — заговорила она возбужденно. — В поезде, который сейчас нас обогнал. Я сама видела.

На лице кондуктора изобразилось сомнение.

— Простите, сударыня?

— Какой-то человек задушил женщину! В поезде. Я это видела — вот отсюда.

Она показала на окно.

Сомнение на лице кондуктора обозначилось еще явственнее.

— Задушил? — переспросил он недоверчиво.

— Да, задушил! Говорю вам, я сама видела. Вы должны что-то срочно предпринять!

Кондуктор деликатно кашлянул.

— А вы не думаете, сударыня, что, может быть, вздремнули и, так сказать… — Он тактично оставил фразу неоконченной.

— Я действительно вздремнула, но если вы полагаете, что это мне приснилось, то очень ошибаетесь. Сказано вам, я это видела!

Взгляд кондуктора упал на раскрытый журнал, лежащий на сиденье. Там на картинке мужчина душил девушку, а другой мужчина грозил парочке с порога револьвером.

— И вы не допускаете, сударыня, — сказал он рассудительно, — что незаметно задремали за чтением увлекательного рассказа и спросонья немножко перепутали?

Миссис Магликадди перебила его.

— Я видела это, — сказала она. — Наяву, как сейчас вижу вас. Глядела из окна в окошко поезда, который шел рядом, и там какой-то мужчина душил женщину. Я хочу знать одно — что вы намерены предпринять в связи с этим?

— Видите ли, сударыня…

— Вы ведь намерены, надеюсь, что-то предпринять?

Кондуктор обреченно вздохнул и посмотрел на часы.

— Мы ровно через семь минут прибываем в Бракемптон. Я доложу о том, что вы мне сказали. В каком направлении следовал тот поезд?

— В нашем, естественно. Что я, по-вашему, могла бы все это разглядеть, если б он пролетел в ином направлении?

Кондуктор, судя по выражению лица, был склонен думать, что миссис Магликадди вполне способна по своей прихоти разглядеть что угодно и где угодно. Но продолжал держаться вежливо.

— Можете на меня положиться, сударыня, —

сказал он. — Я доложу о вашем заявлении. Не скажете ли мне ваше имя и адрес на всякий случай…

Миссис Магликадди назвала ему адрес, по которому предполагала находиться в ближайшие несколько дней, дала и свой домашний адрес в Шотландии — он все записал. После чего удалился с видом человека, который исполнил свой долг, успешно справившись с трудным экземпляром проезжего люда.

Миссис Магликадди осталась сидеть нахмурясь с ощущением смутной неудовлетворенности.

Можно ли в самом деле рассчитывать, что кондуктор сообщит кому следует о ее заявлении? Или он просто хотел ее успокоить? Нетрудно догадаться, сколько разъезжает по железной дороге дам почтенного возраста, твердо убежденных, что раскрыли коммунистический заговор, подвергаются смертельной опасности, лично видели летающую тарелку и секретный космический корабль и желают объявить об убийстве, которое никогда не совершалось. Если он просто отмахнулся, отнеся и ее к подобному разряду…

Поезд замедлил ход, проезжая стрелки, мимо поплыли яркие огни большого города.

Миссис Магликадди открыла сумочку, вытащи-

ла из нее одну из квитанций — ничего другого не нашлось — торопливо настрочила шариковой ручкой записку на обратной стороне, вложила в пустой конверт, который по счастью оказался при ней, заклеила и надписала его.

Поезд медленно поравнялся с платформой, запруженной людьми. Привычный вездесущий голос вещал:

— Поезд на Милчестер, Уэйвертон, Рокстер и далее до Чадмута со всеми остановками прибывает на первый путь, отправление в 5.38. Вниманию пассажиров: посадка на Маркет-Бейсинг производится с платформы номер три. Поезд до Карбери со всеми остановками отправляется от первой платформы.

Миссис Магликадди озабоченно рыскала глазами по перрону. Такое количество пассажиров, и так мало носильщиков. А, вон один стоит! Она властно подозвала его:

— Носильщик! Будьте добры, сейчас же отнесите вот это начальнику станции.

Она отдала ему конверт, сопроводив его шиллингом.

После чего со вздохом откинулась на спинку дивана. Что ж, она сделала, что могла. В голове с мимолетным сожалением мелькнула мысль о

шиллинге. За глаза хватило бы и шести пенсов…

Ей вновь представилась сцена, которую она невольно подглядела. Кошмар, сущий кошмар! Никто не назвал бы миссис Магликадди слабонервной, и все же она передернулась. Как странно, как непостижимо, что с ней, Элспет Магликадди, должно было случиться такое. Ведь не взлети кверху шторка вагонного окна… Определенно то была рука судьбы.

Это судьба, что ей, Элспет Магликадди, выпало стать свидетельницей преступления. У нее плотнее сжались губы.

Прощальные возгласы, свистки; захлопали, закрываясь, двери. Ровно в 5.38 поезд плавно отошел от станции Бракемптон. Через час пять минут он остановился в Милчестере.

Миссис Магликадди собрала свои свертки, взяла чемодан и сошла на перрон. Огляделась. Мысленно укрепилась в ранее вынесенном суждении, что не хватает носильщиков. А тех, какие есть, занимают, кажется одни лишь мешки с почтой да багажные вагоны. Предполагается, по-видимому, что в наши дни пассажиры обязаны сами тащить свои чемоданы. Ну, ей-то свой чемодан не донести, плюс зонтик и все эти пакеты. Придется ждать. Спустя какое-то время носиль-

щик все-таки нашелся.

— Вам на такси?

— Меня, наверное, будут встречать.

У выхода водитель такси, следящий за вокзальными дверьми, шагнул вперед.

— Вы будете не миссис Магликадди? — молвил он с мягким местным выговором. — Ехать в Сент-Мэри-Мид?

Миссис Магликадди подтвердила, что это она. Носильщик получил за труды не бог весть сколько, но достаточно. Машина, унося миссис Магликадди с ее чемоданом и свертками, покатила в вечернюю мглу. Ехать было девять миль. Миссис Магликадди сидела прямая и напряженная, дожидаясь минуты, когда сможет дать волю переполняющим ее чувствам. Но вот такси выехало на знакомую деревенскую улицу и остановилось наконец у нужного дома; миссис Магликадди вылезла из машины и по мощенной кирпичом дорожке направилась к двери. Открыла старушка горничная; шофер внес вещи в дом. Миссис Магликадди, не задерживаясь в прихожей, прошла прямо к открытой двери в гостиную, где ее ждала хозяйка, хрупкая, сухонькая дама преклонных лет.

— Элспет!

— Джейн!

Они поцеловались, и миссис Магликадди, без всяких предисловий и околичностей, выпалила со стоном:

— Ох, Джейн, при мне только что совершилось убийство!

Глава 2
I

Верная взглядам, усвоенным еще от бабки и матери — что благовоспитанную особу не выведет из равновесия ни испуг, ни удивление, — мисс Марпл лишь подняла брови и покачала головой.

— Какое потрясение для тебя, Элспет, и как это неожиданно. Я думаю, ты мне должна не мешкая все рассказать.

Миссис Магликадди того только и желала. Позволив хозяйке дома подвести себя ближе к камину, она села и, стянув перчатки, стала во всех красочных подробностях излагать происшедшее.

Мисс Марпл слушала с неотрывным вниманием. Когда же наконец миссис Магликадди сделала передышку, она с решимостью проговорила:

— По-моему, милая, сейчас тебе самое лучшее пойти наверх — снять шляпу, умыться с дороги. А там поужинаем, и за столом не будем касаться этой темы. Займемся ею основательно после ужина и обсудим со всех сторон.

Миссис Магликадди согласилась. Дамы поужинали, обсудив за едой различные стороны жизни,

как она протекает в деревне Сент-Мэри-Мид. Мисс Марпл упомянула, что по общему мнению новый органист не внушает доверия, поведала о недавнем скандале, связанном с аптекарской женой, проехалась насчет вражды между школьной директрисой и местным культурным центром. Затем разговор перешел на садоводство.

— От пионов, — говорила, вставая из-за стола, мисс Марпл, — никогда не знаешь, чего ждать. То ли он тебе примется — то ли нет. Зато уж если приживется, то будет с тобой, как говорится, до гроба, а сорта нынче выведены удивительной красоты.

Они опять расположились у камина, мисс Марпл достала из углового буфета две рюмки старинного стекла, а из другого буфета — бутылку.

— Кофе тебе нынче на ночь противопоказано, Элспет, — сказала она. — Ты и так перевозбуждена — что неудивительно — и, вероятно, не уснешь. Рекомендую рюмочку домашнего цветочного вина, а попозже, пожалуй, — чашку ромашкового чая.

Не встретив со стороны миссис Магликадди никаких возражений, мисс Марпл налила в рюмки вино.

— Джейн, — сказала миссис Магликадди, отпи-

вая первый глоток, — ты ведь не думаешь, правда, что мне это приснилось или померещилось?

— Нет, конечно, — без колебаний отозвалась мисс Марпл.

У миссис Магликадди вырвался вздох облегчения.

— А вот кондуктор, — сказала она, — подумал. Хотя и вежливо, но все же дал понять…

— Что, я считаю, вполне естественно в подобных обстоятельствах. История звучит достаточно неправдоподобно. Тем более человек совсем тебя не знал. Нет, я-то ничуть не сомневаюсь, что ты действительно видела то, о чем рассказываешь. Случай из ряда вон выходящий, но ничего невозможного в нем нет. Помню, я и сама с интересом отмечала, когда бок о бок с моим поездом шел другой, до чего ярко и живо видны картинки того, что происходит в соседнем вагоне. Раз, помнится, какая-то девчушка, играя с плюшевым мишкой, взяла вдруг и запустила им в толстяка, спящего в углу — тот подскочил, возмущенно озираясь, а остальных пассажиров явно разбирал смех. Я всех их видела так отчетливо, что после не затруднилась бы в точности описать, кто как выглядел и во что был одет.

Миссис Магликадди благодарно закивала го-

ловой.

— Именно так оно и было.

— Ты говоришь, мужчина стоял к тебе спиной. Значит, лица его ты не видела?

— Нет.

— А женщина, — можешь ты ее описать? Молодая? Старая?

— Моложавая. Лет что-нибудь тридцать — тридцать пять. Точнее определить не берусь.

— Красивая?

— И это тоже не скажу. Когда лицо все перекошено, тут, видишь ли…

— Да-да, — торопливо сказала мисс Марпл, — я понимаю. А одета?

— В меховое пальто, блеклый какой-то мех. И без шляпы. Светлые волосы.

— А о мужчине так-таки не припомнишь ничего определенного?

Миссис Магликадди помедлила, тщательно обдумывая свой ответ.

— Рост выше среднего и темные волосы, по-моему. На нем было толстое пальто, так что какого он сложения судить трудно. Не слишком густо, правда? — прибавила она сокрушенно.

— Но уже кое-что. — После легкой заминки мисс Марпл продолжала: — У тебя в душе полная

уверенность, что женщина была… мертва?

— Мертва, я уверена. У нее вывалился язык и… я не хотела бы…

— Да, разумеется, — быстро сказала мисс Марпл. — Не нужно. Утром нам, очевидно, станет известно больше.

— Утром?

— Что-то об этом, надо полагать, появится в утренних газетах. Мужчина напал на нее, убил и остался с трупом на руках. Что он должен был сделать? Можно предположить, что поспешил выйти на первой же остановке. Ты, кстати, не помнишь, вагон был проходной?

— Нет.

— Это, по-видимому, означает, что поезд был не дальнего следования. Почти наверняка с остановкой в Бракемптоне. Допустим, он сошел в Бракемптоне, а труп перед тем примостил на угловом сиденье, скрыв лицо за меховым воротником, чтобы подольше не обнаружили. Да, думаю, так он и поступил. Но в скором времени, понятно, труп все равно обнаружат, и в утренних газетах, надо полагать, почти наверняка появится сообщение, что в поезде найдено тело убитой женщины. Посмотрим.

II

Но в утренних газетах ничего не было. Удостоверясь в этом, мисс Марпл и миссис Магликадди кончили завтракать в молчании. Обе размышляли.

После завтрака пошли прогуляться по саду. Однако времяпрепровождение это, обыкновенно столь захватывающее, сегодня протекало как-то вяло. Мисс Марпл, правда, не преминула привлечь внимание приятельницы к новым и редким видам растений, пополнявшим ее альпийский садик, но держалась при том почти рассеянно. Миссис же Магликадди, в свою очередь, не отвечала против обыкновения на этот вызов перечнем собственных последних приобретений.

— Сад выглядит совсем не лучшим образом, — говорила все с тем же рассеянным видом мисс Марпл. — Доктор Хейдок категорически запретил мне нагибаться и становиться на колени, а много ли сделаешь, скажи на милость, если ни тебе нагнуться, ни стать на колени? Есть, конечно, старый Эдвардс, но этот апломб! Всегда с приходящими та беда, что они усваивают дурные

привычки, чаепитие без конца, тут копнут, там ковырнут, а настоящей работы нет.

— Ох, понимаю, — отвечала миссис Магликадди. — Конечно, о том, чтобы мне запрещали нагибаться, речи нет, но все равно — в особенности после еды, а я к тому же пополнела… — она окинула взором свои обширные формы, — непременно расплачиваешься изжогой.

Наступило молчание, потом миссис Магликадди твердо ступила на дорожку и стала лицом к своему другу.

— Ну?

То было расхожее, незначащее словцо, но тон, каким оно было сказано, наполнил его значением, которое мисс Марпл прекрасно поняла.

— Да, знаю, — сказала она. Дамы обменялись взглядами.

— По-моему, — сказала мисс Марпл, — стоило бы сходить в полицейский участок, поговорить с сержантом Корнишом. Неглупый, выдержанный человек, я хорошо его знаю, а он — меня. Думаю, он прислушается к тому, что мы скажем, и передаст куда следует.

Соответственно, минут через сорок пять мисс Марпл и миссис Магликадди вели беседу со свежим, серьезным мужчиной лет тридцати или

сорока, который внимательно их слушал.

Франк Корниш встретил мисс Марпл тепло и даже не без почтительности. Подвинув дамам стулья, он спросил:

— Итак, чем могу быть вам полезен, мисс Марпл?

— Пожалуйста, я бы просила вас послушать, что рассказывает моя приятельница миссис Магликадди.

И сержант Корниш стал слушать. По завершении рассказа он помолчал немного.

Потом сказал:

— Совершенно поразительная история.

Пока миссис Магликадди говорила, он незаметно приглядывался к ней.

Впечатление в целом сложилось благоприятное. Разумная женщина, способная четко излагать факты, не выдумщица, насколько можно судить, и не истеричка. Мало того, правдивость ее истории, кажется, не вызывала сомнений у мисс Марпл, а уж про мисс Марпл ему было все известно досконально. Мисс Марпл в Сент-Мэри-Мид знали все; внешне — божий одуванчик, дунь — и нет ее, но за этой видимостью — острый, ясный ум, каких поискать.

Он откашлялся и продолжал:

— Конечно, вы могли ошибиться — заметьте, я этого не утверждаю, но такая вероятность существует. Мало ли кто как развлекается. Не обязательно это должно быть серьезно и тем более — смертельно.

— Я точно знаю, что видела, — твердо сказала миссис Магликадди.

И будешь стоять на своем, мысленно заключил Франк Корниш, и я не удивлюсь, если правда, как бы дико она не выглядела, окажется на твоей стороне.

Вслух он сказал:

— Вы сообщили об этом начальству на железной дороге, пришли и сообщили мне. То есть сделали то, что и требовалось, — теперь, можете не сомневаться, я позабочусь, чтобы было назначено расследование.

Он сделал паузу. Мисс Марпл, довольная, тихонько кивала головой. Миссис Магликадди осталась не столь довольна, однако промолчала. Сержант Корниш — скорее не из корысти поживиться за счет чужих идей, а из желания услышать, что будет сказано — обратился к мисс Марпл.

— Допустим, все изложенное соответствует фактам, — сказал он. — Что в таком случае, по-ва-

шему, произошло с трупом?

— Есть, как мне кажется, всего две возможности, — без колебаний отвечала мисс Марпл. — Первой приходит в голову, конечно, та, что тело оставили в поезде, только теперь это, по-видимому, исключается, иначе вчера же вечером его бы обнаружили либо кто-нибудь из пассажиров, либо железнодорожники на конечной остановке.

Франк Корниш кивнул.

— Единственное, что еще оставалось убийце, — это столкнуть где-нибудь по пути труп с поезда. Так он, должно быть, и лежит до сих пор на полотне, никем не замеченный, хоть это, признаться, представляется не слишком правдоподобным. Но иного способа поступить с ним просто нет, сколько я могу судить.

— В книжках пишут, что тело можно спрятать в сундук, — сказала миссис Магликадди, — но кто нынче ездит с сундуком — только с чемоданом, а в чемодан труп не уместится.

— Да, — сказал Корниш. — Согласен с вами. Труп, если таковой существует, должны были к этому времени обнаружить или обнаружат очень скоро. Я дам вам знать, если что-то произойдет, хотя, полагаю, вы и сами прочтете об этом в газетах. С другой стороны, может статься,

что женщина, хоть и подверглась жестокому нападению, все-таки осталась жива. Может быть, ей хватило сил сойти с поезда самостоятельно.

— Без посторонней помощи едва ли, — сказала мисс Марпл, — а когда так, на это обратили бы внимание. Из вагона сходит мужчина, поддерживая женщину, которой, по его словам, стало худо.

— Да, такое не останется незамеченным, — сказал Корниш. — Или, если женщину нашли без сознания либо с тяжелыми увечьями в вагоне и отправили в больницу, это было бы также зафиксировано. Так что, думаю, можно не сомневаться — все это в очень скором времени станет вам известно.

Но день прошел, и следующий день… Вечером мисс Марпл получила от сержанта Корниша записку.

«В отношении того дела, по которому Вы ко мне обращались, проведено полное расследование, но безрезультатно. Не найден ни один женский труп. Ни в одной больнице не оказывали помощь женщине, чья внешность соответствует Вашим описаниям, не зарегистрирован ни один случай, когда женщина пострадала бы от нападения или занемогла, или сошла на станции, опираясь на мужчину. Смею уверить Вас, расследование

проведено исчерпывающее. Выскажу предположение, что Ваша приятельница действительно наблюдала описанную ею сцену, но дело обстояло далеко не так серьезно, как она решила».

Глава 3
I

— Не так серьезно? Вздор! — сказала миссис Магликадди. — Это было убийство!

Она с вызовом подняла глаза на мисс Марпл, и мисс Марпл тоже отвечала ей взглядом.

— Ну же, Джейн, — продолжала миссис Магликадди. — Скажи, что все это ошибка! Что мне померещилось! Ты ведь это сейчас думаешь, верно?

— Ошибиться может каждый, — мягко отозвалась мисс Марпл. — Каждый, Элспет, даже ты. Это, я бы сказала, всегда полезно иметь в виду. И все же, знаешь, я склонна думать, что скорее всего ошибки не было. Ты читаешь в очках, но на расстоянии видишь превосходно, и то, что увидела, потрясло тебя до глубины души. Ты была определенно сама не своя, когда приехала.

— Такое никогда не забудешь, — с содроганием сказала миссис Магликадди. — К несчастью, не вижу, что я тут могу поделать.

— По-моему, — задумчиво сказала мисс Марпл, — ты ничего больше не можешь. — (Если

бы миссис Магликадди следила за оттенками в голосе своего друга, от нее не укрылся бы легкий нажим на слово «ты».) — Ты сообщила о том, что видела, и служащим на железной дороге, и в полицию. Нет, что могла, ты сделала.

— В известном смысле для меня это облегчение, — сказала миссис Магликадди, — ведь я, как тебе известно, сразу же после Рождества собираюсь в гости к Родерику на Цейлон и никак не хотела бы откладывать свою поездку — я так ждала ее. Хотя, конечно, отложила бы, если б считала, что таков мой долг, — оговорилась она искренне.

— Я в этом уверена, Элспет, но, повторяю, все, что только в твоих силах, ты уже сделала.

— Очередь за полицией, — сказала миссис Магликадди. — И если в полиции собрались простофили…

Мисс Марпл решительно качнула головой.

— Да нет, — сказала она, — в полиции собрались не дурачки. Что лишь придает делу интерес, ты не согласна?

Миссис Магликадди взглянула на нее, не понимая, и мисс Марпл вновь уверилась, что ее приятельница — женщина похвальных убеждений, но начисто лишенная воображения.

— Невольно задаешься вопросом, что же про-

изошло на самом деле, — сказала мисс Марпл.

— Ее убили.

— Да, но кто убил и почему, и что случилось с телом? Где оно сейчас?

— Это должна установить полиция.

— Правильно! Но не установила. Что означает, не так ли, что тот мужчина находчив — и очень. Я, знаешь, ума не приложу, — продолжала мисс Марпл, наморщив лоб, — куда он его подевал. Ты убиваешь в припадке ярости женщину — а наверняка убийство было непредумышленное, — кто же станет заранее замышлять убийство при подобных обстоятельствах, за считаные минуты до большой станции. Нет, наверняка тут вышла ссора — из-за ревности, скажем, — такое что-нибудь. Душишь ее, стало быть, и оказываешься, как я говорила, с трупом на руках, а с минуты на минуту будет станция. Тогда единственное, что тебе остается, — это, как я и говорила с самого начала, приладить тело на угловом сиденье в позе спящей, прикрыв ей лицо, а самому как можно скорее сойти с поезда. Другой возможности я не вижу. А между тем, она определенно была…

Мисс Марпл погрузилась в раздумье.

Миссис Магликадди дважды ей повторила одно и то же, пока она отозвалась.

— Туговата становишься на ухо, Джейн.

— Пожалуй, самую малость. Мне кажется, люди в последнее время не так четко выговаривают слова. Но это не значит, что я тебя не слыхала. Боюсь, я отвлеклась на минуту.

— Я только спрашивала, какие завтра поезда на Лондон. Если днем — тебе это как? Я еду к Маргарет, а она меня ждет к вечернему чаю, не раньше.

— Я подумала, ты не против поехать в 12.15? Перекусить мы могли бы пораньше.

— Разумеется, и…

Мисс Марпл продолжала, заглушая слова приятельницы:

— И еще я подумала, ничего, если ты опоздаешь к чаю у Маргарет — приедешь что-нибудь около семи?

Миссис Магликадди взглянула на нее с любопытством.

— Ты что это задумала, Джейн?

— Предлагаю, Элспет, поехать в Лондон вместе с тобой, а оттуда мы на том же поезде, который тебя привез, проедем до Бракемптона. Из Бракемптона ты вернешься в Лондон, а я повторю твой путь сюда. И, естественно, заплачу за билеты.

Миссис Магликадди оставила финансовую сто-

рону вопроса без внимания.

— И на что же ты рассчитываешь, Джейн? Что случится еще одно убийство?

— Нет, конечно, — сказала мисс Марпл, уязвленная. — Но признаюсь, что хотела бы собственными глазами обозреть под твоим чутким руководством — как бы это поточнее выразиться… поле преступных действий.

Итак, назавтра мисс Марпл и миссис Магликадди сидели друг против друга в вагоне первого класса, отходящем в 4.54 из Лондона с вокзала Паддингтон. На вокзале сегодня, всего за два дня до Рождества, толпилось еще больше народу, чем в пятницу, но в поезде — по крайней мере в хвостовой его части — было сравнительно тихо и спокойно.

Ни один поезд в этот раз с ними не поравнялся, и ни одного они сами не нагнали. Время от времени мимо проносились поезда на Лондон. Два раза промелькнули мимо скорые, идущие в том же направлении, что и они. Миссис Магликадди, охваченная сомненьями, все время поглядывала на часы.

— Трудно сказать, когда именно… Знаю, что мы тогда только что проехали станцию.

Но станции они проезжали то и дело.

— Через пять минут будем в Бракемптоне, — сказала мисс Марпл.

В дверях показался кондуктор. Мисс Марпл вопросительно подняла брови. Миссис Магликадди покачала головой. Кондуктор был не тот. Он пробил им билеты и двинулся дальше, чуть сбившись с ноги, когда состав пошел на длинный поворот. Одновременно поезд начал сбавлять скорость.

— Очевидно, подъезжаем к Бракемптону, — сказала мисс Марпл. — Проезжаем окраины, по-моему.

Снаружи замелькали огни, дома, изредка в поле зрения попадали улицы и трамваи. Они все более замедляли ход. Залязгали стрелки.

— Еще минута — и приедем, — сказала миссис Магликадди, — а толку от этой поездки что-то не видно. Может быть, тебя, Джейн, она натолкнула на полезную мысль?

— Боюсь, что нет, — с сомнением в голосе отвечала мисс Марпл.

— Обидно, деньги ушли впустую, — сказала миссис Магликадди, хоть, впрочем, с меньшим неудовольствием, чем если бы платила за себя сама. Но в этом вопросе мисс Марпл оказалась тверда, как гранит.

— Все равно, — сказала мисс Марпл, — всегда хочется видеть своими глазами место, где что-то произошло. Мы опаздываем на несколько минут. Твой поезд в пятницу шел точно по расписанию?

— Кажется, да. Я, честно говоря, не обратила внимания.

Состав между тем медленно вползал в оживленную зону Бракемптонского вокзала. Хрипло вещал репродуктор, хлопали двери, открываясь и закрываясь, кто-то сходил с поезда, кто-то садился, по всей платформе туда и сюда спешили люди. Суета и оживление царили кругом.

Совсем просто убийце смешаться с такой толпой, думала мисс Марпл, уйти со станции в плотной гуще напирающих людей или даже пересесть в другой вагон и на том же поезде доехать до конечной остановки. Просто быть одним из множества пассажиров. А вот добиться, чтобы исчез труп — не так-то просто. Где-то он должен быть, этот труп.

Миссис Магликадди тем временем сошла и, стоя на платформе, говорила в открытое окошко:

— Ты береги себя, Джейн. Смотри не простудись. Сейчас коварное время года, а ты как-никак уже не молоденькая.

— Я знаю, — сказала мисс Марпл.

— И давай больше не волноваться насчет этой истории. Мы сделали все, что в наших силах.

Мисс Марпл кивнула головой.

— А ты, Элспет, не стой на холоде. Иначе сама простудишься. Ступай-ка выпей горячего чаю в буфете. Время есть, до отхода твоего лондонского поезда еще двенадцать минут.

— А что, пожалуй. Будь здорова, Джейн.

— Всего хорошего, Элспет. Счастливого Рождества. Надеюсь, ты застанешь Маргарет в полном порядке. Желаю тебе приятно провести время на Цейлоне и кланяйся от меня милому Родерику, если он еще помнит меня, в чем я сомневаюсь.

— Конечно, помнит прекрасно! Не ты ли выручила его каким-то образом, когда он учился в школе — что-то там приключилось, деньги стали пропадать из личного шкафчика. Такое не забывается.

— А, ты об этом! — сказала мисс Марпл.

Миссис Магликадди отвернулась от окна, паровоз дал свисток, поезд медленно тронулся. Мисс Марпл смотрела, как удаляется приземистая, плотная фигурка ее подруги. Элспет может отправляться на Цейлон с чистой совестью — она исполнила свой долг и не связана больше никакими обязательствами.

Поезд набирал скорость, но мисс Марпл не спешила откинуться на спинку сиденья. Она сидела прямо и напряженно думала. Высказываться мисс Марпл имела обыкновение туманно и многословно, но мысль у нее работала четко и ясно. Ей предстояло решить задачу — задачу, как вести себя в дальнейшем, и может показаться странным, но ей, подобно миссис Магликадди, тоже представлялось, что это вопрос долга.

Миссис Магликадди сказала, что они сделали все, что в их силах. Применительно к миссис Магликадди это было справедливо, но насчет себя мисс Марпл такой уверенности не ощущала.

Отчасти вопрос сводился к тому, чтобы использовать определенные способности, которыми ты обладаешь. В чем, не исключено, присутствовала, впрочем, доля самомнения. В конце концов, много ли она может сделать? Припомнились слова, сказанные подругой: «Ты как-никак уже не молоденькая…»

Бесстрастно, как генерал обдумывает план боевой операции или экономист оценивает возможности предстоящей сделки, мисс Марпл взвешивала и мысленно подсчитывала доводы за и против дальнейших действий.

Под рубрикой «за» оказались:

1. Мой богатый жизненный опыт и знание человеческой натуры.

2. Сэр Генри Клидеринг и его племянник (ныне, помнится, служит в Скотленд-Ярде), который как нельзя лучше проявил себя в связи с делом «Литтл-Паддокс».

3. Младший сын моего племянника Реймонда, Дэвид, который, если не ошибаюсь, работает на «Бритиш рейлуэйз» [100].

4. Гризельдин сынок Леонард, большой дока по части географических карт.

Мисс Марпл перебрала в уме эти плюсы и осталась довольна. Все они вкупе создавали необходимый противовес минусам — в частности, ее собственной физической немощи.

«Одно дело, — размышляла мисс Марпл, — когда можешь свободно перемещаться туда-сюда, расспрашивать, выведывать...»

Да, это был главный довод против — ее возраст и нехватка сил. Правда, для такого возраста со здоровьем у нее обстояло недурно, но правда и то, что старость есть старость. И если доктор Хейдок строго запретил ей работать в саду, он едва ли благословил бы ее пуститься на поиски убийцы.

---

[100] notes: 100
Сеть национализированных железных дорог.

Ибо, в сущности, именно это она и замышляла — а тут была уважительная причина воздержаться. Потому что если до сих пор убийство, так сказать, вторгалось в ее жизнь непрошенно, то в данном случае она затевала его расследование по собственной инициативе. А между тем, не поручилась бы, что хочет этого. Она состарилась — состарилась и устала. Сейчас, в эти последние минуты утомительного дня, она была меньше всего расположена ввязываться в какую бы то ни было затею. Хотелось лишь одного: добраться до дому, подсесть к камельку с подносом, на котором ждет аппетитный ужин, и лечь спать, а назавтра провести денек в свое удовольствие, подстригая кое-что в саду, потихоньку прибираясь в доме, не нагибаясь, не напрягаясь.

«Стара я стала для новых приключений», — говорила себе мисс Марпл, рассеянно скользя взглядом по изогнутой линии насыпи за окном.

Поворот.

Что-то шевельнулось в мозгу. Сразу же, как только кондуктор пробил им билеты…

Это наводило на мысль. Только мысль, не более того. Совершенно иную мысль.

К лицу мисс Марпл прилил румянец. Усталость вдруг как рукой сняло!

«Завтра же утром напишу Дэвиду», — сказала она себе. И в тот же миг ей пришел на ум еще один ценный козырь. «Конечно же! Моя верная Флоренс!»

II

К осуществлению плана своей операции мисс Марпл приступила методично и с должной поправкой на такой фактор, как Рождество, определенно тормозящий ход событий.

Прежде всего написала внучатому племяннику Дэвиду Уэсту письмо, в котором, наряду с пожеланиями счастливого Рождества, содержалась настоятельная просьба о некоего рода информации.

По счастью ее, как и в прежние годы, пригласили на рождественский обед к приходскому священнику, где можно было подступиться с вопросами касательно географических карт к юному Леонарду, приехавшему на Рождество домой.

К картам, всем и всяческим, Леонард питал страсть. Почему вдруг старая дама обращается к нему с расспросами насчет крупномасштабной карты определенной местности, его не волнова-

ло. Он разразился целой речью о картах вообще и написал, которая в частности лучше всего подойдет для ее цели. Мало того, обнаружилось, что таковая имеется в его собрании, и мисс Марпл, пообещав обращаться с ней бережно и вернуть в положенный срок, получила ее во временное пользование.

III

— Карты? — сказала его мать Гризельда, все еще на удивление молодая и цветущая для этих ветхих стен и взрослого сына. — С чего бы это ей понадобились карты? То есть, я хочу сказать, для чего?

— Не знаю, — отвечал юный Леонард. — Она как будто не говорила ничего определенного.

— Любопытно… — сказала Гризельда. — Выглядит крайне подозрительно, на мой взгляд. Пора бы милой старушке в такие годы кончать этим заниматься.

Чем — этим, поинтересовался Леонард и получил уклончивый ответ:

— Да так, совать свой нос, куда не следует. При чем тут карты, хотела бы я знать?..

В должное время мисс Марпл получила письмо

от любящего внучатого племянника Дэвида Уэста. Он писал:

«Дорогая тетя Джейн! Что это, интересно, ты затеваешь? Добыл для тебя нужную информацию. Мало-мальски подходящих поездов всего два — в 4.33 и в 5 часов. Первый из них — почтовый, с остановками в Хейлинг-Бродвее, Баруэлл-Хите, Бракемптоне и потом, до Маркет-Бейсинга, — везде. Пятичасовой — скорый из Уэльса на Кардифф, Ньюпорт и Суонси. Лондонский 4.54 может где-то по пути поравняться с первым, хотя в Бракемптон тот прибывает на пять минут раньше, а его самого прямо перед Бракемптоном обгоняет скорый. Чую, попахивает это все скандальчиком пикантного свойства, нет? Не углядела ли ты в проходящем мимо поезде, когда возвращалась после вылазки в город за продуктами, женушку вашего мэра в объятьях санинспектора? Но тогда почему так важно, какой это был поезд? Совместный уик-энд в Портколе, м-м? За свитер — спасибо. Как раз то, что нужно!

Что новенького в саду? Относительное затишье, предполагаю, в такое время года?

Всегда твой, Дэвид».

Мисс Марпл с улыбкой оценила стиль письма и сосредоточилась на содержательной его части.

Миссис Магликадди определенно сказала, что вагон был не купейный. Стало быть, скорый на Суонси отпадает. Остается почтовый с отправлением в 4.33.

С неизбежностью намечались также новые поездки. Мисс Марпл повздыхала и стала готовиться.

В поезд на Лондон она, как и прежде, села в 12.15, но обратно, до Бракемптона, поехала не в 4.54, а в 4.33. Ничего примечательного в дороге не случилось, но кой-какие подробности заслуживали внимания. В поезде было сравнительно пусто — в 4.33 вечерний час пик еще не начинался. Из вагонов первого класса лишь в одном обнаружился пассажир — преклонных лет господин, погруженный в чтение журнала «Нью стейтсмен». В своем купе мисс Марпл ехала одна и на обеих остановках, в Хейлинг-Бродвее и Баруэлл-Хите, высунувшись из окна, наблюдала, как сходят и садятся пассажиры. В Хейлинг-Бродвее немного пополнились вагоны третьего класса. В Баруэлл-Хите они же слегка опустели. В вагоны первого класса не сел никто, а старичок с журналом сошел.

При подъезде к Бракемптону, когда поезд пошел на поворот, мисс Марпл поднялась и проделала

маленький опыт — стала спиной к окну, опустив заблаговременно шторку.

Да, решила она, действительно: когда внезапно путь изгибается дугой и падает скорость, тебя с потерей равновесия от толчка отбрасывает к окну и шторка при этом свободно может взлететь наверх. Она вгляделась в темноту за окошком. Там было светлее, чем в тот раз, когда эти же места проезжала миссис Магликадди — едва лишь сгустились сумерки — но мало что было видно. Для полноценных наблюдений следовало ехать в дневное время.

Назавтра она села уже на ранний поезд, купила в городе (поцокав языком при виде цены) четыре полотняных наволочки, сочетая интересы расследования с пользой для домашнего хозяйства, и села на обратный поезд, отходящий с вокзала Паддингтон в 12.15. И снова оказалась одна в вагоне первого класса. «А все налоги, — размышляла мисс Марпл, — это из-за них. Никто не может позволить себе поехать в час пик первым классом, разве что бизнесмены. И то, вероятно, потому что могут отнести это на счет деловых издержек».

Минут за пятнадцать до остановки в Бракемптоне мисс Марпл достала карту, полученную от

Леонарда, и начала обозревать окрестность. Она заранее очень тщательно изучила эту карту и, заметив название одной из станций, которую они проехали, сумела без труда определить, где находится, как раз когда поезд стал замедлять ход у поворота. Изгиб путей охватывал весьма обширный участок. Мисс Марпл, прилипнув носом к окошку, с неотрывным вниманием разглядывала местность внизу (поезд шел по довольно высокой насыпи). Так, переводя взгляд с пейзажа за окном на карту, и доехала до Бракемптона.

В тот вечер она отправила письмо на имя мисс Флоренс Хилл по адресу: 4 Мадисон-роуд, Бракемптон. А утром, посетив местную библиотеку, штудировала «Адресную книгу и географический справочник Бракемптона», а также краткую историю графства.

Пока ничто не вступало в противоречие с той неоформленной, смутной мыслью, что осенила ее давеча. То, что мелькнуло в ее воображении, не было несбыточно. Дальше этого она не пошла.

Между тем следующий шаг предполагал необходимость действий — активных действий — действий такого характера, на какие она сама была физически не способна. Дальше, если она желала найти своей теории реальное подтвер-

ждение или опровержение, ей было не обойтись без посторонней помощи. Вопрос только — чьей? Мисс Марпл перебирала в уме ряд имен и отвергала их по очереди, досадливо качая головой. Люди толковые, такие, на чью сообразительность она могла положиться, были все до единого слишком заняты. У каждого не только работа, большей частью ответственная, но и часы досуга расписаны, как правило, надолго вперед. Что же до бестолковых, хотя бы и располагающих свободным временем, — от этих, заключила мисс Марпл, попросту нет никакой пользы.

Обескураженная, все более досадуя, она рылась в памяти. Внезапно ее лоб разгладился. С губ ее сорвалось имя.

— Ну разумеется! — воскликнула мисс Марпл. — Люси Айлзбарроу!

Глава 4
I

В определенных кругах имя Люси Айлзбарроу уже снискало себе известность.

Люси Айлзбарроу было тридцать три года. Она окончила Оксфорд со степенью бакалавра и отличием первого класса по математике, блистательно одаренная, по общему признанию, — ей уверенно прочили успешную академическую карьеру.

Но Люси Айлзбарроу, помимо блестящих способностей к науке, обладала еще и добротным здравым смыслом. Она не могла не заметить, сколь скудно вознаграждается академическое преуспеяние. Ее нисколько не влекло к преподаванию и очень привлекало общение с натурами гораздо менее одаренными, чем она сама. Ей, словом, нравилось быть с людьми, самыми разными людьми, — только бы не одними и теми же все время. Кроме того, она, откровенно говоря, любила деньги. А чтобы заработать деньги, необходимо предложить то, на что есть спрос.

На что существует огромный спрос, Люси Ай-

лзбарроу установила сразу — катастрофически не хватало умелых помощников по домашнему хозяйству. И Люси Айлзбарроу, к изумлению своих друзей и однокашников, ступила на поприще прислуги.

Ее ждал мгновенный и непреходящий успех. Теперь, по истечении нескольких лет, о ней знали повсюду на Британских островах. Было самым обычным делом, когда жены, обращаясь к мужьям, весело говорили: «Ну, все в порядке. Могу ехать в Штаты вместе с тобой. Я заполучила Люси Айлзбарроу!» Особенность Люси Айлзбарроу была та, что с ее появлением из дома бесследно исчезали заботы, тревоги и тяжелая работа. Все делала, предусматривала, устраивала Люси Айлзбарроу. Нельзя было вообразить такого, чего она бы не умела. Смотрела за престарелыми родителями, нянчилась с малыми детьми, выхаживала больных, божественно стряпала, прекрасно ладила со старыми, закоснелыми в своих привычках слугами, если таковые наличествовали (чего обыкновенно не бывало), знала, как найти подход к самым несносным, унимала неисправимых выпивох, до тонкости понимала обращение с собаками. А главное — не гнушалась никаким трудом. Драила полы на кухне, копала

землю в саду, убирала за собаками — бралась за самую неблагодарную черную работу!

Среди прочего, она твердо держалась правила никогда не наниматься к одним хозяевам на сколько-нибудь длительное время. Обычный ее срок был две недели, в крайнем случае самое большее — месяц. Платить за этот срок приходилось бешеные деньги! Зато на две недели для вас наступала райская жизнь. Вы могли полностью расслабиться, съездить за границу, понежиться дома, делать, что душе угодно, зная, что в умелых руках Люси Айлзбарроу на домашнем фронте все пребудет в лучшем виде.

Естественно, спрос на ее услуги был колоссальный. Она могла бы при желании подрядиться хоть на три года вперед. Ей предлагали громадные деньги за согласие пойти на постоянную работу. Но идти на постоянную работу Люси не собиралась, как и связывать себя обязательствами более чем на полгода вперед. И даже в этих пределах она, неведомо для осаждающих ее клиентов, непременно оставляла свободные окна, получая таким образом возможность устраивать себе время от времени коротенькие и очень дорогие каникулы (поскольку ни на что другое ей тратиться не было надобности, а оплачивали

и содержали ее по высшему разряду), а может статься, и принять незапланированное ранее предложение, которое пришлось ей по вкусу то ли своим особым характером, то ли просто «люди оказались симпатичные». Имея богатый выбор претендентов, алчущих ее услуг, она руководствовалась по преимуществу собственными предпочтениями. Одною лишь величиной состояния обеспечить себе услуги Люси Айлзбарроу было невозможно. Она вольна была выбирать придирчиво — так и поступала. Подобный образ жизни устраивал ее как нельзя более, служа ей неиссякаемым источником занимательных впечатлений.

Люси Айлзбарроу прочла письмо от мисс Марпл и перечла его снова. Они познакомились два года назад, когда писатель Реймонд Уэст пригласил ее ухаживать за своей старой тетушкой, которая как раз перенесла воспаление легких. Люси приняла это предложение и поехала в Сент-Мэри-Мид. Мисс Марпл очень ей понравилась. Что же до самой мисс Марпл, ей достаточно было увидеть из окна спальни, как грамотно Люси Айлзбарроу рыхлит грядку под душистый горошек — со вздохом облегчения она откинулась на подушки и ела потом вкусную легкую еду, которую ей подавала

Люси Айлзбарроу, и слушала, приятно изумленная, рассказы своей старой брюзги-горничной, как та «научила мисс Айлзбарроу вышивать один узор, листочками, о каком она и слыхом не слыхала. Уж так-то после благодарила меня!» И удивила своего врача тем, как быстро поправилась.

В своем письме мисс Марпл спрашивала, не может ли мисс Айлзбарроу выполнить для нее некое поручение довольно необычного свойства. Нельзя ли им договориться о встрече с тем, чтобы это обсудить?

Люси Айлзбарроу, нахмурясь, задумалась на минуту. Честно говоря, время у нее было расписано полностью. И все же словечко «необычное» плюс впечатление от личности мисс Марпл перевесили — она тут же позвонила мисс Марпл, сказав, что приехать в Сент-Мэри-Мид не может, так как связана очередной работой, но завтра с двух до четырех свободна и готова встретиться с мисс Марпл там, где ей удобно в Лондоне. Она назвала свой клуб, не слишком презентабельного вида заведение, с одним преимуществом в виде нескольких темных рабочих кабинетов, которые обычно пустовали.

Мисс Марпл одобрила это предложение, и назавтра встреча состоялась.

После взаимных приветствий Люси Айлзбарроу повела свою гостью в самую темную из комнатенок.

— Я, как на грех, в ближайшее время довольно плотно занята, — сказала она, — но вы, может быть, скажете, что именно хотели бы мне поручить?

— Это, в сущности, совсем просто, — сказала мисс Марпл. — Необычно, но просто. Я хочу, чтобы вы нашли труп.

На секунду у Люси мелькнуло подозрение, что мисс Марпл тронулась умом, но она поспешила прогнать его. Уж кто-кто, а мисс Марпл была в абсолютно здравом уме. Она прекрасно знала, что говорит.

— И какой же труп? — с похвальным хладнокровием спросила Люси Айлзбарроу.

— Женский, — отвечала мисс Марпл. — Труп женщины, убитой, а точнее, задушенной в поезде.

У Люси слегка поднялись брови.

— Да, это и вправду необычно. Расскажите мне все.

И мисс Марпл рассказала. Люси Айлзбарроу слушала внимательно, не перебивая. Потом заметила:

— Все это держится на том, что видела ваша приятельница или, может быть, что ей привиделось…

Она не договорила и фраза прозвучала как вопрос.

— Элспет Магликадди не из тех, кто любит фантазировать, — сказала мисс Марпл. — И потому я верю ее словам. Другое дело, будь это, например, Дороти Картрайт. У Дороти всегда наготове занятная история, которой она сама нередко верит, и доля правды обыкновенно там присутствует, но никак не более того. Элспет же — такой человек, каким очень трудно убедить себя, что на свете вообще бывает что-то необычное, из ряда вон выходящее. Она совершенно не внушаема, не женщина, а каменная глыба.

— Понятно, — задумчиво сказала Люси. — Что ж, допустим, так оно и было. Но каким образом это касается меня?

— Вы произвели на меня очень большое впечатление, — сказала мисс Марпл, — а мне самой, понимаете ли, не хватает нынче сил и прыти бывать там и сям и многое делать.

— То есть производить дознание? Вы это имеете в виду? Но разве все это уже не проделала полиция? Или, по-вашему, проделала, но кое-как?

— Нет-нет, — сказала мисс Марпл. — Полиция все сделала как надо. Просто у меня есть своя теория о местонахождении тела. Ведь должно оно где-то находиться! Раз его не обнаружили в поезде, значит, как видно, столкнули или сбросили оттуда, но и на путях его тоже не нашли. Тогда я проехала тем же маршрутом и посмотрела, нет ли места, где труп могли сбросить с поезда, но так, что он оказался не на путях — и такое место есть. Не доезжая до Бракемптона железная дорога делает большой крюк по гребню высокой насыпи. Если сбросить тело на повороте, когда состав кренится набок, оно, по-моему, как раз и скатится с насыпи вниз.

— Но ведь и в этом случае его нашли бы, даже там?

— Да, верно. Его кто-то должен был забрать. Но мы дойдем до этого, дайте срок. Вот это место — здесь, на карте.

Люси нагнула голову, стараясь рассмотреть, куда указывает палец мисс Марпл.

— Сейчас здесь окраина Бракемптона, — продолжала мисс Марпл, — но первоначально это был загородный дом с обширным парком и усадьбой, которые существуют и поныне, нетронутые, но теперь окруженные кольцом новостроек и

небольших пригородных домов. Называется усадьба Резерфорд-Холл. Построена в 1884 году богачом-фабрикантом по имени Кракенторп. Сын того первого Кракенторпа, старый человек, живет там до сих пор — с дочерью, как я понимаю. Добрую половину имения огибает железная дорога.

— И вы хотите, чтобы я — что?

Мисс Марпл отвечала без промедления:

— Хочу, чтобы вы поступили туда работать. Кругом стон стоит, что негде добыть квалифицированную помощь по хозяйству. Так что, полагаю, для вас это не составит труда.

— Да, это, наверное, будет нетрудно.

— Мистер Кракенторп, говорят, слывет среди местных жителей изрядным скрягой. Если вы согласитесь на маленькое жалование, я берусь вам доплачивать, и общая цифра будет, думаю, повыше средней по нынешним меркам.

— Плата за сложность задачи?

— Скорее, за опасность. Не исключено, что она может оказаться опасной. Справедливость требует, чтобы я вас предупредила.

— Не уверена, — сказала задумчиво Люси, — что мысль об опасности способна отпугнуть меня.

— Я и не думала, что отпугнет, — сказала мисс

Марпл. — Не того вы десятка человек.

— Считали даже, чего доброго, что она меня соблазнит? Мне в жизни редко приходилось сталкиваться с опасностью. Но вы действительно верите, что это может быть опасно?

— Кто-то очень успешно совершил преступление, — пояснила мисс Марпл. — Ни шума в прессе, ни конкретных подозрений. Пришли две старушки с мало правдоподобной историей, полиция провела расследование и не нашла ей подтверждений. В итоге — тишь да гладь. Не думаю, что этому кому-то, кто бы он ни был, понравится, если начнут ворошить это дело, — в особенности если вам будет сопутствовать удача.

— Что мне, собственно, высматривать?

— Любые следы возле насыпи — клочок одежды, сломанный куст — в таком духе.

Люси кивнула.

— А потом?

— Я буду тут же, поблизости, — сказала мисс Марпл. — В Бракемптоне живет моя бывшая прислуга, верная Флоренс. Много лет ухаживала за стариками родителями. Теперь обоих похоронила и пускает к себе жильцов — публика самая порядочная. Я договорилась, что поживу у нее. Она будет заботиться обо мне неусыпно, а я рас-

судила, что лучше мне находиться неподалеку. Рекомендую вам упомянуть, что у вас в этом районе живет старушка тетка и вы подыскиваете себе место где-нибудь в пределах досягаемости, а одно из ваших условий — приемлемое количество свободного времени, чтобы ездить ее навещать.

Люси снова кивнула головой.

— Я собиралась послезавтра в Таормингу, — сказала она. — Но с каникулами можно повременить. Только больше трех недель мне не выкроить. После все мое время занято.

— Трех недель должно хватить с лихвой, — сказала мисс Марпл. — Если ничего не разведаем за три недели, можем смело похоронить всю эту историю как дурное наваждение.

Мисс Марпл уехала; Люси, поразмыслив немного, позвонила в бракемптонское бюро по найму прислуги, которым заведовала ее хорошая знакомая. Объяснила, что ищет место в этом районе, чтобы побыть невдалеке от своей «тетушки». После того как не без труда и с изрядной долей изобретательности она отвергла несколько привлекательных вакансий, был назван Резерфорд-Холл.

— Вот это, похоже, как раз то, что требуется, —

твердо сказала Люси.

Из бюро позвонили мисс Кракенторп, мисс Кракенторп позвонила Люси.

Через два дня Люси выехала из Лондона и взяла путь на Резерфорд-Холл.

II

Сидя за рулем своей маленькой машины, Люси Айлзбарроу въехала в высокие и внушительные чугунные ворота. Сразу же за воротами стояло небольшое строение, первоначально задуманное как сторожка, а ныне донельзя запущенное вследствие то ли военной разрухи, то ли хозяйской нерадивости, трудно сказать. К дому, петляя в густых и сумрачных зарослях рододендрона, вела длинная подъездная аллея. У Люси невольно перехватило дыхание при виде этого дома, похожего на Виндзорский замок в уменьшенных размерах. Каменные ступени у парадной двери нуждались в уходе, посыпанный гравием полукруг дорожки был зелен от неполотой травы.

Люси потянула за старомодную кованую скобу, резкий звон колокольчика отозвался эхом внутри и замер. Дверь отворила неряшливо одетая женщина и, вытирая руки фартуком, подозрительно

оглядела ее.

— Это вас дожидают, что ли? — сказала она. — Мисс Какбишьбарроу, Сама сказывала.

— Совершенно верно, — сказала Люси.

В доме стоял лютый холод. Провожатая провела Люси по темному холлу и открыла дверь с правой стороны. За дверью, к легкому удивлению Люси, оказалась вполне симпатичная гостиная: много книг, стулья с веселой кретоновой обивкой.

— Пойти доложить Самой, — сказала женщина и, бросив на Люси неприязненный взгляд, удалилась, закрыв за собой дверь.

Через несколько минут дверь снова отворилась. С первого же мгновения Люси поняла, что Эмма Кракенторп ей нравится. Средних лет женщина, внешне — ничего особенного, не красавица, но и не дурнушка, одета по сезону и по возрасту: твидовая юбка, свитер, темные волосы зачесаны назад со лба, прямой взгляд карих глаз и очень приятный голос.

— Мисс Айлзбарроу? — Она протянула Люси руку.

Вслед за тем на лице ее отобразилось сомнение.

— Не уверена, — сказала она, — такое ли, право, у нас место, какое вы себе подыскиваете? Мне,

понимаете ли, нужна не экономка, чтобы руководить и надзирать. Мне нужен кто-то, кто будет работать.

Люси высказалась в том смысле, что это и есть большей частью то, что людям требуется.

— Знаете, — продолжала извиняющимся тоном Эмма Кракенторп, — многие, судя по всему, считают, что достаточно кое-где смахнуть пыль, и этим их обязанности исчерпываются, но вытереть пыль я и сама могу.

— Я понимаю, — сказала Люси. — Нужно готовить, стирать, содержать дом в порядке, загружать топку в бойлерной. Не беспокойтесь. Этим я и занимаюсь. Я не боюсь никакой работы.

— Дом у нас, к сожалению, большой и неудобный. Мы, понятно, используем только часть жилых помещений — то есть мы с отцом, я хочу сказать. У него не слишком благополучно со здоровьем. Образ жизни мы ведем крайне скромный, на кухне пользуемся обычной плитой. У меня есть еще братья, но они здесь бывают не часто. Есть две приходящие женщины: по утрам приходит миссис Киддер и три раза в неделю — миссис Харт, чистить медь и тому подобное. У вас что, своя машина?

— Да. Если некуда ставить, может побыть и под

открытым небом. Ей не привыкать.

— Что вы, кругом тьма старых конюшен. С этим проблем не будет. — Она на мгновение нахмурилась. — Айлзбарроу — довольно необычная фамилия. Мне кто-то из друзей — не Кеннеди ли? — рассказывал про некую Люси Айлзбарроу.

— Да. Я у них работала в Северном Девоне, когда миссис Кеннеди рожала.

Эмма Кракенторп улыбнулась.

— Я знаю по их словам, какое для них наступило блаженное время, когда вы там всем заправляли. Но у меня составилось впечатление, что ваши услуги стоят страшно дорого. Та цифра, которую называла я…

— Меня вполне устраивает, — сказала Люси. — Дело в том, что мне нужно место как раз где-нибудь под Бракемптоном. У меня здесь старушка тетка в тяжелом состоянии после болезни, и я хочу быть там, откуда до нее легко добраться. Так что деньги в данном случае не главное соображение. Хотя не работать вовсе я не могу себе позволить. Мне только важно иметь днем какие-то свободные часы.

— Это пожалуйста! Хотите, каждый день от полудня до шести?

— По-моему, идеально.

Мисс Кракенторп слегка замялась.

— Мой отец старый человек и с ним бывает… трудновато. Он придает большое значение бережливости и может подчас сказать такое, что люди обижаются. Мне не хотелось бы…

Люси поспешно вставила:

— Я привыкла иметь дело с пожилыми людьми, притом самого разного склада. И мне всегда удается прекрасно с ними ладить.

Лицо Эммы Кракенторп прояснилось.

«Сложности с папенькой! — заключила мысленно Люси. — Ручаюсь, что старичок — сатрап и деспот».

Ей отвели большую мрачную комнату, которую изо всех своих силенок тщетно старался обогреть маленький электрокамин, потом водили по всему дому, огромному и нескладному. Проходя мимо одной из дверей в холле, они услышали рык:

— Это ты, Эмма? Новая девица с тобой? Веди сюда, я хочу взглянуть на нее.

Эмма, вспыхнув, виновато покосилась на Люси.

Они вошли в комнату. Темные бархатные шторы, узкие окна, скупо пропускающие свет, обилие тяжелой викторианской мебели красного дерева.

Старый мистер Кракенторп полулежал в инвалидном кресле, прислонив к нему сбоку трость с серебряным набалдашником.

Это был крупный, но исхудалый мужчина — кожа на нем обвисла складками. Бульдожье лицо с воинственным подбородком. Густые темные с проседью волосы и маленькие подозрительные глазки.

— А ну-ка, покажитесь, барышня.

Люси, не поведя и бровью, приблизилась с улыбкой.

— Рекомендую вам кое-что усвоить с самого начала. То, что мы живем в большом доме, еще не значит, что мы богаты. Мы не богаты. Живем просто, слышите? — просто! С представлениями о всяческих роскошествах являться сюда не стоит. Треска ничем не хуже палтуса, и зарубите себе это на носу. Я не терплю расточительности. А если и живу здесь, то потому, что этот дом построен моим отцом и он мне нравится. Умру — тогда пускай продают его, коли им вздумается, а уж что вздумается, это как пить дать. Семья для них — пустой звук. Дом хорошо построен, добротно, и кругом своя земля. Ограждает нас от посторонних. Принесла бы большие деньги, если пустить под строительство, но это только через мой труп.

Меня отсюда не выкурить — разве что вынесут ногами вперед.

Он уставился на Люси свирепым взглядом.

— Ваш дом — ваша крепость, — сказала Люси.

— Смеетесь надо мной?

— Вовсе нет. Мне кажется, это так интересно — жить в настоящем загородном имении, когда кругом — город.

— Вот именно. Отсюда ни одного дома не видно — вы оглядитесь! Луга, коровы пасутся, — и это прямо в центре Бракемптона. Бывает, что донесется шумок от уличного движения, когда ветер с той стороны, а так — как была деревня, так и осталась. — И без передышки, тем же тоном, прибавил, обращаясь к дочери: — Иди позвони этому остолопу доктору. Скажешь, что от последнего лекарства никакого проку.

Люси и Эмма вышли.

— И не впускай сюда эту дуру вынюхивать пыль, — закричал он им вслед. — Все книги мне переставила!

Люси спросила:

— И давно мистер Кракенторп хворает?

Эмма отвечала уклончиво:

— О, уже не первый год… А вот здесь у нас кухня.

Кухня оказалась громадной. Исполинских размеров плита стояла холодная и ненужная. Рядом с ней скромненько притулилась обыкновенная, современного производства.

Люси осведомилась, когда в доме едят, обследовала кладовую.

— Теперь я все знаю. Не беспокойтесь. Предоставьте все мне.

В тот вечер Эмма Кракенторп, поднимаясь к себе в спальню, вздохнула с облегчением.

«Правду говорили Кеннеди. Она — чудо», — сказала она себе.

Люси встала наутро в шесть часов. Прибралась в доме, почистила овощи, накрыла стол, приготовила и подала завтрак. Вдвоем с миссис Киддер застлала постели, и в одиннадцать часов села с нею на кухне пить крепкий чай с печеньем. Миссис Киддер, смягчась под двойным воздействием крепкого, сладкого чая и того факта, что Люси «не строит из себя», позволила себе посплетничать.

— Как есть истинный сквалыга. Уж чего только Сама не натерпелась от него! Но при всем том безответной ее не назовешь. Если надо, умеет стоять на своем. Когда наезжают господа, следит, чтобы их кормили по-людски.

— Господа?

— А как же. Семья-то была многодетная. Старший был мистер Эдмунд, его убили на войне. Дальше — мистер Седрик, он живет где-то за границей. Неженатый. Картины рисует в чужих краях. Мистер Гарольд, тот живет в Лондоне, дела ведет в Сити, женился на графской дочке. Есть еще мистер Альфред, обходительный такой, но он у них вроде как паршивая овца, случались с ним неприятности, и не раз, ну, и потом мистер Брайен, муж мисс Эдит — до чего милый человек! Она который год как померла, так он к семье прилепился, чисто родня. А еще — барчук, сынишка мисс Эдит, Александр. Он сейчас в школе, но всегда часть каникул проводит здесь — мисс Эмма души в нем не чает.

Люси мотала на ус эти сведения, не забывая потчевать их поставщицу. Наконец миссис Киддер нехотя поднялась из-за стола.

— Славно мы с вами нынче утро провели, — сказала она озадаченно. — Не хотите, подсоблю чистить картошку?

— Уже почищена.

— Ну, вы и мастерица управляться с делами! Что же, тогда я пошла, все одно делать больше нечего.

Миссис Киддер удалилась, и Люси, пользуясь

свободной минутой, выскребла кухонный стол, у нее руки чесались сделать это с самого утра, но пришлось отложить, иначе миссис Киддер — а это, строго говоря, входило в ее обязанности — могла обидеться. Затем она начистила до зеркального блеска серебро. Приготовила ланч, убрала со стола, помыла посуду и в два тридцать приготовилась выступить на разведку. Все нужное для чая, включая сандвичи, хлеб и масло, заранее собрала на подносе и накрыла влажной салфеткой, чтобы не заветрилось.

Сначала, как поступил бы всякий новый человек, она прошлась по парку. В огороде на кое-как ухоженных грядках росли немногочисленные овощи. Теплицы были в плачевном состоянии. Дорожки повсюду заросли сорняками. Отсутствием сорняков и приличным состоянием мог похвастаться лишь цветочный бордюр возле дома — Люси догадывалась, что по нему прошлась Эммина рука. Садовник, древний, полуглухой старик, больше делал вид, что работает. Люси поговорила с ним приветливо. Выяснилось, что он живет в домике сразу за большим конюшим двором.

От конюшего двора через парк уходила огороженная по обе стороны аллея и, нырнув на

задворках в арку под железной дорогой, впадала в узкий проселок.

То и дело, с промежутком в несколько минут, по путям над аркой с грохотом проносился состав. Люси смотрела, как, круто сворачивая на дугу, огибающую имение Кракенторпов, поезда сбавляют скорость. Пройдя сквозь железнодорожную арку, она вышла на проселок. Вид он имел почти нехоженый. По одну сторону тянулась насыпь железной дороги, по другую — высокая ограда, из-за которой торчали заводские строения. Люси шла по проселку, покуда он не вывел ее на улицу, застроенную невысокими домами. Невдалеке, вероятно, на главной улице, раздавался шум оживленного уличного движения. Люси посмотрела на часы. Из ближнего дома вышла женщина, и Люси остановила ее.

— Простите, вы не скажете, есть тут рядом телефон-автомат?

— На почте, как дойдете до угла.

Поблагодарив ее, Люси продолжала свой путь, и он действительно привел ее к почте, совмещенной с магазином. У стены внутри стояла телефонная будка. Люси зашла в нее и позвонила. Попросила позвать мисс Марпл. Сердитый женский голос отрезал:

— Она отдыхает, и беспокоить ее я не собираюсь! Ей нужно отдыхать — она старый человек. Что передать ей, кто звонил?

— Мисс Айлзбарроу. И нет никакой надобности беспокоить ее. Просто скажите, что я приехала, все идет хорошо, а когда будет что-то новое, я сообщу.

Она положила трубку и пошла назад в Резерфорд-Холл.

Глава 5
I

— Ничего, если я немного помахаю клюшкой в парке? — спросила Люси.

— Да, конечно! Вы увлекаетесь гольфом?

— Играю очень средне, но стараюсь поддерживать форму. Как вид физических упражнений, это приятнее, чем просто пешие прогулки на заданное расстояние.

— Здесь, кроме как у нас, и прогуляться негде, — прорычал мистер Кракенторп. — Сплошь тротуары да жалкие халупы величиной с курятник. Зарятся на мою землю, чтобы еще таких же понастроить. Но не получат, пока я жив. А я умирать им на радость не намерен. И слово мое крепко! Не дождутся от меня такой радости!

Эмма Кракенторп уронила примирительно:

— Полно тебе, отец.

— Знаю, о чем они мечтают и чего дожидаются! Все до единого! И Седрик, и Гарольд, хитрый лис с постной рожей. А что до Альфреда, то удивительно, как это он до сих пор не попробовал угробить меня собственноручно. Хотя не поручусь, что

не попробовал — тогда, на Рождество. С чего бы вдруг мне сделалось так худо? Старина Куимпер просто пришел в недоумение. Подъезжал ко мне с тактичными вопросами.

— У всех, отец, время от времени случается расстройство желудка.

— Ладно, ладно, говори уж прямо, что я объелся! Ты ведь это хочешь сказать? А почему, спрашивается, объелся? Потому что еды было много на столе, слишком много. Излишества, расточительность! Да, кстати, это и к вам относится, барышня. Пять картофелин прислали мне на ланч, притом крупных. Любому двух хватило бы за глаза. Так что в будущем чтобы больше четырех не присылали. Пятая, лишняя, сегодня пропала зря.

— Не пропала, мистер Кракенторп. Планирую пустить ее вечером на испанский омлет.

— То-то!

Выходя из комнаты с кофейным подносом, Люси услышала у себя за спиной:

— Ловка девица, на все у нее готов ответ! Стряпает правда хорошо и собой тоже недурна.

Люси Айлзбарроу взяла легкую клюшку с железной головкой из набора для гольфа, который догадалась захватить с собой, и, перебравшись через изгородь, углубилась в парк.

Для начала провела серию ударов. Минут через пять мяч, срезавшийся, надо полагать отлетел к железнодорожной насыпи. Люси пошла его искать. Оглянулась туда, где стоял дом. Дом стоял далеко и не выказывал ни малейшего интереса к тому, что она делает. Она продолжала поиски. Время от времени посылала мяч к подножию насыпи, на травку. За послеполуденные часы она обшарила примерно третью часть насыпи. Ничего. Люси погнала мяч в сторону дома.

Зато на следующий день кое-что обнаружилось. Кустик боярышника, растущий на полпути к верху насыпи, был обломан. По склону валялись обломанные ветки. Люси внимательно осмотрела деревце. За одну из колючек зацепился обрывок меха. Цветом почти неотличимый от древесины, блекло-коричневый. Несколько мгновений Люси глядела на него, потом достала из кармана ножницы и осторожно отрезала половинку. Отрезанный кусочек положила в конверт, извлеченный из того же кармана. Спускаясь с крутого склона, она искала глазами, нет ли чего-нибудь еще. Напряженно вглядывалась в некошеную луговую траву. Ей как будто удавалось различить некий след, проложенный кем-то, кто шел по высокой траве. Но только очень неясный — совсем

не такой отчетливый, как следы, оставленные ею самой. Должно быть, прошло много времени, он слишком сгладился, и у нее не было полной уверенности, что это не плод ее воображения.

Она принялась усердно рыться в траве у подножия насыпи, как раз под сломанным кустом. В конце концов ее труды увенчались успехом. Она нашла маленькую пудреницу, дешевенькую эмалевую вещицу. Завернула ее в носовой платок и спрятала в карман. Затем продолжила поиски, но больше ничего не нашла.

Назавтра в послеполуденный час Люси села в свою машину и отправилась проведать болящую тетушку. Эмма Кракенторп напутствовала ее сочувственно:

— Не торопитесь возвращаться. До обеда вы нам не понадобитесь.

— Спасибо, но самое позднее в шесть я приеду.

Дом № 4 по Мадисон-роуд был маленький и невзрачный, и такой же маленькой, невзрачной была улочка. Занавески ноттингемского кружева на окнах домика сияли чистотой, сверкали белизной ступеньки крыльца, горела жарко начищенной медью дверная ручка. Дверь открыла долговязая сурового вида женщина в черном, с тяжелым пучком седеющих волос.

Не спуская с Люси недоверчивого оценивающего взгляда, она провела ее к мисс Марпл.

Мисс Марпл занимала в доме заднюю гостиную, выходящую в заботливо прибранный, квадратный садик. В комнате царила вызывающая чистота, изобиловали салфеточки, половички, фарфоровые безделушки, стоял громоздкий мебельный гарнитур в якобитском стиле и два горшка с папоротником. Мисс Марпл сидела в глубоком кресле у камина, поглощенная вязанием.

Люси вошла и закрыла за собой дверь. Села в кресло напротив мисс Марпл.

— Что ж, — сказал она, — похоже, вы были правы.

Она достала свои находки и подробно рассказала, каким образом их обнаружила.

Щеки мисс Марпл окрасились легким победным румянцем.

— Может быть, грешно предаваться таким чувствам, — сказала она. — Но очень лестно, когда выстраиваешь теорию и получаешь подтверждение, что она верна.

Она потрогала клочок меха.

— Элспет говорила, что на женщине была светлая меховая шубка. Пудреница, вероятно, лежала

в кармане и выпала, когда труп катился с насыпи. Она ничем приметным не отличается, но может в чем-нибудь помочь. Вы забрали оттуда не весь мех?

— Нет. Половину оставила на кусте.

Мисс Марпл одобрительно кивнула головой.

— И правильно. Вы очень сообразительны, голубушка. В полиции захотят все досконально проверить.

— Вы готовы обратиться в полицию, имея эти свидетельства?

— Ну, не совсем, пока еще… — Мисс Марпл сделала паузу. — Сперва, я думаю, стоило бы найти труп. Вы не согласны?

— Да, но посильна ли такая задача? То есть, допуская, что ваши заключения верны? Убийца столкнул тело с поезда, потом, вероятно, сам сошел в Бракемптоне и, выбрав время, — не исключено, что в ту же ночь — явился и забрал труп своей жертвы. Однако что было дальше? Он мог деть его куда угодно.

— Куда угодно — нет, — сказала мисс Марпл. — Боюсь, вы не проследили нить событий до логического завершения, дорогая мисс Айлзбарроу.

— Прошу, зовите меня Люси. Так отчего же не куда угодно?

— А оттого, что иначе он мог бы с гораздо большим удобством убить эту женщину где-нибудь в безлюдном месте и спокойно увезти оттуда. Вы недооцениваете…

Люси перебила ее:

— Значит, иными словами… вы хотите сказать, это предумышленное преступление?

— Сначала мне эта мысль не приходила в голову, — сказала мисс Марпл. — Да и с чего бы, естественно? Казалось бы — ну, повздорили, мужчина, не помня себя, задушил свою спутницу и тут столкнулся с проблемой, каким образом избавиться от убитой, проблемой, которую ему предстояло решить буквально за считаные минуты. Но совершить в припадке ярости убийство да случайно взглянуть в окошко, да обнаружить, что поезд делает крюк и как раз в таком месте, куда можно сбросить тело, а после без помех явиться его забрать — что-то многовато для цепочки совпадений! Если б он выбросил ее там наугад, то больше ничего бы не предпринял и труп уже давным-давно был бы найден.

Она замолчала. Люси глядела на нее во все глаза.

— Знаете, — задумчиво продолжала мисс Марпл, — ведь это очень неглупо, придумать

такой способ совершить преступление — а что оно было тщательно обдумано, у меня нет сомнений. Поезд — он нечто до того безликое… Убей он ее на месте, там, где она живет постоянно или временно, кто-нибудь мог заметить, как он пришел туда или ушел. Повези ее куда-нибудь за город, опять-таки могли бы заметить машину, ее номер, какой она модели. А в поезде, там народ случайный, одни садятся, другие сходят. В непроходном вагоне да с нею наедине это было проще простого — особенно если учесть, что он точно знал, как поступит дальше. Он знал — должен был знать — решительно все про Резерфорд-Холл, я имею в виду его расположение на местности, столь необычно изолированное, — своеобразный островок в петле железной дороги.

— Точно, — сказала Люси. — Таков он и есть — анахронизм, дошедший до нас из прошлого. Вокруг со всех сторон бурлит городская жизнь, но до него не докатывается. Одни лишь торговцы доставляют по утрам товар, и только.

— Итак, предположим, в ту же ночь, как вы сказали, убийца является в Резерфорд-Холл. Когда труп выпал из вагона, уже стемнело, и вероятность, что его обнаружат до утра, была ничтожна.

— Да, это верно.

— Убийца явится — как? На машине? Какой дорогой?

Люси подумала.

— Там есть заброшенный проселок вдоль заводской ограды. Возможно, этой дорогой он и воспользуется. Свернет под арку и выедет на заднюю аллею. Там перелезет через изгородь, дойдет до подножия насыпи, найдет тело и оттащит его назад к машине.

— После чего, — подхватила мисс Марпл, — увезет его в какое-то заранее выбранное место. Все это, поверьте, было хорошо продумано. И вряд ли, как я уже говорила, он увезет труп за пределы Резерфорд-Холла, а если и увезет, то недалеко. Первое, что в этом случае придет в голову, — зарыть его где-нибудь, правда?

Она вопросительно посмотрела на Люси.

— Наверное, — задумчиво отвечала та. — Только это не так-то просто, как кажется.

Мисс Марпл согласилась.

— В парке закопать нельзя. Слишком тяжелая работа и велик риск, что заметят. А если где-нибудь, где уже вскопана земля?

— На огороде, возможно, но там совсем под боком домик садовника. Он стар и глух, но все-таки

это опасно.

— Собака в доме есть?

— Нет.

— Тогда, быть может, где-нибудь в сарае, в другом подсобном помещении?

— Это и проще было бы, и быстрей. Там масса старых пустующих служб — вросший в землю хлев, полуразрушенные свинарники, шорная, мастерские — к ним близко никто не подходит. А может, сунул труп в гущу рододендронов или куда-нибудь в кусты.

Мисс Марпл кивнула.

— Да, это, пожалуй, больше похоже на правду.

В дверь постучали; вошла суровая Флоренс с подносом.

— Хорошо, что вас навещают, — сказала она мисс Марпл. — Вот булочек напекла, какие вы так обожали.

— Флоренс всегда пекла к чаю бесподобную сдобу, — заметила мисс Марпл.

Черты польщенной Флоренс нежданно-негаданно расплылись в улыбке, с которой она и удалилась за дверь.

— Думаю, милая, — сказала мисс Марпл, — за чаем больше не стоит говорить об убийствах. Такая неаппетитная тема!

II

После чая Люси поднялась.

— Мне пора обратно. Как я уже сказала, среди нынешних обитателей Резерфорд-Холла никто не может оказаться тем, кого мы ищем. Есть лишь старик, немолодая женщина да древний глухой садовник.

— А я не говорю, что он должен обязательно жить там, — сказала мисс Марпл. — Я только настаиваю, что этот человек отлично знает Резерфорд-Холл. Это мы, впрочем, сможем обсудить после того, как вы найдете труп.

— Вы как-то очень уж уверенно полагаетесь на то, что я его найду. Не могу сказать, что разделяю ваш оптимизм.

— Убеждена, что у вас это получится, Люси, милая. У вас любое дело спорится.

— В известной мере — да, но в таком деле, как поиски трупов, у меня нет опыта.

— Тут многого не требуется — толика здравого смысла, вот и все, — ободряюще заметила мисс Марпл.

Люси молча посмотрела на нее и прыснула. Мисс Марпл отвечала ей улыбкой.

С завтрашнего дня Люси стала вести свои поиски по определенной системе. Она прочесывала пядь за пядью территорию вокруг хозяйственных строений, раздвигала кусты шиповника, оплетающего старые свинарники, и только сунулась было в котельную под оранжереей, как услышала сухое покашливание и, оглянувшись, поймала на себе неодобрительный взгляд Хилмана, старика садовника.

— Вы бы поосторожнее, мисс, — предостерег он ее, — здесь и свалиться вниз недолго. Ступеньки ненадежные, а на чердаке, куда вы только что лазили, пол тоже на ладан дышит.

Люси постаралась ничем не выдать свое замешательство.

— Вы, вероятно, подумали, что я сую свой нос, куда не следует, — отозвалась она с живостью, — а я лишь хотела посмотреть, нельзя ли тут устроить что-нибудь полезное — хоть грибы разводить на продажу. Такое запустенье кругом, просто ужас.

— Это все хозяин, все он. Гроша нипочем не потратит. Мне ведь, коли на то пошло, чтоб содержать имение в порядке, положены два взрослых помощника и мальчик на подхвате, так он и слышать ничего не желает. Насилу его уговорил

завести мотокосилку в хозяйстве. Он думал, я так и буду ему выкашивать всю траву перед домом вручную.

— Но если что-то придумать, чтобы имение приносило доход — подремонтировать сперва кое-что?

— Такое имение дохода давать не будет — чересчур все запущено. Да и потом ему это ни к чему. Его заботушка — деньгу копить, и только. А то он не знает, что случится, когда его не станет — молодые-то господа мигом пустят имение на продажу. Того лишь и дожидают, чтобы он преставился. А денежки, говорят, им достанутся после его смерти немалые.

— Он, вероятно, очень богатый человек?

— Богатство пошло от бисквитной фабрики. Начинал старик, папаша нынешнего мистера Кракенторпа. Востер был человек, по всему видать. Сколотил состояние, да и завел себе это поместье. Жесткий был, как кремень, говорят, обиду век не прощал. Но при всем том — широкий. Совсем не скупердяй. Сыны, что один, что другой, не оправдали, рассказывают, его надежд. Отец им — и образование, и воспитание, какое требуется господам, Оксфорд там и прочее. А они до того выросли господами, что погнушались

заниматься бизнесом. Младший женился на актерке и кончил тем, что разбился, выпивши вел машину. Старшего, который наш, отец с рождения не жаловал. Все больше по заграницам, наш-то, понакупал там статуй языческих и посылал их домой. По молодости он не такой был прижимистый — это с годами на него нашло. Ну, а с папашей, я слыхал, они не ладили, это да.

Люси с выражением вежливого интереса на лице впитывала всю эту информацию. Старый садовник прислонился к стене, готовый продолжать семейную хронику. Он явно предпочитал работать языком, а не руками.

— Помер он перед войной, прежний-то хозяин. До того был нравный — беда. Слова не скажи поперек, не потерпит.

— И что, когда он умер, приехал нынешний мистер Кракенторп и поселился здесь?

— С семейством со своим, да. Они уже, почитай, подросли к тому времени.

— Но позвольте… А, так вы говорите о войне 1914 года!

— Почему, нет. В 1928 году он помер, я и говорю.

Люси оставалось предположить, что 1928 год — это и значит «перед войной», хотя сама она,

вероятно, подобрала бы иное определение.

Она сказала:

— Ну что ж, не стану больше вас задерживать. Нельзя отвлекать вас от работы.

— М-гм, — отозвался без воодушевления старик Хиллман, — в такое время дня много ли наработаешь. Света не хватает.

Люси пошла назад к дому, задержавшись по пути, чтобы обследовать подозрительно укромную березовую рощицу и купу азалий.

В холле она застала Эмму Кракенторп за чтением письма. Только что доставили дневную почту.

— Завтра приезжает мой племянник со школьным товарищем. Комната Александра — та, что над парадной дверью. Джеймсу Стоддарт-Уэсту подойдет соседняя. Будут пользоваться ванной, которая напротив.

— Хорошо, мисс Кракенторп. Я позабочусь, чтобы комнаты были готовы.

— Приедут утром, перед ланчем. — Она слегка замялась. — И наверняка — голодные.

— Еще бы! — отозвалась Люси. — Ростбиф, как вы думаете? И, может быть, пирог на патоке?

— Александр — большой охотник до сладких пирогов.

Наутро мальчики были в Резерфорд-Холле. Гладкие, волосок к волоску, прически, обманчиво ангельские физиономии и безупречные манеры. Александр Истли был белокур и голубоглаз, Стоддарт-Уэст — темноволос и в очках.

За ланчем предметом их вдумчивого обсуждения были события спортивной жизни, с отдельными вкраплениями из области космической фантастики. По степени серьезности этот процесс напоминал диспут двух почтенных ученых мужей об орудиях эпохи палеолита. Люси на этом фоне положительно ощущала себя недорослтком.

Говяжий филей был сметен в мгновенье ока, пирог на патоке — умят до последней крошки.

Мистер Кракенторп проворчал:

— С такими едоками недолго остаться без кола, без двора.

И получил от Александра взгляд, исполненный голубоглазой укоризны:

— Мы обойдемся бутербродами с сыром, дед, если мясо тебе не по карману.

— Не по карману? Глупости. Я просто не люблю излишеств.

— У нас излишеств не осталось, сэр, — сказал Стоддарт-Уэст, глядя себе в тарелку, которая служила неопровержимым подтверждением этих

слов.

— Да вы съедаете вдвое больше моего.

— Мы сейчас проходим этап интенсивного роста, — объяснил Александр, — предполагающий усиленное потребление белков.

Мистер Кракенторп буркнул что-то невнятное.

Мальчики вышли из-за стола, и Люси услышала, как Александр, словно бы извиняясь, говорит товарищу:

— Ты не обращай внимания на деда. Он то ли на диете, то ли еще что, и в результате — с заскоком. Жуткий к тому же скряга. Закомплексован, по-моему, на этой почве.

Стоддарт-Уэст сказал понимающе:

— У меня была тетка, все думала, что ей грозит разоренье. А у самой — куча денег. Врач считал, что это болезнь… Футбольный мяч у тебя, Алекс?

Убрав со стола и помыв посуду, Люси вышла наружу.

Слышно было, как вдали, на лужайке, перекликаются мальчики. Люси пошла в другую сторону, вдоль подъездной аллеи, и оттуда свернула в густые заросли рододендронов. Начала проверять куст за кустом, отводя прочь и придерживая листья, заглядывая вниз. Переходила от одного куста к другому, шаря по земле клюшкой для

гольфа — и вздрогнула, услышав вежливый голос Александра Истли:

— Ищете что-нибудь, мисс Айлзбарроу?

— Мяч для игры в гольф, — быстро отозвалась Люси. — Точнее, сразу несколько. Я тут упражнялась с клюшкой в дневные часы и растеряла массу мячей. Сегодня решила, что пора уже хоть сколько-то отыскать.

— Мы вам поможем, — с готовностью предложил Александр.

— Ох, это будет очень мило. Я думала, вы заняты игрой в футбол.

— В футбол долго не погоняешь, — объяснил Стоддарт-Уэст. — Взмокнешь весь. А вы серьезно занимаетесь гольфом?

— Люблю, во всяком случае. Но возможность предоставляется не часто.

— Ну да, понятно. Ведь это вы здесь занимаетесь готовкой?

— Да.

— И ланч сегодняшний вы готовили?

— Да, я. Как, ничего?

— Просто класс, — сказал Александр. — Нас в школе кормят кошмарным мясом, пересушенным, как я не знаю что. Мне нравится, когда говядина розовая внутри, сочная. Пирог на пато-

ке был тоже обалденный.

— Вы мне должны сказать, что любите больше всего.

— А можно как-нибудь испечь яблочные меренги? Для меня ничего нет вкуснее.

— Конечно.

Александр испустил блаженный вздох.

— В доме под лестницей есть набор для часового гольфа, — сказал он. — Можно установить на газоне и поиграть. Ты как смотришь, Стоддарт?

— Годится! — сказал Стоддарт-Уэст.

— Он на самом-то деле не австралиец, — любезно пояснил Александр. — А говорит, как они, для практики, на случай если предки в будущем году возьмут его на международный матч по крикету.

С благословения Люси мальчики отправились за набором для часового гольфа. Немного позже, возвращаясь обратно в дом, она застала их за установкой его на подстриженном газоне и спорами о том, как располагать цифры.

— Мы не хотим, как на циферблате, — сказал Стоддарт-Уэст.

— Это детская игра. Пусть как на настоящей площадке. «Длинные» лунки и «короткие». Жаль только, цифры заржавели. Почти ничего не разобрать.

— Мазнуть бы по каждой белой краской, — сказала Люси. — Могли бы завтра раздобыть немного и покрасить.

— Хорошая мысль. Слушайте! — Лицо у Александра просияло. — По-моему, в Долгом амбаре до сих пор хранятся банки с белилами — остались после маляров. Пошли, посмотрим?

— А что это — Долгий амбар? — спросила Люси.

Александр показал на длинное каменное строение, стоящее немного отступя от дома и ближе к задней аллее.

— Он очень старый. Дед прозвал его Отхожий сарай и хвастает, будто он уцелел еще со времен Елизаветы Первой, но это он так, для форсу. Здесь раньше стояла ферма и амбар был при ней. Мой прадед ферму снес и на ее месте построил этот ужасный дом… В Долгом амбаре, — прибавил он, — большая часть дедовой коллекции. То, что он в молодости присылал домой из-за границы. Тоже в основном порядочный кошмар. Иногда там собираются играть в вист, и так далее. Дамы из «Женского института». Устраивают распродажи рукоделья. Ну что, пошли?

Люси с большой охотой последовала за ними.

В амбар вела высокая дубовая дверь, обитая

гвоздями.

Александр поднял руку и снял ключ с гвоздя в правом верхнем углу двери, прикрытом плющом. Повернул его в замке, толкнул дверь и они вошли.

В первую минуту Люси показалось, что она попала в какой-то на редкость скверный музей. Две головы римских императоров таращились на нее, вылупив мраморные глаза, загромождал пространство необъятный саркофаг в упадническом греко-римском стиле, жеманная Венера на постаменте цеплялась за свое грозящее соскользнуть вниз одеяние. Помимо упомянутых произведений искусства здесь находились два стола на козлах, стулья, сложенные штабелями, и разнородный хлам типа проржавелой ручной косилки, пары ведер, пары изъеденных молью автомобильных сидений и чугунная садовая скамейка, выкрашенная в зеленый цвет и хромая на одну ножку.

— По-моему я вон там видел краски, — неуверенно произнес Александр.

Он прошел в угол и отдернул закрывающую его рваную занавеску.

Обнаружились две банки красок и кисти, засохшие и отверделые.

— Тут вам, по-настоящему, не обойтись без скипидара, — сказала Люси.

Скипидара, однако, не оказалось. Мальчики вызвались слетать за ним на велосипедах, и Люси поддержала их в этом.

Красить цифры для часового гольфа — чем не занятие для них, хотя бы на некоторое время.

Ребята пошли к двери, оставив свою спутницу в амбаре.

— Не мешало бы навести здесь чистоту и порядок, — сказала она, обращаясь более к самой себе.

— Я бы не стал, — отсоветовал ей Александр. — Тут убираются, когда устраивают что-нибудь, но в такое время года устраивать практически нечего.

— Мне ключ опять повесить на дверь снаружи? Его держат обычно там?

— Да. Стянуть-то отсюда нечего. Кому нужны эти жуткие мраморные штуковины, да они и весят добрую тонну.

Люси была с ним согласна. Нельзя сказать, чтобы художественный вкус мистера Кракенторпа привел ее в восхищенье. Человек, кажется, обладал безошибочным уменьем выбирать наихудшие образчики какого ни возьми периода.

Когда мальчики ушли, она еще немного постояла, озираясь вокруг. Взгляд ее упал на саркофаг и задержался на нем.

Саркофаг…

В воздухе слегка тянуло чем-то затхлым, словно амбар давно не проветривали. Она подошла к саркофагу. Он был закрыт тяжелой, плотно прилегающей крышкой. Люси поглядела на нее задумчиво.

Потом вышла, сходила на кухню, нашла там тяжелый лапчатый лом и вернулась назад.

Задача оказалась не из легких, но Люси проявила упорство в своих стараниях.

Потихоньку крышка, поддетая ломом, стала приподниматься.

Этой щели Люси хватило, чтобы увидеть, что находится внутри.

Глава 6
I

Через несколько минут Люси, заметно побледневшая, вышла из амбара, заперла дверь и повесила ключ обратно на гвоздь.

Быстрым шагом она направилась к конюшне, вывела машину и двинулась на ней по задней аллее. Остановилась у почты в конце улицы. Зашла в телефонную будку, опустила в аппарат монеты и набрала номер.

— Я хочу говорить с мисс Марпл.

— Она отдыхает, мисс. Это ведь мисс Айлзбарроу, так?

— Да.

— Я не стану ее беспокоить, мисс, и точка. Она — старый человек, ей нужно отдыхать.

— Придется побеспокоить. У меня к ней срочное дело.

— А я не стану…

— Будьте добры сию минуту сделать то, что вам сказано.

Когда надо, Люси могла добавить в голос металла. Флоренс, со своей стороны, умела отступать

перед силой, которой лучше не прекословить.

Немного погодя раздался голос мисс Марпл.

— Да, Люси?

Люси сделала глубокий вдох.

— Вы были совершенно правы, — сказала она. — Я его нашла.

— Труп женщины?

— Да. Женщины в меховом пальто. Он спрятан в полуамбаре-полумузее рядом с домом, в каменном саркофаге. Скажите, как мне действовать дальше? Я считаю, нужно сообщить в полицию.

— Да, нужно. И немедленно.

— Ну, а как насчет остального? Насчет вас? Там первым делом захотят узнать, с какой стати мне, без всякой видимой причины, понадобилось поднимать крышку, которая весит тонны. Хотите, придумаю причину? Мне нетрудно.

— Нет, — сказала своим мягким, серьезным голоском мисс Марпл. — Я, знаете, думаю, единственное, что нужно сделать, — это сказать им чистую правду.

— И о вас тоже?

— Обо всем.

Внезапная усмешка оживила бледное лицо Люси.

— Мне-то это будет совсем просто, — сказала

она. — А вот им поверить мне — куда труднее!

Она повесила трубку, набрала в грудь побольше воздуху и позвонила в полицейский участок.

— Я только что обнаружила труп в саркофаге, который находится в Долгом амбаре в имении Резерфорд-Холл.

— Что-что?

Люси повторила и, предвидя, каков будет следующий вопрос, назвалась.

Затем вернулась назад, поставила на место машину и пошла в дом.

В холле на минутку задержалась, собираясь с мыслями.

Потом решительно тряхнула головой и вошла в библиотеку, где сидела мисс Кракенторп, помогая отцу решать кроссворд из газеты «Таймс».

— Нельзя ли вас на два слова, мисс Кракенторп?

Эмма подняла голову, и тень озабоченности прошла по ее лицу. Озабоченности, как догадывалась Люси, исключительно хозяйственного свойства. С таких слов неоценимые помощницы по домашней работе обыкновенно начинают, когда хотят объявить о грядущем уходе.

— Так говорите же, любезная, говорите, — сказал раздраженно старый мистер Кракенторп.

Люси опять обратилась к Эмме.

— Я бы хотела, если можно, поговорить с вами наедине.

— Чепуха, — сказал мистер Кракенторп. — Выкладывайте напрямик, что там у вас.

— Минуточку, отец. — Эмма встала и направилась к двери.

— Все вздор. С этим можно подождать, — сердито сказал старик.

— Боюсь, что нельзя, — сказала Люси.

На что мистер Кракенторп не замедлил отреагировать:

— Вот нахальство!

Эмма вышла в холл. Люси — следом, закрыв за собой дверь.

— Да? — сказала Эмма. — В чем дело? Если вы считаете, что с приездом мальчиков прибавилось слишком много работы, то я берусь вам помогать, и…

— Дело вовсе не в этом, — сказала Люси. — Я не хотела говорить в присутствии вашего батюшки, так как он, сколько я понимаю, человек болезненный и для него это могло стать потрясением. Я, видите ли, нашла в Долгом амбаре, в том большом саркофаге, тело убитой женщины.

Эмма Кракенторп широко открыла глаза.

— В саркофаге? Убитую женщину? Быть не может!

— Боюсь, что именно так. Я звонила в полицию. Оттуда с минуты на минуту приедут.

У Эммы порозовели щеки.

— Вам следовало сначала сказать мне — до того, как заявлять в полицию.

— Виновата, — сказала Люси.

— Я и не слышала, что вы звоните… — Эмма перевела взгляд на телефон, стоящий на столике.

— Я звонила с почты, там, в конце улицы.

— Но что за странная идея — почему бы не отсюда?

Люси быстро нашлась.

— Опасалась, что рядом могут оказаться мальчики — могли случайно услышать, если б я звонила отсюда, из холла.

— Понятно… Да, понимаю. Так они едут — полицейские, я хочу сказать?

— Уже приехали, — сказала Люси, услышав, как у парадной двери, визжа тормозами, остановилась машина и по дому разнесся звон дверного колокольчика.

II

— Сожалею, искренне сожалею, что был вынужден подвергнуть вас такому испытанию, — говорил инспектор Бейкон.

Поддерживая Эмму Кракенторп под локоть, он вывел ее из амбара. Эмма была очень бледна, явно боролась с дурнотой, но спину держала прямо.

— Я совершенно уверена, что никогда в жизни не видела эту женщину.

— Мы вам чрезвычайно признательны, мисс Кракенторп. Это все, что мне требовалось знать. Возможно, вам стоило бы сейчас прилечь.

— Мне нужно идти к отцу. Я сразу, как услышала об этом, позвонила доктору Куимперу, и сейчас доктор у него.

Доктор Куимпер вышел из библиотеки, когда они шли по холлу. Высокого роста, благодушный, он обладал грубовато-небрежной манерой обращения, которая очень ободряюще действовала на его больных.

Они с инспектором обменялись кивками.

— Мисс Кракенторп очень мужественно справилась с неприятной повинностью, — сказал Бейкон.

— Молодчина, Эмма. — Доктор потрепал ее по плечу. — Стойкости вам не занимать. Я всегда это знал. Ваш отец в порядке. Зайдите, перекиньтесь с ним парой слов, и марш в столовую за рюмкой коньяка, уже себе. Считайте, что это доктор прописал.

Эмма, наградив его благодарной улыбкой, зашла в библиотеку.

— На таких, как она, мир держится, — сказал доктор, глядя ей вслед. — Какая жалость, что ей не судьба была выйти замуж. Кара за то, что ты единственная женщина в мужском семействе. Другая сестра, сколько мне известно, вырвалась на свободу, выскочив замуж в семнадцать лет. А эта ведь и собой совсем недурна. Отличная стала бы жена и мать.

— Чрезмерная преданность отцу, как видно, — заметил инспектор Бейкон.

— Не так уж она безмерно ему предана — скорей врожденная потребность ублажать своих мужчин, присущая иным женщинам. Видит, что отцу нравится изображать из себя тяжелобольного, и потакает ему. То же самое с братьями. Седрик благополучно мнит себя хорошим художником, этот, как его, Гарольд, знает, как она полагается на здравость его суждений, Альфреду позволено

поражать ее рассказами о своих ловко провернутых сделках. Нет-нет, она отнюдь не дурочка, напротив — очень неглупа… Ну хорошо, я для чего-нибудь вам нужен? Хотите, чтобы взглянул на ваш труп, раз Джонсон с ним уже покончил? — Джонсон был полицейский медик. — Проверил, не одна ли это, случайно, из жертв моих врачебных ошибок?

— Да, я бы не возражал, доктор, взгляните. Необходимо установить ее личность. Мистер Кракенторп, вероятно, отпадает? Непосильное напряжение?

— Напряжение? Чушь собачья! Он нам с вами век не простит, если его лишат такого зрелища. Он умирает от нетерпения. Первый раз за полтора десятка лет, если не вру, столь волнующее событие — и ни гроша ему не будет стоить!

— Так с ним что, на самом деле ничего серьезного?

— Ему семьдесят два года, — сказал врач. — Вот, по сути, и все, что с ним серьезного. Ревматизм когда-то прихватит — а с кем такого не бывает? Ну, он и ставит себе диагноз — «артрит». Пульс учащенный после еды — и странно было бы иначе — так он относит это на счет «сердца». Но на то, что хочется, сил у него всегда хватает! Он не

один у меня такой. Те, кто действительно болен, с пеной у рта будут доказывать, что совершенно здоровы. Ладно, так пойдем же взглянем на этот ваш труп… Среднее удовольствие, надо думать? Когда это случилось?

— По оценке Джонсона, убита была недели две-три назад.

— Да, тогда — ниже среднего.

Доктор стал у саркофага, с откровенным любопытством и профессиональным хладнокровием глядя на то, что называл «удовольствием ниже среднего».

— Впервые вижу. Не из числа моих больных. Не помню, чтобы когда-нибудь встречал ее в Бракемптоне. Красивая, вероятно, женщина была когда-то… хм-м… Хороший зуб кто-то имел против нее.

Они вышли опять на воздух. Доктор Куимпер оглянулся на старинное здание.

— Найдена в… как бишь его… Долгом амбаре — да еще в саркофаге? Фантастика! Кто же ее нашел?

— Мисс Люси Айлзбарроу.

— А-а, новоявленная экономка! С чего бы ей, интересно, вдруг лазить по саркофагам?

— Как раз этот вопрос, — с мрачной решимо-

стью отозвался инспектор Бейкон, — я и намерен ей задать. Да, так вернемся к мистеру Кракенторпу. Вы бы не…

— Сейчас приведу его.

Мистер Кракенторп, обмотанный шарфами, приблизился бодрым шагом в сопровождении доктора.

— Безобразие, — заговорил он. — Форменный позор! Я этот саркофаг привез из Флоренции в… постойте-ка… году, должно быть, в тысяча девятьсот восьмом или… уж не в девятьсот ли девятом?

— Вы лучше вот что — держитесь, — предупредил его врач. — Картина будет не из приятных.

— Неважно, пускай я болен, но долг есть долг, правда?

Самого краткого пребывания, однако, внутри Долгого амбара оказалось вполне достаточно, и мистер Кракенторп с завидной резвостью прошаркал назад, на свежий воздух.

— Вижу первый раз в жизни! — сказал он. — Что все это значит? Полнейшее позорище! Нет, не из Флоренции — вспомнил теперь — из Неаполя. Превосходный экземпляр. А тут какая-то безмозглая бабенка, понимаете, является и позволяет себя прикончить в нем!

Он схватился за левый бок, скрытый под склад-

кой пальто.

— Нет, это слишком… сердце… Где Эмма? Доктор…

Доктор Куимпер поддержал его под руку.

— Обойдется, не страшно. Назначаю вам каплю тонизирующего. Коньячку.

Они тронулись вдвоем обратно к дому.

— Сэр. Сэр, пожалуйста.

Инспектор Бейкон обернулся. Это, едва дыша, примчались на велосипедах мальчики. На лицах их была написана жаркая мольба.

— Пожалуйста, сэр, можно, мы посмотрим на труп?

— Нет, нельзя, — сказал инспектор Бейкон.

— Ну, сэр, ну мы очень просим. Мало ли что? А вдруг мы знаем, кто это? Пожалуйста, ну будьте человеком! Так нечестно. Чтобы прямо у нас в амбаре — и убийство! Ведь, может быть, второй раз так больше не посчастливится. Имейте сердце, а, сэр?

— Вы сами кто такие?

— Я — Александр Истли, а это — мой товарищ, Джеймс Стоддарт-Уэст.

— Не попадалась вам на глаза здесь поблизости блондинка в беличьей шубке, светлой, крашеной?

— Знаете, так ведь, с ходу, не вспомнишь, — отвечал догадливый Александр. — Другое дело, если б взглянуть…

— Проведите их, Сандерс, — велел инспектор Бейкон полицейскому, стоящему у двери амбара. — В конце концов, молодость дается нам только раз!

— Ой, сэр, вот спасибо! — шумно возликовали оба мальчика. — Как это, сэр, здорово с вашей стороны!

Бейкон отвернулся и зашагал к дому.

«А теперь, — мрачно сказал он себе, — займемся мисс Люси Айлзбарроу!»

III

Отведя полицейских в Долгий амбар и дав им краткий отчет о своих действиях, Люси потом держалась в тени, нисколько, впрочем, не заблуждаясь, будто они тем в отношении ее и ограничатся.

Вечером, когда она готовилась жарить картофель во фритюре, ей передали, что ее требует к себе инспектор Бейкон. Отставив в сторону большую миску с подсоленной водой, в которой плавали картофельные брусочки, Люси

последовала за полицейским туда, где ее ждал инспектор.

Она назвала ему свое имя, свой лондонский адрес и от себя прибавила:

— Еще готова назвать вам имена и адреса тех, к кому можно обратиться, если вы хотите все обо мне знать.

Имена звучали внушительно. Адмирал флота, ректор одного из оксфордских колледжей, женщина — кавалер ордена Британской империи. На инспектора они произвели впечатление.

— Итак, мисс Айлзбарроу, вы пошли в Долгий амбар искать краску — я вас правильно понял? И когда нашли краску, взяли лом, поддели им крышку саркофага и обнаружили труп. Что же вы искали в саркофаге?

— Труп и искала, — сказала Люси.

— Искали труп — и нашли! Вам не кажется, что это какая-то невероятная история?

— О да, история вполне невероятная. Может быть, вы позволите, я дам ей объяснение?

— Думаю, вам определенно имеет смысл это сделать.

И Люси со скрупулезной точностью изложила ему цепь событий, которая привела ее к сенсационной находке.

Инспектор возмущенно подытожил:

— Некая, стало быть, старушка нанимает вас с условием, что вы поступите сюда работать и предпримете в доме и на прилегающей к нему территории поиски трупа. Все верно?

— Да.

— И кто же эта старушка?

— Мисс Джейн Марпл. Проживает в настоящее время в доме четыре по Мадисон-роуд.

Инспектор записал.

— Вы рассчитываете, что я поверю этим россказням?

Люси мягко сказала:

— Возможно, не ранее, чем побеседуете с мисс Марпл и получите от нее подтверждение, что они соответствуют действительности.

— Побеседую, будьте покойны. Из ума, должно быть, выжила.

Люси могла бы возразить, что когда человек оказывается прав, это не обязательно свидетельствует о том, что он выжил из ума, но воздержалась. Спросила вместо этого:

— Что вы намерены сказать мисс Кракенторп? Про меня, я имею в виду?

— Почему это вас интересует?

— Видите ли, что касается мисс Марпл, я для

нее свою работу выполнила. Мне было поручено найти труп, и я его нашла. Но я все еще состою на службе у мисс Кракенторп, а в доме — два подростка, которых нужно кормить, не говоря уже о том, что после эдакого катаклизма вскоре сюда наедут, очевидно, и другие члены семейства. Без помощи по хозяйству ей не обойтись. Если вы пойдете и скажете, что я устроилась сюда лишь с целью выискивать трупы по углам, она, скорей всего, меня выгонит. А так я могла бы работать, как работала, и приносить людям пользу.

Инспектор пристально посмотрел на нее.

— Пока я никому ничего говорить не собираюсь. Я еще не проверил сделанное вами заявление. Возможно, вы все выдумываете, почем мне знать?

Люси встала.

— Спасибо. Тогда я пошла на кухню, у меня там работа брошена.

Глава 7
I

— Надо бы Ярд подключить к этому делу — что скажете, Бейкон?

Начальник городской полиции вопросительно поднял глаза на инспектора Бейкона. Лицо инспектора, плотного, крупного мужчины, выражало крайнюю степень отвращения к роду человеческому.

— Эта женщина — не местная, сэр, — сказал он. — Есть основания полагать — судя по ее белью — что иностранка. Я, естественно, — поспешил прибавить инспектор Бейкон, — до поры, до времени не собираюсь это разглашать. До дознания, во всяком случае, придержим.

Начальник полиции кивнул головой.

— Дознание, полагаю, в данном случае — чистая формальность?

— Да, сэр. Я встречался с коронером.

— И назначено на — когда?

— На завтра. По этому случаю сюда съедутся остальные члены семьи Кракенторпов. Есть доля вероятности, что кто-нибудь из них сможет опо-

знать ее. Соберутся в полном составе.

Он поднес к глазам список, который держал в руке.

— Гарольд Кракенторп — ворочает делами в Сити, довольно важная фигура, насколько мне известно. Альфред — этот не совсем понятно, чем занимается. Седрик — тот, что живет за границей. Рисует! — Инспектор вложил в это слово столь полную меру пренебрежения, что начальник полиции спрятал в усы усмешку.

— Но ведь нет причин думать, верно, что с этим преступлением каким-то образом связана семья Кракенторпов? — спросил он.

— Нет, не считая того факта, что тело было найдено на их земле, — сказал инспектор Бейкон. — И, конечно, нельзя исключать, что этот их художник вдруг сможет опознать ее. Но что меня сбивает с толку — так это дикая галиматья, связанная с поездом.

— Ага! Так вы, значит, побывали у этой старой дамы, этой — э-э… — он сверился с блокнотом у себя на письменном столе, — мисс Марпл, если не ошибаюсь?

— Да, сэр. И она в этом вопросе занимает крайне твердую позицию. Повредилась она умом или нет, не мне судить, но от своей версии не отсту-

пает ни на шаг — насчет того, что увидела ее приятельница, и так далее. Я бы лично на это сказал — фантазии, старушки, они горазды на выдумки, то им летающие тарелки в саду мерещатся, то русские шпионы в местной библиотеке. Хотя в одном сомнений нет, она действительно наняла эту молодую особу — ну, экономку, и поручила ей искать труп. Что экономка и делала.

— И нашла его, — присовокупил начальник полиции. — Да, удивительная получается история. Марпл, мисс Джейн Марпл, — почему мне знакомо это имя… Как бы то ни было, с Ярдом я свяжусь. Считаю, что вы правы, это дело не местного характера, хотя трубить мы пока о том не станем. Прессе на сегодняшний день будем сообщать как можно меньше.

Дознание вылилось в чисто формальную процедуру. Никто не изъявил готовности опознать покойницу. Люси вызвали для дачи свидетельских показаний о том, как был найден труп, было зачитано медицинское заключение о причине смерти — удушение. После чего разбирательство было отложено.

На улице, когда семейство Кракенторпов потянулось из зала, в котором проводилось дознание, было холодно, ветрено. Всех их, вместе взятых,

было пятеро: Эмма, Седрик, Гарольд, Альфред и Брайен Истли, муж их покойной сестры Эдит. Был также мистер Уимборн, старший компаньон в адвокатской конторе, ведущей юридические дела Кракенторпов. Специально прибыл из Лондона, чтобы присутствовать на дознании, не посчитавшись с крайним для себя неудобством.

Первые минуты все, поеживаясь, топтались на тротуаре. Событие привлекло порядочное количество народа: газеты, как лондонские, так и местные, не поскупились на щекотливые подробности, описывая историю «трупа в саркофаге».

— Гляди, они… — прошел ропот по толпе.

Эмма сказала резко:

— Едем отсюда.

Большой взятый напрокат «Даймлер» подъехал к краю тротуара. Эмма села и жестом пригласила Люси последовать ее примеру. За ними сели мистер Уимборн, Седрик и Гарольд. Брайен Истли сказал:

— Альфреда я беру к себе в драндулет.

Водитель захлопнул дверцу, еще секунда — и «Даймлер» покатил бы прочь.

— Нет, стойте! — крикнула Эмма. — Вон наши мальчики!

Мальчиков, несмотря на их негодующие возра-

жения, оставили в Резерфорд-Холле, тем не менее они все-таки объявились, радостно улыбаясь во весь рот.

— На велосипеде приехали, — сказал Стоддарт-Уэст. — Полицейский попался добрый, пустил нас в задний ряд. Надеюсь, вы не сердитесь, мисс Кракенторп, — прибавил он вежливо.

— Она не сердится, — отвечал за сестру Седрик. — Молодость есть молодость! До этого, верно, не приходилось бывать на дознаниях?

— Да, но обидно немножко, — сказал Александр. — Все так быстро кончилось.

— Мы не можем стоять тут и заниматься болтовней, — брюзгливо проговорил Гарольд. — Люди кругом. И полно этих, с камерами.

Он подал знак шоферу, и «Даймлер» тронулся с места. Мальчики весело помахали ему вслед.

— «Все так быстро кончилось!» — сказал Седрик. — Вашими бы устами, наивная молодежь! Все еще только начинается.

— Пренеприятная история, — сказал Гарольд. — Крайне некстати. Я полагаю…

Он выразительно взглянул на мистера Уимборна, и тот, плотнее сжав тонкие губы, с неудовольствием покрутил головой.

— Надеюсь, — произнес он напыщенно, — что

с этим происшествием все разъяснится в самом скором времени. Полиция свое дело знает. Однако, как сказал Гарольд, история и впрямь пренеприятная.

Говоря это, он смотрел на Люси, и в этом взгляде ясно читалось неодобрение. «Если б не эта особа, — казалось, говорили его глаза, — с ее манерой лезть, куда не просят, то ничего бы такого не стряслось».

Вслух то же — или примерно то же — соображение высказал Гарольд Кракенторп.

— Кстати, э-э… мисс, э-э… Айлзбарроу, скажите, что побудило вас залезть под крышку саркофага?

Люси давно было интересно, когда уж кому-нибудь из членов семьи наконец-то придет в голову задать подобный вопрос. То, что его первым долгом зададут в полиции, она знала, — удивительно, что никто другой до этой минуты не додумался сделать то же самое.

Седрик, Эмма, Гарольд и мистер Уимборн, точно по команде, повернули к ней головы.

Ответ, хорош он был или плох, она, естественно, подготовила заранее.

— Да откровенно говоря, — отозвалась она неуверенно, — сама не знаю… Было такое ощущение, что там следует навести порядок и чистоту.

И потом… — она запнулась, — в сарае стоял очень неприятный, специфический запах…

Она рассчитала точно: все внутренне мгновенно отпрянули от столь непривлекательного сюжета.

— Да-да, — забормотал мистер Уимборн, — разумеется… судебный медик сказал, примерно три недели. По-моему, знаете ли, всем нам полезнее не сосредоточиваться на подобных предметах. — Он ободряюще улыбнулся Эмме, которая сильно побледнела. — Старайтесь помнить, что эта несчастная ни к кому из нас не имеет отношения.

— Ой ли? — сказал Седрик. — Откуда у вас эта уверенность?

Люси Айлзбарроу не без любопытства скосила на него глаза. Она уже подметила это разительное несходство между тремя братьями. С одной стороны — рослый Седрик, с лицом, задубелым от житейских бурь, темноволосой косматой головой и насмешливой повадкой. Из аэропорта явился небритый. Побрился, правда, перед тем, как ехать на дознание, но ходил до сих пор в том же, в чем приехал, — похоже, только то, что на себе, у него и было: поношенные брюки из серой фланели и мешковатый, видавший виды пиджак

с заплатами на локтях. Вылитый персонаж из пьесы о богемной жизни, и тем гордый.

И рядом — его брат Гарольд, полная противоположность, типичный образчик финансиста, директора могущественных компаний. Высокий, подтянутый, с прямой осанкой; залысинки на висках, черные усики, безукоризненно одет: темный, идеального покроя костюм, жемчужно-серый галстук. Весь вид его выдавал тертого, преуспевающего дельца.

Сейчас он уронил натянуто:

— Совершенно неуместное замечание, Седрик.

— А почему? В конце концов, не в нашем ли ее нашли амбаре? Для чего-то она пришла туда?

Мистер Уимборн деликатно кашлянул.

— Возможно… м-м… на свиданье. Сколько я понимаю, ни для кого вокруг не секрет, что ключ держали снаружи, на гвозде.

В его голосе звучало категорическое неприятие столь вопиющих проявлений халатности. Звучало так явственно, что Эмма сочла нужным оправдаться:

— Так повелось еще с войны. Ради уполномоченных по гражданской обороне. Чтобы могли сварить себе там какао на спиртовке и погреться. А после — все равно жулику польститься в амбаре

не на что — ключ там и продолжали оставлять. Известное удобство, скажем, для членов «Женского института». Если бы держать в доме, это могло бы создавать сложности — допустим, они хотят подготовить помещение, а у нас никого нет дома. С живущей прислугой — другое дело, но когда одни приходящие… — Голос ее замер.

Сказано все это было безучастно, автоматически, — лишь бы чем-то отговориться, — а мыслями в это время она как будто витала где-то еще.

Седрик бросил на нее быстрый, озадаченный взгляд.

— Ты чем-то встревожена, сестричка. В чем дело?

Гарольд с сердцем одернул его:

— И ты еще спрашиваешь, Седрик!

— Да, спрашиваю. Допустим, что в Резерфорд-Холле убита кем-то в амбаре молодая незнакомка — несколько смахивает на викторианскую мелодраму — и допустим, для Эммы это поначалу было потрясением, но Эмма — человек здравомыслящий, всегда такой была, и мне непонятно, почему она до сих пор не успокоится. Черт возьми, ко всему привыкаешь.

— Не знаю, как ты, но есть люди, которым до-

вольно сложно привыкнуть к таким фактам, как убийство, — едко заметил Гарольд. — У вас, охотно верю, на Майорке человека убьют и не поморщатся…

— Ивисе, а не Майорке.

— Это одно и то же.

— Вовсе нет — это совсем другой остров.

Гарольд, не слушая, продолжал:

— Так вот, — возможно, ты, живя среди темпераментных южан, воспринимаешь убийство как рядовое, будничное событие, однако у нас в Англии подходят к таким вещам серьезно. И потом, Седрик, — прибавил он с нескрываемым раздражением, — появляться в публичном месте, на дознании, в такой одежде…

— А чем тебе плоха моя одежда? Мне в ней удобно.

— Тем, что она не подходит для такого случая.

— Ну, что поделаешь, другой у меня с собой нет. Не прихватил чемодан с гардеробом, когда сорвался с места и полетел сюда поддержать в трудный час родную семью. Я — художник, художники любят носить удобную одежду.

— Ты что, все еще пытаешься писать?

— Пытаешься? Знаешь, Гарольд…

Мистер Уимборн с важным видом прочистил

горло.

— Эти споры ни к чему не ведут, — сказал он укоризненно. — Надеюсь, милая Эмма, что до того, как вернуться в город, я услышу от вас, чем еще могу быть вам полезен.

Упрек возымел действие. Эмма Кракенторп поспешила сказать:

— Это такая любезность с вашей стороны, что вы приехали!

— Ну что вы. В подобных обстоятельствах интересы семьи требуют, чтобы кто-то следил за порядком проведения этой процедуры. Я договорился, что побеседую с инспектором, когда мы приедем в Резерфорд-Холл. Не сомневаюсь, что ситуация, сколь она ни тягостна, вскоре прояснится. Для меня лично и так достаточно ясно, что произошло. О том, что ключ от Долгого амбара вешают на гвоздь снаружи, было, как подтверждает Эмма, в здешних местах широко известно. Мне представляется в высшей степени вероятным, что в зимние месяцы местные парочки использовали это помещение для свиданий. У одной такой пары разразилась ссора, молодой человек действовал, не помня себя. В ужасе от того, что натворил, он наткнулся взглядом на саркофаг и понял, что лучшего тайника ему не найти.

«Да, — мысленно согласилась Люси, — звучит вполне убедительно. Именно то, что сразу приходит в голову».

Седрик сказал:

— Вы говорите — местная парочка. Однако никто из местных не опознал эту девицу.

— Не все сразу, дайте срок. Я убежден, что опознание не замедлит последовать. Кроме того, конечно, очень может статься, что мужчина, о котором идет речь, — местный житель, но девица — нездешняя, возможно, из какой-нибудь другой части Бракемптона. Бракемптон — большой город, невероятно разросся за последние двадцать лет.

— Будь я девицей, которой назначают свиданье, я бы не потерпел, чтобы меня затащили в нетопленый амбар на отшибе от всего света, — заявил Седрик. — То ли дело посидеть в обнимку где-нибудь в кинотеатре, а мисс Айлзбарроу? Как вы на это смотрите?

— Неужели есть надобность копаться во всем этом? — взмолился в изнеможении Гарольд.

Одновременно с его риторическим вопросом машина остановилась у парадной двери Резерфорд-Холла, и все по очереди стали вылезать.

Глава 8
I

Войдя в библиотеку, мистер Уимборн моргнул от неожиданности; умные старческие глазки, минуя инспектора Бейкона, с которым он уже имел случай встретиться, остановились на фигуре красивого блондина, стоящего у него за спиной.

Инспектор Бейкон представил незнакомца:

— Рекомендую, инспектор сыскной полиции Краддок из Нового Скотленд-Ярда.

— Нового Скотленд-Ярда? Хм-м.... — Мистер Уимборн поднял брови.

Дермот Краддок, обладая приятными манерами, непринужденно вступил в разговор:

— Нас сочли нужным подключить к этому делу, мистер Уимборн, — сказал он. — Поскольку вы представляете интересы семейства Кракенторпов, будет, я полагаю, лишь справедливо поделиться с вами некоторой не подлежащей разглашению информацией.

Никто не мог сравниться с молодым инспектором Краддоком в умении представить малую толику правды как истину в полном объеме.

— Инспектор Бейкон, я уверен, согласится со мной, — прибавил он, бросая взгляд на своего коллегу.

Инспектор Бейкон с подобающей торжественностью — никто бы не заподозрил, что обо всем этом было условлено заранее, — согласился.

— Итак, — начал Краддок. — На основании поступивших к нам сведений у нас есть причины полагать, что женщина, найденная убитой, — не здешняя, на самом деле она приехала из Лондона, а незадолго до того прибыла из-за границы. Не исключено — хотя полной уверенности нет — из Франции.

Мистер Уимборн снова поднял брови.

— Вот как? — сказал он. — Вот оно что?

— А потому, — объяснил инспектор Бейкон, — начальник городской полиции и решил, что по всем правилам расследование дела должен вести Ярд.

— Остается лишь надеяться, — проговорил мистер Уимборн, — что оно быстро завершится. Едва ли нужно подробно останавливаться на том, сколь огорчительна для семейства вся эта история. И хотя лично они никоим образом к ней не причастны, тем не менее…

Он замолчал всего на долю секунды, но инспек-

тор Краддок успел заполнить эту паузу:

— Не слишком приятно, когда на твоей земле находят убитую женщину. Совершенно с вами согласен. Да, так я хотел бы переговорить накоротке с членами этой семьи.

— Право, не представляю себе…

— Что они могут рассказать? Может быть, ничего интересного — но как знать? Не сомневаюсь, что большую часть сведений, которые мне требуются, сэр, я получу от вас. Сведений относительно этого дома и семьи.

— Какую роль могут играть эти сведения, когда речь идет о безвестной молодой особе, которая приехала из-за границы и была найдена убитой?

— Собственно, в том-то и вопрос, — сказал Краддок. — Почему она здесь оказалась? Была ли неким образом связана в прошлом с этим домом? Служила ли, например, когда-нибудь там прислугой? Скажем, горничной? Или приехала встретиться с кем-то из прежних обитателей Резерфорд-Холла…

Мистер Уимборн заметил холодно, что с тех пор, как Джеймс Кракенторп в 1884 году построил Резерфорд-Холл, никто, кроме Кракенторпов, в нем не обитал.

— Уже любопытный факт, — сказал Краддок. —

Если б вы согласились дать мне вкратце очерк семейной истории…

Мистер Уимборн пожал плечами.

— Тут и рассказывать особенно не о чем. Джосая Кракенторп занимался производством печенья, галет, маринадов, пикулей и так далее. Нажил громадное состояние. Построил этот дом. Теперь в нем живет его старший сын, Лютер Кракенторп.

— Были другие сыновья?

— Еще один. Генри. В 1911 году погиб в автомобильной катастрофе.

— А нынешний мистер Кракенторп никогда не думал продать этот дом?

— Не может, — сухо сказал адвокат. — Согласно условиям отцовского завещания.

— Вы не расскажете мне подробнее об этом завещании?

— А с какой стати?

Инспектор Краддок улыбнулся.

— Я ведь и сам при желании могу ознакомиться с ним в Сомерсет-Хаусе.

Мистер Уимборн нехотя отвечал ему кривой усмешкой.

— Верно, инспектор. Я всего лишь хотел подчеркнуть, что информация, о которой вы просите, не имеет никакого отношения к делу. Что же

до завещания Джосая Кракенторпа, тут нет секретов. Он оставил свое весьма значительное состояние попечителям, с тем, чтобы доходы с него пожизненно выплачивались его сыну Лютеру, а после смерти Лютера капитал должен быть разделен поровну между детьми Лютера — Эдмундом, Седриком, Гарольдом, Альфредом, Эммой и Эдит. Эдмунда убили на войне, а Эдит четыре года тому назад умерла, таким образом после кончины Лютера Кракенторпа деньги поделят между Седриком, Гарольдом, Альфредом, Эммой и Александром Истли, сыном Эдит.

— А дом?

— Дом отойдет к старшему из живых к тому времени сыновей или его потомкам.

— Эдмунд Кракенторп был женат?

— Нет.

— Значит, на самом деле имение достанется?..

— Следующему за ним сыну — Седрику.

— А мистер Лютер Кракенторп распорядиться им сам не может?

— Нет.

— И капиталом тоже не владеет.

— Да.

— Довольно-таки необычная ситуация, правда? Можно подумать, — заключил инспектор Крад-

док, — что отец его недолюбливал.

— Угадали, — сказал мистер Уимборн. — Старик Джосая был разочарован, что старший сын не проявляет интереса к семейному бизнесу — да и вообще ни к какому. Лютер тратил время на путешествия за границей и коллекционирование *objects d'art* [101]. Старый Джосая относился к подобного рода занятиям крайне неодобрительно. И, соответственно, вверил свои деньги попечителям для следующего поколения.

— Ну, а пока что у следующего поколения нет никаких доходов, помимо того, что заработают сами или захочет дать отец, а у отца есть значительный капитал, но нет права им распоряжаться.

— Именно. И какое все это имеет отношение к убийству молодой незнакомки иностранного происхождения не представляю себе.

— Похоже, что никакого, — легко согласился инспектор Краддок. — Я только хотел установить, каковы факты.

Мистер Уимборн глянул на него испытующе и, судя по всему, удовлетворенный увиденным, встал.

---

[101] notes: 101
Предметов искусства *(фр.)*.

— А теперь, — сказал он, — я намерен вернуться в Лондон. Если только у вас больше нет ко мне вопросов.

Он перевел свой взгляд с одного инспектора на другого.

— Нет, сэр, спасибо.

Из холла за дверью раздался *fortissimo* [102] звук гонга.

— Фу, — произнес мистер Уимборн. — Не иначе усердствует кто-то из мальчиков.

Инспектор Краддок возвысил голос, стараясь перекрыть трезвон:

— Сейчас дадим семейству спокойно поесть, но после ланча — что-нибудь в 2.15 — мы бы с инспектором Бейконом хотели вернуться и коротко переговорить с каждым из них.

— В этом, по-вашему, есть необходимость?

— Да как сказать… — Инспектор Краддок пожал плечами. — Просто на всякий случай — чего не бывает. Вдруг кто-нибудь вспомнит что-то, что косвенно поможет нам установить личность этой женщины.

— Сомневаюсь, инспектор. Очень сомневаюсь. Но, впрочем, желаю вам удачи. Повторю — чем

---

[102] notes: 102
Очень громко *(ит.)*.

быстрее все разъяснится в этой тягостной истории, тем лучше для всех.

Покачивая головой, он медленно вышел из комнаты.

II

Люси, приехав с дознания, прямым ходом направилась на кухню, куда в самый разгар ее приготовлений к ланчу просунулась голова Брайена Истли.

— Помощник не требуется? — спросил он. — Я все умею по дому.

Люси бросила на него быстрый, чуть озабоченный взгляд. Брайен приехал на своем маленьком спортивном «Эм-Джи» сразу на дознание, и у нее до этой минуты не было времени составить о нем хоть какое-то мнение.

То, что представилось ее взору, производило достаточно благоприятное впечатление. Добродушный молодой шатен лет тридцати с довольно грустными голубыми глазами и роскошными белокурыми усами.

— Ребятки пока не возвращались, — сказал он, входя и присаживаясь на край кухонного стола. — На велосипедах им понадобится еще

минут двадцать.

Люси улыбнулась.

— Проявили буквально железную решимость ничего не пропустить.

— Их можно понять. Шутка сказать — первое в их коротенькой жизни дознание, да притом, как говорится, с прямым участием родной семьи.

— Вы бы не слезли со стола, мистер Истли? Мне нужно поставить туда противень.

Брайен послушно слез.

— Слушайте, этот жир горячий, как кипяток! Что вы собираетесь в него класть?

— Тесто для йоркширского пудинга.

— А, старый добрый йоркшир! Значит, в меню сегодня и добрый английский ростбиф?

— Да.

— Запеченное мясо — поминальное блюдо, в сущности. Пахнет вкусно, — он одобрительно повел носом. — Вам ничего, что я мелю тут всякий вздор?

— Ну, раз вы явились помогать, то лучше бы помогали. — Она вытащила из духовки другой противень. — Вот — переверните-ка всю картошку, пусть зарумянится и с другой стороны.

Брайен с готовностью принялся исполнять.

— И все это здесь стояло на огне, покуда мы

были на дознании? А если бы сгорело?

— Это вряд ли. На то в духовке есть термостат.

— Электрический мозг своего рода, м-м? Верно я говорю?

Люси мельком покосилась в его сторону.

— Абсолютно. Так, теперь ставьте противень в духовку. Минуточку, держите хваталку. На вторую полку — верхняя мне нужна для пудинга.

Брайен повиновался, громко ойкнув при выполнении указанной операции.

— Что, обожглись?

— Чуть-чуть. Неважно. Опасная, оказывается, игра, эта стряпня!

— Сами, как я догадываюсь, никогда не готовите?

— Между прочим, как раз готовлю, и очень часто. Только не такую еду. Яйцо могу сварить, если не забуду вовремя посмотреть на часы. Яичницу пожарить с ветчиной. Бифштекс положить на рашпер, открыть банку супа. У меня электрическая такая штуковина дома.

— Живете в Лондоне?

— Если это можно назвать жизнью — да.

Ответ прозвучал невесело. Брайен смотрел, как Люси ставит в духовку противень с тестом для йоркширского пудинга.

— Славно здесь, — проговорил он со вздохом.

Люси, завершив очередную стадию приготовлений, воспользовалась возможностью приглядеться к нему внимательней.

— Где здесь — на кухне?

— Да… Вспоминается кухня у нас дома в детстве.

Люси поразило, что в облике Брайена Истли сквозит необъяснимая, казалось бы, тоска. Рассмотрев его получше, она поняла, что он не так молод, как ей казалось сначала. Должно быть, ближе к сорока. Трудно было свыкнутся с мыслью, что это отец Александра. Он ей напомнил бессчетных молодых летчиков, которых она видела в дни войны, четырндцатилетним впечатлительным подростком. Сама она пошла дальше и, повзрослев, освоилась в послевоенном мире — Брайен же, показалось ей, остановился, застрял на месте, отстав от времени. И первая же сказанная им фраза подтвердила это. Он, кстати, снова примостился на кухонном столе.

— Сложно устроен этот мир, вы не находите? В смысле — непросто в нем сориентироваться. Нас, понимаете, никто этому не учил.

Люси припомнила, что ей рассказывала Эмма.

— Вы ведь в прошлом летчик-истребитель? —

сказала она. — Награждены медалью «За летные заслуги»…

— В этом как раз вся закавыка. Вы заслужили награду, и люди стараются облегчить вам жизнь. Дают работу, и так далее. Но только работа — сплошь канцелярская, к какой вы попросту непригодны. Сидеть за письменным столом, ковыряться в цифрах… У меня были, скажу вам, собственные идеи — пробовал предпринять кое-что пару раз. Но без финансовой поддержки — никуда. Таких, кто готов раскошелиться и вложить деньги, не сыщешь. Будь у меня хоть маломальский начальный капитал… — Он тяжело задумался. — Вы не были знакомы с Эди, правда? Моей женой? Ну да, естественно. Она была совсем другая, чем все эти. Во-первых, моложе. Служила в Военно-воздушных силах. Всегда говорила про отца, что это второй Эбенезер Скрудж [103]… И знаете, так оно и есть. Трясется над каждым грошом. А ведь с собой ничего не унесет. Деньги, когда он умрет, поделят между детьми. Доля Эди, понятно, достанется Александру. Он, впрочем, не сможет трогать капитал, пока не достигнет двадцати одного года.

---

[103] notes: 103

Скряга Скрудж — герой рассказа Ч. Диккенса «Рождественская песнь».

— Простите, но, может быть, вы все же слезете со стола? Мне нужно приправить кое-что и приготовить подливку.

В эту минуту, разрумянясь и тяжело дыша, прибыли Александр со Стоддарт-Уэстом.

— Привет, Брайен, — ласково обратился Александр к отцу. — Вот ты, оказывается, куда забрался… Слушайте, какое обалденное мясо! И пудинг йоркширский будет?

— Будет.

— У нас в школе дают не пудинг, а кошмар какой-то — сырой весь, непропеченный.

— А ну-ка, не мешаться под ногами! — сказала Люси. — Мне еще подливку делать.

— Побольше сделайте. Два полных соусника, ладно?

— Ладно.

— Годится! — старательно выговаривая это словцо вставил Стоддарт-Уэст.

— Я только бледную не люблю.

— Будет не бледная.

— Она потрясно готовит, — сообщил отцу Александр.

Люси почудилось на миг, что эти двое поменялись ролями. Александр разговаривал с отцом, как снисходительный родитель.

— Вам чем-нибудь помочь, мисс Айлзбарроу? — вежливо осведомился Стоддарт-Уэст.

— Да, помогите. Александр, ступай-ка ударь в гонг. Ты, Джеймс, неси в столовую этот поднос, хорошо? А вы, пожалуйста, мистер Истли, несите мясо. Картошку и пудинг возьму я.

— Тут из Скотленд-Ярда приехал человек, — сказал Александр. — Он, как вы думаете, будет с нами есть?

— Это смотря как распорядится твоя тетя.

— Тетя Эмма, наверно, была бы не против. Она любит угощать гостей. Я только боюсь, дядя Гарольд не захочет. Такой стал дерганый из-за этого убийства. — Выходя из дверей с подносом, Александр счел нужным поделиться через плечо дополнительной информацией: — С этим, из Скотленд-Ярда, сейчас в библиотеке мистер Уимборн. Он, правда, на ланч не останется. Сказал, что ему нужно обратно в Лондон. Идем, Стоддарт… А, он пошел бить в гонг.

С этой секунды во всем доме царствовал гонг. Стоддарт-Уэст был истинный артист, он вкладывал в свое занятие всю душу — вести разговоры сделалось невозможно.

Брайен понес в столовую мясо, Люси последовала за ним с овощами — и вернулась на кухню

забрать два полных соусника с подливкой.

Эмма, спускаясь торопливо с лестницы, застала в холле мистера Уимборна, который натягивал перчатки.

— Вы правда не хотите чуточку задержаться, мистер Уимборн, и поесть вместе с нами? Ланч готов.

— Нет. У меня в Лондоне назначена важная встреча. В поезде есть вагон-ресторан.

— Мы так вам обязаны, что вы нашли возможным приехать, — благодарно сказала Эмма..

Из библиотеки вышли оба инспектора. Мистер Уимборн задержал руку Эммы в своей.

— Вы только не волнуйтесь, милая, — сказал он. — Это — инспектор сыскной полиции Краддок из Нового Скотленд-Ярда, он приехал принять дело в свое ведение. В 2.15 будет здесь снова, чтобы задать вам кой-какие вопросы и, быть может, узнать факты, небесполезные для следствия. Но, повторяю, волноваться вам не о чем. — Он поднял глаза на Краддока. — Могу я передать мисс Кракенторп, что вы мне сказали?

— Конечно, сэр.

— Инспектор Краддок говорит, что это преступление почти наверняка не местного характера. Есть основания полагать, что убитая женщина

приехала из Лондона и, вероятно, иностранка.

Эмма Кракенторп сказала отрывисто:

— Иностранка, вот что. Не француженка?

Мистер Уимборн, который явно завел этот разговор с целью утешить, слегка оторопел. Дермот Краддок быстро перевел взгляд на лицо Эммы.

Почему, спросил он себя, она сразу сделала вывод, что убитая женщина — француженка? И почему мысль об этом привела ее в такое смятение?

Глава 9
I

Единственными, кто действительно отдал должное за ланчем кулинарному искусству Люси, были мальчики да Седрик Кракенторп, на которого как будто не оказали ни малейшего влияния обстоятельства, побудившие его опять вернуться в Англию. Он, кажется, воспринимал все случившиеся, как довольно удачный анекдот в духе черного юмора.

Эта позиция, не могла не заметить Люси, вызывала крайнее раздражение у его брата Гарольда. Гарольд, казалось, рассматривал убийство как злостное оскорбление фамильной чести Кракенторпов и в сильном расстройстве чувств едва притронулся к еде. Эмма сидела с озабоченным и несчастным видом и тоже почти ничего не ела. Альфред, погруженный в свои мысли, по большей части молчал. Он был недурен собой, с худым, смуглым лицом и, пожалуй, слишком близко посаженными глазами.

После ланча вернулись оба офицера полиции и вежливо пригласили на несколько слов мистера

Седрика Кракенторпа.

Инспектор Краддок вел беседу в самом приветливом и дружеском тоне.

— Присаживайтесь, мистер Кракенторп. Вы, как я понимаю, к нам прямо с Балеарских островов? Живете там?

— Да, вот уже шесть лет. На Ивисе. Больше подходит мне, чем здешние унылые края.

— Солнышка вам перепадает больше нашего, не сомневаюсь, — дружелюбно сказал инспектор. — Вы ведь не так давно уже приезжали — на Рождество, если быть точным. Какая же надобность так быстро привела вас сюда опять?

Седрик улыбнулся.

— Получил телеграмму от Эммы — моей сестры. До сих пор убийств у нас в имении не случалось. Обидно было бы пропустить такое событие — вот я и приехал.

— Интересуетесь криминологией?

— Зачем такие ученые слова! Просто питаю слабость к убийствам. Романчики детективные и прочее. А тут, можно сказать, детективная история с доставкой на дом, такое выпадает раз в жизни! Ну, и потом подумалось, может, бедняжке Эм будет нужна поддержка — строптивый старик на руках, полиция и так далее.

— Понятно. Спортивный интерес плюс родственные чувства. Уверен, ваша сестра будет вам очень благодарна, хотя ведь и другие два брата тоже приехали к ней.

— Но только не ободрять и утешать, — отозвался Седрик.

— Гарольд, тот совершенно сам не свой. Негоже финансовому магнату быть даже отдаленно причастным к убийству какой-то сомнительной особы.

Краддок едва заметно поднял брови.

— А, так она — сомнительная особа?

— Собственно, это надо бы у вас спросить. Мне лично факты скорее говорят, что да.

— Я думал, может быть, у вас возникнет догадка насчет того, кто она такая.

— Полноте, инспектор, вы же знаете, — а нет, так коллеги вам подтвердят, — что я не смог ее опознать.

— Я употребил слово «догадка», мистер Кракенторп. Возможно, вы никогда раньше не видели эту женщину, но способны догадаться, кто она такая или кем могла бы быть?

Седрик покачал головой.

— Вопрос не по адресу. Я представления не имею. Вы, вероятно, намекаете, что она могла

явиться в Долгий амбар на свидание с кем-нибудь из нас? Но никто из нас здесь не живет, в доме никого не было — только женщина и старик. Или вы всерьез полагаете, будто она пришла сюда на рандеву с моим достопочтенным папочкой?

— Мы полагаем — инспектор Бейкон в этом со мной согласен, — что эта женщина могла в свое время быть неким образом связана с этим домом. Возможно, много лет назад. Попробуйте вернуться мысленно в прошлое, мистер Кракенторп…

Седрик подумал с полминуты и снова покачал головой.

— К нам — и мы в этом не одиноки — время от времени нанимались работать женщины иностранного происхождения, но ничего подходящего не приходит в голову. Спросите лучше у других. Они скорей будут знать.

— Обязательно спросим, не сомневайтесь. — Краддок откинулся на спинку стула и продолжал: — Как вы слышали на дознании, время смерти, согласно медицинскому освидетельствованию, нельзя установить совсем точно. Больше двух недель тому назад и менее четырех, что означает где-то в районе Рождества. Вы говорили, что приезжали сюда на Рождество. Когда вы прибыли в Англию и когда уехали?

Седрик задумался.

— Так, погодите… Я прилетел на самолете. Здесь был в субботу накануне Рождества — стало быть, двадцать первого.

— Летели с Майорки прямым рейсом?

— Да. Вылетели в пять утра и приземлились в полдень.

— А уехали когда?

— Назад летел в следующую пятницу, двадцать седьмого.

— Благодарю вас.

Седрик ухмыльнулся.

— Благополучно попадаю, таким образом, во временные рамки. Увы. Но, честное слово, инспектор, душить молодых женщин для меня не самый любимый вид рождественских развлечений.

— Надеюсь, мистер Кракенторп.

Инспектор Бейкон лишь неодобрительно насупился.

— В подобных действиях, согласитесь, не наблюдалось бы ни мира, ни в человеках благоволения [104].

С этой последней репликой Седрик адресовался

---

[104] notes: 104
Ср. Евангелие от Луки 1,14.

к инспектору Бейкону, который в ответ ограничился невнятным мычанием. Инспектор Краддок вежливо сказал:

— Что ж, мистер Кракенторп, это все…

— И что вы скажете о нем? — спросил Краддок, когда за Седриком закрылась дверь.

Бейкон опять промычал:

— М-м… Нахальства хоть отбавляй. Мне такой тип не по душе. Художники, одно слово, — ведут беспорядочную жизнь и запросто якшаются с непорядочными женщинами.

Краддок улыбнулся.

— А одевается как — разве это дело? — продолжал Бейкон. — Ни капли уважения — появиться на дознании в подобном виде! Брюки — таких заношенных и не встретишь. А галстук — вы обратили внимание? Шнурок цветной, а не галстук. Мое мнение, если хотите знать, — такой задушит женщину и бровью не поведет.

— Ну, эту он, во всяком случае, не душил, раз не покидал Майорки до двадцать первого. А так ли это, проверить нетрудно.

Бейкон бросил на него зоркий взгляд.

— Я смотрю, вы не торопитесь оглашать истинную дату преступления.

— Да, будем темнить на сей счет покамест.

Предпочитаю на ранних стадиях всегда иметь кое-что про запас на всякий случай.

Бейкон выразил кивком головы свое полное согласие.

— Чтобы в нужный момент преподнести сюрприз, которого не ждут. Самая лучшая тактика.

— Ну, а теперь, — сказал Краддок, — поглядим, что нам скажет обо всем этом наш чинный господин финансист.

Гарольд Кракенторп, поджав губы в ниточку, высказывался обо всем этом очень скупо. Пренеприятная история, так некстати… Газеты, он опасается… Корреспонденты, как ему стало известно, уже домогаются интервью. События такого сорта… Остается лишь сожалеть…

Дробная очередь рубленых фраз закончилась. Гарольд откинулся на спинку стула с таким выражением, будто учуял скверный запах.

Попытки инспектора вытянуть из него что-нибудь ни к чему не привели. Нет, он понятия не имеет — не может даже отдаленно предположить — кто эта женщина. Да, он приезжал в Резерфорд-Холл на Рождество. Раньше сочельника дела не отпускали, зато провел здесь весь следующий уик-энд.

— Что ж, значит, тем и ограничимся, — сказал

инспектор Краддок, завершая на том свои расспросы. Он уже решил для себя, что от Гарольда Кракенторпа толку не будет.

Теперь настал черед Альфреда, который вошел в комнату с беззаботным — пожалуй, преувеличенно беззаботным — видом.

Краддок разглядывал Альфреда Кракенторпа со смутным ощущением чего-то знакомого. Этого члена семьи он уже определенно где-то видел. Или то была его фотография в газете? Что-то, подсказывала ему память, там было нечисто. Он спросил, чем Альфред занимается. Ответ Альфреда прозвучал туманно:

— В настоящий момент — страховыми делами. До недавнего времени был связан с поставкой на рынок нового типа звукозаписывающей аппаратуры. Подлинная техническая революция. Очень прилично заработал на этом, кстати сказать.

Инспектор Краддок понимающе сложил губы — никому не пришло бы в голову, что он отмечает про себя крикливый стиль Альфредова костюма, безошибочно определяя, что он куплен по дешевке. Седрик с вещами обращался безобразно, занашивал почти до дыр, но сами вещи изначально были отличного покроя и сшиты из превосходной ткани. Здесь же наличествовал де-

шевый шик, и это говорило о многом… Он плавно перешел к рутинным вопросам. Альфреда как будто и занимала, и забавляла эта процедура.

— А что, неплохая мысль, что эта дама могла когда-то работать у нас в доме. Не горничной — сомневаюсь, чтобы они вообще водились у моей сестры. Их в наше время, по-моему, уже нигде не держат. Но приезжих, готовых наняться на домашнюю работу, вокруг действительно болтается в избытке. У нас перебывали и польки, и немочки раза два — с характером, скажу я вам! Эмма, однако, решительно не могла узнать эту женщину, что, думаю, перечеркивает ваше предположение, инспектор. У Эммы завидная память на лица. Нет, — тем более, раз она приехала из Лондона… А из чего вы заключили, между прочим, что эта женщина приехала из Лондона?

Альфред ввернул свой вопрос словно бы невзначай, но взгляд у него был настороженный и любопытный.

Инспектор Краддок с улыбкой покачал головой.

Альфред все не сводил с него внимательных глаз.

— Молчок на эту тему, да? Обратный билет, возможно, в кармане пальто — не угадал?

— Все может быть, мистер Кракенторп.

— Что ж, если допустить, что она приехала из Лондона, то, наверное, субъект, который назначил ей встречу, знал, что в Долгом амбаре удобно втихомолку отправить человека на тот свет. Явно знаком со здешней обстановкой. Его-то я бы и искал, инспектор, на вашем месте.

— Мы ищем. — Два коротких слова прозвучали в устах инспектора Краддока веско, уверенно.

Он поблагодарил Альфреда и отпустил его.

— Знаете, — проговорил он, оставшись наедине с Бейконом, — а ведь я где-то видел раньше этого молодца.

Инспектор Бейкон вынес собственное суждение.

— Вострый господин, — сказал он. — До того востер, что впору самому порезаться.

II

— Я, вероятно, вам не нужен, — сказал извиняющимся тоном Брайен Истли, появляясь в дверях и нерешительно останавливаясь у порога. — Строго говоря, я даже не член семьи.

— Позвольте, вы — мистер Брайен Истли, супруг мисс Эдит Кракенторп, которая скончалась

четыре года назад?

— Все верно.

— Очень приятно, что зашли, мистер Истли, в особенности если располагаете сведениями, которые могут, на ваш взгляд, нам быть полезны.

— В том-то и суть, что нет. Хотя жаль. Какая-то дикая история, правда? Приехать сюда, тащиться посреди зимы на свиданье в промозглый старый амбар… Нет, лично я сказал бы — увольте!

— Действительно много непонятного, — согласился инспектор Краддок.

— А правда, что она иностранка? Ходят такие слухи.

— Вам этот факт о чем-нибудь говорит? — Инспектор поднял на него пытливый взгляд, но лицо Брайена продолжало хранить добродушно-рассеянное выражение.

— Да нет, как раз ни о чем.

— Возможно, француженка, — со значением вставил инспектор Бейкон.

Брайен слегка оживился. В голубых глазах его блеснул интерес, рука потянулась расправить пышные светлые усы.

— Вот как? Развеселый Париж? — Он покрутил головой. — Тогда — тем более полный абсурд. Вся эта возня по амбарам то есть. У вас никого

больше в саркофагах не убивали? Может, из этих кто-нибудь, со сдвигом — закомплексованных? Вообразил себя Калигулой и тому подобное?

Инспектор Краддок не потрудился даже опровергнуть это предположение. Взамен спросил, как бы между прочим:

— Ни у кого в семье нет связей или… как бы это выразиться… привязанностей во Франции, вы не знаете?

Брайен сказал, что Кракенторпы не слишком падки на увеселения определенного рода.

— Гарольд связан солидным браком — женушка с рыбьей физиономией, дочка какого-то обедневшего лорда. Альфреда, по-моему, не слишком занимают дамы — всю жизнь посвятил сомнительным сделкам, которые обычно добром не кончаются. За Седрика на Ивисе наверняка готова в огонь и в воду не одна испанская сеньорита. Седрик для женщин неотразим. Ходит небритый, немытый — не понимаю, почему прекрасный пол находит это привлекательным — но, как видно, находит… Простите, кажется, от меня не очень-то много пользы, да? — Он усмехнулся. — Имеет больше смысла привлечь к этому делу Александра. Они с Джеймсом Стоддарт-Уэстом учинили сейчас крупномасштабные поиски

улик. Ручаюсь, что-нибудь да раскопают.

Инспектор Краддок выразил надежду, что так и будет. После чего поблагодарил Брайена Истли и сказал, что хотел бы побеседовать с мисс Эммой Кракенторп.

III

На этот раз инспектор Краддок рассматривал Эмму Кракенторп внимательнее, чем при первой встрече. Он до сих пор спрашивал себя, что могло означать выражение, подмеченное им у нее на лице перед ланчем.

Выдержанная женщина. Не глупа. Но и не поражает блеском дарований. Из тех уютных, милых женщин, которых мужчины склонны принимать как нечто в порядке вещей, — женщин, обладающих искусством превращать дом в домашний очаг, создавать в нем атмосферу, полную тихой гармонии и душевного покоя.

Женщин такого склада часто недооценивают. За их внешней сдержанностью не вдруг разглядишь силу характера, заставляющую с собой считаться. Как знать, не прячет ли Эмма где-нибудь в заветном уголке души и ключ к тайне, связанной с убитой женщиной в саркофаге.

Таковы были мысли, что роились в голове у инспектора Краддока, покуда он формулировал вслух разные несущественные вопросы.

— Я думаю, в основном вы все уже изложили инспектору Бейкону, — сказал он, — и потому не стану вас утомлять длительными расспросами.

— Пожалуйста, спрашивайте о чем хотите.

— Мы, как вам о том сообщил мистер Уимборн, пришли к заключению, что убитая — не местная жительница. Вам, быть может, это принесло облегчение — на что, по крайней мере, надеялся мистер Уимборн, — для нас же это лишь усложняет задачу. Тем труднее будет установить ее личность.

— Но неужели при ней ничего не было? Сумочки? Или каких-нибудь документов?

Краддок покачал головой.

— Никакой сумочки и ничего в карманах.

— Но нет ли у вас предположений как ее звали, скажем, откуда она, — хоть какой-нибудь зацепки?

«Хочет знать, отчаянно хочет знать, кто эта женщина, — думал Краддок. — Интересно, испытывала ли она это желание с самого начала? У Бейкона было другое впечатление, а он человек проницательный…»

— Мы ровным счетом ничего о ней не знаем, — сказал он. — Оттого и надеялись, что нам поможет кто-нибудь из вашей семьи. Вы не могли бы? Подумайте. Пусть не узнали ее в лицо — но не догадываетесь ли, кто она хотя бы может быть?

Он обратил внимание — не почудилось ли? — что ответ прозвучал после легкой заминки.

— Абсолютно не представляю себе.

Едва заметно манера поведения у инспектора Краддока изменилась. Это, впрочем, мало в чем обнаруживалось — разве что голос отвердел.

— Почему, когда мистер Уимборн сообщил вам, что эта женщина — иностранка, вы сразу решили, что она француженка?

Эмма не выказала никакого замешательства. Лишь приподняла удивленно брови.

— Разве? Да, кажется, так. Сама не знаю, откровенно говоря, просто всегда как-то принято считать, что раз иностранец — стало быть француз, пока не выяснится, какой он национальности на самом деле. У нас ведь правда большинство иностранцев — французы, вы согласны?

— Нет, не сказал бы, мисс Кракенторп. В особенности теперь. Выбор — самый широкий. И итальянцы, и немцы, австрийцы, выходцы из Скандинавских стран.

— Да, вероятно, вы правы.

— Не было у вас каких-либо особых оснований полагать, что убитая — скорее всего француженка?

Эмма не кинулась тут же отрицать. Немного подумала и лишь тогда, почти что с сожалением, качнула головой.

— Нет. Ничего не приходит на ум.

И твердо, не отводя глаз, выдержала на себе его взгляд. Краддок оглянулся на инспектора Бейкона. Тот подался вперед, показывая маленькую эмалевую пудреницу.

— Вам не знакома эта вещь, мисс Кракенторп?

Эмма взяла пудреницу, повертела ее в руках.

— Нет. Определенно не моя.

— И вы не знаете, чья?

— Нет.

— Тогда, я думаю, у нас нет причин вас больше беспокоить — на данное время.

— Спасибо.

Она коротко улыбнулась им, встала и вышла из комнаты. Довольно-таки быстрым шагом, отметил Краддок, — или снова почудилось? Словно бы подгоняемая чувством облегчения.

— Что-то знает, вы думаете? — спросил Бейкон.

Инспектор Краддок сокрушенно вздохнул.

— Ох, всегда наступает такой момент, когда это думаешь про каждого — что, дескать, знает чуть больше, чем готов тебе выложить.

— А так оно и есть обыкновенно, — тоном человека, умудренного опытом, заметил Бейкон. — Только чаще всего, — прибавил он, — это не имеет ни малейшего отношения к делу. Всяческая семейная требуха — либо когда-то оступились по дурости и дрожат, как бы это не вытащили наружу.

— Да, знаю. Но в любом случае…

То, что собирался сказать инспектор Краддок, так и осталось несказанным, ибо дверь в это мгновенье распахнулась и в комнату, весь кипя от возмущения, вломился, шаркая, старик Кракенторп.

— Дела! — начал он. — Хорошенькие творятся дела, когда в доме люди из Скотленд-Ярда и им не хватает воспитания переговорить в первую очередь с главой семьи! Кто в этом доме хозяин, интересно знать? Отвечайте! Кто здесь хозяин?

— Безусловно вы, мистер Кракенторп, — умиротворяюще отвечал Краддок, поднимаясь со стула. — Но мы так поняли, что вы уже сказали инспектору Бейкону все, что вам известно, а поскольку у вас неважно обстоит со здоровьем,

нельзя подвергать вас чрезмерному напряжению. Доктор Куимпер сказал…

— Ну, положим. Положим. Я и впрямь не могу похвалиться крепким здоровьем. Что касается доктора Куимпера, это сущая старая баба — нет, врач он хороший и мое состояние оценивает правильно, — но готов буквально кутать меня в вату. А уж еда — это прямо пунктик у него. Пристал ко мне как очумелый на Рождество, когда меня немного прихватило. Что я съел? Когда? Кто готовил? Да кто подавал? Совсем задергал! Да, может быть, со здоровьем у меня не блестяще, но оказать вам посильную помощь я способен. Убийство в моем собственном доме — ну, пусть в амбаре, неважно! Примечательное строение, скажу я вам. Елизаветинского периода. Местный архитектор не согласен, но много ли он понимает! 1580 год, и ни на день позже, а впрочем, мы ведь не о том… Так что же вы хотите узнать? Какова на данный момент ваша версия?

— Рановато еще для версий, мистер Кракенторп. Пока мы стараемся выяснить, кто эта женщина.

— Иностранка, говорите?

— Думаем, да.

— Тайный агент? Шпионка?

— Вряд ли, я бы сказал.

— Он бы сказал! Да они повсюду, куда ни глянь! Проникают, внедряются! Почему Министерство внутренних дел их пускает в страну — уму непостижимо! Технические секреты выпытывают, как пить дать. Вот она чем занималась.

— Это в Бракемптоне?

— А что, кругом заводы. У меня самого один прямо за воротами.

Краддок вопросительно глянул на Бейкона. Тот отозвался:

— Металлические контейнеры.

— Почем вы знаете, что у них там выпускают на самом деле? Мало ли что вам наплетут! Ну ладно, пусть не шпионка, но тогда кто, по-вашему? Думаете, путалась с кем-нибудь из моих драгоценных сыновей? Если так, значит, с Альфредом. Гарольд отпадает, чересчур осторожен. А Седрика родная страна не устраивает для житья. Выходит, Альфредова бабенка. А какой-нибудь оголтелый малый выследил ее, заподозрив, что она бегает сюда на свиданья, — и укокошил. Ну, как?

Инспектор Краддок дипломатично заметил, что это, бесспорно, версия. Но только мистер Альфред Кракенторп убитую не опознал.

— Ба! Струсил, вот и все! Альфред с рожденья трус. Но запомните, он еще и лжец прирож-

денный! Врет и не краснеет. Все они никуда не годятся, мои сыночки. Стайка стервятников, ждут не дождутся, когда я умру — главное их занятие в жизни. — Он насмешливо фыркнул. — Ничего, пускай их дожидаются. Я ради их удовольствия умирать не собираюсь! Ну, если это все, чем я могу быть вам полезен… Устал я. Нужно отдохнуть.

И, шаркая, вышел из комнаты.

— Альфредова бабенка, стало быть? — недоверчиво сказал Бейкон. — На мой взгляд, старик это просто выдумал. — Он на мгновенье замялся. — Я лично полагаю, что с Альфредом все в порядке — скользковатый персонаж в известном отношении, однако не наш клиент. А вот насчет этого авиатора у меня точно есть сомнения.

— Брайена Истли?

— Да. Мне знаком такой тип людей. Дрейфуют, фигурально выражаясь, без руля и ветрил в этом мире. Слишком рано навидались опасностей и смертей, нахватались острых ощущений. Нынешнюю действительность находят пресной. Пресной и серой. В определенном смысле мы поступили с ними нечестно. Хотя не знаю, как можно было этого избежать. И вот имеем, что имеем — людей, у которых как говорится, все в прошлом и нет будущего. Такие охотно

идут на риск. Рядовой обыватель инстинктивно проявляет осмотрительность, не столько из нравственных побуждений, сколько из элементарного благоразумия. Но этим ребятам страх неведом — такое слово, как осмотрительность, в их словаре просто отсутствует. Будь Истли связан с женщиной и задумай убить ее… — Бейкон осекся и беспомощно вскинул вверх ладонь. — А с чего бы, собственно, ему ее убивать? И, если уж убиваешь женщину, с чего бы подкладывать ее в саркофаг тестю? Нет, хотите знать мое мнение? Никто из них не причастен к убийству. Стали бы они в противном случае тратить столько усилий на то, чтобы труп оказался прямо, можно сказать, у них же на задворках!

Краддок согласился, что особого смысла в этом не видно.

— Вам здесь еще что-нибудь осталось сделать?

Краддок сказал, что ничего.

Бейкон предложил ему вернуться в Бракемптон и сообща выпить чаю, но инспектор Краддок отказался, прибавив, что собирается зайти к одной старой знакомой.

Глава 10
I

Мисс Марпл, сидя очень прямо на фоне фарфоровых собачек и курортных сувениров, подарила инспектора Дермота Краддока одобрительной улыбкой.

— Я так рада, что это дело поручено вам! Сбылась моя надежда.

— Когда пришло ваше письмо, — сказал Краддок, — я взял его и сразу пошел к помощнику комиссара. А с ним, так совпало, как раз только что связались из Бракемптона, прося подключиться к этому делу. Поскольку на их взгляд это не местное преступление. Помощник комиссара очень заинтересовался тем, что я рассказал ему про вас. Он уже, как я понял, слышал о вас от моего дяди.

— Милый сэр Генри, — ласково прошелестела мисс Марпл.

— Заставил меня подробно рассказать ему историю с «Литтл-Паддокс». Хотите знать, что я от него услышал после этого?

— Да, пожалуйста, если это не секрет.

— Передаю дословно. «Поскольку, — заявил он, — все это звучит полнейшим абсурдом, вымыслом двух старушек, которые, рассудку вопреки, оказались правы, а вы с одной из этих старушек знакомы, то и поручается это дело вам». И вот я перед вами! А теперь, любезная мисс Марпл, спрашивается, — что же дальше? Это, как вы, наверное, догадываетесь, неофициальный визит. Без свиты. Я думал, может быть, для начала нам с вами потолковать по душам в свободной обстановке.

Мисс Марпл снова улыбнулась.

— Убеждена, что те, кто с вами общался лишь в казенной обстановке, нипочем не догадались бы, что вы умеете быть таким сердечным и это вам — не краснейте — еще больше к лицу. Итак, какими именно материалами вы располагаете на данный момент?

— Да всеми, какие есть, по-моему. Подлинник заявления вашей приятельницы миссис Магликадди в полицию Сент-Мэри-Мид, подтверждение от кондуктора о заявлении, сделанном ею в поезде, а также ее записка, адресованная начальнику станции в Бракемптоне. Могу прибавить, что все, кому положено, — железнодорожное начальство, полиция, — проводили необходимые расследо-

вания. Однако ясно, что вы своими совершенно фантастическими домыслами умудрились всех их посрамить.

— Это не домыслы, — сказала мисс Марпл. — И потом, у меня было одно существенное преимущество. Я знаю Элспет Магликадди. А все другие — нет. При отсутствии убедительных подтверждений ее словам, а также сообщений о том, что пропала женщина, вполне естественно было предположить, что все это старушка выдумала — как это, впрочем, свойственно старушкам. Но только не Элспет Магликадди.

— Только не ей, — подтвердил инспектор. — Очень бы, знаете ли, хотелось с ней познакомиться. Жалко, что уехала на Цейлон. Мы, кстати, договариваемся сейчас о том, чтобы с ней там побеседовали.

— Что же до хода моих рассуждений, — продолжала мисс Марпл, — то он не отличается особой оригинальностью. Все это вы найдете у Марка Твена. Помните, — мальчик, нашедший лошадь? Просто вообразил себе, куда бы подался, будь он сам лошадью, пошел туда — и лошадь нашлась.

— И вы вообразили, как поступили бы, будь вы сами жестоким и хладнокровным убийцей? — сказал Краддок, оценивая задумчивым

взглядом бело-розовую старческую хрупкость мисс Марпл. — Ну и голова у вас…

— Не голова, а прямо выгребная яма, как говаривал мой племянник Реймонд, — согласилась, энергично кивая, мисс Марпл. — На что я отвечала, что выгребная яма — необходимое и ценное с точки зрения гигиены домашнее оборудование.

— А вы не можете сделать еще один шаг, поставив себя на место убийцы, и сказать, где он сейчас находится?

Мисс Марпл вздохнула.

— Увы. Представления не имею. Ясно только, что этот человек либо жил какое-то время в Резерфорд-Холле, либо досконально изучил его.

— Согласен. Но область поисков открывается, таким образом, весьма обширная. Одних работниц приходящих там перебывала целая череда. Прибавьте к этому «Женский институт», а еще раньше — уполномоченных по гражданской обороне. Ни для кого из них и Долгий амбар с саркофагом, и где хранится ключ — не секрет. Да и вообще вся обстановка в имении известна каждому в округе. Кому угодно из здешних жителей могла прийти мысль, что это подходящее местечко для его целей.

— Вот именно. Я очень хорошо понимаю, какие

перед вами трудности.

Краддок сказал:

— Мы не сдвинемся с мертвой точки, покуда не установим личность убитой.

— А это может тоже оказаться совсем непросто?

— Да нет, в конце концов — справимся. Сейчас мы занимаемся проверкой всех сообщений о пропавших женщинах, подходящих по возрасту и внешним приметам. Пока ничего обнадеживающего нет. Согласно заключению медицинской службы, ей было лет тридцать пять, здоровая, возможно — замужняя, как минимум один раз рожала. Меховое пальто на ней дешевое, куплено в лондонском магазине. Их сотни таких продано за последние три месяца, процентов шестьдесят — блондинкам. По фотографии никто из продавщиц убитую не вспомнил и вряд ли вспомнит, если покупка была сделана в канун Рождества. Другие вещи на ней по преимуществу иностранного производства, куплены большей частью в Париже. Метки из английских прачечных не обнаружены. Мы связались с Парижем, там для нас тоже проводят необходимую проверку. Рано или поздно, конечно, кто-нибудь да объявится с сообщением о пропавшей родственнице или

жиличке. Это всего лишь вопрос времени.

— А пудреница не пригодилась?

— Нет, к сожалению. На *rue de Rivoli* [105] такие сотнями продаются за бесценок. Вам, кстати, следовало немедленно передать ее в полицию, или, вернее, это должна была сделать мисс Айлзбарроу.

Мисс Марпл покачала головой.

— Но ведь в то время и вопрос так не стоял — что совершено преступление, — заметила она. — А если молодая особа, упражняясь на свежем воздухе с клюшкой для гольфа, находит в высокой траве старую пудреницу, не представляющую особой ценности, разве ей обязательно сразу бежать в полицию со своей находкой? — Мисс Марпл сделала паузу и твердо прибавила: — Я считала, что гораздо разумнее найти сначала труп.

Инспектору Краддоку занятно было услышать эти последние слова.

— Вы, кажется, положительно не питали сомнений, что он будет найден?

— Я была в этом уверена. Люси Айлзбарроу — в высшей степени расторопная и сообразительная особа.

---

[105] notes: 105
Парижская улица со множеством сувенирных магазинов.

— Да уж, что и говорить! Сокрушительная расторопность, прямо жуть берет! Нет мужчины, который отважился бы жениться на такой девушке.

— Э, не скажите. Но, разумеется, мужчина должен быть особого склада. — Эта тема навела мисс Марпл на размышления. — Как она там, кстати, в Резерфорд-Холле?

— Насколько я могу судить, они попали к ней в полную зависимость. Из рук едят — в буквальном, можно сказать, смысле слова. И, между прочим, ничего не знают о том, что она как-то связана с вами. Мы умолчали об этом.

— Она никак со мной не связана. То, что я поручала ей, она выполнила.

— То есть при желании могла бы в любую минуту заявить, что уходит?

— Да.

— И тем не менее продолжает там оставаться. Почему?

— Она со мной не делилась мотивами. Она достаточно умна. Подозреваю, что ей стало интересно.

— Что интересно — проблема? Или семья?

— Допускаю, — сказала мисс Марпл, — что отделить сейчас одно от другого довольно трудно.

Краддок прищурился.

— Вы имеете в виду что-то конкретное?

— Нет, нет, помилуйте, — что вы!

— А по-моему — да.

Мисс Марпл покачала головой.

Дермот Краддок вздохнул.

— Стало быть, ничего мне не остается, кроме как, выражаясь официальным языком, проводить расследование. Скучно полицейскому жить на свете!

— Вы добьетесь результатов, я уверена.

— Не подкинете ли идейку? Из области домыслов по вдохновению?

— Были у меня кой-какие соображения, — уклончиво отвечала мисс Марпл. — Взять, например, театральную труппу. Гастроли, переезды с места на место, оторваны от дома. В таких условиях гораздо меньше вероятности, что молодой актрисы хватятся.

— Да. Пожалуй, что-то в этом есть. Обратим особое внимание на эту сторону вопроса. — Он помолчал. — Чему вы улыбаетесь?

— Просто подумала, — сказал мисс Марпл, — какое будет лицо у Элспет Магликадди, когда ей скажут, что мы нашли труп!

II

— Так! — произнесла миссис Магликадди. — Ну и ну!

Других слов она не находила. Молча смотрела то на речистого симпатичного молодого человека, который пришел к ней в дом, предъявив официальный документ, то на принесенную им фотографию.

— Да, точно, — заговорила она, вновь обретя дар речи. — Она самая. Бедняжка. Ну что же, должна сказать, я рада, что вы нашли ее тело. Ведь мне не верили — ни единому моему слову! Ни полицейские, ни служащие железной дороги — никто. Очень обидно, когда тебе не верят. Ладно, по крайней мере не упрекнут хотя бы, что я не сделала всего, что в моих силах.

Симпатичный молодой человек отозвался на это сочувственными и одобрительными звуками.

— Так где, говорите, нашли тело?

— В амбаре. В имении Резерфорд-Холл на окраине Бракемптона.

— Не слышала о таком. Как же оно туда попало, интересно знать?

Молодой человек ничего не ответил.

— Нашла-то, вероятно, Джейн Марпл? Кто-кто, а Джейн найдет, будьте уверены.

— Труп, — сказал молодой человек, сверяясь с записями в своем блокноте, — был обнаружен некой мисс Люси Айлзбарроу.

— Тоже первый раз слышу, — сказала миссис Магликадди. — И все же, думается, без участия Джейн Марпл тут не обошлось.

— Во всяком случае, миссис Магликадди, вы подтверждаете, что на фотографии именно та женщина, которую вы видели в поезде?

— Когда ее душил мужчина. Да, подтверждаю.

— А вы могли бы описать этого мужчину?

— Он был высокого роста, — сказала миссис Магликадди.

— Да?

— И темноволосый.

— А еще?

— Это все, что я могу сказать. Он стоял спиной ко мне. Лица я не видела.

— Вы бы узнали его при встрече?

— Конечно, нет! Он же спиной стоял. Лица не было видно.

— И не представляете себе, какого он возраста?

Миссис Магликадди подумала.

— Нет — так, чтобы говорить с определенностью… Словом, не знаю. Почти уверена, что не очень молод. Плечи — осанка зрелого человека, если я понятно выражаюсь. — Молодой человек кивнул. — Что-нибудь тридцать с хвостиком, точнее сказать не берусь. Я на него не очень-то и смотрела, понимаете. Все на нее — на эти руки у нее на шее и на это ее лицо посиневшее… Знаете, оно мне до сих пор изредка снится.

— Воображаю, что вам пришлось в связи с этим пережить, — сказал сочувственно молодой человек. Он захлопнул блокнот. — Когда же вы возвращаетесь в Англию?

— Недели через три, не раньше. В этом ведь нет необходимости, правда?

— Нет, никакой, — поспешил он уверить ее. — В настоящее время от вас ничего не требуется. Другое дело, если дойдет до ареста…

На том и закончилась их беседа.

С очередной почтой пришло письмо от мисс Марпл. Остроконечные, неразборчивые буквы, там и сям подчеркнуто жирной чертой. Миссис Магликадди, с ее многолетним опытом, не составило труда прочесть его. Мисс Марпл подробнейшим образом описывала приятельнице все случившееся, и та с удовлетворением пожи-

рала глазами каждое слово.

Они с Джейн все-таки им показали!

Глава 11
I

— Просто-напросто отказываюсь вас понимать, — проговорил Седрик Кракенторп.

Он устроился на полуразрушенной стенке давно пустующего свинарника и посмотрел в упор на Люси Айлзбарроу.

— Что вы отказываетесь понимать?

— Что вы здесь делаете.

— Зарабатываю себе на жизнь.

— Служа в прислугах? — уронил он пренебрежительно.

— Вы отстали от жизни, — сказала Люси. — Помощница по хозяйству, вот я кто, домовод-профессионал или та, кого сам бог послал, и главным образом — последнее.

— Не может вам быть по душе все, чем вы вынуждены заниматься, — и стряпать, и стелить постели, елозить по комнатам с пылесосом и окунать руки по локоть в сальные обмылки.

Люси рассмеялась.

— Отдельные частности — да, пожалуй, но стряпня удовлетворяет мою потребность в твор-

честве, а нечто во мне прямо-таки упивается наведением чистоты и порядка.

— Ну, а мне в жизни всегда сопутствуют грязь и беспорядок, — объявил Седрик. — И мне так нравится, — прибавил он с вызовом.

— Да уж, оно и видно.

— У меня на Ивисе обзаведение в халупе нехитрое, без выкрутасов. Три тарелки, две чашки с блюдцами, кровать, стол, пара стульев. Повсюду пыль, следы краски, обломки камня — я занимаюсь не только живописью, но и ваянием — и никому не разрешается ничего пальцем тронуть. Женщину я туда близко не подпущу.

— Ни в каком качестве?

— На что это вы намекаете?

— Как-то естественно предположить, что у мужчины со столь артистическими наклонностями должна быть и интимная жизнь.

— Моя интимная жизнь, как вы изволили выразиться, мое личное дело, — отвечал с достоинством Седрик. — А женщину близко не подпущу в присущем ей качестве — прибираться, командовать и вмешиваться во что не просят.

— Вот бы руки приложить к вашей халупе! — сказала Люси. — Вдохновляющая была бы задача.

— Не выйдет, руки-то коротки!

— Да, наверно.

Из стенки свинарника посыпались кирпичи. Седрик повернул голову, вглядываясь в его заросшие крапивой недра.

— Славная наша Мадж! — сказал он. — Как живая стоит перед глазами. Что за милый характер был у свиньи, а какая плодовитая мамаша! Семнадцать, помнится, принесла в последний опорос. Придешь сюда, бывало, под вечер в ясную погоду спинку ей почесать прутиком. Первое было для нее удовольствие.

— Но почему здесь допустили, чтобы все пришло в такой упадок? Ведь не одна же война тому виной?

— А вас, видно, и тут подмывает руки приложить? Все-то вам неймется! Теперь понятно, отчего именно вам выпало обнаружить труп. Греко-римский саркофаг и тот не могли оставить в покое! — Он сделал паузу. — Да нет, конечно, виновата не только война. Это все мой отец. Что вы, кстати, думаете о нем?

— Мне особенно думать было некогда.

— Не нужно уходить от ответа. Скупой, как сам черт, и к тому же, сдается мне, слегка тронулся умишком. Нас всех — разве что не считая

Эммы, — ясное дело, ненавидит. Из-за дедова завещания.

На лице Люси изобразилась озадаченность.

— Добытчик у нас в семье был дед. Нажил деньги на хрустящих хлебцах, галетах, крекерах-крендельках. И прочем, что подают к вечернему чаю. А после, будучи человеком дальновидным, очень вовремя переключился на сырные палочки и тартинки, чем обеспечил нам густой навар со званых коктейлей. Ну, а потом настало время, когда отец дал понять, что душа его требует пищи более возвышенной, чем хрустящие хлебцы. Отправился путешествовать по Италии, Балканам, Греции, стал баловаться искусством. Дед обозлился. Он рассудил, что мой отец и для бизнеса не пригоден, и в искусстве не силен, — был, кстати, прав в обоих случаях, — а потому все денежки доверил попечителям своих внуков. Отец же получал пожизненно доходы с капитала, но к самому капиталу притронуться не мог. Тогда, хотите знать, что он сделал? Он перестал тратить деньги. Приехал сюда и начал копить. Не удивлюсь, если он на сегодняшний день скопил не меньше того, что осталось от деда. А нам, между тем, — ни Гарольду, ни мне с Альфредом, ни Эмме — не перепало ни гроша из дедовых

денег. Я — нищий художник. Гарольд занялся бизнесом, он в Сити нынче большой человек — унаследовал умение делать деньгу, хотя и у него в последнее время возникли, по слухам, затруднения. Альфред… Альфреда мы обычно в кругу семьи величаем Фальшь-Альф.

— За что?

— Все-то ей надо знать!.. Отвечу. Альф — паршивая овца у нас в семействе. В тюрьме пока не побывал, но на самом ее пороге оказывался не однажды. Во время войны служил в Министерстве продовольствия, но как-то очень уж внезапно и при неясных обстоятельствах покинул службу. Были потом и темная история с фруктовыми консервами, и неприятности с поставкой яиц. Не то чтобы крупные скандалы — так, сомнительные делишки на стороне.

— Но, наверное, не слишком разумно посвящать в подобные детали чужих людей?

— Почему? Вы что, полицейская ищейка?

— Все может быть.

— Не думаю. Вы тут батрачили еще до того, как к нам стала проявлять интерес полиция. Не сказал бы…

Он осекся, заметив, что в калитку вошла с огорода его сестра Эмма.

— Ты что, Эм? У тебя такой встревоженный вид…

— Меня и вправду тревожит кое-что, Седрик. Нам нужно поговорить.

— А мне пора обратно в дом, — тактично сказала Люси.

— Не уходите, — сказал Седрик. — Вы из-за этого убийства теперь практически член семьи.

— Дела зовут, — сказала Люси. — Я и вышла-то лишь нарвать петрушки.

Она поспешно ретировалась в огород. Седрик проводил ее глазами.

— Хороша, — сказал он. — Кто она такая на самом деле?

— О, она — человек известный, — сказала Эмма. — Поставила этот род занятий на профессиональную основу. Но давай не будем о Люси Айлзбарроу, Седрик. Я в ужасной тревоге. Судя по всему, в полиции считают, что убитая женщина — иностранка, вероятно француженка. Скажи, ты не допускаешь мысли, что это может быть… Мартина?

II

Первые секунды Седрик только хлопал глазами в недоумении.

— Мартина? Какая еще… А, ты хочешь сказать, Мартина?

— Да. Ты не допускаешь?..

— Почему вдруг это должна быть Мартина?

— Ну, понимаешь, с этой телеграммой от нее как-то все странно, если вдуматься. По времени примерно совпадает. Что, если она все-таки приехала сюда и…

— Чепуха. Зачем было Мартине приезжать, забираться в Долгий амбар? С какой целью? Просто дичь несусветная, я считаю.

— Может, следовало бы сказать инспектору Бейкону или этому, другому, — ты не думаешь?

— О чем сказать?

— Ну, как… О Мартине. О ее письме.

— Слушай, только не надо усложнять и притягивать за уши то, что тут вовсе ни при чем. Мне, например, это письмо от Мартины вообще с самого начала внушало сомнения.

— Мне — нет.

— Ты, сестричка, у нас всегда отличалась

способностью верить с утра натощак разным небылицам. Мой тебе совет — сиди и не рыпайся. Это дело полиции, пусть она и устанавливает, кто ее драгоценный труп. Ручаюсь, и Гарольд сказал бы то же самое.

— Уж Гарольд-то — непременно. Да и Альфред. И все-таки мне тревожно, Седрик, не на шутку тревожно. Прямо не знаю, что и делать.

— Ничего, — отозвался с живостью Седрик. — Держи язык за зубами, Эмма. Никогда не стоит волноваться заранее, таков мой девиз.

Эмма Кракенторп вздохнула и побрела с тяжелым сердцем обратно к дому.

Она ступила на подъездную аллею; в это время из дома вышел доктор Куимпер и открыл дверцу своего обшарпанного «Остина». Увидев Эмму, помедлил и, оставив машину, шагнул ей навстречу.

— А знаете, Эмма, — заговорил он, — отец ваш в прекрасной форме. Убийства идут ему на пользу. Придают жизни новый интерес. Надо будет порекомендовать это средство и другим моим пациентам.

Эмма машинально улыбнулась. Доктор Куимпер всегда мгновенно замечал реакцию собеседника.

— Что с вами, что-нибудь не так? — спросил он.

Эмма подняла на него глаза. Она привыкла полагаться на доброту и отзывчивость доктора. Он стал ей другом и опорой не только в том, что касалось медицины. Его рассчитанно грубоватые манеры не могли обмануть ее — она знала, сколько сердечности кроется за ними.

— Да, я беспокоюсь, это правда.

— Расскажете, может быть? Но если не хотите — не надо.

— Нет, я как раз хотела бы. Кое-что вам уже известно. Беда в том, что я не знаю, как мне быть.

— Обыкновенно, должен сказать, вас отличает редкая здравость суждений. Так в чем же дело?

— Вы помните — хотя, пожалуй, вряд ли, — что я рассказывала вам однажды про брата — того, которого убили на войне?

— Что он не то женился, не то хотел жениться на какой-то француженке? Это?

— Да. И почти сразу после того, как пришло это письмо, он был убит. Никаких известий об этой девушке — ни о ней, ни от нее — у нас не было. Единственное, в сущности, что мы знали, это как ее зовут. Все ждали, что она либо напишет нам, либо приедет, но так и не дождались. Ни слуху,

ни духу — до того дня в самый канун Рождества, почти месяц тому назад.

— Я помню. Вы получили письмо, верно?

— Да. В нем говорилось, что она сейчас в Англии и хотела бы приехать повидаться с нами. Мы уже обо всем условились, как вдруг, в последний момент, приходит телеграмма, что непредвиденные обстоятельства заставляют ее вернуться во Францию.

— И?

— В полиции полагают, что та женщина — убитая — француженка.

— Правда? Я бы сказал, она по типу скорее походит на англичанку, а впрочем, судить трудно. Так вы, стало быть, тревожитесь, как бы не оказалось, что убитая — девушка вашего брата?

— Да.

— Крайне маловероятно, на мой взгляд, — сказал доктор Куимпер. — Но все равно мне понятны ваши чувства.

— Я в нерешительности — не следует ли рассказать о… словом, обо всем этом полиции? Седрик, да и другие тоже, говорят, что это совершенно излишне. А вы как думаете?

— Хм. — Доктор Куимпер пожевал губами. Помолчал немного в раздумье. Потом сказал, как

бы нехотя: — Оно, конечно, куда проще ничего не говорить. В этом смысле можно понять ваших братьев. И тем не менее…

— Да?

Доктор Куимпер посмотрел на нее. Глаза его лучились теплом.

— Я бы взял и сказал. Иначе вы так и будете изводиться. Я вас знаю.

Эмма покраснела.

— По глупости, вероятно.

— Поступайте, как сами считаете нужным, дружок, и плевать вам на остальных! Вашему здравому смыслу я доверяю в сто раз больше.

Глава 12
I

— Эй! Эй вы, молодка! Подите-ка сюда.

Люси удивленно оглянулась. Стоя в дверях одной из комнат, ее яростно манил к себе старик Кракенторп.

— Вы это мне, мистер Кракенторп?

— Поменьше разговаривайте. Идите сюда.

Люси повиновалась властному мановению пальца. Мистер Кракенторп схватил ее за руку, втащил в комнату и захлопнул дверь.

— Я хочу вам что-то показать, — сказал он.

Люси осмотрелась кругом. Они находились в небольшой комнате, предназначенной, очевидно, служить кабинетом, но столь же очевидно давным-давно уже никому им не служащей. Пыльные кипы бумаг на письменном столе, гирлянды паутины, свисающие с потолка по углам. Затхлый, застоялый воздух.

— Вы хотите, чтобы я здесь убралась?

Мистер Кракенторп яростно затряс головой.

— Ни в коем случае! Я держу эту комнату на замке. Эмма и рада бы здесь повозиться, но я

не даю. Это моя комната. Видали, какие камни? Редкие геологические образцы.

Люси увидела коллекцию образцов горной породы, штук десять-пятнадцать, одни куски — отшлифованы, другие — нет.

— Красивые, — сказала она, польстив им. — Очень интересно.

— Верно сказано. Они действительно представляют интерес. Вы умная девушка. Я вам еще и не то покажу.

— Спасибо большое, но у меня там правда стоит работа. Когда в доме шесть человек…

— И каждый объедает меня дочиста! Лишь тем и занимаются, когда приезжают. Едят и едят. И хоть бы кто предложил заплатить за съеденное! Кровососы! Одного только ждут — чтобы я умер. Но я на тот свет не тороплюсь — не намерен порадовать их своей смертью. Я гораздо крепче, чем им кажется, включая Эмму.

— Да, я уверена.

— И не так уж я стар. Это она делает из меня старика, обращается так, будто мне сто лет. Вот вы же меня не принимаете за старика?

— Конечно нет, — сказала Люси.

— И молодец. Вот поглядите.

Он показал на большой выцветший графи-

ческий лист, висящий на стене. То было, как разглядела Люси, генеалогическое древо, с иными из имен выведенными так мелко, что без увеличительного стекла не разобрать. Зато горделиво выделялись крупными заглавными буквами имена самых далеких предков, с короной над каждым именем.

— От королей ведем род, — объяснил мистер Кракенторп. — По материнской линии то есть, не по отцовской. Отец был из простых. Из низов выбрался старик. Недолюбливал меня. Знал, что я выше его на голову. Я пошел в материнскую породу. С рожденья имел наклонность к искусству, классической скульптуре — отец ничего в этом не смыслил, старый дурень. Матери не помню — умерла, когда мне было два года. Последняя в своем роду. Имущество у них пошло с молотка, и она вышла за моего отца. Нет, обратите внимание, — и Эдуард Исповедник, и Этельред Неразумный — все они здесь. А ведь это еще до вторжения норманнов. До норманнов — это кое-что да значит, нет?

— Безусловно.

— А теперь покажу вам другое. — Он подвел ее к громоздкому мебельному сооружению темного дуба, стоящему на другом конце комнаты. Люси

стало немного не по себе от ощущения, с какой силой сжимают ее локоть его пальцы. Сегодня в мистере Кракенторпе определенно не наблюдалось даже следов старческой немощи. — Вот, видели? Привезен из Лашингтона — родового гнезда моей матери. Елизаветинский. Четыре мужика не сдвинут с места. Знаете, что я в нем держу? Показать?

— Покажите, пожалуйста, — отвечала из вежливости Люси.

— Ага, любопытство разбирает? Все женщины таковы. — Он достал из кармана ключ и отомкнул нижнее отделение шкафа. Достал оттуда неожиданно новехонький денежный сундук. Отомкнул и его. — А ну, взгляните-ка. Сказать, что там лежит? — Он вынул маленький цилиндрический предмет, завернутый в бумагу, и потянул за один конец обертки. На ладонь ему посыпались золотые монеты. — Вот, полюбуйтесь, милая. Любуйтесь, потрогайте, подержите в руках. Знаете, что это такое? Держу пари, не знаете! Слишком молоды. Соверены — вот это что. Полновесные золотые соверены. То, чем мы пользовались, покамест не пошла мода на все эти дурацкие бумажки. Цена им будет повыше, чем засаленным бумажонкам. Я издавна их собираю. И они

не одни здесь в сундуке. Здесь у меня хранится много кой-чего. Ждет своего часа. Эмма не знает об этом. Никто не знает. Это наш с вами секрет, барышня, понятно? А для чего я говорю все это вам и показываю?

— Для чего же?

— Чтобы не думали, будто я — хворый, дряхлый старикашка, отжил свое. Старый пес еще хоть куда! Жена давно умерла. Вечно во всем мне перечила, покойница. Не по ней, видите ли, детей назвал, — отличные саксонские имена! К родословной — ни малейшего интереса. Я, впрочем, пропускал мимо ушей все, что она скажет — бесхарактерное существо, не умела постоять на своем. Не то что вы — вы кобылка с норовом, любо-дорого посмотреть! Хочу дать вам один совет. Не разменивайтесь на молодых людей. У молодых ветер в голове! Вам нужно позаботиться о своем будущем. Вот погодите… — Его пальцы больнее сжали ей локоть. Он пригнулся к самому ее уху. — Пока довольно того, что сказано. Всему свое время. Эти балбесы думают, что я скоро умру. А вот и нет! Я еще, может статься, их всех переживу. Тогда-то и посмотрим. Тогда и видно будет. У Гарольда нет детей. Седрик с Альфредом — холостяки. Эмма… Ну, Эмме уже не выйти замуж. Не

совсем равнодушна к Куимперу, но Куимперу и в голову не придет на ней жениться. Есть, правда, Александр. М-да, Александр. Но к Александру, понимаете ли, у меня слабость. Неудобство, признаться. Питаю слабость к мальчишке. — Он помолчал, нахмурясь, и снова оживился: — Так как же, молодка, а? Как вам это?

— Мисс Айлзбарроу… — Из-за закрытой двери кабинета слабо донесся голос Эммы.

Люси с облегчением ухватилась за удобный предлог:

— Меня зовет мисс Кракенторп. Надо идти. Большое спасибо, что вы мне показали все это.

— Не забывайте — это наш секрет…

— Конечно.

Люси торопливо направилась в холл, так и не зная толком, сделали ей или нет условное предложение руки и сердца.

II

Дермот Краддок сидел за письменным столом своего кабинета в Новом Скотленд-Ярде. Сидел, удобно привалясь к ручке кресла и опираясь на стол рукой, в которой держал телефонную трубку. Говорил он в трубку по-французски, довольно

сносно владея этим языком.

— Это пока мысль, и только, как вы понимаете.

— Но разумеется, и очень даже мысль, — отвечал голос на другом конце провода, а именно — в префектуре полиции города Парижа. — И у меня уже вовсю идет расследование в соответствующих кругах. Согласно донесению моего агента наметились два-три многообещающих направления. При отсутствии семьи или возлюбленного, эти женщины выбывают из обращения с большой легкостью и никого это не волнует. Мало ли, поехала на гастроли, завела себе кого-то нового — кому какое дело? Жаль, вы прислали фотографию, по которой ее так трудно узнать. Удушение, оно не красит человека. Но что поделаешь. Пойду знакомиться с последними сообщениями моих агентов по этому делу. Вдруг да окажется что-нибудь. *Au revoir, mon cher.*

Краддок едва успел вернуть ему ту же прощальную любезность, как на стол перед ним легла бумажка. На ней значилось:

«Мисс Эмма Кракенторп. К инспектору Краддоку. По резерфорд-холлскому делу».

Он положил трубку и оглянулся на констебля:

— Проводите ко мне мисс Кракенторп.

В ожидании ее откинулся на спинку кресла, размышляя.

Значит, он не ошибся — что-то Эмма Кракенторп знает. Не так уж много, может быть, но знает. И решилась рассказать.

Она вошла; он поднялся ей навстречу, поздоровался, усадил ее, предложил сигарету, от которой она отказалась. Наступило короткое молчание. Подыскивает нужные слова, решил инспектор. Он подался вперед.

— Вы пришли сообщить мне что-то, мисс Кракенторп? Может быть, я вам помогу? Вас кое-что тревожит, угадал? Мелочь, возможно, вы не уверены, имеет ли она какое-либо отношение к этому делу, но и не можете исключить того, что между ними есть связь. И явились рассказать мне, да? Очевидно, это касается личности убитой. Вы полагаете, вам известно, кто она?

— Нет-нет, не совсем так. Мне, откровенно говоря, в это почти не верится. Но все же…

— Но все же вероятность существует, и это не дает вам покоя. Самое лучшее, если вы все мне расскажете, — возможно, тогда у вас станет легче на душе.

Эмма заговорила не сразу.

— Вы видели трех моих братьев, — сказала она. — У меня был еще один, Эдмунд, его убили на войне. Незадолго до того он написал мне из Франции.

Она открыла сумочку и вынула зачитанное, потертое на сгибах письмо.

— «Надеюсь, Эмми, — начала она читать, — тебя не сразит эта новость, но дело в том, что я женюсь — на француженке. Все произошло очень внезапно, однако я уверен, что ты полюбишь Мартину и позаботишься о ней, если со мной что-нибудь случится. Подробностей жди в следующем письме, а я к тому времени буду женатым человеком! Старику сообщи как-нибудь деликатней, ладно? Не то, чего доброго, взовьется до небес».

Инспектор Краддок протянул руку. Эмма поколебалась и, вложив в нее письмо, торопливо продолжала:

— Через два дня после этого письма пришла телеграмма, что Эдмунд пропал без вести и предположительно убит. Потом мы получили подтверждение, что он погиб. Как раз перед Дюнкерком, в дни смятения и неразберихи. Среди армейских документов свидетельства о его женитьбе, как мне удалось выяснить, не обнару-

жилось, но в то время, как я уже сказала, кругом царил полный хаос. От девушки я ни разу не получала никаких известий. Пыталась, уже после войны, наводить справки, но я ничего, кроме ее имени, не знала, а та часть Франции была оккупирована немцами, и что-либо разузнать о человеке без фамилии и прочих сведений было трудно. В конце концов я пришла к мысли, что их женитьба так и не состоялась, а девушка либо вышла замуж за другого, пока шла война, либо, может быть, сама погибла.

Инспектор Краддок кивнул.

— Вообразите мое удивление, — завершила Эмма, — когда примерно месяц назад я получаю письмо, подписанное «Мартина Кракенторп».

— Оно у вас с собой?

Эмма достала письмо из сумочки и дала ему. Краддок с интересом открыл его. Косой французский почерк — почерк образованного человека.

«Дорогая мадемуазель!

Простите, если это письмо станет для Вас потрясением. Я даже не знаю, успел ли Ваш брат Эдмунд известить Вас о том, что женился. Он говорил, что собирается. Его убили буквально через несколько дней после нашей женитьбы, и тогда же нашу деревню заняли немцы. После

войны я решила, что не стану ни писать Вам, ни пытаться с Вами увидеться, хотя Эдмунд и велел мне это сделать. У меня к тому времени началась другая жизнь, и это было никому не нужно. Но теперь обстоятельства изменились. Это письмо я пишу ради сына. Сына вашего брата. Я больше не имею возможности давать ему то, на что он в этой жизни имеет право. В начале следующей недели я буду в Англии. Пожалуйста, сообщите, нельзя ли мне приехать повидаться с Вами. Писать нужно по адресу: 126 Элверс-Кресент, № 10. Простите еще раз, если это письмо заставило Вас пережить потрясение.

Примите уверения в моих наилучших чувствах.

Мартина Кракенторп».

Краддок помолчал немного. Перед тем как вернуть письмо, перечел его еще раз.

— Что вы сделали, мисс Кракенторп, когда пришло это письмо?

— У нас как раз гостил тогда мой зять, Брайен Истли, и я ему сказала. Потом позвонила в Лондон брату Гарольду посоветоваться. Гарольд воспринял это довольно скептически и рекомендовал мне вести себя крайне осмотрительно. Необходимо, сказал он, самым тщательным образом

проверить, кто такая эта особа. — Эмма перевела дыхание. — Что, естественно, сказал бы всякий разумный человек, и я была с ним совершенно согласна. Но в то же время считала, что если эта девушка — эта женщина — действительно та Мартина, о которой мне писал Эдмунд, ей следует оказать радушный прием. Я написала по адресу, указанному в письме, что приглашаю ее приехать в Резерфорд-Холл и познакомиться с нами. Через несколько дней приходит телеграмма из Лондона: «Очень сожалею вынуждена срочно возвращаться во Францию. Мартина». И с тех пор — ничего, ни письма, ни известий.

— А произошло это все когда?

Эмма нахмурила брови.

— Незадолго до Рождества. Знаю, потому что хотела ей предложить провести Рождество у нас. Но мой отец и слышать об этом не хотел. Поэтому я пригласила ее на уик-энд сразу после Рождества, когда семья еще будет в сборе. По-моему, эта телеграмма — о том, что она возвращается во Францию, — пришла как раз в самый канун Рождества.

— И вы полагаете, что женщина, труп которой обнаружили в саркофаге, возможно, и есть Мартина?

— Нет, конечно. Просто, когда вы сказали, что она, вероятно, француженка, я невольно засомневалась — а вдруг… — Ее голос замер.

Деловитый голос Краддока зазвучал ободряюще:

— Вы поступили очень правильно, что пришли и рассказали. Мы все проверим. Лично я сказал бы, что, вероятнее всего, женщина, которая писала вам, благополучно вернулась во Францию и сейчас находится там, живая и здоровая. С другой стороны, как вы сами столь проницательно подметили, определенное совпадение дат действительно имеет место. Вы слышали на дознании, что по свидетельству медэксперта время смерти этой женщины грубо говоря, недели три-четыре назад. Самое главное, мисс Кракенторп — не волнуйтесь и предоставьте этим заниматься нам. Ах да, — прибавил он небрежно, — с мистером Гарольдом Кракенторпом вы, стало быть, советовались. А как насчет вашего отца и других братьев?

— Отцу, понятно, пришлось сказать. Он пришел в невероятное волнение. — Она слабо усмехнулась. — Был убежден, что все это подстроено, чтобы выманить у нас деньги. Деньги у моего отца — больная тема. Он уверен, — или, может

быть, делает вид, — что страшно болен и должен беречь каждый грош. Я знаю, в старости такое иногда бывает. Это неправда, разумеется, он получает доход с капитала, это очень большие деньги, а не тратит, честно говоря, даже и четверти — по крайней мере, истратил до последнего времени, покамест не взвинтили подоходный налог. И безусловно его сбережения составляют крупную сумму. — Она умолкла на миг и продолжала: — Другим двум братьям я рассказала тоже. Альфреда это как будто позабавило, хотя и он был того мнения, что это почти наверняка обман. Седрик вообще не проявил никакого интереса. Он, главным образом, интересуется самим собой. Договорились, что примем Мартину всем семейством и попросим присутствовать при том нашего адвоката, мистера Уимборна.

— А каково было мнение мистера Уимборна на этот счет?

— С ним мы ничего не обсуждали, до этого просто не дошло. Только собрались, как получили телеграмму от Мартины.

— Никаких дальнейших шагов не предпринимали?

— Предпринимала. Написала в Лондон, с пометкой на конверте: «Просьба переслать по новому

адресу», но ответа не было.

— Довольно любопытная история. Хм… — Он бросил на нее острый взгляд. — Ну, а вы сами-то что думаете?

— Сама — не знаю, что и думать.

— Какая была у вас первая реакция? Решили, что в письме сказана правда или склонились к тому же мнению, что у отца и братьев? А ваш зять, кстати, он что подумал?

— О, Брайен считал, что в письме все правда.

— А вы?

— У меня не было полной уверенности.

— А ваши чувства — что бы, положим, вы испытали, если б эта особа и впрямь оказалась вдовой Эдмунда?

Выражение лица его собеседницы смягчилось.

— Я очень любила Эдмунда. Любила больше всех братьев. Письмо, мне показалось, вполне такое, какое в подобных обстоятельствах и напишет девушка вроде Мартины. События тоже развивались вполне естественно. Я поняла, что к тому времени, как кончилась война, она либо опять вышла замуж, либо жила с мужчиной, который принял их с ребенком под свое крыло. Потом, возможно, человек этот умер или оставил ее, и она сочла уместным обратиться к родным

Эдмунда, как он того и желал. Так что мне письмо показалось правдивым и естественным. Гарольд, впрочем, подчеркнул, что если оно фальшивка, то написано женщиной, которая знала Мартину, располагала всеми фактами и имела полную возможность сочинить правдоподобное послание. Я не могла не признать справедливость его доводов, но все-таки…

Она не договорила…

— Вам хотелось думать, что это правда.

Она взглянула на него с благодарностью.

— Да, хотелось. Я была бы рада, если б оказалось, что после Эдмунда остался сын.

Краддок кивнул головой.

— Письмо, как вы сказали, по первому впечатлению звучит вполне убедительно. Настораживает то, что последовало — внезапный отъезд Мартины Кракенторп в Париж и тот факт, что вы с тех пор не получали от нее известий. Вы откликнулись на ее письмо в добром духе, изъявили готовность принять ее. Почему, даже если ей пришлось вернуться во Францию, она больше не писала? Это — если она действительно та, за кого себя выдает. С самозванкой, конечно, такое объяснялось бы проще. Я было подумал, что вы советовались с мистером Уимборном и он стал

наводить справки об этой особе, чем мог вспугнуть ее. Но вы говорите, до этого не дошло. Тогда остается вероятность, что нечто подобное мог предпринять кто-то из ваших братьев. Возможно, у этой Мартины такое прошлое, что в него лучше не заглядывать. Она, быть может, рассчитывала, что будет иметь дело с одной только любящей сестрой Эдмунда, никак не с жесткими, искушенными бизнесменами, которых на мякине не проведешь. Надеялась получать от вас деньги на ребенка — хотя какой он ребенок, наверное, уже лет пятнадцать малому — без лишних расспросов. А выходило, что предстоит столкнуться с чем-то совсем иным. В конце концов неизбежно возникли бы, как я себе представляю, и серьезные юридические вопросы. Ведь если у Эдмунда Кракенторпа жив сын, рожденный в законном браке, то он становится одним из наследников состояния, оставленного вашим дедом?

Эмма кивнула.

— Мало того, он, по моим сведениям, унаследует со временем и Резерфорд-Холл со всеми прилегающими земельными угодьями, которые на сегодняшний день, по-видимому, следует рассматривать как чрезвычайно дорогостоящую площадь для застройки.

Видно было, что Эмма не ожидала такого поворота.

— Да, об этом я как-то не подумала.

— Во всяком случае, волноваться не стоит. Вы правильно сделали, что пришли ко мне с этим сообщением. Я займусь расследованием, хотя и склонен полагать, что между женщиной, которая писала вам — пытаясь, вполне допускаю, поживиться за ваш счет обманным путем, — и той, чей труп нашли в саркофаге, скорее всего никакой связи нет.

Эмма встала, облегченно вздохнув.

— Я так рада, что состоялся этот разговор. Вы были очень добры ко мне.

Краддок проводил ее до двери.

Потом взял трубку и позвонил сержанту сыскной полиции Уэзероллу.

— Боб, для тебя есть работа. Езжай на Элверс-Кресент, дом 126, квартира 10. Захвати с собой фотографии женщины из Резерфорд-Холла. Посмотри, что удастся выяснить о некой особе, называющей себя миссис Кракенторп, миссис Мартиной Кракенторп, которая либо там проживала числа с пятнадцатого декабря и до конца месяца, либо наведывалась туда за письмами.

— Слушаюсь, сэр.

После этого Краддок занялся ворохом бумаг, что накопились у него на столе и требовали внимания. После обеда сходил поговорить с театральным агентом, своим давним знакомым. Расспросы оказались бесплодны.

К концу дня, вернувшись в служебный кабинет, он нашел у себя на столе телеграмму из Парижа:

«СВЕДЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ВАС, МОГУТ КАСАТЬСЯ АННЫ СТРАВИНСКОЙ ИЗ ТРУППЫ «МАРИЦКИ-БАЛЕТ». ЖЕЛАТЕЛЬНО ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ. ДЕССИН, ПРЕФЕКТУРА»

Краддок издал глубокий вздох облегчения, морщины на лбу его разгладились.

«Ну наконец, — думал он. — И не нужно впустую рыскать по следу Мартины Кракенторп».

Он решил, что сегодня же вечерним паромом отправится в Париж.

Глава 13
I

— Так мило, что вы пригласили меня к чаю, — проворковала, обращаясь к Эмме Кракенторп, мисс Марпл.

Выглядела мисс Марпл нынче особенно хрупкой и благостной — типичный божий одуванчик. Она обвела лучистым взглядом собравшихся: Гарольда Кракенторпа в темном, отлично сшитом костюме, Альфреда, который с обворожительной улыбкой протягивал ей сандвич, Седрика, который стоял у камина в потрепанном твидовом пиджаке, хмуро поглядывая на остальных членов семейства.

— Нам очень приятно, что вы сумели к нам выбраться, — отозвалась вежливо Эмма.

Ничто сейчас не напоминало о сцене, которая разыгралась в тот день после ланча, когда у Эммы вдруг вырвалось:

— Боже ты мой, совсем забыла! Я ведь сказала мисс Айлзбарроу, что она может привести сегодня к чаю свою старушку тетку!

— Отмени, — резко сказал Гарольд. — Нам еще

многое необходимо обсудить. Посторонние нам здесь ни к чему.

— Может попить чаю на кухне, например, вдвоем с этой девицей, — сказал Альфред.

— Нет, я так не могу, — твердо сказала Эмма. — Это недопустимая грубость.

— Да пусть приходит, — сказал Седрик. — Будет случай вытянуть из нее чуть больше об этой пресловутой Люси. Не мешало бы получше узнать эту особу, должен сказать. Что-то я ей не очень доверяю. Уж больно ловка.

— С ней все чисто, прекрасные связи, — сказал Гарольд. — Я не поленился выяснить. Всегда полезно знать, с кем имеешь дело. А то шныряет здесь по всем углам, находит труп…

— Знать бы только еще, кто эта чертова покойница… — сказал Альфред.

Гарольд подхватил со злостью:

— Скажу тебе прямо, Эмма, нужно быть не в своем уме, чтобы заявиться в полицию и подать им мысль, что убитая, возможно, французская пассия Эдмунда. Специально, чтобы там свято уверовали, что это приезжала она и не иначе кто-нибудь из нас убрал ее.

— Будет тебе, Гарольд. Не стоит преувеличивать.

— А Гарольд абсолютно прав, — сказал Альфред. — Что на тебя нашло, ума не приложу. У меня такое чувство, будто, куда ни пойду, за мной тащатся по пятам субъекты в штатском.

— Говорил я ей, не ходи, — подал снова голос Седрик. — Так нет, надо было Куимперу поддержать эту идею.

— Его это вообще не касается, — с той же злостью сказал Гарольд. — Думал бы лучше о пилюлях, порошках и проблемах здравоохранения.

— Ох, хватит вам браниться, — устало сказала Эмма. — Ей-богу, хорошо, что к чаю придет эта мисс… как ее. Нам всем только на пользу побеседовать с новым человеком, а не перепевать без конца на разные лады одно и то же. Пойду-ка я немного приведу себя в порядок.

Она вышла из комнаты.

— М-да, эта Люси Айлзбарроу… — начал Гарольд и замолчал. — Прав Седрик, — продолжал он, — странно, зачем ей было соваться в амбар, поднимать крышку саркофага — это же геракловa работа! Пожалуй, следует что-то предпринять насчет нее. Вот и за ланчем держалась достаточно недружелюбно.

— Предоставь ее мне, — сказал Альфред. — Я живо выведаю, затевает ли она какой-нибудь

подвох.

— Нет, с какой стати ей было все-таки открывать саркофаг?

— А вдруг она и не Люси Айлзбарроу вовсе, — высказал предположение Седрик.

— Но цель какая-то должна быть… — Гарольд окончательно потемнел. — Вот проклятье!

Братья озабоченно переглянулись.

— А тут еще эта старая чума приползет к чаю. Как раз когда самое бы время все обдумать.

— Вечером поговорим, — сказал Альфред. — А пока повыпытываем у тетушки насчет Люси.

Соответственно, мисс Марпл была стараниями Люси доставлена надлежащим образом, усажена у огня и теперь принимала сандвич от Альфреда с улыбкой одобрения, какое у нее неизменно вызывали интересные мужчины.

— Благодарю вас. Нельзя ли узнать?.. А, с яйцом и сардинкой — да, с большим удовольствием. Боюсь, что у меня к вечернему чаю не в меру разыгрывается аппетит. С возрастом, как вы понимаете… Так что вечером, естественно, лишь что-нибудь очень легкое — приходится соблюдать осторожность. Мне как-никак в будущем году стукнет девяносто. Не шутка.

— Восемьдесят семь, — сказала Люси.

— Нет, душа моя, девяносто. Не нужно думать, что вы, молодежь, — в голос мисс Марпл закралась ядовитая нотка, — все лучше знаете. — Она вновь обратилась к хозяйке дома: — Как тут у вас красиво! Столько прелестных вещей! Смотрю на эти бронзы и вспоминаю те, что мой отец приобрел в свое время на Парижской выставке. Ах, и ваш дедушка тоже — неужели? Классический стиль, правда? Очень элегантно. Как замечательно, что все ваши братья при вас! Жизнь так часто разбрасывает семьи по всему свету, тех в Индию, впрочем, это, по-видимому, уже в прошлом, этих в — Африку. Западный берег славится прескверным климатом…

— Двое из моих братьев живут в Лондоне.

— Ну смотрите, как удачно!

— А мой брат Седрик — художник и живет на Ивисе, одном из Балеарских островов.

— Художников всегда влечет на острова, вы не находите? — ворковала мисс Марпл. — У Шопена это Майорка, если не ошибаюсь… Нет, он был музыкант. Я имела в виду Гогена. Невеселая история — жизнь, можно сказать, загублена даром. Я лично не поклонница таких сюжетов, как туземные женщины, и пусть очень многие от него в восторге, меня всегда отталкивает этот его горчичный

цвет. От его картин портится настроение.

Она с осуждением покосилась на Седрика.

— Расскажите нам лучше, мисс Марпл, какой была в детстве Люси, — сказал тот.

Мисс Марпл просияла.

— Удивительно умным была ребенком! А я говорю, была, моя милая. И будь добра, не перебивай. Выдающиеся способности к арифметике. Раз, помню, мясник насчитал с меня лишнее за говяжье седло…

И мисс Марпл пустилась на всех парах в воспоминания о детстве Люси, перейдя от них к случаям из собственной деревенской жизни.

Поток воспоминаний прервало появление Брайена с мальчиками, основательно вымокшими и чумазыми в результате азартной охоты за уликами. Подали чай, одновременно подоспел и доктор Куимпер, был представлен старенькой гостье и, слегка подняв брови, огляделся.

— Отец, надеюсь, не куксится, Эмма?

— Нет, ничего — то есть немного утомился к вечеру.

— Как видно, ограждает себя от посетителей, — сказала с плутоватой усмешкой мисс Марпл. — Никогда не забуду, как поступал и мой милый папа. «Ожидается нашествие старушенций? —

скажет, бывало, моей матери. — Вели подать мне чай в кабинет». Такой был безобразник!

— Вы только не подумайте… — начала было Эмма, но Седрик перебил ее:

— «Чай в кабинет» — это у нас как закон, когда приезжают любимые сыновья. Психологически вполне объяснимо, а, доктор?

Доктор Куимпер, уплетая сандвичи и сдобу с откровенным удовольствием человека, которому обычно не хватает времени нормально поесть, отозвался:

— Психология — штука хорошая, но когда ею занимаются психологи. Беда в том, что у нас нынче каждый второй психолог-любитель. Я еще рта не раскрою, а больной мне уже сообщает со знанием дела, каким страдает комплексом или неврозом. Спасибо, Эмма, можно еще чашечку. Не успел днем перекусить.

— Жизнь врача, мое твердое мнение, — это пример благородства и самоотверженности, — сказала мисс Марпл.

— Видно, мало вы сталкивались с врачами, — сказал доктор Куимпер. — Как их прозвали в народе пиявками, так и сегодня иных впору называть! Спасибо хоть платить нам теперь стали, государство позаботилось. Не нужно посылать

счета, заранее зная, что не дождешься гонорара. Другое дело, что пациент норовит урвать «от правительства» по полной программе, и если, боже упаси, малышка Дженни кашлянет пару раз во сне, а мальчик Томми съест зеленое яблоко, — значит, бедняга врач, изволь тащиться к ним среди ночи. Ну, да что там! Булочки — объеденье, Эмма. Знаменито печете!

— Это не я. Мисс Айлзбарроу.

— Ну, и ваши удаются ничуть не хуже, — галантно заключил Куимпер.

— Зайдете взглянете на отца?

Она встала; доктор пошел за нею. Мисс Марпл посмотрела им вслед.

— Сразу видно, что мисс Кракенторп — преданная дочь, — сказала она.

— Для меня, признаться, загадка, как она выносит старика, — заявил прямолинейный Седрик.

— Живет в этом доме с большим удобством, — быстро сказал Гарольд, — а отец к ней очень привязан.

— С Эм все в порядке, — сказал Седрик. — Ей на роду написано быть старой девой.

В глазах мисс Марпл зажегся смешливый огонек.

— Да? Вы полагаете?

— Брат не имел в виду ничего обидного, употребив термин «старая дева», — поспешил сказать Гарольд.

— А я и не обиделась. Просто усомнилась в справедливости его слов. Лично я не сказала бы, что мисс Кракенторп суждено остаться старой девой. Скорее отнесла бы ее к типу женщин, которые, хоть и поздно, но как раз выходят замуж, и удачно выходят.

— Живя здесь — едва ли, — сказал Седрик. — Она и не встречается ни с кем, за кого можно выйти замуж.

Смешливый огонек в глазах мисс Марпл разгорелся ярче.

— На то всегда есть священники и врачи.

Она обвела мужчин мягким и лукавым взглядом.

Было ясно, что она высказала свое предположение о том, что никогда не приходило им в голову и не особенно им улыбалось теперь.

Мисс Марпл поднялась, роняя попутно то вязаные пушистые шарфики, то сумочку.

Трое братьев прилежно подобрали их с пола.

— Так любезно с вашей стороны, — щебетала мисс Марпл. — Да, вон там еще голубенькое кашне. Так я говорю, как мило, что вы меня при-

гласили. Я, знаете, все рисовала себе мысленно обстановку в вашем доме, чтобы легче было представить, как здесь трудится моя Люси.

— Мечта, а не обстановочка, — сказал Седрик, — плюс убийство для полного комплекта.

— Седрик! — сердито одернул его Гарольд.

Мисс Марпл с улыбкой посмотрела на Седрика.

— Хотите знать, кого вы мне напоминаете? Молодого Томаса Ида, сына директора нашего банка. Постоянно норовил ошарашить людей. В банковских кругах такого не терпят, так что он перебрался в Вест-Индию. Вернулся, когда умер его отец — и получил в наследство большие деньги. Приятно, правда? Всегда лучше умел тратить, чем наживать.

II

Люси отвезла мисс Марпл домой. На обратном пути, у самого поворота на заднюю аллею, из темноты выступила фигура и остановилась в свете фар. Подняла руку — и Люси узнала Альфреда Кракенторпа.

— Так-то лучше, — заметил он, сев в машину. — Бр-р, что за холодина! Вообразил, что будет славно пройтись бодрой походкой. Оказалось,

нет. Ну что, благополучно доставили тетушку восвояси?

— Да. Она получила удовольствие.

— Это было заметно. Смешно, как старушки обожают общество, пусть даже скучное, — неважно. А уж Резерфорд-Холл по части скуки бьет рекорды. Два дня здесь — для меня предел. И как это вы, Люси, выдерживаете, не понимаю? Ничего, что я вас называю просто Люси?

— Нет, ради бога. А мне не скучно. Конечно, я здесь человек временный.

— Я понаблюдал за вами. Вы — толковая девушка, Люси. Слишком толковая, чтобы расходовать себя на стряпню и уборку.

— Спасибо, но мне больше нравится стряпать и убирать, чем сидеть за столом в конторе.

— Это да. Но в жизни есть и другие варианты. Когда вы сами себе хозяйка.

— Как раз мой случай.

— Не совсем. А вот когда работаешь на себя, меришься умом с…

— С кем же?

— С властями предержащими! С нагромождением всех этих мелочных правил, норм, ограничений, которые нас вяжут сегодня по рукам и ногам. Самое интересное, что всегда есть

способ обойти их, была бы голова на плечах. А у вас она есть. Ну-ка признайтесь, разве эта мысль не кажется вам заманчивой?

— Возможно.

Люси умело завела машину на конюший двор.

— Воздерживаетесь от опрометчивого шага?

— Для начала хотелось бы иметь больше информации.

— Откровенно говоря, радость моя, вы очень бы мне пригодились. Ваша манера держаться внушает доверие — это неоценимое достоинство.

— Хотите вовлечь меня в темные махинации?

— Ну, это сильно сказано! Изредка невинный шажок в сторону от закона, и только. — Его ладонь скользнула вверх по ее руке. — Вы — чертовски привлекательная женщина, Люси. Рад был бы взять вас в компаньоны.

— Лестно слышать.

— Иными словами — не подойдет? Подумайте. Вообразите себе, как это здорово, как приятно обводить вокруг пальца степенных индюков. Одна загвоздка — нужен капитал.

— Боюсь, я им не обладаю.

— Что вы, я не к тому! У меня самого есть известные виды в не столь отдаленном будущем. Не вечно жить моему уважаемому папаше, гнусному

скупердяю. Откинет копыта — и мне достанутся настоящие деньги. Ну так как, Люси?

— А условия?

— Брак, если вам угодно. Женщинам, большей частью, угодно, даже самым передовым и независимым. И потом, замужнюю женщину по закону не заставишь давать показания против мужа.

— Уже не столь лестно слышать.

— Да ладно вам, Люси. Не видите, что вскружили человеку голову?

Удивительно, что и Люси не осталась бесчувственна к его чарам. Альфреду нельзя было отказать в своеобразном обаянии, возможно, той же природы, что и элементарный животный магнетизм. Она со смехом увернулась от его полуобъятия.

— Сейчас не время заниматься флиртом. Пора подумать об обеде.

— Очень верно, Люси, и никто его не приготовит лучше вас. Так что сегодня на обед?

— Потерпите, увидите! Мальчикам нетерпение простительно, но когда и вы туда же!..

Они вошли в дом, и Люси поспешила на кухню. В разгар готовки ее неожиданно оторвал от плиты Гарольд Кракенторп:

— Мисс Айлзбарроу, нельзя ли с вами погово-

рить кое о чем?

— А можно потом, мистер Кракенторп? Я и так едва успеваю.

— Конечно. Разумеется. После обеда?

— Да, это удобнее.

Обед в урочный час был подан и оценен по достоинству. Люси, кончив мыть посуду, вышла в холл, где ее уже поджидал Гарольд Кракенторп.

— Да, мистер Кракенторп?

— Может быть, зайдем сюда? — Он открыл дверь гостиной, вошел первым и закрыл за Люси дверь.

— Я рано утром уезжаю, — объявил он, — и хочу вам сказать, что уезжаю под большим впечатлением от встречи со столь богато одаренной натурой, как вы.

— Благодарю вас, — сказала слегка удивленная Люси.

— Мне представляется, что здесь ваши таланты пропадают даром — определенно.

— Правда? Мне — нет.

«Этот, по крайней мере, не станет звать меня замуж, — думала Люси. — Жена у него уже есть».

— Предлагаю вам вот что. Когда минует этот злополучный кризис, который вы с таким участием переживаете вместе с нами, приезжайте

ко мне в Лондон. Позвоните и назначьте время, а я дам соответствующие указания своему секретарю. Не скрою, человек ваших редких способностей всегда будет представлять интерес для нашей фирмы. Детально обсудим, в какой области найдется наилучшее применение вашим талантам. Я вам могу предложить, мисс Айлзбарроу, место с очень высоким жалованием и блестящими видами на будущее. Думаю, вы будет приятно поражены.

Его улыбка излучала великодушие.

— Спасибо, мистер Кракенторп, — скромно потупясь, сказала Люси. — Я подумаю.

— Надолго не откладывайте. Молодой женщине, если она стремится проложить себе дорогу в жизни, нельзя упускать такие возможности.

Он снова сверкнул зубами.

— Спокойной ночи, мисс Айлзбарроу, приятных сновидений.

«Ну и ну, — сказала себе Люси. — М-да. Очень занятно».

На лестнице по дороге к себе в спальню она столкнулась с Седриком.

— Минутку, Люси, что я вам хочу сказать…

— Хотите на мне жениться и увезти на Ивису ухаживать там за вами?

Седрик уставился на нее ошеломленно и не без тревоги.

— У меня ничего подобного и в мыслях не было.

— Виновата. Ошиблась.

— Просто хотел спросить — есть у вас в доме расписание?

— И все? Вон лежит в холле на столе.

— Знаете что, — сказал Седрик, — я бы вам не советовал расхаживать, воображая, будто все мечтают на вас жениться. Вы — очень ничего себе девушка, но все же не настолько. Такое, знаете ли, имеет свое название. Если сразу не положить конец, после не остановишься. Я, откровенно говоря, вас нипочем не выбрал бы в жены. Кого угодно, только не вас.

— Вот как? — сказала Люси. — Понятно, можете не развивать эту тему. А как я вам на роль мачехи?

— Что такое? — Седрик, опешив, широко открыл глаза.

— Вы меня слышали, — сказала Люси и, войдя к себе в комнату, закрыла дверь.

Глава 14
I

Дермот Краддок общался с Арманом Дессином из парижской префектуры по-дружески. Им и прежде случалось встречаться раза два, и они пришлись друг другу по нраву. Краддок свободно говорил по-французски, так что беседы у них большей частью велись на этом языке.

— Это пока лишь вероятность, — предупредил его Дессин. — Здесь у меня на фотографии их кордебалет. Вот она, четвертая слева. Говорит это вам что-нибудь, м-м?

Инспектор Краддок вынужден был признаться, что нет. Не так-то легко узнать по карточке задушенную молодую женщину, а на этой конкретной карточке лица молодых женщин были скрыты под толстым слоем грима, а волосы — под диковинным головным убором из птичьих перьев.

— Вероятность остается, — сказал он. — Определеннее выразиться не рискну. Кто она? Что вам о ней известно?

— Меньше, чем ничего, можно сказать, — бодро

отозвался его собеседник. — Вы понимаете, это не фигура. Да и «Марицки-балет» не назовешь явлением. Выступают по пригородным театрикам, ездят на гастроли. Ни громких имен, ни звезд, ни знаменитых балерин. Впрочем, я отведу вас к мадам Жолье, которая его возглавляет.

Мадам Жолье оказалась деловитой живой француженкой с зорким взглядом, усиками и солидными отложениями жира.

— Не люблю иметь дела с полицией! — Она оглядела их неприязненно, не скрывая своего недовольства их приходом. — Всегда при первой возможности старается чинить мне затруднения.

— Нет-нет, мадам, вы не должны так говорить, — возразил Дессин, меланхолического вида мужчина, худой и длинный. — Когда, скажите, я вам чинил затруднения?

— А из-за этой дурочки, которая хватила карболовой кислоты? — не задумываясь, отвечала мадам Жолье. — Лишь потому, что влюбилась в *chef d'orchestre* [106], которому не нравятся женщины, у него другие склонности. Сколько вы шуму из-за этого подняли! Это нанесло вред моему

---

[106] notes: 106
Дирижера *(франц.)*.

прекрасному балету.

— Совсем напротив, принесло огромный кассовый успех, — сказал Дессин. — И когда это было — три года прошло с тех пор. Нехорошо помнить зло. Так вот, насчет этой девушки, Анны Стравинской.

— Да, и что же?

— Она что, русская? — спросил инспектор Краддок.

— Ничуть. Это вы из-за фамилии? Но они все берут себе такие фамилии, эти девицы. Ничем особенным не выделялась, танцует средне, внешность так себе. *Elle u#tait assez bien, c'est tout* [107]. Для кордебалета годится, в солистки — нет.

— Француженка?

— Вероятно. Паспорт у нее был французский. Хотя как-то раз она обмолвилась, что ее муж — англичанин.

— Так и сказала, что англичанин? И жив? Или умер?

Мадам Жолье пожала плечами.

— То ли умер, то ли бросил ее. Почем мне знать? Эти девушки — вечно у них истории с мужчинами.

---

[107] notes: 107
Здесь — ничего себе, и только *(франц.)*.

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Я везу труппу на шесть недель в Лондон. Даем спектакли в Торки, в Борнмуте, в Истборне, где-то еще, не помню, и в Хаммерсмите. Потом возвращаемся во Францию, но Анна, она с нами не едет. Она только посылает записку, что уходит из труппы и будет жить у родственников мужа, какой-то вздор в этом духе. Я не поверила, что это правда. Скорее, думаю, встретила мужчину, вы меня понимаете.

Инспектор Краддок утвердительно кивнул головой. Он догадывался, что в подобных случаях мадам Жолье ничего другого и не подумает.

— Невелика потеря для меня. Меня это не трогает. Придут танцевать другие, точно такие же, а может быть, и лучше, — я пожимаю плечами и больше не думаю об этом. С какой стати? Все они одинаковы, эти девушки, все помешаны на мужчинах.

— В какой это было день?

— Когда вернулись во Францию? Это было… да, в воскресенье перед Рождеством. А Анна, она ушла за два дня до того. Или три? Точно уже не помню. Но в Хаммерсмите танцевать в конце недели нам пришлось без нее и, значит, перестраиваться на ходу. Некрасиво с ее стороны, но

эти девушки — когда речь заходит о мужчине, все они одинаковы. Я лишь объявила своим: «Нет уж, эту я назад не приму!»

— Досадно получилось для вас.

— Ба, я, — меня это не трогает! Не сомневаюсь, подцепила себе мужчину и захотела провести с ним рождественские каникулы. Это не мое дело. Я найду себе других девушек — таких, которые обеими руками ухватятся за шанс попасть в «Марицки-балет» и будут танцевать не хуже Анны, возможно — лучше.

Мадам Жолье на миг умолкла, после чего с внезапным проблеском интереса осведомилась:

— Почему вы ее разыскиваете? Ей что, оставили наследство?

— Наоборот, — вежливо отвечал инспектор Краддок. — У нас есть причины полагать, что ее, может быть, убили.

К мадам Жолье тотчас вернулось равнодушие.

– *Ca se peut!* Такое случается. Ну, что ж! Она была доброй католичкой. Ходила к мессе по воскресеньям и также, без сомнения, исповедываться.

— Когда-нибудь в разговоре с вами, мадам, она упоминала о сыне?

— О сыне? То есть, вы хотите сказать, был ли у нее ребенок? Вот это, думается мне, очень вряд ли.

У этих девушек — но постоянно! — есть нужный адресок на крайний случай. О чем мсье Дессину известно не хуже меня.

— Ребенок мог родиться до того, как она пошла на сцену, — сказал Краддок. — Например, во время войны.

– *Ah'dans la guerre.* Это всегда возможно. Но если и так, я ничего о нем не знаю.

— А кто из девушек самая близкая ее подруга?

— Могу назвать вам двух-трех, но особенно близко она ни с кем не сходилась.

Добиться еще чего-либо полезного от мадам Жолье им не удалось.

Увидев пудреницу, она сказала, что у Анны была такая, но и у многих других девушек тоже. Возможно, Анна и покупала себе в Лондоне меховое пальто, но у нее об этом нет сведений.

— Я занята — репетиции, осветители, в моем бизнесе трудности на каждом шагу. Мне некогда обращать внимание на то, в чем ходят мои артисты.

После мадам Жолье они беседовали с девушками, которых она им назвала. Две знали Анну довольно хорошо, но сообщить могли немногое — Анна была не из тех, кто любит о себе рассказывать, а если что и рассказывала, то, по словам

одной из девиц, в основном неправду.

— Она любила сочинять басни — то, как была возлюбленной великого князя или крупного английского финансиста, то, как во время войны участвовала в Сопротивлении, а один раз даже, что якобы была кинозвездой в Голливуде.

Вторая добавила:

— На самом деле она, по-моему, вела очень серое существование, типичное для буржуазной среды. И пошла в балет, вообразив, что это романтическое занятие, но хорошей танцовщицей не стала. Понимаете, когда говоришь: «Мой папа торговал в Амьене тканями», это звучит не слишком романтично! Вот она и придумывала сказки.

— И даже в Лондоне, — подхватила первая, — намекала, что будто бы ее берет с собой в кругосветное плаванье один богач, которому она напоминает дочку, погибшую в автомобильной катастрофе. *Quelle blague!* [108]

— А мне говорила, — сказала вторая девушка, — что едет к какому-то лорду в Шотландию. Будет охотиться вместе с ним на красного зверя.

Ценного из всего этого можно было извлечь немного. Из сказанного явствовало одно: Ан-

---

[108] notes: 108
Какая чепуха! *(франц.)*

на Стравинская была горазда на выдумки. Ни на какого зверя она ни с каким шотландским лордом, конечно, не охотилась, как и едва ли загорала сейчас на палубе корабля, совершающего кругосветное плаванье. Но разве менее неправдоподобно звучало то, что ее тело обнаружили в саркофаге в поместье Резерфорд-Холл? На вопрос, не она ли на фотографии, как девушки, так и мадам Жолье отвечали неуверенно и неохотно. Да, что-то общее с Анной есть, на этом они сходились единодушно. Но право же! Такое распухшее, оплывшее лицо — это может быть кто угодно!

Единственный факт был установлен твердо: девятнадцатого декабря Анна Стравинская решила, что не вернется во Францию, а двадцатого женщина, похожая на нее, ехала в Бракемптон и в поезде ее задушили.

Если женщина в саркофаге — не Анна Стравинская, то где находится Анна?

На что у мадам Жолье готов был ясный и предсказуемый ответ:

— С мужчиной!

Ответ, который, как удрученно отметил про себя Краддок, вполне мог оказаться правильным.

Иной вариант, подлежащий рассмотрению, основывался на том, что Анна вскользь обмолви-

лась, будто ее муж — англичанин.

Был ли этим мужем Эдмунд Кракенторп?

Сомнительно, если учесть, каков словесный портрет Анны, полученный от тех, кто ее знал. Гораздо более вероятным представлялось, что Анна была какое-то время достаточно близко знакома с Мартиной и располагала необходимыми подробностями ее истории. Возможно, это Анна и написала письмо Эмме Кракенторп, и в таком случае малейшая угроза, что о ней начнут наводить справки, вполне могла нагнать на нее страху. Настолько, что она сочла даже разумным порвать свои отношения с «Марицки-балетом». Тогда опять-таки вставал вопрос — где же она?

И опять-таки наиболее правильным казался ответ мадам Жолье.

С мужчиной.

II

До того как покинуть Париж, Краддок обсудил вопрос, касающийся женщины по имени Мартина, с Дессином. Дессин склонен был согласиться с английским коллегой, что вопрос этот скорее всего никак не связан с делом убитой, найденной в саркофаге. Тем не менее он тоже считал, что его

следует изучить поглубже.

Он заверил Краддока, что *Su#ret* непременно выяснит, сохранились ли документальные свидетельства о браке между лейтенантом 4-го Саутширского полка Эдмундом Кракенторпом и француженкой, о которой известно, что ее звали Мартина. Время — как раз перед падением Дюнкерка.

Вместе с тем он предупредил, что надежды получить точный ответ немного. Во-первых, район, о котором идет речь, почти сразу же захватили немцы, а во-вторых, впоследствии, за время оккупации, эта часть Франции жестоко пострадала от военных действий. Многие здания, а с ними и документы были уничтожены.

— Но можете быть уверены, дорогой коллега, — мы сделаем все, что в наших силах.

На том они с Краддоком и расстались.

III

По возвращении Краддока ждал с отчетом сержант Уэзеролл.

— Адрес только для писем, сэр, — доложил он с мрачным торжеством. — Вот что такое дом 126 по Элверс-Кресент. Вполне приличное место, все

законно.

— А с опознанием как?

— Никак. Никто по фотографии не вспомнил, приходила ли такая женщина за почтой — да и не мог бы, по-моему. Как-никак прошел месяц или около того, а народу туда наведывается тьма. Вообще-то говоря, там держат пансион для студентов.

— Она могла остановиться там под чужим именем.

— Если и так, по фотографии ее не узнали. Мы разослали фото по всем гостиницам, — прибавил он, — но ни в одном Мартина Кракенторп в книге не значится. По получении вашей телефонограммы из Парижа провели такую же проверку в отношении Анны Стравинской. Эта, вместе с другими членами труппы, действительно останавливалась в дешевой гостинице в районе Брук-Грин — там театральная братия и селится по преимуществу. Выписалась вечером девятнадцатого, в четверг, после представления. На этом — все.

Краддок покивал головой. Наметил общее направление дальнейших поисков, не возлагая на них, впрочем, особых надежд.

Немного поразмыслив, он позвонил в адвокат-

скую контору «Уимборн, Хендерсон и Карстэрс» и попросился на прием к мистеру Уимборну.

В назначенный час его впустили в на редкость душное помещение, где за большим старомодным письменным столом, заваленном стопками пыльных бумаг, сидел мистер Уимборн. По стенам красовались сейфы, помеченные ярлыками: «Сэр Джон, имущ. акты», «Пок. леди Деррин», «Джордж Роуботем, эскв.» — то ли память о минувших днях, то ли юридические документы дня сегодняшнего, сказать трудно.

Мистер Уимборн встретил посетителя с вежливой сдержанностью, свойственной обыкновенно домашним юристам при столкновениях с представителями полиции.

— Чем могу быть полезен, инспектор?

— Я насчет этого письма. — Краддок положил перед ним на стол письмо Мартины.

Мистер Уимборн брезгливо тронул его пальцем, но в руки не взял. Едва заметная краска выступила на его щеках, губы сжались.

— А, да, — сказал он. — Совершенно верно! Я получил вчера утром письмо от мисс Эммы Кракенторп, в котором она сообщает о своем посещении Скотленд-Ярда и связанных с этим… э-э… обстоятельствах. Скажу лишь, что отказыва-

юсь — положительно отказываюсь — понимать, почему ко мне не обратились сразу же по получении письма. Просто невероятно! Меня следовало поставить в известность.

Инспектор Краддок постарался сгладить остроту момента общими фразами, надеясь привести мистера Уимборна в более миролюбивое расположение духа.

— Мне вообще неизвестно, чтобы когда-либо возникал вопрос о том, что Эдмунд женится, — проговорил уязвленным тоном мистер Уимборн.

Краддок мягко заметил, что в военное время, надо полагать… И красноречиво умолк.

— В военное время! — ядовито огрызнулся мистер Уимборн. — Да, действительно, в начале войны мы находились на Линкольнзинн-Филдз, и в соседний дом при бомбежке было прямое попадание, так что значительная часть документов у нас погибла. Не первостепенной важности документов, разумеется, — те мы из соображений безопасности вывезли за город. Но беспорядок был произведен изрядный. Дела Кракенторпов, конечно, в то время держал в своих руках мой отец. Он умер шесть лет тому назад. Допускаю, что его известили об этой, с позволения сказать, женитьбе Эдмунда, но, сколько можно судить,

похоже, что этот брак, пусть даже и задуманный, так и не состоялся, а потому мой отец наверняка и не придал большого значения этому эпизоду. На мой взгляд, должен сказать, эта история звучит в высшей степени подозрительно. Чтобы после стольких лет вдруг заявить о себе как о законной жене с законнорожденным сыном… Нет, чрезвычайно подозрительно. Какие у нее доказательства, хотелось бы знать?

— Вот именно, — сказал Краддок. — А на что она и ее сын могли бы рассчитывать?

— В основе, по-видимому, был расчет на то, что Кракенторпы согласятся взять на себя содержание ее и ее сына.

— Нет, я хотел сказать, что полагалось бы ей с сыном по закону, если б она доказала обоснованность своих претензий?

— А, понимаю. — Мистер Уимборн взял очки, которые в порыве раздражения сорвал с носа и положил на стол, вновь надел их и устремил на инспектора Краддока пристальный и цепкий взгляд. — Ну, в настоящий момент — ничего. Но если б она сумела доказать, что ее мальчик — сын Эдмунда Кракенторпа от законного брака, тогда ему после смерти Лютера Кракенторпа полагалась бы по закону доля состояния, вверенного

Джосаей Кракенторпом попечителям. Мало того, ему, как сыну старшего сына, отошел бы по завещанию и Резерфорд-Холл.

— А нужен кому-нибудь в наследство такой домина?

— В качестве жилья? Какое там — понятно, нет. А вот имение, любезный инспектор, стоит нешуточных денег. Весьма нешуточных. Земля, пригодная для промышленного и жилого строительства. Земля, которая оказалась ныне в самом сердце Бракемптона. Да, это, повторяю, — весьма нешуточное наследство.

— Вы, помнится, говорили, что, если Лютер Кракенторп умирает, оно достается Седрику?

— Он наследует недвижимость, да, как старший из живых на то время сыновей.

— Седрика Кракенторпа, как мне дали понять, деньги не интересуют?

Мистер Уимборн смерил Краддока холодным взглядом.

— Вот как? Что до меня, я склонен относиться к подобного рода заявлениям с толикой скептицизма. Готов поверить, что существуют люди не от мира сего, которые равнодушны к деньгам. Я лично ни одного такого не встречал.

Заметно было, что от этой сентенции у мистера

Уимборна отчасти улучшилось настроение.

Инспектор Краддок поторопился воспользоваться этим просветом в тучах.

— Гарольд и Альфред Кракенторпы, — начал он осторожно, — кажется, очень расстроены из-за этого письма?

— Еще бы, — сказал мистер Уимборн. — Еще бы им не расстроиться.

— В случае, если в нем правда, размеры их наследства сокращаются?

— Безусловно. За сыном Эдмунда Кракенторпа, — если, оговорюсь в который раз, у него в самом деле есть сын, — будет право на пятую часть наследуемых денег.

— Не столь уж, в сущности, серьезная потеря, казалось бы?

Мистер Уимборн стрельнул в него колючим глазком.

— Как мотив для убийства, если я вас правильно понял, — совершенно несерьезная.

— При всем том, полагаю, и у того, и у другого сейчас большие денежные затруднения, — уронил негромко Краддок.

И бесстрастно встретил новый колючий взгляд мистера Уимборна.

— Ага! Так, стало быть, полиция уже поинтере-

совалась? Да, Альфред почти постоянно на мели. Может на короткое время оказаться при деньгах, но моментально их теряет. Гарольд, как вы и сами вижу уже обнаружили, находится в данное время в достаточно шатком положении.

— А ведь со стороны посмотреть — так воплощение финансового успеха.

— Видимость. Чистая видимость! Эти фирмы в Сити в половине случаев даже не знают, платежеспособны они или нет. Не слишком искушенному глазу балансовый отчет нетрудно представить в наилучшем виде. Но ежели активы, внесенные туда, на самом деле никакие не активы — ежели вся конструкция держится на честном слове и с минуты на минуту грозит обвалом, — тогда на каком вы свете?

— На том, предположительно, где ныне Гарольд Кракенторп, — в крайности, когда позарез нужны деньги.

— Которые он вряд ли бы раздобыл, задушив вдову покойного брата, — сказал мистер Уимборн. — А Лютера Кракенторпа никто не убивал, хотя это было бы единственное убийство, от которого семья что-то выиграла. И потому, инспектор, как-то не очень ясно, куда ведут вас ваши идеи.

Хуже всего, подумал Краддок, что у него самого

на этот счет тоже нет особой ясности.

Глава 15
I

Инспектор Краддок, договорясь с Гарольдом Кракенторпом о встрече в его конторе, явился туда с сержантом Уэзероллом точно в назначенное время. Контора находилась на четвертом этаже большого комплекса деловых зданий в Сити. Внутри все свидетельствовало о преуспевании и высочайшем уровне современного делового вкуса.

Ладная молодая женщина осведомилась, как о них доложить, сказала что-то тактичным полушепотом в телефонную трубку, после чего поднялась и проводила их в личный кабинет Гарольда Кракенторпа.

Гарольд сидел за большим письменным столом, обтянутым по столешнице кожей, безукоризненно одетый и самоуверенный, как всегда. Если он и был теперь в затруднительных обстоятельствах, — как, исходя из негласно добытых сведений, имел основания заключить инспектор, — внешне это не проявлялось ни в чем.

Он встретил их приветливо, с откровенным

интересом.

— А, здравствуйте, инспектор Краддок. Надеюсь, ваш приход означает, что у вас есть для нас наконец нечто новое.

— Не совсем, мистер Кракенторп. Боюсь, что просто должен задать вам еще несколько вопросов.

— Еще? Уверен, на все, что только можно придумать, мы уже ответили.

— Я понимаю ваши чувства, мистер Кракенторп, но это просто обычная необходимая формальность.

— Ну ладно, так что на сей раз? — нетерпеливо спросил Гарольд.

— Пожалуйста, вы не могли бы перечислить мне в точности все, что делали днем и вечером двадцатого декабря прошлого года, часов так с трех пополудни и до полуночи?

Гарольд Кракенторп побагровел от гнева.

— Невероятно, что вы мне задаете подобные вопросы! Что это значит, объясните?

Краддок ласково улыбнулся.

— Всего лишь то, что я хотел бы знать, где вы были в пятницу двадцатого декабря начиная с трех часов дня и до полуночи.

— Почему?

— Так будет легче сузить рамки расследования.

— Сузить рамки? Значит, вы все же располагаете дополнительной информацией?

— Надеюсь, сэр, мы постоянно продвигаемся вперед.

— Отнюдь не уверен, что мне следует отвечать на ваш вопрос. То есть, пока здесь нет моего адвоката, я хочу сказать.

— Это, конечно, целиком на ваше усмотрение, — сказал Краддок. — Вы не обязаны мне отвечать вообще и имеете полное право отвечать только в присутствии своего адвоката.

— Это что — давайте-ка внесем ясность — это следует понимать, как… э-э… официальное предупреждение?

— Нет, что вы, сэр. — Весь вид инспектора Краддока свидетельствовал, что он задет таким предположением. — Как можно. Помимо вас, я обращаюсь с теми же самыми вопросами к ряду других людей. Здесь нет ничего направленного на вас лично. Речь идет о необходимом процессе исключения, и только.

— Что ж, этому я, естественно, готов всячески содействовать. Итак, посмотрим. С ходу ответить нелегко, но на то здесь у нас заведен строгий

порядок. Я полагаю, нас выручит мисс Эллис.

Он сказал короткую фразу по одному из телефонов, стоящих у него на столе, и почти тотчас же в кабинет вошла с блокнотом в руках стройная молодая особа в элегантном черном костюме.

— Мой секретарь мисс Эллис, инспектор Краддок. Мисс Эллис, инспектор хочет знать, что я делал днем и вечером — какого бишь числа?

— В пятницу, двадцатого декабря.

— В пятницу, двадцатого декабря. У вас, как я понимаю, это должно быть записано.

— Конечно. — Мисс Эллис вышла, вернулась с фирменным еженедельником и полистала его страницы.

— Утром двадцатого декабря вы были здесь, в офисе. Совещание с мистером Голди по поводу объединения с Кромарти, затем у вас был ланч в «Баркли» с лордом Фортвиллем…

— Ах, верно, — это та самая пятница.

— В офис вы вернулись около трех, продиктовали мне шесть писем. Потом поехали к Сотби, где в тот день должны были выставить на аукцион редкие рукописи, представляющие для вас интерес. Больше в контору не возвращались, но у меня здесь помечено, — напомнить, что вечером у вас обед в Клубе Поставщиков.

Она вопросительно подняла глаза.

— Благодарю, мисс Эллис.

Мисс Эллис бесшумно выскользнула за дверь.

— Теперь у меня все прояснилось в памяти, — сказал Гарольд. — Днем я действительно поехал к Сотби, но то, что меня там интересовало, ушло по непомерно высокой цене. Выпил чаю в кафе на Джермин-стрит — называется, если не ошибаюсь, «Расселз». На полчаса заглянул в кино, где крутят хронику, и оттуда — домой. Я живу на Кардиган-Гарденз, дом 43. Поставщики собирались на обед в семь тридцать в клубном банкетном зале, а после я вернулся домой и лег спать. Это, надеюсь, исчерпывающий ответ на ваш вопрос?

— Во всяком случае, очень четкий, мистер Кракенторп. Так в какое время вы заезжали домой переодеться?

— С точностью до минуты не скажу. В шесть с чем-то, скорей всего.

— А после обеда?

— По-моему, когда я попал домой, было полдвенадцатого.

— Кто вас впустил, слуга? Или, возможно, леди Алис?

— Моя жена, леди Алис, сейчас на юге Франции, куда уехала в начале декабря. Я открыл дверь

своим ключом.

— И таким образом, некому подтвердить, что вы вернулись домой в указанное вами время?

Гарольд бросил на него холодный взгляд.

— Наверное, прислуга слышала, как я вошел. У меня служат муж с женой. Но послушайте, инспектор…

— Прошу вас, мистер Кракенторп. Я знаю, что вас эти вопросы раздражают, но я уже почти закончил. У вас есть машина?

— Да, есть. «Хамбер-хок».

— Сами водите?

— Сам. Я мало ею пользуюсь, кроме как по уикэндам. В Лондоне передвигаться на машине стало невозможно.

— Ну, а когда ездите к отцу и сестре в Бракемптон, то пользуетесь все-таки?

— Не обязательно. Только когда еду на более или менее длительный срок. А так, когда всего с одной ночевкой, — как, скажем, было на днях, когда я приезжал на дознание, — предпочитаю ехать на поезде. Сообщение отличное, и доезжаешь гораздо быстрее, чем на машине. К поезду сестра высылает за мной такси.

— И где вы держите свою машину?

— Арендую гараж в бывших конюшнях за Кар-

диган-Гарденз. Будут еще вопросы?

— Думаю, пока это все, — с улыбкой сказал инспектор, вставая со стула. — Сожалею, что пришлось вас побеспокоить.

На улице сержант Уэзеролл, которому все и вся служили перманентным объектом зловещих подозрений, многозначительно уронил:

— Не понравились ему вопросики, ох не понравились. Ощетинился весь.

— Естественно, если ты никого не убивал, а другие считают, что убил, — тебе досадно, — заметил мягко инспектор. — Вдвойне досадно, когда ты сверхреспектабельный персонаж вроде этого Гарольда Кракенторпа. Это еще ни о чем не говорит. А вот что правда важно установить — это видел ли кто-нибудь в тот день Гарольда Кракенторпа на аукционе, и то же самое относится к кафе на Джермин-стрит. Он мог свободно сесть на поезд в 4.54, столкнуть с поезда женщину, пересесть на обратный и поспеть в Лондон к обеду. А ночью мог с таким же успехом съездить к тому месту на машине, спрятать тело в саркофаг и приехать назад. Ты там поспрашивай, в этих бывших конюшнях.

— Слушаюсь, сэр. Думаете, так оно и было?

— Как знать, — отвечал инспектор Краддок. —

Темноволосый мужчина высокого роста — к нему подходит. Возможность ехать на том поезде у него была, связь с Резерфорд-Холлом тоже налицо. Он — вероятный подозреваемый в этом деле. А теперь перейдем к брату Альфреду.

II

Альфред Кракенторп занимал квартиру в Уэст-Хампстеде, в большом доме недавней и не слишком качественной постройки, с большим двором, на котором жильцы, не особенно считаясь с удобством других соседей, ставили свои машины.

Квартира была современного типа, со встроенными элементами и явно сдавалась жильцам вместе со всей обстановкой. Обстановку же составляли встроенный в стену откидной стол клееной фанеры, диван-кровать да набор немыслимых пропорций стульев с бору по сосенке.

Альфред Кракенторп принял их с подкупающим дружелюбием, но при этом, что не укрылось от инспектора, нервничал.

— Я заинтригован, — сказал он. — Могу я предложить вам выпить, инспектор Краддок?

Он приглашающим жестом приподнял одну за

другой несколько разных бутылок.

— Нет, спасибо, мистер Кракенторп.

— Ах, вот уже как далеко зашло? — Он хохотнул, довольный собственной остротой, и спросил, чему обязан все же их посещением.

Инспектор Краддок повторил свое короткое вступительное слово.

— А, что я делал днем и вечером двадцатого декабря? Откуда я знаю? Ведь это — стойте-ка… это было три с лишним недели назад!

— И тем не менее ваш брат Гарольд смог сказать, с большой точностью.

— Брат Гарольд — может быть. Но не брат Альфред. Гарольд, — прибавил он с новой ноткой в голосе — возможно, с оттенком завистливого злорадства, — у нас в семье удачливый, полезный член общества, занятой, весь в работе, но на все находит время и все у него вовремя. Если б даже — это я так, к слову, — он совершил убийство, то идеально выверенное и точно по плану.

— Имеете какие-то основания прибегать к подобному примеру?

— Отнюдь, просто в голову пришло в качестве коронного абсурда.

— Тогда вернемся к вашей особе.

Альфред развел руками.

— Я же говорю, нет у меня памяти на время и место. Вот назови вы, скажем. Рождество, — тогда другой разговор, тут я бы смог ответить — есть худо-бедно зацепка. Где я был в день Рождества, мне известно. Мы провели его у отца в Бракемптоне. Зачем — для меня загадка. Ворчит, что наше присутствие дорого ему обходится, а не приезжали бы — тогда бы ворчал, что глаз к нему не кажем. Откровенно говоря, ездим, чтобы порадовать сестру.

— И в этом году там были?

— Да.

— Но отец ваш, к несчастью, расхворался, верно?

Краддок умышленно уводил разговор в сторону, повинуясь профессиональному чутью, которое не раз приходило к нему на выручку.

— Прихворнул. Когда, во славу экономии, живешь, как воробушек, а потом внезапно наешься и напьешься, это не проходит даром.

— Вот как, и это все?

— Конечно. А что еще?

— У его врача, я так понял, были… ну, скажем, сомнения.

— Уж этот мне Куимпер, старый дурень! — Альфред заговорил быстро, пренебрежительно. — Зря

вы слушаете его, инспектор. Второго такого паникера свет не видывал.

— Серьезно? А на меня он произвел впечатление здравомыслящего человека.

— То есть круглый болван. Отец же, в сущности, никакой не калека, с сердцем у него — ничего особенного, но Куимпера он морочит как миленького. Понятно, что когда отца в самом деле скрутило, он поднял страшнейший переполох, и Куимпер у него забегал как очумелый, замучил всех расспросами, во все вникал — да что отец съел, да что выпил… сущий балаган!

Все это сказано было с необычайной запальчивостью.

Краддок отвечал довольно продолжительным молчанием, и это возымело действие. Альфред заерзал, метнул на него быстрый взгляд и наконец спросил желчно:

— Ну, так в чем дело? Для чего вам знать, где я был в такую-то пятницу недели три или четыре назад?

— А, значит, помните, что это была пятница?

— Но вы же сами, по-моему, сказали.

— Да? Возможно, — сказал инспектор Краддок. — Во всяком случае, день, о котором я спрашиваю — пятница, двадцатое.

— Зачем вам?

— Обычная формальность в ходе расследования.

— Вздор. Вы что, еще что-нибудь выяснили насчет этой женщины? Насчет того, откуда она взялась?

— Пока мы не владеем полной информацией.

Альфред бросил на него зоркий взгляд.

— Надеюсь, вы не дали Эмме ввести себя в заблуждение этой дикой теорией, что будто бы убитая — вдова моего брата Эдмунда. Это полная чушь.

— К вам эта самая Мартина не пробовала обращаться?

— Ко мне? Еще чего! Не смешите меня!

— Думаете, ей было бы более естественно обратиться к вашему брату Гарольду?

— Гораздо! Его имя то и дело мелькает в газетах. Живет в достатке. Неудивительно, если бы у такого задумали поживиться. Другое дело, что ничего бы из этого не вышло. Гарольд по скупости не уступит отцу. Кто у нас добренький в семействе, так это Эмма, и, что тоже немаловажно, она была у Эдмунда любимой сестрой. Но при всем том Эмма вовсе не из легковерных. Она вполне отдавала себе отчет, что это дама может оказаться

мошенницей. Заранее предусмотрела, чтобы на встрече присутствовала вся семья — да плюс еще холодный, жесткий адвокат.

— Весьма разумно, — сказал Краддок. — И встреча была назначена на определенное число?

— Она должна была состояться сразу после Рождества. В конце недели, начиная с двадцать седьмого… — Он осекся.

— Ага, — сказал Краддок приветливо, — я вижу, некоторые даты не лишены для вас значения.

— Я же сказал, точный день назначен не был.

— Но разговор на эту тему был — когда?

— Ей-богу, не помню.

— И что вы делали в пятницу двадцатого декабря, сказать тоже не можете.

— Сожалею — абсолютный провал в голове.

— И тетрадь с записями дел на каждый день не ведете.

— Терпеть их не могу.

— Последняя пятница перед Рождеством — не так уж сложно, казалось бы.

— Был день, когда я играл в гольф с нужным человеком. — Альфред покрутил головой. — Нет, то было неделей раньше. Не исключено, что просто слонялся без особой цели. Я не жалею на это времени. Убедился, что в барах дело провернешь

успешно как нигде.

— А тамошние завсегдатаи, приятели ваши, не могли бы помочь?

— Нет, отчего же. Я у них поспрошаю. Буду стараться по мере сил.

Теперь, казалось, Альфред чувствовал себя более уверенно.

— Я не могу сказать вам, что делал в тот день, — продолжал он, — зато скажу точно, чего не делал. Не убивал никого в Долгом амбаре.

— Что это вы вдруг, мистер Кракенторп?

— Да полно вам, дорогой инспектор. Вы же расследуете это убийство, так? И когда начинаете интересоваться, мол, где вы были в такой-то день и такой-то час, из этого следует, что круг сужается. Любопытно, что навело вас именно на эту пятницу, двадцатого, и это время — от ланча до полуночи? Не медицинское же освидетельствование — сколько времени прошло! Кто-нибудь видел в тот день, как покойница украдкой пробирается в амбар? Войти, дескать, вошла, а выйти — не вышла, и так далее? Угадал?

Черные, живые глаза так и впились в инспектора, но инспектор Краддок был человек тертый, какого нахрапом не возьмешь.

— Боюсь, что вынужден предоставить вам га-

дать и дальше, — сказал он добродушно.

— До чего в полиции любят скрытничать!

— Не только в полиции. Думаю, мистер Кракенторп, если б вам постараться, вы вспомнили бы, чем занимались в ту пятницу. Конечно, у вас могут быть причины уклоняться…

— На эту удочку меня не поймать, инспектор. Да, разумеется, очень подозрительно, что я не помню, — весьма и весьма, но что поделаешь! Хотя — минуточку! Я же на той неделе ездил в Лидс, останавливался в гостинице неподалеку от ратуши — не припомню, как называется, но это вам установить совсем просто. Это могло быть как раз в ту пятницу.

— Проверим, — бесстрастно сказал инспектор.

Он встал.

— Обидно, что наше сотрудничество оказалось столь малопродуктивным, мистер Кракенторп.

— А мне как обидно! Вот вам, понимаете ли, Седрик с железным алиби на своей Ивисе и Гарольд, у которого весь день, без сомнения, расписан по часам, — то деловая встреча, то официальный обед, и вот он я, — без всякого алиби. Печально. И все это — такая глупость! Я уже вам сказал, я людей не убиваю. Да и зачем мне убивать какую-то неизвестную женщину?

С какой целью? Даже если предположить, что убитая — вдова Эдмунда, ради чего бы кто-то из нас вздумал ее прикончить? Добро бы еще она за Гарольда вышла во время войны и неожиданно объявилась снова, тогда для добропорядочного Гарольда это могло бы представлять неудобство — двоеженство и тому подобное. Но Эдмунд? Да мы бы только порадовались, заставив папашу раскошелиться немного на ее содержание и приличную школу для ее парня. Отец и рвал бы, и метал, но как откажешься, — неудобно. Так вы не выпьете на посошок, инспектор? Уверены? Что ж, очень жаль, что не смог быть вам полезен.

III

— Послушайте, сэр, знаете что?

Инспектор Краддок оглянулся на своего взволнованного сержанта.

— Да, Уэзеролл, в чем дело?

— Я его вычислил, сэр. Этого господинчика. Думал, думал — никак, и вдруг осенило. Это же он был замешан в истории с консервами вместе с Дикки Роджерсом! Так и не уличили его ни в чем — сумел вывернуться. И в Сохо кое с кем сообща крутил дела. Скандал с часами, махинации с

соверенами в Италии.

Конечно! Теперь Краддок сообразил, почему с самого начала физиономия Альфреда показалась ему смутно знакомой. Все это было мелкое жульничество, доказать ничего не удалось ни разу. Альфред предпочитал держаться на обочине аферы, с невинным и внешне убедительным доводом, объясняющим его причастность к ней. Но полиция не сомневалась, что свой доход — пусть небольшой, но постоянный — от этих делишек он имеет.

— Это отчасти проливает свет на положение вещей, — сказал Краддок.

— Считаете, его рук дело?

— Я не сказал бы, что он по типу их тех, кто совершит убийство. Но это объясняет другое — что помешало ему предъявить мне свое алиби.

— Да, в этом смысле, похоже, дела его швах.

— Как раз нет, — сказал Краддок. — Совсем неглупо вести такую линию — твердо заявить, что не помнишь, и точка. Разве мало таких, кто не упомнит, что делал и где был всего неделю назад? Особенно хорош этот метод, когда ты не жаждешь привлекать внимание к тому, как и с кем проводишь время, общаясь, например, в шоферской забегаловке с дружками Дикки Роджерса.

— Так, думаете, он чист?

— Пока еще я не готов так думать ни о ком, — сказал инспектор Краддок. — Над этим требуется работать, Уэзеролл.

Вновь сидя у себя за письменным столом, Краддок, морща лоб, набрасывал в лежащем перед ним блокноте короткие заметки.

«Убийца (писал он). — Мужчина, высокий, волосы темные.

Жертва?— Одна возможность — Мартина, подружка или вдова Эдмунда Кракенторпа. Другая возможность — Анна Стравинская. Выпала из обращения в подходящее время, подходит по возрасту, внешним приметам и так далее. Связь с Резерфорд-Холлом по имеющимся данным отсутствует.

Или:

Первая жена Гарольда? Двоеженство? Любовница? Шантаж? В отношении Альфреда: шантажист, располагающий сведениями, грозящими Альфреду тюрьмой? В случае Седрика — имел с ним связи за границей — в Париже? На Балеарах?

Или:

Жертва — Анна С., выдающая себя за Мартину.

Или:

Жертва — неизвестная женщина, убитая неиз-

вестным мужчиной».

— И вероятнее всего, — последнее, — проговорил Краддок вслух.

Нахмурясь, он продолжал размышлять над сложившейся ситуацией. Не установив мотива, в работе над делом далеко не уйдешь. А все мотивы, какие можно было до сих пор предположить, выглядели либо недостаточными, либо надуманными.

Насколько проще обстояло бы, если б убили старика Кракенторпа! Вот где мотивов оказалось бы в избытке…

Что-то шевельнулось у него в памяти.

Он набросал в блокноте еще несколько фраз.

«Спросить д-ра К. насчет болезни на Рождество.

Седрик — алиби.

Узнать у мисс М. последние слухи и сплетни»…

Глава 16
I

Приехав в дом № 4 по Мадисон-роуд, инспектор Краддок застал у мисс Марпл Люси Айлзбарроу.

Он заколебался на миг, готовый изменить план задуманной кампании, но решил, что может найти в Люси ценного союзника.

Поздоровавшись, он торжественно извлек наружу свой бумажник, выложил из него на стол три купюры по фунту стерлингов, добавил к ним три шиллинга и подвинул деньги к мисс Марпл.

— Что это, инспектор?

— Плата за консультацию. Вы — консультант по убийству. Пульс, температура, реакция организмов по соседству, возможные глубинные причины упомянутого убийства. Я же — рядовой, затюканный местный врачишка.

Мисс Марпл смотрела на него, собирая лукавые лучики у глаз.

Инспектор, весело скаля зубы, отвечал ей тем же.

Люси поперхнулась от неожиданности, но тотчас рассмеялась.

— Да вы, оказывается, инспектор, нормальный человек!

— Хм, я ведь, строго говоря, сейчас не на работе.

— Я говорила вам, что мы знакомы, — сказала, обращаясь к Люси, мисс Марпл. — Его крестный отец, сэр Генри Клидеринг, — мой старинный друг.

— Хотите, мисс Айлзбарроу, послушать, что при нашем знакомстве сказал о ней мой крестный? Представил ее как сыщика, что называется, от бога, — природный талант, взращенный на благоприятной почве. Велел мне никогда не относиться с пренебрежением к… — инспектор запнулся, подыскивая более нейтральный синоним к выражению «старая перечница», — … к пожилым дамам. Которые, по его словам, чаще всего способны сказать вам не только что могло бы, а что должно было произойти, но даже что произошло-таки на самом деле. Прибавив, что на первое место среди них ставит ту… э-э… пожилую даму, которая сейчас передо мной.

— Ну что же, — сказала Люси, — по-моему, достойная характеристика.

Мисс Марпл, розовая и смущенная, как никогда напоминала одуванчик, дрожащий на ветру.

— Милый сэр Генри, — шелестела она. — Всегда так добр ко мне! Какие уж у меня особые таланты — просто, разве что, некоторое знание человеческой натуры, что неудивительно, когда живешь в деревне. Конечно, — прибавила она уже обычным голосом, — известный минус, когда не можешь сама присутствовать на месте действия. Потому что, по моему твердому убеждению, очень помогает, когда ты, глядя на одних людей, сравниваешь их с другими, которых знаешь, ведь людские типы везде одни и те же, и это очень ценный ориентир.

Люси выслушала ее слегка озадаченно, но Краддок понимающе кивал головой.

— Но вас ведь приглашали туда на чашку чая, разве нет?

— Да, совершенно верно. Было очень приятно. Немножко жаль, что не удалось повидать мистера Кракенторпа-старшего, но и на том спасибо.

— Вы полагаете, что если б увидели убийцу, то поняли бы, что это он? — спросила Люси.

— Ну, как сказать, голубушка. Человеку свойственно строить догадки, а в столь серьезном вопросе, как убийство, гадать не годится. Можно лишь наблюдать тех, кто так или иначе имеет к нему отношение, и смотреть, кого они тебе

напоминают.

— Как Седрик — директора вашего банка?

— Сына, а не директора, милая. Сам мистер Ид гораздо больше походил на Гарольда — приверженец твердых устоев, хоть и, пожалуй, немного слишком любящий деньги, способный на многое ради того, чтобы избежать скандала.

— А Альфред? — спросил с улыбкой Краддок.

— Дженкинс, механик из нашего гаража, — не задумываясь, отвечала мисс Марпл. — Не то чтобы присваивал чужие инструменты, но подменить исправный домкрат поломанным или худшего качества — это сколько угодно. И — я, правда, плохо разбираюсь в таких вещах, — подчас, говорят, мудрил с аккумуляторами. Реймонд, во всяком случае, перестал иметь с ним дело и нашел себе другой гараж, на милчестерском шоссе… Что же касается Эммы, — продолжала задумчиво мисс Марпл, — она очень напоминает мне Джеральдину Уэбб — такая тихая была, невзрачная, старуха мать помыкала ею без зазрения совести. И каково же было всеобщее удивление, когда после внезапной смерти матери Джеральдина, получив в наследство кругленькую сумму денег, постриглась, завилась и отправилась в морское путешествие, а назад вернулась с мужем, очень

симпатичным юристом. Теперь у них двое детей.

Сравнение было слишком очевидным. Люси не без неловкости спросила:

— Не зря вы тогда сказали расчет видов Эммы на замужество? Братья, кажется, расстроились.

Мисс Марпл кивнула.

— Да. Так похоже на мужчин — полная неспособность видеть, что происходит у них же на глазах. Да и вы сами, по-моему, тоже не заметили.

— Правда, — призналась Люси. — Даже мысли об этом не было. Казалось, они оба такие…

— Старые? — закончила за нее мисс Марпл, пряча усмешку. — Но ведь доктору Куимперу, сколько можно судить, немногим более сорока, хоть у него и седеют виски, и он явно тоскует по семейной жизни, а Эмме Кракенторп и сорока нет, в такие годы не поздно выйти замуж и создать семью. У доктора, я слыхала, жена умерла совсем молодой, от родов.

— Кажется, да. Эмма как-то упомянула об этом.

— Одиноко ему, должно быть, — сказала мисс Марпл. — Врач вечно занят, больные не дают вздохнуть, ему нужна жена — отзывчивая женщина не первой молодости.

— Слушайте, душенька, — сказала Люси. — Мы

что, убийство расследуем или занимаемся сватовством?

В глазах мисс Марпл заискрились огоньки.

— Боюсь, во мне есть романтическая жилка. Не потому ли, что я старая дева? Знаете, Люси, в отношении меня вы свой договор выполнили. Вы собирались отдохнуть за границей перед тем, как приступите к очередной работе, так на короткую поездку у вас еще есть время.

— Как, бросить Резерфорд-Холл? Ни за что! Я уже стала сыщиком до мозга костей! Не хуже мальчиков. Те только и делают, что рыщут в поисках улик. Вчера прошлись по всем мусорным ящикам. Малоаппетитное занятие, причем добро бы еще имели хоть какое-нибудь представление о том, чего, собственно, ищут. Если, инспектор Краддок, они пожалуют к вам и с триумфом предъявят клочок бумаги, на котором написано: «Мартина! Если тебе жизнь дорога, держись подальше от Долгого амбара!», то знайте, что это я сжалилась и подложила в свинарник вещественное доказательство!

— Почему в свинарник, дружок? — с интересом спросила мисс Марпл. — Разве в Резерфорд-Холле держат свиней?

— Да нет, теперь больше не держат. Я иногда

забредаю туда просто так.

Люси по непонятной причине покраснела. Мисс Марпл поглядывала на нее с еще большим интересом.

— Кто там у них сейчас в доме? — спросил Краддок.

— Седрик. И на уик-энд приехал Брайен, а завтра будут Гарольд с Альфредом. Сегодня утром звонили. У меня почему-то такое впечатление, что вы впустили лису в курятник, инспектор Краддок.

Краддок усмехнулся.

— Переполошил их немножко, это правда. Попросил отчитаться в своих действиях за пятницу двадцатого декабря.

— И что они?

— Гарольд смог. Альберт то ли не смог, то ли не захотел.

— С алиби, должно быть, страшно трудно, — сказала Люси. — Попробуй вспомни точное время, место, число. Да и проверить, я думаю, не легче.

— На это нужно время и терпение, но ничего, мы справляемся. — Инспектор взглянул на часы. — Я скоро зайду в Резерфорд-Холл потолковать с Седриком, только сначала хорошо бы

поймать где-нибудь доктора Куимпера.

— Удачно подгадали. У него в шесть прием, и к полседьмому он обычно заканчивается. А мне пора ехать и заняться обедом.

— Еще одно, мисс Айлзбарроу. Я бы хотел услышать ваше мнение — как смотрят в семье на эту историю с Мартиной?

Люси отозвалась с готовностью:

— Все возмущены, что Эмма обращалась к вам по этому поводу и что доктор Куимпер ее в этом поддержал. Гарольд и Альфред считают, что все это обман, а письмо — фальшивка. У Эммы нет такой уверенности. Седрик тоже думает, что дело нечисто, но относится к этому менее серьезно, чем его братья. Брайен, напротив, убежден, что все это правда.

— Почему, интересно?

— Ну, Брайен вообще такой. Готов все принимать на веру. Считает, что писала действительно жена, вернее, вдова Эдмунда и что ей неожиданно пришлось вернуться во Францию, но рано или поздно она снова даст о себе знать. Тот факт, что от нее нет до сих пор ни письма, ни других известий, воспринимает как нечто естественное, поскольку сам никогда писем не пишет. Он славный, Брайен. Похож на пса, который просится,

чтобы его вывели погулять.

— И что, голубчик, выводите? — спросила мисс Марпл. — К свинарнику, например?

Люси бросила на нее быстрый взгляд.

— Так много кавалеров в доме, — размышляла вслух мисс Марпл. — То приезжают, то уезжают…

В устах мисс Марпл слово «кавалер» обретало всегда истинно викторианское звучание, как отголосок эпохи, минувшей, в сущности, еще до нее. Тотчас вставал перед глазами молодецкий (и, может быть, украшенный бакенбардами) образ лихого, подчас не безгрешного, но неизменно галантного существа мужского пола.

— Вы очень привлекательная особа, — продолжала в том же духе мисс Марпл, устремив на Люси оценивающий взгляд. — И, вероятно, пользуетесь большим вниманием с их стороны, не так ли?

Люси слегка зарумянилась. Отрывочные воспоминания пронеслись у нее в голове. Седрик у полуразрушенной стены свинарника. Брайен, сидящий понуро на кухонном столе. Альфред, помогающий ей убирать со стола кофейные чашки, норовя при этом лишний раз коснуться ее руки.

— Кавалеры, — продолжала мисс Марпл тоном,

каким говорят о представителях чуждой и опасной породы, кое в чем ведут себя очень похоже, даже достигнув весьма почтенного возраста…

— Душенька! — вскричала Люси. — Сто лет назад вас непременно сожгли бы на костре, как колдунью!

И она рассказала, как ей условно сделал предложение мистер Кракенторп-старший.

— Правду сказать, все они так или иначе делали мне, что называется, авансы. Гарольд — очень корректно, выгодное в материальном отношении место в Сити. Сомневаюсь, что причиной тому мои чары — верно, думают, будто я что-то знаю.

Она засмеялась.

Не засмеялся инспектор Краддок.

— Будьте осторожны, — сказал он, — вместо того чтобы делать авансы, вас могут убить.

— А что, это может оказаться проще, — согласилась Люси.

Она зябко повела плечами.

— Невольно забываешься, — сказала она. — Для ребят это такое развлечение, что и самой недолго принять все это за игру. Только это не игрушки.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Убийство — не игра. — Она помолчала. — Мальчикам ведь скоро возвращаться в школу?

— Да, на следующей неделе. Завтра на последние дни каникул уезжают к Джеймсу Стоддарт-Уэсту.

— Рада это слышать, — без улыбки заметила мисс Марпл. — Не хотела бы, чтобы стряслось что-нибудь, пока они здесь.

— Со стариком Кракенторпом, вы имеете в виду? Думаете, есть основания ждать, что и его убьют?

— Вовсе нет! — сказала мисс Марпл. — С ним все будет в порядке. Я имела в виду мальчиков.

— Мальчиков?

— Ну то есть Александра.

— Но позвольте…

— Когда, знаете, в доме шныряют по углам, ища улики… Мальчики на такое падки, но это может быть крайне опасно.

Краддок задумчиво посмотрел на нее.

— Вы не готовы согласиться, — правда, мисс Марпл? — что в данном случае речь идет о не какой неизвестной женщине, убитой неизвестным мужчиной? Вы определенно связываете это убийство с Резерфорд-Холлом?

— На мой взгляд, связь определенно существует, да.

— Нам об убийце известно только то, что это

высокий мужчина с темными волосами. Так утверждает ваша приятельница, и это единственное, что она может сказать. В Резерфорд-Холле — трое темноволосых мужчин высокого роста. Знаете, я в день дознания вышел на улицу и вижу: три брата стоят на тротуаре и ждут, когда подъедет машина. Они стояли ко мне спиной, все в толстых пальто, и поразительно, до чего одинаково выглядели. *Трое высоких, темноволосых мужчин.* А между тем на самом деле перед нами три совершенно разных типа. — Он вздохнул. — Короче, кругом сложности.

— Не знаю, — негромко проговорила мисс Марпл. — Я как раз спрашивала себя, не может ли все оказаться гораздо проще, чем нам представляется. С убийствами так часто дело обстоит совсем просто — очевидный, вполне корыстный мотив…

— Вы верите, что таинственная Мартина существует, мисс Марпл?

— Я охотно допускаю, что Эдмунд Кракенторп женился — или хотел жениться — на девушке по имени Мартина. Эмма Кракенторп, как я понимаю, показывала вам его письмо, а судя по тому, что я видела и что мне говорила Люси, Эмма Кракенторп придумать нечто подобное решительно

не способна. Да и зачем бы ей?

— Да, если предположить, что есть Мартина, — задумчиво сказал Краддок, — то есть и кой-какой мотив. Появление Мартины с сыном означало бы, что наследство Кракенторпов сокращается, хоть все же не настолько, казалось бы, чтобы спровоцировать убийство. С деньгами у них всех очень туго.

— Как, и у Гарольда? — недоверчиво спросила Люси.

— Да, и внешне благополучный Гарольд — не тот трезвый, солидный финансист, каким выглядит. Он кругом должен и погряз в достаточно предосудительных манипуляциях. Крупная сумма денег в ближайшее время, возможно, помогла бы ему предотвратить крах.

— Но тогда… — начала было Люси и остановилась.

— Да, мисс Айлзбарроу?

— Правильно, милая моя, — сказала мисс Марпл. — Тогда, вы хотите сказать, не того человека убили.

— Ну да, от смерти Мартины ни Гарольд, ни остальные ничего не выигрывают. До тех пор, пока…

— Пока жив Лютер Кракенторп. Вот именно. У

меня тоже была такая мысль. А мистер Кракенторп-старший, если верить его врачу, далеко не так плох, как может казаться со стороны.

— Такого на годы хватит, — сказала Люси. Она вдруг нахмурилась.

— Что? — спросил Краддок.

— Ему было худо на Рождество, — сказала Люси. — Он рассказывал, что доктор очень всполошился по этому поводу. «Столько поднял шуму, можно было подумать, что меня отравили». Его слова.

Она вопросительно поглядела на Краддока.

— Да-да, — сказал Краддок. — Вот об этом я и собирался расспросить доктора Куимпера.

— Ну, я поехала, — сказала Люси. — Господи, как поздно!

Мисс Марпл отложила вязанье и взяла в руки «Таймс» с наполовину решенным кроссвордом.

— Жаль, нет здесь словаря, — пробормотала она. — «Тонтина» и «Токай» — вечно я путаю эти слова. Одно, если не ошибаюсь, — название венгерского вина.

— Это «Токай», — сказала Люси, оглянувшись с порога. — Только ведь в первом слове — семь букв, а во втором — пять. Что там о них сказано?

— А, нет, это я не о кроссворде, — туманно ото-

звалась мисс Марпл. — Это у меня в голове.

Инспектор Краддок глянул на нее пристально, потом попрощался и вышел.

Глава 17
I

Краддоку пришлось подождать несколько минут, пока у Куимпера закончится вечерний прием и доктор выйдет к нему. Вид у Куимпера был усталый и подавленный.

Он предложил Краддоку выпить и, когда тот согласился, налил и себе.

— Ох уж, эти горемыки, — проговорил он, опускаясь в потертое мягкое кресло. — И страшно-то им, и глупости делают — где только разум у людей… Сегодня у меня был тяжкий случай. Приходит женщина — а надо ей было показаться мне еще год назад. Пришла бы тогда — можно было бы еще успешно прооперировать. Теперь уже поздно. Бесит это меня! Что за народ, какая-то дикая смесь трусости и героизма! Терпела адские муки, без звука их сносила, а почему? Боялась прийти и услышать, что ее страхи обоснованны. Или другая крайность, те, что приходят попусту отнимать у меня время — у него, видите ли, ужасно раздуло мизинец, болит нестерпимо, и он решил, что это как минимум рак, хотя на самом

деле обыкновенные цыпки, ознобыши! Ладно, не обращайте на меня внимания. Выпустил пар, и хватит. Так что, скажите, привело вас ко мне?

— Ну, прежде всего, я, по-видимому, ваш должник, ведь это вы посоветовали мисс Кракенторп обратиться ко мне с письмом, предположительно, от вдовы ее брата.

— Ах, это! И что, не зря? Строго говоря, это не я посоветовал. Она сама захотела. А драгоценные братики, естественно, старались общими силами ее удержать.

— Из каких же соображений?

Доктор пожал плечами.

— Из опасения, видимо, что эта дама пишет правду.

— А вы как думаете, в письме действительно правда?

— Понятия не имею. Я ведь сам его и не видел. Но скорее сказал бы, кто-то, кто знал некоторые факты, сделал попытку поживиться за чужой счет. Надеясь сыграть на чувствах Эммы. Но тут автор сильно просчитался. Эмма не из простушек. Она не примет неведомую невестку с распростертыми объятиями, не задав ей для начала два-три вполне земных вопроса… Но для чего вам знать мое мнение? — прибавил он с любопытством. —

Я-то ведь тут ни при чем.

— Я, честно говоря, заехал к вам по совсем другому поводу, да вот не знаю, как бы все это поделикатнее изложить.

Доктор Куимпер заинтересованно поднял брови.

— Сколько мне известно, не так давно — во время рождественских праздников, если быть точным, — мистер Кракенторп довольно серьезно заболел.

Он увидел, как доктор сразу переменился в лице. Черты его отвердели.

— Да.

— Нелады с желудком, как я понимаю?

— Да.

— Я в затруднении. Мистер Кракенторп при мне похвалялся своим здоровьем, говорил, что собирается пережить чуть ли не все свое семейство. И отзывался о вас, доктор — вы уж извините меня…

— Да ради бога! Меня не очень трогает, что говорят про меня мои больные.

— Он называл вас пуганой квочкой. — Куимпер улыбнулся. — Сказал, что вы засыпали его вопросами не только о том, что он съел, но также кто готовил и подавал еду.

Улыбка сошла с лица доктора. Оно опять отвердело.

— Продолжайте.

— Выразился примерно так — «раскудахтался, словно решил, что меня отравили».

Наступило молчание.

— У вас в самом деле возникло такое подозрение?

Куимпер отозвался не сразу. Он встал и заходил по комнате. Потом резким движением повернулся к Краддоку.

— Что я на это должен сказать, черт возьми? По-вашему, врачу позволительно швыряться подобными обвинениями, не имея твердых доказательств?

— Просто хотелось бы знать, строго между нами, приходила вам в голову эта мысль?

— Старик Кракенторп обыкновенно живет, урезая себя во всем. Когда же в доме собирается семья, Эмма не скупится на угощенье. В итоге — острый приступ гастроэнтерита. Симптомы соответствовали такому диагнозу.

Краддок не отступал.

— Понятно. И на том вы успокоились? Ничто вас, скажем так, не озадачило?

— Ну, хорошо. Хорошо. Да, озадачило. Подпись,

число. Теперь довольны?

— Скорее заинтригован, — сказал Краддок. — Какие же у вас возникли подозрения или опасения?

— Желудочные расстройства бывают, конечно, разные, но данное расстройство по определенным показателям больше соответствовало отравлению мышьяком, а не вульгарному гастроэнтериту. Учтите, симптомы очень схожи. Специалисты не мне чета ошибались, не распознав мышьякового отравления, в чем и расписывались недрогнувшей рукой, давая заключение.

— И каков же был результат ваших расспросов?

— Получалось, что мои подозрения совершенно напрасны. Мистер Кракенторп утверждал, что у него такие приступы случались и раньше, до того, как он начал наблюдаться у меня, и по той же самой причине. Всякий раз после того, как на стол подавали много тяжелой пищи.

— А это происходило, когда в дом съезжался народ? Члены семьи? Гости?

— Да. Звучало убедительно. Но откровенно говоря, Краддок, осадок на душе остался. Я не остановился перед тем, чтобы написать старому доктору Моррису. Он был моим старшим ком-

паньоном и вскоре после того, как я пришел к нему, подал в отставку. Первоначально Кракенторп был его пациентом. Так вот, я спрашивал его относительно этих приступов у старика в то время, до меня.

— И какой получили ответ?

Куимпер хмыкнул.

— Получил щелчок по носу. Мне в достаточно прозрачных выражениях рекомендовали не быть болваном. Что ж, — он пожал плечами, — очевидно, я и впрямь вел себя, как болван.

— Не знаю. — Краддок помедлил в раздумье и решился говорить без обиняков. — Если уж откровенно, доктор, не секрет, что есть такие, для кого смерть Лютера Кракенторпа означала бы прямую и немалую выгоду. — Доктор кивнул головой. — Он, хоть и стар, но бодр и крепок. Доживет, глядишь, до девяноста с хвостиком?

— Свободно. Он только тем одним и занят, что заботится о себе, а организм у него могучий.

— А сыновья его и дочь между тем не становятся моложе, и стесненные обстоятельства становятся для них все более ощутимы.

— Вы только Эмму сюда не приплетайте. Она не отравительница. Приступы эти случаются, только когда приезжают другие, когда она с от-

цом одна, их не бывает.

«Элементарная предосторожность, если это она», — подумал инспектор, но благоразумно не заикнулся об этом вслух.

Он заговорил не сразу, тщательно подбирая слова:

— Согласитесь, — я, правда, не силен по этой части, — но если допустить, чисто гипотетически, что Кракенторпу все-таки дали мышьяк, то он очень счастливо отделался, не так ли?

— Вот здесь, — сказал врач, — вы затронули нечто не поддающееся объяснению. То обстоятельство, которое и побуждает меня признать вслед за стариком Моррисом, что я был болваном. Видите ли, мы здесь имеем не тот случай, когда мышьяк подкладывают регулярно и понемногу, а это и есть, с позволения сказать, классический случай, когда отравляют мышьяком. Кракенторп никогда не страдал никаким хроническим желудочным заболеванием. Вот почему эти внезапные острые приступы вызывают недоумение. А если естественными причинами их объяснить нельзя, то остается предположить, что отравитель каждый раз допускает промах, что, в свою очередь, противоречит здравому смыслу.

— То есть, иными словами, каждый раз не до-

кладывает яду?

— Ну да. С другой стороны, организм у Кракенторпа крепкий, и то, что способно уложить другого, его не уложит. Всегда особенности конкретного организма вносят свои коррективы. Но для отравителя — если только он не отъявленный трус — логично было бы уже догадаться и увеличить дозу. Почему он до сих пор не догадался?.. Если, конечно, — прибавил он, — отравитель и в самом деле существует, что еще не факт. Возможно, все это с начала и до конца — плод моего воспаленного воображения.

— Непростая задачка, — согласился инспектор. — Уж очень одно с другим не вяжется.

II

— Инспектор Краддок!

Жаркий шепот заставил инспектора вздрогнуть от неожиданности. Он в этот миг только было собрался позвонить в парадную дверь. Из сумрака, опасливо озираясь, выступили Александр с неразлучным Стоддарт-Уэстом.

— Мы услышали вашу машину и хотели вас перехватить.

— Так зайдемте в дом.

Рука инспектора вновь потянулась к дверному колокольчику, но Александр, как привязчивый щенок, настойчиво дернул его за рукав.

— Мы нашли вещественное доказательство, — выдохнул он.

— Нашли улику, — подхватил Стоддарт-Уэст.

«Будь она неладна, эта Люси», — подумал беззлобно Краддок.

— Отлично, — уронил он без воодушевления. — Пошли в дом, поглядим, что вы добыли.

— Нет, — решительно возразил Александр. — Там обязательно помешают. Идемте в шорную. Мы вас проводим.

Краддок нехотя последовал за ними в обход дома на конюший двор. Стоддарт-Уэст толкнул тяжелую дверь, дотянулся до выключателя и зажег тускловатый свет. Шорная, некогда образцовое хранилище викторианского выездного снаряжения, представляла нынче собой унылый склад никому не нужной рухляди. Хромоногие садовые стулья, заржавелый садовый инвентарь, громоздкая старая косилка, древние пружинные матрасы, гамаки, рваные теннисные сетки.

— Мы часто сюда приходим, — сказал Александр. — Здесь мы сами по себе.

Обстановка хранила свидетельства людского

присутствия. Ветхие матрасы были навалены друг на друга, образуя некое подобие дивана, на изъеденном ржавчиной столе стояли большая жестяная коробка шоколадного печенья и коробка ирисок, лежали груда яблок и головоломка-мозаика.

— Взаправдашняя улика, сэр, — заговорил Стоддарт-Уэст, взволнованно блестя глазами из-под очков. — Сегодня днем нашли.

— Сколько дней искали везде. По кустам…

— В дуплистых деревьях.

— Все мусорные ящики перерыли.

— В них, кстати, попадались интересные вещи.

— А потом пошли в котельную…

— Там старый Хиллман держит большой цинковый бак для ненужной бумаги.

— На случай, если топка заглохнет, и ее надо опять раскочегарить.

— Любой бумажкой, какая подвернется под руку.

— Схватит ее, не глядя, и засунет в топку.

— Там мы его и нашли.

– *Что* нашли? — нарушил их дуэт Краддок.

— Вещественное доказательство. Погоди, Стоддерс, надень перчатки.

Стоддарт-Уэст, в лучших традициях детектив-

ных романов, с важным видом надел не первой свежести перчатки и извлек из кармана кодаковскую папочку для фотографий. С величайшей осторожностью вытянул из нее матерчатыми пальцами грязный и мятый конверт и торжественно вручил его инспектору.

После чего мальчики застыли, затаив дыхание.

Краддок с подобающей серьезностью принял конверт. Мальчики нравились ему, и он готов был вести себя в духе, соответствующем моменту.

Письмо прошло через почту — собственно, письмо как таковое отсутствовало, был лишь надорванный конверт и на нем надпись: «Миссис Мартине Кракенторп, 126 Элверс-Кресент, № 10».

— Видите? — едва дыша, сказал Александр. — Это доказывает, что она была здесь — ну, француженка, жена дяди Эдмунда, из-за которой весь сыр-бор. Значит, была все-таки и обронила его где-нибудь. Все сходится, да?

— И, похоже, убитая — это она, — подал голос Стоддарт-Уэст, — я хочу сказать, сэр, что она и есть та женщина в саркофаге, это же просто очевидно, вы не находите?

Оба замерли в ожидании ответа.

Краддок не забывал о правилах игры.

— Возможно, — сказал он. — Очень возможно.

— Правда важная улика?

— И отпечатки пальцев будете искать, да, сэр?

— А как же, — сказал Краддок.

Стоддарт-Уэст глубоко вздохнул.

— Ух, и повезло нам, а? И надо же, в самый последний день!

— Последний?

— Ну да, — сказал Александр. — Я завтра еду к Стоддерсу на остаток каникул. У предков Стоддерса потрясный дом — эпоха королевы Анны, верно?

— Вильгельма и Марии, — сказал Стоддарт-Уэст.

— А как же твоя мать говорила…

— Мама — француженка. Она слабо разбирается в английской архитектуре.

— Но твой отец сказал, что его строили…

Краддок тем временем разглядывал конверт. Искусница эта Люси Айлзбарроу. И как ей удалось подделать штемпель? Он поднес конверт ближе к глазам, но освещение было слишком слабое. Для мальчиков, конечно, — большое развлечение, но для него — неудобство. Об этой стороне Люси, чтоб ей, задуматься не потрудилась. Будь эта штука неподдельной, следовало бы тотчас предпринять определенные действия. Вот не хватало…

Рядом все жарче разгоралась ученая дискуссия на архитектурные темы.

— Ладно, ребята, — сказал он, — пошли в дом. Вы проделали очень ценную работу.

Глава 18
I

В дом мальчики провели Краддока черным ходом. Иного способа войти в помещение они, судя по всему, для себя не признавали. В кухне было светло и уютно. Люси, в широком белом фартуке, раскатывала тесто. За ней, прислонись к посудному шкафу и потягивая себя одной рукой за пышный светлый ус, с собачьей преданностью наблюдал Брайен Истли.

— Привет, пап, — ласково сказал Александр. — Опять ты здесь?

— Мне здесь нравится, — отвечал Брайен. — А мисс Айлзбарроу не возражает.

— Ничуть, — сказала Люси. — Добрый вечер, инспектор Краддок.

— На кухне будете проводить расследование? — с интересом спросил Брайен.

— Не совсем. Мистер Седрик Кракенторп все еще не уехал?

— Нет, Седрик здесь. Он что, вам нужен?

— Да, хотелось бы обменяться с ним парой слов.

— Схожу взгляну, дома ли он, — сказал Брайен. — Мог отлучиться в местную пивную.

Он отделился от посудного шкафа.

— Спасибо большое, — сказала ему Люси. — Сама бы сходила, да все руки в муке.

— А что вы хотите испечь? — озабоченно осведомился Стоддарт-Уэст.

— Открытый пирог с персиками.

— Класс, — сказал Стоддарт-Уэст.

— Уже пора ужинать? — спросил Александр.

— Нет.

— Ой, а как есть хочется!

— В кладовой осталась горбушка от имбирной коврижки.

Мальчики одновременно рванули с места и столкнулись в дверях.

— Аппетит — саранча позавидует, — заметила Люси.

— Примите мои поздравления, — сказал Краддок.

— С чем, простите?

— Ловко вы это подстроили!

— Что именно?

Краддок показал ей папочку с конвертом.

— Отличная работа.

— О чем это вы?

— Об этом, уважаемая, вот об этом. — Он вытащил наружу уголок конверта.

Люси уставилась на него, ничего не понимая.

Краддок вдруг почувствовал легкое головокружение.

— Не вы смастерили вот это вещественное доказательство и подложили для мальчиков в котельную? Отвечайте — быстро!

— Я вообще не могу понять, о чем идет разговор, — сказала Люси. — Вы хотите сказать, что…

Краддок проворно сунул папочку обратно в карман, ибо в это мгновенье на кухню вернулся Брайен.

— Седрик в библиотеке, — сказал он. — Заходите.

И занял прежнее место у посудного шкафа. Инспектор Краддок направился в библиотеку.

II

Седрик Кракенторп был, казалось, искренне рад видеть инспектора.

— Снова работенка привела в наши места? — спросил он. — Ну как, есть успехи?

— Пожалуй, можно сказать, что некоторые успехи есть, мистер Кракенторп.

— Удалось выяснить, чей это труп?

— Окончательно пока не установлено, но достаточно ясное представление мы имеем.

— Молодцы ребята!

— В связи с новой информацией у нас возникла надобность получить кой-какие показания. Пользуясь тем, что вы на месте, мистер Кракенторп, я начинаю с вас.

— На месте-то на месте, да ненадолго. Денька через два возвращаюсь на Ивису.

— Выходит, я успел вовремя.

— Ну хорошо, давайте.

— Я хотел бы услышать от вас подробный отчет о том, где вы находились и что делали в пятницу двадцатого декабря.

Седрик бросил на него быстрый взгляд. Потом откинулся назад, зевнул и с подчеркнуто беспечным видом погрузился в затруднительный процесс воспоминаний.

— Значит, как уже было сказано, я находился на Ивисе. Беда в том, что один день там в точности повторяет другой. Утром работаешь над картиной, с трех до пяти — сиеста. Если свет подходящий, можно сделать вылазку на этюды. Потом — аперитив в кафе на площади, иной раз с мэром, иной — с доктором. После чего — нехит-

рая трапеза. Вечерами — большей частью в баре Скотти, с приятелями из низших слоев. Ну как, устраивает вас?

— Меня больше устроила бы правда, мистер Кракенторп.

Седрик сел прямо.

— Это очень оскорбительный ответ, инспектор.

— Вы думаете? Не вы ли говорили мне, мистер Кракенторп, что вылетели с Ивисы двадцать первого декабря и в тот же день прибыли в Англию?

— Ну, говорил. Эмма! Эй, Эм!

Эмма Кракенторп вошла из маленькой столовой, смежной с библиотекой. С немым вопросом перевела взгляд с Седрика на инспектора.

— Слушай-ка, Эм, я ведь приехал на Рождество в субботу, правильно? И прямо с самолета?

— Да, — озадаченно сказала Эмма. — Поспел как раз к ланчу.

— Ну вот, — сказал Седрик инспектору.

— Вы держите нас совсем уж за дурачков, мистер Кракенторп, — незлобливо отозвался Краддок. — Ведь это, знаете, нетрудно проверить. Вам стоит только показать свой паспорт…

Он выразительно замолчал.

— Черт, не найду его нигде, — сказал Седрик. —

Все утро проискал напрасно. Хотел послать его «Кэку».

— Думаю, вам не составило бы труда его найти, мистер Кракенторп. Впрочем, в этом нет особой необходимости. Согласно соответствующим документам, на самом деле вы прибыли в страну вечером девятнадцатого декабря. Возможно, теперь вам будет проще описать, что вы делали с этого часа и до того времени двадцать первого, когда приехали сюда.

Седрик потемнел, словно туча.

— Вот жизнь настала, черт бы ее взял! — буркнул он с остервенением. — Кругом эти анкеты, канцелярщина. Развели бюрократию! Шагу ни шагни свободно, не волен в собственных поступках! Поминутно к тебе вопросы. И почему, собственно, столько шума из-за двадцатого числа? Что в нем такого особенного?

— Только то, что, как мы полагаем, это тот день, когда совершилось убийство. Вы, конечно, вправе отказаться отвечать, но…

— Кто сказал, что я отказываюсь? Дайте человеку время! Вы же на дознании выражались достаточно неопределенно, говоря о дате убийства. Что-нибудь новое обнаружилось с тех пор?

Краддок не отвечал.

Седрик покосился в сторону Эммы.

— Может, нам перейти в другую комнату?

— Я ухожу, — быстро сказала Эмма.

В дверях она задержалась и оглянулась назад.

— Знаешь, это серьезно, Седрик. Если двадцатое — день убийства, ты должен досконально перечислить инспектору все, что делал.

Она вышла в соседнюю комнату и закрыла за собой дверь.

— Добрая душа у нас Эм, — сказал Седрик. — Что ж, ладно, излагаю! Да, я действительно улетел с Ивисы девятнадцатого. Планировал сделать остановку в Париже и провести денька два, тряхнув стариной кое с кем из давних приятелей на Левом берегу. Но вышло так, что в одном со мной самолете оказалась очень хорошенькая попутчица. Просто пальчики оближешь! Короче говоря, сошли мы с нею вместе. Она летела в Штаты и должна была на двое суток задержаться по каким-то своим делам в Лондоне. В тот же день, девятнадцатого, мы прилетели. Остановились в гостинице «Кингзуэй-Палас» — это на случай, если ваши ищейки еще о том не пронюхали. Я там записан как Джон Браун — кто же в подобной ситуации станет называться своим именем!

— А двадцатого?

Седрик поморщился.

— Все утро, главным образом, маялся похмельем.

— А днем? С трех часов и далее?

— Сейчас, надо подумать. Как говорится, слонялся без цели. Зашел в Национальную галерею — с этим, по крайней мере, все чинно-благородно. Кино посмотрел. «Ровена, хозяйка ранчо Рейндж». С детства обожаю вестерны. Этот оказался лихой… Потом промочил горло в баре, вернулся к себе в номер вздремнуть и часам к десяти закатился с девушкой в город по злачным местам. Каким — хоть убей, не скажу, одно называется, если не вру, «Лягушка-попрыгушка». Девушка их знала все наперечет. Надрался до одури и, откровенно говоря, мало что помню до тех пор, покуда не очнулся наутро с больной головой хуже прежнего. Подруга ускакала, спеша поспеть на свой самолет, а я окатил голову холодной водой, разжился в аптеке аспиринчиком и покатил сюда, сделав вид, будто еду прямо из Хитроу. Решил, что незачем огорчать Эмму. Сами знаете, как с женщинами, — обижаются, если не сразу едешь домой. Еще и денег пришлось занять у нее, чтобы расплатиться с таксистом. У отца просить бесполезно. Нипочем не отстегнет. Ско-

пидом паршивый. Ну, довольны вы, инспектор?

— Что-нибудь из этого кто-то может подтвердить? Хотя бы в промежутке от трех пополудни до семи вечера?

— Думаю, что едва ли, — бодро сказал Седрик. — Национальная галерея, где служители глядят сквозь тебя стеклянными глазами, битком набитый кинотеатр… Нет, очень сомнительно.

В дверь опять вошла Эмма, держа в руках маленький еженедельник.

— Если не ошибаюсь, инспектор Краддок, вас интересует, что каждый из нас делал двадцатого декабря, так?

— М-м… в общем, да, мисс Кракенторп.

— Я только что проверила по своим записям. Двадцатого ездила в Бракемптон на заседание в Фонде помощи церковным реставраторам. Оно закончилось примерно без четверти час, и мы с леди Адингтон и мисс Бартлетт, тоже членами комитета, отправились в кафе «Кадена». После ланча мне понадобилось сделать кой-какие покупки — продукты к праздничному столу, рождественские подарки. Я побывала у Гринфолда, Свифта, Бута, в «Лайалле», обошла еще какие-то магазины. Без четверти пять выпила чашку чая в кондитерской «Трилистник» и поехала на

станцию встречать Брайена. Домой попала около шести и застала отца в очень скверном настроении. Я оставляла ему все готовое для ланча, но миссис Харт, которая должна была прийти после двенадцати и дать ему чаю, не пришла. Он был так зол, что заперся в своей комнате, не впускал меня к себе и не желал со мной разговаривать. Не любит, когда меня нет целый день, а я специально стараюсь время от времени выбираться из дому.

— И правильно делаете, наверное. Спасибо, мисс Кракенторп.

Не мог же он ей сказать, что, поскольку она среднего роста и женщина, то не столь уж существенно, чем она занималась в этот день. Он сказал другое:

— А остальные ваши братья приехали, как я понимаю, позже?

— Альфред приехал в субботу поздно вечером. Сказал, что пробовал мне дозвониться, когда меня не было дома, но отец, если он не в духе, не подходит к телефону. А Гарольд приехал уже прямо в канун Рождества.

— Благодарю, мисс Кракенторп.

— Мне, верно, не полагалось бы спрашивать… — она замялась, — но вы не скажете все-таки, что всплыло нового, чем вызваны эти расспросы?

Краддок достал из кармана папочку. Кончиками пальцев вытащил наружу конверт.

— Только не трогайте, пожалуйста, руками, вы узнаете эту вещь?

— Как?.. — Эмма в недоумении подняла на него глаза. — Но ведь это мой почерк! Это мое письмо Мартине.

— Я так и предполагал.

— Но каким образом оно к вам попало? Она — что?.. Вы нашли ее?

— Может статься, что да, — нашли. Этот пустой конверт был найден здесь.

— В нашем доме?

— На вашей территории.

— Тогда, значит, она приезжала! Она… Вы хотите сказать, там, в саркофаге, была Мартина?

— Это кажется весьма вероятным, мисс Кракенторп.

Это стало казаться еще более вероятным, когда он вернулся в город. Там его дожидалось сообщение от Армана Дессина.

«Одна из подруг Анны Стравинской получила от нее открытку. По-видимому, история о морском путешествии соответствует действительности! Она уже доплыла до Ямайки и, как у вас любят выражаться, прекрасно проводит время!»

Краддок скомкал записку и швырнул ее в мусорную корзину.

III

— Нет, честно, — произнес Александр, сидя в постели и мечтательно поглощая шоколадный батончик, — мировой был денек! Чтобы взять и так-таки найти самый настоящий вещдок!

В его голосе звучало благоговенье.

— И вообще, мировые получились каникулы, — прибавил он со счастливым вздохом. — Наверное, такое уже второй раз не повторится.

— Очень надеюсь, что со мною никогда не повторится, — отозвалась Люси, стоя на коленях и укладывая в чемодан Александровы пожитки. — Тебе обязательно набирать с собой столько космической фантастики?

— Вон те две, верхние, — не нужно. Я их уже прочел. А футбольный мяч с бутсами и резиновые сапоги можно уложить отдельно.

— Какие же вы, мальчики, берете в дорогу неудобные предметы!

— Ничего. За нами пришлют «Роллс». У них такой «Роллс», что закачаешься! И еще — «Мерседес-Бенц» новой модели.

— Богатые, как видно.

— Купаются в деньгах! А люди симпатичные. Но все равно жалко отсюда уезжать. Вдруг да еще обнаружится какой-нибудь труп…

— Вот уж чего не надо!

— В книжках это бывает сплошь да рядом. То есть увидит человек что-нибудь или услышит, и его тоже укокошат. Например, так могут поступить с вами, — прибавил он, разворачивая второй батончик.

— Благодарю покорно!

— Нет, я-то не хочу, чтобы это оказались вы, — уверил ее Александр. — Мне вы как раз очень нравитесь, и Стоддерсу тоже. А как готовите — это вообще конец света! Язык проглотишь! И соображаете нормально.

Это последнее с очевидностью надлежало расценивать как высокую степень похвалы. Люси так и расценила.

— Ну, спасибо. Только я не согласна умирать ради твоего удовольствия.

— Тогда — будьте начеку, — сказал ей Александр. Он отправил в рот кусок шоколада и уронил нарочито небрежным тоном: — Если у вас иногда будет появляться мой папа, вы за ним присмотрите, да?

— Конечно, — отвечала с легким удивлением Люси.

— С папой, знаете, в чем беда, — сообщил ей Александр, — ему не подходит лондонская жизнь. И женщины подворачиваются неподходящие. — Он озабоченно покрутил головой. — Я к нему очень хорошо отношусь, но за ним нужен глаз да глаз. Его несет по течению и прибивает совсем не к тем людям. Плохо, что мама рано умерла. Брайену нужна нормальная семейная жизнь.

Он выразительно посмотрел на Люси и потянулся за новым батончиком.

— Четвертый, Александр! — ужаснулась Люси. — Тебя стошнит.

— Ну, не думаю. Я раз съел шесть штук подряд — и ничего. С печенкой все в порядке. — Он помолчал. — А вы Брайену нравитесь, если хотите знать.

— Это мило с его стороны.

— Он кое в чем несуразно ведет себя, — продолжал отпрыск Брайена, — но летчик-истребитель был классный. Жутко храбрый. И жуткий добряк. — Он опять помолчал. Затем, воздев глаза к потолку, смущенно произнес: — Знаете что, если уж откровенно, ему, по-моему, хорошо бы жениться снова. На подходящей женщине. Я бы, по

крайней мере, ничуть не возражал иметь мачеху — ну, то есть если она подходящий человек…

До несколько оторопелой Люси вдруг дошло, что Александр клонит разговор к чему-то вполне определенному.

— Эти глупые сказки про злую мачеху, — продолжал он, по-прежнему адресуясь к потолку, — давным-давно устарели. У нас со Стоддерсом полно знакомых ребят, у которых есть мачеха, — развод, там, и прочее, — и они прекрасным образом с ней ладят. Конечно, тут важно, какая мачеха. Ну, и, конечно, не обходится без неразберихи — кому тебя куда-то вести или кого ты сам позовешь в школу на спортивный праздник — в смысле, когда есть две пары родителей. Хотя, с другой стороны, при желании это можно использовать в своих же интересах. — Он сделал передышку, отягощенный сложностями современной жизни. — Самое лучшее, когда у тебя дом и родители родные, но раз уж мама умерла… В общем, вы понимаете, что я хочу сказать? Была бы, главное, подходящим человеком, — повторил Александр в третий раз.

Люси была тронута.

— По-моему, ты очень правильно рассуждаешь, Александр, — сказала она. — Надо нам постарать-

ся и найти твоему отцу симпатичную жену.

— Ага, — отозвался уклончиво Александр. — Это я просто так, — прибавил он небрежно. — Дай, думаю, скажу. А Брайену вы очень нравитесь. Он мне сам говорил.

Ну и ну, подумала Люси. Со всех сторон сватовство! Сперва мисс Марпл, теперь и Александр туда же.

Без всякой видимой связи в голове у нее мелькнула мысль о свинарниках.

Люси встала с колен.

— Спокойной ночи, Александр. Утром осталось только сложить туалетные принадлежности да пижаму. Спи спокойно.

— Спокойной ночи.

Александр сполз с подушки, положил на нее голову, закрыл глаза, мгновенно явив собой совершенный образ спящего ангела, и в ту же секунду уснул.

Глава 19
I

— Довольно-таки шатко, — изрек сержант Уэзеролл из глубины обычного для него мрака.

Краддок был занят чтением отчета о проверке алиби Гарольда Кракенторпа за двадцатое декабря.

На аукционе Сотби он был замечен примерно в полчетвертого, но вскоре после этого, по мнению тех же свидетелей, ушел. В кафе «Расселз» его по фотографии не узнали, что, впрочем, неудивительно, если учесть, что в традиционный час чаепития у них большой наплыв народа, а Гарольд — не тамошний завсегдатай. Его слуга подтвердил, что без четверти семь хозяин заходил домой, на Кардиган-Гарденз, переодеться, — поздновато, так как званый обед начинался уже в семь тридцать, и мистер Кракенторп по этой причине немного нервничал. Не помнит, слышал ли, как хозяин возвращался вечером — скорее нет, но точно сказать не может, так как с тех пор прошло много времени, и к тому же он вообще далеко не всегда слышит, как мистер

Кракенторп приходит домой. Они с женой стараются по мере возможности рано ложиться спать. Гараж в бывших конюшнях, где Гарольд держит машину, сдает ему внаем отдельную ячейку, так что следить, кто и когда там бывает, некому, а уж тем более ни к чему запоминать какой-то рядовой вечер.

— Нулевой результат, — сказал со вздохом Краддок.

— У Поставщиков на обеде он был весь вечер, но ушел довольно рано, когда еще не закончились спичи.

— А как насчет вокзалов?

Но ни Бракемптон, ни Паддингтон тоже не дали ничего. Прошло почти четыре недели, и рассчитывать, что кто-то что-то вспомнит, было трудно.

Краддок снова вздохнул и потянулся за бумагами на Седрика. Тут результаты были не лучше, правда, один таксист смутно припомнил, что вроде бы вез в тот день на вокзал Паддингтон пассажира, который «на личность как будто смахивал на это фото. В грязных штанах и волосы дыбом на голове. Ругался нехорошими словами, что плата за проезд выросла с последнего раза, как он был в Англии». Число таксисту запомни-

лось, так как в тот день лошадь по кличке Колуша стала победительницей забега в 2.30, а он сделал на нее порядочную ставку. Только высадил клиента — и тут как раз объявляют результат по радио в машине, так что он прямым ходом дернул домой отмечать это дело.

— Спасибо, хоть бега есть на свете, — сказал Краддок, отодвигая в сторону отчет.

— И вот ваш Альфред, — сказал сержант Уэзеролл.

Некий оттенок в его голосе заставил Краддока вскинуть глаза. Лицо Уэзеролла выражало довольство человека, который приберег лакомый кусочек напоследок.

В основном проверка мало что дала. Альфред жил в своей квартире одиноко, приходил и уходил в разное время. Соседи его не страдали излишним любопытством, и вообще, как конторские служащие, проводили весь день на работе. И лишь под конец отчета толстый палец Уэзеролла уперся в последний абзац.

Сержант Лик, назначенный расследовать дело о хищениях в процессе грузовых перевозок, сидел в шоферской забегаловке «Груз кирпичей», что на шоссе Уоддингтон — Бракемптон, ведя наблюдение кое за кем из шоферов. Он обратил внимание,

что за соседним столиком сидит Чик Эванс, один из членов шайки Дикки Роджерса. А с ним — Альфред Кракенторп, которого сержант знал в лицо, поскольку видел, как он давал по делу Дикки Роджерса свидетельские показания. Лик еще подумал тогда, интересно, какое это дельце они обстряпывают сообща. Время — девять тридцать вечера в пятницу двадцатого декабря. Через несколько минут Альфред Кракенторп сел в автобус на Бракемптон. А в Бракемптоне, на станции, перед самым отходом поезда 11.55 на Паддингтон, кондуктор Уильям Бейкер пробил билет господину, в котором узнал одного из братьев мисс Кракенторп. Число он запомнил из-за истории с полоумной старушонкой, которая божилась, что в тот день видела, как кого-то убивают в поезде.

— Альфред? — проговорил Краддок, положив на стол отчет. — Альфред? Странно.

— Все указывает прямехонько на него, — отметил Уэзеролл.

Краддок кивнул головой. Да, Альфред мог ехать в Бракемптон поездом 4.33 и по дороге совершить убийство. Потом — поехать на автобусе в «Груз кирпичей». Побыть там до 9.30 и без особой спешки съездить в Резерфорд-Холл, забрать труп с насыпи, спрятать в саркофаг и успеть в

Бракемптон к поезду, отходящему на Лондон в 11.55. Возможно даже, кто-нибудь из сообщников Дикки Роджерса помогал ему перемещать тело, хотя в этом Краддок сомневался. Малопочтенная публика, но не убийцы.

— Альфред? — опять повторил он в раздумье.

II

В Резерфорд-Холле у Кракенторпов, происходил семейный сбор всех частей. Из Лондона прибыли Гарольд с Альфредом, и очень мало потребовалось времени, чтобы разгорелись страсти и разговор перешел на повышенные тона.

Люси по собственной инициативе смешала в кувшине коктейли, добавила льда и понесла кувшин в библиотеку. В холл явственно доносились голоса, свидетельствуя, что ожесточение направлено, главным образом, против Эммы.

— Вина, Эмма, целиком на тебе, — гневно звучал глубокий бас Гарольда. — Непостижимо, как ты могла проявить столько недомыслия и близорукости! Дернуло же тебя потащиться с письмом в Скотленд-Ярд — с этого-то все и началось…

— Последнего ума надо лишиться! — вторил ему высокий тенор Альфреда.

— Вы что это на нее напустились? — вступился Седрик. — Что сделано, то сделано. Куда подозрительнее выглядело бы, если б женщину опознали как Мартину, а мы бы не заикнулись, что имели от нее известие.

— Хорошо тебе рассуждать, — огрызнулся злобно Гарольд. — Тебя не было в стране двадцатого, то есть в тот день, который, судя по всему, их интересует. А вот для нас с Альфредом это головная боль. Хорошо еще, что я мог вспомнить, где был в тот день и чем занимался.

— Ты-то — конечно! — сказал Альфред. — Ты, Гарольд, если бы задумал убийство, то, я уверен, позаботился бы обеспечить себе твердое алиби.

— С чем тебя, насколько я понимаю, поздравить нельзя, — холодно парировал Гарольд.

— Это как посмотреть, — сказал Альфред. — Все лучше, чем предъявить полиции железное алиби, когда оно на поверку не железное. Они там специалисты рушить подобные конструкции.

— Если ты намекаешь, что это я убил ту женщину…

— Ох, прекратите вы! — вскричала Эмма. — Понятно, что никто из вас ее не убивал.

— Между прочим, к твоему сведению, я уже находился в Англии двадцатого, — сказал Сед-

рик. — И в полиции об этом знают. Так что мы все под подозрением.

— Если б только не Эмма…

— Ты опять начинаешь, Гарольд? — крикнула Эмма.

Из кабинета, где уединился со своим врачом старик Кракенторп, вышел доктор Куимпер. Взгляд его упал на кувшин в руке у Люси.

— Это что? Празднуем?

— Скорей пытаемся разрядить обстановку. Очень уж она там у них накалилась.

— Обмениваются упреками?

— В основном чехвостят Эмму.

— Ах, вот как?

Он взял у Люси кувшин, открыл дверь и вошел в библиотеку.

— Добрый вечер.

— А, доктор Куимпер, мне как раз нужно сказать вам пару слов. — Голос, повышенный и резкий, принадлежал Гарольду. — Я хочу знать, на каком основании вы вмешиваетесь в сугубо частное семейное дело и наущаете мою сестру обратиться по поводу него в Скотленд-Ярд.

Доктор Куимпер сказал спокойно:

— Мисс Кракенторп спросила у меня совета. Я его дал. По моему мнению, она поступила совер-

шенно правильно.

— И вы смеете говорить…

— Эй, девица! — послышался знакомый призыв старика Кракенторпа.

Люси неохотно обернулась.

Кракенторп-старший выглядывал из дверей своего кабинета.

— Да, мистер Кракенторп?

— Что вы сегодня готовите на обед? Я хочу карри. У вас знаменито получается. Сто лет не ел карри.

— Понимаете, мальчики не очень-то жалуют карри…

— Мальчики, мальчики, — подумаешь, важность! Не с ними нужно считаться, а со мной. Тем более они уехали — и скатертью дорога! Чтобы мне было карри, слышали? Остренькое, по всем правилам.

— Хорошо, мистер Кракенторп, будет вам карри.

— Ну, то-то. Вы славная девица, Люси. Ублажите меня — я вам отвечу тем же.

Люси вернулась на кухню. Оставив мысль о задуманном первоначально курином фрикасе, принялась собирать все необходимое для карри. Хлопнула парадная дверь, в окно видно было, как

доктор Куимпер сердито шагает от дома к своей машине и уезжает.

Люси вздохнула. Ей было жаль, что нет мальчиков. И что нет Брайена — тоже немного жаль.

Ну, что поделаешь! Она уселась чистить грибы.

По крайней мере закатит для семейства сногсшибательный обед. Будем кормить зверей!

К трем часам утра доктор Куимпер поставил машину в гараж, запер его и, войдя в дом, устало затворил за собой парадную дверь. Ну что ж, теперь у миссис Симпкинс прибавление к восьмерым — пара крепких, здоровеньких двойняшек. Мистер Джош Симпкинс, правда, не выразил особого восторга по поводу пополнения в своей семье.

— Двойняшки, — молвил он хмуро. — Какой от них прок? Была бы четверня — тогда хоть есть польза. Гору тебе надарят всякой всячины, журналисты понабегут, в газетах фотографии и, говорят, Ее Величество самолично пришлет родителям телеграмму. А двойня что? Два рта голодных на твою голову заместо одного. У нас в роду никогда не бывало близнецов, и у супруги их тоже не водилось. Несправедливость, я считаю.

Доктор Куимпер поднялся к себе в спальню и

начал нетерпеливо раздеваться. Мельком взглянул на часы. Пять минут четвертого. Не ожидал, что способствовать появлению этой двойни на свет окажется так непросто, но все обошлось благополучно. Доктор зевнул. Устал, до чего же он устал. Он с вожделением покосился на кровать.

И в этот миг зазвонил телефон.

Доктор Куимпер чертыхнулся и взял трубку.

— Доктор Куимпер?

— У телефона.

— Это звонит Люси Айлзбарроу, из Резерфорд-Холла. Вам, наверное, надо срочно приехать. У нас все заболели.

— Заболели? Чем? Какие симптомы?

Люси детально описала их.

— Сейчас буду. А вы тем временем…

Он дал ей сжатые, четкие указания. После чего торопливо натянул на себя то, что успел снять, побросал кое-что дополнительно в сумку для оказания первой помощи и поспешил вниз к машине.

IV

Часа через три доктор и Люси, едва держась на ногах, подсели к кухонному столу выпить по

большой чашке черного кофе.

— Ха. — Доктор Куимпер допил до дна свою чашку и, зевнув, медленно поставил ее на блюдце. — Вот чего мне недоставало! А теперь, мисс Айлзбарроу, давайте-ка разберемся.

Люси посмотрела на него. Следы усталости яснее обозначились у него на лице, отчего он сейчас выглядел старше своих сорока четырех лет: темные волосы тронула на висках седина, под глазами пролегли морщинки.

— Сколько можно судить, — сказал он, — теперь с ними все будет в порядке. Но каким образом это могло случиться? Вот что я хочу знать. Кто готовил обед?

— Я, — сказала Люси.

— И что именно готовили? В подробностях.

— Грибной суп. Карри из кур с рисом. Сбитые сливки с вином. На закуску — куриная печенка с беконом.

— Канапе «Диана», — уточнил неожиданно доктор Куимпер.

Люси слабо улыбнулась.

— Верно, канапе «Диана».

— Хорошо, пройдемся по порядку. Грибной суп — из консервной банки, полагаю?

— Ничего подобного. Собственного приготов-

ления.

— Собственного, говорите. Из чего же?

— Полфунта грибов, куриный бульон, заправленный молоком, мукой, поджаренной на масле, и лимонным соком.

— Ага! На что мне полагалось бы сказать: «Так значит, это грибы».

— Это не грибы. Я сама ела суп — и совершенно здорова.

— Да, вы здоровы. От меня это не укрылось.

Люси вспыхнула.

— Если вы подразумеваете…

— Не подразумеваю. Вы в высшей степени сообразительная девушка. Будь правдой то, что я, по-вашему, подразумеваю, вы бы тоже сейчас лежали и охали наверху. И потом, я же все про вас знаю. Не поленился навести справки.

— Это еще зачем?

У доктора Куимпера сурово сжались губы.

— Затем, что считаю своим долгом проверять того, кто приезжает жить под этой крышей. В вашем случае все чисто — молодая женщина зарабатывает себе на жизнь, добросовестно выполняя определенного рода работу и ни с кем из семьи Кракенторпов до приезда сюда как будто не сталкивалась. Следовательно, предположение,

что вы подружка Седрика, Гарольда или Альфреда, призванная подсобить им в осуществлении тайных замыслов, отпадает.

— Вы что, серьезно думаете?..

— Я много кой-чего думаю, — сказал Куимпер. — Но действовать обязан осторожно. Такова незавидная доля врача. Итак, продолжим.

— Карри из курицы. Его вы ели?

— Нет. Когда готовишь карри, ты сыта одним уже запахом. Пробовать, разумеется, пробовала. А за обедом я ела суп и сбитые сливки.

— Сливки вы как подавали?

— Порционно, каждому в отдельном стакане.

— Ну хорошо, что с остатками?

— Если вы о грязной посуде, она вся вымыта и поставлена на место.

Доктор Куимпер застонал.

— Пример усердия, достойного лучшего применения.

— Согласна, знать бы заранее, как оно обернется, но — увы, факт есть факт.

— Но что-то все же осталось?

— Миска с остатками карри в кладовой. Предполагала пустить их на основу для куриного супа сегодня вечером. Грибного супа тоже осталось немного. Но ни сбитых сливок, ни печенки.

— Я заберу с собой карри и суп. Как насчет приправы? Вы подавали к карри «индийскую приправу»?

— Да. Вон там осталось, в керамическом горшочке.

— Ее я тоже возьму.

Он встал.

— Пойду наверх, взгляну на них еще разок. Как вы потом, продержитесь до утра? Подежурите возле них? К восьми часам я подошлю сестру с подробными инструкциями.

— Может, вы все же скажете прямо? Что это, как вы думаете, пищевое отравление или же… или отравление?

— Я ведь уже сказал. Врачу думать не положено, врач должен быть уверен. Если анализ даст положительный результат, я могу предпринять дальнейшие шаги. В противном случае…

— В противном случае? — повторила за ним Люси.

Доктор Куимпер положил ей руку на плечо.

— Приглядите за двумя из них в особенности, — сказал он. — Приглядите за Эммой. Я не допущу, чтобы с Эммой стряслось что-нибудь…

Нескрываемое чувство звучало в его голосе.

— Она по-настоящему и жить-то еще не на-

чинала, — прибавил он. — А ведь на таких, как Эмма Кракенторп, знаете ли, земля держится. Эмма… словом, Эмма для меня много значит. Я никогда не говорил ей об этом, но скажу. Глаз не спускайте с Эммы.

— Будьте покойны, — сказала Люси.

— И за стариком присматривайте. Не сказать, чтобы он был когда-либо моим любимым пациентом, но все-таки он мой пациент, и будь я проклят, если позволю, чтобы его спровадили на тот свет лишь потому, что кому-то из его малоприятных сыновей — а может статься, и всем троим — не терпится устранить его и прибрать к рукам его деньги.

Внезапно в глазах его блеснул насмешливый огонек.

— Ну вот, — сказал он. — Разболтался некстати. Но вы уж сделайте милость, поглядывайте по сторонам, ладно? А язычок, между прочим, держите за зубами.

V

Инспектор Бейкон был расстроен.

— Мышьяк? — переспросил он. — Вы сказали, мышьяк?

— Да. В карри. Вот здесь остатки, отдаю их в распоряжение вашего эксперта, пусть займется. Я взял малую долю на примитивный анализ, но результат не оставляет сомнений.

— Так что, значит, отравитель там орудует?

— Похоже на то, — сухо отозвался доктор Куимпер.

— И пострадали, как вы утверждаете, все, кроме этой мисс Айлзбарроу.

— Кроме мисс Айлзбарроу.

— Картинка получается подозрительная.

— Да, но какой тут может быть мотив?

— А просто не все дома, — предположил Бейкон. — Это бывает, посмотришь, — вроде нормальный человек, а на самом деле, как говорится, давным-давно сбрендила.

— Мисс Айлзбарроу не сбрендила. Как врач, могу засвидетельствовать — мисс Айлзбарроу в столь же здравом уме, как мы с вами. Если мисс Айлзбарроу угощает семейство мышьяком вместе с карри, значит, у нее есть на то основания. И в этом случае, как человек далеко не глупый, она, уж конечно, примет меры, чтобы не оказаться единственной, кто не пострадал. Поступит так, как поступил бы на ее месте всякий неглупый отравитель — съест чуточку отравленного карри,

а потом изобразит, что ей хуже, чем на самом деле.

— А распознать это тогда будет нельзя?

— Что она получила меньшую долю, чем остальные? Пожалуй, нет. Люди вообще по-разному реагируют на яды — та же доза на одних подействует сильней, чем на других. Вот ежели пациент умрет, — прибавил бодро доктор Куимпер, — тогда, конечно, мы можем довольно точно определить, какую он принял дозу.

— Но раз так, то не исключено… — инспектор Бейкон сделал паузу, собираясь с мыслями. — Не исключено, что среди членов семьи есть такой, кто сейчас преувеличивает тяжесть своего состояния, кто, грубо говоря, подстраивается под остальных, чтобы не возбудить подозрений? Что скажете?

— Такая мысль у меня уже была. Потому я к вам и явился. Теперь все это в ваших руках. Я приставил к больным сестру, на которую могу положиться, но она не может быть повсюду одновременно. Мое мнение — смертельный дозы не принял никто из них.

— Дал маху? Отравитель то есть?

— Нет. На мой взгляд, более вероятно другое — замысел был подсыпать в карри достаточно

яда для признаков пищевого отравления, которое скорее всего отнесут за счет грибов. Люди вечно носятся с мыслью о том, что грибами легко отравиться. А потом, вероятно, одному кому-то станет хуже, и он умрет.

— Потому что ему подсыпят отраву второй раз?

Доктор кивнул.

— Вот почему я счел нужным немедленно сообщить об этом вам и специально приставил к больным сестру.

— Ей известно про мышьяк?

— Разумеется. И ей, и мисс Айлзбарроу. Вам, конечно, лучше знать, но я бы на вашем месте побывал там и без всяких обиняков довел до их сведения, что они отравились мышьяком. Возможно, это нагонит на убийцу страху и он не рискнет довести задуманное до конца. Он-то, наверное, делал ставку на вариант с мнимо пищевым отравлением.

На столе у инспектора зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Хорошо. Соедините… Это как раз ваша сестра, — бросил он Куимперу. — Да, слушаю… да, это я. Что-что? Серьезный рецидив?.. Да… Да, доктор Куимпер у меня… Хотите с ним говорить?

Он передал трубку доктору.

— Доктор Куимпер у телефона… Понятно. Да… Да, все правильно. Так и действуйте. Мы сейчас будем.

Он положил трубку и поднял голову.

— О ком это она?

— Об Альфреде, — сказал доктор Куимпер. — Он умер.

Глава 20
I

Резкий голос Краддока на другом конце провода прозвучал ошеломленно:

— Альфред? Я не ослышался — Альфред?

Инспектор Бейкон, чуть отстранив от уха трубку, отозвался:

— Вы этого не ожидали?

— Никак не ожидал. Скажу больше, я только что вычислил его как убийцу!

— Да, я слышал, что его признал кондуктор. Паршиво складывалось для него. Похоже было, что мы нашли кого искали.

— М-да, — скучным голосом отозвался Краддок, — выходит, ошиблись.

Наступило минутное молчание. Потом снова заговорил Краддок:

— Туда прислали сестру. Как же это она проморгала?

— Ее винить нельзя. Мисс Айлзбарроу уже валилась с ног и ушла поспать. У сестры осталось пять больных на руках — старик, Эмма, Седрик, Гарольд и Альфред. Она физически не могла

поспеть всюду одна. Мистер Кракенторп-старший, как я понял, расшумелся, стал кричать, что умирает. Она пошла его унимать и принесла Альфреду чай с глюкозой. Тот выпил — и дух вон.

— Опять мышьяк?

— Похоже. Конечно, это мог быть рецидив, но Куимпер так не считает, и Джонсон согласен с ним.

— Так что же, — проговорил с сомнением Краддок, — значит, Альфред и был намечен жертвой?

Бейкон оживился.

— То есть вы хотите сказать, от смерти Альфреда никто не выгадывает ни гроша, меж тем как, если бы умер старик, то выиграл бы каждый? Да, можно предположить, что произошла ошибка — кто-то *мог* решить, что чай предназначен старику.

— А есть уверенность, что отравитель воспользовался именно этим способом?

— Естественно, такой уверенности нет. Сестра, как и надлежит хорошей сестре, благополучно вымыла все причиндалы. Чашки, ложки, чайник — все. Но это, как представляется, был единственно возможный способ.

— Из чего следует, — сказал Краддок задумчиво, — что один из наших больных был не так

болен, как другие. Улучил момент и сыпанул в чай добавку.

— Могу только сказать, что отныне милым играм конец, — подытожил жестко инспектор Бейкон. — Теперь у нас там дежурят две сестры, не говоря о мисс Айлзбарроу, плюс я поставил туда двух своих людей. Вы-то сами приедете?

— Уже лечу!

Люси Айлзбарроу вышла встретить инспектора Краддока в холл.

Она заметно побледнела и осунулась.

— Досталось вам, я вижу, — сказал Краддок.

— Это был сплошной и нескончаемый кошмар, — сказала Люси. — Я ночью всерьез решила, что все они умирают.

— Теперь насчет этого карри…

— Значит, все-таки карри?

— Да, щедро сдобрен мышьячком. Совсем в духе Борджиа.

— Если так, — сказала Люси, — тогда это точно кто-нибудь из членов семьи, больше некому.

— Другого варианта быть не может?

— Да. Понимаете, я взялась готовить этот окаянный карри буквально в последнюю минуту, уже после шести, так как мистер Кракенторп потребовал его во что бы то ни стало. При этом

порошок для приправы брала из непочатой банки, так что с ним ничего проделать было нельзя. Вкус, вероятно, в карри не ощутишь?

— Мышьяк — безвкусный, — отвечал рассеянно Краддок. — А вот возможность… У кого из них была возможность подмешать незаметно что-нибудь в карри, пока он стоял на огне?

Люси задумалась.

— В сущности, кто угодно мог пробраться на кухню, покуда я в столовой накрывала на стол.

— Ясно. А кто находился в доме? Мистер Кракенторп-старший, Эмма, Седрик…

— И Гарольд с Альфредом. Они приехали из Лондона во второй половине дня. Да, и еще Брайен, Брайен Истли. Но он перед самым обедом уехал. С кем-то встретиться в Бракемптоне.

Краддок произнес с расстановкой:

— Тут есть связь с болезнью старика на Рождество. Куимпер тогда уже заподозрил мышьяк. А что, ночью всем было в равной степени худо?

Люси прищурилась, вспоминая.

— На мой взгляд, Кракенторпу-старшему было хуже всех. Доктор Куимпер бился над ним как одержимый. Замечательный он врач, надо отдать ему справедливость. А капризничал больше всех Седрик. Со здоровяками-крепышами такое

не редкость.

— А что Эмма?

— Эмме было очень плохо.

— Но почему, непонятно, Альфред? — сказал Краддок.

— Вот именно, — сказала Люси. — Стало быть, отравитель так-таки метил в Альфреда?

— Занятно, я задал тот же вопрос.

— Бессмысленно это как-то.

— Докопаться бы только до мотива во всей этой истории! — сказал Краддок. — Одно не вяжется с другим. Предположим, задушенная женщина в саркофаге — Мартина, вдова Эдмунда Кракенторпа. Допустим. Это на сегодняшний день более или менее подтверждается. Но где тут связь с умышленным отравлением Альфреда? А ведь должна быть где-то здесь, внутри семейства. Скажем, кто-то из них — маньяк, но даже это ничего не дает.

— В общем, да, — согласилась Люси.

— Во всяком случае, будьте осторожны, — предупредил ее Краддок. — Помните, в доме есть отравитель, и, может статься, кто-то из ваших подопечных там наверху не столько болен в самом деле, сколько прикидывается.

Проводив Краддока, Люси медленно направилась опять наверх. Возле дверей старика

Кракенторпа ее остановил властный окрик, в котором из-за болезни чуть поубавилось зычности.

— Девица! Эй, барышня, это вы? Подите сюда.

Люси вошла в комнату. Мистер Кракенторп, обложенный со всех сторон подушками, покоился в постели. Для больного он, как отметила Люси, выглядел на удивление бодро.

— Напустили полный дом всякой дряни, сестер этих больничных, — пожаловался он. — Шныряют повсюду, распоряжаются, меряют мне температуру, есть не дают того, что я хочу, — черт-те во что это мне влетит! Скажите Эмме, пусть гонит их прочь! За мной прекрасно можете ухаживать вы.

— Болеют все, мистер Кракенторп, — сказала Люси. — Со всеми мне одной не справиться.

— Грибочки, — сказал мистер Кракенторп. — Опаснейшая штука, грибы. Это все вчерашний суп. И это вы его готовили, — сказал он осуждающе.

— Грибы были вполне доброкачественные, мистер Кракенторп.

— Да я не виню вас, барышня, не виню. Такое случалось и раньше. Один поганый гриб попадет — и готово дело. Заранее не угадаешь. Вы хорошая девушка, я знаю. Нарочно делать такое на

станете. А как Эмма?

— Сегодня уже получше.

— Угу. А Гарольд?

— Он тоже лучше себя чувствует.

— А что болтают, будто Альфред сыграл в ящик?

— Вам не должны были говорить об этом, мистер Кракенторп.

Мистер Кракенторп закатился смехом — тоненьким, как ржание, и безудержным, словно услышал что-то донельзя забавное.

— Я все слышу, — сказал он. — От старика ничего не утаишь. Как ни пытайся. Стало быть, умер-таки Альфред? Не доить ему больше меня и наследства тоже не видать. Только того и ждали, когда меня не станет, в особенности Альфред. А теперь самого не стало. Удачная шутка, я считаю.

— Не очень-то это красиво с вашей стороны, мистер Кракенторп, — сурово сказала Люси.

Мистер Кракенторп снова залился смехом.

— Всех их переживу, — веселился он. — Вот увидите, молодка! Увидите своими глазами!

Люси пошла к себе, взяла словарь и открыла на слове *тонтина.* Потом захлопнула его и устремила задумчивый взгляд в одну точку.

II

— Не понимаю, почему вы решили прийти ко мне, — желчно уронил доктор Моррис.

— Вы с давних пор знаете семью Кракенторпов, — сказал инспектор Краддок.

— Да, правда, Кракенторпов я знавал всех. Джосаю Кракенторпа помню по сей день. Твердый был орешек — хоть умом его бог не обидел. Нажил кучу денег. — Доктор удобней пристроил в кресле свое старческое тело, поглядывая на Краддока из-под косматых бровей. — Так вы, стало быть, наслушались этого молодого балбеса Куимпера! Уж эти мне нынешние ретивые врачи! Вечно у них идеи! Вбил себе в голову, что якобы кто-то пытается отравить Лютера Кракенторпа. Вздор! Мелодрама! Ну, бывает у старика расстройство желудка. Сам его лечил. Случалось это не так уж часто, и ничего особенного здесь нет.

— Доктор Куимпер, — сказал Краддок, — по-видимому, полагает, что есть.

— Не дело это, когда врач, изволите ли видеть, «полагает». Что я, в конце концов, сам не распознал бы мышьяковое отравление?

— Очень многие известные врачи не могли, —

подчеркнул Краддок. — Взять, например… — он порылся в памяти, — …историю в Гринбарроу, случай с миссис Рейни, или Чарльзом Лидсом, или, вы помните, то семейство из Уэстбури, когда похоронили всех троих тихо-мирно, никто из лечащих врачей даже не заподозрил неладное. И не каких-нибудь врачей, а первоклассных, заслуженных.

— Ну хорошо, хорошо, — отозвался доктор Моррис. — Вы хотите сказать, что я мог ошибаться. Так вот, я так не считаю. — Он помолчал. — И кто же, по мнению Куимпера, этим занимается, если допустить, что все это не фантазии?

— Он не знает, — сказал Краддок. — Доктор Куимпер встревожен. Вы сами понимаете, когда замешаны большие деньги…

— Ну да, которые они получат после смерти Лютера Кракенторпа. И в которых весьма нуждаются. Все верно, только разве из этого следует, что ради денег они готовы убить старика?

— Не обязательно, — согласился инспектор Краддок.

— Как бы то ни было, — сказал доктор Моррис, — мой принцип — не увлекаться подозрениями, не имея на то оснований. Веских оснований, — прибавил он. — Признаюсь, то, что вы мне сообщили,

для меня в некотором роде потрясение. Мышьяк, да притом в каких масштабах… и все же непонятно, почему вы приходите ко мне. Единственное, что могу вам сказать, — я ничего подобного не подозревал. Возможно, должен был. Возможно, мне следовало отнестись к этим неприятностям с желудком у Лютера Кракенторпа гораздо более серьезно. Но для вас это уже дело прошлое и значит, несущественно.

С этим Краддок тоже согласился.

— По правде говоря, мне нужно узнать побольше о семье Кракенторпов, — сказал он. — Не прослеживается ли у них в роду каких-либо странностей, психических отклонений?

Глаза из-под косматых бровей глянули на него зорко.

— Что ж, неудивительно, если ваши мысли приняли подобное направление. Ну, старик-то, Джосая, был совершенно нормальный человек. Жесткий, трезвый, расчетливый. Жена его — неврастеничка со склонностью к меланхолии. Из семьи со множеством родственных браков. Умерла вскоре после того, как родился Лютер. И я бы, знаете, сказал, что Лютер унаследовал от нее известную… м-м… неуравновешенность, что ли. В молодости был вполне рядовой малый, толь-

ко постоянно цапался с отцом. Отец был в нем разочарован, чем, по-моему, нанес ему душевную травму, и Лютер бередил ее в себе, покамест она не переросла в навязчивую идею, которую он внес и в собственную семейную жизнь. С ним стоит лишь заговорить, как бросится в глаза, что он на дух не выносит своих сыновей. Дочерей любит. И Эмму, и Эди любил, ту, что умерла.

— Откуда такая нелюбовь к родным сыновьям? — спросил Краддок.

— Ну, это вы подите спросите у нынешних новомодных психиатров. Я же лишь скажу, что, как мужчина, Лютер всегда страдал от ощущения собственной неполноценности и глубоко уязвлен своим финансовым положением. Тем, что, пользуясь доходами с капитала, распорядиться ни капиталом, ни имуществом не властен. Имей он право лишить своих сыновей наследства, он, может, недолюбливал бы их меньше. А сознавать, что в этой части он бессилен, для него унижение.

— Так вот почему столь мила его сердцу мысль, что он их всех переживет?

— Возможно. В этом же, кстати, надо искать и корень его скупости, я думаю. Не удивлюсь, если он ухитрился скопить из своих немалых доходов

весьма изрядную сумму — когда, понятно, налоги еще не поднялись, как нынче, до головокружительных высот.

К инспектору Краддоку пришла новая мысль:

— Он, вероятно, кому-то завещал свои сбережения? На это он, по крайней мере, имеет право!

— О да, только кому, — одному богу известно. Может быть, Эмме, хотя сомнительно. Ей ведь достанется доля от дедова капитала. А может быть, Александру, внуку.

— Этот кажется, пользуется как раз его расположением, да? — сказал Краддок.

— До сих пор пользовался. Он как-никак ребенок дочери, а не сына. Возможно, объяснение в этом. Кроме того, он очень хорошо относился к Брайену Истли, мужу Эди. Я, правда, недостаточно близко знаком с Брайеном, вот уже несколько лет как не вижусь ни с кем из этой семьи. Но у меня было впечатление, что он по окончании войны станет, что называется, неприкаянной душой. В нем есть все качества, необходимые в военное время, — храбрость, удаль и обыкновение полагаться на удачу в том, что касается будущего. Но не думаю, что ему свойственна основательность. Свободно может выродиться в эдакое перекати-поле.

— А в молодом поколении, по вашим соображениям, не наблюдается странностей?

— Ну, Седрик — эксцентрическая личность, из прирожденных бунтарей. Не сказал бы, что он вполне нормален, но, впрочем, на это можно возразить — а кто вполне?.. Гарольд, убежденный приверженец традиций, на мой взгляд, не слишком привлекательный субъект, холодный, первая мысль всегда о своей выгоде. Альфред был с самого начала с червоточинкой. Непутевым родился, непутевым и жил. Я сам раз видел, как он таскает деньги из миссионерской кружки для пожертвований, что стояла у них в холле. Дурные наклонности. Хотя что уж там, бедняга мертв и, наверное, негоже отзываться о нем плохо.

— А что вы думаете… — Краддок на мгновение замялся, — …об Эмме Кракенторп?

— Славный человечек, замкнутая, не всегда знаешь, что у нее на уме. Имеет свои планы и собственный взгляд на вещи, но предпочитает держать их при себе. Сильный характер, чего не скажешь, судя по ее внешнему виду и манере поведения.

— Вы, надо полагать, знали и Эдмунда, того сына, что погиб во Франции?

— Да. Он был, пожалуй, лучше всех. Добрый,

веселый, отличный парень.

— А слышали, что как раз перед тем, как его убили, он не то собирался жениться, не то женился на какой-то француженке?

Доктор Моррис наморщил лоб.

— Как будто припоминаю нечто похожее, — сказал он, — только очень уж давно это было.

— Еще в начале войны, верно?

— Вот-вот. Что ж, может быть, со временем он стал бы горько каяться, если б завел себе жену-иностранку.

— И тем не менее есть основания полагать, что все-таки завел, — сказал Краддок.

В нескольких сжатых фразах он изложил собеседнику главное о событиях последних недель.

— Помню в газетах действительно писали о женщине, найденной в саркофаге. Так значит, это произошло в Резерфорд-Холле.

— И есть причины думать, что эта женщина — вдова Эдмунда Кракенторпа.

— Ну и ну, поразительная история. Больше смахивает на роман, чем на реальную жизнь. Но кому могло понадобиться убивать ее, бедняжку, то есть каким образом это увязано с отравлением в семье Кракенторпов?

— Не одним, так другим, — отвечал Краддок, —

хотя в любом из вариантов многовато домысла. Возможно, кто-то не в меру алчный рвется завладеть всем состоянием, оставленным Джосаей Кракенторпом.

— Ну и дурак, если рвется, — сказал доктор Моррис. — Нарвется только на бешеный подоходный налог.

Глава 21
I

— С грибами шутки плохи, — заметила миссис Киддер. Замечание это миссис Киддер повторила раз, наверное, десятый за последние несколько дней. Люси в ответ промолчала.

— Я лично в рот их не беру, — говорила миссис Киддер, — больно уж опасно. Это еще слава богу, что обошлось только одним покойником. Все поголовно могли сгинуть, и вы, мисс, в том числе. Просто чудо, что уцелели.

— Грибы тут ни при чем, — сказала Люси. — Они были вполне доброкачественные.

— Ох, не верится, — сказала миссис Киддер. — С ними шутки плохи, с грибами. Одна поганка затешется — и каюк… Чудно право… — продолжала миссис Киддер, гремя в раковине тарелками и мисками, — И как все сходится один к одному. У сестры старшенький слег с корью, у нас — Эрни упал и сломал руку, а у мужа чирья пошли по телу — и все на одной неделе! Рассказать кому, так не поверят, правда? И здесь то же самое не лучше, — рассуждала миссис Киддер. — Сперва

это убийство, страсть какая, а теперь вот мистер Альфред отравился насмерть грибами. Кто будет следующий, интересно знать?

Люси с легким содроганием подумалось, что и ей это было бы небезынтересно.

— Мужу теперь не нравится, что я хожу сюда, — говорила миссис Киддер, — думает, это может принести несчастье, но я скажу — мне мисс Кракенторп знакома не первый день, она приятная дама и рассчитывает на меня. И потом, говорю ему, не оставлять же весь дом на бедную мисс Айлзбарроу — разорваться ей, что ли? Вам, мисс, с подносами с одними вон сколько мороки.

Люси вынуждена была согласиться, что на данный момент преимущественное содержание жизни и вправду составляют подносы. Вот и в эту минуту она занималась тем, что собирала подносы, предназначенные тому или иному из болящих.

— А уж сестры эти, они палец о палец не ударят, — развивала тему миссис Киддер. — Знай подавай им раз за разом чаю, да покрепче. И с харчами они на всем готовеньком. Прямо силушки моей больше нет.

Монолог ее был исполнен глубокого самодовольства, хотя фактически она за это утро

наработалась совсем немногим более обычного.

Люси сказала с чувством:

— Не жалеете вы себя, миссис Киддер.

Миссис Киддер замолчала, довольная. Люси взяла первый поднос и пошла с ним наверх.

— Это что такое? — с неодобрением осведомился мистер Кракенторп.

— Крепкий бульон и заварной крем, — сказала Люси.

— Забирайте назад, — сказал мистер Кракенторп. — Я к этой бурде не притронусь. Я же сказал сестре, что хочу бифштекс.

— Доктор Куимпер считает, что с бифштексами вам следует повременить.

Мистер Кракенторп фыркнул.

— Я уже практически выздоровел. Завтра встаю. А как другие?

— Мистеру Гарольду гораздо лучше, — сказала Люси. — Он завтра возвращается в Лондон.

— И слава богу, — сказал мистер Кракенторп. — А Седрик? Есть надежда, что и этот завтра уберется на свой остров?

— Нет, он пока не уезжает.

— Жаль. А как Эмма? Почему меня не навещает?

— Она еще в постели, мистер Кракенторп.

— Любят женщины себя нежить, — сказал мистер Кракенторп. — Вот вы — молодец, крепкая девица, — прибавил он одобрительно. — Верно, день-деньской на ногах?

— Не могу пожаловаться на недостаток моциона, — сказала Люси.

Мистер Кракенторп удовлетворенно кивнул головой.

— Крепкая, молодец. И не думайте, я не забыл, о чем у нас с вами был разговор. Увидите, настанет день, и тогда мы посмотрим. Не вечно же Эмме всем заправлять по-своему. И не слушайте, когда другие вам наговаривают, что будто бы я — старый скряга. Я просто бережливый. Сумел сберечь кругленькую сумму и знаю, на кого ее потрачу в нужное время.

Он воззрился на нее с плотоядной усмешкой.

Люси, увернувшись от его цепких пальцев, поспешила к двери.

Следующий поднос предназначался Эмме.

— Ох, Люси, спасибо вам! Я уже окончательно пришла в себя. Есть хочу — это хороший признак, правда? Знаете, милая, — продолжала она, покуда Люси прилаживала у нее на коленях поднос, — меня так мучает мысль о вашей тетушке! Вам, вероятно, было некогда съездить повидаться

с нею?

— Честно говоря, да.

— А ведь она, должно быть, скучает без вас.

— О, не беспокойтесь, мисс Кракенторп. Она же понимает, какое мы пережили ужасное время.

— Вы ей звонили?

— В последние дни — нет.

— Так позвоните! Звоните ей каждый день. У старого человека совсем другая жизнь, когда с ним делятся новостями.

— Вы очень добры, — сказала Люси.

Спускаясь вниз за новым подносом, она чувствовала угрызения совести. Сложная обстановка, когда все в доме слегли, целиком поглотила ее внимание, не оставив времени подумать о чем-либо постороннем. Она решила, что сразу, как отнесет поесть Седрику, позвонит мисс Марпл.

В доме к этому времени оставалась уже только одна сестра, и они с Люси поздоровались, столкнувшись на площадке.

Седрик, невероятно прибранный, ухоженный, сидел на кровати и что-то озабоченно писал на листках бумаги.

— Привет, Люси, — сказал он, — ну, каким адским варевом будете потчевать меня сегодня? Слушайте, нельзя ли сплавить отсюда эту

кошмарную сестричку? То есть эта игривость — просто что-то невозможное! Неизвестно почему завела себе привычку называть меня «мы»! «Ну как мы себя чувствуем сегодня? Хорошо ли нам спалось? Ах, какие мы нехорошие, перевернули всю постель вверх дном!» — передразнил он высоким фальцетом манерный голосок сестры.

— Я вижу, вы очень приободрились, — сказала Люси. — Чем это вы заняты?

— Планами, — сказал Седрик. — Планирую, как распорядиться имением, когда старик сыграет в ящик. Очень, знаете ли, стоящий кус землицы. Никак не решу, то ли самому его застраивать, то ли сразу распродать, нарезав на участки. Представляет немалую ценность для промышленных целей. Дом подойдет для школы или пансиона для престарелых. А может случиться, половину земли продам и на вырученные деньги закачу что-нибудь умопомрачительное на другой половине. Как ваше мнение?

— Она пока еще вам не досталась, — сухо сказала Люси.

— Достанется, будьте уверены, — сказал Седрик. — Она, в отличие от прочего наследства, не подлежит делению на части. Разом отойдет ко мне. И если взять за нее по-настоящему жирный

куш, то эта сумма уже становится не доходом, а капиталом, и налоги мне за нее платить не придется. Сумасшедшие деньги. Нет, вы вдумайтесь!

— У меня-то всегда было впечатление, что вы презираете деньги, — сказала Люси.

— Конечно, презираю, когда их нет, — сказал Седрик. — Только так и сохранишь чувство собственного достоинства. Какая же вы хорошенькая, Люси, или мне просто кажется, оттого что давно не видел красивых женщин?

— Вероятно, второе, — сказала Люси.

— Все трудитесь, приводя все и вся в приличный вид?

— Вас, я вижу, кто-то уже привел в приличный вид, — сказала Люси, окинув его взглядом.

— Это все сестра, чтоб ей пусто было, — отозвался с сердцем Седрик. — По Альфреду состоялось уже дознание? Как прошло?

— Его отложили, — сказала Люси.

— Осторожничает полиция. Массовое отравление, оно хоть кого заденет за живое. В переносном смысле, я хочу сказать. Не говоря уже о прямом и осязаемом, — прибавил он. — Вы бы тоже поостереглись, моя милая.

— Я так и делаю, — сказала Люси.

— А что, юный Александр вернулся в школу?

— По-моему, до сих пор гостит у Стоддарт-Уэстов. Занятия, если не ошибаюсь, начинаются послезавтра.

До того как приступить к ланчу самой, Люси пошла к телефону и набрала номер мисс Марпл.

— Простите, ради бога, что не могла к вам вырваться, я была правда страшно занята.

— Конечно, голубушка, естественно. Тем более в настоящее время все равно ничего нельзя предпринять. Остается ждать, и только.

— Да, но вопрос — чего ждать?

— Очень скоро приезжает Элспет Магликадди, — отвечала мисс Марпл. — Я написала ей, чтобы вылетала не откладывая. Указала, что это ее долг. Так что не волнуйтесь напрасно, душенька.

Голос ее звучал сердечно, обнадеживающе.

— Так вы не думаете… — начала было Люси и не договорила.

— Что будут новые жертвы? Надеюсь, нет, милая. Хотя заранее, согласитесь, судить трудно. Когда орудует отъявленный злодей, я имею в виду. А в данном случае, думаю, мы имеем дело с чистой воды злодеянием.

— Или безумцем, — сказала Люси.

— Ну, это сегодня так принято смотреть на ве-

щи, я знаю. Я лично смотрю иначе.

Люси положила трубку и пошла на кухню взять поднос со своим ланчем. Миссис Киддер уже сняла с себя фартук и собиралась уходить.

— С вами все будет в порядке, мисс? — спросила она участливо.

— В полном порядке! — огрызнулась Люси.

Вместо большой, мрачной столовой она пошла со своим подносом в малый кабинет. И уже доедала последний кусок, когда открылась дверь и вошел Брайен Истли.

— Кого я вижу, — сказала Люси. — Вот неожиданность!..

— Наверно, — сказал Брайен. — Как там народы?

— Намного лучше. Гарольд завтра возвращается в Лондон.

— Что вы обо всем этом думаете? В самом деле мышьяк?

— Мышьяк, без всяких сомнений.

— Газеты пока молчат.

— Да, кажется, полиция предпочитает до поры до времени избегать гласности.

— Похоже у кого-то нешуточный зуб на честное семейство — сказал Брайен. — Не представляю, кто мог втихую подобраться и подложить в еду

отраву.

— Видимо, самая подходящая кандидатура — моя, — сказала Люси.

Брайен озабоченно вскинул на нее глаза.

— Но ведь это не вы, правда? — Ясно было, что он несколько скандализован.

— Нет, — сказала Люси. — Не я.

Подложить что бы то ни было в карри не мог никто. Она готовила его на кухне в одиночестве и сама подавала на стол — некому было подложить в карри яду, кроме тех пятерых, что собрались в столовой к обеду.

— Вот именно, — сказал Брайен. — Зачем бы вы стали это делать? Кто они вам? Никто… Послушайте, — прибавил он, — надеюсь, вам ничего, что я нагрянул без предупреждения?

— Что вы, конечно, ничего. Вы здесь задержитесь на какое-то время?

— Хотел бы, если это не слишком вас обременит.

— Да нет. Нет, мы управимся.

— Видите ли, я сейчас оказался без работы и… словом, просто бывает невмоготу. Так вы серьезно не против?

— Но только не меня следует спрашивать. А Эмму.

— О, насчет Эммы я спокоен, — сказал Брайен. — Эмма всегда ко мне относилась с симпатией. По-своему, знаете. Она не часто выдает свои чувства, старушка Эмма очень себе на уме, прямо скажем. Поживи-ка здесь одна, ухаживая за стариком, подействует на кого угодно. Жаль, так и не вышла замуж. Ну, а теперь, полагаю, уже поздно.

— А по-моему, ничуть не поздно, — сказала Люси.

— Ну… — Брайен подумал. — Разве что за священника, — сказал он с надеждой. — Много полезного могла бы делать для прихожан, с Материнским комитетом находила бы общий язык. Я правильно назвал, да? Материнский комитет? Не особенно представляю себе, признаться, с чем его кушают, но в книжках нет-нет да и наткнешься… На воскресную службу приходила бы в шляпке, — прибавил он напоследок.

— На мой взгляд, звучит не ахти как заманчиво, — сказала Люси, поднимаясь и беря поднос.

— Дайте-ка лучше я. — Брайен взял у нее поднос, и они вместе направились на кухню. — Вам помочь мыть посуду? Нравится мне эта кухня, — продолжал он. — Скажу больше — сегодня, знаю, меня немногие поймут, но мне весь этот дом нравится. Безвкусица страшная, согласен, и

тем не менее. В парке можно свободно посадить самолет, — прибавил он с воодушевлением. Взял полотенце для стеклянной посуды и принялся вытирать им ложки и вилки. — Обидно, что достанется Седрику, — заметил он. — Первым делом продаст все на корню и ускачет опять за границу. Чем Англия не устраивает человека, непонятно. Гарольду такой дом тоже был бы ни к чему, для Эммы он, разумеется, слишком велик. Эх, перейди бы он к Александру, то-то мы бы с ним славно зажили! Не вредно было бы, конечно, и женщину заиметь в доме. — Он задумчиво поглядел на Люси. — Впрочем, что толку рассуждать на эту тему? Чтобы имение перешло к Александру, остальным нужно сперва дружно поумирать, что, мягко выражаясь, маловероятно, не так ли? Старик, судя по всему, с легкостью доживет до ста лет, хотя бы назло всем. Рискну предположить, что он не очень-то сокрушался по поводу смерти Альфреда?

— Не очень, — коротко отозвалась Люси.

— Все бы ему блажить, старому черту, — весело заключил Брайен Истли.

Глава 22
I

— Ужас, чего только люди не болтают! — говорила миссис Киддер. — Нет, поймите, я стараюсь не слушать по силе возможности. Но уж такое несут, вы не поверите! — Она приумолкла, выжидая.

— Да, представляю, — сказала Люси.

— Про труп этот, какой нашли в Долгом амбаре, — продолжала миссис Киддер, отползая по-крабьи назад на четвереньках, поскольку занята была тем, что мыла на кухне пол. — Что, дескать, это во время войны была зазноба мистера Эдмунда, потому и поехала сюда, а муж — следом, и порешил ее из ревности. С иностранца такое станется, это верно, но когда столько лет прошло — навряд ли, правда?

— По-моему тоже вряд ли.

— Но это, говорят, еще цветочки. Язык-то без костей, вот и мелют. Такое, что руками разведешь. Что будто бы мистер Гарольд женился где-то за границей, а она возьми да и заявись сюда, а здесь узнает, что он пошел на двоеженство с этой самой

леди Алис, и решает подать на него в суд, тогда он зазвал ее сюда на свиданье, а сам удавил и тело спрятал в саркофаге. Слыхали вы такое?

— Действительно, — рассеянно отвечала Люси, думая о другом.

— Я, понятное дело, не слушаю, — добродетельно пояснила миссис Киддер. — Мне что — в одно ухо вошло, в другое вышло. Я просто в толк не возьму, как совести хватает байки придумывать, а тем более — повторять. Главное, чтобы не дошло до мисс Эммы. Расстроится, чего доброго, а мне это нежелательно. Уж такая приятная она дама, мисс Эмма то есть, про нее я слова худого не слыхала, ни единого словечка. И про мистера Альфреда теперь ни у кого язык не повернется сказать худое, про покойника. Что поделом, мол, ему — а ведь могли бы сказать. Языки, мисс, у людей не приведи господь, какие злые.

Все это миссис Киддер произносила с огромным удовольствием.

— Тяжко должно быть вам выслушивать сплетни.

— И не говорите. Еще как тяжко! Скажешь, бывало, мужу: «Как это у них язык не отсохнет?»

В дверь позвонили.

— Вот и доктор пришел, мисс. Сами откроете

или мне сходить?

— Я открою, — сказала Люси.

Но это был не доктор. На пороге стояла высокая, элегантная женщина в норковом манто. На полукруге гравийной аллеи урчал «Роллс-Ройс» с шофером за рулем.

— Могу я видеть Эмму Кракенторп?

Мелодичная речь с легкой картавинкой. Привлекательная внешность. Лет тридцать пять, темные волосы, искусный и дорогой макияж.

— Извините, — сказала Люси. — Мисс Кракенторп больна, лежит в постели и никого не принимает.

— Я знаю, что она заболела, да, но мне очень важно с ней повидаться.

— Боюсь… — начала Люси.

Незнакомка перебила ее:

— Вы, вероятно, мисс Айлзбарроу? — Она улыбнулась ясной улыбкой. — Мне сын рассказывал о вас, вот почему я знаю. Я — леди Стоддарт-Уэст, это у нас сейчас гостит Александр.

— А, понимаю, — сказала Люси.

— И очень важно в самом деле, чтобы я повидалась с мисс Кракенторп, — продолжала дама. — Мне все известно, что связано с ее недугом, и уверяю вас, это не просто светский визит.

Он вызван тем, что мне сказали мальчики — что сказал мне мой сын. Речь идет, как я считаю, об обстоятельстве первостепенной важности, и я желала бы довести его до сведения мисс Кракенторп. Спросите ее, пожалуйста, будьте добры.

— Войдите. — Люси впустила гостью в холл и провела в гостиную. — Пойду спрошу мисс Кракенторп.

Она поднялась наверх, постучалась и вошла к Эмме.

— Приехала леди Стоддарт-Уэст, — сказала она. — И настоятельно просит вас ее принять.

— Леди Стоддарт-Уэст? — удивленно повторила Эмма. Она переменилась в лице. — Что-нибудь случилось с мальчиками, с Александром?

— Нет-нет, — успокоила ее Люси. — С мальчиками определенно все в порядке. Нет, это по поводу чего-то, сказанного мальчиками — то ли ей, то ли в ее присутствии.

— Ах, вот как. Что ж… — Она помедлила в нерешительности. — Пожалуй, нужно ее принять. Как я выгляжу, Люси, сносно?

— Чудесно выглядите, — сказала Люси.

Эмма полулежала в постели, мягкая розовая шаль на плечах оттеняла слабый румянец ее щек. Темные волосы были заботливо расчесаны

и уложены сестрой. На туалетный столик Люси поставила накануне вазу с букетом осенних листьев. В комнате было уютно и не ощущалось даже намека на больничную обстановку.

— Я уже совсем поправилась, пора подниматься, — сказала Эмма. — Доктор Куимпер сказал, что завтра можно.

— К вам и вид вернулся здоровый, — сказала Люси. — Так я проведу к вам леди Стоддарт-Уэст?

— Да, ведите.

Люси опять спустилась вниз.

— Пойдемте, пожалуйста, я провожу вас к мисс Кракенторп.

Она повела гостью наверх, открыла перед нею дверь, потом закрыла. Леди Стоддарт-Уэст с протянутой рукой приблизилась к постели.

— Мисс Кракенторп? Я должна извиниться, что так бесцеремонно вторгаюсь к вам. Мы, кажется, уже встречались на спортивном празднике в школе.

— Да, — сказала Эмма. — Я вас прекрасно помню. Присаживайтесь, прошу вас.

Леди Стоддарт-Уэст опустилась в кресло, специально для того придвинутое к кровати.

— Вам должно быть очень странно мое внезапное появление, — начала она спокойным,

негромким голосом, — но на это есть причина. И, по-моему, важная причина. Видите ли, мальчики многое мне рассказали. Вы понимаете, как взбудоражило их убийство, которое здесь произошло. Признаться, мне тогда это не понравилось. Я нервничала и собиралась немедленно забрать Джеймса домой. Но муж мой только посмеялся. Сказал, что это убийство явно никак не связано ни с вашим домом, ни с семьей, а для ребят, судя по его собственным детским воспоминаниям и письмам Джеймса, это безумно захватывающее приключение, и забирать их было бы просто жестоко. Я уступила и согласилась, чтобы они здесь оставались на весь ранее намеченный срок, покуда Джеймс не увезет с собой Александра к нам.

Эмма сказала:

— Вы считаете, нам следовало отослать вашего сына домой раньше?

— Нет-нет, речь вовсе не о том. О-ля-ля, как это трудно! Но я должна сказать вам то, с чем пришла. Видите ли, они ведь многое схватывают, мальчики. По их словам, эта женщина, убитая… у полиции есть мнение, что, может быть, она — та француженка, с которой ваш старший брат — тот, что погиб на войне, — познакомился во Франции. Это правда?

— Это один из вариантов, — сказала Эмма дрогнувшим голосом, — который мы не вправе отвергать. Возможно, что правда.

— И есть некие основания полагать, что это труп той самой Мартины?

— Я вам сказала — это один из вариантов.

— Но почему? Что навело их на мысль о Мартине? Какие-нибудь письма нашли при ней, документы?

— Нет. Ничего этого не было. Но видите ли, я получила от Мартины письмо.

— Вы? От Мартины?

— Да. Она писала, что находится в Англии и хотела бы приехать повидаться со мной. Я пригласила ее к нам, но пришла телеграмма, что она возвращается опять во Францию. Может быть, она действительно уехала во Францию, мы не знаем. Но после этого здесь нашли конверт, адресованный ей. Что, по-видимому, указывает, что она сюда приезжала. Только я, право, не понимаю… — Она замялась, ища нужные слова.

Леди Стоддарт-Уэст живо воспользовалась паузой:

— Не понимаете, какое до этого дело мне? Справедливо. И я бы не понимала на вашем месте. И тем не менее, услышав это, вернее, сбивчивый

рассказ о чем-то в этом роде, я должна была приехать и удостовериться, что он соответствует истине, так как тогда…

— Да? — сказала Эмма.

— Так как в этом случае я обязана сказать то, о чем не хотела говорить вам никогда. Дело в том, что Мартина — это я.

Эмма уставилась на гостью, словно до нее не дошел смысл сказанного.

— Вы? Вы — Мартина?

Ее собеседница энергично закивала головой.

— Да. Уверена, что вы изумлены, но это правда. Я познакомилась с вашим братом в первые дни войны. Он, собственно, стоял у нас на квартире. Ну, остальное вам известно. Мы полюбили друг друга. Собирались пожениться, но случилось отступление на Дюнкерк, Эдмунда объявили пропавшим без вести. Позже пришло сообщение, что он убит. О тех днях лучше не говорить. Они были давно и остались в прошлом. Скажу лишь вам, что я очень любила вашего брата… Дальше была суровая действительность военного времени. Францию оккупировали немцы, я примкнула к движению Сопротивления. Была в числе тех, кому было поручено переправлять англичан по французской территории в Англию. Так я

встретилась со своим будущим мужем. Он был офицер Военно-воздушных сил, сброшенный с парашютом во Францию для выполнения особого задания. По окончании войны мы поженились. Я не однажды думала, не следует ли мне написать вам или постараться с вами встретиться, но все-таки решила, что нет. Ни к чему ворошить воспоминания о былом. У меня новая жизнь и незачем возвращаться к старой. — Она помолчала. — Но скажу вам, я испытала удивительно отрадное чувство, когда выяснилось, что лучший школьный товарищ Джеймса — племянник Эдмунда. Могу прибавить — хотя для вас это, как я догадываюсь, не новость, — что Александр очень похож на Эдмунда. Я восприняла это как счастливое стечение обстоятельств — то, что Джеймс с Александром так подружились.

Она подалась вперед и накрыла руку Эммы своей ладонью.

— Вы видите, Эмма, дорогая, услышав такое об этом убийстве, о подозрениях, что убитая — та Мартина, с которой был знаком Эдмунд, я не могла не приехать и не сказать вам правду. Кто-то из нас двоих — либо вы либо я — должен поставить в известность полицию. Не знаю, кто эта убитая женщина, но она — не Мартина.

— Я все еще не в состоянии осмыслить, — сказала Эмма, — что вы, вы, — та самая Мартина, о которой мне писал мой родной Эдмунд. — Она вздохнула, покачивая головой, и вдруг озадаченно сдвинула брови. — Но что-то я не понимаю. Так, значит, это вы прислали мне письмо?

Леди Стоддарт-Уэст решительно мотнула головой.

— Нет-нет, конечно, нет, я ничего вам не писала.

— Тогда… — Эмма не договорила.

— Тогда есть кто-то, кто выдавал себя за Мартину, возможно, надеясь выманить у вас деньги? Да, должно быть. Вот только кто?

Эмма произнесла медленно:

— По-видимому, были в то время люди, которые знали о вас с Эдмундом?

Ее гостья повела плечами.

— Были, вероятно. Но я ни с кем не сходилась накоротке, не поддерживала тесных отношений. А с тех пор, как приехала в Англию, вообще не заикалась об этом. Кроме того, зачем было ждать столько времени? Странно, очень странно.

— Я тоже не понимаю, — сказала Эмма. — Посмотрим, что скажет инспектор Краддок. — У нее потеплели глаза. — Я так рада, что наконец-то

вижу вас, милая.

— И я рада. Эдмунд так часто говорил о вас! Он был ужасно к вам привязан. У меня, знаете, все счастливо сложилось в моей новой жизни, но все равно есть такое, что не забывается.

Эмма с глубоким вздохом откинулась на подушки.

— Невероятное облегчение, — сказала она. — Покуда мы боялись, что убитая может оказаться Мартиной, нас не покидало ощущение, что это как-то связано с нашей семьей. И вот теперь прямо гора свалилась с плеч! Кем бы ни оказалась эта несчастная, ясно, что к нам она не имеет никакого отношения.

Глава 23
I

Стройная секретарша принесла Гарольду Кракенторпу обычную в этот предвечерний час чашку чая.

— Благодарю, мисс Эллис. Я сегодня уйду пораньше.

— Вам, по-настоящему, вообще не следовало бы еще приходить, мистер Кракенторп, — сказала мисс Эллис. — Вид у вас совсем неважный.

— Со мной все порядке, — отозвался Гарольд Кракенторп, хотя и впрямь чувствовал себя неважно. Еще бы, угодить в такую передрягу. Ну ничего, это все уже позади.

Невероятно, размышлял он безрадостно, что Альфреда скосило, а старик выстоял. Сколько, в конце концов, ему стукнуло — семьдесят три? Семьдесят четыре? И столько лет без конца болеет… Казалось бы, если уж суждено кому-то стать жертвой, то в первую очередь старику. Так нет же. Зачем-то ею должен был стать Альфред. Альфред, который, казалось бы, был крепкий, жилистый малый. Никогда не жаловался на здоровье.

Гарольд вздохнул и откинулся на спинку кресла. Секретарша права. Он пока не вернул себе надлежащую форму, но желание побывать в своей конторе пересилило. Хотелось проверить, как подвигаются дела, оценить положение вещей. Что ж, положение — критическое! Все буквально висит на волоске. Хотя обстановка кругом, — он огляделся, — этот шикарный кабинет, лоск светлого дерева, дорогие современные кресла — говорит о преуспеянии, и отлично, так и надо! Вот в чем Альфред всегда ошибался. Если внешний вид говорит об успехе, люди думают, что ты преуспеваешь. Пока о шаткости его финансового положения слухи еще не поползли. Но все равно, отодвинуть крах надолго невозможно. Ну почему, почему умер Альфред, а не отец! Так нет же, у этого как будто лишь прибавилось здоровья от мышьяка! Эх, унесла бы эта история с собой отца — и конец всем заботам!

И все же главное — не показывать виду, что тебя гнетет забота. Великая вещь, видимость преуспеяния. Не то что у бедняги Альфреда с его неизменно скользким, не внушающим доверия видом, — видом, который выдавал его с головой. Один из тех, кто занят мышиной возней с мелкими махинациями, кто никогда не играет

по-крупному. Здесь покрутится с малопочтенной публикой, там обстряпает сомнительное дельце, никогда не переступая черту, за которой тебя карает закон, но всякий раз подходя к ней вплотную. И чего этим достиг? Короткие периоды безбедной жизни — и назад на скользкий и сомнительный путь. Альфреду несвойствен был размах. Так что, если вдуматься, не столь уж велика потеря. Он никогда не питал особенно теплых чувств к Альфреду, не говоря уже о том, что раз Альфреда не стало, то деньги, оставленные выжигой дедом, для каждого из наследников возрастут, став не пятой долей, а четвертой. Очень недурно.

Лицо у Гарольда немного прояснилось. Он встал, взял шляпу, пальто и вышел из конторы. Не мешает расслабиться на денек-другой. Он еще не окончательно окреп. Машина ждала внизу, и вскоре она уже пробиралась по забитому транспортом Лондону в направлении его дома.

Дарвин — так звали его слугу — открыл ему дверь.

— Только что прибыла ее светлость, сэр, — сказал он.

В первый миг Гарольд лишь хлопал глазами. Алис? Фу ты, разве она должна была вернуться сегодня? А он совсем забыл. Хорошо, что Дарвин

предупредил его. Не очень-то получилось бы красиво, если бы, поднявшись наверх, он остолбенел при виде жены. Хотя не сказать, чтобы это имело большое значение. У них с Алис нет особых иллюзий относительно чувств друг к другу. Возможно, впрочем, что Алис и питает к нему какие-то чувства, как знать.

В целом Алис жестоко обманула его надежды. Конечно, он не был в нее влюблен, когда женился, но находил ее, несмотря на достаточно невзрачную внешность, приятной. Кроме того, бесспорно, сыграли свою роль ее семья и родственные связи. Не столь, пожалуй, важную роль, как могли бы, потому что, женясь на Алис, он задумывался и о положении своих будущих детей. Полезно будет его сыновьям иметь такую родню. Но сыновей не было, не было и дочерей, и ничего им не оставалось с Алис, как только стареть бок о бок, не находя, большей частью, ни общих тем для разговора, ни особенного удовольствия в обществе друг друга.

Она проводила много времени вне дома, у родных, а зимой обычно уезжала на Ривьеру. Ее это устраивало, а его не волновало.

Сейчас он поднялся в гостиную и приветствовал жену в соответствии с правилами хорошего

тона.

— Вот ты и дома, дорогая! Извини, что не мог тебя встретить, дела задержали в Сити. И так насилу вырвался. Ну, как было в Сан-Рафаэле?

Алис стала рассказывать, как было в Сан-Рафаэле. Худощавая, рыжеватая, с горбатым носом и карими невыразительными глазами, она говорила с правильными оборотами речи, однообразным и тусклым голосом. Доехала благополучно, хотя на пароме через Ла-Манш немного качало. Таможенники в Дувре были, по обыкновению, несносны.

— Надо было лететь, — отозвался на это Гарольд ритуальной фразой. — Настолько проще!

— Вероятно, только я не очень люблю летать. Никогда не любила. Как-то неспокойно.

— Зато экономишь массу времени, — сказал Гарольд.

Леди Алис Кракенторп промолчала. Возможно, для нее главной задачей в жизни было не столько экономить время, сколько чем-то его заполнить. Она вежливо осведомилась о здоровье мужа.

— Эмма так напугала меня свей телеграммой. Вы, как я поняла, все разом заболели?

— Да-да, — сказал Гарольд.

— Я читала на днях в газете, — сказала Алис, —

что в какой-то гостинице сорок человек одновременно слегли с пищевым отравлением. Это увлечение холодильниками, я считаю, положительно опасно. Люди передерживают в них свои продукты.

— Может быть, — уронил Гарольд. Сказать ей про мышьяк или не стоит? Почему-то, глядя на Алис, он чувствовал, что решительно не способен сказать. В мире Алис отравлению мышьяком места не было. О таком читаешь в газетах. С тобой, с твоею семьей такое не происходит. А вот в семействе Кракенторпов произошло…

Он поднялся к себе прилечь на часок-другой перед тем, как одеваться к обеду.

За обедом вдвоем с женой разговор шел примерно в том же духе. Вежливый, пустой. Общие знакомые в Сан-Рафаэле, друзья.

— В холле на столе для тебя посылка, — сказала Алис, — маленький пакетик.

— Правда? Я что-то не заметил.

— Да, поразительная вещь — одна дама рассказывала, что где-то, не то в сарае, не то в амбаре, нашли убитую женщину. И называла место — Резерфорд-Холл. Я решила, что это, должно быть, другой какой-то Резерфорд-Холл.

— Нет, — сказал Гарольд. — Не другой. Ее на-

шли, если хочешь знать, у нас в амбаре.

— Как же так, Гарольд? В Резерфорд-Холле найдена в амбаре убитая женщина, а ты мне ничего не говоришь?

— Просто не успел еще, — сказал Гарольд. — Тем более что приятного было мало. С нами это, естественно, никак не связано. Журналисты слетелись тучами. С полицией пришлось иметь дело, и так далее.

— Действительно неприятно, — сказала Алис. — И что, выяснилось, кто это сделал? — поинтересовалась она довольно равнодушно.

— Пока нет, — сказал Гарольд.

— А что это за женщина?

— Никто не знает. Француженка, судя по всему.

— Ах, француженка, — протянула леди Алис тоном, который, если отбросить разницу в социальном положении, мог бы принадлежать инспектору Бейкону. — Очень для вас досадная история, — согласилась она.

Они покинули столовую и перешли в маленький кабинет, где обыкновенно сидели, когда оставались одни. «Гарольд к этому времени совсем обессилел. Надо будет рано лечь спать», — подумал он.

Проходя мимо стола в холле, он взял посылку, о которой упомянула жена. Это был маленький аккуратный сверток, тщательно запечатанный сургучом. Гарольд вскрыл его, направляясь к своему привычному месту у камина.

Внутри была лекарственная коробочка с ярлыком: «Принимать по две таблетки на ночь». И приложена бумажка со штампом бракемптонской аптеки и надписью: «Послано по требованию доктора Куимпера».

Гарольд Кракенторп нахмурился. Открыл коробочку, посмотрел на таблетки. Да, похоже те самые, какие он принимал. Но разве Куимпер не сказал, что больше принимать не нужно? Ну да, конечно. «Теперь они вам не нужны» — этими самыми словами.

— Что там такое, дорогой? — сказала Алис. — У тебя озабоченное лицо.

— Да нет, просто таблетки. Я принимал их на ночь. Но мне казалось, доктор велел больше не принимать.

— Очевидно, — отозвалась безмятежно его жена, — велел не забывать их принимать.

— Может быть, и так, — неуверенно сказал Гарольд.

Он поднял голову. Жена сидела напротив,

наблюдая за ним. На мгновение ему сделалось любопытно — это случалось с ним нечасто применительно к Алис, — что все-таки у нее на уме. Этот ее бесцветный взгляд не говорил ничего. Глаза — словно окна в опустелом доме. Что все-таки думает о нем Алис, что чувствует? Любила ли она его когда-то? Вероятно, любила. Или вышла за него замуж, полагая, что он успешно ворочает делами в Сити, и наскучив собственным безденежным существованием? Что ж, в общем, она не прогадала. Своя машина, дом в Лондоне, возможность кататься за границу, когда ей вздумается, покупать дорогие наряды, хотя, господь свидетель, на Алис они совершенно не имеют вида. Да, в общем совсем не плохо устроилась. Любопытно, считает ли так она сама. Настоящей любви она к нему не питает, это ясно, но ведь и он к ней тоже нет. Не связывают их ни общие интересы, ни воспоминания, им не о чем разговаривать. Были бы у них дети — тогда другое дело, но детей не было. Странно, ни у кого в их семье нет детей, только сын у младшей сестры, у Эди. Эди, младшая сестричка. Глупая девчонка, выскочила замуж очертя голову в разгар войны. А ведь он ей дело советовал.

Все это прекрасно, говорил он ей, эти отчаян-

ные молодые летчики, удаль, романтика и так далее, но в мирное время, помяни мое слово, от него проку не будет. Хорошо, если сможет содержать тебя с грехом пополам.

Ну и что, говорила на это Эди. Она любит Брайена, Брайен любит ее, и кто может поручиться, что его не убьют, не завтра, так послезавтра? Почему они должны отказываться от счастья, хотя бы и недолговечного? Какой смысл задумываться о будущем, если на них могут в любой момент сбросить бомбу? И в конце концов, что за важность такая это будущее, если рано или поздно им достанется столько денег от деда. Так говорила Эди.

Гарольд беспокойно поерзал в кресле. Все же это дедово завещание — нечто чудовищное. Держать их всех в подвешенном состоянии! Всем ухитрился насолить. И внуки остались недовольны, а уж отец их — тот и вовсе чуть не лопнул от злости! Проникся железной решимостью не умирать. Вот почему он так печется о своем здоровье. Но хочет — не хочет, а умереть ему придется, и скоро. Обязательно придется умереть. Иначе… Все Гарольдовы тревоги разом вновь нахлынули на него, принеся с собой дурноту — и усталость, и головокружение.

Он заметил, что Алис по-прежнему наблюдает

за ним. Под взглядом этих блеклых, задумчивых глаз ему стало не по себе.

— Пойду, пожалуй, лягу, — сказал он. — Сегодня у меня как-никак первый день на работе.

— И правильно, — сказала Алис, — разумно, я считаю. Наверняка врач велел тебе поберечь себя на первых порах.

— Врачи, они всегда так говорят, — сказал Гарольд.

— И не забудь, дорогой, принять таблетки.

Алис взяла коробочку и подала ему.

Он пожелал ей спокойной ночи и пошел наверх. Да, таблетки пока необходимы. Неверно было бы бросать их слишком рано. Гарольд взял две таблетки и проглотил их, запив стаканом воды.

Глава 24
I

— Только я и никто другой способен наломать столько дров, — произнес мрачно Дермот Краддок.

Он сидел в гостиной верной Флоренс, вытянув длинные ноги и ощущая себя в загроможденной вещами комнате как некое чужеродное тело. Донельзя усталый, расстроенный, подавленный.

Мисс Марпл поспешила выразить свое несогласие мягким, утешительным восклицанием:

— Нет-нет, дорогой мой, вы проделали полезную работу! Очень полезную, правда.

— Полезную, говорите? Допустил, чтобы всю семью отравили, прохлопал Альфреда Кракенторпа, а теперь еще и Гарольда. Что у них там творится, черт возьми? Вот что хотелось бы знать!

— Яд в таблетках, — задумчиво проговорила мисс Марпл.

— М-да. Поистине дьявольское коварство. С виду не отличить от тех таблеток, которыми он лечился. И — приложение, напечатанное на

машинке: «По поручению доктора Куимпера». А доктор Куимпер и не думал их заказывать. И ярлыки ухитрились раздобыть аптечные. Тоже без ведома аптекаря. Да нет. Эта коробочка пришла из Резерфорд-Холла.

— Вам что, доподлинно известно, что из Резерфорд-Холла?

— Да. Все скрупулезно проверено. Вообще-то в этой коробочке лежали снотворные таблетки, прописанные Эмме.

— Вот оно что, стало быть Эмме…

— Да, сохранились отпечатки пальцев — Эммы, обеих сестер и аптекаря, который готовил лекарство. Больше никаких, естественно. Тот, кто ее прислал, — человек осторожный.

— Вынул снотворные таблетки и подменил их другими?

— Да, в том-то, конечно, и беда с таблетками. Одна точь-в-точь похожа на другую.

— Ох, как это верно, — согласилась мисс Марпл. — То ли дело, помнится, в моей молодости — одна микстура черная, другая бурая — это от кашля, третья белая и розовая микстура такого-то доктора. Не спутаешь. Скажу вам больше, у нас в деревне, в Сент-Мэри-Мид, если хотите знать, по сей день предпочитают лекарства в таком виде.

Всегда спрашивают пузырек, а не таблетки… И что же это были за таблетки?

— Аконит. Такие обычно держат во флаконе для ядов и растворяют в пропорции один к ста для наружного применения.

— А Гарольд, значит, принял их внутрь и умер, — сказала задумчиво мисс Марпл.

У Дермота Краддока вырвался вздох, похожий на стон.

— Уж вы не взыщите, что я пришел к вам выпустить пары, — сказал он. — Бежать поплакаться в жилетку тетушке Джейн — такое было чувство.

— Как мило, — сказала мисс Марпл, — мне очень лестно это слышать. К крестнику сэра Генри я отношусь совсем иначе, чем просто к инспектору сыскной полиции.

Дермот Краддок отвечал ей быстрой усмешкой.

— И все же факт остается фактом — напортачил я будь здоров, с начала и до конца, — сказал он. — Местная полиция обращается за содействием в Скотленд-Ярд — и что получает? Осла получает, который шмякается в лужу!

— Да нет же, — сказала мисс Марпл.

— Не нет, а да. Кто отравил Альфреда, я не знаю, кто Гарольда — тоже не знаю, и в довершение

всего на данный момент понятия не имею, кто эта убитая женщина, с которой все началось! А ведь казалось, версия с Мартиной куда как убедительна! Все идеально совпадает. И вот — нате вам. Откуда ни возьмись, является настоящая Мартина и оказывается, — хоть стой, хоть падай, — что это супруга сэра Роберта Стоддарт-Уэста. Тогда, простите, кто такая женщина в саркофаге? А кто ее знает! Сперва пошел было по следу Анны Стравинской, так и он оказался ложным…

Его остановило характерное многозначительное покашливание.

— Как знать, — прошелестела мисс Марпл.

Краддок широко открыл глаза.

— Позвольте, а та открытка с Ямайки?

— Да, но ведь это, в сущности, еще не доказательство, верно? То есть разве трудно устроить так, чтобы открытка пришла практически откуда угодно? Вспомнить хотя бы миссис Брайерли — тяжелейшее нервное расстройство. Кончилось тем, что ей рекомендовали лечь на обследование в психиатрическую больницу, и она страшно волновалась, как бы об этом не узнали дети. Взяла написала штук четырнадцать открыток и договорилась, чтобы их присылали из разных почтовых отделений за границей, а детям сказа-

ла, что мама уезжает за границу отдыхать. — Она красноречиво посмотрела на Дермота Краддока. — Вы понимаете, к чему я клоню.

— Еще бы, — сказал Краддок, по-прежнему не спуская с нее глаз. — Мы непременно проверили бы эту открытку, не подвернись тогда так кстати эта версия относительно Мартины.

— Куда как кстати, — тихонько ввернула мисс Марпл.

— Все выстроилось в связный ряд, — продолжал Краддок. — Есть же, в конце концов, письмо к Эмме, подписанное «Мартина Кракенторп». Пусть леди Стоддарт-Уэст не посылала его, но кто-то ведь послал! Кто-то, кто собирался выдать себя за Мартину и, сыграв на этом, поживиться чужими денежками. Этого-то ведь нельзя отрицать.

— Нельзя, нельзя.

— И потом, возьмите конверт с ее лондонским адресом от письма, которое ей написала Эмма. Найденный в Резерфорд-Холле и свидетельствующий, что она в самом деле там была.

— Но ведь убитой там не было! — уточнила мисс Марпл. — В том смысле то есть, какой подразумеваете вы. Она попала в Резерфорд-Холл лишь после того, как ее убили. И столкнули с поезда на железнодорожную насыпь.

— Хм, справедливо.

— А конверт свидетельствует лишь о том, что там побывал убийца. Предположительно, забрал этот конверт вместе с другими вещами и бумагами, которые были при ней, а после случайно обронил — хотя… теперь у меня нет уверенности, что случайно. Наверняка инспектор Бейкон, да и ваши люди тоже, провели в имении тщательный обыск и почему-то не нашли его. Он только позже обнаружился, в котельной.

— Ну, это как раз понятно, — сказал Краддок. — Старик садовник подбирал любую бросовую бумажку и запихивал в бак.

— Который так естественно перерыть сверху донизу мальчикам, — заметила мисс Марпл.

— То есть его, по-вашему, нарочно подложили с тем, чтобы он попал к нам в руки?

— Пока я просто размышляю. В конце концов, не так уж сложно было предвидеть, куда отправятся на поиски мальчики в следующий раз или даже подсказать им… Да, об этом стоит задуматься. Во всяком случае, вас это отвлекло, не так ли? Вы перестали заниматься Анной Стравинской.

Краддок сказал:

— А вы считаете, что ею-то и нужно было заниматься все это время?

— Я только думаю, что вы кого-то напугали, когда принялись наводить о ней справки. Думаю, кто-то хотел положить этому конец.

— Давайте будем отталкиваться от того факта, что кто-то замышлял выдать себя за Мартину, — сказал Краддок. — А потом вдруг отказался от этого плана. Почему?

— Очень хороший вопрос, — сказала мисс Марпл.

— Кто-то шлет телеграмму, что Мартина возвращается во Францию, затем договаривается с этой женщиной о поездке сюда и по дороге убивает ее. До сих пор все верно?

— Не совсем, — сказала мисс Марпл. — Мне думается, вашему построению недостает простоты.

— Простоты? — вскричал Краддок. — Вы хотите меня запутать, — пожаловался он.

Мисс Марпл сокрушенным голосом уверила его, что такое ей даже в голову не могло прийти!

— Тогда скажите наконец, — взмолился Краддок, — знаете вы или нет, кто эта убитая женщина?

Мисс Марпл вздохнула.

— Как бы мне поточнее выразиться — это так трудно… Я хочу сказать, кто она — я не знаю, но в то же время почти наверняка знаю, кто она была,

если вы меня понимаете.

Краддок запрокинул голову.

— Понимаю? То есть даже отдаленно не догадываюсь!.. — Он поглядел в окно. — А вот и ваша Люси Айлзбарроу к вам пожаловала. Ну, а я удаляюсь. У меня нынче неважно с *amour-propre* [109], и наблюдать молодую особу, у которой все получается и горит в руках, выше моих сил.

[109] notes: 109
Самолюбием *(франц.)*.

Глава 25
I

— Я посмотрела в словаре, что значит «тонтина», — сказала Люси.

Минуты первых приветствий остались позади, и теперь Люси бесцельно бродила по комнате, трогая здесь — фарфоровую собачку, там — салфеточку, пластиковую шкатулку для рукоделья на подоконнике.

— Да, я так и предполагала, — отозвалась ровным голосом мисс Марпл.

Люси медленно процитировала на память:

— «1653, по имени итальянского банкира Лоренцо Тонти, — форма ренты с общим фондом, при которой доли умерших участников фонда прибавляются к долям тех, кто их пережил». — Она помолчала. — То самое, да? Подходит в общих чертах, и вам это пришло в голову еще до последних двух смертей.

Словно не в силах усидеть на месте, она вновь принялась беспокойно бродить по комнате. Мисс Марпл сидела, наблюдая за ней. Сейчас это была совсем не та Люси Айлзбарроу, какую она знала

до сих пор.

— Прямой соблазн, иначе не назовешь, — продолжала Люси. — Так составить завещание, чтобы все досталось тому, кто переживет всех остальных. А в то же время, деньги-то ведь огромные. Казалось бы, и без того хватит на всех… — Конец фразы прозвучал почти неслышно.

— Беда в том, — сказала мисс Марпл, — что людям свойственна алчность. Некоторым людям. С этого все часто и начинается. Не с убийства — желания убить кого-то или хотя бы помыслов об этом — нет. Начинается с алчности, с желания заграбастать больше, чем вам полагается. — Она опустила на колени вязанье и устремила взгляд в пространство. — Как раз такой случай, кстати, впервые свел меня с инспектором Краддоком. Было это за городом, неподалеку от курорта Меденем. Началось вот так же — обыкновенный человек, незлой, но слабохарактерный, который позарился на большие деньги. Деньги, предназначенные вовсе не ему, но которые, казалось, был легкий способ прибрать к рукам. Ни о каком убийстве на этой стадии речь не шла. Всего лишь о чем-то простом, элементарном, в чем вроде и греха особого нет. Вот так обыкновенно и начинается. А кончилось это троекратным убийством.

— Похоже, — сказала Люси. — Теперь у нас тоже три убийства. Сначала — женщина, которая выдавала себя за Мартину и могла бы претендовать на часть наследства в пользу своего сына, за нею — Альфред, потом — Гарольд. И значит, остались только двое, да?

— То есть только Седрик и Эмма, вы хотите сказать?

— Не Эмма. Эмма — не высокий, темноволосый мужчина! Нет. Я хочу сказать — Седрик и Брайен Истли. О Брайене у меня раньше и мысли не было, ведь он скорее светлый шатен. Пышные белокурые усы, голубые глаза… Но видите ли, на днях… — Она умолкла.

— Да-да, продолжайте, — сказала мисс Марпл. — Говорите. Что-то вас глубоко поразило, не так ли?

— Это произошло, когда уезжала леди Стоддарт-Уэст. Она уже попрощалась и собиралась сесть в машину, как вдруг обернулась ко мне и спрашивает: «Кто был тот мужчина, что стоял на террасе, когда я приехала? Высокий, с темными волосами?» Я в первую минуту не могла сообразить, о ком это она, поскольку Седрик еще лежал в постели. И, все еще не понимая, говорю ей: «Вы что, имеете в виду Брайена Истли?» «Конечно, —

говорит она, — так, значит, это он самый? Майор авиации Истли? Он как-то прятался у нас на чердаке во Франции, во времена Сопротивления. Мне хорошо запомнилась его осанка, посадка головы». Она еще прибавила, что хотела бы с ним встретиться снова, но мы не смогли его найти.

Мисс Марпл молча ждала, что она скажет дальше.

— А уже после, — сказала Люси, — я посмотрела на него… Он стоял спиной ко мне, и я увидела то, что должна была заметить давно. Что даже у шатена волосы темнеют, когда их смазывают, знаете, таким составом, чтобы лежали. У Брайена от природы шевелюра скорее русая, но выглядеть может темной. Так что, возможно, ваша подруга видела в поезде Брайена. Возможно…

— Да, — сказала мисс Марпл. — Я уже думала об этом.

— Вы, как я погляжу, ухитряетесь подумать обо всем! — удрученно вскричала Люси.

— Что поделаешь, голубчик, приходится.

— Непонятно только, что Брайен при этом выигрывает. Деньги достались бы не ему, а Александру. Да, вероятно, им жилось бы легче, больше могли бы себе позволить, но выкачать капитал на осуществление грандиозных замыслов и так

далее, он бы не мог.

— Однако если бы с Александром, покуда ему нет двадцати одного года, стряслось что-нибудь, тогда деньги перешли бы к Брайену, как его отцу и ближайшему родственнику.

Люси бросила на нее взгляд, полный ужаса.

— Он никогда на такое не пойдет. Ни один отец на такое не решится ради… всего лишь ради денег.

Мисс Марпл вздохнула:

— Бывает, что решаются, дружок. Как это ни печально, как ни страшно, но бывает… Люди способны творить ужасные вещи, — продолжала она. — Я знаю женщину, которая ради мизерной страховки отравила трех родных детей. Знаю, что одна старушка — вполне, судя по отзывам, милая старая дама — отравила сына, когда он приехал в отпуск домой. А как вам другая старая дама, пресловутая миссис Станич? О ней еще писали в газетах — вы, наверное, читали. Умерла ее дочь, потом сын, а потом она заявила, что ее тоже отравили. И действительно, в овсянке обнаружили следы яда, но выяснилось, что она положила его сама. А отравить собиралась свою дочь, последнюю из детей. В данном случае это делалось не совсем из-за денег. Больше из зависти

к детям, что они моложе ее, полны жизни, она боялась, — язык не поворачивается сказать, но это правда, — что она уйдет, а они будут жить да радоваться. Расходами ведала всегда она и щедростью отнюдь не отличалась. Да, конечно, это была особа, как говорится, со странностями, но для меня это ничего не объясняет. Странности у людей бывают разные. Один будет раздавать направо-налево все, что есть за душой, выписывать чеки на банковские счета, которых не существует, потому лишь, что одержим желанием помочь ближнему. Тогда вы знаете, что при всех своих странностях человек этот по натуре хороший. Ну, а когда, понятно, помимо странностей, и человек сам по себе дрянь, — то вот вам и результат. Ну как, немножко прояснилось от этого, милая моя Люси?

— От чего — от этого? — озадаченно спросила Люси.

— От того, о чем я говорила, — сказала мисс Марпл. — Вы, главное, не волнуйтесь, — прибавила она ласково. — Правда, не нужно волноваться. Со дня на день должна приехать Элспет Маглика-дди.

— При чем тут это, не понимаю?

— Да, милая, вероятно. Однако, на мой взгляд,

это важно.

— Как тут не волноваться, — сказала Люси. — Понимаете, мне стала небезразлична эта семья.

— Знаю, голубушка, вам это в самом деле трудно, потому что вас достаточно сильно влечет и к тому, и к другому, правда? Хотя и очень по-разному.

— О чем это вы? — сказала Люси резко.

— Я говорю о хозяйских сыновьях, — сказала мисс Марпл. — Вернее, о сыне и зяте. Удачно, что смерть унесла двух наименее приятных членов семьи и обошла стороной двух симпатичных. Для меня не секрет, что Седрик Кракенторп — очень привлекательный мужчина. Несмотря на склонность выставлять себя в худшем свете, чем он есть, и на способность выводить людей из себя.

— Меня он подчас просто бесит, — сказала Люси.

— Вот именно, — сказала мисс Марпл, — и вам это нравится, разве нет? Вы — особа с характером, схватиться с сильным противником для вас удовольствие. Да, в данном случае притягательность очевидна. Ну, и здесь же мистер Истли, тип мужчины, затрагивающий мягкие струнки души, похожий на обиженного мальчика. Что, конечно, тоже не лишено привлекательности.

— И один из них — убийца, — с горечью сказала Люси, — причем степень вероятности для обоих одинакова. Предпочтение, в сущности, отдать некому. С одной стороны — Седрик, которого нисколько не трогает смерть его брата Альфреда, смерть Гарольда. Сидит себе, донельзя довольный, строит планы о том, как распорядится Резерфорд-Холлом и твердит, какая прорва денег понадобится, чтобы все на корню перестроить, как ему вздумается. Я знаю, такому, как он, свойственно преувеличивать свою черствость, и прочее. Но ведь и это может быть удобной маской. Когда кругом говорят, будто твое бездушие напускное и на самом деле ты не таков. А ты, возможно, как раз таков. И даже более бездушен, чем кажется.

— Ах, милая моя, как я сочувствую вам, Люси.

— А с другой стороны — Брайен, — продолжала Люси. — Это звучит невероятно, но Брайен как будто искренне хотел бы жить здесь. Считает, что им с Александром жилось бы тут превесело, и носится с массой замыслов.

— Он ведь постоянно носится с каким-нибудь замыслом, правда? Если не с одним, так с другим.

— По-моему, да. И каждый звучит потрясающе,

но у меня нехорошее чувство, что ничего из них не выйдет. То есть они оторваны от жизни. Сама идея прекрасна, но о трудностях, связанных с ее осуществлением, он просто не задумывается.

— Воздушные замки, фигурально выражаясь?

— И даже не фигурально. Воздушные в прямом смысле слова. Все так или иначе связаны с воздухоплаванием. Возможно, классному летчику-истребителю так и не суждено до конца жизни по-настоящему спуститься на землю… А Резерфорд-Холл, — прибавила она, — ему так мил тем, что напоминает тот громоздкий, безалаберный викторианский дом, в котором он провел свое детство.

— Вот как, — уронила мисс Марпл. — Ну, да… — И, бросив искоса быстрый взгляд на Люси, совершила своего рода словесный наскок: — Но это ведь еще не все, верно? Есть что-то, чего вы не договариваете.

— Ох, есть. И это «что-то» дошло до меня только дня два назад. Дело в том, что Брайен находился-таки в этом поезде.

— Который отходит в 4.33 с вокзала Паддингтон?

— Да. Понимаете, Эмма решила, что от нее тоже требуется отчет о том, чем она занималась

двадцатого декабря, и подробно все перечислила. Утром — заседание комитета, потом — поход по магазинам и чай в кондитерской «Зеленый Трилистник», после чего, по ее словам, она поехала на станцию встречать Брайена. Я подсчитала, когда она пила чай и сколько это могло занять времени и получается, что она ехала встречать тот самый поезд — 4.33. Тогда я спросила Брайена, как бы между прочим, и он отвечал — да, правильно, и прибавил, что стукнул свою машину и отвез ее в ремонт, а самому пришлось ехать сюда на поезде, к великому сожалению, так как он не выносит поездов. Держался при этом абсолютно естественно. Оно, быть может, и так, но все же лучше бы не было его в этом поезде…

— А он, между тем, в нем был, — сказала задумчиво мисс Марпл.

— Что еще ничего не доказывает! Самое ужасное — все эти подозрения. Когда не знаешь наверняка. Да мы, пожалуй, и не узнаем никогда!

— Конечно, узнаем, дружок, — деловито проговорила мисс Марпл. — Потому что лишь этим просто так не ограничится. Одно насчет убийц я знаю твердо — не про них сказано, что от добра добра не ищут. Хотя в данном случае уместно было бы сказать — зла от зла. По крайней мере, —

закончила мисс Марпл убежденно, — совершив второе убийство, они уже не способны остановиться. Вы только не огорчайтесь так сильно, Люси. Полиция делает все возможное, держит всех в поле зрения, а главное, совсем недолго осталось ждать, когда приедет Элспет Магликадди!

Глава 26
I

— Итак, Элспет, тебе вполне ясно, чего я от тебя добиваюсь?

— Ясно-то ясно, — сказала миссис Магликадди, — но должна повторить тебе, Джейн, выглядеть это будет неловко.

— Не вижу ничего неловкого, — сказала мисс Марпл.

— А я вижу. Не успела зайти в дом, и сразу спрашиваю, нельзя ли мне наведаться… наверх, одним словом.

— На улице холод, — отметила мисс Марпл, — ну и, в конце концов, могла ты съесть что-нибудь не то — вот и понадобилось заглянуть… наверх. С кем не случается. Помню, однажды пришла ко мне Луиза Фелби, так она, бедная, пять раз за какие-нибудь полчаса должна была извиняться и бежать наверх. Виною, замечу в скобках, — прибавила мисс Марпл, — была начинка пирога.

— Взяла бы и объяснила, не мудрствуя, что ты затеваешь, — сказала миссис Магликадди.

— Вот этого я как раз не хочу, — сказала мисс

Марпл.

— Сколько с тобой нужно терпенья, Джейн! Сперва снимайся по твоему слову с места и лети за тридевять земель в Англию раньше срока…

— За это прошу прощенья, — сказала мисс Марпл, — но иначе было нельзя. Понимаешь, в любой момент может произойти убийство. Да, знаю, каждый из них настороже и полиция тоже принимает все мыслимые и немыслимые меры, но всегда остается крохотная доля вероятности, что убийца окажется хитрее. Так что сама видишь, Элспет, твой долг был приехать. Разве мы с тобой не так воспитаны, что долг — превыше всего?

— Несомненно, — сказала миссис Магликадди, — нам в молодости поблажек не давали.

— На том, стало быть, и поладим, — сказала мисс Марпл. — Кстати, и такси подоспело, — прибавила она, услышав снаружи приглушенный автомобильный гудок.

Миссис Магликадди облачилась в свое тяжелое, серое в черную крапинку пальто, мисс Марпл закуталась в бессчетные шали и шарфики, после чего обе дамы уселись в такси и покатили в Резерфорд-Холл.

II

— Кто это может быть? — спросила Эмма, увидев из окна, как к дому подъезжает такси. — Уж не старушка ли, тетушка Люси Айлзбарроу?

— Вот еще не было печали, — отозвался Седрик. Он сидел, развалясь на шезлонге и листал «Сельскую жизнь», протянув ноги к камину. — Скажи ей, что тебя нет дома.

— Ты что имеешь в виду, говоря «Скажи ей, что тебя нет дома», — чтобы я сама пошла и сказала? Или велела Люси сказать это свой тетушке?

— Хм, как-то не подумал, — сказал Седрик. — Померещилось, видимо, что вернулись дни дворецких и лакеев — только было ли чему возвращаться? Хотя лакей, помню, был до войны. Крутил шуры-муры с судомойкой, чем наделал страшного шуму. Погоди, ну а где то чучело, что приходит в дом убираться?

Но в этот миг миссис Харт — сегодня был ее день чистить медную утварь — открыла дверь, и на пороге божьим одуванчиком в летучем облаке шалей и шарфиков появилась мисс Марпл в сопровождении крепенькой, плотной приятельницы.

— Надеюсь, — заговорила мисс Марпл, пожимая руку Эмме, — что мы не очень помешали. Но я, видите ли, послезавтра возвращаюсь домой и не могла не заехать попрощаться и поблагодарить вас в который раз за доброе отношение к Люси. Ах да, совсем забыла! Позвольте вас познакомить — моя подруга миссис Магликадди, она приехала ко мне погостить.

— Очень приятно, — сказала миссис Магликадди, внимательно оглядев Эмму и переводя потом взгляд на Седрика, который тем временем встал. В эту минуту в комнату вошла Люси.

— Тетя Джейн, а я и не знала…

— Должна же я была приехать и попрощаться с мисс Кракенторп, — сказала, оборачиваясь к ней, мисс Марпл, — которая была так необыкновенно добра к тебе, Люси!

— Это Люси была необычайно к нам добра, — сказала Эмма.

— Да уж, что правда, то правда, — сказал Седрик. — Не работенка, а каторжный труд на галерах! У одра болящих — дежурь, вверх-вниз по лестнице — бегай, готовь поминутно каждому что-нибудь легкое и диетическое…

— Я так огорчилась, — подхватила мисс Марпл, — узнав, что вы заболели! Надеюсь, те-

перь все прошло, мисс Кракенторп?

— О, мы уже окончательно выздоровели, — сказала Эмма.

— Люси говорила, что у вас все слегли. Пищевое отравление — это так опасно! Грибы, как я понимаю?

— Причина остается загадкой по сей день, — сказала Эмма.

— Не верьте вы этому! — сказал Седрик. — Ручаюсь, и до вас дошли слухи, что носятся в воздухе, мисс… э…

— Марпл, — подсказала мисс Марпл.

— Да, так я говорю, — ручаюсь, что и до вас дошли слухи. Мышьяк — вернейшее средство пустить рябь по окрестной водице.

— Седрик, — сказала Эмма, — ну зачем? Ты ведь знаешь, инспектор Краддок предупреждал…

— Ба, — сказал Седрик, — все равно все знают. Даже вы наверняка что-то слышали, разве нет? — обратился он к мисс Марпл и миссис Магликадди.

— Что до меня, — сказала миссис Магликадди, — я только что вернулась из-за границы. Позавчера, — уточнила она.

— А, ну тогда вы еще не в курсе местных пересудов, — сказал Седрик. — Мышьяк подсыпали

в карри — вот в чем причина. Спорю, что вашей тетушке, Люси, об этом известно.

— Кое-что, — сказала мисс Марпл, — я действительно слышала краем уха — так, всего лишь намеки, — но я никоим образом не хотела смущать вас, мисс Кракенторп, разговорами на эту тему.

— Не обращайте внимания на брата, — сказала Эмма. — Для него первое удовольствие конфузить людей. — Она покосилась в его сторону с ласковой улыбкой.

Дверь отворилась, и в комнату, гневно стуча тростью, вошел мистер Кракенторп.

— Где чай? — загремел он. — Почему чай не готов? Вы! Девица! — обернулся он к Люси. — Почему вы не подали чай?

— Он как раз поспел, мистер Кракенторп, сию минуту иду за ним. Я только накрывала на стол.

Люси снова вышла, и мистера Кракенторпа представили двум гостьям.

— Люблю, когда на стол подано вовремя, — сказал мистер Кракенторп. — Точность и экономия — вот мой девиз.

— Необходимые качества, — согласилась мисс Марпл, — особенно в наше время, с этим нынешним налогообложением, и прочее!

Мистер Кракенторп всхрапнул.

— Налогообложение! Не поминайте при мне этих грабителей! Жалкого нищего из меня сделали! И будет только хуже, не лучше. Вот погоди, сынок, — адресовался он к Седрику, — когда имение перейдет к тебе, сто процентов гарантии, что социалисты у тебя его оттяпают и отдадут под какой-нибудь центр социального обеспечения. А твои деньги пустят на его содержание!

Вернулась Люси, неся чайный поднос, за нею следом Брайен Истли внес на подносе сандвичи, хлеб с маслом и торт.

— Что это? Что такое? — Мистер Кракенторп обследовал поднос. — Торт с глазурью? У нас что сегодня, праздник? Мне никто не говорил.

Эмма слегка покраснела.

— К чаю придет доктор Куимпер, отец. Сегодня день его рождения и…

— День рождения? — фыркнул старик. — Какой такой день рождения? День рождения бывает у детей. Я никогда не отмечаю свой день рождения и никому другому не позволю.

— Куда как дешевле, — согласился Седрик. — На одних свечах, поди, какая экономия.

— Попридержи-ка язык, мальчишка, — сказал ему мистер Кракенторп.

Мисс Марпл между тем обменивалась рукопожатием с Брайеном Истли.

— Я, конечно, наслышана о вас, — говорила она, — от Люси. Боже мой, до чего вы похожи на одного моего знакомого из Сент-Мэри-Мид! Это деревня, в которой я живу уже много лет. На Ронни Уэллса, адвокатского сына. Никак не мог найти себе применения, когда вошел в отцовское дело. Отправился в Восточную Африку и основал там каботажную флотилию на озерах. Озеро Виктория Ньяса, если не ошибаюсь — или я имела в виду Альберт? Неважно, главное, к сожалению, эта затея провалилась, и он потерял все свои деньги. Такая незадача! Он вам не родственник нет? Сходство поразительное.

— Нет, — сказал Брайен, — кажется, у меня нет родичей по фамилии Уэллс.

— Помолвлен был с очень милой девушкой, — продолжала мисс Марпл. — Очень толковой. Она пыталась отговорить его, но он не слушал. И, разумеется, напрасно. Женщинам, знаете ли, свойственно немалое здравомыслие, когда речь идет о денежных делах. Я не имею в виду, понятно, крупные финансовые операции. В них, как говаривал мой незабвенный батюшка, женщине никогда не разобраться. Но на бытовом уровне…

Какой у вас восхитительный вид из этого окна! — сказала она, подходя к окошку и глядя наружу.

Эмма последовала ее примеру.

— Экое раздолье! Как живописно выглядит стадо за стволами деревьев! Никогда не подумаешь, что находишься в центре города.

— Да, вот такой кусочек прошлой жизни, — сказала Эмма. — Если открыть окошко, то вдалеке послышится шум уличного движения.

— Ох, правда ваша, от шума буквально деваться некуда, — сказала мисс Марпл. — Даже в Сент-Мэри-Мид. У нас теперь под боком аэродром, и эти реактивные самолеты на головой — ну, знаете! Просто что-то страшное. В моей тепличке на днях в двух рамах лопнули стекла. Когда, как мне объяснили, был пройден звуковой барьер, хотя, что это означает, — выше моего разумения.

— Но это совсем просто, — встрепенулся, с готовностью приближаясь, Брайен. — Видите ли, какая штука…

Мисс Марпл выронила сумочку, и Брайен услужливо нагнулся ее поднять. В тот же миг к Эмме подошла миссис Магликадди и страдальческим голосом — причем страдание было неподдельным, ибо миссис Магликадди искренне тяготилась навязанной ей ролью — пробормо-

тала:

— Простите, можно, я на минутку загляну наверх?

— Конечно, — сказала Эмма.

— Я провожу вас, — сказала Люси.

Люси и миссис Магликадди вместе вышли из комнаты.

— Сегодня холод пробирает даже в машине, — отозвалась на это несколько завуалированным пояснением мисс Марпл.

— Да, так вот насчет звукового барьера, — сказал Брайен. — Тут, видите ли… Ага, вот и Куимпер!

К дому подъехала машина доктора. Он вошел в дом, потирая озябшие руки.

— Снег собирается, — сказал он, — вот что я вам доложу. Эмма, привет, как дела? Господи, что тут у вас происходит?

— Торт испекли в честь вашего дня рождения, — сказала Эмма. — Вы говорили, он у вас сегодня.

— Никак не ожидал! — сказал Куимпер. — Первый раз за — сколько же это лет? ну да, шестнадцать, должно быть, — кто-то вспомнил про день моего рождения.

Видно было, что он смущен и растроган.

— Вы знакомы с мисс Марпл? — представила ее Эмма.

— Да, мы ведь с доктором Куимпером уже здесь встречались, — сказала мисс Марпл, — а на днях он приходил ко мне, когда я сильно простудилась, и очень помог.

— Ну как, надеюсь, уже все в порядке? — спросил врач.

Мисс Марпл подтвердила, что с ней все в порядке.

— А вот меня вы, Куимпер, не навещаете последнее время, — сказал мистер Кракенторп. — При таком невнимании с вашей стороны и помереть недолго.

— Не замечаю пока, чтобы вам угрожала кончина, — сказал доктор Куимпер.

— И не дождетесь, — сказал мистер Кракенторп. — Так что давайте пить чай. Чего мы ждем?

— Да, пожалуйста, — сказала мисс Марпл. — Не ждите мою приятельницу. Ей это было бы ужасно неудобно.

Все сели за стол пить чай. Мисс Марпл приняла предложенный ей хлеб с маслом, затем переключила свое внимание на сандвич.

— Они с?.. — Она остановилась в нерешитель-

ности.

— С рыбой, — сказал Брайен. — Я помогал их делать.

Мистер Кракенторп заквохтал в приступе веселости.

— Рыбный паштет, сдобренный ядом, — проговорил он. — Вот они с чем! Кушайте на свой страх и риск!

— Отец, пожалуйста!

— В этом доме с едой надо быть осторожней, — сообщил мистер Кракенторп мисс Марпл. — Двух моих сыновей прикончили, словно мух. Кто это творит — вот что я хочу знать!

— Не поддавайтесь, пусть он вас не запугивает, — сказал Седрик, передавая снова тарелку мисс Марпл. — От мышьяка, говорят, улучшается цвет лица, нужно только не увлекаться, знать меру.

— Вот сам бы и отведал, — сказал старик Кракенторп.

— Официально назначаешь меня дегустатором? — сказал Седрик. — Что ж, изволь!

Он взял сандвич и целиком отправил его себе в рот. Мисс Марпл отозвалась на эту выходку благовоспитанным смешком и тоже взяла сандвич. Откусила кусочек, говоря:

— Нужно большое мужество, по-моему, чтобы вот так шутить. Нет, правда, все вы очень мужественно держитесь, я считаю. У меня мужество вызывает огромное восхищение.

Она вдруг охнула и поперхнулась.

— Косточка, — задыхаясь, выдавила она, — кость застряла в горле.

Куимпер вскочил на ноги. Подошел к ней, отвел к окну и велел открыть рот. Достал из кармана футляр и, порывшись в нем, вынул пинцет. Привычным быстрым движением склонился, вглядываясь в горло старой дамы. В это мгновенье открылась дверь, и вошла миссис Магликадди, за нею — Люси. У миссис Магликадди внезапно перехватило дыхание при виде представившейся ей картины: мисс Марпл откинулась назад, а доктор, запрокинув ей голову, держит ее рукой за горло.

— Но это же он! — крикнула миссис Магликадди. — Тот мужчина с поезда…

С невероятным проворством мисс Марпл вывернулась из рук доктора и пошла навстречу своей приятельнице.

— Я так и думала, Элспет, что ты его узнаешь! — молвила она. — Нет-нет. Не говори ни слова. — Она с торжеством обернулась к доктору

Куимперу: — Вы не подозревали, не так ли, доктор, когда душили в поезде женщину, что кто-то видит вас в это время? Вот кто — моя подруга, миссис Магликадди. Она вас видела. Понятно? Видела вас своими собственными глазами. Сидела в поезде, который шел в эти минуты рядом с вашим.

— Какого дьявола… — Доктор Куимпер стремительно шагнул к миссис Магликадди, но мисс Марпл с тем же непостижимым проворством преградила ему путь.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Она вас видела и узнала, и покажет это под присягой на суде. Не так часто случается, сколько мне известно, — продолжала мисс Марпл своим мягким, дребезжащим голоском, — чтобы кто-то непосредственно наблюдал, как совершается убийство. Обыкновенно приходится довольствоваться косвенными доказательствами. Но в данном случае обстоятельства сложились необычно. При убийстве присутствовал очевидец.

— Ах ты, старая ведьма, — процедил доктор Куимпер.

Он рванулся вперед к мисс Марпл, но на этот раз его ухватил за плечо Седрик.

— Так это, значит, ты, подлец, — убийца? —

проговорил Седрик, рывком поворачивая его к себе. — То-то ты мне всегда не нравился — гнильцу я в тебе почуял с самого начала, но, ей-богу, не подозревал, что это ты.

Брайен Истли подскочил к нему на помощь, а в дальнюю дверь уже входили инспектор Краддок с инспектором Бейконом.

— Доктор Куимпер, — сказал Бейкон, — я обязан предупредить вас…

— Идите вы со своим предупреждением, — оборвал его доктор Куимпер. — Думаете, так и поверят двум полоумным старушонкам? Откуда взялся этот бред насчет поезда?

Мисс Марпл сказала:

— Элспет Магликадди сообщила в полицию об убийстве сразу же, двадцатого декабря, и дала описание примет убийцы.

У доктора Куимпера поднялись и тяжело поникли плечи.

— Проклятье, чтобы так не повезло…

— Но… — начала было миссис Магликадди.

— Тихо, Элспет, — остановила ее мисс Марпл.

— Зачем бы я стал убивать совершенно постороннюю женщину? — сказал доктор Куимпер.

— Не постороннюю, — сказал инспектор Краддок. — Это была ваша жена.

Глава 27
I

— Так что, видите, — сказала мисс Марпл, — на самом деле, как я и подозревала, все оказалось крайне просто. Простейшая из всех разновидностей преступлений. Мужчины сплошь да рядом убивают своих жен.

Миссис Магликадди перевела взгляд с инспектора Краддока на свою подругу.

— А подробней нельзя? — сказала она. — Просвети меня, сделай милость.

— Ты понимаешь, — сказала мисс Марпл, — он углядел для себя возможность жениться на богатой — на Эмме Кракенторп. А жениться-то и не мог, потому что уже был женат. Они много лет жили врозь, но развода она ему не давала. Это как раз совпадало с тем, что мне рассказывал инспектор Краддок об особе, которая называла себя Анной Стравинской. У той, как она обмолвилась вскользь подружке, был муж англичанин, а еще о ней отзывались как об истовой католичке. Совершить, женившись на Эмме, двоеженство было слишком рискованно, и доктор Куимпер, чело-

век холодный и жестокий, решил избавиться от жены. Убить ее в поезде, а после поместить тело в саркофаг в амбаре — это было, правду сказать, ловко придумано. Идея, видишь ли, состояла в том, чтобы следы вели в направлении семейства Кракенторпов. До этого он написал письмо Эмме, якобы от Мартины — девушки, на которой собирался жениться Эдмунд Кракенторп, как он сам о том сообщил. Эмма, понимаешь ли, не утаила от доктора Куимпера историю своего брата. А доктор в подходящий момент подбил ее пойти с этой историей в полицию. Поскольку ему было нужно, чтобы в убитой признали Мартину. Допускаю, что до него каким-то образом дошло, что парижская полиция наводит справки об Анне Стравинской, и он сумел устроить так, чтобы с Ямайки якобы от нее прислали открытку.

Ему не составило труда договориться с женой о встрече в Лондоне, сказав, что он надеется на их примирение и хочет повезти ее «знакомиться к своим родным». Дальнейшее мы опустим, от одних мыслей о нем становится нехорошо. Им, разумеется, двигала алчность. Когда он вспомнил о налогах, о том, насколько они урежут его доход, ему пришло в голову, что недурно бы отхватить себе кус пожирнее. Возможно, что мысль об этом

посетила его еще до того, как он решил убить жену. Во всяком случае, он начал готовить почву, пустив слух, что кто-то будто бы пытается отравить старика Кракенторпа, а кончил тем, что подложил членам семьи мышьяку. Не слишком много, разумеется, так как отнюдь не хотел смерти Кракенторпа-старшего.

— И все-таки непонятно, как ему это удалось, — сказал Краддок. — Ведь когда готовили карри, он в доме отсутствовал.

— А, так никакого мышьяку тогда в карри не было, — сказала мисс Марпл. — Он подсыпал его потом, когда забрал остатки карри на анализ. А тогда подсыпал, вероятно, мышьяку в кувшин с коктейлем. И уж конечно ему было куда как просто, наблюдая за больными, отравить Альфреда Кракенторпа, как и послать Гарольду в Лондон таблетки, предварительно обеспечив себя таким прикрытием, как указание тому же Гарольду больше таблеток не принимать. Все действия его отмечены дерзостью, нахрапом, жестокостью и своекорыстием, и я, право же, очень и очень рада, — заключила мисс Марпл со всей свирепостью, на какую может быть способен пушистый старенький одуванчик, — что пока не отменили смертную казнь, потому что убеждена, если кто и

заслуживает виселицы, так это доктор Куимпер.

— Лучше не скажешь, — поддержал ее инспектор Краддок.

— И вот, — продолжала мисс Марпл, — мне пришла мысль, что даже если кого-нибудь видишь только, как говорится, со спины, то все равно и виду со спины тоже присуще определенное своеобразие. Если, подумала я, Элспет увидит доктора Куимпера точно в том же положении, как того мужчину в поезде, — а он стоял к ней спиной, наклонясь к женщине, которую держал за горло, — тогда она почти наверняка его узнает или хотя бы издаст от неожиданности красноречивое восклицание. Вот почему я была вынуждена прибегнуть, при дружеском содействии Люси, к небольшому розыгрышу.

— Признаться, — сказала миссис Магликадди, — я испытала настоящий шок. Крикнула: «Это он!», не успев удержаться. А между тем, как вам известно, лица-то мужчины я не видела, так что…

— Я страшно боялась, Элспет, как бы ты этого не сказала, — вставила мисс Марпл.

— А я собиралась, — сказала миссис Магликадди. — Как раз собиралась оговориться, что, конечно, не видела его в лицо.

— Чем погубила бы все! — сказала мисс Марпл. — Понимаешь, душенька, он же думал, что ты действительно его узнала. Откуда ему было знать, что лица ты не видела.

— Тогда, выходит, к лучшему, что я промолчала, — сказала миссис Магликадди.

— Я не дала бы тебе и полслова прибавить, — сказала мисс Марпл.

Краддок внезапно рассмеялся.

— Нет, каковы! — вскричал он. — Прелесть, что вы за парочка! Ну, а дальше что, мисс Марпл? Где счастливый конец? Что, например, станется с бедной Эммой Кракенторп?

— Переживет, разумеется, — сказала мисс Марпл, — и, рискну предположить, если ее отец умрет, — а мне не верится, что он и впрямь столь долговечен, как считает сам, — она отправится путешествовать или, подобно Джеральдине Уэбб, останется пожить за границей, и, предположу опять-таки, может быть, судьба припасет ей что-нибудь. Что-нибудь более достойное, чем доктор Куимпер, будем надеяться.

— А что припасла она для Люси Айлзбарроу? Тоже свадебные колокола?

— Возможно, — сказала Мисс Марпл. — Меня бы это не удивило.

— Которого из них она выберет? — спросил Дермот Краддок.

— Вы разве не знаете?

— Нет, — сказал Краддок. — А вы?

— Думаю, да, — сказала мисс Марпл.

И улыбнулась ему лукаво.

… И в трещинах зеркальный круг

На паутине взмыл паук,
И в трещинах зеркальный круг.
Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг
Леди из Шалотта.[110]

Альфред Теннисон

[110] notes: 110
Перевод В. Лунина.

Действующие лица

Джейн Марпл. Состояние здоровья и возраст не позволяли ей вести активный образ жизни, и она полагала, что все преступления на своем веку она уже раскрыла. Но на сей раз убийство произошло, можно сказать, у дверей ее дома.

Мисс Найт. Занудная компаньонка Джейн, человек вроде бы и неплохой, но в больших дозах несколько опасна.

Хитер Бэдкок. Встретившись со знаменитой кинозвездой Мариной Грегг впервые, она получила ее автограф. В их следующую встречу она получила ее коктейль — и результат оказался трагическим.

Артур Бэдкок. Тихий, исстрадавшийся муж Хитер. Может, ему в конце концов надоела жена, которая всегда и все знала лучше других — и не делала из этого тайны?

Миссис Бэнтри. Связующее звено между мисс Марпл и деревней, авторитет во всем, что касается личной жизни кинозвезд.

Доктор Хейдок. Прописал мисс Марпл симпатичненькое и смачненькое убийство. Знал бы он, что это снадобье не заставит себя ждать!

Марина Грегг. Увядающая, но все еще очаровательная кинозвезда. Что же такое она все-таки увидела, когда давала прием в своем новом жилище? Отчего застыла, будто ей явилась ее судьба?

Джейсон Радд. Знаменитый кинорежиссер. Последний и самый преданный муж Марины. Или нет?

Элла Зелински. Секретарша Джейсона. Ей довелось на собственном опыте испытать, что даже чих иногда оказывается роковым.

Хейли Престон. Подтянутый молодой человек, в чьи обязанности входило охранять Марину от персон нон грата. Но как только произошло убийство, пожелал выйти из игры.

Главный инспектор Крэддок. Профи из Скотленд-Ярда, которому пришлось подавить гордыню и обратиться за помощью к 80-летней любительнице, а именно к Джейн Марпл.

Доктор Гилкрист. Личный доктор Марины. Пациентка просила его молчать. Как быть — уважить эту просьбу или сказать полиции, что ее жизнь все еще в опасности?

Лола Брюстер. Породнилась с Мариной благодаря браку. Была второй женой третьего мужа Марины — или наоборот.

Ардуик Фенн. Идет по жизни рука об руку с уда-

чей, привык получать желаемое. Но Марина его отвергла. Может быть, до сих пор саднит старая рана?

Марго Бенс. Фотограф, специалистка по светской хронике. Это ее камера запечатлела застывший взгляд Марины, будто той явилась ее судьба. Может, она запечатлела и взгляд убийцы?

Глава 1
1

Мисс Джейн Марпл сидела у окна и смотрела в сад. Когда-то этот сад был для нее источником гордости. Когда-то… но не сейчас. Мисс Марпл поморщилась. Заниматься садоводством ей теперь запрещено. Наклоняться нельзя, вскапывать грядки нельзя, высаживать растения нельзя — в лучшем случае можно стричь ветки, и то чуть-чуть. Старый Лейкок приходил сюда три раза в неделю и делал что мог, у нее к нему претензий нет. Но то, что он мог (увы, увы), устраивало лишь его самого, но никак не его нанимательницу. Мисс Марпл точно знала, чего она хочет и когда именно, и давала приходящему садовнику четкие инструкции. Тут старый Лейкок с блеском исполнял отработанный номер — с энтузиазмом соглашался, но поступал по своему разумению.

— Будет сделано, хозяйка. Мыльнянку посадим сюда, а колокольчики вдоль стены, как вы и велите. На той неделе сразу этим займусь.

Но потом у Лейкока находились всякие отговорки, причем всегда обоснованные, — так

капитан Джордж из романа «Трое в одной лодке» изобретал разные причины, мешавшие ему выйти в море. Его всегда не устраивал ветер: то он дул не туда — от берега или, наоборот, на берег, то приходил с запада, что ненадежно, а уж если с востока — значит, жди коварства. Лейкок же все сваливал на погоду. Слишком сухо… слишком влажно… почва раскисла от воды… слегка подморозило. Либо находилось какое-то более важное дело (обычно связанное с брюссельской или простой капустой — эти овощи он был готов выращивать в немыслимых количествах). В садоводстве Лейкок исповедовал собственные принципы, и ни один наниматель, даже самый сведущий, не мог сбить его с панталыку.

Принципы эти были довольно просты: пить побольше чайку, крепкого и сладкого, чтобы воодушевить себя на трудовые подвиги, вдумчиво подметать листья в осеннюю пору, высаживать свои любимые цветы, в основном астры и шалфей, чтобы, как он говорил, «хорошо смотрелось» летом. Конечно же, он соглашался, что розы надо опрыскивать, не то их погубит тля, но как-то всегда мешкал с этим опрыскиванием, а если требовалось перекопать землю под сладкий горох, незамедлительно следовало: «Вы бы, хозяйка,

посмотрели, какой сладкий горох вырос у меня в прошлом году! Прямо пальчики оближешь, и никто ничего заранее не перекапывал».

Впрочем, правду говоря, к своим нанимателям Лейкок был привязан, к их садоводческим причудам относился благосклонно (если не приходилось слишком много работать), но предпочтение отдавал овощам. Овощи — вот это продукт! Скажем, савойская капуста или, еще лучше, кормовая капуста с завитушками. А цветы — это все баловство, для дамочек, которым время девать некуда. Что же, пусть их, надо их уважить — и он радовал сердце нанимательниц, выращивая упомянутые выше астры, шалфей, лобелии и летние хризантемы.

— Я тут работал в Новых Домах. Тоже народ хочет, чтобы садики у них приличный вид имели. Да цветов понакупили больше чем надо, вот я кое-что и притащил сюда да посадил вместо наших старушек роз — уж больно жалкий вид был у бедняжек.

Н-да, невеселые мысли… Мисс Марпл отвела глаза от сада и взялась за вязанье.

От фактов не убежишь: Сент-Мэри-Мид уже не та, что была раньше. В каком-то смысле, конечно, изменилось все. Причин можно выискать

вдоволь: сделала свое черное дело война (две войны), не та теперь молодежь, женщины перестали заниматься домом и ходят на работу, наводит страх атомная бомба, никуда не годится правительство… Только все гораздо проще: берет свое возраст. Мисс Марпл, весьма разумная пожилая дама, не испытывала на этот счет никаких иллюзий. Удивительно, что именно здесь, в Сент-Мэри-Мид, где она прожила немалую часть жизни, мисс Марпл особенно ощущала бег времени.

Сердцевина деревушки Сент-Мэри-Мид, оплот былого, никуда не подевалась. Стояли на месте и «Синий вепрь», и церковь, и дом викария, и гнездышко королевы Анны, и георгианские дома, в одном из которых жила мисс Марпл. Стоял на месте дом мисс Хартнелл, да и сама мисс Хартнелл стояла скалой, отчаянно отражая нападки прогресса. А вот мисс Уэтерби перешла в мир иной, и в ее доме поселился управляющий банком с семьей, провел косметический ремонт, выкрасил двери и оконные наличники в бодренький ярко-синий цвет. Почти во всех старых домах жили теперь новые жильцы, но сами дома мало изменились: новым владельцам было по душе, как выражался агент по продаже

недвижимости, «очарование былого». Они просто встраивали еще одну ванну с туалетом, обновляли сантехнику и трубы, покупали электроплиты и посудомоечные машины.

Возможно, дома и выглядели как прежде, но вот деревенская улица… Когда в магазинах поменялись хозяева, тотчас повеяло дыханием нового, и новизна эта внедрялась навек. Рыбная лавка изменилась до неузнаваемости: маленькие окошки сменились гигантской витриной, за которой поблескивала свежемороженая рыба. Мясник, впрочем, проявил консерватизм, да и немудрено: хорошее мясо есть хорошее мясо, были бы деньги. Нет денег — бери куски подешевле да пожестче и не жалуйся! Устояла перед натиском прогресса и бакалейная лавка Барнса, за что мисс Хартнелл, мисс Марпл и другие ежедневно благодарили небеса. И обласкают тебя, и на удобный стул возле прилавка посадят, и поговорят задушевно: какой кусок бекона вам отрезать, мадам, какой сыр желаете? А вот в конце улицы, на месте магазина, где мистер Томс когда-то торговал корзинками, сияет стеклом да металлом новехонький супермаркет — сущая анафема для пожилых обитательниц Сент-Мэри-Мид.

«Кругом пакеты невесть с чем, нормальный

человек о таком и слыхом не слыхивал, — жаловалась мисс Хартнелл. — Пакетищи с какими-то полуфабрикатами — изволь этим кормить ребенка на завтрак, а про нормальный бекон с яйцами забудь. И еще — изволь сам брать корзинку да выискивать, что тебе нужно, а оно обязательно расфасовано, да так, что там либо намного больше, чем тебе хочется, либо намного меньше. Пока все найдешь — четверти часа как не бывало. А потом еще выстаивай длинную очередь — платят-то за все вместе, при выходе. Дурость несусветная. Конечно, оно, может, и ничего для людей из Новых Домов...»

На этом месте она останавливалась.

Потому что фраза подходила к логическому завершению. «Новые Дома». Конец цитаты, как принято говорить нынче. Этими двумя словами было сказано все. И оба слова — с большой буквы.

2

Мисс Марпл раздраженно крякнула. Она снова пропустила петлю. Мало того что пропустила, так еще и стала вязать дальше. И поняла это только сейчас, когда пришлось считать петли

для шейки. Она взяла запасную спицу, поднесла вязанье к свету, натянула его и, волнуясь, стала вглядываться. Но даже новые очки не помогали. Почему? Да все потому же, с горечью подумала мисс Марпл. Пришло время, когда окулисты, со всеми своими шикарными комнатами ожидания, современными инструментами, яркими фонариками, которыми они светят тебе в глаза, очень высокими гонорарами, больше ничего не могут для тебя сделать. Не без грусти мисс Марпл вспомнила, как хорошо она видела еще несколько лет назад (не так уж и несколько). Занимала в саду выгодную позицию, так что вся Сент-Мэри-Мид лежала перед ней как на ладони, и, можно сказать, ничего не укрывалось от ее проницательного взгляда. А если еще надеть очки для изучения птиц (ее увлечение птицами приносило немалую пользу), можно было увидеть… Тут мысли перенесли ее в прошлое. Вот Энн Протероу в летнем платьице идет к саду викария. А вот полковник Протероу… бедняга… Да, это был занудливый и неприятный тип… но умереть такой смертью… кошмарное убийство… Мисс Марпл покачала головой и припомнила Гризелду, хорошенькую женушку викария. Ах, милейшая Гризелда… такая преданная подруга…

никогда не забывала прислать открытку к Рождеству. А ее красавчик малыш вон какой вымахал, взрослый мужчина, и работа у него приличная. Кажется, по инженерному делу. Разбирать на части игрушечные поезда — в детстве у него это было любимое развлечение. За домом викария через стену вели ступеньки, а дальше тянулась тропа в поле, там пасся скот фермера Гайлса, а теперь на месте этого поля…

Новые Дома.

А что тут, собственно, такого, спросила себя мисс Марпл со всей строгостью. Разве могло быть иначе? Дома были нужны, построили их очень хорошо, насколько ей известно. «Плановая застройка», или как там ее. Хотя непонятно, почему все кварталы, как один, называются «клоуз».[111] Обри-клоуз, Лонгвуд-клоуз, Грэндисон-клоуз и так далее. Тоже мне, «клоузы». Мисс Марпл знала, что такое «клоуз». В свое время ее дядя был каноником в Чичестерском соборе. Когда она ребенком навещала его, жили они именно в «клоузе».

Точно так же Черри Бейкер всегда называла гостиной старомодную, заставленную мебелью залу мисс Марпл. «Это не гостиная, Черри, а за-

---

[111] notes: 111

Территория собора с прилегающими постройками, как правило огороженная.

ла», — мягко поправляла ее мисс Марпл. И Черри, женщина молодая и добрая, великодушно старалась это запомнить, хотя ей было совершенно ясно, что «зала» звучит уж больно забавно, и «гостиная» время от времени все равно срывалась с языка. В конце концов они сошлись на «столовой». Мисс Марпл относилась к Черри очень хорошо. Черри была замужем за неким Бейкером и жила в Новых Домах. Она принадлежала к прослойке жен-молодок, которые отоваривались в супермаркете и катали тележки с продуктами по тихим улочкам Сент-Мэри-Мид. Все проворные и прилично одетые. С аккуратно уложенными кудряшками. Они громко смеялись и весело болтали друг с другом. Эдакая не знающая горя стайка птиц. Вероломный кредит ставил им одну ловушку за другой, и им всегда требовались наличные, хотя их мужья зарабатывали вполне сносно. Поэтому они нанимались кухарить или убирать по дому. Черри была отменной кухаркой, да и умом бог не обидел: она исправно и толково отвечала на телефонные звонки и быстро находила неточности в счетах, что приходили на дом. А вот выбивать матрацы… К этому она относилась без большого энтузиазма… Что же касается мытья посуды… Мисс Марпл всегда отворачивалась, ко-

гда проходила мимо двери в буфетную, где Черри посудомойничала по своему методу: складывала в раковину все подряд, обильно посыпала мыльным порошком и включала воду. Мисс Марпл потихоньку изъяла из каждодневного пользования старый вустерский чайный сервиз и убрала его в угловой шкафчик, откуда сервиз извлекался лишь по особым случаям. А на каждый день купила современный, с бледно-серым рисуночком на белом фоне и без всякой позолоты, которая все равно смылась бы в злосчастной раковине.

Да, с прошлым — ничего общего… Взять вернейшую Флоренс, эту гренадершу-горничную… или Эми, Клару, Элис, «милейших служаночек», девочек из приюта Сент-Фейтс… Они проходили у нее «подготовку», а потом разъехались кто куда, где побольше платят. По большей части простушки, у многих нарушен обмен веществ, а у Эми и с головой был явный непорядок. Они сплетничали и щебетали с другими служанками в деревне, прогуливались с помощником хозяина рыбной лавки, или с младшим садовником из Госсингтон-Холла, или с кем-то из многочисленных продавцов бакалейного магазина мистера Барнса. Мисс Марпл с любовью вспоминала о них: сколько детских костюмчиков она связала

для их будущих отпрысков! Они не так умело обращались с телефоном, да и с арифметикой дело у них обстояло слабо. С другой стороны, посуду они мыли отменно, а постель застилали и вовсе на «отлично». Они не могли похвастать образованием, но по хозяйству управлялись хорошо. А нынче работать по дому приходят все больше образованные — не странно ли? Студентки из-за рубежа, девушки, снимающие жилье на пару, университетские студентки на каникулах, молодые замужние женщины, как Черри Бейкер, живущие в районах новой застройки, где все фальшь, даже названия кварталов.

Конечно, остались люди, подобные мисс Найт. Эта последняя мысль пришла внезапно — над головой раздались шаги мисс Найт, и стеклянные подвески на каминной полке предупреждающе зазвенели. Мисс Найт, совершив обряд дневного сна, собиралась приступить к другому обряду — дневной прогулке. Через минуту она зайдет и спросит, не нужно ли мисс Марпл чего-нибудь в городе. При воспоминании о мисс Найт мысли мисс Марпл потекли по проторенному руслу. Конечно, со стороны дорогого Реймонда (ее племянника) это очень великодушно, и мисс Найт — сама доброта, и приступ бронхита не прошел

для мисс Марпл бесследно, и доктор Хейдок твердо заявил — мало, чтобы кто-то просто к ней заглядывал, она вообще не должна находиться в доме одна, и все же… Тут она остановилась. Ибо дальше неизбежно следовала вот какая мысль: «Будь это не мисс Найт, а кто-то другой…» Но у пожилых дам в наши дни выбор, как известно, весьма ограничен. Верные служанки нынче не в моде. Если заболеешь по-серьезному, к тебе, может, и пришлют хорошую сиделку, только за большие деньги, и пойди еще ее найди, а нет — ложись в больницу. Но когда критическая стадия болезни позади, можешь рассчитывать только на мисс Найт и ей подобных.

Собственно, в мисс Найт и ей подобных нет ничего плохого, одна беда — уж больно они тебя раздражают. Они полны доброты, готовы одаривать своих подопечных заботой и любовью, ублажать их, постоянно им улыбаться, сюсюкать с ними — словом, обращаться с ними как с умственно отсталыми детьми.

«Но умственно отсталым ребенком, — сказала себе мисс Марпл, — при всем моем преклонном возрасте я себя не считаю».

В эту секунду, как обычно слегка запыхавшись, в комнату, сияя, влетела мисс Найт. Это была

крупная, слегка оплывшая жиром женщина пятидесяти шести лет от роду, пожелтевшие седые волосы уложены в довольно сложную прическу, очки, заостренный нос, на губах добродушная улыбка, а ниже — слабый подбородок.

— А вот и мы! — лучась от радости, шаловливо воскликнула она, дабы рассеять сумеречную грусть божьего одуванчика. — Надеюсь, мы уже покемарили?

— Лично я вязала, — ответила мисс Марпл. — И пропустила петлю, — добавила она с легким стыдом, презирая себя за эту слабость.

— Ах, дорогая моя, — посетовала мисс Найт. — Ну, ничего, мы скоро это поправим, правда?

— Вы поправите, — уточнила мисс Марпл. — Я, увы, на это уже не способна.

Ядовитые нотки в ее голосе остались незамеченными. Мисс Найт, как всегда, была рада помочь.

— Ну, вот, — сказала она вскоре. — Пожалуйста, дорогая. Теперь все в порядке.

Мисс Марпл ничего не имела против, когда ее называли «дорогой» (или даже «дорогушей») зеленщица или девушка из магазина канцтоваров, но «дорогая» из уст мисс Найт раздражало ее до крайности. Еще одно неудобство, с которым

дамам в возрасте приходится мириться. Она вежливо поблагодарила мисс Найт.

— А теперь я сделаю маленький топ-топ-топ, — бодрым голосом доложила мисс Найт. — Туда и назад.

— Вы уж гуляйте сколько хотите, прошу вас, — сказала мисс Марпл вежливо и вполне искренне.

— Нет, дорогая, слишком надолго оставлять вас не хочу, вдруг вы захандрите?

— Уверяю вас, мне это не угрожает, — успокоила ее мисс Марпл. — Я, пожалуй, — она прикрыла глаза, — немножечко вздремну.

— Вот и прекрасно, дорогая. Что-нибудь принести?

Мисс Марпл открыла глаза и задумалась.

— Зайдите в «Лонгдонс» и узнайте, готовы ли занавески. Да разве купите еще один моток голубой пряжи у миссис Уисли. А в аптеке — таблетки из черной смородины. И поменяйте книги в библиотеке — но берите, пожалуйста, только по моему списку. В прошлый раз они всучили какую-то жуть. Я не добралась даже до середины.

Она достала книгу под названием «Весна просыпается».

— Ах, дорогая, дорогая! Неужели вам не понравилось? Я думала, вы будете в восторге. Такая

трогательная история.

— И если это для вас не слишком далеко, может быть, вы дойдете до «Халлетса» и посмотрите, нет ли у них сбивалки для яиц — но только не с ручкой, а чтобы сбивала сверху вниз.

(Она прекрасно знала, что в «Халлетсе» этих сбивалок нет и в помине, но это был самый дальний магазин в пределах разумного.)

— Если я вас не слишком обременяю… — пробормотала она.

Но мисс Найт совершенно искренне ответила:

— Ни в коем случае. Все сделаю с превеликим удовольствием.

Мисс Найт обожала ходить по магазинам. Это позволяло ей держать руку на пульсе. Тут встречаешь знакомых, и можно с ними поболтать, посплетничать с продавщицами, ну и, разумеется, посмотреть, что, где и почем. На все эти приятные занятия с чистой совестью можно потратить довольно много времени — все-таки тебя послали по делу.

И мисс Найт, бросив последний взгляд на хрупкую старушку, мирно сидевшую у окна, радостно выпорхнула из комнаты.

Выждав несколько минут — вдруг мисс Найт вернется за сумкой, кошельком или носовым

платком (она вечно что-то забывала и возвращалась) — и придя в себя после легкого перенапряжения — не так-то просто было дать мисс Найт столько ненужных поручений, — мисс Марпл деловито поднялась, отложила в сторону вязанье и целеустремленной походкой направилась в холл. Там она сняла с вешалки летнее пальто, взяла стоявшую тут же палку, сменила шлепанцы на прочные уличные туфли. И через боковую дверь вышла из дому.

«Ее не будет минимум полтора часа, — прикинула мисс Марпл. — Да, именно так, ведь сейчас по магазинам ходят все Новые Дома».

Мисс Марпл представила себе, как мисс Найт в «Лонгдонсе» ведет обреченные на провал переговоры насчет занавесок. И мысленный взор ее не подвел. В эту самую минуту мисс Найт восклицала:

— Конечно, я и сама была уверена, что они еще не готовы. Но раз старушка попросила, я сказала: хорошо, пойду и проверю. Бедные старички, что им осталось в этой жизни? И если уж у них есть какие-то желания, надо им потакать. Тем более она такая лапочка. Уже немножко не того, но куда деваться? Возрастное. Какой прелестный у вас матерьяльчик! А другие цвета есть?

Таким приятным образом мисс Найт провела двадцать минут. Когда она наконец ушла, старшая продавщица заметила, слегка фыркнув:

— Немножко не того? Ну уж позвольте не поверить. Мисс Марпл всегда была в здравом уме и трезвой памяти, была и есть.

После этого она занялась с молодой покупательницей в узких брючках и парусиновой кофте, той требовалась пластиковая занавеска с крабами для ванной.

Между тем мисс Марпл играла в свою любимую игру.

«Эмили Уотерс, вот кого мне напоминает мисс Найт, — констатировала она с удовольствием, ибо всегда радовалась, когда находила в людях какие-то схожие черты. — Те же куриные мозги. Минуточку, а что же случилось с Эмили?»

Да ничего особенного. Было время, она едва не обручилась с викарием, но лишенный страсти роман совсем зачах через несколько лет. Впрочем, бог с ней, с этой ее компаньонкой. Мисс Марпл сосредоточилась на предметах, непосредственно ее окружавших. Она быстро прошла по саду, заметив краешком глаза, что Лейкок подстриг старые розы так, как можно стричь разве что гибридные чайные кусты… «Нет, — сказала она себе, — не

будем расстраиваться и вообще отвлекаться, зачем отравлять себе приятные мгновения?» Ведь ей предстоит прогулка без сопровождающих — какое наслаждение! Вдруг с ней что-нибудь приключится? Она повернула направо, прошла в ворота дома викария, потом тропинкой по саду, взяла чуть правее. Ступеньки через стену теперь уступили место воротам на шарнирах, за ними тянулась асфальтированная дорожка. Дальше — аккуратный мостик через ручей, а по ту сторону ручья, где когда-то на полянах паслись коровы, раскинулись Новые Дома.

Глава 2

Видимо, схожие чувства испытывал Колумб, когда отправился открывать новые миры. Мисс Марпл перебралась через мостик и вскоре — прошагав четыре минуты по дорожке — оказалась на улице под названием Обри-клоуз.

Разумеется, мисс Марпл видела Новые Дома со стороны Маркет-Бейзинг-роуд, то есть видела издалека ряды ладных и аккуратных построек, с телеантеннами на крышах, с дверьми и оконными наличниками, выкрашенными в голубое, розовое, желтое и зеленое. Но до сих пор район был для нее лишь местом на топографической карте, не более. В нем она не была, не сопоставляла с ним себя лично. И вот она здесь, своими глазами видит этот возникший из небытия прекрасный новый мир, совершенно чуждый всему, что ей дотоле было известно. Прямо игрушка, макет, построенный из детских кирпичиков. Неужели все это — настоящее?

Да и люди не такие, к каким она привыкла. Дамы в брючках, зловещего вида молодые парни и мальчишки, у пятнадцатилетних девчонок груди такие, что одежда вот-вот треснет по швам.

Было во всем этом что-то ужасно порочное. Мисс Марпл неспешно ковыляла по улице, и никто не обращал на нее внимания. Она повернула на углу Обри-клоуз и оказалась на Дарлингтон-клоуз. Она с жадностью вслушивалась в обрывки разговоров между молодыми мамашами с колясками, между девицами и парнями, между зловещего вида пижонами (наверняка все они — пижоны), которые перебрасывались зловещими репликами. Матери выходили на ступеньки и звали своих детей, а те, как водится, занимались тем, чем не велено. Вот уж кто не меняется, так это дети. И слава богу. Тут она заулыбалась, ибо в мозгу ее, как обычно, стали возникать аналогии.

Вот женщина — вылитая Кэрри Эдвардс. А вон та брюнетка здорово смахивает на девчонку Хуперов… и семейная жизнь ей так же не удастся, как не удалась Мэри Хупер… Ну-ка, а что там мальчишки? Этот, темноволосый, похож на Эдварда Лика, все что-то угрожает да ерепенится, но на самом деле вреда от него никакого… Если разобраться, хороший парнишка… а тот, светловолосый, — точь-в-точь Джош, сын миссис Бедуэлл. Хорошие ребятишки, один и другой. А вот этому, что похож на Грегори Биннса, не позавидуешь. Небось и у него мамаша не подарок…

Она свернула на Уолсингем-клоуз, настроение у нее поднималось с каждой минутой.

Новый мир ничем не отличался от старого. Да, дома здесь другие, улицы почему-то называются «клоузы», другой стиль одежды, по-другому звучат голоса… но люди все те же… те же, что всегда. Да и темы разговоров не поменялись, хотя слегка другим стал язык.

Увлекшись своим исследованием, мисс Марпл немного сбилась с пути и снова оказалась на краю жилого массива. Она стояла на углу Каррисбрук-клоуз, улица эта была застроена лишь наполовину. У окна второго этажа почти готового дома стояла молодая пара. Молодые люди обсуждали свои насущные проблемы, и звуки их голосов плыли по воздуху вниз.

— Согласись, Харри, дом расположен прекрасно.

— Тот был не хуже.

— Здесь на две комнаты больше.

— За них, между прочим, надо платить.

— Этот дом мне нравится больше.

— Еще бы!

— Слушай, не порть мне настроение. Знаешь ведь, что сказала мама.

— Твоя мама всегда что-нибудь говорит.

— Оставь мою маму в покое. Где бы я была без нее? Она, кстати, вполне могла показать коготки, если хочешь знать. И дело бы кончилось для тебя судом.

— Ну, хватит, Лили.

— И прекрасный вид на холмы. Почти видно… — Она высунулась из окна, выгнулась налево. — …почти видно водохранилище…

Она еще больше подалась вперед, не понимая, что переносит свой вес на слабо закрепленные доски поверх подоконника. Под нажимом ее тела доски разошлись и вывалились наружу, увлекая девушку за собой. Она вскрикнула, пытаясь удержать равновесие:

— Харри!

Молодой человек стоял в одном или двух футах у нее за спиной… Он словно окаменел. Потом шагнул вперед…

Девушка, сделав яростное усилие, ухватилась за стену и выпрямилась.

— Уф! — От испуга у нее даже перехватило дыхание. — Чуть не выпала. А ты почему меня не подхватил?

— Все вышло так быстро. Да ладно, все же в порядке.

— В порядке! Говорю тебе, я чуть не вывали-

лась. А джемпер, посмотри, во что превратился.

Мисс Марпл пошла было дальше, но потом, движимая импульсом, решила вернуться.

Лили уже вышла на улицу и ждала молодого человека, который запирал дом.

Мисс Марпл подошла к ней и заговорила быстро и негромко:

— На вашем месте, дорогая, я бы не стала выходить за этого мужчину. Вам нужен человек, на которого вы сможете опереться в минуту опасности. Простите меня за эти слова, но я не могла вас не предостеречь.

И зашагала прочь, а Лили уставилась ей вслед:

— Да какого…

Подошел ее молодой человек.

— Что она тебе сказала, Лил?

Лили открыла было рот — и закрыла.

— Предостерегала меня, как цыганка, вот что.

И окинула его задумчивым, оценивающим взглядом.

Тем временем мисс Марпл, жаждавшая поскорее скрыться из виду, свернула за угол и, споткнувшись о кучку камней, упала.

Тут же из ближайшего дома выбежала женщина.

— Дорогая моя, как же вы так неудачно? Не

ушиблись?

И она с рвением, едва не чрезмерным, обхватила мисс Марпл и, приподняв, поставила на ноги.

— Кости все целы? Ну и слава богу. Такое потрясение. Вам надо прийти в себя.

Голос у нее был громкий, дружелюбный. А сама — пухлая дородная брюнетка лет сорока, в волосах пробивалась седина, глаза голубые, а рот большой и броский. Слегка потрясенной мисс Марпл даже показалось, что в нем чересчур много блестящих белых зубов.

— Зайдите ко мне, посидите немного и передохните. Я приготовлю вам чашечку чаю.

Мисс Марпл поблагодарила ее. Позволила провести себя через голубую дверь в маленькую комнату, заставленную стульями и диванами с кретоновой обивкой.

— Ну вот, — заключила ее спасительница, усаживая мисс Марпл в кресло с подушками. — Сидите спокойненько, а я поставлю чайник.

И выметнулась из комнаты, в которой сразу стало как-то покойно и тихо. Мисс Марпл набрала полные легкие воздуха, выдохнула. Ушибиться она не ушиблась, но потрясение испытала, это точно. Падать в ее возрасте не полагается. «Впрочем, если повезет, — виновато подумала

она, — мисс Найт об этом не узнает — незачем». Мисс Марпл осторожно пошевелила руками и ногами. Ничего не сломано. Теперь главное — добраться до дому. Может, после чашечки чаю…

В ту же секунду появилась чашка чаю. Вместе с четырьмя плиточками сдобного печенья на блюдечке. И все это — на подносе.

— Пожалуйста. — Хозяйка водрузила поднос на маленький столик перед мисс Марпл. — Давайте я вам налью. И сахара надо побольше.

— Мне без сахара, спасибо.

— Нет, как раз с сахаром. У вас же шок. В войну я работала за границей на машинах «Скорой помощи». Сахар прекрасно помогает при шоке. — Она положила в чашку четыре куска и принялась энергично шуровать ложечкой. — А теперь проглотите это — и будете как новенькая.

Мисс Марпл послушно исполнила авторитетное распоряжение хозяйки.

«Добрая женщина, — подумала мисс Марпл. — Кого-то она мне напоминает… Кого же?»

Улыбнувшись, она сказала:

— Большое спасибо за доброту.

— Ну, какие пустяки. Я маленький ангел-хранитель, вот я кто. Обожаю помогать людям. — Было слышно, как отворилась калитка, и хозяйка вы-

глянула в окно. — А вот и муж пришел. Артур, у нас гостья.

Она вышла в холл и вернулась с Артуром. Он с озадаченным видом взирал на мисс Марпл. Это был худощавый белолицый мужчина, довольно медлительный.

— Эта дама упала — прямо у наших ворот, вот я и завела ее в дом.

— Ваша жена так добра, мистер…

— Бэдкок.

— Мистер Бэдкок. Боюсь, я причинила ей много хлопот.

— Ну, для Хитер это не хлопоты. Делать людям добро — для нее удовольствие. — Он с любопытством взглянул на мисс Марпл: — Вы куда-то шли?

— Нет, просто гуляла. Я живу в Сент-Мэри-Мид, позади дома викария. Меня зовут Марпл.

— Вот это да! — воскликнула Хитер. — Так вы и есть мисс Марпл! Я про вас слышала. Вы — специалист по убийствам.

— Хитер! Что такое ты…

— Ну, ты прекрасно меня понял. В смысле — по расследованию убийств. Правда?

Мисс Марпл скромно пробормотала, что раздругой имела отношение к подобным расследо-

ваниям.

— Я слышала, что здесь, в этой деревне, тоже случались убийства. На днях в клубе «Бинго» об этом говорили. Кого-то убили в Госсингтон-Холле. Ни за что бы не переехала в дом, где кого-то убили. Там наверняка привидения.

— Но убийство произошло не в Госсингтон-Холле. Туда просто принесли труп.

— А нашли его в библиотеке, на коврике перед камином, так?

Мисс Марпл кивнула.

— Надо же! Может, об этом даже фильм будут снимать. Может, потому Марина Грегг и купила Госсингтон-Холл.

— Марина Грегг?

— Да. Вместе со своим мужем. Забыла его фамилию… то ли продюсер, то ли режиссер… зовут Джейсон, а фамилия выскочила из головы. А Марина Грегг не женщина, а просто чудо! Последние годы она, правда, почти не снималась — долго болела. Но и сейчас ей равных нет, я так считаю. Вы видели ее в «Карманелле»? А в «Цене любви», в «Марии Шотландской»? Она уже немолода, но для настоящей актрисы возраст не помеха. Я всегда была ее горячей поклонницей. В детстве если у меня и был кумир, так это она. Я была

на седьмом небе от счастья, когда для «Службы скорой помощи Святого Иоанна» на Бермудах организовали большой благотворительный вечер и открывать его должна была Марина Грегг. Я чуть с ума не сошла от радости, и вдруг в день концерта у меня температура, и доктор говорит — надо лежать. Но я решила — нет, так просто не сдамся. Да и чувствовала я себя совсем неплохо. В общем, поднялась, как следует подмазалась — и туда. Меня ей представили, мы с ней минуты три поговорили, она даже дала мне автограф. В общем, чудесней не придумаешь. Я тот день никогда не забуду.

Мисс Марпл пристально посмотрела на нее.

— Надеюсь, на вашем здоровье… это никак не отразилось? — встревоженно спросила она.

Хитер Бэдкок засмеялась:

— Нисколечко. В жизни не чувствовала себя лучше. Я считаю, если хочешь чего-то добиться, надо рискнуть. Я всегда так и делаю.

И она снова засмеялась — резко, громогласно, весело.

— Если Хитер что взяла в голову, ее не остановишь, — восхищенно произнес Артур Бэдкок. — И все ей сходит с рук.

— Элисон Уайлд, — удовлетворенно кивнув,

пробормотала мисс Марпл.

— Пардон? — не понял мистер Бэдкок.

— Нет, ничего. Просто я когда-то знала эту женщину.

Хитер вопросительно посмотрела на нее.

— Вы мне ее напомнили, вот и все.

— Правда? Надеюсь, это была милая женщина.

— Очень, очень милая, — мисс Марпл призадумалась. — Добрая, пышущая здоровьем, жизнерадостная.

— Но хоть какие-то недостатки у нее были? — засмеялась Хитер. — У меня есть.

— Видите ли, у нее всегда была настолько определенная точка зрения, что порой она не замечала, как на то или иное явление могут посмотреть другие, как они могут его воспринимать.

— Вот и ты как-то в войну пустила в дом семью, которая лишилась крова, а они забрали наши чайные ложки и скрылись, — вставил Артур.

— Ну, Артур, как же я могла их не впустить! Я бы сотворила зло.

— Между прочим, это было фамильное серебро, — с тоской в голосе напомнил мистер Бэдкок. — Восемнадцатый век. Принадлежало бабушке моей матери.

— Дались тебе эти старые ложки, Артур. Уж давно пора про них забыть.

— Боюсь, я не из тех, кто быстро забывает.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него.

— А чем сейчас занимается ваша знакомая? — обратилась Хитер к мисс Марпл скорее из вежливости.

Мисс Марпл ответила не сразу.

— Элисон Уайлд? Она… умерла.

Глава 3
1

— Я так рада, что вернулась, — призналась миссис Бэнтри. — Хотя, чего греха таить, время провела прекрасно.

Мисс Марпл понимающе кивнула и приняла из рук подруги чашку чаю.

Когда несколько лет назад скончался полковник Бэнтри, его жена, миссис Бэнтри, продала Госсингтон-Холл и довольно большой прилегающий участок земли, оставив себе лишь Ист-Лодж, прелестный домик с портиком, но начисто лишенный удобств, и жить в нем отказывался даже садовник. Миссис Бэнтри наполнила его всем необходимым для современной жизни, подстроила кухню новейшего типа, подвела воду и электричество, сделала ванную и туалет. Пришлось выложить за все это немалые деньги, но попытка жить одной в Госсингтон-Холле обошлась бы ей несравненно дороже. В то же время она сохранила полную независимость, сад на три четверти акра в изящном кольце деревьев и с полным правом шутила: «Пусть делают в

Госсингтоне что хотят, я ничего не увижу и буду жить спокойно».

В последние годы она много путешествовала, навещая детей и внуков в разных частях земного шара и изредка возвращаясь назад насладиться уединением собственного дома. Тем временем и сам Госсингтон-Холл несколько раз менял хозяев. Его превратили было в семейную гостиницу, но эта затея провалилась, потом дом стал собственностью четырех человек сразу, новые хозяева сделали из него четыре квартиры и вскорости переругались. Наконец дом решило купить министерство здравоохранения для каких-то не вполне ясных целей, и в итоге Госсингтон-Холл ему не понадобился. Он был снова перепродан — и именно эту сделку обсуждали сейчас две подруги.

— Слухи до меня, конечно, дошли, — говорила мисс Марпл.

— Естественно, — отвечала миссис Бэнтри. — Ведь ходили даже разговоры, что здесь поселится Чарли Чаплин со всеми своими детьми. Вот уж было бы развлечение на славу; увы, это всего лишь сплетня. Теперь точно известно, что жить здесь будет Марина Грегг.

— До чего она была хороша собой, — со вздохом

произнесла мисс Марпл. — По сей день помню все ее ранние фильмы. «Перелетные птицы» с этим красавчиком, Джоэлом Робертсом. Или «Мария, королева Шотландии». Или «Как колосья на ветру» — сентиментальщина, конечно, но я этот фильм могла смотреть и смотреть. Господи, как давно все это было!

— Да, — согласилась миссис Бэнтри. — Сколько же ей сейчас? Как думаете? Сорок пять? Пятьдесят?

— Видимо, все-таки ближе к пятидесяти, — прикинула мисс Марпл. — А она последнее время где-нибудь снималась? Я ведь теперь в кино почти не хожу.

— Разве что в эпизодах, — сказала миссис Бэнтри. — Она уже давно не звезда. И потом, у нее ведь было нервное расстройство. После очередного развода.

— Еще бы, — протянула мисс Марпл. — Они мужей меняют как перчатки. Утомишься тут.

— Я бы так не смогла, — заявила миссис Бэнтри. — Влюбляешься в человека, выходишь за него замуж, привыкаешь к нему, вьешь уютное гнездышко — и на тебе, все в помойку и начинай сначала! Даже в голове не укладывается.

— Тут я лучше помолчу, — потупив взор и

кашлянув, промолвила мисс Марпл — старая дева. — Ведь замужем я никогда не была. Хотя, мне кажется, их можно пожалеть.

— Они, наверное, ничего с этим поделать не могут, — неопределенно заметила миссис Бэнтри. — Ведь у них такая жизнь. У всех на виду. Я с ней встречалась лично, — добавила она. — С Мариной Грегг, когда была в Калифорнии.

— И как она выглядела? — с интересом спросила мисс Марпл.

— Очаровательная женщина, — сказала миссис Бэнтри. — Такая естественная, прямо дитя природы. — Она задумчиво добавила: — Это, конечно, все благоприобретенное.

— Что именно?

— Да это самое — умение вести себя как дитя природы. Сначала этому учишься, а потом вживаешься в образ и уже из него не выходишь. Только представьте, какой это кошмар — все время помнить о приличиях, не иметь возможности закричать в голос: «Да оставьте вы меня ради бога в покое!» Я бы сказала, что все эти их вечеринки, где спиртное льется рекой, все эти их оргии — просто необходимая самооборона.

— У нее, кажется, было пять мужей? — спросила мисс Марпл.

— Как минимум. Один в ранней молодости, его можно и не считать, потом какой-то иностранец, то ли принц, то ли граф, потом этот киноактер, звезда… Роберт Траскотт, да? Газетчики постарались, раздули вокруг них шумиху — безумная любовь. Но идиллия продлилась всего четыре года. Потом появился Айседор Райт, драматург. Тут все было глубоко и серьезно, у нее даже родился ребенок… Видимо, она всегда хотела ребенка… даже наполовину усыновила нескольких беспризорников… В общем, на сей раз все было по-настоящему. Газетчики — снова тут как тут. Материнство с большой буквы. А потом оказалось, что ребенок — то ли дебил, то ли псих, то ли еще что-то такое… Тут-то у нее и случилось нервное расстройство, она начала принимать наркотики… отказываться от предложений… скоро совсем перестала сниматься.

— Вижу, вы про нее много знаете, — заметила мисс Марпл.

— Естественно, — сказала миссис Бэнтри. — Я заинтересовалась ею, когда она купила Госсингтон. Нынешний брак она заключила года два назад, и вроде бы сейчас она снова в норме. Он продюсер… или режиссер? Все время путаю. Он был влюблен в нее в их молодые годы, но тогда

он ничего собой не представлял, так что… А теперь, насколько я знаю, он очень знаменит. Как его фамилия? Джейсон… Джейсон, а вот дальше… Джейсон Хадд? Нет, кажется, Радд. Да, Радд. Они купили Госсингтон, потому что неподалеку находится киностудия. — Она засомневалась. — «Элстри»? — предположила она.

Мисс Марпл покачала головой.

— Не думаю, — усомнилась она. — «Элстри» находится на севере Лондона.

— Это совсем новая студия. «Хеллингфорт» — вот как она называется. Что-то финское в названии, правда? Милях в шести от Маркет-Бейзинг. Марина Грегг будет сниматься в фильме про Елизавету Австрийскую.

— Надо же, сколько вам всего известно про личную жизнь кинозвезд, — отметила мисс Марпл. — Вы все это узнали в Калифорнии?

— Не совсем, — призналась миссис Бэнтри. — Обо всем этом пишут разные диковинные журналы, которые я читаю у моей парикмахерши. Вообще-то я этих звезд все время путаю, но Мариной Грегг и ее мужем я заинтересовалась — ведь они купили Госсингтон! А в этих журналах чего только не прочтешь! Там небось и половины правды нет… В лучшем случае четверть.

Я не верю, что Марина Грегг — нимфоманка, что пьянствует, скорее всего, она и наркотики не принимает, вполне возможно, ей просто понадобилось передохнуть, а никакого нервного расстройства и в помине не было! А вот что она будет здесь жить — правда.

— Я слышала, она переезжает на следующей неделе, — сообщила мисс Марпл.

— Так скоро? Я знаю, что двадцать третьего она дает в Госсингтоне большой благотворительный прием для «Службы скорой помощи Святого Иоанна». Дом как следует отремонтировали?

— Переделали почти все, — сказала мисс Марпл. — Наверное, проще и дешевле было бы этот дом снести и на его месте построить новый.

— Туалетных комнат добавили?

— Я слышала, целых шесть. Во дворе — пальмы. И бассейн. И окна во всю стену, чтобы вид был красивее, а стену между кабинетом вашего мужа и библиотекой сломали и сделали одну большую комнату — музыкальную.

— Бедный Артур перевернется в гробу. Вы же помните, как он ненавидел музыку. Что называется, медведь на ухо наступил. Помню, с каким лицом он сидел в опере, когда нас туда вытаскивал какой-нибудь добрый друг. Он еще придет к

ним в белом саване. — Она смолкла, потом вдруг спросила: — Никто не намекает, что в Госсингтоне могут быть привидения?

Мисс Марпл покачала головой.

— Их там нет, — с уверенностью сказала она.

— Слух-то все равно можно распустить, — заметила миссис Бэнтри.

— Никто таких слухов не распускал, — мисс Марпл помолчала, потом добавила: — Люди ведь не дураки. Особенно в деревнях.

Миссис Бэнтри метнула взгляд на собеседницу:

— Вы всегда придерживались этой точки зрения, Джейн. И я считаю, вы правы.

Она неожиданно улыбнулась:

— Марина Грегт спросила меня, очень мягко и тактично, не буду ли я страдать, видя, как в моем доме живут чужие люди. Я успокоила ее — это меня ничуть не огорчит. Пожалуй, она мне не поверила. Но ведь Госсингтон, кстати говоря, не был нашим домом, вы же знаете, Джейн. Мы здесь не выросли, не жили здесь детьми — а это самое главное. Когда Артур отошел от дел, мы просто купили этот дом, не последнюю роль сыграло и то, что в этих краях хорошие охота и рыбалка. Помню, мы думали: ну, с этим домом у нас не будет ни забот ни хлопот! Надо же так заблуж-

даться! Одних коридоров да лестниц сколько! И всего четверо слуг. Всего! Вот это были денечки, ха-ха! — Ни с того ни с сего она перескочила на другую тему: — Как же это вы упали? Эта ваша Найт не должна отпускать вас одну!

— Бедная мисс Найт тут ни при чем. Я послала ее по магазинам, надавала заданий, а сама…

— …решила от нее улизнуть? Понятно. В вашем возрасте, Джейн, играть в такие игры не стоит.

— А как вы об этом узнали?

Миссис Бэнтри ухмыльнулась:

— В Сент-Мэри-Мид все тайное быстро становится явным. Ваши слова. Я узнала от миссис Миви.

— Миссис Миви? — озадаченно переспросила мисс Марпл.

— Она приходит ко мне каждый день. Живет в Новых Домах.

— А-а, в Новых Домах.

Последовала обычная пауза.

— А что вы делали в Новых Домах? — полюбопытствовала миссис Бэнтри.

— Глазела по сторонам. Хотелось посмотреть, что там за люди.

— И что там за люди?

— Да самые обыкновенные. Даже не знаю, разо-

чаровало это меня или успокоило.

— Наверное, разочаровало.

— Нет. Скорее успокоило. Это позволяет… как бы сказать… выявить определенные типажи… и когда что-то случается… сразу понимаешь, почему и по какой причине.

— «Что-то»… вы имеете в виду убийство?

Казалось, мисс Марпл была шокирована.

— Почему-то вы считаете, что я только об убийствах и думаю.

— Бросьте, Джейн. Вам давно пора прямо заявить: да, я криминолог. Почему вы этого стесняетесь?

— Потому что никакой я не криминолог, — с жаром возразила мисс Марпл. — Просто я немного разбираюсь в человеческой природе, но это так естественно — всю жизнь я прожила в маленькой деревне.

— В этом, пожалуй, что-то есть, — задумчиво сказала миссис Бэнтри, — хотя, конечно, многие с вами и не согласятся. К примеру, ваш племянник Реймонд всегда говорил: эта деревушка — застойное болото.

— Милейший Реймонд. — Мисс Марпл явно была готова простить ему все грехи. — Он такой добрый. Это ведь он платит мисс Найт.

При упоминании мисс Найт мысли ее сразу потекли по другому руслу, она поднялась и сказала:

— Пожалуй, пора домой.

— Надеюсь, вы не пешком пришли в такую даль?

— Нет, конечно. Я приехала «в Инче».

Эта несколько загадочная фраза была, однако, встречена с полным пониманием. В давно ушедшие времена мистер Инч был владельцем двух экипажей, которые встречали поезда на местной станции, а также «вызывались» местными дамами, когда их требовалось отвезти на чаепитие к соседям, а порой, потакая фривольным потребностям дочерей, сопроводить их на танцы. С годами Инч, краснолицый весельчак семидесяти с лишком лет, уступил место сыну, известному как «молодой Инч» (тогда ему было сорок пять), хотя старый Инч продолжал возить тех пожилых дам, которые считали его сына слишком молодым и безответственным. Шагая в ногу со временем, молодой Инч сменил гужевой транспорт на автомобильный. Но в механизмах он был не очень силен, и настал час, когда дело Инчей перешло к некоему мистеру Бардуэллу. Но название фирмы — «Инч» — осталось. В один пре-

красный день и мистер Бардуэлл передал бразды правления мистеру Робертсу, но в телефонной книге официальное название осталось прежним — «Таксомоторы Инча». И пожилые обитательницы здешних краев, отправляясь в какой-нибудь вояж, по инерции говорили, что едут «в Инче», будто они были библейскими Ионами, а Инч был библейским китом.

2

— Приходил доктор Хейдок, — укоризненно доложила мисс Найт. — Я сказала ему, что вы отправились чаевничать к миссис Бэнтри. Он обещал заглянуть завтра.

Она помогла мисс Марпл освободиться от верхней одежды.

— А теперь, надо думать, мы устали, — побранила она мисс Марпл.

— Вы, может, и устали, — ответствовала мисс Марпл. — А я — нет.

— Устраивайтесь поуютнее у камина, — пригласила мисс Найт, как обычно не обращая на реплики хозяйки особого внимания. (То, что лопочут эти старушки, можно пропускать мимо ушей. Ублажать их — это самое главное.) А как

нам понравится чашечка «овалтина»? Или «хорликса» для разнообразия?

Мисс Марпл поблагодарила и сказала, что предпочитает бокальчик сухого хереса. Лицо у мисс Найт вытянулось.

— Даже не знаю, что на это скажет доктор, — недовольно заметила она, вернувшись с бокалом.

— Завтра утром обязательно его спросим, — пообещала мисс Марпл.

Наутро мисс Найт встретила доктора Хейдока в холле и стала что-то взволнованно ему нашептывать.

Пожилой доктор вошел в комнату, потирая руки — утро выдалось прохладное.

— А вот и доктор к нам пришел, — радостно сообщила мисс Найт. — Позвольте ваши перчатки, доктор?

— Ничего, и здесь будут хороши, — откликнулся Хейдок, легкомысленно бросая их на стол. — Пощипывает сегодня.

— Бокал хереса? — предложила мисс Марпл.

— Я тут слышал, вы пристрастились к спиртному. Пить в одиночку негоже.

Графин и бокалы уже стояли на маленьком столике возле мисс Марпл. Мисс Найт удалилась

из комнаты.

Доктор Хейдок был старым и добрым другом. Он почти перестал практиковать, но своих давних пациентов навещал.

— Говорят, вы тут распадались, — сказал он, опустошив бокал. — Так, знаете ли, не пойдет, годы уже не те. Имейте в виду. К тому же вы отказались вызывать Сэндфорда.

Сэндфорд был напарником Хейдока.

— Эта ваша мисс Найт все равно его вызвала — и совершенно правильно сделала.

— Да ничего со мной не случилось — синяк и легкое потрясение. Доктор Сэндфорд так и сказал. Вполне могла подождать, пока вы вернетесь.

— Поймите простую вещь, дорогая моя. Я ведь не вечный. А Сэндфорд, позвольте вам доложить, куда образованнее меня. Первоклассный доктор.

— Все молодые доктора одинаковые, — высказала свою точку зрения мисс Марпл. — Померяют тебе давление и, что бы с тобой ни было, прописывают гору новых таблеток, которые теперь шлепают на конвейере. Зато какой товарный вид! Розовые, желтые, коричневые. Медицина нынче как супермаркет — все в блестящей упаковочке.

— Вот пропишу вам пиявки да слабительное из александрийского листа да разотру вас камфор-

ным маслом, тогда будете знать.

— Это я и сама делаю, когда кашель изгоняю, — не испугалась мисс Марпл. — И очень помогает.

— Нам не нравится стареть, вот и все объяснение, — мягко произнес Хейдок. — Лично я это дело ненавижу.

— Вы рядом со мной почти мальчик, — решила подбодрить его мисс Марпл. — А меня само старение не огорчает. Скорее огорчают связанные с ним проблемы.

— Кажется, я вас понимаю.

— Совершенно нельзя побыть одной! Выбраться в одиночку на прогулку — проблема! Даже вязанье — оно всегда было для меня такой отрадой, я ведь в этом деле настоящая мастерица. А сейчас все время петли пропускаю — и часто даже не замечаю этого.

Хейдок задумчиво посмотрел на нее. Потом подмигнул:

— Всегда можно зайти с противоположной стороны.

— В смысле?

— Не можете вязать — для разнообразия займитесь развязыванием. Пенелопа поступала именно так.

— Боюсь, у меня с ней мало общего.

— Но ведь развязывать сложные узлы вы умеете? — Он поднялся: — Мне пора. Знаете, что бы я вам прописал? Эдакое симпатичненькое, смачненькое убийство.

— Ну, это уж вы хватили!

— А что? Впрочем, увязать по пояс совсем не обязательно. Вспомните старину Холмса. Меня всегда привлекала его методика. Увы, она отошла в прошлое. Но его самого будут помнить долго.

После ухода доктора в комнату не замедлила ворваться мисс Найт.

— Ну вот, — отметила она, — теперь мы заметно повеселели. Доктор рекомендовал тонизирующее средство?

— Он рекомендовал мне убийство — оно меня взбодрит.

— То есть хороший детективный роман?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Убийство настоящее.

— Господи! — воскликнула мисс Найт. — Да где же его взять, настоящее убийство? В наших тихих краях?

— Убить человека, — заметила мисс Марпл, — можно где угодно.

— Разве что в Новых Домах? — предположила мисс Найт. — Тамошние молодые пижоны навер-

няка ходят с ножами.

Но местом убийства, когда оно совершилось, стали не Новые Дома.

Глава 4

Миссис Бэнтри отступила на несколько шагов, оглядела себя в зеркало, чуть поправила шляпу (вообще-то шляпы она носила крайне редко), натянула хорошие кожаные перчатки, вышла из своего жилища и тщательно заперла за собой дверь. Последние дни она жила в радостном предвкушении надвигающегося события. После ее разговора с мисс Марпл прошло около трех недель. Марина Грегг с мужем прибыли в Госсингтон-Холл и более или менее там обосновались.

Днем в этом доме собирались лица, которые готовили благотворительный прием в пользу «Службы скорой помощи Святого Иоанна». Миссис Бэнтри не входила в состав организационного комитета, но получила записку от Марины Грегг с приглашением прийти на чай перед собранием. В записке упоминалась их встреча в Калифорнии, а подписана она была так: «С искренней симпатией, Марина Грегг». Текст был не отстукан на машинке, а написан от руки. Вполне естественно, миссис Бэнтри была обрадована и польщена. Как ни крути, а знаменитая кинозвезда — это знаменитая кинозвезда, а пожилые дамы, хоть

и блестят на местном небосклоне, прекрасно знают, что в мире подлинных звезд они светят весьма тускло. Поэтому миссис Бэнтри напоминала сейчас ребенка, которому было уготовано нечто особенно приятное.

Миссис Бэнтри шла по подъездной дорожке, и ее проницательные глаза не пропускали ничего вокруг, отмечали все новое. Все здесь заметно посвежело и попышнело с тех пор, как дом переходил из рук в руки. «Да, — удовлетворенно пробурчала себе под нос миссис Бэнтри, — новые хозяева на ремонт не поскупились». С дорожки не был виден сад с цветочными клумбами, и этому миссис Бэнтри тоже порадовалась. В те далекие дни, когда она жила в Госсингтон-Холле, сад с цветочным бордюром был предметом ее гордости. Ах, какие у нее росли ирисы! Лучших не было во всем графстве! Да, ей есть что вспомнить, есть чем гордиться.

Остановившись перед новой, блестевшей от свежей краски дверью, она нажала на кнопку звонка. Дверь, к удовольствию миссис Бэнтри, открылась в ту же секунду. На пороге стоял дворецкий, не иначе как из Италии. Он провел гостью прямо в комнату, когда-то служившую библиотекой полковнику Бэнтри. Ее, как уже

знала миссис Бэнтри, объединили с кабинетом. Результат оказался впечатляющим. Стены были обшиты панелями, пол выстлан паркетом. В одном конце комнаты стояло шикарное фортепьяно, у стены разместился высококлассный стереопроигрыватель. Другой конец комнаты представлял собой небольшой остров — персидские ковры, чайный столик, несколько кресел. Возле столика сидела Марина Грегг, а у камина, облокотившись на полку, стоял мужчина… Кажется, большего уродства миссис Бэнтри не встречала… во всяком случае, таково было первое впечатление.

За минуту до того, как миссис Бэнтри поднесла руку к кнопке звонка, Марина Грегг мягко, однако же с энтузиазмом увещевала мужа:

— Этот дом — то, что мне нужно, Джинкс. То, что нужно. Именно этого мне всегда хотелось. Тишина. Английская тишина и английский сельский пейзаж. Я знаю, что смогу здесь жить хоть до конца дней своих. И жить мы будем на английский манер. В пять часов — китайский чай из моего старинного сервиза. Будем смотреть из окна на эти лужайки и английский цветочный бордюр. Наконец-то я обрела дом, я это чувствую. Здесь я смогу бросить якорь, жить спокойно и

счастливо. Это место станет моим домом. Так говорит мой внутренний голос. Домом.

И Джейсон Радд (жена звала его Джинкс) улыбнулся в ответ. Это была согласная, снисходительная улыбка, но в меру сдержанная, потому что все это он слышал не впервые. Может быть, на сей раз ее мечта сбудется? И именно здесь Марина Грегг обретет свой дом? Кто знает… ведь она такая восторженная… И поначалу всегда уверена: наконец она нашла то, что нужно. Низким голосом он произнес:

— Великолепно, милая. Просто великолепно. Я рад, что тебе здесь нравится.

— Нравится? Да я от этого дома в восторге. Ты ведь тоже?

— Конечно, — заверил ее Джейсон Радд. — Конечно.

«А что, — подумал он про себя, — дом и в самом деле неплох. Добротный, выстроен на века, эдакое уродище в викторианском стиле. Но добротность и надежность в нем чувствуются. Он, конечно, был фантастически неудобен, но это в основном удалось устранить, теперь жить здесь вполне можно. И совсем неплохо время от времени сюда возвращаться. Если повезет, Марине это место года два, а то и два с половиной не надоест. Тут

как получится».

Марина с легким вздохом произнесла:

— Так прекрасно снова ощущать себя здоровой! Здоровой и сильной. Способной управляться со всеми житейскими проблемами.

Он снова поддержал ее:

— Конечно, милая, конечно.

В эту минуту дверь открылась, и итальянский дворецкий ввел миссис Бэнтри.

Марина Грегг приветствовала ее со всем очарованием, на какое была способна. Она вышла вперед, простерла руки, говоря, как счастлива снова видеть миссис Бэнтри. Надо же, чтобы так совпало: два года назад они случайно познакомились в Сан-Франциско, а теперь она и Джинкс купили дом, когда-то принадлежавший миссис Бэнтри! Она надеется, нет, правда, она очень надеется, что миссис Бэнтри не сильно огорчилась из-за того, как они все в доме перекроили и перестроили, уж пусть милейшая миссис Бэнтри не считает их злодеями, которые ворвались в ее дом.

— Что вы, более замечательного события, чем ваш приезд, в этом доме еще не случалось, — с радостной улыбкой сказала миссис Бэнтри, глядя в направлении камина.

Марина Грегг тут же спохватилась:

— Вы ведь с моим мужем не знакомы? Джейсон, это миссис Бэнтри.

Миссис Бэнтри не без интереса взглянула на Джейсона Радда. Кажется, первое впечатление — в жизни не видела более уродливого мужчины — ее не обмануло. До чего необычные у человека глаза! Как глубоко посажены! Пожалуй, такие ей не встречались. Глубокие недвижные озера — так могла бы написать о них какая-нибудь авторша дамских любовных романов. Остальные черты его лица были какие-то рубленые, почти до смешного непропорциональные. Нос вздернутый — кажется, вымажи его красной краской, и вот тебе, пожалуйста, нос клоуна. И рот клоунский — большой и грустный. То ли в нем сейчас клокотал гнев, то ли он всегда выглядит будто переполнен гневом — сразу не определишь. Но вот он заговорил, и голос оказался на удивление приятным. Низким и певучим.

— Мысль о муже, — сказал он, — всегда приходит в последнюю очередь. Но я готов присоединиться к словам жены: мы очень рады, что принимаем вас здесь. Надеюсь, у вас нет ощущения, что все должно быть наоборот.

— Если вы считаете, что выдворили меня из

моего родного дома, — сказала миссис Бэнтри, — выбросьте это из головы. Этот дом никогда не был мне родным. Я не нарадуюсь, что в свое время сумела от него избавиться. До чего неудобно было вести хозяйство! Сад я любила, но дом причинял мне уйму хлопот. Я его продала и прекрасно себя чувствую, езжу за границу, навещаю моих замужних дочерей, внуков и подруг во всех частях земного шара.

— Дочерей… — повторила Марина Грегг. — У вас, наверное, и сыновья есть?

— Два сына и две дочери, — сообщила миссис Бэнтри. — И разбросало их по всему свету. Один сын в Кении, другой в Южной Африке. Одна дочка в Техасе, а другая, слава богу, в Лондоне.

— Четверо, — подытожила Марина Грегг. — Четверо… а внуки?

— Пока девять. Быть бабушкой — это так здорово, — похвасталась миссис Бэнтри. — Родительской ответственности нету и в помине. Можешь их баловать сколько душе угодно…

Джейсон Радд перебил ее.

— Боюсь, солнце светит вам прямо в глаза, — сказал он, подошел к окну и поправил занавески. Вернувшись, попросил: — Расскажите нам об этой замечательной деревне.

Он передал ей чашку чаю:

— Угощайтесь, пожалуйста, берите горячую лепешку, или бутерброд, или кусочек торта? У нас итальянская повариха, всякие пирожные и торты — ее стихия. Мы, знаете ли, уже привыкли чаевничать по-английски, в пять часов.

— Чай, кстати говоря, восхитительный, — похвалила миссис Бэнтри, потягивая ароматный напиток.

Марина Грегг улыбнулась — кажется, вполне искренне. От Джейсона Радда не укрылось, что минуту назад ее пальцы стали нервно подергиваться, — теперь они успокоились. Миссис Бэнтри смотрела на хозяйку дома с неподдельным восхищением. Вершина славы Марины Грегг пришлась на пору, когда объем груди, талии и бедер еще не имел решающего значения. Никто не назвал бы ее «секс-бомбой», «несравненным бюстом», «королевскими бедрами». Она была изящной, стройной и гибкой. Овал лица и строение черепа вызывали в памяти образ Греты Гарбо. В свои фильмы она привнесла не просто секс, там чувствовалась личность. Внезапный поворот головы, взмах ресниц над очаровательными, загадочными глазами, легкое подрагивание губ — и зрители вдруг оказывались в плену очаро-

вания, и будоражили их вовсе не правильные черты лица, но некая магия плоти, заставлявшая их врасплох. Подобную магию она излучала и сейчас, хотя это не так бросалось в глаза. Как многие актрисы театра и кино, она умела отключать свой шарм, если того хотела. Могла уйти в себя, замкнуться, быть тихой или отстраненной, на горе восторженным поклонникам. И вдруг — поворот головы, неуловимый жест, внезапная улыбка — и магия снова пленила вас.

Одной из ее лучших работ в кино была «Мария, королева Шотландии», и, наблюдая сейчас за Мариной Грегг, миссис Бэнтри вспомнила именно эту ее роль. Потом перевела взгляд на мужа Марины. Он тоже смотрел на актрису. Он забыл, что за ним могут наблюдать, и его лицо ясно отражало его чувства. «Господи, — пробормотала про себя миссис Бэнтри, — да он ее обожает!»

Почему это так ее удивляет? Да все просто: пресса так расписывает и обсасывает романы кинозвезд, их преданность друг другу, что поражаешься, когда видишь нечто подобное своими глазами. Движимая импульсом, она произнесла:

— Я очень надеюсь, что вам здесь понравится и на какое-то время вы здесь останетесь. Рассчитываете обосноваться в Госсингтон-Холле надолго?

Марина повернула голову и широко распахнула глаза от удивления.

— Я хочу остаться здесь навсегда, — сказала она. — Разумеется, я буду часто уезжать. Это естественно. В следующем году, например, мне предстоят съемки на севере Африки, хотя это еще не решено. Но мой дом будет здесь. И возвращаться я буду сюда. Возвращаться буду только сюда. — Она вздохнула. — И это прекрасно. Наконец-то обрести настоящий дом, куда тебя тянет словно магнитом.

— Понимаю, — сказала миссис Бэнтри, хотя сильно усомнилась в словах актрисы. Вряд ли такое возможно. Есть люди, которым стать на якорь просто не суждено. Эта Марина Грегг как раз такая.

Миссис Бэнтри снова украдкой бросила взгляд на Джейсона Радда. Сейчас он не хмурился. Нет, он улыбался, улыбка эта была очень милой, и неожиданной, и в то же время грустной. Видно, и он знает, что Марина заблуждается.

Открылась дверь, и в комнату вошла женщина.

— Бартлетты просят вас к телефону, Джейсон, — сообщила она.

— Пусть перезвонят.

— Они говорят, что-то срочное.

Он вздохнул и поднялся.

— Позвольте познакомить вас с миссис Бэнтри, — представил он. — Элла Зелински, моя секретарша.

— Выпейте чашку чаю, Элла, — пригласила Марина, когда Элла Зелински кивнула гостье и с улыбкой пробормотала дежурное: «Рада с вами познакомиться».

— Бутерброд, пожалуй, съем, — сказала Элла. — А китайский чай — без меня.

Элла Зелински выглядела лет на тридцать пять. На ней были хорошо сшитый костюм, гофрированная блузка, эта женщина явно была уверена в себе. Коротко подстриженные черные волосы открывали широкий лоб.

— Я слышала, вы здесь жили, — обратилась она к миссис Бэнтри.

— С тех пор много воды утекло, — ответила та. — Я продала дом после смерти мужа, а потом тут сменилось несколько хозяев.

— Миссис Бэнтри вполне по душе все, что мы тут понатворили, — объявила Марина.

— Я была бы очень разочарована, если бы вы ничего здесь не поменяли! — воскликнула миссис Бэнтри. — Я ведь вся извелась от любопытства

— как тут теперь и что. Вы даже не представляете, какие слухи ходят по деревне.

— Понятия не имела, что в этой стране так трудно заполучить водопроводчиков, — сказала мисс Зелински, по-деловому вгрызаясь в бутерброд. — Правда, я не очень этим занималась, — добавила она.

— Будет вам, Элла, — не согласилась Марина. — Вы занимались всем. И персоналом, и всей сантехникой, и спорами со строителями.

— Об окнах во всю стену в этой стране будто и слыхом не слыхивали. — Элла взглянула на окно: — Но вид, надо сказать, отменный.

— Типично английский сельский пейзаж, просто прелесть, старая добрая Англия, — восхитилась Марина. — И атмосфера в доме соответствующая.

— Спасибо деревьям, а то пейзаж не был бы таким сельским, — заметила Элла Зелински. — Вон там жилой массив разрастается прямо на глазах.

— В мои времена его не было, — сказала миссис Бэнтри.

— То есть, когда вы жили в этом доме, тут была только деревня?

Миссис Бэнтри кивнула.

— Наверное, было трудно с магазинами?

— Не сказала бы, — возразила миссис Бэнтри. — Скорее до обидного легко.

— Разводить цветы — это я понимаю, — продолжала мисс Зелински. — Но вы здесь заодно и все овощи выращиваете. Не проще ли их покупать? Разве тут нет супермаркета?

— Может, в конце концов и перейдем на магазинные овощи, — миссис Бэнтри вздохнула: — Только у них вкус совсем другой.

— Уж пусть, Элла, все останется как было, — вставила Марина. — К чему разрушать атмосферу?

Дверь открылась, и в комнату заглянул Джейсон.

— Дорогая, — обратился он к Марине. — Извини, но придется тебе отвлечься. Их интересует твоя личная точка зрения.

Марина вздохнула и поднялась. Лениво поплелась к двери.

— Не одно, так другое, — пробурчала она. — Ради бога, простите, миссис Бэнтри. Это на пару минут, не больше.

— Атмосфера, — повторила Элла Зелински, когда Марина вышла и закрыла за собой дверь. — Вы считаете, у этого дома есть своя атмосфера?

— Не знаю, никогда об этом не думала, — ска-

зала миссис Бэнтри. — Для меня это был просто дом. В чем-то очень неудобный, в чем-то очень милый и уютный.

— Примерно так я и полагала, — проговорила Элла Зелински. Она в упор посмотрела на миссис Бэнтри. — Кстати, об атмосфере… Где именно здесь произошло убийство?

— Здесь никакого убийства не было, — возразила миссис Бэнтри.

— Будет вам. Слухами земля полнится. Всегда найдется желающий рассказать, миссис Бэнтри. Прямо здесь, на каминном коврике, верно? — мисс Зелински кивнула в сторону камина.

— Да, — подтвердила миссис Бэнтри. — Здесь.

— Так убийство все-таки было?

Миссис Бэнтри покачала головой:

— Было, но не здесь. Девушку убили в другом месте, притащили сюда и положили в эту комнату. К нам она не имела никакого отношения.

В глазах мисс Зелински мелькнул интерес.

— Наверное, мало кто хотел в это верить? — спросила она.

— Вы правы, — согласилась миссис Бэнтри.

— И когда вы нашли тело?

— Утром пришла горничная. К утреннему чаю. Мы тогда, знаете ли, держали горничных.

— Знаю, — подтвердила мисс Зелински. — Они носили шуршащие ситцевые платья.

— Насчет ситцевых платьев не уверена, — усомнилась миссис Бэнтри. — Возможно, тогда уже носили комбинезоны. Так или иначе, она влетела к нам и закричала, что в библиотеке кто-то лежит. Я сказала: «Что за чушь», потом разбудила мужа, и мы пошли вниз посмотреть.

— И она лежала там, — заключила мисс Зелински. — Чего только в жизни не бывает! — Она метнула взгляд на дверь, потом снова посмотрела на миссис Бэнтри. — Если можно, не рассказывайте об этом мисс Грегг, — попросила она. — Ей такие истории не на пользу.

— Конечно. Не скажу ни слова, — пообещала миссис Бэнтри. — Я об этом вообще никогда не говорю. Это ведь было так давно. Но она… то есть мисс Грегг… все равно об этом услышит?

— Совсем необязательно. Вы, наверное, знаете, что кинозвезды ведут очень замкнутый образ жизни. Иногда без этого просто нельзя. Их так легко вывести из равновесия. И ее в частности. Она ведь последнее время серьезно болела. Где-то год назад начала более или менее приходить в себя.

— Похоже, дом ей нравится, — сказала миссис Бэнтри. — И она надеется найти здесь счастье.

— На год или два ее хватит, — сказала Элла Зелински.

— Не больше?

— Сомневаюсь. Знаете, Марина из тех, кому каждый раз кажется: вот наконец-то я нашла то, что мне по сердцу. Но жизнь куда сложнее, верно?

— Верно. Куда сложнее.

— Если она будет здесь счастлива, это и на нем отразится, — добавила мисс Зелински. Она сосредоточенно, даже целеустремленно проглотила еще два бутерброда — так запихивают в себя пищу люди, которые страшно боятся опоздать на поезд. — Он, между прочим, гениальный режиссер. Вы какие-нибудь его фильмы видели?

Миссис Бэнтри смутилась. Она относилась к типу женщин, которых в кино интересует только сам фильм, и не более. Длинные списки действующих лиц, режиссеров, продюсеров, операторов и прочих всегда ускользали от ее внимания. Частенько она пропускала даже фамилии кинозвезд. Однако признаться в этой слабости большого желания у нее не было.

— У меня в голове настоящая каша, — пожаловалась она.

— Ему, конечно, со многим приходится ми-

риться. И с ее фокусами в том числе, а это ох как не просто. Она все время должна быть счастлива. А это совсем непросто — сделать человека счастливым. Разве что… то есть… если этот человек… — Она заколебалась.

— Разве что этот человек умеет быть счастливым сам по себе, — докончила миссис Бэнтри. — А есть люди, — добавила она, — которые упиваются собственным несчастьем.

— Ну, Марина не из таких. — Элла Зелински покачала головой. — Скорее у нее перепады настроения слишком бурные. Понимаете, вот она безмерно счастлива, безмерно всем довольна, от всего на свете в восторге — прямо седьмое небо! А потом случается какая-то мелочь — и она впадает в другую крайность.

— Наверное, тут дело в темпераменте, — неопределенно высказалась миссис Бэнтри.

— Да. Эта публика вся с темпераментом, но у Марины Грегг его на десятерых! Уж мы это знаем! Я могла бы вам такого порассказать! — Она проглотила последний бутерброд. — Слава богу, я всего-навсего личный секретарь!

Глава 5

На прием в Госсингтон-Холле в пользу «Службы скорой помощи Святого Иоанна» собралось неслыханно много народу. Входная плата составляла шиллинг, и горка монет росла на глазах, набиралась изрядная сумма. Свою роль сыграла погода: стоял прекрасный день, солнечный и ясный. Но главная притягательная сила праздника заключалась в другом. Местные жители сгорали от любопытства — во что же эти киношники превратили Госсингтон-Холл? Вынашивались самые экстравагантные предположения. В неописуемый восторг всех привел бассейн. Голливудские кинозвезды в представлении большинства обывателей обязательно загорают у кромки бассейна на фоне экзотического пейзажа и в экзотическом обществе. Никто не принимал во внимание, что климат Голливуда более подходит для плавательных бассейнов, нежели климат деревни Сент-Мэри-Мид. Ведь летом в Англии выдается одна по-настоящему жаркая неделя, один день, по поводу которого в воскресных газетах публикуются статьи типа: «Как хранить хладнокровие», «Как остыть к ужину» и «Как приготовить прохла-

дительные напитки». Бассейн оказался именно таким, каким все его себе и представляли. Он был большой, наполненный до краев голубой водой, со слегка экзотическим павильоном для переодевания, а вокруг тянулась живая изгородь из кустарника, ухоженного до ненатуральности. Реакция местных обывателей также соответствовала ожидаемой и проявлялась в многообразных репликах.

— А-ах, какая прелесть!

— Да-а, тут есть где поплескаться!

— Я как-то на курорте точно такой видела!

— Это уже не просто роскошь, а прямо разврат какой-то. Кто только такое разрешает?

— Посмотрите на этот мрамор! Какая отделка! Представляете, сколько денег сюда вбухали!

— Думают, им все дозволено. Приехали сюда швыряться деньгами.

— Наверное, всю эту красотищу еще по телевизору покажут. Вот будет здорово!

Даже старейший житель деревни Сент-Мэри-Мид, мистер Сэмпсон, повсеместно хвастaвший, что ему девяносто шесть лет, хотя его родственники утверждали, что ему всего восемьдесят восемь, — даже он притащился на своих ревматических ногах, с палкой, чтобы поучаствовать

во всеобщем ликовании. Увиденное он оценил по высшему разряду.

— Вот это разврат! — Он причмокнул губами, как бы предвкушая удовольствие. — Ну-у, здесь поразвратничают на славу! Дамочки с кавалерами голяком будут сидеть, коктейли попивать да, как пишут в газетах, сигаретки с начинкой покуривать! Точно так все и будет. Да, да, — подтвердил мистер Сэмпсон, трясясь от удовольствия. — Поразвратничают на славу!

Итак, печать одобрения была поставлена. За дополнительный шиллинг позволялось войти в дом и обследовать новую музыкальную комнату, гостиную, переделанную до неузнаваемости залу — темный дуб и испанская кожа — и прочие восхитительные помещения.

— В жизни не скажешь, что когда-то это был Госсингтон-Холл, верно? — прокомментировала невестка мистера Сэмпсона.

Миссис Бэнтри заметно припозднилась и теперь с удовольствием наблюдала за тем, как пополняется касса. От гостей просто не было отбоя.

Большой шатер, где подавали чай, был битком набит людьми. Наверное, подумала миссис Бэнтри, блюда со сдобными булочками и кексами пускают по кругу. Но нет, угощением заправляли

какие-то деловитые женщины. Миссис Бэнтри прямиком направилась к цветочному бордюру и стала ревностно его разглядывать. Что ж, денег на него не пожалели, это хорошо, бордюр получился что надо, цветы подобраны со вкусом, да и сорта все не дешевые. Наверняка здесь трудился не какой-то любитель-одиночка. Явно работала по контракту приличная садовая фирма. Ей, скорее всего, предоставили полную свободу действий, да и погода не подвела, вот люди и поработали от души.

Она осмотрелась: чем-то все происходящее напоминало прием на открытом воздухе в Букингемском дворце. Все тянули шеи — ничего не пропустить, — а время от времени особо приближенных из числа гостей проводили куда-то внутрь, в святая святых этого лучившегося роскошью дома. Вскоре и к ней подошел подтянутый молодой человек с длинными волнистыми волосами.

— Миссис Бэнтри? Вы миссис Бэнтри?

— Да.

— Хейли Престон. — Он пожал ей руку. — Я работаю у мистера Радда. Не поднимитесь ли на второй этаж? Кое-кого из гостей мистер и миссис Радд приглашают туда.

Весьма польщенная, миссис Бэнтри проследовала за ним. Они прошли через дверь, в ее времена называвшуюся садовой. У основания главной лестницы была натянута красная лента — вход воспрещен. Хейли Престон отцепил ее и пропустил миссис Бэнтри вперед. Тут же она увидела члена местного совета и миссис Олкок. Последняя, пышнотелая женщина, явно страдала одышкой.

— Они здесь просто чудо сотворили, да, миссис Бэнтри? — пропыхтела миссис Олкок. — Хотелось бы, признаться, посмотреть на туалетные комнаты, но едва ли удастся, — добавила она с сожалением.

У вершины лестницы особо избранных встречали Марина Грегг и Джейсон Радд. Дабы расширить площадку и превратить ее в своего рода салон, подверглась уничтожению гостевая спальня. Дворецкий Джузеппе ведал напитками.

Дородный мужчина в ливрее объявлял о прибытии гостей.

— Мистер Олкок — член местного совета, и миссис Олкок, — прогремел он.

Марина Грегг полностью отвечала характеристике, какую дала ей миссис Бэнтри в разговоре с мисс Марпл: сама естественность, само очаро-

вание. Миссис Бэнтри представила, как миссис Олкок будет восторженно пыхтеть: «Надо же, такая знаменитая, а сама — ну просто дитя природы!»

— Очень рада, что вы пришли, миссис Олкок, и вы, мистер Олкок. Надеемся, вы хорошо проведете здесь время. Джейсон, пожалуйста, займи миссис Олкок.

И она грациозно сбыла с рук чету Олкоков, передала их на попечение Джейсона и напитков.

— О-о, миссис Бэнтри, вам я особенно рада.

— Ни на что не променяла бы такое удовольствие, — призналась миссис Бэнтри и решительно направилась к стойке с мартини.

Молодой человек по имени Хейли Престон с подчеркнутой вежливостью обслужил ее и удалился, на ходу заглядывая в маленький список — наверняка отправился за новой партией избранных, кому разрешен доступ к высоким особам. Что ж, подумала миссис Бэнтри, организовано все лучше некуда. Поигрывая бокалом мартини, она смотрела — кто же появится еще? Появился викарий, худощавый аскет неопределенной внешности, видно было, что он слегка ошарашен. Волнуясь, он обратился к Марине Грегг:

— Очень тронут, что вы меня пригласили. Телевизора у меня, правда, нет, но я, конечно… вернее, моя молодежь держит меня в курсе дела.

Никто не понял, что он имел в виду. Мисс Зелински, также находившаяся при исполнении, налила ему бокал лимонада, светясь при этом добрейшей улыбкой. Следующими на ступенях появились мистер и миссис Бэдкок. Хитер Бэдкок, раскрасневшаяся и сияющая от счастья, чуть опередила своего мужа.

— Мистер и миссис Бэдкок, — прогремел человек в ливрее.

— Миссис Бэдкок, — викарий, держа бокал лимонада, полуобернулся, — это неутомимая труженица, секретарь нашей ассоциации. Таких работников у нас раз-два и обчелся. Боюсь, в Святом Иоанне без нее все бы остановилось.

— Уверена, это не просто лесть, — сказала Марина.

— Вы меня не помните? — не без игривости спросила Хитер. — Ну, это неудивительно, вокруг вас столько людей вьется. И вообще столько лет прошло. А дело было знаете где? На Бермудах. Я была там с одним из подразделений нашей службы. Ой, сколько времени прошло!

— Да, конечно, — лучезарно улыбаясь, согласи-

лась Марина Грегг.

— А я помню все, до мельчайших подробностей, — заявила миссис Бэдкок. — Я была в таком восторге, просто с ума сойти. Простая девчонка, что с меня взять? И вдруг такое счастье — своими глазами увидеть Марину Грегг! Я всегда была вашей безумной поклонницей.

— Спасибо на добром слове, большое спасибо, — мягко поблагодарила Марина, а взгляд ее уже начинал блуждать где-то над плечом Хитер — кто там следующий?

— Не хочу вас задерживать, — тараторила Хитер, — но я обязательно должна…

Бедная Марина Грегг, искренне пожалела ее миссис Бэнтри. Ведь, наверное, на нее вот так набрасываются постоянно! Какое терпение надо иметь!

Хитер между тем была полна решимости довести свой рассказ до конца.

У плеча миссис Бэнтри тяжело задышала миссис Олкок:

— Ай-ай-ай, как они тут все перестроили! Сама бы не увидела — нипочем бы не поверила! Ведь это какие деньги…

— …вообще-то больной я себя не чувствовала… и решила, что я просто должна…

— Это водка, — миссис Олкок с подозрением изучала содержимое своего бокала. — Мистер Радд предложил попробовать. Уж больно по-русски звучит. Не очень-то она мне нравится..

— ...и сказала себе: ну нет, ни за что не сдамся! Напудрилась как следует, нарумянилась...

— А если я ее куда-нибудь поставлю? Или неудобно? — В голосе миссис Олкок слышалось отчаяние.

Миссис Бэнтри с добродушной улыбкой успокоила ее:

— Удобно. Водку вообще-то пьют залпом... — На лице миссис Олкок отразился испуг. — Но для этого нужна практика. Поставьте ее на стол и возьмите с подноса дворецкого мартини.

Она повернулась и услышала заключительную реплику торжествующей Хитер Бэдкок:

— До сих пор помню, как прекрасны вы были в тот день. Я сто раз была права, что рискнула.

Реакция Марины на сей раз не была автоматической. Ее взгляд, бродивший над плечом Хитер Бэдкок, вдруг словно застыл, вперившись в стену где-то посреди лестницы. Она на что-то смотрела не отрывая глаз, и в ее взгляде было нечто настолько жуткое, что миссис Бэнтри даже подалась вперед. Неужели Марина Грегг вот-вот

упадет в обморок? Что она могла там увидеть, что ее так заворожило? Но не успела миссис Бэнтри приблизиться к Марине, та уже пришла в себя. Взгляд ее, туманный и расфокусированный, снова вернулся к Хитер, снова, хотя и машинально, вернулись чарующие манеры.

— Какая милая история. Ну ладно, что будете пить? Джейсон! Коктейль?

— Ну, обычно я пью лимонад или апельсиновый сок.

— Нет уж, выпейте чего-нибудь получше, — предложила Марина. — Все-таки сегодня праздник.

— Рекомендую вам американский коктейль дайкири. — Это появился Джейсон, неся два бокала. — Марина его обожает.

Один бокал он передал жене.

— Мне, наверное, не стоит, — усомнилась Марина. — Уже три выпила. — Но бокал взяла.

Взяла напиток у Джейсона и Хитер. Марина отвернулась, чтобы встретить следующего гостя.

— Идемте посмотрим туалетные комнаты, — предложила миссис Бэнтри, обращаясь к миссис Олкок.

— Ой, вы думаете, это удобно? Хозяевам это не покажется бесцеремонным?

— Уверена, что не покажется. — Она повернулась к Джейсону Радду: — Мы хотели бы, мистер Радд, оценить ваши чудесные новые туалетные комнаты. Хочется удовлетворить чисто бытовое любопытство.

— Ради бога, — с усмешкой согласился Джейсон. — Туалеты к вашим услугам, девочки, развлекайтесь. Можете даже принять ванну.

Миссис Олкок проследовала за миссис Бэнтри по коридору:

— Вы так любезны, миссис Бэнтри, так любезны. Я сама ни за что бы не осмелилась.

— Хочешь чего-то добиться — надо быть посмелее, — ответствовала миссис Бэнтри.

Они пошли по коридору, открывая одну дверь за другой. Миссис Олкок и еще две женщины, присоединившиеся к ним, принялись охать и ахать.

— Мне нравится розовая комната! — восклицала миссис Олкок. — Я вообще розовый цвет люблю.

— А мне та, где на плитке нарисованы дельфины, — высказывалась другая женщина.

Миссис Бэнтри изображала из себя хозяйку и прямо-таки вошла в роль. На мгновение она даже забыла, что этот дом ей давно не принадлежит.

— И везде — душ! — восхищалась миссис Олкок. — Нет, вообще я к душу отношусь спокойно. Только и думай, как бы волосы не промочить.

— Вот бы еще в спальни заглянуть, хоть одним глазком, — мечтательно произнесла еще одна их спутница. — Но это, наверное, будет уж чересчур. Как вы считаете?

— Пожалуй, лучше не стоит, — подала голос миссис Олкок.

Обе с надеждой посмотрели на миссис Бэнтри.

— Да, действительно, лучше не… — Тут миссис Бэнтри стало их жалко. — Впрочем, если только одним глазком… никто ведь не узнает. — И она взялась за дверную ручку.

Но кто-то оказался весьма предусмотрительным. Двери в спальни были заперты. Дамы были сильно разочарованы.

— Что ж, они ведь имеют право на личную жизнь, — попыталась утешить спутниц миссис Бэнтри.

Они пошли обратно по коридору. Миссис Бэнтри глянула в окно, выходившее на площадку лестницы. Внизу она заметила миссис Миви (из Новых Домов) — в гофрированном платье из кисеи та была просто неотразима. С ней была Черри, которая приходит к мисс Марпл… а вот

фамилия почему-то выскочила из головы. Обе были в прекрасном расположении духа, смеялись и о чем-то разговаривали.

А ведь дом-то совсем старый, отживший свой век, весь какой-то искусственный. Да, его выкрасили сверкающей краской, освежили и подновили, но все равно это была тяжело скрипевшая викторианская усадьба. «Правильно я сделала, — подумала миссис Бэнтри, — что выехала отсюда. Дома, они как все в этой жизни. Их время тоже проходит. Этот дом свое отжил. Его подновили, но моложе от этого он не стал».

Внезапно ей показалось, что гул голосов усилился. Дамы, что шли рядом, ускорили шаги.

— Что случилось? — спросила одна из них. — Похоже, что-то случилось.

Тут из-за угла со стороны лестницы появилась Элла Зелински и торопливо зашагала им навстречу. Пройдя мимо, она попыталась открыть дверь в одну из спален и тут же сообразила:

— Ах черт! Конечно, все двери заперты.

— Что-то случилось? — спросила миссис Бэнтри.

— Одной женщине стало плохо, — бросила мисс Зелински.

— Господи, вот несчастье. Чем-нибудь помочь?

— Может, среди гостей есть доктор?

— Местных докторов я не заметила, — сказала миссис Бэнтри. — Но хоть один есть наверняка.

— Джейсон вызывает «Скорую», — сообщила Элла Зелински. — Вид у нее совсем никуда.

— У кого? — спросила миссис Бэнтри.

— У некой миссис Бэдкок, так, кажется.

— Хитер Бэдкок? Но она только что была вполне здорова.

— С ней случился какой-то приступ, — нетерпеливо пояснила Элла Зелински. — Не знаете, может, она сердечница?

— Я с ней почти не знакома, — ответила миссис Бэнтри. — Она здесь относительно недавно. Живет в Новых Домах.

— Где это? А-а, поняла, новый жилой массив. Даже не представляю, где ее муж и как он выглядит.

— Средних лет, светловолосый, тихий такой человек, — описала миссис Бэнтри. — Они пришли вместе, так что он где-то здесь.

Элла Зелински вошла в туалетную комнату.

— Даже не знаю, что ей дать, — засомневалась она. — Может, нюхательную соль?

— У нее обморок? — спросила миссис Бэнтри.

— Нет, что-то серьезнее.

— Попробую чем-нибудь помочь, — сказала миссис Бэнтри.

Она повернулась и решительно зашагала к лестнице. Свернув за угол, она едва не столкнулась с Джейсоном Раддом.

— Вы не видели Эллу? — спросил он. — Эллу Зелински?

— Она в одной из туалетных комнат. Ищет какое-нибудь лекарство. Нюхательную соль или еще что.

— Уже не требуется, — пробормотал Джейсон Радд.

Что-то в его тоне заставило миссис Бэнтри вздрогнуть. Она вскинула голову.

— Так плохо? — спросила она. — Совсем плохо?

— Да, совсем, — ответил Джейсон Радд. — Эта несчастная умерла.

— Умерла? — переспросила ошеломленная миссис Бэнтри. И сказала, процитировав себя самое: — Но она только что была вполне здорова.

— Я знаю. Знаю, — откликнулся Джейсон. На лицо его наползли тучи. — Ну надо же!

Глава 6
1

— Ну вот, — сказала мисс Найт, ставя поднос с завтраком на столик возле мисс Марпл. — Как мы себя сегодня чувствуем? Вижу, у нас уже и шторы раздвинуты? — добавила она с легким неодобрением.

— Я просыпаюсь рано, — сообщила мисс Марпл. — Доживете до моих лет — тоже, наверное, ко сну охладеете.

— Звонила миссис Бэнтри, — доложила мисс Найт, — с полчаса тому. Хотела с вами поговорить, но я сказала, пусть перезвонит, когда вы позавтракаете. Я не хотела вас беспокоить, вы даже чашки чаю не выпили.

— Когда звонят мои подруги, я предпочитаю, чтобы меня ставили в известность, — проворчала мисс Марпл.

— Я, конечно, извиняюсь, — попросила прощения мисс Найт, — но этот звонок показался мне несколько беспардонным. Выпьете свою чашечку чаю, съедите свое вареное яичко и тост с маслом, тогда и поглядим.

— Полчаса назад… — задумчиво протянула мисс Марпл. — Сколько же это было… Минуточку… восемь часов.

— Я и говорю, что рановато, — еще раз подчеркнула мисс Найт.

— Тем более миссис Бэнтри не стала бы звонить так рано без серьезной причины, — возразила мисс Марпл. — У нее нет привычки звонить в такую рань.

— Ладно, дорогая, что мы будем забивать этим нашу головку? — нежно проворковала мисс Найт. — Она наверняка вскорости позвонит. Или, хотите, я ей сейчас сама позвоню?

— Нет, спасибо, — отказалась мисс Марпл. — Свой завтрак я предпочитаю есть в горячем виде.

— Надеюсь, я ничего не забыла, — бодро заключила мисс Найт.

И вправду, она не забыла ничего. Чай был заварен прекрасно, яйцо варилось ровно три и три четверти минуты, тост пропечен равномерно, масло лежало на блюдечке симпатичным кружочком, а рядом примостился кувшинчик с медом. Что говорить, во многих отношениях мисс Найт была настоящим сокровищем. Мисс Марпл позавтракала с истинным удовольствием. Вскоре

она услышала — внизу заурчал пылесос. Значит, пришла Черри.

Звонкий мелодичный голос, состязаясь с урчащим пылесосом, напевал какую-то популярную мелодию. Мисс Найт, вошедшая за подносом, только покачала головой:

— Не нравится мне, что эта дамочка распевает на весь дом. Как-то это непочтительно.

Мисс Марпл чуть улыбнулась.

— Черри и в голову не приходит, что она должна вести себя почтительно, — заметила она. — И правда, с какой стати?

Мисс Найт презрительно фыркнула и сказала:

— Раньше все было иначе.

— Естественно, — согласилась мисс Марпл. — Времена меняются. От этого никуда не деться. — После паузы она добавила: — Пожалуйста, позвоните миссис Бэнтри и узнайте, чего она хотела.

Мисс Найт поспешно удалилась. Через минуту раздался стук в дверь, и на пороге возникла Черри. Румяная, сияющая, она была на диво хороша. Поверх темно-синего платья был повязан пластиковый передник, разрисованный лихими морячками и всякими морскими символами.

— У вас прекрасная прическа, — отпустила

комплимент мисс Марпл.

— Вчера сделала завивку, — сообщила Черри. — Пока волосы немного жесткие, но все будет в норме. Зашла спросить: вы новость слышали?

— Какую?

— Насчет того, что вчера случилось в Госсингтон-Холле. Знаете, наверное, там вчера устроили большую гулянку в пользу «Службы скорой помощи Святого Иоанна»?

Мисс Марпл кивнула.

— И что же? — спросила она.

— В разгар вечера умерла женщина. Некая миссис Бэдкок. Живет совсем рядом с нами, за углом. Вы-то вряд ли ее знаете.

— Миссис Бэдкок? — мисс Марпл насторожилась. — Представьте, я ее знаю. Кажется… да, да, это она… вышла и помогла мне подняться, когда я однажды упала. Она была очень добра.

— Ну-у, доброты Хитер Бэдкок не занимать, — подтвердила Черри. — Некоторые даже говорят, от ее доброты иногда охота спрятаться. Уж слишком выходит назойливо. В общем, р-раз — и померла на ровном месте. Была и нету.

— Умерла? Но от чего?

— Да кто ж ее знает? — Черри пожала плечами. — Ее пригласили в дом, потому что она была

в этой службе секретарем, кажется. Ее, мэра, еще несколько человек. Насколько я знаю, она выпила бокал, а через пять минут ей стало плохо, никто толком не успел понять, в чем дело, как она приказала долго жить.

— Какие ужасные вещи случаются на этом свете, — сказала мисс Марпл. — Она была сердечница?

— Наоборот, говорят, была здоровее некуда, — ответила Черри. — А там кто знает? Бывает, у тебя сердчишко барахлит, а никто про это и не догадывается. Во всяком случае, повезли ее не домой — это факт.

Мисс Марпл озадаченно посмотрела на нее:

— Что значит «не домой»?

— Ну, тело, — не моргнув глазом, объяснила Черри. — Доктор сказал, надо делать вскрытие. Аутопсия — как там это называется? Она, мол, никогда к нему не обращалась, и причина смерти совершенно неясна. Занятно, — заключила она.

— Что же тут занятного? — удивилась мисс Марпл.

— Ну, как? — Черри задумалась. — То и занятно, будто он чего-то не договорил.

— Для ее мужа это, наверное, страшный удар?

— Стоял белый как полотно. В жизни не видела,

чтобы мужчина был так потрясен, точно говорю.

Слух мисс Марпл всегда умел выделять тончайшие нюансы, и сейчас она навострила уши, по-птичьи склонив голову набок.

— Он был ей так предан?

— Он ее слушался, во всем ей уступал, — сказала Черри. — Но это совсем не значит, что ты — преданный муж, верно? Например, у тебя просто нет силы духа, чтобы настоять на своем.

— Вам она не нравилась? — спросила мисс Марпл.

— Я ее толком и не знаю, — уклонилась от прямого ответа Черри. — Вернее, не знала. Не сказать, что она мне противна… была противна. Просто не в моем вкусе. Уж слишком назойливая.

— В смысле любопытная, всюду сует свой нос?

— Как раз нет, — не согласилась Черри. — Ничего подобного. Она была женщиной очень доброй, всегда все делала для людей. И никогда ни в чем не сомневалась, всегда знала лучше других, что им надо. А что про это думали они сами, ее не волновало. У меня тетка была такая. Обожала булки с тмином, так она пекла их и для других и всех угощала, ей и в голову не приходило спросить: вдруг тмин кто-то не любит? Некоторые даже запаха тмина не выносят. Короче, Хитер Бэдкок

тоже была из таких.

— Да, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Наверное. Я таких людей встречала. Они, — добавила она, — живут довольно опасной жизнью, хотя и не подозревают об этом.

Черри уставилась на нее:

— Это вы что-то занятное сказали. Я даже не поняла.

В комнату ворвалась мисс Найт.

— Миссис Бэнтри, видимо, куда-то вышла, — доложила она. — А куда — неизвестно.

— Думаю, как раз известно, — возразила мисс Марпл. — Она отправилась сюда. Буду вставать.

2

Едва мисс Марпл обосновалась в своем любимом кресле около окна, явилась миссис Бэнтри. Она слегка запыхалась.

— Мне нужно многое вам рассказать, Джейн.

— Насчет приема? — спросила мисс Найт. — Вы были вчера на приеме, да? Я и сама заглянула туда ненадолго, днем. В чайной палатке яблоку негде было упасть. Народищу собралось — жуть! А вот на Марину Грегг поглядеть не удалось, это, конечно, обидно. — Она смела со стола невиди-

мую пылинку, бодро заявила: — Вы, конечно, хотите немножко посплетничать. — И вышла из комнаты.

— По-моему, она ничего не знает, — сказала миссис Бэнтри. Долгим, испытующим взглядом она посмотрела на подругу: — Зато, как я понимаю, знаете вы, Джейн.

— Про вчерашнюю смерть?

— Вам всегда все известно, — поразилась миссис Бэнтри. — Но откуда, ума не приложу.

— Полно вам, дорогая моя. Откуда всем все становится известно? Рассказала моя поденщица, Черри Бейкер. А мясник, наверное, сейчас просвещает мисс Найт.

— И что вы об этом думаете? — спросила миссис Бэнтри.

— О чем?

— Перестаньте, Джейн, вы прекрасно меня понимаете. Эта женщина, как ее звали…

— Хитер Бэдкок.

— Она приезжает на прием полная жизни, в отличном настроении. Я это видела своими глазами. А через четверть часа садится на стул, говорит, что ей нездоровится, хватает ртом воздух и умирает. Что вы думаете об этом?

— Ну, с выводами спешить не стоит, — сказала

мисс Марпл. — Хотелось бы знать, что об этом думает врач.

Миссис Бэнтри кивнула.

— Будет дознание и вскрытие, — сообщила она. — Из этого уже ясно, что они об этом думают, правда?

— Не обязательно. Внезапно заболеть и скончаться может любой — для того и вскрытие, чтобы определить причину смерти.

— Нет, здесь нечто большее, — сказала миссис Бэнтри.

— С чего вы взяли?

— Доктор Сэндфорд, вернувшись домой, позвонил в полицию.

— Кто вам это сказал? — с живейшим интересом спросила мисс Марпл.

— Старый Бриггс. Вернее, мне он об этом не сказал. Вы ведь знаете, под вечер он заглядывает к доктору Сэндфорду навести порядок в его саду, так вот, он что-то там стриг неподалеку от окна кабинета и слышал, как доктор звонил в полицейский участок в Мач-Бенэм. Бриггс рассказал своей дочке, та обмолвилась почтальонше, а уж почтальонша принесла эту новость мне.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Понятно, — сказала она. — Кое в чем наша

Сент-Мэри-Мид совсем не изменилась.

— Во всяком случае, местное агентство новостей как работало, так и работает. Хорошо, Джейн, так что все-таки вы об этом думаете?

— Первым, конечно, приходит в голову муж, — как бы рассуждая вслух, произнесла мисс Марпл. — Он там был?

— Был. Едва ли это самоубийство.

— Только не самоубийство, — решительно отринула эту версию мисс Марпл. — Она не из таких.

— Как вы с ней познакомились, Джейн?

— Познакомилась… Пошла прогуляться к Новым Домам и упала прямо возле ее двери. Она была сама доброта. Очень добрая женщина.

— А ее мужа видели? Он похож на человека, способного ее отравить? Ну, вы же понимаете, — продолжала миссис Бэнтри, когда мисс Марпл всплеснула руками, как бы протестуя. — Он вам напомнил, скажем, майора Смита или Берги Джонса, еще кого-нибудь, кто отравил жену или, по крайней мере, пытался?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Он мне вообще никого не напомнил. А вот она — да.

— Кто? Миссис Бэдкок?

— Да, — сказала мисс Марпл. — Она напомнила

мне некую Элисон Уайлд.

— И кто же эта Элисон Уайлд?

— Она не имела ни малейшего представления о том, — медленно начала мисс Марпл, — по каким законам живет мир. Какие люди его населяют. Она о них просто никогда не думала. И стало быть, не могла от них и от мира защититься.

— Что-то я вас совсем не понимаю, — призналась миссис Бэнтри.

— Точно и не объяснишь, — извиняющимся тоном сказала мисс Марпл. — Тут дело в эгоцентризме, при этом совсем не обязательно быть эгоистом. Среди таких людей встречаются и добрые, и бескорыстные, и даже заботливые. Но Элисон Уайлд и ей подобные буквально не ведают, что творят. А стало быть, и не ведают, что с ними может случиться.

— А пояснее все-таки нельзя? — попросила миссис Бэнтри.

— Сейчас, попробую на примере. На вымышленном, на самом деле ничего такого не было.

— Давайте, — приготовилась слушать миссис Бэнтри.

— Ну, допустим, вы пришли в магазин, а у хозяйки есть сын, такой, из малолетних преступников, промышляет неизвестно чем, и вы это знаете. И

вот он сидит и слушает, как вы рассказываете его матери, что в доме вы держите деньги или, скажем, фамильное серебро с драгоценностями. Зачем-то добавляете, в какое время вас не бывает дома. И даже — что никогда не запираете дверь. А потом говорите — сегодня вечером вы куда-то уходите. Понимаете? Вас интересует лишь ваша собственная персона, лишь то, что важно лично для вас. Так вот, в этот вечер вы, что-то забыв, неожиданно возвращаетесь домой, а там орудует этот негодяй мальчишка, и вы застаете его на месте преступления, он оборачивается — и бух вас по голове.

— В наши дни такое может случиться почти с кем угодно, — заметила миссис Бэнтри.

— Не совсем, — возразила мисс Марпл. — У большинства людей есть предохранительный инстинкт. Они понимают: в присутствии посторонних или просто людей, имеющих известную репутацию, кое-чего говорить или делать нельзя. Но, как я уже сказала, Элисон Уайлд всегда думала только о себе… Такие, как она, расскажут тебе, что они делали, что видели, что чувствовали и слышали. А что слышали или чувствовали другие — это их не интересует. Жизнь для них — это улица с односторонним движением, улица, по

которой идут они. А другие для них… все равно что обои на стене. — После паузы она добавила: — Хитер Бэдкок, мне кажется, была именно такая.

— Вы считаете, — внесла ясность миссис Бэнтри, — что она была из тех, кто может влезть в чужие дела, даже об этом не подозревая?

— И не чувствуя никакой опасности, — добавила мисс Марпл. — Я просто не вижу другой причины, по какой ее могли убить. Если, разумеется, — продолжила она, — мы правильно считаем, что это именно убийство.

— А если она кого-нибудь шантажировала? — предположила миссис Бэнтри.

— Ну нет. — Эти слова мисс Марпл прозвучали с уверенностью. — Женщина она была добрая, хорошая. И совершить что-то подобное просто не могла. Да и вообще, — добавила она с легкой досадой, — вся эта история какая-то неправдоподобная. Скорее можно подумать, что…

— Ну? — подстегнула ее миссис Бэнтри.

— Я просто подумала: а вдруг ее убили по ошибке? — задумчиво произнесла мисс Марпл.

Открылась дверь, и в комнату легким ветерком ворвался доктор Хейдок, за ним, что-то щебеча, — мисс Найт.

— Ага, уже при деле, — с ходу заявил доктор

Хейдок, глядя на двух дам. — Решил вас навестить, проверить, как здоровье, — обратился он к мисс Марпл. — Но можно не спрашивать. Сам вижу: вы уже начали применять прописанное мной лечение.

— Лечение, доктор?

Доктор Хейдок указал на лежавшее на столике вязанье.

— Взялись развязывать узел, — сказал он. — Или я не прав?

Мисс Марпл мигнула: едва заметно, по-старушечьи.

— Вам бы все шутить, доктор Хейдок.

— Меня не проведешь, дорогая моя. Я слишком давно вас знаю. Внезапная смерть в Госсингтон-Холле… Эту новость перемалывают все языки в Сент-Мэри-Мид. Верно? Результатов дознания еще нет, но все говорят об убийстве.

— Когда дознание? — спросила мисс Марпл.

— Послезавтра. Думаю, к тому времени вы, дамы, уже проведете свое следствие, вынесете приговор и выясните многое другое. Что ж, — добавил он, — мне здесь делать нечего. Зачем тратить время на пациента, которому мои услуги совершенно ни к чему? Щечки у вас порозовели, глазки горят, вы довольны. Интерес к жизни

— что может быть лучше этого? Желаю здравствовать.

И вышел из комнаты.

— В любую минуту предпочла бы его Сэндфорду, — сказала миссис Бэнтри.

— Я тоже, — согласилась мисс Марпл. — Он к тому же старый и добрый друг. — Чуть задумавшись, она добавила: — По-моему, он пришел, чтобы сказать мне: вперед, путь открыт.

— Значит, это все-таки было убийство, — сделала вывод миссис Бэнтри. Дамы переглянулись. — По крайней мере, таково мнение врачей.

Мисс Найт внесла две чашки кофе. Дамы с трудом дождались, когда она оставит их вдвоем. Едва за мисс Найт закрылась дверь, мисс Марпл заговорила:

— Итак, Долли, вы были там лично…

— Можно сказать, все произошло у меня на глазах, — не без гордости, но и скромно поведала миссис Бэнтри.

— Прекрасно! — воскликнула мисс Марпл. — То есть я имела в виду… вы знаете, что я имела в виду. Значит, вы можете точно рассказать, что происходило с самой минуты ее появления.

— Меня провели в дом, — начала миссис Бэнтри. — Сподобилась попасть в число особо

приближенных.

— Кто провел?

— О-о, такой подтянутый молодой человек, кажется, он секретарь Марины Грегт или что-то такое. Он провел меня в дом, потом по лестнице наверх. Там у них было что-то вроде встречи оргкомитета.

— Прямо на лестничной площадке? — удивилась мисс Марпл.

— Они там все переделали. Снесли гардеробную и спальню, и получилось большое углубление, можно сказать целая комната. Вышло очень красиво.

— Понятно. Кто там был?

— Марина Грегг, сама естественность и очарование, в облегающем серо-зеленом платье — прелесть, да и только. Муж, разумеется, и эта Элла Зелински, я вам о ней говорила. Их личный секретарь. И еще было… человек восемь или десять. Кого-то из них я знала, кого-то — нет. Эти, вторые, скорее всего — киношники. Были викарий и жена доктора Сэндфорда. Сам он приехал позже, позже явились и полковник, и миссис Клиттеринг, и главный судья графства. Кажется, был даже кто-то из газеты. И молодая женщина с большим фотоаппаратом, она все

время снимала.

Мисс Марпл кивнула:

— Дальше.

— Хитер Бэдкок с мужем прибыли сразу после меня. Марина Грегг полюбезничала со мной, с кем-то еще… с викарием… потом появилась Хитер Бэдкок с мужем. Она ведь секретарь бригады «Скорой помощи Святого Иоанна». Кто-то сказал, какая она, мол, трудолюбивая и незаменимая работница. Марина Грегг отпустила ей комплимент. Тут миссис Бэдкок, которая, признаюсь вам, Джейн, показалась мне большой занудой, набросилась на Марину Грегг с какой-то до жути канительной и бессвязной историей насчет того, как они с Мариной много лет назад где-то встречались. Это было не слишком тактично с ее стороны, потому что она уверяла, что это было очень давно, даже называла год и так далее. Актрисы, кинозвезды, да вообще все на свете не любят, когда им напоминают об их возрасте. А миссис Бэдкок это, наверное, и в голову не пришло.

— Не пришло, — подтвердила мисс Марпл. — Она не из тех, кто думает о таких пустяках. Дальше?

— Дальше ничего особенного, правда, Марина

Грегг повела себя не совсем обычно.

— То есть выказала раздражение?

— Нет, вовсе нет. Я, кстати, даже не уверена, слышала ли она хоть слово из того, что плела миссис Бэдкок. Она смотрела в одну точку, куда-то через плечо миссис Бэдкок, и, когда та закончила свой глуповатый рассказ о том, как она, полубольная, выбралась из постели, выскользнула из дому и пробралась на встречу с Мариной и даже взяла у нее автограф, наступила какая-то странная тишина. А потом я увидела ее лицо.

— Чье? Миссис Бэдкок?

— Нет, Марины Грегг. Казалось, она не слышала ни слова из того, что сказала эта Бэдкок. Она смотрела через ее плечо — на противоположную стену. Смотрела… даже не могу объяснить как…

— Постарайтесь, Долли, — настойчиво попросила мисс Марпл. — Это может оказаться важным.

— У нее был застывший взгляд, — с трудом подбирая слова, выговорила миссис Бэнтри. — Будто она увидела что-то такое… Господи, что-то описать — это всегда так трудно… Вы помните «Леди из Шалотта»? «…И в трещинах зеркальный круг. Вскричав: «Злой рок!» — застыла вдруг Леди из Шалотта». Примерно так она и выглядела. Нынешнее поколение не принимает Теннисона

всерьез, меня же Леди из Шалотта в юности всегда завораживала, завораживает и сейчас.

— У нее был застывший взгляд, — задумчиво повторила мисс Марпл. — И она смотрела через плечо миссис Бэдкок на стену. Что же было на этой стене?

— На стене? Какая-то картина, — сказала миссис Бэнтри. — Кажется, итальянская. По-моему, копия мадонны Беллини, но тут я не уверена. В общем, дева держит смеющегося ребенка.

Мисс Марпл нахмурилась:

— Не представляю себе, чем ее могла так заворожить картина.

— Тем более она видит ее каждый день, — заметила миссис Бэнтри.

— Наверное, по лестнице поднимались люди?

— О да, поднимались.

— Кто именно, не помните?

— Вы считаете, что она могла уставиться на кого-то из гостей, поднимавшихся по лестнице?

— Почему бы нет?

— Да… действительно… Сейчас, попробую вспомнить. Там был мэр, разряженный, со всеми регалиями, его жена, длинноволосый мужчина с забавной бородкой, такие нынче в моде. Молодой еще человек. Девушка с фотоаппаратом.

Она примостилась прямо на лестнице — удобно снимать, как люди, поднявшись, здороваются с Мариной… Там были еще двое, я их не знаю. Наверное, киношники. И Грайсы из «Лоу фарм». Может, был еще кто-то, но сейчас не вспомню.

— Не густо, — проворчала мисс Марпл. — Что было дальше?

— То ли Джейсон Радд задел жену локтем, то ли еще что-то, во всяком случае, она вдруг очнулась, улыбнулась миссис Бэдкок и начала говорить обычные любезности. Опять стала сама естественность, очарование, дитя природы, в общем, как обычно.

— А потом?

— Потом Джейсон Радд предложил им выпить.

— Что именно?

— По-моему, дайкири. Он еще сказал, что это самый любимый коктейль его жены. Один бокал он протянул ей, а другой — этой Бэдкок.

— Это очень интересно, — пробормотала мисс Марпл. — Весьма интересно. Что же было дальше?

— Не знаю, я повела стайку женщин на экскурсию по туалетным комнатам, и все. А потом бежит эта секретарша и говорит, что кому-то стало плохо.

Глава 7

Дознание оказалось коротким и принесло разочарование. Опознал умершую муж, прочие показания были медицинскими. Причиной смерти Хитер Бэдкок явились четыре гранулы гиэтиладексилабарбохинделоритата или что-то в этом роде! Сведений о том, как препарат попал в организм, не было.

Дознание отложили на две недели.

Когда все стали расходиться, детектив-инспектор Фрэнк Корниш окликнул Артура Бэдкока:

— Можно вас на пару слов, мистер Бэдкок?

— Конечно, пожалуйста.

Артур Бэдкок более чем когда-либо походил на кусок изжеванной веревки.

— Ничего не могу понять, — бормотал он. — Просто ничего не могу понять.

— У меня здесь машина, — сказал Корниш. — Давайте я отвезу вас домой? Там и поговорим. И удобнее, и никто мешать не будет.

— Спасибо, сэр. Да, да, конечно, так будет лучше.

Они подъехали к ладным, выкрашенным голубой краской воротцам дома номер 3 по

Арлингтон-клоуз. Артур Бэдкок пошел вперед, инспектор — за ним. Хозяин достал ключ, но не успел вставить его в скважину, как дверь открылась изнутри. Открывшая ее женщина, чуть смутившись, отступила назад. Артур Бэдкок даже вздрогнул.

— Мэри, — проговорил он.

— Я как раз готовила вам чай, Артур. Решила, что после дознания чашка чаю вам не повредит.

— Большущее вам спасибо, — поблагодарил Артур Бэдкок. Он замялся. — Познакомьтесь. Инспектор Корниш. Миссис Бейн. Моя соседка.

— Понятно, — сказал инспектор Корниш.

— Я налью еще одну чашку, — сказала миссис Бейн.

Она исчезла, и Артур Бэдкок, слегка мучимый сомнениями, провел инспектора в комнату направо от холла, оказавшуюся гостиной с яркой кретоновой обивкой.

— Очень добрая женщина, — сказал Артур Бэдкок. — Бывают же добрые люди.

— Вы ее знаете давно?

— О нет. Познакомились, как сюда переехали.

— Вы здесь живете два года или даже три?

— Около трех, — уточнил Артур. — А миссис Бейн переселилась сюда с полгода назад. У нее

сын работает поблизости, вот после смерти мужа она и перебралась сюда, а сын живет отдельно, но питается у нее.

В эту минуту из кухни с подносом появилась миссис Бейн. Это была брюнетка лет сорока, на лице отпечаталась какая-то неизбывная тревога. Она здорово смахивала на цыганку — цвет кожи, карие глаза и темные волосы. Взгляд был немного странным: чуть настороженным. Она поставила поднос на стол, и инспектор Корниш пробурчал какой-то ни к чему не обязывающий комплимент. Профессиональный инстинкт подсказал ему: будь начеку. От него не укрылись настороженность в ее взгляде, легкий испуг, когда Артур представил его. Он прекрасно знал, что в присутствии полиции многие робеют, и причины обычно две. Первая — люди могли, пусть бессознательно, как-то преступить закон, и, естественно, им становится не по себе — вдруг полиция что-то разнюхала? Но есть и другая робость, и именно с ней инспектор Корниш встретился сейчас, он в этом не сомневался. У миссис Бейн встреча с полицией наверняка уже была, и после этого она к полиции относится опасливо и с подозрением. Надо выяснить об этой миссис Бейн как можно больше.

Поставив поднос на стол и отказавшись от чая — пора домой, — она простилась и вышла.

— Похоже, милая женщина, — заметил инспектор Корниш.

— Да, очень. Очень добрая, очень хорошая соседка, очень чуткая, — охарактеризовал ее Артур Бэдкок.

— Она и ваша жена были добрыми подругами?

— Нет-нет, этого я бы не сказал. Добрососедские отношения, вполне уважительные. Но подругами я бы их не назвал.

— Понятно. Итак, мистер Бэдкок, мы хотим, чтобы вы рассказали нам все, что знаете. Результаты дознания, наверное, вас потрясли?

— Еще как, инспектор. Конечно, я сразу понял, что вы заподозрили неладное, я почти и сам в это поверил — ведь Хитер всегда была отменного здоровья. Можно сказать, вообще не знала, что такое заболеть хотя бы на день. Так что я и сам себе сказал: «Тут что-то неспроста». И все же это настолько невероятно, понимаете, инспектор? Просто в голове не укладывается. Как называется эта штука… гиэтилгек… — Он остановился.

— Есть вариант полегче, — сказал инспектор. — У этого препарата есть свое коммерческое название — «Калмо». Вам он никогда не попа-

дался?

Артур Бэдкок, ошарашенный, покачал головой.

— Им больше пользуются в Америке, чем здесь, — объяснил инспектор. — Там, насколько я знаю, он довольно популярен и вполне доступен.

— А от чего он?

— Этот препарат, насколько мне известно, снимает волнение, успокаивает, умиротворяет, — рассказал Корниш. — Его прописывают тем, кто находится в состоянии стресса; страдает от перенапряжения, депрессии, меланхолии, сонливости и прочих подобных явлений. Нормальная доза неопасна, но принимать этот препарат в больших количествах не рекомендуется. Судя по тому, что обнаружено в организме вашей жены, обычная доза превышена в шесть раз.

Бэдкок уставился на инспектора.

— Хитер в жизни ничего подобного не принимала, — сказал он. — Я в этом абсолютно уверен. Она не из тех, кто помешан на лекарствах. Она вообще не знала, что такое депрессия или обеспокоенность. Таких жизнерадостных женщин, как она, я за всю жизнь не встречал.

Инспектор кивнул:

— Понятно. И никакой доктор ничего такого ей не прописывал?

— Нет. Точно. Я в этом уверен.

— Кто был ее врачом?

— Вообще-то она приписана к доктору Симу, но, если не ошибаюсь, ни разу к нему не обращалась.

— Выходит, — задумчиво произнес инспектор Корниш, — она не из тех женщин, кто принимает такие средства?

— Конечно, не из тех, инспектор, и думать нечего. Она приняла это по ошибке, уж не знаю какой.

— Очень трудно представить себе такую ошибку, — сказал инспектор Корниш. — Что она ела и пила в тот день?

— Сейчас, надо вспомнить. На ленч…

— Ленч не нужен, после него прошло слишком много времени. Препарат, принятый в таком количестве, действует быстро и внезапно. Чай. Постарайтесь вспомнить про чай.

— Ну, мы вошли в палатку для чая, в саду. Там толпилось множество народу, но в конце концов мы получили по булочке и чашке чаю. Быстренько с этим разделались, потому что в палатке стояла жуткая духотища, и снова вышли на свежий воздух.

— То есть там она съела булочку и выпила

чашку чаю. Все?

— Да, сэр, все.

— И после этого вы прошли в дом?

— Да. К нам подошла молодая дама и сказала, что мисс Марина Грегг будет очень рада видеть мою жену в доме, если та не возражает. Разумеется, жена пришла в восторг. Марина Грегг в последнее время у нее с языка не сходила. Все кругом из-за этого приема были так взбудоражены. Что я вам говорю, инспектор, вы это знаете не хуже меня.

— Да, правда, — согласился Корниш. — И моя жена была взбудоражена. Еще бы, ведь народ со всей округи собрался, люди заплатили по шиллингу — посмотреть, во что превратили Госсингтон-Холл, хоть краешком глаза взглянуть на Марину Грегг.

— Молодая дама провела нас в дом, — продолжал Артур Бэдкок, — потом наверх по лестнице. Туда, где хозяйка встречала гостей. На площадке, у лестницы. Видимо, там все здорово переделали. Это была даже не площадка, а комната, большая зала-углубление со стульями, столами; на них стояли напитки. Там было человек десять — двенадцать.

Инспектор Корниш кивнул.

— И вас там встретили… кто же?

— Сама мисс Марина Грегг. С ней был ее муж. Не помню, как его зовут.

— Джейсон Радд, — подсказал инспектор Корниш.

— Да-да, я на него сразу как-то не обратил внимания. В общем, мисс Грегг очень мило поздоровалась с Хитер, была вроде бы очень рада ее видеть, и Хитер начала ей рассказывать, как много лет назад она встретилась с мисс Грегг где-то в Вест-Индии… В общем, все было лучше некуда.

— Все было лучше некуда, — эхом отозвался инспектор. — А дальше?

— А дальше мисс Грегг спросила: что будем пить? И муж мисс Грегг, мистер Радд, дал Хитер какой-то коктейль. Дикери, кажется.

— Дайкири.

— Да, сэр, верно. Он принес их два. Один для нее, а другой для мисс Грегг.

— А что пили вы?

— Херес.

— Понятно. И вы стояли втроем и вместе потягивали напитки?

— Нет, не совсем так. Там ведь и другие поднимались по лестнице. Мэр, еще кое-кто… Кажется, американский джентльмен с дамой… Так что мы

чуть отодвинулись в сторонку.

— И ваша жена выпила свой дайкири?

— Н-нет, не сразу, не тогда.

— В таком случае когда же?

Артур Бэдкок нахмурился, стараясь припомнить.

— По-моему, свой бокал она поставила на столик. Увидела кого-то из знакомых. Кажется, кого-то из бригады «Скорой помощи Святого Иоанна», он приехал, если не путаю, из Мач-Бенэма. Вот они и принялись болтать.

— Так когда же она выпила свой коктейль?

Артур Бэдкок снова нахмурился.

— Вскоре после этого, — сказал он. — Народ все прибывал. Кто-то толкнул Хитер под локоть, и ее бокал расплескался.

— Что-что? — инспектор Корниш резко поднял голову. — Ее коктейль выплеснулся?

— Да, насколько я помню… Сначала она взяла его со стола, отхлебнула глоточек и скривилась. Она вообще не была любительница коктейлей, но по такому случаю, конечно, отчего же не выпить. Короче, кто-то толкнул ее под локоть, и коктейль вылился. Облил ей платье и, кажется, даже платье мисс Грегг. Но мисс Грегг и виду не подала, что огорчилась. Сказала, мол, это пустяки,

даже пятна не останется, дала Хитер свой платок, чтобы та обтерла платье, а потом передала ей свой коктейль и сказала: «Вот, возьмите мой, я его не трогала».

— Она передала ей свой коктейль? — переспросил инспектор. — Вы в этом уверены?

Артур Бэдкок на минуту погрузился в раздумье.

— Абсолютно уверен, — подтвердил он.

— И ваша жена его взяла?

— Сначала, сэр, отказывалась. Говорила: «Нет-нет, ну что вы, я не могу!» — а мисс Грегг засмеялась и сказала, что, мол, она уже выпила достаточно.

— Значит, ваша жена взяла этот бокал? И что же?

— Она чуть отвернулась и выпила его, почти залпом. Потом мы немножко прошлись по коридору, смотрели на картины, на занавеси. Занавеси просто красота, мы никогда таких не видели. Потом я встретил приятеля, Олкока, члена местного совета, мы с ним стояли и мирно беседовали, тут я обернулся и вижу: Хитер сидит на стуле, и вид у нее какой-то не такой, я подошел к ней и спрашиваю, мол, что случилось? А она говорит, чувствую себя как-то чудно.

— В каком смысле чудно?

— Не знаю, сэр. И спросить-то не успел. Голос у нее был совсем чудной, густой какой-то, голова как бы покачивалась. Потом вдруг схватила воздух ртом, вернее, попыталась, и голова бух на грудь. И умерла… Вот так-то, сэр. Умерла.

Глава 8
1

— Сент-Мэри-Мид, вы сказали? — главный инспектор Крэддок резко поднял голову.

Помощник комиссара заметно удивился.

— Да, — подтвердил он. — Сент-Мэри-Мид. А что? Что-нибудь…

— Нет, ничего, — сказал Дермот Крэддок.

— Это, насколько я знаю, совсем небольшая деревушка, — пояснил помощник комиссара. — Хотя строительство там идет вовсю. Застраивают, если не ошибаюсь, почти все пространство между этой деревней и Мач-Бенэмом. А по другую сторону Сент-Мэри-Мид, — добавил он, — ближе к Маркет-Бейзингу, находится киностудия «Хеллингфорт». — Вопросительное выражение еще не сошло с его лица.

Дермот Крэддок решил, что стоит внести ясность.

— У меня там знакомая, — сказал он. — В Сент-Мэри-Мид. Пожилая дама. Собственно, совсем старушка. Не исключено, она уже приказала долго жить. Но если нет…

Помощник комиссара понял мысль подчиненного, по крайней мере ему так показалось.

— Конечно, — подхватил он. — Получите возможность взглянуть на это дело, так сказать, изнутри. Местные сплетни никогда не бывают лишними. Вообще весьма любопытная история.

— В графстве эту работу поручили нам? — спросил Дермот.

— Да. Пришло письменное распоряжение главного констебля. Они не исключают, что эта история выходит за пределы деревни. Госсингтон-Холл, самый большой дом в этих краях, недавно был куплен Мариной Грегг, кинозвездой, вместе с мужем. Они уже переехали. Неподалеку находится их новая киностудия, «Хеллингфорт», сейчас идут съемки, Марина играет главную роль. Прием на территории их дома был дан в пользу ассоциации «Скорой помощи Святого Иоанна». Умершая — ее звали миссис Хитер Бэдкок — была секретарем местного отделения этой ассоциации, и прием во многом готовила она. Судя по всему, это была деловая и толковая женщина, местные жители ее хорошо знали и любили.

— Эдакая командирша? — предположил Крэддок.

— Весьма возможно, — согласился помощник

комиссара. — Но мой опыт говорит, что таких командирш убивают довольно редко. Хотя почему, ума не приложу. В общем, довольно печальная история. Народу на прием собралось рекордное количество, погода стояла отличная, все шло по плану. Избранную публику Марина Грегг с мужем пригласили в дом. Там было человек тридцать или сорок. Местная знать, люди, связанные со «Службой скорой помощи Святого Иоанна», несколько друзей самой Марины Грегг, еще кое-кто из мира кино. Все было тихо, мирно и распрекрасно. И вот в разгар праздника Хитер Бэдкок умирает, потому что ее отравили. Фантастика, невероятно — но это так.

— Доказано, что яд был в напитке?

— Да. Тут все подробно изложено. Длиннющее бессмысленное название, которые обожают врачи, на самом же деле в Америке это вполне распространенное лекарство.

— В Америке? Понятно.

— В Англии тоже. Просто по ту сторону Атлантики такие средства больше в ходу. Если их принимать в малых дозах, организму они на пользу.

— А выдают по рецепту или можно просто пойти и купить?

— Нельзя. Нужен рецепт.

— Да, странно, — пробормотал Дермот. — А Хитер Бэдкок к этим киношникам какое-то отношение имеет?

— Ни малейшего.

— Кто-то из членов ее семьи там был?

— Муж.

— Муж… — задумчиво повторил Дермот.

— Да, первая мысль всегда о муже, — согласился старший по званию. — Но наш местный работник… кажется, Корниш, считает, что муж тут, скорее всего, ни при чем, хотя он доложил, что Бэдкок сильно нервничал и вообще был сам не свой. Но он тут же добавил, что вполне достойные люди часто нервничают, когда их допрашивает полиция. Судя по всему, это были верные и преданные друг другу супруги.

— Другими словами, тамошняя полиция считает, что муж убитой здесь ни при чем. Что ж, похоже, дело интересное. Я еду туда, правильно я понял, сэр?

— Да. Поезжайте, Дермот, и как можно быстрее. Кого хотите взять с собой?

Дермот ответил не сразу.

— Пожалуй, Тиддлера, — задумчиво произнес он. — Человек он хороший, к тому же большой

любитель кино. Это может пригодиться.

Помощник комиссара кивнул.

— Желаю удачи, — сказал он на прощание.

2

— Вот это да! — воскликнула мисс Марпл, порозовев от удовольствия и удивления. — Ну и сюрприз! Ну, как вы, дорогой мой мальчик?.. Хотя какой вы теперь мальчик? Главный инспектор, или как это теперь называется? Командующий?

Дермот объяснил, в каком звании он сейчас состоит.

— Думаю, нет смысла спрашивать, что вы здесь делаете, — сказала мисс Марпл. — Наше местное убийство удостоилось внимания Скотленд-Ярда.

— Дело передали нам, — подтвердил Дермот. — И естественно, приехав сюда, я сразу направился к нашему агенту.

— Вы хотите сказать… — Мисс Марпл была слегка польщена.

— Да, тетушка, — произнес Дермот так, будто это само собой разумелось. — Я имею в виду вас.

— Боюсь, — в голосе мисс Марпл прозвучало сожаление, — что я здорово поотстала. Я ведь сейчас так редко выхожу.

— Редко, да метко. Не вы ли упали возле чужого дома, не вам ли помогла подняться женщина, которую через десять дней убили? — спросил Дермот Крэддок.

Мисс Марпл издала некий цокающий звук.

— Не знаю, откуда вы такое берете, — сказала она.

— Должны знать, — укорил ее Дермот Крэддок. — «В деревне всем все известно» — ваши слова? И кстати, не для протокола, — добавил он. — Вы, как только ее увидели, сразу поняли, что ее убьют?

— Ну что вы! — воскликнула мисс Марпл. — Как вам такое могло прийти в голову?

— А в глазах ее мужа не увидели взгляда, который напомнил вам о Харри Симпсоне, или Дэвиде Джонсе, или еще каком-нибудь вашем старом знакомце, впоследствии толкнувшем жену с обрыва?

— Нет и еще раз нет! — горячо возразила мисс Марпл. — Уверена, что мистер Бэдкок на такое злодеяние не способен. По крайней мере, — добавила она задумчиво, — почти уверена.

— Но ведь человеческая природа, как известно… — пробормотал Крэддок зловредно.

— Именно, — подтвердила мисс Марпл. Потом

добавила: — Рискну предположить, что, оправившись от естественного первого шока, он не будет по ней сильно убиваться.

— Почему? Он был у нее под каблуком?

— Нет. Но не думаю, чтобы она… В общем, внимательным человеком она не была. Добрым — да. А вот внимательным — нет. Она могла любить его, заботиться о нем, когда он болел, кормить его и быть хорошей хозяйкой, но, на мой взгляд, она никогда бы… В общем, она даже не подозревала, что там у него на душе, о чем он думает. И мужчина чувствует себя одиноко.

Дермот хмыкнул:

— Вы думаете, теперь ему будет менее одиноко?

— Полагаю, он снова женится. И даже очень скоро. Возможно, на женщине того же типа, что будет совсем обидно. То есть возьмет в жены человека сильнее, чем он сам.

— Есть конкретная кандидатура? — осведомился Дермот.

— Мне она неизвестна, — сказала мисс Марпл. И с сожалением добавила: — Но мне вообще известно так мало.

— А что вы обо всем этом думаете? — продолжал напирать на нее Дермот Крэддок. — Уж в

умении думать и выдумывать вы всякому фору дадите.

— Я думаю, — неожиданно сказала мисс Марпл, — что вам надо поговорить с миссис Бэнтри.

— Миссис Бэнтри? А кто она? Из киношной публики?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Она живет в Ист-Лодже, в Госсингтоне. В тот день она была на празднике. Когда-то Госсингтон принадлежал ей. Ей и ее мужу, полковнику Бэнтри.

— Она была на празднике. И что-то видела?

— Пусть она сама вам расскажет, что она видела. Вам может показаться, что к делу это не имеет отношения, но вдруг… вдруг вас это натолкнет на какие-то мысли. Скажите ей, что вас прислала я, и… да, лучше просто упомяните Леди из Шалотта.

Дермот Крэддок посмотрел на нее, чуть склонив голову набок.

— Леди из Шалотта, — повторил он. — Это что — пароль?

— Ну, не совсем, — чуть смутилась мисс Марпл. — Просто по этим словам она сразу поймет, что я имела в виду.

Дермот Крэддок поднялся.

— Мы расстаемся ненадолго, — предупредил он ее.

— Буду очень рада вас видеть, — сказала мисс Марпл. — Если выберете время, заходите как-нибудь, попьем чайку. Надеюсь, вы его еще пьете, — добавила она с легким сожалением в голосе. — Я знаю, что нынешняя молодежь, когда ей надо перекусить и что-то выпить, идет в бары и прочие заведения. Для них пятичасовой чай безнадежно устарел.

— Если я и молод, то не до такой степени, — заметил Дермот. — Как-нибудь обязательно загляну к вам на чаек. Посплетничаем, поболтаем о ваших деревенских новостях. Кстати, а с кем-нибудь из кинозвезд вы лично знакомы? Вообще с кем-нибудь из киношников?

— Ни с единым человечком, — ответила мисс Марпл. — Только понаслышке.

— В вашем случае это, как правило, уже кое-что, — сказал Дермот Крэддок. — Что ж, до свидания. Был очень рад вас видеть.

3

— О-о, здравствуйте, — несколько ошарашенно приветствовала гостя миссис Бэнтри, когда Дер-

мот Крэддок представился и объяснил цель своего визита. — Надо же, не каждый день встречаешь таких людей. А разве вас не всегда сопровождают сержанты?

— Сержант со мной действительно приехал, — подтвердил Крэддок. — Но в данную минуту он занят.

— Наверное, собирает информацию? — с надеждой в голосе спросила миссис Бэнтри.

— Что-то в этом роде, — строго ответствовал Дермот.

— Значит, Джейн Марпл послала вас ко мне, — сказала миссис Бэнтри, проводя гостя в свою маленькую гостиную. — А я как раз цветы расставляла. Бывают такие дни — ну никак цветы не хотят тебя слушаться. Падают или, наоборот, торчат там, где торчать не должны, а где надо лежать — не лежат. Так что я рада отвлечься, тем более по такому интересному поводу. Значит, это все-таки было убийство?

— А вы так не думали?

— Ну, это мог быть и несчастный случай, — сказала миссис Бэнтри. — Ведь никаких конкретных, официальных разъяснений не было. Сообщили только, что, как яд попал в организм, пока неизвестно, — ну не глупость ли? Вообще-то мы все

между собой решили, что это — убийство.

— А кто его совершил?

— Представьте себе, никаких догадок нет. Как ни странно. Потому что лично я не представляю, кто мог бы это сделать.

— Вам непонятно, кто мог бы это сделать физически?

— Нет, не то. Совершить это убийство, может, было и трудно, но не невозможно. Просто не вижу, кому это могло понадобиться.

— Вы хотите сказать, что ни у кого не было причин лишать жизни Хитер Бэдкок?

— Откровенно говоря, — сказала миссис Бэнтри, — не могу себе представить, чтобы кому-то потребовалось ее убить. Я с ней встречалась несколько раз по местным делам. Девочки-скауты, бригада «Скорой помощи Святого Иоанна», всякие приходские дела. Я бы сказала, что она — человек довольно докучливый. По любому поводу — фонтан энтузиазма, какая-то восторженность без меры, а уж начнет говорить — не остановишь. Но за это ведь людей не убивают. В старые времена, если такая женщина приближалась к дверям твоего дома, ты быстро звала горничную — была такая должность в мои времена, и весьма полезная, — и велела ей объявить, что «Нет до-

ма» или «Сегодня никого не принимает», чтобы горничную не мучили угрызения совести.

— То есть многие с удовольствием избавились бы от ее общества, но никому не пришло бы в голову устранять ее навсегда.

— Очень хорошо сформулировано, — миссис Бэнтри одобрительно кивнула.

— Серьезных сбережений у нее не было, — рассуждал вслух Дермот, — и ее смерть никому особых прибылей не принесла. Люди могли ее недолюбливать, но о ненависти речи не было. Может, она кого-нибудь шантажировала?

— Что вы, откуда? — горячо возразила миссис Бэнтри. — Это была женщина совестливая, высоконравственная.

— Может, у ее мужа был роман на стороне?

— Едва ли, — сказала миссис Бэнтри. — Я только и видела его, что тогда на празднике. Он мне напомнил изжеванную веревку. Вроде бы и приличный человек, но какой-то жалкий.

— Выходит, выбор у нас невелик, — подытожил Дермот Крэддок. — Остается предположить одно: ей было что-то известно.

— Известно?

— Что-то, порочащее другого.

Миссис Бэнтри снова покачала головой:

— Сомневаюсь. Сильно сомневаюсь. Такие женщины просто не умеют держать язык за зубами, и если им что-то известно, это тут же известно всем.

— Значит, и это отпадает, — принял ее толкование Дермот Крэддок. — Тогда никуда не денешься — придется вспомнить о причине, которая меня к вам привела. Мисс Марпл, перед которой я искренне преклоняюсь и к которой питаю глубокое уважение, сказала мне, чтобы я назвал вам Леди из Шалотта.

— Ах это! — воскликнула миссис Бэнтри.

— Да, — сказал Крэддок. — Это. Чем бы оно ни было.

— В наши дни народ почти не читает Теннисона, — сокрушенно произнесла миссис Бэнтри.

— Что-то такое я помню из детства, — покопался в памяти Дермот Крэддок. — Ведь это она смотрела на замок Камелот?

На паутине взмыл паук,
И в трещинах зеркальный круг.
Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг
Леди из Шалотта.

— Именно. Вот и она так же, — сказала миссис Бэнтри.

— Простите? Кто так же? И что?

— Выглядела так же, — пояснила миссис Бэнтри.

— Кто?

— Марина Грегг.

— Ага. Марина Грегг. Когда?

— Вам Джейн Марпл разве не рассказала?

— Нет. Послала прямо к вам.

— Ну, это нечестно с ее стороны, ведь она куда лучшая рассказчица, чем я. Мой муж всегда говорил: я так резко перескакиваю с одного на другое, что он не может толком понять, о чем речь. Вообще, может быть, мне все это только показалось. Но когда замечаешь на чьем-то лице такой взгляд, аналогия приходит в голову сама по себе.

— Расскажите, пожалуйста, — попросил Дермот Крэддок.

— Ну что ж, все произошло на празднике. Я говорю «праздник», потому что как еще это назовешь? У них наверху, у лестницы, теперь что-то вроде большущей ниши. Там Марина Грегг и ее муж принимали особо важных гостей. Удостоился чести и кое-кто из местных. Лично я — потому что когда-то была хозяйкой этого дома, а Хитер Бэдкок с мужем — потому что она организовала

весь этот прием, обо всем хлопотала. Так вышло, что мы поднялись наверх почти вместе, я стояла рядом — вот и заметила это.

— Так. Что же именно вы заметили?

— Сейчас. Ну, миссис Бэдкок заахала и заохала, знаете, как бывает, когда вдруг встречаешь какую-то знаменитость. Мол, как это прекрасно, да она в таком восторге, да они и мечтать не могли о такой встрече. А потом затянула какую-то нудную историю, как когда-то, много лет назад, они уже встречались и как она по этому поводу была счастлива. Я еще тогда подумала: каково этим знаменитостям всякий раз такое выслушивать и терпеть с милой улыбкой — с ума сойти можно! И вдруг я заметила, что никакой милой улыбки на лице мисс Грегг нет. Она просто стояла оцепенев, вперившись в одну точку.

— В одну точку… на миссис Бэдкок?

— Нет… нет, она про миссис Бэдкок и думать забыла. Казалось, она вообще не слышит, что та плетет. Она стояла оцепенев и смотрела взглядом, как я его назвала, Леди из Шалотта — будто увидела что-то жуткое. Что-то кошмарное, такое, чего она увидеть никак не ожидала, и смотреть на это ей было невыносимо.

— «Вскричав: «Злой рок!» — застыла вдруг…»? —

подсказал Дермот Крэддок.

— Да, именно так. Потому я и назвала этот взгляд взглядом Леди из Шалотта.

— Но на что она смотрела, миссис Бэнтри?

— Если бы я знала!

— Вы говорите, она стояла у верха лестницы?

— Она смотрела через голову миссис Бэдкок… Нет, скорее через ее плечо.

— То есть прямо в середину лестницы?

— Может быть, не в самую середину.

— А по лестнице поднимались люди?

— Да, человек пять или шесть.

— Может, она смотрела на кого-то конкретно?

— Не могу сказать, — честно призналась миссис Бэнтри. — Я ведь смотрела не на лестницу. Я смотрела на нее. А сама стояла спиной к лестнице. Я подумала, может, она смотрит на одну из картин.

— Но если она живет в этом доме, все свои картины она должна прекрасно знать.

— Да, конечно. Скорее всего, она уставилась на кого-то из гостей. Только на кого?

— Попробуем это выяснить, — сказал Дермот Крэддок. — А кто хоть там был, вы помните?

— Мэр с женой. Какой-то, по-моему, журналист, рыжеволосый такой, нас позже представили друг

другу, но фамилию я не запомнила. Фамилии у меня всегда пролетают мимо ушей. Гэлбрайт… что-то в этом роде. Еще был крупный такой, черный мужчина. Нет, не негр — просто темноволосый, черной масти, чувствуется, что сильная личность. С ним была актриса. Броская такая, яркая блондинка, из тех, что ходят в норковых манто. Был там и старый генерал Барнстэпл. Он, бедняга, сейчас уже совсем ку-ку. Едва ли кто-то может оцепенеть от ужаса, глядя на него. Да, еще были Грайсы с фермы.

— Это все, кого вы можете вспомнить?

— Может, там был и еще кто-то. Но, понимаете, я ведь… специально ни за кем не наблюдала. Я знаю, что примерно в это время пришли мэр, генерал Барнстэпл и американцы. Кстати, там работали фотографы. Один, по-моему, местный, а кроме него, девушка из Лондона, вся из себя богемная, с длинными волосами и здоровенным фотоаппаратом.

— И вы полагаете, что этот взгляд появился на лице Марины Грегг оттого, что она увидела кого-то из этих людей?

— Да я, собственно, ничего тогда не подумала, — с обезоруживающей откровенностью призналась миссис Бэнтри. — Просто удивилась: на что это

она могла так уставиться? А вскоре про это и думать забыла. Ну а потом-то все вспоминается. Но если честно, — призналась миссис Бэнтри, — может, я все это напридумывала. Вдруг у нее в эту минуту зуб заболел, или булавка в тело врезалась, или закололо где-нибудь в боку, что свет стал не мил. Стараешься не подать виду, но лицо тебя выдает, ничего с ним поделать не можешь.

Дермот Крэддок засмеялся.

— Я рад, что вы такая реалистка, миссис Бэнтри, — сказал он. — Да, вы правы, вполне могло быть и что-то в этом роде. Но факт, несомненно, занятный, может, кое-что он нам и подскажет.

Он пожал ей руку и отправился в Мач-Бенэм, в полицейский участок, — представиться официально.

Глава 9
1

— Значит, на местном фронте тишь да гладь? — спросил Крэддок, протягивая Фрэнку Корнишу свой портсигар.

— Полнейшая, — подтвердил Корниш. — Врагов у нее не было, ни с кем она не ссорилась, с мужем отношения — лучше не бывает.

— О другой женщине или другом мужчине нет и речи?

Корниш покачал головой:

— И не пахнет. Никакого намека на скандал. Она была не из тех, кого называют сексуальными. Сидела во всех возможных комитетах и занималась прочими подобными делами, кто-то из местных ей потихоньку завидовал, но не более того.

— Может, ее муж хотел на ком-то жениться? В конторе, где он работает, никого нет?

— Он трудится в фирме «Биддл энд Расселл», агенты и эксперты по недвижимости. Там есть некая Флорри Уэст, особа с больной щитовидкой, еще мисс Грандл, которой минимум пятьдесят,

шарма у нее не больше, чем у стога сена, — в общем, мужчине там зариться особенно не на что. С другой стороны, не удивлюсь, если он вскоре женится.

Крэддок с интересом посмотрел на собеседника.

— Соседка, — объяснил Корниш. — Вдова. Когда я приехал с ним после дознания, она уже была у него дома, готовила ему чай и вообще всячески о нем заботилась. Он был очень удивлен, очень ей благодарен. Похоже, она вознамерилась его на себе женить, а он, несчастный, пока об этом и не подозревает.

— Что она за женщина?

— Симпатичная, — признал Корниш. — Не первой молодости, но вполне хороша собой, на цыганский манер. Яркие краски. Темные глаза.

— Как ее зовут?

— Бейн. Миссис Бейн. Мэри Бейн. Вдова.

— Чем занимался ее муж?

— Понятия не имею. С ней живет сын, он работает где-то неподалеку. С виду тихая, достойная женщина. Но у меня такое чувство, что я ее раньше видел. — Он взглянул на часы: — Без десяти двенадцать. Я договорился в Госсингтон-Холле, что вы будете там в двенадцать. Так что нам

пора.

2

Глаза Дермота Крэддока, всегда как бы слегка расфокусированные, на самом деле пристально всматривались в очертания Госсингтон-Холла, все примечали. Инспектор Корниш привез его туда и передал на попечение молодого человека по имени Хейли Престон, после чего тактично удалился. Затем Дермот Крэддок какое-то время лишь спокойно кивал, слушая многоречивые излияния мистера Престона. Хейли Престон работал на Джейсона Радда, был у него, как понял Дермот, то ли администратором, то ли помощником, то ли личным секретарем, а возможно, выполнял все эти обязанности. Он сидел и говорил. Говорил свободно и пространно, несколько монотонно, но чудесным образом ему удавалось почти не повторяться. Это был приятный молодой человек, страстно жаждавший, подобно незабвенному доктору Панглосу из вольтеровского «Кандида», чтобы его взгляды разделяли все, в чьем обществе он в данный момент находился, — «что ни делается, все к лучшему в этом лучшем из миров». Несколько раз он с вариациями сообщил, как

мерзко все случившееся, как все обеспокоены, в каком жутком состоянии находится Марина, а мистер Радд огорчен так, что и не расскажешь, и кто вообще мог ожидать, что произойдет такой кошмар? А может, это какая-нибудь особенная аллергия? Что вы насчет этого скажете? Ведь бывает же у людей аллергия на самые неожиданные вещества или даже явления. Главный инспектор Крэддок, разумеется, может рассчитывать на любую помощь, которая потребуется от студии «Хеллингфорт» или любого ее сотрудника. Он волен задавать любые вопросы, волен заходить куда угодно. Если они смогут как-то помочь, они с готовностью это сделают. Все они питали неподдельное уважение к миссис Бэдкок и ценили в ней удивительную общественную жилку и ту важную работу, которую она вела для «Службы скорой помощи Святого Иоанна».

Потом он затянул эту песню снова, слова были другие, но мелодия, несомненно, осталась той же самой. Человек так жаждал помочь, что можно было прийти в умиление. При этом он дал понять, что от мира киностудии все это безумно далеко — он отделен от остального мира целлофановой оболочкой. Но мистер Джейсон Радд и мисс Марина Грегг, да все, кто был в доме, окажут

любую возможную помощь, и не сомневайтесь. Потом он легонько покивал головой, раза эдак сорок четыре. Воспользовавшись паузой, Дермот Крэддок поблагодарил:

— Большое спасибо.

Это было произнесено негромко, но ставило такую весомую точку, что мистер Хейли Престон даже встрепенулся. Он пробормотал:

— Ну вот, — и выжидающе смолк.

— Вы сказали, что я могу задавать вопросы.

— Конечно. Конечно. Я весь внимание.

— Она умерла здесь?

— Миссис Бэдкок?

— Да, миссис Бэдкок. На этом самом месте?

— Да, именно. На этом самом. По крайней мере, могу показать вам стул.

Они стояли в углублении возле лестницы. Хейли Престон прошел несколько шагов по коридору и указал на дубовый стул, смахивавший на имитацию.

— Она сидела здесь. Сказала, что ей нездоровится. Кто-то пошел ей что-нибудь принести, и тут она скончалась, прямо на месте.

— Понятно.

— Не знаю, давно ли она была у своего врача. Если ее предупреждали, что с сердцем у нее

нелады…

— Никаких неладов с сердцем у нее не было, — прервал его Дермот Крэддок. — На здоровье она не жаловалась. А умерла от того, что приняла средство, произнести официальное название которого я затрудняюсь, а в народе оно называется «Калмо». Только она приняла дозу, превышающую норму в шесть раз.

— Я это средство знаю, — подхватил Хейли Престон. — Сам, бывает, его принимаю.

— Неужели? Это интересно. И что, здорово помогает?

— Да просто чудо, а не лекарство. Взбадривает, если ты сник, а если разгулялся, наоборот, успокаивает. Понимаете, да? Естественно, — добавил он, — дозу надо соблюдать.

— А в доме это средство могло быть?

Он знал ответ на этот вопрос, но сделал вид, что не знает. Хейли Престон и не думал скрывать правду.

— Еще сколько! В каждой туалетной комнате, в шкафчике — минимум по бутылочке.

— Нашу задачу это только усложняет.

— Конечно, — не стал возражать Хейли Престон. — Она могла принять эту штуковину сама, причем обычную дозу, не зная, к примеру, что у

нее на это дело аллергия.

Крэддока, судя по выражению лица, это не убедило, Хейли Престон вздохнул и сказал:

— А насчет дозы вы абсолютно уверены?

— Да. Доза была смертельной, а миссис Бэдкок ничего подобного не принимала. Насколько мы выяснили, она вообще ничего и никогда не принимала, разве что питьевую соду или аспирин.

Хейли Престон покачал головой и изрек:

— Выходит, вам есть над чем поломать голову. Да, есть над чем.

— Где именно мистер Радд и мисс Грегг принимали гостей?

— Вот здесь. — Хейли Престон остановился в определенной точке у верхнего основания лестницы.

Главный инспектор Крэддок подошел и стал рядом. Взглянул на стену напротив. В центре висела картина — итальянская мадонна с младенцем. Хорошая копия, решил Крэддок, и картина довольно известная. Мадонна в голубом платье держит высоко перед собой младенца Иисуса, ребенок и мать смеются. Вокруг стоят люди, их взоры устремлены вверх, на ребенка. Одна из самых симпатичных мадонн, подумал Дермот Крэддок. Справа и слева от картины располагались

два узких окна. Общее впечатление довольно радужное, и ничто, решительно ничто не могло заставить женщину оцепенеть, как Леди из Шалотта, которую настигла ее судьба.

— Гости, конечно, поднимались по лестнице? — спросил он.

— Да. Маленькими группками. Одна, другая, сплошного потока не было. Кого-то наверх препровождал я сам, кого-то Элла Зелински, личный секретарь мистера Радда. Мы хотели, чтобы все было мило и неофициально.

— А вы сами были здесь, когда поднялась миссис Бэдкок?

— Неловко признаться, главный инспектор, но этого я не помню. У меня был список имен, я выходил во двор и препровождал нужных гостей в дом. Там я их представлял, обслуживал напитками, потом выходил за следующей партией. В то время я не знал миссис Бэдкок в лицо, а в моем списке ее точно не было.

— Как насчет миссис Бэнтри?

— А-а, она бывшая владелица этого дома, да? Она была в моем списке, и, кажется, миссис Бэдкок и ее муж пришли с миссис Бэнтри примерно в одно время. — Он смолк, задумался. — Тогда же появился и мэр. На нем была цепь, а у его

жены мне запомнились желтые волосы и небесно-синее платье с оборками. Их я помню. Но напитками я их не обслуживал — надо было идти за новой партией.

— Кто же угощал напитками их?

— Точно не скажу. Нас на обслуге было трое или четверо. Я знаю, что я пошел вниз, а мэр как раз поднимался мне навстречу.

— А кто еще был на лестнице, когда вы спускались, не вспомните?

— Джим Гэлбрайт, из газетной братии, еще человека три-четыре, я их не знаю. Двое фотографов, один местный, фамилию не помню, и богемная девица из Лондона, она специализируется на неожиданных ракурсах. Ее фотоаппарат был нацелен в то место, где мисс Грегг встречала гостей. Сейчас, минуточку… кажется, в это время появился Ардуик Фенн.

— Кто такой Ардуик Фенн?

Этот вопрос Хейли Престона прямо-таки поразил.

— Но это же знаменитость, главный инспектор. Большая знаменитость — и на телевидении, и в кино. Мы даже не знали, что он в Англии.

— То есть его приход оказался сюрпризом?

— Еще каким! — подтвердил Престон. — С его

стороны это было очень мило, эдакая приятная неожиданность.

— А он что, старый друг мисс Грегг и мистера Радда?

— Когда-то он был близким другом Марины, во времена ее второго брака. А насколько они друзья с Джейсоном, я не знаю.

— Так или иначе, его приход оказался приятным сюрпризом?

— Ну конечно. Мы все были в восторге.

Крэддок кивнул и сменил тему разговора. Он дотошно выпытывал все подробности, связанные с напитками: из чего их делали, как подавали, кто подавал, кто из слуг работает в доме постоянно, а кого наняли специально на этот день. В результате напрашивался ответ, на который уже намекал инспектор Корниш: отравить Хитер Бэдкок мог любой из тридцати человек, но любого из тридцати могли за этим неблаговидным занятием застукать! Уж больно рискованно!

— Спасибо, — сказал он наконец. — А теперь, если можно, я бы хотел поговорить с мисс Мариной Грегг.

Хейли Престон покачал головой:

— Мне очень жаль. Мне действительно очень жаль, но об этом не может быть и речи.

Брови Крэддока поползли вверх.

— Это почему же?

— Она лежит в лежку. Полнейший упадок сил. Здесь сейчас ее врач. Он выписал ей бумагу, которая подтверждает ее нездоровье. Сейчас я вам ее покажу.

Крэддок взял бумагу и прочитал ее.

— Понятно, — сказал он. — А Марина Грегг всегда держит при себе врача?

— Актеры и актрисы, это ведь такой народ — каждый как натянутая струна. Всю жизнь — под высоким напряжением. Считается, что у знаменитостей должен быть свой врач, который хорошо знает их организм, особенности нервной системы. У Мориса Гилкриста очень солидная репутация. Он уже много лет следит за состоянием здоровья мисс Грегг. Возможно, вы читали, что последние годы она часто болела. Ее даже в больницу укладывали, и надолго. Она только с год как пришла в норму.

— Понятно.

Увидев, что Крэддок решил больше не настаивать, Хейли Престон вздохнул с облегчением.

— Вы, наверное, хотите поговорить с мистером Раддом? — предположил он. — Мистер Радд… — он взглянул на часы, — вернется со студии минут

через десять, если вас это устроит.

— Лучше не придумаешь, — сказал Крэддок. — А пока… Доктор Гилкрист сейчас здесь, прямо в доме?

— Да.

— Тогда я поговорил бы с ним.

— Пожалуйста. Сейчас я его приведу.

Молодой человек поспешно удалился. Дермот Крэддок остался у лестницы. Конечно, застывший взгляд, который живописала миссис Бэнтри, мог быть всего лишь игрой ее воображения. Она ведь из тех, кто торопится с выводами. Хотя… вывод, к которому она пришла, представлялся вполне логичным. Леди из Шалотта, которую настигла ее судьба, — это скорее всего перебор, но, возможно, Марина Грегг увидела нечто вызвавшее у нее досаду или раздражение. Нечто такое, из-за чего она даже позабыла про гостью, с которой говорила. А что, если по ступеням поднимался нежданный гость — гость весьма нежеланный?

Он обернулся на звук шагов. Вернулся Хейли Престон, с собой он привел доктора Мориса Гилкриста. Дермот Крэддок представлял себе этого человека совершенно иначе. Доктор не был сюсюкающе-обходительным, во внешности его не было ничего театрального. Казалось, это человек

грубоватый, добродушный и не склонный ко всяким вывертам. На нем был твидовый костюм, для англичанина слегка вычурный. Голову украшала копна русых волос, темные глаза наблюдательного человека взирали на мир с живостью.

— Доктор Гилкрист? Я главный инспектор Дермот Крэддок. Можно с вами пару слов наедине?

Доктор кивнул. Свернув в коридор, он прошел его почти до конца, толкнул какую-то дверь и пригласил Крэддока войти.

— Здесь нам никто не помешает.

Это, вне сомнения, была собственная комната доктора, очень удобная и хорошо обставленная. Доктор Гилкрист указал гостю на стул и уселся сам.

— Насколько я понял, — начал Крэддок, — мисс Марина Грегг сейчас не в состоянии отвечать на вопросы, таково ваше профессиональное мнение. Но, собственно говоря, доктор, что с ней?

Гилкрист чуть пожал плечами.

— Нервы, — ответил он. — Если вы начнете сейчас задавать ей вопросы, через десять минут она будет на грани истерики. Я не могу этого позволить. Можете прислать сюда врача из полиции, я с удовольствием изложу ему свою точку зрения. И на дознании она не могла быть по этой

же причине.

— И долго она пробудет в таком состоянии?

Доктор Гилкрист взглянул на него и улыбнулся. Улыбка была располагающая.

— Если вас интересует мое мнение, — сказал он, — мнение не врача, а человека, максимум через два дня она не просто захочет видеть вас, она сама попросит послать за вами. Она захочет спрашивать. Захочет отвечать. Так уж они устроены! — Он наклонился вперед: — Сейчас, главный инспектор, попытаюсь вам втолковать, почему эти люди ведут себя именно так, а не иначе. Жизнь в мире кино — это непрерывный стресс, и чем больший успех выпадает на твою долю, тем сильнее стресс. Вся твоя жизнь, с утра до ночи, как на ладони. Всему миру все о тебе известно. А когда идут съемки, когда ты работаешь, — это изнурительный труд, и опять-таки целыми днями. Приезжаешь на съемочную площадку утром, садишься и начинаешь ждать. Скажем, эпизод у тебя в этот день небольшой, но его переснимают снова и снова. Так ведь его еще надо отрепетировать! А репетировать часто приходится по кусочкам. В фильме-то все получится вполне достоверно и последовательно. Но во время съемки этой последовательности нет и в

помине. Так что дело это изнурительное, однообразное. После такого дня ты как выжатый лимон. Живешь, конечно, в роскоши, пожалуйста тебе и успокоительное, и ванны, и кремы с пудрами, и врач по первому зову, и расслабляйся, тут тебе и вечеринки, и с народом общайся сколько влезет, но вся твоя жизнь — как на ладони. И тихо и спокойно наслаждаться жизнью — это дудки. Ты и расслабиться по-настоящему не можешь.

— Понимаю, — сказал Дермот. — Да, я все это понимаю.

— И еще, — продолжал Гилкрист. — Если вы ступили на эту стезю и если как творческая личность вы чего-то стоите, вам обязательно присуще одно свойство. Эти люди — знаю по личному опыту — чересчур чувствительны, уязвимы, их все время мучает неуверенность в себе. Это жуткое чувство — ты все время сомневаешься, вдруг ты не тянешь, не способен на то, что от тебя требуется. Говорят, актеры и актрисы — народ тщеславный. Это неправда. Никакого самолюбования тут нет, а есть вопрос, который все время давит на тебя как пресс: все ли у меня в порядке, достаточно ли я хорош? И тебе нужно самоутверждаться постоянно. Выслушивать чьи-то похвалы, слова восхищения. Спросите

Джейсона Радда. Он вам скажет то же самое. Им надо дать почувствовать, что эта задача им по плечу, уверить, что никто другой этого лучше не сделает, терпеливо настраивать их, все время подбадривать — пока не добьешься желаемого результата. И все равно они никогда в себе не уверены. И поэтому любой или любая из них, если выражаться языком простым и житейским, — это комок нервов. Сплошь оголенные нервы. И чем хуже у них обстоит дело с нервами, тем лучше они работают.

— Интересно, — пробурчал Крэддок. — Очень интересно. — После паузы он добавил: — Хотя мне не совсем ясно, почему вы…

— Я хочу, чтобы вы поняли, что за человек Марина Грегг, — пояснил Морис Гилкрист. — Ее фильмы вы, конечно, видели.

— Актриса она замечательная. Просто замечательная. И личность, и собой хороша, и человек приятный.

— Да, — согласился Гилкрист, — это все при ней, но ей приходится расходовать массу сил, физических и душевных, чтобы быть тем, кто она есть. В результате нервы ее истерзаны в клочья, и физически крепкой ее не назовешь. Такой крепкой, какой хотелось бы. Да и темперамент

у нее будто качели — то впадает в отчаяние, то радуется, как малое дитя. И с этим она ничего поделать не может. Уж такая она есть. За свою жизнь она изрядно настрадалась. В большой степени по собственной вине, это факт, но и не только. Ни в одном из браков она не была счастлива, разве что в нынешнем. Сейчас она замужем за человеком, который ее нежно любит и любил многие годы. Эта любовь для нее — настоящее пристанище, в ней она находит радость и счастье. По крайней мере сейчас. Трудно сказать, долго ли это протянется. Беда в том, что ей присущи только два состояния. Либо она думает, что наконец-то нашла то самое место или наступил тот самый момент в жизни и теперь сбудутся все сказочные мечты, ничто больше не омрачит ее счастья и небо всегда будет безоблачным. Либо она пребывает в растерзанных чувствах, жизнь ее разбита, любви и счастья никогда не было, нет и не будет. — Он сухо добавил: — Пришвартуйся она где-то посредине — и жить ей стало бы много легче. Но мир потерял бы чудесную актрису.

Он смолк, но и Дермот Крэддок хранил молчание. Он думал: с какой стати Морис Гилкрист все это ему рассказывает? Зачем так подробно анализирует личность Марины Грегг? Между

тем Гилкрист выжидательно смотрел на него. Словно убеждал задать один конкретный вопрос. Интересно, какого именно вопроса он ждет? Медленно, как бы нащупывая почву под ногами, Дермот произнес:

— Эта трагедия на нее сильно подействовала?

— Да, — подтвердил Гилкрист. — Очень.

— Сильнее, чем можно было ожидать?

— Ну, это как посмотреть, — уклонился доктор Гилкрист.

— А как можно посмотреть?

— Надо выяснить, что именно на нее так подействовало.

— Ну… — Дермот продолжал искать почву под ногами. — Ее потрясла эта внезапная смерть в самый разгар приема.

На лице собеседника, однако, не дрогнул ни один мускул.

— Может быть, — предположил Дермот, — тут нечто большее?

— Разумеется, нельзя сказать наверняка, как люди будут реагировать на те или другие события. Нельзя, даже если ты хорошо их знаешь. Всегда возможен сюрприз. Марина могла отнестись к этому вполне спокойно, без особых эмоций. Человек она отзывчивый. Могла бы, к примеру,

воскликнуть: «Ах, бедняжка, какая трагедия! Как такое могло случиться?» Вполне могла выказать сочувствие, но сильно не расстроиться. В конце концов, смерть на киношной вечеринке — не такая уж большая редкость. Или, будь обстановка достаточно будничной, могла бы предпочесть — на уровне подсознания — окрасить все в драматические тона. Скажем, закатить сцену. Могла быть и другая причина.

Дермот решил взять быка за рога.

— Я бы хотел, — сказал он, — услышать ваше настоящее мнение.

— Не знаю, — последовал ответ. — С уверенностью ничего сказать не могу. — Чуть помолчав, он добавил: — Вы ведь знаете, существует профессиональная этика. Между врачом и пациентом есть определенные отношения.

— Она вам что-то сказала?

— Ну, вот так конкретно — нет.

— А эту женщину, Хитер Бэдкок, Марина Грегг знала? Раньше они встречались?

— Я думаю, она для нее была человеком из толпы, не более, — сказал доктор Гилкрист. — Нет. Дело не в этом. На мой взгляд, Хитер Бэдкок тут вообще ни при чем.

— А этот препарат, «Калмо»? — спросил Дер-

мот. — Марина Грегг сама его иногда принимает?

— Принимает, и еще как. Впрочем, как и все, кто ее окружает. Элла Зелински, Хейли Престон, да что там, половина студии — сейчас это модно. Таких лекарств нынче развелось множество. Одно надоест — люди переходят на другое, поновее, и считают, что оно — просто чудо, оно-то и приводит тебя в норму.

— А на самом деле?

— Лишь отчасти, — сказал Гилкрист. — Свое дело эти средства делают. Успокаивают вас или, наоборот, бодрят, помогают вам осилить что-то, на что вы, как вам казалось, не способны. Я не прописываю подобные лекарства часто, но если их принимать в нормальных дозах, они неопасны. Людям, которые не могут помочь себе сами, они помогают.

— Хотел бы я знать, — сказал Дермот Крэддок, — что именно вы мне пытаетесь втолковать.

— Я пытаюсь решить для себя, — ответил Гилкрист, — в чем именно состоит мой долг. Представьте, его можно трактовать двояко. Есть долг доктора по отношению к своему пациенту. То, чем пациент с ним делится, должно оставаться между ними. Но есть и другая точка зрения.

Вам может показаться, что пациенту угрожает опасность. И надо предпринять шаги, чтобы этой опасности избежать.

Он замолчал. Крэддок выжидательно смотрел на него.

— Да, — решился доктор Гилкрист. — Кажется, я знаю, как поступить. Я должен просить вас, главный инспектор Крэддок, сохранить в тайне все, что я сейчас скажу. Не от ваших коллег, разумеется. А от внешнего мира, в особенности от людей, которые находятся в этом доме. Согласны?

— Я не могу полностью связать себе руки, — произнес Крэддок. — Мало ли во что все это может вылиться? Но в принципе я согласен. Другими словами, все, что вы мне сообщите, я постараюсь держать при себе и не рассказывать никому, кроме моих коллег.

— Тогда слушайте. Возможно, это ничего и не значит. Когда женщины взвинчены, как Марина Грегг сейчас, они могут сказать что угодно. И вот что она сказала мне. Хотя, повторяю, возможно, это ничего не значит.

— Что же? — спросил Крэддок.

— После того как умерла эта женщина, Марина была на грани истерики. Послала за мной. Я дал ей успокоительное. Сел рядом, взял ее за руку,

пытался как-то успокоить, говорил, что все будет хорошо. Она уже погружалась в сон и вдруг сказала: «Это предназначалось для меня, доктор».

Крэддок пристально посмотрел на него:

— Вот как? А потом… на следующий день?

— Больше об этом — ни словечка. Вскоре я сам ей об этом напомнил. Она уклонилась. Вот ее ответ: «Вы просто ошиблись. Ничего такого я сказать не могла. Наверное, мне ваше лекарство мозги затуманило».

— Но вы считаете, она это сказала на полном серьезе?

— На полнейшем, — подтвердил Гилкрист. — Это не значит, что так оно и есть, — предупреждающе добавил он. — Ее хотели отравить или Хитер Бэдкок — этого я не знаю. Это уже по вашей части. Я лишь говорю, что Марина Грегг, несомненно, была убеждена: чрезмерная доза лекарства предназначалась для нее.

Некоторое время Крэддок хранил молчание. Потом сказал:

— Спасибо, доктор Гилкрист. Вы сказали мне нечто очень важное, и ваши мотивы мне понятны. Ведь если эти ее слова на чем-то основаны, значит, ей и сейчас угрожает опасность, правда?

— Именно, — согласился Гилкрист. — В этом

вся суть.

— У вас есть причины полагать, что дело обстоит именно так?

— Нет.

— И вы не знаете, почему такое могло прийти ей в голову?

— Нет.

— Что ж, спасибо. — Крэддок поднялся. — Еще один вопрос, доктор. А мужу она это не сказала?

Гилкрист медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Уверен. Мужу не сказала.

Несколько секунд он смотрел Дермоту прямо в глаза, потом кивнул и спросил:

— Я вам больше не нужен? Ну, прекрасно. Тогда я загляну к больной. Вы поговорите с ней, как только это станет возможным.

Он вышел из комнаты. Крэддок, поджав губы, принялся почти беззвучно что-то насвистывать.

Глава 10

— Джейсон вернулся, — объявил Хейли Престон. — Идемте со мной, главный инспектор. Я провожу вас в его комнату.

Комната, служившая Джейсону Радду кабинетом и гостиной, находилась на первом этаже. Она была уютной, но меблирована без всякой роскоши. И безликой — по такой не определишь, что за человек ее хозяин, каковы его наклонности и пристрастия. Джейсон Радд поднялся из-за стола и вышел навстречу Дермоту. Н-да, подумал Дермот, вот уж кого не назовешь безликим, рядом с таким померкнет любая комната. Хейли Престон был вышколенным служакой и пустозвоном. В Гилкристе чувствовались сила и обаяние. А этого человека распознать нелегко, это Дермот понял сразу. За долгие годы работы в полиции Крэддок повидал немало людей. И мог с одного взгляда оценить потенциальные возможности человека, а зачастую и прочитать мысли собеседника. Здесь же Крэддок мгновенно понял: прочитать мысли Джейсона Радда удастся лишь в той степени, в какой Джейсон Радд это позволит. Глубоко посаженные и задумчивые глаза словно пронзали

тебя насквозь, сами же не раскрывали ровным счетом ничего. Неправильной формы встрепанная голова выдавала блестящий интеллект. Лицо клоуна могло вызывать отвращение, но могло и казаться привлекательным. Тут, подумал Дермот, надо внимательно слушать и тщательно все записывать.

— Извините, главный инспектор, если заставил ждать. Задержали кое-какие осложнения на студии. Выпьете чего-нибудь?

— Сейчас нет, спасибо, мистер Радд.

Лицо клоуна вдруг скривилось, изображая ироническую усмешку.

— Не тот дом, в котором стоит подносить бокал ко рту, вы это подумали?

— Нет, откровенно говоря, не это.

— Нет, конечно же, не это. Хорошо, главный инспектор, что вы хотите узнать? Что вас интересует?

— Мистер Престон довольно подробно ответил на мои вопросы.

— Его ответы вам помогли?

— Помогли, но хотелось бы большего.

Джейсон Радд вопросительно поднял брови.

— Я говорил также с доктором Гилкристом. Узнал от него, что ваша жена еще слаба и встре-

тится со мной попозже.

— Марина очень чувствительна, — сказал Джейсон Радд. — У нее, если честно, случаются нервные срывы. А когда на твоих глазах совершается убийство — это, согласитесь, причина для нервного срыва.

— Да, приятного тут мало, — сухо изрек Дермот Крэддок.

— Во всяком случае, едва ли моя жена скажет вам больше, чем вы узнаете у меня. Когда все произошло, я стоял рядом с ней, а я, говоря откровенно, человек более наблюдательный, чем моя жена.

— Прежде всего один вопрос, — начал Дермот. — Скорее всего, вы на него уже отвечали, но я хочу задать его снова. Вопрос вот какой: с Хитер Бэдкок вы или ваша жена раньше были знакомы?

Джейсон Радд отрицательно покачал головой:

— Ни в коей степени. По крайней мере я видел ее впервые в жизни. Я получил от нее два письма от имени «Службы скорой помощи Святого Иоанна», но лично с ней я впервые встретился за пять минут до того, как она умерла.

— Но она утверждала, что встречалась с вашей женой?

Джейсон Радд кивнул:

— Да, двенадцать или тринадцать лет назад. На Бермудах. Было какое-то сборище на свежем воздухе в поддержку «Службы скорой помощи». Марина, как я понимаю, его открывала. И миссис Бэдкок, едва ее представили, начала взахлеб рассказывать какую-то длинную историю, как она, хотя лежала в постели с гриппом, все-таки поднялась, пришла туда и взяла у моей жены автограф.

Ироничная улыбка снова искривила его лицо.

— Могу сказать, главный инспектор, что такое случается на каждом шагу. Обычно толпы людей выстраиваются для того, чтобы взять у моей жены автограф, и эта минута навсегда остается в их памяти дорогим воспоминанием. Понятно, для них это целое событие. Естественно и то, что моя жена из тысяч охотников за автографами никого не помнит. Так что в ее памяти не осталось никаких воспоминаний о мимолетной встрече с миссис Бэдкок.

— Да, это вполне понятно, — согласился Кроэддок. — Сторонний наблюдатель сказал мне, мистер Радд, что вид у вашей жены, пока она выслушивала историю Хитер Бэдкок, был несколько рассеянный. Вам тоже так показалось?

— Весьма возможно, — сказал Джейсон Радд. — Особой выносливостью Марина не отличается. Разумеется, она привыкла к тому, что я назвал бы публичной деятельностью, и выполняет эти свои обязанности почти машинально. Но к концу долгого дня внимание ее обычно ослабевает. Возможно, тут был как раз такой момент. Честно говоря, я ничего особенного не заметил. Хотя минутку… Она как-то не торопилась ответить миссис Бэдкок. Я даже, если не ошибаюсь, легонько толкнул ее локтем.

— Может быть, что-то отвлекло ее внимание? — предположил Дермот.

— Не исключено, но допускаю, что просто сказалась усталость.

Некоторое время Дермот Крэддок молчал. Он смотрел в окно на несколько мрачноватый пейзаж — Госсингтон-Холл густой стеной окружали деревья. Он перевел взгляд на картины, висевшие на стенах, и наконец снова посмотрел на Джейсона Радда. Лицо последнего выражало внимание, но и только. Прочитать его мысли и чувства не представлялось возможным. Держался он любезно и совершенно раскованно, хотя на душе у него, подумал Дермот, могло твориться что угодно. Это был человек исключительных

умственных способностей. Из такого ничего не вытянешь, если он сам этого не захочет… разве что выложить козырную карту? Дермот принял решение. Именно так… по козырям.

— А вам не приходило в голову, мистер Радд, что Хитер Бэдкок была отравлена случайно? Что в действительности отравить хотели вашу жену?

В комнате повисло молчание. Джейсон Радд нимало не изменился в лице. Дермот терпеливо ждал. Наконец Джейсон Радд глубоко вздохнул и словно сбросил с себя ношу.

— Да, — негромко произнес он, — вы совершенно правы, главный инспектор. Я с самого начала был в этом уверен.

— Но вы ничего об этом не сказали ни инспектору Корнишу, ни во время дознания.

— Не сказал.

— Почему, мистер Радд?

— Если я отвечу вам, что это лишь мое убеждение, ни на чем не основанное, такой ответ будет достаточно верным. Факты, которыми располагаю я, в той же мере доступны и служителям закона, а они, пожалуй, определяют истину с большей компетентностью, чем я. О миссис Бэдкок как о человеке мне не известно ровным счетом ничего. Допускаю, что у нее были враги,

решившие подсыпать ей роковую дозу именно во время этого конкретного сборища, хотя такой вариант выглядит несколько странным и притянутым за уши. И все же это возможно — именно потому, что людей собралось предостаточно, прием большой, много гостей, которых вообще мало кто знает, и в такой обстановке обвинить в преступлении конкретное лицо довольно трудно. Все это так, но буду с вами откровенным, главный инспектор. Я промолчал совсем не по этой причине. Причина в другом. Я не хотел, чтобы у моей жены хотя бы на секунду закралось подозрение, что только чудо спасло ее от смерти и отравить хотели именно ее.

— Благодарю за откровенность, — сказал Дермот. — Хотя ваш мотив мне не вполне понятен.

— Правда? Что ж, постараюсь объяснить. Чтобы это понять, нужно знать Марину. Она из тех, кому позарез нужно быть счастливым и уверенным в себе. В материальном отношении жизнь ее сложилась весьма удачно. Она хорошо известна в мире искусства, а вот на личном фронте… счастье от нее все время ускользало. Сколько раз ей казалось, что вот наконец-то она обрела счастье, приходила в безумный и безудержный восторг — а потом все ее надежды терпели крах. Она, ми-

стер Крэддок, не способна воспринимать жизнь трезво и рассудочно. Каждый раз, вступая в брак, она, словно читающий сказку ребенок, ждала: вот теперь она заживет счастливо, отныне и во веки веков.

И снова уродливое клоунское лицо внезапно осветилось странной и слегка ироничной улыбкой.

— Но ведь в браке, главный инспектор, так не бывает. Небо не может быть безоблачным вечно. Если кому-то из нас удается прийти к жизни, полной согласия, любви и безмятежности, спокойного счастья, можно считать, что ему здорово повезло. А вы, главный инспектор, — добавил он, — наверное, женаты!

— Такого везенья или невезенья на мою долю пока не выпало, — пробормотал Крэддок в ответ.

— В нашем мире, я имею в виду мир кино, вступление в брак — это профессиональный риск. Кинозвезды вступают в брак довольно часто. Иногда они бывают в нем счастливы, иногда он оборачивается катастрофой, но почти всегда оказывается делом временным. В этом отношении причин жаловаться у Марины ничуть не больше, чем у остальных, но для человека с ее темпераментом такие вещи значат очень

много. Она взяла себе в голову, что родилась под несчастливой звездой, что личная жизнь у нее так никогда и не сложится. Она всегда страстно желала одного: любви, счастья, нежности, уверенности в завтрашнем дне. Она безумно хотела иметь детей. Но, как считают некоторые медицинские светила, сама сила этого желания делала цель начисто недостижимой. Один весьма уважаемый врач посоветовал ей усыновить ребенка. Он сказал: иногда страстная жажда материнства отчасти гаснет, если усыновить ребенка, и тогда вскоре на свет может появиться свой собственный. Марина взяла на воспитание, если не ошибаюсь, троих детей. На время в ее доме поселились относительные счастье и безмятежность, но какая-то червоточинка оставалась. Можете себе представить, в какой восторг она пришла одиннадцать лет назад, когда забеременела. Восторг и предвкушение подлинного счастья были совершенно неописуемы. На здоровье она не жаловалась, и доктора уверяли ее, что все будет в полном порядке. Не знаю, слышали вы или нет, но исход оказался трагическим. Мальчик родился умственно отсталым, слабоумным. В результате — полная катастрофа. Марина была сражена наповал и несколько лет

тяжело болела, ее поместили на исцеление в лечебницу. Выздоравливала она медленно, но в конце концов выздоровела. Вскоре после этого мы поженились, и у нее снова проснулся интерес к жизни, ей снова стало казаться, что она сможет обрести счастье. Поначалу ей не удавалось заключить приличный контракт на съемки. Все так или иначе сомневались, хватит ли у нее сил для напряженной работы. Мне пришлось за нее как следует побороться. — Джейсон Радд плотно сжал губы. — Эту битву я выиграл. Съемки картины уже начались. А пока шла борьба, мы купили этот дом и занялись его переделкой. Всего две недели назад Марина говорила мне, как она счастлива, как наконец-то чувствует, что вполне готова для счастливой семейной жизни, а все ее беды остались в прошлом. Я слегка встревожился, потому что оптимизм ее, как обычно, был чрезмерен. Но счастлива она была — в этом сомневаться не приходилось. Симптомы нервного расстройства прекратились, она стала какая-то тихая, спокойная, чего раньше я за ней не замечал. Все шло хорошо, пока… — Он остановился, потом с внезапной горечью добавил: — Пока не случилось это! Этой женщине надо было умереть именно здесь! Для Марины уже это — серьезное

потрясение. И я не мог подвергать… да, я решил не подвергать Марину дополнительному риску — незачем ей знать, что кто-то покушался на ее жизнь. Это было бы второе потрясение, и, возможно, роковое. Оно могло бы снова надолго уложить ее в больницу.

Он посмотрел Дермоту прямо в глаза:

— Теперь вы меня понимаете?

— Ваша точка зрения мне ясна, — сказал Кр-эддок, — но, ради бога, извините, по-моему, вы упускаете из виду нечто важное. Вы почти уверены, что отравить пытались именно вашу жену. Но разве эта опасность исчезла? Если отравитель не добился своего, он ведь, вполне возможно, повторит попытку?

— Естественно, я об этом подумал, — сказал Джейсон Радд, — но теперь, если можно так выразиться, получив предупреждение, я приму все меры предосторожности и смогу обезопасить мою жену. Она будет под моим неусыпным наблюдением, за ее безопасностью будут следить и другие. Самое главное — она не должна знать, что ей угрожает какая-то опасность.

— И вы полагаете, — осторожно спросил Дермот, — что она этого не знает?

— Конечно, не знает. Понятия не имеет.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Ей это и в голову не придет.

— Но вам-то пришло, — заметил Дермот.

— Это совсем другое дело. Если рассуждать логично, такое объяснение напрашивается само собой. Но логика никогда не была сильным местом моей жены, она даже не сможет представить себе, что кому-то вздумалось от нее избавиться. Ей такая мысль просто не придет в голову.

— Может, вы и правы, — медленно вымолвил Дермот, — но тогда возникают новые вопросы. Позвольте опять-таки не ходить вокруг да около. Кого вы подозреваете?

— Не могу сказать.

— Простите, мистер Радд, «не могу» в смысле «не знаю» или «не хочу говорить»?

На этот вопрос Джейсон Радд ответил сразу:

— В смысле «не знаю». Не знаю, и все тут. Невзлюбить ее так сильно, возненавидеть так сильно, чтобы пойти на убийство, — я не могу себе такого представить, как не может и она. С другой стороны, простые и очевидные факты говорят нам, что произошло именно это.

— Обрисуйте, пожалуйста, факты, которые вам известны.

— Пожалуйста. Обстоятельства довольно яс-

ны. Я налил два коктейля дайкири из кувшина, напиток был приготовлен заранее. Передал их Марине и миссис Бэдкок. Что дальше делала миссис Бэдкок, я не знаю. Видимо, отошла поговорить с кем-то из своих знакомых. Моя жена стояла с бокалом в руке. В эту минуту появились мэр и его жена. Марина поставила свой бокал, нетронутый, и встретила их. Потом еще кое-кого. Приехал наш старый друг, с которым мы не виделись несколько лет, еще кое-кто из местных, двое человек со студии. Все это время бокал с коктейлем стоял на столе позади нас, потому что мы вышли немного вперед, к самой лестнице. Когда жена разговаривала с мэром, по просьбе местных репортеров их несколько раз сфотографировали: мы решили, что местным жителям это будет приятно. Я тем временем принес напитки для новых гостей. Где-то в этом промежутке в бокал моей жены и подсыпали отраву, так мне кажется. Не спрашивайте меня, как это сделали, — задача была явно не из простых. С другой стороны, если у кого-то хватает духа провернуть нечто подобное в открытую, ничуть не маскируясь — удивительно, но факт, — почти никто этого не заметит! Вы спрашиваете, подозреваю ли я кого-нибудь конкретно. Физически отравить бокал с коктейлем

могли человек двадцать. Понимаете, люди все время перемещались группками, разговаривали, куда-то отходили, разглядывали новшества после ремонта дома. Движение не прекращалось. Я уже об этом думал, думал не раз, старался что-то припомнить… но ничего, абсолютно ничего не указывает на кого-то конкретно.

Он умолк, огорченно вздохнул:

— О том, что было дальше, вы, конечно, уже слышали.

— Хотел бы услышать еще раз от вас.

— Я вернулся к лестнице. Жена обернулась к столу и как раз брала свой бокал. В этот момент ойкнула миссис Бэдкок. Кто-то, видимо, толкнул ее под руку, бокал выскользнул из ее пальцев, упал на пол и разбился. Марина поступила, как и подобает хозяйке. Несколько капель выплеснулось даже на ее юбку. Но она успокоила миссис Бэдкок, вытерла носовым платком ее платье и заставила взять свой бокал. Если не ошибаюсь, она сказала: «Я уже и так выпила достаточно». Вот и все. Но одно могу сказать точно. Роковую дозу не могли подсыпать после этой сцены, потому что миссис Бэдкок стала пить из бокала сразу, как взяла его из рук Марины. А через четыре или пять минут она умерла. Интересно, что испытал

отравитель, когда увидел, как рухнул его план…

— Вы все это поняли сразу?

— Нет, конечно. Сразу я решил — вполне естественно, — что у этой женщины приступ. Сердце, коронарный тромбоз, что-нибудь такое. Мысль об отравлении мне и в голову не пришла. Да и вам бы не пришла… вообще никому.

— Возможно, вы правы, — признал Дермот. — Что ж, картину вы обрисовали довольно четко, в фактах вы не сомневаетесь. И говорите, что никого конкретно не подозреваете. Тут у меня возникают сомнения.

— Уверяю вас, это чистая правда.

— Давайте зайдем с другой стороны. Есть ли люди, которым ваша жена мешает? Это звучит мелодраматично, но кто ее враги?

Джейсон Радд выразительно вскинул руку.

— Враги? Враги? Попробуй определи, что такое враг. Мир, в котором обитает моя жена и я, полон зависти и ревности. И всегда найдется желающий сказать про тебя какую-нибудь гадость, пустить слушок, при случае подставить ножку. Но это вовсе не значит, что такой человек — убийца, его даже не назовешь потенциальным убийцей. Вы согласны?

— Да. Чтобы решиться на убийство, мелочной

неприязни или зависти недостаточно. Может быть, ваша жена кому-то причинила страдания в прошлом?

На сей раз категоричного «нет» не последовало. Джейсон Радд нахмурился.

— Честно говоря, думаю, таких нет, — произнес он наконец. — Могу добавить, что я уже размышлял об этом.

— Какой-нибудь роман, связь с мужчиной?

— Романы, конечно, были. Да, можно предположить, что с кем-то из мужчин Марина обошлась не лучшим образом. Но чтобы кто-то долгие годы держал камень за пазухой… Такого не было, уверен.

— Тогда женщины? Кто-нибудь мог питать к мисс Грегг стойкую ненависть?

— Женщины — существа непростые, — сказал Джейсон Радд. — И все же так сразу никого назвать не могу.

— А кому смерть вашей жены принесет материальную выгоду?

— В ее завещании указаны многие, но суммы невелики. Материальную выгоду, как вы говорите, получу я, то есть ее муж, да, пожалуй, актриса, которая заменит ее на съемках. Хотя не исключено, что фильм теперь вообще рассыплется. Тут

наверняка не скажешь.

— Ладно, пока не будем заострять на этом внимание, — предложил Дермот.

— Вы обещаете, что Марине ничего не будет сказано о возможной опасности?

— А вот этим надо заняться серьезно, — сказал Дермот. — Но я хочу, чтобы вы поняли — скрывая от жены правду, вы подвергаете ее риску. Впрочем, ближайшие несколько дней, пока ваша жена находится под наблюдением врачей, опасаться нечего. У меня к вам еще одна просьба. Составьте, пожалуйста, по возможности полный список людей, находившихся на площадке у верха лестницы или поднимавшихся по ступеням в момент убийства.

— Постараюсь, хотя не уверен, припомню ли всех. Лучше попросить об этом мою секретаршу, Эллу Зелински. У нее блестящая память, у нее же должны быть списки приглашенных. Если хотите поговорить с ней сейчас…

— Хочу, и даже очень.

Глава 11
1

Элла Зелински бесстрастно взирала на Дермота Крэддока сквозь массивные очки в роговой оправе, а он думал — надо же, чтобы так повезло! Спокойно и по-деловому она выдернула из ящика стола листок с машинописным текстом и протянула его Крэддоку.

— Могу сказать почти наверняка — сверх этого списка не было никого, — сообщила она. — Но, возможно, есть двое или трое лишних — кое-кто из местной публики. То ли до них не дошло приглашение, то ли они быстро ушли. Короче, я почти уверена, что этот список точен.

— Очень квалифицированная работа, позвольте сделать вам комплимент, — сказал Дермот.

— Спасибо.

— Наверное… извините, я в этом полный профан… наверное, ваша работа требует высокой квалификации?

— Все должно быть отпечатано четко и ясно, это факт.

— А каковы ваши обязанности? Вы, если мож-

но так выразиться, осуществляете связь между студией и Госсингтон-Холлом?

— Нет. К работе студии я не имею никакого отношения, разве что отвечаю на звонки оттуда либо звоню на студию сама. На мне — светская жизнь Марины Грегг, ее деловые и личные контакты, ну и в определенной степени я слежу за ведением хозяйства.

— Работа нравится?

— За нее щедро платят, и она достаточно интересна. Впрочем, убийство в контракте оговорено не было, — добавила она сухо.

— Вы были потрясены?

— Так сильно, что хочу спросить: вы уверены, что это убийство?

— Шестикратная доза гиэтилмексина и так далее — чем еще это может быть?

— Несчастным случаем.

— Но как, на ваш взгляд, такой несчастный случай мог произойти?

— Вам трудно себе это представить, потому что вы не знаете обстановки. Этот дом — просто склад всякого снадобья. Я вовсе не имею в виду наркотики. Речь идет о лекарствах, выписанных доктором, но, как часто бывает в медицине, так называемая смертельная доза не всегда сильно

отличается от дозы лечебной.

Дермот кивнул.

— У людей театра и кино разного рода провалы в памяти — дело вполне обыкновенное. Иногда мне кажется, чем больше ты талантлив как художник, тем меньше у тебя здравого смысла в каждодневной жизни.

— Вполне возможно.

— А сколько они таскают с собой всяких бутылочек, облаток, порошков, капсул и всяких коробочек! Успокоительное в кармашке, тоник в сумочке, таблетка для поднятия духа еще бог знает где — мудрено ли перепутать?

— Но все это едва ли применимо к нашему случаю.

— Как сказать. Допустим, кому-то из гостей потребовалось успокоиться или взбодриться, он (или она) достал свою бутылочку и то ли потому, что с кем-то в эту секунду разговаривал, то ли потому, что забыл дозу — давно это средство не принимал, — положил себе в бокал больше, чем полагается. Потом отвлекся и куда-нибудь отошел, а в это время появляется миссис, запамятовала ее фамилию, думает, что это бокал ее, хватает его и выпивает. По мне, такая версия куда правдоподобнее всего остального.

— Надеюсь, вы понимаете, что подобные варианты мы тоже рассматривали.

— Понимаю. И все же там бродило столько людей, столько бокалов с напитками повсюду стояло! Берешь чужой и выпиваешь из него — это не такая уж редкость.

— То есть вы не думаете, что кто-то намеренно отравил Хитер Бэдкок? По-вашему, она просто выпила из чужого бокала?

— Мне кажется, что это — самое вероятное.

— В таком случае, — сказал Дермот, тщательно подбирая слова, — это был бокал Марины Грегг. Понимаете? Ведь Марина передала умершей свой бокал.

— Может, она только думала, что это ее бокал, — поправила его Элла Зелински. — Вы ведь с Мариной еще не разговаривали? Она рассеянна до крайности. Она может взять любой бокал, похожий на тот, что был у нее, и выпить из него. Я не раз видела, как она это делала.

— А «Калмо» она принимает?

— О да, как все мы.

— И вы тоже, мисс Зелински?

— Бывает. В таких делах люди склонны обезьянничать.

— Я бы очень хотел поговорить с мисс Грегг, —

сказал Дермот. — Она… на удивление долго не может прийти в себя.

— Это просто каприз, истерика, — объяснила Элла Зелински. — Она же все время себя заводит. А тут — убийство! Оно не может не выбить ее из колеи.

— А вас, мисс Зелински, не может выбить?

— Когда вокруг тебя целыми днями все только ахают да хватаются за сердце, — сухо ответила Элла, — поневоле впадаешь в другую крайность.

— Вы гордитесь тем, что и бровью не ведете, когда рядом разыгрывается трагедия?

Она обдумала его слова.

— Возможно, это не самая милая черта. Но мне кажется, если такой иммунитет у себя не разовьешь, сама живо чокнешься.

— А у мисс Грегг было… у мисс Грегг трудно работать?

Это был в некотором роде интимный вопрос, но Дермот Крэддок решил провести легкий эксперимент. Если Элла Зелински вскинет голову и глазами спросит его, какое отношение это имеет к убийству миссис Бэдкок, придется признать, что миссис Бэдкок тут действительно ни при чем. Но вдруг Элла Зелински захочет рассказать, что она думает о Марине Грегг?

— Она прекрасная актриса. Ее личное обаяние беспредельно, и оно необыкновенным образом ощущается на экране. Работать у такого человека — большая честь. Ну а в личном плане это, конечно же, чистый кошмар!

— Ага… — пробормотал Дермот.

— Промежуточных состояний она не знает. Либо на седьмом небе от счастья, либо на дне бездны, эмоции все время через край, а на неделе у нее обязательно семь пятниц, да не дай бог упомянуть при ней третье, пятое и десятое, потому что она обязательно расстроится.

— Например?

— Ни в коем случае — про нервные срывы, про лечебницы для нервных больных. Понятно, к таким темам она особо чувствительна. Ни слова — про детей.

— А чем не угодили дети?

— Представьте, не может видеть детей, слышать о ком-то, кто счастлив с детьми. Стоит ей узнать, что у кого-то появился или вот-вот появится ребенок, она тут же становится несчастной. Ведь рожать она больше не может, а тот ребенок, что все-таки родился, оказался недоразвитым. Вы, наверное, про это слышали?

— Слышал. Печальная история, большое несча-

стье. Но ведь прошло столько лет, казалось бы, это должно как-то забыться.

— Не забылось. У нее это прямо болезнь. Дети наводят ее на горькие мысли.

— А как к этому относится мистер Радд?

— Ну, ребенок-то был не его. Отец — ее прежний муж, Изидор Райт.

— Прежний муж. Интересно, а где он сейчас?

— Снова женился и живет во Флориде, — без раздумья ответила Элла Зелински.

— Как вы считаете, у Марины Грегг за ее жизнь набралось много врагов?

— Не сказала бы, что сверх меры. Как у всех. Разумеется, враги возникают: из-за другого мужчины, из-за другой женщины, из-за выгодного контракта или зависти. Обычное дело.

— Вам не казалось, что она кого-то боится?

— Марина? Кого-то боится? Не казалось. Боится? С какой стати?

— Не знаю, — признался Дермот. Он взял лист с перечнем фамилий. — Большое спасибо, мисс Зелински. Появятся вопросы — я к вам снова обращусь, если не возражаете.

— Пожалуйста. Буду рада… все мы будем рады вам как-то помочь.

2

— Ну, что принес мне, братец Том?

Детектив-сержант Тиддлер понимающе ухмыльнулся. Его звали вовсе не Том, а Уильям, но коллеги просто не могли удержаться: кто же не знает Тома Тиддлера из детской считалочки!

— Сколько золота принес мне, сколько серебра? — продолжал игру Дермот Крэддок.

Они стояли возле «Синего вепря», Тиддлер провел день на киностудии и только что вернулся.

— С золотом слабовато, — сказал Тиддлер. — Сплетен мало. Пугающих слухов тоже. Кое-кто намекает на самоубийство.

— Почему самоубийство?

— Полагают, она могла повздорить с мужем и хотела, чтобы он ее пожалел. В таком духе. Но накладывать на себя руки она, естественно, не собиралась.

— Едва ли это похоже на правду, — заметил Дермот.

— Конечно, не похоже. В общем, они там ничего толком не знают. Варятся в собственном соку. Только и разговоров, что шоу надо продолжать, да съемку надо продолжать, да камеры должны

работать. Сыплют своей терминологией, я в ней не силен. Их одно волнует: когда Марина Грегг вернется на площадку. Она уже до этого пару раз срывала съемки — устраивала истерику.

— Но в целом они ее любят?

— Я бы так сказал: они сыты ее штучками по горло, но, когда она в настроении, когда готова быть божеством — они ее обожают. Кстати, муж от нее без ума.

— Что там думают о нем?

— Что такого режиссера, или продюсера, или как там он у них называется, еще свет не видывал.

— А нет разговоров, что у него роман с какой-нибудь звездой или просто с кем-то на стороне?

Том Тиддлер внимательно посмотрел на него.

— Нет, — ответил он. — Нет. Никто и словом не обмолвился. А вы считаете, что-то такое могло быть?

— Мало ли, — уклончиво ответил Дермот. — Марина Грегг уверена, что смертельная доза предназначалась для нее — вот в чем дело.

— Она и сейчас так считает? Думаете, она права?

— Почти наверняка, — категорично заявил Дермот. — Но важно не это. Она сказала об этом

не мужу, а только доктору — вот что важно.

— Вы считаете, она сказала бы и ему, если…

— Я просто подумал, — произнес Крэддок, — вдруг она заподозрила мужа, будто это его рук дело. По крайней мере, поведение доктора меня насторожило. Может, это всего лишь плод моего воображения, но обычно чутье меня не подводит.

— Во всяком случае, на студии про это не говорят, — сказал Том. — А такое обычно не скроешь.

— А у нее самой другого мужчины нет?

— Нет, судя по всему, она хранит верность Радду.

— Может, какие-то пикантные подробности из ее прошлого?

Тиддлер ухмыльнулся:

— Только то, что можно прочитать в любом киношном журнале.

— Пожалуй, мне придется их полистать, — сказал Дермот, — проникнуться атмосферой.

— Бульварные новости из мира кино! — воскликнул Тиддлер.

— Интересно знать, — произнес Дермот задумчиво, — читает ли эти журналы мисс Марпл?

— Старушка, что живет возле церкви?

— Она самая.

— Говорят, сметливая. И все, что в здешних краях происходит, ей известно. Может, насчет киношников она вас не очень просветит, но всю подноготную Бэдкоков выложит, голову даю на отсечение.

— Это раньше было просто, — возразил Дермот. — А теперь тут не такая тихая заводь, как прежде. Вон сколько нового жилья понастроили. Бэдкоки поселились как раз там, причем не так давно.

— Местные сплетни до меня, естественно, не дошли. В основном — интимная жизнь кинозвезд.

— Но и про нее вы ничего особенного не узнали, — пробурчал Дермот. — А в прошлом Марины Грегг не нашлось ничего интересного?

— Несколько раз прогулялась замуж, но не больше, чем у них это принято. Первому мужу не нравилось, что ей некогда было его ублажать, хотя сам он был человеком заурядным. Чем-то он торговал, землей, что ли.

— Наверное, был агентом по продаже недвижимости.

— Короче, в ее образ жизни он не вписывался, не хватало надлежащего блеска, она с ним развелась и вышла замуж за какого-то иностранца — то ли графа, то ли принца. Тут вообще все кончилось

в одночасье, и никто сильно не убивался. Она просто стряхнула его с себя и живо нашла третьего супружника. Кинозвезду, Роберта Траскотта. Этот брак якобы был пылким и страстным. Его не хотела отпускать прежняя жена, но в конце концов ей пришлось поднять лапки. Все-таки большие алименты. Как я понимаю, эти кинознаменитости потому и стеснены в средствах, что платят своим бывшим женам бешеные алименты.

— Но и этот брак не состоялся?

— Точно. Тут, кажется, разбитым оказалось ее сердце. Но еще через пару лет — очередная великая любовь. Изидор… фамилию не помню — драматург.

— Н-да, экзотика, — резюмировал Дермот. — Ладно, на сегодня хватит. Завтра нам предстоит тяжелая работа.

— Какая?

— Перелопатить список гостей. Двадцать с лишним фамилий надо свести к минимуму, а среди оставшихся будем искать нашего икса.

— Пока никаких идей насчет того, кто он?

— Ни малейших. Если только это не Джейсон Радд, — добавил Дермот, скривив губы в иронической улыбке. — Пойду к мисс Марпл — надеюсь, она выложит мне все местные новости и ин-

триги.

Глава 12

Мисс Марпл вела расследование, сообразуясь с собственной методикой.

— Вы очень добры, миссис Джеймсон, очень добры. Я вам так благодарна!

— Что вы, мисс Марпл. Я рада оказать вам услугу. Вам, наверное, нужны самые свежие?

— Как раз нет, — сказала мисс Марпл. — За прошлые годы даже лучше.

— Тогда пожалуйста, — предложила миссис Джеймсон, — вполне подходящая стопка, а мы без них вполне обойдемся, не беспокойтесь. Так что держите их сколько понадобится. Только нести вам будет тяжело. Дженни, в каком состоянии твоя клиентка?

— В прекрасном, миссис Джеймсон. Я вымыла ей голову, и сейчас она сушится.

— В таком случае, дорогая, будь любезна, проводи мисс Марпл и отнеси для нее эти журналы. Что вы, что вы, мисс Марпл, никакого беспокойства. Всегда рады вам помочь.

Какими добрыми бывают люди, размышляла мисс Марпл, особенно если они знают тебя всю жизнь. Миссис Джеймсон уже много лет держа-

ла салон-парикмахерскую и теперь набралась храбрости, чтобы, шагая в ногу со временем, перекрасить вывеску и назвать свое заведение по-современному: ДИАНА. МОДНЫЕ ПРИЧЕСКИ. В остальном парикмахерская почти не изменилась, да и клиенты обслуживались на прежнем уровне. Здесь делали прочную и не лишенную изящества завивку, могли подкорнать и молодое поколение из не слишком прихотливых. Но в основном клиентуру миссис Джеймсон составляли солидные пожилые и слегка закосневшие в своих привычках дамы, которых почти нигде больше не могли постричь так, как им того хотелось.

— Интересно, — воскликнула Черри на следующее утро, собираясь пропылесосить неукротимым «Хувером» гостиную, как она продолжала называть про себя залу. — Это еще что такое?

— Стараюсь разобраться, — ответила мисс Марпл, — что происходит в мире кино.

Она отложила в сторону журнал «Новости кино» и взяла «В мире звезд».

— Очень занимательное чтение. Читаешь и видишь, что их жизнь во многом походит на нашу.

— Вот уж у кого не жизнь, а сказка, — вздохнула Черри.

— У них свой мир, — заметила мисс Марпл. —

Довольно необычный. И тем не менее… читаю и вспоминаю, что мне рассказывала подруга. Она работала медсестрой в больнице. Так у них то же самое — на все смотрят просто, сплетничают и слухи распускают. И от докторов, которые покрасивее, просто некуда деваться.

— Откуда вдруг такой интерес к миру кино? — полюбопытствовала Черри.

— Вязать мне стало труднее, — объяснила мисс Марпл. — Тут, надо признаться, шрифт мелковат, но можно взять увеличительное стекло.

Черри с удивлением взглянула на нее:

— От вас так и жди сюрприза. Что вас только не интересует!

— Меня интересует все.

— Чтобы в вашем возрасте увлечься чем-то новым?

Мисс Марпл покачала головой:

— Ничего нового тут нет. Меня интересует человеческая природа, а она всегда одинакова, будь то кинозвезды, больничные сестры, жители Сент-Мэри-Мид или, — задумчиво добавила она, — жители Новых Домов.

— Большого сходства между собой и кинозвездой я не вижу, — засмеялась Черри. — Тем хуже для меня. Наверное, вы увлеклись миром кино,

потому что в Госсингтон-Холле поселилась Марина Грегг с мужем?

— Отчасти это, а отчасти происшедшее там печальное событие.

— Вы про миссис Бэдкок? Да, не повезло бедняжке.

— А что об этом думают в… — Буква «Н» застыла на губах мисс Марпл, но так и не слетела с них. — Что об этом думаете вы и ваши друзья? — внесла она уточнение в свой вопрос.

— Дело темное, — сказала Черри. — С виду как будто убийство, хотя полиция помалкивает, ничего прямо не говорит. Но похоже все равно на это.

— Другого объяснения я просто не вижу, — высказала свою точку зрения мисс Марпл.

— О самоубийстве и речи быть не может, — поддержала ее Черри. — Хитер Бэдкок не из таких.

— Вы хорошо ее знали?

— Не очень. Скорее почти не знала. Она из тех, кому до всего есть дело. Только и пристают: вступите в общество, займитесь сбором средств, придите на собрание и тому подобное. Энергия бьет ключом. Мне кажется, ее мужу это иногда здорово надоедало.

— Но серьезных врагов у нее как будто не было?

— Люди от нее иногда уставали. Но я даже не представляю, кто мог бы ее убить, разве что муж. Но ему такое дело не осилить — слабак. В общем, как говорится, правда наружу выйдет. Хотя я слышала, что злодей Криппен, к примеру, был просто восторг, а не мужчина, а человека, очаровательнее Хейга,[112] что все свои жертвы мариновал в баке с кислотой, свет вообще не видывал. Так что кто знает?

— Бедный мистер Бэдкок, — горестно произнесла мисс Марпл.

— Между прочим, говорят, что в тот день он был словно в воду опущенный, нервничал — до того, как все случилось, — но люди всегда болтают такое. Я вам скажу — так хорошо, как сейчас, он уже много лет не выглядел. Будто в нем жизнь проснулась.

— Неужели?

— Вообще-то никто всерьез не думает, что это он, — сказала Черри. — Просто больше уж совсем некому. Так что мысль про несчастный случай сама в голову лезет. Ведь всякое бывает. Вот ты думаешь, что в грибах хорошо разбираешься, и идешь их собирать. Все тебе попадутся какие на-

---

[112] notes: 112

Ссылка на нашумевшие в Англии дела об убийстве женщин в 1910 и 1949 гг.

до, а один ядовитый, и пожалуйста — катаешься, схватившись за живот, да молишь бога, чтобы врач вовремя поспел.

— Коктейли и бокалы с хересом — не очень это вяжется с несчастным случаем, — заметила мисс Марпл.

— Ну, не знаю, — возразила Черри. — Схватили по ошибке не ту бутылку — и вся недолга. У меня есть знакомые, так они однажды всей семьей приняли концентрированную дозу ДДТ. Чудом уцелели.

— Несчастный случай… — задумчиво повторила мисс Марпл. — Да, это самое удобное решение. Надо признаться, я и сама не верю, что кто-то имел намерение убить Хитер Бэдкок. Не говорю, что это невозможно. В этом мире возможно все, но уж больно это не похоже на правду. Нет, не похоже. — Перелистав страницы журнала, она потянулась за другим.

— Вы ищете что-то конкретное?

— Нет, — ответила мисс Марпл, — просто какие-нибудь необычные истории — о людях, об их образе жизни, что-то такое — вдруг поможет.

И она снова погрузилась в чтение журналов, а Черри с пылесосом перебралась на второй этаж. Мисс Марпл так увлеклась, что даже порозовела

от удовольствия. С возрастом она стала слегка глуховата и не услышала, как кто-то прошел по садовой дорожке и приблизился к окну залы. Лишь когда на страницу упала легкая тень, она подняла голову. У окна, улыбаясь, стоял Дермот Крэддок.

— Выполняем домашнее задание? — поинтересовался он.

— Инспектор Крэддок, как это мило с вашей стороны. Надо же, нашли для меня время. Чашечку кофе? Или, может быть, бокал хереса?

— Хереса выпью с превеликой радостью, — не стал отказываться Дермот. — Сидите, сидите, — остановил ее он. — Я зайду в дом и сам попрошу.

Войдя через боковую дверь, он вскоре присоединился к мисс Марпл.

— Ну и как? — спросил он. — Эта макулатура навела вас на интересные мысли?

— Еще какие! Знаете, меня шокировать довольно трудно, но на сей раз я в легком шоке.

— Что же вас шокировало? Личная жизнь кинозвезд?

— О нет. Вовсе нет! Это как раз вполне естественно, если учесть обстоятельства, деньги, которые проходят через их руки, возможности сойтись друг с другом. Нет, тут все естественно.

Меня шокирует другое — как это написано! Я, знаете ли, человек старомодный и считаю, что такие вещи совершенно непозволительны.

— Новости! — Крэддок пожал плечами. — Иногда под видом объективного комментария можно столько грязи вылить, только держись.

— Верно, — мисс Марпл кивнула. — И меня это страшно злит. Вы, наверное, думаете: вот, старая дуреха, нашла что читать. Но ведь так хочется быть в курсе дела, а сидя дома много не узнаешь.

— Я так и подумал. Потому и решил прийти и ввести вас в курс дела.

— Дорогой мой мальчик, простите, ради бога, но ваше начальство ведь не погладит вас за это по головке, а?

— Ничего страшного, — ответил Дермот. — Я принес вам список. Эти люди стояли на площадке у лестницы в тот короткий отрезок времени, когда туда поднялась Хитер Бэдкок, и вплоть до ее смерти. Многих мы сами вычеркнули, возможно, и поспешили, но я так не думаю. Скажем, мэра с женой, члена местного совета с женой, еще кое-кого из местных, зато мужа оставили. Если я правильно помню, вы к мужьям всегда относились с подозрением.

— Как правило, в списке подозреваемых они

первые, — словно извиняясь, сказала мисс Марпл. — А то, что приходит в голову первым делом, часто оказывается правдой.

— Готов под этими словами подписаться.

— Но о каком муже, мой дорогой мальчик, вы ведете речь?

— А вы как считаете? — спросил Дермот, пристально посмотрев на собеседницу.

Взглянула на него и мисс Марпл.

— Джейсон Радд? — спросила она.

— Ага! — воскликнул Крэддок. — Мы с вами мыслим одинаково. Не думаю, что тут как-то замешан Артур Бэдкок — ведь никто не собирался убивать Хитер Бэдкок! Жертвой должна была стать Марина Грегг.

— В этом почти нет сомнений?

— Если мы пришли к такому выводу, поле деятельности сразу расширяется. Я скажу вам, кто там был, что они видели или утверждают, что видели, — в этом особой тайны нет. Будь вы там, вы бы все это видели своими глазами. Так что я поговорю с вами о том, что вам и так вполне могло быть известно, — едва ли мое начальство, как вы его называете, будет против этого возражать.

— Что ж, все логично, мой дорогой мальчик, — похвалила мисс Марпл.

— Я вкратце изложу вам то, что мне стало известно, а потом перейдем к списку.

Он быстро ввел ее в курс дела, потом достал список.

— Кто-нибудь из них, — сказал он. — Мой крестный отец сэр Генри Клитеринг рассказывал мне, что когда-то у вас здесь был клуб. Назывался «Во вторник вечером». Вы все по очереди обедали друг у друга, и кто-то рассказывал историю — обязательно невыдуманную и обязательно с загадочным концом. Разгадку, кроме рассказчика, никто не знал. И каждый раз, говорил крестный, вы угадывали правильный ответ. Вот я и пришел предложить — не хотите ли с утра погадать?

— Ну, это он переборщил, — укоризненно заметила мисс Марпл. — Кстати, один вопрос есть у меня.

— Да?

— Как у нее насчет детей?

— Детей? У нее только один ребенок. Умственно отсталый, в Америке, его держат в лечебнице. Вы про это спрашиваете?

— Нет. Это, конечно, очень печально. Такие трагедии случаются, и винить в них некого. Я не про это. Я про детей, о которых идет речь в этой статье. — Она постучала по лежащим перед

ней газетам. — Которых она усыновила. Если не путаю, два мальчика и девочка. В одном случае ей написала письмо многодетная мать, имевшая на воспитание детей мало денег, и сама предложила ей взять одного ребенка. Про эту историю трубили все газеты, и все писали какую-то слащавую чушь. Что мать, мол, правильно поняла материнский долг и что ребенок теперь будет жить в прекрасных условиях, получит отличное образование, его ждет хорошее будущее. А насчет двух других мне почти ничего выяснить не удалось. Один, как я поняла, был иностранным беженцем, а другая — из какой-то американской семьи. Марина Грегг всех их усыновила в разное время. Хотелось бы знать, что с ними случилось.

Дермот Крэддок с любопытством взглянул на нее.

— Странно, что вы об этом подумали, — сказал он. — Ведь и меня мысль об этих детях смутно беспокоит. Но как вы их связываете с этой историей?

— Насколько я понимаю, они с ней не живут?

— Я думаю, они всем обеспечены. Да что там думать, в законе об усыновлении об этом сказано прямо. Скорее всего, она открыла для них фонд и перевела туда деньги.

— Выходит, когда она… устала от них, — подытожила мисс Марпл, сделав легкую паузу перед словом «устала», — она просто выкинула их вон. Лишив всей роскоши, среди которой они выросли, всех преимуществ. Так?

— Может быть, — с сомнением произнес Крэддок. — Точно не знаю. — Он продолжал взирать на нее с любопытством.

— Дети ведь, знаете ли, — мисс Марпл кивнула, словно соглашаясь с собой, — все тонко чувствуют. Взрослые и представить себе не могут, насколько тонко. Дети остро переживают, если их обидят, откажутся от них, посягнут на их права. Преимуществами всего не заменишь. И образованием тоже, и уютным жилищем, и твердым доходом, даже толчком в карьере. Такая рана не заживает.

— Согласен. Но думаю, что… по-моему, это несколько притянуто за уши… А вы что об этом думаете?

— Ну, далеко идущих выводов я не делала, — сказала мисс Марпл. — Просто хотелось бы знать, где эти дети сейчас, сколько им лет. Из того, что я здесь вычитала, следует, что они вполне взрослые.

— Это мы выясним, — медленно проговорил

Дермот Крэддок.

— Я вовсе не хотела вас беспокоить и совсем не уверена, что эта моя мысль чего-то стоит.

— Выясним, — повторил Дермот Крэддок. — Не помешает. — Он что-то черкнул в своей книжке. — На мой список взглянуть хотите?

— Тут я едва ли смогу вам помочь. Я почти никого из них не знаю.

— Буду вас просвещать по ходу дела. Поехали. Джейсон Радд, муж (мужья всегда на первом месте среди подозреваемых). Все в один голос твердят, что Джейсон Радд ее обожает. Это само по себе подозрительно, согласны?

— Вовсе не обязательно, — ответствовала мисс Марпл с достоинством.

— Он активно пытался скрыть тот факт, что отравить на самом деле хотели его жену. Полиции он об этом и словом не намекнул. Неужели он считает нас ослами, которые сами до этого додуматься не могли? Нам первым делом пришло в голову именно это. Во всяком случае, мне он дал такое объяснение: боялся, что разговоры об этом дойдут до его жены и она ударится в панику.

— Она из тех, кто ударяется в панику?

— Да, она неврастеничка, легко выходит из себя, подвержена нервным вспышкам, перепадам

настроения.

— Но это вовсе не значит, что она трусиха, — заметила мисс Марпл.

— С другой стороны, — продолжал Крэддок, — если она хорошо знает, что отравить собирались именно ее, ей может быть известно и кто это сделал.

— Думаете, она знает отравителя, но не хочет его называть?

— Я просто говорю, что такое возможно, а раз так, задаешь себе вопрос: почему нет? Допустим, она не хочет, чтобы мотив, суть всей истории, стал известен мужу.

— Интересно, — сказала мисс Марпл.

— Вот еще несколько имен. Секретарша Элла Зелински. Исключительно деловая и компетентная молодая дама.

— Думаете, у нее роман с мужем хозяйки? — спросила мисс Марпл.

— Почти не сомневаюсь, — заявил Крэддок. — Но почему так думаете вы?

— Ну, такое бывает часто, — сказала мисс Марпл. — Значит, от большой любви к бедной Марине Грегг она не страдает?

— Что вполне может быть мотивом для убийства, — заключил Крэддок.

— Секретарши и помощницы часто влюбляются в мужей своих хозяек, — продолжала мисс Марпл, — но мало кто из них решается соперницу отравить.

— Исключения всегда бывают. Дальше, там были два местных фотографа и еще дамочка из Лондона плюс двое газетчиков. Они почти наверняка ни при чем, но мы все равно их проверим. Еще была женщина, когда-то бывшая женой второго или третьего мужа Марины Грегг. То есть Марина его у нее увела, и та отнюдь не была в восторге. Но с тех пор прошло одиннадцать или двенадцать лет. Трудно представить, что она приехала на это сборище специально, чтобы отомстить Марине за старую обиду. Был также некий Ардуик Фенн, когда-то близкий друг Марины. Они много лет не виделись. Никто не знал, что он сейчас в этих краях, и его появление было большой сенсацией.

— Она могла вздрогнуть, когда увидела его?

— Вполне.

— Вздрогнуть — и испугаться.

— «Вскричав: «Злой рок!» — застыла вдруг…» — процитировал Крэддок. — Именно. Дальше. Взад-вперед носился Хейли Престон, делая свою работу. Очень словоохотлив, но ничего опреде-

ленного не слышал, не видел, не знает. И всячески это подчеркивает. Что-нибудь конкретное в голову приходит?

— Не сказала бы, — ответила мисс Марпл. — Но интересных вариантов много. И все же хочется подробнее узнать о детях.

Он с любопытством взглянул на нее.

— Дались вам эти дети, — выговорил он. — Хорошо, постараюсь выяснить.

Глава 13
1

— Едва ли это мэр, — с затаенной надеждой произнес инспектор Корниш.

Он постучал карандашом по листу с именами. Дермот Крэддок усмехнулся.

— А хотелось бы? — спросил он.

— Еще как, — признался Корниш. — Напыщенный ханжа и лицемер! Им все сыты по горло. Строит из себя святошу, каких свет не видывал, а сам вовсю пользуется своим положением да и в лапу берет вот уже сколько лет!

— И что, вы не можете его взять за воротник?

— Нет. Уж больно ловок мерзавец. Умудряется оставаться в рамках закона.

— Да, свалить все на него было бы соблазнительно, — согласился Дермот Крэддок. — Но, боюсь, Фрэнк, эту голубую мечту придется выбросить из головы.

— Знаю, — сказал Корниш. — Теоретически возможно, что это он, но реально — едва ли. Кто у нас там еще?

Мужчины заглянули в список. В нем было еще

восемь имен.

— Этот список полон, на этот счет у нас нет сомнений? — В голосе Крэддока слышалось именно сомнение.

Корниш не замешкался с ответом:

— Я уверен, что этот список — полный. После миссис Бэнтри пришел викарий, следом за ним — Бэдкоки. На лестнице было восемь человек. Мэр с женой, Джошуа Грайс с женой из «Лоу фарм». Дональд Макнейл, местный репортер. Двое гостей из США, Ардуик Фенн и Лола Брюстер, кинозвезда. И фотограф из Лондона, делает снимки с претензией, она расположилась прямо на лестнице. Если брать на вооружение версию миссис Бэнтри насчет «застывшего взгляда» Марины Грегг, значит, надо выбирать из этого списка. Мэра, к сожалению, придется исключить. Грайсов тоже — они никогда в жизни не выезжали за пределы Сент-Мэри-Мид. Остаются четверо. Местный журналист — вряд ли, девушка-фотограф находилась в доме уже полчаса, так что с какой стати у Марины возникла запоздалая реакция? Кто остается?

— Зловещие незнакомцы из Америки, — подытожил Крэддок, едва заметно улыбнувшись.

— Именно.

— Согласен, лучших подозреваемых у нас пока

что нет. Явились они неожиданно. Ардуик Фенн — это старая любовь Марины, они не виделись бог знает сколько лет. Что до Лолы Брюстер, она когда-то была женой третьего мужа Марины Грегг, который развелся с ней и ушел к Марине. Бракоразводный процесс, насколько мне известно, отнюдь не протекал гладко и безболезненно.

— Пожалуй, в списке подозреваемых она на первом месте, — решил Корниш.

— Вы так считаете, Фрэнк? Ведь прошло почти пятнадцать лет, она сама с тех пор дважды была замужем.

— Этих женщин разве поймешь?

— Так-то оно так, — согласился Дермот. — И что?

— Но ведь червоточина между этими дамами явно осталась?

— Возможно. Но я от этой версии не в восторге. А как насчет тех, кто обслуживал гостей и обносил их напитками?

— «Застывший взгляд» набил вам оскомину? Что ж, насчет обслуги мы выяснили. За питание отвечала компания «Маркет бейзинг», она как раз и занимается обслуживанием таких приемов. В доме всем заправлял дворецкий Джузеппе; еще были две местные девушки из студийной

столовой. Я их обеих знаю. Особым умом не отличаются, но вполне безвредные.

— Значит, все ложится на мои плечи? Ладно, первым делом поговорю с журналистом. Вдруг он что-то видел? Потом поеду в Лондон. Там встречусь с Ардуиком Фенном, Лолой Брюстер и девушкой-фотографом… как там ее?.. Марго Бенс. Может быть, что-то заметила она.

Корниш кивнул.

— Готов ставить на Лолу Брюстер, — сказал он. Потом с любопытством взглянул на Крэддока: — Вы, я вижу, в нее не слишком верите.

— Меня смущает техническая сторона дела, — пробурчал Дермот. — Как она могла незаметно подсыпать яд в бокал Марины?

— Сделать это было трудно любому. Надо быть безумцем, чтобы отважиться на это.

— Согласен, безумцем, но в случае Лолы Брюстер — еще большим безумцем, чем все остальные.

— Почему? — не понял Корниш.

— Важная гостья. Звезда, знаменитость. Наверняка все на нее пялились.

— Что верно, то верно.

— Едва она появилась, все наверняка поразевали рты, принялись подталкивать друг друга локтями и перешептываться, а когда Марина

Грегг и Джейсон Радд с ней поздоровались, ее, конечно же, передали на попечение секретарей. Так что, Фрэнк, отравить коктейль ей было сложнее, чем остальным. Какой бы ловкой она ни была, все равно кто-нибудь мог заметить. И провернуть этот номер ей было совсем не просто.

— Как и всем остальным.

— Не в такой степени. Взять, к примеру, Джузеппе. Он отвечает за напитки и бокалы, разливает коктейли и обносит гостей. Ему ничего не стоило бросить в бокал щепотку или горсть таблеток «Калмо».

— Джузеппе? — Фрэнк Корниш задумался. — Вы считаете, это он?

— Причины подозревать его пока нет, — сказал Крэддок. — Но она может найтись. Какой-нибудь серьезный мотив. Да, я считаю, он вполне мог это сделать. Он или еще кто-то из обслуги. Правда, на месте убийства никого из них не было — увы.

— Может, кто-то поступил работать в «Маркет бейзинг» специально ради этого?

— То есть замыслил убийство гораздо раньше? Мы пока ничего не знаем, — устало произнес Крэддок. — Совершенно ничего. И не узнаем, пока не вытянем хоть что-нибудь из Марины Грегг или ее мужа. Они должны что-то знать, должны

подозревать кого-то — но они не хотят нам говорить. А почему — неизвестно. В общем, нам еще искать и искать.

Сделав паузу, он продолжал:

— Если сбросить со счетов «застывший взгляд» — скажем, это простое совпадение, — есть и другие люди, которые могли подсыпать в бокал отраву. Например, секретарша Элла Зелински. Она тоже наполняла бокалы, что-то подавала гостям. Уж за ней никто наблюдать бы не стал. Это относится и к подтянутому молодому человеку… забыл, как его зовут. Хейли… Хейли Престон? Да, именно. И она, и он без труда могли это сделать. Собственно, захоти кто-нибудь из них избавиться от Марины Грегг, большое скопище народу — это самый безопасный для них вариант.

— Еще кто-нибудь?

— Ну, муж, как водится, — сказал Крэддок.

— Опять, значит, беремся за мужей, — с легкой усмешкой произнес Корниш. — Мы ведь сначала грешили на этого бедолагу Бэдкока, пока не поняли, что отравить собирались Марину. Теперь подозреваем Джейсона Радда. Хотя с виду он ей сильно предан.

— Да, есть у него такая репутация, — согласился Крэддок. — Но в чужую душу не влезешь.

— Если бы он хотел от нее избавиться, не проще ли развестись?

— Конечно, проще и естественнее, — согласился Дермот. — Но в этой истории могут быть свои подводные камни, о которых нам ничего не известно.

Зазвонил телефон. Корниш поднял трубку.

— Что? Да? Соедините. Да, он здесь, — послушав несколько секунд, он прикрыл рукой трубку и взглянул на Дермота. — Мисс Марина Грегг, — сказал он, — чувствует себя гораздо лучше. Она готова ответить на наши вопросы.

— Тогда я пошел, — заторопился Дермот Крэддок, — пока она не передумала.

2

В Госсингтон-Холле Дермота Крэддока встретила Элла Зелински. Как всегда, деловитая и энергичная.

— Мисс Грегг ждет вас, мистер Крэддок.

Дермот не без интереса взглянул на нее. С самого начала Элла Зелински показалась ему интригующей особой. Не лицо, а мумия, сказал он себе тогда. Она с подчеркнутой готовностью ответила на все его вопросы. Ему не показалось,

будто она что-то от него скрывает, но что у нее на уме, каково ее истинное отношение к случившемуся… Сквозь броню ее выдающейся деловитости было не пробиться. Может, она и правда ничего не знает; может, знает куда больше, чем говорит. Ясно одно: хотя доказательств никаких — она влюблена в Джейсона Радда. Он сам говорил, что для секретарш такое — неизбежный профессиональный риск. Возможно, за этим не стоит ровным счетом ничего. Но тут, по крайней мере, просматривается мотив, к тому же она явно что-то скрывает. Может, любовь? Или ненависть? Или просто чувство вины? Не исключено, в тот день ей подвернулась возможность, и она ею воспользовалась, а может, все хладнокровно продумала заранее. Ей-то все проделать было как раз несложно. Быстро, но неторопливо она движется среди гостей, что-то им говорит, передает бокалы с коктейлями, забирает пустые, а сама при этом следит за бокалом, который Марина поставила на стол. А потом, когда явились нежданные гости из Штатов, когда Марина радостно и удивленно вскрикнула и встретила их, пожираемая множеством глаз, Элла спокойно и без помех подбросила в бокал роковую дозу. Да, для этого нужны крепкие нервы, дерзость и быстрота. Но все это как

будто при ней. Подбрасывая яд в бокал, она не стала бы затравленно озираться по сторонам. Преступление было бы совершено с простотой и блеском и почти наверняка увенчалось бы успехом. Но его величество шанс распорядился иначе. В переполненной комнате кто-то толкнул Хитер Бэдкок под руку. Коктейль из ее бокала выплеснулся, и Марина, со свойственной ей импульсивной любезностью хозяйки, быстро предложила гостье свой бокал, стоявший нетронутым. И смерть настигла другую.

«Н-да, все это чистая теория, да еще здорово притянутая за уши», — сказал себе Дермот Крэддок, обмениваясь вежливыми формальностями с Эллой Зелински.

— Хотел задать вам один вопрос, мисс Зелински. Готовкой занималась фирма «Маркет бейзинг»?

— Да.

— Почему выбор пал на нее?

— Не знаю, — Элла пожала плечами. — Кулинария в мои обязанности не входит. Мистер Радд, насколько мне известно, решил, что лучше обратиться к местной фирме, чем к лондонской. С нашей точки зрения, прием был не такой уж и большой.

— Ясно.

Он смотрел на нее, а она стояла, чуть нахмурив лоб и наклонив голову. Хороший лоб, решительный подбородок, фигура вполне могла бы выглядеть сладострастной, будь ей такое позволено, жестко очерченный алчный рот. А глаза? Он взглянул на них и слегка удивился. Веки почему-то покрасневшие. Уж не плакала ли она? Похоже. Но ведь она явно не из тех, кто ударяется в слезы. Словно прочитав его мысли, она подняла голову, достала носовой платок и как следует высморкалась.

— Вы простужены, — прокомментировал он.

— Нет, это не простуда. Сенная лихорадка. Своего рода аллергия. В это время года она донимает меня всегда.

Раздался низкий гудок. В комнате стояло два телефонных аппарата: один — на столе, другой — на столике в углу. Загудел последний. Элла Зелински подошла к нему и сняла трубку.

— Да, — сказала она, — он здесь. Сейчас я его приведу. — Она положила трубку на место. — Марина ждет вас.

3

Марина Грегг приняла Крэддока в комнате на втором этаже. Конечно же, это была ее собственная гостиная, соединенная со спальней. Наслушавшись рассказов о ее расшатанных нервах и общем упадке сил, он ожидал увидеть издерганную, взвинченную и полубольную женщину. Марина полулежала на диване, но голос ее звучал бодро, а в глазах мелькали живые огоньки. Почти никакой косметики, но он никогда не дал бы ей ее лет… Поразительно красивая женщина, прямо-таки лучится красотой. Изысканные линии щек и скул, прямые волосы естественно обрамляют лицо. Глаза удлиненные, цвета зеленоватой морской волны, тонко подведенные брови — тут было что-то от искусства, но верх брала все же природа, верх брали ее теплая и радушная улыбка, ее колдовские чары. Она сказала:

— Главный инспектор Крэддок? Знаю, мое поведение просто непростительно. Ради бога, извините меня. После всего этого ужаса я совершенно расклеилась. Могла бы взять себя в руки, но не взяла. Мне очень стыдно.

Улыбка, печальная и нежная, засветилась в уголках ее рта. Она протянула руку, и он принял ее.

— Ваше состояние, — успокоил ее он, — вполне объяснимо.

— Но ведь огорчены были все. Я не имела права переживать больше, чем остальные.

— Не имели?

С минуту она глядела на него, потом кивнула.

— Да, — сказала она, — вы очень проницательны. Конечно же, имела.

Она потупила взор, длинным указательным пальцем негромко постучала по диванному валику. Он вспомнил, что видел этот жест в одном из ее фильмов. Жест, казалось бы, вполне безобидный, но был в нем какой-то скрытый смысл. Какое-то томное размышление.

— Я трусиха, — сказала она, не поднимая глаз. — Меня кто-то хотел убить, а умирать совсем не хочется.

— Почему вы решили, что кто-то хотел вас убить?

Глаза ее широко распахнулись.

— Ведь это был мой бокал… мой коктейль… в него подсыпали отраву… Этой несчастной глупой женщине он достался по ошибке. Вот в чем весь

ужас, вся трагедия. К тому же…

— Да, мисс Грегг?

Похоже, желания продолжать эту тему у нее поубавилось.

— У вас есть и другие причины думать, что предполагаемой жертвой были вы?

Она кивнула.

— Какие же, мисс Грегг?

Минутку помолчав, она сказала:

— Джейсон считает, что я вам должна обо всем рассказать.

— Значит, ему вы доверились?

— Да… Поначалу я не хотела… но доктор Гилкрист меня просто заставил. И тогда я поняла, что Джейсон думает то же, что и я. Он так считал с самого начала, но… занятно это… — Грустная улыбка снова завязала ее губы бантиком. — Он не говорил мне, потому что не хотел меня тревожить. Представляете? — Марина неожиданно взбодрилась, выпрямила спину. — Мой дорогой Джинкс! Неужели он считает, что я полная идиотка?

— Но почему же вы решили, мисс Грегг, что кто-то хотел убить вас?

Она помолчала, потом резко выбросила руку к сумочке, раскрыла ее, вытащила оттуда листок и

сунула ему в руку. На нем была всего одна машинописная строчка:

«В следующий раз тебе не уйти».

Крэддок встрепенулся:

— Когда вы это получили?

— Когда я вышла из ванны, это лежало на моем туалетном столике.

— Выходит, кто-то в доме…

— Не обязательно. Кто-то мог забраться на балкон снаружи и подкинуть записку. Наверное, этот кто-то хотел меня еще сильнее запугать, но не тут-то было. Я разъярилась, как кошка, и немедля послала за вами.

Дермот Крэддок улыбнулся:

— Да, скорее всего, автор этого послания такого не ожидал. Вы впервые получили нечто подобное?

Марина снова заколебалась. Потом сказала:

— Нет, не впервые.

— Расскажите, пожалуйста, про другие случаи.

— Дело было три недели назад, когда мы только переехали. Записку принесли не сюда, а на студию. Смех, да и только! Текст даже не напечатали. Написали от руки, крупными буквами. Там было всего три слова: «Готовься к смерти». — Она засмеялась. Кажется, в этом смехе слышалось

приближение истерии. Но веселилась она вполне искренне. — Такая глупость, — сказала она. — Не так уж редко приходится получать записки от психов, с угрозами и всякое такое. Я даже подумала: уж не религиозная ли тут подоплека? Вдруг у кого-то зуб на киноактрис? В общем, я разорвала эту бумажку и выбросила в мусорную корзину.

— А вы кому-нибудь об этом сказали, мисс Грегг?

Марина покачала головой:

— Никому, ни слова. У нас тогда не шла сцена, которую мы снимали. И я ни о чем другом не могла думать. Так или иначе, я решила, что это либо глупая шутка, либо какой-нибудь религиозный фанатик.

— А еще записки были?

— Да. В день приема. Кажется, мне передал ее кто-то из садовников. Кто-то, мол, попросил его об этом, отвечу ли я прямо сейчас? Ну, я решила, там что-нибудь по поводу приема. Разорвала конверт. А там записка: «Сегодня твой последний день на этой земле». Я скомкала бумажку и сказала: «Ответа не будет». Садовник пошел было, но я его вернула и спросила, кто же принес письмо? Он ответил: человек в очках, на велосипеде. Ну, что я должна была делать? Решила, что это очередная

дурацкая выходка. Мне и в голову не пришло, что угроза подлинная.

— Где эта записка сейчас, мисс Грегг?

— Понятия не имею. На мне было яркое итальянское шелковое платье — кажется, я скомкала записку и сунула в карман. Но сейчас ее там нет. Может, выпала.

— И вы никого не подозреваете, мисс Грегг? Кто автор записок? Вы этого не знаете даже сейчас?

Ее глаза широко раскрылись — детская невинность и изумление. Это привело его в восторг, но не убедило.

— Откуда мне знать? Посудите сами, откуда же мне знать?

— Думаю, у вас на этот счет могут быть вполне конкретные мысли, мисс Грегг.

— Их нет. Уверяю вас.

— Вы — человек знаменитый, — сказал Дермот. — Очень знаменитый. Добились в жизни настоящего успеха. В своей профессии и в личной жизни. В вас влюблялись мужчины, они хотели на вас жениться, женились. К вам с ревностью и завистью относятся женщины. Любившие вас мужчины бывали вами отвергнуты. Согласен, поле довольно широкое, но что-то предполагать вы должны. Кто мог писать эти записки?

— Да кто угодно.

— Нет, мисс Грегг, не кто угодно. Кто-то один из большой группы людей. Кто-нибудь вполне скромный и незаметный: костюмер, электрик, служанка. Или, наоборот, кто-то из ваших друзей или так называемых друзей. В любом случае какие-то предположения на этот счет у вас должны быть.

Открылась дверь, и вошел Джейсон Радд. Марина повернулась к нему и умоляюще вскинула руки:

— Джинкс, дорогой, мистер Крэддок убежден, что я должна знать автора этих кошмарных записок. А я его не знаю. Тебе это прекрасно известно. Его не знаем ни ты, ни я. Мы и понятия не имеем, кто он.

«Сразу все выложила, — подумал Крэддок, — не дала ему даже рта раскрыть. Почему такая спешка? Чтобы он не проговорился?»

Джейсон Радд, хмурый больше обычного, с темными кругами под глазами, подошел к ним. Взял руку Марины в свою.

— Знаю, инспектор, вам это кажется невероятным, — сказал он, — но это чистая правда: мы с Мариной ничего об этом не знаем.

— То есть вы те самые счастливые люди, у ко-

торых нет врагов? — В голосе Дермота отчетливо слышалась ирония.

Джейсон Радд вспыхнул:

— Враги? Это очень библейское слово, инспектор. Уверяю вас, что никакие враги в библейском смысле мне в голову не приходят. Люди, которые тебя не любят, которые жаждут обойти тебя на повороте, при случае сделать тебе пакость, люди злобные и жестокие — эти люди есть. Но подсыпать яд в бокал — это нечто совсем другое.

— Только что я спросил у вашей жены, кто мог написать эти записки или быть их вдохновителем. Она сказала, что не знает. Но поскольку за записками последовало действие, круг резко сужается. Ведь кто-то действительно положил яд в бокал. Это, знаете ли, могли сделать немногие.

— Я ничего не видел, — буркнул Джейсон Радд.

— Я тоже, — откликнулась Марина. — Естественно, если бы я видела, как что-то кладут в мой бокал, я бы не стала из него пить.

— Знаете, не могу отделаться от впечатления, — мягко произнес Дермот Крэддок, — что вам известно чуть больше, чем вы мне говорите.

— Это неправда! — воскликнула Марина. — Джейсон, скажи, что это неправда!

— Уверяю вас, — заговорил Джейсон Радд, — что

я в полнейшем и совершеннейшем недоумении. Все это просто фантастика. Я мог бы считать, что это была шутка… оказавшаяся неудачной… роковой, а шутник и не думал о таких последствиях…

В голосе его слышался легкий вопрос, потом он покачал головой:

— Нет. Вижу, вас такое толкование не устраивает.

— Хочу спросить еще кое о чем, — сказал Дермот Крэддок. — Вы, конечно, помните, когда пришли мистер и миссис Бэдкок. Сразу же после викария. Насколько я понимаю, мисс Грегг, вы встретили их так же тепло и дружелюбно, как и остальных гостей. Но от очевидца мне известно, что, поприветствовав их, вы посмотрели через плечо миссис Бэдкок и увидели нечто, сильно вас встревожившее. Правда ли это, и если да, то что же вы увидели?

— Конечно, неправда, — быстро сказала Марина. — Встревожило? Что могло меня встревожить?

— Это я и хочу выяснить, — терпеливо произнес Дермот Крэддок. — Мой свидетель говорит об этом с полной определенностью.

— Кто этот свидетель? И что он видел, он или она?

— Вы смотрели на лестницу, — сказал Дермот Крэддок. — По ней поднимались гости. Журналист, мистер Грайс с женой, почти всю жизнь прожившие в этой деревне, мистер Ардуик Фенн, только что приехавший из Штатов, мисс Лола Брюстер. Вы расстроились, увидев кого-то из этих людей?

— Говорю вам, я совсем не расстроилась, — почти рявкнула она.

— Тем не менее вы совершенно забыли о миссис Бэдкок. Она вам что-то говорила, но вы даже ее не слышали, потому что смотрели куда-то мимо нее.

Марина Грегг взяла себя в руки. Она заговорила быстро и напористо:

— Сейчас я вам все объясню. Если вы имеете представление об актерской игре, вы меня легко поймете. Наступает момент, даже если ты хорошо знаешь свою роль… собственно, обычно это как раз и происходит, когда роль ты знаешь очень хорошо… так вот, ты начинаешь вести ее машинально. Улыбаешься, двигаешься и жестикулируешь как нужно, произносишь слова с отработанной интонацией, но мысли твои бродят где-то далеко. И вдруг в какую-то минуту — провал, ты отключился настолько, что не

знаешь, на каком месте в пьесе ты находишься, какие строчки должен произнести в следующую секунду. Автомат отключился, ты забыл свою роль! Это со мной и произошло. Физически я слабовата, муж это подтвердит. У меня сейчас довольно напряженное время, меня изматывают съемки, всякие дурные предчувствия по поводу нашего фильма. И мне хотелось, чтобы этот прием прошел на ура, хотелось быть милой, приятной и радушной для всех без исключения. Но поскольку всем говоришь одно и то же, начинаешь делать это машинально, потому что и тебе все говорят одно и то же. Как им давно хотелось с тобой встретиться. Как они однажды видели тебя у выхода из театра в Сан-Франциско или летели с тобой в одном самолете. В общем, всякую ерунду, но ведь надо всем приятно улыбаться и что-то отвечать. Так вот, это происходит машинально. Ты не думаешь, что именно сказать, потому что все это ты уже говорил много раз. Ну и вдруг на меня, видимо, накатила усталость. Мозг словно застлало пеленой. Тут я поняла, что миссис Бэдкок рассказывала мне какую-то длинную историю, которую я пропустила мимо ушей, и теперь она возбужденно смотрит на меня, а я стою и молчу и не говорю того, чего от меня ждут. Это была

просто усталость.

— Просто усталость… — медленно повторил Дермот Крэддок. — Вы настаиваете на этом, мисс Грегг?

— Да. Странно, что вы не хотите мне верить.

Дермот Крэддок повернулся к Джейсону Радду.

— Мистер Радд, — начал он, — я думаю, вам легче понять меня, чем вашей жене. Меня очень и очень беспокоит безопасность вашей жены. На ее жизнь было совершено покушение, она получала записки с угрозами. Согласитесь: это значит, что существует некто, кто был здесь в день приема, а возможно, и сейчас где-то неподалеку, некто очень близкий к этому дому и ко всему, что в нем происходит. Возможно, человек этот, кем бы он ни был, слегка не в своем уме. И дело не только в угрозах. От угроз, как говорится, еще никто не умирал. Но ведь этот человек не остановился на угрозах. Была совершена намеренная попытка отравить мисс Грегг. Разве вы не понимаете, что при этих обстоятельствах попытка обязательно повторится? Есть только один способ обеспечить безопасность мисс Грегг. Вы должны дать мне все возможные ключи к разгадке. Я не утверждаю, что вы знаете этого человека, но у вас должна быть какая-то догадка, какое-то смутное пред-

положение. Почему вы не хотите сказать мне правду? Понимаю, возможно, вы сами ее не знаете, тогда убедите жену, чтобы правду сказала она. Прошу вас об этом в интересах ее безопасности.

Джейсон Радд медленно повернул голову.

— Ты слышала, что сказал инспектор Крэддок, Марина? — произнес он. — Ему кажется, что есть нечто, известное тебе и не известное мне. Если это так, прошу тебя господом богом — не глупи. Если у тебя есть хоть крошечное подозрение, скажи нам.

— Нет у меня никаких подозрений! — почти фальцетом прокричала она. — Почему вы мне не верите?

— Кого вы боялись в тот день? — спросил Дермот.

— Никого.

— Мисс Грегг, среди тех, кто поднимался по лестнице, было двое ваших старых друзей, они явились неожиданно, вы давно их не видели и никак не ожидали увидеть в тот день. Это мистер Ардуик Фенн и мисс Брюстер. Может быть, у вас возникли какие-то особые чувства, когда вы увидели их на лестнице? Вы ведь не знали, что они приедут?

— Мы даже не знали, что они в Англии, — вста-

вил Джейсон Радд.

— Я была в восторге, — сказала Марина. — В полнейшем восторге!

— Вас привело в восторг появление мисс Брюстер?

— Ну… — Она быстро взглянула на него, заподозрив неладное.

— Лола Брюстер, насколько мне известно, — сказал Крэддок, — в свое время была женой вашего третьего мужа, Роберта Траскотта?

— Да.

— Он развелся с ней, чтобы жениться на вас.

— Ну, это известно всему свету, — нетерпеливо бросила Марина Грегг. — Не думайте, будто вы раскопали что-то новое. Вокруг этой истории тогда подняли шумиху, но в конце концов все окончилось мирно.

— Она вам не угрожала?

— В некотором роде… да. Господи, сейчас попробую объяснить. Ведь такие угрозы никто не принимает всерьез. Была вечеринка, она много выпила. Кажется, попадись ей тогда под руку пистолет, она, может, и выстрелила бы в меня, закрыв глаза от страху. Но, к счастью, пистолета под рукой не оказалось. А с тех пор столько воды утекло. А такие чувства, они ведь недолговечны.

Проходят как не было. Я права, Джейсон?

— Думаю, что да, — согласился Джейсон Радд. — И хочу заверить вас, мистер Крэддок, что Лола Брюстер просто физически не могла отравить коктейль моей жены. Почти все время я находился рядом с Лолой. И подумать, что Лола внезапно, после долгих лет хороших отношений, специально приезжает в Англию, в наш дом, чтобы подсыпать яд в бокал моей жены… Нет, это полный абсурд!

— Что ж, я приму во внимание вашу точку зрения, — сказал Крэддок.

— Учтите, что она не могла сделать этого физически. Она не была даже рядом с местом, где стоял бокал Марины.

— А другой ваш гость… Ардуик Фенн?

Джейсон Радд ответил не сразу.

— Ардуик Фенн — наш очень старый друг, — сказал он. — Мы не виделись бог знает сколько лет, хотя иногда обменивались письмами. На американском телевидении это крупная фигура.

— Вы тоже считаете его старым другом? — обратился Дермот Крэддок к Марине.

Она заговорила несколько сбивчиво:

— Да, о да. Он… он был моим добрым другом всегда, но последние годы мы совсем не виде-

лись. — Она вдруг затараторила: — Если вы думаете, что я подняла голову, увидела Ардуика и испугалась, то это полная чепуха. Полнейшая. Почему мне его пугаться, с какой стати? Мы всегда были большими друзьями. Когда я неожиданно его увидела, мне было очень, очень приятно. Это был чудесный сюрприз, я уже вам говорила. Просто чудесный сюрприз. — Вскинув голову, она взглянула на Крэддока, взглянула с живостью и вызовом.

— Спасибо, мисс Грегг, — спокойно поблагодарил ее тот. — Если вдруг пожелаете довериться мне чуть больше, я сильно рекомендую это желание осуществить.

Глава 14
1

Миссис Бэнтри стояла на коленях. День для прополки выдался подходящий. Отличная сухая почва. Но мотыгой со всеми сорняками не расправишься. Вон как лезет чертополох, как разгулялись одуванчики. Она решительно боролась с этими злодеями.

Поднявшись на ноги, запыхавшаяся, но довольная, она взглянула через изгородь на дорогу. Из телефона-автомата около автобусной остановки на другой стороне дороги выходила темноволосая секретарша Марины Грегг. Странно, зачем ей звонить из телефона-автомата?

Как же ее фамилия? На «Б»? Или на «Р»? Нет, Зелински, вот как. Миссис Бэнтри вспомнила это как раз в ту секунду, когда Элла, перейдя через дорогу, шла мимо ее сада.

— Доброе утро, мисс Зелински, — дружелюбно воскликнула она.

Элла Зелински прямо-таки подпрыгнула на месте. Не подпрыгнула даже, а отпрянула, как испуганная лошадь. Странно: что это она?

— Доброе утро, — откликнулась Элла и быстро добавила: — Вот вышла позвонить. У нас что-то телефон не работает.

Миссис Бэнтри еще больше удивилась. С чего бы это Элла Зелински стала оправдываться? Но виду не подала.

— Какое неудобство. Заходите ко мне и звоните, сколько вам нужно.

— О-о… большое спасибо. — Элла вдруг расчихалась.

— Э-э, да у вас сенная лихорадка, — немедленно поставила диагноз миссис Бэнтри. — Вам нужен слабый раствор двуокиси соды с водой.

— Не беспокойтесь. У меня есть пульверизатор с проверенным средством. Все равно спасибо.

Она еще раз чихнула и быстро зашагала в направлении Госсингтон-Холла.

Миссис Бэнтри смотрела ей вслед. Потом перевела взгляд на свой сад. Ну вот! Сорняков что-то нигде не видно — значит, с работой покончено. А она только разохотилась.

— Душить больше некого, Отелло может отдохнуть, — пробурчала себе под нос миссис Бэнтри. — Наверное, я любопытная старуха, но хотелось бы знать…

Соблазн взял верх над минутной нереши-

тельностью. Ну и пусть она будет любопытной старухой! Миссис Бэнтри вошла в дом, взяла телефонную трубку и набрала номер. Ей ответил деловой заокеанский голос.

— Госсингтон-Холл.

— Это миссис Бэнтри, из Ист-Лоджа.

— О-о, доброе утро, миссис Бэнтри. Это Хейли Престон. Я встречал вас в день приема. Чем могу быть полезен?

— Я думала, может, я могу быть полезна вам. Если у вас не работает телефон…

Он с удивлением ее перебил:

— У нас не работает телефон? Нет, он в полном порядке. А почему вы так подумали?

— Наверное, ошиблась, — сказала миссис Бэнтри. — У меня иногда бывает плохо со слухом, — без смущения пояснила она.

Она положила трубку, подумала минутку, потом снова набрала номер.

— Джейн? Это Долли.

— Да, Долли? Что-нибудь случилось?

— Какая-то странная вещь. Секретарша Марины Грегг звонила из телефона-автомата на дороге. И без всяких причин принялась объяснять мне, что звонит с улицы, потому что в Госсингтон-Холле не работает телефон. Но я только что туда

позвонила, и телефон в полном порядке…

Она смолкла, ожидая проявления интеллекта на другом конце провода.

— Интересно… — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Весьма интересно.

— С чего бы это ей вздумалось, как считаете?

— Наверное, хотела знать наверняка, что ее никто не подслушает.

— Именно.

— А причины для этого могут быть разные.

— Да.

— Интересно, — повторила мисс Марпл.

2

Дональд Макнейл жаждал пообщаться. Это был дружелюбный рыжеволосый парень. Он встретил Дермота с улыбкой и нескрываемым любопытством.

— Ну, что-нибудь уже раскопали? — весело начал он разговор. — Припасли для меня какую-нибудь пикантную новость?

— Нет пока. Чуть позже.

— Как всегда, увиливаете. Молчим как рыбы. Еще не дошли до стадии, когда нужно кого-то пригласить «помочь в расследовании»?

— Я дошел до вас, — ухмыльнувшись, сказал Дермот Крэддок.

— Тут что, кроется какая-то double-entendre?[113] Вы и вправду подозреваете, что я убил Хитер Бэдкок по ошибке, намереваясь убить Марину Грегг, или так-таки и целил в бедную Хитер Бэдкок?

— Я, кажется, ни на что не намекал, — заметил Крэддок.

— Нет-нет, и не будете. У вас все с подходом, корректно. Ну, хорошо. Займемся делом. Да, я был на месте преступления. Я мог его совершить, но как насчет мотива? Вот что вам хочется узнать. Какой у меня был мотив?

— Пока я этого не выяснил, — признался Крэддок.

— Приятно слышать. Мне сразу стало как-то спокойнее.

— Расскажите, что вы в тот день видели.

— Я уже все рассказал. Местная полиция допросила меня тут же, не откладывая в долгий ящик. Я был готов от стыда сквозь землю провалиться. Ведь убийство совершилось, можно сказать, у меня на глазах. Я должен бы знать, кто убийца, а я и представления не имею. Я ведь обо всем до-

---

[113] notes: 113
Двусмысленность *(фр.)*.

гадался, только когда увидел, что эта несчастная сидит на стуле и хватает ртом воздух, не раньше… а потом ба-бах — и нет человека. Конечно, я был очевидцем, все видел своими глазами. И дал в газету классный материал. Но, признаюсь, мне жуть как стыдно, что я не знаю больше. Я должен знать больше. И не говорите мне, что смертельная доза предназначалась для Хитер Бэдкок. Она была милая женщина, пусть болтливая, но за это не убивают — если, конечно, ты не выбалтываешь чьи-то тайны. Но едва ли кто-то мог доверить Хитер Бэдкок свою тайну. Таких, как она, не интересуют чужие тайны. Насколько я понимаю, такие говорят исключительно о себе.

— Это мнение высказывали и другие, — заметил Крэддок.

— Стало быть, отравить хотели знаменитую Марину Грегг. Не сомневаюсь, есть множество замечательных мотивов, чтобы убить Марину. Зависть, ревность, любовные связи — все, что полагается для драмы. Но кто мог это сделать? Наверное, кто-то, у кого не все винтики на месте. Вот вам, пожалуйста, мое ценное мнение! Вы ведь это хотели услышать?

— Не только. Насколько я знаю, вы поднимались по лестнице вместе с викарием и мэром.

— Совершенно верно. Но до этого я уже был в доме.

— Я этого не знал.

— Так знайте. Я был наделен эдакими особыми полномочиями, бегал взад и вперед. При мне был фотограф. Я спустился вниз снять прибытие мэра и немножко развеяться — побросать кольца, воткнуть колышек туда, где закопано сокровище, и так далее и тому подобное. Потом я снова поднялся наверх, уже не работать, а просто чего-нибудь выпить. Выпивка была что надо.

— Понятно. А помните, кто еще был на лестнице, когда вы поднимались?

— Марго Бенс из Лондона щелкала своей фотокамерой.

— Вы хорошо ее знаете?

— Да, мы сталкиваемся частенько. Она девушка толковая, свое дело хорошо знает. Она фотографирует всякие светские дела: премьеры, приемы, концерты, причем специализируется на снимках под необычным углом зрения. С претензией! Она стояла в углу площадки посреди лестницы, оттуда было очень удобно снимать гостей, когда они здоровались с хозяевами. Впереди меня шла Лола Брюстер. Я ее сначала не узнал. Новая прическа и выкрасилась в огненно-рыжую. Последняя мода

острова Фиджи. Когда я видел ее в прошлый раз, золотисто-каштановые локоны спадали вниз до самого подбородка. С ней был высокий темноволосый мужчина, американец. Его я не знаю, но с виду — важная птица.

— А вы, когда поднимались, на саму Марину Грегг смотрели?

— Да, конечно.

— Вам не показалось, что она чем-то расстроена, будто ее что-то шокировало или испугало?

— Странно, что вы об этом спрашиваете. Секунду-другую мне и вправду казалось, что она вот-вот бухнется в обморок.

— Понятно, — задумчиво произнес Крэддок. — Спасибо. Больше ничего не хотите мне сказать?

Макнейл широко раскрыл глаза, изображая невинность.

— Что же еще?

— Я вам не доверяю, — заявил Крэддок.

— Но вы, похоже, убедились, что отравление — не моих рук дело. Понимаю, обидно. Вы, наверное, ждали, вдруг я окажусь ее первым мужем? Ведь никто даже не знает, кто он, даже имени никто не помнит, такой он был мелкотравчатый.

Дермот ухмыльнулся.

— Вы на ней женились сразу после детского

садика? — спросил он. — Или непосредственно в ползунках? Ладно, я спешу. Надо успеть на поезд.

3

На столе Крэддока в Нью-Скотленд-Ярде лежала аккуратная стопка бумаг. Быстро проглядев их, он бросил через плечо:

— Где остановилась Лола Брюстер?

— В «Савое», сэр. Номер тысяча восемьсот. Она вас ждет.

— А где Ардуик Фенн?

— В «Дорчестере». Первый этаж, номер сто девяносто.

— Прекрасно.

Он взял со стола несколько телеграмм, еще раз пробежал их глазами и запихнул в карман. Читая последнюю, он не сдержал довольную улыбку.

— И не говорите, тетушка Джейн, что я плохо делаю свое дело, — пробурчал он себе под нос.

Выйдя на улицу, Дермот Крэддок направился к «Савою».

Лола Брюстер приняла его в номере, всем своим поведением давая понять, что безумно ему рада. Крэддок внимательно разглядывал ее, сопоставляя увиденное со строчками недавно

прочитанного отчета. Еще вполне красивая и даже роскошная женщина, может быть, слегка пышновата, но такие вполне пользуются успехом. С Мариной Грегг, разумеется, ничего общего, совершенно другой тип. Когда обмен любезностями был закончен, Лола отбросила со лба волосы — прическа жительницы острова Фиджи, — игриво надула щедро напомаженные губки, над карими глазами порхнули голубые веки.

— Вы пришли, чтобы опять задавать мне эти кошмарные вопросы? Как местный инспектор?

— Надеюсь, мисс Брюстер, они не будут уж очень кошмарными.

— Будут, как же не будут, и вообще вся эта история — жуткая ошибка.

— Вы действительно так считаете?

— Да. Такая нелепость. Неужели вы всерьез считаете, что кто-то пытался отравить Марину? Да кому такое придет в голову? Это же милейшая женщина. Все ее обожают.

— Включая вас?

— Я всегда относилась к Марине с нежностью.

— Мисс Брюстер, а разве одиннадцать или двенадцать лет назад между вами не возник некий конфликт?

— Ах это! — Лола махнула рукой — мол, какие

пустяки. — Я тогда была в растрепанных чувствах, сильно нервничала, мы с Робом жутко цеплялись друг к другу. И он, и я были на себя не похожи. Марина страстно влюбилась в него и смела этого беднягу вихрем своей страсти.

— Вы ведь были сильно против?

— Тогда мне казалось, что да, инспектор. Но сейчас могу сказать: какое счастье, что мы разошлись! Если что меня и беспокоило, так это дети. Что рушится наш дом. Боюсь, к тому времени я уже поняла — у нас с Робом несовместимость. Вы, наверное, знаете, что, едва мы развелись, я вышла за Эдди Гроувза. В общем, я любила его давно, но не хотела разводиться из-за детей. Важно, чтобы у детей был дом, правда же?

— Но от людей мне известно, что вы были очень расстроены.

— Ну, люди вам расскажут, — туманно заметила Лола.

— Вы ведь тогда наговорили много, да, мисс Брюстер? Даже, я слышал, угрожали застрелить Марину Грегг.

— Ну и что, мало ли кто чего говорит. От меня ведь ждали чего-нибудь подобного. Ни в кого я стрелять не собиралась, это же ясно.

— А кто пальнул в Эдди Гроувза несколько лет

спустя?

— Да, было дело, мы здорово поссорились, — признала Лола. — Я тогда вышла из себя.

— У меня есть достоверные сведения, мисс Брюстер, что вы произнесли буквально следующее. — Он раскрыл записную книжку и стал читать: — «Пусть эта сука не думает, что это сойдет ей с рук. Если не застрелю ее сейчас, рано или поздно все равно до нее доберусь. Не знаю, сколько придется ждать, пусть даже годы, но в конце концов я все равно с ней поквитаюсь».

— О-о, я уверена, что в жизни ничего подобного не говорила. — Лола засмеялась.

— А я уверен, мисс Брюстер, что говорили.

— Люди так любят преувеличивать! — На лице ее возникла очаровательная улыбка. — В ту минуту я просто взбеленилась, вот и все, — доверительно проворковала она. — А в таком состоянии чего только не скажешь. Неужели вы думаете, что я ждала четырнадцать лет, чтобы из-за океана приехать в Англию, отыскать Марину и через три минуты после встречи подсыпать ей в коктейль яд?

Дермот Крэддок так не думал. Ну правда, мыслимо ли такое? Он сказал:

— Я лишь напоминаю вам, мисс Брюстер, что

в прошлом имели место угрозы и что, увидев кого-то в тот день на лестнице, Марина Грегг, безусловно, вздрогнула и испугалась. Логично предположить, что этим кем-то были вы.

— Но милейшая Марина была счастлива меня видеть! Она поцеловала меня и воскликнула, как прекрасно, что я приехала! Нет, правда, инспектор, думать так — ужасная глупость с вашей стороны.

— В общем, воссоединилось счастливое семейство, да?

— Ну, это больше похоже на правду, чем все, что вы тут навыдумывали.

— И вы ничем нам не можете помочь? Не представляете, кто хотел бы ее убить?

— Говорю вам, убивать Марину не хотел никто. Вообще она очень глупая женщина. Все время поднимает волну из-за своего здоровья, то ей нужно одно, то другое, а стоит получить вожделенное, оно тут же ее не устраивает! Понятия не имею, почему люди ею так восхищаются. Джейсон всегда был от нее совершенно без ума. Чего только он из-за нее не натерпелся! И вот поди ж ты. Марину терпят все, все готовы ради нее наизнанку вывернуться. После этого она одаривает их грустной, нежной улыбкой и говорит спасибо!

Видимо, этого им вполне достаточно, их труды вознаграждены! Не знаю, как ей это удается. Так что выкиньте из головы мысль о том, что кто-то хотел ее убить.

— Я бы рад, — сказал Дермот Крэддок. — Но не могу, ибо это произошло.

— Что произошло? Марину ведь никто не убил?

— Нет. Но покушение на ее жизнь было.

— Не верю я в это! Уж не знаю, кто убийца, но убить он хотел другую — ту, которую и убил. Может быть, с ее смертью кто-то здорово разбогатеет?

— Никаких денег у нее не было, мисс Брюстер.

— Значит, другая причина. В общем, на вашем месте я насчет Марины не беспокоилась бы. У Марины всегда все в порядке!

— Вы считаете? А мне она не показалась очень счастливой женщиной.

— Да потому что она все превращает в трагедию. То у нее неудачный роман. То она не может иметь детей.

— Кстати, нескольких детей она усыновила? — спросил Дермот, живо припомнив настойчивые просьбы мисс Марпл.

— Да, было такое. Правда, ничего путного из

этого не вышло. Взбредет ей что-то в голову, она и сделает, а потом жалеет.

— И что случилось с этими детьми?

— Понятия не имею. Взяли и исчезли. По-моему, она просто от них устала, как устает от всего на свете.

— Ясно.

4

Следующий визит — гостиница «Дорчестер». Номер 190.

— Итак, главный инспектор… — Ардуик Фенн взглянул на карточку, которую ему передал Дермот.

— Крэддок.

— Чем могу быть полезен?

— Хочу задать вам несколько вопросов, если не возражаете.

— Ради бога. Вы насчет этой истории в Мач-Бенэме? Вернее, как называется это место… Сент-Мэри-Мид?

— Да. Именно так. Госсингтон-Холл.

— Не представляю, зачем Джейсону понадобилось покупать такой дом. В Англии полно прекрасных усадеб георгианской эпохи… да-

же эпохи королевы Анны. А Госсингтон-Холл — чисто викторианская обитель. Что его здесь привлекло?

— Кое-кого привлекает викторианская незыблемость.

— Незыблемость? Что ж, может, вы и правы. Наверное, Марина жаждет как раз незыблемости. У нее, бедняжки, этой незыблемости никогда не было, вот она к ней и стремилась. Может быть, какое-то время этим Госсингтон-Холлом она будет довольна.

— Вы хорошо ее знаете, мистер Фенн?

Ардуик Фенн пожал плечами:

— Хорошо? Не сказал бы. Мы знакомы много лет. Время от времени встречаемся.

Крэддок оценивающе взглянул на него. Темноволосый крепкий мужчина, за толстыми линзами очков проницательные глаза, тяжелый подбородок. Ардуик Фенн продолжал:

— Насколько я понял из газет, эту миссис, не помню фамилии, отравили по ошибке. Смертельная доза предназначалась для Марины. Правильно?

— Да. Именно так. Яд подсыпали в коктейль Марине Грегг. Миссис Бэдкок свой коктейль расплескала, и Марина дала ей свой бокал.

— Что ж, звучит убедительно. Хотя не могу себе представить, что кому-то понадобилось убивать Марину. Тем более что Линетт Браун поблизости не было.

— Линетт Браун? — с легким недоумением переспросил Крэддок.

Ардуик Фенн улыбнулся:

— Если Марина разорвет контракт и откажется сниматься… ее роль получит Линетт, и для Линетт это будет большая удача. Но все равно не представляю, чтобы она подослала кого-то с предписанием отравить Марину. Это уже какая-то мелодрама.

— Да, слегка притянуто за уши, — сухо подтвердил Дермот.

— Хотя женщины из честолюбия способны на такое! Кстати, возможно, намерения убивать и не было. Скажем, ее хотели припугнуть — выбить из колеи, но не травить насмерть.

Крэддок покачал головой.

— Доза явно была чрезмерной, — сказал он.

— Дозы часто путают, и довольно сильно.

— Вы и вправду считаете, что кто-то перепутал дозу?

— Нет-нет. Это так, предположение. Я ничего не считаю. Я случайно оказался рядом, вот и все.

— Ваше появление Марину Грегг удивило?

— Да, для нее это был полный сюрприз. — Он довольно рассмеялся. — Она просто глазам не поверила, когда увидела меня на лестнице. И очень тепло меня приняла, честно скажу.

— Вы давно не виделись?

— Четыре-пять лет.

— А когда-то в прошлом вы были близкими друзьями?

— Вы на что-то намекаете, инспектор?

Голос его почти не изменился, но какая-то новая нотка в нем появилась. Стальная, угрожающая. Дермот вдруг почувствовал, что этот человек может быть очень безжалостным противником.

— Лучше выкладывайте прямо, — добавил Ардуик Фенн, — что у вас на уме.

— Пожалуйста, мистер Фенн. Мне надо выяснить, какие у Марины Грегг были отношения с людьми, собравшимися в доме. Отношения в прошлом. Как я узнал из самых разных источников, вы были безумно влюблены в Марину Грегг.

Ардуик Фенн пожал плечами:

— Бывает, инспектор, накатывает страсть. К счастью, это быстро проходит.

— Говорят, что вашу страсть она поощряла, а потом перестала, и вам это очень не понравилось.

— Говорят, говорят! Вы, наверное, вычитали это в «Между нами»?

— Мне об этом рассказали хорошо осведомленные и вполне здравомыслящие люди.

Ардуик Фенн откинул назад голову, открыв контуры своей бычьей шеи.

— Да, когда-то я был от нее без ума, — признал он. — Она была красивой и привлекательной женщиной, была и есть. Но говорить, что я ей угрожал, — это несколько чересчур. Я не люблю, когда кто-то встает у меня на пути, главный инспектор, и такие люди потом обычно жалеют, что связались со мной. Но этот принцип распространяется только на мои деловые контакты.

— Насколько я знаю, вы своей властью сняли ее с картины в разгар работы?

Фенн снова пожал плечами:

— Она не годилась на эту роль. Не могла найти общий язык с режиссером. Я вложил в эту картину деньги и не имел ни малейшего намерения ими рисковать. Уверяю вас, это был шаг, продиктованный исключительно соображениями дела.

— Но, может быть, Марина Грегг посчитала иначе?

— Естественно. Она из тех, кто все сводит к личным отношениям.

— И кое-кому из друзей даже сказала, что боится вас?

— Правда? Ну, это уже ребячество. Наверное, это ощущение щекотало ей нервы.

— Вы считаете, ей нечего было вас бояться?

— Разумеется, нечего. Как бы я ни был разочарован на личном фронте, я вскоре об этом забыл. С женщинами я всегда придерживался одного принципа: ни на одной из них свет клином не сошелся.

— Что ж, с таким принципом можно спокойно шагать по жизни, мистер Фенн.

— Я тоже так считаю.

— Мир кино вам хорошо известен?

— Я вкладываю в него деньги.

— Поэтому вы должны неплохо его знать.

— Возможно.

— Вы из тех, к чьему мнению стоит прислушаться. Можете ли вы назвать хоть одного человека, которому Марина Грегг так насолила, что он решил с ней разделаться?

— Я назову вам таких с десяток, — сказал Ардуик Фенн. — Только если им не придется заниматься этим лично. Другими словами, если бы для этого пришлось, скажем, нажать кнопку в стене, и все, пальцев нашлось бы предостаточно.

— Вы были там в тот день. Видели Марину Грегг и разговаривали с ней. Как вы считаете, был ли среди окружавших вас людей в те недолгие минуты — со времени вашего прибытия и до смерти Хитер Бэдкок, — был ли среди них кто-то, способный, по вашему мнению — я сейчас говорю лишь о догадке, — способный отравить Марину Грегг?

— Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос, — произнес Ардуик Фенн.

— Это значит, что какие-то мысли на этот счет у вас есть?

— Это значит, что мне нечего об этом сказать. И что наш с вами разговор, главный инспектор, закончен.

Глава 15

Дермот Крэддок взглянул на последнюю фамилию и адрес, записанные в его книжке. По его просьбе туда звонили уже дважды, но никто не брал трубку. Он набрал номер еще раз. Безрезультатно. Пожав плечами, он поднялся — придется идти и выяснять самому.

Студия Марго Бенс находилась в тупичке, в стороне от Тоттенхэм-Корт-роуд. На двери висела только табличка с фамилией, больше ничего приметного, тем более никакой рекламы. В полутьме Крэддок на ощупь поднялся на второй этаж. По белой панели шла броская черная надпись: «Марго Бенс, художественная фотография. Пожалуйста, входите».

Крэддок вошел. В маленькой комнате ожидания никого не оказалось. Он постоял в нерешительности, потом громко, на театральный манер, откашлялся. Ответом ему была тишина, и он громко спросил:

— Кто-нибудь есть?

Из-за бархатной занавески послышался перестук шлепанцев, чья-то рука отдернула занавеску, и наружу высунулся молодой человек с буйной

шевелюрой и бледно-розовым лицом.

— Извините, ради бога, дружище, — сказал он. — Совершенно вас не слышал. Мне пришла в голову шикарная идея, и я как раз пытался ее развить.

Он оттолкнул бархатный занавес в сторону, и Крэддок прошел за ним во внутреннее помещение. Оно оказалось неожиданно большим. Это, конечно, была студия. Тут стояли фотокамеры, прожектора, лампы дугового света, шторки, ширмы на колесах.

— Извините за беспорядок, — сказал молодой человек, почти такой же худощавый, как Хейли Престон. — Но, по-моему, без такого беспорядка трудно работать. Так о чем вы хотели с нами поговорить?

— Я хотел видеть мисс Марго Бенс.

— А-а, Марго. Обидно. Еще полчаса назад она была здесь. Пошла снимать фотомодели для журнала «Вожделенная мечта». Надо было позвонить заранее, договориться. У Марго сейчас все дни расписаны.

— Я звонил. Никто не брал трубку.

— И правда, — согласился молодой человек. — Трубка-то у нас снята. Вспомнил. Звонки нам мешают. — Он разгладил свой фиолетовый ха-

лат. — А я не могу быть вам полезен? Вы хотите сделать заказ? Я для Марго часто заказы принимаю. Нужно что-то где-то поснимать? Что-то светское или, наоборот, деловое?

— Ни то ни другое, — сказал Дермот Крэддок. И протянул молодому человеку свою карточку.

— Потрясающе! — вскричал тот. — Департамент уголовного розыска! Знаете, я, кажется, видел вас на фотографиях. Вы один из Большой четверки… или Большой пятерки? А может, теперь она уже называется Большой шестеркой? Сейчас такой разгул преступности, приходится увеличивать численность, да? Ой, я совсем не хотел вас обидеть. Обидел, да? Честное слово, совсем не хотел. Так зачем же вам нужна Марго — надеюсь, не для того, чтобы арестовать?

— Я хотел задать ей несколько вопросов.

— Никаких неприличных снимков или чего-то такого она не делает, — взволнованно заверил Дермота молодой человек. — Надеюсь, никто вам такого про нее не рассказывал, потому что это вранье. Марго — настоящая художница. Она много работает для сцены, много снимает в студии. Но все ее эксперименты исключительно благонравные… я бы даже сказал, пуританские.

— Скажу прямо, что меня привело к мисс Бенс.

Недавно она стала свидетельницей преступления, происшедшего около Мач-Бенэма, в деревне Сент-Мэри-Мид.

— А-а, ну конечно! Про это я знаю. Марго вернулась и все мне рассказала. Какой-то яд подсыпали в коктейль, да? Что-то такое. Тоска, да и только. Хотя, если учесть, что дело было на приеме в честь «Службы скорой помощи Святого Иоанна», картина несколько меняется, верно? Но вы уже спрашивали Марго об этом… или не вы, а кто-то другой?

— По мере расследования часто возникают новые вопросы, — уклонился от прямого ответа Дермот.

— Ну да, проявляется что-то новое. Понимаю. Как фотография. Проявляются контуры убийства.

— Действительно, как фотография, — согласился Дермот. — Очень тонко подмечено.

— Спасибо, приятно слышать. Так, насчет Марго. Хотите заполучить ее прямо сейчас?

— Был бы вам очень признателен.

— Так, в данную минуту, — пробормотал молодой человек, взглянув на часы, — она должна быть у дома Китса в Хэмпстед-Хите. Моя машина на улице. Могу подбросить, если хотите.

— Вы очень любезны, мистер…

— Джетроу, — представился молодой человек. — Джонни Джетроу.

Спускаясь по лестнице, Дермот спросил:

— Чем она занимается у дома Китса?

— Понимаете, художественные фотоснимки мы в студии больше не делаем. Предпочитаем естественное окружение, чтобы чувствовалось дуновение ветра. Ну и по возможности какой-нибудь неординарный фон. Например, строгое платье на фоне тюрьмы Уондсуорт или легкомысленный костюмчик возле дома известного поэта.

Мистер Джетроу быстро, но искусно провел машину по Тоттенхэм-Корт-роуд, вырулил на Кэмден-Таун и наконец оказался в районе Хэмпстед-Хит. На тротуаре возле дома Китса разыгрывалась сценка. Стройная девушка в прозрачном органди стояла, вцепившись в огромную черную шляпу. Чуть позади другая девушка оттягивала юбку первой, как бы прикрывала материей свои колени, а юбка плотно обхватывала бедра и колени девушки в органди. Тут же была и фотохудожница — низким и глухим голосом она руководила съемкой:

— Господи, Джейн, задницу чуть опусти. А то она торчит прямо у нее над правым коленом. Чуть присядь. Вот, другое дело. Нет, чуть левее.

Теперь то, что нужно. И куст хорошо оттеняет. Отлично. Снимаем! И еще раз. Сейчас вцепись в шляпу обеими руками. Голову выше. Блеск! Теперь ты повернись, Элси. Наклонись. Еще. Наклонись как следует! Ты поднимаешь с земли портсигар. Вот так. Шикарно! Есть! Теперь встань чуть левее. Позу не меняй, только голову чуть разверни к плечу. Точно.

— Не понимаю, зачем надо снимать мою задницу, — недовольно проворчала Элси.

— У тебя же не задница, а конфетка, дорогая. Просто глаз не оторвать, — растолковала ей фотограф. — А когда ты поворачиваешь голову, подбородок поднимается, будто луна восходит над горой. Не переживай, все как надо.

— Привет, Марго, — окликнул ее мистер Джетроу.

Она обернулась:

— А-а, это ты. Откуда ты взялся?

— Тут кое-кто хочет с тобой пообщаться. Главный детектив-инспектор Крэддок, департамент уголовного розыска.

Девушка метнула на Крэддока быстрый взгляд. Взгляд подозрительный, изучающий, но, в конце концов, вполне обычный. На появление детектива-инспектора так реагируют почти все. Девушка

была худощавая, сплошь локти и острые углы, но в целом фигура выглядела привлекательной. Тяжелые занавеси темных волос ниспадали на щеки, цвет лица болезненно-желтоватый. Была в ее облике какая-то неопрятность. «В общем, — решил Крэддок, — не в моем вкусе». Зато в ней чувствовалась воля. Чуть приподняв брови, уже и так поднятые художественными средствами, она спросила:

— Чем могу быть полезна, детектив-инспектор Крэддок?

— Здравствуйте, мисс Бенс. Если не возражаете, ответьте мне на несколько вопросов о печальной истории, случившейся в Госсингтон-Холле, около Мач-Бенэма. Вы, если не ошибаюсь, были там по работе.

Девушка кивнула:

— Была. И все хорошо помню. — Она снова стрельнула в него глазами. — Но вас там не было. Был кто-то другой. Инспектор… инспектор…

— Инспектор Корниш? — подсказал Дермот.

— Точно.

— Нам позвонили чуть позже.

— Вы из Скотленд-Ярда?

— Да.

— То есть вы встряли и выхватили это дело у

местной полиции. Так?

— Не совсем, никто ничего не выхватывал. Кому вести дело, решает начальник полиции графства.

— На основании чего?

— Если преступление чисто местное — одно дело, а если оно выходит за пределы деревни — другое. Случаются преступления международного масштаба.

— И что же, начальник полиции решил, что это преступление как раз международного масштаба?

— Лучше сказать, охватывающее два континента.

— Да, в газетах на это намекали. Что, мол, убийца хотел укокошить Марину Грегг, а по ошибке приговорил несчастную местную бабенку. Это правда или тут больше рекламы для их будущего фильма?

— Боюсь, мисс Бенс, что это правда, и правда несомненная.

— И что вы хотите от меня? Мне придется ехать в Скотленд-Ярд?

Он покачал головой:

— Если только вы сами этого пожелаете. А вообще меня вполне устроит разговор в вашей

студии.

— Хорошо. Моя машина за углом.

И она быстро зашагала по дорожке. Дермот последовал за ней.

— Пока, дорогая, — крикнул им вслед Джетроу, — давайте без меня. Знаю, вы с инспектором будете обсуждать великие тайны.

Он подошел к девушкам на тротуаре и принялся оживленно с ними болтать.

Марго села в машину, открыла другую дверцу и впустила Дермота Крэддока. За всю дорогу до Тоттенхэм-Корт-роуд она не произнесла ни слова. Машина свернула в тупик и в самом конце его заехала в открытые ворота.

— Тут у меня стоянка, — объяснила она. — Вообще-то здесь мебельный склад, но они сдали мне кусочек своей площади. Сами знаете, что значит запарковать машину в Лондоне. Или проблемы дорожного движения вас не сильно волнуют?

— Да, у меня другие проблемы.

— Надо думать, убийство вам больше по вкусу, — поддела его Марго Бенс.

Она провела его в студию, указала на кресло, предложила закурить и опустилась на просторную тахту напротив. Сквозь занавесь темных волос окинула его вопросительно-хмурым взгля-

дом.

— Что ж, валяйте, — разрешила она.

— Насколько я знаю, вы фотографировали в день, когда умерла эта женщина? — спросил он.

— Да.

— К вам обратились как к профессионалу?

— Да. Им требовались специальные снимки. А я на этом деле собаку съела. Я частенько работаю для киностудий, а тут просто фотографировала прием, сделала несколько снимков, когда Марина Грегг и Джейсон Радд встречали именитых гостей. Местную знать и прочих важных птиц. В таком духе.

— Понимаю. Вы расположились с вашей камерой на лестнице?

— На некоторое время да. Уж больно хорошая была точка съемки. Люди проходят мимо тебя по ступеням, а потом ты разворачиваешься и видишь, как Марина с ними здоровается. Стоя на месте, можно сделать массу снимков под разными углами зрения.

— Я знаю, вас уже спрашивали, не показалось ли вам что-то необычным, может быть, важным. Спрашивали вообще.

— Вы хотите спросить конкретно?

— Я бы сказал, чуть более конкретно. С того

места, где вы стояли, вы хорошо видели Марину Грегг?

Она кивнула:

— Прекрасно видела.

— А Джейсона Радда?

— Иногда. Он больше двигался. Приносил выпить, представлял гостей друг другу. Знакомил местную знать со знаменитостями. В таком духе. Я не видела, как эта миссис Бэддли…

— Бэдкок.

— Да, извините, Бэдкок. Я не видела, как она сделала роковой глоток. Я ее вообще в этой толпе не видела.

— А вы помните, когда появился мэр?

— Да. Мэра я запомнила. Он был одет официально: цепь, мантия. Я сняла его крупным планом сверху вниз, суровый вышел снимок, а потом щелкнула его, когда он здоровался с Мариной.

— Попробуйте восстановить в памяти ход событий. Дело в том, что миссис Бэдкок с мужем поднимались по лестнице непосредственно перед мэром.

Она покачала головой:

— Но я все равно ее не помню.

— Это не так важно. Важно другое: Марину Грегг вы все время видели хорошо, часто направляли

на нее свою камеру, верно?

— Да. Почти все время. Ждала, когда можно будет щелкнуть.

— Вы знаете в лицо Ардуика Фенна?

— Да, конечно. Сколько раз видела по телевизору… и в кино.

— Вы его сфотографировали?

— Да, он поднимался с Лолой Брюстер.

— Сразу после мэра?

Секунду подумав, она согласно кивнула:

— Да, кажется.

— А вы не заметили, что примерно в это время Марине Грегг вдруг стало нехорошо? Не заметили какое-то необычное выражение на ее лице?

Марго Бенс наклонилась вперед, открыла портсигар и извлекла из него сигарету. Закурила. Она не ответила, но Дермот не стал ее подгонять. Он ждал, пытаясь догадаться, что именно она сейчас прокручивает в мозгу. Внезапно она бросила:

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Потому что очень хочу услышать ответ — надежный ответ.

— Вы считаете, что мой ответ будет надежным?

— Да, именно так. Вы ведь привыкли всматриваться в лица людей, подлавливать какие-то

благоприятные моменты, ждать, когда появится нужное выражение лица.

Она кивнула.

— Так вы заметили что-то необычное?

— Не я одна, да?

— Да. Несколько человек, и все говорят разное.

— Что именно?

— Кто-то сказал, что она была на грани обморока.

Марго Бенс медленно покачала головой.

— Другой свидетель утверждает, что она словно чего-то испугалась. — Он выждал паузу, потом продолжил: — А третьему показалось, что у нее был застывший взгляд.

— Застывший… — задумчиво повторила Марго.

— Вы согласны с последним наблюдением?

— Не знаю. Может быть.

— Мне это преподнесли в более изысканной форме, — продолжал Дермот. — Словами давно почившего поэта, Теннисона: «…И в трещинах зеркальный круг. Вскричав: «Злой рок!» — застыла вдруг Леди из Шалотта».

— Никакого зеркала там не было, — возразила Марго Бенс. — Но, будь оно там, оно вполне могло бы дать трещины. — Она резко поднялась. —

Минутку. Я вам предложу нечто поинтереснее описания. Поглядите своими глазами.

Она оттолкнула занавеску в дальнем конце комнаты и ненадолго исчезла. Он слышал, как она ворчит за занавеской.

— Черт подери, — выругалась она, появившись снова. — Никогда сразу не найдешь то, что нужно. Вот.

Подойдя ближе, она протянула ему глянцевую фотографию. Дермот взглянул на нее. Перед ним был очень хороший фотоснимок Марины Грегг. Она сжимала руку женщины, стоявшей перед ней и потому обращенной спиной к фотоаппарату. Но Марина Грегг не смотрела на собеседницу. Она уставилась… в камеру, но чуть левее и по диагонали. Любопытно, отметил про себя Крэддок, на лице никаких чувств. Ни страха, ни боли. Женщина на что-то смотрела, она что-то увидела, и охватившие ее чувства оказались столь сильны, что она была физически не в состоянии выразить их на лице. Однажды Дермот Крэддок видел такое лицо — лицо мужчины, который через секунду был застрелен, убит наповал…

— Удовлетворены? — спросила Марго Бенс.

Крэддок глубоко вздохнул:

— Да, спасибо. Знаете, иногда очень трудно

определить, преувеличивают свидетели или нет, домысливают что-то или нет. Но тут, как выясняется, ничего подобного не было. Она действительно что-то увидела. Могу я попросить у вас фотографию?

— Пожалуйста. У меня есть негатив.

— В газеты вы ее не посылали?

Марго Бенс покачала головой.

— А почему? Ведь снимок, вообще-то говоря, довольно драматичный. Наверняка нашлась бы газета, заплатившая за него хорошие деньги.

— Нельзя же все мерить на деньги, — сказала Марго Бенс. — Если ты заглянул в чью-то душу по чистой случайности, наживаться на этом как-то неловко.

— Вы Марину Грегг раньше знали?

— Нет.

— Вы приехали сюда из Штатов?

— Родилась я в Англии. А учиться уехала в Америку. Года три назад приехала сюда.

Дермот Крэддок кивнул. Он заранее знал ответы на эти вопросы. Они лежали в его кабинете на столе, вместе с другой информацией. Похоже, девушка не собиралась ничего скрывать. Он спросил:

— Где вы учились?

— В студии Райнгардена. Какое-то время — у Эндрю Куилпа. Он многому меня научил.

Студия Райнгардена и Эндрю Куилп… Внезапно Дермот Крэддок насторожился. Где-то он эти фамилии уже слышал.

— Вы жили в Севен-Спрингс?

Она заметно удивилась:

— Вам, я вижу, обо мне многое известно. Наводили справки?

— Вы, мисс Бенс — известный фотограф. О вас можно прочитать в газетах. Почему вы приехали в Англию?

Она пожала плечами:

— Не люблю сидеть на месте. К тому же в Англии я родилась, хотя и переехала ребенком в Штаты.

— В раннем детстве?

— Вас интересуют такие подробности? Мне было пять лет.

— Интересуют. Мне кажется, мисс Бенс, вы рассказали далеко не все.

Лицо ее напряглось. Она пристально посмотрела на него:

— Как вас понимать?

Дермот Крэддок взглянул на нее и решил рискнуть. Собственно, почти никаких улик у него нет.

Студия Райнгардена, Эндрю Куилп и название города. Но, казалось, старая мисс Марпл сидит рядом и толкает его в бок.

— По-моему, вы знаете Марину Грегг гораздо лучше.

Она засмеялась:

— Докажите. У вас просто разгулялась фантазия.

— В самом деле? Сомневаюсь. А доказать можно, надо только постараться. Может быть, мисс Бенс, лучше самой сказать правду? Признаться, что Марина Грегг удочерила вас и вы жили в ее доме четыре года?

С резким шипением она втянула в себя воздух.

— Пронюхали, черт вас дери! — воскликнула она.

Он даже чуть вздрогнул, настолько это не вязалось с ее прежней манерой. Она поднялась, тряхнула копной черных волос.

— Да, да, это правда! Правда. Марина Грегг забрала меня с собой в Америку. У моей матери было восемь детей. Мы жили в каких-то трущобах. Сотни таких, как она, писали кинозвездам, о которых узнавали совершенно случайно, рассказывали им горькую историю своей жизни и умоляли взять ребенка, потому что сами ниче-

го не могли ему дать. Об этом и вспоминать-то противно.

— Вас было трое, — сказал Дермот. — В разное время Марина Грегг взяла троих детей из разных мест.

— Верно. Меня, Рода и Энгуса. Энгус был постарше, Род совсем крошкой. Жизнь у нас была — лучше не придумать. Ах, какая жизнь! Все, что твоей душе угодно! — Она заговорила громче, слегка кривляясь: — Тряпки, машины, шикарный дом, гувернантки, хорошее образование, еда, что пальчики оближешь! Все одно к одному! И она — наша мамочка! «Мамочка» в кавычках! О-о, она честно играла свою роль, сюсюкала с нами, фотографировалась с нами. От умиления прямо плакать хочется.

— Но ей действительно хотелось иметь детей, — заметил Дермот Крэддок. — Тут никакой игры не было. Она взяла вас отнюдь не ради рекламы.

— Может быть. Пожалуй, вы правы. Ей хотелось иметь детей. Но ей не были нужны мы! По-настоящему — нет! Игра, представление, показуха: «Моя семья», «Так прекрасно, когда у тебя есть семья». И все это — при попустительстве Иззи. Уж он-то должен был понимать.

— Вы имеете в виду Изидора Райта?

— Да, это ее третий муж, если не четвертый, точно не помню. Кстати, замечательный человек. По-моему, он ее понимал и иногда беспокоился о том, что будет с нами. К нам он был очень добр, но отцом не прикидывался. Да и не чувствовал себя таковым. По-настоящему его волновало только его писательство. Я потом кое-какие его книги прочитала. Все больше мрачное и жестокое, но написано сильно. Наверное, когда-нибудь его причислят к великим писателям.

— И долго это продолжалось?

Марго Бенс криво улыбнулась:

— Пока эта игра ей не надоела. Нет, не совсем так… Оказалось, что она ждет ребенка.

— И что?

Она засмеялась с неожиданной горечью:

— Тут нашему счастью и пришел конец! Мы ей стали не нужны. Как заменители мы ее устраивали, но на самом деле ей было на нас наплевать, совершенно. О-о, она дала отставку на вполне приличных условиях. Дом, приемная мать, деньги на учебу и кругленькая сумма, чтобы запустить нас на орбиту, — все это мы получили. Никто не отрицает, она соблюла все приличия, была достаточно щедра. Но мы никогда не были ей нужны

— ей был нужен ее собственный ребенок.

— Едва ли ее следует за это винить, — мягко заметил Дермот.

— Я не виню ее в том, что ей хотелось иметь своего ребенка, вовсе нет! Но как же мы? Она оторвала нас от наших родителей, от родных мест. Моя мать, можно сказать, продала меня за тарелку похлебки, но о своей выгоде она при этом не думала. Она продала меня, потому что была дурой и искренне считала, что я получу какие-то выгоды, образование и вообще буду жить как у Христа за пазухой. Она считала, что делает это для моего же блага. Знала бы она, какое это благо!

— Я вижу, рана саднит до сих пор.

— Нет, не саднит. Я это пережила и успокоилась. А горечь от того, что вспомнилось прошлое. Нам всем тогда было горько.

— Всем?

— Разве что кроме Рода. Род вообще никогда не переживал. К тому же он был совсем малыш. А мы с Энгусом страдали, только он, пожалуй, жаждал мести куда больше, чем я. Он сказал: «Когда вырасту, убью этого ребенка, который у нее родится».

— А про ребенка вы знали?

— Конечно. И о том, что случилось дальше,

известно всем. Она с ума сходила от радости, что у нее наконец-то будет свой ребенок, а он родился идиотом! Так ей и надо. Как бы то ни было, забрать назад нас она не захотела.

— Вы ее ненавидите?

— А вас это удивляет? За всю жизнь никто не причинял мне такой боли. Думаешь, что ты любима и желанна, а потом оказывается, что тебя просто надули!

— А что случилось с вашими… Удобства ради назовем их братьями?

— Потом нас всех развело в разные стороны. У Рода ферма где-то на Среднем Западе. Он из тех, у кого всегда легко на душе. Про Энгуса ничего не знаю. Начисто потеряла его из виду.

— А жажда отмщения у него осталась?

— Не думаю, — сказала Марго. — Обычно такое со временем улетучивается. Когда мы виделись в последний раз, он сказал, что собирается стать актером. Стал или нет — не знаю.

— Во всяком случае, этот разговор вам запомнился, — сказал Дермот.

— Да, запомнился.

— А Марина Грегг удивилась, когда увидела вас в тот день, или вас пригласили по ее просьбе — ей хотелось сделать вам приятное?

— По ее просьбе? — Девушка презрительно усмехнулась. — Да она и понятия не имела, что я здесь. Мне было любопытно ее увидеть, вот я и подсуетилась, чтобы получить эту работу. У меня в мире фото и кино свои связи. Хотелось посмотреть, как она нынче выглядит. — Марго провела рукой по крышке стола. — Она меня даже не узнала. Как вам это нравится? Я жила у нее четыре года. С пяти лет до девяти, а она меня даже не узнала.

— Дети меняются, — заметил Дермот Крэддок. — И очень часто до неузнаваемости. Я на днях встретил на улице племянницу, и, не останови она меня, клянусь вам, я бы прошел мимо.

— Это вы чтобы я так сильно не расстраивалась? Да мне вообще-то все равно. Впрочем, какого черта? Если честно, мне совсем не все равно. И никогда не было все равно. Есть у нее какие-то чары. Марина! Чары, перед которыми невозможно устоять и которые тебя губят. Можно человека ненавидеть и при этом по-своему его любить.

— И вы не сказали ей, кто вы?

Она покачала головой:

— Нет. Не сказала. И ни за что не скажу.

— А вы не пытались отравить ее, мисс Бенс?

Ее настроение изменилось. Она поднялась и

засмеялась.

— Ну и вопросики вы задаете! Впрочем, куда вам деваться? Такая работа. Нет, могу вас заверить, я ее не убивала.

— Я вас спросил не об этом, мисс Бенс.

Она взглянула на него и озадаченно нахмурилась.

— Марина Грегг, — пояснил он, — пока еще жива.

— Надолго ли?

— Как вас понимать?

— Разве вам не кажется, инспектор, что кто-то попробует повторить попытку, и на сей раз, скорее всего, добьется успеха?

— Приняты меры предосторожности.

— Разумеется. Обожающий муж бдительно несет вахту и следит за тем, чтобы с женой ничего не случилось? — В голосе ее явно слышалась издевка. — Значит, вы спрашивали меня не об этом, — сказала она, видимо все еще озадаченная. — О чем же?

— О том, пытались ли вы убить ее. Вы ответили, что вы ее не убивали. Это правда, но другой-то человек умер, другого человека убили.

— Вы намекаете на то, что я пыталась убить Марину и по ошибке убила миссис… не помню,

как ее звали. Если вам требуется полная ясность, могу сказать: я не пыталась отравить Марину и не отравила миссис Бэдкок.

— Может быть, вы знаете, кто это сделал?

— Уверяю вас, инспектор, не знаю абсолютно ничего.

— И даже никого не подозреваете?

— Ну, подозревать и строить догадки может любой, — она улыбнулась ему, опять-таки насмешливо. — В числе прочих убийцей может быть — вы со мной согласитесь? — черноволосая робот-секретарша, элегантный Хейли Престон, слуги, горничные, массажистка, парикмахерша, кто-то с киностудии, и, вполне возможно, этот человек совсем не тот, за кого себя выдает?

Неосознанно он сделал шаг в ее сторону, но она яростно замотала головой.

— Успокойтесь, инспектор, — сказала она. — Я просто вас поддразниваю. Кто-то жаждет Марининой крови, но кто — понятия не имею. Честное слово. Не имею понятия.

Глава 16
1

В доме номер 16 по Обри-клоуз миссис Бейкер разговаривала с мужем. Джим Бейкер, видный здоровяк блондин, в эту минуту собирал макет стратостата и был полностью поглощен этим занятием.

— Соседи! — воскликнула Черри. И тряхнула своими черными кудрявыми локонами. — Соседи! — ядовито прошипела она еще раз.

Она осторожно подняла сковородку с плиты, аккуратно переложила содержимое в две тарелки, сделав две неравные порции. Тарелку, где еды было больше, она поставила перед мужем.

— Сегодня у нас жареное мясо, — объявила она.

Джим поднял голову и оценивающе потянул носом воздух.

— Чувствую, — сказал он. — Что у нас сегодня за праздник? Мой день рождения?

— Тебе нужно хорошо питаться, — объяснила Черри.

В кремово-белом полосатом переднике с обо-

рочками она выглядела обворожительно. Джим Бейкер чуть сдвинул в сторону составные части стратостата, чтобы освободить место для тарелки. Одарив жену широкой улыбкой, он спросил:

— Это кто сказал?

— К примеру, моя мисс Марпл! Если на то пошло, — добавила Черри, садясь напротив Джима и пододвигая к себе другую тарелку, — ей и самой не мешало бы подкормиться. Эта ее старая пантера, мисс Найт, потчует ее одними углеводами. Только и знает, что «чудесная каша», «чудесный пшеничный пудинг с маслом», «чудесный сыр с макаронами». И снова мягкий пудинг в розовом соусе. И целыми днями не дает ей покоя. Кажется, может заговорить до смерти.

— Ну, знаешь, — неопределенно пробурчал Джим. — Может, для инвалидов такая диета — в самый раз.

— Ничего себе, — фыркнула Черри, — для инвалидов! Мисс Марпл совсем не инвалид, просто лет ей много. И главное, всегда во все влезает!

— Кто, мисс Марпл?

— Нет. Эта ее мисс Найт. Меня учить изволит! Даже имеет наглость советовать, как готовить. Уж в готовке я как-нибудь лучше ее разбираюсь.

— Ну, тут тебе просто нет равных, — уважи-

тельно вставил Джим.

— Готовка — еще не все, — заметила Черри. — Надо еще, чтобы было из чего готовить, во что зубы вонзить.

Джим засмеялся:

— В это мясо зубы можно вонзать смело. Интересно, почему твоя мисс Марпл сказала, что меня надо подкормить? Когда я приходил к ней чинить полку в ванной, она решила, что у меня изможденный вид?

Теперь засмеялась Черри.

— Знаешь, что она мне сказала? «У вас красивый муж, моя дорогая. Очень красивый». Прямо как из романа, какие частями читают по телевизору.

— Надеюсь, ты с ней согласилась? — ухмыльнулся Джим.

— Я ответила, что муж у меня ничего.

— «Ничего»! По-моему, это слегка пресновато.

— А потом она добавила: «Дорогая моя, вы должны как следует ухаживать за вашим мужем. Как следует его кормить. Мужчине нужно много хорошего, отлично приготовленного мяса».

— Что верно, то верно!

— А еще она сказала: «Обязательно готовьте ему сами, а не пичкайте его всякими полуфабри-

катами, которые только надо в печке разогреть». Вообще-то я этим и не злоупотребляю, — тут же оправдалась она.

— Ну, иногда можно, — разрешил Джим. — Эти полуфабрикаты на вкус очень разные.

— Лишь бы ты обращал внимание на то, что ешь, — сказала Черри. — И не слишком увлекался этими своими стратостатами и прочими моделями. И не говори мне, что этот набор ты купил в подарок своему племяннику Майклу на Рождество. Это ты купил игрушку себе.

— Он до нее еще не дорос, — извиняющимся тоном проговорил Джим.

— Знаю, ты хочешь провозиться с этой штукой целый вечер. Может, послушаем музыку? Ты купил пластинку, которую все нахваливал?

— Купил. Чайковский — «Тысяча восемьсот двенадцатый год».

— Бравурная такая музыка, будто идет битва, да? — спросила Черри. Она скорчила гримасу. — Наша миссис Хартуэлл тебе за это спасибо не скажет. Ох, эти мне соседи. Мочи нет их терпеть. Все время скулят и жалуются. Даже не знаю, кто из них хуже. То ли Хартуэллы, то ли Барнаби. Хартуэллы иногда барабанят в стену без двадцати одиннадцать. Это уж слишком, ведь еще не

поздно! Даже телевидение и Би-би-си так рано не заканчивают. А нам, значит, нельзя музыку послушать? Только и знают: сделайте, пожалуйста, потише!

— Такую музыку нельзя делать потише, — авторитетно заявил Джим. — Если мало мощности, пропадает весь эффект. Это любому дураку известно. Для тех, кто любит музыку, это азбучная истина. Между прочим, их кошка все время наведывается в наш сад и раскидывает мои любимые клумбы.

— Если честно, Джим, мне здесь жуть как надоело.

— В Хаддерсфилде ты не очень тяготилась соседями, — заметил Джим.

— Там все было иначе! — воскликнула Черри. — Там мы были сами по себе. А если что приключится, знаешь, что тебе помогут, да и ты готов помочь другим. Но в чужую жизнь никто не совался. А в таких новых застройках людям почему-то не дают покоя их соседи. Наверное, потому, что все мы здесь — приезжие. Сколько здесь сплетен, пересудов, жалоб — с ума сойти! В настоящих городах людям просто не до этого.

— Да, радость моя, может, ты и права.

— Тебе-то здесь нравится?

— Работа подходящая. Да и дом новехонький. Тесновато, правда, не могу как следует развернуться. Мне бы здесь мастерскую — было бы то, что надо.

— Сначала мне тут понравилось, — сказала Черри. — А сейчас сомнения берут. Дом вроде бы ничего, и синий цвет радует глаз, и ванная — загляденье, но люди... Что-то тут носится такое в воздухе... Нет, есть вполне симпатичные. Я тебе говорила, что Лили Прайс со своим Харри разбежались в разные стороны? Помнишь эту дурацкую историю, когда они пришли дом смотреть? И она чуть из окна не выпала? Так она потом сказала, что Харри даже не шевельнулся, так и стоял как истукан.

— И слава богу, что она от него убежала. Мерзавец — каких мало, — заметил Джим.

— Раз ребенок скоро появится, значит, надо замуж, да? Совсем не надо. Он на ней и жениться-то не хотел. Не шибко он симпатичный. И мисс Марпл так сказала, — добавила Черри задумчиво. — Самой Лили. Лили решила, что старушка совсем сбрендила.

— Мисс Марпл? Я и не знал, что она его вообще видела.

— Видела, она как раз в тот день здесь прогу-

ливалась и упала, а миссис Бэдкок помогла ей подняться и завела к себе. Как думаешь, у Артура и миссис Бейн что-нибудь получится?

Джим, чуть нахмурившись, взял в руки часть стратостата и сверился со схемой сборки.

— Мне неприятно, когда ты меня не слушаешь, — проворчала Черри.

— Что ты сказала?

— Артур Бэдкок и Мэри Бейн.

— Господи, Черри, да его жену только похоронили! Ох, женщины! Я слышал, у него сейчас с нервами совсем никуда — прямо подскакивает, если к нему обратишься.

— Вот уж странно. Никак не думала, что он будет так переживать. А ты?

— Убери, пожалуйста, все с этого края стола, — попросил Джим, не проявляя даже мимолетного интереса к делам соседей. — Тогда я смогу попросторнее разложиться.

Черри горестно вздохнула.

— Чтобы в этом доме на тебя обратили внимание, — язвительно сказала она, — надо как минимум быть турбореактивным двигателем. Жизни нет из-за этих твоих моделей!

Составив на поднос остатки ужина, Черри понесла его к раковине. Мыть посуду она не любила

и оттягивала эту неизбежную процедуру до последней минуты. Вывалив посуду в раковину, она накинула вельветовую куртку и вышла из дому, бросив через плечо:

— Забегу к Глэдис Диксон. Хочу взять у нее выкройки из журнала мод.

— Давай, давай, старушка. — И Джим снова занялся моделью.

Метнув ядовитый взгляд в сторону соседской двери, Черри прошла мимо, свернула за угол на Бленхейм-клоуз и остановилась у дома номер 16. Дверь была открыта. Черри постучала, вошла в холл и позвала:

— Глэдис? Ты дома?

— Это ты, Черри? — миссис Диксон выглянула из кухни. — Она наверху, в своей комнате, что-то там кроит.

— Ладно, я поднимусь.

Черри вошла в маленькую комнату, там Глэдис, пухленькая простушка, раскрасневшись, стояла на коленях с булавками во рту и колдовала над бумажной выкройкой.

— Привет, Черри. Смотри, какую прелесть я купила в Мач-Бенэме на распродаже. К поперечному рисунку хорошо пойдут оборки, какие я сделала на териленовом платье.

— Должно получиться ничего, — одобрила Черри.

Глэдис поднялась, отдышалась.

— Нажила себе несварение желудка, — пожаловалась она.

— Нельзя тебе сгибаться вдвое сразу после ужина.

— Наверное, надо сесть на диету, — сказала Глэдис. Она опустилась на кровать.

— Что нового на студии? — спросила Черри, как всегда охочая до сплетен из мира кино.

— Ничего особенного. Правда, языками чесать не перестали. Вчера на площадку вернулась Марина Грегг — и тут же устроила кошмарную сцену.

— В смысле?

— Ей не понравился вкус кофе. По утрам, чуть попозже, на съемках всегда пьют кофе. Короче, она сделала глоток и говорит: вкус какой-то странный. Чушь, ясное дело. Никакого странного вкуса быть не могло. Кофе приносят в кофейнике прямо из столовой. Ей-то я, конечно, наливаю в специальную фарфоровую чашку, шикарную такую, не как у других, — но из того же кофейника. Так что ничего странного в этой чашке быть не могло.

— Нервы, наверное, — предположила Черри. — И что дальше?

— Да ничего. Мистер Радд быстро всех успокоил. У него насчет этого настоящий талант. Он забрал у нее кофе и вылил в раковину.

— Между прочим, довольно глупо, — медленно сказала Черри.

— Почему… что глупо?

— Если с кофе что и было не так, теперь об этом никто не узнает.

— Что могло быть не так? — с тревогой в голосе спросила Глэдис.

— Видишь ли, — Черри пожала плечами, — в коктейле у нее в день приема что-то оказалось, верно? Такую штуку можно провернуть и с кофе. Не вышло с первой попытки — вдруг выйдет со второй?

Глэдис поежилась.

— Уж больно не нравится мне все это, Черри, — сказала она. — Кто-то ведь на нее взъелся. Были новые письма с угрозами… а тут еще эта история с бюстом.

— С каким бюстом?

— Мраморным. В павильоне на съемочной площадке отстроили кусочек то ли австрийской усадьбы, то ли дворца. С каким-то смешным

названием, Шотбраун, кажется. По стенам развешали картины, кругом фарфоровая посуда, мраморные бюсты. Этот стоял наверху, на полке, — видно, не затолкнули его назад как следует. В общем, по дороге прогромыхал тяжелый грузовик, и от тряски этот бюст слетел вниз — прямо на то самое место, где Марина сидит во время большой сцены с графом… не помню, как его. Размолотил это кресло вдребезги! Слава богу, что в это время не снимали. Мистер Радд велел не говорить ей об этом ни слова и притащил вместо разбитого другое кресло, а когда вчера она появилась и спросила, почему поменяли кресло, он сказал: то кресло, мол, было из другой исторической эпохи, а это к тому же лучше смотрится в кадре. Но больно не понравилось ему все это, точно могу сказать.

Молодые женщины переглянулись.

— Занятно, — медленно произнесла Черри. — И в то же время…

— Пожалуй, уйду я оттуда, из студийной столовой, — сказала Глэдис.

— Почему? Тебя-то никто не собирается травить или бросать мраморные бюсты тебе на голову.

— Так-то оно так. Да ведь иногда хотят угробить одного, а достается другому. Ни в чем не повин-

ному. Как Хитер Бэдкок.

— Что правда, то правда, — согласилась Черри.

— Знаешь, — сказала Глэдис, — я тут соображала. Я ведь была в тот день в Госсингтоне, помогала с обслуживанием. И в тот момент была совсем рядом.

— Когда Хитер умерла?

— Нет, когда она расплескала коктейль. Все платье заляпала. А платье, между прочим, просто прелесть, нейлоновое, ярко-синее. Купила его специально для этого случая. И чудно все как-то вышло.

— Что чудно?

— Я тогда сразу и не подумала. А вот сейчас соображаю, и выходит чудно.

Черри выжидательно смотрела на нее. Она поняла, что «чудно» в данном случае вовсе не означает «весело» или «забавно».

— Господи, и что там было чудного? — категорично спросила она.

— Я почти уверена, что она сделала это нарочно.

— Нарочно пролила коктейль?

— Да. Разве это не чудно?

— На совершенно новое платье? Не верю.

— А я себе думаю, — продолжала Глэдис, — что

Артур Бэдкок будет делать со всеми платьями Хитер? Это платье отчистится, и сомневаться нечего. Я бы могла низ отрезать, прекрасная вышла бы юбка. Как считаешь, Артур Бэдкок рассердится, если я попрошу, чтобы он это платье мне продал? Там и переделывать почти ничего не надо, а платье — просто залюбуешься.

— А тебе… — Черри заколебалась, — не будет в нем…

— Что не будет?

— Ну, все-таки в этом платье умер человек… да еще не своей смертью…

Глэдис уставилась на нее.

— Я про это как-то не подумала, — призналась она. На минутку-другую задумалась. Потом воспрянула духом. — Ничего тут такого нет, — сказала она. — Ведь когда подержанные вещи покупаешь, они часто после покойника, верно же?

— Да. Но это не совсем одно и то же.

— Это уж ты капризничаешь, — сказала Глэдис. — Синева такая, что глаз не оторвать, и вещь, видно, дорогая. А насчет этой чудной истории… — задумчиво продолжала она. — Завтра перед работой я, пожалуй, загляну в Госсингтон и перекинусь словечком с мистером Джузеппе.

— Это их итальянский дворецкий?

— Да. Красивый до жути. Глаза так и сверкают. А уж нраву грозного, прямо страх. Когда мы, девушки, приходим туда помогать, он нас держит в ежовых рукавицах. — Она хихикнула. — А иногда бывает такой разлюбезный… В общем, надо рассказать ему про это и спросить, что делать.

— Не понимаю, о чем ты собираешься ему рассказывать.

— Ну как же, ведь чудно, — Глэдис не без вызова повторила любимое словечко.

— По-моему, — сказала Черри, — ты просто ищешь предлог, чтобы поболтать с мистером Джузеппе, только советую тебе быть осторожнее, девочка моя. Знаешь небось, что за народ эти итальянцы! Пылкие да страстные, только и знают, что внебрачных детей плодить!

Глэдис мечтательно вздохнула.

Черри взглянула на расплывшееся, чуть тронутое пятнами лицо подруги и решила, что большой нужды в ее предупреждении нет. Клюнуть на Глэдис мистер Джузеппе мог разве что на полном безрыбье.

2

— Ага! — воскликнул доктор Хейдок. — Развязываем узелок, вижу, вижу.

Он перевел взгляд на горку пушистой белой шерсти.

— Вы сами посоветовали мне заняться развязыванием, когда не смогу вязать, — напомнила мисс Марпл.

— Вижу, вы вовсю взялись за дело.

— Я ошиблась в рисунке с самого начала. Все пошло не туда, вот и приходится развязывать. Уж больно сложный рисунок, вот в чем дело.

— Разве вас можно испугать сложным рисунком? Не думаю.

— Все-таки зрение у меня теперь не то, надо было вязать без всяких премудростей.

— Ну, это вам быстро наскучит. Рад, что вы вняли моему совету.

— Разве я не внимаю вашим советам всегда, доктор Хейдок?

— Нет, только когда вам это удобно.

— Скажите, доктор, когда вы давали этот совет, вы действительно имели в виду вязанье?

— А как развязывается другой узел? Убий-

ство? — спросил он.

Мисс Марпл ему подмигнула, и он подмигнул в ответ.

— Боюсь, я уже не та, что была раньше, — мисс Марпл вздохнула и покачала головой.

— Ерунда, — возразил доктор Хейдок. — Не говорите мне, что вы не сделали некоторые выводы.

— Конечно, выводы я сделала. И даже весьма определенные.

— Например? — поинтересовался доктор.

— Если коктейль кто-то отравил… хотя плохо себе представляю, как это могли сделать…

— Скажем, заранее наполнить ядовитым веществом пипетку, — предположил доктор Хейдок.

— Вы блестящий профессионал! — восхитилась мисс Марпл. — Но и в таком случае весьма странно, что никто вокруг ничего не заметил.

— Значит, убить мало, нужно еще, чтобы это кто-то заметил?

— Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать.

— Выходит, убийца пошел на этот риск.

— Конечно. В этом я как раз не сомневаюсь. Я выяснила, что на месте преступления находились восемнадцать или двадцать человек. Уж кто-нибудь должен был что-то заметить.

Хейдок кивнул:

— Эта мысль напрашивается сама собой. Но никто ничего не заметил.

— То и странно, — задумчиво произнесла мисс Марпл.

— Что конкретно вас смущает?

— Тут есть три возможности. Я считаю, что по крайней мере один человек должен был что-то видеть. Один из двадцати. Иначе просто быть не может.

— Ну, это как сказать, — усомнился Хейдок. — Есть такой дурацкий тест по теории вероятности, когда на шестерых надеты белые шляпы, а на шестерых — черные, и надо математическим путем вычислить, перемешаются ли шляпы и в какой пропорции. Если ломать голову над такими проблемами, недолго и свихнуться. Можете мне поверить!

— Ни о чем подобном я не думала, — остановила его мисс Марпл. — Я думала лишь о степени вероятности…

— Да, тут вам нет равных. И никогда не было.

— Так вот, — продолжала мисс Марпл, — весьма вероятно, что из двадцати человек по крайней мере один — наблюдательный.

— Сдаюсь, — мистер Хейдок поднял руки. — Давайте ваши три возможности.

— Боюсь, получится довольно схематично, — сказала мисс Марпл. — Я не все до конца продумала. Тех, кто был на месте убийства, уже допрашивал инспектор Крэддок, а до него, видимо, Фрэнк Корниш, по идее, будь людям что сказать, они бы уже сказали.

— Это одна из ваших возможностей?

— Нет, разумеется. Ведь этого не произошло. Вопрос в следующем: если кто-то что-то видел, почему он об этом не сказал?

— Продолжайте.

— Возможность первая, — начала мисс Марпл, и щеки ее порозовели от возбуждения. — Человек что-то видел, но не понял, свидетелем чего он явился. Стало быть, человек этот достаточно глуп. То есть у него есть глаза, но туго с мозгами. Если такого спросить: «Вы видели, как кто-то клал что-нибудь в бокал Марины Грегг?» — он обязательно ответит: «Нет», но если поставить вопрос иначе: «Вы видели, как кто-то держал руку над бокалом Марины Грегг?» — тут он скажет: «Да, конечно, видел!»

Хейдок засмеялся.

— Надо признаться, — заметил он, — мало кто допускает мысль о том, что в его обществе находятся придурки. Хорошо, вашу первую воз-

можность я принимаю. Придурок все видел, но не уловил смысл увиденного. Переходим к возможности номер два.

— Тут шансов меньше, но они все-таки есть. Положить что-то в бокал мог человек, который никого бы этим не удивил.

— Можно пояснее, если не трудно?

— В наши дни люди все время что-то добавляют себе в еду или питье. В годы моей молодости считалось дурным тоном принимать лекарства вместе с едой. Все равно что высморкаться за обеденным столом. Не полагается, и все. Если тебе надо принять таблетки, пилюльки, заглотнуть столовую ложку микстуры, изволь выйти из-за стола и сделать это в другой комнате. Сейчас такого нет и в помине. Я как-то останавливалась у моего племянника Реймонда и видела, что его гости повсюду таскают за собой какие-то бутылочки с таблетками. Принимают лекарство до еды, во время еды, после еды. Таскают аспирин и тому подобные пилюльки в сумочках и беспрерывно их принимают — с чаем или послеобеденным кофе. Понимаете?

— Конечно, — сказал доктор Хейдок. — Очень даже понимаю, и это весьма интересно. Вы хотите сказать, что кто-то… — Он остановился. — Нет, не

буду у вас выхватывать изо рта. Говорите сами.

— Я хотела сказать, что не исключен следующий, довольно-таки дерзкий, но вполне возможный вариант: кто-то берет в руки бокал — разумеется, все считают, что бокал этот его (или ее) — и совершенно в открытую что-то туда подсыпает. Тут ни у кого не возникнет подозрений.

— Ну… он или она быть в этом уверены на сто процентов не могут, — заметил доктор Хейдок.

— Не могут, — согласилась мисс Марпл. — Доля риска, доля игры тут есть — и все же исключить такое нельзя. Но есть, — продолжала она, — и третья возможность.

— Значит, возможность номер один — придурок, — подытожил доктор. — Возможность номер два — азартный игрок, сорвиголова. Возможность номер три?

— Кто-то все видел, но решил попридержать язык.

Хейдок нахмурился.

— Зачем? — спросил он. — С целью шантажа? Но если так…

— Если так, — перебила его мисс Марпл, — положение весьма опасное.

— Да, вы правы. — Он бросил быстрый взгляд на мирную старушку с клубком белой пушистой

шерсти на коленях. — Третий вариант кажется вам наиболее приемлемым?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Этого утверждать не стану. Пока нет оснований. Только бы, — тщательно подбирая слова, добавила она, — не убили еще кого-нибудь.

— Вы полагаете, могут убить кого-то еще?

— Надеюсь, этого не случится. Молюсь за это всей душой. Но ведь людей убивают так часто, доктор Хейдок. Это очень грустно и очень страшно. Людей убивают так часто.

Глава 17

Элла повесила трубку, улыбнулась про себя и вышла из телефона-автомата. Она была очень собой довольна.

— Главный инспектор Его Всемогущество Крэддок! — пробормотала она себе под нос. — Да я его работу делаю в два раза лучше, чем он. Вариации на тему «Тайное стало явным».

Она с наслаждением представила себе реакцию человека на другом конце линии. Наверное, ему было не по себе, когда он услышал в трубке угрожающий шепот:

«Я все видела. Видела, как вы…»

Она беззвучно засмеялась, уголки ее рта изогнулись в злобной и жестокой усмешке. Психологу было бы интересно взглянуть на нее в эту секунду. Только в последние дни к ней пришло это ощущение силы, власти. Она сама в полной мере не осознавала, как действовало на нее это пьянящее чувство…

Она прошла мимо Ист-Лоджа, и миссис Бэнтри, как всегда возившаяся в саду, помахала ей рукой.

Черт бы побрал эту старуху, подумала Элла.

Поднимаясь по дорожке, она спиной чувствовала взгляд миссис Бэнтри.

Вдруг в мозгу у нее откуда ни возьмись всплыла поговорка: «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить…»

Чушь. Никто не заподозрит, что именно она шепчет эти угрожающие слова…

Она чихнула.

Черт бы побрал эту сенную лихорадку.

Когда она вернулась в свой кабинет, у окна стоял Джейсон Радд.

Он круто повернулся:

— Где вы были? Я уж тут терялся в догадках.

— Надо было поговорить с садовником. У нас… — Она остановилась, увидев выражение его лица. — Что случилось?

Он совсем осунулся, глаза еще больше спрятались в глазницы. От клоунского веселья не осталось и следа. На него явно давил тяжелый груз. Бороться с перегрузками он умел, но в таком состоянии она не видела его никогда.

— Что случилось? — еще раз спросила она.

Он протянул ей лист бумаги:

— Результаты анализа кофе. Того самого, которое Марина отказалась пить.

— Вы послали его на анализ? — Она даже

вздрогнула. — Но вы выплеснули его в раковину. Я сама видела.

Его широкий рот искривился в улыбке.

— Ловкость рук, Элла. Вы не знали, что я настоящий фокусник? Да, я вылил почти все, но кое-что оставил — для анализа достаточно.

Она взглянула на листок, который держала в руке.

— Мышьяк? — В голосе слышалось недоверие.

— Да, мышьяк.

— Значит, Марина была права, когда сказала, что кофе горчит?

— Нет, насчет этого не права. У мышьяка нет вкуса. Но инстинкт ее не подвел.

— А мы думали, что она ведет себя как истеричка!

— Станешь тут истеричкой! Шутка ли дело? Прямо на ее глазах замертво падает женщина. Записки с угрозами сыплются одна за другой… Сегодня, кстати, не было?

Элла покачала головой.

— Кто их подбрасывает, черт побери? Хотя, наверное, ничего сложного нет — все окна нараспашку. Подбрасывай на здоровье.

— Что же теперь, закрыть наглухо все окна и двери? В такую жару? В конце концов, у дома

дежурит полицейский.

— Да, к тому же Марина и так испугана, не хочу пугать ее еще больше. На записки с угрозами можно было бы не обращать внимания, но мышьяк, Элла, мышьяк — это совсем другое дело…

— В доме отравить пищу никто не может.

— Так ли уж не может, Элла? Так ли не может?

— Кто-то увидит. Ведь без специального разрешения…

Он перебил ее:

— За деньги, Элла, люди идут на многое.

— Не на убийство же!

— И на убийство тоже. Кстати, человек может и не знать, что совершает убийство. Слуги…

— Уверена, что слуги здесь ни при чем.

— А Джузеппе? Не знаю, так ли я могу доверять Джузеппе, если речь идет о деньгах… Конечно, он работает у нас не первый день, и все же…

— Неужели нужно себя так терзать, Джейсон?

Он плюхнулся в кресло. Подался вперед, длинные руки повисли между колен.

— Что делать? — слабым голосом медленно произнес он. — Господи, ну что же делать?

Элла молчала. Она сидела и смотрела на него.

— Здесь она была счастлива, — сказал Джейсон. Он обращался скорее к себе, чем к Элле. И смотрел

на ковер. Если бы он поднял голову, то, скорее всего, подивился бы выражению ее лица. — Была счастлива, — повторил он. — Надеялась найти здесь счастье и вроде бы нашла его. Она сама сказала это в тот день, когда пришла миссис… забыл, как ее зовут…

— Бэнтри?

— Да. Когда мы пригласили миссис Бэнтри к чаю. Марина сказала тогда: «На душе так покойно». Наконец-то она нашла место, где можно осесть и быть счастливой и ни о чем не тревожиться. Господи, ни о чем не тревожиться!

— И они зажили спокойно и счастливо? — В голосе Эллы послышалась легкая ирония. — Попахивает детской сказочкой.

— Во всяком случае, она в это верила.

— А вы — нет, — сказала Элла. — Вы ни в какую райскую жизнь не верили?

Джейсон Радд улыбнулся:

— Нет. В вечное блаженство я не верил. Но мне казалось, что какое-то время — год или два — можно будет жить в покое и согласии. Я надеялся, что она станет другим человеком. Появится уверенность в себе. Она почувствует себя счастливой. А когда она счастлива, она превращается в настоящего ребенка. Да, в настоящего ребенка.

И вдруг — такое.

Элла заерзала в кресле.

— С каждым из нас что-то случается, — резко бросила она. — Такова жизнь. От этого никуда не деться. Кто-то умеет подлаживаться под обстоятельства, кто-то — нет. Она из тех, кто не умеет.

Элла чихнула.

— Опять сенная лихорадка не дает покоя?

— Да. Кстати, Джузеппе уехал в Лондон.

Джейсон слегка удивился:

— В Лондон? Зачем?

— Какие-то семейные дела. У него родственники в Сохо, и кто-то из них серьезно болен. Он обратился к Марине, и она сказала: пусть едет. Вот я его и отпустила. К вечеру вернется. Вы ведь не против?

— Нет, — сказал Джейсон. — Не против…

Он поднялся и стал шагать по комнате.

— Если бы я мог увезти ее отсюда… сейчас же… немедленно.

— И свернуть съемки? Но вы только представьте…

Он повысил голос:

— Я ни о чем, кроме Марины, думать сейчас не могу. Неужели вы не понимаете? Ей угрожает опасность. Мне больше ничего в голову не идет.

Она хотела что-то возразить, но смолчала. Еще раз чихнула в ладошку и поднялась.

— Пойду возьму свой пульверизатор, чуть-чуть подлечусь.

Она вышла из комнаты и направилась в свою спальню, а в мозгу ее эхом гудело одно слово:

«Марина… Марина… Марина… Всегда Марина, и только Марина…»

Подавив забурливший гнев, она вошла в ванную и взяла с полочки свой пульверизатор.

Вставила наконечник в ноздрю и нажала на стеночку.

В мозгу вспыхнул сигнал тревоги, но на долю секунды запоздал… Незнакомый запах горького миндаля… Но пальцы уже совершили непоправимое, роковое движение…

Глава 18
1

Фрэнк Корниш положил трубку.

— Мисс Брюстер сегодня в Лондоне не будет, — объявил он.

— Так и не будет? — спросил Крэддок.

— Вы думаете, что…

— Не знаю. Вроде бы оснований не верить нет, но не знаю… А что Ардуик Фенн?

— Тоже нет. Я попросил, чтобы он позвонил, когда появится. Марго Бенс, девушка-фотограф, работает где-то за городом. Ее женоподобный партнер не знает, где именно… по крайней мере, так он сказал. А дворецкий смылся в Лондон.

— Как бы этот дворецкий не смылся навсегда, — задумчиво произнес Крэддок. — К умирающим родственникам я всегда относился с большим подозрением. Что его вдруг понесло в Лондон?

— Перед отъездом он вполне мог подлить в пульверизатор цианистый калий.

— Это мог сделать кто угодно.

— По-моему, он — самый подходящий кандидат. Вряд ли это кто-то из посторонних.

— Почему? Надо только улучить минуту. Оставляешь машину где-то на боковой дорожке, ждешь, когда все собираются, скажем, в гостиной, влезаешь в окно и пробираешься наверх. Вокруг дома сплошные кусты.

— Уж очень рискованно.

— Наш убийца — любитель рискнуть. Это было ясно с самого начала.

— Но возле дома постоянно дежурит человек.

— Знаю. Значит, одного оказалось недостаточно. Пока дело не шло дальше анонимных записок, я не чувствовал особой опасности. Сама Марина Грегг была под надежной охраной. А что опасность может угрожать кому-то другому…

Зазвонил телефон. Трубку снял Корниш.

— Звонят из «Дорчестера». Мистер Ардуик Фенн.

Он передал трубку Крэддоку.

— Мистер Фенн? Крэддок слушает.

— Я слышал, вы мне звонили. Меня целый день не было.

— У меня, мистер Фенн, неприятные новости: сегодня утром умерла мисс Зелински, отравление цианистым калием.

— Да что вы? Какая беда! Несчастный случай? Или нет?

— Нет. Кто-то добавил синильную кислоту в пульверизатор, которым она всегда пользовалась.

— Понимаю. Да, понимаю... — Последовала небольшая пауза. — А почему, позвольте узнать, в связи с этим прискорбным событием вы звоните мне?

— Вы ведь знали мисс Зелински, мистер Фенн.

— Знал, разумеется. И не один год. Но в число моих близких друзей она не входила.

— Мы рассчитываем на вашу помощь, сэр.

— Какую именно?

— Нам неясен мотив убийства. Может, вы что-то подскажете? В Англию она переехала недавно. Нам почти ничего не известно о ее друзьях, коллегах, обстоятельствах жизни.

— Лучше других на эти вопросы может ответить Джейсон Радд.

— Разумеется. С ним мы уже говорили. Но вдруг вам известно о ней что-то, о чем не знает он?

— Ну, это вряд ли. Что я знаю об Элле Зелински? Что это исключительно способная молодая женщина, блестяще выполняющая свою работу. Это все. О ее личной жизни мне не известно абсолютно ничего.

— То есть никаких соображений по поводу ее

смерти у вас нет?

Крэддок был готов услышать решительное «нет», но, к его удивлению, ответа не последовало. Наступила долгая пауза. Было слышно, как на другом конце линии Ардуик Фенн тяжело сопит.

— Вы меня слушаете, главный инспектор?

— Да, мистер Фенн. Слушаю.

— Я сейчас кое-что вам скажу, и, думаю, это вам поможет. Вы поймете, что у меня есть основания держать это при себе. Но все-таки считаю, что скрывать это неразумно. Вот вам факты. Несколько дней назад мне позвонили. Кто-то говорил шепотом. Сказано было следующее, я цитирую: «Я все видела. Видела, как вы… Как вы положили таблетки в бокал… Не ожидали, что у вас есть свидетель? Пока все, скоро вы узнаете, что вам делать дальше».

Крэддок издал удивленное восклицание.

— Поразительно, мистер Крэддок, да? Категорически заверяю вас, что это обвинение ни на чем не основано. Никаких таблеток я в бокал не подкладывал. Пусть кто угодно докажет обратное. Это чистейший абсурд. Зато можно сделать вывод, что мисс Зелински решила заняться шантажом.

— Вы узнали ее по голосу?

— Узнать человека, когда он говорит шепотом, очень трудно. Но это была она, Элла Зелински.

— Откуда вы знаете?

— Перед тем как повесить трубку, шантажистка громко чихнула. Я знал, что мисс Зелински давно болеет сенной лихорадкой.

— И что вы об этом думаете?

— Что ее первая попытка оказалась неудачной, объект для шантажа был выбран неверно. Видимо, со второй или третьей попытки она нашла того, кому было чего опасаться. И вот результат.

Крэддок окончательно взял себя в руки.

— Мистер Фенн, большое вам спасибо. Для проформы я хотел бы точно знать, где вы находились в течение сегодняшнего дня.

— Разумеется. Мой шофер даст вам подробный отчет.

Крэддок повесил трубку и пересказал свой разговор с Фенном. Корниш присвистнул.

— Либо его можно вычеркивать из списка подозреваемых. Либо…

— Либо это великолепный блеф. Почему бы нет? Он как раз из тех, кто на такое способен. И если есть хоть малейшая вероятность того, что свои подозрения Элла Зелински изложила на бумаге, это великолепный ход — взять быка за рога.

— А его алиби?

— Фальшивым алиби сейчас никого не удивишь, — сказал Крэддок. — Он в состоянии раскошелиться за надежное алиби.

2

Когда Джузеппе вернулся в Госсингтон, было больше полуночи. От Мач-Бенэма он взял такси, потому что последний поезд до Сент-Мэри-Мид упустил.

Он был в превосходном настроении. Расплатившись у ворот с водителем, он пошел напрямик через кустарник. Открыл заднюю дверь своим ключом. Дом был окутан тишиной и полумраком. Джузеппе запер дверь, закрыл ее на задвижку. Повернувшись к лестнице, ведшей в его уютную спальню с прилегающим туалетом, он ощутил легкий сквозняк. Наверное, где-то оставили открытым окно. Ну и бог с ним, решил Джузеппе. Улыбаясь собственным мыслям, он поднялся наверх и воткнул ключ в замочную скважину. Свою комнату он всегда держал запертой. Повернув ключ, он распахнул дверь… и тут в спину ему уперлось что-то жесткое и круглое. Голос сказал: «Руки вверх и не вздумай кричать».

Руки Джузеппе быстро взметнулись вверх. Чтобы никто ни в чем не сомневался. Но никто и не думал сомневаться.

Палец нажал на спуск… один раз… второй.

Джузеппе упал лицом вперед.

Бьянка подняла голову от подушки.

Что это было? Выстрел? Ну да, выстрел… Она подождала несколько минут. «Нет, видно, ошиблась», — решила она и снова уснула.

Глава 19
1

— Какой ужас, — сказала мисс Найт. Она положила покупки и теперь стояла, судорожно хватая ртом воздух.

— Что-то случилось? — спросила мисс Марпл.

— Мне так не хочется говорить вам об этом, дорогая, так не хочется. Для вас это будет настоящий удар.

— Не скажете вы, — заметила мисс Марпл, — скажет кто-то еще.

— Вы правы, правы, дорогая моя, — закудахтала мисс Найт. — Ужасно, но это так. Сейчас люди только и знают, что все рассказывают друг другу. Да разве так можно? Лично я никому и ничего не пересказываю. Я — человек осторожный.

— Вы говорили, — перебила ее мисс Марпл, — будто случилось что-то ужасное?

— Я совершенно выбита из колеи, — призналась мисс Найт. — Вы уверены, дорогая, что из окна не сквозит?

— Хочется немножко свежего воздуха.

— Но ведь мы можем простудиться, правда? —

игриво стояла на своем мисс Найт. — Знаете что? Я сейчас приготовлю замечательный яичный коктейль, мигом. Мы ведь его любим, правда?

— Не знаю, любите ли его вы, — ответила мисс Марпл. — Но если любите, я буду только счастлива, что вам доведется его отведать.

— Ну-ну, — мисс Найт шаловливо затрясла пальчиком. — Пошутить мы всегда были большие мастерицы, да?

— Но вы что-то хотели мне сказать, — напомнила мисс Марпл.

— Незачем вам об этом беспокоиться, — увильнула мисс Найт, — и лишний раз тратить свои нервы, тем более что нас это совершенно не касается. А удивляться нечему — столько кругом американских гангстеров развелось.

— Еще кого-то убили, — предположила мисс Марпл. — Правильно?

— Вы так проницательны, дорогая моя. Но как вы догадались?

— Между прочим, — задумчиво произнесла мисс Марпл, — именно этого я и ждала.

— Неужели? — воскликнула мисс Найт.

— Всегда найдется человек, который что-то видел. Но иногда он не сразу понимает, свидетелем чего был. Кого же убили?

— Итальянского дворецкого. Застрелили ночью.

— Понятно, — опять-таки задумчиво пробормотала мисс Марпл. — Что ж, вероятно, до него все-таки дошел смысл того, что он видел…

— Интересно! — воскликнула мисс Найт. — Вы говорите так, будто вам об этом все известно. А почему его должны были убить?

— Наверное, потому, — объяснила мисс Марпл, — что он пытался кого-то шантажировать.

— Говорят, вчера он ездил в Лондон.

— Вот как? Это очень любопытно и наводит на размышления.

Мисс Найт удалилась в кухню, намереваясь приготовить целебную жидкую смесь. Мисс Марпл продолжала в задумчивости сидеть, пока ее не вывело из этого состояния назойливое жужжание пылесоса; оно сопровождалось пением Черри, мурлыкавшей последний шлягер «Я сказал тебе, а ты сказала мне».

Из-за кухонной двери высунула голову мисс Найт.

— Черри, не так громко, пожалуйста, — попросила она. — Ведь вы не хотите потревожить нашу дорогую мисс Марпл, правда? Нельзя быть такой

эгоистичной.

Она снова закрыла кухонную дверь, и Черри вопросила, то ли про себя, то ли обращаясь ко всему миру в целом:

— А кто тебе позволил называть меня Черри, вешалка ты старая?

Пылесос продолжал подвывать, а Черри — петь, правда, чуть потише. Вдруг раздался ясный и четкий голос мисс Марпл:

— Черри, зайдите на минутку.

Выключив пылесос, Черри открыла дверь в комнату.

— Мисс Марпл, я тут распелась, извините, если потревожила.

— Ваше пение куда приятнее этой кошмарной жужжалки, — успокоила ее мисс Марпл. — Что поделаешь, примета времени. Ведь никого из вас, нынешней молодежи, не заставишь убирать квартиру по старинке, веником и совком.

— Что-о, ползать на коленях с совком и веником? — поразилась Черри.

— Я понимаю, это нечто неслыханное. Войдите и закройте за собой дверь. Я позвала вас, потому что хочу поговорить.

Черри повиновалась и подошла к мисс Марпл, которая изучающе смотрела на нее.

— У нас не так много времени, — сказала мисс Марпл. — Эта старая… я хотела сказать, мисс Найт может войти сюда в любую минуту с каким-то яичным коктейлем.

— Что ж, он вам полезен. Повышает тонус, — подбодрила свою нанимательницу Черри.

— Вы слышали, — спросила мисс Марпл, — что вчера вечером в Госсингтон-Холле застрелили дворецкого?

— Что, этого итальянца?

— Да. Кажется, его звали Джузеппе.

— Нет, не слышала. Я слышала другое — у секретарши мистера Радда вчера был сердечный приступ, и кто-то даже клялся, что она умерла, но это скорее всего слухи. А кто рассказал вам про дворецкого?

— Мисс Найт.

— Ну, сегодня утром я еще ни с кем словечком не перекинулась. Вы первая. Наверное, это совсем свежая новость. Выходит, его убрали? — вопросила Черри.

— Предполагают, что так. А уж правда это или нет, пока не знаю.

— Здесь очень удобно разговаривать, — сказала Черри. И тут же задумчиво добавила: — Интересно, успела Глэдис с ним повидаться или нет?

— Глэдис?

— Это как бы моя подружка. Мы живем рядом. Работает в столовой на киностудии.

— И она говорила с вами про Джузеппе?

— Да, ей кое-что показалось чудным, и она хотела спросить его, что он об этом думает. Но это был просто предлог — она к нему неровно дышит, вот и все. Он, конечно, мужчина интересный, и вообще итальянцы к женщинам подход имеют — я ей сказала, ты с ним поосторожней. Сами знаете, что за народ эти итальянцы.

— Вчера он уехал в Лондон, — сказала мисс Марпл. — И, как я поняла, вернулся поздно вечером.

— Интересно, удалось ей увидеть его до отъезда или нет?

— А почему она хотела с ним встретиться, Черри?

— Просто кое-что показалось ей чудным.

Мисс Марпл внимательно посмотрела на нее. Она была в состоянии понять, какой смысл в слово «чудной» вкладывали девушки, подобные Глэдис.

— Она вместе с другими помогала на вечеринке, — объяснила Черри. — В день приема. Когда миссис Бэдкок в ящик сыграла.

— Да? — мисс Марпл сразу насторожилась, будто фокстерьер, обнаруживший крысиную нору.

— Вот она там что-то увидела, что показалось ей чудным.

— Почему же она не сообщила об этом полиции?

— Да она не думала, что тут что-то серьезное. В общем, решила, что лучше сначала спросить мистера Джузеппе.

— Что же она в тот день увидела?

— Если по правде, — призналась Черри, — мне это показалось чистой ерундой. Я еще подумала, это она мне специально голову морочит, а сама только и думает, как бы повидать мистера Джузеппе. По другому поводу.

— И что же она сказала? — терпеливо, но настойчиво спросила мисс Марпл.

Черри нахмурилась:

— Про миссис Бэдкок и ее коктейль, она совсем рядом стояла. Так вот, она якобы сделала это сама.

— Что сделала сама?

— Расплескала коктейль на платье и испортила его.

— В смысле из-за неловкости?

— Нет, не из-за неловкости. Глэдис сказала: она

сделала это нарочно, именно хотела расплескать коктейль. Ну, тут как ни крути, а такого быть не может, верно же? Какой в этом смысл?

Мисс Марпл озадаченно покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Нет, конечно… никакого смысла я тут не вижу.

— Ведь она была в новом платье, — добавила Черри. — С этого, кстати, и разговор зашел. Глэдис говорит: вот бы это платье купить! Вычистить его можно без проблем, но уж больно неохота идти с таким делом к мистеру Бэдкоку. Она ведь сама хорошая закройщица, Глэдис то есть, и платье, говорит, просто загляденье. Ярко-синее, из искусственной тафты. Даже если пятна не отойдут, низ вполне можно ушить — фасон у юбки широкий.

Мисс Марпл на секунду задумалась над этими портняжными тонкостями, но тут же выбросила их из головы.

— Вам кажется, что ваша подруга что-то от вас утаивает?

— Ну, я подумала, может, она еще что-то видела… а то — Хитер Бэдкок вылила на себя коктейль… Я просто не вижу, о чем тут спрашивать мистера Джузеппе.

— Я тоже, — согласилась мисс Марпл. — Но когда ты чего-то не видишь, это еще не значит, что

ничего и нет. Не видишь — а вдруг ты неверно выбрал угол зрения? Или у тебя нет полной информации. Похоже, в данном случае дело обстоит именно так. — Она вздохнула. — Жаль, что она не обратилась прямо в полицию.

Дверь открылась, и в комнату вторглась мисс Найт, она держала высокий стакан, в котором соблазнительно пенилось что-то бледно-желтое.

— Вот, дорогая моя, — сказала она. — Вкуснятина, просто пальчики оближешь. Мы это выпьем с превеликим удовольствием, правда?

Она выдвинула небольшой столик и поставила его перед своей нанимательницей. Потом бросила взгляд на Черри.

— Пылесос, — холодно заметила она, — стоит в холле посреди дороги. Я споткнулась о него и едва не упала. От несчастного случая не застрахован никто.

— Это точно, — откликнулась Черри. — Идем трудиться дальше!

И она вышла из комнаты.

— Ох уж эта миссис Бейкер! — проворчала мисс Найт. — Все время я должна ей на что-то указывать. Бросает пылесосы где попало и идет сюда к вам молоть языком, когда вам так нужен покой.

— Я сама ее позвала, — объяснила мисс

Марпл. — Хотела с ней поговорить.

— Надеюсь, вы сказали ей, что убирать кровати можно и получше, — сказала мисс Найт. — Я была просто потрясена, когда вчера увидела, как убрана ваша постель. Мне все пришлось перестелить самой.

— Вы очень любезны, — поблагодарила мисс Марпл.

— Да я, если надо помочь, никогда не отказываюсь, — затараторила мисс Найт. — Для чего же еще я здесь? Чтобы некой особе было очень удобно и счастливо — вот для чего. Дорогая вы моя, дорогая, — она всплеснула руками, — вы опять так много развязали!

Мисс Марпл откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

— Я хочу немножко отдохнуть, — сказала она. — Поставьте стакан сюда… спасибо. И пожалуйста, не заходите ко мне как минимум три четверти часа.

— Конечно, конечно, дорогая моя, — заторопилась мисс Найт. — И миссис Бейкер я велю, чтобы не шумела.

И она целеустремленно направилась к двери.

2

Симпатичный молодой американец озадаченно огляделся по сторонам.

Как разобраться в этом переплетении улиц?

Он вежливо обратился к седовласой и розовощекой пожилой даме, кажется единственному живому существу в квартале:

— Извините, мадам, не подскажете ли, как найти Бленхейм-клоуз?

Пожилая дама внимательно посмотрела на него. Он уже решил было, что она туговата на ухо, и собрался задать вопрос погромче, но тут она заговорила:

— Пойдете сюда, повернете направо, потом налево, потом во второй переулок направо и дальше прямо. Какой номер дома вам нужен?

— Шестнадцать. — Он сверился с листочком бумаги. — Глэдис Диксон.

— Правильно, — подтвердила пожилая дама. — Но, по-моему, она работает на студии «Хеллингфорт». В столовой. Скорее всего, вы найдете ее там.

— Она сегодня утром не пришла, — объяснил молодой человек. — Я должен забрать ее и от-

везти в Госсингтон-Холл. Там сегодня работать некому.

— Разумеется, — согласилась пожилая дама. — Вчера вечером застрелили дворецкого, да?

Молодого человека эти слова ошеломили.

— Вижу, в ваших краях новости передаются быстро, — вымолвил он.

— Что верно, то верно, — снова согласилась дама. — Насколько я знаю, секретарша мистера Радда тоже умерла, от какого-то приступа. — Она покачала головой. — Кошмар. Сущий кошмар. И куда мы катимся?

Глава 20
1

Чуть позже в дом номер 16 на Бленхейм-клоуз наведался еще один посетитель. Это был детектив-сержант Уильям (Том) Тиддлер.

Он резко постучал по веселенькой ярко-желтой дверке, ему открыла девочка лет пятнадцати. Ее длинные светлые волосы висели космами, она носила черные брючки в обтяжку и оранжевый свитер.

— Здесь живет мисс Глэдис Диксон?

— Вам Глэдис? Считайте, вам не повезло. Ее нет.

— Где же она? Пошла на свидание?

— Нет. Уехала. Как бы в отпуск.

— Куда?

— Кто ее знает.

Том Тиддлер улыбнулся девочке своей самой обворожительной улыбкой:

— А войти можно? Мама дома?

— На работе. Раньше половины восьмого не придет. Да больше, чем я, она вам все равно не скажет. Глэдис уехала в отпуск.

— Понятно. А когда она уехала?

— Утром. Сразу. Сказала, ее отвезут забесплатно.

— А ты не дашь мне ее адрес?

Светловолосая девочка покачала головой.

— Нету адреса, — сказала она. — Говорит, пришлю адрес, как только узнаю, где остановилась. А сама возьмет да и не пришлет, — добавила она. — Прошлым летом намылилась в Ньюкей и даже открытку нам не бросила. Она насчет этого ленивая и вообще говорит: что это матери все беспокоятся?

— Кто-нибудь дал ей деньги на этот отпуск?

— Наверное, — сказала девочка. — У нее сейчас с деньгами туго. На той неделе на распродажу ездила.

— А может быть, ты знаешь, кто предложил Глэдис эту поездку… кто ее оплатил?

Девочка вдруг вся подобралась, нахохлилась:

— Вы ничего такого не думайте. Глэдис не из таких. Может, она со своим парнем и ездит вместе отдыхать в августе, но ничего такого в этом нет. За себя она платит сама. Так что вы ничего такого не думайте, мистер.

Тиддлер вяло пробурчал, что ничего такого он и не думает, но хотел бы получить адрес, если

Глэдис Диксон пришлет открытку.

Все собранные за день сведения он принес в участок. На студии он узнал, что утром звонила Глэдис Диксон и сказала, что примерно неделю ее на работе не будет. Узнал и еще кое-что.

— У них там на студии настоящий бедлам, — сообщил он. — У Марины Грегг что ни день, то истерика. Тут заявила, что ей подсунули отравленный кофе. Что оно, мол, горчит. Жутко разнервничалась. Муж забрал у нее чашку, выплеснул кофе в раковину и велел ей не сходить с ума.

— Так, — выжидательно сказал Крэддок.

— Но прошел слух, что мистер Радд выплеснул в раковину не все. Сколько-то кофе осталось в чашке, он отдал его на анализ, и там оказался яд.

— Как-то мало похоже на правду, — буркнул Крэддок. — Спрошу об этом его самого.

2

Джейсон Радд был взвинчен, раздражен.

— Инспектор Крэддок, — сказал он, — я имел на это полное право.

— Если вы заподозрили, что с кофе что-то не так, мистер Радд, вам следовало бы передать его нам.

— Да у меня и на секунду не возникло такого подозрения, вот в чем дело!

— Хотя ваша жена уверяла, что кофе горчит?

— Господи! — На лице Радда появилась едва заметная печальная улыбка. — Со дня приема горчит практически все, что моя жена ест или пьет. А если прибавить к этому записки с угрозами…

— Что, были новые?

— Еще две. Одну подбросили в окно. Другую сунули в почтовый ящик. Вот они, можете полюбоваться.

Крэддок взглянул на записки. Как и первая, они были отпечатаны на машинке. Одна гласила: «Теперь уже скоро. Готовься».

На другой был намалеван череп со скрещенными костями, а под рисунком шла надпись: «Это ты, Марина».

Брови Крэддока поползли вверх.

— Уж больно по-детски, — сказал он.

— Вы хотите сказать, их не стоит принимать всерьез?

— Отнюдь, — возразил Крэддок. — Мозг убийцы часто напоминает мозг ребенка. Вы действительно не представляете, мистер Радд, кто автор этих писаний?

— Понятия не имею. Не могу избавиться от

чувства, что все это какая-то мрачная шутка, и не более того. Мне даже казалось... — Он заколебался.

— Что, мистер Радд?

— Что это кто-нибудь из местных, может быть, человек, который... вдохновился отравлением в день приема. Может быть, он недолюбливает актерскую братию вообще. Ведь некоторые провинциалы считают актерство орудием дьявола.

— Вы хотите сказать, что в действительности мисс Грегг ничто не угрожает? Но как тогда быть с кофе?

— Я даже не знаю, как вам стало об этом известно, — сказал Радд с некоторым раздражением.

Крэддок покачал головой:

— Слухами земля полнится. Рано или поздно все тайное становится явным. Но вы должны были прийти к нам. Даже получив результат анализа, вы не сочли нужным нам сообщить.

— Не счел, — подтвердил Джейсон. — Но у меня и других забот хватало. Во-первых, смерть бедной Эллы. Теперь еще и Джузеппе. Инспектор Крэддок, когда я смогу увезти отсюда жену? Она на грани срыва.

— Я вас понимаю. Но ведь надо будет присутствовать на дознаниях.

— Вы понимаете, что ее жизнь все еще в опасности?

— Надеюсь, ей ничто не угрожает. Приняты все меры предосторожности…

— Меры предосторожности! Кажется, я это уже слышал… Я должен увезти ее отсюда, Крэддок. Должен.

3

Марина, прикрыв глаза, полулежала в кресле в своей спальне. Вид у нее был изможденный, лицо посерело.

Муж остановился рядом, посмотрел на нее. Глаза ее открылись.

— Кто приходил? Этот Крэддок?

— Да.

— Про кого он расспрашивал? Про Эллу?

— Да… и про Джузеппе.

Марина нахмурилась:

— Джузеппе? Они узнали, кто его застрелил?

— Пока нет.

— Все это словно кошмарный сон… Он разрешил нам уехать?

— Он сказал… пока нет.

— Почему? Мы должны уехать. Ты объяснил

ему, что я не могу сидеть здесь и ждать, когда меня убьют? С ума сойти!

— Приняты все меры предосторожности.

— Это они и раньше говорили. Что же они не защитили Эллу? А Джузеппе? Ты что, не понимаешь, в конце концов эти убийцы доберутся и до меня… В тот день на студии они что-то подложили мне в кофе, я уверена… Зачем ты только его выплеснул! Лучше послали бы на анализ или куда полагается. Знали бы наверняка…

— Ну, узнали бы наверняка, тебе стало бы легче?

Она уставилась на него, зрачки заметно расширились.

— Я тебя не понимаю. Если бы полиция точно знала, что меня пытались отравить, нам с тобой разрешили бы уехать отсюда, не стали бы держать.

— Необязательно.

— Но я так больше не могу! Не могу… Не могу… Помоги мне, Джейсон. Сделай что-нибудь. Я живу в таком страхе. В жутком страхе… Где-то рядом ходит злодей. А я не знаю, кто он… Ведь это может быть кто угодно — ну кто угодно. Со студии… или из дома. Этот человек меня ненавидит… но за что? За что? Кто-то жаждет моей смерти… Кто

это? Ну кто? Я думала… была почти уверена… что это Элла. А теперь…

— Ты думала, что это Элла? — В голосе Джейсона послышалось удивление. — Но почему?

— Потому что она меня ненавидела… Да-да, еще как! Неужели мужчины в таких вещах ничего не смыслят? Она же была безумно влюблена в тебя. Ты, наверное, и понятия об этом не имел… Но Элла ни при чем, потому что она умерла. Джинкс, Джинкс, ну помоги мне, увези меня туда, где я буду в безопасности…

Она вскочила на ноги и быстро зашагала по комнате, ломая и выворачивая кисти рук.

Как режиссер, Джейсон с восторгом наблюдал за этими страстными, исполненными муки движениями. Надо их запомнить, подумал он. Может быть, пригодится для роли Гедды Габлер? Тут он опомнился — ведь это он наблюдает за своей женой!

Он подошел к ней и обнял ее за талию:

— Не беспокойся, Марина, все будет хорошо. Я о тебе позабочусь.

— Этот дом мне опостылел, мы должны отсюда уехать — немедленно. Я его ненавижу, этот дом, ненавижу.

— Пойми, мы не можем вот так взять и уехать.

— Почему? Почему?

— Потому что смерть — это всегда какие-то осложнения… и еще кое-что нужно иметь в виду. Разве бегство что-нибудь даст?

— Конечно. Мы убежим от человека, который меня ненавидит.

— Если кто-то ненавидит тебя так сильно, ему ничего не стоит отправиться следом за тобой.

— Ты хочешь сказать… хочешь сказать… что мне от него не убежать никогда? И я всегда буду жить в страхе?

— Дорогая моя, все будет хорошо. Я о тебе позабочусь. Ты будешь в полной безопасности.

Она прильнула к нему:

— Правда, Джинкс? Ты меня защитишь?

Она вдруг обмякла, и он помог ей опуститься в кресло.

— Я такая трусиха, — пробормотала она, — трусиха… Если бы я знала, кто это… и за что?.. Дай мне мои таблетки… желтые… коричневые не надо. Надо что-то принять, успокоиться.

— Ради бога, Марина, не принимай их слишком много.

— Хорошо… хорошо… Иногда кажется, они на меня уже не действуют.

Она подняла голову и взглянула на него. Улыб-

нулась нежной, тонкой улыбкой.

— Ты обо мне позаботишься, Джинкс? Поклянись, что позаботишься обо мне…

— Я буду заботиться о тебе всегда, — пообещал Джейсон Радд. — Пока не придет час горького расставания.

Глаза ее широко раскрылись.

— У тебя был такой странный вид, когда ты это произнес.

— Странный? Какой же именно?

— Даже не объяснишь. Ты… был похож на клоуна, который смеется над чем-то ужасно грустным, хотя другие причин для грусти не видят…

Глава 21

На следующий день инспектор Крэддок пришел к мисс Марпл. Он выглядел не лучшим образом — усталый, подавленный.

— Садитесь, устраивайтесь поудобнее, — пригласила мисс Марпл. — Вижу, несладко вам пришлось последнее время.

— Не люблю проигрывать, — сказал инспектор Крэддок. — За двадцать четыре часа — два убийства. Выходит, я не бог весть какой мастер своего дела. Тетушка Джейн, угостите меня чашечкой хорошего чая с тонким бутербродиком и успокойте мою душу воспоминаниями о былых временах в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл сочувственно прицокнула языком.

— Ну, милый мой мальчик, не стоит хандрить, и вообще мне кажется, что чай с бутербродом — не совсем то, что вам нужно. Когда джентльмен разочарован, ему требуется кое-что покрепче.

Как обычно, мисс Марпл произнесла слово «джентльмен» так, будто речь шла о какой-то диковинной особи.

— Хорошая порция виски с содовой — вот что

вам надо, — сказала она.

— В самом деле, тетушка Джейн? Что ж, не откажусь.

— Для вас я налью сама. — И мисс Марпл поднялась.

— Нет, нет, зачем же. Лучше я сам. Или ваша эта мисс, как там ее?

— Нет, мисс Найт нам здесь не нужна, — возразила мисс Марпл. — Мой чай она принесет не раньше чем через двадцать минут, так что можем спокойно и мирно побеседовать. Вы поступили очень разумно, подойдя к окну, а не позвонив в парадную дверь. Поболтаем, и никто нас не потревожит.

Она подошла к угловому шкафу, открыла его и извлекла наружу бутылку, сифон с содовой водой и стакан.

— Ну, от вас так и жди сюрприза, — сказал Дермот Крэддок. — Мне и в голову не приходило, что в вашем угловом шкафчике хранится такое. Уж не выпиваете ли вы потихоньку, тетушка Джейн?

— Будет смеяться над старухой, — пожурила его мисс Марпл. — Я никогда не была сторонницей воздержания. Обязательно надо иметь в доме что-нибудь крепенькое — на случай шока или

несчастного случая. Если что-то такое происходит, алкоголь — вещь просто бесценная. Или если неожиданно появляется джентльмен. Вот, держите! — мисс Марпл с видом победительницы протянула ему целебное средство. — И нечего вышучивать старуху. Сидите спокойно и расслабляйтесь.

— Наверное, в годы вашей молодости жены были — просто сказка, — позавидовал Дермот Крэддок.

— Уверена, мой дорогой мальчик, что молодая леди, которую вы рисуете в своем воображении, в наши дни окажется никудышной хозяйкой. В мои времена от девушек не требовался высокий интеллект, очень мало кому из них удавалось закончить университет или преуспеть в науке.

— Преуспеть в науке — это далеко не все, — сказал Дермот. — Есть вещи поважнее. Например, знать, когда мужу хочется виски с содовой.

Мисс Марпл одарила его нежной улыбкой.

— Ну, хорошо, — разрешила она. — Рассказывайте. По крайней мере столько, сколько сочтете возможным.

— Да вы, наверное, знаете не меньше моего. А то и припрятали какой-нибудь козырь. Как насчет вашей рабыни, вашей разлюбезной мисс

Найт? Что, если преступление совершила она?

— С чего бы это? — с удивлением вопросила мисс Марпл.

— С того, что она совершенно вне подозрений, — сказал Дермот. — Такие оказываются виновниками очень часто.

— Ничего подобного, — решительно возразила мисс Марпл. — Я всегда твержу — и не только вам, мой дорогой Дермот (не сочтите за фамильярность), — что преступником чаще всего оказывается именно тот, на кого подозрение падает сразу. Первым делом чаще всего подозревают жену или мужа, и чаще всего преступление совершают именно они — муж либо жена.

— Вы имеете в виду Джейсона Радда? — Он покачал головой. — Марину Грегг он просто обожает.

— Я сейчас не имела в виду никого конкретно, — заметила мисс Марпл с достоинством. — Поначалу убили миссис Бэдкок. Какой ответ напрашивался на вопрос об убийце? Муж — вот какой. И этот вариант пришлось рассмотреть. Потом мы решили, что в действительности объектом преступления была Марина Грегг, мы опять ищем человека, имеющего с ней наиболее близкие отношения, и начинаем этот поиск с

кого? С мужа. Совершенно очевидно, что мужья часто хотят от жен избавиться, хотя, конечно, в большинстве случаев дальше желания дело не идет. Но я согласна с вами, мой дорогой мальчик, что Джейсон Радд действительно всем сердцем любит Марину Грегг. Да, его можно заподозрить в очень тонкой игре, хотя я почти не могу в это поверить. К тому же у него нет никакого мотива — зачем ему от нее избавляться? Если бы он хотел жениться на другой, в наши дни нет ничего проще. Ни о какой практической выгоде речи тоже нет. Бедным его не назовешь. У него своя карьера, он ее делает, насколько я могу судить, весьма успешно. Так что надо расширить зону поисков. А это трудно. Очень трудно.

— Да, — согласился Крэддок, — вам в особенности, потому что в мире кино вы почти не ориентируетесь. Не знаете, кто на кого имеет зуб, кто с кем враждует и так далее.

— Я знаю несколько больше, чем вы полагаете, — сказала мисс Марпл. — Я тщательно проработала несколько номеров журналов «Между нами», «В мире кино», «Киносплетни», «Поговорим о кино».

Дермот Крэддок против воли рассмеялся:

— Ну вы даете! Надо же, какой пласт литерату-

ры освоили.

— Между прочим, я нашла это чтение довольно занимательным, — сказала мисс Марпл. — Стиль, правда, не очень, если можно назвать это стилем. Отчасти я разочарована — со времен моей молодости ничего нового в этих журналах не появилось. Тогда были журналы «Современное общество», «Пикантные новости» и тому подобное. Сплетни. Скандальные истории. Только и пишут, кто в кого влюбился и так далее. В Сент-Мэри-Мид сплетни на том же уровне. И в Новых Домах тоже. Человеческая природа везде одинакова. И опять-таки возникает вопрос: кому так приспичило убить Марину Грегг, что после неудачи он продолжает слать письма с угрозами и даже повторяет попытки. Наверное, у этого человека… — И она легонько постучала пальцем по лбу.

— Да, — согласился Крэддок. — Вполне возможно. Только симптомы таких заболеваний не всегда проявляются.

— Еще бы, — с жаром согласилась мисс Марпл. — Второй сын старой миссис Пайк, Артур, всегда казался совершенно нормальным и разумным. Можно сказать, до крайности пресным, но на самом деле психика у него была в

высшей степени ненормальная. То есть он был просто опасен. А с виду вполне счастливый, всем довольный, да и миссис Пайк всегда это про него говорила, а сейчас он в психиатрической лечебнице «Фэйруэйс». Там его хорошо понимают, доктора говорят — крайне интересный случай. И ему это очень приятно. Так что конец у этой истории счастливый, но раз-другой миссис Пайк, как говорится, едва ноги унесла.

Крэддок мысленно перебрал всех из окружения Марины Грегг, кто мог бы страдать тем же заболеванием, что и второй сын миссис Пайк.

— Итальянский дворецкий, — продолжала мисс Марпл, — которого убили. В день своей смерти он ездил в Лондон. Кому-нибудь известно, что он там делал? Если вы, конечно, можете этим со мной поделиться, — понимающе добавила она.

— В Лондон он приехал днем, в половине двенадцатого, — сказал Крэддок. — Чем он там поначалу занимался, никому не известно, но без четверти два он появился в банке и внес пятьсот фунтов наличными. Могу сказать также, что причина, по которой он якобы поехал в Лондон — навестить больного родственника или какого-то родственника, попавшего в беду, — не подтвердилась. Ни у кого из родственников он в

тот день не был.

Мисс Марпл многозначительно кивнула головой.

— Пятьсот фунтов, — повторила она. — Весьма любопытная сумма, правда? Вам не кажется, что это был только первый из целой серии подобных вкладов?

— Очень может быть, — согласился Крэддок.

— Возможно, у человека, которому он угрожал, больше наличных денег просто не нашлось. Дворецкий мог сделать вид, что эта сумма его вполне устраивает, или взять ее в виде первого взноса, а остальные деньги шантажируемый обещал добыть в ближайшем будущем. Едва ли убийца Марины Грегг — это человек в стесненных обстоятельствах, который решил устроить ей свою частную вендетту. Пожалуй, надо отбросить и другую версию: кто-то специально нанялся работать на студию либо слугой или садовником в дом. Правда, такой вариант все же возможен, — поправилась мисс Марпл, — если человек этот был лишь исполнителем, а наниматель жил где-то в другом месте. Отсюда поездка в Лондон.

— Именно. В Лондоне сейчас Ардуик Фенн, Лола Брюстер и Марго Бенс. Все они были на приеме. Все они могли встретиться в Лондоне с Джузеппе

в условленном месте между одиннадцатью и без четверти два. В эти часы Ардуика Фенна в его конторе не было, Лола Брюстер ушла из своего номера и ходила по магазинам, Марго Бенс в студии тоже не было. Кстати…

— Да? — откликнулась мисс Марпл. — Вы хотели что-то сказать?

— Вы спрашивали, — вспомнил Дермот, — насчет детей. Которых усыновила и удочерила Марина Грегг, когда еще не знала, что у нее может появиться свой ребенок.

— Спрашивала.

Крэддок рассказал, что он об этом выяснил.

— Марго Бенс… — задумчиво произнесла мисс Марпл. — А у меня ведь было ощущение, что тут как-то замешаны дети…

— Не представляю, чтобы после стольких лет…

— Конечно. Конечно. Такое трудно себе представить. Но много ли вы, мой дорогой Дермот, знаете о детях? Вспомните собственное детство. Был ли там какой-нибудь случай, какое-нибудь событие, весьма пустячное и несущественное, но заставившее вас страдать, печалиться или переживать? Нечто, вызвавшее у вас боль, чувство стойкой обиды? Была, если помните, такая мудрая книжка, написал ее замечательный писатель, мистер

Ричард Хьюз. Забыла, как она называется, но там речь идет о детях, которые попали в ураган. Да, ураган на Ямайке. И что произвело на них самое сильное впечатление? Их кот, который, ополоумев, носился по дому. Именно это врезалось в их память. В этом впечатлении сосредоточились весь ужас, возбуждение и страх, какие они тогда испытали.

— Странно, что вы об этом рассказали, — почесав затылок, произнес Крэддок.

— Вам это о чем-то напомнило?

— Да, о смерти моей матери. Мне тогда, кажется, было пять лет. Или шесть. Я сидел в детской и ужинал, уплетал рулет с джемом. Я его очень любил. И тут заходит кто-то из слуг и говорит моей гувернантке: «Какой ужас! Миссис Крэддок убилась, несчастный случай…» Когда я думаю о смерти матери, знаете, что я вижу?

— Что?

— Тарелку с рулетом, я сижу и смотрю в нее. И вижу, причем сейчас так же отчетливо, как тогда, что с одной стороны сильно выдавился джем. Я не заплакал, ничего не сказал. Просто сидел, будто меня пригвоздили к месту, и смотрел на рулет. И знаете, даже сейчас, если в магазине, ресторане, у кого-нибудь дома я вижу рулет с

джемом, меня окатывает волна ужаса, горечи и отчаяния. Иногда не сразу понимаю почему. Вам не кажется, что тут какая-то патология?

— Нет, — решительно возразила мисс Марпл. — Мне это кажется абсолютно естественным. Интересно… Это наводит меня на одну мысль…

Открылась дверь, и с подносом для чая появилась мисс Найт.

— Боже, боже, — воскликнула она. — Да у нас гости! Как чудесно! Здравствуйте, инспектор Крэддок. Сейчас я принесу вам чашечку.

— Не беспокойтесь, — отозвался Дермот. — Меня тут потчуют напитком покрепче.

Мисс Найт вышла, но тут же сунула голову в дверной проем.

— Простите, мистер Крэддок, можно вас на минуточку?

Дермот проследовал за ней в холл. Она завела его в столовую и плотно прикрыла дверь.

— Вы уж, пожалуйста, поосторожнее, — попросила она.

— Поосторожнее? В каком смысле?

— С нашей дорогой старушкой. Она всем так живо интересуется, но, если она будет возбуждаться из-за всяких убийств и прочих безобразий, как бы это не отразилось на ее здоровье. Мы же не

хотим, чтобы ее одолевали мрачные думы, по ночам мучили кошмары. Возраста она преклонного, существо хрупкое, ей нужна жизнь без тревог и волнений. Она так и живет. А все эти разговоры об убийствах, бандитах и прочих ужасах — это для нее очень, очень вредно.

Дермот смотрел на нее с легким изумлением.

— Не думаю, — мягко произнес он, — что наши с вами рассказы об убийствах могут как-то потрясти или сверх меры взволновать мисс Марпл. Уверяю вас, дорогая мисс Найт, что мисс Марпл способна воспринимать убийства, внезапные смерти и вообще любые преступления с полнейшей невозмутимостью.

Он вернулся в комнату мисс Марпл, а мисс Найт, негодующе причитая, проследовала за ним. За чаем она пыталась вести разговор, особо выделяя политические новости, вычитанные из газеты, и распространяясь на разные веселые, как ей казалось, темы. Когда она наконец забрала поднос с чаем и закрыла за собой дверь, мисс Марпл вздохнула с глубоким облегчением.

— Наконец-то можно спокойно поговорить. Иногда мне хочется ее убить, надеюсь, до этого дело не дойдет. Так вот, Дермот, меня интересует кое-что еще.

— Да? Что же?

— Я хочу четко уяснить, что именно произошло во время приема. Приехала миссис Бэнтри, вскоре появился викарий. Потом прибыли мистер и миссис Бэдкок, а на лестнице в это время находились мэр с женой, этот тип Ардуик Фенн, Лола Брюстер, журналист из газеты «Геральд энд Аргус», что издается в Мач-Бенэме, и девушка-фотограф, Марго Бенс. Марго Бенс, как вы сказали, расположилась с фотоаппаратом на лестнице и снимала встречу гостей. Вы эти фотографии видели?

— Собственно, одну из них я принес показать вам.

Из кармана он вытащил фотографию. Мисс Марпл впилась в нее взглядом. На снимке была Марина Грегг, позади ее и немного сбоку стоял Джейсон Радд. Артур Бэдкок, чуть прикрыв лицо рукой, в некотором смущении стоял в стороне, а его жена держала Марину Грегг за руку, смотрела на нее и что-то рассказывала. Марина же не смотрела на миссис Бэдкок. Она смотрела куда-то ей через голову — казалось, прямо в камеру или чуть левее.

— Какой интересный снимок, — вымолвила мисс Марпл. — Мне по-разному описывали этот взгляд на ее лице. Застывший взгляд. Пожалуй,

эта характеристика верна. Еще было так: ей словно явилась ее судьба. Не знаю… Тут скорее паралич чувств… Вам не кажется? По-моему, это не страх, хотя страх, конечно, может довести человека до такого состояния. Тебя словно парализует от страха. Все-таки, мне кажется, тут что-то другое. Скорее шок. Дермот, мой дорогой мальчик, скажите, записано ли у вас, что именно Хитер Бэдкок говорила Марине Грегг в эту минуту? Примерную суть я, конечно, знаю, но хотелось бы почти дословно. У вас, наверное, есть показания разных людей.

Дермот кивнул:

— Да. Сейчас соображу. Ваша подруга миссис Бэнтри, потом Джейсон Радд и, если не ошибаюсь, Артур Бэдкок. Их показания слегка отличаются друг от друга в смысле словесной оболочки, вы правы, но суть одна.

— Понятно. Как раз варианты меня и интересуют. Они могут нам помочь.

— Но как? — усомнился Дермот. — Ладно, вам и карты в руки. Пожалуй, четче других рассказ миссис Бэдкок описала ваша подруга, миссис Бэнтри. Насколько я помню… погодите… многие записи я ношу с собой.

Он вытащил из кармана небольшой блокнот и

заглянул в него, чтобы освежить память.

— Это не стенограмма, — сказал он, — а приблизительный смысл. Видимо, миссис Бэдкок была очень весела, даже игрива и чрезвычайно собой довольна. Сказала она примерно следующее: «Вы не представляете, какая это для меня радость. Вы, конечно, не помните, но много лет назад вы приехали на Бермуды… У меня была ветряная оспа, но я все равно поднялась с постели и пошла на встречу с вами, вы дали мне автограф, и это один из ярчайших дней в моей жизни, я его никогда не забуду».

— Понятно, — сказала мисс Марпл. — Место она назвала, а дату — нет, так?

— Так.

— А вариант Радда?

— Джейсона Радда? Миссис Бэдкок сказала его жене, что поднялась с постели, несмотря на грипп, пошла на встречу с Мариной и все равно взяла у нее автограф. Он был чуть более краток, чем ваша подруга, но суть та же.

— А время и место он не упомянул?

— Нет. Кажется, нет. Хотя… сказал, что дело было лет десять — двенадцать назад.

— Понятно. А мистер Бэдкок?

— Мистер Бэдкок… Его жена пришла в неопису-

емый восторг, когда узнала, что увидит Марину Грегг. Она всю жизнь была ее большущей поклонницей; еще совсем девчонкой, лежа больная в постели, она все-таки выбралась на встречу с мисс Грегг и даже взяла у нее автограф. В подробности он не вдавался — видимо, эта история случилась задолго до того, как они поженились. Мне показалось, что этому событию он не придавал большого значения.

— Понятно, — сказала мисс Марпл. — Да, понятно…

— Что понятно?

— Не все, к сожалению, — честно призналась мисс Марпл. — Но у меня такое ощущение, что стоит только узнать, почему она решила испортить свое новое платье…

— Кто? Миссис Бэдкок?

— Да. Это такой странный поступок… совершенно необъяснимый… если только не… ну, конечно… Господи, как же можно быть такой глупой!

В эту минуту дверь открылась, вошла мисс Найт и тут же щелкнула выключателем.

— По-моему, нам нужен свет, — бодро заявила она.

— Вы совершенно правы, мисс Найт, — вос-

кликнула мисс Марпл. — Нам был нужен свет. И мне кажется, наконец-то свет забрезжил.

Аудиенция явно подошла к концу, и Крэддок поднялся.

— Остается, как я понимаю, только одно, — сказал он. — Вам надлежит рассказать, что именно из вашего прошлого занимает вас в данную минуту.

— Все надо мной из-за этого подтрунивают, но, признаюсь, мне вдруг вспомнилась горничная Лористонов.

— Горничная Лористонов? — Крэддок был явно заинтригован.

— Ей, конечно, — начала мисс Марпл, — приходилось подходить к телефону и отвечать на звонки, но не сказать, что она здорово с этим управлялась. Ей что-то передадут, и общий смысл она ухватит, но запишет все так, что иногда выходила полная ерунда. Наверное, у нее хромала грамматика. Случались прямо-таки настоящие казусы. Одну историю я помню. Некий мистер Берроуз, если не путаю, позвонил и передал, что он встречался с мистером Элвастоном по поводу сломанного забора, но ремонт забора — это совсем не его дело. Забор находится на другой стороне собственности, и он хочет уточнить,

действительно ли это так, а уж потом действовать дальше, от этого зависит, браться ему за это дело или нет, и прежде чем обращаться к стряпчим, ему нужен четкий план территории. Сами видите, какая вышла невнятица. Картина не прояснилась, а только затуманилась.

— Раз вы называете ее горничной, — со смешком сказала мисс Найт, — это должна быть очень старая история. Я уж бог знает сколько лет ни про каких горничных не слышала.

— Да, давненько дело было, — согласилась мисс Марпл, — но человеческая природа с тех пор не изменилась. И причины ошибок все те же. Господи, — добавила она, — какое счастье, что эта девочка в Борнмауте и ей ничто не угрожает.

— Девочка? Какая девочка? — спросил Дермот.

— Та, которая шьет платья и собиралась в тот день встретиться с Джузеппе. Как ее зовут… Глэдис…

— Глэдис Диксон?

— Да, она самая.

— Она в Борнмауте? А вам-то, черт возьми, откуда это известно?

— Известно, — сказала мисс Марпл, — потому что в Борнмаут ее послала я.

— Что? — Дермот уставился на нее. — Вы? По-

чему?

— Я с ней встретилась, — объяснила мисс Марпл, — дала денег и велела ей взять отпуск и ничего не писать домой.

— Да почему же вы это сделали?

— Потому что не хотела, чтобы ее убили, неужели не ясно? — И мисс Марпл, близоруко прищурившись, безмятежно заморгала глазами.

Глава 22

— Такое милое письмо пришло от леди Конуэй, — сказала мисс Найт два дня спустя, ставя перед мисс Марпл поднос с завтраком. — Помните, я вам про нее рассказывала? Немножко, знаете ли… — она постучала пальцем по лбу, — не все дома. И память никуда не годится. Никогда не узнает своих родственников и велит им убираться.

— Вполне возможно, что это не потеря памяти, — заметила мисс Марпл, — а просто хитрость.

— Ну уж, ну уж, — закудахтала мисс Найт. — Мы сегодня прямо расшалились. Она проводит зиму в отеле «Белгрейв», в Ландадно. Прекрасный отель с постоянными жильцами. Красивейшие места, шикарная застекленная терраса. Она умоляет меня приехать к ней. — Она вздохнула.

Мисс Марпл выпрямилась в постели.

— Но послушайте, — стала увещевать она, — если вас там хотят видеть… если вы там нужны и сами хотите поехать…

— Нет-нет, я и слышать об этом не желаю! — воскликнула мисс Найт. — Господи, да у меня и

мыслей таких не было. Ведь что сказал мистер Реймонд Уэст? Что у меня здесь, скорее всего, работа постоянная. А как же я могу не выполнить свои обязательства? Это я просто мимоходом упомянула, так что, моя дорогая, не тревожьтесь, — добавила она, похлопав мисс Марпл по плечу. — Брошенными мы не останемся. Нет, ни в коем случае! За нами будут ухаживать, нас будут ублажать и нам будет счастливо и уютно.

Она вышла из комнаты. Мисс Марпл сидела с решительным видом, уставившись на поднос, но не притрагиваясь к пище. Наконец она сняла телефонную трубку и энергично набрала номер.

— Доктор Хейдок?

— Да?

— Это Джейн Марпл.

— Что-нибудь случилось? Требуется моя профессиональная помощь?

— Нет. Но я хочу вас видеть как можно быстрее.

Доктор Хейдок застал мисс Марпл еще в постели, она сидела и ждала его.

— Вид у вас — здоровее не бывает, — не без сожаления заметил он.

— Поэтому я и хотела вас видеть. Чтобы вы убедились: я прекрасно себя чувствую.

— Редкий повод для вызова доктора.

— Я совершенно здорова, у меня ничего не болит, и держать человека в доме — это чистейший абсурд. Все равно ко мне каждый день приходят делать уборку, не вижу надобности в том, чтобы кто-то жил здесь постоянно.

— Вы не видите, а я вижу, — сказал доктор Хейдок.

— По-моему, вы превращаетесь в старую наседку, — довольно невежливо бросила мисс Марпл.

— Попрошу не обзываться! Да, для вашего возраста вы чувствуете себя прилично; вас слегка подкосил бронхит, для людей пожилых он нежелателен. Но в вашем возрасте оставаться одной в доме — это риск. Упадете вечером на лестнице, вывалитесь во сне из кровати, поскользнетесь в ванной. Будете себе лежать, и никто об этом не узнает.

— Выдумать можно что угодно, — парировала мисс Марпл. — Скажем, мисс Найт упадет на лестнице, я примчусь посмотреть, что там стряслось, и упаду через нее.

— Что это вы так распетушились? — вопросил доктор Хейдок. — Вы пожилой человек, за вами нужен надлежащий уход. Вам не нравится эта ваша женщина? Смените ее на другую.

— Не так это просто, — пробурчала мисс Марпл.

— Найдите кого-нибудь из ваших старых служанок, с кем вы уживались, кто жил в этом доме раньше. Я знаю, эта старая квочка вас раздражает. Меня бы она раздражала тоже. Но ваши старые служанки — где-то ведь они есть. Ваш племянник — популярнейший писатель. Вы только найдите, кого нужно, а уж он раскошелится.

— Конечно, дорогой Реймонд все сделает. Он так щедр и великодушен. Но попробуй найди нужного человека! У молодых своя жизнь, а из моих старых, преданных служанок большинство, увы, уже на том свете.

— А вы на этом, — заявил доктор Хейдок, — и проживете еще о-го-го сколько, если будете следить за собой.

Он поднялся.

— Что ж, задерживаться здесь мне незачем. Ясно, что вы в добром здравии. Не буду тратить время и мерить вам давление, щупать пульс и задавать всякие вопросы. Эта местная сенсация — лучше лекарства для вас не придумать, вы жалеете только, что не можете запустить в нее свой нос еще глубже. До свидания, меня ждут настоящие больные. От восьми до десяти случаев

коревой краснухи, человек шесть лежит с коклюшем, есть подозрение на скарлатину, я уж не говорю о моих постоянных пациентах!

И доктор Хейдок, пребывая в хорошем настроении, упорхнул… но мисс Марпл сидела, нахмурив лоб… Что-то такое он сказал… Что же? Навестить пациентов… обычные для деревни заболевания… Обычные? Мисс Марпл деловито отодвинула от себя поднос с завтраком. И позвонила миссис Бэнтри.

— Долли? Это Джейн. Хочу вас кое о чем спросить. Слушайте внимательно. С ваших слов инспектор Крэддок знает, что в тот день Хитер Бэдкок рассказала Марине Грегг долгую и бессмысленную историю про то, как она заболела ветряной оспой, но все равно поднялась, пошла на встречу с Мариной и взяла у нее автограф. Все так?

— Более или менее.

— Ветряной оспой?

— Кажется. Миссис Олкок все это время приставала ко мне насчет водки, и их разговор я слышала краем уха.

— Вы уверены, — мисс Марпл затаила дыхание, — что речь шла не о коклюше?

— О коклюше? — миссис Бэнтри явно удиви-

лась. — Абсолютно уверена. Будь у нее коклюш, ей не пришлось бы так пудриться да прихорашиваться.

— Понятно… Она что же, распространялась насчет косметики?

— Во всяком случае, сказать она про это сказала… Она была не из тех, кто помешан на косметике. Но, кажется, вы правы, речь шла не о ветряной оспе… Может быть, о крапивнице?

— Вы так говорите только потому, — холодно заметила мисс Марпл, — что у вас самой когда-то была крапивница и вы не смогли пойти на свадьбу. Вы просто безнадежны, Долли, совершенно безнадежны.

Она бухнула трубку на рычаг, хотя мисс Бэнтри пыталась что-то сказать в свое оправдание.

Мисс Марпл раздраженно заурчала — так урчат кошки, когда страшно чем-то недовольны. Для разнообразия она задумалась о собственном комфорте. Как насчет Вернейшей Флоренс? Вернейшая Флоренс — эта женщина-гренадер, ее бывшая горничная, — поддастся ли она на уговоры и покинет ли свой уютный домик ради того, чтобы вернуться в Сент-Мэри-Мид и ухаживать за своей стародавней хозяйкой? Вернейшая Флоренс всегда была ей так преданна. Но по-

ди ее вытащи из уютного домика. Мисс Марпл огорченно покачала головой. Тут кто-то бойко забарабанил в дверь. В ответ на «войдите» на пороге появилась Черри.

— Пришла за подносом, — объяснила она. — Что-нибудь случилось? Вид у вас больно расстроенный.

— Я чувствую себя такой беспомощной, — пожаловалась мисс Марпл. — Старой и беспомощной.

— Будет вам, — сказала Черри, забирая поднос. — Какая же вы беспомощная? Вы не представляете, какие про вас ходят разговоры! Вас в Новых Домах теперь знают почти все! Наслышаны про ваши подвиги! И никто не считает вас старой и беспомощной. Это она вбивает такие мысли вам в голову.

— Она?

Черри энергично кивнула головой назад, в сторону двери.

— Вот эта сюсюкалка, — заявила она. — Ваша мисс Найт. И не позволяйте ей вас расстраивать.

— Вообще-то она очень добрая, — сказала мисс Марпл. — Очень добрая, — добавила она, как бы уговаривая себя самое.

— Знаем мы эти медвежьи услуги. Вам же не надо, чтобы кто-то со своей добротой въедался

вам в печенки?

— Да что там, — со вздохом вымолвила мисс Марпл. — У каждого из нас своих печалей хватает.

— Это точно, — согласилась Черри. — Не люблю жаловаться, но иногда мне кажется, что, если так и буду жить по соседству с миссис Хартуэлл, добром дело не кончится. Эта старая мымра только и делает, что сплетничает да скулит. И у Джима терпение лопнуло. Вчера вечером он с ней схлестнулся, да еще как! Мы слушали «Мессию» Генделя, и ей, видите ли, не понравилось, что громко. Вы же ничего не имеете против «Мессии»? Все-таки религиозная вещь.

— А она была против?

— Не то слово. Давай лупить по стене и орать.

— Наверное, музыка играла слишком громко? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Джиму так больше нравится. Он говорит, что весь спектр звука можно прослушать только на полной мощности.

— Боюсь, — предположила мисс Марпл, — человеку без музыкального слуха такое может прийтись не по нраву.

— В этих домах не стены, а папиросная бумага, — посетовала Черри. — Если вдуматься, я

от этого нового дома не в большом восторге. С виду конфетка, но нет возможностей выразить свою личность: чуть что — тебе живо включают красный свет.

Мисс Марпл улыбнулась:

— Вы действительно личность, Черри, вам есть что выражать.

— Правда? — И Черри, довольная, засмеялась. — Знаете что? — начала она и запнулась. Отчего-то вдруг смутилась. Положила поднос и вернулась к кровати. — Вы уж не сочтите за наглость… Если что, скажите просто «нет», и весь разговор.

— Нужно, чтобы я для вас что-то сделала?

— Не совсем. Я насчет комнат над кухней. Ими ведь сейчас никто не пользуется, да?

— Да.

— Я слышала, в них раньше жил садовник с женой. Только давно. Вот я и подумала… мы с Джимом подумали… что, если нам их занять? Переселиться сюда, и все тут.

Мисс Марпл уставилась на нее в изумлении.

— Но как же ваше чудесное новое жилище в Новых Домах?

— Да надоело оно нам. Там, конечно, все по-современному, так ведь осовременить можно что угодно, к тому же тут свободного места вагон. А

уж если Джиму отдать комнату над конюшнями… Он ее приведет в божеский вид, да и свои модели сможет там держать, не надо будет всякий раз от них избавляться. А если мы и стерео туда поставим, оно вам совсем не будет мешать.

— Вы это серьезно, Черри?

— Ну да. Мы с Джимом не один раз про это говорили. А Джим вам все что хотите отремонтирует — руки-то у него золотые. А я присмотрю за вами не хуже вашей мисс Найт. Знаю, вы думаете, я кое-что делаю шаляй-валяй, но обещаю, что убирать постели и мыть посуду буду как следует… а насчет готовки я вроде и так уже здорово наловчилась. Вчера вечером даже сделала бефстроганов, и оказалось — ничего страшного.

Мисс Марпл смотрела на нее, размышляя.

Черри походила на шаловливого котенка — бойкая, жизнерадостная. Ну а Вернейшая Флоренс? Вернейшая Флоренс, разумеется, будет содержать дом в большем порядке — насчет обещания Черри мисс Марпл не сильно обольщалась. Но Вернейшей Флоренс по меньшей мере шестьдесят пять лет. И захочет ли она покинуть свое гнездышко? Может, и захочет, потому что предана мисс Марпл всей душой. Но самой мисс Марпл — нужна ли ей такая жертва? Разве она

мало страдает от преданности и рвения, с какими исполняет свой долг мисс Найт?

Что же касается Черри… По хозяйству она не очень, зато перебраться сюда хочет сама. И наделена качествами, которые сейчас для мисс Марпл важнее всего на свете.

Человек она душевный, живой, всем интересуется…

— Только я, конечно, не хочу, — сказала Черри, — как-то договариваться за спиной мисс Найт…

— О мисс Найт не беспокойтесь, — перебила ее мисс Марпл, принимая решение. — Она переберется к некой леди Конуэй в Ландадно — и будет там абсолютно счастлива. Надо все обсудить, Черри, и я хотела бы поговорить с вашим мужем… если вы действительно считаете, что будете здесь счастливы…

— Нас все устраивает целиком и полностью, — прощебетала Черри. — А делать все я буду на совесть, не сомневайтесь. Согласна даже подметать веником и совком, если хотите.

Это было поистине королевское предложение — мисс Марпл даже рассмеялась.

Черри снова взяла поднос с остатками завтрака.

— Помчусь. А то я сегодня к вам припозднилась — заслушалась про несчастного Артура Бэдкока.

— Артур Бэдкок? А что с ним случилось?

— Вы разве не слышали? Он сейчас в полиции. Его попросили прийти и «помочь в расследовании», а вы сами знаете, что ничего хорошего это не сулит.

— Когда это произошло?

— Сегодня утром. Наверное, — добавила Черри, — это из-за того, что он когда-то был женат на Марине Грегг.

— Что-о? — Мисс Марпл от удивления распрямила спину. — Артур Бэдкок был женат на Марине Грегг?

— Представьте себе, да. Никто об этом и понятия не имел. Эту новость запустил мистер Апшо. Он несколько раз был в Штатах по делам компании, и кое-какие тамошние сплетни ему известны. А было это очень давно. Тогда Марина Грегг ничего собой не представляла. Поженились они, а через пару лет она на каком-то фильме прославилась, премию получила, и сразу оказалось, что он ей не ровня, вот они и развелись потихоньку, по-американски, и он, если так можно выразиться, слинял. Он из таких, Артур Бэдкок. Не любитель поднимать шумиху. Сменил фамилию и вернулся

в Англию. Но все это было бог знает когда. Казалось бы, к сегодняшнему дню какое это имеет отношение? А вот поди ж ты, оказывается, имеет. По крайней мере, полиция к чему-то там прицепилась.

— Неужели? — воскликнула мисс Марпл. — Неужели? Не может быть. Я и предположить не могла… Так, минуточку. — Она подала Черри знак. — Черри, заберите поднос и пришлите сюда мисс Найт. Я встаю.

Черри повиновалась. Мисс Марпл оделась, пальцы ее слегка подрагивали. Когда что-то приводило ее в возбуждение, она страшно раздражалась. Она одергивала на себе платье, и тут появилась мисс Найт.

— Вы меня звали? Черри сказала…

Мисс Марпл резко оборвала ее.

— Инча сюда, — распорядилась она.

— Простите, кого? — озадаченно переспросила мисс Найт.

— Инча, — повторила мисс Марпл. — Давайте Инча. Позвоните ему, пусть немедленно приезжает.

— Ага, ага, поняла. Вы имеете в виду такси. Но разве его зовут не Робертс?

— Для меня, — заявила мисс Марпл, — он Инч

и всегда им останется. Короче, пусть приезжает. И немедленно.

— Хотите немного прокатиться?

— Позвоните ему, сделайте милость. И побыстрее, пожалуйста.

Мисс Найт с сомнением посмотрела на мисс Марпл и исполнила приказание.

— Но мы хорошо себя чувствуем, дорогая моя, ведь правда? — взволнованно спросила она.

— Мы обе очень хорошо себя чувствуем, — отрезала мисс Марпл. — В особенности я. Бездеятельность меня не устраивает и не устраивала никогда. Мне уже давно не хватает живой, кипучей деятельности.

— Это вас миссис Бейкер чем-то расстроила?

— Никто меня не расстроил, — возразила мисс Марпл. — Я чувствую себя прекрасно. Я сержусь на себя за собственную глупость — что есть, то есть. С другой стороны, пока доктор Хейдок сегодня утром не намекнул мне… Надо проверить, верно ли я помню. Где мой медицинский справочник? — Она отмахнулась от мисс Найт как от назойливой мухи и решительно направилась вниз по лестнице.

Искомую книгу она обнаружила на полке в гостиной. Вытащив ее, она посмотрела оглавление,

пробормотала:

— Страница двести десять, — открыла на этой странице книгу, несколько мгновений читала, потом удовлетворенно кивнула головой. — В высшей степени поразительно, — сказала она, — и в высшей степени любопытно. Думаю, эта мысль не приходила в голову никому. Да и мне она пришла, когда удалось кое-что сопоставить.

Потом она покачала головой, и между глаз ее пролегла морщинка. Эх, будь там еще кто-нибудь…

Она прокрутила в мозгу разные описания этой сцены…

В глазах ее мелькнул огонек. Да, там был еще один человек, но будет ли от него какой-нибудь толк? Никогда не знаешь, чего ждать от этого викария. Совершенно непредсказуемый человек.

Тем не менее она подошла к телефону и набрала номер.

— Доброе утро, викарий, это мисс Марпл.

— Да-да, мисс Марпл, чем могу быть полезен?

— У меня к вам небольшой вопрос. Речь идет о дне приема, когда умерла несчастная миссис Бэдкок. Если не ошибаюсь, когда появились мистер и миссис Бэдкок, вы стояли рядом с мисс Грегг?

— Да… да… я поднялся как раз перед ними.

Такая трагедия.

— Да, еще бы. И кажется, миссис Бэдкок напомнила мисс Грегг, что они встречались много лет назад на Бермудах. Она была больна, но встала с постели специально, чтобы встретиться с мисс Грегг.

— Да-да, я это помню.

— А не помните, не называла ли миссис Бэдкок болезнь, которая у нее тогда была?

— Кажется… сейчас… да, это была корь… только не настоящая… коревая краснуха… это куда менее серьезно. Некоторые вообще переносят ее на ногах. Помню, моя двоюродная сестра Кэролайн…

Мисс Марпл решительно прервала готовые грянуть воспоминания о двоюродной сестре Кэролайн.

— Большое спасибо, викарий, — сказала она и повесила трубку.

Удивительное все-таки дело. Одна из величайших тайн Сент-Мэри-Мид заключалась в следующем: как викарию удается о некоторых вещах начисто забывать? С этой тайной успешно соперничала другая: как викарию удается о некоторых вещах помнить?

— Такси прибыло, дорогая, — ворвавшись с улицы, объявила мисс Найт. — Старая развалюха, да

и грязная. Не хотелось бы мне, чтобы вы в таком ехали. Какой-нибудь микроб недолго подцепить.

— Чепуха, — отрубила мисс Марпл. Водрузив на голову шляпу, застегнув доверху летнее пальто, она направилась к поджидавшему ее такси. — Доброе утро, Робертс, — приветствовала она водителя.

— Доброе утро, мисс Марпл. Вы сегодня раненько. Куда поедем?

— В Госсингтон-Холл, если нетрудно.

— Пожалуй, я поеду с вами, дорогая, — вызвалась мисс Найт. — Я минутку, только уличные туфли надену.

— Нет, спасибо, — решительно возразила мисс Марпл. — Управлюсь сама. Поехали, Инч. То есть Робертс.

Мистер Робертс поехал, пространно заметив:

— Н-да, Госсингтон-Холл. Там все переменилось, как и везде. Кругом строительство! В жизни не думал, что Сент-Мэри-Мид так разрастется.

В Госсингтон-Холле на звонок мисс Марпл откликнулся преемник Джузеппе, человек в летах, уже не вполне доверявший своим ногам.

— Мистер Радд, — с сомнением в голосе сказал он, — никого не принимает, мадам, если заранее не назначено. Тем более сегодня…

— Мне не назначено. — Тут же мисс Марпл добавила: — Но я подожду.

Она быстро прошла мимо него в холл и села в кресло.

— Боюсь, мадам, сегодня утром это невозможно.

— В таком случае я буду ждать до наступления дня.

Сбитый с толку, новый дворецкий удалился. Вскоре к мисс Марпл вышел молодой человек, обладатель приятных манер и веселого, с легким американским акцентом, голоса.

— А я вас однажды видела, — сделала первый ход мисс Марпл. — В Новых Домах. Вы спрашивали у меня, как пройти на Бленхейм-клоуз.

Хейли Престон добродушно улыбнулся:

— Не сомневаюсь, что вы хотели как лучше, но отправили меня совершенно не туда.

— Господи, да неужели? — воскликнула мисс Марпл. — Этих клоузов тут столько, немудрено перепутать. Я могу видеть мистера Радда?

— Честно говоря, вы выбрали крайне неудачное время, — сказал Хейли Престон. — Мистер Радд — очень занятой человек, к тому же… сегодня с утра у него много работы, и тревожить его нельзя.

— Не сомневаюсь, что он очень занят. Я готова

подождать.

— Я бы предложил вам поделиться целью вашего визита со мной. У нас так заведено. Я ведь секретарь мистера Радда, так что сначала надо пообщаться со мной.

— Боюсь, — разочаровала его мисс Марпл, — что мне нужен мистер Радд лично. А ждать, — добавила она, — я готова, сколько понадобится.

И поудобнее уселась в большом дубовом кресле.

Хейли Престон заколебался, хотел что-то сказать, потом повернулся и ушел наверх.

Вскоре он привел дородного мужчину в твидовом костюме.

— Это доктор Гилкрист, мисс…

— Мисс Марпл.

— Так вы — мисс Марпл! — воскликнул доктор Гилкрист. Он смотрел на нее с большим интересом.

Хейли Престон проворно скрылся из виду.

— Я о вас слышал, — заговорил доктор Гилкрист. — От доктора Хейдока.

— Доктор Хейдок — мой очень старый друг.

— Да, разумеется. Итак, вы хотите видеть Джейсона Радда. Зачем?

— У меня на то серьезные причины.

Глаза доктора Гилкриста внимательно оглядели ее.

— И вы готовы караулить его здесь сколько придется?

— Именно.

— Что ж, — сказал доктор Гилкрист. — Тогда знайте, что есть весьма серьезная причина, которая не позволит вам увидеть мистера Радда. Ночью во сне умерла его жена.

— Умерла! — воскликнула мисс Марпл. — Но как?

— Приняла чрезмерную дозу снотворного. Мы пока не хотим, чтобы эта новость просочилась в прессу. Поэтому прошу вас некоторое время держать ее при себе.

— Разумеется. Это был несчастный случай?

— Лично я считаю, что именно так, — сказал Гилкрист.

— Но могло быть и самоубийство.

— Могло, но это маловероятно.

— Или кто-то мог ей эту дозу дать?

Гилкрист пожал плечами:

— Едва ли. К тому же, — строго добавил он, — доказать такое практически невозможно.

— Понятно. — Мисс Марпл вобрала в себя воздух. — Простите, но теперь мне совершенно

необходимо увидеть мистера Радда.

Гилкрист взглянул на нее.

— Подождите здесь.

Глава 23

При появлении Гилкриста Джейсон Радд поднял голову.

— Внизу пожилая дама, — сообщил доктор. — Лет под сто. Хочет видеть вас. Ничего не желает слышать и говорит, что будет ждать. Прождет целый день, а то и вечер, а если надо, и ночь — сил у нее хватит. Она явно хочет сказать вам что-то важное. На вашем месте я бы с ней встретился.

Джейсон Радд посмотрел на него. Он был бледен, во взгляде сквозила усталость.

— У нее что, плохо с головой?

— Хорошо. И даже очень.

— Не понимаю, почему я... Впрочем, ладно. Пусть поднимется. Какая разница?

Гилкрист кивнул, вышел из комнаты и кликнул Хейли Престона.

— Мистер Радд готов уделить вам несколько минут, мисс Марпл, — объявил Хейли Престон, снова возникнув в холле.

— Спасибо. Очень любезно с его стороны, — сказала мисс Марпл, поднимаясь с кресла. — А вы давно работаете у мистера Радда?

— Два с половиной года. Контакты, связи, ре-

клама — это все на мне.

— Понятно. — Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него. — Вы мне очень напоминаете, — добавила она, — человека по имени Джералд Френч.

— В самом деле? И чем же этот Джералд Френч занимался?

— Да так, ничем. Правда, был очень красноречив, — мисс Марпл вздохнула. — У него было очень тяжелое прошлое.

— Вот как, — отозвался Хейли Престон, которому стало несколько не по себе. — Какое же именно?

— Не буду об этом распространяться. Вспоминать свое прошлое он не любил.

Джейсон Радд поднялся из-за стола, не без удивления глядя на подходившую к нему изящную пожилую даму.

— Вы хотели меня видеть? — спросил он. — Чем могу служить?

— Мне очень жаль, что ваша жена скончалась, — сказала мисс Марпл. — Я вижу, это для вас большое горе, и, поверьте, ни за что бы не стала навязываться или предлагать соболезнования, если бы не крайняя необходимость. Требуется срочно внести ясность, иначе пострадает невин-

ный.

— Невинный? Не понимаю.

— Артур Бэдкок, — объяснила мисс Марпл. — Его сейчас допрашивают в полиции.

— В связи со смертью моей жены? Но это же абсурд, полнейший абсурд. Он к дому и близко не подходил. Вообще он ее не знал.

— Полагаю, что знал, — возразила мисс Марпл. — Когда-то он был на ней женат.

— Артур Бэдкок? Но ведь он был мужем Хитер Бэдкок. Может быть, вы, — он заговорил мягко и как бы извиняясь, — что-то перепутали?

— Он был женат на обеих, — настойчиво повторила мисс Марпл. — На Марине Грегг — когда она была совсем молода и еще не снималась.

Джейсон Радд покачал головой:

— Первого мужа моей жены звали Алфред Бидл. Он торговал недвижимостью. Брак оказался неудачным, и они расстались почти немедленно.

— А потом Алфред Бидл поменял фамилию и стал Бэдкоком, — объяснила мисс Марпл. — А недвижимостью он торгует и по сей день. Даже странно, как некоторые любят свою работу, — ни за что не хотят ее менять. Наверное, из-за этого Марина Грегг и решила, что ей с ним не по пути.

Поняла, что ему за ней не угнаться.

— Признаюсь честно, вы меня удивили.

— Уверяю вас, это не плод фантазии, не романтические бредни. Это бесстрастный факт. В деревне, знаете ли, такие новости расходятся быстро, хотя в богатые особняки, — добавила она, — добираются не сразу.

— Ну что ж… — Джейсон Радд попытался выиграть время, не зная, что сказать, потом понял — разговор неизбежен. — Так что вы от меня хотите, мисс Марпл?

— Если не возражаете, я хотела бы встать у вершины лестницы, именно там, где вы с женой принимали гостей в тот злосчастный день.

Он с сомнением взглянул на нее. Еще одна искательница сенсаций? Но нет, лицо мисс Марпл было строгим и даже суровым.

— Пожалуйста, — сказал он, — если вам угодно. Идемте.

Он провел ее к лестнице и остановился в большой нише у ее верхнего основания.

— Вы здесь так много переделали со времен Бэнтри, — заметила мисс Марпл. — Мне нравится. Так, посмотрим. Столы, наверное, стояли там, а вы с женой…

— Жена стояла здесь, — Джейсон Радд указал

место. — Гости поднимались по лестнице, она здоровалась с ними и переправляла их ко мне.

— Здесь, — повторила мисс Марпл.

Сделав несколько шагов, она встала туда, где в день приема стояла Марина Грегг. На минуту замерла. Джейсон Радд наблюдал за ней. Интересно, что у нее на уме? Она чуть подняла правую руку, как бы здороваясь, взглянула на лестницу — кто там еще поднимается? Потом посмотрела прямо перед собой. На стене посредине лестницы висела большая картина, копия кого-то из старых итальянских мастеров. По обе ее стороны были узкие окна, одно выходило в сад, другое позволяло видеть край конюшни и флюгер. Но внимание мисс Марпл привлекли не окна. Взгляд ее был устремлен на саму картину. Наконец мисс Марпл заговорила:

— Конечно же, первое впечатление — всегда самое верное. Миссис Бэнтри сказала мне, что ваша жена смотрела на картину, смотрела «застывшим взглядом». Мадонна… пышные красно-синие одеяния… голова чуть откинута, на руках держит младенца и смеется, глядя на него. «Смеющаяся мадонна» Беллини. Религиозная картина, но она же воспевает и счастливое материнство. Согласны, мистер Радд?

— Пожалуй.

— Теперь мне ясно, — произнесла мисс Марпл. — Да, ясно. И ведь все так просто, да? — Она посмотрела на Джейсона Радда.

— Просто?

— Мне кажется, вы знаете, насколько все просто.

Внизу затрезвонил колокольчик.

— Боюсь, — сказал Джейсон Радд, — я не совсем вас понимаю. — Он посмотрел вдоль лестницы.

Снизу послышались голоса.

— Этот голос я знаю, — оживилась мисс Марпл. — Инспектор Крэддок, да?

— Похоже, это он.

— Он тоже хочет вас видеть. Ничего, если он к нам присоединится?

— Лично я ничего не имею против. Не знаю, согласится ли он…

— Думаю, согласится, — сказала мисс Марпл. — Ведь откладывать дальше некуда. Пора окончательно разобраться, как все произошло.

— Кажется, вы сказали, что все очень просто, — напомнил Джейсон Радд.

— Так просто и очевидно, — подтвердила мисс Марпл, — что никто ничего не заметил.

В эту минуту на лестнице появился стареющий

дворецкий.

— Вас хочет видеть инспектор Крэддок, сэр, — объявил он.

— Скажите, что мы его ждем, — попросил Джейсон Радд.

Дворецкий снова исчез, и вскоре по лестнице поднялся Дермот Крэддок.

— Вы! — обратился он к мисс Марпл. — Как вы сюда попали?

— Приехала «в Инче», — сообщила мисс Марпл, приведя всех в смущение, как случалось всегда после этой реплики.

Стоя чуть сзади нее, Джейсон Радд с вопросительным выражением лица постучал пальцем по лбу. Дермот Крэддок покачал головой.

— Я как раз говорила мистеру Радду, — продолжала мисс Марпл, — …только надо подождать, пока уйдет дворецкий…

Дермот Крэддок быстро взглянул вниз.

— Все в порядке, — сказал он. — Дворецкий нас не слышит. За это отвечает сержант Тиддлер.

— Ну что ж, — успокоилась мисс Марпл. — Мы, разумеется, могли бы пойти и в комнату, но лучше поговорить прямо здесь. Мы находимся в том самом месте, где все произошло, и понять случившееся будет гораздо легче.

— Вы говорите, — уточнил Джейсон Радд, — о дне, когда отравили Хитер Бэдкок?

— Да, — подтвердила мисс Марпл, — и я повторяю — все очень просто, если правильно посмотреть на происшедшее. Не будь Хитер Бэдкок такой, какая она есть, ничего бы не случилось. Собственно, с ней обязательно должно было случиться нечто подобное — это было неизбежно.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — вставил Джейсон Радд. — Совершенно не понимаю.

— Конечно, кое-что требуется объяснить. Дело вот в чем. Когда моя подруга миссис Бэнтри описала мне разыгравшуюся тут сцену, она процитировала поэму, которую я очень любила в отроческие годы. Это поэма милого моему сердцу лорда Теннисона «Леди из Шалотта».

Мисс Марпл чуть возвысила голос:

На паутине взмыл паук,
И в трещинах зеркальный круг.
Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг
Леди из Шалотта.

Именно это увидела миссис Бэнтри — по крайней мере, ей так показалось, — хотя она чуть извратила цитату и сказала «судьба» вместо «злой рок» — может быть, в данных обстоятель-

ствах это слово точнее. Она видела, как ваша жена разговаривала с Хитер Бэдкок, слышала, как Хитер Бэдкок пересказывает вашей жене свою историю, и вдруг на лице вашей жены появился такой взгляд, будто ей явилась ее судьба.

— По-моему, мы это уже достаточно обсуждали, — заметил Джейсон Радд.

— Да, но придется обсудить еще раз, — сказала мисс Марпл. — Именно такой взгляд был на лице вашей жены, и смотрела она вовсе не на Хитер Бэдкок, а на эту картину. А там, как мы видим, изображена смеющаяся, счастливая мать, которая держит на руках счастливого младенца. Ошибка заключалась в том, что взгляд Марины Грегг был неправильно истолкован. Со своей судьбой встретилась не она, а Хитер Бэдкок. Хитер была обречена с той самой минуты, когда начала говорить и хвастаться встречей в прошлом.

— Нельзя ли пояснее? — попросил Дермот Крэддок.

Мисс Марпл повернулась к нему:

— Можно, можно. Есть нечто, вам совершенно неизвестное. Оно и понятно, потому что никто не поведал вам, что же именно сказала Хитер Бэдкок.

— Почему? — запротестовал Дермот. — Поведа-

ли. И не один человек, а несколько.

— Да. — Мисс Марпл кивнула. — И все-таки вы этого не знаете, потому что лично вам Хитер Бэдкок этого не сказала.

— И не могла сказать — когда я сюда приехал, она была уже мертва, — сказал Дермот.

— Именно, — согласилась мисс Марпл. — Вы знаете только, что она была больна, но поднялась с постели и отправилась на какое-то торжество, где встретилась с Мариной Грегг, говорила с ней, попросила автограф и получила его.

— Правильно. — В голосе Крэддока послышалось легкое раздражение. — Все это я слышал.

— Но вы не слышали ключевую фразу, потому что никто не придал ей значения, — сказала мисс Марпл. — Хитер Бэдкок лежала в постели… с коревой краснухой.

— С коревой краснухой? Но что, черт возьми, в этом такого ключевого?

— Вообще-то это легкое заболевание. Его почти не чувствуешь. Появляется сыпь, которую нетрудно скрыть с помощью пудры, тебя слегка лихорадит, но ничего особенного. Вроде ты и чувствуешь себя неплохо, и из дому можешь выйти, и с людьми пообщаться, если есть желание. Еще раз повторяю — никто не обратил

внимания на то, что речь шла именно о коревой краснухе. Миссис Бэнтри, к примеру, сказала мне, что Хитер лежала в постели то ли с ветряной оспой, то ли с крапивницей. Присутствующий здесь мистер Радд назвал грипп, но он, конечно, сделал это намеренно. Я же считаю, что Хитер Бэдкок сказала Марине Грегг вот что: у нее была коревая краснуха, но она поднялась с постели и пошла на встречу с Мариной. И в этом — ключ ко всему, потому что коревая краснуха — штука исключительно заразная, понимаете? Подхватить ее ничего не стоит. Но у этой болезни есть одна особенность. Если женщина заболевает ею в первые четыре месяца… — следующее слово мисс Марпл произнесла со стыдливым благонравием, — м-м-м… беременности, последствия бывают донельзя серьезными. Ребенок может родиться слепым или умственно отсталым. — Она повернулась к Джейсону Радду: — У вашей жены, мистер Радд, родился умственно отсталый ребенок, правильно? И она так и не пришла в себя от этого потрясения. Она очень хотела иметь ребенка, и, когда он наконец появился, случилась такая трагедия. Ваша жена не забывала о ней никогда, не позволяла себе забыть, эта трагедия въелась в нее как глубокая язва, стала для нее

настоящим наваждением.

— Вы совершенно правы, — подтвердил Джейсон Радд. — Где-то в начале беременности Марина подхватила коревую краснуху, и впоследствии доктор сказал ей, что умственная отсталость ребенка объясняется именно этим. Что никакой дурной наследственности или чего-то в этом роде нет. Доктор думал, что таким образом облегчит ее страдания, но легче ей не стало. Она так всю жизнь и не знала, когда и от кого ей передалось это заболевание.

— Почти всю жизнь, — поправила его мисс Марпл. — Но однажды по этим ступеням поднялась совершенно незнакомая ей женщина и рассказала об этом… Да не просто рассказала, а при этом вся сияла от радости! Она явно гордилась тем своим поступком! Считала, что проявила силу духа, мужество и изобретательность, когда поднялась с постели, наложила на лицо косметику, пошла на встречу с актрисой, от которой была без ума, и даже получила у нее автограф. Она ведь хвасталась этим всю жизнь. Хитер Бэдкок никому не хотела навредить, никогда, но люди, подобные ей (и моей старой подруге Элисон Уайлд), способны причинить много вреда, потому что они — нет, недобрыми их назвать нельзя, добротой

они как раз наделены, — потому что они не в состоянии прикинуть, как их поступки могут отразиться на других. Хитер Бэдкок всегда прикидывала, чем тот или другой поступок обернется для нее, а остальное ее совершенно не занимало.

Мисс Марпл чуть кивнула, как бы соглашаясь с собственными мыслями.

— Вот она и умерла, а причиной стал пустяк из ее прошлого. Можете себе представить, что пережила Марина Грегг в минуту их встречи! Думаю, мистер Радд очень хорошо это понимает. Все эти годы в ней, я думаю, тлела ненависть к неизвестному человеку, ставшему причиной ее трагедии. И вдруг этот человек — женщина! — оказывается перед ней лицом к лицу. Женщина радостная, веселая, довольная собой. Для Марины Грегг это было чересчур. Имей она время подумать, успокоиться, расслабиться и отвлечься… но она не дала себе этого времени. Перед ней стояла женщина, отнявшая у нее счастье, отнявшая разум и здоровье у ее ребенка. Наказать ее! А еще лучше — убить! К сожалению, орудие убийства оказалось под рукой. Она носила с собой это знаменитое средство, «Калмо». Довольно опасное средство, потому что стоит превысить дозу… Совершить убийство оказалось очень легко. Она опустила

лекарство в свой собственный бокал. Если бы кто и заметил, что она это сделала, наверняка не придал бы этому значения, решил бы, что она хочет себя взбодрить или, наоборот, успокоиться, — к этому все привыкли. Возможно, один человек все-таки заметил, хотя сильно сомневаюсь. Я говорю о мисс Зелински, но могло статься, что она просто догадалась. Свой бокал Марина Грегг поставила на столик и тут же толкнула Хитер Бэдкок под локоть, и та расплескала свой коктейль на новое платье. И тут в этой истории возник некий ребус, а почему? Потому что некоторые люди не умеют пользоваться личными местоимениями.

Помните, — обратилась она к Дермоту, — я вам рассказывала про горничную, которая путалась, когда по телефону ее просили что-то передать? Здесь вышло что-то похожее. Я знала лишь то, что Глэдис Диксон сказала Черри — а именно ее беспокоила судьба платья Хитер Бэдкок, на которое выплеснулся коктейль. Но странная штука, сказала Глэдис, она вроде бы сделала это нарочно! Так вот, «она», на которую ссылалась Глэдис, была вовсе не Хитер Бэдкок, это была Марина Грегг! Глэдис сказала: «Она сделала это нарочно!» То есть Марина Грегг толкнула Хитер Бэдкок под локоть. Не случайно, а вполне намеренно. Мы

знаем, что она стояла совсем рядом с Хитер, потому что отерла платком не только платье Хитер, но и свое, а уже потом сунула Хитер свой коктейль. Это, если вдуматься, — мисс Марпл словно размышляла вслух, — было блестящее убийство, просто блестящее. Понимаете, оно было совершено под влиянием момента, без всякой паузы на обдумывание, подготовку. Она захотела, чтобы Хитер Бэдкок умерла, и через несколько минут та была мертва. Скорее всего, Марина Грегг даже не поняла серьезности того, что совершила, наверняка не осознала, какой опасности подвергает при этом себя. Зато все это она поняла и осознала потом. И ее охватил страх, кошмарный страх. Она боялась, что кто-то видел, как она подсыпала отраву в свой бокал, как намеренно толкнула Хитер Бэдкок под локоть, что кто-то обвинит ее в отравлении Хитер Бэдкок. Она увидела только один выход из положения — представить дело так, будто убить хотели ее, будто предполагаемой жертвой была она. Первым, кому она подбросила эту мысль, был доктор. Однако она велела ему не говорить об этом мужу — видимо, знала, что мужа провести не удастся. Она вытворяла нечто немыслимое. Писала себе записки и умудрялась находить их в самых неожиданных местах в

самое неожиданное время. Подсыпала отраву в свой собственный кофе на студии. Собственно, раскусить ее игру было достаточно просто, задумайся кто-нибудь над этим всерьез. И один человек ее раскусил.

— Это лишь ваша теория, — заметил Джейсон Радд.

Мисс Марпл взглянула на него.

— Пусть так, если угодно, — согласилась она, — но вы, мистер Радд, прекрасно знаете — я говорю правду. Ведь так? Знаете, потому что все знали с самого начала. Потому что при вас Хитер Бэдкок упомянула про коревую краснуху. Вы знали и изо всех сил стремились защитить жену. Но вы не представляли, каких затрат потребует от вас эта защита. Не представляли, что замять одну смерть — смерть женщины, которая, могли считать вы, сама навлекла на себя кару божью, — этим дело не ограничится. Последовали другие смерти — Джузеппе… Правильно, он был шантажист, но все-таки человек. Умерла Элла Зелински, к которой вы, как я понимаю, относились с большой симпатией. Вы изо всех сил стремились не только защитить Марину, но и помешать ей совершить новое зло. Хотели увезти ее куда-нибудь подальше отсюда. Старались, чтобы она все

время была у вас на глазах, чтобы больше ничего не случилось.

Она смолкла, подошла к Джейсону Радду и мягко коснулась рукой его запястья.

— Мне вас очень жаль, — сказала она. — Очень. Я прекрасно понимаю, какие мучения выпали на вашу долю. Вы ведь так ее любили, да?

Джейсон Радд чуть отвернулся.

— Это, я полагаю, ни для кого не секрет, — сказал он.

— Она была таким прелестным созданием, — мягко заговорила мисс Марпл. — И обладала таким чудесным даром. Пылкая, страстная, она умела всей душой любить и всей душой ненавидеть, но под ее ногами всегда была зыбкая почва. Это прискорбно, но многие ощущают эту зыбкую почву под ногами с самого рождения. Она не умела расстаться со своим прошлым, а будущее видела лишь таким, каким оно ей казалось. Она была выдающейся актрисой, была прекрасной, но очень несчастной женщиной. А какая это была блестящая Мария, королева Шотландская! В этой роли я никогда ее не забуду.

На лестнице вдруг появился сержант Тиддлер.

— Сэр, — обратился он к старшему по званию, — можно вас на минуту?

Крэддок обернулся.

— Сейчас вернусь, — сказал он Джейсону Радду и пошел к лестнице.

— Помните, — крикнула ему вдогонку мисс Марпл, — несчастный Артур Бэдкок тут совершенно ни при чем. Он пришел на прием, чтобы взглянуть на женщину, на которой много лет назад был женат. А она его даже не узнала. Верно? — спросила она Джейсона Радда.

— По-моему, не узнала. Во всяком случае, мне она не сказала об этом ни слова. Едва ли, — задумчиво добавил он, — она могла его узнать.

— Возможно, — мисс Марпл кивнула. — Так или иначе, у него и в мыслях не было ее убивать или совершать нечто подобное. Помните об этом, — еще раз воззвала она к Дермоту Крэддоку, который уже спускался по лестнице.

— Уверяю вас, ему ничего не грозит, — заверил ее Крэддок. — Но когда мы узнали, что он был первым мужем мисс Марины Грегг, мы не могли его не допросить. Не тревожьтесь о нем, тетушка Джейн, — почти пробормотал он себе под нос и поспешил вниз.

Мисс Марпл повернулась к Джейсону Радду. Он стоял, погруженный в свои мысли, глаза смотрели куда-то вдаль.

— Вы позволите мне взглянуть на нее? — попросила мисс Марпл.

Секунду-другую подумав, он кивнул.

— Да, пожалуйста. Мне кажется, что вы… очень хорошо ее понимали.

Он повернулся, и мисс Марпл последовала за ним. Он вошел в большую спальню и чуть раздвинул занавески.

На постели, словно в большой белой усыпальнице, лежала Марина Грегг — глаза закрыты, руки сложены на груди.

Вот так, подумала мисс Марпл, могла лежать и Леди из Шалотта, лежать в лодке, что везла ее к замку Камелот. А рядом, погруженный в глубокое раздумье, стоял человек с грубыми и некрасивыми чертами лица — его вполне можно было принять за Ланселота.

Мисс Марпл негромко произнесла:

— Для нее большое счастье, что она… приняла роковую дозу. Смерть — другого способа спастись у нее не было. Большое счастье, что она приняла роковую дозу… или… ей предложили ее принять?

Их взгляды встретились, но он не ответил.

Потом надтреснутым голосом сказал:

— Она была… так прелестна… и всегда так

страдала.

Мисс Марпл еще раз взглянула на неподвижную фигуру.

И процитировала последние строчки поэмы:

«Она прекрасна, – он изрек. —
Вознаградил красою бог
Леди из Шалотта».[114]

[114] notes: 114
Перевод В. Лунина.

Карибская тайна

Посвящается моему старому другу
Джону Крукшенку Роузу
в знак счастливого воспоминания
о моем путешествии в Вест-Индию

Глава 1
Майор Пэлгрейв рассказывает историю

— Взять хотя бы эту историю с Кенией, — сказал майор Пэлгрейв. — Болтают все кому не лень, ни черта не зная об этой стране! А ведь я провел там четырнадцать лет — лучшие годы моей жизни!

Старая мисс Марпл склонила голову. Это было простым проявлением учтивости. В то время как майор Пэлгрейв продолжал нудные воспоминания, мисс Марпл спокойно думала о своем. С подобными рассказами она была хорошо знакома. Варьировалось только место действия. В прошлом на первом плане была Индия. Майоры, полковники, генерал-лейтенанты, употребляющие одни и те же слова: Симла, носильщики, тигры и тому подобное. У майора Пэлгрейва терминология выглядела по-иному: сафари, слоны, суахили. Но причина была одна и та же. Пожилые рассказчики нуждались в слушателях, чтобы оживить в воспоминаниях те счастливые дни, когда их спина была прямой, а зрение и слух стопроцентными. Некоторые из этих преста-

релых джентльменов сохраняли импозантную внешность и военную выправку, другие были значительно менее привлекательны. Майор Пэлгрейв, с багровой физиономией и стеклянным глазом, всем своим видом напоминающий откормленную лягушку, относился ко второй категории.

Подобные потоки воспоминаний мисс Марпл выдерживала с присущей ей мягкой обходительной вежливостью. Она послушно сидела на месте, время от времени склоняя голову, как бы соглашаясь с рассказчиком, и предавалась своим мыслям, попутно наслаждаясь окружающей обстановкой — в данном случае яркой голубизной Карибского моря.

Все-таки Реймонд очень милый… Непонятно, что заставляет его так заботиться о своей старой тетке? Совесть? Родственный долг? А может быть, он в самом деле любит ее…

В целом она должна была признать, что последнее предположение наиболее вероятно. Правда, проявления его любви иногда немного раздражают. Реймонд всегда старается, чтобы его тетка шагала в ногу со временем, — постоянно присылает ей разные современные романы. Читать их почти невозможно — обычно там говорится об

очень неприятных людях, которые совершают непонятные поступки, не испытывая, по-видимому, от этого никакого удовольствия. Слово «секс» нечасто употребляли в молодые годы мисс Марпл, хотя его и тогда было предостаточно, — о нем не так много говорили, но наслаждались им куда больше, чем теперь. Правда, в то время секс именовали грехом, но мисс Марпл не могла справиться с ощущением, что тогдашний грех был куда привлекательнее теперешнего, превратившегося в некое подобие долга.

Ее взгляд на мгновение задержался на книге, лежащей у нее на коленях и раскрытой на двадцать третьей странице.

«– Ты говоришь, что у тебя нет никакого сексуального опыта? — недоверчиво осведомился молодой человек. — В девятнадцать лет? Но это невозможно.

Девушка печально опустила голову, прядь ее гладких жирных волос упала на лицо.

— Я знаю, — прошептала она. — Знаю…

Он посмотрел на нее. Старая засаленная кофта, босые ноги с грязными ногтями, острый запах пота… Интересно, почему же она так чертовски привлекательна?»

Мисс Марпл это тоже интересовало. Бедная

молодежь! Этот «сексуальный опыт» ими рассматривается как какое-то необходимое тонизирующее лекарство.

— Дорогая тетя Джейн, почему вы прячете голову в песок, как робкий страус? Нельзя же ничего не видеть вокруг, кроме вашей идиллической сельской жизни. Настоящая жизнь — вот что имеет значение.

И тетя Джейн была вынуждена с пристыженным видом сказать «да», сознавая свою старомодность.

Хотя в действительности сельская жизнь была далеко не такой идиллической. Люди, подобные Реймонду, были совершенно несведущи в этой области. Исполняя свои обязанности в деревенском церковном приходе, Джейн Марпл приобрела достаточно фактов, свидетельствующих о противном. Она не собиралась ни говорить, ни писать об этом, но она это знала. Секса там тоже хватало — как естественного, так и противоестественного. Изнасилования, кровосмешения, всевозможные извращения, причем такие, о каких едва ли слышали даже образованные молодые люди из Оксфорда, которые пишут книги.

Мисс Марпл снова обратила взгляд в сторону Карибского моря и прислушалась к тому, что

говорил майор Пэлгрейв.

— Необычайно широкий опыт, — ободряюще сказала она. — Очень интересно.

— Я еще много чего могу вам рассказать. Конечно, некоторые вещи не предназначены для ушей леди…

Мисс Марпл смущенно опустила веки, а майор Пэлгрейв продолжал красочное описание туземных обычаев, позволив старой леди вновь перенестись в мыслях к своему любимому племяннику.

Реймонд Уэст был очень способным писателем, имел значительный доход и делал все, что мог, чтобы облегчить существование своей пожилой тети. В прошлую зиму мисс Марпл перенесла тяжелое воспаление легких, и врачи посоветовали ей солнечные ванны. С присущей ему щедростью Реймонд предложил путешествие в Вест-Индию. Мисс Марпл пугали расходы, расстояния, трудности путешествия; ей не хотелось покидать свой дом в Сент-Мэри-Мид, но Реймонд справился со всем. Один его друг, который писал книгу, нуждался в уединенном жилище в деревне.

— Он отлично присмотрит за домом — обожает домашнее хозяйство, как все гомосексуалисты…

Реймонд умолк, слегка смутившись, но, ко-

нечно, даже милая старая тетя Джейн слыхала о гомосексуалистах.

Путешествие тоже не представляет труда. Дайана Хоррокс собирается лететь на Тринидад и проследит в дороге за тетей Джейн. На Сент-Оноре она остановится в отеле «Золотая пальма», который содержат Сэндерсоны — самая очаровательная пара в мире. Они обо всем позаботятся. Он сейчас же напишет им.

Но Сэндерсоны вернулись в Англию. Однако их преемники Кендалы заверили Реймонда, что он может не беспокоиться о своей тете. В случае необходимости на острове есть очень хороший врач, а они сами сделают все, чтобы создать ей необходимые удобства.

Их слова не разошлись с делом. Молли Кендал, простодушная блондинка лет двадцати с лишним, очевидно, всегда пребывала в хорошем настроении. Она тепло приветствовала старую леди и приложила все усилия, чтобы обеспечить ей необходимый комфорт. Ее муж Тим Кендал, худой смуглый мужчина тридцати лет, был не менее любезен.

Итак, мисс Марпл очутилась далеко от сурового английского климата в симпатичном маленьком бунгало, где прислуживали всегда улыбающиеся

вест-индские девушки. Тим Кендал встречал ее в столовой, отпуская веселые шутки, касающиеся меню. Когда ей хотелось, она шла по дорожке, ведущей на приморский бульвар и на пляж, и садилась в удобное плетеное кресло, наблюдая за купающимися. Компанию ей составляли несколько пожилых отдыхающих — старый мистер Рэфьел, каноник Прескотт со своей сестрой и ее теперешний кавалер майор Пэлгрейв.

Чего же еще желать пожилой леди?

И все же мисс Марпл, чувствуя угрызения совести, признавалась самой себе, что не вполне удовлетворена.

Конечно, здесь красиво, тепло, полезно для ее ревматизма. Окружающий пейзаж великолепен — правда, он несколько монотонный, слишком много пальм. И каждый день здесь похож на другой. Никогда ничего не случается. Не то что в Сент-Мэри-Мид, где всегда что-нибудь да происходит. Ее племянник однажды сравнил жизнь в Сент-Мэри-Мид со стоячим болотом, на что она с негодованием указала ему, что под микроскопом любое незначительное пятнышко оказывается полным жизни. Да, в Сент-Мэри-Мид постоянно что-нибудь случается. Мисс Марпл перебирала в уме инцидент за инцидентом: ошибка в микстуре

от кашля старой миссис Линнетт, очень странное поведение молодого Поулгейта, тот день, когда мать Джорджи Вуда приехала повидать его (но была ли она его настоящей матерью?), истинная причина ссоры между Джо Арденом и его женой. Так много интереснейших проблем, дающих бесконечную пищу для размышлений. Если бы здесь было хоть что-нибудь, за что можно ухватиться.

Внезапно мисс Марпл осознала, что майор Пэлгрейв перешел от Кении к северо-западной границе и своим приключениям в чине субалтерна. В данный момент он с нетерпением осведомился:

— Неужели вы не согласны?

Долгая практика сразу же помогла мисс Марпл понять, о чем идет речь.

— Едва ли я вправе судить об этом. Боюсь, что я вела слишком уединенную жизнь.

— Это ничего не значит, дорогая леди, — галантно произнес майор Пэлгрейв.

— Вот ваша жизнь была очень богата событиями, — продолжала мисс Марпл, стараясь искупить свое прежнее невнимание.

— Еще бы, — самодовольно промолвил майор Пэлгрейв. Он огляделся вокруг. — Приятное местечко.

— В самом деле, — подтвердила мисс Марпл и, не сумев сдержаться, добавила: — Интересно, случалось здесь хоть что-то когда-нибудь?

Майор Пэлгрейв уставился на нее:

— О, разумеется. Скандалов здесь достаточно. Да вот хотя бы…

Но скандалы не особенно интересовали мисс Марпл. В наши дни в скандалах нет ничего примечательного. Просто мужчины и женщины меняют партнеров и привлекают к себе всеобщее внимание, вместо того чтобы стараться держать это в тайне и стыдиться собственного поведения.

— Пару лет назад здесь даже произошло убийство. Человек по имени Гарри Уэстерн. Газеты подняли такую шумиху. Должно быть, вы помните это.

Мисс Марпл кивнула без особого энтузиазма. Это было убийство не в ее вкусе. Сенсация возникла главным образом потому, что все замешанные в этой истории были очень богаты. Казалось вполне вероятным, что Гарри Уэстерн застрелил графа де Феррари, любовника своей жены, и что его железное алиби было подстроено с помощью изрядного количества денег. Все кругом оказались пьяными и наглотавшимися наркотиков. И тем не менее эта блестящая публика не вызывала

у мисс Марпл ни малейшего интереса.

— Но, если хотите знать, это было не единственное убийство, которое тогда здесь произошло. — Майор подмигнул. — У меня были подозрения…

В этот момент мисс Марпл уронила клубок шерсти, и майор поднял его.

— Кстати, об убийствах, — продолжал он. — Как-то раз со мной произошел один очень странный случай, правда, не совсем со мной…

Мисс Марпл ободряюще улыбнулась.

— Однажды в клубе один парень (он был медик) рассказал такую историю. Молодой человек приехал к нему и разбудил его среди ночи. Его жена повесилась. Телефона у них нет, поэтому, вынув ее из петли и сделав все возможное, он сел в свою машину и поехал за врачом. В итоге женщину удалось спасти, хотя она едва не отдала концы. Молодой человек как будто очень любил ее — он плакал как ребенок. Он говорил, что уже некоторое время замечал у жены странное состояние депрессии. Ну, на этот раз все обошлось. Но месяц спустя его жена приняла смертельную дозу снотворного и отправилась к праотцам. Печальное событие.

Майор Пэлгрейв сделал паузу и удрученно покачал головой. Мисс Марпл терпеливо ожидала

продолжения.

— Вы скажете, что в этом нет ничего особенного, — просто нервная женщина покончила с собой. Но через год этот медик беседовал со своим коллегой, и тот рассказал ему о женщине, которая пыталась утопиться, но муж вытащил ее, вызвал врача, и ее привели в чувство — а через несколько недель она отравилась газом.

Конечно, это могло быть простым совпадением. «У меня был похожий случай, — сказал мой знакомый. — Того человека звали Джоунз. А как фамилия твоего?» — «Кажется, Робинсон. Но безусловно, не Джоунз».

Ну, оба приятеля посмотрели друг на друга и нашли, что это чертовски странно. Тогда мой знакомый вытащил фотографию и показал ее второму парню. «Вот этот человек, — сказал он. — Я зашел к нему на следующий день, чтобы оставить отчет, и заметил великолепные гибискусы той разновидности, какой здесь раньше никогда не видел. Они росли как раз у парадного входа. Фотоаппарат был со мной в машине, и я сделал снимок. Только я нажал на затвор, как муж вышел из дома, так что я заснял и его. Не думаю, что до него это дошло. Я спросил о гибискусах, но он не смог сообщить мне их название».

Второй врач посмотрел на снимок. «Немного не в фокусе, — заметил он. — Но я мог бы поклясться — во всяком случае, я почти уверен, — что это тот же самый человек».

Не знаю, занялись ли они этим делом. Как бы то ни было, им не удалось ничего достичь. Очевидно, этот мистер Джоунз или Робинсон тщательно замел следы. Странная история! Никогда бы не подумал, что такое может случиться.

— Очень даже может, — безмятежно промолвила мисс Марпл. — Практически каждый день.

— Ну, знаете, это чересчур фантастично.

— Если человек начал этим заниматься, то он уже не может остановиться.

— Как и тот, который топил своих жен в ванне?

— Вот именно.

— Доктор дал мне для интереса ту самую фотографию… — Майор Пэлгрейв начал рыться в туго набитом бумажнике, бормоча про себя: — Сколько здесь хлама! Не знаю, зачем я все это храню…

Однако мисс Марпл причина была хорошо известна. Вышеупомянутый хлам иллюстрировал многочисленный репертуар историй майора. Что же касается его недавнего рассказа, то мисс Марпл подозревала, что он каждый раз излагался

в новом варианте.

Майор продолжал копаться в бумажнике и бормотать:

— Забыл рассказать вам об этой истории. Такая красивая женщина — никогда бы не подумал… О, какие великолепные бивни! Надо будет вам показать.

Вытащив маленький фотоснимок, майор пристально вгляделся в него.

— Хотите взглянуть на убийцу?

Он уже собирался протянуть ей карточку, но внезапно остановился. Более чем когда-либо походя на откормленную лягушку, майор Пэлгрейв уставился на что-то находящееся за правым плечом мисс Марпл — в ту сторону, откуда доносились звуки приближающихся шагов и голосов.

— Черт возьми… — Он поспешно спрятал все содержимое в бумажник и сунул его в карман. Его лицо приняло пурпурный оттенок. — Да, я бы с удовольствием показал вам эти бивни, — заговорил он громким и неискренним голосом. — Это был самый большой слон, которого я когда-либо застрелил… О, хэлло! — Сердечность, звучавшая в его приветствии, была на редкость фальшивой. — Вот и наша великолепная четверка — Флора и Фауна. Ну как, удачный был день?

Приближающиеся шаги принадлежали четырем постояльцам отеля, которых мисс Марпл уже знала в лицо. Это были две супружеские пары, и, хотя мисс Марпл все еще были неизвестны их фамилии, она знала, что высокого мужчину с густыми взъерошенными пепельными волосами зовут Грег, что его жену, золотистую блондинку, называют Лаки[115] и что другую пару — смуглого худого мужчину и красивую, но чересчур загорелую женщину — звали Эвелин и Эдуард.

Насколько поняла мисс Марпл, они были ботаниками и к тому же интересовались птицами.

— Неудачный, — ответил Грег. — По крайней мере, мы не нашли того, что искали.

— Вы знакомы с мисс Марпл? Это полковник и миссис Хиллингдон, а это Грег и Лаки Дайсон.

Они приветливо поздоровались с ней, а Лаки громогласно объявила, что умрет, если ей не дадут чего-нибудь выпить.

Грег окликнул Тима Кендала, который сидел немного поодаль вместе со своей женой, углубившись в конторские книги.

— Эй, Тим! Принесите нам выпить. — И он обратился к окружающим: — Пунш?

---

[115] notes: 115
Lucky — удачливая *(англ.)*.

Все согласились.

— Для вас то же самое, мисс Марпл?

Мисс Марпл поблагодарила, но сказала, что предпочитает лимонад.

— Значит, пять пуншей и один лимонад, — подытожил Тим Кендал.

— Присоединяйтесь к нам, Тим.

— Я бы с удовольствием, но мне надо привести в порядок эти счета. Не могу же я все свалить на Молли. Между прочим, сегодня вечером у нас играет стил-бэнд.

— Отлично! — воскликнула Лаки и тут же сморщилась от боли. — Черт возьми! Я вся в колючках. Эдуард опять затащил меня в колючий кустарник.

— Но там были прекрасные розовые цветы, — заметил Хиллингдон.

— И с прекрасными длинными колючками. Ты просто садист, Эдуард!

— Не то что я, — усмехнулся Грег. — Я воплощенная доброта.

Эвелин Хиллингдон села рядом с мисс Марпл и завязала с ней приятную легкую беседу.

Мисс Марпл положила вязанье на колени. Медленно и не без труда из-за ревматизма в шее она повернула голову направо, чтобы взглянуть на

то, что делалось за ее правым плечом. На некотором расстоянии находилось большое бунгало богатого мистера Рэфьела. Но там не было видно никаких признаков жизни.

Мисс Марпл продолжала беседовать с Эвелин, но ее глаза задумчиво изучали лица двух мужчин.

Спокойный, симпатичный на вид Эдуард Хиллингдон и Грег — веселый, шумливый, высокий. Очевидно, он и Лаки американцы или канадцы.

Она поглядела на майора Пэлгрейва, все еще изо всех сил пытавшегося изобразить bonhomie.[116]

Интересно…

[116] notes: 116
Добродушие *(фр.)*.

Глава 2
Мисс Марпл сравнивает
1

В этот вечер в отеле «Золотая пальма» было очень весело.

Сидя за маленьким столиком в углу, мисс Марпл с интересом осматривалась вокруг. Теплый, напоенный ароматом воздух Вест-Индии проникал сквозь открытые окна просторной столовой. На каждом столике горела настольная лампочка под цветным колпачком. Большинство женщин были в вечерних платьях из легкого ситца, с обнаженными бронзовыми плечами и руками.

Джоан, жена племянника мисс Марпл, убедила ее принять в подарок кое-что из своего гардероба.

— Там ведь очень жарко, тетя Джейн, а у вас вряд ли есть какая-нибудь легкая одежда.

Джейн Марпл поблагодарила ее и с удовольствием воспользовалась подарком. Конечно, естественно, когда старые оказывают финансовую поддержку молодым, но не менее естественно,

когда люди средних лет заботятся о стариках. Сама мисс Марпл никогда не покупала себе легкую одежду, так как в ее возрасте она даже в самую жаркую погоду чувствовала всего лишь приятное тепло и климат Сент-Оноре вовсе не казался ей образцом тропического зноя. В этот вечер она оделась в лучших традициях провинциальных английских леди — в серое платье с кружевами.

Разумеется, мисс Марпл отнюдь не в единственном числе представляла старшее поколение. В столовой присутствовали люди всех возрастов. Здесь были пожилые промышленные магнаты с женами от тридцати до сорока лет, супружеские пары среднего возраста с севера Англии, веселое семейство с детьми из Каракаса. Вообще страны Южной Америки были представлены очень богато — отовсюду доносилась громогласная испанская и португальская речь. На заднем плане держались солидные английские джентльмены — двое священников, врач и удалившийся на покой судья. Здесь была даже китайская семья. Посетителей обслуживали в основном стройные девушки-негритянки с гордой осанкой, одетые в белое. Но метрдотелем был итальянец, вином распоряжался француз, а Тим Кендал успевал всюду, останавливаясь то здесь, то там, чтобы

перекинуться несколькими словами с людьми, сидящими за столиками. Его жена старательно помогала ему. Это была симпатичная молодая женщина с волосами естественного золотистого оттенка и почти всегда улыбающимся ртом. Молли Кендал выходила из себя крайне редко. Весь персонал с удовольствием выполнял ее распоряжения, и она сама делала все, чтобы угодить своим гостям. С пожилыми мужчинами она смеялась и кокетничала, молодым женщинам делала комплименты по поводу их одежды.

— О, какое на вас сегодня великолепное платье, миссис Дайсон! Я вам так завидую, что готова сорвать его с вас.

Однако, по мнению мисс Марпл, Молли отлично выглядела в своем собственном белом платье с накинутой на плечи светло-зеленой, вышитой шелком шалью. Лаки потрогала шаль.

— Красивый цвет! Мне бы хотелось иметь такую.

— Вы можете купить ее здесь, в магазине, — ответила Молли и двинулась дальше.

Около столика мисс Марпл она не остановилась, так как обычно предоставляла пожилых леди своему супругу.

— Старушки предпочитают мужчин, — часто

говорила она.

К мисс Марпл приблизился Тим Кендал.

— Вы не хотите заказать ничего особенного? — спросил он. — Только скажите — и я тут же все для вас приготовлю. Ведь наша полутропическая кухня — это совсем не то, к чему вы привыкли дома.

Мисс Марпл улыбнулась и сказала, что разнообразие в пище входит в число удовольствий путешествия за границу.

— Тогда все в порядке. Но может быть, вам что-нибудь подать?

— Что именно?

— Ну… — Тим Кендал выглядел немного смущенным. — Хотя бы пудинг, — рискнул предложить он.

Мисс Марпл снова улыбнулась и ответила, что сейчас она вполне в состоянии обойтись без пудинга.

Взявшись за ложку, она с удовольствием принялась за мороженое с фруктами.

В этот момент стал играть стил-бэнд. Подобные оркестры были одним из основных аттракционов на островах. Откровенно говоря, мисс Марпл могла бы отлично обойтись и без них. Создаваемый ими ужасный грохот казался ей невыносимым.

Однако все остальные, несомненно, получали от этого удовольствие, и поэтому мисс Марпл решила, что она должна как-нибудь постараться полюбить такую музыку. Надеяться, что Тим Кендал сможет по ее просьбе заставить оркестр играть вальс «Голубой Дунай», не приходилось. Да, странные теперь пошли танцы. Люди кривляются, как обезьяны, швыряют друг друга в разные стороны. Конечно, молодежь должна развлекаться… Но в эту секунду она подумала, что молодежи здесь почти нет. Танцы под стил-бэнд, разумеется, предназначались для молодых. Но молодые, очевидно, торчали в университетах или работали, имея всего лишь двухнедельный отпуск. Подобные места были для них слишком отдаленными и дорогими. Эта веселая и беззаботная жизнь была доступна только для людей, которым пошел четвертый или пятый десяток, и для стариков, старавшихся не отставать от своих молодых жен.

Мисс Марпл тосковала по молодежи. Правда, миссис Кендал было не больше двадцати трех лет, и она как будто испытывала удовольствие от происходящего, но, в конце концов, это была всего лишь ее работа.

За соседним столиком сидели каноник Пре-

скотт и его сестра. Они жестом пригласили мисс Марпл выпить вместе с ними кофе, и она согласилась. Мисс Прескотт была тощей, суровой на вид особой. Толстенький румяный каноник, напротив, излучал добродушие.

Подали кофе, и стулья слегка отодвинули от столиков. Мисс Прескотт открыла несессер и вытащила оттуда ужасающего вида скатерть, которую она вышивала. Она поведала мисс Марпл обо всех событиях этого дня. Утром они посетили новую школу для девочек, а после полуденного отдыха отправились через сахарные плантации выпить чаю с друзьями, которые остановились в пансионе.

Так как Прескотты пробыли в «Золотой пальме» дольше мисс Марпл, они могли просветить ее относительно остальных постояльцев.

Старый мистер Рэфьел приезжает сюда каждый год. Он фантастически богат — владелец множества супермаркетов на севере Англии. Молодая женщина с ним — его секретарша Эстер Уолтерс — вдова. (Разумеется, в их отношениях нет ничего непозволительного — в конце концов, ему уже почти восемьдесят лет!)

Мисс Марпл понимающе кивнула.

— Симпатичная женщина, — заметил ка-

ноник. — Ее мать, по-моему, вдова и живет в Чичестере.

— С мистером Рэфьелом приехал и его слуга. Правда, он скорее медбрат — он, кажется, опытный массажист. Его фамилия Джексон. Ведь бедный мистер Рэфьел практически парализован. Какая жалость — с такими деньгами.

— Он всегда щедро жертвует на благотворительные цели, — доверительно заметил каноник Прескотт.

Люди постепенно менялись местами: одни отодвигались подальше от оркестра, другие, напротив, подсаживались ближе. Майор Пэлгрейв присоединился к квартету Хиллингдонов — Дайсонов.

— Что касается этих людей… — начала мисс Прескотт, понизив голос, хотя в этом не было никакой необходимости, так как ее слова заглушал грохот стил-бэнда.

— Да, я как раз собиралась спросить вас о них.

— Они были здесь в прошлом году. Три месяца в году они проводят в Вест-Индии, путешествуя по разным островам. Высокий худой мужчина — это полковник Хиллингдон, а та брюнетка — его жена. Они ботаники. Двое других — американцы, мистер и миссис Грегори Дайсон. Он, по-моему,

занимается бабочками. И все они интересуются птицами.

— Приятно иметь хобби, сопряженное с пребыванием на открытом воздухе, — улыбнулся каноник Прескотт.

— Не думаю, чтобы им понравилось, если бы они услышали, что ты называешь это «хобби», Джереми, — заметила его сестра. — Их статьи печатаются в «Национальной географии» и в «Королевском журнале садоводов», так что они относятся к своему увлечению вполне серьезно.

Из-за столика, за которым они наблюдали, послышался взрыв смеха, настолько громкий, что он смог даже перекрыть рев стил-бэнда. Грегори Дайсон откинулся назад, стуча кулаком по столу, его жена как будто протестовала, а опустошивший свой бокал майор Пэлгрейв, напротив, выражал одобрение. В этот момент их едва ли можно было назвать людьми, относящимися к себе серьезно.

— Майору Пэлгрейву не следовало бы пить так много, — кисло промолвила мисс Прескотт. — У него ведь повышенное давление.

На стол подали свежую порцию пунша.

— Как приятно во всем разобраться, — заметила мисс Марпл. — Когда я встретила их сегодня

днем, то не могла понять, кто на ком женат.

Последовала небольшая пауза. Мисс Прескотт сухо кашлянула.

— Ну, что касается этого… — начала она.

— Джоан, — остановил ее каноник, — пожалуй, было бы благоразумно не углублять эту тему.

— Право, Джереми, я и не собиралась ничего говорить. Просто в прошлом году, не знаю, по какой причине, мы думали, что миссис Дайсон — жена мистера Хиллингдона, до тех пор, пока кто-то не сказал нам, что это не так.

— Странно, как легко создаются неверные впечатления, — с простодушным видом сказала мисс Марпл. На мгновение ее глаза встретились с глазами мисс Прескотт, и между двумя женщинами моментально установилось взаимопонимание.

Более толковый человек, чем каноник Прескотт, наверняка бы почувствовал, что он de trop.[117]

Женщины обменялись еще одним взглядом, который означал: «Как-нибудь в другой раз».

— Мистер Дайсон называет свою жену Лаки. Это ее настоящее имя или прозвище? — спросила мисс Марпл.

---

[117] notes: 117
Лишний (фр.).

— Едва ли это может быть настоящим именем.

— Я как-то задал Дайсону этот вопрос, — сказал священник. — Он ответил, что называет ее Лаки, потому что она принесла ему удачу, и сказал, что если потеряет ее, то потеряет свою удачу. По-моему, это очень мило.

— Он любит шутить, — заметила мисс Прескотт.

Каноник с сомнением поглядел на свою сестру.

Оркестр превзошел самого себя, разразившись диким взрывом какофонии, и по залу заскользили танцующие.

Мисс Марпл и все остальные повернули свои стулья, чтобы наблюдать за происходящим. Танцы доставили мисс Марпл больше удовольствия, чем музыка. Ей нравились шарканье ног и ритмичное покачивание тел, кажущееся полным скрытого смысла.

Этим вечером она впервые почувствовала себя в новой обстановке относительно свободно. До сих пор ей никак не удавалось обрести свою обычную способность находить у людей, с которыми она встречалась, сходные черты с ее знакомыми. Возможно, ее ослепили яркие одежды и экзотический колорит, но вскоре она почувствовала, что может провести кое-какие

интересные сравнения.

Молли Кендал, например, была похожа на одну симпатичную девушку, чье имя мисс Марпл не могла вспомнить и которая работала кондуктором в автобусе, идущем в Маркет-Бейзинг. Она всегда помогала мисс Марпл входить в автобус и никогда не давала сигнала к отправлению, прежде чем не убеждалась, что мисс Марпл села на удобное место. Тим Кендал немного походил на метрдотеля из медчестерского ресторана «Король Георг», самоуверенного и в то же время беспокойного (кажется, у него была язва). Что же касается майора Пэлгрейва, то он ничуть не отличался от генерала Лероя, капитана Флемминга, адмирала Уиклоу и коммандера Ричардсона. А вот к Грегу Дайсону подобрать аналог было труднее, так как он американец. Он, возможно, напоминал немного сэра Джорджа Троллопа, всегда отпускавшего шутки на собраниях, посвященных гражданской обороне, или мистера Мердока, мясника. У мистера Мердока была довольно скверная репутация, но некоторые считали, что это просто сплетни, которые мистеру Мердоку нравилось поощрять. Лаки — точь-в-точь Марлин из «Трех корон». Сложнее дело обстояло с Эвелин Хиллингдон. Внешне ей соответствуют многие — высоких,

худых, загорелых англичанок полным-полно. Пожалуй, она напоминает леди Каролину Вулф, первую жену Питера Вулфа, покончившую самоубийством. Или Лесли Джеймс — тихую, спокойную женщину, которая редко обнаруживала свои чувства, а в один прекрасный день продала дом и уехала, никому не сказав куда. В полковнике Хиллингдоне сразу не разберешься — для этого нужно познакомиться с ним поближе. Один из этих сдержанных людей с хорошими манерами. По ним никогда не поймешь, о чем они думают. Иногда эти люди совершают неожиданные поступки. Например, майор Харпер в один прекрасный день перерезал себе горло, а причины никто так никогда и не узнал. Впрочем, у мисс Марпл имелись на этот счет кое-какие подозрения, но она была не вполне уверена…

Ее взгляд задержался на столике мистера Рэфьела. Об этом человеке было известно, что он невероятно богат, полупарализован и каждый год приезжает в Вест-Индию. Внешне он напоминал старую сморщенную хищную птицу. Ему могло быть семьдесят, восемьдесят и даже девяносто лет. Одежда свободно висела на его хилом теле, из-под бровей поблескивали проницательные глаза. Он часто бывал резок, но

люди редко обижались на него, отчасти из-за его богатства, а отчасти из-за исходившей от него гипнотической силы, внушавшей ощущение, что мистер Рэфьел имеет право быть грубым, если ему этого хочется.

С ним сидела его секретарша, миссис Уолтерс. У нее было приятное лицо и пшеничного цвета волосы. С ней мистер Рэфьел бывал груб очень часто, но она, казалось, ничего не замечала, не потому, что была раболепной, а просто не обращая на это внимания и ведя себя как хорошо вышколенная медсестра. Возможно, подумала мисс Марпл, когда-то она ею и была.

Высокий красивый молодой человек в белой куртке подошел к креслу мистера Рэфьела. Старик поднял на него глаза, кивнул и указал на стул. Молодой человек послушно сел.

«Очевидно, это его слуга — мистер Джексон», — решила мисс Марпл, внимательно его разглядывая.

2

В пустом баре Молли Кендал опустилась на стул и сбросила туфли на высоких каблуках. Пришедший с террасы Тим присоединился к ней.

— Устала, дорогая? — спросил он.

— Немножко. Чувствую тяжесть в ногах.

— Смотри не переутомись. Я ведь знаю, какая это тяжелая работа. — Он с беспокойством посмотрел на нее.

— Не говори глупости, Тим, — засмеялась Молли. — Мне здесь очень нравится. Я всегда мечтала о таком, честное слово.

— Да, для приезжих это развлечение, а для владельцев — тяжкий труд.

— Ну, нельзя же не пускать в гостиницу постояльцев, — рассудительно заметила Молли.

Тим Кендал нахмурился:

— По-твоему, все идет как надо и мы делаем успехи?

— Конечно.

— А тебе не кажется, что люди говорят: «Здесь совсем не так, как было при Сэндерсонах»?

— Кто-то, безусловно, так говорит, но это наверняка заядлые консерваторы. Я уверена, что мы работаем лучше, чем Сэндерсоны. У нас больше обаяния. Ты очаровываешь старушек, умудряясь выглядеть так, будто жаждешь заняться любовью с какой-нибудь отчаявшейся особой на пятом или шестом десятке, а я строю глазки старым джентльменам, отчего они чувствуют себя как

псы на выгуле, а с теми, кто посентиментальнее, веду себя как ласковая и любящая дочь. Так что все идет отлично.

Чело Тима прояснилось.

— Хорошо, если так. А то меня иногда охватывает паника. Мы рискнули всем, взявшись за это дело. Я бросил свою работу…

— И правильно сделал, — быстро вставила Молли. — А то бы она тебя доконала.

Тим рассмеялся и чмокнул жену в кончик носа.

— Говорю тебе, все идет отлично, — повторила она. — Почему ты все время беспокоишься?

— Очевидно, у меня такой характер. Я всегда боюсь, что случится что-нибудь скверное.

— Что именно?

— О, я не знаю. Ну, кто-нибудь возьмет да и утонет.

— Глупости. Пляж здесь совершенно безопасный. К тому же тут постоянно дежурит этот неуклюжий швед.

— Конечно, я болтаю вздор, — согласился Тим Кендал. Поколебавшись, он спросил: — А тебя больше не тревожат эти сны?

Но Молли только улыбнулась.

Глава 3
Смерть в отеле

Мисс Марпл, как обычно, подали завтрак в постель. Чай, яйцо вкрутую, ломтики фруктов.

Фрукты, произрастающие на этом острове, не слишком радовали мисс Марпл. Она бы с удовольствием съела яблоко, но о существовании яблок здесь, казалось, даже не подозревали.

Пробыв на острове неделю, мисс Марпл отвыкла от привычки спрашивать, какая погода. Погода здесь всегда стояла великолепная и никогда не изменялась.

Конечно, на Сент-Оноре бывали ураганы, но мисс Марпл считала их не столько погодой, сколько стихийным бедствием. Иногда налетал ливень, который через пять минут так же внезапно прекращался. Все и всё промокали до нитки, но через десять минут снова были сухими.

Черная вест-индская девушка весело улыбнулась, обнажив ряд ослепительно белых зубов, пожелала мисс Марпл доброго утра и поставила поднос к ней на колени. Жаль, что здешние девушки так неохотно выходят замуж. Это огорчало

каноника Прескотта, который утешал себя тем, что ему зато очень часто приходится совершать обряд крещения — гораздо чаще, чем бракосочетания.

Съев завтрак, мисс Марпл задумалась над тем, как она проведет день. Это не отняло у нее много времени. Сейчас она встанет с постели, оденется, двигаясь медленно, так как из-за жары ее пальцы были не такими проворными, как обычно. Потом она отдохнет минут десять, возьмет вязанье и не спеша зашагает к отелю, решая, где ей устроиться поудобнее. На террасе, выходящей на море? Или на пляже, чтобы наблюдать за купающимися и за детьми? Обычно она останавливалась на последнем варианте. После полуденного отдыха она, может быть, пойдет прогуляться.

Да, сегодняшний день, по-видимому, ничем не будет отличаться от других.

Однако это оказалось далеко не так.

Мисс Марпл начала действовать по намеченной программе и медленно шла по тропинке к отелю, когда встретила Молли Кендал. На этот раз молодая женщина не улыбалась. Огорченное выражение так не подходило к ее лицу, что мисс Марпл сразу же спросила:

— Что-нибудь случилось, дорогая?

Молли кивнула.

— Ну, — поколебавшись, заговорила она, — все равно все узнают. Майор Пэлгрейв умер.

— Умер?

— Да, умер ночью.

— Боже мой! Какое несчастье!

— Да, смерть здесь — это просто ужас. Все сразу же придут в уныние. Конечно, он был уже стар…

— Вчера он выглядел веселым и здоровым, — заметила мисс Марпл, слегка обиженная уверенностью Молли, что каждый человек преклонного возраста может умереть в любую минуту.

— У него было повышенное давление, — возразила Молли.

— Но против этого существуют какие-то таблетки. В наши дни наука делает чудеса.

— Да, но, возможно, он забыл принять таблетки или, наоборот, принял их слишком много. Знаете, как бывает с инсулином.

Мисс Марпл не думала, что диабет и повышенное давление — это одно и то же.

— А что сказал врач? — спросила она.

— О, его осматривал доктор Грейем — он живет в отеле и практически уже отошел от дел. Потом приходили, чтобы выдать официальное свидетельство о смерти, но, по-моему, здесь все

ясно. Такое часто случается с людьми, у которых повышенное давление, особенно если они злоупотребляют алкоголем. А майор Пэлгрейв в этом отношении был очень недисциплинирован. Например, вчера вечером.

— Да, я заметила, — согласилась мисс Марпл.

— По-видимому, он забыл принять таблетки. Конечно, старику не повезло, но не могут же люди жить вечно. А нам с Тимом это ужасно неприятно. Еще подумают, что с пищей было что-то не так.

— Но ведь симптомы пищевого отравления и повышенного давления совершенно различны?

— Да, но люди любят болтать вздор. А если они решат, что пища была испорчена, и уедут, да еще скажут своим друзьям…

— Право, вам незачем беспокоиться, — ласково сказала мисс Марпл. — Вы же сами говорили, что пожилым людям вроде майора Пэлгрейва — а ему, очевидно, было уже за семьдесят — ничего не стоит умереть. Большинству это покажется вполне обычным происшествием, печальным, но не из ряда вон выходящим.

— Если бы только, — печально произнесла Молли, — это не случилось так внезапно.

«Да, это случилось весьма внезапно», — подумала мисс Марпл, медленно зашагав дальше. Еще

вчера вечером он был в отличном настроении, смеялся и болтал с Хиллингдонами и Дайсонами.

С Хиллингдонами и Дайсонами… Мисс Марпл зашагала еще медленнее и наконец совсем остановилась. Вместо того чтобы идти на пляж, она устроилась в тенистом углу террасы, вытащила свое вязанье и защелкала спицами так быстро, словно старалась не отставать от бега собственных мыслей. Ей не нравилось это — совсем не нравилось. Уж слишком «кстати» все произошло.

Мисс Марпл задумалась над вчерашними событиями.

Майор Пэлгрейв и его истории…

Они были такими же, как всегда, и вряд ли требовали того, чтобы их слушали очень внимательно. Хотя, возможно, было бы лучше, если бы она слушала его как следует.

Кения… Он говорил о Кении, потом об Индии… о северо-западных границах… А затем по какой-то причине они перешли к убийствам. И даже тогда она не начала внимательно слушать…

Какое-то нашумевшее событие, происшедшее здесь, — о нем было напечатано в газетах.

Это было после того, как он поднял ее клубок шерсти. Именно тогда он рассказал ей о фотогра-

фии — о снимке убийцы.

Мисс Марпл закрыла глаза и постаралась поточнее припомнить его рассказ.

Это была довольно бессвязная история, которую рассказал майору в клубе один врач (сам он услышал ее от другого врача). У этого врача был снимок какого-то человека, выходившего из парадной двери, и этот человек был убийцей.

Постепенно мисс Марпл вспоминала все подробности.

Майор предложил показать ей снимок. Он вынул свой бумажник и начал рыться в его содержимом, не переставая болтать. Потом майор посмотрел не на нее, а на что-то за ней, точнее за ее правым плечом, и внезапно умолк, его лицо побагровело, он начал засовывать все назад в бумажник слегка дрожащими руками и заговорил громким неестественным голосом о слоновьих бивнях!

Через минуту к ним присоединились Хиллингдоны и Дайсоны.

Тогда она повернула голову, чтобы посмотреть, что находится за ее правым плечом, но никого и ничего не увидела. Слева на некотором расстоянии по направлению к отелю сидели Тим Кендал и его жена, а за ними семья венесуэльцев. Но

майор Пэлгрейв смотрел не в эту сторону…

Мисс Марпл размышляла до самого ленча. После ленча она не пошла на прогулку. Вместо этого она сообщила, что не совсем хорошо себя чувствует, и попросила узнать у доктора Грейема, не будет ли он так любезен прийти осмотреть ее.

Глава 4
Мисс Марпл требует медицинской помощи

Доктор Грейем был добродушным пожилым человеком лет шестидесяти пяти. Он уже много лет практиковал в Вест-Индии, но теперь почти совсем бросил работу, предоставив ее своим партнерам. Приветливо поздоровавшись с мисс Марпл, он спросил, что ее беспокоит. К счастью, в годы мисс Марпл, приложив некоторые усилия, всегда можно было обнаружить у себя какое-нибудь недомогание. Мисс Марпл колебалась между плечом и коленом, остановив наконец выбор на втором варианте.

Доктор Грейем весьма любезно не стал упоминать о том факте, что в возрасте мисс Марпл подобные недомогания только естественны, а сразу же выписал ей таблетки. Зная по опыту, что многие пожилые люди испытывают одиночество, впервые приезжая на Сент-Оноре, он задержался, чтобы немного поболтать с ней.

«Славный человек, — подумала мисс Марпл. — Мне очень стыдно, что я вынуждена солгать ему.

Но я не вижу никакого другого выхода».

Мисс Марпл была воспитана в строгом уважении к правде и по натуре была очень правдивой женщиной. Но в определенных обстоятельствах, когда долг велел ей лгать, она лгала с поразительным правдоподобием.

Слегка кашлянув, чтобы прочистить горло, мисс Марпл приступила к делу.

— Я хотела кое о чем спросить вас, доктор Грейем, — защебетала она. — Конечно, может быть, и не стоило говорить об этом, но для меня это очень важно. Надеюсь, вы меня поймете и не сочтете назойливой.

— Я с удовольствием помогу вам, если вас что-то беспокоит, — любезно ответил доктор Грейем.

— Это связано с майором Пэлгрейвом. Я была так потрясена, когда услышала утром о его смерти!

— Да, все произошло действительно очень неожиданно, — согласился доктор Грейем. — Вчера он был в таком хорошем настроении. — Судя по его тону, смерть майора Пэлгрейва ничуть не казалась ему чем-то из ряда вон выходящим. Мисс Марпл вдруг испугалась, что поднимает много шуму из ничего. Может быть, во всем виновата ее природная подозрительность и ей уже

не следовало доверять собственным суждениям? Но как бы то ни было, она уже занялась этим вопросом и должна идти дальше.

— Вчера днем мы сидели и разговаривали, — продолжала она. — Он рассказывал мне о своей интересной жизни. Оказывается, на земле столько удивительных стран!

— Да, в самом деле, — согласился доктор Грейем, которому воспоминания майора Пэлгрейва успели порядком надоесть.

— Потом он заговорил о своем детстве, своей семье. Я рассказала ему немного о своих племянниках и племянницах, и он слушал очень внимательно. Тогда я показала ему фотоснимок одного моего племянника, который был у меня с собой. Такой милый мальчик… Правда, на снимке он уже не совсем мальчик, но для меня он всегда останется маленьким.

— Разумеется, — подтвердил доктор Грейем, думая, сколько еще времени пройдет, прежде чем старая леди перейдет к делу.

— Я дала ему карточку, и он рассматривал ее, когда вдруг подошли эти симпатичные люди, которые собирают цветы и бабочек, — полковник и миссис Хиллингдон и… я забыла фамилию.

— Хиллингдоны и Дайсоны?

— Да, совершенно верно. Они присоединились к нам, предложили выпить, и майор Пэлгрейв, очевидно, машинально сунул мою карточку к себе в бумажник и положил его в карман. Тогда я не обратила на это большого внимания, но позже сказала себе: «Надо не забыть попросить майора вернуть мне фотокарточку Дензила». Я подумала об этом вчера вечером, когда были танцы и играл оркестр, но не захотела ему мешать — они все так веселились, и я решила напомнить ему об этом утром. А утром… — И мисс Марпл сделала паузу.

— Да-да, понимаю, — сказал доктор Грейем. — И вы, естественно, хотите получить свой снимок, не так ли?

Мисс Марпл кивнула:

— Да. Видите ли, это единственный экземпляр, а негатива у меня нет. Мне было бы жаль лишиться этого снимка, так как бедный Дензил умер пять или шесть лет назад, а это был мой любимый племянник. Только эта карточка и напоминала мне о нем. И я решила… Конечно, это назойливо с моей стороны… может быть, вам удастся вернуть его мне? Я просто не знаю, кого еще я могла бы об этом попросить. Ведь мне неизвестно, кто будет заниматься вещами майора, а все подумают, что это просто блажь. Никто не сумеет понять, что

этот снимок для меня значит.

— Конечно, конечно, — согласился доктор Грейем. — Я вас хорошо понимаю. Это вполне естественное чувство. Вскоре я должен встретиться с местными властями — завтра похороны, прибудет кто-нибудь из администрации, чтобы просмотреть бумаги и имущество майора, прежде чем связаться с его семьей. Вы могли бы описать эту карточку?

— На ней был изображен фасад дома, — сказала мисс Марпл. — И кто-то… я имею в виду, Дензил только что вышел из парадной двери. Фотографировал другой мой племянник, который очень любил цветы, а перед домом, кажется, росли гибискусы. В этот момент Дензил как раз вышел. Снимок неважного качества — очень нерезкий. Но мне он нравился, и я всегда хранила его при себе.

— Ну, все как будто ясно, — заметил доктор Грейем. — Думаю, что будет нетрудно вернуть вам фотографию, мисс Марпл.

Он встал со стула. Мисс Марпл благодарно улыбнулась ему:

— Вы очень любезны, доктор Грейем. Вы ведь меня понимаете?

— Конечно, — сказал доктор Грейем, тепло

пожимая ей руку. — Можете не беспокоиться. Упражняйте ваше колено каждый день, только не слишком усердно, а я пришлю вам таблетки. Принимайте по одной три раза в день.

Глава 5
Мисс Марпл принимает решение

Похороны майора Пэлгрейва состоялись на следующий день. Мисс Марпл присутствовала на них в компании с мисс Прескотт. Каноник прочитал заупокойную службу, после чего жизнь потекла по-прежнему.

Смерть майора Пэлгрейва была всего лишь неприятным инцидентом, о котором вскоре забыли. Жизнь здесь состояла из моря, солнца и развлечений. Смерть бросила мрачную тень на Сент-Оноре, но эта тень исчезла довольно быстро. В конце концов, все едва лишь знали покойного. Он был обычным старым занудой, каких часто встречаешь в клубах, вечно делившимся своими воспоминаниями, которых никто не жаждал услышать. Приткнуться ему было негде. Его жена умерла много лет назад. Он жил и умер одиноким. Но, несмотря на это, майор Пэлгрейв всю жизнь провел среди людей, что очень скрашивало его существование. Невзирая на одиночество, он был веселым человеком, умевшим извлекать из жизни радости. А теперь он мертв, похоронен, и

через неделю никто даже не вспомнит о нем.

Единственным человеком, чувствующим его отсутствие, была мисс Марпл. Она не питала к покойному личной привязанности, но он являл собой ту жизнь, которую она знала. Когда становишься старой, то постепенно привыкаешь слушать рассказы таких же стариков, даже если они не представляют особого интереса, поэтому между ней и майором установилось своеобразное взаимопонимание. Мисс Марпл, конечно, не оплакивала майора Пэлгрейва, но ей его недоставало.

После похорон, когда она сидела и вязала на своем любимом месте, к ней подошел доктор Грейем и сел рядом. Мисс Марпл поздоровалась с ним, отложив спицы.

— Боюсь, — виновато заговорил доктор, — что я вынужден разочаровать вас, мисс Марпл.

— В самом деле? По поводу моей…

— Да, к сожалению, мы не нашли вашего снимка.

— Очень жаль. Конечно, это не имеет особого значения — обычная сентиментальность. Значит, его не было в бумажнике майора Пэлгрейва?

— Нет, ни там, ни вообще среди его вещей. У него было много хлама — письма, газетные вы-

резки, несколько старых фотографий, но такого снимка, как вы описали, не было.

— Ну, ничего не поделаешь, — вздохнула мисс Марпл. — Большое вам спасибо, доктор Грейем. Извините за беспокойство.

— О, право, не о чем говорить. Я ведь по собственному опыту знаю, что значат семейные фотографии, особенно когда стареешь.

«Старая леди легко примирилась с этим огорчением, — подумал он. — Возможно, майор Пэлгрейв обнаружил снимок, когда вынимал что-то из бумажника, и, забыв, откуда он взялся, разорвал его как ненужный хлам. Конечно, для старушки это большое разочарование. Хорошо, что она отнеслась к этому философски и даже весело».

Но в действительности чувства мисс Марпл были совершенно противоположными. Ей требовалось время, чтобы обдумать все как следует, но пока что она решила использовать все возможности создавшейся ситуации.

Мисс Марпл вовлекла доктора Грейема в беседу с энтузиазмом, который она даже не пыталась скрыть. Добрый доктор, приписывающий словоохотливость старой леди ее одиночеству и тоске по собеседнику, старался отвлечь ее от неприят-

ных воспоминаний о потерянной фотографии беспечной болтовней о жизни на Сент-Оноре и о различных интересных местах, которые мисс Марпл, может быть, захотела бы посетить. Он и сам не заметил, как разговор вернулся к кончине майора Пэлгрейва.

— Так печально, что он умер вдали от дома, — сказала мисс Марпл. — Хотя, насколько я поняла из его рассказов, у него не было близких родственников. Кажется, он один жил в Лондоне.

— По-моему, он много путешествовал, — заметил доктор Грейем. — Во всяком случае, в зимнее время. Наша английская зима ему не нравилась. Не могу его за это порицать.

— Я тоже, — согласилась мисс Марпл. — А может быть, у него были слабые легкие или что-нибудь в этом роде, вынуждавшее его ездить зимой за границу?

— Не думаю.

— У него как будто было повышенное давление. В наши дни это встречается сплошь и рядом.

— Он говорил вам об этом?

— Нет, никогда. Мне сказал это кто-то другой.

— Ах вот как?

— Полагаю, — продолжала мисс Марпл, — что при таких обстоятельствах следовало ожидать

смерти.

— Это вовсе не обязательно, — возразил доктор Грейем. — Сейчас существуют методы контроля давления.

— Его смерть последовала очень внезапно, но вы вроде бы не удивились.

— Ну, когда человек умирает в таком возрасте, не стоит особенно удивляться. Но я этого не ожидал. Откровенно говоря, мне казалось, что он в отличной форме, хотя я никогда его не осматривал и не измерял ему давление.

— А разве врач может определить, только взглянув на человека, повышено ли у него давление? — с наивным видом осведомилась мисс Марпл.

— Одного взгляда мало, — улыбнулся доктор. — Требуется еще и осмотр.

— О, понимаю. Это ужасно, когда вокруг руки оборачивают резиновую штуку, а потом ее надувают. Терпеть не могу эту процедуру! Но мой врач мне говорил, что для моих лет у меня очень хорошее давление.

— Рад это слышать, — сказал доктор Грейем.

— Конечно, майор злоупотреблял пуншем, — задумчиво промолвила мисс Марпл.

— Да. Алкоголь — не слишком хорошее сред-

ство от гипертонии.

— Он, кажется, принимал таблетки?

— Да, в его комнате нашли бутылочку с серенитом.

— В наши дни наука творит чудеса, — заметила мисс Марпл. — Врачи могут сделать очень много, не так ли?

— У нас есть сильный конкурент — природа, — ответил доктор Грейем. — Поэтому еще до сих пор применяются некоторые старомодные домашние средства.

— Например, класть паутину на порез, — подхватила мисс Марпл. — Когда я была ребенком, мы всегда так делали.

— Весьма благоразумно, — одобрил доктор Грейем.

— Или класть льняную припарку на грудь и натираться камфорным маслом от кашля.

— Да вы все знаете! — рассмеялся доктор Грейем, вставая. — Как колено? Не слишком беспокоит?

— Нет, оно гораздо лучше.

— Ну, мы не знаем, следует ли благодарить за это природу или мои таблетки, — заметил доктор Грейем. — Простите, что я не смог помочь вам.

— Что вы! Вы были так любезны! Мне стыдно,

что я отняла у вас время. Так вы говорите, что в бумажнике майора не было фотографий?

— Были две карточки — одна изображала майора в молодости верхом на пони, другая — мертвого тигра, на которого майор наступил ногой. Это все воспоминания о днях его юности. Я искал очень тщательно и не нашел снимка вашего племянника.

— О, я уверена, что вы искали тщательно, — просто я поинтересовалась… Все мы любим хранить всякую ерунду.

— Сокровища из прошлого, — улыбнулся доктор.

Попрощавшись, он удалился.

Мисс Марпл осталась на месте, задумчиво глядя на пальмы и море и несколько минут не притрагиваясь к вязанью. Теперь у нее имелся факт, и она задумалась над тем, что он означает. Снимка, который майор вынул из бумажника и так поспешно положил назад, не оказалось на месте после его смерти. Такую вещь майор не мог выбросить. Он сунул фото в бумажник, и оно должно было находиться там после кончины майора. Деньги могли украсть, но кому могло понадобиться красть снимок? Если, конечно, для этого не было особой причины…

Лицо мисс Марпл стало серьезным. Ей следовало принять решение. Позволит она майору Пэлгрейву мирно покоиться в своей могиле или нет? Может, лучше оставить все как есть? Она пробормотала себе под нос цитату: «Теперь Дункан спокойно спит в гробу. Прошел горячечный припадок жизни»[118]. Теперь ничто не могло повредить майору Пэлгрейву. Он ушел туда, где опасность не может его коснуться. Было ли простым совпадением, что он умер именно в эту ночь? А может быть, нет? Врачи без особого внимания относятся к смерти пожилых людей, особенно если в их комнате стоит бутылочка с таблетками, которые гипертоники должны принимать каждый день. Но если кто-то взял снимок из бумажника майора, то этот же человек мог поставить бутылочку в его комнату. Она сама никогда не видела, чтобы майор принимал таблетки; ей он никогда не говорил, что у него повышенное давление. Единственно, что он сказал о своем здоровье, была фраза: «Я уже не так молод». У майора иногда была небольшая одышка — обычная астма и ничего более. Но кто-то упоминал, что у него повышенное давление. Молли?

---

[118] notes: 118
Шекспир У. Макбет. Перевод Б. Пастернака.

Мисс Прескотт? Она не могла вспомнить.

Мисс Марпл вздохнула.

«Ну, Джейн, что ты намерена делать? — произнесла она про себя. — А вдруг ты все это придумала? Есть ли у тебя хоть какая-нибудь зацепка?»

Напрягая память, она принялась слово за словом тщательно припоминать свою беседу с майором об убийствах и убийцах.

— О боже! — вздохнула мисс Марпл. — Даже если это и так — я все равно не знаю, что я могу сделать…

Но теперь она была уверена, что предпримет попытку…

Глава 6
После полуночи
1

Мисс Марпл проснулась рано. Как и многие старые люди, она спала чутко, и у нее бывали периоды бессонницы, во время которых она планировала свои действия на ближайшее будущее. Разумеется, в большинстве случаев ее мысли касались сугубо личных дел или домашнего хозяйства. Но в это утро мисс Марпл размышляла об убийстве и о том, что ей следует предпринять, если ее подозрения верны. Это было нелегко. У нее имелось одно-единственное оружие — разговоры.

Старые леди, как правило, всегда много болтали. Их собеседникам порядком это надоедало, но они не усматривали в этом никаких скрытых мотивов. Ей вовсе не придется задавать прямые вопросы (к тому же было весьма затруднительно решить, какой именно вопрос следует задать). Просто мисс Марпл должна побольше разузнать о некоторых людях, которых она сейчас перебирала в уме.

Возможно, мисс Марпл могла бы кое-что выяснить о майоре Пэлгрейве, но помогло бы это ей? Она сильно сомневалась. Если майора Пэлгрейва убили, то не из-за денег, не из мести и не из-за какой-то тайны в его жизни. Хотя он и являлся жертвой, но это был один из тех редких случаев, когда добыча знаний о жертве не может навести на след убийцы. Очевидно, причина убийства была в том, что майор Пэлгрейв слишком много болтал.

Один интересный факт она узнала от доктора Грейема. У майора в бумажнике было несколько фотографий: одна — изображавшая его самого верхом на пони, на другой был мертвый тигр, остальные, наверно, были в том же духе. Почему же майор Пэлгрейв носил с собой эти снимки? «Очевидно, — подумала мисс Марпл, имеющая опыт в знакомствах со старыми адмиралами, генералами и майорами, — потому что они служили иллюстрациями к историям, которые он так любил рассказывать, — об охоте на тигров в Индии, о пони для игры в поло. Точно так же историю о подозреваемом убийце должна была подкрепить извлеченная из бумажника фотография».

В беседе с мисс Марпл майор следовал этому

образцу. Когда разговор зашел об убийстве, он, чтобы возбудить интерес к своему рассказу, сделал то, что, безусловно, всегда делал в аналогичных случаях, — вытащил снимок и сказал что-то вроде: «Никогда не подумаешь, что этот парень убийца, верно?»

По-видимому, эта история входила в его постоянный репертуар. Как только беседа касалась убийства, майор тотчас же несся на всех парах.

В таком случае, подумала мисс Марпл, он мог уже рассказать об этом кому-то еще. И даже больше чем одному. Если так, то она могла узнать у этих людей какие-нибудь дополнительные детали истории, возможно, описание человека, изображенного на фотографии.

Мисс Марпл удовлетворенно кивнула. С этого можно было начать.

И разумеется, оставались люди, которых мисс Марпл именовала про себя «четверо подозреваемых». Хотя вообще-то майор Пэлгрейв говорил о мужчине, а их было только двое. Полковник Хиллингдон и мистер Дайсон не очень-то походили на убийц, но ведь далеко не все убийцы обладают характерной внешностью. Может быть, там был кто-то еще? Она не увидела никого, когда повернула голову, чтобы проверить. Конечно,

там стояло бунгало мистера Рэфьела. Может, кто-нибудь вышел из бунгало и успел войти назад прежде, чем она посмотрела в ту сторону? Если так, то это мог быть только слуга. Как его фамилия? Ах да, Джексон. Неужели Джексон вышел из домика и, таким образом, стал в той же позе, как и на снимке? Человек, выходящий из двери… Майор мог внезапно узнать его. До сих пор майор Пэлгрейв не проявлял никакого интереса к Артуру Джексону — блуждающий любопытный взгляд его единственного глаза, безусловно, был взглядом сноба, а так как Джексон не принадлежал к «пукка-сахиб»[119], то майор вряд ли бы посмотрел на него дважды.

Но если, держа в руках снимок, он поглядел через правое плечо мисс Марпл и увидел человека, выходящего из двери?..

Мисс Марпл повернула голову на подушке. Итак, программа на завтра или, вернее, на сегодня — расследование по линиям: Хиллингдоны, Дайсоны и Артур Джексон.

---

[119] notes: 119
Пукка-сахиб — человек из высшего общества *(англо-инд.)*.

2

Доктор Грейем тоже проснулся рано. Обычно он поворачивался на другой бок и засыпал снова. Но сегодня сон никак не приходил. Что-то мешало ему уснуть. Доктор уже давно не страдал от бессонницы. В чем же была причина его беспокойства? Он не мог этого понять. Может быть, здесь есть какая-то связь со смертью майора Пэлгрейва? Но что в этом событии могло не давать ему покоя? То, что говорила болтливая старая дама? Да, с ее фотокарточкой вышло неудачно, но она мужественно с этим примирилась. Какую же случайную фразу она обронила, от которой ему до сих пор не по себе? В конце концов, в смерти майора не было ничего странного. По крайней мере, он так считал.

Было совершенно ясно, что при состоянии здоровья майора… но тут его мысли задержались. Так ли уж много он знал о состоянии здоровья майора Пэлгрейва? Все говорили, что у него было повышенное давление. Но ведь он сам никогда не беседовал с майором на эту тему, да и вообще редко с ним говорил. Пэлгрейв был старым занудой, а он всегда избегал людей этой категории.

Какого же черта ему пришла в голову мысль, что здесь что-то не так? Из-за этой старой леди? Но ведь она фактически ничего такого не сказала. Как бы то ни было, это не его дело. Местные власти были вполне удовлетворены. В комнате нашли бутылочку с таблетками серенита, а старик, по-видимому, всем говорил о повышенном давлении.

Доктор Грейем повернулся в постели и вскоре снова заснул.

3

За территорией отеля в одной из лачуг у ручья девушка по имени Виктория Джонсон повернулась и села в кровати. Это была великолепная представительница обитателей Сент-Оноре, с телом, словно высеченным скульптором из черного мрамора. Проведя рукой по темным жестким локонам, она слегка толкнула ногой своего спящего компаньона:

— Проснись.

Мужчина, ворча, повернулся:

— Чего тебе надо? Еще не утро.

— Проснись. Я хочу поговорить с тобой.

Мужчина сел, потянулся и зевнул, показав ряд

ровных белых зубов.

— Что случилось?

— Да вот этот майор, который умер… Мне это не нравится. Здесь что-то не так.

— Чего ради ты должна об этом беспокоиться? Он был уже стар и умер.

— Да послушай же! Эти пилюли, о которых меня спрашивал доктор…

— Ну и что? Может быть, он принял их слишком много.

— Нет, дело не в этом. Слушай. — Она наклонилась к нему и что-то горячо зашептала.

Зевнув, мужчина снова лег.

— Чепуха!

— Как бы то ни было, утром я скажу об этом миссис Кендал. По-моему, что-то здесь все же не так.

— Не стоит из-за этого волноваться, — сказал мужчина, которого Виктория в настоящее время считала своим мужем, хотя и не заручилась брачным свидетельством. — Давай не будем подыскивать себе причину для беспокойства, — добавил он и, зевнув, повернулся на другой бок.

Глава 7
Утро на пляже
1

Эвелин Хиллингдон вылезла из воды и плюхнулась на теплый золотистый песок. Сняв купальную шапочку, она энергично тряхнула темными волосами. Пляж был не особенно большим. Люди обычно приходили туда по утрам, и к половине двенадцатого там происходило нечто вроде общего собрания. Слева от Эвелин в причудливом плетеном кресле современной конструкции лежала сеньора де Каспеаро, красавица из Венесуэлы. По соседству с ней расположился мистер Рэфьел, в настоящее время самый старший из обитателей «Золотой пальмы» и обладавший властью, доступной только пожилым и богатым инвалидам. Эстер Уолтерс, как всегда, находилась рядом, имея при себе карандаш и блокнот на случай, если мистеру Рэфьелу внезапно взбредет в голову срочно отправить какую-нибудь деловую телеграмму. Мистер Рэфьел в пляжном наряде казался донельзя высохшим; кости покрывали гирлянды висевшей кожи. Хотя он имел вид

человека, стоящего одной ногой в могиле, жители Вест-Индии утверждали, что он выглядит точно так же, по крайней мере, уже лет восемь. Проницательные голубые глаза поблескивали на морщинистом лице. Его основным развлечением было энергично отрицать все, что ему ни скажут.

Мисс Марпл также присутствовала на пляже. Как всегда, она сидела и вязала, прислушиваясь к происходящему и очень редко вступая в беседу. Когда же она начинала говорить, то это всех удивляло, так как обычно о ее существовании все забывали. Эвелин Хиллингдон снисходительно на нее посматривала, считая ее «милой старушонкой».

Сеньора де Каспеаро натирала ноги маслом для загара, что-то бурча себе под нос. Она была весьма неразговорчивой особой. Закончив процедуру, сеньора недовольно посмотрела на пузырек.

— Это масло хуже «Франхипаньо», — печально промолвила она. — А его достать здесь просто невозможно. — И ее веки снова опустились.

— Вы не хотите окунуться, мистер Рэфьел? — спросила Эстер Уолтерс.

— Окунусь, когда сочту нужным, — огрызнулся мистер Рэфьел.

— Но уже половина двенадцатого, — заметила миссис Уолтерс.

— Ну и что из этого? — осведомился мистер Рэфьел. — Вы думаете, я принадлежу к людям, которые зависят от времени? Это сделай тогда-то, это — через двадцать минут, это — еще через двадцать минут — тьфу!

Миссис Уолтерс прослужила у мистера Рэфьела достаточно долго, чтобы выработать соответствующую линию поведения с ним. Она знала, что ему требуется немало времени для того, чтобы прийти в себя после купания, и поэтому напоминала ему о времени, оставляя в запасе добрых десять минут для пререканий.

— Мне не нравятся эти пляжные туфли, — заявил мистер Рэфьел, подняв ногу и глядя на нее. — Я уже говорил этому болвану Джексону, но он никогда не обращает внимания на мои слова.

— Я принесу вам другие, мистер Рэфьел.

— Сидите на месте! Терпеть не могу людей, которые суетятся как клуши.

Лежащая на теплом песке Эвелин слегка пошевелилась и раскинула руки.

Мисс Марпл, поглощенная вязанием (по крайней мере, так казалось), вытянула ногу и поспешно извинилась:

— Простите, миссис Хиллингдон. Боюсь, что я толкнула вас.

— Ничего, — ответила Эвелин. — Пляж слишком переполнен.

— О, пожалуйста, не беспокойтесь. Я отодвину свое кресло назад, чтобы больше вас не задевать.

Во время передислокации мисс Марпл продолжала непринужденно болтать:

— Здесь просто чудесно! Знаете, я раньше никогда не была в Вест-Индии. Вот уж не думала, что когда-нибудь сюда попаду. А все по доброте моего племянника. Полагаю, вы хорошо знаете эти места, не так ли, миссис Хиллингдон?

— На этом острове я раньше была один или два раза, а кроме того, я была на многих других островах.

— Ах да! Бабочки и цветы. Вы занимаетесь ими вместе с вашими друзьями… или они ваши родственники?

— Друзья, и ничего более.

— Очевидно, вы много бываете вместе, потому что у вас общие интересы?

— Да. Мы путешествовали вместе несколько лет.

— И наверно, у вас было несколько увлекательных приключений?

— Едва ли, — ответила Эвелин. Ее голос звучал уныло и невыразительно. — Приключения всегда случаются с другими. — И она зевнула.

— Ни опасных встреч со змеями и хищниками, ни столкновений с дикими туземцами? — продолжала мисс Марпл, думая про себя: «Что за чушь я болтаю!»

— Только с кусачими насекомыми, — заверила ее Эвелин.

— Знаете, бедного майора Пэлгрейва однажды укусила змея, — сообщила мисс Марпл заведомую ложь.

— Неужели?

— А он никогда не рассказывал вам об этом?

— Может быть, и рассказывал. Я не помню.

— Он всегда рассказывал множество интересных историй.

— На редкость нудный старик, — вмешался мистер Рэфьел. — И к тому же глуп как пробка. Он бы не умер, если бы следил за собой как следует.

— О, пожалуйста, мистер Рэфьел, — взмолилась миссис Уолтерс.

— Я знаю, что говорю. Если следишь за своим здоровьем, то все будет в порядке. Посмотрите на меня. Врачи уже несколько лет назад признали меня безнадежным. «Отлично, — сказал я. — У

меня есть собственные медицинские правила, и я буду им следовать». И вот, как видите, я до сих пор жив. — И он гордо огляделся вокруг.

То, что он был до сих пор жив, и в самом деле казалось чудом.

— У бедного майора Пэлгрейва было повышенное давление, — заметила миссис Уолтерс.

— Чепуха, — отрезал мистер Рэфьел.

— Но это действительно так, — подхватила Эвелин Хиллингдон. В ее голосе неожиданно послышались твердые нотки.

— Он сам вам это сообщил? — осведомился мистер Рэфьел.

— Кто-то мне говорил.

— У него было очень красное лицо, — вставила мисс Марпл.

— Это еще ничего не значит, — возразил мистер Рэфьел. — К тому же у него не было повышенного давления, и он сам мне об этом сказал.

— Что вы имеете в виду? — спросила миссис Уолтерс.

— Я видел, как он много ест и без передышки поглощает пунши, и как-то прочитал ему мораль: «В ваши годы нужно помнить о кровяном давлении, соблюдать диету и не злоупотреблять алкоголем». А он ответил, что ему это незачем, так

как для его возраста у него прекрасное давление.

— Но он, кажется, принимал какое-то лекарство от гипертонии, — снова вмешалась мисс Марпл. — Как будто оно называется «серенит».

— По-моему, — сказала Эвелин Хиллингдон, — ему просто не хотелось признаться в своей болезни. Очевидно, он принадлежал к людям, которые боятся болезней и, как ни странно, именно поэтому не говорят, что они больны.

Глядя на ее темноволосую голову, мисс Марпл подумала, что эта тирада чересчур длинна для Эвелин Хиллингдон.

— Беда в том, — наставительно произнес мистер Рэфьел, — что люди слишком интересуются чужими болезнями. Они считают, что каждый, кому больше пятидесяти, обязательно должен умереть от гипертонии, коронарного тромбоза или чего-нибудь в этом роде. Чепуха! Если человек говорит, что с ним все в порядке, значит, так оно и есть. Люди должны знать о собственном здоровье. Сколько сейчас времени? Без четверти двенадцать? Мне уже давно было пора окунуться. Почему вы не напомнили мне об этом, Эстер?

Миссис Уолтерс не выразила протеста. Она встала, помогла подняться мистеру Рэфьелу и, поддерживая его, вошла вместе с ним в море.

— Как безобразны старики! — промолвила сеньора де Каспеаро, открыв глаза. — Пожалуй, людям следовало бы умирать в сорок или даже в тридцать пять лет.

К ним подошли Эдуард Хиллингдон и Грегори Дайсон, скрипя ногами по песку.

— Как вода, Эвелин?

— Как обычно.

— Да, здесь температура всегда одна и та же. А где Лаки?

— Не знаю, — ответила Эвелин.

И снова мисс Марпл задумчиво на нее посмотрела.

— Ну, пожалуй, я изображу кита, — сказал Грегори. Он сбросил яркую рубашку, побежал по пляжу, бросился в воду, пыхтя и отфыркиваясь, и быстро поплыл кролем.

Эдуард Хиллингдон сел на песок рядом с женой.

— Искупаемся? — спросил он.

Она улыбнулась, надела купальную шапочку, и они вдвоем зашагали к морю, делая это значительно менее эффектно, чем Грегори.

Сеньора де Каспеаро снова открыла глаза.

— Сначала я думала, что у этих двоих медовый месяц — он с ней так мил, но они, оказывается,

женаты восемь или девять лет. Удивительно, правда?

— Интересно, где миссис Дайсон? — заметила мисс Марпл.

— Лаки? С каким-нибудь мужчиной.

— Вы… вы в самом деле так думаете?

— Конечно, — подтвердила сеньора де Каспеаро. — Она — женщина именно такого типа, хотя и не так уж молода. А у ее мужа тоже глаза бегают повсюду. Уж это-то я знаю.

— Безусловно, знаете, — согласилась мисс Марпл. — В этом я не сомневаюсь.

Сеньора де Каспеаро бросила на нее удивленный взгляд. Очевидно, она не ждала от мисс Марпл подобного ответа.

Мисс Марпл тем временем продолжала смотреть на волны с выражением святой невинности.

2

— Могу я поговорить с вами, миссис Кендал?

— Да, конечно, — ответила Молли, сидящая за письменным столом в кабинете.

Виктория Джонсон в белой крахмальной униформе подошла ближе и закрыла за собой дверь

с таинственным видом.

— Я хотела рассказать вам кое-что, миссис Кендал.

— Да? Что-нибудь не так?

— Не знаю. Я не уверена. Это касается старого джентльмена, который умер во сне.

— Ну и что же?

— В его комнате была бутылочка с таблетками. Доктор спрашивал меня о них.

— Да?

— Доктор сказал: «Позвольте мне взглянуть, что у него стоит на полочке в ванной». Там были зубной порошок, желудочные таблетки, аспирин, каскара и пузырек с надписью: «Серенит».

— Да? — снова повторила Молли.

— Доктор увидел эту бутылочку и казался вполне удовлетворенным. Но потом я вспомнила, что раньше ее не было в ванной, — я там ее не видела. Зубной порошок, крем для бритья, аспирин и прочее там всегда стояли, но таблеток серенита я никогда раньше не замечала.

— Значит, вы думаете… — Молли казалась удивленной.

— Не знаю, что и думать, — сказала Виктория. — Я только поняла, что здесь что-то не так, и решила рассказать вам. Может быть, вы сооб-

щите доктору? А вдруг кто-то подсунул ему эти пилюли, чтобы он проглотил их и умер?

— Едва ли, — возразила Молли.

Виктория покачала курчавой головой:

— Кто знает. Люди часто совершают дурные поступки.

Молли посмотрела в окно. Место казалось земным раем. Солнце, море, коралловые рифы, музыка, танцы… Но ведь даже в саду Эдема появился змей. «Дурные поступки» — как мерзко звучат эти слова.

— Я наведу справки, Виктория, — быстро ответила она. — Не беспокойтесь и, пожалуйста, не распространяйте нелепых слухов.

Как только Виктория неохотно удалилась, в комнату вошел Тим Кендал.

— Что-нибудь случилось, Молли?

Молли колебалась, но ведь Виктория могла пойти и к Тиму, поэтому она передала ему рассказ девушки.

— Чепуха какая-то! При чем тут эти пилюли?

— Ну, я не знаю, Тим. Доктор Робертсон, когда он приходил сюда, говорил, что они как-то действуют на кровяное давление.

— Ну и что из этого? У майора ведь было высокое давление, и он, наверное, принимал эти

таблетки.

— Да, — неуверенно продолжала Молли, — но Виктория, кажется, думает, что он из-за этих таблеток мог умереть.

— Знаешь, дорогая, это уж чересчур мелодраматично! Ты имеешь в виду, что кто-то мог заменить таблетки от давления на что-нибудь другое и тем самым отравить майора?

— Это звучит абсурдно, — виновато сказала Молли, — в твоих устах. Но Виктория как будто думает именно так.

— Глупая девчонка! Конечно, мы могли бы пойти к доктору Грейему и все у него выяснить. Но, право, это такая чепуха, что не стоит его беспокоить.

— Я тоже так считаю.

— Что заставило ее думать, будто кто-то мог подменить таблетки? Ты говоришь, ей кажется, что другие таблетки положили в тот же самый пузырек?

— Не знаю, — беспомощно ответила Молли. — Виктория вроде бы говорила, что пузырек с серенитом она увидела там впервые.

— Что за ерунда! — воскликнул Тим Кендал. — Майор же все время должен был принимать эти таблетки, чтобы снижать давление. — И он

вышел из комнаты, чтобы посоветоваться с метрдотелем Фернандо.

Но Молли не могла так легко прогнать беспокойные мысли. Когда суета с ленчем кончилась, она сказала мужу:

— Тим, я все думаю… если Виктория будет повсюду об этом болтать, лучше было бы нам все самим выяснить.

— Но, дорогая, Робертсон и остальные все проверили.

— Да, но ты знаешь, как эти девушки легко возбуждаются.

— Ну ладно. Пойдем посоветуемся с Грейемом. Он должен все знать.

Доктор Грейем сидел с книгой в своей лоджии. Чета Кендал вошла к нему, и Молли начала рассказ. Так как он был весьма бессвязным, то Тим взял на себя инициативу.

— Звучит это, конечно, по-идиотски, — словно извиняясь, добавил он, — но, насколько я понял, девчонка вбила себе в голову, что кто-то положил ядовитые таблетки в пузырек из-под этого… как его… сера…

— Но почему она так решила? — спросил доктор Грейем. — Она что-нибудь видела или слышала?

— Не знаю, — довольно беспомощно ответил

Тим. — Послушай, Молли, там что, заменили бутылочку?

— Нет, — возразила Молли. — По-моему, она говорила, что на ней была надпись: «Севен… Серен…»

— «Серенит», — подсказал доктор. — Это известный препарат. Он, очевидно, регулярно принимал его.

— Но Виктория сказала, что раньше она не видела его у него в комнате.

— Раньше не видела? — резко переспросил Грейем. — Что она под этим подразумевает?

— Ну, то, что она сказала. Виктория утверждает, что на полке в ванной стояли зубной порошок, крем для бритья, аспирин… ну и прочая чепуха. Очевидно, она всегда убирала там и поэтому помнит все наизусть. Но этого… серенита она никогда там не видела до смерти майора.

— Очень странно, — протянул доктор Грейем. — Она в этом уверена?

Резкость его тона удивила обоих Кендалов. Они не ожидали, что доктор Грейем так к этому отнесется.

— Как будто уверена, — медленно ответила Молли.

— Может быть, она просто хотела устроить

сенсацию? — предположил Тим.

— Пожалуй, — сказал доктор Грейем, — я лучше переговорю с самой девушкой.

Виктория не скрывала своего удовольствия, когда ей разрешили повторить рассказ.

— Не хочу иметь неприятности, — закончила она. — Я не ставила туда бутылочку и не знаю, кто это сделал.

— Значит, вы думаете, что ее туда подсунули? — спросил Грейем.

— Должно быть, так, доктор, раз ее не было там раньше.

— Но майор Пэлгрейв мог держать ее в ящике стола или где-нибудь еще.

Виктория покачала головой:

— Вряд ли, если он должен был принимать таблетки постоянно.

— Да, — неохотно согласился Грейем. — Это лекарство он должен был принимать несколько раз в день. А вы никогда не видели, как он принимал его?

— Да говорю же вам, что его там раньше не было. Вот я и подумала, не был ли это какой-нибудь яд, который подсунул майору его враг.

— Чепуха, девочка, — сурово возразил доктор. — Совершеннейшая чепуха.

Виктория выглядела потрясенной.

— Так вы говорите, что эти таблетки были обычным лекарством? — с сомнением переспросила она.

— Хорошим и даже необходимым, — ответил доктор Грейем. — Поэтому не волнуйтесь, Виктория. Уверяю вас, что с этим лекарством все в порядке.

— Вы просто сняли камень у меня с души, — сказала Виктория и весело улыбнулась, обнажив белые зубы.

Но камень не упал с души доктора Грейема. Его смутное беспокойство начало обретать реальную почву.

Глава 8
Разговор с Эстер Уолтерс

— Это место уже не такое, как было раньше, — раздраженно произнес мистер Рэфьел, заметив, что мисс Марпл приближается туда, где он сидел со своей секретаршей. — Нельзя ступить и шагу, чтобы какая-нибудь старая квочка не следовала за тобой по пятам. Зачем эти старухи едут в Вест-Индию?

— А куда, по-вашему, они должны ездить? — осведомилась Эстер Уолтерс.

— В Челтенхем, — тотчас же ответил мистер Рэфьел, — либо в Борнмут, Торки или Лэндриндод-Уэллс. Выбор богатый, и там они полностью счастливы.

— Полагаю, что они нечасто могут позволить себе путешествие в Вест-Индию, — заметила Эстер. — Не всем так везет, как вам.

— Везет, нечего сказать, — проворчал мистер Рэфьел. — Торчи здесь со всеми своими болезнями и еще в придачу с вами, которая только читает мне лекции и ничего не делает! Почему вы до сих пор не отпечатали письма?

— У меня не было времени.

— Ну, так займитесь ими немедленно. Я привез вас сюда, чтобы вы работали, а не грелись на солнце и демонстрировали вашу фигуру.

Многие сочли бы поведение мистера Рэфьела невыносимым, но Эстер Уолтерс работала у него уже несколько лет и отлично знала, что его брани не следует придавать значения. Мистер Рэфьел почти все время страдал от каких-нибудь болей и, делая ядовитые замечания, давал выход своим чувствам. Поэтому, что бы он ни говорил, Эстер всегда сохраняла полнейшее спокойствие.

— Какой прекрасный вечер, не правда ли? — сказала мисс Марпл, остановившись рядом с ними.

— Ну и что? — огрызнулся мистер Рэфьел. — Ведь для этого мы сюда и приехали.

Мисс Марпл рассмеялась:

— Вы забываете, что погода — чисто английская тема для разговора. О боже, эта шерсть другого цвета. — Она положила вязанье на столик и поспешила к своему бунгало.

— Джексон! — рявкнул мистер Рэфьел.

Джексон тут же появился.

— Отведите меня в домик, — распорядился мистер Рэфьел. — Я хочу заняться массажем до того,

как вернется эта болтливая старуха. Впрочем, от этого массажа нет никакого толку, — добавил он, позволив своему массажисту помочь ему встать и отвести в бунгало.

Смотрящая им вслед Эстер Уолтерс повернула голову, когда подошедшая с клубком шерсти мисс Марпл села рядом с ней.

— Надеюсь, я вам не помешаю? — спросила мисс Марпл.

— Конечно нет, — ответила Эстер Уолтерс. — Я скоро должна идти печатать, но сперва мне хочется минут десять полюбоваться закатом.

Мисс Марпл начала болтать, в то же время внимательно изучая Эстер Уолтерс. Не бог весть какая красавица, но если постарается, то может выглядеть привлекательной. Мисс Марпл интересовало как раз то, почему она не старается. Вряд ли потому, что против этого возражал мистер Рэфьел. Он был так поглощен собственной персоной, что до тех пор, пока о нем не забывали, его секретарша могла походить хоть на райскую гурию без каких-либо возражений с его стороны. Кроме того, мистер Рэфьел обычно рано ложился спать, и вечером во время танцев Эстер Уолтерс вполне могла себе позволить выглядеть… мисс Марпл подбирала в уме нужное слово, одно-

временно весело рассказывая о своей поездке в Джеймстаун, — ах да, поярче!

Мисс Марпл заговорила о Джексоне. В этой области Эстер Уолтерс не выказала особой осведомленности.

— Он очень опытный массажист.

— Очевидно, он уже давно работает у мистера Рэфьела?

— О нет, по-моему, около девяти месяцев.

— Он женат? — рискнула спросить мисс Марпл.

— Женат? Не думаю, — несколько удивленно ответила Эстер. — Он никогда об этом не упоминал… Нет, конечно, он не женат. — Казалось, подобное предположение ее позабавило.

Мисс Марпл решила, что про себя она подумала: «Во всяком случае, он не ведет себя как женатый человек».

Однако мисс Марпл знала достаточное количество женатых людей, которые не вели себя так, как подобает их положению.

— Он красивый молодой человек, — промолвила она.

— Да, пожалуй, — без особого интереса согласилась Эстер.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на нее.

Очевидно, Эстер Уолтерс не интересуется мужчинами. Быть может, она принадлежала к тем женщинам, которых мужчина интересовал только раз в жизни, — тем более что она вдова?

— А вы давно работаете у мистера Рэфьела? — спросила она.

— Четыре или пять лет. После смерти мужа я была вынуждена снова пойти работать, так как оказалась в очень затруднительном положении, а у меня дочь учится в школе.

— С мистером Рэфьелом, должно быть, работать нелегко? — отважилась спросить мисс Марпл.

— В общем, нет, если узнать его поближе. Он страшный спорщик и часто приходит в ярость. Думаю, его настоящая беда в том, что он устал от людей. В течение двух лет он сменил пятерых слуг. Ему нужен был кто-то новый, на кого можно ворчать. Но мы с ним отлично уживаемся.

— Мистер Джексон, наверное, очень услужливый молодой человек?

— Он очень тактичен, — сказала Эстер. — Конечно, он иногда… — Она не окончила фразу.

— Попадает в неловкое положение? — подсказала мисс Марпл.

— Вот именно. Ведь его должность не совсем понятна — то ли слуга, то ли медбрат. Все же, —

она улыбнулась, — мне кажется, что он умеет хорошо провести время.

Мисс Марпл задумалась над полученными сведениями. Они не слишком ей помогли. Она продолжала болтать и вскоре услышала многое о квартете натуралистов — Дайсонах и Хиллингдонах.

— Хиллингдоны приезжают сюда последние три-четыре года, — сообщила Эстер, — а Грегори Дайсон бывал здесь гораздо раньше. Он очень хорошо знает Вест-Индию. По-моему, впервые он приезжал сюда с первой женой. У нее было слабое здоровье, и зимой ей приходилось уезжать за границу или, во всяком случае, туда, где потеплее.

— Она умерла или они разошлись?

— Она умерла. Кажется, где-то здесь. Не на этом самом острове, но где-то в Вест-Индии. У них как будто был какой-то скандал или что-то в этом роде. Он никогда не говорит о ней. Мне рассказывал о них кто-то другой. Очевидно, жили они неважно.

— И потом он женился на этой Лаки? — Мисс Марпл произнесла последнее слово с оттенком неодобрения, словно говоря: «Право, какое нелепое имя!»

— Кажется, она была родственницей его пер-

вой жены.

— А они давно знакомы с Хиллингдонами?

— Думаю, что только с тех пор, как Хиллингдоны стали сюда ездить. Три-четыре года, не больше.

— Хиллингдоны производят очень приятное впечатление, — заметила мисс Марпл. — Они такие спокойные.

— Да, они спокойные.

— Все говорят, что они очень любят друг друга, — сказала мисс Марпл. Это было произнесено вполне невинным тоном, тем не менее Эстер резко вскинула голову.

— Но вы же так не считаете? — спросила она.

— Вы ведь сами так не думаете, дорогая.

— Ну, как вам сказать…

— Спокойных, сдержанных мужчин вроде Эдуарда Хиллингдона, — продолжала мисс Марпл, — часто привлекают яркие женщины. — И она добавила после многозначительной паузы: — Лаки — какое странное имя. Вы думаете, мистер Дайсон догадывается о том, что… могло произойти?

«Старая сплетница, — подумала Эстер Уолтерс. — Ох уж эти старухи!»

— Понятия не имею, — холодно ответила она.

— Какая печальная история случилась с бедным майором Пэлгрейвом, — переменила тему мисс Марпл.

Эстер Уолтерс машинально согласилась.

— Мне очень жаль Кендалов, — сказала она.

— Да, когда такое случается в отеле, это малоприятно.

— Люди ведь приезжают сюда получать удовольствие, — продолжала Эстер. — Забыть о болезнях, смертях, подоходных налогах, замерзших радиаторах и обо всем остальном. Они не хотят, — добавила она внезапно изменившимся голосом, — чтобы им напоминали о смерти.

Мисс Марпл отложила вязанье.

— Вы совершенно правы, дорогая, — согласилась она.

— Кендалы — еще совсем молодая пара, — сказала Эстер Уолтерс. — Они сменили здесь Сэндерсонов только полгода назад, и их очень беспокоило то, как пойдут дела, потому что у них мало опыта.

— И вы думаете, что эта история может им повредить?

— Откровенно говоря, нет, — ответила Эстер. — По-моему, в здешней атмосфере люди ни о чем не помнят больше двух дней. Смерть, конечно,

потрясла их, но только на сутки — после похорон о ней забыли. Разумеется, если им не напоминать. Я говорила об этом Молли, но она такая беспокойная.

— Миссис Кендал? Она всегда кажется такой беспечной.

— Думаю, что ее беспечность в значительной мере напускная, — медленно произнесла Эстер. — По-моему, она принадлежит к тому сорту людей, которые все время волнуются, что что-то может случиться.

— А мне ее муж казался более беспокойным.

— Вряд ли вы правы. Очевидно, он беспокоится из-за ее волнений, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Интересно, — заметила мисс Марпл.

— Я думаю, что Молли изо всех сил старается выглядеть веселой и радоваться жизни, но эти усилия изнуряют ее, и тогда у нее появляются странные приступы депрессии. Она… ну, неуравновешенная.

— Бедное дитя, — вздохнула мисс Марпл. — Таких людей очень много, но посторонние часто не подозревают об их состоянии.

— Нет, они ведь искусно его скрывают. Как бы то ни было, — добавила Эстер, — я не думаю, что

Молли следует беспокоиться из-за этой истории. В наши дни люди постоянно умирают от коронарного тромбоза, кровоизлияния в мозг и прочих подобных болезней, по-моему, гораздо чаще, чем раньше, когда умирали в основном от пищевого отравления и брюшного тифа.

— Майор Пэлгрейв никогда не говорил мне, что у него повышенное давление, — сказала мисс Марпл. — А вам?

— Он говорил об этом кому-то — не знаю, кому именно. Может быть, мистеру Рэфьелу, правда, мистер Рэфьел это отрицает, но ведь он всегда спорит. Кажется, Джексон как-то сказал мне об этом и добавил, что майору не следовало бы злоупотреблять алкоголем.

— Понятно, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Очевидно, вы считали майора скучным стариком? Он всегда рассказывал разные истории и к тому же часто повторял одно и то же.

— Это самое худшее, — вставила Эстер. — Приходилось по нескольку раз выслушивать ту же историю, если только не удавалось отключиться.

— Я не особенно возражала потому, — продолжала мисс Марпл, — что с первого раза никогда ничего не запоминаю.

Эстер весело рассмеялась.

— Особенно он любил одну историю об убийстве, — сказала мисс Марпл. — Вам он, наверное, тоже ее рассказывал?

Эстер Уолтерс открыла свою сумочку и, порывшись в ней, вытащила губную помаду.

— Я думала, что потеряла ее… Простите, вы что-то сказали?

— Я спросила, рассказывал ли вам майор Пэлгрейв свою любимую историю об убийстве?

— Как будто да. Кажется, о женщине, которая отравила своего мужа газом — усыпила его снотворным и сунула его голову в духовку. Вы об этом говорите?

— Не совсем, — ответила мисс Марпл, с сомнением глядя на Эстер Уолтерс.

— Он рассказывал такое множество историй, — оправдывалась Эстер, — что запомнить их было невозможно.

— У него был снимок, который он всем показывал.

— Кажется, да. Я точно не помню… А он показывал его вам?

— Нет, — ответила мисс Марпл, — не показывал. Нам помешали.

Глава 9
Мисс Прескотт и другие

— История, которую я слышала… — начала мисс Прескотт, понизив голос и оглядевшись.

Мисс Марпл придвинула ближе свой стул. Прошло немало времени, прежде чем ей удалось встретиться наедине с мисс Прескотт, чтобы поговорить с глазу на глаз. Подобно всем священникам, каноник обожал пребывание в семейном кругу и постоянно сопровождал свою сестру, а в компании общительного каноника мисс Марпл и мисс Прескотт едва ли могли бы как следует посплетничать.

— Конечно, — продолжала мисс Прескотт, — я не хочу распространять скандальные слухи, и к тому же я практически ничего не знаю…

— О, разумеется, — согласилась мисс Марпл.

— Кажется, был какой-то скандал, когда его первая жена была еще жива! По-видимому, эта женщина, Лаки (ну и имя!), которая как будто приходилась кузиной его первой жене, приехала сюда, присоединилась к ним и, очевидно, стала вместе с ним заниматься цветами, бабочками и

прочим. Ну, так как они очень много времени проводили вместе, то люди начали болтать — вы понимаете, что я имею в виду.

— Люди всегда все замечают, — вставила мисс Марпл.

— А потом, когда его жена умерла так внезапно…

— Она умерла здесь, на этом острове?

— Нет. Они тогда находились на Мартинике или Тобаго, но я слышала от людей, которые были там в то время, что врач был не очень удовлетворен.

— В самом деле? — с интересом осведомилась мисс Марпл.

— Конечно, это всего лишь сплетни, но мистер Дайсон очень скоро женился снова. — И она прошептала: — По-моему, уже через месяц.

— Через месяц?! — переспросила мисс Марпл.

Обе женщины посмотрели друг на друга.

— Удивительная бесчувственность, — заметила мисс Прескотт.

— Действительно, — согласилась мисс Марпл и деликатно добавила: — А не было ли это связано с деньгами?

— Право, не знаю. Он часто шутит, что его жена принесла ему удачу — отсюда и пошло ее

прозвище.

— Да, я слышала это.

— А некоторые считают, что удача состояла в том, что он женился на богатой женщине. Конечно, — добавила мисс Прескотт с видом воплощенного беспристрастия, — она очень красивая, если вам нравятся женщины такого типа, но я думаю, что деньги были у его первой жены.

— А Хиллингдоны достаточно обеспечены?

— По-моему, да, хотя, конечно, не сказочно богаты. Двое их сыновей учатся в школе в Англии. Бóльшую часть зимы они проводят в путешествиях.

Появившийся в этот момент каноник предложил немного прогуляться. Мисс Прескотт встала и присоединилась к брату. Мисс Марпл осталась сидеть на месте.

Несколько минут спустя мимо нее прошел Грегори Дайсон, идущий в сторону отеля. Он весело помахал рукой мисс Марпл.

— О чем задумались? — спросил он.

Мисс Марпл мягко улыбнулась, представив себе его реакцию, если бы она ответила: «Я думаю о том, вы ли убийца».

Это казалось весьма возможным. В таком случае все превосходно соответствовало друг другу…

Эта история о смерти первой жены мистера Дайсона… Ведь майор Пэлгрейв рассказывал именно о преступнике, специализировавшемся на убийстве своих жен, даже напомнив об истории с «женами, утопленными в ванне».

Да, все соответствовало — только слишком уж хорошо. Но мисс Марпл сразу же обругала себя за эту мысль. Ведь нельзя же мерить все убийства по одной мерке.

Внезапно послышавшийся хрипловатый голос заставил ее вздрогнуть.

— Вы не видели Грега, мисс… э-э?..

«Лаки, — подумала мисс Марпл, — в не особенно хорошем настроении».

— Он только что прошел мимо в сторону отеля.

— Так я и думала! — с раздражением воскликнула Лаки и поспешила прочь.

«Ей не меньше сорока лет, и сегодня утром она так и выглядит», — подумала мисс Марпл.

Ее охватила жалость к многочисленным Лаки, к которым так безжалостно время. Услышав позади чей-то голос, она повернула свой стул.

Мистер Рэфьел, поддерживаемый Джексоном, вышел из своего бунгало.

Усадив своего хозяина в кресло на колесах,

Джексон продолжал суетиться вокруг него. Мистер Рэфьел раздраженно махнул рукой, и Джексон зашагал по направлению к отелю.

Мисс Марпл не намеревалась терять время — ведь мистер Рэфьел никогда не оставался один надолго. Скоро к нему должна была присоединиться Эстер Уолтерс. Мисс Марпл хотела побеседовать с мистером Рэфьелом и решила, что время пришло. Она должна действовать как можно быстрее — без длительных предисловий. Мистер Рэфьел не тот человек, которого может заинтересовать праздная болтовня со старой леди. Он еще чего доброго вернется к себе в бунгало, спасаясь от преследования. Мисс Марпл решила сразу же взять быка за рога.

Подойдя к тому месту, где сидел мистер Рэфьел, она подвинула к себе стул и села.

— Я хочу спросить вас кое о чем, мистер Рэфьел.

— Валяйте, спрашивайте. Очевидно, я должен пожертвовать на деятельность миссионеров в Африке или на ремонт церкви?

— Вообще-то я заинтересована в благотворительности, — сказала мисс Марпл, — и была бы рада, если бы вы сделали взнос. Но сейчас я хотела спросить вас, не рассказывал ли вам когда-ни-

будь майор Пэлгрейв историю об убийстве?

— Эге! — протянул мистер Рэфьел. — Значит, он и вам ее рассказывал? И вы попались на удочку?

— Право, я не знала, что и думать, — сказала мисс Марпл. — А что именно он рассказывал вам?

— Болтал что-то о какой-то молодой золотоволосой красавице, которая оказалась настоящей Лукрецией Борджа.

— О! — воскликнула слегка сбитая с толку мисс Марпл. — И кого же она убила?

— Своего мужа, разумеется, — ответил мистер Рэфьел. — А вы думали кого?

— Она его отравила?

— Нет, кажется, дала ему снотворного и затем сунула его голову в духовку. Находчивая особа! Потом она сказала, что это было самоубийство, и вышла сухой из воды. Это всегда удается красивым женщинам и избалованным молодым хулиганам, которых слишком любят их мамаши. Тьфу!

— Майор показывал вам фотокарточку?

— Фотокарточку этой женщины? Нет. А зачем?

Мисс Марпл была ошеломлена. Очевидно, майор Пэлгрейв рассказывал не только об убитых им тиграх и слонах, но и об убийцах, с которыми

он встречался. Возможно, в его репертуаре было множество подобных историй — с этим следует считаться. Внезапно она вздрогнула, так как мистер Рэфьел неожиданно издал громогласный вопль:

— Джексон!!!

Ответа не последовало.

— Может быть, мне поискать его? — предложила мисс Марпл, вставая.

— Вы его не найдете. Бегает за какой-нибудь бабой. У этого парня паршивый характер, но свое дело он знает.

— Я все-таки разыщу его, — повторила мисс Марпл.

Она нашла Джексона в дальнем конце террасы отеля занятым выпивкой с Тимом Кендалом.

— Мистер Рэфьел разыскивает вас, — сообщила мисс Марпл.

Джексон скорчил выразительную гримасу, осушил свой стакан и поднялся.

— Опять! — вздохнул он. — Я думал, что два телефонных разговора и составление диеты дадут мне алиби на четверть часа. Оказывается, нет. Благодарю вас, мисс Марпл. Спасибо за выпивку, мистер Кендал.

И он удалился.

— Мне жаль этого парня, — сказал Тим. — Поэтому я и составляю ему компанию, чтобы развеселить его. Хотите чего-нибудь, мисс Марпл? Как насчет лимонада? Я знаю, что вы его любите.

— Спасибо, сейчас не хочу. Думаю, что прислуживать мистеру Рэфьелу нелегко. С инвалидами часто приходится трудновато…

— Я имел в виду не только это. Ради хорошего заработка можно примириться с капризами, а Рэфьел в общем-то неплохой старик. Дело не в этом… — Он колебался.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на него.

— Не знаю, как вам объяснить… Это делает неясным положение Джексона в обществе. Люди ведь такие заядлые снобы — а здесь нет ни одного представителя его класса. Он выше, чем слуга, но ниже, чем обычный постоялец, — но крайней мере, все так считают. Выходит, что он — нечто вроде викторианской гувернантки. Даже секретарша, миссис Уолтерс, считает себя выше его. Конечно, ему бывает трудновато. — Сделав паузу, Тим с чувством добавил: — Социальные проблемы в таком месте, как это, просто невыносимы!

Мимо них прошел доктор Грейем, держа в руке книгу. Он сел за стол и уставился на море.

— Доктор Грейем выглядит расстроенным, — заметила мисс Марпл.

— Еще бы! Мы все расстроены.

— И вы тоже? Из-за смерти майора Пэлгрейва?

— Нет, об этом я уже бросил беспокоиться. Люди уже как будто все позабыли. Меня тревожит Молли. Вы знаете что-нибудь о снах?

— О снах? — удивленно переспросила мисс Марпл.

— Да, о дурных снах — ночных кошмарах. О, иногда это случается со всеми нами. Но Молли — с ней это теперь происходит почти постоянно. Сны пугают ее. Нельзя ли принять против этого какие-нибудь меры? Молли пьет какие-то снотворные таблетки, но говорит, что от них ей только хуже — она старается проснуться и не может.

— А что это за сны?

— Ну, кто-то или что-то либо гонится, либо следит за ней — она не может избавиться от этого ощущения, даже когда проснется.

— Может быть, врач…

— У Молли предубеждение против врачей. Она не хочет и слышать о них. Конечно, я надеюсь, что это пройдет. Но мы были так счастливы, а теперь, особенно в последнее время… Возможно, ее огорчила смерть старика Пэлгрейва. С тех пор

ее словно подменили…

Тим встал:

— Ну, надо заняться делом. Так вы все-таки отказываетесь от лимонада?

Мисс Марпл покачала головой.

Задумавшись, она сидела за столиком. Ее лицо было серьезным и обеспокоенным.

Поглядев на доктора Грейема, мисс Марпл приняла решение. Она встала и подошла к его столу.

— Я должна извиниться перед вами, доктор Грейем.

— Что? — Доктор с удивлением поглядел на нее. Он придвинул к ней стул, и мисс Марпл села.

— Боюсь, что я совершила некрасивый поступок, — сказала мисс Марпл. — Я солгала вам, доктор Грейем. — И она с тревогой посмотрела на него.

— В самом деле? — осведомился он. — Ну, из-за этого не стоит особенно беспокоиться.

Очевидно, эта славная старушка солгала относительно своего возраста. Хотя он не помнил, чтобы эта тема затрагивалась.

— Ну, так в чем же дело? — спросил он, видя, что мисс Марпл хочет покаяться.

— Вы помните, как я рассказывала вам о фотографии моего племянника, которую я показывала

майору Пэлгрейву и которую он мне не вернул?

— Да-да, конечно, помню. Жаль, что мы не могли ее разыскать.

— Ее никогда не существовало, — созналась мисс Марпл.

— Прошу прощения?

— Я все это выдумала.

— Выдумали? — Доктор Грейем с беспокойством посмотрел на нее. — Зачем?

Мисс Марпл ясно, отчетливо и без лишних слов объяснила ему все. Она сообщила ему о рассказе майора Пэлгрейва, о том, как он собирался показать ей этот фотоснимок, и о его внезапном смущении. Потом она поведала ему о своих тревогах и об окончательном решении самой взглянуть на карточку.

— Таким образом, я была вынуждена солгать вам, — закончила мисс Марпл. — У меня просто не было другого выхода. Надеюсь, вы меня простите.

— Вы думали, что он собирался показать вам фотографию убийцы?

— Так он сказал. По крайней мере, он говорил, что снимок дал ему знакомый, который и рассказал историю об этом убийце.

— И вы… простите… поверили ему?

— Тогда я не знала, верить ему или нет, — сказала мисс Марпл. — Но видите ли, на следующий день он умер.

Неумолимая логика последней фразы начала убеждать доктора Грейема.

— А снимок исчез.

Доктор Грейем посмотрел на нее, не находя слов.

— Извините меня, мисс Марпл, — заговорил он наконец, — но на этот раз вы рассказали мне правду?

— Я не удивляюсь, что вы сомневаетесь в моих словах, — ответила мисс Марпл. — На вашем месте я думала бы так же. Да, я рассказала вам чистую правду, хотя хорошо понимаю, что у меня нет никаких доказательств. Я знала, что вы можете мне не поверить, и все же сочла своим долгом сообщить вам об этом.

— Почему?

— Потому что вы должны располагать наиболее полной информацией, если…

— Если — что?

— Если вы решите принять какие-нибудь меры.

Глава 10
Решение в Джеймстауне

В кабинете джеймстаунской администрации доктор Грейем сидел за столом напротив своего друга Дейвентри, молодого человека лет тридцати пяти.

— Ваш звонок меня очень заинтриговал, Грейем, — сказал Дейвентри. — Какой-нибудь особый случай?

— Не знаю, — ответил доктор Грейем, — но я обеспокоен.

В этот момент принесли напитки, и Дейвентри, удовлетворенно кивнув, начал беспечно болтать о рыбной ловле. Когда слуга удалился, он откинулся на спинку кресла и посмотрел на своего собеседника.

— Ну, давайте послушаем вашу историю.

Доктор Грейем поведал о беспокоивших его фактах. Дейвентри присвистнул.

— Понятно! Значит, вы считаете, что в смерти старого Пэлгрейва есть что-то странное? Теперь вы уже не вполне уверены, что это была естественная смерть? Кто выдал свидетельство?

Наверно, Робертсон. У него хоть нет никаких сомнений?

— Нет, но мне кажется, что на него могли повлиять таблетки серенита, найденные в ванной. Он спрашивал меня, упоминал ли когда-нибудь Пэлгрейв, что у него гипертония. Я ответил, что никогда не беседовал с ним на медицинские темы, но, очевидно, он говорил об этом другим обитателям отеля. Флакон с таблетками и эти разговоры соответствовали официальному мнению, поэтому никто ни в чем не усомнился. Но теперь мне кажется, что это решение не было правильным. Конечно, я бы тоже выдал свидетельство без всякой задней мысли. Обстоятельства были совершенно очевидными, и я никогда бы не изменил своего мнения, если бы не странное исчезновение этого снимка…

— Послушайте, Грейем, — сказал Дейвентри. — Не слишком ли много значения вы придаете фантастической истории, которую вам рассказала эта старая леди? Вы же прекрасно знаете, что старухи всегда рады сделать из мухи слона.

— Знаю, — печальным тоном согласился доктор Грейем. — Я уже много раз говорил себе это. Возможно, так оно и есть, но все-таки я не вполне уверен. Она так логично обосновала свои подо-

зрения…

— Мне все это представляется совершенно невероятным. Какая-то старая леди рассказывает вам историю о фотоснимке, которого там не должно было быть… То есть наоборот — я уже сам запутался… Короче говоря, единственный реальный факт, от которого вы можете отталкиваться, — это рассказ горничной о том, что флакона с таблетками, благодаря которому власти выдали свидетельство, не было в комнате майора за день до его смерти. Но ведь этому можно найти сотню объяснений. Он мог таскать пилюли с собой в кармане.

— Конечно, это вполне возможно.

— Или горничная могла ошибиться и не заметить их раньше.

— И это тоже возможно.

— Ну, тогда…

— Но девушка казалась уверенной в своих словах, — заметил Грейем.

— Ну, вы же знаете, что жители Сент-Оноре слишком эмоциональны и возбуждаются чуть что. Или вы думаете, что она… знает немного больше, чем говорит?

— По-моему, это не исключено, — согласился доктор Грейем.

— Тогда постарайтесь вытянуть из нее все. Не можем же мы устраивать много шуму из ничего. Если он умер не от повышенного давления, так от чего же, по-вашему?

— Сейчас существует много средств… — уклончиво ответил доктор Грейем.

— Вы имеете в виду средства, не оставляющие видимых следов?

— Нужно быть слишком предупредительным по отношению к властям, чтобы использовать мышьяк, — сухо произнес доктор Грейем.

— Так значит, вы подозреваете, что содержимое флакончика заменили, отравив таким образом майора Пэлгрейва?

— Вовсе нет. Так думает эта девушка — Виктория. Но она не права. Если бы кому-нибудь понадобилось быстро избавиться от майора, то ему подсыпали бы яд в какой-нибудь напиток, а затем, чтобы создать видимость естественной смерти, поставили бы к нему в комнату флакон с таблетками от гипертонии, предварительно распустив слух, что у Пэлгрейва повышенное давление.

— И кто же распустил этот слух?

— Я старался узнать — безуспешно. Слишком уж тонко это было проделано. А говорит: «По-

моему, мне сказал об этом Б». Б отвечает: «Нет, я этого не говорил, но я помню, что на днях об этом упоминал В». В свою очередь В сообщает: «Об этом говорили многие — один из них, кажется, был А». Таким образом, движешься по замкнутому кругу.

— Да, задумано умно.

— В том-то и дело. К тому времени, когда узнали о смерти майора, уже все постоянно твердили о его высоком давлении.

— А не легче было бы просто отравить его — без всяких дополнительных предосторожностей?

— Нет. Это могло повлечь за собой расследование, а может быть, и вскрытие. А так доктор просто констатировал смерть и выдал свидетельство.

— Что же вы хотите от меня? Чтобы я добился эксгумации? Но ведь это вызовет страшную кутерьму.

— Можно все сделать втайне.

— Втайне? На Сент-Оноре? Ну, знаете, это просто неосуществимо! Но как бы то ни было, — вздохнул Дейвентри, — полагаю, что нам придется что-нибудь предпринять. Хотя, если вы хотите знать мое мнение, — вся эта история не стоит выеденного яйца!

— Я искренне на это надеюсь, — сказал доктор Грейем.

Глава 11
Вечер в «Золотой пальме»
1

В столовой Молли делала последние приготовления — убрала лишний нож, поправила вилку, переставила два бокала, отошла назад, чтобы взглянуть, все ли теперь в порядке, и затем вышла на террасу. Сейчас там никого не было. Пройдя в дальний угол, Молли остановилась, облокотившись на балюстраду. Скоро наступит вечер с обычной веселой болтовней и выпивкой. Еще недавно эта жизнь доставляла ей так много радости. А теперь даже Тим кажется огорченным и обеспокоенным. Хотя естественно, что он немного волнуется. Очень важно, чтобы их предприятие увенчалось успехом. В конце концов, ведь он вложил в него все, что имел.

«Но на самом деле, — думала Молли, — его беспокоят не дела в гостинице, а я. Хотя не понимаю, почему он из-за меня волнуется».

В том, что Тим волнуется из-за нее, Молли не сомневалась. Это было видно по его вопросам, по быстрым беспокойным взглядам, которые он

время от времени бросал на нее. В чем же причина? Молли не могла этого понять. Она не могла вспомнить, когда с ней это началось. Неизвестно почему она стала бояться людей. А что плохого они могли ей сделать?

Молли грустно покачала головой и внезапно вздрогнула, почувствовав чье-то прикосновение. Повернувшись, она увидела Грегори Дайсона, стоявшего с несколько виноватым видом.

— Простите. Я напугал вас, малютка.

Молли ненавидела, когда ее называли «малютка».

— Я не слышала, как вы подошли, мистер Дайсон, — быстро ответила она, — и поэтому вздрогнула.

— «Мистер Дайсон»? Откуда такие церемонии? Разве все мы не составляем здесь одну большую семью? Эд, я, Лаки, Эвелин, вы с Тимом и даже Эстер Уолтерс и старый Рэфьел.

«Он уже успел хватить лишнего», — подумала Молли.

— О, иногда мне приходится становиться просто скучной хозяйкой гостиницы, — улыбнулась она. — Мы с Тимом считаем, что излишняя фамильярность только вредит.

— По-моему, от излишней чопорности вреда

гораздо больше. Поэтому, дорогая Молли, я предлагаю вам выпить со мной.

— Немного позже, — сказала Молли. — Мне еще надо кое-что сделать.

— Только не уходите. — Рука Грегори вцепилась в ее руку. — Вы очаровательная девушка, Молли. Надеюсь, Тим понимает, какая ему выпала удача.

— О, об этом я забочусь, — весело ответила Молли.

— Знаете, я бы мог пойти за вами на край света, хотя мне не хотелось бы, чтобы это слышала моя жена.

— Сегодня вы совершили дальнюю прогулку?

— Да. Между нами говоря, мне это порядком надоело. Птицы и бабочки тоже могут осточертеть. Как вы смотрите на предложение организовать вдвоем небольшой пикник?

— Об этом надо подумать, — сказала Молли и, весело смеясь, вернулась в бар.

— Хэлло, Молли, — приветствовал ее Тим. — Куда это ты так спешишь? И с кем ты там говорила?

— С Грегори Дайсоном.

— Что ему нужно?

— Хочет попристовать ко мне.

— Черт бы его побрал! — выругался Тим.

— Не беспокойся, — сказала Молли. — В конце концов, в моем положении это неизбежно.

Тим начал отвечать ей, но, увидев метрдотеля Фернандо, устремился к нему, отдавая на ходу какие-то распоряжения. Выскользнув через кухню из дома, Молли зашагала по дорожке к пляжу.

Грегори Дайсон пробормотал какое-то ругательство. Затем он медленно направился в сторону своего бунгало. Он уже подходил к домику, когда его внезапно кто-то окликнул. Вздрогнув, Грегори оглянулся. В надвигающихся сумерках ему показалось, что в тени кустов стоит привидение. Но он рассмеялся, поняв, что это впечатление вызвано белым платьем и черным лицом девушки.

Виктория шагнула из-за кустов на дорожку:

— Мистер Дайсон…

— Да? В чем дело?

Стыдясь своего испуга, он говорил с оттенком раздражения.

— Я принесла вам это, сэр. — Девушка протянула руку, в которой она держала флакончик с таблетками. — Это принадлежит вам, не так ли?

— О, мои таблетки серенита. Да, конечно. Где вы их нашли?

— Я нашла там, куда их поставили. В комнате

джентльмена.

— Что вы хотите сказать — какого джентльмена?

— Джентльмена, который умер, — серьезно ответила Виктория. — Не думаю, что ему хорошо спится в могиле.

— А почему бы и нет? — осведомился Дайсон.

Виктория стояла, молча глядя на него.

— Я все еще не знаю, о чем вы говорите. Вы имеете в виду, что нашли эти таблетки в бунгало майора Пэлгрейва?

— Совершенно верно, сэр. Когда доктор и люди из Джеймстауна собирались уезжать, они отдали мне все вещи из его ванной, чтобы я их выбросила. Зубную пасту, крем для бритья и все остальное, включая это.

— Ну так почему же вы это не выбросили?

— Потому что это ваши таблетки. Помните, вы спрашивали о них?

— Я… да, помню. Мне казалось, что я их потерял.

— Нет, вы их не теряли. Их взяли из вашей комнаты и положили в бунгало майора Пэлгрейва.

— Откуда вы знаете? — резко спросил он.

— Знаю. Я видела. — Она улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами. — Кто-то положил

таблетки в комнату мертвого джентльмена, а теперь я возвращаю их вам.

— Постойте! Что это значит? Что… кого вы видели?

Но девушка уже скрылась за кустами. Грег сделал движение, как будто собираясь погнаться за ней, но потом остановился, поглаживая подбородок.

— В чем дело, Грег? Увидел привидение? — спросила миссис Дайсон, выйдя из бунгало на дорожку.

— Минуты две назад я именно так и подумал.

— Кого же ты увидел?

— Цветную девушку, которая здесь работает. Кажется, ее зовут Виктория.

— Ну и что же она хотела? Соблазнить тебя?

— Не болтай глупостей, Лаки. Эта девчонка вбила себе в голову идиотскую идею.

— А именно?

— Ты помнишь, что я на днях не мог найти мой серенит?

— Да, ты говорил, что не можешь его найти.

— Что значит «говорил»?

— О, ради бога, неужели ты собираешься придираться к каждому моему слову?

— Прости, — буркнул Грег. — Все выглядит так

чертовски таинственно. — Он показал жене флакончик. — Девушка вернула его мне.

— Она стащила его?

— Нет. Она… по-моему, она где-то его нашла.

— Ну и что из этого? Что тут таинственного?

— О, ничего, — ответил Грег. — Она просто разозлила меня — вот и все.

— Нашел причину для волнений! Лучше выпей что-нибудь перед обедом.

2

Молли спустилась на пляж, придвинула старое шаткое плетеное кресло и села в него. Некоторое время она глядела на море, потом внезапно уронила голову на руки и заплакала. Услышав рядом с собой шорох, она резко подняла голову и увидела миссис Хиллингдон, смотревшую на нее.

— Хэлло, Эвелин. Простите, я… я не слышала, как вы подошли.

— Что случилось, девочка? — спросила Эвелин. — Что-нибудь не так? — Она придвинула к себе другое кресло и села рядом с Молли. — Расскажите мне.

— Что вы, вовсе ничего не случилось, — попыталась улыбнуться Молли.

— Тогда почему же вы сидите здесь и плачете? Вы что, поссорились с Тимом?

— Конечно нет.

— Рада это слышать. Вы всегда казались такой счастливой парой.

— И вы тоже, — сказала Молли. — Мы с Тимом всегда думаем: как чудесно, что вы с Эдуардом так счастливы вместе, хотя и женаты уже много лет.

— О, вот как, — протянула Эвелин. В ее голосе послышалась нотка горечи, но Молли едва ли заметила это.

— Большинство людей, — сказала она, — даже если они очень любят друг друга, обычно постоянно ссорятся, не обращая никакого внимания на посторонних.

— Многим просто нравится скандалить, — заметила Эвелин. — Для них скандалы — в порядке вещей.

— А по-моему, это ужасно, — заявила Молли.

— По-моему, тоже, — согласилась Эвелин.

— Вот почему, когда смотришь на вас и Эдуарда…

— О, не надо, Молли. Я не могу позволить вам так заблуждаться. Эдуард и я… — Она сделала паузу. — Если хотите знать, за последние три года мы вряд ли сказали друг другу хотя бы одно

слово наедине.

— Что?! — Молли испуганно уставилась на нее. — Я… я не могу в это поверить.

— Мы оба хорошо играем свои роли, — продолжала Эвелин. — Мы не похожи на тех людей, о которых вы говорили, что они всегда ссорятся при посторонних. Да и вообще мы никогда не ссорились.

— Тогда в чем же дело? — спросила Молли.

— Обычная история.

— Что вы хотите этим сказать? Другая…

— Да, другая женщина, и думаю, что для вас не составит труда догадаться, кто она.

— Вы имеете в виду миссис Дайсон — Лаки?

Эвелин кивнула.

— Я знаю, что они постоянно флиртуют, — сказала Молли, — но я думала, что это просто…

— Просто от хорошего настроения, не так ли? — подсказала Эвелин.

— Но почему… — начала Молли и осеклась. — Наверно, я не должна об этом спрашивать.

— Спрашивайте что хотите. Я устала от постоянного молчания, устала изображать благовоспитанную счастливую супругу. Эдуард просто потерял голову из-за Лаки. Он оказался настолько глуп, что сообщил мне об этом. Очевидно,

сознание собственной честности принесло ему некоторое облегчение. Разумеется, ему не пришло в голову, что мне эта новость особого облегчения не принесет.

— Он хотел оставить вас?

Эвелин покачала головой.

— У нас двое детей, — ответила она, — и мы оба их очень любим. Они учатся в школе в Англии. Мы не хотели разрушать семью. К тому же Лаки вовсе не жаждет развода. Грег ведь очень богатый человек. Его первая жена оставила ему кучу денег. Поэтому мы решили не расходиться, невзирая на отношения Эдуарда и Лаки. Грег пребывает в блаженном неведении, а мы с Эдуардом — просто добрые друзья. — Последние слова она произнесла со жгучей горечью.

— Как… как же вы можете выносить это?

— Ко всему можно привыкнуть. Но иногда…

— Да?

— Иногда у меня появляется желание убить эту женщину.

Страстность, звучавшая в ее голосе, испугала Молли.

— Давайте больше не будем говорить обо мне, — сказала Эвелин. — Поговорим теперь о вас. Я хотела бы знать, что случилось.

Несколько секунд Молли молчала.

— Просто, — наконец заговорила она, — мне кажется, что со мной что-то не так.

— Не так? Что вы под этим подразумеваете?

Молли печально покачала головой.

— Я боюсь, — сказала она. — Ужасно боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Всего, — ответила Молли. — Это… ну, как бы находит на меня. Голоса в кустах, шаги, чужие разговоры. Как будто кто-то все время следит, шпионит за мной… Кто-то ненавидит меня, я чувствую это.

— Боже мой! — Эвелин казалась испуганной и потрясенной. — И давно это началось?

— Не знаю. Это началось постепенно. К тому же меня тревожат и другие вещи.

— Какие?

— Иногда, — медленно произнесла Молли, — я не могу ничего объяснить, ничего вспомнить.

— Вы хотите сказать, что у вас провалы памяти?

— Очевидно… Вот, например, сейчас пять часов, а я почти ничего не помню, что происходило примерно с половины второго.

— О, дорогая, но это просто потому, что вы вздремнули.

— Нет, — возразила Молли, — я чувствую себя не так, как будто только что проснулась. Иногда я внезапно оказываюсь в другом месте, иногда замечаю, что на мне надето другое платье, иногда я говорю с кем-то или делаю что-то, но не могу вспомнить, с кем говорила и что делала…

— Но, Молли, в таком случае вам следует показаться врачу.

— Не хочу! Не желаю даже близко подходить к врачам.

Эвелин посмотрела на девушку и взяла ее за руку.

— Возможно, вы делаете из мухи слона, Молли. Вы же знаете, что существует множество нервных расстройств, которые легко излечиваются. Врач скажет вам то же самое.

— Нет, он может сказать, что у меня что-то серьезное.

— А почему у вас должно быть что-то серьезное?

— Потому что… — начала Молли, но быстро оборвала фразу. — Сама не знаю почему, — закончила она.

— Не мог бы кто-нибудь из вашей семьи — мать или сестры — приехать сюда?

— С матерью я всегда не ладила. У меня есть

сестры. Они замужем, но я полагаю, они смогли бы приехать, если бы я захотела. Но я не хочу. Мне не нужен никто, кроме Тима.

— А Тим знает об этом? Вы говорили ему?

— Только намекала, — сказала Молли. — Но он беспокоится обо мне и следит, как я себя веду. Такое впечатление, что он старается оберегать меня. Неужели меня действительно нужно оберегать?

— По-моему, это в большой степени ваше воображение, но мне все-таки кажется, что вы должны показаться врачу.

— Старому доктору Грейему? От него не будет никакого толку.

— На острове есть и другие врачи.

— Нет, — сказала Молли. — Я просто… просто не должна обращать на это внимания. По-видимому, как вы говорите, во всем виновато мое воображение. Боже мой, как поздно! Мне уже нужно быть в столовой. Я… я должна вернуться.

Бросив резкий, почти вызывающий взгляд на Эвелин Хиллингдон, она поспешила к отелю. Эвелин посмотрела ей вслед.

Глава 12
Старые грехи отбрасывают длинные тени
1

— Кажется, мне повезло.

— Ты о чем, Виктория?

— Думаю, что у меня появилась возможность раздобыть денег. Много денег.

— Будь осторожна, девочка. Не попади в какую-нибудь неприятную историю. Может быть, лучше я этим займусь?

Виктория усмехнулась.

— Погоди немного, тогда увидишь сам, — сказала она. — Я знаю, как вести игру. Дело пахнет большими деньгами. Кое-что я видела, а кое о чем догадываюсь и думаю, что догадываюсь правильно.

И ее негромкий музыкальный смех снова послышался в ночной тишине.

2

— Эвелин…

— Да?

Эвелин Хиллингдон откликнулась словно машинально, без всякого интереса. На мужа она не смотрела.

— Эвелин, ты бы не возражала, если бы мы все бросили и вернулись домой, в Англию?

Эвелин расчесывала свои короткие темные волосы, но, услышав последние слова мужа, быстро опустила руки и обернулась к нему:

— Ты имеешь в виду… Но ведь мы только приехали. Не прошло и трех недель.

— Я знаю. Но… ты бы не возражала?

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Ты действительно хочешь вернуться в Англию?

— Да.

— И оставить… Лаки?

Он поморщился:

— Полагаю, ты знала все время, что… ну, что это все еще продолжается?

— Отлично знала.

— Но ты никогда ничего не говорила.

— А что я должна была говорить? Мы ведь все обсудили уже несколько лет назад. Никто из нас не хотел разрушать семью. Поэтому мы решили на публике держаться как супруги. — Прежде

чем он успел что-нибудь сказать, она добавила: — Но почему теперь ты так хочешь вернуться в Англию?

— Потому что я дошел до ручки. Я не могу больше этого выносить, не могу! — Обычно спокойный, Эдуард Хиллингдон совершенно преобразился. Он судорожно глотал слюну, его руки тряслись, всегда бесстрастное лицо казалось искаженным болью.

— Ради бога, Эдуард, что случилось?

— Ничего, кроме того, что я хочу уехать отсюда.

— Ты был безумно влюблен в Лаки, но теперь это прошло. Ты это хочешь сказать мне?

— Да, хотя я знаю, что тебе эти чувства недоступны.

— О, давай не будем впадать в мелодраму, Эдуард! Я просто хочу понять, что тебя так сильно волнует.

— Ничего.

— Неправда. Так что же?

— Разве это не очевидно?

— Нет, не очевидно, — ответила Эвелин. — Попробуем ясно описать ситуацию. У тебя была связь с женщиной. Такое случается достаточно часто. А теперь роман кончился. Или не кончил-

ся? Может быть, не кончился с ее стороны? Это так? Меня часто интересовало, известно ли Грегу об этом.

— Не знаю. Он никогда ничего не говорил и всегда держался по-дружески.

— Мужчины бывают на редкость тупы, — задумчиво промолвила Эвелин. — Или, может быть, Грег сам имеет кого-то на стороне.

— Он ведь цеплялся и к тебе, не так ли? — осведомился Эдуард. — Ответь мне. Я знаю, что…

— О да, — беспечно ответила Эвелин, — но он цепляется ко всем. Таков уж Грег. Думаю, этому не стоит придавать особого значения. Просто ему необходимо как-то доказывать, что он настоящий мужчина.

— Тебе он нравится, Эвелин? Я хочу знать правду.

— Грег? Я к нему очень привязана, он меня забавляет. К тому же он хороший товарищ.

— И это все? Как бы я хотел тебе поверить!

— Я, право, не понимаю, какое это для тебя может иметь значение, — сухо произнесла Эвелин.

— Очевидно, я это заслужил.

Эвелин подошла к окну, бросила взгляд на веранду и снова вернулась.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что тебя

огорчает на самом деле, Эдуард.

— Я уже рассказал тебе.

— Разве?

— Ты, наверное, не в состоянии понять, каким диким может показаться собственное поведение, когда временное безумие проходит.

— Я могу постараться и понять. Но сейчас меня беспокоит то, как отреагирует на это Лаки. Она не просто отвергнутая любовница. Она тигрица, у которой есть когти. Ты должен сказать мне правду, Эдуард, если хочешь, чтобы я тебе помогла.

— Если я не уеду от нее в ближайшее время, — тихо сказал Эдуард, — то убью ее.

— Убьешь Лаки? Почему?

— Потому что она заставила меня…

— Что заставила?

— Я помог ей совершить убийство.

Слова были сказаны. Последовала пауза. Эвелин уставилась на мужа:

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Да. Я сам не знал, что делаю. Она попросила меня купить ей кое-что в аптеке. Я и понятия не имел, зачем ей это нужно. Лаки велела мне переписать рецепт, который она мне дала.

— Когда это было?

— Четыре года назад. Когда мы были на Марти-

нике. Когда… когда жена Грега…

— Ты имеешь в виду Гейл — первую жену Грега? Значит, Лаки отравила ее?

— Да, и я помог ей. Потом я понял…

Эвелин прервала его:

— Когда ты понял, что произошло, Лаки напомнила тебе, что ты переписал рецепт, что ты покупал лекарство и что, следовательно, вы оба в этом замешаны. Это так?

— Да. Лаки сказала, что сделала это из жалости — что Гейл была тяжело больна и умоляла ее достать какое-нибудь средство, которое положило бы конец ее страданиям.

— Убийство из милосердия! Понятно. И ты поверил в это?

Несколько секунд Эдуард Хиллингдон хранил молчание.

— Не особенно поверил, — наконец заговорил он. — Я примирился с этим объяснением, потому что мне хотелось в него поверить, потому что я был без ума от Лаки.

— А после — когда она вышла замуж за Грега — ты все еще в это верил?

— К тому времени я приучил себя к этой мысли.

— А Грег — ему многое об этом известно?

— Абсолютно ничего.

— Вот в это мне что-то не верится.

Эдуард Хиллингдон окончательно потерял самообладание:

— Эвелин, я должен спастись от этого кошмара! Эта женщина до сих пор напоминает мне о том, что я сделал. Она знает, что я больше не люблю ее — и не только не люблю, а начинаю ненавидеть! Но она дает мне понять, что прошлое связало нас намертво!

Эвелин, шагавшая взад-вперед по комнате, остановилась и посмотрела мужу прямо в глаза.

— Вся беда в том, Эдуард, что ты невероятно чувствителен и легко поддаешься внушению. Эта ведьма делает с тобой все, что хочет, играя на твоем чувстве вины. И я должна тебе сказать, что вина, которая тяготит тебя, — это адюльтер, а не убийство. Ты чувствовал себя виноватым из-за того, что связался с Лаки, и тогда она сделала из тебя орудие задуманного ею преступления и притом смогла внушить тебе мысль, что ты разделяешь ее вину. Но на самом деле это не так.

— Эвелин… — Он шагнул к ней.

Она слегка отступила и изучающе взглянула на него:

— Это правда, Эдуард? Или ты выдумал?

— Эвелин! Зачем бы я стал выдумывать!

— Не знаю, — вздохнула Эвелин Хиллингдон. — Очевидно, я просто стала недоверчивой.

— Давай бросим все и вернемся домой, в Англию!

— Да, вернемся. Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что мы должны вести себя как обычно. Ты понимаешь меня, Эдуард? Лаки не должна догадываться о том, что мы замышляем.

Глава 13
Смерть Виктории Джонсон

Вечер близился к концу. Стил-бэнд наконец умолк. Тим стоял в столовой, глядя на террасу. Он только что потушил несколько ламп на пустых столиках. Внезапно сзади послышался голос:

— Тим, вы можете уделить мне несколько минут?

Тим Кендал вздрогнул:

— Хэлло, Эвелин, чем я могу быть вам полезен?

Эвелин огляделась:

— Давайте присядем за этот столик.

Она направилась к столику в дальнем конце террасы. Поблизости никого не было.

— Тим, вы должны извинить меня за вмешательство, но меня беспокоит Молли.

Лицо Тима сразу же изменилось.

— Что с ней такое? — спросил он.

— С ней что-то неладное. Она кажется очень расстроенной.

— Да, в последнее время она из-за всего волнуется.

— По-моему, ей следует показаться врачу.

— Конечно, но она не желает. Она терпеть не может этой процедуры.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему она терпеть не может показываться врачам?

— Ну, — уклончиво ответил Тим, — этого многие не любят. Люди часто боятся врачей.

— Но ведь вы сами беспокоитесь за нее, не так ли, Тим?

— Да, вы правы.

— Никто из ее семьи не мог бы приехать сюда к ней?

— Нет. Это только бы ухудшило положение.

— Почему?

— Видите ли, Молли никогда с ними не ладила, особенно с матерью. Они… ну, они во многих отношениях очень странные люди. И по-моему, Молли хорошо сделала, что порвала с ними.

— Молли говорила мне, — неуверенно начала Эвелин, — что у нее как будто бывают провалы памяти и что она боится людей. Это почти мания преследования.

— Не говорите так, — сердито оборвал ее Тим. — Мания преследования, вот еще! Она просто… ну, слегка нервная. К тому же многие люди, приез-

жающие в Вест-Индию, чувствуют себя неуютно среди цветных.

— Только не такие девушки, как Молли!

— О, у каждого свои странности. Одни люди не могут находиться в одной комнате с кошкой, другие падают в обморок, если на них упадет гусеница.

— Простите, но вам не кажется, что ей следует обратиться к психиатру?

— Нет! — возразил Тим. — Я не хочу, чтобы они мучили ее! Я им не верю! От них людям становится только хуже! Если бы ее мать оставила психиатров в покое…

— Значит, в ее семье уже были неприятности такого рода? Я имею в виду… — она тщательно подбирала слова, — ну, неуравновешенность?

— Я не хочу говорить об этом! Я увез ее оттуда, и с ней все было в порядке… К тому же эти заболевания не наследственные. Теперь это всем известно. Это все предрассудки! Молли совершенно нормальна! Просто ее испугала смерть этого мерзкого старикашки Пэлгрейва.

— Допустим, — задумчиво произнесла Эвелин. — Но ведь в смерти майора Пэлгрейва не было ничего, что могло бы кого-нибудь напугать.

— Конечно, не было. Но когда человек внезапно

умирает, то это может вызвать потрясение.

Тим выглядел таким несчастным, что Эвелин охватила жалость. Она положила свою ладонь на его руку.

— Ну, надеюсь, вы знаете, что делаете, Тим, но если я могу вам чем-нибудь помочь… Я могла бы полететь с Молли в Нью-Йорк, в Майами или куда-нибудь еще, где ей могли бы оказать первоклассную медицинскую помощь.

— Это очень любезно с вашей стороны, Эвелин, но с Молли все в порядке. К тому же ей уже гораздо лучше.

Эвелин с сомнением покачала головой. Повернувшись, она медленно зашагала вдоль террасы. Большинство людей уже разошлись по своим бунгало. Эвелин подошла к столику, чтобы посмотреть, не забыла ли она там чего-нибудь, когда вдруг услышала восклицание Тима. Она быстро обернулась. Тим уставился в сторону лестницы в конце террасы. Проследив за его взглядом, Эвелин затаила дыхание.

Молли поднималась по лестнице с пляжа. Она тяжело дышала и громко всхлипывала, тело ее раскачивалось из стороны в сторону.

— Молли! Что случилось? — закричал Тим.

Он бросился к ней; Эвелин последовала за ним.

Молли поднялась по лестнице и стояла, пряча руки за спиной.

— Я нашла ее, — рыдала она. — Она там, в кустах… Посмотрите на мои руки, посмотрите на мои руки!

Молли вытащила руки из-за спины, и Эвелин увидела на них странные темные пятна. Они казались черными в полумраке, но она хорошо знала, что их настоящий цвет — красный!

— Что случилось, Молли? — повторил Тим.

— Спустись сюда, — сказала Молли, шатаясь как пьяная. — Там, в кустах…

После секундного колебания Тим обменялся взглядом с Эвелин и побежал вниз.

Эвелин обняла девушку:

— Пойдемте, Молли. Сядьте сюда. Выпейте что-нибудь, и вам станет лучше.

Молли упала в кресло и уронила голову на руки. Эвелин больше не задавала вопросов. Она решила дать ей время прийти в себя.

— Все будет в порядке, — мягко сказала она.

— Я не знаю, — заговорила Молли. — Не знаю, что случилось. Я ничего не могу вспомнить. Я… — Внезапно она подняла голову. — Что со мной? Боже мой, что со мной?!

— Все в порядке, девочка.

Тим медленно поднимался по лестнице. Его лицо было мертвенно-бледным. Эвелин посмотрела на него, вопросительно подняв брови.

— Там лежит одна из наших девушек… как ее имя?.. Виктория, — сказал он. — Кто-то всадил в нее нож.

Глава 14
Расследование
1

Молли лежала на своей кровати. Доктор Грейем и доктор Робертсон, вест-индский полицейский врач, стояли с одной стороны, Тим — с другой. Робертсон щупал Молли пульс. Потом он обернулся к высокому смуглому мужчине в полицейской форме — инспектору Уэстону из полиции Сент-Оноре.

— Только несколько вопросов — не больше, — сказал врач.

Инспектор кивнул.

— Ну, миссис Кендал, расскажите нам, как вы нашли эту девушку.

Несколько секунд Молли лежала молча. Потом она заговорила слабым, еле слышным голосом:

— В кустах… белое…

— Вы увидели что-то белое и решили посмотреть, что это такое? Так?

— Да… Там лежало что-то белое… Я хотела… я старалась ее поднять, но она… кровь… кровь на моих руках!..

Молли начала дрожать.

Доктор Грейем покачал головой.

— Больше она не выдержит, — шепнул Робертсон.

— Что вы делали на дорожке, ведущей к пляжу, миссис Кендал?

— У моря приятно… тепло…

— Вы знали, кто эта девушка?

— Виктория… такая славная девушка… веселая… всегда смеялась… а теперь уже никогда она не будет смеяться… Я никогда этого не забуду!.. — В ее голосе послышались истерические нотки.

— Молли, не надо, — заговорил Тим.

— Спокойно, — властно произнес доктор Робертсон. — Пожалуйста, расслабьтесь. Один маленький укол…

Сделав укол, он спрятал шприц.

— Ее нельзя будет допрашивать еще по крайней мере целые сутки, — заявил он. — Я дам вам знать, когда она придет в себя.

2

Высокий красивый негр не сводил взгляда с двоих мужчин, сидящих за столом.

— Клянусь богом, — сказал он. — Я рассказал

вам все, что знаю.

На лбу его выступила испарина. Дейвентри вздохнул. Председательствующий за столом инспектор Уэстон из полиции Сент-Оноре махнул рукой. Джим Эллис моментально выскользнул из комнаты.

— Конечно, это не все, что он знает, — заметил Уэстон. — Но большего нам из него не вытянуть.

— Вы думаете, он вне подозрений? — спросил Дейвентри.

— Да. Они как будто жили дружно.

— Но они не были женаты?

Слабая усмешка мелькнула на губах лейтенанта Уэстона.

— Нет, — ответил он. — Они не были женаты. У нас на острове браки — редкое явление. Хотя детей они крестят. У него двое детей от Виктории.

— Вы считаете, что он действовал вместе с ней?

— Может быть, и нет. Думаю, он бы побоялся влезть в подобную историю. Да и она, по-моему, знала не так уж много.

— Но достаточно для шантажа?

— Я даже не знаю, можно ли это назвать шантажом. Сомневаюсь, что девушка вообще понимала, что означает это слово. Плата за молчание не рас-

сматривалась ею как нечто подобное. Видите ли, на острове постоянно толкутся богатые повесы, которые не желают, чтобы их нравы стали достоянием общества. — В его голосе послышались едкие интонации.

— В этом я с вами согласен, — сказал Дейвентри. — Какая-нибудь особа, не желающая, чтобы ее похождения получили огласку, делает подарок своей служанке, подразумевая, что это плата за молчание.

— Вот именно.

— Но здесь совсем другой случай, — возразил Дейвентри. — Это было убийство.

— Я не уверен, что девушка понимала всю серьезность положения. Она видела какое-то непонятное происшествие, очевидно связанное с этим флакончиком с таблетками. Насколько я понял, он принадлежал мистеру Дайсону. Пожалуй, сейчас пришло время побеседовать с ним.

Грегори, как всегда, держался по-дружески.

— Чем я могу вам помочь? — сказал он. — Скверная получилась история. Она была симпатичной девушкой. Нам с женой она очень нравилась. Наверно, у нее произошла ссора с каким-то мужчиной, но она казалась такой счастливой и никогда не выказывала признаков огорчения. Я

еще вечером беседовал с ней.

— Кажется, мистер Дайсон, вы принимаете препарат, который называется «серенит»?

— Совершенно верно. Маленькие розовые таблетки.

— Вам прописал их врач?

— Да. Если хотите, могу показать вам рецепт. У меня повышенное давление, как, впрочем, у многих в наши дни.

— Но об этом факте мало кто знал?

— Ну, я об этом не болтал. Я всегда в хорошем настроении и терпеть не могу людей, которые все время говорят о своих болезнях.

— Сколько таблеток вы принимали?

— По две три раза в день.

— Значит, у вас с собой большой запас?

— Да, около полудюжины пузырьков. Но они заперты в чемодане — я держу при себе только один.

— Я слышал, что вы недавно потеряли этот пузырек?

— Совершенно верно.

— И вы спрашивали эту девушку, Викторию Джонсон, не видела ли она его?

— Да, спрашивал.

— И что она ответила?

— Она сказала, что в последний раз видела его на полке в нашей ванной и обещала поискать.

— А потом?

— Она вернула мне пузырек спустя некоторое время и спросила, его ли я потерял.

— А вы?

— Я сказал, что да, и спросил, где она его нашла. Она ответила, что он был в комнате старого майора Пэлгрейва. Я спросил, как он туда попал.

— И что же она ответила на это?

— Она сказала, что не знает, но… — Он заколебался.

— Да, мистер Дайсон?

— Ну, у меня осталось чувство, что она знает немного больше, чем говорит, но я не обратил на это особого внимания. В конце концов, это было не так уж важно. Как я вам уже сказал, у меня с собой есть много флакончиков. Я решил, что, очевидно, оставил его в ресторане или еще где-нибудь, а старый Пэлгрейв зачем-то подобрал его. Возможно, он сунул его к себе в карман, намереваясь вернуть мне, а потом забыл.

— И это все, что вы об этом знаете, мистер Дайсон?

— Да, все. Жаль, что я ничем не могу быть вам полезен. А это важно?

Уэстон пожал плечами:

— Все может оказаться важным.

— Не понимаю, при чем здесь эти таблетки. Я думал, что вы захотите узнать, где я находился, когда зарезали эту несчастную девушку. Поэтому я написал отчет о своих передвижениях.

Уэстон задумчиво поглядел на него:

— В самом деле? Весьма разумно с вашей стороны, мистер Дайсон.

— Мне казалось, что это избавит от лишних хлопот, — сказал Грег и положил на стол лист бумаги.

Уэстон начал изучать отчет, а Дейвентри, подвинув ближе свой стул, смотрел через его плечо.

— Все как будто ясно, — заявил Уэстон через минуту-две. — Вы и ваша жена вместе переодевались к обеду в вашем бунгало до без десяти девять. Потом вы бродили по террасе и выпивали с сеньорой де Каспеаро. В четверть десятого к вам присоединились полковник и миссис Хиллингдон, и вы отправились обедать. Насколько вы можете вспомнить, спать вы пошли примерно в половине двенадцатого.

— Конечно, — сказал Грег, — я не знаю, когда именно убили эту девушку…

В его фразе явно слышались вопросительные интонации. Однако лейтенант Уэстон, казалось, не заметил этого.

— Насколько я понял, ее нашла миссис Кендал? Должно быть, это было для нее большим потрясением.

— Да. Доктору Робертсону пришлось дать ей успокоительное.

— Это случилось поздно, когда большинство людей уже пошли спать?

— Да.

— А она уже долго была мертва? Я имею в виду, когда миссис Кендал нашла ее?

— У нас еще нет на этот счет точных данных, — спокойно ответил Уэстон.

— Бедная малютка Молли! Да, это, очевидно, на ней скверно отразилось. Вообще-то вчера вечером я ее не видел. Может быть, у нее заболела голова и она легла.

— А когда вы в последний раз видели миссис Кендал?

— О, довольно рано, перед тем как я пошел переодеваться. Она делала приготовления к обеду, перекладывала на столах ножи.

— Понятно.

— Тогда она казалась веселой, — продолжал

Грег. — Молли — славная девушка. Мы все ее очень любим. Да, Тиму крупно повезло.

— Ну, благодарю вас, мистер Дайсон. Вы не можете больше ничего вспомнить из того, что говорила Виктория, когда возвращала вам таблетки?

— Вроде бы нет. Она только спросила меня, эти ли таблетки я искал, и сказала, что нашла их в комнате старика Пэлгрейва.

— Она не знала, кто положил их туда?

— Как будто нет… Право, не помню.

— Спасибо, мистер Дайсон.

Грегори вышел.

— Весьма любезно с его стороны, — заметил Уэстон, постучав ногтем по листу бумаги, — было предоставить нам это подробное описание своего местопребывания вчера вечером.

— Вы думаете, что это было немного чересчур любезно? — спросил Дейвентри.

— Трудно сказать. Некоторые люди очень беспокоятся о своей безопасности и боятся впутаться в какую-нибудь историю. Вовсе не обязательно при этом, что им известна какая-то преступная тайна. С другой стороны, все может быть.

— А как обстоят дела с алиби? Правда, на это особенно рассчитывать не приходится. Играет

оркестр, все танцуют, встают из-за столов, входят и выходят. Женщины отлучаются, чтобы попудрить носы, мужчины — чтобы прогуляться. Дайсон, как и все остальные, мог выскользнуть в любой момент. Но он как будто не особенно стремится доказать, что не делал этого. — Дейвентри задумчиво поглядел на бумагу. — Значит, миссис Кендал перекладывала ножи на столе, — промолвил он. — Интересно, умышленно ли Дайсон упомянул об этом факте?

— А вам это кажется вероятным?

— Все возможно.

Снаружи послышался шум.

— Я должен сообщить кое-что, — требовал чей-то визгливый высокий голос. — Пустите меня к этим джентльменам.

Высокий полисмен в форме открыл дверь.

— Один из здешних поваров, — сообщил он, — очень хочет вас видеть. Он утверждает, что должен вам что-то сообщить.

Испуганный смуглый человек в поварском колпаке ворвался в комнату. Это был один из младших поваров, кубинец по происхождению.

— Сейчас я вам все расскажу, — начал он. — Она прошла через мою кухню, и у нее в руке был нож! Понимаете? Потом она открыла дверь и вышла в

сад. Я видел ее!

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал ему Дейвентри. — О ком вы говорите?

— О ком? Да о жене хозяина, о миссис Кендал, о ком же еще? У нее в руке был нож, и она скрылась в темноте. Это было перед обедом, а назад она не возвращалась!

Глава 15
Расследование продолжается
1

— Не могли бы мы немного побеседовать с вами, мистер Кендал?

— Конечно. — Сидевший за письменным столом Тим отодвинул в сторону бумаги и предложил вошедшим сесть. Его лицо было печальным. — Как идут дела? Удалось вам что-нибудь выяснить? Здесь словно поселилась смерть. Все хотят уезжать, расспрашивают об авиарейсах. А ведь все как будто шло как надо. О боже, вы и представить не можете, что эта гостиница значит для нас с Молли. Мы ведь вложили в нее все, что имели.

— Я знаю, вам сейчас очень тяжело, — сказал инспектор Уэстон. — Не думайте, что мы вам не сочувствуем.

— Если бы все можно было поскорее выяснить, — вздохнул Тим. — Эта негодная девчонка Виктория… О, конечно, я не должен так говорить — она была неплохой девушкой. Но… но ведь здесь может быть совсем простое объяснение — например, какая-нибудь любовная интрига.

Возможно, ее муж…

— Джим Эллис не был ее мужем, и они казались весьма спокойной парой.

— Если бы только удалось поскорее все выяснить, — повторил Тим. — Простите, вы, кажется, хотели меня спросить о чем-то?

— Да, о вчерашних событиях. Согласно медицинскому свидетельству, Виктория была убита где-то между половиной одиннадцатого и полуночью. При сложившихся обстоятельствах алиби будет не так-то легко установить. Все ходили взад-вперед, танцевали, прогуливались. Это очень затрудняет дело.

— Очевидно. Но значит, вы уверены, что Виктория была убита кем-то, живущим здесь?

— Ну, мы должны исследовать подобную возможность, мистер Кендал. Сейчас же я хотел спросить вас о заявлении, сделанном одним из ваших поваров.

— Каким? Что он сказал?

— Насколько я понял, он кубинец.

— У нас два кубинца и один пуэрториканец.

— Этот человек, его зовут Энрике, утверждает, что ваша жена, идя из столовой, прошла через кухню и вышла в сад и что она держала в руке нож.

Тим уставился на него:

— Молли держала в руке нож? Ну а почему бы и нет? Вы же не думаете… не можете же вы предполагать… Что вы имеете в виду?

— Это было перед тем, как люди вошли в столовую. Примерно около половины девятого. Вы сами как будто в это время находились в столовой, беседуя с метрдотелем Фернандо.

— Да, — припомнил Тим.

— А ваша жена вошла с террасы?

— Да, — подтвердил Тим. — Она всегда проверяет, все ли на столах в порядке. А то иногда официанты забывают что-нибудь положить. Очевидно, так оно было и на этот раз. Молли, наверно, держала лишний нож, ложку или что-то в этом роде.

— Значит, она вошла с террасы в столовую. Она говорила с вами?

— Да, мы перебросились двумя словами.

— Не могли бы вы припомнить, что именно она сказала?

— По-моему, я спросил ее, с кем она говорила. Я слышал ее голос снаружи.

— С кем же?

— С Грегори Дайсоном.

— Ага! Он говорил то же самое.

— Мне кажется, он любезничал с ней. Это вообще в его стиле. Я разозлился и сказал: «Черт бы его побрал!» — а Молли засмеялась и ответила, что в ее положении этого не избежать. Хорошо, что Молли умная девушка, потому что положение ее в самом деле нелегкое. Оскорблять гостей нельзя, поэтому такой привлекательной женщине, как Молли, остается отделываться от приставаний смехом и шутками. А Грегори Дайсон не пропустит ни одной хорошенькой женщины.

— Между ними произошла ссора?

— Нет, не думаю. Она, как всегда, просто смеялась.

— Вы не можете точно вспомнить, был у нее в руке нож или нет?

— Точно не помню… Но я почти уверен, что не было. Даже совершенно уверен.

— Но ведь вы только что сказали…

— Я просто имел в виду, что если Молли была в столовой или на кухне, то вполне вероятно, что у нее в руке мог быть нож. Но теперь я точно помню, что когда она вышла из столовой, то в руках у нее ничего не было.

— Понятно, — протянул Уэстон.

Тим искоса взглянул на него:

— К чему вы клоните? Что наговорил вам этот

болван Мануэль… или как его… Энрике?

— Он сказал, что ваша жена вошла в кухню, что она выглядела огорченной и что в руке у нее был нож.

— Он просто преувеличивает.

— А за обедом или после вы разговаривали с женой?

— По-моему, нет. Я был занят.

— Во время обеда ваша жена была в столовой?

— Я… о да, мы всегда ходим от столика к столику и смотрим, все ли в порядке.

— И вы совсем не говорили с ней?

— Кажется, нет… Видите ли, в это время мы всегда так заняты, что не только не говорим, но даже не замечаем друг друга.

— Следовательно, вы не помните, что говорили с женой до тех пор, пока она три часа спустя поднялась по лестнице, после того как обнаружила труп?

— Это было для нее ужасным потрясением. Молли так расстроилась.

— Я знаю. Весьма малоприятное происшествие. А каким образом она оказалась на дорожке, ведущей к пляжу?

— Устав после процедуры обеда, она часто ходила прогуляться, чтобы хоть несколько минут

не видеть гостей.

— Как я понял, когда она вернулась, вы разговаривали с миссис Хиллингдон?

— Да. Почти все уже ушли спать.

— А о чем вы беседовали с миссис Хиллингдон?

— Ни о чем особенном. А почему вы об этом спрашиваете? Что она вам сказала?

— Пока что она ничего не сказала. Мы еще не говорили с ней.

— Мы просто болтали о всякой чепухе — о Молли, о трудностях ведения хозяйства в отеле…

— И тогда ваша жена поднялась на террасу и сообщила вам о случившемся?

— Да.

— На ее руках была кровь?

— Конечно, была! Молли ведь не сразу поняла, что случилось с девушкой, — она склонилась над ней, попыталась ее поднять. Разумеется, руки у нее были в крови. Послушайте, что это вы подозреваете?

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал Дейвентри. — Я знаю, Тим, что вам сейчас нелегко, но мы во всем должны разобраться до конца. Насколько мне известно, ваша жена в последнее время чувствовала себя не очень хорошо?

— Чепуха! С ней все в порядке. Просто ее немного расстроила смерть майора Пэлгрейва. Это естественно — ведь Молли такая чувствительная.

— Когда она придет в себя, нам придется задать ей несколько вопросов, — заметил Уэстон.

— Ну, сейчас это невозможно. Доктор дал ей успокоительное и сказал, чтобы ее не беспокоили. Я не желаю, чтобы ее расстраивали и пугали, слышите?

— Мы не собираемся никого пугать, — сказал Уэстон. — Мы просто хотим все выяснить. Сейчас мы не станем ее беспокоить, но, как только доктор разрешит, мы будем вынуждены побеседовать с ней. — В его мягком голосе послышались властные нотки.

Тим посмотрел на него, открыл рот, но ничего не сказал.

2

Эвелин Хиллингдон, спокойная и сдержанная, как всегда, сидела, тщательно обдумывая каждый ответ. Ее темные смышленые глаза задумчиво смотрели на Уэстона.

— Да, — сказала она, — я разговаривала с ми-

стером Кендалом на террасе, когда его жена поднялась по лесенке и рассказала нам об убийстве.

— А вашего мужа там не было?

— Нет, он пошел спать.

— У вас были какие-нибудь особые причины для беседы с мистером Кендалом?

Эвелин подняла подкрашенные брови. Этот жест, несомненно, означал упрек.

— Что за странный вопрос, — холодно произнесла она. — Нет, никаких особых причин не было.

— Вы не говорили о состоянии здоровья его жены?

Эвелин снова задумалась.

— Право, не помню, — ответила она наконец.

— Вы в этом уверены?

— В чем? В том, что я не помню? Что тут удивительного?

— Миссис Кендал как будто в последние дни неважно себя чувствовала?

— Выглядела она хорошо — только казалась немного утомленной. Конечно, чтобы содержать такое заведение, требуется немало усилий, а она еще совсем неопытна. Естественно, что она часто бывала возбуждена.

— Возбуждена, — повторил Уэстон. — Вы так описываете ее состояние?

— Возможно, это несколько старомодное слово, но оно ничуть не хуже того медицинского жаргона, который мы теперь используем на каждом шагу. Вирусная инфекция вместо обычной простуды и невроз вместо простого волнения.

Ее улыбка сбивала Уэстона с толку. Он подумал про себя, что Эвелин Хиллингдон отнюдь не глупа. Его интересовало, что думает Дейвентри, лицо которого продолжало оставаться бесстрастным.

— Благодарю вас, миссис Хиллингдон, — вздохнув, сказал Уэстон.

3

— Мы не хотели беспокоить вас, миссис Кендал, но нам нужно выслушать ваш рассказ о том, как вы нашли эту девушку. Доктор Грейем говорит, что вы уже достаточно оправились, чтобы беседовать на эту тему.

— О да, — сказала Молли, — со мной уже все в порядке. — Она нервно усмехнулась. — Это был обычный шок — такое ужасное зрелище…

— Да, в самом деле. Как я понял, вы пошли прогуляться после обеда?

— Да… Я часто так делаю.

Молли отвела взгляд, и Дейвентри заметил, как судорожно сплетались пальцы ее рук.

— В какое время это было, миссис Кендал? — спросил Уэстон.

— Ну, не знаю точно — мы не очень-то следим за временем.

— Стил-бэнд еще играл?

— Да… по-моему… Право, не помню.

— И куда же вы пошли?

— По дорожке, ведущей к пляжу.

— Налево или направо?

— Сначала туда, потом сюда. Я… я не обратила внимания.

— А почему, миссис Кендал?

Молли нахмурилась:

— Потому что… ну… я задумалась.

— О чем-нибудь особенном?

— Нет. Просто о том, что надо сделать в отеле. — Снова то же нервное сплетение пальцев. — А потом… я заметила что-то белое за кустами гибискуса… и заинтересовалась, что это такое. Я остановилась… и потянула это к себе… — Она судорожно проглотила слюну. — Это была она… Виктория… Я попыталась поднять ее голову и… почувствовала кровь на своих руках. — Взглянув

на руки, Молли повторила с удивлением, словно говоря о чем-то невозможном: — Кровь на своих руках.

— Да, действительно, ужасное происшествие. На этих подробностях вам незачем останавливаться. Вы долго гуляли до того, как нашли ее?

— Не знаю. Понятия не имею.

— Час? Полчаса? Или больше часа?

— Не знаю, — повторила Молли.

— Вы взяли с собой на прогулку нож? — осведомился Дейвентри спокойным, будничным тоном.

— Нож? — Молли казалась удивленной. — Зачем?

— Я спрашиваю только потому, что один из поваров сообщил нам, что у вас в руке был нож, когда вы вышли через кухню в сад.

Молли снова нахмурилась:

— Но я не проходила через кухню… О, вы, наверно, имеете в виду раньше — перед обедом… Я… я не помню этого…

— Может быть, вы поправляли ножи на столах?

— Иногда я это делаю. Прислуга часто кладет мало ножей или, наоборот, много. Путают количество вилок и ложек…

— И в тот вечер вы тоже это делали?

— Возможно… Ведь я делаю это совершенно машинально и могла забыть…

— Значит, вы могли в тот вечер выйти из кухни с ножом в руке?

— Не думаю. По-моему, я этого не делала… Там был Тим, — добавила она. — Он должен знать, спросите его.

— Вам нравилась эта девушка — Виктория? Она хорошо справлялась с работой? — спросил Уэстон.

— Да, она была славной девушкой.

— Вы никогда не ссорились с ней?

— Конечно нет!

— И она никогда вам не угрожала?

— Угрожала мне? Что вы имеете в виду?

— Это не важно. У вас нет никаких соображений относительно того, кто мог убить ее?

— Нет, — твердо сказала Молли.

— Ну, благодарю вас, миссис Кендал. — Он улыбнулся. — Как видите, процедура оказалась не такой уж страшной.

— Это все?

— Пока все.

Дейвентри встал, открыл дверь и выпустил Молли.

— «Тим должен знать», — процитировал он, снова садясь на стул. — А Тим уверенно заявляет, что у нее не было ножа.

— Думаю, — мрачно заметил Уэстон, — что на его месте любой муж сказал бы то же самое.

— Столовый нож как будто не слишком подходит для убийства.

— Но это был мясной нож, мистер Дейвентри. В тот вечер в меню входило мясо. А мясные ножи очень острые.

— Право, Уэстон, я не могу поверить, что девушка, с которой мы только что говорили, — кровавая убийца.

— Пока что в это не обязательно верить. Может быть, миссис Кендал вышла в сад перед обедом, держа нож, который она взяла со стола, так как он оказался лишним. Миссис Кендал могла не заметить, что держит нож, она могла потерять его или положить куда-нибудь, а потом кто-то нашел его и использовал для своих целей. Я тоже считаю маловероятным, что она убийца.

— Тем не менее, — задумчиво промолвил Дейвентри, — я уверен, что она не говорит всего, что знает. Ее небрежность в определении времени весьма странная. Где она была и что делала? В столовой ее как будто в тот вечер никто не видел.

— Да, муж был на месте, а жена отсутствовала.

— Вы думаете, что она уходила, чтобы встретиться с Викторией Джонсон?

— Возможно. А может быть, она видела кого-то, кто ходил встречаться с Викторией?

— Вы думаете о Грегори Дайсоне?

— Мы знаем, что он разговаривал с Викторией раньше. Может быть, он условился встретиться с ней снова. Но вспомните, что в это время все свободно расхаживали по террасе — танцевали, пили, заходили в бар.

— Короче говоря, алиби есть только у оркестра, — криво усмехнулся Дейвентри.

Глава 16
Мисс Марпл ищет помощи

Если бы кто-нибудь обратил внимание на симпатичную пожилую леди, задумчиво стоявшую в лоджии своего бунгало, то он бы решил, что единственная проблема, которая ее волнует, — как провести сегодняшний день. Посетить Касл-Клифф, съездить в Джеймстаун, закусить в кафе на мысе Пеликан или просто отдохнуть на пляже?

Но симпатичная старая леди думала совсем о другом — она пребывала в воинственном настроении.

— Что-то необходимо предпринять, — вслух произнесла мисс Марпл.

Она была убеждена, что времени терять нельзя.

Но кого она могла в этом убедить? Сначала мисс Марпл думала, что она сможет доискаться до правды самостоятельно. Раньше это удавалось ей неоднократно. Но теперь времени было в обрез, а на этом райском острове, увы, не было ни одного из ее обычных помощников.

Мисс Марпл с сожалением подумала о своих английских друзьях. Сэр Генри Клизеринг, всегда готовый терпеливо слушать, его крестник Дермот, все еще уверенный, несмотря на высокое положение, ныне занимаемое им в Скотленд-Ярде, что если мисс Марпл высказала какую-нибудь мысль, то за этим обязательно что-нибудь есть.

Но станет ли этот местный полицейский офицер с приятным голосом обращать внимание на мысли старой леди? Может быть, доктор Грейем? Нет, доктор Грейем не тот человек, который ей нужен, — он слишком мягок, пассивен и, безусловно, не способен к быстрым решениям и активным действиям.

Чувствуя себя скромным представителем Господа Всемогущего, мисс Марпл уже была готова вопрошать в библейском духе:

— Кто последует за мной? Кого мне послать?

В послышавшемся звуке мисс Марпл не сразу признала ответ на ее мольбы. Он скорее напомнил крик человека, зовущего свою собаку.

— Эй!

Задумавшаяся мисс Марпл не обратила на это особого внимания.

— Эй! — Сила звука резко возросла. Мисс Марпл рассеянно огляделась.

— Эй! — в третий раз крикнул мистер Рэфьел и добавил: — Вы, там…

Мисс Марпл не сразу осознала, что крик мистера Рэфьела был адресован ей. Обычно к ней не обращались столь неджентльменским образом. Но она не обиделась, потому что люди редко обижались на деспотические манеры мистера Рэфьела. Он был сам себе закон, и все принимали это как должное. Посмотрев туда, откуда донесся крик, мисс Марпл увидела мистера Рэфьела, сидевшего в своей лоджии и манившего ее рукой.

— Вы звали меня? — спросила она.

— Конечно, вас, — сказал мистер Рэфьел. — А вы думали, кошку? Идите сюда.

Мисс Марпл взяла сумочку и пересекла пространство, отделяющее ее бунгало от бунгало мистера Рэфьела.

— Я не могу подойти к вам без посторонней помощи, — объяснил мистер Рэфьел. — Поэтому вам пришлось подойти ко мне.

— Я так и поняла, — ответила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел указал на соседнее кресло.

— Садитесь, — распорядился он. — Я хочу поговорить с вами. На этом острове происходит что-то чертовски странное.

— Да, в самом деле, — согласилась мисс Марпл,

по привычке вытаскивая из сумочки вязанье.

— Только не смейте вязать, — предупредил мистер Рэфьел. — Терпеть не могу, когда женщины вяжут. Это меня просто бесит.

Мисс Марпл спрятала вязанье без чрезмерной покорности, подобно врачу, выполняющему прихоть капризного пациента.

— Здесь много болтают, — продолжал мистер Рэфьел, — и держу пари, что вы болтаете больше других. Вы и этот священник со своей сестрой.

— При сложившихся обстоятельствах болтовня вполне естественна, — заметила мисс Марпл.

— Зарезанную девушку-островитянку нашли в кустах. В этом может не быть ничего особенного. Парень, с которым она жила, мог к кому-нибудь приревновать ее, или же он сам завел себе другую девушку, а она устраивала ему сцены. Секс в тропиках. Вы что-то сказали?

— Нет, — покачала головой мисс Марпл.

— И все же, — продолжал мистер Рэфьел, — власти как будто так не считают.

— Вам, во всяком случае, они скажут больше, чем мне, — заметила мисс Марпл.

— Однако готов спорить, что вы знаете об этом больше, чем я. Вы прислушиваетесь ко всем сплетням.

— Безусловно, — согласилась мисс Марпл.

— Вам что, больше делать нечего?

Таким образом часто можно получить полезные сведения.

— Знаете, — сказал мистер Рэфьел, внимательно ее изучая, — я не часто ошибаюсь в людях, но в вас я ошибся. Вы не так просты, как кажетесь. Все эти слухи о майоре Пэлгрейве и его рассказах… Вы думаете, что его ухлопали, верно?

— Боюсь, что да.

— Так вот: это истинная правда, — заявил мистер Рэфьел.

Мисс Марпл затаила дыхание.

— Это точно? — спросила она.

— Совершенно точно. Я узнал об этом от Дейвентри. Тайны из этого делать нет смысла, так как результаты вскрытия все равно станут известны. Вы что-то наговорили Грейему, он пошел к Дейвентри, Дейвентри обратился к администрации, администрация информировала полицию, а там пришли к выводу, что вся история выглядит довольно подозрительной, и поэтому решили выкопать старого Пэлгрейва, чтобы во всем разобраться.

— И что они обнаружили? — нетерпеливо спросила мисс Марпл.

— Выяснилось, что он умер от смертельной дозы чего-то, что только врач может произнести правильно. Насколько я помню, это звучало вроде как «дифлоргексагоналэтилкарбензол». Очевидно, полицейский врач обозвал это так специально, чтобы никто ничего не понял. Возможно, это было обычное лекарство вроде эвипана, веронала или сиропа Истона, а официальное наименование только сбивает с толку непрофессионалов. Короче говоря, он проглотил достаточную дозу, чтобы отправиться на тот свет, а смерть от этого яда наступает с теми же симптомами, какие бывают при гипертонии, тем более что накануне вечером он злоупотреблял алкоголем. Все выглядело так естественно, что никто ни на момент ни в чем не усомнился. Только сказали: «Бедный старик!» — и быстро его похоронили. А теперь, выходит, вообще неизвестно, было у него повышенное давление или нет. Он когда-нибудь говорил вам об этом?

— Нет.

— Вот в том-то и дело. Ведь все считали это неоспоримым фактом.

— Очевидно, кому-то он все-таки это говорил.

— Совсем как в историях с привидениями, — сказал мистер Рэфьел. — Трудно встретить

человека, который своими глазами видел привидение. Обычно это троюродная сестра чьей-нибудь тети или друг чьего-нибудь приятеля. Ну ладно, оставим это. Все решили, что у него было повышенное давление, потому что в его комнате обнаружили флакончик с таблетками от гипертонии, но теперь мы подходим к основному моменту — я понял, что эта девушка, которую убили, намекала, что этот флакончик подложил туда кто-то другой и что в действительности он принадлежал Грегу Дайсону.

— Жена мистера Дайсона упоминала, что у него повышенное давление, — вставила мисс Марпл.

— Следовательно, флакон подсунули в комнату Пэлгрейва в качестве доказательства того, что он страдал гипертонией и умер естественной смертью.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл. — И кто-то предусмотрительно распустил слух, что майор часто упоминал о своем повышенном давлении. Но ведь слух распустить очень легко — я не раз видела, как это делается.

— В этом я не сомневаюсь, — заметил Рэфьел.

— Нужно только шепнуть тут и там, — продолжала мисс Марпл. — Не надо говорить, что вы сами это знаете; нужно просто сказать, что это

сообщила вам миссис Б со слов полковника В. Таким образом, становится очень трудно найти того, кто первый пустил слух. А люди, которым вы это рассказали, продолжают передавать сплетню дальше так, словно им это досконально известно.

— Да, кто бы ни был этот человек, ума у него хватает, — задумчиво промолвил мистер Рэфьел.

— Я тоже так думаю, — вздохнула мисс Марпл.

— Очевидно, эта девушка что-то видела или знала и пыталась кого-то шантажировать, — предположил мистер Рэфьел.

— Возможно, она и не рассматривала это как шантаж, — сказала мисс Марпл. — В этих больших отелях часто случается, что горничные узнают вещи, которые людям не хотелось бы разглашать. За молчание они получают некоторую сумму денег в виде чаевых или подарка. Может быть, девушка не сразу осознала всю важность имеющихся у нее сведений.

— И все же ее пырнули ножом в спину, — заметил мистер Рэфьел.

— Да. Очевидно, кто-то не мог позволить ей говорить.

— Ну, давайте послушаем, что вы об этом думаете.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него:

— Почему вам кажется, мистер Рэфьел, что я знаю больше, чем вы?

— Может быть, и не знаете, — ответил мистер Рэфьел, — но мне все-таки интересно узнать ваши соображения.

— Но почему?

— Здесь у меня не так много занятий, — сказал мистер Рэфьел. — Только делать деньги.

Мисс Марпл казалась удивленной.

— Делать деньги? Здесь?

— Ведь отсюда можно посылать дюжину шифрованных телеграмм каждый день, — объяснил мистер Рэфьел. — Этим я и занимаюсь. Сражаюсь с конкурентами на расстоянии. Беда в том, что это занимает не так уж много времени, поэтому я и заинтересовался этим делом. Оно возбудило мое любопытство. Пэлгрейв все время болтал с вами — очевидно, больше никто не мог его выдержать. О чем он с вами говорил?

— Он рассказывал мне множество разных историй, — ответила мисс Марпл.

— Знаю. Как правило, они были чертовски скучны. К тому же их приходилось выслушивать по нескольку раз.

— Да, — вздохнула мисс Марпл. — Боюсь, что

это присуще всем старым джентльменам.

Мистер Рэфьел резко взглянул на нее.

— Я не рассказываю никаких историй, — заявил он. — Так что же интересного сообщил вам Пэлгрейв? Ведь все началось именно с этого?

— Он говорил, что знал одного убийцу. Правда, в этом нет ничего особенного — по-моему, такое случается почти со всеми.

— Не понимаю, — проворчал мистер Рэфьел.

— Ну, например, — объяснила мисс Марпл, — если вы, мистер Рэфьел, начнете вспоминать все события вашей жизни, то, безусловно, обнаружите в своей памяти чьи-нибудь слова вроде таких: «Я хорошо знал такого-то — он умер внезапно, и говорили, что его угробила жена, но, по-видимому, это просто сплетни». Вам ведь приходилось слышать подобные рассказы?

— Ну, может быть. Но это же… одним словом, несерьезно.

— Совершенно верно, — подтвердила мисс Марпл, — но майор Пэлгрейв был очень серьезным человеком. Думаю, он получал удовольствие, рассказывая эту историю. Майор говорил, что у него есть снимок убийцы. Он собирался показать его мне, но не сделал этого.

— Почему?

— Потому что он что-то увидел, — ответила мисс Марпл, — и я подозреваю, что даже не что-то, а кого-то. Его лицо внезапно побагровело, он спрятал снимок в бумажник и переменил тему разговора.

— И кого же он увидел?

— Я много об этом думала. Я сидела около своего бунгало, а майор — напротив меня, и в этот момент он смотрел на что-то находящееся за моим правым плечом.

— То есть он увидел кого-то, идущего с той стороны — по дорожке, которая ведет к ручью и стоянке автомобилей?

— Да.

— Ну и кто же там шел?

— Мистер и миссис Дайсон и полковник и миссис Хиллингдон.

— И все?

— Больше я никого не заметила. Конечно, ваше бунгало также могло попасть в его поле зрения.

— Ага! Значит, мы должны включить Эстер Уолтерс и Джексона. Каждый из них мог выйти из бунгало и вернуться назад прежде, чем вы его заметили.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл. — Я не сразу повернула голову.

— Дайсоны, Хиллингдоны, Эстер, Джексон. Один из них — убийца. Впрочем, я тоже в числе подозреваемых, — добавил он.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Он сказал, что убийца — мужчина?

— Да.

— Отлично. Тогда Эвелин Хиллингдон, Лаки и Эстер Уолтерс отпадают. Значит, если эта невероятная история окажется правдой, то убийца — Дайсон, Хиллингдон или мой сладкоречивый Джексон.

— Либо вы сами, — напомнила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел игнорировал ее замечание.

— Не раздражайте меня без толку, — сказал он. — Лучше послушайте, что мне тут кажется непонятным и чего вы, наверное, не учли. Если один из этих трех убийца, то какого же дьявола старый Пэлгрейв не узнал его раньше? Черт возьми, ведь последние две недели они все постоянно с ним встречались. По-моему, это просто бессмысленно.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл.

— Ну, тогда объясните мне.

— Видите ли, майор Пэлгрейв ни разу не видел этого человека. Историю рассказал ему один врач, который и дал снимок. Возможно, тогда

майор внимательно рассмотрел фотографию, а потом сунул ее в бумажник и хранил как сувенир. Может быть, иногда он вынимал ее, чтобы иллюстрировать свой рассказ. И потом, мистер Рэфьел, мы не знаем, когда это случилось. Майор не дал мне на этот счет никаких указаний. Может быть, он рассказывал историю уже пять или десять лет подряд. Некоторые его повествования об охоте на тигров касались событий двадцатилетней давности.

— В самом деле, — согласился мистер Рэфьел.

— Поэтому я не думаю, чтобы майор Пэлгрейв узнал убийцу, случайно встретив его. Я почти уверена, что он, несколько секунд держа в руках фотографию и изучая ее, поднял голову и внезапно увидел на расстоянии десяти-двенадцати футов этого человека или очень на него похожего.

— Да, это возможно, — задумчиво промолвил мистер Рэфьел.

— Майор был ошарашен, — продолжала мисс Марпл. — Он спрятал снимок в бумажник и начал громко говорить о чем-то другом.

— Но ведь у него не могло быть твердой уверенности, — заметил мистер Рэфьел.

— Не могло, — подтвердила мисс Марпл. — Но

позже, очевидно, он изучил фотоснимок более внимательно и пришел к правильному выводу.

Подумав, мистер Рэфьел покачал головой:

— Здесь что-то не так. Нет достаточного мотива для убийства. Он говорил с вами громко?

— Да, — ответила мисс Марпл. — Он всегда говорил громко.

— Что верно, то верно — орать он любил. Значит, подошедший мог услышать его слова?

— Думаю, что их можно было услышать на достаточно солидном расстоянии.

Мистер Рэфьел покачал головой еще раз:

— Это чересчур фантастично. Над таким рассказом можно только посмеяться. Старый осел что-то болтает о какой-то истории, услышанной им от кого-то еще и касающейся убийства, происшедшего по меньшей мере год или два назад! Неужели это обеспокоило бы убийцу? Ведь никаких доказательств нет — только какая-то сплетня, услышанная неизвестно от кого. Он даже может сказать: «Ха-ха! Я и в самом деле похож на этого парня». Никто не принял бы всерьез утверждений старого Пэлгрейва. Не возражайте мне, потому что я все равно вам не поверю. Нет, этому парню (если только это действительно парень) нечего было бояться. Зачем же ему убивать Пэлгрейва?

В этом же не было никакой нужды — вы должны это понять.

— Я понимаю, — вздохнула мисс Марпл, — и все-таки не могу с вами согласиться. Это-то меня и волнует, причем так волнует, что прошлую ночь я просто не могла сомкнуть глаз.

Мистер Рэфьел уставился на нее.

— Ну, послушаем, что у вас на уме, — спокойно сказал он.

— Возможно, я не права, — неуверенно промолвила мисс Марпл.

— Весьма возможно, — откликнулся мистер Рэфьел с присущим ему отсутствием такта, — но, во всяком случае, послушаем, о чем вы размышляли среди ночи.

— Здесь мог быть очень сильный мотив, если…

— Если — что?

— Если вскоре планировалось еще одно убийство.

Мистер Рэфьел попытался подтянуться в своем кресле.

— Объяснитесь, — потребовал он.

— Я всегда так плохо объясняю. — Мисс Марпл говорила быстро и несколько бессвязно. На ее щеках появился румянец. — Предположим, было запланировано убийство. Если вы помните, ис-

тория, которую рассказал мне майор Пэлгрейв, была связана с человеком, чья жена умерла при подозрительных обстоятельствах. Затем, через некоторое время, произошло еще одно убийство при таких же самых обстоятельствах. Хотя этот человек носил тогда другое имя, врач, рассказывавший об этом майору, узнал его. Следовательно, все указывает на то, что у этого субъекта преступления подобного стиля стали привычкой.

— Вы имеете в виду Смита и «жен в ванне»?

— Я слышала, читала, да и по собственному опыту знаю, что если человеку, совершившему преступление, удается выйти сухим из воды, то это, увы, поощряет его к дальнейшим злодеяниям. Он не сомневается в своем уме. И в конце концов, как у упомянутого вами Смита, топившего своих жен в ванне, это становится привычкой. Каждый раз убийство происходит в другом месте, и каждый раз убийца меняет имя. Но сами преступления очень похожи. Конечно, может быть, я не права…

— Но вы думаете, что вы правы, верно? — вставил мистер Рэфьел.

— …Но если, — продолжала мисс Марпл, не ответив на замечание мистера Рэфьела, — этот человек замыслил здесь избавиться от очеред-

ной жены и если это его третье или четвертое преступление, то ему пришлось убрать майора, опасаясь проведения нежелательных аналогий. Он не мог позволить Пэлгрейву громогласно рассказывать эту историю и демонстрировать фотоснимок. Убийца должен был действовать немедленно.

— Фактически в тот же вечер? — осведомился мистер Рэфьел.

— Да, — кивнула мисс Марпл.

— Проворная операция, — заметил мистер Рэфьел, — но в пределах возможного. Подложить таблетки в комнату Пэлгрейва, распустить слух о его повышенном давлении и подсыпать яд с непроизносимым названием в пунш — так?

— Да. Но с этим уже покончено. Мы же должны беспокоиться о будущем. Убрав с пути майора Пэлгрейва и уничтожив фотоснимок, *убийца приведет в исполнение задуманное им преступление*.

Мистер Рэфьел свистнул.

— Вы уже все разложили по полочкам, не так ли?

Мисс Марпл кивнула и заговорила совершенно несвойственным ей властным тоном:

— И мы должны помешать этому. Особенно вы, мистер Рэфьел.

— Я? — удивился мистер Рэфьел. — Почему?

— Потому что вы богаты и влиятельны, — ответила мисс Марпл. — Люди прислушаются к тому, что предложите вы. На меня же они не обратят внимания. Они решат, что я обычная вздорная старуха с излишне развитым воображением.

— В таком случае они дураки, — заявил мистер Рэфьел. — А впрочем, если послушать ваши разговоры в обычных обстоятельствах, то никогда не скажешь, что у вас в голове есть хоть капля ума. Но на самом деле вы умеете логически мыслить, а это достоинство присуще очень немногим женщинам. — Он поудобнее устроился в кресле. — Куда запропастились Эстер и Джексон? Меня нужно перенести. Нет, не делайте этого, у вас не так уж много сил. Не знаю, какого черта они бросили меня одного.

— Я пойду разыщу их.

— Нет, не нужно. Оставайтесь здесь и хорошенько подумайте. Кто же из них убийца? Весельчак Грег, флегматик Хиллингдон или мой Джексон? Это должен быть кто-то из них, не так ли?

Глава 17
Мистер Рэфьел принимается за дело

— Не знаю, — сказала мисс Марпл.

— Что вы имеете в виду? О чем же мы говорили последние двадцать минут?

— Мне пришло в голову, что, может быть, я не права.

Мистер Рэфьел уставился на нее.

— Ну вот! — поморщился он. — А ведь вы говорили с такой уверенностью.

— О, что касается убийства, то в этом я уверена. Я сомневаюсь в том, кто убийца. Видите ли, я узнала, что у майора Пэлгрейва было несколько историй об убийствах — вы сами рассказывали мне, что он говорил вам о какой-то злодейке, вроде Лукреции Борджа.

— В самом деле. Но это была совсем другая история.

— Знаю. А миссис Уолтерс говорила, что он рассказывал ей, как расправились с одним человеком, сунув его голову в духовку.

— Но ведь история, которую он рассказал вам…

Мисс Марпл прервала мистера Рэфьела — подобную вещь не часто позволяли себе его собеседники.

— Неужели вы не понимаете? — горячо заговорила она. — Ведь в таких обстоятельствах можно что-нибудь и прослушать. Спросите миссис Уолтерс — мне она сказала то же самое. Сначала вы слушаете внимательно, а потом ваше внимание рассеивается, мысли разбегаются — и внезапно вы осознаете, что некоторое время вы не слушали своего собеседника. Поэтому я допускаю возможность, что отключилась на несколько секунд после того, как он рассказал мне об убийце-мужчине, и до того, как он вытащил свой бумажник и спросил: «Хотите взглянуть на фотографию убийцы?»

— Но вы думали, что на фотографии, о которой он говорил, изображен мужчина?

— Да, думала. Тогда мне не приходила в голову другая возможность. Но теперь… Как я могу быть в этом уверена?

Мистер Рэфьел задумчиво поглядел на нее.

— Вся беда в том, — заметил он, — что вы слишком добросовестны. Сначала вы были такой решительной, а теперь вдруг распустили нюни. По-моему, вас сбили с толку разговоры с сестрой

священника и прочей компанией.

— Возможно, вы правы.

— Ну, так отрешитесь от этого на момент. Давайте вернемся к самому началу, потому что в девяти случаях из десяти первоначальное суждение оказывается самым верным. У нас трое подозреваемых. Займемся ими вплотную. Кому вы отдаете предпочтение?

— Пожалуй, никому, — вздохнула мисс Марпл. — Все трое не кажутся мне подходящими на роль убийцы.

— Рассмотрим сначала Грега, — продолжал мистер Рэфьел. — Лично я терпеть не могу этого парня. Впрочем, это не значит, что он убийца. И все же кое-что говорит против него. Ведь эти таблетки от гипертонии принадлежат ему — значит, ему ничего не стоило их использовать.

— Это было бы слишком очевидно, — возразила мисс Марпл.

— Ну, не знаю. В конце концов, главным было действовать побыстрее, а у Грега были свои таблетки. Едва ли он располагал временем, чтобы искать таблетки у кого-то другого. Допустим, что убийца Грег. Отлично. Если он хотел избавиться от своей дорогой супруги Лаки (а в этом желании я с ним искренне солидарен), то я не могу понять

его мотивов. Всем известно, что он богат, так как унаследовал кучу денег от своей первой жены. Возможно, ее он в самом деле угробил. С этим покончено — он вышел сухим из воды. Но Лаки была бедной родственницей его первой жены. Денег у нее нет, поэтому если он намерен разделаться с ней, то чтобы жениться на какой-то другой женщине. Слышали ли вы какие-нибудь сплетни по этому поводу?

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет, не слышала. Правда, он… э-э… весьма галантно держался со всеми дамами.

— Какая у вас старомодная манера выражать свои мысли! — заметил мистер Рэфьел. — Короче говоря, Грег Дайсон — просто кобель, но для нас этого недостаточно. Поэтому перейдем к Эдуарду Хиллингдону. Вот уж кто действительно темная лошадка.

— Я бы не назвала его счастливым человеком, — промолвила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел бросил на нее задумчивый взгляд:

— А по-вашему, убийца должен быть счастливым человеком?

Мисс Марпл кашлянула:

— Насколько я знаю из своего опыта, обычно

да.

— Не думаю, чтобы у вас на этот счет был богатый опыт, — проворчал мистер Рэфьел.

На это утверждение мисс Марпл могла бы существенно возразить, но она предпочла воздержаться, так как знала, что джентльмены не любят, когда их поправляют.

— Хиллингдон мне в общем нравится, — продолжал мистер Рэфьел. — Правда, мне кажется, что между ним и его женой существуют какие-то странные отношения. Вы заметили это?

— Конечно, заметила, — ответила мисс Марпл. — На людях их поведение безупречно, но этого и следовало ожидать.

— Очевидно, вы знаете о людях этого сорта больше, чем я, — сказал мистер Рэфьел. — Однако вполне возможно, что, несмотря на свои джентльменские манеры, Эдуард Хиллингдон собирается прикончить Эвелин Хиллингдон. Вы со мной согласны?

— Если так, то здесь должна быть другая женщина.

— Но какая?

Мисс Марпл с неудовлетворенным видом покачала головой:

— Не знаю почему, но мне кажется, что здесь

все не так просто.

— Ну, тогда кто следующий? Джексон? Надеюсь, меня мы исключили из списка?

— А почему мы должны исключать вас из списка, мистер Рэфьел?

— Потому что если вы хотите обсуждать вопрос о моей пригодности на роль убийцы, то лучше это делать с кем-нибудь другим. Со мной это просто потеря времени. К тому же на эту роль я и в самом деле непригоден. Ведь я совершенно беспомощен, меня вытаскивают из постели, как куклу, одевают, катают в кресле. Разве я в состоянии кого-нибудь убить?

— Так же, как и все остальные, — с энтузиазмом ответила мисс Марпл.

— Каким же это образом?

— Ну вы же не станете спорить, что вы человек умный.

— Конечно, не стану, — согласился мистер Рэфьел. — Во всяком случае, я гораздо умнее любого представителя здешнего общества.

— А будучи умным человеком, — продолжала мисс Марпл, — вы могли суметь преодолеть физические трудности, неизбежные при убийстве.

— Это потребовало бы немало сил.

— Безусловно, — подтвердила мисс Марпл. —

Но я считаю, мистер Рэфьел, что вы бы от этого только испытывали удовольствие.

Несколько секунд мистер Рэфьел молча смотрел на нее, потом внезапно расхохотался.

— А вы довольно нахальная особа! — воскликнул он. — Совсем не такая тихонькая старая леди, какой кажетесь на вид. Значит, вы в самом деле думаете, что я убийца?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Не думаю.

— Почему?

— Откровенно говоря, именно потому, что вы умный человек. Имея мозги, можно добиться всего, чего хочешь, не прибегая к убийству. Убийство — это глупость.

— И вообще, кого бы мне понадобилось вдруг убивать?

— Это довольно интересный вопрос, — улыбнулась мисс Марпл. — Но думаю, что обсуждать его с вами не доставило бы мне особой радости.

Мистер Рэфьел снова рассмеялся.

— Беседы с вами могут оказаться опасными, — заметил он.

— Беседы всегда опасны, если хочешь что-нибудь скрыть.

— По-видимому, вы правы. Ну, перейдем к Джексону. Что вы думаете о нем?

— Трудно сказать. Мне еще не представилось возможности для беседы с ним.

— Значит, на этот счет у вас нет определенной точки зрения?

— Он немного напоминает мне, — задумчиво промолвила мисс Марпл, — Джонаса Пэрри, молодого человека, служившего в конторе неподалеку от деревни, где я живу.

— Ну? — осведомился мистер Рэфьел.

— Он оставлял желать лучшего, — закончила свою мысль мисс Марпл.

— Вы хотите сказать, как и Джексон? Меня-то он вполне удовлетворяет — первоклассно работает и не возражает, если его обругаешь. Джексон знает, что зарабатывает кучу денег, и поэтому вынужден со многим мириться. Конечно, особо доверять я бы ему не стал. Может быть, его прошлое безупречно, а может быть, и нет. Рекомендации у него были в порядке, но несколько сдержанные. К счастью, у меня нет никаких преступных тайн, и поэтому я неподходящий объект для шантажа.

— Нет тайн? — переспросила мисс Марпл. — Но ведь вы имеете деловые секреты?

— Во всяком случае, Джексону до них не добраться. И вообще, я не могу себе представить его в роли убийцы. Это на него не похоже.

Помолчав, мистер Рэфьел заговорил снова:

— Знаете, если заглянуть назад и вспомнить всю эту фантастическую историю — майора Пэлгрейва с его невероятными рассказами и все остальное, — то развитие событий покажется нелогичным. Я — то лицо, которое должны были убить.

Мисс Марпл с удивлением посмотрела на него.

— Я — как раз подходящий тип, — объяснил мистер Рэфьел. — Кто всегда оказывается жертвой в детективных романах? Богатые старики.

— И всегда есть множество людей, жаждущих убрать их с дороги, чтобы получить их деньги, — закончила мисс Марпл. — У вас такие тоже имеются?

— Ну, — задумался мистер Рэфьел. — Я мог бы назвать вам пять-шесть человек в Лондоне, которые не станут особенно рыдать, если прочтут в «Таймс» известие о моей смерти. Но никто из них не стал бы принимать никаких мер, чтобы приблизить мою кончину. Да и зачем им это делать? Я ведь могу умереть со дня на день. Все и так удивляются, что я до сих пор копчу небо, — а доктора больше всех.

— Но вы, разумеется, очень хотите жить, — заметила мисс Марпл.

— Полагаю, вам это кажется странным? — осведомился мистер Рэфьел.

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет, — возразила она. — По-моему, это вполне естественно. Жизнь представляется наиболее интересной как раз тогда, когда вы можете потерять ее. Может быть, это жестоко, но так оно и есть. Когда вы молоды, сильны и здоровы и перед вами еще долгие годы, то мысли о смерти вас не волнуют. Поэтому молодой человек может легко покончить с собой из-за несчастной любви или другого пустячного огорчения. Старики же знают, какая драгоценная и интересная вещь жизнь.

— Подумаешь, старые клячи! — фыркнул мистер Рэфьел.

— И все-таки я права, не так ли?

— О да, совершенно правы. Но вам не кажется, что я тоже прав, считая, что в качестве жертвы надо было избрать меня?

— Это зависит от того, имеет ли кто-нибудь причину желать вашей смерти, — сказала мисс Марпл.

— Никто, — ответил мистер Рэфьел. — Кроме, как я уже говорил, моих конкурентов в деловом мире, которые предпочли бы, чтобы я не слишком задерживался на этом свете. Я не так глуп,

чтобы делить свои деньги между родственниками. Им достанется только небольшая часть после того, как правительство получит львиную долю. Все приготовления я уже сделал — дарственные, распоряжения об опеке над имуществом и все прочее.

— Кстати, Джексон ничего не выиграет от вашей смерти?

— Он не получит ни пенни, — весело ответил мистер Рэфьел. — Я плачу ему вдвое больше, чем платил бы любой другой, только потому, что он терпит мой плохой характер. Он прекрасно знает, что с моей смертью окажется в проигрыше.

— А миссис Уолтерс?

— То же самое. Эстер славная девушка, первоклассная секретарша, толковая, с хорошим характером, понимает меня с полуслова, не реагирует, когда я выхожу из себя, и ни на что не обижается. Она обращается со мной, как гувернантка с капризным младенцем. Конечно, иногда даже Эстер меня раздражает, но тут уж ничего не поделаешь. Ничего особо выдающегося в ней нет. Обыкновенная молодая женщина, но она устраивает меня больше, чем кто бы то ни было. У нее в жизни было немало огорчений. Эстер вышла замуж за довольно скверного парня. По-моему,

когда дело доходит до мужчин, то ее суждениям вообще нельзя доверять. Такие женщины попадаются на удочку любому проходимцу, если только он расскажет им историю о своей тяжелой жизни. Они убеждены, что все, что нужно мужчине, — это то, чтобы какая-нибудь женщина поняла его, и что стоит ему вступить в брак, как он тут же остепенится! Как же, держи карман! Как бы то ни было, ее супруг, к счастью, умер — хватил лишнего на вечеринке и угодил под автобус. У Эстер осталась дочь, и, чтобы содержать ее, она была вынуждена снова начать работать секретаршей. У меня она служит уже пять лет. Я сразу дал ей понять, что после моей смерти ей не на что рассчитывать. С самого начала я платил ей большое жалованье, которое каждый год увеличивал на четверть. Но людям нельзя до конца доверять, какими бы скромными и честными они ни казались. Поэтому я сказал Эстер, что не намерен завещать ей ни пенни. Пока я жив, ее жалованье постоянно увеличивается, и если она каждый год будет помещать солидную часть в банк — что, по-моему, она и делает, — то к тому времени, когда я протяну ноги, будет вполне обеспеченной женщиной. Я оплачиваю обучение ее дочери, а когда она достигнет совершеннолетия, то по-

лучит некоторую сумму денег. Поэтому миссис Эстер Уолтерс может считать себя великолепно устроенной, а моя смерть будет означать для нее серьезные финансовые затруднения. — Он строго посмотрел на мисс Марпл. — Эстер очень благоразумная и прекрасно это сознает.

— Она ладит с Джексоном? — спросила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел бросил на нее быстрый взгляд:

— Что-нибудь заметили, а? Да, Джексон в последнее время явно на нее поглядывает. Он, конечно, красивый парень, но ничего у него не выйдет. Помешают классовые различия. Будь она намного выше его, это бы не имело значения, но, так сказать, представители нижнего этажа среднего класса заботятся о таких вещах. Ее мать была школьной учительницей, а отец — банковским клерком. Конечно, для Джексона Эстер лакомый кусочек, но он его не получит.

— Тише, она идет сюда! — предупредила мисс Марпл.

Оба посмотрели на Эстер Уолтерс, идущую по дорожке.

— Красивая женщина, — заметил мистер Рэфьел, — но ни капли шика. Не знаю почему — ведь она хорошо одевается.

Мисс Марпл вздохнула. Видя, как женщина пренебрегает возможностями, дарованными ей природой, другая женщина, как бы стара она ни была, никогда не может удержаться от вздоха. Недостаток Эстер назывался по-разному в течение различных периодов жизни мисс Марпл. «Не слишком привлекательна», «несексапильна» и тому подобное. Светлые красивые волосы, стройное сложение, карие глаза, отличная фигура, приятная улыбка, но нет в ней того, что заставляет встречных мужчин оборачиваться.

— Ей бы следовало снова выйти замуж, — сказала мисс Марпл, понизив голос.

— Конечно. Она, безусловно, была бы хорошей женой.

В этот момент Эстер Уолтерс присоединилась к ним, и мистер Рэфьел заговорил слегка наигранно:

— Вот и вы, наконец! Что вас задержало?

— Все словно сговорились посылать телеграммы сегодня утром, — ответила Эстер. — Хотят уезжать отсюда.

— Из-за убийства?

— Очевидно. Бедный Тим так расстроен.

— Еще бы. Для них это большая неудача.

— Да, в это предприятие они, наверное, много

вложили и, естественно, хотели добиться успеха. Они так хорошо справлялись…

— Действительно, — согласился мистер Рэфьел. — Тим очень способный и трудолюбивый человек. Молли тоже симпатичная девушка — и хорошенькая к тому же. Они оба работали как негры, хотя здесь этот термин не вполне подходящий, ибо негры на этом острове работой себя не изнуряют. Я видел, как один парень карабкался на кокосовую пальму, чтобы добыть себе завтрак, а потом на полдня завалился спать. Неплохая жизнь. — И добавил: — Мы как раз обсуждали это убийство.

Эстер Уолтерс, казавшаяся слегка испуганной, повернулась к мисс Марпл.

— Я о ней неверно думал, — заявил мистер Рэфьел со свойственной ему откровенностью. — Мне казалось, что от таких старух нет никакого толку — одно вязание да сплетни. Но у этой есть глаза и уши, и она умеет ими пользоваться.

Эстер Уолтерс посмотрела на мисс Марпл, словно извиняясь за своего патрона, но та вовсе не казалась оскорбленной.

— Под этим подразумевается комплимент, — объяснила Эстер.

— Я так и поняла, — сказала мисс Марпл. — И

еще я поняла, что мистер Рэфьел считает своей привилегией быть грубым, если ему этого хочется.

— Разве я был груб? — удивился мистер Рэфьел. — Простите, если я чем-нибудь вас обидел.

— Вы меня не обидели, — возразила мисс Марпл. — Вам я делаю скидку.

— Ну ладно, не надо злиться. Эстер, принесите стул и сядьте здесь. Вы можете оказаться полезной.

Эстер поднялась на террасу бунгало и принесла оттуда легкое плетеное кресло.

— Продолжим наше совещание, — заговорил мистер Рэфьел. — Мы говорили о покойном Пэлгрейве и его нескончаемых историях.

— Обычно я старалась по возможности прятаться от него, — вздохнула Эстер.

— Мисс Марпл была более терпеливой, — заметил мистер Рэфьел. — Скажите, Эстер, он рассказывал вам когда-нибудь историю об убийстве?

— Да, — ответила Эстер. — Несколько раз.

— Постарайтесь припомнить ее поточнее.

Эстер задумалась.

— Беда в том, — виновато сказала она, — что

я не слишком внимательно его слушала. Эта история мало чем отличалась от его рассказов о львах в Родезии, которые просто нельзя было выдержать.

— Ну, расскажите хотя бы, что вы помните.

— По-моему, это началось с какой-то газетной статьи об убийстве. Майор Пэлгрейв заявил, что у него в этой области богатый опыт, так как он встречался с убийцей лицом к лицу.

— Встречался?! — воскликнул мистер Рэфьел. — Он так и сказал: «встречался»?

Эстер выглядела смущенной.

— Кажется, да, — с сомнением промолвила она. — А может быть, он сказал: «Я могу показать вам убийцу».

— Но ведь это же вовсе не одно и то же.

— Я точно не помню. Как будто он сказал, что покажет мне чью-то фотографию.

— Это уже что-то.

— И потом, он много говорил о Лукреции Борджа.

— На этом можно не задерживаться. О Лукреции Борджа мы все знаем.

— Он говорил об отравителях, о том, что Лукреция была красивой рыжеволосой женщиной, и добавил, что в мире, возможно, существует гораз-

до больше отравительниц, чем мы думаем.

— Боюсь, что это весьма вероятно, — вставила мисс Марпл.

— Майор сказал, что яд — женское оружие.

— Кажется, он отклонился от исходной темы, — заметил мистер Рэфьел.

— Ну конечно. Он постоянно перескакивал с места на место. Под конец я просто переставала слушать и только иногда для виду вставляла отдельные реплики.

— Так что же было с этой фотографией?

— Не помню. Может быть, он увидел похожее лицо в газете…

— Он не показывал вам снимок?

— Снимок? Нет. — Эстер покачала головой. — Я уверена в этом. Он говорил, что она была очень красивой и что по ней никогда нельзя было сказать, что она убийца.

— Она?

— В том-то и дело! — воскликнула мисс Марпл. — Это все путает.

— Он говорил о женщине? — спросил мистер Рэфьел.

— Да.

— И на этом снимке была женщина?

— Да.

— Этого не может быть!

— Но это так, — настаивала Эстер. — Он сказал: «Она здесь, на этом острове. Я покажу вам ее и расскажу целую историю».

Мистер Рэфьел выругался. Высказывая свои мысли о покойном майоре Пэлгрейве, он не стеснялся в выражениях.

— Возможно, — закончил он, — в его болтовне вообще нет ни слова правды!

— Интересно, — пробормотала мисс Марпл.

— Конечно, — продолжал мистер Рэфьел, — старый дурак начинал с охотничьих историй. Охота на кабанов с копьем, стрельба по тиграм и слонам, чудесные спасения от львов. Одна или две из них, может быть, имели место. Остальные же были выдумкой или произошли с кем-то другим. Потом он перешел к теме убийства и тоже стал рассказывать одну историю за другой, причем так, будто они случались с ним самим. Десять против одного, что большинство из них — мешанина из того, что он читал в газетах или же видел по телевизору.

Мистер Рэфьел с сердитым лицом обернулся к Эстер:

— Вы же сами признаете, что слушали невнимательно. Может быть, вы его не поняли?

— Я уверена, что он говорил о женщине, — упорствовала Эстер. — Поэтому я и заинтересовалась, кто она.

— И кто же она, по-вашему? — спросила мисс Марпл.

Эстер покраснела и казалась смущенной.

— О, я… я бы не хотела…

Мисс Марпл не настаивала. Присутствие мистера Рэфьела, несомненно, препятствовало выяснению этого обстоятельства. Эстер могла поделиться своими подозрениями, только находясь наедине с другой женщиной. К тому же, возможно, Эстер Уолтерс лгала. Естественно, мисс Марпл не высказала это предположение вслух. Кроме того, она не очень в это верила. Во-первых, Эстер Уолтерс не казалась ей похожей на лгунью (хотя кто знает!), а во-вторых, мисс Марпл не могла найти причин для подобной лжи.

Мистер Рэфьел обернулся к мисс Марпл:

— Вы говорите, что он, рассказав вам об убийце, собирался показать его фотографию?

— По-моему, да.

— По-вашему? Раньше вы вроде были в этом уверены.

— Не так легко, передавая какой-нибудь разговор, точно придерживаться всех фраз своего

собеседника, — возразила мисс Марпл. — Вам кажется, что он сказал то, что вы считаете само собой разумеющимся, и вы впоследствии приписываете ему эти слова. Майор Пэлгрейв действительно поведал мне историю. Он говорил, что врач, рассказавший ему о ней, показал снимок убийцы, но если быть честной, то я должна признаться, что когда он предложил мне взглянуть на фотокарточку убийцы, то я, естественно, предположила, что это та самая карточка, о которой шла речь, то есть снимок именно того убийцы. Однако приходится допустить возможность — хотя и слабую, — что по ассоциации мыслей он переключился с того снимка, который ему показали в прошлом, на снимок кого-то, присутствующего здесь, кого он считал убийцей.

— О женщины! — раздраженно фыркнул мистер Рэфьел. — Вы все одинаковы! Точность вам недоступна, вы никогда ни в чем не уверены. Теперь к нашему списку прибавились Эвелин Хиллингдон и Лаки Дайсон, что окончательно все запутывает!

Послышалось тихое деликатное покашливание. Рядом с мистером Рэфьелом стоял Артур Джексон. Он появился так бесшумно, что никто его не заметил.

— Пришло время массажа, сэр, — напомнил он.

Мистер Рэфьел сразу же забрюзжал:

— Почему вы ступаете так неслышно? Вы меня напугали!

— Простите, сэр.

— Думаю, что сегодня я обойдусь без массажа. От него вообще нет никакого толку.

— О, сэр, вы не должны так говорить. — Джексон был полон энтузиазма профессионала. — Если вы бросите массаж, то сразу это почувствуете.

И он быстро покатил кресло к дому.

Мисс Марпл поднялась, улыбнулась Эстер и направилась к пляжу.

Глава 18
Без благословения церкви

Этим утром пляж был почти пуст. Грег с шумом плескался в воде; Лаки лежала на спине лицом вниз — ее загорелая спина блестела от масла, светлые волосы спускались на плечи. Хиллингдоны отсутствовали. Сеньора де Каспеаро, окруженная группой джентльменов, возлежала, обратив лицо к солнцу, и что-то говорила по-испански глубоким гортанным голосом. Несколько французских и итальянских детей, смеясь, играли у берега. Каноник и мисс Прескотт сидели в пляжных креслах, наблюдая за происходящим. Каноник, по-видимому, дремал, надвинув шляпу на глаза. Рядом с мисс Прескотт стояло пустое кресло, и мисс Марпл тут же воспользовалась им.

— О боже! — произнесла она с глубоким вздохом.

— Да, — вздохнула в ответ мисс Прескотт.

Эти слова выражали их отношение к насильственной смерти.

— Бедная девушка, — сказала мисс Марпл.

— Да, весьма прискорбное происшествие, — за-

говорил каноник.

— Сначала Джереми и я хотели уехать, — сообщила мисс Прескотт, — но потом изменили свое решение. Мне кажется, это было бы непорядочно по отношению к Кендалам. В конце концов, это же не их вина. Такое могло случиться где угодно.

— И в расцвете жизни нас ожидает смерть, — торжественно произнес каноник.

— Очень важно, — продолжала мисс Прескотт, — чтобы у Кендалов дела шли успешно. Ведь они вложили в это предприятие весь свой капитал.

— Молли очень славная девочка, — заметила мисс Марпл, — но в последнее время она неважно выглядит.

— Она очень нервничает, — согласилась мисс Прескотт. — Конечно, ведь ее семья… — Она покачала головой.

— По-моему, Джоан, — укоризненно сказал каноник, — есть вещи, о которых…

— Все об этом знают, — отмахнулась мисс Прескотт. — Ее семья живет неподалеку от нас. Двоюродная бабушка у нее была очень странная, а дядя однажды разделся догола на станции метро — кажется, на Грин-парк.

— Джоан, такие вещи не следует повторять!

— Печально, — покачала головой мисс Марпл, — хотя это, по-моему, нередкая форма безумия. Когда я работала в организации по оказанию помощи Армении, один пожилой почтенный священник проделал вдруг то же самое. Позвонили его жене, она приехала и увезла его домой в кэбе, завернув в одеяло.

— Конечно, с близкими родственниками Молли все в порядке, — сказала мисс Прескотт. — Она, правда, не уживалась с матерью, но в наши дни с девушками это обычное явление.

— Очень жаль, — заметила мисс Марпл, — потому что девушке всегда необходимы знания и жизненный опыт ее матери.

— Вот именно, — подхватила мисс Прескотт. — Молли как-то познакомилась с совершенно неподходящим мужчиной.

— Это часто случается, — вставила мисс Марпл.

— Ее семью, естественно, это не обрадовало. Она ничего им не рассказала — они узнали все от совершенно постороннего человека. Разумеется, мать велела Молли привести его в дом, чтобы побеседовать с ним должным образом. Но девушка, как я поняла, отказалась это сделать, заявив, что для него будет унизительно, если его начнут

осматривать, как лошадь.

Мисс Марпл вздохнула.

— Когда имеешь дело с молодежью, нужно обладать большим тактом, — сказала она.

— В итоге они запретили ей видеться с ним.

— Но в наше время это невозможно, — возразила мисс Марпл. — Девушки ходят на работу и встречаются с кем хотят, несмотря на все запреты.

— Но потом, к счастью, — продолжала мисс Прескотт, — она познакомилась с Тимом Кендалом, и тот субъект был вынужден исчезнуть со сцены. Представляете, как рада была ее семья!

— Надеюсь, они не высказывали своей радости слишком откровенно, — сказала мисс Марпл. — Это часто отвращает девушек от подходящих знакомых.

— Да, в самом деле.

Мысли мисс Марпл перенеслись в далекое прошлое, когда за игрой в крокет она познакомилась с одним молодым человеком. Он казался симпатичным, веселым, с почти что богемными взглядами. А потом он был неожиданно тепло принят ее отцом, его сочли за вполне подходящего жениха, несколько раз свободно принимали в доме, и мисс Марпл в конце концов показалось,

что он очень-очень скучный.

Каноник, похоже, спал, и мисс Марпл предприняла попытку приблизиться к цели беседы.

— Вы, конечно, много знаете об этом месте, — заговорила она. — Ведь вы ездите сюда уже несколько лет подряд, не так ли?

— Да, мы уже приезжаем сюда четвертый год. Нам очень нравится Сент-Оноре. Здесь всегда такая приятная публика. Нет этих сорящих деньгами богачей.

— Значит, вы хорошо знаете Хиллингдонов и Дайсонов?

— Да, достаточно хорошо.

Мисс Марпл кашлянула и слегка понизила голос.

— Майор Пэлгрейв рассказывал мне одну интересную историю, — сказала она.

— О, у него этих историй был обширный репертуар. Конечно, он много путешествовал по Африке, Индии и даже, кажется, по Китаю.

— Да, действительно, — подтвердила мисс Марпл. — Но я не имела в виду это. Та история была связана с… ну, с одним из людей, о которых я только что упомянула.

— Ах вот как? — многозначительно промолвила мисс Прескотт.

— Да. И сейчас меня интересует… — Мисс Марпл устремила взгляд туда, где лежала Лаки, подставив спину солнцу. — У нее красивый загар, — заметила она. — А какие чудесные волосы! Такого же цвета, как и у Молли Кендал, правда?

— С той разницей, — ответила мисс Прескотт, — что у Молли натуральный цвет, а у Лаки — нет.

— Право, Джоан, — неожиданно запротестовал снова пробудившийся каноник. — Не кажется ли тебе, что ты слишком беспощадна?

— Я вовсе не беспощадна, — ледяным голосом отозвалась мисс Прескотт, — а просто констатирую факт.

— А мне цвет ее волос очень нравится, — заявил каноник.

— Ну разумеется. Поэтому она и красит волосы. Но я уверяю тебя, дорогой Джереми, что никакую женщину это не обманет. Верно? — Она обернулась к мисс Марпл.

— Хотя у меня и нет вашего опыта, — ответила мисс Марпл, — но боюсь, что цвет действительно искусственный. У корней ее волосы темнеют каждый пятый или шестой день… — Она взглянула на мисс Прескотт, и обе кивнули с чисто женской уверенностью в своей правоте.

Каноник опять погрузился в дремоту.

— Майор Пэлгрейв рассказал мне очень необычную историю, — вполголоса заговорила мисс Марпл, — о… ну, я могла неточно его понять. Иногда я становлюсь туговатой на ухо. Как будто он намекал… — Она сделала паузу.

— Я знаю, что вы имеете в виду. В свое время об этом много говорили.

— В то время, когда…

— Когда умерла первая миссис Дайсон. Смерть ее была очень неожиданной. Все считали ее malade imaginaire[120] — ипохондричкой. Поэтому, когда она умерла от внезапного припадка, естественно, начались разговоры.

— А никаких… э-э… неприятностей тогда не было?

— Врач был удивлен. Это был еще молодой человек, не имевший достаточного опыта. Он принадлежал к тем докторам, которые все лечат антибиотиками. Такие не тратят много времени на внимательный осмотр и установление точного диагноза. Они прописывают больному какие-нибудь пилюли, а если от них не становится легче, то просто меняют лекарства. Да, он как будто удивился, но выяснилось, что у нее

---

[120] notes: 120
Мнимая больная *(фр.)*.

было что-то не так с желудком. По крайней мере, это утверждал ее муж, а причины предполагать что-нибудь другое вроде не было.

— Но вы сами думаете…

— Ну я, конечно, не могу утверждать ничего определенного, но, учитывая всеобщее мнение…

— Джоан! — воскликнул каноник, внезапно воинственно выпрямившись в кресле. — Я не желаю… мне неприятно слышать, как повторяют такие нездоровые сплетни. Мы всегда боролись против этого. Не смотреть на зло, не слушать о зле и, более того, не думать о зле — это должно стать девизом каждого христианина!

Две женщины погрузились в молчание. Получившие строгое воспитание, они не могли не считаться с критикой духовного лица. Но в глубине души они нисколько не раскаивались и даже чувствовали раздражение. Мисс Прескотт бросила на своего брата сердитый взгляд. Мисс Марпл вытащила вязанье. Но к счастью, судьба была на их стороне.

— Mon pure[121], — послышался тонкий пронзительный голосок.

Это была девочка-француженка, игравшая у

---

[121] notes: 121
Отец мой *(фр.)*.

моря вместе с другими детьми. Она незаметно подошла к креслу каноника Прескотта.

— Mon pure, — повторила она.

— А? Да, дорогая? Oui, qu'est-ce qu'il y a, ma petite?[122]

Девочка объяснила. Они поспорили, кто следующий должен плавать на надувном матраце. Каноник Прескотт очень любил детей, особенно маленьких девочек, и с удовольствием играл роль арбитра в их небольших спорах. Он охотно встал и вместе с девочкой направился к морю. Мисс Марпл и мисс Прескотт испустили вздох облегчения и быстро повернулись друг к другу.

— Джереми, конечно, справедливо возражает против нездоровых сплетен, — промолвила мисс Прескотт, — но нельзя же не обращать внимания на то, что говорят люди. А в то время, как я уже сказала, разговоров было достаточно.

— Да? — Голос мисс Марпл явно поощрял мисс Прескотт к дальнейшим откровениям.

— Видите ли, эта молодая женщина — кажется, тогда ее звали мисс Грейторекс — приходилась как будто кузиной покойной миссис Дайсон и присматривала за ней — давала ей лекарства и

---

[122] notes: 122
Что случилось, дитя мое? *(фр.)*.

так далее. — Последовала краткая, многозначительная пауза. — И как я поняла, — мисс Прескотт понизила голос, — между мистером Дайсоном и мисс Грейторекс кое-что было. Это многие замечали. В таком месте, как это, на все обращаешь внимание. Потом произошла странная история с каким-то лекарством, за которым Эдуард Хиллингдон ходил в аптеку.

— Так Эдуард Хиллингдон тоже был замешан в этом?

— Да, говорили, что он тоже очень увлекся Лаки — мисс Грейторекс. А она натравливала друг на друга Хиллингдона и Грега Дайсона. Надо признать, что она всегда была очень привлекательной женщиной.

— Даже теперь, когда она не так уж молода, — вставила мисс Марпл.

— Разумеется. Правда, Лаки всегда хорошо одевалась и ловко пользовалась косметикой. Конечно, она не так ярко выглядела, когда была только бедной родственницей. О своей кузине Лаки как будто очень заботилась. Но в результате вышло вот что.

— А что это за случай с лекарством в аптеке? Как об этом стало известно?

— Ну, это случилось не в Джеймстауне. Думаю,

когда они были на Мартинике. Французы, очевидно, менее осторожны с лекарствами, чем мы. Аптекарь кому-то сболтнул, и все выплыло наружу. Вы же знаете, как это бывает.

Мисс Марпл знала это лучше, чем кто бы то ни был.

— Он говорил, что полковник Хиллингдон просил, очевидно, неизвестное ему лекарство, так как все время смотрел на рецепт. Но, одним словом, пошли разговоры.

— Я не понимаю, почему полковник Хиллингдон… — Мисс Марпл задумчиво нахмурилась.

— Думаю, что его использовали в качестве слепого орудия. Как бы то ни было, Грегори Дайсон женился снова и в невероятно короткий срок — чуть ли не через месяц.

Они посмотрели друг на друга.

— Но настоящих подозрений не было? — спросила мисс Марпл.

— Нет, только разговоры. Возможно, за этим вообще ничего не было.

— А майор Пэлгрейв думал, что было.

— Он вам это говорил?

— Я не очень внимательно слушала, — созналась мисс Марпл. — Мне только хотелось бы знать… э-э… ну, не говорил ли он то же самое

вам?

— На днях он мне как-то показал на нее, — ответила мисс Прескотт.

— Показал?

— Да. Сначала я решила, что он показывает на миссис Хиллингдон. Он усмехнулся и сказал: «Посмотрите-ка вон на ту женщину. По-моему, она совершила убийство и вышла сухой из воды». Конечно, я была шокирована и воскликнула: «Вы, разумеется, шутите, майор Пэлгрейв!» — а он ответил: «Да-да, дорогая леди, давайте назовем это шуткой». Дайсоны и Хиллингдоны сидели за столом недалеко от нас, и я боялась, что они могли услышать. А майор добавил: «Не подойти ли мне туда и не попросить кое-кого смешать мне коктейль? Это будет похоже на ужин с семейством Борджа».

— Как интересно! — воскликнула мисс Марпл. — А он не упоминал о фотографии?

— Не помню… Это была вырезка из газеты?

Собиравшаяся ответить мисс Марпл плотно сжала губы. Солнце закрыла чья-то тень. Сзади подошла Эвелин Хиллингдон.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

— А я удивлялась, почему вас нет, — сказала мисс Прескотт.

— Я ездила в Джеймстаун за покупками. — Увидев, что мисс Прескотт с рассеянным видом огляделась, Эвелин добавила: — Я не брала с собой Эдуарда — мужчины ведь ненавидят покупки.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Нет, я только ходила в аптеку.

Улыбнувшись, она зашагала к морю.

— Приятная пара эти Хиллингдоны, — заметила мисс Прескотт, — хотя нелегко догадаться, что у нее на уме.

— Может быть, это к лучшему, — задумчиво промолвила мисс Марпл.

— Простите?

— Я только подумала, что ее мысли, возможно, многих бы шокировали.

Мисс Прескотт казалась удивленной.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она и продолжала, слегка переменив тему: — По-моему, у них прелестное имение в Хэмпшире и мальчик или даже два мальчика, которые недавно переехали в Винчестер.

— Вы хорошо знаете Хэмпшир?

— Почти совсем не знаю. Кажется, их дом где-то около Элтона.

— А где живут Дайсоны? — спросила мисс Марпл после небольшой паузы.

— В Калифорнии, — ответила мисс Прескотт. — Правда, они редко бывают дома — постоянно путешествуют.

— Как мало знаешь о людях, с которыми встречаешься во время путешествий, — заметила мисс Марпл. — Я имею в виду, о них узнаешь только то, что они сами о себе рассказывают. Например, вы ведь сами не знаете, что Дайсоны живут в Калифорнии.

— Я уверена, что мистер Дайсон упоминал об этом, — удивленно сказала мисс Прескотт.

— Вот именно. Об этом я и говорю. То же самое и с Хиллингдонами. Когда вы сказали, что они живут в Хэмпшире, вы ведь просто повторили то, что они вам рассказывали, не так ли?

Мисс Прескотт выглядела слегка встревоженной.

— Вы имеете в виду, что они не живут в Хэмпшире? — спросила она.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — Я просто привела их в качестве примера того, что мы знаем или не знаем о людях. Я уже говорила вам, что живу в Сент-Мэри-Мид — об этом местечке вы, несомненно, никогда не слышали. Но ведь вы знаете это только с моих слов, правда?

Мисс Прескотт с трудом удержалась от отве-

та, что ее мало волнует место жительства мисс Марпл. Она знала только то, что это какая-то деревня на юге Англии.

— О, я понимаю, что вы имеете в виду, — поспешно сказала она. — Но ведь, находясь за границей, невозможно соблюдать подобную скрупулезность.

— Я имела в виду не совсем это, — заметила мисс Марпл.

В ее голове теснились странные мысли. Откуда она знает, что каноник и мисс Прескотт действительно были каноником и мисс Прескотт? Они так говорили, и этому ничто не противоречило. Ведь надеть на себя высокий воротник, раздобыть соответствующую одежду и вести подобающие беседы ничего не стоило. Если только у них для этого была причина.

Мисс Марпл многое знала о священниках из тех краев, где она жила, но Прескотты приехали с севера, кажется из Дерема. Мисс Марпл не сомневалась, что они были именно теми, за кого себя выдавали, но все же, как она только что говорила, приходится верить на слово.

Да, это надо учитывать. Может быть… Мисс Марпл задумчиво покачала головой.

Глава 19
О пользе туфель

Каноник Прескотт вернулся на место слегка задыхаясь — игра с детьми его порядком утомила.

Вскоре он со своей сестрой направился в отель, решив, что на пляже слишком жарко.

— А разве на пляже не должно быть жарко? — презрительно усмехнулась сеньора де Каспеаро, когда Прескотты скрылись. — Какая чепуха! Конечно, ей будет жарко — ведь у нее закрыты даже руки и шея. Может быть, это и к лучшему — кожа у нее безобразная, как у ощипанной курицы.

Мисс Марпл глубоко вздохнула. Сейчас как раз наступил нужный момент для беседы с сеньорой де Каспеаро. Но, как назло, она не знала, с чего начать. У них не было никаких общих тем для разговора.

— У вас есть дети, сеньора? — спросила мисс Марпл.

— У меня есть три ангела, — ответила сеньора де Каспеаро, поцеловав кончики своих пальцев.

Мисс Марпл не поняла, означала ли эта фраза то, что отпрыски сеньоры пребывают на небесах,

или же она относилась к их характерам.

Один из вертевшихся вокруг джентльменов произнес что-то по-испански, и сеньора де Каспеаро, запрокинув голову, залилась громким и мелодичным смехом.

— Вы поняли, что он сказал? — спросила она у мисс Марпл.

— Боюсь, что нет, — виновато ответила мисс Марпл.

— Это даже лучше. Он довольно злой человек.

За этим последовал быстрый обмен испанскими шутками.

— Это просто позор! — с внезапной серьезностью заговорила сеньора де Каспеаро, вновь возвращаясь к английскому языку. — Полиция не позволяет нам уехать с этого острова. Я прошу, кричу, топаю ногами, а они говорят «нет» — и все! Кончится тем, что нас всех перебьют.

Телохранитель сеньоры попытался ее успокоить.

— Не спорьте, здесь нет ничего хорошего. Я с самого начала это знала… Этот противный майор — у него был дурной глаз, помните? Его глаза смотрели в разные стороны, а это скверная примета. Каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, я делала знак рогов. — И сеньора тут же

это продемонстрировала. — Хотя из-за его косоглазия я не всегда понимала, на меня он смотрит или нет.

— У него был стеклянный глаз, — объяснила мисс Марпл. — Насколько я поняла, майор лишился глаза еще в молодости, во время несчастного случая. Он в этом не виноват.

— А я вам говорю, что он накликал сюда беду, потому что у него был дурной глаз.

И сеньора де Каспеаро снова изобразила «знак рогов» — чисто латинский жест, — выставив вперед указательный палец и мизинец и поджав два средних пальца.

— Как бы то ни было, — весело сказала она, — он умер, и мне больше не придется на него смотреть. Я вообще не люблю смотреть ни на что безобразное.

Мисс Марпл это показалось довольно жестокой эпитафией на могилу майора Пэлгрейва.

Из воды вышел Грегори Дайсон. Лаки перевернулась на песке. Эвелин Хиллингдон посмотрела на Лаки, и выражение ее лица почему-то заставило мисс Марпл поежиться.

«Ведь под таким жарким солнцем я никак не могла замерзнуть», — подумала она.

Поднявшись, мисс Марпл медленно побрела к

своему бунгало.

По дороге она встретила мистера Рэфьела и Эстер Уолтерс, идущих на пляж. Мистер Рэфьел подмигнул ей, но мисс Марпл не стала подмигивать в ответ. Она казалась расстроенной.

Наконец мисс Марпл вошла в бунгало и улеглась на койку. Она чувствовала себя старой, утомленной и обеспокоенной.

Она не сомневалась, что нельзя терять времени… Становилось поздно. Солнце клонилось к закату. Надо было посмотреть на него сквозь закопченное стекло… Где же тот кусочек стекла, который ей кто-то дал?..

Нет, не стоит. Тень закрыла солнце… Тень Эвелин Хиллингдон? Нет, не Эвелин… Тень смерти! Она должна… Но что она должна — сделать «знак рогов», чтобы отвести дурной глаз майора Пэлгрейва?

Ее веки дрогнули. Она проснулась. Но тень в самом деле была — кто-то смотрел в окно.

Тень исчезла, и мисс Марпл увидела, что это был Джексон.

«Какое нахальство! — подумала она. — Действительно, совсем как Джонас Пэрри».

Сравнение это не делало чести Джексону.

Интересно, зачем он заглядывал к ней в окно?

Чтобы посмотреть, дома ли она? А может быть, узнать, спит она или нет?

Мисс Марпл встала, пошла в ванную и осторожно выглянула в окно.

Артур Джексон стоял у двери соседнего бунгало — бунгало мистера Рэфьела. Она видела, как он огляделся и быстро скользнул внутрь. Любопытно, что означает этот взгляд? Ведь то, что Джексон вошел в бунгало мистера Рэфьела, было вполне естественно, так как у него самого была комната в задней части домика. Он всегда входил туда и выходил оттуда по разным поручениям. Тогда к чему же этот быстрый, вороватый взгляд?

«Этому может быть только одна причина, — подумала мисс Марпл, отвечая на собственный вопрос. — Джексон хотел убедиться, что никто не видит, как он входит в дом именно в данный момент, потому что он собирается там что-то проделать».

В это время все, конечно, находились на пляже, кроме тех, кто отправился в экспедицию. Примерно через двадцать минут Джексон должен пойти на пляж, чтобы помочь мистеру Рэфьелу окунуться в море. Если он хотел что-то тайком сделать в бунгало, то сейчас был самый подходящий момент. Он убедился, что мисс Марпл

спит и что поблизости нет никого, кто бы мог за ним наблюдать. Ну, теперь пришел ее черед действовать!

Сев на кровать, мисс Марпл сняла сандалии и заменила их парой тапочек на резиновой подошве. Затем, покачав головой, она сняла тапочки, порылась в чемодане и вытащила оттуда пару туфель, каблук одной из которых, после того как она споткнулась о порог, находился в весьма рискованном состоянии. С помощью гвоздя мисс Марпл сделала его еще менее надежным. Затем, соблюдая необходимую осторожность, она вышла из дома в одних чулках, неся туфли в руках. Словно охотник, подкрадывающийся к стаду антилоп, мисс Марпл приблизилась к бунгало мистера Рэфьела. Зайдя за угол дома, она надела туфлю и, окончательно оторвав каблук от второй, опустилась на колени под окном. Если бы Джексон что-нибудь услышал и выглянул из окна, то старая леди сказала бы ему, что она упала, потому что у нее отломался каблук. Но Джексон, очевидно, ничего не слышал.

Медленно мисс Марпл подняла голову. Окна в бунгало были очень низкими. Скрываясь за гирляндой вьющегося растения, она заглянула внутрь…

Джексон стоял на коленях перед чемоданом. Крышка была поднята, и мисс Марпл увидела, что в чемодане было несколько отделений, заполненных бумагами, которые просматривал Джексон, иногда вытаскивая документы из длинных конвертов. Мисс Марпл недолго оставалась на своем наблюдательном посту. Ей только хотелось узнать, чем занимается Джексон, и теперь она это знала. Джексон совал нос в чужие дела. Искал ли он что-нибудь конкретное или же просто следовал своим инстинктам, она сейчас не могла судить. Но это подтвердило ее мнение, что Артур Джексон и Джонас Пэрри походили друг на друга не только внешне.

Теперь ей надо было ретироваться. Мисс Марпл снова опустилась на колени и ползла вдоль газона до тех пор, пока не достигла места, где из окна ее нельзя было увидеть. Войдя в бунгало, мисс Марпл аккуратно спрятала в чемодан туфлю с отломанным каблуком — ведь в один прекрасный день она снова может ей понадобиться. Надев сандалии, она направилась на пляж.

Выбрав момент, когда Эстер Уолтерс пошла купаться, мисс Марпл села в кресло.

Грег и Лаки смеялись и шумно болтали с сеньорой де Каспеаро.

Мисс Марпл заговорила очень тихо, не глядя на мистера Рэфьела:

— Вы знаете, что Джексон сует нос в ваши дела?

— Это меня не удивляет, — отозвался мистер Рэфьел. — А вы что, поймали его за этим занятием?

— Я смогла понаблюдать за ним через окно. Он открыл один из ваших чемоданов и просматривал лежащие там бумаги.

— Должно быть, ему удалось достать ключ. Находчивый парень! Но он будет разочарован. Никакой пользы ему это не принесет.

— Сейчас он идет сюда, — сообщила мисс Марпл, взглянув в сторону отеля.

— Пришло время для этого идиотского купания. Что же касается вас, — тихо добавил он, — то лучше не лезьте на рожон. Жаль, если следующие похороны будут вашими. Помните о своем возрасте и будьте осторожны. Учтите: здесь действует кто-то, не особенно разборчивый в средствах.

Глава 20
Ночная тревога
1

Наступил вечер. На террасе зажглись лампы. Люди обедали, разговаривали и смеялись, хотя менее громко и беззаботно, чем день или два назад. Стил-бэнд гремел, как всегда, но танцы кончились рано. Все, зевая, отправились спать. Свет погас. В «Золотой пальме» наступил покой и тишина…

— Эвелин, Эвелин! — послышался резкий шепот.

Эвелин Хиллингдон вздрогнула и повернулась.

— Эвелин. Пожалуйста, проснитесь.

Эвелин поднялась с подушки. В дверях стоял Тим Кендал. Она удивленно посмотрела на него.

— Простите, Эвелин, не могли бы вы прийти к нам? Молли заболела. Не знаю, что с ней случилось. Нужно что-то предпринять.

Эвелин быстро приняла решение:

— Хорошо, Тим. Вы возвращайтесь к ней, а я скоро приду.

Тим Кендал удалился. Эвелин соскочила с по-

стели, накинула халат и взглянула на соседнюю кровать. Ее муж как будто не проснулся. Он лежал, повернув голову, его дыхание было ровным и спокойным. Подумав, Эвелин решила не будить его. Она вышла из своего бунгало и, пройдя здание отеля, очутилась у бунгало Кендалов, в дверях которого стоял Тим.

Молли лежала на кровати. Ее глаза были закрыты, дышала она неестественно ровно. Эвелин наклонилась над ней, пощупала пульс, приподняла веко и бросила взгляд на столик у кровати. Там стоял стакан и пустой пузырек. Она взяла его.

— Там были ее снотворные таблетки, — сказал Тим, — но вчера или позавчера флакон был пуст только наполовину. Я думаю, она выпила слишком большую дозу.

— Пойдите и приведите доктора Грейема, — приказала Эвелин. — По дороге разбудите кого-нибудь из ваших поваров и скажите, чтобы он сварил крепкий кофе. Только, пожалуйста, побыстрее.

Тим исчез. Выйдя, он столкнулся с Эдуардом Хиллингдоном.

— О, простите, Эдуард.

— Что здесь происходит? — осведомился Эдуард Хиллингдон. — Что происходит?

— Молли плохо. С ней Эвелин. Я должен найти доктора. Очевидно, мне следовало бежать к нему в первую очередь, но я… я растерялся и решил посоветоваться с Эвелин. Молли бы наверняка рассердилась, если бы я зря вызвал врача.

Он убежал прочь. Эдуард Хиллингдон посмотрел ему вслед, потом вошел в спальню.

— Что случилось? — спросил он. — Что-нибудь серьезное?

— О, вот и ты, Эдуард. А я думала, проснулся ты или нет. Бедная девочка отравилась.

— Это опасно?

— Смотря сколько она приняла. Думаю, что мы поспели вовремя. Я послала за кофе.

— Но почему она это сделала? Тебе не кажется… — Он внезапно умолк.

— Что мне не кажется? — переспросила Эвелин.

— Ты не думаешь, что это из-за расследования, полиции и прочего?

— Очень может быть. Нервных людей это всегда расстраивает.

— Молли никогда не казалась нервной.

— Трудно сказать, — возразила Эвелин. — По внешнему виду не всегда можно определить. Иногда теряют над собой контроль такие люди,

от которых этого уж никак нельзя было ожидать.

— Да. Я понимаю… — И он снова умолк.

— Все дело в том, — продолжала Эвелин, — что никто не знает друг друга до конца — даже самого близкого человека.

— По-моему, Эвелин, ты преувеличиваешь.

— Едва ли. Думая о людях, ты представляешь их такими, какими их сам себе воображаешь.

— Я знаю тебя, — тихо произнес Эдуард Хиллингдон.

— Ты только думаешь, что знаешь.

— Нет, я уверен. — И он добавил: — А ты так же уверена во мне.

Эвелин посмотрела на него, потом обернулась к кровати и встряхнула Молли за плечи.

— Нужно что-то делать, но придется подождать доктора Грейема. О, кажется, я слышу их шаги.

2

— Ну, вот и все. — Доктор Грейем шагнул назад, вытер лоб носовым платком и облегченно вздохнул.

— Вы считаете, сэр, что с ней будет все в порядке? — с беспокойством осведомился Тим.

— Да-да. Мы поспели вовремя. И вообще, мо-

жет быть, она приняла дозу, недостаточную для того, чтобы убить себя. Через пару дней она будет совершенно здорова, но эти два дня будет чувствовать себя весьма скверно. — Он поднял пустой пузырек. — Кто дал ей это?

— Врач в Нью-Йорке. Она неважно спала.

— Да, снотворные теперь выдаются свободно. Никто не советует молодым женщинам, страдающим бессонницей, считать слонов, съесть бисквит или написать пару писем, а потом снова лечь в постель. В наши дни все требуют более действенных средств. Иногда я очень сожалею о подобном вольном обращении со снотворным. Люди должны научиться сами справляться с такими неприятностями. Конечно, можно сунуть ребенку в рот соску, чтобы он перестал кричать, но нельзя же проделывать это с ним всю жизнь. — Он усмехнулся. — Держу пари, если вы спросите мисс Марпл, что она делает, когда не может заснуть, то мисс Марпл ответит вам, что она считает слонов.

Молли слегка пошевелилась, и доктор обернулся к кровати. Глаза девушки были открыты. Она смотрела на окружающих, словно не узнавая их. Доктор Грейем взял ее за руку:

— Ну, дорогая моя, что же вы с собой натво-

рили?

Молли молча моргала глазами.

— Почему ты сделала это, Молли, почему? Скажи мне! — Тим взял ее за другую руку.

Глаза Молли остановились на Эвелин Хиллингдон. Казалось, в них мелькнул вопрос.

— Меня привел Тим, — сказала Эвелин.

Молли перевела взгляд на Тима, потом на доктора Грейема.

— На этот раз все обошлось, — заявил доктор Грейем, — но больше так не делайте.

— Она вовсе не хотела этого делать, — спокойно сказал Тим. — Я в этом уверен. Молли просто захотелось хорошо поспать. Возможно, таблетки сразу не подействовали, и она приняла еще несколько штук. Правда, Молли?

Но Молли отрицательно покачала головой.

— Ты хочешь сказать… значит, ты сделала это нарочно? — спросил Тим.

— Да, — впервые заговорила Молли.

— Но зачем, Молли, зачем?

Веки девушки дрогнули.

— Боюсь, — еле слышно шепнула она.

— Боишься? Чего?

Но Молли снова закрыла глаза.

— Лучше дайте ей прийти в себя, — посовето-

вал доктор Грейем.

Но Тима уже нельзя было остановить.

— Чего ты боялась? Полиции? Потому что они приставали к тебе с вопросами? Ну, это может напугать кого угодно. Но ведь это их работа. Никто никогда не думал… — Он осекся.

Доктор Грейем выразительно покачал головой.

— Я хочу спать, — сказала Молли.

— Для вас это самое лучшее, — кивнул доктор Грейем.

Он двинулся к двери, остальные последовали за ним.

— Теперь она крепко заснет, — сказал Грейем.

— Я что-нибудь должен сделать? — спросил все еще встревоженный Тим.

— Если хотите, я останусь, — предложила Эвелин.

— Нет, теперь все будет в порядке, — сказал Тим.

Эвелин снова подошла к кровати:

— Мне остаться с вами, Молли?

Глаза Молли опять открылись.

— Нет, — ответила она и добавила после паузы: — Только Тим.

Тим вернулся назад и уселся у кровати.

— Я здесь, Молли, — сказал он и взял ее за ру-

ку. — Постарайся заснуть. Я тебя не оставлю.

Она слабо вздохнула и закрыла глаза.

Выйдя из бунгало, доктор и Хиллингдоны остановились.

— Вы уверены, что я ничем не могу помочь? — спросила Эвелин.

— Да, благодарю вас, миссис Хиллингдон. Ей сейчас, кроме мужа, никто не нужен. Но завтра кому-то придется с ней побыть — ведь Кендал, в конце концов, должен заниматься делами отеля.

— Вы думаете, она может… снова попытаться? — спросил Хиллингдон.

Грейем с раздражением потер переносицу.

— В таких случаях это трудно предугадать. Вообще-то это очень маловероятно. Как вы сами видите, самочувствие ее довольно неприятное. Но конечно, все предвидеть невозможно. Она могла спрятать где-нибудь еще несколько таблеток.

— Никогда бы не подумал, что такая девушка, как Молли, может решиться на самоубийство, — заявил Хиллингдон.

— Люди, которые все время говорят о самоубийстве, — сухо заметил Грейем, — обычно ограничиваются разговорами, давая этим выход своим чувствам.

— Но Молли всегда казалась такой счастли-

вой… — Эвелин заколебалась. — Я должна кое-что рассказать вам, доктор Грейем.

Она сообщила ему о своей беседе с Молли на пляже в тот вечер, когда убили Викторию. Когда Эвелин закончила, лицо Грейема стало очень серьезным.

— Я рад, что вы рассказали мне это, миссис Хиллингдон. К сожалению, налицо очень неблагоприятные признаки. Надо будет утром поговорить с ее мужем.

3

— Я хочу серьезно поговорить с вами о вашей жене, Кендал.

Они сидели в кабинете Тима. Эвелин Хиллингдон дежурила у постели Молли, а Лаки обещала сменить ее. Мисс Марпл тоже предложила свои услуги. Бедный Тим разрывался между отелем и больной женой.

— Не понимаю, — сказал Тим. — Не могу понять, что происходит с Молли. Она совершенно переменилась.

— Насколько я понял, она видит дурные сны?

— Да, она часто жалуется на это.

— И давно?

— О, не знаю. По-моему, уже месяц, а может быть, и дольше. Она… мы думали, что это просто… ну, обычные ночные кошмары.

— Допустим. Но более серьезные опасения внушает тот факт, что она, кажется, кого-то боится. На это она вам тоже жаловалась?

— Да. Один или два раза она говорила, что ее преследуют.

— Ага! Шпионят за ней?

— Да, она как-то использовала этот термин. Молли говорила, что ее преследуют враги.

— А у нее были враги, мистер Кендал?

— Нет. Конечно нет.

— И никаких неприятных инцидентов в Англии, возможно, до вашего брака?

— Нет, ничего такого вроде бы не было. Она только не слишком ладила с матерью, но та была эксцентричная особа, с которой вообще нелегко было ужиться.

— А были ли в ее семье какие-нибудь признаки психического расстройства?

Тим открыл было рот, но тут же закрыл его, нервно теребя лежащую на письменном столе авторучку.

— Должен заметить, Тим, — продолжал доктор, — что для вас лучше быть полностью со мной

откровенным.

— Ну, кое-какие отклонения там были. Правда, ничего серьезного, но ее тетя, кажется, была немного свихнувшейся. Ведь такое встречается в каждой семье.

— Да, вы совершенно правы. Я вовсе не стараюсь тревожить вас напрасно, но подобные случаи могут указывать на тенденцию терять самообладание и воображать неизвестно что при каждом стрессе.

— Я об этом не так уж много знаю, — сказал Тим. — В конце концов, люди не любят выбалтывать семейные тайны.

— Да, разумеется. А может быть, Молли до вас была с кем-то помолвлена и этот человек потом стал ей угрожать?

— Не думаю. Действительно, когда мы познакомились, Молли была помолвлена с каким-то мужчиной. Насколько я понял, ее родители резко возражали против такой партии, и Молли, по-моему, продолжала встречаться с этим парнем только из духа противоречия. — Тим усмехнулся. — Молодые всегда так поступают.

— Да, это обычное дело, — улыбнулся в ответ доктор Грейем. — Против нежелательных друзей своих детей лучше не возражать — они, как

правило, сами от них отвыкают. А этот человек никогда не угрожал Молли?

— Конечно нет. Она бы мне сказала. Молли сама говорила, что это была глупая детская привязанность, возникшая главным образом из-за того, что у него была плохая репутация.

— Ну что ж, очевидно, это и в самом деле чепуха. Перейдем к дальнейшему. Как я понял, у вашей жены случалось нечто вроде провалов памяти — короткие промежутки времени, о которых она ничего не помнила. Вы знали об этом, Тим?

— Нет, — медленно произнес Тим, — не знал. Она никогда мне об этом не говорила. Правда, я иногда замечал, что у нее какой-то отсутствующий вид и... — Он сделал паузу, задумавшись. — Да, вы правы, это объясняет все. Я часто не мог понять, почему она забывает самые простейшие вещи и иногда даже не помнит, утро сейчас или полдень. Но я думал, что это простая рассеянность.

— Как бы то ни было, Тим, я настоятельно советую вам показать вашу жену какому-нибудь хорошему специалисту.

Лицо Тима побагровело от гнева.

— Очевидно, вы имеете в виду психиатра?

— Право, не стоит расстраиваться из-за тер-

минологии. Невропатолога, психиатра — одним словом, врача — специалиста по нервным расстройствам. Такой врач есть в Кингстоне и, разумеется, в Нью-Йорке. По-видимому, что-то служит причиной нервного возбуждения вашей жены. Возможно, она сама толком не знает о причине. Поэтому я советую вам, Тим, заняться этим как можно скорее. — Он похлопал молодого человека по плечу и поднялся. — Пока что беспокоиться не о чем. У вашей жены много друзей, и мы не спустим с нее глаз.

— Она не… Неужели вы думаете, что она снова попытается?

— Я считаю это весьма маловероятным, — ответил доктор Грейем.

— Но вы не уверены? — настаивал Тим.

— Одно из правил моей профессии — никогда ни в чем не быть уверенным. — Он снова положил руку на плечо Тима. — Не стоит так волноваться.

— Легко сказать, — проворчал Тим, когда доктор вышел из кабинета. — Не волноваться! Из чего, он полагает, я сделан?

Глава 21
Джексон и косметика

— Вы действительно согласны, мисс Марпл? — спросила Эвелин Хиллингдон.

— Ну конечно, дорогая, — ответила мисс Марпл. — Я очень рада принести хоть какую-нибудь пользу, а то, знаете, в мои годы чувствуешь себя совершенно бесполезной, особенно на отдыхе, когда нет никаких обязанностей. Я с удовольствием посижу с Молли. А вы поезжайте в экспедицию. Сегодня вы едете на мыс Пеликан?

— Да, — сказала Эвелин. — Нам с Эдуардом нравится это место. Так интересно смотреть на птиц, ныряющих за рыбой. Сейчас у Молли Тим, но у него много дел, а он, кажется, не хочет оставлять Молли одну.

— Он совершенно прав, — заявила мисс Марпл. — Ведь когда человек один раз сделал такую попытку, то никогда нельзя быть уверенным… Ну, до свидания, дорогая.

Эвелин присоединилась к поджидавшей ее небольшой группе, состоящей из ее мужа, Дайсонов и еще четырех человек. Мисс Марпл

отложила вязанье, проверила, все ли она взяла с собой, и направилась к бунгало Кендалов.

Поднявшись в лоджию, она услышала голос Тима через полуоткрытое французское окно.

— Скажи мне, Молли, почему ты это сделала? Что заставило тебя? Может быть, в этом виноват я? Должна же быть какая-то причина. Пожалуйста, скажи мне.

— Я не знаю, Тим. Не знаю. Очевидно, со мной что-то случилось.

Мисс Марпл постучала в окно и вошла.

— А, вот и вы, мисс Марпл. Очень любезно с вашей стороны.

— Что вы, — ответила мисс Марпл. — Я с удовольствием помогу вам. Можно я сяду в это кресло? Вы выглядите гораздо лучше, Молли. Я очень рада.

— Со мной все в порядке, — сказала Молли. — Я… я просто сонная.

— Лежите спокойно и отдыхайте — я не буду отвлекать вас разговорами, — пообещала мисс Марпл. — У меня с собой вязанье.

Тим Кендал бросил на нее благодарный взгляд и вышел. Мисс Марпл поудобнее устроилась в кресле.

Молли лежала слева от нее. Лицо ее казалось

измученным и опустошенным, на нем застыло какое-то бессмысленное выражение.

— Спасибо вам, мисс Марпл, — тихо прошептала она. — Я, пожалуй, посплю.

Она повернулась на подушках и закрыла глаза. Ее дыхание стало более ритмичным, но все еще оставляло желать лучшего. Имеющая за плечами долгий опыт сиделки, мисс Марпл почти машинально поправила простыню и попыталась засунуть ее под матрац. При этом ее рука наткнулась на какой-то твердый прямоугольный предмет, лежащий под матрацем. Удивленная, мисс Марпл вытащила его. Это была книга. Мисс Марпл бросила быстрый взгляд на девушку, но Молли лежала неподвижно. Очевидно, она спала. Мисс Марпл открыла книгу. Это оказалась популярная работа о нервных болезнях. Она была открыта на той странице, где описывались начальные симптомы мании преследования и вообще шизофрении и сходных с ней заболеваний.

Изложенный в книге материал был легко понятен любому непрофессионалу. Во время чтения лицо мисс Марпл становилось все более и более серьезным. Через две минуты она закрыла книгу и задумалась, потом склонилась вперед и осторожно засунула книгу на прежнее место

под матрац.

Покачав головой, мисс Марпл бесшумно встала, сделала несколько шагов к окну и внезапно резко обернулась. Глаза Молли были открыты, но, как только мисс Марпл повернула голову, они снова закрылись. Мисс Марпл стояла в нерешительности: может быть, ей только привиделся быстрый, тревожный взгляд девушки? Значит, Молли только притворялась, что спит? Это могло иметь вполне естественное объяснение. Она, возможно, боялась, что мисс Марпл начнет говорить с ней, и поэтому прикидывалась спящей.

Но почему же ей почудилось во взгляде Молли какое-то неприятное, хитрое выражение?

Мисс Марпл решила как можно скорее переговорить с доктором Грейемом. Она снова села в кресло у кровати и через пять минут решила, что Молли и в самом деле заснула. Если бы она притворялась, то не могла бы лежать так спокойно и дышать так ровно. Мисс Марпл опять поднялась. Сегодня на ней были туфли на резиновой подошве — обувь не слишком элегантная, но зато просторная и вполне соответствующая местному климату.

Мисс Марпл неслышно прошлась по спальне, остановившись у обоих окон, выходивших в про-

тивоположных направлениях.

Территория отеля казалась пустынной. Вернувшись к креслу и собираясь сесть, мисс Марпл услышала слабый звук снаружи. Неужели это скрип башмака на веранде? После недолгого колебания мисс Марпл подошла к французскому окну, открыла его пошире, вышла наружу и заговорила, обернувшись к комнате:

— Я отлучусь только на минутку, дорогая, — пройду к себе в бунгало и посмотрю, не забыла ли я там свои выкройки. Я была уверена, что взяла их с собой. А вы лежите спокойно.

«Бедняжка действительно спит, — подумала она. — Ну что ж, это к лучшему».

Пройдя по лоджии, мисс Марпл спустилась с лесенки и свернула на тропинку вправо. Если бы за ней наблюдал кто-нибудь стоявший у кустов гибискуса, то он был бы удивлен, увидев, что мисс Марпл внезапно направилась к газону, обогнула бунгало сзади и снова вошла в него через вторую дверь. Пройдя через маленькую комнатку, которую Тим иногда использовал в качестве неофициального кабинета, она очутилась в гостиной.

Полуопущенные занавеси создавали в комнате прохладный полумрак. Отодвинув одну из них,

мисс Марпл стала ждать. Отсюда она сразу бы заметила любого человека, приближавшегося к спальне Молли.

Через четыре-пять минут мисс Марпл увидела Джексона, который в своей аккуратной белой униформе поднялся по ступенькам на лоджию. Подождав немного, он постучал в открытую створку французского окна. Ответа не последовало. Быстро оглядевшись вокруг, Джексон скользнул внутрь. Мисс Марпл подошла к двери, ведущей в спальню, и продолжала наблюдение сквозь щель.

Войдя в комнату, Джексон приблизился к кровати и несколько минут смотрел на спящую девушку. Затем он обернулся и направился к двери, ведущей в ванную. Брови мисс Марпл удивленно полезли вверх. Подумав, она вышла в коридор и оттуда зашла в ванную через другую дверь.

Джексон моментально прервал обследование полки над раковиной. Он казался сбитым с толку, что было неудивительно.

— О! — воскликнул он. — Я… я не…

— Мистер Джексон? — удивленно произнесла мисс Марпл.

— Я так и думал, что вы где-то здесь, — вздохнул

Джексон.

— Что вам нужно? — спросила мисс Марпл.

— Ну, вообще-то говоря, — ответил Джексон, — я только хотел взглянуть, какого сорта у миссис Кендал крем для лица.

Увидев, что Джексон в самом деле держит в руке баночку с кремом для лица, мисс Марпл оценила его находчивость.

— Приятный запах, — продолжал он, сморщив нос. — Отличная штука. Более дешевые сорта не всегда хорошо действуют, а у некоторых даже вызывают сыпь. С пудрой иногда случается то же самое.

— Вы, кажется, хорошо разбираетесь в этом вопросе, — заметила мисс Марпл.

— Я немного работал фармацевтом, — сказал Джексон, — и узнал многое о косметических препаратах. Стоит их покрасивее упаковать, так их любая женщина купит.

— И только ради этого… — начала мисс Марпл.

— Нет, я пришел сюда не беседовать о косметике, — признался Джексон.

«У тебя не было времени, чтобы придумать подходящую ложь, — подумала мисс Марпл. — Ладно, посмотрим, как ты теперь выкрутишься».

— На днях, — продолжал Джексон, — миссис

Уолтерс одолжила свою губную помаду миссис Кендал. Вот я и пришел, чтобы взять ее отсюда. Я постучал в окно и, увидев, что миссис Кендал крепко спит, решил просто войти в ванную и поискать помаду.

— И вы нашли ее? — осведомилась мисс Марпл.

Джексон покачал головой.

— Возможно, она лежит у нее в сумочке, — беспечно произнес он. — Ну, ничего. Миссис Уолтерс вовсе не беспокоилась. Она просто как-то припомнила это к случаю. — Джексон продолжал обозревать принадлежности туалета. — У миссис Кендал не так уж много косметики, верно? Впрочем, в ее возрасте и с такой кожей это и не требуется.

— Очевидно, вы рассматриваете женщин с другой точки зрения, нежели обыкновенные мужчины, — улыбнулась мисс Марпл.

— Да. По-видимому, род деятельности влияет и на угол зрения.

— А вы много знаете о наркотиках?

— О да. Мне немало пришлось с ними повозиться. По-моему, теперь их развелось слишком много — разные транквилизаторы, стимуляторы и прочая дребедень. Конечно, если вы их принимаете

по рецепту, то это хорошо, но сейчас ими стали часто пользоваться и без рецепта, а некоторые из них очень опасны.

— Очевидно, вы правы, — согласилась мисс Марпл.

— Они очень сильно действуют на поведение человека. Из-за этого у многих подростков часто бывает истерия — наглатываются всякой дряни. Впрочем, в этом нет ничего нового. Наверное, привычка пришла с Востока. Правда, я сам на Востоке не был, но ведь все диковинки приходят оттуда. Знаете, что там женщины раньше давали своим мужьям? Ну, например, в Индии в старину, если молодую женщину выдавали замуж за старика, то она не могла желать ему смерти, потому что оставаться вдовой было мало радости — вдов тогда либо сжигали на погребальном костре, либо изгоняли из семьи. Но жена могла с помощью наркотиков сделать мужа слабоумным, вызвать у него галлюцинации и тому подобные «приятные» вещи. — Он покачал головой. — Вспомните ведьм. Тут тоже есть немало интересного. Почему они так легко признавались в том, что они действительно колдуньи и летают на помеле на шабаш?

— Пытки? — предположила мисс Марпл.

— Не всегда, — возразил Джексон. — Конечно, пытки применялись вовсю, но они начинали сознаваться раньше и даже хвастались своими способностями. Дело в том, что эти женщины натирали себя мазями, а некоторые препараты, например белладонна или атропин, при втирании в кожу могут вызвать ощущение левитации — полета в воздухе. Беднягам казалось, что они в самом деле летают. А вспомните ассасинов — средневековую секту в Сирии и Ливане. Им давали гашиш, вызывавший у них ощущение бесконечности жизни, пребывания в раю среди гурий, говоря, что такое ожидает их после смерти, но, чтобы достичь этого, они должны совершить ритуальные убийства. Я не выдумываю — так все и было.

— В сущности, — заметила мисс Марпл, — все это происходит из-за того, что люди слишком доверчивы.

— Что ж, может быть, и так.

— Они верят всему, что им говорят, — продолжала мисс Марпл. — Да, мы все к этому склонны. — Внезапно она спросила: — Кто рассказывал вам истории об Индии — о том, как жены одурманивают мужей датурой, — майор Пэлгрейв?

Джексон казался слегка удивленным.

— Ну, вообще-то да. Он рассказал мне много таких историй. Конечно, большинство из них происходили задолго до того, как он появился на свет, но он как будто все об этом знал.

— Майору Пэлгрейву казалось, что он все знает, — заметила мисс Марпл. — Но в своих рассказах он часто бывал неточен. — Она задумчиво покачала головой. — Майор Пэлгрейв должен был бы за многое ответить.

В спальне послышался слабый звук. Мисс Марпл резко обернулась и вышла из ванной. В спальне у окна стояла Лаки Дайсон.

— Я… О, я не знала, что вы здесь, мисс Марпл.

— Я только на минуту вышла в ванную, — с достоинством ответила мисс Марпл.

Оставшийся в ванной Джексон широко осклабился. Викторианская скромность всегда забавляла его.

— Я хотела узнать: может быть, мне пора вас сменить? — Лаки поглядела на кровать. — Она спит?

— По-моему, да, — ответила мисс Марпл. — Но вы не беспокойтесь. Можете идти и спокойно развлекаться, дорогая. Я думала, что вы отправились в экспедицию.

— Я собиралась, — сказала Лаки, — но у меня

так разболелась голова, что в последний момент я передумала. Поэтому мне пришло в голову посмотреть, не нужна ли здесь моя помощь.

— Это очень мило с вашей стороны, — мисс Марпл снова села у кровати и взялась за вязанье, — но я здесь отлично себя чувствую.

Немного поколебавшись, Лаки повернулась и вышла. Подождав несколько секунд, мисс Марпл на цыпочках вернулась в ванную, но Джексон уже удалился через вторую дверь. Мисс Марпл подобрала баночку с кремом, которую он держал, и сунула ее в карман.

Глава 22
Мужчина в ее жизни?

Непринужденно побеседовать с доктором Грейемом было не так уж легко, так как мисс Марпл не хотела излишне подчеркивать важность тех вопросов, которые она намеревалась ему задать.

Вернулся Тим, и мисс Марпл сказала ему, что она посидит с Молли в обеденное время, когда присутствие Тима необходимо в столовой. Тим начал уверять ее, что это охотно сделают миссис Дайсон или миссис Хиллингдон, но мисс Марпл прямо заявила, что молодым женщинам нужны развлечения, а она предпочитает легкую пищу в более раннее время. Тим тепло поблагодарил ее. Блуждая по дорожке, связывающей различные бунгало, в том числе доктора Грейема, мисс Марпл обдумывала дальнейшие планы.

В ее мозгу теснилось множество запутанных и противоречивых мыслей, и это ей очень не нравилось. Сначала это дело казалось совершенно ясным. Майор Пэлгрейв с его прискорбным пристрастием к рассказам, история об убийстве, по неосторожности майора кем-то подслушанная, и

в результате — смерть Пэлгрейва через двадцать четыре часа. В этом как будто не было ничего особенно сложного.

Но впоследствии, к сожалению, возникла масса трудностей. Все «ключи» уводили в совершенно противоположные направления. Даже если не верить ни одному слову, учитывая, что большинство находящихся на этом острове имеют печальное сходство с некоторыми обитателями Сент-Мэри-Мид, то все равно в итоге оказываешься в тупике.

Мисс Марпл сосредоточила весь свой ум на потенциальной жертве. Кого-то собираются убить, и она все сильнее чувствовала, что должна знать, кого именно. Что-то здесь было… Что-то, что она видела? Слышала? Отметила про себя?

Кто-то сказал ей какую-то вещь, имеющую отношение к данной проблеме. Джоан Прескотт? Джоан Прескотт говорила много и о многих. Может быть, речь шла о каком-то скандале или сплетне?

Грегори Дайсон, Лаки… Мысли мисс Марпл вернулись к Лаки. Она была убеждена с присущей ей подозрительностью, что Лаки активно способствовала смерти первой жены Грегори Дайсона. Все указывало на это. Может быть, будущая жерт-

ва, о которой она теперь беспокоится, — Грегори Дайсон? Возможно, Лаки хотела снова выйти замуж и получить для этого не только свободу, но и солидное состояние, оставшись вдовой Грегори?

— И все же, — вслух произнесла мисс Марпл, — это всего лишь предположения. Боже, как я глупа! Ведь если отбросить все лишнее, то разгадка наверняка окажется предельно простой. Вся беда в том, что здесь слишком много лишнего.

— Беседуете сами с собой? — осведомился мистер Рэфьел.

Мисс Марпл вздрогнула — она не заметила, как он подошел. Поддерживаемый Эстер Уолтерс, мистер Рэфьел медленно приближался к террасе.

— Я не заметила вас, мистер Рэфьел.

— А я увидел, как шевелятся ваши губы. Ну как, вы еще настаиваете на своем?

— Да, настаиваю, — ответила мисс Марпл, — только я никак не могу разглядеть того, что, безусловно, должно быть совершенно ясным.

— Хорошо, если это и в самом деле так просто. Ну, если вам понадобится помощь, рассчитывайте на меня.

Он повернулся к Джексону, который приближался к ним по дорожке.

— Вот и вы, Джексон. Где вас дьявол носил?

Когда вы мне нужны, так вас никогда нет.

— Простите, мистер Рэфьел. — Он ловко подставил старику плечо. — На террасу, сэр?

— Отведите меня в бар, — распорядился мистер Рэфьел. — Эстер, вы можете идти и переодеться в вечернее платье. Встретите меня на террасе через полчаса.

Мистер Рэфьел и Джексон удалились. Миссис Уолтерс упала в кресло рядом с мисс Марпл, растирая руку.

— Как будто он почти ничего не весит, — заметила она, — но иногда у меня руки просто немеют. Я сегодня совсем не видела вас, мисс Марпл.

— Я сидела с Молли Кендал, — объяснила мисс Марпл. — Ей стало гораздо лучше.

— По-моему, у нее вообще ничего не было, — промолвила Эстер Уолтерс.

Мисс Марпл подняла брови, удивленная сухостью ее тона.

— Вы считаете, что попытка самоубийства…

— Я не думаю, что это была попытка самоубийства, — сказала Эстер. — Я ни на секунду не поверила в то, что она приняла опасную дозу, и, по-моему, доктор Грейем это отлично знает.

— Вы очень заинтересовали меня. Почему вы так считаете?

— Потому что я в этом уверена. О, такое случается очень часто. Это один из способов привлечь к себе внимание.

— «Тебе будет жаль, когда я умру», — процитировала мисс Марпл.

— Вот именно, — подтвердила Эстер Уолтерс, — но мне кажется, что в данном случае была другая причина. Ваша цитата подходит к тем ситуациям, когда жена безумно любит мужа, но ей кажется, что он охладел к ней.

— А вы думаете, что Молли Кендал не любит своего мужа?

— А вы? — ответила Эстер вопросом на вопрос.

Мисс Марпл задумалась.

— Я была уверена, что любит, — заговорила она, — хотя, возможно, ошибалась.

Эстер криво улыбнулась:

— Я ведь кое-что о ней слышала.

— От мисс Прескотт?

— От одного-двух человек. Она была сильно увлечена одним мужчиной, но ее семья этому воспротивилась.

— Да, — сказала мисс Марпл, — я тоже об этом слышала.

— И тогда она вышла замуж за Тима. Возможно, он ей нравился. Но тот, другой, не сдавался. Я

даже думала, не последовал ли он за ней сюда.

— Но кто бы это мог быть?

— Не знаю, — ответила Эстер. — Думаю, что им приходится соблюдать большую осторожность.

— Вы считаете, что она любит этого другого мужчину?

Эстер пожала плечами.

— По-моему, этот человек — порядочный негодяй, — сказала она, — но из тех, которые умеют внушить женщине любовь.

— А вы не слышали, что это за человек, что он собой представляет?

Эстер покачала головой:

— Нет, не слышала, а догадки тут бесполезны. Может быть, ее семья не любила его, потому что он уже был женат или отличался скверными наклонностями — пил или же был не в ладах с законом. Но я твердо знаю, что она все еще любит его.

— Вы что-нибудь видели или слышали? — отважилась спросить мисс Марпл.

— Я знаю, что говорю, — ответила Эстер. Ее голос стал резким и неприятным.

— Эти убийства… — начала мисс Марпл.

— Неужели вы не можете забыть об убийствах? — воскликнула Эстер. — Вы уже и мистера

Рэфьела втянули в эту историю. Пусть все остается как есть. Вы все равно никогда ничего не узнаете.

Мисс Марпл поглядела на нее.

— А вам кажется, что вы все знаете? — спросила она.

— Думаю, что да. Я почти уверена в этом.

— Тогда не должны ли вы рассказать… предпринять что-нибудь?

— Зачем? Что хорошего из этого выйдет? Я ведь не могу ничего доказать. В наши дни многим удается выходить сухими из воды. Это называется «неполнота ответственности». Несколько лет тюрьмы — и вы снова на свободе.

— А если из-за вашего молчания появится еще одна жертва?

Эстер уверенно покачала головой.

— Этого не случится, — заявила она.

— Как вы можете утверждать это?

— Я убеждена. И вообще, я не понимаю, кто… — Эстер нахмурилась. — Как бы то ни было, — несколько непоследовательно добавила она, — возможно, в данном случае мы имеем дело с «неполнотой ответственности». Может быть, человек и в самом деле не в силах совладать с собой, если он психически неуравновешен. Не

знаю. Но самое лучшее было бы, если бы она уехала с этим субъектом, кто бы он ни был, и мы обо всем бы забыли.

Эстер взглянула на часы, испуганно вскрикнула и встала.

— Я должна пойти переодеться.

Мисс Марпл молча смотрела ей вслед. Конечно, женщины вроде Эстер Уолтерс любят бросаться местоимениями. Неужели она по какой-то причине была уверена, что именно женщина повинна в смерти майора Пэлгрейва и Виктории Джонсон? Похоже на то. Мисс Марпл задумалась.

— Вот как — мисс Марпл сидит одна и даже не вяжет?

Это оказался доктор Грейем, которого она так долго и безуспешно разыскивала. А теперь ему самому захотелось посидеть и немного поболтать. Конечно, он не останется здесь надолго, потому что ему тоже надо переодеться к обеду, а обедает он обычно рано.

Мисс Марпл объяснила ему, что ей сегодня пришлось сидеть у постели Молли Кендал.

— Прямо трудно поверить, что девушка могла так быстро поправиться, — заметила мисс Марпл.

— Ну, это не очень удивительно, — ответил

доктор Грейем. — Она ведь приняла не такую уж большую дозу.

— О, я решила, что она проглотила полпузырька таблеток.

Доктор Грейем снисходительно улыбнулся.

— Вряд ли, — сказал он. — Может быть, она собиралась принять их, но в последний момент выбросила половину. Люди, даже если им кажется, что они хотят покончить с собой, часто на самом деле не так уж этого жаждут и поэтому принимают неполную дозу. Причем иногда это не обман, а просто подсознательное действие инстинкта самосохранения.

— Но может быть, она хотела, чтобы это выглядело так… — Мисс Марпл сделала паузу.

— Возможно, — согласился доктор Грейем.

— Если, например, у нее с Тимом была ссора?

— Вы же знаете, что они никогда не ссорятся. Они очень любят друг друга. Хотя поссориться всегда можно. Думаю, что сейчас с ней все в порядке. Она даже может встать и заняться делами, но на всякий случай лучше денька два подержать ее в постели.

Доктор поднялся, весело кивнул и направился к отелю. Мисс Марпл осталась сидеть. Множество мыслей теснилось в ее голове. Книга под матра-

цем Молли, ее притворный сон… то, что говорили Джоан Прескотт и Эстер Уолтерс?

Потом она снова подумала о том, с кого все началось, — о майоре Пэлгрейве. Что-то мелькнуло у нее в голове. Что-то касающееся майора. Если бы только она могла вспомнить что…

Глава 23
Последний день
1

«И был вечер, и было утро: день последний», — произнесла про себя мисс Марпл.

Затем, слегка сконфуженная, она вздрогнула и села прямо. Случилось невероятное — мисс Марпл задремала в то время, когда играл стил-бэнд. Значит, она уже совсем освоилась в этом месте. О чем она только что думала? Какая-то цитата, но что-то в ней было неправильно… Ага, там говорилось не о последнем, а о первом дне…[123] Но как бы то ни было, сейчас не первый и, по-видимому, не последний день.

Мисс Марпл чувствовала страшную усталость. Сказалось постоянное беспокойство, постыдное ощущение собственного бессилия… Она снова вспомнила странный хитрый взгляд, который бросила на нее Молли из-под полузакрытых век. Какие мысли роились в голове девушки? Да, сначала все выглядело совсем по-другому. Тим Кендал и Молли, счастливая молодая пара. Сим-

---

[123] notes: 123
«И был вечер, и было утро: день один». Библия, Бытие, 1:5.

патичные, безукоризненно воспитанные Хиллингдоны. Веселые, трещащие без умолку Грег и Лаки Дайсон, довольные собой и всем миром… Вся четверка казалась такой дружной! Добродушный каноник Прескотт и его сестра, весьма язвительная, но славная женщина, подобно всем славным женщинам любящая посплетничать. Еще бы — ведь они должны знать обо всем происходящем, уметь в нужный момент доказать, что дважды два — пять. Вреда такие женщины не приносят. Несмотря на свою болтливость, они всегда готовы прийти на помощь, если кто-нибудь попал в беду. Мистер Рэфьел — выдающаяся личность, человек с характером — такого не забудешь ни при каких обстоятельствах. Врачи, судя по его словам, часто признавали его безнадежным, но мисс Марпл почему-то считала, что теперь пришло время, когда скоро их предсказания сбудутся. И мистер Рэфьел, безусловно, знает, что дни его сочтены.

Какие же действия может предпринять человек, уверенный в своей близкой кончине?

Мисс Марпл задумалась над этим вопросом, потому что он мог оказаться очень важным.

Что же именно мистер Рэфьел сказал ей, когда голос его звучал чересчур громко и уверенно? Мисс Марпл отлично разбиралась в оттенках

человеческого голоса — в этом отношении у нее имелся достаточный опыт. Мистер Рэфьел сказал ей что-то, что не было правдой.

Мисс Марпл огляделась. Вечерний воздух, нежный аромат цветов, столы с маленькими лампочками, женщины в нарядных платьях — Эвелин в темно-синем, отделанном белым ситцем; Лаки вся в белом, ее красивые волосы отливали золотистым блеском. Сегодня вечером все казались веселыми и полными жизни. Даже Тим Кендал улыбался.

— Не знаю, как отблагодарить вас за все, что вы сделали, — сказал он, проходя мимо столика мисс Марпл. — Молли почти совсем пришла в норму. Док говорит, что завтра она сможет встать.

Улыбнувшись, мисс Марпл ответила, что очень этому рада. Впрочем, улыбнулась она через силу. Да, она очень устала.

Мисс Марпл поднялась и медленно побрела к своему бунгало. Ей хотелось по дороге продолжать думать, вспоминать, собирать воедино различные факты, слова, взгляды. Но она не смогла этого делать. Уставший мозг взбунтовался. «Ты должна идти спать», — распорядился он.

Мисс Марпл разделась, легла, почитала немного Фому Кемпийского, лежавшего у ее кровати, и

выключила свет. Уже в темноте она прочитала молитву — ведь самому, без поддержки, нельзя сделать все.

— Ночью ничего не случится, — с надеждой прошептала она.

2

Внезапно мисс Марпл проснулась и села на кровати. Ее сердце забилось от волнения. Она зажгла свет и взглянула на часы. Два часа ночи. Но, несмотря на позднее время, снаружи что-то происходило. Мисс Марпл встала, надела халат, туфли и шерстяной шарф и вышла на разведку. Повсюду сновали люди с фонарями. Увидев среди них каноника Прескотта, она подошла к нему.

— Что случилось?

— О, мисс Марпл! Исчезла миссис Кендал. Ее муж проснулся и увидел, что она встала с постели и вышла. Мы ищем ее.

Он поспешил прочь. Мисс Марпл зашагала за ним. Куда же ушла Молли? И зачем? Неужели она заранее решила сбежать, как только ослабят наблюдение за ней и когда Тим будет крепко спать? Мисс Марпл это показалось возможным. Но почему? По какой причине? Может быть, как

намекала Эстер Уолтерс, из-за другого мужчины? Но если так, то кто же это мог быть? Или причина ее исчезновения была более зловещей?

Мисс Марпл шла, оглядываясь вокруг, смотря под кусты. Внезапно она услышала крик:

— Здесь! Сюда!

Кричали не на территории отеля.

«Очевидно, — подумала мисс Марпл, — это у ручья, впадающего в море». И она быстро зашагала в этом направлении.

В поисках участвовало не так уж много народу, как ей показалось сначала. Большинство людей все еще спали в своих бунгало. У ручья стояло несколько человек. Кто-то оттолкнул мисс Марпл, едва не сбив ее с ног. Это был Тим Кендал. Вскоре она услышала его крик:

— Молли! Боже мой, Молли!

Через две минуты мисс Марпл присоединилась к небольшой группе. Она состояла из официанта-кубинца, Эвелин Хиллингдон и двух местных девушек. Они расступились, чтобы пропустить Тима. Мисс Марпл подошла как раз в тот момент, когда он склонился вниз.

— Молли… — Тим медленно опустился на колени. Мисс Марпл отчетливо различала тело девушки, лежащее в ручье. Лицо было скрыто под

водой, золотистые волосы рассыпались поверх зеленой, расшитой цветами шали, покрывавшей ее плечи. Плавающие в ручье листья и тростник делали обстановку похожей на сцену из «Гамлета» с Молли в роли мертвой Офелии.

Когда Тим протянул к ней руку, мисс Марпл взяла на себя инициативу и проговорила резко и властно:

— Не трогайте ее, мистер Кендал. Ее нельзя трогать.

Тим ошеломленно уставился на нее:

— Но я должен… Молли…

Эвелин Хиллингдон прикоснулась к его плечу:

— Она мертва, Тим. Я не передвигала ее, но пощупала пульс.

— Мертва? — недоверчиво переспросил Тим. — Мертва? Вы имеете в виду, что она… утопилась?

— К сожалению, похоже на то.

— Но почему?! — внезапно громко закричал Тим. — Почему?! Вечером она была такой счастливой. Говорила о том, что мы будем делать завтра. Почему же она снова решила умереть — выскользнула ночью тайком, прибежала сюда и утопилась? Что ее довело до отчаяния, почему она мне ничего не сказала?!

— Не знаю, Тим, — мягко произнесла Эвелин. —

Не знаю.

— Кто-нибудь должен позвать доктора Грейема, — заговорила мисс Марпл, — а кому-то придется позвонить в полицию.

— В полицию? — Тим горько усмехнулся. — А что они могут сделать?

— В случае самоубийства следует уведомить полицию, — сказала мисс Марпл.

Тим медленно поднялся.

— Я приведу Грейема, — с трудом проговорил он. — Может быть, даже сейчас… ему удастся что-нибудь сделать.

Эвелин Хиллингдон и мисс Марпл, стоя рядом, глядели на мертвую девушку.

— Слишком поздно, — покачала головой Эвелин. — Она уже остыла. Должно быть, она мертва уже по меньшей мере час, а может, и больше. Какая ужасная трагедия! Они казались такой счастливой парой. Очевидно, она всегда была психически неуравновешенной.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — я не думаю, что она была психически неуравновешенной.

Эвелин с любопытством посмотрела на нее:

— Что вы имеете в виду?

Луна вышла из-за облаков, осветив серебряным сиянием растрепанные волосы Молли…

Внезапно мисс Марпл резко вскрикнула. Наклонившись, она внимательно посмотрела на труп, потом протянула руку и дотронулась до золотистой головы девушки.

— Я думаю, — сказала она, и ее голос звучал совсем по-другому, — что нам лучше убедиться.

Эвелин Хиллингдон изумленно уставилась на нее:

— Но вы же сами говорили Тиму, что мы не должны ничего трогать.

— Да. Но тогда не было луны и я не видела…

Очень мягко мисс Марпл разделила золотистые волосы, обнажив их корни…

— Лаки! — воскликнула Эвелин. — Значит… значит, это не Молли…

Мисс Марпл кивнула:

— У нее волосы были такого же цвета, но, конечно, темнее у корней, потому что они были крашеными.

— Но на ней шаль Молли!

— Она ей очень нравилась. Я сама слышала, как Лаки говорила, что хочет купить такую же. Очевидно, она так и сделала.

— Так вот почему мы были обмануты… — Эвелин умолкла, встретив внимательный взгляд мисс Марпл.

— Кто-то, — сказала мисс Марпл, — должен сообщить ее мужу.

Последовала небольшая пауза.

— Хорошо, — сказала Эвелин. — Я сделаю это.

Она повернулась и зашагала вдоль пальм.

Несколько секунд мисс Марпл не двигалась, потом обернулась и позвала:

— Полковник Хиллингдон!

Эдуард Хиллингдон вышел сзади из-за деревьев и стал рядом с ней.

— Вы знали, что я был там?

— Вы отбрасывали тень, — объяснила мисс Марпл.

Последовало молчание.

— Итак, — заговорил Хиллингдон, словно обращаясь к себе, — в конце концов ее прозвище себя не оправдало.

— Вы как будто рады, что она умерла?

— И это вас шокирует? Ну что ж, не отрицаю, я рад, что она умерла.

— Смерть часто решает все проблемы.

Эдуард Хиллингдон медленно обернулся. Мисс Марпл твердо встретила его взгляд.

— Если вы думаете… — Он шагнул к ней. В его голосе внезапно послышалась угроза.

— Ваша жена скоро вернется сюда с мисте-

ром Дайсоном, — спокойно заговорила мисс Марпл. — Или же придут мистер Кендал с доктором Грейемом.

Лицо Эдуарда смягчилось. Он снова устремил взгляд на мертвую женщину.

Мисс Марпл неслышно ускользнула. Постепенно она ускоряла шаги.

Только добравшись до своего бунгало, мисс Марпл остановилась. На этом месте она в тот день беседовала с майором Пэлгрейвом. Здесь он начал рыться в своем бумажнике, разыскивая фотографию убийцы…

Она вспомнила, как он поднял голову и как внезапно побагровело его лицо. «Он был безобразен, — говорила о нем сеньора де Каспеаро. — У него был дурной глаз».

Дурной глаз… Глаз… *Глаз!..*

Глава 24
Немезида
1

Шум, поднятый ночной тревогой, дошел до ушей мистера Рэфьела. Он спал как убитый, слегка подхрапывая, когда кто-то внезапно начал сильно трясти его за плечо.

— А?.. Что?.. Какого черта?!

— Это я, — заявила мисс Марпл, — хотя, следуя традициям древних греков, я должна была сказать: «Это Немезида».

Мистер Рэфьел, с трудом приподнявшись на подушках, уставился на нее. Мисс Марпл стояла освещенная лунным светом, ее шея была обмотана пушистым шарфом из розовой шерсти. Трудно было представить себе кого-нибудь менее похожего на Немезиду.

— Стало быть, вы Немезида? — осведомился мистер Рэфьел после небольшой паузы.

— Надеюсь ею стать — с вашей помощью.

— Может быть, вы выскажетесь яснее?

— Мы должны действовать быстро. Как можно быстрее. Я была непроходимо глупа. Мне следо-

вало с самого начала обо всем догадаться. Ведь это было так просто.

— Что было просто? И вообще, о чем вы говорите?

— Вы многое проспали, — сказала мисс Марпл. — Был обнаружен труп. Сначала мы думали, что это Молли Кендал, но это оказалась Лаки Дайсон. Она утонула в ручье.

— Лаки утонула в ручье? — переспросил мистер Рэфьел. — Она покончила с собой или ее кто-то утопил?

— Да, ее кто-то утопил, — подтвердила мисс Марпл.

— Понятно. Так вот почему это кажется вам таким простым. Грег Дайсон всегда выглядел самым подозрительным, и эти подозрения оказались верными, не так ли? Вы об этом думаете? А теперь вы боитесь, что ему удастся выйти сухим из воды?

Мисс Марпл глубоко вздохнула:

— Мистер Рэфьел, можете ли вы мне довериться? Мы должны предотвратить убийство.

— А я так понял, что убийство уже совершено.

— Это убийство совершено по ошибке, но следующее может произойти в любой момент. Нельзя терять времени. Мы должны немедленно идти.

— Вам легко говорить, — сказал мистер Рэфьел, — «мы»! По-вашему, я в состоянии это сделать? Я ведь не могу даже прогуляться без помощи. Как же мы можем принимать меры по предотвращению убийства? Вам уже около ста лет, а я разбитая старая кляча.

— Я имела в виду Джексона, — объяснила мисс Марпл. — Джексон ведь сделает все, что вы ему прикажете?

— Вообще-то да, особенно если я дам ему понять, что не останусь в долгу.

— Тогда скажите ему, чтобы он шел со мной и выполнял любые мои распоряжения.

Несколько секунд мистер Рэфьел молча глядел на нее.

— Хорошо, — наконец заговорил он. — Очевидно, я иду на немалый риск. Ну что ж, мне это не впервой. — И, нажав кнопку звонка, он громко позвал: — Джексон!

Меньше чем через полминуты из соседней комнаты появился Джексон.

— Вы звали меня, сэр? Что-нибудь случилось? — И он внезапно умолк, уставившись на мисс Марпл.

— Слушайте внимательно, Джексон. Вы пойдете с этой леди, мисс Марпл, туда, куда она вам

скажет, и будете выполнять все ее приказания. Вы меня поняли?

— Я…

– Вы меня поняли?

— Да, сэр.

— Если вы это сделаете, — добавил мистер Рэфьел, — то обещаю вам, что вы не прогадаете.

— Благодарю вас, сэр.

— Пошли, Джексон, — сказала мисс Марпл и обернулась к мистеру Рэфьелу: — По дороге мы скажем миссис Уолтерс, чтобы она пришла к вам, помогла встать и привела.

— Куда?

— В бунгало Кендалов, — ответила мисс Марпл. — Думаю, что Молли уже вернулась туда.

2

Молли поднималась по тропинке, ведущей с моря, неподвижно глядя перед собой. Иногда она тихо стонала.

Поднявшись на веранду, она немного помедлила, потом, открыв французское окно, вошла в спальню. Свет горел, но комната была пуста. Молли села на кровать и сидела там несколько минут, нахмурившись и время от времени по-

глаживая лоб.

Затем, оглядевшись украдкой, она сунула руку под матрац, вытащила спрятанную там книгу и склонилась над ней, ища нужную страницу.

Услышав шаги снаружи, Молли подняла голову и быстро спрятала книгу за спину.

Войдя в комнату, тяжело дышавший Тим Кендал облегченно вздохнул, увидев жену.

— Слава богу! Где ты была, Молли? Я всюду искал тебя.

— Я ходила к ручью.

— Ты ходила… — Он не кончил фразу.

— Да. Но я не могла оставаться там. В воде лежала женщина — она была мертва.

— А ты знаешь, ведь я думал, что это ты. Я только что узнал, что это была Лаки.

— Я не убивала ее, Тим! Я не убивала ее! Ведь я бы помнила, если бы это сделала, правда?

Тим медленно опустился на кровать.

— Ты не… Ты уверена в этом? Нет, конечно нет! — горячо заговорил Тим. — Только не начинай думать об этом, Молли. Лаки утопилась сама. Хиллингдон бросил ее, поэтому она пошла к ручью, легла и сунула лицо в воду.

— Лаки бы этого не сделала. Ни за что бы не сделала. Но я не убивала ее! Клянусь тебе, Тим!

— Конечно, дорогая. — Он обнял ее, но она вырвалась.

— Я ненавижу это место. Мне казалось, что оно все залито солнечным светом. Но это не так… Здесь появилась тень — страшная черная тень! Я попала в нее и не могу вырваться! — Ее голос перешел в крик.

— Тише, Молли! Ради бога, тише!

Тим вышел в ванную и вернулся оттуда со стаканом.

— Выпей. Это успокоит тебя.

— Я… я не могу ничего пить. У меня стучат зубы.

— Ничего, дорогая, сядь. Вот сюда, на кровать. — Он снова обнял Молли и поднес стакан к ее губам. — Выпей, не бойся.

За окном послышался голос.

— Джексон, — ясно и отчетливо произнесла мисс Марпл, — идите туда, возьмите у этого человека стакан и крепко держите его. Будьте осторожны. Он очень силен, а сейчас, когда он доведен до отчаяния…

Джексон был человеком, приученным повиноваться любым приказаниям, тем более если за это обещаны деньги, к которым он был отнюдь не равнодушен. К тому же он обладал великолепно

развитой мускулатурой.

Быстрый как молния, он пересек комнату, одной рукой схватившись за стакан, который Тим поднес к губам Молли, а другой вцепившись в Тима. Резкий рывок — и стакан оказался у него в руках. Взбешенный Тим попытался вырваться, но Джексон крепко держал его.

— Какого черта?! Пустите меня! Вы что, с ума сошли? Что вы делаете?

— Держите его, Джексон, — предупредила мисс Марпл.

— Что случилось? Что здесь происходит?

Поддерживаемый Эстер Уолтерс, в комнату через окно вошел мистер Рэфьел.

— Вы спрашиваете, что происходит?! — заорал Тим. — Ваш слуга спятил — вот что! Скажите ему, чтобы он отпустил меня!

— Нет, — сказала мисс Марпл.

Мистер Рэфьел обернулся к ней.

— Говорите, Немезида, — произнес он. — Пришло время для вашего выступления!

— Я была непроходимо глупа, — начала мисс Марпл, — но теперь я наконец поумнела. Когда содержимое стакана, которое он пытался дать своей жене, будет взято на анализ, то я готова прозакладывать свою бессмертную душу — в

нем обнаружат смертельную дозу наркотика. Точно так же, как вы помните, развертывались события и в рассказе майора Пэлгрейва. Жена в состоянии депрессии пытается покончить с собой, муж вовремя спасает ее. Затем во второй раз она добивается своего. Когда майор Пэлгрейв рассказал мне эту историю, он вытащил снимок и собирался мне его показать, но, подняв голову, увидел…

— За вашим правым плечом, — подсказал мистер Рэфьел.

— Нет, — покачала головой мисс Марпл. — За моим правым плечом он ничего не видел.

— Но вы же сами говорили…

— Я была не права, абсолютно не права. Мне действительно показалось, что майор Пэлгрейв смотрит на что-то, находящееся за моим правым плечом, но он не мог ничего там увидеть, так как он смотрел туда левым глазом, а левый глаз у него был стеклянным.

— Да, у него был стеклянный глаз, — подтвердил мистер Рэфьел. — Я просто не заострял на этом внимания, считая сей факт само собой разумеющимся. Значит, по-вашему, он не мог ничего видеть?

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — Он

мог видеть, но только одним правым глазом. Следовательно, он смотрел на кого-то или на что-то не справа, а слева от меня.

— А кто же там был?

— Там неподалеку сидели Тим Кендал со своей женой. Сидели за столиком под большим кустом гибискуса, занимаясь своими подсчетами. Его стеклянный глаз был устремлен поверх моего правого плеча, другим же глазом он смотрел на человека, сидевшего под кустом гибискуса, лицо которого было то же, что и на фотокарточке, только немного старше. И находился он также под гибискусом. Тим Кендал слышал историю, рассказанную майором, и видел, что майор узнал его. Разумеется, ему пришлось его убить. Позже он убил Викторию, потому что она видела, как он подсунул флакончик с таблетками в комнату майора. Сначала она не заподозрила ничего дурного, так как у Тима Кендала могло быть множество предлогов для того, чтобы зайти в бунгало к одному из постояльцев. Например, он мог вернуть что-нибудь, забытое на столике в ресторане. Но, подумав, Виктория стала задавать Тиму вопросы, и он был вынужден избавиться и от нее. Однако запланированное им убийство было еще впереди. Ведь он специализировался

на убийствах своих жен.

— Что за проклятая чушь!.. — начал Тим.

Внезапно раздался пронзительный гневный крик. Эстер Уолтерс вдруг отскочила от мистера Рэфьела так, что он чуть не упал, и набросилась на Джексона.

— Пустите! Пустите его! Это неправда! В этом нет ни слова правды! Тим, Тим, дорогой, ведь это ложь! Ты не мог никого убить, я знаю, что не мог! Это сделала та ужасная девушка, на которой ты женился! Она лгала тебе. Они ошибаются… Я верю в тебя — верю и люблю! Я…

И тут Тим Кендал потерял самообладание.

— Заткнись, проклятая сука! — закричал он. — Ты что, хочешь, чтобы меня повесили? Заткни свою грязную, паршивую глотку!

— Бедняжка, — промолвил мистер Рэфьел. — Так вот, значит, в чем было дело!

Глава 25
Мисс Марпл использует свое воображение

— Так вот, значит, в чем было дело, — сказал мистер Рэфьел, сидя рядом с мисс Марпл. — Она была любовницей Тима Кендала?

— Вряд ли любовницей, — возразила мисс Марпл. — По-моему, здесь имела место романтическая привязанность с перспективой брака в будущем.

— То есть после смерти его жены?

— Едва ли бедная Эстер Уолтерс знала, что Молли должна умереть, — сказала мисс Марпл. — Очевидно, она верила в историю, рассказанную ей Тимом, о том, что Молли любит другого мужчину и что этот человек последовал за ней сюда. Видимо, Эстер рассчитывала на то, что Тим получит развод. Так что все было вполне респектабельно. Но она, конечно, очень любила его.

— Ну, это легко понять. Он привлекательный парень. Но знаете ли вы, что заставило его волочиться за ней?

— Вы, во всяком случае, это знаете, не так ли?

— Вообще-то у меня есть идея на этот счет, но я не могу взять в толк, как вы до этого докопались. И уж совсем мне непонятно, как об этом пронюхал Тим Кендал.

— Думаю, что с помощью небольшой доли воображения я смогу это объяснить, но было бы проще, если бы вы все мне рассказали.

— И не собираюсь, — заявил Рэфьел. — Если вы такая умная, так сами и рассказывайте.

— Ну, мне кажется возможным, — начала мисс Марпл, — что, как я уже намекала вам, у Джексона была привычка время от времени рыться в ваших деловых документах.

— Это вполне вероятно, — согласился мистер Рэфьел, — но я позаботился о том, чтобы это не принесло ему никакой пользы.

— Думаю, — продолжала мисс Марпл, — что он читал ваше завещание.

— Да, у меня была копия завещания.

— Вы как-то говорили мне — причем подчеркнуто громко и уверенно, — что не завещали ничего ни Эстер Уолтерс, ни Джексону и что вы их об этом предупредили. Но, по-моему, это было правдой только в отношении Джексона. Ему вы действительно ничего не оставили, но миссис Уолтерс вы завещали крупную сумму,

хотя ни единым словом об этом не обмолвились. Я права?

— Совершенно правы, но я не понимаю, как вы узнали.

— Вы слишком уж настаивали на этом факте, — объяснила мисс Марпл. — А у меня достаточно опыта, чтобы определить, когда люди лгут.

— Сдаюсь! — воскликнул мистер Рэфьел. — Все верно. Я завещал Эстер пятьдесят тысяч фунтов. Это явится для нее приятным сюрпризом, когда я умру. Очевидно, узнав об этом, Тим Кендал решил избавиться от своей жены и жениться на Эстер Уолтерс с пятьюдесятью тысячами в придачу, возможно, с тем, чтобы в свое время разделаться и с ней. Но как же он узнал, что она должна получить пятьдесят тысяч фунтов?

— Ему, безусловно, сказал об этом Джексон, — ответила мисс Марпл. — Они ведь очень дружили. Тим Кендал держался с Джексоном по-приятельски и, по-моему, без задней мысли. Но среди прочих сплетен Джексон, очевидно, выболтал Тиму, что Эстер Уолтерс должна унаследовать огромное состояние, хотя она сама об этом не знает. Возможно, он добавил, что надеется жениться на ней, хотя до сих пор не добился успеха в своих ухаживаниях. Да, видимо, так все и произошло.

— Ваши предположения всегда чертовски правдоподобны, — заметил мистер Рэфьел.

— Но я была глупа, — продолжала мисс Марпл, — предельно глупа. Как видите, все прекрасно сходится. Тим Кендал — очень умный и в такой же степени жестокий человек. Особенно ярко его талант проявился в распространении слухов. Добрая половина всего, что я здесь услышала, принадлежала его фантазии. Прежде всего, это история о том, как Молли хотела выйти замуж за «неподходящего» молодого человека, но я сильно подозреваю, что этим человеком был сам Тим Кендал, хотя тогда он и носил другое имя. Очевидно, семья Молли что-то узнала о его сомнительном прошлом. Тогда он разыграл возмущение, отказавшись представиться родителям Молли, и затем привел в действие план, который, видимо, очень позабавил их обоих. Молли притворялась тоскующей по своему жениху, а в это время появляется мистер Тим Кендал, который ссылается на знакомство со старыми друзьями семьи Молли, и они принимают его с распростертыми объятиями, надеясь, что он заставит девушку забыть о прежнем поклоннике. Да, очевидно, они с Молли немало над этим посмеялись. Как бы то ни было, он женился на ней и на ее

деньги купил эту гостиницу, после чего они приехали сюда. Думаю, что значительную часть денег Молли Тим просто промотал. Потом он встретил Эстер Уолтерс, и перед ним предстала заманчивая перспектива дальнейшего обогащения.

— А почему же он не угробил меня? — осведомился мистер Рэфьел.

Мисс Марпл кашлянула.

— Очевидно, он хотел прежде всего быть окончательно уверенным в миссис Уолтерс. Кроме того… — Смутившись, она умолкла.

— Кроме того, он понимал, что ему не так уж долго ждать, — закончил за нее мистер Рэфьел, — и считал, что будет лучше, если я умру естественной смертью. К тому же кончина миллионера, несомненно, вызвала бы более тщательное расследование, чем смерть жен мистера Кендала, верно?

— Да, вы правы, — согласилась мисс Марпл. — Но вернемся к Тиму Кендалу. Как ловко ему удалось внушить Молли, что она больна, подсунув ей книгу об умственных расстройствах, а тем временем с помощью наркотиков вызывая у нее галлюцинации и ночные кошмары! Кстати, ваш Джексон проявил здесь недюжинный ум. Думаю, что по симптомам заболевания Молли он угадал

действие наркотиков и вошел в тот день в бунгало Кендалов, чтобы пошарить у них в ванной. Крем для лица был обследован им только потому, что он припомнил истории о ведьмах, натирающихся мазью с белладонной. Белладонна в креме для лица могла бы вызвать подобный результат — провалы в памяти, воздушные полеты во сне. Неудивительно, что Молли испугалась — у нее ведь были все признаки психического заболевания. Джексон был на правильном пути. Может быть, эту идею ему подсказали рассказы майора Пэлгрейва о том, как индийские женщины одурманивали датурой своих мужей.

— Опять майор Пэлгрейв! — воскликнул мистер Рэфьел.

— Конечно, его болтливость послужила причиной трех убийств, — заметила мисс Марпл, — но он все-таки узнал убийцу.

— А что заставило вас внезапно вспомнить про его стеклянный глаз? — с любопытством спросил мистер Рэфьел.

— Одна фраза, сказанная сеньорой де Каспеаро. Она как-то стала говорить о том, какой майор был безобразный и что у него был дурной глаз. Я возразила, сказав, что у бедняги был просто стеклянный глаз и что он в этом не виноват, а

она добавила, что у него глаза смотрели в разные стороны (что соответствовало действительности) и что это приносит несчастье. Я знала, что в тот день услыхала нечто важное. Прошлой ночью, после смерти Лаки, я поняла, что это было. И тогда мне стало ясно, что нельзя терять времени…

— А каким образом Тим Кендал убил не ту женщину?

— Совершенно случайно. Думаю, что его план состоял в следующем. Убедив всех, включая саму Молли, в ее психическом расстройстве и дав ей солидную порцию наркотика, он сказал ей, что они сами должны выяснить, кто убийца, но для этого ей придется ему помочь. Когда все заснут, они должны по очереди выйти из бунгало и встретиться у ручья.

Тим сказал ей, что догадывается, кто убийца, и что им необходимо его выследить. Молли послушно пошла, но ее сознание было затуманено действием наркотика. Тим прибыл на условленное место первым и, увидев там женщину, решил, что это Молли — ведь у нее были золотистые волосы и зеленая шаль. Он подкрался к ней сзади, зажал рот, сунул голову в воду и держал, пока она не захлебнулась.

— Да, симпатичный молодой человек! Но разве

не было бы проще дать ей смертельную дозу наркотика?

— Конечно. Но это могло вызвать подозрения. Ведь все наркотики и снотворные были помещены вне досягаемости Молли. А если бы у нее оказался новый запас, то, вероятнее всего, ее мог снабдить им муж! Но если бы Молли в припадке отчаяния вышла из дому и утопилась в то время, как ее муж крепко спал, то вся история выглядела бы как романтическая трагедия и никто бы не заподозрил, что ее убили! Кроме того, — добавила мисс Марпл, — убийцам всегда трудно идти по наиболее простому пути — они не могут удержаться от изощренных способов.

— Вы как будто убеждены, что вам все известно об убийцах! Значит, по-вашему, Тим не знал, что он убил не ту женщину?

Мисс Марпл покачала головой:

— Он, даже не взглянув на ее лицо, поспешил домой, подождал час, а затем организовал ее поиски, играя роль встревоженного супруга.

— Но какого дьявола понадобилось Лаки идти среди ночи к ручью?

Мисс Марпл сконфуженно кашлянула.

— Очевидно, она должна была… ну… с кем-то встретиться.

— С Эдуардом Хиллингдоном?

— О нет, — возразила мисс Марпл. — С этим уже покончено. Мне кажется — это, конечно, только предположение, — что она могла поджидать там Джексона.

— Джексона?

— Я один-два раза заметила, как она смотрела на него, — сказала мисс Марпл, отводя глаза в сторону.

Мистер Рэфьел свистнул.

— Ну и кобель же, оказывается, мой Джексон! Я и не подозревал в нем таких способностей. Должно быть, Тим испытал немалое потрясение, когда узнал, что убил не ту женщину.

— Еще бы. Очевидно, он был близок к отчаянию, узнав, что Молли цела и невредима. Ведь попади она в руки опытного психиатра, вся история с ее умственным расстройством рассеялась бы как дым. К тому же она могла рассказать о том, что Тим просил ее прийти ночью к ручью. У него оставалась единственная надежда — разделаться с Молли как можно скорее. Тогда можно было бы создать версию, что Молли в приступе умопомрачения утопила Лаки, а потом, ужаснувшись содеянному, покончила с собой.

— И тогда, — вставил мистер Рэфьел, — вы ре-

шили выступить в роли Немезиды, а?

Внезапно он откинулся назад и расхохотался.

— Если бы вы только знали, какое это было зрелище, когда вы заявились ко мне ночью с розовым шарфом на шее и сообщили, что вы Немезида! Я этого никогда не забуду!

Эпилог

Пришло время уезжать. Мисс Марпл ожидала на аэродроме свой самолет. Провожать ее пришло много людей. Правда, Хиллингдоны уже уехали, Грегори Дайсон улетел на другой остров и, по слухам, увлекся одной аргентинской вдовой, а сеньора де Каспеаро вернулась в Южную Америку.

Молли поехала проводить мисс Марпл. Она была худой и бледной, но стойко перенесла страшный удар и с помощью одного из поверенных мистера Рэфьела, которому он телеграфировал в Англию, продолжала содержать отель.

— Вы должны быть заняты, чтобы ни о чем не вспоминать, — посоветовал ей мистер Рэфьел. — Продолжайте ваше дело, девочка, и держитесь бодрей — пусть здесь все останется на том же уровне.

— А вам не кажется, что убийства…

— Людям только нравятся убийства, когда они уже раскрыты, — заверил ее мистер Рэфьел. — Поэтому продолжайте работать и, ради бога, не разочаровывайтесь во всех мужчинах из-за того, что вы один раз встретили на своем пути негодяя.

— Вы совсем как мисс Марпл, — слабо улыбнулась Молли. — Она все время утверждает, что в один прекрасный день я встречу именно того мужчину, который мне нужен.

На аэродроме, кроме Молли, присутствовали каноник и мисс Прескотт, мистер Рэфьел и Эстер Уолтерс, которая выглядела печальной и постаревшей и с которой теперь мистер Рэфьел часто бывал неожиданно ласков. Джексон тоже вертелся поблизости, делая вид, что следит за багажом мисс Марпл. Все эти дни с его лица не сходила улыбка, позволявшая предполагать, что он получил некоторую сумму денег.

В небе послышалось гудение — самолет прибыл. Но обычных формальностей здесь не было — пассажиры просто выходили из маленького, утопающего в цветах павильона на гудронированную площадку.

— До свидания, дорогая мисс Марпл. — Молли поцеловала ее.

— До свидания. Постарайтесь навестить нас, — тепло пожала ей руку мисс Прескотт.

— Познакомиться с вами было огромным удовольствием, — сказал каноник. — Я присоединяюсь к приглашению моей сестры.

— Всего наилучшего, мадам, — попрощался

Джексон, — и запомните: в любое время, когда вам понадобится массаж, пошлите мне телеграмму, и мы обо всем договоримся.

Только Эстер Уолтерс отошла в сторону, когда пришло время прощаться, но мисс Марпл не стала навязываться.

Последним к ней подошел мистер Рэфьел.

— Ave Caesar, nos morituri te salutamus[124], — сказал он, взяв ее за руку.

— Боюсь, что я не сильна в латыни, — вздохнула мисс Марпл.

— Но это вы поняли?

— Да. — Больше она ничего не добавила, так как хорошо знала, что сказал ей мистер Рэфьел. — Очень рада была с вами познакомиться, — промолвила мисс Марпл и зашагала по площадке к самолету.

---

[124] notes: 124

Да здравствует Цезарь, мы, идущие на смерть, приветствуем тебя *(лат.)*.

Отель "Бертрам"

Глава 1

В самом центре Уэст-Энда есть множество тихих закоулков, о которых не знает никто, разве что водители такси, которые на удивление лихо проезжают по этим глухим проулкам, чтобы победоносно выехать на Парк-лейн, Беркли-сквер или на Саут-Одли-стрит.

Если вы свернете из Парка на ничем не приметную улочку, а потом раз или два — налево или направо, вы окажетесь на тихой улице, на правой стороне которой расположен отель «Бертрам». Эта гостиница находится здесь с давних времен. Во время войны здания справа от нее и чуть дальше влево были разрушены, но сам отель уцелел. Само собой разумеется, он не избежал, как выражаются агенты по продаже недвижимости, царапин, синяков и прочих отметин, но не слишком большие затраты позволили вернуть его в первоначальное состояние. К 1955 году он выглядел абсолютно так же, как в 1939-м: до-стойным, не бросающимся в глаза, но в то же время очевидно дорогим.

Таков был «Бертрам», постоянными клиентами которого на протяжении многих лет были пред-

ставители высшего духовенства, престарелые люди из числа провинциальной аристократии, девицы из дорогих частных школ по пути домой на каникулы. («Так мало мест в Лондоне, где девушка могла бы остановиться, но, во всяком случае, в „Бертраме“ с ней ничего плохого не случится. Мы уже столько лет останавливаемся там».)

В свое время в Лондоне было немало гостиниц, подобных отелю «Бертрам». Некоторые существуют до сих пор, но почти всех коснулся ветер перемен. Им поневоле пришлось обновиться, чтобы угодить самым разным клиентам. И «Бертраму» пришлось внедрить некоторые нововведения, но это было сделано так умно, что оставалось незамеченным при первом беглом взгляде.

На лестнице, ведущей к большой вращающейся двери, стоит человек, которого вполне можно с ходу принять за фельдмаршала, не меньше. Золотой галун и орденские ленточки украшают широкую, мужественную грудь. Манеры — само совершенство. Он заботливо встречает вас, если вы, одолеваемые ревматическим недугом, не без труда выбираетесь из такси или собственного автомобиля, аккуратно провожает по ступеням и

ловко придерживает бесшумно открывающуюся дверь.

Когда же оказываетесь внутри, то, если это ваше первое посещение отеля, вас охватывает чувство, граничащее с тревогой, словно вы попали в давно исчезнувший мир. Время повернуло вспять. Вы снова оказались в Англии эпохи короля Эдуарда.[125]

Конечно, в гостинице есть центральное отопление, но оно как-то незаметно. Как это было всегда, в большой центральной комнате отдыха горит огонь в двух великолепных каминах; возле них объемистые медные ящики для угля сияют так же, как во времена Эдуарда, когда их начищали до блеска служанки. Ящики эти полны кусков угля раз и навсегда установленного размера. Богатый красный бархат создает впечатление мягкого уюта. Кресла не имеют ничего общего с современностью. Они высокие, что позволяет пожилым леди, страдающим ревматизмом, избежать необходимости с болезненным усилием опускаться в них или подниматься на ноги, роняя при этом свое достоинство. И края сидений не находятся на полпути от бедра к колену, что свойственно

[125] notes: 125

Король Эдуард — Эдуард VII, правивший Англией в 1901—1910 гг. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

многим дорогостоящим нынешним креслам и вызывает неприятное ощущение у людей, страдающих артритом или ишиасом. Кроме того, все кресла разного фасона: спинки у одних прямые, а у других наклонные, сиденья — широкие или узкие, под стать комплекции сидящих. Каждый может найти в отеле «Бертрам» кресло по вкусу.

Так как сейчас время чаепития, комната для отдыха полным-полна. Нельзя сказать, что здесь единственное место, где можно выпить чаю. Есть гостиная (ситцевая), курительная комната (по некоему молчаливому уговору закрепленная только за джентльменами), в которой объемистые кресла обиты отличной кожей, еще две комнаты, отведенные для написания писем, где можно уединиться с ближайшим другом или приятельницей, уютно посплетничать в спокойном уголке и даже написать письмо, если возникнет желание. Помимо перечисленных удовольствий ушедшей эпохи, «Бертрам» представлял обитателям и другие укромные уголки, которые особо не афишировались, но были известны желающим. Имелись там и два бара с двумя барменами: американец создавал привычную атмосферу для соотечественников и предлагал им бурбон, ржаное виски и любые

коктейли; англичанин оперировал шерри или «Пиммз»[126] и мог со знанием дела потолковать о скачках в Аскоте и Ньюбери с джентльменами среднего возраста, которые останавливались в «Бертраме». Для любителей существовала также телевизионная комната, запрятанная в глубине одного из коридоров.

Но излюбленным местом для вечернего чаепития была все же большая комната для отдыха при входе в отель. Пожилым дамам нравилось наблюдать за всеми входящими и выходящими, узнавать старых друзей и не без яду приговаривать, что те невероятно постарели.

Американские постояльцы с восхищением наблюдали, как титулованные англичане спускаются в зал на традиционную церемонию. Да, вечернее чаепитие было настоящим событием в жизни отеля «Бертрам».

Зрелище поистине великолепное. Ритуалом руководил Генри — мощная и великолепная фигура, зрелый мужчина за пятьдесят, благодушный и симпатичный, с манерами придворного, какие теперь редко встретишь, — идеальный дворецкий. Стройные юноши выполняли свои

---

[126] notes: 126

«*Пиммз*» — алкогольный напиток из джина, разбавленного особой смесью.

обязанности под его неусыпным надзором. Большие серебряные подносы с бортиками и серебряные чайники в георгиевском стиле[127]. Фарфор, если и не настоящий рокингем или дэвенпорт, то, во всяком случае, очень похожий на них. Особой популярностью пользовались сервизы «Граф Блайнд». Чай лучший индийский, цейлонский, дарджилинг, лапсанг и так далее. Что же до еды, то вы могли заказать что угодно — и получить заказанное!

В этот день, семнадцатого ноября, леди Селина Хейзи, шестидесяти пяти лет от роду, из Лестершира, с завидным для пожилой дамы аппетитом наслаждалась превосходными оладьями с маслом.

Однако она была не настолько поглощена ими, чтобы не вскидывать голову всякий раз, когда внутренняя вращающаяся дверь пропускала вновь прибывшего. Она не преминула улыбнуться и кивнуть полковнику Ласкомбу — человеку с военной выправкой и биноклем на шее. Как и подобает властной женщине, она величественным жестом поманила его, и через минуту-другую Ласкомб подошел к ней.

---

[127] notes: 127

Георгиевский стиль — название стиля архитектуры и дизайна, сложившегося в середине XVIII в. и существовавшего до 30-х гг. XIX в.

— Привет, Селина. Что привело вас в город? — поинтересовался он.

— Дантист, — ответила дама не совсем внятно из-за кусочка оладьи во рту. — К тому же я подумала, что, раз уж выбралась сюда, нужно побывать у этого, как его, на Харли-стрит, по поводу моего артрита. Вы понимаете, о ком я?

Хотя на Харли-стрит было несколько сотен модных врачей всевозможных специальностей, Ласкомб знал, кого она имеет в виду.

— Он вам помогает? — спросил он.

— Мне кажется, он мне помог, — ответила леди Селина не слишком уверенно. — Необыкновенный тип. Схватил меня за шею, когда я этого не ожидала, и свернул, как цыпленку. — Она осторожно повернула голову сначала вправо, потом влево.

— Больно было?

— Наверное, должно быть больно, но я не успела почувствовать. — Она продолжала медленно покачивать головой. — Сейчас такое ощущение, что все в порядке. Могу посмотреть через правое плечо впервые за много лет. — Она продемонстрировала это и вдруг воскликнула: — О, мне кажется, там старушка Джейн Марпл! Я-то думала, она умерла много лет назад. Ей, наверное,

уже лет сто.

Полковник Ласкомб взглянул в сторону воскресшей Джейн Марпл, но без особого интереса: в «Бертраме» то и дело появлялись, как он называл про себя их, пушистые старые кошки.

Леди Селина продолжала:

— Единственное место в Лондоне, где еще можно получить настоящие оладьи. Вы знаете, когда я поехала в прошлом году в Америку, там у них в меню завтрака значились оладьи. Ничего общего с настоящими. Что-то вроде кексов с изюмом. К чему называть их оладьями?

Она отправила в рот последний намасленный кусочек и рассеянно оглянулась. Генри материализовался мгновенно. Ни поспешности, ни суеты. Возник словно ниоткуда.

— Могу ли я вам предложить чего-нибудь еще, миледи? Пирожное?

— Пирожное?

Леди Селина подумала, сомневаясь.

— У нас сегодня превосходный кекс с тмином, миледи. Настоятельно рекомендую.

— Кекс с тмином? Сто лет не пробовала кекс с тмином. Настоящий кекс с тмином?

— О да, миледи. Наш повар готовит его по старинному рецепту. Уверен, вам понравится.

Генри бросил взгляд на одного из своих подчиненных, и молодой человек тут же исчез, спеша выполнить заказ.

— Вы, наверное, были в Ньюбери, Дерек?

— Да. Чертовски холодно. И я не стал ждать последних двух заездов. Неудачный день. И эта кобылка у Гарри вообще никудышная.

— Вот не думала, что это так. А как насчет Свангильды?

— Пришла четвертой. — Ласкомб встал. — Пойду выясню насчет номера.

Он направился через вестибюль к стойке администратора. По пути он приглядывался к столикам и сидящим за ними постояльцам гостиницы. Поразительное множество людей поглощало здесь чай. Совсем как раньше. Чаепитие как трапеза после войны как-то вышло из моды. Но только не в «Бертраме». И кто они, все эти люди? Два каноника и декан Чизлхемптона. Да, и вот еще в углу пара ног, облаченных в гетры, — не иначе как епископ! Простых викариев здесь встретишь не часто. Чтобы позволить себе остановиться в «Бертраме», нужно быть по крайней мере каноником, подумалось ему. А рядовые служители культа вряд ли могут себе такое позволить, бедняги. И уж раз зашла об этом

речь, он удивился, как люди вроде Селины Хейзи могут останавливаться в подобном отеле. У нее найдется разве два пенса в год на милостыню. А тут еще старая леди Берри и миссис Посселсвейт из Сомерсета. И Сибилла Керр — все они бедны как церковные мыши.

Все еще размышляя об этом, он подошел к стойке и был радушно принят мисс Горриндж, портье. Мисс Горриндж была старым другом. Она знала всех клиентов и никогда не забывала ни одного лица. Одета она была старомодно, но выглядела вполне респектабельно. Завитые желтоватые волосы наводили на мысль о старинных щипцах для завивки. Черное шелковое платье, высокая грудь, на которой покоились огромный золотой медальон и брошь с камеей.

— Номер 14, — сказала мисс Горриндж. — Мне кажется, что в прошлый раз у вас был 14-й номер, полковник Ласкомб и он вам понравился. Там тихо.

— Как это вам удается все запомнить? Не могу себе даже представить, мисс Горриндж.

— Мы хотим, чтобы нашим старым друзьям было удобно.

— Пребывание здесь навевает далекие воспоминания. Кажется, ничто не изменилось.

Он замолчал, увидев, что из рабочего кабинета, своего святилища, вышел его приветствовать мистер Хамфрис.

Непосвященные часто принимали мистера Хамфриса за самого мистера Бертрама. Кто на самом деле этот мистер Бертрам и был ли на свете таковой вообще, терялось во мраке времен. Отель существовал примерно с 1840 года, но никто не занимался изучением его истории. Просто он существовал как данность. Когда к мистеру Хамфрису обращались как к мистеру Бертраму, он никогда не поправлял собеседника. Если они хотят, чтобы он был Бертрамом, он им будет. Полковнику Ласкомбу было известно его настоящее имя, хотя он и не знал, является ли тот управляющим или владельцем. Он предполагал, что верно последнее.

Мистеру Хамфрису было лет пятьдесят. Он обладал превосходными манерами и внешностью министра. Он мог быть одновременно всем для всех. Он мог говорить, как заядлый любитель, о скачках, крикете, внешней политике, автомобильных гонках, рассказывать анекдоты о королевской фамилии, был в курсе всех театральных и эстрадных новинок, мог посоветовать американцам, что стоит посмотреть во время

их краткого визита в Англию. Он располагал исчерпывающей информацией о том, где стоит поужинать людям с самым различным доходом и самыми разнообразными вкусами. При всем том он держался с необычайным достоинством. Он не бежал на каждый зов. Мисс Горриндж обладала той же информацией и могла вполне толково ее изложить. Время от времени мистер Хамфрис появлялся на горизонте, подобно солнцу, и ублажал кого-нибудь своим личным вниманием. На этот раз честь выпала полковнику Ласкомбу. Оба обменялись несколькими избитыми фразами насчет скачек, но полковник был поглощен собственной проблемой. А перед ним стоял человек, способный дать ему ответ.

— Скажите мне, Хамфрис, как все эти милые старушки могут приезжать сюда и останавливаться у вас?

— А-а-а, вас это заинтриговало? — Мистера Хамфриса позабавил вопрос. — Да ответ крайне прост — им это было бы не по карману, если бы… — Он помедлил.

— Если бы вы не делали для них особых скидок? Дело в этом?

— Более или менее. Они обычно не знают, что цены для них особые, а если и понимают это, то

им кажется, что мы делаем им скидки как старым клиентам.

— Но это не совсем так?

— Видите ли, полковник, я управляю этим отелем и не могу позволить себе роскошь терять деньги.

— Но каким образом вам удается возместить потери?

— Это вопрос атмосферы… Иностранцы, приезжающие к нам в страну, особенно американцы, ибо именно у них есть деньги, имеют собственные представления о том, что такое Англия. Я не говорю, как вы понимаете, о тех финансовых воротилах, которые постоянно пересекают океан. Они, как правило, останавливаются в «Савое» или «Дорчестере». Им нужна современная обстановка, американская еда и все прочее, что дает им возможность чувствовать себя как дома. Но есть еще масса людей, которые выезжают за границу изредка и которые ожидают, что эта страна… ну, не стану заходить так далеко, во времена Диккенса, но они прочли «Крэнфорд» и Генри Джеймса и нисколько не хотят, чтобы наша страна оказалась такой же, как их собственная! Поэтому, возвратившись домой, они рассказывают: «В Лондоне есть прелестное место,

отель „Бертрам“. Там ты словно возвращаешься на сотню лет назад. Настоящая старая Англия. А какие люди там живут! Нигде больше таких не встретишь. Восхитительные старые герцогини. За столом подают старые английские блюда, замечательный пудинг из говядины, приготовленный по старому рецепту! Вы никогда ничего подобного не пробовали. Великолепная говяжья вырезка или седло барашка, английский чай на старинный лад, превосходный английский завтрак. И все остальное тоже чудесно. Удобно и тепло. В каминах горят толстые поленья».

Мистер Хамфрис закончил свой маленький спектакль и позволил себе нечто вроде улыбки.

— Понятно, — задумчиво протянул Ласкомб. — Эти люди, осколки аристократии, обедневшие члены знатных фамилий, создают у вас соответствующую мизансцену.

Мистер Хамфрис кивнул:

— Странно, что никто другой до этого не додумался. Конечно, я пришел в «Бертрам», так сказать, на все готовое. Требовался только довольно дорогой ремонт. Все приезжающие сюда считают, что сделали для себя открытие, о котором никто другой не знает.

— Я полагаю, — сказал Ласкомб, — что ремонт

в самом деле обошелся недешево?

— О да. Нужно было, чтобы гостиница выглядела эдвардианской по стилю, но при этом имела бы все современные удобства, без которых в наше время не обойтись. Наши милые «одуванчики», если вы простите мне это определение, должны ощущать, что ничто не изменилось с начала века, а наши зарубежные клиенты должны чувствовать атмосферу ушедшей эпохи и в то же время иметь все, к чему привыкли дома и без чего не могут обойтись.

— Порой приходится трудновато?

— Да нет. Возьмем, например, центральное отопление. Американцам требуется, я бы даже сказал, им необходима температура по меньшей мере на десять градусов по Фаренгейту выше, чем англичанам. И у нас, в сущности, имеются два типа спален. Англичан мы размещаем в одних, американцев — в других. Номера выглядят совершенно одинаковыми, но в них масса существенных отличий: электробритвы, души, ванны в некоторых номерах, а если вы хотите получить американский завтрак, то пожалуйста: хлопья и апельсиновый сок со льдом и прочее. Но можете заказать и английский завтрак.

— Яичницу с беконом?

— Можно и это. Но на самом деле выбор гораздо шире: копчушки, почки со шпиком, молодая дичь, йоркская ветчина, оксфордский мармелад.

— Нужно мне завтра утром все это припомнить. Дома уже ничего подобного не получишь.

Хамфрис улыбнулся:

— Большинство джентльменов заказывают яичницу с беконом. Они… ну, они как-то забыли уже обо всем, что было когда-то возможно.

— Да, да… помню, когда я еще был совсем ребенком… Столы просто ломились от горячих блюд. Да, роскошная была жизнь.

— Мы стараемся подать людям все, что они закажут.

— Включая кексы с тмином и оладьи, насколько я мог заметить. Каждому по потребности — прямо по Марксу, я бы сказал.

— Простите?

— Да просто подумалось, Хамфрис, противоположности сходятся.

Полковник Ласкомб повернулся и взял ключ, предложенный ему мисс Горриндж. Посыльный тотчас вскочил, чтобы проводить его до лифта. Он заметил, проходя мимо, что Селина Хейзи сидит уже со своей подругой — какой-то там Джейн.

Глава 2

— Не сомневаюсь, что ты все еще живешь в своей милой Сент-Мэри-Мид? — спрашивала леди Селина. — Такая славная, неиспорченная деревушка. Часто о ней вспоминаю. Там все по-прежнему, все без изменений?

— Пожалуй, нет. — Мисс Марпл задумалась о некоторых сторонах жизни своего поселка. Новое строительство… Пристройки к ратуше… Изменившийся облик главной улицы с ее современными витринами… Она вздохнула. — Приходится мириться с переменами, что поделаешь?

— Прогресс, — неопределенно отозвалась леди Селина. — Хотя мне часто кажется, что это никакой не прогресс. Вся эта современная сантехника. Всевозможных цветов и, как это там называется… выделки. Но разве хоть одно из этих приспособлений срабатывает как следует? Не знаешь, не то тянуть, не то нажимать. Каждый раз, когда приезжаешь к друзьям, в уборной обязательно висит надпись типа: «Резко нажми и отпусти», «Дерни влево», «Отпусти быстро». В старые времена нужно было просто потянуть ручку в любую сторону, и сразу лились целые потоки воды… О,

вот и милый епископ Медменхема, — прервала бурный поток своих воспоминаний леди Селина, увидев проходящего мимо благообразного пожилого священнослужителя. — Он, насколько мне известно, почти слепой. Но какой, однако, замечательный и страстный проповедник!

Они немного поболтали на церковные темы. Разговор неоднократно прерывался замечаниями леди Селины, узнававшей различных друзей и знакомых, многие из которых совсем не были теми людьми, за кого она их принимала. Они с мисс Марпл немного поговорили о былых временах, хотя мисс Марпл, конечно, выросла в совершенно иной среде, нежели леди Селина, и их воспоминания были в основном ограничены теми несколькими годами, которые леди Селина, недавно овдовевшая и чрезвычайно стесненная материально, была вынуждена провести в крошечном домике в деревне Сент-Мэри-Мид, пока ее второй сын находился на соседней авиабазе.

— Ты всегда здесь останавливаешься, Джейн, когда бываешь в Лондоне? Странно, ведь я тебя раньше здесь не видела.

— Да нет, конечно. Мне это не по средствам, и, вообще, я почти не выезжаю из дому последнее время. Это все моя добрая племянница, она

решила, что мне необходимо развеяться и хоть ненадолго приехать в Лондон. Джоан очень добрая девочка, да уж и не девочка, конечно. — Мисс Марпл задумалась, вспомнив, что Джоан уже около пятидесяти. — Она художница. И к тому же довольно известная. Джоан Уэст. Недавно у нее была персональная выставка.

Леди Селина совсем не интересовалась художниками, да и вообще ничем, связанным с искусством. В ее глазах писатели, художники и музыканты были лишь разновидностью дрессированных животных. Она готова была относиться к ним снисходительно, в то же время совершенно не понимая, что заставляет их заниматься тем, чем они занимаются.

— Что-нибудь в стиле модерн, без сомнения, — заметила она, рассеянно глядя по сторонам. — Вон Сесили Лонгхерст. Опять перекрасила волосы.

— Боюсь, что моя милая Джоан и впрямь пишет в современном стиле.

В этом мисс Марпл как раз ошибалась. Джоан Уэст считалась модернисткой лет двадцать назад, а среди нынешних молодых художников она числилась бесконечно старомодной.

Бросив беглый взгляд на прическу Сесили Лонгхерст, мисс Марпл погрузилась в приятные

размышления о том, как добра к ней Джоан. Она так и сказала своему мужу:

— Мне так хочется сделать что-нибудь для бедной старенькой тетушки Джейн. Она никуда не ездит. Как ты думаешь, согласится она поехать в Борнмут на недельку-другую?

— Неплохая мысль, — ответил Реймонд Уэст, его последняя книга неплохо продавалась, и он был расположен совершать благородные поступки.

— Ей понравилось в Вест-Индии, мне кажется, хотя она, к сожалению, впуталась там в это дело с убийством. В ее возрасте это было совсем некстати.

— С ней, мне кажется, такое происходит все время.

Реймонд очень любил свою престарелую тетушку и все придумывал для нее разные развлечения, посылал ей книги, которые, по его мнению, могли бы прийтись ей по вкусу. Его всегда удивляло, если она вежливо отказывалась от предлагаемых развлечений. Хотя она постоянно твердила, что книги «необычайно интересны», он подозревал, что она их не читала. Да это и понятно, думал он, ее глаза, наверное, все больше сдают.

В отношении последнего он заблуждался. У

мисс Марпл зрение для ее возраста было отличным, и в данный момент она как раз отмечала все происходящее вокруг с большим интересом и удовольствием.

Когда Джоан предложила ей провести недельку-другую в одном из лучших отелей Борнмута, она пробормотала, поколебавшись:

— С вашей стороны это очень-очень мило, но я, в сущности, не думаю…

— Но это пойдет вам на пользу, тетя Джейн. Просто необходимо время от времени уезжать из дому. Это рождает новые идеи, дает пищу для новых размышлений.

— О да, дорогая, в этом ты совершенно права, и мне бы в самом деле хотелось куда-нибудь съездить ненадолго, для перемены обстановки. Но, может быть, не в Борнмут.

Джоан была несколько удивлена. Ей казалось, что именно Борнмут станет Меккой для тетушки Джейн.

— Истбурн? Или Торки?

— Чего бы мне действительно хотелось… — сказала мисс Марпл нерешительно.

— Ну?

— Боюсь, ты скажешь, что это довольно глупо с моей стороны.

— Ни в коем случае. — Куда же это милая старушка хочет съездить на самом деле?

— На самом деле мне бы хотелось побывать в отеле «Бертрам», в Лондоне.

— Отель «Бертрам»? — Что-то в этом названии было знакомое.

Мисс Марпл вдруг заявила:

— Я там жила однажды, когда мне было четырнадцать. Была там с дядей и тетей. С дядей Томасом то есть. Он был каноником в Эли. И я никогда этого не забуду. Если бы я могла там пожить! Вполне достаточно недели, две недели — это слишком дорого.

— Да это пустяки. Конечно, вы туда поедете. Как это я не подумала, что вы можете захотеть съездить в Лондон, — магазины там и прочее. Это все мы уладим, если «Бертрам» все еще существует. Столько гостиниц уже исчезло: одни разбомбили, другие просто закрылись.

— Нет, я знаю, что «Бертрам» все еще работает. Я получила письмо оттуда — от своей американской подруги Эми Макалистер из Бостона. Они с мужем там жили.

— Отлично. Тогда я его заказываю. — Джоан мягко добавила: — Боюсь, что он сильно изменился с того времени, как вы там были. Поэтому

смотрите не разочаруйтесь.

Но отель «Бертрам» не изменился. Он остался точно таким же, как был. Просто восхитительно таким же, подумала мисс Марпл. Это ее сильно удивило…

Это казалось слишком уж хорошим, чтобы быть правдой. Она прекрасно сознавала, обладая трезвым рассудком, что ей просто захотелось освежить память прошлого со всеми его красками. Сейчас в ее жизни настало время, когда можно предаваться воспоминаниям о былых удовольствиях. А если еще найдется кто-нибудь, с кем можно разделить воспоминания, — это просто счастье. Теперь уже это было непросто, ибо ей удалось пережить большую часть сверстников. И вот она сидит, вспоминает, и это каким-то странным образом оживляет ее. Джейн Марпл — бело-розовая девушка, полная интереса к жизни… Такая глупышка во многих отношениях… а что это за неподходящий молодой человек, которого звали… Боже, да она даже имени его не помнит! Как мудро поступила мама, прервав эту дружбу в самом начале. Она столкнулась с ним много лет спустя — он и на самом деле был ужасен! А тогда она целую неделю проплакала в подушку!

Теперь, конечно… Она задумалась о новых вре-

менах. Эта бедная молодежь. У некоторых из них есть матери, но такие, на которых не понадеешься, — матери, неспособные защитить дочерей от глупых любовных историй, незаконных детей и ранних неудачных браков. Как все это печально!

Ее размышления были прерваны подругой:

— Ну и ну! Да это же… ну да, это Бесс Седж-вик! Подумать только: она — и вдруг здесь…

Мисс Марпл слушала комментарии леди Селины по поводу происходящего вокруг вполуха. Они с мисс Марпл вращались в совершенно разных кругах, поэтому мисс Марпл не могла делиться с Селиной крохами сплетен обо всех тех друзьях или знакомых, которых леди Селина узнавала или ей казалось, что узнает.

Но Бесс Седжвик — другое дело. Это имя было известно почти всей Англии. Пресса на протяжении более тридцати лет постоянно сообщала, что Бесс Седжвик совершила тот или иной шокирующий или из ряда вон выходящий поступок. На протяжении нескольких военных лет она была участницей французского Сопротивления, и, по слухам, на рукоятке ее револьвера было пять зарубок — по числу убитых немцев. Она совершила одиночный перелет через Атлантику много лет назад, проскакала верхом через всю

Европу и остановилась у озера Ван. Она управляла гоночными автомобилями; однажды спасла из огня двоих детей; к ее чести или наоборот, она была несколько раз замужем, и, кроме того, она считалась второй среди самых шикарно одетых женщин в Европе. Поговаривали, что она нелегально проникла на борт ядерной подлодки во время испытаний.

Именно это вызвало самый непосредственный интерес мисс Марпл, которая выпрямилась и устремила откровенно жадный взгляд на героиню.

Она никак не ожидала встретить Бесс Седж-вик в отеле «Бертрам». Ну еще в ночном клубе или на стоянке грузовиков — то и другое одинаково подходило для Бесс Седжвик, с ее широким кругом интересов. Но этот респектабельный приют из старого мира, казалось, совершенно ей не подходит.

Тем не менее она была здесь — в этом не было ни малейшего сомнения. И месяца не проходило, чтобы ее лицо не появилось на страницах модных журналов или газет. И вот она собственной персоной нетерпеливо курит сигарету и с удивлением смотрит на огромный поднос с яствами, как будто ничего подобного не видела. Она заказала

— мисс Марпл слегка прищурилась и вгляделась внимательнее, так как сидела далековато, — да, пончики. Очень интересно.

Пока она смотрела, Бесс Седжвик загасила сигарету в блюдце, взяла с подноса пончик и откусила здоровенный кусок. Ярко-красный настоящий земляничный джем брызнул на подбородок. Бесс запрокинула голову и рассмеялась — давно в отеле «Бертрам» не слышали такого громкого и веселого смеха.

Генри тут же оказался рядом и предложил ей маленькую, изящную салфеточку. Она взяла ее, вытерла подбородок и заметила с видом обрадованной школьницы:

— Вот это настоящие пончики! Превосходно!

Она бросила салфетку на поднос и поднялась. Как всегда, все взоры устремились на нее. Она к этому привыкла. Возможно, ей это нравилось, а может быть, она этого уже и не замечала. На нее стоило посмотреть, но ее внешность была скорее броской, нежели красивой. Гладкие платиновые волосы чрезвычайно светлого оттенка падали на плечи. Лицо и голова были превосходно вылеплены. Нос с легкой горбинкой, глубоко посаженные глаза настоящего серого цвета. У нее был широкий рот прирожденной комедиантки. Платье

настолько простого покроя, что вызывало недоумение у большинства мужчин. Оно было похоже на мешок, не имело ни украшений, ни видимых швов или застежек. Но женщины в таких вещах разбираются. Даже милые старые провинциалки в отеле «Бертрам» знали, что стоит этот «мешок» целое состояние!

Уверенно шагая по залу в сторону лифта, Бесс прошла совсем близко от стола мисс Марпл и леди Селины и кивнула последней:

— Привет, леди Селина. Не видела вас с того дня у Крафтов. Как борзые?

— Чем это вы здесь занимаетесь, Бесс?

— Я здесь живу. Только что приехала на машине из Лэндс-Энда. Четыре и три четверти часа! Неплохо, а?

— Вы когда-нибудь угробите себя. Или кого-то еще.

— Не дай бог!

— Но почему вы именно здесь остановились?

Бесс Седжвик быстро оглянулась. Казалось, она обдумывала, что ответить, потом нашла и усмехнулась иронически:

— Мне просто посоветовали попробовать. И думаю, оказались правы. Я только что съела превосходный пончик.

— Дорогая моя, у них и оладушки настоящие.

— Ола-а-адушки, — протянула леди Седжвик задумчиво. — Да-а-а… — Казалось, она признала, что даже такое возможно. — О-ла-душ-ки! — Она кивнула и направилась к лифту.

— Необыкновенная особа, — заметила леди Селина. — Знаю ее с детства. Никто не мог с ней совладать. Сбежала с конюхом-ирландцем в шестнадцать лет. Удалось вовремя вернуть ее домой… а может, и не вовремя. Во всяком случае, от него откупились, а ее благополучно выдали за старика Конистона — он был старше на тридцать лет, мерзкий тип, но ее боготворил. Это, однако, тянулось недолго. Она сбежала с Джонни Седжвиком. Этот брак, возможно, и продержался бы, не сломай он шею на стипль-чезе. Потом она вышла за Риджуэя Бекера, американца, владельца яхты. Через три года он с ней развелся, и, как я слышала, она связалась с каким-то гонщиком, вроде бы поляком. Не знаю даже, замужем она сейчас или нет. После развода с американцем она снова стала называться Седжвик. Вообще, она водится с такими людьми… говорят, она и наркотиками балуется… не знаю, не знаю.

— Интересно, счастлива ли она?

Леди Селина, которая, вполне очевидно, нико-

гда не задумывалась над подобными вещами, казалась огорошенной.

— Думаю, у нее куча денег, — сказала она не очень уверенно. — Алименты и все прочее. Конечно, не это главное…

— Нет, конечно.

— Но за ней всегда таскается какой-нибудь мужчина. Или даже несколько.

— Да?

— Разумеется, когда женщина достигает определенного возраста, ей только это и нужно… но как-то… — Леди Селина умолкла.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Я тоже так не думаю.

Наверное, нашлись бы люди, у которых подобное высказывание старомодной пожилой дамы — вряд ли авторитетного судьи по вопросам нимфомании — вызвало бы улыбку. Да мисс Марпл и не выразилась бы слишком прямо — она бы сказала: «Она всегда слишком любила мужчин». Но леди Селина восприняла ее слова как подтверждение собственных.

— В ее жизни было много мужчин, — заметила она.

— О да, но я бы сказала, уж не знаю, как вы, что для нее мужчины — приключение, а не по-

требность.

Разве какая-нибудь женщина, подумала мисс Марпл, приехала бы в отель «Бертрам» на свидание с мужчиной? «Бертрам» совсем не подходит для этого. Хотя, возможно, для человека вроде Бесс Седжвик это и может служить причиной выбора.

Она вздохнула, подняла глаза на красивые старинные часы, которые так славно тикали в углу, и с осторожностью ревматика встала на ноги. Она медленно направилась к лифту. Леди Селина огляделась вокруг, и взгляд ее наткнулся на молодого джентльмена с военной выправкой, который читал «Спектейтор».

— Как приятно снова видеть вас. Э-э… генерал Арлингтон?

Но пожилой джентльмен с наивозможной деликатностью отказался от звания генерала Арлингтона. Леди Селина извинилась, но не слишком смутилась при этом. В ней близорукость сочеталась с оптимизмом, а так как ее главным удовольствием было встречать старых друзей и знакомых, она постоянно совершала подобные ошибки. Ошибались и многие другие, тем более что свет был мягко приглушен и скрадывался абажурами. Никто не обижался — и вообще каза-

лось, что все получают здесь только радость.

Мисс Марпл улыбнулась про себя, ожидая лифт. Так похоже на Селину! Эта ее вечная уверенность, что она всех знает. Ей за Селиной не угнаться. Единственным ее достижением в этой области был красавец епископ Уэстчестера, которого она назвала с нежностью «милый Робби» и который с такой же нежностью приветствовал ее, вспоминая, как ребенком в доме пастора в Темпшире он упрашивал: «Будь крокодилом, пожалуйста, тетушка Джейн. Будь крокодилом и съешь меня!»

Лифт спустился, и человек средних лет в униформе распахнул дверь. К вящему удивлению мисс Марпл, его пассажиром оказалась Бесс Седжвик, которая поднималась наверх всего минуту назад. Внезапно Бесс Седжвик застыла на месте, балансируя на одной ноге, и мисс Марпл, готовая шагнуть в лифт, тоже остановилась. Бесс так пристально смотрела через ее плечо, что старушка оглянулась.

Швейцар только что открыл дверь и пропустил в вестибюль двух женщин — суетливую особу средних лет в нелепой лиловой шляпе с цветами и высокую, просто, но изысканно одетую девушку лет семнадцати или восемнадцати с длинными и прямыми льняными волосами.

Бесс Седжвик взяла себя в руки, резко развернулась и снова вошла в лифт. Когда мисс Марпл последовала за ней, она повернулась к ней и извинилась.

— Простите, я едва не толкнула вас. — Голос у нее был приятно-дружелюбный. — Я вдруг вспомнила, что кое-что оставила…

— Второй этаж? — спросил лифтер.

Мисс Марпл улыбнулась и кивнула, принимая извинения. Она вышла из лифта и медленно направилась к своему номеру, не без удовольствия перебирая в голове разные незначительные проблемы, как она часто делала.

Например, думала она о том, что леди Седжвик сказала неправду. Она ведь только что поднималась в номер и, вероятно, там и вспомнила о забытой вещи (если такая вещь существовала), за которой и спускалась. А может, она спускалась, чтобы встретиться с кем-то или кого-то поискать? Но если так, почему ее встревожило увиденное, когда дверь лифта открылась? Почему это заставило ее тут же повернуть обратно и войти в лифт, чтобы не встретиться с тем, кого она увидела?

Очевидно, дело в двух вновь прибывших женщинах, пожилой и совсем юной. Мать и дочь? Нет, подумала мисс Марпл. Не мать и дочь.

К счастью, даже в «Бертраме», подумала мисс Марпл, может произойти нечто интересное…

Глава 3

— Э-э-э… полковник Ласкомб?

Женщина в лиловой шляпе подошла к стойке. Мисс Горриндж приветливо улыбнулась, и посыльный, который дежурил тут же наготове, рванулся было выполнять поручение, но необходимость в этом отпала, ибо полковник Ласкомб как раз появился в вестибюле и быстрыми шагами направился прямо к ним.

— Здравствуйте, миссис Карпентер. — Он вежливо пожал ей руку и повернулся к девушке: — Милая моя Эльвира! — Он ласково взял ее руки в свои. — Ну как это приятно! Отлично, отлично. Давайте присядем.

Он подвел их к креслам.

— Очень, очень приятно, — повторил он.

Было заметно, что изобразить радость стоит ему усилия и слова его звучали принужденно. Он не мог бесконечно повторять, как это все приятно. А дамы отнюдь не облегчали его положения. Эльвира очень мило улыбалась. Миссис Карпентер не к месту рассмеялась и принялась разглаживать перчатки.

— Вы хорошо добрались?

— Да, спасибо, — поблагодарила Эльвира.

— Ни тумана, ни еще чего-нибудь подобного?

— О нет.

— Наш рейс прибыл на пять минут раньше расписания, — сказала миссис Карпентер.

— Так-так. Отлично. — Он наконец взял себя в руки. — Надеюсь, здесь вам понравится.

— О, я уверена, что здесь будет очень мило, — сказала миссис Карпентер с чувством, оглядываясь вокруг. — Так уютно.

— Боюсь, несколько старомодно, — извиняющимся тоном произнес полковник. — Довольно много старичков и старушек. Никаких… м-м-м… танцев, ничего подобного.

— Да, здесь вряд ли, — согласилась Эльвира.

Лицо ее ничего не выражало, пока она рассматривала обстановку. «Бертрам» никак не вязался с танцами.

— Боюсь, здесь полно старых чудаков, — явно повторяясь, сказал полковник Ласкомб. — Возможно, следовало поселить вас в каком-нибудь более современном заведении. Я как-то в этом слабо разбираюсь.

— Здесь очень мило, — из вежливости возразила Эльвира.

— Это всего лишь на пару дней, — продол-

жал полковник. — Я думал, мы, может быть, сходим куда-нибудь сегодня. На какой-нибудь мюзикл… — Он выговорил это слово так, как будто не был уверен в правильности выбранного определения. — Например, «Распустите волосы, девушки». Надеюсь, это подойдет?

— Восхитительно! — воскликнула миссис Карпентер. — Это будет истинное удовольствие, не правда ли, Эльвира?

— Прекрасно, — произнесла Эльвира без всякого выражения.

— А потом поужинаем? В «Савое».

Новые выражения восторга со стороны миссис Карпентер. Полковник Ласкомб, украдкой взглянув на Эльвиру, слегка приободрился. Ему показалось, что Эльвира довольна, хотя и полна решимости не выказывать ничего, кроме вежливого одобрения, в присутствии миссис Карпентер. «И я ее за это не виню», — сказал он сам себе и обратился к миссис Карпентер:

— Возможно, вы хотите посмотреть ваши комнаты… подходят ли они… и все такое прочее.

— О, я уверена, что они нам подойдут.

— Ну, если вам что-нибудь не понравится, комнаты заменят. Здесь меня хорошо знают.

Мисс Горриндж по ту сторону стойки мило при-

ветствовала их. Номера 28 и 29 с общей ванной комнатой.

— Пойду наверх распаковываться, — сказала миссис Карпентер. — А ты, Эльвира, наверное, не против немного поболтать с полковником Ласкомбом.

Тактично, подумал полковник. Чересчур откровенно, пожалуй, но зато они с Эльвирой хоть на какое-то время избавятся от ее присутствия. О чем он может поболтать с Эльвирой, полковник не имел представления. О чем? У нее прекрасные манеры, но он совершенно не умеет обращаться с девушками. Жена его умерла при родах, и ребенок, мальчик, воспитывался в семье его жены, в то время как старшая сестра переехала к нему, чтобы вести хозяйство. Сын женился и уехал в Кению, а внукам одиннадцать, пять и два с половиной года, и полковник развлекал их во время последнего визита футболом, разговорами о космической науке, электрическими поездами и качанием на ноге. Все было очень просто. Но девушки!

Он спросил Эльвиру, не хочет ли она чего-нибудь выпить, и чуть было не предложил ей лимонный сок, оранжад или имбирный лимонад, но она опередила его:

— Спасибо. Я бы выпила джин с вермутом.

Полковник Ласкомб взглянул на нее с некоторым удивлением. Он не мог представить, что столь юные девушки — сколько ей? шестнадцать? семнадцать? — пьют джин и вермут. Но тут же заверил себя, что Эльвира знает, что делает, и не нарушит правил приличия. Он заказал джин с вермутом и сухое шерри.

Откашлявшись, он спросил:

— Ну, как вам Италия?

— Очень мило, спасибо.

— А там, где вы жили, у этой графини… как ее? Не слишком мрачно?

— Она довольно чопорная, но я не обращала на это внимания.

Он взглянул на нее, не вполне уверенный, что ее ответ не звучит двусмысленно, и сказал, немного запинаясь, но гораздо более непосредственно, чем ему это удавалось ранее:

— Боюсь, мы знаем друг друга не так хорошо, как следовало бы, поскольку я ваш опекун и крестный отец. Мне сложно, видите ли, сложно человеку — такому старому пню, как я, — понять, чего хотела бы девушка и что ей положено видеть. В мое время девушки кончали школу, а после школы, как тогда говорили, они совершен-

ствовались. Сейчас, мне кажется, все намного сложнее. Карьера? Работа? Все такое прочее. Мы должны об этом как-нибудь поговорить. Есть ли что-нибудь, чем вы хотели бы заняться?

— Думаю, мне стоит поступить на курсы секретарей, — сказала Эльвира без всякого энтузиазма.

— Ах, вы хотели бы стать секретарем?

— Не особенно.

— О, ну тогда…

— Просто с этого обычно начинают, — объяснила Эльвира.

У полковника Ласкомба возникло ощущение, что его поставили на место.

— Эти мои родственники, Мелфорды… Вы хотели бы пожить у них? Если нет…

— Думаю, да. Мне нравится Нэнси. А кузина Милдред вообще прелесть.

— Тогда это решено.

— Да, вполне. Пока.

Ласкомб не знал, как реагировать на это. Пока он раздумывал, что бы еще сказать, Эльвира заговорила сама. Слова ее были просты и непосредственны:

— У меня есть какие-то деньги?

Он снова помедлил с ответом и посмотрел на

нее задумчиво. Потом произнес:

— Да. *У вас довольно много денег.* То есть вы получите их по достижении двадцати одного года.

— А сейчас они у кого?

Он улыбнулся:

— Они находятся под опекой. Каждый год из них вычитается определенная сумма на ваше содержание и образование.

— И вы один из опекунов?

— Один из них. А всего нас трое.

— А что будет, если я умру?

— Ну-ну, Эльвира, вы же не собираетесь умирать. Какая чепуха!

— Надеюсь, что нет, но кто знает? На прошлой неделе грохнулся самолет, и все погибли.

— Ладно, с вами этого не случится, — твердо заявил Ласкомб.

— Откуда вам знать? — сказала Эльвира. — Мне просто интересно, кому достанутся деньги в случае моей смерти.

— Не имею ни малейшего представления, — сказал полковник раздраженно. — Зачем говорить об этом?

— Просто интересно, — повторила Эльвира. — Выгодно ли кому-нибудь прикончить меня?

— Ну в самом деле, Эльвира! Совершенно бес-

смысленный разговор. Не понимаю, как это вам пришло в голову размышлять о подобных вещах?

— Ах, да просто так. Человеку хочется знать, как все обстоит на самом деле.

— Вы же не думаете о мафии или о чем-то в этом роде?

— О нет. Это было бы глупо. А кому достанутся мои деньги, если я выйду замуж?

— Вашему мужу, очевидно. Но вообще-то…

— А вы в этом уверены?

— Нет, не совсем уверен. Это зависит от того, что написано в завещании. Но вы ведь пока не замужем, так зачем тревожиться?

— Вы видитесь с моей матерью?

— Иногда. Не часто.

— А где она сейчас?

— О… за границей.

— И где же за границей?

— Во Франции или в Португалии, точно не знаю.

— А ей никогда не хочется меня увидеть?

Полковник встретился с ясным взглядом девушки. Он не знал, что сказать. Настало ли время для истины? Или для уклончивого ответа? Или для большой убедительной лжи? Что можно

сказать девушке, которая задала вопрос с такой прямотой, а ответ на него так сложен?

Он сказал огорченно:

— Я не знаю.

Ее глаза смотрели на него серьезно.

Он все запутал. Ведь девушке хочется знать, она совершенно ясно дала это понять. Да и любой девушке этого хотелось бы.

Он сказал:

— Вы не должны думать… то есть, я хочу сказать, это трудно объяснить. Ваша мать, видите ли, совершенно не похожа на…

Эльвира энергично кивнула:

— Я знаю. Я все время читаю о ней в газетах. Она совсем особенная, правда? В сущности, она необыкновенная личность.

— Да, — согласился полковник. — Это совершенно верно. Она необыкновенная. — Он помедлил, потом продолжал: — Но необыкновенные люди часто… — Он замолк и спустя немного времени начал снова: — Не всегда так уж здорово, если твоя мать необыкновенный человек. Можете положиться на мои слова, ибо это самая настоящая правда.

— Вы не слишком любите говорить правду, верно? Но я полагаю, то, что вы сейчас сказали, и

есть самая настоящая правда.

Они оба замолчали и посмотрели на огромные, оправленные в медь двери, ведущие во внешний мир.

Вдруг двери резко повернулись на петлях — с силой, совершенно нехарактерной для отеля «Бертрам», — и вошедший молодой человек решительно направился к стойке. На нем была черная кожаная куртка. Он излучал жизненную энергию такой силы, что по контрасту отель «Бертрам» вдруг стал похожим на музей. Люди показались покрытыми пылью реликтами прошедших веков. Незнакомец наклонился к мисс Горриндж и спросил:

— Леди Седжвик остановилась у вас?

На этот раз на лице мисс Горриндж не было приветливой улыбки. Глаза ее сделались необычайно строгими. Она ответила:

— Да. — Затем с очевидной неохотой протянула руку к телефону. — Вы хотите?..

— Нет, — сказал молодой человек. — Я просто хотел оставить ей записку. — Он достал записку из кармана своей кожаной куртки и протянул через стойку красного дерева. — Я просто хотел убедиться, что это та самая гостиница.

В голосе его послышалось некоторое недоуме-

ние, когда он осмотрелся. Затем он повернулся к дверям. Глаза его с полным безразличием окинули сидящих. Точно так же они пробежались по Эльвире, полковнику Ласкомбу. Ласкомба внезапно охватил приступ гнева. «Черт возьми, — подумал он, — Эльвира — хорошенькая девушка. Когда я был молод, я всегда замечал хорошеньких, а уж здесь, где кругом все эти ископаемые!» Но молодому человеку было явно не до хорошеньких девушек. Он снова повернулся к стойке и спросил, слегка повысив голос, как бы пытаясь привлечь внимание мисс Горриндж:

— Какой здесь номер телефона? 1129?

— Нет, — сказала мисс Горриндж. — 3925.

— Риджент?

— Нет, Мэйфер.

Он кивнул. Потом быстро прошагал к двери и вышел. Двери захлопнулись за ним почти с тем же взрывным эффектом, который всех потряс при его появлении.

Все облегченно вздохнули; но обнаружили, что продолжать разговор в прежнем тоне уже трудно.

— Ну и ну! — воскликнул полковник Ласкомб. — Ну и ну! Уж эти мне нынешние молодые люди…

Эльвира улыбнулась:

— Вы его узнали? Знаете, кто это? — В ее голосе звучали почти благоговейные нотки. Она решила просветить полковника: — Это Ладислав Малиновский.

— А-а, этот! — Имя было знакомо полковнику. — Гонщик.

— Да. Он два года подряд был чемпионом. А год назад разбился. Сильно разбился. Но мне кажется, он снова ездит. — Она приподняла голову и прислушалась. — Он и сейчас на гоночной машине.

Рев двигателя донесся с улицы сквозь стены «Бертрама». Полковник Ласкомб сообразил, что Ладислав Малиновский — кумир Эльвиры. Ну что ж, подумал он, это лучше, чем один из этих поп-певцов, или бардов, или еще этих длинноволосых «Битлов», или как там они себя называют. У Ласкомба были явно устаревшие взгляды на молодежь.

Двери снова отворились. Эльвира и полковник выжидательно взглянули на них, но отель «Бертрам» возвращался к нормальной жизни. Вошел всего лишь седовласый священнослужитель. Он с минуту постоял, осматриваясь с видом человека, не совсем осознающего, где и каким образом он оказался. Канонику Пеннифезеру это было не

впервой. Такое случалось с ним в поездах, когда он не мог вспомнить, откуда, куда и зачем едет. Подобное же ощущение нисходило на него, когда он шел по улице или заседал в каком-нибудь комитете. Случилось даже на кафедре в соборе, когда он не мог вспомнить, прочитал он уже свою проповедь или только собирался это сделать.

— Мне кажется, я знаю этого старикана, — сказал Ласкомб, вглядываясь в него. — Да кто же он такой? Частенько здесь останавливается. Может быть, Аберкромби? Архидиакон Аберкромби? Нет, не Аберкромби, хоть и похож на него.

Эльвира посмотрела на каноника Пеннифезера без малейшего интереса. Он не шел ни в какое сравнение с гонщиком. Ее ничуть не интересовало богословие, хотя за время пребывания в Италии у нее выработалось определенное восхищение кардиналами, которых она считала по меньшей мере живописными.

Лицо каноника Пеннифезера просветлело, и он удовлетворенно кивнул. Он узнал место, в которое попал. Это, конечно, же отель «Бертрам», где он проведет ночь по пути в… стоп, куда же он направляется? В Чадминстер? Нет, из Чадминстера он приехал. Он шагнул вперед с широкой улыбкой на лице. За стойкой его тепло привет-

ствовала мисс Горриндж:

— Так рада видеть вас, каноник Пеннифезер. Вы прекрасно выглядите.

— Благодарю вас, благодарю. У меня на прошлой неделе была страшная простуда, но теперь уже все в порядке. У вас должен быть номер для меня. Я ведь писал вам?

Мисс Горриндж подтвердила это:

— Да, каноник Пеннифезер, мы получили ваше письмо. Для вас оставили 19-й номер, тот самый, в котором вы останавливались прошлый раз.

— О, спасибо, спасибо. Ибо, дайте-ка мне подумать, мне он будет нужен на четыре дня. Вообще-то я направляюсь в Люцерн и буду отсутствовать одну ночь, но, пожалуйста, закрепите номер за мной. Я здесь оставлю почти все свои вещи, полечу в Швейцарию только с небольшой сумкой. С этим не будет никаких проблем?

Мисс Горриндж успокоила его:

— Все будет хорошо. Вы все нам точно изложили в своем письме.

Иной сказал бы не «точно», а «подробно», потому что письмо было чрезвычайно длинным.

Теперь, когда все тревоги и волнения улеглись, каноник Пеннифезер вздохнул с облегчением и был препровожден вместе со своим багажом в

номер 19.

В номере 28 миссис Карпентер тем временем сняла с головы свою лиловую корону и раскладывала ночную рубашку на подушке. Она подняла голову, когда вошла Эльвира.

— Да, вот и вы, дорогая. Помочь вам распаковаться?

— Нет, спасибо, — ответила Эльвира вежливо. — Я не стану выкладывать все.

— Которую из спален вы хотели бы занять? Ванная между ними. Я велела отнести ваш багаж в дальнюю. Подумала, что эта комната может оказаться немного шумной.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказала Эльвира своим бесстрастным тоном.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь?

— Нет, спасибо, совсем не нужна. Я охотно приняла бы ванну.

— Да, превосходная мысль. Мойтесь первая. Я пока еще не разобралась с вещами.

Эльвира кивнула. Она зашла в ванную, закрыла за собой дверь и щелкнула задвижкой. Потом пошла в свою комнату, открыла саквояж и бросила несколько вещей на кровать. Разделась, облачилась в халат, вернулась в ванную и включила воду. Направилась в свою комнату и села на

кровать рядом с телефоном. Она прислушалась, не помешают ли ей, и сняла трубку:

— Это номер 29. Дайте мне, пожалуйста, Риджент 1129.

Глава 4

В недрах Скотленд-Ярда шло совещание. Это было своего рода неофициальное мероприятие. Шесть или семь человек в свободных позах расселись вокруг стола, причем каждый из собравшихся являл собой серьезного специалиста в той или иной области. Предмет, занимавший внимание этих стражей закона, приобрел необычайно важное значение за последние два или три года. Речь шла о серии преступлений, успех которых вызывал особую тревогу. Росло количество серьезных ограблений. Нападения на банки, похищение зарплаты, кража почтовых отправлений, содержащих драгоценности, ограбление поездов. Не проходило и месяца, чтобы не была предпринята какая-нибудь отчаянная и дерзкая попытка, обычно завершавшаяся удачно для преступников.

Председательствовал на совещании сэр Рональд Грейвс, помощник комиссара Скотленд-Ярда. По своему обыкновению, он больше слушал, нежели говорил. В данном случае не было никаких формальных докладов. Все, что говорилось здесь сейчас, было частью повседневной работы

уголовного розыска. Происходящее можно было рассматривать как консультацию на высоком уровне, сведение воедино всех соображений, излагаемых людьми, которые смотрят на дело с разных точек зрения. Сэр Рональд Грейвс медленно обвел взглядом членов маленькой группы, затем кивнул человеку, сидевшему на другом конце стола.

— Итак, Папаша, — сказал он, — давайте-ка выслушаем ваши глубокомысленные соображения.

С этим прозвищем сэр Грейвс обратился к старшему инспектору Фреду Дэви. Его уход в отставку был уже не за горами, а на вид он казался старше своих лет. Отсюда и обращение. Он всегда держался благожелательно и располагающе, его манера общения была необычайно добродушной, но многих преступников неприятно удивляло, что на самом деле он оказывался совсем не таким славным и доверчивым, каким казался на первый взгляд.

— Да, Папаша, неплохо бы услышать ваши соображения, — сказал еще один старший инспектор.

— Дело крупное, — заговорил старший инспектор Дэви с глубоким вздохом. — Да, крупное. И возможно, растущее.

— Когда ты говоришь «крупное», ты имеешь в виду количество участников?

— Именно.

Тут в разговор вмешался Комсток, человек с остренькой, лисьей мордочкой и живыми глазами:

— Вы полагаете, что в этом их преимущество?

— И да и нет, — ответил Папаша. — Это может обернуться катастрофой для них. Но пока, черт бы их подрал, они все держат под контролем.

Старший офицер Эндрюс, светловолосый и худощавый, несколько мечтательного вида, произнес задумчиво:

— Я всегда полагал, что количество имеет гораздо больше значения, чем люди осознают. Возьмите малое предприятие, в котором занят один человек. Если им хорошо управляют, если оно имеет подходящую величину — это дело определенно выигрышное. Создайте филиал, расширяйтесь, увеличивайте штат — и тут вполне вероятно, что величина станет *неподходящей* и все покатится под горку. То же самое касается и большой цепи магазинов или промышленной империи. Если она *достаточно* велика, она преуспевает. Если она *недостаточно* велика, ей не справиться. Все должно иметь свой положенный размер. Если размер подходящий и управление

соответствующее — все будет превосходно.

— А как, на твой взгляд, велика эта команда? — прорычал сэр Рональд.

— Крупнее, чем мы думали поначалу, — ответил Комсток.

Суровый на вид инспектор Макнейл сказал:

— Дело, на мой взгляд, расширяется. Папаша прав. Все время расширяется.

— Это, возможно, и неплохо, — заметил Дэви. — Если оно начнет расти *слишком* быстро, тогда им не справиться.

— Вопрос в одном, сэр Рональд, — сказал Макнейл, — кого мы собираемся брать и когда?

— Да мы можем целую дюжину взять или около того, — сообщил Комсток. — Тут и ребята Гарриса замешаны, как нам стало известно. В районе Льютона есть глухой угол, есть еще гараж в Эпсоме, пивная около Мейденхеда, есть еще и ферма на Большой Северной дороге.

— А стоит кого-нибудь из них брать?

— Не думаю. Это все мелкая рыбешка. Просто связные в цепочке. Место, где машины быстро переделывают и переправляют, приличная пивная, куда поступает информация для передачи; магазин поношенной одежды, где можно изменить внешность; театральный костюмер в Ист-Энде

— тоже очень полезная личность. Им всем, этим людям, платят. Платят очень неплохо, но они, по сути, ничего не знают.

Задумчивый старший офицер Эндрюс снова заговорил:

— Нам противостоят неплохие мозги. Мы еще к ним не подобрались. Нам известны только некоторые их контакты — и все. Я уже сказал, что там люди Гарриса и что Маркс ведает финансами. Зарубежные контакты выходят на Вебера, но он всего лишь агент. У нас, в сущности, на этих людей ничего нет. Нам известно, что у них есть способы поддерживать связь друг с другом и с разными отделениями концерна, но нам точно неизвестно, как они это делают. Мы их наблюдаем, следим за ними, и им известно, что мы следим. Где-то должен быть центральный штаб. Для нас главное — добраться до тех, кто планирует операции.

Комсток сказал:

— Это похоже на гигантскую сеть. Я согласен с тем, что где-то должен быть оперативный штаб. Место, где каждая операция планируется, разрабатывается в деталях и все до мелочей увязывается. Где-то кто-то все это задумывает, готовит рабочую схему операции «Почтовая сумка»

или операции «Зарплата». Вот за ними-то мы и должны охотиться.

— А может, они вообще находятся вне Англии, — негромко вставил Папаша.

— А что, все возможно. Вдруг они сидят где-нибудь в иглу[128], или в шатре в Марокко, или в каком-нибудь шале в Швейцарии.

— Нет, не верю я в эти мозговые центры, — сказал Макнейл, покачав головой. — Они хороши для разных там историй. Конечно, должна за всем этим стоять какая-то голова, но не верю я в суперпреступников. Думаю, скорее здесь действует какой-то небольшой, но мозговитый совет директоров. Он централизован, и во главе стоит председатель. Им удалось наладить дело, и они все время совершенствуют технику. Тем не менее…

— Ну? — подстегнул его сэр Рональд.

— Но даже в таком спаянном маленьком коллективе всегда найдется лишний, без кого можно обойтись. Это то, что я называю принципом русских саней. Время от времени, как только им начинает казаться, что мы напали на горячий след, они выбрасывают кого-то одного, потеря

---

[128] notes: 128

Иглу — сложенный из ледяных блоков дом эскимосов Аляски.

которого им кажется наименее болезненной.

— Разве они посмеют сделать это? Это ведь рискованно!

— Думаю, все может быть проделано так, что тот, кого сбросят, даже не узнает об этом. Он посчитает, что сам свалился. И будет помалкивать, потому что выгоднее молчать. И это, конечно, так. У них полно денег, почему бы не поиграть в щедрость. Позаботиться о семье, пока он в тюрьме. Можно даже устроить побег.

— Такое мы уже имели с лихвой, — заметил Комсток.

— Я полагаю, вы понимаете, — сказал сэр Рональд, — что перемалывать все это мало толку. Мы все время повторяемся.

Макнейл рассмеялся:

— А для чего вы вообще нас собрали, сэр?

— Видите ли… — Сэр Рональд на минуту задумался. — Мы все согласны в главном, — продолжал он неторопливо. — Мы едины в оценке нашей основной политики, в том, что мы должны попытаться сделать. Думаю, было бы полезно поискать что-то второстепенное, не такое значительное, но тем не менее выходящее за рамки привычного. Мне даже трудно объяснить, что я имею в виду. Нечто вроде того дела несколько лет

назад — случая с Калвером. Чернильное пятно. Помните? Чернильное пятно вокруг мышиной норы. Спрашивается, чего ради кто-то станет выливать бутылку чернил в мышиную нору? Это казалось пустяком, но пустяком необъяснимым. А когда мы нашли объяснение, это повело нас дальше. Вот, приблизительно, что я имею в виду. Что-то нестандартное. Не стесняйтесь говорить о том, что вы наткнулись на какую-то необъяснимую странность. Мелочь, возможно, но раздражает, потому что никуда не вписывается. Вижу, что Папаша кивает.

— Более чем согласен с вами, — сказал старший инспектор Дэви. — Давайте, ребята, постарайтесь выудить что-нибудь. Даже если это просто человек в дурацкой шляпе.

Немедленного отклика не последовало. У присутствующих был неуверенный вид людей, которые колеблются.

— Ну давайте же, — продолжил Папаша. — Ладно, рискну быть первым. Просто забавная история, примите ее как есть. Нападение на «Лондон энд Метрополитен банк». Отделение на Кармолли-стрит. Помните? Целый список номеров машин, их цветов и марок. Мы призываем народ давать показания, и люди откликаются

— еще как! Около ста пятидесяти свидетельств, ведущих никуда. Мы их отсортировали наконец, оставив около семи машин, которые заметили в округе. Любая из них могла быть замешана в ограблении.

— Да, — подтвердил сэр Рональд, — продолжайте.

— Но одну или две нам не удалось обнаружить. Похоже, что номера были заменены. В этом нет ничего особенного. Так делается часто. Многие все же удается выследить. Но я остановлюсь на одном только факте. «Моррис-Оксфорд» черного цвета, номер SMG-256. Машину засек полицейский, он сообщил, что за рулем был судья Ладгроув.

Он обвел всех глазами. Его слушали, но без особого интереса.

— Судья Ладгроув довольно заметный старикан — уродливый как смертный грех. Так вот, это был совсем не судья Ладгроув, потому что именно в это время он заседал в суде. У него действительно есть «Моррис-Оксфорд», но его номер не SMG-256. — Он еще раз огляделся. — Ладно, ладно. Вы скажете: «Хорошо, ну и что?» Но вы знаете, какой номер у машины Ладгроува на самом деле? SMG-265. Близко, а? Как раз такая ошибка, которую совершаешь, пытаясь запомнить номер.

— Прошу прощения, — пожал плечами сэр Рональд, — но я что-то не понимаю…

— Да, — сказал старший инспектор Дэви, — тут и понимать нечего вообще-то. Только ведь номер был похож на настоящий номер его машины! 265—256 SMG. Похоже, что там был именно «Моррис-Оксфорд» нужного цвета и с номером, состоящим из тех же букв и цифр, а в машине сидел человек, похожий на Ладгроува.

— Вы хотите сказать?..

— Разница только в порядке цифр. Так называемая «преднамеренная ошибка». Очень на то похоже.

— Прости, Дэви. Я все-таки не понимаю.

— Да, собственно, ничего особенного нет. Просто по улице две с половиной минуты спустя после ограбления банка едет «Моррис-Оксфорд», SMG-265. И офицер полиции узнает судью Ладгроува.

— Уж не хотите ли вы сказать, что там действительно сидел судья Ладгроув? Да вы что, Дэви?

— Нет, я не пытаюсь сказать, что там был Ладгроув и что он замешан в ограблении банка. Он остановился в отеле «Бертрам» на Понд-стрит, а в тот момент находился в суде. Все это точно доказано. Я просто хочу подчеркнуть, что но-

мер машины и то, что Ладгроува узнал офицер, которому прекрасно знакомо лицо судьи, — это совпадение, которое должно что-то значить. Видимо, ничего. Очень плохо.

Комсток заерзал:

— Нечто похожее произошло при ограблении ювелира в Брайтоне. Какой-то старый адмирал, что ли. Забыл его фамилию. Какая-то женщина уверенно опознала его как бывшего на месте преступления.

— А его там не было?

— Нет, он был в Лондоне в тот вечер. На приеме в честь моряков, кажется.

— Он остановился в своем клубе?

— Нет, в гостинице. Кажется, в том самом отеле, который вы только что упомянули, Папаша. «Бертрам», верно? Тихое местечко. Там всегда полно старых служак, насколько мне известно.

— Отель «Бертрам», — задумчиво повторил старший инспектор Дэви.

Глава 5
1

Мисс Марпл проснулась рано, потому что она всегда просыпалась рано. Ей понравилась кровать. Очень удобная.

Она подошла к окну и отдернула шторы, впустив в комнату бледный свет лондонского утра. Но ей пока не хотелось расставаться с электрическим светом. Мисс Марпл отвели прелестную комнату, опять-таки в духе бертрамовских традиций. Обои в розочках, большой, хорошо отполированный комод красного дерева и соответствующий ему туалетный столик. Два стула с прямыми спинками, одно кресло с достаточно высоким сиденьем. Дверь вела в ванную комнату, вполне современную, но стены ее были оклеены пластиком в розочках, и это скрадывало впечатление слишком строгой стерильности.

Мисс Марпл снова забралась в постель, приподняв повыше подушки, и взглянула на часы. Половина восьмого. Она взяла маленький молитвенник, который всегда возила с собой, и прочла, как обычно, полторы страницы, положенные

на этот день. Затем она достала свое вязанье и принялась вязать, сначала медленно, так как ревматические пальцы сразу после пробуждения были скованны и слушались плохо. Постепенно они разработались, и дело пошло все быстрее и быстрее.

«Еще один день», — сказала себе мисс Марпл, приветствуя этот факт с обычным легким удовольствием. Еще один день, и кто знает, что он принесет?

Она устроилась поуютнее и, опустив вязанье, отдалась ленивому течению праздных мыслей. Селина Хейзи… какой у нее был прелестный домик в Сент-Мэри-Мид… а теперь кто-то приделал к нему жуткую зеленую крышу… Оладьи… очень уж они щедро помаслены, но зато какие вкусные… И подумать только, здесь до сих пор подают этот старомодный кекс с тмином! Она никак не ожидала, что все будет до такой степени похоже на то, как было раньше… потому что, в конце концов, время-то не стоит на месте… Вынудить его остановиться, как это сделали здесь, разумеется, стоит немалых денег… Никакого пластика во всей гостинице… Наверное, это все-таки выгодно, предположила она. Все старомодное возвращается и выглядит так живописно… Подумать

только, как люди стараются сейчас выращивать старые сорта роз и пренебрегают нынешними чайногибридными! В этой гостинице ничто не кажется вполне реальным… Да иначе и быть не могло… Она была здесь пятьдесят, нет, чуть ли не шестьдесят лет назад. И ей все это кажется нереальным, потому что она уже приспособилась к жизни в теперешнем году от Рождества Христова. Но такие обстоятельства порождают целую кучу любопытных проблем… Атмосфера и люди… Мисс Марпл отложила вязанье подальше.

— Деньги, — произнесла она вслух. — Я думаю, деньги… Их крайне трудно найти…

Не в этом ли причина того странного ощущения неловкости, которое она испытала накануне вечером? Ощущения, словно здесь что-то не так…

Все эти пожилые люди — они очень похожи на тех, кого она помнила, когда жила здесь пятьдесят лет назад. Тогда они были вполне естественны, а сейчас не кажутся такими. Современные немолодые люди совсем иные, чем прежде, — на них лежит печать беспокойства и суеты, которую накладывают домашние неурядицы, а бороться с этими неурядицами они слишком устали. Порой они толкутся в разных комитетах и пытаются выглядеть деловитыми и осведомленными, а то

еще красят волосы в голубой цвет или носят парики. Да и руки у них совсем не такие красивые, с удлиненными пальцами, как у их предшественников: их руки огрубели от мытья посуды, от стиральных порошков.

Итак, люди в отеле не производят впечатления подлинности. Но суть дела в том, что они на самом деле реальны. Селина Хейзи существует. Тот импозантный старик военный, который сидел в углу, тоже реален. Она уже с ним как-то встречалась, но не может вспомнить его имени.

Мисс Марпл взглянула на свои часики. Половина девятого. Пора завтракать.

Она прочла инструкцию, предлагаемую отелем. Прекрасный крупный шрифт, так что нет нужды надевать очки.

Еду можно заказать в номер по телефону через бюро услуг или просто нажать кнопку «Горничная».

Мисс Марпл воспользовалась вторым способом. Она всегда волновалась, когда приходилось звонить в бюро обслуживания.

Результат не заставил себя ждать. Вскоре послышался стук в дверь, и появилась горничная — такая, какой ей положено быть в отеле «Бертрам». Живая горничная, которая выгля-

дела нереальной: на ней было бледно-лиловое ситцевое платье в полосочку и чепец, свежевыстиранный чепец. Улыбающееся, розовое, настоящее деревенское личико. И где они только отыскивают таких людей?

Мисс Марпл заказала завтрак: чай, яйца в мешочек, свежие булочки. Горничная была так отлично вымуштрована, что даже не упомянула ни о кукурузных хлопьях, ни об апельсиновом соке.

Через пять минут появился завтрак. Удобный поднос с большим пузатым чайником, кувшинчиком с молоком, похожим на сливки, и серебряным кувшином с кипятком. Два прекрасно сваренных в кипятке без скорлупы яйца на тостах, а не просто две твердые круглые пули, которые «отливают» в жестяных формочках; приличного размера кружок масла с рельефным изображением цветка чертополоха. Мармелад, мед, земляничный джем. Чудесные булочки, отнюдь не те жестко-серые, с ватной на вкус сердцевиной. Эти пахли свежим хлебом (самый вкусный в мире запах!). Еще там были яблоко, груша и банан.

Мисс Марпл осторожно, но уверенно воткнула нож. И не разочаровалась. Вытек густой ярко-

желтый желток, похожий на крем. Прекрасные яйца!

Все совершенно горячее. Настоящий завтрак. Такой приготовила бы она сама, но здесь в этом не было нужды! Ей все принесли, как… нет, не как королеве… а как пожилой даме, которая остановилась в хорошем, но не слишком дорогом отеле. Но — в 1909 году. Мисс Марпл выразила свое восхищение горничной, которая ответила с улыбкой:

— О да, мадам, шеф у нас очень внимательно относится к завтракам.

Мисс Марпл пристально взглянула на нее. Поистине, отель «Бертрам» умеет творить чудеса. Настоящая горничная. Она на всякий случай незаметно ущипнула себя за левую руку.

— А вы давно здесь служите? — спросила она.

— Немногим больше трех лет, мадам.

— А до этого?

— Я служила в гостинице в Истбурне. Очень большой и современной, но я предпочитаю такие старомодные отели, как этот.

Мисс Марпл попробовала чай. Она поймала себя на том, что мурлычет давно забытую песенку «О, где же ты была до нашей встречи?».

Горничная посмотрела на нее слегка ошара-

шенно.

— Мне просто вспомнилась старая песенка, — виновато прощебетала мисс Марпл. — Когда-то она была очень популярна.

Она снова тихонько пропела:

— «Ах, где же ты была, пока не встретилась со мной?» Может, вы ее знаете? — спросила она.

— Ну… — Горничная замялась.

— Это было слишком давно, чтобы вы помнили, — сказала мисс Марпл. — Да-а, порой не можешь не вспоминать, особенно в таком месте, как это.

— Да, мадам, многие леди из тех, что здесь останавливаются, чувствуют себя точно так же.

— Наверное, я поэтому сюда и приехала. Так мне, во всяком случае, кажется.

Горничная вышла. Очевидно, ей были привычны и щебет, и воспоминания милых старушек.

Мисс Марпл доела завтрак и встала с постели в приятном настроении и в предвкушении неторопливого утреннего похода по магазинам, который заранее спланировала. Не слишком долго, чтобы не утомиться. Может быть, на сегодня только Оксфорд-стрит, а завтра — Найтсбридж. Как славно составлять такие планы!

Было около десяти часов, когда она вышла из

своего номера в полной боевой готовности: шляпка, перчатки, зонтик — на всякий случай, хотя погода вроде бы ясная, сумка — самая удобная для покупок.

Дверь номера через один от нее резко отворилась, и кто-то выглянул в коридор. Это была Бесс Седжвик. Она тут же убрала голову и громко захлопнула дверь.

Мисс Марпл задумалась, спускаясь по лестнице. По утрам она предпочитала лифту лестницу. Это ее взбадривало. Но шаги ее все замедлялись… и наконец она остановилась.

2

Когда полковник Ласкомб шагал по коридору из своего номера, дверь на верхней площадке распахнулась и к нему обратилась леди Седжвик:

— Вот и ты, наконец! Я все тебя высматривала — ждала, чтобы высказать все. Где мы можем поговорить, чтобы не нарываться каждую секунду на какую-нибудь старую кошку?

— Ну, право, Бесс, не знаю… сдается мне, что где-то на антресолях должна быть комната, где можно писать письма.

— Лучше заходи сюда. Быстро, пока у горнич-

ной не возникло подозрительных мыслей на наш счет.

Довольно неохотно полковник Ласкомб переступил порог, и дверь за ним быстро захлопнулась.

— Не имел понятия, что ты здесь остановилась, Бесс, ни малейшего понятия.

— Я так и думала.

— Иначе я ни за что не притащил бы сюда Эльвиру. А я ее сюда привез, тебе это известно.

— Да, я вчера видела тебя с ней.

— Но я и не подозревал, что ты здесь! Для тебя это ничуть не подходящее место.

— Не понимаю почему, — сказала Бесс Седжвик холодно. — Это едва ли не самый комфортабельный отель в Лондоне. Почему я не могу здесь остановиться?

— Ты должна понять меня. Я не имел представления… то есть…

Бесс взглянула на него и рассмеялась. Она была одета для выхода — темно-синий костюм отличного покроя и яркая, изумрудного цвета блузка — и выглядела веселой и полной жизни. Рядом с ней полковник Ласкомб казался довольно старым и поблекшим.

— Дорогой Дерек, перестань волноваться. Я

же вовсе не обвиняю тебя в том, что ты затеял разыграть душещипательную сцену встречи матери с дочерью. Просто такие вещи случаются: люди иногда натыкаются друг на друга в самых неожиданных местах. Но ты должен забрать Эльвиру отсюда, Дерек. Ты должен сделать это немедленно — сегодня же.

— Да ведь она и так уезжает. Я ее поселил здесь всего на пару дней. Ну, чтобы сходить на какое-нибудь представление. Завтра она отправляется к Мелфордам.

— Бедняжка! Какая скука ожидает ее там!

Ласкомб озабоченно посмотрел на нее:

— Ты считаешь, ей там будет тоскливо?

Бесс сжалилась над ним:

— Может, и нет — после ее заточения в Италии. Возможно, тамошняя обстановка покажется ей упоительно свободной.

Ласкомб призвал на помощь всю свою храбрость:

— Послушай, Бесс, я, понятно, сильно встревожился, обнаружив тебя здесь, но не кажется ли тебе, что в этом есть некое знамение? Может быть, нужно это использовать… ну, мне кажется, ты просто не представляешь себе, что чувствует эта девочка.

— Что ты хочешь этим сказать, Дерек?

— В конце концов, ведь ты ее мать!

— Само собой, я ее мать, а она моя дочь. Ну и что в этом хорошего для нас обеих и что хорошего это нам даст в будущем?

— Неизвестно. Мне кажется… она переживает.

— С чего ты это взял? — резко спросила Бесс.

— Она что-то такое сказала вчера. Спросила, где ты и чем занимаешься.

Бесс Седжвик подошла к окну. Постояла там, барабаня пальцами по стеклу.

— Ты такой славный, Дерек, — произнесла она. — У тебя такие приятные мысли. Но они не срабатывают, мой бедный ангел, и это ты должен усвоить. Они не срабатывают, и они могут быть опасны.

— Да перестань, Бесс! Уж так и опасны?

— Да, да, да. Опасны. И я опасна. Я всегда была опасной.

— Когда я думаю о некоторых твоих поступках… — начал было полковник Ласкомб, но Бесс перебила его.

— Это мое личное дело, — сказала она. — У меня стало своего рода привычкой нарываться на опасность. Нет, даже не привычкой — просто настоятельной потребностью. Как наркотик. Как

эта крошечная доза героина, которая так необходима наркоманам время от времени, чтобы жизнь казалась яркой и стоящей. Ну ладно. Это мои проблемы… или нет, как уж там сложится. Я никогда не употребляла наркотиков — нужды не было. Опасность служила мне наркотиком. Но люди, которые живут, как я, могут стать источником опасности для других. Не будь упрямым старым дурнем, Дерек. Держи эту девчонку подальше от меня. Никакой пользы ей от меня не будет. Один вред. Если возможно, сделай так, чтобы она никогда не узнала, что мы жили в одном отеле. Позвони Мелфордам и попроси забрать ее сегодня же. Придумай какую-нибудь причину.

Полковник Ласкомб колебался, подергивая себя за усы.

— Мне кажется, Бесс, что ты совершаешь большую ошибку. — Он вздохнул. — Она спрашивала, где ты, и я сказал, что за границей.

— Я буду там через каких-нибудь двенадцать часов, так что все прекрасно обойдется.

Она подошла к нему и поцеловала его в кончик подбородка, затем ловко повернула кругом, словно они собирались играть в жмурки, открыла дверь и легким движением вытолкнула Ласкомба в коридор. Когда дверь затворилась, полковник

заметил старую даму, которая поворачивала за угол у самой лестницы. Она бормотала себе под нос, роясь в сумке:

— Боже мой, наверное, я забыла это в номере. Ах, боже мой!

Она прошла мимо полковника, не обратив на него особого внимания, но, когда он начал спускаться, мисс Марпл остановилась у своей двери и устремила на него пронзительный взгляд. Потом она взглянула на дверь Бесс Седжвик. «Так вот кого она поджидала, — сказала себе мисс Марпл, — интересно — зачем?»

3

Каноник Пеннифезер, подкрепившись завтраком и не забыв оставить ключ у портье, вышел из гостиницы и был бережно усажен в такси швейцаром-ирландцем, который для того и был поставлен.

— Куда едем, сэр?

— Ох, боже мой, — пробормотал каноник Пеннифезер во внезапной растерянности. — Дайте мне подумать, куда я собирался.

Движение на Понд-стрит было задержано на несколько минут, пока Пеннифезер и швейцар

обсуждали этот запутанный вопрос. Наконец на каноника снизошло озарение, и такси было велено следовать в Британский музей.

Швейцар остался стоять на тротуаре с широкой ухмылкой на лице, и, так как больше из гостиницы, насколько он мог видеть, никто не выходил, он слегка прогулялся вдоль фасада, негромко насвистывая какую-то старую песенку.

Одно из окон на первом этаже отеля «Бертрам» открылось, но швейцар даже не обернулся, как вдруг из окна донесся голос:

— Так вот ты где обосновался, Мики! Каким ветром тебя сюда занесло?

Он круто повернулся, застигнутый врасплох, и воззрился на говорившую.

Леди Седжвик высунула голову из окна.

— Ты что, не узнаешь меня? — спросила она.

По его лицу скользнула тень воспоминания.

— Бог ты мой, да никак это малышка Бесси! Подумать только! Сколько лет прошло. Малышка Бесси.

— Никто, кроме тебя, не называл меня Бесси. Отвратное имя. Ну и чем же ты все это время занимался?

— Всем понемногу, — сказал Мики с заметной неохотой. — Обо мне-то не писали, как о тебе. Я,

бывало, читал о твоих проделках.

Бесс Седжвик рассмеялась.

— Во всяком случае, я лучше тебя сохранилась, — сказала она. — А ты слишком много пьешь. Всегда пил много.

— Ты только потому и сохранилась, что все время при деньгах была.

— Тебе-то деньги не принесли бы никакой пользы. Ты просто пил бы еще больше, пока совсем бы не спился. Да, да, так оно и есть. Но все же как ты сюда попал, хотела бы я знать.

— Мне нужна была работа. А у меня вот что имеется… — Рука его прошлась по ряду медалей на груди.

— Понятно. — Она задумалась. — И все они настоящие?

— Ясно, настоящие. А то какие?

— Да я тебе верю, верю. Ты всегда был храбрым. И бойцом неплохим. Да, для армии ты подходящий кадр. В этом я не сомневаюсь.

— Армия хороша во время войны, а в мирное время в ней ничего хорошего нет.

— Вот ты и прибился сюда. Я понятия не имела… — Она вдруг замолчала.

— О чем это ты, Бесси, понятия не имела?

— Да так, ничего. Странно встретить тебя после

стольких лет.

— Я ничего не забыл, — сказал он. — Я тебя никогда не забывал, малышка Бесси. Ах и хороша же ты была! Такая красотка.

— Глупая девчонка — вот кем я была, — возразила леди Седжвик.

— Что верно, то верно. Большого ума в тебе не было. Если бы ты была поумнее, не связалась бы со мной. Ты с лошадками лихо управлялась. Помнишь ту кобылку, как ее звали-то? Молли О'Флинн. Норовистая, прямо ведьма.

— Да, только ты один мог с ней справиться, — признала леди Седжвик.

— Она бы меня сбросила, если бы могла! Но когда поняла, что это у нее не пройдет, сразу смирилась. Ну и красавица она была, а? Но уж если говорить о верховой езде, то ни одна леди не ездила верхом лучше тебя. Как ты сидела, как держалась! Ни капли страха, ни на миг! Так оно и дальше было, судя по всему. Аэропланы, гоночные машины…

Бесс Седжвик рассмеялась:

— Ладно, мне пора заканчивать письма. — Она отошла от окна.

Мики перегнулся через ограду.

— Я не забыл Балигоулан, — сказал он много-

значительно. — Я иногда думал написать тебе…

Голос Бесс Седжвик прозвучал резко:

— Что это на тебя нашло, Мик Горман?

— Просто говорю, что ничего не забыл… Просто так… напомнил тебе.

Голос Бесс Седжвик все еще сохранял резкий тон:

— Если ты думаешь о том, о чем, я полагаю, ты думаешь, то вот тебе мой совет: держи язык за зубами. Только пикни — я тебя пристрелю так же легко, как крысу. Мне случалось убивать людей.

— Может, в чужих странах…

— В чужих или здесь, мне все едино.

— Боже праведный, не сомневаюсь, что ты на это способна! — В голосе Мики звучало неподдельное восхищение. — В Балигоулане…

— В Балигоулане, — перебила она, — тебе заплатили за молчание, и заплатили хорошо. Денежки-то ты взял. И не думай, что от меня еще получишь, — не выйдет.

— Ух и славная бы историйка получилась для воскресных газет!

— Ты слышал, что я сказала.

— Ха, — рассмеялся он. — Да я же не всерьез, а так, в шутку. Разве я что сделаю против своей малышки Бесси? Я держу рот на замке.

— Так и держи, — сказала леди Седжвик.

Она опустила окно и уставилась на неоконченное письмо, лежавшее перед ней на письменном столе. Взяла его, взглянула, скомкала и швырнула в мусорную корзинку. Затем она резко поднялась и вышла из комнаты. Даже не оглянулась, выходя.

Небольшие комнатки для писем в «Бертраме» часто казались пустыми, даже когда это было не так. Два солидных письменных стола находились в оконных нишах, на особом столе у правой стены лежали журналы, а слева стояли два кресла с высокими спинками, повернутые к камину. Их облюбовали пожилые военные, которые после обеда обычно уютно устраивались там и сладко дремали до самого чая. И те, кто приходил в комнату, чтобы написать письмо, часто их не замечали. В утренние часы на кресла не было особого спроса.

Но так случилось, однако, что в то утро оба кресла были заняты. В одном из них сидела старая дама, а в другом — юная девушка. Девушка поднялась на ноги. Какое-то время она постояла, нерешительно глядя на дверь, за которой скрылась леди Седжвик, потом медленно двинулась к выходу. Лицо Эльвиры Блейк было смертельно

бледно.

Прошло еще пять минут, прежде чем старая дама тронулась с места. Мисс Марпл решила, что небольшой отдых, который она всегда позволяла себе после одевания и спуска по лестнице, уже закончился и пора двинуться в приятное путешествие по Лондону. Можно пройти до Пикадилли и сесть на девятый автобус до Хай-стрит в Кенсингтоне, или можно дойти до Бонд-стрит и сесть на двадцать пятый автобус до пересечения Маршалл и Снелгроув, или можно сесть на тот же автобус в противоположном направлении и доехать, насколько она помнит, кажется, до магазина Армии и Флота. Выходя на улицу, она предвкушала удовольствие от этих прогулок. Швейцар-ирландец, который снова занял свой пост, решил за нее проблему.

— Мадам, вам потребуется такси, — заявил он решительно.

— Не думаю, — сказала мисс Марпл. — Мне кажется, здесь где-то рядом ходит двадцать пятый автобус или двойка — от Парк-лейн.

— Вам не нужен автобус, — настаивал швейцар. — Крайне опасно прыгать в автобус, когда годы уж не те. К тому же они так дергают, когда трогаются или останавливаются. На ногах не

удержишься. Сердца у них нет, у нынешних водителей. Я свистну такси, и вы поедете куда хотите, словно королева.

Мисс Марпл подумала и сдалась.

— Ну ладно, — согласилась она. — Может, и правда лучше взять такси.

Швейцару совершенно не нужно было свистеть, ему достаточно было только поднять большой палец, и такси возникло перед ними, как по волшебству. Мисс Марпл заботливо усадили в машину, и она внезапно решила ехать в магазин «Робинсон и Кливер», чтобы посмотреть на богатый выбор настоящего льняного белья. Она, страшно довольная, сидела в такси и чувствовала себя именно так, как ей обещал швейцар, — королевой. Голова ее была занята приятными мыслями о льняных простынях, льняных наволочках и нормальных столовых и кухонных скатертях, а не этих новомодных, с изображениями бананов, инжира или дрессированных собачек и прочих отвлекающих рисунков, которые так раздражают.

Леди Седжвик подошла к стойке администратора:

— Мистер Хамфрис у себя?

— Да, леди Седжвик, — ответила мисс Горриндж

несколько удивленно.

Леди Седжвик прошла за стойку, постучала и вошла, не дожидаясь ответа.

Мистер Хамфрис поднял голову:

— Чем могу?..

— Кто нанял этого Майкла Гормана?

Мистер Хамфрис слегка засуетился:

— Парфитт уволился — он месяц назад попал в автомобильную катастрофу. Пришлось его срочно заменить. Нам показалось, что этот человек вполне подойдет. Хорошие характеристики… бывший военнослужащий… прекрасный послужной список. Может быть, не слишком умен, но это иногда даже к лучшему. Вам известно что-нибудь порочащее его?

— Достаточно того, что я не желаю видеть его здесь.

— Если вы настаиваете, — медленно проговорил Хамфрис, — мы его уволим…

— Нет, — медленно произнесла леди Седжвик. — Нет, уже поздно. Ладно.

Глава 6
1

— Эльвира!

— Привет, Бриджет.

Эльвира Блейк прошла через парадную дверь дома номер 180 по Онслоу-сквер. Ее подруга Бриджет поспешила вниз, чтобы открыть ей, потому что увидела ее в окно.

— Пошли наверх, — предложила Эльвира.

— Да, лучше наверх, пока нас мамочка не застукала.

Девушки бросились вверх по лестнице, таким образом избежав встречи с матерью Бриджет, которая немного опоздала выйти из своей спальни.

— Тебе здорово повезло, что у тебя нет матери, — сказала запыхавшаяся Бриджет и, ухватив гостью за руку, втащила в комнату и крепко закрыла дверь. — То есть мама, конечно, душка и все такое прочее, но ее вопросы! Утром, днем и вечером! Куда идешь, с кем встречалась? И не состоит ли он в родстве с кем-то там в Йоркшире, у которых та же фамилия? То есть это такая бессмыслица!

— Наверное, им просто не о чем больше думать, — сказала Эльвира рассеянно. — Послушай, Бриджет, мне нужно сделать что-то очень важное, и ты должна мне помочь.

— Само собой, если смогу. Это что, мужчина?

— Представь себе, нет.

На лице Бриджет отразилось разочарование.

— Мне необходимо съездить в Ирландию на сутки или дольше, а ты должна меня прикрыть.

— В Ирландию? Но зачем?

— Пока не могу тебе сказать. Некогда. Мне нужно встретиться с моим опекуном — полковником Ласкомбом на ленче у Прюнье в половине второго.

— А как же Карпентер?

— Я от нее удрала.

Бриджет хихикнула.

— А после ленча меня отвезут к Мелфордам. Я должна жить у них до двадцати одного года.

— Вот ужас-то!

— Думаю, как-нибудь переживу. Кузину Милдред ничего не стоит обмануть. Они договорились, что я буду ездить на занятия. Есть такое заведение «Современный мир». Ну, там они водят народ на лекции, в музеи, картинные галереи, в палату лордов и всякое такое. Суть в том, что

никто не знает, там ли ты, где положено быть, или нет. Так что можно придумать массу всего.

— Да, уж мы-то придумаем, — снова хихикнула Бриджет. — В Италии у нас получалось, правда? Старая Макаронина думала, что она такая строгая! Где ей было знать, чем мы занимались, когда хотели.

Обе девицы весело расхохотались при воспоминании об удачных проделках.

— Но подготовка требовалась немалая, — сказала Эльвира.

— А как мы здорово врали! — прищелкнула языком Бриджет. — Кстати, ты от Гвидо что-нибудь получила?

— Да, он написал мне длинное письмо, подписанное: «Джиневра», как будто он моя подружка. Но кончай болтать, Бриджет. Нам столько нужно сделать, а у нас всего полтора часа. Прежде всего выслушай меня. Завтра я отправлюсь якобы к зубному. Это легко — можно отказаться по телефону, или ты сделаешь это отсюда. Потом около полудня ты позвонишь Мелфордам, как будто ты — это твоя мама, и скажешь, что зубной врач вроде бы хочет видеть меня еще раз на следующий день и что я у вас переночую.

— Ну, это сойдет. Они начнут говорить, как мы

добры и всякое такое. А что, если ты не вернешься на следующий день?

— Тогда тебе придется еще раз позвонить.

Бриджет посмотрела на нее с сомнением.

— У нас будет уйма времени, чтобы что-нибудь к тому времени придумать, — сказала Эльвира неторопливо. — Единственное, что меня беспокоит, — это деньги. У тебя, конечно, ничего нет? — спросила она с полной безнадежностью в голосе.

— Всего около двух фунтов.

— Этого мало. Мне нужен билет на самолет. Я уже посмотрела рейсы. Всего пара часов лету. Все дело в том, сколько времени у меня уйдет, чтобы добраться там до места.

— Ты не можешь мне сказать, что собираешься делать?

— Не могу. Но это очень, очень важно.

Она сказала это так, что Бриджет удивленно взглянула на нее:

— Случилось что-нибудь серьезное, Эльвира?

— Да.

— И никому нельзя об этом рассказать?

— Да, это такое дело… Очень, очень секретное. Я должна выяснить кое-что, правда это или нет. Как же быть с деньгами? Меня это просто бесит

— ведь на самом деле я страшно богата! Мне это сказал мой опекун. Но они мне дают только жалкие гроши на тряпки. И эти деньги тут же уплывают.

— А этот твой опекун, полковник, как его там, не может дать тебе взаймы немного денег?

— Да ты что? Из этого вообще ничего не получится, потому что он сразу начнет расспрашивать, зачем мне нужно и так далее.

— Да уж, это точно. Совершенно не понимаю, отчего все так любят задавать вопросы. Знаешь, стоит кому-нибудь мне позвонить, как мама тут же спросит, кто звонил. Хотя это совершенно не ее дело!

Эльвира согласилась с этим, но мысли ее были направлены совсем на другое.

— Слушай, Бриджет, ты когда-нибудь что-нибудь закладывала?

— Никогда. И даже не знаю, как это делается.

— Думаю, что очень просто, — сказала Эльвира. — Идешь в ювелирный магазин, над дверями у которого три шара, так?

— Не знаю, найдется ли у меня хоть что-нибудь, что можно было бы заложить, — засомневалась Бриджет.

— А у твоей матери разве нет каких-нибудь

побрякушек?

— Думаю, нам не стоит ее в это втягивать.

— Ясно, не стоит. Но ведь можно что-нибудь просто стянуть.

— Думаю, так не годится, — сказала потрясенная Бриджет.

— Нет? Может, ты и права. Но ручаюсь, она и не заметит. И ты сможешь это вернуть, прежде чем она спохватится. Я точно знаю. Мы пойдем к мистеру Болларду.

— Кто это — мистер Боллард?

— Да кто-то вроде семейного ювелира. Я всегда ему отдаю в починку свои часы. Он меня знает с шести лет. Давай, Бриджет, пойдем туда сейчас же. У нас времени в обрез.

— Тогда давай выйдем через черный ход, — предложила Бриджет. — Тогда мамочка не спросит нас, куда мы.

Перед дверями старой ювелирной фирмы «Боллард и Уитли» на Бонд-стрит девушки вырабатывали окончательную тактику.

— Ты уверена, что поняла все, как надо, Бриджет?

— Думаю, да, — ответила Бриджет без всякого энтузиазма.

— Сначала, — сказала Эльвира, — давай сверим

часы.

Бриджет слегка повеселела. Эта знакомая по книгам фраза почему-то ее подбодрила.

Они торжественно сверили часы, и Бриджет подвела свои на одну минуту.

— Время отсчета — ровно двадцать пять минут, — заявила Эльвира. — Тогда у меня будет уйма времени. Может, больше, чем мне нужно, но так даже лучше.

— А вдруг… — начала было Бриджет.

— Вдруг — что? — спросила Эльвира.

— Что, если меня и вправду задавят?

— Да никто тебя не задавит, — поморщилась Эльвира. — Ты прекрасно знаешь, какие быстрые у тебя ноги, и потом, водители в Лондоне привыкли к внезапным остановкам. Все будет в порядке.

Бриджет была полна сомнений.

— Ты не подведешь меня, правда, Бриджет?

— Ладно, — ответила Бриджет, — не подведу.

— Отлично, — сказала Эльвира.

Бриджет перешла улицу, а Эльвира отворила дверь в магазин ювелирных изделий и часов. Внутри атмосфера была приглушенно-шикарной. Облаченный во фрак джентльмен приблизился к Эльвире и спросил, чем может ей служить.

— Могу ли я видеть мистера Болларда?

— Мистера Болларда? А как о вас доложить?

— Мисс Эльвира Блейк.

Джентльмен удалился, а Эльвира отошла к витрине, в которой сверкали всеми гранями камней броши, кольца и браслеты, разложенные на бархате разных оттенков. Очень скоро появился мистер Боллард. Это был старший партнер фирмы, пожилой человек лет шестидесяти. Он приветствовал Эльвиру по-дружески тепло:

— А, мисс Блейк, так вы в Лондоне. Очень приятно видеть вас. Чем могу служить?

Эльвира достала изящные вечерние часики.

— Эти часы плохо ходят, — сказала она. — Можно что-нибудь с ними сделать?

— Ну конечно. С этим не будет никаких проблем. — Мистер Боллард взял у нее часики. — По какому адресу их переслать?

Эльвира дала адрес.

— И еще, — сказала она, — мой опекун, полковник Ласкомб, вы, конечно, знаете…

— Да, да, разумеется.

— Он спросил меня, что бы я хотела получить на Рождество, — сообщила Эльвира. — Он посоветовал мне зайти к вам взглянуть на разные вещи. И еще он спросил, хочу ли я, чтобы он со мной пошел, но я сказала, что сначала предпочла бы

посмотреть сама, а то — вы, конечно, понимаете — как-то неловко… Ну, цены там и прочее.

— Да, это, естественно, важный аспект, — согласился мистер Боллард, сияя улыбкой в предвкушении сделки. — А что вы имеете в виду? Брошь, браслет или кольцо?

— Мне кажется, что брошки как-то практичнее, — ответила Эльвира. — Но я бы хотела… можно мне посмотреть побольше вещей? — Она умоляюще взглянула на Болларда.

Он понимающе улыбнулся:

— Разумеется, разумеется. Какое удовольствие делать такой выбор в спешке?

Следующие пять-шесть минут прошли очень мило. Мистер Боллард стремился угодить. Он приносил вещи из разных витрин, и на куске бархата перед Эльвирой лежала груда брошей и браслетов. Время от времени она оборачивалась к зеркалу, примеряя то брошь, то подвеску. Наконец были отложены хорошенькая подвеска, маленькие часики с бриллиантами и две броши.

— Мы возьмем их на заметку, — сказал мистер Боллард, — а когда полковник Ласкомб будет снова в Лондоне, может быть, он зайдет и сам решит, что вам подарить.

— Мне кажется, так будет лучше всего, — кивну-

ла Эльвира. — Тогда у него будет ощущение, что он сам выбрал мне подарок, верно? — Сияющий взгляд ее голубых глаз был устремлен на лицо ювелира. Взгляд тех же голубых глаз за миг до того отметил, что уже точно двадцать пять минут.

Снаружи раздался визг тормозов и громкий девичий крик. Невольно все взоры устремились на окна магазина, выходившие на Бонд-стрит. Движение Эльвириной руки к прилавку, а затем в карман жакета ее элегантного костюма, сшитого на заказ, было так стремительно и незаметно, что вряд ли кто-то уловил бы его.

Мистер Боллард, сокрушенно поцокав языком, отвернулся наконец от окна.

— Едва не случилась авария. Вот дурочка! Так броситься через улицу!

Эльвира уже направлялась к двери. Она взглянула на часы и вскрикнула:

— Боже мой, я так у вас задержалась! Я же опоздаю на свой пригородный поезд! Огромное вам спасибо, мистер Боллард. Надеюсь, что вы не забудете про эти четыре вещички.

Через минуту она уже скрылась за дверью. Быстро повернув налево раз, другой, она остановилась в подворотне и дождалась Бриджет, которая, все еще запыхавшись, вскоре присоеди-

нилась к ней.

— Ох, — заговорила Бриджет. — Я чуть не умерла от страха. И чулок порвала.

— Ерунда, — успокоила ее Эльвира и быстро потащила подругу по улице, завернув направо еще за один угол. — Идем.

— Ну как… все прошло удачно?

Рука Эльвиры скользнула в карман, и она, раскрыв ладонь, показала браслет с бриллиантами и сапфирами.

— Ой, Эльвира! Как это ты осмелилась?

— Ладно, Бриджет, отправляйся сейчас же в ломбард, который мы наметили. Иди и спроси, сколько тебе за него дадут. Проси сотню.

— Ты думаешь… а вдруг они скажут… то есть, может, он в списке краденых вещей…

— Глупости. Как он может быть в списке, если его еще даже не хватились?

— Но, Эльвира, когда они заметят, что его нет, вдруг сообразят, что это ты взяла.

— Они могут так подумать, если спохватятся пораньше.

— Тогда они пойдут в полицию и…

Она замолчала, увидев, что Эльвира медленно качает головой, причем ее золотистые волосы раскачиваются из стороны в сторону, а уголки

губ приподнимает загадочная улыбка.

— В полицию они не пойдут, Бриджет. Во всяком случае, если подумают, что это я взяла браслет.

— Как… ты считаешь?..

— Я ведь тебе уже говорила, что у меня будет куча денег, когда мне стукнет двадцать один год. Я смогу покупать у них сколько захочу бриллиантов. Они-то как раз и не станут поднимать скандал. Ну, иди и быстро получи деньги. Потом пойдешь в агентство и закажешь билет. А мне нужно взять такси к Прюнье. Я уже и так на десять минут опоздала. Завтра в половине одиннадцатого мы встречаемся.

— Ой, Эльвира, как ты можешь так отчаянно рисковать!

Но Эльвира уже останавливала такси.

2

Мисс Марпл получила огромное удовольствие от посещения универмага «Робинсон и Кливер». Кроме того, что она купила дорогое, но чудное постельное белье, — а она страшно любила льняные простыни за то, что они так приятны и прохладны на ощупь, — она еще не удержалась и приобрела отличные чайные полотенца с крас-

ной окантовкой. Оставив в магазине свой адрес в Сент-Мэри-Мид, мисс Марпл отыскала подходящий автобус, который довез ее до магазинов Армии и Флота.

Здесь когда-то любила бывать тетушка мисс Марпл. Конечно, теперь все уже не то. Мисс Марпл вспомнилось, как тетя Элен неизменно отыскивала своего любимого продавца в бакалее, как она удобно усаживалась на стуле, в своей вечной шляпке и в том одеянии, которое она называла «мантильей из черного поплина». Следовал целый час неторопливого обсуждения всевозможных товаров, которые могли быть приобретены и уложены в кладовые для последующего использования. Тут были и товары на Рождество, и даже покупки впрок на Пасху, до которой оставалось еще очень много времени. Юная Джейн вертелась, ерзала на месте, и ее отправляли в отдел стекла для развлечения.

Покончив с покупками, тетушка Элен пускалась в расспросы о состоянии здоровья матери, жены, второго сына и калеки свояченицы облюбованного ею продавца. Таким образом проведя приятное утро, тетушка спрашивала в игривой манере тех времен: «А что моя малышка скажет насчет обеда?» И тут они обычно отправлялись

на лифте на пятый этаж и обедали, всегда заказывая на десерт земляничное мороженое. После этого покупали полфунта кофейно-шоколадной карамели и отправлялись на извозчике на какое-нибудь дневное представление.

Само собой разумеется, что магазины Армии и Флота уже много раз обновлялись за это время. Их практически невозможно было узнать. Они стали ярче и веселее. Мисс Марпл, хоть и бросала в то прошлое ласковый и добрый взгляд, не возражала против нововведений. Ресторан еще существовал, и именно туда она и поднялась, чтобы перекусить.

Тщательно изучив меню и решив, что взять, она взглянула на другой конец зала, и брови ее недоуменно поднялись. Какое странное совпадение! Вот перед ней женщина, которую она ни разу не видела до вчерашнего дня, хотя встречала массу ее фотографий в газетах: то на гонках, то на Бермудах, то возле собственного самолета или машины. Вчера она впервые увидела ее во плоти. А теперь, как это часто бывает, она натыкается на нее в самых неподходящих местах. Потому что обед в этом магазине никак не вязался с Бесс Седжвик. Она нисколько не удивилась бы, увидев, что Бесс Седжвик выходит из какого-нибудь притона

в Сохо или из оперного театра «Ковент-Гарден» — в вечернем платье и с бриллиантовой тиарой в волосах. Но донельзя странно было встретить ее в ресторане при армейском магазине, который у мисс Марпл всегда ассоциировался и будет ассоциироваться с вооруженными силами, с женами, дочерьми, тетушками и бабушками военных. Тем не менее вот она, Бесс Седжвик, как всегда шикарная, в темном костюме и изумрудной блузке, сидит рядом с каким-то мужчиной и ест. Молодым мужчиной, у которого худое, несколько ястребиное лицо и черная кожаная куртка. Они серьезно беседуют, наклонившись друг к другу, отправляя в рот пищу так, будто не замечают, что едят.

Деловая встреча? Да, вероятно, деловая встреча. Молодой человек, видимо, лет на пятнадцать-двадцать моложе, но Бесс Седжвик на редкость привлекательная женщина.

Мисс Марпл оценивающе посмотрела на молодого человека и решила, что он относится к разряду так называемых «интересных молодых людей». Она также решила, что ей лично он не нравится. Похож на Гарри Рассела, решила мисс Марпл, извлекая этот прототип, как всегда, из прошлого. Такой тип никогда ничего хорошего

не затеет. Никогда ничего хорошего не принесет ни одной женщине, с ним связавшейся.

«Она моего совета не послушает, — подумала мисс Марпл, — хотя я могла бы ей кое-что посоветовать. Однако какое мне дело до чужих любовных похождений, а уж Бесс Седжвик, без сомнения, сама может о себе позаботиться, когда речь идет о любовных романах».

Мисс Марпл вздохнула, съела свой ленч и задумалась, не зайти ли ей в канцелярский отдел.

Любопытство или то, что она предпочитала называть интересом к чужим делам, было, несомненно, одной из ярких черт характера мисс Марпл.

Сознательно оставив перчатки на столе, она поднялась и прошла через зал к кассе, но так, чтобы пройти рядом со столом леди Седжвик. Расплатившись, она «обнаружила» отсутствие перчаток и вернулась за ними, к сожалению уронив по дороге сумочку. Та открылась, и все содержимое высыпалось. Официантка кинулась помочь ей поднять вещи, а мисс Марпл пришлось продемонстрировать нетвердость движений и снова выронить монетки и ключи.

Она не слишком многого добилась этими хитрыми уловками, но все же игра дала некоторые

результаты, и, что было примечательно, ни один из двух объектов ее любопытства и глазом не повел в сторону старой растеряхи, которая все время что-то роняет.

Пока мисс Марпл стояла, поджидая лифт, она попыталась мысленно воспроизвести обрывки разговора, которые ей удалось уловить.

— А как насчет прогноза погоды?

— Порядок. Без тумана.

— Все для Люцерна готово?

— Да. Самолет в 9.40.

Вот и все, что ей удалось услышать в первый раз. На обратном пути все продолжалось несколько дольше.

Бесс Седжвик говорила сердито:

— С чего это тебе вздумалось зайти в «Бертрам» вчера вечером? Ты не имел права даже приближаться к отелю.

— Да ничего не произошло. Я просто спросил, не остановилась ли ты там. Ведь всем известно, что мы близкие друзья…

— Да не в этом дело. «Бертрам» подходит для меня, но не для тебя. Ты там мозолишь глаза, как пень на дороге. Все на тебя глазеют.

— Ну и пусть.

— Нет, ты и впрямь идиот. Ну зачем, зачем? Что

тебе там было нужно? Что-то было нужно — уж я-то тебя знаю!

— Уймись, Бесс.

— Какой же ты врун!

Вот и все, что мисс Марпл удалось услышать. Ей это показалось интересным.

Глава 7

Вечером девятнадцатого ноября каноник Пеннифезер рано закончил обед в «Атенеуме». Он кивнул одному или двум знакомым, провел яростные дебаты по поводу важных пунктов в датировании свитков Мертвого моря и теперь, взглянув на часы, заметил, что пришло время отправляться на самолет в Люцерн. Когда он проходил по вестибюлю, его приветствовал еще один приятель, доктор Уиттакер, который радостно воскликнул:

— Как дела, Пеннифезер? Давненько вас не видел. Ну, что там было на конгрессе? Что-нибудь интересное?

— Уверен, что будет и интересное.

— Но вы же только что оттуда?

— Да нет, я как раз туда отправляюсь. У меня самолет сегодня вечером.

— А-а, понятно. — Уиттакер выглядел несколько озадаченным. — Мне почему-то казалось, что конгресс был сегодня.

— Нет, нет, завтра, девятнадцатого.

Каноник Пеннифезер вышел, а его друг пробормотал, глядя ему вслед:

— Но, дорогой мой друг, ведь девятнадцатое-то сегодня.

Но каноник Пеннифезер был уже слишком далеко, чтобы расслышать. Он сел в такси на Пэлл-Мэлл и покатил в аэропорт Кенсингтон. Там в этот вечер собралась изрядная толпа. Наконец подошла его очередь, он достал билет и паспорт, а также все прочее, необходимое для путешествия. Девушка за стойкой уже собралась проштемпелевать документы, но вдруг остановилась:

— Простите, сэр, но это, кажется, не тот билет.

— Как — не тот? Тот самый. Рейс сто… простите, мне трудно читать без очков — сто и что-то там, до Люцерна.

— Дело в дате, сэр. На билете дата — восемнадцатое, среда.

— Да нет же, нет. То есть я имею в виду, что сегодня и есть среда, восемнадцатое.

— Очень сожалею, сэр, но сегодня девятнадцатое.

— Девятнадцатое?!

Каноник был в отчаянии. Он вытащил из кармана маленькую книжечку-дневник и быстро перелистал страницы. В конце концов он убедился. Сегодня именно девятнадцатое. Тот самолет, на котором он должен был лететь, улетел вчера.

— Так что же это значит? Выходит, конгресс в Люцерне был сегодня?

Он в отчаянии посмотрел на девушку, но пассажиров было очень много, и каноника с его проблемами просто оттеснили в сторону. Он стоял ошеломленный, с бесполезным билетом в руке. Мозг его перебирал различные варианты. А что, если поменять билет? Но это ни к чему. Который час? Уже около девяти. Конгресс закончился: он начался сегодня в десять утра. Конечно, именно это имел в виду Уиттакер в «Атенеуме». Он подумал, что каноник уже побывал на конгрессе.

— О боже, боже мой! — бормотал каноник. — Как это я все перепутал?

Он грустно и молча поплелся на Кромвель-роуд, которая и в лучшие-то времена выглядит уныло.

В подавленном настроении он плелся по улице, таща сумку и обдумывая всю загадочность происшедшего. Выявив, к вящему своему удовлетворению, все причины, которые привели его к этой ошибке, он огорченно тряхнул головой.

Потом он начал прикидывать, что бы предпринять в данный момент. Времени уже десятый час. Наверное, стоило бы поесть.

Однако, как ни странно, голода каноник не чувствовал.

Бесцельно бродя по Кромвель-роуд, он наконец остановил свой выбор на маленьком ресторанчике, в котором подавали индийское карри[129]. Ему показалось, что, хоть он и не голоден, все же лучше ему поесть для поднятия настроения, а потом поискать гостиницу. Но позвольте, в этом нет нужды. У него есть гостиница! Он остановился в «Бертраме» и заказал номер на четыре дня. Отлично, отлично! Итак, его ждет собственный номер. Ему стоит только попросить у портье ключ — и тут вдруг в голове возникло какое-то воспоминание. Что это у него такое тяжелое в кармане?

Он сунул руку в карман и извлек большой и тяжелый ключ, с помощью именно таких ключей пытаются отучить постояльцев гостиницы уносить их в карманах. Но канонику это не помогло.

— Номер 19, — произнес каноник, радостно узнав его. — Правильно. Как хорошо, что мне не надо отправляться на поиски гостиницы. Кажется, сейчас отели переполнены. Да, Эдмундс говорил об этом сегодня в «Атенеуме». Ему с трудом удалось найти комнату.

Довольный собой и тем, как он обеспечил себе

---

[129] notes: 129

Карри — блюдо, приправленное соусом того же названия.

заранее место в гостинице, каноник оставил карри, не забыв заплатить за него, и снова вышел из Кромвель-роуд.

Тоскливо возвращаться в отель вот так, когда он должен был бы ужинать в Люцерне и обсуждать всякие интересные и захватывающие темы. Взгляд каноника уловил афишу кинотеатра. «Стены Иерихона». Название, весьма подходящее к случаю. Интересно посмотреть, насколько точно им удалось передать библейские сказания.

Он купил билет и вошел, спотыкаясь, в темный зал. Фильм ему понравился, хотя никакой связи с библейской историей каноник не уловил. Иисуса там и вовсе не было. Стены Иерихона, как выяснилось, были использованы как символ для брачных обетов одной леди. Когда они несколько раз были нарушены, красавица-актриса встретила угрюмого и неотесанного героя, которого она втайне любила все это время, и они решили вместе возводить стены, которые лучше выдержат испытание временем. Этот фильм не предназначался для пожилых священнослужителей, но канонику Пеннифезеру он пришелся чрезвычайно по вкусу. Ему нечасто доводилось видеть подобные фильмы, и он почувствовал, что обогатился знанием жизни. Фильм закончился,

свет зажегся, заиграли национальный гимн, и каноник Пеннифезер неуверенно зашагал по освещенным улицам Лондона, слегка утешенный после дневных неудач.

Ночь была хороша, и он побрел в отель «Бертрам» пешком, сначала, правда, сев в автобус, который повез его в противоположном направлении. Была уже полночь, когда он добрался до гостиницы, а «Бертрам» в полночь имел благопристойный вид отеля, где все уже легли спать. Лифт находился где-то наверху, поэтому каноник воспользовался лестницей. Он подошел к своему номеру, вставил ключ в замок, распахнул дверь и вошел.

Боже милостивый, неужели ему это кажется?! Но кто… как… Он поздно заметил занесенную руку…

В голове его вспыхнул фейерверк, подобный тем, которые взрываются в день Гая Фокса.[130]

[130] notes: 130

День Гая Фокса — 5 ноября, когда отмечают раскрытие так называемого порохового заговора Гая Фокса сожжением его чучела и фейерверком.

Глава 8

Ирландский почтовый поезд мчался сквозь ночь. Или, вернее, сквозь темень ранних предутренних часов.

Время от времени дизель исторгал странный, леденящий душу, предостерегающий вопль. Он мчался со скоростью свыше восьмидесяти миль в час. Он шел по расписанию.

Как вдруг движение замедлилось и заскрежетали тормоза. Колеса завизжали, цепляясь за металл. Медленнее… медленнее. Проводник высунул голову из окна и заметил впереди красный свет, когда поезд уже совсем остановился. Кто-то из пассажиров проснулся, но большинство продолжало спать.

Пожилая дама, встревоженная неожиданной остановкой, открыла дверь и выглянула в коридор. Немного дальше по коридору одна из дверей вагона была открыта. Пожилой священнослужитель с густой шапкой седых волос поднимался по ступенькам с путей. Вероятно, сначала он спустился, чтобы что-то выяснить.

Утренний воздух был резким и холодным. Кто-то в конце коридора сказал:

— Просто красный свет.

Пожилая дама вернулась в купе и попыталась заснуть.

Впереди на путях человек, размахивая фонарем, бежал к поезду от сигнальной будки. Помощник машиниста спустился с паровоза. Проводник, который перед этим тоже сошел с поезда, присоединился к нему. Подбежал человек с фонарем, запыхавшись, сказал:

— Большое крушение… впереди… Сошел с рельсов товарный поезд.

Машинист выглянул из своей кабины, потом тоже сошел и направился к остальным.

Шесть человек, только что вскарабкавшихся по насыпи, взобрались на поезд через дверь в последнем вагоне, специально оставленную открытой. Шесть пассажиров из разных вагонов встретили их. С хорошо отрепетированной скоростью они принялись за почтовый вагон. Два человека в масках в начале и конце вагона стояли на стреме, держа в руках дубинки.

Человек в железнодорожной форме прошелся по коридорам поезда, давая объяснения тем, кто к нему обращался.

— Блокировка впереди на линии. Задержка минут на десять, не больше…

Это звучало дружелюбно и успокоительно.

Около паровоза машинист и помощник лежали аккуратно связанные и с кляпами во рту. Человек с фонарем крикнул:

— Здесь все в порядке!

Проводник лежал у насыпи, также связанный и с кляпом.

Опытные взломщики сделали свое дело в почтовом вагоне. Еще два аккуратно связанных тела лежали на полу. Специально опечатанные почтовые мешки отправляли на насыпь, где их перехватывали другие люди.

В своих купе пассажиры ворчали, что железные дороги уже не те, что были раньше.

Затем, когда они стали снова устраиваться спать, из темноты до них донесся рев мотора.

— Боже, — пробормотала какая-то женщина, — это что — реактивный самолет?

— Скорее похоже на гоночную машину…

Рев замер в ночи…

По Бедхемптонскому шоссе, в девяти милях от места ограбления, неслись сплошным потоком ночные грузовики. Огромный белый гоночный автомобиль промчался мимо них.

Через десять минут он свернул с шоссе.

На стене гаража на повороте с дороги В была

надпись: «Закрыто». Но огромные двери распахнулись, и белая машина влетела прямо в них. Двери за ней захлопнулись. Трое мужчин действовали молниеносно. Новые номера были тут же привинчены, водитель сменил одежду и кепку. Перед этим на нем была белая замша, теперь — черная кожаная куртка. Он снова выехал. Через три минуты после его отъезда старенький «Моррис-Оксфорд» со священником за рулем выбрался на дорогу и поехал по петляющим деревенским проселкам.

Небольшой автофургон, который ехал по дороге, замедлил ход, заметив стоящий у живой изгороди старый «Моррис-Оксфорд», над капотом которого склонился пожилой человек.

Водитель фургона высунулся из кабины:

— Что-то не в порядке? Вам помочь?

— Вы очень добры. У меня неладно с фарами.

Водители сошлись, прислушались: все тихо.

Различные дорогие чемоданы американского стиля перекочевали из «Моррис-Оксфорда» в фургон.

Через милю-другую фургон свернул на дорогу, которая вначале казалась просто наезженной колеей, но потом превратилась в служебный подъезд к обширному и богатому загородному

дому. В бывшей конюшне стоял большой белый «Мерседес». Водитель фургона открыл ключом его багажник, переложил туда чемоданы и уехал в своем фургоне.

На соседней ферме громко прокричал петух.

Глава 9
1

Эльвира Блейк посмотрела на небо, увидела, что утро погожее, и направилась к телефонной будке. Набрала номер Бриджет; услышав, что та ей ответила, она сказала:

— Алло! Бриджет!

— Ой, Эльвира, это ты? — Голос Бриджет звучал возбужденно.

— Да. Все прошло как надо?

— Ой, нет. Все было *ужасно.* Твоя кузина миссис Мелфорд вчера днем позвонила маме.

— Что? Насчет меня?

— Да. Мне показалось, что я все так ловко проделала, когда позвонила ей в обед. Но она, оказывается, забеспокоилась насчет твоих зубов. Нет ли чего-то серьезного? Абсцессов или чего-то вроде. Поэтому она сама позвонила зубному и обнаружила, конечно, что ты там вовсе не была. Так вот — она позвонила маме, а та, как назло, оказалась у телефона. И я не смогла ее опередить. И уж конечно, мама сказала, что ей ничего не известно и что ты, само собой, здесь не ночуешь.

И я просто не знала, что делать.

— Ну и что ты все-таки сделала?

— Притворилась, будто ничего не знаю. Я сказала, что ты вроде бы говорила о каких-то друзьях в Уимблдоне.

— Почему именно в Уимблдоне?

— Это было первое, что пришло мне в голову.

Эльвира вздохнула:

— Да, видно, придется мне что-нибудь сообразить. Может, насчет какой-нибудь старой гувернантки, которая живет в Уимблдоне. О господи, из-за всей этой суеты такая неразбериха. Надеюсь, у кузины Мелфорд хватит ума не звонить в полицию.

— Ты сейчас поедешь туда?

— Только вечером. У меня до этого масса дел.

— Ты слетала в Ирландию? Как там… все удалось?

— Я узнала все, что мне нужно.

— Что-то голос у тебя… мрачноватый.

— Мне совсем невесело.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, Эльвира?

— Никто не может мне помочь. Этим я должна заняться сама. Я так надеялась, что кое-что окажется неправдой, но это правда. Даже не знаю, что с этим делать.

— Ты в опасности, Эльвира?

— Не драматизируй, Бриджет. Мне просто нужно быть осторожной, и все. Просто нужно быть очень осторожной.

— Значит, ты действительно в опасности.

Эльвира после минутной паузы сказала:

— Мне кажется, что я просто придумываю всякую чушь, вот и все.

— Эльвира, а как насчет того браслета?

— Ой, это пустяки. Я договорилась кое с кем насчет денег. Мне их дают, я иду и — как это? Выкупаю его. Потом возвращаю Болларду.

— А как они к этому отнесутся, ты думаешь? Нет, мама, это из прачечной. Они говорят, что мы им какую-то простыню не посылали. Да, мамочка, да, я скажу директрисе, ладно.

На другом конце провода Эльвира усмехнулась и повесила трубку. Она открыла кошелек, порылась в мелочи, разложила перед собой нужные монеты и начала звонить. Когда она добилась ответа, то опустила деньги, нажала кнопку «А» и заговорила слегка задыхающимся голосом:

— Алло, кузина Мелфорд? Да, это я. Простите, пожалуйста… Да, я знаю… но я не собиралась… да… это из-за старенькой Мадди. Ну, знаете, это наша мадемуазель… да, я написала открыточку,

но забыла ее отправить. Она и сейчас у меня в кармане… Да, но убедитесь, все ли в порядке. Да, я действительно собиралась к Бриджет, но это сбило все планы… Не понимаю, что за сообщение вы получили. Кто-то, наверное, что-то напутал. Да, я, конечно, все объясню, как только приеду… Да, да, сегодня во второй половине дня. Нет, я только подожду, когда приедет медсестра к старушке Мадди… Ну не совсем чтобы медсестра, ну эта, как они там называются… медсестра по оказанию первой помощи, что ли. Нет, в больницу она ни за что не хочет… Но я и вправду страшно сожалею, кузина Мелфорд, очень-очень прошу меня простить. — Она повесила трубку и раздраженно вздохнула. — Как было бы хорошо, — пробормотала она, — если бы не нужно было все время врать.

Она вышла из будки, заметив на ходу огромные газетные заголовки: «НЕБЫВАЛОЕ ОГРАБЛЕНИЕ ПОЕЗДА — БАНДИТЫ НАПАЛИ НА ИРЛАНДСКИЙ ПОЧТОВЫЙ».

2

Мистер Боллард обслуживал покупателя, когда открылась дверь магазина. Он поднял голову и

увидел, что входит богатая наследница Эльвира Блейк.

— Нет, — сказала она продавцу, который направился к ней. — Я лучше подожду, когда освободится мистер Боллард.

Наконец мистер Боллард распрощался с покупателем, и Эльвира заняла его место.

— Доброе утро, мистер Боллард, — поздоровалась она.

— Боюсь, мисс Эльвира, что ваши часики так быстро починить не удалось, — сообщил мистер Боллард.

— О, я пришла не за часами, — сказала Эльвира. — Я пришла извиниться. Случилось нечто ужасное.

Она открыла сумочку и достала из нее коробочку. Вынула оттуда браслет с сапфирами и бриллиантами.

— Вы, наверное, помните, когда я пришла насчет часов, я посмотрела кое-какие вещицы, которые хотела бы получить на Рождество, и как раз в это время произошел на улице несчастный случай. Кто-то, мне кажется, попал под машину или чуть не попал. Наверное, я в этот момент держала в руке браслет и, возможно, машинально сунула его в карман костюма. Только сегодня

утром я это обнаружила. И конечно, тут же бросилась к вам, чтобы его вернуть. Мне так неудобно, мистер Боллард, я даже не представляю себе, как это я сделала такую глупость.

— Ну что вы, мисс Эльвира, все в порядке, — произнес мистер Боллард медленно.

— Вы, наверное, решили, что кто-то его украл, — сказала Эльвира. Ее ясный взор встретил взгляд Болларда.

— Мы и впрямь обнаружили его исчезновение, — ответил ювелир. — Большое спасибо, мисс Эльвира, что вы так быстро его вернули.

— Я ужасно нервничала, когда его нашла, — сказала Эльвира. — Спасибо, мистер Боллард, что вы это так мило восприняли.

— Самые невероятные ошибки случаются достаточно часто. — Мистер Боллард отечески улыбнулся ей. — Давайте забудем об этом. Но больше так делать не стоит, ладно?

— Разумеется, — пообещала Эльвира. — Впредь я буду очень осторожна.

Она, в свою очередь, улыбнулась ему, повернулась и ушла из магазина.

— Интересно… — буркнул Боллард себе под нос. — Очень даже интересно.

Один из партнеров, стоявший поблизости, по-

дошел к нему:

— Значит, это все-таки она взяла его.

— Да. Это была она.

— Но она его вернула, — заметил партнер.

— Она его вернула, — подтвердил Боллард. — Честно говоря, я этого не ожидал.

— Что она его вернет?

— Да, не ожидал.

— Вы считаете, что ее рассказ соответствует действительности? — полюбопытствовал партнер. — Что она его случайно сунула в карман?

— Думаю, такое вполне возможно, — сказал Боллард задумчиво.

— А может, это клептомания?

— Может, и клептомания, — согласился Боллард. — Но похоже, она взяла его нарочно… А если так, почему она так быстро его вернула? Странно…

— Хорошо еще, что мы в полицию не сообщили. Признаюсь, мне очень этого хотелось.

— Да я знаю, знаю. У вас просто нет моего опыта. В данном случае лучше было не сообщать. — Он тихо добавил про себя: «Все это очень любопытно, однако. Очень. Интересно, сколько ей лет? Наверное, семнадцать или восемнадцать. Похоже, она впуталась в какую-то историю».

— Мне казалось, вы говорили, что она купается в деньгах.

— Можно быть наследницей и купаться в деньгах, — сказал Боллард, — но при этом в семнадцать лет ты не всегда вправе ими воспользоваться. Самое нелепое, что богатым наследницам выдают меньше денег, чем подают нищим. И это чаще всего глупо. Боюсь, нам никогда не узнать правды.

Он вернул браслет на место в витрину и закрыл ее.

Глава 10

Контора «Эджертон, Форбс и Уилборо» находилась в Блумсбери, на одной из тех солидных и презентабельных площадей, которых пока еще не коснулся ветер перемен. Имена этих достойных господ стерлись почти до неразборчивости на медной доске. Фирма просуществовала уже более ста лет, и клиентами ее была значительная часть английской земельной аристократии. В фирме уже не осталось ни Форбсов, ни Уилборо. Вместо них были Аткинсоны, отец и сын, Ллойд из Уэльса и Макалистер из Шотландии. Но там все еще оставался Эджертон — потомок основателей фирмы Эджертонов. Этому самому Эджертону было за пятьдесят, и он состоял советником ряда семей, которые пользовались услугами его деда, его дяди, его отца.

В данный момент он восседал за огромным письменным столом красного дерева в своем красивом кабинете на втором этаже и доброжелательно, но строго говорил что-то клиенту, который выглядел подавленным. Ричард Эджертон был человеком интересным: высокий, темные волосы, слегка тронутые у висков седи-

ной, проницательные серые глаза. Советы его всегда были удачны, но он был весьма прямолинеен.

— Честно говоря, Фредди, тебе совсем не на что опереться, — говорил он. — Еще с этими твоими письмами.

— Но ты же не думаешь… — не поднимая головы, пробормотал Фредди.

— Нет, не думаю, — сказал Эджертон. — Единственная надежда — это уладить все без судебного разбирательства. Ведь могут заявить, что ты оказался в положении, позволяющем обвинить тебя в преступных намерениях.

— Послушай, Ричард, это уж слишком.

На столе у Эджертона раздался тихий телефонный звонок. Он нехотя поднял трубку:

— Я, кажется, просил меня не беспокоить.

На другом конце что-то пробормотали. Эджертон сказал:

— А-а, понятно. Да, да. Попросите ее подо-ждать, пожалуйста. — Он положил трубку и снова повернулся к своему удрученному клиенту: — Послушай, Фредди, я знаю закон, а ты нет. Ты попал в серьезную переделку. Постараюсь тебя вытащить, но предупреждаю, это тебе влетит в копеечку. Не думаю, что они согласятся меньше

чем на двенадцать тысяч.

— Двенадцать тысяч?! — ужаснулся несчастный Фредди. — Да ты что, Ричард! У меня нет таких денег.

— Придется раздобыть. Всегда есть какие-то возможности. Если она на двенадцати тысячах успокоится, считай, что тебе повезло, а если обратишься в суд, это обойдется тебе гораздо дороже.

— Вы, адвокаты! — воскликнул Фредди. — Все вы просто акулы! — Он поднялся. — Ну, Ричард, я рассчитываю, что ты для меня постараешься, старина. — Он откланялся.

Ричард Эджертон выбросил Фредди и его дело из головы и, сосредоточиваясь на следующем клиенте, произнес про себя: «Достопочтенная Эльвира Блейк. Интересно, что она собой представляет…»

Он поднял трубку:

— Лорд Фредерик ушел. Пригласите сюда мисс Блейк, пожалуйста.

Поджидая ее, он произвел кое-какие расчеты в своем блокноте. Сколько же лет прошло? Ей должно быть пятнадцать… или семнадцать, а может, и больше. Время летит. Дочь Конистона, подумал он, дочь Бесс. Интересно, в кого из них она пошла?

Дверь отворилась, клерк объявил мисс Эльвиру Блейк, и девушка вошла в комнату. Эджертон поднялся из своего кресла и пошел ей навстречу. Внешне, подумал он, она не напоминает ни одного из родителей. Высокая, тоненькая, краски Бесс, но нет той живости, что-то в ней кроется старомодное. Хотя тут трудно быть уверенным, ведь сейчас в моде как раз рюши и высокая талия.

— Так-так, — сказал он, пожимая ей руку. — Вот неожиданность. Последний раз я видел вас, когда вам было одиннадцать. Проходите и садитесь вот сюда.

— Видимо, — проговорила Эльвира нерешительно, — мне следовало написать вам. Написать и просить о встрече. Что-то в этом роде, но я както вдруг решилась, и мне показалось, что нельзя упустить такую возможность, раз уж я оказалась в Лондоне.

— А что вы делаете в Лондоне?

— Занимаюсь зубами.

— Зубы — это ужасно, — посочувствовал Эджертон. — Они нас мучают от колыбели до могилы. Но я благодарен вашим зубам, если они доставили мне удовольствие видеть вас. Подождите-ка: вы ведь были в Италии? Заканчивали там свое образование в одном из этих заведений для де-

вушек?

— Да, — ответила Эльвира, — у графини Мартинелли. Но я уже с этим покончила. Я поживу у Мелфордов в Кенте до тех пор, пока не решу, чем буду заниматься в дальнейшем.

— Надеюсь, вы выберете что-нибудь стоящее. Не подумываете об университете или о чем-нибудь подобном?

— Нет, — сказала Эльвира, — боюсь, я для этого не достаточно умна. — Она помолчала и добавила: — Полагаю, вам пришлось бы согласиться на все, чего мне захочется.

Проницательные глаза Эджертона впились в нее.

— Я один из ваших опекунов, в соответствии с волей вашего покойного отца, это так, — сказал он. — Посему у вас есть право обращаться ко мне в любое время.

Эльвира вежливо поблагодарила.

Эджертон спросил:

— Вас что-нибудь беспокоит?

— Нет. Не совсем. Видите ли, просто я ничего не знаю. Никто мне никогда ничего не рассказывал. А не всегда хочется расспрашивать.

Он внимательно взглянул на нее:

— Вы имеете в виду себя саму?

— Да, — сказала она. — Как хорошо, что вы меня понимаете. Дядя Дерек… — Она запнулась.

— Вы имеете в виду Дерека Ласкомба?

— Да. Я его всегда называла дядей.

— Понятно.

— Он очень добр, — сказала Эльвира. — Но он не такой человек, который станет тебе что-то рассказывать. Он просто все устраивает и вечно выглядит озабоченным, не зная, нравится ли мне то, как все устроено. И он, конечно, всех слушает — женщин, я имею в виду, которые ему всякое там рассказывают. Вроде графини Мартинелли. Он для меня организует школы и прочие заведения.

— А это не те заведения, где вы хотели бы учиться?

— Нет, не в этом дело. С этим было все в порядке. То есть это были такие заведения, где учатся все.

— Понятно.

— Но я о себе самой ничего не знаю, вот в чем беда. Ни сколько у меня денег, ни что я с ними могу делать, если захочу.

— В сущности, — сказал Эджертон со своей обаятельной улыбкой, — вы хотели бы поговорить о состоянии дел. Так? Ну что ж, я думаю, это в порядке вещей. Постойте-ка. Сколько вам лет?

Шестнадцать, семнадцать?

— Мне почти двадцать.

— Да что вы говорите? Я и не предполагал.

— Видите ли, — сказала Эльвира, — у меня все время такое чувство, что меня оберегают и ограждают. Это, конечно, с какой-то стороны очень мило, но бывает, что и раздражает.

— Да, подобное отношение уже не годится, — согласился Эджертон, — хотя мне кажется, Дереку Ласкомбу оно может представляться самым подходящим.

— Он очень мил, — признала Эльвира, — но с ним часто бывает трудно говорить серьезно.

— Да, я могу это понять. Ну хорошо, так что же вы все-таки о себе знаете, Эльвира? О том, что касается семейных обстоятельств?

— Мне известно, что отец умер, когда мне было пять лет, и что моя мать сбежала с кем-то, когда мне было около двух лет. Я совершенно ее не помню. Я плохо помню и отца. Помню только, что он ругался и что я его изрядно боялась. Потом, когда он умер, я сначала жила у тетки или кузины отца — не знаю точно. Она тоже умерла, а я стала жить у дяди Дерека и его сестры. Но потом сестра его умерла, а я уехала в Италию. Теперь дядя Дерек устроил меня жить у своих родственников Мел-

фордов. Они очень добрые и милые, и у них две дочери моего возраста.

— Вам у них хорошо?

— Я пока не знаю. Я практически еще до них не добралась. Они люди скучные. Вообще-то я хотела бы знать, сколько у меня денег.

— Итак, вы хотели бы получить финансовую информацию?

— Да, — ответила Эльвира. — Какие-то деньги у меня есть, это мне известно. Но много ли их?

Эджертон посерьезнел.

— Да, — кивнул он. — У вас много денег. Ваш отец был очень богат. Вы были его единственным ребенком. Когда он умер, то титул и недвижимость перешли к его двоюродному брату. Но этого брата он не любил и поэтому оставил всю личную собственность, которая была значительна, своей дочери, то есть вам, Эльвира. Вы очень богатая женщина, во всяком случае, станете таковой по достижении двадцати одного года.

— Вы хотите сказать, что в данный момент я не богата?

— Нет, — возразил Эджертон. — Вы и сейчас богаты, но не можете распоряжаться этими деньгами, пока вам нет двадцати одного года или пока вы не замужем. До того времени деньги

находятся в руках ваших опекунов: Ласкомба, моих и еще одного человека. — Он улыбнулся ей. — Мы их не присвоили и ничего плохого с ними не сделали. Все они в сохранности. Более того, мы даже увеличили ваш капитал за счет удачного помещения.

— А сколько я получу?

— По достижении двадцати одного года или при вступлении в брак вы станете обладательницей суммы, по приблизительным подсчетам равной шестистам или семистам тысячам фунтов.

— Это и вправду много, — тихо проговорила Эльвира, на которую сумма произвела сильное впечатление.

— Да, это много. Возможно, именно тот факт, что капитал велик, и не позволял обсуждать эту тему с вами до сих пор.

Он наблюдал за ней, пока она обдумывала сказанное. Интересная личность, подумал он. Выглядит невероятно невинной, но за этим кроется нечто иное. Он произнес с легкой усмешкой:

— Вы удовлетворены?

Она неожиданно улыбнулась:

— Должна была бы, правда?

— Это приятнее, чем выиграть в лотерею, не так ли?

Она кивнула, но мысль ее где-то блуждала. Потом, совершенно неожиданно и резко, она спросила:

— А кому все достанется в случае моей смерти?

— В нынешних обстоятельствах все перейдет к ближайшему родственнику.

— То есть, я хочу спросить, я могу сейчас составить завещание? Наверное, не могу, пока мне не исполнится двадцать один? Это мне так объяснили.

— Вам объяснили совершенно правильно.

— Это очень обидно. И если я не выйду замуж, то моя мать, как ближайшая родственница, все получит? У меня вообще-то почти нет родственников, я даже матери своей не знаю. Какая она?

— Она выдающаяся женщина, — сухо произнес Эджертон. — Все так считают.

— Ей никогда не хотелось меня увидеть?

— Возможно, и хотелось… Мне это кажется вполне вероятным. Но, в некотором смысле наломав дров в собственной жизни, она, вероятно, рассудила, что вам лучше будет воспитываться вне сферы ее влияния.

— Вам точно известно, что она так считает?

— Нет, на самом деле мне ничего не известно.

Эльвира поднялась.

— Спасибо, — сказала она. — Очень любезно было с вашей стороны рассказать мне все это.

— Полагаю, что нам следовало раньше поставить вас в известность обо всем.

— Довольно унизительно находиться в полном неведении, откровенно говоря, — признала Эльвира. — Дядя Дерек, видимо, продолжает считать меня совершенным ребенком.

— Видите ли, он не слишком молод. И он и я, как вам известно, люди пожилые. Вы должны простить нам, как людям определенного возраста, привычку мерить все на свой аршин.

Эльвира постояла, присматриваясь к нему, с минуту, потом заметила довольно проницательно:

— Но вам-то я не кажусь ребенком, правда? — И добавила: — Мне думается, что вы гораздо лучше дяди Дерека разбираетесь в девушках. Он жил только со своей сестрой. — Она протянула ему руку и произнесла очень мило: — Большое вам спасибо. Надеюсь, я не оторвала вас ни от какой важной работы.

Эджертон постоял, глядя на дверь, которая закрылась за ней. Он вытянул губы и присвистнул, потом покачал головой и снова уселся, взяв в руку перо и задумчиво постукивая им по столу.

Пододвинул к себе какие-то бумаги, потом отпихнул их и поднял телефонную трубку:

— Мисс Корделл, соедините меня с полковником Ласкомбом, пожалуйста. Сначала попробуйте найти его в клубе. А потом — по шропширскому адресу.

Он положил трубку, снова придвинул бумаги и начал читать, но не смог сосредоточиться. Тут раздался звонок.

— Полковник Ласкомб на проводе, мистер Эджертон.

— Да, соедините меня с ним. Приветствую тебя, Дерек. Это Эджертон. Как дела? У меня только что была одна известная тебе особа. Твоя подопечная.

— Эльвира? — У Дерека Ласкомба был очень удивленный голос.

— Да.

— Но зачем… черт побери… что ей от тебя было нужно? Что-нибудь случилось?

— Нет, насколько я могу судить. Наоборот, мне показалось, что она… довольна собой. Ей захотелось узнать все о состоянии ее финансовых дел.

— Надеюсь, ты ей ничего не рассказал? — спросил встревоженный полковник.

— Отчего же? Зачем из этого делать тайну?

— Ну, не знаю, мне все время кажется, что как-то ни к чему девочке знать, что ей достанется столько денег.

— Ну так кто-нибудь другой расскажет ей, если не мы. Ее нужно к этому подготовить, понимаешь? Деньги означают большую ответственность.

— Да, но она еще такой ребенок.

— Ты в этом уверен?

— То есть как это? Конечно, ребенок.

— Я бы этого не сказал. А кто ее парень?

— Что ты сказал?

— Я спросил, что представляет собой ее парень. У нее явно есть друг.

— Да ты что! Ничего подобного. С чего ты это взял?

— Ну, она ничего конкретного не сказала, но я имею кое-какой опыт, как тебе известно. Думаю, ты скоро обнаружишь, что у нее есть дружок.

— Нет, уверяю тебя, что ты заблуждаешься. Я хочу сказать, что ее воспитывали очень тщательно, она посещала самые строгие школы, потом закончила элитарное учебное заведение в Италии. Мне было бы известно, если бы происходило что-то подобное. Могу, конечно, признаться, что ее познакомили с одним-двумя приятными

молодыми людьми и все такое, но я уверен, что ничего похожего на твои предположения и быть не может.

— И все же мой диагноз: у нее есть приятель, причем, вполне вероятно, очень нежелательный.

— Да почему, Ричард, ты так уверен, почему?! Что ты вообще знаешь о девушках?

— Вполне достаточно, — сухо ответил Эджертон. — У меня в этом году были три клиентки, над двумя из которых взял опеку суд, а третьей удалось заставить родителей согласиться на заведомо катастрофический брак. Теперь за девушками смотрят не так, как раньше. Нынешние условия таковы, что за ними вообще не углядишь.

— Но уверяю тебя, за Эльвирой смотрели очень внимательно.

— Изобретательность юных особ женского пола не поддается разумению! Не спускай с нее глаз, Дерек. Поинтересуйся, чем она занималась.

— Глупости. Она просто очень славная и непосредственная девушка.

— Того, чего ты не знаешь об этих славных и непосредственных девушках, хватило бы на целый том! Ее мамаша удрала из дома и вызвала

скандал — не помнишь? — когда ей было меньше лет, чем Эльвире сейчас. А что до старины Конистона, то он был одним из самых отчаянных повес в Англии.

— Ты меня просто убиваешь, Ричард. Самым настоящим образом.

— Лучше быть настороже. Что мне не слишком понравилось, так это один из ее вопросов. Что это она так беспокоится насчет того, кто унаследует ее деньги в случае ее смерти?

— Странно, что ты об этом упомянул, потому что мне она задала тот же самый вопрос.

— Вот как? Почему она так сосредоточилась на этой мысли о ранней смерти? Кроме того, она расспрашивала меня о матери.

Голос Ласкомба зазвучал встревоженно, когда он сказал:

— Жаль, что Бесс не хочет с ней встретиться.

— А ты с ней говорил об этом, я имею в виду, с Бесс?

— Вообще-то да… Я случайно с ней столкнулся. Мы, как ни странно, остановились в одной гостинице. Я уговаривал Бесс как-нибудь устроить встречу с девочкой.

— И что она?

— Наотрез отказалась. Отговорилась тем, что

встречаться с ней небезопасно для девочки.

— С определенной точки зрения, думаю, это так, — согласился Эджертон. — Она спуталась с этим гонщиком, не так ли?

— Да, ходят слухи.

— Я тоже это слышал. Не знаю, насколько все это справедливо. Хотя, может быть, оно и так. Поэтому, возможно, у нее такое чувство. Иногда ее приятели слишком круты. Но что за женщина, а, Дерек? Что за женщина!

— Сама себе злейший враг, — проворчал Дерек Ласкомб.

— Какое милое светское замечание! — сыронизировал Эджертон. — Ну ладно, прости, что я тебя побеспокоил, Дерек, но приглядись к нежелательным элементам за кулисами. Не говори потом, что тебя не предупреждали.

Он положил трубку и снова придвинул к себе бумаги. На этот раз удалось сосредоточиться на том, чем он занялся.

Глава 11

Миссис Макри, экономка каноника Пеннифезера, заказала дуврскую камбалу на ужин в день его возвращения. Преимущества хорошей дуврской камбалы заключаются в том, что ее не нужно жарить или запекать до появления каноника в доме. Можно даже продержать ее до следующего дня. Каноник Пеннифезер был любителем дуврской камбалы, но в случае прибытия телеграммы о том, что каноник в этот вечер будет где-то в ином месте, миссис Макри сама была не прочь полакомиться дуврской камбалой. Поэтому к возвращению каноника все было готово. За дуврской камбалой следовали блины. Камбала покоилась на кухонном столе, а блинное тесто стояло тут же в миске. Бронза блестела, серебро сверкало, нигде ни пылинки. Не хватало только одного — самого каноника.

Предполагалось, что каноник вернется поездом 6.30 из Лондона.

В семь часов его еще не было. Несомненно, поезд задерживается. В 7.30 каноник все еще не появился. Миссис Макри вздохнула с досадой. Она подозревала, что все опять произойдет как

не раз уже бывало. Пробило восемь — никаких признаков каноника. Миссис Макри испустила длинный вздох. Скоро, без сомнения, раздастся телефонный звонок, хотя вполне вероятно, что и звонка не будет. Возможно, он отправил ей письмо. Это точно, он наверняка написал, но забыл опустить письмо.

В девять часов она испекла себе три блина. Камбалу она убрала в холодильник. «Интересно, в какую передрягу этот человек попал на этот раз», — сказала она сама себе. Она по опыту знала, что он может оказаться где угодно. Была небольшая надежда, что, обнаружив ошибку, он еще успеет ей телеграфировать или телефонировать до того, как она отправится спать. «Посижу до одиннадцати, не дольше», — решила миссис Макри. Обычно она ложилась в половине одиннадцатого. Дотянуть до одиннадцати она сочла своим долгом, но если и в одиннадцать она ничего не узнает, никаких известий от него не получит, она запрет дом и отправится в постель.

Нельзя сказать, чтобы она была очень обеспокоена. Такое случалось и раньше. Ничего нельзя поделать — только ждать известий. Возможности многочисленны: каноник мог перепутать поезда и не обнаружить ошибку, пока не ока-

жется в Лэндс-Энде или Джон-О'Гроутсе, или он мог все еще находиться в Лондоне и, перепутав дату, быть уверенным, что возвращаться нужно завтра. Он мог встретить на этой своей международной конференции друзей, которые уговорили его остаться на уик-энд. Он бы и сообщил ей, да совершенно позабыл об этом. Итак, как уже было сказано, она не волновалась. Через два дня к ним должен был приехать старый друг каноника, архидиакон Симмонс. Такие вещи каноник всегда помнил, так что завтра непременно прибудет либо он сам, либо телеграмма от него. Крайний срок, когда он приедет, — это послезавтра. Или пришлет письмо.

Но послезавтрашнее утро не принесло ни строчки от каноника. И тут впервые миссис Макри стало не по себе. С девяти утра до часа пополудни она с сомнением смотрела на телефон. У миссис Макри был свой твердый взгляд на телефон: она им пользовалась и признавала его удобство, но не любила. Некоторые хозяйственные заказы ей приходилось делать по телефону, но она все равно предпочитала покупать сама, так как исходила из твердого убеждения: если не видишь, что тебе дают, то продавец всегда тебя надует. Тем не менее телефоны, несомненно, удобны в

быту. Иногда, хоть и редко, она звонила своим друзьям и родным, живущим поблизости. А необходимость сделать звонок на дальнее расстояние, например в Лондон, повергала ее в смятение. Совершенно бессмысленная трата денег. И все же она начала обдумывать эту проблему.

Наконец, когда прошел еще один день без каких бы то ни было известий от каноника, она решила действовать. Она знала, где каноник останавливается в Лондоне. Отель «Бертрам». Добротная старая гостиница. Может быть, и хорошо бы позвонить туда и навести справки. Они, возможно, знают, где он. Это ведь не какая-нибудь захудалая гостиница. Она попросит связать ее с мисс Горриндж. Та всегда все знает и очень заботлива. Конечно, каноник может еще приехать в 12.30. Тогда он с минуты на минуту будет здесь.

Но минуты шли — и никакого каноника. Миссис Макри набрала в грудь воздуха, взяла себя в руки и попросила соединить ее с Лондоном. Она ждала, кусая губы и крепко прижав трубку к уху.

— Отель «Бертрам» к вашим услугам, — ответили ей.

— Я бы хотела, если можно, поговорить с мисс Горриндж, — попросила миссис Макри.

— Минуточку. А кто говорит?

— Это домоправительница каноника Пеннифезера. Миссис Макри.

— Секундочку, пожалуйста.

Наконец раздался спокойный и деловой голос мисс Горриндж:

— Мисс Горриндж у телефона. Вы сказали, что это домоправительница каноника Пеннифезера?

— Да, точно, это миссис Макри.

— Да, да. Конечно. Чем могу быть вам полезна, миссис Макри?

— Каноник Пеннифезер все еще живет у вас?

— Как хорошо, что вы позвонили. Мы просто не знали, что нам делать.

— Что вы имеете в виду? С ним что-нибудь случилось?

— Нет, нет, ничего подобного. Но мы ожидали его возвращения из Люцерна в пятницу или в субботу.

— Да?

— Но он не появился. Ну, в принципе тут нет ничего удивительного. Он заказал номер… номер у него заказан до вчерашнего дня. А вчера он не появился и не известил нас никаким образом. Вещи его все еще здесь, большая часть его багажа. Что нам делать с его вещами, мы не знаем. Конечно, — поспешно добавила мисс Горриндж, — нам

известно, что каноник бывает иногда несколько забывчив.

— Он может быть где угодно! — с горечью произнесла миссис Макри, но тут же взяла себя в руки и поблагодарила: — Спасибо вам, мисс Горриндж.

— Если бы я чем-то могла помочь… — предложила мисс Горриндж.

— Очень надеюсь, что он скоро объявится, — сказала миссис Макри, еще раз поблагодарила мисс Горриндж и повесила трубку.

Она немного посидела у телефона с расстроенным видом. Она не опасалась за личную безопасность каноника. Если бы он попал в какую-нибудь аварию, ее бы уже известили об этом. Двух мнений быть не может. Вообще-то каноник не относился к разряду людей, которые постоянно попадают в переделки. Он относился к числу тех, которых миссис Макри окрестила про себя «блаженными», а за блаженными присматривает само Провидение. Они вроде бы и не остерегаются и не думают об опасности, и все равно им удается выжить в любых передрягах. Нет, она никак не может представить себе каноника на больничной койке. Где-то он непременно должен быть. И конечно же, сидит и с беззаботной радостью

болтает с кем-то из друзей. А может, он все еще за границей? Проблема в том, что архидиакон Симмонс приезжает сегодня вечером и будет непременно рассчитывать на то, что примет его хозяин дома. Она не может отложить визит архидиакона Симмонса, потому что не знает, как его найти. Все это необычайно сложно, но, как всякое затруднение, имеет свою светлую сторону. Этой стороной является сам архидиакон Симмонс. Уж он-то будет знать, что делать. И она все переложит на его плечи.

Архидиакон Симмонс был полной противоположностью ее хозяину. Он всегда знал, куда направляется, чем занимается, что и как нужно делать. Уверенный в своей правоте священнослужитель. Архидиакон Симмонс, по приезде встреченный объяснениями миссис Макри, явил себя твердой опорой. Он даже не был встревожен.

— Да вы не волнуйтесь, миссис Макри, — сказал он в своей обычной доброжелательной манере, садясь к столу и принимаясь за приготовленную ею трапезу. — Мы выследим нашего рассеянного друга. Вы когда-нибудь слышали про случай с Честертоном? Писателем Честертоном, знаете такого? Он отправил жене, когда уехал читать

серию лекций, телеграмму: «Я на станции Крю. А где я должен быть?»

Он рассмеялся. Миссис Макри вежливо улыбнулась. Ей это не показалось смешным, потому что было очень похоже на то, что мог сделать каноник Пеннифезер.

— Ах! — воскликнул архидиакон Симмонс одобрительно. — Ваши замечательные телячьи отбивные! Вы превосходная кулинарка, миссис Макри. Надеюсь, мой друг способен вас оценить.

За телячьими отбивными последовал пудинг с ежевичной подливкой, до которой, как вспоминала миссис Макри, архидиакон Симмонс был большим охотником. После трапезы этот добрый человек вплотную занялся поисками своего пропавшего друга. Он набросился на телефон с живостью и полным пренебрежением к возможным расходам, что заставило миссис Макри обеспокоенно поджать губы, впрочем не то чтобы в знак неодобрения, ибо она прекрасно понимала, что хозяина необходимо обнаружить.

Сначала он попытался чего-то добиться от сестры каноника, которая не особенно интересовалась передвижениями своего брата и, как всегда, не имела никакого понятия о том, где он может быть. Затем он снова обратился в отель

«Бертрам» и выяснил там все до мельчайших подробностей. Каноник совершенно определенно покинул гостиницу вечером девятнадцатого. При нем была небольшая сумка, а остальной багаж каноник оставил в номере, который он за собой закрепил. Он упоминал, что направляется на какую-то конференцию в Люцерн. Он не сразу из гостиницы отправился в аэропорт. Швейцар, который хорошо его знал, посадил его в такси и велел шоферу, как и просил каноник, доставить его в клуб «Атенеум». Это был тот последний раз, когда кто-либо в отеле видел каноника Пеннифезера. Да, еще одна небольшая деталь: он забыл оставить ключ от номера и увез его с собой. Но такое случалось с ним не в первый раз.

Архидиакон Симмонс несколько минут молча поразмыслил, прежде чем сделать следующий звонок. Он мог бы позвонить в лондонский аэровокзал. Но это, несомненно, займет значительное время. Можно найти более короткий путь. Он позвонил доктору Вайсгартену, известному ученому-гебхаисту, который, без сомнения, должен был присутствовать на конференции.

Доктор Вайсгартен оказался дома. Как только он услышал, кто говорит, он тут же излил на слушателя бурный поток разгромной критики в

адрес двух докладов, представленных на конференции в Люцерне.

— До чего бездарен этот Хогаров! — говорил он. — Ужасный бездарь! И как это он еще держится, просто диву даюсь! Никакой он не ученый. Знаете, что он там ляпнул?

Архидиакон вздохнул, но должен был проявить твердость. Иначе весь вечер ему придется выслушивать критику в адрес коллег-ученых на конференции в Люцерне. С известной неохотой Вайсгартену пришлось сосредоточиться на более прозаичных вопросах.

— Пеннифезер? — переспросил он. — Пеннифезер? Да, он должен был присутствовать. Не представляю, почему его не было. Сказал, что приедет. Всего за неделю до этого он мне обещал приехать, когда я встретил его в «Атенеуме».

— Вы хотите сказать, что его вообще не было на конференции?

— Именно это я и сказал вам только что. Он должен был присутствовать.

— А вам известно, почему его не было? Он прислал какое-нибудь объяснение?

— Откуда мне знать? Он совершенно определенно говорил, что будет там. А-а, да, я вспомнил. Его ждали. Несколько человек отметили его от-

сутствие. Думали, что, может, у него простуда или что-то в этом роде. Предательская погода. — Вайсгартен чуть не пустился снова в обсуждение своих коллег-ученых, но архидиакон Симмонс прервал разговор.

Он получил конкретные сведения, но такие, которые впервые за это время его встревожили. Каноник Пеннифезер отсутствовал на конференции в Люцерне, хотя собирался там быть. Архидиакону Симмонсу показалось странным, что его там не было. Конечно, он мог сесть не в тот самолет, хотя «Бритиш эруэйз» обычно очень внимательны к своим пассажирам и, как правило, предотвращают подобные ошибки. Но Пеннифезер мог забыть точную дату проведения конференции. Такое с ним вполне могло случиться. Но если даже и так, куда он мог вместо этого отправиться?

Теперь Симмонс обратился в аэропорт. Тут пришлось долго и терпеливо ждать, пока его переключали с одного отдела на другой. В конце концов он получил точную информацию: каноником Пеннифезером было зарегистрировано место на самолет в 21.40 на Люцерн восемнадцатого, но в самолете его не было.

— Так, мы продвигаемся, — сказал архидиакон

Симмонс миссис Макри, которая торчала у него за спиной. — Так, сейчас подумаем. У кого же спросить теперь?

— Все эти разговоры влетят в копеечку, — заметила миссис Макри.

— Боюсь, что вы правы, — признался архидиакон Симмонс. — Но нам необходимо его выследить. Он уже не так молод.

— Ой, сэр, ведь вы не думаете на самом деле, что с ним могло что-нибудь случиться?

— Ну, будем надеяться, что нет… Я так не думаю, потому что вас бы поставили в известность. При нем всегда были документы на его имя и адрес, верно?

— О да, сэр. При нем всегда были визитные карточки. Да и письма он с собой носил, и у него в бумажнике всегда всего полно.

— Да-а, в таком случае я не думаю, чтобы он был в больнице, — сказал архидиакон. — Нужно подумать. Так, из гостиницы он отправился в «Атенеум». Вот туда-то я и позвоню.

Здесь он получил некоторую конкретную информацию: каноник Пеннифезер, которого здесь отлично знали, обедал здесь в 7.30 вечера девятнадцатого. Именно в этот момент архидиакона осенило нечто ранее упущенное. Билет

на самолет был на восемнадцатое, но каноник, покидая на такси отель «Бертрам», упомянул, что он должен быть на конференции в Люцерне девятнадцатого. Появился просвет. «Старый дурень, — подумал архидиакон Симмонс, но не произнес этого вслух, чтобы не услышала миссис Макри. — Перепутал дни. Конференция была девятнадцатого. В этом я уверен. А он думал, что уезжает восемнадцатого. Ошибся на один день».

Дальше Симмонс внимательно проследил за действиями Пеннифезера. Каноник отправился в «Атенеум», пообедал и двинулся в аэропорт Кенсингтон. Там ему, конечно, указали, что билет его просрочен, и тут он осознал, что конференция, на которой он должен был присутствовать, уже закончилась.

— Так вот как это было, — сказал архидиакон Симмонс, — помяните мое слово.

Он все объяснил миссис Макри, которая согласилась, что такое вполне могло случиться.

— И что он мог бы сделать после этого?

— Вернуться в гостиницу, — предположила миссис Макри.

— А прямо сюда он не мог отправиться — на вокзал и домой?

— Нет. Если его вещи оставались в гостинице,

он бы за ними заехал.

— Справедливо, — согласился Симмонс. — Ладно. Будем исходить из этого. Он уезжает из аэропорта со своей маленькой сумкой и направляется обратно в гостиницу или, во всяком случае, собирается это сделать. Мог бы, например, поужинать. Нет, он ведь поужинал в «Атенеуме». Итак, он отправляется в гостиницу. Но он туда так и не приезжает. — Он помедлил минутку-другую, а затем добавил: — А вдруг он приезжал туда? Вроде бы его там никто не видел. Так что же случилось с ним по пути?

— Он мог встретить кого-нибудь, — предположила миссис Макри неуверенно.

— Да. Конечно, это вполне возможно. Какого-нибудь друга, с которым давно не встречался… Он мог отправиться с этим другом в гостиницу, где тот остановился, или к нему домой, но не провел же он там три дня? Не мог же он на целых три дня забыть про вещи в гостинице. Он бы позвонил им, или заехал за вещами, или, если уж его всерьез одолело беспамятство, он просто вернулся бы прямо домой. Молчит уже три дня. Этому нет объяснения.

— Если он попал в аварию…

— Да, миссис Макри, конечно, этого нельзя

исключить. Мы можем обзвонить больницы. Но вы говорите, у него с собой масса документов, по которым легко установить его личность. М-м… боюсь, что нам остается только одно, — произнес как можно деликатнее архидиакон. — Нам остается только обратиться в полицию.

Глава 12

Мисс Марпл получила огромное удовольствие от пребывания в Лондоне. Ей удалось сделать многое из того, что не удавалось во время предыдущих кратких наездов в столицу. Тем не менее приходилось с сожалением признать, что она не воспользовалась широкими возможностями культурной программы — не побывала ни в картинных галереях, ни в музеях. А что касается показа мод, то посетить ей его и в голову не пришло. Но зато она побывала в отделах больших универмагов, торгующих фарфором и хрусталем, а также в отделах постельного белья; кроме того, ей удалось приобрести кое-какие обивочные ткани по сниженным ценам. Истратив определенную сумму, которая показалась ей разумной, на эти домашние закупки, она с увлечением предалась заранее намеченным посещениям. Побывала в местах и в магазинах, которые запомнились ей с юных лет. Иногда ей просто хотелось узнать, существуют ли они до сих пор. Раньше у нее никогда не хватало на это времени, а сейчас она просто наслаждалась своими экскурсами в прошлое. После краткого послеобеденного сна

она выходила из гостиницы и, стараясь избежать услуг заботливого швейцара, который был твердо убежден, что дама ее возраста и хрупкой конституции непременно должна пользоваться такси, шла к автобусной остановке или станции метро. Она купила карманный путеводитель по маршрутам автобусов и «Карту подземного транспорта» и тщательно планировала свои путешествия. Однажды днем ее можно было увидеть погруженной в приятные воспоминания и шагающей по садам Ивлин или по Онслоу-сквер и бормочущей про себя: «Да, это был дом миссис Ван Дилан. Он выглядит сейчас совсем иначе. Его явно перестроили. Боже мой, да на нем четыре звонка! Это означает, что он разделен на четыре квартиры».

Несколько смущаясь, она посетила Музей мадам Тюссо, который так любила в детстве. В Уэстбурн-Гроув она безуспешно пыталась найти фирму «Бредлиз». Тетушка Элен всегда обращалась к ним по поводу своего котикового жакета.

Разглядывание витрин как таковое мало интересовало мисс Марпл, но она с удовольствием изучала образцы вязки, новые виды пряжи для вязания и все, что касалось рукоделия. Она специально отправилась в Ричмонд, чтобы взглянуть

на дом, который когда-то занимал ее двоюродный дедушка Томас, адмирал в отставке. Весь ряд прекрасных домов стоял на прежнем месте, но каждый из них, как ей показалось, был тоже разделен на квартиры. Гораздо печальнее обстояло дело на Лаундз-сквер, где вела стильную жизнь ее троюродная сестра, леди Мерридью. Здесь вырос огромный небоскреб. Мисс Марпл опечаленно покачала головой, но твердо сказала себе: «Прогресс, разумеется, должен иметь место. Но если бы кузина Этель узнала об этом, она перевернулась бы в гробу».

В один из особенно мягких и приятных дней мисс Марпл села в автобус, который повез ее через мост Баттерси. Она собиралась соединить два удовольствия: бросить сентиментальный взгляд на особняк «Принцесс-Террас», где когда-то жила ее старая гувернантка, и прогуляться по парку Баттерси. Первая часть ее замысла не удалась. Бывший дом мисс Ледбери бесследно исчез, а на его месте громоздилась масса сверкающего стекла и бетона. Мисс Марпл повернула в парк. Она всегда любила ходить пешком, но теперь ей пришлось признать, что ее способности в этом отношении уже не так велики, как раньше. Усталость давала себя чувствовать уже после первой

полумили. Мисс Марпл предполагала, что пройдет через парк, выйдет на мост Челси и там снова окажется вблизи удобного автобусного маршрута. Но шаг ее все замедлялся, и она обрадовалась, увидев чайный павильон на берегу озера.

Чай до сих пор подавали там, несмотря на осеннюю прохладу. Народу было немного, в основном мамаши с колясками и несколько влюбленных пар. Мисс Марпл подхватила свой поднос с чаем и двумя бисквитными кексами, подошла к столику и уселась. Чай — именно то, что ей нужно. Горячий, крепкий и восстанавливающий силы. Ощутив прилив энергии, она огляделась. Взгляд ее остановился на одном из столиков. Она резко выпрямилась. Да уж, очень странное совпадение, и вправду очень странное! Сначала в магазине Армии и Флота, а теперь здесь. Весьма необычные места выбирают эти двое! Но нет! Она ошиблась; мисс Марпл вынула из сумочки очки посильнее. Да, она ошиблась. Конечно, определенное сходство есть. Те же длинные гладкие волосы, но это не Бесс Седжвик. Эта особа намного ее моложе. Ах вот оно что! Это ее дочь! Та самая юная девушка, которая появилась в отеле «Бертрам» с другом леди Селины Хейзи, полковником Ласкомбом. Но мужчина тот же самый, что обедал с леди

Седжвик в магазине Армии и Флота. Никакого сомнения — то же красивое лицо, в котором угадывалось что-то ястребиное, та же стройность, та же хищная хватка и, чего греха таить, та же сильная мужская привлекательность.

— Что за дрянь! — сказала мисс Марпл. — Совершенная дрянь! Жестокий! Бессовестный! Смотреть на это противно. Сначала мать, теперь дочь. Что все это значит?

Ничего хорошего. Мисс Марпл была в этом уверена. Она редко оставляла место для сомнения и всегда предполагала самое худшее. В девяти случаях из десяти, как она уверяла, она оказывалась права. Оба эти свидания, по ее убеждению, были более или менее тайными. Сейчас она видела, как эти двое склоняют друг к другу головы, так что они почти соприкасаются, и разговор у них идет серьезный. Лицо девушки… Мисс Марпл сняла очки и как следует протерла стекла, затем снова надела их. Да, девица влюблена. Отчаянно влюблена, как влюбляются только юные. И куда смотрят ее опекуны, позволяя ей бегать по Лондону в одиночку и назначать тайные свидания в парке Баттерси? Вроде бы воспитанная и приличная девушка. Слишком хорошо воспитанная, без сомнения. Наверняка ее родня полагает, что

она находится совершенно в другом месте. Ей приходится лгать.

По пути к выходу из павильона мисс Марпл прошла мимо столика, за которым сидели эти двое, и замедлила ход, стараясь сделать это как можно естественнее. К сожалению, они говорили так тихо, что ей ничего не удалось услышать. Мужчина говорил, а девушка слушала, полуобрадованная, полуиспуганная. Планируют сбежать вместе? Девица еще несовершеннолетняя.

Мисс Марпл воспользовалась калиткой в ограде, которая вывела ее на тротуар, идущий вдоль парка. Она увидела ряд припаркованных автомобилей и остановилась возле одного из них. Мисс Марпл не особенно разбиралась в автомобилях, но машины, подобные этой, ей нечасто приходилось видеть, поэтому она ее приметила и запомнила. Она получила некоторые сведения о машинах такого типа у своего внучатого племянника, страстного любителя автомобилей. Машина гоночная. Какой-то иностранной марки — мисс Марпл не могла вспомнить название. Кроме того, она видела эту машину или точно такую же еще вчера в переулке возле отеля «Бертрам». Она обратила на нее внимание не только из-за ее размера, необычного вида и скрытой мощи, но

еще и потому, что номер пробудил в ней какие-то неясные воспоминания, какую-то ассоциацию в памяти. FAN-2266. Ей вдруг пришла на ум кузина Фанни Годфри. Бедняжка Фанни заикалась и говорила: «У м-м-меня д-д-два п-п-прыщика…»

Мисс Марпл пошла вперед и взглянула на номер. Да, совершенно верно: FAN-2266. Та же машина. И вот мисс Марпл, которой с каждым шагом все труднее становилось идти, добралась наконец, погруженная в глубокую задумчивость, до другого конца моста Челси и в полном изнеможении решительно остановила первое попавшееся такси. Ей было не по себе от ощущения, что она должна что-то предпринять. Но насчет чего и как? Все было крайне неопределенно. Она рассеянно остановила взгляд на газетном стенде.

«СЕНСАЦИОННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ С ОГРАБЛЕНИЕМ ПОЕЗДА!» — прочитала она. «РАССКАЗ МАШИНИСТА!» — это уже в другой газете. Ну и ну! Не проходит и дня, чтобы не произошло ограбления поезда или банка или чтобы не напали на инкассатора.

Преступность переходит всякие границы.

Глава 13

Отдаленно напоминая огромного шмеля, главный инспектор Фред Дэви метался по тесному помещению отдела расследования преступлений, что-то мыча себе под нос. Эта его манера была хорошо известна и не привлекала к себе внимания, если не считать привычного замечания: «Папаша снова рыщет».

«Рысканье» привело его в конце концов в комнату, где за столом сидел со скучающим выражением лица инспектор Кэмпбелл. Инспектор Кэмпбелл был честолюбивым молодым человеком и находил большую часть своих обязанностей нудной до чрезвычайности. Тем не менее он справлялся с порученными ему делами, причем довольно успешно. Начальство его одобряло и полагало, что он далеко пойдет, посему время от времени ему выдавалась скупая похвала.

— Доброе утро, сэр, — сказал инспектор Кэмпбелл почтительно, когда Папаша вторгся в его владения. За глаза он, разумеется, называл старшего инспектора Дэви Папашей, как и все остальные, но пока не достиг того положения, которое позволило бы назвать его так в лицо. — Могу

быть вам чем-нибудь полезен, сэр? — поинтересовался Кэмпбелл.

— Ля-ля-бум-бум, — продолжал мурлыкать старший инспектор, несколько фальшивя. — «Зачем им звать меня Марией, когда зовусь я миссис Джиббс?» — После такого неожиданного воскрешения стародавней музыкальной комедии он придвинул себе стул и уселся. — Занят? — спросил он.

— Не слишком.

— Дело в чьем-то исчезновении, не так ли? Какой-то отель. Как он называется? «Бертрам»? Нарушают лицензионные часы? Девицы по вызову?

— О нет, сэр, — возразил инспектор Кэмпбелл, слегка шокированный такими подозрениями в адрес отеля «Бертрам». — Очень милое, тихое, старомодное заведение.

— Неужели? — удивился Папаша. — Вот как? Ну, тогда это тем более интересно.

Инспектор Кэмпбелл недоумевал, что в этом интересного. Но ему не хотелось спрашивать, так как он знал, что с момента ограбления почтового поезда, которое оказалось истинным триумфом для преступников, вспыльчивость высшего начальства стала крайне легко возбудимой.

Он взглянул на крупное, тяжелое, бычье лицо старшего инспектора Дэви и уже не в первый раз подумал, каким образом тот достиг своего настоящего положения и почему его так высоко ценят в отделе. Должно быть, неплохо работал в свое время, думалось Кэмпбеллу, но теперь полно шустрых молодых парней, которых стоило бы продвинуть, освободив место от трухлявого сухостоя. «Сухостой» тем временем принялся за новую песенку, то мурлыча ее под нос, то вставляя одно-два слова погромче.

— «Расскажи-ка мне, бродяжка, много ль дома вас таких?» — вопрошал Папаша и вдруг затянул фальцетом: — «Милый сэр, девчонок краше нет в краях иных…» Ох, вроде бы я перепутал, кто есть кто. «Флорадора». Неплохая была пьеска.

— Мне кажется, сэр, я о ней что-то слышал, — вежливо сказал инспектор Кэмпбелл.

— Может, твоя мамаша пела тебе эту песенку на сон грядущий, — предположил старший инспектор Дэви. — Ну так что случилось в отеле «Бертрам»? Кто исчез и почему?

— Каноник Пеннифезер, престарелый священник, сэр.

— Скучное дело.

Инспектор Кэмпбелл улыбнулся:

— Да, сэр, оно некоторым образом скучновато.

— А как он выглядел?

— Каноник Пеннифезер?

— Ну разумеется. Я надеюсь, у тебя есть описание.

— Конечно. — Кэмпбелл перебрал бумаги и прочел: — Рост пять футов. Большая шапка седых волос… сутулится…

— И он пропал из отеля «Бертрам»? Когда?

— Около недели назад — девятнадцатого.

— А сообщили только что? Не спешили.

— Ну, мне кажется, предполагали, что он сам найдется.

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, что за этим кроется? — спросил Папаша. — Неужели этот достопочтенный служитель господа вдруг сбежал с женой церковного старосты? Или он потихоньку пьет? Или присвоил церковные деньги? Или он такой рассеянный, что это для него привычно?

— На основании всего, что мне известно, сэр, я бы склонился к последнему. С ним и раньше такое случалось.

— Он исчезал из благопристойного отеля в Уэст-Энде?

— Нет, я не это имею в виду: он и раньше не

всегда возвращался домой в назначенное время. Иногда он вдруг приезжал к друзьям в тот день, когда они его не ждали, или не появлялся в тот день, на который его приглашали. Вот что я имел в виду.

— Да-а, — протянул Папаша. — Да. Все это звучит очень мило и естественно, и все по плану? Когда он точно исчез, ты сказал?

— В четверг. Девятнадцатого ноября. Предполагалось, что он должен присутствовать на конгрессе в… — Он наклонился к бумагам на столе. — Да, в Люцерне. Общество библейских изысканий. Это английский перевод названия. Мне кажется, что само общество немецкое.

— И происходило все в Люцерне? А старикашка… я так понял, что он действительно стар?

— Шестьдесят три года, сэр, насколько мне известно.

Инспектор Кэмпбелл придвинул к себе бумаги и сообщил Папаше все достоверно известные факты, по возможности подтвержденные.

— Не похоже, чтобы он сбежал с юнцом из хора, — заметил старший инспектор Дэви.

— Мне кажется, он появится, — сказал Кэмпбелл. — Конечно, мы этим занимаемся. А вас, сэр… вас это дело как-то особенно заинтересовало?

— Да нет, — ответил Дэви задумчиво. — Нет, меня это дело не интересует. Не вижу в нем ничего заслуживающего интереса.

Последовала пауза — пауза, за которой явно скрывался вопрос: «Ну так что же?» — который вертелся на языке у инспектора Кэмпбелла, но он был слишком хорошо вымуштрован, чтобы задать его вслух.

— Что меня всерьез интересует, так это дата, — заговорил наконец Папаша. — И разумеется, отель «Бертрам».

— Он всегда содержался в образцовом порядке, сэр. Никаких осложнений.

— Это очень славно, — сказал на это Папаша. — Но мне бы хотелось взглянуть на него.

— Понятно, сэр, — с готовностью откликнулся инспектор Кэмпбелл. — В любое время. Я и сам туда собирался.

— Ну что ж, вот за компанию и поедем. Само собой разумеется, я не собираюсь встревать в это дело. Просто хотелось бы взглянуть на место, а этот твой архидиакон, или кто он там, — хороший предлог для этого. И нет нужды называть меня «сэр», когда мы там будем. Там ты будешь за главного, а я вроде помощника.

Инспектору Кэмпбеллу стало интересно.

— Вы считаете, что там есть какая-то зацепка? Зацепка, которая приведет еще к чему-то?

— Кто знает? Пока неизвестно. Но ты же знаешь, как бывает. Бывает, что-то находит на тебя, не знаю, как назвать. Причуда, что ли? Что-то этот твой отель «Бертрам» подозрительно хорош. — Он снова перевоплотился в шмеля, на этот раз напевая под нос: — «Не прошвырнуться ли нам по Стрэнду?»

Оба детектива вышли из здания вместе. Кэмпбелл был импозантен в деловом костюме (у него была отличная фигура), а у старшего инспектора благодаря его твидовому пиджаку был вид человека, только что приехавшего из деревни. Они отлично вписались в атмосферу гостиницы, и только опытный взгляд мисс Горриндж, когда она подняла его от своих бухгалтерских книг, сразу выделил их из толпы и распознал их род занятий. Так как она сама сообщила в полицию об исчезновении каноника Пеннифезера и уже побеседовала с младшим полицейским чином, она ожидала чего-то подобного.

Она негромко заговорила с серьезного вида девушкой, которую держала на всякий случай при себе, и поручила ей выступить вперед и разбираться со всеми обычными требованиями и

делами, сама же продвинулась немного дальше вдоль стойки и присмотрелась к двум посетителям.

Инспектор Кэмпбелл положил на стойку перед ней свое удостоверение, и она кивнула. Взглянув мимо него на облаченную в твидовый пиджак фигуру позади, она заметила, что тот человек немного повернул голову в сторону и рассматривает вестибюль и его посетителей с явным удовольствием от того, что перед ним такая воспитанная публика, принадлежащая к высшим слоям общества.

— Не хотите пройти в контору? — спросила мисс Горриндж. — Возможно, там нам будет удобнее разговаривать.

— Да, наверное, так будет лучше.

— У вас здесь очень славно, — заговорил крупный, толстый и похожий на быка человек в твиде, обернувшись к ней. — Уютно, — добавил он, с удовольствием глядя на огонь в большом камине. — Добрый старый комфорт.

Мисс Горриндж улыбнулась, сияя от удовольствия.

— Да, это так. Мы гордимся тем, что создаем максимальные удобства для наших постояльцев, — сказала она и повернулась к помощнице:

— Пожалуйста, продолжай без меня, Элис. Вот книга записей. Скоро прибудет леди Джослин. Она тут же захочет сменить предложенную ей комнату, как только ее увидит, но ты должна объяснить ей, что у нас действительно нет свободных мест. Если будет очень настаивать, покажешь ей номер 340 на третьем этаже и предложишь его. Он не очень привлекателен, поэтому она, я уверена, удовлетворится тем, что мы предложили сначала.

— Да, мисс Горриндж. Я так и сделаю, мисс Горриндж.

— И напомни полковнику Мортимеру, что у нас его бинокль. Он попросил у меня разрешения оставить его здесь утром. Смотри, чтобы он без него не уехал.

— Непременно, мисс Горриндж.

Покончив с дежурными обязанностями, мисс Горриндж посмотрела на двоих мужчин, ожидавших ее, и двинулась, обогнув стойку, к простой двери красного дерева, на которой не было никакой таблички. Мисс Горриндж отворила ее, и они вошли в маленький, довольно унылого вида кабинет. Все трое сели.

— Насколько я понимаю, пропавший постоялец — это каноник Пеннифезер? — спросил инспек-

тор Кэмпбелл. Он взглянул на свои записи. — У меня здесь рапорт сержанта Уоделла. Не могли бы вы рассказать своими словами, что произошло?

— Я бы не сказала, что каноник Пеннифезер исчез в обычном понимании этого слова, — начала мисс Горриндж. — Мне кажется, видите ли, что он просто где-то кого-то встретил, какого-нибудь старого приятеля, собрата по науке, и отправился с ним на какое-нибудь ученое собрание или совещание, на континент. Каноник такой рассеянный!

— Вы его давно знаете?

— О да. Он сюда приезжает уже… дайте мне сообразить… пять или шесть лет — по крайней мере, мне так кажется.

— А вы, мадам, здесь тоже давно работаете? — вдруг вставил слово старший инспектор Дэви.

— Я здесь уже… дайте подумать… да, четырнадцать лет.

— Славное местечко, — повторил Дэви. — И каноник Пеннифезер обычно, бывая в Лондоне, останавливался именно здесь?

— Да. Он всегда приезжал к нам. Он извещал заранее, чтобы за ним оставили его номер. На бумаге он выражался гораздо яснее и четче, чем в жизни. Он попросил зарезервировать номер и

объяснил, что хотел бы оставить на время отсутствия номер за собой. Он часто так делал.

— И когда вы начали беспокоиться на его счет? — спросил Кэмпбелл.

— Да я в общем-то не беспокоилась. Конечно, получилось очень неловко. Видите ли, его номер был бронирован новым постояльцем с двадцать третьего, и когда я сообразила, а это произошло не сразу, что он не вернулся из Лугано…

— Из Люцерна — так отмечено у меня, — поправил Кэмпбелл.

— Да, да, это и впрямь был Люцерн. Какой-то археологический конгресс или что-то в этом роде. Все равно, когда я поняла, что он не приехал и что его вещи все еще в номере, все это вышло как-то нескладно. Видите ли, у нас обычно гостиница полностью забита в это время года, и в его номер должны были вселиться. Некая миссис Сондерс, которая живет в Лайм-Реджис. Она всегда останавливается в этом номере. А потом позвонила экономка каноника. Она забеспокоилась.

— Имя экономки миссис Макри, насколько я понял архидиакона Симмонса. Вы ее знаете?

— Лично нет, но я пару раз с ней говорила по телефону. Мне кажется, она из тех, на кого можно положиться. Она у каноника Пеннифезера

уже несколько лет. Она была встревожена, что совершенно естественно. Мне кажется, они с архидиаконом Симмонсом обзвонили его друзей и родственников, но никто не мог ничего сказать о его передвижениях. А так как он ожидал архидиакона в гости, то выглядело очень странно, да и сейчас это удивляет, что каноник до сих пор не вернулся домой.

— Каноник всегда очень рассеян? — спросил Папаша.

Мисс Горриндж проигнорировала его вопрос. Этот толстяк, очевидно, всего лишь сопровождающий инспектора сержант, но, на ее взгляд, что-то уж слишком много на себя берет.

— Теперь я узнала, — продолжала мисс Горриндж несколько раздраженно, — теперь я узнала со слов архидиакона Симмонса, что каноник и не был вовсе на этой конференции в Люцерне.

— А он послал им извещение, что не приедет?

— Мне кажется, нет, по крайней мере, отсюда он ничего не посылал. Да я ничего толком о Люцерне не знаю… меня интересует только наша сторона проблемы. Это просочилось в вечерние газеты. То, что он пропал, я имею в виду, но не упомянуто, что он останавливался здесь. Наде-

юсь, они не станут об этом писать. Нам такая известность вовсе ни к чему, нашим постояльцам это не понравится. Если вы сможете удержать репортеров, инспектор Кэмпбелл, мы вам будем очень признательны. Да и вообще-то он ведь исчез не отсюда.

— Вещи его все еще здесь?

— Да, они в камере хранения. Если он не ездил в Люцерн, вы проверили, не попал ли он под машину? Что-нибудь в этом роде?

— Ничего подобного с ним не случилось.

— Да, это все выглядит очень, очень странно, — сказала мисс Горриндж, и в ее манере по-явилась искорка любопытства, сменившая раздражение. — Поневоле задумаешься над тем, куда он мог подеваться и почему.

Папаша с пониманием взглянул на нее.

— Разумеется, — сказал он. — Вы смотрели на это лишь с точки зрения вашего отеля, что естественно.

— Насколько я понимаю, — вмешался инспектор Кэмпбелл, сверяясь с записями, — каноник Пеннифезер уехал отсюда около половины седьмого вечера в четверг, девятнадцатого. При себе он имел дорожную сумку и отбыл на такси, велев швейцару сказать водителю, чтобы тот вез его в

клуб «Атенеум».

Мисс Горриндж кивнула:

— Да, он пообедал в клубе «Атенеум». Архидиакон Симмонс сказал мне, что это последнее место, где его видели.

В голосе мисс Горриндж зазвучали твердые нотки, когда она перекладывала ответственность за лицезрение каноника последним с отеля на клуб «Атенеум».

— Ну что ж, приятно все расставить по местам, — проговорил Папаша ласково рокочущим басом. — Вот у нас все и выстроилось. Он отправился со своей синей сумочкой «Бритиш эруэйз», или что там у него было, — кажется, все-таки синяя сумка этой компании. Итак, он ушел и не вернулся, вот и все.

— Как видите, на самом деле я вам ничем помочь не в состоянии, — сказала мисс Горриндж, готовясь подняться и вернуться к своим служебным обязанностям.

— Похоже, что вы не в состоянии нам помочь, — согласился Папаша, — но кто-нибудь другой мог бы?

— Кто-нибудь другой?

— Разумеется, — сказал Папаша. — Кто-нибудь из персонала отеля.

— Не думаю, что это так, иначе бы мне непременно доложили.

— Может, доложили бы, а может, и нет. Я хочу сказать, что доложили бы, если бы точно знали какой-то факт. Я же имею в виду, что каноник мог что-то сказать.

— Например? — озадаченно спросила мисс Горриндж.

— Случайно оброненное им словечко могло бы оказаться ключом. Что-нибудь вроде: «Я сегодня собираюсь повидаться со старым приятелем, которого не видел с тех пор, как мы встречались в Аризоне». Что-то в этом духе. Или: «Я собираюсь провести следующую неделю у племянницы по случаю конфирмации ее дочери». Когда имеешь дело с людьми рассеянными, подобный ключ бывает очень полезен. Сразу понимаешь, что у человека на уме. Может ведь так случиться, что после обеда в «Атенеуме» он садится в такси и думает: «Куда же, собственно, я должен ехать?» И, получив, так сказать, подтверждение собственным мыслям, воображает, что именно туда он и едет.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду, — не совсем уверенно произнесла мисс Горриндж. — Но все же это маловероятно.

— Да ведь заранее не знаешь, когда тебе повезет, — бодро заявил Папаша. — Здесь у вас так много разного народа. Думаю, каноник Пеннифезер многих из них знал, если так часто здесь останавливался.

— О да, — подтвердила мисс Горриндж. — Дайте сообразить. Я видела, что он разговаривает с… да, да, с леди Селиной Хейзи. Потом с епископом из Нориджа. Мне кажется, они старые друзья. Вместе учились в Оксфорде. И еще миссис Джеймсон с дочерьми. Они соседи. О да, многие его знают.

— Вот видите, — сказал Папаша. — Он мог с кем-нибудь из них поговорить. Мог просто упомянуть какой-нибудь пустяк, который даст нам зацепку. Кто-нибудь из тех, кого каноник хорошо знал, живет у вас сейчас?

Мисс Горриндж нахмурилась, задумавшись:

— Мне кажется, генерал Рэдли еще здесь. И какая-то старая дама из провинции, которая здесь останавливалась еще девочкой, как она мне сказала. Дайте-ка вспомнить ее имя. Я могу посмотреть в журнале регистрации. Ах да, мисс Марпл — вот как ее зовут. По-моему, они с каноником знакомы.

— Ну вот, мы могли бы начать с этих двоих. Потом ведь есть, конечно, и горничная.

— О да, — сказала мисс Горриндж. — Но ее уже расспрашивал сержант Уоделл.

— Я знаю. Но вероятно, он не в том направлении вел допрос. А как насчет официанта, который обслуживал его столик? Или это был старший официант?

— Да, разумеется, Генри.

— Кто такой Генри? — спросил Папаша.

Мисс Горриндж была крайне удивлена. Ей казалось невозможным, чтобы кто-то не знал Генри.

— Генри здесь работает с незапамятных времен, — сообщила она. — Вы, вероятно, видели, как он разносит чай, когда вошли.

— Впечатляющая личность, — заметил Дэви. — Я обратил на него внимание.

— Не знаю, что бы мы делали без Генри, — произнесла мисс Горриндж с чувством. — Он просто восхитителен. Он задает тон в гостинице.

— Может быть, он и мне мог бы принести чаю, — подхватил старший инспектор Дэви. — У вас и оладьи подают, как я заметил. Я бы не прочь отведать хороших оладий.

— Само собой, если хотите, — несколько холодно отозвалась мисс Горриндж. — Заказать два чая для вас в холле? — Свой вопрос она обратила к инспектору Кэмпбеллу.

— Это было бы… — начал инспектор, но тут дверь распахнулась, и появился величественный мистер Хамфрис.

Он выглядел слегка обескураженным и вопросительно взглянул на мисс Горриндж. Та объяснила:

— Эти два джентльмена из Скотленд-Ярда, мистер Хамфрис.

— Инспектор Кэмпбелл, — представился инспектор.

— Ах да! Да, конечно! — воскликнул мистер Хамфрис. — Это в связи с каноником Пеннифезером, полагаю? Очень странное происшествие. Надеюсь, ничего страшного с этим беднягой не случилось.

— Я тоже, — подхватила мисс Горриндж. — Такой милый старичок.

— Да, представитель старой школы, — одобрительно произнес мистер Хамфрис.

— Мне кажется, старая школа у вас представлена неплохо, — заметил старший инспектор Дэви.

— Полагаю, что да, — кивнул мистер Хамфрис. — Да, во многих отношениях мы островок прошлого.

— У нас много постоянных клиентов, — заявила не без гордости мисс Горриндж. — Одни и те же

люди приезжают к нам из года в год. У нас много американцев — из Бостона, Вашингтона. Очень тихие, милые люди.

— Им нравится наша английская атмосфера, — добавил мистер Хамфрис, обнажив в улыбке свои очень белые зубы.

Папаша задумчиво посмотрел на него.

Инспектор Кэмпбелл спросил:

— Вы абсолютно уверены, что от каноника не было никакого сообщения? Я имею в виду, может быть, кто-то получил его, но забыл записать или передать.

— Все телефонные сообщения тщательно записываются, — произнесла мисс Горриндж ледяным тоном. — Не представляю себе, чтобы сообщение не было передано непосредственно мне или соответствующему дежурному. — Она бросила на инспектора гневный взгляд, и Кэмпбелл сразу сник.

— По правде говоря, мы уже отвечали на все эти вопросы, — сказал мистер Хамфрис, также не без холодности в голосе. — Всю возможную информацию мы сообщили вашему сержанту, не помню сейчас его фамилии.

Папаша слегка пошевелился и сказал неожиданно свойским тоном:

— Видите ли, все начинает выглядеть гораздо серьезнее. Кажется, здесь дело не просто в рассеянности. Вот почему, на мой взгляд, нам бы стоило поговорить с двумя постояльцами, которых вы, мисс Горриндж, упомянули, — с генералом Рэдли и мисс Марпл.

— Вы хотели бы, чтобы я вам устроил беседу с ними? — Мистер Хамфрис вовсе не обрадовался такой перспективе. — Генерал очень плохо слышит.

— Мне кажется, не стоит делать из этого ничего официального, — сказал старший инспектор Дэви. — Мы не хотим тревожить людей. Вы можете спокойно положиться на нас. Просто укажите нам этих двоих. Есть возможность, что каноник Пеннифезер упомянул о каком-то своем плане или о каком-то человеке, которого он намерен встретить в Люцерне, или кто-то с ним должен был ехать в Люцерн. Во всяком случае, стоит попытаться.

На лице мистера Хамфриса отразилось явное облегчение.

— Больше ничем мы не можем вам помочь? — спросил он. — Я уверен, что вы понимаете нашу готовность пойти вам навстречу по мере наших сил, только мы хотели бы, чтобы и вы поняли

наше нежелание огласки в прессе.

— Вполне понимаем, — заверил его инспектор Кэмпбелл.

— А я, пожалуй, перекинусь словечком-другим с горничной, — сказал Папаша.

— Пожалуйста, если хотите. Но вряд ли ей есть что вам рассказать.

— Возможно, и так. Но вдруг появится какая-нибудь подробность, какая-то фраза, оброненная каноником, насчет письма или свидания. Никогда не знаешь, что может всплыть.

Мистер Хамфрис взглянул на часы.

— Она приступает к работе в шесть, — сообщил он. — Третий этаж. А я тем временем предлагаю вам выпить чаю.

— Прекрасно, — с готовностью согласился Папаша.

Они все вместе вышли из комнаты.

Мисс Горриндж сказала:

— Генерал Рэдли наверняка в курительной. Первая комната слева в этом коридоре. Он, скорее всего, сидит сейчас перед камином и читает «Таймс». — Она добавила негромко: — Может быть, он спит. Вы уверены, что не хотите, чтобы я…

— Нет, нет, я сам, — заверил ее Папаша. — А как

насчет этой старушки?

— Она сидит вон там, у камина, — показала мисс Горриндж.

— Та, с пушистыми седыми волосами, что вяжет? — спросил Папаша, взглянув в ту сторону. — Ей бы на сцену — образцовая всеобщая престарелая тетушка, согласны?

— Престарелые тетушки теперь иные, — сказала мисс Горриндж, — впрочем, как и бабушки и прабабушки, если уж на то пошло. Вчера у нас появилась маркиза Барлоу. Она уже прабабушка. Честно говоря, я ее не узнала. Только что из Парижа. Лицо — бело-розовая маска, платиновая блондинка, и полагаю, что фигура у нее тоже искусственная, но выглядит потрясающе.

— Я, по правде говоря, предпочитаю старомодных. Спасибо, мэм. — Он повернулся к Кэмп-беллу: — Я займусь этим, ладно, сэр? Я знаю, что у вас серьезная встреча.

— Да, да, отлично, — сказал Кэмпбелл, подыгрывая. — Вряд ли что-нибудь из этого получится, но стоит попробовать.

Мистер Хамфрис направился к своему укромному уголку и окликнул на ходу:

— Мисс Горриндж, на минутку, пожалуйста.

Мисс Горриндж последовала за ним, прикрыв

за собой дверь.

Хамфрис шагал взад-вперед по комнате. Он резко обратился к ней:

— Зачем им понадобилась Роза? Уоделл уже задал все необходимые вопросы.

— Видимо, у них такой порядок, — с сомнением в голосе ответила мисс Горриндж.

— Сначала вам самой стоит с ней поговорить.

Мисс Горриндж взглянула на него немного растерянно:

— Но уж конечно, инспектор Кэмпбелл…

— Да вовсе не Кэмпбелл меня беспокоит, а тот, второй. Вы знаете, кто он?

— Не помню, чтобы он назвался. Какой-нибудь сержант? Ведет себя как шут гороховый.

— Какой там, к черту, шут! — рявкнул Хамфрис отнюдь не галантно. — Это старший инспектор Дэви — старая лиса, каких мало. В Скотленд-Ярде его очень высоко ценят. Хотел бы я знать, что он здесь вынюхивает, прикидываясь простачком. Не нравится мне это.

— Но не думаете же вы…

— Не знаю, что и думать. Но знаю одно — мне все это не нравится. Он не сказал, хочет ли с кем-нибудь поговорить, кроме Розы?

— Кажется, он хочет поговорить и с Генри.

Мистер Хамфрис рассмеялся. Мисс Горриндж тоже.

— Да уж конечно.

— А как насчет постояльцев, знавших Пеннифезера?

Мистер Хамфрис снова рассмеялся:

— Желаю ему получить удовольствие от старины Рэдли. Ему придется орать на весь дом, чтобы в результате так ничего и не добиться. Пусть его развлекается с Рэдли и этой забавной старой клушей, мисс Марпл. Но все равно, не по вкусу мне это… Нечего им совать сюда нос…

Глава 14

— Знаешь что, — задумчиво произнес старший инспектор Дэви, — не нравится мне этот тип Хамфрис.

— Думаете, здесь что-то не так? — спросил Кэмпбелл.

— Ну-у, — виновато протянул Папаша, — бывает, чувствуешь что-то непонятное. Скользкий он какой-то. Любопытно, он владелец или только управляющий?

— Могу его спросить. — Кэмпбелл шагнул к стойке.

— Нет, спрашивать не надо, — остановил его Папаша. — Просто выведай поосторожней.

Кэмпбелл бросил на него испытующий взгляд:

— Что у вас на уме, сэр?

— Ничего конкретного, — сказал Папаша. — Я просто думаю, что мне следует получить побольше информации об этом местечке. Хотелось бы знать, кто за этим стоит, каков их финансовый статус. И так далее.

Кэмпбелл покачал головой:

— Я бы сказал, что если и есть в Лондоне место вне подозрений…

— Знаю, знаю, — перебил его Папаша. — Очень удобно иметь такую репутацию!

Кэмпбелл снова покачал головой и ушел. Папаша направился по коридору в курительную комнату. Генерал Рэдли как раз пробуждался от сна. «Таймс» соскользнула с его колен и рассыпалась по полу. Папаша поднял газету, сложил страницы и подал генералу.

— Спасибо, сэр. Вы очень любезны.

— Генерал Рэдли?

— Да.

— Извините меня, — сказал Папаша, повысив голос, — но мне хотелось бы поговорить с вами о канонике Пеннифезере.

— А? Что вы сказали? — Генерал поднес к уху руку.

— Каноник Пеннифезер! — заорал Папаша.

— Мой отец? Умер много лет назад.

— Каноник Пен-ни-фе-зер!

— А-а-а. И что с ним? Видел его тут на днях. Он здесь жил.

— Он хотел оставить мне один адрес. Сказал, что передаст через вас.

Это донести до генерала было сложнее, но в конце концов он справился:

— Никакого адреса он мне не оставлял. Навер-

ное, спутал меня с кем-нибудь. У старого дурня вечно каша в голове. Этакий ученый червь, знаете ли. Они все рассеянные.

Папаша попытался еще чего-нибудь добиться, но вскоре понял, что от разговора с генералом Рэдли толку нет. Он ушел и уселся за стол рядом с тем, за которым сидела мисс Марпл.

— Чаю, сэр?

Папаша поднял голову. Впечатление было сильным, как и у всякого, кто видел Генри впервые. Хотя он был мужчиной корпулентным, Генри появлялся и исчезал незаметно, как Ариэль, но только в телесном воплощении. Папаша заказал чай.

— Мне показалось, что у вас здесь подают оладьи? — спросил он.

Генри снисходительно улыбнулся:

— Да, сэр. И отличные, если позволите. Всем нравятся. Так вам подать оладьи, сэр? Чай индийский или китайский?

— Индийский, — попросил Папаша. — Или, пожалуй, цейлонский, если есть.

— Конечно, у нас есть цейлонский, сэр.

Генри сделал едва заметное движение пальцем, и бледный молодой человек отправился за цейлонским чаем и оладьями. Генри элегантно

удалился.

«Да, ты не прост, не прост, — подумал Папаша. — Интересно, где они тебя отыскали и сколько тебе платят. Немало, думаю, и ты того стоишь». Он проследил, как Генри по-отечески склонился над пожилой дамой. Папаше было любопытно, что о нем думает Генри, если думает о нем вообще. Самому ему казалось, что он неплохо вписывается в атмосферу отеля «Бертрам». Он мог сойти, например, за преуспевающего владельца фермы, а то и за пэра Англии, внешне похожего на букмекера. Папаша знавал двух пэров, которые выглядели именно так. В общем, он считал, что не вызывает подозрений, хотя, разумеется, Генри провести очень непросто. «Да, ты не прост, не прост», — снова подумал он.

Ему принесли чай и оладьи. Папаша откусил изрядный кусок, и масло потекло по подбородку. Он вытер его большим носовым платком. Выпил две чашки очень сладкого чая. Затем наклонился к старой даме, которая расположилась в кресле по соседству.

— Простите, — заговорил он, — ведь вы мисс Джейн Марпл, не так ли?

Мисс Марпл перевела взгляд с вязанья на старшего инспектора Дэви.

— Да, — ответила она. — Я мисс Марпл.

— Надеюсь, вы не против того, чтобы поговорить со мной. Я, видите ли, из полиции.

— Вот как? Надеюсь, здесь не случилось ничего серьезного?

Папаша постарался успокоить ее самым отеческим тоном:

— Нет, не беспокойтесь, мисс Марпл. Я совсем по другому поводу. Здесь не было никакого грабежа или чего-нибудь подобного. Просто некоторые сложности, возникшие из-за рассеянного священника, вот и все. Кажется, это ваш знакомый, каноник Пеннифезер.

— О, каноник Пеннифезер! Он здесь был на днях. Да, мы с ним знакомы вот уже много лет. Как вы правильно заметили, он и в самом деле страшно рассеян. И что он натворил на этот раз?

— Видите ли, он, так сказать, потерялся.

— О боже! А где он должен быть?

— У себя дома в Катедрал-Клоуз, — ответил Папаша. — Но его там нет.

— Он говорил мне, — сказала мисс Марпл, — что собирается на конференцию в Люцерн. Что-то связанное со свитками Мертвого моря, мне помнится. Он большой знаток древнееврейского и арамейского языков.

— Да, — подтвердил Папаша, — вы совершенно правы. Именно туда он и должен был отправиться.

— Вы хотите сказать, что он там не появился?

— Нет, не появился.

— Ах вот оно как, — заметила мисс Марпл. — Он наверняка перепутал дату.

— Очень может быть, очень может быть.

— Боюсь, — продолжала мисс Марпл, — что это с ним случается не впервые. Однажды я была приглашена к нему на чай, а его не оказалось дома. Экономка рассказала мне, какой он рассеянный.

— Он ничего не говорил вам, пока был здесь, ничего такого, что бы могло послужить для нас ключом? — спросил Папаша просто и доверительно. — Я имею в виду, не упоминал ли он, что встретил какого-нибудь старого приятеля, не говорил ли насчет своих планов, кроме поездки в Люцерн?

— О нет, он просто упомянул Люцерн и конференцию. И называл девятнадцатое число. Это верно?

— Да, это дата люцернской конференции.

— Я не обратила особого внимания на число. То есть… — Как большинство пожилых леди, мисс Марпл начала домысливать: — Мне кажется, он

назвал девятнадцатое, но на самом деле, говоря о девятнадцатом, мог иметь в виду двадцатое. То есть он мог думать, что двадцатое — это девятнадцатое или, наоборот, что девятнадцатое — это двадцатое.

— Вот как, — только и выговорил Папаша, несколько ошеломленный.

— Я плохо это сформулировала, — улыбнулась мисс Марпл, — но я хотела сказать, что с людьми вроде Пеннифезера бывает так: если они говорят, что едут куда-то в четверг, то вполне вероятно, что они не имеют в виду четверг, а подразумевают среду или пятницу. Обычно это обнаруживается вовремя, но иногда и нет. Мне показалось, что произошло нечто в этом роде.

Папаша посмотрел на нее слегка озадаченно:

— Вы так говорите, как будто вам уже было известно, мисс Марпл, что каноник Пеннифезер не поехал в Люцерн.

— Я знала, что в четверг он в Люцерне не был, — сказала мисс Марпл. — Он весь день провел здесь, большую часть дня во всяком случае. Вот почему я подумала, что, хотя он сказал мне про четверг, он мог иметь в виду пятницу. Он точно уехал отсюда в четверг вечером.

— Совершенно справедливо.

— Я поняла тогда, что он едет в аэропорт. Вот почему я удивилась, когда увидела, что он вернулся.

— Простите, как это «вернулся»?

— Именно так, как я и сказала, — вернулся.

— Погодите-ка, — всполошился Папаша, стараясь тем не менее говорить самым небрежным тоном, а не так, будто это чрезвычайно важно. — Вы видели этого старого дура… то есть вы видели, как каноник уезжает, как вы полагали, в аэропорт с маленькой сумкой довольно рано вечером. Это верно?

— Да. Приблизительно в половине седьмого, может, даже без четверти семь.

— Но вы сказали, что он вернулся.

— Вероятно, он опоздал на самолет и вернулся в гостиницу по этой причине.

— Когда он вернулся?

— Я точно не знаю. Я не видела, как он возвращался.

— Ох, — выдохнул ошарашенный Папаша. — Мне показалось, вы говорили, что видели его.

— Да, я и вправду видела его позже, — пояснила мисс Марпл. — Я имела в виду, что не заметила, как он входил в гостиницу.

— Вы видели его позже? Когда?

Мисс Марпл задумалась.

— Постойте. Было часа три ночи. Мне не спалось. Что-то меня разбудило. Какой-то звук. В Лондоне столько странных звуков. Я взглянула на свои часики: было десять минут четвертого. Почему-то, не знаю точно почему, мне стало не по себе. Может быть, из-за шагов за дверью. Видите ли, когда живешь в сельской местности, слышать посреди ночи шаги за дверью как-то неприятно. Поэтому я приоткрыла дверь и выглянула. И как раз в это время каноник Пеннифезер выходил из своего номера — это рядом с моим. Он стал спускаться по лестнице. Он был в пальто.

— Каноник вышел из номера и стал спускаться вниз в пальто в четвертом часу ночи?

— Да, — сказала мисс Марпл и добавила: — Мне это показалось очень странным.

Папаша воззрился на нее:

— Мисс Марпл, почему вы никому об этом не сказали?

— Но меня никто не спрашивал, — ответила она просто.

Глава 15

Папаша набрал в грудь воздуха.

— Да, — сказал он. — Да, разумеется, никто вас об этом не спросил. Как все просто.

Он снова погрузился в молчание.

— Вы полагаете, с ним что-то случилось?

— Да уж больше недели прошло, — пожал плечами Папаша. — С ним не произошел удар, и он не упал на улице. Его нет в больницах среди жертв дорожных происшествий. Так где же он? О его исчезновении сообщила пресса, но никаких сведений ни от кого не поступило.

— Может, на сообщение не обратили внимания. Я, например, его не читала.

— Похоже на то… в самом деле похоже на то… — Папаша следовал собственному течению мысли. — Похоже, что он намеренно исчез. Уйти вот так посреди ночи… Вы вполне в этом уверены? Вам не приснилось?

— Я совершенно уверена, — твердо ответила мисс Марпл.

Папаша встал.

— Пойду-ка я поговорю с этой горничной, — сказал он.

Папаша нашел Розу Шелдон на дежурстве и с удовольствием отметил ее приятную наружность.

— Простите, что приходится вас беспокоить, — сказал он. — Я знаю, что вы уже встречались с нашим сержантом. Но речь идет об исчезнувшем джентльмене, каноникe Пеннифезере.

— О да, сэр. Очень приятный джентльмен. Он часто у нас останавливается.

— Рассеянный, — добавил Папаша.

Роза Шелдон позволила себе едва заметную усмешку, скрытую за маской почтения.

— Так, сейчас посмотрим, — сказал Папаша, делая вид, что читает записи. — Последний раз вы видели каноника Пеннифезера…

— В четверг утром, сэр. В четверг, девятнадцатого. Он сказал мне, что в эту ночь не вернется и даже, возможно, в следующую. Он собирался вроде бы в Женеву. Или, во всяком случае, куда-то в Швейцарию. Он дал мне две рубашки в стирку, и я ему сказала, что они будут готовы к утру следующего дня.

— И после этого вы его не видели?

— Нет, сэр. Я во второй половине дня не работаю. Я снова прихожу в шесть часов. Но к этому времени он, должно быть, уже уехал или был где-

то внизу. Не в номере. Он оставил два чемодана.

— Это так, — сказал Папаша; содержимое чемоданов было просмотрено, но это ничего не дало. Он продолжал: — Вы к нему зашли на следующее утро?

— Зашла? Да нет же — он ведь уехал.

— А что вы обычно делали? Приносили ему утренний чай? Завтрак?

— Утренний чай, сэр. Завтракал он всегда внизу.

— Значит, весь следующий день вы к нему в номер не заходили?

— Нет, заходила, сэр. — Роза казалась уязвленной. — Я, как обычно, зашла к нему. Принесла ему рубашки, во-первых, и, конечно же, вытерла пыль. Мы каждый день прибираем в номерах.

— Постель была смята?

Она устремила на него пристальный взгляд и отрицательно покачала головой:

— Постель, сэр? О нет.

— А как насчет ванной?

— Там было влажное ручное полотенце, сэр, которым пользовались, как мне кажется, накануне вечером. Он, наверное, перед отъездом помыл руки.

— И ничто не указывало на то, что он возвра-

щался в номер совсем поздно — после полуночи?

Она посмотрела на него озадаченно. Папаша открыл было рот, но тут же закрыл его. Или Роза ничего не знает о возвращении каноника, или она очень хорошая актриса.

— А как насчет его одежды — костюмов? Они были уложены в чемоданы?

— Нет, сэр, они висели в шкафах. Он же оставлял номер за собой, понимаете, сэр.

— А кто их потом укладывал?

— Мисс Горриндж распорядилась, сэр. Когда номер потребовался для одной леди, которая приехала.

Очень искреннее и четкое изложение. Но если эта старая дама права, заявляя, что видела, как каноник уходил из номера в три часа ночи, значит, он в какое-то время должен был вернуться туда. Никто не видел, как он вошел в отель. Неужели он по неведомой причине не хотел, чтобы его заметили? И не оставил в номере никаких следов. Он даже не прилег на кровать. А что, если мисс Марпл все это лишь приснилось? В ее возрасте это вполне допустимо. Вдруг его осенило.

— А как насчет его дорожной сумки?

— Простите, сэр?

— Небольшая сумка, темно-синяя. Не может

быть, чтобы вы ее не видели.

— Ах эта, сэр. Но он же забрал ее с собой за границу.

— Но он же не уехал за границу. Он ведь так и не улетел в Швейцарию. Так что он должен был ее оставить. Или он вернулся и оставил ее вместе с остальными вещами?

— Да, да… думаю… я не очень уверена… наверное, он так и сделал.

В мозгу Папаши пронеслась неожиданная и незваная мысль: «По поводу этого они тебя не проинструктировали?»

Роза Шелдон до сих пор была спокойна и уверенна. Но этот вопрос выбил ее из колеи. Она не знала правильного ответа на него. А ей следовало знать.

Каноник взял сумку в аэропорт, его не пустили в самолет. Если он вернулся в «Бертрам», сумка была при нем. Но мисс Марпл не упомянула ее, когда описывала, как каноник вышел из номера и спускался по лестнице.

Соответственно, она должна была остаться в номере, но ее не было в камере хранения вместе с остальными вещами. Почему? Потому что предполагалось, что он улетел в Швейцарию?

Он любезно поблагодарил Розу и снова спу-

стился вниз.

Каноник Пеннифезер! Какая-то загадочная личность этот каноник Пеннифезер. Столько говорил о поездке в Швейцарию, все напутал так, что ни в какую Швейцарию не поехал, вернулся в гостиницу настолько незаметно, что никто его не видел, снова ушел глубокой ночью. (Ушел куда? Ушел зачем?)

Можно ли все это объяснить одной рассеянностью?

Если нет, то что же затеял этот каноник Пеннифезер? И что еще важнее — где он?

Стоя на лестнице, Папаша обвел придирчивым взглядом посетителей в вестибюле, решая для себя, действительно ли все они те, за кого себя выдают. Он уже дошел до таких мыслей. Пожилые люди, люди среднего возраста (совсем молодых там не было) — милая старомодная публика, все народ состоятельный, крайне респектабельный. Военные, юристы, священнослужители; американская супружеская пара у дверей, семья французов у камина. Никаких разряженных, вульгарных, неуместных личностей. Большинство наслаждается чаепитием по-английски. Неужели что-нибудь может быть неладно в отеле, где подается традиционный английский чай на

старинный манер?

Француз обратился к жене с замечанием, которое пришлось как раз кстати.

— Файв-о-клок, — сказал он. — Как это по-английски, не правда ли?[131] — Он одобрительно огляделся.

«Файв-о-клок, — подумал Папаша, выходя на улицу. — Этот чудак не знает, что файв-о-клок уже давно мертв, вроде птицы додо!»[132]

На улице грузили в такси огромные американские чемоданы-гардеробы. Оказалось, что мистер и миссис Элмер Кэбот отправляются в отель «Вандом» в Париже.

Рядом с Папашей, у края тротуара, миссис Элмер Кэбот развивала перед мужем свои взгляды:

— Пендлбери были совершенно правы насчет этой гостиницы, Элмер. Это действительно старая Англия. Такой прекрасный эдвардианский стиль. У меня все время было чувство, что сам Эдуард Седьмой может в любую минуту войти и выпить чашечку чаю. Нам нужно непременно снова

---

[131] notes: 131

Француз вставляет в свою речь английское выражение, означающее буквально «пять часов», — так в Англии называют вечернее чаепитие.

[132] notes: 132

Додо — сокращенное название дронта, вымершей птицы.

приехать сюда на будущий год, непременно.

— Если у нас найдется лишний миллион долларов, — суховато ответил муж.

— Ну, Элмер, ведь это на самом деле не так дорого.

Вещи погрузили, высокого роста швейцар помог Кэботам сесть в такси, пробормотав: «Спасибо, сэр», когда мистер Кэбот сделал соответствующий жест. Такси отъехало, и швейцар переключил внимание на Папашу:

— Такси, сэр?

Папаша взглянул на него.

Выше шести футов ростом. Красивый парень. Немного потрепанный. Был в армии. Масса медалей — возможно, настоящих. Немного жуликоватый? Много пьет.

Вслух Папаша сказал:

— Служил?

— Да, сэр. Ирландская гвардия.

— Военная медаль, насколько я могу судить? Где ты ее получил?

— В Бирме.

— Как зовут?

— Майкл Горман. Сержант.

— Здесь хорошо работать?

— Тихое местечко.

— А в «Хилтоне» не лучше?

— Не хочу туда. Здесь мне нравится. Приятная публика, причем много любителей скачек — приезжают ради Аскота и Ньюбери. Время от времени дают хорошие советы.

— А-а, так вон оно что: ирландец, да еще игрок!

— Ха! Что за жизнь без игры?

— Да, жизнь мирная и скучная, — заметил старший инспектор Дэви. — Вроде моей.

— Серьезно, сэр?

— Ты можешь отгадать мою профессию?

Ирландец широко улыбнулся:

— Не обижайтесь, сэр, но если позволите мне высказать догадку, то вы коп.

— Попал с первого раза, — сказал старший инспектор Дэви. — Слушай, ты помнишь каноника Пеннифезера?

— Каноник Пеннифезер? Имя мне мало что говорит, признаться.

— Пожилой священник.

— Да здесь этих попов как горошин в стручке.

— А этот исчез.

— Ах этот! — Швейцар несколько смутился.

— Ты его знал?

— Я бы его не вспомнил, если бы меня о нем не расспрашивали. Я только и знаю, что посадил

его в такси и отправил в клуб «Атенеум». Видел его в последний раз. Кто-то мне говорил, что он отправился в Швейцарию, но еще говорят, что он туда так и не добрался. Потерялся, что ли.

— А позже в тот день ты его не видел?

— Позже? Нет, не видел.

— В какое время ты сменяешься?

— В одиннадцать тридцать.

Старший инспектор Дэви кивнул, отказался от такси и направился в клуб «Атенеум». Мимо него у самой обочины с ревом пронеслась машина и, заскрипев тормозами, остановилась у отеля «Бертрам». Старший инспектор Дэви тут же обернулся и отметил номер: FAN-2266. Что-то знакомое было в этом номере, хотя в тот момент он не смог уловить что.

Он не спеша вернулся назад. Едва он достиг входа, как водитель машины, который за несколько секунд до этого прошел в дверь, снова вышел. Они с машиной подходили друг другу. Машина была гоночной — белая, обтекаемая, блестящая. У молодого человека на красивом лице было то же выражение нетерпеливой гончей, а на теле его не было ни грамма лишней плоти.

Швейцар придержал дверцу машины, молодой человек вскочил в нее, бросил швейцару монету

и унесся, реванув мощным мотором.

— Вы знаете, кто это? — спросил Майкл Горман у Папаши.

— Во всяком случае, опасный водитель.

— Ладислав Малиновский. Он выиграл «Гран-при» два года назад — был чемпионом мира. В прошлом году разбился. Но говорят, он снова в порядке.

— Не хотите ли вы сказать, что и он живет в «Бертраме»? Вот уж никогда бы не подумал.

— Он здесь не живет, нет. Просто тут его… подружка. — Швейцар подмигнул.

Вышел посыльный в полосатом фартуке с новой партией роскошного американского багажа.

Папаша рассеянно постоял, наблюдая, как багаж укладывают в наемный «Даймлер», и пытаясь припомнить все, что ему известно о Ладиславе Малиновском. Сорвиголова, связан, по слухам, с какой-то известной дамой — как же ее? Не отводя глаз от дорогого гардероба на колесиках, он уже собирался уйти, как вдруг изменил намерение и снова вошел в отель.

Он направился к стойке и попросил у мисс Горриндж журнал регистрации. Мисс Горриндж была занята отъезжающими американцами и подтолкнула журнал к нему по стойке. Он пере-

листал страницы. Леди Селина Хейзи, мистер и миссис Хеннесси Кинг, сэр Джон Вудсток, леди Седжвик, мистер и миссис Элмер Кэбот, мистер и миссис Вулмер Пикингтон, графиня Бовиль, мисс Джейн Марпл, полковник Ласкомб, миссис Карпентер, достопочтенная Эльвира Блейк, каноник Пеннифезер, миссис Холдинг, мисс Холдинг, мисс Одри Холдинг, мистер и миссис Райсвил, герцог Барнстейбл.

Поперечный срез прослойки людей, что останавливаются в «Бертраме». В этом есть, подумал Папаша, какая-то закономерность…

Когда он закрывал журнал, ему попалась на глаза на одной из предыдущих страниц одна фамилия. Сэр Уильям Ладгроув.

Судья Ладгроув, которого узнал офицер полиции на месте ограбления банка. Судья Ладгроув и каноник Пеннифезер — оба постояльцы отеля «Бертрам»…

— Надеюсь, вам понравился чай, сэр?

Рядом с ним стоял Генри. Он говорил почтительно, с легким оттенком тревоги гостеприимного хозяина в голосе.

— Уже много лет не пил такого превосходного чая, — ответил старший инспектор Дэви.

Он вспомнил, что еще не расплатился. Попы-

тался сделать это, но Генри протестующе поднял руку:

— О нет, сэр. Я понял, что вас угощает гостиница. Это распоряжение мистера Хамфриса.

Генри отошел. Папаша стоял, раздумывая, не следует ли ему дать Генри на чай. Было неприятно осознавать, что Генри лучше его знает ответ на этот вопрос светского этикета.

Шагая по улице, он вдруг резко остановился. Вытащил записную книжку и записал фамилию и адрес — не стоило терять времени. Он вошел в телефонную будку. Придется ему встрять в это дело. Чего бы ему это ни стоило, он будет действовать так, как подсказывает интуиция.

Глава 16

Что беспокоило каноника Пеннифезера — так это гардероб. Он стал беспокоить его еще до полного пробуждения. Потом он забыл о нем и опять погрузился в сон. Но когда глаза его снова открылись, гардероб опять оказался не на месте. Каноник лежал на левом боку лицом к окну, и гардероб должен был стоять между ним и окном у левой стены. Но нет. Он стоит у правой. И это тревожно. Настолько, что каноник ощущает усталость. Он и так чувствует сильную головную боль, да еще этот гардероб не на своем месте. И тут глаза его снова закрылись.

Когда он снова проснулся, в комнате было светлее. Но это был еще не дневной свет, а лишь слабый проблеск занимающегося дня. «Боже мой, — сказал сам себе каноник Пеннифезер, внезапно решив проблему гардероба. — Как же я глуп! Ведь я не дома».

Он осторожно пошевелился. Нет, это не его постель. Он не дома. Он находится — где же это он? Ах да, конечно. Он ведь отправился в Лондон, так? И он в отеле «Бертрам». Нет, он не в отеле «Бертрам», потому что там его кровать была

против окна.

— Господи, да где же это я? — спросил вслух каноник Пеннифезер.

Потом он вспомнил, что направлялся в Люцерн. «Ну да, — сказал он себе, — я в Люцерне». Он стал думать о докладе, который ему предстоит прочитать. Но думал он о нем недолго. Обдумывание доклада вызвало новый приступ головной боли, и он опять погрузился в сон.

Когда он еще раз проснулся, голова оказалась свежее. В комнате было гораздо больше света. Он не дома, он не в отеле «Бертрам», он совершенно уверен, что находится не в Люцерне. И это совершенно не похоже на гостиничный номер. Он стал рассматривать комнату с пристрастием. Комната совершенно незнакомая, скудно обставленная. В ней есть буфет, который он сначала принял за гардероб, и окно с цветными занавесками, через которое проникает свет. А еще стол, стул и комод — вот и вся обстановка.

— Господи боже мой! — пробормотал каноник Пеннифезер. — До чего же все это странно. Где же я?

Он вознамерился было встать, чтобы все обследовать, но, как только он сел, головная боль возобновилась, и ему пришлось прилечь.

— Наверное, я заболел, — решил каноник Пеннифезер. — Да, я был, без сомнения, болен. — Он задумался на минуту-другую, затем продолжал все так же негромко бормотать: — По-видимому, я и до сих пор нездоров. Возможно, это грипп? Говорят, что грипп внезапно валит с ног. Возможно, грипп начался во время ужина в «Атенеуме». Да, так оно и есть. — Так он вспомнил, что ужинал в «Атенеуме».

В доме послышалось какое-то движение. Может, его положили в больницу? Но нет, на больницу это не похоже. Теперь, когда стало достаточно светло, можно сказать, что помещение похоже на бедно обставленную маленькую спальню. Но вот откуда-то снизу донесся голос:

— До свидания, мои крошки. На ужин будут сосиски с пюре.

Каноник Пеннифезер обдумывал услышанное. Сосиски с пюре — что-то в этом было заманчивое.

— Кажется, — произнес он вслух, — я проголодался.

Дверь отворилась. Вошла пожилая женщина, направилась к окну и, слегка раздвинув занавески, повернулась к кровати.

— О, вы уже проснулись, — сказала она. — Как

вы себя чувствуете?

— По правде говоря, — ответил каноник Пеннифезер довольно слабым голосом, — не слишком хорошо.

— Оно и понятно. Вы были в таком плохом состоянии. Что-то вас сильно ударило, говорит доктор. Эти сумасшедшие водители! И даже не остановятся, когда собьют человека.

— Это что же? Меня сбил автомобиль? — спросил каноник Пеннифезер.

— Именно так, — кивнула женщина. — Нашли мы вас у обочины, когда возвращались домой. Сначала приняли за пьяного. — При воспоминании об этом она рассмеялась. — Потом муженек мой сказал, что лучше взглянуть. А вдруг это несчастный случай, говорит. Никаким вином и не пахло. Но не было ни крови, ничего такого. И все равно вы там как бревно лежали. Ну, муженек и говорит: «Не можем же мы бросить его тут». И притащил вас сюда. Ясно?

— А-а, — слабо откликнулся каноник Пеннифезер, сломленный всеми этими открытиями. — Добрый самаритянин!

— Муж как увидел, что вы священник, сразу сказал: это, мол, уважаемый человек. И еще он решил, что полиции лучше не сообщать. Может,

священнику такое и не понравится. Вдруг вы все-таки выпивши, хоть и не пахнет. И тут нас осенило позвать доктора Стоукса, чтобы посмотрел. Мы его все равно доктором кличем, хоть его и вычеркнули[133]. Он славный человек, хоть и обозлился малость, что его вычеркнули. Он только по доброте своей и помогал всем этим беспутным девицам — куда же им деваться? Доктор он хороший, мы его и позвали на вас взглянуть. Он нам сказал, что ничего такого страшного с вами нет, только легкое сотрясение. И что мы должны вас положить и вы должны лежать тихо и не двигаться и в темноте. Имейте в виду, говорит, что я ничего не утверждаю официально. Мне, говорит, не дозволено ни прописывать, ни советовать ничего. Вам, говорит, следует заявить в полицию, но если не хотите, то и ни к чему. Дайте бедному старику шанс, говорит. Вы уж простите, если я что не так сказала. Он у нас на слова грубоватый, этот доктор. Ну ладно, так как насчет супчику или поджаренного хлебца с молочком?

— Буду рад тому и другому, — произнес каноник Пеннифезер слабым голосом.

Он откинулся на подушки. Несчастный случай?

---

[133] notes: 133

Женщина, очевидно, имеет в виду, что доктора Стоукса исключили из корпорации врачей за какой-то проступок.

Так вот в чем дело. Его сбили, а он ничего не помнит! Через несколько минут добрая женщина вернулась с подносом, на котором дымилась мисочка.

— Это вас сразу приободрит, — сказала она. — Я бы добавила капельку виски или бренди, но доктор не велел, ничего такого вам нельзя.

— Конечно, нет, — согласился Пеннифезер. — При сотрясении мозга алкоголь не рекомендуется.

— Я еще одну подушечку вам под спинку подложу, ладно, милуша? Вот, так-то будет лучше, правда?

Каноник Пеннифезер был несколько удивлен обращением «милуша», но понимал, что это лишь по доброте сердечной.

— Ну, теперь все в порядке, — заключила женщина.

— В порядке-то в порядке, — сказал каноник Пеннифезер, — но только где я нахожусь? Что это за место?

— Милтон-Сент-Джон, — ответила женщина. — А вы что, не знали?

— Милтон-Сент-Джон? — повторил каноник Пеннифезер. — Впервые слышу.

— Ну, местечко наше, конечно, небольшое.

Скорее деревушка.

— Вы очень добры ко мне, — сказал каноник. — Можно узнать ваше имя?

— Миссис Уилинг. Эмма Уилинг.

— Вы очень добры, — повторил каноник Пеннифезер. — Но что касается этого происшествия, я ничего не помню…

— Сперва, милуша, нужно оправиться, потом все вспомнится.

— Милтон-Сент-Джон, — удивленно произнес каноник. — Это название ничего мне не говорит. Как все это странно, однако!

Глава 17

Сэр Рональд Грейвс нарисовал в своем блокноте кота. Потом взглянул на мощную фигуру старшего инспектора Дэви, сидящего напротив, и нарисовал бульдога.

— Ладислав Малиновский? — сказал он. — Возможно. Улики есть?

— Нет. Но фигура подходящая.

— Сорвиголова. Никаких нервов. Выиграл мировой чемпионат. Около года назад сильно разбился. Падок до женщин. Сомнительные источники дохода. Широко тратит деньги и здесь и за границей. Все время ездит на континент и обратно. Вы хотите сказать, что именно он стоит за всеми этими ограблениями и нападениями, которые организованы с таким размахом?

— Не думаю, что это он все планирует. Но он, я думаю, один из них.

— Почему?

— Во-первых, он ездит на машине марки «Мерседес-Отто», гоночная модель. Машина, отвечающая этому описанию, была замечена у Бедхемптона в ночь ограбления почтового. Другой номер, но к этому нам не привыкать. И опять

тот же трюк — и похоже, да не совсем. FAN-2299 вместо 2266. Не так уж много у нас подобных «Мерседесов». Один у леди Седжвик, другой у юного лорда Мерривейла.

— Так вы не думаете, что Малиновский всеми руководит?

— Нет, думаю, там мозги получше, чем у него. Но он в этом деле участвует. Я просмотрел все папки: возьмите хотя бы нападение на «Мидленд и Уэст Лондон банк». Три фургона случайно — прямо-таки случайно! — блокируют одну из улиц. И «Мерседес-Отто», который там был, спокойно уходит благодаря этому блокированию.

— Но его потом задержали.

— Да, и освободили подчистую. Поскольку люди, которые о нем сообщали, не были уверены в номере. Они говорили, что номер FAM-3366, а у Малиновского номер FAN-2266. Та же самая картина.

— И вы продолжаете настаивать на том, что тут есть связь с отелем «Бертрам»? Тут для вас кое-что насчет этого «Бертрама» раскопали…

Папаша похлопал себя по карману:

— Это у меня уже вот здесь. Компания зарегистрирована по всем правилам. Баланс… оплаченный капитал… директора… и так далее. Это

ничего не значит! Все эти финансовые компании — просто куча змей, заглатывающих друг друга! Компании и холдинговые компании — просто голова идет кругом!

— Ну-ну, Папаша. Просто у них в Сити так принято. Приходится считаться с налогами.

— Что мне нужно, так это подлинная информация. Если вы мне подсобите, шеф, схожу-ка я повидаться кое с кем наверху.

Шеф внимательно посмотрел на него:

— Кого вы имеете в виду?

Папаша назвал имя.

Шеф помрачнел:

— Не знаю, вряд ли мы посмеем привлечь на помощь *его.*

— Но это здорово помогло бы нам.

Наступило молчание. Оба смотрели друг на друга. Папаша, с его могучей фигурой, выглядел спокойным и терпеливым. Шеф уступил.

— Вы, Фред, упрямый старый черт, — сказал он. — Пусть будет по-вашему. Попробуйте потрясти мудрые мозги.

— Он-то разберется, — сказал старший инспектор Дэви. — Он-то знает. А если и не знает, то ему стоит лишь кнопку нажать или сделать один звонок, чтобы узнать.

— Не уверен, что он обрадуется.

— Если и нет, много времени у него это не отнимет, — сказал Папаша. — Мне нужно иметь за спиной авторитетную поддержку.

— Вы это всерьез насчет гостиницы, насчет «Бертрама»? Но за что там зацепиться? Управляется отлично, постояльцы люди добропорядочные, респектабельные, никаких нарушений лицензионного порядка.

— Знаю, знаю. Ни алкоголя, ни наркотиков, ни азартных игр, ни приюта для преступников. Все чисто, как свежевыпавший снежок. Ни битников, ни жулья, ни малолетних преступников. Только викторианские или эдвардианские старушенции, провинциалы целыми семьями, туристы из Бостона и прочих респектабельных мест в Штатах. И тем не менее почтенный каноник уходит из гостиницы в три часа ночи и при этом ведет себя как-то странно.

— А кто это видел?

— Одна старая леди.

— Как она могла его увидеть? Почему не спала в своей постели в такой час?

— У старых леди такое бывает, сэр.

— Вы все об этом — как бишь его? — о канонике Пеннифезере?

— Именно так, сэр. У нас было сообщение о его исчезновении, и дело вел инспектор Кэмп-белл.

— Интересное совпадение: его имя только что упомянули в связи с ограблением почтового в Бедхемптоне.

— Серьезно? В какой связи?

— Еще одна старушенция, вернее, пожилая особа. Когда поезд остановили сигналом, которым эти типы манипулировали, многие пассажиры проснулись и выглянули в коридор. Эта женщина, проживающая в Чадминстере и знакомая с каноником Пеннифезером, сообщила, что видела, как он вошел в поезд через одну из дверей. Она подумала, что он выходил, чтобы узнать, в чем дело, а теперь возвращается. Мы собирались разработать этот эпизод, тем более что нас известили об исчезновении каноника.

— Постойте-ка — поезд остановили в 5.30 утра. Каноник Пеннифезер вышел из отеля «Бертрам» немного позже трех часов. Да, такое возможно. Если его доставили туда, скажем, на гоночном автомобиле…

— Так, вы снова насчет этого Ладислава Малиновского! — Шеф взглянул на рисунки в своем блокноте. — Ну и бульдог ты, Фред, — сказал он, позволив себе маленькую фамильярность в

обращении.

Через полчаса старший инспектор Дэви входил в тихий и довольно скромный кабинет.

Могучего телосложения мужчина за письменным столом встал и протянул руку.

— Старший инспектор Дэви? Пожалуйста, садитесь, — предложил он. — Хотите сигару?

Старший инспектор Дэви отрицательно мотнул головой.

— Я должен извиниться, — начал он, — за то, что покушаюсь на ваше поистине драгоценное время.

Мистер Робинсон улыбнулся. Это был толстый и прекрасно одетый человек. Лицо его имело желтоватый оттенок, темные глаза были грустны, а рот большой и добродушный. Он часто улыбался, обнажая чрезвычайно крупные зубы. «Чтобы скорее съесть тебя», — совсем некстати вспомнил старший инспектор Дэви слова Волка из сказки о Красной Шапочке. Английский язык мистера Робинсона был безупречен и не имел акцента, и все же этот человек не был англичанином. Папаше хотелось бы, как и многим другим, узнать, к какой национальности принадлежал мистер Робинсон.

— Итак, чем могу служить?

— Я хотел бы выяснить, — сказал старший инспектор Дэви, — кому принадлежит отель «Бертрам»?

Выражение лица мистера Робинсона не изменилось. Он не выказал удивления, услышав это название, и не дал понять, что оно ему знакомо. Он только произнес раздумчиво:

— Вас интересует, кому принадлежит отель «Бертрам». Который, я полагаю, находится на Понд-стрит, рядом с Пикадилли.

— Совершенно верно, сэр.

— Мне самому доводилось там останавливаться. Тихое местечко. Все отлично налажено.

— Да, — сказал Папаша, — все там на редкость хорошо.

— И вы хотите знать, кому он принадлежит. Неужели это трудно узнать? — За его улыбкой крылась легкая ирония.

— Через официальные каналы, вы имеете в виду? О да.

Папаша вытащил из кармана небольшой листок бумаги и прочитал вслух три или четыре имени и адреса.

— Понятно, — сказал мистер Робинсон. — Кто-то сильно постарался. Любопытно. И вы пришли ко мне?

— Если кто и знает, так это вы, сэр.

— Как ни странно, я не знаю. Но, конечно, вы правы, я могу раздобыть кое-какую информацию. Нужно иметь… — Он пожал своими широкими жирными плечами. — Нужно иметь связи.

— Да, сэр, — согласился Папаша с самым бесстрастным видом.

Мистер Робинсон взглянул на него, затем снял трубку телефона у себя на столе.

— Соня? Свяжи меня с Карлосом. — Он подождал минуту-другую и снова заговорил: — Карлос? — и быстро произнес полдюжины фраз на незнакомом языке. Папаша даже не смог определить, что это за язык.

Папаша отлично владел британским вариантом французского. Он мог с грехом пополам объясниться на итальянском и мог догадаться, о чем говорят немецкие туристы. Он знал, как звучат испанский, русский и арабский, хотя понять ни слова не мог. Этот язык не был на них похож. Он мог лишь догадываться, что это турецкий, или фарси, или армянский, но тут уж он совершенно не был уверен. Мистер Робинсон положил трубку.

— Не думаю, — произнес он добродушно, — что нас заставят долго ждать. Мне это любопытно,

знаете. Очень любопытно. Я иногда и сам задумывался…

Папаша бросил на него вопросительный взгляд.

— Насчет отеля «Бертрам», — пояснил мистер Робинсон. — С финансовой точки зрения, знаете ли. Непонятно, как они могут держаться на плаву. Но в конце концов, мне не было до этого дела. Ведь все-таки приятно… — Он передернул плечами. — Удобная гостиница с отлично вымуштрованным способным персоналом и хорошим обслуживанием… Да, иногда я задумывался. — Он взглянул на Папашу: — Вы знаете, как все это делается и для чего?

— Пока нет, но намерен выяснить.

— Существует несколько возможностей, — продолжил мистер Робинсон. — Это как в музыке. В октаве только определенное количество нот, а их можно сочетать в нескольких миллионах комбинаций. Мне как-то рассказывал один музыкант, что невозможно дважды создать одну и ту же мелодию. Крайне интересно.

На столе мягко зажужжал телефон, и Робинсон поднял трубку:

— Да? Быстро ты это вычислил. Я доволен. Понятно. Ах, Амстердам, вот как? Спасибо. Да. Как

это пишется? Отлично.

Он быстро записал что-то в блокнот.

— Надеюсь, это будет вам полезно, — сказал он, отрывая листок и передавая через стол Папаше, который вслух прочел имя: Вильгельм Хоффман. — По национальности швейцарец, — сообщил мистер Робинсон. — Хотя родился он, скажу вам, не в Швейцарии. У него большие связи в банковских кругах, и, хотя он четко держится в рамках закона, он стоит за целым рядом, скажем, сомнительных дел. Он действует только на континенте, не здесь.

— Вот как.

— Но у него есть брат, — продолжал мистер Робинсон. — Роберт Хоффман. Живет в Лондоне, торгует бриллиантами, дело у него вполне респектабельное. Женат на голландке. Имеет контору в Амстердаме. Ваши знают о нем. Как я уже сказал, он в основном занимается бриллиантами, но он очень богат и имеет крупную собственность, обычно не записанную на его имя. Да, он стоит за массой предприятий. Они с братом и являются настоящими владельцами отеля «Бертрам».

— Спасибо, сэр. — Старший инспектор Дэви встал. — Не могу выразить, как я вам обязан. Это удивительно, — добавил он, позволив себе

большее, чем обычно, проявление чувств.

— Что я это узнал? — спросил мистер Робинсон, выдав одну из своих самых широких улыбок. — Но это одна из моих специализаций — информация. Мне нравится знать. Ведь потому-то вы и пришли ко мне, разве не так?

— У нас, конечно, знают о вас, — сказал старший инспектор Дэви. — И во внутренней разведке, и в спецотделе и так далее. — Он добавил почти наивно: — Мне пришлось собраться с духом, чтобы обратиться к вам.

Мистер Робинсон снова улыбнулся.

— Я нахожу, что вы человек интересный, старший инспектор Дэви, — сказал он. — Желаю вам успеха во всех ваших начинаниях.

— Спасибо, сэр. Мне кажется, я в этом нуждаюсь. Кстати, как вы полагаете, эти два брата люди агрессивные?

— Разумеется, нет, — ответил мистер Робинсон. — Это шло бы вразрез с их политикой. Братья Хоффман не применяют насилия в своих деловых отношениях. У них на вооружении имеются методы более эффективные. Год от года, я бы сказал, они становятся все богаче, по крайней мере, так сообщает мой источник из банковских кругов Швейцарии.

— Полезное местечко Швейцария.

— Да, уж это точно. Что бы мы все без нее делали — ума не приложу! Такая высокая нравственность. Такое деловое чутье! Да, все мы, деловые люди, должны быть благодарны Швейцарии. Я лично, — заметил он, — придерживаюсь высокого мнения и об Амстердаме. — Он выразительно посмотрел на Дэви, потом снова улыбнулся.

Старший инспектор вышел.

Когда он вернулся на службу, его ждала записка:

«Каноник Пеннифезер обнаружен — жив, если и не совсем здоров. Вероятно, был сбит машиной у Милтон-Сент-Джона и получил сотрясение мозга».

Глава 18

Каноник Пеннифезер смотрел на старшего инспектора Дэви и на инспектора Кэмпбелла, а старший инспектор Дэви и инспектор Кэмпбелл смотрели на него. Каноник Пеннифезер был снова дома. Он восседал в просторном кресле в своей библиотеке, с подушкой под головой и ногами на пуфике, с пледом на коленях, что подчеркивало его положение больного.

— Боюсь, — говорил он вежливо, — что я просто не в состоянии что-нибудь припомнить.

— Вы не можете припомнить, как вас сбила машина?

— Боюсь, что нет.

— Тогда откуда вам известно, что вас сбила машина? — придирчиво спросил инспектор Кэмпбелл.

— Эта женщина, миссис… миссис Уилинг, кажется… сказала мне об этом.

— А она откуда знает?

Каноник Пеннифезер совсем растерялся:

— Боже мой, вы совершенно правы. Откуда ей, в самом деле, знать? Она, наверное, просто подумала, что так случилось.

— И вы сами не в состоянии вспомнить ничего? Как вы оказались в Милтон-Сент-Джоне?

— Не имею понятия, — ответил каноник Пеннифезер. — Даже название мне ничего не говорит.

Раздражение инспектора Кэмпбелла нарастало, но старший инспектор Дэви попросил спокойно и буднично:

— Просто расскажите нам о том, что вам запомнилось последним, сэр.

Каноник Пеннифезер повернулся к нему с облегчением. Жесткое недоверие инспектора Кэмпбелла приводило его в крайнее смущение.

— Я собирался на конгресс в Люцерн. Я поехал на такси в аэропорт, по крайней мере, на аэровокзал Кенсингтон.

— Так. А потом?

— Вот и все. Больше ничего не могу вспомнить. Потом я помню только гардероб.

— Что еще за гардероб? — спросил инспектор Кэмпбелл.

— Который был не на месте.

Инспектора Кэмпбелла так и подмывало углубиться в эту проблему гардероба «не на месте». Старший инспектор вмешался:

— Вы помните, сэр, как вы прибыли на аэровокзал?

— Думаю, да, — сказал каноник Пеннифезер с оттенком сомнения в голосе.

— И вы отправились в Люцерн, как положено?

— Разве? Я что-то ничего об этом не помню.

— А вы помните, как вернулись в отель «Бертрам» тем же вечером?

— Нет.

— Но вы помните отель «Бертрам»?

— Само собой. Я там жил. Очень удобный отель. Я оставил номер за собой.

— А вы помните, как ехали в поезде?

— В поезде? Нет, никакого поезда не помню.

— Этот поезд остановили и ограбили. Уж это-то, каноник Пеннифезер, вы должны бы помнить.

— Должен? — повторил каноник Пеннифезер. — Но как-то… — начал он извиняющимся тоном. — Нет, не помню. — Он перевел взгляд с одного полицейского на другого и слабо улыбнулся.

— Значит, вы утверждаете, что не помните ничего после того, как сели в такси и отправились на аэровокзал, и до тех пор, когда проснулись в доме Уилингов в Милтон-Сент-Джоне.

— Но в этом нет ничего необычного, — сказал каноник Пеннифезер. — Такое часто случается при сотрясении мозга.

— Когда вы очнулись, что, вы подумали, с вами произошло?

— У меня так болела голова, что я и думать толком не мог. Потом, конечно, я стал гадать, где я нахожусь, и миссис Уилинг все объяснила и принесла мне отличного супа. Называла меня «милушей», — произнес каноник Пеннифезер несколько неодобрительно. — Но она была очень добра. По-настоящему добра.

— Ей следовало сообщить о происшествии в полицию, вас поместили бы в больницу, и вы получили бы надлежащий уход, — сказал инспектор Кэмпбелл.

— Она очень хорошо за мной ухаживала, — горячо заступился за миссис Уилинг каноник Пеннифезер. — Насколько я знаю, в случае сотрясения мозга мало что можно сделать, кроме обеспечения пациенту покоя.

— Если бы вы могли вспомнить еще хоть что-нибудь, каноник Пеннифезер…

Каноник перебил его:

— Похоже, целых четыре дня выпали из моей жизни, — заметил он. — Это крайне любопытно. Даже очень любопытно. Мне бы так хотелось узнать, где я был и что делал. Доктор уверяет, что я все это могу вспомнить. Но с другой стороны,

могу и не вспомнить. Может быть, я так и не узнаю, что со мной было в эти дни. — Веки его отяжелели. — Простите меня. Мне кажется, я сильно устал.

— Все, хватит на сегодня, — сказала миссис Макри, которая все время маячила в дверях, готовая вмешаться в случае необходимости. Она двинулась к ним. — Доктор велел, чтобы его не волновали, — заявила она решительно.

Полицейские поднялись и направились к двери. Миссис Макри проводила их через переднюю с видом добросовестного сторожевого пса. Каноник пробормотал что-то, и старший инспектор Дэви, который замыкал шествие, быстро обернулся:

— Что вы сказали?

Но глаза каноника были уже закрыты.

— Как вам кажется, что он сказал? — спросил Кэмпбелл, когда они вышли из дома, отклонив не слишком настойчивое предложение миссис Макри перекусить.

Папаша задумчиво ответил:

— Мне почудилось, он произнес: «Стены Иерихона».

— Что он мог иметь в виду?

— Что-нибудь из Библии, — предположил Па-

паша.

— Как вам кажется, мы когда-нибудь узнаем, — заговорил Кэмпбелл, — как этот старикан добрался от Кромвель-роуд до Милтон-Сент-Джон?

— Не похоже, что он нам в этом сможет помочь, — отозвался Дэви.

— Эта женщина, которая утверждает, что видела его в поезде, когда их остановили, она права? Неужели он может быть как-то замешан во всех этих ограблениях? Это кажется невероятным. Он производит впечатление абсолютно порядочного старикана. Разве можно заподозрить, что каноник Чадминстерского собора может впутаться в такие дела?

— Нет, — произнес Папаша задумчиво. — Нет. Точно так же, как невозможно представить себе, чтобы судья Ладгроув был замешан в ограблении банка.

Инспектор с любопытством взглянул на старшего офицера.

Вылазка в Чадминстер закончилась короткой и ничего не давшей беседой с доктором Стоуксом, который был агрессивен, груб и не желал сотрудничать.

— Я уже достаточно давно знаю Уилингов. Они,

собственно, мои соседи. Подобрали старика на дороге. Не знали, то ли он напился до беспамятства, то ли болен. Попросили осмотреть его. Я им сказал, что он не пьян, что у него сотрясение мозга.

— И вы принялись его лечить?

— И не подумал. Я не лечил его, ничего ему не прописывал и не предписывал. Я не врач… был когда-то, но теперь — нет. Я им сказал, что они должны позвонить в полицию. А звонили они или нет, не знаю. Они немного туповаты, оба, но вообще-то люди добрые.

— Вы сами не сочли нужным позвонить в полицию?

— Нет, и не собирался. Повторяю, я уже не врач. Мне-то что. По-человечески я велел им влить ему виски в глотку, и пусть лежит тихо и спокойно до прихода полиции.

Он бросил на них недоброжелательный взгляд, и им пришлось поневоле прервать разговор и удалиться.

Глава 19

Мистер Хоффман был солидным мужчиной. Он казался вырезанным из цельного куска дерева, скорее всего тикового.

Лицо его было настолько лишено выражения, что поневоле хотелось спросить: неужели этот человек способен думать или чувствовать? Это казалось невозможным.

Манеры у него тем не менее были безупречны.

Он поднялся, поклонился и протянул руку, похожую на клин, которым дровосек расщепляет неподатливое дерево.

— Старший инспектор Дэви? Сколько же лет прошло с тех пор, как я имел удовольствие… Вы, возможно, не помните…

— Разумеется, помню, мистер Хоффман. Дело об ааронбергском бриллианте. Вы были свидетелем обвинения на суде, и, позвольте заверить вас, превосходным свидетелем. Защите не удалось вас поколебать.

— Да, меня поколебать непросто.

Он отнюдь не выглядел как человек, которого легко поколебать.

— Чем могу быть вам полезен? — продолжал

он. — Надеюсь, никаких неприятностей? Я всегда стремлюсь жить в мире с полицией. Ваши отличные полицейские вызывают у меня чувство восторга.

— Да нет, никаких неприятностей. Я просто хотел получить от вас подтверждение некоторых сведений.

— Буду счастлив помочь вам чем только могу. Как я уже сказал, я самого высокого мнения о лондонской полиции. У вас отличные ребята. Такие преданные делу, справедливые, бескорыстные.

— Вы меня смущаете.

— К вашим услугам. Так что же вас интересует?

— Я просто хотел, чтобы вы мне кое-что сообщили об отеле «Бертрам».

Лицо мистера Хоффмана не дрогнуло. Возможно, вся его фигура на какую-то пару мгновений стала еще статичнее, чем была до того, — вот и все.

— Отель «Бертрам»? — спросил он, и в голосе у него прозвучали недоумение и некоторая озадаченность, как будто он никогда не слышал об отеле «Бертрам» или не мог вспомнить, известно ли ему что-нибудь об этом отеле.

— Вы ведь имеете к нему отношение, не так ли,

мистер Хоффман?

Мистер Хоффман передернул плечами.

— Так много всего, — сказал он, — что даже не упомнишь. Дел огромное количество, я очень загружен.

— Я знаю, что ваша деятельность весьма многогранна.

— Да. — Мистер Хоффман выдал деревянную улыбку. — Вы считаете, что я как-то связан с этим, как бишь его, отелем «Бертрам»?

— Я не сказал бы, что связаны. На самом деле вы им владеете, не так ли? — спросил Папаша вполне добродушно.

На этот раз мистер Хоффман зримо напрягся:

— Кто вам это сообщил, позвольте узнать?

— Но ведь это верно? — бодрым тоном ответил вопросом на вопрос старший инспектор Дэви. — На мой взгляд, неплохо владеть таким местечком. Вообще-то, вам бы следовало им гордиться.

— О да, — сказал Хоффман. — Как-то сразу я не смог вспомнить, понимаете ли. — Он смущенно улыбнулся. — Мне принадлежит в Лондоне значительная собственность. Недвижимость — хорошее помещение капитала. Иногда она попадает на рынок, я бы сказал — кстати, и тогда есть шанс купить ее по дешевке.

— И что, отель «Бертрам» продавался дешево?

— Ну, он в то время становился убыточным, — объяснил мистер Хоффман, покачав головой.

— Да, но теперь-то он твердо стоит на ногах, — заметил Папаша. — Я был там всего пару дней назад. Меня потрясла тамошняя атмосфера. Приятные, старомодного толка постояльцы, уютные старомодные помещения, никакой суеты, много роскоши, которая не бросается в глаза.

— Я лично очень мало об этом знаю, — отозвался Хоффман. — Это просто одно из вложений капитала для меня, но, насколько мне известно, дела там идут неплохо.

— Да, там у вас, как я понял, отличный управляющий. Хамфрис, кажется? Да, точно, Хамфрис.

— Замечательный человек, — подхватил мистер Хоффман. — Я предоставляю ему полную свободу. Только раз в год просматриваю балансовую ведомость, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Там было полно титулованных особ, — заметил Папаша. — И богатых американских туристов. — Он задумчиво покачал головой. — Прелюбопытное сочетание.

— Вы говорите, были там на днях? — поинтересовался Хоффман. — Не по служебным делам,

надеюсь?

— Ничего серьезного. Просто некая загадочная история.

— Загадочная история? В отеле «Бертрам»?

— Такое впечатление, что да. «Дело об исчезновении священнослужителя», так это можно назвать.

— Да вы шутите! — воскликнул Хоффман. — Работаете под Шерлока Холмса.

— Этот священник вышел из отеля однажды вечером, и больше его никто не видел.

— Интересно, — произнес Хоффман, — но такое случается. Помню, много-много лет назад была настоящая сенсация. Полковник… дайте-ка вспомнить… по-моему, полковник Фергюсон, один из конюших королевы Марии, вышел из своего клуба однажды вечером, и его тоже больше никогда не видели.

— Разумеется, многие из этих исчезновений добровольны, — заметил Папаша.

— Вам это лучше знать, дорогой мой старший инспектор, — согласился мистер Хоффман и добавил: — Я надеюсь, в отеле «Бертрам» вам оказали необходимое содействие?

— Они не могли быть любезнее, — заверил его Папаша. — Эта мисс Горриндж, она там, вероятно,

уже много лет?

— Возможно. Я ведь не в курсе таких дел. Видите ли, там у меня нет никакого личного интереса. Вообще-то, — и тут он обезоруживающе улыбнулся, — меня удивило, как вы узнали, что отель принадлежит мне. — Это был завуалированный вопрос, и в глазах у Хоффмана снова мелькнула тревога, что Папаша и отметил для себя.

— Видите ли, бизнес в Лондоне так разветвлен, что напоминает огромную загадочную мозаику, — ответил он. — Мне пришлось бы голову сломать, если бы я вынужден был всем этим заниматься. Насколько я понимаю, та компания, которая, кажется, называется «Мэйфер холдинг траст», является зарегистрированным владельцем. Но они, в свою очередь, принадлежат еще кому-то и так далее. А суть все-таки в том, что отель принадлежит вам. Все очень просто. Я прав, не так ли?

— Я и другие директора, как вы бы сказали, стоим за этим, — довольно неохотно признал мистер Хоффман.

— Другие директора? Кто они? Вы и, как я полагаю, ваш брат?

— Мой брат Вильгельм действительно принимает участие в этом предприятии. Но вы должны

осознать, что «Бертрам» — лишь звено в цепи различных отелей, офисов, клубов и прочей недвижимости в Лондоне.

— Кто же еще в совете директоров?

— Лорд Помфрет, Абель Айзекштейн. — В голосе Хоффмана звучало раздражение. — Вам что, действительно все это нужно знать? Только ради того, чтобы расследовать «Дело об исчезнувшем священнике»?

Папаша отрицательно мотнул головой и принял виноватый вид.

— Думаю, мной просто движет любопытство. Поиски исчезнувшего священника привели меня в «Бертрам», и тут у меня появился некий общий интерес, если вам ясно, что я имею в виду. Одно цепляется за другое и так далее.

— Полагаю, что так иногда бывает. А теперь, — он улыбнулся, — ваше любопытство удовлетворено?

— Когда ищешь правду, лучше всего обратиться к первоисточнику. — Папаша поднялся. — Есть еще одно, что мне хотелось бы узнать, но, боюсь, этого-то вы мне и не скажете.

— Слушаю вас, старший инспектор? — Голос Хоффмана звучал настороженно.

— Где отель «Бертрам» набирает свой персонал?

Замечательный персонал! Взять хотя бы Генри, который похож на эрцгерцога или архиепископа. Тот, кто подает чай и превосходные оладьи. Просто незабываемое впечатление.

— Значит, вы любите оладьи с большим количеством масла? — Неодобрительный взгляд Хоффмана на какое-то время задержался на округлой фигуре Папаши.

— Думаю, по мне это заметно, — сказал Папаша. — Ну что ж, больше не стану отнимать у вас время. Вы наверняка очень заняты новыми проектами приобретения недвижимости или чем-нибудь в этом роде.

— Вижу, вам доставляет удовольствие прикидываться, что вы в этом ничего не смыслите. Нет, я ничем таким не занят. Я не позволяю делам слишком поглощать меня. У меня простые вкусы. Я и живу просто, позволяю себе отдыхать, выращиваю розы, уделяю внимание семье, которой очень предан.

— Вот это жизнь, — сказал Папаша. — Как бы мне хотелось пожить так!

Мистер Хоффман улыбнулся и неторопливо поднялся, чтобы пожать ему руку.

— Надеюсь, вам скоро удастся обнаружить пропавшего священника.

— О, с этим все в порядке. Я, вероятно, нечетко выразился. Он нашелся — дело оказалось досадно простым. Его просто сбила машина, у него сотрясение мозга — вот и вся история.

Папаша зашагал к двери, потом обернулся и спросил:

— Кстати, а леди Седжвик тоже состоит в совете директоров?

— Леди Седжвик? — Хоффман на мгновение растерялся. — Нет. С какой стати?

— Да просто слышишь разное. Она просто держатель акций?

— Я… да.

— Отлично, до свидания, мистер Хоффман. И большое вам спасибо.

Папаша вернулся в Скотленд-Ярд и направился прямо к шефу.

— Братья Хоффман, вот кто владеет отелем «Бертрам».

— Что?! Эти проходимцы? — возмутился сэр Рональд.

— Да.

— Они это ловко скрывали.

— Да уж, Роберту Хоффману ох как не понравилось, что мы об этом пронюхали. Он был потрясен.

— Что он сказал?

— О, мы держались вполне официально и корректно. Он попытался, не слишком откровенно, выяснить, откуда я это узнал.

— Но вы, полагаю, не выдали ему источник?

— Разумеется, нет.

— И какую причину для визита вы ему сообщили?

— А никакой, — ответил Папаша.

— Ему это не показалось несколько странным?

— Наверное. Но вообще у меня создалось впечатление, что сыграл я неплохо, сэр.

— Ну, если за кулисами стоят Хоффманы, это многое объясняет. Сами они в темные дела никогда не впутываются, ни в коем случае. Не они организуют преступления, но они их финансируют.

— Вильгельм руководит банковской стороной дела из Швейцарии. Именно он стоял за всеми этими валютными сбоями после войны, и мы это знали, но не смогли доказать. Эти два братца контролируют массу денег и направляют их на поддержку самых разных авантюр, как легальных, так и нелегальных. Но они осторожны — им известны все тонкости игры. Брокерские дела Роберта в алмазном бизнесе вроде бы вполне

законны, но картинка-то получается достаточно сомнительная: бриллианты, банковские проценты, недвижимость — клубы, культурные фонды, деловые постройки, рестораны, гостиницы. И всем этим якобы владеют другие лица.

— Вы считаете, что Хоффман планирует все эти организованные ограбления?

— Я считаю, эта парочка занимается только финансами. Нет, того, кто все планирует, нужно искать не здесь. Где-то работает первоклассный мозг.

Глава 20
1

В тот вечер на Лондон внезапно опустился туман. Старший инспектор Дэви поднял воротник пальто и свернул на Понд-стрит. Он шел медленной походкой человека, занятого своими мыслями, и, казалось, никуда особенно не направлялся, но каждый, кто хорошо его знал, догадался бы, что разум его настороже. Он двигался, как кошка, которая ждет момента, когда можно будет броситься на добычу.

На Понд-стрит было тихо. Машин немного. Сначала туман повис клочьями, потом, казалось, прояснилось, потом туман снова сгустился. Шум уличного движения на Парк-лейн доносился сюда приглушенно. Большинство автобусов уже не курсировали. Лишь время от времени какие-то частные автомобили прокладывали себе путь с оптимизмом отчаяния. Старший инспектор свернул в тупик, прошел его до конца и вернулся. Он снова и снова поворачивал, вроде бы бесцельно, то влево, то вправо, но цель у него была. В сущности, эта кошачья прогулка происходила вокруг

одного и того же здания — отеля «Бертрам». Он старательно изучал то, что находилось к востоку от него, к западу, к северу и к югу. Он вглядывался в припаркованные у тротуара машины, вглядывался и в те, что стояли в тупике. Одна из них особенно привлекла его внимание, и он остановился. Скорчил гримасу и тихо произнес:

— Итак, ты снова здесь, красотка.

Проверил номер и кивнул сам себе: «Нынче вечером ты у нас FAN-2266!»

Он наклонился, осторожно провел пальцами по номерной панели и одобрительно буркнул:

— Недурная работа.

Он продолжил свой путь, прошел до конца улочки, повернул направо, еще раз направо и снова оказался на Понд-стрит, в пятистах ярдах от входа в отель «Бертрам». Он снова остановился, чтобы полюбоваться прекрасными очертаниями еще одной гоночной машины.

— Ты тоже красива, — сказал старший инспектор Дэви. — И номер твой тот же, что и в последний раз, когда я тебя видел. Мне даже кажется, что у тебя всегда один и тот же номер. А это значит… — Он примолк, потом пробормотал: — Или не значит? — Взглянул вверх, где должно было быть небо, и добавил: — Туман сгущается.

Перед дверью «Бертрама» швейцар-ирландец размахивал руками, чтобы согреться.

Старший инспектор Дэви пожелал ему доброго вечера.

— Добрый вечер, сэр. Ну и погодка!

— Да, думаю, никто в такой вечер на улицу не выйдет без особой нужды.

В этот момент дверь отеля распахнулась, появилась пожилая леди и в нерешительности остановилась на ступеньках.

— Вам нужно такси, мэм?

— Ох, боже мой, я хотела пройтись пешком.

— Я бы на вашем месте этого не делал. Такой отвратительный туман, мэм. Даже такси и то будет нелегко найти.

— Вы полагаете, что все же могли бы найти мне такси? — спросила леди в сомнении.

— Постараюсь. Вы идите пока в отель, побудьте в тепле, а я приду и скажу вам, когда найду машину. — Голос его изменился, зазвучал заботливо-убедительно: — Если нет особой необходимости, я на вашем месте не стал бы выходить в такую погоду.

— Возможно, вы и правы. Но меня ждут в гости друзья в Челси. Не знаю. Ведь и обратно трудно будет добираться. Как вы считаете?

Майкл Горман взял на себя руководство.

— На вашем месте, мэм, — сказал он твердо, — я бы позвонил этим друзьям. Нехорошо леди быть одной на улице в такую туманную ночь.

— Да… это верно… Да, вы правы.

Она вернулась в гостиницу.

— Приходится за ними присматривать, — объяснил Майкл Горман, повернувшись к Папаше. — Вот у этой непременно выхватят сумочку. Чего ей в такое время, да еще в туман, бродить по Челси или Кенсингтону, или куда она там собралась?

— Вижу, у вас немалый опыт общения с престарелыми леди? — предположил Дэви.

— О да, уж это точно. Это место для них как дом родной, господь их благослови. А вам, сэр, не нужно такси?

— Не думаю, что вы могли бы найти мне такси, даже если бы было нужно, — возразил Папаша. — Что-то их совсем не видно. И я не стал бы их упрекать.

— А вот и нет. Я вам мигом это устрою. Там за углом есть местечко, где обычно припарковано такси, пока водитель греется и принимает капельку внутрь, чтобы уберечься от простуды.

— Такси меня не устроит, — ответил Папаша со вздохом и указал большим пальцем на отель

«Бертрам». — Мне нужно туда. Дело есть.

— Да что вы говорите? Опять насчет этого пропавшего каноника?

— Не совсем. Его нашли.

— Нашли? — Швейцар уставился на старшего инспектора. — И где же?

— Бродил с сотрясением мозга после несчастного случая.

— Ну ясно, этого и следовало ожидать. Небось переходил дорогу, не глядя по сторонам.

— Что-то в этом роде, — сказал Папаша.

Он кивнул и вошел в гостиницу. В тот вечер в вестибюле было не слишком людно. Он увидел, что мисс Марпл сидит в кресле у камина, а мисс Марпл увидела его. Она, однако, ничем не показала, что узнаёт инспектора. Дэви подошел к стойке. Мисс Горриндж, как всегда, занималась своими книгами. Она, как ему показалось, слегка встревожилась, заметив его. Реакция была едва заметной, но от него не ускользнула.

— Вы меня помните, мисс Горриндж? — спросил он. — Я на днях был здесь.

— Да, разумеется, я вас помню, старший инспектор. Вы хотите узнать еще что-нибудь? Хотите видеть мистера Хамфриса?

— Нет, спасибо. В этом нет никакой необхо-

димости. Я бы просто хотел еще раз заглянуть в вашу регистрационную книгу, если позволите.

— Да, конечно.

Она пододвинула к нему книгу регистрации приезжих. Он ее раскрыл и стал внимательно просматривать страницы сверху вниз. Для мисс Горриндж он создавал видимость человека, который ищет одну определенную запись. А в сущности дело было не в этом. Папаша обладал даром, который он развил довольно рано и добился высокой степени искусства. Он был способен запоминать имена и адреса моментально и безошибочно, с фотографической точностью. Эти сведения сохранялись в его памяти сутки или даже двое. Он покачал головой, закрыв книгу и возвращая ее мисс Горриндж.

— Каноник Пеннифезер у вас не появлялся случаем? — спросил он небрежно.

— Каноник Пеннифезер?

— А вы не знали, что он нашелся?

— Нет. Мне никто об этом не говорил. И где же?

— Где-то в сельской местности. Кажется, его сбила машина. А нам не сообщили. Какая-то добрая самаритянка подобрала его и ухаживала за ним.

— О, я очень рада. Да, очень рада. Я о нем беспокоилась.

— И его друзья тоже, — сказал Папаша. — Я вообще-то решил посмотреть, не живет ли у вас кто-нибудь из них. Архидиакон… архидиакон… никак не вспомню его имени, но узнал бы, если бы увидел.

— Томлинсон? — услужливо подсказала мисс Горриндж. — Он должен приехать на следующей неделе. Из Солсбери.

— Нет, не Томлинсон. Да ладно, это неважно.

В тот вечер в комнате для отдыха было тихо.

Пожилой человек аскетического вида читал плохо напечатанную диссертацию, порой делая заметки на полях таким мелким, паутинным почерком, что невозможно было разобрать написанное. Каждый раз, делая запись, он злорадно усмехался.

Были еще одна или две супружеские пары, прожившие вместе так долго, что у них отпала нужда в разговорах. Время от времени сходились вместе несколько человек, чтобы обсудить погоду и то, как они сами или их родные смогут добраться в то или иное место.

— …Я позвонила Сьюзен и попросила не приезжать на машине, потому что на их шоссе в такой

туман очень опасно…

— Говорят, что в Средней Англии погода гораздо лучше…

Старший инспектор Дэви слышал обрывки разговоров, проходя мимо. Неторопливо и как бы ненамеренно он добрался до того места, к которому стремился.

— Так, значит, вы все еще здесь, мисс Марпл? Я рад.

— Я уезжаю завтра.

И этот факт, без сомнения, нашел отражение в ее позе: она сидела не расслабленно, а совершенно прямо, как обычно сидят в зале ожидания в аэропорту или на вокзале. Вещи ее были, без сомнения, уже упакованы, за исключением туалетного прибора и ночной рубашки, которые должны быть уложены в последний момент.

— Вот и прошли мои две недели, — объяснила она.

— Но вам здесь понравилось, я надеюсь?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— С одной стороны, да… — ответила она.

— А с другой — нет?

— Трудно объяснить, что я имею в виду.

— Вы не слишком близко сидите к камину? Здесь довольно жарко. Вы не хотели бы перейти

куда-нибудь? Может быть, вон туда, в уголок?

Мисс Марпл посмотрела в ту сторону, потом взглянула на старшего инспектора Дэви.

— Кажется, вы совершенно правы, — согласилась она.

Он помог ей подняться, подхватил ее сумочку и книгу и устроил ее в уголке, который выбрал.

— Все в порядке?

— В совершенном порядке.

— Вы знаете, почему я это предложил?

— Вы сочли, и совершенно справедливо, что мне у огня слишком жарко. Кроме того, — добавила она, — здесь нас никто не подслушает.

— Вы, кажется, хотите мне что-то сказать, мисс Марпл?

— Почему вы так решили?

— По вашему виду.

— Жаль, что я это так откровенно показала, — заметила мисс Марпл.

— Ну так что же?

— Не знаю, стоит ли мне это делать. Я бы хотела, чтобы вы поверили, инспектор, что я не люблю лезть не в свое дело, я против этого. Потому что нередко человек, движимый наилучшими побуждениями, причиняет уйму неприятностей.

— Ах, вот как обстоит дело? Понятно. Для вас

это большая проблема.

— Порой видишь, как люди делают нечто неразумное, с твоей точки зрения, более того, даже опасное. Но имеешь ли ты право вмешиваться? Как правило, нет.

— Вы имеете в виду каноника Пеннифезера?

— Каноника Пеннифезера? — Мисс Марпл крайне удивилась. — О нет. К нему это не имеет отношения. Это касается девушки.

— Вот как? Девушки? И вы полагаете, что я мог бы помочь?

— Не знаю, — сказала мисс Марпл. — Просто не знаю. Но я беспокоюсь, очень беспокоюсь.

Папаша не торопил ее. Он сидел в своем кресле и казался очень большим, очень спокойным и туповатым. Он дал ей собраться с мыслями. Ей очень хотелось в этот раз помочь ему, и теперь он готов был помочь ей. Возможно, его не слишком интересовало то, что ее волновало. С другой стороны, никогда нельзя знать.

— Читаешь в газетах, — заговорила мисс Марпл негромко, но ясно, — о судебных разбирательствах, о молодых людях, детях или девушках, нуждающихся в заботе и защите. Я понимаю, что это всего лишь принятая в юридическом мире формулировка, но ведь она может иметь и реаль-

ное значение.

— Так эта девушка, которую вы упомянули, вам кажется, нуждается в заботе и защите?

— Да. Именно так.

— Она одна во всем мире?

— О нет, — сказала мисс Марпл. — Совсем наоборот, если можно так выразиться. На поверхностный взгляд она очень даже хорошо оберегается и окружена неусыпной заботой.

— Интересно, — заметил Папаша.

— Она жила в этом отеле, — сообщила мисс Марпл, — под присмотром некоей миссис Карпентер. Я заглянула в регистрационный журнал, чтобы узнать имя. Девушку зовут Эльвира Блейк.

Папаша быстро поднял на нее глаза, полные любопытства.

— Очень красивая девушка. Юная и очень, как я уже сказала, заботливо оберегаемая. Ее опекун полковник Ласкомб — прекрасный человек. Очаровательный. Конечно, немолодой и, боюсь, совершенно невинный.

— Опекун этой девушки?

— Вот именно, — подтвердила мисс Марпл. — Насчет девушки я ничего утверждать не могу. Но мне кажется, что она в опасности. Я случайно наткнулась на нее в парке Баттерси. Она сидела

там в кафе с молодым человеком.

— А, так вот в чем дело? — отозвался Папаша. — Неподходящий молодой человек? Какой-нибудь битник, жулик или головорез?

— Очень хорош собой, — продолжала мисс Марпл. — Не так уж молод. За тридцать. Относится к тому типу мужчин, который очень привлекает женщин, лицо у него жестокое, ястребиное, хищное.

— Может, он не так плох, как кажется, — возразил Папаша.

— Боюсь, что он еще хуже, чем кажется, — ответила мисс Марпл. — Я в этом убеждена. Он водит большую гоночную машину.

Папаша снова быстро поднял на нее глаза:

— Гоночную?

— Да. Пару раз я видела ее у отеля.

— А номер вы не помните?

— Помню, конечно. FAN-2266.

Папаша выглядел озадаченным.

— Вы не знаете, кто он? — спросила мисс Марпл.

— Коли на то пошло, знаю, — признался Папаша. — Наполовину француз, наполовину поляк. Очень известный гонщик, был чемпионом мира три года назад. Зовут его Ладислав Малиновский.

Вы во многом правы насчет его. У него дурная репутация в том, что касается женщин. То есть он совершенно неподходящая пара для юной девушки. Но тут трудно что-нибудь поделать. Думаю, она встречается с ним тайно?

— Я почти уверена в этом.

— А вы не говорили с ее опекуном?

— Я с ним незнакома, — сказала мисс Марпл. — Меня только представила ему наша общая знакомая. Мне бы не хотелось идти к нему и вроде бы сплетничать. Я просто подумала, вдруг вы сможете что-нибудь предпринять.

— Могу попробовать, — пообещал Папаша. — Между прочим, вам будет, наверное, приятно узнать, что ваш друг каноник Пеннифезер нашелся.

— Правда? — оживилась мисс Марпл. — Где же?

— В местечке под названием Милтон-Сент-Джон.

— Как странно! Что же он там делал? Он знал, где находится?

– *По-видимому*,— старший инспектор Дэви сделал ударение на этом слове, — с ним произошел несчастный случай.

— Какого рода?

— Его сбила машина, сотрясение мозга. Или, что тоже возможно, его просто ударили по голове.

— Понятно. — Мисс Марпл задумалась. — А сам он не знает?

— Он *говорит*, — старший инспектор снова сделал ударение на слове, — что ничего не знает.

— Весьма примечательно.

— Не правда ли? Последнее его воспоминание — что он ехал на такси на аэровокзал Кенсингтон.

Мисс Марпл озадаченно покачала головой.

— Я знаю, что такое возможно при сотрясении, — пробормотала она. — А он ничего не сказал… полезного?

— Он что-то упоминал насчет «стен Иерихона».

— Иисус? — высказала догадку мисс Марпл. — Или археология, какие-то раскопки? Или, помнится мне, очень давно была такая пьеса, написанная мистером Сутро.

— И всю эту неделю к северу от Темзы в кинотеатре шел фильм «Стены Иерихона», в котором играют Ольга Рэдберн и Барт Левинн, — сказал Папаша.

Мисс Марпл с подозрением взглянула на него.

— Он мог пойти в кино на этот фильм. Мог

выйти оттуда около одиннадцати и вернуться сюда. Хотя, если это так, кто-нибудь должен был его увидеть, ведь еще не было полуночи…

— А если он сел не в тот автобус? — предположила мисс Марпл.

— Если он вернулся сюда после полуночи, — продолжал Папаша, — тогда он мог пройти к себе незамеченным. Но что же произошло потом? И почему он снова вышел через три часа?

— Единственное, что приходит мне в голову, — начала мисс Марпл, но, не договорив, вскочила, так как услышала с улицы звук, похожий на выстрел.

— Это выхлоп автомобиля, — успокоил ее Папаша.

— Простите, что я так вскочила. Я сегодня страшно нервничаю. Какое-то предчувствие…

— Предчувствие какого-то происшествия? Мне кажется, не стоит беспокоиться.

— Мне никогда не нравился туман.

— Я хотел вам сказать, — переменил тему старший инспектор Дэви, — что вы мне очень помогли. То, что вы здесь подметили, разные мелочи, хорошо укладывается в общую картину.

— Значит, здесь все-таки что-то неладно.

— Здесь все неладно.

Мисс Марпл вздохнула:

— Сначала все представлялось удивительным — знаете, совсем как раньше, будто я шагнула назад в прошлое. В прошлое, которое так любила, которым наслаждалась. — Она помолчала. — Но на самом деле все оказалось не так. Я узнала (думаю, я знала и до того), что вернуться назад невозможно, и пытаться не стоит. Суть жизни в том, чтобы двигаться вперед. Жизнь — улица с односторонним движением, не так ли?

— Да, что-то вроде того, — согласился Папаша.

— Мне вспоминается, — снова заговорила мисс Марпл, отклоняясь от главной темы, как она это нередко делала, — вспоминается, как я с мамой и бабушкой была в Париже и мы пошли выпить чаю в отеле «Элизе». Моя бабушка огляделась и вдруг сказала: «Клара, мне кажется, я здесь единственная в капоре!» Так оно на самом деле и было. Когда она приехала домой, она собрала все свои капоры и стеклярусовые мантильи и куда-то их отправила…

— На дешевую распродажу? — сочувственно спросил Папаша.

— Нет. Кому они были нужны на распродаже? Она послала их какой-то театральной труппе. Там им страшно обрадовались. Постойте-ка… —

Мисс Марпл вернулась на свою стезю. — О чем мы говорили?

— Об этом месте.

— Ах да. Оно казалось тем же, но таковым не является. Все здесь перемешано: настоящие люди и ненастоящие люди. И не всегда их можно различить.

— Кого вы имеете в виду под ненастоящими?

— Были здесь военные в отставке, а были те, кто похож на отставных военных, но никогда не служил в армии. И священники, которые не были священниками. И адмиралы и морские офицеры, никогда не служившие на флоте. Моя приятельница Селина Хейзи — меня сначала забавляло, как ей хотелось узнавать старых знакомых, что вполне естественно, конечно, и как часто она ошибалась, потому что они не были теми, кем, ей казалось, они должны быть. Но что-то уж слишком часто это происходило. И тогда я начала задумываться. Даже Роза, горничная, такая милая, начала мне казаться тоже ненастоящей.

— Если хотите знать, то она бывшая актриса. Хорошая. Здесь она получает больше, чем получала на сцене.

— Но ради чего все это?

— В основном, так сказать, ради полноты деко-

раций. Может быть, за этим стоит и еще что-то.

— Я рада, что уезжаю отсюда, — сказала мисс Марпл. Она слегка вздрогнула. — Прежде чем что-нибудь случится.

Старший инспектор посмотрел на нее с любопытством:

— А что, по-вашему, может случиться?

— Какое-то зло, — ответила мисс Марпл.

— «Зло» — слишком громкое слово.

— Вам это кажется чересчур мелодраматичным? Но у меня есть некоторый опыт. Я довольно часто бываю связана с… убийствами.

— С убийствами? — Старший инспектор покачал головой. — Убийства я здесь не предполагаю. Просто славная, тихая облава на группу чрезвычайно ловких преступников…

— Это не то. Убийство… желание убить — нечто совсем иное. Оно — как бы вам сказать? — вызов богу.

Он взглянул на нее, покачал головой мягко и ободряюще и сказал:

— Никаких убийств не будет.

Резкий хлопок, громче того, который они слышали раньше, прозвучал снаружи. Раздался крик и новый хлопок.

Старший инспектор Дэви вскочил на ноги со

скоростью, удивительной для такого грузного человека. Через несколько секунд он был уже за дверью, на улице.

2

Отчаянный женский крик пронзил туман нотой страха. Старший инспектор Дэви помчался по улице в том направлении. Он смутно различил женскую фигуру, прижавшуюся к ограде. Дюжина быстрых шагов — и он рядом… На женщине было длинное светлое меховое манто, пряди светлых блестящих волос обрамляли лицо. На миг ему представилось, что он узнаёт женщину, потом до него дошло, что перед ним совсем юное создание. У ее ног было распростерто тело человека в униформе. Старший инспектор узнал его. Это был Майкл Горман.

Когда Дэви приблизился к девушке, она ухватилась за него, содрогаясь всем телом и с усилием выговаривая обрывки фраз:

— Кто-то пытался убить меня… кто-то… в меня стреляли… Если бы не он… — Она указала на неподвижную фигуру на тротуаре. — Он меня оттолкнул и встал передо мной… потом еще выстрел… он упал… Он спас мне жизнь. Мне ка-

жется, он ранен… тяжело ранен…

Старший инспектор опустился на одно колено, вытащил фонарик. Высокий швейцар-ирландец пал, как подобает солдату. На левой стороне его мундира было мокрое пятно, которое расплывалось все шире, — кровь лилась из раны. Дэви вывернул ему веко, тронул запястье. Потом поднялся на ноги.

— С ним все кончено, — произнес он.

Девушка громко вскрикнула:

— Вы хотите сказать, что он *мертв*? О нет, нет! Он не мог *умереть*!

— Кто в вас стрелял?

— Я не знаю… Я оставила машину за углом и пробиралась вдоль ограды в отель «Бертрам». И вдруг выстрел… и пуля пролетела у меня мимо щеки, а потом он, этот швейцар из «Бертрама», он примчался по улице прямо ко мне… и толкнул меня себе за спину… а тут еще выстрел… Мне кажется, убийца… прятался вон там…

Старший инспектор взглянул туда, куда она показывала. С этого конца отеля «Бертрам» находилась площадка ниже уровня мостовой — такие раньше часто встречались перед окнами подвального этажа. На площадку можно было пройти через калитку, от которой вели вниз

несколько ступенек. На нее выходили только окна кладовок, ею мало пользовались. Но человек вполне мог там спрятаться.

— Вы его не разглядели?

— Нет. Он промчался мимо меня как тень. Туман такой густой…

Дэви кивнул.

Девушка начала истерически рыдать:

— Кому нужно меня убивать? Зачем кому-то меня убивать? Уже второй раз… Я не понимаю… Зачем?

Обняв девушку за плечи одной рукой, старший инспектор Дэви пошарил другой рукой в кармане.

Резкий звук полицейского свистка прорезал туман.

3

В вестибюле отеля «Бертрам» мисс Горриндж резко подняла голову.

Один или два постояльца тоже встрепенулись. Те, что были постарше и страдали глухотой, не обернулись.

Генри, который собирался поставить на столик стакан выдержанного бренди, замер, держа его

в руке.

Мисс Марпл выпрямилась в кресле, вцепившись в подлокотники. Отставной адмирал уверенно произнес:

— Авария! Машины столкнулись в тумане.

Двери на улицу отворились, и через них в вестибюль вступил, как почудилось присутствующим, сверхчеловеческих размеров полицейский.

Он поддерживал девушку в светлой шубке. Казалось, она не в состоянии идти. Полицейский в некотором смущении огляделся, ища помощи.

Мисс Горриндж, готовая справиться с ситуацией, вышла из-за стойки. Но в этот момент спустился лифт. Из него появилась высокая фигура, и девушка, высвободившись из рук полицейского, со всех ног бросилась через вестибюль.

— Мама! — закричала она. — О, мама, мама!.. — И, рыдая, бросилась в объятия Бесс Седжвик.

Глава 21

Старший инспектор Дэви уселся поудобнее в своем кресле и посмотрел на двух женщин напротив себя. Было за полночь. Представители полиции уже побывали здесь и ушли. Приезжали и врачи, и дактилоскописты, и «Скорая помощь», забравшая тело. А теперь все сосредоточилось в стенах этой комнаты, отведенной отелем «Бертрам» для нужд правосудия. Старший инспектор Дэви сидел у одного края стола. Бесс Седжвик и Эльвира — у другого. У стены расположился почти незаметный полицейский — он вел протокол. Сержант следственного отдела Уоделл сидел у двери.

Папаша задумчиво смотрел на двух женщин, сидящих перед ним. Мать и дочь. Он заметил сильное внешнее сходство между ними. Ему стало ясно, почему он принял в тумане Эльвиру Блейк за ее мать, Бесс Седжвик. Но теперь, глядя на них, он был скорее поражен различиями, нежели сходством. За исключением общего внешнего колорита, все остальное указывало на то, что перед ним как бы позитив и негатив одной и той же личности. В Бесс Седжвик все ка-

залось позитивным: ее жизненная сила, энергия, магнетизм. Дэви восхищался леди Седжвик. Он всегда ею восхищался. Его приводила в восторг ее отвага, ее подвиги волновали его. Он, бывало, говорил, читая воскресную газету: «Ну уж это ей не под силу», но ей всегда все удавалось! Больше всего Папашу восхищала ее стойкость. Она попала в авиакатастрофу, побывала в нескольких автомобильных авариях, у нее было два опасных падения с лошади, но в конце концов — вот она, перед ним. Вся лучится жизненной энергией — эту личность нельзя не заметить, она хоть на мгновение завладеет вашим вниманием. Он мысленно снял перед ней шляпу. Конечно, когда-нибудь ей все это отольется. Такую заколдованную жизнь можно вести до определенного момента. Он перевел глаза на дочь. И его охватило сомнение. Сильное сомнение.

У Эльвиры Блейк, подумал он, все обращено вовнутрь. Бесс Седжвик продвигалась по жизни, навязывая ей свою волю. У Эльвиры, как он догадывался, к жизни иной подход. Она поддается, подумал он. Она подчиняется. Она улыбается, как будто принимая все, но при этом она как бы ускользает, утекает сквозь пальцы. Хитрая — такую он дал ей оценку. Но ей иначе не справиться.

Она не умеет держаться решительно, не умеет навязывать свою волю. Вот почему те люди, что за ней присматривали, не имели ни малейшего понятия о том, на что она способна.

Ему было любопытно, зачем ей понадобилось приезжать в отель «Бертрам» в этот поздний туманный вечер. И он прекрасно понимал, что шанс получить на этот вопрос правдивый ответ чрезвычайно мал. Вот таким образом, подумал он, это бедное дитя защищается.

Может, она пришла сюда в поисках матери или на встречу с ней? Это было вполне вероятно, но он считал, что это не так. Ни на миг не усомнился. И подумал о большой спортивной машине, стоящей за углом, — о машине с номером FAN-2266. Ладислав Малиновский должен быть где-то поблизости, раз его машина здесь.

— Итак, — начал Папаша, обращаясь к Эльвире в самой своей теплой и отеческой манере, — как же мы себя чувствуем сейчас?

— Все в порядке, — заверила его Эльвира.

— Отлично. Я бы попросил вас ответить на несколько вопросов, если вы чувствуете себя способной на это, потому что, видите ли, время играет сейчас самую существенную роль. В вас дважды стреляли, и был убит человек. Нам нуж-

но как можно больше зацепок, для того чтобы узнать, кто его убил.

— Я вам расскажу все, что могу, но это произошло так внезапно… И кроме того, в тумане же ничего не видно. Я не имею понятия, кто это мог быть, даже не заметила, как он выглядел. Это самое ужасное.

— Вы сказали, что на вас покушались уже второй раз. Могу ли я это понимать так, что на вашу жизнь ранее было совершено покушение?

— Разве я говорила это? Не помню. — Глаза у Эльвиры забегали. — Мне кажется, я такого не говорила.

— Да нет, говорили, — настаивал Папаша.

— Наверное, я просто была в истерике.

— Нет, — возразил Папаша, — я так не думаю. Боюсь, что вы именно это имели в виду.

— Мне, наверное, почудилось, — сказала Эльвира, и глаза ее снова метнулись.

Бесс Седжвик шевельнулась. Она тихо произнесла:

— Лучше расскажи ему, Эльвира.

Эльвира бросила на мать быстрый смущенный взгляд.

— Не стоит волноваться, — подбодрил ее Папаша. — Нам в полиции отлично известно, что

молодые девушки не всегда рассказывают опекунам или родителям все. Мы относимся к этому с пониманием. Но нам нужно знать, потому что вдруг это нам поможет.

— Это было в Италии? — задала наводящий вопрос Бесс Седжвик.

— Да, — ответила Эльвира.

Папаша спросил:

— Вы обучались там в школе? Или в особом учебном заведении для усовершенствования, как теперь говорят?

— Да. Я училась у графини Мартинелли. Нас там было восемнадцать или двадцать девушек.

— И вы думали, что вас кто-то хотел убить. Как это случилось?

— Ну, мне прислали большую коробку шоколада и других сладостей. Там была карточка, надписанная по-итальянски таким красивым почерком. Ну знаете, как они там выражаются: «Прекраснейшей синьорине». В таком роде. И мы с подругами посмеялись немного и всё думали, кто это прислал.

— Вы получили коробку по почте?

— Нет, не по почте, я нашла коробку прямо в своей комнате. Кто-то, вероятно, туда ее принес.

— Понятно. Подкупили прислугу. И я полагаю,

что вы этой графине — как там ее? — ничего не сказали.

Слабая улыбка тронула Эльвирины губы.

— Нет. Конечно, не рассказали. В общем, мы открыли коробку, а там были прекрасные шоколадные конфеты. Самые разные, знаете? И там были мои любимые, у которых сверху засахаренный цветок фиалки. Ну и, конечно, я первым делом съела одну или две. А потом, ночью, мне стало очень плохо. Я не подумала о шоколаде, просто решила, что съела что-нибудь не то за обедом.

— А кто-нибудь еще заболел?

— Нет. Только я. Меня тошнило и все такое, но к концу дня стало легче. Потом, дня через два, я снова съела такую же конфету — и снова мне стало плохо. Я поговорила об этом с Бриджет. Бриджет — моя лучшая подруга. Мы с ней осмотрели конфеты и обнаружили, что у этих, с фиалками, снизу дырки, которые потом опять залеплены, и мы поняли, что кто-то положил туда яд, причем только в фиалковые, чтобы именно я их съела.

— И никто больше так и не заболел?

— Нет.

— Значит, никто больше этих фиалковых не ел?

— Нет, да они и не стали бы. Видите ли, подарок был все-таки мне, а все знали, что это мои любимые конфеты, и они оставили их мне.

— Этот человек рисковал. Ведь могли отравиться все, — сказал Папаша.

— Какой абсурд! — резко воскликнула леди Седжвик. — Полная чепуха! Никогда о такой нелепости не слышала!

Старший инспектор Дэви сделал успокаивающий жест и снова обратился к Эльвире:

— Мне это кажется чрезвычайно интересным, мисс Блейк. А вы так и не сказали об этом вашей графине?

— Нет, что вы! Она подняла бы такой шум!

— А что вы сделали с конфетами?

— Мы их выбросили, — сказала Эльвира. — А такие хорошие были конфеты. — В ее голосе прозвучало огорчение.

— Вы не попытались выяснить, кто их прислал?

Эльвира смутилась:

— Видите ли, это мог быть Гвидо.

— Вот как? — оживился старший инспектор Дэви. — Кто такой Гвидо?

— О, Гвидо… — Эльвира запнулась и посмотрела на мать.

— Не глупи, — сказала Бесс Седжвик. — Расскажи старшему инспектору Дэви о Гвидо, кем бы он там ни был. У каждой девушки твоего возраста есть свой Гвидо. Ты с ним познакомилась в Италии?

— Да. Когда нас водили в оперу. Он там со мной заговорил. Он был очень мил. Очень привлекателен. Я его иногда встречала, когда мы ходили на занятия. Он мне записочки передавал.

— И я полагаю, — сказала леди Седжвик, — что ты все время врала и строила планы с подружками, как выбраться и встретиться с ним?

Эльвира с облегчением восприняла этот краткий путь к признанию:

— Да. Мы с Бриджет иногда выходили вместе, и Гвидо удавалось…

— Как фамилия этого Гвидо?

— Не знаю, — ответила Эльвира. — Он не говорил.

Старший инспектор Дэви улыбнулся ей:

— Вы хотите сказать, что не откроете нам его имени? Ничего. Если нам это будет действительно нужно, мы сами узнаем. Но почему вы думали, что этот молодой человек, который так очевидно увлекся вами, захотел вас убить?

— О, да потому, что он грозился это сделать. Я

хочу сказать, что мы с ним иногда ссорились. Он приводил с собой друзей, а я делала вид, что они мне больше нравятся, чем он, и он тогда бесился. Он мне говорил, чтобы я была поосторожнее. Что мне так просто от него не отвертеться! Что если я не буду ему верна, то он меня убьет! Мне-то просто казалось, что он устраивает представления и разыгрывает драму. — Эльвира неожиданно улыбнулась. — Но все это было довольно забавно. Я никак не думала, что это может быть всерьез.

— Да-а, — протянул старший инспектор Дэви, — по тому, как вы рассказываете, не похоже, чтобы этот молодой человек мог отравить конфеты и послать вам.

— Мне тоже так не кажется, на самом-то деле, — призналась Эльвира. — Но кто еще мог это сделать? Это меня беспокоило. А потом, когда я сюда приехала, мне пришла записка... — Она запнулась.

— Какая записка?

— Ее принесли в конверте, и она была напечатана на машинке. Там было сказано: *«Будьте осторожны. Вас хотят убить!»*

Брови старшего инспектора Дэви взметнулись вверх.

— Вот как? Очень любопытно. Да, очень любо-

пытно. И это вас встревожило? Испугало?

— Да. Я стала думать, кому же я мешаю. Вот почему я пытаюсь узнать, на самом ли деле я богата.

— Продолжайте.

— А недавно в Лондоне тоже кое-что случилось. Я ехала в метро, и там на платформе было много народу. Мне показалось, что меня хотят столкнуть на рельсы.

— Дитя мое! — воскликнула Бесс Седжвик. — Только без романтических бредней.

И снова Папаша остановил ее жестом.

— Да, — виновато проговорила Эльвира. — Вероятно, я выдумываю много лишнего, но после того, что произошло сегодня вечером, мне кажется, будто все это возможно. — Она вдруг обернулась к Бесс и заговорила страстно: — Мама! Может быть, ты знаешь. Неужели кто-то хочет меня убить? Неужели у меня есть враг?

— Нет у тебя никакого врага, — ответила Бесс Седжвик нетерпеливо. — Не будь идиоткой. Никто тебя не хочет убить. Ну кому это может быть нужно?

— Тогда кто в меня сегодня стрелял?

— В таком тумане, — сказала Бесс Седжвик, — тебя могли принять за кого-нибудь другого. Ведь

такое возможно, не правда ли? — обратилась она к Папаше.

— Да, такое вполне могло случиться, — подтвердил старший инспектор Дэви.

Бесс Седжвик устремила на него пристальный взгляд. Ему даже показалось, что она одними губами произнесла слово «позже».

— Ну, — бодро заговорил он, — теперь нам лучше всего обратиться к фактам. Откуда вы здесь взялись? Что вы делали на этой улице в такой туманный вечер?

— Я сегодня утром приехала на занятия художественного класса в галерею Тейт. Потом я пообедала со своей подругой Бриджет. Она живет на Онслоу-сквер. Мы сходили в кино, а когда вышли, увидели этот туман — он был густой и становился все гуще. Тут я подумала, что лучше мне домой не ехать.

— Вы на машине?

— Да, я прошлым летом сдала на права. Только я не очень хорошо вожу машину и терпеть не могу ездить в туман. Поэтому мать Бриджет сказала, что я могу у них переночевать, и я позвонила кузине Милдред — это у них я живу, в Кенте…

Папаша кивнул.

— И я сказала, что останусь на ночь. Она отве-

тила, что это очень разумно.

— И что было дальше? — спросил Папаша.

— Туман вдруг стал рассеиваться. Вы знаете, как это бывает. И тогда я решила, что все-таки поеду в Кент. Я попрощалась с Бриджет и поехала. Но туман снова усилился. И мне это не понравилось. Я заблудилась и не знала, где я. Потом, через некоторое время, я поняла, что я на углу Гайд-парка, и подумала: «Нельзя в такой туман ехать в Кент». Сначала я хотела вернуться к Бриджет, но вспомнила, что уже заблудилась. И тут я сообразила, что рядом этот отель, куда меня возил дядя Дерек, когда я вернулась из Италии. Я поехала к отелю — здесь, как я считала, наверняка найдется номер. Я нашла место для машины и пошла по улице к гостинице.

— Вы кого-нибудь встретили или слышали чьи-то шаги?

— Странно, что вы об этом сказали, потому что, мне кажется, я слышала позади себя шаги. Конечно, в Лондоне по улицам ходит много народу. Только в такой туман это страшно действует на нервы. Я постояла, послушала, но больше не услыхала никаких шагов и решила, что мне почудилось. К тому времени я уже была совсем рядом с отелем.

— А потом?

— Потом раздался выстрел. Я вам уже говорила — прямо у меня над ухом. Швейцар бросился ко мне и толкнул меня себе за спину, но тут ударил второй выстрел… Он… он упал, и я закричала. — Ее начало трясти.

— Держись, девочка, — проговорила Бесс негромко, низким голосом. — Спокойно.

Таким голосом она успокаивала своих лошадей, и он отлично подействовал на дочь. Эльвира моргнула, выпрямилась и затихла.

— Вот и молодец, — похвалила ее Бесс.

— А потом появились вы, — обратилась Эльвира к Папаше. — Вы засвистели в свой свисток и велели полицейскому отвести меня в отель. И как только я вошла, я увидела… увидела маму.

— Ну вот, теперь у нас концы с концами сходятся, — заключил Папаша и слегка поерзал на стуле своим грузным телом. — Перейдем к сути дела. Вы знаете человека по имени Ладислав Малиновский? — спросил он.

Тон его был ровным, обыденным, без какого-либо особого нажима. Он не смотрел на девушку, но, так как ушки у него были на макушке, он уловил, как она еле слышно ойкнула. Смотрел он не на дочь, а на мать.

— Нет, — ответила Эльвира, но пауза была слишком долгой. — Нет, не знаю.

— Так-так, — сказал Папаша. — А я подумал, что вы могли бы его знать. И еще подумал, что сегодня вечером он где-то здесь.

— Но зачем ему быть здесь сегодня?

— Дело в том, что машина его стоит поблизости, — пояснил Папаша. — Вот я и решил, что и он сам здесь.

— Я с ним незнакома, — повторила Эльвира.

— Выходит, я ошибся. Но вы-то, разумеется, с ним знакомы? — повернулся Папаша к Бесс Седжвик.

— Естественно, — ответила Бесс. — Знаю его уже много лет. — Она добавила с легкой усмешкой: — Он просто сумасшедший. Гоняет как ангел или, вернее, как дьявол и когда-нибудь сломает себе шею. Полтора года назад он сильно разбился.

— Да, помню, я читал об этом, — кивнул Папаша. — Он ведь больше не участвует в гонках?

— Пока нет. Возможно, и вообще не будет.

— Как вы думаете, мне уже можно идти спать? — спросила Эльвира жалобным голосом. — Я ужасно устала.

— Разумеется. Понятно, что вы устали, — сказал

Папаша. — Вы рассказали нам все, что помните?

— О да.

— Я провожу тебя, — предложила Бесс.

Мать и дочь вышли вместе.

— Она его отлично знает, — заметил Папаша.

— Вы и впрямь так думаете? — спросил сержант Уоделл.

— Не думаю, а точно знаю. Она пила с ним чай на днях в парке Баттерси.

— Как вы про это проведали?

— Мне сообщила одна старая леди, очень этим расстроенная. Не находит его подходящим приятелем для столь юной девушки. В этом она не ошибается.

— Особенно если он и маменька… — Уоделл деликатно умолк. — Это общеизвестная сплетня.

— Да. То ли правда, то ли нет. Может, и так.

— Если так, то за которой же он действительно охотится?

Папаша проигнорировал вопрос:

— Мне нужно, чтобы его нашли. Очень нужно. Машина его здесь — сразу за углом.

— Вы считаете, что он живет в этом отеле?

— Не думаю. Не вписывается. Если он при-ехал сюда, то для встречи с девицей. Она-то уж точно явилась ради него.

Дверь отворилась, и вошла Бесс Седжвик.

— Я вернулась, потому что хочу с вами поговорить, — сказала она и перевела взгляд с Папаши на двоих других мужчин. — Не могли бы мы поговорить наедине? Я сообщила вам все, что могла, но я бы хотела сказать вам пару слов без свидетелей.

— Не вижу к тому препятствий, — ответил ей старший инспектор Дэви. Он кивнул, и молодой детектив, захватив блокнот, удалился. Уоделл вышел вместе с ним.

— Итак? — произнес старший инспектор Дэви.

Леди Седжвик села напротив него.

— Эта дурацкая история с отравленными конфетами, — начала она. — Это полная чушь. Нелепая до предела. Ни на минуту не верю, что такое могло произойти.

— Не верите, вот как?

— А вы?

Папаша в сомнении покачал головой:

— Вы полагаете, что ваша дочь ее выдумала?

— Да. Но зачем?

— Ну если вы не знаете зачем, — развел руками старший инспектор Дэви, — откуда же мне знать? Она ведь ваша дочь. И соответственно, вам это должно быть более понятно.

— Я совершенно не знаю свою дочь, — с горечью призналась Бесс Седжвик. — Я не виделась с ней и никак не общалась с того времени, как ей исполнилось два года, а я сбежала от ее отца.

— Ах да, я это знаю. Мне это кажется странным. Видите ли, леди Седжвик, суд обычно дает матери, даже если она виновата в разводе, опеку над ребенком, коль скоро она этого хочет. Вы, очевидно, не просили. Вы этого не хотели.

— Я тогда думала, что лучше не надо.

— Почему?

— Ну, считала, что это для нее небезопасно.

— С моральной точки зрения?

— Нет, не по моральным причинам. Теперь полно внебрачных связей. Дети должны знать об этом, им приходится с этим жить. Но жизнь, которую мне предстояло вести, не была безопасной. Ничего не поделаешь: ты таков, каким родился. Мне было предначертано от рождения жить опасно. Я не законопослушна, и для меня не существует условностей. Я подумала, что для Эльвиры будет лучше, что она будет счастливее, если получит традиционное английское воспитание. Будет защищена и присмотрена…

— Но без материнской любви?

— Я думала, что если она привяжется ко мне, то

ей придется страдать. Вы можете, конечно, мне не верить, но я чувствовала именно так.

— Понятно. И вы все еще уверены в своей правоте?

— Нет, — сказала Бесс. — Не уверена. Сейчас мне кажется, что я, вероятно, сильно заблуждалась.

— Знает ли ваша дочь Ладислава Малиновского?

— Я уверена, что не знает. Она так и сказала. Вы сами слышали.

— Да, я слышал.

— Ну так в чем же дело?

— Она чего-то боялась, когда сидела здесь, вы, надеюсь, это понимаете. Люди нашей профессии часто видят страх и легко его распознают. Она испугалась — почему? Были эти шоколадки или нет, но на нее действительно покушались. И эта история с метро вполне может быть достоверной.

— Но это такая нелепость! Прямо детектив какой-то…

— Возможно. Но такое случается в жизни, леди Седжвик. Причем чаще, чем вы думаете. Есть у вас предположение, кто бы хотел убрать вашу дочь?

— Никто — абсолютно никто!

Она выговорила эти слова убежденно и страстно.

Старший инспектор Дэви вздохнул и покачал головой.

Глава 22

Старший инспектор Дэви терпеливо ждал, пока миссис Мелфорд кончит говорить. Беседа с ней получилась на удивление бесполезной.

Кузина Милдред оказалась на редкость бестолковой, речь ее была невразумительной, и она не хотела ничему верить. По крайней мере, такое мнение о ней сложилось у Папаши. Она говорила о том, какие милые манеры у Эльвиры, какая славная она девочка, какие у нее проблемы с зубами, но при этом странные извинения, приносимые по телефону, вызвали у этой леди серьезные опасения, что Бриджет для Эльвиры не вполне подходящая подружка. Все это было преподнесено старшему инспектору Дэви вперемешку и с невообразимой поспешностью.

Миссис Мелфорд вообще ничего не знала, ничего не видела и, вероятно, никаких выводов не делала вообще.

Краткий телефонный разговор с опекуном Эльвиры, полковником Ласкомбом, оказался еще менее продуктивным, хотя, к счастью, полковник был немногословен.

— Совсем как те китайские обезьянки, кото-

рые ничего не видят, ничего не слышат, ничего никому не говорят, — пробормотал Дэви своему сержанту, вешая трубку. — Беда в том, если вы хотите знать мое мнение, то этой девице попадались только самые милые люди. Слишком благополучные, не ведающие окружающего их зла. Не то что моя старушенция.

— Из отеля «Бертрам»?

— Она самая. У нее большой опыт наблюдения за злом, порой она его воображает, порой — подозревает, но всегда готова к борьбе с ним. Давай посмотрим, что нам удастся вытянуть из подружки Бриджет.

Трудность этого предприятия состояла в первую, в последнюю очередь и в целом — в ее мамочке. Чтобы получить возможность поговорить с Бриджет без участия ее мамаши, потребовались вся находчивость и способность льстить, какими обладал старший инспектор Дэви. Но следует признать, что ему помогли и способности дочери. После целого ряда обычных вопросов и ответов, а также выражения ужаса со стороны мамаши, когда она услышала, каким чудом Эльвира спаслась от гибели, Бриджет сказала:

— Мамуля, тебе уже пора на заседание твоего комитета. Ты же сама говорила, что оно очень

важное.

— Ох, боже, боже мой! — закричала мамаша Бриджет.

— Ты же знаешь, мамуля, что без тебя они все напутают.

— Да, уж конечно. Но может быть, я должна…

— Да нет, мадам, все в полном порядке, — сказал старший инспектор Дэви, надевая маску старого доброго дядюшки. — Не беспокойтесь. Просто идите, и все. Я со всеми главными вопросами покончил. И вы мне как раз все самое важное уже сказали. Осталась еще буквально парочка вопросов насчет Италии, и тут, я уверен, ваша Бриджет мне поможет.

— Ну, если вы полагаете, что Бриджет справится…

— Конечно, справлюсь, мамуля.

Наконец, после немалой суеты, мать Бриджет отправилась на заседание своего комитета.

— О господи! — воскликнула Бриджет, вернувшись в комнату после того, как закрыла входную дверь. — Нет, правда, я считаю, что матери — это такая проблема!

— Да, подобное мнение существует, — признал старший инспектор Дэви. — Множество девушек, с которыми мне приходится встречаться, придер-

живаются его.

— А я думала, — удивленно сказала Бриджет, — что вы станете спорить.

— Ну, у меня могут быть свои взгляды, только девушки понимают это иначе. А теперь вы можете еще кое-что рассказать мне.

— Я не могла откровенно говорить при маме, — объяснила Бриджет. — Но я считаю, конечно, что очень важно, чтобы вы знали обо всем как можно больше. Эльвиру что-то очень беспокоило и пугало. Она не признавалась прямо, что ей грозит опасность, но так оно и было.

— Согласен с вами. Полагаю, что-то в этом роде имело место. Но мне не хотелось спрашивать вас об этом при вашей маме.

— Ни в коем случае! Мы вовсе не хотим посвящать мамулю в эти дела. Она приходит в жуткое состояние по любому поводу и всем-всем начинает об этом рассказывать. То есть если Эльвира не хочет, чтобы кто-то знал…

— Прежде всего, — сказал старший инспектор Дэви, — мне хотелось бы услышать о шоколадных конфетах в Италии. Насколько я понял, речь шла о том, что конфеты в присланной коробке оказались отравленными.

Бриджет широко открыла глаза:

— Отравленными?! О нет. Не думаю.

— Но что-то случилось?

— Да. Принесли коробку конфет, и Эльвира съела очень много, а ночью ей стало плохо. Очень.

— Но она не подозревала, что конфеты отравлены?

— Нет. Во всяком случае… Ах да, она утверждала, что кого-то из нас хотят отравить, и мы осмотрели конфеты, чтобы проверить — а вдруг в них что-нибудь впрыснули.

— Ну и?..

— Ну и ничего, — сказала Бриджет. — По крайней мере, насколько мы могли судить.

— Но ваша подруга, мисс Эльвира, могла по-прежнему так считать?

— Кто ее знает? Во всяком случае, она больше об этом не заговаривала.

— Но вам кажется, что она кого-то боялась?

— Тогда я ничего такого не замечала. Это началось здесь, позже…

— А как насчет этого Гвидо?

Бриджет хихикнула:

— Он без памяти влюбился в Эльвиру.

— Ну и вы обе где-то с ним встречались?

— Ладно, вам я могу сказать. В конце концов, вы же из полиции. И все это для вас значения

не имеет, к тому же вы, по-моему, человек понимающий. Графиня Мартинелли была жутко строгая, — во всяком случае, ей так казалось. А у нас были свои уловки и приемчики. И мы все покрывали друг дружку.

— И всегда врали?

— Боюсь, что так, — со вздохом призналась Бриджет. — Но что поделать, когда тебя все время подозревают?

— Итак, вы встречались с Гвидо и так далее. Он угрожал Эльвире?

— О, не всерьез, так, чепуха.

— Может быть, она еще с кем-нибудь встречалась?

— Ой, это… не знаю.

— Пожалуйста, расскажите мне, мисс Бриджет. Это может быть жизненно важным.

— Да, я понимаю. Кое-кто был. Я его не знаю, но он был ей небезразличен. Она увлеклась всерьез.

— И она с ним встречалась?

— Думаю, да. То есть она говорила, что идет встречаться с Гвидо, но это не всегда был Гвидо. Это был тот, другой.

— Вы догадывались, кто это?

— Нет, — не совсем уверенно выговорила Бриджет.

— Это не мог быть автогонщик Ладислав Малиновский?

Бриджет раскрыла рот от изумления:

— Так вы знаете?

— Я прав?

— Да, думаю, да. У нее была его фотография, вырезанная из газеты. Она у нее под чулками лежала.

— Но это мог быть просто кумир, портрет которого вешают на стенку.

— Мог, конечно. Но не думаю.

— А вы не знаете, она встречалась с ним здесь, в Англии?

— Не знаю. Видите ли, мне просто неизвестно, чем она занимается после возвращения из Италии.

— Она приезжала в Лондон к зубному врачу, — подсказал ей Дэви. — Во всяком случае, так она говорила. Вместо этого она приходила к вам. Она звонила миссис Мелфорд насчет какой-то старухи гувернантки.

Бриджет невольно хихикнула.

— Это ведь неправда? — спросил старший инспектор Дэви. — Где она была на самом деле?

Бриджет поколебалась, но все-таки сказала:

— Она ездила в Ирландию.

— Ездила в Ирландию, вот как? Зачем?

— Она мне не захотела рассказывать. Кажется, ей нужно было что-то выяснить.

— Вы не знаете, в какое место она направлялась в Ирландии?

— Не знаю точно. Она упоминала… Бали… Балигоулан.

— Понятно. Вы уверены, что она была в Ирландии?

— Я провожала ее в аэропорт Кенсингтон.

— И когда она вернулась?

— На следующий день.

— Тоже самолетом?

— Да.

— Вы абсолютно уверены, что она вернулась самолетом?

— Ну, я считаю, что да.

— У нее был обратный билет?

— Нет. Не было. Это я помню.

— Она ведь могла вернуться и другим путем, верно?

— Могла.

— Например, на ирландском почтовом?

— Но она мне ничего такого не говорила.

— Но она не говорила и того, что прилетела обратно самолетом?

— Нет, — согласилась Бриджет. — Но зачем ей было возвращаться пароходом или поездом вместо самолета?

— Ну, если она все выяснила, что хотела, и ей было негде остановиться, она могла решить, что удобнее вернуться ночным почтовым.

— Да, это возможно.

Дэви слегка усмехнулся.

— Мне кажется, что вы, юные леди, — сказал он, — когда говорите о путешествиях, не представляете себе иного транспорта, кроме самолета.

— Наверное, вы правы, — согласилась Бриджет.

— Ну ладно. Так или иначе, она вернулась в Англию. Что случилось потом? Она заходила к вам или звонила?

— Она позвонила.

— В какое время дня?

— Утром.

— И что она сказала?

— Спросила, все ли в порядке.

— И все было в порядке?

— Ой, нет, потому что миссис Мелфорд позвонила, и мама взяла трубку, и все было очень сложно. Я просто не знала, как себя вести. Поэтому Эльвира сказала, что не придет к нам, а позвонит

кузине Милдред и наплетет чего-нибудь.

— Это все, что вы можете припомнить?

— Это все, — ответила Бриджет, несколько погрешив против истины. Она вспомнила про мистера Болларда и про браслет. Но об этом она, конечно, не собиралась рассказывать старшему инспектору Дэви.

Папаша прекрасно знал, что от него кое-что утаивается. Ему оставалось лишь надеяться, что это не касается его расследования. Он снова спросил:

— Вы полагаете, что ваша подруга действительно была чем-то или кем-то напугана?

— Да, полагаю.

— Она сама упомянула об этом в разговоре с вами или вы заговорили с ней?

— Я просто спросила напрямую. Сначала она отрицала, а потом призналась, что в самом деле боится. Да я и без того знаю, что боится, — сказала Бриджет горячо. — Она была уверена, что находится в опасности. Но я не знаю ни как, ни почему, вообще ничего не знаю.

— Ваша уверенность в этом вопросе относится к тому утру, когда она вернулась из Ирландии?

— Да, именно тогда я и убедилась в этом.

— То есть в то утро, когда она, возможно, вернулась на ирландском почтовом?

— Мне не кажется вероятным, чтобы она на нем приехала. Почему бы вам не спросить ее саму?

— В конце концов мне так и придется сделать. Но мне не хочется привлекать внимания к этому моменту — пока. Это может только усугубить опасность.

Бриджет еще шире распахнула глаза:

— То есть как это?

— Вы, вероятно, не помните, мисс Бриджет, но как раз той ночью, вернее, ранним утром произошло ограбление ирландского почтового.

— Вы имеете в виду, что Эльвира была там и ни слова мне об этом не сказала?

— Согласен, это маловероятно, — сказал Папаша. — Но мне просто пришло в голову, что она могла видеть что-то или кого-то или мог произойти какой-то инцидент, связанный с этим поездом. Может быть, она узнала там кого-нибудь и поэтому находится в опасности.

Бриджет охнула и на минуту задумалась.

— Вы имеете в виду, что кто-то из ее знакомых мог быть замешан в ограблении?

Старший инспектор Дэви встал.

— Полагаю, это все, — сказал он. — Вы уверены, что больше ничего не можете мне сообщить? О том, например, куда ходила ваша подруга в тот

день? Или накануне?

Перед глазами Бриджет опять прошли образы мистера Болларда и магазина на Бонд-стрит.

— Нет, — ответила она.

— Мне кажется, вы что-то недоговариваете, — заметил старший инспектор Дэви.

Бриджет судорожно ухватилась за соломинку.

— Ой, я совсем забыла, — сказала она. — Она ходила к каким-то юристам. Это ее опекуны. Она что-то хотела у них узнать.

— Ах так, значит, она посетила юристов — своих опекунов. Имен вы, разумеется, не знаете?

— Это Эджертон. М-м… Форбс, Эджертон и еще кто-то, — вспомнила Бриджет. — Там несколько имен, но эти я, кажется, помню точно.

— Понятно. И она хотела что-то выяснить?

— Она хотела узнать, сколько у нее денег, — сказала Бриджет.

Инспектор Дэви поднял брови:

— Вот как! Интересно. А почему она этого не знала?

— Потому что ей никогда про деньги ничего не говорили. Им казалось неправильным, чтобы она знала, сколько у нее на самом деле денег.

— А ей очень нужно было знать?

— Да. Мне кажется, это было для нее важно.

— Ну что ж, спасибо, — завершил разговор старший инспектор Дэви. — Вы мне очень помогли.

Глава 23

Ричард Эджертон снова взглянул на удостоверение личности, лежащее перед ним, потом поднял глаза на старшего инспектора.

— Странное дело, — сказал он.

— Да, сэр, — согласился старший инспектор Дэви. — Очень странное дело.

— Отель «Бертрам». Туман. Да, вчера был сильный туман, — как бы припоминая, произнес Эджертон. — Я полагаю, в тумане часто происходят преступления. Нападают и, к примеру, вырывают из рук сумочку, ну и так далее.

— В данном случае было дело иного рода, — объяснил Папаша. — Никто не пытался что-то отнять у мисс Блейк.

— А откуда стреляли?

— Из-за тумана трудно сказать. Она сама не уверена. Но нам кажется, и это, видимо, предпочтительная версия, что человек мог находиться на площадке перед домом.

— Он стрелял в нее дважды, вы говорите?

— Да, в первый раз промазал. Швейцар бросился к ней от двери отеля и загородил ее собой как раз перед вторым выстрелом.

— И таким образом принял удар на себя?

— Да.

— Отважный парень.

— Да. Он был храбрецом, — сказал старший инспектор Дэви. — У него отличный послужной список. Ирландец.

— Как его звали?

— Горман. Майкл Горман.

— Майкл Горман… — Эджертон на миг нахмурился. — Нет, — поморщился он. — Мне вдруг показалось — что-то знакомое. Но нет.

— Имя достаточно распространенное. Во всяком случае, он спас девушке жизнь.

— А почему, собственно, вы пришли именно ко мне, старший инспектор?

— Надеялся получить кое-какую информацию. Нам всегда важно иметь полную информацию о лице, подвергшемся нападению.

— Да, да, естественно. Но я всего и видел-то Эльвиру раза два с тех пор, как она была ребенком.

— Вы с ней виделись около недели назад, когда она к вам заходила, не правда ли?

— Да, это так. А что конкретно вам хотелось бы знать? Если что-нибудь о личных качествах, или о ее подругах, или о ее молодых людях, или о любовных ссорах — со всем этим лучше обратиться

к кому-нибудь из женщин. Там есть некая миссис Карпентер, которая привезла ее из Италии. И еще есть миссис Мелфорд, у которой она живет в Кенте.

— Я уже виделся с миссис Мелфорд. Никакого толку. Совершенно. И я не столько лично о девушке хочу узнать, — в конце концов, я сам с ней встречался и выслушал все, что она могла мне сказать, вернее, что она захотела мне сказать…

По молниеносному движению бровей Эджертона инспектор понял, что тот оценил значение слова «захотела».

— Мне стало известно, что она обеспокоена, расстроена, испугана чем-то и убеждена, что жизнь ее в опасности. У вас сложилось такое же впечатление, когда она была у вас?

— Нет, — произнес Эджертон медленно, — нет, я бы так не сказал, хотя кое-какие слова показались мне странными.

— Например?

— Ей хотелось знать, кто унаследует состояние в случае ее внезапной смерти.

— Ах так! — сказал старший инспектор Дэви. — Значит, все-таки такая возможность засела в голове? Что она может внезапно умереть. Любопытно.

— Что-то у нее в голове было, но я не знал что. Она также хотела знать, сколько денег у нее есть, вернее, будет по достижении двадцати одного года. Это, наверное, более понятно.

— Денег, видимо, немало.

— Состояние очень велико, старший инспектор.

— А зачем, как вы думаете, ей это было нужно?

— Насчет денег?

— Да, и насчет того, кто это унаследует?

— Не знаю, — сказал Эджертон. — Совсем не знаю. Мы еще говорили о замужестве.

— У вас не возникло ощущения, что здесь замешан мужчина?

— Доказательств у меня нет, но… да, я именно так и подумал. Я был уверен, что за всем этим кроется какой-то молодой человек. Обычно так и бывает? Ласкомб, то есть полковник Ласкомб, ее опекун, похоже, ничего не знает ни о каком приятеле. Но Дерек Ласкомб как раз и не может этого знать. Он очень расстроился, когда я высказал такое предположение да еще прибавил, что этот приятель явно из числа нежелательных.

— Он действительно из их числа, — подтвердил старший инспектор Дэви.

— Так он вам известен?

— У меня просто есть догадка на этот счет. Ладислав Малиновский.

— Этот автогонщик?! Серьезно? Красивый головорез. Женщин он покоряет запросто. Интересно, где он подцепил Эльвиру? Не представляю, как могли пересечься их орбиты… впрочем, пожалуй, в Риме пару месяцев назад. Возможно, там они и встретились.

— Очень вероятно. А через мать они не могли познакомиться?

— Что? Через Бесс? Ну это, я бы сказал, совсем маловероятно.

Дэви кашлянул.

— Говорят, что леди Седжвик и Ладислав Малиновский очень близкие друзья, сэр.

— Да, да, эти слухи мне известны. Может быть, и так, а может, и не так. Они близкие друзья, которых постоянно сводит вместе их образ жизни. У Бесс, конечно, были романы, хотя, примите это к сведению, она не страдает нимфоманией. Люди всегда рады сказать такое о женщине, но по отношению к Бесс это несправедливо. Во всяком случае, насколько мне известно, Бесс почти незнакома с собственной дочерью.

— Да, именно так мне сказала леди Седжвик. И вы согласны с этим?

Эджертон кивнул.

— Какие еще родственники есть у мисс Блейк?

— Абсолютно никаких. Оба брата матери погибли на войне, а она была единственным ребенком старины Конистона. Миссис Мелфорд, хотя девушка и называет ее кузиной Милдред, на самом деле двоюродная сестра полковника Ласкомба. Ласкомб постарался сделать для девушки все, что мог, в соответствии с его старомодными понятиями, но это довольно трудно… для мужчины.

— Мисс Блейк, вы говорите, коснулась вопроса о замужестве. Не может ли быть, что она уже замужем?

— Но она еще не достигла совершеннолетия — ей пришлось бы получить согласие опекунов и доверенных лиц.

— Формально — да. Но не все же его дожидаются, — заметил Папаша.

— Знаю. Крайне прискорбно. Приходится в таких случаях проходить сложную процедуру назначения опекунства суда и так далее. Даже в этом случае дело весьма сложное.

— Но если уж они поженились, так поженились, — заметил Папаша. — Я полагаю, что, если они действительно женаты и она вдруг умрет, все унаследует ее супруг?

— Эта идея насчет замужества нереальна. За ней очень строго присматривали, и…

Эджертон замолчал, уловив ироническую усмешку старшего инспектора Дэви: как бы ни смотрели за Эльвирой, ей все же удалось познакомиться с абсолютно не подходящим для нее Ладиславом Малиновским.

Эджертон произнес задумчиво:

— Ее мамаша в свое время сбежала, это правда.

— Да, мамаша сбежала — это было в ее духе, но мисс Блейк совсем иная. Она очень упорна в достижении желаемого, но у нее другие принципы.

— Вы же не думаете, в самом деле…

— Я ничего не думаю — пока, — завершил разговор старший инспектор.

Глава 24

Ладислав Малиновский перевел взгляд с одного полицейского на другого, запрокинул голову и расхохотался.

— Вот забавно-то! — сказал он. — Вы так серьезно на меня смотрите — ни дать ни взять две совы. Чепуха какая-то — приглашаете меня сюда и хотите допрашивать. Да у вас ничего на меня нет и не может быть.

— Мы просто думаем, что вы можете помочь следствию, мистер Малиновский. — Старший инспектор Дэви говорил официально-вежливо. — Вам принадлежит машина «Мерседес-Отто», регистрационный номер FAN-2266.

— Ну и что? Почему бы мне не иметь такую машину?

— Само собой, сэр. Просто небольшая неувязка с номером. Вашу машину видели на шоссе М7, а номер на ней был в тот раз другой.

— Ерунда. Наверное, это была совсем другая машина.

— Но таких машин мало. И мы проверили их все.

— И вы, конечно, верите всему, чего только

ни наговорит вам дорожная инспекция! Да это просто смешно! Ну и где это было?

— Место, где вас остановила полиция и где вас попросили показать права, находится недалеко от Бедхемптона. Это было как раз в ту ночь, когда ограбили ирландский почтовый поезд.

— Вы меня просто смешите, — сказал на это Ладислав Малиновский.

— У вас есть револьвер?

— А как же! У меня есть и револьвер, и автоматический пистолет. И у меня на них есть лицензии, как положено.

— Отлично. Они оба находятся у вас?

— Естественно.

— Я вас уже предупреждал, мистер Малиновский.

— Знаменитое полицейское предупреждение! Все, что вы скажете, будет записано и использовано против вас на суде.

— Не совсем точная формулировка, — мягко сказал Папаша. — Использовано — да. Против — нет. Вы уверены, что не хотите изменить ваше заявление?

— Уверен.

— И вы уверены, что не хотите вызвать сюда вашего адвоката?

— Не терплю адвокатов.

— Это бывает. Где сейчас ваше оружие?

— Думаю, вам прекрасно известно где, старший инспектор. Маленький пистолет в кармашке машины, того самого «Мерседеса-Отто», номер которого, как я уже сказал, FAN-2266. А револьвер — в ящике стола у меня в квартире.

— Вы совершенно правы насчет револьвера в ящике стола у вас в квартире, но что касается маленького пистолета, то его в машине нет.

— Нет, есть. В левом кармашке.

Папаша покачал головой:

— Может, когда-то он там и был. Но сейчас нет. Это он, мистер Малиновский?

Он передал гонщику через стол маленький автоматический пистолет. Малиновский с удивленным видом взял его:

— Да, разумеется, это он. Значит, это вы взяли его из моей машины?

— Нет, — ответил Папаша. — Мы не брали его из вашей машины. Его там не было. Мы нашли его в другом месте.

— И где же это вы нашли его?

— Мы нашли его, — сказал Папаша, — на площадке на Понд-стрит, которая, как вам, без сомнения, известно, находится возле Парк-лейн.

Он мог быть обронен человеком, идущим по этой улице или даже бегущим по ней.

Ладислав Малиновский пожал плечами:

— Это никакого отношения ко мне не имеет — я его там не оставлял. Он был у меня в машине день или два назад. Никто же не проверяет каждый раз, на месте ли вещь, которую он куда-то положил. Как-то само собой разумеется, что она на месте.

— А знаете ли вы, что это тот самый пистолет, из которого был убит Майкл Горман вечером двадцать шестого ноября?

— Майкл Горман? Я никакого Майкла Гормана не знаю.

— Швейцар из гостиницы «Бертрам».

— А, да, тот, которого застрелили. Читал об этом. И вы говорите, что стреляли из моего пистолета? Ерунда!

— Это далеко не ерунда. Его обследовали баллистики. Вам известно достаточно об огнестрельном оружии, чтобы знать, что на их показания можно положиться.

— Вы пытаетесь пришить мне это дело. Знаю я ваши полицейские уловки!

— Мне кажется, вы должны бы знать о полиции этой страны больше, мистер Малиновский.

— Вы хотите сказать, что это я убил Майкла Гормана?

— Сейчас мы лишь просим вас сделать заявление. Никаких обвинений пока не предъявлено.

— Но ведь именно так вы и думаете — что я застрелил этого нелепого типа, вырядившегося в военную форму. Мне-то это зачем? Я не был ему должен, я не испытывал к нему никакой вражды.

— Но стреляли не в него, а в юную леди. Горман подбежал к ней, чтобы ее защитить, и получил пулю в грудь.

— Юную леди?

— Юную леди, которую, я полагаю, вы знаете. Мисс Эльвиру Блейк.

— Вы хотите сказать, что кто-то пытался застрелить Эльвиру Блейк из моего пистолета? — В его голосе звучало крайнее удивление.

— Возможно, у вас были какие-то разногласия?

— Вы хотите сказать, что я поссорился с Эльвирой и стрелял в нее? С ума сойти! Да как я могу стрелять в девушку, на которой собираюсь жениться?

— Это часть вашего заявления? Что вы собираетесь жениться на Эльвире Блейк?

Какой-то миг Ладислав Малиновский колебал-

ся, потом, передернув плечами, он сказал:

— Она еще слишком молода. Это надлежит обсудить.

— Возможно, она пообещала вам выйти за вас замуж, а затем передумала. Она кого-то боялась. Не вас ли, мистер Малиновский?

— С чего бы мне желать ей смерти? Или я ее люблю и хочу на ней жениться, или я не хочу на ней жениться и не обязан это делать. Все очень просто. Зачем мне ее убивать?

— Не так уж много людей настолько близки к ней, чтобы желать убить ее. — Дэви помедлил немного, потом добавил, как бы между прочим: — Есть, конечно, ее мать.

— Что?! — Малиновский подскочил. — Бесс? Чтобы Бесс убила собственную дочь?! Вы с ума сошли! Зачем Бесс убивать Эльвиру?

— Может быть, затем, что, как самая близкая родственница, она унаследует все ее огромное состояние.

— Бесс? Вы хотите сказать, что Бесс способна убить ради денег? Да у нее самой полно денег от ее американского мужа. Во всяком случае, достаточно.

— «Достаточно» и «огромное состояние» — не одно и то же, — возразил Папаша. — Люди неред-

ко убивают ради большого состояния. Известны случаи, когда матери убивали детей, а дети — матерей.

— Говорю вам, вы спятили!

— Вы утверждаете, что намерены жениться на мисс Блейк. Возможно, вы уже на ней женаты? Если так, то именно вы унаследуете ее обширное состояние.

— Какие еще дурацкие предположения вы хотите высказать? Нет, я не женат на Эльвире. Она девушка симпатичная. Мне она нравится, и она в меня влюблена. Да, я это признаю. Я познакомился с ней в Италии. Мы славно развлеклись, но не более. Более ничего — вам ясно?

— Как же так? Только что, мистер Малиновский, вы говорили совершенно определенно, что это девушка, на которой вы собираетесь жениться.

— Подумаешь!

— Вот вам и «подумаешь». Вы говорили правду?

— Я это сказал так, для респектабельности. Вы тут в Англии такие ханжи.

— Это объяснение кажется мне малоубедительным.

— Да вы совсем ничего не понимаете! Ее мать и я — любовники. Не хотелось мне этого говорить,

и я как бы взамен предложил, что дочь и я… что мы помолвлены. Это звучит очень по-английски и весьма добропорядочно.

— Мне это кажется еще менее убедительным. Вам ведь здорово нужны деньги, не так ли, мистер Малиновский?

— Мой дорогой старший инспектор, мне всегда нужны деньги. И это крайне печально.

— И тем не менее несколько месяцев назад, насколько мне известно, вы сорили деньгами налево и направо.

— Ах, мне тогда крупно повезло. Я ведь игрок и не скрываю этого.

— Я вполне готов этому поверить. Где же вам так повезло?

— Этого я не открою. И не ждите.

— Я и не жду.

— Это все, о чем вы хотели меня спросить?

— На данный момент — да. Вы опознали пистолет как ваш. Это нам очень поможет.

— Не понимаю… Представить себе не могу… — Он прервал фразу и протянул руку: — Дайте его мне, пожалуйста.

— Боюсь, что нам его пока придется придержать, поэтому я вам выдам расписку на него.

Он так и сделал и протянул бумажку Мали-

новскому.

Тот вышел, хлопнув дверью.

— Темпераментный тип, — сказал Папаша.

— Вы напрасно не прижали его насчет фальшивого номера и Бедхемптона.

— Нет, не напрасно. Мне просто хотелось, чтобы он заволновался. Но не слишком. Мы будем ему каждый раз предлагать что-нибудь новенькое — не все сразу. А он таки задергался.

— Вас хотел видеть Старик, как только вы закончите.

Старший инспектор Дэви кивнул и направился в кабинет сэра Рональда.

— А-а, Папаша. Ну что, дело идет?

— Идет. Неплохо пока — в сети уже много рыбы. В основном мелкой. Но мы и к большой подбираемся. Дело движется.

— Славная работа, Фред, — сказал шеф.

Глава 25
1

Мисс Марпл вышла из поезда на вокзале Паддингтон и увидела мощную фигуру старшего инспектора Дэви, который стоял на платформе, поджидая ее. Он сказал:

— Очень любезно с вашей стороны, мисс Марпл.

Он подхватил ее под руку и направил через турникет туда, где стояла машина. Шофер открыл дверцу, мисс Марпл села, за ней — старший инспектор Дэви, и машина тронулась.

— Куда вы меня везете, старший инспектор Дэви?

— В отель «Бертрам».

— Боже мой, опять отель «Бертрам»! Зачем?

— Официальный ответ таков: полиция считает, что вы можете помочь ей в расследовании.

— Это звучит знакомо, но несколько мрачно. Часто ли это бывает прелюдией к аресту?

— Я не собираюсь вас арестовывать, мисс Марпл, — улыбнулся Папаша. — У вас есть алиби.

Мисс Марпл переварила это молча. Потом сказала:

— Понятно.

Они подъехали к отелю «Бертрам» в молчании. Мисс Горриндж подняла голову, когда они вошли, но старший инспектор провел мисс Марпл прямо к лифту.

— Третий этаж.

Лифт поехал вверх, остановился, и Папаша пошел по коридору впереди своей спутницы.

Когда он открыл дверь номера 18, мисс Марпл сказала:

— Это комната, в которой я жила.

— Да, — подтвердил Папаша.

Мисс Марпл уселась в кресло.

— Очень уютная комната, — заметила она, оглядевшись вокруг с легким вздохом.

— Да, уж толк в уюте здесь знают, — согласился Папаша.

— Вы выглядите усталым, старший инспектор, — сказала неожиданно мисс Марпл.

— Мне пришлось немного побегать. Вообще-то я только что вернулся из Ирландии.

— Вот как? Из Балигоулана?

— Откуда, черт возьми, вы знаете про Балигоулан? Ох, простите, бога ради, мою резкость!

Мисс Марпл улыбнулась в знак прощения.

— Видимо, Майкл Горман говорил вам, что он оттуда родом?

— Не совсем, — ответила мисс Марпл.

— Тогда каким же образом, если позволите спросить, вы об этом прознали?

— Мне не совсем удобно об этом говорить. Вышло так, что я кое-что подслушала.

— А-а, понятно.

— Я не подслушивала намеренно. Это было, так сказать, в общественном месте. Честно признаться, я люблю слушать чужие разговоры. Многие любят. Во всяком случае, когда ты стар и не очень часто бываешь на людях. Я имею в виду — если рядом с тобой разговаривают, ты прислушиваешься.

— Мне это кажется вполне естественным.

— До какой-то степени да, — сказала мисс Марпл. — Если люди не считают нужным говорить тихо, поневоле думаешь, что они ничего не имеют против того, чтобы их услышали. Но конечно, ход беседы может измениться, а собеседники, хоть и находятся на публике, не обращают внимания, что рядом кто-то есть. И тогда приходится решать, как поступить. То ли встать и кашлянуть, то ли просто сидеть тихо в надежде,

что тебя не заметят. И то и другое одинаково неловко.

Старший инспектор взглянул на часы:

— Послушайте, я хочу узнать об этом побольше, но каноник Пеннифезер приедет с минуты на минуту, и я должен его встретить. Вы не возражаете, если я вас покину?

Мисс Марпл сказала, что не возражает. Старший инспектор Дэви вышел.

2

Каноник Пеннифезер вошел в вестибюль отеля. Он слегка нахмурился, стараясь сообразить, что изменилось в «Бертраме» сегодня. Может быть, его заново покрасили или отремонтировали? Он покачал головой. Нет, не то, но что-то все-таки изменилось. Ему не пришло в голову, что дело в разнице между голубоглазым и темноволосым швейцаром шести футов росту и коротышкой с покатыми плечами, веснушками и шапкой волос соломенного цвета, выбивающихся из-под форменной фуражки. Каноник просто ощутил перемену. В своей привычной рассеянной манере он направился к стойке. Мисс Горриндж была на месте и приветствовала его:

— Каноник Пеннифезер, как приятно видеть вас! Вы за вещами? Все для вас готово. Если бы вы дали нам знать, мы бы переслали их по любому адресу.

— Спасибо, — поблагодарил каноник Пеннифезер, — большое спасибо. Вы всегда так добры, мисс Горриндж. Но так как мне все равно нужно было в Лондон сегодня, я подумал, что можно зайти и за вещами.

— Мы так за вас тревожились, — сказала мисс Горриндж. — Когда вы исчезли, я имею в виду. Вас не могли найти. С вами, как я слышала, произошел несчастный случай?

— Да, — покачал головой каноник Пеннифезер. — Да. Люди теперь так быстро ездят. Очень опасно. Не то чтобы я хорошо все это помнил. Сотрясение, как уверяет врач, подействовало мне на голову. Ну, знаете, моложе ведь не становишься, и память… А вы как поживаете, мисс Горриндж?

— О, у меня все в порядке, — ответила мисс Горриндж.

В этот момент канонику Пеннифезеру вдруг показалось, что и мисс Горриндж изменилась. Он пристальнее вгляделся в нее, стараясь уловить перемену. Прическа? Такая же, как всегда. Может быть, немного кудрявее. Черное платье, большой

кулон, брошь с камеей. Все как обычно. Может, она немного похудела? Или… да, конечно, она выглядит встревоженной. Не часто каноник Пеннифезер замечал, что люди нервничают, не в его натуре было замечать чужие эмоции, но сегодня его это поразило, потому что мисс Горриндж неизменно представала перед гостями с одним и тем же выражением лица.

— Вы не болели, надеюсь? — спросил он участливо. — Мне кажется, вы похудели.

— Да-а, у нас тут было много причин для беспокойства, каноник Пеннифезер.

— Да что вы говорите? Жаль это слышать. Надеюсь, это никак не связано с моим исчезновением?

— О нет, — успокоила его мисс Горриндж. — Мы, разумеется, тревожились, но как только услышали, что все в порядке… — Она запнулась, потом продолжала: — Вы, возможно, читали в газетах. Гормана, нашего швейцара, убили.

— Ах да, — спохватился каноник Пеннифезер. — Я вспомнил. Я действительно читал об этом в газете. У вас здесь произошло убийство.

Мисс Горриндж передернуло от слова «убийство». Дрожь пробежала по всему ее черному платью.

— Ужасно, — сказала она. — Такого в «Бертраме» *никогда* не случалось. Я имею в виду, что у нас не такой отель, где происходят убийства.

— Разумеется, нет, — поспешил согласиться каноник Пеннифезер. — Уверен, что нет. Мне и в голову не могло бы прийти, что такое может случиться здесь.

— Собственно говоря, это произошло не в стенах отеля, — пояснила мисс Горриндж, немного приободрившись, когда ей пришло в голову это счастливое обстоятельство. — Швейцара убили на улице.

— Значит, это вообще никак с вами не связано, — сказал каноник Пеннифезер, увы, совершенно некстати.

— Это имело отношение к «Бертраму». И нам пришлось предоставить полиции возможность допрашивать наших постояльцев, так как убитый был нашим служащим.

— Верно, верно, вот почему у вас в дверях другой человек. То-то мне сразу бросилось в глаза, что у вас какие-то перемены.

— Да, я не уверена, что он нас вполне устраивает. Стиль не совсем тот, к которому мы здесь привыкли. Но, конечно, пришлось подыскивать хоть кого-то в спешке.

— Теперь я все вспомнил, — сказал каноник Пеннифезер, собрав в памяти смутные обрывки того, что прочитал в газете. — Но у меня сложилось впечатление, что стреляли в какую-то девушку.

— Вы имеете в виду дочь леди Седжвик? Вы наверняка ее помните. Она была здесь со своим опекуном, полковником Ласкомбом. Очевидно, на нее напали в тумане. Думаю, хотели вырвать сумочку. Во всяком случае, выстрелили в нее, а тут, Горман, участник войны, который был человеком решительным, бросился туда, загородил ее собой и сам погиб, бедняга.

— Как это печально, как печально! — воскликнул каноник, горестно качая головой.

— Да, это создало нам массу трудностей, — признала мисс Горриндж. — Полиция все время крутится здесь. Наверное, этого и следовало ожидать, но нам это неприятно, хотя старший инспектор Дэви и сержант Уоделл выглядят вполне благопристойно. Они в штатском, причем костюмы хорошего покроя, не то что в фильмах показывают: грубые башмаки и макинтоши. Нет, они совсем как мы.

Вместо ответа каноник Пеннифезер отделался невразумительным междометием.

— Вам пришлось лежать в больнице? — поинтересовалась мисс Горриндж.

— Нет, — оживился каноник, — какие-то необычайно милые люди; поистине добрые самаритяне, позаботились обо мне. Огородник, который торгует овощами, подобрал меня, а его жена выходила. Я так им признателен, так признателен… Как хорошо, что есть еще в мире доброта! Вы согласны?

Мисс Горриндж согласилась, что это очень славно.

— Особенно теперь, когда все время читаешь о росте преступности, — добавила она. — Вся эта жуткая молодежь, которая нападает на банки, грабит поезда и набрасывается на людей… — Тут она подняла голову и сказала: — Вон спускается старший инспектор Дэви. Мне кажется, он хочет с вами поговорить.

— Не знаю, о чем ему со мной говорить, — пожал плечами озадаченный каноник Пеннифезер. — Он ведь уже был у меня в Чадминстере. Но я его разочаровал, потому что ничего полезного не смог ему сообщить.

— Не смогли?

Каноник грустно покачал головой:

— Не смог вспомнить. Меня сбили где-то около

Бедхемптона, и я совершенно не представляю, как я мог там оказаться и что там делал. Старший инспектор все спрашивал меня, почему я туда попал, а я понятия не имею. Очень странно, правда? Он, кажется, считал, что я должен был ехать на машине от вокзала к дому священника.

— Это звучит убедительно, — сказала мисс Горриндж.

— Ничего в этом нет убедительного, — возразил каноник Пеннифезер. — С чего бы это мне ехать в те места, о которых я совсем ничего не знаю?

Старший инспектор Дэви подошел к ним.

— Вот и вы, каноник Пеннифезер, — сказал он. — К вам вернулось прежнее здоровье?

— О да, я чувствую себя отлично, — ответил каноник, — но пока еще меня одолевают головные боли. И мне не велено напрягаться. Но я все равно не помню того, что должен бы помнить, и доктор говорит, что так может тянуться долго.

— Ну что ж, — отозвался старший инспектор Дэви, — мы не должны терять надежды.

Он увел каноника от стойки.

— Мне хочется провести один эксперимент, — сообщил он. — Вы не возражаете против того, чтобы помочь мне?

3

Когда старший инспектор отворил дверь 18-го номера, мисс Марпл все еще сидела в кресле у окна.

— Много народу на улице сегодня, — заметила она. — Больше обычного.

— Да, здесь можно пройти на Беркли-сквер и на Шепердс-Маркет.

— Я имела в виду не только прохожих. Идут какие-то работы: ремонтируют дорогу, стоит машина телефонной службы да еще две частные машины.

— И какой вы делаете из этого вывод, разрешите вас спросить?

— Я не утверждала, что делаю какие-то выводы.

Папаша взглянул на нее, потом сказал:

— Я хочу, чтобы вы мне помогли.

— Разумеется. Я для этого и приехала. И что я должна сделать?

— Я хочу, чтобы вы сделали точно то же самое, что и в ночь на девятнадцатое ноября. Вы спали, потом проснулись, возможно разбуженная каким-то необычным звуком. Вы включили свет,

посмотрели на часы, встали с постели, открыли дверь и выглянули в коридор. Вы можете повторить все эти действия?

— Конечно, — сказала мисс Марпл, встала и направилась к постели.

— Минутку. — Старший инспектор Дэви подошел к стене, соединяющей номер с соседним, и постучал.

— Стучать нужно громче, — посоветовала мисс Марпл. — Это здание очень хорошо построено.

Старший инспектор удвоил силу удара.

— Я велел канонику Пеннифезеру сосчитать до десяти, — сообщил он, взглянув на часы. — Так, начали.

Мисс Марпл коснулась лампы, посмотрела на воображаемые часы, встала, подошла к двери, открыла ее и выглянула. Справа от нее по направлению к лестнице шел каноник Пеннифезер. Он подошел к лестничной площадке и начал спускаться. Мисс Марпл негромко ахнула и обернулась.

— Ну? — нетерпеливо спросил старший инспектор Дэви.

— Человек, которого я видела, не мог быть каноником Пеннифезером, если сейчас это сам каноник, — объявила мисс Марпл.

— Мне помнится, вы говорили…

— Знаю. Он был похож на каноника Пеннифезера: волосы, одежда и прочее. Но у него была другая походка. И мне кажется, тот был моложе. Я очень, очень сожалею, что подвела вас, но, значит, в ту ночь я видела не каноника Пеннифезера. В этом я уверена.

— На этот раз вы совершенно уверены, мисс Марпл?

— Да, — твердо сказала мисс Марпл. — Простите, что сбила вас с толку.

— Вы почти не ошиблись. Каноник Пеннифезер действительно возвратился в отель в ту ночь. Никто не заметил его возвращения, что и немудрено. Он пришел после полуночи. Он поднялся наверх, отпер дверь номера рядом с вашим и вошел. Что он увидел или что произошло, мы не знаем, потому что он не может или не хочет нам рассказать. Если бы мы могли как-то оживить его память…

— Есть же это немецкое слово… — раздумчиво проговорила мисс Марпл.

— Какое немецкое слово?

— Боже, забыла, но…

Раздался стук в дверь.

— Можно мне войти? — спросил каноник Пен-

нифезер и вошел. — Ну как, вы удовлетворены?

— Вполне, — ответил Папаша. — Я только что говорил мисс Марпл… Вы знакомы с мисс Марпл?

— О да. — Ответ каноника Пеннифезера прозвучал не вполне уверенно.

— Я говорил мисс Марпл, как мы проследили за вашим передвижением. Вы вернулись в отель в ту ночь после полуночи. Поднялись по лестнице, открыли дверь номера, вошли… — Он замолчал.

Мисс Марпл вдруг воскликнула:

— Вспомнила, вспомнила это немецкое слово! Doppelgenger![134]

Каноник Пеннифезер вдруг вскрикнул.

— Ну конечно же, — возбужденно заговорил он. — Конечно! Как это я забыл? Вы совершенно правы. После фильма «Стены Иерихона» я вернулся сюда, поднялся наверх, открыл номер и увидел — потрясающе! — я увидел самого себя сидящим в кресле напротив. Как вы сказали, милая леди, Doppelgenger. Вот удивительно! А потом… постойте… — Он поднял глаза к потолку, пытаясь вспомнить.

— А потом, — подхватил Папаша, — они на-

---

[134] notes: 134
Двойник *(нем.)*.

смерть перепугались, что видят вас, в то время как вы должны быть в Люцерне, и кто-то ударил вас по голове.

Глава 26

Каноника Пеннифезера отправили на такси в Британский музей, а старший инспектор Дэви усадил мисс Марпл в вестибюле гостиницы. Не затруднит ли ее подождать его минут десять? Мисс Марпл не возражала. Она была рада возможности посидеть, посмотреть кругом и подумать.

Отель «Бертрам». Столько воспоминаний… Прошлое мешается с настоящим. Ей на ум пришло французское выражение: «Plus ca change, plus c'est la mame chose» — «Чем более все меняется, тем более все остается неизменным». Она переставила части выражения, и получилось: «Чем более все остается неизменным, тем более все меняется». Верно и то и другое.

Ей стало жаль и «Бертрам» и себя. Интересно узнать, чего еще хочет от нее старший инспектор Дэви. Она чувствовала в нем возбуждение, которое испытываешь, приближаясь к цели. Сейчас он казался человеком, планы которого наконец-то осуществляются. Это был день начала операции для старшего инспектора Дэви.

Жизнь в отеле шла как обычно. Нет, подумала мисс Марпл, не как обычно. Было отличие, пока

она не знала какое. Может быть, некая подспудная тревога?

— Все в порядке? — спросил Папаша заботливо.

— Куда вы теперь меня поведете?

— Мы с вами навестим леди Седжвик.

— Она остановилась здесь?

— Да, с дочерью.

Мисс Марпл поднялась. Она окинула взором вестибюль:

— Бедный «Бертрам».

— Что вы хотите сказать этим «бедный „Бертрам“?»

— Я думаю, вы прекрасно знаете, что я имею в виду.

— Ну, если посмотреть на дело с вашей точки зрения, может, и понимаю.

— Всегда становится грустно, когда предстоит разрушить произведение искусства.

— Вы называете это произведением искусства?

— Конечно. Так же, как и вы.

— Пожалуй, я понимаю, о чем идет речь.

— Это все равно как если у вас в цветнике вдруг обнаруживается корневая гниль. Ничего другого не остается, как все выкопать с корнем.

— Я не слишком разбираюсь в садоводстве,

но замените метафору на гниль в обществе, и я соглашусь.

Они поднялись наверх и прошли по коридору к угловому апартаменту, который занимала леди Седжвик с дочерью.

Старший инспектор Дэви постучал в дверь, раздался голос, приглашающий войти, и он вошел впереди мисс Марпл. Бесс Седжвик сидела у окна в кресле с высокой спинкой. У нее на коленях лежала раскрытая книга, которую она не читала.

— Это снова вы, старший инспектор?

Бесс перевела глаза с него на мисс Марпл, и в них мелькнуло удивление.

— Это мисс Марпл, — объяснил старший инспектор Дэви. — Мисс Марпл, это леди Седжвик.

— Мы уже встречались, — сказала леди Седжвик. — Вы на днях беседовали с Селиной Хейзи, не так ли? Садитесь, пожалуйста. — Она повернулась к старшему инспектору Дэви: — Есть ли какие-нибудь новости о человеке, стрелявшем в Эльвиру?

— В сущности, это нельзя отнести к разряду новостей.

— Сомневаюсь, что когда-нибудь вам удастся дознаться. В таком тумане всякая нечисть бродит в поисках одиноких женщин.

— До некоторой степени это так, — согласился Папаша. — Как ваша дочь?

— О, Эльвира пришла в себя. С ней все в порядке.

— Она здесь, с вами?

— Да. Я позвонила полковнику Ласкомбу, ее опекуну. Он пришел в восторг от того, что я ею займусь. — Бесс неожиданно рассмеялась. — Такой милый старикан. Он очень стремился к воссоединению матери с дочерью.

— Наверное, он был в этом прав, — сказал Папаша.

— Да ничего подобного! Может быть, просто на данный момент так лучше. — Она повернулась к окну, и голос ее изменился. — Я слышала, вы арестовали моего приятеля Ладислава Малиновского. В чем его обвиняют?

— Он вовсе не арестован, — поправил ее старший инспектор Дэви. — Он просто помогает следствию.

— Я направила к нему своего адвоката.

— Очень разумно, — одобрил Папаша. — Любой человек, у которого сложности с полицией, должен опираться на помощь адвоката. Иначе так легко сказать что-нибудь не то.

— Даже если ты абсолютно невиновен?

— Возможно, в таком случае адвокат еще нужнее.

— Да вы, оказывается, циник? О чем же вы его расспрашиваете, хотела бы я знать. Или это недопустимо?

— Прежде всего нам необходимо точно установить все, что он делал в тот вечер, когда убили Гормана.

Бесс Седжвик резко выпрямилась:

— Неужели вам в голову пришла безумная мысль, что Ладислав стрелял в Эльвиру? Они даже незнакомы.

— Он мог бы это сделать. Его машина как раз стояла за углом.

— Чепуха, — произнесла леди Седжвик безапелляционным тоном.

— Вас сильно расстроила стрельба в тот вечер, леди Седжвик?

Она выглядела слегка удивленной.

— Конечно, я расстроилась, когда моя дочь чуть не лишилась жизни. Чего еще вы ждали?

— Я не то имел в виду. Насколько вас расстроила смерть Майкла Гормана?

— Я очень сожалела. Он был смелым человеком.

— И только?

— Что еще я могу сказать?

— Вы его знали, не так ли?

— Конечно. Он ведь здесь работал.

— Вы знали его немного лучше, чем просто в качестве швейцара.

— О чем вы?

— Ну, полно, леди Седжвик. Он был вашим мужем, разве не так?

Бесс помолчала, не проявив, однако, никаких признаков волнения или удивления.

— Вам многое известно, не так ли, старший инспектор? — Она вздохнула и откинулась на спинку кресла. — Я его не видела… постойте-ка… много лет. Двадцать, а может быть, больше. А тут однажды выглядываю в окно и узнаю Мики.

— И он вас узнал?

— Как ни странно, но мы оба узнали друг друга, — сказала Бесс. — Мы и пробыли-то вместе всего какую-нибудь неделю. Потом нас отыскала моя семья, они откупились от Мики и вернули меня с позором домой. — Она вздохнула. — Я была очень молода, когда сбежала с ним. И очень мало знала. Юная дурочка с головой, набитой романтическими бреднями. Он казался мне героем, особенно из-за того, что ловко сидел на лошади. Он не знал страха. И был хорош собой, весел да

еще остер на язык, как всякий ирландец! Думаю, что именно я убежала с *ним.* Ему бы и в голову это не пришло. Но я была необузданной, упрямой и без памяти влюбленной! — Она покачала головой. — Продолжалось это недолго… Первых суток хватило, чтобы я разочаровалась. Он пил, был груб на язык и скор на руку. Когда мои домашние появились и забрали меня, я обрадовалась. Я его больше никогда не хотела видеть.

— Ваша семья знала, что вы поженились?

— Нет.

— Вы им не сказали?

— Я не считала, что я замужем.

— Как все это произошло?

— Мы поженились в Балигоулане, но, когда объявилась моя родня, Мики сказал, что все было подстроено. Он со своими друзьями все это просто разыграл. К этому времени мне уже казалось, что он на такое вполне способен. Не знаю, хотел ли он денег, которые ему предложили, или испугался, что нарушил закон, женившись на несовершеннолетней. Тем не менее я ни минуты не сомневалась, что он говорит правду, — тогда не сомневалась.

— А потом?

Она, казалось, целиком ушла в свои мысли.

— Только через много лет, узнав жизнь получ–ше и познакомившись с законодательством, я вдруг поняла, что, вполне возможно, я замужем за Мики Германом!

— То есть на самом деле, выйдя замуж за лорда Конистона, вы стали двоемужницей?

— Потом я вышла за Джонни Седжвика, а потом — за своего американского мужа Риджуэя Бекера. — Бесс посмотрела на старшего инспектора Дэви и рассмеялась так, будто ей и впрямь было весело. — Сплошное двоемужество, — сказала она. — Смех, да и только!

— А вам никогда не приходило в голову получить развод?

Она пожала плечами:

— Все это казалось дурацким сном. Зачем ворошить былое? Разумеется, я рассказала обо всем Джонни. — Голос ее помягчел и зазвучал нежнее, когда она произнесла его имя.

— Ну и что он сказал?

— Ему было все равно. Ни Джонни, ни я не были особенно законопослушными.

— Но двоемужество влечет за собой определенное наказание, леди Седжвик.

Она опять взглянула на него и опять рассмеялась:

— Ну кому какое дело до того, что так давно произошло в Ирландии? Со всем этим было покончено. Мики взял свои деньги и был таков. Неужели вы не понимаете? Это был просто глупый, пустячный эпизод. Эпизод, который я постаралась забыть. Я отбросила его туда, куда отбрасываю все, что не имеет значения в жизни.

— И вдруг в один ноябрьский день, — заговорил Папаша совершенно спокойным тоном, — Майкл Горман снова возникает на вашем горизонте и шантажирует вас?

— Чепуха! Кто вам сказал, что он меня шантажировал?

Папаша медленно перевел взгляд на старую леди, которая молча и очень прямо сидела на стуле.

— Вы? — Леди Седжвик вперила взгляд в мисс Марпл. — Вы-то что можете об этом знать? — В ее голосе звучало скорее любопытство, нежели обвинение.

— Кресла в этом отеле имеют высокие спинки, — сказала мисс Марпл. — Они очень удобны. И я сидела в одном из них у камина в комнате для писем. Просто отдыхала перед утренним выходом. Вы пришли туда, чтобы написать письмо. Мне кажется, вы не осознавали, что в комнате

еще кто-то есть. И поэтому я слышала весь ваш разговор с этим Германом.

— Вы слышали?

— Естественно, — сказала мисс Марпл. — Почему бы мне не слушать? Комната общая. Когда вы подняли окно и окликнули человека на улице, я никак не предполагала, что разговор будет носить частный характер.

Бесс на минуту задержала на ней взгляд.

— Ну что ж, это справедливо, — признала она. — Да, понимаю. Но тем не менее вы все неверно истолковали. Мики меня не шантажировал. Может быть, у него была такая мысль, но я ее пресекла, предупредив его. Так что он даже и не попытался. — И губы ее снова раскрылись в широкой улыбке, которая так ей шла. — Я его припугнула!

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Возможно. Вы пригрозили, что застрелите его. Вы с этой ситуацией справились, если вы не сочтете смелостью с моей стороны давать оценку, справились отлично.

Бесс с улыбкой подняла брови.

— Но я была не единственным человеком, который вас услышал, — продолжала мисс Марпл.

— Боже праведный! Неужели нас слышал весь

отель?

— Другое кресло было тоже занято.

— Кем?

Мисс Марпл сжала губы. Она взглянула на старшего инспектора Дэви, и это был почти умоляющий взгляд. «Если нельзя без этого, скажите сами, я не в силах», — говорил он.

— Во втором кресле сидела ваша дочь, — сообщил старший инспектор.

— О нет! — вскрикнула Бесс Седжвик. — Нет! Только не Эльвира!.. Понятно. Да, теперь я понимаю… Должно быть, она подумала…

— Она подумала достаточно серьезно о том, что услышала, для того чтобы отправиться в Ирландию и выяснить правду. А обнаружить ее было несложно.

Бесс Седжвик тихо проговорила:

— О нет… — Потом: — Бедное дитя… Она ни слова не спросила у меня. Она все это держит в себе. Если бы только она мне открылась, я бы ей объяснила, что это ничего не значит.

— В этом она могла бы с вами и не согласиться, — сказал старший инспектор Дэви. — Вы знаете, это занятная штука, — продолжал он вдумчивым и рассудительным тоном, каким мог бы говорить фермер, обсуждающий виды на

урожай. — Я узнал за многие годы проб и ошибок, что нельзя доверять раскладу вещей, когда он кажется чересчур простым. Простые схемы часто оказываются слишком хороши, чтобы соответствовать реальности. Так и схема убийства в тот вечер казалась слишком уж простой. Девушка уверяет, что кто-то в нее стрелял, но промахнулся. Швейцар бросается спасать ее и получает вторую пулю. Все это может быть так и на самом деле — как видится девушке. Но за видимым порой скрывается нечто совсем иное. Вы только что горячо убеждали нас, что у Ладислава Малиновского не может быть причин убивать вашу дочь. Что ж, я с вами согласен. Причин нет. Он относится к тому типу людей, которые, поссорившись с женщиной, скорее выхватят нож и всадят в нее, чем станут прятаться за оградой и хладнокровно ждать удобного момента, чтобы выстрелить в нее. Теперь предположим, что он хотел убить кого-нибудь другого. Крики и выстрелы — да, но в результате мертвым-то оказался Майкл Горман. Предположим, что именно так и должно было произойти. Малиновский это тщательно планирует. Он выбирает туманный вечер, прячется на площадке и ждет, пока ваша дочь появится на улице. А он знает, что она появится, потому

что сам все подстроил. Он стреляет. Стреляет не в девушку. Он целится мимо, а она думает, что стреляют именно в нее. Она кричит. Швейцар отеля, услыхав выстрел и крик, бросается по улице к ней, и Малиновский убивает человека, которого он и намеревался застрелить, — Майкла Гормана.

— Не верю ни единому слову! С чего это Ладислав вдруг захотел бы застрелить Мики Гормана?

— Может быть, какой-то небольшой шантаж?

— Вы хотите сказать, что Мики мог шантажировать Ладислава? По какому поводу?

— Возможно, по поводу происходящего в отеле «Бертрам». Майкл Горман мог здесь узнать о многом.

— О происходящем в отеле «Бертрам»? О чем это вы?

— Здесь неплохо обделываются темные дела, — сказал Папаша. — Хорошо планируются, превосходно исполняются. Но ничему не дано длиться вечно. Мисс Марпл спросила меня на днях, что здесь неладно. Я готов ответить на этот вопрос сейчас. Отель «Бертрам» на самом деле штаб для одного из преуспевающих и крупных преступных синдикатов.

Глава 27

Наступило минутное молчание, после чего заговорила мисс Марпл.

— Как это интересно, — заметила она тоном светской беседы.

Бесс Седжвик повернулась к ней:

— Незаметно, чтобы вас это сильно удивило, мисс Марпл.

— В общем, не удивило. Здесь было столько любопытного, такого, что не укладывается в привычную схему. Слишком уж все хорошо выглядело, если вы понимаете, что я имею в виду. То, что в театральном мире называется превосходной постановкой. Оно и было превосходной постановкой, не более. Имела место масса мелочей вроде того, что человек обращается к кому-то как к своему другу или знакомому и обнаруживает, что он ошибся.

— Такое, конечно, случается, — заметил старший инспектор Дэви, — но здесь это происходило слишком часто. Верно, мисс Марпл?

— Да, — согласилась та. — Люди вроде Селины Хейзи могут ошибаться подобным образом. Но в отеле и множество других людей ошибалось

точно так же. И нельзя было этого не заметить.

— Она вообще замечает многое, — заявил старший инспектор Дэви, обращаясь к Бесс, как будто мисс Марпл была его любимой дрессированной собачкой.

Бесс Седжвик резко повернулась к нему:

— Что вы имели в виду, когда назвали этот отель штабом преступного синдиката? По-моему, «Бертрам» — самое респектабельное место в мире.

— Естественно, — согласился Папаша. — Ему приходится поддерживать такую репутацию. Сколько денег, времени, изобретательности ушло на то, чтобы привести его в такое состояние! Подлинное и фальшивое здесь перемешано очень хитро. У вас здесь есть Генри — первоклассный актер-распорядитель, который руководит представлением. В Англии за ним не числится никаких преступлений, но за границей он был замешан в темных аферах с гостиницами. Здесь у вас есть и отличные актеры на характерные роли. Должен признаться, если хотите, что не могу не восхищаться всей здешней организацией. Все это стоило стране немалых денег. А у отдела по раскрытию организованных преступлений и у полицейских управлений на местах

все это вызывало постоянную головную боль. Каждый раз, когда нам представлялось, что нам что-то удается и что мы смогли разобраться с конкретным происшествием, оказывалось, что это происшествие вообще ни к чему не имеет отношения. Но мы все равно продолжали его разрабатывать: кусочек здесь, кусочек там. Гараж, где обнаружены стопки номеров, которые можно в один момент прикрепить на определенные машины. Фирма грузовых перевозок мебели, мясной фургон, продуктовый фургон, один-два почтовых грузовика. Автогонщик за рулем гоночной машины, преодолевающий невероятные расстояния за невероятно короткое время, а на другом конце — старик священник на своем стареньком «Моррис-Оксфорде». Домик, где живет огородник, который связан с подходящим доктором. Да нет нужды во все вдаваться. Этой сети нет конца и края. Это лишь половина дела. Иностранцы, которые приезжают в «Бертрам», — вторая половина. В основном из Америки или из доминионов. Богачи, люди вне подозрения, прибывают сюда с роскошным многоместным багажом и уезжают отсюда с роскошным многоместным багажом, вроде тем же самым, да вовсе не тем. Богатых туристов, которые приезжают

во Францию, таможня лишний раз не тревожит, потому что они ввозят в страну деньги. Но ездят не одни и те же туристы, а разные. Не след кувшину слишком часто появляться у колодца. Не легко все это будет увязать и доказать, но в конце концов все выстроится как надо. Мы еще только начали. К примеру, Кэботы…

— А что такое с Кэботами? — резко спросила Бесс.

— Вы их помните? Очень милые американцы. Просто прелесть. Они были здесь в прошлом году и в этом приезжали снова. Но не приедут в третий раз. Никто не приезжает сюда больше двух раз по одному и тому же делу. Да, мы арестовали Кэботов, когда они прибыли в Кале. Прекрасная идея с этим их гардеробом на колесиках. Там очень аккуратно были спрятаны триста тысяч фунтов. Денежки с ограбленного в Бедхемптоне поезда. Конечно, это всего лишь капля в океане.

Отель «Бертрам», позвольте вам сказать, является штабом всей организации! Половина персонала в курсе дела. Некоторые из постояльцев тоже, но не все. Настоящие Кэботы, например, сейчас в Юкатане. Тут еще занимались махинациями с подменой личностей. Возьмем, например, судью Ладгроува. Приметное лицо, огромный

нос картошкой, да еще бородавка. Очень легко под него загримироваться. Каноник Пеннифезер. Скромный провинциальный священник с большой шапкой седых волос и бросающимися в глаза манерами рассеянного человека. Его ужимки, привычка смотреть поверх очков — все так легко сымитировать характерному актеру.

— И какой же во всем этом смысл? — спросила Бесс.

— И вы меня об этом всерьез спрашиваете? Разве это не очевидно? Судью Ладгроува видят поблизости от места ограбления банка. Кто-то его узнаёт, упоминает об этом. Мы в это вникаем. Все оказывается ошибкой. Он был в это время совсем в другом месте. Но мы не сразу поняли, что все это — так называемые «намеренные ошибки». Никого не волнует, что нашелся человек, который был так на него похож, а на самом деле не похож на него вовсе. Он стирает грим и перестает подражать оригиналу. Но все это приводит в замешательство. Мы имели в подобных ситуациях члена Верховного суда, архидиакона, адмирала, генерал-майора — каждого из них видели вблизи от места преступления.

После бедхемптонского ограбления для доставки добычи в Лондон было задействовано по

меньшей мере четыре машины. Гоночная машина с Малиновским за рулем, поддельный «сейф на колесах», «Даймлер» старого образца с адмиралом за рулем и старик священник с копной седых волос за рулем «Моррис-Оксфорда». Блестящая операция, отлично спланированная.

И вдруг в один прекрасный день банде не повезло. Этот старый дуралей каноник Пеннифезер отправился на самолет не в тот день, потом, возвращаясь из аэропорта, забрел на Кромвель-роуд, посмотрел фильм и притащился в свой гостиничный номер за полночь. Он открыл дверь, так как по рассеянности унес ключ с собой, но когда он вошел, то испытал потрясение, которое не испытывал никогда в жизни, потому что перед ним сидел в кресле он сам! Эти бандиты никак не ожидали увидеть настоящего каноника Пеннифезера, который должен был благополучно отбыть в Люцерн. Его двойник как раз был готов отправиться в Бедхемптон, когда вошел оригинал. Они не знали, что делать, но у одного из группы сработал рефлекс. Полагаю, у Хамфриса. Он ударил старика по голове, и тот свалился без сознания. Думаю, кого-то это страшно разгневало. Очень. Однако, осмотрев старикана, они убедились, что он просто без сознания и наверняка

очнется. Тогда они продолжили осуществление плана. Фальшивый каноник отбыл с целью принять отведенное ему участие в эстафете. Что они сделали с настоящим каноником Пеннифезером, я не знаю. Могу только догадываться, что его позже отвезли на машине в домик огородника, который проживает недалеко от того места, где задержали поезд. Там старика осмотрел врач. Прекрасно! Если придут сообщения о том, что каноника Пеннифезера видели в этих местах, все сложится как нельзя лучше. Наверное, многие нервничали в ожидании того, как он очнется, и вздохнули с облегчением, узнав, что по крайней мере три дня выпали из его памяти.

— В противном случае они бы его убили? — спросила мисс Марпл.

— Нет, — ответил ей Папаша. — Не думаю, что его убили бы. Кто-то не допустил бы этого. С самого начала было ясно, что тот, кто руководит всей этой игрой, настроен против убийств.

— Это звучит фантастически, — сказала Бесс Седжвик. — В высшей степени! И я не верю, что у вас есть доказательства связи Ладислава Малиновского со всей этой белибердой.

— У меня масса улик против Ладислава Малиновского, — возразил Папаша. — Он ведь крайне

беспечен, как вам известно. Он здесь болтался, когда это было совсем ни к чему. В первый раз он появился, чтобы установить контакт с вашей дочерью. У них был разработан особый код.

— Чушь! Она сама вам сказала, что незнакома с ним.

— Может, она и сказала, но это неправда. Она в него влюблена. Она хочет, чтобы он на ней женился.

— Я этому не верю!

— Откуда вам знать? Малиновский не из тех, кто выбалтывает свои секреты, а свою дочь вы вообще не знаете. Вы сами это признали. Вы рассердились, не так ли, когда Малиновский зашел в «Бертрам»?

— Чего мне было сердиться?

— Потому что вы и есть тот самый мозговой центр, — сказал Папаша. — Вы и Генри. А финансовую сторону взяли на себя братья Хоффман. Они договорились с банками на континенте. Но главой синдиката, мозгом, который им управляет и все планирует, этим мозгом являетесь вы, леди Седжвик.

Бесс расхохоталась:

— Ничего более нелепого никогда не слыхала!

— О нет, здесь нет ничего нелепого. У вас и ум,

и отвага, и хватка. Вы уже многое испытали, а теперь решили попытать счастья на преступной стезе. Тут уж азарта хоть отбавляй, да и риска тоже. Вас не столько деньги прельщали, сколько встряска, которую это дает. Но вы не допускали убийств или даже излишнего насилия, в этом надо отдать вам должное. Ни убийств, ни грубого насилия — только умело нанесенные удары по голове в случае крайней необходимости. Вы очень интересная женщина. Одна из действительно интересных великих преступниц.

На несколько минут наступило молчание. Потом Бесс Седжвик встала:

— Мне кажется, вы сошли с ума. — Она протянула руку к телефону.

— Хотите позвонить адвокату? Это очень разумно, пока вы не сказали лишнего.

Она резким движением бросила трубку на место:

— Пожалуй, я не стану звонить адвокату — терпеть их не могу… Ладно. Пусть будет по-вашему. Вы правы, я получала от этого наслаждение. Мне каждая минута была в радость. Так здорово загребать деньги в банках, поездах, на почте или в так называемых бронированных фургонах! Здорово было планировать и принимать реше-

ния — так здорово, что ни на миг не жалею. Как вы сказали? Не след кувшину слишком часто появляться у колодца? Полагаю, это правда. Ну что ж, я неплохо повеселилась за свои денежки! Но насчет того, что Ладислав Малиновский пристрелил Майкла Гормана, вы ошибаетесь. Не он его убил, а я. — Она вдруг рассмеялась звонко и возбужденно. — Не важно, что он там сделал или чем грозил, я сказала ему, что застрелю, и застрелила. Мисс Марпл меня слышала. Я сделала многое из того, что вы приписываете Ладиславу. Это я притаилась на площадке. Когда появилась Эльвира, я выстрелила наугад. Она закричала, Мики прибежал, и тут я его и прикончила. Он получил по заслугам! У меня, само собой, есть ключи от любого входа в гостиницу. Я просто проскользнула в дверь недалеко от площадки и поднялась в свою комнату. Я и представить себе не могла, что вы этот пистолет свяжете с Ладиславом или вообще его заподозрите. Я стащила пистолет у него из машины, а он и не знал. Но я не имела намерения, учтите это, бросить на него подозрение.

Она резко повернулась к мисс Марпл:

— Вы свидетельница того, что я сказала, так помните. Это я убила Гормана.

— Или, возможно, вы говорите так, потому что любите Малиновского, — высказал предположение Дэви.

— Нет! — выпалила она. — Я просто друг ему, и все. О да, мы были любовниками, просто так, без влюбленности с моей стороны. За всю свою жизнь я любила только одного человека — Джона Седжвика. — Последнюю фразу она произнесла с нежностью. — Но Ладислав мой друг. Я вовсе не хочу, чтобы ему приписали то, чего он не делал. Я убила Майкла Гормана. Я уже сказала это, и мисс Марпл меня слышала… А теперь, дорогой старший инспектор Дэви… — Голос ее возбужденно зазвенел и рассыпался истерическим смехом. — Поймай меня, если сможешь!

Размахнувшись, она выбила стекло тяжелым телефонным аппаратом, и не успел Папаша вскочить на ноги, как она уже оказалась за окном и стала быстро пробираться по узкому выступу. С удивительной для его грузной фигуры сноровкой Дэви подскочил к другому окну и поднял раму. Одновременно он выхватил из кармана полицейский свисток и засвистел.

Мисс Марпл, с трудом поднявшаяся из кресла минутой-другой позже, присоединилась к нему. Они вместе смотрели вдоль фасада отеля «Бер-

трам».

— Она упадет. Ведь она взбирается по водосточной трубе! — воскликнула мисс Марпл. — Но почему *наверх*?

— На крышу. Это ее единственный шанс, и она это знает. Боже праведный, настоящая кошка. Отчаянная женщина!

Мисс Марпл, зажмурившись от страха, пробормотала:

— Она свалится. Ей не добраться…

Но женщина, за которой они наблюдали, скрылась из виду. Папаша отошел от окна.

Мисс Марпл спросила:

— Вы не собираетесь пойти и?..

Папаша покачал головой:

— Куда мне, такой туше? Там на всякий случай стоят мои люди. Они знают, что нужно делать. Через несколько минут мы выясним… Я не поставил бы на них против нее! Таких, как она, одна на тысячу. — Он вздохнул. — Она из необузданных. Такие встречаются в каждом поколении. Их не приручить, не заставить жить в обществе по его законам. У них свой путь. Если они святые, то идут лечить прокаженных или погибают мучениками в джунглях. Если они противоположного толка, то совершают неслыханные зверства, а

порой они просто дикари! Они бы, возможно, вписались в жизнь в другие времена, когда каждый стоял за себя, боролся за выживание. Такой мир им бы подошел. А этот — нет.

— Вы предполагали, что она так поступит?

— Пожалуй, нет. Это один из ее талантов. Непредсказуемость. Но она, вероятно, все заранее обдумала. Она знала, к чему идет дело. Поэтому она сидела, глядя на нас, поддерживала разговор, а сама обдумывала. Усиленно думала и планировала. Я полагаю… Ах ты!

Он прервал разговор, заслышав внезапный автомобильный выхлоп, визг колес и рев мощного мотора гоночной машины. Он высунулся из окна.

— Ей все-таки удалось, она добралась до машины!

Снова визг тормозов — автомобиль обогнул угол на двух колесах. Потом мощный рев, и великолепное белое чудовище рвануло вдоль улицы.

— Она кого-нибудь убьет, — сказал Папаша. — Убьет много людей… если только не себя саму.

— Не думаю, — произнесла мисс Марпл.

— Она отличный водитель. Чертовски умелый. Ух ты, чуть не…

Они слышали, как машина несется, непрерыв-

но сигналя, потом звук стал отдаляться. До них донеслись крики, вопли, гудки автомашин, скрежет и, наконец, отчаянный визг тормозов, взрыв выхлопа и…

— Она разбилась, — сказал Папаша.

Он застыл на месте в терпеливом ожидании, которое так пристало всей его огромной, исполненной достоинства фигуре. Мисс Марпл молча стояла возле. Потом, как по эстафете, по улице пронесся слух. Человек на тротуаре напротив взглянул на старшего инспектора Дэви и начал быстро жестикулировать.

— Конечно, — тяжело выговорил Папаша. — Погибла! Врезалась на скорости девяносто миль в час в ограду парка. Никаких других жертв, кроме нескольких легких столкновений. Великолепное вождение. Да, она мертва. — Он вернулся в комнату. — Ну что ж, она во всем призналась. Вы это слышали.

— Да, — подтвердила мисс Марпл. — Слышала.

Оба помолчали.

— Но это, конечно, неправда, — очень тихо добавила мисс Марпл.

Папаша взглянул на нее:

— Так вы ей не поверили?

— А вы?

— Нет, — признался Папаша. — Нет, все было иначе. Она говорила вполне правдоподобно, но лгала. Она не убивала Майкла Гормана. Вы, случаем, не знаете, кто убил?

— Конечно, знаю, — сказала мисс Марпл. — Девица.

— Ах так! И когда вам это пришло в голову?

— У меня все время были подозрения.

— У меня тоже, — сказал Папаша. — Она выглядела страшно испуганной в тот вечер. И ложь, которую придумала, была неудачной. Но сначала мне не был ясен мотив.

— Это и меня сперва озадачило, — слегка развела руками мисс Марпл. — Она обнаружила, что мать ее виновна в двоемужестве, но разве девушка станет из-за этого убивать? Только не в наше время! Думаю, тут все дело в деньгах.

— Да, в деньгах, — согласился старший инспектор Дэви. — Отец оставил ей колоссальное состояние. Когда она обнаружила, что мать замужем за Майклом Германом, она сообразила, что брак с Конистоном недействителен. И подумала, что деньги ей не достанутся, потому что хоть она и дочь Конистона, но все же незаконная. Здесь она ошиблась. У нас уже был подобный случай. Все зависит от условий завещания. Конистон

совершенно определенно все оставил ей, назвав ее имя. Она и так все получила бы, но она этого не знала. А упускать денежки из рук она не собиралась.

— И что это они ей так понадобились?

Старший инспектор произнес с неприязнью:

— Чтобы купить Ладислава Малиновского. Он бы ради денег женился на ней. А без денег — нет. Она совсем не дура, эта девица. Все понимает. Но она хотела получить его во что бы то ни стало. Она в него отчаянно влюблена.

— Я знаю, — кивнула мисс Марпл и пояснила: — Я видела тогда в парке ее лицо.

— Она понимала, что с деньгами она его получит, а без денег потеряет, — продолжал Папаша. — И хладнокровно задумала убийство. Она, конечно, не пряталась на площадке. Там вообще никого не было. Она просто прижалась к ограде и выстрелила, потом закричала, а когда Майкл Горман подбежал к ней, выстрелила в него с близкого расстояния. Потом продолжала кричать. Да, хладнокровная особа. Но бросать тень на Ладислава Малиновского она не собиралась. Пистолет украла у него, потому что это было легче всего. Она никак не предполагала, что его могут обвинить в преступлении и что он вообще

будет поблизости в это время. Она считала, что все спишут на счет какого-нибудь грабителя, который воспользовался туманом. Но, при всем своем самообладании, она в тот вечер сильно испугалась. После убийства. А мать боялась за нее.

— Что же вы предпримете теперь?

— Я знаю, что она это сделала. Но у меня нет доказательств. Может, ей повезет, как везет новичкам в игре. Опытный адвокат сможет сыграть на чувствительных нотах: такая юная, такое неудачное воспитание… К тому же она и собой хороша.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Хороша. Дети Люцифера часто красивы. И, как нам известно, они неувядаемы, как лавровый куст.

— Но я вам доложу, что даже до этого может не дойти, — нет никаких доказательств. Возьмите себя, например. Вас вызовут свидетелем того, что сказала ее мамаша, свидетелем признания матери в совершении того преступления.

— Понимаю. Она старалась мне это внушить. Она избрала для себя смерть, заплатив таким образом за свободу дочери. Она мне это навязывала как предсмертную волю…

Дверь в соседнюю спальню отворилась. Эльвира Блейк вошла. На ней было простое и строгое

синее платье. Светлые волосы прямыми прядями обрамляли лицо. Она была похожа на ангела с картины итальянского примитивиста. Она сказала:

— Я слышала шум машины, какой-то грохот и крики… Что случилось?

— Мне жаль, мисс Блейк, но я должен вам сообщить, — произнес старший инспектор Дэви официальным тоном, — что ваша мать погибла.

Эльвира легонько охнула.

— О нет! — выдохнула она, и в ее голосе послышался слабый, неуверенный протест.

— Прежде чем сбежать, — продолжал старший инспектор Дэви, — а она и в самом деле сбежала, она призналась в убийстве Майкла Гормана.

— То есть… она сказала… что это *она*…

— Да, — кивнул Папаша. — Именно это она и сказала. Вы имеете что-нибудь добавить?

Эльвира посмотрела на него долгим взглядом. Потом едва заметно мотнула головой.

— Нет, — ответила она. — Мне нечего добавить.

Повернулась и вышла из комнаты.

— Ну? — спросила мисс Марпл. — Вы так и дадите ей уйти?

— Нет, — рявкнул он. — Нет, ей-богу, не дам!

Мисс Марпл медленно и серьезно покачала головой.

— Да смилуется господь над ее душой, — сказала она.

Немезида

Глава 1
УВЕРТЮРА

Джейн Марпл обычно просматривала свою вторую газету после полудня. Каждое утро ей доставляли две газеты. Первую мисс Марпл проглядывала, потягивая утренний чай, если, конечно, ее доставляли вовремя. Мальчик, разносивший газеты, явно был не в ладах со временем. Частенько также появлялся новый мальчик, заменяющий первого. Каждый из них имел собственное представление касательно маршрута, по которому они развозили газеты. Возможно, они хотели разнообразия. Те, кто привык просматривать газету пораньше, чтобы узнать самые смачные новости, прежде чем отправиться на работу автобусом, поездом или воспользоваться другим современным средством передвижения, раздражались, если доставка запаздывала. Между тем пожилые дамы, обитающие в Сент-Мэри-Мид, предпочитали разворачивать газету за завтраком.

В этот день мисс Марпл уже успела прочесть первую страницу и несколько других статей

ежедневной газеты, которые она иронично окрестила «всякой всячиной», поскольку нынешний владелец «Дейли ньюсгивер», к неудовольствию самой пожилой леди и ее приятельниц, печатал теперь заметки о мужских портных, дамских туалетах, конкурсах для детей, истории о разбитых девичьих сердцах и жалобные письма женщин. А важные новости он запихивал куда угодно, только не на первую страницу, — как правило, туда, где их невозможно было найти. Мисс Марпл, будучи старомодной, желала, чтобы газеты соответствовали своему предназначению и сообщали настоящие новости.

После полудня, покончив с ленчем и подремав минут двадцать в специально предназначенном для ее ревматической спины высоком кресле, мисс Марпл развернула «Таймс», чтобы не спеша прочитать ее. Нет, и «Таймс» теперь уже не та, что прежде. Более всего раздражало то, что в ней ничего не найти. А ведь как было раньше: просматриваешь газету, начиная с первой страницы и зная, где искать нужные сведения и статьи по интересующим тебя вопросам. Вместо этого в традиционном расположении материалов «Таймс» появились какие-то нелепые перебивки текста. Ни с того ни с сего две страницы были

посвящены путешествию по Капри (к тому же с иллюстрациями!), а спортивная рубрика заняла более значительное место, чем раньше. Судебная хроника и некрологи остались почти без изменений. Рождения, браки и смерти, некогда более всего привлекавшие внимание мисс Марпл прежде всего потому, что занимали самое заметное место, перекочевали в другой раздел газеты, хотя последнее время пожилая леди все чаще стала находить их на последней странице.

Прежде всего мисс Марпл занялась главными новостями на первой странице, но не задержалась на них, ибо все это уже прочитала утром и к тому же в лучшем изложении. Она просмотрела рубрики с перечнем материалов: статьи, комментарии, наука, спорт. Потом по привычке перевернула страницу и быстро пробежала глазами рождения, браки и кончины, после чего решила заглянуть туда, где печатались письма читателей, — там мисс Марпл всегда обнаруживала что-нибудь занимательное. Отсюда она перешла к судебной хронике, рядом с которой помещались также сведения об аукционах. На этой же странице часто встречались научные статьи, но мисс Марпл не собиралась их читать, ибо они редко были доступны ей.

Просматривая, как обычно, сообщения о рождениях, браках и кончинах, мисс Марпл уже не в первый раз подумала: «Право же, очень грустно сознавать, но всех теперь в основном интересуют лишь кончины!»

Дети по-прежнему появляются на свет, но имена их родителей вряд ли ей знакомы. Вот если бы рядом с именами новорожденных значились имена их бабушек, то, возможно, она и узнала бы кого-то, к своей радости. И тогда, пожалуй, подумала бы: «Поразительно: у Мэри Прендергаст уже третья внучка!»

Мисс Марпл быстро и не слишком внимательно пробежала глазами колонку «Браки», поскольку дочери и сыновья ее старых друзей давным-давно уже поженились и повыходили замуж. Колонка «Кончины» занимала ее куда больше, ибо она желала удостовериться, что не пропустила какое-нибудь знакомое имя. Аллоуэй, Ангопастро, Арден, Бартон, Бедшоу, Бергоуайзер... (Господи, какая же странная немецкая фамилия. Кажется, он недавно приехал из Лидса!) Карпентер, Кэмпердаун, Клегг. Клегг? Уж не та ли Клегг, которую она знала? Нет, та как будто была Джанет Клегг. Откуда-то из Йоркшира. Макдональд, Маккензи... Николсон. Николсон? Нет, конечно, это

не тот Николсон, с которым она была знакома. Огг, Ормерод... Мисс Марпл подумала, что это, должно быть, одна из тетушек. Да, наверное. Линда Ормерод. Нет, она не знала ее. Квонтрил? Боже, да это же, вероятно, Элизабет Квонтрил! Восемьдесят пять лет. Ну разумеется! А она-то полагала, что Элизабет Квонтрил давно уже умерла. Удивительно: прожила так долго, а ведь всегда была такой хрупкой. Никто не ожидал, что она столько протянет. Рейс, Рэдли, Рэфьел. Рэфьел? Что-то знакомое. Рэфьел. Бедфорд-парк, Мейдстоун, Бедфорд-парк, Мейдстоун. Нет, мисс Марпл никак не могла припомнить этот адрес. Просят не приносить цветов. Джейсон Рэфьел. Какое необычное имя! Видимо, она где-то слышала его. Росс-Перкинс. Пожалуй... нет, не то! Райленд? Эмили Райленд. Нет. Нет, мисс Марпл никогда не знала Эмили Райленд. *Горячо любимая мужем и детьми.* Что ж, очень мило или очень грустно — как для кого.

Пожилая леди равнодушно взглянула на кроссворд и отложила газету, недоумевая, почему ей так мучительно знакомо имя Рэфьел.

«Ничего, потом вспомню, — сказала себе мисс Марпл, хорошо зная по опыту, какова память у пожилых людей. — Это всплывет. Ничуть не

сомневаюсь».

Она посмотрела из окна в сад, потом отвела взгляд, пытаясь выбросить его из головы. Этот сад уже много лет доставлял ей большую радость, но стоил немалых трудов. Теперь врачи запретили мисс Марпл работать в саду. Она попыталась было воспротивиться этому, но в конце концов решила поступить так, как ей советуют. Мисс Марпл пристроила кресло так, чтобы не видеть сада, пока она твердо и четко не поймет, что именно ей там нужно. Вздохнув, она взяла рабочую корзинку и извлекла оттуда шерстяную детскую кофточку. «Перед и спинка готовы, так что теперь можно приниматься за рукава, — сказала себе мисс Марпл. — Нудная работа — вязать два совершенно одинаковых рукава. Да, самая нудная! Однако эта розовая шерсть очень приятного оттенка. Розовая шерсть. Так, с чем же это у меня ассоциируется? Да, да... с фамилией, которую я только что прочитала в газете. Розовая шерсть. Синее море. Карибское море. Песчаный пляж. Яркое солнце. Я сижу с вязаньем, и тут... конечно, мистер Рэфьел! Я тогда совершила вояж на Карибы. Остров Сент-Оноре. Это устроил мне мой племянник Реймонд». Мисс Марпл вспомнила Джоан, жену Реймонда.

«Только не впутывайтесь ни в какие расследования убийств, тетя Джейн, — напутствовала ее Джоан. — Здоровья вам это не прибавит».

Что ж, ей совсем не хотелось впутываться в расследование, но все же это случилось. Вот так-то. А все из-за отставного майора со стеклянным глазом, который уговорил ее выслушать несколько очень длинных и утомительных историй. Бедный майор... как же его звали?.. Мисс Марпл напрочь забыла это имя... Мистер Рэфьел и его секретарша, миссис... миссис Уолтере, да, Эстер Уолтере, и его массажист Джексон. Вот и вспомнила! Так-так! Бедный мистер Рэфьел. Итак, мистер Рэфьел умер. Впрочем, он полагал, что это случится гораздо раньше. Именно так мистер Рэфьел сказал ей. Однако он протянул значительно дольше, чем пророчили врачи. Да, этот человек был сильным, волевым и к тому же весьма богатым.

Мисс Марпл погрузилась в размышления. Спицы ее мелькали, но вязала она автоматически. Пожилая леди думала о покойном мистере Рэфьеле, пытаясь вспомнить все, что знала о нем. Право же, такого человека не так-то легко забыть. Мисс Марпл очень четко воспроизвела его в памяти. Да, весьма характерная личность: трудный, раздражительный человек, порою шо-

кирующе грубый. Однако никто не обижался на его грубость. Это она тоже помнила. Никто не обижался, потому что он был так богат. Конечно, очень богат. Мистера Рэфьела сопровождали его секретарша и слуга, массажист высокой квалификации. Он не мог обходиться без их помощи. С этим массажистом, по мнению мисс Марпл весьма подозрительным типом, мистер Рэфьел иногда бывал очень груб. Но тот никогда не обращал на это внимания. И опять-таки, несомненно, потому, что мистер Рэфьел был так богат!

«Никто не будет платить ему и половину того, что даю ему я, — как-то сказал мистер Рэфьел. — И он знает это, хотя работать умеет».

«Интересно, — подумала мисс Марпл, — долго ли этот Джексон или Джонсон оставался с ним? Продержался ли больше года? Год и три или четыре месяца? Нет, едва ли. Мистер Рэфьел из тех, кто любит перемены. Он устает от людей, от их привычек, лиц, голосов».

Мисс Марпл понимала это, ибо и сама порой чувствовала то же самое. Взять хотя бы ее компаньонку. Эта красивая внимательная женщина раздражала ее своим воркующим голоском.

«Ах, — сказала себе мисс Марпл, — все изменилось к лучшему с того момента, как... О господи,

как же ее имя... мисс... мисс Бишоп?.. Нет, не мисс Бишоп, конечно нет. И с чего я вспомнила это имя — Бишоп? О Господи, почему же это было так трудно?»

Мысли мисс Марпл снова вернулись к мистеру Рэфьелу. Нет, массажиста звали не Джонсон, а Джексон, Артур Джексон.

«О господи, я постоянно путаю имена и фамилии. И конечно, я думала о мисс Найт. Не о мисс Бишоп. С чего я взяла, что ее зовут мисс Бишоп? Из-за шахмат, конечно, — ответила себе мисс Марпл. — Вернее, из-за шахматных фигур. Конь. Слон. Боюсь, в следующий раз я назову ее мисс Касл или мисс Рук[135]. Впрочем, она вовсе не из тех, кто способен обманывать. Но как же звали ту хорошенькую секретаршу мистера Рэфьела? Ах да, Эстер Уолтере. Правильно. Интересно, а как сложилась ее судьба? Завещал ли он ей деньги? Теперь, наверное, она унаследует много денег.

«Мистер Рэфьел, — припомнила мисс Марпл, — говорил мне что-то об этом, а может, сама Эстер... О Господи, какие забавные штуки выкидывает память, когда слишком напрягаешь ее! Эстер

---

[135] notes: 135

Английские обозначения шахматных фигур: бишоп (bishop) — слон; найт (knight) — конь; касл (castle), рук (rook) — ладья, тура, а также глагол «обманывать». (Здесь и далее примеч. перев.)

Уолтерс. Там, на Карибах, ей крепко досталось, но она, должно быть, оправилась. Она ведь, кажется, вдова». Мисс Марпл надеялась, что Эстер Уолтерс снова вышла замуж за какого-нибудь милого, красивого и надежного человека. Нет, это казалось маловероятным. Эстер Уолтерс, помнится, обладала просто гениальной способностью нравиться таким мужчинам, за которых лучше не выходить замуж.

Мысли пожилой леди снова вернулись к мистеру Рэфьелу. «Просят не приносить цветов». Нет, она и не думала посылать цветы на похороны мистера Рэфьела. Он мог бы, если бы пожелал, купить все оранжереи в Англии. К тому же их не связывали особо тесные отношения. Они не были друзьями и не питали друг к другу слишком теплых чувств. Они были... как бы это сказать?.. союзниками. Да, союзниками, но весьма недолго. В такое беспокойное время стоило иметь такого, как он, союзника. Она поняла это, когда бежала к нему во тьме тропической ночи. «Да, на мне был тот розовый шерстяной... как это называлось во времена моей молодости?.. ах да, шарф! Похожий на шаль, и я обмотала его вокруг головы. Мистер Рэфьел тогда посмотрел на меня и рассмеялся, а позднее, когда я сказала одно слово, — мисс

Марпл улыбнулась этому воспоминанию, — он снова рассмеялся, но под конец уже не смеялся. Нет, он сделал впоследствии то, о чем я его просила... Ах!» Пожилая леди вздохнула. Это было очень волнующее приключение, о котором она никогда не рассказывала ни своему племяннику, ни дорогой Джоан. Зачем? Ведь они просили ее не делать этого, не так ли? Мисс Марпл тряхнула головой и тихо пробормотала:

— Бедный мистер Рэфьел. Надеюсь, он не... страдал.

Должно быть, нет. Наверное, те дорогие врачи, которые пестовали мистера Рэфьела, не жалели для него наркотиков. А вот в те несколько недель на Карибах бедняга очень мучился. Боль почти не отпускала его. Мужественный человек.

Мужественный человек. Мисс Марпл огорчила смерть мистера Рэфьела. Хотя он был немощен, стар и болен, с его уходом, по мнению пожилой леди, мир что-то потерял. Конечно, она не знала его деловых качеств. Вероятно, мистер Рэфьел был безжалостным, жестким, напористым и властным. Предпочитал нападать, а не защищаться. Но... но он был и надежным другом. В недрах его души таилась доброта, которую он старался никогда не показывать. «Я восхищалась

им и уважала его. Да, очень жаль, что мистер Рэфьел умер. Надеюсь, он не слишком мучился и ушел из жизни легко. Теперь, несомненно, его кремируют, а на могиле поставят большое красивое мраморное надгробие. Интересно, был ли он женат? Мистер Рэфьел никогда не упоминал ни о жене, ни о детях. Холостяк? А может, жизнь его была так наполнена, что он не чувствовал себя одиноким?»

Мисс Марпл долго еще сидела в кресле, продолжая размышлять о мистере Рэфьеле. Она не предполагала встретиться с ним после возвращения в Англию и в самом деле больше уже не видела его. И все же между ними, как ей казалось, сохранялась какая-то странная, незримая связь. Если бы только он напомнил о себе или предложил встретиться, возможно, связь, возникшая между ними, когда они спасли жизнь человека... Связь...

— Разумеется, — подумала вслух мисс Марпл, пораженная внезапно посетившей ее мыслью, — ведь не безжалостность соединила нас? Неужели я, Джейн Марпл, могла когда-либо быть безжалостной? Странно, почему это не приходило мне в голову прежде? Полагаю все же, что я *способна* проявить безжалостность...

Дверь открылась, и в комнату просунулась темная кудрявая голова Черри, преемницы мисс Бишоп... нет, мисс Найт.

— Вы что-то сказали? — спросила Черри.

— Я разговаривала сама с собой, — призналась мисс Марпл, — размышляя о том, свойственна ли мне безжалостность.

— Что? Вам? — удивилась Черри. — Конечно нет! Да вы сама доброта!

— И все же, полагаю, я могла бы проявить безжалостность, будь на то веская причина.

— А что вы называете «веской причиной»?

— Ну, если бы того требовала справедливость, — пояснила мисс Марпл.

— Кажется, что-то похожее вы проявили, поймав Гэри Хопкинса, который издевался над кошкой. Никто и не думал, что вы способны на такое! Он до смерти перепугался и никогда не забудет этого урока.

— Надеюсь, Гэри больше не мучает кошек.

— Ну, если он и решится на это, то лишь убедившись, что вас нет поблизости. — Черри улыбнулась. — По правде говоря, я уверена, что тогда вы перепугали и всех других мальчишек. Когда вы, кроткая как ягненок, вяжете какую-нибудь шерстяную вещицу, никто и не заподозрит,

что вы способны превратиться в разъяренную львицу.

Мисс Марпл так и не удалось вообразить себя львицей, и она с сомнением посмотрела на Черри. «Неужели, — задумалась пожилая леди, — меня так раздражала эта мисс Бишоп-Найт? (О господи, ну почему я постоянно забываю имена?)» Впрочем, выказывая раздражение, она обычно отпускала ироничные замечания. Львицы же едва ли бывают ироничны. Они прыгают на врага. Рычат. Рвут когтями свою жертву.

— Не думаю, что когда-нибудь я вела себя подобным образом, — возразила мисс Марпл.

Вечером, медленно прогуливаясь по саду, почтенная леди снова вернулась к этому вопросу. Возможно, взгляд ее упал на клумбу, засаженную львиным зевом. «О господи, сколько же повторять старому Джорджу, что мне нравится ярко-желтый львиный зев, а не этот ужасный лиловый цвет, который так любят садовники!»

— Ярко-желтый! — громко сказала мисс Марпл.

Ее восклицание привлекло внимание женщины, проходившей мимо ограды.

— Прощу прощения? Вы что-то сказали?

— Боюсь, я говорила сама с собой. — Мисс

Марпл обернулась.

Эту женщину она никогда не видела, хотя знала почти всех в Сент-Мэри-Мид, по крайней мере в лицо. На приземистой незнакомке была поношенная, но еще крепкая твидовая юбка, зеленый пуловер, вязаный шерстяной шарф и добротные туфли.

— Увы, этим страдают многие в моем возрасте, — добавила мисс Марпл.

— А у вас очень милый садик! — заметила женщина.

— Сейчас он не так хорош, но вот когда я сама займусь им...

— О, вполне понимаю ваши чувства. Полагаю, на вас работает один из этих — у меня для них множество прозвищ, в основном нелицеприятных, — старичков, утверждающих, будто прекрасно разбираются в садоводстве, хотя на самом деле ничего в этом не смыслят. Придут, попьют чайку и забудут о прополке сорняков. Некоторые из них очень славные люди, но способны кого угодно вывести из себя. Сама я тоже неплохо разбираюсь в садоводстве.

— — Вы живете здесь? — заинтересовалась мисс Марпл.

— Да, вместе с миссис Хастингс. Кажется, она

рассказывала о вас. Ведь вы мисс Марпл, не правда ли?

— Да.

— Я приехала помочь миссис Хастингс присматривать за садом. Кстати, меня зовут Бартлет. Мисс Бартлет. Но там не слишком много работы. В основном миссис Хастингс посеяла однолетние культуры, так что и руки не к чему приложить! — В подтверждение своих слов мисс Бартлет широко развела руками. — Конечно, приходится заниматься и кое-чем другим. Магазины, знаете ли, и прочее, но, если хотите, я могла бы уделить вам часок-другой. Уверяю вас, я отлично справлюсь с этим делом.

— Это не так трудно, — заметила мисс Марпл. — Больше всего я люблю цветы. Овощи меня мало интересуют.

— А вот для миссис Хастингс главное — овощи. Скучно, но необходимо. Ну, мне пора. — Она оглядела мисс Марпл с ног до головы, словно пытаясь запомнить ее, потом весело кивнула и удалилась.

Миссис Хастингс? Мисс Марпл не помнила такого имени. Среди ее старых друзей не было никакой миссис Хастингс, равно как и в кружке садоводов-любителей. Ах да, наверное, она живет

в тех новых домах в конце Гибралтар-роуд. В прошлом году туда переехало несколько семей. Мисс Марпл вздохнула и снова с раздражением посмотрела на львиный зев. Несколько сорняков следовало бы выдернуть, а пару отростков отрезать секатором. С трудом преодолев искушение, пожилая леди прошлась по саду и вернулась домой. Мысли ее снова обратились к мистеру Рэфьелу. «Мы с ним, — подумала она, — были... как же называлась та книга, популярная в дни моей молодости? *«Корабли, скользящие в ночи»*. Да, если поразмыслить, так оно и было. Корабли, скользящие в ночи... Ведь именно под покровом ночи я пришла к нему просить... нет, требовать помощи! Настоятельно просить, умолять, утверждать, что нельзя терять времени. И он согласился и все сделал! Тогда я и в самом деле походила на *львицу?* Нет. Не то. В тот момент я чувствовала не гнев, а настоятельную потребность что-то немедленно предпринять. И он все понял.

Бедный мистер Рэфьел. Корабль, скользящий в ночной тьме, был действительно интересен. Тот, кто привык к грубости мистера Рэфьела, мог бы назвать его вполне приятным человеком. Нет. — Мисс Марпл покачала головой. — Он никогда не

был приятным человеком. Что ж, пора выбросить мистера Рэфьела из головы.

Корабли, скользящие в ночи,
Что же шепчут друг другу они?
Далекий голос в тиши
И на мачтах сигнальные огни...

Наверное, я больше никогда не вспомню о нем. Надо бы еще раз посмотреть «Таймс», может, там есть некролог. Впрочем, едва ли. Ведь он не был широко известен. Или знаменит. Просто очень богат. Конечно, эта газета часто помещает некрологи богачей. Но мистер Рэфьел не походил на таких. Мистер Рэфьел не был ни крупным промышленником, ни финансовым гением, ни банкиром мирового масштаба. Все, что он сделал за свою жизнь, — это сколотил огромное состояние...»

Глава 2
ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»

Примерно через неделю после смерти мистера Рэфьела мисс Марпл обнаружила на подносе с завтраком письмо. Она не сразу вскрыла его. В других конвертах, полученных ею этим утром, скорее всего, были счета или квитанции. В любом случае, в отличие от этого, третьего, они особого интереса не вызывали.

Лондонский штамп, адрес, напечатанный на машинке, продолговатый конверт из хорошей бумаги. Мисс Марпл аккуратно вскрыла его специальным ножичком, всегда находившимся у нее под рукой. Отправители: Бродриб и Шустер, поверенные, нотариальная контора в Блумсбери. В письме предельно учтиво, как и принято у юристов, мисс Марпл просили приехать в контору в любой день на следующей неделе, чтобы обсудить предложение, которое, возможно, ее заинтересует. Лучше всего в четверг, двадцать четвертого. Если эта дата не слишком удобна, пусть мисс Марпл сообщит, когда в ближайшем будущем она собирается в Лондон. В конце

Бродриб и Шустер сообщали, что они адвокаты недавно скончавшегося мистера Рэфьела, с которым, как им известно, она была хорошо знакома. Несколько озадаченная письмом, мисс Марпл нахмурилась. Размышляя о нем, она поднялась медленнее, чем обычно. Спуститься вниз ей помогла Черри, которая обычно находилась поблизости и следила, чтобы мисс Марпл не расшиблась на старомодной лестнице с крутым поворотом посередине.

— Вы слишком опекаете меня, Черри, — сказала мисс Марпл.

— Не беспокойтесь, — как всегда, ответила та. — Хорошим людям не грех услужить.

— Спасибо за комплимент. — Мисс Марпл осторожно поставила ногу на последнюю ступеньку.

— Надеюсь, ничего не случилось? — спросила Черри. — У вас такой озабоченный вид. Вы понимаете, о чем я?

— Нет, ничего особенного. Просто получила странное письмо из адвокатской конторы.

— Но ведь на вас никто не подавал в суд? — Для Черри письмо из адвокатской конторы ассоциировалось только с неприятностями.

— О нет, не думаю. Ничего такого. Просто меня просят приехать в Лондон на следующей неделе.

— Возможно, кто-то оставил вам наследство, — с надеждой предположила Черри.

— Весьма сомневаюсь.

— Кто знает, кто знает...

Расположившись в кресле и достав из корзинки незаконченное вязанье, мисс Марпл подумала: уж не завещал ли ей что-то мистер Рэфьел? Даже предположение Черри меньше поразило почтенную леди, чем эта мысль. «Нет, — решила она, — мистер Рэфьел не из таких».

Да и поехать в назначенный день ей не удастся, она должна отправиться на собрание Женского благотворительного клуба, где предстоит обсудить вопрос об изыскании средств на пристройку к зданию еще двух небольших комнат. Поэтому мисс Марпл написала письмо в контору и назвала удобную для нее дату на следующей неделе. В положенный срок она получила ответ, и договоренность была подтверждена. Письмо подписал Дж. Р. Бродриб, по-видимому старший партнер. Мисс Марпл допускала, что мистер Рэфьел оставил ей по завещанию какой-нибудь сувенир или памятный подарок. Например, книгу из своей библиотеки о редких цветах, которая, как он полагал, доставит удовольствие пожилой леди, занимающейся садоводством. Или брошку с каме-

ей, некогда принадлежавшую его бабушке... Эти фантазии позабавили мисс Марпл. «Но это всего лишь фантазии, — подумала она, — поскольку в любом случае душеприказчики, если эти адвокаты — душеприказчики мистера Рэфьела, просто прислали бы такие предметы по почте». Но нет, они выразили желание встретиться с ней.

— Что ж, — пробормотала почтенная леди, — я все узнаю в следующий вторник.

* * *

— Интересно, какая она? — Мистер Бродриб обращался к мистеру Шустеру, по обыкновению глядя на стенные часы.

— Эта леди должна прийти через четверть часа, — заметил мистер Шустер. — Интересно, пунктуальна ли она?

— О, думаю, да. Ведь она уже в солидном возрасте, как я понимаю, а значит, куда пунктуальнее нынешней легкомысленной молодежи.

— Полная или худая? — размышлял вслух мистер Шустер.

Мистер Бродриб пожал плечами.

— Неужели Рэфьел никогда не рассказывал вам о ней? — не унимался мистер Шустер.

— Во всем, что касалось этой леди, он был

необычайно уклончив.

— Все это кажется мне весьма странным, — заметил мистер Шустер. — Знай мы хоть чуточку больше о том, что все это означает...

— Возможно, — задумчиво проговорил мистер Бродриб, — это связано с Майклом.

— Что? После стольких лет? Не может быть! С чего вы взяли? Разве он упоминал...

— Нет, ни о чем он не упоминал. Даже не намекнул на то, что задумал. Просто дал мне инструкции.

— Не кажется ли вам, что он стал несколько эксцентричным к концу жизни?

— Ничуть! Он до последнего дня сохранил свой блестящий ум. Во всяком случае, недуг не сказался на его интеллекте. За последние два месяца Рэфьел увеличил свое состояние еще на двести тысяч футов.

— Он отличался исключительным нюхом, — почтительно заметил мистер Шустер. — И так было всегда.

— Великий финансовый ум! — воскликнул мистер Бродриб с таким же искренним почтением. — Таких, как он, не много, и это весьма прискорбно.

На столе загудел зуммер, и мистер Шустер под-

нял трубку.

— Мисс Джейн Марпл, — сообщил женский голос, — к мистеру Бродрибу. По договоренности.

Мистер Шустер взглянул на партнера, вопросительно подняв брови. Мистер Бродриб кивнул.

— Пригласите эту леди, — сказал мистер Шустер и, положив трубку, добавил: — Что ж, посмотрим.

* * *

Навстречу мисс Марпл поднялся худощавый джентльмен средних лет с вытянутым, меланхоличным лицом. Она предположила, что это мистер Бродриб, хотя внешность этого джентльмена явно противоречила его фамилии[136]. Здесь же находился джентльмен помоложе и поплотнее — черноволосый, с маленькими пронзительными глазками и уже почти сформировавшимся двойным подбородком.

— Мой партнер мистер Шустер, — сказал мистер Бродриб.

— Надеюсь, вы не слишком устали, поднимаясь по лестнице? — Задав этот вопрос, мистер Шустер подумал: «Ей лет семьдесят, а может, и около

---

[136] notes: 136
Бродриб broadribb) — широкоребрый (англ.).

восьмидесяти».

— Я всегда немного задыхаюсь, поднимаясь по лестнице.

— В этом старом здании, — извиняющимся тоном пояснил мистер Бродриб, — нет лифта. Наша контора основана очень давно, но нас, в отличие от многих других, не интересуют современные удобства, хотя, возможно, клиенты предпочли бы иметь их.

— Здесь очень мило, — любезно сказала мисс Марпл и села в предложенное мистером Бродрибом кресло.

Мистер Шустер незаметно покинул их.

— Надеюсь, вам удобно в этом кресле? — спросил мистер Бродриб. — Может, немного задвинуть шторы? Не слепит ли вас солнечный свет?

— Спасибо.

Мисс Марпл, в легком твидовом костюме, с ниткой жемчуга на шее и в бархатной шляпке, сидела в кресле, по привычке расправив плечи. «Типичная провинциальная леди, — подумал мистер Бродриб. — Респектабельная. Наверняка старая дева. Возможно, со странностями, но не обязательно. Весьма проницательный взгляд. Интересно, где Рэфьел откопал ее? Вероятно, чья-то тетушка, из сельской местности».

Размышляя об этом, он завел разговор на обычные темы — о погоде, о неприятностях, связанных с заморозками в этом году, и сделал несколько замечаний, уместных в данной ситуации.

Мисс Марпл поддерживала беседу, спокойно ожидая, когда мистер Бродриб перейдет к сути дела.

— Полагаю, наше приглашение удивило вас. — Порывшись в бумагах, поверенный улыбнулся старушке. — Вы, конечно, слышали о смерти мистера Рэфьела или читали об этом в газетах.

— Читала в газетах.

— Кажется, он был вашим другом.

— Я познакомилась с ним чуть больше года назад, — пояснила мисс Марпл. — В Вест-Индии.

— А, помнится, он ездил туда в надежде поправить здоровье. Думаю, это отчасти помогло ему, но он был уже слишком болен, инвалид, вы же знаете.

— Да.

— Вы были хорошо знакомы с ним?

— Нет, не сказала бы. Мы остановились в одном отеле. Иногда беседовали. Но никогда не встречались после возвращения в Англию. Я, видите ли, веду уединенную жизнь в сельской местности, тогда как он, судя по всему, был полностью по-

глощен своими делами.

— Он занимался банковскими операциями вплоть до... ну, можно сказать, вплоть до последнего дня. Настоящий финансовый ум.

— Ничуть в этом не сомневаюсь. Я очень скоро поняла, что он к тому же исключительный человек.

— Не знаю, догадываетесь ли вы, а может, в свое время об этом упоминал мистер Рэфьел, какого рода предложение мне поручено сделать вам?

— Не могу и вообразить, что намеревался предложить мне мистер Рэфьел. Это кажется совершенно невероятным.

— Он был очень высокого мнения о вас.

— Весьма любезно с его стороны, но едва ли справедливо. Я — человек заурядный.

— Вы, безусловно, понимаете, что он владел огромным состоянием. В целом мистер Рэфьел распорядился им просто и разумно, завещав его за некоторое время до смерти доверительным фондам и благотворительным организациям.

— Это, полагаю, вполне обычная в наши дни процедура, хотя я не слишком разбираюсь в финансовых делах.

— Теперь перейдем к цели вашего визита сюда. Мне поручено сказать вам, что для вас

оставлена определенная сумма. Через год вы получите ее, если примете предложение, с коим я вас познакомлю. — Мистер Бродриб взял со стола продолговатый запечатанный конверт и подтолкнул его к мисс Марпл. — По-моему, вам лучше самой прочесть это. Не спешите.

Мисс Марпл и не думала спешить. Она вскрыла конверт поданным ей мистером Бродрибом ножом для резки бумаг, вынула отпечатанный на машинке лист бумаги и прочла его. Потом сложила, но, поразмыслив, вновь пробежала текст глазами и посмотрела на мистера Бродриба:

— Это довольно неопределенно. Нет ли более четких разъяснений?

— Нет. Я взялся передать вам этот конверт и сообщить, что мистер Рэфьел оставил для вас двадцать тысяч фунтов, свободных от налога на наследство.

Мисс Марпл уставилась на него, онемев от изумления. Мистер Бродриб молчал и внимательно наблюдал за старушкой. Она, несомненно, удивлена, ибо менее всего ожидала услышать что-то подобное. Мисс Марпл посмотрела на него прямо и строго, словно родная тетка:

— Это очень большая сумма.

— Она не так велика, как когда-то. — У мистера

Бродриба едва не сорвалось с языка: «Курам на смех!»

— Признаюсь, я удивлена. Более того, поражена, совершенно поражена.

Взяв документ, она еще раз внимательно прочитала его.

— Полагаю, вам известно его содержание?

— Да. Мистер Рэфьел лично продиктовал мне это.

— Не дал ли он вам каких-либо разъяснений?

— Нет.

— Ведь было бы лучше, если бы он сделал это? — В тоне мисс Марпл прозвучала легкая досада.

Мистер Бродриб чуть улыбнулся:

— Вы совершенно правы. Да, я сказал, что, пожалуй, вам будет трудно... э-э... понять точный смысл его просьбы.

— Справедливо замечено!

— Разумеется, нет никакой необходимости давать ответ немедленно.

— Да, мне следует хорошенько все обдумать.

— Это, как вы заметили, значительная сумма.

— Я старуха, — сказала мисс Марпл. — «Пожилая леди» звучало бы приятнее, но я старуха. Да, я очень стара. Вполне возможно, что я не проживу еще год и не получу эти деньги, но, даже если и

проживу, весьма сомнительно, что мне удастся заработать их.

— Деньги не бывают лишними ни в каком возрасте, — заметил мистер Бродриб.

— Вы правы. Я могла бы сделать пожертвования в различные благотворительные организации, представляющие для меня интерес. Кроме того, есть люди, которым хочешь помочь, но не имеешь для этого возможности. И потом, не стану скрывать, я не отказалась бы от кое-каких желаний, которые мне до сих пор не удавалось осуществить. Думаю, мистер Рэфьел отлично сознавал, что столь неожиданный подарок может доставить пожилому человеку много радостей.

— Конечно, — согласился мистер Бродриб. — Например, заграничный круиз. В наши дни предлагают превосходные туры. Театры, концерты, изысканный стол и винные погреба.

— Мои вкусы несколько скромнее. Куропатки... — задумчиво проговорила мисс Марпл. — Сейчас очень трудно достать куропаток, и они весьма дороги. А мне так хотелось съесть целую куропатку — одной! Каштаны в сахаре тоже дорогое удовольствие. Я редко позволяю себе это лакомство. Хотелось бы побывать и в опере. Но для этого нужно взять такси в «Ковент-Гарден»

и обратно, заночевать в отеле и заплатить за номера. Впрочем, не стану отнимать у вас время пустой болтовней. Я возьму этот документ и подумаю над предложением. Но что же все-таки заставило мистера Рэфьела?.. Нет ли у вас каких-то соображений на этот счет?.. Почему он сделал мне это предложение и почему полагал, что я смогу оказать ему услугу? Ведь мистер Рэфьел должен был понимать, что прошло уже больше года, почти два, с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз, я стала куда слабее физически и утратила прежние способности. Он пошел на большой риск. Не сомневаюсь, найдется немало людей, гораздо лучше меня подготовленных к проведению подобного расследования.

— По правде говоря, такая мысль поневоле приходит в голову, — признался мистер Бродриб, — но он выбрал *вас,* мисс Марпл. Не сочтите это праздным любопытством, но не приходилось ли вам... о, как бы это сказать?.. расследовать уголовные дела?

— Строго говоря, мне следовало бы ответить «нет». То есть я не была следователем, не служила ни в полиции, ни в магистратуре и не поддерживала связей ни с каким детективным агентством. Чтобы вы поняли, почему я считаю себя способ-

ной выполнить то, о чем просит меня мистер Рэфьел, скажу, что во время нашего пребывания в Вест-Индии мы оба приняли непосредственное участие в расследовании совершенного там преступления — невероятного и очень запутанного.

— И вы с мистером Рэфьелом разрешили загадку?

— Я бы не стала утверждать это столь категорично, — ответила мисс Марпл. — Благодаря силе характера мистера Рэфьела, а также тому, что мне удалось подметить два факта и установить между ними очевидную связь, в самый последний момент было предотвращено второе убийство. Одна я не справилась бы с этим — уж слишком слаба физически. Мистер Рэфьел тоже не сделал бы это один — ведь он был калека. Но мы действовали сообща.

— Мне бы хотелось задать вам, мисс Марпл, еще один вопрос. Слово «Немезида»... что-то значит для вас?

— Немезида... — Мисс Марпл неожиданно улыбнулась. — Да, это слово кое-что значило для меня и для мистера Рэфьела. Однажды я назвала себя Немезидой, чем весьма позабавила его.

Мистер Бродриб ожидал чего угодно, но только не этого. Он посмотрел на мисс Марпл с таким

же удивлением, как когда-то мистер Рэфьел в спальне отеля на Карибском побережье. Милая и умная старая леди — да. Но Немезида!..

— Не сомневаюсь, вы чувствуете то же, что и он тогда. — Мисс Марпл поднялась. — Если у вас появится что-то новое по этому делу, мистер Бродриб, дайте мне знать. Меня не слишком удивит, если что-либо подобное произойдет. А пока я совершенно не понимаю, чего именно хотел от меня мистер Рэфьел.

— Вы незнакомы с его семьей, друзьями?..

— Нет. Я ведь вам уже говорила. Он отдыхал за границей, в незнакомой ему части света. Мы стали чем-то вроде союзников в расследовании одного очень загадочного дела. Вот и все. — Сделав пару шагов к двери, мисс Марпл внезапно обернулась: — У него была секретарша, миссис Эстер Уолтерс. Не сочтете ли вы некорректным, если я спрошу: оставил ли ей мистер Рэфьел пятьдесят тысяч фунтов?

— Его завещание будет опубликовано в газетах, но на ваш вопрос я могу ответить утвердительно. Кстати, теперь миссис Уолтерс зовут миссис Андерсон. Она вновь вышла замуж.

— Приятно слышать. Ведь она была вдовой с дочкой на руках и, кажется, хорошей секретар-

шей. Она отлично понимала мистера Рэфьела. Милая женщина. Я рада, что патрон облагодетельствовал ее.

Вечером мисс Марпл сидела в своем кресле с прямой спинкой, вытянув ноги к камину, — холодный антициклон, как всегда, внезапно нагрянул на Англию. Она снова достала из продолговатого конверта документ, полученный утром. До сих пор не веря своим глазам, пожилая леди тихо читала текст, словно пытаясь запечатлеть его в памяти:

«Мисс Джейн Марпл, Сент-Мэри-Мид

Это письмо вручит Вам после моей смерти мой адвокат Джеймс Бродриб. Наняв этого человека, я поручил ему вести мои частные дела, не касающиеся бизнеса. По-моему, он юрист, достойный доверия, хотя, как и большая часть человечества, грешит любопытством. Но я не пожелал удовлетворить его. В известной мере все это останется между Вами и мной. Наш пароль, моя дорогая леди, – «Немезида». Едва ли Вы забудете, где и при каких обстоятельствах впервые сказали мне это слово. Долгая жизнь и

занятия бизнесом убедили меня в том, что у нужного мне человека должно быть особое качество – нюх.

А Вы, моя дорогая, если позволите мне так называть Вас, обладаете врожденным чувством справедливости, и этим обусловлено Ваше особое чутье в расследовании преступлений. Желая, чтобы Вы расследовали одно преступление, я распорядился, чтобы Вам передали определенную сумму, если его удастся раскрыть. На это я даю Вам год. Вы уже не молоды, но еще, если так можно выразиться, крепки телом и душой. Верю, что Господь сохранит Вам жизнь по крайней мере еще на год.

Надеюсь, дело, которым Вы займетесь, не внушит Вам отвращения. Смею утверждать, что Вы – истинный гений сыска. Это расследование повлечет за собой кое-какие расходы, и по мере необходимости эти средства, которые я называю «рабочим капиталом», будут Вам предоставлены. Мое предложение – альтернатива тому образу жизни, который Вы сейчас ведете.

Я представляю, как Вы сидите в удобном кресле, избавляющем Вас от ревматических болей. Полагаю, все, кто достиг Вашего возраста, страдают от той или иной формы ревматизма. Если у Вас поражены колени или спина, Вам уже нелегко передвигаться, и большую часть времени Вы проводите за вязанием. Я вижу Вас так же ярко, как и в ту ночь, когда Вы разбудили меня. Тогда на Вас было что-то связанное из розовой шерсти.

Я представляю, как Вы вяжете кофточки, шарфы и другие вещи, названия которых мне даже неизвестны. Если Вы предпочтете заниматься вязанием, что ж, это Ваш выбор. Если же решите послужить делу справедливости, надеюсь, оно заинтересует Вас.

...Людские суждения как ручейки,

А правда среди них как многоводный поток.

Аминь!»

Глава 3
МИСС МАРПЛ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Трижды прочитав письмо, мисс Марпл отложила его, чуть нахмурилась и погрузилась в размышления.

Ее удивило, что в письме содержалось так мало полезной информации. Может, она еще получит дополнительные сведения от мистера Бродриба? Едва ли. Это явно не соотносилось с планом мистера Рэфьела. «И все же, — подумала мисс Марпл, — с чего, черт побери, мистер Рэфьел взял, что я возьмусь за дело, практически ничего не зная о нем? Очень интересно!» По зрелом размышлении она решила, что именно в этом и состоял план мистера Рэфьела — заинтриговать ее. Мысли мисс Марпл вернулись к мистеру Рэфьелу и кратковременному общению с ним. Она вспомнила его немощность, вспыльчивость, проявления блистательного ума и своеобразный юмор. Да, он, несомненно, испытывал удовольствие, подшучивая над людьми, и подтверждение тому — это письмо. Мистер Рэфьел хотел сбить

с толку мистера Бродриба и возбудить его любопытство.

В письме не было и намека на то, каким именно делом ей предстоит заняться, так что оно ничего не подскажет.

«Очевидно, это и входило в планы мистера Рэфьела, — подумала мисс Марпл, — но как же тогда догадаться, что он задумал? Нельзя же начинать действовать совершенно вслепую... Это все равно что разгадывать кроссворд, не имея ключа. Но ключ должен быть! Мне необходимо узнать, что нужно сделать: отправиться ли куда-то или остаться здесь, в Сент-Мэри-Мид, и попытаться, сидя в кресле и отложив вязанье, разрешить загадку. А может, мистер Рэфьел хотел, чтобы я села на самолет или на пароход, пересекла океан, добралась до Вест-Индии или Южной Америки? Интересно, придется ли самой выяснить, чего от меня ожидают, или мне все же дадут какие-то инструкции? А вдруг мистер Рэфьел решил, будто я настолько умна, что справлюсь со всем сама? Нет, вряд ли!»

— Если он так думал, — проговорила мисс Марпл, — значит, все-таки впал в детство перед смертью.

Впрочем, сама она в это не верила.

— Я непременно получу инструкции, — размышляла вслух мисс Марпл. — Но какие и когда? — И только тут до нее внезапно дошло, что она, сама того не заметив, уже приняла предложение мистера Рэфьела. И старушка снова заговорила: — Я верю в вечную жизнь. Не знаю, конечно, где вы находитесь, мистер Рэфьел, но не сомневаюсь, что *где-то* вы обитаете... и я постараюсь исполнить ваши желания.

Через три дня мисс Марпл написала мистеру Бродрибу очень короткое письмо:

«Дорогой мистер Бродриб.

Обдумав предложение, сделанное Вами от имени покойного мистера Рэфьела, я хочу сообщить Вам, что принимаю его. Я сделаю все возможное, чтобы выполнить волю мистера Рэфьела, хотя и не уверена в успехе. Мои сомнения вызваны тем, что я не получила в письме ни прямых указаний, ни каких-либо косвенных. Если Вы располагаете дополнительными разъяснениями мистера Рэфьела, буду счастлива узнать о них. Однако полагаю, что у Вас их нет, поскольку Вы до сих пор не проинформировали меня.

Надеясь, что мистер Рэфьел был в здравом уме до самой кончины, я все же считаю себя вправе задать такой вопрос: не интересовался ли он в последние месяцы каким-нибудь уголовным делом, имеющим отношение к его частной жизни или к бизнесу? Не выражал ли негодования или неудовольствия по поводу какой-то возмутившей его судебной ошибки? Если что-то подобное было, думаю, у меня есть основания просить Вас сообщить мне об этом. Не стал ли кто-нибудь из его родственников или близких жертвой несправедливого приговора или чего-то подобного?

Уверена, Вам понятны причины, побудившие меня задать Вам такие вопросы. Вероятно, и мистер Рэфьел ожидал, что я сделаю это.

уважением, *Джейн Марпл».*

Когда мистер Бродриб показал это письмо мистеру Шустеру, тот, откинувшись на спинку кресла, присвистнул:

— Так она решила заняться этим делом, не так ли? Неугомонная старушка! Полагаю, она знает

что-то об этом деле, верно?

— По-видимому, нет.

— Жаль, что и мы не знаем! — вздохнул мистер Шустер. — Странным он был человеком.

— Трудным, — уточнил мистер Бродриб.

— Не имею ни малейшего представления о сущности этого дела. А вы?

— Я тоже. Видимо, именно этого он и хотел.

— Ну, мистер Рэфьел только еще больше все усложнил. И вообразить не могу, чтобы какая-то провинциальная старушка — божий одуванчик догадалась, чего хотел покойный и какие фантазии будоражили его мозг. А что, если он просто решил подурачиться, пошутить над нами всеми? Возможно, полагая, что эта старушка считает себя гением в разгадывании деревенских загадок, он решил проучить ее?..

— Нет, — возразил мистер Бродриб. — Едва ли. Рэфьел был не из таких.

— Но порой он был просто несносен.

— Да, однако... мне кажется, в этом деле все серьезно. Что-то беспокоило Рэфьела. Черт возьми, я совершенно уверен: что-то беспокоило его.

— И он не сказал вам, что именно беспокоило его, даже не намекнул?

— Нет.

— Тогда какого черта ожидать... — Шустер вдруг умолк.

— Вряд ли он надеялся на успех. Вот и я думаю: как же старушка разберется во всем?

— А по-моему, это просто глупая шутка.

— Двадцать тысяч фунтов — не шутка!

— Да, но понимал ли он, что это ей не по силам?

— Нет, — ответил мистер Бродриб. — Тогда это было бы не по-джентльменски, и мистер Рэфьел никогда бы не пошел на такое. Он, наверное, считал, что у нее есть шанс выяснить, в чем заключается задание, и выполнить его.

— А что делать нам?

— Ждать, — ответил мистер Бродриб. — Ждать развития событий. В конце концов, не будет же все стоять на месте!

— У вас наверняка где-то спрятан запечатанный конверт с другими распоряжениями, верно?

— Мой дорогой друг, мистер Рэфьел полностью полагался на мою порядочность и знал, что я умею хранить тайны. Эти запечатанные конверты предстоит вскрыть только при определенных обстоятельствах, но ни одно из них пока не возникло.

— И никогда не возникнет.

На этом дискуссия закончилась.

* * *

Мистеру Бродрибу и мистеру Шустеру повезло: все свои силы и время они отдавали любимому делу. Мисс Марпл повезло меньше. Теперь она лишь вязала, размышляя о прожитой жизни, и выходила на прогулки, несмотря на периодические возражения Черри.

— Вы ведь слышали, что говорит доктор? Вы не должны так себя утруждать.

— Я хожу очень медленно, — заметила мисс Марпл, — и ничего больше не делаю: то есть не копаю и не вырываю сорняки. Я лишь... ну просто переставляю ноги и при этом думаю о разных вещах.

— Каких? — заинтересовалась Черри.

— Ах, кабы знать! — загадочно ответила мисс Марпл и попросила Черри принести еще один шарф, поскольку поднялся холодный ветер.

— Чем же она так озабочена, вот что мне бы хотелось выяснить, — сказала Черри мужу, поставив перед ним тарелку с рисом и куриными почками. — Китайское блюдо, — пояснила она.

Ее муж одобрительно кивнул:

— С каждым днем ты готовишь все лучше.

— Я беспокоюсь о ней, — сказала Черри. — Беспокоюсь, потому что она чем-то встревожена. Она постоянно думает о каком-то письме.

— Ей нужно одно — спокойно посидеть, взять новые книжки из библиотеки или пригласить к себе друзей.

— Она все время напряженно размышляет, — продолжала Черри. — Вынашивает какой-то план. Да, что-то замышляет, ей-богу!

Внезапно оборвав разговор о мисс Марпл, Черри взяла поднос с кофе, поднялась в комнату старушки и поставила его на столик.

— Вы знаете женщину по имени миссис Хастингс, которая живет в новом доме неподалеку отсюда? — спросила мисс Марпл. — И с ней, кажется, живет некая мисс Бартлет...

— Вы о том доме в конце деревни, что полностью перестроили и отремонтировали? Новые хозяева въехали в него совсем недавно. Я не знаю, как их зовут. А почему вы заинтересовались ими? В них нет ничего такого.

— Кстати, они не родственницы?

— Нет.

— Почему же тогда... — начала было мисс Марпл, но вдруг замолчала.

— Что «почему тогда»?

— Ничего. Пожалуйста, уберите все с письменного стола и дайте мне ручку и писчую бумагу. Я хочу написать письмо.

— Кому? — полюбопытствовала Черри.

— Сестре одного каноника, — ответила мисс Марпл. — Его зовут Прескотт.

— Не тот ли это священник, с которым вы встречались за границей, в Вест-Индии? Вы показывали мне его фотографию в альбоме.

— Да.

— Вас ничего не беспокоит? А то с чего бы это вдруг вы вздумали написать священнику...

— О, я чувствую себя превосходно, — отозвалась мисс Марпл. — Просто мне очень хочется заняться одним делом, и я решила обратиться за помощью к мисс Прескотт.

«Дорогая мисс Прескотт, – начала писать мисс Марпл. – Уповаю на то, что Вы еще не забыли меня. Я познакомилась с Вами и Вашим братом в Вест-Индии, если помните, в Сент-Оноре. Надеюсь, наш дорогой каноник чувствует себя хорошо и не слишком страдал от астмы в прошлую холодную зиму.

Не окажете ли мне любезность и не со-

общите ли адрес миссис Уолтерс – Эстер Уолтерс? Полагаю, Вы помните ее по тем дням, что провели на Карибском побережье. Она была секретаршей мистера Рэфьела. Тогда миссис Уолтерс дала мне свой адрес, но, к сожалению, я потеряла его. Мне очень хочется написать ей письмо, поскольку у меня есть кое-какие интересные для нее сведения по садоводству. В ту пору она спрашивала меня об этом, но тогда я не смогла ответить ей. До меня дошли слухи, что миссис Уолтерс снова вышла замуж, впрочем, тот, от кого я узнала это, едва ли хорошо информирован. Возможно, Вы слышали о ней больше.

Надеюсь, моя просьба не слишком обременит Вас. Передайте мой нижайший поклон Вашему брату.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваша

Джейн Марпл».

Отправив письмо, мисс Марпл приободрилась.

— По крайней мере, — сказала она себе, — я хоть что-то начала делать. Не стоит тешить себя

надеждами, но вдруг что-нибудь да получится.

Энергичная мисс Прескотт ответила быстро.

> «Сама я не получала никаких вестей от Эстер Уолтерс, но, как и Вы, слышала о ней. Один из моих знакомых прочитал в газете о том, что она снова вышла замуж. Теперь ее фамилия, кажется, миссис Алдерсон или Андерсон. Адрес же – «Уинслоу-Лодж», неподалеку от Элтона, графство Хэмпшир. Брат просил передать Вам лучшие пожелания. Как грустно, что нас разделяет такое расстояние: мы живем на севере Англии, а Вы – южнее Лондона. Надеюсь, что мы все же еще увидимся.
>
> Искренне Ваша
>
> *Джоан Прескотт».*

— «Уинслоу-Лодж», Элтон, — пробормотала мисс Марпл. — Не так уж далеко отсюда. Не так уж далеко! Пожалуй... Не знаю, может, и в самом деле поступить именно так... взять такси. Несколько экстравагантно, но, даже если эта поездка ничего не даст, мне все равно возместят расходы. Но стоит ли предупредить ее заранее или же приехать без предупреждения? Бедная

Эстер. Вряд ли она вспоминает меня с любовью.

Мисс Марпл погрузилась в воспоминания. «Неужели, — подумала она, — я спасла жизнь этой женщины там, на Карибском побережье, лишь затем, чтобы в ближайшем будущем ей опять угрожала смертельная опасность?»

Во всяком случае, так рассуждала мисс Марпл, но едва ли это приходило в голову самой Эстер Уолтерс.

— Замечательная женщина, — продолжала уже вслух мисс Марпл, — такая милая! Из тех, кто скоропалительно выходит замуж, но брак всегда оказывается неудачным. По правде говоря, мужья таких женщин обычно и становятся убийцами. Я все еще считаю, — пожилая леди понизила голос, — что все же спасла ей жизнь. Да, я почти уверена в этом, но сомневаюсь, что она с этим согласна. Миссис Уолтерс, вероятно, недолюбливает меня. Поэтому мне будет трудно использовать ее как источник информации. Что ж, попытка не пытка! Уж лучше это, чем сидеть и ждать, ждать, ждать...

«Неужели мистер Рэфьел и в самом деле решил подшутить надо мной, написав это письмо? Особой добротой к людям он, конечно, не отличался — порой ему было наплевать на чувства

других!»

— Во всяком случае, — вслух произнесла мисс Марпл, глядя на стенные часы и размышляя, не пора ли ложиться спать, — когда задумываешься о чем-то перед сном, довольно часто во сне приходит ответ на вопрос. Как знать, может, это сработает?

— Хорошо спали? — спросила Черри рано утром, поставив на столик рядом с постелью мисс Марпл поднос с чаем.

— Мне приснился весьма странный сон.

— Кошмар?

— Нет, нет, ничего подобного. Я беседовала с кем-то, кого почти не знала. Просто беседовала. Потом, подняв глаза, увидела, что это не та особа, с которой я разговаривала, а кто-то другой. Очень странно.

— Все смешалось, — услужливо заключила Черри.

— Это кое о чем мне напомнило, вернее, о ком-то, кого я когда-то знала. Пусть мистер Инч приедет сюда в половине двенадцатого.

Инч был частью прошлого мисс Марпл. Сам мистер Инч, первоначальный владелец кэба, умер. Его успешно заменил сын — «юный Инч», которому в ту пору было сорок четыре. Превратив

конюшню в гараж, он купил два старых автомобиля. После его кончины здесь были «Машины Пина», «Такси Джеймса» и «Автомобиль Артура», но старые обитатели по-прежнему пользовались фамилией Инч.

— Уж не в Лондон ли вы собрались?

— Нет, не в Лондон. Пообедаю я, наверное, в Хаслмире.

— Что вы задумали? — Черри насторожилась.

— Хочу нагрянуть без предупреждения к одной моей знакомой, сделав вид, будто совершенно случайно оказалась в тех краях. Сделать это не так-то просто, но, надеюсь, мне удастся.

В половине двенадцатого такси остановилось у двери.

— Пожалуйста, позвони вот по этому номеру, Черри, — попросила мисс Марпл, — и спроси, дома ли миссис Андерсон. Если трубку возьмет она сама или ее позовут к телефону, скажи, что ты секретарша мистера Бродриба, который хочет поговорить с ней: Если же миссис Андерсон дома не окажется, узнай, когда она вернется.

— А если она мне ответит?

— Спроси, в какой день на следующей неделе миссис Андерсон сможет приехать в Лондон и встретиться с мистером Бродрибом в его конторе.

Хорошенько запомни ее ответ.

— И чего вы только не придумаете?! Зачем все это нужно? Почему вы хотите, чтобы именно я сделала это?

— Человеческая память устроена очень интересно, — заметила мисс Марпл. — Порой мы вспоминаем голос, хотя не слышали его много лет.

— Так ведь эта мисс... Как-там-ее... никогда не слышала мой голос!

— Конечно, вот поэтому именно ты и позвонишь ей.

Черри выполнила указания хозяйки. Миссис Андерсон дома не оказалось: она ушла за покупками, но вернется к обеду и пробудет дома весь день.

— Что ж, это намного упрощает дело, — с облегчением вздохнула мисс Марпл. — Такси уже здесь? О да! Доброе утро, Эдвард, — сказала она водителю, которого на самом деле звали Джорджем. — Пожалуйста, доставьте меня по этому адресу. Поездка займет не более полутора часов.

Экспедиция началась...

Глава 4
ЭСТЕР УОЛТЕРС

Эстер Андерсон вышла из супермаркета и направилась к своей машине. «С каждым днем все труднее, — подумала она, — находить место для парковки». Столкнувшись в спешке с пожилой, чуть прихрамывающей леди, Эстер Андерсон начала было извиняться, но тут же услышала:

— О, кого я вижу! Неужели миссис Уолтерс? Эстер Уолтерс? Наверное, вы уже и не помните меня? Я Джейн Марпл. Мы познакомились в отеле на острове Сент-Оноре... года полтора назад.

— Мисс Марпл? Конечно же это вы! Какая неожиданная встреча!

— Очень рада видеть вас. Друзья пригласили меня на обед, это неподалеку отсюда, однако возвращаться я буду через Элтон. Застану ли я вас дома во второй половине дня? Мне бы очень хотелось поболтать с вами. Так приятно встретить старого друга.

— Конечно. В любое время после трех часов.

Это вполне устраивало пожилую леди.

— Подумать только, объявилась старая мисс

Марпл, — пробормотала Эстер Андерсон и улыбнулась. — А я-то думала, что она давно умерла.

* * *

Мисс Марпл позвонила в дверь «Уинслоу-Лодж» в половине четвертого. Эстер открыла дверь и провела старушку в дом.

Мисс Марпл уселась в кресло, предложенное хозяйкой, слегка дрожа. Пожилая леди изображала волнение, желая осуществить свой план.

— Как приятно встретиться с вами, — сказала она Эстер. — Знаете ли, я полагаю, что в нашем мире случается много странного. Вы надеетесь встретиться с кем-то еще раз, даже уверены в том, что это произойдет, но со временем, когда ваше желание осуществляется, оно оказывается для вас полной неожиданностью.

— И кроме того, — заметила Эстер, — как говорится, мир тесен.

— Да, в этом что-то есть. Видите ли, нам только представляется, будто мир очень велик и что Вест-Индия страшно далеко от Англии. Ну, я имею в виду, что могла бы познакомиться с вами в любом месте земного шара. В Лондоне или на Гавайях. На железнодорожной станции или в автобусе. Масса вариантов.

— Да, масса вариантов, — согласилась Эстер. — Но я не предполагала встретить вас здесь, в Элтоне, поскольку вы живете не в этих краях.

— Верно, однако должна заметить, что отсюда не так уж далеко до Сент-Мэри-Мид, кажется, около двадцати пяти миль. Но, не имея машины (а я, разумеется, не могу позволить себе машину, тем более что и водить-то ее не умею), можно навещать на автобусе или на такси лишь тех, кто живет по соседству.

— Вы удивительно хорошо выглядите, — заметила Эстер.

— А я хотела сказать то же самое о вас, дорогая. Мне и в голову не приходило, что вы живете в этих краях.

— Я переехала сюда совсем недавно. После второго замужества.

— О, не знала. Как интересно. Полагаю, я пропустила эту новость, хотя всегда внимательно изучаю рубрику «Браки».

— Я замужем уже четыре или пять месяцев, — сказала Эстер. — Теперь моя фамилия Андерсон.

— Миссис Андерсон, — уточнила мисс Марпл. — Постараюсь запомнить. И кто же ваш муж?

«Ей показалось бы странным, — подумала она, — если бы я не спросила о муже, — ведь ста-

рые девы так любопытны!»

— Он инженер, — ответила Эстер. — Возглавляет отдел в управлении местной железной дороги. И он... — Тут она несколько замешкалась. — Чуть моложе меня.

— И это очень хорошо, — тут же откликнулась мисс Марпл. — Просто великолепно. В наши дни мужчины стареют куда раньше, чем женщины. Да, знаю, знаю, прежде об этом не говорили, но ведь так оно и есть. Я хочу сказать, что они слишком многое берут на себя, всегда озабочены, перегружены работой. В результате у них нелады с кровяным давлением, временами боли в сердце. Они также весьма склонны к гастритам. По-моему, мы, женщины, относимся ко всему куда спокойнее. Полагаю, сильный пол — это именно мы.

— Возможно.

Теперь Эстер улыбалась мисс Марпл, и старушка почувствовала себя увереннее. Когда она в последний раз видела Эстер, та смотрела на нее с ненавистью, которую, вероятно, и испытывала в тот момент. Но сейчас, пожалуй, она ощущает что-то вроде благодарности. Пожалуй, даже осознала, что могла бы сейчас лежать под могильным постаментом на кладбище, а не жить

счастливо с мистером Андерсоном.

— Вы прекрасно выглядите, — заметила мисс Марпл, — и кажетесь очень жизнерадостной.

— Как и вы, мисс Марпл.

— Ну уж нет, я сильно постарела. В этом возрасте появляется много недугов. Ничего страшного, конечно, но мучает ревматизм, где-то что-то болит. Ноги уже не те, что хотелось бы. И уже не удивляешься, когда ноют руки, плечи или спина. Но, дорогая моя, не стоит говорить об этом. А какой прелестный и уютный у вас дом!

— Мы поселились в нем совсем недавно, четыре месяца назад.

Оглядевшись, мисс Марпл решила, что сейчас настал подходящий момент. Она также подумала, что, переехав сюда, они достигли респектабельности. Дорогая, удобная мебель, можно сказать, роскошная. Хорошие занавески и чехлы на креслах. Правда, нет особого художественного вкуса, но этого и не следовало ожидать. Мисс Марпл догадывалась, что источник этого благополучия — наследство, полученное Эстер по завещанию мистера Рэфьела. Хорошо, что он не изменил своих намерений.

— Полагаю, вы видели сообщение о смерти мистера Рэфьела, — сказала Эстер, словно прочитав

мысли своей собеседницы.

— Видела. Примерно месяц назад, не так ли? Очень жаль. Это весьма огорчило меня, хотя... полагаю, все знали, что конец близок, да и сам он почти примирился с этим. По-моему, мистер Рэфьел был исключительно смелым человеком и мужественно боролся со своим недугом, не так ли?

— Да, он был храбрым человеком, — согласилась Эстер. — Когда я начала работать на него, он сказал, что будет платить мне приличное жалованье, но посоветовал кое-что откладывать на будущее, поскольку на большее рассчитывать не приходится. Уж чего-чего, а таких надежд я, разумеется, с ним не связывала. Вообще, мистер Рэфьел был человеком слова, не так ли? Но, видимо, на этот раз он изменил свое решение.

— Да, и я очень рада за вас. Признаюсь, мне приходило в голову... а вдруг... хотя я никогда не слышала от него ничего такого.

— Он оставил мне очень большое состояние, огромную сумму, и это было для меня полной неожиданностью. Сначала мне даже не верилось.

— Полагаю, именно этого и хотел мистер Рэфьел, которому нравилось удивлять людей. А

не оставил ли он чего-нибудь своему... забыла, как его зовут... массажисту?

— Вы имеете в виду Джексона? Нет, ему он ничего не оставил, хотя, вероятно, все же сделал несколько дорогих подарков перед смертью.

— А давно вы видели Джексона?

— Кажется, я встречалась с ним после того, как мы покинули острова. Вернувшись в Англию, он ушел от мистера Рэфьела, и, если не ошибаюсь, ему предложил работу какой-то лорд то ли в Джерси, то ли в Гернси.

— Жаль, что не пришлось больше встретиться с мистером Рэфьелом, — вздохнула мисс Марпл. — Это кажется странным после того, что мы — я, он, вы и другие — пережили вместе. Уже дома, месяцев через шесть, я вдруг подумала, какие тесные узы связали нас тогда. И все-таки я мало знала мистера Рэфьела! Да и вспомнила о нем, лишь прочитав сообщение о его смерти. Мне бы хотелось узнать о нем побольше. Где он появился на свет, кто его родители. Были ли у него дети, племянники, кузены, ну хоть какая-то родня. Я, видите ли, очень любопытна.

Эстер Андерсон слегка улыбнулась. Она смотрела на мисс Марпл, словно говоря: «Не сомневаюсь, что вы всегда хотите знать все о любом своем

знакомом». Однако она ограничилась словами:

— Все знали о нем лишь то...

— Что он очень богат. Вы ведь это хотели сказать, верно? Зная, что человек очень богат, вы уже не расспрашиваете о нем, то есть не пытаетесь узнать о нем больше. И, говоря: «Он очень богат» или «Он невероятно богат», невольно понижаешь голос — дух захватывает оттого, что ты знаком с настоящим Крезом!

Эстер снова слегка улыбнулась.

— Кажется, он не был женат? — продолжала мисс Марпл. — Он никогда не упоминал о своей жене.

— Он овдовел много лет назад. Они прожили вместе недолго. Видимо, жена была намного моложе его... и, кажется, умерла от рака. Очень печально.

— А дети у него были?

— Да, две дочери и сын. Одна дочь замужем и живет в Америке. Другая, кажется, умерла молодой. С первой я как-то встречалась. Она совсем не похожа на отца. Тихая, забитая молодая женщина. Мистер Рэфьел никогда не говорил о своем сыне. По-моему, у него были с ним какие-то проблемы. Скандал или что-то в этом роде. Кажется, он умер несколько лет назад. Во всяком случае,

отец никогда не упоминал о нем.

— Боже мой! Какая грустная история!

— Думаю, это случилось довольно давно. Он отправился за границу и уже не вернулся. Скончался на чужбине.

— Мистер Рэфьел очень горевал?

— Кто знает? — пожала плечами Эстер. — Мистер Рэфьел был не из тех, кто способен переживать утраты. Если бы он решил, что у него недостойный сын, обуза, а не благословение, он порвал бы с ним. Выполнял бы, конечно, свой отцовский долг, посылал бы ему деньги, но никогда не вспоминал бы о нем.

— Поразительно! Неужели мистер Рэфьел совсем не говорил о нем?

— Если помните, он был из тех, кто никогда не говорит о своих чувствах и личной жизни.

— Вы правы. Но я полагала, что, поскольку вы многие годы работали у него, может, он делился с вами своими проблемами.

— О нет, он был не из тех. К тому же сомневаюсь, что у него вообще были проблемы. Для мистера Рэфьела существовал только бизнес, который заменил ему сына и дочь. Работа доставляла мистеру Рэфьелу наслаждение — он вкладывал деньги в различные предприятия, приумножал

доходы, составлял хитроумные планы.

«Не называй человека счастливым, пока он жив...» — подумала мисс Марпл и повторила про себя эти слова, как заклинание.

— Так, значит, ничто не беспокоило его перед смертью?

— Нет. С чего вы взяли? — удивилась Эстер.

— Просто я сомневаюсь в этом. Когда человек стареет, прикован к постели и не способен делать то, что прежде, у него появляются причины для волнений, тревожные мысли невольно одолевают его.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но едва ли это относится к мистеру Рэфьелу. Кроме того, — добавила Эстер, — некоторое время назад я ушла от него — месяца через два или три после того, как познакомилась с Эдмундом.

— Ах да, с вашим мужем. Мистера Рэфьела, должно быть, очень огорчил ваш уход.

— Едва ли. Подобные вещи не задевали его. Он тут же нанял другую секретаршу. Если бы она почему-то не устроила его, мистер Рэфьел отказался бы от ее услуг, мило поцеловал на прощанье руку и заплатил жалованье за пару месяцев вперед, после чего взял бы следующую. Так продолжалось бы до тех пор, пока он не нанял бы ту, которая

ему нужна. Мистер Рэфьел не отличался особой чувствительностью.

— Да, хотя часто выходил из себя.

— Он получал от этого удовольствие, — заметила Эстер. — По-моему, это давало ему острые ощущения.

— Острые ощущения, — задумчиво повторила мисс Марпл. — А вы не замечали у мистера Рэфьела — я часто задавалась этим вопросом — какого-то особого интереса к криминалистике, то есть к ее изучению? Возможно, он...

— Вы имеете в виду то, что случилось на Карибах? — В голосе Эстер появились жесткие нотки.

Мисс Марпл усомнилась, стоит ли продолжать расспросы, однако так или иначе нужно было попытаться выудить у собеседницы хоть какие-то полезные сведения.

— Нет, вовсе не из-за этого. Может, он впоследствии интересовался психологией преступлений. Или такими делами, в которых не восторжествовала справедливость... или... ну, впрочем... — С каждой минутой мисс Марпл говорила все неувереннее.

— С чего бы ему интересоваться этим? И прошу вас, давайте не возвращаться к тому ужасному случаю в Сент-Оноре.

— Конечно, вы совершенно правы. Пожалуйста, извините меня. Просто я вспомнила кое-что из того, о чем упоминал мистер Рэфьел. Иногда он говорил странные вещи, и мне показалось, что у него, возможно, была какая-то теория... по поводу причин преступления.

— Его интересовало лишь то, что связано с финансами. Какая-то хитроумная и искусно выполненная афера могла бы привлечь внимание мистера Рэфьела, но не более того. — Эстер холодно посмотрела на собеседницу.

— Простите, — пробормотала мисс Марпл. — Мне... мне не следовало вспоминать об этих неприятных событиях. К счастью, они остались в прошлом. Ну а мне пора, — добавила она. — Иначе опоздаю на поезд. О Боже, куда я задевала свою сумочку? Ах, да вот же она!

Пожилая леди взяла сумочку и зонтик с такой забавной суетливостью, что напряженность исчезла.

Она уже направилась к двери, когда Эстер предложила ей выпить чаю.

— Спасибо, дорогая, но мне пора. Очень рада, что повидала вас. От всей души поздравляю вас и желаю счастья. Полагаю, вы не собираетесь искать работу?

— О нет! Хотя некоторые, устав от безделья, находят в работе интерес. Но я хочу насладиться праздной жизнью и деньгами, оставленными мне мистером Рэфьелом. Это было очень великодушно, и, полагаю, он желал, чтобы я... получала радость, даже тратя их на то, что сам он назвал бы «женскими глупостями», — на дорогие платья, косметику и прочее. Да, он назвал бы все это глупостями. Знаете, я была привязана к нему, — внезапно добавила Эстер. — Очень привязана. Думаю, дело в том, что он словно бросал мне вызов. С ним было трудно ужиться, и я радовалась, что мне это удается.

— Вы хорошо ладили с ним?

— Ну, не то чтобы идеально, но, пожалуй, его наши отношения устраивали.

Мисс Марпл засеменила по дороге. Один раз она обернулась и помахала рукой Эстер Андерсон, все еще стоявшей на пороге. Та помахала ей в ответ.

— Я думала, это как-то связано с ней или она что-то знает об этом, — пробормотала мисс Марпл. — Видимо, я ошиблась. Да, едва ли она хоть как-то замешана в это дело, каково бы оно ни было. О Господи, кажется, мистер Рэфьел переоценил мои умственные способности. Должно быть, он предполагал, что я сложу воедино все фраг-

менты картины... вот только, какой картины? И что, интересно, мне делать теперь? — Пожилая леди покачала головой.

Да, следует хорошенько пораскинуть мозгами. Она могла отказаться от этого дела, но, раз уж приняла предложение, надо понять, что же это за дело. Впрочем, можно и не пытаться, а просто сидеть сложа руки и ждать каких-то указаний. Время от времени мисс Марпл закрывала глаза, чтобы отчетливее представить себе лицо мистера Рэфьела. Вот он сидит в саду гостиницы в Вест-Индии. Хмурое, недовольное выражение его лица изредка сменяется насмешливым. О чем же все-таки он думал, разрабатывая свой план? Что побудило мистера Рэфьела вовлечь ее в это дело, заставить принять предложение, в сущности, почти принудить? Мистер Рэфьел желал, чтобы дело было сделано, и выбрал ее как исполнительницу. Но почему? Может, внезапно вспомнил о ней? Но с чего вдруг именно она пришла ему на ум?

Мысли ее вернулись к тому, что произошло в Сент-Оноре. Возможно, какая-то проблема, тревожившая мистера Рэфьела перед смертью, заставила его вспомнить о путешествии в Вест-Индию? А что, если это каким-то образом связано

с кем-то, кто тогда находился там и был участником событий или просто их свидетелем? Может, это и побудило его подумать о мисс Марпл? Есть ли во всем этом какое-то связующее звено? Если нет, почему же мистер Рэфьел вдруг вспомнил о ней? Неужели он полагал, что она хоть в каком-то смысле может быть полезна ему? Она уже пожилая, несколько сумасбродная, вполне обычная женщина, не очень сильная физически. И увы, не отличающаяся такой, как прежде, живостью ума. Что особенного нашел в ней мистер Рэфьел? Это оставалось загадкой для мисс Марпл. Может, он решил слегка позабавиться? В сущности, даже не пороге смерти мистер Рэфьел способен был выкинуть какую-нибудь шутку, свидетельствующую о его своеобразном чувстве юмора.

Кто бы рискнул отвергнуть предположение, что он решил напоследок устроить забавный розыгрыш?

— Но все же у меня должно быть какое-то особое свойство, — твердо сказала мисс Марпл. — Ведь не мог мистер Рэфьел, отправляясь в иной мир, насладиться собственной шуткой. Что же это за свойство? Какие из моих качеств способны принести кому-то пользу?

Мисс Марпл смиренно перебрала в уме свои

достоинства. «Я любопытна, умею задавать вопросы. Благодаря моему возрасту это никого не удивляет. Возможно, в этом-то и дело. Да, не так уж трудно нанять частного детектива и поручить ему заняться расследованием, гораздо разумнее, чтобы за это взялась старая леди, привыкшая во все совать нос, всем интересоваться, словоохотливая, горящая желанием узнать что-нибудь новенькое. Всем это кажется вполне естественным».

— Старая сплетница, — пробормотала мисс Марпл. — Да, я вполне сойду за старую сплетницу. Повсюду их полным-полно, и все они одинаковы. Конечно, во мне нет ничего особенного, привлекающего внимание. Обычная, несколько сумасбродная старая леди. Какой великолепный камуфляж! Боже мой, неужели именно это и соблазнило мистера Рэфьела и мои мысли идут в правильном направлении? Что ж, я неплохо разбираюсь в людях, то есть угадываю их суть, поскольку они частенько напоминают мне тех, кого я хорошо знаю. Я вижу их пороки и добродетели и понимаю, чего они стоят. Вот и все.

Она снова подумала о Сент-Оноре и об отеле «Золотая пальма». Пока что мисс Марпл предприняла лишь одну попытку найти связующее

звено между прошлым и настоящим, нанеся визит Эстер Уолтерс, но это ни к чему не привело. Никакого связующего звена она не нашла, не обнаружила даже намека на то, чего хотел мистер Рэфьел, попросив ее заняться делом, сущность которого до сих пор оставалась совершенно непонятной.

— Господи, до чего же вы утомительный человек, мистер Рэфьел! — с укором воскликнула мисс Марпл.

Однако позднее, улегшись в постель и приложив грелку к самому болезненному месту своей ревматической спины, она сказала:

— Я старалась как могла! — И это прозвучало как оправдание.

Старушка словно обращалась к кому-то, незримо присутствовавшему в спальне. Правда, мистер Рэфьел мог находиться где угодно, но, даже если между ними установилась бы телепатическая связь, мисс Марпл решила говорить напрямик:

— Я старалась как могла. Делала все, что зависит от меня, но возлагаю все надежды на вас.

Устроившись поудобнее, мисс Марпл протянула руку и выключила свет.

Глава 5
ИНСТРУКЦИИ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА

Дня через три-четыре прибыло письмо со второй почтой. Взяв в руки конверт, мисс Марпл, по обыкновению, рассмотрела его, перевернула, взглянула на марку и адрес, написанный от руки. Придя к заключению, что это не счет, она вскрыла конверт. Послание было напечатано на машинке.

«Дорогая мисс Марпл.

Когда Вы получите это письмо, я буду уже покоиться в могиле. Надеюсь, меня не кремируют. Мне всегда казалось невероятным, что кто-то может восстать из бронзовой урны, в которой хранится его прах, и преследовать своего врага, если он хочет того! Между тем восстать из гроба, дабы осуществить подобную цель, представляется мне вполне возможным. Хочу ли я этого в самом деле? Кто знает! Не исключено, что я пожелаю телепатически связаться с Вами.

К этому моменту мои поверенные уже

должны были встретиться с Вами и сделать Вам определенное предложение. Надеюсь, Вы его приняли. Если нет, не укоряйте себя. Ведь это Ваш выбор.

Это письмо доставят к вам одиннадцатого числа, если мои поверенные сделали то, о чем я просил их, а почтальоны не пренебрегли своими обязанностями. Через два дня Вы получите предложение от одного лондонского бюро путешествий. Надеюсь, оно придется Вам по душе. Больше мне нечего сказать. Я хочу, чтобы Вы чувствовали себя свободной. Решайте все сами. По-моему, Вам это удастся. Вы ведь очень проницательны. Желаю удачи, да поможет Вам Ваш ангел-хранитель. Без его помощи вам не обойтись.

Ваш преданный друг
Дж.Б. Рэфьел».

— Через два дня! — воскликнула мисс Марпл.

Эти два дня она сгорала от нетерпения. Почта не подвела, как и бюро путешествий «Знаменитые замки и парки Великобритании».

«Дорогая мисс Джейн Марпл.

Выполняя инструкции, данные нам

покойным мистером Рэфьелом, мы посылаем Вам программу экскурсии номер тридцать семь, которая отправляется из Лондона в следующий четверг, семнадцатого числа.

Если Вы сможете приехать в наш офис в Лондоне, то миссис Сэндборн, которая будет сопровождать этот тур, ознакомит Вас со всеми подробностями и ответит на все вопросы.

Продолжительность наших экскурсий – две-три недели. Данный тур, по мнению мистера Рэфьела, должен особенно заинтересовать Вас, поскольку он проходит в той части Англии, которую, насколько ему известно, Вы еще не посещали, а эти места славятся своей живописностью и великолепными садами. Мистер Рэфьел распорядился, чтобы Вам предоставили полный комфорт и номер люкс.

Надеемся, Вы дадите знать, в какой именно день Вам удобно посетить наш офис на Беркли-стрит».

Записав номер телефона, мисс Марпл положила письмо в сумочку, потом позвонила двум

приятельницам, одна из которых как-то ездила на экскурсию от «Знаменитых замков и парков Великобритании» и отзывалась об этом бюро в самых восторженных тонах. Вторая хотя и не ездила сама, но слышала от друзей, что отдых был организован великолепно — правда, довольно дорого, но не утомительно для людей пожилого возраста. Позвонив затем на Беркли-стрит, мисс Марпл сообщила, что приедет в офис в следующий четверг.

Назавтра она обсудила этот вопрос с Черри.

— Я собираюсь в туристическую поездку, Черри.

— Что?! За границу?

— Нет. По Англии. Хочу посмотреть памятники старины и парки.

— Думаете, это полезно в вашем возрасте? Такие поездки очень утомительны. Порой приходится пройти пешком несколько миль.

— Я вполне здорова, — возразила мисс Марпл. — И, насколько мне известно, устроители тура все предусмотрели, поэтому в интервалах между поездками люди моего возраста успевают отдохнуть.

— Ну что ж, будьте осмотрительны, я не хочу, чтобы у вас случился сердечный приступ,

даже если в этот момент вы будете смотреть на необыкновенно красивый фонтан. Вы ведь уже не молоды, сами знаете. Прошу прощения, что говорю вам об этом, и не сочтите мои слова дерзостью, но я всегда опасаюсь, как бы вы не повредили себе, переоценив свои возможности.

— Я вполне способна позаботиться о себе! — с достоинством заметила мисс Марпл.

— Ладно, но будьте осторожны!

Собрав дорожную сумку, мисс Марпл отправилась в Лондон и заказала номер в самой скромной гостинице. «Ах, — подумала она, — каким замечательным был отель «Бертрам». Впрочем, лучше забыть об этом, «Сент-Джордж» тоже неплох».

В назначенное время старушка явилась на Беркли-стрит. В офис ее провела приятная женщина лет тридцати пяти, которая сообщила, что ее зовут миссис Сэндборн и она будет сопровождать туристов.

— Значит ли это... что данная поездка для меня... — Мисс Марпл была в явном замешательстве.

Миссис Сэндборн заметила это и поспешила добавить:

— О, в письме к вам мне следовало объяснить, что мистер Рэфьел оплатил все расходы.

— А вы знаете, что он умер?

— Конечно, но этот вопрос был улажен до его смерти. Он сказал, что серьезно болен, но хочет приобрести туристическую путевку для своей давней приятельницы, которая не может позволить себе этого, хотя очень хотела бы.

* * *

Через два дня мисс Марпл, поручив чемодан заботам водителя, уселась со своей маленькой сумочкой в комфортабельный автобус, отправлявшийся из Лондона на северо-запад. Яркий проспект подробно рассказывал о предстоящем туре, о распорядке каждого дня, а также сообщал полезную информацию об отелях, меню и достопримечательностях, которые предлагали посетить туристам, причем в отдельные дни они имели право выбрать одну из двух разных экскурсий. Проспект в самой деликатной форме пояснял, какая из них больше подходит для молодых, энергичных людей. Другую же рекомендовал особам пожилого возраста, страдающим ревматическими болями и артритами, поскольку для них предпочтительнее спокойно посидеть где-нибудь, чем пускаться в утомительные походы по горным тропам.

Изучив список туристов, мисс Марпл начала разглядывать попутчиков. Это не составляло труда, так как и другие пассажиры занимались тем же. Видимо, мисс Марпл не привлекла ничьего внимания.

Миссис Райсли-Портер
Мисс Джоанна Кроуфорд
Полковник Уолкер с супругой
Мистер и миссис Х.Т. Батлер
Мисс Элизабет Темпл
Профессор Уэнстед
Мистер Ричард Джеймсон
Мисс Ламли
Мисс Бентхем
Мистер Каспар
Мисс Кук
Мисс Бэрроу
Мистер Эмлин Прайс
Мисс Джейн Марпл

Заметив в автобусе четырех пожилых леди, мисс Марпл первым делом сосредоточила внимание на них, чтобы более к ним не возвращаться. Две дамы лет семидесяти путешествовали вместе. С некоторой натяжкой их можно было назвать ее сверстницами. Одна определенно была из

тех, кто постоянно ноет, старается сесть вперед в автобусе или, напротив, назад, садится на солнечную сторону или же заявляет, что переносит только теневую, утверждает, что любит свежий воздух или, напротив, боится сквозняков. Дамы закутались в пледы, шеи повязали шарфами и взяли с собой целый ворох путеводителей. Они, несомненно, не могли похвастать здоровьем, страдали от болей в ногах, спине и суставах, но, несмотря на возраст и недуги, хотели наслаждаться жизнью. Старые сплетницы, но уж точно не из тех, что любят торчать дома. Мисс Марпл сделала пометки в маленькой записной книжке. Тринадцать пассажиров, не считая самой мисс Марпл и миссис Сэндборн. Поскольку эту путевку приобрели для нее специально, значит, один из тринадцати путешественников представляет интерес. Это либо источник информации, либо лицо, связанное с делом, а возможно, даже убийца! Человек, уже совершивший преступление или намеревающийся его совершить. «Все может быть, поскольку идея принадлежит мистеру Рэфьелу, — подумала мисс Марпл. — Во всяком случае, мне следует понаблюдать за этими людьми».

Она решила записать в своей книжечке справа

фамилии тех, кто, вероятно, привлек бы внимание мистера Рэфьела, а слева — тех, кто интересен для нее самой как источник информации, хотя эти люди, вероятно, даже не подозревают об этом. Да и откуда им знать о том, что сведения, которыми они располагают, имеют ценность для нее, мистера Рэфьела, полиции или Справедливости с большой буквы? А уж вечером, выяснив, нет ли среди пассажиров тех, с кем она встречалась прежде в Сент-Мэри-Мид или других местах, можно будет сделать в книжечке пару пометок. Совпадения порой оказывают неоценимые услуги. Так уже нередко случалось.

Две другие пожилые леди путешествовали в одиночестве. На вид им обеим было около шестидесяти. Одна, элегантно одетая и неплохо сохранившаяся, явно занимала высокое положение в обществе. Говорила она громко и властно. Позднее выяснилось, что эту даму сопровождала племянница, девушка лет восемнадцати-девятнадцати, называющая ее тетей Джеральдиной. Мисс Марпл отметила, что племянница, очевидно, привыкла к властности тетки. Девушка была не только умна, но и весьма привлекательна.

Через проход от мисс Марпл сидел крупный джентльмен с квадратными плечами и столь

топорного вида, что казалось, его сложил из кубиков, причем не слишком старательно, неопытный ребенок. Природа, вероятно, задумала наделить этого человека круглой физиономией, однако лицо его воспротивилось этому и решило выглядеть квадратным за счет мощной челюсти. Портрет джентльмена дополняли густые седые волосы и широкие кустистые брови, которые то взлетали, то опускались — в зависимости от того, что он говорил. Его манера произносить слова больше напоминала лай овчарки. Сидящий рядом с ним высокий смуглый иностранец беспокойно ерзал и постоянно жестикулировал. Его чудовищный английский то и дело перемежался французскими или немецкими словами. Джентльмен с квадратными плечами, похоже, отлично понимал его тарабарщину и тоже переходил на французский или немецкий. Бросив на них еще один короткий взгляд, мисс Марпл решила, что мужчина с кустистыми бровями, наверное, профессор Уэнстед, а возбужденный иностранец — мистер Каспар.

«Интересно, — подумала старушка, — что они так оживленно обсуждают?» Однако тарабарщина Каспара сбивала ее с толку.

Впереди них сидела дама лет шестидесяти, а то

и больше, такая высокая, что выделялась бы в любой толпе, очень привлекательная, с темными, но уже тронутыми сединой волосами, стянутыми в узел, с высоким, красивым лбом и приятным, мелодичным голосом. «Да, — констатировала мисс Марпл, — эта дама, несомненно, личность и напоминает мне леди Эмили Уолдрон». Дама, о которой она внезапно вспомнила, была профессором Оксфорда. Мисс Марпл встретила эту леди вместе с ее племянницей однажды в обществе, но образ Эмили Уолдрон навсегда запечатлелся в ее памяти.

Снова оглядев пассажиров, мисс Марпл заметила две семейные пары: супруги-американцы среднего возраста, дружелюбные, болтушка жена и покладистый муж. Страстные любители путешествий и турпоездок, это она поняла сразу. Переведя взгляд на другую супружескую пару, англичан среднего возраста, мисс Марпл решительно записала в книжке, что это военный в отставке. Сверившись со списком, старушка опознала в них полковника Уолкера и его жену.

Позади миссис Уолкер сидел высокий худощавый мужчина лет тридцати. Его речь так изобиловала техническими терминами, что мисс Марпл приняла молодого человека за архитек-

тора. Чуть впереди расположились две дамы среднего возраста. Они путешествовали вместе и, глядя в проспект, обсуждали, какой же маршрут им предпочесть. Одна из них была смуглая и стройная. Вторая же — полная блондинка — показалась мисс Марпл смутно знакомой. «Интересно, где же я ее видела?» Однако ей не удалось этого припомнить. Вполне возможно, на какой-нибудь вечеринке или в поезде. Да, во внешности этой дамы не было ничего примечательного.

Мисс Марпл не составила мнения лишь об одном пассажире, юноше лет девятнадцати-двадцати, одетом в соответствии с возрастом в узкие черные джинсы, потертый костюм и пурпурно-красный свитер. Копна его черных волос явно не привыкла к расческе. Юноша с интересом поглядывал на племянницу властолюбивой особы, а та, в свою очередь, на него. Хотя в основном пассажиры были среднего и пожилого возраста, среди них все же оказалось и двое молодых.

Пообедав в прелестном отеле на берегу красивой речки, туристы отправились во второй половине дня осматривать достопримечательности Бленхейма. Мисс Марпл уже дважды бывала здесь, поэтому, решив не переутомлять ноги, предпочла погулять по прекрасному парку, отку-

да открывались изумительные виды.

К моменту возвращения в отель, где туристам предстояло провести ночь, они уже познакомились друг с другом. Неутомимая и расторопная миссис Сэндборн не только рассказывала своим подопечным об исторических достопримечательностях, но, как умелая хозяйка, ловко создавала маленькие группы и, направляя туда одиноких туристов, говорила, например, что-то вроде: «Непременно расспросите полковника о его собственном саде. Он вырастил поразительную коллекцию фуксий». Такими умелыми напутствиями она объединяла людей.

Теперь мисс Марпл могла назвать по фамилии каждого участника тура. Мужчина с кустистыми бровями действительно оказался профессором Уэнстедом, а иностранец — мистером Каспаром. Властными манерами отличалась миссис Райсли-Портер. Ее племянницу звали Джоанна Кроуфорд. Она и Эмлин Прайс, юноша с пышной шевелюрой, уже успели выяснить, что их взгляды на жизнь во многом совпадают, особенно в том, что касается экономики и искусства. Оба испытывали отвращение к политике.

Две старушки-сплетницы, конечно, сразу же почуяли в мисс Марпл «свою» и начали шутливо

обсуждать артриты, ревматизмы, диеты, новых докторов и лекарства — как запатентованные, так и народные средства и снадобья, приготовляемые знахарками и помогающие в тех случаях, когда медицина уже бессильна. Они перечисляли свои туристические поездки по Европе, отели, турагентства и наконец сообщили, что живут в графстве Сомерсет, где, как утверждали мисс Ламли и мисс Бентхем, почти невозможно нанять приличного садовника.

Мисс Кук и мисс Бэрроу, дамы среднего возраста, путешествовали вместе. Мисс Марпл так и не вспомнила, где видела прежде мисс Кук. Вполне возможно, это лишь фантазии. Пожалуй, скорее всего так оно и было, но мисс Марпл никак не удавалось преодолеть ощущение, что эти дамы избегают ее. Завидев старушку, они тотчас же удалялись. Впрочем, возможно, и это только плод ее воображения.

По крайней мере один из этих тринадцати человек очень важен для нее. Вечером, в ходе беседы, мисс Марпл мимоходом упомянула мистера Рэфьела, желая посмотреть на реакцию окружающих, но никто и бровью не повел.

Красивая дама оказалась мисс Элизабет Темпл, в прошлом директрисой известной женской

школы. Из всех присутствующих мисс Марпл могла заподозрить в причастности к убийству только мистера Каспара. Однако решила, что это продиктовано ее ксенофобией. Она выяснила также, что худощавый молодой человек — Ричард Джеймсон, архитектор.

— Надеюсь, завтра мне удастся разузнать побольше, — пробормотала мисс Марпл.

* * *

Мисс Марпл отправилась спать совершенно измотанной. Конечно, осматривать памятники старины очень поучительно и приятно, но и весьма утомительно, особенно если при этом приходится наблюдать еще за многими людьми, подозревая, что кто-то из них, возможно, связан с убийством. Все это казалось мисс Марпл столь невероятным, что едва ли кто-нибудь отнесся бы к этому серьезно. Все туристы — такие милые люди, явно привыкшие путешествовать и находящие в этом удовольствие. Тем не менее, бросив еще один быстрый взгляд на список пассажиров, старушка сделала несколько пометок в своей записной книжке.

Миссис Райсли Портер? Нет, она не имеет отношения к преступлению. Слишком занята собой и

принадлежит к высшим слоям общества.

Ее племянница Джоанна Кроуфорд? Тоже не связана ни с чем таким? Девушка довольно бойкая. Однако миссис Райсли-Портер, возможно, обладает сведениями, представляющими интерес. Пожалуй, стоит ближе познакомиться с ней.

Мисс Элизабет Темпл? Незаурядная и интересная особа, но у нее нет ничего общего ни с одним из убийц, известных мисс Марпл.

— Да, эта дама, — пробормотала старушка, — воплощение порядочности.

Если бы она и решилась кого-нибудь убить, то лишь из благородных побуждений или, по крайней мере, из таких, которые считала бы благородными. Нет, это маловероятно.

— Мисс Темпл, — продолжала рассуждать она, — всегда отдает себе отчет в своих действиях. Ее не одолевают дурацкие фантазии о благородстве, когда в мире столько зла.

И все-таки она незаурядная личность, — вставила мисс Марпл, — и мистер Рэфьел мог пожелать, чтобы я встретилась с ней, хотя почему именно, мне до сих пор непонятно.

Эти соображения мисс Марпл занесла в свою книжечку справа.

Потом ход ее мыслей принял иное направле-

ние. Она пытается найти убийцу... а что, если речь идет о жертве? Кто из ее спутников может оказаться жертвой? Как будто никто. Миссис Райсли-Портер?.. Богатая... и довольно неприятная особа? Ее бойкая племянница, став наследницей, устроит «государственный переворот» в семейном кругу Райсли-Портеров вместе с анархистом Эмлином Прайсом. А почему бы и нет? Но каковы же мотивы предполагаемого убийства?

Профессор Уэнстед? Интересный мужчина, располагающий к себе. Кто он, ученый или врач? Мисс Марпл полагала, что ученый. В науке она совсем не разбиралась, но знала точно, что на убийцу этот человек не похож.

Мистера и миссис Батлер старушка вычеркнула из списка. Приятные американцы. Никаких связей ни с кем из живущих в Вест-Индии, а уж тем более ни с кем из ее знакомых. Нет, Батлеры тут ни при чем.

Ричард Джеймсон, худощавый архитектор? Что ж, возможно, хотя мисс Марпл не видела, почему бы ему стать убийцей.

Ниша в стене? Вдруг в одном из замков, которые им предстоит посетить, есть ниша в стене, а в ней замурован скелет? И мистер Джеймсон, как архитектор, знает об этом. Тогда, чтобы обнаружить

тайник, ему понадобится ее помощь, или же, напротив, она позовет его на помощь, и в этой нише они обнаружат труп... «О господи, — подумала мисс Марпл, — что за чушь лезет мне в голову!

Мисс Кук и мисс Бэрроу? Ничем не примечательные, обычные дамы. И все же я определенно видела одну из них раньше. И это точно мисс Кук. Ну ладно, я еще вспомню, где именно.

Полковник Уолкер с женой? Славные люди. Отставной офицер, большую часть жизни провел за границей. Приятный собеседник, однако едва ли представляет для меня какой-либо интерес.

Мисс Бентхем и мисс Ламли? Этих старых сплетниц трудно вообразить преступницами, но, пожалуй, они знают множество слухов, обладают какой-то полезной информацией и могут что-нибудь сболтнуть, даже рассказывая о своих болячках, ревматизме и патентованных лекарствах.

Мистер Каспар? Подозрительный тип. Очень возбудимый. Пока что его фамилию следует занести в левый список.

Эмлин Прайс? Скорее всего, студент. А студенты решительны и склонны к насилию. Может, мистер Рэфьел купил мне путевку, чтобы я понаблюдала за этим студентом? Все зависит от

того, натворил ли уже что-нибудь Эмлин Прайс или только собирается. Похоже, убежденный анархист».

— О Господи! — Мисс Марпл внезапно почувствовала усталость. — Пора ложиться спать.

Ее ноги ныли от боли, да и соображала старушка уже не так быстро. Уснула она мгновенно и видела несколько снов.

В одном из них кустистые брови профессора Уэнстеда вдруг отпали, потому что на самом деле были не настоящими, а накладными. Мисс Марпл проснулась и, как это обычно случается, тотчас подумала, что все привидевшееся ей — реальность. «Конечно, — решила она. — *Конечно!* Его фальшивые брови все объясняют. Он — преступник».

Потом с огорчением поняла, что это ровно ничего не объясняет.

Увы, после этого мисс Марпл уже не удалось сомкнуть глаз. Со вздохом она накинула халатик, подошла к креслу, достала записную книжку и принялась за работу.

«Дело, за которое я взялась, – начала писать мисс Марпл,– *определенно связано с каким-то преступлением. На это чет-*

ко указывает письмо мистера Рэфьела. По его мнению, я обладаю врожденным чувством справедливости, а это влечет за собой чутье на преступления. Итак, тут не обошлось без преступления. Полагаю, это не шпионаж, не афера и не грабеж – ведь я никогда не занималась подобными делами и у меня нет навыков раскрывать их. Мистер Рэфьел знал обо мне лишь то, что успел разглядеть за то время, которое мы провели в Сент-Оноре. И объединяло нас там убийство. Мое внимание никогда не привлекали убийства, о расследовании которых подробно писала пресса. Я никогда не читала книг по криминологии и, в сущности, не интересовалась подобными вещами. Однако получалось так, что я вдруг оказывалась (куда чаще других) поблизости от места преступления. Я много размышляла об убийствах, имевших отношение к моим друзьям или знакомым. Боюсь, то, что люди называют забавными совпадениями, всегда предопределено. Так, помнится, одна из моих тетушек пять раз попадала в кораблекрушение. У меня есть

приятельница, которую я называю «мисс Авария». Несколько моих друзей отказываются садиться вместе с ней в такси. Она пережила пять автомобильных и две железнодорожные катастрофы. Да, кажется, что подобные вещи происходят с людьми без видимых причин. Не хочется это записывать, но, похоже, поблизости от меня постоянно совершаются убийства (слава богу, не я их жертва!)».

Мисс Марпл остановилась, переменила позу, подложила подушку под спину и продолжила:

«Я должна с жесткой логикой оценить дело, за которое взялась. Данные мне указания, или «инструкции», как называют их мои флотские друзья, пока что явно недостаточны. Более того, их просто нет. Поэтому мне следует задать себе один очевидный вопрос: в чем суть моего задания? Ответ: я не знаю. Необычная и интригующая ситуация. Для столь удачливого бизнесмена и финансиста, как мистер Рэфьел, странный способ давать поручение. Видимо, он надеялся, что я обо всем догадаюсь благодаря интуиции,

наблюдательности и умению выполнять полученные указания, даже если они облечены в форму намеков.

Итак, пункт первый. Указания я получу. Указания покойника.

Пункт второй. То, во Что меня вовлекли, связано с проблемой справедливости. Мне придется либо восстановить ее, если она попрана, либо предотвратить преступление, предав негодяя в руки закона. На это указывает пароль «Немезида», сообщенный мне мистером Рэфьелом.

После того как мне смутно изложили суть дела, я получила первое настоящее указание. Перед смертью мистер Рэфьел приобрел для меня путевку на маршрут номер тридцать семь турагентства «Знаменитые замки и парки Великобритании». Зачем? Вот о чем я должна спросить себя. Неужели дело в тех местах, по которым пролегает маршрут? Какую связь или какой ключ можно обнаружить в этом? Что имел в виду мистер Рэфьел – знаменитый замок? или парк? Нет, едва ли. Куда разумнее искать объяснение в человеческом

факторе – участниках экскурсии. Ни с кем из них я лично не знакома, но один из этих людей связан с загадкой, которую мне предстоит разрешить. Кто-то из членов группы замешан в убийстве или участвовал в нем. Кто-то располагает информацией о жертве преступления, связан с ней или же сам потенциальный убийца, пока еще не разоблаченный».

Мисс Марпл внезапно остановилась и кивнула, удовлетворенная тем, что ее анализ зашел так далеко.

Все, теперь спать!

Напоследок мисс Марпл написала еще одну строку:

«На этом первый день завершился».

Глава 6
ЛЮБОВЬ

На следующее утро она посетила небольшую усадьбу времен королевы Анны. Поездка была не слишком долгой и утомительной. Особняк оказался на редкость красивым, а его история — столь же чарующей, как великолепный приусадебный парк.

Ричард Джеймсон, архитектор, без устали восхищался мастерством зодчих. Наслаждаясь звуками собственного голоса, он останавливался в каждой комнате, показывая спутникам что-нибудь вроде камина необычной формы, и буквально сыпал историческими датами и справками. Сначала многие слушали его с интересом, но постепенно начали терять терпение и, опасаясь, что этой нудной лекции не будет конца, потихоньку отходили. Местный смотритель, недовольный тем, что обязанности гида взял на себя какой-то экскурсант, сделал несколько попыток привлечь к себе внимание, но безуспешно. И все же он не сдавался:

— В этой комнате, леди и джентльмены, в

Белой гостиной, как ее называют, когда-то был обнаружен труп молодого человека, заколотого кинжалом. Он лежал на коврике перед камином. Это случилось в тысяча семьсот каком-то году. Говорят, он был любовником леди Моффет. Пробрался в дом через заднюю дверь, поднялся в гостиную по крутой винтовой лестнице, вошел через потайной ход — вон там, слева от камина. Сэр Ричард Моффет, муж миледи, находился в это время на континенте, однако, неожиданно вернувшись домой, он застал любовников врасплох.

Горделиво расправив плечи, смотритель сделал паузу. Наконец-то он завладел вниманием слушателей! Те тоже были довольны, что избавились от нудных объяснений архитектора.

— Ах, как романтично, Генри! — воскликнула миссис Батлер звонким голоском. — И знаете, в этой комнате совершенно особая атмосфера. Я ощущаю это. Уверяю вас, ощущаю.

— Мэйми очень чувствительна к подобным вещам, — гордо объявил ее муж. — Однажды мы были в одном старинном доме в Луизиане...

Последовал долгий и скучный рассказ об исключительной чувствительности миссис Батлер. Мисс Марпл и еще двое экскурсантов, улучив момент, выскользнули из комнаты и спустились

по красивой витой лестнице на первый этаж.

— Один мой приятель, — поведала старушка мисс Кук и мисс Бэрроу, — пережил несколько лет назад настоящий кошмар. Однажды утром он обнаружил труп на полу в собственной библиотеке.

— Кто-то из членов семьи? — спросила мисс Бэрроу. — Апоплексический удар?

— О нет, убийство. Это была незнакомая девушка в вечернем платье. Блондинка. Но оказалось, что у нее крашеные волосы. На самом деле она была брюнеткой, и... ой!.. — Мисс Марпл замолчала, пристально уставившись на желтые волосы мисс Кук, выбившиеся из-под шарфа.

Наконец-то она вспомнила, где прежде видела мисс Кук! Только тогда волосы у нее были темные — почти черные. Теперь же — ярко-желтые.

Миссис Райсли-Портер спустилась по лестнице и, проходя мимо них, решительно проговорила:

— Мне больше не под силу бегать вверх и вниз! Стоять и разглядывать эти комнаты тоже очень утомительно. Здешние сады и парки хотя и не так знамениты, но высоко ценятся в кругу садоводов. Предлагаю вам прогуляться, дабы не терять зря времени. Видите, собираются тучи. Думаю, вскоре польет дождь.

Властный тон миссис Райсли-Портер сделал свое дело. Все, кто слышал ее слова, беспрекословно направились через стеклянные двери в сад. Здешние парки и в самом деле соответствовали высокой оценке миссис Райсли-Портер. Взяв под руку полковника Уолкера, она быстро повела его по какой-то аллее. Кто-то из экскурсантов последовал за ними, другие направились в противоположную сторону.

Мисс Марпл подошла к скамейке, тоже обладавшей незаурядными художественными достоинствами, со вздохом облегчения опустилась на нее и сразу услышала такой же вздох — мисс Элизабет Темпл села рядом с ней.

— Прогулки по замкам и усадьбам всегда утомляют, — заметила мисс Темпл. — Признаюсь, нет ничего утомительнее! Особенно если вас заставляют слушать нудную лекцию в каждой комнате.

— Все, что нам сейчас рассказали, весьма интересно, — робко возразила мисс Марпл.

— Вы и вправду так думаете? — Мисс Темпл, слегка повернув голову, пристально посмотрела в глаза собеседницы. Тут что-то промелькнуло между женщинами — они ощутили радость взаимопонимания.

— А вы нет? — спросила мисс Марпл.

— Нет.

Теперь установилось полное взаимопонимание. Они сидели молча, как старые приятельницы. Вдруг Элизабет Темпл заговорила о парках вообще и об этом в частности.

— Его спроектировал Холман, — начала она, — где-то в 1800-м или 1798 году. Он умер молодым, а жаль. Он был гением.

— Очень печально, когда умирают молодыми, — заметила мисс Марпл.

— Неужели? — Голос мисс Темпл прозвучал странно.

— Но ведь они столь многого не успели сделать!

— Или многого избежали, — возразила мисс Темпл.

— Я прожила долгую жизнь, поэтому могу сказать, что ранняя смерть — это множество упущенных возможностей.

— А я провела долгие годы среди молодежи и считаю, что жизнь — это определенный период времени, замкнутый в себе. Как сказал Т.С. Элиот: «Век розы и век кипариса одинаков».

— Понимаю, о чем вы... Сколько бы ни длилась жизнь, она завершается смертью. Но неужели

у вас... — она помедлила в нерешительности, — никогда не возникало чувство, что чья-то жизнь не завершена, потому что внезапно безвременно оборвалась?

— Конечно, возникало.

— Как прекрасны эти пионы, — вдруг сказала мисс Марпл. — Такие гордые... и вместе с тем такие очаровательно хрупкие!

Элизабет Темпл повернулась к собеседнице:

— Вы отправились на эту экскурсию, чтобы посмотреть замки или парки?

— Пожалуй, замки, хотя и парки доставляют мне наслаждение. Однако эти замки... для меня нечто новое. Они разнообразны, у каждого своя история, к тому же прекрасная старинная мебель, картины… — Помолчав, мисс Марпл добавила: — Эту путевку купил для меня один мой добрый друг. Я очень благодарна ему. Никогда еще я не видела столько огромных и знаменитых замков и усадеб. А вы часто бываете на экскурсиях?

— Нет. В этот раз я поехала не ради осмотра достопримечательностей.

Мисс Марпл, с любопытством взглянув на собеседницу, хотела что-то спросить, но не решилась. Мисс Темпл заметила это и улыбнулась:

— Вас интересует, почему же я здесь и что мною

движет? А ну-ка попытайтесь угадать.

— Мне не нравится это занятие.

— Попытайтесь же! Это весьма занятно, уверяю вас. Попробуйте догадаться.

Мисс Марпл не отрывала от мисс Темпл задумчивого взгляда.

— Не думайте, будто мне что-то известно о вас. Я знаю только одно: вы руководили известной школой. Поэтому мои догадки будут основаны лишь на том впечатлении, которое вы на меня производите. Я бы... назвала вас паломницей. Да, вы похожи на тех, кто совершает паломничество.

— Вы угадали. Я действительно совершаю паломничество. — Мисс Темпл кивнула.

Помолчав, мисс Марпл сказала:

— Тот, кто купил для меня эту путевку и оплатил все расходы, умер. Это был мистер Рэфьел, очень богатый человек. Вы не знали его?

— Джейсона Рэфьела? Конечно, мне известно это имя, хотя мы не были знакомы и я никогда не встречалась с ним. Однажды он пожертвовал весьма солидную сумму на одну общеобразовательную программу, в осуществлении которой я была заинтересована. Я очень благодарна ему за это. Вы правы, он был очень богат. Несколько

недель назад я видела в газетах сообщение о его смерти. Значит, он был вашим старым другом?

— Нет, чуть больше года назад я встретила его за границей, в Вест-Индии. Но близко не была с ним знакома. Ни с ним, ни с его семьей, ни с его друзьями. Мне известно лишь то, что он был крупным финансистом, человеком замкнутым и никогда о себе не рассказывал. А вы знаете кого-нибудь из членов его семьи или... — Мисс Марпл сделала паузу. — Видите ли, меня давно мучило любопытство, но я не решалась расспрашивать его, опасаясь показаться назойливой.

— Когда-то в «Фоллоуфилд» у меня была одна ученица — правда, не родственница мистера Рэфьела... но она была обручена с его сыном.

— Она так и не вышла за него замуж? — спросила мисс Марпл.

— Нет.

— Почему?

— Полагаю, у нее хватило здравого смысла не делать этого. Сын мистера Рэфьела был не из тех, кого можно пожелать в мужья. Особенно любимой мною и очень милой девочке. Не знаю, почему она не вышла за него, и никогда не слышала об этом, однако... — Мисс Темпл вздохнула. — Однако она умерла...

— Отчего?

Элизабет Темпл молчала и не отводила взгляда от пионов. Наконец произнесла одно лишь слово, как гром поразившее ее собеседницу:

— Любовь!

— Любовь?!

— Одно из самых страшных слов в этом мире, — пояснила мисс Темпл. В ее голосе прозвучали трагические нотки. — Любовь...

Глава 7
ПРИГЛАШЕНИЕ

Мисс Марпл решила пропустить дневную экскурсию, сославшись на усталость. Вместо того чтобы осматривать старинную церковь с витражами XIV столетия, лучше немного отдохнуть, а потом присоединиться ко всем за чаем. Миссис Сэндборн сочла это разумным.

Расположившись на удобной скамье перед чайной, мисс Марпл начала обдумывать ход своих дальнейших действий с точки зрения целесообразности.

Когда экскурсионная группа вернулась, старушка оказалась рядом с мисс Кук и мисс Бэрроу за столиком, рассчитанным на четверых. Четвертым был мистер Каспар, которого мисс Марпл считала не самым лучшим собеседником из-за его ужасного английского.

Потянувшись за пирожным, мисс Марпл сказала мисс Кук:

— Вы знаете, я *совершенно* уверена, что мы раньше встречались, и все время думаю об этом... Теперь у меня плохая память на лица, но я убеж-

дена, что где-то уже видела вас.

Мисс Кук посмотрела на нее приветливо, но с сомнением и тут же перевела взгляд на свою подругу, мисс Бэрроу. Так же поступила и мисс Марпл. Однако мисс Б эрроу не выказала никакого желания оказать помощь в разрешении загадки.

— Не знаю, бывали ли вы когда-нибудь в наших краях, — продолжала мисс Марпл. — Я живу в Сент-Мэри-Мид, это небольшая деревня. Правда, сейчас уже не такая маленькая, как прежде, ведь теперь строят повсюду. Это недалеко от Мач-Бенхем и всего в двенадцати милях от Ломута на побережье.

— А, вот оно что! — воскликнула мисс Кук. — Я очень хорошо знаю Ломут и, возможно...

— О, конечно же! — обрадовалась мисс Марпл. — Помнится, вы проходили мимо моего сада, заговорили со мной и сказали, что живете у своей приятельницы...

— Верно! Как глупо, что я забыла об этом. Вот теперь я все вспомнила. Мы ведь говорили о том, как трудно нынче найти хорошего садовника... такого, от которого был бы прок.

— Да. Кажется, вы не живете там постоянно, а? Просто гостили?

— Да. Гостила у... — Мисс Кук умолкла, и лицо ее приняло такое напряженное выражение, словно она запамятовала имя.

— У миссис Сазерленд, да? — подсказала мисс Марпл.

— Нет, нет, это была... э-э... миссис...

— Хастингс, — твердо произнесла мисс Бэрроу, взяв кусок шоколадного торта.

— Ах да, в одном из новых домов, — заметила мисс Марпл.

— Хастингс, — неожиданно подал голос мистер Каспар и просиял: — Я бывал в Хастингсе... И в Истборне. — Он снова ослепительно улыбнулся.

— Там очень мило — возле моря.

— Какое поразительное совпадение, — продолжала мисс Марпл, — встретиться снова так скоро... Мир тесен, не правда ли?

— О да, ведь все мы так любим сады и парки, — неуверенно проговорила мисс Кук.

— Цветы восхитительны, — снова вставил мистер Каспар. — Я очень люблю их... — И он одарил всех ослепительной улыбкой.

— Здесь много редких и красивых кустарников, — заметила мисс Кук.

Мисс Марпл заговорила о садоводстве. Мисс Кук поддержала беседу, а ее подруга лишь изред-

ка подавала голос.

Мистер Каспар молчал и только улыбался.

Позже, отдыхая, по своему обыкновению, перед ужином, мисс Марпл задумалась. Что же она узнала? Мисс Кук *призналась*, что была в Сент-Мэри-Мид и проходила мимо дома мисс Марпл, охотно согласившись с тем, что это просто совпадение. «Совпадение? — спросила себя мисс Марпл, смакуя это слово, словно ребенок леденец. — Но совпадение ли это? А может, что-то побудило ее прийти туда? Или кто-то послал туда мисс Кук? Но если так, то зачем? Не смехотворны ли мои фантазии?»

— Следует непременно обращать внимание на каждое совпадение, — пробормотала мисс Марпл. — Потом можно выбросить его из головы, если подтвердится, что это только совпадение.

Мисс Кук и мисс Бэрроу действительно похожи на обычных приятельниц, отправившихся в туристическую поездку, что, по их словам, они делают ежегодно. В прошлом году эти дамы совершили круиз по Греции, а в позапрошлом — по Голландии, а еще раньше посетили Северную Ирландию. Они кажутся очень милыми, но вполне заурядными. «Впрочем, — вдруг подумала мисс Марпл, — мисс Кук все же замешкалась и,

по-моему, не хотела признаться, что жила в Сент-Мэри-Мид. Потом посмотрела на мисс Бэрроу, словно ожидая указаний. Видимо, первое слово принадлежит мисс Бэрроу...

Однако не исключено, что все это лишь игра моего воображения и не имеет ровно никакого значения».

Внезапно в сознании старушки вспыхнуло слово «опасность». О ней предупреждал мистер Рэфьел в своем первом письме... а во втором даже выразил убеждение, что ей понадобится ангел-хранитель. Неужели самой мисс Марпл в этом деле угрожает какая-то опасность? И почему? От кого она исходит?

Уж конечно, не от мисс Кук и мисс Бэрроу. Ведь это такие обычные с виду дамы... Вместе с тем мисс Кук перекрасила волосы и изменила прическу... Да, теперь ее совсем не узнать. И это по меньшей мере странно! Мисс Марпл начала размышлять о других экскурсантах.

Куда проще предположить, что опасность исходит от мистера Каспара. Может, он знает английский не так скверно, как изображает? Мисс Марпл все больше удивлялась его поведению.

Ей никак не удавалось избавиться от своих викторианских представлений об иностранцах.

Никому не дано *понять* иностранцев. Довольно абсурдная мысль — особенно для тех, кто, как она, имеет множество друзей в разных странах. И все же... Мисс Кук, мисс Бэрроу, мистер Каспар, тот лохматый юноша — Эмлин Как-там-его — революционер... воинствующий анархист? Мистер и миссис Батлер — такие милые американцы — но, быть может, все слишком хорошо, чтобы быть правдой?

— Вообще-то, — пробормотала мисс Марпл, — пора взять себя в руки.

Ее мысли вернулись к маршруту поездки. Завтра, вспомнила она, предстоит довольно утомительный день. Они выедут очень рано; потом отправятся на долгую пешую прогулку вдоль берега моря, осмотрят интересные морские растения... Все это большая нагрузка. Правда, проспект в деликатной форме предлагал всем, кто хочет отдохнуть, остаться и погулять по чудесному парку, который раскинулся за отелем «Золотой вепрь», или совершить короткую экскурсию — она займет лишь один час — по окрестностям. Мисс Марпл решила выбрать второй вариант.

Однако ее планам суждено было внезапно измениться, хотя сейчас она не подозревала об этом.

Вымыв руки перед ленчем, мисс Марпл вышла

из своего номера в «Золотом вепре» и спустилась вниз. Внезапно к ней устремилась женщина в твидовом костюме:

— Прошу прощения, вас зовут мисс Марпл... мисс Джейн Марпл?

— Да, именно так, — удивленно ответила старушка.

— А я миссис Глинн. Лавиния Глинн. Две мои сестры и я живем неподалеку... Мы слышали, что вы остановились здесь, и, видите ли...

— Вы услышали, что я остановилась тут? — еще больше удивилась мисс Марпл.

— Да. Наш старый друг написал нам... довольно давно, недели три назад... и просил нас отметить дату, когда сюда приедет экскурсия «Знаменитых замков и парков Великобритании». Он сообщал, что среди туристов будет его добрая приятельница... или родственница, я не совсем уверена, что правильно поняла. — Заметив изумление старушки, миссис Глинн пояснила: — Речь идет о мистере Рэфьеле.

— Неужто?! Мистер Рэфьел... А знаете ли вы...

— Что он умер? Да. Очень прискорбно. Кажется, это произошло вскоре после того, как он написал нам. Но мы все же сочли необходимым выполнить его желание. Кстати, мистер Рэфьел полагал,

что вы не откажетесь погостить у нас пару дней. Этот тур довольно утомителен. Видите ли, эти поездки хороши для молодых, но не для пожилых людей. Приходится много ходить пешком, подниматься по горным тропкам. Вы доставите нам большое удовольствие, если погостите у нас. Наш дом в десяти минутах ходьбы от отеля, и мы покажем вам все достопримечательности, которые заслуживают внимания.

Мисс Марпл была в нерешительности. Ей понравилась миссис Глинн — полная, добродушная, дружелюбная и несколько застенчивая дама. Кроме того, все это происходило по указанию мистера Рэфьела, видимо предопределившего ее следующий шаг. Да, наверное, так оно и есть.

«С чего я так нервничаю? — подумала старушка. — Должно быть, потому что уже освоилась с экскурсантами, хотя знаю их всего лишь три дня».

Она посмотрела на миссис Глинн:

— Спасибо. Весьма признательна вам за приглашение и с радостью принимаю его.

Глава 8
ТРИ СЕСТРЫ

Стоя у окна, мисс Марпл рассеянно смотрела в сад. Не часто случалось, чтобы она смотрела в сад равнодушно — без восхищения или неодобрения. Впрочем, сейчас мисс Марпл все же испытывала неодобрение. На этот запущенный сад уже многие годы не тратили ни денег, ни труда. Дом тоже был запущен. Мебель когда-то считалась весьма неплохой, но ей явно давно уже не уделяли внимания. «Из этого дома словно ушла любовь, — подумала мисс Марпл, — и теперь он вполне оправдывает свое название — «Старая усадьба». Дом, построенный со вкусом и довольно красивый, был некогда обитаемым и ухоженным. Однако дочери и сыновья, вступив в браки, разлетелись, и теперь в «Старой усадьбе» жили лишь миссис Глинн и две сестры, получившие дом в наследство от дяди. Миссис Глинн, показывая старушке комнату, сказала, что переехала сюда после смерти мужа. С возрастом ей было все труднее управляться с домом.

Ее сестры, старшая и младшая, так и остались

старыми девами и носили фамилию Брэдбери-Скотт.

В этом доме не было ни одной вещи, принадлежащей ребенку, — ни спущенного мячика, ни старой коляски, ни стульчика или столика. Просто дом с тремя сестрами.

— Что-то русское, — пробормотала мисс Марпл. — «Три сестры»? Кажется, Чехов. А может, Достоевский? Право же, не помню. Три сестры. Но явно не те, что так стремились в Москву. Эти никуда не собираются и не желают уезжать, в этом я нисколько не сомневаюсь.

Миссис Глинн представила ее своим сестрам. Одна пришла из кухни, вторая спустилась по лестнице. Держались они любезно и учтиво. Настоящие леди — так сказали бы о них во времена молодости мисс Марпл. Однажды она назвала одну из таких дам «опустившейся леди». «Нет, дорогая Джейн, — поправил мисс Марпл ее отец. — Не «опустившаяся», а обнищавшая».

Теперь обнищавшие леди встречаются редко. Таким женщинам помогает правительство, благотворительные общества или богатые родственники. Или же… люди вроде мистера Рэфьела. Да, в конце концов, именно он направил ее сюда, купил путевку на эту экскурсию, и, между

прочим, не дешевую. За четыре-пять недель до смерти мистер Рэфьел уже знал, когда именно это случится с ним, однако полагал, что протянет несколько дольше, чем предсказывали доктора, не страдающие излишним оптимизмом. Правда, врачам известно по опыту, как страстно цепляются за жизнь умирающие, — благодаря этому они еще немного задерживаются в нашем бренном мире. А вот сиделки в больницах ждут не дождутся, когда больные умрут, и удивляются, если это не происходит в назначенный срок. Высказав свои мрачные взгляды врачу, они нередко слышат в отсвет: «Не удивлюсь, если он протянет еще несколько недель». «Очень мило, что доктор такой оптимист, — думает сиделка, — но, вероятно, он ошибается». Однако врачи редко ошибаются. Даже те, кто страдает от невыносимых болей, безнадежные, искалеченные, несчастные все равно хотят жить и готовы принимать таблетки, чтобы протянуть еще одну ночь. Они никогда не возьмут смертельную дозу, ибо не желают ускорить переход в тот мир, о котором ничего не знают.

Мистер Рэфьел... Именно о нем думала мисс Марпл, рассеянно глядя в сад. Мистер Рэфьел? Старушка чувствовала, что приблизилась к пониманию задачи, возложенной на нее. Мистер

Рэфьел все планировал заранее: финансовые сделки, операции и прочее. Очевидно, данная ситуация аналогична той, с которой часто сталкивалась Черри. Тогда она приходила к мисс Марпл и говорила: «У меня проблема». И мисс Марпл помогала служанке разрешить ее. «Значит, — подумала старушка, — мистеру Рэфьелу не удалось справиться с какой-то мучительной для него проблемой. А ведь обычно он справлялся со своими проблемами сам. Но мистер Рэфьел бы прикован к постели и умирал. Да, он еще устраивал свои финансовые дела, поддерживал связь с адвокатами, поверенными, друзьями и родственниками, однако появилось что-то, с чем мистер Рэфьел не смог совладать. Проблема, которую ему не удавалось разрешить, хотя он очень хотел этого. Видимо, деньги не помогали ее уладить. Не прибег он и к услугам адвоката».

— Поэтому мистер Рэфьел и вспомнил обо мне, — пробормотала мисс Марпл.

И все же это странно. Даже очень странно. Однако напряженные размышления и второе письмо разъяснили многое. Он вспомнил о мисс Марпл, считая, что у нее есть качества, необходимые для выполнения какого-то задания. «Связанного, — решила старушка, — с каким-то преступлением.

Мистер Рэфьел знал, что я умею распутывать загадочные преступления. Ему было также известно, что я люблю сады и парки. Впрочем, едва ли проблема, которую мне предстоит разрешить, связана с садоводством. Нет, он вспомнил обо мне, поскольку дело связано с преступлением. С преступлением в Вест-Индии и с преступлением, совершившимся здесь, в Англии.

Вот только где?

Мистер Рэфьел предпринял кое-какие шаги. Прежде всего, договорился со своими поверенными. Они уже выполнили свою роль — отправили в назначенный срок оба письма. Все это тщательно им продумано. Разве не проще было бы ему объяснить, чего он хочет от меня, и назвать причину, побудившую его обратиться ко мне? Странно, что мистер Рэфьел не пригласил меня к себе перед смертью. Не попросил пообещать, что я выполню его волю. Что-то очень беспокоило его, я не смогла бы ему отказать. Однако это не в духе мистера Рэфьела. Уж он-то ни за что не стал бы упрашивать меня, умолять об одолжении, убеждать, что необходимо восстановить справедливость. Нет. Это не в его духе. Мистер Рэфьел решил вознаградить того, кто выполнит его волю, — так он поступал всю жизнь. Он

решил заплатить мне за услуги, но при этом так заинтриговать меня, чтобы я согласилась взяться за работу: Мистер Рэфьел предложил деньги — чтобы заинтриговать меня, возбудить интерес. Он не собирался искушать меня и, уж конечно, не думал, что эта сумма возбудит во мне желание немедленно взяться за дело. О нет, мистер Рэфьел отлично знал, что я не особенно нуждаюсь в деньгах, хотя и не отказалась бы от них. Если бы у меня вдруг возникли проблемы с деньгами, мой горячо любимый племянник Реймонд всегда ссудил бы мне их. Это позволило бы отремонтировать дом, пойти на прием к врачу или провести дорогостоящий курс лечения. Да, сумма, предложенная мистером Рэфьелом, должна заинтриговать меня и привести в такое же возбуждение, какое испытывают люди, играющие в лотерею. Но столь большую сумму нельзя выиграть без изрядной доли везения.

Однако помимо удачи нужно усердие. Я должна много и сосредоточенно размышлять. Вполне вероятно, что мое задание сопряжено с опасностью. И самое главное: мистер Рэфьел явно не собирался мне помогать, возможно боясь, чтобы у меня не создалось предвзятого мнения об этом деле. Да, трудно рассказать о чем-то беспристрастно.

Мистер Рэфьел мог предполагать, что его точка зрения ошибочна. Это не слишком похоже на него, но кто знает? Вдруг он подозревал, что остроту его суждений притупила болезнь? Поэтому я, мисс Марпл, его доверенное лицо, должна сама обо всем догадаться, прийти к собственным выводам. Что ж, пора сделать кое-какие заключения. Иными словами, вернуться к старому вопросу: в чем же, в сущности, состоит проблема?»

Мисс Марпл получила указания. Из них и нужно исходить. Указания дал человек, которого уже нет в живых. Поскольку для выполнения этого задания пришлось покинуть Сент-Мэри-Мид, значит, это задание нельзя выполнить там, просматривая газетные вырезки или расспрашивая людей, — ведь неизвестно, о чем же спрашивать. «Сначала меня направили к поверенным в Лондон, — рассуждала мисс Марпл, — потом пришло письмо, вернее, два письма, затем я получила указание поехать в приятное путешествие, организованное «Знаменитыми замками и парками Великобритании». И вот я здесь, в «Старой усадьбе», в Джоселин-Сент-Мэри, где живут мисс Клотильда и Антея Брэдбери-Скотт, а также миссис Глинн. Все это устроил мистер Рэфьел, и устроил заранее, за несколько недель

до смерти. Вероятно, сразу же после того, как дал указания своим поверенным и заказал для меня путевку. Значит, он направил меня в этот дом с какой-то целью. Проведу я здесь не более двух дней. Впрочем, возможно, он решил задержать меня здесь, поэтому не исключено, что из-за каких-то обстоятельств мне придется остаться тут несколько дольше».

Мисс Марпл снова обратилась к «Старой усадьбе».

«Миссис Глинн и две ее сестры. Наверное, они причастны к этой истории, как-то связаны с ней. Необходимо выяснить, в чем тут дело, а времени-то мало! Вот в чем проблема».

Мисс Марпл полагала, что ей удастся выяснить это.

«Я ведь из тех разговорчивых пожилых леди, которые любят болтать, выспрашивать — в общем, сплетничать. Я расскажу о своем детстве, и это побудит одну из сестер поведать мне об их детстве. Она, конечно, сообщит о том, что они едят, какая у них прислуга, я услышу все о детях, двоюродных братьях и сестрах, о других родственниках, о том, где они бывали, ну и, разумеется, о браках, рождениях и... да, о кончинах. При этом мне не следует выказывать ни к чему

особого интереса. Когда мне сообщат о чьей-либо смерти, я просто автоматически воскликну: «Боже мой, как печально!» Нужно узнать как можно больше о родственниках, обо всех несчастных случаях, выслушать исповеди сестер. А вдруг да всплывет что-то интересное. Например, инцидент, случившийся по соседству и не связанный непосредственно с сестрами. Что-то, безусловно, сорвется с языка и обязательно всплывет. Здесь, да, именно здесь какой-то ключ, способный навести на след. Через два дня я присоединюсь к экскурсии, если к тому времени мне не придется скорректировать свои планы. — Тут мысли мисс Марпл обратились к автобусу и ее спутникам. — Возможно, то, что я ищу, находится именно там. Придется снова заняться экскурсантами, поискать нужного мне человека. С виду, конечно, невинного (хотя кто знает?), выслушать несколько длинных историй о прошлом...» Старушка нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить. Вдруг в сознании мелькнуло: «Право же, я совершенно уверена...» Вот только в чем?

Потом мысли мисс Марпл вернулись к трем сестрам. Не стоит засиживаться в этой комнате. Нужно вынуть необходимые вещи: одежду, ночную сорочку, зубную щетку, мыло, а потом

спуститься вниз к хозяйкам и завязать с ними непринужденную беседу. Следует решить главный вопрос: кто эти три сестры — союзницы или враги? Они могут принадлежать к любой категории, поэтому от нее потребуется особое внимание.

В дверь постучали, и в комнату вошла миссис Глинн:

— Надеюсь, вы хорошо устроились? Не помочь ли вам распаковать вещи? По утрам к нам приходит убираться одна милая женщина, она с удовольствием окажет вам любые услуги.

— О нет, спасибо. Язахватила с собой только самое необходимое.

— Я провожу вас вниз. Дом ветхий, две лестницы, боюсь, как бы вы не заплутали. Такое уже случалось.

— Вы очень добры. — Мисс Марпл улыбнулась.

— Давайте спустимся вниз и выпьем по стаканчику шерри перед обедом.

Старушка с радостью согласилась и последовала за хозяйкой.

Мисс Марпл казалось, что миссис Глинн намного моложе ее. На вид ей было лет пятьдесят или чуть больше. Мисс Марпл спускалась осторожно, опасаясь, чтобы не подвело левое колено. К сча-

стью, с одной стороны были перила, и старушка отметила, что лестница очень красивая.

— У вас чудесный дом, — сказала она. — Полагаю, построен в XVIII веке, верно?

— В 1780 году, — уточнила миссис Глинн.

Похвала мисс Марпл, видимо, доставила ей удовольствие. Она провела старую леди в гостиную — большую, прекрасную комнату. Внимание гостьи привлекли два изысканных предмета: стол времен королевы Анны и инкрустированный перламутром секретер эпохи Уильяма и Мэри. Стояли здесь также довольно громоздкие диванчики и застекленные шкафы времен королевы Виктории. Однако портьеры выцвели, а ирландский ковер выглядел и того хуже. Плюшевая обивка массивного дивана давно истерлась. Сестры миссис Глинн, сидевшие в гостиной, встали, когда вошла мисс Марпл, и направились к ней. Одна предложила гостье стакан шерри, другая — кресло.

— Не знаю, как вы относитесь к высоким сиденьям. Это дело вкуса.

— Мне они нравятся, — ответила мисс Марпл. — Так гораздо удобнее сидеть. И спина не устает.

Видимо, сестры были знакомы с этой проблемой не понаслышке. Старшая оказалась высокой

красивой дамой с уложенными в узел темными волосами. Вторая выглядела значительно моложе. Ее когда-то прекрасные волосы поседели и теперь неряшливо падали на плечи, отчего она походила на привидение. «Ну прямо-таки постаревшая Офелия», — вдруг подумала мисс Марпл. А вот Клотильда уж точно не Офелия, скорее великолепная Клитемнестра, способная с наслаждением заколоть мужа в ванной. Впрочем, это всего лишь предположение, поскольку у нее никогда не было мужа. И мисс Марпл не могла представить себе, что она убивает кого-то, кроме мужа... а в этом доме нет Агамемнона.

Клотильда Брэдбери-Скотт, Антея Брэдбери-Скотт, Лавиния Глинн. Клотильда — красавица. Лавиния — обычная, но привлекательная. У Антеи время от времени дергалось одно веко. У нее были огромные серые глаза, и она странным образом смотрела то вправо, то влево, то вдаль, словно ощущая, что кто-то постоянно следит за ней. Это насторожило мисс Марпл, и она решила понаблюдать за Антеей.

Расположившись в гостиной, они мило беседовали. Потом мисс Глинн вышла, вероятно на кухню. Похоже, домашними делами в основном занималась именно она. Разговор был самым

банальным. Клотильда рассказала, что этот дом принадлежал сначала их двоюродному деду, затем дядюшке и, когда тот умер, достался по наследству ей и сестрам, которые переехали сюда.

— У него был только один сын, — пояснила Клотильда, — но его убили на войне. Мы — последние из нашего рода, не считая нескольких очень дальних родственников.

— Дом прекрасно спланирован, — заметна мисс Марпл. — По словам вашей сестры, его построили в 1780 году.

– Вероятно, да. Жаль, что он такой большой.

— Ремонт нынче очень дорог, — добавила мисс Марпл.

— О да! — вздохнула Клотильда. — И многие постройки пришлось оставить на произвол судьбы, так что они вскоре развалятся. Печально, но что поделаешь! В частности, хозяйственные постройки и оранжерею. У нас была такая чудесная большая теплица.

— В ней рос великолепный виноград, — вставила Антея. — А гелиотроп обвивал наружные стены. Да, и я сожалею об этих утратах. Конечно, какие уж садовники во время войны. У нас был свой садовник, приятный молодой человек, но его призвали в армию. Впрочем, не стоит сокру-

шаться из-за этого, нам все равно было не под силу поддерживать теплицу, и она погибла.

— Как и маленькая, возле дома.

Сестры вздохнули, словно сожалея о том, что все меняется, и отнюдь не к лучшему.

«В этом доме поселилось уныние, — подумала мисс Марпл. — Все проникнуто печалью — печалью такой глубокой, что от нее уже невозможно избавиться...» Старушка внезапно содрогнулась.

Глава 9
POLYGONUM BALDSHUANICUM

Обед был самым обыкновенным. Жаркое из баранины, жареный картофель, сливовый пудинг со сливками и не особенно вкусный пирог. На стенах столовой висели семейные портреты, выполненные в викторианском стиле и не представляющие никакой ценности. А вот огромный массивный буфет красного дерева был очень красив. Окна обрамляли портьеры из темно-красного бархата. За большим столом красного дерева легко могли разместиться десять человек.

Мисс Марпл начала непринужденно рассказывать об экскурсии, но поскольку она путешествовала всего три дня, то говорить было в общем-то не о чем.

— Полагаю, мистер Рэфьел был вашим старым другом? — спросила старшая мисс Брэдбери-Скотт.

— Не совсем так, — ответила мисс Марпл. — Я познакомилась с ним, совершая круиз по Вест-Индии. Думаю, он поехал туда, надеясь поправить свое здоровье.

— Да, последние годы мистер Рэфьел был прикован к инвалидной коляске, — сказала Антея.

— Как жаль, — заметила мисс Марпл. — Мне действительно очень жаль. Я восхищалась силой его духа. Как только ему удавалось управиться с бездной самых разнообразных дел! Ведь он ежедневно диктовал послания своему секретарю. Их отправляли телеграфом или электронной почтой. Судя по всему, мистер Рэфьел не собирался сдаваться и мириться с участью инвалида.

— Несомненно, — согласилась Антея.

— Мы редко виделись с ним в последние годы, — заметила миссис Глинн. — Он всецело был поглощен бизнесом, но никогда не забывал поздравить нас с Рождеством.

— Вы живете в Лондоне, мисс Марпл? — поинтересовалась Антея.

— Нет, в провинции, в небольшом местечке на полпути между Ломутом и Маркет-Бейсинг. Примерно в двадцати пяти милях от Лондона. Когда-то это было прелестное патриархальное селение, но, конечно, как и все прочее, в наши дни оно очень изменилось. Полагаю, мистер Рэфьел постоянно жил в Лондоне? Я обратила внимание на адрес, указанный им в регистрационном журнале отеля в Сент-Оноре: не то Итон-сквер, не то

Белгрейв-сквер.

— У него был загородный дом в Кенте, — пояснила Клотильда, — он устраивал там приемы, приглашал своих деловых партнеров или иностранцев. Мы не бывали там. Обычно мистер Рэфьел принимал нас в Лондоне — в тех редких случаях, когда мы встречались.

— Как мило, что он попросил вас пригласить меня сюда, — проговорила мисс Марпл. — Я весьма признательна ему за заботу. Кто мог ожидать, что столь занятой человек, как мистер Рэфьел, вспомнит о какой-то старухе.

— Мы и прежде приглашали к себе его друзей, участвовавших в таких экскурсиях. В целом организаторы туров все предусматривают, однако невозможно угодить всем. Молодые, конечно, любят долгие пешие прогулки, им нравится взбираться на холмы и любоваться видом прекрасных долин, простирающихся внизу. Ну а старикам подобные удовольствия не под силу, поэтому они остаются в отелях, которые, увы, роскошными не назовешь. Не сомневаюсь, и сегодняшняя поездка, и завтрашняя, на острова, показались бы вам утомительными, тем более что добираться до Сент-Бонавенче пришлось бы на лодках.

— Осматривать замки и то утомительно, — за-

метила миссис Глинн.

— Верно, — согласилась мисс Марпл. — Приходится много ходить и стоять. Ноги очень устают. Полагаю, мне и в самом деле не стоит никуда ездить, хотя я мечтаю взглянуть на прекрасные дворцы, великолепные комнаты и старинную мебель. И уж тем более на замечательные картины.

— И парки с садами, — добавила Антея. — Ведь они нравятся вам, не так ли?

— О да! Парки особенно. Право же, прочитав в проспекте турагентства, что нам предстоит посетить замок, вокруг которого разбит чудесный парк, я сразу загораюсь желанием увидеть его. — Мисс Марпл улыбнулась собеседницам.

«Беседа течет исключительно легко, — подумала старушка, — но почему я ощущаю что-то странное, словно тут происходит нечто неестественное? Что это может быть? Говорим мы о самых обычных вещах, я делаю ничем не примечательные замечания, как, впрочем, и сестры.

Три сестры. Почему мысль о трех сестрах имеет столь зловещий оттенок? Три сестры. Три ведьмы Макбета. Ну, едва ли стоит сравнивать этих сестер с теми тремя ведьмами». Мисс Марпл всегда считала ошибочной режиссерскую трактовку шекспировских ведьм. То, что она видела,

казалось ей совершенно абсурдным. Ведьмы с хлопающими за плечами крыльями, в уродливых шутовских колпаках, пляшущие и прыгающие по сцене, напоминали персонажей пантомимы. Однажды она сказала по поводу этой постановки племяннику: «Знаешь, мой дорогой Реймонд, на месте режиссера я бы представила ведьм совсем иначе. Япоказала бы трех совершенно обычных старух. Шотландских старух. Они бы не танцевали и не плясали, а только обменивались бы тайными взглядами. Вот тогда зрители ощутили бы скрытую угрозу за внешней непримечательностью этих старух».

Мисс Марпл решительно разделалась с последним кусочком сливового пудинга и посмотрела на Антею, сидевшую напротив нее. Самая заурядная пожилая дама — невзрачная, растрепанная, рассеянная. Откуда же это зловещее ощущение?

«Игра воображения, — сказала себе мисс Марпл. — Не стоит обращать на это внимания».

После обеда мисс Марпл прогулялась по саду. Показать его вызвалась именно Антея. Прогулка получилась грустной. Когда-то это был чистенький, ухоженный сад, хотя и ничем не выдающийся. Разбили его явно в прошлом столетии: кустарники, подъездная дорожка, вымощенная

гравием, некогда, безусловно, подстриженные газоны, аккуратные тропинки, огород в полтора акра, очевидно слишком большой для трех сестер: ничем не засаженная его часть заросла сорняком. С цветочными клумбами дело обстояло точно так же. Мисс Марпл едва удержалась от желания вырвать бурьян.

Длинные волосы мисс Антеи развевались на ветру. Время от времени из них выпадала шпилька и оставалась на тропинке или на траве.

— У вас, наверное, чудесный сад, — сказала Антея.

— О, очень маленький.

Дойдя до конца тропинки, они остановились перед подобием холмика, примыкавшего к стене.

— Наша теплица, — мрачно сообщила мисс Антея.

— Так вот откуда у вас такой вкусный виноград.

— У нас растут три сорта винограда. Черный гамбургский, мелкий белый, очень сладкий, и великолепный мускат.

— И кажется, гелиотроп, вы говорили? Какой приятный запах. Во время войны сюда попала бомба? И она... э-э... уничтожила теплицу?

— О нет, ничего подобного. Эта местность не

пострадала от бомбежек. Увы, все это пришло в упадок от старости. Живем мы тут не так уж давно, а денег, восстановить все, нет. По правде говоря, и браться за это не стоит, ведь нам все равно не управиться. К сожалению, мы бросили сад на произвол судьбы, и теперь вы видите, как все заросло.

— Да, все заросло... этим, как его, вьющимся цветущим растением.

— Да, оно здесь повсюду, — сказала Антея. — Начинается на букву «П». И называется, кажется... поли... э-э... не помню.

— Полагаю, мне известно его название. Polygonum Baldshuanicum. Оно очень быстро растет, верно? Очень полезно, если нужно скрыть в саду что-то уродливое, вроде полуразвалившейся постройки.

Холмик перед ними и в самом деле густо зарос вьющимся зеленым растением с белыми цветками. Мисс Марпл отлично знала, чем угрожает другим растениям этот polygonum, невероятно быстро разрастающийся.

— Наверное, теплица была очень большая, — предположила старушка.

— О да... мы в ней выращивали персики и нектарины. — Вид у Антеи был самый несчастный.

— А теплица и сейчас выглядит довольно мило, — утешила ее мисс Марпл. — С этими мелкими белыми цветами, не правда ли?

— Дальше слева растет прелестная магнолия, — заметила Антея. — Кажется, когда-то туда тянулась пестрая цветная клумба, но сохранить это нам не под силу. Слишком трудно. Все здесь изменилось, все гибнет... повсюду.

Она быстро направилась по тропинке, перпендикулярной той, что шла вдоль боковой стены, потом ускорила шаг. Мисс Марпл едва поспевала за ней. «Странно, — подумала мисс Марпл, — она явно уводит меня от холмика, поросшего polygonum, уводит подальше от какого-то безобразного или неприятного места. Неужели ее смущает то, что от былого величия не осталось и следа? А ведь все здесь поросло polygonum из-за необычайной запущенности. Если с ним не начнут бороться, не предотвратят его дальнейшее распространение, то скоро этот уголок сада превратится в непроходимые джунгли. Она убегает отсюда», — догадалась вдруг мисс Марпл, следуя за хозяйкой. Вскоре внимание старушки привлек разрушенный свинарник, окруженный кустами роз.

— Мой двоюродный дедушка когда-то держал

здесь несколько свиней, — пояснила Антея, — но, конечно, в наши дни о таком и думать нечего. Они слишком громко хрюкают. Возле дома у нас растет несколько вьющихся роз, — по-моему, когда нет денег на ремонт, вьющиеся розы — наилучшее решение проблемы.

— О да, — согласилась мисс Марпл. И назвала несколько известных сортов роз, заметив при этом, что ни одно из этих названий ничего не говорило мисс Антее.

— Вы часто принимаете участие в этих экскурсиях?

— То есть по замкам и паркам? — удивилась мисс Марпл.

— Да. Многие ездят сюда каждый год.

— Что вы, на такое мне и надеяться нечего, ведь это довольно дорогой тур. Один из моих друзей подарил мне эту путевку ко дню рождения. Очень мило с его стороны.

— Вот как. А я все ломала голову, как вы оказались на этой экскурсии. То есть она довольно утомительна, верно? И все же, если вы обычно отдыхаете в Вест-Индии и других подобных местах...

— О, туда я попала благодаря племяннику. Милый мальчик. Он так внимателен к своей старой

тетушке.

— Вот оно что.

— Не знаю, что бы мы делали без молодого поколения, — заметила мисс Марпл. — Они такие добрые, не правда ли?

— Полагаю, да. Впрочем, не знаю... Я... у нас нет молодых родственников.

— А у вашей сестры, миссис Глинн, есть дети? Сама она об этом не упоминала, а о подобных вещах не принято спрашивать.

— Нет. Ее брак был бездетным. Возможно, оно и к лучшему.

«Что она имела в виду?» — подумала мисс Марпл, когда они направились к дому.

Глава 10
О МИЛЫЕ, ДАВНО УШЕДШИЕ ДЕНЬКИ!

На следующее утро, в половине девятого, раздался стук в дверь. Как только мисс Марпл откликнулась, в комнату вошла пожилая женщина. В руках у нее был поднос с чайником, чашкой, кувшином молока и маленькой тарелкой, на которой лежал хлеб с маслом.

— Утренний чай, мэм, — весело сказала она. — Сегодня чудесный день. Вижу, вы уже подняли шторы. Значит, хорошо отдохнули?

— Очень хорошо. — Мисс Марпл отложила записную книжку.

— Да, сегодня просто великолепный день. Лучшей погоды для того, чтобы посетить Бонавенче-Рокс, и не пожелаешь. Однако хорошо, что вы все же не поехали туда. Это было бы жестоким испытанием для ваших ног.

— Я очень рада, что гощу здесь, — сказала мисс Марпл, — и благодарна мисс Брэдбери-Скотт и миссис Глинн за их приглашение.

— Они тоже очень довольны, что кто-то скрасит их одиночество. О, этот дом стал так печален в

последние годы.

Она еще выше подняла шторы, отодвинула стул и поставила кувшин горячей воды в фарфоровый умывальник.

— Ванная наверху, — сказала женщина, — но мы полагаем, что пожилым людям удобнее мыться здесь, чем подниматься по лестнице.

— Вы так добры... и, полагаю, хорошо знаете этот дом?

— Я прихожу сюда с девичьих лет — тогда я работала горничной. В доме было трое слуг: кухарка, горничная и судомойка, которая еще прибиралась в гостиной. При старом полковнике. Он держал лошадей, так что был и конюх. Ах, что за счастливые деньки! Как жаль, что все так изменилось. Его жена умерла совсем юной. Сын был убит на войне, а единственная дочь уехала на другой конец света. Вышла замуж за жителя Новой Зеландии. Потом умерла, оставив ребенка, но и тот тоже умер. После смерти полковника дом унаследовали его племянница мисс Клотильда и две ее сестры. Она и мисс Антея переехали сюда... а мисс Лавиния после смерти мужа присоединилась к ним... — Женщина вздохнула и покачала головой. — Они не могли позволить себе привести дом в порядок... и сад тоже, бросили все на

произвол судьбы.

— Да, весьма печально, — согласилась мисс Марпл.

— И все они — такие чудесные леди. Мисс Антея чуточку сумасбродная, но мисс Клотильда училась в университете, очень умна — говорит на трех языках... да и миссис Глинн — очень милая леди. Но разве кому-то дано знать будущее? Порой мне кажется, будто на этом доме лежит проклятие.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на собеседницу.

— То одно несчастье случается, то другое. В Испании рухнул на землю самолет — и все погибли. Что за ужас, эти самолеты... ни за что никогда не соглашусь лететь! В этой авиакатастрофе погибла семейная пара, друзья мисс Клотильды... Хорошо хоть, что их дочь тогда училась в школе и не полетела с ними. После этого несчастья мисс Клотильда взяла ее сюда, делала для нее все. Брала с собой в путешествия — в Италию и Францию, — в общем, нянчилась с ней, как с дочерью. Девочка была такая милая, такая веселая. Никто и вообразить не мог, какая ужасная судьба ее ждет.

— Что же произошло? Это случилось здесь?

— Нет, не здесь, слава богу! Хотя можно ска-

зать, что отчасти здесь. Ведь именно здесь она встретилась с ним. Он жил по соседству... и наши дамы знали его отца, очень богатого человека. Однажды он нанес сюда визит... и с этого все и началось...

— Они полюбили друг друга?

— Да, она сразу влюбилась в него. Он был привлекательным юношей, умел говорить, обходительный такой. Никто и подумать не мог... никто и на мгновение не мог предположить... — Женщина умолкла.

— Любовная история привела к несчастью? Девушка покончила с собой?

— Покончила с собой? — Глаза старой женщины удивленно уставились на мисс Марпл. — С чего вы взяли? Это было убийство, самое настоящее убийство. Ее задушили, а голову размозжили. Мисс Клотильда ходила в морг для опознания... с тех пор она уже не та. Труп девочки нашли в тридцати милях отсюда — в кустах возле заброшенного карьера, а ведь месяцев шесть полиция искала ее по всей стране. Наверное, это было не первое совершенное им убийство. Пропадали и другие девочки. О, безжалостный дьявол, испорченный и избалованный с самого рождения! Нынче говорят, будто есть такие, которые не

ведают, что творят, — мол, на них находит затмение, и они уже не отвечают за свои поступки. Но я не верю ни единому слову таких россказней. Убийца и есть убийца! А теперь их даже не удается повесить. Я знаю, во многих старинных родах безумные отпрыски не редкость. Взять хоть Дервентов из Брассинтона — через поколение кто-то из них обязательно кончает свои дни в псих-лечебнице... или старую мисс Полет, которая ходила по улицам с алмазной диадемой и кричала, что она Мария-Антуанетта, пока ее не заперли в сумасшедшем доме. Но ведь это тихое помешательство. А вот в этого парня словно бес вселился!

— Как же с ним поступили?

— Кажется, к тому времени отменили казнь через повешение... или он был слишком юн для этого, уже не помню. Однако его признали виновным и отправили в Бостон или Броудсэнд... в какое-то место, начинающееся на букву «Б».

— Как звали того парня?

— Майкл... а вот фамилию запамятовала — ведь это случилось десять лет назад, так что неудивительно. По-моему, итальянская, как у известного художника. Рэфел... Рэфел...

— Майкл Рэфьел?

— Точно! Говорили, будто его отец настолько богат, что сумел вытащить его из тюрьмы. Но думаю, это просто слухи...

«Итак, это было не самоубийство, — подумала мисс Марпл. — Убийство. «Любовь!» Элизабет Темпл именно так определила причину смерти девушки. Отчасти она права. Юная девушка, влюбленная в убийцу... погибла ужасной смертью во имя этой любви, ничего не подозревая».

Мисс Марпл содрогнулась, внезапно вспомнив объявление на газетном щите: «УБИЙСТВО В ЭПСОНЕ. НАЙДЕНО ТЕЛО ВТОРОЙ УБИТОЙ ДЕВУШКИ. ПРОСИМ МОЛОДЕЖЬ ПОМОЧЬ В ПОИСКАХ УБИЙЦЫ».

Итак, история повторяется. То же самое. В голове сами собой всплыли строчки какого-то забытого стихотворения:

Юность страстная —

Как белая роза прекрасная,

Бурный ручей среди скал и молчания.

Милый принц из сказки древней.

В мире нет ничего более хрупкого и нежного,

Чем юности белая роза прекрасная.

Кто оградит Юность от Боли и Смерти? Юность, которая сама не может, просто не способна защитить себя. Потому, что не обладает достаточным житейским опытом? Или потому, что уверена: она знает все?

* * *

Мисс Марпл спустилась в это утро очень рано, наверное, раньше, чем этого ожидали. Не увидев нигде хозяек, она обошла сад. Не то чтобы ей особенно нравился этот сад. Однако у мисс Марпл возникло какое-то смутное чувство, будто там есть нечто такое, что она должна заметить, и это натолкнет ее на новую идею, если только ей хватит проницательности осознать, что именно следует заметить.

Сейчас мисс Марпл не хотелось видеть сестер. Она предпочла бы побыть в одиночестве и поразмыслить над тем, что узнала от пожилой женщины, утром подававшей ей чай.

Калитка сада была открыта. Старушка вышла на улицу и направилась вдоль маленьких магазинчиков туда, где в небо вонзался шпиль церкви, за которой находилось кладбище.

Открыв скрипучую калитку, она вошла на кладбище и стала бродить среди могил. Некото-

рые были довольно старыми, другие относились к недавнему времени, а две-три — совсем свежие. Среди старых надгробий мисс Марпл не обнаружила ничего интересного. Как это случается в деревнях, некоторые фамилии повторялись. Например, она увидела много могил с фамилией Принс. Глубоко оплакиваемый Джаспер Принс. Марджери Принс, Эдгар и Уолтер Принсы, четырехлетняя Мелани Принс. Другая семья: Хайрем Броуд... Эллен Джейн Броуд, Элиза Броуд, девяносто один год.

Отойдя от последнего надгробия, мисс Марпл увидела старика, который медленно передвигался среди могил и время от времени склонялся над ними. Приветственно помахав рукой, он поздоровался с ней.

— Доброе утро, — сказала мисс Марпл. — Какой чудесный день!

— Но позже пойдет дождь, — уверенно заметил старик.

— Тут похоронено много Принсов и Броудов, — проговорила мисс Марпл.

— О да, здесь всегда жили Принсы. Когда-то им принадлежали огромные земельные угодья. Как и Броудам.

— Вижу, здесь похоронен ребенок. Как грустно,

что умирают дети.

— А, это, наверное, крошка Мелани, мы звали ее Мелли. Нас всех потрясла ее смерть. Девочка попала под машину. Выбежала из дому, хотела купить в кондитерской на другой стороне улицы конфет — и угодила под машину. Их столько развелось сейчас...

— Печально, что каждый день умирает так много людей. И этого не замечаешь, пока не увидишь таблички на кладбище. Болезни, старость, несчастные случаи с детьми... Порой случаются еще более ужасные вещи. Например, убивают юных девушек.

— О да, и немало! Бедные глупые девочки! Нынче их матерям не хватает времени приглядывать за ними — и все из-за работы, — с упреком добавил старик.

С последним мисс Марпл была согласна, однако не поддержала разговор о недостатках нынешнего образа жизни.

— Вы ведь остановились в «Старой усадьбе», не так ли? — спросил старик. — Я видел, как вы приехали на экскурсионном автобусе. Но, полагаю, переутомились. Возраст сказывается.

— Я и в самом деле устала, — призналась мисс Марпл. — Мой добрый друг, мистер Рэфьел, напи-

сал своим друзьям, которые живут здесь, и они пригласили меня погостить у них пару дней.

Имя Рэфьел, очевидно, ни о чем не говорило старику.

— Я очень благодарна миссис Глинн и ее сестрам, — продолжала мисс Марпл. — Полагаю, они живут здесь давно?

— Не очень. Наверное, лет двадцать. Усадьба принадлежала старому полковнику Брэдбери-Скотту. Он умер почти в семьдесят.

— У него были дети?

— Сын погиб на войне. Поэтому он и оставил усадьбу племянницам — других родственников у него не было.

Старик садовник вернулся к своей работе.

Мисс Марпл зашла в церковь. От викторианской эпохи почти ничего не осталось: красочная мозаика, кое-какие бронзовые украшения да несколько табличек на стенах — вот и все.

Опустившись на неудобную скамью, она погрузилась в раздумья.

«Неужели я наконец взяла правильный след? Из отдельных кусочков складывается целостная картина... но далеко еще не завершенная.

Одну девушку убили (хотя, возможно, и не одну), подозрение падает на молодого челове-

ка. Полиция задерживает всех подозрительных — якобы желая помочь следствию. Обычная история. Но ведь все это случилось давным-давно, лет десять-двенадцать назад. Как теперь что-либо узнать? Дело давным-давно закрыто, виновник преступления найден...

Что могу сделать я? Чего хотел от меня мистер Рэфьел?

Элизабет Темпл... Я должна заставить Элизабет Темпл рассказать больше того, что она сболтнула. Она говорила о девушке, когда-то обрученной с Майклом Рэфьелом. Но было ли так на самом деле? Кажется, в «Старой усадьбе» ничего не знают об этом.

Что ж, такие истории часто случаются в наших местах. Начинаются они всегда одинаково: молодой человек встречает девушку. Далее события развиваются обычным путем...»

— А потом девушка вдруг понимает, что забеременела, — пробормотала мисс Марпл. — Сообщает об этом своему возлюбленному, желая женить его на себе. Но тот, возможно, совсем не стремится к этому... может, у него и в мыслях такого не было. Таким образом, он попал в сложную ситуацию. Его отец и слышать не желает о браке. Между тем родственники девушки утверждают,

что он «обесчестил девушку и теперь должен покрыть грех»... Девушка ему надоела — возможно, он уже завел другую. И поэтому решает быстро и жестоко покончить с ней: задушить и изуродовать так, чтобы ее невозможно было опознать. Это «ужасное, зверское преступление» вполне соответствует его характеру. Однако сейчас о нем позабыли, тем более что и дело закрыто...

Мисс Марпл обвела глазами церковь. Все здесь дышало таким умиротворением, что трудно было поверить в существование зла. Мистер Рэфьел считал, что у нее есть особое чутье на преступления. Старушка поднялась, вышла из церкви и, обернувшись, снова бросила взгляд на кладбище. Но там, среди надгробий, ничто не напоминало о зле.

«Ощущала ли я присутствие темных сил вчера в «Старой усадьбе»? — спросила себя мисс Марпл. — Что таилось за этим безнадежным отчаянием, унынием и горем? Взгляд Антеи Брэдбери-Скотт постоянно блуждает, исполненный страха, — словно она боится кого-то, невидимого другим...»

Они что-то знают, эти сестры, но что именно?

Мисс Марпл снова вспомнила об Элизабет Темпл и представила себе, как та вместе с экскур-

сантами взбирается на скалы и глядит на море.

«Завтра, — решила мисс Марпл, — я присоединюсь к экскурсии и заставлю Элизабет Темпл рассказать мне побольше».

Мисс Марпл медленно направилась к «Старой усадьбе». Она устала. Это утро не оправдало ее надежд, не подсказало ни одной идеи относительно дальнейших шагов и не приблизило ее к пониманию замысла мистера Рэфьела. Она лишь узнала от служанки о давней трагедии. Впрочем, такие события надолго, остаются в памяти домочадцев, равно как и приятные — свадьбы, веселые празднества, удачные сделки и даже аварии, в которых чудесным образом никто не пострадал.

Подходя к дому, мисс Марпл заметила возле калитки двух женщин. Одна из них, миссис Глинн, направилась к ней.

— О, вот и вы! — сказала она. — А мы не могли понять, куда вы исчезли. Я подумала, что, наверное, решили прогуляться, и надеялась, что не слишком устанете. Я с удовольствием сопровождала бы вас и показала бы местные достопримечательности, если бы знала, что вы собираетесь на прогулку. Правда, достопримечательностей здесь не так много.

— Я просто побродила по округе, — сказала

мисс Марпл. — Зашла на кладбище и в церковь. Меня всегда привлекали церкви и кладбища. Порой встречаешь весьма занятные эпитафии. Полагаю, здешнюю церковь реставрировали в викторианскую эпоху?

— Да, и, на мой взгляд, сделали безобразные скамьи. Из хорошего дерева, прочные, но без намека на художественный вкус.

— Надеюсь, при этом не уничтожили ничего интересного?

— Нет, это не слишком старая церковь, так что в ней не было ничего примечательного.

— Вы правы, — согласилась мисс Марпл, — я не заметила там никаких признаков старины.

— Вы и в самом деле интересуетесь церковной архитектурой?

— Специально я не изучала этого, но церковь — средоточие жизни в моей родной Сент-Мэри-Мид. То есть так было прежде, в дни моей молодости. Сейчас, конечно, все изменилось. А вы выросли в здешних местах?

— Мы жили неподалеку, милях в тридцати отсюда, в Литтл-Хердсли. Мой отец был отставным артиллерийским майором. Мы время от времени приезжали сюда погостить к моему дяде... вернее, к двоюродному дедушке, который жил здесь до

него. Но я редко бывала здесь в последние годы. Мои сестры перебрались сюда после смерти дядюшки, но в ту пору я жила за границей с мужем. Он умер пять лет назад.

— Понимаю.

— Сестры просили меня присоединиться к ним, и, полагаю, это был лучший выход. Мы с мужем несколько лет прожили в Индии. Там он и умер. В нынешние времена трудно понять, где, если можно так выразиться, стоит «пустить корни».

— Вполне согласна с вами. И вы почувствовали, что ваши корни здесь, поскольку ваша семья давно обосновалась в этих местах.

— Это почувствовал бы каждый на моем месте. Ведь я всегда поддерживала связь с сестрами, гостила у них. Но действительность не соответствует нашим ожиданиям. Я купила небольшой домик возле Лондона, «Хэмптон-Корт», где теперь провожу значительную часть времени, занимаясь благотворительной деятельностью в Лондоне.

— Стало быть, живете, так сказать, полной жизнью. Весьма разумно с вашей стороны.

— Недавно я поняла, что должна уделять сестрам больше внимания, ибо тревожусь за них.

— Это связано с их здоровьем? — предположи-

ла мисс Марпл. — Да, сейчас не многие имеют возможность нанять человека для присмотра за близкими, которые становятся все дряхлее и немощнее. С возрастом дают знать о себе ревматизм и артриты. Поэтому страшно, что близкий человек упадет в ванной или на лестнице.

— Клотильда всегда была очень сильной. Крепкая и выносливая, сказала бы я. Меня беспокоит Антея: она стала рассеянной, очень рассеянной. Иногда уходит из дому, и где бродит, никто не знает.

— Да, тревога очень угнетает, а ведь у всех есть для нее множество причин.

— Сомневаюсь, что Антея чем-то встревожена.

— Возможно, налогами, финансовыми проблемами? — предположила мисс Марпл.

— О нет, не этим. Она очень озабочена садом, ибо помнит, каким он был раньше, и мечтает раздобыть деньги и вернуть ему прежний вид. Клотильда однажды прямо сказала ей, что теперь никто не может себе это позволить. Однако Антея постоянно говорит о теплицах, персиках, винограде и прочем.

— И гелиотроп, увивающий стены, — вспомнила мисс Марпл.

— Удивительно, что вы заметили это! Да, гелио-

тропа нам не забыть. У него такой восхитительный запах. И у этой разновидности прелестное название «Черри пай»[137]. Разве такое забудешь? И виноград. Мелкий, ранний, но очень сладкий. Ох, не стоит предаваться воспоминаниям о прошлом.

— И цветочная клумба, — добавила мисс Марпл.

— Да, конечно, Антее хотелось бы восстановить цветочную клумбу. Но сейчас это невозможно. Хорошо, что хоть раз в две недели приходит кто-то из местных и подстригает лужайки. Но каждый год приходится искать кого-то нового. А Антея мечтает, чтобы лужайку засеяли пампасовой травой, вдоль каменной стены посадили белые гвоздики и смоковницу, которая росла за теплицей. Она помнит все и слышала разговоры об этом.

— Наверное, вам нелегко с ней.

— Да. Видите ли, убеждать сестру в чем-либо бесполезно. Клотильда упорно отказывается принять точку зрения Антеи и слышать ничего не желает об этом.

— Очень трудно найти правильный подход к

---

[137] notes: 137
«Черри пай» — вишневый пирог (англ.).

человеку, — заметила мисс Марпл. — Подчас не знаешь, что лучше: проявить твердость, оказать давление или же посочувствовать, выслушать все, а потом постараться вселить надежду, пусть даже безосновательную. Да, это нелегко.

— Мне значительно легче — ведь я временами уезжаю, а возвращаясь, делаю вид, будто все скоро устроится и нам удастся что-то сделать. Представьте себе, недавно я приехала домой и узнала, что Антея тайно от нас пыталась договориться с одной известной садоводческой фирмой, которая должна была восстановить наш сад и отремонтировать теплицу. Какая глупость: даже если бы там посадили виноград, он вырос бы только через два-три года! Клотильда ничего не знала об этом и пришла в ярость, увидев сметы за эти работы на столе Антеи. В выражениях она не стеснялась.

— Да, жизнь — штука сложная, — произнесла мисс Марпл свою обычную фразу. — Думаю, завтра я вас покину. Мне удалось выяснить в «Золотом вепре», что экскурсия отбывает в девять утра.

— Надеюсь, поездка не слишком утомит вас.

— Полагаю, нет. Кажется, мы отправимся в одно место... как же оно называется?.. Стерлинг-Сент-

Мэри или что-то в этом роде. Поездка не слишком дальняя. Мы посетим интересную церковь и замок. Днем побываем в красивом парке, не слишком большом, но разнообразном по флоре. Я так хорошо отдохнула у вас, что едва ли поездка покажется мне утомительной. Право же, если бы эти дни я лазала по горам и ущельям, то сейчас чувствовала бы себя совершенно разбитой.

— Тогда наберитесь сил перед завтрашней экскурсией, — посоветовала миссис Глинн, когда они подошли к дому. — Мисс Марпл побывала в церкви, — сообщила она Клотильде.

— Там не на что смотреть, — заметила Клотильда. — По-моему, витражи викторианской эпохи просто уродливы, хотя средств на них не жалели. Отчасти виноват в этом дядя — его восхищали эти кричащие красно-синие тона.

— Да, слишком крикливо и вульгарно, — согласилась миссис Глинн.

После обеда мисс Марпл задремала и спустилась лишь к ужину. Потом, до самого сна, она беседовала с сестрами о том о сем, предавалась воспоминаниям о детстве, молодости, путешествиях и знакомых.

Ложась спать, мисс Марпл испытывала усталость и неудовлетворенность. Ей так и не удалось

ничего узнать. А может, больше и узнавать нечего? Бессмысленная вылазка на рыбную ловлю туда, где не водится рыба... Или она выбрала неподходящую приманку?

Глава 11
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Чай мисс Марпл принесли в половине восьмого утра — чтобы она успела собрать вещи. Старушка уже закрывала свой маленький чемоданчик, когда раздался торопливый стук в дверь, и в комнату вошла взволнованная Клотильда.

— Мисс Марпл, внизу вас ждет молодой человек, назвавшийся Эмлином Прайсом. Он из вашей экскурсионной группы, и его послали за вами.

— Помню. Совсем юный?

— — Да. Одет по нынешней моде, длинноволосый и прочее, но у него дурные новости. Увы, произошел несчастный случай.

— Несчастный случай? — изумилась мисс Марпл. — Вы имеете в виду... автобус? Дорожная авария? Кто-то пострадал?

— Нет, это не авария, а совсем другое. Это случилось во время вчерашней экскурсии. Помните, поднялся сильный ветер, хотя едва ли это имеет отношение к происшедшему. Думаю, экскурсанты разбрелись. Помимо обычной дороги, тут есть еще одна, проложенная по склонам горы. Обе

приводят к Мемориальной башне на вершине Бонавенче-Рокс, куда, собственно, все и направляются. Полагаю, люди разбрелись, потому что за ними никто не присматривал, хотя такого быть не должно. Тем более что все это не альпинисты, которые чувствуют себя на скалах как рыба в воде. Склоны очень крутые. В общем, сорвался огромный валун и придавил кого-то.

— О господи! — воскликнула мисс Марпл. — О господи, какая беда! И кто же пострадал?

— Мисс Темпл или Тендердон.

— Элизабет Темпл, — вздохнула мисс Марпл. — Какое несчастье! Мы так приятно беседовали с ней. Я сидела в автобусе сразу же за ней. Кажется, она была директрисой одной весьма известной школы.

— Да, — сказала Клотильда. — Я хорошо знала ее. Мисс Темпл работала в «Фоллоуфилд», но я и понятия не имела, что она принимает участие в этой экскурсии. По-моему, мисс Темпл ушла из школы год или два назад, и ее сменила молодая директриса с весьма прогрессивными идеями. Но ведь мисс Темпл еще не так стара, ей около шестидесяти, она очень подвижна, любит ходить по горам, пешие прогулки и прочее. Да, это большое несчастье! Надеюсь, она не слишком серьезно

пострадала. Правда, я еще не знаю подробностей.

— Я уже готова. — Мисс Марпл захлопнула крышку чемодана. — Сейчас спущусь и поговорю с мистером Прайсом.

Клотильда взяла чемодан:

— Позвольте помочь вам. Я донесу его в целости и сохранности. Пойдемте со мной. Будьте поосторожней на лестнице.

Спустившись, мисс Марпл увидела Эмлина Прайса, растрепанного еще больше, чем обычно. На нем были модные ботинки, кожаная курточка и эффектные изумрудно-зеленые брюки.

— Какое несчастье! — Он схватил мисс Марпл за руку. — Я решил, что необходимо рассказать вам об этом. Думаю, мисс Брэдбери-Скотт уже сообщила вам о беде с мисс Темпл. Вы помните ее? Директриса. Не знаю, что произошло, но несколько камней, вернее, валунов скатилось на дорогу. Склон там крутой, и мисс Темпл попала под обвал. Вечером ее с сотрясением мозга доставили в больницу в довольно плохом состоянии. Так или иначе, сегодняшняя поездка отменяется, и мы останемся здесь еще на день.

— О господи, — пробормотала мисс Марпл. — Мне очень, очень жаль ее.

— По-моему, руководители экскурсии хотят

услышать мнение врачей, поэтому нам предложили провести еще одну ночь здесь, в «Золотом вепре». В связи с этим маршрут тура немного изменится. Завтра мы не посетим, как планировалось, Грандмеринг. Впрочем, говорят, там не слишком интересно. Рано утром миссис Сэндборн отправилась в больницу узнать о состоянии мисс Темпл. Она собиралась вернуться в «Золотой вепрь» к одиннадцати, чтобы выпить кофе. Полагаю, вы не откажетесь пойти со мной и услышать последние новости.

— Конечно, я пойду с вами, — ответила мисс Марпл. — Конечно, и немедленно.

Старушка попрощалась с Клотильдой и подошедшей миссис Глинн.

— Очень признательна вам, — сказала она. — Вы были так добры. Я провела два прекрасных дня и по-настоящему отдохнула. Жаль, что все так произошло.

— Если хотите провести у нас еще одну ночь, — начала миссис Глинн, — то я уверена!.. — Она посмотрела на Клотильду.

Мисс Марпл незаметно проследила за ее взглядом, и ей показалось, будто лицо Клотильды выразило неодобрение и она чуть покачала головой. Миссис Глинн поспешно добавила:

— Хотя, полагаю, вам удобнее остаться с другими экскурсантами, чтобы...

— О да, так будет лучше, — согласилась мисс Марпл. — Я выясню планы на завтрашний день, возможно, даже буду чем-то полезна, как знать. Поэтому благодарю вас за приглашение, но уверена, что без труда сниму номер в «Золотом вепре». — Она взглянула на Эмлина.

— Все будет в порядке, — заверил он. — Есть несколько свободных номеров. Миссис Сэндборн, кажется, заказала номера для всех еще на один день, ну а что будет завтра... поживем — увидим.

Эмлин взял вещи мисс Марпл и широкими шагами направился к калитке.

— Тут близко. Завернем за угол, потом первая улица налево.

— Да, вчера я уже проделала этот путь. Бедная мисс Темпл! Надеюсь, что она не сильно пострадала.

— Боюсь, состояние тяжелое. Но вы же знаете, как осторожны врачи. Всегда говорят одно и то же: «Будем уповать на лучшее». Тут нет больницы — мисс Темпл пришлось везти в Карристаум, в восьми милях отсюда. Так что миссис Сэндборн вернется не раньше, чем вы устроитесь в номере.

Они нашли своих спутников за столом, куда уже подали кофе, сдобные булочки и печенье. Мистер и миссис Батлер обсуждали случившееся.

— Какая трагедия! — воскликнула миссис Батлер. — Я просто потрясена. Полагаю, ты тоже, не так ли? И именно в тот момент, когда мы были так счастливы и беззаботны. Бедная мисс Темпл! А я-то считала, что она уверенно чувствовала себя в горах. Но разве можно быть в чем-либо уверенным, Генри?

— Конечно нет. Вот о чем я думаю, дорогая. Ты ведь знаешь, как мы ограничены временем... не отказаться ли нам от экскурсии? Давай так и поступим. Ведь путешествие не возобновится, пока мы не узнаем точно, что случилось с мисс Темпл. Если выяснится... то есть если все закончится печально и мисс Темпл умрет, тогда... э-э... видимо, начнется следствие или что-то в этом роде.

— О Генри, не говори такие ужасные вещи!

— Уверена, — возразила мисс Кук, — что вы чересчур пессимистичны, мистер Батлер. Полагаю, все не настолько серьезно.

— О нет, дела действительно плохи, — заметил мистер Каспар. — Я понял это вчера, услышав, как миссис Сэндборн разговаривает по телефону с врачом. Да, все весьма серьезно. Врачи гово-

рят, что у мисс Темпл тяжелая контузия. Для ее обследования вызвали специалиста. Он скажет, удастся ли прооперировать ее или нет. Дела у мисс Темпл и впрямь неважные.

— О господи! — пробормотала мисс Ламли. — Если есть какие-то опасения, пожалуй, нам лучше разъехаться по домам, Милдред. Нужно взглянуть на расписание поездов. — Она обратилась к миссис Батлер: — Видите ли, я оставила на соседей своих кошек, и, если задержусь даже на день-другой, это крайне стеснит их.

— Не стоит так волноваться, — раздался властный голос миссис Райсли-Портер. — Джоанна, брось эту булочку в мусорное ведро, пожалуйста. Ее невозможно разжевать. И джем тоже невкусный.

Джоанна поспешила выполнить просьбу тетки.

— Не возражаете ли вы, если я погуляю с Эмлином? — спросила она. — Мы хотели осмотреть этот городок. Зачем нам сидеть здесь и слушать все эти мрачные разговоры? С нами ничего не случится.

— По-моему, весьма разумно, — заметила мисс Кук.

— Конечно, прогуляйтесь, — сказала мисс Бэр-

роу, прежде чем миссис Райсли-Портер успела подать голос.

Мисс Кук и мисс Бэрроу обменялись взглядами, вздохнули и покачали головой.

— Трава была очень скользкая, — проговорила мисс Бэрроу. — Я пару раз поскользнулась.

— И камни, — добавила мисс Кук. — Посыпался дождь мелких камней, когда я вышла из-за поворота. Один угодил мне в плечо.

Чай, кофе, бисквиты и пирожные убрали, и все умолкли, чувствуя себя не в своей тарелке. Когда происходит несчастье, не так-то просто определить, как к нему относиться. Каждый высказал свою точку зрения, выразил удивление и сожаление. Сейчас экскурсанты ждали новостей из больницы, размышляя, как же скоротать время до обеда, назначенного на час дня. Все уже понимали, что сидеть сложа руки и повторять одни и те же банальности крайне тягостно.

Мисс Кук и мисс Бэрроу поднялись и сообщили, что должны сделать какие-то покупки, зайти на почту и приобрести конверты.

— Мне нужно отослать пару открыток, а также узнать, сколько стоит отправить письмо в Китай, — сказала мисс Бэрроу.

— А мне нужна шерсть для вязания, — под-

хватила мисс Кук. — И еще я заприметила одно интересное здание на рыночной площади.

— Думаю, нам всем не помешало бы прогуляться на свежем воздухе, — заметила мисс Бэрроу.

Полковник Уолкер с женой предложили супругам Батлер осмотреть городок. Миссис Батлер выразила надежду, что им удастся найти антикварный магазин.

— Правда, я говорю не о настоящем антикварном магазине, а, скорее, о лавке старьевщика. Иногда в таких местах можно найти занятные вещи.

Они все вышли на улицу. Эмлин Прайс, дожидавшийся возле двери, последовал за Джоанной, даже не потрудившись попрощаться. Миссис Райсли-Портер попыталась остановить племянницу, но это ей не удалось, и она решила посидеть в холле. Мисс Ламли выразила желание остаться с ней, а мистер Каспар вызвался сопроводить их.

В кофейной комнате остались лишь профессор Уэнстед и мисс Марпл.

— Не лучше ли посидеть на воздухе? — обратился профессор к старушке. — Тут есть одна очаровательная терраса. Не хотели бы вы пойти туда?

Мисс Марпл, поблагодарив его, поднялась.

Кажется, до сих пор она не перекинулась с профессором Уэнстедом и парой слов. При нем всегда было несколько научных книг, и одну из них он непременно читал, даже в автобусе.

— Но возможно, вы предпочитаете сделать покупки? — спросил он. — А вот я уже решил, что подожду возвращения миссис Сэндборн в какомнибудь тихом месте. Очень важно, мне кажется, узнать, что нам предстоит.

— Вполне согласна с вами, — откликнулась мисс Марпл. — Вчера я вдоволь побродила по городу и не вижу особой необходимости утруждать свои ноги и сегодня. Пожалуй, я тоже подожду здесь — вдруг смогу оказаться полезной. Конечно, сомнительно, но кто знает?

Они вышли из отеля, обогнули его и очутились в маленьком квадратном садике. Вдоль стены отеля тянулась терраса, заставленная плетеными креслами. Опустившись в одно из них, мисс Марпл задумчиво посмотрела на профессора, расположившегося напротив нее. Лицо его было изборождено морщинами и шрамами. Кустистые брови нависали над глазами. Портрет этого человека дополняли густые седые волосы, а также сухой и несколько насмешливый голос. При ходьбе мистер Уэнстед немного сутулил-

ся. «Настоящий профессор», — подумала мисс Марпл.

— Если не ошибаюсь, — профессор взглянул на свою визави, — вы мисс Джейн Марпл?

— Верно.

Старушка слегка удивилась, хотя особых причин для этого не было. Ведь все они еще не успели как следует познакомиться. Тем более что последние две ночи она провела не с экскурсантами. Да, в этом нет ничего необычного.

— Я догадался, — пояснил профессор, — ибо мне описали вас.

— Описали меня?!

— Да. — Мистер Уэнстед помолчал, потом добавил: — Мистер Рэфьел.

— Вот как? — задумчиво проговорила мисс Марпл. — Мистер Рэфьел...

— Вы удивлены?

— Отчасти.

— По-моему, у вас нет причин для этого.

— Я никак не ожидала... — Мисс Марпл умолкла, но профессор ни слова не произнес. Он лишь внимательно смотрел на нее.

«Через минуту-другую, — подумала мисс Марпл, — он скажет мне: «Так что вас беспокоит, дорогая леди? Трудно глотать? Мучает бессонни-

ца? Несварение желудка?» Теперь она почти не сомневалась, что ее собеседник — врач.

— Когда же он описал вам меня? Наверное...

— Вы полагаете, несколько недель назад? Да, перед смертью он сказал мне, что вы отправитесь на эту экскурсию.

— И он знал, что вы тоже поедете!

— Вот вы и ответили на свой вопрос, — улыбнулся профессор Уэнстед. — Мистер Рэфьел сообщил, что купил для вас путевку.

— Это было очень мило с его стороны, — заметила мисс Марпл. — Да, очень мило. Я несказанно удивилась, узнав, что он заказал мне путевку на этот тур. Такой щедрый подарок! Сама я не смогла бы купить ее.

— Вы правы. — Профессор Уэнстед кивнул с видом учителя, довольного ответом ученика.

— Жаль, что наша экскурсия столь печально прервалась, — проговорила мисс Марпл. — Очень жаль. А ведь всем, не сомневаюсь, она доставляла удовольствие.

— Конечно, — согласился профессор, — очень жаль и весьма неожиданно. Или вы предполагали нечто подобное?

— Что вы хотите сказать, профессор Уэнстед?

Он слегка улыбнулся, встретив решительный

взгляд старушки:

— Мистер Рэфьел рассказывал мне о вас, мисс Марпл. Он предложил мне отправиться на эту экскурсию. Поскольку участники таких туров неизбежно знакомятся... ну дня через два, разбившись на группы по вкусам и интересам, то рано или поздно познакомились бы и мы. Мистер Рэфьел попросил меня, так сказать, приглядывать за вами.

— Приглядывать за мной? — недовольно повторила мисс Марпл. — Зачем бы это?

— Думаю, чтобы в случае чего защитить вас. Мистер Рэфьел хотел быть уверен, что с вами ничего не случится.

— Со мной? А что должно случиться со мной, позвольте спросить?

— Возможно, то, что произошло с мисс Элизабет Темпл.

Из-за угла отеля появилась Джоанна Кроуфорд с хозяйственной сумкой. Она прошла мимо беседующих, слегка кивнула, с любопытством взглянула на них и пошла дальше. Профессор Уэнстед молчал, пока она не скрылась из виду.

— Хорошая девочка, — сказал он, — по крайней мере, мне так кажется. Пока она выносит деспотизм своей тетки, но убежден, скоро ее терпение

иссякнет.

— О чем вы? — Мисс Марпл, разумеется, интересовали вовсе не пределы терпения Джоанны.

— В связи с тем, что случилось, именно этот вопрос нам и следует обсудить.

— Несчастный случай?

— Да, если это был несчастный случай.

— Вы полагаете, это не так?

— Это всего лишь догадка.

— Мне ничего об этом не известно, — с некоторым замешательством проговорила мисс Марпл.

— Еще бы. Там вас не было. Вы... могу ли я поинтересоваться? Вы выполняли свой долг в другом месте?

Мисс Марпл бросила на профессора Уэнстеда испытующий взгляд:

— Не совсем понимаю, о чем вы.

— Вы очень осторожны. И совершенно правы.

— Такова моя привычка.

— Проявлять осторожность?

— Не стану называть это так, но я взяла за правило подвергать сомнению все, что мне говорят.

— И опять-таки вы совершенно правы. Вам ведь ничего не известно обо мне. Вы видели мое имя в списке пассажиров и знаете, что я участвую в туре по замкам, памятникам истории и паркам.

Возможно, парки и интересуют вас более всего.

— Возможно.

— Однако и другие в этой группе интересуются парками.

— А может быть, делают вид?

— О, вы и это заметили? — удивился профессор Уэнстед. — Итак, моя роль, по крайней мере на первых порах, заключалась в том, чтобы следить за вами, наблюдать за вашими действиями и быть поблизости на случай... назовем это без лишних сантиментов... грязной работы любого рода. Но теперь положение вещей несколько изменилось. Вы должны решить, враг я или союзник.

— Наверное, так. Вы говорите все напрямик, но при этом ничего не рассказываете о себе. Как мне судить о вас? Полагаю, вы были другом покойного мистера Рэфьела?

— Нет, я не был его другом и всего пару раз встречался с ним. Причем в официальной обстановке. Я знал о нем. А он, как я понял, знал обо мне. Послушайте, если бы я сказал вам, что считаюсь в своей области авторитетным лицом, вы, пожалуй, сочли бы меня наглым хвастуном?

— Нет, я бы подумала, что, раз вы утверждаете это, значит, вероятно, так оно и есть. Вы, наверное, врач.

— Да. Вы весьма проницательны, мисс Марпл, весьма. Я получил медицинское образование и специализируюсь как патолог и психолог, но, к сожалению, у меня нет документов, подтверждающих это. Вероятно, вам придется поверить мне на слово, хотя я могу показать вам письма, адресованные мне, и кое-какие официальные документы, утверждающие это. Я выполняю в основном специфическую работу, связанную с судебной медициной. Попросту говоря, интересуюсь строением мозга преступника. Я занимаюсь этим уже много лет и написал по этому вопросу не одну книгу. Некоторые из них вызвали бурные споры, благодаря другим я приобрел множество адептов. Сейчас я работаю без прежнего жара. В основном пишу книги, заостряя внимание на определенных моментах, наиболее существенных для меня. Время от времени я сталкиваюсь с тем, что вызывает у меня жгучее любопытство, и погружаюсь в изучение таких предметов. Боюсь, всё это кажется вам очень скучным.

— Напротив. Исходя из сказанного вами, я полагаю, что вы сможете объяснить мне то, о чем умолчал мистер Рэфьел. Он просил меня взяться за одно дело, не сообщив, в чем оно состоит. Предоставил мне право принять или отвергнуть

его предложение, а далее действовать наугад. По-моему, это было несколько легкомысленно.

— Но ведь вы приняли его предложение?

— Да, оно, буду совершенно откровенна, очень выгодно в финансовом отношении.

— И это имеет для вас решающее значение?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— Возможно, вы не поверите, но вообще-то это не так.

— Ничуть не удивлен. Но мистер Рэфьел разжег ваше любопытство. Именно это вы и хотите сказать мне?

— Да. Я знала мистера Рэфьела поверхностно и всего несколько недель, которые провела в Вест-Индии. Вижу, вы слышали об этом.

— Я знаю, что именно там мистер Рэфьел познакомился с вами и именно там вы... ну, скажем... сотрудничали.

Мисс Марпл недоверчиво посмотрела на него:

— Вот как? Он сказал вам это, да? — Она покачала головой.

— Да, он сказал, что у вас замечательное чутье на преступления.

Мисс Марпл подняла брови:

— И полагаю, это кажется вам невероятным, поражает вас.

— Меня редко что-либо удивляет. Однако мистер Рэфьел был умен, проницателен и отлично разбирался в людях. Он считал, что это свойственно и вам.

— Не стала бы утверждать этого, — улыбнулась мисс Марпл. — Скажу лишь одно: кое-кто из людей напоминает мне моих знакомых, поэтому я с известной долей вероятности могу предсказать их действия. Однако вы заблуждаетесь, полагая, что мне известно, чем именно я должна здесь заниматься.

— Скорее случайно, чем преднамеренно, но мы, кажется, выбрали подходящее место, чтобы обсудить кое-какие вопросы. За нами, похоже, никто не наблюдает, поблизости нет окна, двери или балкона, откуда нас могли бы подслушивать. Нам ничто не мешает разговаривать не таясь.

— Очень рада этому, — заметила мисс Марпл. — Но меня все еще угнетает, что я блуждаю в потемках и никак не пойму, чего от меня хотят. И зачем все это понадобилось мистеру Рэфьелу?

— Кажется, я догадываюсь зачем. Он хотел, чтобы вы оценивали происходящие события и факты независимо ни от чьего мнения.

— Поэтому вы тоже не намерены мне ничего рассказывать? — рассердилась мисс Марпл. —

Полно! Всему есть пределы!

— Да, — улыбнулся Уэнстед, — согласен. Нам надо покончить с неопределенностью. Я изложу вам кое-какие факты, и, надеюсь, они многое прояснят для вас. И вы сообщите мне то, что знаете.

— Вот в этом я сильно сомневаюсь, — усмехнулась мисс Марпл. — Может, у меня и есть парочка любопытных соображений, но это ведь не факты.

— Поэтому... — начал профессор Уэнстед, но внезапно замолчал.

— Ради бога, расскажите же мне что-нибудь, — попросила мисс Марпл.

Глава 12
СОВЕЩАНИЕ

— Я не собираюсь излагать вам всю предысторию событий — это слишком долго, да и не нужно. Просто объясню, почему я замешан в этом деле. Время от времени моими советами конфиденциально пользуется министерство внутренних дел. Я поддерживаю связь и с другими учреждениями, например с заведениями, где содержатся люди, признанные виновными в совершении определенного рода преступлений и осужденные пожизненно или на какой-то срок. Если они моложе установленного законом возраста, их переводят в другие места и назначают другие меры наказания. Не сомневаюсь, вам это понятно.

— Да, вполне.

— Обычно меня вызывают для консультации сразу же после совершения... э-э... преступления, чтобы узнать мое мнение о том, как поступить с задержанным, и услышать, благоприятен или неблагоприятен прогноз. К нашему делу это не имеет никакого отношения, поэтому не стоит подробно останавливаться на этом. Итак,

периодически ко мне обращается за советом руководитель подобного заведения. Однажды я получил извещение от соответствующего департамента министерства внутренних дел. Мне выписали пропуск, и я отправился к начальнику тюрьмы, исправительного заведения, психлечебницы — в общем, как хотите, так и называйте. Оказалось, что начальник — мой старый приятель. В тюрьме мне предстояло побеседовать с одним молодым человеком, и начальник изложил мне суть проблемы. Этот заключенный внушал моему приятелю некоторые сомнения. Это было несколько лет назад. Сейчас в тюрьме новый начальник, и он тоже неспокоен. Не подумайте, что этот человек — врач или психолог, но у него богатый жизненный опыт и он много наблюдал за заключенными. Короче говоря, этот юноша едва ли не с детских лет стал совершенно невыносимым. Называйте это как угодно: юный бездельник, хулиган, лоботряс, негодяй. Определения разные, но одни из них что-то отражают, другие нет, а третьи лишь озадачивают. Однако, несомненно, у него были черты, свойственные преступной личности. Объединившись с такими же головорезами, он избивал людей, совершал кражи, принимал участия в аферах, подделывал

векселя. В общем, такие сыновья приводят отцов в отчаяние.

— Понятно.

— И что же вам понятно, мисс Марпл?

— Полагаю, вы говорите о сыне мистера Рэфьела.

— Совершенно верно. А что вы знаете о нем?

— Ничего. Только слышала вчера, что у мистера Рэфьела был сын-преступник, который, мягко выражаясь, доставлял вместо радости только огорчения. Мне мало известно о нем. Это единственный сын мистера Рэфьела?

— Да. Но у мистера Рэфьела было еще две дочери. Одна из них умерла четырнадцатилетней девочкой, вторая, старшая, удачно вышла замуж, однако внуков ему не родила.

— Это очень огорчало его?

— Возможно, — ответил профессор Уэнстед. — Кто знает? Жена мистера Рэфьела умерла молодой, и, полагаю, ее смерть очень опечалила его, хотя он никогда не показывал этого. Сильно ли он любил своих детей, я не знаю, но, уж конечно, обеспечивал их всем необходимым и создал им прекрасные условия. Однако какие чувства он питал к ним, никому неведомо. Мистер Рэфьел не располагал к расспросам подобного рода.

По-моему, вся его жизнь и все интересы были сосредоточены на одном: он делал деньги. Только это и занимало его, как и всех великих финансистов, причем не сами деньги, а процесс их преумножения и поиски хитроумных, неожиданных путей для этого. Мистер Рэфьел получал наслаждение от таких занятий, любил их. Все остальное почти не интересовало его.

Думаю, он делал все возможное для сына: вызволял его из неприятностей в школе, нанимал ему лучших адвокатов, когда дело доходило до суда. И вдруг последовал удар, по сравнению с которым прежние прегрешения юноши — только цветочки! Его обвинили в изнасиловании. Суд признал Майкла виновным, и ему дали срок, сделав скидку на его молодость. Позже против него было выдвинуто обвинение в совершении второго, еще более страшного злодеяния.

— Он убил девушку, верно? Это я уже слышала.

— Он заманил девушку далеко от ее дома. Спустя какое-то время обнаружили ее труп. Девушку задушили, а после этого ей размозжили лицо и голову чем-то тяжелым, возможно камнем, чтобы помешать опознанию.

— Некрасивая история. — Тон мисс Марпл свидетельствовал о том, что эту пожилую леди

трудно чем-либо удивить.

Профессор Уэнстед бросил на нее короткий взгляд:

— Вы так это называете?

— Боюсь, что именно так. Терпеть не могу подобные дела! И не ждите от меня сочувствия, скидок на трудное детство или дурное окружение. Я не стану жалеть вашего молодого убийцу, потому что не выношу негодяев, совершающих гнусные поступки!

— Рад слышать это. Вы не поверите, чего только я за годы своей работы не наслушался от преступников. Рыдая и скрежеща зубами, они убеждали меня в том, что виной всему их прошлое. Если бы только люди знали, сколь многим удается сохранить душу чистой, несмотря на все невзгоды, жестокость, дурное окружение, тяжелые условия жизни, я думаю, они вряд ли испытали бы к преступникам хоть тень сострадания. Да, неудачники достойны жалости, но лишь в том случае, если они отягощены дурной наследственностью и не способны контролировать себя. Мне очень жаль эпилептиков. Если вы знаете о генетике...

— Да, более или менее, — перебила его мисс Марпл. — Теперь все знают об этом, хотя, разумеется, я не вдавалась в научные подробности.

— Начальник тюрьмы — человек опытный — объяснил мне, почему так интересуется моим мнением. Чем больше он наблюдал за этим заключенным, тем больше сомневался в том, что он — убийца. Юноша совсем не походил на тех убийц, которых он видел раньше, не соответствовал сложившемуся у него представлению о подобного рода преступниках. Отлично понимая, что заключенный порочен до мозга костей и никакие меры воздействия не способны исправить его, поставить на путь истинный, он вместе с тем все сильнее проникался уверенностью в том, что произошла судебная ошибка. Начальник тюрьмы не мог поверить, что этот парень убил девушку, сначала задушив ее, а потом изуродовав ей лицо и забросав камнями в овраге. Он просто не мог заставить себя поверить в это. Начальник просмотрел все материалы дела: они не оставляли сомнений в его виновности. Парень знал эту девушку, его несколько раз видели с ней. Судя по всему, они были в близких отношениях. Имелись косвенные улики. Его малолитражку видели неподалеку от места преступления. Парня опознали. Вроде бы все ясно. Но моего приятеля мучили сомнения. Он из тех, у кого очень сильно развито чувство справедливости. Поэтому хотел

услышать независимое мнение, однако не полицейского, а медика-профессионала. Он попросил меня осмотреть этого молодого человека, поговорить с ним, оценить его с психологической точки зрения и сделать заключение.

— Очень интересно, — вставила мисс Марпл. — Да, признаюсь, это действительно очень интересно. В конце концов, ваш приятель, то есть начальник тюрьмы, имел большой опыт и любил справедливость. К словам такого человека следовало прислушаться. Поэтому вы выполнили его просьбу.

— Да, так и было. Заинтригованный, я несколько раз посещал пациента — мне было привычнее называть его так, — причем всякий раз старался найти новый подход. Я беседовал с ним, обсуждал изменения в законодательстве, предлагал устроить ему встречу с каким-нибудь известным адвокатом, который, возможно, найдет зацепки для пересмотра дела. Я вел себя с ним то как друг, то, как враг, чтобы понаблюдать за его реакцией, и провел множество различных психологических тестов, часто используемых в последнее время. Вдаваться в подробности не буду, они чисто научного характера.

— И к какому выводу вы пришли?

— Я решил, что, вероятно, мой приятель прав. Едва ли Майкл Рэфьел — убийца.

— А как же другие правонарушения, о которых вы упоминали?

— Это, конечно, свидетельствовало против него. И повлияло не столько на присяжных, которые не слышали о правонарушениях вплоть до вынесения приговора, сколько именно на судью. Да, все свидетельствовало против него, но я решил провести собственное расследование. Одна девушка обвиняла его в попытке изнасилования, но вовсе не в том, что он хотел задушить ее. Исходя из множества других схожих дел, я заподозрил, что попытки изнасилования не было. Учтите, современные девушки смотрят на интимные отношения куда проще, чем в дни нашей молодости. И зачастую матери принуждают дочерей заявить в полицию, что их изнасиловали. У той девушки и до Майкла было несколько парней, и она поддерживала с ними не просто дружеские отношения. Не думаю, что выдвинутое ею обвинение имело какой-то вес в глазах судьи. Но вот убийство... Да, убийство — это уже очень серьезное дело... но я продолжал тестировать своего пациента, и результаты убеждали меня в том, что он не совершал этого преступления.

— И что же вы сделали?

— Я связался с мистером Рэфьелом. Сказал, что хотел бы задать ему несколько вопросов по делу, касающемуся его сына. Я встретился с ним, рассказал, что думаю обо всем этом, об особом мнении начальника тюрьмы. У нас не было ни доказательств, ни оснований для апелляции, но мы оба полагали, что допущена судебная ошибка. Я считал необходимым провести дополнительное расследование. Конечно, оно обошлось бы дорого, но, возможно, выявило бы новые факты, и тогда мы представили бы их на рассмотрение в министерство внутренних дел. Впрочем, я не скрывал, что все это только предположения и расследование может закончиться неудачей. Поиски необходимых доказательств — удовольствие дорогое, но я понимал, что это не имеет особого значения для такого богатого человека. К тому времени я уже догадался, что мистер Рэфьел очень болен. Он и сам полагал, что проживет лишь года два. Сначала врачи обещали ему лишь год, однако потом увеличили этот срок — уж очень жизнеспособен был его организм. Я спросил мистера Рэфьела, что он чувствует к своему сыну.

— И что же он вам ответил?

— А, и вы хотите знать это! По-моему, он был предельно откровенен со мной, хотя ответ его был...

— Довольно безжалостным?

— Да, мисс Марпл. Вы подобрали нужное слово. Да, мистер Рэфьел был безжалостным человеком, но при этом справедливым и честным. Он сказал: «Я прекрасно знал о похождениях своего сына, и уже давно. Я не пытался изменить его, ибо считал это невозможным. Он выбрал свой путь. Майкл был извращенным, дурным мальчиком. Он всегда приносил мне и себе одни неприятности. Мой сын бесчестен. Никто и ничто не способно направить его на путь истинный. Убежденный в этом, я, можно сказать, умыл руки, отрекся от него, но не официально, поскольку продолжал оказывать ему материальную помощь. Оплачивал услуги адвокатов, когда у сына возникали неприятности с законом. Я делал все, что было в моих силах. Я исполнил бы свой отцовский долг, если бы Майкл был серьезно болен, страдал эпилепсией, поэтому помогал ему, считая своего сына нравственно ущербным. Чем теперь помочь ему?» — спросил в конце мистер Рэфьел. Я ответил, что все зависит от того, к чему он стремится. «Это вполне очевидно, — ответил он. — Да, я болен,

но при этом четко знаю, чего хочу. Мне нужно, чтобы восторжествовала справедливость и мой сын вышел из тюрьмы. Оказавшись на свободе, он сделает свой выбор. Если Майкл вернется к прежней жизни, это его дело. Я обеспечу его всем необходимым. Он не должен страдать в тюрьме, отрезанный от жизни, из-за судебной ошибки, впрочем вполне понятной. Если не он, а кто-то другой убил эту девушку, пусть об этом станет известно, дело Майкла пересмотрят и восстановят справедливость. Однако мои возможности ограниченны. Я очень болен и проживу от силы несколько недель».

«Возможно, адвокаты... — начал было я. — Мне известна одна контора...» Но мистер Рэфьел резко оборвал меня: «Ваши адвокаты в данном случае бесполезны. Вы можете нанять их, но они ничего не сделают. Я должен организовать все за то короткое время, которым еще располагаю».

Он предложил мне огромный гонорар, попросив меня заняться поисками правды и сделать все возможное, не стесняясь в средствах.

«Я уже ни на что не годен. Смерть может прийти за мной в любой момент. Выполнить мое задание вам поможет одна особа, которую я постараюсь найти. — Он написал на листке ваше имя и фа-

милию. — Мисс Джейн Марпл. — Потом добавил: — Я не хочу давать вам ее адрес, а предпочел бы, чтобы вы познакомились с ней в указанном мною месте». Затем он рассказал мне об этой экскурсии — чудесной, безобидной экскурсии по знаменитым замкам и паркам — и заранее заказал мне путевку. «Мисс Джейн Марпл, — сказал он, — тоже поедет в этот тур. Там вы познакомитесь с ней, как бы случайно, во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя».

Мне предстояло самому выбрать время и место для знакомства с вами — когда я сочту это необходимым. Вы уже задали вопрос, имел ли я или мой приятель, начальник тюрьмы, основание подозревать, что это убийство совершено кем-то другим, а если да, то кем конкретно. Начальник тюрьмы, разумеется, не делал никаких предположений, а обсуждал дело с офицером полиции, проводившим расследование, исключительно опытным и добросовестным детективом.

— И вы никого не подозревали? Ни одного из дружков этой девушки? Из прежних, брошенных ею поклонников?

— Никаких сведений по этой части полиция не обнаружила. Я попросил мистера Рэфьела рассказать мне немного подробнее о вас, однако он не

пошел мне навстречу, а сообщил только, что вы пожилая леди, отлично разбирающаяся в людях. Потом добавил еще одно. — Профессор Уэнстед внезапно умолк.

— Что же? — спросила мисс Марпл. — Видите ли, я чрезвычайно любопытна и не смогу думать ни о чем, пока не выясню этого. Я слегка глуховата. Зрение ослабло. Не понимаю, какие преимущества нашел во мне мистер Рэфьел? Вот разве что у меня слегка глуповатый и наивный вид. В былые дни таких, как я, называли «старыми болтушками». Да я и есть старая болтушка. Это он и сказал?

— Нет. Мистер Рэфьел сказал, что, по его мнению, у вас исключительный нюх на зло.

— Вот как? — удивилась мисс Марпл.

Профессор Уэнстед наблюдал за ней.

— По-вашему, он прав?

— Возможно, это так. Да, вполне возможно. Несколько раз в жизни я действительно узнавала, что зло рядом со мной, ощущала особую, напряженную атмосферу, окружающую того, кто замышляет преступление. — Она посмотрела на собеседника и улыбнулась: — Видите ли, это все равно что родиться с обостренным обонянием. Вы чувствуете утечку газа, когда другие

не подозревают об этом. Можете без особых усилий отличить одни духи от других. У меня была тетка, — задумчиво продолжала мисс Марпл, — утверждавшая, будто знает, когда ей лгут. Она говорила, что ноздри лгунов трепещут и от них исходит какой-то особый запах. Не знаю, правда ли это, но несколько раз она оказывалась совершенно права. Однажды она сказала моему дяде: «Джек, не нанимай этого молодого человека, с которым ты разговаривал сегодня утром. В его словах — ни капли правды». Оказалось, что так оно и было.

— Ощущение зла... — проговорил профессор Уэнстед. — Что ж, если вы и в самом деле обладаете столь уникальной способностью, признайтесь мне в этом. Я буду благодарен вам. Не думаю, что у меня есть такое чутье. Да, я мог увидеть, болен ли человек психически, но... не зло внутри него. — Он постучал себе по лбу.

— Лучше расскажу вам, как меня впутали в эту историю, — предложила мисс Марпл. — Когда мистер Рэфьел умер, я по просьбе его поверенных приехала в Лондон и встретилась с ними. Они передали мне предложение мистера Рэфьела. Потом я получила письмо от него, в котором ровно ничего не объяснялось. Еще некоторое время я

ждала развития событий. Потом получила письмо из турагентства, в котором сообщалось, что мистер Рэфьел незадолго до смерти купил для меня путевку в один из туров этого агентства, зная, что я очень люблю путешествовать, и желая сделать мне подарок. Я удивилась, но решила, что это и есть первый шаг, который мне предстоит сделать. То есть, когда состоится поездка, я получу какой-то намек, ключ или указание относительно дальнейших действий. Видимо, так и случилось. Вчера, нет, день спустя после моего приезда сюда три леди, живущие в старом особняке неподалеку, радушно пригласили меня погостить у них. Обо мне они узнали от мистера Рэфьела. По их словам, он написал им перед смертью письмо, сообщил, в какой именно день я прибуду сюда с экскурсией, и просил их оказать мне, его старой знакомой, гостеприимство на два-три дня, поскольку именно в эти дни экскурсантам предстоит подниматься в горы (вчера, к примеру, они поднимались к древней башне на вершине, что отчасти и стало причиной беды).

— И вы восприняли это как указание?

— Конечно. А что еще я могла подумать? Мистер Рэфьел не стал бы заниматься благотворительностью без определенной цели, просто из

сочувствия к старой даме, которой уже не под силу подниматься в горы. Нет, он явно хотел, чтобы я отправилась к сестрам.

— И вы сделали это? Что же там случилось?

— Ничего. Там живут три сестры.

— Три странные сестры?

— Им полагалось бы быть странными, но они мне такими не показались. Во всяком случае, пока. Полагаю, что, быть может, раньше... то есть такое вполне возможно. Однако на вид они вполне обычные. Не местные. Эта усадьба принадлежала их дяде, и они поселились здесь несколько лет назад. Сестры стеснены в средствах, дружелюбны, но не особенно интересны. Они не слишком похожи. Видимо, не близко знакомы с мистером Рэфьелом. Я заводила беседу на разные темы, но так ничего и не выведала.

— Совсем ничего не выяснили?

— Узнала лишь ту историю, которую вы мне только что изложили. Но не от сестер, а от старой служанки, бывшей горничной их дяди. Ей мистер Рэфьел известен только по имени. Однако она охотно рассказала мне все, что знала об убийстве. Это началось с визита в «Старую усадьбу» сына мистера Рэфьела, оказавшегося непутевым парнем. Девушка влюбилась в него, а потом он

задушил ее. Называя это очень печальной, трагической и ужасной историей, женщина то и дело охала и ахала. Но ведь это действительно неприглядная история. Полагаю, она, как и полиция, убеждена, что парень совершил не только это убийство...

— Вам не показалось, что история каким-то образом связана с тремя сестрами?

— Нет, они просто были опекунами девушки... и очень любили ее. Вот и все.

— Не знают ли они чего-то... о втором молодом человеке?

— Возможно... а ведь именно это нам и нужно, не так ли? Второй молодой человек, жестокий, склонный к насилию, хладнокровно изуродовавший лицо задушенной им девушки. Из тех людей, кого ревность доводит до бешенства. Таких немало.

— В «Старой усадьбе» больше ничего не привлекало вашего внимания?

— Нет. Одна из сестер, кажется младшая, постоянно рассказывала о саде. Хотела показать, что разбирается в садоводстве, однако не могла назвать и половины растений в своем саду. Я пару раз поймала ее, упомянув несколько редких разновидностей и спросив, слышала ли она о

них. Нет, эта дама лишь восхищается чудесными цветами, но в садоводстве ничего не смыслит. Это напоминает мне...

— О чем?

— Не подумайте, что я свихнулась на садах и растениях, но я знаю толк в садоводстве. Мне кое-что известно о птицах и садах.

— Я понял так, что вас волнуют не птицы, а сады?

— Да. Вы обратили внимание на двух пожилых дам, наших спутниц? Мисс Бэрроу и мисс Кук.

— Они путешествуют вместе.

— Верно, но кое-что в мисс Кук насторожило меня. Я имею в виду ее имя.

— Гм! Она путешествует под чужим именем?

— Кажется, да. Как-то она нанесла мне визит... ну, не визит, а просто однажды мисс Кук проходила мимо моего сада в Сент-Мэри-Мид. С восхищением отозвалась о нем и обсудила со мной кое-какие садоводческие вопросы. Потом сообщила, что живет в деревне и помогает по саду одной особе, недавно поселившейся в новом доме. Подозреваю, что она мне лгала. Как и одна из этих сестер, мисс Кук совершенно не разбирается в садоводстве, а только делает вид.

— Как, по-вашему, зачем она отправилась в эту

поездку?

— Сейчас не имею ни малейшего представления. Она назвалась мисс Бартлет… а имя женщины, у которой она якобы живет, начинается с «Х», это я точно запомнила, хотя само имя забыла. Теперь у мисс Кук новая прическа, другой цвет волос, да и стиль одежды она изменила. Сначала я ее не узнала, только подумала: «Почему ее лицо кажется мне смутно знакомым?» А потом внезапно все вспомнила. Меня сбили с толку ее крашеные волосы. Я сказала мисс Кук, где ее видела, и она призналась, что была там… но притворилась, что не узнала меня. Снова ложь.

— И что вы обо всем этом думаете?

— Ясно одно: мисс Кук (будем пока называть ее так) приехала в Сент-Мэри-Мид взглянуть на меня… чтобы узнать впоследствии, когда мы встретимся снова…

— К чему ей это?

— Не знаю. Есть две возможности. Боюсь, ни одна из них мне не нравится.

— Как и мне, — вставил профессор Уэнстед и, помолчав, добавил: — Мне очень не по себе от того, что случилось с Элизабет Темпл. Вы успели поговорить с ней?

— Да. Хотела бы вернуться к этому разговору,

когда ей станет лучше, и расспросить об убитой девушке. Она когда-то училась в ее школе и собиралась замуж за сына мистера Рэфьела, но свадьба не состоялась. Девушка умерла. Я спросила, как и почему это случилось... Элизабет Темпл произнесла в ответ лишь одно слово: «Любовь». Мне пришло в голову, что речь идет о самоубийстве, но это было убийство. Возможно, убийство из ревности. Нам необходимо найти того, кто совершил преступление. Возможно, мисс Темпл назовет его имя.

— У вас нет других зловещих предположений?

— Право же, по-моему, все, что нам надо, — это одно или несколько случайно оброненных слов. Не вижу причин подозревать кого-либо из экскурсантов в чем-то зловещем, равно как и обитательниц «Старой усадьбы». Но одна из сестер может помнить что-то, сказанное девушкой или Майклом в то время. Клотильда ездила с воспитательницей за границу. Поэтому, возможно, знает о чем-то из того, что происходило во время этих поездок. Помнит какие-то слова, поступки девушки или молодого человека, с которым она познакомилась там. Нечто не имеющее отношения к «Старой усадьбе». Да, очень трудно подобрать ключ к пониманию происходящего,

если располагаешь единственной возможностью: расспрашивать людей и выуживать информацию из случайных реплик. Средняя сестра, миссис Глинн, вышла замуж довольно рано и провела большую часть жизни, как я поняла, в Индии и в Африке. Возможно, она слышала что-то от мужа или от его родственников, или же информация поступила к ней какими-то путями, не связанными со «Старой усадьбой», которую, впрочем, она время от времени посещала. Видимо, миссис Глинн знала убитую девушку, но, думаю, не так близко, как ее сестры. Однако это не означает, что миссис Глинн не располагает важными сведениями о девушке. Несколько сумасбродная мисс Антея, кажется, тоже не слишком хорошо знала погибшую, но у нее может быть информация о любовниках — или дружках... А что, если мисс Антея видела девушку с незнакомым молодым человеком? Кстати, сейчас она проходит мимо отеля.

Мисс Марпл, поглощенная беседой с профессором, все же по привычке внимательно наблюдала за происходящим, автоматически отмечая каждого, кто появлялся в ее поле зрения, независимо от того, спешил куда-то этот человек или бесцельно слонялся поблизости.

— Антея Брэдбери-Скотт — вон та дама с большим пакетом. Полагаю, идет на почту. Только что обогнула угол, верно?

— У нее вид полоумной старухи, — заметил профессор Уэнстед. — Растрепанные седые волосы... Похожа на пятидесятилетнюю Офелию.

— Я тоже подумала об Офелии, едва увидела мисс Антею. Господи, если бы я только знала, что теперь делать! Как поступить: остаться здесь, в «Золотом вепре», еще на пару дней или поехать дальше с экскурсией? Да, это все равно что искать иголку в стоге сена. Правда, если порыться хорошенько, обязательно что-нибудь найдешь... даже если при этом поранишь палец.

Глава 13
ЧЕРНО-КРАСНАЯ КЛЕТОЧКА

Миссис Сэндборн вернулась к обеду с неутешительными известиями. Мисс Темпл все еще не пришла в себя. Транспортировать ее нельзя еще по крайней мере несколько дней.

Сообщив об этом, миссис Сэндборн перешла к практическим вопросам. Она приготовила расписание поездов для тех, кто хотел вернуться в Лондон, а тем, кто все же решил продолжить путешествие, представила планы экскурсий на следующие два дня — маленькими группками на арендованных машинах.

Профессор Уэнстед отвел мисс Марпл в сторону, едва они вышли из столовой.

— Вы, наверное, хотите отдохнуть? Если нет, я зайду за вами через час. Тут есть интересная церковь, на которую вам следует взглянуть.

— Это было бы очень мило, — ответила мисс Марпл.

Мисс Марпл удобно расположилась на сиденье машины, которую к назначенному времени вызвал профессор Уэнстед.

— Надеюсь, осмотрев эту церковь, вы получите удовольствие. Да и сама деревушка очень мила. Почему бы нам не насладиться местными достопримечательностями?

— Вы очень добры. — Мисс Марпл окинула профессора чуть настороженным взглядом. — Вы очень добры, — повторила она. — Но не проявляем ли мы... бессердечия... вы понимаете, о чем я.

— Дорогая, но ведь мисс Темпл — не ваша старая подруга. Конечно, весьма печально, что все так случилось, но мы не в силах помочь ей.

— Вы правы.

«Машина арендованная, — подумала мисс Марпл. — Как мило, что профессор пригласил пожилую даму осмотреть здешние достопримечательности. Ведь он мог найти спутницу помоложе, поинтереснее и уж наверняка покрасивее». Мисс Марпл бросила на профессора задумчивый взгляд, когда машина проезжала по деревне. Однако он смотрел в окно.

Миновав деревню, они выехали на проселочную дорогу, вьющуюся между холмами. Профессор повернул голову к мисс Марпл:

— Должен заметить, что мы направляемся не в церковь.

— Так я и думала.

— Да, вы должны были догадаться.

— Куда же мы направляемся?

— В больницу, в Карристаун.

— В ту, куда доставили мисс Темпл?

— Да, миссис Сэндборн видела пострадавшую и привезла мне письмо от начальника больницы. Я только что поговорил с ними по телефону.

— Она поправляется?

— К сожалению, нет.

— Понимаю. По крайней мере... нет, пожалуй, не вполне понимаю, — пробормотала мисс Марпл.

— Весьма проблематично, поправится ли она, но тут уж ничего не поделаешь. Сознание может не вернуться к ней, однако возможны короткие проблески.

— Так вы везете меня туда? Но зачем? Как вы справедливо заметили, я не подруга мисс Темпл и познакомилась с ней только на этой экскурсии.

— Знаю, но я везу вас туда потому, что, ненадолго придя в себя, она спросила о вас.

— Вот оно что. Интересно, а почему мисс Темпл спросила обо мне, почему решила, что я могу быть полезна ей? Она женщина выдающаяся, была директрисой «Фоллоуфилд», и ее мнение высоко ценили специалисты в области образования.

— Кажется, это лучшая женская школа?

— Да. Мисс Темпл — личность исключительная и была великолепным педагогом. Она преподавала математику, но ее интересы не ограничивались этим предметом. Мисс Темпл занимали вопросы образования, психологии и многое другое. Ее смерть будет невосполнимой потерей для всех. Она оставила свой пост в «Фоллоуфилд», однако многое делала в сфере образования. Этот несчастный случай... — Мисс Марпл вдруг умолкла. — Неужели, по-вашему, нам следует заняться расследованием этого несчастного случая?.

— Полагаю, этим стоит заняться. Огромный валун внезапно сорвался и покатился по склону холма. Да, такое порой случается, но все же очень редко. Признаюсь, кое-кто заговорил со мной об этом.

— Об этом несчастном случае? — удивилась мисс Марпл. — Кто же?

— Джоанна Кроуфорд и Эмлин Прайс.

— И что же они сказали вам?

— Джоанне показалось, что кто-то был на склоне холма, только повыше. Она и Эмлин шли по едва заметной извилистой тропке, тянущейся выше главной тропы и огибающей холм. Выйдя из-за скалы, она явственно увидела, что кто-то

толкает вперед большой валун. Джоанна не рассмотрела, мужчина это был или женщина, но силуэт четко обозначился на фоне неба. Валун покатился — сначала медленно, потом все быстрее — по склону холма. Именно в этот момент по главной тропе шла мисс Темпл, и валун придавил ее. Если это было сделано преднамеренно, то покушение, очевидно, увенчалось успехом — камень вполне мог пролететь мимо.

— Кого она видела — женщину или мужчину? — вслух подумала мисс Марпл.

— Увы, Джоанна Кроуфорд не может ответить на этот вопрос. Тот человек был в джинсах или в брюках и в ярком пуловере в черно-красную клеточку. Злоумышленник повернулся и почти тут же скрылся из виду. Девушка полагает, что это был мужчина, но все же не вполне уверена в этом.

— А кто считает это покушением на жизнь мисс Темпл — вы или Джоанна?

— Чем больше она размышляет о случившемся, тем сильнее ее уверенность в том, что это было покушение. И молодой человек согласен с ней.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— На этот счет у меня нет никаких соображений. У молодых людей — тоже. Это мог быть кто-то

из туристов. Или совершенно неизвестный нам человек: узнал, что экскурсанты остановились здесь, решил воспользоваться этим и попытаться убить одного из них. Это либо юный любитель насилия, либо тайный враг мисс Темпл.

— Когда говорят «тайный враг», это попахивает мелодрамой, — заметила мисс Марпл.

— Да, но кому нужно убивать ушедшую на покой, уважаемую всеми экс-директрису? Необходимо найти ответ на этот вопрос. Маловероятно, но все же не исключено, что мисс Темпл сама поможет нам. Как знать, а вдруг она узнала того, кто столкнул камень? Нет, скорее этой леди известно, кто и по какой причине мог желать ей зла.

— Все это кажется неправдоподобным.

— Согласен. Крайне трудно представить мисс Темпл жертвой насилия, но все же следует признать, что у экс-директрисы широкий круг знакомых. Не будем преуменьшать, множество известных людей прошли через ее руки.

— Вы хотите сказать, много девушек?

— Да. Вот именно. Девушки и их семьи. Мисс Темпл были известны секреты ее воспитанниц. Например, любовные приключения, о которых не подозревали родители. Такое ведь, знаете ли, случается. И к тому же очень часто. Особенно в

последние десять-двадцать лет. Говорят, теперь девушки взрослеют раньше. И это проявляется в манере одеваться, в прическах. Возьмите хоть мини-юбки — разве это не дань детству? А размалеванные сорочки и шорты — чистый инфантилизм! Они просто не желают становиться взрослыми, ибо опасаются принимать на себя ответственность. И все же, как все дети, эти молодые люди хотят, чтобы их считали взрослыми, разрешали им делать все, что позволено взрослым. Порой это приводит к трагедии.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай?

— Нет. Просто я размышляю... прикидываю разные возможности. Не могу представить себе, чтобы у Элизабет Темпл был какой-то личный враг. И заметьте, это враг расчетливый и безжалостный; он воспользовался представившейся возможностью, чтобы прикончить ее. Что ж, я и в самом деле думаю... — Профессор посмотрел на мисс Марпл: — А может, у вас есть какое-нибудь предположение?

— Предположение? Нет, однако, кажется, я понимаю ход ваших рассуждений. Вы подозреваете, будто мисс Темпл что-то знала. Ей было известно что-то, угрожающее осложнениями или

даже опасностью для какой-то особы. И та особа боялась разоблачения.

— Да, именно так я и подумал.

— В таком случае, — продолжала мисс Марпл, — можно сделать вывод, что кто-то из экскурсантов узнал мисс Темпл. Сама же она, вероятно, не вспомнила этого человека, поскольку много лет не видела его. Полагаю, это дело рук одного из наших спутников. — Помолчав, она спросила: — Вы упомянули о пуловере, о том, что он был в черно-красную клетку?

— Да. Пуловер... — Профессор с интересом взглянул на мисс Марпл: — А почему вы вдруг вспомнили об этом?

— «Очень уж это приметная вещь», — подумала я, услышав ваши слова. Такое сочетание красок издали бросается в глаза. Ведь не случайно Джоанна отметила расцветку пуловера, не упомянув про брюки.

— Прошу вас, продолжайте.

— Знаете принцип сигнальных флажков? — задумчиво спросила мисс Марпл. — То, что обязательно увидят, на что обратят внимание, запомнят, узнают.

— Я весь внимание.

— Говоря о человеке, которого видели издали,

вы прежде всего опишете его одежду. Не лицо, не походку, не руки и не ноги, а малиновый берет, лиловый плащ, кожаную куртку, яркий пуловер в черно-красную клетку. Что-то сразу запоминающееся, бросающееся в глаза. Но стоит только этому человеку снять свою одежду, избавиться от нее, отправить по почте за сотню миль по какому-то адресу, сунуть в мусорный ящик, разорвать или уничтожить иным способом, как он тут же становится обычным, не привлекающим ничьего внимания и никому не внушающим подозрений. Этот пуловер в черно-красную клетку был надет с умыслом, чтобы его запомнили. Но больше его не наденут.

— Весьма логично, — заметил профессор Уэнстед. — Как я уже говорил вам, «Фоллоуфилд» расположена неподалеку отсюда. Кажется, шестнадцать миль. Поэтому в этих краях Элизабет Темпл хорошо знают, да и сама она со многими знакома.

— И это увеличивает число возможностей, — быстро проговорила мисс Марпл. — Вы правы, — добавила она, — скорее всего, нападавший мужчина, а не женщина. Валун сбросили вниз с предельной точностью, если только его сбросили. Точность в подобных делах свойственна муж-

чинам, женщины редко ею обладают. С другой стороны, как вы упомянули, вполне возможно, что в этой экскурсии принимает участие бывшая ученица мисс Темпл или кто-то из старых знакомых; некто узнал ее, но она его не узнала. Мисс Темпл могли увидеть на улице. Внешность пятидесятилетнего человека меняется за десять лет не так сильно, как у подростка. И вот, заметив свою бывшую начальницу, некая особа вспоминает, что мисс Темпл знает какие-то компрометирующие факты, представляющие для нее серьезную опасность. — Мисс Марпл вздохнула. — Мне совсем незнакомы здешние места. А вам?

— Тоже нет, — ответил профессор Уэнстед. — Я не бывал в этих краях и только от вас слышал несколько историй, случившихся здесь. Если бы не знакомство с вами и не ваши рассказы, я чувствовал бы себя совершенно беспомощным. Вы и сами не знаете, что делаете здесь. Однако вас послали сюда. Все это запланировал мистер Рэфьел — ваше участие в экскурсии и нашу встречу. Мы видели друг друга и в предыдущие дни, но он устроил так, чтобы вы провели пару дней в этом городке, в доме его бывших друзей, которые не отказали бы ему в этой просьбе. Для чего все это?

— Очевидно, он хотел, чтобы я узнала некото-

рые факты, — ответила мисс Марпл.

— Услышали об убийствах, случившихся много лет назад? — усомнился профессор Уэнстед. — В подобных происшествиях нет ничего необычного. То же самое можно услышать во многих местах Англии и Уэллса. Это серийные преступления. Сначала находят труп одной изнасилованной и убитой девушки, потом — другой, неподалеку от места убийства первой жертвы. Затем то же самое случается в стороне, на расстоянии примерно двадцати миль. Схема всегда одинакова. Сообщалось, например, что в Джоселин-Сент-Мэри пропали две девушки. Об одной из них мы с вами и говорили: ее тело нашли через шесть месяцев за много миль от этого городка, а прежде девушку видели с Майклом Рэфьелом...

— А вторая?

— Ее имя Нора Броуд. Отнюдь не скромница, не имела постоянного кавалера. Кажется, вокруг нее крутилось несколько ухажеров. Труп Норы Броуд так и не нашли. Возможно, еще найдут... когда-нибудь. Иногда такое бывает и через двадцать лет. — Профессор притормозил. — Вот мы и приехали. Это Карристаунская больница.

Мисс Марпл, поддерживаемая под локоть профессором Уэнстедом, вошла в здание. Профессора

ждали, и прибывших сразу же провели в небольшую комнату. Им навстречу поднялась дама:

— О, вот наконец, и вы, профессор Уэнстед. А также...

— Мисс Джейн Марпл, — представил спутницу профессор. — Я разговаривал с сестрой Баркер по телефону.

— Ах да. Сестра Баркер сказала, что эта леди приедет с вами.

— Как чувствует себя мисс Темпл?

— По-прежнему. Боюсь, ей не стало лучше. — Дама поднялась. — Я отведу вас к сестре Баркер.

Сестра Баркер оказалась высокой худощавой женщиной с низким решительным голосом. Ее темно-серые глаза в упор смотрели на собеседника, но через мгновение она отводила их в сторону, словно успев составить определенное суждение.

— Не знаю, что вы намерены предпринять... — начал профессор Уэнстед, но сестра прервала его:

— Пожалуй, я лучше расскажу мисс Марпл о том, что мы уже успели сделать. Я должна предупредить вас, что наша пациентка мисс Темпл все еще в коматозном состоянии. Сознание проясняется у нее редко и внезапно, тогда она ориентируется в окружающем и даже произносит несколько слов. Помочь мисс Темпл мы не

можем. Остается только запастись терпением. Полагаю, профессор Уэнстед уже рассказал вам, что в один из моментов просветления пациентка отчетливо назвала ваше имя: «Мисс Джейн Марпл». Потом добавила: «Я хочу поговорить с ней. С мисс Джейн Марпл». После этого она снова впала в беспамятство. Доктор счел целесообразным обратиться к спутникам мисс Темпл. Мы связались с профессором Уэнстедом, и он привез вас сюда. Увы, сейчас мы просим вас об одном: посидите в палате мисс Темпл и внимательно выслушайте каждое слово, которое она скажет, придя в себя. Боюсь, что прогноз не слишком утешительный. Буду с вами откровенна, тем более что вы не ее родственники. По мнению врачей, мисс Темпл быстро угасает и может умереть, не приходя в сознание. Помочь ей мы бессильны, однако очень важно, чтобы вы услышали и запомнили ее последние слова. Доктор полагает, что возле больной, если она все же придет в себя, не должно быть много людей. Надеюсь, мисс Марпл не откажется посидеть у постели мисс Темпл. В этой же палате за ширмой дежурит сиделка. В больнице находятся также офицеры полиции, которые при первой же возможности запишут ваши показания. Доктор убежден: ра-

зумнее всего, чтобы возле мисс Темпл находилась только та леди, которую она ожидает увидеть. Тогда больная не испугается и не забудет то, что хотела сообщить вам. Полагаю, эта просьба не слишком обременит вас?

— О нет, — ответила мисс Марпл. — Я вполне готова к этому. У меня с собой записная книжка и ручка, но, наверное, лучше, чтобы больная не видела их. Я быстро все запоминаю, поэтому мне не обязательно делать записи. Можете положиться на мою память. К тому же я не глухая. Конечно, слух у меня уже не такой острый, как в молодости, но я без труда расслышу слова больной, даже если она произнесет их шепотом. Мне не раз в жизни приходилось выполнять обязанности сиделки.

Сестра Баркер посмотрела на мисс Марпл и чуть кивнула:

— Вы очень добры, и я не сомневаюсь, что мы можем полностью положиться на вас. Если профессор Уэнстед согласится подождать внизу, в приемной, мы в случае необходимости вызовем его сюда. А теперь, мисс Марпл, прошу вас, пойдемте со мной.

Пожилая леди последовала за сестрой Баркер в палату. Там царил полумрак — шторы были полуопущены. Элизабет Темпл лежала неподвижно,

как статуя, но не казалась спящей. Дышала она неровно и тяжело. Сестра Баркер нагнулась и осмотрела больную. Потом, указав мисс Марпл на стул возле постели, направилась к двери. Из-за ширмы вышел молодой мужчина с блокнотом в руках.

— Это по распоряжению доктора, мистер Рекит, — сообщила сестра Баркер.

Тут из-за ширмы показалась сиделка.

— Позовите меня, если понадоблюсь, сестра Эдмондс, — обратилась к ней сестра Баркер. — И выполняйте все, о чем бы ни попросила вас мисс Марпл.

Мисс Марпл расстегнула пуговицы на жакете. В палате было тепло. Сиделка подошла к посетительнице, взяла у нее жакет и удалилась за ширму. Мисс Марпл опустилась на стул. Посмотрев на Элизабет Темпл, она подумала то же, что и при первой встрече в автобусе: «Какое у нее одухотворенное лицо! (Седые волосы больной были зачесаны назад.) Удивительно красивая женщина. Яркая личность. Очень жаль, если она умрет. Это будет большой потерей для всех».

Мисс Марпл чуть придвинула стул к постели и приготовилась терпеливо ждать. Она конечно же не знала, будет ли прок от ее пребывания

здесь. Время тянулось медленно. Десять минут, двадцать, полчаса, тридцать пять минут. И вдруг совершенно неожиданно послышался голос — тихий, чуть хриплый, но внятный:

— Мисс Марпл. — Глаза Элизабет Темпл смотрели на посетительницу. Внимательно и осмысленно. Испытующий взгляд больной не выражал никаких эмоций — даже удивления. — Мисс Марпл. Ведь вы Джейн Марпл? — повторила она.

— Верно. Меня зовут Джейн Марпл.

— Генри часто говорил мне о вас и многое рассказал.

Голос умолк. Мисс Марпл, затрепетав, спросила:

— Генри?

— Генри Клиттеринг, мой старый друг... очень старый друг.

— И мой тоже, — заметила мисс Марпл и тут же подумала, как много лет знакома с Генри Клиттерингом. Он неоднократно обращался к ней за помощью, как, впрочем, и она к нему. Да, это был очень давний друг.

— Я вспомнила о вас, увидев ваше имя в списке пассажиров. Вы могли бы помочь. Будь Генри здесь, он сказал бы то же самое. Необходимо кое-что выяснить. Это очень важно. Очень. Хотя... это

случилось довольно давно... давно...

Голос мисс Темпл дрогнул, глаза полузакрылись. Из-за ширмы появилась сиделка, взяла небольшой стакан и поднесла его к губам больной. Мисс Темпл сделала глоток, потом слегка покачала головой. Сестра поставила стакан и вернулась за ширму.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещала мисс Марпл, однако не задала ни одного вопроса.

— Хорошо, — проговорила больная и вскоре повторила: — Хорошо.

Минуты три она лежала с закрытыми глазами. Возможно, погрузилась в сон или забытье. Потом глаза открылись.

— Кто из них? — спросила она. — Именно это и нужно узнать. Вы понимаете, о чем я?

— Думаю, да. Девушка, которая погибла... ее звали Нора Броуд?

Больная нахмурилась:

— Нет, нет, нет. Другая девушка. Верити Хант. Она надолго умолкла, потом сказала:

— Джейн Марпл. Вы старая женщина, старше, чем я предполагала, когда он говорил мне о вас. Далеко не молоды, но ведь вы все еще способны находить разгадки самых запутанных историй, не так ли? — Голос женщины зазвучал резче и

тверже: — Вы ведь справитесь, правда? Скажите, что справитесь. У меня осталось мало времени. Я знаю это. Одна из них, но которая? Выясните. Генри поклялся бы, что вам это удастся. Возможно, это опасно... но вы ведь все равно все выясните, правда?

— С Божьей помощью — да! — ответила мисс Марпл. — Клянусь.

— Ах! — Глаза закрылись, потом снова открылись. Подобие улыбки затрепетало на губах больной. — Большой камень с вершины горы. Камень смерти.

— Кто сбросил его?

— Не знаю. Не важно... только... Верити. Узнайте о Верити. Правду. Синоним латинского слова «verity».

Больная расслабилась, глаза ее закрылись. К постели подошла сиделка, пощупала пульс, потом указала мисс Марпл на дверь. Та беспрекословно повиновалась и вышла вслед за сиделкой из палаты.

— Это слишком утомило ее, — сказала сиделка. — Теперь она не скоро придет в сознание. Если вообще придет. Надеюсь, вы узнали что-то полезное.

— Сомневаюсь, — ответила мисс Марпл, —

впрочем...

— Ну как, выяснили что-нибудь? — Профессор Уэнстед повел мисс Марпл к машине.

— Имя. Верити. Так звали ту девушку?

— Да. Верити Хант.

Элизабет Темпл умерла через полтора часа, не приходя в сознание.

Глава 14
МИСТЕР БРОДРИБ РАЗМЫШЛЯЕТ

— Вы читали сегодняшнюю «Таймс»? — спросил мистер Бродриб своего партнера мистера Шустера.

Тот ответил, что времени на «Таймс» у него не хватает, поэтому он довольствуется «Дейли телеграф».

— Возможно, это сообщение было и там, — заметил мистер Бродриб. — В рубрике смертей. Мисс Элизабет Темпл, доктор наук.

Мистер Шустер взглянул на него с легким удивлением.

— Директриса «Фоллоуфилд». Ну, о «Фоллоуфилд» вы ведь слышали, не так ли?

— Конечно, — ответил Шустер. — Женская школа. Существует уже полвека. Первоклассная, но обучение там фантастически дорогое. Итак, она была директрисой этой школы? По-моему, мисс Темпл ушла на покой по меньшей мере полгода назад. Кажется, я читал об этом в газетах. Там еще писали немного о новой директрисе. Замужняя дама. Не старая. Лет тридцати пяти — сорока. С

современными идеями. Ввела уроки косметики, разрешила носить брюки. Что-то в этом роде.

— Гм-м! — пробормотал мистер Бродриб; именно так адвокаты его возраста выражают недовольство тем, что не согласуется с их жизненным опытом. — Едва ли ей удастся снискать такую же известность и сделать себе такое же имя, как Элизабет Темпл. Мисс Темпл долгое время была директрисой.

— Вот как? — Мистер Шустер не проявил особого интереса. Он не понимал, почему Бродриба взволновала смерть какой-то директрисы.

Конечно, школы не привлекали пристального внимания этих джентльменов. Их сыновья уже более или менее прочно стояли на ногах. Старший сын мистера Бродриба служил в одном из министерств, младший — в нефтяной компании. Два юных отпрыска мистера Шустера учились в университетах и по мере сил портили кровь преподавателям.

— Так что же с ней случилось? — спросил мистер Шустер.

— Она отправилась в экскурсионную поездку на автобусе.

— Ох уж эти автобусы, — пробормотал мистер Шустер. — Я бы запретил своим родственникам

пользоваться этим видом транспорта. Один автобус на прошлой неделе рухнул в пропасть в Швейцарии, а два месяца назад в катастрофе погибло двадцать человек. Не понимаю тех, кто водит их в наши дни.

— Это был автобус турагентства «Знаменитые замки и парки Великобритании», — пояснил мистер Бродриб. — Вы поняли, о чем я?

— Разумеется. Ведь мы... э-э... послали в этот тур старушку, мисс... как ее зовут? Путевку для нее заказывал старик Рэфьел.

— Мисс Джейн Марпл.

— А ее, случаем, не прикончили? — спросил мистер Шустер.

— Насколько я знаю, нет. Простите, я немного задумался.

— Это была дорожная авария?

— Нет. Это произошло в одном из самых живописных мест. Туристы поднимались по тропинке на холм, довольно крутой. На склоне его довольно много больших камней и валунов. Внезапно несколько валунов покатилось вниз. Мисс Темпл угодила под обвал, ее доставили в тяжелом состоянии в больницу, где она и умерла, не приходя в сознание...

— Как жаль! — Мистер Шустер ждал продол-

жения.

— Все это заставило меня задуматься, ибо я случайно вспомнил, что... э-э... именно в «Фоллоуфилд» училась та девушка.

— Какая еще девушка? Я не знаю, кого вы имеете в виду, Бродриб.

— Девушка, которую прикончил молодой Майкл Рэфьел. В моей памяти вдруг всплыли кое-какие детали — полагаю, связанные со странным поручением, которое старик Рэфьел дал этой Джейн Марпл. Жаль, что он не рассказал нам подробностей.

— И каким же образом это связано?.. — заинтересовался мистер Шустер.

Мозг адвоката заработал. Он был готов проанализировать все, что услышит от мистера Бродриба.

— Та девушка. Не могу вспомнить ее имя. Какое-то христианское имя — то ли Надежда, то ли Вера, что-то такое. Ага, Верити. Верити Хант, кажется. Одна из убитых девушек. Ее труп нашли милях в тридцати от того места, где она исчезла. В овраге, через полгода. Очевидно, ее задушили, а потом изуродовали лицо, чтобы затруднить опознание, но, разумеется, девушку все равно опознали. Одежда, сумочка, драгоценности...

родимое пятно или шрамы... О да, установить ее личность не составило труда.

— По-моему, потом был судебный процесс, не так ли?

— Да. Майкла подозревали в том, что он убил еще трех девушек за год. Но достаточных улик, чтобы признать его виновным, не нашлось... поэтому полиция уцепилась именно за это дело — уж тут хватало улик. К тому же у него уже сложилась весьма дурная репутация — прежде выдвигали обвинения в рукоприкладстве и попытке изнасилования. Впрочем, все мы знаем, что значит в наши дни обвинить в изнасиловании. Мать говорит дочке, чтобы она заявила в полицию, будто ее изнасиловал парень, хотя на самом деле все обстояло иначе. Девица сама пригласила его к себе домой, когда мать была на работе, а отец в командировке. Сама повисла у него на шее, не давала проходу, в общем, затащила в постель. Потом, как я уже говорил, мать посоветовала девушке заявить об изнасиловании — в надежде, что парень женится на ней. Но речь не об этом, — продолжал мистер Бродриб. — Я задумался о том, нет ли какой-то связи между прошлыми и нынешними событиями. Нет ли чего-то общего между делом Майкла и заданием,

которое выполняет мисс Марпл для покойного мистера Рэфьела.

— — Его ведь признали виновным, верно? Приговорили к пожизненному заключению?

— Это было так давно, что я уже не помню точно. Может, сделали скидку на «ограниченную ответственность»?

— А Верити Хант училась в той школе — школе мисс Темпл? Ведь она была школьницей, когда ее убили?

— О нет. Ей было уже восемнадцать или девятнадцать лет. Жила она то ли с родственниками, то ли у друзей родителей, ну, что-то в этом роде. Чудесный дом, прекрасные люди, очаровательная девушка. Про таких, как она, родственники всегда говорят: «Очень скромная, застенчивая девушка, не встречается с незнакомыми людьми, у нее даже нет своего парня». Они и не подозревают, что как раз парень у нее уже есть, просто она умело скрывает это от них. А, как говорят, молодой Рэфьел очень нравился девушкам.

— Никто не сомневался, что эти преступления совершил именно он? — спросил мистер Шустер.

— Какое там! Он нагородил столько лжи! Лучше бы его адвокат посоветовал ему молчать. Майкл пытался обеспечить себе алиби с помощью

своих друзей, но это алиби ничего не стоило. Понимаете, о чем я? Судьи сочли, что никто из его приятелей не заслуживает доверия.

— Что же вы думаете обо всем этом, Бродриб?

— Ну, я еще не пришел ни к какому заключению, просто размышлял, с чем можно связать смерть мисс Темпл.

— В каком плане?

— Видите ли, по-моему, странно, что камень вдруг скатился и придавил человека. Странно, неестественно. Обычно камни спокойно лежат и никуда не скатываются, уж поверьте моему опыту.

Глава 15
ВЕРИТИ

— Верити, — сказала мисс Марпл.

Элизабет Маргарет Темпл умерла накануне вечером. Умерла тихо и спокойно. Мисс Марпл сидела в гостиной «Старой усадьбы». Отложив детскую розовую кофточку, она начала вязать лиловый, шарф — по ее старомодным понятиям, так было приличнее, поскольку произошла ужасная трагедия.

Предварительное дознание было назначено на следующий день. Викарий согласился отслужить короткую панихиду в церкви после того, как будут улажены все формальности. Представители похоронного бюро с неизменно скорбными лицами совместно с полицией занялись организационными вопросами.

Утром, ровно в одиннадцать, началось дознание. Участники экскурсии согласились дать показания, но кое-кто из них отправился на поминальную службу.

Миссис Глинн, придя в «Золотой вепрь», начала настойчиво упрашивать мисс Марпл вернуться в

«Старую усадьбу» и погостить там, пока не возобновится экскурсия.

— Это избавит вас хотя бы от репортеров.

Сердечно поблагодарив сестер за предложение, мисс Марпл приняла его.

Автобус с экскурсантами отправлялся после панихиды в Саут-Бедстоун, до которого было тридцать пять миль. Там находился первоклассный отель, где и предполагалось остановиться. В дальнейшем экскурсия должна была продолжаться по плану.

«Однако, — подумала мисс Марпл, — наверняка найдутся и такие, кто не пожелает завершить тур и вернется домой. Это имеет определенные резоны. Еще неизвестно, что лучше: отправиться дальше и постоянно вспоминать о трагическом происшествии или махнуть рукой на деньги, затраченные на туристическую путевку. Многое зависит от исхода дознания».

Обменявшись с тремя сестрами несколькими фразами, соответствующими столь печальным обстоятельствам, мисс Марпл вернулась к вязанию. Автоматически шевеля пальцами и напряженно размышляя, что делать дальше, она произнесла одно слово — «Верити» — резко, будто бросила камешек в ручей. Надо посмотреть, что

из этого выйдет, — если вообще что-то выйдет. Значит ли что-то это слово для ее хозяек? Может, да, а может, и нет. В любом случае по возвращении в отель она за ужином обронит это слово и понаблюдает, какое впечатление оно произведет на собравшихся. «Ведь это слово, — вспомнила мисс Марпл, — последнее, что произнесла перед смертью Элизабет Темпл. Поэтому, — пальцы пожилой леди быстро двигались, ей не приходилось следить глазами за вязаньем, и это позволяло ей одновременно читать книгу или вести беседу, — поэтому я сейчас назову это имя и посмотрю, что выйдет».

— Верити!

Вызовет ли это слово, как камешек, всплеск, рябь, круги на поверхности воды? Или вода останется гладкой? Нет, какая-то реакция должна последовать...

«О, я не ошиблась!»

Хотя по лицу мисс Марпл нельзя было ничего определить, но ее глаза внимательно следили за тремя женщинами, за всеми сразу, — этому она научилась за долгие годы, наблюдая за соседями в церкви, за матерями на собраниях и на других общественных мероприятиях в Сент-Мэри-Мид, когда желала услышать какую-нибудь новую

сплетню или слух.

Миссис Глинн опустила книгу и удивленно взглянула на гостью. «Ее удивило не то, что она услышала имя, а то, что его произнесла я, мисс Марпл».

Клотильда быстро вскинула голову и слегка подалась вперед, потом бросила взгляд в окно, а не на мисс Марпл, и молча сжала кулаки. Пожилая леди искусно притворялась, будто всецело поглощена вязанием. Однако она конечно же видела: по щекам Клотильды покатились слезы, но та даже не попыталась достать носовой платок. Мисс Марпл поразила эманация печали, исходившая от нее.

— Верити? — мгновенно переспросила Антея с волнением, чуть ли не радостно. — Верити, говорите вы? Вы знали ее? Я и понятия об этом не имела. Вы имеете в виду Верити Хант?

— Это христианское имя? — поинтересовалась Лавиния Глинн.

— Я не знала никого с таким именем, — ответила мисс Марпл. — Но произнесла я действительно его. Оно ведь довольно необычное, верно? Верити, — задумчиво повторила она. Пожилая леди уронила на колени недовязанный лиловый шарф и оглядела присутствующих с таким смущением,

словно почувствовала, что допустила промах: — Мне... мне очень жаль. Кажется, я сказала что-то такое, чего не следовало говорить? Видите ли...

— Нет, нет, — прервала ее миссис Глинн. — Все дело в том, что это имя... это имя нам знакомо... оно вызывает у нас кое-какие ассоциации.

— Оно внезапно пришло мне в голову, — пояснила мисс Марпл извиняющимся тоном, — потому что вчера бедная мисс Темпл назвала его. Профессор Уэнстед взял меня с собой в больницу, видимо полагая, что мне удастся... не знаю, уместно ли тут это слово... спасти ее. Мисс Темпл была в коме. Врачи считали... не то чтобы я дружила с ней прежде, но, познакомившись на этой экскурсии, мы с ней подолгу говорили. И профессор надеялся, что от меня будет какой-то толк. Увы, его надежды не оправдались. Я просто сидела в палате и ждала, и вдруг мисс Темпл произнесла одно или два слова, но, кажется, в них не было никакого смысла. И вот, когда я уже собиралась уходить, она открыла глаза и посмотрела на меня... не знаю, возможно, мисс Темпл приняла меня за кого-то другого... но она произнесла это слово. «Верити!» Понятно, оно запало мне в память — ведь его произнесла умирающая. Думала ли она о ком-то или имела в виду нечто

иное, не знаю. Ведь по-латыни это слово означает «истина», не так ли? — Мисс Марпл оглядела Клотильду, Лавинию и Антею.

— Такое христианское имя носила одна знакомая нам девушка, — сказала Лавиния Глинн. — Вот почему оно так сильно поразило нас.

— Тем более что она умерла ужасной смертью, — пояснила Антея.

— Не вдавайся в подробности! — оборвала ее Клотильда.

— Но ведь все и так это знают. — Антея посмотрела на мисс Марпл: — Я думала, вы слышали об этом, поскольку были знакомы с мистером Рэфьелом. Ведь если он написал нам о вас, вы не могли не знать его. И вероятно, мистер Рэфьел упоминал вам об этой истории.

— Простите, но я не понимаю, о чем идет речь, — заметила мисс Марпл.

— Они нашли ее тело, — пояснила Антея.

«Коль скоро Антея заговорила, — подумала мисс Марпл, — ее уже не остановить. Однако словоохотливость сестры явно раздражает Клотильду». Та между тем молча достала носовой платок, вытерла слезы и снова выпрямилась. В глазах ее застыло трагическое выражение.

— Верити... — проговорила она. — Так звали

девушку, которая была очень дорога нам. Она жила с нами здесь некоторое время. Я очень любила ее...

— И она тоже любила тебя, — сказала Лавиния.

— Я дружила с ее родителями, — продолжала Клотильда. — Они погибли в авиакатастрофе.

— Она училась в «Фоллоуфилд», — вставила Лавиния. — Полагаю, поэтому мисс Темпл и вспомнила ее.

— Конечно, — отозвалась мисс Марпл. — Там, где мисс Темпл была директрисой, не так ли? Я часто слышала о «Фоллоуфилд». Прекрасная школа, верно?

— Да, — согласилась Клотильда. — Верити училась в ней. После смерти родителей она осталась с нами, поскольку еще не решила вопрос о своем будущем. Ей было восемнадцать или девятнадцать лет. Прелестная девушка, привлекательная, обаятельная. Она подумывала стать медсестрой, но мисс Темпл считала, что с такими способностями надо идти в университет. Поэтому она начала готовиться к поступлению, когда... когда случилась та чудовищная история. — Клотильда отвернулась: — Я... если вы не возражаете, лучше оставить эту тему.

— Разумеется, — пробормотала мисс Марпл. —

Мне жаль... простите мою бестактность... Я... Я не слышала... я думала... Мне показалось... — Ее речь становилась все более и более бессвязной.

Этим вечером она услышала кое-что еще. Миссис Глинн вошла в спальню мисс Марпл, когда та уже переоделась и собиралась отправиться в отель, чтобы присоединиться к экскурсии.

— Я решила кое-что объяснить вам насчет... насчет этой девушки, Верити Хант, — сказала миссис Глинн. — Не могли же вы знать, что Клотильда была очень привязана к ней и что ее кошмарная смерть стала для сестры ужасным потрясением. Мы стараемся никогда не упоминать ее имени, но... думаю, лучше рассказать вам всю эту историю. Видите ли, без нашего ведома Верити начала встречаться с неподходящим — не просто неподходящим, а, как оказалось, опасным! — молодым человеком, которого уже не раз обвиняли в различных преступлениях. Проезжая однажды через наши края, он нанес нам визит. Мы знали, что его отец — очень богатый человек. Думаю, лучше рассказать всю правду, если вы еще не знаете ее, а похоже, что так. Это был сын мистера Рэфьела, Майкл...

— О господи! — воскликнула мисс Марпл. — Нет, нет, это имя мне незнакомо, но я слышала,

что у мистера Рэфьела был сын... изрядный шалопай.

— Проделки его носили отнюдь не безобидный характер, — заметила миссис Глинн. — От него всегда исходили только неприятности. Пару раз Майкла привлекали к суду за различные провинности. В частности, за совращение несовершеннолетней... и что-то еще в том же роде. Боюсь, наши судьи слишком либеральны к подобного рода делам. Не хотят портить жизнь молодым людям, поэтому дают лишь условное наказание. Если бы этих парней сразу сажали в тюрьму, возможно, это заставило бы их изменить поведение. К тому же он был и аферистом. Подделывал подпись отца на чеках, занимался вымогательством — в общем, негодяй, каких мало. Мы дружили с его матерью. Ей, по-моему, очень повезло, что она рано умерла и не видела, каким мерзавцем стал ее сын. Мистер Рэфьел делал все, чтобы наставить сына на путь истинный. Пытался найти ему подходящую работу, оплачивал штрафы и прочее. Уверена, то, что случилось, потрясло его, хотя он держался спокойно — мол, чего не бывает в жизни! Наверное, обитатели нашего городка расскажут вам, если еще не сделали этого, что здесь произошло несколько убийств и изнасилований,

да и не только здесь — и в других частях страны, в двадцати — пятидесяти милях от нас. Полиция подозревает, что подобное происходило и за сотню миль от нас. Но, видимо, основное — именно здесь. И вот однажды Верити ушла из дому к своей подружке и не вернулась. Мы сообщили об этом в полицию, после чего начались ее поиски. Искали повсюду. Появились объявления в газетах и по телевидению, но никаких следов не обнаружили. Полицейские решили, что Верити сбежала со своим приятелем. Потом пошли слухи, что ее видели с Майклом Рэфьелом. К тому времени полиция уже подозревала Майкла в совершении нескольких преступлений, хотя достаточных улик не было. Кто-то видел Верити с молодым человеком, похожим на Майкла, в машине, такой же, как у него. Но это все, чем мы располагали. И лишь через шесть месяцев нашли ее труп, в овраге, пересекавшем глухой лес, в тридцати милях отсюда. Ее засыпали камнями и завалили землей. Клотильде пришлось поехать в морг для опознания... Она узнала Верити. Девушку задушили, а лицо изуродовали. Клотильда до сих пор не оправилась от потрясения. Верити удалось опознать по характерным приметам — родимому пятну и старому шраму, а также по одежде и со-

держимому сумочки. Мисс Темпл очень любила Верити. Наверное, поэтому и вспомнила о ней перед смертью.

— Мне очень жаль, — сказала мисс Марпл. — Мне и вправду очень жаль. Пожалуйста, передайте сестре, что я не знала об этом.

Глава 16
ДОЗНАНИЕ

Мисс Марпл медленно шла по главной улице городка к рыночной площади, где в старомодном особняке времен короля Георга, уже более ста лет известном как «Герб Керфью», должно было состояться дознание. Она бросила взгляд на часы. До начала оставалось двадцать минут.

Оглядев вывески магазинов, мисс Марпл направилась к тому, где продавали шерсть и различные вязаные вещи, в частности детские кофточки. Задержавшись у порога, она наблюдала, как молоденькая продавщица примеряла кофточки двум ребятишкам. Дальше за прилавком стояла пожилая женщина.

Мисс Марпл подошла к ней, показала образец розовой пряжи и пояснила, что такой шерсти не хватило на один рукав кофточки, которую ей очень бы хотелось закончить. Подходящие нитки вскоре нашлись, и между женщинами завязалась оживленная беседа. Ее затеяла старушка, затронув недавнее печальное событие.

Миссис Меррипит поддержала эту тему, возму-

щенно заметив, что местные власти не делают ничего для безопасности горных дорог, поэтому и произошло несчастье.

— Дожди вымывают почву из-под валунов, и они катятся вниз. Помню, как-то за год было три таких обвала — и три несчастных случая. Одного мальчика чуть не убило, а потом, кажется через полгода, мужчина едва не лишился руки: ну а в третий раз несчастье случилось с миссис Уолкер, подслеповатой и почти глухой. Она ничего не услышала — иначе отскочила бы в сторону, так сказали полицейские. Увидев, что камень покатился, люди крикнули ей, однако они были слишком далеко и не успели спасти старушку. Она погибла.

— Как жаль! — воскликнула мисс Марпл. — Трагическое происшествие. Такое не забывается.

— Еще бы! Думаю, коронер упомянет сегодня об этом случае.

— Уверена. Что и говорить, ужасно, когда природа так безжалостна к нам, но порой несчастные случаи провоцирует человек. Например, сталкивает вниз камень или делает что-то подобное.

— Да, среди нынешней молодежи есть и такие, кто готов на все. Но чтобы так шалить! Раньше я об этом не слышала.

Мисс Марпл вернулась к разговору о шерстяных вещах: нынче вошли в моду очень яркие пуловеры.

— Это не для меня, — пояснила она. — Для моего внука. Хочу подарить ему вязаный пуловер, но цвета он любит кричащие.

— Да, молодым людям нравятся яркие тона, — согласилась миссис Меррипит. — Слава богу, хоть джинсы пока одноцветные. Все предпочитают черные или темно-синие. Но вот рубашки или свитера покупают самые яркие.

Мисс Марпл попросила показать ей пуловер в черно-красную клеточку, однако, несмотря на богатый выбор шерстяных изделий, нужного не нашлось. Таких в магазине уже давно не осталось. Собравшись уходить, мисс Марпл вдруг заговорила об убийствах, совершенных некоторое время назад в этих краях.

— В конце концов полиция все же поймала этого парня, — сказала миссис Меррипит. — Симпатичный мальчик, никогда бы не подумала о нем такое! Получил прекрасное образование. Учился в университете. Говорят, его отец был очень богат. Должно быть, мальчик спятил. Нет, его не отправили на лечение, но сама я думаю, что он, наверное, был психически бо-

лен, — ведь тогда, говорят, пропало бесследно пять или шесть девушек. Полиция задерживала всех подозрительных парней в округе. Самые серьезные подозрения вызвал Джефри Грант. Он еще в детстве казался всем несколько странным. Устраивал мелкие пакости девочкам по дороге в школу. Предлагал им конфеты, а потом упрашивал их прогуляться с ним по лугам и полюбоваться подснежниками. Да, полицейским он внушал сильные подозрения, но они оказались беспочвенными. Тогда стали проверять Берга Уильямса, но у него нашлось железное алиби на момент исчезновения по крайней мере двух девочек. Наконец, полиция вышла на третьего... не могу вспомнить его имя. Люк? Нет. Не Майк, но что-то в этом роде. Красивый парень, как я говорила, но его уже привлекали к суду за мелкие правонарушения — воровство, подделку чеков и что-то еще. А также два случая так называемого «отцовства». Ну, вы понимаете, о чем я: родители забеременевшей девушки заставляют парня платить.

— А эта тоже была беременна?

— О да. Сперва мы думали, что обнаружили тело Норы Броуд, племянницы миссис Броуд, жившей возле мельницы. Уж она-то любила погулять с

парнями! Нора пропала с концами — точно так же. Ушла как-то из дому, и никто не знал, куда она делась. И когда через шесть месяцев нашли труп девушки, то решили, что это Нора Броуд.

— Но это было не так?

— Нет... это оказалась другая девушка.

— А труп Норы так и не нашли?

— Нет. Может, когда-нибудь это и случится, но власти полагают, что ее просто бросили в реку с камнем на шее. Но ведь ничего не знаешь заранее, верно? А вдруг какой-нибудь фермер, распахивая поле, наткнется на труп? Как-то в детстве меня возили в соседнее графство в одну деревню, кажется Лутон-Лу. Там, вспахивая поле, обнаружили клад. Какая красота! Золотые корабли, челны викингов, золотые тарелки, огромные золотые блюда. Разве известно, на что наткнешься — на труп или на золотую тарелку? Это может быть золотое блюдо, пролежавшее сотни лет в земле, или труп трех-четырехлетней давности. Именно так произошло с телом Мэри Лукас, которую нашли года через четыре после ее исчезновения. Где-то неподалеку от Рейгейта. Да, все это очень печально, как печальна и вся наша жизнь. Никому не предугадать, что будет даже через неделю.

— Ведь в этих местах убили еще одну девушку? — спросила мисс Марпл.

— Ну да, тогда нашли ее труп и решили, что это Нора Броуд. Вы имеете в виду эту девушку? Да? Вот только не припомню ее имени. Хоуп[138], кажется, или Черити[139]. Что-то в этом роде. Эти имена были популярны в прежние времена, но сейчас они встречаются редко. После смерти родителей она жила в «Старой усадьбе».

— Ее родители погибли в авиакатастрофе?

— Да. Самолет летел то ли в Испанию, то ли в Италию.

— И она перебралась сюда? У нее были здесь родственники?

— Не знаю, но миссис Глинн, насколько мне известно, дружила с ее матерью. Миссис Глинн, правда, жила с мужем за границей, но мисс Клотильда — старшая из сестер, темноволосая — очень полюбила девушку. Брала ее с собой за границу: в Италию, Францию и другие страны, — обучила девушку машинописи, стенографии, даже живописи. Мисс Клотильда — очень образованная женщина. О, она просто души не чаяла в

---

[138] notes: 138
Хоуп (hope) — надежда (англ.).

[139] notes: 139
Черити (charyty) — милосердие (англ.).

девушке. И места себе не находила, когда Черити исчезла. Совсем иное дело — мисс Антея...

— Младшая из сестер?

— Да. Я слышала, будто у нее не все дома. Сумасбродная, рассеянная. Иногда, знаете ли, ходит по улице, разговаривает сама с собой, как-то странно покачивает головой. Дети ее побаиваются. Похоже, она малость тронутая. Не знаю. У нас тут всякого наслушаешься. Да и двоюродный их дед тоже был большим чудаком. Устраивал стрельбу у себя в саду, причем без всякой причины. Гордился своей меткостью, считал себя непревзойденным стрелком.

— А у мисс Клотильды с головой все в порядке?

— О да, очень умная женщина. Знает латынь и греческий. Хотела поступить в университет, но не получилось: пришлось ухаживать за матерью. Та стала инвалидом. Но мисс Клотильда души не чаяла в девушке... как же ее звали?.. Вера, кажется. Она любила ее, как дочь. А потом девушка стала встречаться с молодым человеком... по-моему, его звали... Майкл... И вот однажды она просто исчезла, ни слова не сказав. Я уж не знаю, было ли мисс Клотильде известно, что ее подопечная беременна.

— Но от вас-то это не утаилось, — заметила

мисс Марпл.

— О, у меня на такие вещи глаз наметан. Я это сразу замечаю, и не только по животу, но и по выражению глаз, походке, по тому, как девушка садится, внезапно почувствовав головокружение или тошноту. Кстати, мисс Клотильде пришлось опознать труп. После этого она чуть не отправилась на тот свет. Ходила сама не своя несколько недель. Да, она очень любила эту девушку.

— А мисс Антея?

— Странно, знаете ли вы, но мне показалось, что она почти довольна. Не очень-то красиво, правда? Да, вот с таким же видом дочь фермера Пламмера смотрела, как режут свиней. Кажется, это доставляло ей удовольствие. Что ж, в семье не без урода...

Мисс Марпл попрощалась, вышла из магазина и бросила взгляд на часы. У нее было в запасе еще десять минут, и она направилась к почте, на рыночную площадь.

На почте мисс Марпл купила несколько марок, потом принялась рассматривать открытки и книги в дешевых бумажных переплетах. Женщина средних лет с кислым лицом, сидевшая за конторкой, помогла мисс Марпл взять книгу, стоявшую на проволочной подставке.

— Зацепилась. Кто-то неаккуратно поставил ее на место.

Почта была пуста. Мисс Марпл с неодобрением посмотрела на обложку: над обнаженной девицей склонился убийца с окровавленным ножом.

— О господи! Опять ужасы! Какая гадость! — Мисс Марпл взяла другую книгу. — «Что случилось с малышкой Джейн», — прочитала она. — Боже, в каком печальном мире мы живем!

— Вы правы. Вот прочитала во вчерашней газете: какая-то женщина оставила ребенка в коляске у дверей супермаркета и пошла за покупками, а другая схватила коляску и убежала. Без какой-либо видимой причины! Полиция, конечно, схватила потом преступницу. А оправдывают свои действия все одним и тем же — независимо от того, совершена ли кража в супермаркете, или похищен ребенок. «Кажется, затмение на меня нашло».

— Может, на них и в самом деле что-то находит, — предположила мисс Марпл.

Унылая дама погрузилась в еще большее уныние:

— Я не так простодушна, чтобы поверить этому.

Мисс Марпл огляделась: на почте по-прежнему

было пусто. Она направилась к окну:

— Могу ли я попросить вас уделить мне немного времени? Я сделала глупость — это в последние годы случается со мной слишком часто. Я отправила посылку в одно благотворительное общество. Положила туда свитера и детские вязаные вещи, запаковала, написала адрес, отослала... и только сегодня утром поняла, что адрес перепутала. Едва ли вы регистрируете адреса отправляемых вами посылок... но вдруг кто-то случайно запомнил его. Я хотела отправить посылку в Ассоциацию помощи докерам и портовым рабочим Темзы.

Унылая женщина снисходительно улыбнулась, тронутая беспомощностью старушки:

— Вы сами принесли ее на почту?

— Нет. Я живу сейчас в «Старой усадьбе»... и одна из ее хозяек, миссис Глинн, кажется... предложила отнести посылку на почту. Весьма любезно, знаете ли...

— Дайте-ка вспомнить. Это ведь было во вторник, верно? И не миссис Глинн принесла посылку, а младшая из сестер, мисс Антея.

— Да, да. По-моему, в тот день...

— Я отлично все помню. Посылка была большая... и довольно тяжелая. Но отправили ее не в Ассоциацию докеров, а на имя преподобного

Мэтью из Ист-Хэмского общества помощи женщинам и детям.

— Ах да! — От радости и облегчения мисс Марпл хлопнула в ладоши. — Какая же вы умница — все помните! Теперь-то я понимаю, почему так случилось. На Рождество я действительно послала детские вещи в это Ист-Хэмское общество — в ответ на просьбу присылать им вязаные вещи, вот, видимо, по ошибке и списала не тот адрес. Не могли бы вы назвать его мне? — Мисс Марпл записала адрес в свою записную книжку.

— Боюсь, посылка уже отправлена, хотя...

— Да, да, конечно, но я объясню им, что ошиблась, и попрошу переадресовать посылку в Ассоциацию докеров. Очень вам признательна.

Мисс Марпл потрусила к выходу. Унылая дама, доставая марки для следующего покупателя, пробормотала ей вслед:

— Бедные старушки такие рассеянные! Верно, она очень страдает от этого.

У выхода мисс Марпл столкнулась с Эмлином Прайсом и Джоанной Кроуфорд и вместе с ними отправилась на дознание.

Она заметила, что Джоанна бледна и встревоженна.

— Мне придется давать свидетельские показа-

ния, — проговорила девушка. — Не знаю, о чем меня будут спрашивать? Я так боюсь! Я... мне это не нравится. Я ведь уже рассказала сержанту полиции все, что мы видели.

— Не волнуйся, Джоанна, — убеждал ее Эмлин Прайс. — Это обычное коронерское дознание. И коронер очень милый человек, доктор, кажется. Он просто задаст тебе несколько вопросов, и ты скажешь ему, что видела.

— Ты ведь тоже видел.

— Да, — согласился Эмлин. — Видел кого-то возле валунов. Ну пойдем же, Джоанна.

— Полиция обыскала наши номера в отеле, — сообщила девушка. — Даже попросили у нас разрешения, хотя имели на руках ордер, подписанный прокурором. Осмотрели комнаты и багаж.

— Полагаю, они искали тот пуловер в клеточку. Но вам не о чем беспокоиться. Ведь будь у вас черно-красный пуловер, вы бы не стали говорить о нем, не так ли? А это точно был черно-красный пуловер? — спросила мисс Марпл.

— Не знаю, — ответил Эмлин Прайс, — какого он был цвета, — я плохо различаю цвета. Помню только, что видел яркий пуловер, вот и все.

— Они ничего не нашли, — продолжала Джо-

анна. — Конечно, все мы взяли с собой не много вещей: это же автобусная экскурсия. И ни у кого нет ничего даже отдаленно похожего на тот пуловер. Да и я не припоминаю, чтобы кто-то из наших спутников носил такой. А ты, Эмлин?

— Тоже нет, но даже если бы и видел, то едва ли помнил бы. Я же не отличаю красный цвет от зеленого.

— О, ведь ты дальтоник. Я заметила это уже на второй день.

— Заметила? Каким образом?

— Я спросила, не видел ли ты мой красный шарф. Ты сказал, что видел где-то зеленый, а принес мне красный, который я оставила в столовой.

— Только не говори никому, что я дальтоник. Начнут выражать сочувствие, а я этого не люблю.

— Дальтоников-мужчин гораздо больше, чем дальтоников-женщин. Это связано с генетикой пола. — Джоанна явно желала показать свою эрудицию. — Ведь женщины — лишь носители генов тех болезней, которыми страдают в основном мужчины.

— Ты говоришь так, словно я болен корью, — пошутил Эмлин Прайс. — Ну вот мы и пришли.

— Похоже, тебя ничуть не волнует то, что нам сейчас предстоит, — заметила Джоанна, поднимаясь по ступенькам.

— Мне даже интересно. Я ведь никогда не бывал на дознании. А все, что видишь в первый раз, всегда кажется интересным.

* * *

Доктор Стоукс оказался седовласым мужчиной средних лет, в очках. Сначала свидетельские показания давали полицейские, потом было зачитано заключение лечащего врача мисс Темпл, где подробно перечислялись травмы, послужившие причиной смерти. Миссис Сэндборн рассказала об автобусной экскурсии, о погоде в тот день, о том, как произошло несчастье. Мисс Темпл, сообщила она, несмотря на возраст, была энергичной дамой и любила долгие прогулки. Туристы направились, как обычно, по тропе, огибающей выступ скалы и ведущей к старой часовне, построенной во времена королевы Елизаветы, но впоследствии отреставрированной. На соседней вершине расположен Бонавенчерский мемориал. Тропа довольно крутая, и обычно экскурсанты растягиваются по всему холму. Те, кто помоложе, часто убегают вперед и первыми

достигают вершины холма. Старики же идут медленно. Сама миссис Сэндборн замыкала шествие, чтобы отправлять назад тех, кто устанет. Мисс Темпл вначале шла с мистером и миссис Батлер, беседуя с ними. Хотя ей было уже за шестьдесят, медлительность попутчиков раздражала ее. Опередив их, мисс Темпл вскоре скрылась за скалой. Эта леди не любила ждать и часто ходила одна. Потом раздался крик, миссис Сэндборн и другие устремились вперед и за поворотом тропы увидели мисс Темпл. Она лежала на земле. Валун отделился от вершины утеса, где их великое множество, видимо, покатился по склону холма и угодил в мисс Темпл, которая шла по тропе. Трагический случай.

— Ничто не навело вас на мысль, что это не случайность?

— Нет. По-моему, это просто несчастный случай.

— Вы не видели никого над собой на вершине холма?

— Нет. Мы шли по главной тропе, вьющейся вокруг холма, хотя на вершину можно подняться и по другой. Но в тот день я никого там не заметила.

Потом вызвали Джоанну Кроуфорд. Назвав ее

имя и возраст, доктор Стоукс спросил:

— Вы шли отдельно от группы?

— Да, мы поднимались по более короткой тропе, вьющейся выше по склону.

— Вас кто-то сопровождал?

— Да. Мистер Эмлин Прайс.

— С вами больше никого не было?

— Нет. Мы беседовали и искали редкие виды цветов. Эмлин интересуется ботаникой.

— Вы видели других участников экскурсии?

— Не все время. Они ведь шли по главной тропе... Чуть ниже нас.

— Вы видели мисс Темпл?

— Кажется, да. Мисс Темпл опередила других, и я заметила, как она скрылась из виду за поворотом. Потом мы уже не видели ее.

— Вы заметили кого-то, кто поднялся выше вас?

— Да. Там, на склоне холма, было много валунов, словно специально собранных в одно место.

— Верно, — сказал доктор Стоукс, — я знаю, какое место вы имеете в виду. Огромные гранитные валуны. Местные жители называют их «овцами», иногда — «серыми овцами».

— Возможно, издалека они и походят на овец, но мы-то были совсем рядом с ними.

— И вы увидели там кого-то?

— Да. Кто-то находился среди валунов и склонился над одним из них.

— Вы считаете, он сталкивал его?

— Да. Мне так показалось, и я еще удивилась, зачем он это делает. Похоже, он подталкивал валун к краю скалы. Эти камни такие огромные и тяжелые на вид, что я до этого считала невозможным сдвинуть их с места. Но тот валун, который он или она толкали, вдруг покачнулся. Видимо, он был в неустойчивом положении.

— Вы сказали сначала «он», а теперь говорите «он или она», мисс Кроуфорд. Так кто же, по вашему мнению, это был — мужчина или женщина?

— Мне показалось... я думаю... я думаю, что это был мужчина, хотя, признаться, в тот момент так не считала. На этом мужчине... или женщине... были брюки и закрытый пуловер, мужского типа.

— Какого цвета был этот пуловер?

— Довольно пестрый: в черно-красную клеточку. Из-под берета виднелись длинные волосы, похожие на женские, но такие бывают и у мужчин.

— Разумеется, — сухо согласился доктор Стоукс. — Идентифицировать по волосам мужчину

или женщину в наши дни не очень-то легко. Что же случилось потом?

— Камень покатился вниз. Накренился, перевалился через край и начал набирать скорость. Я крикнула Эмлину: «О, он же катится прямо на тропу!» Потом мы услышали глухой стук. И мне показалось, что раздался чей-то крик внизу, но, пожалуй, это мои фантазии.

— А потом?

— Мы бросились вперед, за поворот скалы, посмотреть, что случилось.

— И что же вы увидели?

— Мы увидели этот камень внизу на тропе, а под ним — чье-то тело... и людей, бегущих из-за поворота к этому месту.

— Значит, кричала мисс Темпл?

— Вероятно, она. Но это мог быть и кто-то другой, выскочивший из-за поворота. О! Это было... это было так ужасно!

— Не сомневаюсь. А что тот человек, которого вы видели среди валунов? Мужчина или женщина в черно-красном пуловере? Он остался там, среди камней?

— Не знаю. Я больше не смотрела вверх. Я... я смотрела лишь вниз, потом побежала туда, думая, что нужна моя помощь. По-моему, я все же

бросила взгляд наверх, но никого уже не увидела. Только камни. Но я вполне могла не заметить человека, скрывающегося среди валунов.

— Это был кто-то из участников вашей экскурсии?

— О нет. Уверена, что кто-то другой. Иначе я узнала бы его, потому что... человека всегда можно узнать по одежде. Однако ни у кого из наших спутников нет черно-красного пуловера.

— Спасибо, мисс Кроуфорд.

Вызванный для дачи показаний Эмлин Прайс отвечал на все вопросы точно так же, как Джоанна.

Показания других свидетелей почти ничего не прибавили к тому, что уже было сказано.

Коронер заявил:

— Следствие не располагает пока достаточными уликами, чтобы установить, был ли причиной смерти мисс Темпл несчастный случай или преднамеренное убийство.

Окончательное решение по этому делу полиции предстояло вынести через две недели.

Глава 17
МИСС МАРПЛ НАНОСИТ ВИЗИТ

В «Золотой вепрь» профессор Уэнстед возвращался вместе с мисс Марпл. Поскольку старушка шла медленно, они несколько отстали от других.

— Что будет теперь? — спросила наконец мисс Марпл.

— Вы говорите о предварительном слушании или о нас?

— И о том и о другом, ибо это взаимосвязано.

— Насколько я понимаю, полиция продолжит расследование, пытаясь найти улики, подтверждающие слова молодых людей.

— Да.

— Поскольку расследование будет продолжено, предварительное слушание отложили. Но едва ли коронер сочтет смерть мисс Темпл результатом несчастного случая.

— Верно, — согласилась мисс Марпл. — А что вы думаете о свидетельских показаниях этих молодых людей?

Профессор Уэнстед пристально посмотрел на спутницу:

— У вас есть какие-то идеи, мисс Марпл? Ведь мы заранее знали, что они скажут.

— Да.

— Почему же вы спросили, что я думаю об их показаниях? А какими они показались вам?

— Интересными, очень даже интересными. Пуловер в черно-красную клеточку. Довольно важная деталь, на мой взгляд, не так ли? Чрезвычайно любопытно.

— Разумеется. — Профессор снова посмотрел на мисс Марпл: — И на какую мысль все это вас наводит?

— Возможно, описание этого пуловера даст нам ценный ключ.

Они подошли к «Золотому вепрю» в половине первого, и миссис Сэндборн предложила перекусить перед обедом. Когда с шерри, томатным соком и другими напитками было покончено, миссис Сэндборн сделала объявление:

— Коронер и инспектор Дуглас сообщили мне, что медицинская экспертиза закончена и завтра в одиннадцать утра состоится панихида. Это мы обсудим с мистером Кортни, местным викарием. Надеюсь, на следующий день наша экскурсия возобновится. Программу, конечно, придется несколько изменить, поскольку мы потеряли

уже три дня, но, на мой взгляд, самое интересное вы все же увидите. Я слышал, что кое-кто из нашей группы собирается вернуться в Лондон поездом. Их чувства мне вполне понятны, и я ни в коей мере не стану оказывать давления. Смерть мисс Темпл — очень печальное событие, но все же я верю, что виной тому несчастный случай. Такое и раньше бывало именно на этой тропе, хотя на сей раз это едва ли можно объяснить атмосферными или сейсмическими явлениями. Полагаю, следователям предстоит еще немало потрудиться. Конечно, нельзя исключить того, что кто-то из туристов начал раскачивать валун, не сознавая, какую опасность представляет это для людей, идущих по нижней тропе. Если это так и виновный признается, дело вскоре будет закрыто. Впрочем, пока нельзя полагаться на то, что все случилось именно так. Не верится, однако, что у покойной мисс Темпл были враги, люди, желавшие ей зла. Я предлагаю больше не обсуждать этот несчастный случай. Дальнейшее расследование проведет местная полиция, это ее дело, не наше. Полагаю, вы все примете участие в завтрашней поминальной службе. Надеюсь, продолжение нашей экскурсии рассеет ваши грустные мысли, навеянные столь печальным

событием. Мы еще увидим немало знаменитых замков и насладимся прекрасными пейзажами.

Вскоре после этого туристам подали обед, и никто больше не заговаривал о несчастном случае, по крайней мере открыто. После обеда, когда туристы попивали кофе, мисс Марпл и профессор Уэнстед начали обсуждать планы на будущее.

— Вы продолжите тур? — спросил профессор Уэнстед.

— Нет, по-моему, в связи с этими событиями мне следует провести здесь еще некоторое время.

— В «Золотом вепре» или в «Старой усадьбе»?

— Все зависит от того, пригласят ли меня снова погостить в «Старой усадьбе». Мне бы не хотелось навязываться самой. Ведь в первый раз меня приглашали на два дня, пока туристы оставались здесь. Пожалуй, даже лучше побыть в «Золотом вепре».

— Вы не собираетесь пока в Сент-Мэри-Мид?

— Нет. Полагаю, мне удастся кое-что сделать здесь. Одно дело уже позади. — Мисс Марпл заметила удивление профессора. — Если вы, как и другие, намерены уехать, я расскажу о том, что узнала, и, пожалуй, предложу вам провести небольшое параллельное расследование. Воз-

можно, оно что-то даст. Меня удерживает здесь еще одна причина, но об этом я сообщу вам позже. Мне нужно кое-что разузнать. Боюсь, мое расследование не принесет ощутимых результатов, поэтому не стоит преждевременно говорить об этом. А что решили вы?

— Я собираюсь вернуться в Лондон, где меня ждет множество дел. А не помочь ли вам здесь?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Не думаю, что вам стоит задерживаться. К тому же уверена, что теперь вы сами займетесь расследованием.

— Я отправился в это путешествие, мисс Марпл, чтобы встретиться с вами.

— Верно, вы познакомились со мной, узнали все или почти все, что мне известно, и собираетесь провести собственное расследование. Что ж, я вас понимаю. Но прежде чем вы уедете отсюда, мне кажется, следовало бы сделать еще пару вещей... вдруг они окажутся полезными.

— Ясно. У вас появились идеи. — Профессор улыбнулся.

— Я помню ваши слова.

— О том, что вы чувствуете запах зла?

— Очень трудно, — призналась мисс Марпл, — определить, есть ли в атмосфере что-то дурное, а если есть, уловить его смысл.

— Но вы ведь чувствуете что-то дурное в атмосфере?

— О да. Отчетливо.

— И особенно после смерти мисс Темпл, которая, разумеется, не была несчастным случаем, что бы ни говорила миссис Сэндборн.

— Нет, это не был несчастный случай. Помнится, я не рассказывала вам, что, по признанию мисс Темпл, это путешествие было для нее неким паломничеством.

— Интересно, — пробормотал профессор, — весьма интересно. А не упоминала ли она о том, что это за паломничество, куда и к кому?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Если бы мисс Темпл прожила чуть дольше и не была так слаба, она рассказала бы мне это. Но, к сожалению, смерть слишком рано явилась за ней.

— Значит, у вас нет никаких предположений, связанных с этим?

— Нет, но я уверена: то, что она отправилась в это паломничество, и стало причиной ее смерти. Кто-то решил остановить ее, не позволить дойти туда, куда она направлялась. Можно только надеяться, что удача или Провидение прольют свет на это.

— Так вот почему вы остаетесь здесь?

— Не только поэтому, — ответила мисс Марпл. — Я хочу побольше разузнать о девушке по имени Нора Броуд.

— Нора Броуд? — удивился профессор.

— Вторая девушка исчезла точно так же, как Верити Хант. Вы ведь сами говорили мне о ней. Вокруг этой девушки крутился рой поклонников, и ей, как я поняла, это нравилось. Глупая, но привлекательная для мужчин. Полагаю, новые сведения о ней помогут мне в расследовании.

— Желаю удачи, детектив-инспектор Марпл, — сказал профессор Уэнстед.

Следующим утром состоялась панихида. Все участники экскурсии пришли на нее. Мисс Марпл, обведя взглядом собравшихся, заметила миссис Глинн и Клотильду. Младшей сестры, Антеи, не было, хотя в церкви находилось немало местных. «Вероятно, — подумала мисс Марпл, — сестры не поддерживали личных отношений с мисс Темпл, сюда же их привлек облетевший округу слух о том, что происшествие — вовсе не несчастный случай, а чей-то злой умысел». Службу проводил священник лет семидесяти с лишним, седовласый и явно страдавший от ревматизма (он с трудом опускался на колени и поднимался). Отметив, что священник красив,

мисс Марпл спросила себя, откуда он. «Наверное, старый друг Элизабет Темпл, который прибыл сюда издалека отслужить панихиду».

Когда экскурсанты вышли из церкви, мисс Марпл обменялась с ними несколькими словами. Теперь она прекрасно знала, что ей следует делать. Батлеры возвращались в Лондон.

— Я сказала Генри, что просто не в состоянии продолжать поездку, — призналась миссис Батлер. — Видите ли... мне все время кажется, что мы завернем за угол — и вдруг кто-то выстрелит в нас или начнет бросать камни. Кто-то, невзлюбивший турагентство «Знаменитые замки и парки Великобритании».

— Ну хватит, мамочка, прошу тебя, — взмолился мистер Батлер, — у тебя слишком уж разыгралось воображение!

— Право же, разве можно быть в чем-то уверенным сейчас, когда повсюду угоняют самолеты или похищают детей?! Я чувствую себя совершенно беззащитной.

Мисс Ламли и мисс Бентхем решили продолжить экскурсию.

— Мы заплатили большие деньги за эту туристическую поездку. С какой стати лишать себя чего-то интересного лишь потому, что произо-

шел несчастный случай? Вчера мы позвонили нашим милым соседям, и те пообещали позаботиться о кошках, так что нам больше не о чем тревожиться.

Похоже, мисс Ламли и мисс Бентхем находили более удобным считать, что с мисс Темпл произошел несчастный случай.

Миссис Райсли-Портер тоже собиралась продолжить путешествие. Полковник Уолкер и его жена заявили: ничто на свете не заставит их пропустить завтрашнюю экскурсию — тем паче что им обещали показать редчайшую коллекцию фуксий. Архитектор Джеймсон мечтал увидеть памятники старины, представлявшие для него, профессионала, особый интерес. Мистер Каспар, однако, по его словам, намеревался уехать поездом. Мисс Кук и мисс Бэрроу, видимо, еще не успели определиться.

— Нам нравятся пешие походы по здешним местам, — сказала мисс Кук. — Думаю, мы пробудем здесь, в «Золотом вепре», еще некоторое время. Вы ведь тоже, мисс Марпл?

— Да, я хотела бы тут остаться, — ответила мисс Марпл. — Я еще не готова продолжить путешествие. Хотелось бы отдохнуть пару дней после всего случившегося.

Когда все разошлись, мисс Марпл не спеша и незаметно отправилась по заранее намеченному маршруту. Она достала из сумочки записную книжку, где были записаны два адреса. По первому проживала миссис Блэкет. Ее чистенький, аккуратный домик, окруженный садом, стоял в самом конце дороги, там, где она плавно спускалась к речной долине.

— Миссис Блэкет?

— Да, да, мэм, это я.

— Не позволите ли мне зайти и поговорить с вами пару минут? Я только что была на поминальной службе и чувствую легкое головокружение. Можно я присяду?

— О господи, конечно! Простите, что я так невнимательна. Входите, мэм, входите. Присаживайтесь вот сюда. Сейчас я принесу вам стакан воды... или, может быть, чаю?

— Нет, благодарю вас, — ответила мисс Марпл, — лучше стакан воды.

Миссис Блэкет вернулась со стаканом воды, явно предвкушая беседу о болезнях, головокружениях и прочих подобных вещах.

— Знаете, с моим племянником такое тоже случается. Вроде бы и рано еще, ему нет и пятидесяти пяти, но у него вдруг ни с того ни с сего начинает

кружиться голова, и, если только он не сядет сразу же на стул, поверите ли, может потерять сознание и рухнуть на пол. Как это ужасно! А врачи не способны вылечить его от такой напасти: Вот ваш стакан.

— Спасибо. — Мисс Марпл сделала глоток. — Я чувствую себя гораздо лучше.

— Значит, ходили в церковь на отпевание бедной леди? Одни говорят, что ее убили, а другие — что это был несчастный случай. По-моему, загадочные смерти — результат несчастных случаев. А коронеры, ведущие расследование, всегда хотят убедить людей, что это преступления.

— О да! — согласилась мисс Марпл. — Я с глубоким прискорбием узнала об ужасных историях, случившихся здесь в прошлом. Мне рассказали и об одной девушке по имени Нора. Нора Броуд, кажется?

— Да, да. Нора была моей родственницей, дочкой моей кузины. Немало воды утекло с тех пор. Она ушла из дому и не вернулась. Ох уж эти девушки, разве можно удержать их дома? Я все время говорила Нэнси Броуд, моей кузине: «Ты весь день проводишь на работе, не присматриваешь за дочкой. Известно ли тебе, что она бегает за парнями? Смотри, как бы бедой это потом не

обернулось». И разумеется, оказалась права.

— Вы хотите сказать...

— Да, обычная история — девушка забеременела. Поверите ли, но мне кажется, моя кузина Нэнси до сих пор не подозревает об этом. Но я-то, в свои шестьдесят пять, уж конечно, соображу, почему у девушки живот округлился, и даже подозреваю от кого, но не уверена на все сто процентов. Впрочем, может, я и ошибаюсь, потому что он остался жить здесь и ужасно переживал, когда Нора исчезла.

— Сбежала?

— Ну, ее подвез кто-то... из местных. Больше я ее не видела. Сейчас не помню, какой марки была та машина. Что-то вроде «Одит». Во всяком случае, Нору пару раз видели в этой машине. Говорят, в этой же машине каталась и другая девушка, та, которую убили. Но не думаю, чтобы такое случилось с Норой. Иначе ее тело давно бы нашли. А вы как считаете?

— Похоже, вы правы, — ответила мисс Марпл. — Нора хорошо училась в школе, была послушной девушкой?

— О нет. Она была ленивой, да и умом особо не отличалась. Нет. С двенадцати лет у нее на уме были только ребята. Скорее всего, Нора и сбе-

жала с кем-то из них. После этого о ней не было никаких известий, даже открытки не прислала ни разу! Сбежала с парнем, пообещавшим ей золотые горы. Ну, вы меня понимаете. Я знала еще одну девушку... но это случилось в дни моей молодости... та сбежала с одним африканцем. Он наплел ей, будто его отец богат, как шейх... Забавно, но, кажется, так оно и было. Шейх из Алжира. Да, точно, из Алжира... И помнится, он утверждал, что у его отца шесть верблюдов, табун лошадей и прекрасный дворец с великолепными картинами. Вот она и сбежала с ним. Потом вернулась сюда — через три года. Ох и натерпелась она за это время! Столько бед перенесла. Они жили в отвратительных землянках, вот-вот, в землянках. И есть в общем-то было нечего, кроме кокосов. Я всегда думала, что это какой-то салат, но нет: это что-то вроде пудинга из манной крупы. В конце концов парень заявил, что она ему не пара и он разводится с ней. По их законам для этого ему достаточно было сказать три раза: «Я развожусь с тобой», после чего он выставил ее из дома. Хорошо хоть, что люди из одного благотворительного общества позаботились о ней и оплатили проезд в Англию. Так она и вернулась. Но это случилось лет тридцать или сорок назад. А вот после исчез-

новения Норы прошло лет семь-восемь. Знаете, я не очень удивлюсь, если она вернется и заявит, что на собственном горьком опыте убедилась, чего стоят все эти красивые обещания парней.

— А есть ли здесь кто-то, к кому бы она пожелала вернуться, ну, кроме ее... ее матери... то есть вашей кузины? Кто-нибудь, кто...

— Вообще-то многие хорошо относились к ней. Например, сестры из «Старой усадьбы». В то время миссис Глинн еще не жила там, но мисс Клотильда... всегда была добра к девочкам из школы. Да, она постоянно что-то дарила Норе. Помнится, даже красивый шарф и великолепное платье. Да, чудесное летнее шелковое платье. Ах, мисс Клотильда была очень мила и добра. Пыталась заинтересовать Нору учебой, советовала ей изменить образ жизни. Да, понимаете, мне не хотелось бы говорить об этом, ведь это дочь моей кузины... но ведь просто ужас, как она бегала за парнями, к каждому была готова прицепиться. Стоило лишь поманить ее пальцем... Да, это все печально. Я не сомневалась: кончится тем, что она пойдет на панель. Я не верила, что ей повезет. Мне совсем не хочется говорить это, но это правда. Во всяком случае, это лучше того, что случилось с мисс Хант, которая жила в «Старой усадьбе». Ее

зверски убили. Полиция считала, что она тоже с кем-то сбежала. Проводили расследование, опрашивали парней, которых когда-то видели с этой девушкой, надеялись, что это поможет. Джефри Гранта, Билли Томпсона и Гарри Лэнгфордса. Все трое — обычные бездельники, хотя при желании без труда смогли бы найти себе работу.

Еще немного поболтав с миссис Блэкет, мисс Марпл встала, поблагодарила хозяйку и вышла.

Следующий визит она нанесла девушке, которая только что посадила салат.

— Нора Броуд? О, ее уже несколько лет нет в деревне. Уехала, наверное, с кем-то из своих парней, больше ее ничто не занимало. Меня всегда интересовало, чем же она кончит. А почему вы хотели встретиться с ней?

— У меня есть письмо одного моего друга из-за границы, — солгала мисс Марпл. — Очень милая семья, и им нужна была няня для ребенка. Мисс Нора Броуд предложила свои услуги. Как я поняла, она попала в нелегкое положение. Вышла замуж за прохвоста, который бросил ее и ушел к другой женщине. Мой друг ничего о Норе не знал, вот и попросил меня расспросить о ней, но я лишь выяснила, что она родилась в этой деревне. И тут я подумала: «Вдруг кто-нибудь здесь рас-

скажет мне о ней». Вы ведь, кажется, посещали одну школу?

— Да, мы учились в одном классе. Только учтите, я совсем не одобряла любовные похождения Норы. Она буквально вешалась всем на шею. Ну а у меня был свой парень, я ему не изменяла и всегда говорила Норе, что ее заигрывания со всякими там Томами, Диками и Гарри до добра не доведут. Тем более что она врала им всем насчет своего возраста. Правда, и выглядела она старше своих лет.

— Она была светловолосая?

— Нет, у нее были темные волосы, чудесные. Всегда, знаете ли, падали на плечи.

— Полицию встревожило ее исчезновение?

— Да. Понимаете, она даже слова никому не сказала. Просто как-то ночью вышла из дому и не вернулась. Заметили, что она садилась в какую-то машину, но больше ни машины, ни самой Норы никто не видел. Как раз в ту пору прошла волна убийств — не только в наших краях, а по всей стране. Полиция задерживала многих молодых людей и юношей. А когда был найден труп девушки, то решили, что это Нора. Но это оказалась не она. Скорее всего, сейчас Нора зашибает большие деньги в каком-нибудь

ночном баре стриптизом или еще чем-нибудь в этом роде. Такой вот она была.

— Не думаю, — сказала мисс Марпл, — что такая, как она, могла бы стать няней сына моего друга.

— Да уж, для этого ей пришлось бы здорово измениться, — согласилась девушка.

Глава 18
КАНОНИК БРЕЙБАЗОН

Когда мисс Марпл, чуть запыхавшаяся и усталая, вернулась в «Золотой вепрь», навстречу ей вышел портье:

— О, мисс Марпл, с вами хочет поговорить каноник Брейбазон.

— Каноник Брейбазон? — удивленно переспросила мисс Марпл.

— Да. Он уже пытался встретиться с вами. Каноник услышал, что вы приехали сюда с экскурсией, и решил поговорить с вами, прежде чем вы уедете. Я сказал ему, что несколько экскурсантов уезжают сегодня в Лондон вечерним поездом. Он очень всполошился, испугавшись, что упустил вас. Я провел его в комнату отдыха, где можно посмотреть телевизор. Там сейчас никого нет. А вот в других полно народу.

Несколько удивленная, мисс Марпл узнала в канонике Брейбазоне того самого пожилого священника, что служил утром поминальную службу. Он встал и пошел ей навстречу:

— Мисс Марпл? Мисс Джейн Марпл?

— Да, это я. Вы хотели...

— Я каноник Брейбазон. Приехал сюда утром, чтобы присутствовать на отпевании своей очень давней и доброй приятельницы Элизабет Темпл.

— Вот как? Присаживайтесь.

— Благодарю вас, я и в самом деле сяду. Теперь я не так вынослив, как прежде. — Он осторожно опустился в кресло. — А что же вы стоите?

Мисс Марпл расположилась рядом с ним.

— Итак, вы хотели увидеть меня?

— Я должен объяснить, чем это вызвано. Мы ведь совершенно незнакомы. Прежде чем приехать сюда на отпевание мисс Темпл, я нанес короткий визит в больницу в Карристауне. Там я встретился со старшей сестрой, которая и сообщила мне, что перед смертью Элизабет пожелала увидеть мисс Джейн Марпл. И эта мисс Джейн Марпл приехала в больницу и не покидала умирающую почти до самого конца. — Он вопросительно посмотрел на старушку.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Это так. Ее желание удивило и меня.

— Вы старая подруга мисс Темпл?

— Нет. Я познакомилась с ней в этой поездке. Вот почему я и удивилась этому. В автобусе мы сидели рядом и обменивались впечатлениями,

потом почти подружились. Но я была поражена, узнав, что мисс Темпл — такая больная — выразила желание увидеть меня.

— Да. Да, понимаю вас. Как я сказал, она была моей старой приятельницей, другом. В сущности, мисс Темпл отправилась в эту экскурсию, чтобы повидаться со мной. Я живу в Филлминстере, городке, где ваша группа должна остановиться послезавтра. Там мисс Темпл собиралась погостить у меня, поговорить о различных делах, надеясь, что я помогу разрешить волновавшие ее проблемы.

— Вот оно что. Мне хотелось бы задать вам один вопрос. Надеюсь, вы не сочтете его нескромным.

— Пожалуйста, мисс Марпл. Спрашивайте о чем угодно.

— Объясняя, почему она отправилась на эту экскурсию, мисс Темпл сказала, что ею руководит не только желание осмотреть замки и парки. Она употребила одно весьма необычное слово: «паломничество».

— Неужели? — изумился каноник Брейбазон. — Неужели она сказала именно это слово? О, это очень интересно. И даже многозначительно.

— Поэтому я и хочу узнать, не называла ли она паломничеством визит к вам?

— Возможно, — ответил каноник. — Да, пожалуй, так.

— Мы говорили с ней также об одной девушке. Ее звали Верити.

— О да, Верити Хант.

— Я не знала ее фамилии. Мисс Темпл просто назвала ее Верити.

— Верити Хант умерла несколько лет назад. Вы слышали об этом?

— Да, мы с мисс Темпл говорили о ней, и я узнала нечто новое. Она сообщила мне, что девушка обручилась с сыном мистера Рэфьела и собиралась выйти за него замуж. С мистером Рэфьелом меня связывают, вернее, связывали дружеские отношения. Он-то и подарил мне путевку на эту экскурсию. По-моему, он хотел (впрочем, это только мое предположение), чтобы я познакомилась в поездке с мисс Темпл. Вероятно, мистер Рэфьел полагал, что она сообщит мне определенную информацию.

— О Верити?

— Да.

— Именно с этой целью она и ехала ко мне. Элизабет хотела кое-что узнать.

— Она хотела узнать, — вставила мисс Марпл, — почему Верити разорвала помолвку с сыном

мистера Рэфьела.

— Верити, — возразил каноник Брейбазон, — никогда не разрывала помолвки. В этом я уверен. Настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным.

— Мисс Темпл не знала этого, не так ли?

— Нет. Думаю, она тщетно пыталась найти разгадку случившегося и была несчастлива из-за этого. Вот Элизабет и решила поехать ко мне и спросить, почему они так и не поженились.

— И почему же они не поженились? — оживилась мисс Марпл. — Пожалуйста, не считайте меня слишком любопытной. Мой интерес продиктован отнюдь не праздным любопытством. Я тоже не случайно оказалась на этой экскурсии, хоть и не назвала бы себя пилигримом. Скорее я выполняю некую миссию. Скажите, почему Майкл Рэфьел и Верити Хант не поженились?

Каноник пристально посмотрел на собеседницу:

— Вижу, вы тоже замешаны во все это.

— Я занялась этим делом, чтобы выполнить последнюю волю отца Майкла. Мистер Рэфьел сам попросил меня об этом.

— У меня нет причин скрывать от вас то, что мне известно, — начал, растягивая слова, кано-

ник. — Вы задали мне тот же вопрос, который хотела задать Элизабет Темпл. Однако именно этого я и сам не знаю. Молодые люди, мисс Марпл, собирались вступить в брак. Все вопросы, связанные со свадьбой, были решены. Мне предстояло обвенчать их. Они скрывали, почему именно желают соединиться узами брака. Я знал и Майкла и Верити, причем ее с детства. Я сам готовил Верити к конфирмации. Когда-то по торжественным случаям меня приглашали провести службу в Ленте, в школе Элизабет Темпл. Это была замечательная женщина. Прекрасный педагог, она великолепно знала возможности каждой ученицы и, исходя из этого, подбирала материал для работы с ней. Элизабет учила девочек всему, что пригодится им в жизни, поможет сделать карьеру, не заставляла зубрить то, что, как она чувствовала, не подходит для них. Элизабет была великим педагогом и отличным другом. Она считала Верити одной из лучших своих учениц. Умная, прекрасная и душой и телом девушка. В детстве она перенесла большое горе — лишилась родителей. Самолет, на котором они летели в отпуск в Италию, разбился. Верити, окончив школу, переселилась к мисс Клотильде Брэдбери-Скотт, которая, как вы, наверное, знаете, живет здесь. Ее

связывали тесные дружеские отношения с матерью Верити. У мисс Клотильды две сестры. Одна из них, выйдя замуж, уехала за границу, поэтому тогда здесь жили только две сестры. Клотильда, старшая, привязалась к Верити. Делала все возможное, чтобы девочка была счастлива. Пару раз брала ее с собой за границу, учила живописи у мастеров в Италии, любила Верити и заботилась о ней, как самая преданная мать. Верити платила ей тем же и относилась, как к родной матери. Она во всем полагалась на мнение умной и образованной Клотильды. Клотильда не настаивала, чтобы Верити обязательно получила университетское образование, поскольку девушка отдавала предпочтение занятиям живописью и музыкой. Она жила вместе с обеими сестрами в «Старой усадьбе» и, по-моему, была счастлива. Я не виделся с Верити долгое время после того, как она переехала сюда, поскольку до Филлминстера отсюда почти шестьдесят миль, но посылал ей открытки к Рождеству и другим праздникам. И вдруг в один прекрасный день она приехала ко мне, необычайно красивая и повзрослевшая, вместе с привлекательным молодым человеком, которого, как оказалось, я немножко знал. Это был Майкл, сын мистера Рэфьела. Они приехали

ко мне, потому что любили друг друга и хотели пожениться.

— И вы согласились обвенчать их?

— Да. Возможно, вы, мисс Марпл, считаете, что не следовало этого делать. Они приехали ко мне тайком, это было очевидно. Я отлично понимаю, что Клотильда Брэдбери-Скотт всеми силами пыталась расстроить их роман и имела на то основания. Признаюсь, Майкл Рэфьел не из тех, кого можно желать в мужья своей дочери. А Верити была еще слишком молода, чтобы принимать столь важные решения. Майкл с детских лет доставлял всем одни неприятности. Привлекался к суду. Дружил с крайне сомнительными типами, попал в дурную компанию, участвовал в различных авантюрах, заводил интимные отношения с девушками, и его отцу пришлось даже выплачивать алименты двум из них. Да, он дурно обходился с девушками. И все же был так привлекателен, что девчонки вешались ему на шею и совершали разные глупости. Два раза Майкл отсидел небольшие сроки в тюрьме. Я был знаком с его отцом, хотя не слишком хорошо знал его. И все же, мне кажется, его отец делал все, что только мог... что только мог человек с его характером... желая помочь сыну. Он вытаскивал Майкла

из неприятных историй, находил ему работу, оплачивал его долги, возмещал причиненный им ущерб. Да, он делал все это. И я не знаю...

— Но ведь он мог бы сделать и больше, не так ли?

— Нет, — возразил каноник. — Я уже в том возрасте, когда понимаешь, что человека следует принимать таким, каков он есть, с тем набором хромосом, которые и определяют характер. Едва ли мистер Рэфьел питал привязанность к сыну. Какое-то чувство, пожалуй рассудочное, — да, но нежности к нему он не проявлял. Не знаю, стал бы Майкл лучше, если бы отец проявлял к нему больше нежности и ласки, но вырос он непутевым парнем, хоть и неглупым, то есть все же обладал определенными достоинствами. Майкл сделал бы неплохую карьеру, если бы пожелал этого. Но у него были (не стану скрывать) преступные наклонности. Имел он и ценные качества: чувство юмора, великодушие, доброту. Майкл горой стоял за друзей, никогда бы не оставил их в беде. Да, он дурно обращался со своими подружками, бросал одну за другой, причем «в положении». Но когда молодые люди приехали ко мне и попросили обвенчать их, я согласился, хотя прямо сказал Верити, что Майкл — не тот

парень, за которого ей следует выходить замуж. Но я понял, что Майкл и не пытался обмануть ее. Он признался Верити, что имел неприятности с полицией, что попадал и в другие скверные истории. Однако Майкл пообещал, что после женитьбы изменится и начнет новую жизнь. Я предупредил Верити, что этого не случится. Впрочем, пожалуй, Майкл действительно собирался измениться. Верити, по-моему, знала почти все, что и я. Она сказала мне, что ей известно и его темное прошлое, но при этом добавила: «Я знаю, кто такой Майкл, и подозреваю, что он таким и останется, но люблю его. Возможно, мне удастся помочь ему измениться, хотя я в этом и не уверена. И все же я готова рискнуть». И вот что еще, мисс Марпл. Я знаю... кому, как не мне, знать это лучше остальных, ведь я видел на своем веку много молодых пар... так вот: браки бывают счастливые, но порою и такие, что приносят горе и слезы. Я всегда предвижу, как сложится судьба молодоженов. От меня не укрывается, действительно ли молодые любят друг друга. Нет, это не связано только с физиологическим влечением и сексуальной привлекательностью. Сейчас много говорят о сексе, даже слишком много. Не стану повторять чушь, что секс — нечто дурное. Нет,

конечно, но сексом нельзя подменить любовь, он сопровождает любовь и сам по себе мало что стоит. Любовь — именно то, о чем идет речь во время венчания: оставаться вместе и в радости и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии. Вот что мы обещаем, если любим и хотим жениться. Эти двое были любящей парой. «Любить и заботиться друг о друге, пока смерть не разлучит нас...» И на этом мой рассказ кончается, ибо мне неизвестно, что затем произошло. Я согласился выполнить их просьбу, мы обсудили все детали — назначили день, час, место. Меня можно упрекнуть лишь в том, что я согласился сохранить это в тайне.

— Они хотели, чтобы никто не знал об их браке? — спросила мисс Марпл.

– Да, особенно Верити, но уверен, что и Майкл тоже. Они боялись, что им помешают. Думаю, Верити побуждала к этому не только любовь, но и чувство избавления. Что, по-моему, естественно при обстоятельствах ее жизни. Она потеряла своих естественных защитников — родителей, после их смерти вступила в новую полосу жизни, а затем пришел тот возраст, когда ищут свой идеал. Им может стать хозяйка дома, где ты живешь, учительница математики, старшая

ученица. Такое состояние не долго длится, но оно овладевает каждым подростком, затем начинается новый период жизни, когда юное существо ищет свою «вторую половину», спутника на всю жизнь. И если у него есть здравый смысл, он не спешит, а придирчиво выбирает «единственного». Клотильда Брэдбери-Скотт искренне желала добра Верити, и девушка, кажется, относилась к ней с почтением, пожалуй, боготворила ее. Думаю, Верити обожала Клотильду в истинно романтическом духе. И в такой атмосфере она превращалась из подростка в молодую женщину. У нее была интересная и полная жизнь, но, полагаю, постепенно она все сильнее проникалась желанием, возможно не сознавая этого, — желанием бежать из золотой клетки, от этой любви. Но куда бежать, она поняла, лишь встретив Майкла. Она стремилась к той жизни, которую совместными усилиями строят мужчина и женщина. Но Верити знала: Клотильда не поймет ее чувств, ибо никогда не поверит, что Майкл любит ее. И боюсь, что тут Клотильда оказалась права... Да, так оно и есть. Он не годился в мужья Верити. Путь, избранный ею, вел не к счастью, а к боли, потрясению, смерти. Теперь вы понимаете, мисс Марпл, почему мне так горько? Меня

преследует чувство вины. Мною руководили благие намерения, но я не осознавал того, что мне следовало осознавать. Я знал Верити, но совсем не знал Майкла. Я догадывался, почему Верити хочет сохранить в тайне свой брак. Клотильда Брэдбери-Скотт была очень сильной личностью, способной повлиять на Верити и заставить ее расторгнуть помолвку.

— Значит, вы полагаете, что именно так она и поступила? По-вашему, Клотильда сказала девушке о Майкле нечто ужасное и та решила не выходить за него замуж?

— Нет, сомневаюсь. Тогда Верити сообщила бы мне об этом. Уж как-нибудь дала бы знать.

— Что же произошло?

— Я еще не успел рассказать вам. Мы назначили день, час и место. Я ждал. Ждал невесту и жениха, но они так и не появились, ни о чем не известили меня, даже не извинились. Я так никогда и не узнал почему. Мне до сих пор это кажется невероятным. Нет, не то, что они не приехали (уж этому-то нашлось бы какое-нибудь объяснение), а то, что не дали о себе знать. Вот почему я и подумал: «А вдруг Элизабет Темпл что-то рассказала вам перед смертью?» Если она догадывалась, что умирает, то, вполне возможно,

хотела что-нибудь передать мне.

— Ей нужна была информация от вас, — сказала мисс Марпл. — Поэтому она и ехала к вам.

— Да. Да, наверное, это так. Видите ли, мне кажется, Верити ничего не говорила о своем браке тем, кто мог бы попытаться остановить ее: Клотильде и Антее Брэдбери-Скотт. Но она почитала Элизабет Темпл, а та имела большое влияние на нее... поэтому я и подумал, что, возможно, девушка написала ей или дала о себе знать каким-то иным способом.

— Думаю, так оно и было.

— То есть Верити дала о себе знать?

— Да, она что-то сообщила Элизабет Темпл, ведь та знала, что Верити собирается замуж за Майкла Рэфьела. Мисс Темпл сказала мне: «Я знала девушку по имени Верити, которая собиралась замуж за Майкла Рэфьела». А узнать это она могла только от самой Верити. Наверное, девушка написала ей об этом. Потом, когда я спросила: «Почему же она не вышла за него замуж?» — мисс Темпл ответила: «Она умерла».

— Итак, мы снова зашли в тупик. — Каноник Брейбазон вздохнул. — Вот только эти два факта нам и были известны. Элизабет знала, что Верити собирается за Майкла. А я — что они намерены

обвенчаться, даже назначили место и время. Но молодые так и не появились.

— Значит, вы не имеете понятия о том, что произошло?

— Я не могу поверить, что они решили расстаться.

— Но ведь что-то все же случилось? Может, что-то открыло Верити глаза, и она поняла, что Майкл ей не пара?

— Это ничего не объясняет, ибо в таком случае Верити известила бы меня, предупредила бы, что венчание не состоится. Она была воспитанной девушкой и обязательно сделала бы это. Нет. Боюсь, могло произойти только одно.

— Смерть? — Мисс Марпл вспомнила, что именно это слово произнесла Элизабет Темпл и оно прозвучало как удар колокола.

— Да. — Каноник вздохнул. — Смерть.

— Любовь, — задумчиво проговорила мисс Марпл.

— Что вы хотите этим сказать?.. — Каноник Брейбазон умолк в нерешительности.

— Именно это слово произнесла мисс Темпл в ответ на мой вопрос: «Что убило ее?» Да, она сказала: «Любовь». Затем добавила, что «любовь» — самое пугающее слово на свете. Самое пуга-

ющее.

— Понимаю, — сказал каноник. — Понимаю, или это мне только кажется.

— И каково ваше мнение?

— Раздвоение личности. — Он вздохнул. — Обычный человек этого не заметит, тут нужен наметанный глаз профессионала. Видите ли, Джекил и Хайд — не выдумка Стивенсона. Майкл Рэфьел... должно быть... шизофреник. В нем как бы две личности. Я не врач, нет у меня и опыта психоаналитика, однако в нем точно жили две разные личности. Здравомыслящий, милый молодой человек стремился к счастью и располагал к себе. Однако искривления в психике, еще не до конца объясненные наукой, заставляли его убивать, причем не врага, а тех, кого он любил. Вот почему он и задушил Верити. Возможно, Майкл даже не понимал, что делает и почему. Да, психические отклонения, болезни, искривления пугают... В моей епархии произошел прискорбный случай. Две старые женщины жили вместе. Они подружились еще в молодости, работая на одном предприятии. Внешне они казались вполне довольными жизнью. И вот однажды одна из них убила другую. Встретившись со своим давним знакомым викарием, она призналась:

«Это я убила Луизу. Мне очень жаль, но, увидев дьявола в ее глазах, я вдруг услышала приказание свыше убить ее». Да, такое порой случается, и тогда мы в отчаянии вопрошаем себя: почему? как? зачем? Надеюсь, настанет такой день, когда удастся ответить на эти вопросы. Врачи выяснят, где, в какой хромосоме или в каком гене произошли патологические изменения.

— По-вашему, именно так и было?

— Думаю, да. Ведь тело не сразу нашли. Верити просто исчезла. Ушла из дому и не вернулась.

— Но, вероятно, это случилось именно тогда — в тот день...

— Во время судебного процесса...

— То есть после того, как было найдено тело Верити и полиция арестовала Майкла? — уточнила мисс Марпл.

— Да, его видели с девушкой, он возил ее на своей машине. Никто не сомневался, что именно Майкл виновен в смерти Верити. Он был первым, кого допросила полиция, и оставался под подозрением до самого конца. Брали под стражу и допрашивали многих знакомых Верити, однако у всех было алиби или же не хватало улик для серьезных обвинений. Поэтому полиция подозревала Майкла. Потом обнаружили труп девушки

— задушенной, с изуродованным лицом. Это, несомненно, было делом рук сумасшедшего. Можно сказать, что в тот страшный момент разумом и телом убийцы завладел мистер Хайд.

Мисс Марпл содрогнулась.

Тихо и печально каноник продолжал:

— И все же даже теперь у меня возникает ощущение, что ее убил кто-то другой, человек психически больной, о чем, впрочем, никто не подозревал. Возможно, он случайно познакомился с Верити, предложил ей прокатиться в машине, после чего... — Каноник покачал головой.

— Полагаю, что такое не исключено, — заметила мисс Марпл.

— Майкл произвел неважное впечатление в суде. Зачем-то начал глупо и бессмысленно лгать. Например, по поводу того, где в тот момент находилась его машина. Уговаривал приятелей обеспечить ему ложное алиби, словно чего-то боялся. Он не упомянул о том, что собирался жениться на Верити. Видимо, его адвокат считал, что такое признание повредит Майклу: суд решит, будто девушка пыталась заставить его жениться. Впрочем, эта история случилась очень давно, и я уже не помню деталей. Все решила главная улика — труп девушки. Майкла призна-

ли виновным... на это все указывало. Теперь вы видите, мисс Марпл, что я очень несчастен, ибо совершил чудовищную ошибку, из-за которой погибла такая чудесная девушка. А все потому, что я плохо разбираюсь в людях и не заметил, какая опасность ей грозит. Я наивно полагал, что если у нее возникнут сомнения в нем и она побоится связать с Майклом свою судьбу, то придет ко мне и расскажет о своих опасениях и страхах. Но ничего подобного не случилось. Почему же он убил ее? Может, узнал, что она беременна? Или к тому времени связался с другой девушкой? Но в это мне не верится. Нет, наверное, есть еще какая-то причина. Вдруг Верити испугалась, поняла, что Майкл опасен для нее, после чего порвала с ним. Это вызвало его гнев, ярость и в конце концов привело к насилию и убийству. Никто этого не знает.

— И вы тоже? — спросила мисс Марпл. — Нет, вам все-таки кое-что известно. Вы же продолжаете верить.

— Что значит «верить»? Вы имеете в виду религиозное значение этого слова?

— О нет, ничего подобного. Где-то в глубине вашей души, и я чувствую это, таится вера, что эти молодые люди любили друг друга, однако

какое-то событие помешало им пожениться и привело к смерти девушки. Вы же до сих пор считаете, что они должны были в тот день приехать к вам обвенчаться?

— Вы совершенно правы, дорогая. Да, вопреки разуму, я по-прежнему верю, что они хотели обвенчаться и быть вместе в счастье и горе, богатстве и бедности, болезни и здравии. Что ж, она умерла и этим навлекла на него горе.

— Продолжайте верить в это, — бросила мисс Марпл. — Кажется, я разделяю вашу веру.

— И что же дальше?

— Понятия не имею. Я не вполне уверена, но, по-моему, Элизабет Темпл знала или начинала догадываться, что именно тогда произошло. Она произнесла одно пугающее слово: «Любовь»; это навело меня на мысль, что девушка покончила с собой, узнав о Майкле неприглядные факты. Но это не самоубийство.

— Нет, — согласился каноник. — Судебная экспертиза дала подробное заключение. Сам человек не может так изуродовать свое лицо.

— Ужасно! — воскликнула мисс Марпл. — Ужасно. Но ведь нельзя представить себе, чтобы кто-то так надругался над любимой женщиной, даже убивая ее «во имя любви»! Если бы Майкл и убил

ее, то, уж конечно, не столь зверским способом. Задушить... это еще возможно, но бить по лицу любимую... «Любовь» — такое пугающее слово, — пробормотала мисс Марпл.

Глава 19
СЛОВА ПРОЩАНИЯ СКАЗАНЫ

На следующее утро к парадному входу отеля «Золотой вепрь» был подан автобус. Мисс Марпл спустилась и попрощалась со всеми своими новыми знакомыми. Она заметила, что миссис Райсли-Портер крайне раздражена.

— Ох уж эти нынешние девушки! — воскликнула она. — Ни терпения, ни выдержки.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на нее.

— Я имею в виду Джоанну, мою племянницу.

— Что с ней? Она нездорова?

— Да, она жалуется на горло и температуру, но, по-моему, все это чушь.

— Мне очень жаль. Не помочь ли вам чем-нибудь? Скажем, присмотреть за ней? — предложила мисс Марпл.

— Лучше оставить ее в покое. Думаю, это просто предлог.

Мисс Марпл бросила на собеседницу удивленный взгляд.

— Девушки так глупы. Только и знают, что

влюбляются.

— Эмлин Прайс? — полюбопытствовала мисс Марпл.

— О, так вы тоже заметили это? Да, их теперь водой не разольешь. Не понимаю, что она в нем нашла. Какой-то студент-хиппи — из тех, кто ходит на демонстрации или на концерты поп-музыки. Ненавижу эти идиотские сокращения. Почему нельзя просто сказать: «популярная музыка»?.. И что прикажете мне делать одной? Кто станет ухаживать за мной, укладывать вещи, носить чемодан? Нет, в самом-то деле! Я заплатила такие деньги за экскурсию!

— Мне казалось, она очень внимательна к вам, — заметила мисс Марпл.

— Только не в последние три дня. Девушкам невдомек, что старикам нужно немного помогать. А этим Прайсом и Джоанной овладела навязчивая идея — они хотят полазить по горам. Семь-восемь миль ходьбы туда и обратно.

— Но если у нее болит горло и поднялась температура...

— Вот увидите, как только наш автобус тронется, горло пройдет, а температура нормализуется, — усмехнулась миссис Райсли-Портер. — Господи, уже пора садиться. Ну, прощайте, мисс

Марпл, очень рада была познакомиться. Жаль, что вы не едете с нами.

— Мне тоже очень жаль, но, увы, я уже не так молода и энергична, как вы, миссис Райсли-Портер. К тому же события последних дней потрясли меня. Мне необходимо хотя бы сутки отдохнуть, чтобы немного прийти в себя.

— Что ж, надеюсь, когда-нибудь еще увидимся. Пожав руку старушке, миссис Райсли-Портер забралась в автобус.

Мисс Марпл услышала голос сзади:

— Счастливого пути!

Повернувшись, она увидела ухмыляющегося Эмлина Прайса.

— Вы пожелали это миссис Райсли-Портер?

— А кому же еще?

— — Мне очень жаль, что Джоанна нездорова.

Эмлин Прайс снова ухмыльнулся:

— С ней будет все в порядке, как только отъедет автобус.

— Вот оно что! Вы хотите сказать?..

— Да. Вы верно угадали. Джоанна сыта по горло своей драгоценной тетушкой, которая только и знает что командовать.

— Так вы тоже не отправляетесь на экскурсию?

— Нет. Останусь здесь еще на пару дней, поброжу по горам и долинам. Не смотрите на меня так неодобрительно, мисс Марпл. Вы ведь на самом деле меня не осуждаете?

— Вообще-то подобные истории случались и в дни моей молодости. Отговорки, правда, использовали другие, и потом, нам реже удавалось добиваться своего. Но сейчас и время другое.

К мисс Марпл подошли полковник Уолкер и его супруга. Они горячо пожали руку старушке.

— Очень рад был познакомиться. А побеседовать с вами о садоводстве — истинное удовольствие, — сказал полковник. — Надеюсь, послезавтра мы увидим настоящий чудо-сад — если только ничто не помешает. Крайне неприятно, что произошел этот несчастный случай. Однако, по-моему, это именно несчастный случай. Мне непонятны сомнения коронера.

— Вот только странно, — заметила мисс Марпл, — почему никто не признался на дознании, что в тот день находился на вершине холма и раскачивал валуны. Ведь это и послужило причиной обвала.

— Видимо, испугался, что его обвинят в убийстве, вот и промолчал, — пояснил полковник Уолкер. — Ну, прощайте. Обязательно вышлю

вам черенки магнолии, хотя не уверен, что они приживутся в ваших краях.

Когда супруги сели в автобус, мисс Марпл обернулась и увидела профессора Уэнстеда, который махал отъезжавшим. Миссис Сэндборн вышла из автобуса, попрощалась с мисс Марпл, потом вошла обратно. Старушка взяла профессора Уэнстеда за руку:

— Вы мне нужны. Мы можем пойти куда-нибудь, где нам никто не помешает?

— Да. Пожалуй, туда, где мы сидели в прошлый раз.

— Тут за углом очень милая веранда.

Огибая угол отеля, они услышали веселый гудок, возвещавший о том, что автобус двинулся в путь.

— Признаюсь, мне не слишком хотелось, чтобы вы остались здесь, — проговорил профессор Уэнстед. — Я был бы спокойнее, если бы вы сидели в автобусе. — Он внимательно посмотрел на старушку: — Почему вы остались? Усталость или какая-то другая причина?

— Другая. Я не особенно устала, хотя, услышав, что я должна отдохнуть, никто не удивился. Солидный возраст, знаете ли.

— Полагаю, я должен остаться здесь и пригля-

дывать за вами.

— Нет, — отрезала мисс Марпл. — В этом нет нужды. Вам следует сделать нечто другое.

— Что именно? У вас возникли догадки или вам что-то известно?

— Похоже, я кое-что узнала, но необходимо найти подтверждение этому. Многое мне просто не по силам, поэтому ваша помощь мне весьма пригодится — ведь вы связаны с властями.

— Вы имеете в виду Скотленд-Ярд, полицейских и начальников тюрем?

— Да. Не только их, но и чиновников министерства внутренних дел. Кажется, вы там свой человек?

— Ну и ну! Ладно, что же вам от меня нужно?

— Во-первых, я дам вам один адрес.

Мисс Марпл достала свою записную книжку и, вырвав из нее страничку, протянула профессору.

— Что это? Ах да, известное благотворительное общество, не так ли?

— Одно из лучших, полагаю. Они приносят большую пользу. Получают по почте много вещей, детских и женских: пальто, пуловеры и тому подобное.

— Я тоже должен что-то послать туда?

— Нет. Есть кое-что важнее благотворительно-

сти. Это связано с тем делом, которым мы с вами занимаемся.

— Каким образом?

— Наведите справки об одной посылке, отправленной отсюда в это общество.

— А кто ее отправил... вы?

— Нет, хотя и утверждала, что это сделала я.

— То есть?

— Пришла на почту, — мисс Марпл улыбнулась, — и, притворившись рассеянной и забывчивой старушкой, объяснила, что имела глупость попросить кого-то отправить эту посылку. Потом, вспомнив, что написала неправильный адрес, очень огорчилась. Служащая отнеслась ко мне сочувственно, вспомнила эту посылку и даже адрес, по которому ее отправили. Разумеется, это был не тот адрес, который я ей назвала, а тот, что я вам дала. Я объяснила ей, что написала по ошибке адрес другого благотворительного общества, куда иногда посылаю старые вещи. Женщина сказала, что уже поздно исправить эту оплошность: посылка отправлена. Я заверила ее, что напишу в благотворительное общество, куда ушла посылка, все объясню и попрошу переадресовать мои вещи.

— Несколько натянутое объяснение, — усмех-

нулся профессор.

— Но ведь надо было хоть что-то придумать! Конечно, ничего подобного я делать не собираюсь. Этим вопросом займетесь вы. Нужно узнать, что в той посылке! Не сомневаюсь, вам это по силам.

— Разве вещи наведут нас на след отправителя?

— Едва ли. Скорее всего, туда вложен листок бумаги со словами «От друзей» или какое-нибудь выдуманное имя и адрес, вроде «Миссис Пиппин, 14, Уэстборн-Гроув», по которому, разумеется, никакая миссис Пиппин не проживает.

— Понятно. А что еще там может быть?

— Шансы почти равны нулю... но вдруг там окажется записка от мисс Антеи Брэдбери-Скотт...

— Неужели она?..

— Она отнесла ее на почту.

— Об этом ее попросили вы?

— О нет, — ответила мисс Марпл. — Я не просила, а увидела эту посылку, когда она проходила мимо нас с вами. Помните, мы беседовали тогда в первый раз?

— Ага, вы пошли на почту и сказали, что это была ваша посылка.

— Верно, — кивнула мисс Марпл, — то есть солгала. Но как хорошо, что на почте у нас работа-

ют такие милые служащие! Мне же необходимо было узнать, куда отправили посылку.

— А также и то, кто ее послал, какая из сестер Брэдбери-Скотт?

— Я знала, что Антея, поскольку видела ее с этой посылкой.

— Ну и?.. — Он взглянул на листок. — Да, я выясню это. По-вашему, посылка представляет для нас интерес?

— Думаю, очень важно узнать, что в ней.

— Однако вы умеете хранить секреты! — заметил профессор Уэнстед.

— Не столько секреты, сколько догадки, возникающие у меня по ходу расследования. Пока нет достоверных данных, незачем делиться предположениями даже с самым близким человеком.

— Что-нибудь еще?

— Полагаю... полагаю, следует предупредить того, к кому вы обратитесь за помощью, что может быть найден второй труп.

— И этот второй труп связан с преступлением, которое мы расследуем? С тем, что случилось десять лет назад?

— Вот именно. По правде говоря, я уверена в этом.

— Итак, еще один труп. Чей же?

— Ну, пока это только мои предположения.

— И каковы же они?

— Ладно, — вздохнула мисс Марпл, — я убеждена, что знаю, где он находится, но потерпите еще немного.

— Чей это труп? Мужчины? Женщины? Ребенка? Девушки? — настаивал профессор.

— Тогда пропала еще одна девушка. Ее звали Нора Броуд. Она тоже ушла, и больше о ней никто тоже не слышал. Скорее всего, труп окажется там, где я предполагаю.

Профессор Уэнстед посмотрел на старушку:

— Чем больше узнаю, тем меньше хочу оставлять вас здесь одну. Со всеми своими догадками... вы можете натворить много глупостей... или...

— Или все это чепуха? — перебила его мисс Марпл.

— Нет, нет, я не это имел в виду. Боюсь, вы знаете слишком много, и это может представлять для вас опасность... Думаю, мне следует остаться здесь и не спускать с вас глаз.

— Нет, — возразила мисс Марпл. — Вы отправитесь в Лондон и займетесь делом.

— Вы говорите так уверенно, словно вам известно куда больше, чем вы сообщили мне, мисс Марпл.

— Вы правы. Но я должна убедиться во всем полностью.

— Боюсь, как бы это не стало последним, в чем вы убедитесь. Нам не нужен третий труп. Ваш.

— О, едва ли случится что-нибудь такое, — возразила мисс Марпл.

— Но если ваши догадки справедливы, вам может угрожать опасность. Вы кого-нибудь подозреваете?

— Кажется, у меня есть кое-что, связанное с одной особой. Чтобы проверить свои догадки, мне надо выяснить... надо остаться здесь. Вы как-то спрашивали, чувствую ли я запах зла. Вот теперь я отчетливо его ощущаю — запах зла, преступления, опасности... если угодно — беды, страха... Я должна положить конец этому. Сделать все, что в моих силах. Но на что способна такая старуха, как я?

Профессор Уэнстед начал тихо считать:

— Один... два... три... четыре...

— Что вы считаете?

— Тех, кто уехал в автобусе. Очевидно, они вас не интересуют, раз вы остались здесь.

— С какой стати мне интересоваться ими?

— Да вы сами говорили, что мистер Рэфьел отправил вас сюда, на эту экскурсию, с какой-то

целью и затем послал вас в «Старую усадьбу». Пойдем дальше. В смерти Элизабет Темпл виновен кто-то из туристов. Вы же задерживаетесь здесь ради «Старой усадьбы».

— Вы не совсем правы, — улыбнулась мисс Марпл. — И то и другое связано. И эту связь я выявлю, побеседовав кое с кем!

— Думаете, вам удастся заставить эту особу рассказать вам то, что вас интересует?

— Надеюсь, да. Поторопитесь, иначе опоздаете на поезд.

— Будьте осторожны.

— Конечно.

Из отеля вышли мисс Кук и мисс Бэрроу.

— А я полагал, что вы уехали на автобусе, — сказал профессор, поздоровавшись с дамами.

— В последний момент мы передумали, — беззаботно ответила мисс Кук. — Видите ли, мы вдруг узнали, что тут есть чудесные места, где нам еще не удалось побывать, хотя они того стоят. Саксонская церковь с необычным порталом всего в четырех-пяти милях отсюда. Туда ходит местный автобус. Ведь я интересуюсь не только замками и парками, но и церковной архитектурой.

— Как и я, — добавила мисс Бэрроу. — Кстати, неподалеку расположен Финли-парк с редкими

цветами. Вот мы и решили задержаться тут на пару дней и все осмотреть.

— Вы останетесь в «Золотом вепре»?

— Да. Теперь наш номер куда удобнее того, что мы снимали в предыдущие два дня.

— Вы опоздаете на поезд, — снова напомнила мисс Марпл.

— Мне бы хотелось, чтобы вы... — начал профессор Уэнстед, однако мисс Марпл прервала его:

— Обо мне не беспокойтесь.

Когда профессор исчез за углом, она заметила:

— Он так мил и так заботится обо мне... словно я его тетушка.

— Всех нас потрясло случившееся, — сказала мисс Кук. — Не хотите ли вместе с нами посетить Сент-Мартине?

— Вы очень добры, — ответила мисс Марпл, — но сегодня я еще не в силах никуда ехать. Возможно, завтра, если там есть на что посмотреть.

— Ну тогда мы покинем вас.

Мисс Марпл, улыбнувшись дамам, вошла в отель.

Глава 20
ДОГАДКИ МИСС МАРПЛ

Пообедав, мисс Марпл пошла на террасу выпить кофе. Едва она принялась за вторую чашку, как по ступенькам, тяжело дыша, поднялась высокая худощавая дама и приблизилась к ней. Это была Антея Брэдбери-Скотт.

— О, мисс Марпл, оказывается, вы не отправились с туристами на автобусе. Мы и не предполагали, что вы останетесь здесь, и совершенно случайно об этом услышали. Клотильда и Лавиния просили меня зайти к вам и спросить, не согласитесь ли вы вернуться к нам в «Старую усадьбу» и погостить у нас еще немного. Надеюсь, у нас вам будет удобнее. Ведь эта гостиница — проходной двор, особенно в конце недели. Мы будем очень рады, право же, рады, если вы согласитесь.

— Весьма любезно с вашей стороны, однако не знаю... кажется, сначала речь шла о двухдневном визите. Я ведь и в самом деле собиралась отправиться дальше на автобусе. И если бы не этот трагический случай... Да, мне необходимо

отдохнуть хотя бы один день.

— Но ведь у нас вы отдохнете гораздо лучше. Там вам будет удобнее.

— Ничуть не сомневаюсь. У вас мне было исключительно удобно. Я просто наслаждалась пребыванием в таком прекрасном доме. Там чудесно. Китайские вазы, фарфор, мебель. Конечно, в особняке куда приятнее, чем в отеле!

— Значит, решено. Мы немедленно отправляемся в «Старую усадьбу». Я помогу вам собраться.

— Благодарю вас, но, право же, я и сама справлюсь с этим.

— Но все-таки позвольте помочь вам.

— Буду весьма признательна вам.

Дамы пошли в спальню мисс Марпл, где Антея проворно собрала вещи старушки и кое-как запихнула их в чемодан. Мисс Марпл, привыкшая к порядку, обычно укладывала вещи не менее часа, поэтому сейчас с трудом сдержала возмущение, но тем не менее лицо ее выражало благодарность. «Да, — отметила она, — Антея совершенно не умеет складывать вещи».

Антея велела носильщику отнести чемодан в «Старую усадьбу», тогда как мисс Марпл, дав ему чаевые, продолжала суетиться, выражать удовольствие и восхищаться необычайной добротой

и гостеприимством сестер.

«Три сестры! — подумала она. — Вот я и снова у вас в гостях».

Мисс Марпл села в кресло в гостиной и на минуту закрыла глаза. Ее учащенное дыхание, да и весь вид свидетельствовали об усталости. Да и не мудрено — в такие-то годы поспевать за носильщиком и Антеей! Однако на самом деле старушка смотрела из-под полузакрытых век, пытаясь понять, не изменился ли дом за время ее отсутствия, не появилось ли в нем что-то зловещее. Нет, ничего зловещего не ощущалось, скорее тут царила тоска — глубокая, почти пугающая.

Она снова открыла глаза и оглядела двух сестер. Миссис Глинн только что пришла из кухни с подносом, на котором стояли чашки с чаем. Держалась она, как и всегда, благожелательно, но сдержанно.

«Возможно, даже слишком, — решила мисс Марпл. — Неужели жизнь, полная невзгод и трудностей, заставила ее скрывать от всех свои чувства и замкнуться в себе? — Она перевела взгляд на мисс Клотильду. — Да, она точно Клитемнестра, хотя и не убила мужа, поскольку никогда не имела его. Едва ли убила она и девушку, к которой, как все утверждают, была необычайно

привязана. Что правда, то правда. — Мисс Марпл помнила, как из глаз Клотильды полились слезы, когда заговорили о смерти Верити. — А что же Антея? Ведь именно она отнесла ту посылку на почту. Антея пришла за мной в отель. Антея... Нет, вряд ли. Она ведь такая рассеянная, взбалмошная. Но не слишком ли для своего возраста? А этот блуждающий взгляд, который все время обращается на вас. Взгляд, видящий то, чего не видят другие, ищущий что-то у вас за спиной. Чего же она боится? Может, у нее какая-то мания? Что ее до конца дней запрут в психиатрической лечебнице? Или, напротив, сестры боятся, как бы Антея чего-либо не выкинула и не сболтнула?

Да, несомненно, есть что-то нехорошее в атмосфере этого дома. Интересно, — мисс Марпл допила чай, — чем сейчас занимаются мисс Кук и мисс Бэрроу? Правда ли отправились взглянуть на ту церковь или хотели просто заговорить мне зубы? Странно. Странно и то, что они внезапно появились в Сент-Мэри-Мид с единственной целью — взглянуть на меня, чтобы потом сразу узнать во время экскурсии, но ничем не выдать этого. Да, вокруг творится много непонятного».

Вскоре миссис Глинн ушла и унесла поднос с пустыми чашками. Антея отправилась в сад, а

мисс Марпл осталась наедине с Клотильдой.

— Кажется, — начала старушка, — вы знакомы с каноником Брейбазоном?

— Да, — ответила Клотильда. — Он проводил вчера в церкви поминальную службу. Вы его знаете?

— Нет, но он пришел в «Золотой вепрь» побеседовать со мной. Как я поняла, каноник был в больнице и интересовался обстоятельствами смерти бедной мисс Темпл, Он хотел выяснить, не говорила ли перед смертью мисс Темпл чего-то такого, что предназначалось бы именно ему. По его словам, она собиралась навестить его. Я объяснила канонику, что хоть и находилась в больнице возле мисс Темпл, но была бессильна помочь ей.

— Неужели она не сказала... не сказала ничего такого, что дало бы ключ к трагедии? — Клотильда не выразила особого интереса.

«Не наигранное ли это безразличие? — подумала мисс Марпл. — Нет, вряд ли. Сейчас мысли Клотильды заняты чем-то другим».

— Как по-вашему, это действительно был несчастный случай? — спросила мисс Марпл. — Или вы верите рассказу племянницы миссис Райсли-Портер о том, что она и Эмлин Прайс

видели, как кто-то раскачивает валун?

— Раз они это утверждают, значит, так оно и было.

— Утверждать-то они утверждают. Правда, их ответы не полностью совпадают. Но наверное, это естественно.

Клотильда посмотрела на нее с любопытством:

— Вы заинтриговали меня.

— Да, эта история кажется совершенно невероятной, если только...

— Если только?..

— Я просто размышляю, — пояснила мисс Марпл. Миссис Глинн, войдя в комнату, услышала эти слова.

— О чем же вы размышляете? — спросила она.

— О том, был ли то несчастный случай или нет, — ответила Клотильда.

— Но ведь...

— Эта история кажется совершенно невероятной, — повторила мисс Марпл.

— Что-то темное остается в атмосфере этого дома с момента смерти Верити, — вдруг проговорила Клотильда. — Прошли годы, но это так и не исчезло. Какая-то тень. — Она посмотрела на мисс Марпл: — Вам так не кажется? Разве вы не чувствуете, что здесь чья-то тень?

— Ведь я не живу тут постоянно, в отличие от вас. И вы хорошо знали ту девушку, очаровательную и милую, по словам каноника.

— Да, она была очень милая и обаятельная, — подтвердила Клотильда.

— Жаль, что я мало знала ее, — вставила миссис Глинн. — Тогда мы жили за границей и только во время отпусков приезжали сюда. Впрочем, большую часть времени проводили в Лондоне и сюда наведывались не часто.

Из сада вернулась Антея с огромным букетом лилий:

— Траурные, похоронные цветы, как и подобает сегодня, не так ли? Я поставлю их в большой кувшин. Траурные цветы. — Внезапно она истерически расхохоталась.

— Антея, — одернула ее Клотильда, — не делай этого. Это... это нехорошо.

— Пойду поставлю их в воду. — Антея бодро вышла из комнаты.

— О господи! — вздохнула миссис Глинн. — Антея! — крикнула она. — Знаете, по-моему, ее болезнь...

— Прогрессирует, — закончила за сестру Клотильда.

Сделав вид, что ничего не слышит, мисс Марпл

взяла в руки небольшую шкатулочку, отделанную эмалью, и стала восхищенно разглядывать ее.

— Она наверняка сейчас разобьет вазу. — С этими словами Лавиния вышла.

— Вас тревожит Антея? — спросила Клотильду мисс Марпл.

— Да, у нее несколько неуравновешенный характер. Она младшая из нас и с детства была слабой и хрупкой. Но в последнее время ее состояние ухудшилось. Боюсь, она не понимает, как нужно себя вести в определенных ситуациях. Порой с ней случается истерика. Начинает смеяться, когда речь идет о самых серьезных вещах. Мы не хотим... э-э... отправлять ее... вы понимаете, о чем я. Полагаю, за ней нужен уход, но едва ли Антея согласится уехать из дома. Что ж, это ее дом, хотя иногда... иногда с ней очень нелегко.

— Да, жизнь — штука сложная, — философски заметила мисс Марпл.

— Лавиния вот поговаривает о том, чтобы уехать отсюда, — сообщила Клотильда. — Хочет опять отправиться за границу. В Таормино, кажется. Она жила там некоторое время с мужем и была счастлива. Лавиния с нами уже много лет, но, похоже, ей очень хочется сорваться с места и

попутешествовать. Порой мне кажется... да, порой мне кажется, что Лавинии не по душе жить в одном доме с Антеей.

— Боже! Как же вам трудно!

— Она боится Антеи, — продолжала Клотильда. — Несомненно боится. Я конечно же постоянно убеждаю сестру, что бояться ей нечего. Просто временами Антея произносит странные фразы, у нее возникают нелепые идеи. Но не думаю, что для Лавинии представляют опасность эти ее... как бы сказать... ну, странности, что ли.

— Раньше ничего такого вы не замечали? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Нет, ничего. Иногда с ней случаются нервные припадки, приступы мизантропии. Видите ли, она до смешного ревнива. Например, не переносит, когда проявляют к кому-то особую заботу. Да, порой мне кажется, что лучше бы продать этот дом.

— Но вам не хочется этого делать? Вообще-то я понимаю, как тяжело вам жить здесь, где все напоминает о прошлом.

— Вы правда это понимаете? Да, вижу, что понимаете. Что делать? Мысли постоянно возвращаются к нашей дорогой и любимой девочке. Она была мне как дочь. Да она и была дочерью

моих лучших друзей. А какая умница, знали бы вы! Она недурно рисовала. Ее художественный вкус проявлялся во всем. Например, она придумывала узоры для тканей. Я очень гордилась ею. А потом... эта несчастная любовь к ужасному, психически больному юноше.

— Вы имеете в виду Майкла Рэфьела, сына мистера Рэфьела?

— Да. Он никогда не гостил у нас. Как-то проездом оказался в наших краях, и отец предложил ему заглянуть в дом. Мы пригласили его на обед. Да, он умел очаровывать, этот преступник, уже дважды побывавший в тюрьме. А как он обращался с девушками! Невероятно! Никогда бы не подумала, что Верити... Он просто вскружил ей голову. Такое случается с девушками в ее возрасте. Она была без ума от него. И слова дурного о нем слышать не желала. Считала, будто он не виноват в том, что с ним случилось. Сами знаете, что говорят влюбленные девушки: «Все ополчились против него». Ах, не хочу повторять такую ерунду. Ну почему, почему нельзя научить девушек уму-разуму?

— Вы правы: обычно у них маловато здравого смысла, — согласилась мисс Марпл.

— Она ничего и слушать не желала. Я... я пыта-

лась отвадить его от дома. Просила забыть дорогу сюда. Глупо, конечно. Это я осознала впоследствии. Тогда они стали встречаться вне дома. Я не знала, где имению. Они назначали свидания в разных местах. Обычно он заезжал за ней в условленное место, а поздно вечером привозил домой. Я пыталась втолковать им, что этому пора положить конец, но они и слушать не желали. Даже Верити. А уж Майкл — тем более.

— Она собиралась выйти за него замуж? — спросила мисс Марпл.

— Едва ли. Сомневаюсь, что мысль о браке вообще посещала его.

— Как мне жаль вас! — воскликнула вдруг мисс Марпл. — Наверное, вы очень много пережили.

— Да. И страшнее всего было опознавать труп. Это произошло через некоторое время после ее исчезновения. Мы, конечно, решили, что она сбежала с ним, и надеялись когда-нибудь услышать о них. Я знала, что полиция серьезно взялась за дело. Они допрашивали Майкла в участке, но его показания не соответствовали тому, что говорили местные жители.

А потом нашли ее тело. Далеко отсюда. Примерно в тридцати милях. В старой траншее возле заброшенной дороги, по которой сейчас почти

никто не ездит. И вот мне пришлось отправиться в морг для опознания. Кошмарное зрелище! Жестокое, зверское убийство! За что он так изувечил ее? Разве мало было просто задушить ее же собственным шарфом! Все, не могу... не могу больше говорить об этом. Это невыносимо... просто невыносимо... — Слезы покатились по лицу Клотильды.

— Простите меня, — проговорила мисс Марпл. — Мне очень, очень жаль.

— Я верю вам. — Клотильда посмотрела на старушку: — А знаете, что хуже всего?

— В каком смысле?

— Я не уверена... насчет Антеи.

— О чем вы?

— Она вела себя так странно в то время... Безумно ревновала. Неожиданно ополчилась против Верити. Смотрела на нее с ненавистью. Иногда мне казалось... наверное, это просто фантазии... о нет, ужасно даже допустить такую мысль о своей сестре... В общем, однажды она набросилась на кого-то. Порой с ней случаются припадки ярости. Вот я и подумала: «А что, если...» О господи, о чем это я?! Такое нельзя говорить! Пожалуйста, забудьте все, о чем я вам сказала. Ничего такого в этом нет, совсем ничего! Но... но... э-э... она не

вполне нормальная, нужно честно признать это. В юности с ней случались странные истории... с животными. У нас был попугай. Говорящий попугай. Он повторял всякую чушь. Однажды в ярости она свернула ему шею. После этого я уже никогда не могла доверять ей... Боже милостивый, да я сама становлюсь истеричкой!

— Ну же, ну! — пыталась успокоить Клотильду мисс Марпл. — Не вспоминайте об этом.

— Не буду. Достаточно и того, что Верити умерла такой страшной смертью. Но так или иначе, до других девушек ему уже не удалось добраться. Его приговорили к пожизненному заключению. Он все еще в тюрьме и теперь не причинит зла никому. Странно, почему его не признали душевнобольным... «ограниченно ответственным» — так сейчас принято говорить. Его следовало бы отправить в броудмурскую психлечебницу. Я уверена: он не мог отвечать за все, что совершил.

Клотильда встала, направилась к двери и там столкнулась с миссис Глинн.

— Не обращайте внимания на Клотильду, — сказала та. — Она так и не пришла в себя после опознания, потому что слишком любила ее.

— Кажется, она очень беспокоится о вашей младшей сестре.

— Об Антее? С Антеей все в порядке. Она... э-э... несколько сумасбродна. Немного... истерична. Легко заводится по любому поводу и вообще без повода. Иногда у нее бывают странные фантазии, ей может такое привидеться! Впрочем, не думаю, что у Клотильды есть основания для беспокойства. Господи, кто это там?

В стеклянных дверях, выходящих в сад, внезапно появились две женщины.

— О, простите нас за вторжение, — сказала мисс Бэрроу. — Мы просто прогуливались поблизости, надеясь увидеть мисс Марпл. Услышали, что она переехала к вам, и я подумала... Ах вот вы где, дорогая мисс Марпл. Оказывается, в церкви, которую мы собирались осмотреть, сейчас ремонт, поэтому сегодня мы уже никуда не поедем. Но наши планы на завтра не изменились. Надеюсь, вы не сердитесь, что мы так неожиданно ворвались сюда? Я звонила у парадной двери, но, очевидно, звонок не работает.

— Да, такое иногда случается, — призналась миссис Глинн. — Он у нас с норовом. То звонит, то нет. Прошу вас, присаживайтесь, давайте немного поговорим. Я ведь не знаю, почему вы не отправились со всеми.

— Мы решили осмотреть все местные досто-

примечательности, раз уж оказались здесь, а потом присоединиться к экскурсии... Видите ли, после всего случившегося ехать на автобусе... несколько мучительно. Вот мы и подумали: не отдохнуть ли пару дней.

— Позвольте угостить вас шерри, — предложила миссис Глинн.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с Антеей, теперь уже совершенно спокойной. Они принесли графин и рюмки.

— Не знаю, как это объяснить, — начала миссис Глинн, — но мне не терпится узнать о ходе расследования. Я имею в виду бедную мисс Темпл. Что же обо всем этом думает полиция? Расследование продолжается, дознание отложено, значит, пока удовлетворительных результатов нет. Возможно, их смущает характер ранений.

— Не думаю, — возразила мисс Бэрроу. — То есть удар по голове, сотрясение мозга... все это, конечно, от валуна. Весь вопрос в том, мисс Марпл, сам этот валун покатился или его кто-то подтолкнул.

— Ох, что за чудовищная мысль! — всплеснула руками мисс Кук. — Неужели кому-то взбрело в голову сбросить камень с обрыва?! Впрочем, хулиганов всегда хватает повсюду — всякие там

иностранцы или студенты. Я-то, грешным образом, стала подозревать, уж не... э-э...

— Вы подозреваете кого-то из наших спутников? — спросила мисс Марпл.

— Нет, я... этого я не говорила, — смутилась мисс Кук.

— Конечно, — продолжала мисс Марпл, — об этом нам незачем думать. Но ведь должно быть какое-то объяснение. Похоже, полиция уверена, что это не был несчастный случай. Значит, налицо злой умысел. А поскольку мисс Темпл — не здешняя, вряд ли это совершил кто-то из местных. Так что все снова возвращается... к нам, экскурсантам, верно? — И она тихо, по-старушечьи, засмеялась.

— Вот-вот!

— Впрочем, мне не следовало это говорить. Но видите ли, настоящие преступления очень интересны. Порою случались такие вещи!

— А у вас, мисс Марпл, уже сложилось какое-то мнение об этом деле? Хотелось бы услышать его, — сказала Клотильда.

— Ну, строить догадки не так уж трудно.

— Мистер Каспар... — проговорила мисс Кук. — Мне сразу не понравился взгляд этого человека. Он смотрел на меня, словно я тайный агент.

Знаете, он держится так, будто приехал к нам в страну, чтобы выведать секреты атомной бомбы или что-то еще.

— Едва ли здесь можно найти атомные секреты, — заметила миссис Глинн.

— Конечно, — согласилась Антея. — Наверное, кто-то преследовал мисс Темпл, шел за ней по пятам, потому что она совершила преступление.

— Чепуха! — отрезала Клотильда. — В прошлом она была директрисой очень известной школы и замечательным педагогом. Зачем кому-то следить за ней?

— Не знаю. Вдруг это какой-то психопат.

— Убеждена, — прервала сестру миссис Глинн, — что у мисс Марпл есть кое-какие догадки.

— Кое-какие — да, — призналась мисс Марпл. — По-моему... это могли быть только... О боже, это так трудно сказать... Да... однако лишь двое людей приходят мне на ум, когда я рассуждаю логически. Надеюсь, я ошибаюсь, потому что это очень милые люди, но логически больше некого заподозрить.

— Кого же вы имеете в виду? Очень интересно.

— Едва ли следует называть имена. Пока это всего лишь безумные догадки.

— Но кто, по-вашему, мог столкнуть валун? Как вы полагаете, кого видели Джоанна и Эмлин Прайс?

— Скорее всего, никого не видели.

— Что значит «никого не видели»? — удивилась Антея. — Я не совсем понимаю.

— Возможно, они придумали все это.

— Как?

— В этом ведь нет ничего невероятного, не правда ли?

— То есть это была шутка или чей-то злой умысел? Что же именно?

— Ну... Видите ли, сейчас столько слышишь о молодых людях, творящих черт знает что, — ответила мисс Марпл. — Разбивают окна в посольствах, нападают на прохожих, швыряют камни в людей — обычно это проделки молодежи, не так ли? А в нашей группе только двое молодых людей.

— Значит, вы полагаете, что Эмлин Прайс и Джоанна столкнули валун?

— Других молодых ведь нет? — улыбнулась мисс Марпл.

— У вас богатая фантазия! — воскликнула Клотильда. — Мне бы такое и в голову не пришло. Впрочем, я понимаю, в ваших словах что-то есть.

Но я ведь не знаю этих молодых людей, не путешествовала с ними.

— Они кажутся очень милыми, — заметила мисс Марпл. — Джоанна, на мой взгляд, весьма способная девушка.

— Способная на что? — поинтересовалась Антея.

— Антея, замолчи! — оборвала сестру Клотильда.

— Да. Весьма способная, — продолжала мисс Марпл. — Конечно, если задумано убийство, необходимо проявить ловкость и смекалку, чтобы остаться вне подозрений.

— Значит, они сообщники, — предположила мисс Бэрроу.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Они сообщники, поэтому и рассказали эту наспех придуманную историю. Они... они более всех внушали подозрения — вот, пожалуй, и все, что можно сказать. Эти молодые люди исчезли из поля зрения других туристов, которые шли по нижней тропе. Джоанна и Эмлин вполне могли подняться на вершину холма и столкнуть валун. Возможно, у них не было намерения прикончить мисс Темпл. Не исключено, что таким образом они выражали анархический протест — хотели

что-то уничтожить, разбить. Именно это и случилось. Они столкнули валун, а потом сочинили, будто видели там кого-то. Идиотское описание костюма тоже, знаете ли, внушает недоверие... впрочем, мне не следовало высказывать свои догадки.

— По-моему, ваши догадки довольно любопытны, — заметила миссис Глинн. — А как ты считаешь, Клотильда?

— Готова допустить, что так оно и было, но сама я бы никогда не додумалась до этого.

— Нам пора возвращаться в «Золотой вепрь». — Мисс Кук поднялась. — Вы пойдете с нами, мисс Марпл?

— Нет, я не успела вам сказать, что любезные хозяйки «Старой усадьбы» пригласили меня погостить у них еще пару дней.

— Вот как. Что ж, не сомневаюсь, это пойдет вам на пользу. Тут ведь гораздо удобнее. Да и не так шумно вечерами, как в «Золотом вепре».

— Приходите к нам выпить кофе, — предложила Клотильда. — Сейчас такие теплые вечера. Простите, что не приглашаем на обед, но, боюсь, мы просто не успеем приготовиться, а вот кофе...

— Вы необычайно любезны, — сказала мисс Кук, — и мы с удовольствием воспользуемся ва-

шим гостеприимством.

Глава 21
ПРОБИЛО ТРИ ЧАСА

Мисс Кук и мисс Бэрроу прибыли без четверти девять. На первой было бежевое кружевное платье, на второй — оливково-зеленое. За обедом Антея расспрашивала мисс Марпл об этих двух дамах.

— Меня удивляет, что они пожелали остаться в нашем городке.

— А меня — ничуть, — возразила мисс Марпл. — По-моему, это вполне понятно, поскольку у них есть определенный план.

— О чем вы? — спросила миссис Глинн.

— Просто эти дамы из тех, кто заранее готовится к любым случайностям, и, что бы ни произошло, они будут действовать в соответствии с определенным планом.

— Вы хотите сказать, — поинтересовалась Антея, — что их план предусматривал и убийство?

— Я не желаю, чтобы несчастный случай с бедной мисс Темпл называли убийством, — резко заявила миссис Глинн.

— Но ведь это несомненно убийство, — настаи-

вала Антея. — Я все думаю, кто же хотел убить ее. Пожалуй, какая-то из учениц, которая до сих пор ненавидит мисс Темпл.

— Неужели вы полагаете, что можно столько лет питать ненависть? — Мисс Марпл взглянула на Антею.

— Ничуть не сомневаюсь. Можно испытывать ненависть всю жизнь.

— А по-моему, ненависть со временем угасает, если, разумеется, не разжигать ее, но, полагаю, вам это не удалось бы. Ведь ненависть не так сильна, как любовь, — проговорила мисс Марпл.

— А вы считаете, что мисс Кук или мисс Бэрроу способны на убийство?

— Зачем им это? — удивилась миссис Глинн. — Бог с тобой, Антея! Они славные женщины.

— А мне они кажутся загадочными, — заметила Антея. — Что скажешь, Клотильда?

— Пожалуй, ты права. Я чувствую в них что-то ненатуральное. Понимаете, о чем я?

— Да, и что-то зловещее, — продолжала Антея.

— У тебя слишком богатое воображение, — улыбнулась миссис Глинн. — Так или иначе, но шли они по нижней тропе. Вы ведь видели их там? — обратилась она к мисс Марпл.

— Не могу утверждать этого, поскольку не име-

ла такой возможности...

— То есть?

— Мисс Марпл была в это время здесь, в нашем саду, — пояснила Клотильда.

— Ах да! Я совсем забыла.

— Какой я провела тогда чудесный и спокойный день, — вздохнула мисс Марпл. — Он доставил мне истинное наслаждение. Завтра утром я хотела бы снова выйти в сад и взглянуть на... заросли белых цветов, распустившихся возле холма. Позавчера они едва проклюнулись, а сейчас там, наверное, все белым-бело! Эти цветы я запомню на всю жизнь.

— Я ненавижу их, — бросила Антея. — Мечтаю расчистить то место и восстановить теплицу. Если нам удастся сэкономить денег, мы сможем себе это позволить, Клотильда?

— Оставь в покое теплицу, — отрезала Клотильда. — Не хочу больше говорить о ней. Какой прок в твоей теплице, если виноградник начнет плодоносить лишь через несколько лет?

— Давайте оставим этот дурацкий спор, — попросила миссис Глинн. — Пойдемте лучше в гостиную. Вскоре придут наши гостьи на кофе.

Когда гостьи прибыли, Клотильда принесла поднос с кофе и подала всем чашки.

— Простите меня, мисс Марпл, — сказала мисс Кук, — но, право же, на вашем месте я не стала бы пить вечером кофе. Вам не удастся заснуть.

— Вы думаете? Но я всегда пью кофе по вечерам.

— Однако это ведь натуральный, очень крепкий кофе. Я бы не советовала вам пить его.

Посмотрев на мисс Кук, пожилая леди заметила, что вид у той весьма серьезный, крашеные светлые волосы прикрывали один ее глаз, тогда как другой был чуть прищурен.

— Возможно, вы правы, — ответила мисс Марпл. — Кажется, вы разбираетесь в таких делах.

— Да, я специально изучала этот вопрос, посещая курсы медсестер.

— Вот как. — Мисс Марпл отодвинула чашку. — Полагаю, здесь нет фотографии этой девушки? — спросила она. — Верити Хант, кажется? Каноник рассказывал мне о ней. Кажется, он очень любил ее.

— Вы правы. Каноник любит молодежь. Клотильда встала, прошла через комнату, подняла крышку стола, достала фотографию и подала ее мисс Марпл.

— Вот она, Верити.

— Красивая. Да, очень красивое и необычное лицо. Бедное дитя.

— Сейчас ужасные времена, — заметила вдруг Антея, — подобные вещи случаются постоянно. Девушки убегают с разными проходимцами. Никому нет до них дела.

— Теперь им приходится самим заботиться о себе, — проговорила Клотильда, — а они, бедняжки, не знают, как это сделать, да поможет им Господь! — Она протянула руку за фотографией Верити, задев при этом широким рукавом кофейную чашку мисс Марпл и опрокинув ее.

— О боже! — воскликнула старушка. — Простите меня. Должно быть, я нечаянно толкнула вас.

— Нет, нет, мисс Марпл, виной всему мой злополучный рукав! Не предложить ли вам горячего молока вместо кофе?

— Это было бы прекрасно, — обрадовалась мисс Марпл. — Стакан горячего молока после того, как я лягу, — что может быть лучше? Это укрепляет сон и успокаивает нервы.

Еще немного поболтав о том о сем, гостьи начали собираться в отель, что сопровождалось ужасной суетой. Сначала одна, а потом и другая не раз возвращались за забытыми вещами: то за шарфом, то за носовым платком, то за дамской

сумочкой.

— Много шума из ничего, — заметила Антея, когда они наконец ушли.

— Пожалуй, я согласна с Клотильдой, — промолвила миссис Глинн. — Эти дамы кажутся ненатуральными.

— По-моему, вы правы, — заметила мисс Марпл. — У них и в самом деле неестественный вид. Я много размышляла о них, о том, почему они отправились в эту поездку, получают ли от нее удовольствие и зачем пришли сюда.

— И вы нашли ответы на все эти вопросы? — спросила Клотильда.

— Думаю, да. — Мисс Марпл вздохнула. — Я нашла ответы на многие вопросы.

— А вам, надеюсь, нравится эта поездка? — поинтересовалась Клотильда.

— Я рада, что не отправилась дальше с экскурсией. Едва ли после всего случившегося мне было бы это приятно.

— Вполне понимаю вас.

Клотильда принесла из кухни стакан горячего молока и проводила мисс Марпл наверх, в ее комнату.

— Не помочь ли вам чем-нибудь?

— Нет, спасибо, у меня есть все, что нужно. В

моей сумочке лежит все необходимое, так что даже не придется распаковывать чемодан. Я очень благодарна вам и вашим сестрам за то, что вы еще на ночь приютили меня.

— Мы не могли поступить иначе, получив письмо от мистера Рэфьела. Он был весьма предусмотрительным человеком.

— Да, он... э-э... ничего не упускал из виду. Замечательный ум.

— Полагаю, он был выдающимся финансистом.

— Мистер Рэфьел отлично разбирался во многих вопросах, не только в финансовых, — заметила мисс Марпл. — Что ж, пора спать. Спокойной ночи, мисс Брэдбери-Скотт.

— Может, завтрак принести вам сюда?

— Нет, нет, что вы! Не утруждайте себя! Я спущусь. С удовольствием выпила бы чашку чаю, но мне хочется погулять в саду и посмотреть на холм, покрытый белыми цветами. Они так прекрасны...

— Спокойной ночи!

Старинные часы в холле «Старой усадьбы» пробили два раза. Часы в этом доме никогда не били одновременно, а некоторые вообще стояли. Не так-то легко поддерживать весь этот антиквариат. В три ночи на верхней площадке раздались

три удара, после чего слабый свет пробился сквозь щель в двери.

Мисс Марпл выпрямилась в постели и положила палец на кнопку выключателя электрической лампы у изголовья. Дверь бесшумно отворилась. Снаружи света не было, однако кто-то тихо проследовал из коридора в комнату. Мисс Марпл включила свет.

— О, это вы, мисс Брэдбери-Скотт. Что-то случилось?

— Нет, я решила узнать, не нужно ли вам что-нибудь. Клотильда была в длинном лиловом халате. «Какая красивая женщина! — подумала мисс Марпл. — Волосы так чудесно обрамляют ее лоб. У нее поистине трагический вид». Старушка снова вспомнила о греческих драмах. И о Клитемнестре.

— Вы уверены, что вам ничего не нужно?

— Благодарю вас, — ответила мисс Марпл и смущенно добавила: — Я не выпила даже ваше молоко.

— В самом деле? Но почему?

— Не думаю, что это пошло бы мне на пользу.

Клотильда замерла в ногах кровати, глядя на нее.

— На пользу моему здоровью, — пояснила мисс

Марпл.

— Что вы хотите этим сказать?

— Полагаю, вы понимаете, о чем я. Кажется, вы думали об этом весь вечер, а может, и дольше.

— Понятия не имею, о чем вы говорите!

— Неужели? — усмехнулась мисс Марпл.

— Молоко уже остыло. Я подогрею его.

— Не беспокойтесь, я все равно не стану его пить.

— Не понимаю, почему вы так странно себя ведете? Кто вы?

Мисс Марпл сорвала с головы пушистый розовый шарф, похожий на тот, что она носила в Вест-Индии.

— Одно из моих имен — Немезида.

— Немезида? А что оно значит?

— Полагаю, вы знаете, вы ведь очень образованная женщина. Порой Немезида приходит не сразу, но рано или поздно она все же появляется.

— Да о чем вы?

— О прекрасной и милой девушке, которую вы убили.

— Я?! Да что вы несете!

— Девушку звали Верити.

— Но зачем мне было ее убивать?

— Вы любили ее, — ответила мисс Марпл.

— Конечно любила. Я отдавала ей всю себя. И она любила меня.

— Кто-то совсем недавно сказал мне, что «любовь» — самое пугающее слово на свете, и это правда. Вы слишком любили Верити. Она была для вас всем. И вот ее захлестнуло новое чувство. Она влюбилась в молодого человека. Не слишком подходящего и, уж конечно, не сказочного принца. Он состоял на учете в полиции, но Верити любила его, и он отвечал ей тем же. Она хотела избавиться от бремени вашей любви и жить нормальной человеческой жизнью со своим избранником, иметь от него детей. Стремилась к браку и счастью.

Клотильда подошла к креслу и опустилась на него, не сводя глаз с мисс Марпл.

— Значит, вы все поняли.

— Да.

— В ваших словах есть доля истины. Не стану отрицать этого. Впрочем, какая разница, буду я это отрицать или нет.

— Вы правы.

— А догадываетесь ли вы... представляете ли себе, как я страдала?

— Конечно. Воображение никогда не подводило меня.

— Можете ли вы вообразить боль, мучительную боль от сознания того, что у вас забирают самое дорогое на свете? Она уходила от меня... и к кому? К жалкому извращенному преступнику! Он был не достоин моей прекрасной девочки. Я не могла допустить этого. Должна была положить этому конец... должна.

— И вместо того чтобы дать девушке свободу, вы убили ее. Из-за своей любви к ней.

— Неужели вы думаете, что я способна на такое? Думаете, я могла бы задушить девочку, которую любила? Изуродовать ее лицо? Только порочный и извращенный негодяй способен на это.

— Верно, — согласилась мисс Марпл, — такого вы не сделали бы, ибо любили ее.

— Наконец-то до вас дошло, что вы несли чушь!

— Вы сделали это не с ней, а с другой. Верити ведь все еще здесь, не так ли? Она здесь, в саду. Сомневаюсь, что вы задушили ее. Скорее дали ей выпить кофе или молоко, подсыпав туда смертельную дозу снотворного. Так что она умерла во сне, без мучений. А потом вы отнесли ее в сад, раскидали обвалившиеся кирпичи теплицы, положили в образовавшуюся нишу тело девушки и замуровали там. Затем посадили polygonum,

который покрыл все, как ковер, и с каждым годом разрастался все больше. Так что Верити остается с вами и никогда не покинет вас.

— Какая глупость! Старческий бред! Надеюсь, вы не полагаете, что я позволю вам выйти отсюда и рассказать кому-нибудь эту историю?

— Думаю, мне удастся выйти, — улыбнулась мисс Марпл, — хотя я не вполне уверена в этом. Вы ведь сильная женщина, намного сильнее меня.

— Хорошо, что хоть это вы понимаете.

— И вас не будут мучить угрызения совести, — продолжала мисс Марпл, — поскольку вы отлично знаете, что убийца не ограничивается одним злодеянием. Я поняла это давно, ибо видела преступления и анализировала их. Вы убили двух девушек, не так ли? Одну из них вы любили. Но была и другая.

— Я убила безмозглую потаскушку, Нору Броуд. Как вы пронюхали о ней?

— Я размышляла, — ответила мисс Марпл. — Познакомившись с вами поближе, я поняла, что вы не способны задушить и изуродовать дорогое вам существо. Однако примерно в то же время исчезла еще одна девушка, тело которой так и не нашли. И тут я подумала: «Что, если ее труп

был найден, но никто об этом не знает?» На трупе была одежда Верити. Девушку опознали вы, знавшая ее лучше всех. Да, вы сказали, что это она.

— Но с какой целью?

— Вы хотели, чтобы возлюбленного Верити, ради которого она оставила вас, обвинили в убийстве. Поэтому вы надежно спрятали второй труп, чтобы его не так-то легко было обнаружить. Когда это все-таки случилось, полиция не подумала о Норе Броуд, ибо вы сделали для этого все. На убитой была одежда Верити, рядом лежала ее сумочка, пара писем, маленький крестик на цепочке... К тому же вы до неузнаваемости изуродовали ее лицо.

А неделю назад вы совершили третье убийство, покончив с Элизабет Темпл. Она вдруг оказалась в этих краях, и вы испугались, заподозрив, что ей что-то известно. Ведь Верити могла написать мисс Темпл или сделать какие-то признания. Тут вам и пришло в голову, что, обсудив все и сопоставив факты, она и каноник Брейбазон доберутся до истины. Вам следовало предотвратить их встречу. Вы очень сильны физически, поэтому вполне могли столкнуть вниз большой валун, хотя это не слишком просто. Да, вы очень сильная женщина.

— Достаточно сильная, чтобы справиться с вами, — заметила мисс Клотильда.

— Не думаю, что вам это удастся.

— И я-то не справлюсь с вами, жалкой старушонкой?

— Да, я стара и слаба, но при этом служу правосудию и справедливости.

Клотильда рассмеялась:

— И кто же помешает прикончить вас?

— Мой ангел-хранитель.

— Вы что, верите в эту чушь? — удивилась Клотильда, со смехом направляясь к постели.

— Возможно, у меня даже два ангела-хранителя, — проговорила мисс Марпл. — Мистер Рэфьел не любил мелочиться.

Сунув руку под подушку, она вытащила оттуда свисток и поднесла его к губам. Раздался такой пронзительный свист, что его услышал бы и полицейский на противоположном конце улицы. И тут дверь отворилась. Обернувшись, Клотильда увидела мисс Бэрроу. В тот же миг распахнулась дверца большого гардероба, и из него вышла мисс Кук. У обеих дам был суровый вид профессиональных сотрудниц полиции. Это поражало. Ведь совсем недавно они производили впечатление придурковатых «старых *дев* из хо-

роших семейств».

— Два ангела-хранителя, — радостно бормотала мисс Марпл. — Мистер Рэфьел очень гордился бы мной.

Глава 22
МИСС МАРПЛ ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТ

— Когда же вы догадались, что эти две женщины — детективы, получившие распоряжение охранять вас? — спросил профессор Уэнстед и задумчиво посмотрел на пожилую леди, расположившуюся в кресле напротив него. В кабинете министерства внутренних дел в Лондоне, кроме них, сидели еще четверо: представитель прокуратуры, заместитель начальника Скотленд-Ярда сэр Джеймс Ллойд, начальник мэнстонской тюрьмы сэр Эндрю Макнейл и сам министр внутренних дел.

— Откровенно говоря, только в последний вечер, — ответила мисс Марпл. — Мисс Кук приезжала в Сент-Мэри-Мид, и я довольно быстро смекнула, что она не та, за кого себя выдает, то есть не любительница садоводства, приехавшая помогать приятельнице по саду и огороду. Мне стало ясно, что она приезжала в нашу деревню с единственной целью — увидеть и запомнить меня. Когда я узнала ее в автобусе, мне пришлось решать головоломку: кто такие она и ее подруга

— мои защитницы или враги.

Но окончательно я поняла все лишь в последний вечер, когда мисс Кук совершенно недвусмысленно предостерегла меня, посоветовав не пить кофе, принесенный Клотильдой Брэдбери-Скотт. Позже, когда мы прощались, и я пожелала дамам спокойной ночи, одна из них взяла мою руку и, дружески пожав, вложила в нее предмет, оказавшийся маленьким полицейским свистком. Я взяла его с собой в постель, поставила на столик стакан молока, предложенный мне милой хозяйкой, и пожелала ей спокойной ночи, стараясь держаться дружелюбно и простодушно.

— Вы ведь не пили это молоко? — спросил профессор.

— Конечно, нет. За кого вы меня принимаете?

— Прошу прощения, однако меня удивило, что вы не заперли дверь.

— Вот уж чего не следовало делать! — возразила мисс Марпл. — Я же хотела, чтобы Клотильда Брэдбери-Скотт пришла ко мне. Я должна была понаблюдать за ней и рассуждала примерно так: «Скорее всего, она придет в самое темное время суток, уверенная, что, выпив молоко, я заснула вечным сном».

— Это вы попросили мисс Кук спрятаться в

гардеробе?

— Нет. Для меня было полной неожиданностью, когда она внезапно выскочила. Полагаю... — Мисс Марпл задумалась. — Полагаю, мисс Кук проскользнула туда, когда я ходила в... э-э... ванную.

— Вы догадывались, что эти дамы находятся в доме?

— Я подозревала, что они где-то поблизости, раз уж дали мне этот свисток. Проникнуть в дом не составляет труда. Ставней на окнах нет, равно как и сигнализации. Кроме того, эти дамы разыграли настоящий спектакль, неоднократно возвращаясь то за сумочкой, то за шарфом, якобы случайно забытыми. Наверняка одна из них успела за это время открыть задвижку на окне. Поэтому я не сомневалась: когда все улягутся, они легко проникнут в дом.

— Вы очень рисковали, мисс Марпл.

— Я надеялась, что все обойдется. Порой приходится рисковать, если это необходимо.

— Кстати, ваша блестящая догадка насчет посылки, отправленной в благотворительное общество, подтвердилась. В посылке оказался модный и яркий мужской свитер в черно-красную клеточку с высоким воротником. Такой сразу бросается в глаза. Что навело вас на эту мысль?

— Все очень просто. Услышав от Эмлина и Джоанны описание свитера, я поняла, что яркий цвет выбран не случайно. Убийца рассчитывал на то, что если его заметят, то прежде всего запомнят расцветку свитера, а от такой вещи легко избавиться. Самый лучший и быстрый способ для этого — воспользоваться услугами почты. Сейчас многие посылают вещи в различные благотворительные организации. Там были бы рады получить новый шерстяной свитер. Мне только и оставалось, что узнать адрес, по которому отправили посылку.

— Вы пошли на почту и спросили об этом? — удивился министр внутренних дел.

— Не в лоб, разумеется. Пришлось разыграть маленький спектакль, объяснить, что я написала неправильный адрес на посылке с одеждой для одного благотворительного общества. Потом я поинтересовалась, куда отправили посылку, доставленную на почту моей доброй хозяйкой. Очень любезная служащая почты вспомнила, по какому адресу ушла посылка (я же назвала ей неправильный адрес и постоянно ссылалась на свою рассеянность). Эта женщина ничего не заподозрила. Что удивительного, если какая-то бестолковая старуха беспокоится о своих старых

вещах?

— Значит, вы еще и актриса, мисс Марпл, не только мстительница. — Профессор Уэнстед усмехнулся. — Когда вы начали догадываться о том, что случилось десять лет назад?

— Вся эта история показалась мне очень запутанной, а задача — почти неразрешимой. Я мысленно проклинала мистера Рэфьела, который ничего мне не объяснил. Но теперь я понимаю: он имел для этого серьезные основания. Да, это был выдающийся ум. Неудивительно, что он стал крупным финансистом и нажил колоссальное состояние. Мистер Рэфьел тщательно продумывал свои планы. Новая информация поступала ко мне, так сказать, маленькими порциями, причем в строго ограниченном количестве — не больше и не меньше. В общем, мои действия направляли. Моим ангелам-хранителям было поручено взглянуть на меня, а я сама получила путевку в эту туристическую поездку.

— Скажите, вы начали подозревать кого-нибудь из спутников?

— Были только предположения.

— Возникло ощущение зла?

— О, вы вспомнили это! Нет, я не ощущала ничего темного, зловещего. Хотя меня не преду-

предили о возможных встречах здесь, *она* сама дала *мне* знать об этом.

— Элизабет Темпл?

— Да. И это походило на луч света, пронзивший ночную тьму. До этого я пыталась что-то нащупать в темноте, логически понимая: где-то здесь должны быть жертва и убийца. Именно убийца, поскольку единственным связующим звеном между мной и мистером Рэфьелом было убийство в Вест-Индии. Мы оба были вовлечены в него, и все, что он знал обо мне, соотносилось с этим делом. Поэтому если тут и совершилось какое-то преступление, то наверняка только убийство. И совершил его отнюдь не случайный человек. Оно было преднамеренным. Со злым умыслом. Я слышала о двух жертвах. Значит, существовал реальный убийца и тот, кого подозревали несправедливо, — жертва судебной ошибки. Однако ничего определенного я не знала, пока не поговорила с мисс Темпл. Вот тогда я и обнаружила первое звено, связывающее меня с мистером Рэфьелом. Мисс Темпл упомянула о девушке, своей воспитаннице, обрученной с сыном мистера Рэфьела. Это и было первым лучом света. Потом она сказала мне, что девушка так и не вышла за него замуж. Я спросила почему, и мисс Темпл

ответила, что та умерла. Когда я поинтересовалась, что стало причиной ее смерти, мисс Темпл твердо и убедительно произнесла: «Любовь!» Я до сих пор слышу ее голос, он прозвучал как удар колокола. А после этого добавила, что нет более пугающего слова, чем «любовь». Тогда я не поняла, что она имеет в виду. Признаться, сначала меня посетила мысль, что девушка покончила с собой из-за несчастной любви. Ведь такое случается довольно часто, и для девушек это — настоящая трагедия. Кроме того, я узнала, что в эту поездку мисс Темпл отправилась не только ради удовольствия. По ее словам, она совершала паломничество и направлялась к определенному человеку. Лишь впоследствии мне стало известно, кто он.

— Каноник Брейбазон?

— Да. Тогда я не знала о его существовании. Но затем стала догадываться, что главные действующие лица драмы не участвуют в нашей экскурсии. Пожалуй, на очень короткое время у меня возникли сомнения относительно Джоанны Кроуфорд и Эмлина Прайса.

— — Почему именно они заинтересовали вас?

— Из-за их молодости, — ответила мисс Марпл. — Видите ли, молодость весьма часто

ассоциируется с самоубийством, насилием, с необузданной ревностью и трагической любовью. Парень убивает свою девушку... такое бывает. Да, мои мысли обратились к ним, но я поняла, что никакой связи с моим заданием тут нет. Нет ни тени зла, отчаяния, жалости. Я пустила в ход эту идею, когда мы пили шерри в «Старой усадьбе» в последний вечер, сказав, что молодых людей легко заподозрить в убийстве Элизабет Темпл. Увидевшись с ними, я непременно извинюсь. Ведь мне пришлось использовать эту версию, чтобы отвлечь внимание от своих истинных догадок.

— Затем последовала смерть Элизабет Темпл?

— Нет, — возразила мисс Марпл. — Затем меня пригласили в «Старую усадьбу», где приняли радушно и гостеприимно. И это все устроил мистер Рэфьел. Я поняла, что должна отправиться туда, но почему, еще не знала, хотя догадывалась, что только там смогу получить информацию по интересующему меня вопросу. Прошу прощения, уж слишком я разболталась. К чему излагать вам все мои догадки и ощущения?..

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил профессор Уэнстед. — Все, что вы рассказываете, необычайно интересно. В значительной степени

это связано с тем, чем я занимаюсь и с чем сталкивался в своей профессиональной деятельности. Прошу вас, продолжайте.

— Да, да, продолжайте, — присоединился к профессору сэр Эндрю Макнейл.

— Именно ощущения меня и заинтересовали, — пояснила мисс Марпл, — а не логические умозаключения. В основе ощущений — эмоциональная реакция или чувствительность к... ну, тут я могу подобрать лишь одно слово — «атмосфера».

— Да, атмосфера, — повторил профессор. — Атмосфера в домах, атмосфера в учреждениях, садах, лесах, коттеджах.

— Три сестры. Вот что я вспомнила и о чем подумала, поселившись в «Старой усадьбе». Меня очень сердечно приняла Лавиния Глинн. Что-то все же есть в этой фразе — «Три сестры»... Это наполняет вас ощущением чего-то зловещего. Сразу возникают ассоциации с тремя чеховскими сестрами и тремя макбетовскими ведьмами. Мне показалось, что в этом доме царит атмосфера печали и тоски, беды, несчастья и страха.

— Ваши последние слова особенно любопытны, — заметил профессор.

— И все, по-моему, благодаря миссис Глинн.

Именно она пришла, когда мы прибыли сюда, и передала мне приглашение. Вполне нормальная, очень милая женщина, вдова. У нее не слишком счастливый вид, но это не имело ничего общего с печалью и тоской. Просто с таким, как у нее, характером нельзя жить в столь мрачном доме. Потом я познакомилась с ее сестрами, а на следующее утро услышала от пожилой служанки, которая принесла мне чай, трагическую историю о девушке, убитой ее приятелем, о других девушках, живших по соседству и тоже ставших жертвами насилия или сексуальных домогательств. Мне следовало заново оценить ситуацию. Я решила, что участники экскурсии не имеют никакого отношения к выполняемой мною миссии. Но где-то же должен был находиться убийца. Я спрашивала себя, не живет ли он в этом городке или в этом доме. Клотильда, Лавиния, Антея — три странные сестры, три счастливые... несчастные... страдающие... испуганные... кто они такие? Мое внимание поначалу привлекла Клотильда. Высокая, красивая женщина. Личность. Элизабет Темпл тоже была личностью. Что ж, число подозреваемых резко сократилось. Я старалась разузнать побольше об этих трех сестрах. Три богини Судьбы. Которая из них убийца? К како-

му типу убийц отнести ее? А само убийство? И тут я ощутила, как медленно-медленно, словно испарения болот, поднимается и обволакивает меня атмосфера зла — никакого другого слова подобрать не могу. Не обязательно, чтобы кто-то из сестер воплощал это зло, просто они жили в атмосфере, где совершилось злодеяние. После него в доме остался призрак, тень, и от него до сих пор исходит угроза. Я заинтересовалась Клотильдой, старшей из сестер, красивой, сильной, очень эмоциональной. Она, признаюсь, напомнила мне Клитемнестру. Я видела этот спектакль, поставленный в драматическом кружке в одной известной мужской школе неподалеку от моего дома. На меня произвели огромное впечатление актеры, игравшие Агамемнона и Клитемнестру. Великолепная постановка! Мне показалось, что Клотильда способна, как в этой трагедии, убить своего мужа в ванной.

Мисс Марпл произнесла это так торжественно, что профессор Уэнстед едва сдержал улыбку; это не укрылось от пожилой леди.

— Довольно глупо говорить подобные вещи, верно? Но именно такой я ее и представляла. Очень несчастной, одинокой. У нее никогда не было мужа, поэтому и не пришлось убивать его.

Потом я подумала о Лавинии Глинн, которая привела меня в этот дом. Она казалась мне милой, симпатичной, благоразумной и приятной особой. Но увы, многие люди, которых все считают очаровательными, оказывались убийцами, весьма удивляя окружающих. Таких я называю респектабельными убийцами. Они совершают преступления из чисто утилитарных побуждений, не проявляя никаких эмоций. Просто хотят достичь поставленной цели. Я сомневалась в том, что убийца — миссис Глинн, но исключить ее из списка подозреваемых не могла. Когда-то она была замужем, а сейчас — вдова. Что ж, возможно и такое. Затем я стала думать о третьей сестре, Антее. Беспокойное, сумасбродное, как мне показалось, существо с плохой координацией. Всеми ее действиями, похоже, управлял страх. Она явно чего-то боялась. И Антея могла быть убийцей. И если когда-то она совершила преступление, давно, по ее мнению, всеми забытое, то все же могла испугаться, что правда обнаружится. Кто знает, не насторожила ли ее Элизабет Темпл? Антея смотрела на всех каким-то странным, блуждающим взглядом, который внезапно устремлялся в сторону, словно там появлялся кто-то невидимый другим. Да, она явно

чего-то боялась. Поэтому из числа подозреваемых я не вычеркнула и ее. Неуравновешенная Антея, сочтя, что ее преследуют, могла совершить убийство. Но это только предположения. Атмосфера дома все более тяготила меня. Утром я вышла погулять в сад вместе с Антеей. В конце заросшей травой дорожки высился холмик — именно там находились развалины теплицы. В конце войны не было средств ни на садовников, ни на ремонт. Теплицей не пользовались, она постепенно пришла в негодность и рухнула. Остались лишь кучи битого кирпича и щебня. Это место заросло вьющимся растением, называемым polygonum — дикий огурец. Его используют в декоративных целях — чтобы закрыть, скажем, уродливую стену или здание. Это один из самых быстрорастущих видов растений. Отчасти polygonum даже пугает тем, что подавляет все вокруг. А вот его белые цветы выглядят очень мило. Тогда он только зацветал. Я стояла там с Антеей, и она не скрывала, что потеря теплицы приводит ее в отчаяние. По ее словам, там рос чудесный виноградник. По-моему, именно эта теплица вызывала у нее самые приятные воспоминания. Антее страстно хотелось восстановить теплицу, перекопав этот холмик и разровняв землю. Ее, очевидно, терзала

ужасная ностальгия по прошлому. Более того, я снова совершенно отчетливо почувствовала атмосферу страха. Что-то в этом холмике пугало ее. Тогда я не поняла, что именно. Вы знаете, что потом произошло. Погибла Элизабет Темпл, а из рассказа Эмлина Прайса и Джоанны Кроуфорд можно было сделать лишь один вывод: произошло предумышленное убийство.

Кажется, именно тогда я и поняла, что совершилось три убийства. Услышав историю сына мистера Рэфьела, мальчика с преступными наклонностями, успевшего отсидеть в тюрьме, я сначала решила, что виновник всего происшедшего — он. Но Майкл не походил на убийцу, хотя все свидетельствовало против него. Никто не сомневался, что он убил Верити Хант. Но я убедилась в его невиновности, поговорив с каноником Брейбазоном, который знал этих молодых людей. Они просили его обвенчать их, и он согласился сделать это. Каноник не считал этот брак разумным, но оправдывал себя тем, что они любили друг друга. Девушка любила Майкла по-настоящему, любовью истинной, как и ее имя. Канонику казалось, что юноша, несмотря на репутацию сердцееда, тоже по-настоящему любил девушку и намеревался хранить ей верность, борясь со

своими дурными наклонностями. Каноник не оптимист. Думаю, он не верил, что это будет счастливый брак, но все же считал необходимым обвенчать *молодых* людей. Ибо любящий человек, по его словам, готов заплатить за счастье любую цену, даже испытать разочарование и горе. Одно казалось мне очевидным: любя девушку, нельзя изуродовать ее *лицо.* Исключала я и обычное изнасилование. Их любовь основывалась на нежности. И я поверила бы канонику, если бы не поняла, что наконец-то нашла ключ к разгадке. Его дала мне Элизабет Темпл, сказав, что причина смерти Верити — любовь, а «любовь» — одно из самых пугающих слов на свете.

И вот тогда мне стала почти ясна вся картина. Я подозревала это довольно давно, но не хватало каких-то мелких деталей, чтобы все встало на место. Слова Элизабет Темпл прояснили все. Я нашла недостающую деталь картины. Клотильда была охвачена всепоглощающей любовью к этой девушке. Та боготворила ее и полностью зависела от нее. Когда же Верити повзрослела, в ней возобладали нормальные человеческие инстинкты. Она хотела любви, независимости, брака, детей. И тут появился юноша, которого она полюбила. Верити знала, что он ненадежен

и таких, как он, называют бездельниками и «плохими парнями», но ведь именно к таким и льнут девушки. Юным девушкам нравятся «плохие парни». Они влюбляются в них, совершенно уверенные, что им удастся изменить их. А милым, добрым, надежным поклонникам в дни моей молодости девушки отвечали, что будут любить их «как сестры», что, естественно, совсем не удовлетворяло тех. Верити влюбилась в Майкла Рэфьела, и Майкл Рэфьел готов был открыть новую страницу своей жизни, женившись на этой девушке. Он не сомневался, что никогда уже не пожелает взглянуть на другую. Не стану утверждать, что их ждала бы безоблачно-счастливая жизнь, но, как сказал каноник, они по-настоящему любили друг друга. Поэтому и мечтали обвенчаться. Полагаю, Верити написала Элизабет и сообщила ей, что собирается выйти замуж за Майкла Рэфьела. Однако от других они держали это в тайне. Верити отлично понимала, что сестры расценят это как бегство. И точно: она бежала от жизни, которой больше не желала, от обожаемого существа, к которому питала совсем иную, чем к Майклу, любовь. Ей никогда не позволили бы сделать это. Не отпустили бы подобру-поздорову. Поэтому, подобно многим

молодым людям, они решили бежать. Оба уже достигли совершеннолетия, и им незачем было лететь в Гретна-Грин, чтобы сочетаться браком; Верити обратилась к канонику Брейбазону, своему старому другу, и попросила обвенчать их. Были назначены день и время венчания. Возможно, девушка тайком купила подвенечное платье. Несомненно, они условились где-то встретиться. Но на место встречи пришел один Майкл. Он ждал ее. Ждал, а потом пытался узнать, почему она не пришла. Полагаю, вскоре Майкл получил письмо от девушки. Почерк, разумеется, был подделан. В нем сообщалось, что между ними все кончено и она на некоторое время уезжает, дабы забыть его и залечить душевные раны. Думаю, он не догадывался, почему она не пришла и не подавала затем никаких вестей. Конечно же Майкл и вообразить не мог, что она стала жертвой умышленного, безумного, зверского убийства. Клотильда не хотела терять любимое существо. Не желала, чтобы Верити ушла к тому, кого она сама ненавидела и презирала. И Клотильда готова была удержать девушку любым способом. Но вот в одно я никак не могла поверить: в то, что она задушила Верити, а потом изуродовала ее. Сомневаюсь, что Клотильда способна на это.

Думаю, из кирпичей разрушенной теплицы она сложила нишу, что-то вроде склепа, и похоронила там Верити, забросав потом все землей и торфом. Девушке же перед этим, вероятно, дала смертельную дозу снотворного...

— Неужели никто из сестер не подозревал об этом?

— Миссис Глинн жила тогда с мужем за границей. Но вот Антея... Возможно, Антея что-то знала. Едва ли она сразу заподозрила Клотильду в убийстве, однако ей было известно, что сестра занялась холмиком в конце сада и посадила там дикий огурец, якобы желая придать развалинам красивый вид. По-моему, Антея постепенно все поняла. Потом Клотильда, которая замыслила и осуществила зло, не страдая от угрызений совести, перешла к выполнению следующей части своего плана. Похоже, она получала удовольствие, разрабатывая его. Эта женщина, несомненно, имела большое влияние на глупую и легкомысленную деревенскую девчонку, которая время от времени выпрашивала у нее разное старье. Видимо, она без особого труда уговорила девушку отправиться с ней на пикник или на прогулку по лесу милях в тридцати-сорока от городка. Место она выбрала заранее, там задушила

девушку, изуродовала ей лицо, закидала труп землей, листьями и ветками. Никто никогда не заподозрил бы ее в таком ужасном преступлении. Неподалеку Клотильда бросила сумочку Верити и цепочку, которую та когда-то носила на шее, надела на Нору одежду своей воспитанницы. Надеясь, что труп девушки обнаружат не скоро, Клотильда распустила слух, будто где-то за границей видели, как Нора с Майклом разъезжает в его машине. Возможно, даже намекала на то, что Верити порвала с ним из-за этой самой Норы. Она могла выдумать все что угодно. Бедная, обреченная душа.

— Почему вы так назвали ее, мисс Марпл?

— Потому что едва ли возможны страдания больше тех, что пришлось испытать Клотильде за эти десять лет: обреченная на безысходное горе, она должна была жить рядом с Верити, которая лежит тут, в саду, возле «Старой усадьбы», наверное, кажется Клотильде, уже целую вечность. Сначала она не понимала, что это значит. Ее мучила тоска по живой девушке. Она не страдала от угрызений совести, но сомневаюсь, что это было для нее утешением. Клотильда просто страдала... и продолжает страдать год за годом. Теперь я понимаю, что имела в виду Элизабет Темпл, хотя,

возможно, она сама не подозревала, какой глубокий смысл заключали в себе ее слова. Любовь — действительно ужасная вещь, порой она чревата злом и жестокостью. Клотильде пришлось жить с этим день за днем, год за годом. Думаю, теперь вы понимаете, почему боялась Антея. Зная, что совершила Клотильда, она страшилась, как бы та не догадалась, что ей известно об этом. Антея понимала, что ее сестра способна на все. Именно Антея отнесла на почту ту посылку с черно-красным свитером, когда ее попросила об этом Клотильда. Мне Клотильда прямо говорила, что Антея психически нездорова, страдает манией преследования, а охваченная ревностью, не владеет собой. Полагаю, в недалеком будущем что-то случилось бы с Антеей... например, «самоубийство» на почве угрызений совести...

— И все же вам жаль эту женщину? — спросил сэр Эндрю. — Зло в человеке подобно злокачественной опухоли — оно тоже приносит страдания.

— Конечно, — согласилась мисс Марпл.

— Надеюсь, вы расскажете, что случилось той ночью, после того как ангелы-хранители увели вас из вашей комнаты? — попросил профессор Уэнстед.

— Вы имеете в виду Клотильду? Она, помнится, взяла мой стакан молока и еще держала его в руках, когда мисс Кук выводила меня из комнаты. Полагаю, она... выпила его?

— Да. Вы предвидели это?

— Ни в коей мере, хотя следовало бы догадаться...

— Никто не успел остановить ее. Она слишком быстро все сделала. К тому же никто не знал, что в молоке был яд.

— Значит, она выпила его?

— Вас это удивляет?

— Нет, в ее положении это был вполне естественный и даже разумный поступок, так что удивляться тут нечему. Пришло время и для нее мечтать о бегстве — от всего того, с чем приходилось жить и страдать. Точно так же и Верити хотела сбежать из неволи «Старой усадьбы». Странно, не правда ли, что кара за преступление точно соответствует его тяжести?

— Вы, кажется, жалеете ее сильнее, чем девушку, которую она убила?

— Нет, — возразила мисс Марпл. — Это совсем иное чувство. Мне очень жаль Верити — ведь, вырвавшись из дома, она была так близка к свободе, но ей не удалось изведать жизни, ис-

полненной любви и преданности избраннику. Ее лишили этого навсегда. Я жалею девушку, которой так и не досталось радостей. С Клотильдой совсем иначе. Горе, отчаяние, страх, злоба в конце концов отравили ей существование. Клотильде пришлось жить со всем этим. Со своей бедой, утраченной любовью, с сестрами, которые подозревали и боялись ее, с убитой девушкой, которую она оставила рядом с собой.

— Вы имеете в виду Верити?

— Да. Она похоронила ее в саду, замуровав в заранее подготовленную нишу. Верити навсегда осталась там, в «Старой усадьбе», и думаю, Клотильда почти физически ощущала ее присутствие, когда приходила в сад сорвать цветущую веточку хмеля. Что может быть хуже этих мук, скажите? Ничего...

Глава 23
ОКОНЧАНИЕ

— От этой старой леди меня мороз по коже подирает, — сказал сэр Эндрю Макнейл, когда мисс Марпл попрощалась и ушла.

— Такая спокойная... и такая безжалостная, — заметил помощник комиссара.

Профессор Уэнстед проводил мисс Марпл к ожидавшей ее внизу машине, после чего вернулся, чтобы перекинуться парой слов со слушателями старушки.

— Что вы о ней думаете, Эдмунд? — спросил он.

— Самая страшная женщина, какую я встречал в своей жизни, — ответил министр внутренних дел.

— То есть, по-вашему, безжалостная?

— Нет, нет, не совсем так, но... от нее исходит жуткая, пугающая сила.

— Немезида, — задумчиво протянул профессор Уэнстед.

— Две женщины из секретной службы, — начал представитель прокуратуры, — которых при-

ставили охранять ее, совершенно потрясающе описали действия старушки в ту ночь. В дом они проникли без труда, спрятались в маленьком чуланчике и подождали, пока все не разошлись по своим комнатам. Затем одна из них пробралась в спальню мисс Марпл и затаилась в гардеробе, другая же осталась стеречь входную дверь. И та, которая выскочила по сигналу из гардероба, сообщила, что глазам ее предстала совершенно невероятная картина: наша леди, сидя на кровати, с накинутым на плечи розовым пушистым шарфом, безмятежно беседует с убийцей, как старая учительница.

— Розовый пушистый шарф... — проговорил профессор Уэнстед. — Да, да, припоминаю...

— Что вы припоминаете?

— Старый Рэфьел. Рассказывая о мисс Марпл, он вдруг рассмеялся и сказал, что до конца жизни не забудет одного эпизода. Однажды ночью в Вест-Индии к нему в спальню ворвалась презабавнейшая старушка в розовом пушистом шарфе и самым решительным образом потребовала, чтобы он помог ей предотвратить убийство. «Черт побери, что здесь происходит?! — удивился Рэфьел. — Да кем вы себя вообразили?» И услышал в ответ, что она — Немезида. Немезида! По

словам мистера Рэфьела, он меньше всего ожидал увидеть на богине розовый шарф. И эта деталь мне понравилась, — признался профессор. — Очень понравилась.

* * *

— Майкл, — сказал профессор Уэнстед, — хочу представить вам мисс Марпл, так славно потрудившуюся ради ваших интересов.

Молодой человек лет тридцати двух окинул старушку скептическим взглядом. Типичный божий одуванчик.

— О... э-э... Да, я наслышан о вас. Глубоко признателен. — Он посмотрел на Уэнстеда: — Это правда, что меня собираются скоро выпустить на свободу?

— Очень скоро будет получен приказ о вашем освобождении.

— Да-а... — протянул Майкл с некоторым сомнением.

— К этой мысли вам пора уже привыкать, — тихо заметила мисс Марпл, задумчиво оглядывая его и пытаясь представить себе, каким он был десять лет назад.

«Молодой человек до сих пор привлекателен, хотя пережитое оставило на нем свой след. Ис-

чезла живость и обаяние. Впрочем, со временем это, возможно, еще вернется к нему. Безвольный подбородок и красивые глаза, которые смотрят на собеседника так открыто, что тот поневоле готов поверить всему.

Очень похож... на кого же?.. — Мисс Марпл напрягла память. — Ну конечно же на Джонатана Биркина! Тот пел в хоре таким приятным баритоном, да и девочки буквально вешались ему на шею. Жаль, что он влип в ту некрасивую историю с подделкой чеков...»

— Да-а... — Майкл еще более смутился. — С вашей стороны весьма любезно... и, разумеется, столько хлопот... — Он запнулся.

— Признаюсь, я испытывала удовольствие, расследуя это дело, — пришла ему на помощь мисс Марпл. — И рада была познакомиться с вами. До свидания. Надеюсь, теперь все ваши невзгоды позади и судьба будет к вам благосклонна. Хоть сейчас и нелегкие времена для нашей страны, но, полагаю, вам удастся найти работу по душе.

— О да. Спасибо. Я... я и в самом деле глубоко благодарен вам. — Голос его по-прежнему звучал неуверенно.

— Вообще-то вы должны благодарить не меня, а своего отца, — заметила мисс Марпл.

— Отца? Да он никогда не уделял мне особого внимания!

— Перед самой своей кончиной мистер Рэфьел сделал все; чтобы добиться для вас справедливости.

— Справедливости?

— Да, ваш отец считал, что справедливость — превыше всего. По-моему, и сам он был очень справедливым человеком. В письме, предлагая мне взяться за расследование, мистер Рэфьел написал:

> *«Людские суждения как ручейки,*
>
> *А правда среди них как многоводный поток...»*

— Шекспир?

— Нет, Библия... — Мисс Марпл развернула небольшой пакет. — Они отдали мне это, полагая, что, возможно, я захочу оставить себе на память... поскольку я помогла выяснить истинный ход событий. Однако, на мой взгляд, у вас больше прав... если, конечно, вы этого пожелаете... А может, и не пожелаете.

Мисс Марпл протянула Майклу фотографию Верити Хант — ту самую, что показала ей Клотильда Брэдбери-Скотт.

Молодой человек долго ее разглядывал. Черты его лица смягчились, складки на лбу разгладились, но потом обозначились резче. Мисс Марпл молча смотрела на Майкла. Воцарилась гнетущая тишина. Профессор Уэнстед безмолвно взирал на старую леди и молодого человека.

Он понял, что наблюдает своего рода кризис, возможно, момент, предопределяющий для Майкла Рэфьела всю последующую жизнь.

Наконец молодой человек со вздохом вернул фотографию мисс Марпл:

— Нет, я не хочу этого. Прошлого не вернешь. И ее тоже. Теперь мне нужно строить жизнь заново, не оглядываясь назад. Вы... — Он умолк и посмотрел старушке в глаза. — Вы понимаете меня?

— Да, понимаю и думаю — вы правы. Желаю удачи в новой жизни.

Попрощавшись, Майкл вышел.

— Не слишком эмоциональный молодой человек, — заметил Уэнстед. — Мог бы поблагодарить вас куда сердечнее. Вы столько сделали для него.

— Все в порядке, — возразила мисс Марпл. — Я и не ожидала ничего другого. Иначе он пришел бы еще в большее замешательство. Ведь весьма не просто начать жизнь заново, взглянуть на нее иначе... да еще чувствуя себя обязанным совер-

шенно постороннему человеку. Надеюсь, Майкл справится. К счастью, он не ожесточился. Теперь мне понятно, почему та девушка полюбила его...

— Надеюсь, Майкл изберет правильный путь...

— В этом я как раз не уверена. Не знаю, справится ли он сам... Дай ему бог встретить хорошую девушку.

— Знаете, что меня больше всего подкупает в вас? Ваш потрясающе практичный ум.

* * *

— Она вот-вот должна появиться, — сказал мистер Бродриб мистеру Шустеру.

— Да. Совершенно невероятная история, верно?

— Сначала я не поверил этому. Когда старик Рэфьел перед смертью вызвал меня к себе и начал отдавать распоряжения, мне показалось... э-э... ну, что он впал в маразм. Хотя ничто вроде бы на это не указывало...

Зазвонил телефон. Мистер Шустер поднял трубку.

— Она уже здесь, да? Пригласите ее сюда. Пришла, — обратился он к компаньону. — Я сгораю от любопытства. Ничего более странного я в жизни не слыхивал. Отправить старушку разъезжать по

провинции и поручить ей искать что-то, о чем она и понятия не имеет! Кстати, полиция считает, что та женщина совершила не одно, а три убийства! Три! Останки Верити Хант обнаружили под холмиком в саду, как и говорила мисс Марпл. Без следов удушения и побоев на лице.

— Удивительно, как она не прикончила старушку. Едва ли мисс Марпл оказала бы ей достойный отпор.

— Кажется, к старушке приставили двух детективов-охранников.

— Что, сразу двух?

— Да, но я не знал об этом.

Пожилая леди вошла в комнату.

— Примите мои искренние поздравления, мисс Марпл! — воскликнул мистер Бродриб, поднимаясь ей навстречу.

— И мои тоже. Великолепная работа! — Мистер Шустер пожал руку мисс Марпл.

Пожилая леди спокойно опустилась в кресло возле письменного стола:

— Как я сообщила вам в письме, мне удалось справиться с заданием.

— О да! Слухами земля полнится. Мы уже слышали об этой истории — от профессора Уэнстеда и от знакомых в прокуратуре. Мы искренне вос-

хищаемся вашей безупречной работой, мисс Марпл!

— Я опасалась, что не смогу выполнить того, что мне поручено. Сначала это задание казалось мне почти невыполнимым, непонятным.

— Что верно, то верно. Мне оно и сейчас кажется невыполнимым. Даже не представляю, как вам это удалось.

— Настойчивость и упорство — вот и все, что требовалось.

— Давайте поговорим теперь о денежной стороне дела. Вы можете получить причитающуюся вам сумму в любое удобное для вас время. Я не знал, захотите ли вы поместить ее в банк или вложить во что-нибудь. Это весьма значительная сумма.

— Двадцать тысяч фунтов стерлингов, — заметила мисс Марпл. — Верно, для меня это немалые деньги. Точнее, невообразимые.

— Если угодно, наши брокеры могут посоветовать вам, как выгоднее вложить капитал.

— О нет, я не собираюсь их вкладывать.

— Но ведь их можно было бы...

— В моем возрасте незачем копить деньги, — оборвала мистера Бродриба старушка. — Уверена, мистер Рэфьел тоже считал, что главное — по-

лучить те удовольствия, которые без этих денег были бы просто недоступны.

— Понимаю вашу точку зрения, — сказал мистер Бродриб. — Значит, вы хотите, чтобы эта сумма поступила на ваш счет?

— Да. «Мидлтон-Банк», Сент-Мэри-Мид, Хай-стрит, 132.

— На депозит?

— Избави бог от долгосрочных вкладов! Переведите все на текущий счет.

— Но не кажется ли вам...

— Не кажется. — В голосе мисс Марпл появились металлические нотки. — Только на текущий. — Она поднялась и пожала руки адвокатам.

— И все-таки, мисс Марпл, не посоветоваться ли вам с управляющим вашего банка? Никто не знает, когда грянет гром.

— В ненастный день я всегда ношу с собой зонтик, — улыбнулась пожилая леди. — Благодарю вас, мистер Бродриб. И вас, мистер Шустер. Вы так любезно поделились со мной необходимой информацией.

— Значит, вы твердо решили перевести деньги на текущий счет?

— Да. Я собираюсь потратить их. И извлечь из

этого удовольствие.

Уже на пороге она обернулась и рассмеялась. На какое-то мгновение мистер Шустер, обладающий чуть большей фантазией, чем мистер Бродриб, увидел перед собой молодую хорошенькую девушку, обменивающуюся рукопожатием с викарием на вечеринке в деревенском саду. Потом он понял, что это всего лишь воспоминание о юности, пришедшее к нему из глубин памяти. Внезапно мисс Марпл напомнила ему ту девушку — молодую, счастливую и жаждущую всех радостей жизни.

— Уверена, что мистер Рэфьел одобрил бы мой выбор, — сказала старушка и вышла.

— Немезида, — задумчиво пробормотал мистер Бродриб. — Так назвал ее Рэфьел. Немезида! Вот уж кто меньше всего похож на богиню возмездия. А как по-вашему?

Мистер Шустер покачал головой.

— Вероятно, это была одна из многочисленных шуток мистера Рэфьела, — решил мистер Бродриб.

Спящий убийца

Глава 1
Дом

Гвенда Рид, слегка дрожа, стояла на пристани.

Доки — навесы, где располагалась таможня, — как и все прочее, представшее ее взору, мерно покачивалось вверх-вниз.

И именно в этот момент она приняла решение — решение, которое повлекло за собой множество важных событий.

Она не поедет в Лондон на поезде, расписание которого согласовано с прибытием судна, как намеревалась прежде.

В конце концов, почему она должна на нем ехать? Ее никто там не ждет и тем более не встречает. Она только что сошла с этого качающегося, скрипящего судна (трое суток в Бискайском заливе и Ла-Манше были истинной пыткой). Ей претила сама мысль о тряске и качке в поезде. Она отправится в отель, прочно стоящий на твердой земле. И уснет в кровати, которая не скрипит и не качается. А на следующее утро… да, конечно, это блестящая идея! Она возьмет напрокат автомобиль и будет медленно, не спеша, колесить по

Южной Англии, подыскивая дом — симпатичный дом, — которым они с Джайлсом планировали обзавестись. Да, это была прекрасная идея.

Таким образом она познакомится с Англией — той самой Англией, о которой ей столько рассказывал Джайлс и которую она никогда не видела, хотя, как и многие новозеландцы, считала своей родиной.

Сейчас Англия не казалась ей столь уж привлекательной. Был хмурый день с надвигающимся дождем и резким раздражающим ветром. Плимут, думала Гвенда, терпеливо ожидая своей очереди к паспортному и таможенному контролю, наверное, не самое лучшее место в Англии.

Однако на следующее утро от мрачного настроения не осталось и следа. Сияло солнце. Из окна открывался заманчивый вид. И земля уже не качалась под ногами. Она обрела устойчивость. Вот наконец Англия и путешествующая по ней Гвенда, молодая замужняя женщина двадцати одного года от роду. Когда приедет Джайлс, пока не было ясно. Может, через несколько недель, а может, даже через шесть месяцев. Это он предложил, чтобы Гвенда поехала в Англию раньше и присмотрела подходящий дом. Они оба думали, что неплохо бы где-то иметь надежное пристанище. Работа

Джайлса была связана с разъездами. Иногда он брал с собой Гвенду, но порой это оказывалось невозможным по тем или иным причинам. Словом, им хотелось обзавестись собственным домом. К тому же Джайлс недавно получил в наследство от тетки кое-какую мебель, так что мечта о доме представлялась вполне реальной.

Тем более что и Гвенда и Джайлс были людьми более или менее состоятельными.

Гвенда поначалу отказывалась полагаться на свой выбор.

— Это надо сделать вместе, — заявила она.

Но Джайлс ответил, смеясь:

— Я не очень-то разбираюсь в домах. Если понравится тебе, то и мне понравится. Мне наш будущий дом представляется не очень большим — не то что новомодные монстры — и непременно с садиком. Хорошо бы где-нибудь на южном побережье. Во всяком случае, не очень далеко от моря.

— Ты имеешь в виду какое-то определенное место? — спросила Гвенда.

Но Джайлс ответил:

— Нет.

Он рано остался сиротой (они оба были сироты), и из школы его брали на каникулы разные

родственники, поэтому у него не возникло привязанности ни к какому месту. Это будет дом Гвенды, и зачем ждать, пока они смогут выбрать его вместе, тем более что это может затянуться на целых шесть месяцев. И где Гвенда будет находиться все это время? Обретаться по отелям? Нет, она должна найти дом и обосноваться в нем.

— Так ты хочешь, чтобы я все проделала сама?

Однако ей понравилась идея отыскать дом, обустроить его и создать в нем уют к приезду Джайлса.

Они поженились всего три месяца назад, и она очень его любила.

Заказав завтрак в номер, Гвенда оделась и приступила к осуществлению своего плана. Она потратила день, чтобы осмотреть Плимут, который ей теперь понравился, а на следующий день наняла удобный автомобиль «Даймлер» с шофером и отправилась в путешествие по Англии.

Погода выдалась хорошая, и поездка была ей в радость. Она осмотрела несколько подходящих домов в Девоншире, но ни один из них не показался ей именно таким, о каком она мечтала. Да и спешить было некуда.

Она научилась улавливать скрытый смысл в восторженных речах агентов по недвижимости

и избавила себя от излишней траты времени.

И вот через неделю, вечером во вторник, когда ее автомобиль медленно спускался по извилистой горной дороге к Дилмуту, в окрестностях которого располагался дивный морской курорт, она увидела табличку «Продается». Продавалась скрытая от дороги густыми деревьями небольшая белая вилла в викторианском стиле.

Гвенда сразу же решила, что это именно то, что ей надо. Это был ее дом! Она была абсолютно уверена в этом. Сад, высокие окна — да, именно такой дом она и искала.

День уже клонился к вечеру, поэтому она решила переночевать в отеле «Роил Кларенс», а утром отправиться к агенту по продаже недвижимости, чье имя значилось на табличке.

И вот теперь, вооруженная ордером на осмотр, она стояла в старомодной длинной гостиной со стеклянными дверями от пола до потолка, ведущими на мощенную каменными плитами террасу. С террасы был виден сад с дорожками и цветущим кустарником, который круто спускался к зеленой лужайке. Сквозь деревья виднелось море.

«Это мой дом, — подумала Гвенда. — Здесь я дома. Мне, кажется, знаком каждый его уголок».

Открылась дверь, и вошла высокая унылая дама. Она была простужена и шмыгала носом.

— Миссис Хенгрейв? У меня ордер от господ Галбрейта и Пендерли. Боюсь, что сейчас очень рано…

Миссис Хенгрейв высморкалась и грустно сказала, что это не имеет никакого значения. И они начали осмотр дома.

Да, это было то, что надо. Дом не слишком велик. Немного старомоден, но они с Джайлсом оборудуют новую ванную комнату или даже две. Кухню можно будет модернизировать. К счастью, туда подведена вода. С новой раковиной и современным оборудованием…

Занятая своими мыслями и планами, Гвенда вполуха слушала, как миссис Хенгрейв бубнила что-то о болезни покойного мужа, майора Хенгрейва. Гвенда машинально издавала звуки, выражающие сочувствие, сострадание и понимание. Все родные миссис Хенгрейв живут в Кенте, и она тоже хочет поселиться там… Майор Хенгрейв очень любил Дилмут, много лет был секретарем гольф-клуба, но она сама…

— Да… конечно… ужасно для вас… совершенно естественно… Да, уход за таким домом… конечно… вы должны…

Но мысли Гвенды были заняты совсем другим: «Здесь будет шкаф для белья, я думаю… Да. Большая комната — прелестный вид на море, Джайлсу это понравится. Вон там маленькая комната. Джайлс сможет использовать ее для переодевания… Ванная, она, наверное, отделана красным деревом. О, так и есть! Как хорошо, и стоит посередине комнаты. Я не буду ее менять — это же предмет старины!

Какая громадная ванна!

Если на бордюр положить круглые камни, поставить парусные лодки… а в воду напустить ярких уток, то возникнет полная иллюзия пребывания на взморье… Я знаю: мы переделаем ту темную кладовую в две действительно современные ванные комнаты, зеленые, со сверкающими стальными кранами. Трубы пройдут как раз над кухней, их менять не потребуется…»

— Плеврит, — продолжала миссис Хенгрейв, — на третий день перешел в двустороннее воспаление легких…

— Ужасно, — отозвалась Гвенда. — А нет там, в конце прохода, еще одной спальни?

Комната была и оказалась совершенно такой, как она себе ее представляла, — почти круглой, с большим арочным окном. Конечно же, Гвенда

все тут переделает. Комната была в хорошем состоянии, но почему такие люди, как миссис Хенгрейв, любят красить стены в горчично-бисквитные цвета?

Они прошли по коридору. Гвенда добросовестно подсчитывала: «Шесть, нет, семь спальных комнат, считая ту маленькую и мансарду».

Доски слегка поскрипывали у нее под ногами. Ей уже казалось, что здесь живет она, а не миссис Хенгрейв. Эта миссис Хенгрейв была здесь чуждым существом, женщиной, которая предпочитает горчично-бисквитный цвет комнат и обожает бордюры из глициний в гостиной. Гвенда взглянула на напечатанную на машинке бумагу — опись имущества и запрашиваемую цену. В течение нескольких дней Гвенда ознакомилась с ценами на дома. Запрашиваемая миссис Хенгрейв сумма была не так уж велика — конечно, дом нуждался в некотором обновлении, но даже… Она обратила внимание на слова: «Будут рассмотрены возможные встречные предложения». Миссис Хенгрейв, должно быть, очень хотелось поскорее отправиться в Кент и жить среди «своих людей»…

Они уже спускались по ступеням, когда Гвенду совершенно неожиданно охватил безрассудный

ужас. Это было отвратительное чувство, но оно прошло так же быстро, как возникло. И все-таки Гвенда невольно насторожилась.

— А в доме… нет привидений?

Миссис Хенгрейв, шедшая впереди, достигла в своем повествовании того момента, когда майор Хенгрейв начал быстро угасать, но теперь посмотрела на Гвенду с глубоко оскорбленным видом.

— Ничего не знаю об этом, миссис Рид. А что, вам кто-то говорил что-нибудь в этом роде?

— Вы никогда не чувствовали и не видели ничего подобного? Никто не умирал здесь?

Вопрос был, пожалуй, неудачный, тут же подумала она, потому что, вероятно, майор Хенгрейв…

— Мой муж умер в частной клинике Святой Моники, — чопорно произнесла миссис Хенгрейв.

— О, конечно, вы говорили мне.

Миссис Хенгрейв продолжала все тем же ледяным тоном:

— В доме, который, вероятно, построен около ста лет назад, конечно же, умирали люди. Мисс Элворси, у которой мой дорогой муж приобрел этот дом семь лет назад, обладала превосходным здоровьем, она собиралась за границу, чтобы заняться миссионерской деятельностью, и ничего

не говорила о ком-то недавно скончавшемся в их семье.

Гвенда поспешила успокоить меланхоличную миссис Хенгрейв. Они снова перешли в гостиную. Это была тихая прелестная комната, создающая ту самую атмосферу, которой так жаждала Гвенда. Ее недавний ужас казался ей теперь совершенно непонятным. Что это с ней произошло? Ничего плохого в этом доме не было.

Спросив миссис Хенгрейв, можно ли ей взглянуть на сад, Гвенда вышла на террасу.

«Здесь где-то должны быть ступеньки», — думала Гвенда. Но вместо этого увидела разросшиеся кусты форзиции, которые почти полностью заслоняли вид на море.

«Ничего, — подумала Гвенда. — Это все я изменю».

Пройдя по террасе вслед за миссис Хенгрейв, она спустилась по ступеням с другой стороны газона и отметила про себя, что каменные дорожки запущены и заросли травой, а цветущий кустарник требует стрижки. Миссис Хенгрейв извиняющимся тоном пробормотала, что сад основательно запущен. Она может позволить себе приглашать садовника только два раза в неделю. Но иногда он и вовсе не является.

Они осмотрели маленькую, но удобную садовую кухню и вернулись в дом. Гвенда объяснила, что ей предстоит посмотреть еще несколько домов, и, хотя ей понравился «Хиллсайд» (какое банальное название для дома!), она не может немедленно принять решение.

Миссис Хенгрейв проводила ее отчужденным задумчивым взглядом, выразительно шмыгнув носом.

Гвенда возвратилась к агентам, изложила свои условия и остаток утра провела, гуляя по Дилмуту. Это был прелестный старомодный приморский городок. В дальнем, «современном» конце было два новых отеля и несколько недостроенных бунгало, но географическое положение Дилмута на побережье, огороженном холмами, спасало городок от чрезмерного расширения.

После ленча Гвенде позвонили агенты и сообщили, что миссис Хенгрейв устраивают ее условия. С озорной улыбкой на устах Гвенда поспешила на почту и отправила телеграмму Джайлсу:

«Купила дом. Люблю. Гвенда».

— Это позабавит его, — сказала себе Гвенда. — Он поймет, что я не из тех, кто сидит сложа руки.

Глава 2
Обои

I

Прошел месяц, и Гвенда перебралась в «Хиллсайд». Со склада доставили мебель тетушки Джайлса. Это была добротная старомодная мебель. Один или два слишком больших гардероба Гвенда продала, остальные же вещи идеально разместились в доме. В гостиной она поставила столики из папье-маше, инкрустированные перламутром, с ярким рисунком на столешницах. Среди них находился изящный столик для рукоделия. Из крупных предметов Гвенда поместила в гостиной бюро розового и стол красного дерева, а также софу.

Так называемые мягкие стулья Гвенда рассредоточила по спальням, купила два глубоких удобных кресла для себя и Джайлса и поставила их по обе стороны от камина, а огромный честерфилдский диван — вдоль окон. Для портьер Гвенда выбрала старомодный ситец бледно-желтого цвета с рисунком в виде строгих ваз с розами и порхающих над ними птиц. Теперь она могла

считать, что комната в полном порядке.

Окончательно она еще не перебралась сюда, потому что рабочие не завершили свою работу. Им полагалось бы уже уйти, но Гвенда вполне разумно рассудила, что они будут болтаться здесь, пока не появится хозяйка.

Переделки на кухне были закончены, и работа в новых ванных комнатах тоже близилась к концу. С дальнейшими усовершенствованиями Гвенда решила немного повременить. Она хотела освоиться в новом доме, чтобы безошибочно выбрать цветовую гамму для спален. Дом был полностью приведен в порядок, и не было никакой необходимости в спешке с его окончательным убранством.

На кухне воцарилась миссис Коккер, чопорная леди, решительно отвергшая сверхдемократическое дружелюбие Гвенды. Но после того, как Гвенда была-таки поставлена на место, кухарка изъявила готовность смягчиться.

В это утро миссис Коккер водрузила поднос с завтраком на колени сидевшей в кровати Гвенды.

— Когда в доме нет джентльмена, — изрекла миссис Коккер, — леди предпочитают завтракать в постели.

И Гвенда восприняла это как должное — как некий элемент английского этикета.

— Сегодня на завтрак яичница-болтунья, — прокомментировала миссис Коккер, имея в виду блюдо из яиц. — Вы говорили что-то о копченой треске, но вряд ли она годится для завтрака в спальне. После нее остается запах. Я подам вам ее на ужин на поджаренном хлебе.

— О, благодарю вас, миссис Коккер.

Миссис Коккер снисходительно улыбнулась и собралась было покинуть спальню.

Гвенда не пользовалась большой супружеской спальней в ожидании Джайлса. Она временно занимала крайнюю комнату со скругленными стенами и арочным окном. Здесь она чувствовала себя действительно как дома и была счастлива.

Оглядевшись еще раз вокруг, она импульсивно воскликнула:

— Мне на самом деле нравится эта комната!

Миссис Коккер с понимающим видом кивнула:

— Совсем неплохая комнатка, мадам, хотя и маленькая. Судя по решетке на окнах, можно предположить, что когда-то это была детская комната.

— Я и не подумала об этом. Может быть, так

и есть.

— Ну да, — заметила миссис Коккер многозначительно и удалилась.

«Если у нас в доме будет джентльмен, — казалось, хотела она сказать, — то как знать? Детская комната может потребоваться».

Гвенда покраснела от смущения. Она снова огляделась по сторонам. Детская комната? Да, это была бы прелестная детская комната. Она принялась мысленно обставлять ее. Вот здесь, у стены, — большой кукольный дом. Низкие шкафы с игрушками. В камине весело потрескивает огонь, а вокруг на высоком ограждении сушатся детские вещи. Но только не эти ужасные стены горчичного цвета! Нет. Здесь будут веселенькие обои. Что-нибудь яркое и радостное. Маленькие букетики маков, перемежающиеся букетиками из васильков… Да, так будет очень мило. Она постарается отыскать именно такие обои. Она уверена, что где-то уже видела что-то подобное.

В комнате не должно быть много мебели. Там уже имелись два встроенных шкафа, но один из них, угловой, оказался заперт, а ключ потерян. Судя по сохранившейся окраске, его не открывали многие годы. Она непременно попросит рабочих открыть его, пока они не ушли. Иначе

она не сможет разместить всю свою одежду.

С каждым днем она чувствовала себя в «Хилл-сайде» все более уютно. Услышав за окном звуки, будто кто-то тяжело прочищал горло и коротко, сухо откашливался, она поспешила закончить завтрак. Это Фостер, временный садовник, не всегда обязательный в деловом отношении, должен сегодня быть здесь, как обещал.

Гвенда приняла ванну, надела твидовую юбку и свитер и поспешила в сад. Фостер работал как раз там, куда выходило окно гостиной. Гвенде не терпелось проложить дорожку к тому месту. Фостер был упрямым и говорил, что тогда придется убрать отсюда кусты форзиции, вейгелы и сирени, но Гвенда была непреклонна, и теперь он выполнял ее волю без всякого энтузиазма.

Он со вздохом поприветствовал ее:

— Похоже, вы хотите все сделать так, как было когда-то, в старые времена, мисс.

Он упрямо называл ее «мисс».

— В старые времена? Что вы имеете в виду?

Фостер копнул лопатой.

— Я обнаружил след старой дорожки. Видите, она шла как раз так, как вы теперь хотите, а потом здесь посадили кусты, и она заросла.

— И очень глупо сделали, — сказала Гвен-

да. — Надо, чтобы из окна гостиной открывалась перспектива, вид на газон и на море.

У Фостера было туманное представление о перспективе, но он все-таки осторожно и с неохотой согласился:

— Да, видите, я вовсе не хочу сказать, что так будет хуже… Откроется вид, и кусты не будут затенять гостиную. Хотя я никогда не видел такой могучей форзиции. Не то что сирень, саженцы стоят дорого, а та, что есть, слишком стара, чтобы ее пересаживать.

— О, я знаю. Но сирень намного, намного лучше форзиции.

— Ну, — Фостер поскреб затылок, — может, оно и так.

— Так будет хорошо, — уверенно заявила Гвенда. И неожиданно спросила: — Ведь Хенгрейвы жили здесь не так уж долго? А кто жил здесь до них?

— Хенгрейвы жили лет шесть или около того. Недолго. А до них? Сестры Элворси. Очень набожные люди. «Низкая церковь»[140]. Миссии к язычникам. Один раз черный священник останавливался у них. Четыре сестры и брат,

---

[140] notes: 140

«Низкая церковь»— одно из направлений англиканской церкви. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

который не очень-то часто наведывался к этим женщинам. А до них, дайте-ка вспомнить… Да, здесь жила миссис Файндисон… Из настоящих благородных. Это уж точно. Она жила здесь еще до моего рождения.

— И умерла здесь? — спросила Гвенда.

— Умерла в Египте или еще где-то. Но родственники привезли ее сюда. Похоронили в церковном дворе. Она-то и посадила эти магнолии и лабиурнамы. И вот эти питтоспоры. Очень любила кустарники. С тех пор не строили новых домов здесь на холмах, — продолжал Фостер. — Прямотаки деревня. Даже кино нет. И новых магазинов тоже. А вот на набережной такой парад… — в его голосе слышалось неодобрительное отношение ко всяким переменам, свойственное пожилым людям.

— Перемены, — сказал он, фыркнув, — ничего, кроме перемен.

— Мне кажется, перемены неизбежны, — возразила Гвенда. — И уже сейчас многое изменилось к лучшему, разве не так?

— Так говорят. А я их что-то не заметил. Перемены!

Он указал жестом на живую изгородь из кустарника микрокапы слева от них, сквозь которую

виднелось какое-то здание.

— Когда-то это была сельская больница. Хорошее место и удобное. Ее построили по тогдашним временам примерно в миле от города. Двадцать минут ходьбы — и вы попадаете к доктору в приемный день или добираетесь туда за три пенса на автобусе.

Он сделал еще один жест в сторону живой изгороди…

— А теперь там школа для девочек. Обосновалась в этом доме десять лет назад. Все время перемены. Теперь люди покупают дома, живут там десять или двенадцать лет, а потом уезжают. Не сидится на месте. Что в этом хорошего? Кто же станет толком заниматься садом, если не собирается поселиться навсегда?

Гвенда с любовью посмотрела на магнолию.

— Как миссис Файндисон, — сказала она.

— Ах, она была правильная женщина. Приехала сюда невестой, вот так. Вырастила детей, женила их, похоронила мужа, забирала к себе на лето внуков и скончалась, когда ей было под восемьдесят.

В тоне Фостера слышалось одобрение.

Гвенда направилась к дому, улыбаясь каким-то своим мыслям.

Она поговорила с рабочими, а потом прошла в гостиную, села за письменный стол, чтобы написать кое-какие письма. Среди корреспонденции, на которую надо было ответить, были письма от двоюродных сестер Джайлса, живших в Лондоне. Она собиралась как-нибудь съездить к ним, как они просили, и погостить в их родовом доме в Челси.

Реймонд Уэст был известный (скорее именно известный, чем популярный) писатель, а его жена Джоан, насколько знала Гвенда, — художница. Вот было бы забавно пожить у них, хотя они, наверное, считают ее ужасной мещанкой. «Впрочем, мы с Джайлсом и впрямь не такие уж интеллектуалы», — подумала Гвенда.

Из холла донесся громкий звук гонга. Этот обрамленный черным деревом гонг был призом, завоеванным когда-то одной из тетушек Джайлса. Миссис Коккер с явным удовольствием ударяла в него, причем каждый раз в полную силу. Гвенда зажала уши руками и встала.

Она быстро прошла через гостиную к стене, где было окно, и остановилась, досадливо вскрикнув. Уже в третий раз происходит одно и то же. Она в смущении останавливается перед стеной. Такое впечатление, словно она пытается пройти сквозь

нее в столовую, которая находится рядом.

Она вернулась назад, вышла в передний холл, обогнула угол гостиной и оказалась в столовой. Это был длинный, обходной путь, и особенно неприятно будет зимой, потому что центральное отопление имеется только в гостиной, столовой и двух спальнях наверху.

«Не понимаю, — подумала Гвенда, усаживаясь за очаровательный, только что купленный шератоновский обеденный стол — разложенный во всю длину массивный квадрат красного дерева, — не понимаю, почему я не могу сделать проход прямо из гостиной в столовую? Надо поговорить об этом с мистером Симсом, когда он придет во второй половине дня».

Мистер Симс, строитель и декоратор, был рассудительным мужчиной среднего возраста с хриплым голосом. Он всегда держал наготове небольшую записную книжку, чтобы тут же занести туда каждую мысль, которая приходила в голову его клиентам. Мистер Симс понимал собеседника с полуслова.

— Нет ничего проще, миссис Рид, и очень стоящее усовершенствование, если можно так выразиться.

— Это обойдется не слишком дорого? — Гвенда

немного засомневалась, видя энтузиазм мистера Симса. Ей не хотелось идти на дополнительные расходы, не внесенные в первоначальный реестр мистера Симса.

— Да это сущий пустяк, — ответил мистер Симс, его хрипловатый голос звучал спокойно и утешительно. Гвенда смотрела на него с бо?льшим сомнением, чем обычно. К этим сущим «пустякам» мистера Симса она привыкла относиться с недоверием. Его предварительные оценки стоимости работ всегда казались весьма умеренными. — Вот что, миссис Рид, — успокоительно произнес он, — я пришлю Тейлора, когда он закончит работу в гостиной сегодня к концу дня, чтобы он посмотрел, и после этого назову вам цену. Она будет зависеть от того, какая там стена.

Гвенда согласилась. Она написала Джоан Уэст, поблагодарив за приглашение и выразив сожаление по поводу того, что в настоящий момент не может покинуть Дилмут, потому что надо присмотреть за рабочими. Потом пошла прогуляться по набережной — насладиться легким морским бризом. Когда, вернувшись, она направилась в гостиную, Тейлор, старший рабочий Симса, вышел ей навстречу и с радостной улыбкой сообщил:

— С этим делом трудностей не будет, миссис

Рид. На том месте раньше была дверь. Кому-то не понравилось, и ее замуровали.

Гвенда была приятно удивлена. «Просто невероятно, — подумала она, — мне всегда казалось, что именно здесь находится дверь». Она вспомнила, как уверенно она направилась к этому самому месту, когда шла на ленч. И ощутила легкую тревогу. Если вдуматься в это, то все кажется довольно странным… Почему она была так уверена, что когда-то в этом месте находилась дверь? На стене не было никаких признаков. Как она могла догадаться… знать, что дверь находилась именно здесь? Конечно, было весьма целесообразно соединить дверью гостиную со столовой, но почему она каждый раз неотвратимо устремлялась именно к этому месту?

Дверь могла находиться в любом другом месте стены, разделявшей гостиную и столовую, но она всегда инстинктивно и, как правило, думая о чем-то ином, подходила именно к тому месту, где раньше действительно была дверь.

«Надеюсь, — с тревогой подумала Гвенда, — что я не ясновидящая или что-то в этом роде…»

Ей никогда не были присущи какие-либо парапсихологические свойства. Они ей абсолютно чужды. А может быть, нет? Эта дорожка, ведущая

с террасы на лужайку. Откуда ей было знать, что ее надо прокладывать именно в том месте, где она была раньше? А ведь она настояла на этом!

«Может быть, у меня возникли психические отклонения? — с тревогой подумала Гвенда. — Или дело в самом доме?»

И почему тогда она спросила миссис Хенгрейв, нет ли в доме привидений?

В нем не водятся привидения! Это симпатичный дом! Да и миссис Хенгрейв была очень удивлена этим вопросом.

Или в ее поведении все-таки была сдержанность и осторожность?

«Боже правый, какие мысли мне начинают лезть в голову», — спохватилась Гвенда.

Она с усилием отбросила прочь эти мысли и вернулась к разговору с Тейлором.

— В моей комнате наверху один из стенных шкафов наглухо закрыт. Я хочу, чтобы его открыли.

Рабочий поднялся вместе с ней в комнату и осмотрел дверь шкафа.

— Его уже много раз красили, — сказал он. — Я пришлю завтра человека, и он откроет.

Гвенда молча согласилась. И Тейлор ушел.

Весь вечер Гвенда пребывала в тревожном,

возбужденном состоянии. Сидя в гостиной и пытаясь читать, она вздрагивала при малейшем скрипе мебели. Один или два раза она оглядывалась через плечо, и ее бросало в дрожь. Она без конца твердила себе, что нет ничего необычного в истории с дверью и дорожкой. Все это простые совпадения. Всего лишь результат решений, основанных на здравом смысле.

Она не желала себе признаться, но ей было боязно идти спать. Когда она наконец встала, выключила свет и открыла дверь в холл, то почувствовала, что боится подниматься по лестнице. Она почти бегом одолела лестницу, быстро миновала проход и открыла дверь в свою комнату. В комнате ее страхи сразу же стихли, она успокоилась и с удовлетворением осмотрелась вокруг. Она ощутила себя в безопасности и вполне счастливой. Да, теперь, здесь, она в безопасности. («В безопасности от чего, идиотка?» — спросила она себя.) Она посмотрела на пижаму, разложенную на кровати, и тапочки, стоявшие под нею.

«Да, Гвенда, вот было бы тебе шесть лет. И у тебя были бы мягкие туфельки с нарисованными на них зайчиками».

Она забралась в постель с чувством облегчения и вскоре заснула.

На следующее утро ей предстояло много дел в городке. Вернулась она только к ленчу.

— Стенной шкаф в вашей комнате открыли, мадам, — доложила миссис Коккер, принеся ей жареную камбалу с картофельным пюре и протертой морковью.

— О, хорошо, — ответила Гвенда.

Она была голодна, и ей очень понравился ленч. Потом она выпила кофе в гостиной и поднялась к себе в комнату. Подойдя к стенному шкафу в углу, она открыла его дверцу и испуганно отпрянула прочь.

Внутри шкафа находились обои, которыми была оклеена комната до того, как ее стены окрасили в желтоватый цвет. Когда-то она была оклеена веселенькими обоями с цветочным орнаментом: букетики алых маков, перемежающиеся букетиками голубых васильков…

II

Гвенда долго смотрела на сохранившиеся в шкафу обои, а потом, вся дрожа, подошла к кровати и присела на краешек.

Вот она в доме, где до этого никогда прежде не бывала, как, впрочем, не бывала и в самой стране. И не далее как пару дней назад она, лежа

в кровати, представляла себе, какими обоями она оклеила бы именно эту комнату, — и, как оказалось, именно такие обои когда-то украшали эти стены.

Самые странные объяснения приходили ей на ум. Сам Данн, который мог экспериментировать со временем, смотрел только вперед, а не назад…

Она могла бы с натяжкой объяснить садовую дорожку и дверь из гостиной в столовую как простое совпадение, но в случае с обоями совпадения быть не могло. Невозможно представить себе обои такого редкого рисунка, а потом обнаружить точно такие же. Нет, этому должно быть какое-то объяснение, но она не находила его, и это повергало ее в ужас. Она снова и снова пытается заглянуть, но не вперед, а назад — возвращается к прежнему состоянию этого дома. И в любой момент может увидеть еще нечто, чего она не желала бы видеть… Дом повергал ее в ужас… Но был ли виной тому сам дом или это было нечто, заключенное в ней самой? Она не желала стать одной из тех, кто видел все это когда-то…

Она глубоко вздохнула, надела шляпу и пальто и быстро выскользнула из дому. На почте она отправила такую телеграмму:

«Уэст, 19 Аддуэй-сквер Челси Лондон. Могу ли я изменить свое решение и приехать к вам завтра?

Гвенда».

Она послала телеграмму с оплаченным ответом.

Глава 3
«Прикройте ей лицо...»

Реймонд Уэст и его супруга делали все возможное, чтобы молодой жене Джайлса понравилось у них. И это не их вина, что Гвенде они показались внутренне напряженными. Реймонд, похожий на ворона, готового в любую минуту броситься на свою жертву, со всклокоченными волосами и невнятной речью, со странными модуляциями голоса, повергал Гвенду в нервозное состояние. Казалось, он и Джоан говорят на каком-то понятном только им языке. Гвенда никогда не попадала в такую снобистскую атмосферу, и практически все происходящее вокруг казалось ей странным.

— Мы собираемся пригласить вас на один или два спектакля, — объявил Реймонд, протягивая ей бокал с джином, хотя с дороги она предпочла бы чашку горячего чая.

Гвенда обрадовалась этому.

— Сегодня вечером балет в «Седлер-Уэлс», завтра — торжество по поводу дня рождения моей удивительной тетушки Джейн, потом спектакль «Герцогиня Мальфи» с Джилгудом, а в пятницу

вы просто обязаны посмотреть «Они ходили без ног». Пьеса переведена с русского — наверняка самая значительная драма за последние двадцать лет. Идет в Малом Уитморском театре.

Гвенда выразила благодарность за развлекательную программу. Когда Джайлс приедет, они будут ходить на музыкальные шоу и в театры. Ее немного передернуло от перспективы присутствия на спектакле «Они ходили без ног», но потом она подумала, что, может быть, пьеса ей понравится, хотя похвальные характеристики чаще всего оказываются неоправданными.

— Вы будете в восторге от моей тетушки Джейн, — продолжал Реймонд. — Она — то, что я назвал бы типичным продуктом золотой поры. Викторианка до мозга костей. У нее все ножки туалетных столиков обернуты ситцем. Она живет в деревне, причем в такой, где никогда ничего не происходит, прямо как в застоявшемся пруду.

— Один раз что-то там случилось, — холодно заметила его жена.

— Не более чем любовная драма, грубая… никакой утонченности.

— Но она вам доставила ужасное удовольствие в то время, — напомнила ему Джоан с легким блеском в глазах.

— Мне иногда нравится играть в деревенский крикет, — с достоинством парировал Реймонд.

— Но так или иначе, тетушка Джейн обрела известность из-за того убийства.

— О! Она не так глупа. Она обожает загадки.

— Загадки? — спросила Гвенда, стараясь понять, в чем дело.

Реймонд махнул рукой:

— Любые. Почему жена лавочника прихватила зонтик, идя на церковное собрание в такой прекрасный вечер? Почему остатки маринованной креветки были найдены в том месте, а не в другом? Что случилось с сутаной викария? Все годится для мельницы моей тетушки Джейн. Поэтому, если у вас в жизни возникнет какая-нибудь проблема, обратитесь к ней, Гвенда. Она решит ее, — со смехом заключил Реймонд.

Гвенда тоже засмеялась, но весьма сдержанно.

Она была представлена тетушке Джейн, иными словами — мисс Марпл, — на следующий день. Мисс Марпл оказалась привлекательной пожилой дамой, высокой и худой, с румяными щеками и немного суетливыми манерами. В ее голубых глазах то и дело вспыхивали насмешливые искорки.

После раннего обеда, за которым выпили за здо-

ровье тетушки Джейн, все отправились в «Театр его величества». На обеде, кроме Уэстов и Гвенды, присутствовали еще двое гостей — пожилой художник и молодой барристер — адвокат высшего ранга. Пожилой художник сидел за столом рядом с Гвендой, а молодой барристер — между Джоан и мисс Марпл, чьи замечания доставляли ему огромное удовольствие. Однако в театре Гвенда оказалась между Реймондом и барристером.

Огни погасли, и спектакль начался.

Актерский состав был великолепен, и Гвенде спектакль очень понравился. Ей немного довелось видеть первоклассных театральных постановок.

Спектакль близился к концу и уже достиг своей кульминации, когда на сцене прозвучал мужской голос, исполненный трагизма и отчаяния, граничащего с умопомрачением:

«Прикройте ей лицо. Не могу видеть. Она умерла молодой…»

Гвенда пронзительно вскрикнула.

Она вскочила со своего места, ни на кого не глядя, протиснулась к проходу между кресел и выбежала из зрительного зала. Ни минуты не думая, то бегом, то переходя на шаг, она устремилась в сторону Хеймаркета.

Неподалеку от Пикадилли она остановила свободное такси и назвала адрес в Челси. В неуемном волнении расплатилась с шофером за такси и, поднявшись по лестнице, позвонила в дверь. Открывшая ей горничная была удивлена.

— Вы так рано вернулись, мисс. Вам плохо?

— Я… нет… да… я… я… почувствовала себя неважно.

— Чего-нибудь желаете, мисс? Может быть, немного бренди?

— Нет, ничего. Я сразу же лягу.

Гвенда поспешила наверх, чтобы избежать дальнейших вопросов, и, сбросив с себя одежду прямо на пол, легла в постель. Не в силах унять сотрясавшую ее дрожь и сердцебиение, она лежала, уставившись неподвижным взглядом в потолок.

Гвенда не слышала, как вернулись вслед за ней из театра ее спутники, но вскоре дверь ее спальни отворилась, и вошла мисс Марпл. Она держала под мышкой пару бутылок с горячей водой, а в руке — чашку.

Гвенда, все так же дрожа, села в кровати.

— О, мисс Марпл, я очень сожалею. Не знаю почему, но мне вдруг стало ужасно страшно. Все, наверное, обиделись на меня?

— Не беспокойтесь, милое дитя. Согрейтесь вот

этими бутылками с горячей водой.

— Но мне не нужны бутылки с горячей водой.

— О нет, как раз нужны. Вот так. А теперь выпейте чаю…

Чай был горячий, крепкий и слишком сладкий, но Гвенда послушно выпила его. Дрожь немного утихла.

— А теперь постарайтесь уснуть, — сказала мисс Марпл. — У вас был шок. Мы поговорим об этом утром. Ни о чем не беспокойтесь. Покойной ночи.

Она задернула шторы. Улыбнулась, погладила руку Гвенды и вышла.

Внизу Реймонд с раздражением вопрошал Джоан:

— Что, черт побери, приключилось с нею? Она заболела? В чем дело?

— Мой дорогой Реймонд, я не знаю, но она так ужасно закричала! Наверное, пьеса оказалась слишком жуткой для нее.

— Да, конечно, Уэбстер слегка страшноват. Но я никогда не подумал бы… — Он осекся, потому что в комнату вошла мисс Марпл. — Она в порядке?

— Думаю, да. Видите ли, у нее был сильный шок.

— Шок? Вызванный всего лишь якобинской

драмой?

— Мне кажется, что здесь кроется что-то большее, — задумчиво произнесла мисс Марпл.

Завтрак отнесли Гвенде в спальню. Она выпила немного кофе и отщипнула кусочек поджаренного хлеба. Когда она спустилась вниз, Джоан уже не было дома — она отправилась в свою студию, Реймонд работал в кабинете, и только поглощенная вязанием мисс Марпл сидела у окна, из которого открывался вид на реку.

Она ласково улыбнулась Гвенде, когда та вошла в комнату.

— Доброе утро, дорогая. Надеюсь, вы чувствуете себя лучше?

— О да. Я в полном порядке. Не понимаю, как я могла повести себя так по-идиотски вчера вечером. А они… сердятся на меня?

— О нет, моя дорогая, они все понимают.

— Что понимают?

Мисс Марпл взглянула на нее поверх своего вязанья.

— Что у вас прошлым вечером был нервный срыв. — И мягко добавила: — Почему бы вам не рассказать мне о его причине?

Гвенда беспокойно прошлась по комнате.

— Думаю, мне лучше обратиться к психиатру

или еще кому-то.

— В Лондоне, разумеется, есть прекрасные специалисты по психическим расстройствам. Но вы уверены, что это вам так уж необходимо?

— Ну… я думаю, что схожу с ума… Я непременно сойду с ума.

В комнату вошла пожилая горничная с подносом, на котором была телеграмма для Гвенды.

— Посыльный спрашивает, будет ли ответ, мадам?

Гвенда вскрыла телеграмму. Она была переслана из Дилмута. Гвенда смотрела на нее несколько мгновений, а потом смяла в комок.

— Ответа не будет, — не раздумывая бросила она. Горничная вышла из комнаты.

— Надеюсь, дорогая, в телеграмме не содержится ничего неприятного?

— Она от Джайлса, моего мужа. Он приезжает сюда через неделю.

У Гвенды был смущенный и жалкий вид. Мисс Марпл чуть кашлянула.

— Ну, это же очень хорошо, не так ли?

— В самом деле? Когда я не знаю наверняка, то ли действительно сошла с ума, то ли нет? Если я сумасшедшая, то мне не следовало выходить замуж за Джайлса. К тому же этот дом и все прочее.

Я не могу вернуться туда. О, я просто не знаю, что мне делать!

Мисс Марпл похлопала ладонью по софе, приглашая ее сесть.

— Ну а теперь, дорогая, садитесь рядом и рассказывайте все по порядку.

Гвенда приняла приглашение с чувством облегчения. Она выложила всю историю, начав с первого визита в «Хиллсайд» и кончая событиями, которые поначалу озадачили, а потом не на шутку напугали ее.

— И я ужасно испугалась, — закончила она свой рассказ. — Подумала, что если уеду в Лондон, то избавлюсь от всего этого. Только, как вы видите, я ошиблась. Все мои страхи последовали за мной. Прошлым вечером… — Она закрыла глаза и сглотнула.

— Прошлым вечером… — напомнила ей мисс Марпл.

— Вы наверняка не поверите этому, — торопливо ответила Гвенда. — Вы можете подумать, что я истеричка, притворщица или еще что-то. Мне так нравился спектакль. Я ни разу даже не вспомнила о своем доме. Но потом вдруг, когда он произнес эти слова, я ни с того ни с сего подумала о доме. — И она повторила тихим дрожащим голо-

сом: — «Прикройте ей лицо. Не могу видеть. Она умерла молодой...» И я словно оказалась вдруг там, на лестнице, стояла и смотрела вниз, в холл через стойки перил, и увидела ее, распростертую там на полу... мертвую. У нее были золотистые волосы, а лицо — совершенно синее. Синее! Она была мертва, задушена, и кто-то произнес таким же зловещим голосом те же самые слова. И я видела его руки — серые, морщинистые... не руки... а обезьяньи лапы... Это было ужасно, скажу я вам. Она была мертва...

Мисс Марпл мягко спросила:

— Кто была она, мертвая?

Ответ последовал быстро, без малейшего промедления:

— Элен...

Глава 4
Элен?

Какое-то мгновение Гвенда смотрела на мисс Марпл, а потом откинула волосы со лба.

— Почему я это сказала? — спросила она. — Почему я назвала ее Элен? Я не знаю никакой Элен!

Ее руки безвольно упали на колени.

— Вы же видите, — сказала она. — Я сумасшедшая! У меня видения! Мне мерещатся вещи, которые в действительности не существуют! Сначала это были только обои, а теперь уже мертвые тела. Выходит, мне становится хуже.

— Не спешите делать выводы, моя дорогая…

— И этот дом. Он населен призраками, заколдован или еще что-то в этом роде… Я вижу события, которые там происходили… или, наоборот, события, которые только предстоят, а это уже совсем невыносимо. Может быть, женщине по имени Элен только предстоит быть там убитой… Только я одного не понимаю: допустим, дом действительно населен привидениями, но почему мне являются такие ужасные видения, когда я нахожусь вне его? Поэтому я думаю, что-то неладное

происходит со мной. И лучше мне обратиться к психиатру. Немедленно, этим же утром.

— Ну конечно, Гвенда, дорогая, вы можете поступать, как считаете лучше, но я всегда предпочитаю сначала попытаться найти логическое объяснение происходящему. Позвольте мне выяснить некоторые факты. Три вполне определенных события произвели на вас сильное впечатление. Дорожка в саду, которую засадили кустами, но вы почувствовали, что она находится именно в этом месте; дверь, которая была заложена кирпичом, и обои, рисунок которых вы угадали совершенно точно, хотя никогда прежде не видели. Я правильно вас поняла?

— Да.

— Ну, тогда самое простое и естественное объяснение состоит в том, что вы на самом деле видели все это прежде.

— В другой жизни, хотите сказать?

— Вовсе нет, дорогая. В этой жизни. Я хочу сказать, что это могли быть действительные воспоминания.

— Но я никогда не бывала в Англии, впервые приехала сюда месяц назад.

— Вы абсолютно уверены в этом, дорогая?

— Конечно, я уверена. Я прожила всю жизнь

под Крайстчерчем в Новой Зеландии.

— Вы там родились?

— Нет, я родилась в Индии. Мой отец был офицером британской армии. Мать умерла через год или два после моего рождения, и отец отослал меня в Новую Зеландию к родственникам, где я и воспитывалась. Потом, несколько лет спустя, он тоже умер.

— Вы не помните, как ехали из Индии в Новую Зеландию?

— Нет, совершенно не помню. Лишь очень смутно припоминаю корабль. Круглые окна — иллюминаторы, по-видимому. И мужчина в белой форме с красным лицом и голубыми глазами, с отметиной на подбородке, наверное, шрамом. Он любил подбрасывать меня в воздух, и я помню, что это и пугало и радовало меня. Но это всего лишь отрывочные воспоминания.

— А вы помните няню или служанку из местных жителей?

— Не служанку, а Ненни. Я помню Ненни, потому что она находилась при мне, пока мне не исполнилось пять лет. Вырезала, бывало, мне уточек из бумаги. Да, она тоже была на корабле и бранила меня за то, что я плакала, когда капитан целовал меня, а его борода царапала мне лицо.

— А вот это уже интересно, моя дорогая. Потому что у вас в памяти сместились два разных путешествия. В одном случае у капитана была борода, а в другом — у него было красное лицо и шрам на подбородке.

— Да, — согласилась Гвенда, — такое вполне могло быть.

— И мне это представляется возможным, — сказала мисс Марпл. — Когда ваша мать умерла, отец взял вас сначала с собой в Англию, и вы действительно жили в том самом «Хиллсайде». Вы же сказали, что почувствовали себя как дома, едва войдя в него. И та комната, в которой вы устроили временную спальню, возможно, была вашей детской…

— Это, несомненно, была детская комната. Там решетки на окнах.

— Вот видите! И на стенах были те самые веселенькие обои с васильками и маками. Дети навсегда запоминают рисунок на стенах своих детских. Я до сих пор помню розовато-лиловые ирисы на обоях в моей детской, хотя их сменили, когда мне было всего три года.

— Так вот почему я сразу подумала об игрушках, кукольном домике и шкафе для игрушек?

— Да. И ванная комната. Ванна там отделана

красным деревом. Вы сказали, что подумали об утках, как только увидели ее.

Гвенда задумчиво продолжала:

— Верно и то, что я сразу же вспомнила, где что располагалось, — и кухня, и шкаф для белья. И где находилась дверь, ведущая из гостиной в столовую. Но ведь совершенно не поддается объяснению, почему я приехала в Англию и купила дом, в котором жила много лет назад.

— Этому есть объяснение, дорогая. В данном случае имело место удивительное совпадение. Ваш муж изъявил желание поселиться на южном побережье. Именно там вы стали искать подходящий дом, и в ваше поле зрения попал дом, который пробудил память и понравился вам. Он подошел вам по цене и отвечал вашему вкусу, вот вы и купили его. Так что ничего экстраординарного тут нет. Если бы в доме были привидения (что в принципе возможно), думаю, вы сразу же почувствовали бы это. Но ведь вы никогда не испытывали чувства страха или отвращения, если не считать единственного случая, когда вы, спускаясь по лестнице, посмотрели вниз, в холл.

В глазах Гвенды снова появился страх.

— Вы хотите сказать… что… Элен… Это тоже было на самом деле?

— Да, дорогая, я так считаю, — мягко заметила мисс Марпл. — Я полагаю, нам следует исходить из предположения, что если вы помните другие вещи, то и это тоже должны помнить…

— Так, выходит, я и на самом деле видела кого-то убитого… задушенного… лежащего там… мертвого?

— Я не думаю, что вы поняли тогда, что женщина была задушена, к такому выводу вы пришли под влиянием вчерашней пьесы, чему в немалой степени способствовало воспоминание о синем, искаженном конвульсией лице. Мне кажется, что даже очень маленький ребенок способен в подобной ситуации понять, что случилось насилие, смерть, зло, и соотнести это с определенным набором слов. Поэтому я не сомневаюсь, что убийца действительно произнес те самые слова. Это явилось глубоким потрясением для вас. Дети — очень странные существа. Если они страшно чем-то испуганы, особенно тем, чего не могут понять, то никогда не говорят об этом. Таят в себе. Со стороны кажется, они сразу же все забывают. Но это не так, страшные события прочно укореняются в их памяти.

Гвенда тяжело вздохнула.

— Вы считаете, что со мной тоже произошло

нечто такое? Но почему я вспомнила все это только теперь?

— На этот вопрос трудно ответить. И когда человек пытается это сделать, память нередко противится этому. Но, как мне кажется, одна-две детали свидетельствуют о правильности моего предположения. Например, когда вчера вечером вы рассказывали мне о своих переживаниях в театре, вы сказали, что смотрели «сквозь стойки перил», хотя обычно человек смотрит не сквозь стойки перил, а поверх перил.

— Это вы очень тонко заметили, — живо отозвалась Гвенда.

— Подобные «мелочи» порой имеют большое значение.

— Но кем могла быть эта Элен? — с беспокойством спросила Гвенда.

— Скажите, дорогая, вы по-прежнему уверены, что ее звали Элен?

— Да… это ужасно странно, потому что я не знаю, кто она такая… эта Элен… но в то же время я знаю… что там лежала именно Элен… Что я еще могла бы узнать?

— Хорошо, я считаю, что прежде всего необходимо выяснить, бывали ли вы или могли ли быть в Англии ребенком. Ваши родственники…

— Тетушка Элисон. Она наверняка знает! Я уверена! — с готовностью воскликнула Гвенда.

— Тогда вам следует послать ей письмо авиапочтой. Изложите ей существо дела, в связи с чем вам необходимо знать, были ли вы когда-нибудь раньше в Англии. Вы сможете получить ответ по авиапочте до приезда вашего мужа.

— О, благодарю вас, мисс Марпл! Вы необычайно добры. И я искренне надеюсь, что ваши предположения оправдаются. А это будет означать, что все в порядке. Я имею в виду, что ничего сверхъестественного не происходит.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Надеюсь, все получится так, как мы думаем. Послезавтра я еду навестить старых друзей в Северной Англии. На обратном пути, дней через десять примерно, я буду в Лондоне. Если вы и ваш муж будете здесь или вы получите ответ на ваше письмо, мне было бы очень любопытно узнать результат.

— Ну конечно же, мисс Марпл! В любом случае я хочу, чтобы вы познакомились с Джайлсом. Он отличный парень. И мы как следует обсудим все это дело.

Настроение Гвенды теперь совершенно исправилось. Мисс Марпл, напротив, казалась

задумчивой.

Глава 5
Убийца в ретроспекции

I

Прошло дней десять, и мисс Марпл появилась в небольшом отеле в Мэйфейре, где ее восторженно встретили молодые мистер и миссис Рид.

— Это мой муж, мисс Марпл. Джайлс, я просто не могу выразить словами, как мисс Марпл была добра ко мне.

— Очень приятно познакомиться, мисс Марпл. Слышал, Гвенда находилась в таком отчаянии, что чуть не угодила в психиатрическую клинику.

Мисс Марпл окинула Джайлса Рида ласковым взглядом голубых глаз. Весьма привлекательный молодой человек, высокий, белокурый, с обезоруживающей привычкой время от времени часто моргать, что, однако, не было признаком врожденной застенчивости. Она отметила его волевой подбородок и четко очерченные скулы.

— Давайте выпьем чаю в маленькой гостиной, где царит полумрак, — предложила Гвенда. — Туда никто никогда не заглядывает. Там мы сможем

показать мисс Марпл письмо от тетушки Элисон. Да, — добавила она, поймав на себе проницательный взгляд мисс Марпл. — Ваши предположения полностью подтвердились.

После чая письмо, пришедшее от мисс Данби, было извлечено из сумочки и вручено мисс Марпл.

«Дорогая Гвенда!

Я была ужасно встревожена возникшими у тебя неприятностями. По правде говоря, я совсем запамятовала, что, будучи совсем маленьким ребенком, ты провела некоторое время в Англии.

Твоя мать, а моя сестра Меган, познакомилась с твоим отцом, майором Холидеем, в Индии, где она гостила у наших общих друзей. Они поженились, и ты родилась там. Примерно через два года после твоего рождения Меган умерла. Ее смерть потрясла нас, мы написали твоему отцу, с которым состояли в переписке, но которого никогда не видели, и просили его доверить тебя нашим заботам, поскольку для военного человека маленький ребенок мог стать большой обузой. Твой

отец, однако, ответил отказом, объяснив это тем, что вскоре намерен выйти в отставку и вернется с тобой в Англию. Он надеялся, что тогда мы сможем приехать навестить вас там.

Как я поняла, по пути домой твой отец встретил молодую женщину, обручился с ней, и они поженились, как только приехали в Англию. Этот брак, судя по всему, оказался несчастливым, и они через год расстались. Вот почему твой отец написал нам, спрашивая, готовы ли мы, как и прежде, приютить тебя. Я не могу передать словами, дорогая, как счастливы мы были. Тебя привезла к нам няня-англичанка. Одновременно отец отписал тебе значительную часть своего состояния и предложил, чтобы в дальнейшем ты носила нашу фамилию. Надо сказать, что мы были слегка удивлены таким предложением, но посчитали, что это сделано из добрых побуждений, чтобы ты легче адаптировалась к нашей семье. Мы с радостью приняли тебя, но его предложение отвергли. Примерно год спустя твой отец умер в клинике для

тяжелобольных. Я подозреваю, что он уже знал о своем плохом здоровье, когда посылал тебя к нам.

К сожалению, я не знаю, где вы жили с отцом после возвращения в Англию. Конечно, на его письмах значился обратный адрес, но минуло восемнадцать лет с тех пор, и никто уже его не помнит. Я знаю точно, что жили вы где-то в Южной Англии, но не уверена, что это был Дилмут. Мне на ум приходит почему-то Дартмут, но оба названия очень похожи. Думаю, твоя приемная мать снова вышла замуж, но я не могу вспомнить ее имя и даже ее девичью фамилию, хотя твой отец упоминал его в письме, извещавшем о его второй женитьбе. Мы, помнится, осуждали его за столь поспешный второй брак, хотя понимали, что длительное пребывание на борту судна располагает к сближению, а может быть, он полагал, что так будет лучше для тебя.

Странно, что я никогда не говорила тебе о том, что ты действительно жила в Англии, хотя сама ты и не помнишь этого, но, повторюсь, все тогдашние события

как-то стушевались в моей памяти. Ведь смерть твоей матери в Индии и твой переезд к нам были важными событиями в жизни нашей семьи.

Надеюсь, что теперь тебе все ясно?

Уверена, что Джайлс скоро воссоединится с тобой. Вам обоим трудно пребывать так долго в разлуке.

О себе напишу более подробно в следующем письме, потому что спешу отправить ответ на твою телеграмму.

Твоя любящая тетушка

Элисон Данби.

P.S. Ты так и не сообщила, что именно тебя так встревожило».

— Вот видите, — сказала Гвенда, — ваши предположения полностью оправдались.

Мисс Марпл разгладила тонкий листок.

— Да, да, действительно. Объяснение вполне логичное. Мои умозаключения часто оказываются правильными.

— Я бесконечно признателен вам, мисс Марпл! — сказал Джайлс. — Бедная Гвенда была так потрясена, да и я тоже, надо сказать, ужасно беспокоился, что она оказалась ясновидящей

или психически больной. Или еще что-то в этом роде.

— Это и впрямь способно обеспокоить мужа, — вставила Гвенда. — Тем более что у нас всегда все было безупречно.

— Это действительно так, — подтвердил Джайлс.

— А что с домом? Что вы решили? — спросила мисс Марпл.

— О, все в порядке. Мы едем туда завтра утром. Джайлсу не терпится увидеть его.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной, мисс Марпл, — сказал Джайлс, — но мне кажется, что у нас в руках страшная тайна. Связанная с убийством. Прямо на пороге дома, точнее — в холле.

— Я уже думала об этом, — медленно проговорила мисс Марпл.

— Просто Джайлс любит детективные истории, — добавила Гвенда.

— Да, я полагаю, речь идет именно о детективной истории. Труп красивой женщины, задушенной в холле. О ней ничего не известно, кроме ее христианского имени. Это случилось почти двадцать лет назад. За давностью происшествия уже не найти никаких улик, но все же можно сделать какие-то умозаключения и попытаться нащупать

какие-то нити. О! Осмелюсь предположить, что никому уже не удастся разгадать эту тайну, — с сожалением сказал Джайлс.

— Я думаю, что вы смогли бы, — возразила мисс Марпл. — Даже невзирая на то, что это произошло восемнадцать лет назад. Да, я думаю, что вы смогли бы.

— Так или иначе, такая попытка не причинит никому вреда? — Лицо Джайлса озарила улыбка.

Мисс Марпл вдруг внутренне напряглась.

— Нет, это может причинить вам большой вред. Я посоветовала бы вам обоим… о да, я вполне серьезно советую вам оставить это дело.

— Оставить? Принадлежащую нам тайну убийства, если только убийство действительно имело место?

— Думаю, речь идет именно об убийстве. И именно поэтому я не стану этим заниматься. Убийство — не тот случай, чтобы безоглядно ввязаться в его расследование.

— Но, мисс Марпл, если каждый будет так относиться… — начал было Джайлс, но она перебила его:

— О, я знаю, бывают случаи, когда ты просто обязан заниматься расследованием… например, когда обвиняют невиновного… когда подозрева-

ются различные люди… а опасный преступник разгуливает на свободе и может снова причинить зло. Но вы должны помнить, что это убийство совершено в далеком прошлом. Возможно, факт убийства не был зафиксирован, но все же, если оно имело место, вы непременно узнали бы об этом от вашего старого садовника или еще от кого-нибудь: убийство, пусть даже очень давнее, всегда свежая новость. Должно быть, в данном случае тело удалось каким-то образом спрятать, так что ни у кого даже не возникло подозрения о случившемся. Вы уверены… вы в самом деле уверены, что рискнете раскапывать это дело?

— Мисс Марпл, — вскричала Гвенда, — вы действительно обеспокоены нашей затеей?

— Да, обеспокоена, моя дорогая. Вы оба — милые, очаровательные молодые люди. Вы недавно поженились и счастливы вместе. Не надо, прошу вас, затрагивать вещи, которые могут… которые могут… как бы это лучше сказать… которые могут расстроить вас и причинить вам горе.

Гвенда с удивлением посмотрела на нее.

— Вы говорите о чем-то определенном или только намекаете на что-то?

— Не намекаю, дорогая. Только советую забыть об этом, потому что я много лет прожила на свете

и знаю, как ранима человеческая душа. Вот вам мой совет: оставьте это дело в покое.

— Но его нельзя оставить так просто! — В голосе Джайлса послышались непривычные для него твердые нотки. — «Хиллсайд» — наш дом, Гвенды и мой. И кто-то был убит в этом доме, по крайней мере, мы так думаем. Я не хочу мириться с убийством в своем доме, даже если оно произошло восемнадцать лет назад!

Мисс Марпл вздохнула.

— Весьма сожалею, — сказала она. — Я думаю, что большинство молодых порядочных людей поступили бы именно так. Я разделяю ваши чувства и почти восхищаюсь вами. Но я хочу… о, как я хочу, чтобы вы не занимались этим…

II

На следующий день по деревне Сент-Мэри-Мид разнесся слух, что мисс Марпл снова дома. Ее видели на Хай-стрит в одиннадцать часов. Она заходила в дом викария без десяти минут двенадцать. После полудня три наиболее осведомленные жительницы деревни ощутили потребность узнать ее впечатления о веселой столице и, отдавая дань вежливости, сами погрузились в детали надвигающегося сражения за

место, где будут размещаться киоск с вышивками и чайная палатка на приближающемся ежегодном празднике.

Позже, вечером, мисс Марпл можно было увидеть, как всегда, в саду, но на сей раз она предпочитала борьбу с сорняками контактам с соседями. За скромным, как обычно, ужином она была рассеянна и, казалось, совсем не слушала бойкой болтовни своей юной горничной Эвелин о событиях, связанных с местным аптекарем. И на следующий день она тоже казалась рассеянной, что отметили один или два жителя деревни, в том числе и супруга викария. Этим вечером мисс Марпл сказалась слегка нездоровой и рано легла в постель. На следующее утро она послала за доктором Хейдоком.

Доктор Хейдок был личным врачом мисс Марпл, ее другом и верным союзником в течение многих лет. Она изложила свои суждения о симптомах, после чего доктор осмотрел ее и, достав стетоскоп, принялся прослушивать легкие.

— Для дамы вашего возраста, — изрек он, — и несмотря на ваш болезненный вид, вы абсолютно здоровы.

— Я не сомневаюсь, что мое общее состояние удовлетворительно, — ответила мисс Марпл. —

Признаюсь, я слегка переутомилась и чувствую себя неважно.

— Просто вы немного кокетничаете. Эти поздние вечера в Лондоне…

— Да, конечно. Я нашла Лондон несколько утомительным. Да и воздух — такой тяжелый. Не то что свежий морской.

— Воздух здесь, в Сент-Мэри-Мид, чистый и свежий.

— Но часто бывает и удушливый. И все же, как вы знаете, бодрящий.

Доктор Хейдок взглянул на нее с некоторым любопытством.

— Я пришлю вам тонизирующий бальзам.

— Благодарю вас, доктор. Эликсир Истона всегда полезен.

— Я способен назначить лечение без вашей помощи, мадам.

— Я думаю, что, может быть, перемена воздуха?..

Мисс Марпл обратила на него свой проницательный взгляд.

— Вы отсутствовали целых три недели.

— Я знаю. Сначала я была в Лондоне, который, как вы заметили, плохо отражается на здоровье. А потом на севере, в промышленном районе, где

уж и совсем не бодрящий воздух.

Доктор Хейдок закрыл свой саквояж. Потом обернулся, улыбаясь.

— А теперь давайте уточним, зачем вы посылали за мной, — сказал он. — Чтобы вы сами назначили себе лечение, а я вторил вашим словам? Вы хотели, чтобы я подтвердил: единственное, что вам требуется, — это морской воздух…

— Я знала, что вы правильно меня поймете, — с благодарностью сказала мисс Марпл.

— Прекрасная вещь этот морской воздух. Вам надо немедленно поехать в Истбурн, иначе ваше здоровье серьезно пошатнется.

— В Истбурне, я думаю, немного холодновато. Особенно на закате, вы же знаете.

— Тогда в Борнмут или на остров Уайт.

Мисс Марпл лукаво взглянула на него.

— Мне всегда казалось, что маленькие городки куда приятнее.

Доктор Хейдок снова сел.

— Мое любопытство возрастает. Какой маленький приморский городок вы имеете в виду?

— Ну, я думала о Дилмуте.

— Отличное местечко. Немного, правда, скучноватое. А почему вы выбрали именно Дилмут?

Несколько мгновений мисс Марпл хранила

молчание. Потом сказала:

— Предположим, однажды, случайно, вы узнали, что много лет назад, девятнадцать или двадцать, было совершено убийство. Этот факт известен только вам одному, официально об этом не сообщалось, и никто о случившемся даже не подозревает. Как бы вы поступили?

— Убийство действительно произошло давно?

— Именно так.

Хейдок немного подумал.

— И это не судебная ошибка? Никто не понес наказания?

— Насколько можно судить, никто.

— Хм. Убийство в ретроспекции. Нераскрытое убийство. Ну хорошо, я скажу вам. Я бы не стал ворошить прошлое. Вот так бы я поступил. Связываться с убийством всегда опасно. Это может оказаться очень опасным.

— Я тоже так считаю.

— Бытует мнение, — продолжал доктор, — что убийца никогда не останавливается на одном преступлении. Но это неверно. Есть среди них и такие, кто, совершив убийство, всячески старается скрыть его и не хочет снова рисковать. Не думаю, что после этого они живут счастливо, я не верю, что это возможно, существует много видов

возмездия. Но по крайней мере внешне все идет хорошо. Возможно, так было в случае с Маделин Смит или с Лиззи Борден. И неважно, что Маделин Смит и Лиззи были оправданы, — многие люди сочли этих женщин виноватыми. Я мог бы назвать вам и других. Они никогда не повторяли преступлений — одно преступление дало им то, чего они хотели, и они были удовлетворены этим. Но представьте, что им угрожает какая-то опасность? Я имею в виду нашего убийцу, кто бы он ни был, мужчина или женщина. Он совершил преступление и вышел сухим из воды, находится вне подозрений. Но вдруг появляется некто, начинает раскапывать дело и в конечном счете преуспевает в раскрытии преступления. Как поведет себя в такой ситуации наш убийца? Будет стоять, улыбаясь, и ожидать, когда кольцо вокруг него сомкнется? Нет, если это не имеет для вас принципиальной важности, то я скажу вам: не вмешивайтесь в эту историю. — И снова повторил: — Не ворошите прошлого, — после чего твердо добавил: — Вот вам мое предписание. Оставьте эту затею.

— Но это касается не только меня, а еще двоих очаровательных молодых людей. Позвольте мне рассказать вам!

Она рассказала ему всю историю, и Хейдок внимательно ее выслушал.

— Невероятно, — согласился он, когда она закончила свой рассказ. — Невероятное совпадение. И дело весьма необычное. Я полагаю, вы понимаете, что значит впутаться в эту историю?

— О, разумеется. Но я думаю, что пока им это не приходит в голову.

— Затеваемое дело чревато множеством бед для них, они будут горько сожалеть, что затеяли это расследование. Семейные тайны должны строго храниться. Хотя, знаете, я вполне понимаю молодого Джайлса. Окажись я на его месте, возможно, и я повел бы себя точно так же. И даже сейчас мне интересно… — Он умолк на полуслове и в упор посмотрел на мисс Марпл. — Так вы затеяли историю с нездоровьем, чтобы оправдать свою поездку в Дилмут? Хотите вмешаться в дело, которое вас совершенно не касается?

— Вовсе нет, доктор Хейдок. Но я беспокоюсь о знакомой супружеской паре. Они молоды, неопытны, слишком доверчивы и легковерны. Я чувствую, что должна быть там, чтобы присмотреть за ними.

— Так вот зачем вы едете. Присмотреть за ними! А сможете ли вы остаться в стороне и не

вмешиваться в расследование, мадам? Хотя речь идет об убийстве, совершенном очень давно.

Мисс Марпл чуть заметно улыбнулась:

— Но вы же считаете, что несколько недель в Дилмуте благотворно скажутся на моем здоровье, разве не так?

— Скорее всего, эта поездка закончится плачевно для вас, — сказал доктор Хейдок. — Но вы же не слушаете меня!

III

По пути к друзьям, полковнику и миссис Бентри, мисс Марпл встретила самого полковника Бентри с ружьем, шагавшего ей навстречу в сопровождении спаниеля. Полковник сердечно приветствовал пожилую леди:

— Рад видеть вас снова. Как Лондон?

Мисс Марпл ответила, что Лондон в полном порядке. Племянница сводила ее на несколько спектаклей.

— Заумных, наверное. А я предпочитаю музыкальные комедии.

Мисс Марпл сказала, что была на спектакле по пьесе русского автора, весьма интересном, хотя, возможно, излишне затянутом.

— Русского автора? — возмутился полковник

Бентри. Ему как-то довелось, находясь в госпитале, прочитать роман Достоевского.

Полковник сообщил, что мисс Марпл сможет найти Долли в саду.

Миссис Бентри большую часть времени проводила в саду. Сад был ее страстью, а излюбленным чтением — каталоги о цветах, и все ее разговоры сводились к примулам, луковицам, цветущим кустарникам и новым сортам альпийских цветов. И первое, что увидела мисс Марпл, был ее внушительный зад, обтянутый полинявшим твидом.

Заслышав приближающиеся шаги, миссис Бентри, кряхтя и морщась, с трудом приняла вертикальное положение: ревматизм — вот цена ее хобби. Она терла вспотевший лоб измазанной в земле рукой и радушно приветствовала подругу:

— Слышала, что вы вернулись, Джейн. Как вам мой дельфиниум? А вы видели мои новые горечавки? У меня с ними было много хлопот, но думаю, что теперь они прижились. Что нам сейчас требуется, так это дождь. Было все время ужасно сухо… Эстер сказала мне, что вы больны и лежите в постели. — Так звали кухарку миссис Бентри и ее «офицера по связи с деревней». — Рада убедиться, что это не так.

— Я немного переутомилась, — объяснила мисс

Марпл. — Доктор Хейдок считает, что мне необходим морской воздух. И он прав.

— О, но вы не можете уехать сейчас, — возразила миссис Бентри. — Сейчас самое время заняться садом. Ваши кусты в живой изгороди вот-вот зацветут.

— Доктор Хейдок находит отдых весьма целесообразным.

— Да, доктор Хейдок не так глуп, как другие доктора, — нехотя призналась миссис Бентри.

— Я все думаю, Долли, о той вашей кухарке.

— Какой кухарке? Вам нужна кухарка? Вы, конечно же, не имеете в виду ту женщину, которая пьет, не так ли?

— Нет, нет, нет. Я имею в виду ту, которая печет такие вкусные пироги. У которой муж был буфетчиком.

— О, вы говорите о Мок Тартл! — воскликнула миссис Бентри, сразу поняв, в чем дело. — Женщина с таким надтреснутым голосом, когда она говорит, вам кажется, что она вот-вот заплачет. Она отлично готовит. Муж у нее жирный, похоже, большой лентяй. Артур говорит, что он всегда разбавляет виски. Вполне возможно. Жаль, что один в чете всегда хуже другого. Они получили наследство от своего бывшего хозяина, посе-

лились в меблированных комнатах с полным пансионом на южном берегу.

— Вот ее-то я и имела в виду. А где именно они поселились? Не в Дилмуте ли?

— Именно там. Дилмут, улица Си Перейд, 14.

— Я подумала, коль скоро доктор Хейдок рекомендует мне южное взморье, то не поехать ли мне к ним, их фамилия Сандерс?

— Да, это блестящая идея, Джейн. Вы не могли придумать ничего лучше. Миссис Сандерс будет ухаживать за вами, а так как сейчас не сезон, они будут рады принять вас и не возьмут слишком много. При хорошем питании и морском воздухе вы скоро поправитесь.

— Благодарю вас. Надеюсь, что поправлюсь.

Глава 6
Упражнение в розыске

I

— Где, по-твоему, лежало тело? Вот здесь? — спросил Джайлс.

Они с Гвендой стояли в холле «Хиллсайда». Они приехали сюда прошлой ночью, и Джайлс находился в крайнем возбуждении. Он радовался, словно ребенок новой игрушке.

— Вот здесь, — ответила Гвенда. Она поднялась на несколько ступенек вверх и внимательно посмотрела оттуда вниз. — Да. Я думаю, примерно здесь.

— Пригнись, — попросил жену Джайлс. — Тебе было всего три года.

Гвенда послушно присела.

— Ты действительно не могла видеть мужчину, который произнес те самые слова?

— Не помню, чтобы я его видела. Он должен был находиться где-то сзади, да, вон там. Я могла видеть только его лапы.

— Лапы? — нахмурился Джайлс.

— Это были именно лапы. Серые лапы, не похо-

жие на человеческие руки.

— Но послушай, Гвенда, ты не путаешь с убийством на улице Морг? У человека не может быть лап.

— Ну а у него были лапы.

Джайлс с сомнением посмотрел на нее.

— Это ты домыслила уже потом.

— Уж не думаешь ли ты, — стараясь сохранить хладнокровие, возразила Гвенда, — что я выдумала и все остальное? Знаешь, Джайлс, я много думала. Иногда мне казалось, что это был всего лишь сон. Это было похоже на детские сны, которые так пугают детей и запоминаются надолго. Тебе не кажется, что это подходящее объяснение? Потому что никто в Дилмуте не имеет ни малейшего представления о том, что здесь произошло убийство, или внезапная смерть, или еще что-то странное.

Теперь Джайлс был похож уже на ребенка, у которого отбирают любимую игрушку.

— Может быть, все это тебе привиделось в ночном кошмаре? — нехотя предположил он. Но тут же отбросил эту мысль. — Нет, — решительно сказал он. — Я не верю в это. Тебе могли присниться обезьяньи лапы и мертвое тело, но будь я проклят, если тебе приснилась эта реплика из

«Герцогини Мальфи».

— Я могла слышать эту реплику наяву, а потом кто-то произнес ее в увиденном мною сне.

— Не думаю, что такое могло произойти с ребенком. Если только ты не услышала это в состоянии сильного стресса, — а если это так, то мы снова возвращаемся к исходной точке. Итак, тебе приснились лапы. Ты видела труп и слышала те самые злополучные слова. Это зрелище повергло тебя в ужас, тебе стали сниться кошмары, в которых были и обезьяньи лапы… а может, ты боялась обезьян?

Гвенда вдруг задумалась и медленно проговорила:

— Полагаю, что так могло быть…

— Мне хочется, чтобы ты вспомнила чуть больше… Спустись сюда, в холл. Закрой глаза. Подумай… Ничего больше не можешь припомнить?

— Нет, Джайлс… Чем больше я думаю, тем дальше все это отодвигается. Теперь я, кажется, вообще начинаю сомневаться, что видела все это наяву. Может быть, в тот вечер, в театре, у меня был приступ безумия.

— Нет. Что-то произошло в реальности. Мисс Марпл тоже так считает. А что насчет Элен? Ты

что-нибудь помнишь о ней?

— Я вообще ничего не помню. Ничего, кроме имени.

— Это даже могло оказаться ненастоящее ее имя.

— Да, но имя убитой было точно Элен, — уверенно и твердо заявила Гвенда.

— Если ты уверена, что это была Элен, то должна хоть что-то знать о ней, — продолжал Джайлс. — Ты ее хорошо помнишь? Она здесь жила? Или только гостила?

— Я же сказала тебе, не знаю. — Гвенда раздражалась все больше и больше.

Джайлс переменил тактику:

— А кого еще ты можешь припомнить? Отца?

— Нет. Понимаешь, в доме тетушки Элисон висела его фотография, и она постоянно говорила: «Это твой отец». Я не помню, чтобы видела его здесь, в этом доме…

— И слуг, нянек тоже не помнишь?

— Нет, нет. Чем сильнее я стараюсь вспомнить, тем стремительней все это ускользает от меня. Все мои «открытия» происходили на уровне подсознания… я машинально подходила к тому месту, где раньше была дверь. Я не помню, что там была дверь. Возможно, если бы ты не растор-

мошил меня так сильно, Джайлс, я что-нибудь и вспомнила бы. Но пытаться вспомнить сейчас — безнадежно. Это было так давно!

— Я не думаю, что это так уж безнадежно, и мисс Марпл так считает.

— Но она не поделилась с нами своими мыслями на этот счет, — сказала Гвенда. — А судя по блеску ее глаз, они у нее есть. Мне хотелось бы знать, как бы она поступила на нашем месте.

— Не думаю, что она может придумать нечто такое, до чего мы сами не способны додуматься, — решительно прервал ее Джайлс. — Пора кончать разглагольствования и начинать системно заниматься делом. Для начала я просмотрел приходские книги, в которых регистрируются все отошедшие в мир иной. Никакой Элен соответствующего возраста за тот период там не значится, если не считать Элен Пагг, скончавшейся в возрасте девяноста четырех лет. Теперь мы должны предпринять следующий шаг. Если твой отец и, возможно, приемная мать жили в этом доме, то они должны были либо купить его, либо взять в аренду.

— Судя по словам садовника Фостера, до Хенгрейвов дом принадлежал неким Элворси, а до них владелицей его была миссис Файндисон.

И все.

— Твой отец мог купить его и жить в нем очень недолго, а потом продать. Но мне кажется более вероятным, что он арендовал его, может быть, даже меблированным. Если так, то нам лучше всего обратиться в агентство по недвижимости.

Посещение агентства не было обременительным и не потребовало много времени. В Дилмуте было всего два таких агентства. Господа Уилкинсоны открыли свою контору всего одиннадцать лет назад и занимались в основном маленькими бунгало и новыми домами на окраине городка. Другая контора — Галбрейта и Пендерли, та самая, через которую Гвенда осуществила покупку дома. Придя в контору, Джайлс пустился в длинные рассуждения о том, как ему и его жене нравится Дилмут и «Хиллсайд». Потом сообщил, что, как оказалось, миссис Рид жила в Дилмуте, когда была маленьким ребенком. У нее сохранились смутные воспоминания о той поре и возникла мысль, что «Хилл-сайд» и есть тот самый дом, в котором прошло ее раннее детство, но она не совсем уверена в этом. Нет ли у них каких-нибудь сведений о том, что дом сдавался внаем майору Холидею? Это могло быть восемнадцать или девятнадцать лет назад…

Мистер Пендерли только развел руками:

— Боюсь, это невозможно установить, мистер Рид. Наши записи ограничены довольно коротким периодом времени. Очень сожалею, что не смогу помочь вам. Вот если бы наш старый клерк был жив — он умер прошлой зимой, — он мог бы помочь вам. У него была замечательная память, просто редкостная. Он служил в нашей фирме почти тридцать лет.

— И нет больше ни одного человека, который мог бы это знать?

— Все наши сотрудники относительно молоды. Правда, жив еще старый мистер Галбрейт. Он оставил службу несколько лет назад.

— Нельзя ли побеседовать с ним? — спросила Гвенда.

— Ну, трудно сказать… — Мистер Пендерли колебался. — У него случился удар в прошлом году. У него, к сожалению, с головой не все в порядке. Знаете ли, ему уже за восемьдесят.

— Он живет в Дилмуте?

— О да. «Калькутта-Лодж». Очень милый домик на Ситон-роуд. Но я действительно думаю…

II

— Пожалуй, на этот визит мало надежды, — сказал Джайлс Гвенде. — Но кто знает! Думаю, нам не следует затевать переписку. Давай лучше отправимся туда вместе прямо сейчас.

Перед домом «Калькутта-Лодж» была хорошо ухоженная лужайка, и гостиная, куда их провели, тоже оказалась аккуратненькой, хотя и довольно тесной. Там пахло пчелиным воском. Медный стол был начищен до блеска. На окнах — тяжелые портьеры.

Вскоре появилась худощавая женщина средних лет и подозрительно воззрилась на визитеров.

Джайлс быстро объяснил ей цель их визита, и выражение лица, с которым люди обычно выслушивают очередного коммивояжера, навязывающего им пылесос или какой-нибудь другой товар, исчезло с лица мисс Галбрейт.

— Мне очень жаль, но я на самом деле думаю, что не смогу помочь вам, — сказала она. — Ведь все это было очень давно, не правда ли?

— Иногда человек прекрасно помнит давнишние события, — сказала Гвенда.

— Конечно, но сама-то я ничего не могу знать об этом. Я никогда не вникала в дела отца. Майор Хо-

лидей, говорите? Нет, не помню, чтобы носитель этой фамилии когда-либо появлялся в Дилмуте.

— Может быть, ваш отец все-таки сможет вспомнить? — продолжала Гвенда.

— Отец? — Мисс Галбрейт покачала головой. — Он сейчас полностью погружен в себя, да и память у него совсем ненадежная.

Гвенда внимательно рассматривала бенаресский бронзовый столик, а потом перевела взгляд на процессию слоников из черного дерева на каминной полке.

— Я думаю, он сможет вспомнить, — предположила она, — потому что мой отец тоже приехал сюда из Индии. Ваш дом называется «Калькутта-Лодж»?

И она умолкла в ожидании ответа.

— Да, — ответила мисс Галбрейт. — Отец некоторое время находился в Калькутте. По делам. Когда в 1920 году началась война, он вернулся и стал работать в конторе, но часто говорил, что хотел бы снова вернуться в Индию. Однако моя мать не очень любила чужие страны, и, конечно, нельзя сказать, что там был здоровый климат. Не знаю… может, вы хотите видеть моего отца? Правда, сегодняшний день для него не из лучших…

Она провела их в маленький черный кабинет.

Там в потертом кожаном кресле восседал пожилой джентльмен с белыми моржовыми усами. И пока его дочь представляла визитеров, он, чуть склонив голову набок, рассматривал Гвенду с явной симпатией.

— Память часто подводит меня, — сказал он не очень внятным голосом. — Холидей, вы сказали? Нет, я не помню этого имени. Знал я мальчика в йоркширской школе, но это было более семидесяти лет назад.

— Мы полагаем, что он арендовал «Хиллсайд», — напомнил ему Джайлс.

— «Хиллсайд»? Что такое «Хиллсайд»? — Одно веко мистера Галбрейта прикрылось и снова открылось. — Там жила Файндисон. Замечательная женщина.

— Мой отец мог арендовать этот дом с мебелью… он тогда только что вернулся из Индии.

— Из Индии? Из Индии, вы сказали? Вспоминаю мужчину, военного. Знал этого старого мошенника Мохаммеда Гассана, который надул меня с коврами. У военного была молодая жена и ребенок — маленькая девочка.

— Это была я, — твердо заявила Гвенда.

— В самом деле, что вы говорите? Да, да, время быстро летит. Так как же было его имя? Хотя

обставленный дом… да… миссис Файндисон была отослана в Египет или еще куда-то на зиму… словом, ради ерунды какой-то. Как же все-таки было его имя?

— Холидей, — подсказала Гвенда.

— Верно, моя дорогая, Холидей. Майор Холидей. Славный парень. Очень хорошенькая жена, совсем молоденькая, блондинка, хотела жить поближе к родным или что-то вроде этого. Да, очень хорошенькая.

— А кто были эти ее родные?

— Понятия не имею. Ни малейшего представления об этом. А вы не похожи на нее.

Гвенда чуть было не сказала: «Она была моей приемной матерью», но вовремя остановилась, потому что это могло внести путаницу, и только спросила:

— А как она выглядела?

И вдруг услышала в ответ:

— Выглядела встревоженной — вот как она выглядела. Встревоженной. А майор этот — очень славный парень. С интересом слушал мои рассказы о Калькутте. Не то что эти молодые люди, которые никогда не покидали Англию. Ограниченные люди — вот они кто. Но я-то повидал мир. Так как его звали, того армейского парня,

который хотел снять меблированный дом?

Он напоминал очень старый граммофон с вконец заезженной пластинкой.

— «Сан-Кэтрин». Да, верно. Снял дом «Сан-Кэтрин» — шесть гиней в неделю, пока миссис Файндисон была в Египте. Там и умерла, несчастная душа. Дом выставили на аукцион, кто купил его? Сестры Элворси, целая компания женщин. Сменили название дома, посчитали, что «Сан-Кэтрин» звучит очень уж папистски. Испытывали большую неприязнь ко всему, что связано с папой, и старались всячески внушить ее другим. Просто одержимы были своими идеями… Проявляли большое участие к неграм — посылали им штаны и Библию. Неустанно занимались обращением дикарей в христианскую веру.

Вдруг он вздохнул и откинулся назад.

— Как давно это было, — произнес он. — Не могу вспомнить имена. Парень из Индии, славный парень… Я устал, Глэдис, дай мне чаю.

Джайлс и Гвенда поблагодарили его, и дочь удалилась.

— Так, значит, подтвердилось, — сказала Гвенда. — Мы с отцом жили в «Хиллсайде». Что дальше будем делать?

— Я — сущий идиот! — воскликнул Джайлс. —

«Сомерсет-Хаус»!

— А что такое «Сомерсет-Хаус»?

— Это контора, где регистрируются браки. Я иду туда, чтобы отыскать запись о женитьбе твоего отца. Судя по письму тетушки Элисон, твой отец женился во второй раз немедленно по приезде в Англию. Но понимаешь, Гвенда, он мог жениться где-то в другом месте, до приезда сюда. И вполне возможно, что Элен — имя какой-то родственницы твоей приемной матери, ее младшей сестры, например. Но так или иначе, коль скоро нам известно ее имя, мы можем попытаться отыскать кого-нибудь, кто знает что-нибудь о событиях, произошедших в «Хиллсайде». Помнишь, старик сказал, что они хотели поселиться в Дилмуте, поближе к родственникам миссис Холидей. Если эти родственники и сейчас живут здесь, возможно, нам удастся что-нибудь разузнать.

— Джайлс, — воскликнула Гвенда, — ты просто гений!

III

Джайлс в конце концов счел необязательным для себя отправляться в Лондон. Хотя его энергичная натура всегда влекла его куда-то, побуждая к немедленным действиям, на сей раз он решил,

что можно ограничиться письменным запросом.

И вот ответ наконец поступил.

— Пришел ответ на наш запрос! — с энтузиазмом воскликнул Джайлс. Он извлек из конверта заверенную копию брачного свидетельства. — Вот, пожалуйста, Гвенда. Пятница. Август 7-го дня. Регистрационный офис Кеннингстон, Келвин Джеймс Холидей сочетается браком с Элен Спенлав Кеннеди.

Гвенда громко воскликнула:

— Элен?!

Они посмотрели друг на друга. Джайлс медленно сказал:

— Но… но это не может быть она. Я думаю, они разошлись, она снова вышла замуж, а потом…

— Мы не знаем, — возразила Гвенда, — что она ушла…

Она снова посмотрела на отчетливо написанное имя: Элен Спенлав Кеннеди. Элен…

Глава 7
Доктор Кеннеди

I

Несколько дней спустя в прохладный день с резким порывистым ветром Гвенда, проходя по Эспланаде, вдруг остановилась около одного из застекленных укрытий, которые заботливая Корпорация устроила для удобства своих посетителей.

— Мисс Марпл! — не веря своим глазам, воскликнула Гвенда.

Это действительно была мисс Марпл в толстом ворсистом пальто, к тому же укутанная поверх него шарфами.

— Я уверена, что вы никак не ожидали увидеть меня здесь, — быстро сказала мисс Марпл. — Но мой доктор рекомендовал мне поехать к морю, а вы так красочно живописали Дилмут, что я решила поехать сюда. К тому же кухарка и буфетчик моей подруги держат здесь меблированные комнаты.

— Но почему вы не зайдете проведать нас? — требовательно спросила Гвенда.

— Старые люди бывают докучливы, моя дорогая. Молодоженам не полагается мешать. — Она улыбнулась в ответ на протест Гвенды. — Я не сомневаюсь, что вы приняли бы меня радушно. А как у вас дела? Продвинулись ли вы в разгадке вашей тайны?

— Мы пока не вышли на след, — сказала Гвенда, садясь рядом с мисс Марпл.

Она рассказала в деталях обо всем, что им удалось узнать за время пребывания здесь.

— А теперь, — в заключение сказала она, — мы поместили объявления во многих газетах, начиная с местных и кончая «Таймс» и другими крупными ежедневными изданиями. Мы обратились ко всем, кому что-нибудь известно об Элен Спенлав, урожденной Кеннеди, с просьбой связаться с нами, и так далее. Думаю, нам удастся получить хоть какие-нибудь сведения. А вы как считаете?

— Я хотела бы надеяться, что так и будет, моя дорогая… да, я хотела бы надеяться.

Мисс Марпл говорила, как всегда, спокойно, но в ее глазах сквозила тревога. Она бросила быстрый оценивающий взгляд на сидящую рядом молодую женщину, оптимистический тон которой показался ей не вполне искренним.

Гвенда, подумала мисс Марпл, выглядит явно встревоженной. То, что доктор Хейдок назвал «переутомлением», наверное, начала ощущать и она. Да, но теперь слишком поздно отступать…

Мисс Марпл сказала мягким, извиняющимся тоном:

— Мне и на самом деле все это очень интересно. В моей жизни, как вы знаете, так мало волнующих событий. Надеюсь, вы не сочтете меня чересчур любопытной, если я попрошу держать меня в курсе ваших дел.

— Конечно, мы все будем вам сообщать, — живо отозвалась Гвенда. — Вы будете в курсе всего происходящего. Скажите мне ваш здешний адрес, и вы непременно должны прийти к нам на чай, я имею в виду выпить чаю с нами и взглянуть на дом. Должны же вы увидеть место преступления, не так ли?

Она рассмеялась, но в ее смехе отчетливо звучали нервные нотки.

Когда Гвенда отошла, мисс Марпл нахмурилась, чуть заметно покачивая головой.

II

Джайлс и Гвенда каждый день с нетерпением ждали почту, но поначалу их надежды оказы-

вались тщетными. Пришло всего два письма от частных сыскных агентств, которые предлагали провести профессиональное расследование от их лица.

— Пока в этом нет необходимости, — сказал Джайлс. — Но если мы решим обратиться в сыскное агентство, это будет первоклассное агентство — уж ни в коем случае не из тех, что предлагают свои услуги по почте. Однако я действительно не вижу, что они могут сделать такое, чего не можем сделать мы сами.

Его оптимизм (или самонадеянность) оправдался через несколько дней. Пришло письмо, написанное характерным — отчетливым и в то же время неразборчивым — почерком, присущим профессионалам.

«Гэллс-Хилл
Вудлей-Болтон

Уважаемый сэр!

В ответ на ваше объявление в «Таймс» сообщаю, что Элен Спенлав Кеннеди – моя сестра. Много лет назад я потерял связь с ней и теперь был бы рад узнать что-нибудь о ней.

С совершенным почтением,

Джеймс Кеннеди, доктор медицины».

— Вудлей-Болтон, — сказал Джайлс. — Это не так далеко отсюда. В Вудлей-Кемп обычно ездят на пикники. Это вересковая пустошь, примерно в тридцати милях отсюда. Мы напишем доктору Кеннеди и спросим, можно ли нам приехать к нему или он предпочтет сам приехать к нам.

В полученном ответе говорилось, что доктор Кеннеди готов принять их в следующую среду. В назначенный день супруги Рид отправились к нему.

Вудлей-Болтон — деревня с домами, беспорядочно разбросанными по склонам холма Гэллс-Хилл, — оказался на самой вершине холма, и оттуда открывался вид на Вудлей-Кемп и на заболоченные равнины, поросшие вереском, за которыми простиралось море.

— Довольно мрачное место, — заметил Джайлс, поеживаясь.

И сам дом был тоже мрачным — видно, доктор Кеннеди презирал новшества вроде центрального отопления.

Дверь открыла хмурая и весьма непривлекательная особа. Она проводила их в кабинет

доктора Кеннеди, который при их появлении поднялся с кресла. Кабинет представлял собой длинную комнату с довольно высоким потолком, уставленную по стенам шкафами с книгами.

Доктор Кеннеди оказался седым пожилым мужчиной с хитрыми глазками, выглядывающими из-под кустистых бровей. Его острый взгляд быстро перебегал с одного визитера на другого.

— Мистер и миссис Рид? Присаживайтесь, миссис Рид, вот это, наверное, самое удобное кресло. Ну и в чем же все-таки дело?

Джайлс кратко изложил заранее подготовленную историю.

Они с женой недавно поженились в Новой Зеландии и приехали в Англию, где его жена жила короткое время в раннем детстве, сейчас она занята выявлением старых друзей семьи и их связей.

Доктор Кеннеди оставался безучастным и замкнутым. Он был вежлив, но явно раздражен их колониальной сентиментальностью и приверженностью к семейным узам.

— И вы полагаете, что моя сестра, моя единокровная сестра, возможно, ваша родственница? — спросил он Гвенду вежливо, но слегка враждебно.

— Она — моя мачеха, — сказала Гвенда. — Вторая жена моего отца. Я, конечно, не помню ее как следует. Была тогда слишком маленькой. Моя девичья фамилия — Холидей.

Он посмотрел на нее, и вдруг улыбка озарила его лицо. Теперь это был совсем другой человек, от отчужденности не осталось и следа.

— Бог мой! Только не говорите мне, что вы и есть Гвенни!

Гвенда широко улыбнулась. Давно забытое уменьшительное имя звучало в ее ушах как благостная музыка.

— Да, я — Гвенни.

— Да благословит бог мою душу! Выросла и вышла замуж. Как летит время! Это было… пятнадцать лет… нет, конечно, гораздо больше лет назад. Вы, естественно, не помните меня?

Гвенда отрицательно покачала головой.

— Я даже своего отца не помню. Я хочу сказать, что прошлое видится мне словно в тумане.

— Конечно… Первая жена Холидея была из Новой Зеландии… Помнится, он рассказывал мне об этом. Прекрасная страна, как я понял.

— Это самая чудная страна во всем мире, но мне и Англия тоже очень нравится.

— Вы приехали на время или хотите поселить-

ся здесь? — Он позвонил в колокольчик. — Мы должны выпить чаю.

Когда вошла высокая женщина, он попросил:

— Чаю, пожалуйста… и тостов с маслом… или… или кекса, или еще чего-нибудь.

Респектабельная экономка выглядела отнюдь не дружелюбной, но тем не менее ответила:

— Слушаюсь, сэр. — И вышла.

— Обычно я не пью чая, — заметил доктор Кеннеди, словно желая загладить неловкость, — но ради такого приятного случая…

— Спасибо, вы очень любезны, — поблагодарила Гвенда и продолжала: — Мы купили здесь дом. — И после короткой паузы добавила: — «Хиллсайд».

— О да. В Дилмуте. Вы указали на конверте свой адрес.

— Какое удивительное совпадение, правда?! — воскликнула Гвенда, обращаясь к Джайлсу.

— И правда! — согласился Джайлс. — Просто ошеломляющее совпадение.

— Понимаете, он как раз продавался, — сказала Гвенда и добавила: — Это тот самый дом, в котором мы жили много лет назад.

Доктор Кеннеди нахмурился.

— «Хиллсайд»? Ну, конечно, я слышал, что они

назвали его по-другому. Прежде он назывался в честь какого-то святого. Думаю, это тот самый дом, на Лихемптон-роуд, ведущей к центру города, по правой стороне?

— Да.

— Это он и есть. Забавно, как выветриваются из памяти названия. Подождите минутку. «Сан-Кэтрин» — вот как он назывался прежде.

— И я там жила, верно? — уточнила Гвенда.

— Да, конечно, вы там жили. — Он удивленно на нее посмотрел. — А почему вы решили снова там поселиться? Уж наверняка не из ностальгических побуждений.

— Нет. Но почему-то, едва ступив на его порог, я почувствовала себя как дома.

— Почувствовала себя как дома, — повторил доктор. Сказано это было невыразительным, безразличным тоном, но Джайлсу было бы интересно узнать, о чем доктор думал при этом.

— Видите ли, — продолжала Гвенда, — я так надеялась, что вы о многом расскажете мне… о моем отце, и Элен, и… — добавила она, запинаясь, — обо всем…

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Полагаю, вашим родственникам в Новой Зеландии мало что было известно о том, что

происходит здесь, в Англии. Да и мне известно не так уж много. Элен, моя сестра, возвращалась из Индии на одном пароходе с вашим отцом. Он был вдовец с маленькой дочерью. Элен пожалела его или влюбилась в него. А он был одинок или тоже влюбился в нее. Трудно сказать, как все это произошло. Они поженились в Лондоне, по прибытии, и приехали в Дилмут, ко мне. Тогда у меня там была практика. Келвин Холидей казался хорошим парнем, хотя был довольно раздражительным и порой впадал в депрессию… но тем не менее они казались счастливой парой… тогда. — Он немного помолчал, прежде чем сказать: — И все-таки менее чем через год она сбежала куда-то с другим. Вы, может быть, знаете об этом?

— А с кем она сбежала? — спросила Гвенда.

— Она не сказала мне. Я не пользовался ее доверием. Я видел… просто не мог не видеть, что между ней и Келвином возникли трения. Я не знал почему. Я всегда был пуританином в вопросах морали и верил в супружескую верность. Элен не желала посвящать меня в свои семейные дела. До меня доходили слухи, но без упоминания каких-то конкретных лиц. У них постоянно гостил кто-нибудь из Лондона или из других частей Англии. Думаю, она сбежала с кем-нибудь из них.

— Они были уже в разводе?

— Элен не хотела развода. Так мне сказал Келвин. Вот почему я предположил, возможно ошибочно, что мужчина был женат. И к тому же на католичке.

— А мой отец?

— Он тоже не хотел развода.

Доктор Кеннеди отвечал довольно сдержанно.

— Расскажите о моем отце, — попросила Гвенда. — Почему он внезапно решил отправить меня в Новую Зеландию?

Кеннеди ненадолго задумался, прежде чем ответить.

— Мне кажется, что на этом настаивали ваши родственники. После крушения брака с Элен он, наверное, решил, что так будет лучше для всех.

— Почему он не отвез меня туда сам?

Доктор Кеннеди оглядел каминную полку в поисках ершика для трубки.

— О, я не знаю… У него резко ухудшилось здоровье.

— А что такое с ним было? От чего он умер?

Открылась дверь, и появилась суровая экономка с подносом, на котором были тосты с маслом и варенье, но никаких кексов. Рассеянным жестом доктор Кеннеди предложил Гвенде разливать

чай. Когда чашки были наполнены и розданы, а Гвенда взяла кусочек тоста, доктор Кеннеди с напускной живостью осведомился:

— Ну и как вы обустроили свой дом? Наверное, я и не узнаю его после проведенных вами усовершенствований.

— Мы очень гордимся своими ванными, — ответил Джайлс.

Гвенда, глядя на доктора в упор, повторила свой вопрос:

— От чего же умер мой отец?

— Затрудняюсь вам сказать, дорогая. Как я уже говорил, у него возникли сложности со здоровьем, и в конце концов он отправился в клинику где-то на восточном побережье. Спустя два года он умер.

— А где точно находилась эта клиника?

— Мне очень жаль, но теперь я не могу вспомнить. Как я уже сказал, мне кажется, она находилась где-то на восточном побережье.

Доктор Кеннеди явно уклонялся от прямого ответа. Джайлс и Гвенда обменялись короткими взглядами.

— По крайней мере, сэр, вы можете сказать, где он похоронен? — спросил Джайлс. — Гвенда, естественно, очень хотела бы посетить его могилу.

Доктор Кеннеди придвинулся к камину и принялся чистить чубук трубки перочинным ножом.

— Знаете, — сказал он как-то невнятно, — не думаю, что я должен так много говорить о прошлом. Все это почитание предков — глупость. Важно только будущее. Вот вы двое, молодые, полные сил, перед вами открыт весь мир. Думайте о будущем. Какой смысл возлагать цветы на могилу того, кого вы практически и не знали?

Гвенда упрямо повторила:

— Я хотела бы видеть могилу отца.

— Боюсь, что я не смогу вам помочь. — Тон доктора Кеннеди был учтивым, но холодным. — Это произошло так давно, и я уже не помню. Я утратил связь с вашим отцом после его отъезда из Дилмута. Кажется, он написал мне из клиники, и потому у меня отложилось в памяти, что он находился где-то на восточном побережье… но на самом деле я не уверен даже в этом. И я не имею ни малейшего представления о том, где ваш отец похоронен.

— Это очень странно, — заметил Джайлс.

— Отнюдь. Как вы понимаете, нас связывала Элен. Я всегда очень гордился ею. Она моя единокровная сестра и намного моложе меня, но

я старался всячески заботиться о ней. Хорошие школы и все такое. Но нельзя отрицать и того, что Элен всегда отличалась неуравновешенным характером. Будучи совсем юной, она влюбилась в весьма сомнительного молодого человека. Мне удалось благополучно вытащить ее из этой истории. Тогда она решила уехать в Индию и выйти замуж за Уолтера Фейна. Ну, я не возражал, хороший парень, сын адвоката из Дилмута, но если говорить откровенно, тупой, как бревно. Он всегда обожал ее, но она даже не смотрела в его сторону. А тут вдруг решает ехать в Индию, чтобы выйти за него замуж. Но когда приехала туда, то сразу же передумала, телеграфировала мне с просьбой прислать денег, чтобы вернуться домой. Я послал. По пути домой она встретила Келвина. Они поженились, я об этом узнал постфактум. Я, скажем так, обиделся на нее за это. Вот почему я не поддерживал отношений с Келвином после ее побега. — И он вдруг спросил: — А где теперь Элен? Можете вы сказать мне? Я хотел бы связаться с ней.

— Но мы ничего не знаем, — ответила Гвенда. — Совсем ничего.

— О! Из вашего объявления я понял… — Он посмотрел на них с внезапным любопытством. —

Скажите, зачем тогда вы давали объявление?

— Мы хотели связаться… — начала было Гвенда и умолкла на полуслове.

— И не можете вспомнить, с кем именно? — Доктор Кеннеди выглядел озадаченным.

Гвенда поспешно ответила:

— Я думала… если я смогу связаться с ней… она расскажет мне… о моем отце.

— Да… да… я понимаю. Жаль, что не могу ничем помочь вам. Память изменяет мне. Это было так давно.

— Но по крайней мере, — спросил Джайлс, — вы знаете, какая это была клиника? Туберкулезная?

Лицо доктора Кеннеди снова стало непроницаемым.

— Да, да, скорее всего, так и есть.

— Ну, тогда нам не составит труда все выяснить, — заявил Джайлс. — Весьма признательны вам, сэр, за все, что вы нам рассказали.

Они поднялись.

— Благодарю вас, — сказала Гвенда. — Непременно приезжайте к нам в «Хиллсайд».

Прежде чем выйти из комнаты, Гвенда обернулась. Доктор Кеннеди стоял у камина, обеспокоенный, машинально теребя свой ус.

— Он знает что-то, чего никогда нам не ска-

жет, — сказала Гвенда, когда они садились в автомобиль. — Что-то такое… о, Джайлс! И зачем только мы занялись всем этим…

Они переглянулись, и у каждого из них, независимо от другого, возник тот же самый страх.

— Мисс Марпл была права, — продолжала Гвенда. — Нам не следовало делать этого.

— Но нас никто не принуждает продолжать, — неуверенно заметил Джайлс. — Я думаю, Гвенда, дорогая, нам лучше остановиться на этом.

Гвенда покачала головой:

— Нет, Джайлс, теперь мы не можем остановиться. Мы будем постоянно думать об этом и строить всевозможные предположения. Нет, мы должны продолжать… Доктор Кеннеди не сказал нам, потому что хотел быть добрым… но такой подход к делу нехорош. Мы должны продолжать и выяснить, что случилось на самом деле. Даже если… даже если… это был мой отец, тот, кто…

Но она не смогла продолжать.

Глава 8
Иллюзии Келвина Холидея

Следующим утром, когда Джайлс с Гвендой беседовали в саду со старым Фостером, миссис Коккер сообщила, что звонит некий доктор Кеннеди.

Оставив Гвенду с садовником, Джайлс поспешил в дом.

— Джайлс Рид слушает.

— Это доктор Кеннеди. Я все обдумываю наш вчерашний разговор, мистер Рид. Есть некоторые факты, которые, как я думаю, вы и ваша жена должны были бы знать. Застану ли я вас дома, если заеду к вам во второй половине дня?

— Конечно. Мы будем дома. В какое время?

— В три часа.

— Прекрасно.

А старик Фостер тем временем осведомился у Гвенды:

— Это тот самый доктор Кеннеди, который жил здесь в «Уэст-Клифф»?

— Думаю, да. Вы знали его?

— Я всегда считал его лучшим доктором здесь,

не в пример доктору Лезенбаю. Но доктор Лезенбай пользовался всеобщей симпатией, потому что всегда умел подбодрить человека, а доктор Кеннеди мил, сдержан и немного суховат, но зато знал свое дело.

— Когда он прекратил здесь практику?

— Уже давно. Может быть, лет пятнадцать назад или около того. Говорили, что у него пошатнулось здоровье.

Джайлс вскоре вернулся и в ответ на вопросительный взгляд Гвенды сообщил:

— Он будет здесь сегодня во второй половине дня.

— Вот как! — И Гвенда продолжила прерванный разговор с Фостером: — А вы знали сестру доктора Кеннеди?

— Сестру? Можно сказать, нет. Она была тогда совсем девчонкой. Ее отправили в школу, а потом за границу, хотя я слышал, будто она вернулась сюда сразу же после того, как вышла замуж. Но, кажется, вскоре удрала с каким-то парнем, говорили, что она всегда была сумасбродная. По-моему, я и не видел ее никогда. В то время я работал в Плимуте.

Прогуливаясь потом по саду вдвоем с мужем, Гвенда спросила Джайлса:

— Зачем он приезжает?

— Мы узнаем об этом в три часа.

Доктор Кеннеди прибыл точно в назначенное время. Оглядывая гостиную, он признался:

— Как странно снова оказаться здесь. — Потом без всяких предисловий перешел к делу: — Как я понял, вы намерены отыскать клинику, где умер Келвин Холидей, и выяснить все подробности о его болезни и смерти?

— Совершенно верно, — ответила Гвенда.

— Разумеется, вы вполне можете осуществить свое намерение. Поэтому я решил облегчить вашу задачу и сообщить все, что мне известно. Я сожалею, что вынужден поведать вам об этом; то, что вы узнаете, не способно принести кому бы то ни было ничего хорошего и, скорее всего, причинит вам, Гвенда, боль. Так вот. У вашего отца не было туберкулеза, и находился он не в туберкулезной, а в психиатрической клинике.

— В психиатрической клинике? Что же, он сошел с ума?

Гвенда сделалась мертвенно-бледной.

— Врачи не считали его невменяемым. И по моему мнению, он не был сумасшедшим в общепринятом смысле этого слова. Он пережил сильное нервное потрясение и страдал навяз-

чивой идеей. Он оказался в клинике по своей собственной воле и мог, разумеется, покинуть ее в любой момент. Однако лечение не принесло желаемых результатов, и в конце концов он там умер.

— Навязчивая идея? — спросил Джайлс. — Какая навязчивая идея?

— Он вообразил, будто задушил свою жену.

Гвенда исторгла сдавленный крик. Джайлс нежно сжал в ладонях ее холодную руку и, снова обратившись к доктору Кеннеди, продолжал:

— И… и он действительно это сделал?

— Нет, конечно, он этого не делал. В этом нет сомнений.

— Но… но откуда вы знаете? — послышался неуверенный голос Гвенды.

— Мое дорогое дитя. Об этом не может быть и речи. Элен бросила его ради другого мужчины. В течение некоторого времени он пребывал в очень неустойчивом состоянии — кошмарные сновидения, болезненные фантазии. Бегство Элен окончательно добило его. Я не психиатр. Но у специалистов есть объяснения подобных случаев. Если мужчина предпочитает видеть свою жену мертвой, нежели неверной, он может заставить себя представить ее мертвой — и даже внушить

себе, что сам же ее убил.

Джайлс и Гвенда незаметно обменялись предостерегающими взглядами, и Джайлс с невозмутимым видом продолжал:

— Значит, вы абсолютно уверены в том, что он не совершал того, в чем сам себя признавал виновным?

— Да, абсолютно уверен. Я получил два письма от Элен. Первое — из Франции, через неделю после ее побега, и другое — спустя шесть месяцев. Так что все это не что иное, как плод больного воображения.

Гвенда тяжело вздохнула.

— Умоляю, доктор Кеннеди, расскажите мне все.

— Я расскажу вам все, что мне известно, дорогая. Начну с того, что Келвин в течение некоторого времени находился в своеобразном невротическом состоянии. Он обратился ко мне по этому поводу, жаловался, что его мучают кошмары. Каждую ночь он видит один и тот же сон, завершающийся тем, что он душит Элен. Я пытался докопаться до причины этого наваждения — она могла корениться в каком-то событии, имевшем место в раннем детстве. Его отец и мать, очевидно, не были счастливы в браке… Ну, я не стану

углубляться в проблемы, интересные только специалисту. Я посоветовал Келвину обратиться к психотерапевту, назвав несколько первоклассных специалистов, но он не послушал меня, посчитав все это ерундой.

Мне показалось, что у них с Элен не все ладится, но он никогда не говорил об этом. А я не считал себя вправе задавать вопросы деликатного свойства. Но однажды вечером он пришел ко мне, помню, это была пятница. Я только что вернулся из больницы и застал его в приемной, где он ждал меня уже с четверть часа. Как только я вошел, он поднялся с кресла и заявил: «Я убил Элен». Я слегка оторопел, не зная, что думать. Он был абсолютно хладнокровен и невозмутим. «Вы хотите сказать, что вам привиделся очередной кошмар?» — естественно, осведомился я. И услышал в ответ: «На сей раз это не сон, а явь. Ее труп там, в доме. Это я ее задушил».

Потом он сказал таким же спокойным, вразумительным тоном: «Пойдемте со мной. Из моего дома вы сможете по телефону вызвать полицию». Я не знал, что и думать. Усадил его в свой автомобиль, и мы поехали. В доме было тихо и темно. Мы поднялись в спальню…

Гвенда перебила его:

— В спальню? — В ее голосе слышалось явное удивление.

Доктор Кеннеди был тоже слегка удивлен:

— Да. Да, именно там это якобы произошло. Но когда мы поднялись в спальню, никакого трупа, лежащего поперек кровати, естественно, не обнаружили. Равно как не обнаружили и никакого беспорядка, смятого покрывала и всякого прочего, что могло бы свидетельствовать о случившейся трагедии.

— Но что сказал отец?

— О, он, разумеется, настаивал на своем. Он и на самом деле верил в это. Я дал ему успокоительное и уложил на кровать в гардеробной комнате. Потом тщательно осмотрел дом. В корзине для ненужных бумаг в гостиной я нашел смятую записку от Элен. И все стало ясно. В ней было сказано примерно следующее: «Прощай. Я сожалею, но наш брак был ошибкой. Я ухожу с единственным мужчиной, которого когда-либо любила. Прости меня, если сможешь. *Элен*». Очевидно, Келвин, прочитав ее записку, в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения поспешил в спальню и, не обнаружив ее там, пережил приступ безумия, в результате которого уверовал в то, что убил Элен.

Когда вернулась горничная (у нее в тот день был выходной), я позвал ее в комнату Элен и попросил осмотреть шкаф с одеждой сестры. Теперь никаких сомнений в побеге Элен не осталось. Я осмотрел дом и нигде не обнаружил следов чего-то необычного, не говоря уже о трупе задушенной женщины.

Утром у меня состоялся очень трудный разговор с Келвином, в ходе которого он внял или только сделал вид, что внял, моим доводам и согласился отправиться в клинику для лечения.

Неделей позже, как я уже сказал, я получил письмо от Элен. Оно было отправлено из Биаррица, но она писала, что собирается в Испанию. Я должен был сказать Келвину, что она не требует развода, что ему лучше забыть ее, и как можно скорее. Я показал письмо Келвину. Он никак не прокомментировал его, но занялся решением практических вопросов. Прежде всего послал телеграмму родственникам первой жены в Новую Зеландию с просьбой забрать его ребенка. Потом уладил все прочие дела и лег в очень хорошую частную психиатрическую клинику. Однако лечение не принесло никаких результатов, и через два года он умер. Я могу сообщить вам адрес этой клиники в Норфолке. Теперешний главный врач

был в то время рядовым врачом и, скорее всего, может дать вам исчерпывающую информацию о вашем отце.

— А потом вы получили еще одно письмо от сестры? — спросила Гвенда.

— О да. Примерно спустя шесть месяцев. Она писала из Флоренции и указала обратный адрес «до востребования, мисс Кеннеди». Писала, что, может быть, несправедливо не давать развода Келвину, хотя ей самой он не нужен. Если он хочет развода и я сообщу ей об этом, она пошлет ему необходимые бумаги. Я показал письмо Келвину. Он сразу же сказал, что не настаивает на разводе, о чем я и сообщил ей. С тех пор от нее не было никаких вестей. Не знаю, где она сейчас живет, да и вообще жива ли она еще… Вот я и откликнулся на ваше объявление в надежде что-нибудь узнать о ней, — заключил он, а потом уже более мягким тоном добавил: — Я очень сожалею, Гвенни. Но вы должны были это узнать. Я только хотел бы, чтобы вы поставили точку на этом и не терзали себя…

Глава 9
Неизвестный фактор

I

Когда Джайлс проводил доктора Кеннеди и вернулся, он увидел Гвенду сидящей на том же месте, где ее оставил. Ее щеки пылали, а в глазах был лихорадочный блеск.

— Что это за пустая фраза! — гневно воскликнула Гвенда. — Смерть или сумасшествие? Так что же это было — смерть или сумасшествие?

— Гвенда, дорогая. — Джайлс обнял ее за плечи, ощутив, как она напряжена.

— Зачем мы все это затеяли? Почему мы вовремя не остановились? Ведь это мой собственный отец ее задушил. И это мой собственный отец произнес те самые слова. Неудивительно, что все это аукнулось мне и что я так испугалась. Ведь это мой отец.

— Подожди, Гвенда, подожди. Мы же ведь не знаем…

— Да нет, все ясно! Он же сам сказал доктору Кеннеди, что задушил жену, разве не так?

— Но Кеннеди совершенно уверен, что твой

отец не убивал ее…

— Потому что он не обнаружил тела. Но тело было… и я видела его.

— Но ты видела его в холле, а не в спальне.

— А какая разница?

— Да, но это странно, не так ли? Почему Холидей сказал, что он задушил жену в спальне, если на самом деле это произошло в холле?

— О, этого я не знаю. И вообще это совершенно несущественно.

— Я вовсе не уверен в этом. Возьми себя в руки, дорогая. Во всей этой истории много странного. Допустим, если ты так уж хочешь, что твой отец действительно задушил Элен. В холле. Что произошло потом?

— Он поехал к доктору Кеннеди.

— И сказал ему, что задушил жену в спальне, привез его к себе, и здесь оказалось, что тела нет — ни в холле, ни в спальне. Но ты же знаешь, не может быть убийства, если нет трупа. Куда в таком случае он его дел?

— А может быть, труп был, доктор Кеннеди помог отцу избавиться от него. Нам же, естественно, он не мог об этом сказать.

Джайлс покачал головой:

— Нет, Гвенда, я не думаю, что доктор Кенне-

ди мог так поступить. Он практичный, хитрый шотландец, лишенный эмоций. Ты полагаешь, он стал бы впутываться в эту историю, рискуя оказаться соучастником преступления? Я даже не допускаю мысли об этом. Единственное, что он сделал для Холидея, так это засвидетельствовал его психическое состояние. Но чего ради он стал бы совать свою шею в петлю? Келвин Холидей — не родственник ему и даже не близкий друг. А убита была его собственная сестра, которую он явно любил, хотя, может, и выказывал некоторое викторианское неодобрение ее образу жизни. Да и ты тоже не дочь его сестры. Нет, доктор Кеннеди не стал бы попустительствовать сокрытию убийства. В противном случае ему не оставалось бы ничего иного, как констатировать смерть, наступившую от сердечной недостаточности или еще от чего-то. Я полагаю, что он вполне мог бы сделать это, но мы определенно знаем, что он этого не сделал. Потому что в приходских книгах нет записи о ее смерти, а кроме того, если исходить из твоего предположения, он наверняка сказал бы нам, что его сестра умерла. Теперь, с учетом сказанного мною, скажи, куда делся труп Элен?

— Возможно, отец захоронил его где-нибудь, например в саду?

— И потом пошел к Кеннеди и сообщил ему, что задушил жену? Зачем? Почему бы ему не придерживаться версии о ее бегстве?

Гвенда откинула волосы со лба. Она немного расслабилась, и щеки уже не пылали, как прежде.

— Не знаю, — призналась она. — Твое объяснение выглядит очень логично. Думаешь, доктор Кеннеди сказал нам правду?

— О да, я абсолютно уверен в этом. С его точки зрения, все совершенно ясно. Сны, галлюцинации и, наконец… главная галлюцинация. Он убежден, что это была галлюцинация, потому что, как мы только что признали, если нет трупа, то не может быть речи и об убийстве. Вот почему мы никак не можем согласиться с ним. В отличие от него мы знаем, что труп был. — Он немного помолчал и продолжал: — С его точки зрения, все подтверждает его версию. Исчезнувшая одежда и чемодан, прощальная записка. И потом, два полученных им от сестры письма.

Гвенда оживилась:

— А эти письма? Как мы их объясним?

— Это трудно объяснить, но надо попытаться. Если исходить из того, что Кеннеди говорит правду (а я полностью в этом уверен), то нам придется

объяснить, откуда взялись эти письма.

— Я полагаю, они и в самом деле были написаны почерком его сестры? Он узнал его?

— Послушай, Гвенда, я не думаю, что он задавался этим вопросом. Это же не подпись на банковском чеке. Если те письма были написаны почерком, достаточно похожим на почерк его сестры, то могло и не возникнуть сомнений. У него уже была определенная версия случившегося. И письма только укрепляли его в убеждении, что она сбежала от мужа. В такой ситуации вряд ли письма могли вызвать у него подозрения. И тем не менее письма эти вызывают подозрения, по крайней мере у меня. Они все-таки в значительной степени анонимны. Вместо адреса — номер почтового отделения и «до востребования». Никакого упоминания о ее спутнике. По всему чувствуется желание прервать связь с единственным братом. Я думаю, подобные письма мог сочинить убийца, чтобы усыпить бдительность ее родственников. Это известная уловка. Организовать же отправку писем из-за границы совсем нетрудно.

— Ты думаешь, что мой отец…

— Нет, как раз так я не думаю. Представь себе человека, который вознамерился избавиться от

жены. Он распространяет слухи о ее возможной неверности. Он обставляет ее отъезд — оставленная записка, исчезнувшая одежда и чемодан. От нее приходят письма с тщательно выверенными интервалами откуда-то из-за границы. А на самом деле он убил ее и спрятал труп, ну, скажем, под полом подвала. Это обычный прием убийц, и он общеизвестен. Но такой убийца никогда не бросится сразу же к ее единокровному брату, чтобы признаться в совершенном преступлении и просить вызвать полицию. С другой стороны, если твой отец относился к эмоциональному типу убийц, безумно любил жену и задушил ее в припадке дикой ревности, на манер Отелло (а это совпадает со словами, которые ты слышала), он наверняка не стал бы припрятывать ее вещи и сочинять прощальное письмо прежде, чем броситься сообщать о своем преступлении человеку, который по складу своего характера не смог бы утаить это от полиции. В этом нет логики, Гвенда. Абсолютно нет логики.

— И что же теперь ты думаешь делать, Джайлс?

— Не знаю… Судя по всему, в этой истории есть еще одно действующее лицо. Назовем его Икс. Некто, пока не появившийся на сцене, но его

присутствие уже явственно ощущается.

— Икс?! — удивленно воскликнула Гвенда и с укоризной взглянула на мужа. — Ты все выдумал, Джайлс, чтобы успокоить меня.

— Клянусь, это не выдумка. Разве ты не видишь, что ни одна версия не оправдывается, все время возникают те или иные неувязки. Нам доподлинно известно, что Элен Холидей была задушена, потому что ты это видела собственными глазами… — Он помолчал, потом заговорил снова: — О боже! Какой же я дурак! Теперь я это понял. Это же все объясняет. Ты права. И Кеннеди тоже прав. Слушай, Гвенда. Элен готовилась бежать с любовником… а кто это был, мы не знаем.

— Икс?

Джайлс нетерпеливым жестом прервал ее и с горячностью продолжал:

— Она как раз писала прощальную записку, когда вошел муж, прочитал, что она написала, и вспылил. Он скомкал записку, швырнул ее в корзину для бумаг и набросился на Элен. Она в ужасе выскочила в холл, он схватил ее, начал душить, она обмякла, и он отпустил ее. И тогда, глядя на ее безжизненное тело, он процитировал злополучные слова из «Герцогини Мальфи», как раз в тот момент, когда ребенок наверху подошел

к перилам и посмотрел вниз.

— И что потом?

— А все дело в том, что она не была мертва. Он мог думать, что убил ее, но она, возможно, только потеряла сознание. Обезумевший муж бросился к доктору Кеннеди, а тем временем явился за ней ее любовник, а может, она сама пришла в чувство и проворно покинула дом. Тогда все сходится. Келвин был уверен, что убил ее. Исчезнувшая одежда была упакована и отправлена еще утром. И последующие письма являются абсолютно подлинными. Вот, пожалуйста, это объясняет все.

— Но, Джайлс, почему Келвин сказал, что задушил ее в спальне?

— Он был в шоковом состоянии и не мог точно помнить, где это произошло.

— Мне хотелось, очень хотелось бы поверить тебе… Но я уверена, совершенно уверена, что, когда я смотрела сверху, она была мертва, мертва.

— Но как ты могла быть в этом уверена? Тебе только едва исполнилось три года.

Она как-то странно посмотрела на него.

— Думаю, что ребенок способен лучше понять такое, чем старшие. Как собаки, они чувствуют смерть, задирают вверх морду и начинают выть. Думаю, что дети тоже чувствуют смерть…

— Это чепуха, фантастика.

В этот момент кто-то позвонил в дверь, и Джайлс кинулся открывать, бросив на ходу:

— Кто это может быть, хотел бы я знать.

— Я совсем забыла, — спохватилась Гвенда. — Это мисс Марпл. Я пригласила ее на чай. Не будем обсуждать с ней все это.

II

Гвенда опасалась, что визит мисс Марпл окажется трудным для нее, но мисс Марпл, к счастью, словно не замечала, что хозяйка дома говорит чуть быстрее обычного, слишком лихорадочно и что ее веселье слегка нарочито. Мисс Марпл как ни в чем не бывало рассказывала о себе — она наслаждается пребыванием в Дилмуте, друзья ее друзей написали своим здешним друзьям, и последние окружили ее заботой и любезным вниманием.

— Люди ощущают потребность в новых знакомых, вы понимаете, что я имею в виду, моя дорогая, если они много лет общаются с одними и теми же людьми. Например, я была приглашена на чай к миссис Фейн, она вдова старшего партнера лучшей здешней адвокатской фирмы. Совсем старомодная фамильная фирма. Теперь ее

возглавляет его сын.

Тихим, доверительным тоном она продолжала повествовать о своем пребывании в Дилмуте, о том, как добра к ней ее хозяйка.

— И кухня поистине восхитительна. Моя хозяйка много лет служила у моей давнишней подруги, миссис Бентри. Она родом совсем не из здешних мест, но часто приезжала сюда с мужем к тетке, прожившей много лет в Дилмуте, а потому знает множество местных слухов. Кстати, вы довольны своим садовником? Слышала, что в этих местах он слывет лодырем, больше говорит, чем делает.

— Ему бы только чаи гонять да разглагольствовать, — с улыбкой заметил Джайлс. — Выпивает по пять чашек в день. Но когда мы где-нибудь поблизости, работает отлично.

— Давайте мы покажем вам сад, — предложила Гвенда.

Мисс Марпл внимательно оглядела и дом и сад, высказав по ходу дела комментарии. И если Гвенда опасалась, что та сделает какие-то замечания или заметит упущения, то эти опасения были напрасны: мисс Марпл была сама любезность, и все ей понравилось.

Тем более странным выглядело совершенно непредсказуемое поведение Гвенды: она вдруг

перебила на полуслове мисс Марпл, рассказывавшую анекдот о ребенке и морской раковине, и прерывающимся от волнения голосом сказала Джайлсу:

— Мне это неинтересно, я хочу все ей рассказать…

Мисс Марпл настороженно взглянула на Гвенду. Джайлс начал было что-то говорить, но потом умолк и после небольшой паузы упавшим голосом сказал:

— Поступай как знаешь, Гвенда.

И Гвенда выложила все. О том, как они отправились к доктору Кеннеди и как он нанес им ответный визит и о чем поведал.

— Это именно то, на что вы намекали в Лондоне, убеждая нас не заниматься расследованием? Вы опасались, что… что здесь может быть замешан мой отец?

— Да, я допускала такую возможность. Элен вполне могла быть молодой мачехой… и в случае… э-э… удушения… часто именно мужья оказываются виновными.

Мисс Марпл говорила размеренным тоном, без каких-либо эмоций, как человек, сообщающий очередной прогноз погоды…

— Теперь я понимаю, почему вы убеждали

меня не заниматься расследованием, — сказала Гвенда. — О, как я жалею, что не послушалась вас! Но теперь нельзя повернуть вспять.

— Почему же? — возразила мисс Марпл. — Еще не поздно сделать это сейчас.

— А вы лучше послушайте Джайлса. У него есть соображения на этот счет.

— Я лишь считаю, что во всей этой истории концы не сходятся с концами, — сказал Джайлс и начал четко излагать то, что до прихода мисс Марпл объяснял Гвенде. Это была единственно правильная, по его мнению, версия. — Если бы только вы могли убедить Гвенду в моей правоте! — сказал он в заключение, с мольбой глядя в глаза мисс Марпл.

Мисс Марпл перевела взгляд с него на Гвенду и обратно.

— Ваша гипотеза весьма убедительна, — резюмировала она. — Но как вы сами только что заметили, мистер Рид, есть вероятность присутствия в деле Икса.

— Икс! — воскликнула Гвенда.

— Неизвестная личность, — сказала мисс Марпл. — Некто, скажем так, кто пока не обнаружил себя, но чье присутствие, судя по очевидным фактам, можно предположить.

— Мы собираемся съездить в лечебницу в Норфолке, где умер мой отец, — сказала Гвенда. — Может быть, там удастся что-нибудь узнать.

Глава 10
История болезни

I

Клиника «Солтмарш-Хаус» находилась в живописном месте примерно в шести милях от взморья. А в пяти милях от клиники был город Саут-Бенхэм, откуда ходил поезд в Лондон.

Джайлса и Гвенду провели в просторную гостиную с изящными креслами, обитыми кретоном. Вскоре там появилась весьма импозантная седовласая дама и, кивнув им, прошествовала к камину. В руках у нее был стакан с молоком. Несколько минут дама сидела молча, потом задумчиво посмотрела на Гвенду и вдруг, подавшись вперед, тихо, вкрадчивым голосом заговорила:

— Это ваше несчастное дитя, моя дорогая?

Гвенда слегка растерялась.

— Нет… нет. Не мое.

— Ах, я подумала было…

Пожилая дама кивнула и отпила из стакана несколько глотков. Потом, словно развивая известную Гвенде тему, добавила:

— Сейчас половина одиннадцатого — то самое время. Это всегда происходит в половине одиннадцатого. Просто удивительно. — Она понизила голос и снова подалась корпусом к Гвенде. — Там, за камином, — таинственно прошептала она. — Только не говорите, что это я вам сказала.

В этот момент в дверях гостиной появилась девушка в белом форменном платье и пригласила Джайлса и Гвенду следовать за ней.

Их провели в кабинет доктора Пенроуза, и тот встал, приветствуя их. Он выглядел еще более сумасшедшим, чем та приятная пожилая дама в гостиной, но, наверное, все психиатры кажутся немного сумасшедшими.

— Я получил письма от вас и от доктора Кеннеди, — сказал Пенроуз. — И просмотрел историю болезни вашего отца, миссис Рид. Я, разумеется, отлично помню этого пациента, но мне захотелось освежить свою память, чтобы быть в состоянии ответить на все вопросы, которые у вас могут возникнуть. Как я понимаю, вы только недавно узнали обо всем?

Гвенда объяснила, что ее маленькой забрали в Новую Зеландию родственники по материнской линии, и единственное, что она знает об отце, это то, что он умер в лечебнице.

Доктор Пенроуз кивнул:

— Совершенно верно. Болезнь вашего отца, миссис Рид, не укладывалась в обычные, хрестоматийные рамки.

— А именно? — спросила Гвенда.

— Ну, навязчивые идеи или галлюцинации были очень сильны. Майор Холидей даже в состоянии сильного возбуждения настойчиво и категорично утверждал, что задушил свою вторую жену в приступе ревности. Большое число обычных симптомов подобной болезни в данном случае не наблюдалось, и я скажу вам откровенно, миссис Рид, если бы не заверения доктора Кеннеди, что миссис Холидей в действительности жива, я в то время готов был принять слова вашего отца за чистую монету.

— У вас сложилось впечатление, что он и в самом деле убил ее? — спросил Джайлс.

— Я сказал «в то время». Позже мне представился случай пересмотреть свое мнение, потому что я лучше узнал и характер майора Холидея, и его душевное состояние. Ваш отец, миссис Рид, вполне определенно не был похож на параноика. Он не страдал манией преследования, у него не было приступов ярости. Это был добрый, кроткий человек, хорошо владеющий собой. И никак

не подходил под категорию тех, кого принято называть сумасшедшими, не говоря уже о том, что он не представлял какой-либо опасности для окружающих. Но у него была эта навязчивая идея об удушении миссис Холидей, и, чтобы докопаться до ее истоков, нам требовалось подробно исследовать его жизнь: возможно, предполагал я, причина кроется в каких-то его детских переживаниях. Должен признать, что все методы такого исследования не дали должных результатов. Сломать сопротивление пациента к исследованиям подчас бывает очень трудным делом. На это могло уйти несколько лет. В случае с вашим отцом времени было недостаточно. — Он немного помолчал, а потом, глядя в глаза Гвенде, сказал: — Знаете, я считаю, что майор Холидей совершил самоубийство.

— О нет! — вскричала Гвенда.

— Я сожалею, миссис Рид. Я думал, вы знаете об этом. Вы, видимо, вправе отчасти винить в случившемся нас. Я допускаю, что надлежащий надзор мог предотвратить все это. Но, откровенно говоря, у майора Холидея не было симптомов, характерных для категории пациентов суицидного типа. У него не было склонности ни к меланхолии, ни к задумчивости или подавленности.

Он жаловался на бессонницу, и мои коллеги назначили ему снотворное. Но он его не принимал и, когда накопил достаточное количество таблеток…

— Отец был так ужасно несчастлив?

— Нет, я так не думаю. Это было нечто большее, насколько я могу судить, — комплекс вины, и он искал для себя наказания. Поначалу, как вы знаете, он требовал, чтобы вызвали полицию, утверждал, что совершил преступление, и упорно отвергал все попытки разубедить его в этом. Но мы повторяли это вновь и вновь, и в конце концов он был вынужден признать, что не может вспомнить, как именно он совершил акт убийства. — Доктор Пенроуз поворошил лежащие перед ним бумаги. — Его рассказ о том вечере ни разу не претерпел каких-либо изменений за все время пребывания в клинике. Он пришел домой, по его словам, когда стемнело. Слуг уже не было. Он, как всегда, зашел в столовую, налил себе виски, выпил, а потом прошел через дверь, соединяющую две комнаты, в гостиную. И после этого он ничего не помнит, совсем ничего, до того момента, когда обнаружил себя стоящим в спальне возле жены, которая была мертва — задушена. Он знал, что это сделал он…

Джайлс прервал рассказ доктора:

— Извините меня, доктор Пенроуз, но почему он решил, что это сделал он?

— У него на этот счет не было сомнений. Однако спустя несколько месяцев у него зародились дикие подозрения. Он сказал мне, например, что жена давала ему наркотики. Думаю, это связано с его пребыванием в Индии. В тамошних судах часто разбирали иски к женам, которые изводили мужей, отравляя их дурманом. У него часто бывали галлюцинации, в которых смещались время и место. Он категорически отрицал, что подозревал свою жену в неверности, но я думаю, что это была главная мотивация его поступка. Похоже, в действительности все выглядело так: он вошел в гостиную, прочитал оставленную женой записку, где было сказано, что она покидает его, и, чтобы не допустить этого, он предпочел ее «убить». А дальше пошла галлюцинация.

— Вы хотите сказать, что он ее очень любил? — спросил Джайлс.

— Безусловно, мистер Рид.

— И он никогда не сознавал, что это была галлюцинация?

— Он был вынужден признать, что она должна была быть, но его внутренняя убежденность

оставалась непоколебленной. Навязчивая идея оказалась слишком сильной, чтобы так просто выяснить ее причину. Вот если бы мы могли узнать скрытые детские комплексы…

Гвенда перебила его. Ее не интересовали детские комплексы.

— Но вы говорите, что абсолютно уверены… что он не делал этого?

— О, если это беспокоит вас, миссис Рид, то можете выбросить это из головы. Келвин Холидей, как бы он ни ревновал свою жену, решительно не мог стать убийцей.

Доктор Пенроуз кашлянул и взял маленькую потрепанную черную книжку.

— Если не возражаете, миссис Рид, именно вам можно это передать. Здесь содержатся некоторые краткие записи, которые делал ваш отец, пока находился у нас. Когда мы передавали его вещи душеприказчику — адвокатской фирме, — доктор Макгуайр, тогдашний управляющий, решил приобщить эту книгу к истории болезни. Случай с вашим отцом описан в книге Макгуайра — разумеется, только под инициалами — майор К. Х. Если хотите взять этот дневник…

Гвенда с готовностью протянула руку.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я очень

хотела бы его взять.

II

В поезде на обратном пути в Лондон Гвенда вытащила потрепанную черную книжицу и начала читать. Она открыла ее наугад. Келвин Холидей писал:

«Полагаю, что эти парни-доктора знают свое дело… Все это звучит как пустая болтовня. Любила ли меня моя мать? Ненавидел ли я отца? Не верю ни одному слову об этом… Я не могу отделаться от мысли, что все это — сугубо полицейский случай, дело для криминального суда, а вовсе не повод запрятать меня в желтый дом. И еще, некоторые люди здесь — совершенно естественные и разумные, как все остальные, пока дело вдруг не дойдет до их вывертов. Очень хорошо, но кажется, что и у меня тоже есть выверт…

Я писал Джеймсу… умолял его связаться с Элен… Пусть бы она приехала и увидела меня во плоти, если только она жива… Он сказал, что не знает, где она теперь… а все потому, что он знает, что она мертва и что это я убил ее… он хороший человек, но меня ему не обмануть… Элен мертва.

Когда я начал подозревать ее? Очень давно… Вскоре после того, как мы приехали в Дилмут.

Она очень изменилась… Постоянно что-то скрывала. Я стал следить за ней… Да и она тоже начала следить за мной…

Добавляла ли она наркотики в мою еду? Эти странные, ужасные ночные кошмары… Необычные сны… Страшные кошмары… Я понимаю, что это были наркотики… Только она могла сделать это… Но зачем?.. Значит, был другой мужчина… Другой мужчина, которого она боялась…

Но буду честным. Я подозревал, что у нее есть любовник, не так ли? Она так много рассказывала мне еще на пароходе… Кто-то, кого она любила, но не могла выйти за него замуж… Но это все равно для нас обоих…

…Я не мог забыть Меган… Как похожа иногда бывает на нее маленькая Гвенда… Элен мило играла с маленькой Гвенни на пароходе… Элен… Ты так красива, Элен.

Жива ли Элен? Или я стиснул ей горло и лишил ее жизни? Я прошел через дверь в столовой и увидел записку у себя на письменном столе… и потом… все померкло… только темнота. Но в этом нет сомнений… Я убил ее… Слава богу, что Гвенни в Новой Зеландии. Они полюбят дочь Меган. Меган, Меган, как бы я хотел, чтобы ты оказалась здесь…

Это лучший выход… Никаких скандалов… Лучший выход для ребенка… Я не могу больше жить. Год за годом. Я должен найти самый короткий путь, чтобы уйти отсюда. Гвенни никогда ничего не узнает. Она никогда не узнает, что ее отец был убийцей…»

Слезы застилали глаза Гвенды. Она посмотрела на Джайлса, сидевшего напротив. Но взгляд Джайлса был устремлен в противоположный угол.

Почувствовав на себе испытующий взгляд Гвенды, он чуть заметно кивнул в сторону их попутчика, читавшего газету. На странице, обращенной к ним, крупным шрифтом был напечатан интригующий заголовок: «Кем были мужчины в ее жизни?»

Гвенда скользнула взглядом по заголовку и, никак не отреагировав, снова углубилась в чтение дневника.

«Кто-то был — я знаю, что кто-то был…»

Глава 11
Мужчины в ее жизни

I

Мисс Марпл пересекла улицу Си-Перейд и пошла по Фор-стрит, обходя холм у Аркады. Здесь было множество старомодных магазинчиков, где продавались кондитерские изделия, шерстяные и вышитые вещи, дамская одежда, словно вернувшаяся из Викторианской эпохи, галантерея и прочие товары под стать одежде.

Мисс Марпл заглянула в витрину магазина художественных вышивок. Две молодые продавщицы обслуживали покупателей, а пожилая женщина в глубине магазина была свободна.

Мисс Марпл открыла дверь и вошла. Она присела у прилавка, и продавщица, пожилая седовласая женщина, спросила:

— Что вам угодно, мадам?

Мисс Марпл хотела купить светло-голубую шерстяную пряжу на детскую кофточку. Пряжа выбиралась тщательно и неторопливо, применительно к образцам фасонов в детских журналах. При этом мисс Марпл рассказывала о своих

внучатых племянниках и племянницах. Ни она, ни продавщица не выказывали признаков нетерпения. Продавщица обслуживала таких покупателей, как мисс Марпл, уже много лет. Она предпочитала этих достойных, разговорчивых, праздных пожилых дам нетерпеливым, невежливым молодым мамашам, которые сами не знают, чего хотят, — главное, чтобы вещь была дешевой и броской.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Думаю, что остановлю свой выбор вот на этом. Я всегда считала товар фирмы «Сторклег» лучшим. Эта пряжа совершенно не садится. Наверное, мне следует взять две унции про запас.

Продавщица, заворачивая покупку, заметила, что сегодня очень холодный ветер.

— Да, в самом деле, я почувствовала это, когда шла по набережной. Дилмут сильно переменился. Я не была здесь, дайте вспомнить, девятнадцать лет.

— В самом деле, мадам? В таком случае вы обнаружите много перемен. Тогда, как я думаю, универмаг еще не был выстроен, да и отель «Саутвью» тоже.

— Тогда это был совсем маленький городок. Я останавливалась у своих друзей… Дом назывался

«Сан-Кэтрин», может быть, вы знаете его? На Лихемптонской дороге.

Но, как оказалось, продавщица жила в Дилмуте всего около десяти лет.

Мисс Марпл поблагодарила ее, взяла свой сверток и зашла в соседний магазин, где продавались ткани. И здесь она снова облюбовала продавщицу постарше. Разговор происходил по тому же сценарию, но на сей раз речь шла о выборе тканей для летних распашонок. Эта продавщица отреагировала на вопрос немедленно:

— Вы, наверное, имеете в виду дом миссис Файндисон.

— Да-да. От своих друзей я слышала, что его сдали в аренду. Майору Холидею с женой и ребенком, девочкой.

— О да, мадам. Они жили там около года, я думаю.

— Да. Он вернулся из Индии. У них была очень хорошая кухарка, она дала мне чудесный рецепт пудинга с печеными яблоками… и еще, как я помню, имбирного хлеба. Я часто ее вспоминаю.

— Вы, наверное, имеете в виду Эдит Педжет, мадам. Она все еще в Дилмуте. Служит в доме «Уиндраш-Лодж».

— И здесь был еще кто-то — семья Фейн. Он,

по-моему, был адвокатом!

— Старый мистер Фейн умер несколько лет назад, а молодой мистер Фейн — Уолтер Фейн — живет со своей матерью. Мистер Уолтер Фейн никогда не был женат. Он теперь глава фирмы.

— В самом деле? А мне казалось, что мистер Уолтер Фейн уехал в Индию разводить чайную плантацию или еще что-то.

— Я думаю, так и было, мадам. Когда он был молодым. Но примерно через год или два он вернулся домой, в свою фирму. Они делают здесь много добрых дел, и их здесь все уважают. Очень приятный, степенный джентльмен, мистер Уолтер Фейн. Он всем нравится.

— Да, вот что! — воскликнула мисс Марпл. — Он был помолвлен с мисс Кеннеди, не так ли? А она разорвала помолвку и вышла замуж за майора Холидея.

— Это верно, мадам. Она уехала в Индию, чтобы выйти замуж за мистера Фейна, но передумала и вместо этого вышла совсем за другого джентльмена.

В голосе продавщицы послышалась нотка неодобрения.

Мисс Марпл придвинулась поближе и понизила голос:

— Мне так жаль бедного майора Холидея (я знавала его мать) и его маленькую девочку. Я так понимаю, что вторая жена бросила его. Убежала с кем-то. Взбалмошная особа, судя по всему.

— Настоящая вертихвостка. А вот ее брат, доктор, очень приятный человек. Отлично вылечил мое колено от ревматизма.

— С кем она убежала? Я никогда не слышала.

— Вот этого я не могу сказать вам, мадам. Говорили, что это один из отдыхающих. Но я знаю, что майор Холидей был совершенно убит. Он уехал отсюда, и его здоровье совсем расстроилось… Ваша сдача, мадам.

Мисс Марпл взяла сдачу и свою покупку.

— Премного вам благодарна, — сказала она. — Думаю, у Эдит Педжет сохранился рецепт имбирного хлеба? Я потеряла его, или его куда-то подевала моя горничная… а я так люблю хороший имбирный хлеб.

— Могу себе представить, мадам. Кстати, ее сестра живет здесь рядом, в соседнем доме. Она замужем за мистером Маунфордом, кондитером. Эдит постоянно наведывается сюда по выходным, и я уверена, что миссис Маунфорд передаст ей вашу просьбу.

— Великолепная идея! Весьма признательна

вам за любезное внимание и простите за доставленное беспокойство.

— О, ваш визит доставил мне огромное удовольствие, уверяю вас…

Мисс Марпл вышла на улицу.

— Приятная старомодная фирма, — сказала она себе. — И распашонки будут просто прелесть, так что я не выбросила деньги на ветер.

Она взглянула на часики с бледно-голубым эмалевым циферблатом, которые носила как подвеску на платье. «Всего пять минут осталось до встречи с этой молодой парой в кафе «Джинджер Кэт». Надеюсь, они не узнали в той лечебнице чего-то ужасного».

II

Джайлс и Гвенда сидели за угловым столиком кафе «Джинджер Кэт». Перед ними на столике лежала небольшая черная книжечка.

Мисс Марпл вошла с улицы и присоединилась к ним.

— Что вы будете пить, мисс Марпл? Кофе?

— Да, благодарю вас… нет, кекса не надо, только булочку и масло.

Джайлс сделал заказ, а Гвенда подвинула маленькую черную книжечку к мисс Марпл.

— Сначала прочтите вот это, — сказала она, — а потом мы поговорим. Вот что писал мой отец, когда находился в клинике. О, но прежде, Джайлс, перескажи мисс Марпл все, о чем поведал нам доктор Пенроуз.

Джайлс так и сделал. Потом мисс Марпл стала читать указанную Гвендой страницу, а официантка тем временем принесла три чашки слабого кофе, булочку с маслом и тарелку с кексами. Джайлс и Гвенда сидели молча, пока мисс Марпл читала.

Наконец она закончила чтение и закрыла книжечку. Выражение ее лица было трудно понять. Гвенде показалось, что оно было гневным. Она крепко стиснула зубы, а в ее глазах появился блеск, редкостный для человека ее возраста.

— Да, действительно, — проговорила она, — действительно!

— Вы однажды нам посоветовали, помните, не влезать в это дело, — сказала Гвенда. — Я понимаю теперь почему. Но мы не послушали вас и получили то, что имеем. Сейчас мы оказались в ситуации, когда при желании можно остановиться… Вы считаете, что нам надо остановиться? Или нет?

Мисс Марпл медленно покачала головой. Она

выглядела встревоженной и растерянной.

— Не знаю, — ответила она. — Я действительно не знаю. Возможно, так и надо поступить, это было бы лучшим решением. Прошло очень много времени, и вы не в состоянии что-либо сделать — что-либо, я имею в виду, в конструктивном плане.

— Вы имеете в виду, что по прошествии стольких лет мы не сможем ничего узнать? — спросил Джайлс.

— О нет, — возразила мисс Марпл. — Я вовсе не это имела в виду. Девятнадцать лет — не такой уж большой период времени. Еще есть люди, которые помнят, что тогда происходило, и которые могут ответить на ваши вопросы, — и таких людей много. Например, слуги. В доме должно было быть по меньшей мере двое слуг и няня, а возможно, и садовник. Потребуется только время и немного усилий, чтобы отыскать этих людей и поговорить с ними. А я уже нашла по крайней мере одного, вернее, одну из них. Кухарку. Но я, конечно, имела в виду не это, а совсем другое: какой практической цели вы достигнете? И на этот вопрос я склонна ответить однозначно — никакой. — Она умолкла. — Тем не менее… Я принадлежу к разряду тугодумов, но я чувствую,

что в этой истории есть что-то… что-то, возможно, не вполне осязаемое, но ради чего стоило бы — и даже следовало бы рискнуть. Но я затрудняюсь сказать вам, что это такое.

Джайлс перебил ее:

— Мне кажется… — И осекся.

Мисс Марпл с готовностью повернулась к нему.

— Джентльменам, — сказала она, — присуща способность логического мышления. Я уверена, что вы все уже обдумали.

— Да, я все обдумал, — согласился Джайлс. — И на мой взгляд, в данном случае возможны две версии. Первая — та самая, о которой я говорил прежде: Элен Холидей не была мертва, когда Гвенни видела ее лежащей в холле. Позже она пришла в себя и исчезла со своим любовником. Такой вывод согласуется с убеждением Келвина Холидея в том, что это он убил жену, а также объясняет факт исчезновения чемодана и вещей Элен и, наконец, записку, найденную доктором Кеннеди. Но при этом остается неясным, почему Келвин был убежден, что задушил жену в спальне. И мы не получаем ответа на один, как мне кажется, самый важный вопрос — где сейчас Элен Холидей? Трудно себе представить, чтобы об

Элен никто, никогда и ничего не слышал. Пусть те два письма, которые получил доктор Кеннеди, были подлинными, но что произошло после этого? Почему она больше никогда не писала? Она была в добрых отношениях со своим братом, и он всегда испытывал к ней привязанность. Он мог не одобрять ее поведение, но это не значит, что он ею не интересовался. Должен вам сказать, отсутствие вестей от нее тревожит и самого Кеннеди. Скажем так, он уверовал в ту историю, которую нам рассказал. Его сестра бежала, и это столь пагубно сказалось на Келвине. Но Кеннеди уже не надеется, что сестра снова напишет ему. Шли годы, от сестры не было вестей, а Келвин Холидей упорствовал в своем заблуждении и в конце концов совершил самоубийство; в результате, я думаю, доктор Кеннеди поверил, что Келвин действительно задушил Элен. Значит, Келвин на самом деле убил Элен. Ведь если бы она умерла где-то за границей, то ему так или иначе стало бы об этом известно. Мне кажется, это объясняет его мгновенную реакцию на наше объявление. Он надеялся таким образом узнать, где она находится теперь и чем занимается. Я абсолютно убежден, что человек не может вот так бесследно исчезнуть, как это произошло с Элен. Это само по

себе весьма подозрительно.

— Я согласна с вами, — призналась мисс Марпл. — Но какую вы можете предложить альтернативу, мистер Рид?

Джайлс ответил с расстановкой:

— У меня есть альтернатива, но она достаточно фантастична, а главное — просто страшна. Потому что здесь… как бы мне получше выразиться… присутствует некий злой умысел.

— Да, — согласилась Гвенда. — Злой умысел — это именно то самое слово. Даже, мне кажется, в этом есть нечто, не поддающееся разумному объяснению…

— Думаю, это действительно так, — согласилась мисс Марпл. — Знаете, мне многое представляется здесь, скажем так, странным, не укладывающимся в общепринятые человеческие представления. Мне приходилось сталкиваться с этим…

Ее лицо приняло задумчивое выражение.

— Как видите, этому не может быть никакого нормального объяснения, — сказал Джайлс. — Я допускаю фантастическую гипотезу, что Келвин Холидей не убивал жену, но на самом деле думаю, что он все-таки ее убил. Да и доктор Пенроуз, который кажется мне приличным человеком, думает

так же. Поначалу он считал, что Холидей убил жену и хочет отдаться в руки полиции. Потом он выслушал Кеннеди и склонился к мнению, что Холидей — жертва комплексов, или навязчивых идей, или как это там у них называется, но такое заключение не казалось ему убедительным. Как опытный специалист, он понимал, что Холидей не вполне подходит под эту категорию больных. Более тщательно изучив Холидея, он пришел к твердому убеждению, что тот не мог задушить женщину. Поэтому в конце концов уверовал в то, что Холидей страдает навязчивой идеей. А это на самом деле означает, что кто-то внушил Холидею, будто он убил свою жену. Другими словами, снова встает вопрос о некоем Иксе.

Тщательно обдумав все факты, — продолжал Джайлс, — должен сказать, что эта теория, по крайней мере, приемлема. По его собственному признанию, Холидей в тот вечер вернулся домой, зашел в столовую, по обыкновению выпил, а потом прошел в соседнюю комнату, увидел записку на письменном столе, и у него случился провал в памяти… — Джайлс сделал паузу, и мисс Марпл в знак одобрения кивнула. Он продолжал: — А если предположить, что это был не провал в памяти, а результат действия наркотика, какого-то дурма-

нящего снадобья, которое подмешали в виски? Следующий шаг совершенно ясен, не так ли? Икс задушил Элен в холле, а потом оттащил ее наверх и положил на кровать. Там и нашел ее Келвин, когда поднялся наверх, и бедняга, снедаемый ревностью, подумал, что он сам сделал это. Как он действует дальше? Отправляется к ее сводному брату на другой конец города, к тому же пешком. А тем временем этот самый Икс проделывает следующий трюк. Упаковывает и уносит вещи, а также прячет тело, хотя что он мог с ним сделать, — сердито закончил он, — я совершенно не могу понять.

— Меня удивляет ваше недоумение, мистер Рид, — возразила мисс Марпл. — Я не предвижу особых сложностей в выяснении того, что Икс сделал с трупом, но, пожалуйста, продолжайте.

— «КЕМ БЫЛИ МУЖЧИНЫ В ЕЕ ЖИЗНИ?»– процитировал Джайлс. — Я увидел такой заголовок в газете, когда мы возвращались в Дилмут поездом. Это заставило меня задуматься, потому что здесь и кроется главная загадка. Если существует некий Икс, как мы считаем, то нам известно о нем лишь одно: должно быть, он сходил по ней с ума… в буквальном смысле слова.

— И поэтому ненавидел моего отца, — вставила

Гвенда. — И хотел как следует насолить ему.

— Вот мы и пришли к главному, — продолжал Джайлс. — Мы знаем, что представляла собой эта Элен… — Он замешкался, подбирая подходящие слова.

На выручку мужу пришла Гвенда, выпалив:

— Помешанная на мужчинах.

Мисс Марпл оживилась, словно желая что-то сказать, но потом, видимо, передумала. А Джайлс продолжал:

— И она была красива. Но у нас нет никаких сведений о мужчинах в ее жизни, кроме Келвина. А их могло быть сколько угодно.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вряд ли. Она же была совсем молода. Но вы не вполне точны, мистер Рид. Мы знаем кое-что о «мужчинах в ее жизни». Был мужчина, к которому она отправилась в Индию с намерением выйти за него замуж…

— Ах да, тот самый адвокат? Как его имя?

— Уолтер Фейн, — ответила мисс Марпл.

— Да, но он не в счет. Он находился в этот момент то ли в Малайе, то ли в Индии, то ли еще где-то.

— Но был ли он действительно там? Вы же знаете, он не захотел разводить чайные планта-

ции, — напомнила мисс Марпл. — Он вернулся домой и устроился в фирму, которую теперь и возглавляет.

Гвенда воскликнула:

— Он последовал сюда за нею?!

— Вполне возможно. Нам это неведомо.

Джайлс с любопытством посмотрел на пожилую леди.

— Как вы все это узнали?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась.

— Я немного посплетничала. В магазинах и на автобусных остановках. Пожилые дамы отличаются любопытством. Да, таким способом можно собрать уйму местных новостей.

— Уолтер Фейн, — задумчиво повторил Джайлс. — Элен отвергла его. Это могло глубоко ранить его. Он был когда-нибудь женат?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Живет с матерью. Я приглашена к ним на чай в конце недели.

— Нам известно, что был еще один обожатель, — неожиданно заявила Гвенда. — Это человек, с которым она была помолвлена или в которого была влюблена, когда закончила школу, нежелательный, по словам доктора Кеннеди, человек. Интересно, почему он был нежелателен…

— Уже двое мужчин, — подытожил Джайлс. —

У каждого была причина завидовать Холидею и вынашивать план мести… Возможно, у первого молодого человека были какие-то психические отклонения.

— Доктор Кеннеди мог бы сказать нам об этом при встрече, — заметила Гвенда. — Но вот спрашивать его об этом сейчас довольно затруднительно. И тем не менее мне вполне прилично поехать к нему и спросить о моей мачехе, которую я едва помню. Но потребуются какие-то объяснения, если при этом я захочу узнать еще и о ее любовных приключениях, предшествовавших браку с моим отцом.

Джайлсу эта идея не пришлась по вкусу.

— Такой чрезмерный интерес к мачехе, которую ты едва знала, будет выглядеть весьма странно.

— Есть, наверное, другие способы узнать обо всем этом, — сказала мисс Марпл. — О да, я думаю, что со временем и проявив должное терпение, мы раздобудем необходимую нам информацию.

— Так или иначе, у нас имеется две версии, — подытожил Джайлс.

— Мы могли бы, мне кажется, выдвинуть и третью, — заявила мисс Марпл. — Это была бы, конечно, чистая гипотеза, но подтвержденная,

как я думаю, ходом событий.

Гвенда и Джайлс посмотрели на нее с некоторым удивлением.

— Это всего-навсего предположение, — начала мисс Марпл, слегка волнуясь. — Элен Кеннеди поехала в Индию, чтобы выйти замуж за молодого Фейна. Возможно, она не была так уж влюблена в него, но относилась с уважением и собиралась прожить с ним всю жизнь. Однако, приехав туда, она разрывает помолвку и просит брата выслать ей деньги на обратный билет. Почему бы это?

— Наверное, она передумала, — предположил Джайлс.

Обе женщины, мисс Марпл и Гвенда, посмотрели на него с легким презрением.

— Конечно, она передумала, — подтвердила Гвенда. — Мы знаем это. Мисс Марпл имела в виду другое: почему она передумала?

— Ну, девушки часто меняют свое мнение… — смущенно заметил Джайлс.

— Под давлением определенных обстоятельств, — уточнила мисс Марпл.

В этих словах содержался скрытый намек, к которым часто прибегают пожилые дамы, не сообщая при этом ничего определенного.

— Может быть… — неуверенно начал Джайлс.

Гвенда не дала ему договорить, выпалив:

— Конечно, другой мужчина! — Она и мисс Марпл переглянулись с убежденностью, присущей братству франкмасонов, куда простому человеку нет доступа. Гвенда с уверенностью добавила: — На пароходе! По пути туда!

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл.

— Палуба, залитая лунным светом, — продолжала Гвенда, — и все такое. Но только это должно быть серьезно, а не просто флирт.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Я думаю, это было вполне серьезно.

— Если так, то почему она не вышла за того парня? — недоумевал Джайлс.

— Может быть, он сам не очень хотел этого, — предположила Гвенда, но тут же отвергла свое предположение: — Нет, думаю, в этом случае она все-таки вышла бы за Уолтера Фейна. О, конечно, какая я глупая. Это был женатый мужчина.

Она с победоносным видом посмотрела на мисс Марпл.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл. — И вот как я представляю себе данную ситуацию. Они влюбились друг в друга, может быть, даже безрассудно. Но если он был женатый

человек и, скорее всего, имел детей, к тому же порядочный, то их любовь была обречена.

— И все же она не смогла выйти замуж за Уолтера Фейна, — вторила ей Гвенда. — Поэтому она телеграфировала брату и отправилась домой. Да, все сходится. И на пароходе по пути домой познакомилась с моим отцом… — Она подумала немного и продолжала: — Нет, она не влюбилась в него без памяти, но он ей понравился. Да тут еще я. Оба они были несчастливы… и утешали друг друга. Отец рассказал ей о моей матери, а она, наверное, ему — о том мужчине… Да… конечно… — Она открыла дневник отца и прочитала: — «Я знал, что у нее был кто-то… она поведала мне об этом на пароходе… кто-то, кого она любила, но не могла выйти за него замуж». Да, так и есть. Элен и отец оба были в схожей ситуации… а тут еще я, требующая ухода и внимания, и она, наверное, подумала, что может сделать его счастливым… а может, и сама в конце концов будет вполне счастлива.

Завершив свою тираду, Гвенда обратила взгляд на мисс Марпл и с полной уверенностью заключила:

— Вот как все было.

Джайлс с трудом сдерживал раздражение.

— В самом деле, Гвенда, ты произвольно конструируешь ситуацию, полагая, что в действительности все было именно так.

— Все так и было. Другого просто не дано. И теперь становится ясно, кто та персона, которую мы обозначили как Икс.

— Ты имеешь в виду…

— Женатого мужчину. Мы не знаем, как он выглядит. Он вовсе не должен быть красивым. Может быть, он был немного сумасшедшим. И последовал за нею сюда…

— Но ты только что утверждала, что он отправился в Индию.

— Ну, люди могут и возвращаться из Индии, не так ли? Уолтер Фейн вернулся. Это было примерно годом позже. Я не говорю, что тот человек на самом деле вернулся из Индии, но утверждаю, что это вполне возможно. Ты без конца говоришь о мужчинах в ее жизни. Ну так вот, у нас есть трое. Уолтер Фейн, некий молодой человек, имени которого мы не знаем, и женатый мужчина.

— И не знаем, существует ли он на самом деле, — парировал Джайлс.

— Но мы это выясним, — возразила Гвенда. — Разве не так, мисс Марпл?

— Со временем, запасясь терпением, — отве-

тила мисс Марпл, — мы можем узнать очень много. А пока — вот мой вклад в расследование. В результате короткой, но весьма полезной беседы в магазине тканей я узнала, что Эдит Педжет, служившая кухаркой в доме под названием «Сан-Кэтрин» как раз в то время, когда происходили интересующие нас события, по-прежнему живет в Дилмуте. Ее сестра замужем за здешним кондитером. Думаю, что для вас, Гвенда, будет совершенно естественным навестить ее. Она может многое рассказать.

— Превосходно! — живо отозвалась Гвенда. — Но я придумала кое-что еще. Я намерена оформить новое завещание. Не хмурься, Джайлс, я не собираюсь что-либо менять в своем прежнем завещании, это всего лишь предлог для обращения к Уолтеру Фейну.

— Гвенда, — попросил Джайлс. — Только будь осторожна.

— Составление завещания, — возразила Гвенда, — вполне естественная вещь. И хороший предлог для визита к Фейну. Во всяком случае, я хочу увидеть его. Хочу увидеть, что он собой представляет, и, если сочту возможным…

Она не закончила фразу, и снова заговорил Джайлс:

— Что меня удивляет, так это то, что никто больше не откликнулся на наше объявление. Вот эта Эдит Педжет, например…

— В маленьких городках люди долго обдумывают свои решения в подобных случаях, — сказала мисс Марпл. — Они подозрительны. Они любят все тщательно взвесить.

Глава 12
Лили Кимбл

Лили Кимбл расстелила на кухонном столе пару старых газет, готовясь выложить на них картофельные чипсы, уже шипевшие на сковороде. Напевая популярную мелодию, она бросила взгляд на одно из объявлений в газете, расстеленной на столе.

Она вдруг перестала напевать и окликнула мужа:

— Джим… Джим. Послушай-ка!

Джим Кимбл, пожилой молчаливый мужчина, умывался в это время над кухонной раковиной.

— Ну? — как всегда лаконично отозвался он на зов жены.

— Тут объявление в газете. «Просим тех, кому хоть что-нибудь известно об Элен Спенлав Холидей, урожденной Кеннеди, связаться с мистером и миссис Рид на Саутгемптон-роу»! Наверно, речь идет о миссис Холидей, у которой я служила, когда они жили в «Сан-Кэтрин». Снимали дом у миссис Файндисон, она и ее муж. Ее звали Элен, точно… Да, и она приходилась сестрой доктору

Кеннеди, он всегда говорил мне, что надо избавиться от аденоидов.

Последовала короткая пауза, пока миссис Кимбл умелой рукой помешивала картофель на сковороде. Джим Кимбл, вытирая лицо, фыркнул в полотенце, висящее на ролике.

— Конечно, это старая газета, — заметила миссис Кимбл, посмотрев на дату. — Примерно недельной или около того давности. Думаешь, это как-то связано с деньгами, Джим?

Мистер Кимбл уклончиво ответил:

— Ну-у…

— Должно быть, это связано с завещанием или что-то еще в этом роде, — предположила жена. — Как давно это было! Лет восемнадцать назад, а то и больше. Интересно… Интересно, с чего бы это они теперь копаются в этом? А не думаешь ли ты, Джим, что на самом деле тут копается полиция, а?

— С какой это стати? — возразил мистер Кимбл.

— Ну, ты же знаешь, о чем я всегда думаю, — таинственным тоном продолжала миссис Кимбл. — Я говорила тебе еще тогда, когда мы уезжали. Изобразили все так, будто она удрала с каким-то парнем. Говорят, так всегда поступают мужья,

когда укокошат жену. Но по всему было видно, что это убийство. Так я и сказала тогда тебе и Эди, но Эди ни за что не хотела мне верить. Никакого воображения у нее. Одежда, которую она вроде бы собиралась взять с собой, была вовсе не та, если ты понимаешь, что я имею в виду. Исчезли чемодан и сумка, битком набитые одеждой, но совсем не той, которую берут с собой, уезжая навсегда. Я еще тогда сказала Эди: «Все сходится, хозяин убил ее и спрятал в подвале». Но на самом деле не в подвале, потому что та самая Лейони, швейцарская воспитательница, она кое-что видела. Из окна. Ходила со мной в кино, хотя ей не разрешалось покидать детскую, но в тот раз я убедила ее, что ребенок никогда не просыпается ночью… она, золотая девочка, всегда спокойно спит в постели всю ночь. «И мадам никогда не поднимается в детскую по вечерам, — сказала я. — Никто не узнает, что ты ускользнешь со мной». А когда мы вернулись, уже вовсю шел скандал. Там был доктор, хозяин, больной, спал в гардеробной, а доктор ухаживал за ним, вот тогда он и спросил меня насчет одежды, и тогда казалось, что было все в порядке. Я подумала, что она все-таки сумела удрать с тем парнем, которым была увлечена, а это был женатый мужчина. Эди

сказала, что надеется и будет молиться, чтобы мы не оказались замешаны в какой-нибудь бракоразводный процесс. Так как же его звали? Не могу припомнить. Начинается с М, а может быть, с Р? Боже, память уже подводит.

Тем временем мистер Кимбл, закончив плескаться у раковины и игнорируя все второстепенные проблемы, требовательно вопросил, готов ли ужин.

— Вот сейчас, стечет лишнее масло с картошки… Погоди, я достану другую газету. Эту надо сохранить. Наверно, все-таки полиция тут ни при чем. Столько времени прошло. А может, это адвокаты и за всем этим деньги? Там ничего не сказано о вознаграждении… но может быть… Хотела бы я знать, кого можно спросить об этом. Там сказано, что надо написать по такому-то адресу в Лондоне… но я не уверена, что буду писать… в Лондоне и так полно народа… Что скажешь, Джим?

— Ну-у, — по обыкновению, изрек свое любимое междометие мистер Кимбл, жадно взирая на рыбу с чипсами.

Дискуссия была приостановлена.

Глава 13
Уолтер Фейн

Гвенда смотрела через широкий стол красного дерева на мистера Уолтера Фейна.

Это был мужчина лет сорока, с невыразительной внешностью и со следами усталости на лице. «Встреть такого человека случайно на улице, и ни за что не вспомнишь, что только что беседовала с ним», — подумала Гвенда. Словом, выражаясь современным языком, этот человек был начисто лишен индивидуальности. Когда он наконец неторопливо заговорил, то оказалось, что у него приятный голос. Наверное, решила Гвенда, он — толковый адвокат.

Она украдкой окинула взглядом офис — офис главы фирмы — и решила, что он соответствовал личности Уолтера Фейна. Офис выглядел старомодно, обивка на креслах, хотя и добротная, изрядно потерта. Вдоль стен — ящики с документами, на которых значились имена респектабельных граждан графства: «Сэр Джон Вавасур-Тренч. Леди Джессап. Артур Фолкс, эсквайр. Скончался».

Большие окна с подъемными рамами и довольно грязными стеклами выходили на квадратный задний двор, огражденный массивными стенами примыкающего дома постройки XVII века. В кабинете не было ни одной изящной современной вещицы, но в то же время ничто здесь не вызывало неприязни. На первый взгляд офис казался неопрятным, с этими громоздящимися один на другом ящиками, беспорядком на столе, с множеством всевозможных кодексов, сводов законов, кое-как рассованных по полкам, и тем не менее это был кабинет человека, который точно знает, где что находится, — достаточно протянуть руку, чтобы достать нужный документ или справочник.

Уолтер Фейн отложил наконец перо и, сдержанно улыбнувшись, сказал:

— Я думаю, что здесь все ясно, миссис Рид. Очень простое завещание. Когда вы соизволите зайти, чтобы подписать его?

Гвенда ответила, что в любое время. Особой спешки нет.

— Мы приобрели дом, там, внизу, вы, наверное, знаете, он называется «Хиллсайд».

— Да, вы указали мне свой адрес… — ответил он ровным голосом.

— Очень хороший дом, — добавила Гвенда. — Мы полюбили его.

— В самом деле? — улыбнулся Фейн. — Он на берегу моря?

— Нет, — ответила Гвенда. — Насколько мне известно, прежде он назывался «Сан-Кэтрин».

Мистер Фейн снял пенсне и, потупив взор, принялся протирать стекла шелковым носовым платком.

— Ах да, — поправился он, — это на Саутгемптон-роу?

Он взглянул на Гвенду, и она подумала о том, что люди, которые постоянно носят очки, без очков выглядят совершенно иначе. Взгляд его светло-серых глаз казался рассеянным и как бы ничего не видящим.

«Поэтому, — подумала Гвенда, — у него такой отсутствующий вид».

Уолтер Фейн снова водрузил пенсне на нос и сказал своим специфическим адвокатским тоном:

— Кажется, вы сказали, что оформляете завещание в связи с замужеством?

— Да. Но прежде я указывала в завещании родственников в Новой Зеландии, которые уже умерли, поэтому решила, что проще сделать

новое завещание, нежели вносить изменения в старое, тем более что мы намерены постоянно жить в этой стране.

Уолтер Фейн кивнул:

— Да, вы поступаете очень разумно. Я думаю, здесь все ясно, миссис Рид. Вы сможете зайти послезавтра. Одиннадцать часов вас устраивает?

— Да. Вполне.

Гвенда поднялась, а вслед за ней поднялся и Уолтер Фейн.

Гвенда сказала с некоторым волнением, которое она отрепетировала заранее:

— Я… я обратилась специально к вам, потому что думаю, вернее, знаю, что вы когда-то были знакомы с моей… с моей матерью.

— В самом деле? — Уолтер Фейн стал более дружелюбным. — Как ее звали?

— Холидей. Меган Холидей. Кажется… так мне, по крайней мере, говорили… что вы были помолвлены с ней?

Часы на стене тикали. Один-два, один-два, один-два.

Гвенда вдруг почувствовала, что сердце у нее забилось чуть чаще. Какое непроницаемое лицо у Уолтера Фейна. Так выглядит дом, где на всех окнах опущены шторы. Это означает, что в до-

ме покойник. («Что за идиотские мысли у вас, Гвенда!»)

— Нет, я никогда не был знаком с вашей матерью, миссис Рид, — сказал Уолтер Фейн все тем же невозмутимым тоном. — Но я был помолвлен, правда очень недолго, с Элен Кеннеди, которая потом вышла замуж за вашего отца, став его второй женой.

— Ах вот как! Я все перепутала. Значит, это была Элен — моя мачеха. Конечно, все это было так давно, что я просто не могла этого знать. Я была малолетним ребенком, когда распался второй брак моего отца. Но слышала от кого-то, что вы были помолвлены с миссис Холидей в Индии… и я подумала, что это могла быть моя мать, потому что именно в Индии мой отец встретил ее.

— Элен Кеннеди приехала в Индию, чтобы сочетаться со мной браком, — сказал Уолтер Фейн, — но потом передумала. На пароходе, возвращаясь домой, она встретила вашего отца.

Это была простая, спокойная констатация фактов. Гвенда все еще воспринимала его как дом с зашторенными окнами.

— Я очень сожалею, что невольно затронула деликатную тему.

Уолтер Фейн снова улыбнулся своей сдержан-

ной приятной улыбкой — шторы раздвинулись.

— Это было восемнадцать или двадцать лет назад, миссис Рид. Все эти юношеские переживания и безрассудные поступки теперь, по прошествии такого длительного времени, утратили свое значение. Так вы — та самая маленькая дочка Холидея? А вы знаете, что ваш отец и Элен жили некоторое время здесь, в Дилмуте?

— О да, — ответила Гвенда. — Собственно, поэтому мы и приехали сюда. Я, естественно, не помнила Дилмута, но когда мы решили обосноваться в Англии, то я прежде всего подумала о Дилмуте и приехала сюда посмотреть, как он выглядит на самом деле. Мне здесь понравилось, и мы решили поселиться именно здесь. И не удача ли это? Мы приобрели тот самый дом, где когда-то, очень давно, жили мои родственники.

— Я вспомнил этот дом, — сказал Уолтер Фейн. И снова улыбнулся своей приятной улыбкой. — Вы, наверное, не помните меня, миссис Рид, но мне кажется, что однажды я таскал вас на закорках.

Гвенда рассмеялась.

— В самом деле? Тогда мы, выходит, с вами старые друзья, не так ли? Я не стану притворяться, что помню вас, мне тогда было всего два или два

с половиной года, я думаю… Вы тогда приезжали из Индии в отпуск или что-то в этом роде?

— Нет, я покинул Индию раз и навсегда. Я поехал туда с намерением заняться разведением чайных плантаций, но тамошняя жизнь не пришлась мне по вкусу. Я обречен был следовать по стопам отца и стать обычным, заурядным сельским адвокатом. Еще до отъезда в Индию я сдал все необходимые экзамены, поэтому по возвращении сразу поступил в фирму. — Он помолчал и добавил: — С тех пор я здесь.

Снова последовала пауза, и он повторил совсем тихо:

— Да, с тех пор…

Но восемнадцать лет, подумала Гвенда, не такой уж большой срок, чтобы…

Потом, уже энергично, он пожал ей руку, говоря:

— Коль скоро мы с вами давние друзья, вы должны прийти вместе с мужем как-нибудь на чай к моей матушке. Она пошлет вам приглашение. Что, если в одиннадцать часов в четверг?

Гвенда вышла из офиса и начала спускаться вниз. В углу лестничной площадки она заметила паутину, а в ней — здоровенного мерзкого паука. «Он не похож на обычного паука, — подумала

Гвенда. — На тех жирных пауков, которые ловят мух и поедают их». Он скорее был подобен пауку-привидению. Точь-в-точь как сам Уолтер Фейн.

Джайлс встретил жену на набережной.

— Ну как? — с ходу спросил он.

— В то время он находился здесь, в Дилмуте, — сказала Гвенда. — То есть уже вернулся из Индии. Оказывается, однажды он таскал меня на закорках. Но он не мог никого убить — это просто невозможно. Он спокойный и добрый человек. Очень симпатичный, в сущности, но какой-то совершенно безликий. Знаешь, из числа гостей, ухода которых никто не замечает. Мне кажется, он безупречно честен и все такое, почтителен с матерью и имеет множество других достоинств. Но с женской точки зрения ужасно скучен. Я понимаю, почему у него ничего не получилось с Элен. Приятный, вполне надежный человек, только никто не желает выходить за него замуж.

— Бедняга, — пожалел его Джайлс. — Думаю, он был безумно влюблен в нее.

— Не знаю… Но думаю, что это не так. Зато я уверена, что он не является тем злодеем-убийцей. Он совершенно не соответствует моему представлению об убийцах.

— Но много ли ты знаешь об убийцах, моя до-

рогая?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… взять хотя бы тихую Лиззи Борден — только жюри присяжных признало ее невиновной. А Уоллес, тихий мужчина, который, по мнению присяжных, убил жену, был впоследствии оправдан. А Армстронг, которого долгие годы люди считали добропорядочным человеком? Я не думаю, что убийцу можно определить по внешнему виду.

— Но я правда не верю, что Уолтер Фейн…

Гвенда вдруг осеклась.

— В чем дело?

— Все в порядке.

Но она вспомнила, как Уолтер Фейн протирал стекла пенсне и, когда Гвенда упомянула о «Сан-Кэтрин», в его глазах появилось какое-то странное выражение.

— Может быть, — задумчиво произнесла она, — он был безумно влюблен в нее…

Глава 14
Эдит Педжет

Гостиная миссис Маунфорд выглядела очень уютной. Там стоял круглый стол, покрытый скатертью, несколько старинных кресел и жесткая на вид, но оказавшаяся мягкой софа у стены. Каминная полка была заставлена фарфоровыми собачками, а на стене над полкой висели в рамках цветные фотографии принцессы Элизабет и Маргарет Роуз. На другой стене красовались портрет короля в морской форме и многочисленные фотографии мистера Маунфорда в группе пекарей и кондитеров. С ними соседствовала акварель, на которой был изображен остров Капри с плещущимся у его берегов изумрудно-зеленым морем. Здесь было множество других вещей, не притязавших на красоту или изысканность, но в целом это была милая, уютная комната, где можно было посидеть и насладиться приятной беседой, когда появлялась такая возможность.

Миссис Маунфорд, урожденная Педжет, оказалась низенькой, толстенькой дамой с темными волосами, в которых уже появились первые се-

дые пряди. Эдит Педжет, в отличие от сестры, была высокая, худая и такая же темноволосая, но без единого седого волоска, хотя, судя по всему, ей было около пятидесяти.

— Трудно поверить, что передо мной маленькая мисс Гвенни, — говорила Эдит Педжет. — Вы уж извините меня, мадам, но я не могу не вспомнить вас такой, какой вы были в то время. Вы часто прибегали ко мне на кухню, такая хорошенькая! И обычно говорили: «уинниз», имея в виду изюм. Почему вы называли его «уинниз», я не знаю. И я всегда давала вам изюм или кишмиш, который был, словно камушки.

Гвенда всматривалась в эту стройную даму с румяными щеками и черными глазами, стараясь вспомнить те далекие времена, но не могла. Память — странная штука.

— Я хотела бы вспомнить… — проговорила она.

— Едва ли вам удастся. Вы были такой крошечкой. В наши дни никто не хочет служить в доме, где есть дети. И я этого просто не понимаю. Дети оживляют дом, вот что я чувствую. Хотя кормление детей всегда связано с некоторыми затруднениями. Но если вы правильно поняли, мадам, что я хочу сказать, то это ошибка воспита-

тельницы, а не ребенка. А с воспитательницами всегда трудно — подносы, ожидания, и то одно им не так, то другое. А вы помните Лейони, мисс Гвенни, то есть я хотела сказать, миссис Рид?

— Лейони? Она была моей воспитательницей?

— Да, девушка из Швейцарии. Не очень хорошо говорила по-английски, но была очень чувствительная. Плакала, если Лили говорила ей что-нибудь обидное. Лили была горничной в доме. Лили Эбботт. Молодая девушка, немного дерзкая и развязная. Она часто играла с вами, мисс Гвенни. Играли в «Ку-ку», в прятки на лестнице.

Гвенду невольно прохватила дрожь.

Лестница…

И вдруг она сказала:

— Я вспомнила Лили. Она еще повязывала бант коту.

— Как забавно, что вы вспомнили. По случаю вашего дня рождения Лили решила повязать коту Томасу бант. Сняла ленту с коробки от шоколада, а бедный Томас чуть с ума не сошел. Выскочил в сад и терся о кусты, пока не избавился от банта. Кошки не любят, когда с ними вытворяют такие шутки.

— Кот был черный с белым.

— Совершенно верно. Добрый старый Томми. Хорошо ловил мышей. Был настоящим охотником. — Эдит Педжет замолчала и чуть слышно кашлянула. — Извините меня, мадам, за эти разговоры. Вспомнились прошлые дни. Вы хотели меня о чем-то спросить?

— Мне приятно было слушать ваши воспоминания, — ответила Гвенда. — Для этого я и пришла. Как вы знаете, меня отправили к родственникам в Новую Зеландию, и, конечно, они не могли мне ничего рассказать о моем отце и мачехе. Она… она была хорошая, верно?

— Очень любила вас. О да, часто брала вас на море или играла в саду. Она и сама была очень молода. Совсем девочка. Я часто думала, что, играя с вами, она радуется не меньше вас. В сущности, она сама была ребенком. Доктор Кеннеди, ее брат, был гораздо старше ее и вечно сидел за своими книгами. И когда она приходила из школы, то вынуждена была играть одна…

Мисс Марпл, сидевшая у стены, спросила:

— Вы живете в Дилмуте всю свою жизнь, не так ли?

— О да, мадам. Отец владел фермой за холмами, она называлась «Рейландс». У него не было сыновей, и мать не могла вести хозяйство после

его смерти, поэтому она продала ферму и приобрела маленький модный магазинчик в конце Хай-стрит. Да, я всю жизнь прожила здесь.

— И я полагаю, вы все знаете о жителях Дилмута?

— Ну да, конечно, это же был маленький городок. Хотя летом, насколько я помню, сюда приезжало много народу. И все это были очень приличные люди, которые селились здесь на все лето, не то что эти теперешние туристы и экскурсанты. Добропорядочные семьи, из года в год снимавшие одно и то же жилье.

— Наверное, вы знали мисс Кеннеди до того, как она стала миссис Холидей?

— Ну да, знала ее в лицо и иногда встречала на улице. Но узнала ее как следует, только когда поступила к ним работать.

— И она вам нравилась? — поинтересовалась мисс Марпл.

Эдит Педжет повернулась к ней.

— Да, мадам, нравилась, — ответила она, и в ее словах явно чувствовался вызов. — Хотя говорили о ней всякое. Она была очень добра ко мне. Я не могла себе представить, что она способна совершить такое. Я просто места себе не находила. Хотя, знаете, прошел слух…

Она вдруг осеклась и виновато взглянула на Гвенду. Гвенда поспешила ее успокоить:

— Я хочу все знать. Пожалуйста, не думайте, что я могу обидеться на вас. Она ведь не родная мне мать…

— Это верно, мадам.

— И знаете, мы очень заинтересованы в том, чтобы… отыскать ее. Мы не знаем, где она живет, и даже жива ли она вообще. И есть основания…

Она замешкалась, и Джайлс быстро сказал:

— Вполне законные основания. Мы не знаем, действительно ли она умерла или нет.

— О, я вполне понимаю вас, сэр. Муж моей двоюродной сестры пропал… это произошло после Ипра… и мы до сих пор никак не можем добиться, чтобы признали факт его смерти. Бедняжка вдова совершенно измучилась. Естественно, сэр, если вас интересует что-то, что мне известно, я охотно вам расскажу. Вы же для меня не чужие люди. Мисс Гвенда с ее «уинниз»… Как забавно она это говорила!

— Это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил ее Джайлс. — Итак, если вы не возражаете, я приступлю к делу. Миссис Холидей покинула дом совершенно внезапно, как я понимаю?

— Да, сэр, это был большой удар для всех нас и особенно для бедняги майора. Он был совершенно убит.

— Я хочу спросить вас напрямик — имели вы хоть малейшее представление о мужчине, с которым она сбежала?

Эдит Педжет покачала головой.

— Вот и доктор Кеннеди спрашивал меня об этом, и я тоже не смогла ему ответить. И Лили не могла. Не говоря уже об этой Лейони, она же иностранка.

— Вы не знали, — продолжал Джайлс. — Но могли догадываться. Теперь это уже дело далекого прошлого, и ничего страшного не произойдет, если вы ошибетесь в своих предположениях. У вас, несомненно, должны были возникнуть какие-то подозрения.

— Да, у нас были подозрения… но имейте в виду, это только подозрения. И я ничего не могу утверждать с уверенностью. Я ничего не видела. Но у Лили, которая, как я сказала, была неглупая девушка, задолго до этого возникли подозрения. «Попомни мои слова, — говаривала она мне. — Этот парень влюблен в нее. Обрати внимание, как он смотрит на нее, когда она разливает чай. И как его жена ведет себя при этом».

— Понятно. А что это… э-э… за парень?

— Сейчас, сэр, боюсь, уже забыла его фамилию. Столько прошло лет! Капитан Эсдейл… нет, не то… Эмери… тоже нет. Мне кажется, что она начиналась с Э. А может быть, и с Х. Скорее всего, какая-то необычная фамилия. Но я никогда не вспоминала об этой чете за все прошедшие шестнадцать лет. Он с женой останавливался в отеле «Роял Кларенс».

— Отдыхали здесь?..

— Да, но мне казалось, что он или они оба были знакомы с миссис Холидей прежде. Они наведывались к нам в дом довольно часто. Так или иначе, если верить Лили, он был влюблен в миссис Холидей.

— И его жене это не нравилось.

— Не нравилось, сэр… Но знаете, мне никогда в голову не приходило, что в этом таится какая-то опасность. И до сих пор не знаю, что и подумать.

Гвенда спросила:

— Они были все еще там, в отеле «Роял Кларенс», когда Элен, моя мачеха, убежала?

— Насколько я помню, они уехали как раз в то же самое время, днем раньше или днем позже, чем доставили людям пищу для разговоров. Но я никогда не слышала ничего определенного.

Если что-то и было, то все делалось очень тихо. Все удивились, что миссис Холидей так внезапно покинула мужа. Правда, люди поговаривали, что она всегда была вертихвосткой, но я сама ничего такого не замечала. И мне не так уж хотелось ехать с ними в Норфолк, если сказать правду.

Все трое визитеров недоуменно уставились на хозяйку. Потом Джайлс спросил:

— В Норфолк? Они собирались в Норфолк?

— Да, сэр. Они купили там дом. Миссис Холидей сказала мне об этом за три недели до того… до того, как все это случилось. Она спросила меня, поеду ли я с ними, и я ответила согласием. В конце концов, я никогда не покидала Дилмута и подумала: может быть, мне понравится на новом месте, да и семья мне тоже нравилась.

— Я никогда не слышал о покупке дома в Норфолке, — заметил Джайлс.

— И это неудивительно, потому что миссис Холидей, кажется, всячески это скрывала. Она просила меня не говорить об этом совсем никому, и я, конечно, так и поступила. Но она уже давно подумывала о том, чтобы уехать из Дилмута. Она уговаривала майора, но тому нравилось в Дилмуте. Кажется, он даже писал миссис Файндисон, спрашивая, не продаст ли она им «Сан-Кэтрин».

Но миссис Холидей категорически возражала. Казалось, ей не нравится Дилмут. Вроде бы даже она опасалась оставаться здесь.

Рассказ Эдит выглядел вполне правдоподобно, и все трое слушали ее с напряженным вниманием.

— Вам не кажется, — спросил Джайлс, — что она хотела переехать в Норфолк, чтобы быть поближе к тому человеку… имя которого вы не можете вспомнить?

Лицо Эдит Педжет приняло страдальческое выражение.

— О, в самом деле, сэр, мне не хотелось так думать. И я ни единой минуты не думала так. И кроме того, я теперь припоминаю: та леди и джентльмен приехали откуда-то с севера. Думаю, из Нортумберленда. Они захотели поехать на юг в отпуск, потому что там сыро.

— Она боялась чего-то, верно? — спросила Гвенда. — Или кого-то? Моя мачеха, я хочу сказать.

— Я припомнила, вот теперь, когда вы сказали…

— Да?

— Как-то Лили пришла на кухню. Она убирала на лестнице и сказала: «Скандал!» Она всегда говорила напрямик, эта Лили, поэтому вы должны

меня извинить.

Я спросила, что она имеет в виду, и она сказала, что хозяйка с хозяином вернулись из сада в гостиную, дверь в холл осталась открытой, и было слышно, о чем они говорили. «Я вас боюсь, — будто бы сказала миссис Холидей. И по словам Лили, у нее на самом деле был испуганный вид, когда она продолжала: — Я уже давно боюсь вас. Вы сумасшедший. Вы ненормальный. Уходите прочь и оставьте меня в покое. Вы должны оставить меня. Я боюсь. Теперь я понимаю, что всегда боялась вас…» В точности я, конечно, не могу воспроизвести слова миссис Холидей, но смысл их был примерно такой. Лили была потрясена услышанным, и поэтому после того, как все это случилось, она… — Эдит Педжет умолкла на полуслове, а на лице у нее отразился испуг. — Я ничего не выдумала. Я уверена… — словно вдруг спохватившись, сказала она. — Извините меня, мадам, но язык перестал меня слушаться.

— Пожалуйста, — принялся увещевать ее Джайлс, — скажите нам, Эдит. Это очень важно. Вы понимаете, что нам необходимо знать правду. Все это произошло очень давно, но нам необходимо знать.

— Я не могу говорить, — упавшим голосом

сказала Эдит.

Мисс Марпл спросила:

— А чему это не поверила или, наоборот, поверила Лили?

Эдит Педжет сказала извиняющимся тоном:

— У Лили в голове постоянно возникали всякие догадки. Я никогда не придавала им значения. Она любила ходить в кино и нередко подражала тому, что видела в фильмах. Вечером в тот злополучный день она, по обыкновению, отправилась в кино и уговорила Лейони пойти с ней. Я не раз говорила, что так нельзя поступать. «О, все будет в порядке, — ответила она мне, — ведь ребенок не один остается в доме. Вы будете внизу, на кухне, хозяин с хозяйкой скоро вернутся, к тому же ребенок никогда не просыпается». Словом, я высказала свое мнение и полагала, что после этого Лейони не посмеет уйти. Но она все же ушла. Если бы я знала об этом, то поднялась бы взглянуть на ребенка, то есть на вас, мисс Гвенда, и все было бы в порядке. В кухне ничего не слышно, когда закрыта обитая сукном дверь.

Эдит Педжет помолчала, а потом заговорила снова:

— Я как раз гладила и не помню уж, сколько прошло времени, когда на кухне появился доктор

Кеннеди. Он спросил, где Лили, и я сказала, что у нее свободный вечер и что она вернется с минуты на минуту. И в этот самый момент она и пришла. Он повел ее наверх, в комнату хозяйки. Хотел узнать, взяла ли та с собой вещи и какие. Лили осмотрела шкаф и сказала, какие вещи отсутствуют, после чего спустилась ко мне. Страшно возбужденная.

«Она смылась, — сообщила Лили. — Убежала с кем-то. Хозяин в отключке. Удар или что-то еще. Ясно, это было ужасным ударом для него. Ну и дурак. Должен был догадаться…» — «Тебе не следует так говорить, — возразила я. — Откуда ты знаешь, что она убежала с кем-то? Может быть, пришла телеграмма о болезни родственника». — «Как же, так я тебе и поверила, — сказала Лили в обычной своей манере. — Она оставила записку». — «А с кем она убежала?» — спросила я. «Ну уж не с мистером Фейном, хотя он смотрел на нее бараньими глазами и ходил за нею как собачонка», — сказала Лили. «Ты думаешь, что это капитан… как там его зовут?» — спросила я. И она ответила: «Он, держу пари. Если только не какой-нибудь таинственный господин в шикарном автомобиле» (такие у нее были глупые шуточки). «Не верю. Миссис Холидей никогда не смогла бы

поступить так», — возразила я. «Но тем не менее смогла», — ответила Лили. Вот такой разговор у нас состоялся, что называется, по горячим следам. А позже, когда я уже спала в нашей общей комнате, Лили разбудила меня.

«Послушай-ка, — говорит, — дело плохо». — «Что плохо?» — «Да с этой одеждой». — «Что ты имеешь в виду?» — «Послушай, Эди. Я осмотрела шкаф, как меня просил доктор. Оказалось, что исчез чемодан, в который были напиханы вещи без всякого разбора и вовсе не те». — «Что значит «не те»?» — «Она взяла вечернее платье, серое с люрексом, но не взяла пояс, и бюстгальтер, и комбинацию, которые под него надеваются, захватила золотые парчовые вечерние туфли, а не серебряные босоножки. Взяла зеленый твидовый костюм, который носит осенью, но не взяла более уместный сейчас красивый пуловер. Взяла кружевные блузки, которые носит с уличным костюмом. Да и из белья тоже взяла разрозненные вещи. Попомни мои слова, Эди. Она никуда не убежала. Хозяин прикончил ее». Тут я окончательно проснулась, села в кровати и спросила, о чем это она, черт возьми, толкует. «Точь-в-точь как в «Новостях мира» на прошлой неделе, — ответила Лили. — Хозяин обнаружил, что у жены

любовник, убил ее, отнес в подвал и спрятал под полом. Ты ничего не слышала, потому что подвал под передним холлом. Он покончил с ней, а потом упаковал чемодан, чтобы представить дело так, будто она сбежала от него. А она вот где — под полом в подвале. Она никуда не убегала из дома». Я посоветовала ей держать язык за зубами и не распространять такие зловещие слухи, но утром все-таки украдкой спустилась в подвал. Там все было как всегда, никаких признаков того, что пол поднимали. Я сказала Лили, чтобы она не выставляла себя в дурацком свете, но она продолжала твердить, что хозяин убил жену. «Помнишь, — сказала она, — хозяйка боялась, что он убьет ее. Я сама слышала, как она это говорила». — «А вот тут ты не права, моя девочка, — сказала я. — Потому что это был вовсе не хозяин. Как только ты сказала мне в тот день об их разговоре, я выглянула в окно и увидела, что хозяин идет вниз со своими клюшками для гольфа, значит, это был не он с хозяйкой в гостиной. Это был кто-то еще».

Эти слова эхом прозвучали в гостиной.

Джайлс с облегчением вздохнул:

— Это был кто-то еще…

Глава 15
Адрес

«Роял Кларенс» был самым старым отелем в городе. С красивым фасадом, украшенным арками. Здесь царила атмосфера, унаследованная от старых добрых времен. В нем обычно селились семьи, приезжающие на отдых к морю.

За конторкой восседала мисс Нэрекотт, грудастая сорокасемилетняя дама со старомодной прической.

Она приосанилась, увидев Джайлса, в котором ее наметанный глаз сразу же распознал «одного из наших приличных людей». И Джайлс, у которого был хорошо подвешен язык и который умел понравиться, когда это было нужно, сочинил целую историю. Будто он поспорил с женой, которая утверждает, что ее крестная мать останавливалась в «Роял Кларенс» восемнадцать лет назад. Жена считает, что им никогда не разрешить свой спор, поскольку все тогдашние регистрационные книги наверняка уничтожены, он же считает, что этого не может быть. Такие заведения, как «Роял Кларенс», он абсолютно уверен, хранят записи, и

их можно востребовать хоть через сто лет.

— Ну, сто лет, может быть, срок слишком большой, мистер Рид. Но у нас на самом деле сохраняются «гостевые книги» — мы так предпочитаем их называть. Там значатся очень солидные имена. Даже король однажды останавливался здесь, когда был принцем Уэльским, княгиня Альдемар Хольстен-Ротц приезжала к нам каждую зиму со своей придворной дамой. У нас останавливались знаменитые писатели и мистер Дови, художник-портретист.

Джайлс проявил приличествующий случаю интерес и уважение, и в результате ему принесли и предоставили в распоряжение том за интересующий его год.

Сначала ему продемонстрировали все громкие имена, а потом он отыскал страницу, где были поименованы все останавливавшиеся в гостинице в августе.

И он без труда отыскал интересовавшую его пару.

Майор и миссис Эрскин, поместье Анстелл, Дайт, Нортумберленд, 27 июля — 17 августа.

— Могу я переписать это?

— Конечно, мистер Рид. Вот бумага и чернила, о, у вас своя ручка. Извините, мне необходимо

отлучиться.

Она оставила его с открытой книгой, и Джайлс принялся за дело.

Вернувшись в «Хиллсайд», он нашел Гвенду в саду хлопотавшей над бордюром клумбы.

Она выпрямилась и окинула его быстрым испытующим взглядом.

— Удачно?

— Думаю, что да.

Гвенда, прочитав запись, задумчиво произнесла:

— Поместье Анстелл, Дайт, Нортумберленд. Да, Эдит Педжет говорила о Нортумберленде. Едва ли они по-прежнему живут там.

— Надо съездить туда и выяснить все на месте.

— Да, да, конечно, лучше съездить самим, но когда?

— Чем скорее, тем лучше. Завтра? Возьмем автомобиль и поедем. И кстати, увидишь еще кусочек Англии.

— Ну а что, если они умерли или переехали куда-то и там живет кто-то другой?

Джайлс пожал плечами.

— Тогда мы вернемся домой и начнем поиски в другом направлении. Кстати, я написал Кеннеди и спросил его, не может ли он передать мне те

последние два письма, полученные от Элен, если они еще сохранились у него, а также образец ее почерка.

— Хорошо бы нам встретиться с другими слугами, — сказала Гвенда. — С Лили, той самой, которая повязала Томасу бант…

— Забавно, что ты об этом вспомнила, Гвенда…

— Да, верно. Я вспомнила Томаса. Весь в черных и белых пятнах, и еще у него было три хорошеньких котеночка.

— Как? У Томаса?

— Ну, это мы так звали его, Томас, а на самом деле он оказался Томасиной. Ты же знаешь, какие они, эти кошки. Кстати, о Лили… интересно, где она теперь? Эдит Педжет, похоже, совсем потеряла ее из виду. Она не появлялась здесь и после «Сан-Кэтрин» устроилась в Торки. Прислала оттуда одно или два письма, и все. Эдит слышала, будто она вышла замуж, но не знает за кого. Если мы разыщем ее, то узнаем гораздо больше.

— И от Лейони, той швейцарской девушки.

— Может быть, но она иностранка и могла не понять всего, что происходило. Знаешь, я совсем ее не помню. Нет, я чувствую, что встреча с Лили была бы для нас полезней. Лили наблюдательная… Я думаю, Джайлс, надо дать еще одно

объявление — специально для Лили Эбботт, так ее полное имя.

— Можно попытаться, — согласился Джайлс. — И давай завтра же отправимся на север, к Эрскинам.

Глава 16
Маменькин сынок

— Тихо, Генри, — сказала миссис Фейн своему астматическому спаниелю, влажные глаза которого светились злобой. — Еще булочку, мисс Марпл, пока они еще горячие?

— Благодарю вас. Очень вкусные булочки. У вас отличная кухарка.

— Луиза на самом деле не так уж плоха. Только забывчива, как все они. И не очень изобретательна в приготовлении пудингов. А скажите, как ревматизм у Дороти Ярд сейчас? Она ужасно страдает от него. Но, как я думаю, это у нее скорее на нервной почве.

Мисс Марпл пришлось принять участие в обсуждении болезней общих знакомых. «Как мне повезло, — подумала она, — что среди множества моих друзей и родственников, разбросанных по всей Англии, нашлась дама, знакомая с миссис Фейн». Она-то и написала ей, что мисс Марпл в настоящее время находится в Дилмуте и было бы хорошо, если бы дорогая Элеонора пригласила ее к себе и побеседовала с ней.

Элеонора Фейн была дама внушительных габаритов, с серыми холодными глазами, вьющимися седыми волосами и бело-розовой, как у детей, кожей, предполагавшей детскую мягкость натуры, которая ей отнюдь не была свойственна.

Они обсудили недомогания Дороти, действительные или мнимые, а потом перешли к здоровью мисс Марпл, воздали должное целительному воздуху Дилмута и осудили поведение большей части молодого поколения.

— Дерзость надо пресекать в самом начале, в детском возрасте, — провозгласила миссис Фейн. — У меня с этим никогда не было проблем.

— У вас всего один сын? — спросила мисс Марпл.

— Трое. Старший, Джералд, — в Сингапуре, служит в «Фар-ист-бэнк». Роберт — в армии. — Миссис Фейн хмыкнула. — Женат на католичке, — со значением уточнила она. — Вы знаете, что это означает. Все дети вырастут католиками. Не знаю, что сказал бы отец Роберта. Он был ярым сторонником «низкой церкви». Сейчас Роберт почти не пишет мне. Он не следует советам, которые я давала ему для его же пользы. Я считаю, что надо всегда откровенно говорить то, что думаешь. Его женитьба, на мой взгляд, была большой

неудачей. Он может делать вид, что счастлив, бедный мальчик, но я-то чувствую, что там не все в порядке.

— А ваш младший сын не женат, как я понимаю?

Миссис Фейн расцвела улыбкой.

— Нет, Уолтер живет дома. Он не отличается богатырским здоровьем — с самого детства мне приходилось внимательно следить за его самочувствием. Он скоро должен прийти. Я просто не могу выразить словами, какой это заботливый и преданный сын.

— И он никогда не помышлял о женитьбе? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Уолтер говорит, что не может увлечься современной молодой женщиной. Они его не интересуют. У нас с ним много общего, боюсь, что именно поэтому он редко бывает на людях. Он читает Теккерея мне по вечерам, мы часто играем в пикет. Уолтер настоящий домосед.

— Как это хорошо, — заметила мисс Марпл. — А он всегда работал в фирме? Кто-то говорил мне, что один из ваших сыновей занимался разведением чайных плантаций на Цейлоне, но у него вроде бы не пошло дело.

Миссис Фейн слегка нахмурилась и принялась

настойчиво потчевать гостью ореховым кексом. Потом, собравшись с мыслями, вернулась к прерванной беседе:

— Тогда он был очень молод. И плантации — одно из юношеских увлечений. Мальчики стремятся повидать мир. Действительной подоплекой этой затеи с плантациями была девушка. Девушки способны смешать все планы.

— О да, конечно. Моя собственная племянница…

Но миссис Фейн уже не могла остановиться. Проигнорировав племянницу мисс Марпл, она завладела инициативой и не хотела упустить возможности рассказать все этой симпатичной подруге милой Дороти.

— Как это всегда бывает, девушка оказалась самой не подходящей из всех. О, я не имею в виду актрис или что-нибудь в этом роде. Сестра здешнего доктора, больше похожая на его дочь из-за большой разницы в возрасте. Бедняга не имел ни малейшего представления о том, как следовало бы ее воспитывать. Мужчины совершенно беспомощны в таких делах, не правда ли? Она выросла совсем дикой, спуталась сначала с молодым человеком, клерком и тоже довольно неприятным типом. В конце концов его были вынуждены

уволить. Тем не менее эта девушка, Элен Кеннеди, была, по общему мнению, хорошенькая, хотя я так не считаю. Мне всегда казалось, что она подкрашивает волосы. Но Уолтер, бедный мальчик, страстно влюбился в нее. Как я сказала, девица была совершенно нестоящей: ни денег, ни перспектив — словом, не из числа тех невесток, о которых мечтают матери сыновей. Ну а что в подобной ситуации может мать? Уолтер сделал ей предложение, она отказала ему, и тогда у него родилась в голове эта бредовая идея — отправиться в Индию и заделаться чайным плантатором. Муж сказал: «Пусть едет», хотя, конечно же, он был очень огорчен. Муж хотел, чтобы Уолтер работал у него в фирме, и Уолтер сдал все экзамены по юриспруденции и получил соответствующий сертификат. Но тут случилась эта страстная любовь. Вот какое пагубное воздействие способны оказать эти молодые женщины на судьбу мужчины.

— О, я знаю. Вот моя племянница…

Но миссис Фейн снова оставила без внимания слова мисс Марпл и продолжала:

— И вот мой дорогой мальчик поехал то ли в Ассам, то ли в Бангалор, я уже толком и не помню, ведь прошло столько лет. Я, естественно, была

очень огорчена, ибо знала, что при его слабом здоровье задуманное им предприятие не осуществится. И вот проходит год, как он уехал, все у него идет успешно (у Уолтера всегда получалось все, за что бы он ни взялся), вдруг эта бессовестная дрянь меняет свое намерение и пишет ему, что согласна выйти за него.

— Да неужели! — сокрушенно воскликнула мисс Марпл.

— Он готовится к женитьбе, покупает ей билет… и что, по-вашему, следует дальше?

— Не могу представить. — Мисс Марпл буквально превратилась в слух.

— Она заводит любовную интригу с женатым мужчиной, вот вам пожалуйста. На пароходе по пути туда. Женатый человек с тремя детьми, как я полагаю. Уолтер встречал ее на пристани, и первое, что она сделала, едва сойдя с корабля, так это заявила Уолтеру, что не может выйти за него замуж. Вы же согласитесь со мной, что на подобный поступок способен только абсолютно безнравственный человек.

— Конечно, соглашусь. Это могло полностью разрушить веру вашего сына в людей.

— Казалось бы, теперь-то он должен был понять, что она собой представляет. Но такие женщины

способны выкрутиться из любой ситуации.

— А он не… — мисс Марпл помедлила, подбирая подходящее слово, — возмутился таким поведением? Другой мужчина пришел бы в ярость.

— Уолтер всегда умел владеть собой. И никогда не обнаруживает огорчения или обиды.

Мисс Марпл испытующе посмотрела на нее и очень осторожно, что называется, запустила пробный шар:

— Может, это потому, что он испытывал к ней действительно глубокое чувство? Такое часто случается с детьми. Внезапная вспышка у ребенка, который, казалось, равнодушен ко всему. Бывают чувствительные натуры, никак себя не проявляющие до тех пор, пока их полностью не выведут из терпения.

— О, вы высказали весьма любопытную мысль, мисс Марпл. Я хорошо помню, как Джеральд и Роберт, будучи оба вспыльчивыми, то и дело начинали драться, и это совершенно естественно для здоровых мальчиков…

— О, конечно, совершенно естественно.

— А мой дорогой Уолтер всегда был такой тихий и сдержанный! И вот однажды Роберт схватил его модель самолета — Уолтер собственноручно мастерил ее много дней, — схватил и по неакку-

ратности сломал. Так вот, зайдя в их классную комнату, я увидела Роберта лежащим на полу, в то время как Уолтер колотил его кочергой и, наверное, забил бы до смерти, не сумей я его оттащить. Уолтер при этом без конца повторял: «Он сделал это нарочно… он сделал это нарочно. Я сейчас убью его». Знаете, я была просто в ужасе. Мальчики все воспринимают очень остро, не так ли?

— Да, конечно, — проговорила мисс Марпл с задумчивым видом и возобновила прерванный разговор о несостоявшейся женитьбе Уолтера: — Итак, помолвка была разорвана. Что же сталось с девушкой?

— Она вернулась домой. Но по пути в Англию у нее возникло еще одно любовное приключение, и на этот раз она вышла замуж. Это был вдовец с ребенком. Мужчина, только что потерявший жену, — хорошая мишень, он абсолютно беспомощный, бедняга. Они поженились и поселились здесь, на другом конце городка — дом «Сан-Кэтрин», почти рядом с госпиталем. Брак длился недолго, и года не прошло, как она бросила его. Бежала с каким-то другим мужчиной.

— О боже! — воскликнула мисс Марпл. — Как счастливо избежал ваш сын этого кошмара!

— Я постоянно твержу ему это.

— А он бросил чайные плантации из-за того, что здоровье не позволило ему адаптироваться к тамошним условиям?

Миссис Фейн слегка нахмурила брови.

— Жизнь как-то не заладилась там, — ответила она. — Он вернулся домой примерно через шесть месяцев после возвращения этой девушки.

— Ситуация для Уолтера, наверное, была довольно тягостной, — рискнула заметить мисс Марпл. — Если эта молодая женщина действительно жила здесь. В одном и том же городе…

— Уолтер был великолепен, — сказала его мать. — Он вел себя так, словно ничего не произошло. Мне и самой надо было подумать о том, чтобы порвать окончательно всякие отношения, ибо случайные встречи могли доставлять неудобство для обеих сторон. Но Уолтер настоял, чтобы они сохранили дружеские отношения. Он запросто ходил к ним в дом без каких-либо формальных поводов и играл с их маленькой дочкой… Кстати, весьма странно, что эта девочка вернулась сюда. Теперь она взрослая замужняя женщина. На днях приходила в контору к Уолтеру оформить завещание. Рид — вот теперь как ее фамилия. Рид.

— Мистер и миссис Рид! Я знакома с ними. Какая приятная, интеллигентная пара! Подумать только! И она действительно ребенок…

— Ребенок от первой жены. Первая жена умерла в Индии. Бедный майор… я забыла его имя… кажется, Холидей… что-то в этом роде… был совершенно убит, когда эта распутница покинула его. И почему это самые хорошие мужчины влюбляются в самых отвратительных женщин?

— А тот молодой человек, с которым она была помолвлена до этого? Клерк, служивший в конторе вашего сына? Что с ним сталось?

— Он преуспел. Он — глава туристского автобусного бюро. «Желтые туры Эффлика». Автобусы, выкрашенные в ярко-желтый цвет. Выглядят совершенно вульгарно.

— Его фамилия Эффлик? — уточнила мисс Марпл.

— Да, Джекки Эффлик. Противный, но на редкость пробивной парень. И очень напористый в достижении цели. Думаю, интерес к Элен Кеннеди был отнюдь не случаен. Видно, решил, что брак с сестрой доктора упрочит его общественное положение.

— И эта Элен никогда больше не появлялась в Дилмуте?

— Нет. И слава богу. Может, теперь она уже окончательно пала. Мне жаль доктора Кеннеди. Это не его вина. Вторая жена его отца была ветреная штучка. Намного моложе его. Наверное, Элен пошла в мать. Я всегда думала… — Миссис Фейн замолкла на полуслове. — Вот и Уолтер.

Ее материнский слух уловил знакомые звуки в холле. Дверь открылась, и вошел Уолтер Фейн.

— Это мисс Марпл, сынок. Позвони в колокольчик, и нам принесут свежего чая.

— Не беспокойтесь, мама. Я пил чай в конторе.

— Принесите нам свежего чая с булочками, Беатрис, — сказала она горничной, которая появилась, чтобы забрать чайник.

— Да, мадам.

Со сдержанной, но вместе с тем приятной улыбкой Уолтер Фейн сказал:

— Боюсь, что мама портит меня.

Мисс Марпл улыбнулась в ответ и продолжала внимательно разглядывать его.

Кроткий, спокойный на вид человек, предупредительный, немного застенчивый… совершенно бесцветный. Совершенно невыразительная личность. Тот самый тип молодых людей, которые не нравятся женщинам, и если женщина выходит за такого замуж, то только потому, что мужчина,

которого она любит, не отвечает ей взаимностью. Уолтер, который всегда рядом с матерью… Бедный Уолтер, маменькин любимчик… Маленький Уолтер Фейн, который набросился на брата с кочергой и готов был его убить…

Мисс Марпл было над чем подумать.

Глава 17
Ричард Эрскин

I

Поместье Анстелл выглядело уныло. Это был белый дом, приютившийся у подножия серых холмов. К нему вела вьющаяся среди кустарников дорога.

— Зачем мы приехали? — задумчиво произнес Джайлс, обращаясь к Гвенде. — Что мы можем сказать?

— Но мы же обо всем договорились.

— Да, насколько это возможно. Нам повезло, что кузина сестры тетки шурина мисс Марпл, или кем там она ей приходится, живет здесь поблизости… Но ведь неприлично, явившись в дом человека, приступать к нему с расспросами о его прошлых любовных связях.

— Да еще по прошествии стольких лет. Может быть… может быть, он даже и не помнит ее.

— Может, и не помнит. А может, и вообще не было любовной истории.

— Джайлс, что же мы, совсем уж непроходимые дураки?

— Не знаю… Иногда я и впрямь ощущаю себя дураком. Не понимаю, зачем мы ввязались во всю эту историю. Какое это имеет значение теперь?

— Как давно все это было… Да, я знаю… Мисс Марпл и доктор Кеннеди, они оба говорили: «Прекратите расследование». Почему мы их не послушались, Джайлс? Что заставило нас его продолжать? Она?

— Кто?

— Элен. И мои воспоминания. Мои детские воспоминания — единственное связующее звено во всей этой истории. И может, именно дух Элен побуждает меня — и тебя — докопаться до правды?

— Потому что она умерла насильственной смертью?..

— Да. Говорят, да и в книгах пишут, что умершие насильственной смертью не могут обрести покой…

— Думаю, это из области фантазии, Гвенда.

— Может быть, и так. В любом случае у нас есть выбор. Наш визит может выглядеть как сугубо светский. И мы можем не касаться его истинной цели, если не захотим…

Джайлс покачал головой:

— Нет, мы должны задать интересующие нас вопросы. Просто обязаны.

— Да, ты прав. Но все равно, Джайлс, мне страшно…

II

— Подыскиваете дом, да? — осведомился майор Эрскин.

Он протянул Гвенде блюдо с сандвичами. Гвенда взяла один, окинув майора внимательным взглядом. Ричард Эрскин был невысок ростом, пять футов и девять дюймов или около того. У него были седые волосы и усталый, чуть задумчивый взгляд. Голос низкий и приятный, а говорил он слегка нараспев. В нем не было ничего примечательного, но, на взгляд Гвенды, он определенно выглядел привлекательным… Конечно, он далеко не так импозантен, как Уолтер Фейн, но если большинство женщин пройдут мимо Фейна не оглянувшись, то Эрскин наверняка не оставит ни одну женщину равнодушной. Фейн являл собою нечто неопределенное. А в Эрскине при его скромных внешних данных ощущалась личность. Он говорил об обыденных вещах просто, но в нем было что-то такое, что безошибочно и сразу распознают женщины и на что они реагируют чисто по-женски. Вот и Гвенда, войдя в дом, совершенно бессознательно одернула юбку,

поправила завиток на лбу и подретушировала губы. Девятнадцать лет назад Элен Кеннеди вполне могла влюбиться в этого мужчину. Гвенда была уверена в этом.

Когда майор подавал Гвенде блюдо с сандвичами, она поймала на себе его пристальный взгляд и невольно покраснела. Миссис Эрскин беседовала с Джайлсом, но не спускала глаз с Гвенды, и ее взгляд был одновременно изучающим и подозрительным. Джанет Эрскин, высокая дама с грудным голосом, низким, почти как у мужчины, крепкого телосложения, была в добротном твидовом костюме с большими накладными карманами. Она выглядела старше мужа, но Гвенда решила, что это, может быть, и не так. У нее был какой-то несчастный, загнанный вид. «Бедняжка, явно обделенная вниманием мужа, — подумала Гвенда. — Держу пари, ему сегодня достанется».

— Искать дом — занятие хлопотное, — сказала она. — Агенты по продаже недвижимости способны так расписать продающийся дом, что покупатель немедленно устремляется увидеть это чудо и чаще всего бывает горько разочарован.

— Вы хотите поселиться здесь, где-нибудь поблизости?

— Да, это одно из мест, о которых мы думали. Потому что здесь недалеко Стена Адриана. Джайлс всегда восхищался Стеной Адриана. Вам покажется это немного странным, но нас устроит любое место в Англии. Дело в том, что мой родовой дом — в Новой Зеландии, и здесь у меня нет никаких связей. И у Джайлса тоже нет привязанности к какому-то определенному месту, он проводил каникулы у многочисленных теток, живших в разных местах. Единственное, чего мы хотим, — поселиться поближе к Лондону, но непременно в сельской местности.

Эрскин улыбнулся.

— Здесь всюду истинно сельская местность. Мы живем изолированно от немногочисленных соседей. Поместья далеко отстоят друг от друга.

Гвенда уловила скрытые нотки грусти в его приятном голосе. И внезапно подумала о его одиночестве в этом краю: короткие зимние дни, завывающий в трубах ветер, окна, наглухо закрытые плотными шторами, и эта женщина с загнанным недобрым взглядом… а соседей мало, и до них далеко.

Потом представшая ее мысленному взору картина исчезла. И опять было лето, настежь распахнутые решетчатые стеклянные двери в

сад, и доносящийся оттуда аромат роз, и веселое щебетание птиц.

Она спросила:

— Это старый дом?

Эрскин кивнул:

— Времен королевы Анны. Мои родственники жили здесь почти три сотни лет.

— Дом очень приятный. Вы, должно быть, гордитесь им.

— Он нуждается в ремонте. Налоги не позволяли поддерживать его в надлежащем состоянии. Но теперь, когда дети взрослые и способны сами себя обеспечить, можно подумать о ремонте.

— Сколько у вас детей?

— Два сына. Один в армии. Второй только что кончил Оксфорд. Собирается работать в издательской фирме.

Он посмотрел на каминную полку, и взгляд Гвенды последовал туда же. Там стояли две рамки с фотографиями парней — предположительно восемнадцати и девятнадцати лет — с гордыми добрыми лицами. Фотографии сделаны, видимо, несколько лет назад.

— Они хорошие парни, извините, что я хвалю их сам.

— Они действительно очень милы, — сказала

Гвенда.

— Да, — задумчиво проговорил Эрскин. — Думаю, и впрямь дети стоят того, чтобы ради них жертвовать… собой, — уточнил он после короткой паузы, отвечая на вопросительный взгляд Гвенды.

— Я полагаю, при этом приходится от многого отказываться?

— Порой от очень многого…

Она снова уловила в его словах некий скрытый смысл, но миссис Эрскин перебила его, спросив властным тоном:

— И вы в самом деле ищете дом в этой части страны? Боюсь, я не смогу посоветовать вам ничего подходящего поблизости.

«И даже если бы знала подходящую усадьбу, то все равно не сказала бы, — подумала Гвенда с внезапной враждебностью. — Эта глупая старая дама просто ревнует. Ревнует потому, что я беседую с ее мужем, и потому, что я молода и привлекательна».

— Это зависит от того, насколько срочно вам нужен дом, — сказал Эрскин.

— Никакой спешки, — спокойно сказал Джайлс. — Мы хотим найти нечто действительно стоящее. В настоящее время у нас есть дом в

Дилмуте, на южном побережье.

Майор Эрскин поднялся с места, чтобы принести коробку с сигаретами, стоявшую на столе у окна.

— Дилмут, — сказала миссис Эрскин безразличным голосом, пристально глядя в затылок мужа.

— Прелестный небольшой городок, — продолжал Джайлс. — Вам не приходилось там бывать?

На какой-то короткий момент воцарилась тишина, которую нарушил все тот же безразличный голос миссис Эрскин:

— Однажды, много лет назад, мы провели там летом несколько дней. Нам там не понравилось, слишком расслабляющий климат.

— Да, — согласилась Гвенда. — Нам тоже так показалось. Мы с Джайлсом предпочли бы более бодрящий воздух.

Эрскин вернулся с сигаретами и протянул коробку Гвенде, говоря:

— Вы найдете здешний воздух действительно бодрящим. — В его голосе отчетливо слышалась жесткость.

Гвенда подняла на него взгляд, когда он поднес ей зажигалку.

— А вы хорошо помните Дилмут? — равнодушным тоном спросила она.

Его губы дернулись, словно от внезапной болевой спазмы. Он ответил уклончиво:

— Думаю, достаточно хорошо. Мы останавливались, кажется, в отеле «Роял Джордж»… нет, дайте вспомнить, — в «Роял Кларенс».

— О да, это чудный старомодный отель. Наш дом почти рядом. Он называется «Хиллсайд», но раньше назывался «Сан… Сан… Мэри», так, Джайлс?

— «Сан-Кэтрин», — поправил ее Джайлс.

На этот раз реакция была явной. Эрскин быстро отвернулся. А чашечка миссис Эрскин запрыгала по блюдцу.

— Может быть, вы хотите посмотреть сад? — поспешно предложила она.

— О да, с удовольствием.

Они вышли через балконную дверь в сад, со вкусом устроенный и ухоженный, с длинной оградой и дорожками, выложенными плиткой. Как поняла Гвенда, уход за садом был приятной обязанностью майора Эрскина. Когда он говорил о розах и травяных газонах, его мрачное, печальное лицо прояснялось. Несомненно, работа в саду была его призванием.

Когда они наконец распрощались и ехали в автомобиле обратно, Джайлс нерешительно

спросил:

— Ты… ты на самом деле уронила его?

Гвенда кивнула.

— Около второго куста дельфиниума. — Она взглянула на свой палец и рассеянно покрутила на нем обручальное кольцо.

— И думаешь, что никогда уже его не найдешь?

— Да это же не настоящее мое обручальное кольцо. Этим я никогда не стала бы рисковать.

— Я рад это слышать.

— Я очень дорожу этим кольцом. Помнишь, что ты сказал, когда надевал его мне на палец? «Этот зеленый изумруд моей хорошенькой зеленоглазой маленькой кошечке».

— Я сказал бы, — бесстрастно произнес Джайлс, — что наши проявления нежности могут со стороны выглядеть странными, скажем, в глазах людей поколения мисс Марпл.

— Я все думаю, что она делает сейчас, наша милая старушка. Греется на солнышке?

— Как бы не так! Насколько я ее знаю, она не сидит на месте, высматривает, выведывает, задает кому-то вопросы. Надеюсь, она не слишком усердствует?

— Для пожилой леди разговорчивость и общи-

тельность совершенно естественны. Другое дело, если бы мы с тобой этим занимались.

Джайлс снова помрачнел.

— Я не согласен с тобой. — Он немного помолчал. — Ты именно этим и занимаешься. У меня такое чувство, что я сам сижу дома, а тебя посылаю делать грязную работу.

Гвенда провела пальцем по его щеке, чтобы успокоить.

— Знаю, дорогой, знаю. Но ты должен признать, что тут требуется сноровка. Ведь это же наглость — выспрашивать мужчину о его старых любовных делах, только дерзкая женщина может с этим справиться, и к тому же умная. А я считаю себя умной.

— Я знаю, что ты умная. Но что, если Эрскин и есть тот человек, которого мы ищем…

Гвенда ответила с уверенностью:

— Не думаю, что это он.

— Ты считаешь, что мы идем по ложному следу?

— Вовсе нет. Я полагаю, что он был влюблен в Элен. Но он хороший, Джайлс, очень хороший. Совсем не из тех, которые могут задушить.

— У тебя невероятно большой опыт общения с людьми, которые способны задушить человека,

да, Гвенда?

— Нет. Но мне присущ женский инстинкт.

— Именно так, я думаю, часто говорят жертвы душителей. Ну, Гвенда, шутки в сторону, смотри будь осторожна.

— Конечно. Мне так жаль этого беднягу… жить с такой женой-драконом. Держу пари, у него несчастная жизнь.

— Она странная женщина…

— Да, какая-то зловещая. Ты видел, как она все время смотрела на меня?

— Надеюсь, наш план удастся.

III

План был приведен в действие на следующее утро.

Джайлс, словно детектив в бракоразводном деле, занял наблюдательный пост, откуда хорошо просматривались ворота поместья Анстелл. Примерно в половине двенадцатого он доложил Гвенде, что все идет нормально. Миссис Эрскин уехала на маленьком «Остине», видимо, на рынок в городок, что находится в трех милях отсюда.

Гвенда подъехала к воротам и позвонила в колокол. Она спросила миссис Эрскин, и ей сказали, что та уехала. Тогда она попросила майора

Эрскина. Майор Эрскин был в саду. Он занимался клумбой и при появлении Гвенды оставил свое занятие.

— Мне так жаль беспокоить вас, — сказала Гвенда. — Но, думаю, вчера где-то здесь я уронила кольцо. Помню, что оно было у меня на пальце, когда мы вышли сюда после чая. Оно мне немного велико. Я просто не переживу, если потеряю его, потому что это мое обручальное кольцо.

И тут же начались поиски. Гвенда повторила свой вчерашний путь, стараясь вспомнить, где она останавливалась и до каких цветов дотрагивалась. И вдруг кольцо обнаружилось около большой купы дельфиниума. Гвенда вздохнула с огромным облегчением.

— А теперь могу ли я предложить вам что-нибудь выпить, миссис Рид? Пива? Бокальчик шерри? Или, может быть, вы предпочитаете кофе или что-то вроде этого?

— Я не хочу ничего, нет, в самом деле. Вот если только сигарету… благодарю вас.

Она опустилась на скамью, и Эрскин сел рядом.

Несколько минут они молча курили. Сердце Гвенды отчаянно колотилось. У нее нет выбора. Она должна сделать решительный шаг.

— Я хочу кое о чем вас спросить, — начала она. — Может быть, вы сочтете это большой наглостью с моей стороны. Но мне необходимо знать… и, возможно, вы — единственный человек, который способен мне помочь. Мне кажется, что вы когда-то были влюблены в мою мачеху.

Он повернулся и с удивлением посмотрел на нее.

— В вашу мачеху?

— Да, в Элен Кеннеди. Позже ставшую Элен Холидей.

— Понятно. — Мистер Эрскин казался совершенно спокойным. Его невидящий взор был устремлен на залитую солнцем лужайку. Сигарета тлела у него в руке. Сидевшая рядом Гвенда ощутила смятение в его напряженной позе. Потом его рука осторожно коснулась руки Гвенды, и, будто отвечая на вопрос, заданный самому себе, он сказал: — Письма, я полагаю.

Гвенда не ответила.

— Я не писал ей много: два, может быть, три раза. Она сказала, что уничтожила их, но ведь женщины никогда не уничтожают писем, не так ли? И вот они попали к вам. И вы хотите все узнать.

— Просто я хотела больше знать о ней. Я… очень

любила ее. Хотя и была совсем маленьким ребенком, когда она ушла.

— Она ушла?

— А вы не знали?

Его взгляд, искренний и удивленный, встретился с ее взглядом.

— Я ничего не знал о ней, — сказал он, — с… с того лета в Дилмуте.

— Так вы не знаете, где она теперь?

— Откуда мне знать? Столько лет прошло… лет. Все кончено и забыто.

— Забыто?

Он горько улыбнулся.

— Нет, наверное, не забыто… Вы очень проницательны, миссис Рид. Но расскажите мне о ней. Ведь она не… умерла, верно?

Внезапно налетел порыв холодного ветра и охладил их разгоряченные лица.

— Не знаю, мертва она или нет, — сказала Гвенда. — Я ничего о ней не знаю. Я думала, может, вы что-то знаете?

Он покачал головой, и она продолжала:

— Знаете, она ушла из Дилмута тем летом. Совершенно неожиданно, однажды вечером. Никому ничего не сказав. И больше не вернулась.

— И вы думали, может быть, у меня были ка-

кие-нибудь известия от нее.

— Да.

Он покачал головой:

— Нет. Ни единого слова. Но, наверное, ее брат, доктор… который живет в Дилмуте. Он должен знать. Или он тоже умер?

— Нет, он жив. Но тоже ничего не знает. Понимаете, все думают, что она исчезла с кем-то.

Он повернулся и посмотрел на нее. Глубоким печальным взглядом.

— Полагали, что она ушла со мной.

— Да, такое предположение высказывалось.

— А была ли такая возможность? Не думаю. Нет. Или мы были настолько глупы, что сознательно упустили такую счастливую возможность?

Гвенда промолчала, и Эрскин снова повернул голову и посмотрел на нее.

— Лучше послушайте обо всем этом. Хотя, в сущности, вы не много узнаете из моего рассказа. Но мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ошибочное представление об Элен. Мы познакомились на пароходе по пути в Индию. К моменту нашего отъезда один из сыновей заболел, и жене пришлось ждать следующего рейса. Элен ехала туда, чтобы выйти замуж за чиновника лесной или какой-то другой фирмы. Она не любила его.

Это был просто старый друг, хороший и добрый, и она хотела уехать из дома, где была несчастлива. И мы влюбились друг в друга. — Он помолчал, а потом продолжал: — Эти слова звучат банально. Но в данном случае это не так, я хочу, чтобы вы поняли: это не была обычная любовная интрижка на корабле. Мы полюбили всерьез. Для нас это было… потрясением. Но я не мог оставить Джанет и детей. Элен считала так же. Если бы речь шла только о Джанет, но ведь были еще и мальчики. Словом, никаких надежд на будущее. И мы договорились попрощаться и постараться забыть друг друга. — Он грустно усмехнулся. — Забыть? Я никогда не забывал ее — ни на один миг. Моя жизнь превратилась в ад. Я не мог заставить себя не думать об Элен… Да, она не вышла замуж за парня, к которому ехала. В последний момент отказалась. Она поехала домой, в Англию, и на обратном пути встретила другого мужчину, вашего отца, как я понимаю. Она сообщила мне об этом через пару месяцев. Тот мужчина был ужасно несчастлив, потеряв жену, писала она, а при нем был еще и ребенок. Она подумала, что сможет сделать его счастливым, и решила выйти за него замуж. Она писала из Дилмута. Примерно через восемь месяцев скончался мой отец, и я вернулся в Англию.

Мы хотели отдохнуть несколько недель, прежде чем поселиться в родовом поместье. Моя жена предложила Дилмут. Какие-то ее друзья настоятельно советовали это приятное и тихое место. Она, конечно, ничего не знала об Элен. Можете представить себе мое искушение: увидеть ее снова! Увидеть того самого мужчину, за которого она вышла замуж… — Эрскин помолчал немного, потом продолжал: — Мы остановились в отеле «Роял Кларенс». И этот приезд был ошибкой. Видеть Элен было для меня адской мукой… Она казалась довольно счастливой… я не знал, сохранились у нее ко мне какие-то чувства или нет… Возможно, они уже остались в прошлом. Но тем не менее моя жена, видимо, что-то заподозрила. Она… она очень ревнивая женщина, всегда была такой. — Он резко оборвал себя: — Вот и все. Мы уехали из Дилмута…

— Семнадцатого августа, — подсказала Гвенда.

— Именно в тот день? Возможно, я точно не помню.

— Это была суббота.

— Да, вы правы. Как сейчас помню, Джанет еще сказала, что дороги на север будут забиты, но, кажется, она была не права…

— Пожалуйста, попытайтесь вспомнить, майор

Эрскин. Когда вы в последний раз видели мою мачеху… Элен?

Он улыбнулся доброй улыбкой.

— Мне не придется для этого чересчур напрягаться. Я видел ее вечером накануне нашего отъезда. На пляже. Я прогуливался там после обеда… и увидел ее. Вокруг никого не было. Я проводил ее до дому. Мы прошли через сад…

— Который был час?

— Не знаю… Часов девять, наверное.

— И вы попрощались?

— И мы попрощались. — Он снова засмеялся. — О, это было совсем не то прощание, о котором вы думаете. Оно было коротким и сухим. Элен сказала: «Пожалуйста, уходите. Уходите быстро. Лучше мне не…» Она замолчала… и я… я ушел.

— Снова в отель?

— Да, да, в конечном счете в отель. Но сначала я долго ходил по округе.

— Трудно ориентироваться в датах по прошествии стольких лет, — сказала Гвенда. — Но мне кажется, что именно в тот самый вечер она исчезла навсегда.

— Ясно. И поскольку мы с женой уехали на следующий день, пошла молва, что она убежала со мной. Странные мысли порой приходят людям

в голову.

— И все-таки, — напрямик спросила Гвенда, — она не уехала с вами?

— Боже правый, нет, у нас никогда не возникало такой мысли.

— Тогда как вы думаете, почему она ушла?

Эрскин нахмурился. Он посерьезнел и задумчиво проговорил:

— Понимаю. Ответ на этот вопрос весьма важен в данной ситуации. Она не оставила… э-э… какого-нибудь объяснения?

Гвенда подумала и высказала свое личное мнение:

— Нашли какую-то записку. А вы считаете, что она бежала с кем-нибудь другим?

— Нет, конечно.

— Вы, кажется, уверены в этом.

— Уверен.

— Так почему же она убежала?

— Если она убежала вот так, внезапно, возможно только одно объяснение: она бежала от меня.

— От вас?

— Да. Она, возможно, боялась, что я буду искать новых встреч с ней, буду надоедать. Она, должно быть, видела, что я все еще влюблен в нее, схожу по ней с ума… Да, должно быть, причина в этом.

— Но это не объясняет, почему она так и не вернулась. Скажите, рассказывала ли вам Элен что-нибудь о моем отце? Что она беспокоится о нем? Или… или боится его? Что-то подобное?

— Боялась его? Почему? О, я понимаю, вы думаете, что он был ревнив. Он действительно был ревнивым человеком?

— Не знаю, он умер, когда я была ребенком.

— Вот как. Нет, он всегда казался мне нормальным и симпатичным человеком. Я знаю, что он любил Элен, гордился ею. Это я ревновал Элен к нему.

— Они казались вам счастливой парой?

— Да. Я радовался этому… и в то же время болезненно переживал… Нет, Элен никогда не говорила со мной о нем. Как я уже сказал, мы почти никогда не оставались с ней наедине и никогда не вели доверительных бесед. Но теперь, в свете того, что вы мне рассказали, мне начинает казаться, что Элен в ту последнюю нашу встречу выглядела встревоженной…

— Встревоженной?

— Да. Тогда я думал, что это из-за моей жены… — Он вдруг замолчал. — Но, видимо, причина была более серьезной? — Он взглянул на Гвенду в упор. — Боялась ли она мужа? Ревновал ли он ее

к другим мужчинам?

— Вы, кажется, думаете, что нет.

— Ревность — весьма странная вещь. Внешне она может никак не проявляться. — Он чуть заметно передернул плечами. — Но она может быть страшной, очень страшной.

— И еще одно мне хотелось бы узнать… — Гвенда вдруг замолчала.

Послышался шум подъезжающего автомобиля. Майор Эрскин сказал:

— О, жена вернулась, она ездила за покупками.

И в мгновение ока он превратился совсем в другого человека. Его тон сделался официальным, а лицо бесстрастным. И лишь легкий трепет рук выдавал его нервное состояние.

Из-за угла дома показалась миссис Эрскин.

Муж поспешил ей навстречу.

— Миссис Рид обронила вчера в саду кольцо, — объяснил он.

— В самом деле? — сурово вопросила миссис Эрскин.

— Доброе утро, — сказала в свою очередь Гвенда. — Да, но, к счастью, я нашла его.

— Вам повезло.

— О да. Было бы ужасно лишиться его. Ну, мне

надо идти.

Миссис Эрскин промолчала. Майор Эрскин сказал:

— Я провожу вас до машины.

Он двинулся было за Гвендой, но тут послышался резкий голос его жены:

— Ричард. Надеюсь, миссис Рид извинит тебя, тебе звонят по очень важному делу…

— Все в порядке, — поспешно сказала Гвенда. — Не беспокойтесь, пожалуйста.

Гвенда быстро сбежала с террасы и, обогнув угол дома, вышла к подъездной дорожке. И в растерянности остановилась. Миссис Эрскин так поставила свой автомобиль, что Гвенда при всем желании не сможет выехать на дорогу. Она немного поколебалась, а потом направилась назад к дому.

У самой двери она застыла как вкопанная.

— Я не желаю слушать твои объяснения, — услышала она резкий низкий голос миссис Эрскин. — Ты специально подстроил это. Договорился вчера с этой женщиной, чтобы она приехала сюда, когда я буду в Дейте. Ты всегда был таким… любая хорошенькая девушка. Я не потерплю этого. Запомни, не потерплю.

А потом молящий, полный отчаяния голос

майора:

— Порой, Джанет, мне кажется, что у тебя и в самом деле с психикой не все в порядке.

— Это не у меня, а у тебя непорядок с психикой. Ты не можешь оставить женщин в покое.

— Ты же знаешь, что это не так, Джанет.

— Нет, это именно так! Еще давно… в том городе, откуда приехала эта женщина… в Дилмуте. И ты еще смеешь мне говорить, что не был влюблен в ту, желтоволосую, жену Холидея?

— Ты все никак не можешь забыть? Зачем ворошить старое? Ты просто распаляешь себя и…

— Ты! Ты разбиваешь мое сердце… Я не вынесу этого, попомни мои слова! Не вынесу! Запланированное любовное свидание! Смеетесь у меня за спиной. Ты не заботишься обо мне и никогда не заботился. Я покончу с собой! Брошусь со скалы… я хочу умереть…

— Джанет, Джанет, ради бога…

Резкий голос умолк. Звук страстных рыданий сотряс летний воздух.

Гвенда на цыпочках пробралась обратно к подъездной дороге. Она подумала минуту и позвонила во входную дверь.

— Не найдется ли кого-нибудь, кто смог бы передвинуть этот автомобиль? — спросила она

вышедшего на звонок слугу. — Я не могу выехать отсюда.

Слуга пошел в дом. Вскоре из-за здания, которое, скорее всего, служило конюшней, появился человек. Он коснулся рукой кепки, приветствуя Гвенду, сел в «Остин» и отогнал его во двор. Гвенда проворно нырнула в свою машину и помчалась в отель, где ее ждал Джайлс.

— Сколько же времени ты там пробыла! — воскликнул он. — Получилось что-нибудь?

— Да. Теперь мне известно все. Просто романтическая история. Он был страстно влюблен в Элен. — И она рассказала Джайлсу о своем визите во всех подробностях. — Я в самом деле думаю, — заметила она, заканчивая рассказ, — что миссис Эрскин немного не в себе. То, что она говорила, весьма смахивает на бред. Я теперь понимаю, что он имел в виду, говоря о ревности. Это просто ужасно. Но так или иначе, мы теперь знаем, что Эрскин не бежал с Элен и что ему ничего не известно о ее смерти. Она была жива в тот вечер, накануне его отъезда из Дилмута.

— Да, — сказал Джайлс. — По крайней мере, он это утверждает.

Гвенда была явно недовольна реакцией мужа и, твердо чеканя слова, повторила:

— Именно так он и сказал.

Глава 18
Вьюнки

Мисс Марпл, стоя на ступеньках террасы, ведущих в сад, пыталась раздвинуть непокорные плети вьющихся растений. Ей удалось это лишь отчасти, потому что они прочно вросли в землю. Но по крайней мере хотя бы на время она высвободит дельфиниумы из плена.

В окно гостиной выглянула миссис Коккер.

— Извините меня, мадам, но пришел доктор Кеннеди. Он хочет узнать, как долго будут отсутствовать мистер и миссис Рид. Я не смогла дать ему точный ответ и решила спросить вас. Я приглашу его сюда?

— О! О да, конечно, миссис Коккер.

Вскоре миссис Коккер появилась снова, сопровождаемая доктором Кеннеди.

С некоторым трепетом мисс Марпл представилась ему.

— …И я договорилась с милой Гвендой, что, пока их нет, буду заходить и понемногу заниматься прополкой. Думаю, вам известно, что моим юным друзьям навязали бездельника садовника по

имени Фостер. Он приходит дважды в неделю, выпивает несчетное количество чашек чаю, много болтает и, насколько я знаю, не так уж много работает.

— Да, — ответил доктор Кеннеди несколько рассеянно. — Да. Они все одинаковы, все одинаковы.

Мисс Марпл оценивающе посмотрела на него. Он показался ей старше, чем она думала, судя по описаниям Ридов. Преждевременная старость, догадалась она. Да и вид у него был обеспокоенный и несчастный. Он стоял, поглаживая рукой свой слегка вздернутый подбородок.

— Так, значит, они уехали, — сказал он. — Не знаете, надолго ли?

— О нет, ненадолго. Они поехали навестить друзей в Северной Англии. Молодые люди кажутся мне такими беспокойными, вечно кидаются то туда, то сюда.

— Да, — ответил доктор Кеннеди. — Да, это верно. — Он помолчал, а потом сказал как-то неуверенно: — Молодой Джайлс Рид писал мне и просил некоторые бумаги… э… письма… если я смогу их отыскать…

Он замешкался, и мисс Марпл спокойно спросила:

— Письма вашей сестры?

Он бросил на нее быстрый, проницательный взгляд.

— Так… вы в курсе дела? Вы — родственница?

— Всего только друг, — ответила мисс Марпл. — Я советовала им, пуская в ход все разумные доводы, оставить все как есть, но люди редко внемлют советам… Жаль, конечно, но это так…

— И каков же был ваш совет? — с любопытством спросил он.

— Не углубляться в расследование, — твердо заявила мисс Марпл.

Доктор Кеннеди тяжело опустился на неудобный деревенский стул.

— Это неплохой совет. Мне нравится Гвенда. Она была прекрасным ребенком. И насколько я могу судить, со временем превратилась в славную молодую женщину. И я боюсь, что ее подстерегают неприятности.

— Да, вокруг столько разных неприятностей! — сказала мисс Марпл.

— Э? Да-да… совершенно справедливо. — Он вздохнул, а потом продолжал: — Я получил письмо от Джайлса Рида, в котором он просил предоставить в его распоряжение письма моей сестры, написанные после того, как она покинула

эти места, а также образец ее подлинного почерка. — Он бросил на мисс Марпл проницательный взгляд. — Вы понимаете, что это значит?

Мисс Марпл кивнула:

— Думаю, что да.

— Они снова вернулись к версии, согласно которой Келвин Холидей говорил правду и именно он задушил жену. Они считают, что письма, полученные мною после исчезновения Элен, написаны не ею, что это фальшивка. Они уверены, что она не покинула этот дом живой.

Мисс Марпл мягко спросила:

— Ну а у вас самого нет такой уверенности?

— Нет. — Доктор Кеннеди все еще продолжал смотреть прямо перед собой. — Мне все кажется совершенно ясным. Чистая галлюцинация у Келвина. Нет ни тела, ни чемодана с вещами… что еще я могу подумать?

— А ваша сестра… в то время… скажем так… проявляла интерес… к… к определенному джентльмену?

Доктор Кеннеди перевел взгляд на мисс Марпл. В его глазах была глубокая боль.

— Я любил сестру, — ответил он. — Но должен признать, что Элен всегда была неравнодушна к мужчинам. Есть такой тип женщин, которые

просто не могут обходиться без мужчин.

— Тогда вам все казалось ясным, — сказала мисс Марпл. — Но сейчас представляется не столь уж бесспорным. Почему?

— Да потому, что я глубоко убежден: будь Элен жива, она непременно давала бы время от времени знать о себе. И так же странно, что в случае ее смерти меня об этом не известили. Ну… — Он достал из кармана конверт. — Здесь все, что я смог отыскать. Первое письмо, полученное от Элен, оказалось утерянным. Я так и не смог отыскать его. Но сохранилось второе, то самое, где был указан адрес до востребования. А это для сравнения единственный образец почерка Элен, который у меня сохранился. Список луковиц и семян для посадки. Копия заказа. Почерк в обоих случаях мне кажется похожим, но я не специалист. Я оставлю это для Джайлса и Гвенды. Думаю, не стоит все это пересылать им туда.

— О нет. Мне кажется, они должны вернуться завтра или послезавтра.

Доктор кивнул. Он все еще стоял, устремив отсутствующий взгляд куда-то вдаль. И вдруг сказал:

— Знаете, что беспокоит меня? Если Келвин Холидей на самом деле убил жену, он должен

был спрятать тело или каким-то иным образом избавиться от него… а это значит (ибо что еще это могло бы значить?), что вся история, которую он мне поведал, была им тщательно продумана… включая исчезнувший чемодан с вещами Элен… и даже два письма, якобы посланных ею из-за границы… А это означало бы, что он хладнокровный, расчетливый убийца. Маленькая Гвенни была очаровательным ребенком. Нет ничего страшнее для ребенка, чем знать, что твой отец — параноик; но в десять раз хуже, если он окажется хладнокровным и расчетливым убийцей.

Он направился к выходу, но мисс Марпл остановила его, спросив:

— А кого боялась ваша сестра, доктор Кеннеди?

— Боялась? Никого, насколько мне известно.

— Я только подумала… Ради бога, извините, если мой вопрос покажется вам бестактным… но был некий молодой человек, не так ли? Я имею в виду какую-то историю… когда она была совсем молодой. Некто по фамилии Эффлик. Так, кажется.

— А, это. Глупые истории, в которые попадают девушки по неопытности. Молодой парень, темная личность и, уж конечно, не ее круга, совсем не ее круга. Потом у него здесь были неприятности.

— Я подумала, не мог ли он… мстить.

Доктор Кеннеди улыбнулся, скорее скептически:

— О, не думайте, что это было глубокое чувство. Так или иначе, как я сказал, у него возникли неприятности, и он был вынужден навсегда покинуть город.

— А что за неприятности?

— О, ничего криминального. Только неблагоразумие. Много болтал о делах хозяина.

— А его хозяином был мистер Уолтер Фейн?

Доктор Кеннеди посмотрел на нее с некоторым удивлением.

— Да… да… вы сказали, и я вспомнил, он действительно работал в фирме Фейна и Уотчмена. Не стажером. Простым клерком.

Простым клерком? Мисс Марпл была слегка удивлена. После ухода доктора Кеннеди она вернулась к своим вьюнкам.

Глава 19
Мистер Кимбл заговорил

— Не знаю, я уверена в этом, — сказала миссис Кимбл.

И тут нарушил свое привычное молчание ее супруг, а побудило его к тому не что иное, как гнев.

Решительным жестом он отодвинул от себя чашку.

— О чем это ты думаешь, Лили?! Почему без сахара?

Миссис Кимбл поспешно исправила оплошность и вернулась к своей теме:

— Я все думаю насчет этого объявления, вот что. Лили Эбботт, написано там, ясно и понятно. И «бывшая горничная в «Сан-Кэтрин» в Дилмуте». Это я и есть, все верно.

— Ну, — подтвердил мистер Кимбл.

— После стольких лет, согласись, Джим, это очень странно.

— Ну…

— Так что мне делать, Джим?

— Выбрось вон из головы.

— А если это связано с деньгами?

Раздался булькающий звук — это мистер Кимбл осушал чашку чаю, чтобы вооружиться для умственного напряжения, связанного с необходимостью произнести длинную речь. Он отодвинул чашку и, прежде чем пуститься в рассуждения, бросил лаконичное: «Еще».

— Ты одно время много говорила о том, что случилось в «Сан-Кэтрин». Я не очень-то в это верю, все это глупости, бабская болтовня. А может, и нет. Может быть, что и случилось. Если так, то это дело полиции и тебе незачем в это влезать. Все давно прошло, верно? Выбрось все это из головы, моя девочка.

— Тебе хорошо говорить. А если речь идет о деньгах, которые причитаются мне по завещанию? Может быть, миссис Холидей умерла только теперь и упомянула меня в своем завещании.

— Упомянула тебя в завещании? Да с какой стати? Подумай только! Ну! — сказал мистер Кимбл, закончив эту необычайно длинную для него тираду своим излюбленным односложным восклицанием, на этот раз выражавшим презрение.

— А даже если и полиция… Знаешь, Джим, иногда обещают большое вознаграждение за помощь в поимке убийцы.

— И чем же ты можешь помочь? Знать ты ни-

чего не знаешь, а все выдумала из головы.

— Это ты так говоришь. А я думаю…

— Ты думаешь! — с презрительной гримасой изрек мистер Кимбл.

— Да, я думаю… С того самого момента, как прочитала в газете. Может быть, я знаю что-то и похуже. Та самая Лейони, она была немного глуповата, как все иностранцы, не могла как следует понять, что ей говорили, ее английский был совершенно ужасен. Если она не имела в виду то, что она мне сказала… Я все пытаюсь вспомнить имя того мужчины… И если она видела именно его… Помнишь фильм, про который я тебе рассказывала? Тайный любовник. Такой интересный! В конце концов его распознали по автомобилю. Он заплатил пятьдесят тысяч долларов рабочему в гараже, чтобы тот забыл, что заправлял его машину ночью. Не знаю, сколько это будет в переводе на фунты… А там был еще один, и муж просто рехнулся от ревности. Все они по ней с ума сходили. А в конце…

Мистер Кимбл с грохотом отодвинул свой стул. Он медленно и с сознанием своей важности поднялся на ноги. Готовясь покинуть кухню, он выдвинул ультиматум, ультиматум человека, который, несмотря на неумение членораздельно

излагать свои мысли, отличался определенным хитроумием.

— Выбрось все это из головы, моя девочка, — заявил он. — Иначе будешь горько потом жалеть.

Он вышел в судомойню при кухне, надел сапоги (Лили ревностно следила за чистотой пола на кухне) и удалился.

Лили села за кухонный стол и погрузилась в фантазии, доступные ее ограниченному умишку. Конечно, она не может действовать наперекор мужу, но тем не менее… Джим такой ограниченный, такой отсталый. Вот если бы можно было с кем-то посоветоваться… Кто знает про вознаграждения, и про полицию, и про все прочее. Жаль упускать возможность получить хорошие деньги.

Радиоприемник… прибор для завивки… пальто вишневого цвета, такое модное… и даже, может быть, старинный гарнитур «Жакоб» для гостиной…

Распаляемая алчностью, она все глубже и глубже погружалась в мечты… Так что же точно сказала ей Лейони много лет назад?

Наконец она приняла решение. И вооружилась чернилами, пером и стопкой бумаги.

— Знаю, как мне следует поступить, — сказа-

ла она себе. — Напишу доктору, брату миссис Холидей. Он-то скажет мне, что надо делать… если только он жив. И пусть останется на моей совести, что я ничего не сказала тогда ему про Лейони… и про тот автомобиль.

Потом на некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом пера. Ей очень редко случалось писать письма, и сочинение послания доктору потребовало от нее больших усилий.

Тем не менее письмо было написано, положено в конверт и запечатано.

Однако она не испытала при этом того огромного удовлетворения, на которое рассчитывала. Десять к одному за то, что доктор или умер, или уехал из Дилмута.

Был ли замешан в этой истории кто-нибудь еще?

И как звали того молодого человека?

Если бы только она могла вспомнить *это*…

Глава 20
Девушка Элен

Джайлс и Гвенда едва закончили завтрак на следующий день после возвращения из Нортумберленда, как им доложили о приходе мисс Марпл.

Она начала с извинения:

— Боюсь, я слишком рано явилась с визитом. Это совсем не в моих правилах. Но мне надо кое-что сообщить вам.

— Мы всегда счастливы видеть вас, — сказал Джайлс, подвигая ей стул. — Выпейте чашечку кофе.

— О, нет, нет, благодарю, не надо ничего. Я уже неплохо позавтракала. Позвольте мне сказать кое-что. Пока вы были в отъезде, я приходила сюда, с вашего любезного позволения, чтобы заняться прополкой…

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарила ее Гвенда.

— Кстати, два раза в неделю совсем недостаточно для этого сада. Во всяком случае, думаю, что Фостер пользуется вашей добротой. Слишком

много чая и слишком много разговоров. Мне стало ясно, что он не сможет работать еще и третий день, поэтому я взяла на себя смелость нанять еще одного человека — на среду — как раз на сегодня.

Джайлс с недоумением посмотрел на нее. Он был немного удивлен. Трудно поверить, но действия мисс Марпл напоминали вмешательство в их дела. А это было совсем не похоже на нее.

— Фостер, — робко заметил он, — по-моему, слишком стар для такой тяжелой работы.

— Боюсь, мистер Рид, что Мэннинг даже старше Фостера. Ему семьдесят пять, как он мне сказал. Но, понимаете ли, я решила его нанять всего на несколько дней, и это может оказаться очень полезным, потому что он много лет назад работал у доктора Кеннеди. А имя того молодого человека, с которым Элен была помолвлена, было, между прочим, Эффлик.

— Мисс Марпл, — сказала Гвенда. — Я мысленно упрекнула вас. Но вы — гений. А знаете ли вы, что я получила образцы почерка Элен от Кеннеди?

— Знаю. Я была здесь, когда он принес их.

— Отправлю их по почте сегодня же. Я на прошлой неделе достала адрес хорошего графолога.

Пойдемте в сад, познакомимся с Мэннингом, — предложила Гвенда.

Мэннинг был согбенным, сварливым стариком со слезящимися хитроватыми глазками. Когда наниматели подошли ближе, темп его работы по расчистке дорожки заметно ускорился.

— Доброе утро, сэр. Доброе утро, мадам. Леди сказала, что вам требуется еще один работник на среду. Мне это подходит. А здесь все ужасно запущено.

— Боюсь, что садом не занимались много лет.

— Так и есть. Я припоминаю, какой он был при миссис Файндисон. Просто картинка. Она очень любила сад, миссис Файндисон.

Джайлс взялся за газонокосилку, Гвенда срезала несколько бутонов роз. Мисс Марпл, немного отойдя в сторону, занялась вьюнками. Старик Мэннинг снова начал орудовать граблями. Все располагало к непринужденному разговору о прежних временах и садоводстве в те старые добрые времена.

— Я полагаю, вы знаете все сады в округе, — для затравки сказала Гвенда.

— Да, я действительно знаю эти места сравнительно хорошо. Забавные люди здесь жили. Вот миссис Юл, в «Ниагре», у нее была живая

изгородь из тиса, и она подстригала ее в форме белок. Глупо, я думаю. Павлины — совсем другое дело, а белки — нет. А вот полковник Лампард был большой любитель бегоний. У него были красивые клумбы с бегониями. Теперь клумбы вышли из моды. Не буду вам говорить, сколько мне пришлось разбивать клумб на газонах перед домами и выкладывать их дерном за последние шесть лет. Кажется, люди совсем потеряли интерес к герани и лобелии.

— Вы работали у доктора Кеннеди, не так ли?

— Да, давно это было. Наверное, в двадцатом году. Теперь он уехал, насовсем. Сейчас в его доме, в «Кросби-Лодж», живет доктор Брент. У него странные методы лечения — маленькие белые таблетки. Он зовет их виттапины.

— Думаю, вы помните Элен Кеннеди, сестру доктора.

— Да, я хорошо помню мисс Элен. Хорошенькая была. С длинными желтыми волосами. Доктор очень заботился о ней. Когда она вернулась, то жила в этом самом доме, после того как вышла замуж. Военный джентльмен, из Индии.

— Да, — сказала Гвенда, — мы знаем.

— А, я слышал — как раз вечером в субботу, — что вы и ваш муж приходитесь ей родствен-

никами. А мисс Элен была хорошенькая, как картинка, когда она вернулась из школы. Полная веселья. Хотела успеть и на танцы, и на теннис, и повсюду. А мне тогда пришлось размечать теннисный корт, и, скажу вам, им не пользовались лет двадцать. И он зарос кустами. Мне пришлось обрезать их. И добыть извести, чтобы разметить линии. Много работы сделано, а там почти не играют. Странная вещь вышла, скажу я вам.

— Какая странная вещь? — спросил Джайлс.

— Дела на теннисном корте. Кто-то пришел ночью и порезал сетку на ленты. Прямо на ленты. Со зла, скажу я вам. Так оно и было — мерзкое зло.

— Но кто мог сделать такую вещь?

— Вот и доктор тоже хотел это знать. Он был вне себя от этого, и я его не виню. Но никто из нас не мог сказать, кто это сделал. Мы так никогда и не узнали. А он сказал, что не собирается покупать другую — и правильно сделал, — порезали, мол, одну, порежут и другую. Но мисс Элен очень переживала, ей всегда не везло, сначала эта сетка, а потом ее бедная нога.

— Бедная нога? — переспросил Джайлс.

— Да, споткнулась о железную скобу или еще обо что-то и поранила ногу. Казалось бы, всего лишь легкая царапина, но никак не заживала.

Доктор очень беспокоился. Он перевязал и лечил рану, но лучше не становилось. Я помню, как он говорил: «Не могу понять, здесь, наверное, был какой-то скептик — или еще какое-то слово он сказал, — на той скобе. И кстати, откуда эта скоба взялась на дорожке?» Мисс Элен споткнулась об нее, идя домой темным вечером. Бедная девочка, не могла ходить на танцы и все сидела, держа вытянутую ногу на стуле. Казалось, что ей просто не везет.

«Сейчас как раз время перевести разговор в нужное русло», — подумала Гвенда. И как бы невзначай спросила:

— А вы знали некоего Эффлика?

— Да. Вы имеете в виду Джекки Эффлика? Который служил у Фейна и Уотчмена?

— Да. Он был другом мисс Элен?

— Это была ерунда. Доктор быстро пресек ее и был совершенно прав. Он был непорядочный, этот Джекки Эффлик, и к тому же жулик. Ничего не признавал. Но он был здесь недолго. Попал в беду по своей вине. Пришлось ему убираться. В Дилмуте его никто не любил. Уехал и на чем-то хорошо заработал.

— Он был здесь, когда порезали теннисную сетку? — спросила Гвенда.

— А, понимаю, что вы думаете. Но он не смог бы сотворить такую глупость. Он был толковый, Джекки Эффлик. А тот, кто это сделал, был просто зол.

— А был здесь кто-нибудь, кто питал неприязнь к мисс Элен? Был бы зол на нее?

Старик Мэннинг тихонько фыркнул.

— Некоторые молодые люди вполне могли затаить на нее злобу. Большинство из них ей в подметки не годились. Нет, я скажу, что все это было сделано по глупости. Какой-то бродяга из зависти.

— А может быть, мисс Элен была в ссоре с Джекки Эффликом? — предположила Гвенда.

— Не думаю, что мисс Элен вообще обращала внимание на молодых людей. Просто любила развлекаться, вот и все. Некоторые из них бегали за ней… молодой Уолтер Фейн прежде всего. Ходил за ней по пятам, как собачка.

— Но она вообще не обращала на него внимания?

— Нет, не обращала. Мисс Элен только смеялась, вот и все. Он потом уехал за границу, в чужие края. Но вскоре вернулся. Теперь главный в конторе. Так и не женился до сих пор. Я его не виню. Женщины создают много трудностей в

жизни мужчины.

— А вы сами женаты? — спросила Гвенда.

— Схоронил двоих, вот так, — ответил Мэннинг. — Да ладно, я не жалуюсь. Покуриваю потихоньку трубочку всегда, когда захочу.

Разговор иссяк, и Мэннинг снова взялся за грабли.

Джайлс и Гвенда направились по дорожке к дому, и мисс Марпл, отказавшись от своих атак на вьюнки, присоединилась к ним.

— Мисс Марпл, вы что-то неважно выглядите, — заметила Гвенда. — Может быть, что-нибудь…

— Все в порядке, дорогая. — Пожилая дама немного помолчала, прежде чем сказать с какой-то странной озабоченностью: — А знаете, мне не нравится эта история с теннисной сеткой. Порезали на ленты. Даже если…

Она вдруг замолчала. Джайлс с любопытством взглянул на нее.

— Я не совсем понимаю… — начал было он.

— Не понимаете? А мне это представляется предельно ясным. Но, может быть, к лучшему, что вы не поняли. А может быть, я и не права. А теперь расскажите, как вы съездили в Нортумберленд.

Они подробно изложили все, что им удалось выяснить, и мисс Марпл внимательно их вы-

слушала.

— Все это очень печально, — сказала Гвенда. — Просто трагично.

— Да, в самом деле. Бедняга… бедняга.

— И я тоже так думаю. Как же этот мужчина должен страдать…

— Он? О да. Да, конечно.

— Но вы хотите сказать…

— Ну да… я думаю о ней… о жене. Возможно, она очень его любила, и он женился на ней, потому что она казалась ему подходящей парой, а может быть, он пожалел ее по доброте и чувствительности, а на деле — что чаще всего бывает в подобных случаях — такой брак оказывается истинной пыткой для обоих супругов.

– *«Мне знакомы сотни путей любви, но все они чреваты для любимого печалью»,* — тихо процитировал Джайлс.

— Да, как верно сказано! — подхватила мисс Марпл. — Ревность, как правило, не какое-то одномоментное чувство. Это нечто большее — как бы поточнее выразиться? — нечто гораздо более серьезное. Оно основывается на сознании человека, что его любовь не находит отклика. В его душе зарождается сомнение, он настораживается, опасаясь, что любимый человек увлечется

кем-то другим. Что чаще всего и происходит. Миссис Эрскин превратила жизнь мужа в ад, а он, не в силах что-либо изменить, превратил в ад ее жизнь. Но мне кажется, что она страдает больше. И все же, знаете, я беру на себя смелость сказать, что он действительно любит ее.

— Не может этого быть! — воскликнула Гвенда.

— О, моя дорогая, вы еще очень молоды. Он же не оставил жену, а это кое-что значит. Вы же знаете.

— Из-за детей. Из-за чувства долга.

— Из-за детей, может быть, — согласилась мисс Марпл. — Но я должна сказать, что у джентльменов, как мне кажется, чувство долга по отношению к женам развито не столь уж сильно, главное для них — карьера.

— Как вы восхитительно циничны, мисс Марпл!.. — рассмеялся Джайлс.

— О, дорогой мистер Рид, надеюсь, что это не так. Всегда надо надеяться на добрые качества человеческой натуры.

— Я по-прежнему думаю, что это не мог быть Уолтер Фейн, — задумчиво сказала Гвенда. — И я уверена, что это не майор Эрскин. Я просто *знаю*, что это был не он.

— Чувство не всегда служит надежным советчиком, — возразила мисс Марпл. — Порой люди совершают уж вовсе невероятные вещи. В моей маленькой родной деревне казначей Рождественского клуба был уличен в том, что поставил все деньги из фонда до последнего пенни на лошадь. А ведь он осуждал лошадиные скачки, так же как любой вид пари и других азартных игр. Его отец был букмекером на скачках и очень плохо обращался со своей женой — так что наш казначей по логике вещей действовал вполне искренно. Но однажды он проезжал на автомобиле около Ньюмаркета и увидел, как наездники тренируют своих лошадей. И не устоял — кровь взяла свое.

— Прошлая жизнь обоих — Уолтера Фейна и Ричарда Эрскина, — кажется, вне всяких подозрений, — мрачно, но с легкой усмешкой заметил Джайлс. — И все же убийца представляется мне дилетантом, а не профессионалом.

— Важно, — сказала мисс Марпл, — что оба они находились в этот момент там. На месте. Уолтер Фейн был в Дилмуте. Майор Эрскин, по его собственному свидетельству, должно быть, виделся с Элен Холидей перед самой ее смертью… и вернулся в отель лишь спустя продолжительное время.

— Но он совершенно откровенно рассказал мне обо всем этом. Он… — Гвенда вдруг осеклась. Мисс Марпл смотрела на нее очень внимательно.

— Я только хочу подчеркнуть, — сказала мисс Марпл, — важность того, что они находились здесь, на месте.

Она перевела взгляд с Гвенды на Джайлса и сказала:

— Мне кажется, вам не составит труда отыскать адрес Д. Д. Эффлика, владельца компании междугородных автобусов.

Джайлс кивнул:

— Я этим займусь. Может быть, он значится в телефонном справочнике. — И после некоторой паузы спросил: — Вы считаете, что нам надо встретиться с ним?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— Если вы решите поехать, — сказала она наконец, — то должны быть очень осторожны. Вспомните, что говорил о нем старый садовник. «Джекки Эффлик — умный человек». Пожалуйста… пожалуйста, будьте осторожны.

Глава 21
Д. Д. Эффлик

I

У Д. Д. Эффлика, владельца нескольких автобусных компаний, в телефонном справочнике значилось два номера: конторы в Эксетере и домашний — на окраине города.

Встреча была назначена на следующий день.

Когда Джайлс и Гвенда уже усаживались в автомобиль, из дома, бурно жестикулируя, выбежала миссис Коккер:

— Звонит доктор Кеннеди, сэр.

Джайлс выскочил из машины и устремился в дом.

— Джайлс Рид слушает.

— Доброе утро. Я только что получил довольно странное письмо. От женщины по имени Лили Кимбл. Я ума не приложу, кто бы это мог быть. Сначала решил, что какая-нибудь пациентка, и это сбило меня с толку. Но потом подумал, что это может быть девушка, которая служила в вашем доме. Горничная, и как раз в то время, которое нас интересует. Я почти уверен, что ее звали Лили,

но фамилию я не могу вспомнить.

— Ее звали именно Лили. Гвенда помнит ее. Она повязывала на шею коту бант.

— У Гвенды замечательная память.

— Да, это так.

— Так я хотел бы поговорить с вами по поводу этого письма, но не по телефону. Я застану вас дома, если приеду сегодня?

— Мы сейчас отправляемся в Эксетер. Можем заехать к вам, если не возражаете, сэр. Нам как раз по пути.

— Это было бы прекрасно.

— Мне не хотелось распространяться об этом по телефону, — объяснил доктор, когда они приехали. — Мне всегда кажется, что мой телефон прослушивается на станции. Вот это письмо.

Он разгладил на столе листок дешевой линованной бумаги, испещренный каракулями явно малограмотного человека.

«Дорогой сэр!

Я буду благодарна если вы могли бы дать мне совет насчет прилагаемой заметки которую я вырезала из газеты.

Я все думала и говорила про это с мужем но не знаю как лучше поступить. Как вы думаете это означает деньги или вознаграждение потому что деньги мне нужны но я не хочу иметь дело с полицией я часто думаю про ту ночь когда миссис Холидей ушла и я не думаю что она на самом деле так сделала потому что вещи были не те. Я сперва думала что это сделал хозяин но теперь я не так уверена потому что видела в окно автомобиль. Шикарный автомобиль и я видела его раньше но не хочу ничего делать не спросясь вас сперва все ли здесь в порядке и не привяжется ли полиция потому что я раньше не связывалась с полицией и мужу это не понравится. Я могла бы приехать и поговорить с вами сэр если можно в четверг потому что это базарный день и мужа не будет. Буду очень благодарна если вы сможете. С уважением

Лили Кимбл».

— Письмо было послано на мой старый адрес в Дилмуте, — сказал Кеннеди, — и оттуда переправлено мне сюда. Приложенная к письму вырезка

— ваше объявление.

— Прекрасно! — воскликнула Гвенда. — Эта Лили, вы же видите, она не думает, что мой отец сделал это!

Гвенда буквально ликовала. Доктор Кеннеди обратил на нее свой добрый усталый взгляд.

— Это прекрасно, Гвенни, — мягко сказал он. — Надеюсь, так оно и есть. А теперь, я думаю, нам лучше поступить следующим образом. Я напишу ей ответ и попрошу приехать сюда в четверг. Сообщение поездом вполне хорошее. Сделав пересадку в Дилмуте, она прибудет сюда вскоре после четырех. Если вы оба тоже приедете сюда в это время, мы сможем все вместе побеседовать с ней.

— Отлично, — согласился Джайлс. Он взглянул на часы. — Поехали, Гвенда, нам надо торопиться. У нас назначена встреча с мистером Эффликом, а он, как сам изволил заметить, занятой человек.

— Эффлик? — Кеннеди нахмурился. — Ну конечно же! Эти ужасные здоровенные монстры цвета сливочного масла. Но имя Эффлик откуда-то мне знакомо.

— В связи с Элен, — подсказала Гвенда.

— Боже мой… не тот ли это самый парень?

— Да.

— Но он же ничтожный крысенок! И что, он преуспел?

— Не можете ли вы кое-что прояснить, сэр? — спросил Джайлс. — Вы разрушили какие-то отношения, возникшие у него с Элен. Вы поступили так из-за его… так сказать, социального статуса?

— Я весьмастаромоден, молодой человек, — сухо заявил доктор Кеннеди. — По современным понятиям, каждый человек так же хорош, как любой другой. Это справедливо, вне всяких сомнений. Но я все же придерживаюсь того мнения, что существует определенный социальный статус, который вы обретаете вместе с рождением, и я убежден, что необходимо всеми силами стремиться сохранить его. Кроме того, — добавил он, — я считаю, что тот парень — плохой человек. Что он и доказал.

— А что именно он сделал?

— Вот этого я теперь припомнить не могу. Но помню нашумевшую тогда другую историю — он пытался заработать деньги на выдаче какому-то лицу конфиденциальной информации, которой он располагал, работая у Фейна.

— Было ли увольнение из конторы серьезным ударом для него?

Кеннеди бросил на Джайлса быстрый взгляд и коротко ответил:

— Конечно.

— А никаких других поводов для неприязни к Эффлику у вас не было? Вы не находили его в какой-то степени странным?

— Уж если вы спросили об этом, я отвечу вам откровенно. Мне казалось, особенно после его увольнения, что в поведении Джекки Эффлика проявляются признаки неуравновешенности. А точнее — мании преследования. Но, судя по всему, это не помешало ему впоследствии вполне преуспеть в делах.

— А кто уволил его? Уолтер Фейн?

— Не имею понятия, настоял ли на этом именно Уолтер Фейн. Он был уволен конторой.

— И он утверждал, что из него сделали козла отпущения?

Кеннеди кивнул.

— Ясно… Ну, нам надо мчаться со скоростью ветра. До четверга, сэр.

II

Дом был совсем новый. Белый, вычурной архитектуры, с огромными окнами. Через богато обставленный холл Гвенда и Джайлс были

препровождены в кабинет, половину которого занимал письменный стол, украшенный хромированными деталями.

Гвенда нервно пробормотала Джайлсу:

— Право, не знаю, что бы мы делали без мисс Марпл. Каждый раз она направляет нас куда следует. Сначала ее друзья в Нортумберленде, а теперь «Клуб летних экскурсий» для мальчиков ее знакомой, жены викария.

Джайлс жестом остановил ее, потому что дверь открылась и в комнату быстро вошел Д. Д. Эффлик.

Это был полный мужчина средних лет, одетый в клетчатый костюм, с темными проницательными глазами и румяным, добродушным лицом. Такими обычно представляют себе преуспевающих букмекеров.

— Мистер Рид? Доброе утро. Рад познакомиться.

Джайлс представил Гвенду. Она протянула ему руку и ощутила чрезмерно крепкое рукопожатие.

— И чем же я могу быть вам полезен, мистер Рид?

Эффлик уселся за громадный письменный стол и протянул Джайлсу ониксовый портсигар.

Джайлс начал с «Клуба летних экскурсий». Его старые друзья, мол, устраивают развлечение для детей. Он хотел бы договориться о двухдневном туре в Девон.

Эффлик назвал цены и высказал рекомендации, как и подобает человеку, хорошо знающему свое дело. Но по его лицу было видно, что он слегка озадачен.

— Ну, с этим ясно, мистер Рид, и я пошлю вам подтверждение нашей договоренности. Но это чисто деловой вопрос. А как я понял со слов своего клерка, вы хотели приватной встречи у меня дома.

— Именно так, мистер Эффлик. Я просил о встрече, чтобы обсудить с вами две проблемы. Одну мы решили. Другая же — сугубо личная. Моя жена очень хотела бы связаться со своей мачехой, которую она не видела много лет, и мы подумали, что, может, вы сумеете нам помочь.

— Охотно, если вы назовете имя той леди. Полагаю, я был когда-то знаком с ней?

— Ее имя — Элен Холидей, а до замужества она была мисс Элен Кеннеди.

Эффлик сощурился и вместе со стулом слегка отклонился назад.

— Элен Холидей… не припомню… Элен Кен-

неди…

— Это было в Дилмуте, — подсказала Гвенда. Ножки стула, на котором сидел Эффлик, с шумом опустились на пол.

— Вспомнил, — сказал он. — Конечно. — Его круглое румяное лицо засияло от удовольствия. — Маленькая Элен Кеннеди! Да. Я вспомнил ее. Но это было так давно. Может быть, лет двадцать назад.

— Восемнадцать.

— В самом деле? Как быстро летит время. Но боюсь, что разочарую вас, миссис Рид. Я не видел Элен с тех пор. И даже никогда не слышал о ней.

— О боже! — воскликнула Гвенда. — Какое огорчение! А я так надеялась, что вы сможете нам помочь.

— А в чем затруднение? — Его глаза быстро перебегали с Джайлса на Гвенду. — Ссора? Ушла из дома? Денежный вопрос?

Гвенда ответила:

— Она ушла из дома… внезапно… из Дилмута… восемнадцать лет назад… с кем-то.

Джекки Эффлик с удивлением спросил:

— И вы решили, что она могла уйти со мной? Но почему?

Гвенда смело ответила:

— Потому что мы слышали, будто вы с ней… одно время… были… ну, влюблены друг в друга.

— Я и Элен? Да ничего подобного. Всего лишь обычный флирт между юношей и девушкой. И ничего серьезного… К тому же нас не поощряли к этому, — сухо добавил он.

— Возможно, вы сочтете это весьма нескромным… — начала Гвенда, но он перебил ее:

— Что здесь странного? Я не такой уж щепетильный человек. Вы хотите отыскать определенного человека и полагаете, что я могу вам помочь. Спрашивайте все, что хотите, мне нечего скрывать. — Он задумчиво посмотрел на нее. — Так вы дочь Холидея?

— Да. Вы знали моего отца?

Он покачал головой.

— Я зашел как-то навестить Элен, когда оказался в Дилмуте по делам. Я знал, что она вышла замуж и живет там. Она была довольно любезна. — Он помолчал немного, потом закончил фразу: — Но не пригласила остаться на обед. Нет, я не был знаком с вашим отцом.

«Не возникла ли, — подумала Гвенда, — озлобленность из-за того, что Элен не пригласила его остаться на обед?»

— Как вам показалось тогда: она выглядела

счастливой?

Эффлик пожал плечами:

— Достаточно счастливой. Но ведь с тех пор прошло много времени. Я наверняка запомнил бы, если бы она выглядела несчастной. — Он добавил с любопытством, казалось бы, совершенно естественным: — Вы хотите сказать, что ничего не слышали о ней целых восемнадцать лет?

— Ничего.

— А письма?

— Было два письма, — ответил Джайлс. — Но у нас есть некоторые основания полагать, что они написаны не ею.

— Вы думаете, что их написала не она? — Эффлик казался слегка удивленным. — Ну прямо-таки фантастика. Как в кино.

— Вот и нам кажется то же самое.

— А что насчет ее брата, того доктора, он-то знает, где она?

— Нет.

— Понятно. Тайна, покрытая мраком. Почему бы вам не дать объявление?

— Уже давали.

Эффлик обронил, будто невзначай:

— Похоже, ее нет в живых. Вы могли не знать об этом.

Гвенду прохватила дрожь.

— Вам холодно, миссис Рид?

— Нет. Я вдруг представила себе Элен мертвой, хотя не допускаю мысли о ее смерти.

— Тут вы правы. Я тоже не хочу об этом думать. Она была потрясающе красива.

Гвенда импульсивно воскликнула:

— Вы знали ее! Знали ее хорошо! У меня же о ней сохранились только детские воспоминания. Какая она была? Как к ней относились люди? И какие чувства вы испытывали по отношению к ней?

Он молча смотрел на нее несколько мгновений, потом заговорил снова:

— Я буду откровенен с вами, миссис Рид. Хотите — верьте мне, хотите — нет. Мне было жаль девочку.

— Жаль? — Она устремила на него удивленный взгляд.

— Именно так. Тогда она только что возвратилась после окончания школы. Ей хотелось развлечений, как любой девушке, а тут этот суровый старший брат со своими допотопными воззрениями, что можно ей делать, а чего нельзя. Никакой радости не было у этого дитяти. Ну, я проявил к ней внимание, познакомил немного

с жизнью. Я не очень интересовался ею, так же как и она мной. Ей просто нравилось казаться сорвиголовой. Потом, конечно, стало известно, что мы встречаемся, и брат решил положить этому конец. Но я не виню его. Он хотел отделаться от меня. Мы не были помолвлены, ничего подобного. Я собирался жениться со временем, но только когда стану немного постарше. Я хотел встать на ноги и найти жену, которая помогла бы мне в этом. У Элен не было денег, и поэтому она никак не могла меня устроить. Мы были просто хорошими друзьями, только немного флиртовали.

— Но вы, должно быть, сердились на доктора…

— Я был раздражен, признаю, — подтвердил Эффлик. — Вы тоже не придете в восторг, если вам скажут, что вы недостаточно хороши. Но знаете, не следует быть тонкокожим.

— И потом, — сказал Джайлс, — вы лишились работы.

Лицо Эффлика утратило свое благодушное выражение.

— Меня уволили. Из фирмы «Фейн и Уотчмен». И я прекрасно понимаю, кому я должен сказать за это спасибо.

— Вот как?! — желая подстегнуть Эффлика к дальнейшим откровениям, воскликнул Джайлс,

но тщетно.

— Я не намерен пускаться в рассуждения. У меня есть свое мнение на этот счет. Меня подставили, и я прекрасно знаю, кто это сделал. И почему. — На его щеках проступил румянец. — Грязное дело — шпионить за человеком, расставлять ему ловушки, распускать ложные слухи о нем. О, у меня, конечно же, были враги. Но я так и не дал им одолеть меня. Я всегда платил им той же монетой.

Он замолчал. И тотчас же от его гнева не осталось и следа. Он снова стал добродушным.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Кое-какие невинные забавы между мной и Элен — и только. Дальше дело не пошло.

Гвенда пристально посмотрела на него. Рассказанная им история была проста, но насколько она правдива? Что-то внушало ей сомнения, и вот она поняла, что именно.

— И тем не менее, — сказала она, — виделись с ней, когда позже приезжали в Дилмут.

Он засмеялся.

— Вот вы и поймали меня, миссис Рид. Да, это так. Наверное, хотел показать ей, что не пошел на дно, после того как этот зануда адвокат выгнал меня из своей конторы. Я основал собственное

дело, разъезжал в шикарном автомобиле и очень много зарабатывал.

— Вы приезжали навестить ее не один раз, не так ли?

Он помедлил немного, потом сказал:

— Два, а может быть, три раза. Просто заезжал по пути, — а потом добавил, как бы давая понять, что разговор окончен: — Сожалею, что не могу вам помочь.

Джайлс поднялся.

— Мы должны извиниться, что отняли у вас так много времени.

— Все в порядке. Приятно для разнообразия поговорить о старых временах.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула женщина, которая тут же вежливо извинилась:

— О, прошу прощения, я не знала, что ты здесь не один…

— Входи, дорогая, входи. Познакомьтесь с моей женой. Это мистер и миссис Рид.

Миссис Эффлик пожала им руки. Это была высокая, худая женщина с унылым лицом, одетая в неожиданно хорошо сшитое платье.

— Вспоминали старые времена, Дороти, — сказал мистер Эффлик. — Еще до того, как я встретил тебя. Мы познакомились с женой во время

круиза, — объяснил он. — Она не из здешних краев. Кузина лорда Полтерхема, вот она кто, — с нескрываемой гордостью изрек он, а худая дама залилась краской.

— О, эти круизы совершенно бесподобны, — заметил Джайлс.

— Особенно в познавательном плане, — согласился Эффлик. — А то у меня нет никакого образования, о котором стоило бы говорить.

— Я уговариваю мужа отправиться в круиз по Греции, — сказала миссис Эффлик.

— Нет времени. Я занятой человек.

— И мы не смеем дольше задерживать вас, — сказал Джайлс. — До свидания и благодарим вас. Так вы сообщите мне по поводу экскурсий?

Эффлик проводил их до дверей. Гвенда взглянула через плечо на миссис Эффлик, стоявшую в дверях кабинета и неотрывно смотревшую вслед мужу. В ее лице читалось любопытство и какая-то смутная тревога.

Джайлс и Гвенда попрощались еще раз и направились к своему автомобилю.

— Тьфу ты! Я оставила там свой шарф! — воскликнула Гвенда.

— Обычная история, — буркнул Джайлс.

— Не строй из себя мученика. Я сейчас вер-

нусь.

Она побежала обратно к дому. Из открытой двери кабинета до нее донесся громкий голос Эффлика:

— Почему ты всюду суешь свой нос? И всегда попусту.

— Мне очень жаль, Джекки. Я не знала, что ты не один. А кто эти люди и чем они тебя так расстроили?

— Они вовсе не расстроили меня. Я... — Он замолчал, увидев Гвенду в дверях.

— О, мистер Эффлик, я не оставила здесь шарф?

— Шарф? Нет, миссис Рид. Здесь нет никакого шарфа.

— Извините. Наверное, я потеряла его где-то еще. — И она удалилась.

Джайлс развернул машину. Припаркованный у обочины дороги, стоял огромный желтый лимузин, сверкающий хромом.

— Вот это машина! — воскликнул Джайлс.

— «Шикарная машина», — добавила Гвенда. — Ты помнишь, Джайлс, что, по словам Эдит Педжет, сказала ей в тот злополучный вечер Лили? Лили сделала ставку на майора Эрскина, а не на того «таинственного мужчину в шикарном

автомобиле». Разве ты не понимаешь, что таинственным мужчиной в шикарном автомобиле мог быть Джекки Эффлик?

— Да, — согласился Джайлс. — И в своем письме доктору Лили упоминает шикарный автомобиль.

Они переглянулись.

— Он был там «и присутствовал на месте», как выражается мисс Марпл, в ту ночь. О, Джайлс, я не могу дождаться четверга, чтобы услышать, что скажет Лили Кимбл!

— А что, если она испугается и вообще не появится?

— О, она приедет, Джайлс, и если в ту ночь там был красивый автомобиль…

— Думаешь, что это и есть «желтая угроза»?

— Восхищаетесь моей машиной? — Добродушный голос Эффлика заставил их вздрогнуть. Он стоял позади них, перегнувшись через аккуратно подстриженную живую изгородь. — «Маленький лютик», вот как я ее называю. Мне всегда нравились хорошо сработанные кузова. Впечатляет, верно?

— Несомненно, — согласился Джайлс.

— Люблю цветы, — признался мистер Эффлик. — Нарциссы, лютики, кальцеолярии, все

они — мои любимцы. Вот ваш шарф, миссис Рид. Он соскользнул за стол. До свидания. Рад был познакомиться с вами.

— Как ты думаешь, он слышал, что мы назвали его автомобиль «желтой угрозой»? — спросила Гвенда, когда они отъехали.

— О, не думаю. Он говорил вполне дружелюбно, разве не так?

Джайлс выглядел слегка встревоженным.

— Да-а… но я не думаю, что это так уж важно. Джайлс, эта его жена… она боится его. Я видела ее лицо.

— Что? Боится этого общительного приятного парня?

— Наверное, на самом деле он не такой уж общительный и приятный… Джайлс, не могу сказать, что мне нравится мистер Эффлик. Интересно, как долго он подслушивал наш разговор? А о чем именно мы говорили?

— Да ни о чем особенном, — успокоил жену Джайлс, хотя вид у него был встревоженный.

Глава 22
Лили идет на встречу

I

— О, будь я проклят! — воскликнул Джайлс.

Он только что вскрыл письмо, пришедшее с дневной почтой, и с крайним удивлением читал его.

— В чем дело?

— Это заключение графолога.

— Ну и что? — живо спросила Гвенда. — Ведь она не писала эти письма, пришедшие из-за границы?

— Как раз напротив, Гвенда. Писала.

Они переглянулись.

Гвенда нехотя констатировала:

— Так, значит, эти письма не подделка. Они подлинные. Элен действительно ушла из дома в ту ночь. И сама писала эти письма из-за границы. И вовсе не была задушена?

Джайлс в раздумье произнес:

— Кажется, так и есть. Но все это выглядит очень странно. Я ничего не понимаю. Потому что все, казалось бы, свидетельствует об обратном.

— Может быть, графолог ошибся?

— Думаю, что такое возможно. Хотя вряд ли. Гвенда, во всем этом деле я не могу понять только одного. Не ведем ли мы себя как самые настоящие идиоты?

— И все это из-за моей дурацкой сцены в театре? Вот что я скажу, Джайлс, давай заедем к мисс Марпл. К доктору Кеннеди нам надо попасть в половине пятого, так что у нас есть время для визита к ней.

Мисс Марпл, однако, отнеслась к новостям совсем не так, как они ожидали. Она сказала, что все это очень мило.

— Но, дорогая мисс Марпл, — спросила озадаченная Гвенда, — что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, моя дорогая, что некто мог бы действовать гораздо умнее.

— Но как, в каком смысле?

— Допустил промах, — многозначительно заявила мисс Марпл.

— Но какой?

— Ну, дорогой мистер Рид, вы же прекрасно видите, как сужается область поиска.

— И даже с учетом того, что письма действительно написаны Элен, вы по-прежнему считаете, что она была убита?

— Я думаю, что кому-то было очень важно, чтобы эти письма написала собственноручно Элен.

— Понимаю… По крайней мере, надеюсь, что понимаю. Значит, должны были возникнуть какие-то определенные обстоятельства, при которых Элен могли принудить написать эти письма… Это многое объясняет. Но какие это обстоятельства?

— Мистер Рид, вы просто не подумали. Это же так просто.

Джайлс казался раздраженным и смущенным.

— Мне это не совсем ясно, уверяю вас.

— Если вы немного подумаете…

— Джайлс, нам пора. Мы опаздываем.

Молодые люди попрощались с мисс Марпл, продолжавшей загадочно улыбаться своим мыслям.

— Эта пожилая дама порой меня раздражает, — признался Джайлс, — я не понимаю, к чему она клонит.

Они приехали к дому Кеннеди вовремя. Доктор сам открыл дверь.

— Я отпустил свою домоправительницу на весь вечер, — объяснил он. — Думаю, так будет лучше.

Он провел их в гостиную, где был приготовлен поднос с чайными приборами, хлебом, маслом

и кексами.

— Не выпить ли нам по чашечке чаю, а? — спросил он как-то робко, глядя на Гвенду. — Забудем пока про миссис Кимбл и всю эту историю.

— Вы абсолютно правы, — согласилась с ним Гвенда.

— А как быть с вами? Следует ли мне сразу представить вас? Или это смутит ее?

— Деревенские люди очень подозрительны, — задумчиво проговорила Гвенда. — Мне кажется, будет лучше, если вы сами побеседуете с ней.

— Я тоже так думаю, — согласился Джайлс.

— Если вы будете находиться в соседней комнате, а дверь мы оставим слегка приоткрытой, то вы сможете услышать весь разговор. В данных обстоятельствах я не вижу в этом ничего предосудительного.

— Мы будем подслушивать вашу беседу, но меня это не смущает, — сказала Гвенда.

Доктор Кеннеди, чуть улыбнувшись, продолжал:

— Яне думаю, что мы нарушим тем самым какие-то этические нормы. Я не намерен обещать ей сохранить в тайне полученную от нее информацию, хотя охотно дам ей совет, если она попросит. — Он взглянул на часы. — Поезд при-

будет на Вудлей-роуд в четыре тридцать пять, то есть через несколько минут. И еще ей потребуется пять минут на дорогу до моего дома.

Он беспокойно прошелся по комнате. Его морщинистое лицо казалось усталым.

— Не понимаю, — сказал он. — Совершенно не понимаю, что все это значит. Если Элен все-таки не покидала дом и ее письма ко мне были фальшивкой…

Гвенда подалась всем корпусом вперед, намереваясь что-то сказать, но Джайлс жестом остановил ее, и доктор продолжал:

— Если Келвин, бедняга, не убивал ее, то что же, черт побери, произошло?

— Ее убил кто-то другой, — сказала Гвенда.

— Но, дорогое мое дитя, если ее убил кто-то другой, то почему Келвин так настойчиво утверждал, что это сделал он?

— Потому что ему так казалось. Он обнаружил ее на кровати и подумал, что это сделал он. Ведь могло же так случиться, разве нет?

Доктор Кеннеди с раздражением потер нос.

— Откуда мне знать? Я не психиатр. Нервный шок? Психическое расстройство? Да, полагаю, это вполне возможно. Но кому понадобилось убивать Элен?

— Мы считаем, что одному из трех человек, — сказала Гвенда.

— Трех человек? Каких трех человек? Ни у кого не могло быть повода для убийства Элен, если, конечно, убийцей не оказался какой-нибудь сумасшедший. У нее не было врагов. Все любили ее.

Он выдвинул ящик письменного стола и порылся в нем. Извлек оттуда поблекший моментальный снимок. На нем была запечатлена рослая девочка в гимназической форме, с гладко причесанными волосами и лицом, излучающим радость, а рядом с нею — Кеннеди, молодой и счастливый, с щенком терьера на руках.

— В последнее время я много думал о ней, — как-то невнятно произнес он. — Многие годы я вообще не вспоминал о ней, может быть стараясь забыть… А вот теперь думаю о ней постоянно. И все это из-за вас.

Его слова звучали укором.

— Думаю, что это не из-за нас, а из-за нее самой, — возразила Гвенда.

Он резко повернулся к ней:

— Что вы имеете в виду?

— Только это. Не могу объяснить. Но мы тут ни при чем. Дело в самой Элен.

Послышался печальный гудок паровоза. Док-

тор Кеннеди подошел к окну, и они последовали за ним. Струйка дыма медленно расползалась по долине.

— Это поезд, — сказал Кеннеди.

— Прибывает на станцию?

— Нет, уже отправился дальше. — Он помолчал. — Лили Кимбл будет здесь с минуты на минуту.

Но минуты шли, а миссис Кимбл все не появлялась.

II

Лили Кимбл вышла из поезда на станции Дилмут и прошла по пешеходному мостику к боковой ветке, где уже стоял маленький местный поезд. Пассажиров было немного, самое большее — дюжина. Тихое время дня, и к тому же в Хелчестере был базарный день.

Вскоре поезд тронулся, отправляясь в путь по извилистой долине. На своем пути до конечной станции Лонсбери-Бей поезд делал три остановки: Ньютон-Лэнгфорд, Мэтчингс-Холт и Вудлей-Болтон.

Лили Кимбл смотрела в окно, но вместо проплывавших мимо лугов, поросших буйными травами, ей виделся гостиный гарнитур «Жакоб»

с зеленой обивкой. На маленькой станции Мэтчингс-Холт, кроме нее, никто не сошел. Она сдала контролеру билет и вышла на улицу. Следуя указателю на табличке с надписью «Вудлей-Кемп», она зашагала по тропе, круто поднимавшейся по холму.

Тропа пролегала по опушке леса, а по другую сторону от нее вздымались холмы, поросшие вереском и утесником.

Вдруг кто-то вышел из-за деревьев, и Лили Кимбл отпрянула.

— Ой, вы испугали меня! — воскликнула она. — Я не ожидала вас тут встретить.

— Преподнес тебе сюрприз, а? У меня есть для тебя еще один сюрприз.

Поблизости не было ни души. Никто не мог бы услышать ее крик. Собственно, она и не кричала, все кончилось мгновенно.

Потревоженный лесной голубь вспорхнул и улетел.

III

— Что могло случиться с этой женщиной? — недоумевал доктор Кеннеди.

Стрелки часов показывали без десяти пять.

— Не могла ли она заблудиться по пути от

станции?

— Я подробно объяснил ей дорогу. В любом случае заблудиться здесь невозможно. От станции повернуть налево, а потом первый же поворот направо. Да тут ходьбы-то всего пять минут.

— Она, скорее всего, передумала и решила не ехать, — предположил Джайлс.

— Похоже на то.

— Или опоздала на поезд, — сказала Гвенда.

— Нет, скорее всего, она решила не ехать, — задумчиво произнес Кеннеди. — А может, муж ее не пустил. Эта деревенская публика ужасно подозрительна.

Доктор Кеннеди без конца шагал по комнате из угла в угол, потом подошел к телефону и назвал номер дежурного по станции.

— Алло? Говорит доктор Кеннеди. Ко мне в четыре тридцать пять должна была приехать деревенская женщина средних лет. Не известно ли что-нибудь о ней? Может, она спрашивала дорогу ко мне?

Гвенда и Джайлс стояли рядом с доктором и слышали ответ дежурного по станции:

— Не думаю, что кто-то приезжал к вам, доктор. На поезде в четыре тридцать пять чужих не было. Мистер Нарракотс из Медоуса, Джонни Лоус и

дочь старика Бенсона. Больше не было никаких пассажиров.

— Значит, она передумала, — сказал доктор Кеннеди. — Ну тогда давайте пить чай. Чайник уже вскипел.

Он вернулся с чайником, и они сели за стол.

— Ну, ничего страшного, — успокоил он молодых супругов. — У нас есть ее адрес. Съездим к ней сами.

Зазвонил телефон, и доктор поспешно вскочил с места.

— Доктор Кеннеди?

— Слушаю.

— Это инспектор Ласт из полицейского участка Лонгфорд. Вы ждали женщину по имени Лили Кимбл, миссис Лили Кимбл, которая должна была посетить вас во второй половине дня?

— Да. А что? Несчастный случай?

— Не совсем. Она мертва. При ней обнаружено ваше письмо. Поэтому я и звоню вам. Сможете ли вы приехать в полицейский участок Лонгфорд как можно скорее?

— Я немедленно выезжаю.

IV

— Ну а теперь давайте выяснять все по порядку, — сказал инспектор Ласт.

Он перевел взгляд с Кеннеди на Джайлса и Гвенду, которые приехали вместе с доктором. Гвенда была очень бледна, руки крепко стиснуты.

— Женщина должна была приехать поездом, который отправляется из Дилмута в четыре часа пять минут и прибывает в Вудлей-Болтон в четыре тридцать пять.

Доктор Кеннеди кивнул.

Инспектор Ласт взглянул на письмо, найденное у женщины.

> *«Дорогая миссис Кимбл, я буду рад дать вам самый искренний совет с учетом того, что мне известно. Как следует из обратного адреса на конверте, я не живу более в Дилмуте. Если вы на станции Кумбелей сядете на поезд, отправляющийся в 3.30, и в Дилмуте пересядете на поезд, идущий в Лонсбери-Бей, то от станции Вудлей-Болтон до моего дома всего пять минут ходьбы.*
>
> *Выйдя со станции, идите по дорожке*

налево, а потом сверните в первую улицу направо. Мой дом в конце улицы справа. На воротах табличка, где значится мое имя.

С почтением,

Джеймс Кеннеди».

— А что, если она выехала раньше, другим поездом?

— Другим поездом? — Доктор Кеннеди выглядел удивленным.

— Именно так она и поступила. Выехала со станции Кумбелей не в три тридцать, а в час тридцать, сделала пересадку в Дилмуте в два часа пять минут и вышла из поезда не в Вудлей-Болтон, а в Мэтчингс-Холт, на одну остановку раньше.

— Но это очень странно!

— Она была вашей пациенткой, доктор?

— Нет. Я оставил практику несколько лет назад.

— Понимаю. Вы хорошо ее знали?

Кеннеди покачал головой:

— Я не видел ее почти двадцать лет.

— Но вы… э-э… могли бы узнать ее теперь?

Гвенда задрожала, но видеть мертвые тела привычно для доктора, и Кеннеди задумчиво

ответил:

— При данных обстоятельствах не знаю, сумею ли я ее узнать. Она, скорее всего, была задушена?

— Да. Труп обнаружили в кустарнике у дороги, ведущей из Мэтчингс-Холт в Вудлей-Кемп. Его обнаружил любитель пеших прогулок из Кемпа примерно без десяти четыре. Медэксперт полиции зафиксировал наступление смерти между двумя часами пятнадцатью минутами и тремя часами. Скорее всего, она была убита вскоре после того, как покинула станцию. В Мэтчингс-Холт никто, кроме нее, с поезда не сходил.

— Но почему она вышла на станции Мэтчингс-Холт? Перепутала станции?

— Не думаю. Так или иначе, она выехала на два часа раньше назначенного времени и не на том поезде, который значится в вашем письме, письмо находилось при ней. А по какому делу она ехала к вам, доктор?

Доктор Кеннеди достал из кармана письмо Лили.

— Я захватил его с собой. Там же вырезка из местной газеты с объявлением, которое дали мистер и миссис Рид.

Инспектор Ласт прочитал письмо Лили Кимбл и газетную вырезку. Потом перевел взгляд с Кен-

неди на Джайлса и Гвенду.

— Могу я узнать, какова подоплека всей этой истории? Как я понимаю, речь идет о событиях…

— Восемнадцатилетней давности, — уточнила Гвенда.

Инспектор Ласт оказался терпеливым слушателем. Он дал возможность высказаться всем троим, ни разу никого не перебив. Кеннеди был сух и придерживался фактов. Гвенда излагала события сумбурно, но весьма образно. Но самым вразумительным был рассказ Джайлса. Он говорил только по существу, менее сдержанно, чем Кеннеди, но более связно, чем Гвенда. Рассказ занял много времени.

Выслушав всех, инспектор Ласт вздохнул и подвел итог:

— Миссис Холидей была сестрой доктора Кеннеди и вашей мачехой, миссис Рид. Она исчезла из дома, в котором вы жили восемнадцать лет назад. Лили Кимбл (в девичестве Эбботт) в то время была служанкой (горничной) в доме. По какой-то причине (по прошествии многих лет) Лили Кимбл склонилась к мысли, что тогда произошло убийство, а в то время считалось, что миссис Холидей сбежала с каким-то мужчиной (имя которого неизвестно). Майор Холидей умер в

психиатрической клинике пятнадцать лет назад, будучи по-прежнему уверенным, что это он задушил жену, если, конечно, это не была всего лишь навязчивая идея... — Он выдержал паузу, потом продолжал: — Все это интересные, но не связанные между собой факты. Ключевой вопрос, по моему мнению, — это жива миссис Холидей или нет? Если умерла, то когда? И что было известно Лили Кимбл?.. Судя по всему, она знала что-то очень важное. Поэтому и лишилась жизни.

Гвенда не выдержала и взорвалась:

— Но никто, кроме нас, не знал о предстоящей встрече!

Инспектор Ласт окинул ее задумчивым взглядом.

— В данном случае, миссис Рид, весьма существенен факт, что она поехала из Дилмута на поезде, отправляющемся в два часа пять минут, а не в четыре часа пять минут. Этому должно быть какое-то объяснение. И еще: она вышла не на станции Вудлей-Болтон, а раньше. Почему? Скорее всего, написав доктору, она послала письмо кому-то еще, назначив встречу в Вудлей-Кемп. Возможно, она решила, что, если эта встреча не принесет ей желаемого результата, она отправится за советом к доктору Кеннеди. Возможно

также, у нее были подозрения в отношении какого-то лица и она написала этому лицу, намекая на свою осведомленность и предлагая встретиться.

— Прибегла к шантажу, — уточнил Джайлс.

— Не думаю, что она могла пуститься на открытый шантаж, — возразил инспектор Ласт. — Она была жадной и надеялась извлечь из этой истории хоть какую-нибудь выгоду. И не задумывалась над тем, к чему все это может привести. Но посмотрим. Может быть, ее муж скажет нам побольше.

V

— Предупреждал же ее, — горестно сказал мистер Кимбл, — не связывайся с этим — такие были мои слова. Отправилась тайком — вот что она сделала. Решила, что лучше знает, как надо поступать. Вот такая она была, Лили. Смышленая, да только не очень.

Как оказалось, мистер Кимбл мало что мог сообщить.

Лили уже работала служанкой в «Сан-Кэтрин», когда они познакомились и он начал за ней ухаживать. Она была помешана на кино и говорила, что, вполне возможно, в доме, где она жила, произошло убийство.

— Я не обращал на это внимания, совсем не обращал. Думал, все это выдумки. Ей мало было простых фактов. Она долго толковала мне про всякий вздор, про хозяина, который вроде бы убил хозяйку и, может быть, спрятал тело в подвале, и про французскую девушку, которая будто бы выглянула из окна и что-то или кого-то там увидела… «Не обращай внимания на иностранцев, моя девочка, — говорил я ей. — Они все лгуны. Не то что мы». И когда она начала крутиться вокруг этого дела, я не слушал, потому что, заметьте, она умела раздуть дело из ничего. Любила читать о преступлениях. Читала «Санди ньюс», где писали о знаменитых убийцах. Очень увлекалась всем этим, и если ей нравилось думать, что в доме, где она работала, произошло убийство, ну и пусть, ведь от этого никому не было вреда. Но когда она решила отозваться на то объявление, я ей сказал: «Оставь это дело в покое, ни к чему нарываться на неприятности». И если бы она послушалась меня, то была бы сейчас жива. — Он подумал еще немного и заключил: — Да, она была бы сейчас жива. Умная-то умная, да не совсем, эта Лили.

Глава 23
Который из них?

Джайлс и Гвенда не поехали с инспектором к мистеру Кимблу. Они вернулись домой около семи вечера. Гвенда выглядела бледной и совершенно разбитой. Доктор Кеннеди сказал Джайлсу: «Дайте ей немного бренди и заставьте что-нибудь съесть, а потом уложите в постель. У нее нервный шок».

— Это так ужасно, Джайлс, — без конца твердила Гвенда. — Так ужасно. Эта глупая женщина назначила свидание с убийцей и пошла, чтобы быть убитой, словно овца на бойню.

— Ладно, не думай об этом, дорогая. В конце концов, теперь нам известно, что на самом деле существовал убийца.

— Нет, это теперешний убийца. Мы не знаем, что было тогда, восемнадцать лет назад. А в действительности все было не так. Все представляется мне каким-то неправдоподобным…

— Ты всегда была права, Гвенда. И сегодняшнее событие доказывает, что никакой ошибки не было.

Джайлс был счастлив, застав мисс Марпл в «Хиллсайде». Она и миссис Коккер хлопотали вокруг Гвенды, которая отказалась от бренди, сказав, что оно напоминает ей запах пароходов в проливе Ла-Манш, но согласилась выпить горячего виски с лимоном, а миссис Коккер уговорила ее еще и съесть омлет.

Джайлс намеренно говорил на отвлеченные темы, но мисс Марпл, которую он считал эталоном деликатности, начала обсуждать убийство Лили в присущей ей спокойной, отчужденной манере.

— То, что случилось, ужасно, моя дорогая. И естественно, вы испытали сильное потрясение, но следует признать, что событие представляет несомненный интерес. Конечно, я так стара, что смерть не шокирует меня так, как вас, молодую; единственное, что меня страшит… это если придется умирать медленно, в муках, скажем, от рака. Но вот что действительно важно: сегодняшнее происшествие доказывает со всей очевидностью, что несчастная Элен Холидей на самом деле была убита. Мы все время подозревали это, а теперь — знаем.

— И следовательно, мы должны знать, где находится тело, — сказал Джайлс. — В подвале, я полагаю.

— Нет, нет, мистер Рид. Помните, Эдит Педжет сказала, что на следующее утро она спустилась в подвал, потому что была обеспокоена словами Лили, но не обнаружила там ничего подозрительного. А следы должны были быть, если бы только кто-нибудь попытался их отыскать.

— Так что же произошло с трупом? Отвезли в автомобиле и сбросили со скалы в море?

— Нет. А вспомните, моя дорогая, что поразило вас прежде всего, когда вы оказались в этом доме восемнадцать лет спустя, что поразило вас, Гвенда, хочу я спросить? Да то, что из окна гостиной не было видно моря. Там, где, как вы полагали, ступеньки должны вести с веранды вниз, к лужайке, дорожки не было, там были посажены кусты. Да и сами ступеньки были перемещены в конец террасы. Почему бы это?

Гвенда начинала что-то понимать.

— Вы хотите сказать, что именно там…

— Если говорить откровенно, то глупее, чем разместить ступеньки с террасы в дальнем ее конце, ничего не придумаешь. Но в то же время это самое укромное место, его не видно из дома, если не считать одного окна в детской, на первом этаже. Ведь для того, чтобы похоронить тело, надо потревожить землю, а для этого должна

быть причина. Именно для этого и было решено перенести ступеньки от входа в гостиную в конец террасы. Я узнала от доктора Кеннеди, что Элен Холидей и ее муж очень любили свой сад и уделяли ему много внимания. Садовник, работавший у них каждый день, едва успевал выполнять их указания, и если, придя утром, он заметил бы, что некоторые плитки уже перенесены в другое место, он подумал бы, что Холидей начали эту работу в его отсутствие. Тело, разумеется, могло быть похоронено в любом месте, но мы можем быть абсолютно уверены, что оно зарыто у дальнего конца террасы, а не перед окном гостиной.

— А почему мы можем быть в этом уверены? — спросила Гвенда.

— Потому что, как написала бедная Лили Кимбл в своем письме, она изменила свое мнение о том, что тело спрятано в подвале, узнав, что Лейони кое-что увидела, выглянув в окно. Все становится ясным, не так ли? Швейцарская девушка выглянула ночью из окна детской в сад и увидела, что там роют могилу. А может быть, она увидела и того, кто ее рыл.

— И ничего не сообщила в полицию?

— Моя дорогая, в то время никто не знал, что было совершено преступление. Миссис Холидей

убежала с любовником — вот и все, что она могла знать. Да она к тому же, скорее всего, и по-английски говорила плохо. Она упомянула как-то в разговоре с Лили, наверное, не тогда же, а позже, о странной картине, которую наблюдала из окна в ту ночь, и это навело Лили на мысль о возможном преступлении. Но я не сомневаюсь, что Эдит Педжет сказала Лили, чтобы она не болтала чепухи, а швейцарская девушка приняла ее точку зрения и к тому же определенно не желала связываться с полицией. Иностранцы, находясь в чужой стране, очень боятся полиции. Она вернулась к себе в Швейцарию и, скорее всего, никогда больше не вспоминала об этом.

— Вот если бы она была жива сейчас… если бы отыскать ее… — мечтательно произнес Джайлс.

Мисс Марпл кивнула ему в ответ:

— А почему бы и нет?

— А как это можно сделать? — живо спросил он.

— Полиция справится с этим лучше вас.

— Инспектор Ласт приедет сюда завтра утром.

— Думаю, следует сказать ему о предполагаемом месте захоронения трупа.

— И о том, что я видела, или думаю, что видела, тогда в холле? — взволнованно спросила Гвенда.

— Да, дорогая. Вы очень разумно поступили, никому не рассказав об этом до сих пор. Очень разумно. Но, думаю, теперь пришло время это сделать.

Джайлс принялся размышлять вслух:

— Она была задушена в холле, а потом убийца отнес ее наверх и положил на кровать. Келвин Холидей пришел, выпил виски, в которое было что-то подмешано, и поднялся по лестнице в спальню. Увидев тело жены, он подумал, что это он убил ее. А убийца тем временем наблюдал за ним, прячась где-то поблизости. Когда Келвин отправился к доктору Кеннеди, убийца отнес тело в сад и, видимо, спрятал в кустах, а когда все в доме стихло, выкопал могилу и захоронил тело. Значит, он должен был крутиться возле дома всю ночь?

Мисс Марпл кивнула.

— Он должен был присутствовать там, на месте. Я помню, вы сказали, что это важно. Нам предстоит определить, кто из троих подозреваемых отвечает этому условию. Начнем с Эрскина. Он совершенно точно находился там, на месте. По его собственному признанию, он провожал Элен Кеннеди и примерно в девять часов попрощался с ней. Но действительно ли он попрощался с ней?

А если вместо этого он задушил ее?

— Но ведь между ними все было кончено! — воскликнула Гвенда. — Задолго до этого. Он сам сказал, что почти не встречался с Элен наедине.

— Разве ты не понимаешь, Гвенда, сейчас мы не должны полагаться на чьи-то заявления, — заметил Джайлс.

— Я счастлива слышать от вас эти слова, — обрадовалась мисс Марпл. — Признаюсь, я была несколько обескуражена тем, с какой готовностью вы оба принимали за чистую монету все, что вам говорят. Боюсь, что я очень недоверчива по натуре, особенно когда речь идет об убийстве. Я исповедую принцип не верить тому, что мне говорят, пока сама все не проверю. Например, кажется совершенно достоверным заявление Лили Кимбл о том, что вещи, упакованные в чемодан и увезенные, наверняка не были отобраны самой Элен Холидей, потому что сообщила нам об этом не только Эдит Педжет, узнавшая это от Лили, но и сама Лили упомянула об этом в письме к доктору Кеннеди. Вот это и есть факт. Доктор Кеннеди сообщил нам, будто Келвин Холидей знал, что жена тайно отравляет его наркотиками, и Келвин Холидей в дневнике подтверждает это — и это еще один факт, и довольно любопытный, как вы

думаете? Но сейчас мы не станем углубляться в эту проблему.

Джайлс пытливо взглянул на мисс Марпл.

— Но я позволю себе заметить: большинство из ваших посылок основываются именно на том, что вам рассказывают. Когда рассказы кажутся вам правдоподобными.

Гвенда, уже порозовевшая, потягивала кофе.

— Давайте проверим, — продолжал Джайлс, — что нам сказали эти трое. Начнем с Эрскина. Он сказал…

— Оставь Эрскина, — прервала его Гвенда. — Мы просто потеряем время, потому что с ним все ясно. Он не мог убить Лили Кимбл.

Джайлс оставил замечание Гвенды без внимания.

— Он сказал, что познакомился с Элен на пароходе по пути в Индию и что они влюбились друг в друга. Но он не смог заставить себя бросить жену и детей, и они решили расстаться. А если предположить, что все было не совсем так? Предположим, что он отчаянно влюбился в Элен и что это она не захотела уйти с ним. Предположим, он грозился убить ее, если она выйдет замуж за другого.

— Самое невероятное предположение! — вос-

кликнула Гвенда.

— Такие вещи случаются. Вспомни, что ты подслушала, когда вернулась за кольцом. Ты все объясняешь ревностью, это могло быть правдой. Может быть, ей с ним было ужасно трудно, когда дело касалось женщин. Возможно, он в какой-то степени сексуальный маньяк.

— Я не могу в это поверить.

— Не можешь, потому что он привлекателен для женщин. Я же считаю, что в Эрскине есть что-то странное. Но так или иначе, выслушайте мои доводы против него. Элен разорвала помолвку с Фейном, вернулась домой, вышла за твоего отца и поселилась в этом доме. И вдруг появляется Эрскин. Он приезжает сюда с женой, якобы на отдых. Странно, не правда ли? Он признался, что приезжал сюда, чтобы повидаться с Элен. Теперь предположим, что именно с Эрскином в тот день в гостиной разговаривала Элен, и Лили случайно подслушала, что говорила Элен. А говорила она: «Я вас боюсь… Я всегда боялась вас… Мне кажется, вы сумасшедший».

И потому, что она боялась, она строила планы поселиться в Норфолке, но всячески скрывала это. Никто не должен был знать об этом. Никто не должен был знать, пока чета Эрскинов не уехала

из Дилмута. До сих пор все совпадает. Теперь мы подходим к той роковой ночи. Что Холидеи делали в тот вечер, мы не знаем…

Мисс Марпл кашлянула, желая привлечь к себе внимание:

— Признаться, я еще раз виделась с Эдит Педжет. Она вспомнила, что в тот вечер у них был ранний ужин, в семь часов, потому что майор Холидей должен был куда-то идти, то ли в гольф-клуб, то ли на приходское собрание, она не помнит. После ужина миссис Холидей тоже ушла.

— Правильно. Элен предстояло свидание с Эрскином, вероятно, на пляже. На следующий день он уезжал. Но, может быть, передумал. Или стал уговаривать Элен уехать с ним. Она вернулась домой вместе с ним. Возможно, в припадке бешенства он и задушил ее. Дальнейшие события мы уже смоделировали. Ночью Эрскин захоронил тело. Помните, он сказал Гвенде, что вернулся в отель поздно вечером, потому что бродил по Дилмуту.

— Неясно только одно, — сказала мисс Марпл. — Что делала в это время его жена?

— Может быть, маялась ревностью, — сказала Гвенда. — И устроила ему скандал, когда он

вернулся.

— Таким мне представляется ход событий, — закончил Джайлс. — И он вполне реален.

— Но он не мог убить Лили Кимбл, — возразила Гвенда, — потому что живет в Нортумберленде. Так что не будем впустую тратить время. Давайте поговорим об Уолтере Фейне.

— Хорошо. Уолтер Фейн — весьма уравновешенный тип. Он кажется добрым, мягким и покладистым. Но мисс Марпл подметила одну черту его характера. Уолтер Фейн однажды вошел в такой раж, что чуть не убил своего брата. Правда, это было в детстве, но это-то и настораживает, потому что он всегда слыл мягким, уступчивым человеком. Так или иначе, Уолтер Фейн влюбился в Элен Холидей. И не просто влюбился, а был без ума от нее. Она не отвечала ему взаимностью, и он уехал в Индию. Позже она пишет ему, что готова выйти за него замуж, и отправляется к нему в Индию. Но тут Фейна постигает второй удар. Она разрывает помолвку, так как «встретила кого-то на пароходе». Она возвращается домой и выходит замуж за Келвина Холидея. Возможно, Уолтер Фейн думает, что Келвин Холидей и есть тот человек, из-за которого Элен отвергла его. Гонимый дикой ревностью и ненавистью, Фейн

возвращается домой. Ведет себя дружелюбно, как человек, все простивший, часто бывает у них в доме на правах преданного друга. Но, очевидно, Элен поняла, что под внешним дружелюбием творится у Фейна в душе. А может, уже давно она почувствовала что-то пугающее во внешне спокойном молодом Уолтере Фейне. Она заявляет ему: «Я всегда боялась тебя». Строит тайные планы покинуть Дилмут и поселиться в Норфолке. Но почему? Потому что боится Уолтера Фейна. А теперь мы снова подходим к тому роковому вечеру. Здесь мы ощущаем себя не столь уверенно. Мы не знаем, что делал Уолтер Фейн в тот вечер, и я не вижу никакой возможности узнать это. Но он соответствует требованию мисс Марпл «быть на месте», потому что живет в доме, который находится всего в двух-трех минутах ходьбы. Он может сказать, что рано лег спать из-за головной боли, или закрылся в кабинете, чтобы поработать, или еще что-нибудь в этом роде. Он мог проделать все, что, по нашему мнению, проделал убийца, но мне кажется, что он единственный из троих, кто мог ошибиться в выборе вещей, упакованных в чемодан.

— Странно, — сказала Гвенда. — Тогда, у него в офисе, он показался мне похожим на дом с за-

шторенными окнами… и у меня даже возникло странное ощущение, что в доме находится покойник. — Она посмотрела на мисс Марпл. — Я говорю глупости?

— Нет, дорогая. Думаю, может быть, вы и правы.

— А теперь, — сказала Гвенда, — настал черед Эффлика. Туры Эффлика. Джекки Эффлик, который всегда был слишком умен. Первый довод не в его пользу — мнение доктора Кеннеди о присущей ему мании преследования. А это означает, что он никогда не был вполне нормальным. Он рассказал нам об отношениях Джекки с Элен, но мы знаем теперь, что все это была сплошная ложь. Он относился к ней не как к милому ребенку — он был безумно, неистово в нее влюблен. Но она его не любила. Она просто забавлялась. Она была, по выражению мисс Марпл, женщиной, «помешанной на мужчинах».

— Нет, дорогая. Я этого не говорила. Ничего подобного.

— Ну хорошо, пусть она будет нимфоманкой, если вы предпочитаете такой термин. Так или иначе, у нее была любовная интрижка с Джекки Эффликом, а потом она решила его бросить. А он не хотел, чтобы его бросали. Брат вытащил ее из

этой истории, но Джекки Эффлик не простил ему этого. Он лишился работы — по его словам, он был уволен Уолтером Фейном. Это свидетельствует о наличии у него симптома мании преследования.

— Верно, — согласился Джайлс, — но с другой стороны, если это действительно так, то данный факт — серьезное свидетельство против Фейна.

Гвенда продолжала:

— Элен уехала за границу, и он тоже покинул Дилмут, но никогда не забывал ее, и, когда она вернулась в Дилмут уже замужней женщиной, он нанес ей визит. Сначала он сказал, что виделся с ней всего один раз, но позже признался, что больше чем один раз. Джайлс, разве ты не помнишь? Эдит Педжет обронила фразу о «нашем таинственном мужчине в шикарном автомобиле». Если об этом судачили слуги, значит, он приезжал достаточно часто. Но Элен никогда не приглашала его к столу, она не хотела, чтобы он встречался с Келвином. Может быть, она боялась его. А может быть…

Джайлс перебил ее:

— Может быть, это перекрывает обе версии. Предположим, Элен любила его — это была ее первая любовь, — и вполне вероятно, что она продолжала его любить. Возможно, их любовная

связь продолжалась и она не хотела, чтобы кто-нибудь об этом узнал. А может быть, он требовал, чтобы она ушла от мужа, но к этому времени он ей надоел, и она не согласилась… и вот… и вот… он убил ее. Лили в письме доктору Кеннеди упомянула о шикарном автомобиле, стоявшем в тот вечер неподалеку. Это был автомобиль Джекки Эффлика. Джекки Эффлик тоже «присутствовал там».

Это всего лишь предположение, — продолжал Джайлс. — Но мне оно кажется резонным. Однако как в эту версию вписываются письма Элен? Я долго ломал голову, пытаясь понять, под влиянием каких «обстоятельств», как выразилась мисс Марпл, Элен могла написать эти письма. Мне кажется, чтобы узнать, что это за обстоятельства, нам придется предположить, что у Элен на самом деле был любовник и что она рассчитывала убежать с ним. Давайте снова вернемся к нашим трем версиям. Первая — Эрскин. Допустим, что он все еще не был готов оставить жену и разрушить семью, но Элен согласилась бросить Келвина и поселиться где-то, где Эрскин смог бы время от времени ее навещать. В этом случае прежде всего надо было развеять подозрения миссис Эрскин, поэтому Элен пишет пару писем брату,

из которых станет ясно, что она уехала с кем-то за границу. В пользу этой версии говорит и то, что в письмах она не назвала имени этого таинственного человека.

— Но если она готова была бросить мужа ради него, зачем ему понадобилось ее убивать? — спросила Гвенда.

— Возможно, она внезапно изменила свое намерение. Решила, что ей лучше остаться с мужем. Тогда он рассвирепел и задушил ее. А потом забрал одежду, чемодан и заготовленные Элен письма. Великолепное объяснение, не оставляющее никаких неясностей. Такое толкование событий вполне применимо и по отношению к Уолтеру Фейну. Могу себе представить, насколько губительным мог оказаться такой скандал для провинциального адвоката. Элен могла согласиться уехать куда-нибудь недалеко, где Фейн мог бы ее навещать, а представить дело так, будто она уехала за границу с кем-то еще. Письма были заготовлены, а потом, как вы предположили, она передумала. Уолтер обезумел и убил ее.

— А что насчет Джекки Эффлика?

— В случае с ним труднее найти объяснение заготовленным письмам. Вряд ли он мог опасаться какого-либо скандала. Возможно, Элен боялась не

его, а твоего отца и считала, что лучше представить дело так, будто она уехала за границу. Или, может быть, у жены Эффлика имелись деньги, которые он хотел вложить в свое предприятие. О да, здесь может быть много объяснений появлению этих писем.

— А кого вы подозреваете, мисс Марпл? — поинтересовалась Гвенда. — Я все-таки не думаю, что это Уолтер Фейн…

В этот момент вошла миссис Коккер, чтобы убрать кофейные чашки.

— Да, вот еще что, мадам, — сказала она. — Совсем забыла. Все эти дела с бедной убитой женщиной и то, что вы с мистером Ридом заняты расследованием этого дела, совсем некстати для вас, мадам, именно теперь. Мистер Фейн приходил после обеда. Спрашивал вас. Ждал целых полчаса. Похоже, вы договорились о встрече с ним.

— Как странно, — задумчиво проговорила Гвенда. — Когда он приходил?

— Должно быть, в четыре часа или немного позже. А потом, после этого, был другой джентльмен, приезжал в большом желтом автомобиле. Он тоже был уверен, что вы ждете его. Ничего не сказал. Ждал двадцать минут. Я подумала,

уж не пригласили ли вы их всех на чай, а потом запамятовали.

— Нет, — сказала Гвенда. — Как странно…

— Давайте позвоним Фейну прямо сейчас, — предложил Джайлс. — Он еще не должен спать.

Он тут же сделал это.

— Алло, это Фейн? Говорит Джайлс Рид. Я слышал, что вы заходили к нам сегодня вечером… Что?.. Нет, нет, я уверен в этом… нет, как странно. Да, я тоже хотел знать.

Он положил телефонную трубку.

— Какая странная вещь. Сегодня утром ему позвонили в контору. И оставили сообщение, что ему следует зайти к нам во второй половине дня. Что это очень важно.

Джайлс и Гвенда переглянулись. Потом Гвенда предложила:

— Позвони Эффлику.

Джайлс отыскал номер Эффлика и позвонил. Это потребовало немного больше времени, но наконец ему ответили на другом конце линии.

— Мистер Эффлик? Говорит Джайлс Рид, я…

Джайлс умолк, видимо заглушенный обрушившимся на него потоком гневных слов.

— Но мы тут ни при чем, — извиняющимся тоном сказал Джайлс. — Уверяю вас… ничего

подобного. Мне бы никогда не пришло в голову… Да, но постойте, кто вам звонил… мужчина? Нет. Говорю вам, это был не я. Нет… нет, я понимаю. Да, я согласен, это необычайно странно.

Джайлс положил трубку и вернулся к столу.

— Вот в чем дело, — сказал он. — Какой-то мужчина, назвавшийся моим именем, позвонил Эффлику и попросил его приехать. Сказал, что это важно… и связано с крупной суммой денег.

Все трое переглянулись.

— Это мог быть любой из них, — сказала Гвенда. — Ты понимаешь, Джайлс? Любой из них мог убить Лили и приезжать сюда, чтобы заручиться алиби.

— Едва ли их интересовало алиби, дорогая, — возразила мисс Марпл.

— Я не имею в виду подлинное алиби, а просто чтобы оправдать свое отсутствие в офисе. Я хочу сказать, что один из них говорит правду, а второй лжет. Один из них позвонил другому и попросил его приехать сюда… чтобы на него пало подозрение, но мы не знаем, кто именно из них двоих звонил. И нам предстоит это решить. Я считаю, что Джекки Эффлик. Я говорю: Джекки Эффлик.

— А я думаю, что Уолтер Фейн, — сказал Джайлс. Они оба взглянули на мисс Марпл.

Та покачала головой, говоря:

— Возможен и третий вариант.

— Конечно. Это Эрскин! — воскликнул Джайлс и бросился к телефону.

— Что ты собираешься делать? — спросила Гвенда.

— Звонить по междугородному в Нортумберленд.

— О, Джайлс, неужели ты и в самом деле думаешь…

— Сейчас узнаем. Если он там, то станет ясно: он не мог убить Лили Кимбл сегодня во второй половине дня. У него нет личного самолета или чего-нибудь в этом роде.

В напряженном молчании все трое ждали, когда зазвонит телефон.

Наконец раздался звонок, и Джайлс поднял трубку.

— Вы заказывали разговор с Эрскином. Говорите, пожалуйста. Майор Эрскин на проводе.

Джайлс нервно прочистил горло.

— Эр… Эрскин? Говорит Джайлс Рид… Рид, да.

Он бросил испуганный взгляд на Гвенду, как бы спрашивая: «Что же, черт побери, мне сказать ему?» Гвенда проворно встала и взяла у мужа трубку.

— Майор Эрскин? Говорит миссис Рид. Мы узнали о доме… «Линскотт-Брейк». Это… это… вам что-нибудь известно о нем? Я полагаю, это где-то недалеко от вас.

— «Линскотт-Брейк»? — уточнил Эрскин. — Нет, кажется, никогда не слышал о таком. А какой указан почтовый адрес?

— Здесь напечатано очень неразборчиво, — ответила Гвенда. — Вы же знаете, эти ужасные, рассылаемые агентами объявления, напечатанные на машинке. Но это примерно в пятнадцати милях от Дейта, и мы подумали…

— Мне очень жаль. Я не слыхал о таком. А кто там живет?

— О, дом пустует. Но не беспокойтесь, мы уже почти обосновались в своем нынешнем доме. Мне так неудобно, что я потревожила вас и оторвала от дел.

— Нет, нет, все в порядке. Я занимался домашними делами. Жена уехала, а кухарка отлучилась к своей матери. Поэтому мне пришлось погрузиться в домашнюю рутину. Боюсь, я не преуспею в этом. Куда привычнее мне было бы поработать в саду.

— Мне тоже больше по душе работа в саду, нежели хлопоты по дому. Надеюсь, ваша жена

здорова?

— О да. Она поехала к сестре. Вернется завтра.

— Ну, спокойной ночи и извините за то, что потревожила вас.

Она положила трубку.

— Эрскин отпадает, — с триумфом заявила она. — Его жена в отъезде, и он занимается домашними делами. Значит, остаются двое других, не так ли, мисс Марпл?

Мисс Марпл выглядела мрачной.

— Мне не кажется, мои дорогие, — сказала она, — что вы дали себе труд как следует все продумать. О боже, я и впрямь очень обеспокоена. Если бы только я знала, что надо делать…

Глава 24
Обезьяньи лапы

I

Подперев руками подбородок, Гвенда бесстрастно взирала на остатки торопливого ленча. Скоро ей придется убрать со стола, вымыть посуду и подумать об ужине.

Но она не станет спешить. Ей нужно время, чтобы привести в порядок свои мысли. Слишком стремительно развивались события.

Когда она прокручивала их в памяти, они казались ей хаотичными и просто немыслимыми. Все произошло очень быстро и просто неправдоподобно.

Инспектор Ласт появился рано — в половине десятого. С ним приехали детектив, инспектор Праймер из главного управления, и главный констебль графства. Последний задержался ненадолго. Инспектору Праймеру было поручено расследование убийства Лили Кимбл и всех сопутствующих ему обстоятельств.

Инспектор Праймер, мужчина с обманчиво мягким характером, вкрадчивым голосом спро-

сил, не причинит ли он ей излишнего неудобства, если его люди немного покопают в саду.

Сказано это было так, будто его люди займутся раскопками ради физической разминки, а не ради поисков мертвого тела, захороненного восемнадцать лет назад.

Джайлс вмешался в разговор, сказав:

— Думаю, вам могут оказаться полезными наши предположения. — И он рассказал инспектору о переносе ступенек, после чего препроводил его на террасу.

Инспектор взглянул на забранное решеткой окно угловой комнаты на первом этаже и высказал предположение, что там была детская. Джайлс подтвердил это.

Потом инспектор и Джайлс вернулись в дом, а двое людей с лопатами спустились в сад, и Джайлс, прежде чем инспектор успел задать вопрос, сказал:

— Думаю, инспектор, вам было бы полезно выслушать то, чего моя жена не говорила ни одному человеку, кроме меня и… э-э… еще одной персоны.

Доброжелательный и вместе с тем испытующий взгляд инспектора Праймера обратился на Гвенду. Ей показалось, что инспектор задается

вопросом: «Можно ли полагаться на суждения этой женщины или она из числа фантазерок?» Поэтому начала она с оговорки:

— Возможно, мне это только показалось. Вполне возможно. Но мне представляется все абсолютно правдоподобным.

— Хорошо, миссис Рид, давайте послушаем, — подбадривающим тоном сказал он.

И Гвенда рассказала. Как дом показался ей знакомым, когда она впервые переступила его порог. Как она постепенно убеждалась, что на самом деле жила здесь, будучи ребенком. Как она вспомнила обои в детской, и дверь, ведущую из гостиной в столовую, и то, где пролегала прежде дорожка от террасы к лужайке.

Инспектор Праймер кивнул. Он не сказал, что детские воспоминания Гвенды не особенно интересны ему, но Гвенда опасалась, что он думает именно так.

А потом она с трудом заставила себя перейти к заключительной части рассказа. Как, сидя в театре, она вдруг вспомнила: стоя наверху, она увидела сквозь стойки перил лежащую в холле мертвую женщину.

— С синим лицом, задушенную. С золотистыми волосами… И это была Элен, но, как ни странно, я

не знала, кто такая была Элен.

— Мы думаем, что… — начал было Джайлс, но инспектор Праймер предостерегающе поднял руку.

— Пожалуйста, позвольте миссис Рид самой рассказать обо всем.

И Гвенда взволнованно, запинаясь, продолжала свой рассказ, а инспектор Праймер умело направлял его в нужное русло, прекрасно понимая, как важно ее свидетельство.

— Уэбстер? — задумчиво произнес он. — Хм, «Герцогиня Мальфи»? Обезьяньи лапы?

— Но это мог быть страшный сон, — вмешался Джайлс.

— Прошу вас, мистер Рид!

— Да, это, скорее всего, был ночной кошмар, — сказала Гвенда.

— Нет, я так не думаю, — возразил инспектор Праймер. — Очень трудно объяснить смерть Лили Кимбл, если не предположить, что в этом доме было совершено убийство женщины.

Слова инспектора звучали так убедительно и даже успокаивающе, что Гвенда поспешила сказать:

— Но только убил ее не мой отец. Он не мог, правда? Даже доктор Пенроуз считает, что отец

— не тот человек, который способен убить кого-то. И доктор Кеннеди совершенно уверен, что он не убивал, а только думал, что убил. Вы же видите, есть некто, желавший представить дело так, будто убийца — мой отец, и нам кажется, мы знаем, кто этот некто, вернее, знаем, что это один из двух…

— Гвенда, — перебил ее Джайлс. — Мы не можем с уверенностью…

— Мистер Рид, — сказал инспектор, — не спуститесь ли вы в сад взглянуть, как продвигается работа у моих людей? Если не возражаете, конечно. Скажите им, что я послал вас.

Он закрыл за Джайлсом балконную дверь, запер ее и возвратился к Гвенде.

— Ну а теперь расскажите мне, миссис Рид, о ваших предположениях. Ничего, если они будут не вполне убедительными.

И Гвенда рассказала обо всех предположениях — своих и Джайлса, о логических доводах, о шагах, которые они предпринимали, чтобы разузнать все, что только возможно, о том, какое место эти трое мужчин могли занимать в жизни Элен Холидей, и к каким выводам они в конечном счете пришли. Не забыла она упомянуть и о том, как Уолтер Фейн и Д. Д. Эффлик были кем-то от

их имени приглашены по телефону в «Хиллсайд» накануне вечером.

— Вам не кажется, инспектор, что один из них говорит неправду? — спросила Гвенда.

Инспектор ответил усталым голосом:

— Это одна из главных трудностей в моей работе. Многие люди способны лгать. И лгут… Хотя не всегда по той причине, о которой вы думаете. А некоторые люди даже и не догадываются, что они лгут.

— И вы думаете, что я из их числа? — с опаской спросила Гвенда.

— Я думаю, что вы — очень правдивый свидетель, миссис Рид, — ответил инспектор с улыбкой.

— И вы думаете, что я права насчет того, кто убил ее?

— В своей работе мы не можем полагаться на домыслы. Мы обязаны все тщательно проверить: где и кто находился в момент преступления, выслушать их показания, сопоставить с нашими данными и так далее. Мы с точностью до десяти минут знаем, когда была убита Лили Кимбл. Между двумя часами двадцатью минутами и двумя часами сорока пятью минутами. Любой человек мог убить ее и явиться сюда вчера во

второй половине дня. Лично я не вижу никакого смысла в этих телефонных вызовах. Это не дает ни одному из двоих названных вами лиц алиби на время, когда было совершено убийство.

— Но ведь вы будете выяснять, что они делали в то самое время? Между двумя двадцатью и двумя сорока пятью? Вы же спросите их об этом.

Инспектор Праймер улыбнулся:

— Мы зададим все необходимые вопросы, миссис Рид, можете быть уверены в этом. Все в свое время. Спешка в таких делах ни к чему. Необходимо прежде всего правильно определить стратегию.

Гвенда вдруг поняла, что это кропотливая, рутинная работа. Тщательная, самоотверженная…

— Понимаю… да, — сказала Гвенда. — Вы — профессионал. А мы с Джайлсом просто любители. У нас может возникнуть счастливая догадка, но мы не будем знать, что делать дальше.

— Да, примерно так, миссис Рид.

Инспектор снова улыбнулся. Он подошел к балконной двери и, распахнув ее, собрался было выйти наружу, но вдруг замер на месте. Прямо как охотничья собака, сделавшая стойку, подумала Гвенда.

— Извините меня, миссис Рид. Вот та леди не

мисс ли Джейн Марпл?

Гвенда подошла к нему. Там, в саду, мисс Марпл опять вела изнурительную войну с вьюнками.

— Да, это мисс Марпл. Она самоотверженно помогает нам, работая в саду.

— Мисс Марпл, — повторил инспектор. — Я вижу.

И когда Гвенда вопросительно взглянула на него и сказала: «Она такая милая», он ответил:

— Весьма знаменитая леди эта мисс Марпл. Заткнула за пояс главных констеблей по меньшей мере трех графств. До моего начальника она пока не добралась, но это всего лишь вопрос времени. Выходит, она тоже приложила руку к этому делу.

— Она высказала уйму полезных предложений, — сказала Гвенда.

— Не сомневаюсь, — ответил инспектор. — А не высказывала она предположений, где следует искать труп Элен Холидей?

— Она сказала, что мы с Джайлсом должны прекрасно знать, где искать, — ответила Гвенда. — И что было очень глупо с нашей стороны не подумать об этом раньше.

Инспектор весело усмехнулся и направился к мисс Марпл.

— Кажется, мы не были представлены друг

другу, мисс Марпл. Но вас мне показал однажды полковник Мелроуз.

— О да. Милейший полковник Мелроуз. Он был всегда необычайно любезен. Еще с той поры…

— Еще с той поры, когда застрелили церковного старосту в кабинете викария. Как давно это было. Но у вас с тех пор были и другие успехи. Например, дело с отравлением в Лимстоке.

— Кажется, вы много обо мне знаете, инспектор…

— Мое имя Праймер. А вы здесь основательно заняты, как я посмотрю.

— Да, я делаю, что могу, в саду. Он очень запущен. Вот эти вьюнки, например, они такие противные. Их корни, — продолжала мисс Марпл, многозначительно глядя на инспектора, — они так глубоко уходят в землю. И разрастаются там во все стороны.

— Думаю, вы совершенно правы, — согласился инспектор. — И успели прорасти очень глубоко за это время… я имею в виду убийство. Имевшее место восемнадцать лет назад.

— А может быть, они росли здесь и прежде, — сказала мисс Марпл. — Как ужасно лишать жизни эти хорошенькие цветы…

Один из полицейских констеблей, весь в испа-

рине, направлялся к ним по дорожке. Лоб у него был вымазан землей.

— Мы наткнулись на что-то, сэр, — доложил он. — Похоже, что это труп и есть.

II

Вот так, вспоминала Гвенда, начался этот день кошмаров. Вошел Джайлс, бледный, и сообщил:

— Это… она, все так, Гвенда.

Потом один из констеблей позвонил по телефону, и вскоре приехал медэксперт полиции, низкорослый, суетливый человек.

И в этот момент миссис Коккер, спокойная и невозмутимая миссис Коккер, вышла в сад, ведомая отнюдь не отвратительным любопытством, как можно было бы подумать, а единственно желанием сорвать какие-то съедобные растения, которые потребовались ей, чтобы приготовить блюда к ленчу. И миссис Коккер, чья реакция на новости об убийстве в тот день сводилась к резкому порицанию и тревоге о том, как это отразится на здоровье Гвенды (потому что у миссис Коккер возникла догадка, что детская комната наверху скоро, после должного количества месяцев, будет занята), увидела это ужасное зрелище и немедленно пришла в жалкое состояние.

— Так ужасно, мадам. Кости всегда вызывали у меня отвращение. Любые кости, не говоря уж о скелете. Здесь, в саду, рядом с мятой и другими съедобными растениями! У меня так забилось сердце… Меня колотит дрожь, и я едва перевожу дыхание. Что, если я наберусь смелости и попрошу у вас глоточек бренди…

Испуганная состоянием миссис Коккер и бледностью ее лица, Гвенда кинулась к буфету, плеснула в бокал немного бренди и дала выпить миссис Коккер.

Миссис Коккер успела только сказать: «Вот что мне требовалось, мадам…» — и тут неожиданно умолкла и лишилась чувств. Гвенда закричала, призывая на помощь Джайлса.

— На счастье, я оказался поблизости, — говорил потом врач. — Она была на волосок от смерти. Не окажись меня здесь в этот момент, женщина неминуемо умерла бы.

Инспектор Праймер забрал графин с бренди, и, разглядывая его, они с доктором совещались о чем-то. Инспектор Праймер спросил Гвенду, когда они с Джайлсом в последний раз пили из этого графина.

По словам Гвенды, в последние несколько дней не пили. Они были в отъезде, на севере, и в по-

следние несколько дней пили джин, а не бренди.

— Но вчера я чуть не выпила бренди, — вспомнила Гвенда. — И только потому, что его запах напоминает мне о пароходах в проливе Ла-Манш, я попросила Джайлса открыть новую бутылку виски.

— Вам очень повезло, миссис Рид. Если бы вы выпили вчера бренди, то, скорее всего, сегодня вас уже не было бы в живых.

— Джайлс тоже собирался выпить бренди, но в последний момент решил выпить со мной виски.

Гвенда задрожала.

Даже теперь, оставшись одна в доме, когда полиция уехала, а Джайлс ушел; после того как они наскоро перекусили консервами, поскольку миссис Коккер увезли в больницу, Гвенда не могла поверить в реальность того, что происходило здесь утром.

Одно было совершенно ясно: вчера в доме побывали Джекки Эффлик и Уолтер Фейн. Каждый из них мог добавить яд в бренди, а смысл телефонных звонков состоял в том, чтобы дать возможность одному из них подсыпать в графин отраву. Гвенда и Джайлс слишком близко придвинулись к правде. Или был третий человек,

который проник снаружи, скажем, через открытое окно столовой, пока она и Джайлс сидели в доме доктора Кеннеди, ожидая, когда Лили Кимбл явится на назначенную встречу? Третье лицо, которое организовало эти телефонные звонки, чтобы бросить подозрение на тех двоих?

Но предположение о третьем лице, подумала Гвенда, лишено смысла. Потому что это третье лицо должно было звонить только одному из тех двоих. Третье лицо должно было рассчитывать на одного подозреваемого, а не на двух. И как бы то ни было, кто мог стать этим третьим лицом? Эрскин определенно был в Нортумберленде. А если Уолтер Фейн позвонил Эффлику, а потом притворился, что ему тоже звонили? Или Эффлик позвонил Фейну и сделал вид, что и сам получил вызов? Один из этих двоих, и полиции, у которой больше опыта и возможностей, предстоит узнать — который? А пока за каждым из них будут наблюдать. Они не смогут… попробовать еще раз.

Гвенда снова поежилась. Как неприятно ощущать, что кто-то стремится тебя убить. «Это опасно», — сказала мисс Марпл им еще тогда.

Но они с Джайлсом не приняли всерьез ее предостережение. Даже после убийства Лили Кимбл ей не пришло в голову, что кто-то попыта-

ется убить ее и Джайлса. И только потому, что они с Джайлсом слишком близко подошли к правде о том, что произошло восемнадцать лет назад! Начали раскапывать, что произошло тогда и как это стало возможно.

Уолтер Фейн и Джек Эффлик…

Который из них?

Гвенда закрыла глаза, как бы рассматривая их снова, в свете новых событий. Смиренный Уолтер Фейн, сидящий в своем офисе, бледный паук в центре своей паутины. Такой смиренный, такой безобидный на вид. Как дом с зашторенными окнами. И покойник, скончавшийся восемнадцать лет назад, все еще находится в доме. Каким зловещим представлялся ей теперь Уолтер Фейн! Уолтер Фейн, который когда-то чуть не убил своего брата. Уолтер Фейн, с которым Элен дважды разрывала помолвку, сначала здесь, а потом в Индии. Дважды отвергла его. Дважды он пережил унижение. Уолтер Фейн, такой смиренный, такой бесстрастный, который мог выразить себя только в жестоком насилии… как, кстати, однажды сделала тихая Лиззи Борден…

Гвенда открыла глаза. Ведь она убедила себя, не так ли, что Уолтер Фейн и есть убийца? Но, может быть, следует подозревать Эффлика? На сей раз

она не стала закрывать глаза.

Его кричащий клетчатый костюм, властный характер — прямая противоположность сдержанному, тихому Уолтеру Фейну. Но, скорее всего, таким образом Эффлик компенсировал свойственный ему комплекс неполноценности. Именно так, по мнению психологов, проявляется этот комплекс. Если человек не уверен в себе, то должен хвастать, самоутверждаться и демонстрировать властность. Элен отвергла его, посчитав неподходящим. Рана не заживала, постоянно напоминая о себе. Он полон решимости выйти в люди. Но терпит неудачу. Все против него. Его увольняют из фирмы по ложному навету «врага». Все это, конечно, свидетельство того, что Эффлик не вполне нормален. И какое ощущение власти испытывает такой человек, совершая убийство! Его добродушное, живое лицо на самом деле было жестким. Он — жестокий человек… и его тощая бледная жена знает это и боится его. Лили Кимбл была опасна для него и поэтому должна была умереть. Гвенда и Джайлс вмешались в его дела, значит, Гвенда и Джайлс должны умереть тоже, и он сделает так, чтобы подозрение пало на Уолтера Фейна, который когда-то его уволил.

Гвенда встряхнула головой, прогоняя прочь

свои видения и возвращаясь к реальной жизни. Скоро вернется Джайлс и захочет выпить чаю. Надо вымыть посуду.

Она взяла поднос с посудой и направилась в кухню. Там царил идеальный порядок. Миссис Коккер была истинным сокровищем.

Рядом с раковиной лежали резиновые перчатки. Миссис Коккер всегда в них мыла посуду. Ее племянница, работавшая в больнице, приобретала их для нее по дешевке.

Гвенда надела перчатки и начала мыть посуду.

Она вымыла тарелки и поставила их на стеллаж, вымыла и вытерла ножи и вилки и все аккуратно разложила по местам.

Потом, по-прежнему занятая своими мыслями, поднялась наверх. Надо бы, подумала она, выстирать чулки и пару джемперов. Перчатки все еще были на ней. Сейчас она думала о предстоящей стирке, но где-то на уровне подсознания ее не покидала тревога и сомнения.

Уолтер Фейн или Джекки Эффлик, сказала она себе. Один из них. У нее было достаточно убедительных доводов, чтобы считать виновным как одного, так и другого. Возможно, именно это и не давало ей покоя. Строго говоря, было бы лучше иметь неоспоримые свидетельства

виновности одного из них. Сейчас же она была в затруднении.

Если только существовал кто-то еще… Но это невозможно. Ричард Эрскин отпадает. Ричард Эрскин находился в Нортумберленде, когда убили Лили Кимбл и подсыпали отраву в графин. Да, Ричард Эрскин должен быть исключен из числа подозреваемых лиц. И Гвенда радовалась этому, потому что Ричард Эрскин понравился ей. Ричард Эрскин был привлекательным, весьма привлекательным мужчиной. Жаль, что он женился на этом чудовище с недобрым подозрительным взглядом и низким басовитым голосом… Как у мужчины…

И вдруг ее пронзила мысль, заронив в душу дурное предчувствие.

Мужской голос… А может, это миссис Эрскин отвечала вчера вечером на звонок Джайлса, а вовсе не ее муж?

Нет… нет, не может быть! Она и Джайлс узнали бы ее. Начать с того, что миссис Эрскин не могла знать, кто это звонит. Нет, конечно, подошел к телефону Эрскин, а его жена, как он сказал, уехала.

Его жена уехала…

Нет… нет, это невозможно… Могла ли это быть миссис Эрскин? Миссис Эрскин, помрачившаяся

умом от ревности? Миссис Эрскин, которой писала Лили Кимбл? А может быть, Лейони видела той ночью в саду женщину?

Вдруг внизу хлопнула дверь. Кто-то вошел в холл.

Гвенда вышла из ванной и, склонившись над перилами, посмотрела вниз. Она с облегчением перевела дух при виде доктора Кеннеди.

— Я здесь! — крикнула она, помахав руками.

Ее мокрые, блестящие, странного розовато-серого цвета руки… напомнили ей что-то.

Кеннеди посмотрел наверх, прикрывая глаза рукой.

— Это вы, Гвенни? Я не вижу вашего лица. Мне слепит глаза…

И вдруг Гвенда вскрикнула… Глядя на эти гладкие обезьяньи лапы и слыша этот голос в холле…

— Так это вы… — выдохнула она… — Вы убили ее… убили Элен… Теперь я знаю. Это были вы… все время… вы…

Он начал подниматься по ступенькам. Медленно. Не спуская с нее глаз.

— Почему вы не можете оставить меня в покое? — спросил он. — Зачем вам понадобилось вмешиваться? Зачем вам понадобилось возвращать… ее… из небытия? Я только-только начал

забывать… забывать. Вы вернули ее… Элен… мою Элен. Снова вернули. Мне пришлось убить Лили, а теперь я вынужден убить вас. Так же, как убил Элен. Да, так же, как я убил Элен…

Он был уже совсем близко к ней, и его руки тянулись к ее шее. Это приятное, добродушное лицо… это добродушное лицо осталось прежним, только глаза, глаза были безумными…

Гвенда медленно отступала по мере его приближения. Крик застрял у нее в горле. Она уже крикнула раз. И больше кричать не может. Но если даже и закричит, все равно ее никто не услышит. Потому что в доме никого нет — ни Джайлса, ни миссис Коккер, ни даже мисс Марпл в саду. Никого. А соседний дом слишком далеко, чтобы там услыхали ее крик. И все равно она пыталась кричать, но не могла… Потому что была парализована страхом… этими тянущимися к ней ужасными руками…

Сейчас она упрется спиной в дверь детской, и тогда… тогда эти руки сомкнутся у нее на шее…

С ее губ сорвался жалкий и приглушенный стон.

И вдруг доктор Кеннеди остановился и отпрянул назад, когда сильная струя мыльной воды ударила ему между глаз. Он задохнулся, заморгал

и закрыл лицо ладонями.

— Какое счастье, — сказала мисс Марпл, с трудом переводя дыхание, потому что ей пришлось быстро подняться по черной лестнице, — что как раз в это время я выводила тлю на ваших розах.

Глава 25
Эпилог в Торки

— Конечно, дорогая Гвенда, я никогда и не помышляла о том, чтобы уйти и оставить вас одну в доме, — сказала мисс Марпл. — Я знала, что это очень опасная личность, и в тот день тайком наблюдала за ним из сада.

— И вы знали… что это он… все время? — спросила Гвенда.

Мисс Марпл, Гвенда и Джайлс сидели втроем на террасе отеля «Империал» в Торки.

«Надо сменить декорации», — посоветовала мисс Марпл, и Джайлс согласился, что это будет самое лучшее для Гвенды. Инспектор Праймер тоже был с этим согласен, и они немедленно уехали в Торки.

Отвечая на вопрос Гвенды, мисс Марпл сказала:

— Ну, я заметила кое-какие симптомы, моя дорогая. Хотя не было никаких фактов и тем более доказательств. Только симптомы, ничего больше.

Глядя на нее с любопытством, Джайлс сказал:

— Но я не замечал никаких симптомов.

— Ну что вы, Джайлс, подумайте. Начать с того, что он присутствовал *на месте.*

— Присутствовал?

— Да, конечно. Когда Келвин Холидей пришел к нему в ту ночь, он только что вернулся домой из больницы. А больница в те времена, как нам говорили многие люди, была буквально рядом с «Хиллсайдом» или, как его тогда называли, «Сан-Кэтрин». Так вот, как видите, он оказался в нужном месте и в нужное время. А потом были еще сто и один маленький, но существенный факт. Элен Холидей сказала Ричарду Эрскину, что она отправилась в Индию, чтобы сочетаться браком с Уолтером Фейном, потому что не была счастлива дома. Хотя ее брат, судя по всему, был заботлив и внимателен по отношению к ней. Так почему же она не была счастлива? Мистер Эффлик сказал вам, что «ему было жаль бедное дитя». Я думаю, что он был абсолютно правдив, когда говорил это. Он жалел ее. Почему ей приходилось встречаться с молодым Эффликом тайно? Пусть даже она не была страшно влюблена в него. Почему же она не могла встречаться с молодыми людьми открыто? Ее брат был «строг» и «старомоден». Он немного напоминает мистера Баретта

из «Уимпл-стрит», не так ли?

Гвенда содрогнулась.

— Он сумасшедший, — сказала она. — Сумасшедший.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Он не был нормальным. Он обожал свою сестру, и привязанность к ней переросла в порочное чувство. Такие вещи случаются чаще, чем вы думаете. Отцы, которые не хотят, чтобы их дочери выходили замуж и даже встречались с молодыми людьми. Как мистер Баретт. Я подумала об этом, когда узнала историю о теннисной сетке.

— О теннисной сетке?

— Да, это показалось мне очень существенным. Подумайте об этой девочке, юной Элен, которая только что вернулась из школы и, как все девушки, мечтала встречаться с молодыми людьми, флиртовать с ними…

— Немного сексуально озабоченная.

— Нет, — решительно возразила мисс Марпл. — Это одна из самых порочных черт этого преступления. Доктор Кеннеди не только убил ее физически. Если вы внимательно проанализируете случившееся, то обнаружите, что единственным свидетелем того, что Элен Кеннеди была помешана на мужчинах (или как вы выразились,

дорогая? Ах да, была нимфоманкой), являются слова самого доктора Кеннеди. А я считаю, что она была вполне нормальной молодой девушкой, которая хотела развлекаться и весело проводить время, флиртовать и, наконец, выйти замуж за мужчину по собственному выбору — только и всего. Но посмотрите, как ведет себя ее брат. Прежде всего проявляет «строгость» и «старомодность» относительно предоставления ей свободы. Потом, когда она захотела пригласить знакомых поиграть в теннис — вполне нормальное и безобидное желание, — он вроде бы не возражал, но однажды ночью порезал теннисную сетку на ленты. Это весьма показательная садистская акция. А потом, чтобы она не могла играть в теннис или танцевать, внес инфекцию в рану на ноге, чтобы она подольше не заживала. О да, я думаю, он так именно и поступил… Я уверена в этом. Учтите, — продолжала мисс Марпл, — я не думаю, что Элен осознавала все это. Она знала, что брат любит ее, и вряд ли понимала, почему ей так неуютно и тягостно в его доме. Чтобы вырваться из этой гнетущей атмосферы, она в конце концов решила уехать в Индию и выйти замуж за молодого Фейна. Но от чего именно она бежала? Она и сама не знала. Была слишком молода и бесхитростна,

чтобы понять. Итак, она отправляется в Индию и по пути встречает Ричарда Эрскина и влюбляется в него. И в этой ситуации она ведет себя отнюдь не как сексуально озабоченная, а, напротив, как порядочная и благородная девушка. Она не требует, чтобы он оставил жену. Она уговаривает его не делать этого. Но когда она увидела Уолтера Фейна, то поняла, что не может выйти за него замуж, телеграфировала брату, чтобы тот прислал денег на обратную дорогу.

По пути домой она познакомилась с вашим отцом, и перед ней открылся еще один путь к спасению. На сей раз это было хорошим предзнаменованием счастья… Она вышла замуж за вашего отца с лучшими намерениями, Гвенда. Он снова обретал счастье после смерти горячо любимой жены. Она приходила в себя после неудачной любовной истории. Они помогали друг другу. Я считаю, очень важно, что они поженились в Лондоне и только потом приехали в Дилмут и объявили об этом доктору Кеннеди. Она, наверное, инстинктивно чувствовала, что так будет лучше, нежели венчаться в Дилмуте, а ведь вообще-то это было бы более естественно. Думаю, что она все еще не осознавала, каким это будет ударом для брата, а инстинктивно чувство-

вала, что лучше представить свое замужество как свершившийся факт. — Мисс Марпл сделала короткую паузу, после чего продолжала: — Келвин Холидей дружил с Кеннеди, и тот нравился ему. А Кеннеди делал вид, что рад их женитьбе. Новобрачные сняли здесь меблированный дом… и теперь мы подходим к весьма серьезному моменту — предположению, что жена травила Келвина наркотиками. Есть только два возможных объяснения этому, потому что только два человека имели возможность делать это. Либо Элен Холидей травила мужа — но зачем? Либо наркотики прописывал доктор Кеннеди. Кеннеди пользовал Холидея, поскольку Холидей ценил профессионализм Кеннеди, и мысль о том, что жена травит его, могла быть внушена Келвину лечащим врачом, то есть Кеннеди.

— Но способны ли какие-либо наркотики вызвать у человека галлюцинации, вследствие которых он уверует, будто задушил жену? — спросил Джайлс. — Меня интересует, существует ли наркотик, который может оказать на человека такое специфическое воздействие?

— Мой дорогой Джайлс, вы снова попали в ловушку — нельзя верить всему, что вам говорят. Ведь только доктор Кеннеди сказал, что у

Холидея случались такие галлюцинации. Он сам никогда не упоминал о них в своем дневнике. У него случались галлюцинации, да, однако он не говорил, какие именно. Но я смею утверждать, что Кеннеди рассказывал ему о людях, которые задушили своих жен после того, как миновали стадию болезни, которая была у Холидея.

— А доктор Кеннеди и на самом деле злобный человек, — сказала Гвенда.

— Мне кажется, — продолжала мисс Марпл, — что к тому моменту он перешел грань между нормальной психикой и сумасшествием. И Элен, бедная девочка, начала понимать это. Именно своему брату она говорила в тот день, когда Лили подслушала их разговор: «Я всегда боялась вас». И эта фраза была по-своему знаменательна. Она решила уехать из Дилмута и уговорила мужа купить дом в Норфолке, но просила держать это в тайне. И эта таинственность многое объясняет. Она явно опасалась, что кто-то узнает о планах переезда, но речь не шла об Уолтере Фейне или Джекки Эффлике и, уж конечно, не о Ричарде Эрскине. Нет, она боялась того, кто был гораздо ближе.

И наконец, Келвин Холидей, которого, несомненно, начинала раздражать эта скрытность,

казавшаяся ему бессмысленной, рассказал обо всем ее брату… тем самым подведя роковую черту под своей судьбой и судьбой жены. Потому что Кеннеди не мог допустить, чтобы Элен жила там счастливо со своим мужем. Думаю, его план состоял в том, чтобы подорвать здоровье Холидея наркотиками. Но, узнав, что его жертва и Элен намерены убежать от него, он уже не мог стерпеть. Прихватив из больницы пару хирургических перчаток, он пошел в «Сан-Кэтрин». Отыскал Элен в холле и задушил ее. Поблизости не оказалось никого, кто мог бы его увидеть, по крайней мере, так он думал и, ослепленный любовной страстью и безумием, процитировал те трагические строки, которые так подходили к случаю. — Мисс Марпл вздохнула и прищелкнула языком. — Как же я была глупа… ужасно глупа. Мы все были глупы. Мы должны были сразу же догадаться. Те строки из «Герцогини Мальфи» и впрямь служили ключом к разгадке этой истории. Ведь они произнесены братом, только что убившим сестру, чтобы отомстить за брак с мужчиной, которого она любила… Да, мы были глупы…

— А потом? — спросил Джайлс.

— А потом он продолжал действовать в соответствии со своим дьявольским планом. Поднял

тело наверх. Упаковал вещи в чемодан. Бросил записку в корзину для бумаг, чтобы потом легче было убедить Холидея в якобы совершенном им преступлении.

— Но мне казалось, — сказала Гвенда, — что ему было бы выгоднее представить в роли убийцы моего отца.

Мисс Марпл покачала головой:

— О нет, он не мог так рисковать. Вы же знаете, у него хитрый шотландский склад ума. Он относится к полиции с полным уважением. Полиция проводит тщательное расследование, прежде чем признать человека виновным в убийстве. Она может задать множество неудобных вопросов относительно времени и места, где произошло убийство. Нет, его план был более простым и, я считаю, истинно дьявольским. Ему нужно было только убедить Холидея. Во-первых, в том, что он убил жену. Во-вторых, что он сумасшедший. Он уговорил Холидея лечь в психиатрическую клинику, и я не думаю, что он на самом деле хотел убедить его, будто все дело в галлюцинации. Ваш отец принял его правила игры, Гвенда, главным образом, как я себе представляю, ради вашей безопасности. Он продолжал утверждать, что это он убил Элен. С этим он и умер.

— Какое коварство! — тихо сказала Гвенда. — Зло… зло… зло…

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Более точного слова не сыщешь. И я думаю, Гвенда, именно поэтому так сильно запечатлелось увиденное в вашем детском сознании. Потому что в ту ночь там царило истинное зло.

— Но письма, — спросила Гвенда, — письма Элен? Они были написаны.

— И тем не менее это были фальшивки! Но тут он переусердствовал. Ему нужно было во что бы то ни стало заставить вас с Джайлсом прекратить расследование. Вероятно, он мог бы подделать почерк Элен, но это не обмануло бы графолога. Образец почерка Элен и ее письма, которые он вам передал, были написаны вовсе не ею. А им самим. И они, естественно, совпали.

— Боже! — воскликнул Джайлс. — Мне это и в голову не приходило.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Вы просто поверили тому, что он сказал. А принимать все сказанное на веру бывает очень опасно. Я уже давно никому и ничему не верю.

— А бренди?

— Он проделал это в тот день, когда принес письма Элен и беседовал со мною в саду. Он

оставался в доме, пока миссис Коккер ходила в сад, чтобы доложить о его приходе. На это ему достаточно было одной минуты.

— О боже! — воскликнул Джайлс. — А в полицейском участке после убийства Лили Кимбл он еще рекомендовал мне отвезти Гвенду домой и дать ей бренди. Как же получилось, что он встретился с Лили раньше условленного времени и не у себя дома?

— Очень просто. В первом письме, которое он ей послал, была оговорена встреча в Вудлей-Кемп, и она должна была приехать в Мэтчингс-Холт поездом, который отходит из Дилмута в два часа пять минут. Наверное, он вышел из кустов, когда она шла по тропинке, и задушил ее. Потом просто подменил письмо, находившееся при ней (он предусмотрительно велел ей захватить его с собой, потому что в нем говорилось, как его найти), тем, которое вы все видели, и направился домой ждать вас, чтобы разыграть эту маленькую комедию с ожиданием Лили.

— А Лили действительно была опасна для него? Это не следует из ее письма. Похоже, она подозревала Эффлика.

— Может быть, и так. Но Лейони, швейцарская девушка, что-то рассказывала Лили и потому

представляла угрозу для Кеннеди. Ведь она выглянула тогда из окна и увидела, что он копает в саду. Утром он поговорил с ней, намекнул, что майор Холидей убил жену, что майор Холидей психически нездоров и что он, Кеннеди, хочет замять это дело ради ребенка. Если Лейони считает, что ей все же следует заявить в полицию, она вольна это сделать, но это чревато большими неприятностями для нее и так далее.

Лейони испугалась одного упоминания о полиции. Она обожала вас и считала, что мсье доктор делает все как лучше. Кеннеди заплатил ей приличную сумму и поспешил отправить ее обратно в Швейцарию. Но прежде чем уехать, она намекнула Лили о том, что ваш отец убил жену и она видела, как хоронили ее труп. Это совпадало с тогдашними представлениями Лили о случившемся. И она утвердилась в мнении, что именно Келвина Холидея видела Лейони, когда тот копал могилу.

— Но Кеннеди этого, конечно, не знал, — сказала Гвенда.

— Конечно, нет.

— В письме Лили его насторожило упоминание о том, что Лейони видела из окна, и об автомобиле, стоявшем у дороги.

— Автомобиль? Автомобиль Джекки Эффлика?

— Еще одно заблуждение. Лили вспомнила, или ей так показалось, что у дороги стоял автомобиль, похожий на автомобиль Джекки Эффлика. И в ее воображении возник некий таинственный мужчина, приехавший проведать миссис Холидей. Но рядом с домом находилась больница, и вдоль дороги могла стоять не одна машина. Вы должны вспомнить, что у больницы в ту ночь действительно стояла машина доктора, — и он, возможно, пришел к заключению, что она имеет в виду его машину. Прилагательное «шикарная» не имело для него значения.

— Я понимаю, — сказал Джайлс, — он мог расценить письмо Лили как шантаж. Но каким образом вы все разведали о Лейони?

Мисс Марпл ответила, поджав губы:

— Видите ли, как я уже говорила, он вышел за рамки пограничного состояния психики. Как только люди инспектора Праймера арестовали его, он сразу же признался во всех своих преступлениях. Лейони, кажется, умерла вскоре после возвращения в Швейцарию. Передозировка каких-то снотворных таблеток… Нет, он не упускал ни единого шанса.

— Например, пытался отравить меня этим

бренди.

— Вы были очень опасны для него, вы и Джайлс. К счастью, вы так и не сказали ему о том, что видели Элен мертвую в холле. Он не знал о наличии свидетеля.

— А эти телефонные вызовы Фейну и Эффлику? — спросил Джайл. — Тоже его работа?

— Да. В случае если бы возникло разбирательство по поводу отравления бренди, то подозрение пало бы на любого из них… А если бы Джекки Эффлик приехал в своем автомобиле один, то его можно было бы заподозрить и в убийстве Лили Кимбл. У Фейна, скорее всего, нашлось бы алиби.

— А ведь он, кажется, любил меня, — сказала Гвенда, — маленькую Гвенни.

— Он должен был сыграть свою роль, — объяснила мисс Марпл. — Представьте себе, что это значило для него. Спустя восемнадцать лет приезжаете вы с Джайлсом, задаете вопросы, копаетесь в прошлом, раскрываете убийство, которого на самом деле вроде бы и не было… Убийство, совершенное в прошлом… Весьма опасная затея, мои дорогие. Я ужасно беспокоилась за вас.

— Бедная миссис Коккер! — сказала Гвенда. — Она была на волосок от смерти. Я так рада, что она поправляется. Как ты думаешь, она вернется

к нам, Джайлс? После всего этого?

— Вернется, если понадобится детская комната, — серьезно ответил Джайлс.

Гвенда покраснела, а мисс Марпл чуть заметно улыбнулась и посмотрела вдаль.

— Надо же было такому случиться, — задумчиво сказала Гвенда, — что я взглянула на свои руки в резиновых перчатках как раз в тот момент, когда он вошел в холл и произнес несколько вполне невинных фраз, живо воскресивших в памяти те самые злосчастные слова. — Она поежилась. — «Прикройте ей лицо… Я не могу смотреть… она умерла молодой…» Эти слова вполне могли бы быть сказаны обо мне… Если бы не подоспела мисс Марпл. — Она помолчала, а потом грустно добавила: — Бедная Элен… Бедная милая Элен, которая умерла молодой… Знаешь, Джайлс, ее больше нет… ни в доме, ни в холле. Я почувствовала это вчера, еще до того, как мы уехали оттуда… Теперь это просто дом. Дом, любящий нас. Мы можем вернуться туда в любой момент…

Последние дела мисс Марпл

Святое место

Жена священника вышла из-за угла своего дома, едва удерживая в руках охапку хризантем. На ее грубые, прочно сшитые туфли в изобилии налипла жирная садовая земля; частички почвы попали ей даже на нос, о чем она, разумеется, не подозревала.

Подойдя к старой, висевшей на одной петле калитке, она вступила с ней в единоборство, ибо та никак не хотела открываться. Налетевший порыв ветра подхватил было ее замасленную фетровую шляпку и снова опустил на голову — еще более набекрень.

— Тьфу ты! — воскликнула Пончик.

Прозвище это миссис Хармон получила по вполне понятной причине еще в детстве, и с тех пор оно прилипло к ней намертво, хотя родители-оптимисты и нарекли ее когда-то Дианой.

Крепче прижав хризантемы, она протиснулась в калитку и, пройдя через церковный двор, подошла к дверям церкви.

Ноябрьский воздух был мягким и сырым. Плывущие по небу облака оставляли то здесь, то там лоскутки голубого неба. Внутри, в церкви,

было темно и холодно. Ее протапливали только к службе.

— Бр-р-р! — выразительно произнесла жена священника. — Лучше управиться поскорее. А то здесь умрешь от холода.

С быстротою, свидетельствующей о долгой практике, она приготовила всю необходимую утварь: вазы, кувшин с водой, подставки для цветов. «Жаль, что у нас нет лилий, — подумала миссис Хармон, — до чего надоели эти жалкие хризантемы». Проворными пальцами она брала их по одной и ставила в вазу.

В создаваемых ею букетах никогда не было ничего художественного или оригинального, ничего особенного, но ведь и сама Пончик не отличалась ни оригинальностью, ни художественным вкусом, однако в них чувствовалось что-то домашнее, приятное. Она осторожно взяла вазы и пошла к алтарю по проходу между скамьями. И тут выглянуло солнце.

Его лучи проникали сквозь восточное окно, украшенное грубоватым витражом с преобладающими синим и красным цветами — подарок богатого прихожанина во времена королевы Виктории. Эта неожиданно обильная красочность заставила ее почти вздрогнуть. «Как драгоцен-

ные камни в ювелирной лавке», — подумалось ей. Внезапно она остановилась, заметив что-то впереди. На ступенях алтаря смутно виднелась какая-то неясная тень.

Осторожно поставив цветы, Пончик подошла к ступеням и, наклонившись посмотреть, что там, увидела лежащего ничком человека. Она опустилась рядом с ним на колени и медленно, осторожно перевернула. Ее пальцы нащупали пульс — такой слабый и неровный, что это говорило само за себя, так же как и зеленоватый оттенок бледного лица. Ей пришло на ум, что он, без сомнения, умирает.

То был мужчина лет сорока пяти, одетый в темный поношенный костюм. Она отпустила его обмякшую руку, к которой только что прикасалась, и посмотрела на другую. Та была стиснута в кулак у самой груди. Приглядевшись, она увидела, что в кулаке зажато нечто, напоминающее клок шерсти или большой носовой платок, и он прижимал это к ребрам. Вокруг стиснутой руки виднелись засохшие капли какой-то коричневатой жидкости, и Пончик угадала в ней запекшуюся кровь. Миссис Хармон приподняла голову и нахмурилась.

До сих пор глаза человека были закрыты, но в

это мгновение он внезапно открыл их и устремил взгляд на ее лицо. Взгляд не был ни удивленным, ни блуждающим. Он казался вполне живым и все понимающим. Губы зашевелились, и Пончик подалась вперед, чтобы уловить слова или, вернее, слово. Ибо лишь одно слово и было произнесено:

— Святое...

Ей показалось, что, когда он произнес — нет, скорее даже выдохнул это слово, — его лицо словно осветилось изнутри едва заметной улыбкой. Нет, она не могла ошибиться, потому что мгновение спустя он опять повторил:

— Святое...

Затем последовал слабый продолжительный вздох, и глаза умирающего снова закрылись. Ее пальцы вновь коснулись его запястья. Пульс еще прощупывался, но стал чуть заметным, прерывистым. Миссис Хармон встала, приняв решение.

— Не двигайтесь, — попросила она, — старайтесь не двигаться. Я схожу за помощью.

Раненый снова открыл глаза, но теперь устремил взор на разноцветные лучи солнца, проникающие сквозь витраж. Его губы пробормотали что-то, чего Пончик не смогла вполне разобрать. К ее недоумению, ей показалось, что незнакомец прошептал имя ее мужа.

— Юлиан? — переспросила она. — Вы искали здесь Юлиана?

Раненый не ответил. Теперь он лежал закрыв глаза, дыхание стало неглубоким, едва заметным.

Миссис Хармон повернулась и быстро пошла из церкви. Выйдя на крыльцо, она взглянула на часы и удовлетворенно кивнула. Доктор Гриффитс должен еще вести прием. До него всего пара минут ходьбы. Она сразу прошла через приемную, не тратя времени, чтобы постучать или позвонить в дверь, и заглянула в кабинет.

— Идите скорее, — настойчиво позвала она, — в церкви человек умирает.

Спустя несколько минут доктор Гриффитс уже бегло осмотрел раненого.

— Можно перенести его в ваш дом? Там я смогу лучше о нем позаботиться, — произнес он, вставая с колен, — хотя сомневаюсь, чтобы от этого был прок.

— Конечно, — отозвалась Пончик, — пойду все приготовлю. И пришлю Харпера с Джонсом, хорошо? Чтобы помочь вам его нести.

— Спасибо. Я вызову от вас карету «Скорой помощи», но, боюсь, пока она едет... — Он замолчал, не докончив.

— Внутреннее кровотечение? — спросила Пончик.

Доктор Гриффитс кивнул.

— И каким только ветром его сюда занесло? — проговорил он.

— Думаю, он провел тут всю ночь, — предположила Пончик. — Харпер отпирает церковь утром, когда идет работать, но обычно не заходит внутрь.

Всего минут пять спустя доктор Гриффитс уже повесил на место телефонную трубку и вернулся в жилую комнату, где на диване, застланном на скорую руку шерстяными одеялами, лежал раненый. Пончик только-только успела прибраться после осмотра больного и теперь держала в руках тазик с водой.

— Вот такие дела, — сообщил Гриффитс. — «Скорая» вызвана, полиция уведомлена.

Он постоял, хмурясь и глядя на лежащего перед ним пациента. Тот по-прежнему не открывал глаза, но каким-то нервным, судорожным движением все время пытался прижать к боку левую руку.

— В него стреляли, — сказал Гриффитс. — Стреляли в очень тесном помещении. Он скатал свой носовой платок, сделав из него что-то вроде

тампона, и затолкал в рану, чтобы остановить кровотечение.

— Он мог пройти большое расстояние после того, как это случилось? — спросила Пончик.

— О да, это вполне возможно. Известен случай, когда смертельно раненный человек встал и пошел вдоль по улице словно ни в чем не бывало и лишь минут пять или десять спустя внезапно потерял сознание. Так что совсем не обязательно в него стреляли в церкви. Вовсе нет. Точно так же это могло случиться и на некотором расстоянии от нее. А кроме того, он мог выстрелить сам в себя, уронить револьвер, а потом направиться в церковь, повинуясь какому-то внутреннему зову. Не совсем понимаю, почему он пришел в церковь, а не в дом священника.

— А я знаю *почему,* — сообщила Пончик. — Он так и сказал: «Святое место».

Доктор недоуменно взглянул на нее.

— Святое место? — переспросил он.

— А вот и Юлиан, — Пончик обернулась на звук шагов мужа, донесшийся из прихожей. — Юлиан! Иди сюда.

В комнату вошел приходской священник Юлиан Хармон. Он казался старше своих лет оттого, что всегда напускал на себя какой-то ученый

рассеянный вид.

— Боже мой! — произнес Юлиан Хармон, останавливая мягкий и удивленный взгляд на хирургических инструментах и на распростертом на диване безжизненном теле.

— Он был в церкви, умирал, — принялась объяснять Пончик, экономя, как всегда, слова. — У него огнестрельная рана. Ты знаешь его, Юлиан? Кажется, он произнес твое имя.

Священник подошел к дивану и посмотрел на умирающего.

— Бедняга, — проговорил он и покачал головой. — Нет, я его не знаю. Почти уверен, что прежде не видел его никогда.

В это мгновение лежащий снова открыл глаза. Он перевел взгляд с доктора на Юлиана Хармона и с него на его жену. Умирающий стал вглядываться в ее лицо. Гриффитс шагнул к нему и настойчивым тоном сказал:

— Не могли бы вы объяснить нам...

Но незнакомец, не отрывая глаз от хозяйки дома, пробормотал слабым голосом:

— Прошу... *прошу...*

Затем по его телу прошла легкая дрожь, и он умер...

Сержант Хейес лизнул карандаш и перевернул

страницу блокнота.

— Итак, это все, что вы мне можете рассказать, миссис Хармон?

— Да, все, — сказала Пончик. — Вот вещи из его карманов.

На столе рядом с локтем сержанта Хейеса лежали бумажник, видавшие виды старые часы с инициалами В.С. и обратный билет до Лондона. Ничего больше.

— Удалось выяснить, кто он? — осведомилась Пончик.

— В полицию звонили некие мистер и миссис Экклз. По-видимому, он ее брат. Убитого звали Сэндборн. В последнее время у него были проблемы и со здоровьем, и с нервами. Недавно он почувствовал себя хуже. Позавчера вышел из дома и не вернулся. И у него был револьвер.

— А здесь он сошел с поезда и застрелился, — подхватила собеседница. — Но почему?

— Ну, понимаете ли, у него была депрессия...

Пончик не дала ему договорить.

— Я не о *том*. Я спрашиваю: почему он оказался здесь?

Поскольку сержант Хейес явно не знал ответа на сей вопрос, он предпочел ответить уклончиво:

— Он приехал автобусом, что прибывает в пять десять.

— Приехал, но *почему*? — настаивала Пончик.

— Не знаю, миссис Хармон, — сдался наконец сержант Хейес. — Это нельзя объяснить. Если рассудок помрачен...

Но Пончик докончила вместо него:

— То это можно сделать где угодно. И все-таки, мне кажется, необязательно садиться на автобус и ехать в такую глушь, как наша. Ведь он, кажется, здесь никого и не знал?

— Трудно сказать наверняка, — промямлил сержант.

Он виновато покашлял и проговорил, вставая со стула:

— Собственно говоря, если вы, мэм, не возражаете, то, может быть, вы позволите, чтобы мистер и миссис Экклз приехали поговорить с вами.

— Конечно, не возражаю, — отозвалась Пончик, — само собой разумеется. Но только что я могу им сказать?

— Ну, вы уж там как-нибудь, — порекомендовал сержант.

— Единственное, что утешает, — проговорила Пончик, провожая его до крыльца, — что это не убийство.

К воротам подъехал автомобиль. Взглянув на него, сержант Хейес предположил:

— Похоже, миссис и мистер Экклз уже добрались сюда, мэм, чтобы потолковать с вами.

Жена священника поняла, что ей придется хорошенько заставить себя выполнить эту нелегкую повинность. «В конце концов, — подумалось ей, — я всегда могу позвать на помощь Юлиана. Когда люди теряют близких, служитель церкви всегда окажется кстати».

Пожалуй, она не смогла бы сказать ясно, какими она представляла себе мистера и миссис Экклз, однако, приветствуя их, она не могла отделаться от чувства, что сильно удивлена. Мистер Экклз оказался тучным багровощеким мужчиной, который в иных обстоятельствах, вероятно, был жизнерадостным весельчаком. Миссис Экклз наверняка обожала выставлять себя напоказ, хотя сейчас это не слишком бросалось в глаза. Отличительной чертой ее внешности был маленький злой рот с поджатыми губами. Ее голосок звучал высоко и пронзительно.

— Можете сами представить, миссис Хармон, какой это был страшный удар, — произнесла она.

— Конечно, — ответила Пончик, — понимаю.

Прошу вас, садитесь. Могу ли я предложить вам... хотя, пожалуй, для чая еще рановато...

Мистер Экклз сделал протестующий жест пухлой ручкой.

— Нет, нет не утруждайте себя ради нас, — возразил он. — Мы и так вам обязаны; уверяю, вы так любезны. Мы просто хотели... ну... вы понимаете... что там сказал бедняга Вильям и все такое?

— Он долго пробыл за границей, — принялась объяснять миссис Экклз, — и я уверена, что его жизнь там была не сахар. Очень уж он тихим стал, когда вернулся домой, все время в депрессии. Заявлял, что мир не стоит того, чтобы в нем жить, что ему не к чему стремиться и нечего ждать. Бедный Вилли, он вечно хандрил.

Пончик ничего не ответила, но посмотрела на них пристально.

— Представляете, стянул револьвер мужа, — продолжила миссис Экклз через секунду-другую. — Ничего не сказал. Потом приезжает сюда на автобусе. Думаю, очень мило с его стороны. Не захотел сделать это в нашем доме.

— Ах, бедняга, — вздохнул мистер Экклз, — но не нам его осуждать.

Опять повисла короткая пауза, после которой мистер Экклз продолжил:

— Он оставил какую-нибудь записку? Что-либо на прощанье, хоть несколько слов? — И он пристально посмотрел на хозяйку дома ясными глазками, довольно похожими на поросячьи.

Миссис Экклз между тем подалась вперед, словно с нетерпением ожидала ответа.

— Нет, — спокойным голосом ответила Пончик. — Он пришел умирать в церковь, желая найти убежище в святом месте.

— Убежище? — переспросила миссис Экклз, и в ее голосе прозвучало непонимание. — Убежище? Кажется, я не вполне...

Ее перебил мистер Экклз:

— В святом месте, дорогая, — нетерпеливо разъяснил он, — вот что имеет в виду супруга священника. Ты же ведь знаешь, самоубийство — грех. Думаю, он хотел помолиться Богу о прощении.

— Перед самой смертью он пытался что-то сказать, — припомнила Пончик. — «Прошу...» — начал он, да так и не смог закончить.

Миссис Экклз приложила к глазам носовой платок и потянула носом.

— О, господи, — проговорила она. — Как это жутко трогательно, правда?

— Ну полно, полно, Памела, — отозвался муж. —

Не принимай чересчур близко к сердцу. Тут уж ничем не поможешь. Бедный Вилли. Теперь наконец он обрел покой. Большое вам спасибо, миссис Хармон. Надеюсь, мы не слишком оторвали вас от дел. Мы понимаем, как много их у жены священника.

На прощанье они пожали ей руку. Уже уходя, Экклз неожиданно обернулся к ней и сказал:

— Ах да, вот еще что. Надеюсь его одежда у вас?

— Одежда? — нахмурилась Пончик.

— Ну да, — пришла на помощь мужу миссис Экклз, — нам бы хотелось забрать все его вещи. Мы, знаете, так сентиментальны.

— У него в карманах лежали часы, бумажник и железнодорожный билет, — сообщила Пончик. — Я отдала их сержанту Хейесу.

— Тогда все в порядке, — сказал мистер Экклз. — Надеюсь, он их нам передаст. Все, что нам нужно, должно быть в бумажнике.

— Там находилась только однофунтовая банкнота, — возразила Пончик, — больше ничего.

— Никаких писем? Ничего вроде этого?

Пончик покачала головой.

— Что же, тогда еще раз спасибо, миссис Хармон. А вот насчет пиджака — наверно, полицейский

тоже его забрал или как?

Пончик нахмурила брови, напрягая память.

— Нет, — проговорила она. — Кажется, нет... Дайте-ка припомнить. Мы с доктором сняли его, чтобы осмотреть рану. — Она обвела комнату рассеянным взглядом. — Должно быть, я унесла его наверх вместе с тазиком и полотенцами.

— Если не возражаете, миссис Хармон, то мне бы хотелось... Он будет нам дорог... Этот пиджак, видите ли, последняя вещь, которую он носил. Поймите, жена у меня такая сентиментальная по этой части.

— Разумеется, — согласилась Пончик. — Однако не почистить ли мне его сперва? Боюсь, он довольно сильно... как бы... запачкан.

— О нет, нет, нет, это ничего.

Пончик нахмурилась.

— Тогда дайте сообразить, где... Простите, я на минутку. — Она поднялась наверх и вернулась лишь через несколько минут. — Простите, — произнесла она, переводя дыхание. — Женщина, что помогает мне по хозяйству, положила его вместе с другой одеждой, приготовленной для чистки. Я не сразу нашла. Вот он. Сейчас заверну в оберточную бумагу.

Она проделала это, несмотря на протесты, и

после нового прощания, сопровождающегося еще одним излиянием слов благодарности, Экклзы отбыли.

Возвращаясь от входной двери, Пончик медленно пересекла прихожую и прошла в кабинет. Преподобный Юлиан Хармон оторвался от сочинения проповеди и поднял на нее потеплевший взгляд. Он уже было совсем испугался, что его так и оставят блуждать в лабиринтах политических отношений между Иудеей и Персией времен царя Кира.

— Что, дорогая? — произнес он с надеждой.

— Юлиан, — обратилась к нему Пончик. — Объясни мне точно, какова связь между понятиями «убежище» и «святое место».

Юлиан Хармон с благодарным видом отложил в сторону листки с проповедью.

— Видишь ли, — начал он, — святым местом в римских и греческих храмах являлась *целла,* то есть святилище, где помещалась статуя бога. В английском языке с этим словом связано и понятие убежища, ибо латинское слово *ara,* обозначающее «*алтарь*», переводится так же, как «убежище, защита». — В его голосе зазвучали ученые нотки, и он продолжил: — В 399 году от Рождества Христова право на получение убежища в христианских

храмах было признано окончательно и бесповоротно. В Англии наиболее раннее упоминание о праве на убежище в церкви содержится в кодексе законов короля Этельберта, то есть от Рождества Христова в шестьсот...

И он продолжал говорить в том же духе еще какое-то время, но затем, как это часто случалось, его смутило то, с каким видом жена выслушивает его ученые рассуждения.

— Дорогой, — проговорила она, — ты *действительно* прелесть.

И, наклонившись, она поцеловала его в кончик носа. Юлиан ощутил себя собачкой, вознагражденной за умело исполненный хитрый трюк.

— Экклзы у нас уже побывали, — сообщила Пончик.

Ее муж нахмурился.

— Экклзы? Я вроде не помню...

— Ты их не знаешь. Это сестра человека из церкви и ее муж.

— О боже, тебе следовало меня позвать.

— В этом не было необходимости, — возразила Пончик. — Они не нуждались в утешении. Так что хотелось бы мне знать... — Она слегка нахмурила брови. — Если я оставлю тебе завтра в духовке запеканку из риса, мяса и овощей, ты продер-

жишься до моего возвращения? Мне придется съездить в Лондон и мчаться на всех парусах.

— Парусах? — Муж посмотрел на нее непонимающе. — Ты имеешь в виду гонки на яхтах или что-нибудь в этом роде?

Пончик рассмеялась.

— Нет, дорогой. Я хотела сказать, что мне нужно незамедлительно съездить на специальную распродажу холщовых тканей в универмаг Барроуз-энд-Портманз. Ну там, понимаешь, всякие простыни, скатерти, полотенца, салфетки. Не знаю, что мы делаем с нашими салфетками, что они так быстро изнашиваются. Кроме того, — добавила она с задумчивым видом, — думаю, мне следует навестить тетушку Джейн.

Мисс Джейн Марпл, та самая милейшая пожилая леди, о которой шла речь, уже десять дней наслаждалась прелестями столичной жизни, уютно устроившись в расположенной на мансарде квартирке своего племянника.

— Как это мило со стороны моего дорогого Раймонда, — проворковала она. — Они с Джоан уехали на десять дней в Америку и настояли, чтобы я поселилась тут и немножко развлеклась. А теперь, голубушка Пончик, расскажи мне скорей о том, что, судя по всему, тебя очень волнует.

Пончик была у мисс Марпл любимой крестницей, и старушке доставило большое удовольствие наблюдать за тем, как та, сдвинув на самый затылок свою лучшую фетровую шляпку, начала рассказ.

Отчет о происшедшем был ясен и краток. Мисс Марпл кивнула, едва Пончик закончила.

— Понятно, — произнесла она. — Ну да, понятно.

— Вот почему мне так захотелось тебя навестить, — извинилась Пончик. — Я, видишь ли, не так умна...

— Но ты умна, дорогая.

— Нет, вовсе нет. Не так умна, как Юлиан.

— Юлиан, конечно, обладает весьма солидным интеллектом, — не стала спорить мисс Марпл.

— Вот именно, — согласилась Пончик. — У Юлиана интеллект, а у меня же, напротив, способность рассуждать здраво.

— У тебя полно здравого смысла, Пончик, и ты очень смышленая.

— Понимаешь, я никак не могу решить, что мне следует делать. Я не могу посоветоваться с Юлианом, потому что... я имею в виду, Юлиан, он такой прямолинейный.

Мисс Марпл, оказывается, прекрасно поняла,

что хотела сказать ее крестница, и ответила:

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Мы женщины... ну, в общем, совсем другое дело. Однако вернемся к произошедшему. Ты рассказала, что случилось, Пончик, но мне бы сперва хотелось поточнее узнать, что ты думаешь.

— Тут что-то не так, — ответила та. — Тот умирающий в церкви знал все о том, что в этом святом месте он имеет право на убежище. Он произнес те слова как раз так, как это сделал бы Юлиан. То есть он был начитан и образован. И если бы это было самоубийство, он не притащился бы после в церковь и не стал говорить о святом месте. Он явно подразумевал, что имеет право на убежище, что предполагает наличие как преследования, так и веры в то, что в церкви он в безопасности. Преследователи не могут причинить там зло. Когда-то человека не могла там достать даже рука закона.

Она вопросительно посмотрела на мисс Марпл. Та кивнула. Пончик продолжила:

— А Экклзы, которые к нам приезжали, совсем другие. Грубые и невежественные. И вот еще что. Те часы — часы умершего. На задней крышке были инициалы В.С. А внутри — я их открывала — мельчайшими буковками написано: «Вальте-

ру от отца» и дата. *Вальтер.* А Экклзы все время называли его Вильям или Вилли.

Мисс Марпл явно хотела что-то сказать, но Пончик не смогла удержаться и затараторила:

— Конечно же, не всех называют тем именем, под которым они крещены. То есть я хорошо понимаю, что вас могут окрестить Вильямом и называть Порги, или Кэрротс, или как-либо еще. Но сестра не станет называть вас Вильямом или Вилли, если вас зовут Вальтер.

— Ты думаешь, что она не его сестра?

— Я совершенно уверена, что она ему не сестра. Они были ужасны — оба. Они явились в наш дом забрать его вещи и выведать, не сказал ли он что-то перед смертью. Когда я сказала, что нет, они почувствовали облегчение — я поняла это по их лицам. Мне думается, — подытожила Пончик, — что это Экклз его застрелил.

— Убийство? — спросила мисс Марпл.

— Да, — подтвердила Пончик, — убийство. Вот почему я пришла к тебе, дорогая.

Последнее замечание могло бы показаться неуместным для непосвященного, но в определенных кругах за мисс Марпл укрепилась репутация человека, сведущего по части убийств.

— Перед смертью он сказал мне «прошу», —

продолжила Пончик. — Он хотел, чтобы я для него что-то сделала. Самое ужасное, я не имею понятия, что именно.

Мисс Марпл поразмышляла секунду-другую, а затем обратилась к вопросу, который уже приходил в голову ее собеседнице.

— А почему он вообще там оказался? — спросила она.

— Вы намекаете, — проговорила Пончик, — что если вам нужно убежище в святом месте, вы можете заскочить в любую церковь где угодно. Для этого нет нужды садиться в автобус, который ходит лишь четыре раза в день, и выходить в таком глухом местечке, как наше.

— Он обязательно приехал с какой-то целью, — подумала вслух мисс Марпл. — Он явно приехал, чтобы с кем-то встретиться. Чиппинг-Клегхорн совсем небольшая деревушка, Пончик. Тебе, должно быть, самой приходило кое-что в голову насчет того, к кому бы он мог приехать?

Пончик перебрала в памяти обитателей деревушки и в сомнении покачала головой.

— Собственно говоря, — ответила она, — это мог быть кто угодно.

— Он никого не назвал по имени?

— Он произнес имя Юлиан, верней, я подумала,

что он произнес это имя, пожалуй, это могла быть какая-то Юлия. Однако, насколько я знаю, у нас в Чиппинг-Клегхорне вовсе нет никакой Юлии.

Она прищурила глаза, стараясь воскресить в памяти все, что произошло в тот день. Человека, лежащего на ступенях алтаря, свет, льющийся через витраж из красных и синих стеклышек, которые солнце делало похожими на ювелирные украшения из драгоценных камней.

— Ювелирные... — задумчиво произнесла мисс Марпл.

— А теперь, — продолжила Пончик, — я подхожу к самому важному. К тому, из-за чего я сегодня на самом деле и приехала. Понимаешь, Экклзы разыграли целый спектакль, желая заполучить пиджак. Мы сняли его, когда доктор осматривал раненого. То был, наверное, самый старый и поношенный из всех пиджаков — зачем он им понадобился, непонятно. Они притворились, что все дело в сентиментальных воспоминаниях, да это все чепуха. Но все равно я пошла его искать и, когда поднималась по лестнице, вспомнила, как раненый все время схватывал что-то рукой, как будто что-то нащупывал в пиджаке. Так что когда я взяла пиджак в руки, то осмотрела его очень внимательно и увидела, что в одном месте

подкладка пришита заново и другими нитками. Поэтому я ее слегка оторвала и нашла под ней кусочек бумаги. Я ее вынула и снова аккуратно пришила подкладку подходящей по цвету ниткой. Я была очень осторожна и не думаю, чтобы Экклзы догадались, что я это сделала. Мне так *кажется*, но я не могу быть вполне уверена. Потом я спустилась вниз, отдала им пиджак и придумала кое-что, чтобы объяснить, почему задержалась.

— Кусочек бумаги? — переспросила мисс Марпл.

Пончик открыла сумочку.

— Я не стала показывать его Юлиану, — объяснила она, — потому что он бы сказал, что его следует отдать Экклзам. Но я подумала, что лучше привезти его тебе.

— Багажная квитанция, — определила мисс Марпл, внимательно ее разглядывая. — Лондонский вокзал Паддингтон.

— А в кармане у него лежал обратный билет до Паддингтона, — добавила Пончик.

И обе женщины посмотрели друг другу в глаза.

— Это взывает к действию, — решительно заявила мисс Марпл. — Но, думается, следует соблюдать осторожность. А не заметила ли ты, милочка, не шел ли кто за тобой следом, когда ты

сегодня приехала в Лондон?

— Следом! — воскликнула Пончик. — Неужели ты думаешь...

— Знаешь ли, я думаю, это вполне *возможно*, — проговорила мисс Марпл. — А когда что-то возможно, то, мне кажется, следует принять меры предосторожности. — Она резко встала. — Дорогая, ты приехала сюда под предлогом, что тебе нужно сходить на распродажу. Поэтому я считаю, что самым правильным для нас будет *пойти* на распродажу, но, прежде чем нам туда отправиться, возможно, следует кое-что сделать. Полагаю, — добавила мисс Марпл таинственно, — что мне в ближайшее время не понадобится старый костюм из крапчатого твида с бобровым воротником.

Примерно полтора часа спустя две дамы, одетые далеко не лучшим образом и выглядящие довольно потрепанно, со свертками белья под мышками, добытого в нелегкой борьбе, присели в маленьком уединенном кафе под названием «Яблоневая ветвь», чтобы подкрепиться стейком и фасолевым пудингом, за которым последовали яблочный пирог и заварной крем.

— Полотенца для лица настоящего довоенного качества, — с восторгом произнесла мисс Марпл,

учащенно дыша. — И, кстати, на них буква Д. Как повезло, что у Раймонда жену зовут Джоанна. Я отложу их и не буду пользоваться, пока нет особой нужды, и тогда они ей пригодятся, если я преставлюсь раньше, чем ожидаю.

— Мне в самом деле нужны салфетки, — сказала Пончик. — И мне достались по-настоящему дешевые, хоть и не такие, как те, что ухватила передо мной та рыжая тетка.

В этот момент в «Яблоневую ветвь» вошла молодая дама, шикарно одетая и впечатляющая обилием румян и губной помады. Она обвела помещение рассеянным взглядом и спустя секунду-другую подошла торопливым шагом к их столику. Положив у локтя мисс Марпл какой-то конверт, она обратилась к ней:

— Возьмите, мисс, — сказала дама отрывисто.

— Спасибо Глэдис, — ответила мисс Марпл. — Большое спасибо. Вы очень любезны.

— Всегда рада сделать вам одолжение, — проговорила Глэдис. — Эрни постоянно говорит: «Всему хорошему ты научилась у этой твоей мисс Марпл, когда была у нее в услужении». И можете быть уверены, что я всегда готова угодить вам, мисс.

— Какая милая девочка, — отметила мисс Марпл, как только Глэдис вышла. — Такая добрая

и всегда готова прийти на помощь.

Она заглянула в конверт и затем передала его собеседнице.

— А теперь, дорогая, тебе следует быть как можно более осторожной, — напомнила она. — Между прочим, как ты думаешь, в мелчестерском полицейском участке все еще служит тот милый юный инспектор, с которым мне доводилось иметь дело?

— Не знаю, — ответила Пончик. — Наверное.

— Ну а если нет, — проговорила мисс Марпл задумчиво, — я всегда могу позвонить главному констеблю. Уж он-то, думаю, меня помнит.

— Конечно, помнит, — согласилась Пончик. — Попробовал бы кто не запомнить. Другой такой нет. — Она встала.

Приехав на вокзал Паддингтон, Пончик прошла в багажное отделение и протянула квитанцию. Спустя пару секунд ей был вручен довольно потертый старый чемодан, и с ним она проследовала на перрон.

Поездка домой прошла без происшествий. Когда поезд подошел к Чиппинг-Клегхорну, Пончик встала и подняла чемодан. Но едва она вышла из вагона, как подбежавший мужчина внезапно выхватил чемодан и бросился прочь по платформе.

— Стой! — закричала Пончик. — Остановите его, остановите. Он взял мой чемодан.

Контролер, проверявший билеты при входе на перрон на этой захолустной станции, был настоящий тугодум, и едва он промямлил: «Эй вы, послушайте, так нельзя...» — как роскошный удар в грудь откинул его в сторону, и мужчина с чемоданом выбежал со станции. Неподалеку его ждала машина. Засунув в нее чемодан, он уже собирался последовать за ним, но, прежде чем ему удалось это сделать, на его плечо легла рука стража закона, и голос полицейского констебля Абеля произнес:

— Ну, в чем дело?

Тут, запыхавшись, прибежала со станции Пончик.

— Он выхватил мой чемодан. Я с ним только что сошла с поезда.

— Ерунда, — ответил мужчина. — Не понимаю, что имеет в виду эта леди. Это мой чемодан. Это я только что сошел с ним с поезда.

Он непонимающе посмотрел на нее, словно искал справедливости. Никто бы не догадался, что полицейский констебль Абель любил поболтать с миссис Хармон в нерабочее время, обсуждая достоинства и недостатки применения навоза и

костной муки для выращивания роз.

— Так вы говорите, мадам, что это ваш чемодан? — задал вопрос полицейский констебль Абель.

— Да, — отвечала Пончик. — Именно так.

— А вы, сэр?

— А я говорю, чемодан мой.

Мужчина был высок, темноволос и хорошо одет, у него был певучий голос и прекрасные манеры. Из машины раздался женский голос:

— Конечно, это твой чемодан, Эдвин. Я тоже не понимаю, что нужно этой женщине.

— Придется выяснить, — вмешался полицейский констебль Абель. — Если это ваш чемодан, мадам, что, по-вашему, в нем лежит?

— Одежда, — сообщила Пончик. — Длинный крапчатый пиджак с бобровым воротником, два шерстяных джемпера и пара туфель.

— Ну что же, все понятно. — И констебль повернулся к темноволосому мужчине.

— Я костюмер, работаю в театре, — объяснил тот с важным видом. — В этом чемодане находится театральный реквизит, который я привез из Лондона для любительского спектакля.

— Прекрасно, сэр, — сказал полицейский констебль Абель. — Ну а теперь не заглянуть ли нам

внутрь, чтобы выяснить, что же там находится? Можно пройти в полицейский участок, но если вы спешите, то отнесем чемодан обратно на станцию и откроем там.

— Годится, — согласился темноволосый. — Между прочим, меня зовут Мосс, Эдвин Мосс.

Констебль взял чемодан, и они пошли на станцию.

— Мы только пройдем в посылочное отделение, Джордж, — сказал он контролеру.

Полицейский констебль Абель положил чемодан на прилавок посылочного отделения и открыл замок. Чемодан не был заперт. Пончик и мистер Эдвин Мосс стояли по обе стороны от него и обменивались неприязненными взглядами.

— Ага! — произнес полицейский констебль Абель, открывая крышку чемодана.

Внутри его, аккуратно сложенные, лежали длинный, довольно поношенный твидовый пиджак с бобровым воротником, а также два шерстяных джемпера и пара прогулочных туфель.

— Все в точности, как вы сказали, мадам, — отметил полицейский констебль Абель, поворачиваясь к миссис Хармон.

Никто не посмел бы назвать мистера Эдвина Мосса бесчувственным человеком. Его испуг и

раскаяние не знали предела.

— Я страшно извиняюсь, — начал он. — Правда, ужасно извиняюсь. Умоляю поверить мне, дорогая леди, когда я говорю вам, как сильно, сильно я сожалею. Мое поведение было непростительным, совершенно непростительным... — Он посмотрел на свои часы. — Я крайне спешу. Возможно, мой чемодан уехал вместе с поездом, — еще раз приподняв шляпу, проговорил он медоточивым голосом, обращаясь к Пончику: — Пожалуйста, пожалуйста извините меня. — И спешно бросился вон из посылочного отделения.

— И вы позволите ему уйти? — спросила Пончик полицейского констебля Абеля заговорщическим шепотом.

Тот медленно и бесстрастно прикрыл один глаз, словно подмигивая.

— Он не уйдет далеко, мэм. Вернее сказать, он не уйдет далеко без должного наблюдения, если вы понимаете, на что я намекаю.

— О, — облегченно вздохнула Пончик.

— Та пожилая леди звонила по телефону, — поведал полицейский констебль Абель, — Та самая, что приезжала из Лондона несколько лет назад. Умнющая, правда? Однако ну и заваруха была сегодня. Не удивлюсь, если завтра утром

инспектор или сержант наведаются к вам насчет всего этого.

Явился не кто иной, как сам инспектор Крэддок, о котором вспоминала мисс Марпл. Он приветствовал миссис Хармон улыбкой старого друга.

— Опять преступление в Чиппинг-Клегхорне! — воскликнул он жизнерадостно. — У вас тут нет недостатка в сенсациях, не так ли, мисс Хармон?

— Я бы могла без них обойтись, — проговорила Пончик. — Вы пришли задать мне какие-то вопросы или для разнообразия желаете рассказать что-нибудь сами?

— Сперва кое-что расскажу, — пообещал инспектор. — Начну с того, что на мистера и миссис Экклз с некоторых пор уже обратили внимание. Есть основание полагать, что они связаны с несколькими грабежами в Западной Европе. Во-вторых, хотя мистер Экклз действительно имеет брата по фамилии Сэндборн, который недавно вернулся из-за границы, тот человек, которого вчера вы нашли умирающим в церкви, был определенно не Сэндборн.

— Я знала, что это так, — ответила Пончик. — Начать с того, что его звали Вальтер, а не Вильям.

Инспектор кивнул.

— Его звали Вальтер Сент-Джон, и сорок восемь часов назад он сбежал из Черрингтонской тюрьмы.

— Ну разумеется, — прошептала себе под нос Пончик. — Его преследовала рука закона, и он искал убежища в святом месте. — Затем она обратилась с вопросом: — Так что же он сделал?

— Мне придется начать довольно издалека. Это запутанная история. Несколько лет назад некая танцовщица совершала турне, выступая в различных мюзик-холлах. Не думаю, чтобы вы когда-либо о ней слышали, но она специализировалась на некоем сюжете из «Сказок тысяча и одной ночи» под названием «Аладдин в пещере сокровищ». При этом на ней были украшения из фальшивых бриллиантов и больше почти ничего. То была, пожалуй, не бог весть какая танцовщица, но зато она была, как бы это сказать... привлекательна. Так или иначе, некий азиатский принц воспылал к ней очень большой симпатией. Среди всего, что он ей подарил, было великолепное изумрудное ожерелье.

— Те самые знаменитые драгоценные камни раджи? — произнесла Пончик восторженно.

Инспектор Крэддок кашлянул.

— Ну, несколько осовремененная версия, мис-

сис Хармон. Их связь длилась не очень долго и оборвалась, когда вниманием нашего принца завладела некая кинозвезда, чьи запросы оказались уже не столь скромными. Зобейда — под этим именем наша танцовщица выступала на сцене — души не чаяла в своем ожерелье, постоянно его носила, и в конце концов его украли. Оно исчезло из ее театральной гримерной, и мы долго подозревали, что, может быть, она сама организовала его исчезновение. Такое иногда проделывали, чтобы привлечь к себе внимание или даже по мотивам еще более бесчестным. Ожерелье так и не нашли, но во время расследования внимание полиции привлек этот самый Вальтер Сент-Джон. Он был человек образованный и получил хорошее воспитание, но затем разочаровался в жизни, опустился и стал работать на ювелирную фирму с довольно сомнительной репутацией, которую подозревали в том, что она служит ширмой для продажи краденых драгоценностей. Были основания полагать, что ожерелье прошло через его руки. В конце концов, он предстал перед судом, был осужден и попал в тюрьму, правда, совсем по другому делу, связанному с кражей других ювелирных изделий. Ему оставалось отсидеть совсем немного, так что его побег оказался для

всех довольно неожиданным.

— Но почему он приехал сюда? — спросила Пончик.

— Нам бы самим очень хотелось это знать, миссис Хармон. Его злоключения, по-видимому, начались с того, что он сперва поехал в Лондон. Он не навестил никого из своих старых знакомых, но побывал у одной старушки по имени миссис Джекобс, которая раньше работала театральной костюмершей. Та не сказала ни слова о том, зачем он к ней приезжал, но, согласно показаниям соседей, он ушел от нее с чемоданом.

— Понятно, — догадалась Пончик, — он оставил его в камере хранения на вокзале Паддингтон, а затем приехал сюда.

— К тому времени, — продолжил инспектор Крэддок, — Экклз и его сообщник, называвший себя Элвин Мосс, уже шли по его следу. Им хотелось заполучить тот чемодан. Они видели, как он садился в автобус. Должно быть, они обогнали его на автомобиле и следили, где и когда он сойдет.

— А потом убили? — спросила Пончик.

— Именно, — ответил Крэддок. — Стреляли в него. Револьвер принадлежал Экклзу, но я склонен полагать, что стрелял Мосс. А теперь, миссис Хармон, нам очень хотелось бы знать, где

находится тот самый чемодан, который Вальтер Сент-Джон на самом деле оставил на Паддингтонском вокзале?

Пончик улыбнулась.

— Скорее всего, тетушка Джейн уже его получила, — проговорила она, — Я хочу сказать — мисс Марпл. Это был ее план. Она послала свою бывшую служанку с чемоданом, куда положила свои вещи, в багажное отделение на вокзале, и мы поменялись квитанциями. Я забрала ее чемодан и поехала с ним на поезде. Она явно ожидала, что его у меня попытаются отобрать.

Теперь настал черед инспектора Крэддока улыбнуться.

— Так она и сказала, когда позвонила. Я еду в Лондон, чтобы встретиться с ней. Кстати, хотите поехать со мной, миссис Хармон?

— Ну-у... — протянула Пончик раздумывая, — ну-у... собственно говоря, это очень кстати. Прошлым вечером у меня болел зуб, так что мне действительно нужно съездить в Лондон и посетить моего зубного врача, правда?

— Определенно, — заверил ее инспектор Крэддок.

Мисс Марпл перевела взгляд с лица инспектора Крэддока на порозовевшее от волнения лицо

миссис Хармон. Чемодан лежал на столе.

— Конечно, я не открывала его, — заверила пожилая леди. — Я не осмелилась и помыслить об этом до прибытия официального лица. Кроме того, — добавила она с притворно застенчивой и одновременно озорной улыбкой, которая так часто украшала юных девиц во времена королевы Виктории, — он заперт.

— Хотите попробовать угадать, что там внутри, мисс Марпл? — осведомился инспектор.

— Я бы, пожалуй, предположила, — проговорила мисс Марпл, — что здесь окажутся театральные костюмы Зобейды. Дать вам долото, инспектор?

Долото действительно пригодилось. Едва чемодан приоткрылся, как обе дамы тихонько вздохнули от изумления. Льющийся из окна солнечный свет осветил то, что показалось им неимоверным сокровищем, — целую груду искрящихся драгоценных камней, красных, голубых, зеленых, оранжевых.

— Пещера Аладдина, — выдохнула мисс Марпл. — Блестящие камушки, в которых девочка так любила танцевать.

— Да, — проговорил инспектор Крэддок. — Но, как вы думаете, чего в них настолько привлекательного, что потребовалось убить человека,

чтобы их заполучить?

— Полагаю, она была умной девушкой, — проговорила мисс Марпл задумчиво. — Кажется, инспектор, она умерла?

— Да, три года назад.

— И она обладала таким замечательным изумрудным ожерельем, — сказала мисс Марпл, продолжая размышлять. — Наша танцовщица вынула камни из оправы и прикрепила их то здесь, то там на свой театральный костюм, где их можно было принять за цветные стекляшки. Затем она сделала дубликаты, вот их-то и украли. Неудивительно, что ожерелье никто не пытался продать. Вор вскорости обнаружил, что камни поддельные.

— Здесь лежит конверт, — сообщила Пончик, отодвигая в сторону часть блестящих стразов.

Инспектор Крэддок взял письмо из ее рук и вынул два листка, похожих на документы.

— «Свидетельство о браке между Вальтером Эдмундом Сент-Джоном и Мэри Мосс», — прочел он вслух. — Это было настоящее имя Зобейды.

— Так, значит, они поженились, — проговорила мисс Марпл. — Понятно.

— А что там еще? — спросила Пончик.

— Свидетельство о рождении их дочери Юлии.

— Юлии? — воскликнула Пончик. — Ну конечно, Юлия! Крошка *Жюли*! Вот оно что. Теперь понятно, зачем он приехал в Чиппинг-Клегхорн. Вот что он пытался мне сказать. Юлия. Ведь вы знаете семью Мунди. Они живут на вилле Лабурнум, присматривают за чьей-то девчушкой. Очень привязаны к ней. Она им как внучка. Конечно, теперь я вспомнила, ее действительно звали Юлия, да только теперь они и все остальные зовут ее только Жюли. С миссис Мунди с неделю назад случился удар, а старик очень болен, у него воспаление легких. Они оба собирались ложиться в больницу. Мне пришлось немало похлопотать, чтобы найти для Жюли хорошую семью, где она смогла бы пожить. Я не хотела, чтобы ее забрали в приют. Наверно, ее отец узнал об этом в тюрьме и потому сбежал, а затем ему удалось получить чемодан у старой костюмерши, у которой его оставил он или его жена. Думаю, если драгоценные камни действительно принадлежали ее матери, то теперь их можно использовать, чтобы устроить судьбу девочки.

— Почему бы и нет, миссис Хармон. Если только они действительно здесь.

— А где же им еще быть! — весело воскликнула мисс Марпл.

— Слава богу, ты наконец вернулась, — облегченно вздохнул преподобный Юлиан Хармон, приветствуя милую и ненаглядную женушку. — Миссис Берт, когда тебя нет, старается как может, однако на ленч она мне подала ну очень уж необычные пирожки с рыбой. Я не хотел ее огорчать, но даже Тиглатпаласар не мог их есть, так что пришлось выбросить их в окно.

— Тиглатпаласар, — проговорила Пончик, поглаживая кота, вскочившего ей на колени и замурлыкавшего, — ну очень уж разборчив по части рыбы. И я частенько ему говорю, что нельзя быть таким привередой!

— А как твой зуб, дорогая? С ним все в порядке?

— Да, он почти не болел, и я опять навестила тетушку Джейн...

— Прелестная старушка, — перебил ее муж. — Кажется, за последнее время она совершенно не постарела.

— Ни чуточки, — улыбнулась Пончик.

На следующее утро Пончик принесла в церковь новую охапку хризантем. Солнечный свет опять проникал туда через восточное окно, и Пончик опять стояла на ступенях алтарного возвышения в его лучиках — разноцветных, как огоньки на

усеянных камнями ювелирных украшениях. И она проговорила едва слышным голосом:

— С твоей дочуркой все будет хорошо. Я позабочусь об этом. Обещаю.

Затем, прибравшись в церкви, она прошла на свое обычное место и, преклонив колени, помолилась немного, прежде чем отправиться домой расхлебывать последствия двухдневного пренебрежения обязанностями хозяйки.

Необычная шутка

— А это... — произнесла Джейн Хелиер, заканчивая представлять гостей, — это мисс Марпл!

Да, будучи актрисой, она умела поставить точку. При наивысшем взлете, настоящий триумфальный финал. Особый эффект производила и сама необычность ситуации: особа, присутствие коей столь гордо провозглашалось, была всего-навсего скромной и несколько нескладной пожилой леди, да к тому же старою девой. В глазах молодой пары, которая только что познакомилась с нею благодаря любезности Джейн, появились недоверие и намек на унынье. Они прекрасно смотрелись: девушка по имени Чармиан Строуд, стройная и темноволосая, и молодой человек, Эдвард Росситер, добродушный блондин гигантского роста.

— О! — произнесла Чармиан, слегка волнуясь. — Мы так рады с вами познакомиться. — Но сомнение в ее глазах осталось. Она бросила быстрый, вопрошающий взгляд на Джейн Хелиер.

— Милочка, — словно отвечая на него, возразила Джейн. — Она совершенно *изумительна*. Предоставьте все ей. Я обещала вам ее привести,

и вот она здесь. — Затем она обратилась к мисс Марпл: — Я знаю, что *вы* для них все устроите. Для *вас* это будет просто.

Мисс Марпл устремила безмятежный взор ясных голубых глаз на мистера Росситера.

— Не расскажете ли вы мне, — проговорила она, — о чем, собственно, идет речь?

— Джейн — наш друг, — нетерпеливо вступила Чармиан. — Мы с Эдвардом оказались в довольно затруднительном положении. Джейн сказала, если мы придем к ней в гости, она представит нас кое-кому, кто... кто, может быть... кто смог бы...

Эдвард пришел ей на помощь:

— Джейн рассказала, что вы несравненный сыщик, мисс Марпл!

Глаза пожилой леди блеснули, однако она скромно запротестовала:

— О нет, нет, ничего подобного, просто если живешь в деревне, как я, то узнаешь о человеческой природе так много. Но вы меня действительно заинтриговали. Давайте-ка расскажите, что у вас там произошло.

— Увы, это так банально, речь идет всего-навсего о зарытых сокровищах, — начал свою историю Эдвард.

— В самом деле? Звучит прямо захватывающе!

— Ну да. Словно «Остров сокровищ». Однако наш случай начисто лишен обычного в таком деле духа романтики. Ни значка на карте, ни черепа и перекрещенных костей, ни указаний, типа «четыре шага налево к северо-западу». Все крайне прозаично: нужно выяснить, где копать.

— А вы уже пробовали?

— Мы, знаете ли, вскопали уже почти целый гектар! Вся земля в поместье готова к высадке в грунт овощной рассады. Нам только осталось обсудить, что мы начнем поставлять на рынок, цукини или картофель.

— Однако, — прервала его Чармиан, — может быть, мы действительно расскажем вам обо всем по порядку?

— Ну разумеется, дорогая.

— Тогда давайте найдем укромный уголок, пойдем, Эдвард. — И она пошла впереди них через полную людей комнату, где витали клубы табачного дыма, а затем провела вверх по лестнице в маленькую гостиную на третьем этаже.

Когда они сели, Чармиан приступила к рассказу:

— Итак, дело вот в чем! — произнесла она отрывистым голосом. — Все началось во времена, когда жил дядюшка Мэтью; то был наш, как бы

это сказать ... прапрадядя, так, что ли?.. Он был невероятно стар. Из всех родственников у него остались только Эдвард и я. Он очень любил нас и всегда заявлял, что, когда умрет, оставит деньги нам, поделив поровну. Ну хорошо, он умер в марте этого года и оставил все, что у него было, мне и Эдварду. То, что я сейчас сказала, показалось вам, наверное, бессердечным... Я не хотела сказать, что мы обрадовались его смерти, собственно, мы очень любили его. Но он долго болел.

И вообще дело в том, что пресловутое «все», оставленное им, оказалось практически ничем. Честно говоря, это оказалось для нас своего рода ударом. Правда, Эдвард?

Добродушный Эдвард подтвердил.

— Видите ли, — пояснил он, — мы на эти деньги немного рассчитывали. Понимаете, когда знаешь, что в будущем тебя ожидает солидная сумма, то ты... как бы сказать... не очень-то вкалываешь и не стараешься заработать деньги своим горбом. Я служу в армии, так что о каком-то приработке к жалованью и говорить нечего, а у самой Чармиан тоже нет ни гроша. Она работает помощником режиссера в репертуарном театре, работа интересная, ей нравится, но совершенно не денежная. У нас были планы по части брака,

но мы не тревожились о денежной стороне, потому что оба знали, что в один прекрасный день станем обеспеченными людьми.

— А теперь, как видите, ими не стали! — воскликнула Чармиан. — А что хуже всего, нам потребуется, возможно, продать Анстейз, фамильное поместье, а я и Эдвард очень его любим. И Эдвард, и я чувствуем, что просто не вынесем этого! Но если мы не найдем деньги дядюшки Мэтью, придется это сделать.

— Но послушай, Чармиан, — вмешался Эдвард, — мы все еще так и не подошли к самому главному.

— Ну тогда говори ты.

— Так вот, понимаете ли, — обратился Эдвард к мисс Марпл, — по мере того, как дядюшка Мэтью становился все дряхлее, он проявлял все больше и больше подозрительности, не доверял никому.

— Очень разумно с его стороны, — заметила мисс Марпл. — Порочность человеческой природы не знает предела.

— Возможно, вы и правы. Как бы там ни было, дядюшка Мэтью считал именно так. У него был друг, который потерял деньги, вложив их в банк, и еще один друг, которого разорил адвокат, скрывшийся с его деньгами, да и он сам

потерял кое-что при злонамеренном банкротстве одной компании. Он дошел до того, что принялся утверждать, будто единственный здравый и безопасный способ сохранить деньги — это превратить их в наличность и закопать.

— Ага, — произнесла мисс Марпл, — начинаю понимать.

— Так вот. Друзья спорили с ним, доказывали, что при этом он не получит доход по процентам, но он стоял на своем, говоря, что ему наплевать. Основную часть состояния, заявлял он, нужно хранить в ящике, «засунутом под кровать или закопанном в саду». Таковы были его слова.

— А когда он умер, — продолжила Чармиан, — после него почти ничего не осталось ни на банковских счетах, ни в ценных бумагах, хотя он был очень богат. Так что мы думаем, что он так и поступил, как собирался.

Эдвард счел нужным пояснить:

— Мы узнали, что он продал ценные бумаги и время от времени у него на руках оказывались большие суммы, но никто не знает, что он с ними делал. Так что кажется весьма вероятным, что он действительно претворял в жизнь свои принципы и на самом деле покупал золото и зарывал его.

— Он ничего не сказал перед смертью? Какие-нибудь бумаги, письмо?

— Нет. И это просто сводит с ума. Он лежал несколько дней без сознания, но пришел в себя перед смертью. Посмотрел на нас и ухмыльнулся — очень слабый, но все же смешок. «У *вас* все будет хорошо, дорогие мои голубки». Затем он прикрыл глаз — правый глаз — и подмигнул. А потом умер. Бедный дядюшка Мэтью.

— Прикрыл глаз, — задумчиво проговорила мисс Марпл.

— Это вам что-нибудь говорит? — нетерпеливо спросил Эдвард. — Я было подумал об истории с Арсеном Люпеном, когда что-то было спрятано у кого-то в стеклянном глазу. Но у дядюшки Мэтью не было стеклянного глаза.

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет... Сейчас мне трудно что-нибудь предположить.

Чармиан выглядела разочарованной.

— Джейн говорила, вы *сразу* скажете где копать!

Мисс Марпл улыбнулась.

— Видите ли, я не волшебница, я не знала вашего дядю, не знаю, что он был за человек, не знаю дома и поместья.

— А если бы вы все это узнали? — спросила Чармиан.

— Пожалуй, тогда найти разгадку будет совсем легко, как вы думаете? — отозвалась мисс Марпл.

— Легко! — вскричала Чармиан. — Приезжайте сами в Анстейз и посмотрите, как это легко!

Возможно, она не ожидала, что приглашение будет воспринято всерьез, но мисс Марпл оживилась и заявила:

— А и вправду, моя дорогая; как это мило с вашей стороны. Всегда мечтала поискать зарытое сокровище. Ну и конечно, — добавила она с лучезарной поздневикторианской улыбкой, — получить при этом неплохой процент!

— Теперь вы видите сами! — воскликнула Чармиан, сопровождая слова выразительным жестом.

Они уже завершали большое турне вокруг поместья Анстейз. Обошли огород, который избороздили траншеи. Прошли по рощицам, где каждое мало-мальски взрослое деревце было кругом окопано. И бросили печальный взгляд на усеянную ямами поверхность когда-то ровной лужайки. Побывали они также на чердаке, где стояли, словно распотрошенные грабителями,

старые чемоданы и сундуки. Довелось им побывать и в подвалах, где тут и там валялись плиты, которыми некогда был вымощен пол, будто вырванные неведомой силой со своих насиженных мест. Стены дома они обмерили и простучали. И каждый более или менее старый предмет обстановки, в котором имелся или мог иметься потайной ящик, был тщательно обследован.

На столе в кабинете они видели груду бумаг — здесь были все бумаги, что остались от покойного Мэтью Строуда. Ни одна не была уничтожена, у Чармиан и Эдварда уже выработалась привычка снова и снова перебирать их, внимательно перечитывая счета, приглашения и деловую корреспонденцию в надежде отыскать хоть какой-то, не замеченный прежде ключ.

— Как вы думаете, может быть, мы все-таки что-нибудь пропустили во время поисков? — Чармиан посмотрела на собеседницу вопросительно и с надеждой.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вы отнеслись к поискам очень добросовестно, дорогая. Пожалуй, если позволите высказать мое мнение, немножко *чересчур* добросовестно. Я, знаете ли, всегда считала, что во всем нужен план. Все это напомнило мне историю моей по-

други, миссис Элдритч. У нее была милая крошка горничная, которая потрясающе натирала мастикой линолеум, но она не знала меры ни в чем и однажды так сильно натерла пол рядом с ванной, что, когда миссис Элдритч, помывшись, встала на пробковый коврик, тот заскользил, и она упала, сильно разбилась и даже сломала ногу! Ей очень не повезло, тем более что дверь ванной комнаты была, разумеется, заперта, и садовнику пришлось приставлять лестницу и залезать в окно — можете представить, как это расстроило миссис Элдритч, ведь она была всегда крайне стыдлива.

Эдвард нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Мисс Марпл быстро проговорила:

— Пожалуйста, простите меня. Я слишком легко отклоняюсь от темы. Но так часто одни вещи напоминают другие. Иногда это наводит на верную мысль. А я лишь хотела сказать, что если бы мы постарались сосредоточиться и подумали хорошенько, в каком подходящем месте...

— Подумайте за нас, мисс Марпл, — сердито произнес Эдвард. — В данный момент мой мозг и мозг Чармиан зияют очаровательной пустотой!

— Успокойтесь, дорогой, успокойтесь. Конечно, на вас столько свалилось. Если не возражаете,

я просмотрю все это. — И она указала на стол с бумагами. — Разумеется, если в них нет ничего личного. Не хочу, чтобы выглядело так, будто я лезу в чужие тайны.

— О, не беспокойтесь. Но, боюсь, вы ничего не найдете.

Она присела к столу и принялась методично перебирать бумаги из разных связок. Каждый раз, взяв следующую, она, едва взглянув, сортировала документы на небольшие аккуратные стопки. Закончив, она какое-то время сидела неподвижно, глядя в пространство перед собой.

— И что дальше, мисс Марпл? — спросил Эдвард не совсем беззлобно.

Мисс Марпл слегка вздрогнула и, казалось, очнулась.

— Прошу прощения. Задумалась. Спасибо.

— Вы обнаружили что-нибудь стоящее?

— Не то чтобы очень, но, полагаю, теперь я, наконец, поняла, что за человек был ваш дядюшка Мэтью. Он похож на моего дядю Генри. Любил незамысловатые шутки. Понятное дело, холостяк... Интересно, в чем дело... Может, раннее разочарование? Любил систему во всем, все по полочкам, все по правилам, но терпеть не мог всему этому следовать — таковы некоторые холостяки!

Стоявшая у мисс Марпл за спиной Чармиан сделала Эдварду знак, говорящий: «*Она тронулась*».

К счастью, мисс Марпл продолжала говорить о покойном дяде Генри:

— Обожал, знаете ли, каламбуры. А многих людей они как раз больше всего и раздражают. Знали бы вы, как может действовать на нервы простая игра слов. И, кстати, он тоже был очень подозрителен. Все время считал, что слуги его обкрадывают. Конечно, порой случалось и это, но ведь не постоянно. Бедняга, это его так угнетало. В конце концов, он стал их подозревать в том, что они покушаются на его пищу, и в результате отказался есть что-нибудь, кроме вареных яиц! Говорил, что никто не отщипнет от них ни кусочка и не залезет внутрь. Милый дядя Генри, когда-то он был таким весельчаком... обожал кофе после обеда. Всегда говорил, допив чашку: «Здесь мало ваты», — подразумевая, как вы догадываетесь, что в чашке его помещается маловато и хотелось бы выпить еще.

Эдвард почувствовал, что если услышит еще что-нибудь о дяде Генри, то сойдет с ума.

— И кстати, очень любил молодежь, — продолжила мисс Марпл, — но был склонен слегка ее подразнить, если вы понимаете, к чему я клоню.

Обожал расставлять мешочки с конфетами там, где ребятишкам никак было их не достать.

Отбросив вежливость, Чармиан проговорила:

— То, что вы говорите, невыносимо!

— Вовсе нет, милая, просто он был старый холостяк и, знаете ли, не привык к детям. На самом деле он был совсем не дурак. Обычно он хранил в доме уйму денег и завел для них сейф. Вечно хвастался напропалую тем, до чего он безопасный. В результате всех этих его разговоров однажды ночью к нему вломились грабители и при помощи какого-то химического средства проделали в сейфе дырку.

— Так ему и надо, — буркнул Эдвард.

— Да там ничего ведь не оказалось, — возразила мисс Марпл. — Понимаете, на самом деле он хранил деньги совсем в другом месте, а если хотите знать где, то это было в библиотеке, за многотомным собранием проповедей. Говорил, что никто на земле не возьмет с полки такую книгу!

— Послушайте, — с волнением перебил ее Эдвард. — А ведь это мысль. Как насчет библиотеки?

Но Чармиан лишь презрительно покачала головой:

— Думаешь, это не пришло мне в голову? В

прошлый вторник я пересмотрела все книги, пока ты был в Портсмуте. Брала, перетряхивала. Нигде ничего.

Эдвард вздохнул. Затем поднялся со стула и попробовал потактичнее избавиться от не оправдавшей доверия гостьи:

— С вашей стороны было очень любезно приехать из Лондона и попытаться нам помочь. Жаль, что ничего из этого не вышло. Боюсь, мы злоупотребили вашей добротой, и вы только зря потратили время. Так что давайте-ка я выведу из гаража машину, и мы еще успеем к поезду, который в три тридцать...

— Однако, — возразила мисс Марпл, — нам все-таки нужно отыскать деньги, как вы думаете? Нельзя сдаваться, мистер Росситер. Если не получилось с первого раза, надо попробовать еще и еще.

— Вы хотите сказать, что собираетесь... хотите попробовать еще раз?

— Честно говоря, — ответила мисс Марпл, — я еще и не начинала. «Сперва поймайте зайца, а уж затем...» — как писала в своей поваренной книге миссис Витон; прекрасная книга, вот только, чтобы готовить по ней, нужна уйма денег; большинство рецептов начинаются просто устра-

шающе, например: «Возьмите кварту сливок и дюжину яиц»... Да, кстати, о чем это я говорила? Ах да. Мы, так сказать, должны изловить нашего зайца, в том смысле, конечно, что зайцем является дядюшка Мэтью, и остается только решить, куда он мог спрятать деньги. Отгадка должна быть очень простой.

— Простой? — переспросила Чармиан.

— Конечно, милочка. Уверена, он не способен ни на что замысловатое. Какой-нибудь потайной ящик, я, скорее всего, предположила бы это.

— Но вы не можете положить туда слитки золота, — сухо возразил Эдвард.

— Это само собой разумеется. Но нет никаких причин считать, что деньги обращены в золото.

— Он всегда говорил...

— Мой дядя Генри тоже много рассказывал о своем сейфе! Так что у меня есть сильные основания полагать, что он делал это лишь для отвода глаз. Бриллианты... вот они прекрасно поместились бы в потайной ящик.

— Но мы обыскали их все. Мы даже пригласили краснодеревщика, чтобы тот осмотрел всю мебель.

— Правда, милочка? Очень разумно с вашей стороны. Думаю, особое внимание ему следовало

уделить письменному столу вашего дяди. Не стоял ли где-нибудь у стены в его кабинете высокий секретер?

— И теперь стоит. Идемте, я вам покажу.

Чармиан провела ее в кабинет к секретеру и опустила откидную столешницу. Их взору предстали ящички и отделения для бумаг. Она открыла находящуюся в центре дверцу и дотронулась до потайной пружины в левом ящичке. Нижняя доска центральной ниши щелкнула и подалась вперед. Чармиан выдвинула ее, открыв оказавшееся под нею небольшое углубление. Там ничего не было.

— Какое совпадение! — воскликнула мисс Марпл. — У дяди Генри был в точности такой же секретер, только тот был из орехового дерева, а этот из черного.

— Так или иначе, — проговорила Чармиан, — здесь ничего нет, как вы можете сами убедиться.

— Думаю, — улыбнулась мисс Марпл, — ваш краснодеревщик еще зелен. Он многого не знает. В прежние времена мастера были очень изобретательны, когда создавали тайники. Есть такая вещь, как двойной тайник.

Она извлекла шпильку из аккуратного пучка своих седых волос. Разогнув ее, она вставила кон-

чик в то, что казалось маленькой червоточиной в боковой стенке потайного углубления. С небольшим усилием она потянула на себя и вытащила маленький ящичек. Там была пачка пожелтелых писем и сложенная записка.

Эдвард и Чармиан одновременно потянулись к находке. Трясущимися пальцами Эдвард развернул листок, затем бросил его с отвращением, воскликнув:

— Чертов кулинарный рецепт. Жареная дичь!

В это время Чармиан развязала ленточку, связывающую письма. Она взяла одно письмо из пачки и взглянула на него.

— Любовные письма!

Мисс Марпл отреагировала с поистине викторианским запалом:

— Как интересно! Возможно, здесь разгадка, почему ваш дядя так и остался холостым.

Чармиан принялась читать вслух:

— «Милый Мэтью, кажется, будто прошла вечность с тех пор, как я получила твое последнее письмо. Я пытаюсь развлечь себя выполнением разнообразных возложенных на меня поручений и часто думаю о том, как мне повезло, что я смогла увидать так много разных мест на земном шаре, хотя ни о чем таком и не помышляла, когда

отправлялась в Америку; кто знал, что судьба забросит меня на эти далекие острова!»

Чармиан прервала чтение.

— Откуда оно пришло? Ах да! Гавайи! — она продолжила чтение: — «Увы, здешние дикари все так же далеки от того, чтобы узреть свет веры. Они ходят без одежды и ведут примитивный образ жизни, большую часть времени занимаясь плаванием и танцами да еще тем, что украшают друг друга цветочными гирляндами. Мистер Грей обратил нескольких из них на путь истинный, но это сизифов труд, а потому он и миссис Грей очень расстраиваются. Я стараюсь делать все, чтобы подбодрить и воодушевить его, но и я часто бываю грустна по причине, о которой ты можешь догадаться, мой дорогой Мэтью. Увы, разлука — суровое испытание для любящих сердец. Твое последнее письмо, где ты опять признаешься в любви и клянешься в верности, сильно подбодрило меня. Мое верное и преданное сердце всегда будет принадлежать тебе, дорогой Мэтью, и я остаюсь любящей тебя

Бэтти Мартин.

P.S. Как и обычно, я посылаю это письмо в конверте, адресованном на имя нашего общего друга Матильды Могилс. Надеюсь, что Бог простит меня

за эту маленькую ложь».

Эдвард присвистнул:

— Миссионер в юбке! Так вот с кем у дядюшки Мэтью был роман. Хотел бы я знать, почему они так и не поженились?

— Похоже, она объехала весь свет, — сказала Чармиан, просматривая письма. — Маврикий... и так далее, и тому подобное. Скорее всего, умерла от желтой лихорадки или чего-то вроде этого.

Раздавшийся сдержанный смешок заставил их вздрогнуть. Мисс Марпл что-то явно развлекло.

— Ну и ну, — произнесла она. — Только представьте себе!

Она читала рецепт жареной дичи. Заметив их вопрошающие взгляды, она зачитала:

— «Жареная дичь. Возьмите подходящую утку, начините яблоками и посыпьте коричневым сахаром. Запеките в духовке на медленном огне, подавайте, полив постным маслом». Ну, как вам это?

— Думаю, даже звучит мерзко, — ответил Эдвард.

— Нет, нет, на самом деле это будет, пожалуй, очень хорошо, но что вы думаете обо всем этом в целом?

Внезапно лицо Эдварда просияло внутренним

светом.

— Вы думаете, это шифр, своего рода криптограмма? — Он выхватил листок. — Послушай, Чармиан, а ведь и вправду, все может быть! Иначе какой смысл хранить кулинарный рецепт в тайнике?!

— Именно, — подтвердила мисс Марпл. — Это о многом, очень многом говорит.

— Я знаю, — вмешалась Чармиан, — в чем тут может быть дело: невидимые чернила! Давайте нагреем. Включайте электрокамин.

Эдвард поспешил выполнить ее распоряжение, но никаких признаков тайнописи при воздействии тепла не проявилось.

Миссис Марпл покашляла.

— Мне все-таки кажется, что вы, пожалуй, *чересчур* усложняете. Этот рецепт всего лишь намек, если можно так выразиться, а вот письма действительно очень важны.

— Письма?

— И в особенности, — проговорила мисс Марпл, — подпись.

Но Эдвард вряд ли услышал ее слова.

— Чармиан! Гляди! — закричал он в крайнем возбуждении. — Она права. Смотри, конверты старые, все точно, а сами письма были написаны

гораздо позже.

— Вот именно, — вставила мисс Марпл.

— Они старые понарошку! Спорю на что угодно, дядюшка сам их подделал...

— Точно, — подтвердила мисс Марпл.

— Все это в целом сплошное надувательство. Никогда не было никакой миссионерши. Это наверняка некий шифр.

— Милые, дорогие дети, ну для чего, зачем вы все так усложняете. Ведь на самом деле ваш дядюшка был человек очень даже незамысловатый. Ему захотелось слегка пошутить, вот и все.

Впервые Эдвард и Чармиан слушали то,что им говорит мисс Марпл, с полным вниманием.

— Но что конкретно вы хотите этим сказать? — спросила Чармиан.

— Я хочу сказать, дорогая, что сейчас вы фактически держите деньги в руках.

Чармиан посмотрела на письма.

— Подпись, дорогая. Она все объясняет. Рецепт лишь подсказка. Уберите яблоки, сахар и все прочее, тогда что остается *на самом деле*? Ну конечно, утка, то есть чушь на постном масле. Понимаете — ерунда, вздор! Поэтому ясно, что следует обратить внимание именно на письма. А кроме того, вспомните и учтите, что сделал

дядюшка перед самой смертью. Вы говорите, он подмигнул. Вот и пожалуйста, это и дает в руки ключ к разгадке, все понятно.

— Кто сходит с ума, мы или вы? — проговорила Чармиан.

— Думаю, дорогая, вам приходилось слышать английскую поговорку, означающую несоответствие истинному положению вещей, или она у нынешней молодежи совсем вышла из обихода? «Все это мой глаз да Бэтти Мартин», что значит: «Все это одна видимость».

Эдвард от удивления приоткрыл рот, и его взгляд остановился на письме, которое он держал в руках.

— Бэтти Мартин...

— Разумеется, мистер Росситер. Как вы совершенно верно заметили, такой нет и никогда не существовало. Письма написаны вашим дядей, и, осмелюсь предположить, он хорошо повеселился, когда их сочинял! Как вы уже упомянули, надписи на конвертах гораздо старше, и конверты, разумеется, взяты от других писем, об этом вы можете судить хотя бы по тому, что на том конверте, что у вас в руках, наклеена марка 1851 года.

Здесь мисс Марпл выдержала паузу. Она постаралась сделать ее достаточно выразительной.

— Тысяча восемьсот пятьдесят первый. По-моему, это все объясняет.

— Кому угодно, только не мне, — возразил Эдвард.

— И не удивительно, — проговорила мисс Марпл, — признаюсь, я бы тоже не поняла; слава богу, меня в свое время просветил мой внучатый племянник Лайонел. Прелестный парнишка и страстный собиратель марок, знает о них все. Он-то и рассказал мне о редких и дорогих марках и о том, что на аукционе появилась удивительная находка. Я хорошо запомнила, как он упоминал одну марку, *голубую двухцентовую* тысяча восемьсот пятьдесят первого года. Кажется, она стоила что-то порядка двадцати пяти тысяч долларов. Вообразите! Полагаю, другие марки должны быть такими же редкими и дорогими. Не сомневаюсь, ваш дядюшка купил их через агентов и тщательно «замел следы», как пишут в детективных рассказах.

Эдвард издал стон. Затем сел и закрыл руками лицо.

— Что такое? — встревожилась Чармиан.

— Ничего. Я лишь вдруг ужаснулся мысли, что если бы не мисс Марпл, мы вполне могли бы сжечь эти письма как неприличные, да еще

уважать себя за благородный поступок!

— О да, — согласилась мисс Марпл, — как раз этого и не понимают старые джентльмены, обожающие свои шуточки. Помнится, дядя Генри послал своей любимой племяннице на Рождество пятифунтовую банкноту. Положил ее в рождественскую открытку, заклеил края, а сверху надписал: «С любовью и наилучшими пожеланиями. Боюсь, это все, что я в этом году могу себе позволить». Бедная девочка расстроилась, в душе обозвала его подлецом и бросила открытку в огонь, так что потом ему пришлось подарить ей то же самое еще раз.

Чувства Эдварда к дяде Генри преобразились внезапно и полностью.

— Мисс Марпл, — произнес он торжественным тоном, — я сейчас принесу бутылку шампанского. И мы выпьем за здоровье дяди Генри.

Мерка смерти

Мисс Политт взялась за большое железное кольцо — из тех, что в Англии украшают парадную дверь, одновременно служа колотушкой и чем-то вроде дверного звонка, — и вежливо постучалась. Немного подождав, она постучалась опять. При этом сверток, придерживаемый левой рукой, выскользнул, и она поправила его. В нем находилась обнова для миссис Спенлоу — зеленое зимнее платье, готовое для примерки. На левой руке у мисс Политт висела также черная шелковая сумочка, в которой лежали портновский метр, подушечка для булавок и удобные большие ножницы.

Мисс Политт была высокой, худощавой и остроносой особою с вечно поджатыми губами и редкими седыми, со стальным отливом волосами.

Прежде чем постучать в дверь кольцом в третий раз, пришедшая помедлила. Обернувшись, она посмотрела вдоль домов и увидала, что по улице кто-то быстро идет в ее сторону.

— Добрый день, мисс Политт, — громко прозвучал низковатый женский голос, и к ней подошла

мисс Хартнелл, добродушная, но словно траченная молью дама лет пятидесяти.

— Добрый день, мисс Хартнелл, — отозвалась портниха. Говорила она тонюсеньким голоском и слова выговаривала, жеманничая. Когда-то в молодости ей довелось побывать в горничных у великосветской дамы. — Извините, пожалуйста, — продолжила она, — не знаете ли вы случайно, может ли оказаться так, что хозяйки, миссис Спенлоу, в данный момент нет дома?

— Понятия не имею, — ответила мисс Хартнелл.

— Получилось неловко. Сегодня миссис Спенлоу должна примерять новое платье. Она сама назначила мне на три тридцать.

Мисс Хартнелл сверила время по наручным часам.

— Уже чуть больше половины, — согласилась она.

— Ну да, я уже стучалась три раза, но никто не откликается, так что я начала опасаться, что вдруг миссис Спенлоу забыла или куда-нибудь ушла. Она не забывает обычно, когда назначает кому-то время, а платье нужно ей к послезавтрашнему дню.

Мисс Хартнелл прошла за ворота и направи-

лась к мисс Политт, стоявшей на крыльце виллы Лабурнум.

— Почему это Глэдис не подходит к двери? — заинтересовалась она. — Ах, ну конечно же, сегодня четверг, у Глэдис нынче выходной. Думаю, миссис Спенлоу просто заснула. Боюсь, вы слишком тихо стучите этой штуковиной.

Ухватившись за кольцо, она принялась оглушительно барабанить им в дверь, то и дело нанося дополнительные удары свободной рукой. При этом она зычно взывала: «Эй, там, отзовитесь!»

Никто не отвечал.

— Право же, не стоит беспокоиться, — пробормотала мисс Политт, — должно быть, миссис Спенлоу забыла и ушла, я зайду в другой раз. — И она стала пробираться к воротам краем дорожки.

— Чепуха, — властно заявила мисс Хартнелл. — Никуда она не могла уйти. Я бы ее заметила. Заглянем-ка лучше в окошко и посмотрим, есть ли тут кто живой.

И она засмеялась обычным своим добродушным смехом, давая понять, что пошутила, и, не слишком вглядываясь, посмотрела в ближнее окно — не слишком вглядываясь, потому что прекрасно знала, что в парадную гостиную, окна

которой выходили на улицу, редко кто заходит — мистер и миссис Спенлоу предпочитали проводить время в маленькой гостиной на задней стороне дома.

Но сколь ни мимолетен оказался этот брошенный ею взгляд, она подошла к окну не зря. Ей действительно не удалось там увидеть никого живого. Зато она успела заметить лежащую на коврике перед камином миссис Спенлоу — та была мертва.

— Конечно, я не потеряла голову, — рассказывала позже мисс Хартнелл. — Если бы не я, этой клуше Политт ни за что не догадаться, что делать. «Не теряй голову! — велела я ей. — Ты останешься здесь, а я отправлюсь за констеблем». Та принялась лепетать что-то вроде того, будто не желает, чтобы ее бросали, но я не обратила на ее слова ни малейшего внимания. С такими, как она, нужно обращаться потверже. Я давно заметила, что эти люди обожают зря суетиться и поднимать шум. И вот я совсем было собралась уйти, как из-за угла выходит мистер Спенлоу.

Тут мисс Хартнелл всегда делала многозначительную паузу. Это давало возможность слушателям спросить:

— А как он *выглядел*?

Мисс Хартнелл тогда отвечала:

— Я, честно говоря, заподозрила его сразу! Что-то он был уж *слишком* спокоен. Совсем не выглядел удивленным. Вы можете говорить что угодно, только это противоестественно: услышать, что жена мертва, и не проявить никаких чувств.

И все соглашались с этим суждением.

Согласилась и полиция. Столь отрешенный вид мистера Спенлоу показался представителям закона до того подозрительным, что те, не тратя зря времени, принялись выяснять, какие финансовые последствия для сего джентльмена повлекла смерть жены. Когда же выяснилось, что все деньги принадлежали миссис Спенлоу и по завещанию, составленному вскоре после свадьбы, переходили к мужу, подозрения еще больше усилились.

Мисс Марпл — старая дева с очень приятным лицом и, как поговаривали, с язычком куда менее приятным, — жившая в доме, что стоял рядом с домом приходского священника, стала одною из первых, к кому обратились в поисках свидетельских показаний. Уже через какие-то полтора часа после установления факта убийства к ней пришел полицейский констебль Пэлк и принял-

ся с важным видом теребить в руках записную книжку.

— Если не возражаете, мэм, — приступил он, — у меня к вам несколько вопросов.

— Они связаны со смертью миссис Спенлоу? — осведомилась мисс Марпл.

Пэлк удивился:

— Могу спросить, мэм, как вы узнали?

— Рыба, — пояснила мисс Марпл.

Ответ, при всей его краткости, поведал констеблю очень о многом. Он сразу сообразил, что весть об убийстве принес его собеседнице разносчик из рыбной лавки — заодно с рыбой на ужин.

— Она лежала, — кротко продолжила мисс Марпл, — на полу в гостиной; ее задушили — по всей видимости, очень узким ремнем. Однако на месте преступления орудие убийства не обнаружено.

На лице Пэлка отразился гнев.

— И как этому мальчишке Фреду вечно удается разнюхать все до подробностей... — начал он.

Однако мисс Марпл искусным приемом не дала ему договорить.

— Смотрите, — оборвала она констебля, — у вас в мундире торчит булавка.

Констебль Пэлк растерянно принялся рассмат-

ривать мундир.

— А ведь утверждают, будто английская пословица «когда булавку ты найдешь, весь день с удачей проживешь» часто сбывается, — проговорил он.

— Надеюсь, примета сбудется и на сей раз. А теперь напомните, о чем вы хотели меня спросить.

Констебль Пэлк откашлялся, принял важный вид и глянул в записную книжку.

— Мистером Артуром Спенлоу, мужем жертвы, сделано заявление. Мистер Спенлоу, таким образом, утверждает, будто в два тридцать или около того ему позвонила мисс Марпл и спросила, не сможет ли он прийти в четверть четвертого, поскольку та желает о чем-то с ним проконсультироваться. Скажите, мэм, это правда?

— Разумеется, нет, — ответила мисс Марпл.

— Вы не звонили мистеру Спенлоу в два тридцать?

— Ни в два тридцать, ни в какое-либо другое время.

— Ага, — произнес констебль Пэлк и с видом глубокого удовлетворения подкрутил ус.

— А что еще утверждает мистер Спенлоу?

— Далее он заявил, что, как вы и просили, отправился к вам, причем вышел из дому в десять

минут четвертого, а когда явился по назначению, был проинформирован служанкой, что вас «нету дома».

— А вот это верно, — отметила мисс Марпл. — Он действительно сюда приходил, но я была на заседании женского общества.

— Ага, — вновь протянул констебль Пэлк.

— Да скажите же наконец, констебль, — воскликнула мисс Марпл, — в чем вы подозреваете мистера Спенлоу?

— Не следовало бы ничего утверждать на данной стадии расследования с полной определенностью, но мне сдается — заметьте, я не называю имен, — будто кто-то ловко старается уйти в кусты.

— Мистер Спенлоу? — задумчиво произнесла мисс Марпл.

Ей нравился мистер Спенлоу. То был худощавый, низенький человечек, речь которого всегда была строгой и вместе с тем чрезвычайно светской; его как бы окружала аура респектабельности. Казалось странным, что ему пришлось перебраться в деревню, ведь было ясно, что всю свою жизнь он провел в городах. Но мисс Марпл удалось однажды узнать, в чем дело: «Еще когда я был мальчишкой, — признался он ей, — мне

хотелось когда-нибудь перебраться за город и развести сад. Я всегда испытывал своего рода привязанность к цветам. Да и моя жена, кстати, раньше владела цветочным магазином. Там я и увидел ее в первый раз».

Едва прозвучали эти сухие слова, как завеса повседневности вдруг приподнялась, и за нею открылась романтическая картина: другая, помолодевшая миссис Спенлоу прогуливалась там на фоне цветов.

Однако на самом деле мистер Спенлоу не знал о цветах совсем ничего. Он понятия не имел о таких вещах, как семена, подрезка, высаживание в грунт, различия между однолетними и двулетними растениями. У него в голове сложился некий абстрактный образ — образ уютного садика позади виллы, усеянного яркими, благоухающими цветами. И он попросил мисс Марпл — почти жалостно — стать его наставницей, а впоследствии часто задавал ей вопросы и заносил ответы в маленький блокнот.

Человек он был уравновешенный. Собственно, потому им и заинтересовалась полиция. С терпением и настойчивостью она собирала всевозможные сведения о покойной, и вскоре они стали достоянием всей деревни Сент-Мери-Мид.

Покойная миссис Спенлоу когда-то давным-давно работала служанкой в богатом доме. Она уволилась, когда вышла замуж за младшего садовника, и они вместе открыли в Лондоне цветочный магазин. Дела по части торговли шли хорошо, чего нельзя было сказать о здоровье садовника, который начал прихварывать и в конце концов умер. Его вдова занялась магазином и поставила торговлю на широкую ногу. Дела шли все лучше и лучше. Затем она продала его за очень хорошую цену и во второй раз отправилась в плавание по волнам супружества, на сей раз вместе с мистером Спенлоу, ювелиром средних лет, стоявшим во главе небольшого и не слишком процветающего семейного дела. Спустя некоторое время они его тоже продали и переселились в Сент-Мери-Мид.

Миссис Спенлоу была дамою обеспеченной. Доходы от принадлежавшего ей цветочного заведения она, согласно собственным словам, вкладывала, «посоветовавшись с духами», то есть в самые разные предприятия. Духи, как это ни удивительно, давали ей исключительно здравые советы.

Все капиталовложения приносили хорошую прибыль, порой превосходившую самые смелые

ожидания. Но, несмотря на постоянно возрастающую веру в духов, миссис Спенлоу в основном удавалось избегать общения с медиумами и уклоняться от участия в столоверчении — наоборот, она совершила молниеносный побег в область некой туманной религии индийского происхождения, коей предалась тем не менее всею душой и которая основывалась преимущественно на разнообразных формах глубокого дыхания.

Однако к тому времени, как миссис Спенлоу прибыла в Сент-Мери-Мид, в ее духовной жизни наступил новый период, который следовало бы назвать рецидивом ортодоксального англиканства. Она часто и подолгу бывала в доме священника и усердно посещала церковные службы. Покровительствовала местной торговле в лице нескольких деревенских лавочников, интересовалась тем, что происходит в округе, а также играла по маленькой в бридж. Обыкновенная сельская жизнь. И вдруг ни с того ни с сего убийство.

Полковник Мелчетт, главный констебль, вызвал инспектора Слэка.

Слэк имел репутацию полицейского, не ведающего сомнений. Если какая-то мысль приходила ему в голову, он был твердо уверен, что она пра-

вильная. Не сомневался он и теперь.

— Виноват муж, — заявил он.

— Вы так считаете?

— Совершенно уверен, сэр. Да на него достаточно только взглянуть. На лбу написано: «Убийца». Ни малейших признаков горя или какого-либо другого человеческого чувства. Вернулся к дому, зная уже, что она мертва.

— А не пытался ли он хотя бы разыграть из себя обманутого мужа?

— Кто угодно, только не он, сэр. Слишком гордый. Некоторые джентльмены не способны ломать комедию. Это упрямство.

— Другие женщины? — осведомился полковник Мелчетт.

— Не удалось обнаружить следов ни одной из них. Конечно, он хитрая бестия. Умеет спрятать концы в воду. Насколько я понимаю, он был просто сыт по горло своей женой. У нее водились деньжата, и, я вам доложу, ладить с ней было непросто — у нее одна сумасбродная фантазия вечно сменяла другую. Он хладнокровно решил избавиться от нее и зажить одному припеваючи.

— Пожалуй, такое вполне можно предположить.

— Голову на отсечение, так оно и было. Тща-

тельно разработал план. Выдумал телефонный звонок...

— Не удалось выяснить, действительно ли ему звонили? — оборвал его Мелчетт.

— Нет, сэр. Это значит, либо он лжет, либо звонили из телефонной будки. В деревне лишь два телефона-автомата: на станции и на почте. Почта сразу отпадает. Миссис Блейд запоминает каждого, кто входит и выходит. Станция не исключена. Поезд приходит в два двадцать семь, и тогда на ней бывает народ. Но главное в том, что он сам утверждает, будто ему звонила именно мисс Марпл, чего никак быть не может. Звонили явно не из ее дома, а сама она уходила на заседание женского общества.

— А как вы относитесь к вероятности того, что мужа намеренно решил убрать с дороги кто-то, задумавший убить миссис Спенлоу?

— Кажется, вы намекаете на молодого Теда Джерарда, сэр? Я поработал и с ним; что в его случае против нас, так это полное отсутствие мотивов. Похоже, ему не достанется ничего.

— И тем не менее он весьма неприятный субъект. Старая история с присвоением чужого имущества лежит заметным пятном на его репутации.

— Я вовсе его не выгораживаю. Но все-таки нужно отметить, что он пошел тогда к своему боссу и откровенно во всем признался. А его наниматели поступили далеко не мудро.

— Из оксфордской шатии, — охарактеризовал Теда полковник Мелчетт. — Как там у них учат в их секте — «абсолютная честность, чистота, любовь и самоотвержение»?

— Да, сэр. Осознал вину, решил действовать напрямую и признаться в том, что стянул деньги. Обратите внимание, я не утверждаю, что здесь не могло быть какой-то хитрости с его стороны. Возможно, он догадался, что его подозревают, и решил сыграть на чистосердечном раскаянии.

— У вас чересчур скептический склад ума, Слэк, — заметил полковник. — А вы, кстати говоря, беседовали с мисс Марпл?

— А какое *она* имеет ко всему этому отношение, сэр?

— Да, в общем-то, никакого. Но ведь она, знаете ли, в гуще событий, и до нее доходят многие сведения. Почему бы вам не пойти и не поболтать с ней? Она очень наблюдательная старушка.

Слэк переменил тему разговора:

— Я хотел спросить у вас одну вещь, сэр. Фирма, предоставляющая услуги ювелира на дому, где

начал карьеру подозреваемый... Помните дело о краже драгоценных камней в квартире сэра Роберта Аберкромби? Пропали изумруды, стоившие уйму денег. Их так и не нашли. Я просматривал материалы; должно быть, это произошло, когда там служила эта Спенлоу, хотя в то время она, наверное, была совсем девчонкой. Она не была замешана, как вы думаете, сэр? Спенлоу, знаете ли, тогда был одним из тех грошовых ювелиров... так, паренек, выполняющий роль ширмы.

Мелчетт покачал головой:

— Не думаю, что вы здесь что-нибудь откопаете. В то время она даже не знала Спенлоу. Я хорошо помню то дело. В полицейских кругах существовало мнение, что тут замешан сын потерпевшего, Джим Аберкромби, страшный повеса и мот. Куча долгов, и сразу после кражи они все уплачены... Говорят, какая-то богачка, но я не слишком-то верю... Старик Аберкромби вроде как пытался замять дело, чуть ли не взять назад заявление.

— Это всего лишь предположение, сэр, — возразил Слэк.

Мисс Марпл приняла инспектора Слэка с чувством глубокого удовлетворения. Особенно когда услышала, что его прислал сам полковник Мелчетт.

— Как это, право, любезно со стороны полковника Мелчетта. Я и не знала, что он меня помнит.

— Помнит и даже очень. Сказал, что если вам неизвестно что-нибудь о происходящем в Сент-Мери-Мид, то это и вправду не заслуживает внимания.

— Он чересчур любезен, но я действительно ничего не знаю. О недавнем убийстве, разумеется.

— Вы знаете, что об этом говорят.

— Конечно, знаю, но разве годится зря повторять досужие сплетни?

— Я у вас, так сказать, для неофициальной беседы, — проговорил Слэк, пытаясь казаться добродушным. — Все, как вы понимаете, останется между нами.

— Вы хотите сказать, что действительно интересуетесь тем, что говорят люди? И есть ли в их словах доля правды?

— Именно так.

— Ну конечно же, об этом только и делали, что судили да рядили. И, как вы понимаете, существуют два разных лагеря. Начну с тех, кто думает, будто убийца и вправду муж. В таких случаях мужа или жену всегда подозревают в первую очередь, не так ли?

— Возможно, — мягко согласился инспектор.

— Приходится жить в столь тесном соседстве, сами понимаете. Опять же зачастую денежный вопрос. Мне доводилось выслушивать мнение, что раз деньги были у миссис Спенлоу, то мистеру Спенлоу ее смерть выгодна. В мире царит злоба, и порой самые жестокие предположения как раз, увы, и оказываются истиной.

— Он и взаправду наследует кругленькую сумму.

— Вот именно. И может показаться вполне вероятным, что он задушил ее, затем вышел через заднюю дверь, прошел через поля к моему дому, спросил, дома ли я, представил так, будто я ему звонила, отправился потом обратно и обнаружил жену якобы задушенной в его отсутствие, в надежде, разумеется, что преступление спишут на какого-нибудь бродягу или грабителя, разве не так?

Инспектор кивнул.

— А что касается денежных вопросов... И возможных ссор между ними в последнее время...

Мисс Марпл не дала ему договорить.

— Но ведь их не было.

— Вы знаете это наверное?

— Если бы они ссорились, об этом знал бы каждый! Глэдис Брен, их служанка, разнесла бы

сплетни по всей округе.

— Она могла и не знать... — проговорил инспектор не слишком уверенно и получил в ответ улыбку, полную сочувствия.

— Но есть и другие мнения, — продолжила мисс Марпл. — Вспомним о Теде Джерарде. Симпатичный молодой человек действительно останавливает на себе взгляд. Боюсь только, восхищенные взгляды оказывают на таких несколько большее влияние, чем следовало бы. Взять нашего предпоследнего викария — просто магическое воздействие! Девушки валом валили к нему в церковь и на вечернюю службу, и на утреннюю. А множество женщин постарше стали принимать необыкновенно активное участие в жизни прихода; и вы бы видели, какие они ему шили тапочки, какие вязали шарфы! Бедный юноша так смущался...

Да, но к чему же все это, на чем я остановилась? Ах да, этот юноша, Тед Джерард... Конечно, о нем судачат немало. Он так часто приезжал из Лондона к ней в гости. Хотя миссис Спенлоу сама мне говорила, что он член какой-то... «оксфордской группы», кажется, так. Религиозное движение. Думаю, они там люди искренние и очень серьезные, и на миссис Спенлоу все это производило

большое впечатление.

Мисс Марпл перевела дыхание и продолжила:

— И я уверена, что нет оснований думать, будто за этими визитами стоит нечто большее, но вы знаете, каковы люди. Очень многие у нас в деревне убеждены, что этот юноша вскружил голову миссис Спенлоу и та одолжила ему кучу денег. И, нужно сказать, его действительно видели в тот день на станции. В поезде... в лондонском поезде, который отправляется в два двадцать семь пополудни. Но, думаю, вы согласитесь, что вовсе не трудно выскользнуть из вагона с другой стороны, скрытно пройти вдоль железнодорожной насыпи, скрываясь за нею, перелезть через забор, а затем вернуться кружным путем, прячась за живыми изгородями, — так можно запросто миновать выход со станции. Так что вовсе не обязательно, чтобы его видели идущим по дороге к их вилле. И вот еще: поговаривают, будто миссис Спенлоу была одета довольно необычно.

— Необычно?

— В кимоно. Не в платье, — мисс Марпл покраснела. — Такие вещи, знаете ли, наводят некоторых людей на определенные мысли.

— Думаете, кимоно вправду наводит на определенные мысли?

— О нет, *я* так не думаю; пожалуй, кимоно было вполне уместно.

— Вы полагаете, оно было уместно?

— При соответствующих обстоятельствах, конечно. — Взгляд у мисс Марпл стал холодным и задумчивым.

— В таком случае это дает нам другой мотив. Ревность мужа.

— Нет-нет, мистер Спенлоу никогда не стал бы ревновать. Он из тех, кто не видит дальше своего носа. Если б жена его бросила и перед уходом оставила записку, приколотую к подушечке для булавок, это стало бы для него первым сигналом об измене.

Инспектора Слэка смущал ее пристальный взгляд. Ему пришло в голову, что в ходе всего разговора мисс Марпл пытается навести его на некую, все время ускользающую от него мысль. Вот и теперь она проговорила многозначительно:

— А *вы* не обнаружили прямо на месте ничего, способного стать ключом к разгадке, инспектор?

— Теперь уже не оставляют отпечатки пальцев и сигаретные окурки, мисс Марпл.

— А я думаю, — предположила та, — что это как раз очень старомодное преступление.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил инспектор довольно резко.

Мисс Марпл ответила не сразу:

— Думаю, вам сможет помочь констебль Пэлк. Он первым побывал на э-э-э... на «месте, где произошла драма», как пишут в газетах.

Мистер Спенлоу неторопливо уселся в шезлонг. Выглядел он расстроенным. Тихим, как всегда, голосом он проговорил, четко выговаривая слова:

— Может, у меня и разыгралось воображение. Да и слух теперь далеко не тот, что прежде, но я четко расслышал, как сегодня один мальчуган сказал позади меня: «Это он, да? Тот самый?» У меня создалось впечатление, будто он считает, что я... я убил жену, которую так любил.

Мисс Марпл ответила, аккуратно состригая с куста розы засохший цветок:

— Не сомневаюсь, что в его намерения как раз и входило создать у вас такое впечатление.

— Но как могла подобная мысль возникнуть в детской головке?

Мисс Марпл покашляла.

— Наслушался разговоров старших, конечно.

— Вы хотите сказать, что все тоже так думают?

— Добрая половина жителей Сент-Мери-Мид.

— Но, дорогая мисс Марпл, что могло дать им

повод? Я был искренне привязан к жене. Она, к сожалению, не любила деревенскую жизнь так сильно, как мне бы хотелось, но полное согласие по всем вопросам, увы, недостижимый идеал. Уверяю вас, я очень остро ощущаю утрату.

— Наверное, так и есть. Но, простите за такие слова, по вас этого не скажешь.

Мистер Спенлоу встал, вытянувшись во весь небольшой рост.

— Моя дорогая мисс Марпл, когда-то, много лет назад, я прочитал об одном китайском философе, который, потеряв горячо любимую жену, продолжал спокойно бить в гонг на улице — обычное занятие досужих китайцев, я полагаю, — словно ничего не случилось. Люди в том городе высоко оценили его стойкость духа.

— Однако, — сказала мисс Марпл, — люди в Сент-Мери-Мид реагируют на такие вещи совсем по-другому. Китайская философия им чужда.

— Но вы-то понимаете?

Мисс Марпл кивнула.

— Мой дядя Генри, — пояснила она, — был человеком исключительного самообладания. Его девизом была фраза: «Скрывай чувства». Он, кстати, тоже очень любил цветы.

— Я тут как раз думал, — подхватил Спенлоу,

будто с каким-то рвением, — что, может быть, устрою живую беседку с восточной стороны дома. Розы нежных тонов и, пожалуй, глицинии. А еще есть такие цветы звездочками, никак не могу вспомнить, как они называются...

Тоном, которым она обычно разговаривала с трехлетним внучатым племянником, мисс Марпл проговорила:

— У меня тут есть замечательный каталог, да еще с картинками. Пожалуйста, посмотрите его, а мне надо сходить в магазин.

Оставив мистера Спенлоу сидеть в саду и наслаждаться каталогом, мисс Марпл поднялась в спальню, торопливо завернула одно из своих платьев в оберточную бумагу и, выйдя из дома, быстро пошла к почте. Мисс Политт, портниха, жила как раз над почтовым отделением.

Но мисс Марпл не спешила войти и подняться к ней. Было ровно два тридцать; минуту спустя подошел рейсовый автобус из Мач-Бенхема и остановился у дверей почты. В Сент-Мери-Мид это всегда являлось событием дня. Из него выскочила почтмейстерша и принялась выгружать посылочные ящики, большая часть которых имела отношение к торговой стороне ее деятельности, потому что в почтовом отделении она притор-

говывала конфетами, дешевыми книжками и детскими игрушками.

Минуты четыре мисс Марпл оставалась на почте одна.

Едва почтмейстерша возвратилась, мисс Марпл поднялась наверх и объяснила мисс Политт, что хотела бы перешить платье из серого крепа, изменив, по возможности, фасон на более модный. Мисс Политт обещала подумать, что можно сделать.

Главный констебль несколько удивился, когда ему доложили, что его хочет видеть мисс Марпл. Войдя, она рассыпалась в извинениях.

— Ах извините... я так сожалею, что побеспокоила вас. Знаю, вы очень заняты, но вы всегда настолько любезны, полковник Мелчетт, что я все-таки подумала: дай-ка зайду к вам, а не к инспектору Слэку. Есть одна вещь, знаете ли, но мне совсем не хочется, чтобы у констебля Пэлка были из-за нее неприятности. По правде говоря, мне кажется, ему вообще не следовало бы ничего трогать.

Полковник Мелчетт был слегка обескуражен.

— Пэлк? — спросил он. — Тот, что констеблем в Сент-Мери-Мид, кажется, так? Чего он натворил?

— Он взял булавку. Я видела ее воткнутой в его

мундир. И еще тогда мне пришло в голову: а что, если он действительно подобрал ее с пола в доме у миссис Спенлоу?

— Ну что же, в этом нет ничего невероятного. А, собственно, что в этом такого? Булавка и есть булавка. Вообще-то он действительно поднял булавку как раз рядом с телом миссис Спенлоу. Явился вчера и напрямик доложил об этом Слэку. Пожалуй, это вы его надоумили? Конечно, на месте преступления ничего трогать нельзя, но, опять же, чего особенного в булавке? Обыкновенная булавка и только. Такой может пользоваться любая женщина.

— О нет, полковник Мелчетт, здесь вы ошибаетесь. Возможно, для мужчины она и выглядит как обычная, но это не так. Это совсем особенная булавка, очень тонкая булавка, такие продаются коробками, такими пользуются в основном портные.

Мелчетт посмотрел на нее пристальным взглядом, и в нем забрезжил огонек понимания. Миссис Марпл радостно закивала головой:

— Ну да, разумеется. Это же так очевидно. Она была в кимоно, потому что собиралась примерить новое платье. Прошла в парадную гостиную, мисс Политт заявила, что ей нужно что-то из-

мерить, и поднесла портновский метр к ее шее, затем ей осталось лишь затянуть его. Говорят, нет ничего проще. А после этого, конечно, она вышла, закрыла наружную дверь и начала стучать в нее, словно только что пришла. Но булавка доказывает, что она *побывала в доме*.

— Так, значит, вашего Спенлоу выманила из дому мисс Политт?

— Да. Из почтового отделения в два тридцать. Как раз, когда приходит автобус и на почте всегда пусто.

— Но из-за чего, моя дорогая мисс Марпл! — воскликнул полковник Мелчетт. — Скажите мне ради бога, из-за чего? У каждого преступления должен быть мотив.

— Судя по тому, что мне известно, полковник Мелчетт, у этого преступления давняя история. Оно заставило меня вспомнить о моих двоюродных братьях, Гордоне и Энтони. Что бы ни сделал Энтони, все у него получалось или все сходило с рук, в то время как с беднягой Гордоном все обстояло наоборот. Беговые лошади начинали хромать, курс его акций всегда падал, недвижимость обесценивалась. Думаю, обе дамы являлись соучастницами.

— В чем?

— В краже. Давным-давно. Изумруды, я слышала, были очень ценными. Горничная и служанка. Потому что трудно иначе объяснить одну вещь: каким образом, когда служанка и садовник поженились, им удалось достать столько денег, чтобы открыть цветочный магазин?

Единственный ответ состоит в том, что она потратила свою долю в... добыче, назовем это так. Все, что она ни предпринимала, все удавалось. Деньги приносили деньги. Ну а другой, горничной, просто не повезло. Она пришла к тому, что стала обыкновенной деревенской портнихой. Затем они снова встретились. Сперва, думаю, все обстояло не так плохо, но появился мистер Тед Джерард.

Нашу миссис Спенлоу, видите ли, к тому времени начала мучить совесть, и у нее возникла страстная тяга к религии. Молодой человек явно склонял ее «облегчить душу признанием» и, так сказать, «очиститься»; пожалуй, она все более склонялась к этой мысли. Но мисс Политт воспринимала все совсем по-другому. Ее тревожило лишь то, что она пойдет в тюрьму за кражу, которую совершила много лет назад. Поэтому ей пришло в голову разом покончить со всем этим. Кажется, она всегда была с гнильцой. Поверьте,

она не моргнув послала бы на виселицу милого, но глуповатого мистера Спенлоу.

— Мы... э-э-э... можем проверить вашу версию... э-э-э в этом вопросе. Попробуем идентифицировать эту Политт с той горничной, которая служила у Аберкромби, однако...

— Это будет совсем просто, — подбодрила его мисс Марпл. — Она из тех, кто сразу сломается, стоит лишь припереть к стенке. А кроме того, понимаете, я... э-э-э... завладела ее портновским метром. Стянула вчера, во время примерки. Когда та его хватится, то подумает, что его взяла полиция... Знаете, она совсем темная женщина и подумает, будто с его помощью так или иначе, но сумеют доказать ее виновность.

Она улыбнулась и добавила ободряюще:

— Уверяю, это совсем не трудно.

Он тоже улыбнулся. Когда-то давным-давно его любимая тетушка совершенно таким же тоном уверяла его, что он обязательно сдаст экзамены в военную академию.

И он сдал их.

Дело смотрительницы

— Нуте-с, как наши дела сегодня? — обратился к пациентке доктор Хейдок.

Мисс Марпл слабо улыбнулась ему с белой подушки.

— Кажется, мне действительно лучше, — проговорила она, — но у меня ужасная депрессия. Не могу отделаться от мысли, что мне лучше было бы умереть. Я ведь уже старая. Никому я не нужна, и заботиться обо мне некому.

Доктор Хейдок перебил ее со свойственной ему бесцеремонностью:

— Да-да, последствие типичное для этой разновидности гриппа. Что вам нужно, так это какое-нибудь укрепляющее средство, которое вас взбодрит.

Мисс Марпл со вздохом кивнула.

— Больше того, — продолжил доктор Хейдок, — лекарство уже у меня в кармане!

И он положил на одеяло продолговатый конверт.

— То, что вам нужно. Что-то вроде головоломки, совсем по вашей части.

— Головоломка? — Мисс Марпл оживилась.

— Мой литературный опус, — сказал доктор и слегка покраснел. — Постарался придать форму рассказа. «Сказал он», «сказала она», «девушка подумала» и так далее. В основе лежат реальные факты.

— Но почему головоломка? — спросила мисс Марпл.

Доктор Хейдок усмехнулся.

— Потому что интерпретировать их предстоит вам. Хочу проверить, так ли вы умны на самом деле, как хотите казаться.

И он поспешил ретироваться, подобно тому как парфяне обращались в притворное бегство, чтобы верней поразить врага.

Мисс Марпл взяла рукопись и начала читать:

«– А где же новобрачная? — радушно воскликнула мисс Хармон.

Вся деревня пребывала в нетерпении, желая поскорее увидеть богатую и молодую красавицу жену, которую Гарри Лакстон привез из-за границы. Преобладало снисходительное мнение, что Гарри — испорченный молодой повеса — просто везунчик. Все и всегда были к нему снисходительны и терпимы. Даже хозяева окон, пострадавшие от его не выбирающей цели рогатки, обнаруживали, что их негодование исчезает при виде

Гарри, умоляющего великодушно его простить. Он бил стекла, воровал яблоки, таскал кроликов, а несколько позже еще и залезал в долги, путался с дочерью хозяина местной табачной лавчонки, потом ему навязчиво помогли выпутаться и отослали служить в Африку, и вся деревня в лице многочисленных старых дев снисходительно изрекла: «Ну, наконец! Молодо-зелено, теперь он угомонится!»

И вот свершившийся факт: блудный сын вернулся, и не страдальцем, а триумфатором. Гарри Лакстон, как говорится, «стал хорошим». Он взял себя в руки, работал как вол и наконец встретил и успешно охмурил юную девушку англо-французского происхождения, обладательницу значительного состояния.

Гарри мог бы поселиться в Лондоне или приобрести поместье в каком-нибудь респектабельном графстве, славящемся охотой на лис, но он предпочел вернуться в родные края. И здесь — тут уж сплошная романтика — он приобрел брошенное поместье, во флигеле которого провел детство. В особняке Кингсдин-Хаус никто не жил уже почти семнадцать лет. Постепенно он пришел в упадок и запустение. И лишь в одном его обитаемом уголке жил пожилой смотритель с женою. Особ-

няк представлял собой большое, импозантное и одновременно величественное здание, окруженное заросшим буйными травами садом, деревья обступили его, словно мрачное логово чародея.

Флигель был приятным, без всяких претензий домиком, и его когда-то в течение многих лет арендовал майор Лакстон, отец Гарри. Мальчиком Гарри исходил поместье вдоль и поперек, знал каждый дюйм здешних рощ, а сам старый дом всегда пленял его.

Майор Лакстон умер несколько лет назад, так что на первый взгляд могло показаться, будто Гарри никак не связан с этими местами, — и тем не менее он вернулся и привел молодую жену в дом своего детства.

Разрушенный старый особняк снесли. Целая армия подрядчиков-строителей десантировалась на это место и в удивительно короткий срок, ибо деньги и впрямь способны творить удивительные чудеса, новый дом засиял белизной среди деревьев. Затем появился отряд садовников, за ними последовала вереница фургонов, груженных мебелью.

Дом был готов. Прибыли слуги. И, наконец, дорогой лимузин доставил Гарри с супругой к парадному крыльцу.

Вся деревня поспешила отреагировать на это событие, и миссис Прайс, владелица самого большого в деревне дома, считающая себя главой местного общества, разослала приглашения на вечер, устраиваемый «в честь новобрачной».

Праздник удался на славу, некоторые леди даже сшили ради него новые платья. Все горели возбуждением, любопытством, страстным желанием наконец увидеть это легендарное существо. Говорят, все походило на сказку.

Мисс Хармон, простодушная и невзрачная старая дева, протискиваясь через толпу, образовавшуюся у входа в гостиную, не смогла удержаться и бросила пробный мяч в виде риторического вопроса относительно достоинств приезжей.

Мисс Брент, тоже старая дева, худощавая и невысокого роста, с вечно кислой миною на лице, подхватила его на лету, и ответ, порхая, слетел с ее уст:

— Ах, дорогая, она совершенно очаровательна. Какие чудесные манеры. И такая молоденькая. Просто завидуешь, когда видишь такую, у которой есть все: и внешность, и деньги, и воспитание — такая утонченная, ни малейшего намека на вульгарность, и наш милый Гарри ее обожает!

— Что вы хотите, — отозвалась мисс Хармон, —

они ведь еще молодожены!

Тонкие ноздри мисс Брент понимающе затрепетали.

— Ах, боже мой, неужто вы полагаете...

— Уж мы-то знаем, каков Гарри, — покачала головой мисс Хармон.

— Мы знаем, каким он был! Но теперь-то, думаю...

— Ах, — сокрушенно промолвила мисс Хармон, — мужчин-распутников не переделаешь. Обманул хоть одну — станет обманывать и других. Я их знаю.

— И вправду. Ах, бедняжка, — выражение лица мисс Брент стало менее кислым, — она еще с ним нахлебается. Ее просто необходимо предупредить. Интересно, приходилось ли ей слышать хотя бы что-нибудь о его прежних похождениях?

— Все это настолько ужасно, — возразила мисс Хармон, — ей лучше не знать. Представьте себя на ее месте. Да еще при том, что аптека у нас лишь одна.

Та, которую прежде знали как дочку хозяина табачной лавки, теперь являлась женой мистера Эджа, аптекаря.

— Однако для миссис Лакстон, — предположила мисс Брент, — все-таки лучше иметь дело с

Бутсом из Мач-Бенхэма.

— Думаю, — заметила мисс Хармон, — Гарри предложит ей это сам.

Еще один многозначительный взгляд.

— И все-таки я полагаю, — продолжала настаивать мисс Брент, — что ей надо знать.

— Какие они звери! — воскликнула Клариса Вейн, обращаясь к своему дяде, доктору Хейдоку. — Нет, эти люди — настоящие звери.

Он посмотрел на нее удивленно.

То была высокая темноволосая девушка, симпатичная, импульсивная и добросердечная. Ее большие карие глаза вспыхнули огнем негодования, когда она продолжила:

— Все эти драные кошки... Все эти сплетни... Все эти намеки.

— О Гарри Лакстоне?

— Ну да, о его интрижке с дочкою лавочника.

— Ах, вот ты о чем! — Доктор пожал плечами. — У большинства людей в молодости бывают подобные истории.

— Конечно, бывают, а потом заканчиваются. Так зачем же теперь вытаскивать их на свет? И продолжать о них толковать спустя многие годы? Это все равно что пировать на мертвых телах, как вурдалаки или кладбищенские воры.

— Позволь сказать, милочка, что тебе так лишь кажется. Видишь ли, им тут почти совсем не о чем разговаривать, так что неизбежно приходится жить скандалами прошлого. Но интересно знать, почему тебя это так сильно огорчает?

Клариса Вейн прикусила губу и покраснела. Затем проговорила глухим от волнения голосом, что прозвучало у нее очень забавно:

— Они... они выглядят такими счастливыми. Я имею в виду Лакстонов. Молоды, любят друг друга, все у них так прекрасно. Страшно подумать, что все это могут испортить намеки, сплетни, нашептывания и всеобщая бесчеловечность.

— Гм. Понятно.

Клариса продолжила:

— Мы с ним только что разговаривали. Он так счастлив, полон энергии и увлечен и... да, полон трепета... потому что он смог выполнить заветное желание и отстроить Кингсдин. Он радуется как ребенок. А она... понимаете, у меня такое ощущение, что у нее в жизни еще не было ни одного разочарования. У нее всегда было все. Вы ее сами видели. Что вы о ней думаете?

Доктор ответил не сразу. Иные действительно позавидовали бы Луизе Лакстон, этакому избалованному дитяте фортуны. Но доктора Хейдока ее

появление заставило вспомнить припев песенки «Бедная богачка», что была популярна много лет назад...

Хрупкая, невысокая фигурка, льняные волосы, завитые в слишком жесткие кудряшки, обрамляющие лицо, и большие, с грустинкой, синие глаза. Луиза чуть-чуть сутулилась. Бесконечный поток поздравлений утомил ее. Скорей бы уйти. Хорошо бы прямо сейчас, пусть Гарри лишь намекнет. Она взглянула на него украдкой. Какой высокий, широкоплечий, всегда такой веселый посреди этих ужасных скучных людей.

«*Бедная богачка*»...

— У-у-ф! — это был вздох облегчения.

Гарри обернулся, чтобы бросить на жену полный восхищения взгляд. Они уже ехали домой.

— Дорогой, — проговорила она, — какой это был жуткий вечер!

Гарри усмехнулся.

— Да, жутковатый. Не обращай внимания, моя прелесть. Понимаешь, этого нельзя было избежать. Все эти драные кошки знали меня еще мальчишкой. Они ужасно расстроились бы, если не получили бы возможности взглянуть на тебя вблизи.

Луиза ответила ему гримаской.

— Нам обязательно придется теперь их всех принимать?

— Что? Ну уж нет. Они заявятся к тебе с официальными визитами, чтобы вручить визитные карточки, ты на них ответишь, и тем все закончится. Они больше не станут тебя беспокоить, и ты сможешь завести любых друзей, которые придутся тебе по душе.

Луиза помолчала минуты две.

— Неужели здесь поблизости нет приятных людей?

— Ну почему же. Вот, например, семья Каунти, хотя, пожалуй, и они могут тебе показаться скучноватыми. Интересуются преимущественно выпивкой, собаками и лошадьми. Тебе нужно тоже заняться верховой ездой. Тебе это понравится. В Эглинтоне есть конь, которого мне хотелось бы тебе показать. Красавец, прекрасно выезженный, только очень уж норовист, но это единственный его порок.

Автомобиль притормозил, поворачивая к воротам Кингсдина. Внезапно перед ним возникла уродливая фигура, кто-то выскочил на середину дороги перед самой машиной, Гарри крутанул руль и выругался, едва успев избежать столкновения. Им вслед раздались проклятия.

Луиза вцепилась в руку мужа.

— Кто эта... эта ужасная старуха?

Гарри помрачнел.

— Это старая Мургатройд. Они с мужем жили смотрителями в старом доме. Жили почти тридцать лет.

— А почему она показала тебе кулак?

Гарри покраснел.

— Она... ну, ей не понравилось, что дом снесли. Конечно, ее уволили. Муж у нее вот уже два года как умер. Говорят, после его смерти она стала вести себя странно.

— Она... она не... не голодает?

Представления Луизы о жизни были туманны и в чем-то наивны. Богатство мешает прямым контактам с реальностью. Гарри рассердился.

— Помилуй боже, Луиза, что за мысли! Разумеется, я назначил ей пенсию... и очень, кстати, хорошую! Подыскал для нее новый дом и все такое.

— Тогда чего же ей нужно? — спросила сбитая с толку Луиза.

Гарри нахмурился, его брови почти соединились на переносице.

— Откуда мне знать? Она с придурью! Была влюблена в дом.

— Но разве он практически не развалился?

— Конечно, развалился... Прямо куски отваливались... крыша текла... находиться там было опасно. И все равно, думаю, он для нее многое значил. Она так долго там прожила. Ну, я правда не знаю! У старой чертовки, наверное, не все дома.

— Она... — с тревогой произнесла Луиза, — думаю, она прокляла нас. Ой, Гарри, мне страшно.

Луизе казалось, что сумасшедшая злая старуха наложила проклятие на ее новый дом. Когда она ехала куда-нибудь на машине, когда каталась верхом, когда выгуливала собак — ее везде подкарауливала одна и та же зловещая фигура. Словно согнувшаяся под собственной тяжестью, в замызганной шляпе на висящих клочьями седых волосах, медленно бормочет проклятия. Луиза, в конце концов, поверила в правоту слов Гарри — старуха действительно была сумасшедшей. Но от этого не становилось легче. Миссис Мургатройд никогда не заходила в дом, в ее угрозах не было ничего определенного, она не угрожала насилием. Ее сгорбленная фигура всегда маячила лишь за воротами. Обращение за помощью к полиции не принесло бы пользы, и Гарри Лакстон в любом случае был против действий такого рода. По его словам, это лишь вызвало бы всеобщую

симпатию по отношению к старой бестолочи. Он принимал случившееся не так близко к сердцу, как Луиза.

— Не беспокойся так, дорогая. В конце концов, ей надоест эта глупая затея с проклятиями. Думаю, это она так просто, чудит.

— Все далеко не так просто, Гарри. Она... она ненавидит! Я чувствую. Она... она желает нам зла.

— Дорогая, она не ведьма, хотя на нее очень похожа! Ты все слишком болезненно воспринимаешь.

Луиза ничего не ответила. Теперь, когда возбуждение, связанное с вселением в новый дом, прошло, она почувствовала себя на удивление одинокой, прямо места себе не находила. Она привыкла жить в Лондоне и на Ривьере. Понятия не имела, что представляет собой сельская жизнь в Англии, и не имела к ней вкуса. Невежда по части садоводства и разведения цветов, она знала только заключительный этап, а именно — «как составить букет». Собаки ей, по правде сказать, были совершенно безразличны. Соседи, с которыми приходилось встречаться, наводили тоску. Больше всего нравились верховые прогулки, иногда с Гарри, а иногда, когда он занимался хо-

зяйством, без него. Она ехала не спеша по рощам и сельским дорогам, наслаждаясь неторопливым шагом красавца коня: его купил для нее Гарри. Но и Принц Хэл, этот, наверное, самый чуткий из всех гнедых скакунов, начинал пугливо фыркать и косить глазом, когда им встречалась согнутая фигура злобной старухи.

Однажды Луиза собрала в кулак все свое мужество. Случилось это во время одной из обычных пеших прогулок. Обогнав миссис Мургатройд, словно не замечая ее, она уже было совсем прошла мимо, но внезапно вернулась и приблизилась к ней.

— Что такое, — сказала она слегка взволнованным голосом. — В чем дело? Чего вы хотите?

Старуха молча смотрела на нее, только мутные глазки моргали на хитром и смуглом, как у цыганки, лице, обрамленном седыми космами. В ее взгляде читалось недоверие. Луиза подумала, не пьет ли она.

Та ответила плаксивым, но вместе с тем угрожающим тоном:

— Спрашиваешь, чего я хочу? Взаправду, чего? То, что у меня взяли. Кто меня выгнал из Кингсдина? Я там жила и девчонкой, и взрослой женщиной аж сорок годков. Выгнать меня было

черное дело, и оно выйдет боком и тебе, и ему, ваша беда тоже будет черной!

— Но у вас, — принялась объяснять Луиза, — теперь есть чудесный домик и...

Тут старуха взорвалась. Взмахнув руками, она выкрикнула:

— А мне-то чего в этом хорошего? Мне нужно мое собственное жилье и мой собственный очаг, у которого я провела столько лет. А что до тебя и его, то я так скажу: не будет счастья вам в новом красивом доме. Он будет вам черным проклятием! Горе вам, смерть и мои проклятия. Чтоб у тебя лицо сгнило.

Луиза отшатнулась и, спотыкаясь, побежала прочь. «*Я должна отсюда убраться*, — думала она. — *Мы должны продать дом! Нам нужно уехать*».

В тот момент подобный исход казался ей простым. Но полное непонимание со стороны Гарри поразило ее.

— Уехать? Продать дом? Из-за угрозы сумасшедшей старухи? Ты сошла с ума.

— Нет, не сошла. Но она... она пугает меня. Я знаю, что-то должно случиться.

— Предоставь миссис Мургатройд мне, — заявил Гарри Лакстон мрачно. — Я с ней разберусь.

К тому времени между Кларисой Вейн и юной миссис Лакстон установились дружеские отношения. Обе девушки были примерно одного возраста, хотя характер и вкусы их различались. В компании Кларисы Луиза чувствовала себя бодрее. Клариса была такая сильная, такая уверенная в себе. В разговоре с ней Луиза упомянула об угрозах со стороны миссис Мургатройд, но Клариса, похоже, считала эту историю скорей досадной, нежели пугающей.

— Это все так глупо, — сказала она. — Должно быть, сильно действует тебе на нервы.

— Знаешь, Клариса, я... я иногда чувствую себя просто напуганной. Сердце так и начинает колотиться в груди.

— Ерунда, ты не должна допускать, чтобы выходки глупой старухи так на тебя влияли. Она сама скоро от них устанет.

Минуту-другую Луиза не отвечала.

— Ну, что скажешь? — спросила Клариса.

Луиза помолчала еще с минуту, затем ее прорвало:

— Ненавижу это место! Ненавижу жить здесь. Рощи и этот дом, и ужасную тишину по ночам, и странные крики сов. О, и здешних людей, и все остальное.

— Людей. Каких?

— Тех, кто живет в деревне. Этих вечно подглядывающих, сплетничающих старых дев.

— И что они такое говорят? — спросила резко Клариса.

— Не знаю. Ничего особенного. Но у них вечно гадости на уме. Когда с ними говоришь, возникает чувство, будто нельзя никому верить, вообще никому.

Клариса постаралась ее успокоить:

— Забудь о них. Им нечем заняться, кроме сплетен. Большинство мерзостей, о которых болтают, они сами же и выдумывают.

— Жаль, что мы вообще сюда приехали, — сказала Луиза, — но Гарри здесь так нравится. — Ее голос потеплел.

Клариса подумала: «*Как она обожает его*». И проговорила отрывистым голосом:

— Мне надо идти.

— Скажу шоферу, чтобы он тебя отвез. Приезжай опять поскорее.

Клариса кивнула. Луиза почувствовала облегчение от приезда своей новой подруги. Вернувшись, Гарри застал жену приободрившейся и с тех пор просил ее чаще приглашать Кларису в их дом.

Однажды он сообщил:

— Дорогая, у меня есть для тебя хорошие новости.

— Какие же?

— Я все устроил с Мургатройд. Знаешь, у нее сын в Америке. Ну, я и устроил так, чтобы она к нему поехала. И оплачу ей проезд.

— Ой, Гарри, как чудесно. Теперь, может быть, я все-таки полюблю Кингсдин.

— Полюбишь? Да это самое замечательное место на свете!

Луиза слегка вздрогнула. Ей было не так просто избавиться от суеверных страхов.

Если дамы, проживающие в Сент-Мери-Мид, поначалу и надеялись получить наслаждение, наушничая Луизе о прошлом ее мужа, то вскоре сам Гарри Лакстон развеял их радужные надежды.

Мисс Хармон и Клариса Вейн как раз находились в аптеке мистера Эджа, где первая покупала нафталин, а другая пакетик борной кислоты, когда туда вошли Гарри Лакстон с женой.

Поприветствовав обеих дам, Гарри подошел к прилавку и, едва объявив, что ему нужна зубная щетка, не дал себе закончить начатую фразу и сердечно воскликнул:

— А ну-ка, ну-ка, смотрите, кто тут! Ручаюсь, что это Белла.

Миссис Эдж, поспешившая выйти к прилавку в связи с неожиданным наплывом покупателей, просияла в ответ лучезарной улыбкой, приоткрывшей большие белые зубы. Темноволосая и симпатичная в прошлом девушка теперь превратилась в достаточно миловидную женщину, правда, несколько прибавившую в весе и с немного погрубевшими чертами, но ее большие карие глаза потеплели, когда она произнесла:

— Ну разумеется, это я, Белла, и очень рада опять вас увидеть. Сколько лет прошло.

Гарри обернулся к жене.

— Это Белла, моя прежняя любовь, — объявил он. — Когда-то я совсем потерял от нее голову. Помнишь, Белла?

— Заметь, ты сам это сказал, — ответила миссис Эдж.

Луиза рассмеялась.

— Мой муж обожает встречать старых друзей, — проговорила она.

— О да, — подхватила миссис Эдж, — но и мы вас не забыли, мистер Гарри. Подумать только, женились, а теперь строите новый дом на месте развалин старого Кингсдина, ну просто сказка.

— Вид у тебя прямо цветущий, — не поскупился на комплимент Гарри; миссис Эдж засмеялась

и ответила, что с нею-то все в порядке, а вот как насчет его зубной щетки?

Клариса посмотрела на растерянное лицо мисс Хармон и мысленно воскликнула: «Так их, Гарри! Круши и обезоруживай».

— Что за чепуху болтают о старой миссис Мургатройд, будто та околачивается у Кингсдина, трясет кулаками и проклинает новый порядок? — неожиданно обратился к племяннице доктор Хейдок.

— Это не чепуха. Все очень серьезно. Луиза ужасно расстраивается.

— Скажи, пусть не тревожится; когда Мургатройды работали смотрителями, они только и делали, что ворчали и жаловались; прожили они в поместье так долго лишь оттого, что пили; больше их никуда просто не взяли бы.

— Я ей скажу, — проговорила Клариса с большим сомнением в голосе. — Только не думаю, что она поверит. Старуха от ярости то и дело кричит на нее.

— Когда Гарри был мальчишкой, она его обожала. Не понимаю.

— Ну что же, — проговорила Клариса. — Они от нее скоро избавятся. Гарри оплачивает ей поездку в Америку.

Тремя днями позже Луиза расшиблась насмерть, упав с лошади. Двое из развозившего хлеб фургона видели это собственными глазами. При них Луиза выехала из ворот, при них старуха с криком выскочила на дорогу и замахала кулаками, при них конь испугался, прянул в сторону и понес так, что Луиза Лакстон вылетела из седла.

Один из них остался стоять в растерянности у бездыханного тела, тогда как другой бросился к дому за помощью.

Прибежал Гарри Лакстон, и на него было страшно смотреть. Они сняли с фургона дверь и на ней принесли пострадавшую в дом. Та вскоре умерла, не дождавшись доктора и не приходя в сознание».

(На этом рукопись доктора Хейдока заканчивается.)

Когда на следующий день доктор Хейдок подошел к постели больной, он с удовлетворением отметил, что щеки у пациентки порозовели, и вообще мисс Марпл явно ожила.

— Ну, — обратился он к ней, — каков будет ваш приговор?

— А в чем проблема? — вопросом на вопрос ответила та.

— Ах, дорогая, мне ли вам объяснять?

— Думаю, — сказала мисс Марпл, — все дело в непонятном поведении смотрительницы. Почему она себя так странно вела? Да, людям не нравится, когда их гонят из собственного дома, но ведь дом-то был не ее. Конечно, живя в нем, она привыкла ворчать и жаловаться. Да, все это, разумеется, шито белыми нитками. А кстати, что с ней, где она сейчас?

— Сбежала в Ливерпуль. Случившееся напугало ее. Решила подождать лайнер там.

— Все это кое-кому очень на руку, — проговорила мисс Марпл. — Хотя, думается, задачку с поведением смотрительницы в качестве неизвестного решить достаточно просто. Пожалуй, он ее подкупил, разве не так?

— Это ваше заключение?

— А как же, ведь если такое поведение не входило в ее привычки, если она все, как говорится, «разыграла», то, значит, кто-то заплатил ей за подобный «розыгрыш».

— И вы можете назвать имя этого человека?

— Пожалуй, да. Увы, здесь, кажется, опять замешаны деньги. К тому же я давно заметила, что мужчина всегда отдает предпочтение женщинам какого-то одного типа.

— Теперь, похоже, начинаю понимать.

— Конечно, все сходится. Гарри Лакстон когда-то восхищался Беллой Эдж, этакой бойкой смуглянкой. Ваша племянница Клариса принадлежит к тому же самому типу. Но его бедная женушка была совершенно другой — светловолосой, меланхоличной — совсем не его тип. Так что совершенно ясно: он женился ради денег. И убийцей стал из-за них!

— Вы назвали его убийцей?

— И он этого заслуживает. Привлекателен для женщин и понятия не имеет о морали. Думаю, он хотел заполучить деньги Луизы и жениться на вашей племяннице. Кажется, его видели разговаривающим с миссис Эдж. Но я не думаю, что он все еще к ней привязан. Хотя, сдается мне, ради своих целей он заставил бедняжку думать именно так. Осмелюсь утверждать, что вскоре он мог ею помыкать, как хотел.

— Но как все-таки ему удалось подстроить убийство жены, что вы скажете?

Мисс Марпл помолчала несколько минут, уставившись в одну точку задумчивыми голубыми глазами.

— Все было рассчитано по минутам, ведь люди из фургона с хлебом должны были стать свидетелями. Они действительно видели старуху и,

разумеется, приписали испуг лошади ее появлению. Но лично я предположила бы духовое ружье или, быть может, рогатку. Ну да, как раз в тот момент, когда лошадь миновала ворота. Разумеется, лошадь взбрыкнула и сбросила миссис Лакстон.

Она замолчала, нахмурившись.

— Вполне вероятно, что та умерла при падении. Но в этом он не мог быть уверен. А он, похоже, из тех, кто тщательно все планирует и ничего не оставляет на волю случая. Кроме того, миссис Эдж могла дать ему что-нибудь подходящее так, чтобы ее муж ничего и не знал. Иначе зачем бы Гарри тратить на нее время? Нет, у него должен был находиться под рукой какой-нибудь сильный наркотик, которым он мог воспользоваться до вашего приезда. Посудите сами, если женщину сбросила лошадь и та расшиблась, а затем умерла, не приходя в сознание, — ну что же, в такой ситуации любой доктор ничего не заподозрит, правда? Он все объяснит шоком или чем-нибудь в этом роде.

Доктор Хейдок молча кивнул.

— А почему заподозрили что-то неладное вы? — спросила мисс Марпл.

— Для этого не нужна была какая-то особенная догадливость с моей стороны, — ответил доктор

Хейдок. — Ведь всем хорошо известно, что убийца всегда так горд своей сообразительностью, что не принимает должных мер предосторожности. Я как раз начал произносить слова утешения, которые обычно говорят убитому горем мужу, а мне беднягу действительно было чертовски жаль, когда он откинулся на диванчик, чтобы слегка полицедействовать, и у него из кармана выпал шприц. Он тут же схватил его и выглядел таким растерянным, что это сразу навело меня на размышления. Гарри Лакстон в жизни не кололся, здоровье у него отменное, зачем ему шприц?

На всякий случай произвел аутопсию. Обнаружил строфантин. Остальное просто. Строфантин вскоре нашли у Лакстона, Белла Эдж на допросе покаялась и рассказала, что достала его для своего воздыхателя. И наконец, старуха Мургатройд созналась, что именно Гарри наставил ее на стезю обличений и угроз.

— А как пережила все это ваша племянница?

— Да, этот парень ей нравился, но это не зашло слишком далеко.

Доктор протянул руку и взял рукопись.

— Так что высший балл вам, дорогая мисс Марпл, и высший балл мне за прописанное лекарство. Сегодня вы уже вполне похожи на саму

себя.

Дело лучшей из горничных

— Ой, будьте добры, мадам, вы позволите с вами поговорить?

Может, кто и подумал бы, что подобная просьба абсурдна, поскольку крошка Эдна, служившая у мисс Марпл горничной, уже с нею разговаривала в данный момент, но мисс Марпл, сразу распознав здесь оборот речи, поспешила ответить:

— Разумеется, Эдна, войди и притвори дверь. В чем дело?

Послушно закрыв дверь, Эдна вошла и принялась в сильном волнении теребить уголок передника.

— Ну, Эдна? — ободряюще произнесла мисс Марпл.

— Ой, мэм, пожалуйста... все дело в моей кузине Глэдди.

— Боже, — проговорила мисс Марпл и мысленно поспешила предположить самое худшее, хотя, увы, и самое обычное из несчастий, подстерегающих молоденьких девушек. — Надеюсь, она не... гм... не попала в беду?

Эдна поспешила ее успокоить:

— О нет, мадам, ничего подобного. Глэдди не из

таких. Просто у нее горе. Видите ли, она потеряла место.

— Боже, как мне ее жаль. Она ведь служила в поместье Олд-Холл, кажется, так? У этой... у этих... мисс Скиннер?

— Да, мэм; конечно, мэм; и это ужасно огорчает бедную Глэдди, страшно огорчает.

— Но Глэдис и раньше часто меняла место работы, разве не так?

— Ну да, мадам. Ей вечно не сидится на месте, если вы понимаете, о чем я говорю. Но, видите ли, она всегда уведомляла хозяев об уходе первая!

— А в этот раз все обернулось по-другому? — сухим тоном спросила мисс Марпл.

— Да, мэм, и это до жути ее огорчило.

Мисс Марпл была несколько удивлена. Глэдис, которая иногда заходила к ним в свой выходной попить чаю на кухне, запомнилась ей как весьма крепко сбитая, вечно хихикающая молодая особа, которую практически невозможно выбить из колеи душевного равновесия.

— Понимаете, мэм, — продолжила Эдна, — все дело в том, как это произошло... В том, какой вид при этом был у мисс Скиннер.

— И какой, — осведомилась мисс Марпл терпеливо, — вид имела мисс Скиннер?

На сей раз Эдне удалось придать своему сообщению несколько большую содержательность:

— Ой, мэм, для Глэдди это был такой удар. Понимаете, у мисс Эмили пропала одна из брошек. Из-за нее поднялся такой трам-тарарам, какого отродясь не бывало; само собой, кому такое понравится, это очень огорчительно, мэм, если вы понимаете, что я хочу сказать. Глэдис помогала искать, обшарила весь дом, и тут заявляется мисс Лавиния и говорит, что обратится в полицию, и вскоре брошка нашлась: оказывается, она лежала аж у задней стенки ящика в ее туалетном столике, уж можете представить, как моя Глэдди была рада. И как раз на следующий день опять беда — разбилась тарелка, и тут мисс Лавиния так вскипела, что тут же предупредила Глэдди, что через месяц та будет уволена. Но Глэдди догадывается, что это вовсе не из-за тарелки и что мисс Лавиния просто придралась к этому поводу, и все явно из-за брошки: все думают, что она ее взяла и положила обратно, когда пригрозили полицией, а Глэдди такого делать не станет, не пойдет ни за что на свете, и она опасается, что дело выплывет наружу, пойдут сплетни на ее счет, а для простой девушки это очень серьезно, сами понимаете, мэм.

Мисс Марпл кивнула. Она хоть и не испытывала особой симпатии к пышнотелой заносчивой Глэдис, но была вполне уверена в ее совершенной честности и хорошо понимала, что эта история должна ее глубоко огорчить.

— Как вы думаете, мэм, — сказала Эдна с тоской, — не могли бы вы чем-нибудь помочь? У Глэдис такая трагедия.

— Скажи ей, пусть будет умнее, — решительно проговорила мисс Марпл. — Если она не брала ту брошь, а я уверена, что не брала, у нее нет причины расстраиваться.

— Все выйдет наружу, — произнесла Эдна мрачно.

— Я э-э-э... собираюсь проходить нынче мимо дома мисс Скиннер; по дороге зайду и поговорю с ней.

— О, благодарю вас, мадам, — ответила Эдна.

Олд-Холл представлял собой большой особняк Викторианской эпохи, окруженный парком и лесными угодьями. Поскольку оказалось, что его невозможно сдать или продать целиком, то некий предприимчивый делец разделил его на четыре квартиры с горячей водой и центральным отоплением, тогда как окружающие угодья остались в совместном пользовании квартиросъемщиков.

Эксперимент удался. Одну из квартир заняла богатая, эксцентричная старая леди с горничной. У этой леди проснулась любовь к кормлению птиц, и теперь она проводила все дни напролет в обществе пернатой братии. Вторую квартиру снял отставной судья из Индии с супругой. Очень юная пара, молодожены, вселились в третью, а четвертую всего пару месяцев назад взяли две незамужние леди по фамилии Скиннер. Эти четыре клана съемщиков не торопились установить более близкие отношения друг с другом, поскольку их, собственно, ничего не объединяло. Говорят, домовладелец заявил, что его это очень устраивает. Чего он действительно боялся, так это их тесной дружбы с последующими разрывами и, соответственно, потоками жалоб.

Мисс Марпл была знакома со всеми съемщиками, хотя ни одного из них не знала достаточно хорошо. Старшая из сестер Скиннер, мисс Лавиния, была «рабочей лошадкой», как называют таких людей в правлениях фирм, а младшая сестра, мисс Эмили, большую часть суток проводила в постели, страдая от всевозможных заболеваний, которые, по мнению прочих жителей Сент-Мери-Мид, являлись преимущественно воображаемыми. Одна только мисс Лавиния

искренне верила в мученичество сестры и, восхищенная тем, как терпеливо сносит та тяжесть недуга, была у нее на посылках и охотно бегала до деревни и обратно, чтобы принести то одно, то другое, «если сестрице вдруг чего-нибудь захотелось».

Общее мнение жителей Сент-Мери-Мид состояло в том, что если бы мисс Эмили страдала хотя бы вполовину так сильно, как говорила, то уже давно послала бы за доктором Хейдоком. Но мисс Эмили, когда ей на это намекали, прикрывала глаза и слабым, но полным гордости голосом заявляла, что ее случай особенный, что лучшие специалисты в Лондоне не могут в нем ничего понять и что один чудесный молодой человек рекомендовал ей поистине революционный курс терапии, и она очень надеется поправить здоровье, следуя его указаниям. Никакой деревенский лекарь, скорее всего, просто не поймет, чем она больна.

— А я думаю, — заявила однажды мисс Хартнелл, привыкшая говорить обо всем прямо, — что она поступает очень умно, не посылая за мистером Хейдоком. Наш милый доктор, в свойственной ему чистосердечной манере, сказал бы ей, что с ней все в порядке и что не из-за чего

так чрезмерно страдать! И это пошло бы ей на пользу!

Однако за недостатком столь радикального лечения мисс Эмили продолжала валяться на диване, окружать себя странного вида коробочками с пилюльками, отвергать почти любую еду, которая для нее готовилась, и непременно просить чего-нибудь эдакого — обычно того, что было очень трудно достать.

Дверь перед мисс Марпл открыла та самая Глэдди, причем вид у нее был еще более подавленный, чем ожидала гостья. Мисс Лавинию она застала в гостиной (представлявшей собой четверть прежней парадной залы, из которой еще выкроили столовую, комнату для приемов, а также ванную комнату и чулан), и хозяйка встала, чтобы приветствовать вошедшую.

Лавиния Скиннер была сухопарой особой лет пятидесяти, высокой и костлявой. Она обладала хриплым голосом и резкими манерами.

— Рада вас видеть, — просипела она. — Эмили нынче лежит пластом, совсем плоха, бедняжка. Хорошо бы она поболтала с вами, это могло бы ее взбодрить. Но временами она чувствует, что просто не в состоянии ни с кем встречаться. Она поразительно терпелива, моя бедная.

Мисс Марпл вежливо что-то ответила и завязала беседу. Слуги были главным предметом любого разговора в Сент-Мери-Мид, так что направить в нужное русло и этот не составило труда. Мисс Марпл обмолвилась, будто слышала, что от них уходит милая девушка по имени Глэдис.

Мисс Лавиния кивнула:

— В среду как раз будет неделя, как мы решили с ней расстаться. Бьет все подряд — сами понимаете.

Мисс Марпл вздохнула и посетовала, что теперь со многим приходится мириться. Трудно зазвать девушек жить в деревне. Неужели мисс Скиннер действительно считает, что ей лучше расстаться с Глэдис?

— Знаю, что слуг найти трудно, — согласилась мисс Лавиния. — Эти Деверо, например, так никого и не нашли... Но я и не удивляюсь... Постоянно ссорятся, ночи напролет пляшут под этот джаз... Едят в любое время суток... Эта милочка понятия не имеет о том, как вести хозяйство. Жалко ее мужа! А вот еще и Ларкины потеряли служанку. Конечно, при таком индийском темпераменте самого судьи и его любви к чота-хазри, как он это называет, которая в нем обычно просыпается в шесть утра, да еще миссис Ларкин вечно подни-

мает шум; в общем, неудивительно, что она ушла. Конечно, Дженнет, которая служит у миссис Кармайкл, прочно обосновалась на своем месте, хотя, на мой взгляд, она совершенно несносна и крайне бесчеловечно обращается со старой леди.

— Тогда не думаете ли вы, что, может, стоило бы переменить решение относительно Глэдис? Она и вправду хорошая девушка. Я знаю всю их семью: очень честные, лучше не бывает.

Мисс Лавиния отрицательно покачала головой.

— У меня есть свои причины, — сказала она многозначительно.

— У вас пропала брошь, — проговорила мисс Марпл, — я понимаю...

— Кто это, интересно, проболтался? Наверняка она сама. Говоря откровенно, я почти уверена, что ее взяла она, а потом испугалась и положила обратно... Хотя, конечно, нехорошо утверждать что-либо подобное, пока нет полной уверенности. — И она поспешила переменить тему. — Давайте-ка все-таки пойдем проведаем Эмили, мисс Марпл. Уверена, это пойдет ей на пользу.

Мисс Марпл смиренно прошла вслед за мисс Лавинией, подождала, пока та постучит в дверь, и в ответ на просьбу была торжественно введена

в лучшую комнату, где были приспущены шторы и царил полумрак. Мисс Эмили находилась в постели, явно наслаждаясь подобным освещением и собственными загадочными страданиями.

Тусклый свет едва освещал это исхудавшее существо, казавшееся безвольным; соломенные с проседью волосы были неряшливо, но обильно накручены вокруг головы, так что вьющиеся пряди как бы разлетались во все стороны, отчего вся конструкция напоминала птичье гнездо, которым не стала бы гордиться ни одна уважающая себя птица. В комнате стоял запах одеколона, старого печенья и камфоры.

Полуприкрыв глаза, тонким слабым голосом Эмили Скиннер пояснила, что у нее «один из плохих дней».

— Самое плохое в слабом здоровье, — проговорила мисс Эмили меланхолично, — это знать, что ты в тяжесть всем, кто тебя окружает. Лавиния очень заботится обо мне. Лави, милочка, мне ужасно не хочется тебя утруждать, но не могла бы ты наполнять грелку, как я люблю: если грелка полная, то слишком давит, а если там не очень много воды, то она сразу остывает!

— Прости, дорогая. Давай ее мне. Я из нее вылью немного.

— Ну раз уж так, то, может, наполнишь ее заново? И нет ли у нас в доме сухариков? Хотя нет, нет... забудь. Я смогу без них обойтись. Только немножко некрепкого чаю и ломтик лимона... Что, нет лимонов? Извини, но я не смогу пить чай без лимона. Боюсь, молоко утром было слегка подкисшее. Так что теперь не хочется даже думать о чае с молоком. Ну, неважно. Могу обойтись и без чая. Только я чувствую такую ужасную слабость. Говорят, устрицы придают силы. Как ты думаешь, может быть, съесть несколько штучек? Нет, нет, слишком поздно теперь отправляться на их поиски, не хочу доставлять хлопот. Лучше уж попощусь до утра.

Лавиния вышла, невнятно бормоча под нос что-то о велосипедной поездке в деревню.

Мисс Эмили слабо улыбнулась гостье и объяснила, что терпеть не может кого-нибудь беспокоить.

В тот вечер мисс Марпл призналась Эдне, что, по всей видимости, ее посольство не увенчалось успехом.

Вскоре она сделала неприятное открытие, что слухи о нечестности Глэдис начали распространяться по деревне.

На почте к ней подскочила мисс Уитерби.

— Дорогая Джейн, представляете, ей дают рекомендательное письмо, в котором говорится о старательности, трезвости и рассудительности, но ни слова о честности. По-моему, это говорит само за себя. Кажется, там случилась какая-то история с брошью. Наверно, за этим что-нибудь кроется, ведь сами понимаете, в наше время со слугами так просто не расстаются, разве что произойдет нечто действительно серьезное. Непросто им будет кого-нибудь найти. Девушки не пойдут служить в Олд-Холл, вот и все. По выходным оттуда страшновато выбираться в деревню вечером. Увидите, Скиннеры больше никого не найдут. И тогда этой жуткой притворщице, скорее всего, придется вылезти из-под одеяла и начать что-то делать самостоятельно!

Каково же было огорчение для всей деревни, когда стало известно, что сестры Скиннер наняли через агентство новую служанку, которая, по имевшимся сведениям, была само совершенство, бриллиант чистейшей воды.

— Имеет рекомендацию от прежних хозяев, у которых проработала три года, характеризующую ее с самой лучшей стороны, предпочитает жить в деревне и даже просит меньшее жалование по сравнению с Глэдис. Похоже, нам действительно

крупно повезло.

— Действительно, — проговорила мисс Марпл, которой мисс Лавиния сообщила все эти детали в рыбной лавке. — Настолько хорошо, что даже не верится.

Все же среди жителей Сент-Мери-Мид возобладало мнение, что сей образец совершенства в последний момент пойдет на попятный и не приедет.

Однако эти предположения не оправдались, и вся деревня вскоре смогла наблюдать этот бриллиант в образе горничной по имени Мери Хигинс, когда та проехала по главной улице в автомобиле таксомоторной компании «Ридз» прямиком в Олд-Холл. Общественное мнение было вынуждено признать, что она обладает приятной наружностью, весьма представительного вида и очень изящно одета.

Когда мисс Марпл вновь посетила Олд-Холл с целью вербовки помощников для проведения намечавшегося церковного праздника, дверь открыла сама Мери Хигинс. Как служанка она действительно не имела равных с точки зрения внешности: лет сорока, с превосходными черными волосами, розовощекая, с едва слышным уважительным голосом, совсем таким, как

надо, — столь отличающимся от громкого и гнусавого речитатива Глэдис, — а ее пышная фигура эффектно облачена в черное платье с белыми передником и чепцом — «ну прямо настоящий образец славной доброй служанки прежних времен» — так всем описывала ее потом мисс Марпл.

Мисс Лавиния выглядела уже менее озабоченной, чем обычно, и хотя посетовала, что не может поучаствовать в устраиваемом приходом благотворительном празднике, потому что ей нельзя оставить сестру надолго, но тем не менее сделала солидный денежный взнос и обещала смастерить побольше перочисток и связать партию детских носочков для благотворительной распродажи.

Весь ее внешний вид говорил о наступлении эры благополучия, и мисс Марпл не могла не отметить этого вслух.

— Я понимаю, как многим обязана Мери, и очень рада, что у меня хватило решимости избавиться от прежней служанки. Мери просто незаменима. Прекрасно готовит, а как подает!.. Содержит нашу квартирку в изумительной чистоте... Даже матрасы перетряхивает каждый день. И так чудесно ладит с Эмили!

Мисс Марпл поспешила осведомиться об Эми-

ли.

— Ох, бедняжка! В последнее время ей так нездоровится. Тут уж ничего не поделаешь, она не виновата, но иногда это все так усложняет. Например, хочет, чтобы ей приготовили что-то особенное, затем, когда это ей подаешь, говорит, что сейчас не может ничего есть, а потом через полчаса передумает, а все уже остыло и никуда не годится, так что приходится стряпать заново. Конечно, это создает уйму лишней работы, но, к счастью, Мери, похоже, против нее совсем не возражает. Она говорит, что привыкла обслуживать инвалидов и понимает их. С ней так приятно иметь дело.

— Боже мой, — отозвалась мисс Марпл. — Как вам повезло!

— Вот уж действительно. Мне и вправду кажется, что Мери нам послана по нашим молитвам.

— И все-таки мне кажется, — проговорила мисс Марпл, — что она слишком хороша; в такое с трудом верится. На вашем месте я бы... короче, была бы поосторожней.

Лавиния Скиннер, очевидно, не поняла смысла этого замечания.

— О! — воскликнула она. — Уверяю вас, я делаю все, чтобы ей у нас было хорошо. Не знаю, что с

нами станется, если она уйдет.

— Не думаю, что ее уход произойдет раньше, чем она к нему подготовится. — И мисс Марпл очень пристально посмотрела на собеседницу.

— Если домашние дела не доставляют беспокойства, — проговорила мисс Лавиния, — это снимает с нас такое бремя, правда ведь? А как у вас поживает малышка Эдна?

— У нее все хорошо. Не слишком-то много мозгов, конечно. Не то что у вашей Мери. Зато я знаю о ней все, потому что она из нашей деревни.

Уже выходя, она услыхала громкий раздраженный голос пресловутой страдалицы: «Зачем вы дали компрессу высохнуть?! Доктор Аллертон предупредил особо, что его надо постоянно смачивать. Ну ладно, ладно, хватит. А теперь хочу чашку чая и вареное яйцо — запомните, его нужно варить ровно три с половиной минуты, и пришлите ко мне мисс Лавинию».

Мери, всегда готовая услужить, появилась в дверях спальни и, сказав Лавинии: «Мисс Эмили зовет вас, мадам», — пошла к входной двери, чтобы открыть ее для мисс Марпл, а по дороге помогла ей надеть пальто и подала зонтик — все самым безупречным образом.

Мисс Марпл взяла зонтик, уронила его, попыта-

лась поднять, выронила сумочку, да так, что она раскрылась. Мери терпеливо начала собирать разные вывалившиеся из нее вещицы — носовой платок, ежедневник, старомодный кожаный кошелек, пару шиллингов, три монетки помельче и, наконец, обсосанный кусочек полосатого мятного леденца.

Мисс Марпл посмотрела на него с некоторым смущением.

— О, господи, — проговорила она. — Его, должно быть, подложил мне у миссис Клемент ее сынишка. Помню, он все время его обсасывал, а потом стал играть с моей сумкой. Тогда, наверное, и засунул. Ужасно липкий, правда?

— Мне взять его, мадам?

— Вы будете так любезны? Большое спасибо.

Последним, что поднесла Мери владелице сумочки, оказалось зеркальце, обретя которое вновь мисс Марпл воскликнула радостно:

— Какое счастье, что оно не разбилось.

Засим она отбыла, оставив Мери почтительно стоять у дверей с абсолютно бесстрастным лицом; в руке она держала обсосок полосатого леденца.

Еще десять дней жители Сент-Мери-Мид продолжали выслушивать восторги о блестящих достоинствах редкого сокровища, обретенного

мисс Лавинией и мисс Эмили.

На одиннадцатый день деревня проснулась в большом волнении.

Мери, этот бриллиант, образец совершенства, исчезла! Ее кровать осталась несмятой, а передняя дверь — приоткрытой. Беглянка потихоньку выскользнула ночью.

Пропала не только Мери! Вместе с нею пропали две броши и пять колец мисс Лавинии, а также три кольца, подвеска, браслет и четыре броши, принадлежавшие мисс Эмили! То был только пролог катастрофы.

У миссис Деверо пропали бриллианты, которые она хранила в незапертом ящике комода, и ценные меха, недавно подаренные ей на свадьбу. У судьи и его жены тоже взяли драгоценности и порядочную сумму денег. Больше всех пострадала миссис Кармайкл. У нее в квартире имелись не только очень дорогие камни, но и большие деньги, которые пропали. У Дженнет был выходной вечер, а ее хозяйка привыкла в сумерках бродить по садам, подзывать птиц и бросать им крошки. Так выяснилось, что Мери, эта чудо-служанка, имела ключи от всех квартир!

Нужно признаться, что происшедшее доставило обитателям Сент-Мери-Мид немало злорадного

удовольствия. Ведь мисс Лавиния так хвасталась своей расчудесной Мери.

«А на самом деле, боже мой, она была обыкновенной воровкой!»

Последовали и новые прелюбопытнейшие открытия. Мери не просто растворилась в пространстве, вдобавок и агентство, которое прислало ее и поручилось за ее надежность, забило наконец тревогу и обнаружило, что та Мери Хиггинс, которая к ним обратилась и относительно которой они получили рекомендательные письма, на самом деле никогда не существовала. То было действительно имя добропорядочной служанки, которая прежде жила у некой добропорядочной сестры старшего священника, да только настоящая Мери Хиггинс преспокойно продолжала жить в своем Корнуолле, в маленьком городишке.

— Чертовски умна, та еще штучка, — вынужден был признать инспектор Слэк. — И если хотите знать мое мнение, эта дамочка работает с целой шайкой. Год назад в Нортумберленде произошел очень похожий случай. Дело не раскрыли, и она осталась на свободе. Ну уж мы-то не попадем впросак в отличие от ребят из Мач-Бенхэма!

Инспектор Слэк всегда был уверен в себе. Тем не

менее прошло несколько недель, и Мери Хиггинс могла праздновать победу, ведь она оставалась на свободе. Напрасно инспектор Слэк удвоил энергию и напрочь перестал соответствовать собственной фамилии [141].

Мисс Лавиния не переставала лить слезы. Мисс Эмили была так огорчена и так встревожена состоянием собственного здоровья, что даже послала за доктором Хейдоком.

Вся деревня пребывала в ужасном волнении, желая узнать его мнение о том, насколько оправданы претензии мисс Эмили считаться больной, но ведь нельзя спрашивать о таких вещах напрямик. Однако через посредство мистера Мика, помощника аптекаря, который иногда бывал в обществе Клары, служанки миссис Прайс-Ридли, произошла утечка информации. Тогда и узнали, что доктор Хейдок прописал микстуру, главными компонентами которой являлись асафетида и валериана, и которая, как утверждал мистер Мик, употреблялась в армии как главное средство для лечения симулянтов!

Вскоре стало известно, что мисс Эмили, не вполне удовлетворенная тем вниманием, ко-

---

[141] notes: 141

Slack — вялый, неактивный, медленный (*англ.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

торое оказал ей доктор, заявила, что при том состоянии здоровья, в котором она пребывает, благоразумие велит ей находиться в Лондоне, поблизости от врача-специалиста, разбирающегося в ее болезни. Это, по ее словам, было и в интересах Лавинии.

Квартира была сдана в поднаем.

Несколько дней спустя мисс Марпл зашла в полицейский участок в Мач-Бенхэме и спросила, можно ли ей повидать инспектора Слэка; вид у нее был взволнованный, на щеках горел румянец.

Инспектор Слэк недолюбливал мисс Марпл, но имел основания полагать, что главный констебль, полковник Мелчетт, придерживается иного мнения. Поэтому он ее принял, хотя и неохотно.

— Здравствуйте, мисс Марпл, чем могу быть полезен?

— Простите меня, — проговорила мисс Марпл, — кажется, вам некогда.

— Куча работы, — ответил инспектор, — но могу уделить несколько минут.

— Еще раз простите, — извинилась мисс Марпл, — тогда постараюсь рассказать покороче. Хотя порой, знаете ли, так непросто все объяснить

в трех словах, вы не находите? Нет, думаю, навряд ли. Но, понимаете ли, я не получила современного образования... Меня учила обыкновенная гувернантка — так, ничего особенного, из тех, кто заставляет детей запоминать даты правления королей Англии и вообще рассказывает понемногу обо всем... По доктору Бреверу... Три вида заболеваний пшеницы... Во-первых, такое заболевание, как блайт; в этом случае она просто вянет; во-вторых, мучнистая роса... постойте-ка, а что же в-третьих? Не то ржавчина, не то головня?

— Вы пришли говорить со мною о головнях и ржавчине? — спросил инспектор Слэк и вдруг покраснел.

— О, нет, нет, — поспешно открестилась мисс Марпл от всяких попыток развить данную тему. — Это лишь к слову, для примера. Ну, там еще, как иголки разные изготовляют и все такое. Словом, вокруг да около, пространные рассуждения, но совершенно не приучает концентрировать внимание на чем-то действительно важном. А это мне как раз и предстоит сделать, ведь речь пойдет, как вы понимаете, о Глэдис, горничной мисс Скиннер.

— Мери Хиггинс, — поправил ее инспектор Слэк.

— Ну да, так звали вторую горничную, но я имею в виду именно Глэдис Холмс. Девица довольно нахальная и слишком увлечена собой, однако действительно кристально честная, и последнее настолько важно, что прошу обратить на данный факт особое внимание.

— Насколько мне известно, против нее не выдвинуто никаких обвинений, — заметил инспектор.

— Знаю, что не выдвинуто, но это еще хуже. Потому что, знаете, люди продолжают строить всевозможные предположения... Ах, господи, я так и знала, что у меня не получится объяснить все как следует. Я хочу сказать, что сейчас самое главное — найти Мери Хиггинс.

— Разумеется, — подтвердил инспектор Слэк. — Есть ли у вас на этот счет какие-нибудь идеи?

— Собственно говоря, есть, — ответила мисс Марпл. — Можно задать вам один вопрос? Могут ли пригодиться ее отпечатки пальцев?

— Увы, — произнес инспектор, — здесь-то нас она и перехитрила. Всю свою работу выполняла в резиновых перчатках или в рабочих рукавицах и проявила большую осторожность: тщательно вытерла после себя все, к чему могла прикоснуться, — ну, вы знаете, различные предметы,

которые обычно стоят в спальне или ванной. Мы не смогли обнаружить ни единого ее отпечатка!

— А если бы у вас имелись отпечатки, это смогло бы помочь?

— Вероятно, мадам. Они могут иметься в картотеке Скотленд-Ярда. Думаю, эта работа у нее не первая!

Просияв, мисс Марпл кивнула. Открыв саквояж, она извлекла оттуда небольшую картонную коробочку. В ней лежало обернутое ватой зеркальце.

— Обычно я ношу его в сумочке, — пояснила мисс Марпл. — На нем ее отпечатки. Думаю, они должны быть достаточно четкими, ведь перед тем, как взять зеркальце в руки, она прикоснулась к очень липкому веществу.

Инспектор Слэк посмотрел на нее изумленно:

— Вы сняли с нее отпечатки пальцев намеренно?

— Разумеется.

— Вы подозревали ее уже тогда?

— Мне, знаете, пришло в голову, что она, пожалуй, чересчур хороша, чтобы я приняла все за чистую монету. Фактически я так и сказала мисс Лавинии, но она просто не обратила внимания на мой намек! Боюсь, вы хорошо знаете, инспектор,

что я не верю в чудеса, тем более когда перед тобой чудо совершенства, этакий бриллиант. У большинства из нас есть недостатки, а работа по дому позволяет им проявиться очень скоро!

— Ну что же, — проговорил инспектор Слэк, обретая вновь душевное равновесие, — я очень вам признателен, можете не сомневаться. Отошлю это в Скотленд-Ярд, и увидим, какой они дадут ответ.

Тут он осекся. Слегка наклонив голову набок, мисс Марпл смотрела на него испытующе и очень многозначительно.

— А как вы поглядите на то, инспектор, чтобы поискать его не так далеко?

— Что вы хотите сказать, мисс Марпл?

— Объяснить это непросто, но когда вы наталкиваетесь на какую-то необычную вещь, то вы, как правило, ее замечаете. Хотя зачастую такие вещи оказываются совершенными пустяками. У меня, знаете ли, было предчувствие; я имею в виду историю с Глэдис и брошью. Она честная девушка; брошь она не брала. Тогда почему же мисс Скиннер подумала, что она ее взяла? Мисс Скиннер не глупа, далеко не глупа! Так почему она так сильно хотела уволить девушку, хорошую служанку, когда слуг так тяжело найти? Это,

право же, очень странно. И я заинтересовалась. Очень заинтересовалась. И я заметила еще одну необычную вещь! Мисс Эмили очень мнительна, прямо до ипохондрии, по части своего здоровья, но ведь, как правило, ипохондрики обожают врачей. Так что, наверное, она первая из всех, страдающих подобной мнительностью, кто не пожелал обратиться к тому или иному доктору сразу же по приезде.

— О чем вы говорите, мисс Марпл?

— Я говорю о том, знаете ли, что мисс Лавиния и мисс Эмили весьма необычные леди. Мисс Эмили почти все время проводит в затемненной комнате. И если ее расчудесные волосы на самом деле не парик, я ...я готова поужинать собственным шиньоном! А клоню я вот к чему: худенькой, бледной, седой, вечно хныкающей женщине практически ничего не стоит порой превращаться в розовощекую пухленькую брюнетку. И мне так и не удалось найти никого, кому довелось бы видеть мисс Эмили и Мери Хиггинс одновременно.

Сколько угодно времени, чтобы выяснить, что представляют собой другие ключи, сколько угодно времени, чтобы вызнать всю подноготную остальных жильцов дома, а потом — избавиться

от служанки из местных. Мисс Эмили предпринимает затем ночную прогулку на свежем сельском воздухе и на следующий день появляется на железнодорожной станции в качестве Мери Хиггинс. А когда приходит нужный момент, Мери Хиггинс исчезает и вослед ей несутся крики «держи вора!». Я вам скажу, где ее искать, инспектор. На диване в доме Эмили Скиннер! Возьмите у нее отпечатки пальцев, если не верите мне, но вы увидите, что я права! Парочка ловких воровок, вот кто такие эти Скиннеры, и, вне всякого сомнения, они действуют заодно с каким-нибудь смышленым барыгой, или как там у вас называют скупщиков краденого. Но теперь им не отвертеться, их песенка спета! Я не собираюсь позволить, чтобы одну из наших девушек подобным образом лишили права на получение рекомендации, в которой ее честности отдавалось бы должное. Нет никого честнее, чем Глэдис Холмс, и все об этом еще узнают! Прощайте!

И мисс Марпл гордо прошествовала к выходу — прежде, чем к инспектору Слэку вернулся дар речи.

— Ничего себе, — пробормотал он. — А что, если она права?

Вскоре ему пришлось удостовериться в правоте

мисс Марпл в очередной раз.

Полковник Мелчетт поблагодарил Слэка за хорошую службу, а мисс Марпл зашла на кухню, когда Глэдис пила там чай с Эдной, и обещала помочь устроиться на хорошую работу в приличном доме, когда она такую подыщет.

Мисс Марпл рассказывает

Не знаю, говорила я вам или нет, дорогие мои друзья, — тебе, Реймонд, и тебе, Джоанна, — о том довольно занятном дельце, которому теперь, однако, уже несколько лет. Мне совсем не хочется показаться *тщеславной,* вовсе нет, — конечно, я понимаю, что по сравнению с вами, молодежью, я далеко не так уж умна — ведь ты, Реймонд, пишешь чрезвычайно современные книжки, причем в основном о довольно неприятных молодых людях, а ты, Джоанна, пишешь совершенно замечательные картины с квадратными людьми со смешными выпуклостями — очень умно с твоей стороны, милая, но, как всегда говорит Реймонд (разумеется, вполне добродушно, потому что душа у него самая добрая, которую только можно найти у племянника), я безнадежно устарела, ну прямо живой экспонат из эпохи королевы Виктории. У меня, например, вызывают восхищение работы таких художников, как сэр Лоренс Альма-Тадема и мистер Фредерик Лейтон, тогда как вам, я уверена, они кажутся старым

хламом, так сказать, vieux jeu [142], как говорят французы. Но позвольте-ка, дайте вспомнить, к чему это я говорила? Ах да, к тому, что я не хочу показаться тщеславной... и все же я не могу удержаться, чтобы хоть самую чуточку не почувствовать, что я все-таки собою довольна, потому что, проявив совсем немного здравого смысла, мне удалось разгадать загадку, над решением которой тщетно ломали голову люди поумнее меня. Хотя, по правде сказать, мне кажется, что все с самого начала было совершенно *очевидно*...

Ну хорошо, расскажу об этом по порядку, и если вам покажется, что я возгордилась больше, чем надо, то напомню: мною сделано не так уж мало — я оказала помощь ближнему, попавшему в чрезвычайно затруднительное положение.

Все началось с того, что однажды вечером, около девяти, в комнату вошла Гвен (вы помните Гвен, мою маленькую рыжеволосую горничную), и вот, она вошла и сказала, что меня хотят видеть мистер Питерик и еще один джентльмен. Они ждали в гостиной, куда их провела Гвен — и, кстати, поступила совершенно правильно. Сама я сидела в столовой, потому что считаю, в начале

---

[142] notes: 142
Устаревшее (*фр.*).

весны разжигать камины и там и сям — настоящее расточительство.

Я послал Гвен принести херес и рюмки, а сама поспешила в гостиную. Не уверена, помните ли вы мистера Питерика. Умер он два года назад, но я знала его много лет: он был не только моим другом, но и помощником по юридической части. Очень проницательный и по-настоящему умный адвокат. Теперь моим поверенным в делах является его сын, очень милый парнишка и очень современный, но все-таки я не чувствую к нему того доверия, какое испытывала к отцу.

Итак, я объяснила мистеру Питерику насчет огня в камине, и он сразу же согласился перейти в столовую вместе с другом, которого тут же представил как мистера Роудса. Тому было слегка за сорок, но выглядел он еще молодо. С первого взгляда я поняла: тут что-то не так. Очень уж его манеры были *необычные.* Иной назвал бы их грубыми, если бы сразу не понял, что бедняга переживает сильнейшее *потрясение.*

Когда мы уселись в столовой и Гвен принесла херес, мистер Питерик объяснил цель визита.

— Мисс Марпл, — начал он, — простите старого друга за то, что я позволил себе такую вольность. Меня привела необходимость с вами посовето-

ваться.

Я не совсем поняла, что он хочет сказать, но он продолжил:

— В случае болезни полезно выслушать обе точки зрения: мнение специалиста и мнение семейного врача. Обычно предпочтение отдается первому, но я не вполне уверен, что это правильно. Специалист обладает необходимым опытом только в своей области; семейный же врач, возможно, не так учен, зато у него более широкий опыт.

Я хорошо поняла, что он имеет в виду, потому что незадолго до того моя юная племянница весьма некстати поторопилась отвести ребенка к одному очень известному специалисту по кожным болезням, не посоветовавшись прежде со своим доктором, которого считала старым маразматиком, и врач-светило прописал какой-то ужасно дорогой курс лечения, а позже выяснилось, что ребенок болен корью, — правда, в необычной форме.

Я упомянула об этом, рискуя навлечь вашу немилость, лишь для того, чтобы показать, насколько разделяю точку зрения мистера Питерика, но тогда все-таки не поняла сразу, куда он клонит.

— Если мистер Роудс заболел... — начала я, но тут же остановилась, потому что бедняга разразился ужасным смехом.

— Я подвергаюсь опасности, — сказал он, — умереть через несколько месяцев, задохнувшись в петле.

Тогда до меня, наконец, дошло. Речь шла о деле, связанном с убийством, совершенном недавно в Барнчестере, городке, находящемся милях в двадцати. Боюсь, в свое время я не уделила ему достаточно внимания, ведь тогда у нас в деревне только и говорили, что об одной местной сиделке, и любые события внешнего мира, такие, как землетрясение в Индии или убийство в Барнчестере — на самом деле, конечно же, более важные, — как-то поблекли по сравнению с нашими небольшими местными потрясениями. Увы, такова сельская жизнь. Но все-таки я хорошо помню, как в газете писали о том, как в гостинице убили ножом какую-то даму, хотя у меня в памяти и не отложилось ее имя. И вот теперь выясняется, что она являлась женой мистера Роудса — уже одно это было достаточно неприятно — так его еще стали подозревать, что он сам ее и убил.

Все это мистер Питерик очень складно мне рассказал и добавил, что хотя жюри присяжных в

суде, расследующем убийства, и вынесло вердикт, гласящий, что в ходе следствия не установлено, кем именно совершено данное преступление, мистер Роудс имеет основания полагать, что через день-два его арестуют, и потому он обратился к мистеру Питерику и доверил ему свою дальнейшую судьбу. Разговор продолжил мистер Питерик, рассказавший, что перед приходом ко мне они побывали у сэра Малькольма Оулда, королевского коронера, ведущего дела об убийствах, консультировались с ним и что, в случае если дело поступит для дальнейшего разбирательства в суд, защищать мистера Роудса возьмется сэр Малькольм.

Мистер Питерик сообщил, что сэр Малькольм человек молодой, его методы ведения судебных дел очень современны и он уже определил, какой линии станет придерживаться в защите. Но мистер Питерик не вполне удовлетворен избранной им тактикой.

— Видите ли, мисс Марпл, — сказал он, — она грешит тем, что я называю «подходом специалиста». Поручите сэру Малькольму любое дело, и он увидит в нем только одно: как его проще всего выиграть. Но даже самая превосходная линия при защите способна полностью игнорировать самое

главное. А что может быть важнее в суде, как не выяснить, что произошло в действительности.

Затем он перешел к тому, что высказал множество самых милых и льстящих моему самолюбию комплиментов о моих проницательности, рассудительности и знании человеческой природы и попросил у меня позволения рассказать обо всем подробней в надежде, что я смогу дать какое-либо разумное объяснение происшедшему.

Я, однако, заметила, что мистер Роудс отнесся к моему участию в деле крайне скептически, не верил, что я могу оказаться полезной, и вообще не был рад, что пришел. Но мистер Питерик сделал вид, что не обращает внимания, и продолжал излагать сухие факты относительно того, что случилось в ночь на восьмое марта.

Мистер и миссис Роудс приехали в Барнчестер и остановились в гостинице «Корона». Миссис Роудс, которая, как я могла судить по рассказу мистера Питерика, несмотря на всю осторожность его выражений, являлась, пожалуй, женщиной довольно мнительной по части своего здоровья, поспешила лечь в постель сразу после ужина. Они с мужем занимали два смежных номера, которые сообщались между собой через общую дверь. Мистер Роудс, который пишет книгу о

доисторических орудиях труда из кремня, решил поработать над ней в своем номере. В одиннадцать он собрал страницы рукописи и решил лечь спать. Перед этим ему пришло в голову заглянуть на всякий случай в комнату жены, вдруг ей что-нибудь нужно. Он обнаружил, что свет включен, а жена лежит на кровати с пронзенным сердцем. Смерть наступила за час до того, а может, еще раньше. Тут следует сделать несколько замечаний относительно некоторых фактов. В номере у миссис Роудс имелась еще одна дверь, выходящая в коридор. Она была заперта и закрыта изнутри на засов. Единственное в комнате окно было закрыто на шпингалет. По словам мистера Роудса, через комнату, где он работал, никто не проходил, за исключением горничной, разносящей большие керамические бутыли с горячей водой для согревания постелей. Орудием убийства послужил тонкий кинжал типа стилета, который преступник оставил в ране. Этот кинжал обычно лежал у миссис Роудс на туалетном столике — она любила использовать его в качестве ножа для разрезания бумаги. Отпечатков пальцев на нем не оказалось.

Ситуация, таким образом, следующая: в комнату, где произошло убийство, не заходил никто,

кроме горничной и мистера Роудса.

Я спросила, как там насчет горничной.

— Это первое, что мы сразу же постарались разузнать, — ответил мистер Питерик. — Зовут Мери Хилл, из местных. Совершенно невозможно представить, с чего бы ей вдруг захотелось напасть на кого-то из постояльцев. Она, кроме того, чрезвычайно глупа, почти слабоумная. Когда ее спрашивали, она лишь твердила одно и то же. Она принесла для миссис Роудс бутыль с горячей водой, и, по ее словам, леди уже засыпала, как раз начинала дремать. Откровенно говоря, мне трудно поверить, что она совершила это преступление, и я уверен, что ни одно жюри присяжных тоже не поверит.

Мистер Питерик привел еще несколько деталей, дополняющих картину преступления.

В «Короне» у верхней площадки лестницы есть что-то вроде маленькой гостиной, где иногда пьют кофе. Оттуда идет направо небольшой коридор, заканчивающийся как раз у номера, который занимал мистер Роудс. От этого места под прямым углом к коридору расположен совсем уже маленький коридорчик, идущий тоже направо, и первая же его дверь ведет в номер, где была убита миссис Роудс. В то время, когда произошло

преступление, обе двери находились на виду у имеющихся свидетелей. Первую дверь — ту, что вела в номер мистера Роудса и которую я назову «дверь А», — могли видеть четыре человека: двое коммивояжеров и престарелая супружеская пара, которые тогда пили кофе. Согласно их показаниям, через дверь А, кроме мистера Роудса и горничной, никто не проходил. Что же касается второй двери, выходящей в коридорчик, — назовем ее «дверь В», — то работавший рядом с ней электрик готов поклясться, что в дверь В никто не входил, кроме горничной.

Дело, разумеется, обещало стать интересным и даже захватывающим. Если основываться на одних фактах, то получалось, что, кроме мистера Роудса, убить его жену было просто *некому*. Но я видела, что мистер Питерик совершенно убежден в невиновности клиента, а мистер Питерик человек очень проницательный.

Во время предварительного расследования мистер Роудс довольно бессвязно поведал какую-то нескладную историю о какой-то женщине, писавшей его жене письма с угрозами. Рассказу этому, как я сразу догадалась, никто не поверил. По просьбе мистера Питерика мистер Роудс сам высказал на сей счет свое мнение.

— Честно говоря, — сообщил он, — я сам в это не верил. Думал, Эми сама все сочиняет.

Основываясь на всем услышанном далее, я сделала вывод, что миссис Роудс принадлежала к числу тех романтических натур, которые любят приврать и проходят по жизни, приукрашивая все, что с ними происходит. Число всяческих приключений, которые, по ее словам, происходили с ней за год, просто поражало воображение. Если случалось поскользнуться на кожуре от банана, то в ее устах это превращалось в историю о том, как она оказалась на волосок от гибели. Если вдруг загорался абажур на лампе, то в ее передаче получалось, что она чудом и с риском для жизни спаслась из горящего дома.

Мистер Роудс привык не придавать значения ее словам. Так что на рассказ о какой-то женщине, чьего ребенка она сбила во время автомобильной аварии, после чего тот оказался в больнице, и которая поклялась отомстить, он даже не обратил внимания. Это случилось до их свадьбы, и хотя жена иногда читала ему письма, полные безумных угроз, он подозревал, что она сама их и сочиняет. Такое с ней действительно прежде случалось — ну, может, раз или два. То была женщина истерического склада, которой непрерывно

требовались драмы и потрясения.

В этом, по-моему, как раз нет ничего слишком уж необычного; у нас, например, в деревне есть молодая дама, которая ведет себя точно так же. Опасность для таких людей заключена в том, что, когда с ними происходит действительно что-то необычное, им никто не верит. Кажется, в данном случае все оказалось именно так. Полиция, на мой взгляд, просто сочла, что мистер Роудс водит ее за нос, чтобы отвести от себя подозрения.

Тогда я спросила, не останавливалась ли в гостинице какая-нибудь женщина, путешествующая одна. Оказалось, их было даже две: миссис Грэнби, вдова англичанина, служившего в Индии, и миссис Каррутерс, старая дева, напоминавшая скорее старую клячу и не выговаривавшая звук «г». Мистер Питерик добавил, что, сколько ни расспрашивал, ему так и не удалось найти никого, кто видел бы хоть одну из них вблизи места преступления и что нет никаких оснований подозревать, что одна из них может оказаться к нему хоть сколько-нибудь причастна. Я попросила описать их внешность. Он рассказал, что миссис Грэнби — особа лет пятидесяти с рыжеватыми, довольно неряшливо причесанными волосами и болезненно желтоватым лицом. Одежда ее

весьма живописна и сшита в основном из натурального шелка и других тканей в том же духе. Мисс Каррутерс около сорока, у нее стриженые, как у мужчины, волосы, она пользуется пенсне и носит строгие юбки с пиджаками мужского покроя.

— Надо же, — проговорила я, — дело все усложняется.

Мистер Питерик посмотрел на меня вопросительно, но я не хотела раньше времени раскрывать карты и потому спросила, что именно сказал им сэр Малькольм Оулд.

Сэр Малькольм считал, что ему удастся получить благоприятное заключение медицинской экспертизы и придумать, как преодолеть трудности, связанные с отпечатками пальцев. Я спросила мистера Роудса, что он об этом думает, и тот ответил, что все доктора глупы, а он лично не верит, что жена сама себя зарезала.

— Не такой она человек, — сказал он просто, и я ему поверила. Люди с истерическими наклонностями самоубийство обычно не совершают.

Я подумала с минуту, а затем спросила, выходит ли дверь комнаты, где находилась миссис Роудс, непосредственно в коридорчик. Мистер Роудс ответил, что нет; там имелось еще нечто

вроде маленькой прихожей, откуда вели двери в туалет и ванную. Заперта и закрыта изнутри на засов была именно дверь, ведущая из спальни в эту прихожую.

— В таком случае, — заметила я, — все очень просто.

Все было и вправду чрезвычайно просто. Дело в том, что никому не пришло в голову взглянуть на ситуацию с другой стороны.

И мистер Питерик и мистер Роудс так на меня уставились, что я смутилась.

— Возможно, — произнес, наконец, мистер Роудс, — мисс Марпл не до конца представляет себе всю сложность этого дела.

— Напротив, — пришлось возразить мне. — Думаю, что очень хорошо представляю. На вопрос, кто виновен в смерти миссис Роудс, может быть всего четыре ответа. Ее могли убить муж, горничная, она могла совершить самоубийство, либо ее мог убить кто-то, кого никто не видел.

— Последнее исключено, — вмешался мистер Роудс. — Пройти через комнату, где я находился, было невозможно: я бы увидел, но даже если бы кто-то ухитрился войти через дверь комнаты, где находилась жена, так, чтобы не заметил электрик, как, черт побери, ему удалось выйти,

заперев дверь изнутри, да еще на засов?

Мистер Питерик посмотрел на меня и ободряюще произнес:

— Ну, мисс Марпл?

— Мне бы хотелось задать один вопрос. Мистер Роудс, как та горничная выглядела?

Тот задумался, а потом сказал, что не помнит наверное, но, кажется, она была довольно высокой... А вот светловолосой или темной — сказать трудно. Я обратилась к мистеру Питерику и задала тот же вопрос.

Он тут же вспомнил, что она среднего роста, у нее довольно светлые волосы, голубые глаза и на щеках достаточно сильный румянец.

Мистер Роудс заметил:

— Вы гораздо наблюдательнее меня, Питерик.

Я позволила себе не согласиться. И попросила мистера Роудса описать горничную, которая служит у меня. Ни он, ни мистер Питерик не смогли этого сделать.

— Надеюсь, вы понимаете, о чем это говорит? — спросила я их. — Вы пришли ко мне озабоченные собственными проблемами, а та, что открыла вам дверь, всего лишь *горничная*. То же самое произошло с мистером Роудсом и в гостинице. Ему было достаточно того, что он видит передник

и форменное платье. Его увлекла работа. А мистер Питерик общался с той же самой женщиной совсем по другому поводу и с другой целью. Его интересовало, что *она* собой представляет. Как раз на это и рассчитывала убийца.

Видя, что мои собеседники еще так и не уловили, в чем дело, я решила продолжить свою мысль:

— Думаю, — начала я дальнейшие объяснения, — все обстояло следующим образом. Горничная вошла в дверь А, проследовала с бутылью через номер мистера Роудса в номер к миссис Роудс и вышла в другую дверь, ведущую в проход В через прихожую. Неизвестная Х — так мы назовем ту особу, которая и совершила убийство, — вошла через дверь В в прихожую, а затем укрылась в... гм... ну, скажем так, в некоем помещении и прождала там, пока горничная, выходя, не прошла мимо. Затем она вошла в комнату миссис Роудс, взяла стилет с туалетного столика (вне сомнения, она тщательно осмотрела комнату еще днем), подошла к самой кровати, ударила им засыпающую женщину, протерла рукоятку стилета, закрыла замок и задвинула засов на двери, через которую вошла, а затем проследовала через комнату, где работал мистер Роудс.

— Но я бы *увидел* ее! — вскричал мистер Роудс. — И электрик увидел бы, как она вошла.

— Нет, — возразила я, — вот здесь вы и ошибаетесь. Вполне естественно, что вы на нее не обратили внимания — *ведь она была одета как горничная.* — Я подождала, пока они вполне уяснят смысл моих слов, и продолжила: — Вас увлекла работа; краем глаза вы могли заметить, как горничная вошла, затем направилась в комнату вашей жены, вернулась и вышла. Одно и то же *платье*, но разные женщины. Точно так же не заметили подмены те, кто пил кофе: горничная входит — горничная выходит. То же самое и с электриком. Вот если бы горничная была хорошенькой и сей джентльмен смог увидеть ее лицо — тогда бы он ее запомнил, как и любой на его месте, такова человеческая природа, но раз то была всего-навсего обычная женщина средних лет... ну что ж... тогда он мог заметить лишь *платье горничной*, а не саму женщину.

— Но кто же она? — воскликнул мистер Роудс.

— Ну что же, — ответила я, — выяснить это будет немножко трудней. Скорей всего, миссис Грэнби или мисс Каррутерс. Кажется, миссис Грэнби обычно носит парик, так что, переодевшись горничной, она могла бы обойтись без него. С

другой стороны, эту роль могла бы сыграть мисс Каррутерс с ее короткой стрижкой под мальчика, для этого ей оставалось лишь надеть парик. Однако узнать, которая же из них, не так трудно. Лично я склоняюсь к тому, что убийцей окажется мисс Каррутерс.

На этом, дорогие мои, эта история и заканчивается. Фамилия Каррутерс оказалась не настоящей, но та постоялица и вправду была той самой женщиной. В их роду многие страдали помутнением рассудка, это передавалось из поколения в поколение. Миссис Роудс, которая вела себя за рулем в высшей степени неосторожно и была опасной лихачкой, действительно как-то раз сбила ее маленькую девочку, и от этого бедняжка мать помешалась умом. Она весьма хитроумно скрывала свое сумасшествие, за исключением того, что писала намеченной жертве письма, явно свидетельствующие о душевной болезни. Какое-то время она следила за нею, а затем у нее в голове сложился тщательно продуманный план. Вскоре удалось обнаружить парик и платье горничной, которые она первым делом отослала по почте на следующее же утро. Когда ей предъявили улики, она раскисла и сразу созналась. Бедняжка сейчас в Бродмурской лечебнице. Абсолютно

сумасшедшее, но очень умно спланированное преступление.

Впоследствии мистер Питерик зашел ко мне и принес очень милое письмо от мистера Роудса — знаете, оно прямо заставило меня покраснеть. Потом старый мой друг обратился ко мне:

— Позвольте спросить только об одной вещи: почему вы подумали, что, скорее всего, преступление совершила Каррутерс, а не Грэнби? Ведь вы никогда не видели ни ту, ни другую.

— Ну как же, — ответила я, — все дело в том, что она не выговаривала «г». Вы сами об этом сказали. Судя по книжкам, так говорят многие, увлекающиеся охотой, но в жизни мне приходилось не часто встречать людей с таким выговором, тем более из числа тех, кому еще нет шестидесяти. Вы ведь сказали, что ей около сорока. Эти проглатываемые «г» навели на мысль, что так должна произносить слова женщина, которая исполняет какую-то роль, но переигрывает.

Не стоит говорить вам, что мистер Питерик на это ответил, но он так рассыпался в комплиментах... И все же я не могу удержаться, чтобы хоть самую маленькую чуточку не почувствовать, что я все-таки собою довольна.

Все же порой кажется невероятным, насколько

в этом мире все может обернуться к лучшему. Мистер Роудс женился вновь, да на такой милой, чудесной девушке, и у них такой милый ребеночек, и что бы вы думали? Они пригласили меня быть его крестной. Ну не любезно ли это с их стороны? А теперь прошу меня извинить, если я отняла у вас чересчур много времени; надеюсь, вам так не показалось...